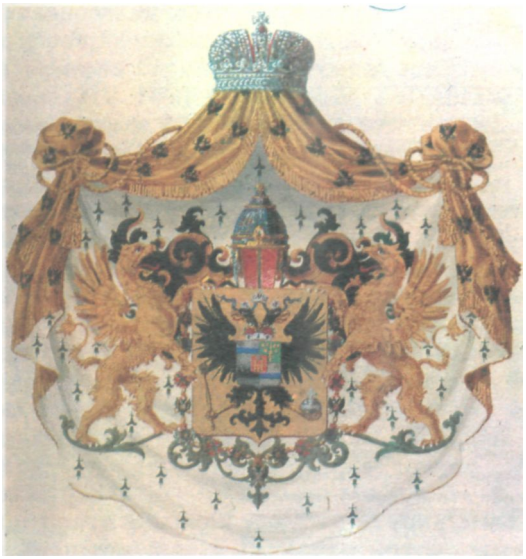


РОССИЙСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ



КНЯЖЕСКИЕ РОДЫ, РОДСТВЕННЫЕ ДОМУ РОМАНОВЫХ

ГЕРЦОГИ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЕ И КНЯЗЬЯ РОМАНОВСКИЕ ГЕРЦОГИ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЕ



Герб князей Романовских
Герцогов Лейхтенбергских.

Щит золотой, и в нем помещен государственный орел, на груди которого щит четверочастный: в первой и четвертой частях лазоревое поле, во второй части меч, окруженный звездами о шести лучах, в третьей части черный пояс, а на нем три птицы. В малом щитке вензель Императора Николая I. Над главным щитом шлем Св. князя Александра Невского. Щитодержатели два грифа. Золотая мантия увенчана императорской короною.



Герцог Максимилиан Лейхтенбергский
с супругой Великой княжной Марией Николаевной.

Лейхтенберг *— ландграфство в Баварском округе Пфальц. Имя происходит от названия старинного замка Лейхтенберг в местечке того же имени, родовом поместье ландграфов Лейхтенберг, мужская линия которых прекратилась в 1674 г. В том же году Герцог Альбрехт Баварский получил ландграфство, как супруг сестры последнего ландграфа. Впоследствии он уступил его своему брату, Курфюрсту Максимилиану Баварскому, а тот, в свою очередь, передал его своему второму сыну Максимилиану-Филиппу. Последний в 1705 г. умер бездетным, и ландграфство в 1709 г. перешло к князю Леопольду-Матвею фон Ламбергу, но в 1714 г. снова было возвращено Курфюршеству Баварскому. Баварский Король Максимилиан-Иосиф уступил его в 1817 г. вместе с частью княжества Эйхштет своему зятю Евгению Богарне (пасынку Императора Наполеона I) на правах медиатизированного герцогства *. Одновременно Герцог Евгений получил титул Королевского Высочества, переходивший по праву первородства. Прочим членам рода был присвоен титул Светлейших князей [154].

Родословное древо Герцогов Лейхтенбергских, живших в России, приведено в таблице 1 [46, 126, 154].

Из Герцогов Лейхтенбергских в России наиболее известны:

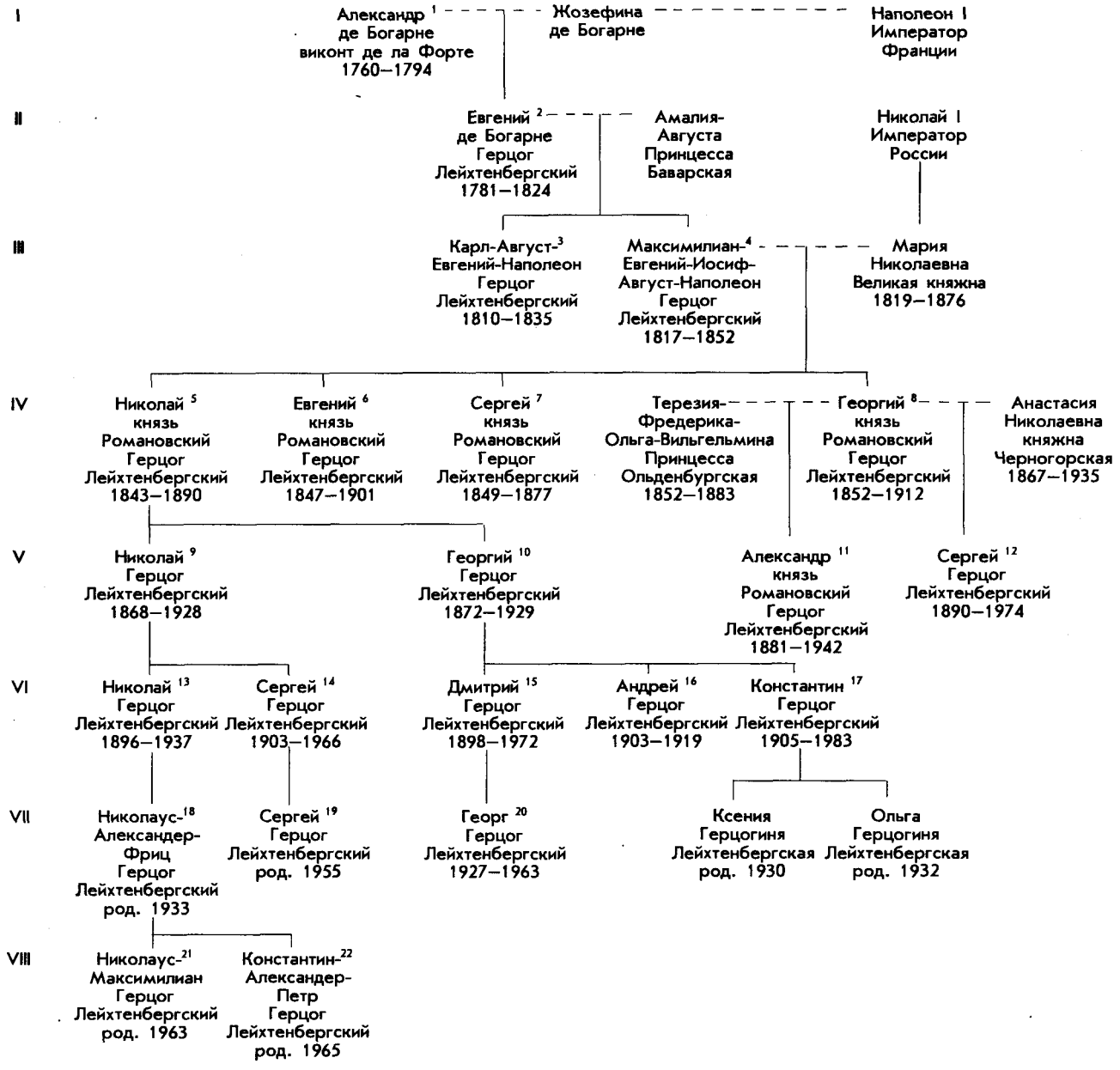
4. Максимилиан-Евгений-Иосиф-Август-Наполеон (1817—1852), второй сын Герцога Евгения, которому после смерти в 1835 г. его бездетного старшего брата Карла-Августа-Евгения-Наполеона был присвоен титул Герцога Лейхтенбергского [154].

* Статья написана П. Х. Гребельским.

* То есть герцогства, не имеющего самостоятельных внешнеполитических прав.

Таблица 1

Герцоги Лейхтенбергские
и князья Романовские Герцоги Лейхтенбергские



Рано лишившись отца, Максимилиан воспитывался под руководством матери, одной из просвещеннейших Принцесс того времени, и получил прекрасное образование. Затем он поступил на Баварскую службу и вскоре был назначен командиром кавалерийского полка. В 1837 г. по поручению своего дяди Баварского Короля Людовика Максимилиан приехал в Россию на маневры и познакомился с Императорской Фамилией. В 1839 г. он женился на любимой дочери Императора Николая I Великой княжне Марии Николаевне, после чего получил титул Императорского Высочества, чин генерал-майора русской службы и был назначен Шефом Гусарского полка; впоследствии командовал 1-й гвардейской легко-кавалерийской дивизией. В 1845 г. он продал правительству папы римского свои владения в Церковной Области, купил имения в Тамбовской губернии и таким образом окончательно утвердился в России [126].

Человек разносторонне образованный, он занимался опытами по гальванопластике, оборудовал для этого отдельную небольшую лабораторию в Зимнем Дворце, а затем перенес ее в помещение Главного Штаба Гвардии. Его работы имели практическое значение, и ему было заслуженно присвоено звание почетного члена Академии наук [126].

Помимо электричества Герцог интересовался минералогией и вообще горным делом. В связи с этим в 1844 г. Император Николай I назначил его главноуправляющим Институтом корпуса

горных инженеров. Благодаря его усилиям был пересмотрен устав Горного института, что способствовало улучшению учебного процесса [126].

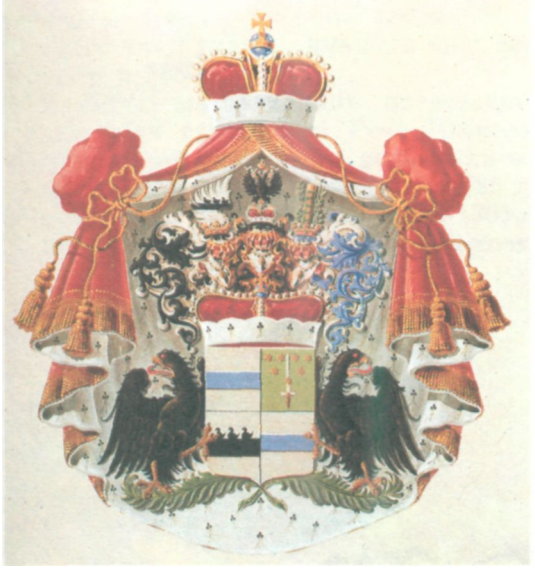
Он построил под Петербургом завод, производивший бронзовые отливки; здесь были изготовлены первые в России паровозы, много лет служившие на Царскосельской железной дороге [126].

В 1842 г. он сделался почетным членом Академии художеств и с 1843 г. до своей смерти был ее президентом. Герцог заботился о русских художниках, сам решал главнейшие дела, приобретал картины, чтобы материально поддержать художников, принял участие в разработке нового устава Академии [126].

Его именем была названа основанная им Максимилиановская лечебница, бесплатно лечившая всех обращавшихся за врачебной помощью [154].

По смерти Герцога Максимилиана Император Николай I в 1852 г. присвоил его детям титул Императорских Высочеств, князей Романовских, с сохранением этого титула до праправнуков Императора Николая I включительно. После ограничения титула Императорских Высочеств лишь внуками Императора дети Великой княжны Марии Николаевны и Герцога Максимилиана носили титул Императорских Высочеств, а нисходящее от их мужского поколения потомство считалось Князьями Императорской Крови, титул Императорского Высочества был сохранен только за князем Александром Георгиевичем Романовским Герцогом Лейхтенбергским, родившимся в 1881 г., то есть до издания нового закона (1886 г.) [154].

От брака Великой княжны Марии Николаевны с Герцогом Максимилианом родились три дочери и четыре сына [154].



Герб Герцогов Лейхтенбергских.

Щит четырехчастный: в первой и четвертой частях лазоревый пояс, во второй части меч, окруженный звездами о шести лучах, в третьей части черный пояс, а на нем три птицы. Щит, увенчанный княжеской шапкою с рыцарским шлемом и государственным орлом и поддерживаемый двумя черными орлами, покрыт княжескою мантией с российско-княжескою шапкою.

Большой герб князей Романовских Герцогов Лейхтенбергских приведен на рисунке [126а].

5. Князь Николай Максимилианович Романовский Герцог Лейхтенбергский (1843—1890), генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант. Болезненный от рождения, он часто выезжал за границу для лечения к лучшим ортопедам, но это не мешало его усиленным занятиям. Особенно он увлекался минералогией. В 1859 г. поступил на военную службу и в 1865 г. получил чин генерал-майора. В должности командира гусарской бригады принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1877 г. получил чин генерал-лейтенанта, а в 1890 г. — генерала-от-кавалерии [126].

В 1865 г. он был назначен президентом Минералогического общества, членом Горного совета и членом Ученого комитета Министерства государственных имуществ. Николай Максимилианович организовал подробное геологическое изучение России для составления новой геологической карты. В 1866 и 1867 гг. осмотрел казенные и частные горные заводы на Урале и оренбургские золотые промыслы. Он написал много статей по специальным вопросам минералогии [126].

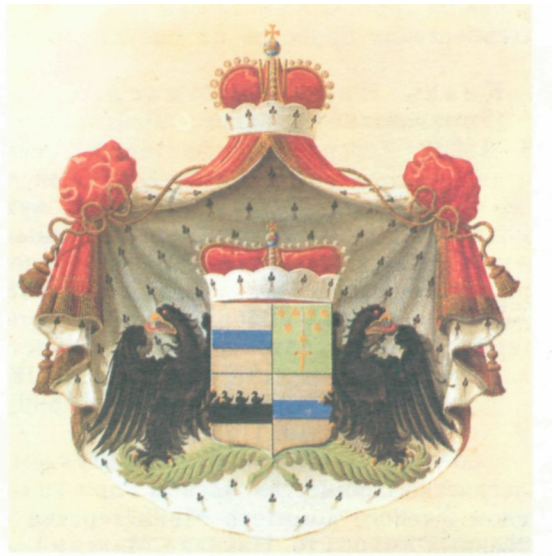
Герцог Николай Максимилианович был женат на Надежде Сергеевне, урожденной Анненковой, по первому браку Акинфьевой, получившей в 1878 г. титул графини Богарне. После смерти Герцога его сыновья от этого брака («воспитанники») Георгий и Николай Николаевичи получили титул Герцогов Лейхтенбергских с совершенным отделением от Императорской Фамилии [154].

Герб Герцогов Лейхтенбергских внесен в «Общий Гербовник», часть XV, под № 1 [104].

6. Князь Евгений Максимилианович Романовский Герцог Лейхтенбергский (1847—1901), генерал-лейтенант. Записан при рождении в лейб-гвардии Преображенский полк.



Княжна Евгения Максимилиановна Романовская
Герцогиня Лейхтенбергская (1845—1925),
дочь Герцога Максимилиана Лейхтенбергского
и Великой княжны Марии Николаевны (фото 1860-х гг.).



Герб Герцогини Зинаиды Дмитриевны Лейхтенбергской.

Щит четырехчастный: в первой и четвертой частях лазоревый пояс, во второй части меч, окруженный звездами о шести лучах, в третьей части черный пояс, а на нем три птицы. Щит, увенчанный княжескою шапкою, поддерживаемый двумя черными орлами, покрыт княжескою мантией с российско-княжескою шапкою.

За отличие в боях против хивинцев (1873 г.) награжден орденом св. Георгия 4-й степени и в том же году — золотой саблей с надписью «За храбрость». Принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и за отличие произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту. В 1886 г. произведен в генерал-лейтенанты, а в 1888 г. назначен начальником дивизии. В 1894 г. был назначен в распоряжение главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа [66].

Евгений Максимилианович был дважды женат: первым браком — на Дарье Константиновне Опочиной (ум. 1870), получившей лично для себя и родившейся от этого брака дочери титул графини Богарне. Их дочь, графиня Дарья Евгеньевна, вышла впоследствии замуж за князя Льва Михайловича Кочубея; вторым браком — на графине Зинаиде Дмитриевне Богарне, которой Именным Высочайшим Указом от 16 августа 1889 г. предоставлено именоваться Герцогиней Лейхтенбергской с титулом Светлости [121, 154].

Герб Герцогини Зинаиды Дмитриевны Лейхтенбергской внесен в «Общий Гербовник», часть XIV, под № 1 [104].

7. Князь Сергей Максимилианович Романовский Герцог Лейхтенбергский (1849—1877), генерал-майор, был убит во время разведки в войне за освобождение Болгарии 1877—1878 гг. [154].

Отличительной чертой Герцога было сильное увлечение искусством, и в частности музыкой [126].

8. Князь Георгий Максимилианович Романовский Герцог Лейхтенбергский (1852—1912). От первого брака, с Принцессой Ольденбургской Терезией-Фредерикой-Ольгой (1852—1883), имел сына, князя Александра (1881 — 1942). В 1889 г. вступил во второй брак с Черногорской княжной Анастасией Николаевной (1867—1935) [66]. После развода с Герцогом Анастасия Николаевна вышла замуж за Великого князя Николая Николаевича Младшего.

СВЕТЛЕЙШАЯ КНЯГИНЯ ЛОВИЧ



Княгиня Иоанна (Жаннета) Антоновна Лович.

Лович или Ловичская * — княгиня, урожденная графиня Грудзинская, принадлежавшая к старинному польскому роду герба Гржимала **(Grzymala),** ведущему свое начало от *Матвея Грудзинского* (из Трудны), бывшего каштеляном Быдгощским в 1480 г. [131].

В XV—XVIII вв. пятнадцать представителей этого рода были сенаторами Речи Посполитой. В графское достоинство члены рода были возведены Королем Прусским 19 февраля 1786 г.

Именным Высочайшим Указом от 8 (20) июля 1820 г. супруга Его Императорского Высочества Цесаревича Великого князя Константина Павловича Иоанна Антоновна Грудзинская возведена в княжеское Царства Польского достоинство, с именем Светлейшей княгини Ловичской, по названию подаренного ее супругу города Лович (-Lowicz), прежде принадлежавшего Гнезненскому архиепископству [131].

Иоанна (Жаннета) Антоновна (1795—1831), родилась в Познани*, воспитывалась в пансионе в Варшаве и закончила образование в Париже. Князь П. А. Вяземский находил, что, не будучи красавицей, она была красивее всякой красавицы; одна современница заметила, что «ни одна женщина, ни одна девушка не умела так нравиться», как она; «при замечательной простоте, изящество отражалось у нее во всем: и в движениях, и в походке, и в нарядах» [126].

Великий князь Константин Павлович (с 1816 г. главнокомандующий войсками Царства Польского), разведясь с первой супругой, Великой княгиней Анной Федоровной (урожденной Принцессой Саксен Заафельд-Кобургской Юлией-Генриеттой-Ульрикой), 12 мая 1820 г. женился на Иоанне. Княгиня имела благотворное влияние на супруга, она сдерживала его пылкий нрав и, тактично не вмешиваясь в дела политики, делала много добра [126].

Во время ноябрьского восстания в Польше в 1830 г., начавшегося с нападения на резиденцию Цесаревича, ей удалось спасти мужа, и они вместе покинули Варшаву [126].

Овдовев 15 июня 1831 г., Светлейшая княгиня Лович жила сначала в Гатчине, а затем в Царском Селе, где 17 ноября 1831 г. умерла. Детей у нее не было, и с ее смертью род пресекся [126].

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.

* Отец Иоанны, Антоний Грудзинский (1766—1835), был сыном Зыгмунта (1735—1804), королевского шамбеляна (камергера) и внуком Кароля (1699—1758), каштеляна Накельского. От первого брака (с Марианной Дорповской) Антоний Грудзинский имел дочь Иоанну, дочь Юзефу, вышедшую замуж за полковника польских войск Вацлава Гутаковского, и дочь Антонину, жену польского генерала Дезидерия Хлаповского. После развода Антоний Грудзинский женился на Анне Бялоблоцкой, от которой имел сына Зыгмунта (1824—после 1903), женатого на Марии Дзялынской и оставившего потомство, и дочь Терезу, вышедшую замуж за Виктора Шолдрского.

ГЕРЦОГИ И ПРИНЦЫ ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ



Герб Герцогов Ольденбургских.

Щит четырехчастный с оконечностью. В первой части в золотом поле два червленых пояса, во второй части в лазоревом поле золотой, с острым концом внизу, крест, в третьей части в лазоревом поле золотой равноконечный крест, в четвертой части шахматная доска, в оконечности стоящий лев. Щит, увенчанный герцогской короною, покрыт княжескою мантией с герцогской короною.

Ольденбург * — Великое Герцогство в Германии, состоявшее из Герцогства Ольденбург, княжеств Любек и Биркенфельд, площадью 6423,5 км , границы — Немецкое море, прусская провинция Ганновер и владения города Бремен [154].

Герб Герцогов Ольденбургских приведен на рисунке.

Ольденбургский Дом ведет свое начало от графов Ольденбургских, достигших сравнительно высокого положения благодаря браку графа *Дитриха Счастливого* (ум. 1440) и дочери Герцога *Гергарда VI* Шлезвиг-Голштинского *Гедвиги* (ум. 1436). Их старший сын *Христиан* (ум. 1481) был при содействии своего дяди, Герцога *Адольфа VIII* Шлезвиг-Голштинского, избран в 1448 г. Королем Дании, в 1450 г. — Норвегии, а по смерти Адольфа в 1460 г. — правителем его Герцогства; он положил начало Датской Королевской линии, которая пресеклась в 1863 г. со смертью Короля Фридриха VII [154].

Третий сын датского Короля Фридриха I Герцог Адольф (ум. 1586) стал основателем Готторпской линии, которая до 1773 г. управляла Шлезвиг-Голштинией. В 1762 г. Герцог *Карл-Петр-Ульрих,* который по матери своей Анне приходился внуком Петру I, вступил на Российский Престол под именем Петра III. После его смерти в 1762 г. Императрица Екатерина II в 1767 г. отказалась от прав Великого князя *Павла Петровича* на наследование в Шлезвиг-Голштинии [126, 154].

Братья Карла-Фридриха (дяди Петра III) были Монархами: *Адольф-Фридрих* (ум. 1771 г.) с 1751 г. — Королем Швеции, основав линию, которая правила до 1809 г.; *Фридрих-Август* стал в 1773 г. Герцогом Шлезвиг-Голштейн-Готторпским; *Георг-Людвиг* явился родоначальником Герцогов Ольденбургских, см. таблицу 2 [126, 154].

Из Герцогов и Принцев Ольденбургских, живших в России, наиболее известны:

1. Герцог Георг-Людвиг был вызван в Россию Петром III, произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен Шефом Конногвардейского полка. Сохранил верность Петру Федоровичу во время переворота, совершенного Екатериной II в 1762 г. После смерти своего двоюродного племянника (Петра III) вернулся в ГолШтинию, где и умер в 1763 г. [154].

2. Герцог Вильгельм-Август (ум. 1774). После отъезда отца остался служить в России на флоте; утонул в Ревельской бухте [154].

3. Герцог Петр-Фридрих-Людвиг (1755—1829). После отъезда отца остался в России, служил в сухопутных войсках и принимал участие в первой турецкой войне [154].

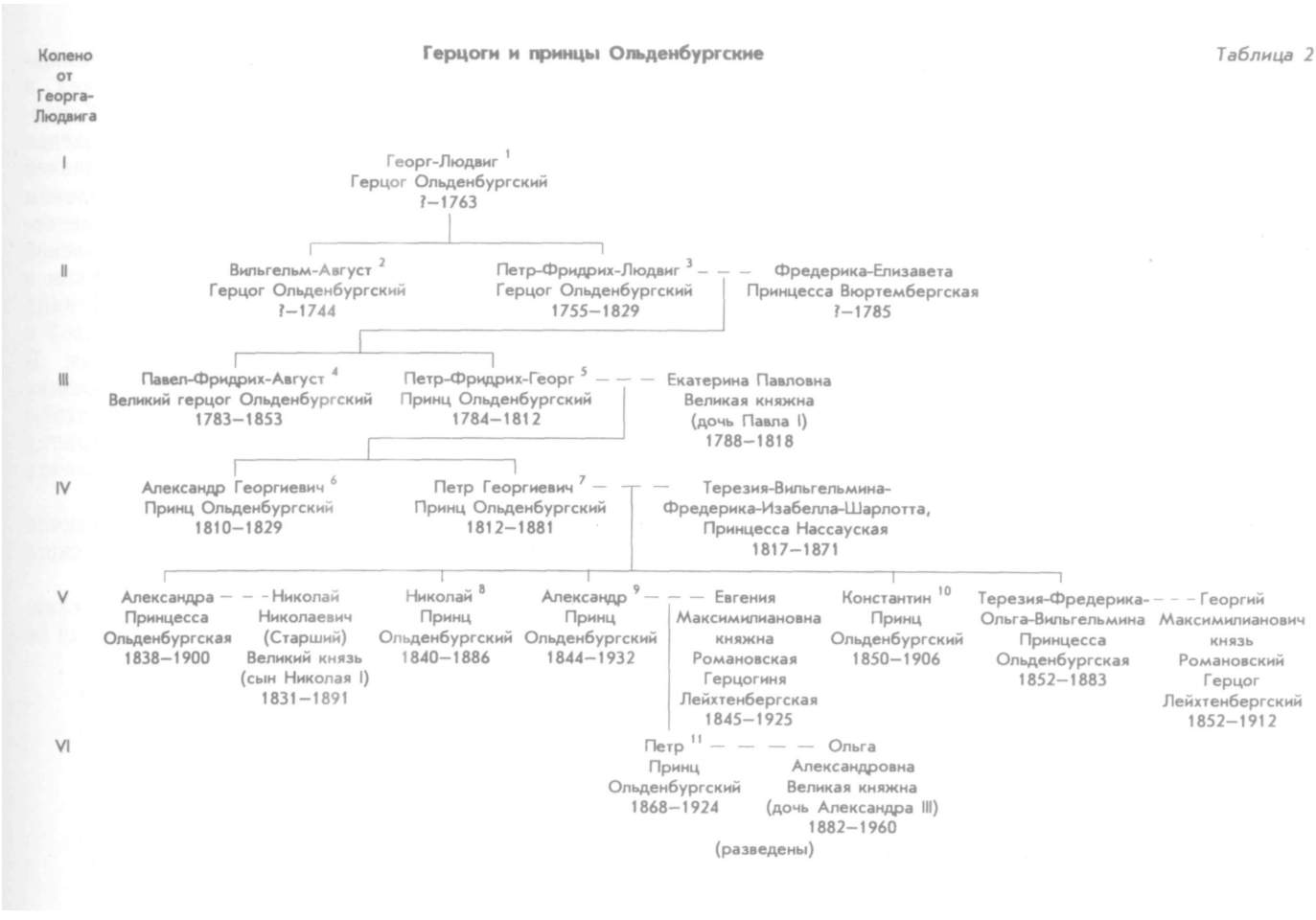
В 1785 г. Петр-Фридрих-Людвиг был назначен администратором Герцогства Ольденбургского, но самостоятельным правителем стал только в 1823 г. после смерти слабоумного Петра-Фридриха-Вильгельма [154].

От брака его с Вюртембергской Принцессой Фредерикой (ум. 1785), сестрой Императрицы Марии Федоровны, родились сыновья: Павел-Фридрих-Август и Петр-Фридрих-Георг [126, 154].

4. Принц Павел-Фридрих-Август, а впоследствии Герцог Ольденбургский (1783—1853), двоюродный брат Александра I. Окончив Лейпцигский университет, поступил на службу в Россию и с 1811 по 1817 г. был военным губернатором в Ревеле. Содействовал освобождению крестьян в Эстляндии. Во время Отечественной войны 1812 г. участвовал в сражениях при Бородине и Тарутине. После смерти отца (1820) стал Великим Герцогом Ольденбургским [126, 154].

5. Принц Петр-Фридрих-Георг (Георгий Петрович) (1784—1812), генерал-губерна-

* Статья написана П. Х. Гребельским.



тор Эстляндии, затем генерал-губернатор Тверской, Ярославский и Новгородский и Главный директор путей сообщений. Окончил Лейпцигский университет. В 1808 г. приехал в Россию и поступил на государственную службу. В 1809 г. женился на своей двоюродной сестре (дочери Императора Павла I) Великой княжне Екатерине Павловне и в день свадьбы получил титул Императорского Высочества [126].

Принц учредил в Петербурге Институт корпуса инженеров (Институт путей сообщения), чтобы места в инженерном ведомстве замещались образованными и сведущими чиновниками. В 1810 г. им были установлены правила о нагрузке судов и об их размере; открыто судоходство по реке Волге через Вышневолоцкий канал до Петербурга и выработаны точные правила судоходства. Одновременно Принц не оставлял без внимания и внутреннее управление вверенными ему губерниями, стараясь смягчить телесные наказания, и рекомендовал судьям проявлять гуманность к преступникам [126].

В марте 1812 г. Принц был направлен в Вильно. В конце года ему было поручено собрать народное ополчение в губерниях Тверской, Новгородской и Ярославской. Он устраивал лазареты, снабжал продовольствием проходившие через губернии полки и распределял по городам военнопленных. Осматривая один из госпиталей, Принц заболел и через несколько дней умер [126, 154].

Принц прекрасно знал древние языки, увлекался произведениями классической литературы и перевел на русский язык «Оды» Горация. Сборник его собственных стихотворений под названием «Поэтические попытки», украшенный рисунками и арабесками его супруги Великой княгини Екатерины Павловны, был напечатан в Москве в 1810 г. [126].

После его смерти в 1812 г. оба его сына — Александр Георгиевич (1810—1829) и Петр Георгиевич (1812—1881)—вместе с матерью, вышедшей замуж за Короля Вюртембергского Вильгельма, переехали в Штутгарт. После смерти матери в 1818 г. оба Принца были направлены в Ольденбург к своему деду Герцогу Петру-Фридриху-Людвигу [154].

7. Принц Константин-Фридрих-Петр (Петр Георгиевич) (1812—1881), числившийся от рождения полковником лейб-гвардии Преображенского полка, был вызван Императором Николаем I в Россию и 1 декабря 1830 г. зачислен на действительную службу. Принц подружился с Наследником Цесаревичем Александром Николаевичем, впоследствии Императором Александром II, и эта дружба продолжалась всю их жизнь. В Преображенском полку Принц командовал сначала батальоном, затем полком. В 1834 г. Принц оставил военную службу. Поводом послужила виденная им экзекуция, когда женщину прогнали через строй солдат. Возмущенный таким варварством, он подал рапорт и перешел на гражданскую службу. В том же году он был назначен сенатором, в 1836 г. — членом

Государственного Совета, в 1842 г. — председателем Департамента гражданских и духовных дел; имел звания генерал-адъютанта и генерала-от-инфантерии. С 1835 г. состоял членом Совета военно-учебных заведений, с 1839 г. — почетным опекуном, с 1844 г. — председателем Опекунского совета Петербурга, с 1841 по 1859 г. — президентом Вольного экономического общества, с 1845 г. — председателем вновь учрежденного Главного совета женских учебных заведений. С 1860 г. управлял всеми учреждениями ведомства Императрицы Марии и IV отделением собственной Его Величества Канцелярии [154].

По его инициативе были открыты педагогические курсы для подготовки преподавателей женских гимназий. На свои средства он строил дома для училищ и покупал для них оборудование. В 1889 г. на Литейном проспекте ему был установлен памятник: «Просвещенному благотворителю» [154].

Принцесса Терезия-Вильгельмина-Фредерика-Изабелла-Шарлота (1817—1871), урожденная Принцесса Нассауская, дочь Герцога Вильгельма, супруга Принца Петра Георгиевича. Она получила хорошее образование, занималась живописью и скульптурой. Была энергичной помощницей мужа в делах благотворительности. В 1841 г. Принц передал в ее ведение учрежденную им «Школу для бедных девушек» (на Петроградской стороне), в которой Принцесса увеличила число учениц с 10 до 50. По окончании образования ученицы получали права домашних учительниц. На базе этой школы возник «Институт Принцессы Терезии Ольденбургской». В 1843 г. Принцесса взяла под свое покровительство два ночных приюта и занялась их переустройством. В 1844 г. она содействовала открытию в Петербурге первой в России Общины сестер милосердия, названной Свято-Троицкой, и стала ее попечительницей. В 1845 г. она заболела чахоткой и была вынуждена выехать за границу для лечения; затем снова вернулась в Россию и продолжила свою деятельность на пользу обществу [126].

Принцесса Александра Петровна (1838—1900), старшая дочь Принца Петра Георгиевича и его супруги Принцессы Терезии, бывшая замужем за Великим князем Николаем Николаевичем Старшим, также занималась широкой благотворительной деятельностью. Она основала в Петербурге Покровскую общину сестер милосердия, больницу, клиническую амбулаторную лечебницу, училище для подготовки фельдшериц, преобразованное впоследствии в женскую гимназию. Очень много сделала в качестве представительницы Совета детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны. С 1879 г. постоянно жила в Киеве, где основала Покровский женский монастырь, в котором приняла иночество [154].

8. Принц Николай Петрович (1840—1886), генерал-лейтенант. При крещении был записан прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Действительную службу начал в 1856 г. в чине поручика в лейб-гвардии Конно-пионерском эскадроне. В 1883 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В 1876 г. был назначен почетным опекуном Опекунского совета, членом Попечительского совета заведений Общественного призрения и попечителем Петропавловской больницы и, таким образом, стал помощником в делах благотворительности своего отца, Принца Петра Георгиевича. Он управлял Мариинской и Александровской больницами для бедных. В 1879 г. по поручению отца предпринял поездку за границу для осмотра лучших больниц, чтобы изменить порядок в подведомственных Принцу больницах. В 1878 г. был назначен членом Совета Павловского института [126].

Его морганатическая жена Мария Ильинична Булацель получила от Герцога Ольденбургского титул графини фон Остенбург [154].

Последние годы жизни Принц проводил главным образом на острове Мадера, где лечился от чахотки. Умер в Женеве [126].



Принц Александр Петрович Ольденбургский.

9. Принц Александр Петрович (1844—1932), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. С 1870 г. командовал лейб-гвардии Преображенским полком, с 1876 г. был командиром 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, с которой участвовал в боях 1877—1878 гг. За эту компанию награжден орденами, в том числе и св. Георгия 4-й степени и золотым оружием. С 1896 г. — член Государственного Совета. Его жена, Принцесса Евгения Максимилиановна (1845—1925), дочь Герцога Максимилиана Лейхтенбергского и Великой княжны Марии Николаевны, состояла покровительницей Попечительного комитета о сестрах Красного Креста и попечительницей Максимилиановской лечебницы, а также Общества поощрения художников [154].

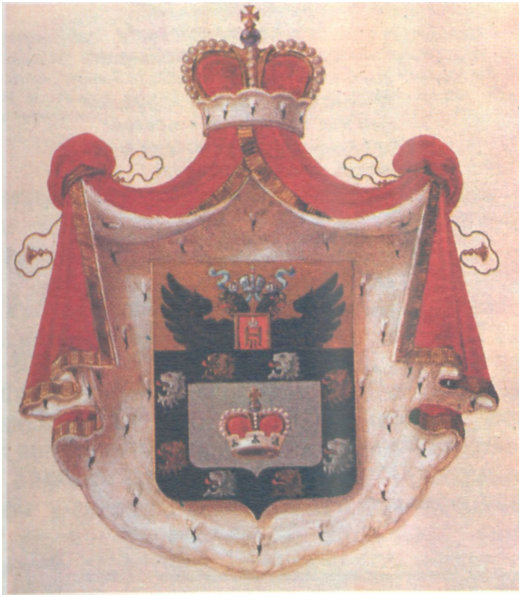


Принц Петр Александрович Ольденбургский.

Во время первой мировой войны на Принца было возложено руководство всей санитарной и эвакуационной службой армии.

Благодаря близкому кровному родству с Домом Романовых, а также неоднократным брачным союзам с членами Российской Императорской династии, Принцы Ольденбургские из поколения в поколение все теснее были связаны с Россией, занимали на русской службе высокие государственные и военные должности; Принцы принимали активное участие в общественной жизни. Но при этом, не принадлежа формально к российскому дворянству, они сохраняли статус иностранных Принцев, представителей чужеземного владетельного дома, чему способствовало сохранение их родственниками в Германии Герцогской власти в Ольденбурге (до 1918 г.).

КНЯЗЬЯ ПАЛЕЙ



Герб князей Палей.

Щит разделен на две части: в нижней помещен родовой герб бояр Романовых, но в поле щита вместо грифа — княжеская шапка. В верхней части возникающий государственный орел, на груди которого вензель Императора Николая II. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.



Князь Владимир Павлович Палей.

Палей * — княжеский род, происходящий по прямой мужской линии от династии Романовых, но не принадлежащий к Императорскому Дому, подобно другим потомкам Романовых, рожденным от морганатических, т. е. неравнородных, браков.

В 1902 г. Великий князь *Павел Александрович,* шестой сын Императора Александра II, женился вторично ** на *Ольге Валериановне* (по первому браку Пистолькорс), которая получила от Баварского Короля титул графини *Гогенфельзен,* а в 1915 г. — титул княгини *Палей.* Сын от этого брака — *Владимир* (род. 1897) и две дочери — *Ирина* (род. 1903) и *Наталья* (род. 1905) унаследовали фамилию и титул матери — князья Палей.

Герб князей Палей внесен в «Общий Гербовник», часть XX, под № 1 [104].

Князь Владимир Павлович (1897—1918) был талантливым юношей, писал стихи, но судьба его сложилась трагически. Вместе с другими членами Дома Романовых — Великим князем Сергеем Михайловичем, Великой княгиней Елизаветой Федоровной (сестрой жены Николая II), князьями Императорской крови Игорем, Иоанном и Константином Константиновичами

* Статья написана П. Х. Гребельским.

** В первом браке Великий князь Павел Александрович был женат на Принцессе греческой Александре Георгиевне (1870—1891) и имел двоих детей: сына, Великого князя Дмитрия Павловича (1891—1942), и дочь, Великую княжну Марию Павловну (1890—1958).

(детьми Великого князя Константина Константиновича, известного поэта, писавшего под псевдонимом «КР») — он был арестован и размещен в* 60 верстах от Екатеринбурга в Алапаевске.

В ночь с 17 на 18 июля 1918 г. их увезли и зверски умертвили, сбросив живыми в шахту старого рудника, а потом забросали гранатами и бревнами. Спустя три месяца их тела были эксгумированы, отвезены в Пекин и там захоронены в русском православном соборе, а мощи Великой княгини Елизаветы Федоровны были перевезены в Палестину и захоронены в православном храме в Иерусалиме.

Очевидно, он мог бы спастись, так как в конце 1917 г. председатель Петроградской ЧК Урицкий посоветовал ему подписать отречение от отца, но князь с возмущением отверг это предложение [16].

Князь Владимир Павлович, окончив Пажеский корпус, ушел на фронт, но военная служба тяготила его. Словно предчувствуя раннюю гибель, князь много писал. При жизни было опубликовано два его стихотворных сборника, третий, подготовленный к печати, так, к сожалению, и не увидел свет. Он встречался с Николаем Гумилевым и Осипом Мандельштамом, а также с всемирно известным юристом А. Ф. Кони, который называл его надеждой русской литературы [16].

В своем дневнике в 1917 г. князь писал: «Какое страшное, тяжелое время! Мы все живем слухами, предположениями, надеждами — и воспоминаниями. Нет ничего определенного, постоянного, все сбились с толку, у всех в голове какая-то каша. В сущности, никто ничего не знает, чего он хочет, и боится того, чего хочет ближний... Растет, развивается хамство. Как поганое дерево, оно уже протягивает в разные стороны зловонные ветви и цепляется за все окружающее...» [16].

Имя князя Палея было предано забвению в годы советской власти. В настоящее время готовится к выпуску книга его стихотворений, в которую войдут также письма и дневники [16].

Вот два из его стихотворений:

У солдатского кладбища

Мягко разложены дерна квадратики
Набожной чьей-то рукой...
Спите соколики, спите солдатики,
Вам здесь простор и покой.
Небо над вами сияет безбрежностью,
Тихо мечтают поля.
Приняла вас с материнскою нежностью
Эта сырая земля.
Русь защищая, ребята бывалые,
Долго дрались вы с врагом...
Спите, родимые, спите, усталые,
Под деревянным крестом.
Жертвы борьбы с лицемерной державою
Вы — не покинутый прах!
Вечною памятью, вечною славою
В русских вы живы сердцах!

Действ, армия, деревня Речки.
Сентябрь 1915 г.

* * *

Как ты жалка и окровавлена,
Моя несчастная страна!
Ты от позора не избавлена,
Ты в эти дни коснулась дна!
Терзают нас часы недужные,
Нигде не видно берегов,
И в горести враги наружные
Добрее внутренних врагов.
В страницу славы непочатую
Вонзились грязные мечи —
И перед родиной распятою
Одежды делят палачи!
И длится страшное видение,
Блестит смертельная коса...
О, где же Бог? Где Провидение?
О, как безмолвны небеса!

Княжна Ирина Павловна (1903—?), вышла замуж за князя Императорской крови Федора Александровича, сына Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Сын их князь Михаил Федорович родился в 1924 г.

Светлейшие князья Юрьевские

Юрьевские * — Светлейшие князья, происходящие по прямой мужской линии от династии Романовых, но не принадлежащие к Императорскому Дому, подобно прочим потомкам Романовых, рожденным от морганатических, т. е. неравнородных, браков.

6 (19) июля 1880 г. Император Александр II венчался в походной церкви Царскосельского дворца с фрейлиной княжной *Екатериной Михайловной Долгоруковой* (1849—1922). Указом Правительствующему Сенату от того же числа император Александр II повелел «присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом Светлейшей... Одновременно, — гласил указ, — Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну Нашему *Георгию,* дочерям *Ольге* и *Екатерине,* а также тем, которые могут родиться впоследствии, Мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям сообразно ст. 14 Основных законов Империи и ст. 147 Учреждения Императорской Фамилии». Статьи эти (в последнем издании Свода законов — соответственно ст. 36 и 188) гласили, что «дети, происшедшие от брачного союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному дому, на наследование Престола прав не имеют» и «лицо Императорской Фамилии, вступающее в брачный союз с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому Царствующему или

* Статья написана С. В. Думиным.



Герб Светлейших князей Юрьевских.

Щит двухчастный, в правой части щита государственный орел, на груди которого помещен вензель Императора Александра II. В левой части щита родовой герб бояр Романовых. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою. Девиз: «За веру, царя и отечество».



Светлейшая княжна Екатерина Александровна Юрьевская.

Владетельному дому, не может сообщить тому права принадлежащих членам Императорской Фамилии».

Герб Светлейших князей Юрьевских внесен в «Общий Гербовник», часть XIV, под № 3 [104].

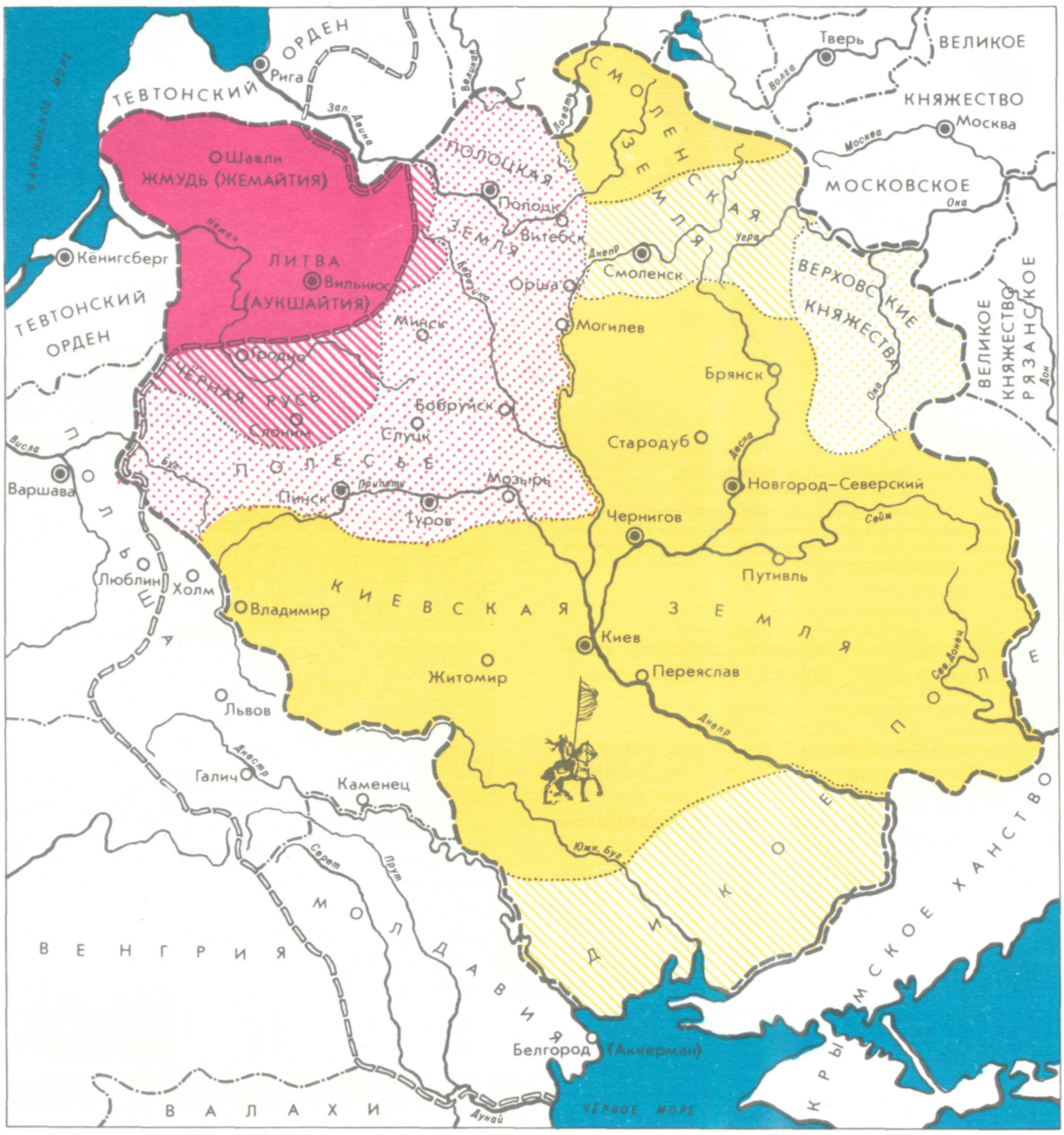
Из Светлейших князей Юрьевских наиболее известны:

Георгий Александрович (1872—1913), служил в гвардии, был женат на графине *Александре Константиновне Зарнекау* (дочери Принца Константина Петровича Ольденбургского от морганатического брака) и имел сына *Александра Георгиевича* (1900—1988). В настоящее время у него есть внук *Ганс-Георг* (род. 1961).

Ольга Александровна (1873—1925). В 1895 г. вышла замуж за графа *Георга-Николая Меренберга* (сына Принца Николая-Вильгельма Нассаусского от морганатического брака с Натальей Александровной Пушкиной, дочерью поэта А. С. Пушкина).

Екатерина Александровна (1878—1959). В первом браке была за ротмистром князем *Александром Владимировичем Барятинским* (1870—1910), во втором браке (1916) — за князем *Сергеем Платоновичем Оболенским-Нелединским-Мелецким* (1890—1978).

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В XIII-XV ВВ.



Основная территория Литвы (Аукшайтия) и Жмуди (Жемайтия).

Западная граница русских княжеств и земель в начале XIII в.

РУССКИЕ, УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ, ЗАХВАЧЕННЫЕ ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ:

при Миндовге до 1263 г. ,

при Витене (1293-1316гг.)и Гедимине (1316-1341 гг),

при Ольгерде (1345-1377 гг.),

при Витовте (1392-143' гг.),

территория Верховских княжеств, находившихся периодически в зависимости от Литовского княжества.

Граница Великого княжества Литовского в 1462 г.

Границы других государств и русских княжеств в 1462 г.



ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ



Герб Великого княжества Литовского («Погоня»).

Великое **княжество Литовское, Русское и** Жмудское возникло в результате объединения в единое государство западных и южных земель Киевской Руси и территорий, населенных балтийскими племенами литовцев и жемайтов (жмудинов). После татарского нашествия западнорусские княжества с помощью литовских князей сумели избежать ордынского ига. Союз славян и балтов положил предел распространению власти в этом регионе немецких рыцарских орденов — Ливонского и Тевтонского.*

Княжество Литовское и Русское, как официально именовалась эта восточно-европейская держава, с момента своего возникновения на исторической арене, т. е. с середины XIII в., являлось общим государством славян и балтов. Литовские князья, занявшие княжеские «столы» в Новогрудке, Полоцке, Витебске, а затем и во многих других русских городах, и пришедшие с ними дружины быстро воспринимали славянский язык, а также более высокую культуру местного населения, многие из них принимали православие. С запада в Литву проникало католичество. Князь литовский *Миндовг (Миндаугас),* надеясь положить конец беспрерывным набегам на Литву орденских рыцарей, принял крещение и получил от папы римского королевскую корону. Но через несколько лет после коронации литовский король вернулся к язычеству. Его сын *Войшелк,* пришедший к власти вскоре после убийства Миндовга князьями-заговорщиками, до этого был православным

* Статья написана С. В. Думиным.

Grand duchy of Lithuania, Rus and Zmudz sprang up as a result of union of western and southern lands of Kievan Rus and territories inhabited with Baltic tribes of Lithuanians and Samogitians (Zmudzians) in one State. After the Tatar invasion the western Russian principalities managed to escape the Horde yoke with the help of Lithuanian dukes. The union of Slavs and Baits terminated extension of Livonian and Teutonic German knight orders'power in this region.

Duchy of Lithuania and Rus, as this east European power was officially named, was a common State of Slavs and Baits just from the moment of its rise in historical arena, i. e. from mid — XIII **c** Lithuanian dukes taken ducal «thrones» in Novogrudk, Polotsk, Vitebsk and then in many other Russian towns, armed forces that came with them grasped Slavonic language fast and local population higher culture too, many of them became members of the Orthodox Church. Catholicism penetrated to Lithuania from the West. *Mindoue (Mindaugas),* duke of Lithuania, was baptized and got king's crown from Po-pe expecting to put an end to Order knights' continual raids into Lithuania. But several years after coronation king of Lithuania returned to paganism. His son *Voyshelk,* that came to powers on after Mindove was assassinated by dukes-plotters, was an orthodox monk and planned to accept orthodoxy in Lithuania. Voyshelk's assassination by his rival, prince of Galich, while negotiating prevented that.

Further prime of Grand duchy of Lithuania is bound up first of all with names of dukes

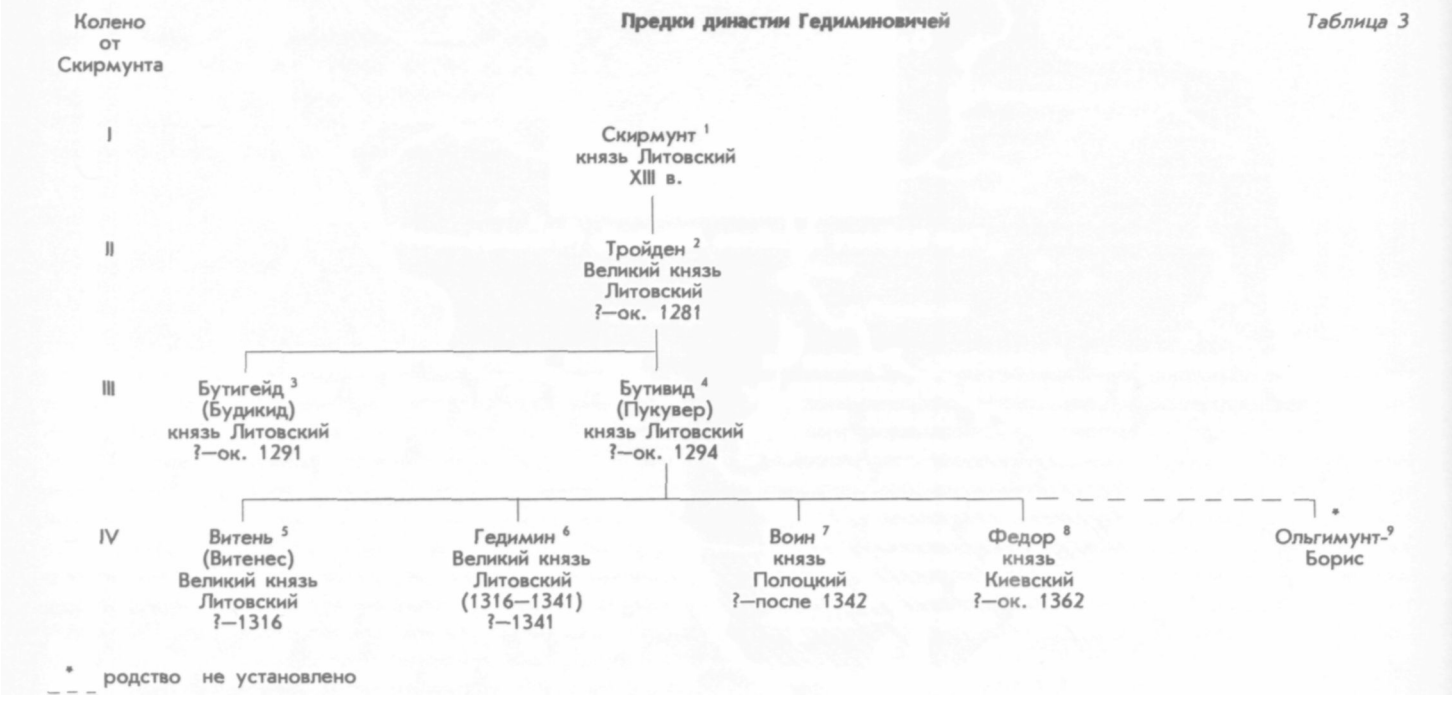
монархом и планировал крещение Литвы в православие. Исполнить это намерение помешало убийство Войшелка его соперником, князем Галицким, во время переговоров.

Дальнейший расцвет Великого княжества Литовского связан прежде всего с именами князей *Гедимина, Ольгерда* и *Кейстута,* представителей новой литовской династии, пришедшей к власти в результате ожесточенной борьбы с соперниками — племенными князьями других литовских земель [164, 170, 172, 173, 174].

Gediminas, Algirdas and *Kestutis,* representatives of a new Lithuanian dynasty that came to power as a result of bitter fight with rivals — tribal dukes of other Lithuanian lands.

КНЯЗЬЯ ГЕДИМИНОВИЧИ

Предки династии Гедиминовичей — *Таблица 3*



Гедиминовичи * — княжеские роды, происходящие от Великого князя литовского *Гедимина* (ум. 1341), имевшего восемь сыновей, из которых *Витовт, Монвид, Кориат-Михаил* и *Любарт-Дмитрий* имели потомство, угасшее во втором или третьем поколении, потомство же остальных — *Наримонта-Глеба, Ольгерда-Александра, Явнута-Ивана* и *Кейстута* — образовало роды, которые принято называть Гедиминовичами.

Родословное древо предков династии Гедиминовичей приведено в таблице 3 [170, 172].

Предком Гедиминовичей новейшие историки считают *Тройдена,* сына *Скирмонта,* в 1268 г. возглавившего выступление литовских князей против князя Волынского *Шварно Даниловича,* зятя Войшелка, занявшего на короткое время трон Литвы. В кровавых боях погибли три брата Тройдена, но Шварно был изгнан и вскоре умер, а

* Статья написана С. В. Думиным и П. Х. Гребельским.

Gediminians — ducal families of Gediminas's, Grand duke of Lithuania (d. 1341) extraction, who had eight sons of whom *Vytautas, Monvid, Coriat—Michael* and *Lubarth—Dimitry* had scions died down in second or third generation, but scions of the others — *Norimantas—Gleb, Algirdas—Alexander, Yavnut—Ivan* and *Kestutis* made up families that are usuably called «Gediminians».

Table 3 gives Gediminian dynasty forbears' family tree.

The latest historians consider Skirmunt's son *Traidenis* to be Gediminian ancestor who headed in 1268 Lithuanian dukes' insurrection against Voyshelk's son-in-law *Shvarn Danielovich,* prince of Volhyn, that ascended the throne of Lithuania for a short time. Traidenis's three brothers were lost in the blood-bath but Shvarn was ousted and soon died and Traidenis having become a Grand duke restored unity of Lithuanian lands. He was also bold and able against German crusaders. In

Тройден, став Великим князем, восстановил единство литовских земель. Он также смело и умело действовал против немецких крестоносцев. Именно его сыновьями, по всей вероятности, были *Бутигейд (Будикид)* и *Бутивид (Пукувер),* княжившие в Литве в 90-е гг. XIII в.; возможно, первый их них был князем Западной Литвы — Жмуди (Жемайтии). Сыном Бутивида-Пукувера и его преемником был *Витень* (ум. 1316), которому наследовал его брат *Гедимин.* Два их брата княжили на русских землях — *Воин* (ум. после 1342) в Полоцке, а *Федор* (ум. ок. 1362) в Киеве.

Предки Гедиминовичей были язычниками, но с начала XIV в. члены рода стали переходить в христианство, а с 1387 г., после официального крещения Литвы в католичество, некоторые стали католиками, но значительная часть из них сохранила православие.

Враждебные Гедиминовичам московские сочинители XVI в. объявили Гедимина узурпатором, женившемся на вдове законного князя Витеня, конюхом у которого якобы служил Гедимин. Согласно другой версии, Гедимин был потомком князей смоленских, служивших московскому Великому князю; будучи послан для сбора дани в западнорусские земли, он якобы присвоил собранные суммы и, разбогатев, добился власти над местным населением. Однако появление при Московском Дворе влиятельных потомков Гедимина — князей Мстиславских, Вельских, Голицыных, Куракиных, Трубецких — привело к возникновению новой легендарной генеалогии, возводившей Гедиминовичей к полоцким князьям из дома Рюрика. Этой версии, принятой в русских официальных родословных книгах XVI — XVII вв., придерживается и «Общий Гербовник» [104], но никто из историков уже давно не воспринимает эту легенду всерьез.

Служа в Московском государстве, Гедиминовичи быстро славянизировались, чему способствовали и многочисленные браки с русскими (тверскими, московскими, рязанскими, смоленскими, волынскими и другими) княжнами, тем не менее корни этой семьи — в Литве.

Родовым гербом Гедиминовичей стала «Погоня» — изображение в красном поле щита скачущего всадника, с поднятым для удара мечом и имеющего на щите сдвоенный крест. Этот герб является и государственным гербом Великого княжества Литовского. Наряду с гербом «Погоня», многие Гедиминовичи использовали на печатях и свои собственные эмблемы. Так возник герб «Корибут», употреблявшийся князьями Вишневецкими, Збаражскими и Воронецкими. Позже герб «Корибут» стали использовать и некоторые шляхетские семьи, не связанные с Гедиминовичами, например Корибут-Дашкевичи. Изображение герба «Погоня» присутствует и в гербах русских Гедиминовичей — Голицыных, Куракиных и Хованских.

Родословное древо ближайших потомков Гедимина, которые стали родоначальниками княжеских фамилий, существовавших на момент провозглашения России Империей (1721), приведено в таблице 4 [164, 170, 172, 173, 174].

all probability *Butigade (Budikid)* and *Butivid (Pukuver)* were his sons to be exact that reigned in Lithuania in XIIIc, the nineties, the first one was possibly a duke of the West Lithuania — Zmudz (Samogitia). Vytenis (d. 1316) was Butivid — Pukuver's son and his successor, his brother *Gediminas* succeeded to him. Their two brothers reigned on Russian lands —Voin (d. after 1342) — in Polotsk and *Fiodor* (d. c 1362) in Kiev.

Gediminian forbears were pagans but from early XIV c turned into Christianity and from 1387, after an official acceptance of Catholicism in Lithuania, became Catholics but a considerable part of them kept orthodoxy safe.

XVI c Moscow fabricators hostile to Gedirninians declared Gediminas an usurper who married to the widow of legal duke Vytenis for whom he supposedly served as a groom. In accordance with another version Gediminas was a scion of princes of Smolensk that served Grand prince of Moscow; being sent to collect a tribute in west — Russian lands he supposedly misappropriated collected sums and having grown rich got his way to rule over local population. But appearance of influential Gediminas's scions at Moscow Court — princes Mstislavskys, Belskys, Golitsyns, Kurakins, Trubetskoys — resulted in rise of a new legendary genealogy that traced. Gedirninians, ancestry to princes of Polotsk of the House of Rurik. «General armorial» [104] is also of this version accepted in XVI—XVII c Russian official family registers but no one of historians takes this legend in earnest for a long time already.

While serving in Moscow State Gedirninians Slavonized fast, numerous marriages to Russian princesses of Tver, Moscow, Ryazan, Smolensk, Volhyn and others made for it, nevertheless this family roots — in Lithuania.

Gediminian ancestral arms became «Chase» — image of a racing rider on the shield red ground with a lifted sword to strike a blow and double cross on the shield. This arms was a State one of Grand duchy of Lithuania. Many of Gedirninians used their own emblems too on seals equally with the arms «Chase». So, arms «Coribut» sprang up and was used by dukes Vishnevetskys, Zbarazhskys and Voronetskys. Later this arms «Coribut» was started to be used by some szlachta families too not bound with Gedirninians, e. g. Coribut Dashkevichs. Image of arms «Chase» is on Russian Gediminians's arms too — Golitsyns, Kurakins and Khovanskys.

Table 4 gives Gediminas's. next of kin scions' family tree who became princely family ancestors when Russia was proclaimed an empire.

II КОЛЕНО

4. Наримонт.в крещении Глеб (ум. 1348). Первоначально княжил (в качестве служилого князя) в некоторых новгородских областях. Новгород, который вел тогда борьбу с Великим князем Московским Иоанном I Калитой и надеялся заручиться содействием могущественного литовского князя, передал ему в 1333 г. в отчину и в дедину Ладогу, Орешек, Карельский город и половину Копорья. Однако владел он ими недолго, в 1338 г. уехал в Литву, оставив в городе наместника. Из отцовского наследства получил Пинск, где и княжил, признав власть Ольгерда. Наримонт участвовал в общих походах Литвы и погиб в битве с крестоносцами в 1348 г. [8, 154].

5. Ольгерд (ум. 1377), Великий князь Литовский с 1345 г. При жизни отца княжил в Витебске, который получил в приданое за женой — последней представительницей правившей в городе династии.* После смерти отца получил в удел Крево. Вместе с братом Кейстутом в 1345 г. отстранил от власти младшего брата Явнута и был провозглашен Великим князем. Фактически Ольгерд и Кейстут являлись соправителями, причем Кейстуту была поручена западная часть государства, подвергавшаяся частым набегам крестоносцев, а Ольгерд продолжил борьбу с Ордой за освобождение русских земель от татарского ига и при этом активно вмешивался в княжеские междоусобицы Северо-Восточной Руси. При нем Вильно выступает в качестве наиболее важного центра борьбы за объединение Руси. Разгромив татар под Синими Водами (1362), он присоединил к Великому княжеству Литовскому Подолию и одного из своих старших сыновей, *Владимира,* сделал князем Киевским. Вторым браком Ольгерд был женат на Тверской княжне Ульяне Александровне и несколько раз в союзе с Тверью выступал против Москвы и даже осаждал ее (1360, 1370 и 1372), но неудачно. Перед смертью принял православие под именем Александр и пострижение под именем Алексия, однако похоронен был по языческому обряду. Пять его старших сыновей, рожденных от первого брака, были православными и поэтому были устранены от престолонаследия. Семеро младших сыновей от второго брака формально оставались язычниками, но впоследствии в большинстве своем приняли католичество [172, 174].

6. Явнута (Евнутий), в православии Иван Гедиминович (ум. после 1366). По завещанию отца занял великокняжеский престол в 1341 г., но в 1345 г. был смещен братьями

* Первую супругу князя Ольгерда, Марию, долгое время считали русской княжной, дочерью некоего князя Ярослава. В последнее время в работах польского профессора Т. Василевского убедительно доказано, что до Ольгерда в Витебске княжили не Рюриковичи, а потомки Товтивила — племянника Короля Литвы Миндовга, т. е. вполне вероятно, что она происходила из этой первой литовской княжеской династии, к тому времени уже православной.



Великий князь Литовский Ольгерд.

Ольгердом и *Кейстутом,* бежал в Москву, где и крестился. Однако вскоре вернулся в литовские владения и получил в удел Заславль, став родоначальником князей Заславских. Его потомки получили в конце XV в. также и выморочный Мстиславский удел. Одна из ветвей князей Мстиславских в 1508 г. выехала в Россию, где они до XVII в. занимали выдающееся положение среди московской аристократии. Литовская ветвь князей Мстиславских-Заславских угасла раньше московской — в середине XVI в. [172, 174].

7. Кейстут Гедиминович (ум. 1382), князь трокский (тракайский), с 1345 г. фактический соправитель брата *Ольгерда,* после смерти которого признал Великим князем племянника *Ягайло,* но в 1381 г. отстранил его и недолгое время был единственным правителем Великого княжества Литовского. Во время его похода на крестоносцев Ягайло вернулся в Вильно и восстановил свою власть. Кейстут был захвачен в плен и, по некоторым сведениям, убит по приказу племянника. Сын Кейстута *Витовт,* в крещении *Александр Кейстутович* (ум. 1430), называемый литовскими историками Витовтом Великим, — один из наиболее выдающихся и блестящих правителей Великого княжества Литовского. После долгой борьбы с Ягайло Витовт добился великокняжеского престола, признав двоюродного брата Ягайло «верховным князем» Литвы лишь номинально. В союзе с Польшей разгромил Тевтонский орден, вел активную восточную политику, поддерживая (не всегда успешно) свергнутых ханов и претендентов на золотоордынский престол.



Князь Тройский Кейстут Гедиминович.

Единственную дочь *Софью* выдал замуж за Великого князя Василия I Дмитриевича. По завещанию последнего был опекуном внука Великого князя Московского Василия II Васильевича Темного. Будучи фактически наиболее влиятельным монархом этой части Европы, он согласился принять от Императора Сигизмунда королевский титул, но послы, везшие ему корону, были задержаны в Польше, и задуманная коронация не состоялась, а вскоре Великий князь умер [172, 174].

8. Кориат, в крещении Михаил Гедиминович (ум. ок. 1362), князь новогрудский. Его сыновья взамен Новогрудского княжества получили уделы в завоеванной Ольгердом Подольской земле. Один из сыновей Кориата, *Юрий,* в 1374 г. занял молдавский престол, но в том же году был убит. Другой, *Федор* (ум. до 1419), после смерти братьев *Александра* и *Константина* титуловался «князем и господарем земли Подольской».

Князья Курцевичи, употребляющие родовое прозвание «Кориатовичи», считают своим родоначальником князя Федора, но, хотя родословная этой ветви Гедиминовичей изучена недостаточно, источники не подтверждают происхождение их от Кориата и считают более правдоподобным происхождение их от князя *Наримонта (Глеба Гедиминовича)* [170, 172, 174].

9. Любарт, в крещении Дмитрий Гедиминович (ум. ок. 1385), женившись на дочери последнего Волынского князя, еще при жизни отца получил Галицко-Волынское княжество. В результате ожесточенной борьбы за эти земли между Великим княжеством Литовским и Польшей за ним сохранилось только княжество Волынское.

Родословная Любартовичей изучена слабо. В прошлом к их потомкам ошибочно относили и семью князей Сангушко, употреблявших некоторое время прозвание «Любартовичи». Некоторые источники считают потомком Любарта и известного московского полководца, героя Куликовской битвы воеводу князя *Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского,* который, участвуя в походе Витовта, погиб на реке Ворксле в 1399 г. Если это действительно так, то потомками Любарта следовало бы признать старинный русский род нетитулованных дворян Волынских, ведущих свое начало от воеводы Боброка.

III КОЛЕНО

Ю. Михаил Наримонтович, князь Пинский; потомки его владели княжеством еще в начале XV в. По всей вероятности, от него происходят князья Курцевичи.

11. Патрикей Наримонтович, князь, в 1382 и 1397 гг. находился в Новгороде в качестве служилого князя. В 1408 г. перешел на московскую службу вместе с большой группой литовских князей во главе с князем Свидригайло Ольгердовичем, враждовавшим с великим князем Витовтом [172, 174].

Польский генеалог князь Юзуф Пузына полагал, что этот Патрикей был не сыном, а внуком Наримонта; отцом Патрикея он считает князя *Александра Наримонтовича* [175].

12. Дмитрий Ольгердович Старший (ум. 1399), князь Брянский. Вместе с братом и дружиной участвовал в Куликовской битве. Позже был князем Друцким, Трубчевским, Стародубским. Погиб в сражении при Ворскле.

13. Константин Ольгердович (ум. до 1393), сначала князь Черниговский, затем получил Чарторыйск на Волыни.

14. Федор Ольгердович (ум. до 1400), князь Ратненский.

15. Ягайло, в крещении Владислав (ум. 1434), великий князь литовский и Король Польский. В 1377 г. наследовал своему отцу, но вскоре был отстранен от власти дядей Кейстутом, сохранив только Крево. В 1382 г. совершил контрпереворот и вернул себе Великое княжение. Искал сближения с Москвой и намеревался жениться на дочери Великого князя Дмитрия Донского, а также принять православие. Однако после разгрома Москвы ханом Тохтамышем стал искать союзников на западе и в 1385 г. заключил договор с Польшей (Кревская уния), в соответствии с которым в 1386 г. принял католичество и женился на юной Польской Королеве Ядвиге. В 1387 г. состоялось крещение Литвы, затронувшее литовцев-язычников. Вскоре Ягайло фактически отказался от реального управления Великим княжеством Литовским, поручив его сначала своим братьям, а потом двоюродному брату Витовту



Король Польский и Великий князь Литовский Ягайло.

Кейстутовичу. Вместе с ним смог положить конец экспансии Тевтонского ордена, уничтожив в сражении при Грюнвальде в 1410 г. рыцарское войско. Он — основатель королевской династии Ягеллонов, правившей в Польше, Великом княжестве Литовском, Чехии и Венгрии. Его потомство в мужской линии угасло в 1572 г. [154, 173, 174].

16. Корибут, в крещении Дмитрий Ольгердович (ум. после 1404), князь Новгород - Северский, потом князь Збаражский. Был женат на Анастасии, дочери князя Олега Рязанского.

IV КОЛЕНО

17. Константин Курч, князь Пинский, предположительно сын князя Михаила Наримонтовича.

18. Юрий Патрикеевич. В 1434 г. участвовал в походе на Кострому против князя Дмитрия Шемяки, а в 1437 г. ездил московским послом в Новгород. Был женат на княжне Анне, по некоторым сведениям — *Марие,* дочери Великого князя Московского Василия I Дмитриевича [31, 44].

19. Федор Патрикеевич (ум. 1426). Выехал на службу в Москву в 1408 г. вместе с отцом и братом Юрием. В 1420 г. был московским наместником в Новгороде. В 1426 г. направлен в Псков, где и умер [44].

20. Михаил Дмитриевич, удельный князь Трубчевский, родоначальник князей Трубецких [44, 83].

21. Василий Константинович, родоначальник князей Чарторыских.

22. Сангушко Федорович (Федькович), родоначальник князей Сангушко.

23. Федор (Федько) Корибутович (Дмитриевич), князь Несвицкий.

V КОЛЕНО

24. Михаил Константинович Курцевич, князь Пинский и Буремский, родоначальник князей Курцевичей.

25. Василий Юрьевич Патрикеев, боярин при своем двоюродном брате Великом князе Московском Иоанне III Васильевиче [31, 44].

26. Василий Федорович Патрикеев, по прозвищу Хавака, родоначальник князей Хованских [31, 44].

27. Юрий Федорович (Федькович), родоначальник князей Несвицких.

28. Василий Федорович (Федькович) (ум. до 1463), князь Збаражский [83].

VI КОЛЕНО

29. Иван Васильевич Патрикеев, по прозвищу Булгак (ум. 1476), боярин при своем двоюродном племяннике Великом князе Московском Иоанне III Васильевиче [83].

31. Василий Васильевич (ум. до 1473), князь Збаражский [83].

32. Солтан Васильевич (ум. до 1478), построил замок Вишневец, по названию которого получил имя князя Вишневецкого [83].

VII КОЛЕНО

33. Михаил Иванович Булгаков, по прозвищу Голица (ум. 1558), по женской линии четвероюродный брат Царя Иоанна IV Грозного; родоначальник князей Голицыных [31].

34. Андрей Иванович Булгаков, по прозвищу Курака, по женской линии четвероюродный брат Царя Иоанна IV Грозного; родоначальник князей Куракиных [31, 44].

35. Василий Несвицкий, родоначальник русской ветви князей Несвицких.

36. Михаил Васильевич, князь Збаражский. После смерти своего бездетного дяди получил в наследство замок Вишневец и стал родоначальником князей Вишневецких [83].

37. Федор Васильевич, князь Збаражский, родоначальник князей Воронецких [83].

Придерживаясь принятого нами в первом томе порядка описания княжеских родов, мы расположили их также в порядке старшинства линий от общего родоначальника Великого князя Гедимина.

КНЯЗЬЯ КОРИАТОВИЧИ-КУРЦЕВИЧИ

Кориатовичи-Курцевичи * — княжеский род, восходящий, по родословному преданию, к князю *Кориату-Михаилу Гедиминовичу* (1301—1357), — отсюда употребляющееся с XVII в. родовое прозвание «Кориатовичи». Но большинство польских генеалогов конца XIX—начала XX вв. считают их потомками другого сына Гедимина — *Наримонта,* князя Пинского [141а].

Первым документально известным предком этой семьи следует признать князя *Константина,* по прозвищу *Курч,* владельца Буремля на Волыни, от которого и ведется родословное древо, см. таблицу 5 [141а].

Из князей Кориатовичей-Курцевичей наиболее известны [141а]:

2. Михаил Константинович Курцевич, в 1452 г. получил от Короля подтверждение на доставшиеся ему имения Буремля, Новоселец, Косров, Стратынь и другие в Луцком повете. В 1446—1451 гг. был старостой Владимирским. По имению жены Ольшаницы именовался также князем Ольшаницким из Пинска.

3. Василий Михайлович, в 1475 г. был свидетелем раздела Збаражских имений.

4. Федор (Федько) Михайлович, родоначальник угасшего рода князей Буремльских.

5. Иван Васильевич Булыга, родоначальник князей Курцевичей, первоначально называвшихся Булыга-Курцевичами.

7. Василий Иванович (ум. ок. 1553), королевский ротмистр.

8. Михаил Иванович, судья Владимирский.

9. Дмитрий Васильевич, подстароста Белоцерковский в 1578 г., державца Вонячинский в 1590 г.

10. Александр Михайлович (ум. 1585), подстароста Владимирский в 1578—1584 гг.

11. Константин Михайлович, занимал ту же должность после брата.



Герб Гедиминовичей «Колюмны» (Колонны).

14. Ян (Януш), подстароста Черкасский и Белоцерковский.

16. Иов, в монашестве Иезекиль, учился в Падуе, затем был Трехтимировским игуменом. Патриархом Константинопольским был посвящен в православные епископы Владимирские без согласия Короля (1620-е гг.).

20. Самуэль Янович, начал именоваться князем Кориатовичем-Курцевичем. Его потомки в 1828—1875 гг. были внесены в 6-ю часть родословной книги Волынской губернии, но в княжеском достоинстве в Российской Империи не утверждены.

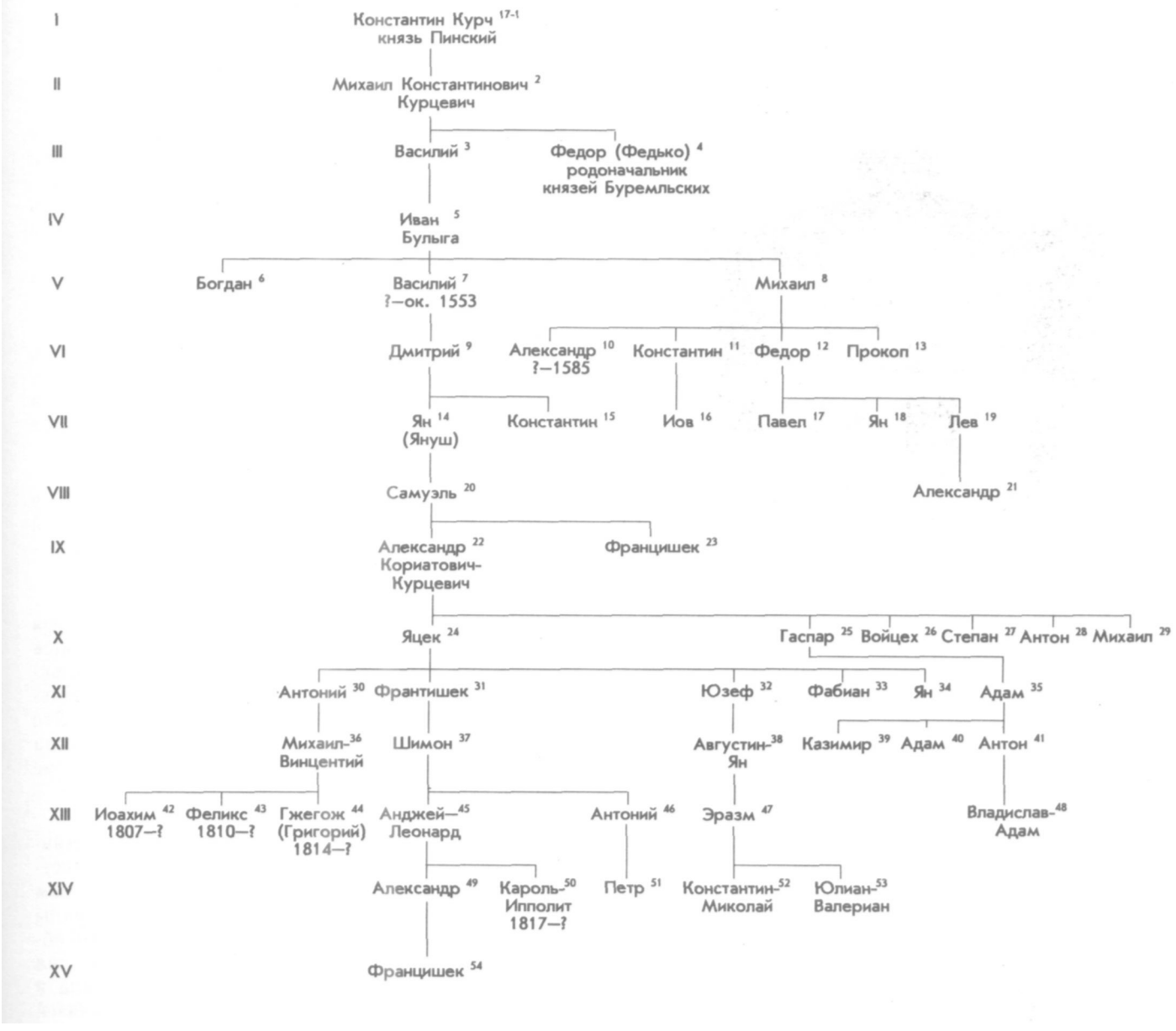
46. Антон (Антоний) Семенович (Шимонович), майор русской службы и кавалер. Вместе с сыном употреблял княжеский титул, но был внесен только в 3-ю часть родословной книги Владимирской губернии [РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 439].

51. Петр Антонович, генерал-майор. В официальных документах титуловался князем.

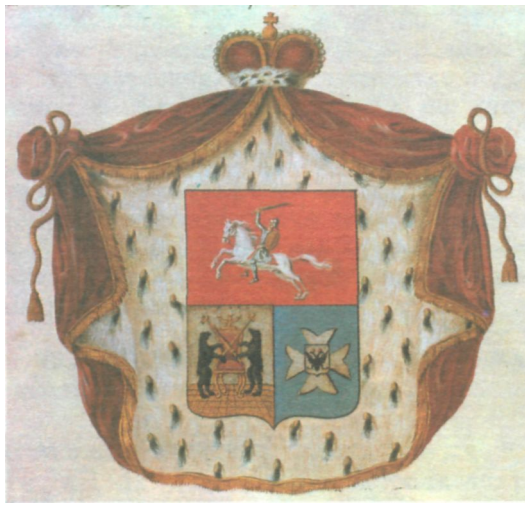
По сообщению князя Н. Н. Голицына [31], в 1842 г. в одном из городов Харьковской губернии был городничим князь Кориатович-Курцевич.

Герба князей Кориатовичей-Курцевичей в «Общем Гербовнике» нет, но в Речи Посполитой они пользовались собственным гербом «Курч».

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.


I
Константин Курч [17-1] князь Пинский
II
Михаил Константинович [2] Курцевич
III
Василий [3]
Федор (Федько) [4] родоначальник князей Буремльских
IV
Иван [5] Булыга
V
Богдан [6]
Василий [7] ?—ок. 1553
Михаил [8]
VI
Дмитрий [9]
Александр [10] ?—1585
Константин [11]
Федор [12]
Прокоп [13]
VII
Ян [14] (Януш)
Константин [15]
Иов [16]
Павел [17]
Ян [18]
Лев [19]
VIII
Самуэль [20]
Александр [21]
IX
Александр [22] Кориатович-Курцевич
Францишек [23]
X
Яцек [24]
Гаспар [25]
Войцех [26]
Степан [27]
Антон [28]
Михаил [29]
XI
Антоний [30]
Франтишек [31]
Юзеф [32]
Фабиан [33]
Ян [34]
Адам [35]
XII
Михаил-Винцентий [36]
Шимон [37]
Августин-Ян [38]
Казимир [39]
Адам [40]
Антон [41]
XIII
Иоахим [42] 1807—?
Феликс [43] 1810—?
Гжегож [44] (Григорий) 1814—?
Анджей—Леонард [45]
Антоний [46]
Эразм [47]
Владислав-Адам [48]
XIV
Александр [49]
Кароль-Ипполит [50] 1817—?
Петр [51]
Константин-Миколай [52]
Юлиан-Валериан [53]
XV
Францишек [54]

КНЯЗЬЯ ГОЛИЦЫНЫ



Герб князей Голицыных.

Щит трехчастный. В верхней части щита герб Великого княжества Литовского, в правой нижней части герб Новгорода Великого, в левой нижней части в голубом поле серебряный с раздвоенными концами равноконечный крест, в середине которого в золотом поле — российский государственный орел. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Голицыны * — княжеский род. Происходит от Наримонта (Глеба), князя Пинского, Мозырского, Новгородского, Ладожского, Ореховского и Карельского (ум. 1348), второго сына Великого князя Литовского Гедимина. Один из праправнуков Наримунда, боярин князь Иван Васильевич Булгак (ум. 1479) имел сына князя Михаила Ивановича Булгакова, получившего прозвище Голица, которое, по преданию, произошло от привычки князя носить железную перчатку только на одной руке [30, 154].

Князья Голицыны возводились в бояре из стольников, минуя чин окольничего. Начинали службу, как правило, в царских комнатных стольниках [124].

Герб князей Голицыных внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 2, т. е. в число российско-княжеских [104].

Род князей Голицыных был кровно связан с Великими князьями Московскими из династии Рюриковичей — прадед князя Михаила Голицы, князь Юрий Патрикеевич, был женат на княжне Анне, по некоторым сведениям Марие, дочери Великого князя Московского Василия I Дмитриевича. Таким образом, князь Михаил Голица и Царь Иоанн IV Грозный были четвероюродными братьями [30].

Голицыны также были в родстве и с Домом Романовых [30]:

— *княжна Евдокия Ивановна Голицына,* внучка князя Михаила Голицы, была женой боярина Александра Никитича Романова (брата патриарха Филарета), т. е. теткой Царя Михаила Федоровича;

— *князь Федор Иванович,* генерал-майор, в 1725 г. вступил в брак с двоюродной сестрой Петра I, Марией Львовной Нарышкиной (1703—1727);

— *княгиня Ксения Ивановна,* жена князя Ивана Андреевича, была сестрой боярина Бориса Ивановича Морозова, женатого на Анне Ильиничне Милославской, сестре Царицы Марии Ильиничны, жены Царя Алексея Михайловича. Это родство пагубно отразилось на судьбе их сына князя Андрея Ивановича, так как Петр I не любил Милославских;

— *княжна Прасковья Дмитриевна,* племянница воспитателя Петра I князя Бориса Алексеевича Голицына, была в первом браке за Федором Кирилловичем Нарышкиным, братом Царицы Натальи Кирилловны, и приходилась, таким образом, теткой Петру I. Во втором браке она вышла за князя Аникиту Ивановича Репнина и стала родоначальницей всех последующих князей Репниных;

— *князь Василий Петрович* (1682—1774) был женат на Наталье Мартемьяновне Нарышкиной, дочери боярина Мартемьяна Кирилловича и княжны Евдокии Васильевны Сибирской, тетке последнего Касимовского Царя Василия Ивановича (ум. 1715), потомка Кучума. Княгиня Наталья Мартемьяновна приходилась родной племянницей Царице Наталье Кирилловне и двоюродной сестрой Петру I;

Татьяна Алексеевна Голицына (1702—1724), дочь князя Алексея Борисовича, была замужем за ближним стольником Абрамом Федоровичем Лопухиным (ум. 1718), родным братом первой жены Петра I, и приходилась теткой Царевичу Алексею Петровичу.

* Автор-составитель статьи П. Х. Гребельский признателен предводителю Российского Дворянского собрания князю Андрею Кирилловичу Голицыну за любезно предоставленные материалы и помощь в составлении родословного древа и биографий представителей рода после 1917 года.

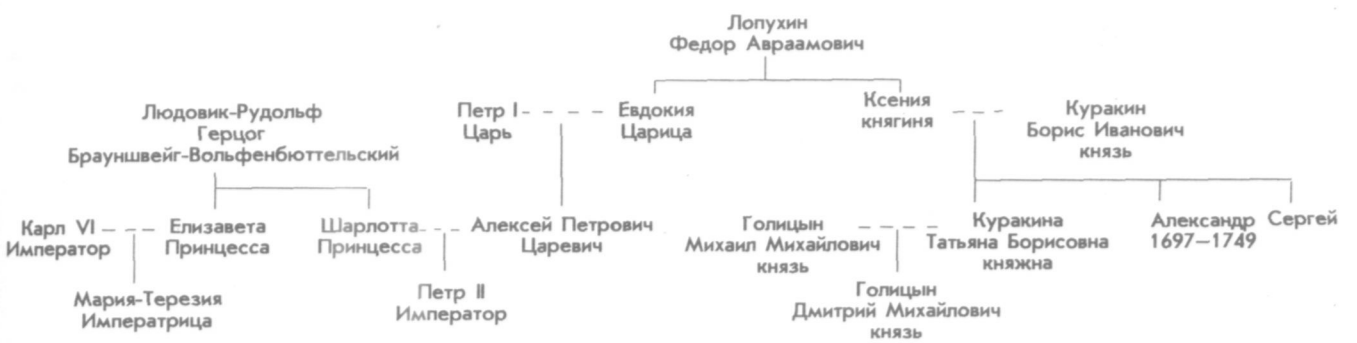
Князья Голицыны и князья Куракины через Лопухиных — Царевича Алексея Петровича и его сына Императора Петра II — оказались в близком свойстве с Императором Римской Империи (см. таблицу 6) [30].

Из князей Голицыных (до разделения рода на четыре отдельных ветви, см. таблицу 7) [30] наиболее известны [30]:

1. Михаил Иванович Булгаков, по прозвищу Голица (ум. не ранее августа 1554 г.),

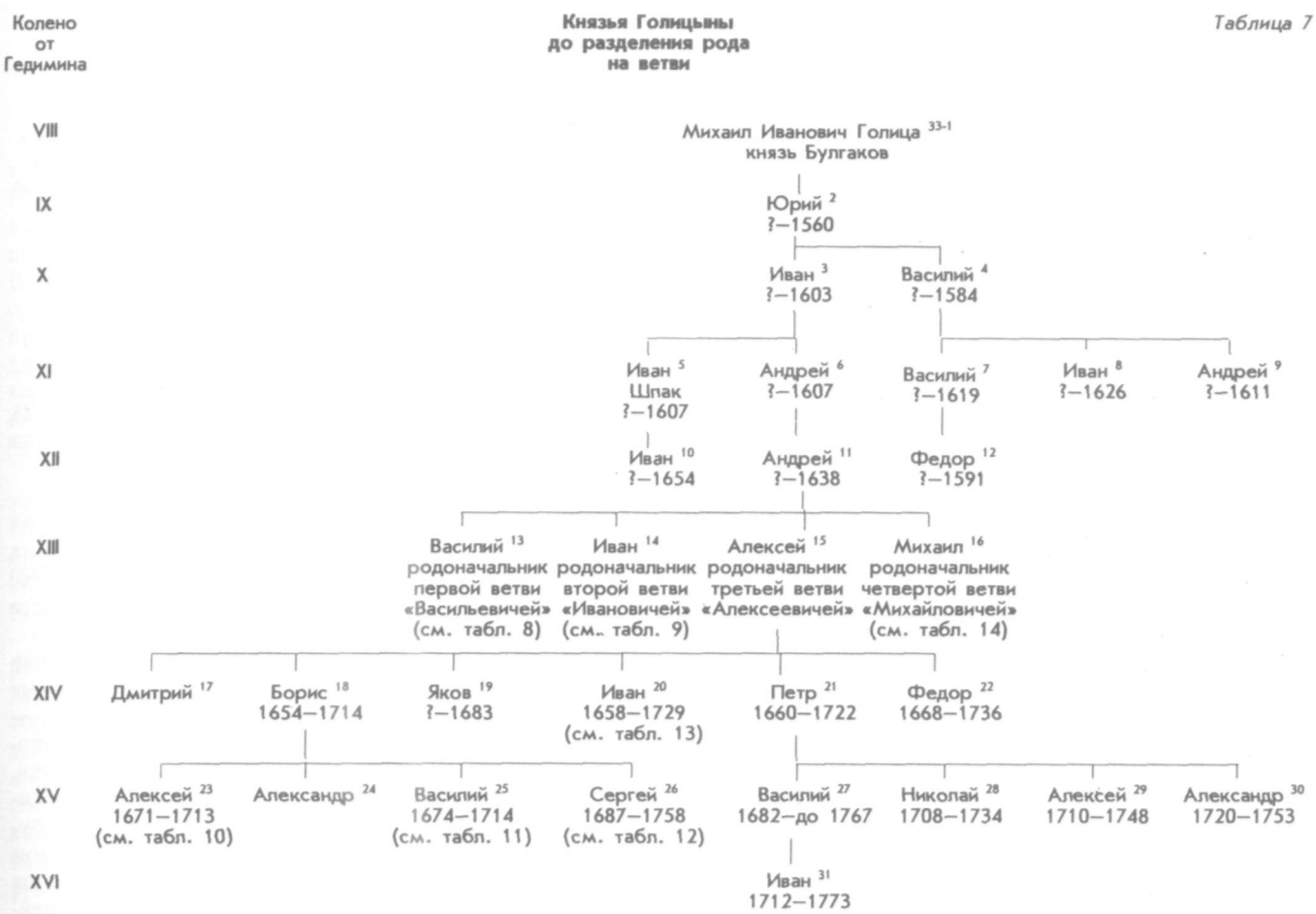
Родственные связи князей Голицыных и Куракиных с Царствующими Домами

Таблица 6



Князья Голицыны до разделения рода на ветви

Таблица 7



родоначальник князей Голицыных. Окольничий, а затем боярин Великого князя Василия III Иоанновича, а затем Царя Иоанна IV Грозного, четвероюродным братом которого он был. В битве под Оршей (1514) попал в плен и пробыл в Польше до 1552 г. В иноках—Иона.

2. Юрий Михайлович (Булгаков) (ум. 1560), рында, окольничий, кравчий, боярин (1537), посол к венгерскому Королю Фердинанду (1551), казанский воевода и основатель города Свияжска (1552), наместник в Новгороде (1560) и Пскове (1557).

3. Иван Юрьевич (Булгаков) (ум. 1603), «рында с саадыком» (1557), боярин (1574).

4. Василий Юрьевич (Булгаков) (ум. 1584), воевода пронский (1562), одоевский (1565), брянский (1570), боярин (1575), наместник в Новгороде (1583) и Смоленске (1584).

5. Иван Иванович (первый, носивший только одну фамилию Голицын, вместо Булгаков-Голицын), по прозвищу Шпак (ум. 1607), боярин (1592), воевода в Казани в 1601 г., поддерживал Лжедмитрия I.

6. Андрей Иванович (ум. 1607), боярин (1592), воевода в Пскове и «на Белой» в 1598 г.

7. Василий Васильевич (ум. 1619), боярин (1591), воевода смоленский. Вначале сторонник Лжедмитрия I, назначенный им «Великим дворецким», затем перешел на сторону Царя Василия Шуйского. Один из кандидатов на вакантный русский Престол. В 1610—1613 гг. посол в Польше, где был задержан и пробыл в' плену по 1619 г. Умер в Вильно при возвращении на родину.

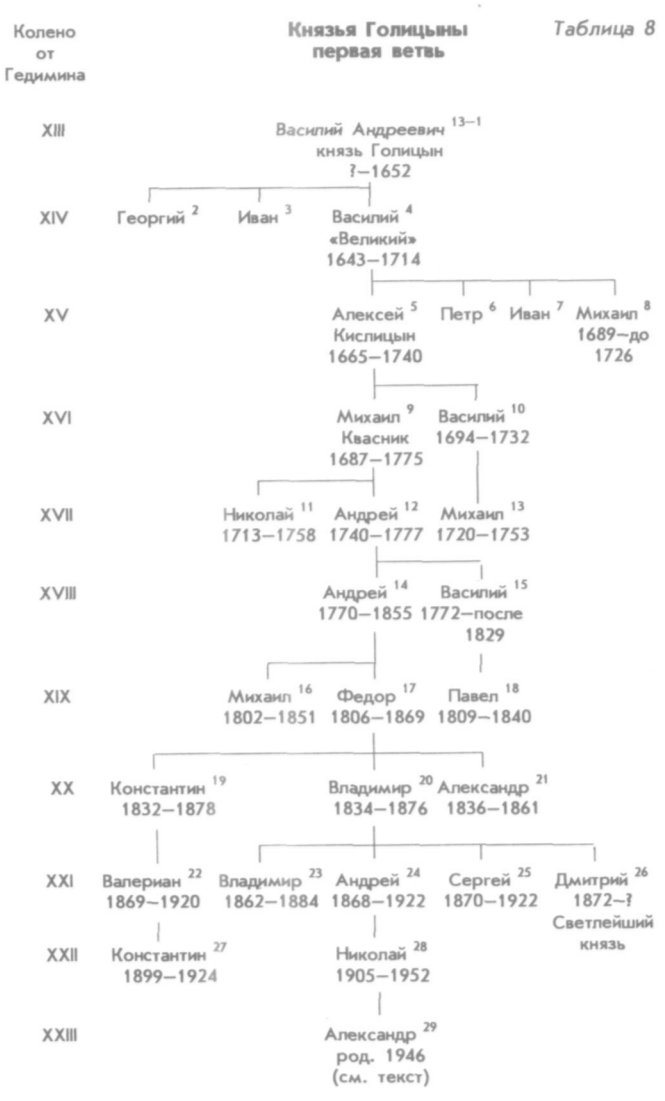
8. Иван Васильевич (ум. 1626), окольничий (1592), думный боярин Царей Федора Иоанновича, Лжедмитрия I, Василия Шуйского и Михаила Федоровича, главный судья Владимирского приказа. Был сослан в Вятку за «ослушание» непосредственно с царской свадьбы 19 сентября 1624 г.

9. Андрей Васильевич (ум. 1611), боярин, воевода в Тобольске и Кашире. В монашестве — Дионисий. Убит в Москве поляками.

10. Иван Иванович (ум. 1654), боярин, воевода в Туле (1624), Казани и Астрахани, Главный судья Владимирской чети (1634—1640).

11. Андрей Андреевич (ум. 1638), боярин (1638), воевода в Тобольске в 1633—1635 гг. Является родоначальником всех существующих представителей рода князей Голицыных. От его четырех сыновей пошли четыре ветви этого рода, получившие по имени своих непосредственных родоначальников дополнительное (неофициальное) наименование: Васильевичей, Ивановичей, Алексеевичей и Михайловичей (см. схему).

Из первой ветви князей Голицыных (Васильевичей), см. фрагмент родословного древа, таблицу 8 [30], наиболее известны [30]:



13—1. Василий Андреевич (ум. 1652), боярин. Родоначальник первой (старшей) ветви князей Голицыных (Васильевичей).

4. Василий Васильевич (1643—1714), стольник и чашник (1658), государев возница (1666), главный стольник (1676), боярин (1676) при Царе Федоре Алексеевиче (получил от него крупные земельные пожалования).

В 1667—1677 и в 1680—1681 гг. был направлен на Украину, где участвовал в обороне южных границ Русского государства. В 1676—1680 гг.— начальник Пушкарского и Владимирского судного приказов. В 1682 г. комиссия выборных дворян, возглавляемая им, предложила отменить местничество. После стрелецкого восстания 1682 г., будучи сторонником Милославских и фаворитом Правительницы Царевны Софьи Алексеевны, он сосредоточил в своих руках руководство важнейшими государственными делами и до 1689 г. возглавлял различные Приказы [8, 154].



Князь Василий Васильевич Голицын.

В 1683 г. Василий Васильевич добился подтверждения Кардисского мирного договора 1661 г. со Швецией, а в 1686 г., проявив большое дипломатическое искусство, содействовал заключению выгодного для России мира с Польшей. В осуществление положений этого договора он организовал и возглавил два малоудачных похода против Крымского ханства 1687 и 1689 гг. Хотя до военного столкновения дело не дошло, но походы оказали косвенную помощь союзникам России и помешали татарам выступить против них [8, 30, 154].

После дворцового переворота 1689 г., в результате которого к власти пришло правительство Петра I, Василий Васильевич был лишен боярства, вотчин, поместий, всех привилегий (но не княжеского достоинства) и сослан в Архангельский край, где и умер [8, 30, 154].

Князь Василий Васильевич был одним из образованнейших людей своего времени и имел богатую библиотеку. Получив прекрасное домашнее образование, знакомый с немецким и греческим языками, в совершенстве владея латинским, Голицын ясно понимал основную задачу века — более тесное сближение с Западом, поэтому являлся сторонником расширения связей со странами Западной Европы. Как приближенный Царевны Софьи Алексеевны, он в глазах потомства получил незаслуженно низкую оценку своей деятельности. Видя его в числе врагов Петра, большинство привыкло воспринимать его как противника преобразовательного движения. На самом деле он был приверженцем реформ в европейском духе — покровительствовал иностранцам, был активным сторонником образования русского юношества за границей, хотел освободить крестьян от крепостной зависимости, завести постоянные посольства при европейских дворах, даровать религиозную свободу [154].

Тяжелой оказалась для князя Василия Васильевича и его потомства рука Петра I — старшая ветвь рода Голицыных не смогла дать в дальнейшем ни одного выдающегося представителя.

5. Алексей Васильевич (1665—1740), прозванный Императрицей Анной Иоанновной Кислицыным. Спальник Царя Федора Алексеевича, стольник, а затем комнатный стольник Царя Петра I Алексеевича (1682), боярин (1687), глава Новгородского приказа, член Посольского приказа (1687), наместник Новгородский и Великопермский (1688), он 11 ноября 1689 г. вместе с отцом был лишен боярства, званий (но не княжеского достоинства) и отправлен в ссылку, откуда возвращен в 1726 г. Будучи очень влиятельным лицом во времена могущества отца, он умер, однако, полупомешанным отшельником.

8. Михаил Васильевич (до 1689—ранее 1726), капитан-командор.

9. Михаил Алексеевич (1697—1775), внук Василия Васильевича,отставной майор. Был одним из образованнейших людей своего времени, но по возвращении на родину из заграничного путешествия ему пришлось много испытать от императорского самовластья: его развели со второй женой, немецкой баронессой, католичкой, на которой он женился в Гамбурге, обвинили в принятии католичества и даже наложили на него епитимью, которой он не подчинился. Затем он был взят ко Двору в качестве придворного шута (1738—1740) и назван *Квасником*. Вскоре его насильно женили на калмычке Евдокии Ивановне Буженинова, сыграв свадьбу в специально построенном «Ледяном доме», и наградили его новым прозвищем — *Самоедский Хан*. После смерти жены, простудившейся во время свадьбы, он женился в четвертый раз. С вступлением на Престол Иоанна VI Антоновича шуты были распущены и Михаил Алексеевич оставил придворную службу. Родившийся от брака с Евдокией Ивановной князь Андрей имел потомство, которое существовало до середины XX в.

11. Михаил Николаевич (1756—1827), тайный советник, Ярославский губернатор (1802—1816), почетный опекун Московского воспитательного дома.

17. Федор Андреевич (1806—1869), штабс-ротмистр Гусарского полка (1853), коллежский асессор (1856), почетный попечитель Владимирской гимназии (1851 —1853), предводитель дворянства (1836—1848).

24. Андрей Владимирович (1868—1922), расстрелян в Москве [кн. А. К- Голицын].

27. Константин Валерианович (1899—1924), умер в эмиграции в Брюсселе. Потомства не оставил [кн. А. К- Голицын].

28. Николай Андреевич (1905—1952), умер в эмиграции в Новой Зеландии [кн. А. К. Голицын].

29. Александр Николаевич (род. 1946). По сообщению князя А. К. Голицына, появился несколько лет назад в Европе как сын князя Николая Андреевича, но семейством князей Голицыных признан не был и объявлен самозванцем.

Из второй ветви князей Голицыных (Ивановичей), приведенных в таблице 9 [30], наиболее известны [30]:

Колено от Гедимина — **Князья Голицыны (вторая ветвь)** — *Таблица 9*

XIII — Иван Андреевич [14-1] ?—1690

XIV — Андрей [2] ?—после 1706; Иван Лоб [3] Большой ?—1686; Иван [4] Меньшой ?—1686

XV — Иван [5] ?—1741

XVI — Александр [6] 1710—1728; Сергей [7] 1711—1723

XVII — Николай [8] 1726—1751 (последний представитель)

14—1. Иван Андреевич (ум. 1690), стольник (1648), воевода в Новгороде (1655), боярин (1656). Родоначальник второй ветви.

2. Андрей Иванович (ум. не позднее 1706), стольник (1672), выборной сотни стольник (1675), боярин (1682), воевода в Казани в 1682 г. и в Киеве в 1683 г. В 1690 г. был лишен боярского звания и сослан вместе с женой. В 1692 г. прощен и вновь пожалован боярином. Дворовый воевода в 1694 г.

3. Иван Иванович Большой (ум. 1686), по прозвищу Лоб, стольник (1676), спальник Царевича Петра Алексеевича (1681), боярин (1685) и Казанский воевода (1685).

4. Иван Иванович Меньшой (ум. 1686), стольник (1676), спальник (1683) и комнатный стольник, боярин (1686).

8. Николай Александрович (1726—1751), гвардии подпрапорщик. Последний представитель второй линии, угасшей с его смертью.

Из третьей ветви князей Голицыных (Алексеевичей), см. таблицу 7, наиболее известны [30]:

15. Алексей Андреевич (1632—1694), «ближний человек» (ок. 1651), чашник (1652), стольник (1658), боярин (1658), воевода в Тобольске в 1664—1667 и в 1681—1683 гг. и в Киеве в 1676 г. Имел титул Наместника Болгарского. Родоначальник третьей ветви, самой многочисленной.

18. Борис Алексеевич (1654—1714), комнатный стольник (1676), кравчий (1682), судья Астраханского и Казанского приказов (1683), боярин с 1689 г., последним из князей Голицыных получивший это звание, один из главнейших инициаторов провозглашения Царем Петра после смерти Царя Федора Алексеевича. В 1689 г. активно способствовал победе партии Нарышкиных над Царевной Софьей Алексеевной и приходу к власти Петра I, дядькой-воспитателем которого он был. После свержения Правительницы он вместе со Львом Кирилловичем Нарышкиным, дядей молодого Царя, управлял всеми делами государства во время заграничных путешествий Петра, сопровождал его в обеих поездках на Белое море (1694—1695). В 1698 г. был в числе следователей по делу о восстании стрельцов. После восстания в Астрахани в 1705—1706 гг. положение князя пошатнулось в связи с тем, что город находился на подведомственной ему территории, а он не



Князь Борис Алексеевич Голицын.

смог своевременно предотвратить народные волнения. За год до смерти постригся в монахи под именем Боголепа [8, 30, 154].

21. Петр Алексеевич (1660—1722), комнатный стольник Царя Петра, посланный обучаться за границу. Он единственный из князей Голицыных был подвергнут пытке (1697). Первый по времени русский посол в Вене (1705—1707). Кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного (1710), сенатор (1711), наместник Архангельский, Рижский и Киевский, президент Коммерц-коллегии.

22. Федор Алексеевич (1668—1736), стольник, ближний комнатный стольник (1684) Царя Иоанна V Алексеевича, посланный впоследствии Петром I учиться за границу, генерал-майор (1718), затем адмиралтейств-инспектор.

Из третьей ветви (первой линии) князей Голицыных (Алексеевичей), см. таблицу 10 [30], родоначальником которой был внук князя Алексея Андреевича, князь Алексей Борисович, наиболее известны [30]:

3. Сергей Алексеевич (1695—1758), член Монетной канцелярии в Москве (1735), тайный советник (1743), Московский губернатор (1758).

8. Петр Яковлевич (1719—1767), генерал-майор.

12. Александр Николаевич (1773—1844), камергер (1795), обер-прокурор Святейшего Синода (1803), министр Духовных дел и народного просвещения (1817—1824), главноуправляющий над Духовным департаментом (1820), действительный тайный советник I класса (1823), член Государственного Совета с 1810 г. и его председатель в 1838—1841 гг., член Российской Академии наук с 1817 г., кавалер всех Российских орденов.

Он был личным другом Великого князя Александра Павловича, будущего Императора Александра I. Мать Голицына рано овдовела и, вступив во второй брак, отправила сына в Петербург учиться, поручив его попечению своей приятельницы, известной камер-фрау Екатерины II, Марии Саввишны Перекусихиной, которая представила живого и бойкого мальчика Императрице. Последней он понравился и был определен в число пажей, а по праздникам он играл во дворце с Великими князьями Александром и Константином Павловичами. С этого времени завязалась у него дружба со старшим внуком Екатерины II. С приходом на Престол Павел I первое время благоволил к Голицыну, но вскоре тот навлек на себя опалу, был уволен от службы при Дворе Великого князя и получил повеление выехать из Петербурга в Москву [30, 154].

После воцарения Александра I Александр Николаевич в 1805 г. был назначен обер-прокурором Святейшего Синода. Он принял этот пост при условии личного доклада Императору по синодальным делам, чего прежде никогда не было.



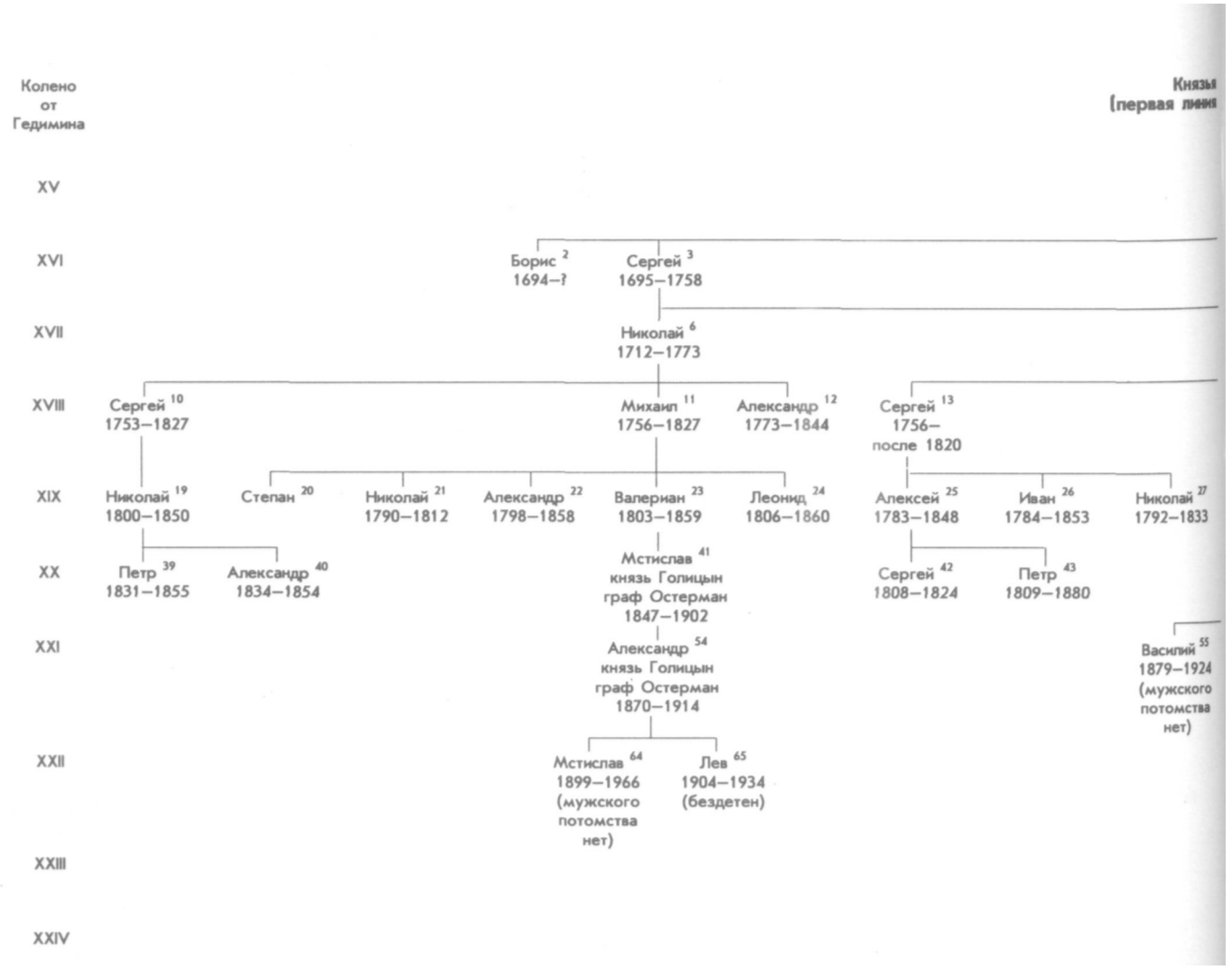
Князь Александр Николаевич Голицын.

С этого времени началось его увлечение религией и мистикой, достигшее апогея в годы руководства им (с 1813 г.) Российским Библейским обществом [154].

Каких-либо улучшений и нововведений в области народного просвещения при нем не было сделано. Правда, в его время были открыты Ришельевский лицей в Одессе и университет в Петербурге. Он также стремился открывать народные училища. В светском обществе на Александра Николаевича смотрели как на человека благочестивого, почти святого, но его мистицизм восстановил против него высшее православное духовенство. Вследствие интриг А. А. Аракчеева и архимандрита Фотия Голицын получил отставку со всех занимаемых постов, кроме должности главноначальствующего над Почтовым департаментом. Личной дружбы Император Александр I его никогда не лишал и даже посвятил в тайну отречения от престола Великого князя Константина Павловича [8, 154].

С переходом Престола к Николаю I Александр Николаевич не утратил своего прежнего привилегированного положения при Дворе: был осыпан милостями, назначен канцлером Российских орденов (1830); когда Государь и Государыня вместе уезжали из Петербурга, они оставляли на его попечении свое семейство. В 1843 г. он подал в отставку и в следующем году умер [8, 154].

23. Валериан Михайлович (1802—1859), декабрист, лишенный княжеского достоинства с 10 июня 1826 г. по 26 августа 1856 г. Поручиком (1823) он в 1824 г. поступил в департамент внешней торговли и был переименован в титулярного советника. Камер-юнкер с 1825 г. Член Северного общества с 1823 г. Арестован



23 декабря 1825 г. Приговорен к ссылке в Сибирь на поселение навечно. В августе 1826 г. срок был сокращен до 20 лет. В 1829 г. отправлен рядовым на Кавказ. Произведен в прапорщики и в 1835 г. по болезни переведен в Астрахань, где ему было разрешено перейти на гражданскую службу. Уволен по болезни с назначением жить в Орле под секретным надзором. В 1839 г. получил разрешение переехать в имение сестры, а в 1842 г. — в Москву, для вступления в брак. С 1853 г. жил под надзором в Москве. В 1856 г. освобожден от надзора с возвращением княжеского титула. Умер от холеры [42].

22. Александр Михайлович (1798—1858). Арестован по подозрению, но следствием было установлено, что членом тайных обществ он не был, хотя знал о их существовании. Освобожден 20 апреля 1826 г. Впоследствии занимал должность почт-директора в Царстве Польском в чине действительного статского советника [42].

24. Леонид Михайлович (1806—1860), действительный статский советник, камергер.

34. Николай Яковлевич (1788—1850), генерал-лейтенант (при отставке), командующий гвардейской Кирасирской дивизией. Кавалер ордена св. Георгия 4-й степени.

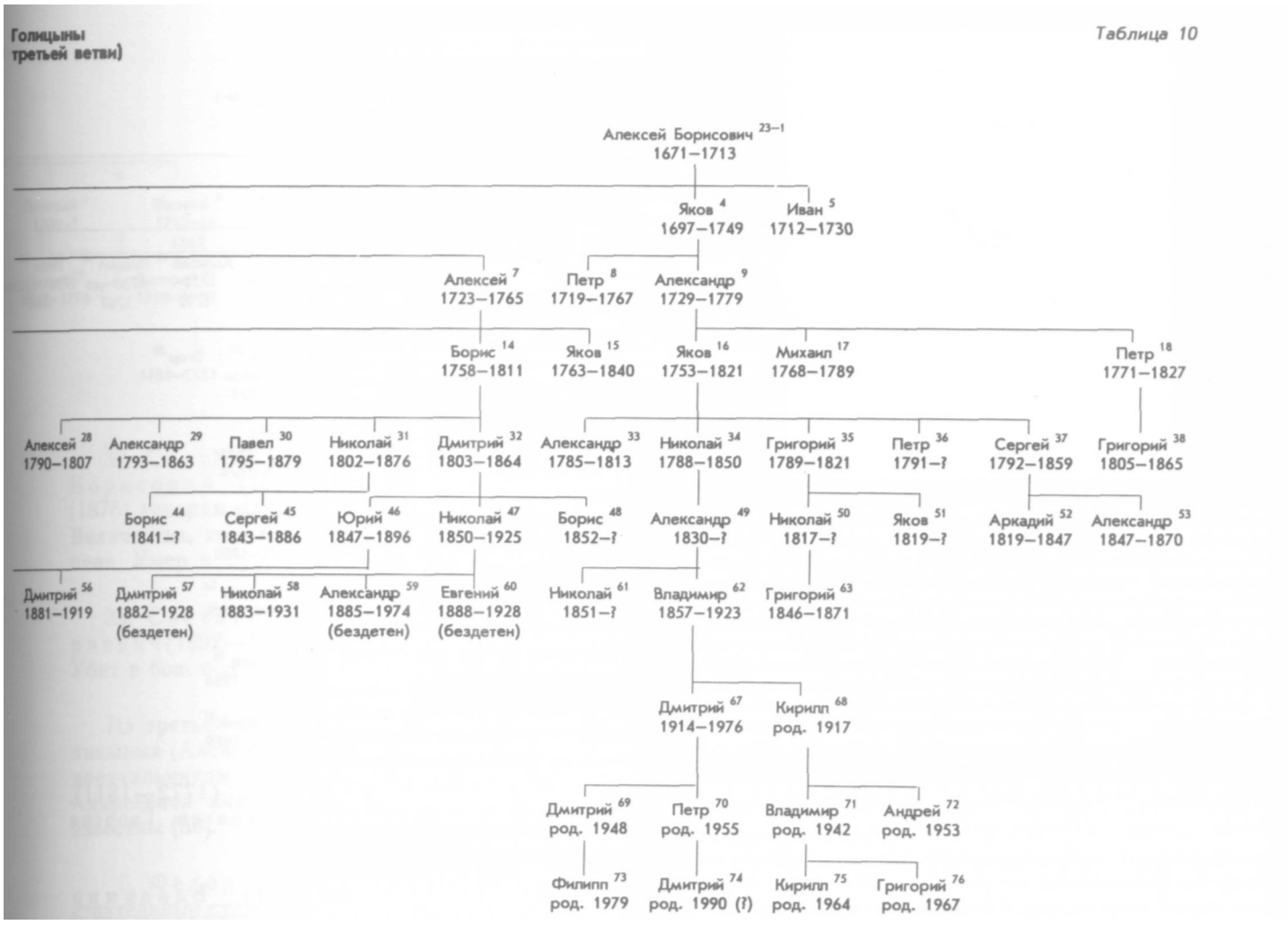
41. Мстислав Валерианович, князь Голицын граф Остерман (1847—1902), отставной майор, преемник (с 21 мая 1863 г.) фамилии, а также майората графа Остермана-Толстого, учрежденного по ходатайству графа Федора Андреевича Остермана 27 октября 1796 г.

Герб князя Голицына графа Остермана внесен в «Общий Гербовник», часть XII, под № 8 [104].

47. Николай Дмитриевич (1850—1925), комиссар по крестьянским делам Кольненского уезда Ломжинской губернии, Архангельский вице-губернатор (1881), вице-директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (1884) [30]. С 1885 по 1903 г. последовательно занимал посты Архангельского, Калужского и Тверского губернатора. С 1903 г. сенатор, с 1915 г. — член Государственного Совета и председатель Комиссии по оказанию помощи русским военнопленным. Последний председатель Совета Министров Российской Империи (с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г.). Был близок к Императрице Александре Федоровне. После февральской революции 1917 г. отошел от политической деятельности [8].

Голицыны
третьей ветви)

Таблица 10





Герб князя Голицына графа Остермана.

Щит четырехчастный, увенчанный тремя шлемами. В первой и четвертой частях щита .герб князей Голицыных. Во второй и третьей частях —герб графов Остерман: щит, разделенный горизонтально на две части лазоревой полосой, на которой три звезды о шести лучах; в верхней части в серебряном поле возникающий российский коронованный орел; в нижней части в золотом поле пальмовое дерево. Щитодержатели два страуса. Девиз: «Nee sol, nee frigora mutant». *(<Ни жар, ни холод не изменяют».)* Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

56. Дмитрий Юрьевич (1881 — 1919), офицер белой армии. Погиб в бою [кн. А. К. Голицын].

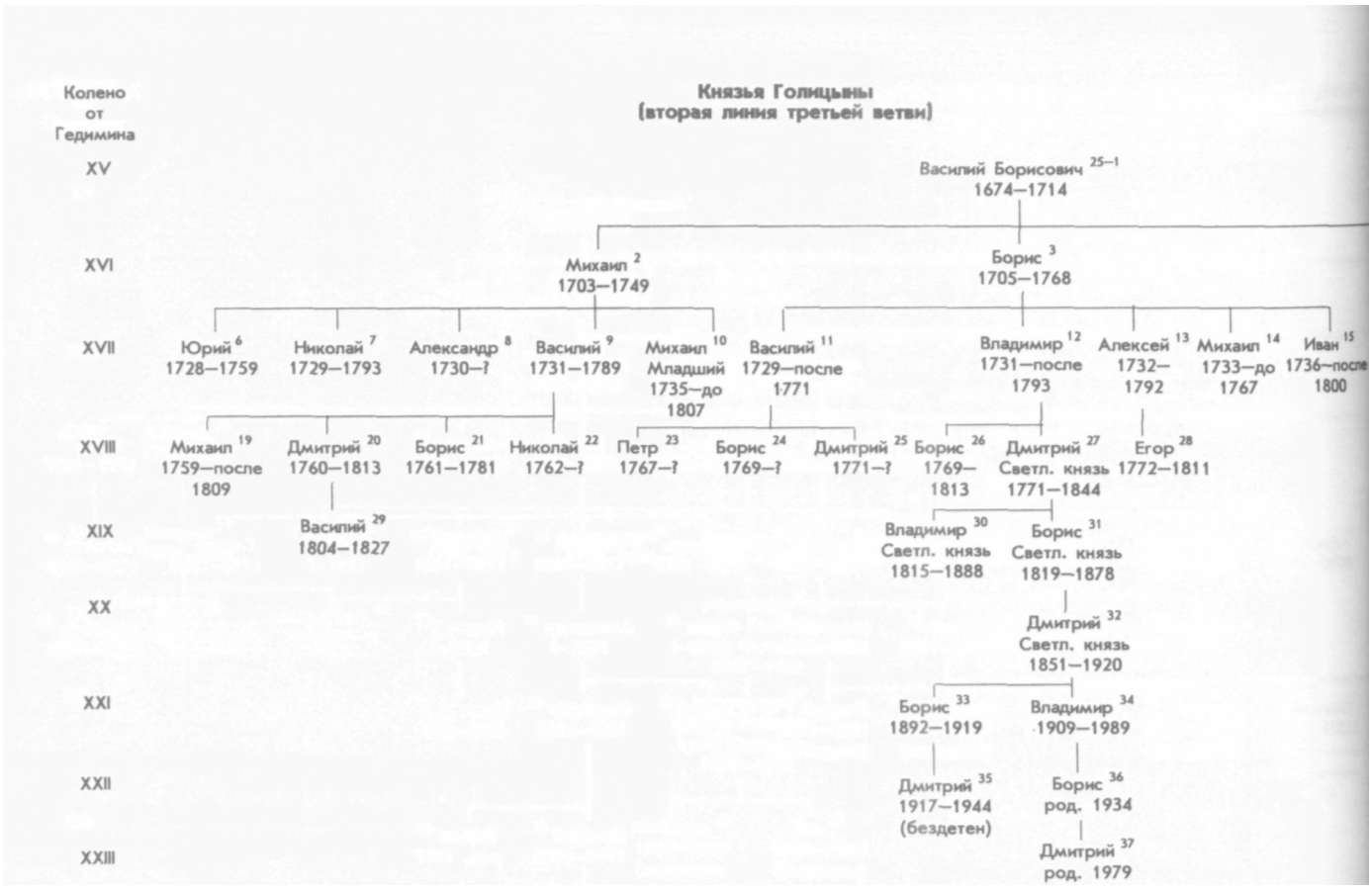
58. Дмитрий Николаевич (1883—1931). По семейным сведениям, арестован НКВД и расстрелян на Соловках [кн. А. К- Голицын].

68. Кирилл Владимирович (род. 1917). Живет в Нью-Йорке. Директор Толстовского фонда [кн. А. К. Голицын].

Из третьей ветви (второй линии) князей Голицыных (Алексеевичей), см. таблицу 11 [30], родоначальником которой был внук князя Алексея Андреевича князь Василий Борисович, наиболее известны [30]:

2. Михаил Васильевич (1703—1749), действительный камергер (1742), действительный статский советник.

3. Борис Васильевич (1705—1768), адмирал (1762), генерал-фельдцейхмейстер, потом генерал-кригс-комиссар флота.



10. Михаил Михайлович Младший Чепура (1735—до 1805), генерал-майор, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени.

13. Алексей Борисович (1732—1792), генерал-майор. Московский уездный предводитель дворянства.

26. Борис Владимирович (1769—1813), полковник лейб-гвардии Семеновского полка (1796), генерал-лейтенант (1812). Умер от ран.

27. Дмитрий Владимирович (1771—1844), Светлейший князь с 1841 г., генерал-от-кавалерии (1814), кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного (1825), орденов св. Георгия 3-й и 4-й степеней. Вместе со старшим братом Борисом был отправлен в Страсбург, в Военную Академию, где провел 6 лет. В 1794 г. участвовал в штурме Праги (предместье Варшавы). В 1806 г., когда началась вторая война с Наполеоном, он, командуя дивизией, выдержал 14 октября бой против французов, затем во главе конницы левого крыла русской армии сражался под Прейсиш-Эйлау и Фридландом. В 1812 г., получив от М. И. Кутузова командование над всей конницей 2-й армии, принимал участие в сражении под Бородиным и в других боях Отечественной войны, а затем в Заграничных походах 1813—1814 гг. В 1820 г. был назначен генерал-губернатором Москвы и на этой должности отличился просвещенной и плодотворной деятельностью. В 1821 г. назначен членом Государственного Совета, а в 1841 г. ему с нисходящим потомством присвоен титул Светлости [30, 154].

28. Егор Алексеевич (1772—1811), генерал-майор, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени.

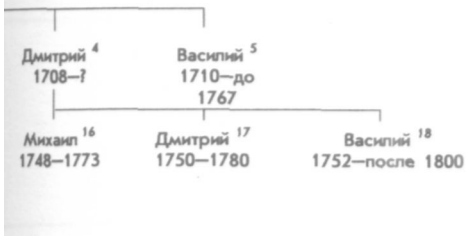
30. Светлейший князь Владимир Дмитриевич (1815—1888), генерал-адъютант (1864), генерал-от-кавалерии, обер-шталмейстер (1877), кавалер ордена св. Александра Невского с алмазами (1874).

31. Светлейший князь Борис Дмитриевич (1819—1878), генерал-адъютант (1869), генерал-лейтенант, член Редакционных комиссий (1859).



Светлейший князь
Дмитрий Владимирович Голицын.

Таблица 11



32. Светлейший князь Дмитрий Борисович (1851—1920), флигель-адъютант (1876), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени. Умер в Турции [кн. А. К. Голицын].

33. Светлейший князь Борис Дмитриевич (1892—1919). Участник белого движения. Убит в бою под Царицыным [кн. А. К. Голицын].

Из третьей ветви (третьей линии) князей Голицыных (Алексеевичей), см. таблицу 12 [30], родоначальником которой был внук князя Алексея Андреевича князь Сергей Борисович, наиболее известны [30]:

5. Федор Сергеевич (1714—1776), действительный статский советник, председатель Ямской канцелярии.

10. Борис Сергеевич Младший (1735—после 1793), бригадир, затем действительный статский советник.

11. Сергей Федорович (1749—1810), генерал-от-инфантерии (1801), член Государственного Совета (1810), кавалер орденов св. апостола Андрея Первозванного, св. Георгия 2-й и 4-й степеней, св. Владимира 1-й степени, св. Александра Невского, св. Станислава, Белого Орла.

17. Николай Васильевич (1761—после 1824), действительный статский советник (1824), главный надзиратель Петербургского Воспитательного дома.

18. Петр Васильевич (1763—?), генерал-майор, затем действительный статский советник.

21. Григорий Сергеевич (1779—1848), прапорщик гвардии со дня рождения, крестник Императрицы Екатерины II и князя Г. А. Потемкина, флигель-адъютант (1797), управляющий Канцелярией Императора Павла I в возрасте 19 лет. Действительный камергер (1801), тайный советник, Пензенский губернатор (1801 —1816), сенатор.



Княгиня Наталья Петровна Голицына (1741 —1837), дочь графа Петра Григорьевича Чернышева, супруга бригадира князя Владимира Петровича Голицына, мать Светлейшего князя Д. В. Голицына. Одна из самых примечательных фигур великосветского Петербурга времен Пушкина. В молодых годах много путешествовала, долго жила в Париже при дворе Людовика XVI. Она послужила прототипом старой графини в «Пиковой даме». В своем дневнике, от 7 апреля 1834 г., А. С. Пушкин писал: «Моя Пиковая Дама в большой моде — игроки понтируют с тройки, семерки и туза. При Дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной и кажется не сердятся» [27а, 95а].

22. Федор Сергеевич (1781 — 1826), камергер, егермейстер, начальник егермейстерской конторы (1818—1825). Женился в 1809 г. на княжне Анне Александровне Прозоровской, которой, «как последней в роде», 10 ноября 1852 г. было разрешено передать фамилию князей Прозоровских своему старшему сыну князю Александру Федоровичу с нисходящим потомством.

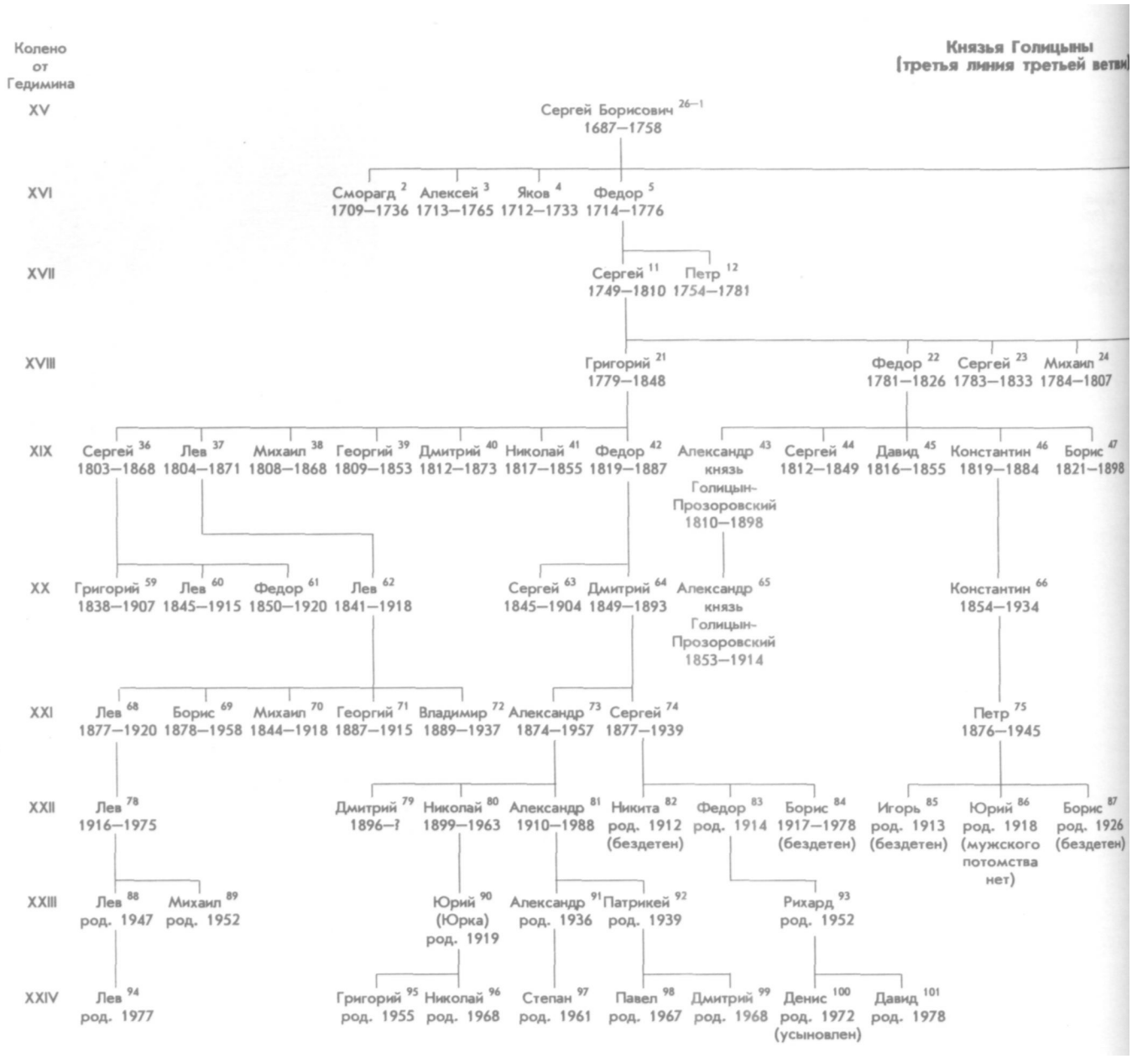
23. Сергей Сергеевич (1783—1833), флигель-адъютант (1806—1808), генерал-майор, егермейстер (1830).

26. Александр Сергеевич Золотой (1789—1854), генерал-майор, Калишский военный губернатор и пограничный комиссар на границе с Пруссией.

27. Василий Сергеевич (1792—1856), командир казачьего полка (1813), камергер (1821), действительный статский советник.

28. Владимир Сергеевич (1794—1861), по прозвищу Центральный, флигель-адъютант (1817—1825), действительный статский советник, командир центра Кавказской армии в 1840-х гг., генерал-майор (1847), тайный советник (1849).

30. Николай Николаевич (1796—1860), действительный статский советник, камергер, председатель Московского цензурного комитета, писатель.



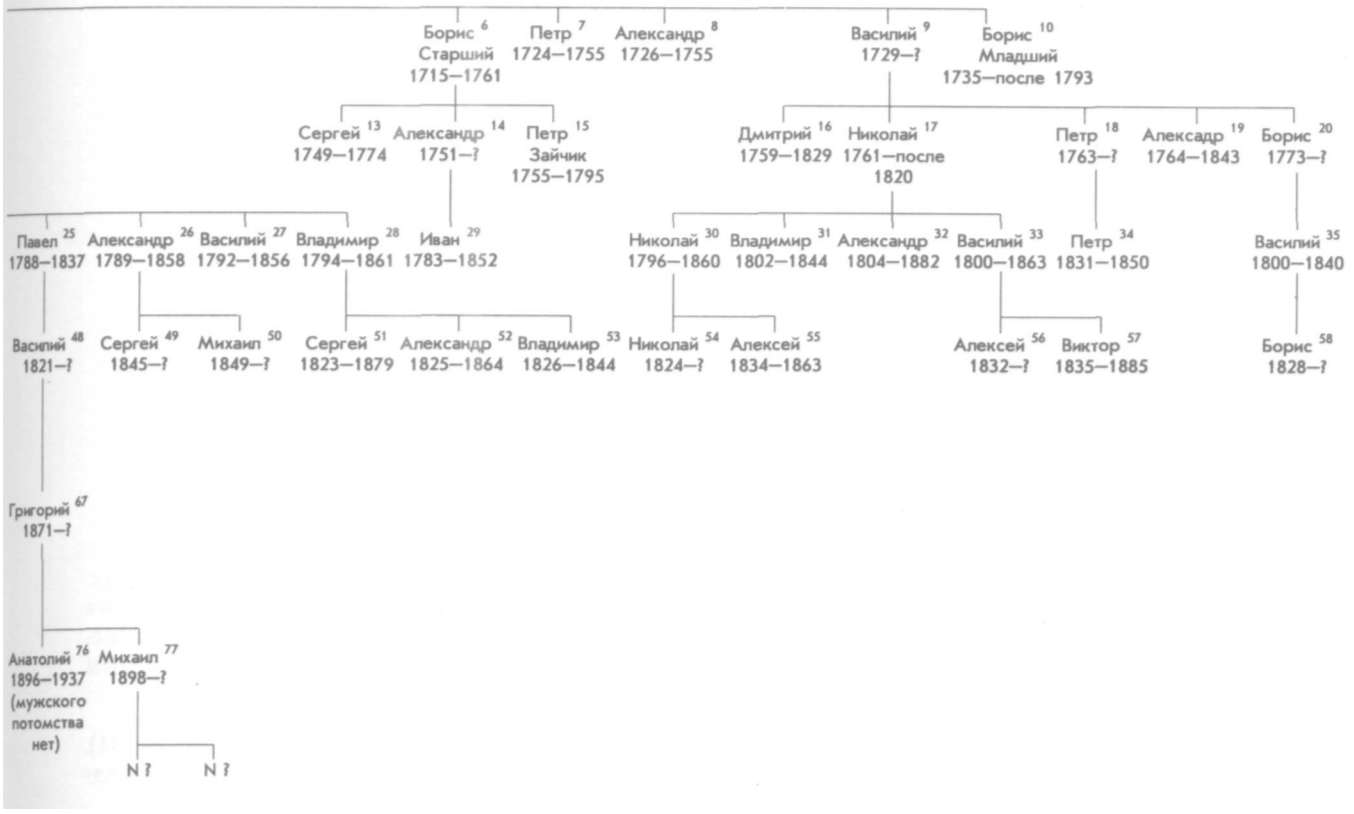


Князь Григорий Сергеевич Голицын.



Княгиня Екатерина Ивановна Голицына (1784—1824), урожденная Соллогуб, супруга князя Г. С. Голицына.

Таблица 12



33. Василий Петрович Рябчик (1800—1863), действительный статский советник (1846), камергер (1838), Харьковский губернский предводитель дворянства (1841 — 1852).

42. Федор Григорьевич (1819—1887), действительный статский советник (1869), камергер (1869), уездный, потом губернский предводитель дворянства в Харькове. Музыкант-любитель



Князь Сергей Сергеевич Голицын.



Князь Александр Сергеевич Голицын «Золотой».



Князь Василий Сергеевич Голицын.



Князь Владимир Сергеевич Голицын «Центральный».

43. Александр Федорович Голицын-Прозоровский (с 10 ноября 1852 г.) (1810—1898), командир лейб-гвардии Конногренадерского полка, флигель-адъютант (1843), Свиты Его Величества генерал-майор (1849), генерал-лейтенант (1857).

47. Борис Федорович (1821 —1898), флигель-адъютант (1856), Свиты Его Величества генерал-майор (1861), генерал-лейтенант (1873), потом тайный советник и обер-егермейстер.

49. Сергей Александрович, действительный статский советник (1891), первый секретарь посольства в Париже (1876—1900), Воронежский вице-губернатор.

57. Виктор Васильевич (1835—1885), ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, Ахтырский уездный предводитель дворянства (1869), в должности шталмейстера (1876), помощник управляющего делами временного отдела Министерства государственных имуществ по устройству государственных крестьян, вице-директор корпуса лесничих (1877), действительный статский советник (1878).

59. Григорий Сергеевич (1838—1907), генерал-от-инфантерии (1894), член Государственного Совета (1893), командир лейб-гвардии Финляндского полка (1871 —1876), Наказной атаман Уральского войска и военный губернатор Уральской области (1876—1884), сенатор и почетный опекун (1885). Во время неурожая 1892 г. был командирован в Тобольск с большими полномочиями [2, 30].

62. Лев Львович (1841—1918), действительный статский советник, в должности егермейстера двора, Саратовский губернский предводитель дворянства (1887—1894). В 1861 г. поступил унтер-офицером в лейб-гвардии Эриванский полк. За отличия в боях награжден «Знаком отличия военного ордена» 4-й степени. С 1869 г. в отставке. С 1873 по 1875 г. был Балашевским уездным предводителем дворянства [2].

63. Дмитрий Федорович (1849—1904), действительный статский советник, уездный предводитель дворянства, камергер.

65. Александр Александрович князь Голицын-Прозоровский (1853—1914), генерал-лейтенант [кн. А. К. Голицын].

66. Константин Константинович (1854—1934), офицер Нарвского гусарского полка [кн. А. К- Голицын].

67. Григорий Васильевич (1871—?), офицер лейб-гвардии Преображенского полка [кн. А. К- Голицын].



Князь Иван Федорович Голицын.



Князь Дмитрий Федорович Голицын.



Князь Александр Дмитриевич Голицын.



Князь Сергей Дмитриевич Голицын (1877—1939).



Князь Григорий Сергеевич Голицын.

68. Лев Львович (1877—1920). Умер в тюрьме в Сибири от тифа [кн. А. К. Голицын].

72. Владимир Львович (1889—1937). Расстрелян [кн. А. К- Голицын].

73. Александр Дмитриевич (1874—1957), церемониймейстер. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1896 г. В 1900 г. был избран председателем Харьковской уездной управы и в том же году — Харьковским уездным предводителем дворянства. С началом русско-японской войны 1904—1905 гг. занялся организацией лазаретов Красного Креста. С 1905 г., до избрания в члены III Государственной думы, был председателем Харьковской губернской земской управы. Один из основателей «Союза 17 октября» [112].

76. Анатолий Григорьевич (1896—1937), офицер Сумского гусарского полка. Репрессирован и расстрелян [кн. А. К. Голицын].

77. Михаил Григорьевич (1898—?), офицер Эриванского гренадерского полка [кн. А. К. Голицын].

Из третьей ветви (четвертой линии) князей Голицыных (Алексеевичей), см. таблицу 13 [30], родоначальником которой был сын князя Алексея Андреевича князь Иван Алексеевич, наиболее известны [30]:

2. Федор Иванович (1700—1759), генерал-майор.

4. Николай Федорович (1728—1780), генерал-поручик.

5. Иван Федорович (1731—1798), генерал-от-инфантерии (1796), генерал-адъютант (1761).



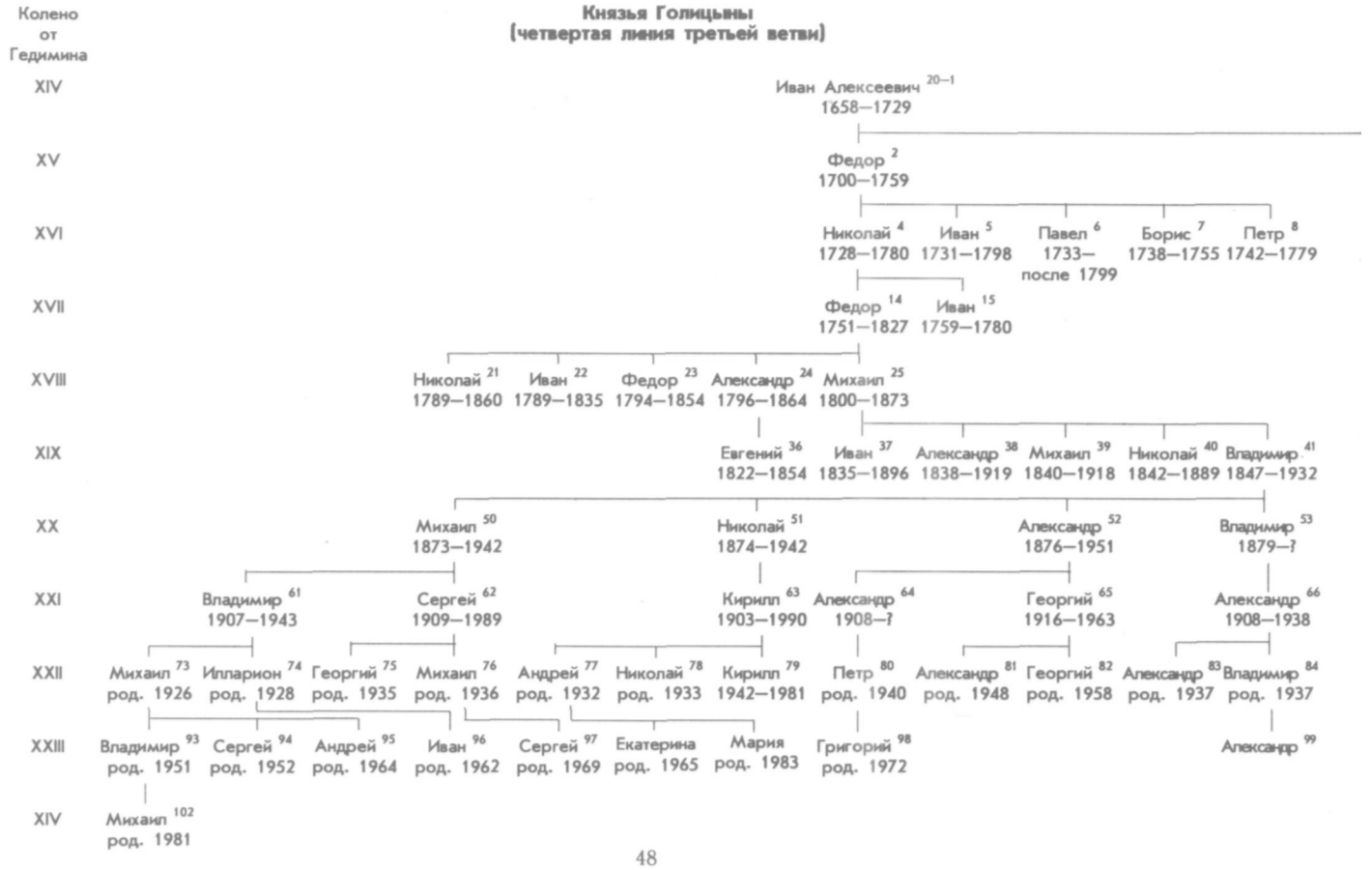
Княгиня Надежда Ивановна Голицына (1737—1807).



Князь Федор Николаевич Голицын.

10. Петр Алексеевич (1731—1810), действительный тайный советник и обер-егермейстер (1782—1801), кавалер ордена св. апостола Андрея Первозватюго.

12. Дмитрий Алексеевич (1734—1803), полковник, потом тайный советник, камергер, посол в Париже (1762—1768), Турине (1782), Гааге (1768—1798), ученый и писатель, автор книг и статей по естествознанию, философии и политической экономии, почетный член Петербургской Академии наук и ряда иностранных академий и научных обществ, член Вольного экономического общества в Петербурге, друг Вольтера, Дидро и других французских просветителей. По своим философским взглядам примыкал к материалистам XVIII в. После Великой французской революции он защищал физиократизм от обвинения в том, что он лег в основу экономической политики французской революции. Полагал, что земля должна быть в неприкосновенной собственности дворян-помещиков. Считал возможным отпустить крестьян на волю за высокие выкупные платежи, без надела землей. При этом арендатором поме-





Княгиня Варвара Ивановна Голицына (17...—1804).

щичьей земли явились бы богатые крестьяне, эксплуатирующие безземельных односельчан. Такое предложение объективно открывало некоторый простор развитию буржуазных отношений в условиях крепостного строя. Умер в Гааге [8, 30].

14. Федор Николаевич (1751—1827), камергер, тайный советник (1795), куратор Московского университета (1795—1803).

24. Александр Федорович (1796—1864), действительный тайный советник (1856), член Государственного Совета (1852), член Комитета призрения заслуженных чинов, статс-секретарь по принятию прошений (1838), камергер, кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного.

25. Михаил Федорович (1800—1873), шталмейстер, тайный советник (1859), почетный попечитель и главный директор Московской Голицынской больницы (1859—1873), Богородский (1842) и Звенигородский (1848—1854) уездный предводитель дворянства.

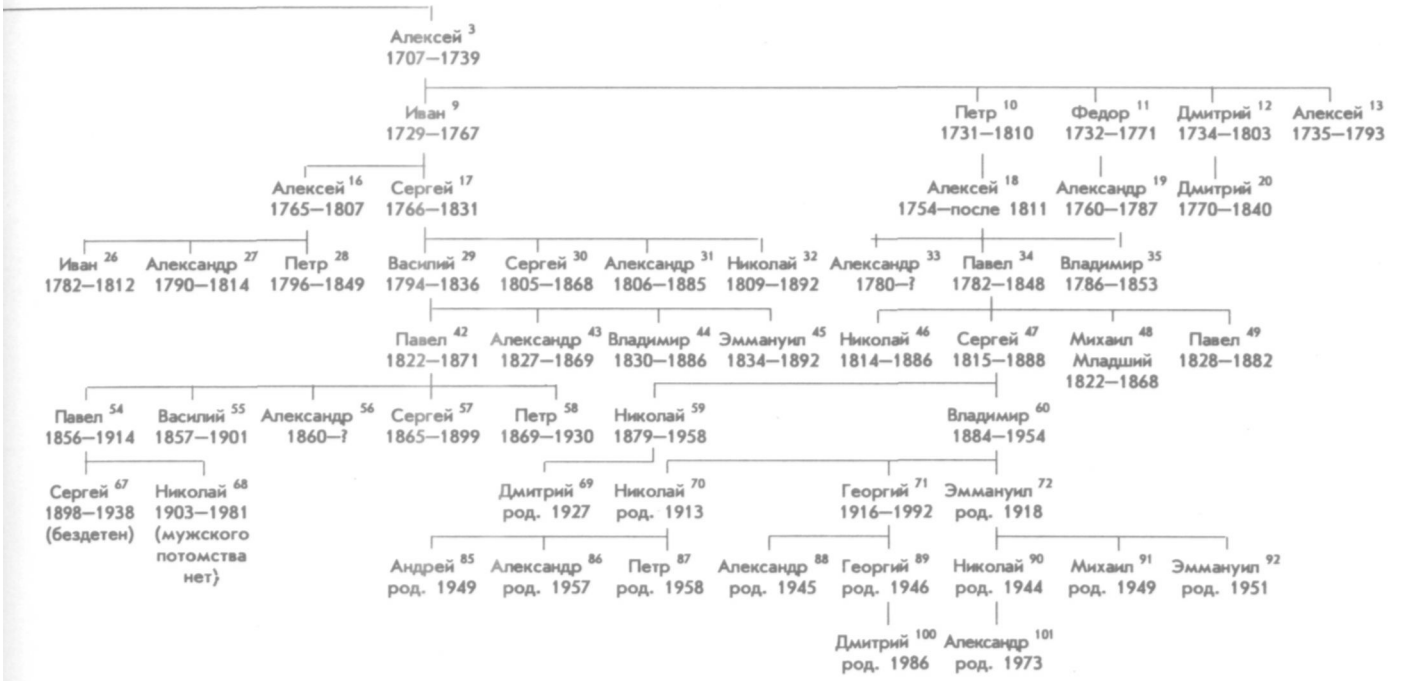
Арестован по подозрению в принадлежности к декабристам. Следствием установлено, что членом тайных обществ он не был, но знал о их существовании. 2 июня 1826 г. освобожден из-под стражи без последствий [42].

30. Сергей Сергеевич (1805—1868), генерал-лейтенант артиллерии, инспектор оружейных заводов (до 1858).

31. Александр Сергеевич (1806—1885), генерал-майор артиллерии при Кавказской армии (1854), в отставке — генерал-лейтенант.

32. Николай Сергеевич (1809—1892), военный историк, генерал-от-инфантерии, член Шведской Академии военных наук. Окончил Царскосельский лицей и с 1826 г. служил в Гвардейском генеральном штабе. Участвовал в русско-турецкой войне (1828—1829) и подавлении Польского восстания (1830—1831). С 1838 по

Таблица 13





Князь Михаил Михайлович Голицын.

1847 г. начальник кафедры стратегии и военной истории Военной Академии. За это время написал изданную позже «Всеобщую военную историю» — капитальный труд, содержащий огромный фактический материал. С 1850 г. член Военно-цензурного и Военно-ученого комитетов Главного штаба. В 1852—1855 гг. редактор газеты «Русский инвалид». В 1857—1864 гг. руководитель военно-статистическими работами офицеров Генерального штаба [8, 30].

34. Павел Алексеевич (1782—1848), действительный статский советник (1830), камергер.

37. Иван Михайлович (1835—1896), гофмейстер при Дворе Императрицы Марии Федоровны с 1883 г., почетный секретарь при ордене св. Екатерины, тайный советник [2, 30].

38. Александр Михайлович (1838—1919), в должности гофмейстера [кн. А. К. Голицын].

39. Михаил Михайлович (1840—1918), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, гофмейстер, заведующий Двором Великой княгини Марии Павловны [кн. А. К. Голицын].

41. Владимир Михайлович (1847—1932), действительный статский советник (1888), камергер, Московский вице-губернатор, а с 1887 г. гражданский губернатор. Московский городской голова в 1896—1905 гг. [кн. А. К. Голицын].

42. Павел Васильевич (1822—1871), действительный статский советник (1864), председатель придворной Конюшенной конторы, шталмейстер.

47. Сергей Павлович (1815—1888), генерал-адъютант (1874), генерал-от-инфантерии, член Главного военно-госпитального комитета (1878), член Редакционных комиссий (1859—1860).

48. Михаил Павлович Младший (1822—1863), генерал-адъютант (1866), вице-адмирал, директор департамента Морского министерства.

50. Михаил Владимирович (1873—1942), Епифанский предводитель дворянства [кн. А. К. Голицын].

51. Николай Владимирович (1874—1942), историк, директор Государственного архива Министерства иностранных дел [кн. А. К- Голицын].

57. Сергей Павлович (1864—1899), церемониймейстер двора.

60. Владимир Михайлович (1901 — 1943), художник. За 1925—1941 гг. проиллюстрировал около сорока книг, работая в журналах «Всемирный следопыт», «Пионер» и др. В ноябре 1941 г. был арестован в г. Дмитрове и умер от истощения в лагере г. Свияжска — города, основанного его предками [32].

61. Сергей Михайлович (1909—1989), инженер по образованию. Во время Великой Отечественной войны служил в строительных частях армии и дошел до Берлина. Награжден боевыми орденами и медалями. После демобилизации (1946) работал инженером-геодезистом. Детский писатель, автор 12 книг [32].

66. Александр Владимирович (1908—1938), актер. Выступал под псевдонимом «Алветов». Арестован и расстрелян [кн. А- К. Голицын].



Князь Михаил Владимирович Голицын
и Анна Сергеевна Лопухина (1900—1972).



Князь Андрей Кириллович Голицын.

67. Сергей Павлович (1898—1938), актер. Выступал под псевдонимом «Галич». Арестован и расстрелян [кн. А. К. Голицын].

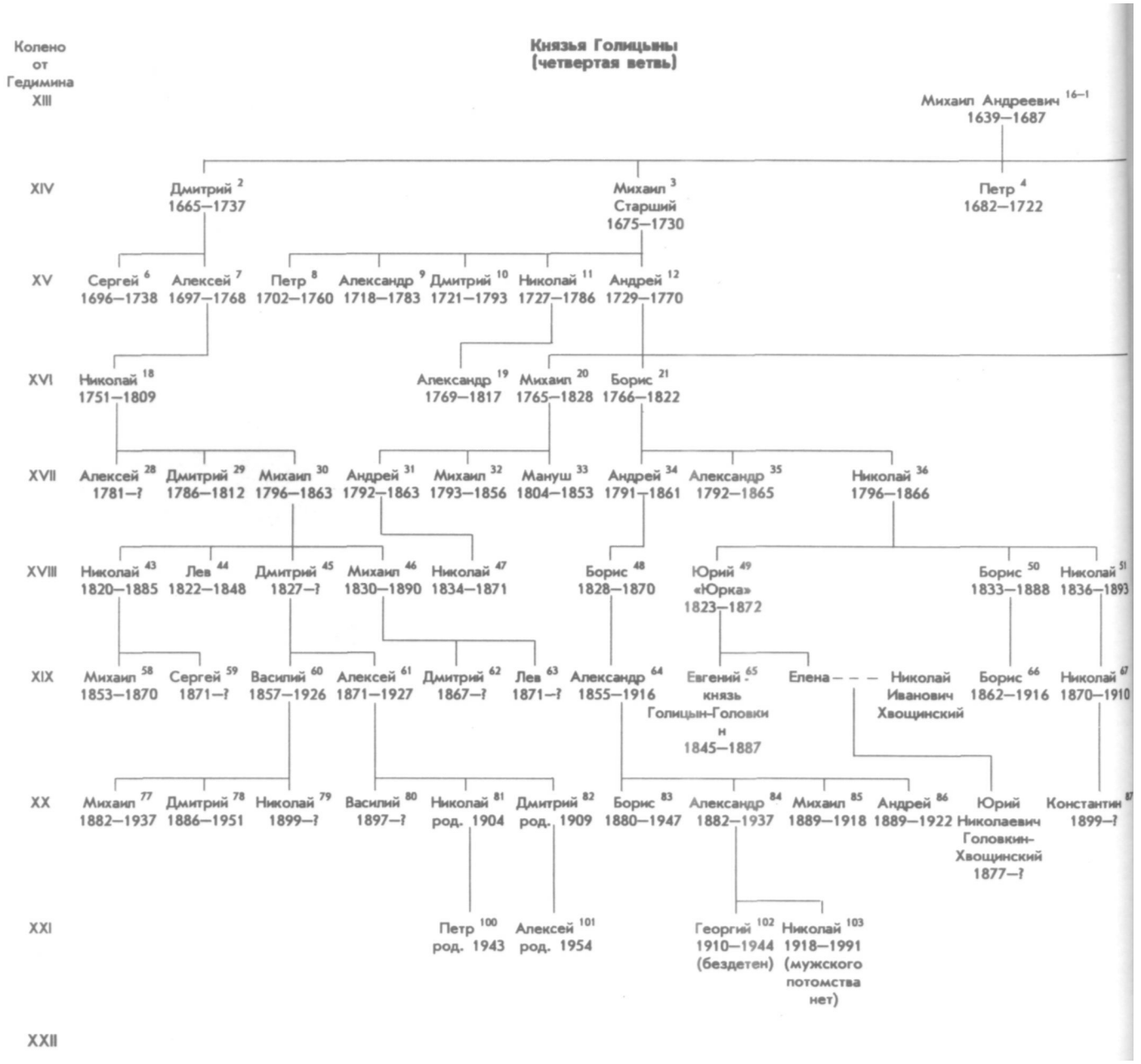
77. Андрей Кириллович (род. 1932), предводитель Российского Дворянского собрания с 1990 г., личный представитель в России Главы Российского Императорского Дома.

Из четвертой ветви князей Голицыных (Михайловичей), см. таблицу 14 [30], наиболее известны [30]:

16—1. Михаил Андреевич (1639—1687), стольник (1658), чашник (1668), комнатный стольник (1678), воевода в Белозерске и Смоленске (1674—1675), в Киеве (1678—1679) и в Курске (1682). Боярин (1686). Родоначальник самой знатной ветви князей Голицыных.

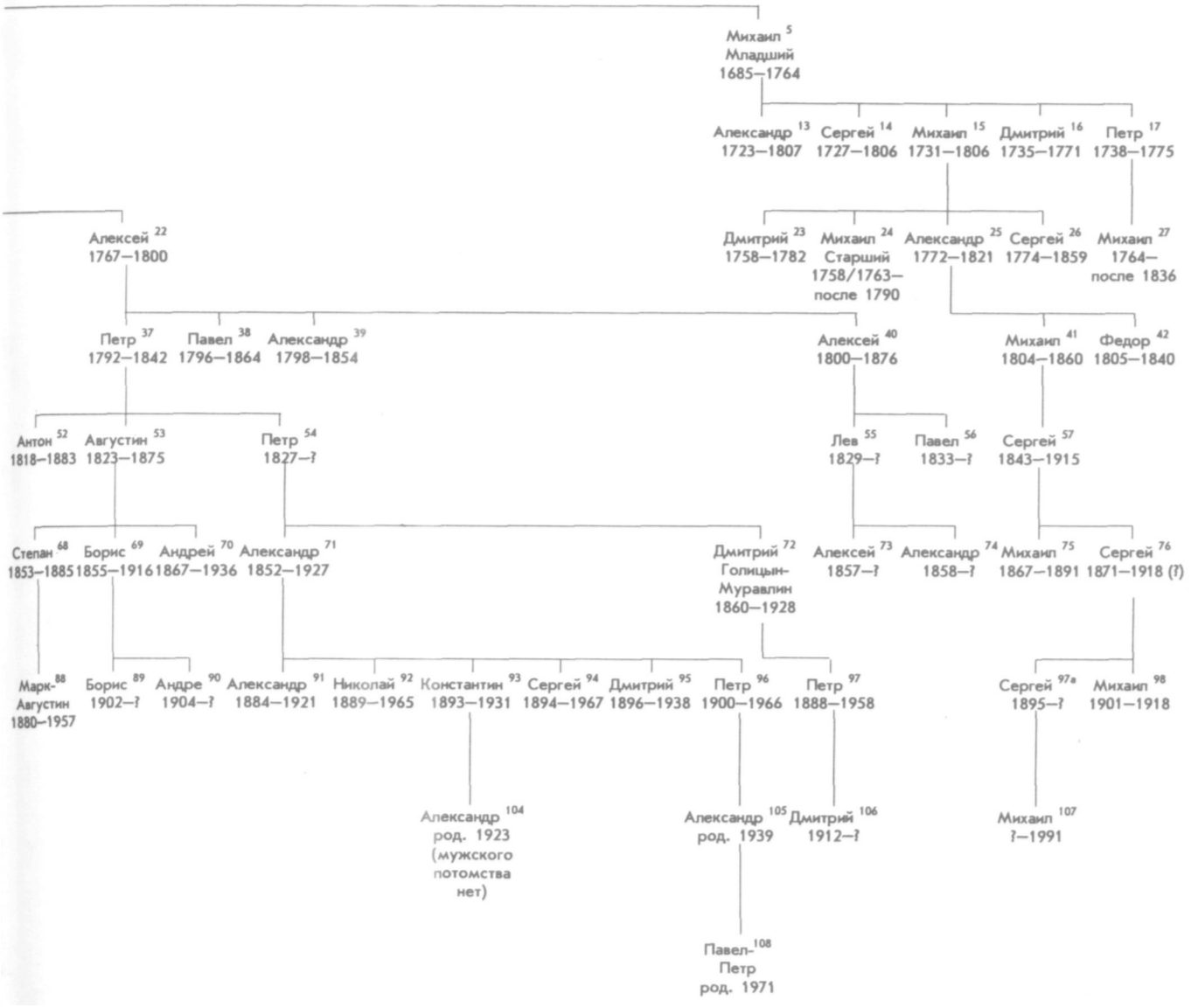
2. Дмитрий Михайлович (1665—1737), стольник (1686), кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного (1728), капитан Преображенского полка (1696). В 1697 г. отправлен за границу «для науки воинских дел». Изучал в Италии навигацию [8, 154]. После возвращения направлен в 1701 г. послом в Константинополь с целью получить разрешение Турции на свободное плавание русских кораблей по Черному морю. В 1711—1718 гг. губернатор в Киеве, где вокруг него группировались переводчики политических и исторических сочинений. С 1718 г. президент Камер-коллегии. Сенатор с 1722 г. В 1723 г. по делу П. П. Шафирова был лишен чинов и знаков отличия, но вскоре прощен. 8 1726—1730 гг. член Верховного Тайного совета и президент Коммерц-коллегии. После смерти Петра II Дмитрий Михайлович выступил за ограничение самоуправления и стал во главе «верховников». По его предложению на престол была приглашена вдовствующая Герцогиня Курляндская Анна Иоанновна. Участвовал в составлении «Кондиций», ограничивавших самодержавие, которыми Императрица должна была руководствоваться, управляя страной. После неудачи «верховников» Голицын был назначен членом Сената, но в основном жил в своем подмосковном владении Архангельском, почти не участвуя в государственных делах. Там он собрал знаменитую библиотеку из русских летописей, хронографов и переводов произведений — всего 6 тысяч томов [8, 154].

Анна Иоанновна не простила ему участия в деятельности «верховников» и в 1736 г. он, уже совсем больной, был привлечен к суду якобы за незаконные действия по делу его зятя, князя Константина Кантемира; вторично лишен чинов и знаков отличия и приговорен к смертной казни, которую Императрица заменила заключением в Шлиссельбурге с конфискацией всех имений. 9 января старый князь был отвезен в крепость, где и умер в тот же год, 14 апреля [154].



Среди государственных деятелей XVIII в. князь Дмитрий Михайлович занимает выдающееся положение. Выросший и воспитанный в условиях и традициях старой родовитой боярской среды, в эпоху всемогущества своего двоюродного брата князя Василия Васильевича, он до конца жизни оставался гордым защитником этих родовых традиций и с презрением относился к иноземцам и случайным людям своего времени. К петровским реформам относился отрицательно, но сам пользовался лучшими плодами этих реформ. Ознакомившись за границей с европейской наукой, он довершил свое образование в Киевской Академии. Сам Петр I обращался к нему с поручением перевести ту или иную книгу. В проведении административных реформ Дмитрий Михайлович принимал деятельное участие и во время губернаторства в Киеве обнаружил большие дипломатические способности — так, он сумел наладить хорошие отношения с вновь избранным гетманом Скоропадским. В качестве президента Камер-коллегий приложил много усилий, чтобы собрать материал и подготовить, согласно регламенту, новую роспись государственным доходам и расходам [8, 30, 154].

3. Михаил Михайлович Старший (1675—1730), генерал-фельдмаршал (1725), кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного, В двенадцатилетнем возрасте поступил барабанщиком в Семеновский полк. В 1694 г. произведен в прапорщики. Участвовал в Азовских походах 1695—1696 гг. и Северной войне 1700—1721 гг. В 1702 г. руководил штурмом Нотебурга, где проявил исключительную храбрость. Когда Петр I дал приказ отступить от стен крепости, Михаил Михайлович сказал посланцу царя: «Скажи Государю, что теперь я принадлежу одному Богу», — и велел оттолкнуть лодки от берега, чтобы отрезать себе и другим путь к отступлению.



За штурм Нотебурга он был пожалован золотой медалью и чином полковника Семеновского полка. В 1708 г. одержал победу над шведами при местечке Добром. За отличие в битве при Лесной получил чин генерал-поручика и осыпанный бриллиантами портрет Петра. Петр сказал ему: «Проси, что пожелаешь». Голицын ответил: «Прими в прежнюю милость Репнина» (разжалованного в солдаты за поражение при Головчине). «Как! Разве ты не знаешь, что он смертный враг тебе?» — спросил Петр. — «Знаю, — ответил Голицын, — и прошу, но знаю и то, что Репнин сведущ в ратном деле, любит Отечество, предан тебе, и что значит личная вражда между нами, когда Отечество нуждается полезными людьми». В 1709 г. командовал гвардией и вместе с А. Д. Меншиковым руководил преследованием отступивших шведских войск до их капитуляции у Переволочни. В 1711 г. участвовал вместе с Государем в Прутском походе, с 1714 по 1721 г. командовал войсками в южной Финляндии, где нанес шведам поражение при Наппо. Участвовал в морском сражении при Гангуте. В 1720 г., командуя флотом, одержал победу при Гренгаме. В 1723—1728 гг. командовал войсками на Украине. С сентября 1728 г. Петр II сделал его президентом Военной коллегии и членом Верховного Тайного совета. При вступлении на Престол Анны Иоанновны Михаил Михайлович, участвовавший в делах «верховников» (в составлении кондиций), был удален от Двора и вскоре умер [30, 91, 154].

4. Петр Михайлович (1682—1722), поручик (1695), подполковник Семеновского полка из «потешных», генерал-поручик.

5. Михаил Михайлович Младший (1685—1764), генерал-адмирал (1756), кавалер ор-



Князь Михаил Михайлович Голицын Старший.



Князь Михаил Михайлович Голицын Младший.

дена св. апостола Андрея Первозванного. Начал службу в 1703 г., прошел подготовку на кораблях Нидерландского флота. С 1717 г. участвовал в Северной войне 1700—1721 гг. В сражении при Гренгаме командовал отрядом галер. С 1726 г. советник Адмиралтейств-коллегий, затем кригскомиссар (руководил расходами на содержание войск, заготовкой различных материалов и инспектированием). В 1740—1741 гг. Астраханский генерал-губернатор. В 1745—1748 гг. посол в Персии. С 1748 г. главнокомандующий флотом. В 1761 г. уволен в отставку [30, 154].

6. Сергей Дмитриевич (1696—1738), чрезвычайный посол в Испании (1722—1726), посол в Берлине (1729—1731) и Персии (1734—1738), Казанский губернатор с 1738 г., тайный советник (с 1729 г.). Убит молнией во время охоты.

7. Алексей Дмитриевич (1697—1768), флигель-адъютант при своем дяде — генерал-фельдмаршале Михаиле Михайловиче (1728), судья Московского Судного приказа, действительный статский советник. В 1738 г. разжалован и сослан «нижним офицером» в Кизляр с лишением чинов и дворянства. Возвращен Правительницей Анной Леопольдовной, назначен сенатором (1741). В 1757 г. получил чин действительного тайного советника, в 1763 г. — орден св. апостола Андрея Первозванного.

8. Петр Михайлович (1702—1760), камергер (1730), сослан в 1738 г. управлять Нарымским острогом в Енисейской губернии; в 1752 г. — шталмейстер и генерал-поручик.

9. Александр Михайлович (1718—1783), генерал-фельдмаршал (1770), генерал-адъютант (1771), сенатор (1775).

Военное образование получил в австрийской армии, затем находился на дипломатической службе (в составе посольства в Турции, а потом посол в Саксонии). В чине генерал-поручика участвовал в Семилетней войне 1756—1763 гг. В 1768—1769 гг. во время русско-турецкой войны победил в битве при Хотине и Яссах (1769) [8, 154]. Петербургский генерал-губернатор (1769). Кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного.



Князь Александр Михайлович Голицын.



Князь Дмитрий Михайлович Голицын.



m

Княгиня Екатерина Дмитриевна Голицына (1720—1761), дочь князя Дм. К. Кантемира и его второй жены княгини Анастасии Ивановны Трубецкой, с 1751 г. супруга князя Дм. М. Голицына.

10. Дмитрий Михайлович (1721—1793), камергер (1755), посол в Вене с 1761 по 1792 г., действительный тайный советник (1772). Учредил, по духовному завещанию, Голицынскую больницу в Москве.

11. Николай Михайлович (1727—1786), обер-гофмаршал (1773—1782), тайный советник, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Анны 1-й степени.

12. Андрей Михайлович (1729—1770), генерал-майор.

13. Александр Михайлович (1723—1807), посол во Франции (1749—1755), потом в Англии (1755—1762), вице-канцлер (1762—1775), действительный тайный советник (1764), сенатор (1775), обер-камергер (1775), кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного.

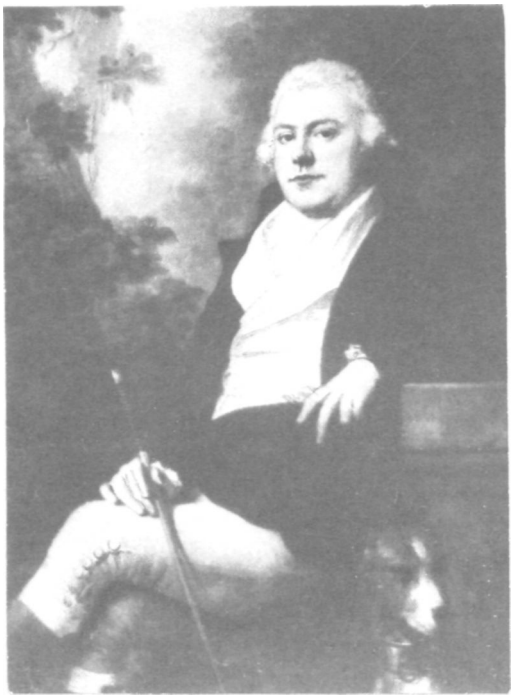
14. Сергей Михайлович (1727—1806), тайный советник, действительный камергер, опекун Московского Воспитательного дома.

15. Михаил Михайлович (1731—1806), генерал-поручик, действительный камергер, Тарусский уездный (1781), а затем Калужский губернский предводитель дворянства (1782).

17. Петр Михайлович (1738—1775), генерал-майор (1770), генерал-поручик (1775), кавалер орденов св. Александра Невского, св. Анны 1-й степени и св. Георгия 3-й степени, который получил 12 марта 1770 г. в чине бригадира. Убит на дуэли.



Князь Александр Михайлович Голицын.



Князь Алексей Андреевич Голицын.



Князь Петр Михайлович Голицын.



Княгиня Александра Петровна Голицына (1774—1842), урожденная Протасьева, супруга князя Алексея Андреевича Голицына.

18. Николай Алексеевич (1751—1809), шталмейстер (1776), сенатор (1792), посол в Швеции, тайный советник (1792). Отставлен в 1798 г.

19. Александр Николаевич (1769—1817), камергер, действительный статский советник.

20. Михаил Андреевич (1765—1812), шталмейстер, тайный советник.

21. Борис Андреевич (1766—1822), генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1798), командир Конной гвардии (1798—1800), кавалер ордена св. Георгия 3-й степени.

22. Алексей Андреевич (1767—1800), тайный советник, шталмейстер.

25. Александр Михайлович (1772—1821), тайный советник, гофмейстер.

26. Сергей Михайлович (1774—1859), камергер, действительный тайный советник I класса (1852), почетный опекун (1807), член Государственного Совета (1837), попечитель Московского учебного округа (1830), председатель Московского опекунского совета (1830), попечитель и главный директор Московской Голицынской больницы (с 1807 г.), кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного (1839); в 1842 г. получил алмазные знаки к ордену.

30. Михаил Николаевич (1796—1863), камергер (1836), тайный советник (1854), почетный опекун Московского опекунского совета, управляющий Московской детской больницей (основатель Московской галереи или Пассажа на Петровке) и писатель.

31. Андрей Михайлович (1792—1863), генерал-от-инфантерии, Тульский военный губернатор (1840—1846), потом Витебский, Могилевский и Смоленский генерал-губернатор (1846—1853), сенатор (1853).



Князь Сергей Михайлович Голицын.



Княгиня Евдокия (Авдотья) Ивановна Голицына (1780—1852), урожденная Измайлова, супруга князя С. М. Голицына. Хозяйка петербургского салона, постоянным посетителем которого в 1817—1820 гг. был А. С. Пушкин. Красота, незаурядная эрудиция и разнообразие интересов княгини привлекали в ее салон многих образованных людей того времени. Современники называли ее «Princesse Nocturne» («Княгиня Ночная») — ее гости собирались поздно вечером у горящего камина [120а].

32. Михаил Михайлович (1793—1856), генерал-майор Генерального штаба.

34. Андрей Борисович (1791—1861), флигель-адъютант Александра I (1817), генерал-майор (1828), председатель комитета Ланкастерских школ (1823).

35. Александр Борисович (1792—1865), адъютант Великого князя Константина Павловича (1814), действительный статский советник.

36. Николай Борисович (1794—1866), полковник, «ветеран 1812 года», начальник Новооскольской дружины Курского ополчения под Севастополем в 1855 г. Был известен также как виртуоз игры на виолончели, друг Бетховена, который посвятил ему некоторые из своих квартетов [30, 154].

41. Михаил Александрович (1804—1860), камергер (1857), тайный советник, посол в Испании (с 1856 г.), попечитель Московской Голицынской больницы (1859—1860), католик.

42. Федор Александрович (1805—1848), коллежский асессор, камер-юнкер, католик, волонтер папской армии (1848), член иезуитского ордена. Решением Государственного Совета (1845) заочно лишен всех прав состояния со ссылкой в каторжные работы за отказ возвратиться в Россию, несмотря на направляемые ему неоднократно вызовы. Умер в Болонье.

43. Николай Михайлович (1820—1885), камергер (1858), сенатор, обер-гофмейстер (1865), тайный советник, генерал-аудитор Морского министерства (1853—1859).

45. Дмитрий Михайлович (Митридат) (1827—?), лейб-гвардии Конного полка ротмистр, затем действительный статский советник (1878) и почетный попечитель Московской городской больницы.

46. Михаил Михайлович (1830—1890), полковник казачьих войск, потом командующий 12-м конным полком Кубанского казачьего войска (1862), генерал-майор (1888).

49. Юрий Николаевич (1823—1872), известный всему «высшему обществу» под прозвищем «Юрка», камергер, коллежский советник, Усманский уездный, а потом Тамбовский губернский предводитель дворянства, талантливый музыкант, увлекавшийся в основном вокальной музыкой. В 1842 г. стал известен в Москве своим хором, состоявшим из 70 крепостных людей его тамбовского имения. Этим хором он дирижировал, доведя исполнение до совершенства. После освобождения крестьян ему пришлось составлять хоры из любителей. Он с большим успехом гастролировал в Москве, Петербурге, Париже, Лондоне и других городах и странах, в том числе и в Америке, исполняя со своим хором русские народные песни. Им написаны интересные «За-



Князь Юрий Николаевич Голицын «Юрка».



57. Князь Сергей Михайлович Голицын (1843—1915).

писки», частично опубликованные в журнале «Отечественные записки», и до 60 музыкальных пьес, в числе которых выделяются две оркестровые фантазии [17, 154].

51. Николай Николаевич (1836—1893), действительный статский советник (1882), Подольский вице-губернатор в 1872—1875 гг. В 1892 г. выпустил в свет монографию «Род князей Голицыных», где обстоятельно изложил историю рода и убедительно аргументировал происхождение и родственные связи потомков Великого князя Литовского Гедимина с династией Великих князей Московских из рода Рюрика и династией Царей и Императоров из дома Романовых [2].

56. Павел Алексеевич (1833—?), с 1850 по 1857 г. служил в армии, а затем перешел в Министерство иностранных дел и был директором Московского Главного архива. Гофмейстер двора [2].

60. Василий Дмитриевич (1857—1926), директор Румянцевской библиотеки [кн. А. К- Голицын].

64. Александр Борисович (1855—1916), Владимирский предводитель дворянства [кн. А. К- Голицын].

65. Евгений Юрьевич князь Голицын-Головкин (с 6 октября 1875 г.) (1845—1887), отставной флота капитан 2-го ранга, участник боя на «Весте» (1877), Пензенский губерн-



94. Князь Сергей Александрович Голицын (1894—1967) и Елена Александровна Гижицкая.

ский предводитель дворянства (1873—1875), преемник имени последнего графа Головкина (Юрия Александровича) и владелец учрежденного им майората [30]. После его смерти майорат графа Головкина был передан его племяннику (сыну сестры) Юрию Николаевичу Хвощинскому с фамилией Головкин-Хвощинский, но без графского титула [83]. Родословное древо приведено в томе 4 «Графы» в статье «Графы Головкины».

67. Николай Николаевич (1870—1910). Окончил Пажеский корпус и служил в лейб-гвардии Преображенском полку [кн. А. К. Голицын].

69. Борис Августинович (1855—1916). Дипломат. Сотрудник Российского посольства в Берне [кн. А. К. Голицын].

71. Александр Петрович (1852—1927), окончил Лицей, вице-губернатор в Калуге, предводитель дворянства в Ефремове [кн. А. К. Голицын].

72. Дмитрий Петрович (1860—1928). В 1912 г. ему вместе с нисходящим потомством было разрешено именоваться князем Голицыным-Муравлиным [кн. А. К. Голицын].

77. Михаил Васильевич (1882—1937). Арестован и расстрелян [кн. А. К. Голицын].

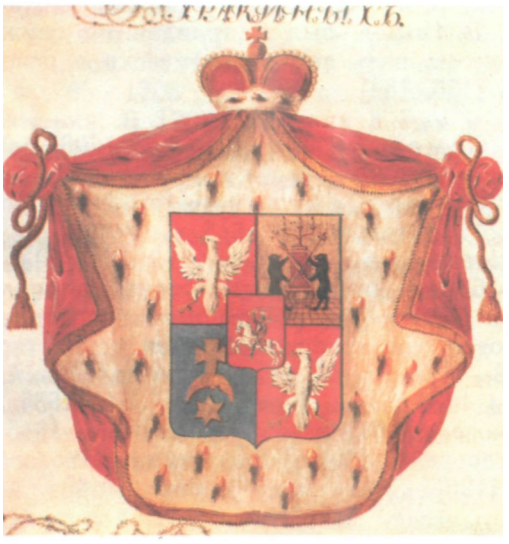
84. Александр Александрович (1882—1937), полковник гвардии. Арестован в Липецке и расстрелян [кн. А. К. Голицын].

85. Михаил Александрович (1889—1918), есаул Казачьего войска. Арестован и расстрелян [кн. А. К. Голицын].

93. Константин Александрович (1893—1931). Арестован в Киеве и расстрелян [кн. А. К- Голицын].

95. Дмитрий Александрович (1896—1938). Арестован и расстрелян в Джесказгане [кн. А. К. Голицын].

КНЯЗЬЯ КУРАКИНЫ



Герб князей Куракиных.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором помещен герб Великого княжества Литовского. В первой и четвертой частях щита — герб Королевства Польского. Во второй части щита герб Новгорода Великого. В третьей части щита крест на полумесяце, а под полумесяцем звезда о шести лучах. Щит покрыт княжеского мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Куракины * — княжеский род, происходящий от Великого князя Литовского *Гедимина*. Внук его второго сына, *Наримонта-Глеба, князь Патрикий Александрович,* в 1408 г. прибыл в Москву на службу к Великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу. Праправнук князя Патрикея Александровича, князь *Андрей Иванович Булгаков,* по прозвищу *Курака,* стал родоначальником князей Куракиных. В XVI и XVII вв. двенадцать представителей рода были боярами. При этом князья Куракины были в числе 16 родовитейших фамилий, представители которых из стольников непосредственно возводились в боярский чин, минуя чин окольничьего. Они занимали видное место в Боярской думе, ведали рядом Приказов (чаще всего — Судным Владимирским), служили в первых городовых и полковых воеводах, возглавляли посольства и др. Один из Куракиных был воспитателем Царевича Федора Алексеевича [30, 124, 154].

Герб князей Куракиных внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 3, т. е. в число российско-княжеских [104].

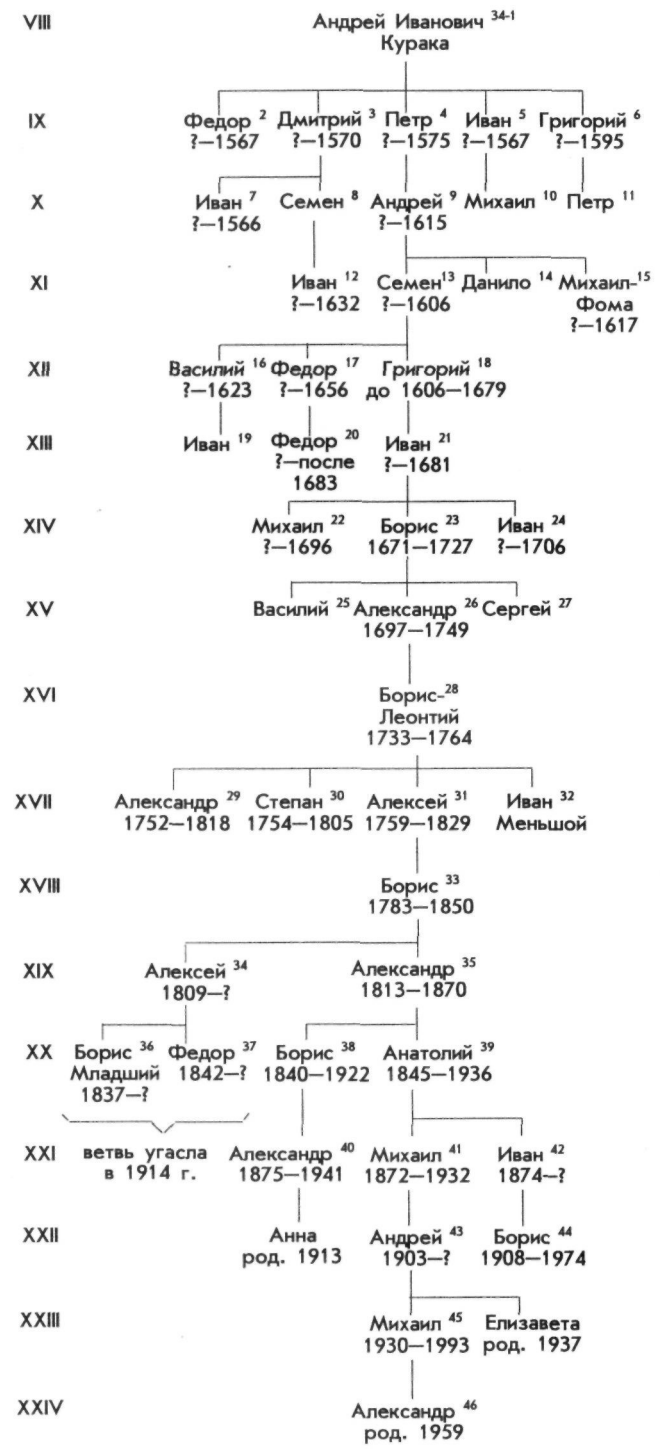
Род князей Куракиных связан кровным родством с Великими князьями Московскими из династии Рюриковичей. Так, князь Патрикей Александрович был женат на дочери Василия I Дмитриевича, княжне Анне; князь Андрей Иванович Булгаков-Курака и Царь Иоанн IV Грозный были четвероюродными братьями [30].

В конце XVII—начале XVIII в. князья Куракины были в близком свойстве и родстве с Домом Романовых и Императорами Священной Римской Империи (см. таблицу 6, приведенную в статье «Князья Голицыны»).

* Статья написана П. Х. Гребельским.

Таблица 15

Князья Куракины



Родословное древо князей Куракиных приведено в таблице 15 [44, 157].

Из князей Куракиных наиболее известны [44]:

2. Федо.р Андреевич (ум. 1567), боярин и наместник в Новгороде.

3. Дмитрий Андреевич (ум. 1570), боярин и наместник в Пскове.

4. Петр Андреевич (ум. 1575), боярин и наместник в Смоленске.

5. Иван Андреевич (ум. 1567), боярин, наместник в Плесе, потом в Смоленске.

6. Григорий Андреевич (ум. 1595), боярин. Был воеводой в разных городах, а затем наместником в Галиче.

9. Андрей Петрович (ум. 1615), боярин. Во время пребывания Царя Иоанна IV Грозного с войсками в Литве (1579) управлял Москвой. В 1582 г. усмирял восставших черемисов [154].

12. Иван Семенович (ум. 1632), боярин, один из виднейших деятелей Смутного времени. В 1606 г. был воеводой и наместником Смоленским. В том же году участвовал в заговоре и свержении Лжедмитрия I и возведении на Престол князя Василия Шуйского. Был в числе бояр, требовавших ограничения царской власти. В 1608 г. разбил польскую армию под командованием Лисовского и занял Коломну. Бессилие Шуйского навести порядок в государстве привело Ивана Семеновича к мысли о необходимости избрания Царя не из среды бояр, а среди царственных иноземцев. Был сторонником избрания Королевича Владислава, а потом Короля Сигизмунда. По стечению обстоятельств он в 1611—1612 гг. оказался в польском отряде Гонсевского, и современники считали его изменником. В 1615 г. был направлен на службу в Тобольск на пять лет — фактически в почетную ссылку [126, 154].

13. Семен Андреевич (ум. 1606), боярин.

17. Федор Семенович (ум. 1656). Боярин и воевода. Стольник с 1615 г. В том же году нанес поражение Лисовскому. В 1616—1617, 1623, 1627—1628 гг. был воеводой большого полка в Туле, в 1619 г. — воеводой передового полка в Дедилове, где успешно бился с татарами. В 1628—1631 и 1650 гг. был воеводой в Астрахани, в 1634 г.— в Калуге, в 1634—1635 гг.— во Пскове, в 1640 г. — в Крапивне, в 1645 г.— в Новгороде. В 1653 г. был осадным воеводой в Киеве [126].

18. Григорий Семенович (до 1606—1679), боярин и воевода. Стольник с 1629 г. В 1638 г. был воеводой в Вязьме, в 1641 г. — на Веневе, в 1643—1644 гг. — в Тобольске, в 1647—1649 гг. — в Ливнах. В 1654 г., во время войны с Речью Посполитой, — воевода в войсках, участвовал во взятии городов Мстиславля и Шклова. Был вторым (по чину) в посольстве на переговорах с поляками. В 1657 г. направлен первым воеводой в Новгород. В 1662 г. послан с полком в Белев и в Севск, разбил войско крымских татар и взял в плен князя Ширинского. В 1668 г. был первым воеводой в Севске. В 1669 г. за службу удостоен довольно редкого отличия — он и его помощники получили торжественную аудиенцию у Царя

Алексея Михайловича, представ в «ратном платье», и были щедро награждены. При Царе Федоре Алексеевиче Федор Семенович получил титул Наместника Сибирского и Псковского [126].

20. Федор Федорович (ум. после 1683), боярин и воевода. Стольник с 1640 г. Принял участие в походе на Польшу 1654—1656 гг. В 1654 г. с отдельным отрядом занял Дубровну. В 1661 г. направлен с полками в Тулу, в 1662 г. был в Судном Владимирском приказе, затем воеводой в Переяславле, Киеве, Смоленске. В 1662—1666 гг. «ведал Москву» во время отъездов царя. В 1674 г. назначен «дядькой» (воспитателем) Царевича Федора Алексеевича. В 1675 г. отослан из Дворца — по делу о какой-то бабе ворожее, которую князь держал у себя во дворе. Это дело о ворожбе затронуло многие знатные фамилии и тянулось до смерти Царя Алексея Михайловича. При венчании своего воспитанника Царя Федора Алексеевича был одним из ближайших лиц, но большой роли в это царствование не играл. Современники отзывались о нем как о человеке незначительном [126, 154].

21. Иван Григорьевич (ум. 1681), боярин.

23. Борис Иванович (1676—1727), генерал-майор и лейб-гвардии Семеновского полка подполковник, действительный тайный советник, известный дипломат, свояк Петра I: он и Царь были женаты на родных сестрах Лопухиных. В 1697 г. послан в Италию для изучения морского дела, в 1705—1706 гг. вновь выезжал за границу для лечения. В 1707 г. послан в Рим к папе с поручением склонить последнего к отказу от поддержки кандидатуры Станислава Лещинского на польский трон. Затем был послом в Лондоне, Ганновере, Нидерландах. В 1713 г. был представителем России на Утрехтском конгрессе, потом — на Брауншвейгском. С 1716 г. состоял послом в Париже. В 1722 г. Петр I, отправляясь в Персидский поход, поручил ему руководство всеми послами России, аккредитованными при европейских дворах. В своей дипломатической деятельности проявлял ум, большую опытность и политический такт, особенно в период окончания Северной войны, когда ему удалось удержать Англию от войны против Дании, союзницы Петра I. Один из образованнейших людей своего времени, Борис Иванович оставил путевые заметки и автобиографию, доведенную до 1709 г., и задумал написать полную историю России, в которой предполагал остановиться главным образом на царствовании Петра I, но успел лишь составить подробное оглавление этого труда и «Гисторию о Царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях 1682—94 гг.». В 1893 г. в «Русском архиве», в № 2, помещено завещание Бориса Ивановича, где он передавал свой капитал на устройство «гошпиталя», для которого составил и регламент: это Странноприимный дом князей Куракиных (Военная богадельня) в Москве [8, 126, 154].



Князь Борис Иванович Куракин.



Княгиня Александра Ивановна Куракина (1711—1786), сестра графов Никиты и Петра Ивановичей Шуваловых, супруга князя Б. И. Куракина.

26. Александр Борисович (1697—1749), русский государственный деятель, сенатор (с 1741). Один из первых русских людей, получивших домашнее образование за границей; изучил несколько европейских языков. В 1722—

1724 гг. русский посол в Париже, где действовал под руководством отца. Им удалось обеспечить содействие Франции в сохранении русско-турецкого мира во время Персидского похода Петра I 1722—1723 гг. В 1729 г. вернулся в Россию [8].

В Петербурге, как родственник Императора Петра II (его мать княгиня Ксения Федоровна, урожденная Лопухина, была родной сестрой бабки Императора Царицы Евдокии Федоровны, см. статью «Князья Голицыны», таблицу 6), сразу занял видное место при Дворе. Он примкнул к партии противников Светлейшего князя А. Д. Меншикова и способствовал его падению. Вскоре был назначен обер-шталмейстером. Во время царствования Анны Иоанновны был верным сторонником Э. И. Бирона. После падения Бирона и провозглашения регентства Анны Леопольдовны он получил орден св. апостола Андрея Первозванного. (Раздачей наград Правительница пыталась привлечь на свою сторону потенциальных противников.) При воцарении Елизаветы Петровны Александр Борисович был пожалован золотой цепью ордена св. апостола Андрея Первозванного и 12 декабря 1741 г. назначен сенатором [126].

28. Борис-Леонтий Александрович (1733—1764), один из умнейших людей своего времени, сенатор, президент Камер-коллегии и Коллегии экономии [44, 126].

29. Александр Борисович (1752—1818), канцлер Российских орденов, действительный тайный советник I класса, воспитывался вместе с Императором Павлом I, учился в Лейденском университете, много путешествовал по Европе, был чрезвычайным послом в Вене, потом сенатором, при Павле I дважды вице-канцлером, при Александре I послом в Вене, затем, будучи до 1812 г. послом в Париже, своевременно предупредил правительство о планах Наполеона I. Описал свои путешествия в нескольких книгах [8, 126].

Александр Борисович пострадал от пожара в 1811 г. в Париже во время бала во дворце австрийского посла князя Шварценберга по случаю бракосочетания Наполеона I с дочерью Австрийского Императора Эрцгерцогиней Марией-Луизой. Тогда погибли около 20 человек, в том числе и жена самого посла. М. И. Пыляев [121а] так описал несчастье с Александром Борисовичем: «Он очень обгорел, у него совсем не осталось волос, голова повреждена была во многих местах, и особенно пострадали уши, ресницы сгорели, ноги и руки были раздуты и покрыты ранами, на одной руке кожа слезла как перчатка. Спасением своим он отчасти был обязан своему мундиру, который весь был залит золотом; последнее до того нагрелось, что вытащившие его из огня долго не могли поднять его, обжигаясь от одного прикосновения к его одежде. Независимо от здоровья Куракин лишился еще во время суматохи бриллиантов на сумму более 70 000 франков.. .». Причиной же такого несчастья с Куракиным были, по словам секретаря посольства барона Крюднера, его собственная «вежливость» и рыцарское чувство к дамам: он «оставался почти последним в огромной объятой пламенем зале, выпроваживая особ прекрасного пола и отнюдь не позволяя себе ни на один шаг их опереживать». В результате этого «Куракина сбили с ног, повалили на пол, через него и по нем ходили.. .» [54, 109].



Княгиня Елена Степановна Куракина (1735—1768), дочь генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина, супруга князя Бориса-Леонтия Александровича Куракина.



Князь Александр Борисович Куракин.

30. Степан Борисович (1754—1805), действительный тайный советник. В 1769 г. произведен в мичманы и отправлен для обучения в Швецию. В 1770 г. поступил волонтером в армию графа П. Панина и участвовал в русско-турецкой войне. В 1772—1773 гг. находился с отрядом в Польше, где сражался с конфедератами. В 1783 г. во главе отряда усмирял восставших в Крыму татар. В 1784 г. произведен в полковники и с начала второй русско-турецкой войны находился в действующей армии. В 1789 г. произведен в бригадиры. Павел I произвел его в тайные, а



Князь Степан Борисович Куракин.



Княгиня Екатерина Дмитриевна Куракина (1761 —1843).



Князь Алексей Борисович Куракин.



Князь Борис Алексеевич Куракин.

затем и в действительные тайные советники и назначил сенатором [126].

31. Алексей Борисович (1759—1829), действительный тайный советник. При Павле I был генерал-прокурором, при Александре I — генерал-губернатором Малороссии (1807—1811), министром внутренних дел, затем членом Государственного Совета, канцлером Российских орденов [154].



Князь Александр Борисович Куракин.



Князь Иван Анатольевич Куракин.

33. Борис Алексеевич (1783—1850), сенатор.

34. Алексей Борисович (1809—?), действительный статский советник.

37. Федор Алексеевич (1842—?), член Саратовской губернской ученой архивной комиссии, издал ряд документов из истории рода князей Куракиных [154].

38. Борис Александрович (1840—1922), церемониймейстер.

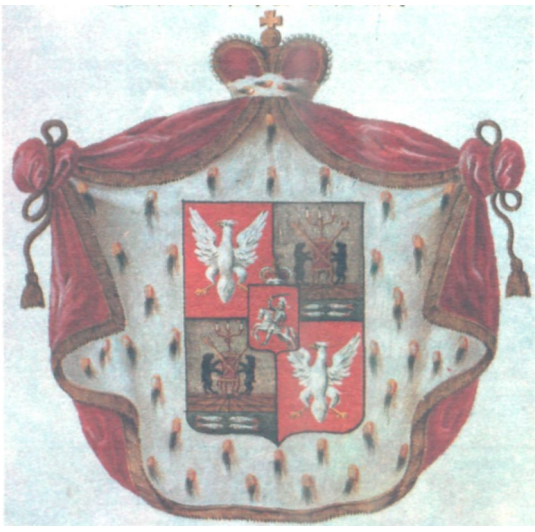
39. Анатолий Александрович (1845—1936), шталмейстер, член Государственного Совета, почетный мировой судья.

40. Александр Борисович (1875—1941), церемониймейстер, Орловский губернский предводитель дворянства, член II Государственной думы.

41. Михаил Анатольевич (1872—1932), шталмейстер, Киевский губернский предводитель дворянства. Умер в Париже.

42. Иван Анатольевич (1874—?), камер-юнкер, затем шталмейстер. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1897 г. В 1902 г. был избран Мологским уездным предводителем дворянства. В 1906 г. — Ярославским губернским предводителем дворянства. Член III Государственной думы и член партии «Союз 17 октября» [112].

КНЯЗЬЯ ХОВАНСКИЕ



Герб князей Хованских.

Щит четырехчастный с малым щитком, покрытым княжескою шапкою, а в поле щитка помещен герб Великого княжества Литовского. В первой и четвертой частях щита — герб Королевства Польского. Во второй и третьей частях щита — герб Новгорода Великого, а ниже в лазоревом поле рыбы. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Хованские * — княжеский род, происходящий от Великого князя Литовского *Гедимина.* Внук его второго сына, *Наримонта-Глеба, князь Патрикий Александрович,* в 1408 г. прибыл в Москву на службу к Великому князю Василию I Дмитриевичу. Внук Патрикея *Василий Федорович,* прозванный Хавака, и был родоначальником княжеского рода Хованских, игравшего в XVII в. весьма видную роль в числе 16 привилегированных фамилий, члены которых в царствование Царя Алексея Михайловича прямо возводились в бояре, минуя чин окольничего. Они ведали многими Приказами, участвовали в дипломатических переговорах, но особо отличились на военной службе. Дочь князя *Андрея Федоровича Ефросинья* была матерью князя Старицкого Владимира Андреевича (двоюродного брата Царя Иоанна IV Грозного); в 1563 г., «уличенная в неправде», она была пострижена в Воскресенском монастыре на Белоозере и через 6 лет, как сообщает Курбский, утоплена в р. Шексне [124, 154].

Герб князей Хованских внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 1, т. е. в число российско-княжеских [104].

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.

Родословное древо князей Хованских приведено в таблице 16 [44].

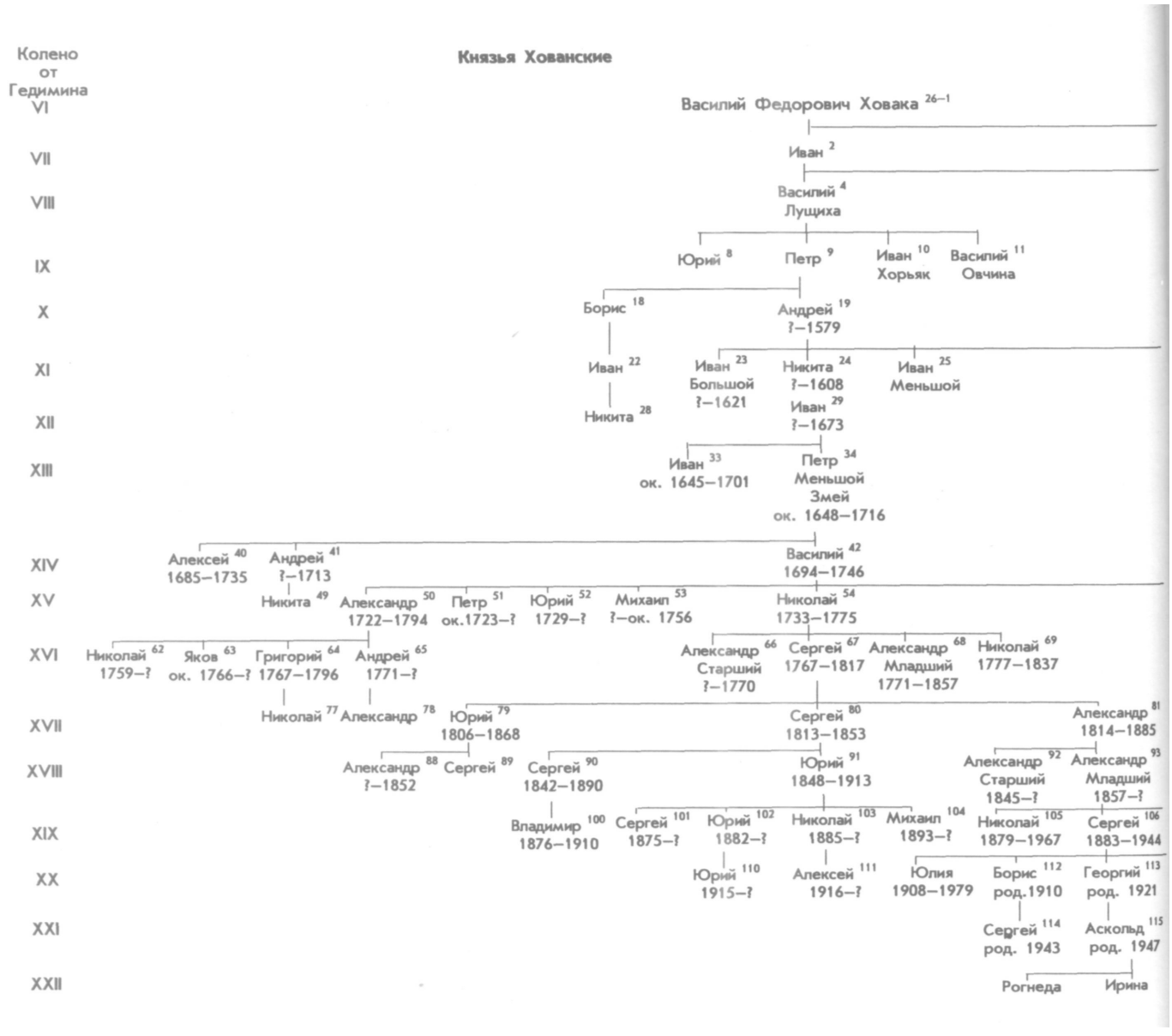
Из князей Хованских наиболее известны:

23. Иван Андреевич Большой (ум. в 1621 г.), боярин. В 1607 г. боролся со сторонниками Лжедмитрия II и поляками; вместе с Прокопием Ляпуновым потерпел поражение от Лисовского под Зарайском; взял, поддерживаемый шведами, Ржев и Старицу и осадил Белый; вместе с Козьмой Мининым в отсутствие князя Д. М. Пожарского начальствовал над ополчением во время перехода от Ярославля до Ростова. В 1615 г., действуя против литовцев в Северной Украине, допустил переход войск неприятеля за рубеж в районе Белгорода, за что был отозван. В 1616 г. поставлен во главе Владимирского Судного приказа. С 1617 по 1619 г. воеводствовал в Новгороде [126, 154].

26. Андрей Андреевич, воевода. В 1615—1620 гг. воевода в Астрахани, в 1626—1628 гг. — в Тобольске. В 1629 г. послан на воеводство в Нижний Новгород, где вскоре умер [126, 154].

29. Иван Никитич (ум. в 1664 г.), боярин. В 1635—1637 гг. командовал большим полком в Туле. В год вступления на Престол Царя Алексея Михайловича сослан в Сибирь и возвращен только в 1649 г., когда был пожалован в бояре. В 1650 г., проведя мирные переговоры, ликвидировал восстание в Новгороде и Пскове. В 1652 г. сопровождал патриарха Никона в Соловецкий монастырь, а в 1654 г. — Царя Алексея Михайловича в поход против поляков. Участвовал в штурме Смоленска и остался там воеводой. В 1660 г. разбил поляков под Мальчами [126, 154].

31. Иван Андреевич (ум. в 1682), по прозвищу Тараруй, — видный деятель в правление Софьи Алексеевны. Служил с 1636 г. стольником у Царя Михаила Федоровича. В 1650 г. воевода в Туле; в 1651 —1654 гг. воевода в Вязьме, в 1656 г. — в Могилеве, а в 1657 г. — во Пскове. Здесь принял участие в Шведской войне и в 1657 г. разбил под Гдовом графа Магнуса де Лагарди. В 1659 г. принял участие в военных действиях против поляков, разбил Воловича, в 1660 г. выжег Брест. В том же году около Ляхович был разбит Сапегой и Чарнецким. В 1661 г. взял в плен полковника Лисовского, но в том же году Жеромский совершенно уничтожил 20-тысячный отряд Ивана Андреевича. Вследствие этой неудачи он был отозван из Пскова и в 1663 г. назначен начальником Ямского приказа. В 1666 г. послан воеводой в Новгород. Сменив здесь своего

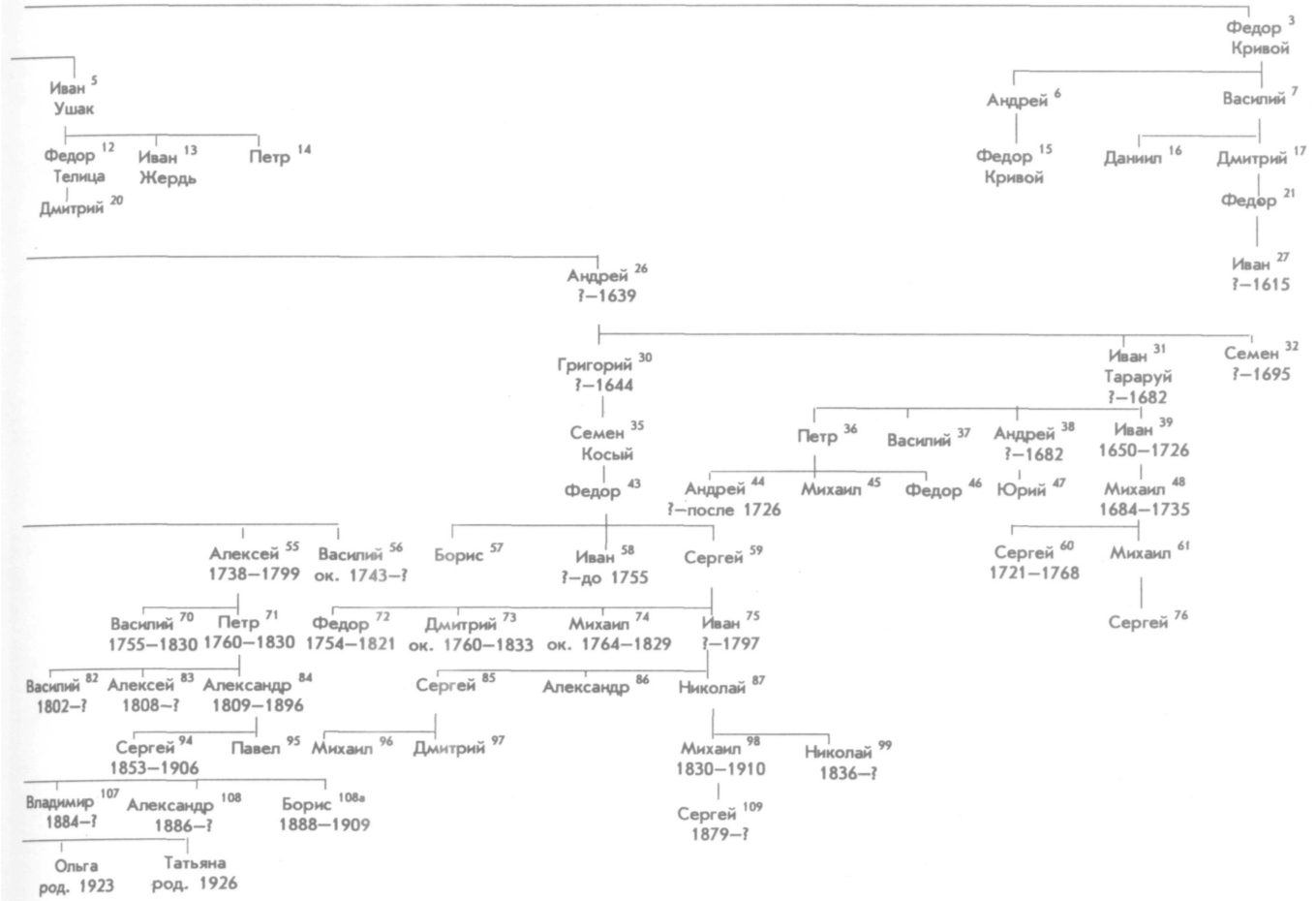


недруга Нащокина, он отменил некоторые льготы, введенные последним (выборный суд, вольная продажа вина и др.). В 1678 г., во время войны с Турцией, направлен на защиту от татар южной границы. В 1680 г. вернулся в Москву, где ему удалось занять весьма влиятельное положение. В период борьбы за власть между Милославскими и Нарышкиными стал на сторону Милославских и после первого стрелецкого бунта, в подстрекательстве стрельцов к которому он, по-видимому, принимал участие, назначен начальником стрельцов. От имени последних предъявил требование о провозглашении Царями обоих братьев, Иоанна и Петра, что и было сделано 23 мая 1682 г. В то же время сблизился с раскольниками и стал играть роль посредника между ними и правительством. Опираясь на стрельцов и раскольников и чувствуя свою силу, он делался все более заносчивым и своевольным, запугивая Царевну Софью угрозой бунта. Чтобы освободиться от опасного человека, против него выдвинули обвинение в замысле уничтожить Царскую семью, женить сына на одной из Царевен и во время восстания провозгласить себя Царем. По приказу Царевны Софьи Алексеевны он обманом был схвачен и казнен 17 сентября 1682 г. Современники обвиняли его в крайне жестоком обращении с подчиненными и в развратной жизни. Во время войны он не умел соизмерять свои силы с силами неприятеля, отчего часто терпел поражения. Был известен как приверженец старой веры [8, 126, 154].

32. Семен Андреевич (ум. 1695), боярин [6а, 146а].

33. Иван Иванович (ок. 1645—1701). Боярин с 1682 г. Комнатный стольник Царя Федора Алексеевича. Не участвуя активно в политической жизни, он вместе с боярами Иваном Андреевичем и сыном его Андреем выехал по приглашению к Царскому Двору в Воздвиженское, а когда его родичи были неожиданно схвачены, бежал лесами и болотами в Москву, где его рассказ о нападении

Таблица 16



вызвал новое возмущение восставших. За это при правительстве Царевны Софьи Алексеевны был в опале, но получил прощение. Глубоко возмущенный поведением Царя Петра I, он сочувствовал книгописцу Талицкому, называвшему Царя Антихристом, был арестован по доносу и умер под стражей до окончания дознания [124, 126, 154].

34. Петр Иванович «Змей» (Меньшой) (ок. 1648—1716), боярин с 1677 г., судья Судного приказа (1682), полковой воевода. В 1707 г., будучи воеводой в Казани, вел активные боевые действия по подавлению восстания под руководством К. Булавина [6а, 44, 146а].

36. Петр Иванович, боярин [6а, 146а].

38. Андрей Иванович (ум. 1682), сын и ближайший помощник боярина Ивана Андреевича, участник многих военных походов 1659—1675 гг., глава Судного Московского (1680), Сыскного и Судного приказов (1682). Предательски захваченный вместе с отцом, он был казнен вместе с ним 17 сентября 1682 г., став жертвой придворной зависти и политических расчетов правительства Царевны Софьи Алексеевны, «нашедшего» таким образом виновников Московского восстания стрельцов и «объяснение» слабости власти весной—летом 1682 г. [124, 154].

42. Василий Петрович (1694—1746), шталмейстер, обер-президент Главного магистрата [44, 124].

51. Петр Васильевич (ок. 1723—?), камергер [6а, 146а].

52. Юрий Васильевич (ок. 1729—?), полковник малороссийского Стародубского полка. Женат на Курляндской Принцессе [6а, 146а].

54. Николай Васильевич (1733—1775), полковник [6а, 146а].



Княжна Екатерина Николаевна Хованская (1762—1813), в замужестве Нелединская-Мелецкая, и Екатерина Николаевна Хрущова (1763—1811), в замужестве фон-Ломан, воспитанницы Смольного института, 1773 г. Картина Левицкого.



Князь Николай Николаевич Хованский.

59. Сергей Федорович, генерал-поручик [44].

64. Григорий Александрович (1767—1796), поэт, ученик Я- Б. Княжнина. Служил в Рязанском пехотном полку и в 1793 г. был в чине майора. Н. М. Карамзин, состоящий с ним в переписке, в стихах, написанных на его смерть, изобразил Григория Александровича как доброго весельчака, чуждого зависти, готового отдать последнее бедняку [126, 154].

67. Сергей Николаевич (1767—1817), действительный статский советник (1804), Стародубский (1802) и Минский (1808) гражданский губернатор [6а, 146а].

68. Александр Николаевич Младший (1771—1857), сенатор, действительный тайный советник, управлял всеми отделами Государственного Ассигнационного банка и Экспедицией заготовления государственных бумаг с 1818 г. [126, 154].

69. Николай Николаевич (1777—1837), генерал-от-инфантерии, сенатор, член Государственного Совета, был около 10 лет генерал-губернатором Смоленским, Витебским и Могилевским. В чине генерал-майора принял участие в Отечественной войне 1812 г. [126,154].

70. Василий Алексеевич (1755—1830), обер-прокурор Святейшего Синода, сенатор. В 1766 г. поступил унтер-офицером в артиллерию. В 1790 г. уволен от военной службы в чине бригадира, «для определения к гражданским делам». В 1797 г. стал обер-прокурором Синода, но в 1799 г. отставлен от службы. В 1819 г. избран Московским уездным предводителем дворянства. В 1821 г. произведен в тайные советники и назначен к присутствию в Сенате [126].

71. Петр Алексеевич (1760—1830), коллежский советник [6а].

73. Дмитрий Сергеевич (ок. 1760—1833), статский советник [44].

74. Михаил Сергеевич (ок. 1764—1829), действительный статский советник [44].

78. Александр Андреевич, генерал-майор [6а].

81. Александр Сергеевич (1814—1885), Чистопольский уездный предводитель дворянства [6а, 146а].

84. Александр Петрович (1809—1896), гвардии штабс-капитан [146а].

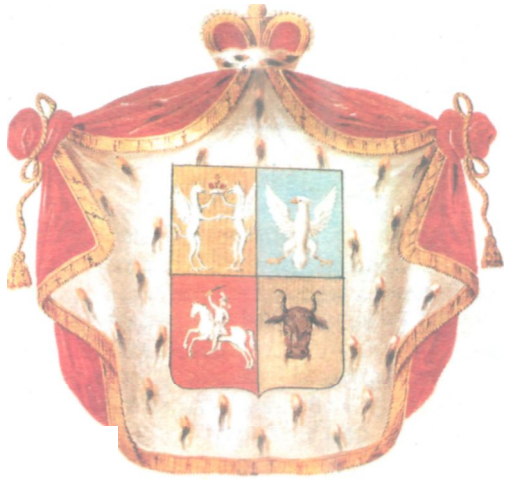
85. Сергей Иванович, удалился на Афонскую гору и принял монашество [6а, 146а].

106. Сергей Александрович (1883—1941), историк и генеалог-любитель, автор родословной князей Хованских (1912) [146а].

113. Георгий Сергеевич (род. 1921), профессор, доктор физических наук, специалист по прикладной математике.

115. Аскольд Георгиевич (род. 1947), доктор физико-математических наук.

КНЯЗЬЯ ТРУБЕЦКИЕ



Герб князей Трубецких.

Щит четырехчастный. В первой части щита в золотом поле два грифа, стоящие на задних лапах, держат передними лапами российско-княжескую шапку. Во второй части щита — герб Королевства Польского: одноглавый орел с распростертыми крыльями, но белый и в голубом поле. В третьей части щита — герб Великого княжества Литовского. В четвертой части щита в серебряном поле бычья голова. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Трубецкие * — княжеский род, происходящий от внука Великого князя Литовского *Гедимина* — князя *Дмитрия Ольгердовича Старшего*** прославленного участника Куликовской битвы 1380 г. Он, как и его брат, *Андрей Ольгердович* князь Полоцкий, был союзником Великого князя Московского Дмитрия Донского, но потом помирился с братом Ягайло, служил Великому князю Литовскому Витовту и погиб в числе многих литовских и русских князей и бояр в сражении литовских войск с татарами на реке Ворскле во время похода Витовта в 1399 г. [44, 154].

Потомки Дмитрия Ольгердовича — князья Трубчевские, а затем князья Трубецкие — сохранили свой удел в Великом княжестве Литовском до 1500 г., когда последний удельный князь *Андрей Иванович* перешел в подданство Великих князей Московских [44, 154].

С начала своей службы в Московском государстве в качестве служилых князей Трубецкие сохраняли свое привилегированное положение и зачастую возводились в бояре непосредственно из стольников, минуя чин окольничего. Из рода князей Трубецких вышли видные государственные деятели, военные и дипломаты [124].

Герб князей Трубецких внесен в «Общий Гербовник», часть II, под № 1 [104].

Родословное древо князей Трубецких до разделения рода на ветви приведено в таблице 17 [8, 44, 154].

Из князей Трубецких наиболее известны:

4. Андрей Иванович (ум. 1546), удельный князь Трубчевский. Подобно многим князьям литовско-русского пограничья, при Иоанне III Васильевиче перешел в 1500 г. в подданство России [44].

5. Иван Иванович, наместник на Кашире [44].

7. Семен Иванович, боярин и наместник Костромской [44].

9. Василий Андреевич, наместник в Брянске [44].

10. Никита Андреевич, наместник в Белеве [44].

15. Федор Михайлович (ум. 1602), боярин и воевода. Играл важную роль при Царях Иоанне IV Грозном, Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Во время войн с Польшей и Крымом неоднократно командовал русскими войсками, а в отсутствие Царя оставался в Москве правителем. Принял перед смертью иночество с именем Феодосия [154].

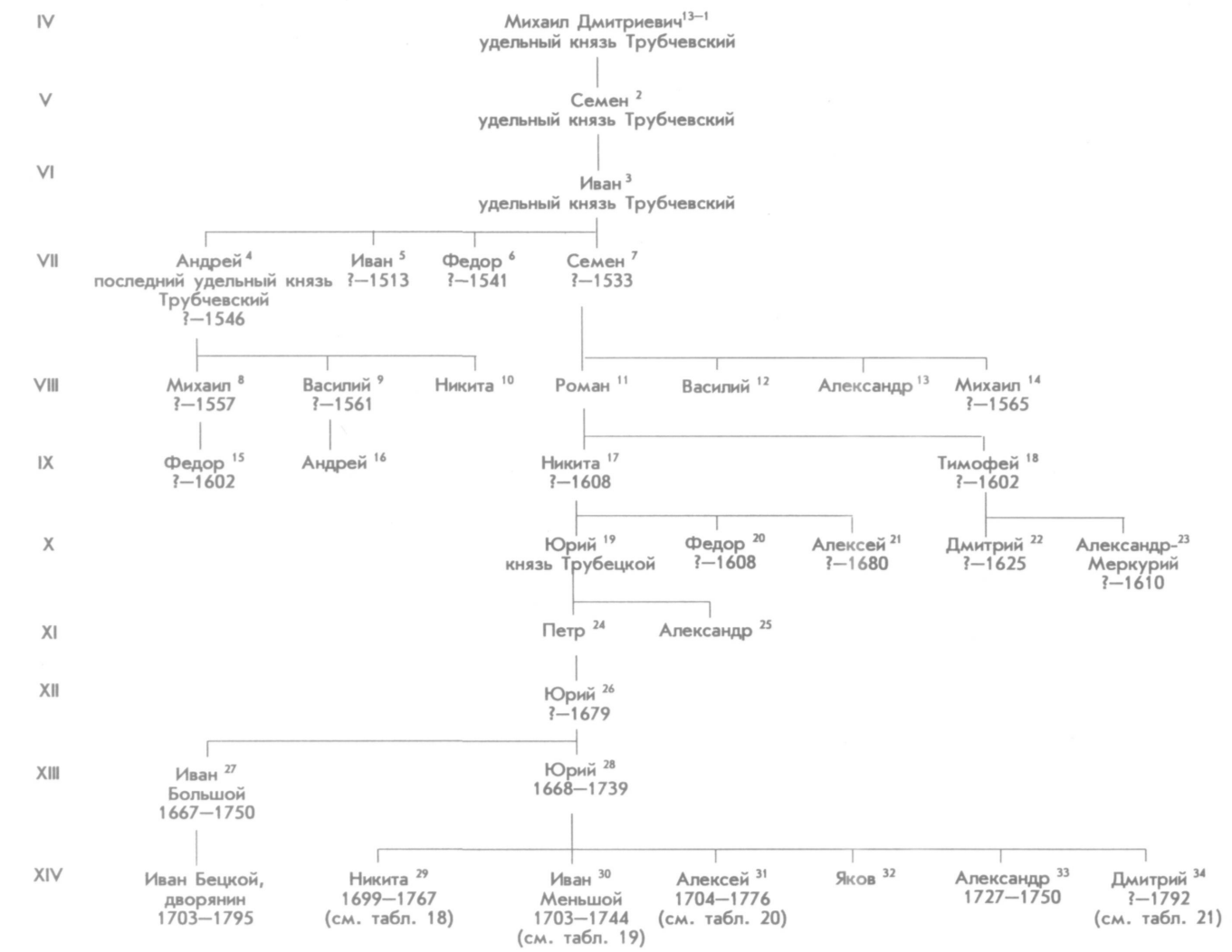
* Автор-составитель статьи П. Х. Гребельский признателен князю Андрею Владимировичу Трубецкому за любезно предоставленные материалы и добавления к родословному древу и биографиям представителей рода после 1917 г.

** Подавляющее большинство родословных справочников ошибочно называют предком Трубецких другого сына Ольгерда — князя Дмитрия-Корибута.

Колено от Гедимина

Удельные князья Трубчевские и князья Трубецкие до разделения рода на ветви

Таблица 17



16. Андрей Васильевич, боярин и воевода XVI в. Вступив на военную службу в 1573 г., он уже в следующем году командовал вторым отрядом войск под Серпуховом; во время войны с Польским Королем Стефаном Баторием освободил Псков, затем усмирил украинские города; с успехом участвовал в войне со шведами (1596). Был воеводой в Туле, Новгороде-Северском, Новгороде и Смоленске. Принимал участие и в дипломатических переговорах; на него также были возложены переговоры о заключении брака между Ксенией Годуновой и Датским Принцем Иоанном [154].

Он пользовался большим расположением Царей Иоанна IV Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова и Василия Шуйского. После свержения последнего с Престола был в составе «Семибоярщины» (1611), но вскоре умер [154].

17. Никита Романович (ум. 1608), боярин и воевода, особенно отличившийся в войне со шведами, когда захватил город Выборг. В 1604 г., во время волнений, вызванных появлением Лжедмитрия I, прославился геройской защитой Новгорода-Северского. Ёо время пребывания самозванца в Москве был в числе его приближенных, затем одним из первых подал голос за провозглашение Царем Василия Шуйского. Перед смертью принял иночество под именем Иоанн [154].

19. Юрий Никитич, женатый на дочери боярина Михаила Глебовича Салтыкова, последовал за тестем в Польшу и получил от Короля Сигизмунда III подтверждение на владение городом Трубчевском с уездом [44].

21. Алексей Никитич (ум. 1680), боярин, выдающийся дипломат своего времени. Еще молодым человеком в 1629 г. был назначен воеводой в Тобольск. Затем в 1642—1646 гг. был воеводой в Туле. Со вступлением на Престол Царя Алексея Михайловича начинается его дипломатическая деятельность. Он сыграл большую роль в деле

присоединения Украины к России. Неоднократно отличался он и в военных делах. Пожалованный за это Трубчевском с титулом Державца Трубчевского, князь впоследствии, не желая отдавать свои владения потомству своего старшего брата князя Юрия, завещал Трубчевск своему крестнику, Царю Петру I [8, 154].

Князь Алексей Никитич командовал войсками в русско-польской войне 1654—1657 гг. и при взятии города Юрьева (1656) в русско-шведской войне. Принимал активное участие в подавлении Московского восстания 1662 г. и в следствии над его участниками. Перед смертью постригся в монахи с именем Афанасия [8, 154].

22. Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625), боярин, правитель Московский. Впервые упоминается в 1608 г. в звании стольника, когда после боя на Ходынке «отъехал» в Тушинский лагерь. При Лжедмитрии II стал боярином. В 1611 г. был одним из организаторов и руководителей Первого ополчения. После раскола ополчения (июнь 1611) остался вместе с И. М. Заруцким под Москвой во главе так называемых подмосковных таборов, которые блокировали польский гарнизон. С конца сентября, после слияния его отрядов с войсками Второго ополчения, вместе с князем Д. М. Пожарским возглавил временное русское правительство. На Земском соборе 1613 г. его имя называлось в качестве одного из претендентов на Престол. Получил титул «Спасителя отечества». После 1613 г. активной политической роли не играл. Умер воеводой в Тобольске [8].

24. Петр Юрьевич, увезенный отцом в Польшу, был подкоморием, а затем маршалком Стародубским [44].

26. Юрий Петрович (ум. 1679). После того как в 1645 г. Трубчевский уезд в результате пограничного размежевания был передан Речью Посполитой России, вернулся в Россию, получил сан боярина и вступил в брак с сестрой князя В. В. Голицына. От него происходят все князья Трубецкие, жившие и живущие с XVIII в. и до наших дней [44].

27. Иван Юрьевич Большой (1667—1750), прозванный так в отличие от своего племянника, президента Юстиц-коллегии (№ 30 по таблице); генерал-фельдмаршал. Любимец царя Петра I, начал службу в Преображенском полку; в 1698 г. был Новгородским наместником; в самом начале Северной войны был взят шведами в плен и пробыл там до 1718 г. В плену у него родился сын — И. И. Бецкой. При вступлении на Престол Императрицы Анны Иоанновны проявил себя как ярый противник «верховников», за что Императрица пожаловала его званием сенатора, а в 1739 г. назначила его Московским генерал-губернатором [154]. Он был последним русским боярином, пережившим почти на полвека замену Боярской думы Сенатом [44].



Князь Иван Юрьевич Трубецкой «Большой».

28. Юрий Юрьевич (1668—1739), боярин и сенатор. Комнатный стольник Царей Федора и Петра Алексеевичей. Исполнял дипломатические поручения Петра I. В 1720 г. назначен президентом Городского магистрата, в 1727 г.— Белгородским губернатором, в 1730 г. — сенатором [154].

Четверо сыновей князя Юрия Юрьевича стали родоначальниками четырех ветвей рода князей Трубецких.

Родословное древо первой ветви князей Трубецких приведено в таблице 18 [44, кн. А. В. Трубецкой].

Из князей Трубецких первой ветви наиболее известны:

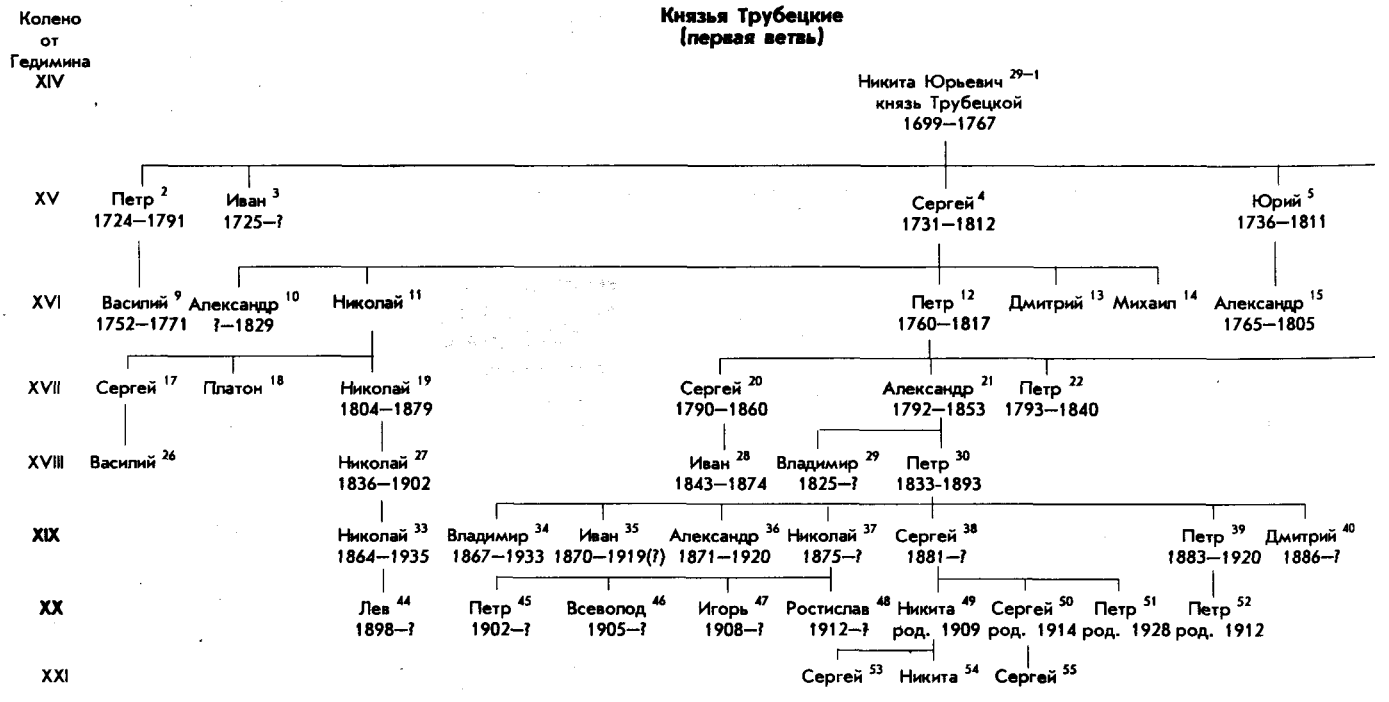
29—1. Никита Юрьевич (1699—1767), генерал-фельдмаршал (1756). В 1705—1717 гг. обучался за границей. В 1719 г. поступил на службу в Преображенский полк и до 1740 г. участвовал во всех войнах, которые вела в то время Россия. Затем был президентом Военной коллегии, а в 1740—1760 гг. — генерал-прокурором Сената. В 1730 г. был одним из активных участников борьбы против «верховников» в поддержку Императрицы Анны Иоанновны. Возглавил следствие и суд над А. И. Остерманом (1741), А. П. Бестужевым-Рюминым (1758) и другими. Человек обширного и просвещенного ума, друг князя А. Д. Кантемира и М. М. Хераскова, покровитель князя Я. П. Шаховского, он в течение восьми царствований удерживал за собой



Князь Юрий Юрьевич Трубецкой.



Княгиня Анна Даниловна Трубецкая (171...—178...), урожденная княжна Друцкая-Соколинская, вторая супруга князя Н. Ю. Трубецкого.



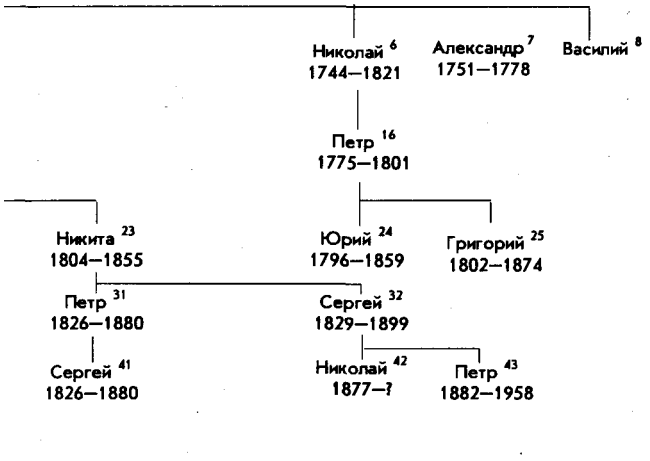


Княгиня Дарья Александровна Трубецкая (1739—1817), дочь графа Александра Ивановича Румянцева, в первом браке за графом Вальдштейном, во втором — за князем Юрием Никитичем Трубецким.



Князь Петр Никитич Трубецкой.

Таблица 18

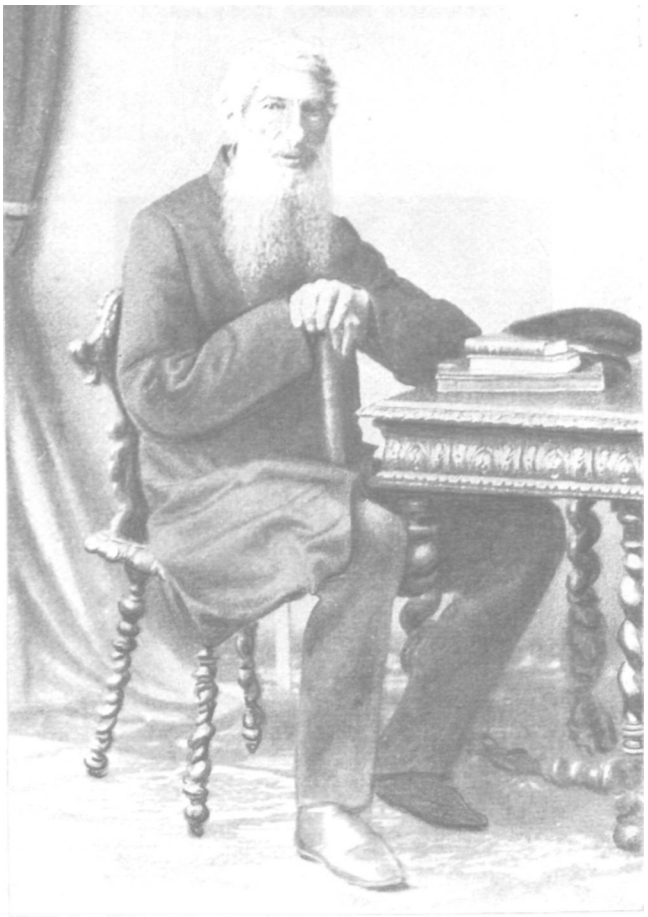




Князь Никита Юрьевич Трубецкой.



Князь Сергей Петрович Трубецкой (в молодости).



Князь Сергей Петрович Трубецкой (в старости).

пост в ряду наиболее заметных государственных деятелей. С 1763 г. — в отставке. Его любопытные записки напечатаны в «Русской Старине», в т. 1 за 1870 г. [8, 154].

2. Петр Никитич (1724—1791), действительный тайный советник, сенатор, почетный член Академии художеств, помощник И. И. Бецкого, писатель. Начав службу в лейб-гвардии Преображенском полку, он в 1761 г. назначается обер-прокурором Сената, а через три года — сенатором. Пользовался большим влиянием при Дворе, особенно ценила его Екатерина II. Автор нескольких стихотворений и переводов [154].

4. Сергей Никитич (1731 — 1812), генерал-поручик, отличившийся в войне с поляками при Екатерине II [154].

5. Юрий Никитич (1736—1811), действительный тайный советник [44].

12. Петр Сергеевич (1760—1817), действительный статский советник [44].

20. Сергей Петрович (1790—1860), полковник гвардии, декабрист. С 1808 г. служил в лейб-гвардии Семеновском, а с 1821 г. — в лейб-гвардии Преображенском полку. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. По возвращении вступил в масонскую ложу «Трех добродетелей», в 1818—1819 гг. был в ней наместным мастером, затем почетным членом. Вместе с Александром и Никитой Муравьевыми был в числе основателей первого тайного общества декабристов «Союза спасения» (1816), Устав которого написал Пестель. Вскоре «Союз спасения» был преобразован и получил название «Союза благоденствия» (1818). В начале 1821 г. общество было объявлено распущенным, но на юге Пестель не согласился с этим и организовал «Южное общество». В Петербурге в конце 1822 г. было образовано «Северное общество». Во главе его встал Никита Муравьев, но в конце 1823 г. было решено иметь трех председателей и дополнительно были выбраны князь Евгений Оболенский и князь Сергей Петрович [8].

В переговорах с «Южным обществом», под давлением К. Ф. Рылеева, он дал от имени «Северного общества» согласие на совместное выступление в 1826 г. Накануне восстания был выбран диктатором, но, считая восстание неподготовленным, не только не явился на Сенатскую площадь, но и принес присягу Николаю I [8].

Храбрость свою Сергей Петрович доказал несомненно во время наполеоновских войн, но, по словам И. И. Пущина, он отличался крайней нерешительностью и не осмелился взять на себя ответственность за кровь, которая должна была пролиться во время восстания [154].

В ночь с 14 на 15 декабря он был арестован и привезен в Зимний Дворец. Николай I, указывая на лоб его, сказал: «Что было в этой голове, когда вы, с вашим именем, с вашей фамилией,



Групповой портрет дочерей Трубецких в 1850-е гг.



Иркутск. Дом, построенный Трубецкими в 1854 г. Ныне — Музей декабристов.



Иркутск. Дом Трубецких. Гостиная. Фрагмент.

вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью? Ваша участь будет ужасная!» [154].

Позже, когда Император прочитал его показания, он сказал: «Вы знаете, что я могу вас сейчас расстрелять?!», — но затем приказал написать жене: «Я буду жив и здоров» [154].

Верховный суд приговорил его к смертной казни отсечением головы. По резолюции Николая I смертная казнь ему была заменена вечной каторжной работой, которую он отбывал в Сибири. По указу от 10 июля 1839 г. отправлен на поселение в село Оёк Иркутской губернии. Его жене было разрешено проживать с детьми в Иркутске, а ему временно их навещать. По манифесту об амнистии от 26 августа 1856 г. восстановлен в правах дворянства, но без княжеского титула, который был дарован его детям особым Указом от 30 августа 1856 г. [42, 154].

Сергей Петрович переехал на жительство в Москву. Вскоре ему было разрешено приезжать на время в Петербург для свидания с дочерью. Умер в Москве. Оставил «Записки», впервые изданные А. И. Герценом в 1863 г. [42, 154].

Княгиня Екатерина Ивановна (1800—1854), урожденная графиня Лаваль, жена декабриста князя С. П. Трубецкого. Первой из жен декабристов последовала за мужем в Сибирь (июль 1826). В Иркутске, задержанная властями, официально отреклась от гражданских прав и дворянских привилегий. Н. А. Некрасов увековечил ее имя в поэме «Русские женщины» [8].

21. Александр Петрович (1792—1853), полковник [42].



Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая. 1828 г.

22. Петр Петрович (1793—1840), действительный статский советник, начальник Одесского таможенного округа. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Награжден орденами за отличие в боях и повышен в чине. Уволен в 1821 г. в чине полковника с определением к статской службе. Масон, член ложи «Соединенных славян» в Киеве (1820—1822). Член «Союза благоденствия». Николай I повелел «оставить без внимания» [42].

23. Никита Петрович (1804—1855), церемониймейстер [42].

27. Николай Николаевич (1836—1902), генерал-лейтенант (1891), Минский губернатор с 1886 г. После окончания гимназии поступил унтер-офицером в Полтавский пехотный полк. С 1864 г. прикомандирован к Департаменту Военного министра и в основном служил в Министерстве.

32. Сергей Никитич (1829—1899), действительный тайный советник, обер-гофмаршал (1888). Окончил Пажеский корпус в 1849 г. и выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1866 г. произведен в генерал-майоры. Служил в Управлении Наместника на Кавказе. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и за отличие в боях произведен в генерал-лейтенанты. В 1884 г. назначен гофмаршалом с переименованием в тайные советники.

Родословное древо второй ветви князей Трубецких приведено в таблице 19 [44, кн. А. В. Трубецкой].

Из князей Трубецких второй ветви наиболее известны:

30—1. Иван Юрьевич Меньшой (1703—1744), президент Юстиц-коллегии [154].

4. Николай Иванович (1796—1827), гофмейстер [44].

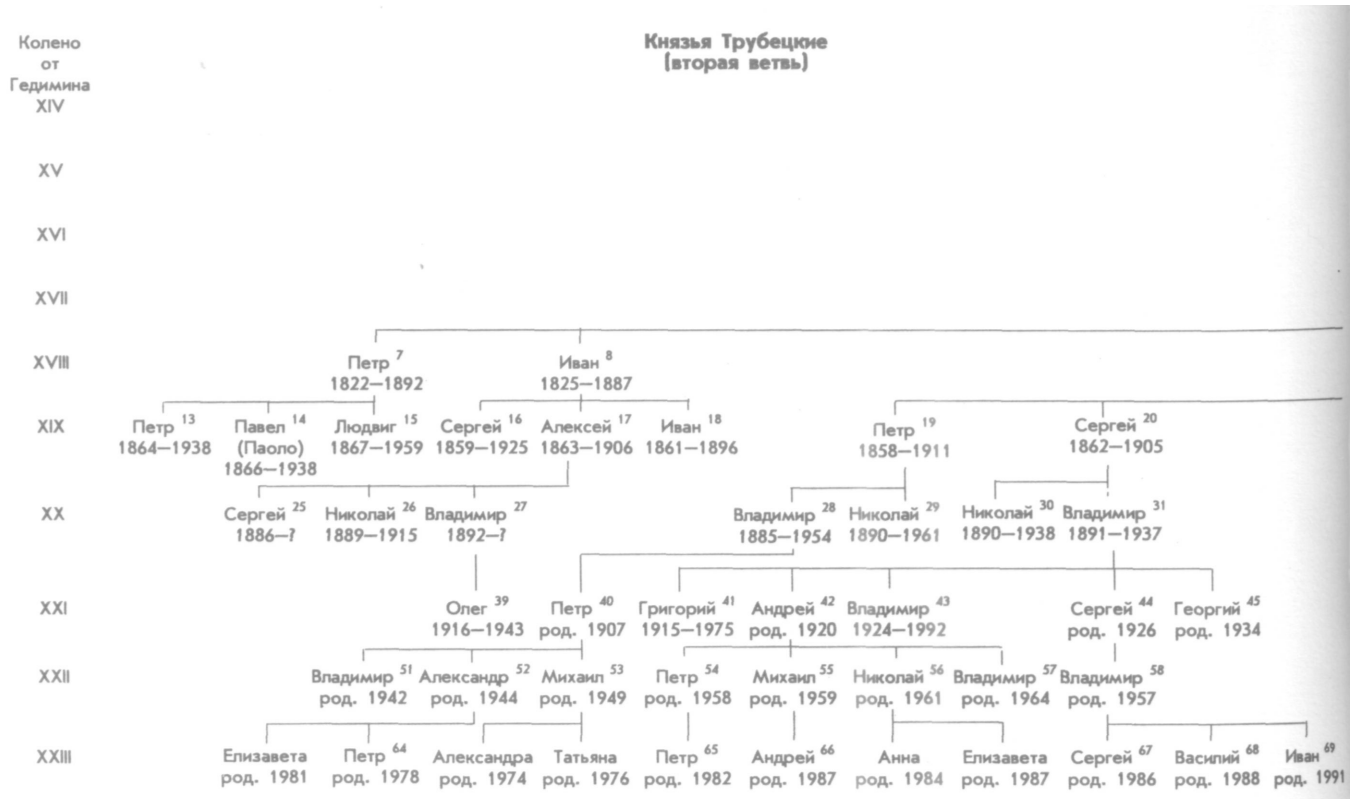
5. Петр Иванович (1797—1871), генерал-лейтенант, сенатор [44].

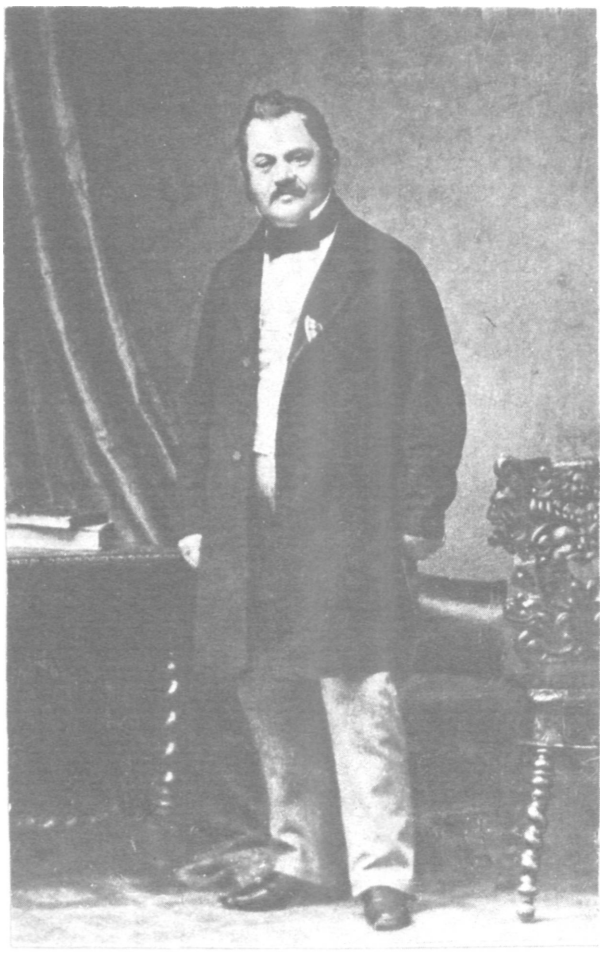
6. Алексей Иванович (1806—1855), действительный статский советник [44].

Э. Николай Петрович ^ 828—1900), действительный тайный советник, Калужский вице-губернатор, затем почетный опекун в Москве, один из организаторов Русского музыкального общества, преобразованного затем в Московскую консерваторию [кн. А. В. Трубецкой].

10. Александр Петрович (1830—1872), майор, участник Крымской войны 1853—1856 гг.

14. Павел (Паоло) Петрович (1866—1938). Родился от брака, не признанного в России, Скульптор-импрессионист. Работал в частных студиях (1884) и в собственной мастерской (1885—



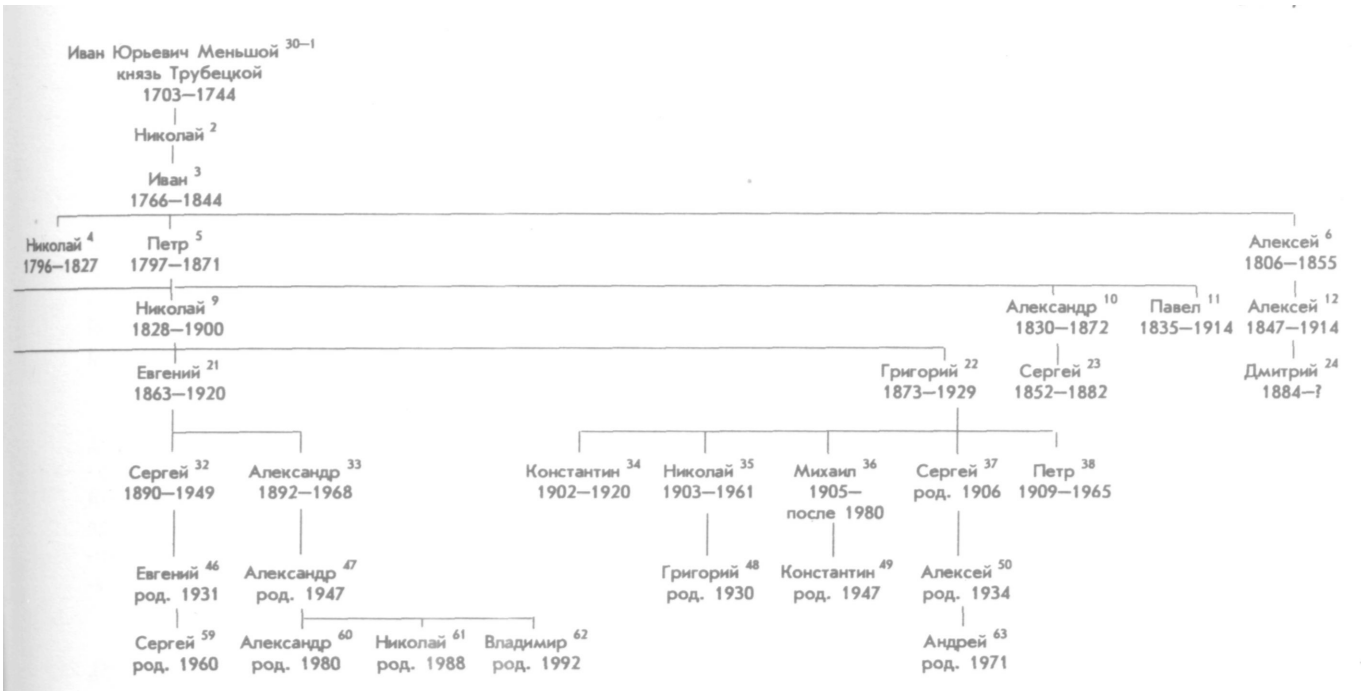


Князь Петр Иванович Трубецкой.

1897) в Минске. В 1897—1906 гг. жил в Петербурге и в Москве (преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества), с 1906 г. — во Франции, США и Италии. В своих произведениях (преимущественно жанровые и портретные статуэтки, а также портретные бюсты) он стремился к жизненной непосредственности образа. Остро и точно схватывая движения, жест, характер людей, он запечатлевал их в быстрых пластических набросках. Исполненные в технике лепки экспрессивными раздельными мазками, сохраняющими часто отпечатки пальцев скульптора на сырой глине, они отличались живописной, богатой световыми эффектами пластической формой («Московский извозчик» (1898) и портрет Л. Н. Толстого (1899) — оба бронза, Русский музей в Санкт-Петербурге). Он автор памятника Императору Александру III в Петербурге (бронза, 1900—1906) [8].

19. Петр Николаевич (1858—1911), действительный статский советник, камергер. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1893 г. избран Московским губернским предводителем дворянства. В 1894 г. обратился с письмом к Николаю II, в котором предупреждал молодого Царя об угрозе революции и призывал опереться на общественность в осуществлении реформ [кн. А. В. Трубецкой].

20. Сергей Николаевич (1862—1905), русский религиозный философ, последователь и друг В. С. Соловьева, публицист и общественный деятель. Окончил Московский университет (1885),





Князья Трубецкие (фото конца XIX в.).

Первый ряд (сидят на полу): Марина Николаевна, в супружестве — княгиня Гагарина и Григорий Николаевич. Второй ряд (сидят): Сергей Николаевич; Вера Николаевна, в супружестве — Лермонтова; Николай Петрович, отец; Евгений Николаевич; Антонина Николаевна, в супружестве— Самарина. Третий ряд (стоят): Елизавета Николаевна, в супружестве — Осоргина; Софья Алексеевна, мать, урожденная Лопухина; Ольга Николаевна; господин Ф. Д. Самарин; Александра Николаевна, в супружестве — Черткова.

где с 1900 г. был профессором философии, а в 1905 г. избран ректором. По политическим взглядам — сторонник конституционной монархии. Как представитель земских и городских деятелей обратился к Николаю II с речью, в которой призывал к реформам. Член I Государственной думы. Основные труды князя Сергея Николаевича: «Метафизика в Древней Греции», «Учение о логосе в его истории», «О природе человеческого сознания», «Основы идеализма» [кн. А. В. Трубецкой].

21. Евгений Николаевич (1863—1920), русский религиозный философ, последователь и друг В. С. Соловьева, правовед и общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1885), доктор философии (1897), профессор в Киеве и в Москве (1906—1918), инициатор создания книгоиздательства «Путь» (1910—1917) и идеолог связанного с ним религиозно-философского направления. Политические взгляды его эволюционизировали от кадетизма к мирообновленчеству. В годы гражданской войны находился в рядах Добровольческой армии [8].

22. Григорий Николаевич (1873—1929), видный дипломат предреволюционных лет, участник организации Белого движения, известный религиозный деятель в русском Зарубежье, где содействовал созданию Троице-Сергиевского подворья и Богословского института [кн. А. В. Трубецкой].

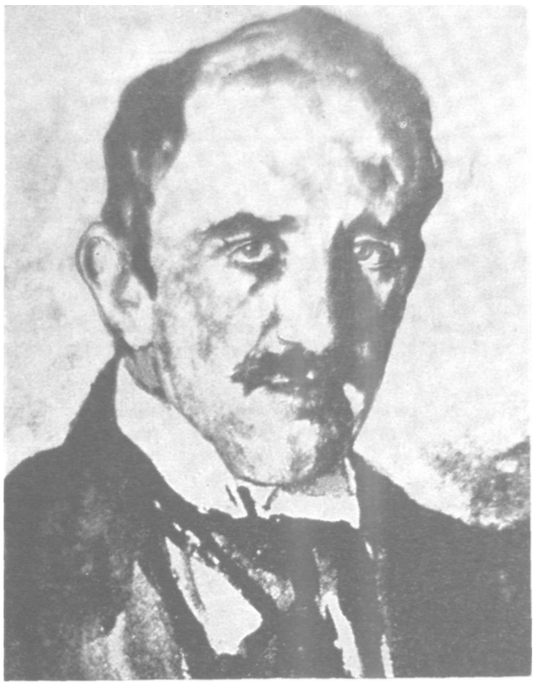
30. Николай Сергеевич (1890—1938), русский языковед. Окончил Московский университет (1913), слушал лекции в Лейпцигском университете (1913—1914), приват-доцент Мос-



Князь Александр Петрович Трубецкой.



Князь Петр Николаевич Трубецкой.



Князь Павел (Паоло) Петрович Трубецкой (портрет работы Серова).

ковского университета (1915—1916), профессор Ростовского университета (1918), член Венской Академии наук (1930), один из теоретиков Пражского лингвистического кружка. Исследовал историю славянских языков. Разработал принципы фонологии как особой лингвистической дисциплины [8].

Он был также одним из основателей движения евразийцев. Будучи профессором Венского университета, выступал с критикой расовой теории нацистов. После присоединения Австрии к Германии подвергался допросам в гестапо, обыскам, что ускорило преждевременную его кончину [кн. А. В. Трубецкой].

31. Владимир Сергеевич (1891—1937), гвардейский офицер полка Синих кирасир. Не эмигрировал. Принимал участие в попытке освобождения Царской семьи из заключения в Тобольске. В Белом движении не участвовал. В годы Советской власти на жизнь многочисленной семьи (восемь детей) зарабатывал как музыкант ресторанных оркестров, публиковал охотничьи рассказы под псевдонимом «В. Ветов». Только в 1990-х гг. вышли в свет его неоконченные воспоминания «Записки кирасира». Шесть раз он арестовывался. Седьмой арест закончился трагически — князь Владимир Сергеевич был расстрелян 30 октября 1937 г. Посмертно реабилитирован. Вместе с ним была расстреляна дочь *Варвара* (1917—1937). Другая дочь, *Александра(\919*—1943), арестованная тогда же, скончалась в лагере. Сын *Григорий* (1915—1975) провел в лагере десять лет — с 1937 по 1947 г. Жена Владимира Сергеевича, *Елизавета Владимировна,* урожденная княжна *Голицына* (1889—1943), была арестована в 1943 г. и скон-

чалась в Бутырской тюрьме. Три сына Владимира Сергеевича: *Андрей* (род. 1920), *Владимир* (1924—1992) и *Сергей* (род. 1926) — участники Великой Отечественной войны. В настоящее время (1993) *Андрей Владимирович* — доктор биологических наук, *Владимир Владимирович* — кандидат исторических наук, востоковед, *Георгий Владимирович* (род. 1934) — кандидат сельскохозяйственных наук [кн. А. В. Трубецкой].

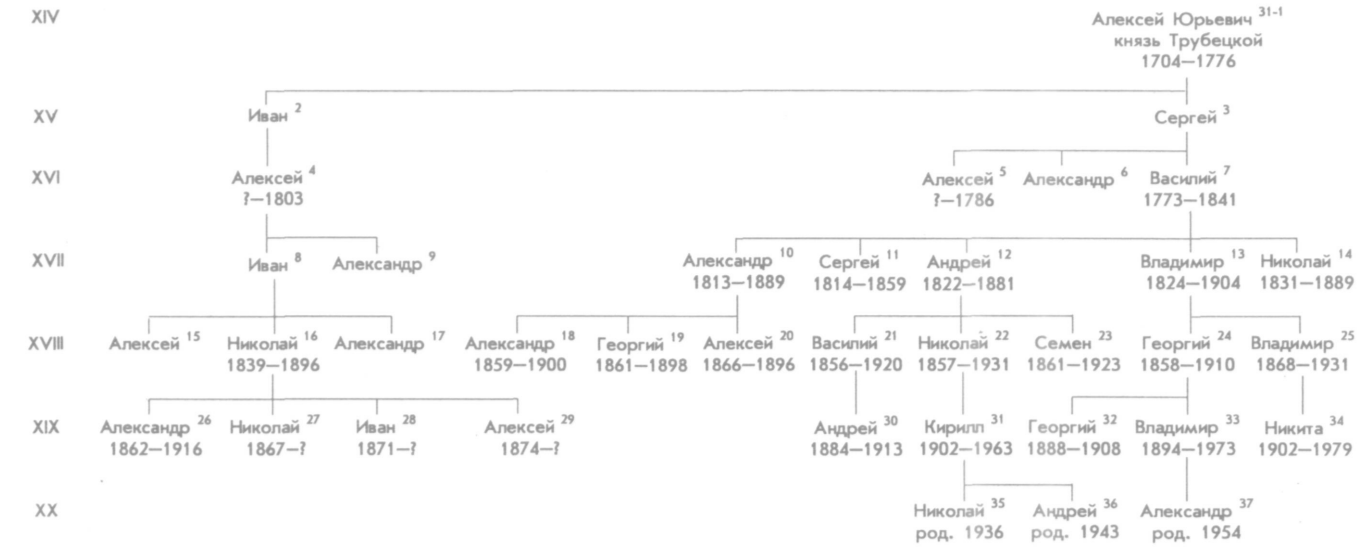
32. Сергей Евгеньевич (1890—1949). В первые послереволюционные годы участвовал в работе контрреволюционных организаций в Москве. Был арестован и приговорен к расстрелу, но затем выслан за границу, где принимал активное участие в антисоветской деятельности РОВС («Российского Общевоинского Союза») [кн. А. В. Трубецкой].



Князь Владимир Сергеевич Трубецкой, только что произведенный офицер полка Синих кирасир в парадной форме (фото 1912 г.).

Князья Трубецкие (третья ветвь)

Таблица 20





Князь Сергей Григорьевич Трубецкой и Любовь Александровна Оболенская (Атлантик-Сити, 1933).

37. Сергей Григорьевич (род. 1906), составитель родословной князей Трубецких, которая издана в 1976 г. в Канаде [кн. А. В. Трубецкой].

Княгиня Елизавета Эсперовна Трубецкая, урожденная княжна Белосельская-Белозерская, автор нескольких работ по генеалогии рода князей Трубецких, в том числе «Сказания о роде князей Трубецких» [кн. А. В. Трубецкой].

Родословное древо третьей ветви князей Трубецких приведено в таблице 20 [44, кн. А. В. Трубецкой].

Из князей Трубецких третьей ветви наиболее известны:

7. Василий Сергеевич (1773—1841), генерал-от-кавалерии, член Государственного Совета [44].



Князь Василий Сергеевич Трубецкой.



Княгиня Екатерина Петровна Трубецкая (1781—1839), супруга князя В. С. Трубецкого.

Таблица 21

Князья Трубецкие (четвертая ветвь)

Колено от Гедимина	
XIV	Дмитрий Юрьевич [34-1] князь Трубецкой ?—1792
XV	Иван [2] ?—1827
XVI	Юрий [3] ?—1850 — Николай [4]
XVII	Иван [5] 1841—1915
XVIII	Юрий [6] 1866—1926



Князь Дмитрий Юрьевич Трубецкой. 1790-е гг.



Княгиня Варвара Ивановна Трубецкая. Начало XIX в.

11. Сергей Васильевич (1814—1859). Из камер-пажей в возрасте 18 лет поступил корнетом в Кавалергардский полк. В 1834 г. «за известную Его Императорскому Высочеству шалость» был переведен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. «Шалость» заключалась в том, что в день рождения нелюбимого полкового командира князь вместе с другими офицерами устроил примерные пышные «похороны» генерала. В том же году возвращен в Кавалергардский полк, но в 1835 г. переведен в Орденский кирасирский полк. В 1840 г. переведен на Кавказ, где был секундантом Мартынова во время дуэли последнего с Лермонтовым. В 1843 г. вышел в отставку. В 1851 г. увез жену Жадимировского, Лавинию Александровну, но при попытке перейти границу они были арестованы. Князя Трубецкого, лишив княжеского достоинства, потомственного дворянства и офицерского звания, отправили рядовым в полк с правом выслуги. В 1855 г. в чине подпоручика уволен от службы, с возвращением дворянства и княжеского достоинства. Жил и умер в своей деревне, куда к нему приехала Жадимировская [153а].

Родословное древо четвертой ветви князей Трубецких приведено в таблице 21 [44, кн. А. В. Трубецкой].

Из князей Трубецких четвертой ветви наиболее известны:

34—1. Дмитрий Юрьевич (1720-е—1792). Был известен и почитаем в Московском обществе. Двоюродный дядя Сергея Львовича Пушкина, отца великого поэта, прадед графа Льва Николаевича Толстого [143а].

Варвара Ивановна (ум. 1788), жена предыдущего, дочь князя Ивана Васильевича Одоевского, сенатора (ум. 1764), любимица Императрицы Елизаветы Петровны. Прабабка графа Л. Н. Толстого. Упоминается в его набросках к роману из Петровской эпохи [143а].

3. Юрий Иванович (ум. 1850), действительный статский советник [44].

КНЯЗЬЯ ЧАРТОРЫСКИЕ

Чарторыские (Чарторыйские, Чарторижские) * — княжеский род, получивший свою фамилию от названия родового владения Чарторыйск над рекой Стырь на Волыни [30, 154].

Первый документально известный носитель этой фамилии — князь *Василий,* отец князей *Ивана, Александра* и *Михаила,* принимавших участие в заговоре на жизнь Великого князя Сигизмунда Кейстутовича. В старой польской генеалогической литературе эту семью иногда возводили к князю *Любарту Ольгердовичу.* Впоследствии историки признали доказанным их происхождение от другого сына Ольгерда (от первого брака) — князя *Константина,* некоторое время княжившего в Чернигове. Его сыновьями были *Глеб, Григорий (Грицко)* и уже упоминавшийся *Василий,* родоначальник собственно Чарторыских ** [44, 154].

Родословное древо князей Чарторыских приведено в таблице 22 [44, 154].

Из князей Чарторыских наиболее известны [44]:

2. Михаил Васильевич. В 1445 г. был маршалком Великого князя Литовского Свидригайло.

4. Александр Васильевич, некоторое время был на московской службе, наместником Псковским и Новгородским.

7. Александр Федорович, воевода Волынский, в 1569 г. он и его брат, князь Иван Федорович, немало содействовали заключению Люблинской унии [154].

11. Юрий Александрович. С ним пресеклась старшая линия княжеского рода Чарторыских.

12. Ян (Иван) Иванович, сподвижник и друг Польского Короля Стефана Батория.

13. Юрий Иванович, в 1622 г. [154] или в 1638 г. [44] перешел в католичество и был ревностным поборником этого вероисповедания, оказывая сильное покровительство иезуитам [44, 154].

14. Михаил Васильевич. С его смертью в 1544 г. пресеклась младшая ветвь княжеского рода Чарторыских.



Герб князей Чарторыских.

Герб рода — герб Великого княжества Литовского «Погонь» («Погоня») — на серебряном коне, покрытом трехконечным, с золотой каймой ковром, серебряный всадник в вооружении с поднятым мечом и щитом, на котором осьмиконечный крест.

16. Адриан (Андрей) Юрьевич, монах католического ордена бернардинцев.

17. Николай-Юрий, воевода Волынский, перешел в католичество вместе с отцом, князем Юрием Ивановичем.

18. Казимеж-Флориан, архиепископ Гнезненский и примас Польши в 1673 г.

19. Михаил-Ежи, воевода Сандомирский в 1682 г. и посол Польши в Москве. Стал родоначальником новой старшей ветви (Клеванской), существующей и в настоящее время [44, 154].

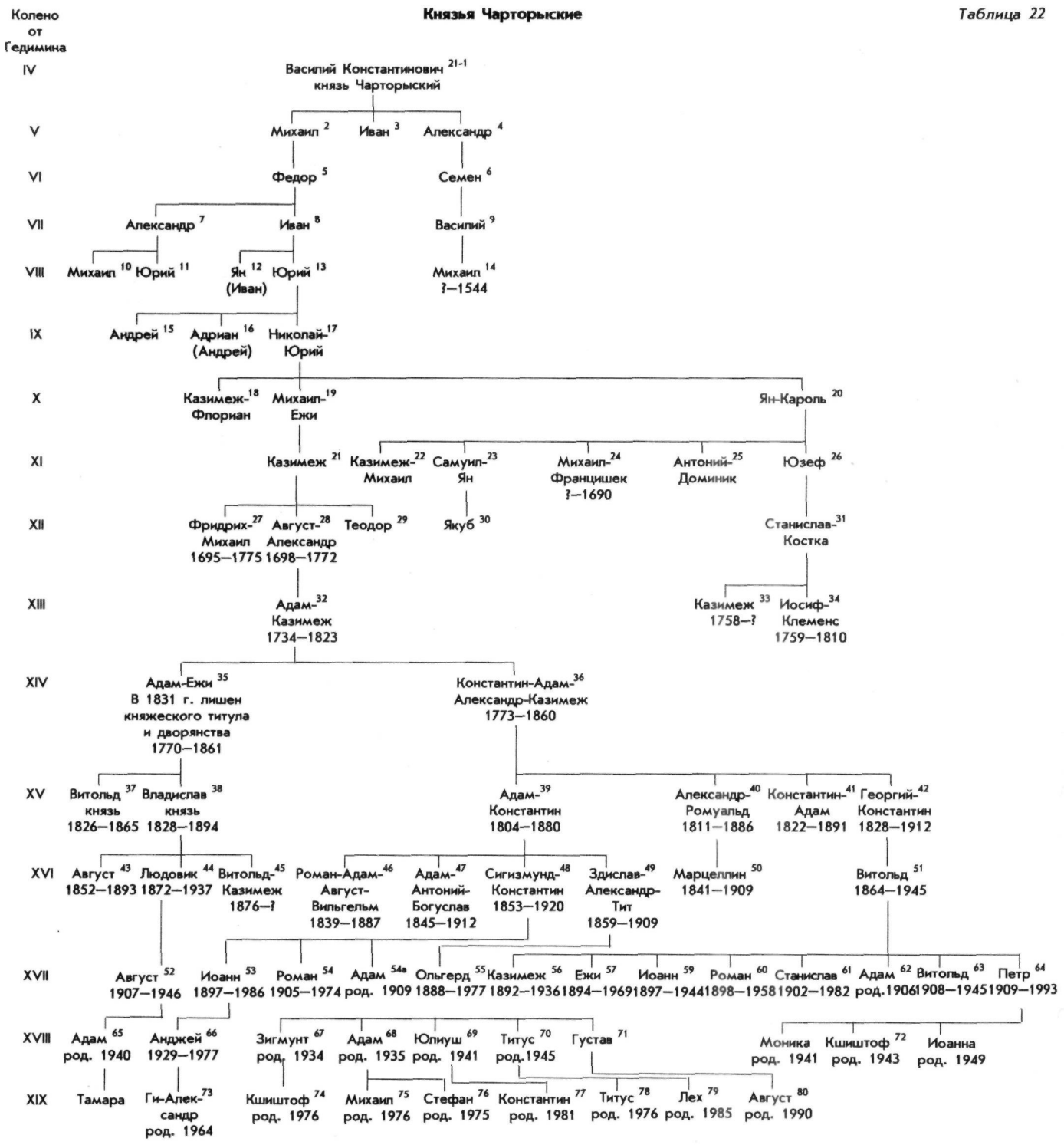
20. Ян-Кароль, подкоморий Краковский и староста Кременецкий. Стал родоначальником младшей ветви фамилии (Корецкой), угасшей в 1810 г. со смертью князя Иосифа-Клеменса [44, 154].

21. Казнмеж, Литовский подканцлер, каштелян Виленский (1724).

22. Казимеж-Михаил, каноник Краковский и Виленский.

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным с использованием материалов Т. Ленчевского (Варшава).

** Документально подтверждено, в частности, общее происхождение князей Чарторыских и князей Трубецких.



24. Михаил-Францишек, староста Кременецкий.

25. Антоний-Доминик (ум. 1690), староста Ланцкоронский.

26. Юзеф, хорунжий Великого княжества Литовского, староста Пунский.

27. Фридрих-Михаил (1695—1775), каштелян Виленский, староста Усвятский, Литовский подканцлер, а потом канцлер. Одна из его внучек (от дочери *Констанции,* которая была замужем за подскарбием Ежи Флемингом), *Изабелла Флеминг,* была выдана замуж за двоюродного дядю, князя Адама-Казимежа Чарторыского (№ 32 по таблице) и стала родоначальницей ныне существующих носителей этого титула и фамилии.

28. Август-Александр (1698—1782), воевода русский, Шеф коронной пешей гвардии.

29. Теодор, каноник Краковский и Варшавский.

31. Станислав-Костка, коронный великий ловчий.

В XVIII в. княжеский род Чарторыских приобрел столь могущественное положение в Речи Посполитой, что от него стала зависеть судьба государства. При Короле Августе III (1735—1763) образовались две политические партии, соперничавшие между собой за власть в стране. Во главе первой стояли Чарторыские — князья Фридрих-Михаил и Август-Александр (№ 27 и 28 по таблице), а во главе второй — Потоцкие. Вожди обеих партий сознавали необходимость реформы в строе Речи Посполитой и вместе с тем понимали, что осуществить эту реформу можно только при помощи иностранных держав. Партия Чарторыских (так называемая фамилия), пользовавшаяся расположением Королевского Двора, искала поддержки у России, Австрии и Англии, а Потоцкие, враждебные Двору, опирались на шляхту и обращались за помощью к Франции, Турции и Швеции. Ожесточенная борьба между партиями еще более усиливала анархию в стране, и реформаторские стремления не имели никакого успеха. Только после смерти Августа III, во время бескоролевья в 1763—1764 гг., Чарторыским удалось отчасти осуществить проект реформ. Чарторыские не потеряли своего первенствующего положения и в дальнейшей истории Польши [154].

32. Адам-Казимеж (1734—1823), польский государственный деятель. Завершил свое образование за границей, путешествуя по Германии, Франции, Италии и Англии; в последней стране он проникся пристрастием к английским порядкам. Вернувшись на родину, выгодно женился на наследнице обширных владений Изабелле Флеминг, внучке своего дяди, канцлера князя Фридриха-Михаила (№ 27 по таблице). Получив должность генерала земель Подольских, он играл значительную роль в политической жизни Речи Посполитой; был даже кандидатом на польский Престол, от которого отказался в пользу своего двоюродного брата графа Станислава Понятовского. Как комендант Варшавского кадетского корпуса и член эдукационной комиссии оказал немаловажные услуги делу просвещения. Четырехлетний сейм посылал его в Дрезден с поручением предложить Польскую Корону Курфюрсту Фридриху-Августу. В 1805 г. он принимал в Пулавах Императора Александра I, что породило в польском обществе надежду на осуществление политического плана, составленного сыном Адама-Казимира, князем Адамом-Ежи. Взятый в плен князем Иосифом Понятовским во время войны Наполеона I с Австрией (1809), князь Адам-Казимеж переменил австрийское подданство на подданство Варшавского Великого герцогства, хотя и был австрийским фельдмаршалом (с 1 января 1808 г.). В 1812 г. был маршалом Варшавского сейма. Написал несколько литературных произведений, из которых некоторые были напечатаны, как, например, комедия «Раппа па wydaniu» [154].

В 1786 г. князь Адам-Казимеж получил от Императора Иосифа II титул князя Римской Империи для всех потомков своих и, сверх того, для старшего в роде — достоинство Герцога по Королевству Галицийскому с титулом Герцога Клеванского и Цукаусского [44].

Его жена, княгиня Изабелла, в молодости легкомысленная красавица, поддерживала близкие отношения с русским послом в Варшаве князем Н. В. Репниным, которого людская молва упорно называла истинным отцом ее сыновей. Впоследствии она была одной из вдохновительниц польского патриотического движения, а ее дворец в Пулавах в начале XIX в. стал центром польской общественной жизни.

35. Адам-Ежи (Адам Адамович) (1770—1861), известный польский политический деятель. Отец и мать старались дать ему и его брату, *Константину-Адащ-Александру-Казимежу,* возможно лучшее образование, для чего приглашали к ним известных педагогов и отправили их в путешествие по Европе (1786). Для завершения образования он посетил в 1791 г. Англию, где особенно внимательно изучал конституцию страны. Участие в- военных действиях 1792 г. против русских заставило его эмигрировать; он вторично отправился в Англию. Узнав о восстании Костюшки, князь хотел возвратиться на родину, но в Брюсселе по распоряжению австрийских властей был арестован и таким образом лишен возможности принять участие в восстании. Однако восстание повлекло за собой конфискацию имений Чарторыских. Императрица Екатерина II обещала возвратить их молодым Чарторыским, если они будут присланы к ее Двору как бы в качестве заложников. В 1795 г. оба брата отправились в Петербург: Адам-Ежи сблизился с Великим князем Александром Павловичем; между ними завязалась тесная дружба, возбудившая впоследствии подозрение Императора Павла I. В результате Адам-Ежи под благовидным предлогом был удален из Петербурга: Император назначил его послом к Сардинскому Двору. В 1801 г. Адам-Ежи возвратился в Петербург по вызову своего царственного друга, теперь Императора, желавшего пользоваться его советами. Чарторыский вошел в состав так называемого «Негласного комитета», с которым Император совещался о задуманных им преобразованиях. Александр оказывал своему польскому другу большое доверие. В 1803 г. он назначил его попечителем Виленского учебного округа и помощником государственного канцлера Воронцова; когда последний заболел и удалился в деревню, Чарторыский вступил в управление Министерством иностранных дел. Заключение Россией союза с Австрией и Англией и объявление войны Наполеону было делом Адама-Ежи, составившего смелый план переустройства Европы. Согласно этому плану, восстанавливалось Польско-Литовское государство, но в



Князь Адам-Ежи (Адам Адамович) Чарторыский.

самой тесной политической унии с Россией. Отправляясь в действующую армию, Александр заехал в резиденцию Чарторыских Пулавы, что породило в польском обществе надежду на восстановление государства [126, 154].

Поражение при Аустерлице охладило отношение Императора к Чарторыскому и его плану. В начале 1807 г. Адам-Ежи покинул пост министра иностранных дел, но остался в Петербурге и продолжал оказывать некоторое влияние на Императора, охотно с ним беседовавшего и прислушивавшегося к его советам. В 1810 г. выехал из Петербурга навсегда и был назначен попечителем Виленского учебного округа, активно содействовал развитию польских школ на Украине, в Белоруссии и Литве [126, 154].

Сношения между друзьями молодости, однако, не прекратились. В своих письмах Император выражал полное расположение к князю и его семье. В 1810 г. он поручил ему указать способы, которыми можно было бы отвлечь поляков от той восторженной преданности, которую они чувствовали к Наполеону. Победа Александра над последним дала возможность Чарторыскому снова приблизиться к своему другу и оказывать на него влияние. На Венском конгрессе в 1815 г. он энергично помогал Императору преодолевать препятствия, возникавшие на пути осуществления проекта образования Царства Польского, и был одним из деятелей, способствовавших организации края. Польское общественное мнение пророчило Чарторыского на пост Наместника Царства, но он получил только звание сенатора-воеводы и члена административного совета. В делах страны он непосредственного участия не принимал, но не переставал интересоваться ими и делал по различным вопросам свои представления. Император, однако, не оказывал ему прежнего расположения, а сфабрикованное сенатором Новосильцевым громкое дело о молодежных революционных кружках в Виленском университете окончательно лишило Чарторыского доверия Александра I, и в 1823 г. он вынужден был сложить с себя звание попечителя Виленского учебного округа [126, 154].

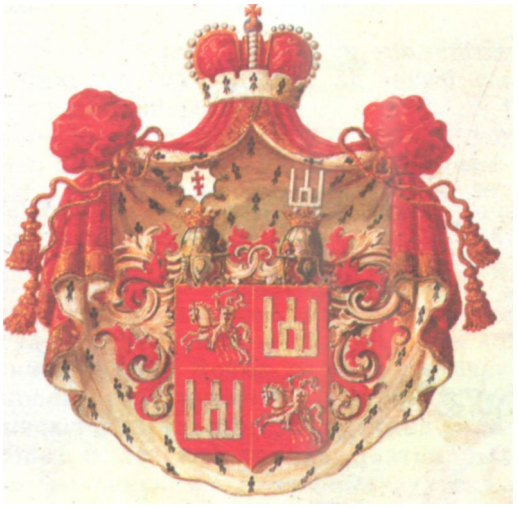
До 1830 г. политическо-общественное значение Чарторыского было самое незначительное; он жил преимущественно в Пулавах, занимаясь наукой и литературой. Восстание 1830 г. вернуло его на политическое поприще: он занял пост президента Сената и национального правительства. Подавление восстания вынудило престарелого князя эмигрировать. Он поселился в Париже, где и оставался до конца своей жизни. Его дом («Hotel lambert») сделался центром деятельности консервативной партии польских эмигрантов. Чарторыский был пожизненным президентом литературного и исторического обществ, которые потом соединились в одно — историко-литературное, и руководил другими учреждениями, организованными консервативной партией, которая смотрела на него как на будущего Короля Польши. Умер в 1861 г. [126, 154].

За участие в восстании 1830—1831 гг. князь Адам-Ежи Чарторыский по приговору суда, утвержденному Николаем I, был лишен княжеского титула и дворянского достоинства Российской Империи [44].

36. Константин-Адам-Александр-Казимеж (1773—1860), генерал. Вместе со своим старшим братом Адамом-Ежи путешествовал за границей для завершения образования. В 1795 г. оба брата были отправлены в Петербург, младший по вступлении на Престол Императора Павла назначен был бригадным генералом и адъютантом при Великом князе Константине Павловиче. Когда в 1798 г. Адам-Ежи отправился послом к Сардинскому Двору, Константину-Адаму разрешено было возвратиться в Пулавы к родителям. В 1809 г., во время войны Наполеона с Австрией, он сформировал на свои средства полк и сражался с австрийцами как генерал Варшавского Великого герцогства. В 1812 г. принимал участие со своим полком в русской кампании Наполеона и отличился при взятии Смоленска. Тяжело раненный под Можайском, оставил ряды войска. После образования Царства Польского был назначен генерал-адъютантом Императора Александра I. С 1830 г. до самой смерти жил частным человеком в Вене [126, 154].

38. Владислав (1828—1894), после смерти отца и старшего брата, как старший в роде, унаследовал титул Герцога. Породнился с Французским Королевским Домом, женившись вторым браком на Принцессе Маргарите Орлеанской.

КНЯЗЬЯ САНГУШКО



Герб князей Сангушко.

Щит четырехчастный. В первой и четвертой частях герб Великого княжества Литовского «Погонь»; во второй и третьей частях родовой герб князей Сангушко. Над щитом два шлема. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Сангушко * — княжеский род, о происхождении которого в польской генеалогической литературе существует несколько версий. Сами члены рода с XVII в. употребляли прозвание «Любартовичи», считая своим родоначальником *Любарта Гедиминовича,* князя Волынского. В действительности родоначальник этой семьи, князь *Сангушко Федькович (Федорович),* упоминаемый вместе с братьями — князем *Романом* (родоначальником угасшего рода князей Кобринских) и князем *Гуркой Федоровичем,* были сыновьями князя Ратненского *Федора Ольгердовича.* Некоторые авторы полагают, что имя *Сангушко,* превратившееся затем в фамилию этой семьи, произошло от имени *Семен, Сенько.*

Род князей Сангушко был сравнительно немногочисленным; благодаря бракам унаследовал владения угасших родов князей Заславских и Острожских, но лишь немногие представители этой семьи занимали высокие должности в Речи Посполитой.

После разделов Польши князья Сангушко были признаны в княжеском достоинстве в Российской Империи и в австрийской Галиции, где этот род продолжалея и после того, как в 1881 г. угасла российская ветвь рода.

* Статья написана С. В. Думиным.

Герб князей Сангушко внесен в «Общий Гербовник», часть X, под № 6 [104].

Родословное древо князей Сангушко приведено в таблице 23 [44, 154, 164, 170].

Из князей Сангушко наиболее известны [154, 164, 169, 170]:

4. Сангушко Федькович, владелец Ковеля, Ратна, Любомля, Вижбы и Кошерска на Волыни, упоминается в 30-е гг. XIV в. в правление Великих князей Сигизмунда Кейстутовича, Свидригайло и Казимира; последний вернул ему в 1443 г. отобранные ранее владения [164]. Его род записан в синодик Киево-Печерской лавры.

7. Александр Сангушкович (ум. после 1491), некоторое время был старостой Владимиро-Волынским.

8. Михаил Сангушкович, в конце XV в. получил от Великого князя Александра имение Ковель на Волыни.

10. Андрей Александрович (ум. 1534), наместник Кременецкий, Брацлавский, Винницкий, Владимиро-Волынский, маршалок Волынской земли.

12. Василий Михайлович (ум. 1558), по владению Ковелем стал именоваться Сангушко-Ковельским.

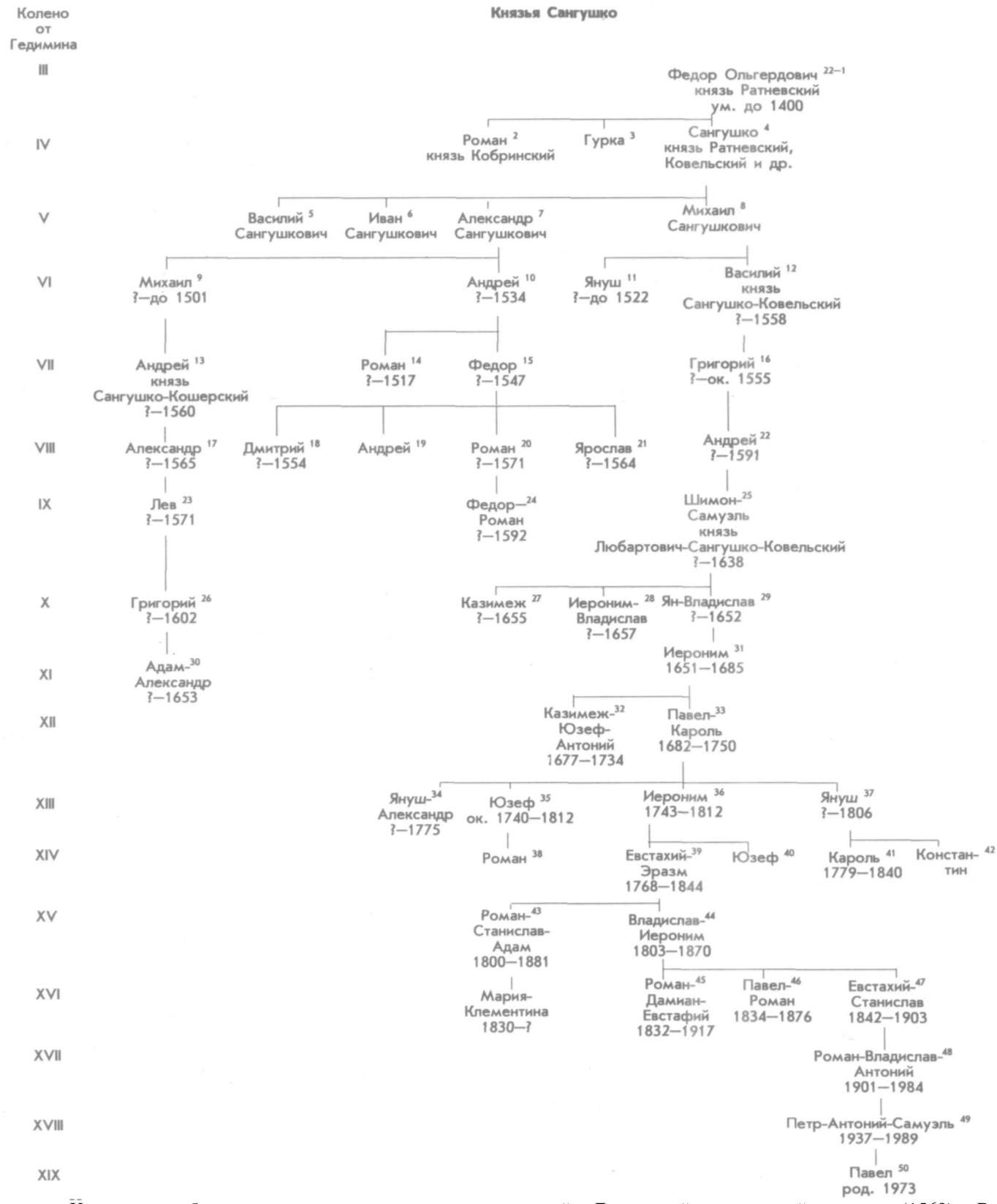
13. Андрей Михайлович (ум. 1560), староста Луцкий, маршалок Великого князя. От доставшегося по разделу с дядей имения Кошерск стал именоваться (потомственно) Сангушко-Кошерским.

14. Роман Андреевич (ум. 1517), староста Винницкий и Браславский. Погиб в сражении с татарами.

15. Федор Андреевич (ум. 1547), староста Владимиро-Волынский с 1531 г., затем маршалок Волынской земли с 1535 г.

17. Александр Андреевич (ум. 1565), маршалок Великого князя.

18. Дмитрий Федорович (ум. 1554), староста Житомирский, Черкасский и Каневский. В сентябре 1553 г. женился на дочери и наследнице умершего князя Ильи Острожского княжне Гальшке. Венчание состоялось вопреки воле матери невесты, которая, обвинив князя Дмитрия



перед Королем, добилась для нежеланного зятя смертного приговора. При попытке бежать за границу был убит преследователями.

20. Роман Федорович (ум. 1571), староста Житомирский, затем воевода Брацлавский, Литовский надворный гетман (1569). Во время Ливонской войны зарекомендовал себя опытным полководцем. В 1568 г. одержал победу под Улой. Известен также подвигами в сражениях против татар и турок. В 1569 г. подписал в Люблине акт унии Литвы и Польши

25. Шимон-Самуэль Андреевич (ум. 1638), кастелян Мстиславский с 1620 г., затем Витебский, с 1621 г., и воевода с 1626 г., староста Суражский. Принял католичество. При Царе Михаиле Федоровиче возглавлял польское посольство в Москву. Один из образованнейших людей своего времени, обладатель богатой библиотеки, составил генеалогию рода Сангушко, возводившуюся к Любарту. Он и его потомки прибавляли к фамилии прозвание «Любартовичи».

26. Григорий Львович (ум. 1602), кастелян Брацлавский с 1588 г., активный участник съезда православных в Вильно в 1599 г., в 1601 г. был в числе знати, принявшей под свое покровительство Львовское православное братство.

27. Казимеж (ум. 1655), погиб во время русско-польской войны.

28. Иероним-Владислав (ум. 1657), католический священник, каноник Виленского капитула. В 1643 г. престарелый епископ Виленский Абрагам Война избрал его своим коадъютором (помощником). Вскоре получил титул епископа Метонского, суфрагана (младшего епископа) Виленской епархии, затем был епископом Смоленским. Построил иезуитскую коллегию в Минске.

29. Ян-Владислав (ум. 1652), ротмистр и полковник.

30. Адам-Александр (ум. 1653), кастелян Киевский с 1618 г., затем воевода Подольский с 1621 г. и Волынский с 1630 г., последний из ветви Сангушко-Кошерских.

32. Казимеж-Юзеф-Антоний (1677—1734), староста Больницкий, надворный маршал Литовский [44].

33. Павел-Кароль (1682—1750), маршалок надворный, затем Великий маршалок Литовский, Великий гетман Великого княжества Литовского в XVIII в. [44, 126].

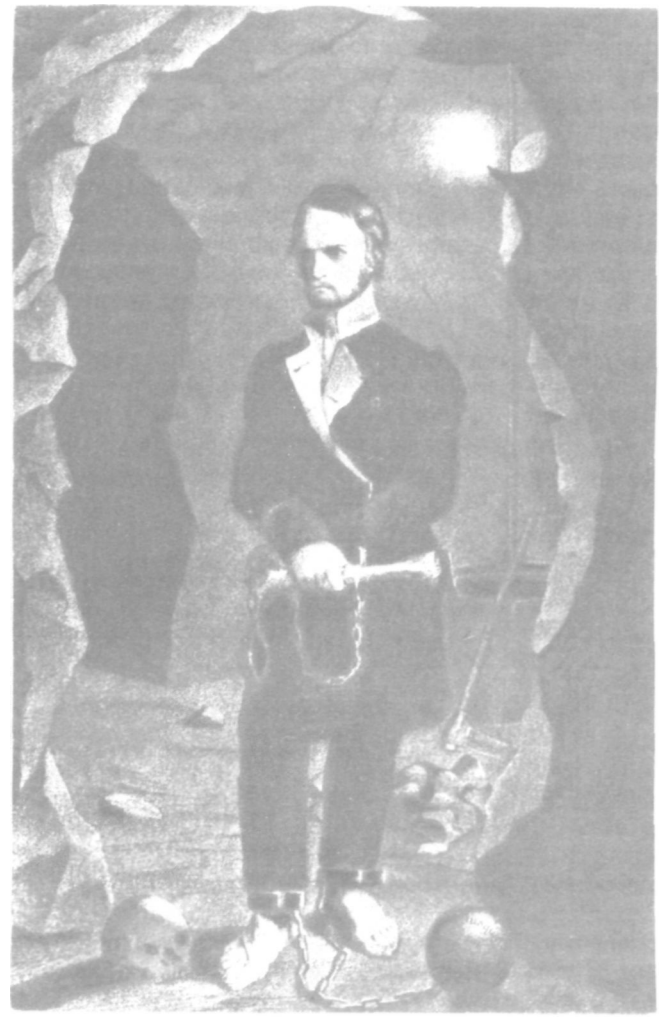
34. Януш-Александр (ум. 1775), мечник Великого княжества Литовского [44].

35. Юзеф-Паулин (ок. 1740—1781), староста Кременецкий, маршалок Великого княжества Литовского [44].

36. Иероним Павлович (1743—1812), староста Черкасский и мечник Литовский, впоследствии воевода Волынский. В 1793 г. поступил на русскую службу и получил чин генерал-поручика [44, 126, 154].

37. Януш Павлович (ум. 1806), коронный великий стражник. В 1793 г. вместе с братом Иеронимом поступил на русскую службу с чином генерал-поручика [44, 126, 154].

39. Евстахий-Эразм Иеронимович (1768—1844). С 1789 г. служил в польском войске; с 1792 г. генерал войск коронных. В 1793 г. вместе



Князь Роман-Станислав-Адам Сангушко.



Князь Януш Любартович-Сангушко.

с отцом и дядей был принят на русскую службу с чином бригадира и назначен командиром Кинбургского драгунского полка. В 1812 г. перешел на службу к Наполеону I и участвовал в кампании 1812 г., сражаясь в рядах французской армии против русских войск. За это его имения были отобраны в казну, но впоследствии он был прощен Александром I и получил все поместья обратно. Написал интересные воспоминания о событиях Отечественной войны 1812 г., изданные в Кракове в 1876 г.; русский перевод (отрывки) был помещен в «Историческом Вестнике» за август и сентябрь 1898 г. [126, 154]. Он был владельцем имений Славута, Тарное, Антонины, Бялогрудка, Шепетовка и других на Украине. Был Волынским губернским предводителем дворянства, членом Галицийского краевого парламента от магнатов.

43. Роман-Станислав-Адам (1800—1881), офицер польских войск и капитан-адъютант главнокомандующего польской повстанческой армией в 1830—1831 гг.; награжден золотым крестом ордена Виртути Милитари.

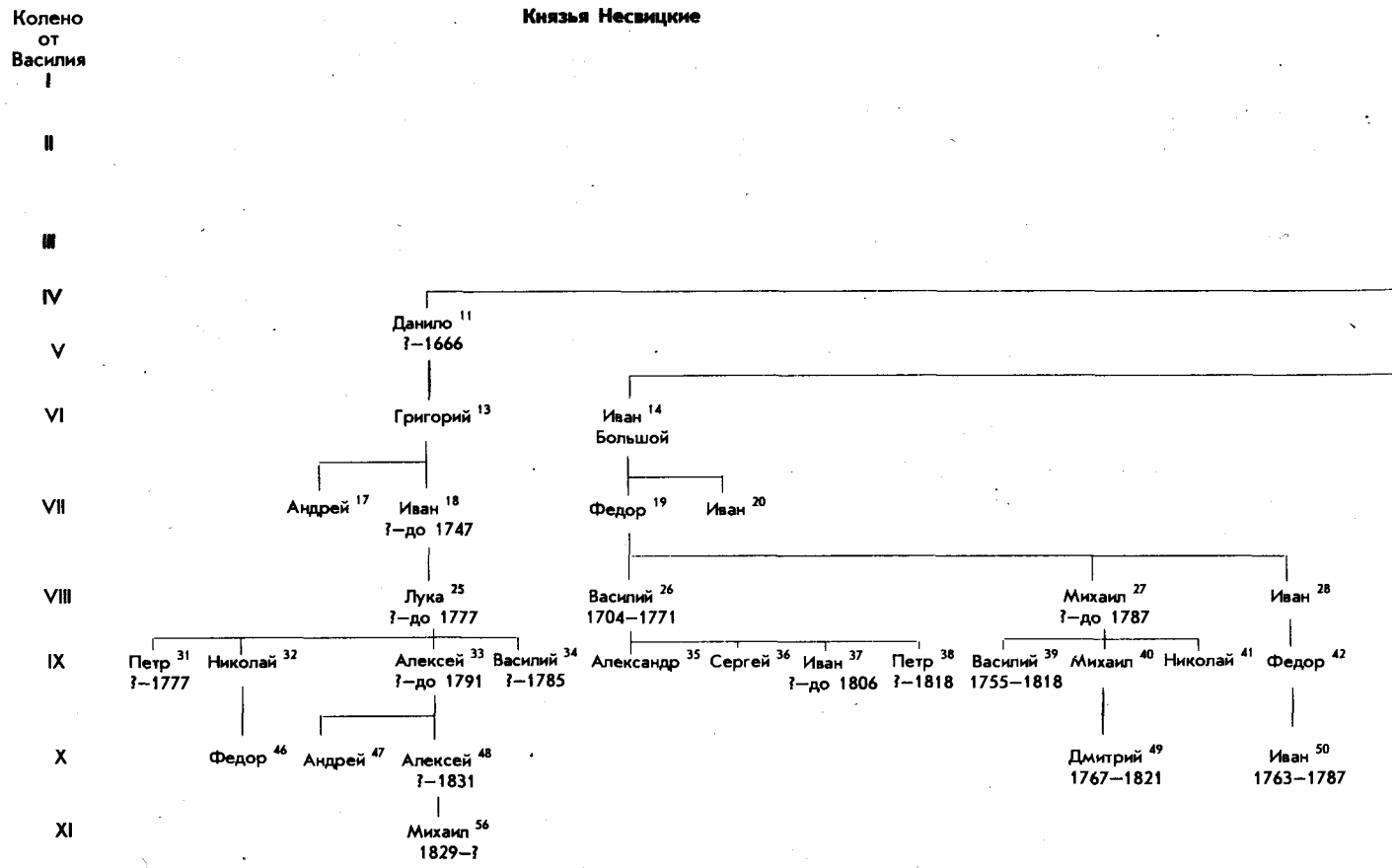
44. Владислав-Иероним (1803—1870), участник Польского восстания 1830—1831 гг., адъютант главнокомандующего. В 1831 г. награжден золотым крестом ордена Виртути Милитари. Затем был членом Галицийского парламента от магнатов, председателем Общества изящных искусств в Кракове, наследственный член Австрийской Палаты господ, тайный советник.

45. Роман-Дамиан-Евстафий (1832—?), владелец княжества Заславского, Славуты и других, капитан лейб-гвардии Конного полка, камергер Российского Императорского Двора. Издал семейный архив рода.

46. Павел-Роман (1834—1876), депутат Галицийского сейма, почетный Мальтийский кавалер.

47. Евстафий (Евстахий)-Станислав (1842—1903), наследственный член Австрийской Палаты господ, реставратор памятников старины в Галиции, тайный советник.

Князья Несвицкие



Несвицкие * — княжеский род, о происхождении которого не существует единого мнения. По одной версии, считается, что они потомки древних владетелей Литвы, по другой, — что они Рюриковичи, а по третьей, — Гедиминовичи [7а, 90в, 125].

Прозвание Несвицкие происходит не от белорусского города Несвижа, резиденции князей Радзивиллов, как полагали многие прежние авторы, а от волынского городка Несвич, лежавшего на реке Полянка к юго-западу от города Луцка. Первыми князьями Несвицкими были, по всей вероятности, Рюриковичи — потомки Святославичей. Князь *Юрий Несвицкий* погиб в числе прочих русских князей в битве с монголами на реке Калке в 1224 г. В 1388 г. упоминается князь *Григорий Несвицкий,* чуть позже — князь *Иван Несвицкий,* сыном которого многие исследователи считали князя *Федора (Федько) Несвицкого (Несвижского),* непосредственного родоначальника князей Збаражских, Вишневецких, Порецких, Воронецких и Предельницких. Но с начала XX в. в генеалогической литературе было довольно убедительно доказано тождество Федько Несвицкого с упоминаемым в те же годы поочередно с ним князем *Федором Корибутовичем,* сыном *Дмитрия (Корибута) Ольгердовича* [7а, 90в].

До сих пор окончательно не выяснена связь потомства вышеупомянутого князя Федора с князем *Василием Несвицким,* выехавшим в Москву в 1508 г. вместе с князем Михаилом Глинским и другими литовско-русскими князьями и боярами, участвовавшими в заговоре и выступлении против Короля Сигизмунда I.

Составитель наиболее полной в настоящее время родословной князей Несвицких С. В. Любимов [90в] предполагает, что князь Василий мог быть сыном князя *Семена Юрьевича Несвицкого,* т. е. правнуком князя Федько (№ 23 по таблице 4), но пока это только гипотеза.

Родословное древо князей Несвицких приведено в таблице 24 [90в, 125].

Потомки князя Федько Несвицкого в Великом княжестве Литовском — князья Вишневецкие, Збаражские и Воронецкие — употребляли герб «Корибут». В России князья Несвицкие не имели Высочайше утвержденного герба, но пользовались гербом «Тронбы». По данным С. В. Любимова [90в], этот герб украшает надгробия князей Несвицких в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Можно предположить, что жившие в России князья Несвицкие приняли герб «Тронбы» потому, что им пользовались с XV в. владельцы белорусского Несвижа — князья Радзивиллы (см. статью «Князья Радзивиллы»).

Из князей Несвицких наиболее известны [125]:

2. Михаил Васильевич, воевода войск Великого князя Василия III Иоанновича.

3. Даниил Васильевич, воевода: в Унже в 1528 г., в Чухломе в 1529—1532 гг., в правой руке войска в Галиче в 1532—1537 гг., в Плессе в 1540—1541 гг., в Костроме в 1543 г. и в Василь-городе в 1549 г.

4. Василий Васильевич, по прозвищу Ляпун, второй воевода передового полка в Муроме в 1548 г.

5. Иван Васильевич, полковой воевода.

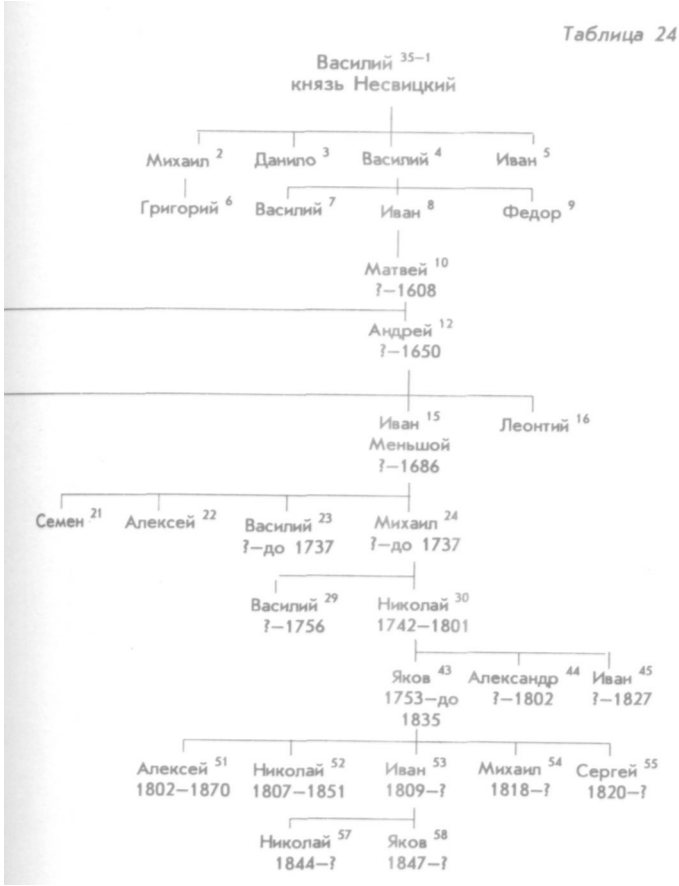
11. Данило Матвеевич (ум. 1666), стряпчий (1629), стольник, второй воевода в Мценске в 1632 г., первый воевода там же в 1639 г., первый воевода в Дорогобуже в 1654—1656 гг. В 1646 г. составил переписные книги в Кромах, Орле и в их уездах, в 1650—1652 гг. составил переписные и межевые книги г. Козлова и поместных земель [125, 126].

12. Андрей Матвеевич (ум. 1650), воевода в Новосили в 1637 г.

13. Григорий Данилович, стольник в 1650—1676 гг.

14. Иван Андреевич Большой, стряпчий в 1658—1660 гг.

Таблица 24



* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.



Князь Иван Васильевич Несвицкий.

17. Андрей Григорьевич, стольник Царицы Прасковьи Федоровны (1686), ротмистр 4-й роты стряпчих (1696).

18. Иван Григорьевич (ум. до 1747), стольник в 1687—1727 гг., хорунжий 4-й роты стряпчих (1696).

19. Федор Иванович, подполковник.

20. Иван Иванович, стольник (1692).

23. Василий Иванович (ум. до 1737), стольник (1692).

24. Михаил Иванович (ум. до 1737), стольник.

26. Василий Федорович (1704—1771), вице-адмирал. Петербургский губернатор в 1761 — 1764 гг.

27. Михаил Федорович (ум. до 1787), флота капитан-командир.

36. Сергей Васильевич, подполковник (1778).

37. Иван Васильевич (ум. 1806), будучи секунд-ротмистром лейб-гвардии Конного полка, он в 1762 г. принял участие в свержении Петра III. Тайный советник, камергер, обершенк, кавалер орденов св. Анны (1777), св. Александра Невского (1793) и св. апостола Андрея Первозванного (1797) [125, 126].

38. Петр Васильевич (ум. 1818), бригадир.

39. Василий Михайлович (1755—1818), бригадир.

44. Александр Николаевич (ум. 1802), майор.

45. Иван Николаевич (ум. 1827), подполковник.

49. Дмитрий Михайлович (1767—1821), бригадир (1786).

Князья Вишневецкие

Вишневецкие * — угасший литовско-русский княжеский род, одного происхождения с угасшим родом князей Збаражских и князьями Воронецкими. Вплоть до XIX в. эти семьи считались потомками *Корибута Ольгердовича.* Позже эта версия подвергалась сомнению, но все же большинство исследователей считает, что первый известный предок этих семей — князь *Федько Несвицкий* и сын *Корибута Ольгердовича — Федор Корибутович,* попеременно упоминаемый в документах и летописях в 1422—1435 гг., — одно и то же лицо [7а].

Внуки Федько Несвицкого от его второго сына *Василия Федоровича, Василий, Семен* и *Солтан,* после смерти отца в 1463 г. разделили наследство, и при этом старшему, Василию, достался Збараж. Его старший сын *Михаил Васильевич* стал родоначальником князей Вишневецких. От его сыновей *Ивана* и *Александра* произошли две ветви князей Вишневецких, из которых младшая пресеклась в 1673 г. со смертью *Михаила Корибута Вишневецкого,* Короля Польши с 1669 по 1673 г., а старшая — со смертью в 1744 г. князя *Михаила-Сервация,* великого Литовского гетмана и воеводы Виленского [83, 125, 154, 164, 170].

Князья Вишневецкие, Збаражские, Порыцкие и Воронецкие употребляли герб «Корибут». В «Общем Гербовнике» [104] герба князей Вишневецких нет. Нами приведен герб, помещенный в книге В. Дурасова [47].

Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.



Герб князей Вишневецких.

В красном поле щита помещен золотой полумесяц рогами вниз, а на нем серебряный крест с крестами на концах; под полумесяцем серебряная звезда о шести лучах. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан княжескою шапкою.

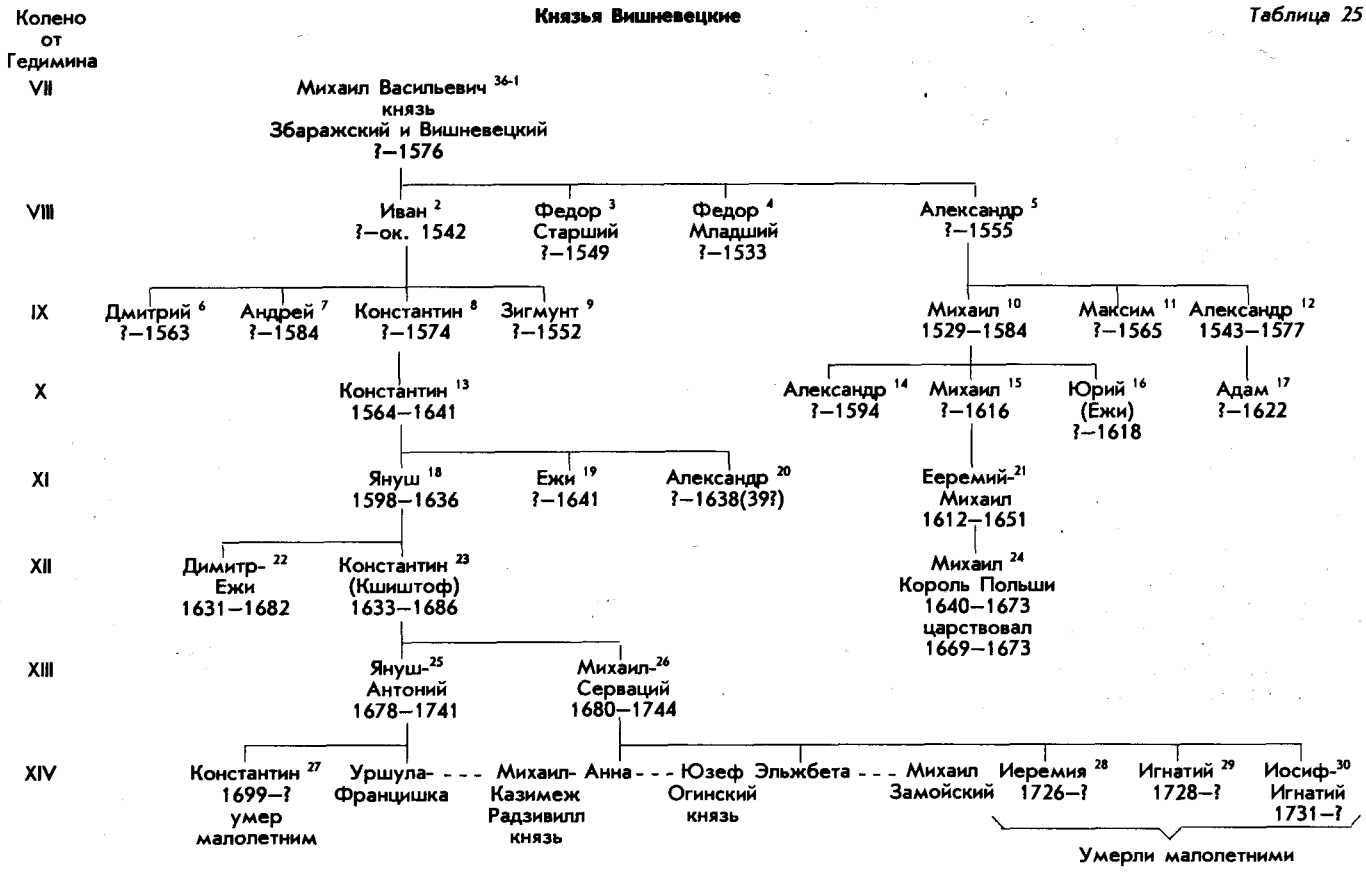
Родословное древо князей Вишневецких приведено в таблице 25 [170].

Из князей Вишневецких наиболее известны [83, 125, 154, 164, 170]:

6. Дмитрий Иванович (ум. 1563), Черкасский староста с 1551 г., известный вождь казаков, воспетый в народных южнорусских песнях под именем Байды, был грозой татар. Когда Польский Король запретил ему беспокоить татар и вмешиваться в дела Молдавии, он в 1556 г. послал отряд наемных казаков в помощь Москве, а в 1557 г. перешел на службу к Царю Иоанну IV Грозному. Последний вызвал его в Москву, дал ему во владение город Белев и поручил командование отрядом, с которым он дважды участвовал в походах русских войск на Крым. В начале Ливонской войны в 1563 г. князь Дмитрий бежал из Москвы к Сигизмунду II Августу. В это время молдавские бояре, недовольные своим Господарем Стефаном IX, призвали к себе Дмитрия. Престарелый князь с немногочисленной дружиной отправился в Молдавию, но был взят турками в плен и предан мучительной казни в Стамбуле.

8. Константин Иванович (ум. 1574), староста Житомирский, каштелян Волынский; присягал в 1569 г. на унию Литвы с Польшей; от имени всех Волынских магнатов подал прошение Королю, в котором они просили не принуждать их изменять вероисповедание.

Князья Вишневецкие *Таблица 25*



13. Константин Константинович (1564—1641), воевода русский, староста Кременецкий; в 1595 г. перешел в католичество. Он принял деятельное участие в судьбе бежавшего из России будущего Лжедмитрия I, познакомил его со своим свояком Юрием Мнишеком и, собрав вольницу, последовал за ним в Россию. Когда самозванец погиб, князь Константин Константинович вторично привел отряд и участвовал с ним в осаде Троице-Сергиевой лавры, а потом в походе Королевича Владислава.

16. Юрий (Ежи) (ум. 1618), каштелян Киевский.

17. Адам Александрович (ум. 1622), большой ревнитель православия. Бежавший из России Григорий Отрепьев жил на его дворе и ему открыл свою «тайну», что он чудом спасшийся Царевич Дмитрий. Адам Александрович признал его Царевичем и представил его князю Константину Константиновичу, своему дальнему родственнику (см. выше).

18. Януш (1598—1636), староста Кременецкий (1629), конюший великий коронный (1633) [16а].



Князь Януш Вишневецкий.



Князь Дмитрий (Димитр) Ежи Вишневецкий.

21. Иеремия-Михал (1612—1651), староста Перемышльский, Каневский и Прасмыцкий, воевода русский (червонорусский) с 1640 г., крупнейший магнат Левобережной Украины. Родители его были православные, мать — княжна Раина Могилянка, дочь Молдавского Господаря, двоюродная сестра Киевского митрополита Петра Могилы. Получив образование у иезуитов во Львове, а затем в Испании, он в 1631 г., по возвращении на родину, перешел в католичество (несмотря на данное матери обещание не изменять православию) и энергично принялся вводить католичество в своих владениях. Знаменитый воин, имевший собственные крепости и содержавший за свой счет крупные воинские соединения, он отличался высокомерием и необычайной жестокостью. Он был одним из инициаторов и участником войны с Россией в 1632—1634 гг. Когда вспыхнуло восстание Богдана Хмельницкого и в сражениях с казаками правительственные войска потерпели поражение, Вишневецкий практически только на свои средства вел военные действия. После разгрома под Берестечком казацких войск он внезапно умер.

22. Дмитрий (Димитр)-Ежи (1631—1682), воевода Белский (1660), гетман коронный польный (1667), великий гетман коронный (1672), воевода (1678), а затем каштелян Краковский (1680).

23. Константин (Кшиштоф) (1633—1686), воевода Подляшский (1673), затем Брацлавский (1676) и затем Белзский (1678).

24. Михаил (1640—1673), Король Польши с 1669 г. Избран на престол шляхтой, раздраженной интригами иностранных кандидатов. Его четырехлетнее царствование не было удачным. При нем был заключен с Россией Андрусовский



Король Польши Михаил Вишневецкий.

мир, а для соглашения с казаками была образована в г. Острове в 1669 г. специальная комиссия. Решение этой комиссии вынудило гетмана Дорошенко окончательно отдаться под покровительство турецкого султана. Весной 1672 г. многочисленное турецкое войско под начальством самого султана Магомета IV вторглось в Подолию и овладело Каменец-Подольским. С турками был заключен позорный Бучацкий мир (1672), который не был подтвержден Речью Посполитой, и война возобновилась. Спеша к войску, собравшемуся против турок под Хотином, Король Михаил умер во Львове.

Король Михаил был женат на Австрийской Эрцгерцогине Марии Элеоноре фон Габсбург. Детей у них не было.



Князь Януш Антоний Вишневецкий.



Князь Михаил Сервации Вишневецкий.

25. Януш-Антоний (1678—1741), маршалок надворный Литовский (1699), каштелян (1702—1703), а затем воевода Виленский (1704), воевода Краковский (1706), а с 1726 г. — каштелян Краковский.

26. Михаил-Серваций (1680—1744), гетман великий Литовский (1703—1707), воевода Виленский (1706—1707), гетман польный Литовский с 1707 г., канцлер Великого княжества Литовского с 1735 г. Поэт и писатель. Последний представитель рода — три его сына умерли в детстве.

КНЯЗЬЯ ВОРОНЕЦКИЕ ИЛИ КОРИБУТ-ВОРОНЕЦКИЕ

Воронецкие или Корибут-Воронецкие * — литовско-русский княжеский род, ветвь князей Збаражских; происходят от князя *Федора Васильевича Збаражского,* правнука князя *Федька (Федора) Несвижского* (см. таблицу 4), которого большинство исследователей считает сыном князя *Корибута Ольгердовича.* Сыновья князя Федора Васильевича, князья *Юрий* и *Война Федоровичи,* получили материнское имение Ворончин и стали родоначальниками двух семей, принявших фамилию князей Воронецких, позже — из Збаража Воронецких и Корибут-Воронецких. Старший сын князя Федора Васильевича, князь *Александр Федорович,* получил имение Порыцкое и стал родоначальником угасшего рода князей Порыцких [164,169].

Родословное древо князей Воронецких приведено в таблице 26 [164, 169].

Из князей Воронецких наиболее известны [164, 169]:

5. Якуб Юрьевич (ум. 1598), секретарь Короля Сигизмунда Августа, ксендз, назначен епископом Жмудским в 1574 г., но не принял этого звания. В 1585 г. назначен епископом Киевским. Во время бескоролевья после смерти Стефана Батория поддержал австрийского кандидата на трон Эрцгерцога Максимилиана и вместе с частью шляхты провозгласил его Королем Польским. Однако Королем стал Сигизмунд III Ваза, и князь Воронецкий лишился киевской епископской кафедры, так как папа римский не утвердил его в этом звании.

6. Михаил Юрьевич, королевский дворянин (придворный).

7. Анджей Юрьевич, ксендз, королевский секретарь.

11. Лев Войнович, судья гродский Кременецкий.

Статья написана С. В. Думиным.

12. Матеуш Войнович, стольник и подвоевода Киевский в 1585—1592 гг.

16. Флориан-Томаш, ксендз, приор доминиканского монастыря.

24. Михал «из Збаража Воронецкий», подстароста Владимиро-Волынский в 1638 г.

32. Владислав (ум. до 1720), стольник Венденский, староста Луцкий.

35. Валериан, судья гродский Кременецкий.

36. Ян, каноник Познаньский.

38. Миколай, каштелян Черниговский, староста Сродский.

39. Базилий, полковник польских войск.

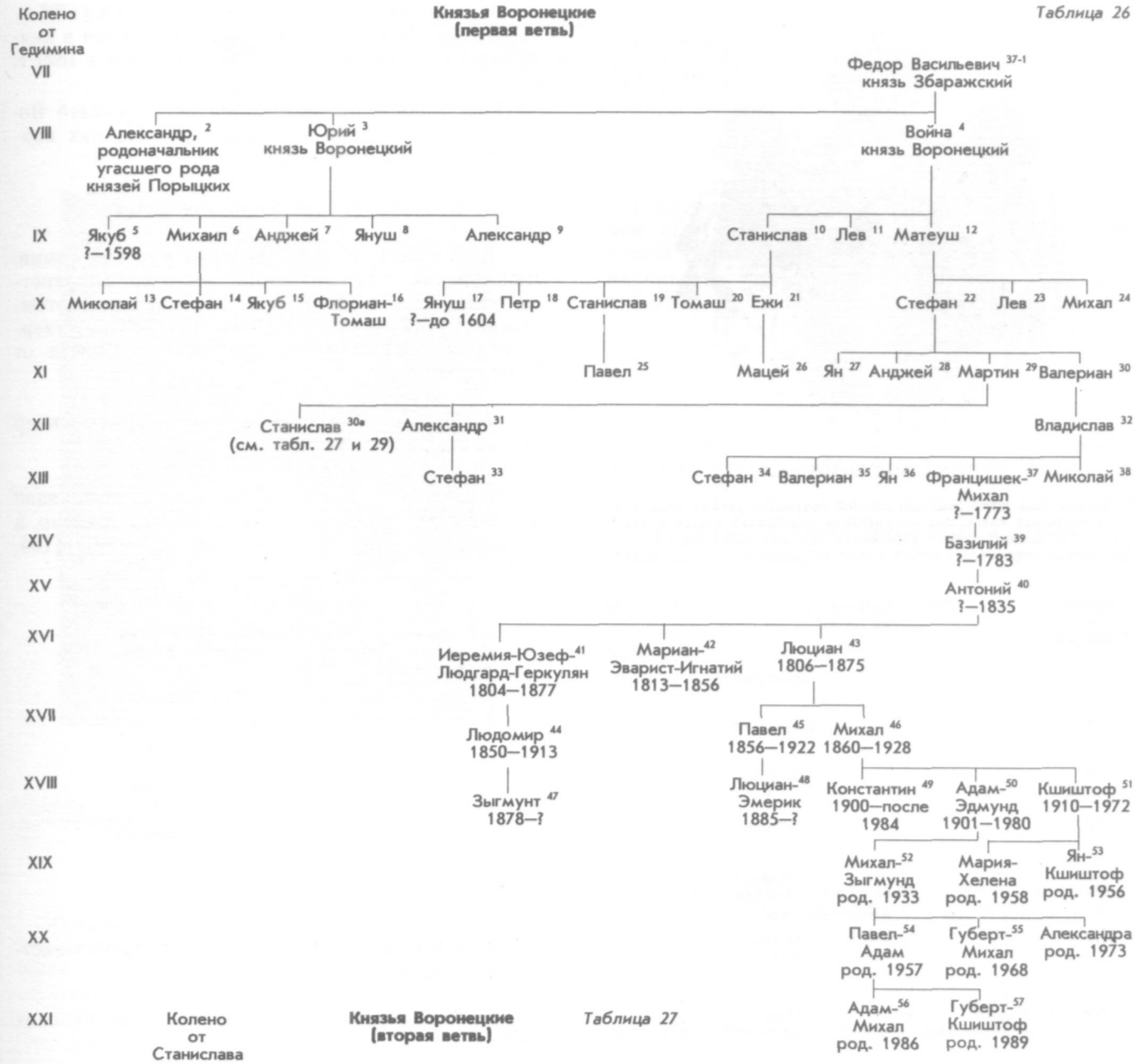
41. Иеремия-Юзеф-Людгард-Геркулян Антонович (ум. 1877), «из Збаража», литератор, историк. Признан в потомственном княжеском достоинстве Российской Империи Высочайше учрежденным мнением Государственного Совета от 28 июня 1844 г. Вместе с ним утверждены его брат, *Мариан-Эварист-Игнатий (Игнаций),* и сестра, *Элеонора-Анна.*

Герб князей Воронецких внесен в «Общий Гербовник», часть XII, под № 5 [104].

43. Люциан (ум. 1875), капитан полка Познаньской кавалерии войск польских, участник восстания 1830—1831 гг., награжден золотым крестом ордена Виртути Милитари.

Родословное древо второй ветви князей Воронецких приведено в таблице 27. Из них наиболее известны [164, 169]:

3. Анджей, камергер Польского Короля Станислава-Августа, кавалер баварского ордена св. Губерта и почетный Мальтийский кавалер.



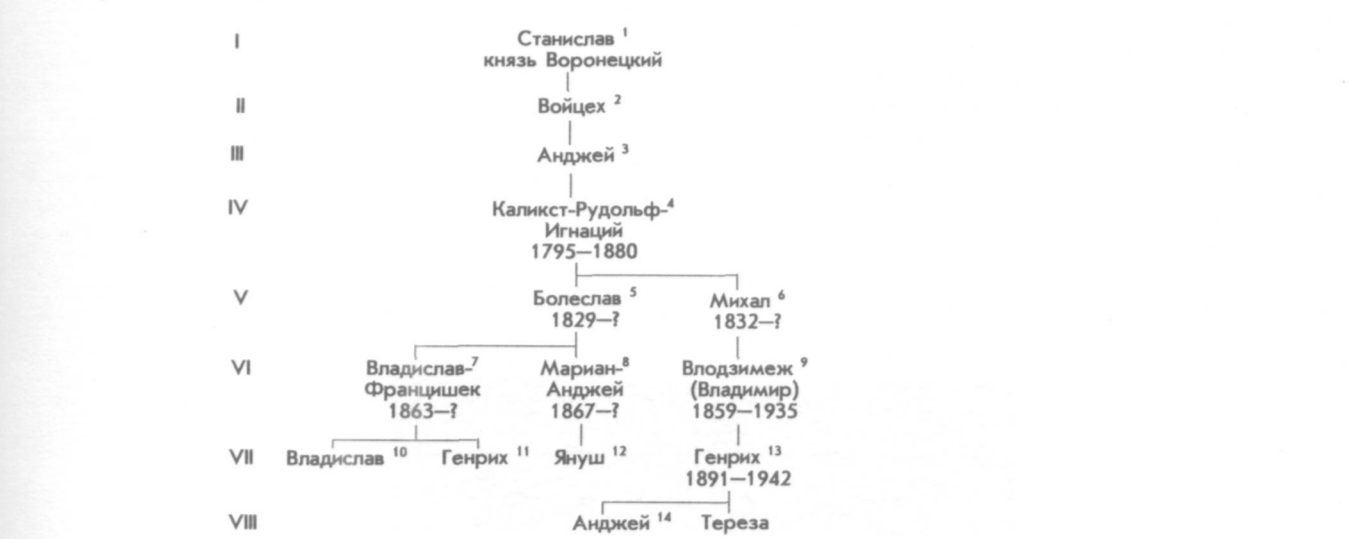


Таблица 26

Князья Воронецкие (первая ветвь)

Колено от Гедимина

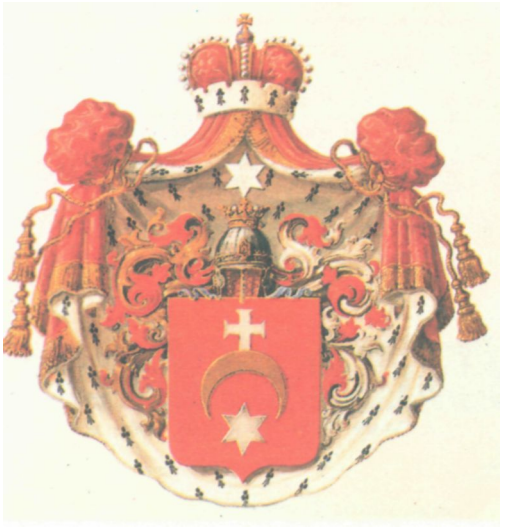
- VII — Федор Васильевич [37-1] князь Збаражский
- VIII — Александр, [2] родоначальник угасшего рода князей Порыцких; Юрий [3] князь Воронецкий; Война [4] князь Воронецкий
- IX — Якуб [5] ?—1598; Михаил [6]; Анджей [7]; Януш [8]; Александр [9]; Станислав [10]; Лев [11]; Матеуш [12]
- X — Миколай [13]; Стефан [14]; Якуб [15]; Флориан-Томаш [16]; Януш [17] ?—до 1604; Петр [18]; Станислав [19]; Томаш [20]; Ежи [21]; Стефан [22]; Лев [23]; Михал [24]
- XI — Павел [25]; Мацей [26]; Ян [27]; Анджей [28]; Мартин [29]; Валериан [30]
- XII — Станислав [30a] (см. табл. 27 и 29); Александр [31]; Владислав [32]
- XIII — Стефан [33]; Стефан [34]; Валериан [35]; Ян [36]; Францишек-Михал [37] ?—1773; Миколай [38]
- XIV — Базилий [39] ?—1783
- XV — Антоний [40] ?—1835
- XVI — Иеремия-Юзеф-Людгард-Геркулян [41] 1804—1877; Мариан-Эварист-Игнатий [42] 1813—1856; Люциан [43] 1806—1875
- XVII — Людомир [44] 1850—1913; Павел [45] 1856—1922; Михал [46] 1860—1928
- XVIII — Зыгмунт [47] 1878—?; Люциан-Эмерик [48] 1885—?; Константин [49] 1900—после 1984; Адам-Эдмунд [50] 1901—1980; Кшиштоф [51] 1910—1972
- XIX — Михал-Зыгмунд [52] род. 1933; Мария-Хелена род. 1958; Ян-Кшиштоф [53] род. 1956
- XX — Павел-Адам [54] род. 1957; Губерт-Михал [55] род. 1968; Александра род. 1973
- XXI — Адам-Михал [56] род. 1986; Губерт-Кшиштоф [57] род. 1989

Таблица 27

Князья Воронецкие (вторая ветвь)

Колено от Станислава

- I — Станислав [1] князь Воронецкий
- II — Войцех [2]
- III — Анджей [3]
- IV — Каликст-Рудольф-Игнаций [4] 1795—1880
- V — Болеслав [5] 1829—?; Михал [6] 1832—?
- VI — Владислав-Францишек [7] 1863—?; Мариан-Анджей [8] 1867—?; Влодзимеж [9] (Владимир) 1859—1935
- VII — Владислав [10]; Генрих [11]; Януш [12]; Генрих [13] 1891—1942
- VIII — Анджей [14]; Тереза



Герб князей Воронецких.

В красном поле щита помещен золотой полумесяц рогами вниз, а на нем серебряный крест; под полумесяцем серебряная звезда о шести лучах. Над щитом шлем с короною, а над ним серебряная звезда. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

4. Каликст-Рудольф-Игнаций (1795—1880), офицер русской гвардии. Утвержден в княжеском достоинстве в Царстве Польском в 1821 г.

Родословное древо третьей ветви князей Воронецких приведено в таблице 28. Из них наиболее известны [164, 169]:

4. Юзеф, генерал польских войск.

5. Адам (ум. 1864), генерал русской армии, Люблинский губернский предводитель дворянства, утвержден в княжеском достоинстве (потомственно) Российской Империи Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 5 июня 1852 г.

7. Мечислав Адамович, камер-юнкер Российского Императорского Двора.

Родословное древо четвертой ветви князей Воронецких, живших в Галиции, приведено в таблице 29. Из них наиболее известны [164, 1691:

Таблица 28

Князья Воронецкие (третья ветвь)

Колено от Станислава	
I	Станислав [1]
II	Францишек [2]
III	Флориан [3]
IV	Юзеф [4]
V	Адам [5] ?—1864
VI	Генрих [6] ?—1872; Мечислав [7] 1843—1903
VII	Адам [8] 1879—?; Ян [9] 1880—1960(?); Стефан [10] 1883—1948; Генрих [11] 1886—1948

Таблица 29

Князья Воронецкие (четвертая ветвь)

Колено от Владислава		
I	Владислав [1]	
II	Кароль [2]	
III	Юзеф [3]	
IV	Францишек [4]	Щенсный [5]
V		Павел [6] 1876—?

2. Кароль, драгунский подполковник авст рийской службы.

3. Юзеф, лейтенант кавалерии австрийски войск.

КНЯЗЬЯ ГЕДРОЙЦ



Герб князей Гедройц.

В золотом поле щита помещен кентавр, поражающий стрелою гада. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Гедройц *— знатный литовский княжеский род, которому традиция приписывает происхождение от древних языческих владетелей Литвы, княживших там прежде Дома Гедимина (см. статью «Князья Гедиминовичи»). Легендарным родоначальником считается *Юрий Доршпрунг,* прибывший в Литву из Рима. Официально признанная родословная выводит от него следующую цепочку имен: *Живибунт (Зивибунд) — Куковойтис — Утенес — Свинторог — Гермунд — Гилинг — Ромунд (Роман) — Гедрус — Гивил — Гурда — Довмонт — Войткус — Варфоломей (Бартоломей),* сыновья которого *Матеуш (Матвей)* и *Христофор (Кшиштоф),* жившие в начале XVI в., признаны родоначальниками двух основных ветвей княжеского рода. Несколько ветвей этих родов после раздела Речи Посполитой были утверждены в княжеском Российской Империи достоинстве [РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 212 и 220].

Князья и дворяне Гедройц употребляли гербы «Гиппоцентаурус» и «Порай», иногда соединяя обе эти эмблемы. В XIX в., доказывая свое происхождение, князья Гедройц называли своим гербом «Гиппоцентаурус». По прошению одной из ветвей рода этот герб, в несколько усложненном варианте, оформленный по правилам современной русской геральдики, был Высочайше утвержден в 1880 г. и внесен в «Общий Гербовник», часть XIII, под № 3 [104, РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 207—222].

Родословное древо князей Гедройц до разделения на ветви приведено в таблице 30.

Из князей Гедройц, внесенных в таблицу 30, наиболее известны:

4. Довмонт, если верить традиции, последний удельный князь, лишенный власти Великим князем Литовским Витовтом в конце XIV в. Но он и его потомки сохранили свои земельные владения в качестве вотчин.

8. Мартин (ум. 1500), епископ Жмудский.

15. Матеуш, маршалок Великого княжества Литовского. В 1549 г. был послом в Москве.

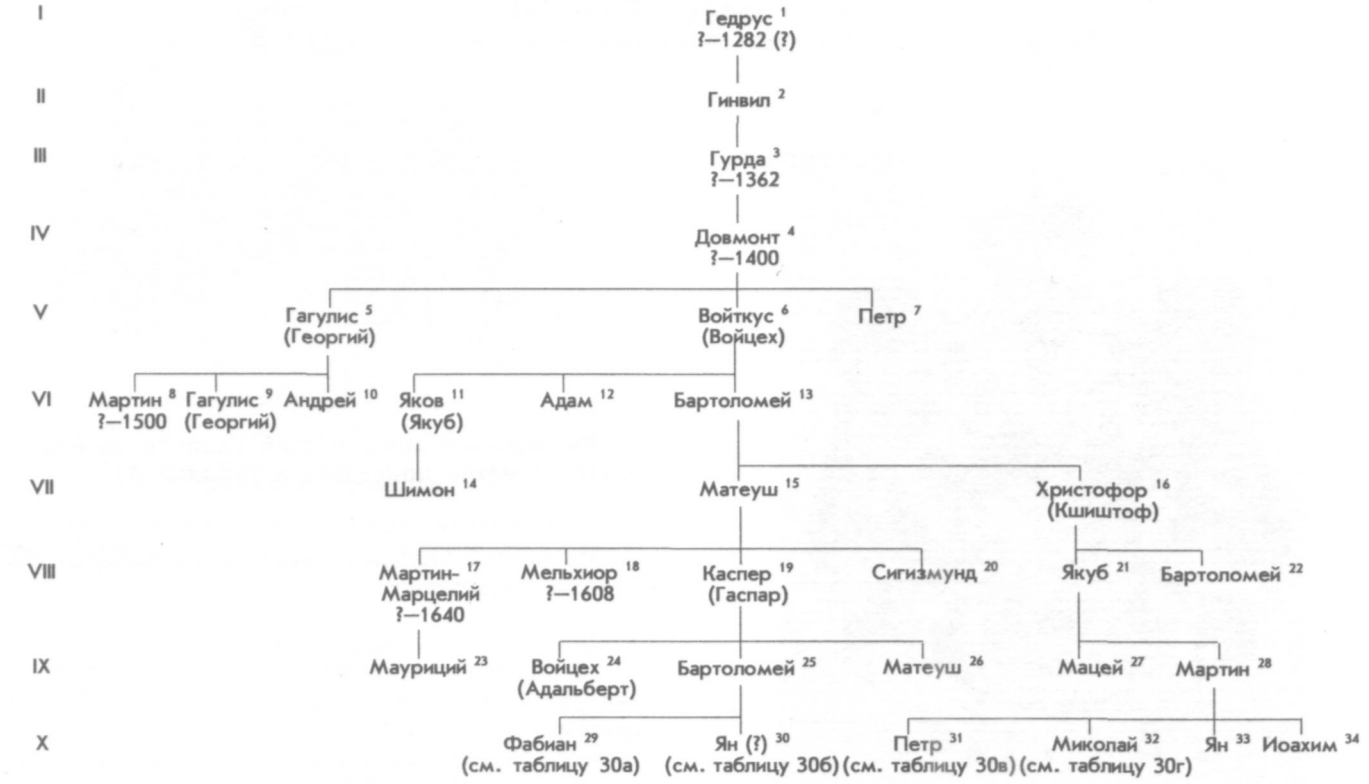
17. Мартин-Марцелий (ум. 1640), воевода Мстиславский, староста Обольский.

18. Мельхиор (ум. 1608), епископ Жмудский с 1576 по 1608 г., первый покровитель жмудской письменности и убежденный литовский патриот. В 1573 г. участвовал в посольстве, посланном во Францию к Генриху Валуа. Будучи епископом, несмотря на старания полонофилов, он энергично заботился о просвещении. Благодаря ему, вышли первые католические книги: «Катехизис» и «Постилла» Даукши, на литовском языке. С целью противодействия Реформации он в 1587 г. признал иезуитов. В 1853 г. ему поставили надгробный памятник в Ворнях, столице жмудских епископов, где его останки хранились в стеклянном гробу в склепе кафедрального собора [154].

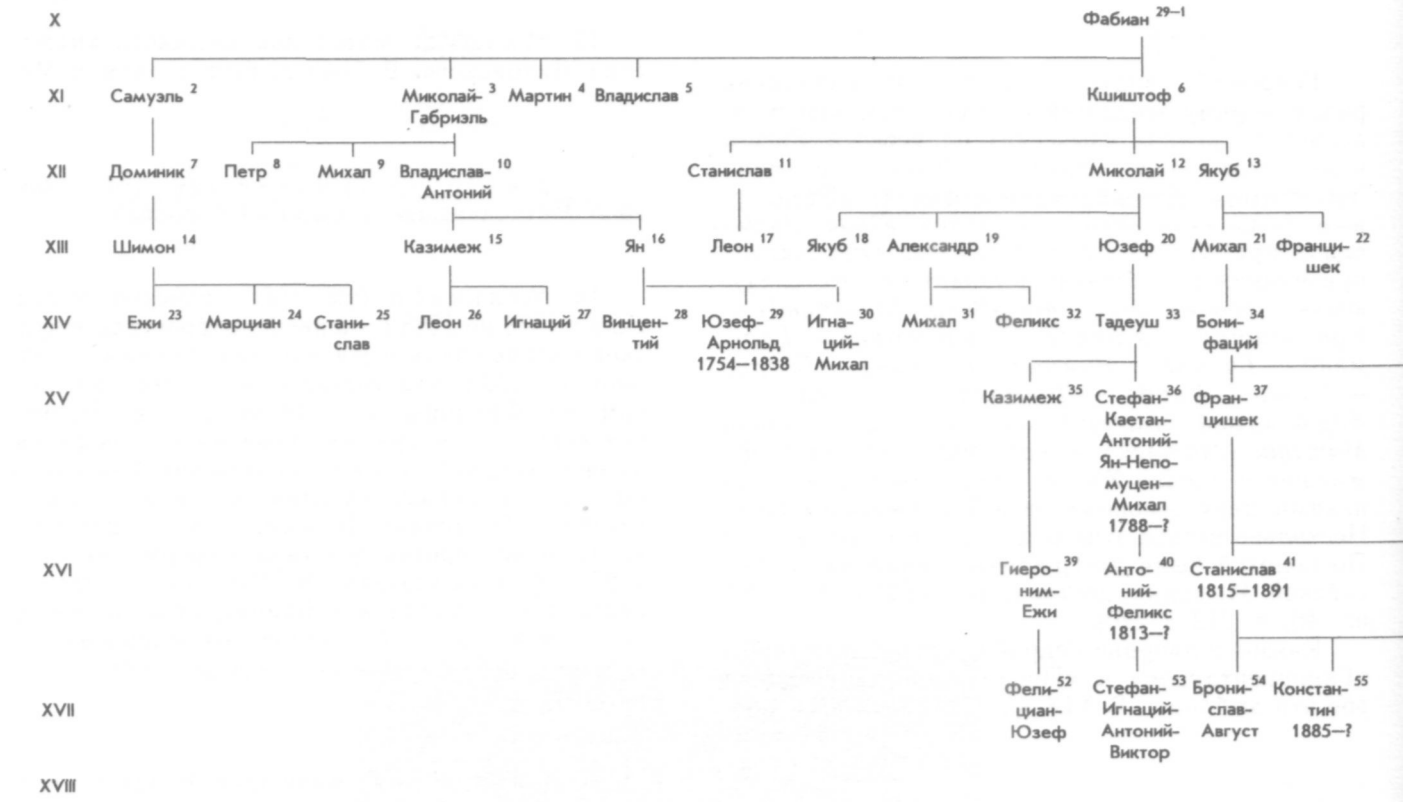
20. Сигизмунд, маршалок Великого княжества Литовского.

* Статья написана С. В. Думиным.

Князья Гедройц от родоначальника до разделения рода на ветви



Князья Гедройц Потомство Фабиана



Родословное древо князей Гедройц, потомков князя Фабиана (№ 29 по таблице 30 *).

Из князей Гедройц, потомков князя Фабиана, наиболее известны:

2. Самуэль, войский Мстиславский. В 1657 г. получил от Короля Яна-Казимира привилей на имение Прусин в Мстиславском воеводстве.

6. Кшиштоф (Христофор), войский Мстиславский владелец имений Селище, Желивье и Литвиновка в том же воеводстве.

10. Владислав-Антоний, хорунжий Новгород-Северский.

16. Ян, ротмистр войск Великого княжества Литовского.

* Определением Герольдии от 9 июня 1894 г. в княжеском достоинстве были признаны как происходящие от того же родоначальника князя Фабиана — *Игнатий-Вандалин* (род. 1865), показавший в документах, что он сын *Казимежа-Циприана* (род. 1826), внук *Игнатия* (род. 1797) и правнук *Игнатия-Михала* (№ 30 по таблице 30а), а также *Фелициан-Юзеф,* сын *Гиеронима-Ежи,* внук *Казимежа,* правнук *Игнация* и праправнук *Владислава-Антония* (№ 10 по таблице 30а).

Эти указы, однако, были отменены определением Департамента Герольдии от 4 июня 1915 г. с утверждением Императором Николаем II 10 февраля 1916 г. как основанные на подложных документах, хотя указанные лица Виленским окружным судом в 1915 г. были оправданы.

Определением Департамента Герольдии от 17 марта 1916 г. по аналогичной причине были отменены предыдущие постановления Департамента о признании в княжеском достоинстве от 20 февраля и 21 июня 1906 г. *Франциска Феликсовича, Августина* и *Витольда-Ремигия,* сыновей *Ивана (Яна)-Богуслава* [РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 218, 219 и 221].

27. Игнаций, генеральный обозный Великого княжества Литовского, участник Барской конфедерации и ее представитель при Прусском и Гессенском Дворах.

29. Юзеф-Арнольд (1754—1838). Поступил в семинарию в 1771 г. и за время пребывания там получил звание каноника Инфлянтского. В 1781 г. посвящен в капелланы и уехал в Рим для продолжения образования. Много путешествовал по Европе. В 1790 г. посвящен в епископы. В 1795 г. был в Петербурге в качестве делегата от духовенства и жителей княжества Жмудского. В 1801 г. был назначен епископом Жмудским и до самой смерти был занят изысканием средств для просвещения литовского народа, учреждения школ и т. д. Вопреки традициям, принятым в то время в католицизме, он перевел Новый Завет на литовский язык и печатал его на собственные средства. Его перевод не был сделан строго по «Вульгате» (каноническая латинская библия) и оттого считался еретическим. За посвящение Нового Завета Императору Александру I он навлек на себя порицание и выговор от папы римского [126, 154].

30. Игнаций-Михал, ротмистр Виленского воеводства.

34. Бонифаций, по всей вероятности, происходил из другой ветви этого рода, но его дети и внуки были официально признаны в княжеском достоинстве в 1880 г. как члены именно этой ветви Гедройц.

41. Станислав Францевич (1815—1891), штабс-ротмистр.

45. Ян (Иван)-Тадеуш (1824—до 1912), подполковник.

Таблица 30а

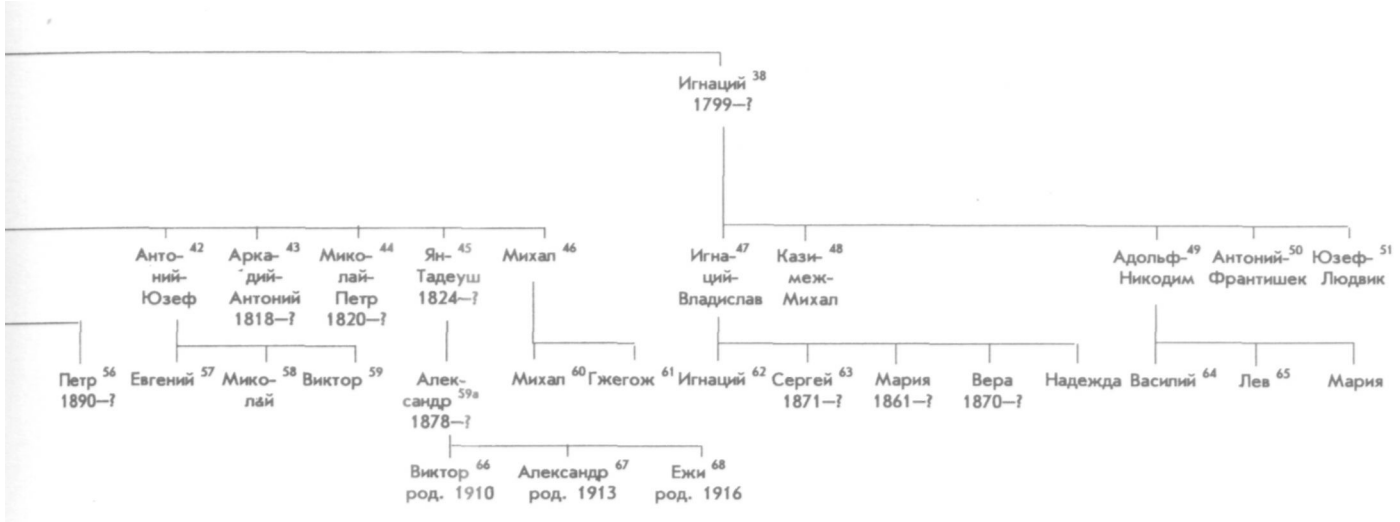


Таблица 30б

Родословное древо потомков князя Яна Гедройца, которым отказано в признании в княжеском достоинстве

Колено от Гедруса			
X	Ян [30-1]		
XI	Казимеж-Ян [2]	Кшиштоф [3]	Ежи [4]
XII	Ян [5]		
XIII	Андрей [6]	Михал [7]	Богуслав [8] Станислав [9] Казимир [10]
XIV	Иосиф [11]	Фаддей [12]	Игнатий [13]
XV	Ян-Богуслав [14]		
XVI	Рафал-Мечислав [15] 1830—?	Ян-Антоний [16] 1833—?	Антоний [17] 1841—? Витольд-Ремигий [18] 1851—? Юзеф-Ян [19] 1852—? Августин [20] 1857—?

48. Казимеж (Казимир)-Михал, коллежский советник, гражданский инженер, запасной лесничий. По его ходатайству герб князей Гедройц был официально утвержден Императором Александром II 3 октября 1880 г.

49. Адольф-Никодим, отставной штабс-капитан. В 1892 г. был помощником начальника Воронежской тюрьмы.

Вера Игнатьевна (1870—?), писательница.

Родословное древо потомков *Яна Гедройца* (№ 30 по таблице 30), якобы происходящего из этой ветви рода, приведено в таблице 306 [РГИА, ф. 1343, оп. 35, д. 5438]. В соответствии с Указом Герольдии от 1844 г. его потомки были внесены в 6-ю часть родословной книги Минской губернии, но в 1906 г. Департамент Герольдии отказал им в сопричислении к основному роду, уже признанному в княжеском достоинстве.

Родословное древо князей Гедройц потомков *Петра Мартыновича* (№ 31 по таблице 30) приведено в таблице 30в.

Из князей Гедройц, внесенных в таблицу 30в, наиболее известны:

2. Владислав, подсудок земский Виленский в 1595 г.

9. Ян, подстолий Виленский.

10. Бенедикт, стольник Виленский.

13. Кшиштоф, подкоморий Виленский.

14 Антоний, стольник Виленский, генерал-майор литовских войск, подкоморий надворный Литовский.

15. Стефан-Ян (ум. 1803), епископ Инфлянтский, епископ Жмудский, член постоянного Королевского Совета, содействовал возвышению своего рода и покровительствовал родственникам, избравшим духовную карьеру. После него еще три Гедройца управляли Жмудской епархией, в частности, *Юзеф-Арнольд* (см. выше) в 1790 г. был у него коадъютором.

16. Станислав, с 1789 г. чашник Виленский.

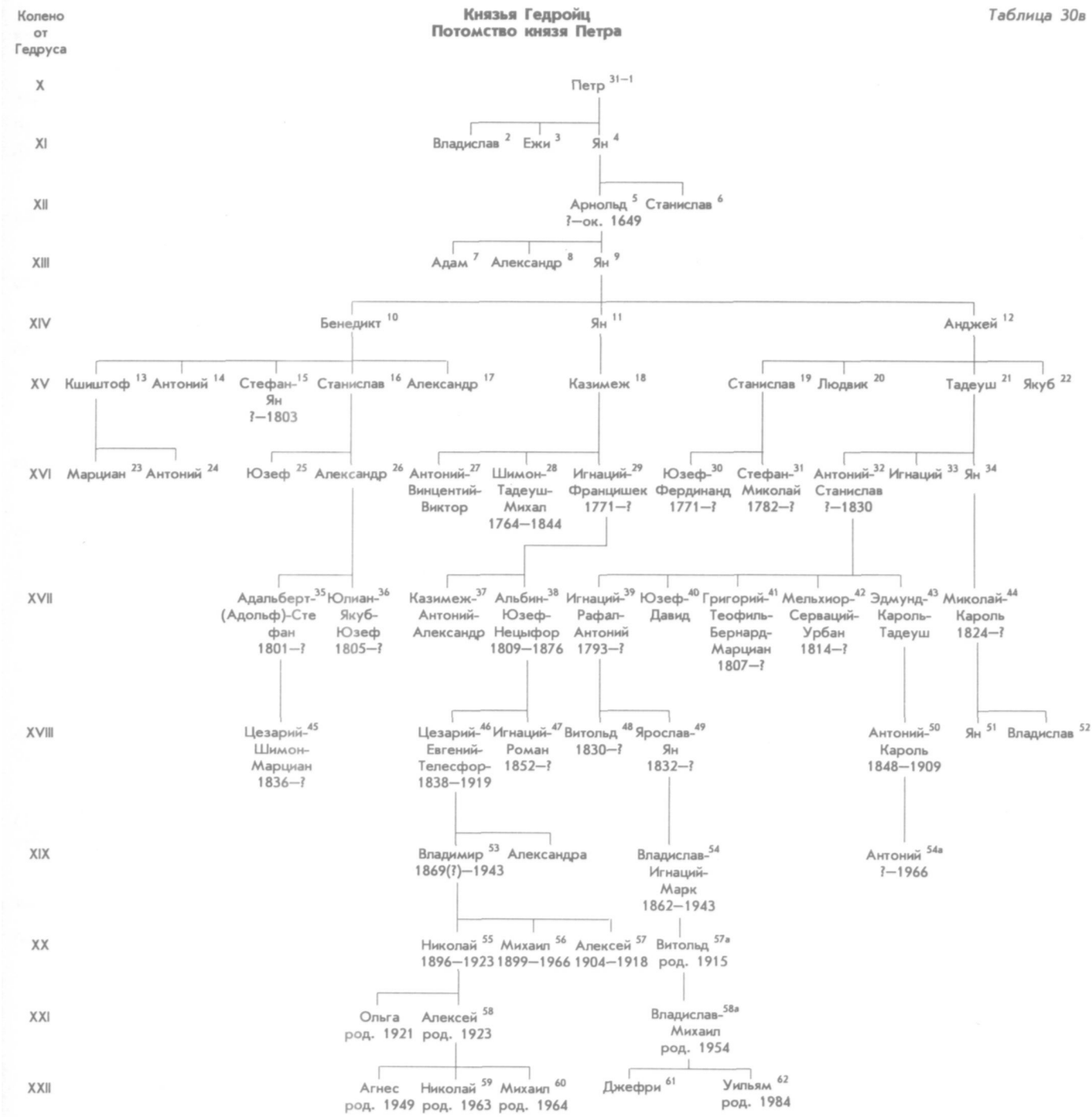
17. Александр, с 1793 г. шамбелян (камергер) Польского Королевского Двора.

28. Шимон-Тадеуш-Михал (1764—1844), епископ Андромитский и администратор Жмудской епархии.

33. Игнаций, епископ. Коадъютор епископа Жмудского.



Князь Владимир Цезаревич Гедройц.



34. Ян (Иван) Фаддеевич (ум. 1852), Виленский губернский предводитель дворянства [44].

46. Цезарий-Евгений-Телесфор Альбинович (1838—1919), отставной ротмистр, помещик Тверской губернии, мировой судья Ржевского уезда, затем действительный статский советник, директор архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

53. Владимир Цезаревич (1873—1941), действительный статский советник, камергер, умер в эмиграции во Франции.

55. Николай Владимирович (1896—1923), окончил Училище правоведения, офицер лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, умер в эмиграции в Венгрии.

56. Михаил Владимирович (1899—1966), окончил Училище правоведения, умер в эмиграции во Франции.

58. Алексей Николаевич (1923—1992), профессор русского языка и литературы в Бельгии, кавалер бельгийского ордена Леопольда и французского ордена Академические Пальмы (офицерского креста).

Таблица 30г

Князья Гедройц
Потомство князя Миколая

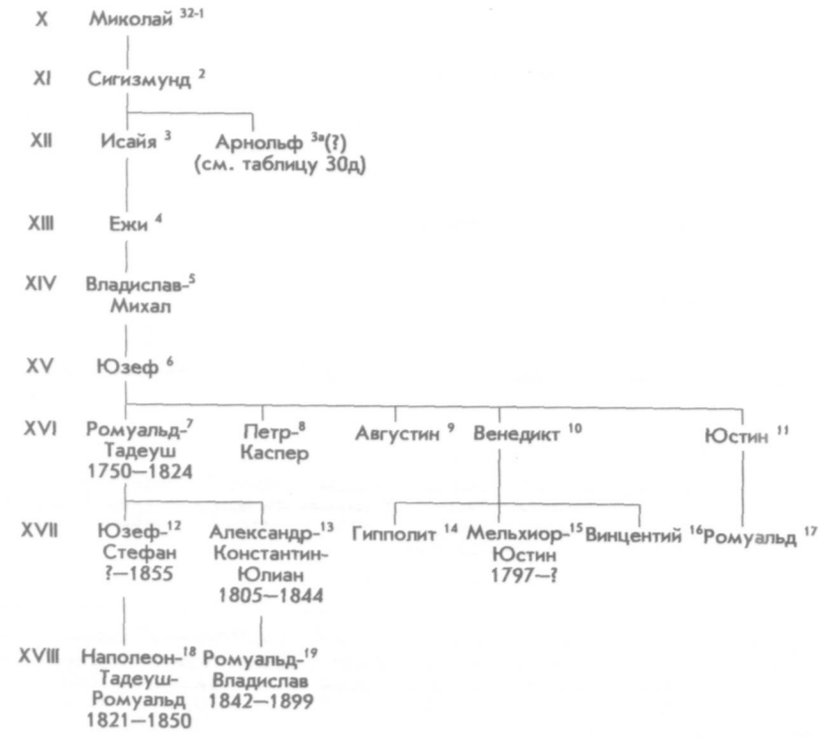
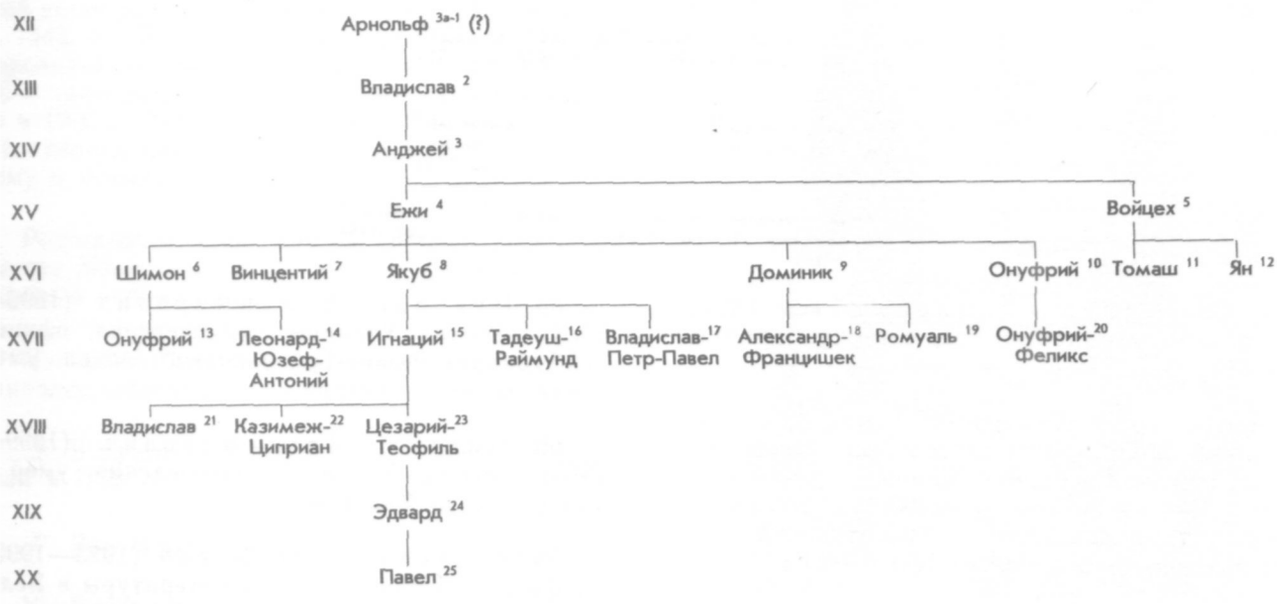


Таблица 30д

Родословное древо потомков князя Арнольфа Гедройца (1), внесенных в родословные книги без княжеского титула



Агнес Алексеевна (род. 1949), получила известность как драматург под именем *Аня Гедройц*.

Родословное древо князей Гедройц потомков *Миколая Мартиновича* (№ 32 по таблице 30) приведено в таблице 30г [РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 209 и 212].

Из князей Гедройц, внесенных в таблицу 30г, наиболее известны:

2. Зигмунт (Сигизмунд), судья земский Виленский.

3. Исайя (Изайяш), стольник Инфлянтский.

4. Ежи, ловчий Виленский.

6. Юзеф (ум. ок. 1774), подстолий Браславский.

7. Ромуальд-Тадеуш (ум. 1824), участник русско-польской войны 1792 г. и восстания Т. Костюшко в 1794 г., генерал дивизии, с наполеоновской армией участвовал в кампании 1812 г. в России.

8. Каспер-Петр, писарь Великого княжества Литовского, каноник Жмудский.

12. Юзеф-Стефан (ум. 1855), генерал французской службы. Участник похода Наполеона в Россию в 1812 г.

13. Александр-Константин-Юлиан (1805—?), камер-юнкер при Дворе Царства Польского, затем при Российском Императорском Дворе.



Князь Юзеф-Стефан Гедройц.

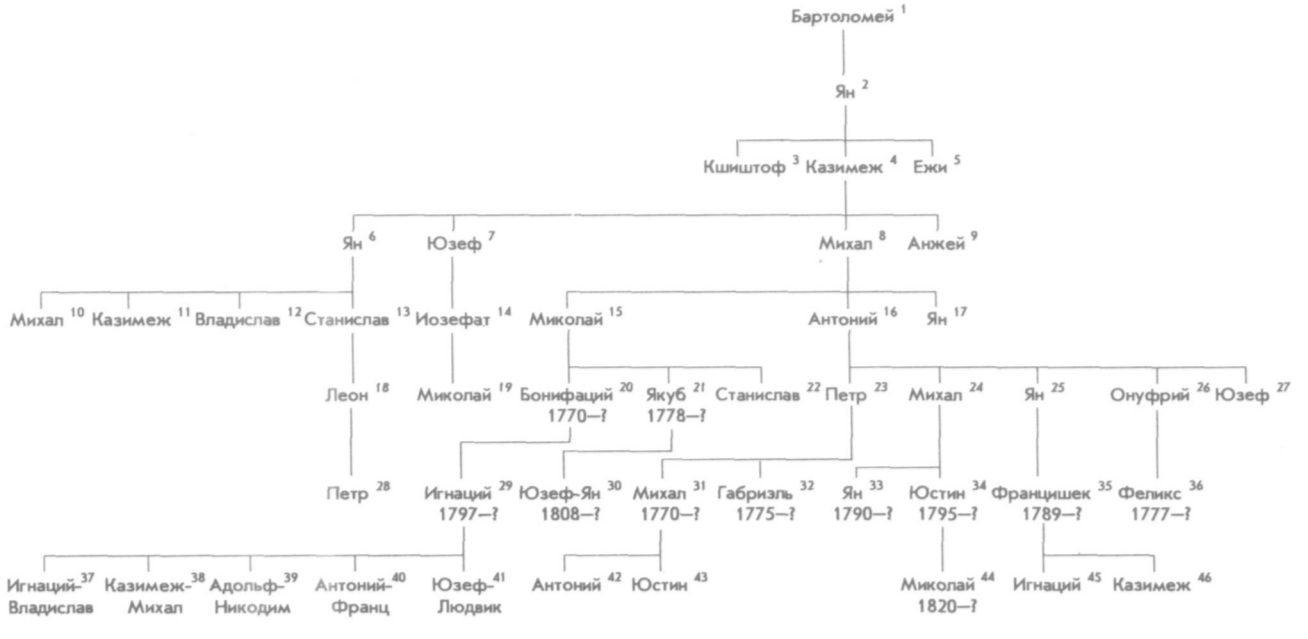
19. Ромуальд-Владислав (1842—?), в 1866 г. был вице-референтарием канцелярии Государственного Совета Царства Польского, затем камергером.

От князя *Зигмунта (Сигизмунда) Гедройц* (№ 2 по таблице 30г) вели свою родословную Гедройц, внесенные без княжеского титула в родословную книгу Виленской губернии (Указ Герольдии об утверждении от 1835 г.). Эта ветвь употребляла герб «Гиппоцентаурус» с прибавлением изображения розы. В их родословной у *Зигмунта* показан якобы существовавший сын *Арнольф,* от которого и происходит эта ветвь.

Колено от Гедруса ?

Потомство князя Бартоломея Гедройца

Таблица 30е



Родословное древо этой ветви приведено в таблице 3Од [РГИА, ф. 1343, оп. 19, д. 1028].

Еще одна ветвь Гедройц доказала дворянство с княжеским титулом в Минской губернии в 1823 и 1832 гг., и они были внесены в 5-ю часть родословной книги. Однако при ревизии дел Дворянского собрания в 1842 г. доказательства их происхождения были признаны недостаточными, а в 1860 г. Департамент Герольдии отказал им даже в утверждении дворянства.

Родословное древо этой семьи приведено в таблице 3Ое [РГИА, ф. 1343, оп. 19, д. 1043].

Родоначальник этой ветви князь *Бартоломей Гедройц,* происхождение которого не доказано, по привилею Короля Сигизмунда III от 25 февраля 1609 г. получил в пожизненное владение имения Гутовщизна, Ратковщизна, Невяровчизна и Аленкилевщизна над рекой Годой в Виленском повете.

Первые поколения их родословной частично совпадают с генеалогией князей Гедройц предшествующей семьи (см. таблицу 306), но имеющиеся данные недостаточны для того, чтобы сделать вывод о близком родстве этих семей.

Одна из ветвей этой семьи (потомки Игнация Бонифасьевича, № 29 по таблице 3Ое) добилась утверждения в княжеском достоинстве, но при этом официально признанное ее происхождение отличается от генеалогии, приведенной выше [опред. 46].

Известна еще одна из ветвей князей Гедройц, которая уже в середине XVII в. оказалась на службе в России. Родоначальник ветви князь *Юрий Васильевич Гедройц* служил в полку Смоленской шляхты и был пожалован небольшими имениями в Рославльском уезде. Теми же землями в XVIII в. владели его сыновья князья *Василий* (ум. до 1738), *Иван* (ум. до 1724) и *Яков Юрьевичи* (ум. до 1753), а позже их сестры и дочери. В мужском поколении эта ветвь угасла на сыновьях Юрия Васильевича. Связь этой семьи с основным родом Гедройц пока не прослеживается.

Существовали и другие семьи Гедройц, в большинстве своем также герба «Гиппоцентаурус», некоторые — гербов «Порай» и «Телентков», доказавшие свое дворянство, но в большинстве своем без княжеского титула, в Виленской, Минской, Ковенской губерниях. Кроме того, ветвью их рода считается род Гедройц—Юраго (Юрага) герба «Котвица», а также Гедройц—Пукень герба «Гиппоцентаурус» (нередко именовавшиеся только Гедройц) и Гедройц—Товсцик герба «Топач». К сожалению, большинство из них, даже в тех случаях, когда упоминало о своем происхождении «из князей», не могло и обычно даже не пыталось проследить свое родство с основным родом. Будем надеяться, что в будущем изучение источников позволит более четко представить историю и генеалогию этого древнего и разветвленного рода.

ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ, ВОЗВЕДЕННЫЕ В КНЯЖЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО РОССИЙСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ

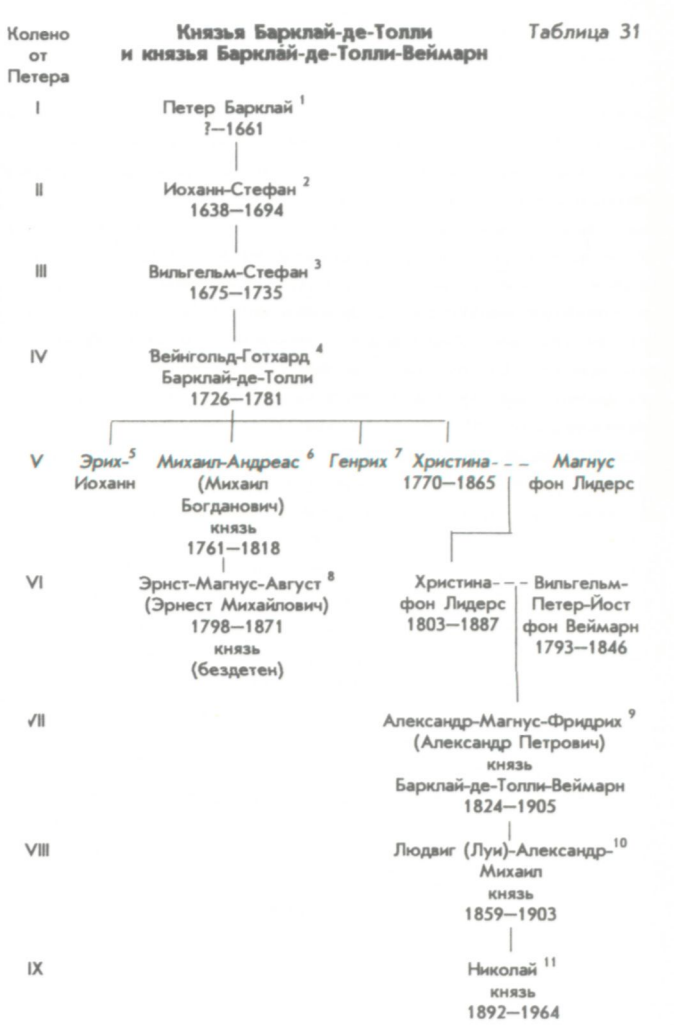
Князья Барклай-де-Толли и Барклай-де-Толли-Веймарн

Барклай-де-Толли * — княжеский и дворянский род старошотландского происхождения, впервые упоминаемый в 1069 г., имеет два родовых прозвания: Barclay of Gartley и Barclay of Towie. Из последней ветви братья *Питер* и *Джон Барклай* в 1621 г. переселились из Шотландии в Росток. Сын Питера *Иоханн* был адвокатом и бюргером в Риге, а его потомки занимали видные должности в городском магистрате — были ратсхеррами (городскими советниками) и бургомистрами. *Готхард (Богдан)* (1726—1781) *Барклай-де-Толли* поступил на русскую военную службу, выслужил офицерский чин поручика и таким образом получил русское дворянство. У него было три сына: *Эрих-Иоганн*—инженер-генерал-майор, *Михаил-Андреас (Михаил Богданович)* — русский генерал-фельдмаршал, возведенный в княжеское Российской Империи достоинство, и *Генрих (Андрей)* — майор артиллерии [111, 160, 161].

В 1859 г. фамилия и титул князей Барклай-де-Толли были переданы их родственникам — дворянам Веймарн [131].

Из князей Барклай-де-Толли и князей Барклай-де-Толли-Веймарн, внесенных в таблицу 31 [158, 160, 161], наиболее известны:

6. Михаил-Андреас (Михаил Богданович) (1761—1818), князь с 1815 г., генерал-фельдмаршал,.военный министр. Семи лет записан капралом в Новостроицкий кирасирский полк, а в 1778 г. произведен в корнеты. Способности молодого офицера были замечены генералом Паткулем, который взял его в адъютанты. В 1788 г. назначен *адъютантом к Принцу Ангальт-Беренбургскому* и принял участие в штурме Очакова. В 1789 г. отличился при разгроме турок под Каушанами, при взятии Аккермана и Бендер. Командуя батальоном, участвовал в военных действиях в Польше и особенно отличился во взятии штурмом укреплений г. Вильно в 1794 г. Награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Произведенный в подполковники, он был назначен командиром 1-го батальона в Эстляндском егерском корпусе. С воцарением Павла I батальон был переименован в 4-й Егерский полк и Михаил Богданович, произведенный в полковники, назначен Шефом этого полка, за отличное состояние которого в 1799 г. произведен в генерал-майоры. В кампанию 1806 г. он особенно отличился в сражении под Пултуском, за которое награжден орденом св. Георгия 3-й степени. 24 января 1807 г., командуя арьергардом при отступлении русской армии к Ландсбергу и Прейсиш-Эйлау, он дал возможность генералу Беннингсену сосредоточиться на позиции у этого города, выдерживая у Гофа напор почти всей армии Наполеона. В сражении под Прейсиш-Эйлау был ранен в правую руку, с переломом кости, и вынужден был уехать на лечение, получив кроме других наград чин генерал-лейтенанта. Во время русско-шведской войны в 1808 г. он командовал сначала отдельным отрядом, но разногласия с генералом Буксгевденом вынудили его уехать из Финляндии. В 1809 г. был вновь направлен в армию и овладел шведским городом Умео, последствием чего было заключение мира со Швецией. Произведенный в генералы-от-инфантерии, был назначен генерал-губернатором Финляндии и главнокомандующим финляндской армией. 20 января 1810 г. занял



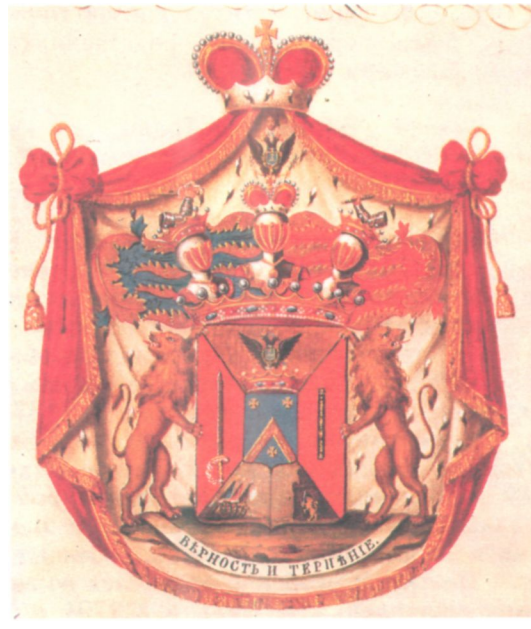
* Статья написана П. Х. Гребельским и М. Ю. Катин-Ярцевым.



Князь Михаил-Андреас (Михаил Богданович) Барклай-де-Толли.

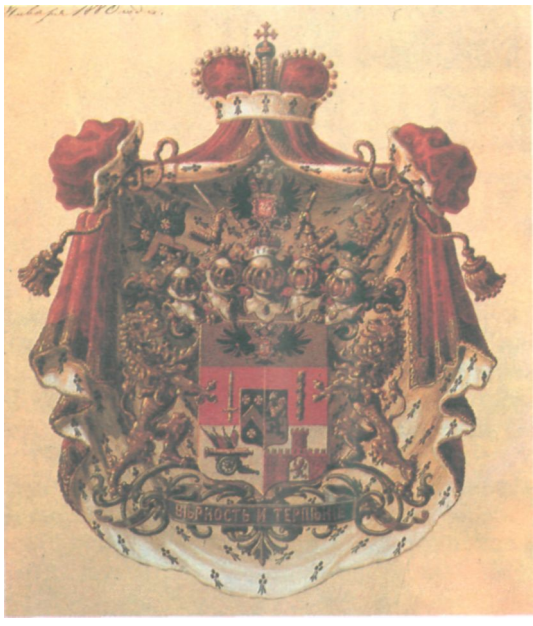
пост военного министра, и при его участии было составлено «Учреждение для управления большой действующей армией». С началом Отечественной войны 1812 г. был назначен Главнокомандующим 1-й Западной армией. Стараясь сохранить армию, отступал перед превосходящими силами наполеоновских войск, не давая генерального сражения. Соединившись под Смоленском с армией Багратиона, он продолжал отступление до Царева Займища, где намеревался дать сражение. Отступление это, однако, возбудило неудовольствие в войсках, желавших сражаться с неприятелем, и восстановило против генерала общественное мнение, вследствие чего он был заменен Кутузовым и поступил под его командование. В Бородинском сражении он командовал правым флангом. Искусные распоряжения и личное мужество в бою доставили ему орден св. Георгия 2-й степени. На знаменитом военном совете в Филях он доказал невыгодность позиции перед Москвой и предложил отступить без боя. После Бородинского сражения в связи с болезнью он вынужден был уехать из армии на лечение. 4 февраля 1813 г. вступил в командование 3-й армией. Во время сражения под Бауценом (8 и 9 мая) командовал правым флангом, куда была направлена главная атака Наполеона, а после сражения вступил в командование над всей русско-прусской армией и 18 августа под Кульмом довершил поражение Вандомма, за что награжден орденом св. Георгия 1-й степени. В Лейпцигской битве 4, 5 и 6 октября командовал центром и благодаря его действиям была одержана победа. За эти заслуги он был возведен в графское достоинство Российской Империи. В 1814 г. командовал русскими войсками в сражениях при Бринне, Арсиссюр-Об, Фер-Шампенуаз и при взятии Парижа, что доставило ему фельдмаршальский жезл. По возвращении в Россию был назначен Главнокомандующим 1-й армией, с которой в 1815 г. вступил в пределы Франции; но сражение под Ватерлоо остановило дальнейшее продвижение русских войск. 30 августа 1814 г. после смотра под Вертю Михаил Богданович был возведен в княжеское Российской Империи достоинство. После возвращения в Россию находился с главной квартирой своей армии в Могилеве. Болезнь вынудила его отправиться на лечение на воды; по дороге, в г. Инстербурге он умер. 14 мая 1818 г. он был похоронен в поместье Бекгоф, в Лифляндии. На Казанской площади в Петербурге 29 декабря 1837 г. ему поставлен памятник. Второй памятник поставлен в его поместье вблизи г. Дерпта [44, 126, 154].

По описанию современников, князь Барклай-де-Толли «был высокого роста, имел продолговатое бледное лицо, верхнюю часть головы без волос, и носил бакенбарды. Поступь его и все приемы выражали важность и необыкновенное хладнокровие, и вся наружность его, с первого взгляда внушавшая к нему доверие и уважение, являла в нем человека, созданного предводить войсками... Спокойствие духа никогда ему не изменяло, и в пылу битвы он распоряжался точно так, как бы это было в мирное время, в безопасном месте, не обращая никакого внимания на неприятельские выстрелы. Бесстрашие его не знало пределов. В обращениях с равными он был всегда вежлив и обходителен, но ни с



Герб князей Барклай-де-Толли.

Щит четырехчастный, разделенный диагоналями. В верхней части, в золотом поле, российский двуглавый орел, имеющий на груди щиток с вензелем Императора Александра I. В правой части, в красном поле, шпага золотая с алмазами и лаврами, и на клинке надпись: «За *20 Генваря 1814 года*». В левой части, в красном поле, фельдмаршальский жезл. В нижней части, в серебряном поле, справа несколько пушек и знамен, а слева крепость, во вратах коей стоит лев со шпагою в правой лапе. Посредине герба щиток с дворянским гербом фамилии Барклай-де-Толли; на гербе графская корона и на ней три дворянских шлема; на правом шлеме корона графская, и на ней согбенная рука в латах, держащая поднятую шпагу; на среднем шлеме российско-княжеская шапка, и над нею российский двуглавый орел, имеющий на груди вензель Императора Александра I, и в лапах ветви: лавровую и масличную. На левом шлеме корона графская, и над нею согбенная рука в латах держит фельдмаршальский жезл. Щитодержатели два льва. Девиз: *«Верность и терпение»*. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.



Герб князей Барклай-де-Толли-Веймарн.

Четырехчастный щит с главой и малым щитком посредине. В первой части, в червленом поле, серебряный меч с золотою рукояткою; во второй части, в червленом же поле, фельдмаршальский жезл, обвитый зелеными лаврами; в третьей части, в серебряном поле, на зеленом лафете золотая пушка, за которой три знамени и один штандарт; в четвертой части, в серебряном поле, червленая крепостная стена с круглою башнею и открытыми воротами, в которых стоит червленый лев. В золотой главе щита императорский орел, имеющий на груди московский герб, окруженный цепью ордена св. апостола Андрея Первозванного. Средний щит рассечен. В первой части, в лазоревом поле, золотое стропило с тремя крестами, во второй части, пересеченной черным и золотом, лев с червлеными глазами и языком держит в правой лапе серебряную секиру на золотом древке. Над щитом пять шлемов, из которых средний с графской и княжеской короною, а остальные — с дворянскими коронами. В нашлемниках эмблемы: в первом — императорский орел, имеющий на груди московский герб, окруженный андреевской цепью; во втором — согнутая правая рука в латах, держащая серебряный меч с золотою рукояткою; в третьем — рука, держащая фельдмаршальский жезл, обвитый лавром; в четвертом — орлиное крыло с золотым стропилом и крестами; в пятом — возлежащий лев, держащий в правой лапе серебряную секиру на золотом древке. Наметы соответствующих цветов. Девиз; *«Верность и терпение»*. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

кем близко не дружился; с подчиненными, от высших до низших чинов, был кроток и ласков, ни в коем случае не употреблял оскорбительных или бранных выражений и всегда настоятельно требовал, чтобы до солдата доходило все ему следуемое... Вел жизнь весьма строгую и умеренную; не дозволял... излишеств, не любил карточной игры...». Солдаты уважали его за необыкновенную храбрость, заботу об их нуждах, но при всех этих достоинствах, а может быть, именно вследствие их он не мог быть популярным начальником [126].

Михаил Богданович был женат на дочери Лифляндского дворянина *Елене Ивановне (Хелене-Августе-Элеоноре) фон Смиттен* (1770—1828), впоследствии статс-даме и кавалерственной даме ордена св. Екатерины [44, 160, 161].

Герб князя Барклая-де-Толли внесен в «Общий Гербовник», часть X, под № 1 [104].

8. Князь Эрнест Михайлович (Эрнст-Магнус-Август) (1798—1871), единственный сын генерал-фельдмаршала, полковник и флигель-адъютант, был женат первым браком на баронессе *Леокадии Капменгаузен,* вторым — на вдове баронессе *Александре Тизенгаузен,* урожденной фон Крамер. Детей у него не было [44, 160, 161].

Любимая сестра князя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли *Христина* была замужем за майором Магнусом фон Лидерсом. Их дочь *Христина фон Лидере* вышла замуж за генерал-адъютанта Вильгельма-Петерса фон Веймарна. Дабы не пресеклось в потомстве славное имя, Государственный Совет принял решение от 8 декабря 1859 г., по которому флигель-адъютант полковник *Александр Петрович фон Веймарн* получил право именоваться князем Барклаем-де-Толли-Веймарном [131, 161].

Герб князей Барклай-де-Толли-Веймарн внесен в «Общий Гербовник», часть XIII, под № 4 [104].

По Высочайшему повелению от 2 ноября 1872 г. разрешено потомству генерал-адъютанта князя Александра Барклая-де-Толли-Веймарна как мужского, так и женского пола именоваться князьями и княжнами Барклай-де-Толли-Веймарн [131].

Последним представителем рода был князь *Николай* (1892—1964), ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, владелец имений Бекгоф в Лифляндии и Стенфорс в Швеции [158].

Светлейший князь Безбородко

Безбородко * — княжеский и графский род, происходящий от казака *Якова Безбородко* (ум. ок. 1730). Он имел двух сыновей, один, *Андрей Яковлевич* (1711—1780), был генеральным писарем, а другой, *Семен Яковлевич,* — сотником Бречанским, а потом обозным Переяславским. У Андрея Яковлевича было несколько дочерей и два сына: *Александр,* впоследствии князь, и *Илья,* граф ** [8, 34, 154].

Александр Андреевич (1746—1799), Светлейший князь с 1797 г., канцлер, действительный тайный советник I класса. Обучался в Киевской Академии, где и проявились его блестящие способности. С 1765 г. начал службу, был назначен правителем канцелярии Малороссийского генерал-губернатора графа Румянцева. В 1767 г. определен членом Малороссийского генерального суда, а через два года, когда началась война с Турцией, оставил гражданскую службу, поступил на военную и выступил в поход к Бугу с Нежинским полком. После командовал полками: Лубенским, Миргородским и Компанейским. Когда Румянцев был назначен главнокомандующим над русскими войсками против турок, он перешел в его армию и находился при нем постоянно в сражениях, за что был произведен в полковники [8, 154].

В 1775 г., по прибытии в Москву с графом Румянцевым, он поступил к Екатерине II для принятия прошений, поступающих на Высочайшее Имя. В 1779 г. произведен в бригадиры и награжден деревнями в Белоруссии. В 1782 г. получил орден св. Владимира 1-й степени, в 1788 г. — в потомственное владение 2700 душ на Украине, в 1784 г. — чин тайного советника, орден св. Александра Невского, звание второго члена Министерства иностранных дел и более 3000 душ на Украине. Кроме того, получил разрешение принять пожалованное ему Римским Императором графское достоинство. В 1786 г. переименован в гофмейстеры и награжден деревнями на Украине [8, 154].

В 1790 г. произведен в действительные тайные советники, а в следующем году по случаю заключения договора с Турцией награжден орденом св. апостола Андрея Первозванного, 50 тыс. рублями, похвальной грамотой, масличной ветвью для ношения на шляпе и 5000 душ в Подольской губернии [154].



Светлейший князь Александр Андреевич Безбородко.

Пользуясь неограниченным доверием Екатерины II, он имел больше силы и влияния, чем его начальник, вице-канцлер граф Остерман [154].

После вступления на престол Павла I он в 1797 г. был назначен канцлером и возведен в княжеское Российской Империи достоинство с титулом Светлости. Кроме того, Павел I пожаловал ему свой портрет и большой крест св. Иоанна Иерусалимского, осыпанные алмазами, Орловскую вотчину, поступившую в казну после князя Кантемира, несколько тысяч десятин земли и крестьян [154].

Александр Андреевич принимал участие в важнейших политических делах второй половины царствования Екатерины II и царствования Императора Павла, как, например, в заключении Морской декларации 28 февраля 1780 г. и ряда других трактатов о морском нейтралитете, также в заключении оборонительных союзных договоров России с Австрией и Пруссией (1792) и с Великобританией (1794), кроме того, в третьем разделе Польши (1795) и в других государственных делах [8, 154].

Потомства у князя Безбородко не было, и с его смертью род пресекся [131].

Герба князя Безбородко в «Общем Гербовнике» [104] нет.

* Статья написана П. Х. Гребельским.

** Сведения о графах Безбородко и унаследовавших их титул графах Кушелевых-Безбородко будут приведены в четвертом томе настоящего издания.

Светлейшие князья Варшавские, графы Паскевичи-Эриванские и дворяне Паскевичи

Паскевичи * — княжеский, графский и дворянский род, происходящий от *Федора Цаленко,* бывшего полковым товарищем в Полтавском полку (1698). Его сын *Яков Цаленко* имел прозвище *Пасько,* а сын Якова *Иван* уже писался *Паскевичем* [154].

Потомок Федора Цаленко в VII колене, *Иван Федорович Паскевич,* в 1828 г. был возведен в графское Российской Империи достоинство с фамилией *Паскевич-Эриванский,* а в 1831 г.— в княжеское достоинство с титулом Светлости и фамилией *Варшавский* [131].

Родословное древо Паскевичей приведено в таблице 32 [94а].

Из Паскевичей наиболее известны [94а]:

9. Петр Федорович (1738—1791), коллежский советник.

10. Павел Федорович (ум. до 1791), есаул.

12. Григорий Иванович (1735—?), войсковой товарищ (1772), бунчуковый товарищ (1779), надворный советник при отставке (1787).

15. Яков Васильевич (ок. 1749—?), коллежский асессор (1791).

23. Николай Павлович (ок. 1784—?), майор кавалерии (1826).

24. Моисей Иванович (ок. 1764—?), поручик (1791—1796), прокурор во 2-м департаменте Киевского губернского магистрата (1795), надворный советник (1802).

26. Андрей Григорьевич (1740—?), есаул, бурмистр Нежинского магистрата (1772), бунчуковый товарищ (1786), коллежский асессор, заседатель Нежинского уездного суда (1791).

27. Федор Григорьевич (ок. 1760—1832), с 1781 г. бунчуковый товарищ, с 1782 г. коллежский асессор, с 1787 г. надворный советник — советник Екатеринославской палаты уголовного суда, с 1795 г. председатель во 2-м департаменте земского суда Вознесенской губернии, с 1797 г. коллежский советник.

Статья написана П. Х. Гребельским.



Светлейший князь Иван Федорович Варшавский граф Паскевич-Эриванский.

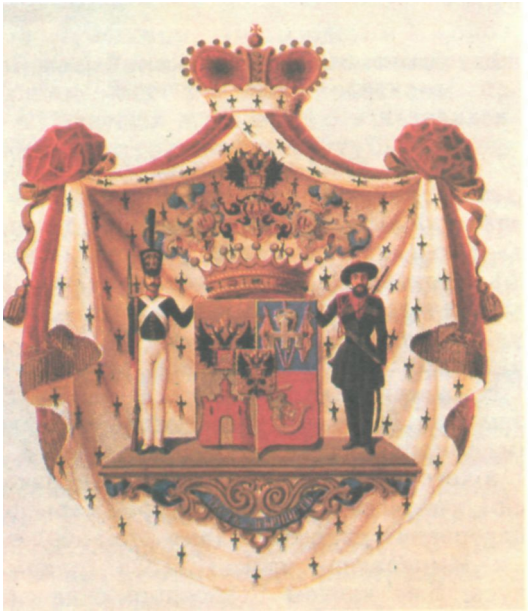
37. Иван Федорович (1782—1856), граф Паскевич-Эриванский (1828), Светлейший князь Варшавский (1831), русский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1829), генерал-адъютант (1825). Окончил Пажеский корпус (1800). Участвовал в русско-турецкой войне (1806—1812). Во время Отечественной войны 1812 г. и в Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. командовал дивизией. В 1817—1819 гг. состоял при Великом князе Михаиле Павловиче, затем командовал гвардейской пехотной дивизией, в которой служил будущий Император Николай I, что способствовало быстрой карьере Ивана Федоровича, ставшего одним из наиболее близких к Императору лиц. С 1825 г. командир корпуса. Был членом Верховного суда по делу декабристов. С 1826 г. командовал войсками в Закавказье, с марта 1827 г. Наместник Кавказа. Во время русско-персидской войны 1827—1828 гг. разбил неприятельские войска под Елизаветполем и взял Эривань. За эту победу Именным Высочайшим указом от 15 марта 1828 г. генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии Паскевич возведен с нисходящим его потомством в графское Российской Империи достоинство с наименованием граф Паскевич-Эриванский [8, 131, 154].

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. искусно руководил военными действиями

русских войск против турок в Малой Азии. В первый год войны им были взяты: Каре, Ахалкалака и Ахалцих, а на следующий год, разбив неприятеля при Гасан-Кала, он занял Эрзерум и в день обнародования Адрианопольского мира был произведен в генерал-фельдмаршалы. В 1831 г. назначен Главнокомандующим войсками в Польше и руководил подавлением восстания. За взятие Варшавы Именным Высочайшим указом от 4 сентября 1831 г. был возведен с нисходящим его потомством в княжеское Российской Империи достоинство с титулом Светлости и повелено ему именоваться князем Варшавским графом Паскевичем-Эриванским. Назначенный Наместником Царства Польского, он проводил политику русификации страны [8, 131, 154].

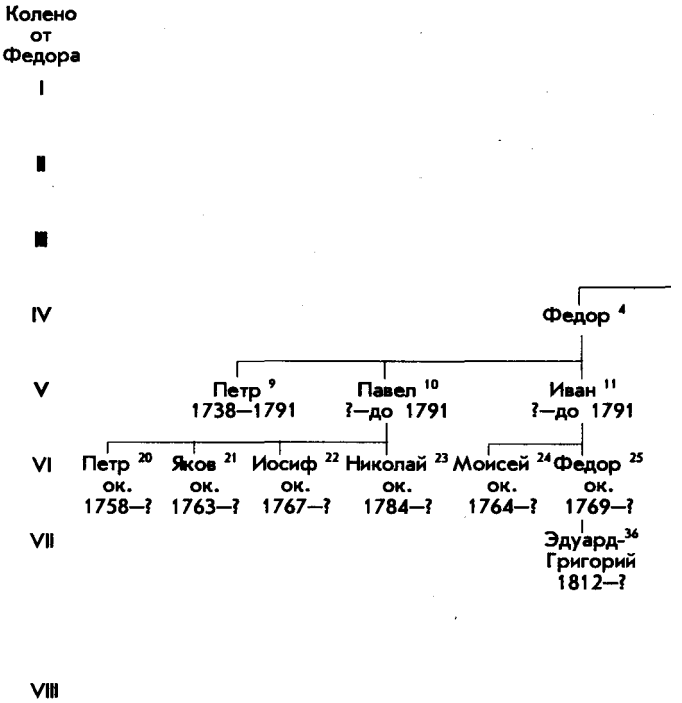
В 1849 г. князь командовал русскими войсками, направленными в Венгрию для подавления революции. В 1853—1856 гг. во время Крымской войны был Главнокомандующим войсками на западных границах и на Дунае. Преувеличенная осторожность и нерешительность его действий подорвали военный авторитет генерал-фельдмаршала [8, 154].

Герб Светлейшего князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского внесен в «Общий Гербовник», часть XI, под № 1 [104].



Герб Светлейших князей Варшавских графов Паскевичей-Эриванских.

Щит четырехчастный, с малым щитком посредине, в красном поле которого государственный российский герб. В правой верхней части главного щита, в золотом поле, возникающий до половины российский государственный орел. В левой верхней части — герб фамилии: в голубом поле серебряный постамент для полкового значка и стоящие в нем знамена. В правой нижней части, в золотом-поле, башня с минаретом, над которым рогами вверх обращенный полумесяц. В левой нижней части, в золотом поле, сирена, держащая меч. Над щитом графская корона, а над нею три дворянских шлема с нашлемниками. Из них, на боковых, над дворянскою короною по три страусовых пера, а над средними — возникающий императорский орел. Щитодержатели гренадер и горец кавказский. Девиз: *«Честь и верность»*. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

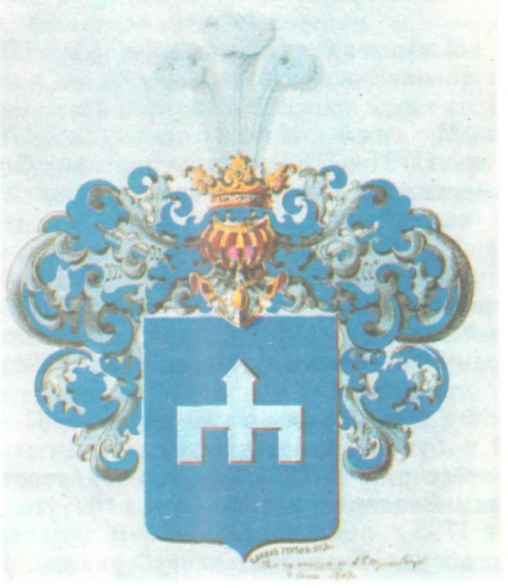


38. Иосиф Федорович (1784—1844), полковник.

39. Степан Федорович (1785—1840), действительный статский советник, губернатор в Тамбовской и Курской губерниях.

40. Константин Федорович (1790—1836), полковник.

41. Федор Федорович (1792—1844), генерал-майор.

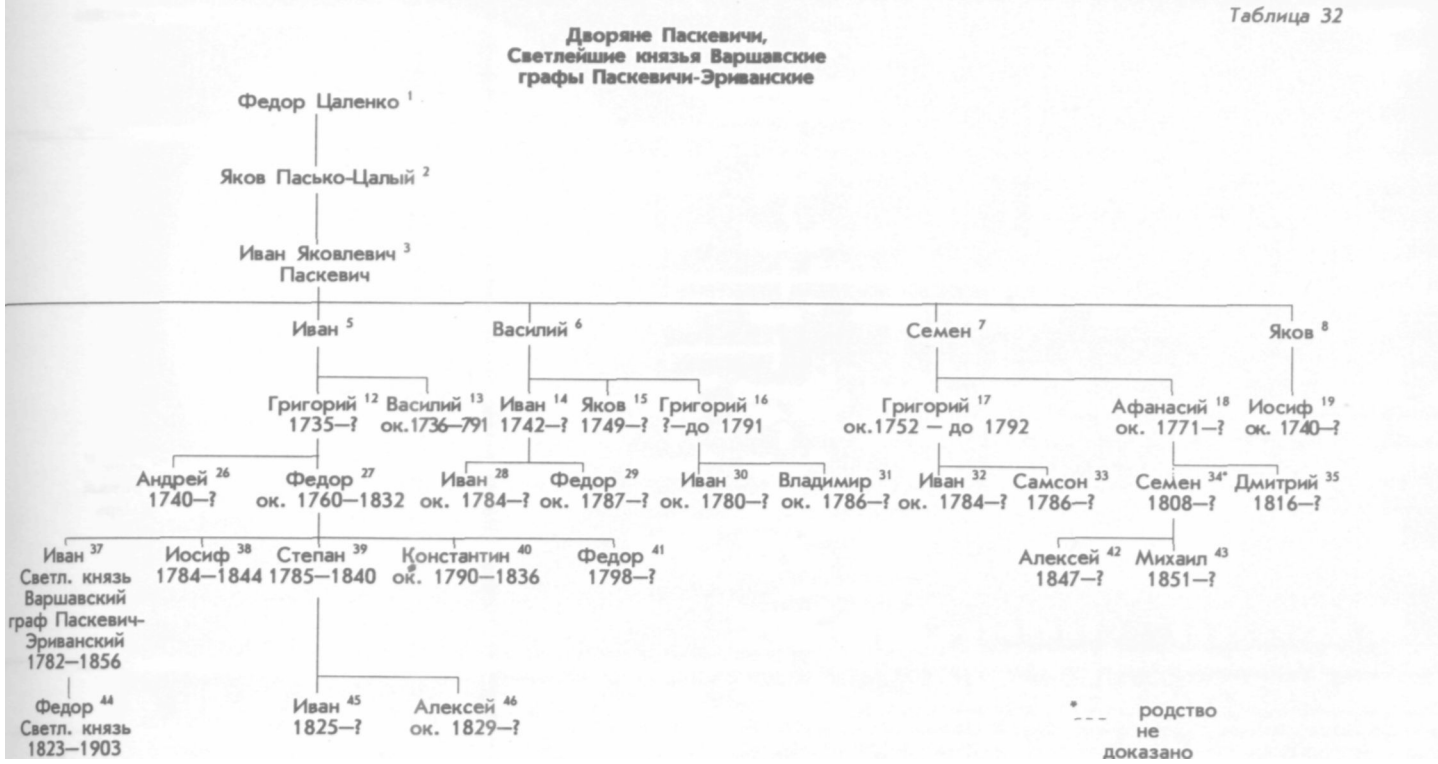


Дипломный герб Иосифа, Степана и Константина Паскевичей.

В голубом поле щита серебряный постамент для полкового значка. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною, с тремя страусовыми перьями. Герб Высочайше утвержден 5 июня 1832 года.

Таблица 32

Дворяне Паскевичи, Светлейшие князья Варшавские графы Паскевичи-Эриванские



44. Светлейший князь Федор Иванович Варшавский граф Паскевич-Эриванский (1823—1903), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, помощник инспектора вооруженных сил. Был женат на графине Ирине Павловне Воронцовой-Дашковой, переведшей на английский язык много литературных произведений. Детей у них не было [94а, 154].

45. Иван Степанович (1825—?), действительный статский советник с 1880 г.

КНЯЗЬЯ И ДВОРЯНЕ ВАСИЛЬЧИКОВЫ

Васильчиковы * — древний дворянский род, ведущий свое происхождение от *Индриса,* в крещении *Леонтия,* который по родословной легенде в 1353 г. выехал с двумя сыновьями, *Константином* и *Федором,* из Цесарии, и с ними было до 3000 дружины. Потомок Индриса в IX колене, *Василий Федорович Дурной,* по прозвищу *Васильчик,* является родоначальником фамилии Васильчиковых [44, 154].

Родословное древо потомков Индриса приведено в таблице 33 [44, 131], а дворян и князей Васильчиковых — в таблице 34.

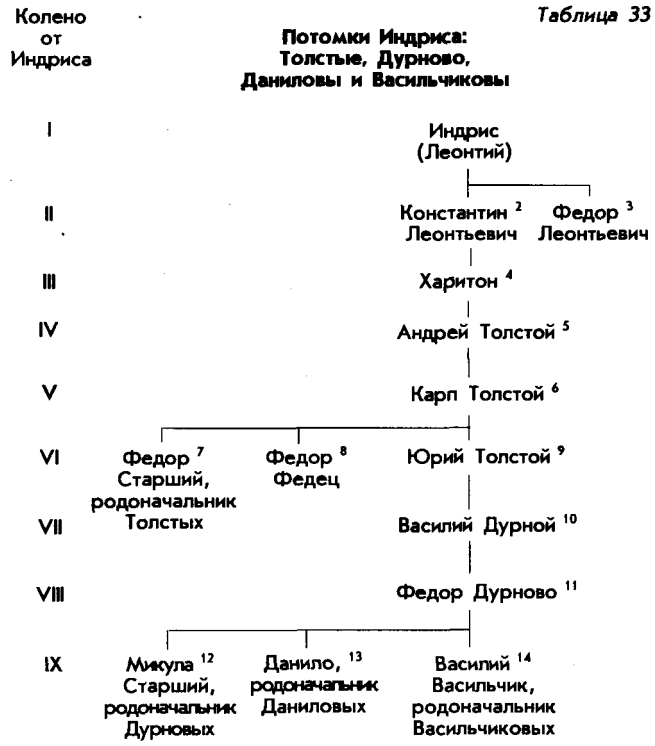
Из дворян и князей Васильчиковых наиболее известны:

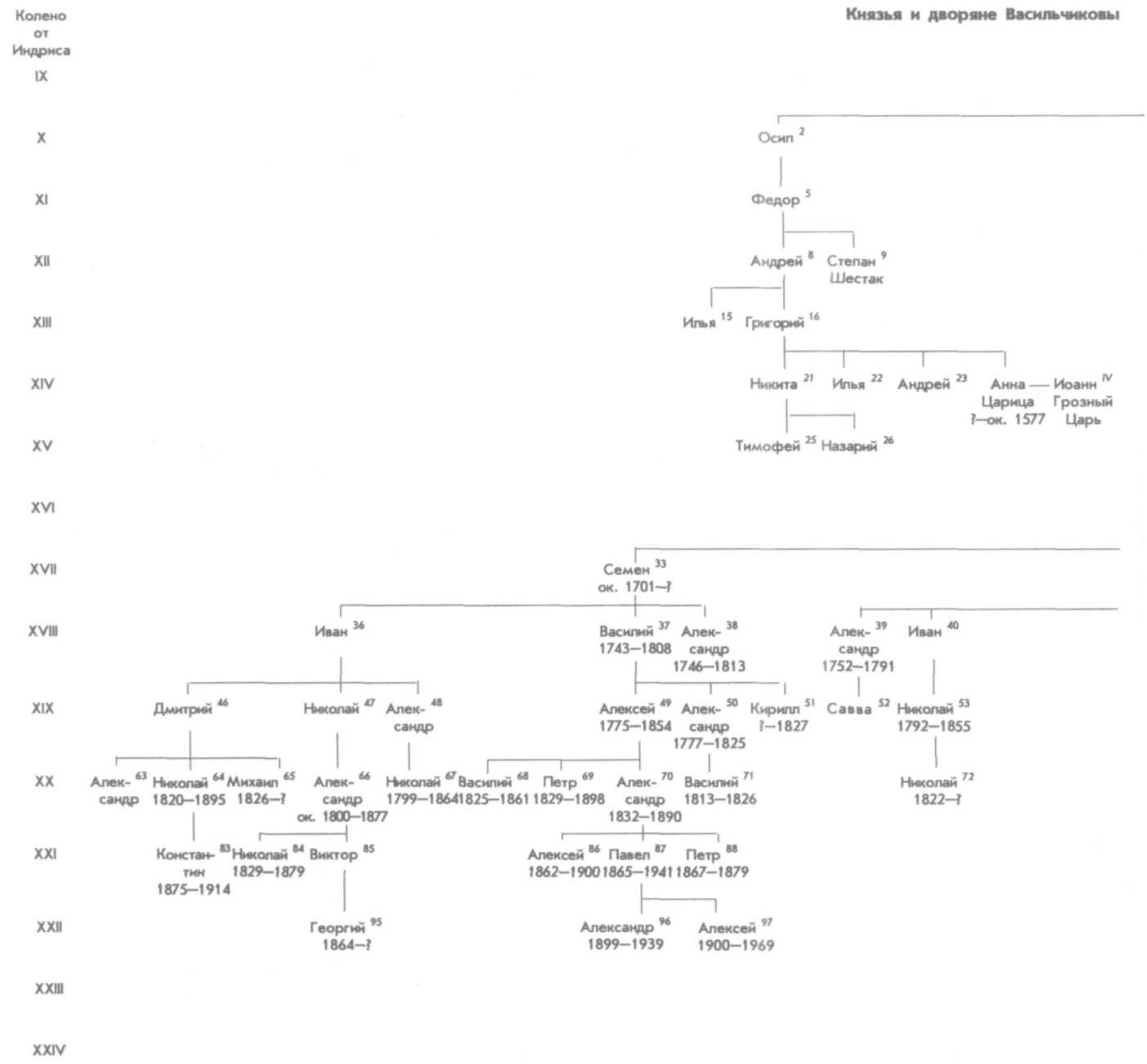
4. Иван Васильевич Есипля, в числе детей боярских провожал Великую княжну Елену Ивановну в Литву в январе 1495 г. В 1500 г. был на свадьбе князя В. Д. Холмского с Великой княжной Феодосией Ивановной.

* Статья написана Б. Н. Морозовым. Использованы при этом дополнительно к указанным материалы родового архива Васильчиковых (РГАДА), а также материалы росписей М. П. Чулкова и Н. Иконникова.

Таблица 33

Потомки Индриса: Толстые, Дурново, Даниловы и Васильчиковы





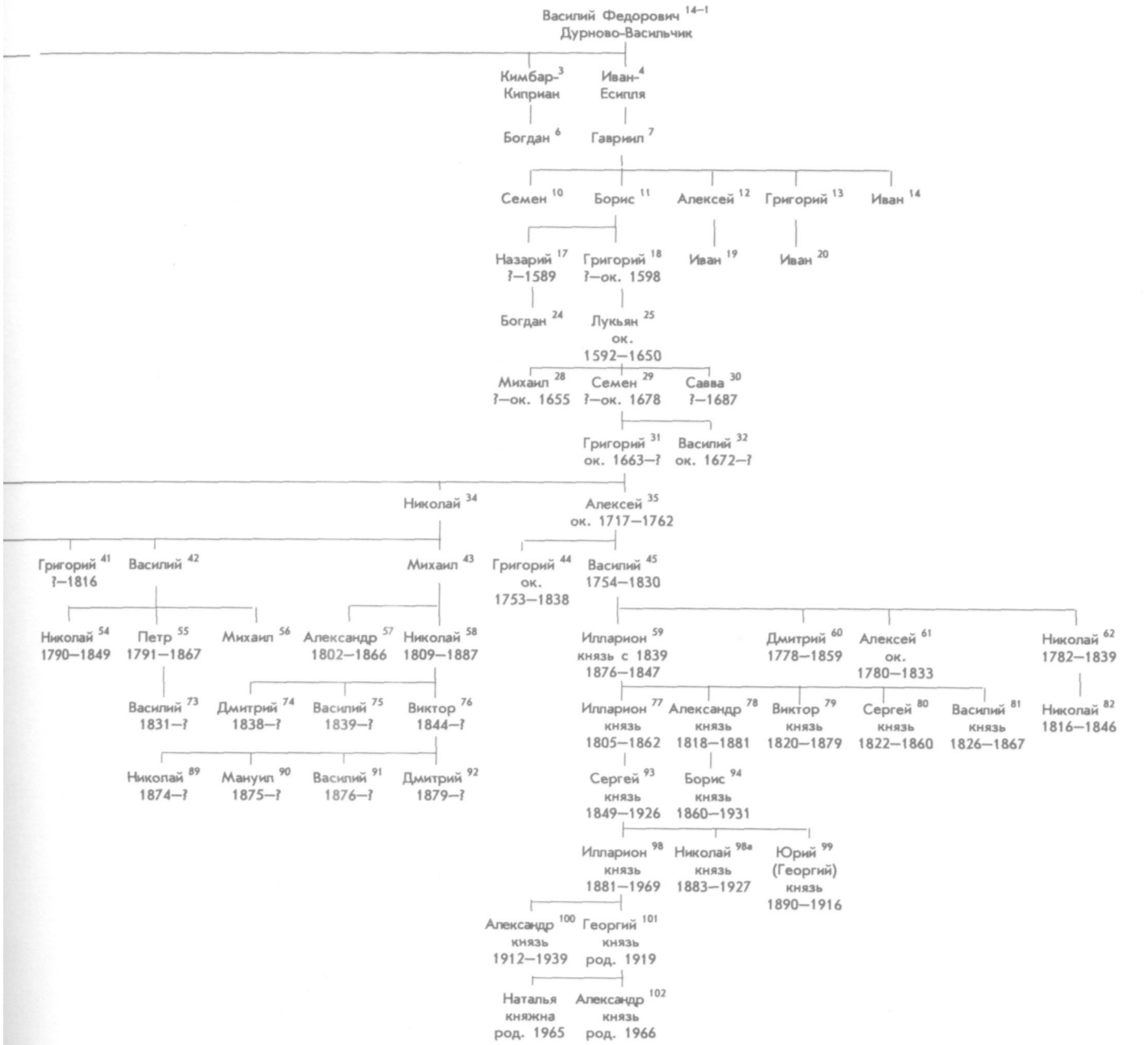
16. Григорий Андреевич, отец Анны — пятой жены Иоанна IV Грозного. На царской свадьбе сидел с братом Ильей (см. № 15) выше бояр и согласно проекту родословной росписи Васильчиковых 1680-х гг. «был при Царе Иване Васильевиче боярин». В 1577—1589 гг. — дворянин московский.

17. Назарий Борисович (ум. 1589). С 1551 г. в составе Государева Двора, в 1565—1571 гг., вероятно, как и брат, был в составе опричников, в 1585 г. голова у городового дела в Новгороде [44].

18. Григорий Борисович (ум. ок. 1598). С 1551 г. в составе Государева Двора, в 1565—1571 гг. — опричник, в 1588 и 1590 гг. ездил послом в Персию по вопросу о присоединении к Московскому государству городов Баку и Дербент. Шах ответил согласием при условии, что московское правительство поможет персам изгнать из этих городов турок. В 1592 г. был направлен в Колу для разграничения русских и датских владений. В конце 1590-х гг. судья Земского приказа [44, 154].

21. Никита Григорьевич, в соответствии с родословной росписью был близок к Царю: во время свадебной церемонии Царя Иоанна IV Грозного с его сестрой Анной он мылся с Царем в «мыльне», затем ставил «ести перед государем», «стряпал» и т. д. До ссылки Царицы служил комнатным стольником. В 1577—1589 гг. дворянин московский, и выборный дворянин по Костроме.

Анна Григорьевна (ум. ок. 1577), пятая жена Царя Иоанна IV Грозного, заменившая Анну Колтовскую. В литературе существуют про-



тиворечивые суждения как по поводу ее происхождения, так и о самой свадьбе и дальнейшей судьбе Царицы: Миллер в своем труде «О дворянстве» называет ее Васильевной, Хмыров в «Алфавитном справочном перечне» считает ее дочерью Григория Борисовича Васильчикова, Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев вообще не считали ее Царицей, так как не имели сведений о самом бракосочетании. Князь П. В. Долгоруков в «Родословной книге» [44] спутал ее с Анной Колтовской, постриженной под именем Царицы Дарьи и умершей в Тихвинском монастыре в 1626 г. На свадьбе, состоявшейся, вероятно, в конце 1574 г., присутствовали 10 представителей рода Васильчиковых (см. № 15—19, 21 и 23), а также их жены (см. № 8, 16 и 17). Менее чем через год Царь охладел к новой жене, и она была насильно пострижена в Суздальском Покровском монастыре, где и умерла не позднее января 1577 г. Факт ее смерти в это время подтверждается тем, что примерно в это время Царь разослал по монастырям крупные вклады на ее поминовение. Царица Анна Григорьевна похоронена в усыпальнице под Покровским собором в Суздале.

25. Лукьян Григорьевич (ок. 1592—1650), дворянин московский, в 1638 г. составил переписную книгу Москвы, в 1639 г. воевода и строитель Бобриковской (Белевской) засеки.

28. Михаил Лукьянович (ум. ок. 1665), стольник. В 1648 г. упоминается в составе чинов

Двора, присутствовавших на свадьбе Царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской [44].

30. Савва Лукьянович (ум. 1687), стольник. В 1679—1681 гг. был воеводой в Ельце [44].

31. Григорий Семенович (1663—?), стольник. В 1703 г. был воеводой в Костроме, затем судьей в Ярославле.

33. Семен Григорьевич (ок. 1701—?). В 1737 г. был назначен Военной коллегией управляющим делами о наследстве князя Кантемира [111].

37. Василий Семенович (ум. 1808), действительный камергер [44].

38. Александр Семенович (1746—1813), действительный камергер, генерал-поручик, фаворит Екатерины II в 1772—1774 гг.

40. Иван Николаевич, бригадир.

42. Василий Николаевич, бригадир [44].

43. Михаил Николаевич, бригадир [44].

44. Григорий Алексеевич (ок. 1753—1838), генерал-лейтенант [44].



Александр Семенович Васильчиков.



Алексей Васильевич Васильчиков.

45. Василий Алексеевич, бригадир [44], Новгородский губернский предводитель дворянства в 1789—1795 гг.

49. Алексей Васильевич (1776—1854), шталмейстер, действительный тайный советник, сенатор [44].

53. Николай Иванович (1792—1855), генерал-майор.

Герб дворян Васильчиковых внесен в «Общий Гербовник», часть V, под № 23 [104].



Герб рода Васильчиковых.

В голубом поле золотая сабля и серебряная стрела, крестообразно положенные остриями к правому верхнему углу и диагонально продетые сквозь кольцо золотого ключа, а над ключом, с левой стороны, видно серебряное крыло. На щите дворянские шлем и корона. Намет голубой, подложенный золотом.



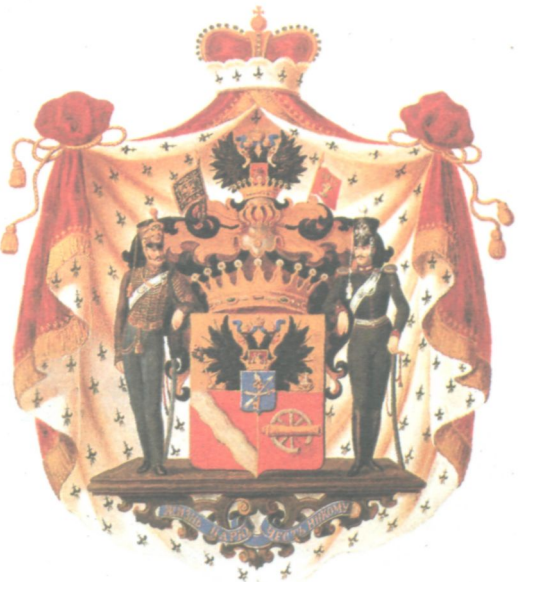
Александра Ивановна Васильчикова (1795—1855), урожденная Архарова.

58. Николай Михайлович, действительный статский советник, Орловский губернатор в 1837—1842 гг.

59. Илларион Васильевич (1776—1847), граф с 1831 г., князь с 1839 г. Поступил на службу в 1792 г. унтер-офицером в лейб-гвардии Конный полк, в 1793 г. произведен в корнеты, а в 1801 г. был уже генерал-майором и генерал-адъютантом, в 1803 г. назначен командиром Ахтырского гусарского полка, в 1807 г. участвовал в сражениях при Сероцке, Пултуске и др., с начала Отечественной войны 1812 г. постоянно был в арьергарде 2-й армии до соединения ее с 1-й армией. Раненный под Бородином, был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 4-го кавалерийского корпуса, с которым участвовал в сражении под Тарутином и Вязьмой. В 1813 г. был ранен вторично. За отличие в битвах 1813 г. получил орден св. Георгия 3-й степени. В 1817 г. назначен командиром Отдельного гвардейского корпуса. В 1823 г. произведен в генералы-от-кавалерии. В 1831 г. возведен в графское Российской Империи достоинство и назначен генерал-инспектором кавалерии. В 1838 г. назначен председателем Государственного Совета и Комитета министров. В 1839 г. возведен в княжеское Российской Империи достоинство [8, 154].



Князь Илларион Васильевич Васильчиков.



Герб князей Васильчиковых.

Щит разделен горизонтально на две части. В верхней, в золотом поле, российский двуглавый орел. Нижняя часть разделена перпендикулярно на две половины, обе с красным полем. В верхней половине река, текущая диагонально от правого верхнего угла к нижнему левому. В левой половине лежит на земле зеленое колесо, и на колесе лежит пушка без лафета. Посредине герба щиток с родовым гербом фамилии, и на этом щитке дворянская корона. На гербе корона графская, и на ней шлем, с графскою же короною и с российским двуглавым орлом. Справа от шлема знамя Ахтырского гусарского полка; слева от шлема красное знамя с белою на нем лилиею и цифрою: *«1814»*. Щитодержатели: справа гусар Ахтырского полка; слева солдат в мундире бывшего гвардейского Конно-егерского полка, впоследствии Лейб-драгунского. Девиз: *«Жизнь царю, честь никому*.* Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Герб князей Васильчиковых внесен в «Общий Гербовник», часть XI, под № 5 [104].

60. Дмитрий Васильевич (1778—1859), обер-егермейстер, член Государственного Совета, кавалер всех Российских орденов [44].

61. Алексей Алексеевич (ок. 1780—1833), действительный камергер, сенатор, Новгородский губернатор [44].

62. Николай Васильевич (1782—1839), генерал-майор [44].

64. Николай Дмитриевич (1820—1895), генерал-лейтенант.



Дмитрий Васильевич Васильчиков.



Князь Виктор Илларионович Васильчиков.



Князь Илларион Сергеевич Васильчиков.



Князь Борис Александрович Васильчиков.



Николай Александрович Васильчиков.

66. Александр Николаевич (ок. 1800—1878), камергер, действительный статский советник [44].

67. Николай Алексеевич (1799—1864). Окончил Пажеский корпус и поступил юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк в 1820 г., корнет с 1822 г. Член петербургской ячейки «Южного общества» (1825), участвовал в деятельности «Северного общества». Арестован в Москве 25 декабря 1825 г. и помещен в Петропавловскую крепость в Петербурге. Высочайше повелено 15 июня 1826 г., продержав еще месяц в крепости, выписать тем же чином в полки 5-го резервного кавалерийского корпуса и ежемесячно доносить о поведении. Участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах в 1826—1829 гг., ранен, уволен от службы корнетом Харьковского уланского полка в 1830 г. Над ним был учрежден секретный надзор, въезд в столицы запрещен. В 1831 г. по ходатайству матери разрешено постоянное жительство в Москве, в 1835 г. разрешен выезд за границу для лечения жены. Помилован в 1839 г. Похоронен в Москве в Симоновском монастыре, могила не сохранилась [42].

69. Петр Алексеевич (1829—1898), гофмейстер.

70. Александр Алексеевич (1832—1890), гофмейстер, любитель искусства и писатель. Окончил Московский университет и служил в Министерстве иностранных дел в составе миссий в Риме, затем в- Карлсруэ. В 1879—1889 гг. был директором Императорского Эрмитажа и с 1882 по 1886 г. был председателем Императорской археологической экспедиции. Издал словарь русских портретов («Liste alphabetique de portraits russes», 1871, т. 1, 2). Автор обширного, но не завершенного труда «Семейство Разумовских» [154].

72. Василий Николаевич (1839—?), генерал-от-кавалерии [1911].

77. Князь Илларион Илларионович (1805—1862), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Киевский, Волынский и Подольский [44, 154].

78. Князь Александр Илларионович (1818—1881), экономист, общественный деятель и писатель. Окончил Петербургский университет со степенью кандидата прав. Будучи в миссии барона Гана по введению на Кавказе административного управления, присутствовал в качестве секунданта на дуэли Лермонтова и Мартынова. За это был предан военному суду, но прощен Николаем I во внимание к заслугам отца. В 1845 г. поступил на службу во II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, но вскоре перешел на должность уездного (1848—1851), а затем и губернского предводителя дворянства Новгородской губернии (1851—1854). В 1846—1866 гг. (с перерывами) был церемониймейстером. Составил себе репутацию человека опасного, так как, преследуя, по должности предводителя дворянства, жестоких и распутных помещиков, он раскрывал все ужасы крепостного права. Принял активное участие в подготовке реформы 1861 г. В 1865—1872 гг. был гласным в Старорусском и Новгородском губернских земских собраниях. После 1872 г. его общественная деятельность выражается главным образом в издании им ряда работ по проблемам аграрных отношений, кредита, местного самоуправления и народного образования [8, 154].

79. Князь Виктор Илларионович (1820—1879), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус и в 1839 г. поступил корнетом в лейб-гвардии Конный полк. С 1842 г. участвовал в боевых действиях на Кавказе, в 1853—1856 гг. — в Крыму. В ноябре 1854 г. назначен начальником штаба Севастопольского гарнизона и в числе последних покинул развалины города. В 1856 г. назначен начальником штаба Южной армии, в 1857 г. — директором канцелярии Военного министерства, в апреле 1858 г. — товарищем военного министра, а в мае — управляющим Военным министерством. В 1860 г. по состоянию здоровья был освобожден от должности, а в 1867 г. вышел в отставку и много занимался хозяйством в своем имении, печатал статьи и брошюры по сельскохозяйственным вопросам [154].

80. Князь Сергей Илларионович (1822—1860), генерал-майор.

93. Князь Сергей Илларионович (1849—1926), генерал-адъютант (1902), генерал-от-кавалерии (1910), командир Гвардейского корпуса в 1902—1906 гг.

94. Борис Александрович (1860—1931), шталмейстер, Новгородский губернский предводитель дворянства (1890—1900), Псковский губернатор (1900—1903). Во время русско-японской войны был главноуполномоченным Красного Креста. В 1906—1908 гг. главноуполномоченный землеустройством и земледелием, член Государственного Совета. Первый председатель Всероссийского национального клуба.

98. Илларион Сергеевич (1881 — 1969), камергер (1913), Ковенский губернский предводитель дворянства (1909), член 4-й Государственной думы (партия центра).

СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ, ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ ВОРОНЦОВЫ, ГРАФЫ ВОРОНЦОВЫ-ДАШКОВЫ И СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ ВОРОНЦОВЫ ГРАФЫ ШУВАЛОВЫ

Воронцовы * — княжеский, графский и дворянский род, происходящий из мелкопоместного дворянства. Поколенная роспись рода ведется от *Федора Ивановича Воронцова,* жившего в середине XVII в. [125а].

В XVIII в., в связи с возвышением при Дворе братьев *Романа, Михаила* и *Ивана Илларионовичей Воронцовых,* была сочинена легенда, согласно которой они выводили свой род от приехавшего в 1027 г. из Норвегии *Симона Африкановича,* приходившегося племянником Королю Гакону Слепому. Еще в XIX в. была доказана несостоятельность этой версии.

Родословное древо Воронцовых приведено в таблице 35 [44, 125а]. Из них наиболее известны:

15. Илларион Гаврилович (1674—1750). За заслуги сына Михаила был возведен Императрицей Елизаветой Петровной при ее коронации в звание тайного советника [111].

16. Петр Дмитриевич (1687—1763), комиссар флота [111].

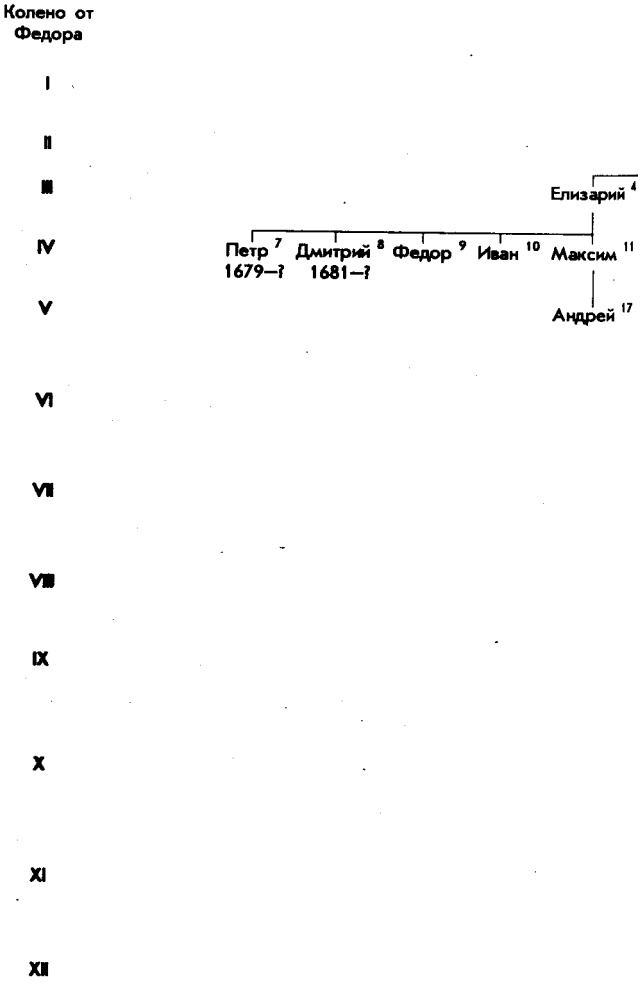
20. Роман Илларионович (1707—1783), государственный деятель. Генерал-поручик и сенатор при Елизавете, генерал-аншеф при Петре III, при Екатерине II был сначала в опале, а затем назначен наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. Отстаивал программу дворянской монополии на землевладение и владение крепостными, выступал за развитие дворянского предпринимательства. Прославился необузданным лихоимством, за что получил прозвище *«Роман — большой карман»*. Был женат на богатой купеческой дочери Марфе Ивановне Сурминой. Из дочерей его Елизавета была фавориткой Петра III, а Екатерина — сподвижницей Екатерины II [154].

В 1760 г. грамотой Императора Франца I возведен с нисходящим потомством в графское Римской Империи достоинство [131].

Екатерина Романовна (1744—1810), дочь предыдущего, известная в истории как княгиня Дашкова (по фамилии мужа); русский литературный деятель. Она воспитывалась в доме дяди, государственного канцлера М. И. Воронцова. Активно участвовала в перевороте 28 июня 1762 г., приведшем на Престол Екатерину II, однако влияние ее в придворных кругах не было прочным. С 1769 г. более 10 лет провела за границей, где встречалась с видными политическими деятелями, писателями и учеными — А. Смитом, Вольтером, Д. Дидро и др. По возвращении в Россию в 1783 г. была назначена директором Петербургской Академии наук, а затем возглавила учрежденную в том же году по ее предложению Российскую Академию для изучения русского языка [8, 154].

Основала новые периодические издания «Собеседник любителей российского слова» и «Новые ежемесячные сочинения», возобновила прежние периодические научные издания и публичные чтения при Академии наук на русском языке по математике и другим дисциплинам. По ее инициативе Российской Академией был выпущен Толковый словарь русского языка [8, 154].

В 1796 г. Павлом I была отстранена от дел и сослана в деревню, С восшествием на Престол



* Статья написана П. Х. Гребельским и А. А. Шумковым.



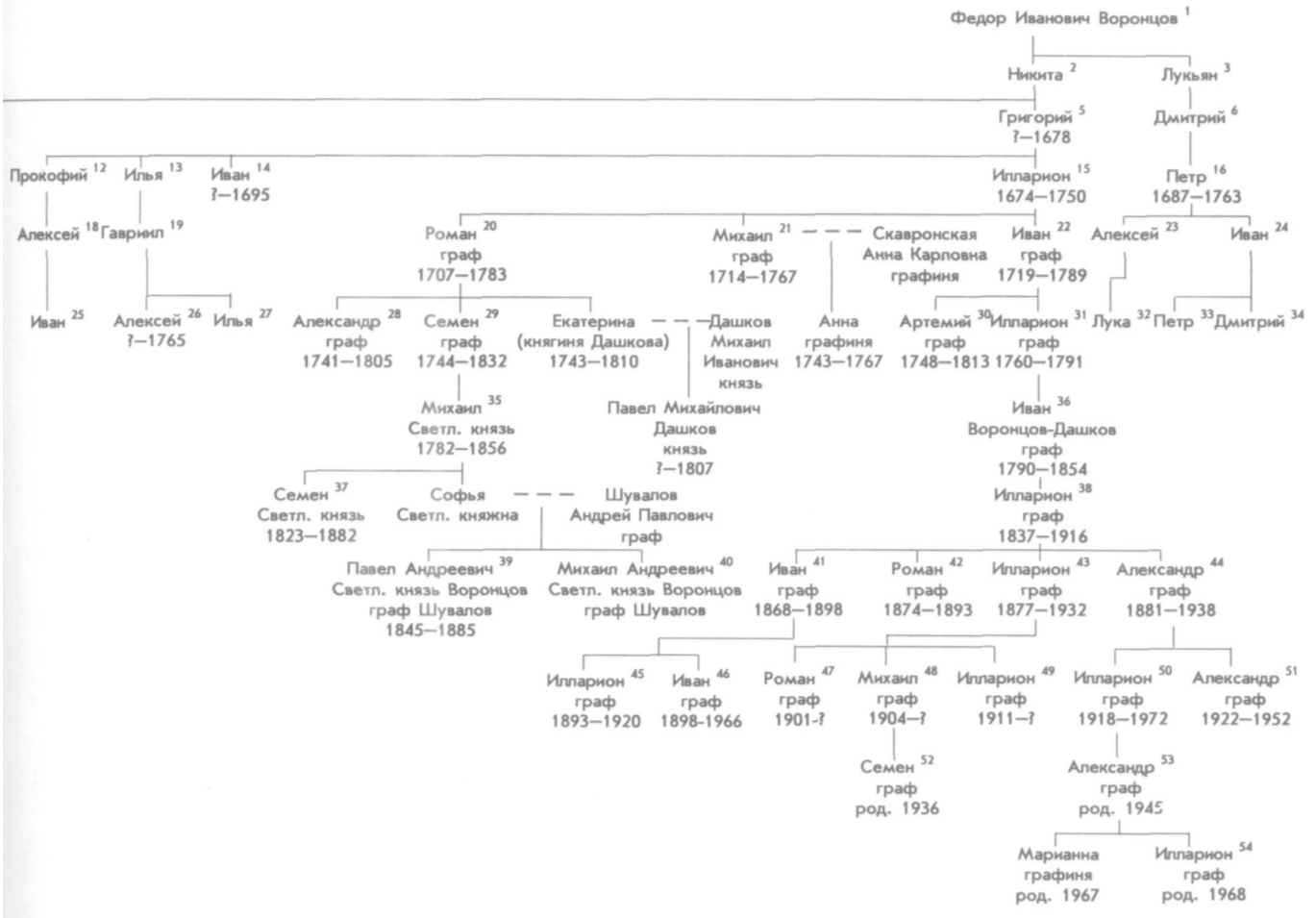
Граф Роман Илларионович Воронцов.



Графиня Елизавета Романовна Воронцова.

Таблица 35

Светлейшие князья, графы и дворяне Воронцовы, графы Воронцовы-Дашковы и Светлейшие князья Воронцовы графы Шуваловы





Княгиня Екатерина Романовна Дашкова,
урожденная графиня Воронцова.



Граф Михаил Илларионович Воронцов.



Графиня Анна Карловна Воронцова (1723—1775),
урожденная графиня Скавронская,
двоюродная сестра Императрицы Елизаветы Петровны,
супруга графа М. И. Воронцова.



Граф Иван Илларионович Воронцов.

Александра I ей было разрешено вернуться [8, 154].

Екатерина Романовна — автор ряда литературных произведений в различных жанрах. Наибольший интерес представляют ее «Записки» [36], в которых она рассказывает о событиях 1762 г. [154].

21. Михаил Илларионович (1714—1767), граф с 1744 г., государственный деятель и дипломат. С четырнадцати лет был определен камер-юнкером при Дворе Великой княжны Елизаветы Петровны. Вместе с Шуваловым стоял на запятках саней, на которых Цесаревна поехала в казармы Преображенского полка в ночь провозглашения ее Императрицей; он же вместе с Лестоком арестовал Анну Леопольдовну с ее семейством. За это Елизавета пожаловала его действительным камергером, поручиком новоучрежденной лейб-компании и сделала владельцем богатых поместий. 3 января 1742 г. Михаил Илларионович стал мужем графини Анны Карловны Скавронской, двоюродной сестры Государыни. В 1744 г. Воронцов был возведен в графское

Российской Империи достоинство и вслед за тем назначен вице-канцлером. Когда в 1758 г. канцлера А. П. Бестужева-Рюмина постигла опала, на его место был назначен Воронцов. Очень хорошие отношения у него были с Петром III: даже после переворота 28 июня 1762 г. Воронцов пытался отстоять его права и отказался присягнуть Екатерине II, за что был подвергнут домашнему аресту, и присягнул, только когда узнал о смерти Петра III Федоровича. Тем не менее, Екатерина II, видевшая в нем опытного и трудолюбивого дипломата, оставила его по-прежнему канцлером. Необходимость делить свои труды (по дипломатическим сношениям) с Н. И. Паниным, державшимся совершенно другой системы, вытекавшие отсюда недоразумения с ним и другими приближенными Императрицы, например с Григорием Орловым, и холодность самой Императрицы заставили Воронцова выйти в отставку (1763). Был другом и покровителем М. В. Ломоносова [154].

Графиня Анна Михайловна (1743—1767), дочь Михаила Илларионовича и его жены Анны Карловны — двоюродной сестры Императрицы Елизаветы Петровны. Она была замужем за графом Александром Сергеевичем Строгановым (1744—1811), доверенным лицом Елизаветы и Екатерины II, камергером, с 1775 г. сенатором, с 1800 г. — президентом Академии художеств и директором Публичной библиотеки [154].

22. Иван Илларионович (1719—1783), граф с 1760 г., был президентом Вотчинной коллегии в Москве [154].

В 1760 г. грамотой Императора Франца I возведен с нисходящим потомством в графское Римской Империи достоинство [131].



Герб графов Воронцовых.

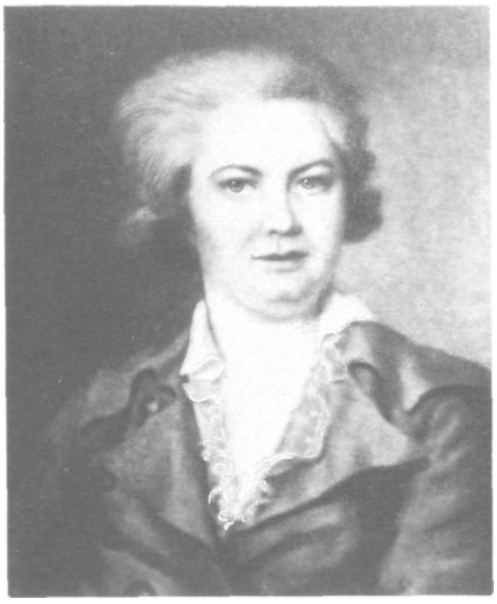
Щит разделен горизонтально на две части. В верхней части, в черном поле, золотое стропило с тремя гранатами, и вокруг стропила три серебряные звезды. Нижняя часть разделена диагонально от правого верхнего угла к нижнему левому на два поля: правое — красное, а левое — серебряное. На диагональной линии положены две розы, а между ними лилия. В красном поле розы и лилия имеют цвет серебряный, а в серебряном поле — красный. Щит увенчан графскою короною, а над ней три дворянских шлема с золотыми обручами и цепями. На правом шлеме корона дворянская, из коей выходит шесть знамен: два красных, два белых и два золотых с российскими на них орлами. На среднем шлеме графская корона, и на ней российский двуглавый орел, с короною, клювом и когтями золотыми. На левом шлеме лейб-компанская шапка, и с каждой стороны по одному орлиному черному крылу с тремя серебряными на нем звездами. Намет с правой стороны черный и золотой, а с левой — красный и серебряный. Щитодержатели два белых коня с красными графскими коронами на шее. Девиз: «Semper immoto fides» *(«Вечно непоколебимая верность»)*.



Графиня Мария Артемьевна Воронцова (1725—1793), дочь казненного кабинет-министра Императрицы Анны Иоанновны, Артемия Петровича Волынского, супруга графа И. И. Воронцова.



Граф Александр Романович Воронцов.



Граф Артемий Иванович Воронцов.



Графиня Евпраксия Федоровна Воронцова (1750—1797), супруга графа А. И. Воронцова.

Герб графов Воронцовых внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 28 [104].

28. Граф Александр Романович (1741—1805), государственный деятель и дипломат. Службу начал с 15 лет в Измайловском полку. В 1759 г. учился в Страсбургском военном училище, после побывал в Париже и Мадриде. Возвратился в Россию в 1761 г. и был назначен поверенным в делах в Вене. В 1762—1764 гг. полномочный министр в Англии, в 1764—1768 гг. — в Голландии. При Екатерине II был сенатором, президентом Коммерц-коллегии, но стоял в отдалении от Двора. Участвовал в заключении важнейших договоров России с Францией (1786), со Швецией (1790) и Ясского с Турцией (1791). В царствование Павла I был в отставке. В 1802—1804 гг. — канцлер. Содействовал разрыву России с Наполеоном I и созданию антифранцузской коалиции, выступал за сближение с Англией. Был дружен с А. Н. Радищевым, помогал его семье после ареста [8]. Видное место занимает деятельность Александра Романовича в преобразовании Сената, устройстве министерств. К его авторитетному мнению обращались в важных вопросах и по выходе его в отставку (1804). Он обладал необыкновенной памятью и обширными историческими познаниями [154].



Граф Семен Романович Воронцов.

29. Семен Романович (1744—1832), граф с 1797 г., дипломат. В 1764 г. отправлен в Вену советником посольства, но вскоре вышел в отставку. С начала русско-турецкой войны вернулся на службу и отличился в битвах при Ларге и Кагуле. В 1783 г. назначен полномочным министром в Венецию, в 1785 г. — в Лондон, где пробыл до 1806 г. Добился возобновления торгового договора между Россией и Великобританией (1793), по которому были предоставлены льготы русским купцам. Вел переговоры о поддержке изгнанных революцией французских Бурбонов. Вмешательство в его дела фаворита Екатерины II Зубова и резкие ответы тому Семена Романовича не только в частных письмах, но и в официальных документах вызвали охлаждение к нему Императрицы. Он также расходился со своим правительством и по вопросам о вооруженном нейтралитете, который он находил невыгодным для России; о польских разделах, которые, по его мнению, были несправедливы; о заселении британскими каторжниками Крыма, которое ему удалось отменить; о назначении на дипломатические посты иностранцев, которых он называл «невеждами» и «проходимцами» [154].

С воцарением Павла I был повышен в звании чрезвычайного и полномочного посла в Лондоне,



Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов.

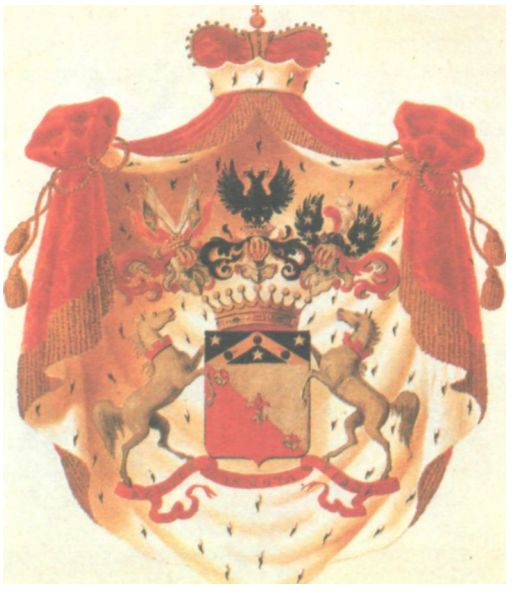
возведен в графское Российской Империи достоинство и одарен землями в Финляндии. Не изменилось к нему отношение Павла I и при его отказе от постов вице-канцлера и канцлера, только сближение с Францией вынудило Павла I отправить его в отставку (1800) с разрешением остаться в Англии. Имения его в России были конфискованы. В следующем месяце Александр I отменил это распоряжение и вновь назначил его послом в Лондоне. Через пять лет усложнившиеся политические события, семейные невзгоды, особенно смерть брата Александра, заставили графа просить об отставке, которая была дана ему в 1806 г. Остался в Лондоне, где и умер [154].

30. Граф Артемий Иванович (1748—1813), действительный тайный советник и сенатор. В 1797 г. испросил у Императора Павла I именной указ о внесении рода графов Римской империи Воронцовых в число родов российско-графских [111].

31. Граф Илларион Иванович (1760—1791), камер-юнкер [111].



Светлейшая княгиня Е. К. Воронцова, супруга Светлейшего князя М. С. Воронцова.



Герб Светлейшего князя Воронцова.

Во всем сходен с гербом графов Воронцовых, но покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

35. Граф Михаил Семенович (1782—1856), князь с 1845 г., Светлейший князь с 1852 г., русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1856). В Отечественной войне 1812 г. командовал дивизией, в 1815—1818 гг. — русским оккупационным корпусом во Франции; был близок к деятелям преддекабристских организаций. С 1823 г. Новороссийский генерал-губернатор и Наместник Бессарабской области, в 1828—1844 гг. — Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор. В 1844—1854 гг. — Наместник на Кавказе и командующий Отдельным кавказским корпусом. Был крупнейшим помещиком, но при-



Граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков.



Герб графов Воронцовых-Дашковых.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором в серебряном поле помешен золотой крест на золотом же полумесяце, обращенном рогами вниз, и между ними золотая звезда о шести лучах. В первой и четвертой частях щита герб графов Воронцовых. Во второй и третьей частях герб Великого княжества Киевского, который помещался в гербе рода князей Дашковых: ангел в сребротканой одежде. Остальные элементы герба и девиз — как у графов Воронцовых.

менял в своем хозяйстве наряду с крепостническими формами и наемный труд [8].

В Новороссии (официальное название со второй половины XVIII в. Северного Причерноморья) стремился создавать благоприятные условия для землевладения и крупных торговцев, способствовал развитию сельского хозяйства. По проекту Михаила Семеновича Бессарабия стала частью Новороссийского генерал-губернаторства [8].

На Кавказе Михаил Семенович использовал вражду между отдельными феодалами и добился присоединения значительной части их владений к России [8].

Несмотря на то что Михаил Семенович был царедворцем и карьеристом, ум, образованность, известный либерализм выделили его из рядов царских администраторов [8].

Именным Высочайшим указом от 6 августа 1845 г. Наместник Кавказский, генерал-адъютант, граф Михаил Семенович Воронцов возведен с его нисходящим потомством в княжеское Российской Империи достоинство [131].

Именным Высочайшим указом от 30 марта 1852 г. Наместнику Кавказскому, генерал-адъютанту, генералу-от-инфантерии, князю Михаилу Семеновичу Воронцову присвоен с его нисходящим потомством титул Светлости [131].

Герб Светлейшего князя Воронцова внесен в «Общий Гербовник», часть XI, под № 3 [104].

36. Граф Иван Илларионович (1790—1854), действительный тайный советник, обер-церемониймейстер, член Государственного Совета [111].



Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков.

Именным Высочайшим указом от 4 августа 1807 г. племяннику статс-дамы княгини Екатерины Романовны Дашковой графу Ивану Воронцову дозволено присоединить к своей фамилии фамилию Дашковых и именоваться впредь (потомственно) графом Воронцовым-Дашковым [131].



Герб Светлейшего князя Воронцова графа Шувалова.

Щит разделен на три части. В верхней черной части помещен общий элемент гербов князей Воронцовых и графов Шуваловых: золотое стропило с тремя гранатами и тремя звездами. В правой нижней герб князей Воронцовых, а в левой — герб графов Шуваловых: в червленом поле единорог. Щит увенчан графскою короною, в нашлемнике три шлема: над средним возникающий государственный орел; над правым шесть выходящих знамен; над левым возникающий единорог. Девиз под гербом князей Воронцовых. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Герб графа Воронцова-Дашкова внесен в «Общий Гербовник», часть XV, под № 5 [104].

37. Светлейший князь Семен Михайлович (1823—1882), генерал-майор. Потомства не имел [111].

38. Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916), государственный деятель, генерал-лейтенант, один из личных друзей Императора Александра III [8].

После убийства Александра II в марте 1881 г. назначен начальником царской охраны. Был в числе организаторов «Священной дружины» [8].

С августа 1881 по 1897 г. — министр Императорского Двора и уделов. С 1897 г. — член Государственного Совета. В 1904—1905 гг. — председатель Красного Креста. В 1905—1915 гг. — Наместник Кавказа. По его инициативе в 1913 г. на Кавказе был введен обязательный выкуп временнообязанных крестьян [8].

39. Граф Павел Андреевич Шувалов (1845—1885). Именным Высочайшим указом от 7 июля 1882 г. графу Павлу Андреевичу Шувалову дозволено принять герб, титул и фамилию деда его по матери генерал-фельдмаршала Светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова и именоваться впредь Светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым [131].

40. Граф Михаил Андреевич Шувалов. После смерти его старшего брата Именным Высочайшим указом от 12 февраля 1886 г. разрешено графу Михаилу Андреевичу Шувалову, как наследнику майоратного имения, учрежденного в роде князей Воронцовых, присоединить к своему титулу, гербу и фамилии герб и фамилию учредителя сего майората и именоваться впредь Светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым [131].

Герб Светлейшего князя Воронцова графа Шувалова внесен в «Общий Гербовник», часть XIV, под № 4 [104].

Светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский, графы и дворяне Голенищевы-Кутузовы

Голенищевы-Кутузовы * — дворянский род, происходящий от «мужа честна» *Гавриила,* по сказаниям древних родословцев выехавшего «из Прус» в Новгород Великий в княжение Александра Невского в первой половине XIII в. Его правнук *Александр Прокшич, по* прозванию *Кутуз,* стал родоначальником *фамилии Кутузовых (она* будет рассмотрена *в отдельной статье), а внук* последнего — *Василий Ананьевич,* по прозванию *Голенище,* — родоначальником фамилии Голенищевых-Кутузовых. В 1832 г. *Павел Васильевич Голенищев-Кутузов* был Высочайше пожалован графским Российской Империи достоинством. За выдающиеся заслуги перед Отечеством генерал-фельдмаршал *Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов* в 1812 г. был пожалован княжеским достоинством со званием Светлейшего князя Смоленского [111].

Совсем незаметные в XVI в., в XVII в. Голенищевы-Кутузовы служили в московских дворянах, стряпчими и стольниками; бывали на второстепенных воеводствах. Выдвижение фамилии началось с середины XVIII в. [256, 126, 154].

Герб дворян Голенищевых-Кутузовых, с черным прусским орлом, помещен в «Общий Гербовник», часть II, под № 31. До недавнего времени считалось, что княжеский герб в связи со скорой смертью М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского не был изготовлен, но в № 2 журнала «Гербоведъ» за 1992 г. он был представлен и убедительно атрибутирован П. Ф. Космолинским, однако в «Общий *Гербовник» он не был внесен.*

ПОТОМСТВО Гавриила приведено в таблице 36, из него наиболее известны:

2. Андрей Гавшич. Один из патронов известной церкви Спаса Нередицы под Новгородом, в которой был похоронен вместе с сыном [126].

5. Федор Александрович Кутузов. Родоначальник старшей ветви Кутузовых, существующей до сегодняшнего дня. Праправнучка его была женой казанского Царя Симеона [124а].

6. Григорий Горбатый Александрович Кутузов. Родоначальник средней ветви Кутузовых, угасшей в начале XVIII в.

11. Даниил Ананьевич Кутузов. Родоначальник младшей ветви Кутузовых, известной нам на начало XX в.

13. Василий Ананьевич Кутузов, по прозвищу «Голенище» (ум. после 1477), родоначальник Голенищевых-Кутузовых, боярин Словенского конца «Господина Великого Новгорода».

* Родословная. Голенищевых-Кутузовых составлена А. А. Шумковым с привлечением материалов (более 400 дел) из архивов С.-Петербурга, Москвы, Пскова, Твери и Новгорода.



Герб рода Голенищевых-Кутузовых.

В голубом поле щита изображен черный одноглавый орел с распростертыми крыльями, имеющий над главой дворянскую корону, а в правой лапе серебряную стрелу. Щит увенчан дворянским шлемом и дворянскою короною и тремя страусовыми перьями. Наметы: правый голубой с золотом, левый — черный с золотом.

В 1471 г. избран в посадники. В августе—ноябре 1475 г. состоял в должности степенного посадника. 18 ноября 1475 г. встречал Великого князя Иоанна III Васильевича, а на следующий день был арестован и сослан в Муром, где и умер. Он был последним степенным посадником города. Его сыновья были помещены на глухой Торопецкой окраине [1546].

18. Иван Васильевич, воевода в Казанском походе 1506 г. [256].

21. Стеаан Васильевич, воевода в Казанском походе 1544 г. [256].

24 и 26. Константин Усатый и Василий «Вася» Васильевичи были верстаны по 2-й статье среди тысячи «лутчих слуг» по грамоте Царя Иоанна IV Грозного от 2 октября 1550 г. [145].

Родословное древо первой линии старшей ветви потомков Степана Васильевича Голенищева-Кутузова приведено в таблице 37.

Из первой линии старшей ветви Голенищевых-Кутузовых наиболее известны:

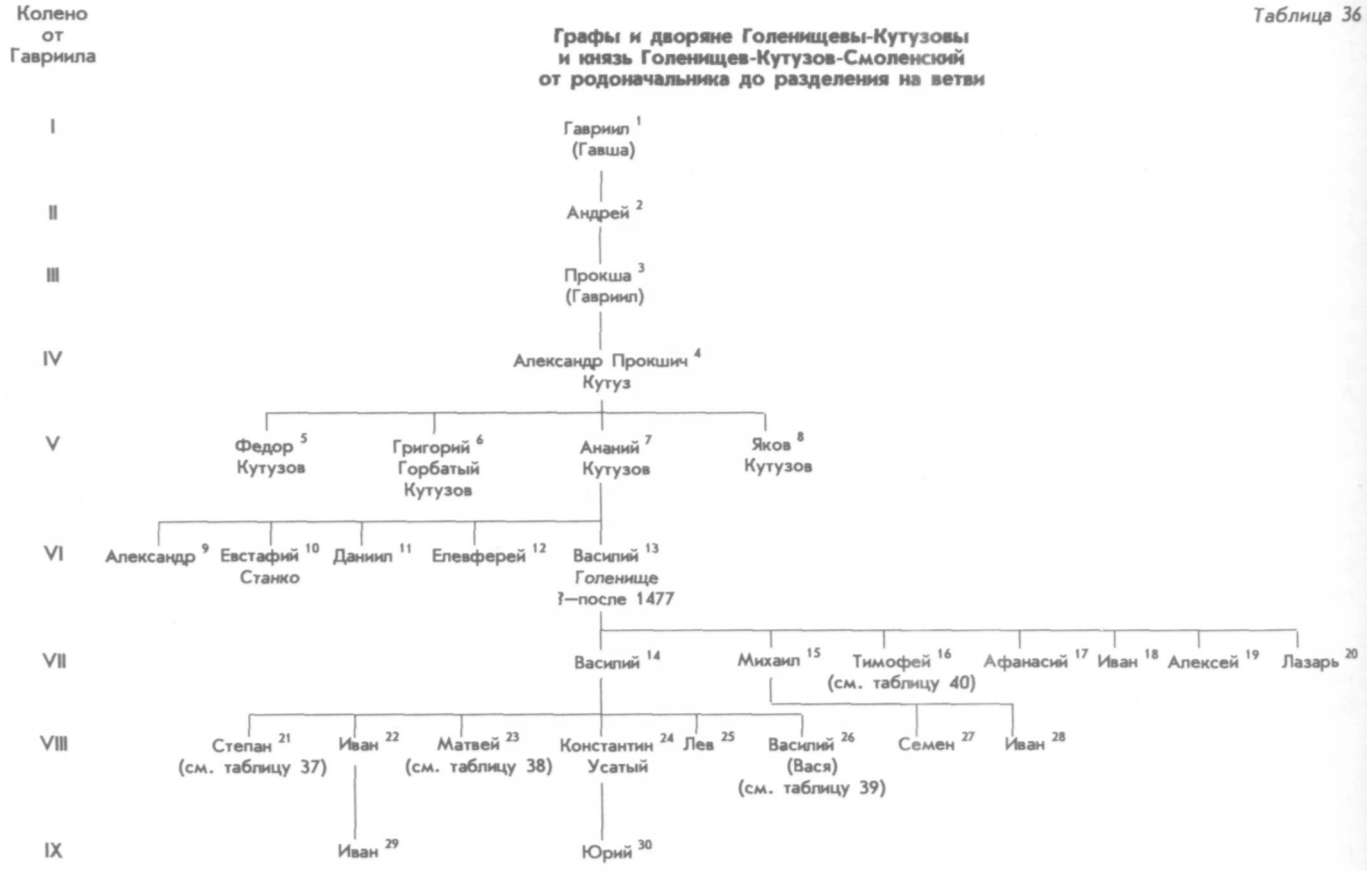
4. Степан Семенович, стрелецкий голова в Москве в 1629 г., воевода в Боровске в 1630 г., воевода в Старице в 1631 — 1634 гг. и в Пошехонье в 1636—1637 гг. [1306].

7. Дмитрий Степанович, патриарший стольник в 1629 г., стряпчий в 1629—1640 гг., дворянин московский в 1656—1658 гг. [1а].

9. Михаил Степанович, дворянин московский, воевода «в Перми Великой, в Чердыне и у Соли Камской» в 1662—1663 гг. [2а].

Таблица 36

Графы и дворяне Голенищевы-Кутузовы и князь Голенищев-Кутузов-Смоленский от родоначальника до разделения на ветви



11 и 12. Федор Большой и Федор Меньшой Ивановичи. Службы братьев не поддаются разграничению и поэтому приводятся нами вместе, с соблюдением хронологии: в 1620—1623 гг. — воевода в Сургуте, в 1625—1627 гг. — в Кузнецке, в 1632 г. — в Галиче, в 1633 г. — участник встречи послов из Турции, в 1636 г. — первый воевода полковой в Пронске, в 1638 г. — голова сотни новгородских дворян при встрече крымского посла, в 1641 г. — воевода в Валуйках, в 1646 г. сопровождал в Польшу боярина Стрешнева [1306].

14. Григорий Юрьевич, стряпчий. В 1682 г. принял сторону Царя Петра I в его борьбе с Царевной Софьей. В 1692 г. пожалован в стольники. В чине ротмистра участвовал в Азовских походах. Погиб под Нарвой в 1700 г. [256, 111, 124а].

15. Иван Михайлович, стольник. В 16% г. был в Азовском походе поручиком [124а].

16. Михаил Михайлович, стольник. В 1696 г. был в Азовском походе хорунжим [124а].

17. Иван Федорович Большой (ум. 1666). В 1629 г. — патриарший стольник, в 1648—1649 гг. — воевода в Валуйках. С 1660 г. на воеводстве на Лене в Якутском остроге, где и умер [1306].

18. Иван Федорович Меньшой, стольник. В 1646 г. был в составе посольства боярина Стрешнева в Польше. В 1649 г. — воевода в Валуйках, в 1660 г. — пристав у Грузинских Царевичей. В 1669 г. «дневал и ночевал у гроба» Царевича Симеона Алексеевича [1306].

23. Дормидонт (Дремонт, Доремедонт) Григорьевич, майор Преображенского полка в 1704 г., бригадир в 1731 г., генерал-майор при отставке.



Граф Павел Васильевич Голенищев-Кутузов.



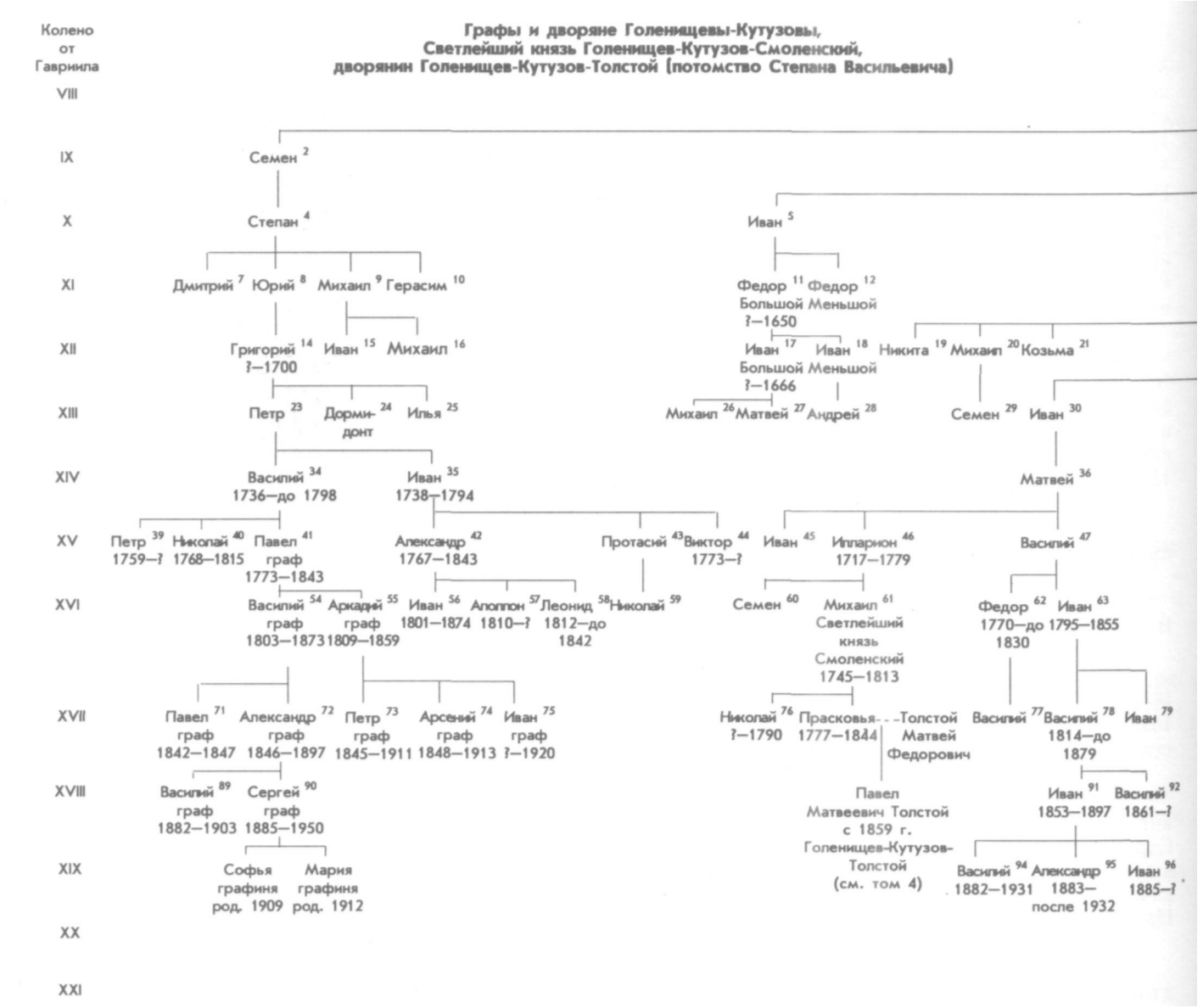
Герб графов Голенищевых-Кутузовых.

В голубом поле щита изображен черный одноглавый орел с червленными глазами и языком, золотым клювом и когтями, держащий серебряный с золотой рукояткой меч и имеющий над главою золотую дворянскую корону. Щит увенчан графскою короною и тремя графскими шлемами. Нашлемники: средний с возникающим императорским орлом, имеющий на груди щиток с вензелем Императора Николая I. Правый и левый нашлемники имеют по три страусовых пера. Намет: средний — черный с золотом, боковые — лазоревые с золотом.

26. Михаил Иванович, дьяк в Якутске при отце, до приезда нового воеводы заменял умершего отца. В 1676 г. — стряпчий, в 1686 г. — стольник, в 1689 г. — воевода в Путивле. Участник Крымских походов 1687 и 1689 гг.

35. Иван Петрович (1738—1794). С 1752 г. на службе в лейб-гвардии Преображенском полку, с 1768 г. в отставке армии капитаном. При открытии в Ярославском наместничестве Дворянских собраний избирается депутатом и дважды предводителем дворянства. С 1790 г. директор народных училищ Ярославского наместничества.

41. Павел Васильевич (1773—1843). Именным Высочайшим указом от 8 ноября 1832 г. «в справедливом внимании к долговременной, всегда ревностной и полезной службе» пожалован потомственно в графское Российской Империи достоинство. Графский герб был Высочайше утвержден 18 августа 1835 г. Службу начал пажем в 1782 г., в 1794 г. — поручик лейб-гвардии Конного полка, в 1800 г. — генерал-майор, в 1801 г. — командир Кавалергардского полка, в 1803 г. — Шеф Белорусского гусарского полка, в 1810—1811 гг. — Петербургский обер-полицмейстер, генерал-адъютант. Командуя кавалерийским корпусом, отличился в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничных походах 1813—1814 гг. За отличие в сражении под Лейпцигом, после которого был отправлен в Петербург с донесением о победе, был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Был курьером в Петербург



с известием о взятии Парижа. В 1815 г. состоял при Александре I во время Венского конгресса. В 1823—1826 гг. был Главным директором Пажеского и кадетских корпусов, Воспитательного дома и Императорского Лицея. В 1826—1830 гг. — Петербургский генерал-губернатор, с 1825 г. — член Государственного Совета. В 1825 г. произведен в генералы-от-кавалерии. В 1839 г. вышел в отставку. Кавалер орденов св. Георгия 3-й степени, св. апостола Андрея Первозванного и многих иностранных [111, 126].

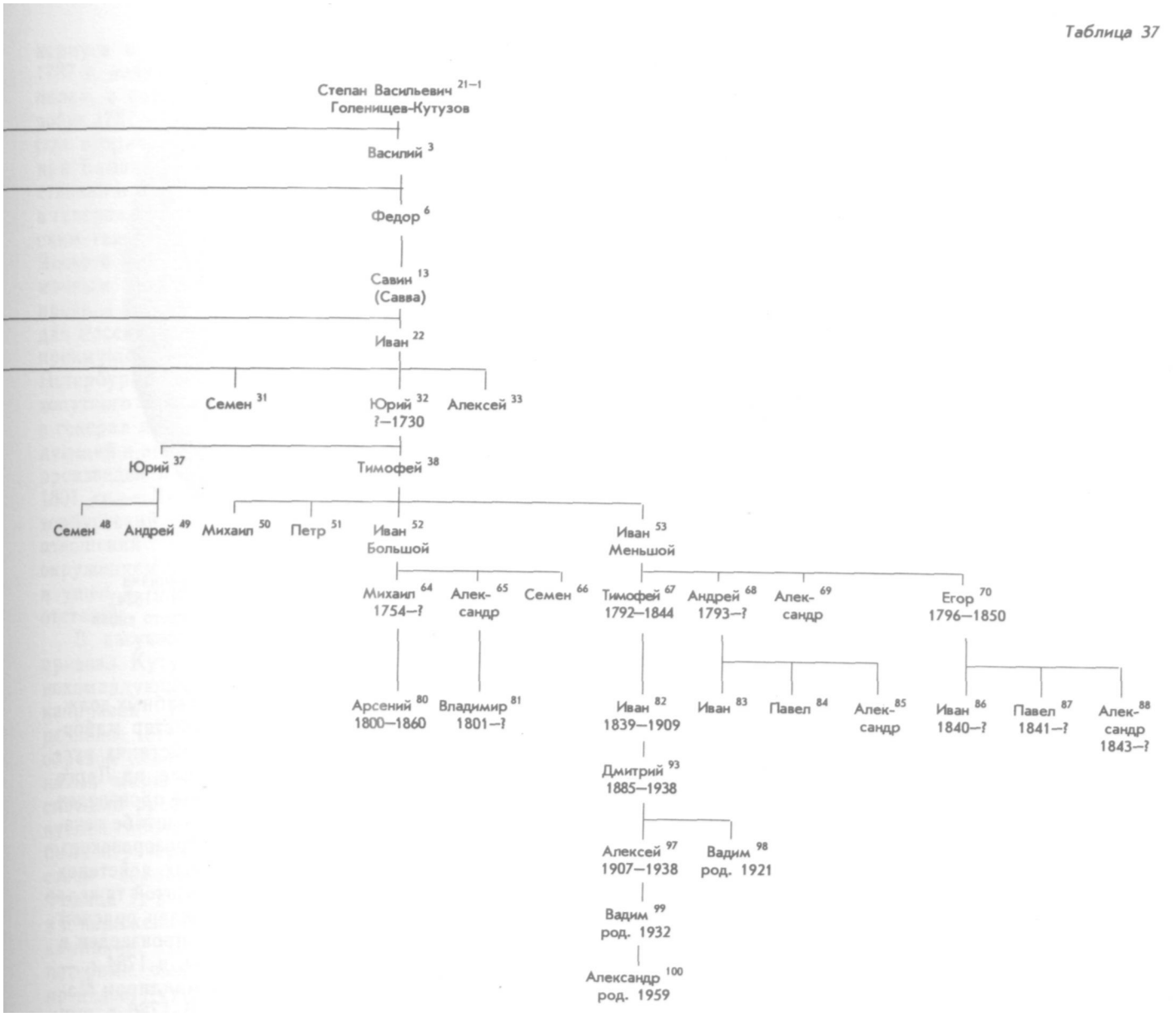
Герб графов Голенищевых-Кутузовых внесен в «Общий Гербовник», часть XI, под № 7 [104].

42. Александр Иванович (1767—1843), отставной капитан. В 1808—1810 гг. Пошехонский уездный предводитель дворянства.

Анастасия Александровна (1800—?), дочь предыдущего, в замужестве Дрейер, в 1850-х гг. была начальницей Московского Екатерининского института.

46. Илларион Матвеевич (1717—около 1794). Окончил Инженерное училище. Был руководителем работ по прокладке канала и укреплению берегов реки Мойки в Петербурге, а также по строительству каналов в Кронштадте, Отставной генерал-поручик. В декабре 1777 г. предводительствовал на первом собрании дворян Псковского наместничества, где в 1779—1781 гг. был предводителем дворянства. Сенатор и кавалер. За ум и способности современники называли его «разумною книгою», он считался «весьма сведующим не только в военных делах, но и в гражданских» [126].

52. Иван Тимофеевич Большой. С 1721 г. в службе учеником Академии, в 1741 г. произведен в мичманы и назначен на корабли Балтийского флота, с 1758 г. — капитан 2-го ранга, командует фрегатами, а затем кораблями, в 1764—1769 гг. — капитан Ревельского порта, в 1769 г. уволен в отставку «за старостью» в чине контр-адмирала.





Граф Василий Павлович Голенищев-Кутузов.

53. Иван Тимофеевич Меньшой. В 1743 г. переведен из Сухопутного шляхетского корпуса в гардемарины флота, с 1746 г. — мичман. В 1750-х гг. участвовал в экспедиции по описанию Финского залива и Балтийского моря. В 1764 г. произведен в чин капитана 1-го ранга. В 1769 г. назначен обер-штер-кригс-комиссаром. В 1771 г. вышел в отставку. В 1777 г. на дворянском собрании Великолукского уезда избран предводителем дворянства и председателем Дворянской опеки [104а].

54. Граф Василий Павлович (1803—1873). Начал службу в 1820 г., с 1824 г. — в лейб-гвардии Подольском кирасирском полку; адъютант Великого князя Константина Павловича. В 1831 г. переведен в Кавалергардский полк и отличился в подавлении Польского восстания. В 1835 г. вышел в отставку гвардии полковником. С началом Крымской войны 1853—1856 гг. вернулся на службу и был командиром Киевского гусарского полка. Участвовал в сражении на Черной речке. В 1861 г. произведен в генерал-



Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский.



Светлейшая княгиня Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская (1754—1824), урожденная Бибикова, супруга Светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского.

майоры. В 1866 г. назначен состоять при Прусском Короле военноуполномоченным. Умер и похоронен в Потсдаме.

55. Граф Аркадий Павлович (1809—1859). Окончил Императорский Александровский Лицей. Служил в Министерстве внутренних дел. В 1842 г. пожалован в камергеры, в 1846 г. получил чин действительного статского советника и был назначен директором канцелярии статс-секретаря Царства Польского. С 1850 г.— товарищ министра и статс-секретаря. В 1853 г. произведен в тайные советники и назначен членом Совета управления Царства Польского.

61. Михаил Илларионович (1745—1813), граф с 1811 г., князь с титулом Светлости с 29 июля 1812 г. за удачное завершение переговоров с Турцией и заключение Бухарестского мирного договора, а «за непревзойденные заслуги в деле спасения Отечества от вражеского нашествия» Высочайшим указом от 6 декабря 1812 г. к княжескому титулу и фамилии присвоено почетное наименование «Смоленский» с правом именоваться Светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский.

После окончания Инженерного училища в 1759 г. в звании каптенармуса оставлен при училище для преподавания математики в Артиллерийской школе. В 1760 г. произведен в кондукторы Инженерного корпуса. С начала 1761 г. в чине прапорщика определен в Астраханский пехотный полк, которым командовал в то время А. В. Суворов. В 1762—1763 гг. состоял адъютантом при Ревельском генерал-губернаторе Принце Голштейн-Бекском, в 1764—1765 гг. командовал отдельными отрядами в действиях против польских конфедератов. С 1768 г. состоит на штабных должностях. С 1770 г. — обер-квартирмейстер майорского ранга, участвует в боевых действиях русско-турецкой войны при Рябой Могиле, на Ларге и Кагуле, в декабре 1771 г. за отличие произведен в подполковники с оставлением при штабе генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. В 1772—1774 гг. участвует в боевых действиях в Таврии и Крыму, в 1774 г. под Алуштой тяжело ранен в голову (за этот бой награжден орденом св. Георгия 4-й степени). В 1777 г. произведен в полковники, в 1782 г. — в бригадиры, в 1784 г.— в генерал-майоры с назначением командиром Мариупольского легкоконного полка. В 1786 г. ему было поручено формирование Бугского егерского



Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. 1770-е гг.

корпуса в составе Екатеринославской армии, в 1787 г. назначен командиром и Шефом Бугского полка, с которым участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., в 1788 г. при взятии Очакова (где вторично был ранен в голову), в сражениях при Бабадаге и Мачине. В декабре 1790 г. участвовал в штурме Измаила. В 1791 г. произведен в генерал-поручики и назначен Казанским и Вятским генерал-губернатором. После утверждения Ясского мира отправлен чрезвычайным и полномочным посланником в Константинополь, где проявил себя блестящим дипломатом, добившись для России целого ряда политических и торговых преимуществ. В сентябре 1794 г. был отозван в Петербург и назначен Главным директором Сухопутного шляхетского корпуса с производством в генерал-лейтенанты. В 1795—1799 гг. — командующий и инспектор войск в Финляндии. В 1798 г. произведен в генералы-от-инфантерии. В 1799—1801 гг. — Литовский, а в 1801—1802 гг. — Петербургский генерал-губернатор. Из-за сложных отношений с новым Императором и его окружением в августе 1802 г. оставил должность и ушел в годовой отпуск, а в 1803 г. вышел в отставку.

В августе 1805 г. Император Александр I призвал Кутузова на службу и назначил главнокомандующим русской армией. Личная неприязнь Императора к полководцу, его ревнивое отношение к чужой славе роковым образом повлияли на весь ход кампании. Знаменитый марш-маневр от Брандау до Ольмюца, спасший русскую армию от окружения и неминуемой гибели, победы при Амштеттене и Кремсе были перечеркнуты некомпетентным вмешательством союзных монархов (Александра I и Франца I) в командование армией, что привело и к поражению при Аустерлице, и к неудаче всей кампании. После достойного, с минимальными потерями, вывода русских войск из австрийских пределов Кутузов хотя и был награжден, но от командования армией отстранен.

До «грозы двенадцатого года» Кутузов назначался на второстепенные посты: Киевского генерал-губернатора (1806—1807), командующего корпусом в Молдавии (1808—1809), Литовского генерал-губернатора (1809—1811). В условиях надвигавшейся новой войны с Наполеоном и необходимости завершить затянувшуюся войну с Турцией Александр I вынужден был призвать Кутузова, и в 1811 г. он был назначен главнокомандующим Дунайской армией. Боевые действия резко активизировались. 22 июля была одержана крупная победа при Рущуке (за что Александр I возложил на полководца свой портрет), а в октябре был завершен стратегический план по окружению турецкой армии под Слободзеей. В Журжеве начались переговоры о заключении мира — и снова проявился дипломатический талант Кутузова. Необходимый России мир был подписан в Бухаресте 16 мая 1812 г. Полководец и дипломат был щедро награжден и пожалован сначала графским достоинством, а затем княжеским. С вторжением Наполеона Кутузов был назначен командиром Петербургского ополчения, но



Казанский собор в г. Санкт-Петербурге.
Гробница генерал-фельдмаршала Светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского.

после оставления Смоленска его присутствие в армии стало очевидной необходимостью. 8 августа Кутузов был назначен главнокомандующим. О блестящих военных действиях русской армии, о таланте и мудрости ее вождя написано так много, что мы ограничимся лишь кратким перечнем его наград: 30 августа 1812 г. за Бородинское сражение возведен в звание генерал-фельдмаршала и награжден 100 000 рублями, 16 октября пожалован золотой шпагой с алмазами и венками за победу над корпусом Мюрата под Тарутином, 6 декабря было пожаловано наименование «Смоленский», а 12 декабря награжден орденом св. Георгия 1-й степени за изгнание неприятеля из пределов России. О роли Кутузова в 1812 г. никто не сказал лучше А. С. Пушкина:

«Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
„Иди спасай!" Ты встал — и спас...»

Недолюбливавший Кутузова Александр I в рескрипте на имя его вдовы признал: «Имя и дела его остаются бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его».

Скончался генерал-фельдмаршал Светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский 16 апреля 1813 г. в г. Бунцлау в Силезии (ныне г. Болеславец, Польша). Тело его было забальзамировано, перевезено в Петербург и торжественно захоронено в Казанском соборе [126, 154].

Не оставив мужского потомства, Михаил Илларионович от брака с *Екатериной Ильиничной Бибиковой* (1754—1824) имел пять дочерей: *Прасковью* (1777—1844), замужем за М. Ф. Толстым, *Анну* (1782—1846), замужем за Н. 3. Хитрово, *Елизавету* (1783—1839), в первом браке за графом Фердинандом Тизенгаузеном, во втором — за Н. Ф. Хитрово, *Екатерину* (1787—1826), в первом браке за князем Н. Д. Кудашевым, во втором — за И. С. Сарачинским и *Дарью* (1788—1854), замужем за Ф. П. Опочининым.



Граф Александр Васильевич Голенищев-Кутузов.

В апреле 1856 г. внуки Кутузова подали прошение на Высочайшее имя о передаче старшему из них титула и фамилии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского для увековечивания его имени в потомстве. Высочайше утвержденным 8 декабря 1858 г. мнением Государственного Совета в передаче титула и наименования «Смоленский» было отказано. Указом Правительствующего Сената от 7 мая 1859 г. было дозволено отставному генерал-майору П. М. Толстому (старшему внуку) принять фамилию и дворянский герб Голенищевых-Кутузовых и именоваться Голенищевым-Кутузовым-Толстым, а также и его потомству в порядке первородства. Соединенный герб был утвержден в 1860 г. и внесен в «Общий Гербовник», часть XIII, под № 46 [104] (см. том 4: «Графские роды»).

72. Граф Александр Васильевич (1846—1897), окончил Императорский Александровский Лицей в 1867 г. и поступил в Кавалергардский полк. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и серебряной медалью за защиту Шипки. В 1887 г. произведен в генерал-майоры, в 1893 г. пожалован в гофмаршалы Высочайшего Двора, в 1898 г. — в генерал-адъютанты.

74. Арсений Аркадьевич (1848—1913). Службу начал в Корчевском уезде Тверской губернии по дворянским выборам: в 1877—1879 гг. уездным предводителем дворянства, затем почетным мировым судьей. В 1882 г. пожалован в камер-юнкеры Высочайшего Двора. В 1888 г. определен в Министерство финансов товарищем Управляющего, а с 1890 г. — Управляющий Дворянским Земельным и Крестьянским Поземельным банками. В 1891 г. пожалован в камергеры, 29 июля назначен заведующим Канцелярией Императрицы Марии Федоровны и ее личным секретарем. В 1897 г. пожалован в гофмейстеры, а в 1912 г. — в обер-гофмейстеры Высочайшего Двора.

С начала 1870-х гг. начал помещать свои стихотворения в журналах «Дело» и «Вестник Европы», позже — в «Русском Вестнике», где появилась его первая поэма «Гашиш». В 1878 г. вышел первый сборник «Затишье и буря», в 1884 г. — второй с драматической сценой «Смерть Святополка». Тонкая и изящная муза, лишенная какой-либо социальности, была очень популярна у ценителей «чистого» искусства. В 1914 г. вышло в свет полное собрание его сочинений в четырех томах [34а, 154а].

80. Арсений Михайлович (1800—1860). Окончил Морской кадетский корпус в 1820 г., служил на кораблях Балтийского флота. В 1838 г. в чине капитан-лейтенанта назначен инспектором классов 1-го Штурманского полуэкипажа (будущее Штурманское училище). В 1853 г. произведен в генерал-майоры, в 1855 г. назначен командиром полуэкипажа, а в 1856 г. — начальником училища. Выполняя волю начальства, А. М. Голенищев-Кутузов стал основателем Штурманского училища [104а].

82. Иван Тимофеевич (1839—1909). В 1862 г. вышел в отставку с чином капитана и поселился в Харькове. Неоднократно избирался гласным Городской думы и почетным мировым судьей, в 1895—1900 гг. состоял городским головой Харькова.

90. Граф Сергей Александрович (1885—1950). В 1905 г. окончил Пажеский корпус и был определен в Кавалергардский полк. По состоянию здоровья в 1908 г. вышел в запас. В 1912 г. избран кандидатом, а в 1914 г. — уездным предводителем дворянства Петербургского уезда и занимал этот пост до марта 1917 г. Умер в эмиграции в Хьюстоне, штат Техас, США [166, 171]. С его смертью пресекается род графов Голенищевых-Кутузовых.

Графиня Софья Сергеевна (род. 1909), дочь предыдущего, в первом браке была за князем П. В. Трубецким, во втором — за Каем Викельхорном [166, 171].

Графиня Марина Сергеевна (род. 1912), сестра предыдущей, в первом браке — за Великим князем Дмитрием Александровичем Романовым, с 28 июля 1935 г. по пожалованию Императора Кирилла I Владимировича носила фамилию и титул княгини Романовской-Кутузовой. Развелась с мужем в 1947 г. и вскоре вышла замуж за Отто де Невилля' [166, 171].

92. Василий Васильевич (1861—?), коллежский советник, чиновник Министерства внутренних дел.

Анастасия Васильевна (ум. 1914), жена предыдущего, урожденная Себрякова.



Вадим Алексеевич Голенищев-Кутузов
с сыном Александром Вадимовичем и внучкой Анной.

93. Дмитрий Иванович (1885—1938). Окончил Харьковский университет в 1910 г. За участие в студенческом революционном движении был осужден и выслан в Сибирь. Занимался вопросами кооперативного движения. В 1918 г. вступил в РСДРП(б), был избран членом правления Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1918—1919 гг. — член правления Московского народного банка, в 1921—1924 гг.— председатель правления Всероссийского кооперативного банка, в 1925—1926 гг. — торгпред в Англии и Италии, в 1927—1931 гг. — председатель Всесоюзного общества иностранного туризма «Интурист», в 1931—1933 гг. — председатель Далькрайплана, в 1934 г. возглавил строительство Уссурийской железной дороги, с конца 1934 г. — сотрудник газеты «Известия», заведующий экономическим отделом. Репрессирован в 1938 г., посмертно реабилитирован в 1957 г. Опубликовал более двадцати работ по вопросам кооперации, экономики и государственного управления, большинство из которых подписал псевдонимом «Дм. Илимский».

99. Вадим Алексеевич (род. 1932). Окончил Казанский университет. Доктор физико-математических наук (1972), профессор (1980), заведующий лабораторией и руководитель кафедры, автор научных трудов.

Родословное древо второй линии старшей ветви потомков Матвея Васильевича Голенищева-Кутузова приведено в таблице 38.

Из второй линии старшей ветви Голенищевых-Кутузовых наиболее известны:

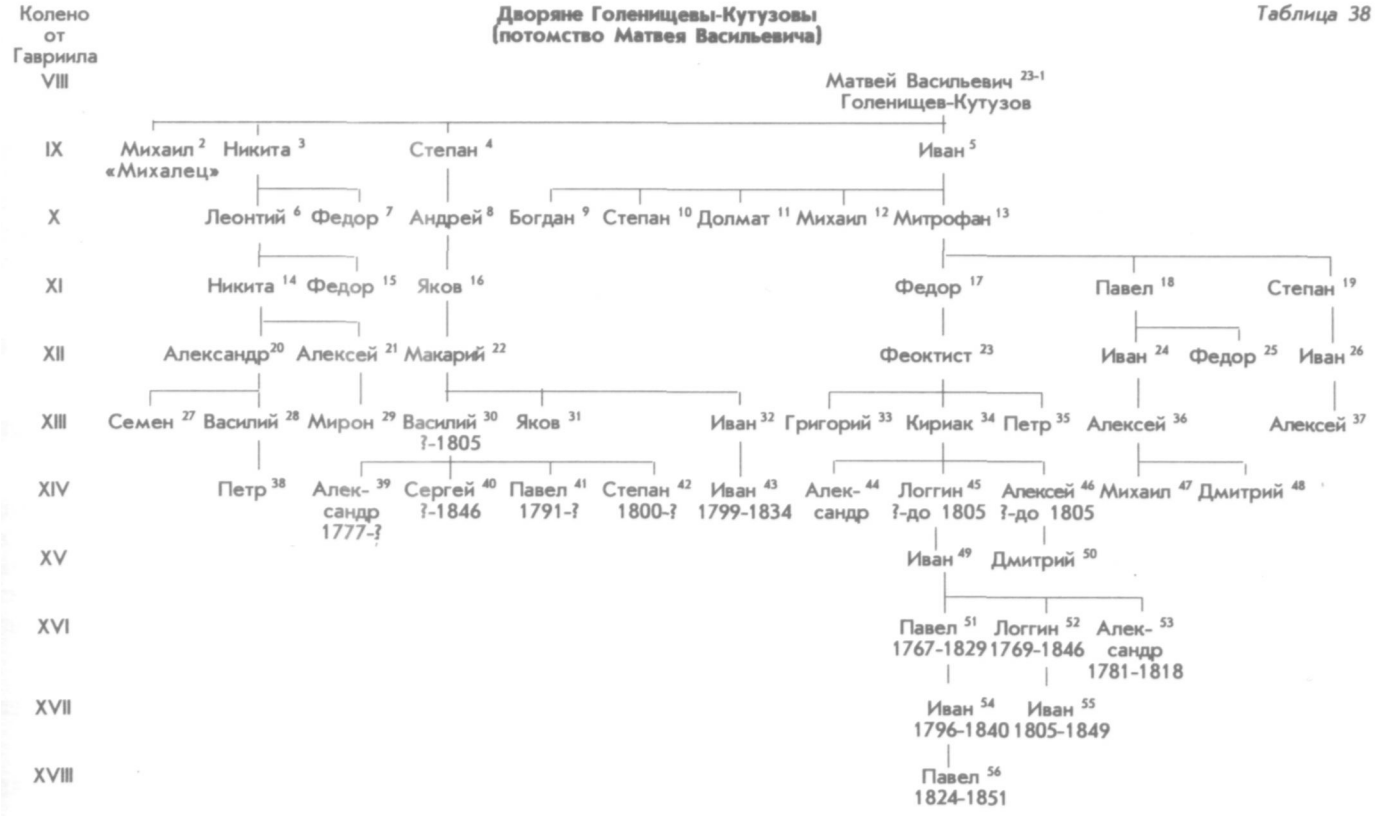
2, 4 и 5. Михаил, Степан и Иван Матвеевичи, были верстаны по 2-й статье среди 1000 «лутчих слуг» по грамоте Царя Иоанна IV Васильевича Грозного от 2 октября 1550 г. [145].

30. Василий Макарович (ум. 1805). С 1780 г. был на службе при дворе Великого князя Павла Петровича и в 1791 г. пожалован камер-цалмейстером.

49. Иван Логгинович (1729—1802). Начал службу на флоте одновременно с братьями *Иванами Тимофеевичами Большим* и *Меньшим* (№ 52 и 53 по таблице 37) и по возрасту был

Дворяне Голенищевы-Кутузовы
(потомство Матвея Васильевича)

Таблица 38





Иван Логгинович Голенищев-Кутузов.

назван Средним. В 1750-х гг. в чине лейтенанта плавал между Кронштадтом и Архангельском. После годового отпуска в 1761 г. определен в Морской корпус, где в 1762—1764 гг. был директором. В 1764 г. произведен в чин генерал-майора и назначен генерал-интендантом флота. Затем назначен наставником по морской части Наследника Великого князя Павла Петровича. В 1772 г. назначен генерал-казначеем флота, а в 1775 г. произведен в чин вице-адмирала и награжден орденом св. Анны 1-й степени. В 1782 г. — адмирал и кавалер ордена св. Александра Невского. В 1792—1797 гг. был командиром гребного флота. В 1797 г. назначен вице-президентом Адмиралтейств-коллегий с состоянием в I классе чинов по «Табели о рангах» с правами генерал-фельдмаршала по флоту. В том же году награжден орденом св. апостола Андрея Первозванного. В 1798 г. назначен президентом Адмиралтейств-коллегий. Писатель и переводчик, издатель карт и работ по флотоводству [104а, 126].

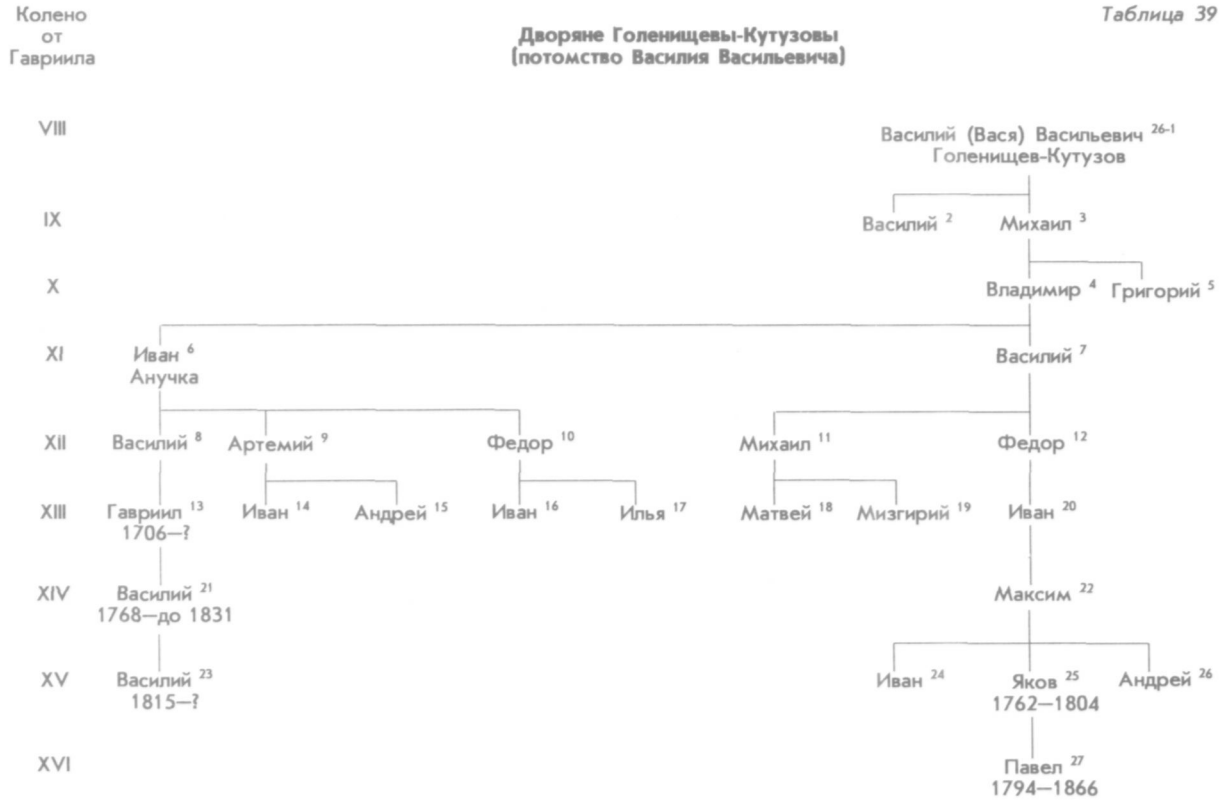
51. Павел Иванович (1767—1829), отставной полковник кавалерии, в 1798—1803 гг. куратор, а в 1810—1817 гг. попечитель Московского университета, сенатор и тайный советник, член Академии наук, поэт, писатель и переводчик, автор многочисленных од на знаменательные события конца XVIII —начала XIX вв. [126].

Евдокия Павловна (1795—1863), дочь предыдущего, жена Ф. Н. Глинки, известная писательница и поэтесса, автор «Жизни Богородицы» [126].

52. Логгин Иванович (1769—1846). В 1775 г. по просьбе отца определен волонтером на флот. В 1788 г. участвовал в Гогландском сражении, в 1789 г. — в Роченсальмском и Выборгском морских сражениях, за которые произведен в чин подполковника по флоту и награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В 1793—1797 гг. состоял при Морском корпусе, в 1797—1798 гг. был начальником экспедиции по описанию Белого моря и позднее составил полный атлас Белого моря. В 1798 г. произведен в генерал-майоры и назначен заведовать Черноморской Адмирал-

Таблица 39

Дворяне Голенищевы-Кутузовы (потомство Василия Васильевича)



тейств-коллегией. В 1801 г. получил чин генерал-лейтенанта и назначен генерал-казначеем флота. С 1827 г. председатель Ученого комитета при Морском министерстве. Кавалер орденов св.. Анны 1-й степени, св. Иоанна Иерусалимского [126].

54. Иван Павлович (1796—1840). Окончил Московский университет и начал службу при Адмиралтейств-коллегий. В 1821 г. переведен в Министерство внутренних дел. В 1829 г. вышел в отставку статским советником. В 1832 г. был избран Бежецким уездным предводителем дворянства, в 1836 г. вернулся на государственную службу и был назначен председателем Кавказского областного суда, с 1837 г. — Кутаисский гражданский губернатор.

55. Иван Логгинович (1805—1849), действительный статский советник, начальник архива Министерства иностранных дел.

Родословное древо третьей линии старшей ветви потомков Василия «Васи» Васильевича Голенищева-Кутузова приведено в таблице 39.

Из третьей линии старшей ветви Голенищевых-Кутузовых наиболее известны:

12. Федор Васильевич. В октябре 1707 г. описывал поместья и вотчины Торопецкого уезда.

23. Василий Васильевич (1815—?). Окончил Петербургский университет со степенью кандидата юридических наук в 1836 г. Служил почетным смотрителем училищ в Псковской губернии. В 1856—1859 гг. был Холмским уездным предводителем дворянства. Затем, с конца 1880-х гг., состоял губернским гласным, почетным мировым судьей и действительным членом губернского статистического комитета.

27. Павел Яковлевич (1794—1866). Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии в 1813—1814 гг. Командир Уланского Его Королевского Высочества Принца Виртембергского полка. Отставной генерал-майор.

Родословное древо младшей ветви Голенищевых-Кутузовых приведено в таблице 40.

Из младшей ветви Голенищевых-Кутузовых наиболее известны:

4. Михаил Иванович. В 1571—1573 гг. был городничим в Полоцке, в 1577 г. участвовал в Колыванском походе, в 1580—1582 гг. был осадным воеводой в Режице, в 1584—1585 гг. был стрелецким головой в Холме. Погиб в очередном походе [132].

5. Василий Иванович Ратай, стрелецкий голова. Погиб в бою после 1585 г. [132].

14. Елизарий Александрович. За отличие в боях под Вильно, Смоленском и Брестом в 1681 г. пожалован вотчиной из поместного оклада в Торопецком уезде [48, 1546].

17. Ульян Александрович, дворянин московский, последний раз упомянут на службе в 1703 г. в Новгородском полку.

40. Иван Егорович, генерал-майор.

42. Иван Васильевич (ум. 1792), отставной поручик. В своем селе Тихвине, Демянского уезда, Новгородской губернии построил трехпредельный храм, который стал фамильной усыпальницей [166].

48. Александр Дмитриевич, полковник и командир Камчатского мушкетерского полка.

54. Федор Дмитриевич (1805—1879). В 1824 г. окончил Морской корпус. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг., награжден двумя боевыми орденами. В 1836 г. вышел в отставку гвардии капитан-лейтенантом. В 1854—1861 гг. Великолуцкий, в 1866—1868 гг. Динабургский уездный предводитель дворянства.

74. Виктор Федорович (1840—1897). В 1863 г. вышел в отставку с чином поручика. В 1880—1890 гг. Люцинский уездный предводитель дворянства.

76. Дмитрий Федорович (1843—?). По окончании в 1879 г. юридического факультета Дерптского университета занимал судебные должности в Витебской губернии. В 1891 г. назначен товарищем прокурора Ярославского окружного суда. Занимал должности прокурора в Острогожске с 1894 г., в Симферополе с 1895 г. В 1899—1909 гг. — товарищ прокурора Харьковской судебной палаты. В 1909 г. произведен в действительные статские советники. С 1909 г. занимал должность председателя Сумского окружного суда.

77. Николай Федорович (1857—?). Окончил Рижский политехнический институт в 1884 г. Почетный мировой судья Великолуцкого уезда, губернский и уездный гласный, занимал различные должности по земскому управлению. В 1895—1901 и 1906—1917 гг. — Великолуцкий уездный предводитель дворянства. В 1912 г. произведен в действительные статские советники, в 1913 г. пожалован званием камергера.

87. Николай Ильич (1875—1925). Воспитывался в Псковском кадетском корпусе. Отставной полковник, по состоянию здоровья служил в Крыму по таможенному ведомству. В начале 1920 г. эмигрировал. Югославским Королем Александром принят на службу полковником в Таможенное управление Югославии.

97. Илья Николаевич (1904—1969). Окончил русско-сербскую гимназию в Белграде и философский факультет Белградского университета. После докторатуры в Сорбонне по теме «Средневековая романская литература» занял

кафедру в Белградском университете. Тонкий поэт, блистательный литературовед. В годы Второй мировой войны участвовал в югославском сопротивлении. В 1955 г. вернулся на родину. Сотрудник Института мировой литературы АН СССР и профессор Московского университета. Автор многочисленных работ по истории итальянской и славянских литератур.

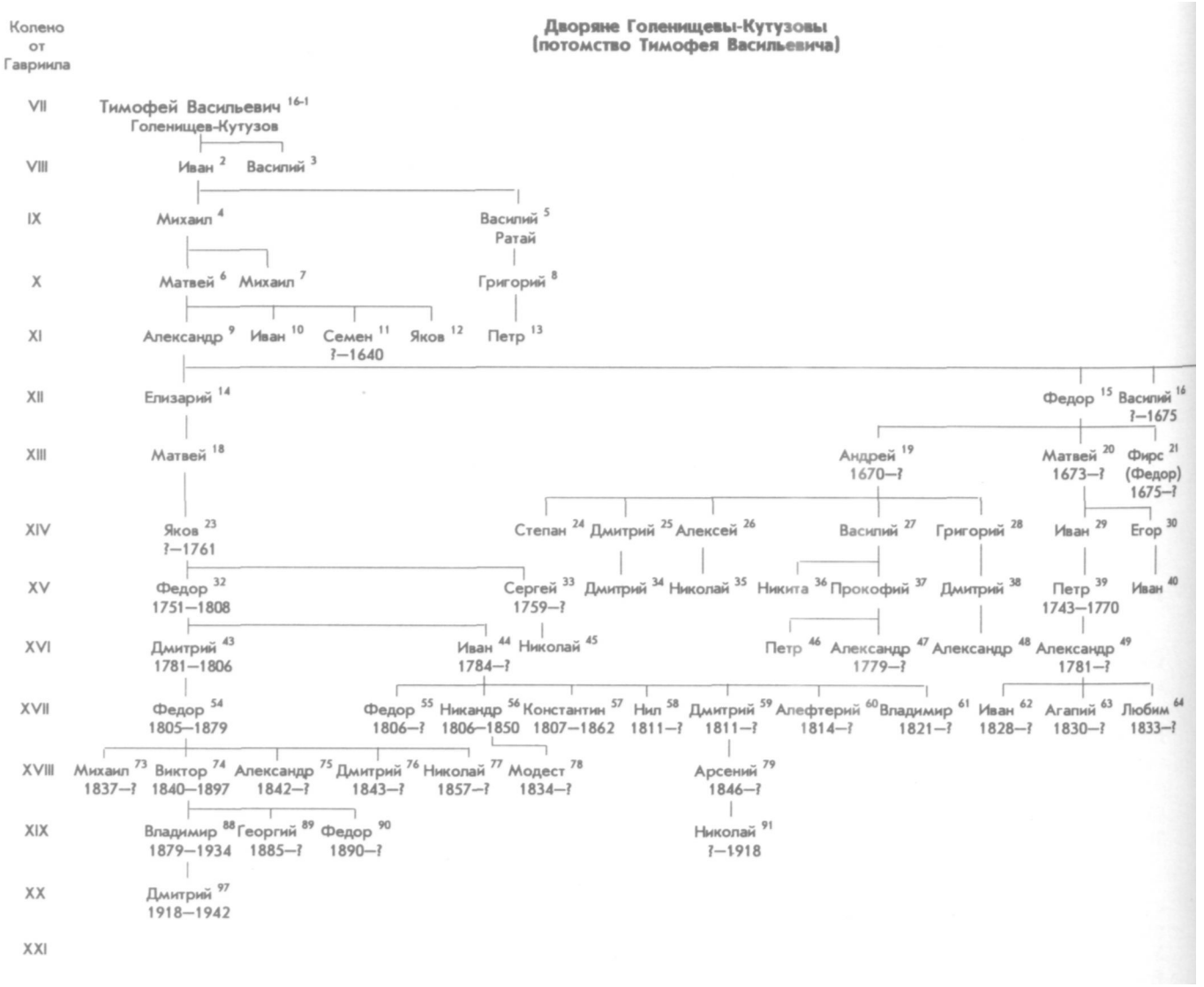
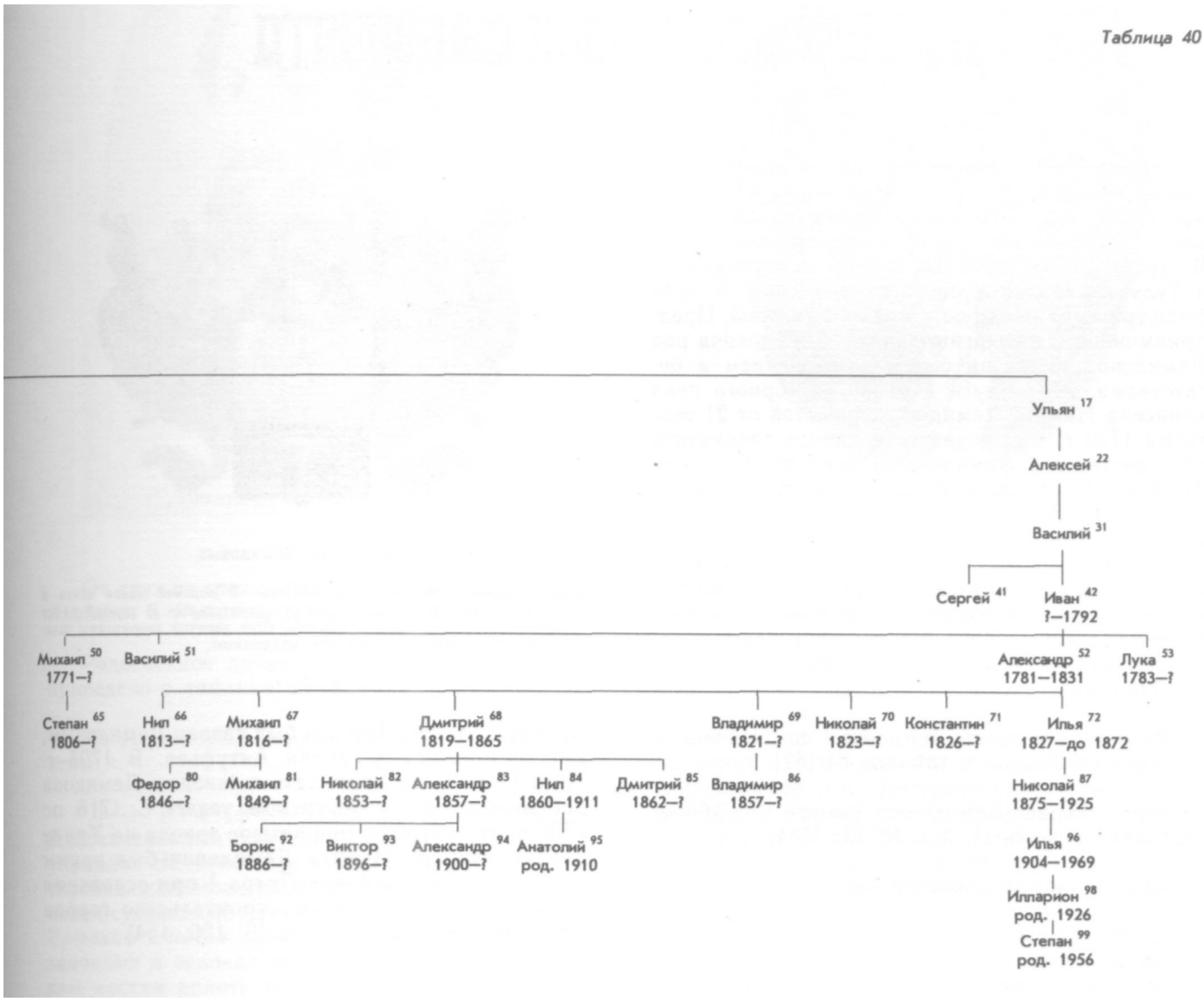


Таблица 40


Ульян 17
Алексей 22
Василий 31
Сергей 41
Иван 42 ?–1792
Михаил 50 1771–?
Василий 51
Александр 52 1781–1831
Лука 53 1783–?
Степан 65 1806–?
Нил 66 1813–?
Михаил 67 1816–?
Дмитрий 68 1819–1865
Владимир 69 1821–?
Николай 70 1823–?
Константин 71 1826–?
Илья 72 1827–до 1872
Федор 80 1846–?
Михаил 81 1849–?
Николай 82 1853–?
Александр 83 1857–?
Нил 84 1860–1911
Дмитрий 85 1862–?
Владимир 86 1857–?
Николай 87 1875–1925
Борис 92 1886–?
Виктор 93 1896–?
Александр 94 1900–?
Анатолий 95 род. 1910
Илья 96 1904–1969
Илларион 98 род. 1926
Степан 99 род. 1956

ДВОРЯНЕ ДЕМИДОВЫ, СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ ЛОПУХИНЫ-ДЕМИДОВЫ И ДЕМИДОВЫ КНЯЗЬЯ САН-ДОНАТО

Демидовы * — известная семья владельцев горных заводов на Урале. Родоначальник ее, *Демид Григорьевич Антуфьев,* уроженец села Паншина, находившегося в 20 километрах от Тулы. В первой половине XVII в. Антуфьев переселился в Тулу и занялся кузнечным ремеслом. У него было три сына: *Никита, Семен* и *Григорий*. Предприимчивости и энергии Никиты Демидовича род Демидовых и обязан своим возвышением и богатствами. За заслуги в развитии горного дела комиссар Никита Демидович грамотой от 21 сентября 1720 г. был возведен в личное дворянское достоинство под фамилией «Демидов». Его дети-, *Акинфий, Григорий* и *Никита Никитичи,* вместе с их законным потомством были возведены 24 марта 1726 г. в потомственное дворянство. Род дворян Демидовых пользовался большой известностью не только благодаря огромным богатствам и выдающимся заслугам в деле развития отечественной горно-заводской промышленности, но и за его широкую благотворительную деятельность [83, 126, 154].

Родословное древо Демидовых до разделения на ветви приведено в таблице 41 [82].

Герб дворян Демидовых внесен в «Общий Гербовник», часть II, под № 135 [104].

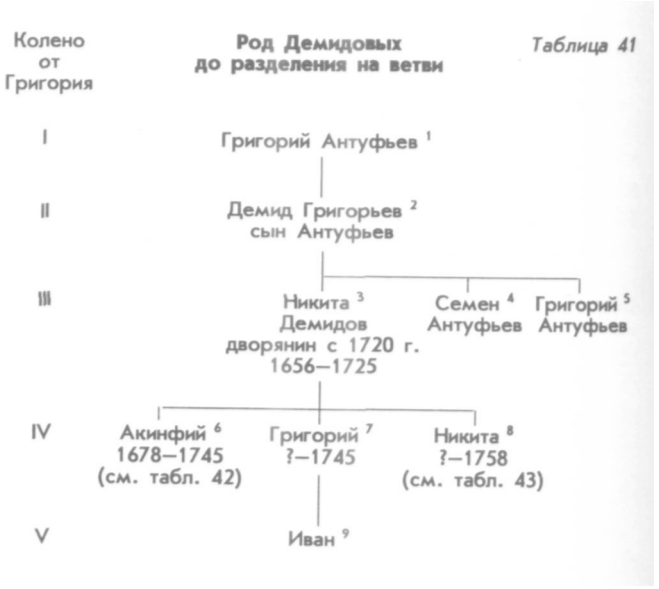
Из Демидовых наиболее известны:

2. Никита Демидович (1656—1725) — тульский кузнец, основатель богатства рода. О начале его известности и первых успехах существует много разных преданий, связанных с именами П. П. Шафирова и Петра I. Достоверно только то, что искусно приготовленные им образцы ружей понравились Петру I, который сделал его поставщиком оружия для войска во время Северной войны. Поскольку поставляемые им ружья были значительно дешевле заграничных и одинакового с ними качества, Петр I в 1701 г. приказал отмежевать в его собственность лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добывания угля дать ему участок в Щегловской засеке. В 1702 г. ему были отданы Верхотурские железные заводы, устроенные на р. Невье еще при Алексее Михайловиче, с обязательством уплатить казне за устройство заводов железом в течение 5 лет и с правом покупать для заводов крепостных людей. В грамоте того же года Никита был назван Демидовым, вместо прежней фамилии Антуфьев. В 1703 г. Петр I приказал приписать к заводам Демидова две волости в Верхотурском уезде. С 1716 по 1725 г. он построил еще четыре завода на Урале и один на Оке. Никита Демидович был одним из главных помощников Петра I при основании Петербурга, жертвуя на строительство города деньгами, железом и т. д. [8, 126, 154].



Герб дворян Демидовых.

Щит разделен горизонтальною полосою. В верхней части щита в серебряном поле три зеленые лозы рудоискательные. В нижней части в черном поле — серебряный молоток. Щит увенчан дворянским шлемом. Намет серебряный с зеленою подложкою.



* Статья написана П. Х. Гребельским.



Никита Демидович Антуфьев.



Акинфий Никитич Демидов.

От двух из трех сыновей Никиты Демидовича, *Акинфия* и *Никиты,* пошли две ветви рода.

Родословное древо первой ветви Демидовых приведено в таблице 42 [82].

Из Демидовых первой ветви наиболее известны:

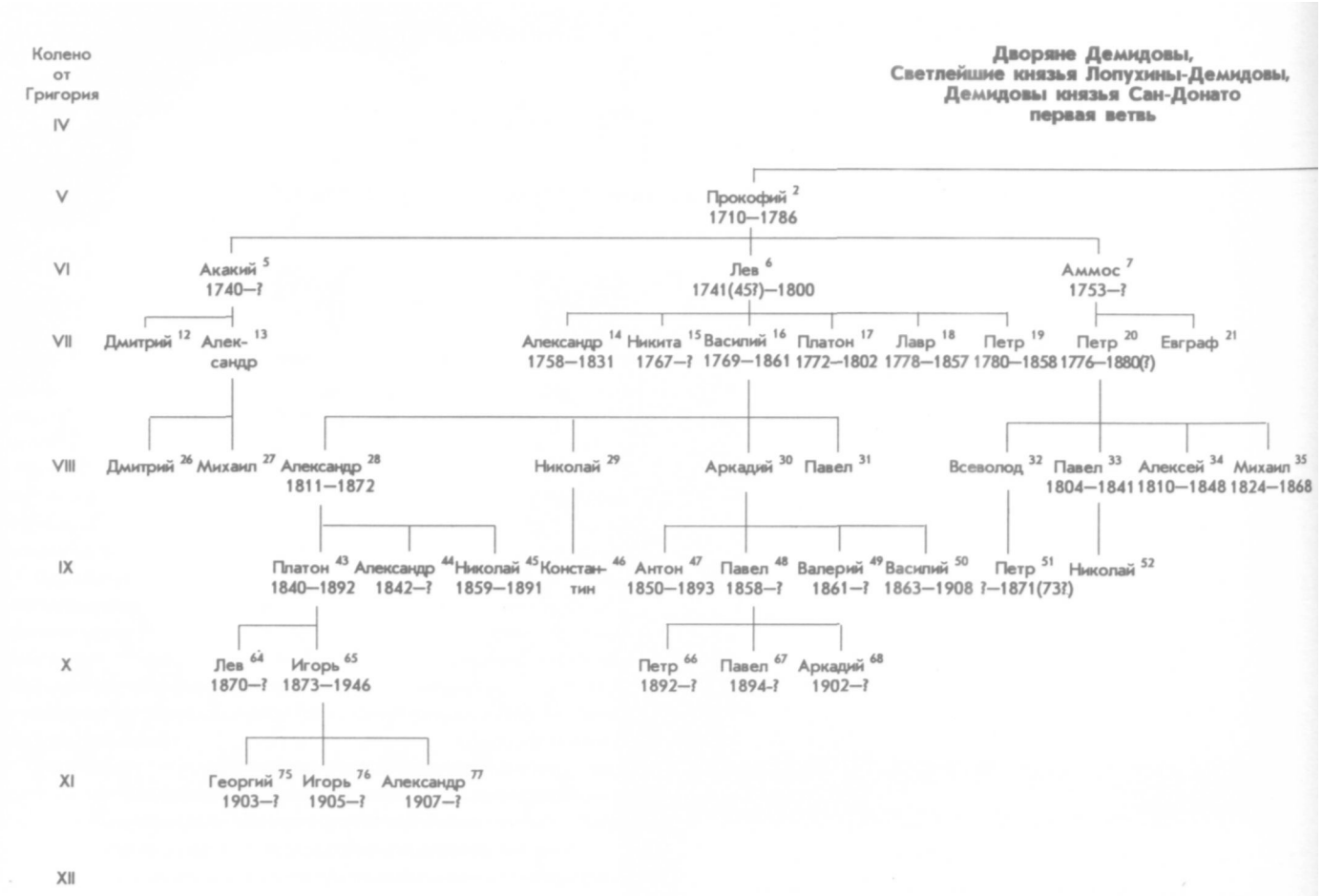
6—1. Акинфий Никитич (1678—1745). Действительный статский советник. С 1702 г. управлял Невьянскими заводами. Для транспортировки железных изделий с заводов он восстановил судоходный путь по Чусовой, открытый еще Ермаком и потом забытый, провел дороги между заводами и основал несколько поселений по глухим местам вплоть до Колывани; построил 9 заводов и открыл знаменитые алтайские серебряные рудники, поступившие в ведение казны. Он же принимал меры для разработки асбеста и развивал вместе с отцом добычу и обработку малахита и магнита. Предложение его уплачивать казне всю подушную подать за уступку ему всех солеварен и повышение продажных цен на соль было отвергнуто, несмотря на посредничество Бирона, делавшего у него громадные денежные займы. В 1726 г. он вместе с братьями и нисходящим потомством возведен в потомственное дворянское достоинство по Нижнему Новгороду «с привилегией против других дворян ни в какие службы не выбирать и не употреблять». По его завещанию значительная доля его наследства предназначалась его сыну от второго брака, Никите; старшие сыновья возбудили процесс, и по повелению Елизаветы генерал-фельдмаршал Бутурлин произвел между ними равный раздел [8, 126, 154].

2. Прокофий Акинфиевич (1710—1786). Несметные богатства, полученные им по разделу (4 завода, которые он продал купцу Яковлеву, до 10 тыс. душ крестьян, более 10 сел и деревень, несколько домов и др.), позволили прославиться ему как благотворителю (он пожертвовал свыше 1 млн руб. на основанный им Московский воспитательный дом и 250 тыс. руб. на учрежденное им Петербургское коммерческое училище). Кроме того, он известен своими чудачествами: так, в 1778 г. он устроил в Петербурге народный праздник, который, вследствие громадного количества выпитого вина, был причиной смерти 500 чел. Однажды он скупил в Петербурге всю пеньку, чтобы проучить англичан, заставивших его во время пребывания в Англии заплатить непомерную цену за нужные ему товары [126, 154].

С его именем связывают также учреждение ссудной кассы [154].

4. Никита Акинфьевич (1724—1789), отличался любовью к наукам и покровительствовал ученым и художникам. Он издал «Журнал путешествия в чужие края» (1786), в котором много Верных замечаний, указывающих на наблюдательность автора. Состоял в переписке с Вольтером; в 1779 г. учредил при Академии художеств премию-медаль «За усердие в механике» [126, 154].

8. Александр Григорьевич (1737—1803), действительный статский советник, заводовладелец, член комиссии, созванной Екатериной II, по составлению Уложения 1767 г. [82].

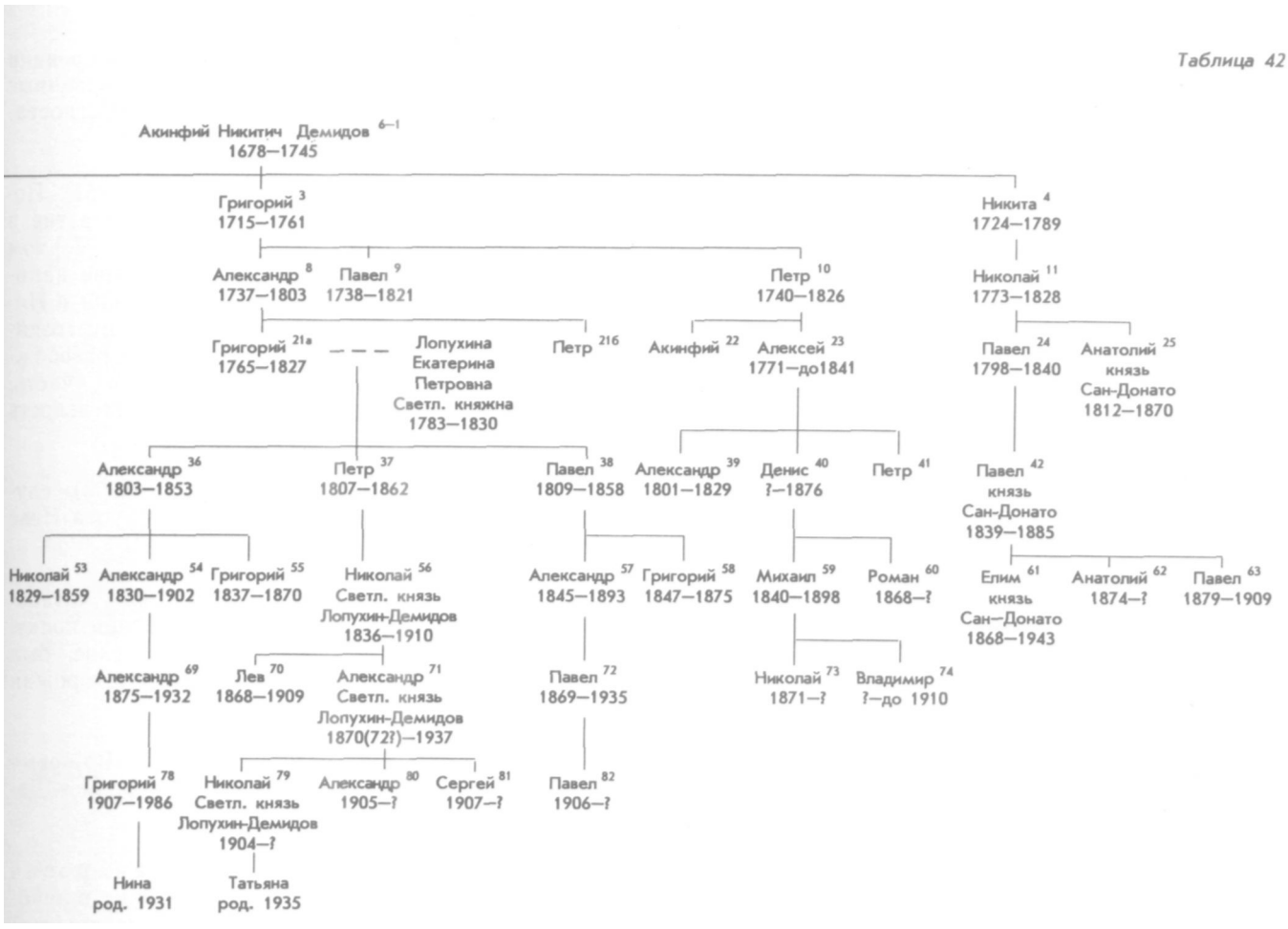




Прокофий Акинфиевич Демидов.

9. Павел Григорьевич (1738—1821), получил образование в Геттингенском университете и Фрейбергской Академии. Много путешествовал по Западной Европе. «За обширные познания в натуральной истории и минералогии» Екатерина II пожаловала его в советники Берг-коллегии. Находился в переписке с Линнеем, Бюффоном и другими учеными. Составил хорошую естественно-научную коллекцию, которую вместе с библиотекой и капиталом в 100 тыс. руб. подарил Московскому университету (1803). Когда в 1802 г. был издан Манифест об учреждении министерств, в котором содержался призыв о пожертвованиях на дело образования в России, он одним из первых откликнулся на него, и в 1803 г. на пожертвованные им средства (3578 душ крестьян и 120 тыс. руб.) было основано Демидовское высших наук училище. В 1805 г. он пожертвовал для проектировавшихся университетов в Киеве и Тобольске по 50 тыс. руб.; тобольский капитал к 1880-м годам возрос до 150 тыс. руб. и пошел на учреждение Томского университета, в актовом зале которого был выставлен его портрет. В 1806 «г. он пожертвовал Московскому университету свой минц-кабинет, состоявший из нескольких тысяч монет и медалей. В Ярославле ему в 1829 г. был поставлен памятник [8, 126, 154].

10. Петр Григорьевич (1740—1826), тайный советник, почетный опекун. В 1800 г. был назначен обер-директором Петербургского коммерческого училища, как было сказано в рескрипте Императрицы Марии Федоровны: «по совершенной доверенности, а равномерно из признательности к памяти родственника», т. е. Прокофия Акинфиевича Демидова, основавшего училище. На этом посту он пробыл пять лет и проявил





Никита Акинфьевич Демидов.



Александра Евтихеевна Демидова, урожденная Сафонова, третья супруга Н. А. Демидова.

себя талантливым администратором, не щадящим сил для отстаивания интересов училища. Жертвовал на училище значительные суммы. Воздавая ему должное, Императрица уступила его многократным просьбам и согласилась на отставку по состоянию здоровья [126].

11. Николай Никитич (1773—1828), начал службу адъютантом при князе Потемкине во время второй русско-турецкой войны; построил на свои средства фрегат на Черном море. В 1807 г. пожертвовал дом в пользу Гатчинского сиротского института. В 1812 г. выставил на свои



Павел Григорьевич Демидов.



Николай Никитич Демидов.

средства целый полк солдат («Демидовский»). В 1813 г. подарил Московскому университету богатейшее собрание редкостей и в том же году построил в Петербурге четыре чугунных моста. Живя с 1815 г. постоянно во Флоренции, где был русским посланником, он, однако, много заботился о своих заводах, способствовал развитию фабричной промышленности в России, развел в Крыму плантации винограда, тутовых и оливковых деревьев. В 1819 г. пожертвовал на нужды инвалидов 100 тыс. руб. Составил во Флоренции богатейшую картинную галерею. За основанные им детский приют и школу флорентийцы поставили ему памятник (1871) [8, 126, 154].

16. Василий Львович (1769—1861). Поступил на службу во флот и принял участие в ряде морских сражений на Балтике и Черном море. В 1795 г. вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта, поселился в своем имении в Нижегородской губернии и занялся сельским хозяйством. Глубоко веруя в необходимость освобождения крестьян, он старался облегчить их участь, чем заслужил их глубокую признательность [82, 126].

17. Платон Львович (1772—1802), служил во флоте. Во время катания утонул в Неве под Петербургом [82, 126].

18. Лавр Львович (1778—1857), штабс-капитан. В 1812 г. служил в Демидовском полку. Затем, выйдя в отставку, жил в Москве, был большим любителем лошадей и удивлял горожан своими чудачествами [82, 126].

19. Петр Львович (1780—1858). Во время Отечественной войны 1812 г. был майором в Демидовском полку [82, 126].

21а. Григорий Александрович (1765—1827), флигель-адъютант. Служил в лейб-гвардии Конном полку. Затем действительный камергер, гофмаршал, гофмейстер. Был женат на Светлейшей княжне Екатерине Петровне Лопухиной (1783—1830) [82, 126].



Елизавета Александровна Демидова (1779—1818), урожденная баронесса Строганова, супруга Н. Н. Демидова.



Григорий Александрович Демидов.



Павел Николаевич Демидов.

24. Павел Николаевич (1798—1840), егермейстер. Несколько лет был Курским губернатором. Во время холеры 1831 г. построил в Курске четыре больницы. Известен как учредитель «Демидовских наград», на которые жертвовал при жизни и назначил выдавать их в течение 25 лет со дня своей смерти по 20 тысяч рублей ежегодно [8, 126, 154].

25. Анатолий Николаевич (1812—1870) Демидов князь Сан-Донато. Большую часть жизни прожил в Европе, лишь изредка приезжая в Россию. Крупнейшими его пожертвованиями были: для основания в Петербурге Демидовского дома призрения трудящихся — 500 тыс. руб. и совместно с братом Павлом Николаевичем — на основание Николаевской дет-



Екатерина Петровна Демидова (1783—1830), урожденная Светлейшая княжна Лопухина, супруга Г. А. Демидова.



Прасковья Матвеевна Демидова (1730—1813), урожденная Олсуфьева, мать Г. А. Демидова.



Анатолий Николаевич Демидов князь Сан-Донато.



Аврора Карловна Демидова (1808—1902), урожденная Шернваль фон Валлен, супруга П. Н. Демидова.

ской больницы — 200 тыс. руб. В 1841 г. он женился на племяннице Наполеона I Матильде. Купив княжество Сан-Донато, близ Флоренции, получил право именоваться Демидовым князем Сан-Донато. За его счет была снаряжена экспедиция в южную часть России, он же дал средства на путешествие по России французского художника Дюрана [8, 126, 154].

30. Аркадий Васильевич, генерал-майор [82].



Павел Павлович Демидов князь Сан-Донато.

34. Алексей Петрович (1810—1848), полковник. Автор трудов по пиротехнике, изданных в Петербурге в начале XIX в. [82, 126].

35. Михаил Петрович (1824—1868), полковник Кавалергардского полка [82].

36. Александр Григорьевич (1803—1853), полковник [126].

37. Петр Григорьевич (1807—1862), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Отличился при подавлении Польского восстания 1830—1831 гг., за что был награжден. В 1833 г. назначен флигель-адъютантом, в 1835 г. назначен состоять при Императоре. В 1849 г. произведен в генерал-майоры и включен в состав Свиты. Ему поручено наблюдение за рекрутскими наборами. Принял участие в подавлении революции в Венгрии в 1849 г. и особенно отличился в боях под городом Шегешвар, за что был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В дальнейшем он, командуя кавалерией, помог добиться успеха во многих решающих сражениях. Во время войны 1853—1856 гг. был назначен начальником отрядов, дислоцировавшихся между Петербургом и Выборгом, а затем командующим войсками, составлявшими гарнизон Кронштадта. С 1857 г. состоял при Императоре [126].

38. Павел Григорьевич (1809—1858), действительный статский советник, камергер, почетный попечитель Демидовского лицея [82].

40. Денис Александрович (ум. 1876), полковник лейб-гвардии Кирасирского полка [82].

42. Павел Павлович (1839—1885) Демидов, князь Сан-Донато с 1872 г., окончил юридический факультет Петербургского уни-

верситета, служил в посольствах во Франции и Австрии, был советником губернского правления в Каменец-Подольском, с 1871 по 1876 г. был Киевским городским головой. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был чрезвычайным уполномоченным Петербургского общества Красного Креста. На его средства издавалась одно время в Петербурге газета «Россия». В 1883 г. написал брошюру «Еврейский вопрос в России». Унаследовал от бездетного дяди Анатолия Николаевича титул князя Сан-Донато, утвержденный за ним грамотой Итальянского Короля Виктора-Эммануила II в 1872 г. Высочайшим указом от 2 июня 1872 г. ему было дозволено принять титул князя Сан-Донато [131, 154].

Соединенный герб коллежского советника Павла Демидова князя Сан-Донато внесен в «Общий Гербовник», часть XIII, под № 66 [104].

43. Платон Александрович (1840—1892), действительный статский советник [82].

48. Павел Аркадьевич (1858—?), статский советник, служил по Министерству внутренних дел [82].

49. Валериан Аркадьевич (1861—?), служил по Министерству внутренних дел [82].

51. Петр Всеволодович (ум. 1871 (73?)), действительный статский советник, служил по Министерству внутренних дел [82, 83].

54. Александр Александрович (1830—1902), служил в лейб-гвардии Преображенском полку; статский советник, директор Карточной фабрики в Петербурге [82].

55. Григорий Александрович (1837—1870). С 1854 по 1859 г. служил в армии. В 1862 г. после женитьбы уехал в Лейпциг, где изучал теорию музыки. В 1867 г. он, по предложению директора Консерватории А. Г. Рубинштейна, высоко ценившего его как композитора и теоретика, принял должность инспектора классов Консерватории. Он написал очень немного, но все, им написанное, отличается изящной, в высшей степени интересной оркестровкой, свидетельствующей о тонком музыкальном вкусе автора [126].

56. Николай Петрович (1836—1910), генерал-майор. Высочайше утвержденным 20 декабря 1865 г. мнением Государственного Совета ему дозволено принять титул и фамилию внучатого дяди его, генерал-лейтенанта князя Павла Петровича Лопухина, и именоваться Светлейшим князем Лопухиным-Демидовым, с тем чтобы титул этот и соединенная фамилия переходили лишь к старшему в роде из его потомков [131, 154].



Герб Демидовых князей Сан-Донато.

Щит разделен на четыре части черным крестом с разрезными концами. В середине щита помещен малый щиток с гербом Демидовых. В четырех делениях гербового щита в шахматном порядке расположены эмблемы гербов города Флоренции и его общины: в первой и четвертой частях герба в червленом поле серебряная лилия, а во второй и третьей — в серебряном поле — красный греческий крест (герб флорентийской общины). Эти эмблемы выражают принадлежность к Флоренции территории княжества Сан-Донато. Щит увенчан княжеским итальянским шлемом, украшенным русскою дворянскою короною. В нашлемнике два серебряных рудокопных молота, обвитых сосновым зеленым венком. Намет: справа зеленый с золотом, слева черный с серебром. Щитодержатели два серебряных медведя с червлеными глазами и языком. Девиз: «Acto — non verba» *(«Дела — не слова»)*. Щит покрыт княжескою итальянскою мантией багряной, с золотыми звездочками и увенчан княжескою итальянскою шапкою.

Герб Светлейшего князя Лопухина-Демидова внесен в «Общий Гербовник», часть XIII, под № 5 [104].

57. Александр Павлович (1845—1893), камер-юнкер, почетный попечитель Демидовского лицея [82].

59. Михаил Денисович (1840—1898), тайный советник, камергер, Олонецкий губернатор [82].

61. Елим Павлович (1868—1943). Высочайшим повелением от 4 декабря 1891 г. тайному советнику Елиму Демидову разрешено пользоваться пожалованным итальянским правительством покойному отцу его, Павлу Демидову, титулом князя Сан-Донато, но лишь в пределах Итальянского Королевства [131].

65. Игорь Платонович (1873—1946), общественный деятель, член Государственной думы [82].

69. Александр Александрович (1875—1932), служил в лейб-гвардии Преображенском полку, затем в Акцизном управлении. В 1920-е гг. служил в финансовом отделе Ленгубисполкома [82].



Герб Светлейших князей Лопухиных-Демидовых.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в золотом поле которого герб князей Лопухиных: российский государственный орел, имеющий на груди вензель Императора Павла I. В первой и четвертой частях щита герб дворян Лопухиных: красный гриф в золотом поле. Во второй и третьей частях щита — герб дворян Демидовых. Щит увенчан тремя шлемами: средний с возникающим российским императорским орлом, на груди которого вензель Императора Александра II. Правый шлем с эмблемой Лопухиных — семь страусовых перьев, а левый — с эмблемой Демидовых: серебряный молоток. Щитодержатели: справа — богиня Фемида с атрибутом (весами), слева — воин, держащий знамя малинового цвета. Девиз: **Бог моя надежда».* Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

71. Александр Николаевич (1870(72?)—1937), Светлейший князь Лопухин-Демидов с 1910 г.; полковник лейб-гвардии Преображенского полка [82].

72. Павел Александрович (1869—1935), камергер, статский советник, шталмейстер, почетный попечитель Демидовского лицея, Волынский губернский предводитель дворянства [82].

78. Григорий Александрович (1907—1986), полковник, окончил Военно-Медицинскую Академию [82].

Нина Григорьевна (род. 1931), геолог [82].

Татьяна Николаевна (род. 1935), скульптор [82].

Родословное древо Демидовых второй ветви приведено в таблице 43 [82].

Из Демидовых второй ветви наиболее известны:

8—1. Никита Никитич (ум. 1758), статский советник, владелец заводов в Центральной России и на Южном Урале [82].

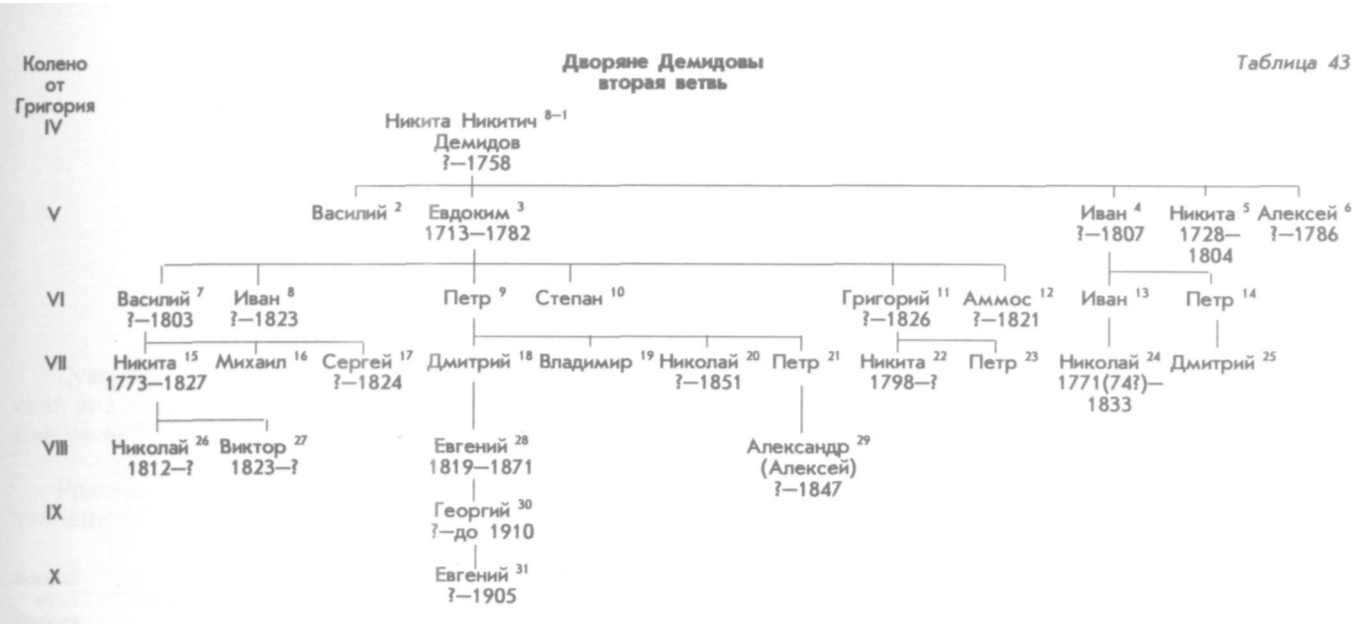
2. Василий Никитич, действительный статский советник. Служил при Императрице Елизавете Петровне кабинет-секретарем. Его переписка с Императрицей (опубликована Н. Калачевым в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России». СПб, 1868. Кн. IV. С. 29—34) свидетельствует об их близких отношениях, содержит сведения о влиятельных вельможах той поры и историю таможенного дела в России [126].

3. Евдоким Никитич (ум. 1789), владелец заводов железных и чугуноплавильных: Авзяно-Петровских, Верхнего и Нижнего, в Оренбургской губернии, и Дугневского, Выровского и Людиновского, в тогдашней Московской губернии. Был жестоким хозяином, и на его заводах нередко вспыхивали бунты крепостных крестьян, приписанных к заводам, принимавшие зачастую характер вооруженных восстаний, на подавление которых он вызывал солдат. Так, в 1741 г. для усмирения крестьян был отправлен бригадир Хомяков, а затем его сменил генерал-майор Опочий. В 1761 г. по поручению Сената дело между Демидовым и крестьянами разбирали генерал-майор Кокошин и полковник Лопатин. В 1762 г. для усмирения восставших был отправлен генерал-квартирмейстер князь А. А. Вяземский. В 1765 г. по жалобе рабочих вновь была назначена комиссия. Во время крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева рабочие демидовских заводов охотно присоединялись к восставшим. Хищнический способ ведения хозяйства в отведенных для Демидова лесах заставил тульское дворянство обратиться с просьбой к Екатерине II о запрещении ему уничтожать леса [126].

5. Никита Никитич (1728—1804). Устроил два чугуноплавильных завода: Ксолим-



Елим Павлович Демидов князь Сан-Донато.



ский и Асят-Уфимский. Его переписка с управляющими заводами (опубликована Н. Калачевым в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России». СПб., 1861. Кн. 2. С. 43—69) представляет собой ценный в историческом отношении материал как для истории заводской промышленности, так и для исторического освещения отношений между помещиками и крепостными крестьянами в конце XVIII в. [126].

10 Степан Евдокимович, бригадир [82].

11. Григорий Евдокимович (ум. 1826), генерал-майор. Комендант города Азова [82].

12. Аммое Евдокимович (ум. 1821), бригадир [82].

13. Иван Иванович, бригадир [82].

15. Никита Васильевич (1773—1827), статский советник [82].

20. Николай Петрович (ум. 1851), генерал-майор, артиллерист, герой битвы при Аустерлице, действительный статский советник, известный своими трудами по политической экономии, финансовому праву и общей политике. Большинство его трудов были написаны на французском языке [126].

24. Николай Иванович (1771(74?)—1833), генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, Главный директор Пажеского и Сухопутного кадетских корпусов. Со дня рождения был записан в лейб-гвардии Преображенский полк и в три года был уже сержантом. В 1803 г. произведен в генерал-майоры. В 1808 г. был в охранении города Вазы. Обманутый ложными слухами о движении шведов, со всеми силами выступил им навстречу, а в это время у него в тылу шведы взяли оставленный без охраны город. Узнав об этом, Демидов вернулся и штурмом захватил город. За это был награжден орденом св. Георгия 3-й степени [126].

26. Николай Никитич (1812—?), подполковник [82].

27. Виктор Никитич (1823—?), генерал-майор [82].

28. Евгений Николаевич (1819—1871), полковник лейб-гвардии Преображенского полка [82].

30. Георгий Евгеньевич (ум. до 1910), очевидно, последний представитель второй ветви Демидовых, так как его сын *Евгений* (№ 31 по таблице), лейтенант гвардейского экипажа, бездетный, погиб 14 мая 1905 г. в Цусимском сражении [82].



Герб князя Зайончека (герб «Svinka»).

В червленом поле щита согнутая в локте рука, в которой голова кабана. Щит увенчан коронованным шлемом с выходящей из него фигурой женщины.



Князь Иосиф (Юзеф) Зайончек.

Зайончек * — княжеский род, происходящий от *Петра Зайончека,* бывшего подкоморием Серадзским в 1439 г. [131].

Именным Высочайшим указом от 17/29 апреля 1818 г. Наместник Царства Польского, генерал *Иосиф Зайончек* (см. ниже) возведен с нисходящим его потомством в княжеское Царства Польского достоинство [131].

Иосиф (Юзеф)(1752—1826), князь с 1818 г., лольский генерал. Начал службу в войсках Речи Посполитой и сражался под начальством Т. Костюшко. После взятия русскими войсками Варшавы и последовавшего затем раздела Польши поступил на службу во французскую армию и участвовал в кампаниях генерала Наполеона Бонапарта в 1796—1797 гг. в Европе, а затем и в Египетской экспедиции. Позже Император Наполеон I назначил его командиром Северного легиона, составленного преимущественно из поляков. С 1807 по 1812 г. был вместе с французскими войсками в Италии, а затем принял участие в наполеоновском походе против России. В том же году в сражении под Вильно был тяжело ранен (потерял ногу) и взят в плен русскими войсками. Император Александр I, узнав о высоких нравственных качествах генерала, назначил его в 1815 г. своим Наместником в Царстве Польском и в 1818 г. возвел в княжеское Российской Империи достоинство. В трудной роли Наместника он оставался преданным интересам России [154].

Потомства он не оставил, и с его смертью род князей Зайончек пресекся [131, 154].

Герба князя Зайончек в «Общем Гербовнике» нет [104]. Нами приведен родовой герб «Свинка» (Swink-), которым пользовался князь, принадлежавший по рождению к этому польскому гербу [162].

Нетитулованная ветвь рода Зайончек, того же герба, продолжала существовать в Царстве Польском.

* Статья написана П. Х. Гребельским.

Светлейшие князья Италийские графы Суворовы-Рымникские и дворяне Суворовы

Суворовы * — княжеский, графский и дворянский род, ведущий свое происхождение от *Федора Суворова***,* жившего в начале XVII в. [44, 154].

Родословное древо Суворовых приведено в таблице 44 [44, 154].

Колено от Федора — **Князья Италийские графы Суворовы-Рымникские и дворяне Суворовы** — *Таблица 44*

I — Федор Суворов [1]

II — Иван [2] Большой; Иван [3] Меньшой

III — Иван [4]; Сергей [5]

IV — Василий [6] 1705—1776; Александр [7]

V — Александр [8] князь Италийский граф Суворов-Рымникский 1729—1800; Михаил [9]; Федор [10]

VI — Наталия 1775—1844; Аркадий [11] князь, граф 1784—1811

VII — Александр [12] князь, граф 1805—1882; Константин [13] князь, граф 1809—1877

VIII — Николай [14] князь, граф 1833—1893

* Статья написана П. Х. Гребельским.

** В обширной литературе, посвященной происхождению Суворовых, высказывалось предположение о том, что их предки были выходцами из Швеции. Эта версия в основном исходит из автобиографии полководца А. В. Суворова, где он писал: «В 1622 году, при жизни Царя Михаила Федоровича, выехали из Швеции Юда и Сувор, и по их челобитью приняты в Российское подданство. Именуемые честные мужи разделились на разные поколения и по Сувору стали называться Суворовы». Однако фамилия «Суворов», как указывал граф С. Р. Воронцов в письме своему сыну М. С. Воронцову от 7_8 ноября 1811 г., «...бесспорно имеет чисто русские корни, так как Сувор — скорее всего, прозвище, означавшее сурового человека». В 1790 г. Екатерина II писала Циммерману: «Не подлежит сомнению, что фамилия Суворовых давным-давно дворянская, спокон века русская и живет в России» [107].

Из Суворовых наиболее известны:

4. Иван Иванович, вступил в духовное звание, был придворным протоиереем в Кремле и пользовался благосклонностью Петра I, который был крестным отцом обоих его сыновей [44].

6. Василий Иванович (1705—1775) — генерал-аншеф, крестник Петра I, у которого начал службу денщиком и переводчиком; при Анне Иоанновне, состоя «в полевых войсках прокурором», был командирован вместе с капитаном Ушаковым для производства следствия над находившимися в Сибири Иваном Алексеевичем Долгоруким и его женой. В 1754 г. назначен членом Военной коллегии; в 1760 г. командирован в действующую армию «состоять при провиантском правлении» и вслед за тем назначен сенатором и генерал-губернатором завоеванной части Пруссии. В январе 1762 г. Петр III назначил его Сибирским губернатором, но почему-то он не поехал туда и в июне того же года принял участие в низложении Петра- III. Екатерина II возлагала на него исполнение различных поручений. Он знал несколько языков и перевел сочинение французского инженера Вобана «Основание крепостей». Его обширной библиотеке, по преимуществу из военных сочинений, был обязан своим первоначальным военным образованием его сын, будущий генералиссимус Александр Васильевич [154].



Василий Иванович Суворов.



Князь Александр Васильевич Италийский граф Суворов-Рымникский.

8. Александр Васильевич (род. в Москве 13 ноября 1730 — ум. в Петербурге 6 мая 1800 г., похоронен в Александро-Невской лавре), граф Российской Империи с фамилией Суворов-Рымникский, граф Священной Римской Империи (1789), князь Российской Империи с фамилией Италийский (1799), гранд Испанской Короны, Наследный Принц Сардинского Королевского Дома, величайший русский полководец и военный теоретик, генералиссимус русской армии (1799), генерал-фельдмаршал австрийской армии, великий маршал пьемонтских войск. В детстве под руководством отца изучал артиллерию, фортификацию, военную историю и иностранные языки; будучи очень болезненным от рождения, постоянно закалял свой организм физическими упражнениями. В 1742 г. записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором в 1748 г. начал службу капралом. В 1754 г. произведен в офицеры и направлен поручиком в Ингерманландский пехотный полк. В 1756—1758 гг. служил в Военной коллегии. Во время Семилетней войны (1756—1763) с 1758 г. находился на штабных и командных должностях, участвовал в Кунерсдорфском сражении 1759 г., во взятии Берлина (1760) и Кольберга (1761). В 1762 г. произведен в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка (до 1769). В 1764—1765 гг. составил и ввел в действие «Полковое учреждение» — оригинальное наставление о воинском распорядке, правилах обучения и воспитания офицеров и солдат. В 1768—1772 гг. командовал полком, бригадой и отдельными отрядами в корпусе генерала И. И. Веймарна, действовал в Польше против войск Барской конфедерации (1769). В 1770 г. произведен в генерал-майоры. В 1772 г. командовал Санкт-Петербургской дивизией. В 1773 г. по личной просьбе принял участие в русско-турецкой войне. В сентябре 1773 г. руководил обороной Гирсово и отбросил турецкие войска. В июле 1774 г. вместе

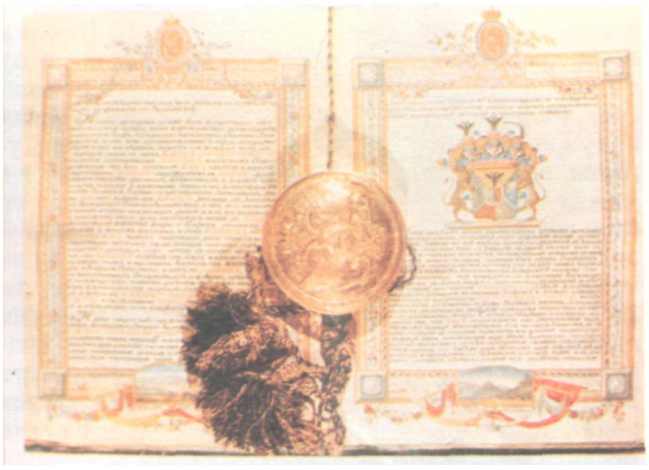

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,

Грамота о пожаловании А. В. Суворову чина поручика.

с генералом М. Ф. Каменским нанес поражение 40-тысячному турецкому корпусу при Козлудже. В августе 1774 г. по приказу Екатерины II направлен для подавления крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, но восставшие были разбиты до прибытия Суворова, и он лишь сопровождал в Симбирск захваченного в плен Пугачева, которого по его приказу посадили в деревянную клетку, установленную на телеге. В 1774—1786 гг. командовал дивизией и корпусами в различных районах России; руководил сооружением Кубанской укрепленной линии и усилением обороны Крыма. В 1786 г. Суворов был произведен в генерал-аншефы. В начале русско-турецкой войны 1787—1791 гг. командовал 30-тысячным корпусом, оборонявшим побережье в районе Херсон—Кинбурн, и уничтожил турецкий десант около Кинбурна (октябрь 1787 г.). В 1788 г. участвовал в осаде Очакова, где был ранен (всего за время боевой деятельности Суворов получил 6 тяжелых ранений). В 1789 г. командовал дивизией в Молдавии, руководя действиями русских и союзных австрийских войск, разгромил превосходящие силы турок в сражениях при Фокшанах (июль 1789 г.) и Рымнике (сентябрь 1789 г.), за что получил орден св. Георгия 1-й степени и титул графа Российской Империи с фамилией Рымникский, а от Австрийского Императора — титул графа Священной Римской Империи [8, 131, 154].


БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,

Грамота о пожаловании А. В. Суворову чина полковника.



Грамота о пожаловании А. В. Суворова в графское Российской Империи достоинство.

В 1790 г. Суворов, командуя 30-тысячным осадным корпусом под Измаилом, в течение двух недель подготовил штурм этой сильнейшей крепости и 11 декабря 1790 г. овладел ею. Подвиг этот из-за последовавшего затем столкновения с Потемкиным не дал ожидаемого им звания генерал-фельдмаршала — ему было присвоено лишь звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка. Это было почетное звание, так как полковником полка была сама Екатерина II, но таких подполковников был уже добрый десяток [8, 154].

В 1791—1794 гг. командовал различными соединениями в Финляндии и на юге России, руководил строительством укреплений на границах России. В августе 1794 г. назначен командующим русскими войсками, направленными для подавления Польского восстания. Екатерина II, произведя Суворова в фельдмаршалы, в октябре 1795 г. отозвала его из Польши. Приняв в 1796 г. командование войсками на юге (в Тульчине), Суворов написал знаменитое произведение «Наука побеждать», в котором обобщался опыт его знаменитых походов. Отказ Суворова выполнить приказ Павла I — привести подчиненные ему войска в установленный Императором порядок — повлекли за собой увольнение Суворова из армии 6 февраля 1797 г. и ссылку в село Кончанское Новгородской губернии [8, 154].

В связи с образованием второй антифранцузской коалиции с участием России Павел I по просьбе союзников в феврале 1799 г. назначил Суворова главнокомандующим русскими войсками, направленными в Италию; Суворову были подчинены и австрийские войска. В ходе Итальянского похода Суворова 1799 г. русско-австрийские войска под его командой в апреле—августе разгромили в ряде сражений французские войска, освободив от них всю Северную Италию. Блестящие победы Суворова были одержаны вопреки интригам и вмешательству австрийского гофкригсрата (придворного военного совета), который крайне затруднял его действия. Разработанный Суворовым стратегический план дальнейших военных действий, предусматривавший наступление его армии вместе с воссоздаваемой пьемонтской армией на Гренобль—Лион—Париж во взаимодействии с австрийской армией Эрцгерцога Карла, которая должна была наступать из Швейцарии, был сорван Австрией, правительство которой стремилось развязать себе руки для захвата Италии и добилось согласия Павла I на переброску войск Суворова в Швейцарию. «Меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить», — писал Суворов. Однако в беспрецедентном в военной истории Швейцарском походе Суворова 1799 г. русские войска в сентябре преодолели исключительные трудности и вышли из окружения. За этот беспримерный поход и спасение армии от поражения и явного плена Павел I произвел генерал-фельдмаршала Суворова в генералиссимусы, возвел в княжеское достоинство с фамилией Италийский и приказал поставить ему памятник. В октябре 1799 г. Павел I разорвал союз с Австрией и отозвал войска Суворова в Россию. Суворов вновь подвергся царской опале за нарушение «Высочайшего устава». Мелочная придирчивость Павла I не оставила его и после смерти — он приказал отдать покойному генералиссимусу почести только как фельдмаршалу [8, 154].



Музей А. В. Суворова в Санкт-Петербурге.

Похоронен генералиссимус в Александро-Невской лавре в Петербурге. На его могиле лежит плита с лаконичной надписью, которую он завещал сделать: «Здесь лежит Суворов».

Суворов, опираясь на вековые военные традиции России, возродил и развил прогрессивные черты петровской армии в области организации, боевой подготовки и военного искусства [8].

Суворов был одним из самых образованных военных деятелей XVIII в.: он знал математику, философию, историю, владел немецким, французским, итальянским, польским, турецким языками,

а также немного арабским, персидским и финским, в совершенстве знал фортификацию, изучал состояние современных иностранных армий, внимательно следил за ходом военных и политических событий в Западной Европе. Политическим идеалом Суворова была «просвещенная монархия». Являясь сторонником самодержавия, Суворов в то же время резко критиковал придворные нравы (фаворитизм, протекционизм, праздность, угодничество, карьеризм), насаждавшиеся при Павле I прусские военные порядки и «бесполезную жестокость в войсках». Независимость суждений Суворова, его огромный авторитет в армии вызывали недоверие к нему со стороны Правительства и были поводом для постоянных унижений, опал и тайного надзора [8, 154].

Патриотизм Суворова был основан на идее службы Отечеству, глубокой вере в высокие боевые способности русского воина, в военный талант своих подчиненных и учеников [8, 154].

Военно-теоретическая и практическая деятельность Суворова отражена в его огромном литературном и документальном наследии, включающем «Полковое учреждение», «Науку побеждать», различные наставления, инструкции, приказы, диспозиции, памятные записки, переписку с военными и государственными деятелями. Оно характеризует Суворова как выдающегося военного теоретика, стратега и тактика, глубоко понимавшего проблемы военного дела, создавшего оригинальную систему взглядов на способы ведения войны и боя, обучения и воспитания войск, основавшего свою прогрессивную школу военного искусства [8, 154].

Суворов женился с характерной для него стремительностью. 18 декабря 1773 г. состоялась помолвка, 22 декабря — обручение, а 16 января 1774 г. — свадьба. Его жене, княжне Варваре Ивановне Прозоровской, было 23 года. «Она была красавицей русского типа, полная, статная, румяная; но с умом ограниченным и старинным воспитанием, исключающим для девиц всякие знания, кроме умения читать и писать». Невеста была небогатая, но, очевидно, жениху и его отцу импонировали знатность рода князей Прозоровских, Рюриковичей по происхождению, и красивая наружность княжны. Пылких чувств к жене Суворов, видимо, никогда не испытывал. К тому же между супругами не было ничего общего: он был глубоко образованный человек, с железной волей, а она способна была видеть во всем лишь внешнюю, показную сторону вещей. 1 августа 1775 г. у супругов родилась дочь Наташа, нежно любимая отцом. Вскоре отношения между супругами испортились — обнаружилась неверность Варвары Ивановны. В сентябре 1779 г. Суворов подал прошение о разводе, но через несколько месяцев взял его обратно. Несколько лет прошли относительно спокойно, но в 1784 г. произошел окончательный разрыв [107].

10. Федор Александрович Суворов, бригадир [44].

Наталия Александровна «Суворочка», дочь Александра Васильевича Суворова, к которой он всегда питал самую трогательную любовь (род. 1775). Когда ей было два года, отец с умилением писал: «Дочка вся в меня и в холод бегает босиком по грязи»; «Смерть моя для отечества, жизнь моя для Наташи». Разлад с женой побудил его удалить дочь из дома и отдать ее на воспитание в Институт благородных девиц. Кроме того, по требованию Суворова, его жена была разлучена с дочерью навсегда. В 1791 г. Наталия окончила Институт. По свидетельству современников, она не отличалась ни красотой, ни умом и была совершенно ординарной девушкой. В апреле 1794 г. Наталия вышла замуж за графа Николая Александровича Зубова. Замужество дочери охладило отношение к ней отца, и он стал уделять большее внимание своему второму ребенку — сыну Аркадию [107].



Княгиня Варвара Ивановна Италийская графиня Суворова-Рымникская (1750—1806), урожденная княжна Прозоровская.



Графиня Наталья Александровна Зубова (1775—1844), урожденная княжна Италийская графиня Суворова-Рымникская.



Князь Аркадий Александрович Италийский граф Суворов-Рымникский.

11. Князь Аркадий Александрович Италийский граф Суворов-Рымникский (1784—1811), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Во время Итальянского похода (1799) был назначен к отцу в действующую армию. Смелость и отвага пятнадцатилетнего сына способствовали перемене отношения к нему отца. П. Х. Граббе, встречавшийся с Аркадием Александровичем в 1809 г., писал: «Князь Суворов был высокого роста, белокурый, примечательной силы и один из прекраснейших мужчин своего времени. С природным, ясным умом, приятным голосом и метким словом, с душою, не знавшей страха ни в каком положении, с именем бессмертным в войсках и в народе, он был идеалом офицера и солдата. Воспитание его было пренебрежено совершенно. Он, кажется, ничему не учился и ничего не читал. Страсть к игре и охоте занимала почти всю жизнь и вконец расстроила его состояние. Но таковы были душевная его доброта и вся высокая его природа, что невозможно было его не уважать, и еще менее не полюбить его». Принц Вюртсшбергский писал: «Его знали за смельчака и человека горячего, который уцелел до сих пор только благодаря непонятному счастью». Его недюжинные военные способности, в соединении со славным именем, обеспечивали его карьеру: в 1809 г. он уже командовал дивизией. В 1811 г., во время русско-турецкой войны, он переправлялся через небольшую речку Рымну, на берегах которой его отец одержал знаменитую победу и стал графом Рымникским. Неожиданно коляска его опрокинулась. Пытаясь спасти не умевшего плавать кучера, Суворов не справился с течением и утонул [107].

12. Светлейший князь Александр Аркадьевич Италийский граф Суворов-Рымникский (1805—1882), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. Воспитывался за границей (в Париже и Геттингене), где воспринял многие передовые идеи своего времени. Непосредственного участия в заговоре декабристов не принимал, но был связан с некоторыми из них. Когда его привели к Императору Николаю I, тот сказал: «Не хочу верить, чтобы внук Суворова был злоумышленник», — и приказал прекратить дальнейшее следствие. Начав службу юнкером в лейб-гвардии Конном полку, с отличием участвовал в русско-персидской войне 1827—1828 гг. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.



Светлейший князь Александр Аркадьевич Италийский граф Суворов-Рымникский.



Княгиня Елена Александровна Италийская графиня Суворова-Рымникская, супруга князя А. А. Суворова.

находился при Николае I, позже командовал Фанагорийским полком, в 1848 г. назначен Лифляндским, Эстляндским и Курляндским генерал-губернатором. На этой должности он пробыл 14 лет и много сделал полезного для края, особенно в торгово-промышленном отношении, но подвергался упрекам в излишней снисходительности и даже слабости к немцам. В 1861 г. назначен Петербургским генерал-губернатором, а после упразднения этой должности в 1866 г. — генерал-инспектором всей пехоты. Член Государственного Совета [107, 154].

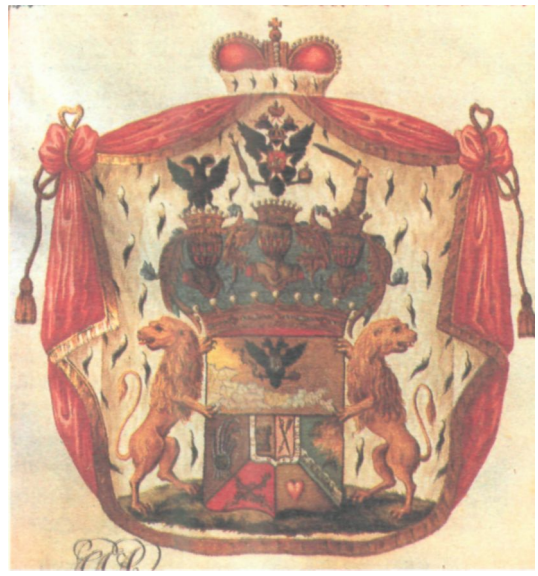
С именем А. А. Суворова связан один любопытный эпизод. В 1863 г., после подавления польского восстания, в Петербурге было устроено чествование генерала М. Н. Муравьева, жестоко расправившегося с повстанцами. Князь наотрез отказался подписаться под приветственным адресом и назвал Муравьева «людоедом». В ответ на это поэт Ф. И. Тютчев опубликовал наделавшее много шума следующее стихотворение [107]:

«Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда.
Мы, русские, Европы не спросясь...»

По Высочайшему повелению от 5 февраля 1848 г. внукам генералиссимуса князя Суворова, князьям Александру и Константину Аркадьевичам Италийским графам Суворовым-Рымникским, предоставлены с их нисходящим потомством титулы Светлостей [131].

13. Светлейший князь Константин Аркадьевич Италийский граф Суворов-Рымникский (1809—1877), полковник, гофмейстер [44, 154].

14. Светлейший князь Николай Александрович Италийский граф Суворов-Рымникский (1833—1893). С его смертью пресеклась княжеская и графская ветвь рода Суворовых.



Герб князей Италийских графов Суворовых-Рымникских.

Щит, рассеченный горизонтально. В верхней части, в золотом поле, российский государственный орел, на груди которого в щитке, на голубом поле, вензель Императора Павла I. Орел держит в левой лапе королевскую корону, а в правой — шпагу, обвитую лавром. Ниже орла помещена карта Аппенинского полуострова, положенная горизонтально. Нижняя половина щита рассечена перпендикулярно и двумя диагоналями на четыре части. Из них в правой верхней, в пурпуровом поле, алмазное перо с буквою «С», обозначающее *«Кинбурк»*, — место боя с турками на косе против Очакова, где Суворов был ранен. В левой верхней части, в голубом поле, вылетающие из туч две громовые стрелы, поражающие луну, обращенную рогами вниз. Под нею диагонально течет река с надписью *«Рымник»*. В левой нижней части, в серебряном поле, красное сердце. Герб фамилии Суворовых помещен в середине гербового щита в особом щитке, окруженном лентою с девизом: *«За веру и верность»*, данным Суворову Императором Римской Империи Иосифом II при возведении в графы Римской Империи. Щитодержатели два льва, стоящие на задних лапах. Над щитом на горностаевом намете мантии, над графскою короною Российской Империи помещены три шлема. Над правым — графская корона Римской Империи, увенчанная двуглавым орлом ея. Левый шлем с дворянскою короною, из которой выходит рука с саблею. Над средним шлемом — русская графская корона, и над нею возникающий до половины двуглавый государственный орел России с мальтийским крестом на груди. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Герб князей Италийских графов Суворовых-Рымникских внесен в «Общий Гербовник», часть IV, под № 7 [104].

КНЯЗЬЯ И ДВОРЯНЕ КОЧУБЕЕВ

Кочубеи * — русский княжеский и дворянский род, по семейному преданию происходящий от знатного татарина *Кучук-бея,* выехавшего в Малороссию во второй половине XVII в. и крестившегося с именем *Андрей* [111, 154].

Существует еще четыре дворянских рода Кочубеев, но связь их с родом, происходящим от Кучук-бея, не прослеживается, и поэтому они в настоящей статье не приведены [94а].

Родословное древо князей и дворян Кочубеев, происходящих от Кучук-бея, приведено в таблице 45 [44, 94а, 163].

Из дворян и князей Кочубеев наиболее известны:

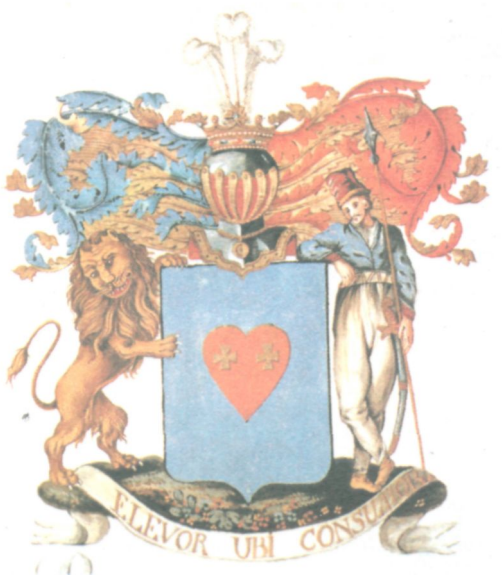
3. Василий Леонтьевич (ок. 1640—1708). В 1681 г. был назначен регентом войсковой канцелярии, а в 1687 г. — генеральным писарем. Мазепа после своего избрания гетманом наградил его поместьями, в том числе знаменитой деревенькой Диканькой, и в 1694 г. дал достоинство генерального судьи. В 1700 г. он выхлопотал для Кочубея звание стольника. Доверие гетмана к своему генеральному судье было так велико, что он ему первому рассказал о своем желании объявить Украину независимой от России. Между тем Мазепа полюбил дочь Василия Леонтьевича шестнадцатилетнюю красавицу Матрену Васильевну («Мария» — в пушкинской «Полтаве») и хотел, разведясь с женой, жениться на ней, но против этого брака возражали родители Матрены. Однако Мазепе удалось соблазнить Матрену, которая, убежав из родительского дома, переехала жить к нему. После этого старики Кочубеи некоторое время не бывали у Мазепы и писали ему негодующие письма, на которые он отвечал, обвиняя их в несогласии выдать за него дочь и указывая на свое великодушное отношение к ним, так как он шестнадцать лет терпел их «поступки, смерти годные». Тогда Кочубеи восстановили прежние отношения с Мазепой, надеясь при случае отомстить. Наконец, как предполагают, по инициативе жены Кочубея был послан устный донос на Мазепу. Над Мазепой был учрежден надзор, но ничего компрометирующего не выявилось, и тогда в 1707 г. был послан второй донос. Об этом узнал Мазепа, но, приняв меры предосторожности, все же оставил Кочубеев в покое. Однако они снова послали через своих единомышленников — полковника Искру и священника Святайлу — донос ахтырскому полковнику Осипову, который был передан Петру I через Киевского губернатора князя Д. М. Голицына. Последний назначил следствие, поручив



Василий Леонтьевич Кочубей.

его канцлеру графу Г. И. Головкину и П. П. Шафирову. Мазепа действовал настолько скрытно и тактично, что следователи не только ничего не обнаружили, но даже уверились в полной невиновности гетмана, который сделал им богатые подарки. Мазепа решил захватить Кочубея и Искру, они бежали, надеясь стать под защиту русского царя, но были задержаны русскими офицерами и отвезены в Витебск. Между тем Петр I, считая донос ложным, написал Мазепе ряд благосклонных писем и приказал выдать ему обличителей. В Витебске их обоих ждали жестокие пытки, так как Петр I видел в факте доноса «некоторые неприятельские факции», о которых и хотел разузнать. 24 апреля 1708 г. Головкин доносил Петру I из Витебска: «...так как Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради пытать его больше не решился, чтобы прежде времени не издох». Под пытками они заявили, что их показание ложно, но и пытки не вынудили их сказать что-либо о «неприятельских факциях», которых и в самом деле не было. Затем последовал новый ряд пыток, направленных на то, чтобы Кочубей выдал Мазепе скрытые им богатства. Наконец, 15 июля 1708 г. они были обезглавлены в деревне Борщаговке, близ г. Белая Церковь. В. Л. Кочубей погребен в Киево-Печерской лавре. Жена Василия Леонтьевича вместе с сыновьями также была арестована, но дальнейшему мщению со стороны Мазепы помешало обнаружение его измены. Кочубеям были возвращены имения, а также передано имение Искры. Матрена еще в 1707 г. была выдана замуж за

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.



Герб рода Кочубеев.

В лазоревом поле щита эмблемы, данные Кочубеям Петром I: пламенеющее или окровавленное сердце с двумя в нем золотыми равноконечными крестами. Щит увенчан дворянскою короною с тремя страусовыми перьями. Намет голубой и красный подложен золотом. Щитодержатели: стоящий лев, держащий в лапе буздыхан (булаву малороссийских гетманов), и малороссийский казак с копьем. Девиз: «Elevor ubi consumor».

генерального судью Чуйкевича, которого Мазепа сумел склонить на свою сторону, а затем сослана вместе с мужем в Сибирь. По возвращении она умерла в монастыре [8, 126, 154].

4. Василий Васильевич (ум. 1743), полковник Полтавский в 1727—1743 гг. [44, 94а].

7. Семен Васильевич (1729—1779), Малороссийский генеральный обозный (главный начальник артиллерии). После ликвидации гетманства — генерал-майор, член Малороссийской коллегии. Впоследствии получил чин тайного советника [44, 94а].

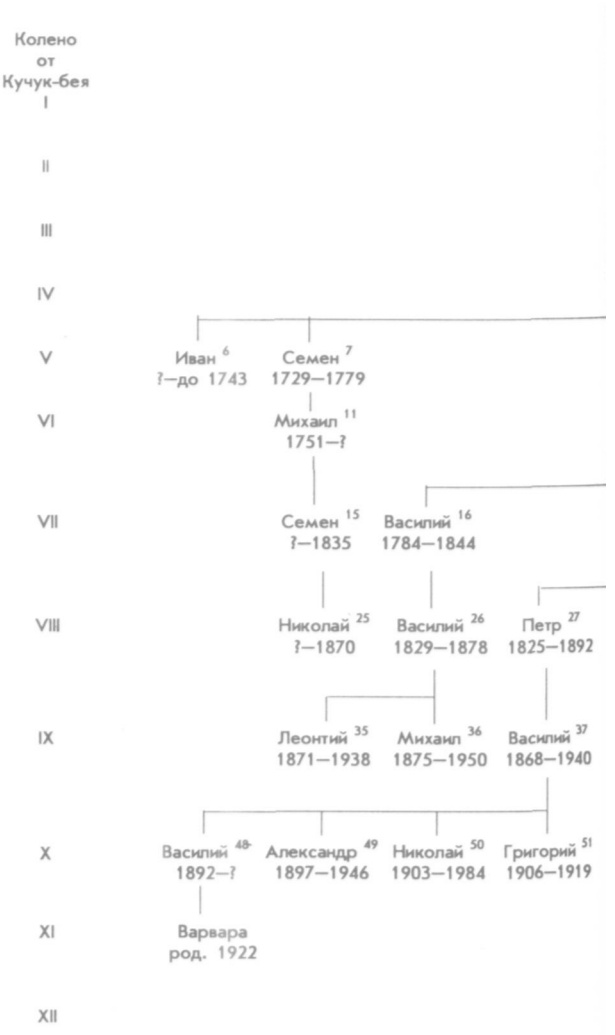
8. Василий Васильевич (ум. 1792), Глуховский подкоморий и предводитель дворянства, статский советник (1790) [94а].

9. Павел Васильевич (ум. 1786), бунчуковый товарищ (1759), Полтавский подкоморий (1766—1772), статский советник, председатель Гражданской палаты Екатеринославского наместничества [94а].

11. Михаил Семенович (1751—?), подполковник (1788—1791) [94а].

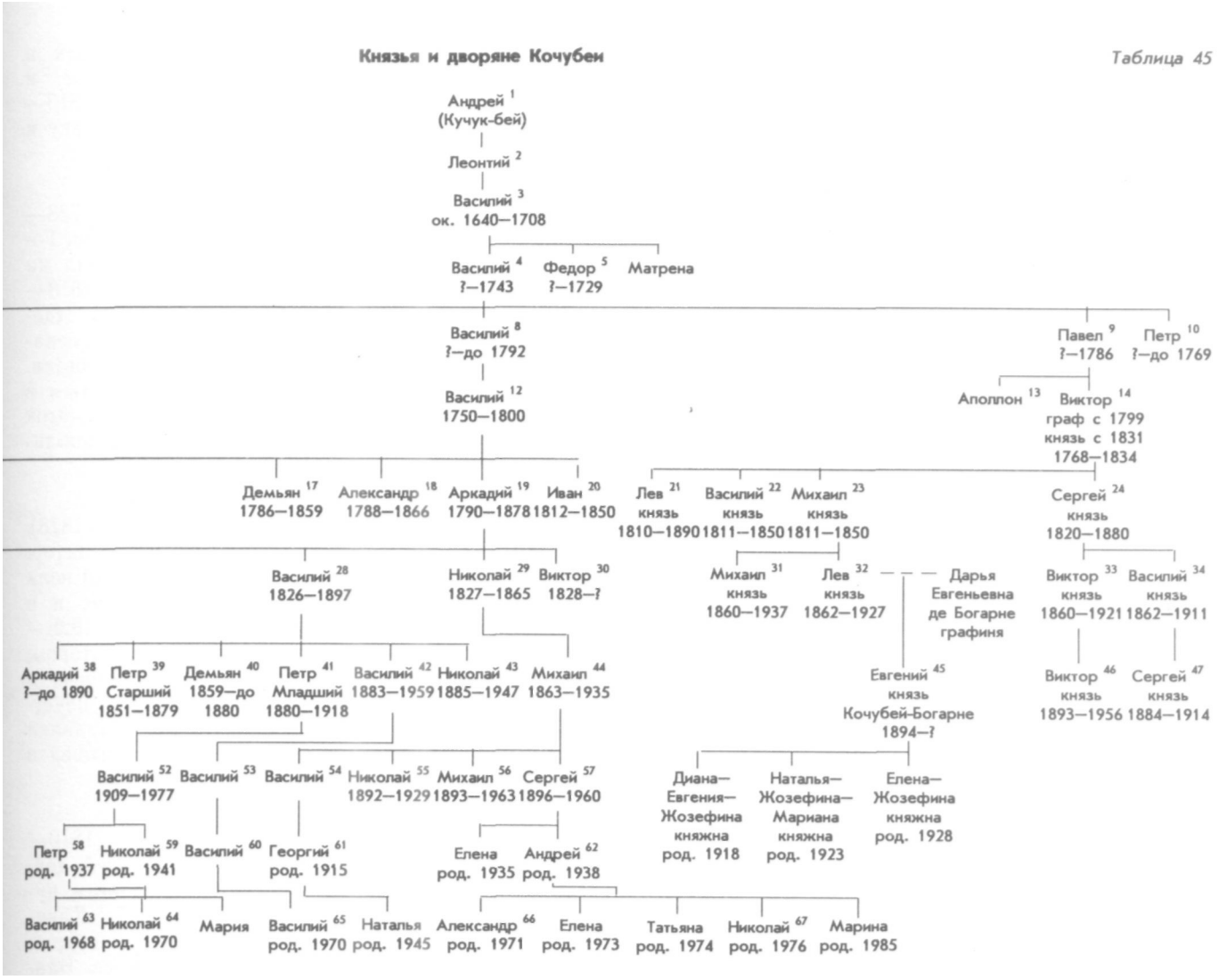
12. Василий Васильевич (1750—1800), участник русско-турецких войн (1769—1772), секунд-майор, затем надворный советник, Глуховский поветовый маршалок (предводитель дворянства) [94а].

13. Аполлон Павлович, действительный камергер (1805) [44, 94а].





Князь Виктор Павлович Кочубей.



Герб дворян Кочубеев внесен в «Общий Гербовник», часть III, под № 49 [104].

14. Виктор Павлович (1768—1834), граф с 1799, князь с 1831 г., русский государственный деятель. С 8 лет записан в гвардию капралом. С юности предназначенный своим дядей по матери, князем А. А. Безбородко, к дипломатической службе, был прикомандирован сначала к Швейцарской, потом к Лондонской миссии, во главе которой стоял граф С. Р. Воронцов. В возрасте 24 лет был направлен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь, где успел приобрести доверие султана Селима III, доставив этим выгоды российской торговле в Греции и смежных с нею восточных странах. Павел I в 1797 г. назначил его членом Коллегии иностранных дел, а в следующем году — вице-канцлером; в этом звании он принимал участие в подготовке договоров и союзов, заключенных с Неаполем и Англией против Франции. Именным Высочайшим указом от 4 апреля 1799 г. Павел I возвел его с нисходящим потомством в графское Российской Империи достоинство. Александр I назначил Виктора Павловича сенатором (1801), а затем и членом Государственного Совета. При учреждении министерств ему было поручено Ми-



Княгиня Мария Васильевна Кочубей (1779—1844), супруга князя В. П. Кочубея.



Герб князей Кочубеев.

Щит, рассеченный на четыре части. В первой и четвертой повторяется герб дворян Кочубеев: в голубом поле пламенеющее или окровавленное сердце с двумя в нем золотыми равноконечными крестами. Вторая часть заключает старинный родовой герб Кочубеев, который употребили они раньше Петра I: в красном поле золотой полумесяц, сопровождаемый такою же звездою о шести лучах, и во главе щита с двумя золотыми же равноконечными крестами (греческими). В третьей части, в красном поле, два серебряных распущенных орлиных крыла, над ними золотое пламя, а под ними золотая пчела, летящая вверх. В малом щитке, в середине пересечений главного щита, в золотом поле, государственный Императорский орел, имеющий на груди в красном поле вензель Императора Николая I. На гербе графская корона, и над нею три дворянских шлема: на правом — дворянская корона, увенчанная двумя распущенными, поднятыми вверх крыльями. Над шлемом в середине графская корона, и из нея возникающий государственный орел, с вензелем Петра I. На левом шлеме в нашлемнике рука с саблею. Щитодержатели: стоящий лев, держащий в лапе буздыхан, и малороссийский казак, опоясанный саблею и держащий хоругвь с изображением, в черном поле, опущенного золотого меча между двумя золотыми полумесяцами. Девиз: «Elevor ubi consumor». Намет голубой и красный подложен золотом. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

нистерство внутренних дел, которым он управлял до 1812 г., а затем вновь с 1819 по 1825 г. Николай I назначил его председателем Государственного Совета и Комитета министров (1827) и 6 декабря 1831 г. возвел его с нисходящим потомством в княжеское Российской Империи достоинство. Отличительными чертами князя были необыкновенный ум и уклончивость [8, 126, 154].

Герб князей Кочубеев внесен в «Общий Гербовник», часть X, под № 4 [104].

15. Семен Михайлович (ум. 1835), действительный статский советник [44].

16. Василий Васильевич (1784—1844), тайный советник. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813—1814 гг. [44, 94а].

17. Демьян Васильевич (1787—1859), действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор. В 1812 г. поступил ротмистром в Гродненский гусарский полк и принял участие в Отечественной войне и Заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. В чине полковника вышел в отставку и поступил на гражданскую службу [126].

18. Александр Васильевич (1788—1866), действительный тайный советник, член Государственного Совета. В 1802 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел, в 1818—1831 гг. был обер-прокурором в различных отделениях 3-го департамента Сената, затем сенатором и с 1845 г. членом Государственного Совета. Будучи человеком твердым и непоколебимым в своих принципах, он в частной жизни был мягок и уступчив. После него осталась большая библиотека [126].

19. Аркадий Васильевич (1790—1878), действительный тайный советник, сенатор. В 1812 г. поступил в Гродненский гусарский полк и принял участие в Отечественной войне и в Заграничных походах русской армии. В 1828—1830 гг. был Киевским вице-губернатором, в 1830—1837 гг. — Орловским губернатором, а в 1842 г. назначен сенатором, в 1847 г. — почетным опекуном и более двадцати лет управлял больницей Всех Скорбящих. В 1868 г. вышел в отставку [126].

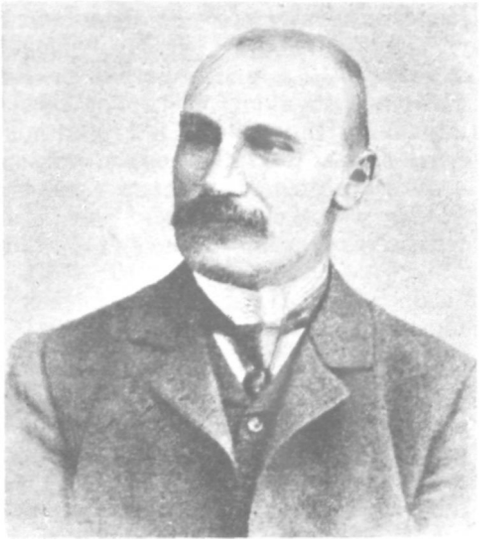
21. Князь Лев Викторович (1810—1890), при крещении получил имя *Тимофей,* действительный статский советник, археолог и нумизмат. В 1828 г. поступил корнетом в Кавалергардский полк. За отличие при штурме Варшавы в 1831 г. награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1837 г. вышел в отставку в чине полковника. С 1853 по 1859 г. был Полтавским губернским предводителем дворянства, с 1859 г. — тайный советник [94а, 111].



Петр Аркадьевич Кочубей.



Князь Виктор Сергеевич Кочубей.



Леонтий Васильевич Кочубей.

22. Князь Василий Викторович (1811—1850), камергер, действительный статский советник, помощник попечителя Петербургского учебного округа, нумизмат. В 1827 г. поступил в Министерство иностранных дел и до выхода в отставку в 1843 г. выполнял отдельные второстепенные дипломатические поручения. В 1844 г. вновь поступил на службу. Отличаясь большой любовью к искусству, собрал богатую коллекцию картин, фарфора и древнего серебра, а также монет [94а, 126].

23. Князь Михаил Викторович (1816—1874), тайный советник (1861), Подольский губернский предводитель дворянства (1869—1874), шталмейстер (1869) [94а].

24. Князь Сергей Викторович (1820—1880), статский советник [111].

25. Николай Семенович (ум. 1870), душевнобольной, жил и умер в селе Понуровка, Стародубского уезда [94а].

27. Петр Аркадьевич (1825—1892), офицер с 1844 г., с 1881 г. — действительный статский советник, с 1890 г. — тайный советник, председатель Императорского Русского технического общества (1882), почетный член Императорской Академии наук (1882) [94а].

28. Василий Аркадьевич (1826—1897), окончил Училище правоведения, статский советник, камергер, почетный мировой судья Кровелецкого и Глуховского уездов (1891), Кровелецкий уездный предводитель дворянства [94а].

29. Николай Аркадьевич (1827—1865), секретарь при русском посольстве в Константинополе [94а].

31. Князь Михаил Михайлович (1860—1937), умер в эмиграции. В 1929 г. усыновил *Фулько Луи Эрнеста де Байарделя де Ларейта графа де Толозана,* именовавшегося затем **графом** де **Толозан-Кочубей** (род. 1895). У последнего от брака с *Зинаидой Демидовой* было двое детей: сын *Пьер Жан* (род. 1922) и дочь *Консолиша Луиза* (род. 1925), которые в родословную схему не включены [163].

32. Князь Лев Михайлович (1862—1927), офицер русской армии. Умер в эмиграции. Был женат на графине *Дарье Евгеньевне де Богарне* (род. 1870), дочери князя Евгения Максимилиановича Романовского Герцога Лейхтенбергского от морганатического брака [163].

33. Князь Виктор Сергеевич (1860—1923), генерал-лейтенант, начальник Главного управления уделов. Умер в эмиграции. Был женат на княжне *Елене Константиновне Белосельской-Белозерской* [163].

35. Леонтий Васильевич (1871 — 1938), член 3-й Государственной думы [94а].

36. Михаил Васильевич (1875—1950), Борзенский уездный предводитель дворянства (1909) [94а].

37. Василий Петрович (1868—1940), камер-юнкер, Глуховской уездный предводитель дворянства [94а].

41. Петр Васильевич Младший (1880—1918), Гадячский уездный предводитель дворянства (1904), камер-юнкер (1905) [94а]. Убит в Киеве красноармейцами на глазах семьи. Его потомки живут в Замбии, где содержат крокодилью ферму. [В. Збарацкий. Богат и славен Кочубей. Журнал «Эхо планеты», 1991, № 4.]

42. Василий Васильевич (1883—1959), почетный мировой судья Гадячского и Пирятинского округов, с 1906 г. — Пирятинский уездный предводитель дворянства, камер-юнкер (1908) [94а].

44. Михаил Николаевич (1863—1935), Козельский уездный предводитель дворянства [94а].

45. Князь Василий Львович (1894—?) Кочубей-Богарне, оставил только женское потомство в лице трех дочерей [163].

Светлейшие князья Ливен

Ливен * — княжеский и баронский род, происходящий из Прибалтики, одного герба и, возможно, происхождения с Унгерн-Штернбергами. По неподтвержденной легенде родоначальником его был *Каупо (Каупе, Куббе),* старейшина племени ливов, одним из первых принявший христианство в Лифляндии после проповеди Мейнгарда (1186). В 1202 г. Каупо был послан от рижского епископа Альберта Буксгевдена в Авиньон послом к папе римскому Целестину III, принявшему его с большим почетом и якобы тогда же давшему Каупо фамилию *Ливе* (то есть *лив)* и герб: в красном поле три золотые лилии и семь золотых звезд [126, 154, 158].

Первым документально упомянутым лицом из этого рода был живший в 1269 г. в Риге *Герардус Ливо.* Родословное древо начинается с *Иоханна Ливе* (ум. 1501), который еще в 1489 г. владел землями в Эстляндии и был убит в битве с русскими под г. Островом. В XVI в. из этой фамилии было двое ландратов Эстляндии: *Генрих* и *Рейнгольд* (ум. 1604). Сын последнего, тоже *Рейнгольд,* был шведским генерал-майором и занимал пост Эзельского губернатора. В 1658 г. он, его брат *Берендс-Отто,* тоже генерал-майор, их родственник *Георг* были возведены Шведской Королевой Христиной в баронское достоинство. Сын барона Рейнгольда, барон *Берендс-Отто Ливен* (1651—1703), был шведским губернатором крепости Висмар в Мекленбурге с чином полного генерала [126, 154, 158].

Многочисленный род Ливен разделился на несколько ветвей. Представители курляндской ветви рода перешли на службу России в начале XVIII в. Родословное древо княжеской ветви рода приведено в таблице 46 [158].

Из них наиболее известны:

9. Барон Отто-Генрих-Андреас фон Ливен (1726—1781), генерал-майор русской службы. Был женат на *Шарлотте Карловне,* урожденной баронессе фон Гаугребен (1743—1828). После смерти мужа она была назначена воспитательницей Великих княжон, дочерей Императора Павла I, а впоследствии и Великих князей Николая (будущего Императора Николая I) и Михаила Павловичей. В 1795 г. получила звание статс-дамы. В 1799 г. она с нисходящим своим потомством была возведена в графское, а в 1826 г. — в княжеское Российской Империи достоинство с титулом Светлости [111, 126, 154].

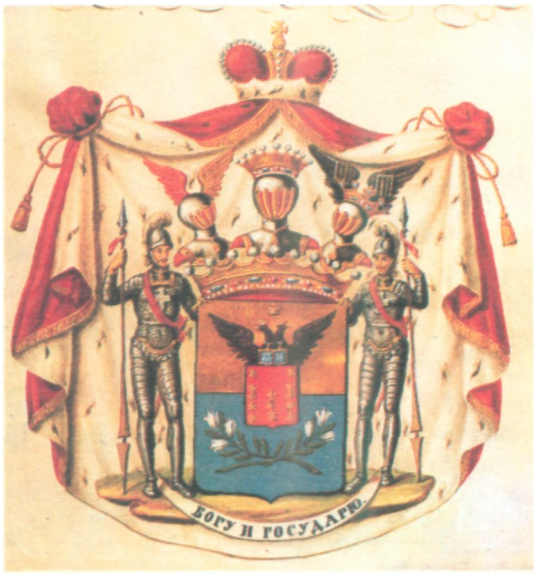
Герб Светлейших князей Ливен внесен в «Общий Гербовник», часть X, под № 2 [104].

10. Светлейший князь Карл-Христофор (Карл Андреевич) (1764—1844), генерал-от-инфантерии, член Государственного Совета. Принял участие в шведской войне 1789—1791 гг. При Павле I был военным губернатором в Архангельске. В 1819 г. после продолжительной отставки назначен куратором Дерптского учебного округа, а в 1828—1833 гг. был министром народного просвещения [154].

12. Светлейший князь Христофор-Генрих (Христофор Андреевич) (1774—1839), генерал-адъютант Павла I, был близок к Александру I. С 1809 г. был послом в Берлине, а с 1812 г. — в Лондоне. С 1834 г. член Государственного Совета и попечитель Наследника Цесаревича. Умер в Риме [154].

Светлейшая княгиня Дарья Христофоровна (1783—1857), жена предыдущего. Сестра графа А. Х. Бенкендорфа, Шефа корпуса жандармов при Императоре Николае I. Стала известна благодаря своему салону в Петербурге, а затем в Лондоне и Париже [154].

* В статье, написанной П. Х. Гребельским и М. Ю. Катин-Ярцевым, рассмотрена княжеская ветвь рода Ливен. Сведения о баронах Ливен помещены в томе 6 настоящего издания.



Герб Светлейших князей Ливен.

Щит рассечен на две части. В верхней части, в золотом поле, государственный орел, на груди которого вензелн Императоров Павла I и Николая I. В нижней части, в лазоревом поле, наложенные накрест две ветви лилий, каждая с тремя цветками. В малом щитке родовой герб фамилии. Щит увенчан золотою графскою короною с девятью перьями. Над короной три дворянских шлема, из которых средний снабжен еще графскою короною. Боковые же нашлемники — общие с баронским гербом. Щитодержатели два рыцаря с белым крестом на панцире, с червленою перевязью через плечо и с копьем в свободной руке. Девиз: *«Богу и государю»*. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.



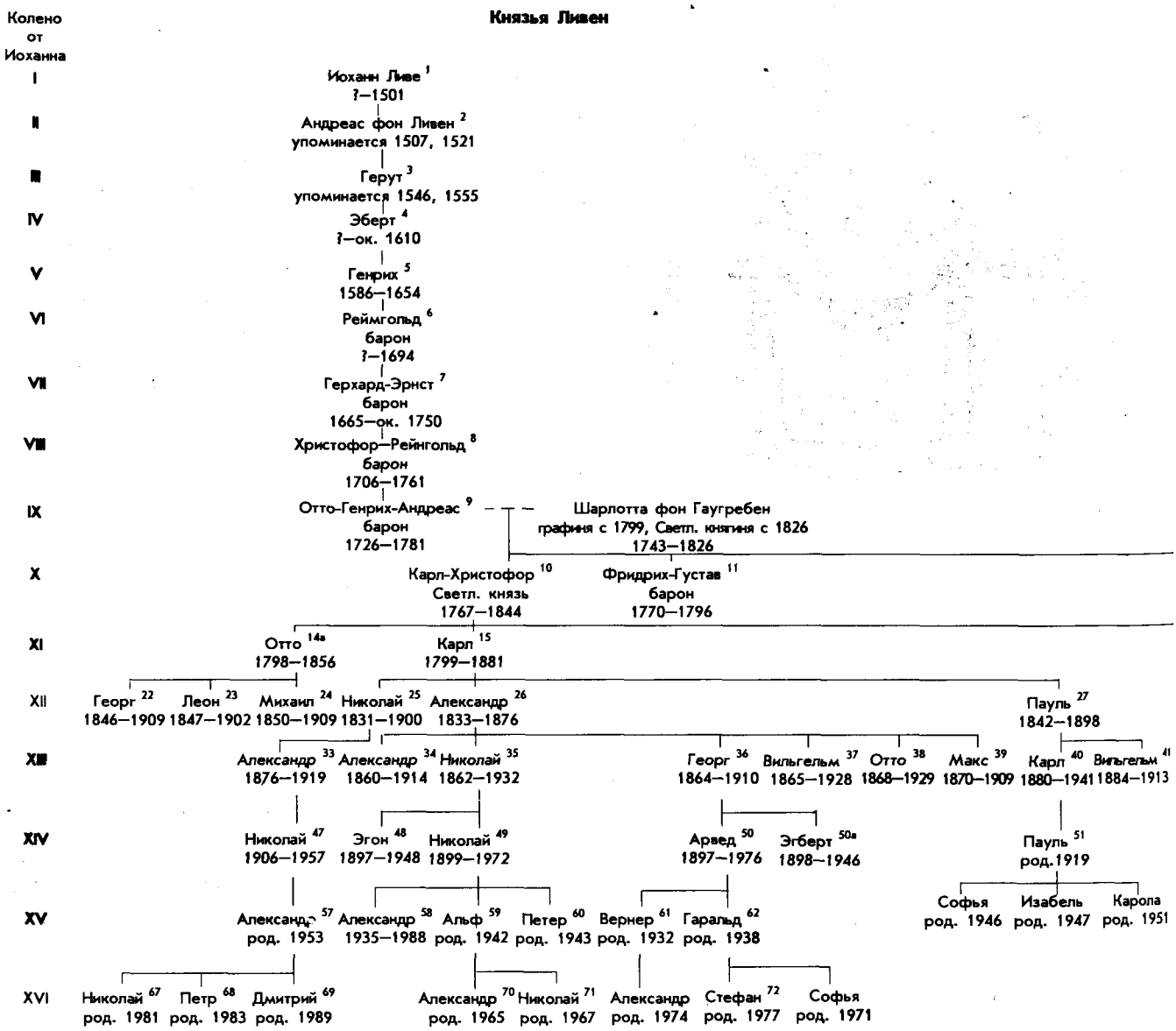
Светлейшая княгиня
Дарья Христофоровна фон Ливен.



Светлейшая княгиня Шарлотта Карловна фон Ливен.



Светлейший князь Христофор-Генрих
(Христофор Андреевич) фон Ливен.



13. Светлейший князь Иоханн-Георг (Иван Андреевич) (1775—1848), генерал-лейтенант, владелец имения Мезотен в Курляндии, а также поместий в Лифляндской, Нижегородской, Ковенской и Ярославской губерниях [154, 158].

14. Светлейший князь Отто (Андрей) Карлович (1798—1856), поручик лейб-гвардии Конного полка. Следствием по делу декабристов установлено, что членом тайных обществ он не был. Ротмистр в 1826 г., флигель-адъютант в 1828 г., за отличие произведен в полковники, в 1832 г. назначен командиром Оренбургского полка, с 1839 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Уланского полка. С 1841 г. в отставке [159].

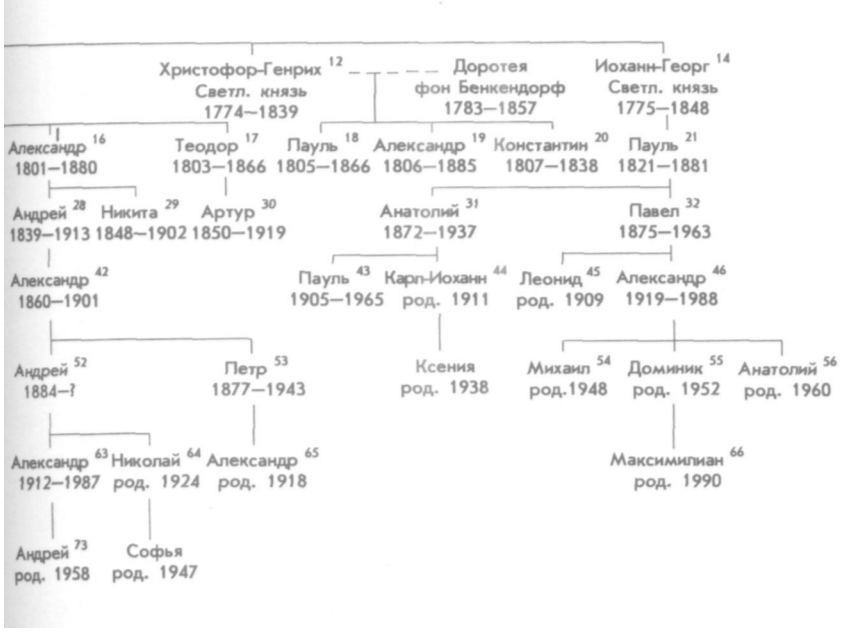
16. Светлейший князь Александр Карлович (1801 — 1880), генерал-от-инфантерии, сенатор. В 1818 г. поступил в лейб-гвардии Гренадерский полк. В 1826 г. назначен флигель-адъютантом к Императору Николаю I. Принял участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и подавлении Польского восстания в 1830—1831 гг. В 1842 г. произведен в генерал-майоры и назначен вторым комендантом Севастополя, а в 1845 г. — Таганрогским градоначальником, затем сенатором. В 1853 г. произведен в генерал-лейтенанты [35, 126].

28. Светлейший князь Андрей Александрович (1839—1913), в 1859 г. окончил физико-математический факультет Московского университета. Служил вначале по Министерству внутренних дел. Имел большой успех в обществе, женился на внучке московского полицмейстера Наталье Степановне Стрекаловой. Был Московским губернатором. С 1872 г. назначен товарищем, а в 1877—1881 гг. — министром Государственных имуществ. В конце жизни — сенатор и статс-секретарь [35, 154, 158].

Таблица 46



Светлейший князь
Александр Александрович фон Ливен.



29. Светлейший князь Никита Александрович (1848—1902), камергер, прокурор Киевского окружного суда [35, 111].

31. Светлейший князь Анатолий Павлович (1872—1937), последний владелец имения Мезотен. Камер-юнкер и ротмистр гвардии. Во время гражданской войны был командиром немецко-русского добровольческого отряда своего имени и сражался в Латвии против Красной армии. Оставил книгу мемуаров «В борьбе против большевизма» [159].

34. Светлейший князь Александр Александрович (1860—1914), вице-адмирал, начальник Морского Генерального штаба. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

Светлейшие князья и дворяне Лопухины

Лопухины * — княжеский и дворянский род, по преданию происходящий от касожского князя *Редеди* или *Редеги* — владетеля Тмутаракани, который был убит в 1022 г. в единоборстве с князем Мстиславом Владимировичем (сыном Св. равноапостольного Великого князя Владимира Святославовича, крестителя Руси). Жена князя Редедя и его два сына достались князю Мстиславу, который занял Тмутаракань [62, 75, 134]. Старший сын был крещен с именем *Юрий,* а младший — с именем *Роман.* Первый умер бездетным, а Роман Редедич женился на дочери князя Мстислава Владимировича и по старинным родословцам считается родоначальником многих древних дворянских родов ** [104].

Однако они утратили княжеский титул в связи с существовавшим в те времена правилом, не позволявшим сохранять титул на службе. Поэтому, как считает Е. П. Карнович, «...кроме Рюриковичей имели бы право на княжеский титул по своему происхождению несколько дворянских ныне существующих фамилий, происходящих от Касожского князя Редедя и греческого владетельного Князя Степана Ховры, но восстановление утраченных княжеских титулов у нас не было в обычае» [76].

Потомком Романа Редедича считается *Михаил Юрьевич Сорокоум* — боярин при Великом князе Московском Иоанне I Калите, живший в начале XIV в., он имел сына *Глеба Михайловича,* внука *Илью Глебовича,* правнука *Григория Ильича Глебова,* по прозвищу *Слепой,* и праправнука *Варфоломея Григорьевича Глебова,* у которого было два сына: *Есип,* по прозвищу *Лапоть,* ставший родоначальником Лаптевых, и *Василий,* по прозвищу *Лопуха,* ставший родоначальником Лопухиных [21, 44, 85].

Родословное древо Лопухиных от родоначальника до разделения на ветви приведено в таблице 47.

Также достоверно известно, что в XV в. в Московском государстве служили представители этого рода, хотя в первое время не достигали высших чинов [85, 92, 103, 149]. Согласно имеющимся документам, с конца XV в. Лопухины служили воеводами, дворянами московскими и жильцами при Государевом Дворе, сохраняя за собой новгородские и тверские поместья [50, 103]. Заметное положение в Российской истории Лопухины стали занимать при Царе Василии Ивановиче Шуйском и воцарении Дома Романовых, исправляя определенные должности в Боярской думе и при Дворе [21, 61], получая за службу поместья, вотчины и почести [24], в связи с чем к концу XVII в. вошли в число наиболее состоятельных дворянских родов.

Особому возвышению Лопухиных способствовало то, что Царица Наталья Кирилловна, ценя их давние связи с Нарышкиными, личную к ней привязанность и желая укрепить свои позиции среди стрельцов и служилого дворянства, в период правления Царевны Софьи остановила свой выбор невесты для Царя Петра Алексеевича на Евдокии Лопухиной, дочери окольничего Иллариона (в боярах Федора) Авраамовича [25, 29, 50, 81].

За время существования Боярской думы из. Лопухиных было 5 бояр, 6 окольничих, 3 думных дворянина. Лопухины дали Отечеству 7 воевод, 13 генералов, 2 адмиралов [61, 85, 166, 167].

В 1799 г. указом Императора Павла I действительный тайный советник, министр юстиции и генерал-прокурор *Петр Васильевич Лопухин* был возведен с нисходящим его потомством в княжеское Российской Империи достоинство с титулом Светлости. В 1880 г. в связи с пресечением в 1873 г. прямого мужского потомства Светлейшего князя П. В. Лопухина указом Императора Александра II титул Светлейшего князя был передан внуку Светлейшей княжны *Екатерины Петровны* Н. П. Демидову, с тем чтобы только старшему в его роде впредь именоваться Светлейшим князем Лопухиным-Демидовым [86, 104].

Революция 1917 г. для рода Лопухиных, как и для всего российского дворянства, явилась трагическим событием. Многие представители рода участвовали в Белом движении и погибли в пламени гражданской войны и в годы репрессий, перенесли тяготы лагерей и ссылок. Подверглись разрушению десятки созданных при участии Лопухиных храмов, усадеб, утрачено множество художественных ценностей и исторических документов. Пресеклось шесть ветвей рода. Ныне Лопухины живут во Франции, США, Канаде, Великобритании, Перу [86, 89, 90, 166].

* Автор-составитель статьи П. Х. Гребельский признателен вице-предводителю Российского Дворянского собрания *Вадиму Олеговичу Лопухину* за любезно предоставленные материалы и помощь в составлении родословного древа и биографии представителей рода.

** Несмотря на подлинность относимого к 1022 г. единоборства князей Редедя и Мстислава, отраженного в Летописях, как и у большинства российских дворянских родов, у Лопухиных первые колена родословия от князя Редедя имеют элементы легенды. Но, по мнению Л. М. Савелова, «...доказать неверность легенды бывает очень трудно, в большинстве случаев подрывается лишь доверие к ней, а случаев доказательного опровержения легенд мы знаем весьма немного». Так или иначе, но представители этой фамилии уже в XIV—XV вв. в Великом Новгороде владели поместьями.

В России остались представители лишь одной из ветвей.

Из Светлейших князей и дворян Лопухиных, потомков Новгородского посадника Якова Алферьевича (№ 26 по таблице 47), внесенных в таблицу 48, наиболее известны:

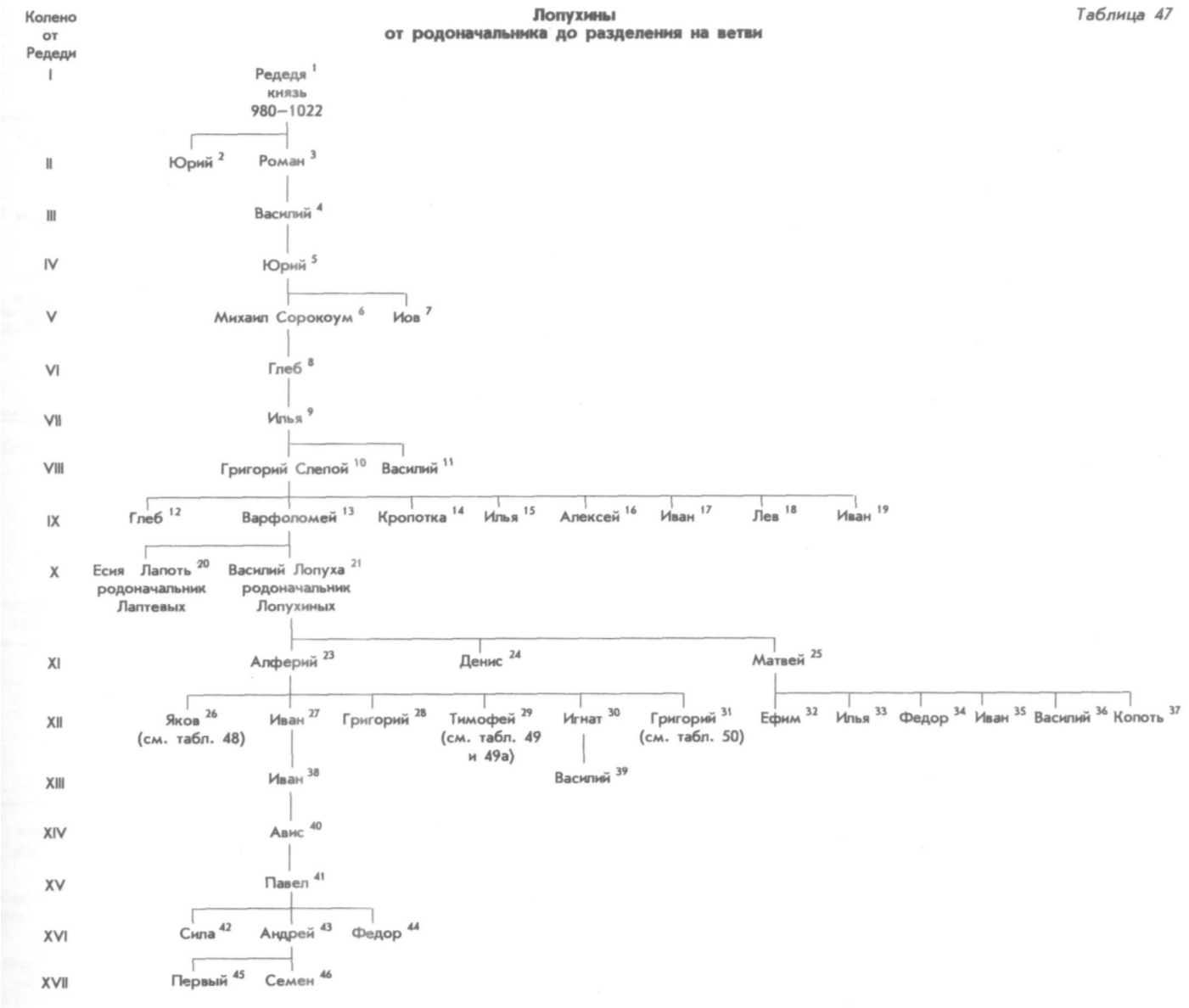
6. Никита Васильевич, жил в конце XVI в., стрелецкий голова при царе Федоре Иоанновиче; в 1610—1614 гг. воевода во Владимире; в 1615 г. воевода в Боровске [12, 38, 78, 149].

11. Авраам Никитич (ум. 1687). В 1640 г. — московский дворянин. В 1645—1647 гг. — воевода в Лихвине, в 1648 г. — голова московских стрельцов. В 1655 г. вместе с другим стрелецким головой Логином Оничковым прославился упорной защитой Могилева от поляков. В день бракосочетания Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной А. Н. Лопухин занимал почетное гостевое место и в 1670 г. был дворецким при Царице. В 1672. г. пожалован в думные дворяне, участвовал в посольстве в Константинополь. При Царе Федоре Алексеевиче участвовал в работе Собора, уничтожившего местничество (1682), и подписался на акте. За несколько лет до кончины принял монашеский постриг и схиму в Троице-Сергиевой обители (ныне лавра), где скончался и был погребен [11, 24, 61, 149].

17. Илларион Дмитриевич (ум. 1671), начал служить при Царе Василии Ивановиче Шуйском, проявил храбрость и мужество во время знаменитой осады Москвы польско-литовскими войсками, за что был пожалован вотчиной. При Царе Михаиле Федоровиче был московским дворянином и послом в Венгрии (1630) и в Турции (1633). Государем Алексеем Михайловичем в

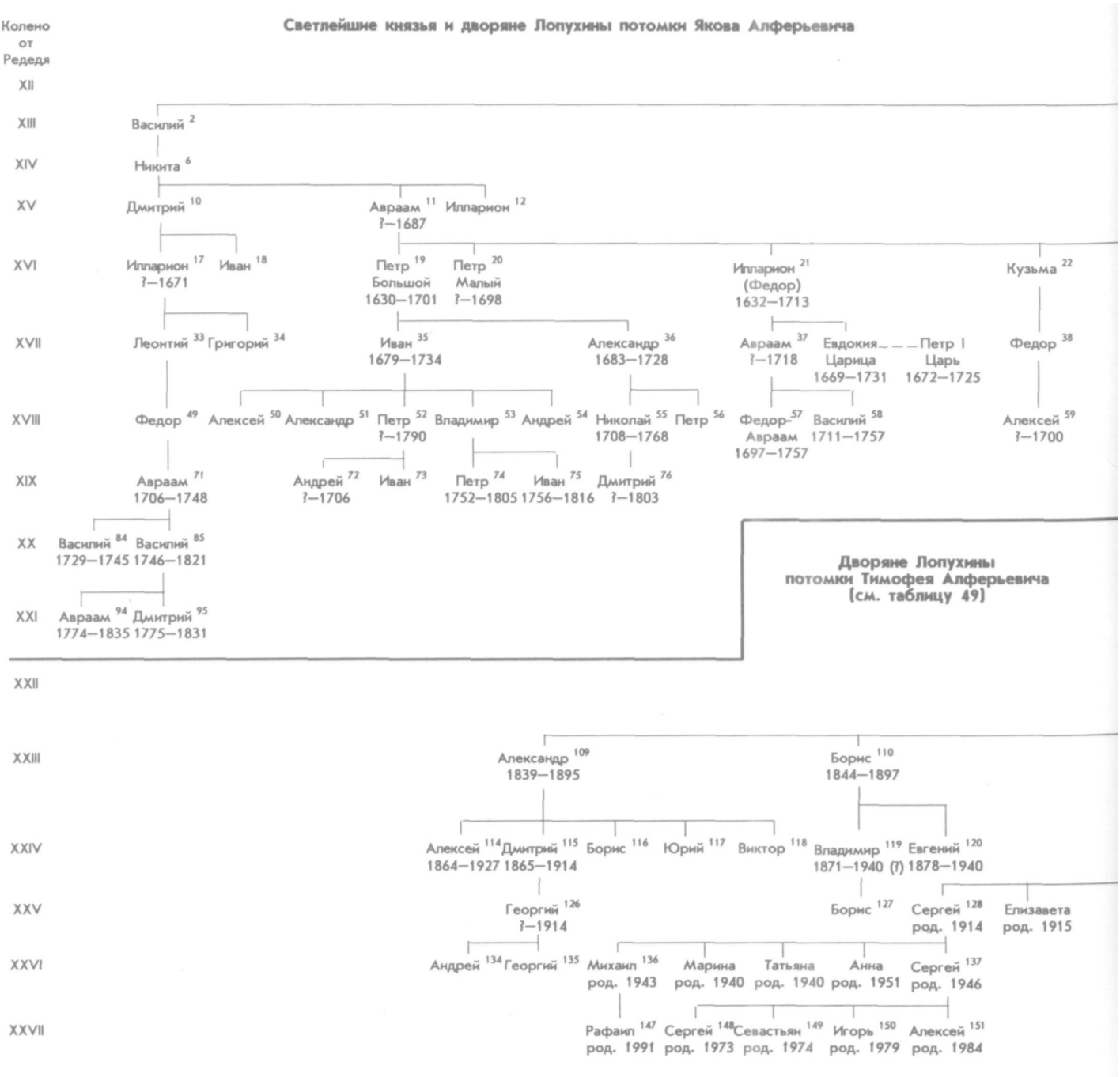
Таблица 47

Лопухины
от родоначальника до разделения на ветви



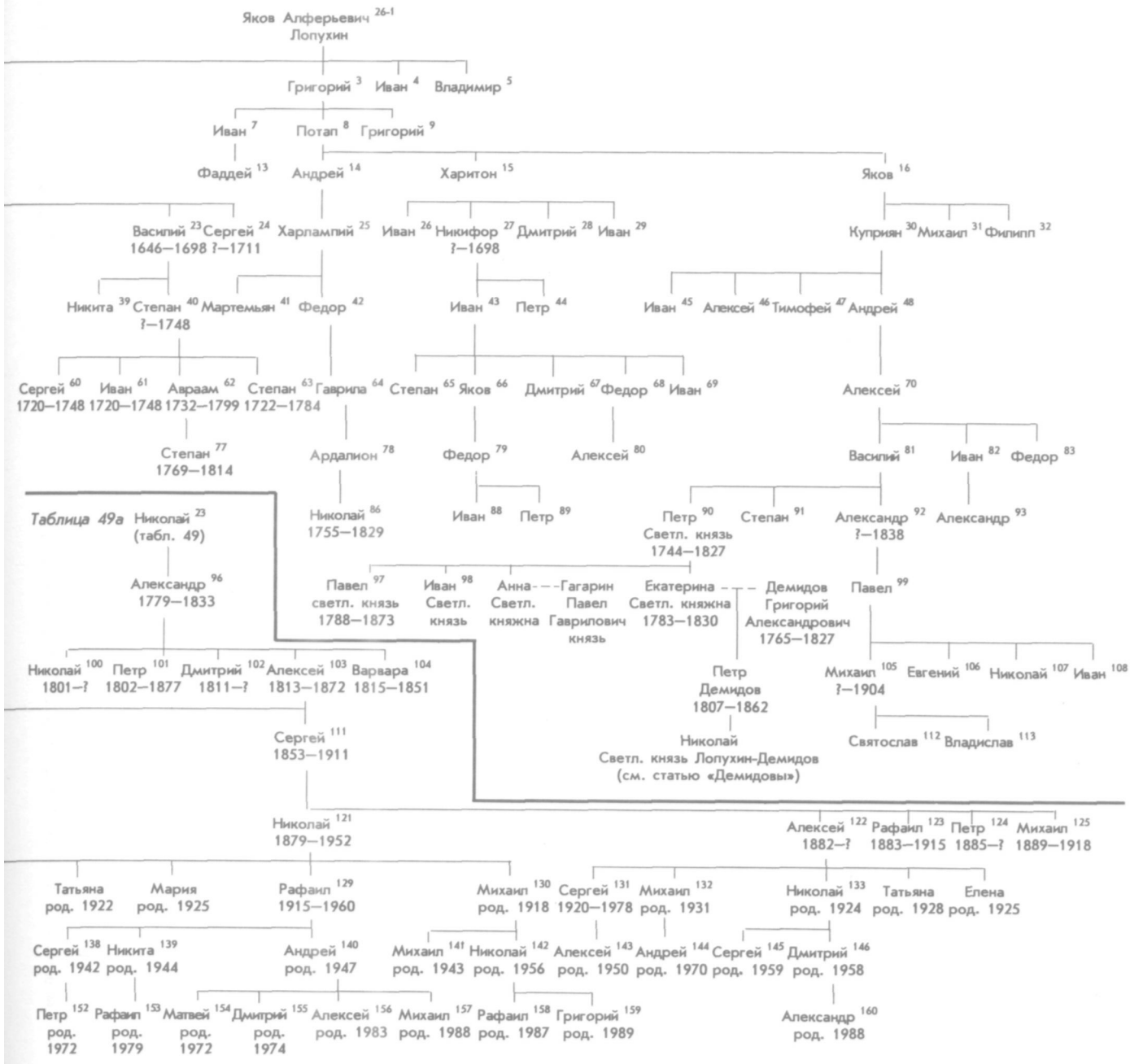
1649 г. был определен в Посольский приказ и в 1651 г. послан на переговоры к гетману Б. Хмельницкому с государевыми дарами. В 1653 г. назначен ведать Посольским приказом, разрабатывал и участвовал в подписании договора о воссоединении Украины и России. В 1654—1656 гг. в свите Государя «славно и храбро участвовал в походах на Литву и Польшу» и успешно вел переговоры с ними о мире, был послом в Полоцке на переговорах с послами Священной Римской Империи. В 1667 г. становится думным дворянином и вторым судьей приказа Казанского Дворца. Как написано на его погребальном камне, «Скончался сей препочтенный, трудолюбивый и справедливый муж, верный Монарху слуга и патриот, думный дворянин Илларион Дмитриевич Лопухин в 1671 г.» [18, 24, 38, 65, 78, 85].

19. Петр Авраамович Большой (1630—1701), боярин (1689). Стряпчий с 1654 г. В 1654—1656 гг. в составе Свиты Царя Алексея Михайловича участвовал в воинских походах на Польшу и Литву, за проявленную храбрость и доблесть по Указу пожалован многими вотчинами. В 1670 г. направляется стрелецким головой в Астрахань. В 1675 г. возглавляет поход в Курск. В 1682 г., будучи стрелецким полковником и стольником (с 1672), по обвинению в участии в стрелецком бунте был сослан в Кольский острог, но по требованию стрельцов возвращен с пути и



направлен в свои ярославские вотчины [25], однако уже в сентябре того же года в прежнем звании со своим полком одним из первых встает на защиту Царей Иоанна V и Петра I Алексеевичей во время мятежа князя Хованского и сопровождает их в известных переездах из Саввинского монастыря в Коломенское, Воздвиженское и Троице-Сергиеву лавру, и «за мужество, верную службу и усердное радение» пожалован новыми вотчинами. В 1689 г. становится окольничим и вновь, во время заговора Царевны Софьи и бегства Царя Петра I с семьей в Троице-Сергиеву лавру, первым со своим войском приходит на защиту его и своей племянницы Царицы Евдокии. В 1694 г. является одним из руководителей Кожуховского похода. Однако в 1695 г. неизвестно за что навлек на себя гнев царя Петра I и был лично им подвергнут пытке и сослан в свои деревни. Скончался «сей знаменитейший муж и верный Монархам слуга в старости маститой в 1701 г. и погребен в Московском Спасо-Андрониковом монастыре» [24], в Архангельском соборе, являвшемся на протяжении нескольких столетий родовой усыпальницей Лопухиных. Этот храм был возведен в конце XVII в. на средства Царицы Евдокии Федоровны и других Лопухиных. В одном из переулков у Покровских ворот сохранилась часть некогда громадной усадьбы боярина Петра Авраамовича Большого; ныне там располагается Московская организация художников [18, 24, 38, 48, 108, 114].

Таблица 48





Царица Евдокия Федоровна,
первая супруга Царя Петра I.

20. Петр Авраамович Меньшой (ум. 1698), боярин (1690). Начал службу в 1658 г. стольником, затем стрелецкий голова и полковник, в 1678—1680 гг. — начальник Рейтарского приказа, близок в ту пору к партии Нарышкиных. Однако в 1683 г., после стрелецкого бунта, сослан с женой в Сибирь, но по требованию стрельцов возвращен с дороги и восстановлен в правах и должности. В 1688 г. становится окольничим и получает в свое ведение сначала Ямской приказ, а затем и приказ Каменных дел. В 1690 г. возведен в сан боярина и назначается начальником приказа Большого Дворца и дворцового Судного приказа. В 1698 г. Царю Петру I была подана челобитная от архангельских священников, просивших защитить Соборную Церковь от боярина Петра Лопухина, который «убивает до смерти ее крестьян, а суда на него нет». В связи с этим боярин Петр Авраамович Меньшой был подвергнут пытке, во время которой и скончался [24, 25, 38, 61, 85].

21. Илларион (в боярах Федор) Авраамович (1638—1713) — боярин. Начал придворную службу при Царе Алексее Михайловиче стряпчим в 1658 г., затем стал стрелецким головой и полковником. В 1682 г. был направлен воеводой в Верхотурье в звании стольника, по возвращении пожалован в окольничие. В 1689 г. в связи с объявлением его дочери Евдокии Царской невестой был возведен в сан боярина, а после заключения брачного союза становится ближним боярином. Однако в 1697 г. после открытия заговора Соковнина, Циклера и Пушкина тень подозрения пала и на родственников Царицы Евдокии Федоровны, и, хотя их вина не была доказана, многие из них были удалены из Москвы, а ближний боярин Федор Авраамович был послан воеводой в Тотьму. Сколько он там пробыл, неизвестно. В списке 1705 г. он показан в числе бояр, живущих в своих деревнях. Погребен в Москве в Спасо-Андроникове монастыре [18, 81, 85, 111].

В Москве также осталась уникальная городская усадьба на Малой Знаменке (близ Музея изящных искусств им. А. С. Пушкина), представляющая собой боярские палаты XVII в. с более поздней частичной реконструкцией. Во время коронации Императрицы Екатерины II эта усадьба вместе с двумя соседними была соединена в единый дворцовый комплекс, в котором останавливалась Императрица и ее Свита. В Ясеневе сохранилась прекрасная загородная усадьба Лопухиных с известным храмом в честь Петра и Павла [114, 115].

В Калужской губернии память о боярине Федоре хранят Георгиевский монастырь, попечителем которого он был, храмы в Мещевске и Козельске, несколько усадеб [92].

Евдокия Федоровна (1669—1731), Царица, первая жена Царя Петра I. Венчание состоялось 27 января 1689 г. Это был последний в истории России брак Государя с соотечественницей. Евдокия была выбрана в невесты Петру его матерью, Царицей Натальей Кирилловной, без согласования с женихом, ввиду давних связей Нарышкиных с Лопухиными и в надежде на помощь с их стороны в укреплении положения Петра в качестве единовластного Государя [24, 51].

Первые годы супружества были относительно спокойными. В феврале 1690 г. родился Царевич Алексей, а через год — Александр, который скончался в возрасте 1 года [134]. Существует несколько версий о причинах неудачной семейной жизни молодых супругов. Традиционная точка зрения опирается на бытующее мнение о том, что Евдокия не могла понять и принять устремлений Петра к реорганизации России, которые сформировались, кстати, гораздо позднее. Более обоснованным представляется мнение известного историка Н. М. Костомарова, который считает, что охлаждение в семейных отношениях произошло по куда более прозаической причине — из-за устроенной Лефортом связи Царя с его предыдущей фавориткой Анной Монс с целью укрепить свое влияние на молодого Государя и способствовать реализации интересов иноземцев в России. Царь Петр всей душой привязался к Анне Монс, которая в конечном счете предала его с легкостью, традиционной для куртизанки. «На такую-то женщину променял Петр свою законную жену, Царицу Евдокию, мать Наследника Престола Царевича Алексея» [81]. Письма свидетельствуют о том, что Царица тяжело переживала эту перемену, жаловалась своим родным, а те выражали неудовольствие поступками Петра. До Петра доходили эти жалобы, но около 4 лет Лопухиных не трогали. В 1697 г., перед поездкой Царя за границу, в связи с открытием заговора Соковнина, Циклера и Пушкина был найден повод к ссылке отца Царицы и его двух братьев, бояр Сергея и Василия, воеводами подальше от Москвы — без каких-либо на то оснований. Петр боялся оппозиции в свое отсутствие и участия в ней Лопухиных, «которым не по сердцу была иноземщина, и это понятно в их положении: плодом любви Царя к иноземщине было уже то, что

Царь предпочел немку своей жене» [81]. В это же время впервые появляется идея добиться добровольного согласия Царицы на пострижение в монахини. Она отказывается, ссылаясь на малолетство сына и его нужду в ней. Однако по возвращении Петра и беседы с ним ее насильно увозят в Суздальский Покровский монастырь, где в 1698 г. постригают под именем Елены и создают весьма тяжелые условия для жизни [134]. Ее не только разлучили с сыном, но и не дозволяли с ним видеться, что впоследствии привело к необходимости тайных сношений и сыграло трагическую роль не только в их судьбе, но и в судьбе родных Царицы, приведя кого на пытку, кого в ссылку, а кого на плаху [22], лишило Россию законного престолонаследника [81].

В 1718 г. во время следствия над Царевичем Алексеем Петровичем вновь начинается следствие и по делу опальной Царицы [22]. Поэтому ей припоминают все, даже любовь, возникшую через много лет заточения к Степану Глебову, и связь с ним, за что последнего подвергли мучительной казни на колу. Добившись покаянного письма от Евдокии и не решаясь физически устранить ее, Царь Петр перевел бывшую жену под строгий надзор в Ладожский Успенский монастырь, где она жила до кончины Государя [134]. С воцарением Екатерины I Лопухину заключают в Шлиссельбургскую крепость, в одиночную камеру, со строгим и скудным содержанием, без права встреч и переписки с кем бы то ни было, не исключая и священников. Даже охрана не знала имени своей заключенной. В таких условиях Евдокия провела более двух лет, пока не была освобождена своим внуком, Императором Петром II — сыном Царевича Алексея [49]. Верховный тайный совет принял Указ о восстановлении чести и достоинства Царицы с изъятием всех порочащих документов. Ей был дан положенный Царице Двор и назначено соответствующее содержание [136]. Она поселилась в Москве, сначала в Новодевичьем монастыре в знакомых ей с детства Лопухинских палатах (Лопухинские палаты и Лопухинская башня сохранились и до сих пор носят это название), а затем переехала в Воскресенский монастырь. Царица Евдокия пережила и своих горячо любимых внуков Императора Петра II и Великую княжну Наталью Алексеевну. Воцарившаяся Государыня Анна Иоанновна относилась к ней с уважением и присутствовала на погребении Царицы Евдокии в Смоленском Соборе Новодевичьего монастыря [134, 136].

Сохранились несколько портретов Евдокии Федоровны, ее личные вещи, хранящиеся в Суздале в Покровском монастыре, многочисленные дорогие вклады во многие другие монастыри и храмы, а также возвышающийся над Спасо-Андрониковым монастырем в Москве Архангельский собор, построенный на средства ее и других Лопухиных и служивший долгое время их родовой усыпальницей [104, 108].

23. Василий Авраамович (1646—1698), боярин. Начал службу при Царе Алексее Михайловиче в 1668 г. стряпчим, в 1676 г. Царем Федором Алексеевичем пожалован в стольники, затем служил в стрельцах.

Во время мятежа 1682 г. упоминается в качестве стрелецкого полковника и «за верную службу в Москве безотлучно в это смутное время» получает Государеву благодарность и пожалование поместьями. В 1689 г. возведен в окольничие и назначается главой приказа Казанского Дворца. В 1691 г. Цари Иоанн V и Петр I Алексеевичи пожаловали его в бояре. В 1697 г. по той же причине, что и его брат — отец Царицы Евдокии, послан воеводой в Шаронду. Погребен в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре [18, 25, 38, 85].

24. Сергей Авраамович (ум. 1711), боярин. С 1671 г. служил личным стольником при Царе Иоанне V Алексеевиче, а затем в спальниках при Царе Петре I Алексеевиче. В 1692 г. возведен в сан боярина. В 1697 г., как и его старшие братья Федор и Василий, послан воеводой в Вязьму [38, 52, 61, 85].

В память о боярах Лопухиных и их близких в Москве осталось сравнительно много архитектурных памятников, некоторые из них указаны в персоналиях, среди прочих же следует отметить Лопухинские палаты и башню Новодевичьего монастыря, часть некогда прекрасного дома на месте расхождения улиц Остоженки и Пречистенки, впоследствии снесенного, а также усадьбы в Большом Вузовском и Хитровском переулках [108, 114, 115].



Наталья Федоровна Лопухина (1698—1763), урожденная Балк, супруга вице-адмирала С. В. Лопухина.



Наказание кнутом женщин.

33. Леонтий Илларионович. Начал придворную службу в 1648 г. жильцом, в 1657 г. становится стольником при Царе Алексее Михайловиче и в 1678 г. — вторым судьей в Земском приказе. В составе Свиты Царя Алексея Михайловича участвовал в походах против Польши и Литвы, проявил усердие и мужество в сражениях за Смоленск, Вильну, Брест, за что был отмечен Царским Указом и ему были пожалованы новые вотчины [19, 24, 38, 61].

36. Александр Петрович (1683—1728), двоюродный брат Царицы Евдокии Федоровны, служил у нее стольником. В дальнейшем один из первых действительных тайных советников в России [18, 61, 85, 166].

37. Авраам Федорович (ум. 1718), родной брат Царицы Евдокии Федоровны. С 1676 по 1686 г. — стольник Царицы Натальи Кирилловны. В 1689 г. — посол в Константинополе. С 1692 г. — стольник Царя Петра I. В 1697 г. послан за границу для обучения корабельному делу. По возвращении служил при Дворе. Имел тесные взаимоотношения с опальной Царицей Евдокией и Царевичем Алексеем Петровичем, поэтому не мог остаться в стороне от их трагической судьбы. Еще в 1708 г. на него поступил донос, однако Царь Петр I хода ему не дал, хотя всем было известно о влиянии Авраама Федоровича на Царевича. Когда осенью 1716 г. Царевич бежал за границу, то Лопухин, зная о месте его пребывания, ни словом не обмолвился об этом. По возвращении Царевича и в ходе следствия была выявлена определенная роль Авраама Федоровича в этом деле и в создании оппозиции реформам Петра I. Его несколько раз пытали и 19 ноября 1718 г. Сенат объявил приговор — смертная казнь колесованием. 8 декабря 1718 г. его казнили. Отрубленную голову, насадив на железный шест, поставили на каменном столбе у Съестного рынка, а тело, положенное на колесо, оставалось на месте казни до 21 марта 1719 г. [29, 44, 81, 90, 92, 166].

40. Степан Васильевич (ум. 1748) — вице-адмирал, двоюродный брат Царицы Евдокии Федоровны. Получил воспитание и образование в Лондоне. Участвовал в военных действиях. В 1742 г. направлен губернатором в Астрахань. Женился на известной красавице того времени статс-даме *Наталье Федоровне Балк*. Не принимая активного участия в политике, но и не скрывая своего неудовольствия воцарением Императрицы Елизаветы Петровны и памятуя о несчастьях, постигших его близких во время Царствования Петра I, благодаря своей жене был вовлечен в интригу, разработанную лейб-медиком Императрицы Лестоком, получившую в российской истории наименование «Лопухинское дело». Был арестован вместе с женой и старшими детьми, подвергнут пыткам и приговорен к смертной казни колесованием; в день исполнения приговора казнь была заменена урезанием языка, наказанием кнутом и вечной ссылкой в Сибирь, где он и умер, не добравшись даже до места [65, 83, 117, 135].

Наталья Федоровна (1699—1763), статс-дама Императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, жена вице-адмирала *Степана Васильевича Лопухина,* по рождению Балк. Являлась племянницей (дочерью сестры) небезызвестной возлюбленной Петра I Анны Монс. В 1748 г. все ее семейство было втянуто в придворную интригу, организованную лейб-медиком Лестоком, которая основывалась на якобы высказываемых Лопухиными сомнениях о правах на престол Елизаветы Петровны, как незаконнорожденной дочери Петра I, и надеждах на воцарение свергнутого Иоанна VI Антоновича, с родителями которого Лопухины были близки. Конечная цель Лестока заключалась в устранении от должности вице-канцлера Бестужева-Рюмина, жена брата которого также являлась участницей этого сфальсифицированного заговора. Императрица Елизавета Петровна, зная об отношениях Лопухиных с ее отцом, вполне допускала такую возможность и согласилась на организацию следствия по делу. Кроме того, еще будучи Великой княжной, Елизавета Петровна неоднократно конкурировала с Натальей Федоровной — выдающейся красавицей того времени — в нарядах, украшениях и светских придворных утехах, поэтому испытывала к ней еще и личную антипатию, хотя и оставила статс-дамой своего Двора после восшествия на Престол. После урезания языка и наказания кнутом Наталья Федоровна, ее муж

и старший сын были сосланы навечно в Сибирь. Вместе с ними был отправлен без наказания и еще один сын. При воцарении Петра III был назначен пересмотр дела, они были реабилитированы. Из ссылки в 1761 г. вернулась Наталья Федоровна с младшим сыном [74, 117, 135].

49. Федор Леонтьевич. При Царе Федоре Алексеевиче был стольником, участвовал в войне с турками и крымскими татарами в должности стрелецкого головы, проявляя храбрость и воинское умение, за что был награжден новыми вотчинами. За участие в польско-литовской войне во времена правления Царевны Софьи вновь был отмечен жалованной грамотой и новыми вотчинами. При Царе Петре I в качестве стольника и спальника участвовал в 1693 г. в Высочайшем визите в Архангельск [38, 61, 85].

53. Владимир Иванович (1705—1797), генерал-поручик. В 1717 г. поступил в Морскую Академию. С 1723 по 1729 г. — штурман военно-морской эскадры. С 1729 г. служил в сухопутной армии и участвовал в качестве командира отряда в утверждении на Польском Престоле Короля Августа II. В 1734 г. был одним из командиров в армии, осаждавшей Гданьск. В 1735 г. командовал одним из отрядов вспомогательного корпуса, направленного на помощь Римскому Императору. В 1737 г. в чине премьер-майора участвовал в штурме Очакова. В 1741 г. сражался против шведов. В 1748 г. в чине полковника со своим полком послан на помощь державам в войне против Франции. С 1755 г. — генерал-майор и обер-комендант Киева, затем Киевский генерал-губернатор. В 1762 г. в чине генерал-поручика был направлен с армией на помощь Прусскому Королю Фридриху II, который очень тепло о нем отзывался. За доблестную воинскую службу был награжден орденом св. Анны и орденом св. князя Александра Невского. Умер в Москве [24, 41, 44, 126].

57. Федор (Авраам) Авраамович (1697—1757). С молодых лет служил при Государевом Дворе. В 1742 г. во время коронации Императрицы Елизаветы Петровны был обер-церемониймейстером, потом тайным советником. Кавалер ордена св. Анны [18, 24, 44].

58. Василий Авраамович (1711—1757), генерал-аншеф. Активный участник войн с Турцией, Швецией и Пруссией. 19 августа 1757 г. во время решающей битвы между русскими и прусскими войсками (близ деревни Гросс-Егерсдорф) командовал левым флангом русской армии, который выдержал основную тяжесть сражения. В самый критический момент, когда левый фланг был смят наступлением превосходящих сил противника, израненный генерал Лопухин, пытавшийся остановить отступающих солдат, был схвачен прусскими гренадерами, что заставило русских гренадеров вернуться на прежние позиции, и они тут же отбили своего командира. Это, в конечном итоге, и решило исход битвы. Однако Лопухин в этот же день скончался от множества полученных в сражении ран. Генерал-фельдмаршал Апраксин в своем отчете о сражении писал Императрице Елизавете Петровне: «...упоминая о нем (В. А. Лопухине), не могу от слез воздержаться. Он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе прямое усердие. Тремя пулями весьма тяжело ранен, однако, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: „Гонят ли неприятеля?". И как ему то уверено было, то последние слова его были: „Теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемилостивейшей Государыне"» [24]. За воинские заслуги был награжден орденами св. Александра Невского и св. Анны. Народные песни о генерале В. А. Лопухине являются наиболее многочисленными среди песен о Семилетней войне и в дальнейшем были очень популярны в армии во время Отечественной войны 1812 г. [18, 44, 129, 149].

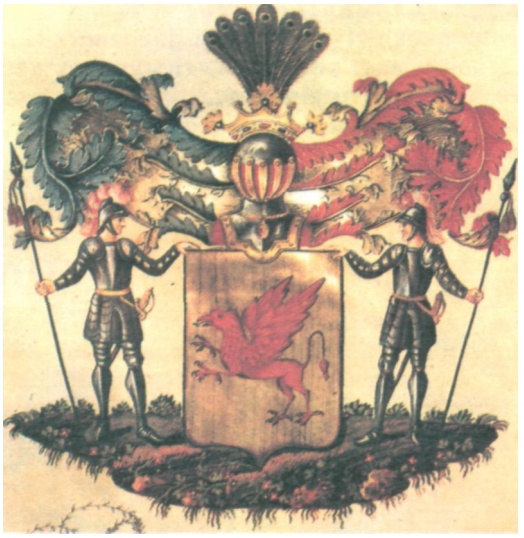
В деревне Щелканово Калужской губернии сохранилась (к сожалению, в весьма плачевном состоянии) его родовая усадьба, а также прекрасный храм Рождества Христова, завершенный строителями в год гибели.

61. Иван Степанович (ок. 1720—1748). Начал придворную службу в пажах при Императрице Анне Иоанновне, затем камер-юнкер Двора Правительницы Анны Леопольдовны и Императрицы Елизаветы Петровны, подполковник гвардии, служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Вместе с родителями по так называемому «Лопухинскому делу» пытан и после урезания языка и наказания кнутом был навечно сослан в г. Охотск; по дороге умер [44, 117, 135, 146].

62. Авраам Степанович (1732—1799), генерал-поручик. По молодости лет избежал суда и ссылки вместе с родителями. Служа в военной службе, все чины проходил по порядку. Участвовал в войнах с Турцией, в разделе Польши. В 1767 г. произведен в чин полковника. В 1772 г. за героизм и мужество в действиях против неприятеля награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В 1773 г. произведен в генерал-майоры, в 1781 г. награжден орденом св. Анны и произведен в генерал-поручики. В 1788 г. направлен генерал-губернатором в Орловское наместничество [18, 24].

63. Степан Степанович (1722—1784), был с родителями в ссылке, возвращен и оправдан вместе с матерью в 1763 г. Служил при Дворе Императрицы Екатерины II действительным камергером [18, 117].

65. Степан Иванович. В 1692 г. личный стольник Царя Петра I, затем, вероятно, служил в воинской службе. В 1719 г. по делу Царевича Алексея Петровича сослан навечно в Кольский острог, где вновь проходил по делу об оскорблении Императора Петра I. Согласно более поздним данным, был оклеветан управляющим Кольской канцелярией. Дальнейшая судьба его неизвестна [61, 73].



Герб дворян Лопухиных.

В серебряном поле обращенный вправо красный гриф. Щит увенчан дворянскою короною, и в нашлемнике семь павлиньих перьев. Щитодержатели два воина с копьями. Намет голубой и красный, подложенный серебром.

70. Алексей Андреевич, в 1692 г. личный государев стольник при Царе Петре I, затем, в 1696 г., — воевода в Шаронде [38, 61] и вновь комнатный стольник Государя до 1714 г. [24, 166].

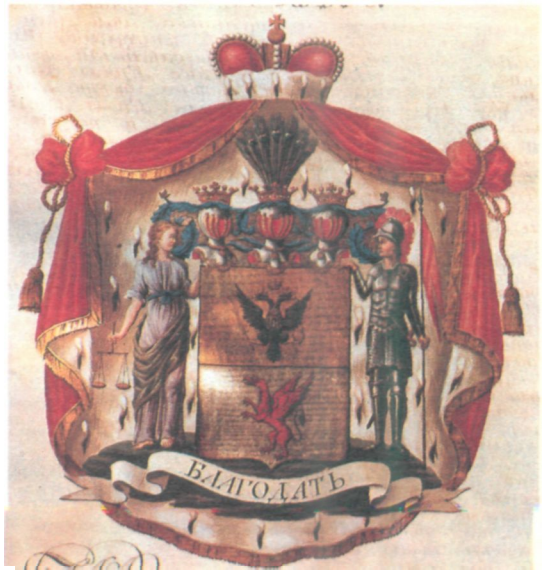
71. Авраам Федорович (1706—1748), в 1718 г. поступил на учебу в Морскую Академию, по окончании которой, дослужившись до капитана, перешел на статскую службу. В 1742 г. участвовал в коронации Императрицы Елизаветы Петровны. В 1743 г. — прокурор Московской губернии и вместе с тем прокурор Юстиц-коллегии, статский советник [18, 24].

74. Петр Владимирович (1752—1805), с 1761 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Участвовал в войнах с Турцией и «поступал, как честному, послушному и искусному офицеру надлежит», — так записано в Именном указе Императрицы Екатерины II о производстве Петра Владимировича Лопухина в армии бригадиры в 1785 г. [24, 166].

75. Иван Владимирович (1756—1816), выдающийся общественный и государственный деятель, философ, публицист, издатель, действительный тайный советник, сенатор [41, 74, 126]. Начал службу в гвардии в 1765 г., в 1782 г. произведен в чин полковника и перешел на статскую службу — советником, а затем председателем Московской губернской уголовной палаты. В 1785 г. в чине статского советника ушел в отставку [24, 44]. В судейскую практику внес взгляд на исправительное значение наказаний и боролся за их умеренное применение. С 1782 г. он становится одним из организаторов-, теоретиков и активных деятелей масонских лож — сначала в Москве, а затем и в других городах. Перевел целый ряд масонских произведений, создал типографию и издал множество прогрессивных для того времени философских, теологических и правовых произведений, в том числе и свои собственные [87, 93]. Помогает бедным, создает школы, аптеки, больницы. В это время он становится великим магистром нескольких лож. В 1792 г. начались преследования масонов со стороны правительства. Были закрыты типография и магазины, лидеры были частью арестованы и заключены в крепость, частью сосланы в деревни. Лопухину в качестве наказания определили ссылку, но, памятуя о заслугах его больного девяностолетнего отца, конфисковав значительную часть имущества, все-таки оставили в Москве под строгим гласным и негласным наблюдением. С воцарением Императора Павла I, покровительствовавшего масонам, положение радикально изменилось. И. В. Лопухина вызвали в Петербург, назначили статс-секретарем при Императоре, произвели в действительные тайные советники. Но и в сношениях с Императором он проявлял независимость и твердость в суждениях, осмеливался даже возражать. Придворная служба тяготила его, и вскоре он был назначен сенатором в Москву [63]. В своей деятельности в Сенате И. В. Лопухин продолжал придерживаться прежних гуманных взглядов. Неоднократно ему приходилось ревизовать многие губернии, оставляя своей справедливостью добрую память о себе. Особо следует отметить его деятельность по защите духоборов на Украине. Во время Отечественной войны 1812 г. по поручению Императора Александра I он занимался организацией земского войска. После завершения войны окончательно ушел в отставку [93]. Оставил прекрасные мемуары, являющиеся одним из выдающихся памятников русской словесности и философии XVIII века, а также целый ряд уникальных архитектурных ансамблей в своих имениях; наиболее знаменито из них село Саввинское, близ Москвы, где по его проекту был создан всемирно известный медитационный философский парк [64, 113, 114]. Известный историк В. О. Ключевский так охарактеризовал И. В. Лопухина: «...с умом прямым, немного жестким и даже строптивым, но мягкосердечный и человеколюбивый, с тонким нравственным чувством, отвечающим мягкому и тонкому складу его продолговатого лица, вечно сосредоточенный в работе над самим собой, он упорным упражнением умел лучшие и редкие движения человеческой души переработать в простые привычки или ежедневные потребности своего сердца» [77].

Герб дворян Лопухиных внесен в «Общий Гербовник», часть III, под № 8 [104].

76. Дмитрий Николаевич (ум. 1803), генерал-майор, затем действительный статский советник. По его заказу, с учетом его пожеланий под руководством Матвея Казакова на Большой Калужской улице был возведен прекрасный особняк в классическом стиле. Ныне, после перестройки, в нем находится Московский горный институт [44, 115, 166].



Герб Светлейших князей Лопухиных.

Щит, рассеченный надвое. В голове щита в золотом поле государственный российский орел, имеющий в щитке на груди вензель Императора Павла I. В нижней части щита — родовой герб фамилии. Щит увенчан тремя шлемами, из которых над средним (нашлемник) семь перьев страусовых. Намет голубой с серебром. Щитодержатели богиня Фемида с атрибутом (весами), слева же — воин, держащий знамя малинового цвета. Герб покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою. Девизом служит слово *«Благодать»* (русский перевод слова *«Анна»)*.



Светлейший князь
Петр Васильевич Лопухин.



Светлейшая княгиня
Екатерина Николаевна Лопухина.



Светлейшие княжны
Анна и Екатерина Петровны Лопухины.

77. Степан Авраамович (1769—1814), егермейстер при Дворе Павла I. Был женат на графине Марии Ивановне Толстой, чей всемирно известный портрет написал В. Л. Боровиковский в 1769 г. («Портрет М. И. Лопухиной») [44, 125, 166].

90. Петр Васильевич (1744—1827), Светлейший князь с 1799 г., действительный тайный советник I класса. Начал службу в 1760 г. капралом в лейб-гвардии Преображенском полку и в 1777 г. произведен в чин полковника. В 1779 г. назначается обер-полицмейстером Санкт-Петербурга, в звании армии бригадира. В 1782 г. назначен правителем Тверского наместничества в звании генерал-майора. С 1784 по 1794 г. — Московский губернатор. В 1785 г. награждается орденом св. Владимира 2-й степени. В 1791 г. произведен в чин генерал-поручика и в 1794 г. направлен генерал-губернатором одновременно в Ярославскую и Вологодскую губернии. С воцарением Императора Павла I переведен в Петербург и назначен сначала сенатором, а в 1798 г. генерал-прокурором с производством в действительные тайные советники и награждением орденом св. апостола Андрея Первозванного. 19 января 1799 г. указом Императора Павла I возведен в княжеское Российской Империи достоинство, а 22 февраля 1799 г. ему и всему роду его пожалован титул Светлейшего князя. При Императоре Александре I он становится министром юстиции (1803—1810), а затем председателем департамента Гражданских и Духовных дел Государственного Совета (1810—1816) и, наконец, с 1816 г. по свою кончину в 1827 г. — председателем Государственного Совета и Комитета министров. Был назначен председателем суда над участниками восстания в декабре 1825 г. При его участии были созданы известные архитектурные ансамбли в селе Введенском близ Москвы и в селе Лопухинка под Петербургом [24, 63, 94, 115, 147].

Герб Светлейших князей Лопухиных внесен в «Общий Гербовник», часть IV, под № 6 [104].

Анна Петровна (1777—1805)—Светлейшая княжна с 1799 г., камер-фрейлина и кавалерственная дама ордена св. Иоанна Иерусалимского (1798), дочь Светлейшего князя Петра Васильевича. В 1800 г. вышла замуж за князя Павла Гавриловича Гагарина — генерал-майора из армии А. В. Суворова. Император Павел I испытывал к ней сердечное расположение и большую симпатию, которые сохранял по самую свою кончину. По свидетельствам современников, она умела охлаждать гнев весьма вспыльчивого Государя [104, 111, 126].

Екатерина Петровна (1783—1830) — Светлейшая" княжна с 1799 г., сестра предыдущей, служила при Дворе (в супружестве Демидова). Муж Григорий Александрович — флигель-адъютант лейб-гвардии Конного полка, действительный камергер, гофмаршал, заводовладелец. Через их сына генерал-лейтенанта Петра Григорьевича их внуку Николаю Петровичу, генерал-майору, после смерти последнего Светлейшего князя Павла Петровича Лопухина, родного брата Екатерины Петровны, указом Императора Александра II было дозволено впредь называться Светлейшим князем Лопухиным-Демидовым, с тем чтобы только старший сын носил эту фамилию [18, 82, 131].



Варвара Александровна Лопухина в образе испанской монахини. Рисунок М. Ю. Лермонтова.

95. Авраам Васильевич (1774—1835). В 1794 г. капитан лейб-гвардии Преображенского полка, затем коллежский советник. Известен как популярный поэт и переводчик своего времени. Деятельно сотрудничал в современных ему изданиях «Ипокрена», «Новости», «Русская литература», «Друг просвещения», «Чтение для вкуса», «Приятное и полезное препровождение времени». Автор нескольких книг, на его стихи написаны романсы. По его заказу и при его участии знаменитый архитектор А. Григорьев в 1817—1822 гг. построил в Лопухинском переулке в Москве усадьбу, которая в настоящее время является уникальным памятником московского ампира [115, 134, 166].

96. Александр Николаевич (1779—1833), служил в кавалергардах, после выхода в отставку в 1820-х гг. был предводителем дворянства в Вязьме [116, 166]. Его отцом был Николай Никитич (№ 23 по таблице 49).

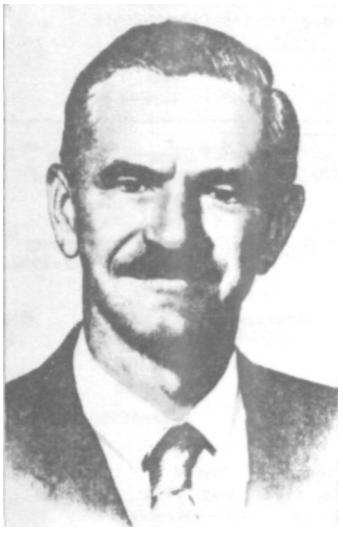
97. Павел Петрович (1788—1873) — Светлейший князь с 1799 г., флигель-адъютант Императора Павла I, обер-камергер Императора Александра I, генерал-поручик, активный участник всех войн с Наполеоном. За личный героизм и мужество в Отечественной войне 1812 г. награжден орденом св. Георгия 3-й степени. Был

организатором и одним из составителей устава тайного общества «Зеленая лампа». По предложению Пестеля вступил в тайное общество, им возглавляемое. После предварительного допроса он по Высочайшему повелению был освобожден без последствий. Известны его парадный портрет кисти К. Брюллова, а также его имение — памятник архитектуры в селе Корсунь Черкасской области. Со смертью Светлейшего князя П. П. Лопухина в 1873 г. эта ветвь рода пресеклась [85, 104]. В Санкт-Петербурге на Аптекарском острове, где в XVIII—XIX вв. располагалась усадьба Светлейших князей Лопухиных, до 1934 г. одна из основных улиц называлась Лопухинской дорогой, ныне улица академика И. П. Павлова [64, 83, 111, 126].

103. Алексей Александрович (1813—1872), действительный статский советник, камер-юнкер, близкий друг М. Ю. Лермонтова, брат Вареньки Лопухиной, предмета обожания Лермонтова [18, 23, 151].

Варвара Александровна (1815—1851), сестра предыдущего, в супружестве Бахметева, — близкий друг М. Ю. Лермонтова. Она была сердечной привязанностью, всю жизнь сопровождавшей его. Образ Вареньки Лопухиной нашел воплощение в романах «Герой нашего времени», «Вадим», ей было посвящено множество стихов, среди них: «Демон», «Измаил-бей». Сохранилось несколько ее портретов, сделанных рукой М. Ю. Лермонтова, один из которых воспроизведен в книге [18, 23].

109. Александр Алексеевич (1839—1895), действительный статский советник, камергер. По образованию юрист. В 1866 г. — мировой судья в Москве, в 1867 г. — товарищ прокурора при Московском окружном суде. В 1870-х гг. — прокурор Петербургской судебной палаты. В 1879 г. — председатель особой комиссии при Императорском посольстве в Константинополе. С 1882 г. — председатель Варшавского окружного суда [86, 151, 166].



Сергей Алексеевич Лопухин.

ПО. Борис Алексеевич (1844—1897), действительный статский советник. Выпускник юридического факультета Московского университета. Прокурор Варшавского, а затем председатель Ярославского окружного суда [19, 86, 151].

111. Сергей Алексеевич (1853—1911), сенатор. По образованию юрист. Служил товарищем прокурора в Туле, затем был назначен сенатором уголовно-кассационного департамента. Прокурор Киевской судебной палаты [63, 151, 166].

114. Алексей Александрович (1864—1927 (28?)) — действительный статский советник. Друг детства П. А. Столыпина. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1890 г. — товарищ прокурора в провинции, в 1893—1896 гг. — в Москве, с 1896 г. — Тверской прокурор, в 1898 г. — Московский, а с 1900 г. — Петербургский. В 1902 г. — прокурор Харьковской судебной палаты, затем, в этом же году, — директор департамента полиции Министерства внутренних дел России. В марте 1905 г. смещен с должности за непредотвращение убийства Великого князя Сергея Александровича и назначен Эстляндским губернатором. В 1906 г. вместе со своим зятем князем С. Д. Урусовым выступил в прессе с разоблачениями деятельности полиции, а в 1908 г. разоблачил службу в охранном отделении знаменитого провокатора Азефа, мотивируя это безнравственностью провокаторской деятельности и желанием предотвратить новые террористические акты Азефа. В 1909 г. был арестован, предан суду Правительствующего Сената и приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 5 лет. Впоследствии каторга была заменена ссылкой в Красноярск. В 1912 г. Высочайшим повелением помилован и восстановлен в правах. Жил в Москве, занимался банковской деятельностью. В 1923 г. выпустил книгу «Отрывки из воспоминаний» [10, 86, 151, 167].

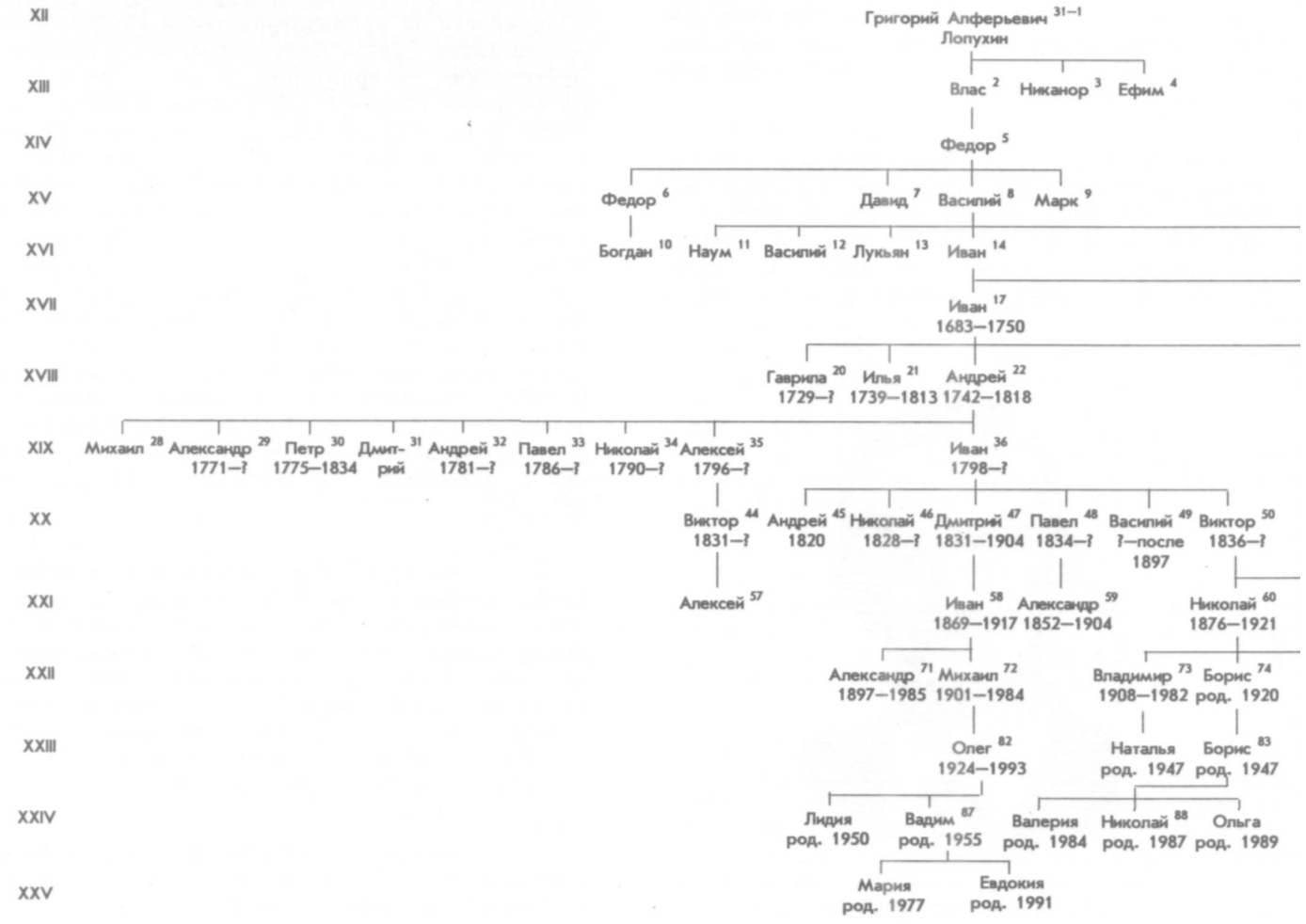
115. Дмитрий Александрович (1865—1914), генерал-майор. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг., командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Во время первой мировой войны был тяжело ранен в бою и скончался от ран 24 ноября 1914 г. В этом же полку служил поручиком его сын Григорий, который геройски погиб на глазах отца 6 августа 1914 г. в Каушенском сражении [130, 166].

118. Виктор Александрович, Тульский гражданский губернатор, затем, в 1915 г. — Вологодский губернатор [166, 167].

Дворяне Лопухины потомки Тимофея Алферьевича



Дворяне Лопухины потомки Григория Алферьевича

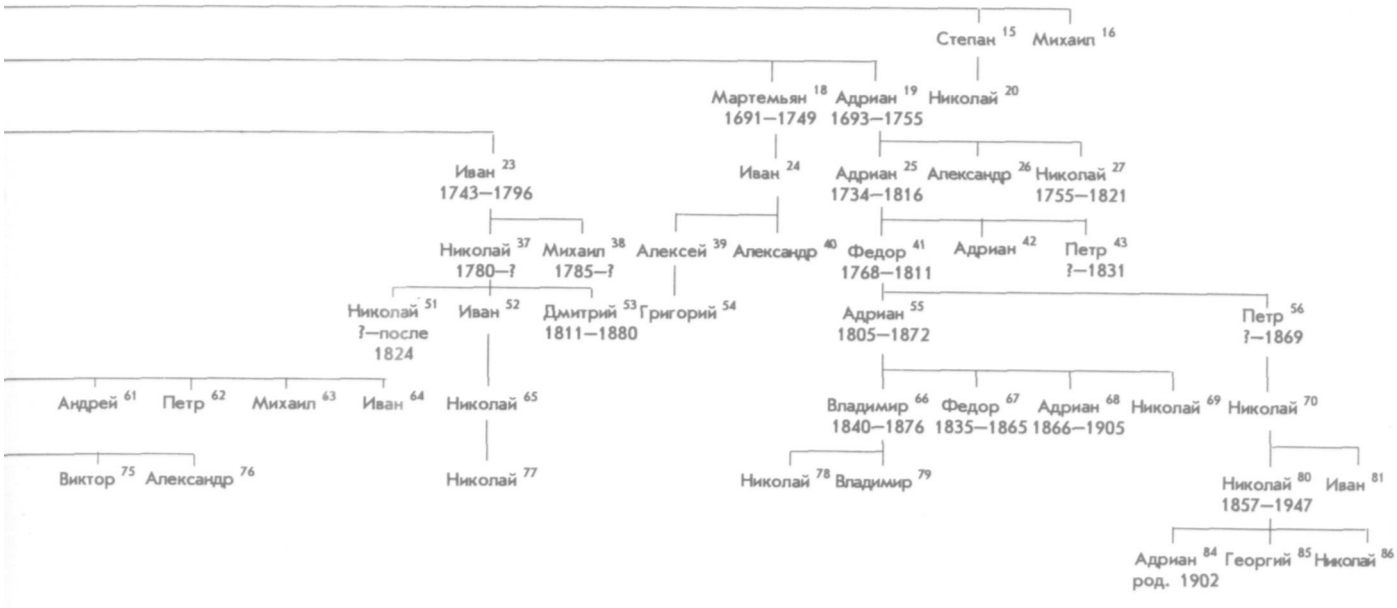


119. Владимир Борисович (1871—после 1940), действительный статский советник, камергер, кавалер многих орденов, последний директор департамента общих дел Министерства иностранных дел России. Организатор и активный участник знаменитого противостояния русских дипломатов советской власти. Автор широко известных воспоминаний «После 25 октября». Вероятно, репрессирован в конце 1930-х гг. [86, 151, 167].

120. Евгений Борисович (1878— после 1940), профессор-физик. Окончил Петербургский университет, в 1917 г. приват-доцент. В середине 1920-х гг. профессор Азербайджанского университета и Политехнического института в Баку. В конце 1930-х гг. возвращается в Ленинград. Дальнейшая судьба неизвестна, вероятно, репрессирован [86, 151, 167].

121. Николай Сергеевич (1879—1952). В 1901 г. окончил юридический факультет Московского университета. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1908 г. — мировой судья в Москве. К 1917 г. — надворный советник. В 1918 г. с семьей отправился в Тюмень, где был арестован вместе с князем А. В. Голицыным и премьером Временного правительства князем Г. Е. Львовым по обвинению в контрреволюционной деятельности и подготовке вооруженных выступлений. Для следствия они были направлены в Екатеринбург, где в это время находился Император Николай II с семьей. Согласно материалам дела, не исключено, что это событие было связано с желанием властей создать видимость заговора с целью освобождения бывшего Императора и для этого были выбраны люди с известными фамилиями и определенным положе-

Таблица 50



нием до революции. Незадолго до прихода Белой армии им удалось бежать, подкупив стражу. В 1920 г. Н. С. Лопухин с семьей прибыл в Харбин, откуда через США во Францию, где и в настоящее время живут его дети и внуки. В годы изгнания он сыграл заметную роль в создании русских церковных общин за границей. В его усадьбе под Парижем была сооружена одна из первых русских эмигрантских церквей [86, 151, 167].

122. Алексей Сергеевич (1862—конец 1940-х гг.). В 1928 г. вместе с Павлом Флоренским осужден ГПУ за антисоветскую и контрреволюционную деятельность. Благодаря вмешательству организации по защите политзаключенных во главе с Е. П. Пешковой удалось добиться пересмотра дела и смягчения наказания. С той же помощью ему удалось в начале 1930-х гг. вместе с семьей эмигрировать сначала в Эстонию, затем в Германию и, наконец, в США, где и ныне проживают его дети и внуки [118, 151].

124. Петр Сергеевич (1885—?), после революции 1917 г. и участия в Белом движении эмигрировал в Сербию, где сыграл заметную роль в создании Русской Православной Церкви за границей, в организации учебных заведений и общественных русских организаций. Весьма широко известен своими просветительскими и духовными трудами, некоторые из них до сих пор переиздаются [86, 151].

125. Михаил Сергеевич (1889—1918). Выпускник юридического факультета Московского университета, участник первой мировой войны — поручик Сумского гусарского полка. За личную храбрость и героизм награжден орденами. Принимал деятельное участие в «Союзе защиты Родины и свободы». Летом 1918 г. арестован и без суда расстрелян по решению ЧК. в Москве [9, 151].

131. Сергей Алексеевич (1920—1978), в 1930-х гг. эмигрировал с родителями сначала в Эстонию, затем в Германию, а после окончания второй мировой войны — в США. Известный публицист, популяризатор идей восстановления монархии в России. Один из активных деятелей и руководителей Российского Имперского Союза-Ордена. В значительной мере способствовал созданию и развитию воскресных школ для русских детей в США, являлся автором ряда учебных пособий. В русской диаспоре Сергея Алексеевича весьма высоко ценили также и за его поэтическое творчество [90, 167].

Татьяна Алексеевна (род. 1928), сестра Сергея Алексеевича. Вместе со своим супругом О. М. Родзянко на протяжении многих лет занимаются изданием русских духовных, исторических, мемуарных трудов, обеспечивая литературой значительную часть русских православных приходов в США. Являются просветителями и популяризаторами русской истории и культуры среди жителей США. В период тоталитаризма в России издавали и переправляли в СССР множество книг, запрещенных к изданию, посвященных вопросам политического и экономического устройства общества, преследованиям православных священников и верующих, правде о репрессиях существовавшего режима [167].

Елена Алексеевна (род. 1925), сестра Сергея Алексеевича. Вместе с родителями эмигрировала в 1930-х гг. сначала в Эстонию, затем в Германию и после второй мировой войны — в США, где и живет в настоящее время. Вместе со своим мужем протоиереем Серафимом Слободским сыграла заметную роль в становлении и развитии воскресных школ для детей русских эмигрантов в США и до сих пор трудится в одной из них в г. Найяке, близ Нью-Йорка. Является автором многих учебных пособий по различным предметам. Немало способствует христианскому православному просвещению прихожан русских храмов [166, 167].

Из дворян Лопухиных, потомков Тимофея Алферьевича (№ 29 по таблице 47), внесенных в таблицу 49, наиболее известны:

2. Григорий Тимофеевич. В 1550 г. внесен в Первую тысячную книгу дворян московских как помещик Деревской пятины, служащий при Дворе Государя Иоанна IV Грозного [78, 85, 103, 145].

23. Николай Никитич. Родоначальник большой ветви дворян Лопухиных, родословное древо которых приведено в таблице 49а (см. стр. 170, 171).

Из дворян Лопухиных, потомков Григория Альферьевича (№ 31 по таблице 47), внесенных в таблицу 50, наиболее известны:

19. Адриан Иванович (1693—1755), генерал-майор, в конце царствования Императора Петра I был главой экспедиции в Персию [151].

22. Андрей Иванович (1742—1818). В 1754 г. поступил в Московский кадетский корпус, по окончании которого служил по статской службе. С 1787 по 1802 г. — правитель Тульского наместничества и губернатор. С 1790 г. тайный советник. Успешно способствовал развитию и преобразованию Тульской губернии [111, 151, 166].

30. Петр Андреевич (1775—1834), генерал-адъютант в 1817—1820 гг., участник Отечественной войны 1812 г. [75, 78].

43. Петр Адрианович (ум. 1831), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г. [166].

53. Иван Николаевич (ок. 1820—?). В 1839 г. был гвардейским поручиком, известен как автор музыки к романсам. Наиболее популярны из них были созданные на стихи А. Фета



Олег Михайлович Лопухин. Фото 1964 г.



Вадим Олегович Лопухин.



Лопухины, живущие в Европе, на фамильном съезде в г. Кламаре, близ Парижа, 2 февраля 1992 г.

Среди взрослых слева направо в первом ряду: вторая слева Т. С. Серикова, урожденная Лопухина; во втором ряду: вторая слева княгиня Е. Н. Оболенская, урожденная Лопухина; затем по порядку: Е. Лопухина, урожденная Мионье; М. Н. Лопухин; В. О. Лопухин; А. С. Лопухина, урожденная Тимашева; С. Н. Лопухин; М. В. Лопухина, урожденная княжна Оболенская; Е. М. Соллогуб, урожденная Лопухина; С. М. фон Ребиндер, урожденная Лопухина; в третьем ряду: справа от дерева Н. М. Лопухин; С. С. Лопухин; А. С. Лопухина, а также по всему снимку представлены дети указанных особ — «лопушата» и родственники — Самарины, князья Трубецкие, фон Ребиндер и др. Справа видна часть церкви, построенной членами указанных семей в 1920-е гг. Это один из первых православных храмов, построенных эмигрантами.

«Я пришел к тебе с приветом» и «В дымке-невидимке» [149, 166].

59. Александр Павлович (1852—1904), профессор, выдающийся ученый богослов и историк. Закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1879—1882 гг. служил в представительстве Русской Православной Церкви в Нью-Йорке и сотрудничал в ряде американских журналов. С 1883 г. — профессор С.-Петербургской Духовной Академии, вел курс сравнительного богословия. С 1892 г. заведовал кафедрой общей древней гражданской истории, являлся редактором журналов «Христианское чтение» и «Церковный вестник». Он автор многих известных трудов по богословию и библейской истории. В 1904 г. предпринял издание самой полной Толковой Библии с обширными комментариями, подготовил к изданию несколько томов.

71. Александр Иванович (1897—1985), начал службу в армии в 1916 г. прапорщиком, к октябрю 1917 г. — поручик, затем в составе Белой армии всю гражданскую войну прошел в чинах штабс-капитана и капитана. В 1921 г. остался в Крыму, был арестован, подвергнут показательному суду и в пропагандистских целях вместе с другими офицерами условно амнистирован. Однако в 1928 г. вновь арестован и сослан пожизненно в Татарию, где и прожил оставшуюся часть жизни [14].

80. Николай Николаевич (1857—1947). Начал службу при Дворе в пажах, с 1878 по 1884 г. служил в лейб-гвардии Конном полку. С 1884 г. обер-церемониймейстер. Впоследствии был российским атташе в Дармштадте и Мюнхене. Умер во Франции [146, 166].

82. Олег Михайлович (1924—1993), капитан дальнего плавания, с 1944 г. — штурман, а с 1948 г. капитан на судах Северного морского пароходства. Участник Великой Отечественной войны (оборона Кавказа, плавания в конвоях по доставке военных грузов из США и Великобритании). С 1971 по 1985 г. — начальник Архангельского мореходного училища. Заслуженный работник транспорта России. Журналист [14, 88].

87. Вадим Олегович (род. 1955), доктор медицины. Принимал активное участие в создании в Москве в 1990 г. Российского Дворянского собрания, является его вице-предводителем [72, 80].

Наталия Владимировна (род. 1947) (дочь Владимира Николаевича, см. № 76), художник-гобеленист, педагог, участвует в становлении и развитии дворянского движения в России, посвящая значительное время художественному образованию членов Дворянского собрания и их детей [150].

Князья Лыщинские-Троекуровы

Лыщинские-Троекуровы * — княжеский род, происходящий по женской линии от угасшего рода князей Троекуровых (см. том 1, стр. 250—251).

19 декабря 1915 г. гофмейстер Двора, статс-секретарь Государственного Совета *Владимир Анзельмович Лыщинский* получил Высочайшее соизволение потомственно именоваться Лыщинским-Троекуровым.

20 мая 1916 г. председатель Совета Министров Б. Штюрмер известил его же о последовавшем 18 мая 1916 г. Высочайшем соизволении «Вам, с нисходящим потомством, пользоваться титулом угасшего рода князей Троекуровых, от коего Вы происходите по женской линии» [РГИА, ф. 1343, оп. 43, д. 354, л. 2; оп. 46, д. 778].

Род дворян *Лыщинских* (герб *«Корчак»)* известен в Гродненском воеводстве с XVI в., фамилия их происходит от названия родового имения «Лыщицы». Родоначальник князей Лыщинских-Троекуровых — *князь Владимир Анзельмович* (ум. 1935) — имел трех сыновей: *князя Льва* (1888—1945), *князя- Владимира* (ум. 1960-е) и *князя Кирилла* (погиб в 1920). Дети князя Льва Владимировича *князь Владислав* (род. 1918) и /С rlsvjfCHCl *Ирена-Наталия* (род. 1922, по мужу *Король)* после 1939 г. изменили фамилию и в настоящее время именуются *Лещинскими.* У Владислава Лещинского трое детей: *Зофия* (род. 1947), *Роберт* (род. 1958) и *Владислав-Леон* (род. 1964). Князь Владимир Владимирович имел сына *князя Алена* (род. 1921, предприниматель во Франции) и внуков *князей Петра* и *Мишеля* и *княжну Марию.*

Светлейшие князья Меншиковы и Меншиковы-Корейши

Меншиковы ** — княжеский род, происходящий от *Александра Даниловича Меншикова,**** который грамотой от 30 мая 1707 г. был возведен в княжеское Российского Царства достоинство, с наименованием князь Ижорской земли и титулом Светлости. В 1727 г. Высочайшей резолюцией княжеское достоинство с него было снято. Высочайшим указом от 1731 г. княжеское достоинство было возвращено сыну князя А. Д. Меншикова, *Александру Александровичу Меншикову* [131].

Герб князей Меншиковых внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 15 [104].

Родословное древо князей Меншиковых приведено в таблице 51 [44, **111].**

Из князей Меншиковых наиболее известны:

2. Александр Данилович (1673—1729), фаворит Петра I и Екатерины I, русский государственный и военный деятель, граф (1702), Светлейший князь (1707), генералиссимус (1727). Знакомство Петра с Меншиковым состоялось через Лефорта, взявшего Меншикова к себе в услужение. Меншиков служил в Преображенском полку с самого его учреждения, несколько лет исполнял обязанности денщика при Петре и приобрел его расположение, вскоре перешедшее в тесную дружбу. С 1695 г. Меншиков неразлучен с Петром, сопровождал его в поездках по России и за границей: в Азовских походах 1695—1696 гг., в Великом посольстве 1697—1698 гг.; выполнял важные поручения; его влияние на Царя превышало влияние Лефорта. После Нарвского сражения Меншиков вместе с Царем участвует в дей-

* Статья написана С. В. Думиным. Сведения о князьях Лыщинских-Троекуровых после 1917 г. предоставила Ирена-Наталия Король.

** Статья написана П. Х. Гребельским и А. А. Шумковым.

*** Многие современники, а за ними большинство историков приписывают князю А. Д. Меншикову плебейское происхождение. Однако существует и другая версия, согласно которой его отец — Данила Меншиков (первоначально Менжик)—был шляхтичем из Великого княжества Литовского, взятым в плен во время русско-польской войны середины XVII в., впоследствии он служил при царском Дворе конюхом. Разумеется, легенды о выезде из чужих земель были делом обычным, когда требовалось придать происхождению рода больше блеска. Но род Менжик герба *«Венява»* действительно известен в Польше; в конце XIV— начале XV вв. некоторые его представители играли видную роль при Дворе. Позже род обеднел. (В Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII вв. существовал еще один род Менжик, но герба *«Вадвич».)* В 1654 г. в числе защитников Смоленска от русских войск был некий Станислав Менжик, шляхтич-католик, явившийся на службу по собственной воле, вместе с местными землевладельцами, хотя сам и не имел никаких владений. Он же значится в списке смоленской шляхты, присягнувшей на верность Царю Алексею Михайловичу после капитуляции Смоленска. Самое любопытное, что в более позднем списке около его фамилии имеется приписка: «взят к Москве». Естественно, без достоверных доказательств его нельзя отождествлять с отцом князя Меншикова — хотя, приняв православие, Станислав вполне мог стать Данилой, но документального подтверждения этой гипотезе нет. Однако в самом известии о выезде отца Меншикова из Литвы ничего фантастического нет [С. В. Думин].



Герб князей Меншиковых.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, на котором, в золотом поле, помещен золотой российский орел с красным сердцем, увенчанным княжескою короною. В правой верхней части главного щита изображен, в серебряном поле, красный стоящий лев, обращенный вправо, держащий в правой передней лапе две черные стрелы с позлащенными концами крест-накрест. В левой верхней части, в голубом поле, скачущий вправо всадник на белом коне с поднятым мечом (это литовский герб «Погонь», намек на происхождение А. Д. Меншикова из Литвы). В левой нижней части, в золотом поле, черная пушка, обращенная влево, с трофеями под нею, и впереди две пирамиды из ядер. В правой нижней части, в голубом поле, на волнах —золотой корабль с полною оснасткою, плывущий в правую сторону. Над гербовым щитом пять шлемов: четыре дворянских, по два с каждого края, и в середине между ними княжеский с соответствующими коронами, над которыми — эмблемы: на первом шлеме (с левой стороны на правую) рука с мечом, на втором — красный лев, на третьем — двуглавый, с тремя коронами, российский орел, на четвертом — коронованное сердце и на последнем — башня, т. е. Раненбург, заложенный Петром I в 1703 году и назначавшийся в 1727 году местом ссылки Меншикова. Щитодержатели два гренадера в костюмах полков: Преображенского, в котором начал службу князь с солдата (зеленый мундир с красными отворотами), и Ингерманландского, сформированного Меншиковым в бытность генерал-губернатором Ингрии (синий мундир с такими же отворотами и золотым галуном). Герб помещен на развернутой княжеской горностаевой мантии.



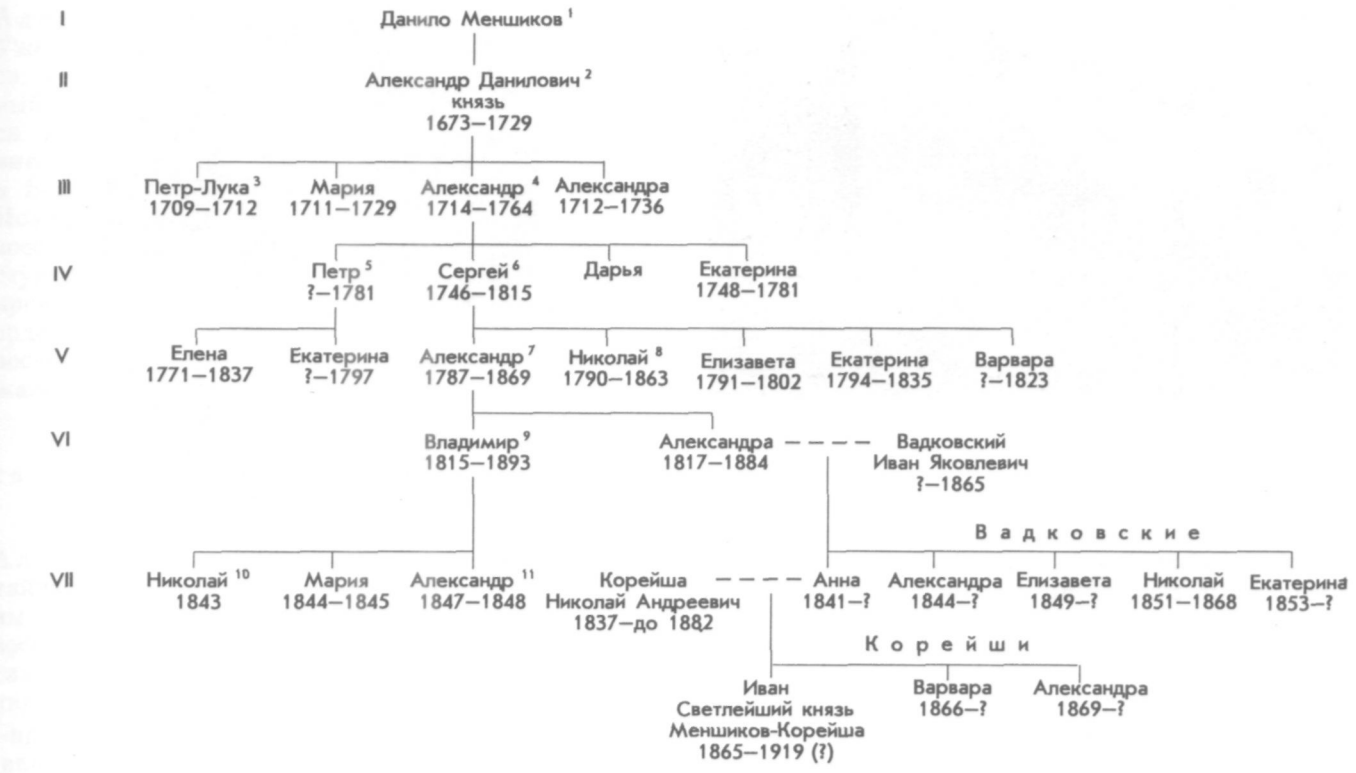
Светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

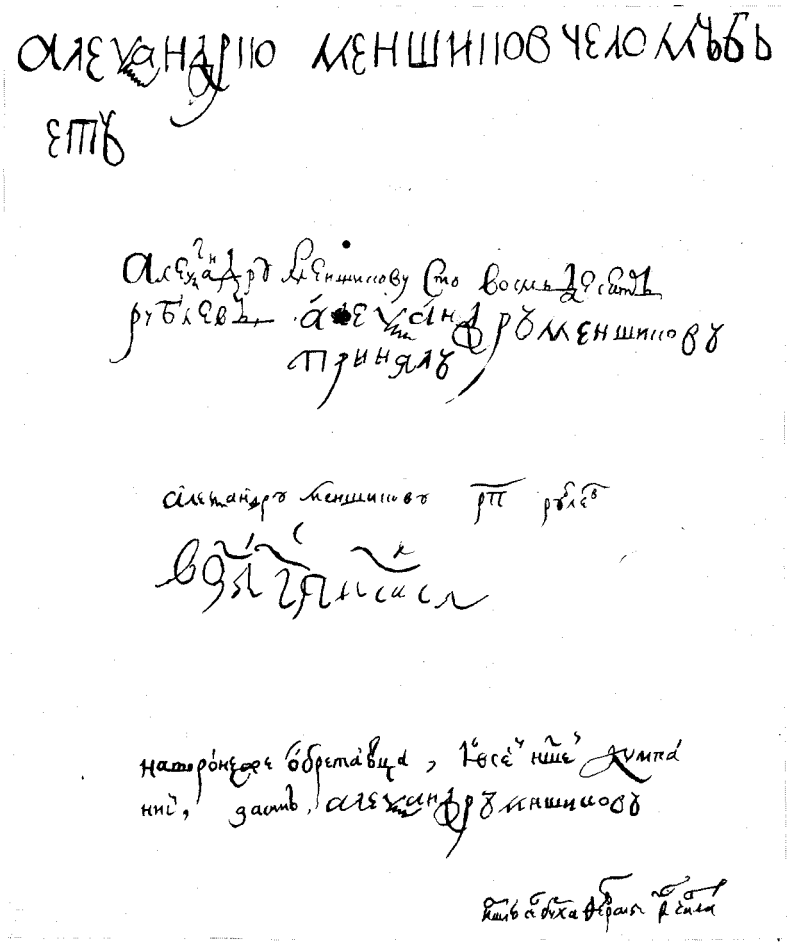
ствиях русской армии в Ингрии. После взятия в 1702 г. Нотебурга был назначен комендантом этой крепости, затем губернатором вновь завоеванных областей Ингерманландии (позднее Санкт-Петербургской губернии). Талантливый и энергичный, Меншиков не останавливался ни перед чем ради удовлетворения возникавших вследствие войны нужд; его быстрые решительные действия вполне соответствовали кипучей энергии Царя; лишенный даже элементарного образования (он едва мог написать свою фамилию), он пополнял этот пробел природного сообразительностью, еще более развившейся в том ответственном положении, какое ему пришлось занимать. Руководил строительством Санкт-Петербурга, Кронштадта, корабельных верфей на Неве и Свири. Во время Северной войны 1700—1721 гг. Меншиков командовал крупными силами пехоты и конницы, отличался в осаде и при штурмах крепостей, проявлял бесстрашие и хладнокровие. В 1705 г. Меншиков был вызван в Литву, где в это время сосредоточились военные действия, и здесь действовал сперва в качестве помощника фельдмаршала Огильви, начальствуя над кавалерией, а затем, с 1706 г., в качестве главнокомандующего. В том же году он одержал победу над шведским генералом Мардефельдом при Калище. В 1707 г. Петр возвел его в достоинство Светлейшего князя Ижорского. Получив известие об измене Мазепы, Меншиков напал на Батурин (1708), взял его приступом и жестоко разорил. В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. Меншиков, командуя левым флангом, разбил корпус генерала Росса, что предрешило победу русских войск. 30 июня 1709 г. принудил отступавших шведов к капитуляции. За Полтавское сражение Меншиков получил фельдмаршальское достоинство. В 1709—1713 гг. командовал русскими войсками в Польше, Курляндии, Померании и Гольштейне [8, 154].

Благодаря близости к Царю, князь Александр Данилович Меншиков ведал едва ли не всеми важными государственными делами, включая сбор государственных доходов. Однако одним из наиболее усердных исполнителей воли Петра 1 он являлся не столько в силу ясного сознания тех принципов, какими направлялась деятельность преобразователя, сколько в силу своекорыстных мотивов, и эти последние придали всей его фигуре особую окраску [8, 154].

«Полудержавный властелин», по выражению Пушкина, «дитя сердца» Петра, как называл его последний в своих письмах к нему, был страшным взяточником и казнокрадом, несмотря на награды, в изобилии сыпавшиеся на него, увеличивал свое состояние всякими недозволенными средствами. Не довольствуясь взятками с просителей, он грабил за границей имения польской шляхты, закрепощал себе украинских казаков, отнимал смежные с его имениями земли помещиков, наконец, обкрадывал казну на всевозможных подрядах [8, 154].

В 1711 г. Петр впервые узнал о подобных злоупотреблениях Меншикова, а три года спустя назначена была особая следственная комиссия.





Автографы Светлейшего князя А. Д. Меншикова.



Меншиковский дворец в Санкт-Петербурге.
Южный фасад.



Светлейшая княжна
Мария Александровна Меншикова (1711—1729),
невеста Императора Петра II,
умершая в ссылке в селе Березове.

С тех пор и до конца царствования Петра I Меншиков постоянно находился под судом. Многочисленные следственные комиссии раскрывали грандиозные злоупотребления, но их разоблачения только поколебали доверие и расположение Петра к Меншикову, не лишив последнего влияния и власти [8, 154].

Помимо сохранявшейся еще у Петра привязанности к любимцу, помимо заступничества за него Екатерины, через него познакомившейся с Петром и питавшей теплое чувство к «виновнику» своего возвышения, здесь могли действовать и другие соображения: в лице Меншикова Петр дорожил одним из наиболее даровитых и преданных ему сподвижников. Как преданность Царю, так и личные интересы Меншикова, тесно связанные с реформами, делали его врагом партии приверженцев старины. Как бы то ни было, злоупотребления Меншикова благополучно сходили ему с рук, отделываясь при их раскрытии денежными штрафами, он успешно «топил» своих врагов, в числе которых были и очень влиятельные люди. При учреждении Коллегий Меншиков был назначен в 1718 г. президентом Военной коллегии. Лишь к концу царствования Петра, после того как вскрылась история увлечения Екатерины камергером Виллимом Монсом, подорвавшая доверие Царя к жене, Меншиков, вновь уличенный в злоупотреблениях, подвергся серьезной опасности, но вскоре затем последовавшая смерть Петра открыла ему дорогу к еще большей власти. Опираясь на гвардию, Меншиков 28 января 1725 г. возвел на Престол Екатерину I и при этой слабой и неспособной Государыне стал фактически правителем России. Чтобы упрочить свое положение, он с помощью русских штыков попытался добиться избрания на вакантный тогда Престол Курляндского Герцогства, но попытка эта не увенчалась успехом. Тогда Меншиков принял другие меры к обеспечению себя на случай смерти Екатерины. Не рассчитывая на возможность устранить от Престола сына Алексея Петровича в пользу дочерей Петра I и Екатерины I, он заблаговременно перешел на сторону этого кандидата. По просьбе Меншикова Екатерина I дала свое согласие на брак малолетнего Петра Алексеевича с дочерью Меншикова. 25 мая 1727 г. Меншиков обручил свою дочь Марию с внуком Петра I — Петром II Алексеевичем. Найденное по смерти Екатерины завещание объявляло Наследником Престола 12-летнего Петра и учреждало до его совершеннолетия регентство из обеих Цесаревен, Герцога Голштинского и Верховного Тайного совета. Но Герцог, по настоянию Меншикова, уехал в Голштинию вместе с Анной Петровной, а учрежденный Верховный Тайный совет вскоре сделался послушным орудием в руках Меншикова. Помолвив Императора со своей дочерью и получив звание генералиссимуса, Меншиков становится подлинным правителем государства. Его самовластье не имело пределов, что порой испытывал на себе и сам Император, — это и погубило «полудержавного властелина». Враждебные Меншикову представители старой аристократии — князья Голицыны и Долгоруковы — сумели повлиять на Петра П. 8 сентября 1727 г. Меншиков был обвинен в государственной измене и хищении казны, и на другой день последовал указ о ссылке его в Раненбург. Было конфисковано все его имущество: 90 тысяч крепостных, 6 городов, имения в России, Польше, Пруссии и Австрии, 5 млн руб. золотом наличными и 9 млн в английском и голландском банках и т. п., а после того как в Москве найдено было подметное письмо в пользу Меншикова, он с женой, сыном и дочерьми, лишенный чинов, орденов и княжеского достоинства, был сослан в Березов, где и умер 12 ноября 1729 г. Старшая его дочь — бывшая невеста Императора—также умерла в

Березове, а сын и вторая дочь были возвращены в Петербург при Анне Иоанновне [8, 154].

4. Светлейший князь Александр Александрович (1714—1764), генерал-аншеф. Уже в 14 лет он имел звание камергера и орден св. апостола Андрея Первозванного. Единственный из мужчин, получивший женский орден св. Екатерины. В 1727 г. он был разжалован и вместе с отцом сослан вначале в Раненбург, потом в Березов. После вступления на престол Анны Иоанновны он в 1731 г. был возвращен из ссылки, восстановлен в правах Светлейшего князя и поступил в гвардию подпоручиком. В 1757 г. был произведен в генерал-поручики и ему вернули орден св. апостола Андрея Первозванного. В день восшествия на Престол Екатерины II он был пожалован в генерал-аншефы [44].

5. Светлейший князь Петр Александрович (ум. 1781), гвардии капитан [44].

6. Светлейший князь Сергей Алекса ндров и ч (1746—1815), действительный тайный советник, сенатор. Во времена Екатерины II служил в армии генерал-поручиком. При восшествии на Престол Александра I уволен от службы с чином действительного тайного советника [44].

7. Светлейший князь Александр Сергеевич (1787—1869), русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833). На военной службе с 1809 г. на штабных должностях. С 1815 г. был близок к Александру I, сопровождал его во всех заграничных поездках. С 1817 г. исполнял обязанности генерал-квартирмейстера Главного штаба. В 1823 г. переведен в дипломатическое ведомство, с 1824 г. в отставке. В 1827 г. Николаем I назначен начальником Главного Морского штаба и членом Комитета министров, с 1831 г. одновременно генерал-губернатор Финляндии. С 1830 г. — член Государственного Совета. Фактически руководил всем Морским ведомством. Отрицательно влиял на развитие военно-морского флота, тормозя его технический прогресс и боевую подготовку. В 1853 г. возглавил миссию в Константинополе накануне Крымской войны 1853—1856 гг., во время которой был Главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму. Проявил себя бездарным полководцем, проиграл сражения при Альме и Инкермане. 15 февраля 1855 г. был отстранен от командования. С декабря 1855 по апрель 1856 г. — генерал-губернатор Кронштадта, затем в отставке. При Александре II не принимал участия в делах. Настоящим государственным человеком он не был, хотя обладал недюжинным умом. Его злые остроты пользовались большой известностью, но многие из них ему только приписывались. В 1862 г. в соответствии с прошением Светлейшего князя было утверждено положение об учреждении майоратного имения Крутовщина — 6498 душ обоего пола и более 22 000 десятин земли [8, 154]



Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков.

8. Светлейший князь Николай Сергеевич (1790—1863), флигель-адъютант, гвардии полковник в отставке с 1815 г. Холост.

9. Светлейший князь Владимир Александрович (1815—1893), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. Был женат на княжне Леониде Николаевне Гагариной, но потомства они не оставили, их дети умерли малолетними.

Светлейшая княжна Александра Александровна (1817—1884), фрейлина. Вышла замуж за гвардии подполковника артиллерии в отставке Ивана Яковлевича Вадковского.

Анна Ивановна Вадковская (1841—?). В 1864 г. вышла замуж за гвардии поручика в отставке Николая Андреевича Корейшу.

Иван Николаевич (Корейш) Корейша (1865—1919 (?)), правнук Светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова, получивший по наследству майорат, учрежденный его прадедом в связи с тем, что род Меншиковых по мужской линии угас. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета корнету И. Н. Корейшу дозволено принять титул, фамилию и герб учредителя имения и впредь именоваться **Светлейшим князем Меншиковым-Корейшом** [131].

Новый владелец имения быстро промотал доставшиеся ему богатейшие владения и даже оказался должен 100 000 рублей. В 1911 г. Высочайшим соизволением над майоратом Крутовщина была учреждена опека для погашения недоимок земского сбора и других видов задолженностей.

Предположительно, он умер во время гражданской войны. Потомства он не оставил.

КНЯЗЬЯ, ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ ОРЛОВЫ И ГРАФЫ ОРЛОВЫ-ДАВЫДОВЫ

Орловы * — княжеский, графский и дворянский род, происходящий от *Владимира Лукьяновича Орлова,* губного старосты Бежецкого верха в 1613 г. Его внук *Иван Никитич* служил вначале в стрелецком полку, а затем в регулярной русской армии Царя Петра I [44, 154].

Родословное древо Орловых приведено в таблице 52 [44, 154, 156].

Из Орловых наиболее известны:

5. Григорий Иванович (1685—1746), генерал-майор (1738). Впоследствии в чине действительного статского советника был назначен Новгородским губернатором. Принимал участие в турецком и шведском походах и отличился во многих сражениях. Получил от Царя Петра I в виде награды Царский портрет для ношения на золотой цепи. В 1722 г. был полковником Ингерманландского полка [126].

Пятеро сыновей Григория Ивановича: *Иван, Григорий, Алексей, Федор* и *Владимир* — за помощь, оказанную Екатерине II при восшествии на Престол, 22 сентября 1762 г. были возведены в графское Российской Империи достоинство [131].

6. Григорий Никитич (ум. 1803), обергофмаршал при Екатерине II, кавалер ордена св. Андрея Первозванного [44].

7. Иван Григорьевич (1728—1791), граф с 1762 г. Окончил Шляхетский кадетский корпус и поступил в пехотный гвардейский полк унтер-офицером. Принимал небольшое участие в перевороте 1762 г., возведшем на Престол Екатерину II, после которого отказался от занятия какой-либо должности по военной и гражданской службе. В чине капитана гвардии вышел в отставку и жил в пожалованных поместьях [126].

8. Григорий Григорьевич (1734—1783), русский военный и государственный деятель, граф с 1762 г., князь Римской Империи с 1763 г. Окончил сухопутный Шляхетский корпус. Военную службу начал в период Семилетней войны 1756—1763 гг. Был ранен при Цорндорфе. Служа в Петербурге, он стал вдохновителем и руководителем лиц, недовольных Петром III. Активный участник переворота 28 июня 1762 г., возведшего на Престол Екатерину II. Назначен генерал-адъютантом, а также генерал-директором инженеров, произведен в чин генерал-аншефа.

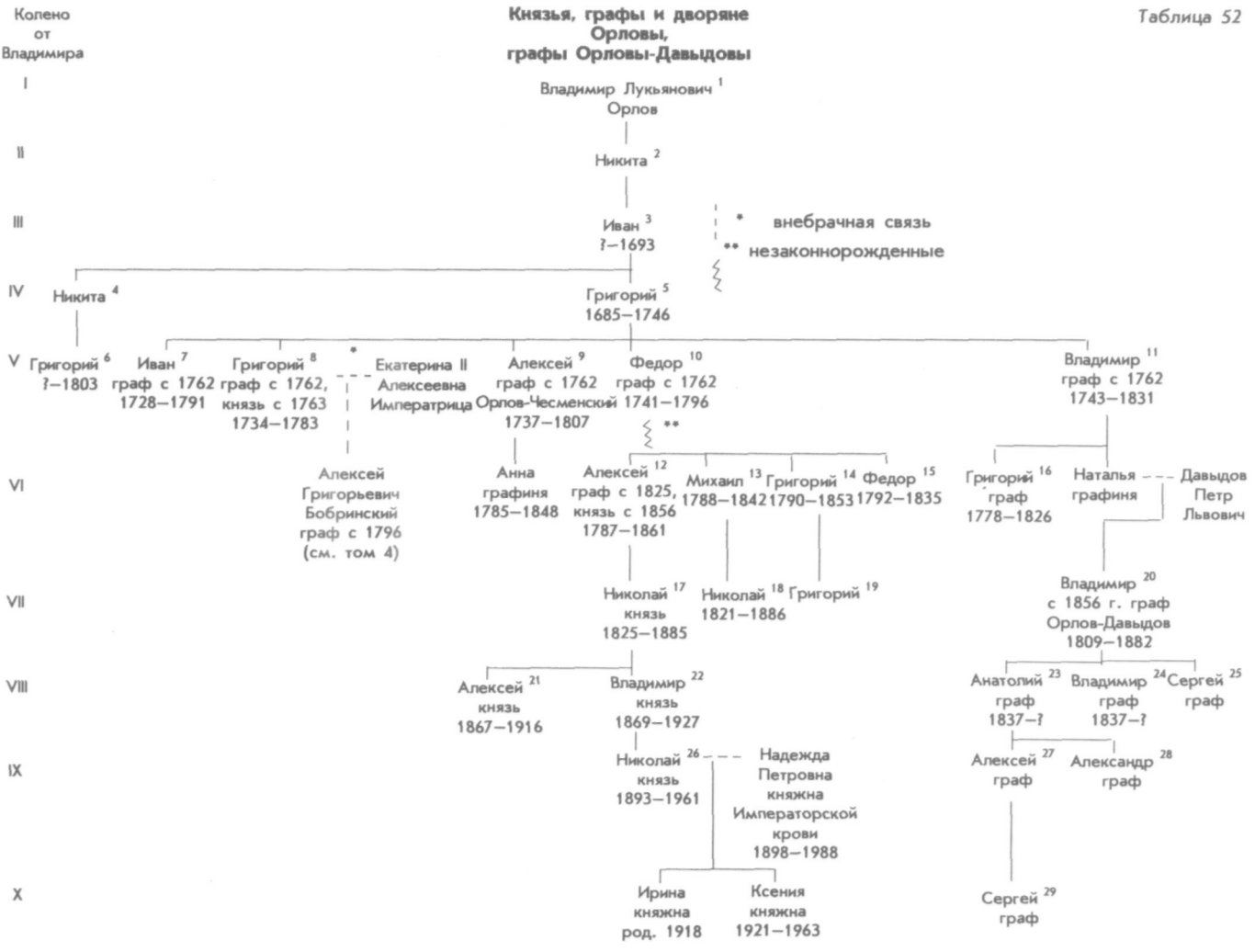


Князь Григорий Григорьевич Орлов.



Княгиня Екатерина Николаевна Орлова (1758—1783), супруга князя Г. Г. Орлова.

Статья написана П. Х. Гребельским.



В 1763—1775 гг. был генерал-фельдцейхмейстером русской армии. В 1771 г. руководил подавлением «чумного бунта» в Москве. В 1772 г. возглавил русскую делегацию на переговорах с Турцией в Фокшанах. Инициатор учреждения Вольного экономического общества (1765) и первый его президент. С 1772 г. утратил прежнее влияние при Дворе, с 1775 г. — в отставке. Он интересовался физикой и естественными науками и покровительствовал Ломоносову и Фонвизину [8, 126, 154].

От связи с женой Великого князя Петра Федоровича (будущего Императора Петра III) Великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей Императрицей Екатериной II) имел сына Алексея (род. в апреле 1762 г.), ставшего родоначальником графов Бобринских. Таким образом, его потомство — это старшая ветвь рода Орловых. Подробнее о графах Бобринских см. том 4: «Графские роды».

Герб графа Российской Империи и князя Римской Империи Орлова внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 23 [104].

9. Алексей Григорьевич (1737—1807), русский военный и государственный деятель, граф (1762), генерал-аншеф (1769). Начал службу солдатом лейб-гвардии Преображенского полка, сержант с начала 1762 г. Сыграл значительную роль в перевороте 1762 г., возведшем на Престол Екатерину II. Он отвез Императора Петра III в Ропшу, заставил его подписать акт об отречении от Престола и затем вместе с князем Федором Барятинским и Григорием Потемкиным убил бывшего Императора [8, 126, 154].

Это убийство произошло следующим образом. 6 июля перед обедом подали водку, разлитую в рюмки. Та, которая предназначалась Петру Федоровичу, была с ядом. Петр, заподозрив неладное, отказался. Тогда Алексей Орлов попытался влить ему водку в рот насильно. Петр стал вырываться. На помощь Орлову прибежали князь Барятинский и Григорий Потемкин. Они стянули салфеткой шею Императора, а Орлов обеими ногами давил ему на грудь. Соединенными усилиями они задушили его [130в].

Не занимая крупных должностей, граф оказывал большое влияние на государственные дела. В 1768—1769 гг. разработал план экспедиции против Турции в Средиземном море, где с 1769 г. командовал эскадрой русского флота. За победы у Наварина и в Чесменском бою в 1770 г. получил право присоединить к своей фамилии наименование Чесменский. С 1775 г. — в отставке. В его имениях была выведена новая порода лошадей



Герб графа Орлова,
имевшего титул Римской Империи князя.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором помещен герб дворян Орловых: в золотом, с пятью горизонтальными лазоревыми полосами, поле — красный орел. В первой и четвертой частях в золотом поле черный коронованный двумя коронами орел, а над ним в лазоревой вершине щита — золотая императорская корона. Во второй и третьей частях — стоящий на задних лапах горностаевый лев, имеющий на груди лазоревый щиток с серебряным крестом. Над щитом три шлема с нашлемниками: над правым возникающее крыло, над средним — двуглавый коронованный черный орел, над левым — бурлет, и из него — возникающий лев. Щитодержатели два воина со штандартами. Девиз: «Fortitudine et constantia» *(^Твердостью и постоянством»)*. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкой.

(путем соединения арабской и фрисландской пород)— так называемые орловские рысаки [8, 126, 154].

Графиня Анна Алексеевна (1785—1848), дочь предыдущего, фрейлина Двора. Воспитанная в роскоши, после смерти отца осталась наследницей богатейшего состояния. Отвергнув предложения самых высокопоставленных женихов, она отправилась в паломничество по монастырям и,



Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский.



Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.

отказавшись от светской жизни, поселилась в Юрьевом монастыре. Из своих средств помогала монастырям и крепостным крестьянам. Постриг она не приняла [126].

10. Федор Григорьевич (1741—1796), граф с 1762 г. Участник Семилетней войны 1756—1763 гг. Вместе с братьями был главным



Дипломный герб графа
Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского.

Щит четырехчастный с главою и малым щитком посредине. В первой и четвертой частях, в золотом поле, черный коронованный орел, а в лазоревой вершине — золотая императорская корона. Во второй и третьей частях стоящий на задних лапах горностаевый лев, имеющий на груди лазоревый щиток с золотым крестом. В золотой главе три корабля, из которых на среднем — андреевский флаг. Над щитом графская корона, а над нею три шлема, имеющие элементы герба Орлова-Чесменского. Щитодержатели два рыцаря, держащие опущенные вниз турецкие знамена. Девиз общий для всех Орловых. Герб высочайше утвержден 10 сентября 1793 г.

участником переворота 1762 г., после чего назначен обер-прокурором Сената. Во время русско-турецкой войны, находясь в эскадре адмирала Спиридова, отличился при взятии крепости Короны; под Чесмою одним из первых прорвал линию турецкого флота; при острове Гидра обратил в бегство 18 турецких судов. Его подвиги были увековечены Екатериной II установкой в Царском Селе колонны, украшенной корабельными носами. С 1775 г. — в отставке. Женат не был, но имел внебрачных детей от полковницы Татьяны Федоровны Ярославовой, так называемых «воспитанников», которым Екатерина II в 1796 г. даровала потомственное дворянство и фамилию Орловы [126, 154].

11. Владимир Григорьевич (1743—1831), граф с 1762 г., генерал-поручик. Окончил Лейпцигский университет. Назначенный директором Академии, вел оживленные сношения с учеными и писателями, устраивал научные экспедиции, в том числе Палласа, много заботился о русских молодых людях, обучавшихся за границей, принимал меры к распространению в переводах произведений классиков, принял участие в составлении словаря русского языка, но не смог настоять на том, чтобы академические протоколы писались на русском языке. Сопровождал Императрицу в ее путешествии по Волге, о котором оставил записки. В 1775 г. оставил службу и жил в своем подмосковном имении [154].

12. Алексей Федорович (1787—1862), граф с 1826 г., князь с 1856 г., генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, командующий Императорской Главной квартирой, председатель Государственного Совета и Комитета министров, Шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Незаконнорожденный сын графа Федора Григорьевича Орлова и Ярославовой. В 1796 г. Императрица Екатерина II даровала ему и братьям потомственное дворянство и разрешила носить фамилию Орловы. Принял участие во всех войнах России с наполеоновской Францией. За отличие в бою под Аустерлицем



Князь Алексей Федорович Орлов.



Герб графа Орлова.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором помещен герб дворян Орловых. В первой части щита в золотом поле коронованный двумя коронами орел. Во второй и третьей частях в красном поле золотой лев, раздирающий золотую же гидру, а над ним золотая корона о пяти зубцах. В четвертой части в лазоревом поле выходящая из облаков рука с саблей. Над щитом корона, а над нею три шлема, имеющие элементы герба графа Орлова князя Римской Империи. Щитодержатели и девиз также повторяют герб графа Орлова.



Герб графа Орлова.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором помещен герб дворян Орловых. В первой и четвертой частях в золотом поле коронованный тремя коронами двуглавый орел, а над ним в лазоревом поле императорская корона. Во второй и третьей частях в красном поле горностаевый лев, раздирающий бронзового цвета гидру и увенчанный золотою о трех зубцах короною, имея на груди лазоревый щиток с золотым лапчатым крестом. Над щитом корона, а над нею три шлема, имеющие элементы герба графа Орлова князя Римской Империи. Щитодержатели и девиз также повторяют герб графа Орлова.



Герб князя Орлова.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором в нижней части помещен герб дворян Орловых, а в верхней, в золотом поле, российский государственный орел. В первой и четвертой частях в золотом поле черный, коронованный двумя коронами орел, а над ним в лазоревом поле золотая императорская корона. Во второй и третьей частях в красном поле горностаевый лев, раздирающий бронзового цвета гидру, имеющий на груди лазоревый щиток с золотым лапчатым крестом. Над щитом пять шлемов с нашлемниками: над средним, над княжеской короной, возникающий российский императорский орел, над первым с правой стороны два сомкнутых орлиных крыла червленого цвета, над вторым справа бурлет с серебром, с возникающим из него львом, над первым с левой стороны графская корона, и на ней орел, над вторым слева княжеская корона, и над ней крестообразно масличная ветвь и меч. Щитодержатели — конногвардейцы: справа — времен Николая I, слева — Александра II. Девиз общий для всех Орловых. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В звании командира лейб-гвардии Конного полка участвовал в подавлении восстания 14 декабря 1825 г., что доставило ему графское Российской Империи достоинство. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. получил чин генерал-лейтенанта. В 1831 г. возглавил подавление «холерного бунта» в Петербурге и восстаний в военных поселениях. Возглавлял русские делегации при заключении мирных договоров в Андрианополе (1829) и Париже (1856). Будучи с 1856 г. председателем Негласного комитета (с 1858 г. — Гласного комитета) по крестьянскому делу, выступал против отмены крепостного права [8, 126, 154].

Герб графа Орлова внесен в «Общий Гербовник», часть X, под № 9, часть XI, под № 6, а герб князя Орлова — в часть XII, под № 10 [104].

13. Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, флигель-адъютант Императора Александра I. Он так же, как и его старший брат, был утвержден Императрицей Екатериной II в правах потомственного дворянина с фамилией Орлов. Занимал видное положение среди генералов Александровской эпохи, участник войн с Наполеоном с 1805 по 1814 г. Принимал первую капитуляцию Парижа. Во время



Михаил Федорович Орлов.

ссылки А. С. Пушкина на юг России оказывал поэту покровительство. С 1814 г. разрабатывал план революционного преобразования страны, уничтожения крепостничества и введения конституционного правления (вначале ограниченной монархии, а затем — республики). Сблизился с членами «Союза спасения», в 1818 г. был принят в «Союз благоденствия». С 1820 г. был начальником 16-й пехотной дивизии и возглавил Кишеневскую организацию декабристов, связанную с «Южным обществом». На Московском съезде в январе 1821 г. выдвинул программу решительных действий против правительства. В феврале 1822 г. был отстранен от командования дивизией, но декабристы по-прежнему предполагали поставить его во главе готовящегося восстания. В декабре 1825 г. арестован. Благодаря заступничеству брата был уволен со службы и сослан под надзор



Екатерина Николаевна Орлова (1797—1885), супруга М. Ф. Орлова.



Князь Николай Алексеевич Орлов.



Герб графов Орловых-Давыдовых.

Щит четверочастный с малым щитком посредине, разделенным на два поля, из них в левом герб рода Орловых, а в правом — Давыдовых (в красном поле — одни под другими — золотые: равноконечный крест, серп луны рогами вниз и пятижальная звезда). В первой части щита, в золотом поле, черный двуглавый коронованный орел, а над ним, в лазоревом поле, золотая императорская корона. Во второй части, в красном поле, горностаевый лев, на котором в щитке с лазоревым полем золотой, с расширяющимися концами, крест. В третьей части, в золотом поле, черный одноглавый орел, держащий в лапе меч. В четвертой части, в лазоревом поле, натянутый серебряный лук со стрелой и три пятижальные звезды. Над щитом графская корона с пятью шлемами: над первым слева орел с мечом, над вторым лев, над третьим графская корона и над нею возникающий государственный орел, над четвертым два сомкнутых орлиных крыла, над пятым в пяти павлиньих перьях натянутый лук с тремя звездами над ним. Щитодержатели рыцари держат на копьях штандарты с эмблемами. Девиз общий для всех Орловых.



Граф Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов.



Граф Владимир Владимирович Орлов-Давыдов.



Князь Владимир Николаевич Орлов и графиня Елизавета Александровна Людерс-Веймарн (1883—1969).

полиции в родовое имение. С 1831 г. жил в Москве, где пользовался значительным влиянием в кругах оппозиционной общественности. В 1833 г. анонимно опубликовал книгу «О государственном кредите» — первое в мировой литературе изложение теории государственного кредита [8, 42, 126, 154].

14. Григорий Федорович (1790—1853), генерал-майор, незаконнорожденный сын графа Федора Григорьевича, которому, как и его братьям, в 1796 г. были предоставлены права потомственного дворянства и разрешено носить фамилию Орлов [46].

16. Граф Григорий Владимирович (1778—1826), тайный советник, сенатор. При Павле I оставил службу и занялся собиранием картин, эстампов и других художественных произведений. Вместе с женой, графиней Анной Ивановной, урожденной Салтыковой, состояние здоровья которой требовало лечения за границей, много жил в Париже. В его доме собирались известные ученые и литераторы. Он с женой сделал перевод басен И. А. Крылова на французский язык. После смерти жены (1824) вернулся в Россию [126, 154].

17. Князь Николай Алексеевич (1825—1885), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Брюсселе (1860—1870), Париже (1870—1882) и Берлине (1882—1885), писатель. Служил в армии, был тяжело ранен во время Крымской войны 1853—1856 гг., после чего перешел на дипломатическую службу. Его записка об отмене телесных наказаний («Русская Старина». 1881. Т. 3) способствовала реформе 17 апреля 1863 г.; он высказывался также в пользу улучшения положения раскольников [126, 154].

20. Владимир Петрович Давыдов (1809—1882), действительный статский советник. Высочайше утвержденным от 20 марта 1856 г. мнением Государственного Совета ему дозволено принять фамилию и титул его деда по матери, генерал-поручика графа Владимира Григорьевича Орлова, и именоваться впредь потомственно графом Орловым-Давыдовым [131, 154].

Герб графов Орловых-Давыдовых внесен в «Общий Гербовник», часть XII, под № 17 [104].

21. Князь Алексей Николаевич (1867—1916), Свиты генерал-майор, военный атташе русского посольства во Франции, командор ордена Почетного легиона [46, 156].

22. Князь Владимир Николаевич (1869—1927), генерал-лейтенант, начальник Императорской военно-походной канцелярии, кавалер орденов св. Владимира 2-й степени и св. Анны 1-й степени, командор ордена Почетного легиона. Умер во Франции [46, 156].

26. Князь Николай Владимирович (1893—1961), окончил Императорский Лицей, артиллерийский офицер. 10 апреля 1917 г. венчался в Крыму с княжной Императорской крови Надеждой Петровной (дочерью Великого князя Петра Николаевича и Принцессы Черногорской Милицы Николаевны). Разведены в 1940 г. Умер в Нью-Йорке [156].

23. Граф Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов (1837—?), обер-шталмейстер, генерал-лейтенант [46].

24. Граф Владимир Владимирович Орлов-Давыдов (1837—?), генерал-лейтенант [46].

25. Граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов, камергер [46].

27. Граф Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов, церемониймейстер [46].

28. Граф Александр Анатольевич Орлов-Давыдов, церемониймейстер [46].

КНЯЗЬЯ ФОН ДЕР ОСТЕН-САКЕН

Фон дер Остен-Сакен * — древний остзейский дворянский род. Первым известным его представителем был *Арнольд* по прозвищу *Линдале,* в 1386 г. получивший в лен от Курляндского епископа Отто усадьбу и округ Сакен. В документах Ливонского ордена в Риге (1395) он упоминается как *Арнольд фон Сакен.* В 1478 и 1519 г. *Генри фон Сакен* (ум. до 1522) был фогтом (судьей и военачальником) Курляндского епископства. С 1544 г. члены рода восприняли объединенное имя Sacken genannt von der Oest (en), которое позже превратилось в von der Osten genannt Sacken. Но до сих пор остается неясной их связь с Нижнесаксонским и Померанским дворянским родом фон дер Остен [158].

В дальнейшем Остен-Сакен, имевшие родовое гнездо в имении «Замок Донданген», дали множество ветвей и линий в Германии, Прибалтике, России и других странах. Некоторые из них были возведены в княжеское, графское и баронское достоинство** [158].

Из представителей рода фон дер Остен-Сакен, возведенных в княжеское достоинство и служивших в России, наиболее известны:

Карл (1721—1794), был сыном Гессен-Кассельского полковника. С 1738 г. он учился в Кенигсбергском университете. Женитьба на дочери фаворита Польского Короля графа Брюля открыла ему блестящие возможности продвижения по службе. Он был назначен саксонско-польским посланником в Стокгольме, а с 1763 по 1768 г.— в Петербурге. Имея чин тайного советника Курфюршества Саксонского, он в 1763 г. был возведен Императором Францем I в графское Священной Римской Империи достоинство. Затем он перешел на службу в Пруссию и был при короле Фридрихе II обер-камергером и действительным тайным статс-министром. Кавалер русских орденов св. апостола Андрея Первозванного и св. Александра Невского. В 1786 г. возведен Королем Фридрихом-Вильгельмом II в княжеское Прусского Королевства достоинство [159].



Князь Фабиан-Готлиб
(Фабиан Вильгельмович) фон дер Остен-Сакен.



Герб графа Фабиана фон дер Остен-Сакена.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в золотом поле которого черный двуглавый коронованный орел. В первой и четвертой частях щита в лазоревом поле три наискось положенные волнистые серебряные полосы, и в красной оттородке золотой ключ. Во второй и четвертой частях в лазоревом поле по три золотые звезды о шести лучах. Щит покрыт графскою короною, и над нею три шлема: в нашлемнике среднего возникающий двуглавый коронованный орел, а в боковых — башня с ключами. Щитодержатели два льва.

* Статья написана П. Х. Гребельским и М. Ю. Катин-Ярцевым.

** В настоящей статье рассказано о представителях рода, возведенных в княжеское достоинство. Сведения о графах и баронах приведены соответственно в томах «Графские роды» и «Баронские роды».

Барон Фабиан-Готтлиб (Фабиан Вильгельмович)(1752—1837), граф с 1821 г., князь с 1832 г., генерал-фельдмаршал русской службы, главнокомандующий 1-й армией, член Государственного Совета с 1818 г., Шеф Углицкого пехотного полка. В 1766 г. поступил подпрапорщиком в Копорский мушкетерский полк. За отличие в сражениях русско-турецкой войны произведен в 1769 г. в офицеры. В 1770—1773 гг. участвовал в сражениях с польскими конфедератами. С 1789 г. воевал с турками, приняв участие во взятии Фокшан, Бендер и Измаила. В своей реляции о взятии Измаила генерал-аншеф граф А. В. Суворов-Рымникский отзывался о нем как об одном из «наиболее содействовавших мужеством и благоразумием своим к одержанию над неприятелем совершенной победы». В 1794 г. за участие во взятии Вильно награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1797 г. произведен в генерал-майоры, в 1799 г. — в генерал-лейтенанты. В том же году был тяжело ранен под Цюрихом и попал в плен к французам. Воз- вращен из плена в 1801 г. В 1805 г. назначен командиром корпуса, во главе которого принял участие в сражениях при Пултуске, Яновой, Прейсиш-Эйлау и Гутштадте. Вскоре, по донесению Беннингсена, был отрешен от командования, отдан под суд и в течение пяти лет жил в Петербурге. С начала Отечественной войны 1812 г. назначен командиром резервного корпуса, с которым принял участие в боях. В награду за Кацбахское сражение произведен в генералы-от-инфантерии, а за взятие Галльского предместья награжден орденом св. Георгия 2-й степени. За взятие Бриенны получил орден св. апостола Андрея Первозванного. После вступления союзных войск в Париж был назначен генерал-губернатором и заслужил на этом посту глубокую признательность горожан за свое справедливое и гуманное отношение. После смерти князя М. Б. Барклая-де-Толли он в 1818 г. был назначен главнокомандующим 1-й армией и занимал этот пост до выхода в отставку в 1835 г. [126, 159].

В 1821 г. возведен в графское Российской Империи достоинство. В 1826 г. произведен в генерал-фельдмаршалы. Принял активное участие в подавлении Польского восстания 1830—1831 гг., за что в 1832 г. был возведен в княжеское Российской Империи достоинство. Был холост. С 1835 г. после выхода в отставку жил в Киеве, где и скончался [126, 131, 159].

Герб графа Фабиана фон дер Остен-Сакена внесен в «Общий Гербовник», часть X, под № 8. Княжеский герб им оформлен не был [104].

Светлейшие князья и графы Разумовские

Разумовские * — княжеский, графский и дворянский род, происходящий от рядового казака *Якова Романовича Розума,* имевшего двух сыновей: *Ивана,* родоначальника угасшей дворянской ветви, и *Григория* (ум. 1730), сыновья которого *Алексей* и *Кирилл* получили графское Российской Империи достоинство, а сын Кирилла граф *Андрей* получил титул Светлейшего князя [8, 154].

Родословное древо князей, графов и дворян Разумовских приведено в таблице 53 [8, 94а, 126].

Из Разумовских наиболее известны:

6. Алексей Григорьевич (1709—1771), граф с 1744 г., один из русских «случайных людей» XVIII в. Родился на хуторе Лемешки (Черниговской губернии) в семье «реестрового» малороссийского казака Григория Розума. Несмотря на то что происхождение его было хорошо известно современникам и потомкам, да и не скрывалось им самим, появилась фантастическая генеалогия, выводившая новый род от польского шляхтича Рожинского [154].



Граф Алексей Григорьевич Разумовский.

* Статья написана П. Х. Гребельским.



Дипломный герб графа Алексея Григорьевича Разумовского.

Щит четырехчастный диагонально пересеченный с малым щитком посредине, в лазоревом поле которого пробитый двумя стрелами серебряный панцирь. В верхней части щита в золотом поле коронованный тремя коронами орел. В нижней части лейб-компанские элементы. В левой и правой частях, в поле с перемежающимися цветами серебряного с лазоревым, выходящий орел с золотым кольцом в клюве. Щит увенчан графскою короною с тремя шлемами: правый со штандартом и двумя пересекающимися стрелами, средний с государственным орлом, правый с лейб-компанскою шапкою. Щитодержатели с левой стороны скиф, с правой — поляк. Девиз: «Famam extendere factis» *(гСлаву (должно) увеличивать деяниями*)*. Герб Высочайше утвержден 1 марта 1751 года.

Мальчиком Алексей пас общественное стадо, но у него проявилась страсть к учению и пению; он выучился грамоте у дьячка соседнего села Чемер. В 1731 г. через это село проезжал один из придворных, полковник Вишневский, услышал в церкви чудный голос Алексея и взял его с собой в Петербург. Обер-гофмейстер двора Анны Иоанновны Левенвольд принял Алексея Розума в придворный хор; там его увидела и услышала Цесаревна Елизавета Петровна, пленившаяся его голосом и наружностью, — он был красавец в полном смысле этого слова. С этого времени началось его быстрое возвышение; после ссылки любимца Цесаревны Шубина он занял его место в ее сердце. Потеряв голос, Розум получил должность придворного бандуриста, потом, уже под фамилией Разумовского, — управляющего имением и Двором Цесаревны. В правление Анны Леопольдовны был назначен камер-юнкером. После дворцового переворота 25 ноября 1741 г. и вступления на Престол Елизаветы Петровны стал камергером, генерал-поручиком, а в 1756 г. — генерал-фельдмаршалом [8, 154].

С 1742 г. Императрица Елизавета Петровна состояла в тайном морганатическом браке с Алексеем Григорьевичем Разумовским [122]. От этого брака (по разным источникам) у них якобы были дети, носившие фамилию Таракановы. Под этой фамилией в XVIII в. были известны две особы:

Первая — по имени *Августа (Тимофеевна),* считавшаяся дочерью Елизаветы Петровны и А. Г. Разумовского, родившаяся около 1744 г. Место рождения ее неизвестно; неизвестно также,

Князья, графы и дворяне Разумовские *Таблица 53*

Колено от Якова Розума										
I	Яков Розум [1]									
II	Иван [2]									Григорий [3]
III	Иван [4]								Данило [5]	Алексей [6] граф 1709–1771	Кирилл [7] граф 1724–1803
IV	Савва [8]	Петр [9] ?–1771	Василий [10]	Алексей [11] граф 1748–1822	Петр [12] граф 1751–1823	Андрей [13] Светл. князь 1752–1836 (бездетен)	Иван [14] граф 1756–1803 (холост)	Лев [15] граф 1757–1818 (бездетен)		Григорий [16] граф 1758–1837
V			Николай [17] 1765–?	Петр [18] граф 1775–1839 (холост)	Кирилл [19] граф 1777–1829 (холост)	Перовские графы и дворяне (см. том 4)			Максимилиан [20] (?) граф ?–1849	Лев [21] граф 1816–1868
VI										Константин-Артур [22] граф 1852–?
VII									Лев-Карл-Вернер [23] 1888–?	Кирилл-Карл-Григорий [24] 1890–?	Андрей-Фердинанд-Эммануил [25] 1892–?



«Принцесса Августа Тараканова, в иноцех Досифея».

когда она была отправлена за границу, где получила воспитание и откуда силою в 1785 г. была привезена по повелению Екатерины II в московский Ивановский монастырь [8, 154].

Постриженная под именем Досифеи, она прожила здесь до смерти в 1810 г. в полнейшем уединении (даже церковное богослужение совершалось только для нее одной), занималась благотворительностью, чтением и рукоделием. Последние годы провела в безмолвии и считалась «праведной». Роста была среднего, худощава и редкой красоты [8, 154].



Княжна Елизавета Тараканова.

Только после смерти Екатерины II ее стали посещать митрополит и некоторые знатные лица. На ее похоронах при большом стечении народа присутствовали родственники Разумовских и очень многие вельможи. Похоронена в Новоспасском монастыре, в усыпальнице бояр Романовых. Сохранился ее портрет, на котором имеется надпись: «Принцесса Августа Тараканова, в иноцех Досифея» [8, 154].

Вторая —самозванка неизвестного происхождения. Была очень хорошо воспитана, обладала большим тактом, знала языки. Отличаясь редкой красотой и умом, имела многих поклонников, которых доводила до разорения и тюрьмы. Преследуемая кредиторами, она переезжала из Киля в Берлин, из Берлина в Гент, оттуда в Лондон, затем в Париж и т. д., именуясь то девицей Франк, то Шель, то госпожой Тремуйль [8, 154].

Поселившись в 1772 г. в Париже, она стала выдавать себя за Принцессу Владимирскую, говоря, что воспитывалась у дяди в Персии, а по достижении совершеннолетия приехала в Европу с целью отыскания наследства, находившегося в России [154].

В начале 1774 г. под влиянием поляков она объявила себя дочерью Императрицы Елизаветы Петровны, сестрой Емельяна Пугачева и претенденткой на русский Престол. Для достижения своей цели она решилась отправиться в Венецию, а оттуда в Константинополь, но бурей была выброшена около Рагузы, где и прожила до конца 1774 г., ведя обширную переписку, направляя письма к султану, графу А. Г. Орлову-Чесменскому, воспитателю Наследника Русского Престола Н. И. Панину. В письмах она говорила о своем происхождении от Елизаветы Петровны, представляя даже вымышленное духовное завещание Императрицы, о жизни с матерью до десятилетнего возраста, затем у шаха персидского, о намерении с помощью Пугачева занять престол и др. [154].

Но ее обращения к султану, затем переговоры с кардиналами не имели успеха. Между тем А. Г. Орлов получил от Императрицы Екатерины II повеление «схватить бродяжку», что и исполнил, притворившись ее сторонником и предложив ей свою руку. Под этим предлогом ее заманили на корабль и арестовали в Ливорно в мае 1775 г. [8, 154].

Она была доставлена в Петропавловскую крепость, подвергнута продолжительному допросу фельдмаршалом князем Голицыным, во время которого давала различные показания. 4 декабря 1775 г. она умерла от туберкулеза, скрыв тайну своего происхождения даже от священника [8, 154].

Предание о гибели княжны Таракановой во время наводнения в Петербурге в 1777 г. послужило сюжетом для многочисленных книг и наделавшей много шума картины Флавицкого «Княжна Тараканова» (1864) [8, 154].

По мнению Васильчикова, басня о Таракановых обязана своим происхождением тому факту, что Алексей Григорьевич действительно



Герб графов Разумовских.

В разделенном на две части щите двуглавый коронованный орел переменных с полями цветов, на груди которого в лазоревом поле малого щитка пробитый двумя красными стрелами серебряный панцирь. Щит увенчан графскою короною, над которой шлем с короною, из нее выходит прапор с пробитым стрелами панцирем, а за ним две стоящие стрелы. Щитодержатели: с левой стороны скиф, с правой — поляк. Девиз: «Famam extendere factis» *(«Славу (должно) увеличивать деяниями»)*.

воспитывал в Швейцарии своих племянников Дараганов (Дарагановых), Закревских и Отрешенного. Иностранцам легко было переделать Дарагановых в Тараканових и создать легенду об их происхождении [154].

16 мая 1744 г. Алексей Григорьевич был возведен в графское Римской Империи достоинство, а 15 июля 1744 г. Именным Высочайшим указом он и его брат, камер-юнкер Кирилл Григорьевич, были возведены с нисходящим их потомством в графское Российской Империи достоинство [131].

Герб графов Разумовских помещен в «Общем Гербовнике», часть I, под № 21 [104].

Занимая исключительное положение при Дворе, он мало занимался государственными делами. Добивался льгот для украинского шляхетства, содействовал восстановлению гетманства на Украине. С 1762 г. — в отставке [8]. Умирая, Елизавета Петровна взяла с Наследника обещание не делать вреда Алексею Григорьевичу. Рассказывали, что, вступив на Престол, Екатерина II отправила к нему канцлера Воронцова с указом о присвоении ему титула Высочества, как супругу покойной императрицы. Разумовский показал Воронцову документы, подтверждающие их брак, и при нем сжег их в камине, сказав: «Я был только верным рабом государыни... Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов». Екатерина II сказала после доклада Воронцова: «Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало. Шепот о нем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня» [154].



Граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

7. Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф с 1744 г., последний гетман Украины. В 1743 г. направлен на два года за границу для обучения. С 1745 г. — камергер. С 1746 по 1765 г. — президент Петербургской Академии наук, но активного участия в делах Академии не принимал; поддерживал М. В. Ломоносова. Был крупнейшим феодалом-землевладельцем. С 1750 г. — гетман Украины, где провел ряд экономических и административных мероприятий в интересах



Графиня Екатерина Ивановна Разумовская (1729—1771), дочь двоюродного брата Императора Петра I, Ивана Львовича Нарышкина, супруга графа К. Г. Разумовского.



Граф Алексей Кириллович Разумовский.



Граф Лев Кириллович Разумовский.



Светлейший князь Андрей Кириллович Разумовский.



Графиня Мария Григорьевна Разумовская (1772—1865), урожденная княжна Вяземская. В первом браке за князем Александром Николаевичем Голицыным (ум. 1817), во втором — за графом Л. К. Разумовским.

укрепления шляхетства и купечества (ограничение свободного перехода крестьян, перепись населения), заботился о развитии украинской культуры. Активно участвовал в подготовке дворцового переворота 1762 г., возведшего на Престол Екатерину II, за что был произведен в сенаторы и генерал-адъютанты. В 1764 г., в связи с ликвидацией гетманства на Украине, был смещен с должности, тогда же произведен в генерал-фельдмаршалы [8, 154].

8. Савва Иванович, войсковой канцелярист (1753) [94а].

9. Петр Иванович (ум. 1771), генерал-майор [83].

10. Василий Иванович, генерал-майор и егермейстер [83].

11. Граф Алексей Кириллович (1748—1822), сын К. Г. Разумовского. С 1769 г. на придворной службе. Выйдя в отставку в 1795 г., поселился в подмосковном селе Горенки, где создал ботанический сад, собрал крупнейшую в России библиотеку по естественным наукам. В конце XVIII в. примкнул к наиболее мистическому течению русского масонства. С 1810 г. — министр народного просвещения. Содействовал расширению сети начальных школ (приходские и уездные училища), учредил несколько новых гимназий, заботился об улучше-

нии методов преподавания, запретил телесные наказания [8, 154].

Придерживаясь консервативных воззрений, немало способствовал падению М. М. Сперанского, был проводником русификаторской политики в Западном крае, ввел богословие в качестве главной дисциплины в программы всех учебных заведений и основал Училище ордена иезуитов, был вице-президентом Библейского общества. С 1816 г. в отставке [8, 154].

Его незаконнорожденные дети, «воспитанники», — пять сыновей и четыре дочери — получили фамилию Перовские, по названию подаренного им подмосковного села Перово. Подробнее о них см. статью в томе 4: «Графы и дворяне Перовские».

12. Граф Петр Кириллович (1751—1823), сенатор, действительный тайный советник. Учился в Германии, затем в Англии. В 1772 г. был произведен в полковники, а в 1780 г. — в генерал-майоры. По вступлении на Престол Павла I был назначен сенатором и пожалован в действительные тайные советники. В 1814 г. был назначен обер-камергером [126].

13. Граф Андрей Кириллович (1752—1836), князь с 1814, Светлейший князь с 1815, действительный тайный советник, дипломат. В 1769—1775 гг. служил на флоте. С 1777 г. состоял на дипломатической службе: в 1777—1784 гг. посланник в Неаполитанском Королевстве, в 1786—1788 гг. посланник в Швеции, в 1790—1799 гг. посол в Австрии [8, 154].

Во время Итальянского и Швейцарского походов русской армии (1799) действовал иногда в ущерб интересам России. В 1799 г. по настоянию А. В. Суворова был отозван из Вены в Россию. В 1801—1807 гг. — снова на посту русского посла в Вене, приложил много усилий для вовлечения Австрии в коалицию и войну против Франции на стороне России. С 1807 г. — в отставке, жил в Вене как частное лицо, устраивал домашние концерты, собирал картинную галерею. В 1813—1814 гг. находился в Свите Александра I в качестве внешнеполитического советника. Один из руководителей русской делегации на Венском конгрессе в 1814—1815 гг. [8, 154].

14. Граф Иван Кириллович (1756—1803)*, генерал-майор. Окончил Кадетский шляхетский сухопутный корпус в 1782 г. и выпущен поручиком в Севский мушкетерский полк. В 1785 г. отправлен отцом за границу для обучения, но не желал учиться и в 1788 г. был возвращен в Россию. Принял участие в штурме Измаила в 1788 г. и, командуя полком, отличился в битве при Мачине (1791), за что награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В 1796 г. по прошению уволен от службы с производством в генерал-майоры [126].

* У В. Л. Модзалевского [94а] даты жизни: 1767—1802.

15. Граф Лев Кириллович (1757—1818), генерал-майор. Принял участие в русско-турецких войнах, командуя егерскими полками под начальством А. В. Суворова. С вступлением на Престол Павла I подал прошение об отставке [126].

16. Граф Григорий Кириллович (1758—1837), бригадир. Много жил за границей. В Лозанне купил дом и основал Общество любителей физических наук. Написал несколько сочинений по минералогии. Он состоял членом нескольких ученых обществ. В 1790 г. по предложению княгини Е. Р. Дашковой он был избран членом Российской Академии наук. В 1790 г. женился на баронессе Генриетте Мальцен (ум. 1827), а затем, не разведясь с ней,— на баронессе Терезии-Елизавете Шенк-де-Кастель (1790—1818). Этот брак не был разрешен Синодом, и в 1818 г., после смерти жены, он вместе с двумя сыновьями, Львом и Максимилианом, навсегда покинул Россию. Они приняли австрийское подданство и перешли в протестантство [83, 126].

Указом Австрийского Императора Франца II от 2 июля 1811 г. он признан в графском Богемского Королевства достоинстве, сохранившемся за его потомками.

17. Николай Васильевич (1765—?), подполковник Астраханского карабинерного полка (1789) [94а].

18. Граф Петр Алексеевич (1775—1836), камергер. Обучался за границей. С 1793 г. на военной службе. В 1798 г. произведен в полковники и назначен командиром Сводного гренадерского батальона. В 1799 г. произведен в генерал-майоры. В 1801 г. был пожалован в действительные камергеры. С его смертью прекратился в России род графов Разумовских [126].

19. Граф Кирилл Алексеевич (1777—1829), камергер. В 1804 г. у него появились признаки умопомешательства. По указанию Александра I в 1806 г. он был помещен в Шлиссельбургскую крепость, а с 1808 г. переведен в монастырь. Потом его выпустили под опеку, и в 1829 г. он умер в Харькове [126].

20. Максимилиан Григорьевич (ум. 1849). В Австрии и Германии за ним признавалось графское достоинство. Протестант. Умер бездетным [83, 126].

21. Лев Григорьевич (1816—1868), протестант, так же, как и брат Максимилиан, служил в Австрии и Германии. Сенешал Герцогского Саксен-Готского Двора. Имел детей [83, 126].

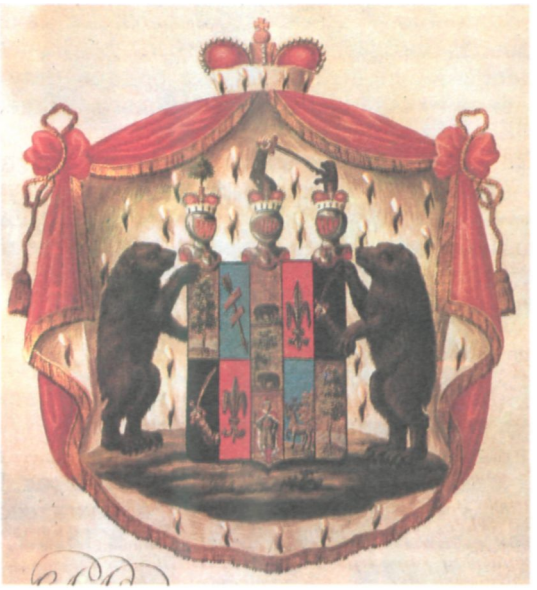
КНЯЗЬЯ РОМОДАНОВСКИЕ-ЛАДЫЖЕНСКИЕ

Ромодановские-Ладыженские * — княжеский род, происходящий по женской линии от убитого на войне в 1712 г. гвардии капитана князя *Андрея Михайловича Ромодановского,* о роде которого см. в томе 1. Его третья дочь, княжна *Екатерина Андреевна,* вышла замуж за Ивана Петровича Ладыженского и имела двух дочерей и двух сыновей, *Сергея,* умершего бездетным, и *Николая* (ум. 1803). Последний служил при Императрице Екатерине II генерал-поручиком. Император Павел I назначил его сенатором, пожаловал в действительные тайные советники, переименовав впоследствии в генералы-от-инфантерии. Именным Высочайшим указом от 8 апреля 1798 г. ему было дозволено принять фамилию и титул князей Ромодановских и потомственно именоваться *князем Ромодановским-Ладыженским* [8, 126].

Герб князей Ромодановских-Ладыженских внесен в «Общий Гербовник», часть IV, под № 5 [104].

Князь Александр Николаевич, генерал-лейтенант (1808), сын предыдущего. Окончил Пажеский корпус в 1783 г. От брака с воспитанницей своего холостого дяди барона Петра Исаевича Шафирова оставил трех дочерей и двух сыновей, князей *Константина* и *Юрия,* со смертью которых род князей Ромодановских-Ладыженских пресекся в 1871 г. [126, 154].

* Статья написана П. Х. Гребельским.



Герб князей Ромодановских-Ладыженских.

Щит разделен на десять частей с одиннадцатою частью посредине, в которой помещен герб княжества Стародубского. В первой и десятой частях герба в золотом поле дуб. Во второй части в лазоревом поле два диагонально положенных золотых бруска, за которыми золотая стрела. В пятой части в золотом поле по зеленой траве идущий черный медведь. В четвертой и седьмой частях в красном поле золотая лилия. В пятой и шестой частях в черном поле рука в латах, держащая меч. В восьмой части в золотом поле Стародубский князь в княжеской мантии и шапке, с посохом в руке. В девятой части в лазоревом поле на зеленой траве из золотого леса бегущий олень с ветвью во рту. На щите три дворянских шлема с княжескою шапкою на каждом. В нашлемниках: слева медведь, в середине рука с мечом, справа дерево, старый дуб. Щитодержатели два медведя. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

КНЯЗЬЯ, ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ САЛТЫКОВЫ

Салтыковы или Солтыковы * — княжеский, графский и дворянский роды, родоначальником которых считается *Михаил Прушанин* — «муж честен из Прусс», живший в начале XIII в. Сын его *Терентий* был боярином князя Александра Невского и отличился в Невской битве (1240). Праправнук его, *Иван Семенович Мороз,* имел пятерых сыновей, прозванных Морозовыми. Происходивший от одного из них *Михаил Игнатьевич,* по прозвищу *Салтык* или *Солтык,* и был непосредственным родоначальником фамилии * [154].

Родословное древо потомков Михаила Прушанина до разделения на отдельные роды приведено в таблице 54 [44].

Салтыковы — один из знатнейших боярских родов в XVII в., жалуемых в бояре, минуя чин окольничего [124]. При Императрице Анне Иоанновне были возведены в графское Российской Империи достоинство кравчий *Василий Федорович,* родной дядя Императрицы, и их дальний родственник генерал-аншеф и обер-гофмейстер *Семен Андреевич*. В 1790 г. был возведен в графское, а в 1814 г. в княжеское Российской Империи достоинство с титулом Светлости генерал-фельдмаршал *Николай Иванович.* От его внука князя *Алексея Александровича* началась ветвь князей Салтыковых-Головкиных [154].

Родословное древо князей, графов и дворян Салтыковых приведено в таблице 55 [44, 111].

Из рода Салтыковых наиболее известны:

2. Андрей Михайлович (ум. 1522), оружничий Великого князя Московского Василия III [154].

5. Василий Михайлович, брат предыдущего, прославился храброй защитой города Опочки против князя Константина Острожского в 1518 г.

6. Яков Андреевич (ум. 1571), боярин Царя Иоанна IV Грозного [44].

9. Лев Андреевич (ум. 1573), боярин Царя Иоанна IV Грозного [44].

13. Борис Иванович (ум. 1553), прозвище Борозок, воевода. Зимой 1552—1553 гг. был направлен с войсками на подавление восстания вотяков и луговой черемисы. В упорном сражении войско было разбито, а воевода захвачен в плен и зарезан [126].

22. Михаил Михайлович (ум. 1608), окольничий [44].

31. Михаил Глебович, по прозвищу Кривой (ум. ок. 1618), в царствование Федора Иоанновича и Бориса Годунова несколько раз участвовал в переговорах с Польшей и Швецией. При появлении Лжедмитрия I перешел на его сторону под Кромами. Затем был активным участником заговора против Лжедмитрия I. В 1606 г. Василий Шуйский выслал его в Ивангород, но вскоре сделал воеводой в городе Орешке, где он в 1608 г. убедил жителей перейти на сторону Лжедмитрия II и, преследуемый М. В. Скопиным-Шуйским, убежал в тушинский лагерь. Возглавил посольство русской знати к Сигизмунду III под Смоленск и принимал участие в переговорах об избрании на Царство Королевича Владислава (1610), но затем поддерживал кандидатуру самого Сигизмунда. В 1611 г. был отправлен во главе посольства в Польшу, где и умер [8, 154]. Его дети и внуки сохраняли вотчины в Дорогобужском уезде, доставшемся Королю по перемирию 1618 г., получили в Великом княжестве Литовском и другие пожалования. Некоторые из них приняли католичество. В Польше они носили фамилию Солтык. В XIX в. употребляли графский титул. Из этой ветви происходил Краковский католический епископ Каетан Солтык.

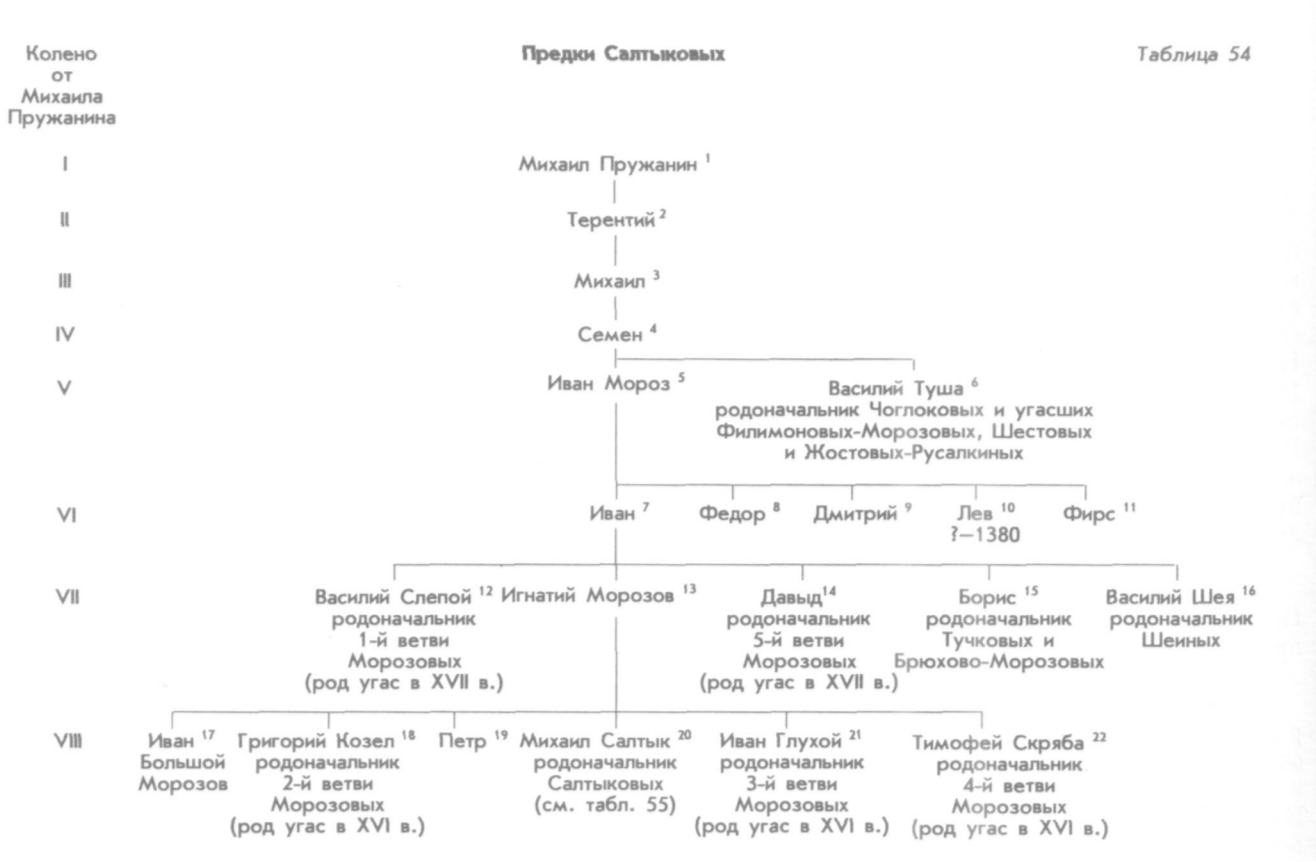
32. Иван Иванович (ум. 1670), боярин [44].

35. Борис Михайлович (ум. 1646), боярин, благодаря родству с матерью Царя Михаила Федоровича пользовался при его Дворе большим влиянием, но с приездом патриарха Филарета и по обнаружении клеветы Михаила Михайловича на Хлоповых был выслан в деревню и вернулся в Москву только после смерти Филарета [154].

36. Михаил Михайлович, боярин, главный виновник интриги, жертвой которой сделалась в 1616 г. первая невеста Царя Михаила

* Статья написана П. Х. Гребельским.

** Академик В. Л. Янин [154в] подвергает сомнению официальную версию и считает, что новгородский боярин Иван Мороз, погребенный в Воскресенской церкви, и предок московских Морозовых — разные лица, так как московский боярин Иван Мороз действовал в середине XIV в., а его новгородский тезка — в начале XV в., и предание о связи с Новгородом возникло в конце XV—начале XVI в. по инициативе одного из членов семьи московских Морозовых, исполнявшего в Новгороде должность Московского наместника, под впечатлением сведений о деятельности однофамильцев, взятых из местных синодиков. Таким образом, отец Ивана Мороза и его брата Василия Туши (предка Тучковых) историкам неизвестен. Однако мы приводим в очерке традиционную родословную семьи [С. В. Думин].



Федоровича Мария Ивановна Хлопова. Ей при причесывании стянули волосы так, что она, выйдя перед Царем, упала в обморок. Невесту и родителей, после доклада Михаила Михайловича, что «дохтуры» назвали болезнь неизлечимой, сослали в Тобольск. После возвращения из польского плена отца Царя, патриарха Филарета, выяснилось, что Салтыковы поссорились с Хлоповыми и все это было подстроено. За это Михаил и Борис были разосланы по деревням, а их мать заключена в монастырь. Возвращен в Москву после смерти Филарета. В 1641 г. получил боярство. В 1650-х гг. был воеводой в Казани [126, 154].

37. Иван Никитович Ёр, в 1612 г. уехал в Польшу со своими детьми, там принял католичество. Он является родоначальником польских дворян Солтыков [44].

38. Лаврентий Дмитриевич (ум. 1660), боярин [44].

39. Иван Михайлович (ум. 1611). В 1607 г. в качестве воеводы участвовал в подавлении восстания Ивана Болотникова. В 1610 г., вместе с отцом, участвовал в посольстве к Сигизмунду III с предложением Престола Королевичу Владиславу. В Клушинской битве оказал много услуг польскому гетману Жолкевскому, способствуя агитации в русских войсках против Царя. Привел к присяге на верность Владиславу новгородцев и жителей ряда окрестных городов. В 1611 г. ходил с войском против шведов к Ладоге. Новгородцы вызвали его и, несмотря на клятву не причинять вреда, подвергли его жестоким пыткам и посадили на кол. Истинные причины гибели Салтыкова остаются неясны [126, 154].

47. Петр Михайлович (ум. 1690), кравчий (1639—1640), боярин (с 1657), доверенное лицо Царя Алексея Михайловича. Стоял во главе многих Приказов: Денежного сбора и Судного Владимирского (1659—1661), Владимирской, Галицкой четвертей и Малороссийского (1662—1667), Большой казны (1670—1673). Руководил расследованием и судом над патриархом Никоном. Был воеводой в Тобольске (1673—1677), Астрахани (1677—1678) и Смоленске (1681). В 1682 г. восставшие сами принесли к нему тело «побитого» по ошибке сына Федора. «Божья воля!» — сказал старик и, по словам современника, велел угостить пришедших [124].

49. Федор-Александр Петрович (ум. 1697), отец Прасковьи Федоровны, жены Царя Иоанна V Алексеевича, боярин [44].

Прасковья Федоровна (1664—1723), Царица, жена Царя Иоанна V Алексеевича, дочь стольника и воеводы Федора Петровича. Повенчана с Царем 9 января 1684 г. Родила пятерых дочерей. Овдовев, она проживала с дочерьми преимущественно в селе Измайлове. Воспитанная на началах старинного дореформенного быта, Царица едва знала грамоту, была полна предрассудков, суеверия и ханжества: «Двор невестки, — говорит про нее Петр I, — гошпиталь уродов, ханжей и пустосвятов». Тем не менее, она сознавала

необходимость преобразований, умела приспосабливаться к обстоятельствам и воспитала своих дочерей в духе времени. За это Петр I не только прощал ей слабости, но даже питал к ней любовь и уважение [8, 154].

52. Степан Иванович, боярин, Азовский воевода. Некоторое время был воеводой Великого Устюга, с 1681 г. возглавлял Судный приказ, с 1690 по 1696 г. был воеводой в Тобольске, а с 1698 г. — в Азове. С 1700 г. жил в Москве [126].

56. Федор Петрович, комнатный стольник. По всем сообщениям о событиях 15 мая 1682 г. — убит восставшими. Однако эпизод описывается летописцами с чужих слов. Общая версия такова: «...стольника Федора Петровича стрелец прободе копией, и свергоша с Верху от Спаса к большому Успенскому собору... на копия же, не зная, чаяли Нарышкин, а сказати сам про себя не успел, что Салтыков, исторопился; и извлечен за град на площадь, и положа на полсти, принесли ко отцу в дом, глаголюще, яко не зная убиша, чаяли — Нарышкин». Но «убить» в русском языке не обязательно значило — до смерти, а слух мог быть и преувеличен, так как в 1683 г. Федор Петрович был пожалован в бояре и жил, по крайней мере, до конца XVII в. [124].

57. Алексей Петрович, боярин (1682), Московский и Казанский губернатор при Петре I. С 1689 г. — воевода в Астрахани. В 1698 г. командовал Рязанским полком. В 1711 г. заведовал Провиантским приказом, а с 1713 г. назначен Московским губернатором. В 1715 г. у него произошло столкновение с вице-губернатором Ершовым, который*обвинял Салтыкова в растрате (потере) 50 тысяч рублей казенных денег, что послужило поводом для освобождения его от должности. Очевидно, ему удалось оправдаться перед Царем Петром, так как в 1718 г. он принимал участие в суде над Царевичем Алексеем Петровичем и подписал его смертный приговор. В 1719 г. назначен Казанским губернатором. В 1724 г. по его прошению был освобожден от службы и вернулся в Москву [124, 126].

58. Петр Петрович (ум. 1700), боярин [44].

62. Василий Федорович (ум. 1730), граф с 1730, родной брат Царицы Прасковьи Федоровны. Кравчий с 1690 г. (обер-шенк после введения «Табели о рангах»). Был близок ко Двору, где пользовался расположением сестры-Царицы и ее дочерей. После смерти в 1707 г. жены Аграфены Петровны, урожденной княжны Прозоровской, вступил во второй брак с княжной Александрой Григорьевной Долгоруковой. В 1721 г. его тесть князь Григорий Федорович «бил челом» Государю о том, что его зять бьет жену. Дело кончилось разводом. По воцарении Анны Иоанновны Салтыков, ее родной дядя, был осыпан милостями: пожалован в 1730 г. в графское Российской Империи достоинство, чином действительного тайного советника, орденом св. апостола Андрея Первозванного и назначен Московским генерал-губернатором, но в том же году умер [120].



Царица Прасковья Федоровна, супруга царя Иоанна V Алексеевича.

63. Петр Самуилович (ум. после 1719), боярин (1691). Стольник с 1684 г. С 1691 г. воевода в Смоленске. Принимает деятельное участие в обеспечении безопасности города от нападения шведов в 1704—1706 гг. В 1711 г. в связи с реорганизацией управления назначен губернатором вновь образованной Смоленской губернии. В 1713 г. перемещен на должность губернатора в Казань. В отличие от своего предшественника П. М. Апраксина аккуратно платил установленные сборы, однако сообщал в Сенат, что от чрезмерных сборов, которые требовал Сенат, губерния может обезлюдеть. По болезни в 1719 г. просил Петра I освободить его от должности, что и было исполнено [126].

65. Федор Степанович (ум. 1715), спальник, морской агент в Лондоне. В 1697 г. был отправлен Петром I в Голландию для обучения мореходству и судостроению. В чине капитана участвовал в сражении под Нарвой. В 1703 г. назначен корабельным мастером и до 1707 г. работал на Олонецкой верфи. С 1707 по 1711 г. работал на Петербургской и Новоладожской верфях. С 1711 г. был направлен за границу для покупки судов. Составил и направил царю две записки, в которых изложил обширную программу реформ и нововведений для «сравнения российского государства с лучшими европейскими государствами». Он являлся поборником европейского просвещения, введения в России дворянских титулов, развития промышленности и т. д. Однако большая часть «предложений» отличалась непрактичностью, и они, за исключением немногих, не имели прямого влияния на преобразовательную деятельность Петра I [126].



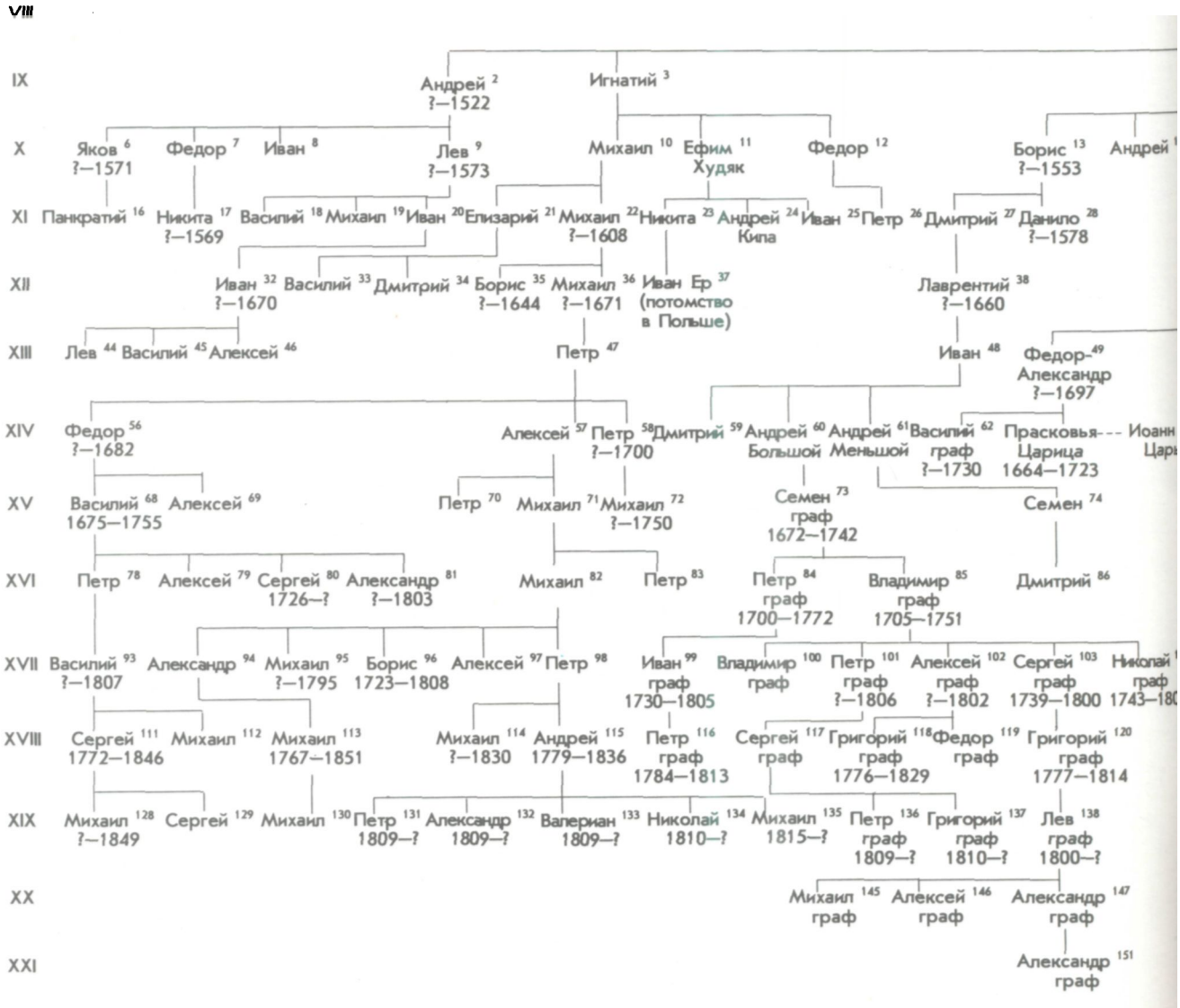
Сергей Васильевич Салтыков.



Герб рода Салтыковых.

В золотом поле щита черный одноглавый коронованный орел и за ним рука в латах с поднятым мечом. Над щитом дворянские шлем и корона с тремя страусовыми перьями. Щитодержатели два единорога.

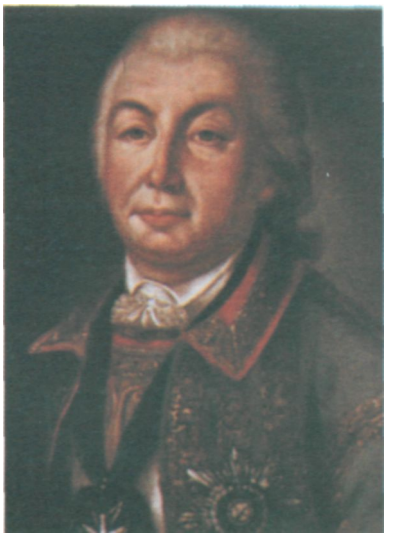
Колено от Прушанина



68. Василий Федорович (1675—1755), был при Анне Иоанновне генерал-адъютантом, генерал-полицмейстером в Петербурге и сенатором [154].

72. Михаил Петрович (ум. 1750), действительный статский советник [44].

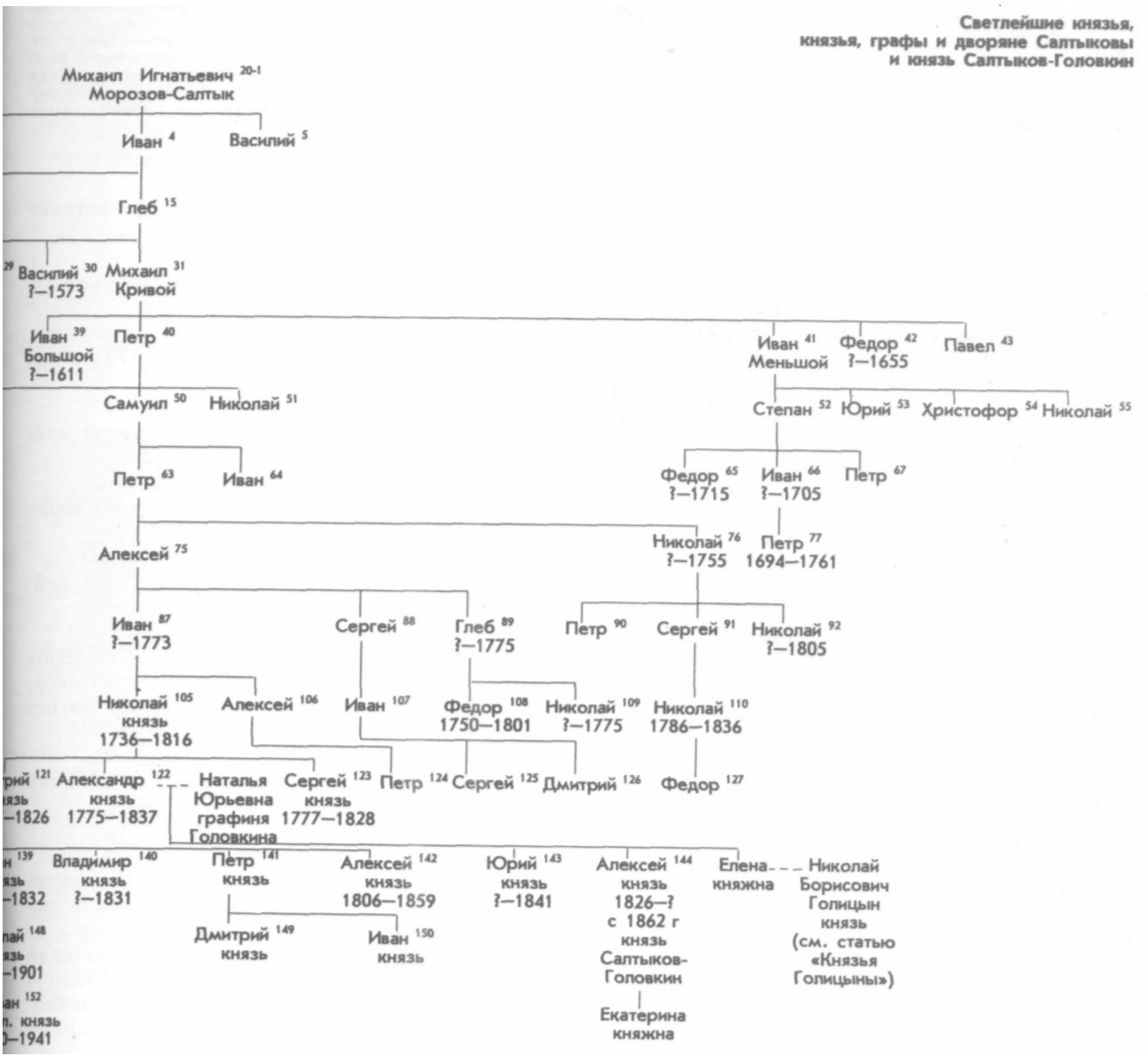
73. Семен Андреевич (1672—1742), граф с 1733 г., генерал-адъютант, генерал-аншеф, обергофмейстер, кавалер ордена св. апостола Андрея Первозванного. В 1697 г. был отправлен Петром I в Англию и Голландию для изучения морского дела, но, вернувшись с недостаточными познаниями, поступил на службу в сухопутные войска. В 1719 г. был произведен в бригадиры и назначен членом Военной коллегии. В 1722 г. произведен в генерал-майоры. В 1727 г., будучи в чине генерал-лейтенанта, принял деятельное участие в свержении князя А. Д. Меншикова. При вступлении на Престол Анны Иоанновны примкнул к партии, требовавшей восстановления самодержавия. Императрица осыпала милостями своего



Граф Петр Семенович Салтыков.

Таблица 55

Светлейшие князья, князья, графы и дворяне Салтыковы и князь Салтыков-Головкин



усердного слугу-родственника. Именным Высочайшим указом от 28 января 1733 г. он был возведен в графское Российской Империи достоинство. Для упрочения своего положения Салтыков угодничал и перед Бироном, делая ему дорогие подарки. Несмотря на близкие отношения с Императрицей и ее милости, государственная деятельность Семена Андреевича была скромной [126].

76. Николай Петрович (ум. 1755), тайный советник, Московский губернатор [44].

77. Петр Иванович (1694—1761), тайный советник, Новгородский губернатор [44].

78. Петр Васильевич, тайный советник [44].

80. Сергей Васильевич (1726—?), был посланником в Гамбурге (с 1755), Париже (с 1762) и в Дрездене. Он был одним из первых фаворитов супруги Наследника Великой княгини Екатерины Алексеевны (будущей Императрицы Екатерины II), и она сама назвала его в своих «Записках» отцом своего сына Павла, родившегося в 1754 г. [56].

81. Александр Васильевич (ум. 1803), тайный советник [44].

82. Михаил Михайлович, сенатор, президент Камер-коллегии [44].

84. Граф Петр Семенович (1698—1772), генерал-фельдмаршал (1759). Начал службу в 1714 г. рядовым солдатом и был отправлен Петром I во Францию для обучения мореходству. Участвовал в Шведской войне 1742 г. Во время Семилетней войны 1756—1763 гг. был в 1759 г. назначен главнокомандующим русской армией и одержал победы над пруссаками при Цюллихау и при Кунерсдорфе. Последняя победа доставила ему фельдмаршальский жезл. Во время кампании 1760 г. смещен с должности из-за разногласий с австрийским командованием и Высшим Военным советом в Петербурге. Сдал командование генералу Фермору, но в 1762 г. вновь был назначен командующим армией. После окончания войны — сенатор, а в 1763 г. — главнокомандующий войсками в Москве. В 1771 г., когда там начала свирепствовать чума, он принял самые экстренные меры, но затем обратился к Императрице с просьбой разрешить ему на два дня уехать в свое подмосковное имение и, не дождавшись ответа, самовольно уехал из города, чем навлек на себя гнев Екатерины П. За время его отсутствия 15 сентября в Москве произошел бунт и в Донском монастыре был убит архиепископ Амвросий, запретивший доступ к чудотворной иконе во избежание распространения эпидемии. Несмотря на немедленное возвращение фельдмаршала в город и восстановленный им порядок, он был обвинен в возникших стихийных волнениях, его отставка



Герб графов Салтыковых.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором родовой герб дворян Салтыковых. В первой части щита в золотом поле и в черном поле двуглавый коронованный тремя коронами орел переменных цветов, держащий скипетр и державу. Во второй части в лазоревом поле серебряный шишак. В третьей части в лазоревом поле шпага, обвитая лавровой ветвью. В четвертой части в золотом и черном полях звезда о шести лучах переменных цветов. На щите графская корона, а на ней графские шлем и корона, из которой выходит черный двуглавый коронованный орел. Щитодержатели два единорога. Девиз: «За *верность, усердие и труды**.

была сразу же принята, в 1772 г. он оставил службу и вскоре умер [139, 154].

85. Граф Владимир Семенович (1705—1751), генерал-майор [44].

87. Иван Алексеевич (ум. 1773), генерал-аншеф [44].

91. Сергей Николаевич, генерал-майор [44].

92. Николай Николаевич (ум. 1805), действительный тайный советник [44].

93. Василий Петрович (ум. 1807), действительный тайный советник [44].

96. Борис Михайлович (1723—1808), писатель. Окончил Сухопутный Шляхетский корпус. Написал «Доказательства тому, что ум без разума беда» (СПб., 1806) и др. [154].

Герб дворян Салтыковых внесен в «Общий Гербовник», часть VII, под № 28 [104].

99. Граф Иван Петрович (1730—1805). Начав службу в гвардии и став вскоре камер-юнкером, бросил придворную службу для участия в Семилетней войне 1756—1763 гг.; закончил ее в чине генерал-майора, в дальнейшем участвовал во всех войнах России. С 1784 г. был генерал-губернатором Владимирским и Костромским. В 1790 г., командуя войсками, действовавшими

в Финляндии против шведов, блистательно провел кампанию. В 1795 г. вследствие ссоры с Румянцевым вышел в отставку, но через год назначен Киевским губернатором, а затем произведен в генерал-фельдмаршалы с назначением генерал-инспектором всей кавалерии и главнокомандующим Украинской армией. С 1797 по 1804 г. был военным губернатором Москвы [109, 154].

Герб графов Салтыковых внесен в «Общий Гербовник», часть II, под № 15 [104].

105. Николай Иванович (1736—1816), граф с 1790 г., князь с 1814 г., генерал-фельдмаршал (1796), участвовал в Семилетней войне. В 1769 г. содействовал князю Голицыну в овладении Хотином. В 1773 г. был назначен попечителем Наследника Престола Павла вместо Н. И. Панина.. С 1783 г. руководил воспитанием Великих князей Александра и Константина Павловичей. С 1784 г. назначен сенатором и членом Совета при Высочайшем Дворе (впоследствии — Государственный Совет), в 1788 г. — вице-президент Военной коллегии, а с 1790 г. вступил во все права президента. С марта 1812 по май 1816 г. — председатель Государственного Совета и председатель Комитета министров [8, 154].

Герб князей Салтыковых внесен в «Общий Гербовник», часть XI, под № 2 [104].

ПО. Николай Сергеевич (1786—1836), статский советник [44].

113. Михаил Александрович (1767—1851), тайный советник, сенатор. Окончил Шляхетский кадетский корпус в 1787 г. Принял участие во второй русско-турецкой войне и в 1789 г. был произведен в секунд-майоры в Сумский гусарский полк. В 1790 г. переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк и в 1795 г. получил чин полковника. Блестящая военная карьера, родственные связи, светские манеры, образование, ум и красота создают ему успех и видное положение при Дворе. После смерти Екатерины II отставлен от службы. После вступления на Престол Александра I Салтыков получает звание камергера и служит в Коллегии иностранных дел. В 1812 г. назначен попечителем Казанского учебного округа. В 1818 г. уволен от должности попечителя с оставлением в Министерстве иностранных дел. С 1830 г. — почетный опекун Москов-



Граф Иван Петрович Салтыков.



Князь Николай Иванович Салтыков.



Графиня Наталья Владимировна Салтыкова (1737—1812), супруга графа Н. И. Салтыкова.



Герб князей Салтыковых.

Щит, девиз и щитодержатели такие же, как и у графов Салтыковых. Над щитом три дворянских шлема с графскими коронами. В нашлемнике правого — согнутая рука, держащая фельдмаршальский жезл, а левого — рука с мечом, среднего — двуглавый орел. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

ского Опекунского совета. В 1849 г. согласно прошению уволен в отставку [126].

114. Михаил Петрович (ум. 1830), статский советник [44].

116. Граф Петр Иванович (1784—1813), камергер. В 1812 г. на свои средства снарядил полк для участия в Отечественной войне [44].

117. Граф Сергей Петрович, сенатор [44].

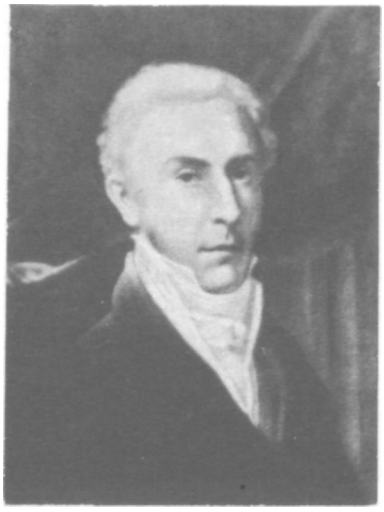
120. Граф Григорий Сергеевич (1777—1814), писатель (носил до 1801 г. фамилию



Княгиня Наталья Юрьевна Салтыкова (1781—1860), урожденная графиня Головкина, с 1845 г. княгиня Салтыкова-Головкина, супруга князя А. Н. Салтыкова.



Княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова (1789—1862), супруга князя С. Н. Салтыкова.



Князь Александр Николаевич Салтыков.



Князь Сергей Николаевич Салтыков.

Жердеевский). Кроме переводов ему принадлежит ряд од, написанных на современные ему исторические события [154].

122. Князь Александр Николаевич (1775—1837), тайный советник, член Государственного Совета. Был товарищем министра иностранных дел и некоторое время после Тильзитского мира исполнял должность министра. Его жена Наталья Юрьевна, урожденная графиня Головкина, как дочь последнего в роде графа Головкина, получила, по указу от 20 июля 1845 г., право именоваться: «княгиня Салтыкова-Головкина» [44, 154].

123. Князь Сергей Николаевич (1777—1828), действительный тайный советник, член Государственного Совета. Записан при рождении на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. Служил при Дворе с 1799 г. шталмейстером. В 1807 г. назначен в Сенат. Затем служил в различных комитетах [126].

138. Граф Лев Григорьевич (1800—?), тайный советник [44].

142. Князь Алексей Дмитриевич (1806—1859), путешественник, прозванный современниками за свое пристрастие к Индии и англичанам «индейцем» и «англоманом». Написал «Путешествие в Персию» (СПб., 1849) и «Описание Индии», публиковавшееся отрывками [154].

144. Князь Алексей Александрович (1826—?), Высочайше утвержденным 10 декабря 1862 г. мнением Государственного Совета коллежскому асессору князю Алексею Александровичу Салтыкову дозволено принять фамильное имя матери и именоваться князем *Салтыковым-Головкиным* [44, 131].

Дарья Николаевна (1730—1801), урожденная Иванова, жена лейб-гвардии Конного полка ротмистра Глеба Алексеевича (№ 89), известна под именем «Салтычихи» и «людоедки». Оставшись после мужа полной владелицей 600 крестьян, она в течение 7 лет замучила до смерти 139 человек, преимущественно женщин, в том числе нескольких девочек 11—12 лет [154].

Она приводила себя в истерическое состояние, придираясь к нечастным жертвам за якобы плохо вымытые полы или выстиранное белье, и начинала наносить побои скалкой, вальком, палкой и поленьями. Затем по ее приказанию конюхи и гайдуки били «провинившуюся» розгами, батогами, кнутом и плетьми. Под крики барыни: «Бейте до смерти!» — последние нередко исполняли в точности ее приказание. В случаях особого исступления опаливала своей жертве волосы на голове, била об стену головой, обливала кипятком, брала за уши горячими шипцами, кидала девочек с высокого крыльца, морила голодом и т. д. Дворянина Тютчева из-за отвергнутой им любви покушалась убить вместе с его женой. О ее злодействах ходили по Москве слухи, так как ее крепостные обращались с жалобами, но благодаря влиятельному родству и подаркам все заканчивалось наказанием и ссылкой жалобщиков [154].

Наконец, двум крепостным, у которых она убила жен, удалось летом 1762 г. подать просьбу Екатерине II. Юстиц-коллегия произвела следствие, длившееся 6 лет и на котором обвиняемая ни в чем не призналась. В 1768 г. коллегия, признав, что «Салтычиха» «немалое число людей своих мужска и женска пола бесчеловечно, мучительски убивала до смерти», приговорила ее к смертной казни, но казнь была заменена следующим наказанием. Лишенная дворянства и фамилии, «Дарья Николаева дочь» была возведена в Москве на эшафот, прикована к столбу (на шее был повешен лист с надписью: «Мучительница и душегубица») и после часового стояния заключена в подземную тюрьму в Ивановском Московском девичьем монастыре, где и сидела до 1779 г. под сводами церкви, а затем до самой смерти в застенке, пристроенном к стене храма. Ни разу не обнаружила раскаяния. От связи с караульным солдатом имела ребенка. Сообщники «Салтычихи» — крепостные, дворовые люди и священник, который отпевал и хоронил замученных как умерших естественной смертью, по. приговору Юстиц-коллегии были наказаны кнутом с вырезанием ноздрей и сосланы в Нерчинск на вечные каторжные работы [154].

148. Князь Николай Иванович (1830—1901), действительный тайный советник, обер-шенк [45].

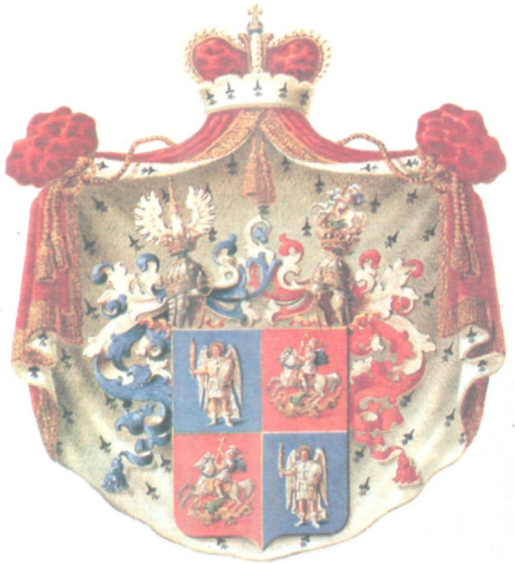
152. Князь Иван Николаевич (1870—1941), Свиты Его Императорского Величества генерал-майор, член Государственного Совета, Петербургский губернский предводитель дворянства [45]. Умер в Ницце (Франция) [156].

КНЯЗЬЯ СВЯТОПОЛК-МИРСКИЕ И ДВОРЯНЕ МИРСКИЕ

Мирские, с XIX **в. Святополк-Мирские,*** литовский дворянский род герба «Бялыня» с изменениями (стрела, помещенная под подковой, пронзает золотой шар). Известен с XVI в. Первые претензии этой семьи на происхождение из рода русских князей, якобы от сына Св. Владимира *Святополка,* князя Тверского, относятся к XVIII в. Как осторожно пишет Каспер Несецкий [162], «некоторые придерживаются мнения, что дом Мирских происходит от монарха русского Владимира, который в числе двенадцати сыновей имел сына Святополка, князя Тверского, а тот оставил двух сыновей, Андрея и Дмитрия, князей Тверских, от которых пошли князья Четвертинские и Мирские». Очевидно, основанием для такого заключения послужила гравированная схема родословия князей Огинских, составленная кем-то из многочисленных генеалогов-панегеристов, охотно украшавших «древа» магнатских родов легендарными именами владетельных предков.

В действительности Мирские, в XVI—XVII вв. не слишком крупные землевладельцы Браславского повета, вышли из нетитулованного литовского боярства (служилых людей). В начальный период истории рода никто из них не титуловался князем и не употреблял родового прозвания Святополк — оно появилось позже, когда Мирские приписали себе родство с князьями Святополк-Четвертинскими, т. е. семьей, действительно принадлежавшей к числу природных княжеских родов Великого княжества Литовского. Известный исследователь генеалогии литовско-русских княжеских фамилий Юзеф Вольф [164] относит Мирских (подобно многим другим семьям, необоснованно употребляющим титул) к числу «псевдокнязей».

Однако, опираясь на семейную традицию, в 1821 г. *Томаш-Богумил-Ян,* сын *Францишека-Ксаверия Мирского,* добился от Сената Царства Польского признания в княжеском достоинстве, а 18 апреля 1861 г. Император Александр II Высочайшим указом подтвердил титул за ним и его сыновьями *Дмитрием* и *Николаем Ивановичами* «без представления документов на сей титул, утраченных во время польской войны 1831 года» [111]. Появлению этого документа, вероятно, способствовали личные заслуги Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского, Свиты генерал-майора. Таким образом, данная ветвь рода Мирских была окончательно и формально утверждена в княжеском Российской Империи достоинстве, не распространявшемся на других потомков этого рода, нередко также прибавлявших к своей фамилии прозвание «Святополк». Князья Светополк-Мирские, считая своим родовым гнездом белорусский замок Мир, приобрели его и превратили в парадную резиденцию.



Герб князей Святополк-Мирских.

Щит четырехчастный, увенчанный двумя шлемами. В первой и четвертой частях щита в лазоревом поле герб Великого княжества Киевского: ангел в серебряном одеянии и вооружении, с пламенеющим мечом и серебряным щитом. Во второй и четвертой частях герб Московский: в червленом поле Св. Георгий поражает дракона золотым, с осьмиконечным крестом наверху, копьем. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Герб князей Святополк-Мирских внесен в «Общий Гербовник», часть XII, под № 3 [104].

Родословное древо дворян Мирских и князей Святополк-Мирских приведено в таблице 56. Из них наиболее известны:

7. Григорий (ум. 1661), великий мечник Великого княжества Литовского. Считался одним из храбрейших воинов своего времени и пользовался такой славой, что когда он попал в плен к туркам, то был выкуплен Польшей [7, 44].

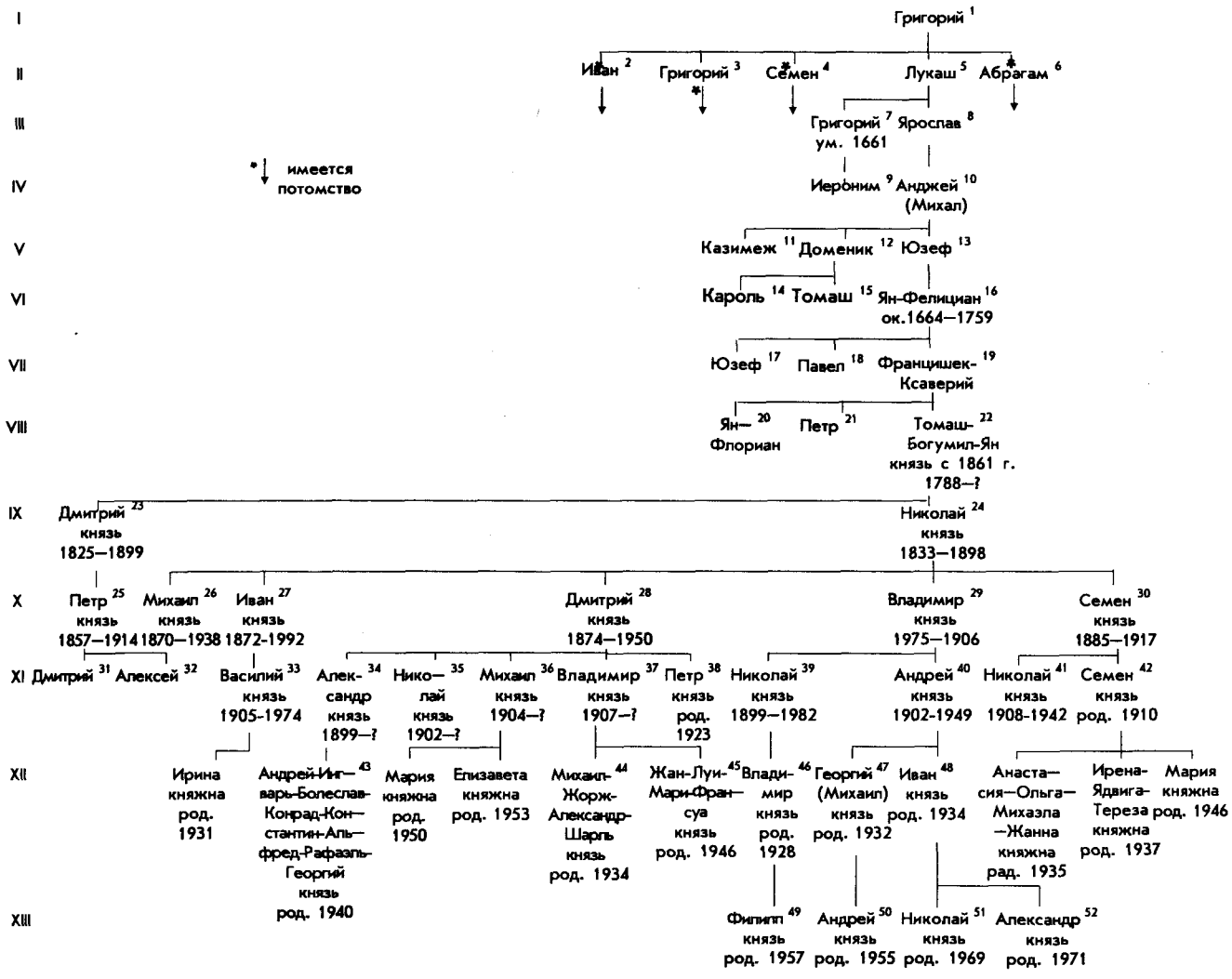
9. Иероним, погиб в сражении с русскими войсками под Шкловом в 1654 г.

10. Анджей Михал, подчаший Браславский, подписал акт избрания Короля Августа II в 1697 г.

22. Томаш-Богумил-Ян (1788—?), в 1821 г. получил от комиссии Сената Царства Польского признание княжеского титула. В 1823 г. был депутатом сейма.

* Статья написана С. В. Думиным и П. Х. Гребельским.

Дворяне Мирские и князья Святополк—Мирские



23. Князь Дмитрий Иванович (1825—1899), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, член Государственного Совета (1880). Начал службу на Кавказе. Принимал активное участие «в делах» против горцев. В дальнейшем был начальником Терской области, затем Кутаисским генерал-губернатором. В 1876 г. назначен помощником Наместника Кавказа Великого князя Михаила Николаевича. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. руководил штурмом Карса. В 1882 г. исполнял обязанности командующего Харьковским военным округом и временно Харьковского генерал-губернатора [44, 154].

24. Князь Николай Иванович (1833—1898), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, член Государственного Совета (1898). Окончил Пажеский корпус. Службу начал на Кавказе'. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал пехотной дивизией. С 1881 г. был наказным атаманом Войска Донского [154].

25. Князь Петр Дмитриевич (1857—1914), генерал-лейтенант (1901), генерал-адъютант (1904). Окончил Пажеский корпус (1875) и Академию Генштаба (1881). С 1895 г. — Пензенский, а с 1897 г. Екатеринбургский губернатор. В 1900—1902 гг. — товарищ министра внутренних дел и командующий корпусом жандармов, в 1902—1904 гг. — Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор. С августа 1904 г. министр внутренних дел. Проведенная благодаря ему частичная амнистия, ослабление цензуры и разрешение на проведение земских съездов несколько ослабили охранительную политику правительства. В ноябре 1904 г. выступил с проектом реформ, предусматривающих включение в Государственный Совет выборных представителей от земств и городских дум. По его инициативе был издан манифест от 12 декабря 1904 г., обещавший ряд реформ. Однако его политика не смогла предотвратить революцию 1905—1907 гг., и 18 января 1905 г. князь был уволен в отставку [8].



Князь Дмитрий Иванович Святополк-Мирский.



Князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский.

26. Князь Михаил Николаевич (1870—1938), камергер, статский советник, русский поверенный в делах в Софии. Умер в Варшаве.

27. Князь Иван Николаевич (1862—1922), гвардии ротмистр, умер в Польше, в своем имении Мир.

28. Князь Дмитрий Николаевич (1874—1950), депутат Государственной думы. Умер в Румынии в эмиграции.

29. Князь Владимир Николаевич (1875—1906), камер-юнкер, Балтийский уездный предводитель дворянства.

Светлейшие князья, графы и дворяне Чернышевы, графы Чернышевы-Кругликовы и графы Чернышевы-Безобразовы

Чернышевы * — дворяне, графы, князья. Родоначальник — сын польского шляхтича *Михаила Черницкого* (или *Чернецкого)* ** *Иван Михайлович,* выехавший из Польши в 1498 г. к Великому князю Иоанну III Васильевичу и по вступлении на русскую службу начавший писаться Чернышевым. Он был думным дворянином и воеводой сторожевого полка во время набегов Крымского Царевича Калси. Умер бездетным, и продолжателем рода стал его племянник *Илья Владимирович* *, потомки которого служили стольниками, стряпчими, воеводами [83, 154].

Родословное древо Чернышевых приведено в таблице 57 [8, 154]. Из них наиболее известны:

16. Петр Захарович (ум. 1689), стрелецкий полковник [154].

* Статья написана П. Х. Гребельским и А. А. Шумковым.

** В «Русской родословной книге» князь А. Б. Лобанов-Ростовский [83] писал: «У Туманского («Зерцало света», 1787, стр. 39), а за ним и у Долгорукова (II, 101) сказано: «Чернецкий. Но мы полагаем, что настоящая фамилия родоначальника Чернышевых была Черницкий: как *у* тех, так и у других, на голубом поле золотой крест, внутри золотой подковы, с той лишь разницей, что у Черницких подкова шипами вверх, а у Чернышевых шипами вниз; сверх того, у Чернышевых щит увенчан шлемом с дворянской короной, под которой распростертое крыло, а у Черницких над дворянской короной Ястреб, отчего и самый герб называется Ястржембец. Фамилия же Чернецких имеет в красном поле золотой корабль (см. Несецкого, IV, 462 и V, 220). К тому же, само слово: Черницкий гораздо вероятнее могло обратиться в слово Чернышев, чем Чернецкий».

* Роспись, поданная в Разряд *Иваном* (№ 20), *Никитой* (№ 21) и *Алексеем* (№ 23) *Чернышевыми,* начинается с Ильи Владимировича (№ 4), существование лиц, упомянутых выше его, не вполне доказано [83].



Герб графов Чернышевых.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в котором герб фамилии: в лазоревом поле золотая подкова шипами вниз, внутри нее золотой же крест. В первой и четвертой частях щита в серебряном поле до половины выходящий черный двуглавый коронованный орел. Во второй и третьей частях в красном поле диагонально положена градская серебряная стена с пятью зубцами. Щит увенчан дворянским шлемом с графскою короною, из которой выходит два знамени, в голубом поле которых повторены элементы родового герба. В намете над щитом, в кружках по одному портрету. Щитодержатели два орла.

21. Никита Григорьевич, стольник [111].

24. Григорий Петрович (1670—1745), граф с 1742 г., был сначала денщиком Петра I, потом генерал-майором, членом Адмиралтейств-коллегий и сенатором. При Екатерине I — генерал-поручик; при Анне Иоанновне — генерал-аншеф. Возведен в графское Российской Империи достоинство при коронации Елизаветы Петровны (1742). От брака с Евдокией Ивановной Ржевской (1693—1747), которую Петр I шутливо называл «Авдотья-бой-баба» и удостаивал своего монаршьего внимания, граф Григорий Петрович имел четырех сыновей и четырех дочерей [111, 154].

Герб графов Чернышевых внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 20 [104].

29. Андрей Иванович (ум. 1714), стольник Царицы Натальи Кирилловны в 1692 г. [83, 154].

34. Граф Петр Григорьевич (1712—1770), действительный статский советник, сенатор, умный дипломат, русский посол при французском Дворе, посланник в Данию, Пруссию и Англию [111].

35. Граф Григорий Григорьевич (1717—1750), бригадир [111].

36. Граф Захар Григорьевич (1722—1784), генерал-фельдмаршал. В 1744 г. назначен камер-юнкером к Великому князю Петру Федоровичу, которому успел внушить особое доверие. Вскоре подвергся опале со

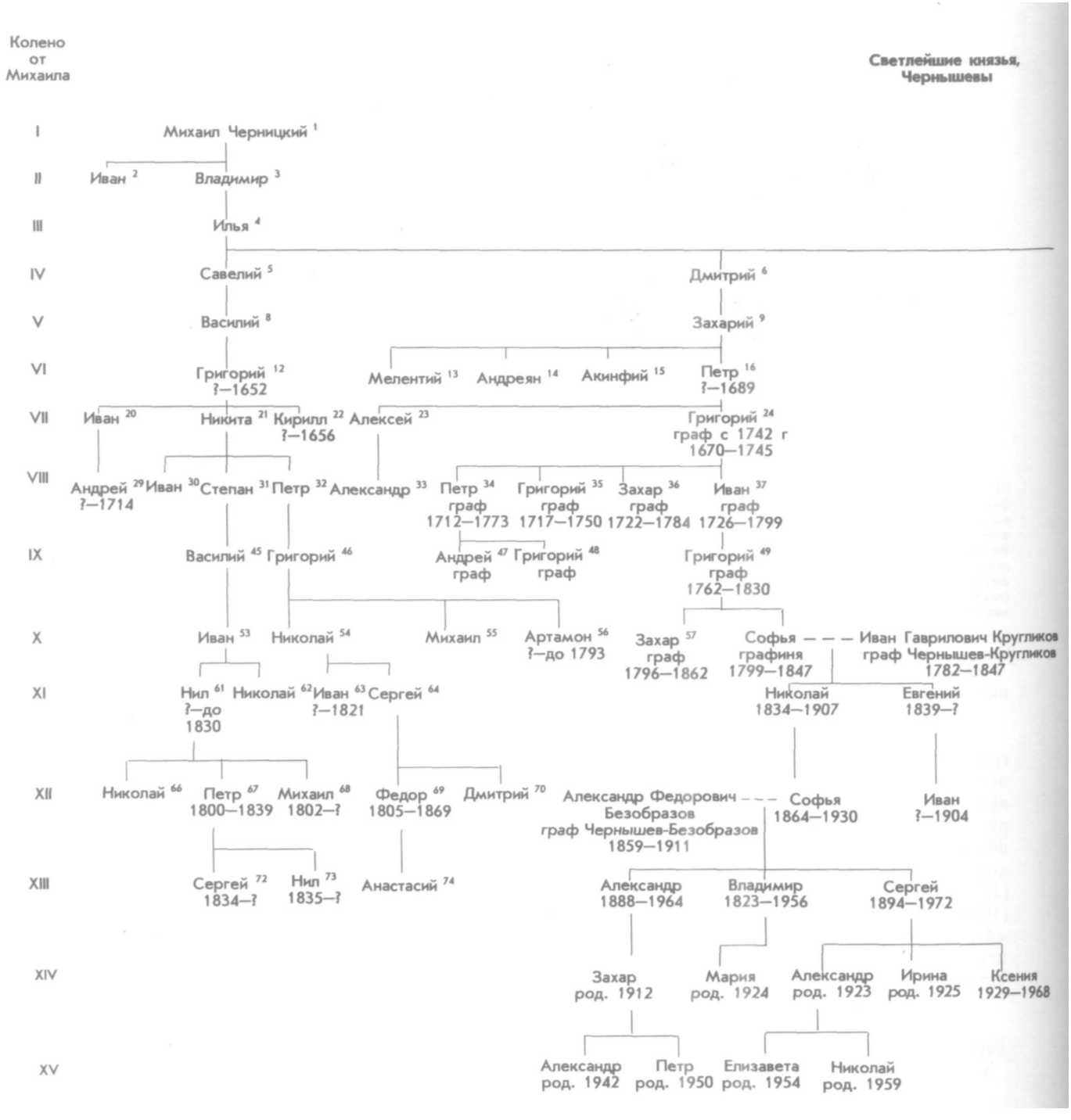


Граф Григорий Петрович Чернышев.



Граф Петр Григорьевич Чернышев.

стороны Елизаветы и переведен в армию. Во время Семилетней войны 1756—1763 гг. генерал-поручик, участвовал в сражении при Цорндорфе и при взятии Берлина. В 1761 г. Император Петр III произвел его в генерал-аншефы и поручил командование войсками, назначенными для содействия Фридриху II. Императрица Екатерина II наградила егочином генерал-фельдмаршала, и он был последовательно вице-президентом Военной коллегии, генерал-губернатором Белоруссии, президентом Военной коллегии и градоначальником Москвы [111, 154].



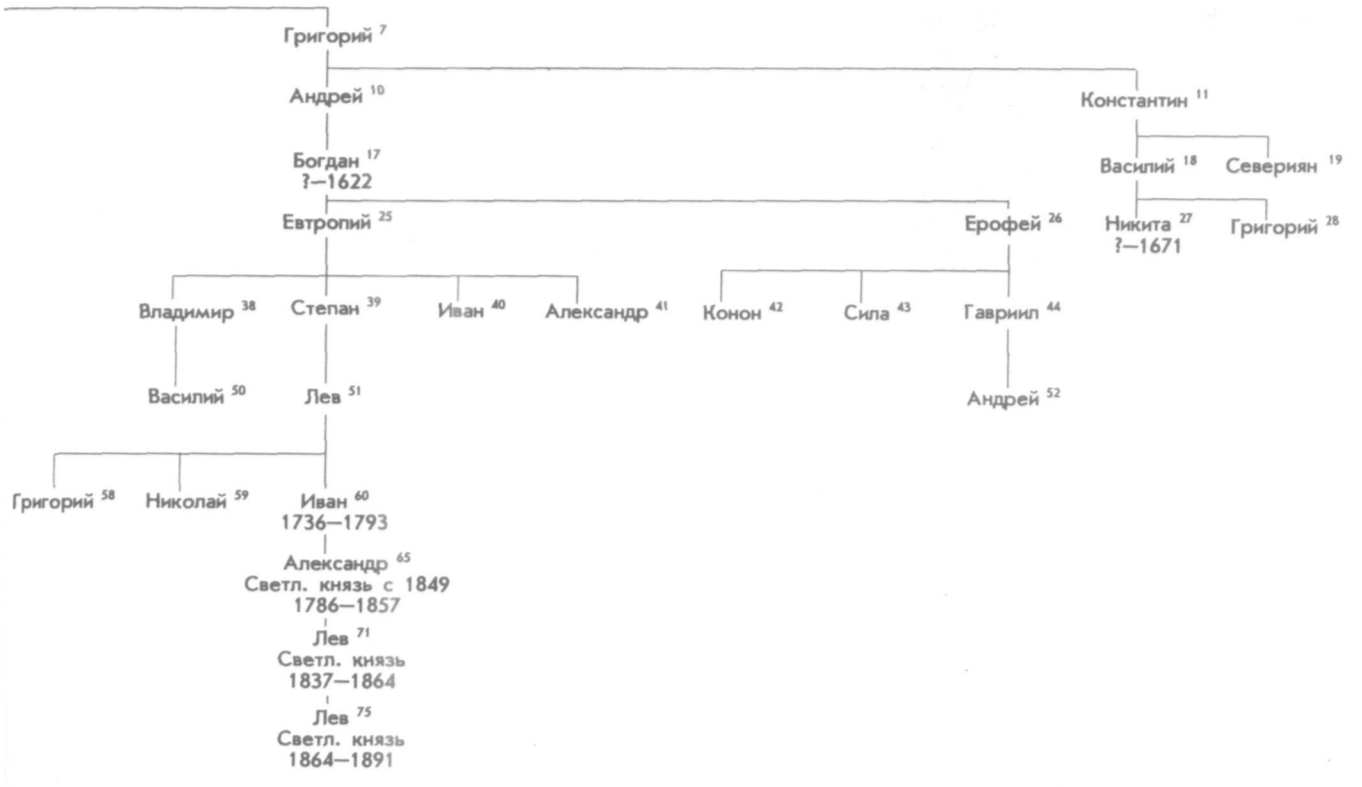
37. Граф Иван Григорьевич (1726—1797), генерал-аншеф при Екатерине II и первоприсутствующий в Адмиралтейств-коллегий. Павел I назначил его председателем Коллегии с чином генерал-фельдмаршала по флоту [111].

49. Граф Григорий Иванович (1762—1830), действительный тайный советник, обершенк [111, 154].

Графиня Софья Григорьевна (1799—1847), старшая дочь предыдущего. Вышла замуж за тайного советника Ивана Гавриловича Кругликова, передав ему учрежденный ее внучатым дедом графом Захаром Григорьевичем Чернышевский майорат с именем и титулом графа Чернышева-Кругликова (1832) [111, 154].

52. Андрей Гаврилович, генерал-адъютант Петра III, полный генерал при Павле I [111].

57. Граф Захар Григорьевич (1796—1862), декабрист. Получил домашнее образование. Служил в Кавалергардском полку, близко сошелся с Н. М. Муравьевым (женатым на его сестре), главным руководителем тайного общества. Хотя



он деятельного участия в обществе не принимал и даже 14 декабря 1825 г. не был в Петербурге, однако Верховным уголовным судом был признан виновным в том, что «знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием целей оного», и приговорен к четырехлетней каторге, срок был сокращен позднее до одного года. Отбыв год в Читинской тюрьме, он прожил до февраля 1829 г. в Якутске вместе с А. А. Бестужевым (Марлинским), затем был послан рядовым на Кавказ. Участвуя в боях, дослужился до первого офицерского чина. В 1856 г. был восстановлен в графском достоинстве и получил право выезда за границу. Последние годы провел в Риме [42, 154].

60. Иван Львович (1736—1793), генерал-поручик и сенатор [154].

65. Александр Иванович (1786—1857), граф с 1826 г., князь с 1841 г., Светлейший князь с 1849 г., генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. Получил домашнее воспитание и был камер-юнкером Двора. Затем служил в Кавалергардском полку. Участвовал в сражениях 1807 и 1808 гг. Ездил в Париж и Байону с поручениями к Наполеону. Во время кампании 1809 г. состоял



Графиня Анна Александровна Чернышева (17... — 1794), жена графа П. Г. Чернышева, с дочерью Екатериной.



Граф Захар Григорьевич Чернышев.



Граф Захар Григорьевич Чернышев.



Граф Иван Григорьевич Чернышев.

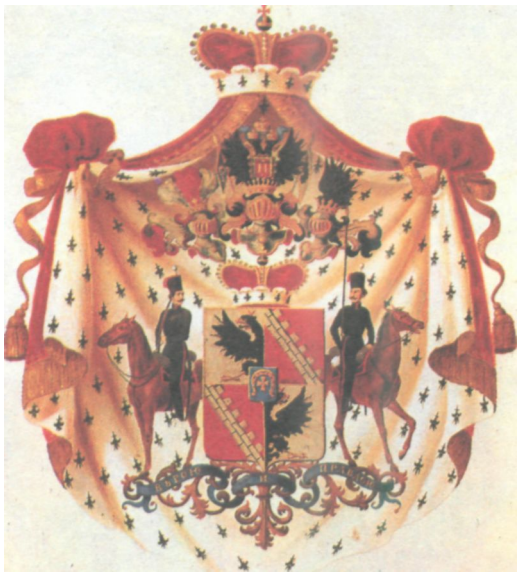


Светлейший князь Александр Иванович Чернышев.



Граф Григорий Иванович Чернышев.

при Наполеоне. После Шенбрунского мира остался в Париже в качестве доверенного лица Александра I и военно-дипломатического агента. Отозванный в 1811 г., он выполнял дипломатические поручения в Швеции, затем, с началом Отечественной войны 1812 г., был направлен в тыл французской армии для партизанской деятельности. В 1821 г. получил в командование легкую кавалерийскую дивизию и в день коронации Николая I возведен в графское достоинство. В 1827 г. назначен товарищем управляющего Главным штабом, а затем поставлен во главе Военного министерства, сохранив этот пост до 1852 г. В 1848 г. назначен председателем Государственного Совета. В 1841 г. был возведен в княжеское достоинство и в 1849 г. получил титул Светлости [8, 154].



Герб Светлейших князей Чернышевых.

Щит такой же, как и в гербе графов Чернышевых, но с заменой цветов поля и градской стены с серебряного на золотой и числа поясов стены с трех на два. На щите княжеская шапка, над нею три шлема: средний с графскою короною, а два других — с дворянскими коронами. В нашлемнике правого — три страусовых пера; среднего — выходящий российский государственный орел, имеющий в красном щитке на груди вензель Императора Николая I и выходящие два знамени с родовыми эмблемами; в нашлемнике левого выходящее черное орлиное крыло. Щитодержатели два всадника. Девиз: *«Верою и правдою»*. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Герб князя Чернышева внесен в «Общий Гербовник», часть XI, под № 2 [104].

69. Федор Сергеевич (1805—1869), генерал-лейтенант, автор популярной в свое время «Солдатской сказки» и нескольких эпиграмм, небольших стихотворений, экспромтов и др. Окончил Пажеский корпус, был определен в лейб-гвардии Преображенский полк и с ним участвововал в подавлении Польского восстания в 1830—1831 гг. и при осаде Севастополя. В 1858 г. председательствовал в «Комиссии по разбору прошений» [154].

Род графов Чернышевых-Кругликовых пресекся, и Высочайше утвержденным 10 декабря 1908 г. положением Первого Департамента Государственного Совета дозволено в звании камергера Высочайшего Двора *Александру* и его жене *Софье Безобразовым* принять титул, фамилию и герб графов Чернышевых и именоваться впредь графами Чернышевыми-Безобразовыми [131].

Из графов Чернышевых-Безобразовых известны [156]:

Александр Федорович (1859—1911), камергер.

Сергей Александрович (1894—1972), умер в эмиграции во Франции.

КНЯЗЬЯ ЧИНГИС

Чингисы * — княжеский род, ведущий свое начало от киргизского хана *Абул-Хаира* (ум. 1748), повелителя частью Малой Орды и некоторыми родами Средней Орды, вступившему добровольно в русское подданство в 1730 г.

Из трех сыновей Абул-Хаира: *Нурали, Эрали* и *Айчувака* — последний имел сына *Джантюре,* султана-правителя западных киргизов, и двух внуков: *Мухаммеда-Бея,* российского генерал-майора (ум. 1847) и *Арслан-Хана,* султана-правителя западных киргизов. Преемником Абул-Хаира был его старший сын *Нурали* (ум. 1790), затем второй сын *Эрали* (ум. 1794), потом старший сын Нурали, *Ишим* (ум. 1797), а после него младший сын Абул-Хаира, *Айчувак* (ум. 1800).

В 1800 г. ханом был назначен второй сын Нурали, *Букей* (ум. 1815), а затем третий сын, *Шигай,* который был правителем до совершеннолетия старшего сына Букея.

В 1823 г. Император Александр I назначил султаном-правителем внутренней киргизской орды старшего сына Букея, султана *Джангера* (ум. 1845).

Из сыновей последнего старший сын, *Сагиб-Гирей,* камер-паж, Именным Высочайшим указом от 25 июня 1847 г. был возведен в достоинство хана и с нисходящим его потомством в княжеское Российской Империи достоинство.

После его смерти в 1849 г. место хана занял его брат *Ибрагим-Гирей,* корнет лейб-гвардии Гусарского полка, который Именным Высочайшим указом от 23 февраля 1853 г. был возведен с нисходящим потомством в княжеское Российской Империи достоинство.

Именным Высочайшим указом от 30 августа 1870 г. их третий брат, *Ахмет-Гирей* (род. 1834, окончил Пажеский корпус в 1852 г.), отставной полковник, был возведен с нисходящим его потомством в княжеское Российской Империи достоинство [44, 126, 131, 154].

Герб князей Чингисов внесен в «Общий Гербовник», часть XII, под № 12 [104].

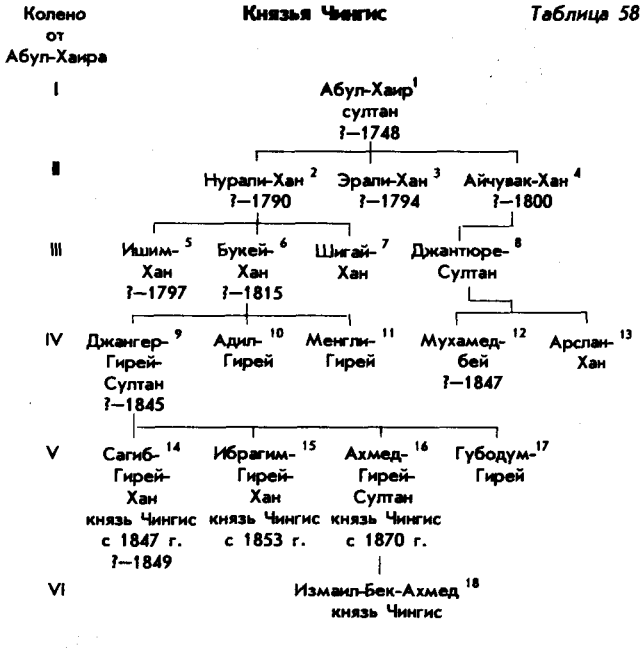
Родословное древо князей Чингисов приведено в таблице 58 [46].

* Статья написана П. Х. Гребельским.



Герб князей Чингис.

Щит разделен на две части, из коих нижняя разделена вертикально еще на две части. В верхней части в черном поле лук и стрелы. В нижней части: в правой в лазоревом поле серебряный знак-тамга Чингиз-хана, указывающая на происхождение рода от этого завоевателя, а в левой в красном поле золотая тамга Букеева рода. Щитодержатели два воина в восточном вооружении. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.



ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ, ВОЗВЕДЕННЫЕ В КНЯЖЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРЯМИ И ПРИЗНАННЫЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ ВИТГЕНШТЕЙН

Витгенштейн * — княжеский род из рейнской Франконии, происходящий от *Стефана фон Шпангейма,* впервые упомянутого в 1075 г. Его сын *Мегинхарт* уже в 1128 г. обладал графским титулом. Один из его потомков, граф *Готфрид II фон Шпангейм,* женился на графине *Аделаиде Сайн,* сестре и наследнице последнего графа *Сайн,* со смертью которого в 1247 г. прекратилась мужская линия рода. В связи с женитьбой графа *Валентина Сайна* на графине *Аделаиде,* сестре и наследнице последнего графа *Вингенштейна,* он в 1361 г. унаследовал земли и принял фамилию *Сайн-Витгенштейн* [44, 131, 154, 160].

Родословное древо князей Витгенштейн приведено в таблице 59 [44, 131, 154, 156, 160].

В 1605 г. род разделился на три ветви:

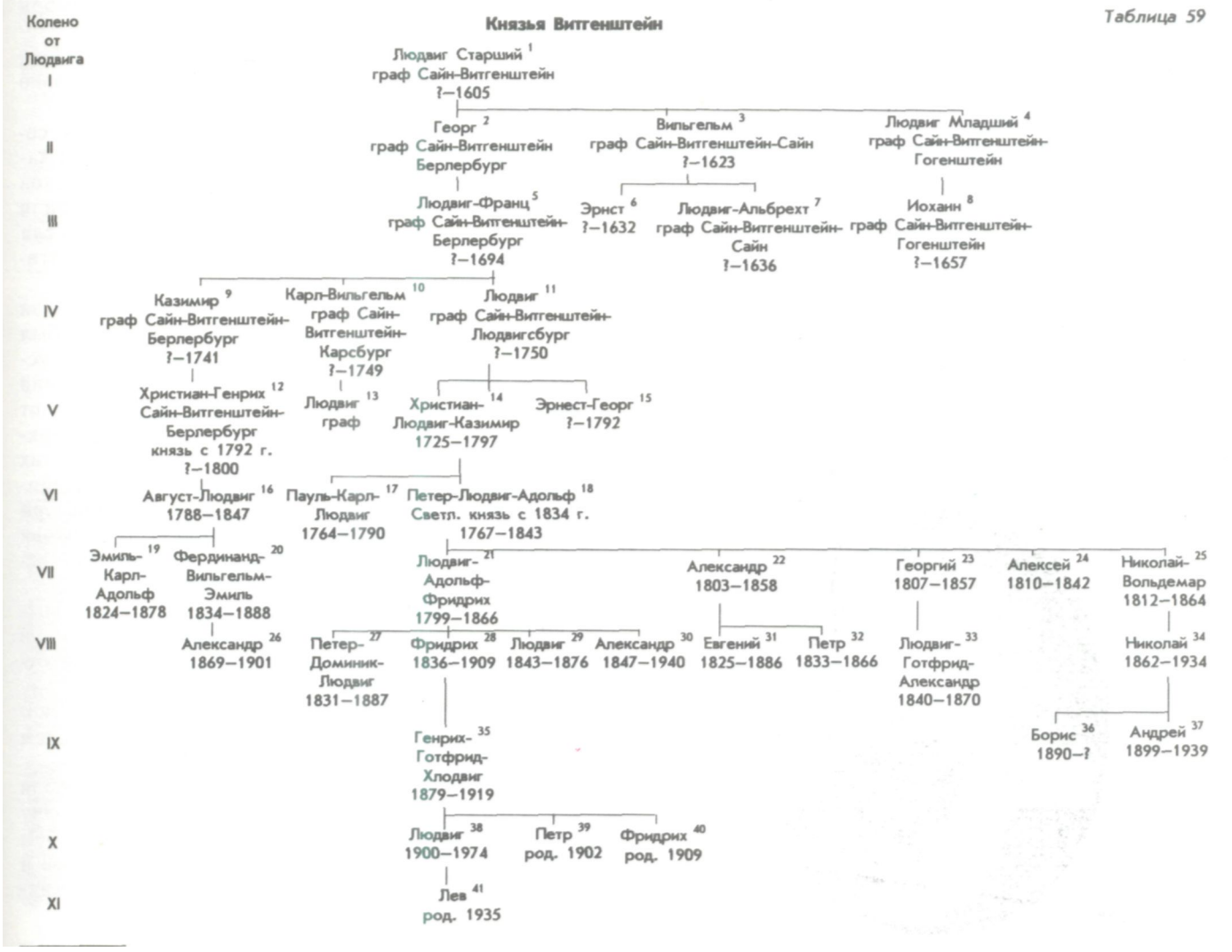
— первая ветвь — *Сайн-Витгенштейн-Берлербург,* распалась на три линии. К старшей, сохранившей это имя, принадлежал граф *Христиан-Генрих,* возведенный в 1792 г. с нисходящим потомством в княжеское Священной Римской Империи достоинство с титулом Светлости. Его внук *Эмилий-Карл Людвигович* был принят в русское подданство вместе с братом *Фердинандом.* К средней линии принадлежали графы *Сайн-Витгенштейн-Карлсбург* и к младшей — князья *Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург.* К последней принадлежал и русский генерал-фельдмаршал *Петр Христианович Витгенштейн;*

— вторая ветвь — *Сайн-Витгенштейн-Сайн,* прекратилась в 1636 г. со смертью внука ее родоначальника;

— третья ветвь — *Сайн-Витгенштейн-Гогенштейн,* в 1804 г. была возведена в княжеское Священной Римской Империи достоинство [44, 131, 154].

Таблица 59

Князья Витгенштейн



*** Статья написана П. Х. Гребельским и М. Ю. Катин-Ярцевым.**



Дипломный герб
графа Петра Христиановича Витгенштейна (Сайн).

Щит четырехчастный с вершиною, в которой в голубом поле лежит острием вправо золотой меч Св. князя Гавриила Псковского, а над ним в серебряной ленте золотыми буквами написан девиз: *«Чести моей никому не отдам»*. В первой и четвертой частях щита в серебряном поле две черные горизонтальные полосы. Во второй части в красном поле белая крепость с двумя башнями, окна и ворота черные. В третьей части в черном поле диагонально положен серебряный брус, в коем изображены три черные бараньи головы. В центре герба малый щиток с родовым гербом: в красном поле стоящий на задних лапах леопард. Над щитом графская корона с тремя шлемами: из двух боковых выходящие львы, держащие в передних лапах ветвь и саблю, а из среднего — выходящий государственный орел, а под ним знамена. Щитодержатели справа русский гусар со знаменем, слева — ратник с белым знаменем. Герб Высочайше утвержден 24 марта 1816 г.

Из рода Витгенштейн наиболее известны:

14. Граф Христиан-Людвиг-Казимир Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург (1725—1797), подполковник прусской службы, был взят русскими в плен в 1761 г. в бою под Трептау, близ Кольберга. В 1762 г. он поступил на русскую службу и впоследствии стал генерал-поручиком [44, 154].

17. Граф Павел Христианович (Пауль-Карл-Людвиг) Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург (1764—1790), гвардии капитан-поручик русской службы [44].



Светлейший князь
Петр Христианович Сайн-Витгенштейн-Берлербург.

18. Граф Петр Христианович (Петер-Людвиг-Адольф) Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург (1768—1843), Светлейший князь с 1834 г., русский полководец. Родился в г. Переяславле Полтавской губернии. В 1781 г. зачислен сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1795 г. принимал участие в штурме Праги (предместье Варшавы). Затем в составе корпуса графа Зубова участвовал во взятии Дербента, с ключами которого был послан в Петербург. Назначен в 1801 г. командиром Елизаветградского гусарского полка. В 1805 г. принимал участие в войне против Наполеона, в 1806 г. — против турок, в 1807 г. — вновь против Наполеона [8, 154].

В Отечественной войне 1812 г. он командовал 1-м пехотным корпусом и уже 15 июня сразился с французами под Вилькомиром. При отступлении русской армии из лагеря под Дриссой он, имея под начальством 20 тысяч человек, возглавил оборону путей на Петербург от французских корпусов под командованием Макдональда и Удино. Задачу выполнил, но в боях под Головчанами и Полоцком был дважды ранен [8, 154].

После падения Москвы усилил свой корпус ратниками петербургского ополчения и 6 октября принудил маршала Сен-Сира отступить от Полоцка, который был взят приступом 7 октября, но на реке Березине действовал нерешительно [8, 154].

18 октября одержал новую победу над соединенными корпусами Сен-Сира и Виктора; затем принимал участие в преследовании остатков главных сил неприятельской армии и 27 февраля 1813 г. вступил в Берлин. Его армия спасла город от нападения войск Вице-Короля Италии [154].

После смерти генерал-фельдмаршала князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского он был назначен главнокомандующим русскими и прусскими войсками, но после неудачных сражений при Люцене и Бауцене просил увольнения от должности, которая была передана М. Б. Барклаю-де-Толли. Затем, командуя частью русских войск, участвовал в боях под Дрезденом и Лейпцигом. В 1814 г., 16 февраля, в сражении при Бар-сюр-Об был тяжело ранен. В 1818 г. назначен главнокомандующим 2-й армией вместо Беннингсена [8, 154].

Когда в 1828 г. началась русско-турецкая война, он был назначен командующим войсками в Европейской Турции, но в 1829 г. уволен в отставку по личной просьбе [8, 154].

Возведен 1 мая 1834 г. в княжеское достоинство с титулом Светлости Прусским Королем Фридрихом-Вильгельмом III.

Именным Высочайшим указом от 16 июня 1836 г. дозволено графу Петру Христиановичу Витгенштейну принять с нисходящим потомством княжеское Королевства Прусского достоинство и пользоваться в России титулом Светлейшего князя [131].

Герб ветви князей Витгенштейн, состоящих на русской службе, приведен на рисунке.



Герб князей Сайн-Витгенштейн-Берлербург.

Щит четырехчастный с вершиной, в коей в голубом поле, серебром окаймленном, лежит острием вправо золотой меч Св. князя Гавриила Псковского с надписью: «*Чести моей никому не отдам*». В первой и четвертой частях щита в серебряном поле две черные горизонтальные полосы. Во второй части в красном поле белая крепость с двумя башнями, ворота и окна черного цвета. В третьей части в черном поле диагонально положен серебряный брус, в коем изображены три черные кабаньи головы с клыками и красными высунутыми языками. В центре герба щиток с родовым гербом: в красном поле стоящий на задних лапах леопард, вправо обращенный, с красным высунутым языком и вверх загнутым хвостом. На щите пять дворянских шлемов, из коих средний поставлен прямо, а прочие обращены к середине. На среднем шлеме наброшено покрывало черное и золотое и поставлена корона графская, над коей российский двуглавый орел, парящий над шестью знаменами. На правом среднем шлеме черная шляпа, обшитая серебром, и на ней острием вправо золотой рог, из коего выходят пять страусовых перьев. На левом среднем шлеме белый замок с двумя башнями. На крайних шлемах короны графские, и из каждой выходит лев, к среднему шлему обращенный, держащий в правой лапе меч, а в левой — лавровую ветвь. Щитодержатели: справа русский гусар со знаменем, а слева ратник с белым знаменем. Между щитом и щитодержателями видна с каждой стороны передняя часть разъяренного льва. Герб покрыт княжескою мантией и увенчан прусскою княжескою шапкою.



Светлейший князь
Генрих-Готфрид-Хлодвиг Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург
с супругой Е. Д. Набоковой и сыном Людвигом.
Фото 1901 г.



Князь Эмилий Людвигович Сайн-Витгенштейн-Берлербург.
(На фотографии в чине подполковника.)



Светлейший князь
Николай Николаевич Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург
с сыном Борисом.
Фото 1916 г.



Светлейший князь
Андрей Николаевич Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург.
Фото 1914 г.

19. Князь Эмилий Людвигович (Эмиль-Карл-Адольф) Сайн-Витгенштейн-Берлербург (1824—1878), генерал-лейтенант русской службы. В 1845 г. сопровождал Принца Александра Гессенского на Кавказ. В 1848 г. участвовал в войне против Дании, затем вступил на русскую службу и вскоре был назначен адъютантом князя Воронцова, участвовал до 1852 г. в военных действиях на Кавказе. В 1862 г. в Варшаве состоял при Великом князе Константине Николаевиче. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. входил в состав Свиты Александра II. Автор ряда стихотворений [154].

20. Князь Фердинанд Людвигович Сайн-Витгенштейн-Берлербург (1834—1888), вместе с братом переселился в Россию. Женился на грузинской княжне Прасковье Александровне Дадиани [158, 160].

21. Граф Людвиг-Адольф-Фридрих (Лев Петрович) Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург (1799—1866), с 1834 г. — Светлейший князь. Ротмистр Кавалергардского полка. Окончил Пажеский корпус. В армии с 1817 г. Флигель-адъютант с 1820 г. В 1821 г. был с Александром I на конгрессе в Лайбахе, посылался с поручением в Париж и Лондон, был на коронации Короля Великобритании Георга IV. Член «Союза благоденствия» и Южного общества. Высочайше поведено не считать причастным к декабристам. В 1827 г. уволен от службы с чином полковника. Умер в Каннах во Франции [42].

35. Светлейший князь Генрих Федорович (Генрих-Готфрид-Хлодвиг) Сайн-Витгенштейн-Людвигсбург (1879—1919), последний владелец поместий Витгенштейнов — Каменки Подольской губернии и Дружноселья Петербургской губернии, а также Докудова Виленской губернии. Камер-юнкер и ротмистр в отставке. Умер в Виннице в тюрьме ВЧК [160].

Светлейшие князья, графы и дворяне Зубовы

Зубовы * — русский княжеский, графский и дворянский род, происходящий, по преданию, от баскака *Амрачана* (или *Амрагана),* принявшего крещение в 1237 г. с именем *Захария* и бывшего ханским наместником во Владимире. Во второй половине XV в. упоминается *Иван Андреевич Зубов,* от которого установлена непрерывная генеалогическая линия [126, 154].

Родословное древо Зубовых приведено в таблице 60 [44].

Из Зубовых наиболее известны:

7. Игнатий Никитич, в 1571 г. дьяк Посольского приказа. В 1578 г. исполнял в войсках у Смоленска обязанности «начальника штаба» [126].

10. Алексей Игнатьевич (ум. 1632), был воеводой в Астрахани в 1625 г. [44].

11. Матвей Игнатьевич, в 1627 г. был в Костроме приставом у татарских мурз, в 1628—1629 гг. — воеводой в Царицыне, в 1631—1633 гг. — патриаршим дворецким. В 1638 г., производя дознание в Вологде, проявил жестокое и бессмысленное самоуправство. В 1641—1642 гг. был вторым судьей Московского Судного приказа [44, 126].

12. Иван Игнатьевич (ум. 1629), был в числе пяти других Зубовых, встречавших в качестве наиболее образованных дворян Королевича Густава, жениха Царевны Ксении. Умер воеводой в Березове [44, 126].

18. Иван Матвеевич, стольник при Дворе Царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича [44].

19. Илья Иванович (ум. 1639), при Царе Михаиле Федоровиче был воеводой в Березове, затем в Астрахани и потом стольником при Дворе [44].

20. Афанасий Иванович (ум. 1648), был воеводой в Туринске [44, 126].

21. Дмитрий Иванович Старший (ум. 1641), был воеводой в Верхотурье [44].

25. Дмитрий Иванович (ум. 1634), был убит при осаде Смоленска [44].

26. Борис Афанасьевич, был воеводой в Березове в 1659—1664 гг. [44, 126].

27. Степан Афанасьевич, был воеводой в Вологде в 1665—1667 гг. [44].

36. Дмитрий Борисович, стольник при Петре I [44].

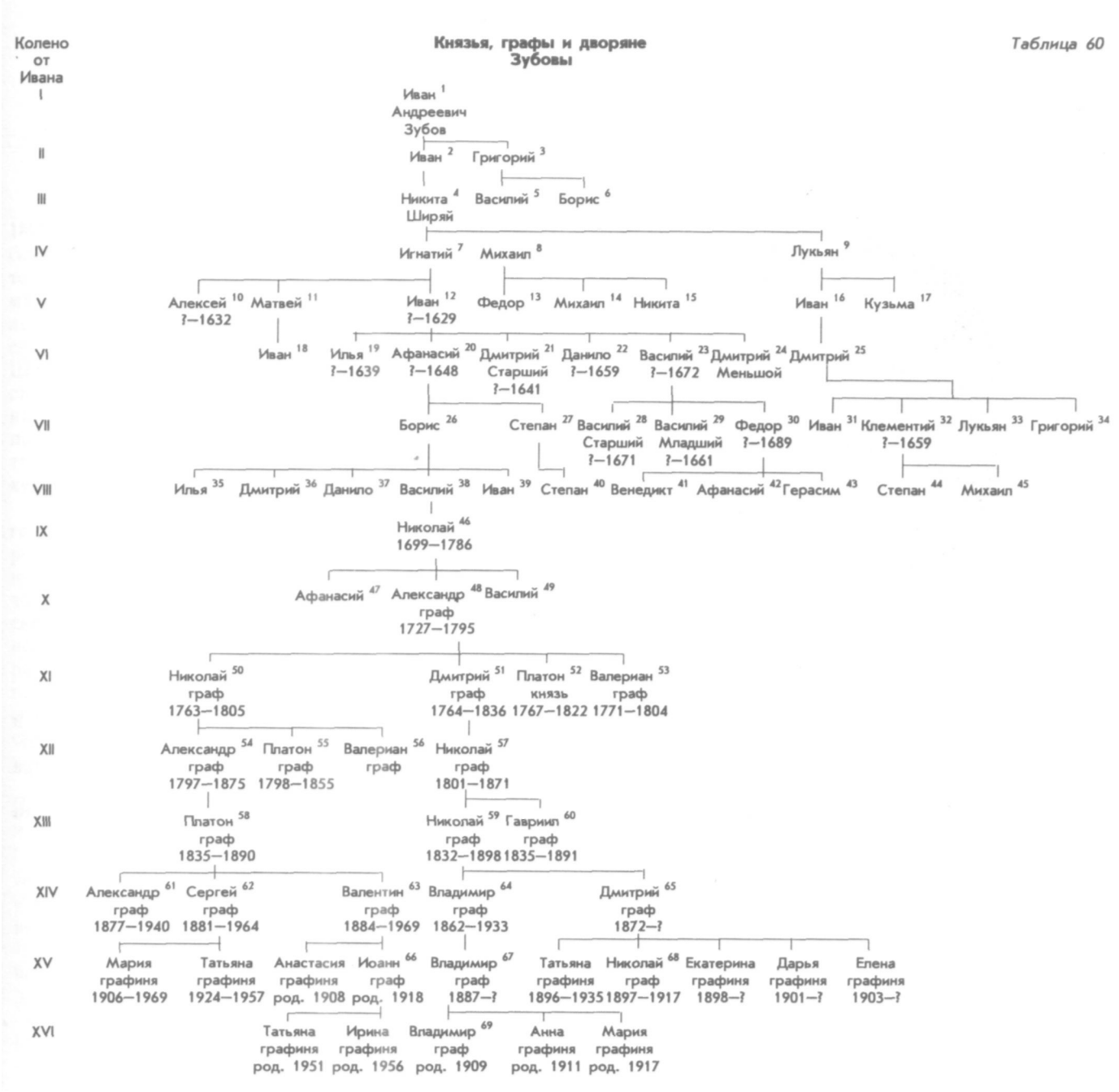
* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным.

40. Степан Степанович, стольник при Петре I [44].

46. Николай Васильевич (1699—1786), член Коллегии экономии. От первого брака с Татьяной Николаевной Трегубовой имел сыновей Афанасия, Александра и Василия. Вторая жена его, Агафья Ивановна Наумова, была близка ко Двору Императрицы Елизаветы Петровны, и поэтому его сыновья уже детьми были записаны в гвардейские полки и могли рассчитывать на успешную службу. Особенно выдвинулся из них Александр Николаевич [126].

48. Александр Николаевич (1727—1795), граф с 1793 г., генерал-прокурор Сената, тайный советник. Начал службу в Конной гвардии в 1751 г., но в 1758 г. вышел в отставку подполковником. Не играл видной роли. Одно время был вице-губернатором в провинции, управляя в то же время имениями графа Н. И. Салтыкова. С возвышением сына Платона, в 1792 г. был назначен обер-прокурором в первый департамент Сената. Человек умный, но бесчестный и злой, он прославился взяточничеством и лихоимством, пользуясь могущественным влиянием сына при Дворе Императрицы Екатерины II [126, 154].

Грамотой Императора Франца II от 27 января (7 февраля) 1793 г. сенатор, тайный советник *Александр Николаевич Зубов* и сыновья его, генерал-адъютант, генерал-поручик *Платон,* генерал-майор *Николай,* камер-юнкер *Дмитрий* и генерал-майор *Валериан,* возведены с нисходящим их потомством в графское Римской Империи достоинство [131].





Герб рода дворян Зубовых,
имеющих титул Римской Империи графов.

Щит четырехчастный. В первой части в зеленом поле черный двуглавый коронованный орел, держащий в лапах скипетр и державу. Во второй части в красном поле золотые полумесяц и звезда о шести лучах. В третьей части выходящая рука с саблей и колчан с луком и стрелами. В четвертой части в золотом поле три серебряные лилии. Щит увенчан шлемом и короною. Щитодержатели два воина, опирающиеся на копья. Девиз: «Meritis crescunt Honores».



Граф Александр Николаевич Зубов.



Граф Николай Александрович Зубов.



Графиня Елизавета Васильевна Зубова (1741—1813),
супруга графа А. Н. Зубова.

Герб графов Римской Империи Зубовых внесен в «Общий Гербовник», часть II, под № 25 [104].

50. Николай Александрович (1763—1805), граф с 1793 г., обер-шталмейстер. Начал службу в Конной гвардии. Гигант, обладавший большой физической силой, он был ничтожеством по своим нравственным качествам. В обращении был груб и высокомерен, охотно пускал в ход кулаки. Первым известил Павла I в Гатчине о смерти Екатерины II и при восшествии Императора на Престол получил орден св. апостола Андрея Первозванного. Вскоре с братом Платоном был выслан в деревню, но возвращен и назначен обер-шталмейстером. Он принимал участие в заговоре и, как говорят, первый нанес Павлу I удар в левый висок массивной золотой табакеркой, отчего Государь упал без сознания. При Александре I не пользовался влиянием [126].

Был женат на дочери А. В. Суворова, Наталии Александровне [126].

51. Дмитрий Александрович (1764—1836), граф с 1793 г., генерал-майор. Служил в Конной гвардии. В 1796 г. стоял во главе комиссии о государственных долгах. Из всех братьев наименее способный, он не проявлял себя ни в какой отрасли правительственной деятельности. В 1816 г. издал «Новый способ винокурения посредством водяных паров». К нему перешли обширные и богатые имения брата, князя Платона [126].



Графиня Наталья Александровна Зубова (1775—1844), урожденная княжна Италийская графиня Суворова-Рымникская.



Граф Дмитрий Александрович Зубов.

52. Платон Александрович (1767—1822), граф с 1793 г., Светлейший князь с 1796 г., генерал-фельдцейхмейстер, генеральный директор фортификационных сооружений, главнокомандующий Черноморским флотом, Вознесенской легкой конницей и Черноморским казачьим войском, генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, Шеф Кавалергардского корпуса, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор, член Государственной Военной коллегии, почетный благотворитель Императорского Воспитательного дома и почетный любитель Академии художеств [126].

Восьмилетним ребенком был записан в лейб-гвардии Семеновский полк, откуда в 1779 г. переведен в Конную гвардию. Не получив в семье никакого воспитания, он был малообразованным человеком, впрочем, прекрасно владел французским языком, занимался музыкой, обнаруживал некоторый интерес к словесности, владел живой речью, не лишен был некоторого остроумия с примесью иронии и, что наиболее способствовало его «случаю», обладал красивой внешностью: роста он был среднего, «гибок, мускулист и строен, у него был высокий лоб и прекрасные глаза» [126].

Он был последним из фаворитов Екатерины II. Интриган, бездарный администратор, он, тем не менее, пользовался неограниченной властью. Выдвинулся благодаря Н. И. Салтыкову, которого впоследствии стремился оттеснить от дел, чтобы получить чин генерал-фельдмаршала. С 1789 г. Зубов привлек внимание Императрицы Екатерины II. Из поручиков Конной гвардии быстро произведен в высшие чины, получил громадные поместья. После смерти Потемкина, при котором Зубов не играл видной роли в государственных делах, его значение увеличивается, к нему переходят многие из должностей, которые прежде занимал Потемкин: он назначается генерал-фельдцейхмейстером, Новороссийским генерал-губернатором и т. д. Все дела вершили три его секретаря: Альтести, Грибовский и Рибас, лица очень низкой нравственности, усердно заботившиеся о своем обогащении. После смерти Екатерины II Павел I обошелся с ним сначала ласково, но вскоре Зубову велено было выехать за границу и имения его были отобраны в казну. Благодаря ходатайству Кутайсова он вернулся в 1800 г. в Россию и получил обратно свои конфискованные имения. Участвовал в перевороте и убийстве Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Будучи одним из лидеров заговорщиков, выступал вместе со своими сторонниками с оригинальной и по тому времени весьма радикальной политической программой, ратуя за превращение Сената в представительный орган дворянства, ограничение помещичьей власти над крестьянами, а в перспективе — за постепенную отмену крепостного права. Последние годы провел в местечке Янишки, Виленской губернии, где о нем как о помещике осталась дурная слава у крестьян. Его дочь от законного брака прожила всего два года, но князь имел нескольких побочных детей. Он позаботился о всех и на каждого положил в банк по миллиону рублей ассигнациями. Один из его сыновей, *Александр Платонович Платонов,* был принят на службу в Кавалергардский полк [8, 126, 154].

Грамотой Императора Франца II от 22 мая (2 июня) 1796 г. граф *Платон Александрович Зубов* был возведен с нисходящим его потомством в княжеское Римской Империи достоинство с титулом Светлости. На принятие этого титула и разрешение пользоваться им в России в том же году последовало Высочайшее соизволение [131].

Герб Светлейшего князя Римской Империи П. А. Зубова внесен в «Общий Гербовник», часть VI. под № 4 [104].

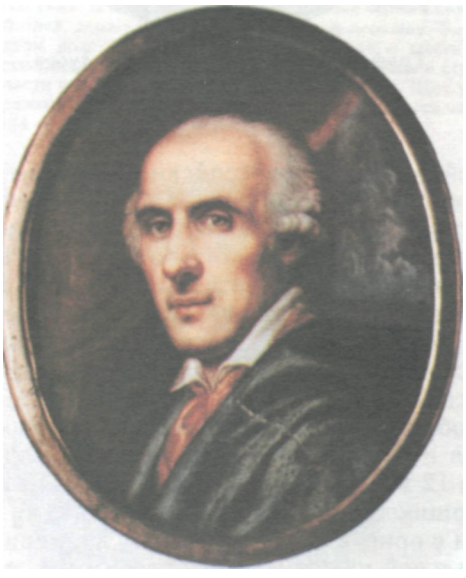


Графиня Прасковья Александровна Зубова (1772—1835).



Герб Римской Империи князя Зубова.

Щит многочастный. В первой части в золотом поле черный двуглавый коронованный орел, держащий в лапах скипетр и державу. Во второй удлиненной части в черном поле изображен щит с элементами герба, повторяющими герб дворян Зубовых. В третьей части в красном поле золотые полумесяц и пятижальная звезда. В четвертой части, деленной на два поля — красное и золотое, всадник, переменных цветов, с поднятым мечом. В пятой части, деленной на два поля — красное и золотое, одноглавый коронованный орел, переменных цветов. В шестой части в лазоревом поле выходящая рука с мечом, колчан со стрелами и лук. В седьмой части в золотом поле красная градская корона. В восьмой части в черном поле обвитая вокруг ветки золотая змея. В девятой части золотые стропила, над которыми золотая корона, а под ними на золотом столбе сидит золотая птица с ветвью в клюве, а поперек столба золотой ключ. Над щитом три шлема, левый с дворянскою, средний с княжескою, а правый с графскою коронами. Над средним шлемом двуглавый орел, держащий в лапах по скипетру. Щитодержатели два воина. Девиз: «Non sibi sed imperio». Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.



Светлейший князь Платон Александрович Зубов.



Граф Валериан Александрович Зубов.



Графиня Мария Федоровна Зубова (1773—1810), урожденная Любомирская, в первом браке за графом Потоцким, во втором — за графом В. А. Зубовым, после смерти которого вступила в третий брак с генералом Ф. П. Уваровым.

53. Валериан Александрович (1771—1804), граф с 1793 г., генерал-аншеф. Выдвинулся сначала благодаря протекции Н. И. Салтыкова, а затем брата своего, Платона Александровича Зубова, почти не служа, получил чины. В чине генерал-майора под начальством А. В. Суворова участвовал в подавлении восстания в Польше и здесь скомпрометировал себя «бесстыдным и возмутительным обращением с поляками и их женами». Во время одной рекогносцировки Зубов был ранен в ногу, которой потом лишился. В 1796 г. он был назначен главнокомандующим войск, отправляющихся на Кавказ для приведения в исполнение нереального проекта его брата, П. А. Зубова, — завоевания всей ближней Азии до Тибета. Война в Персии, кроме больших расходов, ничего не принесла России и была прекращена со смертью Екатерины II [126, 154].

55. Граф Платон Николаевич (1798—1855), полковник. Окончил с отличием Пажеский корпус и выпущен корнетом в Кавалергардский полк. В 1827 г. вышел в отставку и некоторое время служил в Министерстве финансов. Умер в Москве холостым [131].

57. Граф Николай Дмитриевич (1801—1871), поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Следствием по делу декабристов было установлено, что членом тайных обществ он не был, но знал о их существовании. К суду привлечен не был. Уволен от службы по домашним обстоятельствам в чине капитана в 1832 г. Впоследствии был камергером и гофмейстером [42].

59. Граф Николай Николаевич (1832—1898), Ковенский губернский предводитель дворянства. Его потомки после революции 1917 г. остались в Литве и носили фамилию Зубовас.

63. Граф Валентин Платонович (1884—1969), доктор философии, профессор истории искусств в Петербургском университете, директор Государственного музея в Гатчине.

Князья Любомирские

Любомирские* — польский княжеский род, восходящий к XIII в. Легендарным родоначальником считается польский полководец *Мирослав (Михаил),* одержавший победу на берегах р. Сренявы (впадающей в Вислу) и получивший от ее названия фамильное имя Сренява [44, 131].

Собственно имя Любомирских появляется в истории около 1500 г. — *Петр Любомирский* был послом Короля Сигизмунда I в Венгрии в 1541 г. Примерно в то же время *Яков Любомирский,* земский судья Краковский, имел двух сыновей: *Иоахима* и *Себастьяна* (ум. 1558). Родной племянник Якова *Николай* имел трех сыновей: *Николая, Прокопия* и *Сикста*. Однако поколенная роспись Любомирских идет от *Станислава* (ум. после 1570), сын которого граф *Себастьян* (ум. 1613) был известным воином и умнейшим человеком своей эпохи, возведен 14 июня 1595 г. Императором Рудольфом II в графское Римской Империи достоинство. Он именовался «граф на Висниче». Старший его сын, воевода Краковский граф *Станислав* (1583—1649), известный полководец, победитель турок, был 26 февраля (8 марта) 1647 г. возведен с нисходящим его потомством Императором Фердинандом III в княжеское Римской Империи достоинство. Он именовался «князь на Висниче и Ярославе». Грамотой Императора Иосифа II от 6 мая 1786 г. были подтверждены в княжеском достоинстве, с титулом Светлости, его потомки, *Францишек-Ксаверий* (№ 34 по таблице 61) и его брат *Юзеф* (№ 35). Высочайше утвержденным 21 мая 1863 г. мнением Государственного Совета признаны в княжеском достоинстве, но без титула Светлости, дети и внуки Светлейших князей Францишека-Ксаверия и Юзефа Любомирских [44, 131].



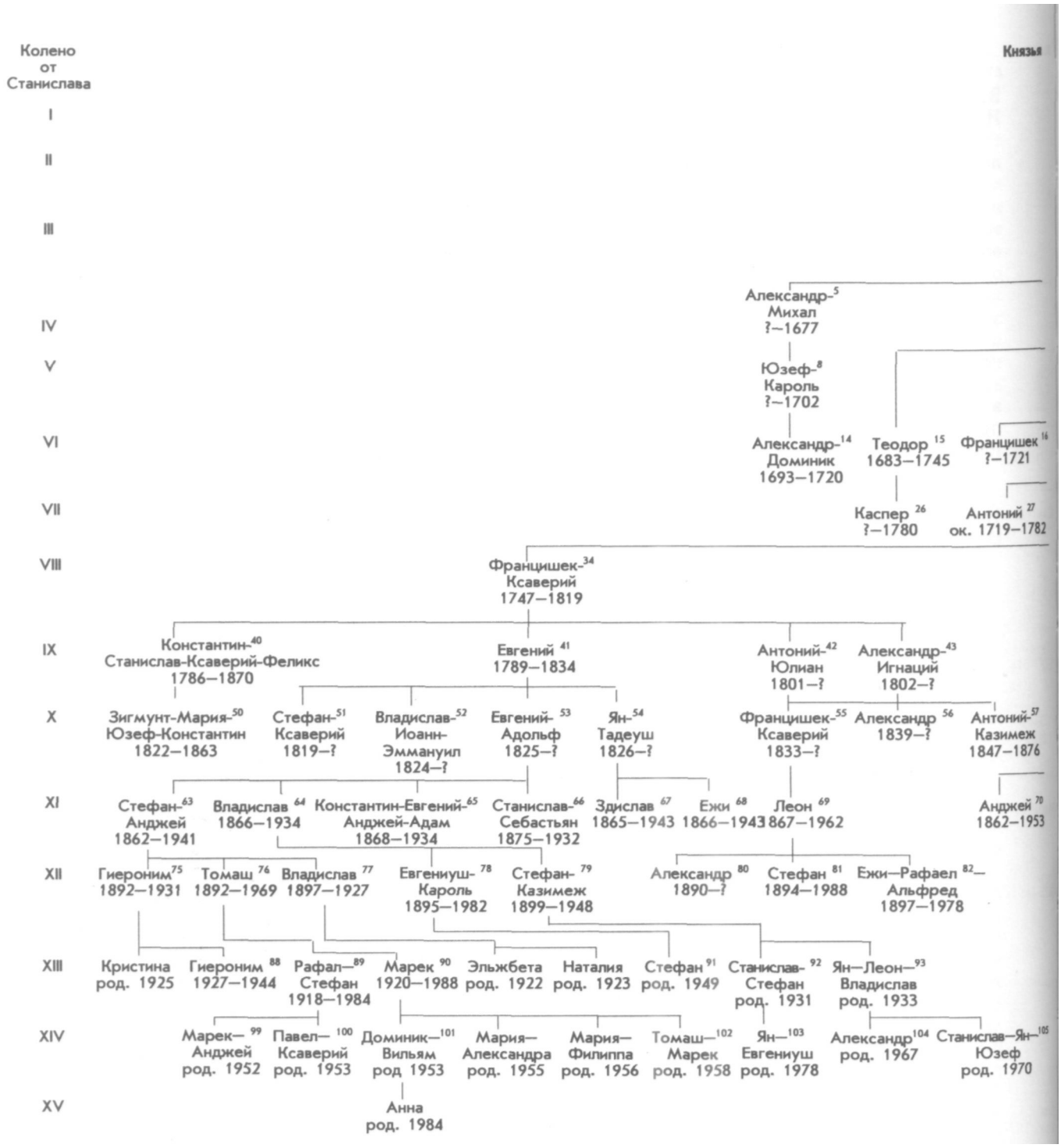
Герб князей Любомирских («Sreniawa»).

В красном поле с правого верхнего угла к нижнему левому протекающая река с крестом сверху. Из шлема возникающий лев. У князей Любомирских щит покрыт княжескою мантией и короною.

В XVIII в. представители рода Любомирских занимали в Польше высшие государственные должности [154].

Герба князей Любомирских в «Общем Гербовнике» [104] нет, но Любомирские употребляли

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным при участии Т. Ленчевского (Варшава).



родовой герб «Сренява» с изменениями, а именно: без креста, обычно помещаемого над «рекой» (см. рисунок).

Родословное древо князей Любомирских приведено в таблице 61 [44, 169, 170].

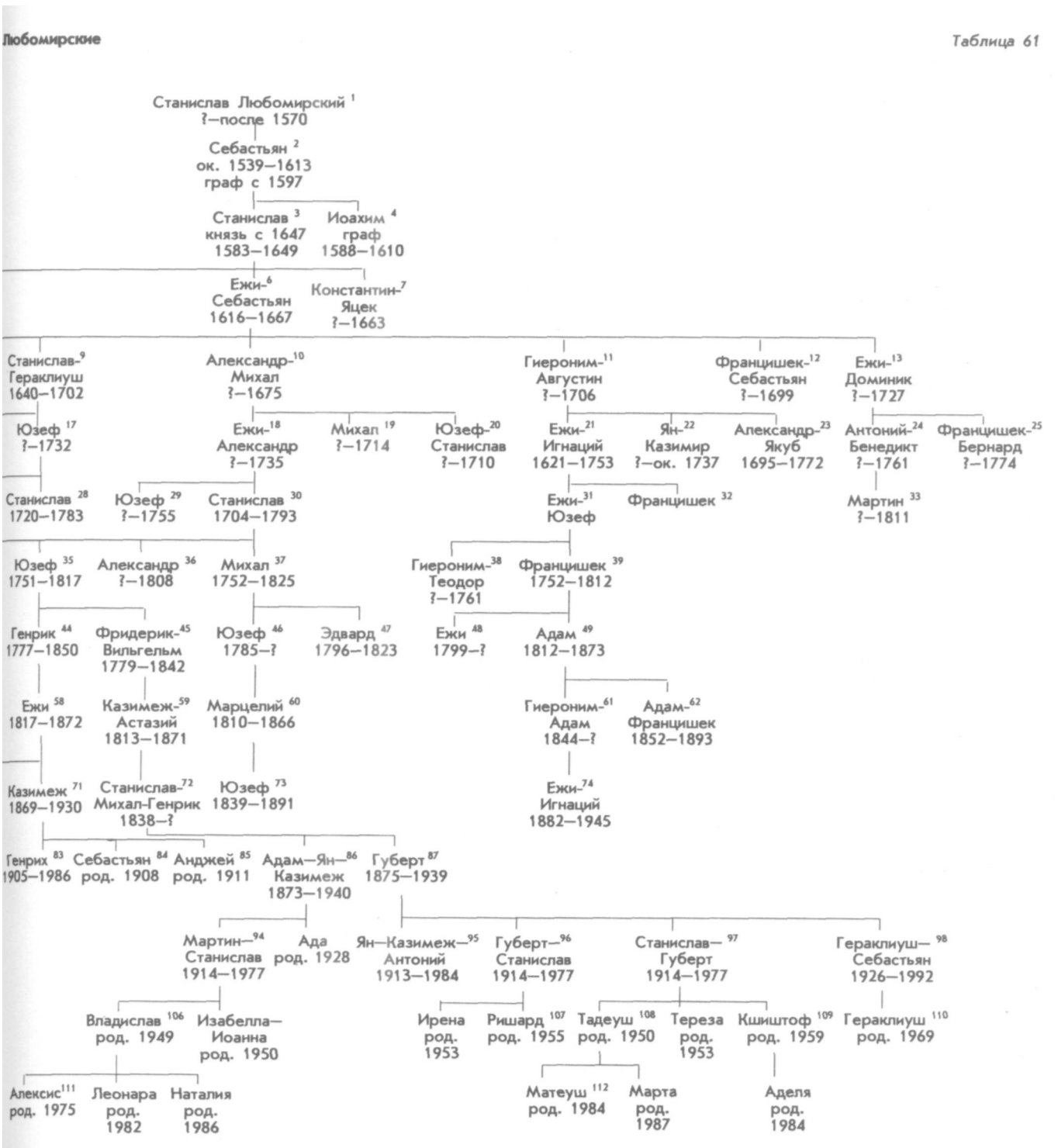
Из князей Любомирских наиболее известны [44, 169, 170]:

5. Александр-Михал (ум. 1677), воевода Краковский (1668) и конюший великий коронный.

6. Ежи-Себастьян (1616—1667), маршалок великий коронный и польный гетман. Успешно сражался против шведов и казаков. Преследуемый партией, во главе которой стояли Королева и канцлер Пражковский, он в 1664 г. был призван на суд Сейма и за неявку приговорен к смерти и лишен всех своих должностей, после чего вел открытую войну с королевскими войсками, неоднократо выигрывая сражения, но, в конце концов, был вынужден покориться обстоятельствам и покинуть Польшу [44, 154].

8. Юзеф-Кароль (ум. 1702), маршалок великий коронный.

9. Станислав-Гераклиуш (1640—1702), маршалок великий коронный (1676). Оста-



вил много трудов по истории, философии и богословию, написанных на польском и латинском языках, прозой и стихами, напечатанных преимущественно после его смерти в 1702—1723 гг. [154].

11. Гиероним-Августин (ум. 1706), Мальтийский кавалер, воевода Краковский и гетман польный коронный (1702), каштелян Краковский и гетман великий коронный.

13. Ежи-Доминик (ум. 1727), воевода Краковский (1726).

15. Теодор (1683—1745), воевода Краковский (1732).

lb. Францишек (ум. 1721), генерал войск коронных.

17. Юзеф (ум. 1732), воевода Черниговский (1726).

18. Ежи-Александр (ум. 1735), обозный коронный (1703), воевода Сандомирский (1729).

19. Михал (ум. 1714), подстолий коронный.

20. Юзеф-Станислав (ум. 1710), настоятель аббатства Тынсуцкого.

21. Ежи-Игнаций (1691—1753), генерал в саксонских и коронных войсках, хорунжий великий коронный (1746).

23. Александр-Якуб (1695—1772), генерал коронных и саксонских войск.

24. Антоний-Бенедикт (ум. 1761), генерал-лейтенант коронных войск (1753), мечник коронный (1754).

25. Францишек-Бернард (ум. 1774), мечник коронный (1761).

26. Каспер (ум. 1780), генерал-поручик русской службы.

27. Антоний (ок. 1720—1783), кашгелян Краковский (1779).

29. Юзеф (ум. 1755), подстолий Литовский (1744).

30. Станислав (1704—1793), воевода Брацлавский (1764) и Киевский (1772).

32. Францишек, обер-камергер Королевства Галицийского.

33. Мартин (ум. 1811), генерал-майор коронных войск, затем маршалок в Барской конфедерации. С 1777 г. генерал-лейтенант коронных войск.

34. Францишек-Ксаверий (1747—1819), генерал-поручик русской службы.

35. Юзеф (1751—1817), генерал-лейтенант польских войск и каштелян Киевский (1790—1796). Кавалер орденов Белого Орла и св. Станислава, а также баварского ордена св. Губерта.

36. Александр (ум. 1808), каштелян Киевский (1785—1790), позже генерал-майор французской службы.

37. Михал (1752—1825), генерал-лейтенант коронных войск.

38. Гиероним-Теодор (ум. 1761), генерал-лейтенант коронных войск и великий чашник коронный.

40. Константин-Станислав-Ксаверий-Феликс (Константин Ксаверьевич) (1786—1870), генерал-майор русской службы. В 1806 г. поступил корнетом в Гродненский гусарский полк и в том же году перевелся в лейб-гвардии Гусарский полк, в составе которого участвовал в походах против французов, и за отличие в сражениях под Гуштадтом, Акендорфом, Гейльсбергом и Фридландом (1807) награжден орденом св. Георгия 4-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1808 г. участвовал во взятии Тавастгуса (Финляндия). В 1818 г. отличился в сражениях под Шумлой и Батином, а также при штурме Рущука (Молдавия), за что был повышен в чине и награжден орденами. Принял участие во многих сражениях Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. В 1816 г. переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1821 г. произведен в генерал-майоры. В 1823 г. назначен командиром 1-й бригады 3-й пехотной дивизии, а впоследствии начальником пехотной дивизии. В 1830 г. по болезни вышел в отставку [126].

42. Антоний-Юлиан (Антон Ксаверьевич) (1801—?), полковник русской службы.

44. Генрих (1777—1850), инициатор создания Пшеворской ординации (майората) князей Любомирских в Галиции. Почетный командор Мальтийского ордена, помолог, член научных обществ в Варшаве, Кракове, Праге, основатель Музея Любомирских во Львове.

46. Юзеф (Иосиф Михайлович) (1785—?), тайный советник российской службы.

47. Эдвард (Эдуард Михайлович) (1796—1823), писатель. Некоторое время служил в посольстве России в Вене, затем в Берлине и в Лондоне. По возвращении на родину занялся хозяйством и литературой, проживая преимущественно в своем поместье под Варшавой. В 1823 г. поссорился с одним польским офицером и был смертельно ранен на дуэли. Перед смертью составил завещание. На пожертвованную им сумму денег была построена бесплатная глазная клиника для бедных. Известен как автор и переводчик ряда произведений [126].

51. Стефан-Ксаверий (Стефан Евгеньевич) (1819—?), Могилевский губернский предводитель дворянства.

54. Ян-Тадеуш (1826—1908), известен своими исследованиями о финансах, промыслах, торговле и податной системе древней Польши.

58. Ежи (1817—1872), член австрийской Палаты Господ, попечитель и организатор Львовского института, панславист, изложивший свои идеи в ряде сочинений [154].

59. Казимеж-Астазий (Казимир Фридрихович) (1813—1871), композитор. Окончил Кременецкий лицей, а затем обучался музыке. Известны 60 самостоятельных его сочинений, преимущественно танцы: мазурки, польки, галопы, но есть и несколько песен, которые пользовались популярностью в свое время. С 1852 по 1858 г. был вице-президентом Варшавского общества вспомоществования семьям артистов-музыкантов и одновременно состоял попечителем Ровенской гимназии, построенной на средства его отца [126].

73. Юзеф (Иосиф Марцелинович) (1839—1891), писатель. Воспитывался в Пажеском корпусе, но за дурное поведение в 1857 г. переведен унтер-офицером в Гренадерский князя Барклая-де-Толли полк. В 1859 г. произведен в офицеры, затем переведен в армейский Гусарский полк и вскоре вышел в отставку. Поселился в Париже и стал работать как профессиональный писатель. В первой изданной им книге «Sonvenirs d'un page du Tsar Nicolas» (Paris, 1869) имеются сведения о его пребывании в корпусе и обзор России, доведенный до смерти Императора Николая I [126].

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ

Потемкины * — княжеский, графский и дворянский род, происходящий по родословной легенде от польского шляхтича *Яна (Ганса) Потемпского,* выехавшего в Россию в начале XVI в. и поступившего на службу к Великому князю Московскому Василию III Иоанновичу [126, 154]. Он принял крещение с именем *Тарасия Александровича Потемкина* и был пожалован поместьями [125].

От обоих сыновей его, *Ивана* и *Иллариона Булгаков,* пошли две ветви рода. Потомки внука Ивана Тарасовича *Гавриила Федоровича* впоследствии получили графское Российской Империи достоинство, а потомок Иллариона Тарасовича Булгака *Григорий Александрович* был возведен в княжеское Римской Империи достоинство с титулом Светлости, которым ему было разрешено пользоваться в России [125, 154].

Родословное древо потомков Иллариона Тарасовича Булгака приведено в таблице 62 [125].

Из потомков Иллариона Тарасовича Булгака наиболее известны [125]:

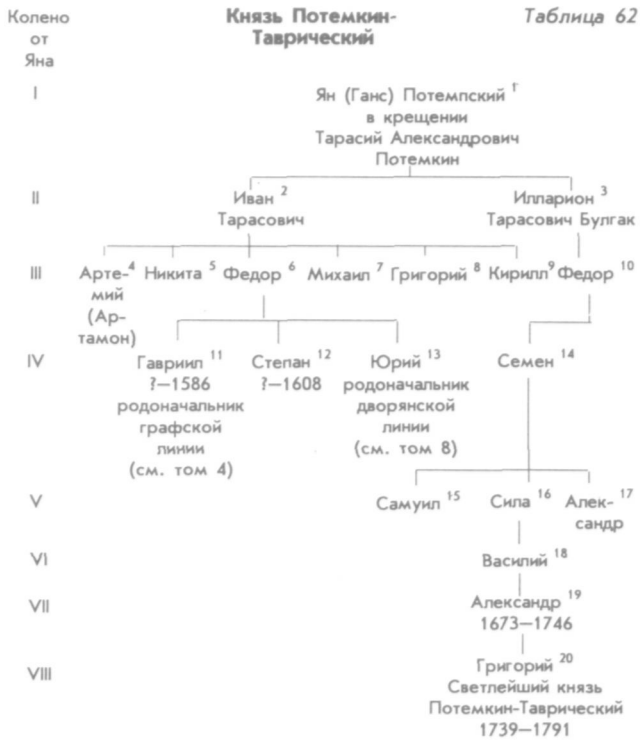
10. Федор Илларионович, пристав у литовского гонца в 1569 г., затем, в 1576 г.,— у польского посланника, в 1582 г. — у папского нунция Антония Поссевина, в 1583 г. — у польских послов, в 1584 г. — у цезарских послов. В 1590 г. был первым головой в Смоленске.

16. Сила Семенович, дворянин московский (1658—1677), стольник (1686).

18. Василий Силыч, стольник (1686—1692).

19. Александр Васильевич (1673—1746), майор и асессор Конторы конфискаций (1738), впоследствии подполковник [125], отставной армии полковник [126].

20. Григорий Александрович (1739—1791), русский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1784). Родился в селе Чижове близ Смоленска, в семье мелкопоместного дворянина. После смерти отца переехал с матерью (впоследствии статс-дамой) в Москву, где посещал учебное заведение Литкеля в Немецкой слободе, с детства проявлял любознательность и честолюбие. Поступив в Московский университет, в июле 1757 г. в числе лучших 12 студентов представлен был Императрице Елизавете Петровне, но затем заленился и был исключен из университета «за нехождение». Еще в 1755 г. записанный в рейтары Конной гвардии, Потемкин при Петре III был вахмистром. За участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. (в чем состояло это участие — неизвестно), возведшем на престол Екатерину II, получил чин подпоручика гвардии. В 1767 г. участвовал в работе комиссии по составлению Уложения. За отличие в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. получил чин генерала. После сближения с Екатериной II (1770) Потемкин был назначен вице-президентом Военной коллегии и генерал-адъютантом (1774), а также определен Шефом иррегулярных войск. Личное расположение Екатерины II, высокие должности при Дворе и в государственном аппарате сделали Потемкина самым могущественным человеком в стране. Проявив себя талантливым администратором, он стал ближайшим помощником Екатерины II в проведении политики укрепления абсолютистского государства. В 1774 г. организовал карательные мероприятия против Е. И. Пугачева.



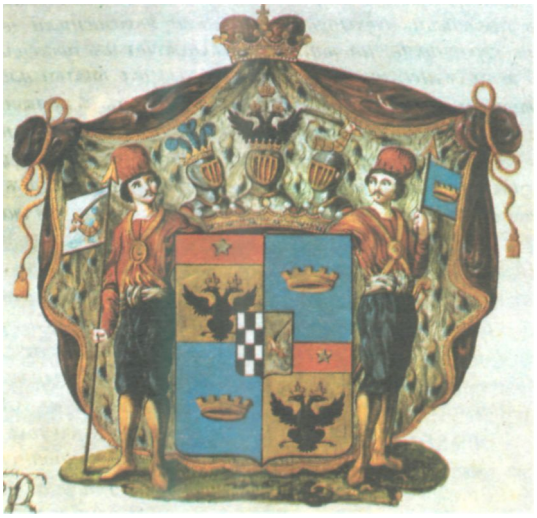
* Статья написана П. Х. Гребельским. Сведения о графской ветви рода приведены в томе 4: «Графские роды», а о дворянской ветви — в томе 8: «Дворянские роды».

В 1775 г. по его инициативе была ликвидирована Сечь Запорожская как возможный очаг нового массового выступления. Возведенный в 1775 г. в графское Российской Империи достоинство, он в 1776 г. был назначен генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. 16/27 февраля 1776 г. Иосиф II по желанию Императрицы возвел Потемкина в княжеское Священной Римской Империи достоинство с титулом Светлости, которым ему было разрешено пользоваться в России. В 1783 г. реализовал свой проект присоединения Крыма к России, получил за это титул Таврический, способствовал освоению Северного Причерноморья и строительству в этом крае городов Херсона, Николаева, Севастополя и Екатеринослава. Под руководством Потемкина осуществлялось создание на Черном море военного и торгового флотов. В 1784 г. назначен президентом Военной коллегии. В 1787 г. Императрицей Екатериной было предпринято путешествие на юг, которое обратилось в торжество Потемкина, с большим искусством сумевшего скрыть все отрицательные стороны действительности и выставить на вид блестящие свои успехи. Херсон с крепостью удивил даже иностранцев, а вид Севастопольского рейда с эскадрой, состоявшей из 15 больших и 20 мелких судов, был самым эффектным зрелищем всего путешествия. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. командовал армией, но, не обладая полководческим дарованием, лишь сковывал действия А. В. Суворова. В 1790 г. Потемкин получил титул гетмана казацких Екатеринославских и Черноморских войск. Он жил в Яссах, окруженный азиатской роскошью и толпою раболепных прислужников, но не переставал переписываться с Санкт-Петербургом и со многочисленными своими агентами за границей. После новых успехов Суворова, в январе 1791 г. Потемкин снова приехал в столицу, где считал свое присутствие необходимым ввиду быстрого возвышения Зубова. Цели своей — удаления Зубова — ему достичь не удалось. Хотя Императрица по-прежнему привлекала его к участию в государственных делах, но личные отношения с Потемкиным изменились к худшему: по ее желанию Потемкин должен был уехать из столицы, где он за четыре месяца истратил на пиршества 850 тысяч рублей. По возвращении в Яссы Потемкин деятельно вел мирные переговоры с Турцией, но болезнь помешала ему окончить их. 5 октября 1791 г. в степи, в 40 км от Ясс, Потемкин, собиравшийся ехать в Николаев, умер от перемежающейся лихорадки. Похоронен он в Херсоне [8, 126, 154].

Отзывы о Потемкине после смерти, как и при жизни, были весьма различны. Одни называли его злым гением Императрицы, «князем тьмы», другие — в том числе сама Императрица — великим и гениальным человеком. Во всяком случае, это был самый недюжинный из Екатерининских «временщиков», несомненно, способный администратор, деятельный и энергичный человек, избалованный, однако, побочными обстоятельствами, доставившими ему высокое положение, и поэтому лишенный равновесия и способности соразмерять свои желания с действительностью. Делая быструю и блистательную карьеру, Потемкин стремился не только к удовлетворению своего тщеславия и к обогащению (он был одним из самых богатых сановников страны), но и к укреплению международной позиции России, к развитию ее экономики. Пороки



Светлейший князь
Григорий Александрович Потемкин-Таврический.



Герб Светлейшего князя Римской Империи
и графа Российской Империи Потемкина-Таврического.

Щит четырехчастный с малым щитком посредине, в правом поле которого изображена шахматная доска из черных и белых квадратов, а в левой части в серебряном поле — выходящая из облаков рука с мечом. В первой и четвертой частях в золотом поле черный двуглавый коронованный орел, а в вершине в красном поле золотая пятижальная звезда. Во второй и третьей частях в лазоревом поле золотая градская корона. На щите графская корона, а над нею три шлема: над левым рука с мечом, над средним из короны выходящий до половины черный двуглавый коронованный орел, а между его главами третья корона; из короны над правым шлемом выходящие три страусовых пера. Щитодержатели два воина в малороссийском одеянии, держащие по копью с закрепленными на них штандартами с эмблемами. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан княжескою шапкою Римской Империи.

Потемкина — его женолюбие (связь даже с собственными племянницами), расточительность, пренебрежение к человеческой жизни — порождены его эпохой [154].

Герб Светлейшего князя Римской Империи и графа Российской Империи Потемкина-Таврического внесен в «Общий Гербовник», часть I, под № 26 [104].

КНЯЗЬЯ РАДЗИВИЛЛЫ

Радзивиллы * — старинный литовский магнатский род, одна из богатейших и наиболее влиятельных семей Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, крупнейшие землевладельцы; им принадлежали многие замки, местечки и даже города, такие как Несвиж, Олыка, Биржи, Кейданы, Дубинки, Себеж, Невель и другие. Представители этого рода в XV—XVIII вв. занимали высшие должности в государственной администрации.

Существует несколько легендарных версий о происхождении этой семьи. Согласно одной из легенд, их предком был языческий жрец *Лиздейк,* ребенком найденный в орлином гнезде во время охоты Великого князя Гедимина. Согласно той же легенде, именно Лиздейко посоветовал князю основать город Вильно.

Другая, более поздняя, версия приписывала Радзивиллам родство с Литовской династией, происходившей якобы от знатных римлян, которые переселились в Литву вместе с легендарным князем Палемоном. Панагеристы и генеалоги XVI—XVIII вв. возводили их к князю Эрдвину, Великому князю Наримонту (причем Лиздейко оказывался сыном последнего).

В новейших исследованиях генеалогов их родоначальником назван литовский боярин *Сирпуть,* живший в 1385 г. Фамильное имя роду дал его внук, носивший языческое литовское имя *Радзивилл* **.

Сын Сирпутя *Остик,* впервые упоминаемый в 1389 г. в числе свидетелей мирного договора Великого князя Витовта с крестоносцами, носил титул старосты Ушпольского. В 1401 г. он вместе с братом Дорги был свидетелем Виленской унии Литвы с Польшей, затем, в 1411 г., — свидетелем Торуньского мира Литвы и Польши с Тевтонским орденом, при этом он впервые назван своим христианским именем *Кристин.*

В 1413 г., после заключения очередного договора о Польско-Литовской унии в Городле, польские шляхтичи в знак вечного союза с литовцами передали нескольким десяткам литовских магнатов свои гербы *. Кристин-Остик был принят к гербу «Тронбы» («Трубы»). От имени соответствующего польского рода акт унии скрепил своей печатью примас Польши Гнезненский архиепископ Миколай Тронба. Герб «Тронбы» приведен на рисунке.



Герб «Traby».

В серебряном поле щита три черные трубы в золотой оправе, устьями соединенные вместе. На щите дворянские шлем и корона с семью страусовыми перьями. У князей Радзивиллов щит покрыт мантией и увенчан княжескою шапкою.

В 1418 г. Кристин-Остик уже каштелян Виленский и занимает эту должность до 40-х гг. XV в. Через сто лет, в 1518 г. его правнук, *Миколай,* воевода Виленский и канцлер Литовский получил титул князя Римской Империи, распространенный в 1547 г. на всех членов фамилии.

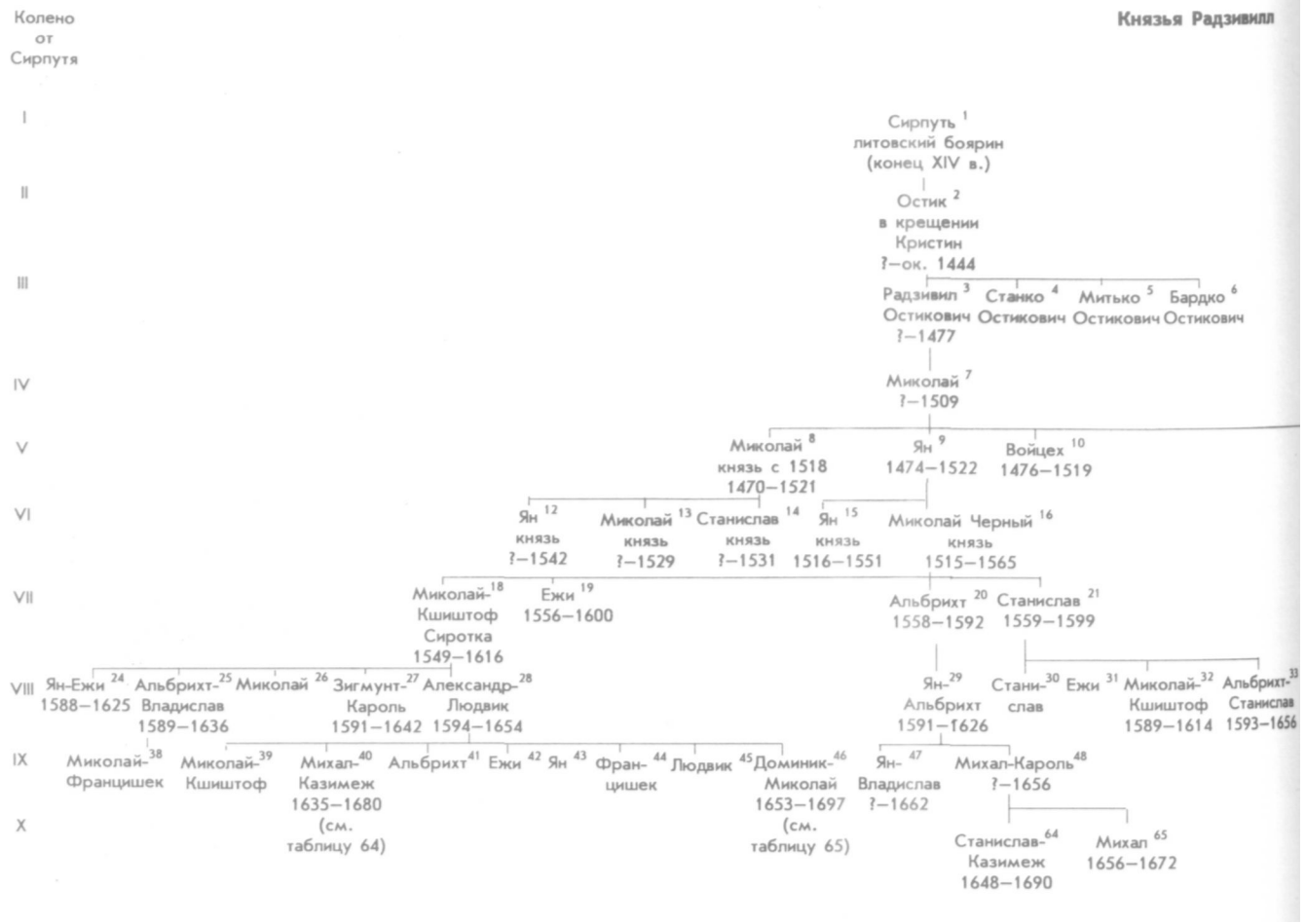
Родословное древо дворян и князей Радзивиллов приведено в таблице 63 [176].

Из дворян и князей Радзивиллов наиболее известны:

* Статья написана С. В. Думиным и П. Х. Гребельским.

** Кроме знатного рода Радзивиллов в Литве существовали шляхетские и крестьянские семьи, носившие эту фамилию. Естественно, это были только однофамильцы, а не родственники.

* По польскому обычаю, принимая герб, его новый владелец становился членом геральдического рода, «гербовым братом». С Городельской унией в Литву проникают польские гербы. Позже гербы приняли и многие другие литовские и западно-русские семьи. После получения родом Радзивиллов княжеского достоинства их герб приобрел дополнительные элементы [С. В. Думин].





Миколай Радзивиллович Радзивилл.

3. Радзивилл Остикович (ум. 1477), маршалок земский Литовский, воевода Виленский, Литовский канцлер.

7. Миколай Радзивиллович (ум. 1509), наместник Смоленский, Новогрудский и Вельский, каштелян Трокский (1488), воевода Виленский, канцлер великий Литовский [16а].

9. Ян (1474—1522), маршалок земский, каштелян Трокский.

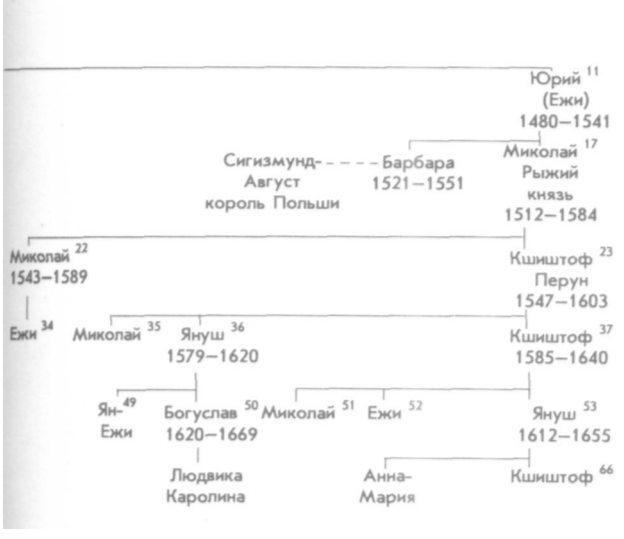
10. Войцех (1476—1519), епископ Луцкий, потом Виленский [44].

11. Юрий (Ежи) (1480—1541), каштелян Виленский, гетман великий Литовский. Одержал победу в тридцати сражениях, за что получил прозвище «Victor» *(«Победитель»)*. Его дочь *Барбара* (1521—1551) была женой Польского Короля Сигизмунда I Августа [8, 44, 154].

12. Князь Ян (ум. 1542), чашник Литовский, последний представитель первой линии Радзивиллов [8, 44, 154].

13. Князь Миколай (ум. 1529), епископ Жмудский [44].

15. Князь Ян (1516—1551), крайчий Литовский [44].



16. Князь Миколай Черный (1515—1565), маршалок великий Литовский, каштелян Трокский. В 1553 г. принял кальвинизм и сделался ревностным сторонником этого учения, не щадя средств на его распространение. В 1563 г. на собственный счет приказал напечатать в Бресте Библию, так называемую Радзивилловскую [8, 154].

17. Миколай Рыжий (Rudy, Rufuc; 1512—1584), князь с 1547 г., великий гетман, а потом канцлер Литовский. Как брат жены Короля Сигизмунда I, был его приближенным, а после смерти Короля занимал высшие должности и стал почти неограниченным правителем государства. В 1561 г. заключил с последним гросмейстером Ливонского ордена Готгардом Кеттлером договор, по которому орден был упразднен и Лифляндия поступила в подданство Польши. В 1547 г. был послом Польши на Аугсбургском сейме, где 10 декабря 1547 г. Император Карл V возвел его вместе с двоюродными братьями *Яном* (№ 15) и */Николаем Черным* (№ 16) в княжеское Римской Империи достоинство с титулом герцога Ольского (Herzog von Olyka) для старшего в роде. В 1564 г. князь Миколай принял кальвинизм. Его линия угасла в 1669 г. со смертью его правнука *Богуслава* (№ 50) [8, 44, 154].

18. Князь Миколай-Кшиштоф, по прозвищу Сиротка (1549—1616). Воспитанный в кальвинизме, впоследствии перешел в католицизм. Раненный в бою под Полоцком в 1579 г., оставил военную службу и прослыл меценатом — покровительствовал Виленской Академии [154].



Юрий (Ежи) Радзивилл.

19. Князь Ежи (1556—1600), член ордена иезуитов, епископ Краковский, кардинал с 1584 г., папский нунций с 1592 г. Преследовал кальвинистов, закрывал типографии, сжигал публично сочинения, несогласные с католичеством, прибегал к суровым мерам против отступников от католичества [8, 154].

21. Князь Станислав (1559—1599), великий маршал Литовский, староста Жмудский, участник войн Короля Стефана Батория с Иоанном. IV Грозным. Основал Ольскую ординацию [154].

22. Князь Миколай (1543—1589), воевода Новогрудский [44].

23. Князь Кшиштоф (1547—1603), каштелян Трокский, воевода Виленский, подканцлер, великий гетман Литовский, участник всех войн при Короле Стефане Батории. Получил за свои военные таланты прозвище «Piorun» *(«Перун»,* т. е. *«Гром»)* [154].

24. Князь Ян-Ежи (1588—1625), каштелян Трокский [44].

25. Князь Альбрихт-Владислав (1589—1636), каштелян Трокский, затем Виленский [44].

27. Князь Зигмунт-Кароль (1591—1642), воевода Новогрудский [44].

33. Князь Альбрихт-Станислав (1593—1656), польский историк. С 1623 г. великий канцлер



Князь Миколай Черный Радзивилл.



Князь Миколай-Кшиштоф Сиротка Радзивилл.

Литовский и староста Виленский. Автор мемуаров, охватывающих период с 1632 по 1656 г. [8, 154].

36. Князь Януш (1579—1620), подчаший Литовский.

37. Князь Кшиштоф (1585—1640), воевода Виленский, активный участник русско-польской войны 1632—1634 гг. и заключения Поляновского мира (1634) [44, 154].

40. Князь Михал-Каз,имеж (1635—1680), подканцлер и гетман польный Литовский [44]. О его потомстве см. таблицу 64.

46. Князь Доминик-Миколай (1653—1697), канцлер Литовский [44]. О его потомстве см. таблицу 65.

48. Князь Михал-Кароль (ум. 1656), крайчий Литовский [44].

50. Князь Богуслав (1620—1669), конюший Литовский, один .из героев романа Г. Сенкевича «Потоп», кальвинист, вначале был сторонником шведов, потом помирился с Польским Королем Яном-Казимиром. Единственная дочь его, *Людвика-Каролина,* наследница огромных владений этой ветви князей Радзивиллов, в первом браке была за Маркграфом Людвигом Бранденбургским, а во втором — за Герцогом Карлом-Филиппом Нейбургским [176].

53. Князь Януш (1612—1655), подкоморий Литовский [16а].

64. Князь Станислав-Казимеж (1648—1690), стольник Литовский, маршалок великий Литовский [16а].

Родословное древо князей Радзивиллов, потомков князя Михала-Казимежа, приведено в таблице 64 [176].

Из потомков князя Михала-Казимежа Радзивилла наиболее известны:

7. Кароль-Станиелав (1669—1719), канцлер Литовский [44].

9. Михал-Казимеж Рыбенько (1702—1762), польный гетман Литовский [44].

13. Гиероним-Флориан (1715—1760), великий хорунжий Литовский [44].

15. Кароль-Станислав (1735—1790), названный по его любимому присловью «Пане-Коханку», — любимец шляхты, типичнейший образец польского удальца и юмориста. На свои средства содержал десятитысячное регулярное войско, выступал противником партии князей Чарторыских, от преследования которой ему пришлось искать спасения в Турции. В 1768 г. прим-



Князь Ежи Радзивилл.



Князь Албрихт-Станислав Радзивилл.

кнул к Барской конфедерации. После сдачи Несвижа эмигрировал за границу, но потом вернулся и был прощен Императрицей Екатериной II [8, 154].

18. Доминик (1786—1813), действительный камергер Российского Императорского Двора [44].

Родословное древо князей Радзивиллов, потомков князя Доминика-Миколая, приведено в таблице 65 [176].

Из потомков князя Доминика-Миколая Радзивилла известны [44]:

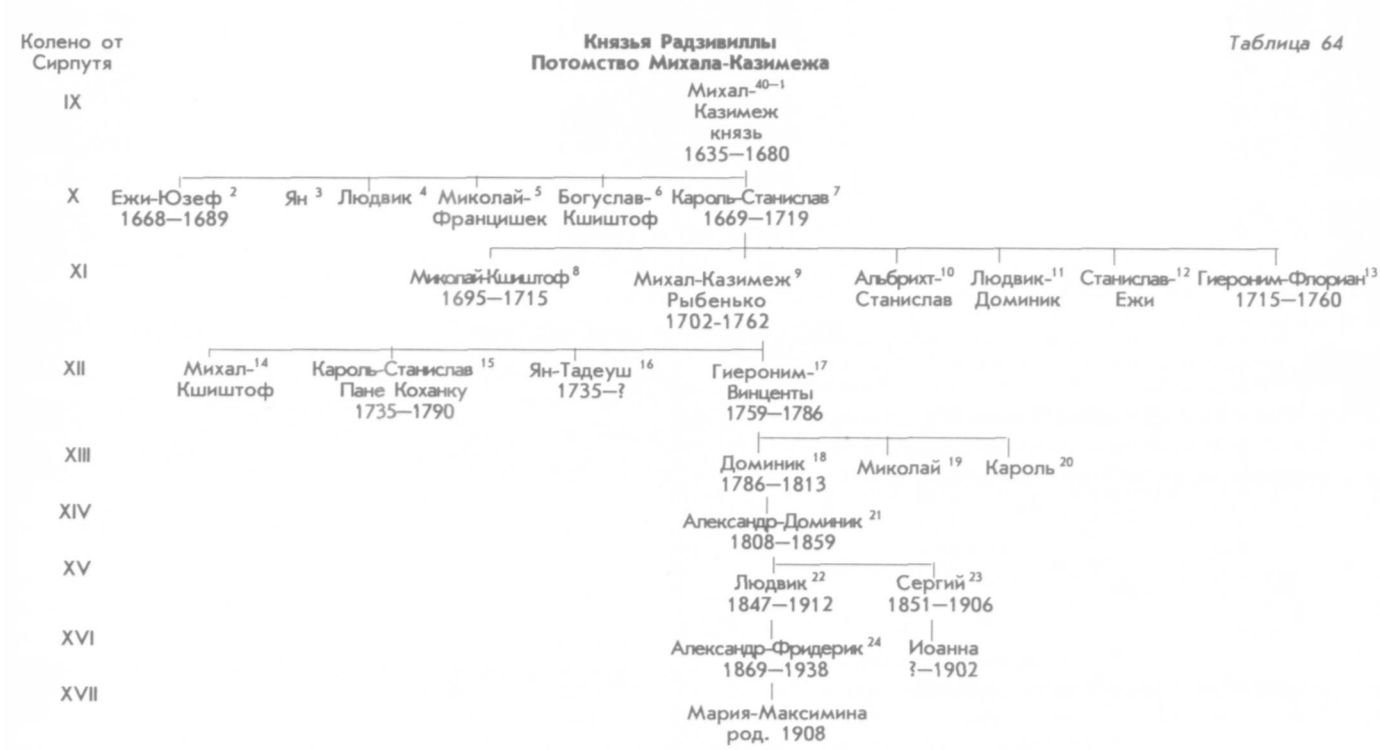
2. Ян-Миколай (1681—1728), воевода Новогрудский.

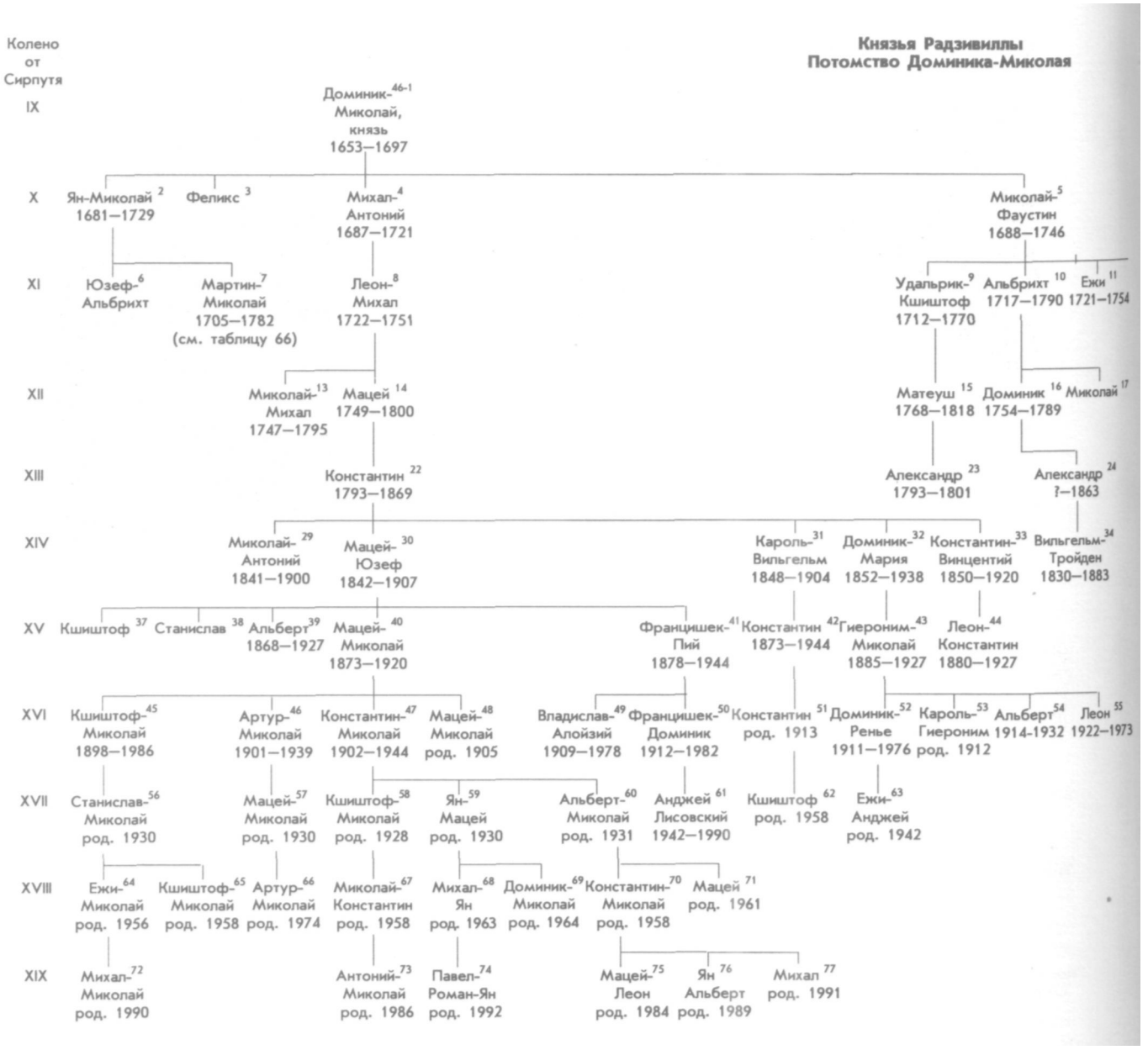
4. Михал-Антоний (1687—1721), крайний Литовский.

5. Миколай-Августин (1688—1746), воевода Новогрудский.

Таблица 64

Князья Радзивиллы
Потомство Михала-Казимежа





9. Удальрих-Кшыштоф (1712—1769), поэт, автор ряда стихотворений.

11. Ежи (1721—1754), воевода Новогрудский.

12. Станислав (1722—1754), маршал Литовский.

15. Матеуш (1768—1818), церемониймейстер Российского Императорского Двора, действительный статский советник.

21. Миколай (1751—1810), генерал польских войск.

22. Константин (Константин Матвеевич) (1793—1869), камергер Российского Императорского Двора.

25. Михал (Михаил Николаевич) (1791—1846), полковник польских войск.

Родословное древо князей Радзивиллов, потомков князя Мартина-Миколая, приведено в таблице 66 [176].

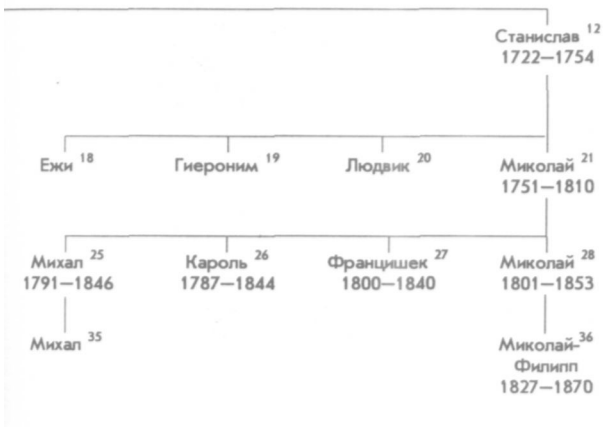
Из потомков князя Мартина-Миколая Радзивилла наиболее известны:

6. Михал-Гиероним (1744—1831), воевода Виленский [44].

11. Антоний-Генрик (1775—1833), с молодых лет жил при Берлинском Дворе, был женат на Принцессе Луизе Гогенцоллерн, родственнице Короля Фридриха-Вильгельма III. С 1815 г. наместник Великого княжества Познанского. Талантливый виолончелист и композитор, автор музыки к «Фаусту» Гёте [154].

12. Михал-Гедеон (1778—1850), генерал польских войск. Сражался в войсках Костюшко,

Таблица 65





Княжна Елизавета Радзивилл,
супруга Миколая-Кшиштофа, воеводы Виленского.



Княжна Кристина-Евфимия Радзивилл (1598—1657),
дочь князя Станислава Радзивилла (1559—1599)
и Марианны Мышчанки,
аббатисса монастыря бенедиктинок в Несвиже.



Княгиня Елизавета-София Радзивилл (1589—1629),
дочь маркграфа и курфюрста Бранденбургского Иоганна-Георга и Елизаветы Ангальт-Цербстской,
супруга (с 1613 г.) князя Януша Радзивилла.
Во втором браке супруга князя
Иоганна-Генриха Саксен-Ладенбургского (с 1628 г.).

затем в польских легионах, где и получил чин генерала. Во время Польского восстания 1830—1831 гг. после отказа Хлопицкого от диктатуры он некоторое время (январь 1831) был командующим польской армией. После битвы под Гороховом сложил с себя полномочия [154].

13. Анджей-Валентин (1780—1838), командор Мальтийского ордена и член административного совета в Царстве Польском [44].

14. Леон (Лев Людвигович) (1808—1874), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии (1869). Начал' службу в 1825 г. юнкером в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Принял активное участие в подавлении Польского восстания 1830—1831 гг., за что награжден орденом и повышен в чине. В 1832 г. назначен флигель-адъютантом Николая I. Исполнял административные и дипломатические поручения Императора. За блестяще выпол-



Князь Кшиштоф Радзивилл.



Князь Януш Радзивилл (1612—1655).



Княгиня Катажина и княгиня Мария Радзивилл, жены князя Януша Радзивилла.
Катажина (ум. 1642/43) урожденная Потоцкая, Мария (ум. 1661) урожденная княжна Лупу.



Князь Станислав-Казимеж Радзивилл.

ненное в Турции поручение был произведен в генерал-майоры (1849). Участвовал в подавлении революции в Венгрии в 1848—1849 гг. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. командовал дивизией и за отличие произведен в генерал-лейтенанты. Император Александр II ценил преданность князя и всегда держал его при себе. Умер без потомства [126].

15. Вильгельм (1797—1870), генерал-от-инфантерии прусской службы [44].

Высочайше утвержденными от 5 апреля 1845 г. и 1 марта 1899 г. мнениями Государственного Совета князья Радзивиллы были утверждены в княжеском достоинстве с разрешением пользоваться титулом [131].



Князь Михал-Казимеж Радзивилл («Рыбенько»).



Князь Кароль-Станислав Радзивилл («Пане-Коханку»).

Таблица 66

Князья Радзивиллы
Потомство Мартина-Миколая

Колено от Сирпутя

XI — Мартин-Миколай князь [7–1] 1705–1782

XII — Юзеф-Миколай [2] 1736–1813; Антоний-Миколай [3] 1741–1778; Доминик [4] 1747–1803; Якуб [5] 1748–1808; Михал-Гиероним [6] 1744–1831

XIII — Антоний [7] 1765–1810; Алойзий-Александр [8]; Людвик-Миколай [9] 1773–1830; Кароль-Лукаш [10]; Антоний-Генрик [11] 1775–1833; Михал-Гедеон [12] 1778–1850; Анджей-Валентий [13] 1780–1838

XIV — Леон [14] 1808–1874; Вильгельм [15] 1797–1870; Фердинанд [16] 1797–1827; Богуслав-Фридерик [17] 1805–1873; Владислав [18] 1805–1831; Кароль-Анджей [19] 1821–1886; Зигмунт [20] 1822–1892

XV — Антоний-Вильгельм [21] 1833–1904; Януш-Фридерик [22] 1843–1923; Вильгельм-Адам [23] 1845–1911; Фердинанд-Фридрих [24] 1834–1926; Владислав [25] 1936–1920; Эдмунд [26] 1842–1895; Кароль [27] 1839–1907; Петр-Михал [28] 1853–1903

XVI — Ежи-Фридерик [29] 1860–1914; Станислав-Вильгельм [30] 1880–1920; Миколай [31] 1880–1914; Михал [32] 1870–1955; Зигмунд [33]; Кароль [34] 1874–1906; Януш-Францишек [35] 1880–1967; Владислав [36] 1881–1963

XVII — Антоний-Альбрехт [37] 1885–1935; Кароль-Миколай [38] 1886–1968; Леон-Владислав [39] 1886–1959; Антоний [40]; Фридерик [41] 1888–1920; Михал [42] 1907–1974; Эдмунд-Фердинанд [43] 1906–1971; Фердинанд [44] 1911–1929; Станислав-Альбрехт [45] 1914–1976

XVIII — Антоний-Ежи [46] 1912–1967; Ежи-Миколай [47] род. 1921; Кароль [48] род. 1931; Антоний [49] род. 1935; Фердинанд-Кшиштоф [50] род. 1935; Ян [51] род. 1947; Антоний [52] род. 1959

XIX — Мартин-Доминик [53] род. 1965; Павел-Миколай [54] род. 1970; Кароль-Фердинанд [55] род. 1969; Ян-Михал [56] род. 1979; Филипп [57] род. 1981

КНЯЗЬЯ, ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ САПЕГИ

Сапеги * (Sapieha, Sppieha, Sopiha, Sopiezycz) — литовский княжеский род герба «Лис» (Lis), владевший в XVI—XVIII вв. обширными земельными богатствами и пользовавшийся большим влиянием, уступая только князьям Радзивиллам [126, 154].

Герб рода Сапеги приведен на рисунке.



Герб князей Сапега («Lis»).

Родоначальником Сапег в большинстве старых польских гербовников назван князь *Сунигайло* (ум. 1421), крестившийся с именем *Семен,* сын легендарного каштеляна Троцкого *Пунигайло* (1302—1380) и внук князя *Наримонта Гедиминовича.* Недостоверность этой генеалогии, основанной на сочинении Миштольта «Historia domus Sapiehianae», давно доказана. Род Сапег происходит от брянских бояр, которые уже в XV в. владели значительными имениями в Смоленской земле. Их родоначальником был *Семен Сапега или Сопига,* писарь Великого князя Литовского Казимира Ягеллончика, упоминаемый во многих документах 40-х гг. XV в. Он имел четырех сыновей, из которых: *Юрий* умер бездетным; потомство *Василия (Васько)* угасло со смертью его бездетных сыновей *Петра* и *Ивана; Богдан* стал родоначальником первой ветви — Черейской или Северской, а *Иван* — родоначальником второй ветви — Коденской [126, 154].

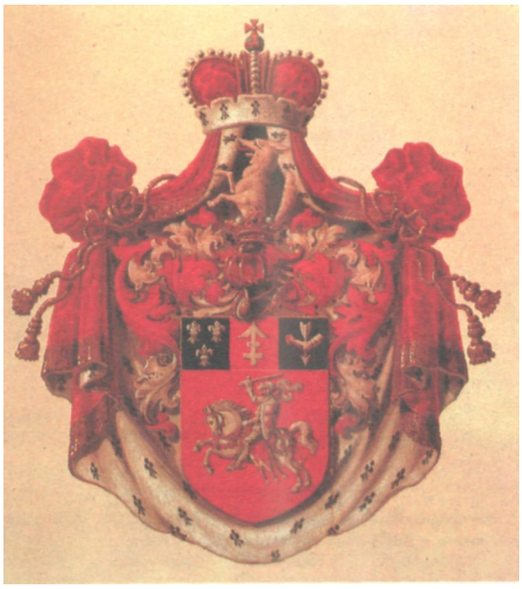
Из рода Сапеги трое были главными начальниками литовской артиллерии, двадцать пять занимали должности воевод, четверо — каштелянов, трое были гетманами великими Литовскими, один — гетманом польным, двое — канцлерами, трое — подканцлерами Великого княжества Литовского, трое — великими маршалами Литовскими, двое — епископами [154].

К концу XVII в. Сапеги на короткое время стали самой влиятельной магнатской семьей в Великом княжестве Литовском. Они самовластно хозяйничали в Литве, распоряжаясь по своему усмотрению на сеймиках и трибуналах, преследуя и устраняя неугодных им лиц. Выведенная из терпения их высокомерием и притеснением шляхта, а также магнаты — соперники Сапег — составили конфедерацию. В последовавшей внутренней войне Сапеги потерпели поражение в битве под Олькениками (18 ноября 1700 г.) и были приговорены к лишению должностей и вечному изгнанию из страны. Во время Северной войны они выступили на стороне шведов и поддерживаемого ими Короля Станислава Лещинского. Однако затем примирились с Королем Августом II. Война подорвала их могущество и лишила части богатств, но, несмотря на это, они до конца существования самостоятельности Польши продолжали играть значительную роль в управлении государством [126, 154].

Первоначально Сапеги исповедовали православие. Первым перешел в католицизм *Иван Семенович* (№ 1 по таблице 68), посланный в 1514 г. в Рим. Сыновья его остались православными, но в период реформации некоторые из Сапег, подобно многим другим магнатам и шляхте, перешли в кальвинизм, а позже, с победой в Речи Посполитой контрреформации, большинство кальвинистской шляхты обратилось в католичество [44, 126, 154].

Император Рудольф II 6 января 1572 г. возвел *Миколая Сапегу* (№ 5 по таблице 68) в графское Римской Империи достоинство, и этим было положено начало графской ветви рода Сапеги. В 1633 г. *Ян-Станислав* (№ 26 по таблице 67), если верить гербовнику Несецкого, был возведен Императором Фердинандом III в княжеское Римской Империи достоинство, но отказался принять этот титул. Впрочем, так или иначе, он умер бездетным. В 1700 г. *Михаил-Францишек* (№ 47 по таблице 67), литовский генерал артиллерии *и* великий конюший, был возведен Императором Леопольдом I в княжеское Римской Империи достоинство. Потомства он не оставил и в том же году был убит в бою со шляхтой под Олькениками. Формально не имея прав на княжеский титул, Сапеги уже в это время употребляли его, претендуя на происхождение от древних Литовских князей. В 1768 г. Польский Сейм, признав эту легендарную родословную, официально утвердил за родом Сапег княжеский титул. Указом Императора Александра II Правительствующему Сенату от 26 июля 1874 г. дозволено было британскому подданному *Яну-Павлу-Александру Сапеге* (№ 68 по таблице 67) пользоваться княжеским титулом без предъявления требуемых по закону документов, а 30 апреля 1880 г. была пожалована Сапегам грамота на княжеское достоинство [44, 126, 154].

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным. Поколения XIV—XVII по материалам Т. Ленчевского (Варшава).



Герб князя Яна (Ивана)-Павла-Александра Сапеги.

В червленом щите герб Великого княжества Литовского «Яогокь». В верхней части щита: справа в черном поле три золотые лилии; в середине в червленом поле родовой герб — «Лис» (серебряная стрела с двумя перекладинами); в левой части в черном поле рука, пронзенная стрелой. Над щитом коронованный шлем, и из него до половины выходящий лис. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкою.

Высочайше утвержденным 29 декабря 1901 г. мнением Государственного Совета по приложенному списку жившим в Российской Империи представителям рода Сапеги дозволено пользоваться княжеским титулом [131].

Герб князя Яна (Ивана)-Павла-Александра Сапеги внесен в «Общий Гербовник», часть XIII, под № 6 [104].

Родословное древо первой ветви Сапеги приведено в таблице 67 [44, 169, 170].



Богдан Семенович Сапега.

Из первой ветви рода Сапеги известны [170]:

1. Богдан Семенович (ум. после 1511), писарь господарский (1471), окольничий Смоленский (1503), наместник Мценский, Любецкий и Высокодворский.

2. Иван Богданович (ум. 1546), писарь господарский (1508), городничий Трокский (1511), маршалок господарский и воевода Витебский (1520), воевода Подлясский (1529), потерял свои звания в 1541 г.

6. Иван Иванович (ум. 1580), староста Дрогицкий.

7. Михаил Иванович (ум. после 1592), секретарь Короля.

8. Павел Иванович (ум. 1580), каштелян Киевский (1566).

16. Лев Иванович (1557—1633), выдающийся государственный деятель, воевода Виленский, гетман великий Литовский и канцлер великий Литовский, играл большую роль в войнах и переговорах Польши с Московским государством. Поддержал идею выдвижения самозванцев на роль русского Царя, активно участвовал в выработке планов польской интервенции в Россию и их осуществлении. Участвовал в заключении Деулинского перемирия 1618 г. Под его руководством была завершена работа по составлению уникального памятника литовско-русского права — Литовского статута 1588 г. [8, 154].

17. Григорий Иванович (ум. 1600), подкоморий Оршанский.

18. Андрей Иванович (ум. 1611), каштелян Витебский (1600), воевода Мстиславский (1605).

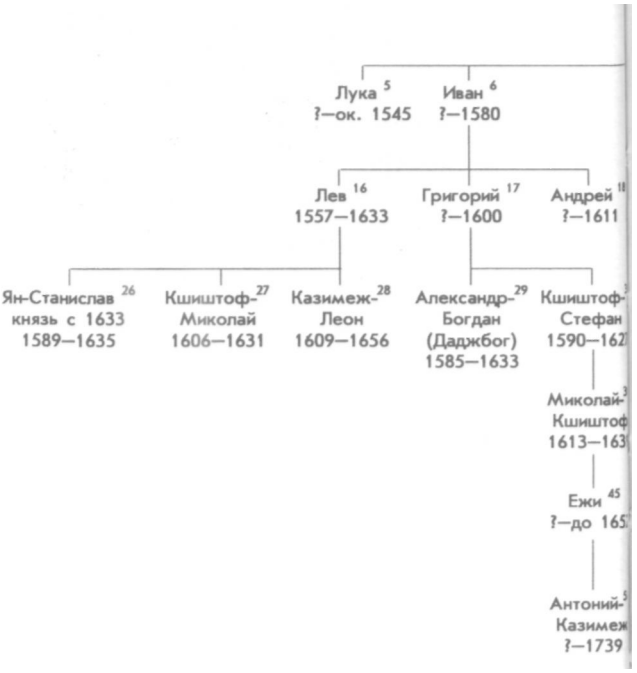
20. Ян-Петр (1569—1611). В августе 1608 г. с ведома и одобрения Короля Сигизмунда III и своего родственника канцлера Льва Ивановича (см. выше) прибыл с семитысячным войском в Тушино к Лжедмитрию II. В сентябре 1608 г. возглавил войско, осадившее Троице-Сергиев монастырь, и руководил действиями отрядов, направляемых для захвата городов Замосковского края. С начала J 609 *г, вел упорную борьбу про*тив национально-освободительного движения русского народа. В январе 1610 г. вынужден был снять осаду с Троице-Сергиева монастыря. После распада Тушинского лагеря действовал с самозванцем вплоть до вторичного прихода к Москве. Оказывал помощь польскому гарнизону в Москве, осажденному Первым ополчением. Умер в Москве. Оставил «Дневник», напечатанный в русском переводе в журнале «Сын Отечества» за 1858 г. [8, 154].

26. Ян-Станислав (1589—1635), маршалок великий Литовский.

27. Кшиштоф-Миколай (1606—1631), писарь великий Литовский.



Лев Иванович Сапега.





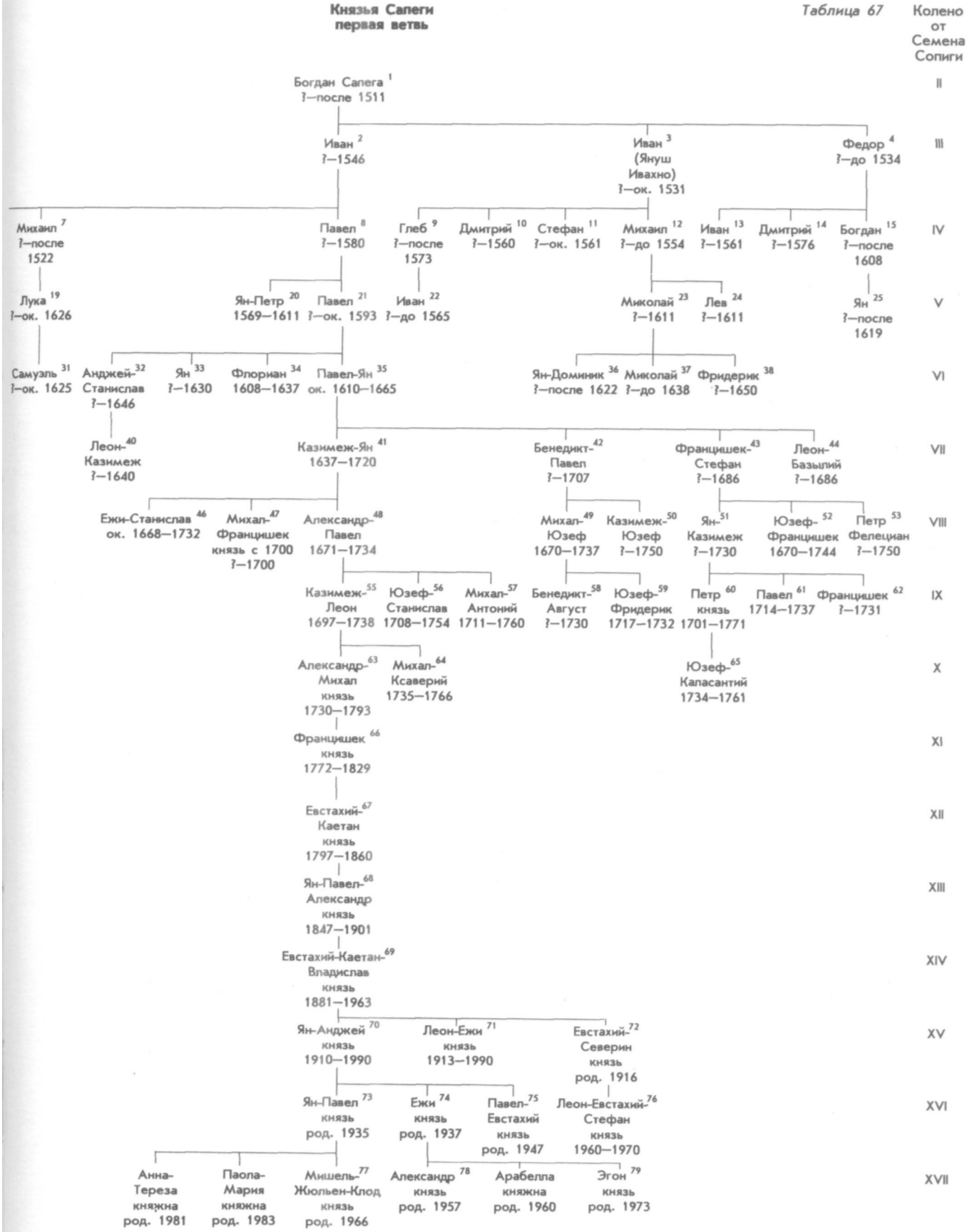
Гризельда Сапега (ум. 1633), урожденная Водынская, супруга Яна-Станислава Сапеги.



Юзеф Сапега (ум. 1754).

Князья Сапеги
первая ветвь

Таблица 67



28. Казимеж-Леон (1609—1656), подканцлер Литовский, основатель кафедры права в Вильнюсской Академии, участник Поляновских мирных переговоров 1634 г., когда был заключен очень выгодный для Польши мир с Московским государством [8, 154].

29. Александр-Богдан (Даджьбог) (1585—1633), каштелян Витебский (1613), но отказался от этого звания.

30. Кшиштоф-Стефан (1590—1627), писарь великий Литовский.

32. Анджей-Станислав (ум. 1646), каштелян Трокский (1641), Виленский (1644).

35. Павел-Ян (1610—1665), первоначально кальвинист, затем католик. С 1656 г. воевода Виленский, гетман великий Литовский. Активный участник войн с Россией, Швецией и восставшими казаками. Сохранил верность Королю Яну-Казимиру и возглавил борьбу со шведами в Великом княжестве Литовском [8, 154, 170].

39. Миколай-Кшиштоф (1613—1639), писарь польный Литовский.

41. Казимеш-Ян (1637—1720), надворный подскарбий Литовский (1661), воевода Виленский (1670), гетман польный (1681), воевода Виленский и гетман великий Литовский (1682), потерял эти звания в 1703 г., восстановлен в них в 1705 г., отказался от гетманства в 1708 г.

42. Бенедикт-Павел (ум. 1703), подстолий Литовский (1664), подскарбий надворный (1670), стольник (1665), великий подскарбий (1676—1703).

46. Ежи-Станислав (ок. 1668—1732), стольник Литовский (1686). Королем Станиславом Лещинским в 1707—1709 гг. был назначен воеводой Трокским. Воевода Мстиславский в 1732 г.

47. Михал-Францишек (ум. 1700), генерал литовской артиллерии [170].

48. Александр-Павел (1671 —1734), маршалок надворный (1692), маршалок великий (1698—1703 и 1713).

51. Ян-Казимеж (ум. 1730), гетман Литовский, принимал участие в Северной войне на стороне Шведского Короля Карла XII и в июле 1709 г. одержал две победы над русскими войсками. После Полтавской битвы перешел на сторону Царя Петра I и получил амнистию от Польского Короля Августа II. Узнав о намерении Карла XII с помощью турок начать новую войну с Россией, снова пытался поднять восстание против Августа II. В 1720 г. вступил в переговоры с князем А. Д. Меншиковым о женитьбе своего сына Петра на дочери всесильного русского вельможи, обещая Меншикову при этом поддержать его кандидатуру в Герцоги Курляндские. Прибыв в 1726 г. в Петербург, он получил от Императрицы Екатерины I чин генерал-фельдмаршала, орден св. апостола Андрея Первозванного и богатые поместья. Некоторые исследователи объясняют монаршью милость тем, что Сапега помог отыскать родственников Императрицы Скавронских, якобы очутившихся в одном из его поместий. После падения Меншикова Сапега примкнул к партии князей Долгоруковых и в 1727 г. был назначен Петербургским губернатором, но вскоре уехал в свои поместья, где и умер [126, 154].



Павел-Ян Сапега.



Ян-Казимеж Сапега.

Герцог Лирийский, бывший в то время послом Испании в России, писал о нем [26]: «Сапега не отличался ничем, кроме личной храбрости, но в военном искусстве не имел и начального понятия; ума в нем не было ни крошки; он был злопамятен и горяч, коварен и способен на все, лишь бы достичь своего намерения».

54. Антоний-Казимеж (ум. 1739), каштелян Трокский (1737).

55. Казимеж-Леон (1697—1735), воевода Брестский (1735).

60. Князь Петр (1701 — 1771). С 1720 г. жил в Петербурге в доме князя А. Д. Меншикова в качестве жениха его дочери Марии. В 1726 г. состоялось обручение, но свадьба была отложена. Вскоре Екатерина I решила женить его на своей племяннице графине Софье Карловне Скавронской. Свадьба состоялась уже после смерти Императрицы. После смерти первой жены князь Петр Сапега женился на Сулковой. В 1744 г. был назначен воеводой Смоленским [126].

63. Князь Александр-Михал (1730—1793), подскарбий надворный (1750), воевода Полоцкий (1753), гетман польный (1762), великий канцлер (1775), маршалок Тарговицкой конфедерации.

64. Михал-Ксаверий (1735—1766), генерал-майор литовских войск, крайчий Литовский с 1759 г.

66. Князь Францишек (1772—1829), генерал польской службы. После 1796 г. переименован в тайные советники и состоял Минским губернским предводителем дворянства [126].

Родословное древо второй ветви Сапеги приведено в таблице 68 [44, 126, 154, 169, 170].

Из рода Сапеги второй ветви наиболее известны [170]:

1. Иван (Ивашко) Семенович (ок. 1450—1516 (17?)), писарь господарский (1483), канцлер Королевы Елены (1500), маршалок господарский (1505), секретарь Короля (1506), воевода Витебский (1511) и Подлясский (1513). Положил начало могуществу рода Сапег.

2. Павел Иванович (ум. 1579), маршалок господарский (1519), воевода Подлясский (1557) и Новогрудский (1558).

5. Миколай (ум. 1599), граф с 1572 г., воевода Минский (1576), Брестский (1588), Витебский (1588).

6. Богдан (ум. 1593), каштелян Брестский (1580), Смоленский (1585), воевода Минский (1588).



Иван (Ивашко) Семенович Сапега.

9. Граф Миколай (ок. 1581 —1644), воевода Минский (1638), Брестский (1638), каштелян Виленский (1642).

10. Граф Кшиштоф (1590—1637), подчаший Литовский (1633).

14. Павел-Стефан (1565—1635), подканцлер Литовский (1623).

18. Граф Ян-Фридерик (1618—1664), писарь польный коронный.

19. Граф Томаш (1621 —1654), обозный Литовский.

20. Граф Александр (1624—1671), епископ Жмудский, потом Виленский [154].

21. Граф Кшиштоф (1625—1665), крайчий Литовский (1661).

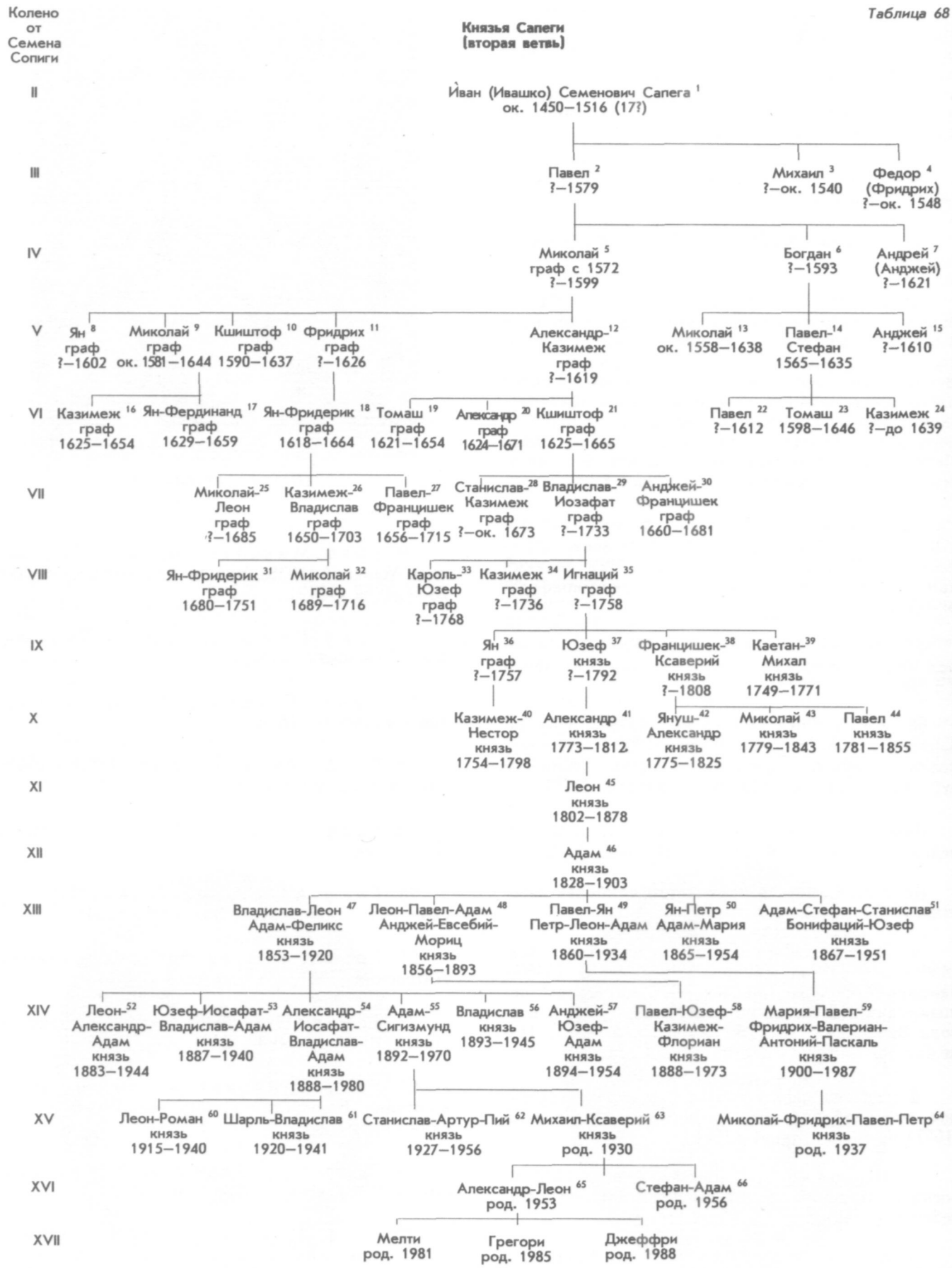
23. Томаш (1598— 1646), воевода Венденский (1641), Новогрудский (1643).

25. Граф Миколай-Леон (ум. 1685), каштелян Волынский (1680), воевода Брацлавский (1683).

26. Граф Казимеж-Владислав (1650—1703), воевода Трокский (1697).

27. Граф Павел-Францишек (1656—1715), полковник литовских войск, потом ксендз, генерал ордена цистерианцев, затем епископ Жмудский.

Князья Сапеги
(вторая ветвь)





Граф Ян-Фридрих Сапега.

29. Граф Владислав-Иозафат (ум. 1733), воевода Минский (1699), Брестский (1709).

31. Граф Ян-Фридрих (1680—1751), государственный деятель и писатель, староста Брестский (1698), каштелян Троцкий (1716), канцлер великий Литовский (1735). Собрал значительную библиотеку [154].

33. Граф Кароль-Юзеф (ум. 1768), воевода Брестский.

35. Граф Игнаций (ум. 1758), воевода Мстиславский (1750).

36. Граф Ян (ум. 1757), генерал-майор коронных войск.

38. Князь Францишек-Ксаверий (ум. 1808), воевода Смоленский (1790—1793).

40. Князь Казимеж-Нестор (1754—1798), генерал артиллерии литовских войск.

41. Князь Александр (1773—1812), мечник Герцогства Варшавского, камергер и адъютант Императора Наполеона I.

43. Князь Миколай (1775—1843), полковник французской службы, участник походов Наполеона I, впоследствии перешел на русскую службу, был пожалован в камергеры и состоял председателем Волынской гражданской палаты [126].

44. Князь Павел (1781 — 1855). В 1796 г. вступил в русскую армию и был офицером лейб-гвардии Егерского полка, впоследствии в чине действительного статского советника был Августовским губернским предводителем дворянства [126].

45. Князь Леон (1802—1878). В 1829 г. пожалован в камергеры. Принял участие в Польском восстании 1830—1831 гг., после разгрома которого эмигрировал в Галицию, где жил и умер [126].

51. Князь Адам-Стефан-Станислав-Бонифаций-Юзеф (1867—1951), кардинал, архиепископ Краковский.

Князья и дворяне Яблоновские

Яблоновские * — старинный польский дворянский и княжеский род из Яблонова на Мазовше (Млавский повет), происходящий от *Павла Яблоновского,* коронного ротмистра, фамилия которого приписана к гербу Пруса III, жившего в начале XVI в. [44, 169].

Грамотой Императора Карла VII от 19/30 апреля 1744 г. воевода Новогрудский *Александр-Юзеф* (№ 28 по таблице 69) вместе с тремя двоюродными братьями — воеводой Равским *Станиславом-Винцентием* (№ 25), воеводой Брацлавским *Каэтаном* (№ 26) и *Дмитрием-Ипполитом* (№ 27) — возведены с нисходящим потомством в княжеское Римской Империи достоинство [44].

14 ноября 1820 г. была подтверждена в княжеском Австрийской Империи достоинстве ветвь этой семьи, жившая в Галиции [169].

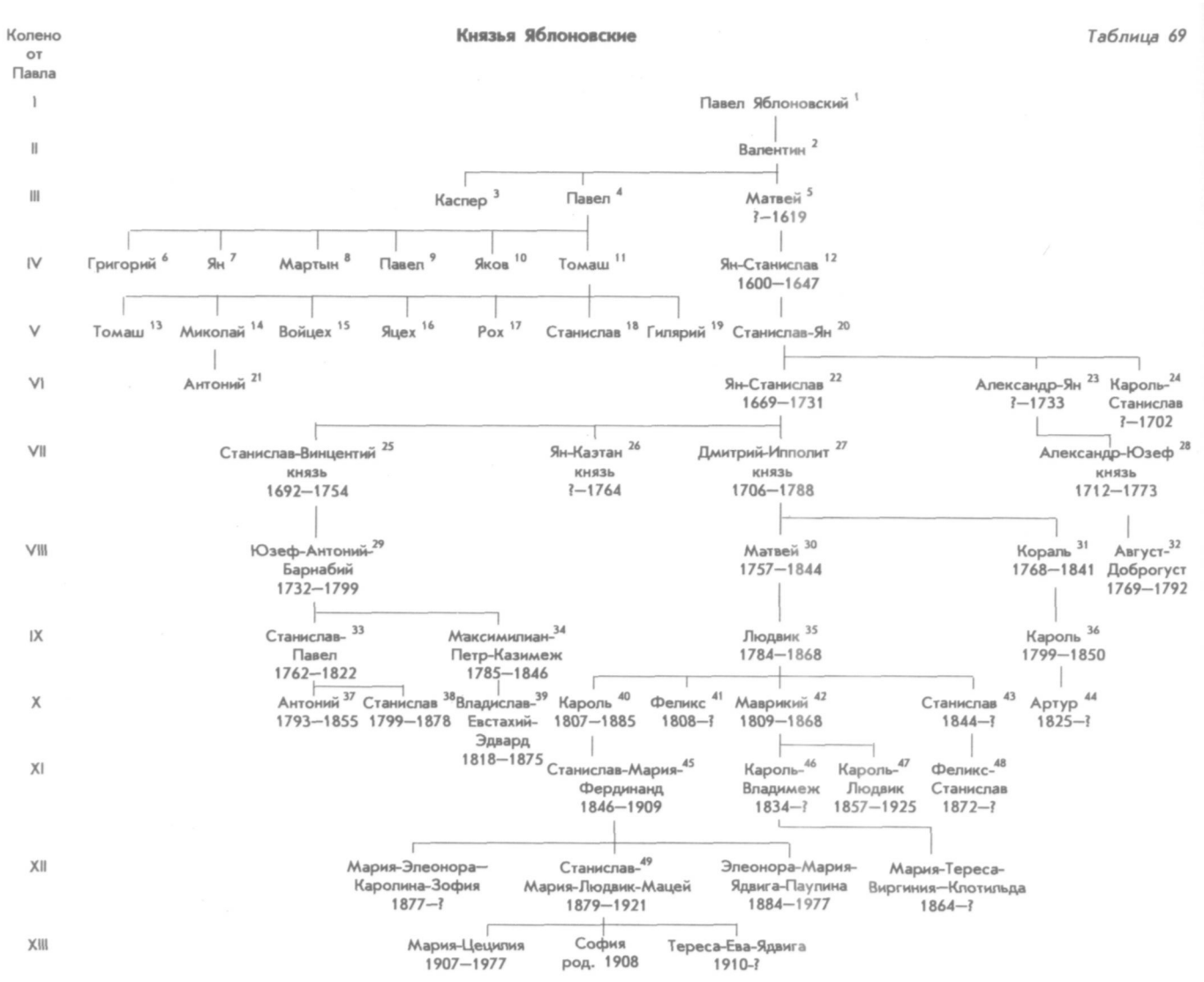
Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 29 марта 1844 г. Яблоновские были подтверждены в княжеском Российской Империи достоинстве [131].

Родословное древо князей Яблоновских приведено в таблице 69 [44, 154, 169, 170].

Из Яблоновских наиболее известны:

5. Матвей, королевский ротмистр. Переселился из Плоцкого воеводства на Украину, где его потомки стали крупными землевладельцами и вскоре добились значительного политического влияния [169].

* Статья написана П. Х. Гребельским и С. В. Думиным с использованием материалов Т. Ленчевского (Варшава).



12. Ян-Станислав (ум. 1647), мечник коронный. В 1637—1640 гг. маршалок Сейма [169].

20. Станислав-Ян (1634—1702), известный польский полководец. Принял участие в войне со шведами под начальством знаменитого Стефана Чарнецкого. Когда в 1655 г. шведы осадили Краков, ему удалось спасти регалии от захвата врагами и таким образом помешать Шведскому Королю возложить на свою голову Польскую Корону. В 1667 г. совершил вместе с Чарнецким поход против венгерского предводителя Ракочи и экспедицию в Данию. Войны с казаками, татарами и турками доставили ему в 1682 г. достоинство великого коронного гетмана. В знаменитой битве, спасшей Вену от турок в 1683 г., он был одним из командующих польскими войсками. После смерти Короля Яна III Собесского Яблоновского называли в числе кандидатов на польский престол [44, 154].

В постанавлении Сейма от 1703 г. говорилось, что он «заслужил бессмертие деяниями для общественного блага» [169].

22. Ян-Станислав (1669—1731), воевода Волынский (1695), затем русский (1697), староста Белоцерковский. Во время Северной войны поддерживал Августа II против Карла XII, но затем перешел на сторону своего племянника Станислава Лещинского, которого Карл XII возвел на Польский Престол. Август II приказал арестовать Яблоновского и заключить в крепость Кенигштейн. После освобождения он оставил политическую деятельность и занялся литературой. Понимая, хотя и неглубоко, недостатки современной ему польской жизни, призывал своих соотечественников исправиться. Мысли о необходимости реформ он изложил в ряде сочинений [154].

23. Александр-Ян (ум. 1733), хорунжий великий коронный в 1696—1724 гг. [44, 169].

25. Станислав-Винцентий, князь с 1744 г., воевода Равский, польский поэт [44, 169].

26. Ян-Каэтан, князь с 1744 г., воевода Брацлавский [44, 169].

28. Александр-Юзеф (1712—1773), князь с 1744 г., польский поэт, ученый и меценат, стольник Великого княжества Литовского (1744), затем воевода Новогрудский в 1755—1773 гг. В 1762 г. был послом в Риме. Кавалер испанского ордена Золотого Руна, французского ордена Святого Духа и баварского ордена св. Губерта. В 1768 г. покинул Польшу и поселился в Лейпциге. Известен как библиограф, геральдист и генеалог, историк и оратор. Издал карту Польши. В 1765 г. назначил три премии за лучшие работы по польской истории. В 1768 г. основал в Лейпциге научное общество своего имени Societas Jablonoviana, которому пожертвовал значительный капитал для премий за научные труды [44, 154, 169].

29. Князь Юзеф-Антоний-Барнаба (1732—1799), воевода Познаньский (1760), затем каштелян Краковский (1782), кавалер орденов Белого Орла и св. Станислава, а также баварского ордена св. Губерта, участник Барской конфедерации и ее посол во Франции [169].

33. Князь Станислав-Павел (1762—1822), генерал-майор коронных войск, командующий пешей королевской гвардией. В 1790—1795 гг. был послом Речи Посполитой в Берлине. В 1808 г. — сенатор-каштелян Герцогства Варшавского. В 1815 г. — сенатор-воевода Царства Польского. Кавалер орденов Белого Орла и св. Станислава [169].

34. Князь Максимилиан-Петр-Казимеж Антонович (1785—1846), тайный советник русской службы, обер-гофмейстер, сенатор. В 1820 г. пожалован сенатором-каштеляном, а в 1825 г. — сенатором-воеводой Царства Польского. В 1831 г. назначен российским сенатором. Участвовал в рассмотрении свода законов Царства Польского; с 1845 г. был председателем Герольдии Царства Польского. Кавалер орденов св. Станислава и св. Анны 1-й степени [126, 169].

35. Князь Людвик (1784—1868), австрийский дипломат и придворный, командор ордена Леопольда, тайный советник. Подтвержден в княжеском достоинстве Австрийской Империи 14 ноября 1820 г. [169].

37. Князь Антоний Станиславович (1793—1855), камергер и вице-референтарий Царства Польского, деятель тайных обществ. Член Центрального Комитета польского Патриотического общества и его делегат в Киевской и Подольско-Волынской провинциях. В 1825 г. в Киеве вел переговоры с П. И. Пестелем и князем С. Г. Волконским о совместных действиях. В январе 1826 г. арестован по делу декабристов, помещен в Петропавловскую крепость в Петербурге, а затем перевезен в Варшаву. На основании его показаний было арестовано около 200 человек. В 1829 г. приговорен к 20-летней каторге, но за чистосердечное признание на следствии помилован Императором и сослан в Саратов. Около 1834 г. вернулся в свои украинские имения [42].



Князь Феликс Яблоновский.

38. Князь Станислав Станиславович (1799—1878), поручик польских войск. Участвовал в Польском восстании 1830—1831 гг. [42].

40. Князь Кароль (1807—1885), камергер Австрийского Двора, тайный советник (1863), пожизненный член Палаты Господ [169].

41. Князь Феликс (1808—?), генерал-фельдмаршал-лейтенант австрийской армии [44].

Таблица 70

Дворяне Яблоновские [Галицийская ветвь]

Колено от Мартина	
I	Мартин [1] Яблоновский
II	Александр [2]
III	Антоний [3] ?—1752
IV	Фелициан [4]
V	Ян-Дуклян [5] ?—1845
VI	Юзеф-Станислав-[6] Ян-Кордулий-Никарий 1827—?
VII	Станислав [7] 1856—?
VIII	Мария 1891—? ; Юзеф [8] 1892—?
IX	Станислав [9] род. 1918 ; Анджей [10] 1919—1944 ; Кшиштоф [11] 1922—1983
X	Станислав [12] род. 1953 ; София род. 1960

42. Князь Маврикий (1809—1868), камергер, полковник австрийской армии [169].

Существуют и нетитулованные ветви рода Яблоновских, связь которых между собой и с приведенной выше ветвью не прослеживается. Одна из таких нетитулованных ветвей была известна в Галиции. Ее родословное древо приведено в таблице 70 [169].

Из дворян Яблоновских, живших в Галиции, наиболее известны [169]:

4. Фелициан, обозный коронный польный в 1755 г., затем староста Корецкий. Кавалер ордена св. Станислава.

5. Ян-Дуклян, член Галицийских штатов (провинциального парламента), почетный Мальтийский кавалер.

7. Юзеф-Станислав-Ян-Кордулий-Никарий (1827—?), член австрийского Государственного Совета по выборам в 1867—1869 гг.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Антонович Б. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1.
16. Александрова Т. Князь Владимир Палей//Л. Г.-досье. 1992, № 2.
2. Асатиани Н. Ш. Кахетинское царство в XV—XVI веках. Тбилиси, 1989.
2а. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1884.
3. Архивные материалы семьи Урусовых.
4. Артамонов М. Д. Ваганьково. М., 1991.
5. Арсеньев В. В. Род князей Гантимуровых.
5а. Адарюков В. Я., Оболянов Н. А. Словарь русских литографированных портретов. М., 1916. Т. 1.
56. Андроникашвили Б. Б. Надежд питомцы золотых. М., 1992.
6. Баратов С, князь. История Грузии. СПб., 1865. Тетрадь I; 1871. Тетради II—V.
6а. Белокуров С. А. Из собрания актов князей Хованских. М., 1913.
7. БобринскийА., граф. Дворянские роды, внесенные в «Общий Гербовник Всероссийской Империи». СПб., 1890. Ч. I—II.
7а. Баумгартен Н. А., фон. Происхождение князей Вишневецких, Збаражских и Воронецких//Летописи ИРО. 1910. Вып. 4 (24).
8. Большая советская энциклопедия. М., 1970—1978. Т. 1—30.
9. Богатых М. Смиренное кладбище//Россия. 1991. № 50.
10. Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.
11. Боярская книга Поместного приказа 1648 года// РГИА.
12. Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 года. Указатель состава Государева Двора по фонду Разрядного приказа. М,, 1990.
13. Булычев Н. И. Калужская губерния. Списки дворян, внесенных в Дворянскую Родословную книгу по 1 сентября 1908 г. Калуга, 1908.
14. Бурсин К. М., Попов Г. П. Старейшее мореходное. Архангельск, 1976.
15. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России XVI в. М., 1986.
15а. Валишевский К. Роман одной императрицы. М., 1989.
16. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976.
16а. Второе рождение портретов из Несвижа и Гродно. Минск, 1981.
17. Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906—1917. Т. 1, ч. 1—3.
18. Сайтов В. И. Великий Князь Николай Михайлович. Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1—3.
19. Шереметевский В. В. Великий Князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. М., 1914.
20. Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
21. Веселовский С. Б. Ономастикой. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
22. Вилинбахов В. Государево сыноубийство//Нева. 1982. № 7—9.
23. Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.
24. Воейков Ю. Краткое историческое родословие знаменитых и благородных дворян Лопухиных. М., 1796.
25. Восстание в Москве 1682 года. М., 1976.
25а. Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Paris, 1983.
256. Временник Московского общества истории и древностей. [Б. г., б. м.]
25в. Воспоминания графа Соллогуба. СПб., 1993.
25г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1988.
26. Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского//Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
26а. Галерея государственных и общественных деятелей России и третья Государственная дума.
27. Гладкий С. В. Князья Ишеевы // Новик. Нью-Йорк, 1940. Вып. 4.
27а. Глинка В. М. Пушкин и военная галерея Зимнего Дворца. Л., 1988.
28. Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего Дворца.
28а. Глинка В. М. Русский военный костюм XVII—начала XX века. Л., 1988.
29. Говоров А. А. Книжники Петровской поры. М., 1989.
30. Голицын Н. Н., князь. Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1.
31. Голицын Н. Н., князь. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Киев, 1880.
32. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990.
33. Горлидзе М. Ф. Грузины в Петербурге. Тбилиси, 1976.
33а. Государственная Дума первого призыва. М., 1906.
34. Грот Я. К. Екатерина II и Густав III//Русская старина. 1877. Т. XVIII, март.
34а. Граф А. А. Голенищев-Кутузов. СПб., 1914.
35. Давыдов А. Воспоминания. Париж, 1983.
36. Дашкова Е. Р. Записки. 1743—1810. Л., 1985.
37. Дружба народов, 1990, № 3.
38. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1850—1852. Т. 1—4.
39. Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1864—1883. Т. I—IX.
40. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.
41. Дубицкий А. Иван Владимирович Лопухин. Историко-литературное исследование. Казань, 1889.
41а. Декабристы и Сибирь. М., 1988.
42. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
43. Долгоруков П. Петербургские очерки. Изд. Новости. 1991.
44. Долгоруков П. В., князь. Российская родословная книга. СПб., 1854—1857. Ч. 1—4.
45. Долгорукой Ф., князь. Родословный сборник. СПб., 1913. Вып. 1.
46. Долгорукой Ф., князь. Родословная книга владетельных домов. СПб., 1913.
47. Дурасов В. Гербовник всероссийского дворянства. СПб., 1906.
48. Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1910. Вып. 2.
49. Есипов А. Освобождение Царицы Евдокии Федоровны // Русский вестник. Т. 28.
50. Жилецкое землевладение 1632 года//Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1912. Вып. 3—4.
51. Житие Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского Отца Отечества '(перевод с греческого). М,, 1782.
52. Житие протопопа Аввакума (комментарии). М., 1960.
53. Записка об устройстве участи членов бывших царских домов: Грузинского и Имеретинского. [Б. г., б. м.]
54. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева 1799—1826. М., 1898. Т. 1, 2.
55. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М., 1990.
56. Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859.
57. Извлечение из генеалогии Царственной Персидской Династии (князь Ф. Долгорукой). СПб., 1913.

58. Имеретия и Гурия в период 1800—1840 гг.//Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси. 1942. Вып. 1.
59. Иосселиани П. Род князей Чолокаевых и мученик св. Бидзини Челокаев. Тифлис, 1866.
60. История русского драматического театра. М„ 1977. Т. 1.
61. Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминающихся в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853.
62. Историческое исследов ан ие о местоположении древнего Российского Тмутараканского Княжения. СПб., 1794.
63. История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т. 1—5.
64. История русского искусства. М., 1961. Т. VII; 1964. Т. VIII.
65. История Украинской ССР. Киев, 1982.
66. История XIX века. М„ 1938—1939, т. 7.
67. История князей Орбельян. Извлечение из сочинения Стефана Сюнийского. М., 1883.
68. Кавтарадзе А. Г. Указатель имен // Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. М., 1990.
69. Какабадзе С. Н. Краткий обзор истории Грузии. Сухуми, 1941.
70. Клиндер А. Галерея портретов дома Романовых. СПб., 1864—1865. Вып. 1 — 13.
71. Краткая история о Грузии (Давид, Грузинский Царевич). СПб., 1805.
72. Кабалкин Г. Благородство обязывает//Литератор. СПб., 1991, № 41.
73. Как жил в ссылке в г. Коле Степан Иванович Лопухин //Архангельские губернские ведомости. 1872, № 67—76.
74. Карабанов П. Ф. Списки замечательных лиц русских. СПб., 1860.
75. Карамзин Н. М. История государства Российского. Калуга, 1993, т. 2.
76. Кариович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.
77. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1—8. М., 1959.
78. Кормленая книга Галицкой четверти 7121—25 годов. М„ 1912.
79. Короткое И. Крах губернатора Лопухина//Знамя. Калуга, 1989. 22 авг.
80. Корсакова Т. Потомки чести//Комсомольская правда. 1991. 9 янв.
81. Костомаров Н. М. Исторические монографии и исследования. Царевна Софья. Царевич Алексей Петрович. Самодержавный отрок. М., 1990.
82. Краснова Е. И. Демидовы. Родословная роспись. Екатеринбург. 1992.
83. Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1—2.
84. Линдер М. У истоков шахматной культуры. М., 1967.
85. Лихачев Н. П. Государев Родословец и Бархатная Книга. СПб., 1900.
86. Лопухин В. Б. После 25 октября // Минувшее (исторический альманах). М., 1990.
87. Лопухин И. В. Записки сенатора. М., 1990.
88. Лопухин О. М. О рейсах на «Диксоне». Архангельск, 1991.
89. Лопухин П. С. Беседы с Епископом Гавриилом. Словацкая республика, 1940.
90. Лопухин С. А. Вернейшим из верных. Нью-Йорк, 1979.
90а. Любимов С. В. Материалы по генеалогии князей Костровых. Псков, 1916.
906. Любимов С. В. Князья Бековичи-Черкасские// Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915.
90в. Любимов С. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.
90г. Лунинский Э. Княжна Тараканова. Л., 1990.
91. Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1983.
92. Мал инин Д.'Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912.
93. Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914—1915. Т. 1—2.
94. Месяцеслов с росписью чиновных особ на лето 1796 года. М., 1796.
94а. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1910. Т. 1—4.
95. Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов. М., 1910.
95а. Московская изобразительная Пушкиниана. М., 1991.
96. Московское дворянство. Списки служивших по выборам в 1782—1910 годы. М., 1910.
97. Марсов А. Краткая грузинская история. М., 1840.
98. Меликсет-Беков Л. М. Усыпальница князей Бегтабеговых. Тифлис, 1914.
98а. Милорадович Г. А., граф. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. 2, ч. 6.
99. Мровели Леонти. Жизнь картлийских Царей. М., 1979.
100. Музей 7. Художественные собрания СССР. М., 1987.
101. Муравьев Н. Н. Записки//Русские мемуары 1800—1825. М., 1989.
102. На рубеже XIX и XX веков//Сборник научных трудов. Л., 1991.
103. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 1.
103а. Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. V.
104. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797-м году. СПб., 1798—1917. Ч. I—XX.
104а. Общий морской список. СПб., 1885—1907. Ч. 1 — 13.
105. О лучшем устройстве Грузии. Две записки царевича Давида // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1942, Вып. 1.
106. Огонек *{журнал)*. 1992, № 29—30.
107. Осипов К. Суворов. Л., 1943.
108. Описание Москвы и ее достопримечательностей.
109. Орнатская Т. И. Примечания/у Благово Д. Рассказы бабушки. Л., 1989.
ПО. Петров В. Русские в истории Америки. М„ 1991.
111. Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1—2.
112. Первая российская Государственная Дума. СПб., 1906.
113. Павлова Л. К. Из опыта охраны памятников истории и культуры Подмосковья. М., 1990.
114. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989.
115. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989.
116. Панчулидзев С. Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901 — 1903, т. 1—3.
117. Полежаев П. В. Лопухинское дело. Историческая повесть времен Елизаветы Петровны. М., 1992.
118. Половинкин С. М., Флоренский П. В. Гнездо черносотенцев под Москвой // День *(газета)*. М., 1992. № 5.
119. Пономарева Н. И. Вступительная статья//Княгиня М. К. Тенишева. Впечатления моей жизни. Л., 1991.
120. Плешко Н. Д. Князья Урусовы и их предки. Нью-Йорк, 1955.
120а. Пушкин А. С. и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Л., 1987.
121. Пушкин А. С. Собрание сочинений. М., 1974—1978. Т. 2, 6, 7, 8.
121а. Пыляев М. И. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб., 1898.
122. Романовы — Царствующий Дом Российской Империи с 1613 г.//Русская старина. 1878. Январь.
123. Романовский В. Е. Очерки из истории Грузии. Тифлис, 1902.
124. Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990.
124а. Рубан. История Азовских походов. СПб., 1775.
125. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1—2.
125а. Роспись сорока книгам архива князя Воронцова. М., 1897.
126. Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913. [Т. 1—25.]

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алфавитный указатель княжеских родов, внесенных в том 2	**5**	**Index of prince's families put in volume 2**
От редактора	**7**	**From editor**
Княжеские роды, родственные Дому Романовых	13	**Prince's families related to the House of Romanov**
Герцоги Лейхтенбергские и князья Романовские Герцоги Лейхтенбергские	13	Dukes Leuchtenberg and princes Romanowsky Dukes Leuchtenberg
Светлейшая княгиня Лович	17	Her Highness princess Lovich
Герцоги и Принцы Ольденбургские	18	Dukes and princes of Oldenburg
Князья Палей	21	Princes Paley
Светлейшие князья Юрьевские	22	Their Highnesses princes Yourievsky
Великое княжество Литовское	25	**Grand duchy of Lithuania**
Князья Гедиминовичи	26	Princes Gediminian
Князья Кориатовичи-Курцевичи	32	Princes Koriatovich-Kurtsevich
Князья Голицыны	34	Princes Golitsyn
Князья Куракины	59	Princes Kurakin
Князья Хованские	65	Princes Khovansky
Князья Трубецкие	69	Princes Trubetskoy
Князья Чарторыские	83	Princes Chartorysky
Князья Сангушко	87	Princes Sangushko
Князья Несвицкие	90	Princes Nesvitsky
Князья Вишневецкие	92	Princes Vishnevetsky
Князья Воронецкие или Корибут-Воронецкие	96	Princes Voronetskys or Korybut-Voronetsky
Князья Гедройц	99	Princes Guedroitz
Дворянские роды, возведенные в княжеское достоинство Российским Императором	**107**	**Families of nobility titled as princes by Emperor of Russia**
Князья Барклай-де-Толли и Барклай-де-Толли-Веймарн	109	Princes Barclay de Tolly and Barclay de Tolly-Weymarn
Светлейший князь Безбородко	112	His Highness prince Bezborodko
Светлейшие князья Варшавские, графы Паскевичи-Эриванские и дворяне Паскевичи	113	Their Highnesses princes of Warsaw counts Paskevich of Erevan and noblemen Paskevich
Князья и дворяне Васильчиковы	115	Princes and noblemen Vasilchikov
Светлейшие князья, графы и дворяне Воронцовы, графы Воронцовы-Дашковы и Светлейшие князья Воронцовы графы Шуваловы	122	Their Highnesses princes, counts and noblemen Vorontsov, counts Vorontsov-Dashkov and Their Highnesses princes Vorontsov counts Shuvalov

Светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский, графы и дворяне Голенищевы-Кутузовы	129	His Highness prince Golenishchev-Kutuzov of Smolensk, counts and noblemen Golenishchev-Kutuzov
Дворяне Демидовы, Светлейшие князья Лопухины-Демидовы и Демидовы князья Сан-Донато	142	Noblemen Demidov, Their Highnesses princes Lopuchin-Demidov and Demidov, princes of San Donato
Князь Зайончек	152	Prince Zaionchek
Светлейшие князья Италийские графы Суворовы-Рымникские и дворяне Суворовы	153	Their Highnesses princes Italysky counts Suvorov Rimniksky and noblemen Suvorov
Князья и дворяне Кочубеи	159	Princes and noblemen Kochubey
Светлейшие князья Ливен	164	Their Highnesses princes Lieven
Светлейшие князья и дворяне Лопухины	168	Their Highnesses princes and noblemen Lopuchin
Князья Лыщинские-Троекуровы	185	Lyshchinsky-Troekurov
Светлейшие князья Меншиковы и Меншиковы-Корейши	185	Their Highnesses princes Menshikov and Menshikov-Koreisha
Князья, графы и дворяне Орловы и графы Орловы-Давыдовы	190	Princes, counts and noblemen Orlov and counts Orlov-Davydov
Князья фон дер Остен-Сакен	197	Princes von der Osten-Sakhen
Светлейшие князья и графы Разумовские	198	Their Highnesses princes and counts Razumovsky
Князья Ромодановские-Ладыженские	204	Princes Romodanovsky-Ladyzherisky
Князья, графы и дворяне Салтыковы	205	Princes, counts and noblemen Saltykov
Князья Святополк-Мирские и дворяне Мирские	214	Princes Sviatopolk-Mirsky and noblemen Mirsky
Светлейшие князья, графы и дворяне Чернышевы, графы Чернышевы-Кругликовы и графы Чернышевы-Безобразовы	216	Their Highnesses princes, counts and noblemen Chernyshev, counts Chernyshev-Kruglikov and counts Chernyshev-Bezobrasov
Князья Чингис	222	Princes Chingis
Дворянские роды, возведенные в княжеское достоинство иностранными государями и признанные в этом достоинстве в Российской Империи	223	**Families of nobility titled as princes by foreign sovereigns and recognized as such in Russian Empire**
Светлейшие князья Витгенштейн	225	Their Highnesses princes Sayn-Wittgenstein
Светлейшие князья, графы и дворяне Зубовы	228	Their Highnesses princes, counts and noblemen Zubov
Князья Любомирские	233	Princes Liubomirsky
Светлейший князь Потемкин-Таврический	237	His Highness prince Potemkin of Tauria
Князья Радзивиллы	239	Princes Radziwill
Князья, графы и дворяне Сапеги	248	Princes, counts and noblemen Sapieha
Князья и дворяне Яблоновские	255	Princes and noblemen Yablonovsky
Источники текста и иллюстраций	**259**	**Original sources of text and illustrations**

Тайны российской аристократии

Часть 1

«На Руси дворянин, кто за многих один»

Эта книга посвящена российскому дворянству. Дворянство – один из любимых мифов российской истории. Дворяне: Пушкин и Булгарин, Толстой и Пуришкевич, Радищев и Салтычиха, Столыпин и Ульянов (Ленин)… Множество народов, населявших Российскую империю, выдвинули своих представителей в состав российского дворянства. Среди дворян были представители всех традиционных религий народов империи, пожалуй, кроме шаманизма.

Не менее значительным был и социальный спектр, охваченный дворянством. «Линия дворянского сословия необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим – почти в крестьянстве теряется», – писал князь К. А. Ливен. Последнее не было преувеличением. Беднейшие из дворян, однодворцы в XVII в. сами пахали пашню, а при Петре I их и вовсе приписали в крестьяне. На другой стороне полюса были магнаты, обладавшие десятками тысяч крестьянских «душ». Когда у такого вельможи спрашивали: «Есть ли у вас имение в такой-то губернии?», он зачастую не мог ответить, а требовал записную книжку или управляющего.

Дворянство разнообразно, как и сама Россия. Его история восходит к тем же былинным временам, что и первые шаги русской государственности. На протяжении столетий дворянство являлось правящим сословием, разделявшим с монархом тяжесть и ответственность государственного управления, но при этом и пользовавшимся всеми благами «первых людей» государства. Свершения и поражения России с XV по начало XX столетия – итог исторической деятельности союза монарха и благородного сословия.

Когда же вследствие апокалиптической катастрофы 1917 г. монархическая Россия пала, то первой жертвой большевистского террора стала ее элита – императорская династия и дворянство. Российское дворянство умирало в страшных мучениях, память о которых жива и ныне среди немногих уцелевших потомков дворянских родов. Глубина кошмара, в которую погрузили Россию большевики, не дает возможность трезво рассуждать об исторических причинах и предпосылках катастрофы. Представляется, что осознание судьбы России в XX в. может дать только обращение к тайному, мистическому, скрытому от нас смыслу событий.

Выдающийся французский историк Марк Блок говорил: «История нужна, хотя бы потому, что она интересна…» Судьба дворянства и его прославленных родов интересна вдвойне. Дворяне вершили судьбы миллионов, но и сами, сколь ни знатны и значительны были, являлись рабами судьбы. Один – герой, другой – подлец, – и оба из одного рода. Загадка… или общее свойство рода людского…

И все же, несмотря на разность, дворянство объединяли общие идеалы. Пусть не всегда и не всеми эти идеалы разделялись (на то они и идеалы), но жизнь миллионов дворян прошла в соответствии с этими идеалами, а многие положили ради них свою жизнь. «За Царя, за Родину, за Веру!», – таково кредо русского дворянина. Служба монарху предполагала и беззаветную верность родине, а вера – не только искреннюю религиозность, но и высокую нравственность, стремление к добру. Потому и именовали дворян «благородным сословием», и потому говорили: «На Руси дворянин, кто за многих один».

Немного о генеалогии

Просвещенный читатель начала XXI в. знает, что генеалогия – это наука об истории семей. В переводе с греческого (так начинаются все статьи о генеалогии в справочниках и в

большинстве популярных книг) слово «генеалогия» означает «родословие», или «наука о происхождении». Впервые этот перевод появляется в русском языке еще в эпоху Ярослава Мудрого в XI в.

Генеалогию причисляют к специальным или вспомогательным историческим дисциплинам. Под ними понимают целый комплекс дисциплин, занимающихся специальными исследованиями в области анализа исторических источников и истории материальной культуры.

В настоящее время вспомогательные исторические дисциплины разделяют на четыре группы. Первая – те, которые посвящены тому или иному виду исторических источников. Это – нумизматика, бонистика (ордена и медали), оружиеведение, историческая картография, сфрагистика, филокартия (открытки), филателия (марки) и т. д. Во вторую группу определили те дисциплины, которые создают справочный аппарат, – хронология, метрология, архивоведение, историческая библиография и другие. Третьей группе досталось демонстрировать общие аспекты анализа источников различных типов. Сюда отнесены: палеография, текстология (исследует состав и процесс создания текстов), филиграноведение (изучает филиграни – знаки на бумаге) и некоторые другие. Наконец выделены в отдельную группу те дисциплины, которые изучают отдельные аспекты исторического процесса. Таковыми признаны – историческая география, историческая демография, краеведение, историческая ономастика, историческая статистика.

Согласно данной схеме генеалогия отнесена к числу дисциплин, «целостно изучающих некоторые типы источников исторических». Представляется, что это несправедливо. Генеалогию никак нельзя ровнять с нумизматикой и статистикой, и ее главным отличием от большинства исторических дисциплин является объект исследования – не материальный мир, созданный человеком, и не системы явлений, рожденные культурой, а сам человек – его семейная и родовая история, родственные связи и взаимовлияния, биографии и хранение памяти об ушедших.

Генеалогия рассматривает историю страны как бы через рамки одного рода. Выявляется причастность конкретных лиц к судьбоносным событиям прошлого, история становится ближе. Вероятно, этим и объясняется магическая привлекательность генеалогии для современного человека. Она восстанавливает утраченные связи между прошлым и настоящим, соединяет потомка с деятельностью его предков – творцов прошлых эпох.

И здесь открывается широчайшее поле для деятельности. В последние двадцать лет генеалогия прирастает огромным числом работ, созданных историками. Возвращение памяти о предках может стать залогом нравственного здоровья общества.

Генеалогия на Руси

Генеалогия зародилась еще в древние времена, когда представления о родстве и кровной связи были гораздо крепче и важнее, нежели в наше время. Генеалогии уделено большое место в Библии. Из нее генеалогия перешла к первому русскому летописцу. Рассказ древнейшей русской летописи, «Повести временных лет», начинается с родословия Ноя, от сыновей которого якобы происходят народы мира. Потомками младшего сына Ноя – Иафета – являются, согласно летописи, все европейские народы, и в том числе славяне.

Библейская генеалогия – лишь одна из разветвленных мифологических родословных легенд. Греки прекрасно знали и передавали в своих мифах генеалогию олимпийских богов и героев, от некоторых из них вели род и известные нам исторические деятели Древней Греции. Такие же представления были распространены и на другом конце Европы – в Скандинавии. Все династии скандинавских конунгов (правителей) восходят к разным сыновьям верховного бога Одина. Занимаясь изучением этого обширного древа, современный историк Е. В. Пчелов нашел на нем и место предка русских княжеских

династий – Рюрика. Он (если принять тождество Рюрика и конунга Рорика Фрисландского, известного по скандинавским источникам IX в.) оказался потомком Одина через его сына Сигрлами, правителя Гардарики, как скандинавы называли Русь. Подвиги предков Рюрика-Рорика – конунгов и берсерков – воспевали скандинавские саги, а Русь фигурировала в них наряду с Данией, Швецией, Норвегией и волшебной страной Вальгалой, где «вечно живут храбрецы».

Рука об руку с легендарной генеалогией шла и реальная. Во всех слоях средневекового общества – от крестьян до князей и царей – необходимо было знать свою родословную и свою родню. В первую очередь это было нужно для решения вопросов о наследовании земель. Земельная собственность (от небольших трудовых наделов до княжеств и стран) передавалась только по наследству. В случае пресечения рода она переходила к родственникам по различным линиям – вот здесь-то и приходила на помощь генеалогия.

Древнерусские летописи передают генеалогию князей. Ведь княжеское право с конца XI в. действовало по наследству – от отца к сыну. Многие междукняжеские конфликты («усобицы») связаны с разветвлением рода русских князей, потомков первопредка Рюрика, появившегося на Руси в 862 г. С началом формирования в России дворянского сословия (XV в.) стали вести свои родословные дворяне. Некоторые из них возводят свою генеалогию еще к домонгольской Руси, но большинство русских дворянских родов не древнее XIV–XV вв.

В середине XVI в., чтобы навести некоторый порядок в распределении на государеву службу и вопросах наследования земель, был составлен первый русский родословный справочник – «Государев родословец». Через сто с лишним лет он был дополнен и расширен. Так появилась «Бархатная книга» (1682), названная так публикаторами XVIII в. за красивый бархатный переплет.

В этих древнейших русских родословных справочниках изложены в большинстве только родственные связи и имена дворян. Лишь иногда перечисления имен прерываются дополнительными сведениями, что такой-то был боярином, а другой – убит в походе против татар или «на Литву». Вот, например, фрагмент из «Государева родословца», повествующий о роде Кутузовых:

«Гаврило пришол из Немец к Великому Князю Александру Ярославичу Невскому; у Гаврила сын Ондрей, а у Ондрея сын Прокша, а лежит в Новгороде Великом у Спаса в Нередицах; а у него сын Александр, а у Александра сын Федор Кутуз, да Григорий Горбатый, да Онанья.

А у Федора у Кутуза дети: Глеб, да Иван, да Василий, да Юрьи, да Семен Лапа, да Федотей, да Парфений Бездетен; а у Глеба дети: Михайло Корова, да Селиван, да Ондрей Кудреватой, а у Ивана Федоровича дети: Юрьи, да Шестак бездетен, а у Василья дети: Константин, да Борис бездетен, да Михайло Клеопа; а у Юрья сын Федор Щука; а Щукины дети: Иван да Данило, а у Семена Лапы дети: Василий Зверь, да Ондрей Лапенок, да Федор Старко бездетен…»

Наряду с официальными родословными справочниками дворяне составляли собственные справочники и отдельные их списки. Подобные документы старше «Государева родословца». Уже при Иване III использовались своеобразные «памяти» о том, какой боярин под кем «сидел». А вскоре возникли и первые частные записи родословного характера. Они гораздо полнее официальных данных, но часто грешат ошибками и сообщают недостоверные или мифические сведения, стремясь возвысить ту или иную фамилию.

Глубина родословной памяти в среде аристократии и дворянства в эпоху Средневековья была очень значительной. Так, князь Д. М. Пожарский считал своей родней князей Хилковых и Ромодановских, а между тем общий предок этих современников был отделен от них несколькими столетиями и поколениями. Во многом такой силе родовой памяти и родовых связей способствовало и местничество. За процветающих «однородцев» стремились

уцепиться, чтобы благодаря им подняться наверх, а «захудалые ветви», напротив, обрубали. Часто в родословцах не писали о потомстве того или иного боярина, оказавшегося в опале. И хотя составляли «Государев родословец» и «Бархатную книгу» дьяки, росписи им подавали сами представители родов. При составлении «Бархатной книги» даже возник скандал. Князья Кропоткины, потомки удельных князей Смоленских, выступили с протестом против того, чтобы к ним в «однородцы» приписывали князей Вяземских, дворян Полевых, Еропкиных и Татищевых. Раскритиковав их родословные росписи, Кропоткины резюмировали, что о родстве с данными фамилиями «от старых сродников не слыхали».

Петр I реформировал дворянскую службу и вместо Разрядного приказа учредил Герольдмейстерскую контору (в дальнейшем – Департамент герольдии), которой поручалось вести учет дворянского сословия, хранить древние документы и собирать сведения о лицах, служивших на государственной службе. Ведь, согласно «Табели о рангах», повышение по службе давало право сначала на личное, затем на потомственное дворянство. Занималась Герольдмейстерская контора и еще одним, новым делом – она составляла и утверждала дворянские гербы.

Гербы пришли в Россию из Европы, через Литву и Польшу. Первые русские дворянские гербы появляются еще в XVII в. Правда, еще у Рюриковичей в X–XV вв. были свои символы, которые чеканили на монетах и вырезали на печатях, но они были личными символами, и то не всех, а лишь наиболее влиятельных князей.

С 1722 г. в Герольдмейстерской конторе служил итальянский художник Франсиск де Санти, разработавший основные принципы создания гербов. В конце XVIII в. началось издание многотомного «Общего гербовника Российской империи», продолжавшееся до начала XX в. (последние тома не опубликованы и хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге).

Ко второй половине XVIII в. количество дел в Герольдмейстерской конторе существенно возросло, она уже не справлялась в таким объемом информации. Более совершенная система составления родословных и учета служивших дворян была введена в 1785 г., когда по указу Екатерины II дворянство было объединено в дворянские собрания по губерниям, и каждому из них было указано вести свои родословные книги. Родословные книги делились на шесть частей. В первую записывалось дворянство, жалованное особыми императорскими дипломами; во вторую – дворянство, выслуженное на военной службе; в третью – выслуженное на гражданской службе; в четвертую – иностранное дворянство; в пятую – титулованное дворянство, в шестую – древнее дворянство, семьи, которые могли предоставить документы о своем происхождении более чем за сто лет до 1785 г.

Этот указ значительно облегчил работу Герольдии и упорядочил ведение и составление родословных, но вместе с тем повлек за собой разрушение связей между отдельными ветвями семей. Так, представители одной и той же фамилии, записанные в родословные книги по разным губерниям, со временем теряли друг друга и уже не могли «счесться родством». Еще труднее в наше время историку восстановить такие связи. Целые линии оказываются оторваны друг от друга.

Ряд губернских родословных книг опубликованы (по Тульской, Казанской, Тверской, Орловской, Черниговской, частично – Московской, Ярославской и др. губерниям), другие остаются в архивах.

Для родословных изысканий они представляют важнейший источник.

Департамент герольдии продолжал оставаться главным учреждением, ведавшим вопросами ведения и составления дворянских родословных, причисления отдельных ветвей или лиц к уже известным родам, утверждения в дворянском звании, решения различных споров.

Такая система действовала вплоть до 1917 г. Правда, после отмены крепостного права многие дворяне перестали подавать документы для утверждения своих детей в дворянском

звании. Ведь главная привилегия дворянского сословия – право на владение землей и крепостными – уже не действовала. Таким образом, некоторые родословные, которые составляются по документам Департамента герольдии и дворянских собраний, после 1860–1870-х гг. имеют существенные пробелы, но они вполне восстановимы по другим источникам, чего не скажешь о новом и более масштабном разрыве – после 1917 г.

Становление научного подхода

Но не только ради служебных и имущественных привилегий помнили о своем родстве и предках. А. С. Пушкин, которого некоторые упрекали в аристократизме, был знатоком истории своего рода и стремился как можно более узнать о своих предках из различных источников. Он неоднократно писал об этом и в стихах и в прозе. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно», – говорит поэт. Пушкина печалило забвение древних традиций, пренебрежение к памяти прадедов, прославившихся в истории России. «У нас иной потомок Рюрика, – с горечью пишет он, – более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей Отечества». В «Моей родословной» и «Езерском» поэт, очень точно придерживаясь достоверных деталей и фактов, изложил историю своих предков – Пушкиных и Ржевских. Встречая на страницах летописей и исторических повестей имена пращуров, поэт чувствовал и свою сопричастность к истории России:

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамол и смуты в дни кровавы,
Блестят Езерских имена…

Многие просвещенные люди пушкинской поры думали так же. Еще в 1770-х гг. церковный деятель и писатель Ювеналий Воейков (1729–1807) издал ряд книг, посвященных генеалогии различных родов – Воейковых, Лопухиных, князей Ухтомских, князей Вадбольских и др. В основном они писались по заказу тех или иных представителей этих фамилий, но эти небольшие по объему книжки можно считать первыми научными работами по русской генеалогии.

Вслед за Воейковым к истории отдельных семей обращаются разные авторы. Большей частью это были историки-любители, собиравшие сведения о своей родословной, либо, как Воейков, работавшие на заказ. Личные архивы древних семей, в которых хранились грамоты XV– XVII вв., давали им возможность работать, не обращаясь к другим источникам.

В 1840-е гг. были опубликованы первые родословные сборники и справочники, составленные в соответствии с научными требованиями. Их автором был весьма своеобразный человек – князь Петр Владимирович Долгоруков (1816– 1865). Потомок Рюрика, получивший блестящее образование, он во время учебы в Пажеском корпусе столь серьезно провинился, что был выпущен с «волчьим билетом» – не попал ни в гвардию, ни в армию офицером, а был определен к статским делам. Эта история самым болезненным образом ударила по самолюбию Долгорукова, всегда имевшего о себе крайне высокое мнение. К тому же князь был хром, и этот физический недостаток сделал его злым и мстительным человеком. Многие его поступки выходили далеко за пределы светских «шалостей».

Еще при жизни Долгорукова возникло обвинение в том, что князь был автором анонимного пасквиля, направленного А. С. Пушкину. По словам дочери Пушкина, графини Натальи Меренберг, ее мать, Наталья Николаевна, считала Долгорукова автором писем. Напротив, друг поэта, князь Петр Андреевич Вяземский, писал: «Это еще не доказано, хотя Долгоруков

был в состоянии сделать эту гнусность».

В 1927 г. пушкинист П. Е. Щеголев организовал проведение графологической экспертизы сохранившегося экземпляра анонимного диплома. Вывод эксперта был однозначен – письмо написано рукой Петра Долгорукова. Однако спустя пятьдесят лет повторная экспертиза столь же уверенно оправдала князя – не Долгоруков, а кто-то другой. Тем не менее тяжелое обвинение преследовало Долгорукова и сейчас не оставляет его памяти.

Избрав себе необременительную службу в Министерстве просвещения, хромоногий князь стал частым гостем петербургских гостиных, где его язвительные остроты находили благодарных слушателей. Для молодого человека из старинного рода были открыты двери всех аристократических домов и салонов Петербурга, где он получил прозвище Bancal – «хромоногий». Однако князь был занят не только светской болтовней. Постепенно в Долгоруком проснулся интерес к истории российской аристократии, и рассказы стариков, помнивших времена «матушки-Екатерины», стали важным источником для его генеалогических исследований. Долгоруков также получил доступ к архивным делам Департамента герольдии и на основании устных сведений, архивных и печатных источников составил два крупных генеалогических справочника – «Российский родословный сборник» (книги 1–4, 1840–1841) и «Российская родословная книга» (1854–1857).

В этих сборниках он изложил росписи по поколениям, дал каждому представителю рода порядковый номер в росписи, создал систему отсылок от детей к отцам. Если отец получил № 1, то его сыновья, соответственно, № 2, 3, 4. При этом собственный номер того или иного лица указывался на левом поле таблицы, а номер отца – на правом. Во втором поколении № 2, 3, 4 были сыновьями № 1, а в третьем, их сыновья, внуки № 1, – № 5, 6, 7, 8 и т. д. были сыновьями № 2, 3, 4. Большинство дальнейших российских генеалогических сборников и справочников использовали и используют эту систему как наиболее удобную. Женщины чаще всего в ней собственных номеров не получали (либо вводилась специальная «женская» нумерация), поскольку потомство по женской линии в росписи не включалось.

Долгоруков опубликовал родословные нескольких сотен самых знатных российских родов – Рюриковичей, Гедиминовичей, прибалтийских баронов, носителей иностранных аристократических титулов, польских магнатов, древних боярских и дворянских родов. Труды Долгорукова, при неизбежных для того времени ошибках, заложили основу научному исследованию российской дворянской генеалогии. Своего научного значения справочники Долгорукова не утратили вплоть до настоящего времени.

Работая над «Русским родословным сборником», наряду с официальными данными о родословных знатного русского дворянства, Долгоруков узнал и много компрометирующих фактов – об адюльтерах, внебрачном происхождении тех или иных лиц, семейных спорах и обманах при разделе имений. Беспокойная натура князя толкала его обнародовать эти сведения. В 1842 г. он опубликовал эти данные за границей в книге «Заметки о главных фамилиях России». Досталось в этой книге участникам дворцовых переворотов и их потомкам, а также и самой царствующей фамилии. На титуле значилось имя графа д’Альмагро – название городка в Новой Кастилии.

Скандал получился страшный. Николай I справедливо не поверил в графа и приказал сыскать настоящего автора. Довольно быстро его сыскали, взяли под арест и отправили в ссылку в Вятку. За молодого человека хлопотали высокопоставленные родственники, сам он вел себя примерно, выказывая раскаяние, и император в 1844 г. разрешил князю вернуться в Москву. По свидетельству А. И. Герцена, уезжая из Вятки, Долгоруков на прощальном обеде накормил губернатора и местное дворянство котлетами из своего дога, шкуру которого продемонстрировал участникам пиршества в самом его конце. Излишне стараться описать или представить себе разыгравшуюся сцену, вероятно, она была посильнее заключительной картины гоголевского «Ревизора».

Прибыв в Москву, князь Петр Владимирович свел знакомства с историком М. П. Погодиным, писателями Аксаковыми, славянофилом Ю. Ф. Самариным и другими лидерами московской интеллектуальной среды. В 1850-е гг. выходит «Российская родословная книга», получившая многочисленные хвалебные отзывы. Однако князь и теперь не пожелал остаться лишь ученым авторитетом. В 1856 г., готовя последний том своего труда, Долгоруков попытался шантажировать престарелого фельдмаршала М. С. Воронцова, некогда враждовавшего с Пушкиным в пору его южной ссылки. Князь намекнул вельможе, что род графов Воронцовых, вероятно, не такой древний, как считает его светлость Михаил Семенович, но 50 тысяч рублей легко исправят дело. Записка о деньгах не имела подписи, а почерк ее был не сходен с почерком Долгорукова. Воронцов с честью вышел из этой ситуации, отписав Долгорукову, что получил какую-то странную записку, которую оставил у себя, а что до своего родословия, то генеалогу виднее, кто от кого произошел. Попытка шантажа не удалась, и шантажист сам оказался на крючке. Правда, в 1856 г. Воронцов умер, и это гнусное дело открылось позже.

Вступление на престол Александра II и подготовка реформ сподвигли Долгорукова на реформистские прожекты, однако правительство не горело желанием привлекать к сотрудничеству столь одиозную личность. Князь обиделся и в 1859 г. эмигрировал. За границей он активно сотрудничал с А. И. Герценом и публиковал весьма едкие очерки о главных лицах российского правительства. Тайная полиция всеми правдами и неправдами стремилась раздобыть архив Долгорукова, и после его смерти в 1868 г. ей это удалось.

Умер князь Петр Владимирович 6 (8) августа 1868 г. На его кончину Герцен отозвался в «Колоколе» следующими словами: «Князь Долгоруков, который подобно неутомимому тореадору, не переставая дразнил быка русского правительства и заставлял трепетать придворную камарилью Зимнего дворца, скончался после мучительной болезни в Берне…»

За увлекательными авантюрами первого русского генеалога его ученые труды как-то блекнут. Любопытно, но в весьма разветвленном роду князей Долгоруковых интерес к родовой истории часто сочетался с бурным характером. Князь Алексей Владимирович (1813–1869), автор-составитель книг «Фамильные заметки» и «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», прославился как популярный «магнетизер» и двоеженец. А его сын Всеволод (1845–1912), редактировавший и готовивший к печати книгу отца «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», в 1877 г. был арестован по делу «червонных валетов» – светских молодых людей, мошенничавших с векселями, – лишен дворянства и сослан в Томск.

Биография продолжателя трудов Долгорукова – князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896) – напротив, представляет нам образ идеального слуги царя и Отечества. Выпускник Царскосельского лицея (однокашник М. Е. Салтыкова-Щедрина), Лобанов-Ростовский избрал дипломатическую карьеру и к концу жизни (в 1895) достиг должности министра иностранных дел.

С юных лет он занимался историей России и генеалогией знатных семей, собрал обширную коллекцию писем, мемуаров, исторических документов. Лобанов-Ростовский стал обладателем архива князя Долгорукова в той части, которая касалась генеалогии. Эти материалы помогли ему в составлении справочника «Русская родословная книга» (т. 1–3, 1873–1875), включавшего более 250 родословных росписей. Дополненное и исправленное издание было осуществлено в 1895 г.

В 80-х гг. XIX в. в России начинается мощный подъем генеалогических исследований. Аналогичный сборникам Долгорукова и Лобанова-Ростовского справочник «Родословный сборник русских дворянских фамилий» (1886–1887) публикуют В. В. Руммель и В. В. Голубцов, начинает издаваться капитальная монография А. П. Барсукова «Род

Шереметевых» (1881–1904), он же публикует первую работу по библиографии отечественной генеалогии в журналах «Русская старина», «Русский архив», а также отдельными изданиями печатаются родословные отдельных родов, родословные росписи и заметки, исторические источники по генеалогии. Публиковались материалы больших семейных архивов, вели активную работу по выявлению и публикации документов генеалогического характера ученые архивные губернские комиссии.

Обширные справочники по истории и генеалогии провинциального дворянства готовились и издавались в губерниях. Это – «Родословная книга Черниговского дворянства» (т. 1–2, 1901), составленная графом Г. А. Милорадовичем, «Малороссийский родословник» В. Л. Модзалевского (т. 1–4, 1908–1914), 23-томное (!) «Дворянское сословие Тульской губернии» (1899–1916), составителями которого были М. Т. Яблочков и В. И. Чернопятов, «Материалы для генеалогии ярославского дворянства» (т. 1–9, 1910–1913) и другие.

В конце XIX – начале XX столетия были изданы капитальные монографии, посвященные истории рода Рюриковичей. Генеалогию князей Северо-Восточной Руси, формирование уделов, политическую деятельность правителей и их династические связи исследовал А. В. Экземплярский, издавший двухтомник «Великие удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.» (1889–1891), не утративший своего значения и поныне.

Еще более сложную задачу поставил перед собой Геннадий Александрович Власьев, проследивший генеалогию черниговских и владимиро-волынских Рюриковичей вплоть до начала XX в., т. е. на протяжении более чем тысячи лет. Г. А. Власьев начал издание монументального труда «Потомство Рюрика» в соответствии с генеалогическим старшинством родов, а самыми старшими на родословном древе Рюриковичей были князья Черниговского и Владимиро-Волынского княжеств и их потомки. Первый том (князья Черниговские) составил 3 части, общий объем которых – 1730 страниц крупного формата. Здесь были изложены сведения о биографиях, земельных владениях, браках и потомстве нескольких тысяч представителей самых известных аристократических родов – князей Одоевских, Горчаковых, Волконских, Барятинских, Оболенских, Репниных, Долгоруковых, Щербатовых и других. До сих пор работа Власьева остается непревзойденной по своей полноте. Исследователь начал подготовку второго тома, посвященного князьям Владимиро-Волынским и их потомкам (Друцкие, Друцкие-Соколинские, Друцкие-Любецкие, Бабичевы, Путятины), но революционные события не дали завершиться этой огромной работе. Первая часть второго тома вышла уже в 1918 г. в революционном Петрограде.

Постепенно в сферу интересов генеалогов попадают и роды недворянского происхождения. Выдающийся историк, археограф и палеограф Николай Петрович Лихачев (1862–1936) в монографии «Разрядные дьяки XVI века» (1888) уделил большое внимание семейным связям в среде русской бюрократии и влиянию этого фактора на внутриполитические события этого времени. Тезка Лихачева, генеалог и архивист Николай Петрович Чулков (1870–1940) первым начал профессионально заниматься историей купеческого сословия.

В развитии генеалогии в конце XIX в. на смену любителям приходят профессионалы – архивисты и знатоки источников, но интерес к истории русского дворянства у многих из них по-прежнему питался личными пристрастиями. Большинство генеалогов того времени – представители древних дворянских родов, уделявшие большое внимание исследованию собственных родословных.

К концу XIX столетия развитие генеалогии достигло широкого размаха. Возникла идея создать координирующий научный центр. Так появилось Русское генеалогическое общество. Оно было основано в 1898 г. в Санкт-Петербурге. Инициатором создания общества был князь А. Б. Лобанов-Ростовский, но он не дожил до открытия своего детища. Общество проводило не только исследовательскую, но и собирательскую работу. Оно призывало дворян передавать древние документы из заброшенных усадеб, и таким образом удалось спасти

многие ценные исторические источники. Часть этих документов, а также исследования публиковались на страницах «Известий Русского родословного общества» – первого периодического издания, посвященного проблемам генеалогии. Общество объединяло в основном петербургских исследователей. В него входили и печатались в «Известиях» Н. П. Лихачев, Г. А. Власьев, В. В. Руммель, Н. В. Мятлев, К. А. Губастов, граф С. Д. Шереметев, Ю. В. Татищев и другие исследователи (всего – около 130 человек). Возглавлял его великий князь Георгий Михайлович (1863–1919), известный своими учеными трудами в области русской нумизматики.

Спустя несколько лет после основания Русского родословного общества в Москве возникло аналогичное по своим задачам Историко-родословное общество (1904). Его инициатором и бессменным председателем был выдающийся русский генеалог Леонид Михайлович Савёлов (1868–1947). Историко-родословное общество отличалось бо?льшим демократизмом, чем Русское родословное общество, к его работе были привлечены многие исследователи (Н. П. Чулков, М. Т. Яблочков, С. Б. Веселовский, Ю. В. и В. С. Арсеньевы, граф С. Д. Шереметев, Н. П. Лихачев, Ю. В. Татищев, А. А. Сиверс – всего до 170 членов), оно поддерживало научные контакты с зарубежными научными организациями. Члены Историко-родословного общества занимались разработкой не только дворянской генеалогии, но и генеалогии других сословий. Печатный орган общества – «Летопись Историко-родословного общества» – выходил гораздо чаще, нежели «Известия Русского генеалогического общества». За 20 лет деятельности Русского генеалогического общества было издано всего 4 выпуска «Известий» и 45 выпусков «Летописи». «Летопись» стала подлинно периодическим изданием, вплоть до военного 1915 г. она регулярно выходила четыре раза в год.

Л. М. Савёлову принадлежит особая роль в развитии русской генеалогии. Он существенно расширил и дополнил библиографическую работу по русской генеалогии А. П. Барсукова. Справочник Савёлова состоял из двух частей – в первой по алфавиту были перечислены издания, а во второй – дворянские роды, также в алфавитном порядке, и указывалась литература и справочники, в которых можно было найти информацию о них. Несмотря на то что после публикации библиографического справочника Савёлова прошло более ста лет, он до сих пор используется историками и генеалогами. Леонид Михайлович также начал создание обширного словаря русского дворянства – «Родословные росписи» – однако вышли из печати только 1–3 части (1906–1909), до буквы «Е».

Своему высокому предназначению Савёлов остался верен всю жизнь. В эмиграции, вдали от книг и архивов, потеряв большинство из единомышленников, он восстанавливает Историко-родословное общество и на печатной машинке начинает издавать единственный в то время русский генеалогический журнал – «Новик», первые номера которого выходили тиражом 5 экземпляров.

Опальная наука

В первые послереволюционные годы генеалоги еще пытались сохранить профессиональное сообщество. Русское генеалогическое общество, изменив устав и название, стало частью Академии истории материальной культуры. Собрания общества проходили вплоть до осени 1922 г., когда власти приняли решение «признать нецелесообразным существование Общества по обстоятельствам данного времени».

Историко-родословное общество прекратило свою деятельность раньше – осенью 1917 г., после отъезда Л. М. Савёлова из Москвы на юг. Благодаря отъезду и дальнейшей эмиграции Савёлов сохранил жизнь и свободу, но потерял родину. Монархист, активный общественный деятель, камергер и губернатор, Леонид Михайлович подвергался реальной опасности быть арестованным и расстрелянным. В первые послереволюционные годы пали жертвами террора, болезней и голода председатель Русского генеалогического общества великий князь

Георгий Михайлович, его брат, выдающийся историк Николай Михайлович, Ю. Н. Щербачев, А. П. Сабуров, граф В. П. Орлов-Денисов, Д. Ф. Кобеко, граф С. Д. Шереметев, К. А. Губастов и многие другие генеалоги, как профессионалы, так и любители.

Но как только завершилась Гражданская война, спала первая волна революционного террора и настало послабление в виде НЭПа, генеалогия оказалась востребованной для исследований в области модной в 1920-е гг. и сравнительно новой науки – евгеники.

Основы евгеники – биолого-гуманитарных исследований, посвященных совершенствованию человеческой породы, – были заложены во второй половине XIX в. английским ученым Фрэнсисом Гальтоном, двоюродным братом и единомышленником Дарвина. Применение дарвиновской теории к цели достижения прогресса и решению проблем, стоящих перед цивилизацией, оказалось весьма привлекательным.

Для Советской России, где стояли задачи создания нового общества и «нового человека», евгеника представляла особый интерес. Родоначальником евгенических исследований в России стал великий биолог, основоположник генетики Н. К. Кольцов, которому удалось объединить вокруг себя ученых различных специальностей – биологов, антропологов, психиатров, историков, генеалогов. В 1920 г. он создал и возглавил Русское евгеническое общество, а с 1922 г.

при нем стал выходить «Русский евгенический журнал», на страницах которого публиковались интереснейшие материалы по генеалогии. В числе авторов «Русского евгенического журнала» были как признанные авторитеты в области генеалогии (например, Н. П. Чулков), так и ученые нового поколения, в основном биологи-генетики – М. В. Волоцкой, П. Ф. Рокицкий, Г. Г. Фризен. В отличие от дореволюционных исследований, евгеническое направление в генеалогии 1920-х гг. было ангажировано самой постановкой проблемы о наследственности. Особое внимание уделялось наследственности талантов – литературного, музыкального, художественного – и родственным связям лиц с выдающимися способностями. В то же время евгенические и евгенико-генеалогические исследования имеют и важное самостоятельное значение.

Евгенику постигла судьба многих других научных направлений, не уложившихся в рамки «советской науки». С началом «великого перелома» в конце 1920-х гг. полетели головы дореволюционных «спецов», и в их числе стали травить Кольцова и его соратников. Свою роль сыграло и активное использование евгеники идеологами расизма в фашистской Германии. В результате в 1929 г. Евгеническое общество и журнал были закрыты, а на участников этих исследований надолго повесили ярлык «фашистов».

Казалось, что в 1930-е гг. историки-марксисты при помощи ГПУ покончили с генеалогией, получившей клеймо «дворянской», а следовательно – вредной науки. Многие ученые были арестованы. Однако именно в то страшное время в СССР генеалогические исследования получили новый импульс и вышли на качественно иной уровень. Этим генеалогия обязана академику Степану Борисовичу Веселовскому (1876–1952).

С. Б. Веселовский – один из выдающихся исследователей русского феодализма, источниковед и глубокий знаток архивов, обратился к генеалогии в связи со своими исследованиями по истории феодального землевладения. Он создал ряд очерков по истории московского боярства и дворянства в XIV–XVI вв., опираясь, прежде всего, на средневековые акты, большей частью неопубликованные. Сочетая данные документов и материалы исторической географии и топонимики (науки о географических названиях) Веселовский восстановил историю боярского землевладения в Центральной России, а вместе с ней – и историю крупнейших боярских семей. Ученый пришел к выводу, что московское боярство сыграло огромную роль в становлении могущества Москвы и создании единого Российского государства.

Силу и значение древнейших боярских родов, предки которых служили еще первым

московским князьям, Веселовский установил, произведя соответствующие подсчеты по составу Боярской думы за полтора столетия от Ивана III до Смуты. Из 425 членов думы 145 были представителями шести старомосковских родов: род Андрея Кобылы (Кошкины, Захарьины, Романовы, Шереметевы, Колычевы), род Ивана Мороза (Морозовы, Тучковы, Шеины), род Ратши (Бутурлины, Челяднины, Пушкины), род Александра Зерна (Сабуровы, Вельяминовы и Годуновы), род Федора Бяконта (Плещеевы), род Воронцовых-Вельяминовых. На долю семи родов, известных с XV в., приходилось только 23 думца. Всего же на долю родов, служивших московским князьям до XVI в. (23 рода), приходилось около 200 членов Боярской думы, т. е. почти половина. Другая половина приходилась на долю потомков удельных князей и нетитулованных родов, возвысившихся в XVI в. Не менее показателен удельный вес старомосковского боярства в военной иерархии. На протяжении княжения Василия III 61,5 % воеводских назначений получили представители княжеских родов; среди же нетитулованных воевод более трех четвертей назначений достались воеводам из старомосковских родов XIV в. Выдающееся значение старомосковских боярских родов и определило строй исследования Веселовского о феодальном сословии России как серии очерков о наиболее крупных семействах.

Первым в ряду этих очерков стоит очерк о роде Пушкиных – «Род и предки А. С. Пушкина в истории». Это исследование Веселовский завершил в конце 40-х гг., когда предполагалось издать его отдельной книгой. Изложение истории, начинающееся с XIII в., было доведено автором до конца XVII в., периода упадка Пушкиных в служебном и экономическом отношениях и опалы в связи с участием Ф. М. Пушкина в заговоре А. П. Соковнина, покушавшегося на жизнь Петра I. Первоначально Веселовский собирался довести исследование до судьбы поэта, закончив главой «Жизненная трагедия Пушкина», но этот замысел остался неосуществленным. Работа ученого увидела свет только в 1969 г., сначала на страницах журнала «Новый мир», а затем в сборнике «Исследования по истории класса служилых землевладельцев». Обе публикации были неполными и в ряде мест отличались между собой. И только в 1990 г. работа «Род и предки А. С. Пушкина» вышла отдельной книгой, которую подготовил и сверил с рукописью К. А. Аверьянов.

В очерке о роде Пушкиных наиболее четко проявилось новое направление, данное Веселовским генеалогическим изысканием. Свое исследование автор производит на широком историческом фоне, попутно освещая многие сложнейшие вопросы, касающиеся социально-политической истории XIII–XVII вв., феодального землевладения, государевой службы, местничества и других проявлений менталитета людей Средневековья. Опираясь на источники по русской генеалогии, сведения о земельных владениях Пушкиных и данные ономастики, Веселовский создает портрет целого рода, в котором проявляются как индивидуальные характеры представителей, так и общие черты. Так, думный дворянин Евстафий Михайлович Пушкин, первый из Пушкиных достигший думного чина, был «недюжинным и дельным человеком». Уже то, что он выдвинулся при подозрительном и гневливом царе Иване IV, причем в то время, когда Грозный разочаровался в своих любимцах-опричниках и по-прежнему не доверял земским, свидетельствует о его незаурядных способностях. Еще более удачлив был Гаврила Григорьевич Пушкин (один из героев драмы «Борис Годунов»). Он перешел на сторону Лжедмитрия I, в июне 1605 г. поднял Москву против царя Федора Годунова, за что и получил от самозванца думный чин. Царю Василию Гаврила Пушкин и его сородичи служили честно и усердно, не за страх, а за совесть. Только когда явственно обозначился крах царя Василия, Г. Г. Пушкин принял участие в его низложении и последовавшем за ним насильственном пострижении. Пушкины участвовали в Первом и Втором ополчении, затем служили царю Михаилу Федоровичу, были воеводами, возглавляли приказы, а в 1646 г. Григорий Гаврилович Пушкин, первым в роду, получил боярский чин. Характеризуя род Пушкиных в целом, Веселовский писал: «Ни один

из Пушкиных не выделился ни исключительными талантами, ни ярко выраженной индивидуальностью, ни большими подвигами, но все они старались быть достойными представителями своего рода, шли по мере возможности и по своему крайнему разумению в ногу с событиями, каждый делал на своем месте свое дело, и, в общем, содействовали спасению государства и родины… они были типичными и неплохими представителями тогдашнего дворянства, которое больше ценило в людях родовые и сословные добродетели, чем ярко выраженную индивидуальность и таланты честолюбцев».

Полемизируя со словами поэта, вложившего в уста царя Бориса выражение «род Пушкиных мятежный», Веселовский показывает род, который действительно можно назвать мятежным, – Ильины-Грязные, из которых вышел любимец Грозного опричник Василий Грязной. Сын Василия Тимофей был одним из тушинских «перелетов» и получил от Лжедмитрия II чин окольничего. А затем служил Сигизмунду III. По стопам Тимофея пошел и его сын Борис, который во время Смоленской войны 1632–1634 гг. бежал в Польшу. Близкий родич Грязных – Михаил (Михалко) Андреевич Молчанов, был авантюристом еще похлеще. В 1605 г. он участвовал в убийстве Федора Годунова, после свержения самозванца бежал в Польшу, где выдавал себя за чудесно спасшегося «царя Димитрия». В Тушине он получил чин окольничего, затем служил полякам, своей дерзостью и заносчивостью заслужил всеобщую ненависть и был убит во время восстания москвичей против поляков в 1611 г.

На протяжении почти всего XVII в. Пушкины предстают сплоченным родом, который особенно не рвется вперед, но движется к упрочению своего положения постепенно и уверенно. Упадок Пушкиных в конце XVII в. совпадает с ломкой Петром I старомосковского уклада, системы государственного управления и семейного быта. Волею судеб Пушкины оказались в лагере противников Петра и его преобразовательных начинаний. Внуки Гаврилы Пушкина, бояре Матвей и Яков Степановичи, были близки к боярской партии Милославских, активных сторонников царевны Софьи, близких к староверам и другим слоям, недовольным нововведениями Петра I. Стольник Федор Матвеевич Пушкин, сын М. С. Пушкина, принял участие в заговоре А. П. Соковнина против Петра I и был казнен, а его родственники отправлены в ссылку.

По этому очерку Веселовского можно судить о том, что огромной заслугой ученого является расширение пространства генеалогических исследований, введение в историческую науку методов генеалогических исследований и самой тематики.

Очерк о Пушкиных является наиболее завершенным и подробным. Но другие не менее интересны. В книге «Очерки истории класса служилых землевладельцев» собраны монографические очерки о крупнейших боярских родах: Кобылиных, Кошкиных, Захарьиных, Романовых, Шереметевых, Колычевых, Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых, Плещеевых, Квашниных, Волынских, Добрынских, Фоминских, Кутузовых, князьях Оболенских, Головиных и многих других. Перед читателем проходит вереница лиц, деятелей, чьими трудами и кровью созидалось Российское государство в XIV–XV вв.; тех, кто страдал от опричнины и умирал в муках, и тех, кто сам непосредственно участвовал или руководил казнями; героев Смутного времени – борцов за державу и разрушителей Московского царства.

Исследования по истории московского боярства и дворянства XIV–XVII вв. стали первым образцом изучения значительной социальной группы генеалогическими методами. Они продемонстрировали не только высочайший уровень анализа источников и исчерпывающую полноту исследования, но и новую постановку задач, которые ныне принято называть комплексной генеалогией. В трудах Веселовского удачно сочетается обобщающий подход к боярству в целом с интересом к судьбе каждого рода и личности, разнообразным деталям и подробностям – всему тому, что ныне принято именовать термином «микроистория».

Ученик Соловьева и Ключевского Веселовский никак не мог согласиться с марксистским

принципом «писать историю человеческого общества без живых людей». Более того, он был единственным из ученых старой школы, кто позволил себе открыто заявлять в трудах и выступлениях, что не поддерживает марксистское учение, избегать ссылок на классиков марксизма, а также Ленина и Сталина.

Невысокий, худощавый, всегда элегантно одетый, типичный интеллигент, да еще и отягощенный «классово чуждым» происхождением и даже небольшой земельной собственностью до революции, Степан Борисович позволил себе бросить вызов воле самого «хозяина» – Сталина. И это при том, что ученому было за кого бояться – сыновья от первого брака и дочка от второго. Степан Борисович резко выступил против кампании по восхвалению «великого и мудрого вождя» Ивана Грозного, опиравшегося на «прогрессивное войско опричников». Грозного прославляли научно-популярные работы видных историков, уцелевших после репрессий 1920–1930-х гг., воспевали литературные произведения (подключился к этому и советский граф Алексей Толстой) и монументальная киноэпопея Сергея Эйзенштейна. Впрочем, во второй части кинофильма царь оказался недостаточно положительным, а опричники слишком страшными, за что Эйзенштейн получил выговор от Сталина и Жданова, а фильм лег на полку.

Вся суета вокруг Ивана Грозного вызывала у Веселовского горькую усмешку. «Реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение советской исторической науки», – писал он. И хотя попытки реабилитировать тиранию Грозного предпринимались и ранее, «новостью является только то, что наставлять историков на путь истины „сравнительно недавно“ взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры». От критики советской апологетики тирана Веселовский перешел к тщательному исследованию свидетельств об опричнине и установил, что представление о боярстве как о крамольной силе, сопротивлявшейся благу государства, – не более чем миф, раздутый в угоду новой, еще более страшной репрессивной кампании Сталина.

Как мы знаем, и за меньшие грехи при Сталине могли сгноить в лагерях. Почему уцелел Веселовский, остается загадкой. После кратковременных арестов в начале 1920-х гг., он ни разу не был арестован и уцелел даже во время «академического дела», по которому посадили С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушина и других выдающихся ученых старой школы. Возможно, Степана Борисовича спасла его удаленность от университетской ученой среды, а вероятно, и счастливая случайность. Но его жизнь была далека от благополучия, несмотря на звание академика, полученное в 1946 г., – бедственное существование, запрет на публикации, болезнь глаз, гибель двух сыновей на фронте, – несчастья постоянно преследовали Степана Борисовича, но не сломили его высокого гражданственного стремления к научной истине. Эпитафией на памятнике Веселовскому на Введенском кладбище избраны слова из пушкинского «Бориса Годунова»: «Закончен труд, завещанный от Бога».

Сборник трудов Веселовского, посвященный истории и генеалогии московского боярства и дворянства, был опубликован только в 1969 г. и оказал огромное влияние на перспективы дальнейших генеалогических исследований. Работая «в стол», Веселовский спас генеалогию от забвения. По предложенному им пути четкой исторической критики источников при генеалогических исследованиях и тесной связи генеалогии с социально-политической историей строились генеалогические исследования в 1970–1980-е гг. В это время многое сделали для развития отечественной генеалогии А. А. Зимин, С. О. Шмидт, А. А. Введенский, В. Б. Кобрин, В. Л. Янин, А. Л. Станиславский, М. Е. Бычкова, А. И. Аксенов, С. В. Думин и другие ученые.

В эти годы развивается исследование не только дворянского сословия, но и других

сословий и социальных групп. А. А. Введенский создал капитальную монографию о роде промышленников и торговцев Строгановых. А. И. Аксенову принадлежат работы по генеалогии московского и провинциального купечества XVIII столетия. Изучаются родословные холопов XVI–XVII вв., крестьян и заводских рабочих XVIII–XX вв.

Большое значение имели генеалогические изыскания, проводившиеся в литературоведении. Блестящие очерки И. Л. Андронникова, посвященные литературным тайнам, поискам забытых современников Пушкина и Лермонтова, забытым реликвиям, – пример подобных исследований. Во многом Андронников перенял эстафету дореволюционных генеалогов (Н. П. Чулкова, Б. Л. Модзалевского, А. А. Сиверса, Н. Н. Кашкина и других), тщательно отслеживавших не только родственные, но и культурные связи в дворянской среде. Сам Андронников с благодарностью вспоминал о Чулкове, являвшемся одним из его неизменных консультантов, оставил о нем запоминающийся отзыв и даже изобразил Николая Петровича в своей телевизионной постановке.

«Был в Москве такой чудесный старичок, Николай Петрович Чулков – историк и литературовед, великий знаток государственных и семейных архивов XVIII и XIX веков, лучший специалист по истории русского быта, волшебник по части установления служебных и родственных связей великих и невеликих русских людей – вспоминал Андронников. – Уж никто лучше не мог сказать вам, кто когда родился, кто где жил, кто в каких служил департаментах и полках, кто на ком был женат, кто к кому ходил в гости, где чей дом стоял и где кто умер. На все подобные вопросы, если только в его силах было ответить, Николай Петрович давал самые точные и самые подробные разъяснения. И чаще всего прямо на память». Так же как и Веселовский, Чулков сыграл большую роль в сохранении значения генеалогии как научного направления и передачи эстафеты исследователям нового поколения.

Генеалогия в век Интернета

Общественные перемены 1980-х гг. повлекли за собой новый подъем, или лучше сказать, расцвет генеалогии. Когда прекратились уродливое замалчивание и хула на историю России, тормозившие не только научное развитие, но и туманившие истинную любовь к своему Отечеству, множество людей независимо друг от друга обратились к изучению своих корней и осознанию своего значения в истории. Параллельно с генеалогией мощно развивается и краеведение, тесно связанное с историей семей. Были восстановлены Русское генеалогическое общество в Петербурге (в 1991 г. во главе с кандидатом географических наук Игорем Васильевичем Сахаровым) и Историко-родословное общество в Москве (в 1990 г. во главе с кандидатом исторических наук Станиславом Владимировичем Думиным), возникли филиалы этих обществ и аналогичные общества в других городах. Они осуществляют активную публикаторскую, научную и общественную деятельность. В Москве и других городах возродились Дворянские собрания, также очень много сделавшие и для развития науки о родословиях, и для объединения людей, ищущих своих предков. Вместе с тем активно исследуется генеалогия других сословий – купечества, духовенства, крестьянства. В Екатеринбурге историк и архивист А. Г. Мосин приступил к созданию уникальной базы данных по генеалогии всего уральского крестьянства. А это – тысячи фамилий и десятки, если не сотни, тысяч людей!

За последнее десятилетие издано огромное количество книг и брошюр по истории отдельных семей, и все больше и больше материалов можно найти в сети Интернет, где генеалогия занимает большое место. Об этом можно подробнее узнать из работы М. Б. Петриченко «Компьютер в генеалогических исследованиях» (2004), мы же ограничимся обзором только основных сайтов, как международных, так и российских.

Самым крупным международным сайтом является интернет-портал Genealogy.com

(http://www.genealogy.com), который поддерживает проект «Мировое Генеалогическое Древо», включающий почти 200 миллионов имен и сотни тысяч родословных. Однако и это не предел – сервер Ancestry (http://www.ancestry.com/) дает возможность поиска более чем в 3000 базах данных с информацией о нескольких миллиардах (!) людей. Однако для российского пользователя эти масштабные базы не так важны, как менее объемные, но все же отечественные.

Крупнейшим российским генеалогическим порталом является «Всероссийское генеалогическое древо» (ВГД) (http:// www.vgd.ru), действующее с 1999 г. и насчитывающее десятки тысяч имен. Вместе с тем информация о каждом лице довольно скудна, а родословные связи (система отсылок) далеки от полноты. Зато «ВГД» регулярно обновляется и содержит массу полезных ссылок – на источники генеалогических исследований, на другие сайты и базы данных, на литературу, конференции и т. п.

Очень продуктивной является работа на сайте Genealogia.ru (http://www.genealogia.ru), создатель которого, Константин Погорелый, дает возможность посетителям осуществлять поиск при помощи транслитерации собственных имен. Запросил свою фамилию на русском языке – нашел созвучные фамилии на английском, немецком и французском. Кроме того, на Genealogia.ru постоянно пополняется база данных источников генеалогических исследований, и в первую очередь неопубликованных – материалы переписных книг XVII в., ревизий XVIII в. и т. д.

Другие не менее интересные и полезные сайты: «Петербургский генеалогический портал» (http://www.petergen.ru), «Генеалогия – ваше родословное древо» (http:// www.genealogy.ru), «Союз фамильных кланов» (http://www.famili/narod.ru), «Поиск пропавших предков» (http://www.mtu-net.ru/rrr/Russian.htm) и многие многие, другие. Пополняются интернет-базы данных по некрополям России (в том числе на сайте «Мемориала» собраны имена десятков тысяч репрессированных), порталы архивохранилищ. Любопытную информацию содержат сайты краеведческой направленности, создатели которых стремятся сохранить память о всех своих земляках, а не только о самых известных.

Где князь, там и дружина

Русское дворянство берет свое начало от дружины киевских князей. Летописи и былины донесли до нас сведения о походах, советах и пирах князей с дружиной. Известно, что дружина киевских князей делилась на старшую (бояр или мужей) и младшую (гридней). Младшую дружину именовали еще «детскими» или «отроками». Отсюда и слово «детинец», которым именовали в Древней Руси городскую крепость – кремль. Вероятно, первоначально в старшую дружину входили опытные воины, а в младшую – юноши, только начинавшие свой ратный путь. Однако позднее «отроками» могли именовать младших дружинников независимо от их возраста и опыта. В иерархии разросшегося двора великих князей киевских бояре или мужи, потомки заслуженных родов, владельцы обширных земель, хозяйств, слуг и рабов занимали более высокую ступеньку, нежели гридни, детские или отроки – воины, только начавшие служить князю.

На Руси дружина появилась, вероятно, вместе с князьями, т. е. еще до появления в Новгороде варяжского вождя Рюрика в 862 г. «Повесть временных лет» упоминает о князьях различных славянских племен. Для скандинавов дружинная организация была еще более привычной, чем для славян. Ведь славяне не были воинственным народом в отличие от скандинавов. Напротив, скандинавы (в Европе из называли норманнами, а на Руси – варягами, сами же они именовали себя викингами), объединяясь в дружины под командой вождя-конунга, совершали дерзкие набеги на соседей или осваивали торговые пути в далекие земли.

Очевидно, что дружина первых Рюриковичей состояла из скандинавов. Договор Олега с

Византией, заключенный в 912 г., содержал строки, смущавшие не одно поколение историков: «Мы от рода русского – Карлы, Ингельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труам, Лидул, Фост, Стемид, – посланные от Олега великого князя русского…» Безуспешно было бы стараться найти среди послов Олега к византийцам хотя бы одного славянина – все они носят варяжские имена, так же как и послы Игоря, упоминаемые в договоре 945 г. Но тем не менее при этом представляют «род русский», т. е. Древнерусское государство.

Первых древнерусских князей Рюрика, Олега и Игоря, окружали закаленные в боях норманны, среди которых могли встречаться и берсерки – воины, обладавшие столь безумной храбростью, что сражались порой голыми руками. Это было время стремительных походов и жестоких завоеваний. Под звон мечей, стон раненых и умирающих рождалась Киевская держава Рюриковичей.

При князе Святославе, который носил уже славянское имя, среди бояр и дружины появляются славяне. Известен воевода Святослава Претич, воеводы его сыновей – Блуд и Волчий Хвост. При этом бурная эпоха походов Святослава стала апогеем боевой славы княжеской дружины. Летописец, повествуя о доблести князя: «Легко ходил, как пардус, войны многие творил; не возил с собой возов, ни котлов, ни мяса не варил, но, тонко изрезав конину, или зверину, или говядину и, зажарив на углях, ел; не имел шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах», замечает и о дружине: «Таковы же были и все воины его».

Мечи и топоры киевских дружинников сокрушили могущество Хазарского каганата и привели в покорность северокавказские племена ясов и касогов.

Соединив дружину с ополчением, Святослав в 967 г. вторгся на Балканы, где вступил в жестокую борьбу с византийцами. Осажденный превосходящими силами врагов, Святослав воскликнул, обращаясь к дружине: «Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, мертвые сраму не имут». Доблестные дружинники отвечали Святославу: «Там, где ляжет твоя голова, там и мы свои сложим». Слова эти оказались пророческими. Когда князь отступил из Болгарии и возвращался на Русь с небольшой дружиной, на него напали печенеги. В неравном бою полегли храбрые дружинники, пал и сам князь-богатырь.

Потомки Святослава, великие и удельные князья, были неразлучны с дружиной, «кормили» ее доходами с даней и частью военной добычи, советовались, вместе пировали, охотились и сражались. Дружинники же были готовы погибнуть за своего господина, свой удел и Русскую землю. «Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы», – говорит в «Слове о полку Игореве» о своих дружинниках князь Всеволод Святославич. Как можно видеть, и русским удальцам были близки идеалы рыцарства. Доблесть дружины Александра Ярославича Невского описывает житие князя. Однако наряду с княжескими бойцами автор жития уделил большое внимание и новгородским «мужам», отличившимся в сражении. Прославились своими подвигами в бою шесть «мужей храбрых». Часть из них были знатными новгородцами и возглавляли отдельные отряды, другие – дружинниками князя. Гаврило Алексич «наеха» (напал) на шведское судно в тот момент, когда на него под руки втаскивали раненого «королевича», и по мосткам въехал на коне до самого корабля. Отступавшие шведы на корабле развернулись и сбросили его с мостков в Неву, но Гаврило Алексич «изыде оттуда неврежден», вновь напал на врага и крепко бился с самим воеводой, окруженным воинами. Другой новгородец Сбыслав Якунович «наеха многажды на полк их и бьяшеся единем топором, не имея страха в сердце своем». Новгородец Миша со своей дружиной сражался пешим и потопил три шведских корабля. Дружинник князя Савва во время боя прорвался к златоверхому шатру шведского военачальника и подрубил шатерный столб, что символизировало грядущее поражение противника. Храбро бились ловчий князя полочанин Иаков и пехотинец Ратмир, павший в бою.

Дружина была тем ядром, вокруг которого постепенно складывался княжеский «двор»,

включавший и бояр, и воинов, и слуг, которые вели хозяйство. Впервые слово «дворяне» упоминается в 1174 г., и в весьма неприглядном контексте. Летопись сообщает, что после убийства великого князя Андрея Боголюбского «дворяне» разграбили имущество князя. Вероятно, «дворяне» XII в. являлись княжескими слугами. Но при этом уже в домонгольскую эпоху многие должности в княжеском обиходе и хозяйстве были одновременно и почетными обязанностями, знаками особого приближения того или иного боярина или дружинника к господину. Как можно видеть, полочанин Иаков был и храбрым воином в дружине Александра Невского, и ловчим, в ведении которого организация княжеской охоты. Постепенно происходило слияние «дворян» и дружины, и на этой основе уже в XIV–XV вв. начало образовываться российское дворянство.

Большинство дружинников князей Северо-Восточной Руси погибли во время монгольского нашествия. В XIV в. формирование служилого военного сословия началось заново и на новых основаниях. Если древнерусская дружина жила за счет княжеской «милости» и военной добычи, то великий князь московский Иван Калита заложил новую основу обеспечения военных слуг. В своем завещании он пишет, что передал одно из ростовских сел Борису Воркову, который если будет служить его сыновьям – «село будет за ним, не имет ли служити детем моим, село отоимут». Таким образом, вместо того чтобы оплачивать труд дружины денежным жалованьем, Иван Калита ввел принцип обеспечения военных слуг землями, население которых было обязано кормить своего временного владельца. Почему временного? Земля считалась верховной собственностью князя (на этом основании она и жаловалась его военным слугам), и он давал землю лишь на время и под условием несения военной службы. Князь мог отобрать землю у нерадивого слуги и передать ее другому, возвращалась она в казну и после смерти служилого человека. Принцип обеспечения военных слуг землей, с которой они бы кормились, был далеко не нов и не является российским изобретением. В Европе эту систему (ленная система) активно вводил Карл Великий, сформировавший не только прекрасную франкскую конницу, но и заложивший основы нового феодального порядка.

Без правды боярской царь бога прогневит

Бояре, или «старшие мужи» княжеской дружины, упоминаются в «Повести временных лет» уже в IX в. Вероятно, самые доверенные и влиятельные советники князя были не только выходцами из дружинной среды, но и представителями верхушки древнеславянского общества.

Само слово «боярин», скорее всего, происходит от славянского «болий», т. е. «большой». Бояре действительно были большими, влиятельными людьми, в отличие от рядовых дружинников («детских», «отроков») или дворянства XV– XVII вв. («детей боярских»).

Принадлежность к боярской среде уже в первое столетие существования Древнерусского государства являлась наследственной. «Повесть временных лет» прослеживает деятельность трех поколений видных бояр. Остромир был новгородским посадником (наместником) при князе Ярославе Мудром. Известна великолепная рукопись выполненного по его заказу Евангелия («Остромирово Евангелие»). Его сын Вышата являлся киевским тысяцким, т. е. главой городского ополчения, а внук – Ян Вышатич – также тысяцким. При Ярославе Изяславиче Ян в 1060-е гг. был наместником на Белоозере и подавил там мятеж, вызванный волхвами, которых захватил в плен и приказал казнить. Умер Ян уже при князе Владимире Мономахе в 1106 г., достигнув девяноста лет.

В эпоху возвышения Москвы и дальнейшего объединения вокруг нее русских земель, московское боярство формировалось из «выходцев» разных земель – Новгорода, Южной Руси, Владимира, Костромы, Твери и даже Золотой Орды. Его костяк составили не более двух десятков крупнейших родов, потомки которых в течение трех столетий занимали

боярские должности, выполняя важнейшие поручения военного, дипломатического и административного характера. Эти роды в литературе принято называть старомосковскими. Они тесно связали свою судьбу с возвышающимся Московским княжеством, породнились с самими князьями московского дома, приобрели значительные земельные богатства и влиятельное положение. Любопытно, но среди старомосковских родов лишь единицы (например, Протасьевичи-Вельяминовы или потомки дружинника Александра Невского Гаврилы Алексича) возводили свою родословную к боярским и дружинническим родам домонгольской эпохи.

Вторая половина XV в. вносит определенные изменения в генеалогический состав московского боярства. Двор великих князей активно пополняется потомками удельных Рюриковичей – княжатами, которые оставляли оскудевшие родовые гнезда и искали счастья на великокняжеской службе. Ко времени завершения процесса объединения русских земель вокруг Москвы, в составе московского боярства оказались потомки бывших удельных ярославских, тверских, суздальских, стародубских, рязанских князей, а также потомки князей Верховских княжеств. Значительное место занимали выехавшие из Литвы Гедиминовичи – князья Патрикеевы, Мстиславские, Бельские; а также другие литовские выходцы – князья Глинские. Старомосковские роды были вынуждены потесниться перед знатными пришельцами, получавшими богатые пожалования от государей.

Характерно описание одного из первых подобных столкновений. При Василии I на Русь «выехал» князь Юрий Патрикеевич, правнук великого князя литовского Гедимина. Великий князь принял знатного литовца с особым почетом, пожаловал в бояре, выдал за него дочь Анну и упросил «старых» бояр уступить зятю первое место. Делать было нечего, и бояре подвинулись. Но когда брат князя Юрия Федор попытался было «пересесть» боярина Федора Сабура, указывая на высокое положение родича, тот отвечал: «У того Бог в кике, а у тебя Бога в кике нет», и не уступил. Намек Федора Сабура был довольно прозрачен: кика, или кичка, – головной убор замужней женщины и высокое положение князя Юрия Патрикеевича он объяснял не происхождением, а родством с правящей династией. Примечательно, что потомки князя Федора Патрикеевича, князья Хованские, не добились таких успехов при дворе, как потомки князя Юрия Патрикеевича, и выдвигаются только в XVII в. Как можно видеть, в первой половине XV в. старомосковские роды еще могли успешно держать оборону от «выходцев»-княжат, но при Иване III, когда число потомков Рюрика и Гедимина при московском дворе достигло нескольких десятков, «старые бояре» уступили.

Историки конца XIX – начала XX в. (В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов) полагали, что такая аристократическая Боярская дума стремилась к ограничению верховной власти и пыталась опереться на свои прежние владельческие права. Против этой силы, как считал С. Ф. Платонов, и была направлена опричнина Ивана Грозного. Это объяснение опричнины принято называть антибоярской концепцией. Исследования С. Б. Веселовского и его последователей доказали, что борьба боярств против централизации – это миф. Уже в XV в. многие бояре-княжата, потеряв земли в родовом уделе, приобрели их в других областях. Возврат к удельным временам ставил их интересы под угрозу.

Знаменитый спор Ивана Грозного и бывшего сподвижника царя, а затем беглеца в Литву князя Андрея Михайловича Курбского шел не о централизации России, а о путях развития этого процесса. Царь писал, что имеет наследственное право действовать по своему произволу – «А жаловать есмя своих холопей вольны, а и казнить вольны же», – писал Иван Грозный. Курбский же был сторонником прежних традиций, свойственных политике московских князей XIV в. – уважения к боярству, деятельного и совещательного участия бояр в управлении, которые противопоставлял безжалостному и беспричинному террору Грозного.

В то же время нельзя говорить о боярстве как о безынициативной и слабой социальной группе, интересы которой ограничивались несением государевой службы и ожиданием

пожалований. Активная роль бояр в управлении Московским княжеством, пик которой приходится на период малолетства Дмитрия Донского, выработала у боярства определенные представления о своей роли в политической иерархии государства. Политическое самосознание «сильных в Израили» (выражение Курбского) тесно связано с идеями государевой службы, значение которой было обусловлено представлениями о священном характере власти монарха. Давнее сотрудничество бояр с государями выработало ряд традиций, через которые не могла переступить даже воля монарха. Одна из них – местничество. Сложнее обстояло дело с другими правами московского боярства, уходившими корнями в начальные этапы его формирования. Так, традиционное для XIV в. право «отъезда» бояр и слуг, т. е. перемены ими государя, стало рассматриваться Иваном III во второй половине XV в. как измена. Уходила в прошлое и практика смелого, открытого диалога между боярами и государем.

Итогом ломки прежних отношений между государем и боярством стала ситуация, обрисованная австрийским послом ко двору Василия III бароном Сигизмундом Герберштейном: «Все они называют себя холопами, т. е. рабами своего государя». И все же отношения между государем и боярством, несмотря на укрепление абсолютистских тенденций при Иване III, Василии III и особенно Иване IV, продолжали сдерживаться традицией, посягнуть на грубое нарушение не могли и государи. Традиция предполагала в том числе и защиту бояр от необоснованных опал и казней. Этим объясняется та усиленная деятельность Ивана Грозного по созданию видимости «справедливого суда» над изменниками, который сопутствовал опричным опалам и казням.

Опричнина Ивана Грозного нанесла жестокий удар по боярству, пожалуй, наибольший, нежели по другим социальным слоям Российского государства. По подозрению в измене уничтожались выдающиеся деятели, чьи успехи и достижения вызывали ревность и гнев царя. Итогом ее стала политическая деградация боярства. В Смутное время, получив в свои руки государственную власть, боярское правительство (Семибоярщина) не сумело справиться с этой ношей и поспешило сдаться перед польской интервенцией.

После опричнины Ивана Грозного и событий Смутного времени большинство «сильных» родов попросту вымерли. Их места занимали представители провинциального дворянства, родичи царских жен и видные выдвиженцы, лишь волею государя вознесенные из «худородства» в состав Боярской думы. Таким образом, генеалогический состав боярства постепенно изменялся в сторону преобладания «худородных» по меркам XVI в. фамилий. Одновременно с этим, укрепление российского абсолютизма при царе Алексее Михайловиче все более и более превращало Боярскую думу в рабочий аппарат управления, лишая ее какой бы то ни было самостоятельности. Однако по-прежнему боярство вплоть до петровской ломки государственного уклада Российского государства являлось ведущей политической силой, без которой царь не мог вести гражданское управление или военные действия.

Занимая высшие ступени в государственной иерархии, боярство стремилось извлечь из своего положения максимальную пользу. Не случайно в XVII в. бояр называли «сильными людьми» и безуспешно жаловались государю, что на «сильных людей» нет управы. Имея в руках рычаги управления страной (возглавляя приказы, управляя городами и осуществляя суд), бояре имели возможность бесконтрольного обогащения. Лишь самые богатые или, напротив, религиозные и совестливые могли позволить себе не брать «посулов», взяток, подношений и т. д. Например, владелец огромных вотчин (9083 крестьянских двора) князь Михаил Яковлевич Черкасский славился своей неподкупностью и в 1697 г. был отправлен воеводой в Тобольск. Царь был уверен, что боярин не разорит сибиряков поборами. Современник Черкасского, боярин князь Никита Семенович Урусов, обладавший гораздо меньшим состоянием, напротив, активно использовал воеводство на Двине. Поборы воеводы

в фантастическую по тем временам сумму в 1500 рублей с уезда и 550 рублей с города в год были не по силам даже богатым двинянам. Характерно, что в ответ на злоупотребления воеводы (а Урусов не только грабил двинян, но и приказывал недовольных избивать батогами) царь лишь запретил ему брать чрезмерные поборы, но никакого наказания не возложил. Для русского Средневековья практика, когда воевода кормился поборами с местных жителей, была обыденной, и часто царь определял отличившихся бояр или служилых людей на «хлебные» воеводства в качестве награды.

Несчастное население было вынуждено сверх установленных налогов и податей кормить еще и ненасытного воеводу, на которого, если тот был боярин, «и управы сыскать было не мочно». Но когда чаша терпения переполнялась, орудием мести становился бунт. В 1547 г. ненавистного народу боярина князя Ю. В. Глинского разъяренная толпа нашла в Успенском соборе. Не смущаясь святостью этого места, боярина выволокли на Соборную площадь и убили. Глинского не спасло даже то, что он приходился родным дядей юному царю Ивану IV. Спустя сто лет другой юный царь Алексей Михайлович со слезами «отмолил» у бунтовщиков жизнь своего любимого «дядьки» (воспитателя) Б. И. Морозова. Морозова срочно отправили в ссылку, подальше от народного гнева, но его приспешников, грабивших народ, Леонтия Плещеева и Никифора Траханиотова, царь был вынужден отдать москвичам на расправу. Кровавый след в истории многих знатных родов оставили события стрелецкого восстания в мае 1682 г. Тогда взбунтовавшиеся стрельцы изрубили боярина А. С. Матвеева, князей Ю. А. и М. Ю. Долгоруковых, князя Г. Г. Ромодановского, бояр И. К. и А. К. Нарышкиных и многих других. Припомнили им не только принадлежность к клану Нарышкиных, врагов старообрядчества, но и многочисленные притеснения и поборы. Впрочем, правящее сословие такие жестокие уроки быстро забывало. Потому и XVIII в. оказался не менее «бунташным», чем его предшественник.

И все же не только лихоимством и казнокрадством прославилось боярство за свою почти тысячелетнюю историю (последний русский боярин князь И. Ю. Трубецкой скончался в 1750 г.). В качестве эпитафии русскому боярству, сыгравшему огромную роль в становлении и развитии Российского государства в XIV–XVII вв., уместно привести слова великого князя Дмитрия Донского, адресованные боярам, верным советникам и боевым товарищам: «Ведаете каков обычай мой есть и нрав, родился пред вами, и при вас возрос, и с вами царствовал, землю Русскую держал 27 лет… и мужествовал с вами на многие страны, и противным был страшен в бранех, и поганыя низложил с Божиею помощью и врагов покорил. Великое княжение свое вельми укрепил, мир и тишину земле Русской сотворил… Вы же не нарекались у меня боярами, но князьями земли моей…»

«И умер, Сицких пересев»

В истории боярства одна из самых загадочных страниц – местничество. В начале XXI в. спор о том, кто «выше» сядет, представляется абсурдым. В местничестве можно увидеть только чванство и дикость. На самом деле, это явление было очень сложным и играло важнейшую роль в сохранении определенного баланса сил в правящей элите Московского государства.

Ругать местничество стали уже во второй половине XVII в., когда оно во многом стало анахронизмом. В 1682 г. оно

было отменено, а разрядные книги по которым велся местнический «счет», торжественно сожжены. Для деятелей эпохи Просвещения местничество и хвастовство своим происхождением было дикостью:

Разница потомком быть предок благородных,
Иль благородным быть. Та же и в свободных

И в холопех течет кровь, та же плоть, те же кости
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы,
И чужих обнажена красных перьев галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.

Писал князь Антиох Кантемир, младший современник Петра I, и сам, между прочим, потомок молдавских господарей. Спустя столетие, А. С. Пушкин вспоминал местничество с мягкой иронией, но без осуждения:

Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под страшный гнев,
И умер, Сицких пересев.

А вот историки второй половины XIX – начала XX столетия уже проявляли к местничеству больший интерес. Демократически настроенной профессуре хотелось видеть в местничестве попытку сопротивления абсолютизму. Пусть даже и столь ограниченную сословными принципами. Однако внимательное изучение этого явления вызвало разочарование. Местничество оказалось своеобразной «Табелью о рангах» XVI–XVII столетий – в запутанной иерархии счетов, среди споров о том, кто «выше», боярство и не думало отстаивать какие-то привилегии, а лишь слепо взывало к «старине», освященной обычаем. Ключевский отмечал, что местничество проникнуто «политической беспечностью» и отсутствием «вкуса к власти». Великий историк отмечал, что местничество ослабляло силы и общества и государства, и уж точно не имело ничего общего с аристократическим протестом рыцарства, из которого родились западноевропейские демократические свободы. Разобрались историки в этом сложном вопросе сравнительно недавно, и тогда выявилось, что местничество очень неоднозначное явление.

Принцип местничества заключался в распределении назначений на службу и для участия в дворцовых церемониях и мест за царским столом во время приемов и торжеств по происхождению человека («отечеству»), а не по его личным заслугам. «Отечество», «отеческая честь» зависели от родословной человека, служб его предков и его самого. Положение служилого человека определялось по отношению к его родичам и по отношению к представителям других родов. Представители старших ветвей рода и старшего поколения считались по местническому счету выше представителей младших ветвей и младших поколений. Дядя не мог быть назначен на менее значительную должность, чем племянник, и это правило распространялось и на их потомков. При воеводских назначениях «честее» считалась служба в большом полку, затем вторым по значению шел передовой полк, после него – полк правой руки, потом – полк левой руки, наконец, последним был сторожевой, или ертоул. При организации крупных воинских соединений – в походах или береговой службе – в полках бывало несколько воевод: первый воевода большого полка, второй воевода большого полка, третий воевода большого полка, первый воевода передового полка и т. д. Помимо счетов между однородцами, существовали гораздо более сложные счеты между различными родами. Каждое назначение считалось «случаем», и если, допустим, князь Кашин был выше Гагарина, а Гагарин выше Плещеева, то внук Кашина мог претендовать на

назначение выше племянника Плещеева. Таким образом, выстраивалась долгая цепочка «случаев», перечислявшихся каждый раз при спорах «о местах», возникавших между воеводами. При местнических спорах перечислялись «случаи», записанные в росписях служебных назначений («разрядах») за последние пятьдесят, семьдесят, а то и сто лет.

Вот, к примеру, фрагмент местнической челобитной князя Юрия Дмитриевича Хворостинина «царю Дмитрию Ивановичу», т. е. Лжедмитрию (1605):

«Велел ты, государь, мне, холопу своему, стоять у стола со князем Борисом Лыковым, и мне, холопу твоему, менши князь Бориса Лыкова быть не вместно: по вашей царской милости Лыковы с нами, холопи твоими, везде бывали безсловны, в менших товарищи, и с теми, которые с нами, холопи твоими, живут в пятых и в шестых; лутчей, государь, в родстве Оболенских и Лыковых боярин князь Юрьи Иванович Кашин менши был князя Петра Федоровича Охлябинина многими месты, а Охлябинины, государь, по вашей государьской милости с нами, холопи твоими, живут везде в товарищах. 7032-го (1525) году ходили воеводы из Козани в судех: в большом полку боярин князь Иван Федорович Белской, в правой руке в других князь Петр Федорович Охлябинин, в передом полку в других князь Василей Елецкой, в левой руке в других князь Василей Ушатой. А в 40, государь, в 9-м (1541) году князь Василей Чюлок Ушатой больши был князь Ивана Прозоровского двемя местами: на Коломе были воеводы – в большом полку боярин князь Ондей Иванович Шуйской, в правой руке в других князь Василей Васильевич Ушатой, в сторожевом полку в других Василей Борисов, в левой руке в других князь Иван Прозоровской. А в 52-м (1546) году князь Иванов меншой брат родной Федор Прозоровский болши был князь Юрьи Кашина…»

Всего же подробное перечисление различных воеводских назначений занимает три с половиной печатных страницы, но, к сожалению, исход этого спора неизвестен.

Начиная с XIV в. от легендарного местничества бояр Ивана Калиты и до 1694 г. историк Ю. М. Эскин учел 1717 случаев местничества. Некоторые из них решались быстро и просто. Для бояр, разбиравших спор, несостоятельность претензий челобитчика была очевидна, и наглец «выдавался головой» тому, на кого бил челом. По мнению С. Б. Веселовского, ничем особенным «выдача головой» не грозила – проигравший прилюдно просил прощения, а затем обида забывалась за чашей вина или меда. Но были и другие случаи, когда определить старшинство одного из спорящих не помогали никакие перечисления прецедентов – у каждой из сторон находились свои аргументы. В таких случаях царь отзывал обоих участников спора от назначений.

Бояре и служилые люди цепко держались за местничество. Доходило даже до прямого неповиновения царской воле. Тогда бояр и воевод, сопротивлявшихся «невместному», по их мнению, назначению привозили на службу «скованна» или прямо из дворца отправляли в тюрьму. Местнические споры и вызванные ими проволочки снижали оперативность действий и боеспособность русской армии. Не раз заместничавшие воеводы или даже головы оказывались не готовы к отражению внезапного наступления неприятеля. Однако потерпеть поражение для служилого человека было не столь позорно, как уступить в местнической иерархии. Такая «поруха чести» тяжело переживалась служилыми людьми. Один из видных опричников Ивана Грозного Михаил Безнин, проиграв местнический спор, хотел от обиды постричься в монахи. Видный воевода Бориса Годунова Петр Федорович Басманов, узнав, что он назначен «ниже» князя Телятевского, «патчи на стол, плакал горько». Именно местническая обида и подтолкнула Басманова к измене царю Федору Годунову. За назначениями и местническими «случаями» служилого человека внимательно следили его родственники. Так, один из князей Оболенских не захотел местничаться со своим близким другом, однако другие Оболенские обратились с челобитьем к государю, жалуясь, что князь «тем своим воровским нечелобитьем всеми их роду князей Оболенских поруху учинил».

Однако представлять местничество исключительно как боярскую привилегию было бы

неверно. С. Б. Веселовский отмечал, что местнический распорядок «ограничивал княжеский произвол» и одновременно «обуздывал и дисциплинировал дружинника», поскольку люди Средневековья «не верили в исключительные таланты и не ценили их», ведь «тогдашняя служба требовала от человека не исключительной талантливости и ярко выраженной индивидуальности, а знаний и навыков в ратном деле, выносливости и мужества, доступных рядовому служилому человеку». С обстоятельным исследованием «Местничество и абсолютизм: постановка вопроса» выступил в 1964 г. С. О. Шмидт. С. О. Шмидт показал: местничество, сформировавшееся в условиях сохранения в едином Российском государстве остатков феодальной раздробленности, являлось «компромиссом центральной власти с верхушечными группировками феодалов и этих группировок между собой». Появление на великокняжеской службе знатных княжат позволяло нетитулованным боярам состязаться с ними только на служебной лестнице. В этой борьбе старомосковское боярство опиралось на волю государя как на регулятор служебных взаимоотношений. В свою очередь, княжата при помощи местничества стремились удержать свои наследственные привилегии и в какой-то мере «сковывали инициативу центральной власти». «Таким образом, княжата и бояре искали в местничестве защиту от центральной власти и от конкуренции других „больших“ людей, а центральная власть – защиту от крупных феодалов». Местничество по существу заменяло родовую честь служилой и приравнивало потомков удельных князей к нетитулованным боярам в их отношении к государевой службе. В этом оно служило интересам государства. С другой стороны, местничество поддерживало определенный иерархический порядок в правящем сословии, ограничивало фаворитизм и произвол правителя, чем было выгодно боярству. Не случайно даже Иван Грозный был вынужден считаться с местнической традицией и для того, чтобы приблизить к себе своих любимцев-опричников вроде Скуратова и Грязного, был вынужден создать практически новую категорию служилых людей – думных дворян.

Попытки ограничить местничество предпринимались центральной властью начиная с середины XVI в. При критических ситуациях царь издавал указ воеводам «быть без мест» и назначения в этих походах не считались «случаями». Было принято «безместие» и на заседаниях Боярской думы. В 1550 г. было запрещено местничаться «новикам», т. е. только что вступившим в службу людям, и ограничена возможность для местничества воеводам, находящимся в походах и на «берегу». Царь указал считаться местами первым воеводам полков между собой, вторым воеводам полков между собой и первым воеводам со вторыми. Вторым воеводам с первыми воеводами других полков местничаться было запрещено.

Ко второй половине XVII в., когда количество служилых родов значительно возросло, местничество стало восприниматься исключительно как помеха. Оно утратило значение регулятора во взаимоотношениях между царем и боярскими группировками (активно использовавшееся в борьбе за укрепление своей власти Борисом Годуновым) и одновременно распространилось среди провинциального дворянства. Местничество «захудалых» городовых дворян вызывало справедливый гнев царя и бояр, поскольку грозило полностью дезорганизовать государственное управление и военную службу.

Инициатором отмены местничества стал просвещенный боярин князь Василий Васильевич Голицын, при царевне Софье ставший ее фаворитом и соправителем. 12 января 1682 г. «Богом ненавистное враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее» местничество было отменено особым соборным приговором. Разрядные книги были сожжены, но одновременно было принято решение о составлении новых родословных книг, в которых отразились бы «честные службы» родов. Для этого создали особую Палату родословных дел, деятельность которой завершилась составлением «Бархатной книги».

Дети боярские

На протяжении XIV–XVII вв. шел процесс постепенного превращения дворянства в единое сословие. Первоначально «служилые люди» были весьма пестрой категорией. Свои бояре и «воинники» были у больших и крупных феодалов, как светских, так и духовных, – великого князя московского, удельных великих князей (рязанского, тверского, суздальско-нижегородского) и просто удельных, а также у митрополитов (позднее – патриархов) и даже епископов. Вплоть до второй половины XV в. сохраняло свою обособленность новгородское боярство, и до начала XVI в. – псковское.

Даже после объединения Руси в числе «государевых холопей», т. е. дворян, были и служилые князья со своими военными отрядами в сотню и более человек с остатками уделов, где они взимали пошлины и вершили суд, а были и «однодворцы», чье состояние ограничивалось гектаром бесплодной земли, парой худых изб, горбатой клячей и дедовской саблей.

В XVI в. начинают формироваться провинциальные корпорации служилых людей – «городовое» дворянство. Смутное время способствовало их консолидации и в определенной степени зародило в них стремление к самостоятельности. В 1620-е гг. частым явлением стали волнения членов дворянских корпораций, направленных на защиту своих интересов от «сильных людей», бояр. Позднее дворяне одного уезда часто объединялись, добиваясь сыска беглых крестьян или решения других животрепещущих вопросов.

Судьбы и происхождение местных корпораций были различны. Например, новгородское дворянство по большей части было новым и происходило от землевладельцев, посаженных Иваном III после конфискации обширных вотчин новгородского боярства. Напротив того, рязанские роды восходили к местному боярству XIII–XV вв.; эта корпорация была замкнутой, весьма уважаемой и сильной. В Смутное время рязанские дворяне во главе с Прокопием Ляпуновым составили ядро Первого ополчения. Активно отстраивавшаяся в конце XVI в. южная линия обороны требовала своего служилого сословия, и в этих краях воеводы верстали поместьями (раздавали поместья) представителей низших сословий – казаков, бывших (порою беглых) холопов, разорившихся купцов и ремесленников, а то и крестьян. Провинциальных дворян чаще всего и именовали по тому уезду, где находились их вотчины: костромичи Писемские, галичане Котенины, рязанцы Вердеревские и т. д.

Собственно единого названия для дворянства в XV–XVII вв. не было. Вместо термина «дворянство» писали и говорили: «служилые люди по отечеству» или «дети боярские» («сыновья боярские»). Даже в первой половине XVIII в. фигурировал заимствованный из Польши термин «шляхетство», и лишь со второй половины XVIII в. после завершения процесса формирования сословия появляется термин «дворянство», а понятие «дворянин» становится важным социальным признаком. Но, несмотря на пестроту своего состава, дворянство в XV–XVII вв. (и позднее, вплоть до реформ Александра II) объединялось одной важнейшей чертой – правом владеть населенными землями и пользоваться результатами труда земледельца.

Землевладение служилых людей было представлено двумя формами: вотчина и поместье. Вотчина, как о том свидетельствует сама форма этого слова, являлась наследственным, «отеческим» владением. Вотчинное землевладение, возможно, уходит своими корнями еще в домонгольскую эпоху. Другим его источником были княжеские пожалования за верную службу. Согласно средневековым представлениям, владельцем всей земли был государь – великий князь, а затем царь. Он и жаловал бояр и дворян вотчинами. Наконец, вотчины покупали, и чаще всего у других землевладельцев. Поместье же, напротив, было временным и отчуждаемым земельным наделом. Его давал государь служилому человеку, и только за службу, о чем уже говорилось выше. Однако и поместье, и вотчина, как это было установлено «Уложением о службе», введенном в 1555–1556 гг., обязывали к несению военной службы. По первому же требованию землевладелец был обязан явиться в поход

«конно, людно и оружно». «Уложение» определяло, что с каждых 100 четвертей (четверть составляет немногим более 0,5 гектара) «доброй земли» землевладелец был обязан выставить на смотр одного конного воина в полном вооружении, а в дальний поход – воина с двумя лошадьми. За исполнение норм «Уложения…» выдавалось жалованье, за их перевыполнение – премия. В противном случае провинившегося ждали штраф и даже конфискация поместья.

Для определения боеспособности русской армии ежегодно проводились войсковые смотры. Вот как описывает их Сигизмунд Герберштейн: «Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у каждого лошадей и слуг. Затем, как сказано выше, он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по своему имущественному достатку, служат без жалованья».

Средний дворянский поместный оклад составлял от 100 до 500 четвертей, и, следовательно, за каждым дворянином выходили на службу от одного до пяти «боевых холопов». Естественно, жизнь вносила свои коррективы в определенные законом правила. Так, по документам дворянского смотра 1632 г., костромской дворянин Федор Беляницын Зюзин с 347 четвертей поместья и вотчины обязался выехать «сам на коне», выставить воина на коне да с запасным конем и двух человек в обоз (т. е. пехотнинцев). А суздалец Иван Андреевич Колобов с 466 четвертей поместья, кроме себя, выставлял двух всадников, а не четверых, как положено по «Уложению». Правда, колобовский «человек» выезжал на поле боя «с пищальми», а зюзинский явно был вооружен более скромно.

Поместная система комплектования войска была выгодна для казны, но не всегда эффективна. Бывало, что дворяне пытались уклониться от службы, отсиживаясь в поместьях, либо не ехали на сбор, отговариваясь разорением (что могло и соотвествовать действительности). Почти каждому походу предшествовали долгие сборы воеводами служилых людей, опоздание из-за того, что «дети боярские к сроку не собрались», недокомплект в полках. «Нетчиков» сыскивали и, бив кнутом, отправляли на службу.

Некоторые дворяне пытались навсегда избежать кровавую ратную повинность и спрятаться за «сильных людей». По источникам XVI в. известен даже князь Шелешпанский (из Белоозерских Рюриковичей), умерший «в холопех». Правительство было строгим по отношению к подобным ренегатам. Указ 1621 г. гласил: «Которые дворяне, не хотя государевой службы служити, воровством из службы побежали, и иные, покиня поместные и вотчинные земли, били челов в дворы к боярам и всяких чинов людяи и кабалы служилые на себя дали и в дворах поженились на крепостных девках: и тех, всех, с женами и детьми, указал государь и бояре приговорили, из боярских дворов взяти в службу и написати в городы по поместью и по вотчине».

Дворянская поместная конница составляла ядро вооруженных сил России начиная с конца XV в. до второй половины XVI в. Для России того времени это был самый экономичный способ содержания армии. Русские государи не могли платить денежное жалованье войску, как это делали западноевропейские монархи, поскольку из-за отсутствия в России залежей драгоценных металлов, объем денежой массы в стране был крайне мал. Поэтому армию и перевели на содержание за счет населения. Это было справедливо, ведь именно крестьянина защищал от «злых татар» его помещик. Однако чаще всего татарин был далеко, а свой барин рядом и требовал зерна или денег, а если по тем или иным причинам не получал, то избивал, сажал в домашнюю тюрьму и т. д. Таким образом, возникал серьезный конфликт, который до поры до времени удавалось снимать благодаря праву крестьянского «выхода» в Юрьев день.

Согласно Судебнику Ивана III (1497) крестьянин имел право покинуть место жительства и землевладельца за неделю и спустя неделю после «Юрьева дня осеннего», отмечавшегося 26 ноября. На праздник святого Георгия Победоносца, завершив сбор урожая и расчеты с помещиком, крестьянин мог, погрузив семейство и нехитрый скарб на телегу или сани, двинуться на поиски лучшей доли, хотя бы и на сам «Камень» (Уральские горы).

Таким образом, Юрьев день играл роль регулятора крестьянского недовольства, позволяя избежать его более крайних проявлений. Жестокий помещик мог остаться без крестьян, зато его сосед, со вниманием относящийся к крестьянским нуждам, напротив, заселял свои земли и богател. Вероятно, именно так и развивались события в сравнительно благополучном XV в., но спустя столетие ситуация резко изменилась. В конце XVI в., после страшного разорения центральных уездов от опричнины, налогов и эпидемий, крестьяне стали в массовом порядке бежать со своих земель, благо открылись возможности заселения Юга России, Поволжья и Вятки. Помещики, лишившись крестьян, разорялись, а это уже ставило под угрозу обороноспособность государства. И тогда правительство было вынуждено ограничить право крестьянского «выхода», сначала на некоторое время (эти годы получили название «заповедных лет»), а затем временная мера превратилась в постоянную, и крестьяне оказались прикрепленными к определенным территориям, закрепощенным без права изменить свою судьбу.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», – разочарованно приговаривали мужики в эпоху Бориса Годунова. Крестьянству, находившемуся в самом низу социальной иерархии, пришлось хуже всего. Шаг за шагом в XVII–XVIII вв. процесс закрепощения привел к превращению основной массы населения Российской империи в бесправное сословие рабов, которых владелец-дворянин мог купить, продать, изувечить, сослать на каторгу…

На «государевой ратной службе»

В Средние века право на владение землей дворянство оправдывало самоотверженной ратной службой. Военная история России XV–XVII вв. – русско-литовские войны, взятие Смоленска и Северской земли, покорение Казани, Астрахани и Сибири, длительное противостояние Крымскому ханству, борьба со Швецией и Речью Посполитой во время Ливонской войны – тесно связана с дворянством.

Как уже говорилось, основой русской армии было поместное ополчение – конница, собиравшаяся каждый раз по призыву для военного похода. Дворянин, не являвшийся на службу, лишался поместья. Если большинство дворян служили в поместной коннице, вместе со своими боевыми холопами составляя основной состав рядовых, то знать и верхушка служилого сословия были воеводами и головами, старшими и младшими офицерами.

Согласно военной тактике XIV–XVII вв. войско делилось на четыре больших полка: большой полк (находился в центре), полк левой руки (на левом фланге), полк правой руки (на правом фланге), передовой полк, или ертоул (в авангарде). Со второй половины XVI в. к войску часто прибавлялся и «наряд» – артиллерийский полк. Чаще всего в каждом полку было по два воеводы, в особо крупных походах – по три. Голова был более низшим чином. Он командовал отдельными отрядами стрельцов, служилых татар, руководил артиллерией («голова у наряда»), сторожевыми отрядами на южных границах («сторожевой» и «станичный» головы).

Воевода выделялся своим богатым вооружением и знаками власти – булавой или шестопером. Англичанин Д. Флетчер, опубликовавший в 1591 г. сочинение о России, так описывает внешний облик воеводы: «У военачальника и других главных предводителей и знатных лиц лошади покрыты богатою сбруей, седла из золотой парчи, узды также роскошно убраны золотом, с шелковой бахромой и унизаны жемчугом и драгоценными камнями; сами они в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали, сверх которой обыкновенно надевают еще одежду из золотой парчи с горностаевой опушкой; на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч, лук и стрелы, в руке копье с прекрасным нарукавником, и перед ними везут шестопер, или начальничий жезл». В походе и бою рядом с воеводой везли знамя с изображением святого Георгия и большой барабан, в который били,

подавая знак к атаке.

Вооружение рядовых дворян было гораздо скромнее. По описанию другого иностранца, Сигизмунда Герберштейна (1549): «Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор и палка… которая по-русски называется кистень… Саблю употребляют те, кто познатнее и побогаче. Продолговатые кинжалы, висящие, как ножи, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукоятки и схватить ее в случае надобности… Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи, весьма у немногих есть шлем, заостренный кверху наподобие пирамиды…» Спустя сто лет после Герберштейна, вооружение русских дворян почти не изменилось, разве что у них появились пищали. По данным описи 1632 г., рядовые дворяне воевали «в збруе, в латах и в шишаке», «с пищалью», «в саадаках» (саадак – футляр, в который помещается лук с колчаном), «в саблях».

Повествуя о военной службе дворян, Герберштейн пишет: «Отдых дается им редко, ибо государь ведет войны то с литовцами, то с ливонцами, то со шведами, то с казанскими татарами, ибо даже если он не ведет никакой войны, то все они ежегодно по обычаю ставят караулы в местностях около Танаиса (Дона. – С. Ш.) и Оки числом до двадцати тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских (крымских. – С. Ш.) татар».

Особо отмечает Герберштейн выносливость и неприхотливость русских ратников: «Тот, у кого есть шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется в качестве подъемной или вьючной только одной из них, на которой везет все необходимое для жизни. Это прежде всего толченое просо в мешке длиной две-три пяди, потом восемь-десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собой топор, огниво, котелки или медный чан, и если он случайно попадет туда, где не найдется ни плодов, ни чесноку, ни луку, ни дичи, то разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит; довольствуясь такой пищей, живут и господин и рабы… Если же господин пожелает роскошного пира, то он прибавляет маленький кусочек свинины…»

Вторит Герберштейну и англичанин Ричард Ченслор, прибывший в Россию при Иване Грозном: «Думаю, нет под солнцем людей, способных к столь суровой жизни, которую ведут русские. Хотя они проводят в поле по два месяца после того, как земля промерзнет уже на аршин, рядовой воин не имеет ни палатки, ни чего-либо иного над головой; обычная их защита против непогоды – войлок, выставляемый против ветра и бури; когда навалит снегу, русский воин сгребет его и разведет огонь, около которого ложится спать».

Свидетельства о военных подвигах русских людей той эпохи – как воевод, так и рядовых дворян – редко содержатся в русских источниках. Люди русского Средневековья не любили кичиться подвигами и выделяться из общей массы «государевых холопов». Однако есть и исключения из этого правила.

Знаменитый антагонист Ивана Грозного князь Андрей Курбский так описывает подвиги своего брата Романа во время Казанского взятия 1552 г.: «Потом, рассказывают, подоспел брат мой, который… первым взошел на городскую стену, он застал неприятеля еще на середине луга и, взнуздав коня, врезался в первый строй их полка, да так мужественно и храбро, как и подобает истинному христианину, и двукратно проехал через все войска, топча их конем и посекая, чему все были свидетелями… Брата ранили пятью стрелами в ноги, кроме иных ран, но он остался жив благодаря Божьей благодати и крепким доспехам. Мужественное сердце было у моего брата, так, что даже конь его упал и с места двинуться не мог, он взял нового коня у одного дворянина… и не вспоминая о своих тяжелых ранах и пренебрегая ими, гнал полк бусурманский вместе с другими воинами, рубя их до самого болота…» Курбский не лгал, описывая подвиги и ранения брата – князь Роман умер на следующий год после взятия Казани, так и не оправившись от тяжких ран.

О военной доблести и боевых ранах свидетельствуют прозвища многих служилых людей XVI–XVII вв. – князь Иван Борисович Тугой Лук Суздальский, Григорий Криворот Сорокоумов-Глебов (носил прозвище от раны, полученной в 1442 г. в бою с татарами), князь Иван Телеляш (Лихач) Ромодановский, князь Михаил Голица Куракин (голица – рукавица, по преданию, получил это прозвище потому, что перед боем надевал рукавицу только на одну руку), князь Иван Буйнос (Удалец) Ростовский, Василий Вострая Сабля, князь Никита Сеченая Щека Гагарин…

Родословцы и синодики (поминальные книги) пестрят именами служилых людей, убитых в различных походах и сражениях. До глубокой старости дворянин сражался на государевой службе, и если доживал до отставки, то выходил на покой дряхлым, увечным и «посеченным» в боях.

Возьмем, к примеру, провинциальный дворянский род Болотовых, предков знаменитого мемуариста и энциклопедиста Андрея Тимофеевича Болотова (1738– 1833).

В 1622 г. на смотру Горяин Васильевич Болотов явился «стар и увечен», и вместо него определен в службу его сын Безсон. Вероятно, что увечья Горяин получил в боях в эпоху Смуты.

Безсон, выступивший с отцовского поместья «на коне в саабаке и в сабле, да человек с ним с возом», в 1632–1634 гг. участвовал в неудачной осаде русскими войсками Смоленска и вскоре умер. О судьбе другого сына Горяина, Дорофея, его вдова писала в челобитной: «Будучи на твоей государевой службе, занемог, и привезли его с твоей государевой службы больного и в нынешнем, государь, во 155 (1647) году после Богоявленьева дни на завтрея мужа мово не стало».

Хлебнул горя и младший сын Горяина, Еремей. В 1660 г. он вместе с боярином Василием Борисовичем Шереметевым в бою под Чудиновым был взят в плен татарами и провел в плену целых 22 года. Вернулся Еремей на пепелище – его сына Филимона убили казаки Разина, другой сын, Иван, в 1668 г. также был пленен татарами и умер в плену, а жена и дочь Олена погибли в 1666 г. при нападении разбойников.

Внук Горяина Кирилл Ерофеевич участвовал в Русско-польской войне 1654–1667 гг., был ранен под Нежином и Конотопом, отличился в бою с войском гетмана Сапеги, в 1678 г. участвовал в Чигиринском походе, а в 1687 г. – в Крымском. В челобитной царю Алексею Михайловичу, исчисляя заслуги своего рода, Кирилл указывал, что его «дядьев и братьев родных на службах побито и в полон имано двенадцать человек». Брат Кирилла, Гаврила, также отличился под Конотопом и на «Сапегином бою», участвовал и в Чигиринском походе. Их двоюродный брат, Емельян Безсонов, сложил свою голову в бою под Могилевом в 1655 г.

Воевали Болотовы и во всех последующих войнах, которые вела Россия вплоть до Первой мировой войны. Однако этот пример не уникален. Большинство русских дворянских родов ведут славную летопись ратных подвигов предков.

Царский двор

Наряду с военной службой не меньшим уважением в XVI–XVII вв. пользовалась и придворная. Существовали различные чины и должности, которые царь жаловал служилым людям как награду или знак доверия.

Вершину лестницы этих чинов составляла Боярская дума. Она состояла из четырех степеней. Высшим был чин или звание боярина. Наиболее близким к царю боярам жаловался чин «ближнего боярина». Вторым чином Боярской думы был окольничий. Впервые должность окольничего упоминается в 1284 г. Возможно, что первоначально окольничьи были наместниками и судьями в отдельных (окольных) областях. Как и бояре, окольничьи возглавляли приказы, управляли войсками и городами в чине воевод, правили посольства и вели переговоры с иностранными дипломатами.

Третье место в Думе занимали думные дворяне. Эта категория возникла при Иване Грозном. Даже грозный царь не мог преодолеть силу традиции и сделать своих худородных любимцев, Малюту Скуратова и Василия Грязного, боярами или окольничими. Тогда он ввел новый чин думного дворянина. В дальнейшем его получали незнатные приближенные или родственники царя по линии жены. Наконец, младшими в Думе были думные дьяки. Во время ее заседаний они даже не имели права сидеть. Однако при этом значение думных дьяков было необыкновенно велико. Они вели все делопроизводство Думы, оформляли ее указы, наблюдали за архивом и т. д. Среди думных дьяков многие не являлись представителями дворянского сословия. Вообще дьяческая бумажная служба не пользовалась уважением у дворянства. Но думные дьяки были образованными людьми, опытными администраторами и тонкими политиками, и в управлении страной они значили больше, нежели многие из бояр.

Отдельно от Боярской думы существовал обширный штат придворных чинов, который веками складывался на основе еще ближайшего круга слуг древнерусского князя. Главой дворцового ведомства был дворецкий. Еще у московских князей XIV–XV вв. дворецкий был главой княжеского хозяйства, ведал доходами с вотчин, княжеским столом и обиходом, штатом дворцовых слуг. Те же функции перешли и на дворецких XVI–XVII вв., с той лишь разницей, что царский двор был гораздо пышнее княжеского.

Другие придворные чины XVI–XVII вв. также ведут свое происхождение от княжеского двора XIV и более ранних столетий. Особое место среди них принадлежало конюшему. Первоначально эта должность состояла в том, чтобы ведать великокняжеской конюшней. Однако в XVI в. за должность конюшего боролись наиболее видные бояре. Конюшим был фаворит Елены Глинской князь Иван Федорович Телепнев Овчина Оболенский, в конце 1540-х гг. им стал дядя царя – князь Михаил Васильевич Глинский. В конце XVI в. конюшим был Борис Годунов, а при Лжедмитрии I – мнимый дядя царя Михаил Федорович Нагой. Наконец решением Земского собора 1612 г. должность конюшего была упразднена, поскольку ее носитель представлял угрозу для государства.

Чем же отличался конюший от других чинов царского двора? Писатель XVII в. Г. К. Котошихин сообщает: «А кто бывает конюшим, и тот первый боярин чином и честью; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем, кроме того конюшего иному царем быти некому, учинили б его царем и без обирания (избрания. – С. Ш.)». Таким образом, конюший считался как бы наследником царя. Как можно видеть, не случайно Борис Годунов взошел на престол с должности конюшего.

После отмены этой должности заведовать царской конюшней стали ясельничьи (название этой должности происходит от слова «ясли» – кормушка для лошадей). Ясельничьи уже ничем не выделялись среди других придворных чинов.

Царская охота состояла в ведении ловчего и сокольничего. Первый занимался организацией зверовой охоты – облав на волков, лис и зайцев, охот на медведя и потех с медведями, когда для царского удовольствия удальцы вступали в единоборство с этим мощным зверем. Сокольничий занимался птичьей – ястребиной и соколиной – охотой. Особенно возросло значение сокольничего при царе Алексее Михайловиче, который был большим любителем соколиной охоты и даже написал руководство по ее ведению – «Урядник сокольничего пути». При царе Алексее должность сокольничего занимал такой же ярый охотник Афанасий Иванович Матюшкин, приходившийся по матери двоюродным братом государю. Среди эпистолярного наследия царя письма к Матюшкину занимают значительное место. Царь интересовался делами на Сокольничем дворе, требовал отчета о состоянии здоровья своих любимцев – соколов и кречетов, – обсуждал с ловчим подготовку к предстоящим охотам, а ежели доводилось охотиться без Афанасия Ивановича, то отправлял ему подробные отчеты о том, как проходило это действо.

Оружничий ведал хранением и изготовлением царского оружия. Ему подчинялись мастера царских Оружейной, Золотой и Серебряной палат. Обычно оружничьими назначались знатоки изящного, поэтому часто они следили не только за производством оружия, но и за другими художественными работами, которые исполнялись по царскому заказу – росписями церквей, шитьем платья, оформлением царских палат. Должность оружничьего занимали лица, близкие к государю. При Иване Грозном им был его любимец Богдан Бельский, племянник кровавого Малюты, а при Алексее Михайловиче – Богдан Матвеевич Хитрово, пользовавшийся особым доверием государя.

Из других должностей следует выделить постельничего. Постельничий не только блюл царскую постель, состоящую из множества тюфяков, подушек, одеял и драгоценных покрывал, но и занимался тайным сыском. Во время царских приготовлений ко сну в тайне и тишине, постельничий излагал государю сведения, не предназначенные для лишних ушей.

В обязанностях кравчего состояла организация царских пиров, за которыми он прислуживал государю, и рассылка в торжественные дни угощения, пожалованного царем послам, боярам и людям иных чинов. Помощниками кравчего были стольники – один из самых многочисленных придворных чинов. Они наливали вина во время пиров и «смотрели в стол», т. е. распоряжались порядком за отдельными столами на царских пирах. С должности стольника обычно начинали службу молодые люди из знатных семей. Как и бояре, стольники могли быть «ближними» или «комнатными» – это звание показывало особую степень доверенности государя. Став стольником, служилый человек не оставался до конца дней привязанным к кувшинам и чаркам. Так же как и боярство или окольничество, должность стольника была и должностью, и званием. Стольник мог быть назначен воеводой во время походов или городовым воеводой.

Некоторые из стольников пользовались особым доверием царя. Они именовались «ближними» стольниками (как были «ближние» бояре и окольничьи) и назначались спальниками. Спальники помогали царю разоблачиться перед сном и спали в его покоях, охраняя и ночью.

Существовали и почетные телохранители государя – рынды, символизировавшие «чин государский, да и грозу». В рынды выбирали наиболее красивых и видных юношей из боярских семей. Во время дипломатических приемов или царских пиров они стояли за троном, одетые в белое платье, с золотыми топорами в руках. В походах рынды исполняли должность царских оруженосцев. В записях о тех или иных походах упоминаются «рында у копья» или «рында с саадаком», т. е. рында, хранивший набор из лука и стрел в общем колчане, т. е. саадаке.

Ниже чина стольника находился чин стряпчего. Во время торжественных церемоний стряпчие участвовали в процессии, на пирах наравне со стольниками прислуживали за столом, помогали при облачении государя, подавая ему платье и прочую «стряпню». Как и в случае со стольниками, чин стряпчего являлся вместе с тем и званием. Стряпчие также исполняли и другие службы – были воеводами, командовали военными отрядами, участвовали в посольствах и т. д.

Наконец, в самом низу придворной иерархии находились жильцы. Посменно по 40 человек они жили на государевом дворе, охраняя его. Придворные чины от стряпчего и выше давались только избранному московскому дворянству (около двух сотен фамилий), а чин жильца уже могли получить и провинциальные, городовые дворяне. Для них служба в жильцах открывала дальнейшую дорогу наверх для себя и для потомков.

Царский двор, особенно в периоды его расцвета – в конце XVI в. и во второй половине XVII в., – поражал иностранцев. На посольских приемах сотни придворных выстраивались в почетном карауле в Кремле и в царском дворце и рассаживались по лавкам в палате, где проходила аудиенция, блистая золотым шитьем и драгоценным мехом одеяний, многие из

которых выдавались специально для этого случая из казны.

Вот, например, как описывает посольский прием курляндец Яков Рейтенфельс, побывавший в России при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче: «Когда же наконец послы отправляются во дворец для изложения пред царем своих поручений, то снова до ворот дворца им предшествует многочисленный отряд всадников, великолепно убранных, несколько рот пехоты, а также и большие пушки, везомые в несколько длинных рядов… Пройдя ворота, христиане входят далее во внутренние покои иною дверию, нежели магометане и язычники, сквозь тесную стражу телохранителей: тут важно сидят много внушительного вида пожилых мужей, занимающих различные должности при царе, в высоких башнеподобных шапках и великолепных, золотом расшитых, одеждах. Каждый раз как послы входили в какую-либо комнату, двери за ними запирались, пока наконец, пройдя их несколько и сняв предварительно с себя шпаги, они предстали перед царем, сидящим на пышном троне; перед ним стоял длинный ряд бояр в замечательно роскошных одеждах. Позади царя стояли два молодых спальника в одеждах из серебряной парчи, в высочайших шапках, сшитых из лисьих шкур: один держал в руке секиру, а другой – булаву…»

Потомки Рюрика, Гедимина и Чингисхана

Уже к концу XVII в. этнический состав российского дворянства был довольно пестрым. Помимо коренного русского дворянства, в его состав вошли также выходцы из служилого сословия татарских ханств, включенных в состав России, – Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымского. Первоначально большинство из них получали в России княжеские титулы. Татарский дворянский титул «мурза» переводился в России как «князь». Павел I как-то спросил у своего приближенного Ф. В. Ростопчина (впоследствии прославившегося как инициатор пожара Москвы в 1812 г.), почему он, будучи потомком татар, не носит княжеского титула. «Ваше Величество, – отвечал Ростопчин, – тогда было принято, что если татарин выезжает на цареву службу летом, то получает княжеское звание, а если выезжает зимой – то теплую шубу. Мой предок выехал зимой и предпочел шубу». В этой шутке немалая доля истины. Впрочем, уже со второй половины XVII в. правительство стало относиться к татарским мурзам разборчивее и частенько лишало титулов даже тех, кто его уже получил или употреблял.

Родословные легенды русского дворянства пестрят легендами о «выездах» из самых разных стран, порою самых экзотических – Польши, Литвы, Германии, Священной Римской империи, Италии, Венеции, Шотландии, Золотой Орды… Едва ли не наибольшую смелость проявили в подобном мифотворчестве дворяне Супоневы, показавшие своим предком некоего «генералиссимуса Супа», занимавшего ни много ни мало королевский трон в Испании! Анекдотический случай произошел с одним из князей Кропоткиных (из смоленских Рюриковичей). Запамятовав о своем происхождении от Рюрика, он подал родословную, показывая своим предком знатного ордынского князя. Большинство подобных легенд – плод досужих домыслов московских книжников. В XVII в. иностранное происхождение стало модным, аристократ, не имевший какого-либо знатного предка-иноземца, смотрелся белой вороной среди товарищей.

Уникальное родословие составил на рубеже 1670–1680-х гг. митрополит тобольский Игнатий (в миру Илья Александрович Римский-Корсаков). Его «Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии… Корсаков-Римский» начинает историю этого дворянского рода от некоего ассирийского правителя Неврода, потомка Иафета, сына Ноя. Потомками Неврода оказывается множество богов античного и эллинистического пантеона, а прославленный Геракл (Гераклиус) – отцом Корса, владельца Корсики и прямого предка Римских-Корсаковых. Игнатий умудрился собрать в труде по истории своей фамилии все известные на Руси сведения по мифологии и истории Древней Греции и Древнего Рима, использовав

обширную литературу на греческом, латинском и польском языках.

И хотя в случае с Римскими-Корсаковыми их «римское» происхождение скорее всего легенда, документально установлены иностранные корни многих российских дворянских фамилий: греческие – графов Головиных и Траханиотовых, шотландские – Лермонтовых и графов Брюсов, ногайские – князей Юсуповых и Урусовых, африканские – Ганнибалов, кабардинские – князей Черкасских и Бековичей-Черкасских, армянские – Лазаревых (знаменитая династия героев-моряков), грузинские – князей Туркестановых и Давыдовых, еврейские – баронов Шафировых. В XVII в. при российском дворе даже появились князья хантыйского (Алачевы), мансийского (Сатыгины-Кондийские) и тунгусского (Гантимуровы) происхождения, а в конце XVIII столетия некие князья Порюс-Визапурские и вовсе выводили свой род от индийских раджей.

Знатнейшими родами в Российском государстве считались потомки Рюрика и Гедимина – основателей правящих династий на Руси и в Литве. Потомки Рюрика – легендарного предводителя варяжской дружины – правили в Древнерусском государстве, а после его распада на отдельные княжества составили местные династии. Московским князьям, потомкам Даниила Александровича, сына Александра Невского, удалось победить своих соперников – тверскую династию – и возглавить процесс объединения Руси.

Параллельно с объединением русских земель шло уничтожение и сокращение и самого московского княжеского дома. Дальние и ближние родичи представляли угрозу единодержавной политике великих князей московских. Василий II Темный, победив в тяжелой и длительной междоусобице (1425–1453) своих двоюродных братьев Дмитрия Шемяку и Василия Косого, сократил династию до одной только своей семьи. Сын и преемник Василия II Иван III продолжил борьбу за единоначалие, обратившись уже против родных братьев. Лишь двое из них были женаты и оставили детей. Вероятно, старший брат запрещал братьям жениться, чтобы семейное древо не разрасталось. Своего брата Андрея Большого Иван III приказал заключить в тюрьму, где тот и умер. Вместе с отцом попали в заточение его сыновья. Они провели в темнице всю жизнь – от детства до старости. Младший из них, князь Дмитрий Андреевич, провел в заточении целых 49 лет, был освобожден уже стариком (по меркам той эпохи) и вскоре умер.

Это привело к угасанию московской линии Рюриковичей в конце XVI в. Иван Грозный оставил после себя только двух сыновей – Федора и Дмитрия. После таинственной кончины царевича Дмитрия в 1591 г. единственным представителем династии остался Федор Иванович. Вероятно, на его физическом облике сказалось вырождение династии – царь был слаб здоровьем, не склонен и не способен к государственной деятельности, его дети умирали в младенчестве. Царь Федор Иванович умер в 41 год, не оставив после себя детей.

Помимо московской династии, известны следующие крупные ветви Рюрикова древа: князья суздальско-нижегородские, тверские, ростовские, ярославские, белозерские, стародубские, смоленские, черниговские, верховские (они правили в небольших княжествах в верховьях реки Оки), острожские и заславские (потомки князей Галицко-Волынской Руси). К концу XV в. большинство из них потеряли свои родовые земли и служили великим князьям московским.

В XV–XVI вв. шел процесс ответвления отдельных родов от бывших удельных династий. Фамилии, которые закреплялись за этими ветвями, образовывались двояко: во-первых, от родовых уделов и селений (например: Вяземские, Микулинские, Шуйские, Стародубские, Льяловские, Ромодановские, Пожарские, Моложские, Курбские, Сицкие, Прозоровские, Ростовские, Мезецкие, Мосальские, Барятинские, Оболенские, Одоевские, Воротынские и др.) и, во-вторых, от прозвищ (Ногтевы, Гагарины, Ковровы, Гвоздевы-Ростовские, Буйносовы-Ростовские, Щепины-Ростовские, Долгоруковы, Щербатовы, Туренины и другие).

Часть Рюриковичей даже потеряли княжеский титул (в основном потомки Смоленских князей) – Ржевские, Еропкины, Татищевы, Полевы, Дмитриевы-Мамоновы. Вероятно, это произошло потому, что они попали на великокняжескую службу еще в XIV в., когда положение служилого человека и ношение княжеского титула были несовместимы.

Большинство потомков Рюрика вошли в состав Боярской думы и заняли видное место при московском дворе. Часть – прозябала в остатках своих уделов, и уже в XVI в. была включена в состав городового дворянства. Уже говорилось выше об одном из князей Шелешпанских, служившем в холопах, правда, в боевых (т. е. военным слугой у богатого землевладельца), а не в пашенных (т. е. земледельцем). Некоторые линии теряются уже в XVI в., а родословные легенды крестьянских или священнических родов показывают своими предками знатных князей. Такое вполне возможно.

В XVII в. Рюриковичи слились с прочим дворянским сословием. Часть из них вошла в аристократическую прослойку дворянства, другие тянули служебную лямку, ничем не отличаясь от других сословий. После бурного Смутного времени, когда князь Василий Шуйский, опираясь на свои родовые права, занял московский трон, Рюриковичи уже не проявляли никаких претензий на царство. Одни роды угасали, другие продолжались. Большинство родов Рюриковичей, доживших до начала XX в., продолжаются и в наши дни. Это примерно тридцать фамилий, как титулованных, так и не титулованных: князья Барятинские, Волконские, Вяземские, Гагарины, Долгоруковы, Друцкие, Кропоткины, Лобановы-Ростовские, Оболенские, дворяне Татищевы, князья Хилковы, Шаховские и другие.

Потомки основателя Литовского государства князя Гедимина (убит в 1341) появились на Руси уже в XIV в. Сын Гедимина Наримонт-Глеб еще при жизни отца, в 1333–1338 гг., был служилым князем у новгородцев. Он владел несколькими новгородским городами, но затем покинул Новгородскую землю и вернулся в Литву. Сын Наримонта – князь Патрикей – был служилым князем новгородцев в 1382 и 1397 гг. Вместе со своим двоюродным братом Свидригайло Ольгердовичем он в 1408 г. выехал на службу к великому князю Василию I. Московский князь принял литовских выходцев с честью и дал им щедрые пожалования – города и волости в Русской земле. Однако Свидригайло вскоре покинул Россию, ради борьбы за литовскую корону, а Патрикей и его потомки остались.

Сын Патрикея – князь Юрий Патрикеевич – женился на дочери Василия I и занял первое место среди московских бояр. От него происходят знаменитые в российской истории княжеские роды Голицыных и Куракиных, а от его брата Федора – род князей Хованских.

Следующая волна литовских выходцев пришла на Русь в конце XV в. В это время окрепшее Российское государство одолевало Литву в борьбе за старинные древнерусские земли, полосой лежащие на границах обоих государств. Местные владельцы князья Мстиславские, Бельские, Трубчевские (Трубецкие) и другие приняли сторону победителя. Новые выходцы опять оттеснили старинных московских бояр и заняли высшие должности при дворе. Князь Федор Михайлович Мстиславский женился на племяннице Ивана III. В дальнейшем его потомки непрерывно являлись первыми боярами в думе вплоть до прекращения рода в 1622 г. Князья Бельские возвысились настолько, что в малолетство Ивана IV Грозного вели борьбу за управление государством со знатнейшими Рюриковичами – князьями Шуйскими.

Практически все старинные роды Гедиминовичей, появившиеся в России в XIV–XVI вв., сохранили свое видное положение среди российской аристократии до начала XX в. Этих фамилий немного: князья Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие. Отдельные ветви Гедиминовичей стали российскими дворянами только в конце XVIII в., после присоединения к империи польских и литовских князей – это Кориатовичи-Курцевичи, Чар-торыские (Чарторыйские), Сангушко, Корибут-Воронецкие, Гедройц.

Роды большинства из Гедиминовичей продолжаются и до нашего времени, а некоторые из

них (например, Голицыны, Трубецкие) играют видную роль в общественной и культурной жизни современной России.

После покорения татарских ханств при московском дворе появились не только мурзы, но и бывшие ханы. Так, последний правитель Казани Ядыгар-Мухаммед, взятый в плен во время штурма города в октябре 1552 г., был крещен с именем Семена Касаевича и женился на боярышне Марии Кутузовой.

Еще при Василии II Темном на южных границах Руси возникло Касимовское ханство, вассальное великому князю московскому. Его правителями были представители различных ветвей Чингизидов, враждовавших со своей родней в Казани или Крыму. Из касимовских ханов московские государи ставили удобных им правителей на престол в Казани, а Иван Грозный даже возвел касимовского хана Семена Бекбулатовича на российский трон. Касимовское ханство просуществовало до 1681 г., пока не было упразднено за ненадобностью. Последней династией касимовских владык были потомки грозного соперника Ермака – сибирского хана Кучума. Кучум, в свою очередь, происходил из бухарских Чингизидов, Шейбанидов. Лишившись трона в Касимове, потомки Кучума некоторое время сохраняли титул «царевичей», а позднее именовались князьями Касимовскими и Сибирскими.

Как уже говорилось выше, XVIII в. прибавил в состав российского дворянства новые роды самого различного происхождения. Это – потомки царствующих династий Грузии, беков и ханов Азербайджана, маркизов Франции и Италии, баронов Прибалтики, Священной Римской империи и Германии, графов Германии и Австрии, магнатов Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. В начале XX в. в Кадетском корпусе среди других юношей дворян учился и принц Сиама. Далеко не каждая империя могла похвастаться столь разнородным составом дворянства, которое тем не менее продолжало оставаться единым в своей преданности царю и Отечеству.

В эпоху преобразований

Петровские преобразования внесли множество перемен в судьбу дворянского сословия. Петр I насильно загнал дворянство за школьную парту. Необразованный дворянин не только не принимался на службу, но и не имел права жениться (см.: Д. И. Фонвизин «Недоросль»: «Не хочу учиться, хочу жениться»).

В результате реформ российская армия стала регулярной в отличие от нерегулярного дворянского ополчения, главными недостатками которого были низкий уровень дисциплины и недостаточные мобильность и оперативность. Основу армии теперь составили солдаты, набираемые по рекрутскому набору в основном из крестьян. Но и дворянство не осталось в стороне – из него создавался новый офицерский корпус. Наряду с военной стала приемлемой для дворян и штатская служба. И хотя до самого конца XVIII в. дворянство все же пренебрежительно относилось к штатской службе, постепенно ее значение повышалось.

И все же самым важным нововведением царя-реформатора для дворянства стала «Табель о рангах» (1722), коренным образом изменившая всю организацию чинов и должностей. «Табель о рангах» устанавливала четкие правила прохождения службы и связывала с достижением определенных чинов и получение дворянства. Если до этого недворянин практически не имел возможности попасть в дворянское сословие, то Петр I открыл доступ в него для наиболее талантливых исполнителей государевой воли. Петр I окончательно уравнял подданных перед значением государственной службы и значительно повысил ее престиж. Последние остатки местничества были изгнаны из административной практики.

Первоначально «Табель о рангах» состояла из 14 классов четырех родов службы: военной, морской, гражданской и придворной. При этом чины разных видов службы были соотнесены между собой так, что было показано старшинство или равенство военных, морских,

гражданских и придворных чиновников. Высшими чинами являлись: генерал-фельдмаршал (в военной), генерал-адмирал (в морской), канцлер и действительный тайный советник I класса (в гражданской) и целый ряд чинов – обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-шталмейстер, обер-егермейстер и др. в придворной, находившиеся не в 1-м, а во 2-м классе. Низшими (14-й класс) – прапорщик в военной, мичман (13-й класс) в морской, коллежский регистратор в гражданской и мундшенк в придворной. «Табель о рангах» постепенно менялась и трансформировалась на протяжении своего существования, но оказалась одним из наиболее долговечных законов Петра I, действуя вплоть до 1917 г.

Согласно петровскому варианту «Табели о рангах» чиновник, дослужившийся до 8-го класса (в военной службе – майор, в гражданской – коллежский асессор), получал потомственное дворянство. Этот процесс шел достаточно быстро и вызвал сильное пополнение дворянства. Только с 1825 по 1845 г. по чину получили потомственное дворянство 20 тыс. человек. Верховная власть была не заинтересована в столь быстром расширении числа лиц, получавших дворянские привилегии. В 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство, в гражданской службе был повышен до пятого (статский советник), а в 1856 г. – до четвертого (действительный статский советник), а в военной иерархии до шестого (полковник).

Еще одним нововведением Петра I, касающимся дворянского сословия, стало проникновение в Россию западноевропейских титулов. Если до того в России был известен лишь один титул – князя, который передавался по наследству и не мог быть пожалован, то Петр I, во-первых, начал жаловать титулы графа и барона, а во-вторых – титулы князя, с приставкой «светлейший». Графский титул получили сподвижники Петра I – Б. П. Шереметев, П. А. Толстой, Н. М. Зотов, Я. В. Брюс, А. А. Матвеев; светлейшим князем стал А. Д. Меншиков. Первые графские титулы (Головину – в 1701 г., и Меншикову – в 1702 г.) были пожалованы русским вельможам от имени императора Священной Римской империи, союзника России. В дальнейшем российские императоры часто прибегали к дружеской помощи австрийских монархов, по просьбе державного соседа жаловавших тем или иным лицам графское и княжеское достоинство. Первым русским графом стал в 1706 г. фельдмаршал Борис Петрович Шереметев.

Менее почетным считался титул барона. В Западной Европе его обычно жаловали представителям банкирских родов, оказавшим важные услуги правящим династиям. Так было и с большинством российских баронов, впрочем, при Петре I баронский титул жаловали в основном за служебные заслуги. Первыми российскими баронами стали П. П. Шафиров и А. И. Остерман – видные государственные деятели и дипломаты той эпохи. Характерно, что первый происходил из крещеных евреев, второй – из немцев. В Западной Европе в XVIII в. баронское звание часто жаловалось евреям за их финансовую поддержку монархов, а для немцев титул барона и вовсе был родным на протяжении столетий. После присоединения прибалтийских земель и включения в состав российского дворянства прибалтийских родов за многими из них был сохранен их баронский титул.

Кроме княжеского, графского и баронского титулов в России были также приняты титулы принца, герцога и маркиза, но они не жаловались императорами, а только употреблялись носителями этих титулов – представителями аристократических династий Западной Европы.

Петр I, выводя страну на международную арену и утверждая ее господствующее положение в Европе, опирался прежде всего на дворянство. В эпоху царя-преобразователя дворянство имело еще меньше отдыха, нежели при прежних царях. Свидетельство тому – упадок дворянских усадеб в первой четверти XVIII в. Если во второй половине XVII в. появляются первые усадьбы, обустроенные еще довольно примитивно с эстетической точки зрения, но являющиеся уже хорошо развитыми с хозяйственной, то при Петре I они приходят в упадок.

Кончина преобразователя в 1725 г. несколько уменьшила мощные обороты

государственной машины, но не прибавила свободного досуга у дворянства – благородное сословие со страстью предалось политической борьбе. Заговоры и перевороты господствовали во внутренней политике России вплоть до середины XVIII столетия, отнимая все силы и время у вельмож и дворян.

В 1761 г. на российский престол вступил внук Петра I – Петр III Федорович. Новый государь не пользовался популярностью. Его обвиняли в предательстве национальных интересов, стремлении уничтожить все русское и насадить немецкие порядки, император был некрасив и невоздержан, ходили слухи о его сумасшествии. Когда супруга императора Екатерина II подняла мятеж и свергла Петра III с престола, на стороне законного государя остались лишь единицы. Тем интереснее тот факт, что именно Петр III издал указ, сыгравший судьбоносную роль в истории не только дворянства, но и всей России. 18 февраля 1762 г. был опубликован манифест «О даровании вольности и свободы дворянству», который провозгласил право дворянина не служить на государственной службе и одновременно сохранил за дворянством его главную привилегию – землевладение. Это привело к двум важнейшим следствиям – получив «вольность», дворяне обратились к занятию литературой, науками, искусством, обустройству своих сельских владений. К этому времени относится и окончание консолидации дворянства как целого и единого сословия; и хотя разница между аристократами и провинциалами, несомненно, сохранялась, все дворянство превратилось в замкнутую, привилегированную группу, свысока взиравшую на остальное население страны – «мужиков».

Несправедливая диспропорция не замедлила сказаться. Свобода дворянства от обязанностей, при сохранении за ним права на эксплуатацию крестьянства, создала жестокое противостояние между высшими и низшими слоями русского общества. Уже через десять лет после манифеста крестьянство поднялось под знамена самозванного «Петра III» – Пугачева – в стремлении получить свою свободу.

Петровские реформы и «Манифест о вольности дворянства» – таковы основополагающие вехи развития русской культуры второй половины XVIII – первой трети XIX в. С Петром I в Россию пришло европейское просвещение, сделавшее русских дворян людьми образованными и склонными к размышлениям, манифест Петра III даровал им самостоятельность, предоставил в полное распоряжение дворянства те дары цивилизации, которые Петр I водворял в России из государственных интересов. Результатом этого стал всплеск русской литературы, театра и общественной мысли. Уже первое «поколение непоротых дворян» (по манифесту запрещались телесные наказания дворянства) – декабристы – выступили с планом демократического преобразования общества.

Русская усадьба – явление и миф

«Манифест о вольности дворянства» породил расцвет усадебной культуры. Свобода, образованность, европейские увлечения и, что немаловажно, бесплатная рабочая сила в лице крепостного крестьянства обусловили активную деятельность дворян по созданию усадеб. При создании усадеб XVIII–XIX вв. их владельцы продолжали старинные традиции, но внесли в них множество новаций, возведя усадебную организацию в ранг высокого искусства, обобщающего достижения архитектуры, скульптуры, садово-паркового искусства и сельскохозяйственной науки; культуру Востока и Запада, крестьянства и дворянства.

Расцвет усадеб иллюстрирует эпоху золотого века российского дворянства – вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Ревниво оберегая свои привилегии и не неся повинностей по отношению к государству, дворянство именно тогда сделалось как будто бы паразитическим сословием. Но дворяне по-разному пользовались своей вольностью и независимостью. Одни употребили свои права во зло – мучили крепостных, проигрывали в карты, пропивали и даже проедали огромные состояния. Другие с увлечением предались

созданию уникальных садово-парковых ансамблей, музейных коллекций, библиотек, литературной, ученой и общественной деятельности. Но если первые в основном бесследно сгинули в прошлом и память о них вскоре забылась, то вторые создали уникальную русскую культуру того времени. Творчество Сумарокова, Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Тургенева питалось живительными силами дворянской культуры и дворянской независимости – общественной и экономической.

«Русская усадьба» – явление и миф, о котором сказано и написано столь много, что, казалось бы, уже и нечего дополнить. Не подлежит сомнению огромное значение усадьбы в русской культуре и истории. Известны в мельчайших деталях и подробностях почти все стороны жизни усадьбы, ее происхождение, история и гибель. И все же тайна усадьбы так и не раскрыта.

Усадьба стала одним из национальных символов России. Жизненный круг – от рождения до смерти (с любовью и ненавистью, созиданием и разрушением) – был заключен в культуре и повседневности русской усадьбы. Это – таинственный и прекрасный сплав искусства и природы, в то же время соединявшийся с уродством жестокого угнетения человека человеком. Усадьба соединяла в себе основополагающие, крайние и противоречащие друг другу черты и факторы российской цивилизации. И в конце концов она пала жертвой этих раздирающих противоречий. Ныне, увы, несмотря на попытки реанимировать усадебную культуру, этот феномен невосстановим.

Зародившись во второй половине XVIII в., усадебная культура находилась в расцвете с конца XVIII по середину XIX столетия. Уже вскоре после отмены крепостного права стали очевидны грядущий упадок и гибель усадебной культуры. Лучшие умы России бились за сохранение усадеб в начале XX в., и особенно в 1917– 1920-е гг. Многое удалось спасти, но основная часть ценностей – памятники архитектуры, изобразительного, декоративно-прикладного и паркового искусства, архивные богатства – бесследно исчезли в бурях жестокого XX века. Документы органов охраны памятников и краеведческих организаций 1920-х гг. показывают страшную картину разграбления и уничтожения усадебных комплексов. Фарфор, художественный металл, картины, книги, архивы вывозились из усадеб пудами (так и указывалось! – С. Ш.) – попадали в губернские центры и там исчезали бесследно.

Не отставали от чекистов и сами крестьяне. Уже в 1905–1907 гг. прокатилась первая волна поджогов, грабежей и убийств помещиков, повинных по большей части лишь в том, что они унаследовали полуразрушенные барские особняки своих предков. Каков же был ужас дворян – интеллигентов и демократов, ратовавших за свержение «гнусного деспотизма», поступавшихся для крестьян землей, лесом и водой, создававших в селах школы, больницы, – когда «мужички» после февраля 1917 г. начали их повсеместно грабить и поджигать дома, а зачастую и убивали. Где искать корни этой звериной ненависти? Достаточно ли признания того, что «русский бунт – бессмысленный и беспощадный»? Нельзя не понимать, что дивная прелесть старинных усадеб строилась на уродливом угнетении, длившемся более 250 лет. Язвы крепостничества, как экономические и социальные, так и духовные, дореволюционной России так и не удалось преодолеть, и вековая ненависть вырвалась наружу в 1917 г. Потомки крепостных взяли реванш, уничтожив не только потомков бар, но и большую часть их культурного наследия.

Те усадьбы, которые чудом удавалось превратить в музеи, тоже теряли часть своих богатств. Но, сохранив внешнюю оболочку, они утратили главное: живое тепло и душу. Никакие инвестиции и культурные программы уже не восстановят усадебную культуру, столь же далекую от нас, как и культура Древней Греции и Рима.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были…
В. Жуковский

Прекрасной эпитафией ушедшей в небытие дворянской усадьбе звучат слова тонкого и чуткого знатока барона Н. Н. Врангеля: «Странное дело, но в этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам одним, русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи, сказка песен, пропетых в селе, ухарство русской пляски. Все – на фоне античных храмов с колоннами, увенчанными капителями ионического, дорического и коринфского ордеров. Пляска русских босоногих малашек и дунек в „Храме любви“, маскарад деревенских парней в костюмах богов и богинь древности… Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее?»

Организация усадьбы

«Я пребываю без перемен в моих прежних желаниях отойтить от большого света и водвориться в деревне, где я несколько мотовато соорудил себе пристанище на дни последние и после смерти. Под сим разумей дом, сад, церковь и гроб», – писал одному из своих корреспондентов екатерининский дипломат, канцлер А. А. Безбородко. Здесь перечислены основные элементы усадебного ансамбля, но сколь велико было разнообразие форм! В усадебной архитектуре и построении пространства усадьбы на протяжении XVIII – начала XX в. нашли свое воплощение все архитектурные стили и направления в русском искусстве – от барокко (XVIII в.) до модерна (начало XX в.). В зависимости от богатства и художественных вкусов владельцев строились то огромные дворцы, то скромные деревянные дома в два этажа. В ансамбль усадебного дома входили – флигеля, конюшни, бани, дома прислуги, башни ограды, «голландские» домики, беседки («Миловид», «Приют друзей»), оранжереи, ротонды, искусственные гроты и пещеры в парке… Часть зданий могла соединяться различными переходами, вставками и галереями. Строились, порою, и уникальные сооружения – например, усадебный дом в форме ордена святой Анны, полученного владельцем (подмосковное Люблино).

Пышность екатерининского века переносилась вельможами в свои подмосковные усадьбы. Тогда возникли знаменитые архитектурные и садово-парковые комплексы в Кускове, Архангельском, Останкине, Воронове, Царицыне, Троицком-Кайнарджи и других местах. Помимо дворцов, в этих усадьбах были богатейшие коллекции картин, скульптуры, фарфора, книг, рукописей, крепостные театры и оркестры, школы, заводы… Однако далеко не все помещики были столь богаты, как Шереметевы и Юсуповы, уделом большинства был:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые…
А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Войдя вслед за пушкинским героем в барский особняк, мы увидим:

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,

Царей портреты на стенах
И печи в пестрых изразцах…

Впоследствии, чтобы не дразнить цензуру упоминанием царских портретов лишь как одного из элементов интерьера, Пушкин заменил эти слова на «портреты дедов», чем нисколько не погрешил против истины. Каждая усадьба обладала богатой коллекцией портретов предков. Исполненные зачастую кистью крепостных мастеров, они отличались безыскусной жизненной выразительностью. «Дом был старый, деревянные колонны на фасаде облупились порядком; комнаты были с низкими потолками. Зато они были просторны, летом прохладны, а зимою, когда докрасна натапливали камин, жарки. Увешаны они были портретами Глинок. Вильгельма привлекал из них в особенности один, времен Анны Иоанновны, толстый, с тяжелой челюстью, хищным носом и необычайно умными, неприятными глазами. Он находил в нем нечто демоническое» (Ю. Тынянов, «Кюхля»).

Портретная галерея усадьбы была и семейной летописью, надписи на портретах содержали биографические сведения об изображенных, а иногда эпитафии: «Тебя, ужънет насвете; но ты вомне живежъ, ив память, на портрете я написал: о, мой родитель неумрешь». Один из редких дворянских автопортретов середины XIX в. содержал иную по тональности надпись: «Павел Колендас 1844-м году март 17-го дня с 24-х лет от рождения в таких летах, я вам мил, и нравом любезен, а для девушек полезен».

Любая усадьба была хранительницей того или иного собрания историко-культурных реликвий, многие из которых имели и имеют ныне мировое значение. Помимо общеизвестных Кускова, Архангельского, Остафьева, Поречья, Кузьминок и других, существовали и ныне забытые и утраченные уникальные собрания, как, например, «Музеум» в имении Михаила Львовича Боде-Колычева Лукино, близ современного Одинцова. Владелец усадьбы, потомок старинного боярского рода Колычевых, историк и придворный, в середине XIX в. возвел в своей усадьбе уникальный мемориал – это была крепость в древнерусском стиле, «боярские палаты», церковь-усыпальница, а также мраморный обелиск, на гранях которого были высечены имена двадцати семи предков Боде-Колычева, погибших на полях сражений или принявших мученическую смерть. Особое здание было отведено под «Музеум», в котором хранились в строгом хронологическом порядке разложенные документы, рукописи, фамильные мемуары, книги, костюмы, мундиры, бытовые предметы, портреты и скульптуры. В коллекции были и семейные реликвии – костяной очечник, подаренный Петром I одному из Колычевых, и другие. Судьба этой уникальной коллекции после 1917 г. неизвестна – часть ее осела в различных хранилищах, другая – исчезла.

В каждой усадьбе ее владельцем закладывалась определенная созидательная программа. Пространство усадьбы создавалось как своеобразная модель мира. Церковь и кладбище соединяли усадьбу с Божественным миром, с прошлым и будущим всех живущих; преобразованный парк, почти везде соединявшийся с рекой или лесом, был данью природе и ее взаимодействия с человеком, барский дом и другие постройки – настоящим, повседневностью дворянской семьи, крестьян и человеческого мира вообще. В усадебном строительстве просвещенный дворянин XVIII–XIX вв. пытался построить новый, идеальный мир – отсюда и переименование не только самих сел (Отрада, Рай-Семеновское), но и урочищ, парков, лесов, болот – Прибежище, Аркадия, Утопия и другие. В помощь владельцам существовал даже специальный справочник, содержавший варианты названий для построек и природных объектов усадьбы. В усадьбе все имело особый, знаковый смысл, несло память о выдающихся событиях истории России, усадьбы, семьи владельцев. Это – не только постройки и церкви, но и обелиски, ротонды, аллеи и деревья, высаженные в память рождения ребенка и посещения усадьбы знаменитым человеком. На символику зданий и

природных объектов обращали большое внимание масоны. Для них стремление выстроить идеальный мир было еще более важным. В симбирской усадьбе князя Баратаева был выстроен грот, внутри которого была оборудована масонская ложа, в ряде имений пруды были выкопаны в форме пяти– или шестиконечных звезд, в оформлении церквей и домов в усадьбах И. В. Лопухина, М. Ф. Кутузова, М. А. Дмитриева-Мамонова были использованы широко известные масонские символы – горящий светильник, змея, кусающая свой хвост, «Всевидящее око» и другие. Масоны, хозяева имений, активно пользовались услугами знаменитого В. И. Баженова, который и сам был масоном, и хорошо понимал эстетические и духовные запросы своих собратьев. Эти проекты были исполнены в 70–80-х гг. XVIII в. в псевдоготическом стиле, отражавшем рыцарскую идеологию масонства. На символическое значение усадьбы и ее отдельных элементов указывает поэт князь И. М. Долгоруков (также масон) в стихотворении, посвященном усадьбе Лопухиных Саввинское:

Там нашел я сад обширный
В островах между дорог,
В чувстве сельской жизни мирной
Чистым сердцем зрится Бог.
Там все Веры возношенье,
Истой мудрости отлив,
Каждый взгляд есть поученье,
Каждый шаг – иероглиф…

При смене владельцев и вкусов, а порою разносторонних художественных пристрастиях одного владельца усадьба могла являть любопытное смешение построек различных архитектурных стилей – классицизма, псевдоготики, псевдорусского стиля. Встречались и более экзотические строения. Архитектурные сборники конца XVIII в. рекомендовали такие, например, сооружения: «три храма в смешанном готическом вкусе», «сельский домик во вкусе некоторых американских сельских домиков», «три различных моста в саду, из коих первый и последний в сельском вкусе… средний действительно в Китае построенный мост». Все это вызывало нарекания у сторонников чистоты стиля:

Не строй в садах своих киоски и пагоды;
Смена чуда зодчества есть зодчества позор,
И безобразные наряды не убор.
Не странно ль смежными увидеть зданья римски,
Китайски, гречески, японски, аравийски?
Так расточительность среди богатств бедна;
Так, недовольная, в одном саду она,
Без цели в выборе не дав себе отчета,
Желает поместить четыре части света.
Ж. Делиль «Сады». Перевод Н. Воейкова. 1816 г.

Дом и постройки были обособлены от окружающего мира, это было пространство, где господствовал хозяин; церковь и кладбище связывали владельцев и крепостных. Обычно церковь строилась в общем контексте усадебного ансамбля, но в отдалении от барского дома, впрочем, есть и исключения. Проекты усадебных церквей поручались чаще всего тем же архитекторам, которые строили и усадьбы. В результате возникали храмы в стиле барокко, классицизма, псевдоготики, византийском стиле или в стиле модерна. При этом владельцам редко удавалось поручить внутреннюю роспись столичным мастерам, и чаще всего

усадебный храм – это продукт творчества городского архитектора и сельского иконописца, с его трогательно-наивной манерой.

Многие из владельцев усадеб были весьма далеки от православия, идеи Просвещения и влияние аристократической среды отводили церковной службе и духовенству чисто внешнее, декоративное значение. Церковное влияние ограничивалось порою традицией бывать у обедни в воскресенье и праздничные дни и приглашать священника и дьякона на семейные торжества, в душе посмеиваясь над малообразованным сельским духовенством.

Однако при довольно небрежном отношении к православию и пренебрежительном отношении к духовенству дворяне видели большую привлекательность в том, чтобы быть похороненными в своих имениях, на лоне природы и в ограде церковной.

Дом, церковь и погост объединялись усадебным садом. Сад – важнейший элемент в символике новоотстроенного в усадьбе мира, он напоминал об Эдеме, соединял плоды рук человеческих с природой, был наполнен воспоминаниями о событиях мировой истории, христианской и античной мифологии. В глазах сведущего человека каждое растение в усадебном саду или оранжерее имело свое глубокое значение: яблоня содержала намек на грехопадение, кедр – олицетворение красоты и благородства, плющ – знак бессмертия, жасмин – невинности и чистоты, дуб – силы и добродетели, анютины глазки – воспоминание и созерцание, розы – любовь… В усадебном парке вы бы не увидели осину – мрачное дерево, с которым связано воспоминание об Иуде-предателе и его страшной смерти; трепетание ее листвы воспринималось как трепет ужаса при воспоминании самого растения об этом событии. Воспетые Буниным липовые аллеи в дни цветения наводили на мысли о райском эфире. Беседки, водоемы, пруды, мостики, гроты, пещеры, ручьи, «диковины» – в изобилии были разбросаны умелой рукой декоратора-садовника по парку.

Поветрия моды определили два основных типа усадебных парков – регулярный и пейзажный. Первый, родиной которого была Франция, господствовал в России в XVIII столетии. Регулярный парк отличала стройность и симметрия как отдельных элементов, так и всей композиции в целом. Аллеи парка веером расходились от партера, разбитого перед фасадом главного дома. Центральная аллея замыкалась на берегу пруда террасой и лестницей с гротом, а боковые аллеи завершались круглыми беседками. За парком мог быть выкопан пруд – далее простирался лес. С конца века на смену регулярному приходит английский тип пейзажного парка, создатели которого стремились подражать природе. Пейзажный парк давал больше простора для наполнения его пещерами и гротами, статуями нимф у источников, беседками в различных стилях. Умело поправляя природу, создатели парка имитировали «первобытную дикость», давая возможность глазу отдохнуть от прямых и точных линий, и посетитель чувствовал себя «естественным человеком» эпохи Просвещения.

Статуи в парке также несли особый смысл. В большинстве, они изображали античных богов и героев, иногда – владельцев и посетителей усадьбы, широко распространена была практика возведения обелисков – в память о предках или в знак посещения усадьбы высочайшими особами. Глубокий аллегорический смысл, пронизывающий все существо усадьбы, диктовал и набор персонажей, в честь которых возводились статуи. Античные боги теряли свои личностные черты и становились символами: Афина – мудрости, Сатурн – времени. Просвещение добавило и своих героев – аллегорические скульптуры изображали Науку, Добродетель, Искусства, Чувства…

Путешествие в деревню

Мы привыкли к мысли о том, что усадьба населена – в ней жил помещик с семьей, челядью, слугами и дворовыми. На деле множество усадеб Центральной России большую часть времени года стояли пустыми – хозяева жили в столицах, губернских городах или за границей. Переселение начиналось летом, а осенью караван с помещичьим добром и

припасами отправлялся обратно в город. Постоянно жили в деревне отставные (как отец Лариных), помещики-заводчики или малоимущие (однодворцы). Впрочем, далеко не каждая дворянская семья ежегодно проводила лето в усадьбе: «Отец мой всякий раз говорил, что в этом году он уедет рано, что ему хочется видеть, как распускается лист, и никогда не мог собраться прежде июля. Иной год он так опаздывал, что мы совсем не ездили» (А. И. Герцен. «Былое и думы»). Однако большинство дворян начинали приготовления весной и в мае отправлялись в дорогу.

Врата столичны затворились,
Все скачут жить по деревням,
С театром, с балами простились,
Обман наскучил их очам.
Природа всякого искусства
Художных рук ценней стократ.
В полях все нежит наши чувства;
В Москве – все маска и наряд.
Князь И. Долгоруков, 1790 г.

Путешествие в деревню представляло собой нелегкую задачу. Даже в первой четверти XIX в., когда дороги были более менее обустроены, а разбойники в центральной части России обузданы, путешествие в усадьбу или наоборот, из усадьбы в столицу, было делом нелегким:

К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.
А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Обоз помещика был громоздким. Согласно известию бытописателя М. И. Пыляева, обоз богатого барина не отличался по длине от железнодорожного состава. «Нам недоставало лишь нескольких слонов, чтобы изобразить индийскую армию», – замечает англичанка К. Вильмонт, спутница знаменитой Екатерины Дашковой во время ее путешествия на 8 экипажах из Москвы в калужское имение Троицкое.

Что же везли в деревню? Вот описание выезда богатого помещика из книги М. И. Пыляева: «Первая фура была нагружена „Московскими ведомостями“ и грудой сочинений в прозе и стихах, поднесенных помещику его почитателями. За библиотекой следовала кухня на трех повозках; за кухней ехали пять поваров: француз, итальянец, немец, русский и поляк; далее следовало десять поваренков, еще далее ехали доктор и цирюльник. В остальных экипажах находились актеры, актрисы, стихотворец, плясуны, музыканты, живописец, чтец, письмоводитель, горничная, камердинеры, парикмахеры, два шута; потом следовал гардероб барина и барыни…» Право же, теперь вполне понятна ирония Вильмонт – богатый русский барин со своей свитой действительно напоминал какого-нибудь мелкого султана. Каждый из членов свиты имел свои обязанности, например, стихотворец ознаменовал путешествие сочинением оды «Аллегорическое шествие Аполлона и Дафны в село Талантов».

Ну вот и конечная цель путешествия. Человек возвышенного склада души был взволнован при возвращении в родное поместье – ведь большинство дворян выросли в усадьбах: «Я не мог довольно насытить зрения своего, смотря на ближние наши поля и все знакомые мне

рощи и деревья. Мне казалось, что оне приветствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему приезду. Я сам здоровался и говорил со всеми ими в моих мыслях», – пишет известный сельский хозяин и мемуарист Андрей Болотов. Для детей ежегодный приезд в усадьбу был не только праздником, но и новой вехой взросления. Герцен, уделив проникновенные строки своему родовому поместью, пишет и об этом: «…Периодические возвращения к тем же предметам наглядно доказывали разницу внутреннего развития. Другие книги привозились, другие предметы занимали…»

Итак, в поместье возвращался барин. С ним была его семья – жена, дети, обычно престарелая тетка, реже – мать. С детьми находились дядьки, гувернеры (при сыновьях), гувернантки, учителя – чаще всего иностранцы. Однако этим штат домочадцев не исчерпывался. У состоятельных дворян жили компаньоны и компаньонки (при барыне) – обедневший отставной чиновник или офицер, приживалки-родственницы, старухи-богомолки. До середины XIX столетия додержался обычай содержать шутов и дураков, восходивший к моде при царском дворе XVII в. Такие типы красочно описаны Тургеневым и Достоевским. Это было население небольшой империи помещика, его «двор» и приближенные – ниже стояли подданные – дворовые и крепостные крестьяне.

Русская литература изображает дворовых без снисхождения. «Вино и чай, кабак и трактир – две постоянные страсти русского слуги; для них он крадет, для них он беден, из-за них он выносит гонения, наказания и покидает семью в нищете… Как же не пить слуге, осужденному на вечную переднюю, на всегдашнюю бедность, на рабство и на продажу?..» (А. И. Герцен). Тот же автор указывает и на другую черту дворовых и крепостных – по-детски простодушное отношение к жизни и своему положению. На этом основывался патриархальный характер власти помещика над крепостными, сходный с властью московского царя над подданными. «Нынче нет больше на Руси усердных слуг, преданных роду и племени своих господ, – пишет незадолго до отмены крепостного права Герцен. – Слуга не верит в свою подчиненность и выносит насилие не как кару Божию, не как искус, а просто от того, что он беззащитен…»

Крестьянский бунт (по крайней мере, в русской литературе) – по большей части это бунт дворовых: тихий, как у тургеневского Герасима, или жестокий, как у крестьян пушкинского Дубровского. Судебная практика XVIII–XIX вв. знала немало случаев убийств помещика и его приближенных дворовыми. Любовница известного графа Аракчеева, фаворита Павла I и Александра I, была зарезана крепостным поваром, не выдержавшим деспотизма этой особы. Фельдмаршал М. Ф. Каменский зарублен топором…

Впрочем, у дворовых были все основания для бунта. Жестокость и издевательства помещиков доходили до крайностей. Общеизвестен садизм Дарьи Ивановны Салтыковой (Салтычихи), осужденной екатерининским судом, благоволившим к дворянам более, чем к крепостным. Достойные подражатели этого «урода рода человеческого» (слова Екатерины II о Салтыковой) находились и позднее. Князь Порюс-Визапурский создал в своей усадьбе крепостной гарем, его крепостные представляли живые скульптуры – в античных тогах, осыпанные белой пудрой. Однажды несчастные статуи не выдержали – во время прогулки князя «Гера» схватила помещика за волосы, а «Геркулес» разнес ему череп ударом своей палицы.

Гнусной страницей в истории усадьбы были крепостные гаремы. Их созданию, как ни странно, способствовала и хозяйственная практика той эпохи – выделение особой, «девичьей» комнаты в барском доме, где дворовые девушки занимались шитьем. Пушкин пишет о Троекурове: «В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигеле были загорожены деревянною решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича… От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали

на их место». Впрочем, и сам Александр Сергеевич не вполне чист – в 1826 г. у него был роман с дочерью михайловского старосты Ольгой Калашниковой, которую поэт поспешил отправить из имения, как только девушка забеременела. Дитя «крепостной любви» Пушкина – Павел – умер младенцем.

В целом помещик просвещенного XIX столетия мало отличался от домостроевского «хозяина» XVI в. Он ощущал себя отцом и высшим судьей над своими крепостными. Доля барского гнета и поучения зависела от личных качеств помещика. Так, Онегин:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил…

Отец Герцена: «…Докучал им капризами, не пропускал ни единого взгляда, ни слова, беспрестанно учил; для русского человека это часто хуже побоев и брани».

Были, как мы знаем, и гораздо худшие примеры обращения помещиков со своими крепостными.

И все же немало дворянских семей проводили в усадьбе годы, практически не выезжая. Распорядок усадебной жизни был прост и отлажен:

Они хранили в жизни мирной
Привычки мирной старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три…
А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Усадебная жизнь

Усадебная жизнь была подчинена распорядку сельскохозяйственных работ. Большинство помещиков, находясь в усадьбе, сами «вели хозяйство». Результаты такого хозяйствования были различны, однако в большинстве случаев агрономические новшества помещиков не приживались на российской почве. В то же время стремление приложить свои силы в развитие сельского хозяйства, равно как и опыт иностранных агрономов, было сильно распространено среди помещиков, особенно во второй половине XVIII в. Одним из выдающихся российских агрономов был тульский помещик Андрей Болотов – активный участник деятельности Вольного экономического общества, издатель первого в России частного сельскохозяйственного журнала «Сельский житель», редактор издания «Экономический магазин». В круг его интересов входила не только агрономия, но и лесоводство, селекция, садоводство. Своими трудами и трудами коллег по Вольному экономическому обществу Болотов способствовал распространению новых сельскохозяйственных орудий и методов, активно привлекал и развивал на российской почве зарубежный, в основном английский, опыт. Однако даже удачливому Болотову далеко не всегда удавалось преодолеть сопротивление крестьян, с недоверием относившихся к

подобным барским причудам и предпочитавшим пахать и сеять по старинке.

Другой заботой землевладельца было управление имением – сбор оброка и барщины, организация крепостного производства. Здесь успехи у сельских хозяев напрямую зависели от их административных талантов. Впрочем, полное отсутствие умения управлять никогда не останавливало помещика, в большинстве случаев уверенного в обратном. Русская литература знает много подобных примеров.

Широко распространен был и противоположный тип управления, который лишь условно можно назвать этим словом. Отец Онегина не мог понять новомодных экономических теорий, исповедовавшихся сыном, и «земли отдавал в залог». С появлением Дворянского заемного банка (1754) и подобных ему кредитных учреждений многие помещики отдавали земли и крепостных под залог и спокойно тратили полученные ссуды, не заботясь о будущем своих детей и внуков. Широкое распространение этой практики привело к кризису дворянского землевладения в первой половине XIX в. Если в начале XIX в. в залоге находилось всего 5 % крепостных крестьян, то к 1830-м гг. эта цифра увеличилась до 42 %, а к 1859 г. – до 65 %. Долги дворян, заложивших свои имения, только в государственных кредитных организациях достигли астрономической величины – 425 млн. руб., что в два раза превышало годовой бюджет России.

И все же большинство землевладельцев выбирало средний путь между личным управлением и залогом имения, которое в конечном счете вело к его потере. Управление имением передавалось приказчику, а владельцы довольствовались отчетами и приездами в летнее время. Приказчик – особенная фигура в усадьбе. Воровство и плутни приказчиков вошли чуть ли не в поговорку. Основой «политической системы» горюхинского приказчика была следующая аксиома: «Чем мужик богаче, тем он избалованней, чем беднее, тем смирнее» (А. С. Пушкин. «История села Горюхина»), а ее результатом то, что «в три года Горюхино совершенно обнищало».

Традиционно считалось, что иностранное происхождение управляющего гарантирует (хотя бы на некоторое время) его честность. Однако, во-первых, на практике это происходило далеко не всегда, а во-вторых, огромная разница мировоззрения приказчика-немца и русских крепостных сводила на нет все усилия даже самых добросовестных управляющих. Иллюстрацией тому служит анекдот о «преподобном Шершне», родившийся в XIX в. Вот его содержание. В некую деревню был прислан приказчик-немец. Как-то в церковный праздник он отправляет крестьян на барщину. «Нельзя работать, батюшка, сегодня же Спас Нерукотворный», – отвечают те. «Что такое „Спас Нерукотворный“? Не знаю». Крестьяне приносят приказчику икону. «Да это что, – немец постучал по иконе, – деревяшка. Ни мне ни вам ничего не сделает, работайте давайте». На Николин день – то же непонимание, конфликт и та же реакция немца. В третий раз крестьяне приходят и объявляют, что не могут работать в день «преподобного Шершня». Немец опять интересуется – кто это? Тогда крестьяне ведут его к дуплу с осиным гнездом. Финал ясен – приказчику пришлось все-таки признать превосходство православных обрядов над протестантской логикой.

К слову о церковных праздниках. Одним из важнейших событий в жизни села и усадьбы, моментом единения между господами и крестьянами был местный храмовый праздник. «Как я любил этот день! – вспоминает о престольном празднике в имении своего детства Ахтырке философ князь Е. Н. Трубецкой. – С утра появлялись на лугу между домом и церковью палатки, торговавшие семечками, пряниками и другими гостинцами для народа. Потом мы отправлялись к обедне, в церковь, где стояли в особом княжеском месте, обнесенном балюстрадой. Весь день водились хороводы с песнями, а к вечеру народ приходил к большому парадному крыльцу, открытой террасе со ступеньками, где совершался торжественный выход дедушки к народу, своего рода высочайший выход…» В такие моменты четко демонстрировался «отеческий» характер взаимоотношений барина и

крепостных. «Я собрала всех крестьян, – пишет княгиня Е. Р. Дашкова, – приказала им надеть праздничное платье с разными украшениями… и заставила их плясать на лугу и петь наши народные песни… Чтобы вполне завершить нашу пирушку, нас угощали русскими яствами». В ответ Дашкова поднесла крестьянам хлеб-соль – не без намека на то, кто истинный хозяин на празднике.

В богатых усадьбах, в основном вблизи обеих столиц, празднования приобретали огромный размах и характер публичных гуляний. Такие гулянья регулярно проходили в XVIII в. в Нескучном саду, Кускове, Останкине, на дачах под Петергофом. На них приглашались не только дворяне, но и представители других сословий – просветительские понятия общественной пользы и права каждого наслаждаться красотами природы пересиливали аристократическое чванство владельцев. Впрочем, одно дело – гулять в парке, а другое – быть приглашенным к столу. К принимавшему по несколько сотен человек графу Шереметеву никто и не посмел бы явиться не в офицерском или дворянском мундире. Господствовал также обычай угощения «по чинам» (по классам «Табели о рангах»). Как-то раз один из вельмож спросил у самого невзрачного из своих гостей, все пиршество просидевшего в дальнем углу и забытого лакеями – все ли тому понравилось. «Благодарю вас, ваше сиятельство, – отвечал гость, – мне было отлично видно». Однако на празднике, устроенном в 1778 г. знаменитым богачом, меценатом и чудаком П. А. Демидовым, более пятисот человек упились до смерти.

Аристократические пиршества с фейерверками, театральными и балетными представлениями, роговой музыкой и катанием на лодках – особая страница в истории не только усадебной культуры, но и отечественной традиции проведения праздников, в том числе и национальной кулинарии. В XVIII–XIX вв. гремели имена вельмож, которые в буквальном смысле, проедали миллионные состояния. Граф Завадовский, приказывавший квасить ананасы в кадушках, как капусту, с тем, чтобы из них потом варили борщ и щи, умер в нищете. У графа Мусина-Пушкина поросят к барскому столу ежедневно мыли и пеленали, как младенцев. «В Орловской губернии, – пишет Пыляев, – жила генеральша Рагзина, обед которой длился по семи часов, и на стол подавалось до двадцати разных каш в небольших горшочках, приготовленных из незрелых зерен ржи, пшеницы и т. д., а маринадов и солений было бесчисленное множество… Генеральша эта была большая привередница и летом обыкновенно обедала на плоту своего пруда…» Число барских чудачеств в кулинарной области можно продолжать до бесконечности.

У среднего дворянства все было скромнее. Достаточно перечитать пушкинское описание именин Татьяны Лариной. Поэт описывает не только стол, но и весь церемониал праздника: угощение, поздравления, карточная игра и, наконец, – бал, основными элементами которого были лирический вальс и громогласная мазурка («припрыжки, каблуки, усы»). Ранее поэт упоминает и главные темы общения в помещичьем кругу: «О сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне…»

О псарне – одной из главных, наряду с хозяйством, забот помещика действительно говорили часто и с удовольствием. Вот типичный пример псарни богатого помещика: «Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят…» (А. С. Пушкин, «Дубровский»). Старик Дубровский был несомненно прав, заметив при этом: «Псарня чудная, вряд ли людям вашим житье такое ж, как вашим собакам…» Забота о собаках и лошадях и вправду часто превосходила у помещиков заботу о крепостных.

Охота занимала огромное место в жизни дворян. Свободные от сельских хлопот осень и

зима были посвящены охоте, и главным образом псовой. В Древней Руси к собаке относились с опаской и пренебрежением. Василий III первым из русских государей ввел в обычай охотиться с собаками, у него была первоклассная свора, свои охотничьи угодья и даже заказники. Со второй половины XVIII в. псовая охота господствует в провинции. Вообще же дворяне, даже в XVI в., когда их основное время и силы уходили на ратную службу, находили возможность охотиться. В завещаниях аристократов той эпохи упоминаются «пищали зверовые», т. е. охотничьи ружья XVI в. Но подлинный расцвет дворянской охоты начался уже после Манифеста 1762 г.

Псовая охота со множеством ее участников и парадным церемониалом оказалась наиболее созвучна широкой натуре русских бар. «Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотник знал свое дело, место и назначение», – пишет Л. Н. Толстой, оставивший красочные описания псовой охоты на волка и зайца. С середины XIX в., в связи с совершенствованием огнестрельного оружия и вместе с тем обнищанием дворянства, псовая охота постепенно исчезает. На смену ей приходит ружейная, воспетая С. Т. Аксаковым и И. С. Тургеневым.

Итак, хозяйство, обустройство усадьбы, празднества, приемы и охота составляли основу времяпровождения помещика в деревне. Несмотря на высокий уровень образованности среди дворян, далеко не каждый помещик предавался в деревенской тишине ученым или литературным трудам. И все же в тиши Остафьева творил бессмертную «Историю государства Российского» Н. М. Карамзин, писал стихи П. А. Вяземский. Михайловское и Болдино навечно вписаны в историю русской и мировой литературы благодаря творчеству А. С. Пушкина. Ясная Поляна овеяна гением Л. Н. Толстого.

Пушкин устами своего героя из «Романа в письмах» выражал заветную мысль: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости приходит через прихожую и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете». «Приют уединенных муз» – как высокопарно именовали усадьбу в XVIII в. – дал русской и мировой культуре бессмертные произведения литературы и музыкального искусства.

Внебрачное потомство знаменитых фамилий

Средневековая Русь не знала понятия о бастардах. Конечно, внебрачные дети были, хотя бы у прославленного распутством Ивана Грозного, который хвастался, что «растлил тысячу дев», однако, в отличие от Западной Европы, их не принимали в приличное общество ни при каких условиях. Если во Франции XVI в. внебрачные дети получали герб со знаком бастарда и земли, которые изволил выделить им отец, то в России все было гораздо более жестко. «Соборное уложение» 1649 г. определяло взыскивать за бесчестье, если кого-либо обозвали «выблядком». Зато, если «в сыску скажут, что он прямой выблядок и прижит он у наложницы до законной жены, или и при законной жене, или после законной жены, и таким выблядкам в бесчестиях отказывать, и поместий и вотчин того, кто его незаконно прижил, ему не давать…».

Впрочем, как известно, на то и законы, чтобы фиксировать существующие правонарушения. Несомненно, как мы знаем и по более поздней практике, среди дворян XVI – XVII вв. бывали и такие, что родились до брака их отцов или вне церковного брака. О моральном облике русских мужчин той эпохи красноречиво свидетельствует австрийский посланник Августин Мейерберг, посетивший Россию в правление царя Алексея Михайловича. Мейерберг пишет, что один из его русских собеседников, «стараясь превосходство своей веры доказать строгостью устава, превозносил суровые и продолжительные покаянные условия, налагаемые исповедником на прелюбодея: я и сказал ему, что если так идет дело, то, должно быть, все вы, москвитяне, беспрестанно справляете наложенные на вас епитемьи, не получая никогда разрешения, потому, что мы знаем вашу частую повадку подбираться к чужим женам». – «Вот еще дураков нашли! – отвечал он. –

Разве мы говорим когда об этом попу?»

Понятно дело, что и в Средние века, как и в другие эпохи, были люди разной нравственности, а глубокая религиозность и моральные законы того времени все же заставляли большинство соблюдать известные десять заповедей. Тем более примечательно, что первый известный внебрачный потомок царского рода был сыном благочестивого царя Алексея Михайловича. Это – Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, – впоследствии боярин и видный администратор при Петре I.

Среди многих стольников при царе Алексее служил и потомок старинного рода Алексей Богданович Мусин-Пушкин (ум. 1669). Он был просвещенным книжником, также как и его супруга, Ирина Ивановна (урожденная Полозова). Как считают историки древнерусской литературы, Алексей Богданович и его супруга Ирина Ивановна были авторами исторического сборника «Книга о великих князьях русских, отколь произыде корень их», содержавшего изложение древней русской и славянской истории, построенное не только на летописных известиях, но и на русских сказочных повестях и исторических преданиях. Оставшись после кончины супруга вдовой, Ирина внезапно стала героиней загадочного и угрожающего расследования.

В 1675 г. «для государева тайного дела и сыску» отправились в Ростов бояре князь Яков Никитич Одоевский и Артамон Сергеевич Матвеев. Царский наказ повелевал им расспросить вдову стольника Алексея Мусина-Пушкина Ирину и пытать ее «накрепко». Были приняты строгие меры для сохранения тайны. По дорогам разослали стрелецкие отряды, имевшие приказ допрашивать всех, кто едет из Москвы или в Москву и досматривать, нет ли каких писем. Розыск кончился тем, что несчастную Ирину под караулом из 50 стрельцов сослали в дальнюю деревню на Вологде, ее брата Изота Полозова и двух сестер сослали в другие деревни, а именья отписали на государя. Сын Мусиной-Пушкиной, четырнадцатилетний Иван Алексеевич, содержался под караулом в Москве, после чего был сослан в ростовское имение, где пробыл плоть до воцарения нового государя – Федора Алексеевича.

Чем же провинилась несчастная женщина, и почему именно Матвеева, человека доверенного и расторопного, отправил царь для розыска по этому странному делу? С определенной долей осторожности можно предполагать, что вся вина Ирины Мусиной-Пушкиной заключалась в том, что ее сын Иван был рожден от связи с царем Алексеем Михайловичем. Родился он в 1671 г. В это время царь вдовел после смерти первой супруги Марии Ильиничны, но еще не женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной.

Доказательством высокого происхождения Ивана Мусина-Пушкина служит отношение к нему Петра I. Император в своих письмах называл Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина «братцем». Когда в 1716 г. сын И. А. Мусина-Пушкина Платон был отправлен учиться в Голландию, царь рекомендовал его голландскому резиденту князю Б. И. Куракину: «Господин подполковник! Посылаем мы к вам для обучения политических дел племянника нашего Платона, которого вам яко свойственнику свойственника (Куракин был женат на сестре царицы Евдокии Федоровны Лопухиной. – С.Ш.) рекомендую. Петр».

Таким образом все становится на свои места. Слух о царском происхождении Мусина-Пушкина стал распространяться. Озабоченный этим, царь поручил Матвееву заставить замолчать Ирину Мусину-Пушкину и ее болтливую родню. К тому же, у Артамона Сергеевича была личная заинтересованность поддерживать тишину и спокойствие вокруг семейной жизни Алексея Михайловича: его воспитанница за несколько лет до этого стала второй супругой царя, и в 1675 г. уже подрастал трехлетний царевич Петр.

В пользу гипотезы о том, что И. А. Мусин-Пушкин был сыном царя свидетельствует и то, что она была впервые изложена князем Долгоруковым – знатоком сплетен и темных моментов в родословных знатных семейств. Таким образом, с достаточной долей уверенности можно считать, что эта линия Мусиных-Пушкиных является первой внебрачной

ветвью царского рода Романовых.

О внебрачных детях Петра I известно немного, хотя иностранцы пишут, что император не стеснялся посещать Западную Европу, окружив себя толпой «метрес» и прижитых от них детей. Правда, называли и имена видных деятелей и вельмож XVIII в., с той или иной степенью вероятности бывших сыновьями Петра I. Один из них, возможно, великий русский полководец граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, мать которого – графиня Мария Андреевна Матвеева (внучка Артамона) была давней привязанностью императора.

В отношении морали Петр I так же грубо ломал древнерусские устои, как и во всем остальном. Большинство его детей от Екатерины I родились еще до их брака. Это дало повод консерватору и аристократу князю сенатору Дмитрию Михайловичу Голицыну презрительно поименовать цесаревен Анну и Елизавету «выблядками Петра Великого». Впрочем, Голицын позднее поплатился за свое стремление вершить судьбами российского престола. Поставив в 1730 г. Во главе государства Анну Иоанновну, племянницу Петра I, Голицын и его товарищи попытались ограничить было ее самодержавные права, но проиграли и закончили жизнь кто на плахе, а кто в каземате.

Начиная с суровой Анны Иоанновны, большинство правителей Российской державы имели внебрачное потомство. Анна Иоанновна – детей от Эрнста Бирона, которые официально считались детьми Бирона и его супруги, также Анны, урожденной Готлиб фон Тротта-Трейден.

История несчастной княжны Таракановой, якобы дочери императрицы Елизаветы и графа Алексея Григорьевича Разумовского, воспета художником К. Флавицким. Бедная барышня, окруженная водой и крысами, неизменно вызывает общее сочувствие. Другое дело, что Тараканова, скончавшаяся в Петропавловской крепости, вовсе не утонула, да еще и к тому же не была дочерью Елизаветы. А вот загадочная инокиня московского Ивановского монастыря Досифея – скорее всего, действительно дочь веселой императрицы. Досифея долгие годы жила в уединении, но рассказывали, что на столе у инокини стоял портрет Елизаветы Петровны, с которым она имеет явное сходство. Когда же в 1810 г. инокиня Досифея скончалась, то на ее похоронах появилось неожиданно много высокопоставленных особ, которым вроде и не положено провожать в последний путь обычную монахиню. В их числе был и московский генерал-губернатор граф Иван Васильевич Гудович, родня Разумовским по супруге Наталье Кирилловне, племяннице Алексея Григорьевича. Похоронили Досифею в Новоспасском монастыре – родовой усыпальнице Романовых.

Петр III за недолгую жизнь так и не успел стать отцом внебрачных детей, зато здесь, как и во многом другом, его перещеголяла Екатерина II. Оставим в стороне версию происхождении Павла I от Сергея Васильевича Салтыкова. Единственным ее источником являются записки самой Екатерины II. Есть все основания считать, что «матушка-императрица» настолько хотела насолить нелюбимому сыну, что оболгала себя, обвинив в несуществовавшем адюльтере. За родство Петра III и Павла I говорит и внешнее сходство, и сходство характеров.

Зато уже вторая дочь Екатерины II, Анна, родившаяся в 1757 г. и умершая в младенчестве, появилась от связи великой княгини с польским посланником, красавцем Станиславом Понятовским. Впоследствии Екатерина добыла для своего бывшего любовника трон Речи Посполи-той, ставший для Понятовского Голгофой. Из любви к Екатерине он пошел на поглощение своей страны Российской империей, чем заслужил всеобщую ненависть поляков. Однако Понятовскому это было безразлично. Он хотел лишь видеть предмет своего обожания, рвался в Петербург к ногам своей повелительницы, но все безуспешно – для Екатерины роман с королем остался в прошлом, а волновать себя сценами ревности она не хотела. В 1787 г. постаревшие любовники встретились во время путешествия Екатерины II по Днепру. Вскоре после этого государственность Речи Посполитой была окончательно

разрушена, а ее территорию поделили между собой Россия, Пруссия и Австрия. Несчастный король-романтик переехал в Петербург, где и окончил свои дни.

Преемником Понятовского в сердце Екатерины стал богатырь, гвардеец граф Григорий Григорьевич Орлов. В 1762 г. родился их сын Алексей, впоследствии получивший титул графа Бобринского и ставший родоначальником известного рода, продолжающегося и поныне.

Наконец, последним ребенком Екатерины стала ее дочь от Григория Александровича Потемкина, Елизавета, родившаяся в июле 1775 г. В отличие от других мужчин Екатерины, Потемкин был ее законным мужем. Как установил на основе тщательного анализа отрывочных свидетельств В. С. Лопатин, тайное венчание Екатерины II и Потемкина состоялось в июле 1774 г. Среди немногочисленных свидетелей этого таинства находился Александр Николаевич Самойлов, адъютант и племянник Потемкина. Впоследствии в его семье выросла Елизавета Темкина, которую выдали за генерала Калагеорги, грека на русской службе.

Павел I оставил обширное потомство. От второй супруги, Марии Федоровны (первая, Наталья Алексеевна, умерла при родах), у него было четыре сына и шесть дочерей. Но еще до брака Екатерина (вероятно, для того, чтобы дать наследнику необходимый опыт) свела его с княгиней Софьей Степановной Чарторижской. Их сын Семен, родившийся в 1772 г., получил громкую фамилию Великий. Семен Великий был морским офицером. В 1796 г. во время стажировки на английском флоте он неожиданно умер.

На этом амурные приключения Павла I не закончились. Он избрал дамой сердца фрейлину Екатерину Ивановну Нелидову, ставшую с годами едва ли не членом семьи. Вслед за этим император увлекся молоденькой Анной Петровной Лопухиной. Нелидова покинула двор, удалившись в Смольный монастырь. Анну Лопухину Павел обожал и даже учредил в честь нее орден Святой Анны. Комната Лопухиной соединялась со спальней Павла потайным ходом. Однако Анна довольно скоро взбунтовалась и запросилась замуж за предмет своей страсти – князя Павла Гаврииловича Гагарина. Рыцарски благородный император благословил этот брак, но потайной ход остался по-прежнему. Видимо, устав от сановных дам с их капризами, Павел нашел утешение с одной из дворцовых служительниц, и она, незадолго до кончины императора, подарила ему дочь, которую специальным указом предписывалось именовать Мусиной-Юрьевой. Правда, девочка прожила недолго и умерла в детстве.

Сыновья Павла I не отставали от отца. Про Александра I говорили, что он любил всех хорошеньких женщин, исключая свою супругу, императрицу Елизавету Алексеевну. Наиболее длительным был роман Александра с графиней Софьей Антоновной Нарышкиной, урожденной княжной Святополк-Четвертинской. Из ее общих детей с императором дожил до зрелого возраста сын Эммануил, носивший фамилию Нарышкин. Он родился в 1813 г., прожил долгую жизнь, служил при дворе, прославился благотворительностью и умер в 1902 г.

По слухам, другим сыном Александра I был Николай Васильевич Исаков (1821– 1891) – видный государственный деятель, генерал от инфантерии, активный участник проведения военной реформы, организатор Румянцевского музея и Румянцевской библиотеки в Москве.

Николай I был человеком более основательным, чем Александр I. Он предпочитал длительные, проверенные связи, хотя иногда его любвеобильность приводила к скандалам. Многолетней фавориткой императора являлась Варвара Аркадьевна Нелидова, племянница Екатерины Ивановны. Другая длительная связь существовала между Николаем и Еленой Андреевной Цвиленевой, внебрачной дочерью графа А. Г. Орлова-Чесменского и двоюродной сестрой первого графа Бобринского. Елена Цвиленева родила императору восемь детей, носивших фамилию Николаевы. Их потомство существует и в настоящее

время.

По сравнению с братьями великий князь Константин Павлович выглядит скромно – всего трое внебрачных детей: Павел Константинович Александров (1808–1857), впоследствии генерал, от Жозефины Лемерстье; Константин Иванович Константинов (1818–1871), также генерал и видный ученый конструктор в области баллистики и порохового дела, именем которого назван кратер на Луне, и Констанция Ивановна Лишина (1814– 1872) – оба от связи с Кларой-Анной Лоран.

Александр II оказался самым совестливым из императоров: он узаконил своих внебрачных детей и женился на их матери княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой после кончины своей супруги императрицы Марии Александровны. Екатерина Михайловна и ее дети – сын Георгий (1872–1913) и дочери Екатерина (1878–1959) и Ольга (1873–1925) получили титул князей Юрьевских.

Брак императора и княжны Долгоруковой состоялся в 1880 г. и был встречен злобным ропотом при дворе. Многие за глаза обвиняли Александра II в безнравственном поведении, забыв о еще более развратном поведении его предшественников. Ходили и зловещие слухи о неминуемой беде: якобы членам рода Романовых нельзя жениться на представительницах рода Долгоруковых. Первый брак – царя Михаила Федоровича и княжны Марии Владимировны Долгоруковой в 1624 г. завершился скорой смертью невесты. А сватовство Петра II к княжне Екатерине Алексеевне Долгоруковой оказалось трагичным для жениха – накануне свадьбы он скончался (в ночь с 18 на 19 января 1730 г.). Предсказание оказалось пророческим – не прошло и года со дня свадьбы Александра II и Екатерины Долгоруковой, как император погиб от взрыва бомбы, организованного революционерами-террористами.

Помимо князей Юрьевских внебрачным сыном Александра II считали видного военно-морского деятеля начала XX в. – адмирала Евгения Ивановича Алексеева (1843–1918). Наместник на Дальнем Востоке, он стал одним из инициаторов провальной для России войны с Японией. Кроме того, туманные намеки о своем происхождении от Александра II сообщает в своих мемуарах княгиня Мария Клавдиевна Тенишева (1863/1864–1928), прославившаяся как благотворительница, собирательница, художница, искусствовед и этнограф, создавшая музей «Русская старина» в Смоленске и рисовальные школы в Петербурге и Смоленске.

В отличие от предков, два последних императора – Александр III и Николай, – являлись образцовыми супругами. Зато прегрешения против супружеской верности и Закона о престолонаследиии позволяли себе другие другие члены рода. В первую очередь, это братья Александра II – великие князья Константин и Николай Николаевичи. Унаследовав от отца страсть к балетным танцовщицам, оба великих князя завели на стороне вторую семью. Константин Николаевич – с Анной Васильевной Князевой (1844– 1922) (их дети носили фамилию Князевых), а Николай Николаевич – с Екатериной Гавриловной Числовой (1845–1889). Их детям была пожалована фамилия Николаевых.

Не отставали от старших и представители следующего поколения – вопреки запрету, в морганатический брак вступили великие князья Алексей Александрович, сын Александра II (родоначальник графов Белевских-Жуковских от связи с Александрой Жуковской, дочерью поэта), его брат Павел Александрович, Михаил Михайлович, внук Николая I (он женился на внучке А. С. Пушкина графине Софье Николаевне Меренберг, а их потомки получили от английской королевы титул графов де Торби), Михаил Александрович, сын Александра III, а после революции и многие другие.

На рубеже XIX – XX столетий как будто какая-то эпидемия морганатических связей охватила дом Романовых. Александр III силой своего авторитета еще кое-как удерживал родню в рамках закона о престолонаследии. Когда великий князь Николай Николаевич (Младший, сын Николая Николаевича Старшего и внук Николая I) обратился к государю с просьбой дозволить ему брак с некоей петербургской купчихой, в каковую он был без памяти

влюблен, император произнес: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным пока еще не был» – и отказал великому князю. Тот смирился и позднее женился на дочери черногорского правителя. Зато при Николае II его родня прямо-таки разбушевалась. Нарушил запрет даже родной брат императора Михаил Александрович, женившийся в 1912 г. на Наталье Брасовой, урожденной Шереметевской, в браке Вульферт, которую великий князь увел от своего полкового товарища. К несчастью, их сын Георгий (1910–1931) прожил недолгую жизнь и погиб в автокатастрофе во Франции.

Пожалуй, самой примечательной оказалась судьба потомства великого князя Николай Константиновича, первенца Константина Николаевича и внука Николая I. Но прежде следует сказать о судьбе самого великого князя – человека яркого и неординарного, как и многие из Романовых, но оказавшегося в императорской семье отщепенцем.

Высокий и широкоплечий красавец, блестящий офицер, Николай Константинович (в семейном кругу – Никола), погубил свою жизнь неосторожным поступком ради прелестной иностранки. Влюбившись без памяти в американку Фанни Лир, Никола потратил на нее огромные суммы, для получения которых вынес из дворца немало драгоценных вещей. Самой громкой стала пропажа бриллианта с оклада иконы великой княгини Александры Иосифовны, матери Николая. Виновный вскоре нашелся и разгорелся страшный скандал. Многие склонялись к тому, что причиной воровства стала психическая неуравновешенность великого князя; возможно, он не сознавал, что делает. Но император Александр II был суров – вору не место среди императорской семьи. Предлагали разжаловать великого князя в солдаты, однако государь отвечал: «Не хочу позорить имя русского солдата». Николая Константиновича объявили душевнобольным и принялись довольно жестоко и своеобразно лечить. Так, когда несчастный влюбился в одну из светских дам – Александру Демидову, – и как казалось, успокоился, светила тогдашней психиатрии «положительным образом высказались против мысли об установлении постоянных сношений больного великого князя с одной женщиной», предлагая, ради его же душевного здоровья, организовать что-то вроде постоянно обновляющегося гарема (!). Демидову отослали от Николая Константиновича, а тот впал неистовство. К этому времени у них уже было двое детей – Николай и Ольга.

Великий князь оказался в Оренбурге – по тем временам глухой провинции. Романтическая натура, он увлекся экзотическими богатствами соседней Средней Азии (Николай участвовал в походе на Хиву еще в 1873 г., до своей ссылки) и начал пристально заниматься исследованием путей сообщения в этом крае. Результатом вполне профессиональных изысканий великого князя в этой области стали проекты организации железнодорожного сообщения в Средней Азии. Но едва августейшая родня немного успокоилась насчет изгнанника, непоседливый Никола преподнес еще один неприятный сюрприз: женился на дочери оренбургского полицмейстера – девице Надежде Александровне Дрейер (1861–1929). На это последовало новое усиление надзора и подозрения в сумасшествии великого князя. И хотя брак Николая пытались расторгнуть и объявить недействительным, Надежда Александровна отказалась покидать супруга. В 1883 г. у них родился сын Артемий, а в 1887 г. – Александр. К этому времени Николая Константиновича перевели в горячо любимую им Среднюю Азию, где он очень многое сумел сделать для экономического и культурного освоения этого края русскими.

Трудами великого князя был построен 60-верстный канал имени Николая I в Голодной степи, превративший обширные пустынные пространства в оазисы, созданы несколько поселений, фабрики, благотворительные учреждения, гостиница и даже кинотеатр в Ташкенте. Служащий Среднеазиатский железной дороги А. Новицкий, отражая общее мнение местной интеллигенции, характеризовал великого князя как «народного труженика, сеятеля культуры, давшего не одной сотне трудящихся рабочих хлеб и жилище».

К концу XIX в. сумасбродства Николая Константиновича были забыты. Его супруга и сыновья получили в 1899 г. титул графов Искандер – среднеазиатская форма имени Александр. Правда, брак великого князя нельзя было назвать прочным – он увлекался и другими женщинами, а казачку Дарью Часовитину даже называл «царицей, супругой царя Голодной степи» (их сын Святослав в 1919 г. был расстрелян; тогда же умер и другой – Николай, а дочь Дарья скончалась в 1966 г., в возрасте 70 лет).

Когда в 1901 г. Надежда Александровна поехала в Петербург для свидания с сыновьями, учившимися в Николаевском кавалерийском училище, великий князь сумел обвенчаться с 16-летней гимназисткой Варварой Хмельницкой. Теперь уже настала очередь Николая II негодовать на безнравственность дяди. Хмельницкую выслали из Ташкента, и Николай Константинович вернулся в лоно двух прежних семей – полузаконной и совсем незаконной. Умер он в 1918 г. и был с большими почестями похоронен в Георгиевской церкви в Ташкенте. Большевики не трогали великого князя, именуя его жертвой режима, но потомкам Николая Константиновича пришлось туго.

Его старший сын Александр воевал в Белой армии и в 1919 г. участвовал в «Небесном походе» из Туркестана в Крым. С 1920 г. – в эмиграции, работал шофером, сторожем, репортером. Умер он в 1957 г. в Ницце. От брака с Ольгой Иосифовной Роговской (1893–1962) у Александра Николаевича было двое детей – Кирилл и Наталья – позднее получившие фамилию и отчество второго мужа Ольги Иосифовны – Николая Андросова. Эта семья осталась в России.

Наталья, крестница великого князя Николая, унаследовала от деда крутой нрав. Детство ее было тяжелым – после смерти великого князя большевики выгнали его семью из ташкентского дворца. В 1922 г. Ольга Иосифовна с двумя детьми переехала в Москву, сначала жили на Плющихе, потом – в «подвальчике» на Арбате, где Наталья Александровна прожила вплоть до 1970 г. Окончив семь классов школы, она работала чертежницей, шила обувь, занималась в автоклубе и мотоциклетном клубе. Любовь к мотоциклу привела ее в цирк, и Наталья Андросова начала выступать с уникальным номером – «Гонки по вертикали» в Парке Горького. Она ездила внутри огромного деревянного круга, все более и более разгоняясь, пока не достигала необходимой скорости для выхода на вертикальную стену. Этот аттракцион требовал не только мастерского владения мотоциклом, но и отчаянной храбрости.

Стройная и высокая, Наталья обладала красотой актрисы и осанкой царственной особы. Ей посвящали свои произведения Александр Галич, Юрий Нагибин, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко. Москвичи звали прекрасную мотогонщицу «королевой Арбата». «Она была богиня, мотогонщица и амазонка. Все ребята с Арбата и из переулков знали ее красный с никелем „Индиан-Скаут“, у каждого в душе как сияющий образ горели неугасимо ее нечеловечески красивое лицо и летящая фигурка в мужской ковбойке или в жакетике, прекрасные ноги в бриджах и крагах, нежно сжимающие ревущий звероподобный „Индиан-Скаут“. Она ездила по стене в Парке культуры каждый вечер, заездов по пятнадцать-двадцать. Это было страшно и прекрасно, лицо ее бледнело, глаза расширялись, и длинные рыжеватые локоны ее развивались сзади, оставляя за собой золотой след…» – пишет Юрий Казаков в повести «Две ночи».

Карательные органы знали о происхождении Натальи Андросовой, шпионили за ней и неоднократно пытались арестовать. Только чудом можно объяснить, что ни сама Наталья, ни ее близкие не были арестованы.

Во время войны Наталья служила в армейской связи, затем водила грузовики, участвовала в противовоздушной обороне Москвы. В 1943 г. аттракцион «Гонки по вертикали» был восстановлен, и Наталья Андросова выступала в нем вплоть до 1967 г., неоднократно получая тяжелые травмы, но каждый раз опять возвращаясь на арену. После ухода из аттракциона,

она до 1990-х гг. была судьей на соревнованиях в различных видах мотоциклетного спорта. В последние годы жизни к ней обращались представители многих монархических организаций – единственная из всех потомков Романовых, она пережила советскую эпоху в России. Но Наталья Андросова предпочла держаться в стороне от современных монархистов. Умерла она в 1999 г. в Москве и похоронена на Ваганьковском кладбище.

Как можно видеть, только из внебрачных потомков императорской фамилии можно составить весьма обширный список, и среди них немало личностей, сыгравших значительную роль в истории России. Как и царская династия, так и российское дворянство в целом дали немало внебрачных ветвей и отдельных выдающихся лиц. Некоторые из них даже получили титулы. Самые известные из них – графы Перовские, бароны Вревские и Сердобины.

Перовские были потомками графа Алексея Кирилловича Разумовского от его связи с дочерью берейтора Марией Соболевской. Свою фамилию они получили от подмосковского имения Разумовских – села Перово. Первое поколение Перовских, сыновья Алексея Кирилловича, прославились на государственном и литературном поприще.

Алексей Алексеевич (1787–1836) известен как писатель под псевдонимом Погорельский. Известно его огромное влияние на племянника – поэта графа Алексея Константиновича Толстого. Лев Алексеевич (1792–1856) при Николае I занимал пост министра внутренних дел, а в 1849 г. получил титул графа. Третий из Перовских, Василий Алексеевич (1795– 1857) – генерал, участник Отечественной войны 1812 г. и оренбургский губернатор, прославился походами в Среднюю Азию и завоеванием первой крупной кокандской крепости – Ак-Мечети, – позднее переименованной в Перовск. Так же как и Лев, Василий и его брат Борис были удостоены графского титула. Однако эта семья дала не только государственных деятелей и литераторов, но и не менее известную революционерку – Софью Перовскую, участницу «Народной воли», казненную за убийство Александра II.

Не менее интересна судьба баронов Вревских и Сердобиных. Их родоначальником был князь Александр Борисович Куракин (1752–1818), выдающийся дипломат и государственный деятель эпохи Павла I и Александра I. От разных женщин (в основном, дворовых и крепостных) князь Александр Борисович имел многих внебрачных детей (исследователи называют даже цифру 70). Часть из них пользовались особой любовью князя: семерым он выхлопотал у австрийского императора титул баронов Вревских (по названию имения в Псковской губернии); еще одиннадцать получили фамилию Сердобины по имению Сердобы в Тамбовской губернии и также баронский титул.

Вревские известны в летописях отечественной культуры как близкие друзья А. С. Пушкина. Приятельница и соседка поэта по имению, Евпраксия Вульф вышла замуж за барона Бориса Александровича Вревского, старшего из сыновей Куракина. В этой семье бережно хранились пушкинские письма и другие реликвии, позднее переданные баронессой Марией Борисовной Вревской в Императорскую публичную библиотеку. Знакомым Пушкина был и еще один сын Куракина – Михаил Николаевич Сердобин, с которым поэт обедал накануне роковой дуэли у Евпраксии Вревской.

Братья Бориса Александровича – Павел (1810–1855) и Ипполит (1813–1858) – пали на поле брани. Первый в чине полковника и генерал-адьютанта погиб во время Крымской войны, второй – генерал-майор, был убит при штурме аула Кетури в Кавказской войне.

Фамилии, которые давались внебрачному потомству, образовывались не только от земельных владений. Часто они представляли собой усеченные или трансформированые фамилии отцов. Например, сын барона Альбедиля получил фамилию Альбединского, дети действительного тайного советника А. А. Нартова – фамилию Артовых, сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого звался Иван Бецкой, дети князя И. С. Барятинского и девицы А. Бибиковой – Бибитинскими, от П. С. Веселовского происходят Еловские, от графа П. Б. Шереметева – Реметевы, князья Репнины дали начало двум фамилиям – Репнинским и

Пниным и т. д.

Иногда использовали и игру слов: Александр Герцен, сын московского барина Яковлева и немки Генриетты Гаак, получил фамилию от немецкого слова hertz – «сердце», то есть как «дитя сердца», сердечной связи. И наоборот, сын майора Христофора Остен-Сакена Александр получил фамилию отца, переведенную на русский язык – Востоков, – и впоследствии стал известным славистом.

Вообще, талантливых людей среди внебрачных больше, чем среди тех, кто родился в законном браке родителей. Вероятно, стремление доказать свету свою полноценность становилось мощным стимулом для их духовного роста. Перечислим лишь самых знаменитых из внебрачных детей русской аристократии:

Иван Иванович Бецкой (1704–1795), сын фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого (он же был и последним русским боярином), взятого шведами в плен под Нарвой, и некоей шведки. Просветитель, основатель и первый директор Академии художеств, Иван Иванович особенно заботился о судьбе незаконнорожденных, и явился инициатором создания Воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге. По слухам, Бецкой якобы был отцом Екатерины II, в доказательство чего приводили дружбу Бецкого с матерью императрицы, высокое положение, которое Иван Иванович занимал при Екатерине II, и, наконец, их внешнее сходство. Активным сторонником этой версии был граф Николай Николаевич Бобринский (1927–2000), генеалог и писатель, потомок Екатерины II. Если довериться ей, получается, что императрица-немка на самом деле – потомок знатнейшего русского рода. Однако, скорее всего, это лишь легенда. Большинству прославленных государей приписывают не тех отцов, стремясь окружить и их происхождение тайной (таковы, например, мнения о происхождении Ивана Грозного от князя Овчины Оболенского, Петра I от боярина Стрешнева и даже Сталина от Николая Михайловича Пржевальского (!)). У Ивана Ивановича Бецкого известна одна дочь, так же незаконнорожденная, как и он сам, Анастасия Соколова (1741–1822), ставшая женой адмирала Осипа Михайловича де Рибаса, столь почитаемого в Одессе.

Александр Порфирьевич Бородин (1833–1887), знаменитый композитор и химик, был сыном поручика князя Луки Степановича Гедианова (татарского происхождения) и дворовой девушки.

Александр Иванович Герцен (1812– 1870), литератор, публицист, философ и издатель, как уже говорилось выше, был сыном Ивана Александровича Яковлева и Генриетты Гаак. Примечательно, что отец Герцена был потомком знатного боярского рода, родственного императорской династии Романовых, и таким образом, ярый борец с российским самодержавием находился в родстве с теми самодержцами, против которых боролся.

Василий Андреевич Жуковский (1783– 1852), поэт и литератор, являлся сыном надворного советника Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи, в крещении Елизаветы Дементьевны. Фамилию и отчество он получил от помещика Андрея Григорьевича Жуковского, согласившегося по просьбе Бунина усыновить мальчика.

Андрей Александрович Краевский (1810–1889), публицист и издатель «Отечественных записок», был сыном Николая Петровича Архарова, московского обер-полицмейстера.

Василий Григорьевич Перов (1833– 1882), художник – сын губернского прокурора барона Григория Карловича Криденера.

Иван Петрович Пнин (1773–1805), поэт, литератор и издатель, был сыном фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина (по другой версии – князя Петра Ивановича Репнина). Есть версия, что сводным братом И. П. Пнина являлся еще и художник Федор Степанович Рокотов, также сын фельдмаршала Репнина.

Александр Иванович Полежаев (1805– 1838) – известный своей трагической судьбой поэт – сын помещика Леонтия Николаевича Струйского и дворовой девушки. Фамилию и отчество

получил от отчима-мещанина.

Сергей Александрович Соболевский (1803–1870), известный библиофил и один из близких друзей А. С. Пушкина, был сыном крупного вельможи Александра Николаевича Соймонова.

Николай Федорович Федоров (1832– 1903), хранитель Румянцевского музея и самобытный философ, происходил от связи князя Павла Ивановича Гагарина и дворянки Елизаветы Ивановны. Отчество и фамилию он получил, вероятно, от крестного отца – Федора Карловича Белявского.

Внебрачные связи, как и официальные, пронизывали все сословие, скрепляя его еще и еще раз. Каждый раз, рассматривая генеалогию того или иного рода, убеждаешься в справедливости блоковских слов: «Дворяне все родня друг другу…» Правда, иногда такое родство, внебрачное и незаконное, не стремились афишировать, и многие тайны ушли в небытие вместе с их носителями.

Немного о дуэлях

Первая дуэль, документально зафиксированная в России, датируется 1637 г. В Бронной слободе схватились за шпаги два иноземца, служившие сержантами в полках «нового строя», – Григорий-томас Грельс и Петр Фальк. Первый, как потом оказалось, зачинщик драки, получил смертельный удар прямо в сердце и на месте скончался. Дело о «смертном убойстве» расследовали и даже докладывали царю. Фальк оправдывался тем, что лишь защищался. По его версии, Григорий пьяный пришел к нему на двор, ругал и ударил шпагой по уху, вызывая на поединок. Тогда Петр вышел на улицу, «и он погнался за мною, и хотел меня сколоть шпагою… и он набежал на мою шпагу, и накололся, и от того ему смерть случилась».

Следствие показало, что дело было сложнее – Фальк был должен Грельсу два рубля и отдал ему карабин в заклад. Видимо, за деньгами тот и пришел к Фальку. Оба были пьяны, и разговор перешел в ссору, а затем и в драку. От «ручного боя» сержанты перешли на шпаги, и дуэль закончилась смертельным исходом. Незадачливый победитель оказался в тюрьме и пытался спастись, приняв православие. Но такой «новокрещен» оказался никому не нужен. Почему-то о Фальке попросту забыли, и в 1642 г. в тюрьме он скончался.

Таковы самые ранние свидетельства о дуэли в России. К этому времени она уже получила довольно широкое распространение в Европе. Естественно, что в Россию дуэльные обычаи проникали вместе с западноевропейскими офицерами, которые с середины XVII в. стали селиться в особой Иноземной слободе за пределами Москвы. Дневник генерала Патрика Гордона, жителя этой слободы, свидетельствует, что во второй половине XVII в. дуэли между офицерами-иностранцами происходили довольно часто. До петровской эпохи их распространение ограничивалось узким кругом офицеров-иноземцев. С начала XVIII в., когда число иностранных офицеров существенно увеличилось, а вся русская армия была преобразована по образцу западноеропейских, дуэли получили более широкое распространение. Это вызвало первый указ, карающий смертью, «если кто впредь… учнет такие поединки заводить, или на те поединки кого вызывать, и ходить собою для какого-нибудь задора, и в таком поведении кому хоть малые раны учиняться…» (1702). Это строгое наказание за участие в дуэлях – смертная казнь как для участников, так и для секундантов – было подтверждено «Уставом воинским» 1716 г.

И хотя дуэльная традиция пришла в Россию из Западной Европы, в истории средневековой Руси можно указать на явления, сходные как с поединком чести, так и с рыцарским соперничеством, из которого и родились дуэли. Так, известно упоминание о некоем подобии рыцарских турниров – военных соревнованиях XIV в., иногда даже завершавшихся смертельным исходом. Родословные книги свидетельствуют о князе Семене Андреевиче Андогском, что его убил Григорий Васильевич Заболоцкий. Вероятно, этот бой произошел в

одном из сражений феодальной войны XV в. и имел характер рыцарского поединка. Оба участника боя были Рюриковичами, только Андогский сохранял и титул, и часть родовых земель, а Заболоцкий являлся боярином великого князя московского, потомком смоленских князей, утратившим титул.

Наконец, в Средневековой России довольно широкое распространение имела традиция судебных поединков, именовавшихся «полем». На них выходили в том случае, когда правота сторон не выявлялась в ходе судебного разбирательства. «Поле» становилось Божиим судом, а поражение в нем приравнивалось к признанию вины. Не случайно «Судебник» 1550 г. предписывает: «А на убитом истцово доправить». Впрочем, чаще всего стремились разрешить дело без смертоубийства, сурово осуждавшегося Церковью. Церковные иерархи запрещали хоронить по православному обряду и поминать погибших «на поле», так же как и самоубийц. Тот, кто не мог биться, выставлял за себя наемных бойцов, каковых, вероятно, было немало. В XVI в. часто истец и ответчик сами не брали в руки оружия, доверяя исход спора наемникам. Так постепенно обычай обращаться к Божьему суду терял свой смысл. Немец-опричник Генрих Штаден свидетельствует, что бойцы-наемники часто вступали в сговор с противной стороной и лишь имитировали поединок, оставляя в дураках одного из участников спора. В XVII в. о «поле» уже нет известий.

Появляясь в русской армии при Петре I, дуэли вплоть до второй половины XVIII в. имели незначительное распространение. Их расцвет начинается в эпоху Екатерины II, что тесно связано в первую очередь с возрастающим осознанием дворянством себя как благородного сословия после Манифеста 1762 г. Дуэль – вооруженный поединок, проводящийся по определенным правилам. Его главное назначение – защита чести от оскорблений. Поэтому дуэль была возможна только между представителями благородного сословия, дворянами, равными. В конфликте с мещанином (лавочником, приказчиком, трактирщиком) дворянин пускал в ход палку или кулаки, но не мог и помыслить о том, чтобы воспользоваться благородным оружием – шпагой. «Если ты пришел в кабак, то не прогневайся – какова компания, таков и разговор; если на улице шалун швырнул в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить просто», – писал Пушкин.

Напрасно правительственные законы, указывая на жестокое наказание дуэлянтам, призывали решать все споры по суду. В пушкинскую эпоху невозможно было представить, чтобы оскорбленный дворянин побежал с жалобой в полицию. Уклонившийся от дуэли трус становился изгоем в дворянском обществе. Дуэлянты без раздумий шли на смерть пусть даже из-за какого-то пустяка, стремясь доказать свету, что достойны благородного звания. Так дуэль становилась важным символом независимости благородного человека, вызовом правительству, обладавшему монополией на право судить и наказывать. Строго осуждала дуэли и Церковь, приравнивавшая дуэлянтов к самоубийцам. Тем не менее, в эпоху расцвета дуэлей (от Екатерины II до Николая I) правительство было вынуждено мириться с их существованием. Неизвестно, чтобы приговоры военных судов о повешении дуэлянтов (например, таким был приговор по делу о дуэли Пушкина с Дантесом) приводились в исполнение. Императоры смягчали эти приговоры, высылая участников дуэли в действующую армию, понижая в звании, отправляя на определенный срок в крепость. До поры правительство было вынуждено мириться с этим проявлением независимости дворянства, зато, когда после разгрома декабристского восстания стихия дворянского мятежа была усмирена, дуэли утратили свое значение. В середине XIX в. в образованном обществе все большее влияние приобретает сословие разночинцев, не имевших права стреляться с дворянами, постепенно дуэли становятся редкостью, и их всплеск в начале XX в. – проявление поисков экзотики интеллектуальной элитой страны.

Впрочем, и в самом дворянском обществе, даже в пушкинскую эпоху, отношение к дуэлям было различным. В провинции они были редкостью. Отцы семейств, мирные помещики и

отставные, составлявшие провинциальное светское общество, слишком практично смотрели на мир, чтобы прибегать к дуэльным сумасбродствам. «Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, другое, в третье – и разойдетесь; а мы уж вас потом помирим. А то: доброе ли дело, заколоть своего ближнего, смею спросить?» – рассуждает старый офицер Иван Игнатьевич в «Капитанской дочке». По его мнению, дуэль между своими, офицерами российской армии, непростительная блажь. Гринев же смотрит на дело иначе – оскроблен предмет его лучших чувств, и это оскорбление должно быть смыто кровью.

Итак, дуэль была принадлежностью светских людей, составлявших общество петербургских и московских салонов и гостиных. Подавляющее большинство дуэлянтов были офицерами. Штатский дуэлянт, обычно, являлся исключением из правил. Многочисленные дуэли молодого Пушкина – стремление доказать, что его штатский фрак не препятствует ему быть достойным поединка. Примечательный эпизод излагает писатель И. И. Лажечников. Однажды, когда Лажечников находился у своего полкового товарища майора Денисевича, к майору вошли посетители – штатский и двое военных. Штатский напомнил Денисевичу о произошедшей вчера ссоре в театре и предложил тому выбор оружия. Майор, совершенно не ожидавший такого поворота событий, «покраснел, как рак», и пытался отпереться: «Я не могу с вами драться, – сказал он, – вы молодой человек, неизвестный, а я штабс-офицер…» «При этом оба офицера засмеялись, – пишет Лажечников, – а я побледнел от негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ, хотя вся сцена была для меня загадкой. Статский продолжал твердым голосом: „Я русский дворянин, Пушкин; это засвидельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно иметь будет со мной дело“». Эта дуэль не состоялась, но Пушкину было довольно публичного унижения соперника.

Впрочем, даже в офицерской среде были идейные противники дуэли, заставлявшие считаться со своим мнением. Таковым был, например, Петр Чаадаев, неоднократно доказавший свою храбрость на поле боя; он говорил: «Если в течение трех лет войны я не смог создать себе репутацию порядочного человека, то, очевидно, дуэль не даст ее». Однако такой подход был исключением. Грибоедов, осуждавший варварство дуэльного поединка в следующих стихах:

Не мы ли жизнь, сей дар священный,
На подвиг гнусный и презренный
Спешим безумно посвятить
И, умствуя о чести ложно,
За слово к нам неосторожно
Готовы смертью отомстить?

– сам был участником знаменитой «четвертной дуэли» Шереметев – Завадовский, Якубович – Грибоедов, на которой прославленный бретер Якубович специально прострелил ему руку, чтобы лишить удовольствия музицировать. Как говорил дворянин-нигилист Базаров: «С теоретической точки зрения дуэль – нелепость, ну а с практической точки зрения – дело другое». Даже самый миролюбивый и спокойный человек, в случае когда прилюдно была задета его честь, не мог удержаться от того, чтобы потребовать от оскорбителя удовлетворения.

Большинство дуэлей происходило из-за женщин. Причиною могло быть и неосторожное слово, и любовная связь. Вовсе не обязательно, чтобы имя дамы упоминалось как повод для ссоры. Пьер Безухов пропускает мимо дерзость любовника жены Долохова, а срывается

только тогда, когда тот берет у него из рук лист бумаги с текстом песни. Вступавшийся за честь оскорбленной дамы, хотя бы для себя, должен был обладать какими-то правами на нее. Любопытен диалог Печорина и Грушницкого о княжне Мери:

«– А ты не хочешь ли за нее вступиться?
– Мне жаль, что я не имею еще этого права…»

Демонстративно отстраняясь от княжны, Печорин тогда отказывается и от права выйти на дуэль за ее честь (что ему впоследствии и пришлось сделать, правда, по другой причине).

Далеко не каждая девушка хотела стать предметом дуэльной истории. Конечно, для честолюбия женщины лестно, что кто-то ради нее готов идти на смерть, однако репутация невесты или честной жены могла и пострадать. Были и противницы дуэлей из-за женщин, выступавшие, если можно так выразиться, с феминистических позиций.

…Кто позволил
Обоим вам надменно ревновать,
Соперничать, оспаривать меня?..
Исканья ваши чем я ободрила?..
Чем можете хвалиться? Что вы мне?
Я не сестра вам, не жена, не дочь,
Я не люблю вас… слышите! Равно
Вы оба чужды мне, немилы оба!
Ревнуют лишь свое добро: но вы?..
Присваивать меня как смели вы?

– гневно восклицает поэтесса графиня Евдокия Ростопчина.

Родственник оскорбленной – брат, муж или отец – чаще всего и вступался за ее честь. В январе 1825 г. много шума наделала дуэль Чернова с Новосильцевым. Флигель-адъютант Владимир Дмитриевич Новосильцев принадлежал к высшему свету. Познакомившись с семейством небогатых помещиков Черновых, он влюбился в их дочь – Екатерину, девушку необычайной красоты, и сделал предложение. Черновы с радостью согласились, но мать Новосильцева – гордая Екатерина Владимировна (урожденная графиня Орлова) – наотрез отказалась дать согласие на брак. Екатерина Чернова, носившая простонародное отчество Пахомовна, в глазах Новосильцевой была не достойной ее сына. Дело затянулось, и тогда за честь сестры вступился Константин Чернов, подпоручик Семеновского полка. Когда дело дошло до дуэли, ее условия была весьма суровыми – стреляли с расстояния в восемь шагов. Обычно такие условия приводили к смерти или тяжелым ранениям обоих дуэлянтов и были признаком страшного оскорбления. Так вышло и на этот раз – оба противника получили смертельные ранения и вскоре скончались.

Дуэль Чернова с Новосильцевым имела и политическую окраску. Чернов принадлежал к тайному обществу, а его секундантом был Кондратий Рылеев. В их глазах Новосильцев был не просто оскорбителем несчастной Екатерины, но и временщиком-аристократом, поправшим честь сограждан, пользуясь близостью к царю. Похороны Чернова превратились в первую в России политическую демонстрацию, на них зазвучали грозные строки Рылеева:

Клянемся честью и Черновым –
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас унесть готовым.

Нет! Не Отечества сыны
Питомцы пришлецов презренных.
Мы чужды их семей надменных,
Они от нас отчуждены.
Так, говорят не русским словом,
Святую ненавидят Русь.
Я ненавижу их, клянусь,
Клянуся честью и Черновым…

И все же политических дуэлей, в отличие от Западной Европы, Россия почти не знала. Не было ни политических партий, ни противоборствующих течений. Большинство дуэлянтов придерживались либо сходных политических взглядов, либо вовсе были индифферентны к политике. Возможность политических дуэлей появилась в России только в начале XX в., тогда и произошло несколько таких случаев, каждый раз громко обсуждавшихся в обществе. Самым знаменитым дуэлянтом был Александр Иванович Гучков – потомок купеческого рода, не дворянин. Однако к этому времени дуэльные правила уже утратили свою строгость. Гучков стрелялся со своим соратником по партии графом Уваровым, попытавшимся создать оппозицию внутри «Союза 17 октября», а затем с жандармским полковником Мясоедовым, обвинявшимся в шпионаже. Вызывал Гучков на дуэль и лидера кадетов П. Н. Милюкова, но дело закончилось миром. Другой кадет, Ф. И. Родичев, употребил с думской трибуны выражение «столыпинский галстук», имея в виду виселицу. Разгневанный премьер прислал к Родичеву секундантов, и тот был вынужден извиниться.

Дуэльное равенство дворян имело и свои исключения. Не могли стреляться начальник и подчиненнный, должник и заимодавец (если долг, конечно, был значительным). Вне дуэльных правил находились и члены императорской фамилии, хотя известно, что цесаревич Константин Павлович объявлял о своем желании «быть к услугам» обиженных им офицеров или выступить секундантом, дуэли с его участием неизвестны. Покушение на члена императорской семьи было бы цареубийством, а это уже совсем другая тема. И хотя Якушкин, намеревавшийся с двумя пистолетами напасть на Александра I и из одного застрелить императора, а из другого – себя, считал такой поступок поединком, на самом деле честной дуэлью это назвать нельзя. И все же конфликты с цесаревичем Константином и великим князем Николаем (будущим Николаем I), унаследовавшими от отца горячность и грубость, в офицерской среде были. Решались они самым трагическим образом. Оскорбленный великим князем Николаем, офицер застрелился, и брат-император заставил великого князя идти за гробом. Константин Павлович оскорбил целый полк, офицеры которого по жребию совершили несколько самоубийств, пока цесаревич публично не извинился (правда, перед этим продемонстрировав очередную готовность выйти к барьеру).

Весь XVIII в. господствовали дуэли на холодном оружии: шпагах и саблях. Это было и данью традиции, и свидетельством несовершенства огнестрельного ручного оружия. Большинство дуэлей на шпагах и саблях завершались нанесением легких ранений, но бывало и заканчивались смертью одного из противников. Уже первые раны, какими бы незначительными они ни были, давали возможность секундантам вмешаться и остановить поединок. Бой до нанесения тяжелого ранения или смерти, как и короткая дистанция при стрельбе, означали тяжелое оскорбление. В александровское царствование шпагу заменяет пистолет – оружие более страшное, но зато подвластное любому, вне зависимости от физических кондиций. Пистолет, из которого мог нанести тяжелую рану противнику даже слабый стрелок (вспомним дуэль Безухова с Долоховым), более отвечал своему назначению орудия Божьего суда, к которому прибегал оскорбленный.

Русские правила дуэли на пистолетах были куда более жестокими, нежели

западноевропейские. Часто стрелялись на 8–10 шагах, в крайних случаях – на 3-х. Европейские правила предписывали, что крайним расстоянием являются 15 шагов, а нормальным – от 25 до 35 шагов. Пушкин издевательски высмеивал французскую традицию стреляться на 30 шагах. Западноевропейский кодекс требовал, чтобы тот из противников, кто совершил выстрел, оставался на месте в полной неподвижности. Русский обычай, напротив, предполагал, что стрелявший выходит к барьеру, подставляя себя под близкий выстрел противника. Наиболее опытные дуэлянты быстро выходили к барьеру и ожидали, пока соперник преодолеет это же расстояние. Противник терял самообладание, стрелял на ходу и промахивался. Тогда, подойдя к барьеру в 10-ти шагах от неприятеля, он становился беззащитной мишенью. Европейцы такие условия воспринимали как неслыханное варварство. И дело было не в особой храбрости русских дуэлянтов, а в разных подходах к дуэлям. В Европе самого выхода к барьеру было достаточно, чтобы показать смелость и достоинство обеих сторон. Для русских мистическая сторона дуэли была гораздо важнее. Известное русское стремление к крайностям («или пан, или пропал») находило свое выражение в особенностях русской дуэли.

С поправками на местные особенности, в России действовал французский кодекс Шатовильяра. Его русский вариант, составленный В. Дурасовым, появился уже тогда, когда дуэли стали экзотикой – в 1912 г.

Дуэль, как ритуальное действо, имело свои правила. Нарушение правил могло привести к тому, что поединок превращался в убийство. Так, в «Герое нашего времени» заряжает пистолеты только один из секундантов – секундант Грушницкого. Печорин и его секундант, Вернер, это знают, но не вмешиваются. И только случайность позволяет Печорину избежать смерти. Дуэль Печорина с Грушницким содержит несколько нарушений дуэльного кодекса, включая и требование Печорина перезарядить его пистолет. Ритуализировались не только действия во время самого поединка, но и предшествовавшие ему события – ссора и вызов.

Повод для ссоры мог был каким угодно, как впрочем и истинная причина – женщина, честь полка, карты, любое недоразумение, грубая шутка и т. п. – все это могло стать поводом для того, чтобы произнести учтивую фразу: «Сударь, я требую объяснений» или «Это не может так оставаться». Никогда не говорили: «Я вызываю вас на дуэль», – обходясь намеками, впрочем, ясными обеим сторонам. В случае резкого конфликта в ход шло оскорбление, как словом, так и действием – пощечина, удар перчаткой. Присутствующие обычно и становились секундантами. Особенно часто такие ссоры возникали на приятельских пирушках. Кто-то не понял шутки, оскорбился, и вот уже закадычные приятели переходили на убийственное «вы», а на другой день один мог убить другого. Яркий пример – одна из дуэлей знаменитого бретера графа Федора Ивановича Толстого-Американца. Во время игры в карты Нарышкин обратился к Толстому со словами: «Дай туза». Тот в шутку, продемонстрировав мощные руки, ответил: «Изволь». Такая игра слов («туз» и «тузить») обидела Нарышкина, он вызвал Толстого на дуэль и был убит. Декабрист Михаил Лунин, столь же прославленный дуэлянт, как и Толстой, не слишком затруднялся в поиске повода для дуэли. Современник свидетельствует: «Когда не с кем было драться, Лунин подходил к какому-нибудь незнакомому офицеру и начинал речь: „Милостивый государь! Вы сказали…“ – „Милостивый государь, – отвечал тот, – я вам ничего не говорил“. – „Как? Вы утверждаете, что я солгал? Я прошу вас мне это доказать путем обмена пулями“. Объяснение происходило и в письменной форме. Противнику посылали „короткий вызов иль картель“, и тогда вступали в дело секунданты. Согласно дуэльному кодексу, обязанностью секундантов, вне зависимости от их желания, было стремиться к примирению противников на всех этапах дуэльной истории. Поэтому Клементий Россет отказался стать секундантом Пушкина, заявив, что не менее того желает смерти Дантесу и готов приехать прямо на место дуэли. Пушкина это не устроило, и он нашел Данзаса. Секунданты вырабатывали и условия дуэли – где и

когда, на скольких шагах, порядок выстрелов (по очереди, произвольно или по команде), количество выстрелов в случае, если после первого залпа оба противника остаются живы. Этот документ скреплялся подписями секундантов. Личности секундантов придавалось особое значение. Как и противники, они должны были обладать безупречной репутацией и принадлежать к тому же кругу. Когда Онегин привозит на место дуэли своего лакея Гильо, он насмехается и над самой идеей этой дуэли, и над секундантом Ленского – Зарецким, который такой же „честный малый“, как и лакей-француз. И хотя обычно стремились избрать секундантом товарища, верного дружбе и опытного в дуэлях, частые переезды дворян-офицеров по служебным и личным делам приводили к тому, что секундантом могли избрать и первого попавшегося представителя благородного сословия. Отказаться от чести стать секундантом было столь же неприлично, что и отказаться от дуэли.

Поединок чаще всего происходил рано утром, до того как начинались служебные дела участников (большинство из них были офицерами). Стремились уехать за город, в уединенное и безлюдное место, где можно было не опасаться, что в дело вмешается полиция. Для дуэли выбирали ровную площадку и размечали барьеры, обозначая их воткнутыми в землю саблями, положенными шинелями и т. п. Тогда, совместно зарядив пистолеты, секунданты делали последнюю попытку примирить противников. Если повод для ссоры был незначительным, что понимали и дуэлянты, удавалось избежать поединка. Обиженному приносились корректные извинения, и вся компания отправлялась отмечать это событие. Когда же один или оба противника выражали желание стреляться, секунданты давали команду начинать дуэль.

В большинстве случаев дуэльные условия не оговаривали очередность. По команде: «Сходитесь!» или по счету: «Раз! Два! Три!» – дуэлянты начинали медленно шагать навстречу друг другу к барьеру. Как уже говорилось выше, опытные дуэлянты стремились быстрее дойти до барьера с заряженным оружием и ожидали, экономя свой выстрел. Это нервировало соперника, и тот торопился выстрелить. Тогда, вызвав неприятеля к барьеру, бретер мог спокойно убить его, либо, испытав некоторое время, выстрелить в воздух. В воздух часто стреляли и опытный бретер М. С. Лунин, и А. С. Пушкин. Выстрел в воздух (тогда говорили «на воздух») означал, что противник, выдержавший выстрел, не желает смерти соперника и готов его простить. Такое поведение было позой, признаком отчаянности. Но также могло и демонстрировать презрение к сопернику. По свидетельству современников, Пушкин в Молдавии стрелялся с немцем, которого пришлось долго уговаривать выйти на дуэль. От страха немец поспешил выстрелить и не попал. Тогда Пушкин вызвал его к барьеру, вышел сам на край дистанции и облегчился…

После первого обмена выстрелами дуэль могла прекратиться – один из противников был ранен или убит, либо, доказав свою храбрость, дуэлянты мирились, – а могла и продолжиться. Лунин, вызвавший на дуэль Алексея Федоровича Орлова (будущего шефа жандармов) только потому, что тот никогда ранее не дрался на дуэли, выждал первый выстрел соперника и выстрелил в воздух, не переставая подсмеиваться над Орловым. Тот рассвирепел и потребовал перезарядить пистолеты. Лунин вновь стал иронизировать, советуя Орлову тщательнее целиться. Орлов сбил с Лунина шляпу, а тот вновь выстрелил в воздух. Вмешательство секундантов остановило дуэль. Надо сказать, что выстрел в воздух был правом только второго стрелявшего. В случае, когда первый из дуэлянтов стрелял в воздух, его сочли бы трусом.

Дуэльная традиция стала сходить на нет в 1830-е гг. Поколение Лунина и Пушкина уходило со сцены. Те, кто не попал под следствие по делу декабристов и не был выслан из Петербурга, переходили в категорию людей пожилых и солидных, которым уже не к лицу было стреляться. А сменившая их гвардейская молодежь была отравлена атмосферой николаевского деспотизма и идею защиты чести считала пустым звуком.

В 1830 г. кавалергардский офицер граф Платер ударил своего сослуживца поручика Ключинского перчаткой по носу. Тот ответил ударом в лицо. Дело закончилось разбирательством у начальства, а вовсе не дуэлью. В том же Кавалергардском полку спустя несколько лет произошла, по словам А. В. Никитенко, следующая история: «…Несколько офицеров, и в том числе знатных фамилий, собрались пить. Двое поссорились – общество решило, что чем выходить им на дуэль, лучше разделаться кулаками. И действительно, они надавали друг другу пощечин и помирились…» Представить себе такую историю десять лет назад было невозможно. Офицеры, поколотившие друг друга как простолюдины, получили бы всеобщее презрение и бойкот. Честь, собственное достоинство, товарищество, протест против деспотизма – эти идеи уходили из гвардии. В 1832 г. во главе Пажеского и других кадетских корпусов встал генерал Сухозанет, прославившийся еще при Александре I тем, что во время ссоры с подчиненным предпочел отвернуться и получить пинок в зад, нежели удар по лицу, и тем избежать дуэли. Сухозанет и ему подобные стремились вытравить свободолюбие из офицерства, одним из признаков которого были дуэли. «Я ненавижу дуэли, это варварство, – говорил Николай I, – на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского».

Впрочем, и без давления со стороны властей дуэльная традиция уходила в прошлое. Историк Я. А. Гордин подводит итог: «Классическая русская дуэль изжила себя вместе с несбывшейся мечтой русского дворянства о создании гармоничного и справедливого государства, общества, построенного на законах дворянской чести, общества гордых, независимых, уважающих друг друга людей».

Голгофа российского дворянства

Пореформенное время обозначило упадок дворянства. Лишившись сословных привилегий и доходов от эксплуатации крепостных, дворянство стало уступать лидирующие позиции в государстве. Стремительно уходила из рук дворян земельная собственность. «Одним концом по барину, другим по мужику» ударила, по словам одного из героев Некрасова, крестьянская реформа.

«Оскудение дворянства» – термин, широко употреблявшийся публицистами второй половины XIX в., весьма справедливо обозначает этот исторический процесс. В 1861 г. среди дворян было около 80 % землевладельцев, в 1895 г. – около 55 %, а в 1912 г. – 37 %. За полвека, начиная с 1862 г., общая площадь дворянских имений сократилась с 87,2 миллиона десятин до 41,1 миллиона, то есть на 53 %. Так выглядел процесс «оскудения» в экономических показателях. Другую его сторону – утрату ценностей дворянской культуры, рисует «Вишневый сад» А. П. Чехова и аналогичные ему литературные произведения.

Вместе с тем, катастрофой пореформенные перемены для дворянства не были. Одни дворяне успешно сдавали земли в аренду, другие с выгодой продавали их, третьи смогли приспособиться к новым условиям и получать выгоду от сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности. Сословные рамки постепенно размывались, и с ними уходила социальная и культурная обособленность не только дворянства, но и других сословий – купечества, духовенства. Дворяне осваивали новые профессии, ранее почитавшиеся недостойными благородного сословия, и добивались больших успехов на этом поприще. Из дворян выходили прекрасные актеры, выдающиеся адвокаты, врачи и т. д. Единственной сферой, где дворянство еще сохранило свои привилегии, являлась государственная служба. Как и столетия назад, она была одним из самых главных занятий дворянского сословия. Таким образом, дворянство не стало лишним в новом, буржуазном мире.

Но при этом, как единая политическая сила, дворянство и даже аристократия уже не существовали, будучи раздробленными на правых, центристов, левых, монархистов, республиканцев и даже революционеров… Высказывали конституционные пожелания даже

губернские Дворянские собрания. Бесполезными оказались и монархисты. Одни скомпрометировали себя черносотенной идеологией и погромами, другие вступили на скользкий путь заговоров (убийство Распутина, идея удаления императрицы Александры Федоровны в монастырь). В конце концов, когда расшатываемое с разных сторон здание Российской империи в 1917 г. рухнуло, дворянство оказалось первой жертвой этой катастрофы.

Большевики считали необходимым уничтожить дворянство целиком как враждебный класс, одна принадлежность к которому является основанием для смертного приговора. Пожалуй, только казачество большевики истребляли так же методично и беспощадно.

«Не ищите в деле обвинительных улик: восстал ли он против Совета с оружием в руках или на словах, – указывал казанским чекистам М. Я. Лацис. – Первым делом вы должны спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».

Руководствуясь этим, большевики начали планомерное уничтожение представителей дворянского сословия. Жертвами большевистского террора с 1917 г. по начало 1950-х гг. стали сотни тысяч дворян. Только в 1922 г. в Крыму уничтожили 50 тысяч офицеров и чиновников – всех, кого смогли обнаружить карательные органы. Сколько их было – расстрелянных, забитых до смерти, замученных на пытках, погибших от нечеловеческих условий и мучительных болезней в тюрьмах и лагерях, – точно неизвестно. Так гибли лучшие люди России, умные, образованные, благородные, талантливые.

Благородное сословие на пороге XXI в.

Общественные перемены 1980-х гг. вызвали к жизни и возрождение монархической и дворянской идеи. Представители дворянских родов, уцелевших после репрессий, смогли заявить о своем существовании, чем вызвали немалый ажиотаж перестроечной прессы. Сам факт того, что кто-то из потомков прославленных российских фамилий выжил, несмотря на большевистские преследования, казался удивительным. С не меньшим удивлением смотрели и на дворян-эмигрантов, которые стали приезжать в Россию, уже, в основном, после распада СССР. Газеты и телевидение рассказывали о судьбах Романовых, князей Голицыных, князей Трубецких, графов Шереметевых, князей Юсуповых, о потомках Столыпина, Деникина, Колчака… Возвращение забытых и оболганных имен представлялось чудесным залогом грядущего возрождения России.

На волне перестроечных перемен в мае 1990 г. была создана старейшая организация, объединяющая потомков российских дворянских родов, – «Союз потомков российского дворянства – Российское дворянское собрание». Приняв за основу структуру дореволюционных собраний, Российское дворянское собрание внесло в нее коррективы, вызванные новыми условиями его деятельности, – были созданы Департамент Герольдии, в чьи обязанности вошла генеалогическая экспертиза документов, а также другие департаменты, отвечавшие за различные направления, – Международный, Культуры и т. п. По образу полковых судов чести, Суд чести, состоящий из самых уважаемых членов собрания, был создан и в РДС.

Предводителем Российского дворянского собрания был избран князь Андрей Кириллович Голицын (род. 1932), художник-график, потомок знатнейшего аристократического рода, семья которого подвергалась многочисленным преследованиям в 1920–1950-е гг. Собрание смогло заручиться поддержкой властей и получить в аренду часть особняка князей Долгоруковых в Малом Знаменском переулке, д. 5.

Сформировавшись как общественная организация, Российское дворянское собрание создало и общественно-политическую концепцию, выдержанную в традиционно-

консервативном духе: православие, самодержавие и народность. Монархическая форма правления, возрождение духовности и патриотизма, возвращение к исторической правде о дореволюционной России, осуждение коммунистического режима и его репрессий, неприкосновенность частной собственности и возможность реституции, признание ведущей роли Православной Церкви в духовной жизни России и уважение к традиционным религиям – эти основные принципы дальнейшего развития страны выдвинуло Российское дворянское собрание. В качестве легитимного монарха Собрание поддержало великую княгиню Марию Владимировну, дочь Владимира Кирилловича и внучку Кирилла Владимировича, именовавшегося своими сторонниками императором Кириллом I. Впрочем, никто из Романовых более не претендует на российский трон.

Первое десятилетие деятельности РДС можно считать вполне успешным: было создано около 70 региональных отделений, налажены контакты с дворянскими организациями дальнего и ближнего зарубежья, начался выпуск газеты «Дворянский вестник», альманаха «Дворянское собрание», серии книг. Правда, стать серьезной общественно-политической силой у дворян, как, впрочем, и у монархистов в целом, не получилось. Вероятно, так и должно было произойти с организацией, имеющей сословные ограничения. Дворянское собрание замкнулось в себе, а вскоре начался кризис – организация потеряла особняк в Знаменском переулке, руководство собрания обвинило предводителя в финансовых и прочих нарушениях, Голицын – своих противников в стремлении к расколу… В результате некрасивого конфликта в мае 2002 г. новым предводителем РДС стал князь Андрей Сергеевич Оболенский, а Голицын возглавил созданные им заново Московское дворянское собрание и Международный союз дворян.

Раскол, несомненно, сказался и на деятельности РДС, и на авторитете самой идеи дворянского движения, однако и объективные условия современной политической жизни таковы, что перспективы монархической и дворянской идеи в том виде, в каком ее проповедует РДС, невелики. Если представить, что РДС было бы менее щепетильным, призывало короновать Владимира Владимировича Путина и раздавало бы княжеские и графские титулы влиятельным лицам из администрации президента, правительства Москвы, банкирам, нефтяным магнатам и т. п., – тогда еще можно было бы говорить о каком-то, пусть маргинальном, но все же политическом влиянии. Но к чести Собрания, такие методы политической деятельности для него невозможны.

Зато есть немало весьма экзотических самозванцев, ведущих вполне успешную торговлю (а иногда и раздачу) различных титулов и званий – от «великокняжеского» до дворянского. Первым начал подобную практику Алексей Брумель, брат известного спортсмена, объявивший себя «регентом» Российской империи. За ним последовали – «ассирийская царица» Джуна Давиташвили, «князь Аркадий Бугаев-Понятовский», «граф Лежепеков» (одно имя достойно пера Салтыкова-Щедрина, не говоря уже о титуле – «глава Лиги возрождения традиций Российской монархии, великий магистр 6-ти орденов и 4-х медалей, генерал-аншеф лейб-гвардии, профессор, почетный доктор исторических наук, академик МАИ») и даже императоры – «Павел II» и «Николай III», мифические потомки императорского дома Романовых.

Каждый из них смело раздает титулы и ордена, кому бесплатно ради рекламы, а кому и за деньги. Например, в числе тех, кого осчастливил «регент» Брумель, оказались «князья» Хасбулатов и Руцкой. Первому президенту России щедрой рукой был пожалован титул «великого князя», затем, правда, Брумель передумал и понизил Ельцина до «графа». В числе «клиентов» Джуны оказались бывший председатель Госплана СССР Николай Байбаков и сенатор Людмила Нарусова (соответственно «князь Байбаков» и «княгиня Нарусова»); последняя не без умиления рассказывала СМИ о том, что голубая кровь ее дочери Ксении

Собчак чувствуется по ее узкой лодыжке. Видимо, «цари» и «регенты» не сильно мешают друг другу, находя возможность обработать (может, и не по разу) известных политиков и бизнесменов. «Великий магистр Международного орденского капитула» Бугаев-Понятовский пожаловал княжеский титул Лужкову и Михалкову, графский – Аяцкову и Анатолию Карпову и т. п.

Во всей этой вакханалии страшно не то, что подобные проходимцы существуют и процветают, а то, что, казалось бы, серьезные люди, облеченные и политической властью, и крупными капиталами, с детской радостью попадаются на сию нехитрую удочку. Впрочем, к судьбе российского дворянства в настоящее время эти казусы отношения не имеют.

Начался XXI век, очень далекий от Средневековья, в котором появилось на свет российское дворянство. Не только в России, пережившей большевистскую тиранию, но и в большинстве стран мира дворянства как общественной группы не существует. Уходят из жизни последние носители подлинной дворянской культуры, сохранявшейся через все страшные годы советской власти. Какова же судьба российского благородного сословия? Представляется, что ответ на это вопрос зависит от самих дворян: окажутся ли они достойными звания, унаследованного от предков. Какой путь изберут в современной, вновь буржуазной России? Как двигаться вперед – вместе или поодиночке? Время покажет…

Часть 2

Потомки Святого Даниила

История рода князей московских более, чем любой другой ветви Рюрикова древа, связана с историей государства Российского. Эта династия объединила российские уделы вокруг Москвы, возглавила борьбу с внешними врагами России и начала территориальную экспансию на Восток. Многие из московских государей показали себя мудрыми правителями, но семейного единства в роду князей московских не было. Неумолимая логика борьбы с уделами толкала московских государей на преследование родственников – двоюродных и родных братьев, дядей, племянников. Чем сильнее становилась Российская держава, тем слабее становилась династия московских государей, сокращаясь с каждым поколением, пока не составила одну семью – царя и великого князя Ивана Васильевича Грозного. Судьба династии стала заложницей политики деспота. Старший сын Грозного погиб от удара отцовского посоха. И хотя впоследствии царь каялся и плакал о своем преступлении, его гнев на наследника был вызван страхом заговора. Второй сын царя, Федор, наследовал престол в 1581 г. Его дети от Ирины Годуновой рождались мертвыми или умирали в младенчестве. Но развестись, как дед Василий III, царь Федор и не помышлял.

К тому же этого не допустил бы влиятельный шурин царя Борис Годунов. В 1598 г. со смертью бездетного царя Федора род московских государей прекратился.

Родоначальником князей московских был князь Даниил Александрович, младший сын Александра Невского. Он родился в 1261 г., а спустя два года Александр Невский скончался и до возмужания Даниила Москва находилась под управлением великокняжеских наместников. Впервые Даниил Московский упоминается в летописях 1282 г., когда он участвовал вместе с тверским князем Святославом Ярославичем (своим двоюродным братом) в походе против старшего брата, Дмитрия Переславского.

В борьбе сыновей Александра Невского, Андрея Городецкого и Дмитрия Переславского, за великое княжение тверской князь Михаил Ярославич и московский князь Даниил выступали в союзе то с одним, то с другим соперником. Во время нашествия знаменитой «Дюденевой рати» в 1293 г. татары, подойдя к Москве, «московского князя Даниила обольстиша (обманули), и тако въехаша в Москву… и взяша Москву всю, и волости, и села». Вероятно,

обмануть князя помог Андрей Александрович. Даниил не простил брату разорения своей столицы, стал его непримиримым врагом и сблизился с сыном Дмитрия Александровича – Иваном Дмитриевичем. После кончины князя Дмитрия Даниил Московский возглавил борьбу против Андрея. На его стороне выступали тверской и переславский князья. Даниилу Московскому удалось утвердиться даже в Новгороде, который обычно признавал только великих князей. Правда, вскоре Даниил был вынужден уступить Новгород брату, но компенсировал эту потерю походом на Рязань и присоединением к Московскому княжеству Коломны, имевшей большое значение как речная пристань на Оке, центр плодородной волости и важный опорный пункт. Впоследствии Даниил присоединил к своим владениям Переславль-Залесский, доставшийся ему по завещанию племянника князя Ивана Дмитриевича. Даниил Александрович Московский скончался 5 марта 1303 г., приняв перед смертью монашество и схиму.

Даниил Московский справедливо считается основоположником могущества Москвы. В его княжение происходит рост численности жителей города, повышается торговое значение Москвы, увеличиваются казна и войско князя, что дало возможность Даниилу активно участвовать в борьбе за власть в Северо-Восточной Руси, а в конце XIII в. возглавить оппозицию великому князю владимирскому.

Житие Даниила Московского, включенное в «Степенную книгу» (60-е годы XVI в.), повествует, что князь был погребен в Даниловом монастыре. После перевода архимандрии в кремлевский Спасский монастырь могила князя оказалась в небрежении, и Даниил, как говорится в житии, являлся молодому сыну боярскому из стражи Ивана III с напоминанием своему потомку о необходимости почтить его память. При Василии III князь Иван Шуйский, садясь на коня, наступил на надгробную плиту князя Даниила, и в тот же момент конь пал, чуть не задавив седока. С этого времени было установлено пение соборных панихид по князю. При Иване Грозном совершилось исцеление у гроба Даниила Московского, было установлено местное почитание князя как святого, а монастырь возобновлен и в нем отстроен каменный храм. 30 августа 1652 г. были обретены мощи святого князя Даниила Московского, а его церковное почитание в лике святых установлено в конце XVIII – начале XIX в.

О Данииле Московском рассказывает не только его житие, рисующее образ благочестивого московского князя, но и романтически-авантюрная повесть XVII в. «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», которая называет главного героя князем Даниилом Александровичем Суздальским, а его брата – Андреем Александровичем. Ничего общего с реальной биографией князей эта занимательная повесть о женском коварстве, жестокой расправе и последующем возмездии не имеет, но ее действие происходит в реальное время жизни прототипов – в конце XIII в.

Повесть причудливо сплетает воедино московские легенды с летописным рассказом об убиении князя Андрея Боголюбского. Согласно «Повести», князь Даниил Суздальский силой взял к себе в службу двух сыновей боярина Стефана Кучки, чьи «красные села» располагались на Москве-реке. При дворе князя Даниила молодые Кучковичи «приглянулись Данилове княгине Улите Юрьевне, и уязви дьявол ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольским возжеланием сжилися любезно». Любовники решают убить князя. Братья нападают на него на охоте, но Даниилу удается убежать от них. В панике князь бежит вдоль берега Оки и прячется от убийц в «срубце» – погребальном сооружении-домике: «погребен ту был упокойный мертвый». Князь прячется в срубец, «забыв страсть (страх) от мертвого». Кучковичи в ужасе возвращаются ни с чем к княгине, опасаясь, что Даниил ушел во Владимир к брату Андрею и скоро возвратится с большим войском вершить суд и расправу. Однако Улита знает способ найти беглеца: верный княжеский пес-выжлец может сыскать Даниила и на побоище среди мертвых тел, и раненого, неизвестно где лежащего. Кучковичи с псом отправляются на поиски: «и побежав пес зле Оку-реку, и добежав до

струбца упокойного, где ухоронился князь, и забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместится, и увиде пес государя своего Данила, и нача ему радоватися ласково». Тут подъезжают Кучковичи и копьями убивают князя. Но расплата уже близка: узнав об убийстве, князь Андрей Александрович собирается в поход. Кучковичи в страхе бегут и прячутся у отца. Княгиню Улиту князь Андрей казнит «злою смертью», а сам отправляется против Стефана Ивановича Кучки. Захватив боярина и его сыновей, князь Андрей казнит и их «всякими казнями разноличными лютыми», а на месте боярских «красных сел» ставит город Москву, в котором начинает княжить сын Даниила – Иван Данилович.

В правление Даниила готовилась экономическая, политическая и военная мощь Москвы, с которой его сын Юрий Данилович выступил против тверских князей. Юрию удалось победить главного соперника – князя Михаила Ярославича Тверского, и получить великокняжеский ярлык. Однако торжество Юрия было непродолжительным. В 1325 г. сын Михаила Тверского, князь Дмитрий Михайлович по прозвищу Грозные Очи, в седьмую годовщину смерти отца, своей рукой зарубил князя Юрия Даниловича в ставке ордынского хана. Правда, хан был возмущен таким своеволием и приказал казнить Дмитрия Михайловича, но великокняжеский ярлык вернулся в Тверь, а на Москве начал княжить Иван Данилович Калита.

Младший сын Даниила Московского Иван родился, вероятно, в конце 1280-х гг. В отличие от старшего брата, энергичного и жестокого Юрия Даниловича, Иван был человеком спокойным и расчетливым. Он был благочестив и преклонялся перед авторитетом духовных лиц, но, когда того требовали обстоятельства, мог быть суров и жесток.

Согласно легенде, прозвание «Калита» он получил от кожаной сумки-калиты, из которой щедро раздавал подаяние. Но возможно и то, что Калитой современники прозвали князя потому, что тот был богат и стремился всегда увеличить свое состояние. Нет сомнений лишь в том, что Калита был благочестив и начитан. Эти качества привлекли к нему главу Русской Церкви митрополита Петра. Когда князь Юрий бывал в походах или в Орде, именно Иван принимал владыку в Москве. Дружба с Калитой и предчувствие, что Москва может стать лидером Руси, привели Петра к решению перенести митрополию в Москву. Строительство Успенского собора началось еще при жизни Юрия Даниловича, но вел его Иван Калита, совместно с митрополитом.

Став московским князем, Калита продолжил украшать свою столицу каменными храмами – в 1329 г. была возведена церковь во имя Иоанна Лествичника, византийского святого, патрона Ивана Даниловича; в 1330 г. на месте деревянного собора Спасского монастыря был возведен каменный, а в 1333 г. построен храм в честь Михаила Архангела, ставший усыпальницей московских князей. 25 ноября 1339 г. начались работы по строительству новых деревянных стен Москвы, закончившиеся в Великий пост 1340 г.

Калита завершил первый этап борьбы с Тверью. Когда в 1327 г. в Твери произошло восстание против Орды и были убиты ордынский наместник, его войско и слуги, Калита вместе с другими князьями принял участие в разгроме Твери армией хана Узбека. В 1328 г. он получил в Орде ярлык на великое княжение. Калита был верным союзником Орды. Он добился четкой организации сбора дани и отправки ее в Орду. Московские войска «выбивали» дань для Орды по всей Руси. Многие историки осуждают Калиту за «непатриотическую позицию», но этим московскому князю удалось добиться того, что «престаша погании воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша… христиане от великой истомы и многой тягости, от насилия татарского…» Летописец говорит о княжении Калиты как о времени «тишины великой». Именно тогда и начало готовиться грядущее сопротивление Орде, родилось поколение, не побоявшееся выйти против Орды на Куликово поле.

По мере того, как укреплялось политическое могущество Москвы, росло богатство и самого

московского князя. Копилось ли оно за счет денежного потока, шедшего через московских сборщиков в Орду, или происходило из других источников, например, от кормлений – права управления волостями со сбором налогов, дававшегося княжеским слугам при условии выплаты ими половины полученного – мы не знаем. Источники дают основание только констатировать факт концентрации в руках московского князя значительных средств. Вероятно, еще в 1328 г. Иван Данилович купил в Орде ярлыки на Галич, Белоозеро и Углич. В 1389 г. этими землями как своими владениями распоряжался внук Калиты, Дмитрий Донской. Калита расширил территорию Московского княжества, покупал земли за его пределами, начал создавать систему обеспечения военных служилых людей землями – поместьями. При нем существенно выросла и Москва, став крупным городом Руси, центром международной торговли. Князь был суров по отношению к разбойникам, стремился установить в своих владениях справедливый суд, много жертвовал в храмы. Конечно, Калита не был безгрешен, но вряд ли стоит обвинять его в безнравственности. Союз с Ордой был в то время единственно верной политикой. Благодаря ему при Калите и его сыновьях Москва сумела накопить значительные силы, которые позволили ей во второй половине XIV в. начать борьбу против Орды и процесс объединения земель в единое государство.

Старший сын Калиты Семен Иванович без споров получил в Орде великокняжеский ярлык. Летописи доносят характерное прозвище этого князя – Гордый. Влияние московского князя, стараниями его отца, дяди и деда, настолько возросло, что Семен Иванович мог позволить вести себя по отношению к другим князьям весьма решительно. Есть известие, что новгородские посадники вымаливали у Семена Гордого мир, стоя на коленях. Необуздан был князь Семен и в личной жизни. Он рано женился на литовской княжне Августе-Анастасии, дочери основателя литовского государства Гедимина. В 1345 г. княгиня умерла, и Семен Иванович женился на Евпраксии, дочери смоленского князя Федора Святославича, которую вскоре отослал обратно к отцу и приказал выдать замуж. За Евпраксией не известно другой вины, кроме того, что она не понравилась великому князю. Развод и вступление в новый брак считались на Руси тяжелейшим нарушением канонов, но митрополит Феогност, судя по всему, снес это безропотно. Зато, когда Семен Иванович женился в третий раз – на дочери тверского князя Александра Михайловича Марии, – владыка не выдержал: «Владыка не благослови его и церкви затвори». На великого князя это, по-видимому, не произвело никакого впечатления, он продолжал жить с третьей женой, которая родила ему четырех сыновей. Возможно, позднее Семену Ивановичу приходила мысль о том, что Бог наказывает его за беззаконный третий брак – четыре сына от двух браков скончались в детстве еще при его жизни, двое других – вскоре после смерти отца. Из многочисленного потомства Семена Гордого выжила только дочь Василиса, ставшая в 1350 г. женой кашинского князя Михаила Васильевича.

Семен Гордый первым начал указывать свой титул на печатях: «великий князь всея Руси». Он уже осознавал себя верховным владыкой всех Русских земель. Но на пути к установлению реальной власти над Русью московскому князю нужно было преодолеть не только сопротивление удельных русских князей, но и стремление к гегемонии своего западного соседа – Литвы. Камнем преткновения стал Новгород. Новгородцы, часто выступавшие против великих князей, в случае реальной угрозы спешили прибегнуть к их помощи. Так было и когда литовский князь Ольгерд, сын Гедимина, начал воевать Новгородскую землю. Семен Гордый приехал в Новгород, и это заставило Ольгерда остановить свой поход и вернуться в Литву, довольствовавшись откупом. Литовский князь искал помощи в Орде, но хан поддержал Семена Ивановича и не только отказал Ольгерду, но и выдал его послов московскому князю. Ольгерд был вынужден смириться и запросил мира. Он был заключен и скреплен брачными союзами: Ольгерд женился на сестре княгини Марии Александровны Ульяне, а его брат, волынский князь Любарт Гедиминович, – на двоюродной сестре Семена

княжне Ростовской.

Судьба судила Семену Гордому нелегкую смерть. В 1352 г. на Русь из Западной Европы пришла эпидемия «черной смерти» – чумы, поразившей население Европы с 1347 г., когда она была занесена туда генуэзцами из Крыма. «Сношаху к церкви мертвых до двадесяти и до тридесяти, и всем тем едино надгробное пение отпеваху… и тако полагаху по пяти и по десяти во едину могилу», – сообщает летописец. Весной эпидемия достигла Москвы. 11 марта скончался митрополит Феогност. На той же неделе умерли сыновья великого князя – Иван и Семен. 26 апреля, в возрасте 37 лет, умер и великий князь Семен Иванович, успев перед смертью принять монашеский постриг с именем Созонта. Едва минули сорочины по великому князю, 6 июня скончался его младший брат, двадцатипятилетний Андрей. Московский престол и великое княжение перешли к среднему брату – Ивану, носившему прозвище Красный, то есть Красивый.

Летописец называет этого князя кротким, тихим и милостивым. Иван Красный не обладал твердостью отца и решительностью старшего брата. Когда рязанский князь Олег захватил московскую волость Лопасню, новгородцы враждовали с великим князем, противопоставляя ему князя Константина Васильевича Суздальского, а в самой Москве шла усобица между боярами. 3 февраля 1356 г. утром на одной из московских площадей было найдено тело тысяцкого (начальника городского ополчения и старшего боярина) Алексея Петровича Хвоста. Вслед за убийством поднялось волнение среди бояр, и старшие из них, Михаил и зять его Василий Васильевич Вельяминов, отъехали на службу в Рязань, но впоследствии Иван Иванович «перезвал» их обратно. Правление Ивана Красного было недолгим – он скончался 13 ноября 1359 г., приняв, по обычаю, перед смертью монашество и схиму.

Академик М. Н. Тихомиров, отмечая слабый и нерешительный характер Ивана Ивановича, писал: «Но Московское княжество окрепло, и судьба его уже не зависела от личных способностей великих князей». Это отчетливо проявилось во времена малолетства следующего московского князя – Дмитрия Ивановича, когда государственное управление сосредоточилось в руках митрополита Алексия и московских бояр.

После смерти Ивана Красного во главе московского княжеского дома остались три князя-ребенка: девятилетний Дмитрий Иванович, его младший брат Иван Иванович – сыновья Ивана Красного, и шестилетний Владимир Андреевич, сын Андрея Ивановича, родившийся вскоре после смерти отца. Весной 1360 г. московские бояре с князем Дмитрием отправились в Орду, но хан отдал ярлык Дмитрию Константиновичу Нижегородскому и Суздальскому. Московские бояре не придавали особого значения этой неудаче. В том же году был захвачен и присоединен к Московскому княжеству Дмитров, а в 1362 г., воспользовавшись начавшейся в Орде усобицей, бояре сумели добыть ярлык и изгнали нижегородского князя из Владимира. Власть над Русью перешла в руки московских бояр и митрополита Алексия, выступавшего в тесном союзе с ними. В 1363 г. от имени князя Дмитрия из Ростова, Галича и Стародуба были изгнаны враждебные Москве князья, а в 1366/67 гг. юный московский князь уже начинает вступать в свои права. По его решению в Москве строится белокаменный кремль.

Правление Дмитрия Ивановича – блестящая эпоха в истории Москвы. Им была окончательно побеждена Тверь и отражены походы Литвы. Дмитрий заставил правителей других княжеств признать над собой его старшинство. Наконец, именно Дмитрий Московский встал во главе организованного сопротивления Золотой Орде и нанес на Куликовом поле сокрушительное поражение ордынскому правителю Мамаю. В народной памяти он остался бесстрашным князем-витязем, наделенным почетным прозванием Донского, а Русская Церковь в воздаяние великого подвига князя причислила его к лику святых.

Супругой Дмитрия Донского была Евдокия, дочь князя Дмитрия Константиновича

Суздальского и Нижегородского. После кончины супруга она постриглась в монахини с именем Евфросиньи и основала в Кремле Вознесенский монастырь. Евфросинья почиталась как святая еще современниками, а после кончины была причислена к лику святых.

При сыновьях Дмитрия Донского, прежде единое Московское княжество распалось на уделы. Старшего сына, Василия (род. 1371), Донской «благословил» «своей отчиной великим княжением». Кроме того, отец завещал Василию Коломну с волостями, традиционно передаваемую наследнику великого княжения, «старейший путь в городе» и половину городских пошлин, вторая половина передавалась остальным младшим сыновьям. «А дети мои, молодшая братья княжи Васильевы, – заповедал Донской – чтите и слушайте своего брата старшего в мое место своего отца…»

Другим сыновьям великий князь выделил уделы в таком составе: князю Юрию (род. 1374) – Звенигород и Галич, князю Андрею (род. 1382) – Можайск и Белоозеро, князю Петру (род. 1385) – Дмитров и Углич. Князь Иван Дмитриевич получил только три волости. Он был слаб здоровьем и, вероятно, недееспособен. Впоследствии Иван принял монашество с именем Иоасафа и скончался в 1393 г.

Несколько волостей великий князь завещал своей вдове Евдокии Дмитриевне и заповедал ей решать все споры между сыновьями: «А вы, дети мои, слушайте своее матери во всем, из воли ее не вступайтеся ни в чем». Видимо, по воле Евдокии Дмитриевны братья впоследствии выделили в удел младшему сыну Донского, Константину, родившемуся за четыре дня до смерти отца, в удел Углич.

Ко времени составления завещания старший сын Донского, Василий, не был женат и не имел детей. Предусматривая, что Василий может умереть, не оставив наследника, Дмитрий Донской писал: «А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино сыну моему княж Васильев удел…» Это распоряжение послужило поводом к длительной усобице между князьями московского дома, начавшейся почти через сорок лет после смерти Донского и известной под названием феодальной войны.

Феодальная война сотрясала Московское княжество с 1425 по 1453 г. Первоначально, после смерти Василия I, против малолетнего племянника-наследника Василия II Васильевича выступил князь Юрий Дмитриевич Звенигородский. Он не признал прав Василия Васильевича и, опираясь на слова духовной Донского, пытался отвоевать у него престол. В 1434 г. Юрий захватил трон, разгромив и изгнав Василия II. Но Бог не судил ему править Русью – вскоре князь скончался. Тогда знамя борьбы подхватили его сыновья – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Косой был разбит и попал в плен к Василию II. Тот приказал ослепить кузена (1436). Посеявший зло, его же и пожинает. Когда в 1446 г. Дмитрий Шемяка взял в плен Василия II, то тоже приказал его ослепить. Но даже это не помогло Шемяке удержать трон. Когда, поддавшись уговорам митрополита Иона, Шемяка освободил бывшего великого князя из заточения, тот очень быстро вернул своих союзников и двинулся в поход на Москву. Не сумев отстоять столицу, Шемяка бежал в свой удел в Галиче. Начался последний этап войны. В 1450 г. московские войска выбили Шемяку из Галича, и он укрылся в Великом Новгороде. Лишенный удела и войска, он все равно был опасен для Василия II. Великий князь приказал тайно отравить соперника, что и было сделано. В 1453 г. Шемяка скончался от отравления.

Под действием мышьяка тело Шемяки мумифицировалось, что привело к удивительным посмертным приключениям мятежного князя. В Смутное время шведы, грабившие новгородский Юрьев монастырь, в котором был погребен Дмитрий Шемяка, вскрыли его могилу в поисках сокровищ. Тело князя мародеры поставили к стене, где его и обнаружил новгородский митрополит Исидор. Владыка принял тело Шемяки за мощи святого князя Федора Ярославича, брата Александра Невского, и приказал поместить его в раку в

Софийском соборе. Так вплоть до революции тело Шемяки, некогда преданного церковному проклятью, являлось предметом почитания…

Участниками феодальной войны были также другие князья Московского дома, внуки Донского и его двоюродного брата Владимира Серпуховского. Победив Шемяку, Василий II расправился и с ними. В 1454 г. он отнял удел у князя Ивана Андреевича Можайского, а в 1456 г. приказал заточить князя Василия Ярославича Серпуховского, своего шурина. Василий всегда поддерживал великого князя, но это не спасло его от жестокой расправы. Такова была неумолимая логика объединительных процессов. К концу правления Василия II из прежних уделов смог удержаться только Верейский и Белоозерский, в котором правил князь Михаил Андреевич, внук Донского, человек безынициативный, целиком преданный великим князьям.

Василий Темный оставил пятерых сыновей, достигших зрелого возраста. В своем завещании он традиционно выделил им уделы: Юрию – Дмитров, Можайск и Серпухов; Андрею Большому – Углич, Бежецк и Звенигород; Борису –Волок, Ржеву и Рузу; Андрею Меньшому – Вологду и Заозерье. Однако доля старшего наследника, Ивана Васильевича, превышала количество земель, завещанных его удельным братьям. Иван Васильевич получил 16 городов, его братья, все вместе, – 12. Ивану достались наиболее крупные города (Владимир, Переславль-Залесский, Кострома, Галич, Суздаль, Нижний Новгород, Муром и др.) и треть Москвы.

Великое княжество Московское, пройдя через длительную междоусобицу, обрело внутреннее единство, а власть великих князей приобрела черты единоличной власти. Но на пути к созданию единого государства с самодержавным правлением стояли реалии удельного порядка. Преодоление раздробленности и объединение земель государства вокруг Москвы выпало на долю великого князя Ивана III Васильевича (1462–1505).

Детство будущего «государя всея Руси» пришлось на кровопролитную феодальную войну. В 1446 г. он стал свидетелем захвата его отца, Василия II, отрядом Дмитрия Шемяки в Троице-Сергиевом монастыре. Ивану и его брату Юрию удалось убежать, но впоследствии Шемяка обманом захватил княжичей и отправил в заточение. Эти события, несомненно, повлияли на характер великого князя – он был суров и крайне осторожен и, опасаясь крамолы, не останавливался перед расправой с ближними родичами – братом, невесткой, внуком. Были в опале от Ивана III и его жена, Софья Палеолог, и сын Василий. Но, в отличие от внука Ивана Грозного, Иван III был трезвым и расчетливым правителем. Жестокость была одним из инструментов его политики, но не главным. В историю он вошел как стратег, тактик и дипломат. В источниках отмечено одно из прозвищ великого князя – Правосуд. А это значит, что современники уважали Ивана III за справедливость – главное качество государя.

Иван III довершил объединение русских земель вокруг Москвы, начатое Иваном Калитой. В результате походов 1471 и 1477 гг. к Москве была присоединена богатая Новгородская республика – оплот своеобразной древнерусской демократии. В 1474 г. московским владением стал Ростов, в 1485 г. – Тверь, в 1489 г. – Вятка, в последней четверти XV в. московские войска отвоевали у Литвы Верховские княжества, Вязьму, Медынь, Новгород-Северский, Дорогобуж и другие города.

Параллельно с этим Иван III начал освобождение от ордынской зависимости. В 1470-е гг. он прекратил выплату дани. Золотая Орда к этому времени распалась на несколько государств, но ее наследники сохраняли грозную силу. В 1480 г. хан Большой Орды Ахмат попытался восстановить власть над Русью. В результате «Стояния на Угре» московские войска одержали победу. Ахмат бежал и был убит. Московское княжество отныне стало свободным суверенным государством. Вскоре после этого в документах появляется его новое наименование – «Россия», а Иван III принимает титул «государя всея Руси».

С 1480-х гг. великий князь занялся обустройством своей державы. Началось создание новой

системы центрального и местного управления. В 1497 г. вступил в действие единый свод законов – Судебник. Великий князь создал мощную армию, широко наделяя служилых людей поместьями. Военная мощь Московской державы при Иване Васильевиче восхищала современников. Его свояк, молдавский господарь Стефан Великий, говорил: «Я на коне и с мечом постоянно в походах, и то не могу защитить пределы своей державы, а он, сидя в Москве, успешно отражает своих многочисленных врагов на окраинах государства».

Иван III особенно заботился об украшении и благоустройстве столицы. При нем был построен новый Успенский собор, началась перестройка Кремля. Обладая широким кругозором, лишенный фобий и фанатизма, великий князь привлек к строительству итальянских мастеров, прославившихся своим искусством по всей Европе. При Иване III начал действовать Пушечный двор – центр высокоразвитых технологий в области артиллерии и литейного дела. Великий князь издал указы о создании вокруг Кремля противопожарных зон, регулировании ширины улиц, защите улиц от разбойников «решетками».

Ивана III современники также именовали Грозным, но впоследствии это прозвание закрепилось за его внуком – Иваном IV. По отзыву Сигизмунда Герберштейна, под пристальным взглядом великого князя молодые женщины падали в обморок. Герберштейн же приводит зарисовку, относящуюся к последним годам правления Ивана III. Несомненно, что австрийцу рассказал об этом один из его русских информаторов. Во время пиров стареющий великий князь, выпив хмельного меда, частенько засыпал. И тогда все присутствующие, пораженные страхом разбудить правителя, ждали, пока государь проснется, в полнейшей тишине…

В борьбе за объединение страны и становление российского самодержавия стали жертвами не только независимые земли и княжества Руси, но также и князья московского дома. Обрубая одну за другой удельные ветви, великие князья, сами того не замечая, привели московскую династию к ее угасанию. В 1491 г. Иван III заточил своего родного брата Андрея Углицкого и его сыновей – Дмитрия и Ивана. Другим братьям великий князь, по-видимому, запрещал жениться с тем, чтобы их род прекратился. Умерли бездетными братья Ивана III – Юрий Дмитровский и Андрей Вологодский. Оставил наследников только Борис Васильевич Волоцкий, но и его род пресекся со смертью сына, бездетного князя Федора Борисовича (ум. 1513).

В конце жизни перед Иваном III возник еще более драматический выбор. На право стать наследниками великого князя претендовали внук Ивана III, Дмитрий Иванович, и его сын от второй жены, Софьи Палеолог, – Василий Иванович. Великий князь в конце концов сделал выбор в пользу сына. Внук Дмитрий и его мать Елена, дочь молдавского господаря Стефана Великого, были заточены и умерли в темнице. Ради сына Иван III обрек на гибель внука. Такова оказалась неумолимая логика централизации.

В 1505 г., после смерти отца, великим князем стал Василий III. При нем династия продолжала сокращаться. В 1523 г. Василий III приказал заточить в тюрьму князя Дмитрия Ивановича Шемячича, внука Шемяки. Родные братья Василия III – Юрий, Дмитрий и Семен – умерли бездетными. Смог жениться только Андрей Иванович Старицкий, и то только в 1533 г., когда у Василия III во втором браке родились два сына.

Когда после смерти Василия III в 1533 г. престол перешел к его вдове Елене Глинской, она в лучших традициях «кровопийственного рода» (выражение князя А. М. Курбского) великих князей уморила в заточении князей – Юрия Ивановича Дмитровского и Андрея Ивановича Старицкого, братьев покойного супруга, расчищая дорогу своему малолетнему сыну – Ивану IV Грозному (1530–1584).

«Грозный царь Иван Васильевич» – одна из самых популярных фигур русской истории. Одни видели в нем грозного завоевателя и мудрого правителя, радевшего за интересы

государства и простого народа, другие – садиста-психопата, погубившего будущее московской династии и вызвавшего кризис Смутного времени. Причина столь различных отзывов в бурных и разнообразных событиях эпохи Ивана IV Грозного, сочетавших выдающиеся достижения и страшные катастрофы.

Многие историки сходятся в том, что на формирование личности Ивана Грозного решающее влияние оказала обстановка его детства. Круглый сирота с 7-ми лет, Иван номинально был правителем огромной державы. При этом за власть в стране боролись боярские группировки. Мальчик не раз становился свидетелем сцен расправ и насилия. Он был заброшен, лишен опеки, заботы и правильного воспитания. Все это сформировало в юном государе подозрительность и жестокость. В 13 лет юный великий князь вынес свой первый смертный приговор. С тех пор, как пишет летопись, «начали бояре боятися, от государя иметь страх и послушание». Иван вскоре оправдал эти ожидания – последовали новые казни.

Однако были люди, которые действовали на государя благотворно. В первую очередь, это митрополит Макарий. Видимо, он был инициатором принятия Иваном IV царского титула в 1547 г. Новый сан должен был внушить государю чувство ответственности. Однако этого не произошло. Одумался царь, лишь когда испытал сильное потрясение – после страшного пожара Москвы в столице началось восстание. Жизнь самого Ивана оказалась под угрозой. С этого времени Иван осознал, что государство требует «устроения» – восстание было вызвано многочисленными злоупотреблениями правителей. Вокруг государя сложился кружок единомышленников, который принято называть Избранной радой.

С деятельностью Избранной рады в 1550-х гг. связан период наивысших успехов страны. Были совершены победоносные походы на Казань и Астрахань, создано стрелецкое войско, система приказов, проведена реформа местного управления, успешно началась Ливонская война в Прибалтике. Но в конце 1550-х гг. царь перессорился со своими советниками. Ему казалось, что не все идет так скоро и хорошо, как надо. Вместо пути постепенных преобразований, Иван избрал новое средство укрепления центральной власти – террор.

Наивысшего апогея террор достиг в 1565–1572 гг., когда Иван разделил страну на свой особый удел (опричнину) и остальные земли (земщину). Вся земщина автоматически была под подозрением в измене. Опричники разоряли и грабили земских, были казнены многие бояре, дьяки, дворяне. Тысячами убивали простых горожан и крестьян. В 1570 г. царь подверг страшному разгрому целый город – Великий Новгород. Храбрые в борьбе с безоружным населением, опричники не смогли остановить нашествие крымского хана Девлет-Гирея, который сжег Москву в 1570 г. Вскоре опричнина была отменена, но казни не прекратились.

В последние годы на царя одна за другой обрушивались неудачи. Русские войска потерпели ряд поражений в Ливонской войне, и польский король вторгся в Россию. Мир, заключенный в 1582 г. привел к потере всех завоеваний в Прибалтике. Годом ранее царь в гневе убил сына-наследника царевича Ивана. Грозный слабел духом и телом, его мучили болезни и страх перед Судом Всевышнего. Царь разослал по монастырям списки казненных, повелев поминать их во время церковной службы. Этим он пытался снять с души грех за бессудные расправы. Но не только у церкви искал спасения Иван Грозный. Он повелел собрать колдунов и предсказателей, чтобы те определили день его кончины, но когда узнал о результате гадания, то не поверил в него, пригрозив кудесникам казнью. В тот же день, 18 марта 1584 г., царь умер.

Иван Грозный знаменит не только казнями, но и авторством новаторских литературных произведений. Это, в первую очередь, его переписка с князем Андреем Курбским, опричником Василием Грязным, монахами Кирилло-Белозерского монастыря, европейскими правителями – английской королевой Елизаветой, польским королем Стефаном Баторием,

шведским королем Юханом. Эти письма составляют целую эпоху в развитии древнерусской литературы. Иван Грозный был высокообразованным книжником и прекрасным стилистом. Не менее важна и идеологическая основа его произведений – апология деспотизма, – которая красной нитью проходит через все сочинения царя.

Иван Грозный довершил процесс уничтожения рода Калиты. Его единственным родичем по отцовской линии был двоюродный брат – князь Владимир Андреевич Старицкий. В 1569 г. царь приказал отравить брата, вместе с ним погибли жена и две дочери. Племянника, Василия Старицкого, Грозный почему-то пожалел. Но и ему не было суждено жить и продолжить род. В 1574 г. этот князь скончался. Младшая дочь Владимира Старицкого, Мария, выданная дядей за датского герцога Магнуса, вернулась в Россию в 1585 г. при царе Федоре Ивановиче. По тайному приказу Бориса Годунова, она, вместе с дочерью Евдокией, была пострижена в монахини.

Грозному довелось увидеть надвигающийся конец своего рода. Старший сын царя – Дмитрий – утонул во время царского путешествия на богомолье в Кириллов монастырь. Второй сын – царевич Иван Иванович, нравом и дарованиями очень схожий с отцом, – пал жертвой царского гнева. В 1581 г. Иван Грозный в ссоре нанес наследнику удар посохом в висок. От нервного потрясения и раны царевич тяжело заболел и вскоре скончался. Третий сын царя – Федор, – слабый физически, был неспособен к управлению. Не было надежд и на то, что он может стать отцом. Наконец, в 1582 г., за два года до смерти Грозного, его последняя, седьмая жена Марфа Нагая, родила сына – царевича Дмитрия. Этот мальчик был помехой на пути к трону Борису Годунову, мечтавшему занять престол после смерти бездетного шурина – царя Федора Ивановича. В 1591 г. при невыясненных обстоятельствах царевич Дмитрий погиб в Угличе. Народное мнение обвиняло в этом Бориса. В 1598 г. тихо угас царь Федор Иванович. Династия Даниила на московском престоле пресеклась.

Правообладатели российского трона. Князья Шуйские

Князья Шуйские – вторая по старшинству линия Рюрикова рода после московских князей. Этот знатнейший род на протяжении XVI в. находился у подножия трона, и в начале XVII столетия его представитель достиг царского трона, но не сумел удержаться на нем. В XVI в. Шуйские были наиболее влиятельным и знатным родом Московского государства, однако события Смутного времени сломили его.

Предком Шуйских был брат Александра Невского, Андрей Ярославич. Он в числе первых на Руси выступил против владычества Орды, но потерпел поражение и был вынужден смириться с тем, что великое княжение перешло к его знаменитому брату, придерживавшемуся политики непротивления Орде.

Потомки Андрея Ярославича княжили в Суздале и Нижнем Новгороде. В XIV в. суздальско-нижегородские князья, Константин Васильевич и его сын Дмитрий Константинович, были опасными соперниками московских князей в борьбе за великое княжение. В 1360 г. Дмитрий Константинович Нижегородский, пользуясь тем, что московский князь Дмитрий Иванович (будущий знаменитый победитель Мамая на Куликовом поле) был еще ребенком, получил в Орде ярлык на великое княжение и занял престол во Владимире. Однако спустя несколько лет московские бояре изгнали князя из стольного града и добыли для Дмитрия Московского великокняжеский ярлык. Дмитрий Константинович смирился с потерей, выдал свою дочь за московского князя и на долгие годы стал его союзником в борьбе против Орды. Ответные военные походы ордынцев разорили Суздальско-Нижегородское княжество, и Дмитрий Константинович отказался от политики противостояния Орде. В 1382 г. он открыто предал прежний союз. Сыновья Дмитрия Константиновича, князья Василий и Семен, сопровождали войско хана Тохтамыша, наступавшего на Москву, и уговорили москвичей отворить ворота крепости (самого Дмитрия

Донского тогда не было в городе). Князья клялись, что Тохтамыш не причинит вреда горожанам, и даже поцеловали крест в знак искренности своей клятвы. Москвичи поверили родичам своей княгини и открыли ворота. Татары ворвались в Москву, подвергли ее страшному разгрому и сожгли.

Измена Дмитрия Нижегородского не повлекла за собой войны между нижегородцами и москвичами, видимо, у Дмитрия Донского не было достаточно сил, чтобы воевать против тестя. Однако преемник Донского – Василий I – поквитался с Нижним Новгородом за разорение Москвы. В 1391 г. он получил в Орде ярлык на Суздальско-Нижегородское княжество и присоединил его к своим владениям. Сыновья и внуки Дмитрия Константиновича вплоть до первой четверти XV в. пытались бороться за возвращение своего удела, опираясь при этом на войска Орды, однако потерпели поражение.

В это время небольшой Шуйский удел (центр в городе Шуе, ныне – в составе Ивановской области) еще сохранялся. Родоначальником удельных князей Шуйских был Юрий Васильевич, внук Дмитрия Константиновича. Однако в середине XV в. жизнь в крошечном уделе перестала удовлетворять его правителей. Князь Василий Васильевич Шуйский, по прозвищу Гребенка, служил Великому Новгороду. Его родственники, князья Василий и Федор Юрьевичи (сыновья первого князя Шуйского), вступили в союз со злейшим врагом великого князя Василия II Васильевича – Дмитрием Шемякой и подписали с ним договор, согласно которому в случае, если Шемяка займет московский престол, то Суздальско-Нижегородское княжество будет восстановлено и перейдет к братьям Шуйским. Однако этот договор остался только на бумаге. В 1450 г. Шемяка потерпел сокрушительное поражение от Василия II и покинул Галич, князь Василий Юрьевич вскоре умер, а князь Федор принес свои «вины» Василию II. Не было успешным и противостояние Москве князя Василия Гребенки Шуйского. В 1456 г. он возглавлял новгородское войско в сражении с москвичами. Новгородцы были разбиты, а раненого князя Шуйского, едва живого, вывезли с поля боя.

При Иване III Шуйские переходят на государеву службу и занимают одно из первых мест. В Русско-литовской войне начала XVI в. прославился князь Василий Васильевич Шуйский, по прозвищу Немой. Он участвовал во многих походах на Литву, а после взятия Смоленска в 1514 г. был оставлен в нем воеводой. Князь Василий Немой раскрыл заговор, имевший целью передать Смоленск Литве, и, захватив заговорщиков, велел их повесить на виду у подступившего к городу литовского войска.

В малолетство Ивана IV князь Василий Васильевич был главой деятельной боярской партии, боровшейся за власть. Ему удалось устранить соперников и стать правителем государства. В довершение князь женился на двоюродной сестре Ивана IV – Анастасии – дочери крещеного татарского «царевича» Петра и сестры Василия III княжны Евдокии Ивановны. Он получил титул московского наместника и занял кремлевский двор князя Андрея Старицкого, покойного брата Василия III. Но в 1538 г. смерть сразила престарелого князя Василия Васильевича.

Брат Немого, князь Иван Васильевич, занял его место, но в борьбе против князей Бельских не сумел удержаться и был выслан из Москвы на воеводство во Владимир. Тем временем в Москве сторонники Шуйских подготовили заговор против Бельских. Князь Иван Васильевич ночью прискакал в Москву (3 января 1542) и взял власть в свои руки. Глава правительства князь И. Ф. Бельский попал в тюрьму, где был убит, его сторонники также отправлены в тюрьмы. Митрополита Иоасафа, поддерживавшего Бельских, заговорщики чуть не убили и сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, а на его место поставили новгородского архиепископа Макария. Новгородцы вообще поддерживали Шуйских, памятуя о том, что один из них был последним воеводой вольного Новгорода.

Впоследствии Иван Грозный с горечью вспоминал о времени своего сиротства. Бояре, по воспоминаниям царя, оказывая ему внешний почет и уважение, на деле не заботились о нем и

его брате. Младший брат Ивана – глухонемой Юрий – не мог быть ему хорошим товарищем. Мальчик чувствовал себя заброшенным.

Особую ненависть Грозного вызывал Иван Шуйский. В первом послании к Андрею Курбскому Иван IV вспоминал картину из своего детства: «Бывало, играем мы, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем на постель отца нашего и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет – ни как родитель, ни как опекун, ни уж совсем как раб на господ…» Венценосных детей, вспоминал Грозный, содержали «как убогих слуг». По словам царя, дети великого князя даже голодали.

Торжество князя Ивана Шуйского было кратковременным: в мае 1542 г. он скончался, и правительство возглавили его родственники, князья Иван и Андрей Михайловичи Шуйские, и князь Федор Иванович Скопин-Шуйский. Первенствовал между ними князь Андрей Михайлович, носивший прозвище Частокол. Ранее он прославился своей жестокостью и корыстолюбием, когда был наместником в Пскове (1539–1540). Псковский летописец сообщает, что «мастеровые люди все делали для него даром, а большие люди подавали ему дары…» Жители псковских пригородов опасались ездить в Псков, дабы не попасться на глаза наместнику, а игумены из монастырей «убежали в Новгород». «Были наместники во Пскове, – заключает летописец, – свирепыми, яко львы, и люди их, яко звери дивные до крестьян».

Пока бояре враждовали друг с другом и расхищали государственную казну, юный Иван IV подрастал. Свою обиду и злость мальчик начал вымещать на бессловесных тварях. По словам бывшего друга, а затем идейного противника царя князя Андрея Курбского, юный Иван IV сбрасывал с крыш высоких теремов кошек и собак. Когда же он подрос, то начал скидывать и людей. С компанией сверстников юный великий князь скакал по площадям и рынкам на конях и начинал избивать встреченных ему по дороге горожан. Бояре одобряли жестокие забавы маленького государя, говоря: «О храбр будет сей царь и мужествен!»

Дворцовая борьба сопровождалась насилием, которое наблюдал и малолетний великий князь. Иван Васильевич был умен и сметлив, насилие глубоко впиталось в его сознание еще с детского возраста. В 13 лет он вынес свой первый смертный приговор, приказав убить главу боярской партии Шуйских – князя Андрея Михайловича Шуйского (1543). С тех пор, как пишет летопись, «начали бояре бояться, от государя иметь страх и послушание».

Убив в начале своего правления князя Андрея Шуйского, Иван Грозный как будто исчерпал свою ненависть к этому роду. В дальнейшем, даже в годы опричнины, ни один из представителей семьи Шуйских не был казнен. Правда, в феврале 1565 г. в числе первых жертв опричного террора были обезглавлены боярин князь Александр Борисович Горбатый-Суздальский, прославленный воевода, отличившийся при взятии Казани, и его сын Петр – родственники князей Шуйских. Однако сами Шуйские были в доверии у царя.

Сын правителя князя Ивана Васильевича – князь Петр Иванович – участвовал в Казанском взятии 1552 г., покорял марийские и удмуртские земли, в Ливонской войне взял Дерпт, Мариенбург и другие города. В 1564 г. военное счастье изменило князю Петру Ивановичу – в битве с гетманом Радзивиллом он был разбит, потерял коня и пешком пришел в соседнюю деревню. Литовские крестьяне, узнав русского воеводу, ограбили его и утопили в колодце. Тело Шуйского было погребено гетманом Радзивиллом в Виленском костеле, рядом с прахом великой княгини литовской Елены Ивановны, дочери Ивана III.

В конце 1560-х гг. останки Шуйского стали предметом дипломатической переписки между правительством Ивана Грозного и польско-литовскими «панами». В начале 1569 г. царю «били челом» князья Иван и Никита Петровичи Шуйские о том, чтобы царь позволил обменять тело их отца на тело жены литовского воеводы Станислава Довойны, умершей в русском плену и похороненной в Москве. Договоренность об этом была почти достигнута, но воспротивился виленский воевода, враг Довойны, и прах князя Шуйского так и остался на

чужбине.

Сын князя П. И. Шуйского князь Никита погиб в 1571 г. Во время набега Девлет-Гирея на Москву татары подожгли город. В Москве начался страшный пожар. Население было охвачено паникой и бросилось из Кремля и Китай-города по Живому (наплавному мосту) через Москву-реку. В этой давке князь Никита попытался пробиться, но один из холопов князя Татева всадил в него нож, и князь умер от раны.

Старший брат князя Н. П. Шуйского князь Иван Петрович прославился героической обороной Пскова от войск польского короля Стефана Батория. Вместе со своим родичем князем Василием Федоровичем Скопиным-Шуйским князь Иван Петрович был отправлен в Псков, к которому в августе 1580 г. подошла армия польского короля. Героическая оборона Пскова продолжалась пять месяцев. Защитники города выдерживали жестокий огонь неприятельской артиллерии и сами активно обстреливали королевский лагерь из пушек, отражали приступы и уничтожали подкопы. Осаждавшие захватили одну из башен города – Свиную, – но псковские пушкари ударили по ней из знаменитой огромной пушки, носившей имя Барс, и взорвали ее. Телами поляков и литовцев, вперемешку с остатками башни и стен, наполнился доверху ров псковской крепости. Потеряв пять тысяч человек убитыми, король был вынужден отказаться от захвата Пскова. 1 декабря он покинул лагерь, поручив продолжать осаду гетману Яну Замойскому, но боевые действия велись вяло. Неудача под Псковом тяжело отразилась на военных и материальных ресурсах Речи Посполитой, и вскоре был заключен мир.

В начале правления царя Федора Ивановича князь Иван Петрович Шуйский вошел в регентский совет при государе. Он стал главой партии противников Бориса Годунова. Шуйские собирались нанести удар по основной опоре влияния Годунова: в 1586 г. Шуйские, заручившись поддержкой митрополита Дионисия и епископа крутицкого Варлаама, обратились к царю с тем, чтобы он, «чадородия ради», постриг свою жену Ирину Годунову в монахини, а сам вступил бы во второй брак. На стороне Шуйских выступили и видные московские купцы. Но Борису удалось одолеть своих противников. Вскоре митрополит Дионисий был отстранен от престола, князь Иван Петрович Шуйский и его родственники – братья князья Андрей, Василий, Александр, Дмитрий и Иван Ивановичи Шуйские – сосланы, а московские купцы Нагай и Голуб «с товарищи» казнены. В ссылке И. П. Шуйский и А. И. Шуйский были убиты своими приставами, первый – в 1588 г., а второй – в 1589 г.

После смерти князя Ивана Петровича главой рода стал князь Василий Иванович, внук казненного Андрея Частокола. Впервые он упоминается в источниках в 1574 г., когда был в числе голов в государевом полку в походе Ивана Грозного против крымцев. В 1580 г. князь Василий был дружкой царя на его свадьбе с Марией Нагой. Согласно некоторым известиям, Василий Шуйский, еще при Иване Грозном, обнаружил честолюбивые стремления относительно престола. Впрочем, это известие вполне может быть навеяно последующими событиями. В 1584 г. князь получил боярство, затем, вместе с другими Шуйскими, попал в опалу, потерпев поражение в придворной борьбе с Годуновым.

Борис Годунов опасался Шуйского, ему и главе Боярской думы князю Ф. И. Мстиславскому было запрещено жениться с тем, чтобы их род пресекся. Но в 1591 г. князь Василий был назначен главой следственной комиссии, посланной в Углич для расследования дела о смерти царевича Дмитрия, и он возвратился с решением, выгодным для Годунова: царевич «самозаклался» из-за небрежения Нагих. Брак князя Дмитрия Шуйского, брата Василия и Екатерины Григорьевны Скуратовой-Бельской, свояченицы царя Бориса и дочери Малюты Скуратова, укрепил союз Годунова с Шуйским.

Когда появились первые слухи о самозванце, принявшем имя «царевича Дмитрия Угличского», князю Василию Шуйскому пришлось для успокоения москвичей выходить на

Лобное место и торжественно заверять и клясться в том, что царевич погиб в результате несчастного случая. Это не помешало ему потом вместе с другими боярами признать царское происхождение Лжедмитрия I. Вскоре после этого он стал душою заговора против самозванца и говорил, что новый царь – самозванец, а царевич Дмитрий убит по приказу Годунова. Таким образом, князю Василию приходилось, согласуясь с обстоятельствами, трижды менять свою точку зрения на судьбу и гибель царевича Дмитрия. Вряд ли его следует винить в этом, Василий Шуйский действовал так же, как и другие бояре, вовсе не стремившиеся к подвигам во имя истины.

Через два дня после убийства самозванца бояре – участники переворота – провозгласили царем князя Василия Ивановича Шуйского. Несомненно, Василий Шуйский имел гораздо больше прав на престол, нежели Борис Годунов и уж тем более безродный самозванец Гришка Отрепьев. Если рассматривать династическую ситуацию конца XVI в. с точки зрения традиционного княжеского права Древней Руси, то вслед за пресечением рода московских князей трон уже в 1598 г. должен был перейти к следующей по старшинству линии князей Шуйских. Однако в Смутное время действовали уже иные факторы.

Современники отмечают, что избрание нового царя не было делом всего народа, а результатом сговора узкой группы лиц. Троицкий келарь Авраамий Палицын пишет, что после провозглашения Василия Шуйского царем вся Россия «устроилась… в двоемыслии; одни любили его, другие же ненавидели».

Свое правление Василий Шуйский начал с обнародования уникального документа – Крестоцеловальной записи, которая гарантировала подданным царя соблюдение их прав – справедливый суд и предотвращение несправедливых ссылок и казней. «Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам» – так оценивал значение этого документа великий русский историк В. О. Ключевский. Крестоцеловальная запись могла бы изменить весь политический облик государства, однако эти обещания были лишь декларацией. Василий Шуйский создал при своем дворе атмосферу подозрительности и доносительства, часто нарушал Крестоцеловальную запись, ссылая, отправляя в тюрьмы и подвергая казням без справедливого суда и следствия. За царем прочно утвердилась слава человека бесчестного и склонного к интриге и обману.

Раскрывает атмосферу доносительства и неправого суда, процветавшего при Шуйском, донос на сторонников Василия Шуйского, поданный королевичу Владиславу. Согласно доносу, думный дворянин В. Б. Сукин «сидел в Челобитной избе и людей втайне сажал в воду (т. е. топил) по Шуйского веленью и сам замышлял»; стольник В. И. Бутурлин – «и на отца родного доводил»; стольники князья Г. Ф. Хворостинин, А. П. Львов, И. М. Одоевский и другие названы «шептунами». Подтверждается этим документом и известие о пристрастии Шуйского к колдунам: спальник И. В. Измайлов, наиболее близкий к царю человек, «был у Шуйского у чародеев и кореньщиков», т. е. приглядывал за чародеями и знатоками волшебных и ядовитых трав и кореньев.

Современникам казалось, что именно в нарушении Шуйским своей присяги скрывается причина бедствий, постигших Русское государство при этом государе. Другие думали, что причиной наступивших смут является поспешное возведение Шуйского на трон узким кругом сторонников, без участия «всей земли», т. е. всего населения страны. Как бы то ни было, в первые месяцы после смерти Лжедмитрия I его призрак обрел силу и значение, вновь стал знаменем для недовольных и мятежников. Царь Василий Шуйский принял все меры для того, чтобы предотвратить развитие самозванческой авантюры: обезображенный труп Лжедмитрия, три дня пролежавший на площади, был брошен в скудельницу, а затем сожжен и прах забили в пушку и выстрелили из нее в сторону Польши. В то же время царевич Дмитрий был признан святым мучеником, убитым по приказу злодея – Бориса Годунова. Но это не помогло.

На окраинах государства начались восстания против царя. Имя «царя Дмитрия», чудесным образом вновь восставшего из мертвых, стало знаменем, объединившим всех недовольных воцарением боярского государя. Вскоре появился и вождь – бывший боевой холоп Иван Болотников, принявший имя воеводы «царя Дмитрия».

Успехи Болотникова впечатляют. Через несколько месяцев он стоял уже под стенами Москвы и угрожал царскому войску, обессиленному дезертирством и плохим командованием. Но счастье оказалось на стороне Шуйского. В мятежной армии произошел раскол, и вожди рязанского дворянского ополчения, составлявшего значительную часть восставших, Истома Пашков и Прокофий Ляпунов, во время решающих сражений под Москвой перешли на сторону царя. Болотников был разбит и отступил к Калуге, откуда перешел в Тулу. Царь Василий проявил мудрость и стремление к примирению – сложившие оружие казаки Болотникова были приняты на государеву службу и получили жалованье. Но «воры», взятые в плен в бою, были утоплены. Осадой Болотникова в Туле руководил сам царь. Мятежники отчаянно оборонялись, нанося значительный урон вражеской армии, но через несколько месяцев осады в городе начала сказываться нехватка съестных припасов, а затем наступил голод. «Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, бычьи и коровьи шкуры», – пишет участник тульской обороны К. Буссов. По совету муромского дворянина Фомы Кравкова осаждавшие преградили течение реки Упы, и Тулу стала заливать вода.

Положение болотниковцев стало отчаянным, вода залила остатки съестных припасов, началось дезертирство и возмущение против руководителей обороны – Болотникова и его союзников. Защитники крепости вынудили Болотникова вступить в переговоры с Шуйским и капитулировать. Царь обещал вождям восставших неприкосновенность, но не сдержал своего слова – все они были казнены.

Едва очаг смуты, полыхавший в Туле, был с большим трудом затушен, как пламя мятежа разгорелось на окраинах государства. Терские казаки, создавшие Лжепетра, выдвинули нового самозванца – «царевича Ивана-Августа», «сына» Ивана Грозного от брака с Анной Колтовской. Этому самозванцу покорились Астрахань и все Нижнее Поволжье. Вслед за ним появился «внук» Грозного, «сын» царевича Ивана Ивановича «царевич Лаврентий». В казачьих станицах самозванцы росли как грибы: явились «дети» царя Федора – «царевичи» Симеон, Савелий, Василий, Клементий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка. Но главную опасность представлял появившийся в Литве зимой 1607 г. новый «царь Димитрий», вошедший в историю как Лжедмитрий II, или Тушинский Вор.

Самозванец выступил в поход в сентябре 1607 г. и двинулся на помощь осажденной Туле. В день ее капитуляции он находился уже в Козельске, но успел оказать помощь осажденным и в страхе перед царским войском бежал на Северщину. Весною 1608 г. самозванец выступил в поход на Москву. Главнокомандующим армии из казаков, поляков и уцелевших болотниковцев стал литовский магнат князь Роман Рожинский. Начальствовали над казаками полковник Александр Лисовский и атаман Иван Заруцкий. Разбив под Болховом армию, которой командовал брат царя боярин Дмитрий Шуйский, самозванец подошел к Москве и стал лагерем в Тушине, от чего и получил от современников прозвание Тушинского Вора.

Началось длительное противостояние между Лжедмитрием II и Василием Шуйским. Москва оказалась в кольце осады, правда, не сомкнутом. Между враждующими лагерями происходили жестокие бои, но далеко не все москвичи проявляли желание умирать за царя Василия. Из Москвы в Тушино начали перебегать князья, стольники, служилые люди, дьяки.

Царь Василий пытался остановить измену. Он предложил служилым людям либо оставаться в Москве и целовать крест в знак своей верности, либо честно оставить осажденный город и перейти в Тушино, но не бежать обманом. Многие изъявили желание умереть за царя, но уже на другой день некоторые из клявшихся быть верными Шуйскому отъехали в Тушино. Попытка сплотить служилое сословие оказалась неудачной. В то же

время на стороне Шуйского активно выступал патриарх Гермоген, рассылавший по городам грамоты с призывами служить истинному царю и не уклоняться на вражескую прелесть. Пока Тушинский Вор стоял под Москвой, его войска грабили страну, совершая дальние походы на северо-восток. На сторону самозванца перешли или были взяты города Переславль, Ярославль, Кострома, Вологда, Владимир, Суздаль, Муром, Касимов, Арзамас и другие.

Василий Шуйский обратился за помощью к шведскому королю Карлу IX. В Новгород для переговоров со шведами был послан родственник царя – молодой князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (сын князя Василия Федоровича, руководившего псковской обороной наряду с князем И. П. Шуйским), успевший к тому времени проявить себя как талантливый воевода. Ему удалось привлечь на русскую службу наемную армию в 15 тысяч шведов, немцев, шотландцев и других выходцев из Западной Европы и собрать в северных областях русское ополчение в 3 тысячи человек.

10 мая 1609 г. он двинулся из Новгорода «на очищение Московского государства». Но перед этим посланные Скопиным-Шуйским воеводы сумели отбить у тушинцев Вологду, Ярославль и некоторые другие северные города. В нескольких боях Скопин-Шуйский разбил главные силы Тушинского Вора. По пути следования Скопина-Шуйского к Москве его армия пополнялась отрядами из освобожденных городов. Тушинский гетман Ян Петр Сапега, опасаясь наступающего русского войска, снял осаду с Троице-Сергиевого монастыря, в жестоких боях и штурмах длившуюся почти четыре месяца.

12 марта 1610 г. князь М. В. Скопин-Шуйский вступил в Москву и был встречен ликующим народом. Но среди торжествующей толпы сердце одного человека наполнялось злобой и ненавистью. Это был князь Дмитрий Иванович Шуйский – брат царя и бесталанный воевода, проигравший множество сражений. Он обоснованно опасался молодого воеводы – в случае смерти бездетного царя Василия князь Дмитрий должен был занять трон, но огромная популярность Скопина-Шуйского внушала царскому брату опасение, что народ провозгласит его наследником, а затем и царем. Некоторые источники свидетельствуют, что и сам царь Василий опасался Скопина-Шуйского.

Подробно излагает дальнейшие трагические события «Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского», согласно которому, на крестинах княжича Алексея Воротынского крестная мать – «злодеянница» княгиня Екатерина Шуйская (как уже говорилось выше, она была дочерью Малюты Скуратова) – поднесла своему куму – князю М. В. Скопину-Шуйскому – чашу с ядом. Молодой полководец проболел несколько дней и скончался 23 апреля 1610 г. С плачем и криками толпы народа проводили тело князя на погребение в царскую усыпальницу – Архангельский собор. Царя, и прежде не пользовавшегося особой любовью, со смертью Скопина-Шуйского стали ненавидеть как виновника его гибели.

Тушинский стан со смертью Скопина-Шуйского ободрился. Но Лжедмитрий II, как и Василий Шуйский, чувствовал себя неуютно в своей «столице». В сентябре 1609 г. король Сигизмунд III объявил войну России, заключившей союз с его злейшим врагом и племянником – шведским королем Карлом IX, лишившим Сигизмунда шведского трона. 1 октября король появился под стенами Смоленска, и началась героическая оборона этого города, которую возглавлял боярин Михаил Борисович Шеин.

Постепенно среди поляков, окружавших самозванца, возник план: передать его в руки короля, а самим выступить на стороне Сигизмунда III и добыть ему или его сыну Владиславу московскую корону. Поляки и некоторые русские тушинцы вступили в переговоры с королем. Самозванец подвергся домашнему аресту, но сумел бежать из Тушина в Калугу, где вновь привлек к себе множество сторонников – казаков, русских и часть поляков – и повел войну уже с двумя государями: царем Василием и королем Сигизмундом. Тушинский стан опустел, сторонники короля уехали к нему под Смоленск, а сторонники самозванца – в

Калугу.

Василий Шуйский отправил против поляков князя Д. И. Шуйского и иноземных наемников во главе с шведским полководцем графом Я. Делагарди. 24 июня Дмитрий Шуйский был разбит в битве с польским гетманом С. Жолкевским у села Клушина под Можайском. Причиной поражения была измена иноземных наемников, которым Дмитрий Шуйский не захотел выплатить жалованье, отговариваясь отсутствием денег. Клушинское поражение решило судьбу Василия Шуйского. 17 июля в Москве начались волнения. Согласно летописи, московские «воры» сговорились со сторонниками калужского самозванца о том, что они откажутся от Лжедмитрия II: «а мы де все отстанем от московского царя Василия», и все вместе выберем царя. Толпа заговорщиков во главе с Захарием Ляпуновым пришла во дворец, и Ляпунов начал выговаривать царю: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжалься над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь помыслим».

Шуйский уже не в первый раз испытал подобное. В феврале 1609 г. князь Р. Гагарин, Т. В. Грязной, М. А. Молчанов и другие также пытались «ссадить» его с престола, царь мужественно вышел им навстречу, и мятежники бежали. Но на этот раз все было по-иному. Царь отвечал Ляпунову бранью и схватился за нож. Захарий – мужчина высокий и сильный – выкрикнул в ответ: «Не тронь меня, а то как возьму в руки, так и сомну всего!» Заговорщики вывалились из дворца, но не затем, чтобы отступить. За Москвой-рекой, у Серпуховских ворот, собрались толпы народа, и здесь было решено бить челом царю, чтобы оставил престол, потому что из-за него льется кровь христианская. Свояк Шуйского, князь И. М. Воротынский, был послан в качестве парламентера и добился от Шуйского согласия оставить престол, а довольствоваться уделом, состоящим из Нижнего Новгорода.

Обрадованные москвичи бросились к тушинцам требовать, чтобы и те низвергли Лжедмитрия II. Но те лишь посмеялись над ними: «Что вы не помните государева крестного целования, царя своего с царства ссадили, а мы за своего готовы умереть». Патриарх Гермоген пытался воспользоваться этим и потребовал, чтобы царю Василию вернули трон, но зачинщики мятежа не могли смириться с этим. Утром 19 июля они пришли на двор царя Василия и насильно постригли бывшего царя и супругу, царицу Марию Петровну, в монахи. Шуйский не хотел постригаться и не говорил слова отречения от мира, как положено согласно обряду. Заговорщиков это не смутило, вместо царя произнес слова отречения князь Василий Тюфякин. Патриарх Гермоген не признал этого пострижения, а утверждал, что монахом должен быть Тюфякин, но с мнением владыки никто не считался. В Москве установилась Семибоярщина – боярское правление. «Седьмочисленные бояре», опасаясь наступления Лжедмитрия II, поспешили заключить договор с С. Жолкевским о призвании на русский престол польского королевича Владислава. Войско Жолкевского вступило в Москву, а бывший царь Василий, его супруга и братья, Дмитрий и Иван, увезены в Польшу.

Польские источники подробно описывают королевскую аудиенцию, данную Шуйскому в Варшаве 29 октября 1611 г. После речи Жолкевского, восхвалявшего счастье и мужество короля, Шуйский низко поклонился и поцеловал королевскую руку, а братья его били челом до земли.

Однако русские летописи описывают дело совсем по-другому. Согласно одной из них, на требование поклониться королю царь Василий отвечал: «Не подобает московскому царю кланяться королю; то по Божественной воле приведен я в плен; не вашими руками взят, но московскими изменниками, своими рабами был отдан».

Даже в далекой Сибири вспоминали о плене царя Василия и приписывали ему не свойственное мужество и не существовавший подвиг. Царь Василий, согласно Сибирскому летописному своду, отвечал королю: «…Сам ты король поклонись мне, царю московскому, поскольку я глава тебе». Король же разъярился, отослал его в Польшу и там уморил

мученической смертью.

Царь Василий провел последние годы жизни в польском плену и скончался в 1612 г. Над его могилой поляки возвели пышную гробницу, украшенную надписями, восхваляющими торжество Речи Посполитой над Московией. Тело Василия Шуйского было выдано русскому послу – князю А. М. Львову – по настоятельному требованию царя Михаила Федоровича в 1635 г. Царский наказ предписывал давать выкуп за тело царя Василия в огромную сумму – до 10 000 рублей, но послам удалось лишь ограничиться богатыми подношениями польским вельможам, и дело было улажено. 10 июня гроб с телом Шуйского, его брата Дмитрия и его жены Екатерины был торжественно встречен на подъезде к Москве, в Дорогомилове. Государь встретил тело у Успенского собора, а на другой день состоялось погребение.

Лишь младший из Шуйских, боярин князь Иван Иванович, возвратился живым из польского плена (1620). На Избирательном соборе его имя называлось в числе возможных кандидатов в цари, однако всерьез кандидатура князя Ивана Шуйского участниками собора не рассматривалась. После правления царя Василия Шуйского, сопровождавшегося многочисленными бедствиями, сторонников у царя из этого рода не было. Правда, уже при царе Алексее Михайловиче в Польше появлялись самозванцы, называвшие себя «царевичами» и детьми Василия Шуйского – Семеном и Иваном. Оба были вытребованы московским правительством – первый попался в Молдавии, второй после долгих странствий оказался в Германии – и казнены. Человек, принявший имя Ивана Шуйского, – беглый подьячий Тимофей Анкудинов – был необыкновенно талантлив и образован для своего времени. Во время заграничных скитаний он выучил несколько языков, знал астрологию и астрономию, писал стихи. Однако это не спасло его от мучительной казни в декабре 1653 г.

Князь Иван Иванович Шуйский не дожил до появления своих мнимых племянников. При царе Михаиле Федоровиче он

руководил Владимирским Судным приказом и скончался в 1638 году, не оставив потомства. Но род Шуйских не пресекся. Согласно польским генеалогическим справочникам, в Польше существовал род князей Шуйских, католиков, происходивший от князя Ивана Дмитриевича, в 1566 г. бежавшего из России в Литву. Возможно, этот род продолжается и ныне.

Род «спасителя отечества». Князья Пожарские

Имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского навечно вписано в славные страницы российской истории. Своей деятельностью по освобождению Москвы от польских интервентов и восстановлению государственного порядка он справедливо заслужил имя «спасителя Отечества», данное ему историками XIX в. Княжеское происхождение играло важнейшую роль в формировании мировоззрения князя, что, в свою очередь, отразилось и на его служении России. Вот как об этом пишет известный русский историк С. Ф. Платонов: «С высоким понятием о своей родовой чести и с консервативным настроением Пожарский, разумеется, не мог ни служить самозванщине, ни прислуживаться Сигизмунду. Он и в Тушине не бывал, и королю ни о чем не бил челом; напротив, крепко бился с тушинцами и первый пришел под Москву биться с поляками и изменниками… Все это, вместе взятое, создало Пожарскому определенную репутацию и остановило на нем выбор нижегородцев».

Пожарские принадлежали к потомкам Всеволода Большое Гнездо. Родоначальник этой ветви стародубских князей Василий Андреевич Пожарский владел селом Пожар. Его потомки в XVI в. были суздальскими землевладельцами и ничем не выделялись среди других сыновей боярских. Князь Иван Иванович сложил свою голову в Казанском походе 1552 г. Князь Федор Иванович Немой в 1550 г. был зачислен в «московский список» (возможно, тогда же он и получил поместье в Ржевском уезде). Опричнина нанесла удар по роду Пожарских. Вместе с другими потомками удельных князей Северо-Восточной Руси они попали в опалу и

были сосланы в Казанский край. В Поволжье оказался и князь Федор Иванович. Там он нес службу в должности головы. Впоследствии часть родовых земель была возвращена Пожарским, в том числе и село Мугреево в Суздальском уезде.

Сын князя Федора Ивановича – князь Михаил Федорович Глухой – не сделал никакой карьеры, ему даже не удалось дослужиться до чина головы. Он упоминается в 1571 г., когда купил у своего родственника, князя П. Т. Пожарского, деревню Три Дворища в Стародубе Ряполовском за 15 рублей и шубу беличью «хребтовую». В 1573 г. князь Михаил вместе с отцом дал в Троице-Сергиев монастырь на поминание предков и своей души сельцо Калман Юрьевского уезда. За ним были вотчины и поместье за пределами Суздальской земли. Он был женат на представительнице старомосковского боярского рода Евфросинье (Марии) Федоровне Беклемишевой, от которой имел двух сыновей: Дмитрия (род. 1578) и Василия (род. 1583, умер до 1611, в монашестве – Вассиан), и дочь Дарью. Скончался князь Михаил Федорович в 1587 г., и с этого времени его старший сын Дмитрий упоминается в источниках.

Сохранился подлинник грамоты князя Д. М. Пожарского, в которой он дает суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю деревню Три Дворища, пожалованную им «по приказу отца» в 1586–1587 гг. Возможно, что отец князя Дмитрия в это время был еще жив, но из-за болезни не мог сам оформить акт дарения и поручил это сыну. На это указывает то, что грамота содержит требование поминать «родители» вкладчика без упоминания имен. Если бы грамота была написана вскоре после смерти князя М. Ф. Пожарского, скорее всего, князь Дмитрий Михайлович особо выделил бы имя отца. Несмотря на то что в 1586–1587 гг. князю Д. М. Пожарскому было не более девяти лет, грамота не только составлена от его имени, но и подписана им собственноручно.

В 1588 г. за князем Дмитрием и его братом Василием были закреплены поместья отца в Мещевском и Серпейском уездах 405 четвертей (четверть – мера площади, равная 0,5 десятины, т. е. немногим более 0,5 гектара). Царская грамота указывала молодым князьям начать службу с отцовского поместья с наступлением совершеннолетия, т. е. в 15 лет. Братья должны были также обеспечивать свою мать, вплоть до ее смерти, и сестру, княжну Дарью, – до ее замужества.

Князь Дмитрий начал службу при дворе с чина стряпчего. В 1598 г. он подписал грамоту об избрании на царство Бориса Годунова. Однако вскоре после воцарения Годунова, князь Дмитрий Михайлович неизвестно по какой причине попал в опалу, в которой находился до 1602 г. После того как для Пожарского, по его собственному выражению, «милость царская возсияла», он получил чин стольника, а его мать заняла видное положение боярыни царевны Ксении Борисовны. Однако князя Дмитрия это не устраивало, и он начал местнический спор с князем Борисом Михайловичем Лыковым (из черниговских Рюриковичей, впоследствии видный деятель Смутного времени), мать которого была назначена верховой боярыней царицы Марии Григорьевны. Этот спор так и не был решен, но впоследствии повторился еще раз. Не имея возможности опираться на заслуги своих прямых предков, служебное продвижение которых затормозила опала, князь Дмитрий Михайлович приводил «случаи» служб своих родичей – князей Ромодановских, Татевых и Хилковых.

При первых известиях о появлении самозванца князь Дмитрий Михайлович был призван в полк и получил годовое жалованье – 20 рублей. Из этих денег князь приобрел боевого коня. В составе московского войска князя Ф. И. Мстиславского Пожарский совершил поход на «украйну» и участвовал в битве при Добрыничах и других военных столкновениях.

Из других источников известно, что царь Борис Годунов благоволил к князю Дмитрию Пожарскому. Однако и вступление на престол Лжедмитрия I способствовало дальнейшему продвижению Пожарского. Пожарский дважды упоминается в церемонии царских пиров, в том числе на злосчастной царской свадьбе 8 мая 1606 г., за которой последовало низвержение

и убийство самозванца.

Падение Лжедмитрия I не принесло перемен в служебную карьеру Пожарского. Он продолжал оставаться в чине стольника. Только осенью 1608 г. он получил первое самостоятельное поручение – был отправлен к Коломне на выручку воеводе И. М. Пушкину, которого теснили тушинские отряды. Из-под Коломны князь Дмитрий выступил против тушинцев и «литовских людей», стоявших в селе Высоцком в 30 верстах от города. Воевода напал на врагов на утренней заре, «и их побил наголову, и языков многих захватил, и многую у них казну и запасы отнял».

Осенью 1609 г. оказалась под угрозой Владимирская дорога. На ней обосновался «хатунский мужик» Салков с отрядом разбойников. Салкову удалось разбить в нескольких сражениях царских воевод, и он беспрепятственно грабил на дороге. Москва была в осаде от тушинцев, и освобождение подъездных дорог было важнейшей задачей. Царь отправил на Салкова нескольких воевод, и только князь Дмитрий Пожарский сошелся с «воровским» атаманом на речке Пехорке. В долгом бою Пожарский разбил отряд Салкова. Предводитель разбойников с оставшимися людьми бежал, но затем явился с повинной к царю в Москву.

За военные подвиги и участие в московской осаде князь Дмитрий был пожалован вотчиной в Суздальском уезде – он получил село Нижний Ландех с двадцатью деревнями и семью «починками» (сельскими поселениями), располагавшееся неподалеку от Мугреева. Жалованная грамота отмечала, что князь Дмитрий Михайлович «против врагов стоял крепко и мужественно», царю Василию и Московскому государству «многую службу и дородство (воинскую силу и храбрость) показал», «на воровскую прелесть и смуту… не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо».

Всего же при Василии Шуйском за князем Дмитрием Пожарским были поместья и вотчины, общая площадь которых составляла более 3700 четвертей, что представляется весьма значительным владением. Согласно «Уложению о службе» 1555–1556 гг., он был обязан выставить со своих владений 36 человек боевых холопов на конях и с вооружением. Естественно, в годы Смуты это было невозможно. Земли Пожарского, как и владения тысяч других вотчинников и помещиков, были разорены поляками, казаками и русскими разбойниками. Добившись определенного продвижения по службе, упрочив свое имущественное положение по сравнению с положением отца и деда, князь Дмитрий Михайлович, конечно, горевал о том, как гибнут результаты его трудов и приобретений. К тревоге за державу у Пожарского прибавлялась и боль за судьбу своих владений. Иначе быть не могло, ведь князь был человеком своего времени, убежденным в том, что долг дворянина – с саблей в руке служить царю и Отечеству, долг крестьянина – кормить и обеспечивать дворянина, долг купца – торговать, священника и монаха – молиться о христианах, а царя – справедливо управлять государством.

Весной 1610 г. князь Д. М. Пожарский был послан на воеводство в Зарайск, на рязанской окраине государства. Пожарский прибыл на воеводство в нелегкое время. Рязанская земля была охвачена волнением. Местный дворянин Прокопий Ляпунов возглавил движение, оппозиционное царю Василию Шуйскому. Он вступил в переговоры с Лжедмитрием II и воеводами в соседних городах, призывая подниматься против царя Василия Шуйского. К Пожарскому Ляпунов отправил своего племянника Федора. Дмитрий Михайлович отверг предложение Ляпунова, послал его грамоту в Москву и запросил у царя помощи. Вскоре к нему прибыло подкрепление – воевода Семен Глебов и стрелецкий голова Михаил Рчинов. Узнав об усилении зарайского гарнизона, Ляпунов прекратил свою переписку с Лжедмитрием II и, видимо, оставил свои планы переворота.

Вскоре опасность нависла над Зарайском с другой стороны. Лжедмитрий II из Калуги начал поход на Москву. Сторону самозванца приняли Коломна и Кашира. Посланцы с «воровскими грамотами» прибыли и в Зарайск. Посадские люди восстали и пришли «всем городом» на

князя Дмитрия Михайловича. Воевода заперся с небольшим отрядом в Кремле и объявил о своей твердой поддержке царя. Видя, что взять крепость штурмом им не удастся, «мужики» вступили в переговоры. Обе стороны сошлись на том, что будут держать сторону того царя, который «будет на Московском государстве» – «будет на Московском государстве по-старому царь Василий, ему и служить; а будет кто иной, и тому так же служить». Это решение было скреплено крестным целованием, и мир в городе восстановился.

Справившись со смутой в Зарайске, князь Дмитрий Михайлович организовал походы против сторонников самозванца и восстановил власть царя Василия Шуйского в Коломне. В зарайских событиях проявилась твердая воля и решимость князя Пожарского. Он предстает человеком цельным и верным своей присяге, что в годы «шатанья» было большой редкостью среди его «братии» – дворян. Как бы ни относился князь Дмитрий Михайлович к царю Василию, тот был единственным законным правителем, служба истинному государю была равнозначна службе Отечеству.

С началом Первого ополчения князь Дмитрий Михайлович принял активное участие в его организации. Поляки отправили против Прокопия Ляпунова, ставшего вождем ополчения, отряд запорожских казаков (черкесов) и русских изменников во главе с воеводой Исаком Сумбуловым. Ляпунов был осажден в Пронске, и положение его было крайне тяжелым. Пожарский поспешил на выручку Ляпунову. Собрав коломенские и рязанские отряды, он пошел на Пронск и снял осаду с города. Из Пронска князь поспешил вернуться в Зарайск – и вовремя. Сумбулов приступил к городу и сумел взять острог. Пожарский совершил вылазку из крепости и нанес противнику поражение – черкесы вернулись на Украину, а Сумбулов «побежал» к Москве. Попытка остановить земское движение провалилась.

В Москве люди, подобные Пожарскому, считались изменниками и врагами государства. В 1611 г. дворянин Григорий Орлов бил челом Сигизмунду III и Владиславу с просьбой пожаловать его «изменничьим княж Дмитреевым поместьицем Пожарского» (т. е. поместьем изменника Пожарского. – С. Ш.) – селом Нижний Ландех. На обороте этого прошения польский наместник Москвы А. Гонсевский написал, обращаясь к дьяку И. Т. Грамотину: «Милостивый пане Иван Тарасьевич!.. Пригоже… дать грамоту государскую жалованную». Правда, это и многие подобные решения Гонсевского оставались лишь на бумаге – ни у наместника Сигизмунда III, ни у его сторонников не было возможности проводить их в жизнь.

После отражения нападения Сумбулова на Зарайск имя Пожарского исчезает из источников вплоть до марта 1611 г. Историки предполагают, что он мог тайно приехать в Москву для подготовки восстания против интервентов. В любом случае, во время московского восстания 19 марта 1611 г. Пожарский был в числе немногих воевод Первого ополчения, оказавшихся в столице и вступивших в бой с поляками. Основные силы ополчения во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким были еще на подступах к столице.

Восстание возникло стихийно и, вероятно, застало князя в его доме на Сретенке, неподалеку от Лубянки. Князь Дмитрий Михайлович успел только собрать пушкарей с соседнего Пушечного двора и стрельцов из ближайшей слободы. Были у воеводы и пушки с того же Пушечного двора, и пушкари расстреливали с близкого расстояния поляков и немецкую пехоту. Воины Пожарского не только отбили врагов, но и заставили их отступить под стены Китай-города, а сами поставили на скорую руку острожек у церкви Введения на Лубянке – приходской церкви Пожарского.

Понимая, что им не справиться с вооруженным восстанием, поляки по совету бояр-изменников подожгли город. Солдаты зажгли стены Земляного города, и огонь расчистил путь полякам. Введенский острожек Пожарского оставался одним из последних центров сопротивления. К вечеру 20 марта полякам и немцам удалось прорвать оборону. Большинство защитников острожка пало в бою, а воевода получил тяжелое ранение в голову.

Его едва смогли вынести с поля битвы, укрыли в возке и привезли в Троице-Сергиев монастырь.

Такова была деятельность Пожарского до принятия им предложения возглавить нижегородское ополчение. Уже тогда он снискал себе широкую известность как патриот и твердый сторонник законной власти, храбрый воевода и талантливый организатор. Рана Пожарского надолго вывела его из строя. Он лечился в Мугрееве и там получил первые известия о начале освободительного движения в Нижнем Новгороде. Пожарский далеко не сразу согласился стать во главе ополчения. Нижегородцы ездили к нему в Мугреево несколько раз. Был у Пожарского и Минин. Очевидно, тогда и сложился между ними дружеский союз единомышленников, во многом обеспечивший успехи Второго ополчения. С этого времени начинается новый этап в деятельности князя Дмитрия Пожарского, составившей ему бессмертную славу спасителя Отечества.

Позволим себе опустить описание роли Пожарского в освобождении Москвы – она хорошо известна. Следует только сказать, что во главе Второго ополчения князь Дмитрий Михайлович проявил себя не только выдающимся военачальником и военным организатором, но также дипломатом и администратором.

Царь Михаил Федорович в полной мере оценил заслуги Пожарского в восстановлении государства. Во время царского венчания Пожарский принял из рук молодого царя один из государственных символов – державу. Скипетр и царский венец держали в руках соответственно князь Д. Т. Трубецкой (видный деятель Смутного времени и один из руководителей Первого ополчения) и И. Н. Романов (дядя царя). Это было новшеством в обряде венчания на царство. Юный государь стремился показать, что в своем правлении будет опираться на ближайшее окружение из верных и опытных советников. На следующий день после церемонии князь Пожарский был возведен в сан боярина, а его соратник Кузьма Минин пожалован чином думного дворянина.

Советские историки писали, что ни Пожарский, ни Минин не получили достойного вознаграждения за свою службу. Наравне с ними, а порою и более щедро были награждены бояре, входившие в Семибоярщину и проявившие себя как сторонники польской оккупации. Однако не стоит забывать, что, согласно представлениям той эпохи, не отличавшийся особой знатностью князь Дмитрий Пожарский, ни тем более худородный Минин не могли быть пожалованы более, чем представители знатнейших родов. Кроме того, герои освободительного движения на самом деле были награждены достаточно щедро: Пожарский получил чин боярина, минуя предыдущий чин окольничего. Помимо этого за князем Дмитрием Михайловичем было закреплено село Ландех, а в придачу он получил богатое село Холуй, знаменитое своими соляными промыслами и мастерством иконописцев, и другие земли в Суздальском уезде (всего вотчины и поместья – 2500 четвертей; в 1613 г. владения князя насчитывали 4350 четвертей).

Первые годы правления Михаила Федоровича посвящены борьбе против польско-литовских отрядов, казачьих и разбойничьих шаек, грабивших мирное население в разных концах государства.

В 1615 г. на западные уезды напал отряд полковника Лисовского. Против него был послан князь Д. М. Пожарский. Столкновение этих выдающихся деятелей Смуты знаменательно. Отчаянный храбрец и авантюрист, Лисовский являлся антиподом Пожарского – удаль, стремительность, жестокость и сила разрушения всегда были на его стороне. Он воевал и грабил под знаменами Лжедмитрия II, королевича Владислава, короля Сигизмунда и сам по себе. Лисовский стал настолько знаменит, что его отряд, получивший имя «лисовчиков», прославился и в Западной Европе. Поход Лисовского на Россию в 1615 г. – наиболее удачное из его военных предприятий. Против неуловимого полковника успешно действовал лишь князь Дмитрий Пожарский, умевший сражаться с тем же напором и отчаянностью.

Согласно указу, боярин должен был выступить в поход с семитысячным войском, однако в Москве едва нашлась тысяча ратников. Остальных воеводе предстояло набрать по дороге, мобилизовав местных служилых людей. В Белеве и Болхове отряд Пожарского пополнился дворянскими, татарскими и казацкими отрядами.

Лисовский не стал ждать встречи с прославленным полководцем, сжег Карачев и двинулся на Орел. Пожарский поспешил наперерез Лисовскому, к Орлу, и нагнал его. Завязался бой. Воевода ертоульного полка (авангарда) Иван Гаврилович Пушкин не выдержал натиска «лисовчиков». Дрогнул и побежал второй воевода – Степан Исленьев. Один только Пожарский, собрав в кулак наиболее боеспособные части, отважно и стойко сражался с неприятелем. И хотя Лисовский имел двойное численное преимущество, Пожарский говорил воинам: «Лучше тут же умереть, нежели бежать!» Шестьсот человек стояли против двухтысячного отряда поляков. Русские окружили себя телегами и сражались под защитой обоза до темноты.

Ночью к главному воеводе вернулся Степан Исленьев и бежавшие ратники. На другой день Лисовский, не возобновляя сражения, ушел к Кромам. От Кром он двинулся на Болхов, а оттуда решил идти к Калуге. Однако Пожарский сумел разгадать маневр противника и опередил его, послав к Калуге дворянские сотни. К Пожарскому подошло подкрепление из казанских дворян, и он двинулся против Лисовского к Перемышлю, но полковник опять уклонился от боя и ушел на север, пройдя между Можайском и Вязьмой. Князь Дмитрий Михайлович не мог продолжить преследование – неожиданно он тяжело заболел; едва живого, воеводу увезли в Калугу. Войско, лишившееся военачальника, не решилось последовать за Лисовским, а он совершил дерзкий рейд, описав петлю вокруг Москвы на расстоянии 200–300 км от столицы – через Ржев, Кашин, Углич, Ярославский, Костромской, Суздальский, Владимирский, Муромский, Коломенский, Рязанский и Тульский уезды, и опять вернулся на Северщину.

Князь Дмитрий Михайлович быстро оправился от тяжкой болезни. В июне 1616 г. в чине наместника коломенского он участвовал в переговорах с английским послом Д. Мериком, выступавшим посредником во взаимоотношениях между Россией и Швецией.

В 1617 г. с запада в Россию пришла новая беда. На Москву двинулся королевич Владислав, решивший завоевать обещанный ему русский трон. Русские войска бежали из-под Смоленска и Дорогобужа. Вязьму, покинутую воеводами, поляки также заняли без боя. Изменники сдали Козельск, за ним был взят Мещовск. Повторялся сценарий страшных 1610–1611 гг. В страхе перед поляками жители Калуги отправили посольство в Москву с просьбой защитить их. Калужане ждали с подмогой именно Пожарского, подвиги которого были им хорошо известны.

Царский наказ воеводе гласил: «А о всем боярину и воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому государевым и ратным и всяким земским делом промышлять с великим радением, смотря по тамошнему делу, как его Бог вразумит; положил государь то свое государево дело на нем…» Царь мог быть спокоен: Пожарский приложит все силы, чтобы оправдать его доверие. Сложная обстановка, в которой оказался Пожарский, действительно требовала самостоятельных и решительных действий. Собранные в Калуге служилые люди и небольшой отряд самого воеводы не могли противостоять армии королевича. Пожарский сумел привлечь на свою сторону казаков, стоявших за рекой Угрой. Он положил казакам «государево жалованье», равное дворянскому, и казаки оказали воеводе существенную помощь. Были мобилизованы посадские люди. Еще тысячу стрельцов и казаков с «огненным боем» (с ружьями и пищалями) воевода отозвал в свое войско из южных крепостей, пользуясь тем, что в это время крымские набеги не так угрожали «украйнам».

Эти меры оказались своевременными. Вскоре под городом показались отряды полковников Опалинского и Чаплинского (последний командовал «лисовчиками» после внезапной смерти

их знаменитого предводителя в Комарицкой волости). После нескольких неудачных приступов к Калуге поляки отступили от города на 15 верст и обосновались станом в селе Товаркове. Противники вели между собой постоянные бои. Наконец Опалинский, «видя утеснение», отошел к Вязьме, соединившись там с войском королевича.

Польская армия осадила Можайск, который оборонял князь Борис Михайлович Лыков. На помощь ему двинулись князь Д. М. Черкасский из Волоколамска и князь Д. М. Пожарский из Калуги. Даже объединив свои силы, они не решались вступать в сражение с превосходящей их по численности армией противника. По царскому наказу воеводы принялись укрепляться в Рузе и Боровске. Отряды Пожарского поставили острог в Пафнутьевом-Боровском монастыре. Укрепившись в Боровске, ратники «посылали много отрядов под королевичевы таборы и литовских людей убивали, языков брали и утеснение им делали великое».

Тем временем поляки усилили натиск на Можайск. Можайский гарнизон оказался блокирован, в городе начался голод. Князю Пожарскому поручили вывести из Можайска основные силы, что он успешно выполнил. Защитники Можайска отошли к Боровску, оставив в городе небольшой по численности отряд пехоты во главе с Федором Васильевичем Волынским.

Выведенные из Можайска полки встали на Оке, перекрыв дорогу в Москву гетману П. К. Сагайдачному, который шел на столицу из Ельца. Пожарский и посланный к нему на помощь князь Григорий Константинович Волконский стояли в Боровске. В это время союзники королевича, казаки и черкасы, начали грабить под Серпуховом. Пожарскому и Волконскому приказали идти против казаков, но в Серпухове князь Дмитрий Михайлович тяжело заболел и был отозван в Москву.

В сентябре 1618 г. под стенами Москвы появилась армия королевича. Едва оправившись от болезни, князь Д. М. Пожарский принял деятельное участие в защите столицы. Царская грамота Пожарскому отмечает, что князь «на боях и на приступах бился, не щадя головы своей». Приступы польского войска к Москве и Троице-Сергиеву монастырю потерпели неудачу. Поляки вступили в переговоры, которые закончились подписанием 1 декабря 1618 г. Деулинского перемирия, согласно которому Смоленск и Северская земля переходили к Польше и Россия получала наконец долгожданный мир. Согласно условиям перемирия, из польского плена возвращались многие русские люди, и в их числе отец царя Филарет Романов.

Филарета торжественно встречали уже на польском рубеже, на речке Поляновке. В Можайске навстречу ему вышли рязанский архиепископ Иосиф, князь Д. М. Пожарский и окольничий князь Г. К. Волконский. В Москве, на Пресне, митрополита встретил сам царь и поклонился ему в ноги. Вскоре после прибытия в столицу Филарет был возведен в сан патриарха и занял положение соправителя при сыне.

Государство вернулось к мирной жизни. И хотя шайки разбойников и народные волнения еще продолжали тревожить, главным стало восстановление разрушенной экономики и государственного порядка. Дальнейшая служба князя Дмитрия Михайловича проходила на этом поприще. В 1619–1620 гг. он был воеводой в Твери, в 1621–1628 гг. возглавлял Ямской приказ, а в 1628–1630 гг. – на воеводстве в Великом Новгороде.

На двух свадьбах царя – в 1624 г. с княжной Марией Владимировной Долгоруковой и в 1626 г. с Евдокией Лукьяновной Стрешневой – князь Пожарский играл роль дружки жениха, а во второй свадебной церемонии принимала участие и его жена – княгиня Прасковья Варфоломеевна, она была свахой со стороны царя.

В 1632 г., воспользовавшись благоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, русское правительство начало новую войну с Польшей за Смоленск. Во главе армии должны были встать боярин М. Б. Шеин, прославившийся героической обороной Смоленска от войск короля Сигизмунда III, и князь Пожарский. Однако у Пожарского открылась тяжелая

болезнь, и его освободили от командования. Князю был поручен сбор средств на ведение войны. Сам Дмитрий Михайлович также жертвовал на военные нужды. Бояре и служилые люди доставляли хлебные припасы к Смоленску на своих подводах. Больше всех пожертвовал дядя царя И. Н. Романов – 300 четвертей сухарей (четверть как мера веса была равна 4 пудам, или 64 кг), князья И. Б. Черкасский и Д. М. Пожарский доставили по 200 четвертей, остальные бояре – меньше.

Однако боевые действия под Смоленском шли неудачно. Неожиданно для Шеина король Владислав сумел быстро провести мобилизацию и выступил на защиту Смоленска. Осада города превратилась в блокаду русского войска. На помощь Шеину отправились князья Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский, но они задержались в Можайске, ожидая, пока соберутся ратные люди. Тем временем Шеин, не имея возможности сопротивляться полякам, подписал договор о капитуляции, затем, оставив артиллерию со свернутыми знаменами, вышел из-под Смоленска.

Начались мирные переговоры, в которых участвовал и князь Дмитрий Михайлович. Историки отмечают, что сам Пожарский переговоров не вел, но его присутствие должно было оказать психологическое давление на послов – прославленный полководец и победитель королевских войск являлся олицетворением силы и могущества России.

После Смоленской войны Пожарский продолжал службу, несмотря на то, что находился уже в весьма преклонном по меркам того времени возрасте – в 1634 г.

ему исполнилось 56 лет. В 1634–1640 гг. (с некоторыми перерывами) он возглавлял Московский Судный приказ, разбиравший различные судебные тяжбы. В 1637 г. руководил земляными работами на Яузе при возведении оборонительных сооружений на случай нападения на Москву крымского хана. В 1638 г. по известиям о возможном набеге крымцев князя Дмитрия Михайловича отправили воеводой в Переяславль-Рязанский. Весной 1640 г. он участвовал в переговорах с польскими послами. Это была последняя служба Пожарского.

Князь Дмитрий Михайлович скончался 20 апреля 1642 г. Есть предположение, что перед смертью Пожарский принял монашество с именем Козьмы, вероятно, в честь своего сподвижника Кузьмы Минина. Он был похоронен в родовом некрополе в Спасо-Евфимьевом монастыре в Суздале.

В этот монастырь князь Дмитрий Михайлович неоднократно делал многочисленные вклады. Среди его пожертвований – огромный колокол в 355 пудов, паникадило на 28 свеч, серебряное золоченое кадило, икона Преображения Господня, несколько богослужебных книг. Но этим благочестие князя Дмитрия Михайловича не исчерпывалось – на свои средства он восстановил Макарьевский Желтоводский монастырь под Нижним Новгородом, разрушенный в середине XV в. Небольшой монастырь находился и в родовой вотчине Пожарского – неподалеку от Мугреева.

Князь владел большой библиотекой. Из его книг известны тома Четьий-Миней (сборник житий святых), изготовленных еще для царя Ивана Грозного, «Общая Минея», пожертвованные им в Спасо-Евфимьев монастырь книги – «Толкования на деяния апостольские», Четьи-Минеи (12 томов), Псалтырь, «О иконном поклонении» и другие.

Нельзя не упомянуть и еще об одной важной черте, отличавшей князя Д. М. Пожарского. Академик С. Ф. Платонов отмечал, что Пожарский обладал «высоким понятием о своей родовой чести». Естественно, он не мог избежать и многочисленных местнических столкновений. Далеко не все из них великий полководец сумел выиграть. Однако, исходя из сложившихся традиций местнического ритуала и счета, ни царь, ни боярский суд не могли решать эти споры иначе. За свою долгую службу князь Дмитрий Михайлович «местничался» 22 раза. Из них 7 споров решено в пользу Пожарского, 3 спора он проиграл, а остальные дела либо остались нерешенными, либо – что происходило чаще – заканчивались приговором

«быть без мест», что обычно означало правоту обеих сторон или какие-то особые обстоятельства службы одного из спорящих. Вопреки мнению некоторых историков о том, что при царе Михаиле Федоровиче князя Д. М. Пожарского не ценили и не награждали, эта ситуация представляется в ином свете: преобладание приговоров «быть без мест» означало защиту Пожарского со стороны верховной власти от других служилых людей. Не имея заслуженных предков – ни отец, ни дед Пожарского, как мы уже говорили, не носили даже воеводских чинов, – князь Дмитрий Михайлович не мог рассчитывать на победы в местнических спорах, и царь таким образом принимал в них сторону прославленного полководца.

Помимо местничеств еще один случай из жизни князя Д. М. Пожарского свидетельствует о чрезвычайно развитом у него осознании родовой чести и чувстве собственного достоинства. В 1634 г. князь Дмитрий Михайлович вместе с четвероюродным братом князем Дмитрием Петровичем Лопатой Пожарским подали царю весьма примечательную челобитную. «Племянник наш, – писали Пожарские, – Федька Пожарский у нас на государевой службе в Можайске заворовался, пьет беспрестанно, ворует, по кабакам ходит, пропился донага и стал без ума, а нас не слушает. Мы, холопы твои, всякими мерами его унимали: били, на цепь и в железа сажали; поместьице свое, твое царское жалованье, давно запустошил, пропил все и теперь в Можайске из кабаков нейдет, спился с ума, а унять не умеем. Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начал в монастырь, чтоб нам от его воровства впредь в опале не быть». Перепробовав все домашние средства усмирения беспутного племянника, старшие Пожарские были вынуждены просить царя жестоко наказать их родственника – ссылка в монастырь могла стать пожизненной. Однако по мысли князя Дмитрия Михайловича, пусть уж лучше племянник окончит жизнь в монастырской тюрьме, чем будет позорить славное имя Пожарских.

Пожарский был женат дважды. Девичья фамилия его первой супруги Прасковьи Варфоломеевны неизвестна. После ее кончины в августе 1635 г. князь женился на княжне Феодоре Андреевне Голицыной (ум. 1651). От первого брака у Пожарского было шестеро детей: сыновья Петр, Федор и Иван и дочери Ксения, Анастасия и Елена.

Сыновья князя Дмитрия Михайловича ничем не проявили себя. Князь Федор скончался в юности. В дворцовых разрядах он упоминается в чине рынды – одного из четырех оруженосцев, стоявших в белом платье с золотыми топорами возле трона. Старший сын Пожарского, Петр Дмитриевич, по-видимому, был настолько бесталанным человеком, что держался при дворе лишь благодаря влиянию отца. До 1642 г. он упоминается в дворцовых разрядах, но после кончины князя Дмитрия Михайловича и вплоть до смерти самого князя Петра в 1647 г. о нем нет никаких известий. Членом Боярской думы он так и не стал, а служил в стольниках. Князь Иван Дмитриевич в 1658 г. получил чин окольничего. Его служба в основном проходила при дворе. В 1660 г. он был воеводой в Тамбове, а в 1659 и 1667 гг. возглавлял Челобитенный приказ. Со смертью в 1685 г. сына Ивана Дмитриевича – стольника князя Юрия Ивановича Пожарского, мужская линия рода Пожарских, по-видимому, пресеклась.

Женское поколение рода Пожарских – дочери и внучки князя Дмитрия Михайловича, по своим бракам достигли большего значения, чем их братья. Дочери полководца вышли замуж за видных бояр того времени: Ксения – за князя Василия Семеновича Куракина, Анастасия – за князя Ивана Петровича Пронского, Елена – за князя Федора Ивановича Лыкова. Внучки Д. М. Пожарского составили себе не менее выгодные партии. Княжна Аграфена Ивановна вышла замуж за князя Дмитрия Алексеевича Голицына, ее сестра Анна – за окольничего князя Юрия Даниловича Милославского, младшая сестра княжна Евдокия – за боярина князя Михаила Алегуковича Черкасского (см. очерк о Черкасских). Их двоюродные сестры, дочери князя Петра Дмитриевича, также удачно вышли замуж: Анна в первом браке была за князем

Афанасием Борисовичем Репниным, во втором – за царским родственником Иваном Андреевичем Милославским; Евдокия – в первом браке за Иваном Петровичем Шереметевым, во втором – за знаменитым полководцем князем Юрием Алексеевичем Долгоруковым. От этих браков потомство князя Дмитрия Михайловича продолжается до сих пор.

Кроме князя Дмитрия Михайловича в военной истории России XVII в. проявили себя его четвероюродные братья – князья Дмитрий Петрович Лопата и Роман Петрович Перелыга Пожарские. Оба они являлись сподвижниками своего знаменитого родственника в годы борьбы с поляками. Князь Дмитрий Лопата в 1612 г. – один из видных воевод Второго ополчения. Во главе военного отряда он был отправлен из Нижнего Новгорода в Ярославль, чтобы не дать «воровским» казакам атамана Просовецкого захватить город. Князь Дмитрий Петрович исполнил эту миссию успешно. Из Ярославля воеводу послали против казаков в Пошехонье. Там князь нанес казакам поражение, затем, соединившись в Кашине с князем Д. М. Черкасским, двинулся против неприятеля к Угличу. Перед сражением часть казацких атаманов перешла на сторону Второго ополчения, остальные потерпели поражение и разбежались.

В походе Второго ополчения к Москве князь Д. П. Пожарский был отправлен раньше основных сил с отрядом в 700 человек. Ему поручалось поставить укрепленный острог у Тверских ворот и ожидать подхода большого войска.

После очищения Москвы от поляков князь Дмитрий Лопата продолжал ратную службу. В 1614 г. он воеводствовал в Самаре и участвовал в борьбе с атаманом Заруцким, укрепившимся в Астрахани вместе с вдовой обоих Лжедмитриев Мариной Мнишек и ее сыном «царевичем» Иваном. В следующем году Дмитрия Петровича отправили против полковника Лисовского, вторгшегося в западные уезды. Царь поручил воеводе идти в Можайск, но князь не смог сделать этого. Он оправдывался тем, что «ратные люди со службы разбежались, а которые есть, и те бедны». Несмотря на то что вины Пожарского в том, что он не исполнил царский приказ, не было, государь велел посадить его в тюрьму в Можайске – для острастки и примера другим воеводам. Царского доверия князь Дмитрий не утратил. В следующем году он нанес поражение шайке разбойников в Суздальском уезде. Из Суздаля князь Дмитрий Петрович поспешил на новую службу – в Тверь. По дороге он выдержал столкновения с поляками и победил их.

В 1615–1620 гг. князь Дмитрий Лопата находился на воеводстве в Твери и многое сделал для восстановления этого города. Он упорядочил и увеличил доходы казны, руководил строительством новых башен, мостов, пополнил крепостную артиллерию. При нем на соборной колокольне установили новый колокол в 200 пудов и часы с боем.

В дальнейшем князь Дмитрий Петрович исправно нес службу – воеводствовал на Двине (1623), в Верхотурье (1625–1626), Порхове (1627) и Пскове (1628–1630), участвовал в дипломатических приемах и придворных церемониях. Правда, во время псковского воеводства Пожарского обвинили в злоупотреблениях, и большинство этих обвинений впоследствии подтвердились. Однако царской опалы на князя не последовало – вероятно, проступки Пожарского мало чем отличались от обычной практики воеводской службы.

Умер князь Дмитрий Петрович в 1641 г., незадолго до смерти приняв монашество с именем Дионисия. Жена Пожарского княгиня Феодосия Андреевна, происходившая из рода Очиных-Плещеевых, ушла в монахини еще при жизни мужа. Это было редкостью. Обычно монашеский постриг принимали оба супруга одновременно. Вероятно, что-то было неладно в семейной жизни князя Дмитрия Петровича.

Князь Роман Петрович Перелыга также выдвинулся как воевода Второго ополчения. Из Нижнего Новгорода он был отправлен в Суздаль с отрядами нижегородских и балахнинских служилых людей для охраны города от казаков. После освобождения Москвы князь Роман

Петрович участвовал в Избирательном соборе 1613 г. и подписал грамоту об избрании на престол Михаила Романова. В том же 1613 г. князя послали на Рязань помогать воеводе князю И. Н. Одоевскому в борьбе против Заруцкого.

В 1626–1627 гг. князь Роман Петрович был воеводой в Брянске, а в 1631– 1632 гг. – в пограничной с Литвой Вязьме. Примечательно сообщение, которое воевода послал из Вязьмы в Москву. Пожарский сообщал, что посылал разведчиков за литовский рубеж, и те сообщили, что «в литовских городах баба ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтобы тем хмелем в наших городах на людей навести моровое поветрие». Суеверный, как и все люди той эпохи, князь Роман Петрович полагал, что эпидемии – результат колдовства литовской ведьмы.

Сын князя Романа Петровича – Семен – начал службу с придворной должности стольника в 1635 г. В 1644 г. он был воеводой в Переяславле-Рязанском, а в 1645–1646 гг. – в Курске. В 1646 г. из Курска он ходил походом против крымских татар на Азов. Поход завершился успехом, и в том же году князь Семен Романович получил чин окольничего.

В дальнейшем князь исполнял различную службу – был городовым воеводой, сражался на Русско-польской войне, собирал ратных людей, управлял приказами. Погиб князь Семен Романович Пожарский как герой.

В 1659 г. он находился в войске князя А. Н. Трубецкого, осаждавшем литовский город Конотоп. Неожиданно украинский гетман-изменник Иван Выговский привел на русские отряды обширное войско крымского хана. В сражении татары применили хитрость – напали и тут же стали отступать. Князь Семен Романович Пожарский так увлекся преследованием неприятеля, что попал в западню и был схвачен. За отказ принять мусульманство хан велел жестоко казнить воеводу. В народной памяти князь Семен Пожарский остался мучеником. Ему посвящена народная песня. Сохранился также тропарь князю Семену Пожарскому, воспевающий его как нового святого.

Философ и священник П. А. Флоренский писал: «Род стремится к выражению своей идеи, перед ним стоит заданная ему историческая задача, которую он должен выполнить». Выполнившие эту задачу члены рода – «это благоухающие цветы или вкусные плоды данного рода… Будет ли от них потомство – вопрос уже не существенный, по крайней мере, в жизни данного рода…» Эта мысль П. А. Флоренского вполне применима к истории рода князей Пожарских. Со смертью князя Дмитрия Михайловича род Пожарских еще продолжал существование, но его энергия была уже исчерпана, поэтому потомки освободителя России ничем себя не проявили, а потомство его продлилось лишь до третьего колена.

Князья Ромодановские

Ромодановские – ветвь Стародубских Рюриковичей – прославились в XVII– XVIII вв. При Петре I и Екатерине I трое представителей этого рода поочередно управляли Москвой. Наиболее знаменит из них грозный князь-кесарь Федор Юрьевич – личность крайне противоречивая и загадочная. Занимая видное место в шутовских играх молодого Петра I с властной иерархией и традиционными старомосковскими обрядами, он вовсе не был смешным и послушным орудием царя-реформатора, а играл зловещую роль карающего меча государства.

Родоначальником князей Стародубских был сын Всеволода Большое Гнездо князь Иван Всеволодович (ум. около 1247), получивший небольшой удел с центром в Стародубе на Клязьме (Стародуб Ряполовский). Правители этого небольшого княжества почти сразу выбыли из наследования великокняжеского престола и довольствовались своим уделом. Правнук родоначальника, князь Федор Иванович Стародубский Благоверный, был убит в Орде в 1330 г. и позднее почитался как местночтимый святой.

Со второй половины XIV в. Стародубские князья попадают в орбиту влияния Москвы. Сын

Федора Ивановича, князь Иван Федорович, пытался противиться воле великого князя московского, но в 1363 г. был изгнан из своего удела. Вместе с таким же изгнанником, как и он, князем Дмитрием Галицким, Иван Федорович ушел к князю Андрею Константиновичу Нижегородскому и, вероятно, сделался его служилым князем.

Служилыми князьями именовались в Московском государстве XIV – первой половины XVI в. князья, потомки удельных, сохранявшие часть своих владельческих прав на определенных территориях (чаще всего, своих родовых уделах). Этими правами являлись – право суда, право раздачи земель, содержание своих военных дружин. Вместе с тем служилые князья потому и назывались «служилыми», что несли военную службу великому князю. Это весьма редкие в России отношения по принципу классического феодализма: сюзерен – вассал. Ведь большинство военных слуг великого князя пользовались крайне ограниченными правами на своих землях. Во второй половине XVI в. в связи с усилением власти московских государей корпорация служилых людей прекратила свое существование.

Младший брат и преемник Ивана Федоровича князь Андрей уже не пытался противостоять Дмитрию Московскому. В 1380 г. в числе других удельных князей он воевал с татарами на Куликовом поле, командуя отрядами в полку левой руки. Ранее погиб на великокняжеской службе племянник князя Андрея Федоровича – князь Семен Дмитриевич, по прозвищу Крапива. Он командовал воинским отрядом на границах Московского княжества и в 1368 г. был убит в волости Холхле в сражении с войском великого князя литовского Ольгерда, наступавшего на Москву.

Внук Андрея Федоровича, князь Василий Федорович, носил прозвище Ромодановский – от одного из сел Стародубского удела – Ромоданова. Любопытно происхождение этого названия. Вероятнее всего, его основой является тюркское собственное имя Рамадан – Рамазан, которое, в свою очередь, происходит от одноименного арабского наименования девятого месяца в году. На этот месяц приходится важнейший мусульманский пост и праздник Рамазан. Поэтому часто ребенок, рожденный в это время, получал имя в честь названия месяца.

Ромоданово стало центром мелкого удела Ромодановских; другие села дали наименования фамилиям их родичей – знаменитых Пожарских (село Пожар), Ряполовских (Ряполово), Льяловских (Льялово) и других. Первое поколение Стародубских князей, сохраняя вотчины в Стародубе Ряполовском, уже не могло довольствоваться прозябанием на своем крошечном уделе. Сыновья князя Василия Федоровича действовали вдали от родовых земель. Старший из них, князь Василий Васильевич, служил боярином у одного из удельных князей московского дома князя Михаила Андреевича Верейского и Белоозерского. Его братья – Иван Телеляш (Лихач), Семен, Юрий и Борис Васильевичи – водили в бой полки великого князя московского. А князь Федор Васильевич выбрал службу удельному – Семену Ивановичу Калужскому, сыну Ивана III.

Эпоха, в которую жили и действовали первые Ромодановские (вторая половина XV – начало XVI в.), была временем становления и укрепления единого Российского государства. Под знаменами Москвы объединенная Русь вела войны с Литвой, Ливонским орденом, Шведским королевством, Крымским и Казанским ханствами. Ежегодно воеводы Ивана III сражались с многочисленными недругами своего государя и Отечества – литовцами, немцами, шведами, татарами. Ратные труды, кровь и храбрость служилых людей рождали величие и могущество России. Славной боевой службой отмечена и деятельность Ромодановских.

Ромодановские были не простыми служилыми людьми – они входили в «государев двор» – верхушку служилого сословия, из которого формировались кадры для руководства войсками, управления городами и областями в мирное время, исполнения дипломатических поручений, ведения суда от лица великого князя.

Князь Василий Васильевич Ромодановский после кончины Михаила Верейского в 1486 г. перешел на службу к Ивану III. В 1490 г. он был послом в Крым, в 1492 г. – вторым воеводой полка правой руки в походе на «Северу», т. е. на Черниговско-Северскую землю. В 1496 г. – вторым воеводой передового полка участвовал в походе против шведов в Финляндию. Ранее, в 1495 г., с титулом боярина князь Василий сопровождал в Литву великую княжну Елену Ивановну, дочь Ивана III, выданную замуж за великого князя литовского Александра Казимировича. В 1498 г. опять ездил в Литву, но уже в качестве посланника, а в сентябре того же года возглавлял передовой полк в походе на Казань.

Государева опала в 1499 г., вероятно связанная с дворцовой борьбой между наследниками Ивана III – внуком Дмитрием и сыном Василием, и сопровождавшейся опалой на крупнейших вельмож бояр и князей Ивана Патрикеева и Семена Ряполовского (однородец Ромодановского), недолго тяготела над Василием Васильевичем. Около 1499–1500 гг. он ездил в Литву с протестом против принуждения Елены Ивановны к католичеству. В 1501, 1502 и 1507 гг. был воеводой в походах на Литву. В 1509 г. уже весьма престарелый князь Василий Васильевич был оставлен в Москве во время похода великого князя Василия III на Новгород. В это время он упоминается в чине окольничего.

Под старость князь Василий Васильевич удалился в московский Богоявленский монастырь и принял монашество с именем Вассиана. О высоком положении старца Вассиана Ромодановского свидетельствуют монастырские акты – в купчей монастыря на сельцо в Волоцком уезде его имя упоминается сразу же за именем игумена Геннадия. Вероятно, Вассиан был одним из «соборных» старцев, принимавших участие в управлении монастырем, совместно с игуменом.

Князь Иван Васильевич Телеляш не отставал от брата. В 1485 г. он был воеводой в походе на Казань. В 1487 г., также в походе на Казань, был воеводой в судовой рати. Этот поход положил начало русскому протекторату над Казанью. Согласно летописному свидетельству, воеводы «град взяша, и царя поимали, и посадиша на Вологде со царицами его, а в Казани посадиша брата его меншаго на царство, и бысть тишина велика в тех странах от татар». До 1505 г. казанцы не предпринимали военных экспедиций против русских.

В 1507–1516 гг. князь Иван Васильевич являлся наместником одной из «третей» Москвы – ее частей, ранее являвшейся принадлежностью одного из удельных князей московских. Такое назначение свидетельствовало о доверии государя. Около 1514/1515 гг. он получил боярство, а в конце жизни, по примеру брата, удалился в Богоявленский монастырь.

Сохранилась духовная грамота (завещание) князя Ивана Васильевича, датированная 1521/1522 г. Духовная И. В. Ромодановского крайне интересный документ, который дает редкие сведения о частной жизни этого видного представителя правящего сословия Российского государства.

Князь Иван Васильевич встречал закат своей жизни одиноким человеком. Как явствует из духовной, его жена Аграфена, сыновья Дмитрий и Андрей, дочь Мария и внучка Екатерина скончались еще при жизни главы семейства. Из всей семьи пережила старого князя только сноха Аксинья, вдова князя Дмитрия Ивановича, происходившая из старомосковского боярского рода Захарьиных-Юрьевых. Смерть детей и пресечение своего рода, несомненно, было глубокой драмой для князя Ивана Васильевича.

Одинокого старика не радовали обширные и богатые земли, медовые пасеки, рыбные ловли, табуны коней, богатое оружие, любовно собиравшиеся и прикупавшиеся им для своих потомков. Бывший удалой воевода и распорядительный администратор, князь Иван удалился от мира и поселился в монастыре. Почему-то он не принял монашеского пострига и жил в обители мирянином. При князе были свои «старцы», он содержал обширные келии с запасами – привычка к комфорту и роскоши не оставляла Ромодановского даже в печальном угасании сложной и многотрудной жизни.

Богатое недвижимое и движимое имущество старый князь разделил между своей снохой Аксиньей, братом Борисом и его сыновьями и другими племянниками, сыновьями покойных братьев. Борис Васильевич в это время томился в литовском плену, но Иван Васильевич надеялся на благополучное возвращение брата.

В родовом Стародубе Ряполовском князю Ивану Васильевичу принадлежали четыре села – Татарово (Тогарово), Шустово, Никольское и Петровское. Кроме того, он прикупил еще два владения – подмосковные деревни Чурилово и Лобково в Каменском стану и села Покровское (Княже) и Оничкино в Коломенском уезде. Только в стародубских вотчинах князя Ивана было более 6000 десятин пахотной земли, к селам «тянули» деревни, сотни десятин леса, рыбные ловли, бортные «ухожеи» (места добычи меда).

На лугах одного Татарова ставилось свыше 1000 копен сена. В Татарове, Шустове и Петровском стояли церкви, а при Татарове и Петровском – два вотчинных «монастырька» святого Ивана и святого Николы. В Москве князю принадлежало четыре двора – в приходе церкви Николы в Гнездниках (современные Гнездниковские переулки – между Тверской и Никитской), за Яузой и за рекой Неглинной, в приходе церкви Св. Димитрия (в начале Воздвиженки), судьба и местонахождение еще одного из дворов неясна, здесь утрачена часть документа.

По разделу Татарово переходило к брату Борису и его сыновьям, село Шустово – племянникам Петру и Василию Семеновичам, а село Никольское – племянникам Ивану и Михаилу Юрьевичам. Княгиня Аксинья получала село Петровское и часть земель и угодий, «тянувших» к Татарову. Коломенские (весьма обширные – более 2000 десятин пашни) и подмосковные вотчины также передавались Аксинье. Ей же «приказывал» завещатель решать вопросы по разделу части своего движимого имущества и заботиться об «устроении» его души. Аксинье поручалось раздать запасы зерна, стада лошадей и «всякую животину» из стародубских вотчин местным крестьянам и нищим, ведать лошадьми подмосковной конюшни, отпускать холопов на свободу, продать личное имущество из монастырской кельи и клетей завещателя и раздать нищим.

Большинство из своих холопов и зависимых людей князь Иван Васильевич, согласно обычаю, отпустил на свободу. Обычно эти люди нанимались в холопы к новому владельцу. Однако своей снохе князь «дал» 145 семей слуг, ключников и «деловых» людей (ремесленников). Здесь были – рыболовы, портные, скорняки, конюхи, сермяжники, ключники (приказчики), бортники и даже дьяк. «А которые будут не надобные, и на тех людей отпустит на слободу», – пишет князь Иван Васильевич.

Впрочем, положение княгини Аксиньи, столь же одинокой ветви, как и сам Иван Васильевич – бездетная вдова, – завидным не назовешь. Если она выходила замуж, то лишалась всего имущества, полученного по завещанию свекра. Оно переходило в Богоявленский монастырь (коломенские и подмосковные вотчины) или к племянникам Ромодановского (с. Петровское). Эти же распоряжения действовали и в случае смерти княгини. Таким образом, она владела своими землями и другим имуществом «до ее живота» и не имела права самостоятельно ими распоряжаться.

В целом распоряжения князя Ивана Васильевича вполне четко отражают его стремление сохранить наследственные вотчины в пределах рода – все стародубские земли рано или поздно переходили к племянникам князя, а купленные им вотчины – после кончины снохи должны были отойти в монастырь на «помин души» Ромодановского и его семьи.

Заботам о посмертном «устроении» своей души и душ умерших жены, сыновей, дочери и внучки уделен значительный раздел духовной Ромодановского.

Согласно завещанию князя Ивана Васильевича, в Богоявленский монастырь переходили после кончины его снохи земли в Коломенском и Московском уезде, общая стоимость

которых равнялась 163 рублям (по ценам 1490-х гг.). Кроме того, еще при своей жизни князь Иван дал в монастырь 100 рублей и распорядился в завещании, чтобы его наследники давали в обитель ежегодно 11 пудов меда и 50 «пластей» (мера веса) рыбы. В монастырь переходили и две богато украшенные иконы князя – Образ Пречистой и Никола Чудотворец. За этот вклад в монастыре должны были поминать князя Ивана Васильевича и его семью, а также «весь род» его и особенно – предка князя Федора Ивановича, убитого в Орде в 1330 г. Память его отмечалась 22 июня, а сам он назван в документах «благоверным». Такой богатый вклад, несомненно, позволял рассчитывать на «вечное» поминовение, «доколе монастырь стоит».

Были определены завещателем раздачи и в другие обители, церкви и просто нищим. Так, князь Иван Васильевич из 300 рублей, которые ему был должен Григорий Андреевич Колычев, приказывал взять с него 200 и те раздать «по церквям и нищим». Общая сумма раздач на помин души и денежных придач родственникам, которой спокойно распоряжался завещатель (не считая стоимости имущества – урожая хлеба, коней, одежды, вооружения и т. д.), была весьма значительной – 750 рублей.

Своей «рухлядью» – личными вещами – старый князь распорядился следующим образом. Старшему племяннику, князю Михаилу Васильевичу Козлу, которого дядя по какой-то причине не любил, он пожаловал серебряный крест и 30 рублей – «а до отчины до моеи ему дела нет». Племянникам – Василию, Федору и Ивану Федоровичам – по 10 рублей, кроме того, каждый получил доспех и шлем. Племянник Иван Юрьевич получил больше других – 15 рублей, пять коней, четыре седла, два саадака (богатый набор вооружения – лук со стрелами), две сабли, кунью шубу и опашень (широкий кафтан с короткими рукавами) из дорогой ткани. Его брату Михаилу достались 10 рублей денег и лошадь. Жены братьев, Бориса и Юрия, получили соответственно 50 и 100 рублей. Очевидно, что раздел был не вполне справедливым, однако вряд ли родня позволила себе роптать на предсмертные распоряжения властного и могущественного князя.

Наконец, следует сказать и еще об одной примечательной черте из жизни князя Ивана Васильевича. Не будучи монахом, он тем не менее жил на территории монастыря, владел своей «келией» и «клетьми», и при нем даже находились какие-то старцы. Жилище князя в Богоявленском монастыре было далеко от аскетического. На монастырской земле стояли принадлежащие ему сени с лестницами, столовая горница, еще одна горница, повалуша (спальная горница), ледник для хранения продуктов, погреб, житница (палата, где хранился хлеб), поварня. Таким образом, за монастырской оградой находилось целое хозяйство, подобное богатой городской усадьбе, составлявшее личную собственность князя. Такое было возможно вследствие особенности монастырского устава Богоявленского монастыря – он был особножитийным, а не общежитийным. В отличие, например, от Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей, в Богоявленском монахам позволялось владеть собственным имуществом. Половина строений князя переходила к монастырю, другая – его старцам: Леонтию «с товарыщи».

Завершая рассказ о судьбе князя Ивана Васильевича, следует сказать, что его сноха Аксинья исполнила распоряжения свекра. В своей духовной грамоте (1542– 1543) она передает коломенские и московские земли в Богоявленский монастырь, а село Петровское в Стародубе – князю Михаилу Юрьевичу Ромодановскому.

Третий из братьев, князь Семен Васильевич, подвизался более на дипломатической службе. В 1495 и 1498–1499 гг. был послом в Крыму, а в 1502 г. вторым воеводой сторожевого полка в походе из Новгорода на Литву.

Младший, князь Борис Васильевич в 1495 г. был воеводой в походе на шведов, а в 1514 г. в неудачной для русских войск битве с литовцами под Оршей попал в плен, где и умер.

Вместе с Борисом был пленен и его сын князь Петр Борисович Шарап, однако он впоследствии вернулся в Россию и в 1550 г. упоминается как сын боярский по Стародубу –

своему родовому имению. В 1559 г. он был одним из воевод в Казани.

Видная военная служба первого поколения Ромодановских не сумела значительно выдвинуть этот род. Из внуков и правнуков родоначальника выделяются только князья Антон Михайлович и Федор Борисович. Князь Антон Михайлович участвовал в церемонии первой свадьбы Ивана IV, а в 1550 г. был зачислен в московское дворянство (по 3-й статье). В 1562 г. он был послом в Данию. В 1564 г. в числе других воевод послан в погоню за ханом Девлет-Гиреем, разорившим Рязанскую землю. В 1574–1576 гг. – воевода в Васильсурске, а в 1579 г. – в Серпухове. Князь Федор Борисович, сын литовского пленника Бориса Васильевича, начал военную карьеру воеводой в 1537 г. Участвовал в неудачном Казанском походе 1549 г., а после строительства Свияжска был оставлен в нем «годовать» третьим воеводой. Впоследствии он получил боярский чин, но ничем особенным себя не проявил.

В конце XVI в. Ромодановские постепенно отошли на вторые роли. В начале опричнины, как и многие другие потомки удельных князей Северо-Восточной Руси, Ромодановские попали в опалу, были лишены своих родовых вотчин и сосланы в Казань «на житие». В казанской ссылке оказались князья Иван Борисович, Никита Иванович и Афанасий Андреевич Нагаев Ромодановские. Разделили эту участь и другие потомки Стародубских князей – Стригины-Ряполовские, Пожарские, Гагарины, Ковровы, Кривоборские, а также несколько сотен князей Ярославских, Ростовских, Оболенских и нетитулованные дворяне и дети боярские.

Казанская ссылка 1565 г. решала для Ивана Грозного две важные задачи. Во-первых, во владение царя переходили обширные, хотя и разрозненные, вотчины опальных в центральных уездах страны. Во-вторых, ссыльные были одними из первых русских поселенцев в новоприобретенном крае, и таким образом, решалась проблема русификации Казанской земли.

Князь Андрей Курбский неоднократно обвинял царя в стремлении захватить себе чужие земли и богатства. Это несомненно было так. О земельных богатствах одного из семи сыновей князя Василия Федоровича Ромодановского – князя Ивана Телеляша – подробно говорилось выше.

На конфискованных землях царь мог посадить тех людей, в чьей верности не сомневался. Облагодетельствованные тираном, они служили бы ему лучше, чем местные старинные землевладельцы. Лишая потомков удельных князей их старых вотчин, Иван Грозный разрывал сложившиеся веками связи между крестьянством и старинными вотчинниками. Князья лишались не только обеспечения, но и остатков былого чувства независимости и самостоятельности, превращаясь в бесправных холопов царя.

В число земель, конфискованных Иваном Грозным, попало и Ромоданово. Оно в духовной грамоте (завещании) Ивана Грозного упоминается как царское владение. Соседние восемь сел (в том числе и выше упоминавшиеся Татарово и Никольское), принадлежавшие разным представителям рода Ромодановских, также перешли к царю.

Современники событий, немцы И. Таубе и Э. Крузе, свидетельствуют о тех лишениях, которым подверглись казанские ссыльные: «Представители знатных родов были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от праотцов имений, так что они не могли и не имели права взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений… Они были переведены на новые места, где им были указаны поместья. Их жены и дети были также изгнаны и должны были идти пешком к своим мужьям и отцам, питаясь в пути подаянием. Это тиранство он (царь. – С. Ш.) облекал в такую видимость, будто эти несчастные тяжко перед ним провинились».

Впоследствии царь простил часть опальных и даже вернул им родовые земли, а другим – предоставил новые земли. Однако прежнее чувство наследственного владельца у большинства бывших казанских ссыльных было отбито навсегда. Ведь даже свои родовые

земли они получили обратно из рук государя, который имел теперь полное право отобрать их обратно.

Дальнейшая судьба рода связана с сыновьями князя Петра Борисовича Ромодановского Меньшого, младшего сына Бориса Васильевича. Князья Григорий и Иван Петровичи начали военную службу в 1580-х гг. Это было время тишины и спокойствия, особенно по сравнению с бурным грозненским царствованием. На престоле сидел «кроткий» и «тихий» Федор Иванович, более преданный молитвам и богомольям, нежели государственным делам. Управление страной крепко держал в руках проницательный и дальновидный шурин царя – Борис Федорович Годунов. Одаренный способностями государственного деятеля и тонкого политика, Годунов в первые годы после кончины Ивана Грозного сумел устранить своих политических противников и занять положение правителя при безвольном и апатичном царе Федоре. В управлении государством при царе Федоре Борису Годунову удалось добиться больших успехов – как во внутренней, так и во внешней политике. Укрепление международного престижа, борьба с южной угрозой, активная внешняя политика на севере и наступление на Сибирь требовали столь же мощного напряжения народных сил, как и в предыдущие эпохи. Служилое сословие по-прежнему несло все тяготы многочисленных войн и столкновений с врагами Отечества.

Впервые князь Григорий Петрович упоминается в разрядах в 1583 г. как «сборщик» ратных людей для похода на шведов, а князь Иван Петрович – в 1588 г. как второй воевода в Одоеве, в полках, собранных на случай вторжения татар. С этого времени и начинается долгая ратная служба обоих: командование полками на «крымской украйне» (в Михайлове, Дедилове, Орле, Крапивне, Туле, Ливнах, Серпухове), участие в Русско-шведской войне, местнические столкновения с другими воеводами – такова основная канва деятельности братьев в 1580 – начале 1600-х гг.

В 1590 г. во время шведской войны оба брата были назначены командовать военными отрядами при штурме Нарвы. Князю Григорию поручалось идти на приступ с лестницами к угловой башне, а князю Ивану – к средней башне. Приступ состоялся 19 февраля, но крепость устояла. В бою оба брата получили ранения.

Немалое место в служебной карьере братьев занимали местничества.

За свою карьеру князь Григорий Петрович Ромодановский местничался 21 раз. Первый раз – в 1589 г., последний – уже в чине боярина – в 1622 г. В числе его противников были известные деятели того времени – боярин князь Д. И. Хворостинин (по отзыву Флетчера, «старый и опытный воин», сыграл решающую роль в разгроме Девлет-Гирея под Москвой в 1572 г.), окольничий Петр Федорович Басманов (фаворит Бориса Годунова и Лжедмитрия I, убитый во время майского восстания 1606 г.), боярин князь Юрий Яншеевич Сулешов (о нем см. в очерке о Сулешовых), боярин Иван Никитич Романов (дядя будущего царя Михаила Федоровича), князь Дмитрий Михайлович Пожарский (однородец Ромодановского, глава Второго ополчения). Решения большинства местнических судов по столкновениям Г. П. Ромодановского со своими «сослуживцами» неизвестны; из тех, которые известны, – большую часть он проиграл, но все равно упорно продолжал требовать «обороны» в обиде и утверждать, что имеет право быть выше такого-то. Столько же (22 раза) за свою более короткую службу местничался и младший из братьев – князь Иван.

Столь высокая активность в местнических столкновениях происходила вовсе не от склочного характера обоих братьев. Выбыв из высшего слоя «государева двора» вследствие казанской ссылки при Иване Грозном, Ромодановские пробивали себе путь наверх, стремясь восстановить утраченные позиции. Забегая вперед, скажем, что это им удалось, и во многом благодаря деятельности Григория и Ивана Петровичей. Представители других фамилий сами пробивались к вершине и не собирались пускать вперед себя Ромодановских, потомков некогда влиятельного, но утратившего свои позиции в середине XVI в. рода. С аналогичной

проблемой сталкивался и «спаситель Отечества» князь Д. М. Пожарский, родич Ромодановских. Его отец и дед и вовсе не служили по «московскому списку», поэтому в местнических делах князю Дмитрию Михайловичу приходилось туго. В 1602 г. в споре с князем Б. М. Лыковым он, не имея возможности опираться на заслуги своих прямых предков, приводил в свою пользу «случаи» служб своих родичей – Ромодановских, Татевых и Хилковых.

И хотя позднее (1622) Г. П. Ромодановский сам вступил в спор с Пожарским, в столкновениях с другими родами они помнили о своем общем происхождении.

Внешнее спокойствие и благополучие 1580–1590-х гг. было обманчивым. Глубокие противоречия и кризисы, порожденные тиранией Ивана Грозного, подспудно разрастались и ждали своего часа, чтобы вырваться наружу разгулом анархии, русским бунтом, «бессмысленным и беспощадным», грозящим уничтожить и само Российское государство. Тяжелым наследием грозненского царствования был не только социально-экономический упадок, но и династический кризис. Наследник Грозного, царь Федор Иванович, был слаб здоровьем; от брака с Ириной Годуновой здоровых детей у него не рождалось. Со смертью единственной дочери царя, Феодосии (1594), надежды на продолжение царского рода по линии Федора угасли. Оставался младший сын царя – царевич Дмитрий, – отправленный Годуновым на «удел» в Углич (фактически сосланный). Ко времени кончины Ивана Грозного царевичу было всего два года, но Годунов и другие участники дворцовой борьбы за власть опасались, что Нагие (братья матери царевича) могут использовать его права на престол и возьмут верх. Шло время. Царь Федор тихо угасал. Годунов правил страной и лелеял мысль о верховной власти в случае кончины бездетного царя. Угличский изгнанник представлял для правителя большую опасность. Его воцарение грозило Годунову потерей не только влияния, но и головы.

15 мая 1591 г. в Угличе при загадочных обстоятельствах скончался от ножевой раны царевич Дмитрий. Официальное заключение следственной комиссии о гибели царевича в результате несчастного случая при игре в ножик не успокоило взбудораженные умы. Обвинение Годунова в организации убийства широко распространилось в народе, и уже никакие меры правителя спасти свою репутацию не имели успеха. В то же время, кончина царевича Дмитрия расчистила Годунову путь к престолу. 6 января 1598 г. скончался царь Федор Иванович. На Избирательном соборе 1598 г. Борис Годунов был избран царем и принял царский венец. На некоторое время все успокоилось и пошло по-старому, но страшное бедствие – голод – зажгло пламя гражданской войны. Началась пора тяжких испытаний России – Смутное время.

В 1602 г. в Литве объявился человек, объявивший себя чудесно спасшимся царевичем Дмитрием Ивановичем. Правительство Бориса Годунова быстро провело розыск и установило истинное имя самозванца – Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве Григорий, бывший инок московского Чудова монастыря, ранее – боевой холоп бояр Романовых. Однако все попытки Годунова противостоять самозванческой интриге оказались тщетны. Лжедмитрию I (так принято именовать первого русского самозванца) удалось собрать войско, и в 1604 г. он вторгся на территорию России.

Скоропостижная смерть Бориса Годунова решила исход противостояния. В царской армии поднялся мятеж, и она перешла на сторону самозванца. В июне 1605 г. Лжедмитрий I вступил в Москву и занял престол. Царствование самозванца было недолгим – пренебрежением к русским обычаям он быстро восстановил против себя практически все сословия государства. В мае 1606 г. заговор, созревший в боярской среде, увенчался успехом – Лжедмитрий I был убит, а на трон сел глава заговорщиков – боярин князь Василий Иванович Шуйский, права которого основывались на его происхождении. Шуйские были второй по старшинству ветвью Рюриковичей, после московских князей. Известно только о двух службах Ромодановских при

Лжедмитрии I. 13 апреля 1606 г. князь Г. П. Ромодановский «сказывал боярство» кравчему князю Б. М. Лыкову, а 8 мая на злосчастной свадьбе самозванца с Мариной Мнишек князь И. П. Ромодановский был в числе участников свадебного «поезда».

Воцарение нового государя не успокоило страну. Города «южной украйны» поднялись против боярского царя, подняв знамена в очередной раз «чудесно» спасшегося «Дмитрия». Правда, истинного царя пока никто не видел, но князь Г. П. Шаховской (один из противников И. П. Ромодановского по местническим спорам), засев в Путивле, писал от имени «царя Дмитрия Ивановича» грамоты и запечатывал их печатью, украденной во время майских беспорядков 1606 г. Вскоре во главе сил, враждебных Шуйскому, встал Иван Болотников – талантливый и энергичный военачальник, выходец из боевых холопов, как и Лжедмитрий I.

Василий Шуйский двинул против мятежников верные ему силы. Уже летом 1606 г. на Северщину было отправлено войско во главе с князем Ю. Н. Трубецким. Сторожевой полк возглавлял князь Г. П. Ромодановский, к тому времени пожалованный в окольничьи. В боях с Болотниковым войско Трубецкого потерпело поражение. Его причиной было дезертирство ратных людей. Воеводы отступили к Орлу и стали ждать подкрепления. 22 сентября на реке Угре царская рать нанесла поражение Болотникову, но вновь отступила – теперь уже к Москве – из-за восстания соседних городов.

В обороне Москвы от Болотникова и последовавшей за ней осаде мятежников в Калуге Ромодановские не упоминаются. Воспользовавшись оплошностью воевод, Болотников в мае 1607 г. перешел в Тулу, гораздо лучше укрепленную, чем Калуга. В Туле в то время уже обосновался союзник Болотникова – «царевич Петр», новый самозванец, появившийся у терских казаков. Царь Василий предпринял общее наступление и осадил Тулу. В составе многочисленного войска вторым воеводой в передовом полку к Туле выступил и князь Григорий Петрович. В октябре 1607 г. Тула капитулировала, вожди мятежников – Болотников и Лжепетр – были казнены, Шаховского пощадили и сослали на Кубенское озеро.

В то время, когда князь Григорий Петрович сражался против Болотникова и Лжепетра, его брат, князь Иван, нашел свою смерть на другой окраине государства. В 1607 г. он был отправлен послом в Персию и на обратном пути погиб. Источники сообщают различные версии его гибели. Согласно одной из них, Ромодановский был убит калмыками, согласно другой – казнен Лжепетром в Царицыне, наконец, согласно третьей, наиболее вероятной, – погиб от рук другого самозванного «царевича» – Ивана-Августа – в Астрахани. При царе Алексее Михайловиче племянник князя И. П. Ромодановского князь Григорий Григорьевич добавил свою фамилию родовым прозвищем Стародубский. Царю это показалось неприличным, и он запретил князю Григорию писаться Ромодановским-Стародубским. На это тот подал челобитье: «Прислана твоя, великого государя, грамота, написано, чтоб мне впредь Стародубским не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебе, великому государю, известно, князишки мы Стародубские, а предки мои и отец и дядя писались Стародубские-Ромодановские (это не совсем соответствует действительности. – С. Ш.), да дядя мой князь Иван Петрович в Астрахани за вас, великих государей, пострадал от вора лжеименитого Августа, по вашей государской милости написан в книгу, и, страдания его объявляя, на соборное воскресение поминают Стародубским-Ромодановским. Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнять». Государь внял челобитью.

Смута разрасталась. На место Болотникова и Лжепетра появился из Литвы Лжедмитрий II. Под его знамена встали поляки, литовцы, казаки, русские, татары. Огонь гражданской войны с окраин перекинулся на центральную часть государства. Летом 1608 г. Лжедмитрий II, разбив царских воевод, встал лагерем в подмосковном селе Тушино (отсюда и данное ему современниками прозвище Тушинского Вора).

В сражениях с Тушинским Вором князь Г. П. Ромодановский возглавлял передовой полк.

Бои шли на окраинах Москвы, на реках Ходынке и Пресне. Натолкнувшись на упорное сопротивление царских войск, самозванец решил блокировать Москву и отправил военные отряды на север и северо-восток с тем, чтобы лишить Василия Шуйского поддержки верных ему областей. К Троице-Сергиеву монастырю был послан литовский гетман Ян-Петр Сапега. Против Сапеги царь отправил войско во главе со своим братом, князем Иваном Шуйским. Передовой полк, как и прежде, возглавлял Григорий Ромодановский. Войска сошлись под селом Воздвиженским, в 10 верстах от Троицы. Во время боя дрогнул воевода сторожевого полка Федор Головин, и царские отряды были разгромлены. Летопись отмечает, что в сражении «многую храбрость и мужество показал» князь Григорий Ромодановский. Погиб в бою, сражаясь рядом с отцом, князь Андрей Григорьевич. Сам князь Григорий Петрович был ранен. Воеводы отступили к Москве.

В обороне Москвы от тушинцев зимой 1608 – весной 1609 г. князь Григорий Петрович защищал Петровские ворота. В 1609 г. мы видим Ромодановского воеводой в Кашире. Вокруг было неспокойно. Коломну осаждали тушинцы, на Коломенской и Владимирской дорогах хозяйничал разбойник Салков. Но с севера уже шел на помощь Москве со шведской подмогой князь М. В. Скопин-Шуйский, а по Волге поднимался с верными царю войсками боярин Ф. И. Шереметев. В марте 1610 г. Скопин-Шуйский освободил Москву от блокады тушинцев. Тушинский лагерь распался, а самозванец бежал в Калугу. Торжество царя было преждевременным, вскоре неожиданно умирает Скопин-Шуйский, и доверие к царю Василию, которого подозревали в отравлении своего родственника из-за боязни потерять трон, резко падает. С запада в Россию вторгся польский король Сигизмунд III, а в Калуге активизировался Лжедмитрий II.

В это время вспыхнул мятеж в Коломне. Несмотря на сопротивление воевод, город передался Лжедмитрию II. Пламя мятежа перекинулось и в Каширу. Летопись отмечает, что князь Ромодановский не хотел присягать «вору», и едва не был убит горожанами. Понимая, что нет смысла более сопротивляться, воевода присягнул самозванцу. Пленником князь Ромодановский был отправлен к Лжедмитрию II с повинной.

Неизвестно, как удалось Ромодановскому покинуть лагерь Лжедмитрия II, но в 1611 г. он был в Москве. К этому времени царь Василий Шуйский был низложен, а боярское правительство в Москве (Семибоярщина), опасаясь взятия города войсками Лжедмитрия II, заключило договор с поляками о призвании на престол польского королевича Владислава. Бояре впустили в город польское войско во главе с гетманом Станиславом Жолкевским. Успокоения стране это не принесло. В конце 1610 г. под Калугой был убит Лжедмитрий II. Его воеводы разбрелись по стране, убивали и грабили мирное население. Гетман Сапега попытался захватить Москву, но отошел и двинулся под Переяславль-Залесский. В погоню за ним из Москвы боярское правительство отправило князя Григория Ромодановского и других воевод, но Сапега разгромил русские войска.

В Москве установилась власть польской администрации во главе с королевским наместником А. Гонсевским. Ромодановский принадлежал к тем, кто считал нужным сотрудничать с поляками. В совместном русско-польском правительстве он вершил суд между поляками и русскими «в мелких делах». Между тем в стране поднималось движение, направленное против захватчиков. В январе 1611 г. в Рязани стало собираться Первое ополчение во главе с П. П. Ляпуновым, поставившее себе целью освободить столицу от поляков. Первое ополчение распалось, так и не сумев взять Москву, но на его место пришло Второе ополчение из Нижнего Новгорода во главе с князем Д. Пожарским и К. Мининым. В августе 1612 г. Второе ополчение осадило Москву. Вскоре поляки удерживали лишь Китай-город и Кремль, а 22 октября были выбиты и из Китай-города. Положение польского гарнизона и других кремлевских «сидельцев» было ужасным: «…и запасы своими конечно оскудеша, всякое скверно и нечисто ядяху, и сами себя тайно побиваху, и друг друга съедаху,

и ослабеша от глада, измроша от глада мнози…» Вероятнее всего, Г. П. Ромодановский, как и другие участники русско-польского правительства, перенес все ужасы осады.

26 октября поляки капитулировали. В Москве собрался Избирательный собор, на котором 21 февраля 1613 г. был провозглашен царем Михаил Федорович Романов. На избирательной грамоте царя Михаила стоит подпись Ромодановского. При новом царе Ромодановский занял одно из видных мест. В 1615 г. он был отправлен на съезд с крымскими послами, а в следующем году пожалован в бояре. Во время похода королевича Владислава на Москву в 1618 г. Ромодановский был в числе воевод, руководивших обороной города. В 1623–1626 гг. он воеводствовал в Великом Новгороде, вел переговоры со шведами, используя титул «наместника Брянского».

Скончался князь Григорий Петрович в 1628 году. Отпевал старого воеводу патриарх Филарет в церкви Преображения Господня на Тверской улице.

Князь Григорий Петрович был отцом восьми сыновей: Андрея (убит 1608), Василия Большого, Ивана Большого, Петра, Василия Меньшого (ум. 1671), Федора (ум. 1689), Ивана Меньшого и Григория (убит 1682). Трое из них (Василий Меньшой, Федор и Григорий) сделали видную карьеру и достигли боярского чина, остальные служили стольниками и воеводами. Наиболее знаменит младший из сыновей князя Григория Петровича – князь Григорий Григорьевич, унаследовавший воинское мужество отца.

Служба князя Григория Григорьевича Ромодановского тесно связана с активизацией внешней политики России при царе Алексее Михайловиче. В результате польской и шведской интервенции в годы Смуты Россия лишилась значительной части западных территорий. При преемнике царя Михаила государство окрепло, а Речь Посполитая, напротив, раздиралась внутренними противоречиями и слабела. С 1620-х гг. государство сотрясали казацкие мятежи. Казаков, оборонявших южные рубежи королевства от татар и турок, начиная с конца XVI в., угнетали местные магнаты, стремившиеся низвести казачество до уровня крепостного крестьянства. Преследовалась и православная вера казаков. Отчаявшись достичь компромисса, казаки в 1648 г. подняли восстание, во главе которого стоял Богдан Хмельницкий. Из Москвы внимательно следили за ходом событий, но вмешиваться в войну не спешили.

Только в 1653 г., после усиленных просьб казаков «принять их под государскую великую руку», царь созвал Земской собор, на котором было решено принять «Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями их» в российское подданство. На Украину для приведения новых подданных к присяге было отправлено посольство во главе с боярином В. В. Бутурлиным. В составе посольства на Переяславскую раду находился и стольник князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Это была его первая служба. Уже с самого начала своей карьеры судьба Ромодановского оказалась сопряженной с борьбой России за Украину.

В следующем году началась война. Царь Алексей Михайлович сам выступил против неприятеля во главе войска. В «царском полку» среди сотенных голов (младших офицеров) упоминаются князья Федор и Григорий Ромодановские. В августе того же года князь Григорий в составе отряда князя Ф. Ф. Куракина участвовал в походе на Дубровну. Это была первая боевая операция молодого головы, и можно полагать, что он зарекомендовал себя хорошим воином. С этого времени имя князя Григория Ромодановского постоянно упоминается в сводках о походах и сражениях.

1 марта 1655 г. вместе с боярином Бутурлиным Ромодановский был отправлен в Белую Церковь для соединения с войском Хмельницкого. Поход был успешным, воеводы захватили несколько городов, глубоко вторглись в Галицию, осадили Львов. 18 сентября князь Ромодановский, командуя отдельным отрядом, разгромил польского гетмана Станислава Потоцкого и захватил Слонигородок. За победу над гетманом Ромодановский был пожалован

в окольничьи, приглашен к «государеву столу», получил в награду кубок, шубу и «придачу» к денежному окладу.

В 1656–1657 гг. Ромодановский служил воеводой в Белгороде. Белгород был крепостью на южной окраине Московского государства, центром целого военного округа – Белгородского разряда. Это назначение было весьма ответственным. Однако впереди князя Григория Григорьевича ждали еще более важные «службы».

После смерти Б. Хмельницкого казаки избрали его преемником Ивана Выговского. Этот выбор был сделан без ведома Москвы и сильно расстроил царя. Желая внушить казакам должное уважение и обеспечить контроль над ситуацией на Украине, царь отправил к Выговскому представительное посольство во главе с одним из наиболее видных воевод – князем А. Н. Трубецким. Посольство подкреплялось значительными военными силами, которыми командовали князь Г. Г. Ромодановский и В. Б. Шереметев. Ромодановский вступил на Украину и занял Переяславль и Пирятин. Выговский, не имея возможности оказать сопротивление, был вынужден явиться на переговоры к Ромодановскому. Гетман смирился и даже согласился на водворение московских воевод в украинские города.

Смирение Выговского было ложным. В 1658 г. он изменил России и заключил Гадячский мир с Польшей, признав над собой власть короля. В поход на Украину вновь отправились полки во главе с князьями Ф. Ф. Куракиным и Г. Г. Ромодановским. Они восстановили власть царя над Левобережной Украиной, не оказавшей почти никакой поддержки мятежному гетману. Немногочисленные попытки сторонников Выговского оказать сопротивление русским войскам Ромодановский подавлял без труда.

В следующем году князь захватил и сжег крепость Борзну, затем, соединившись с Куракиным, разгромил Выговского под Нежином. Гетман бежал в Польшу, а на его место был избран сын Богдана Хмельницкого – Юрий. В Переяславле во время утверждения нового гетмана находился с полками Григорий Ромодановский.

Встреча победоносного воеводы в Москве была торжественной. В январе 1660 г. сам царь встречал полки Ромодановского за Калужскими воротами и пожаловал воеводу «к руке». Беспрецедентное проявление царской милости было признанием выдающихся заслуг князя в покорении Украины. Богатые награды – шуба на золотом атласе, кубок, придачи к окладу (80 рублей и «на вотчину» 600 ефимков (золотых монет)) – ожидали князя в Москве. Однако отдохнуть от ратных трудов ему не удалось, уже через три дня он скакал в Белгород, снова приняв должность тамошнего воеводы. Украина опять забурлила, и Ромодановского ждали новые походы.

На этот раз изменил Москве Юрий Хмельницкий. В союз с ним вступили крымские татары. Ромодановский ограничивался оборонительной стратегией – таков был приказ Москвы. Тем временем на Украине взяли верх сторонники России. Хмельницкий был изгнан, но летом 1662 г. вернулся с новым войском и осадил Переяславль. Князь Григорий Григорьевич в союзе с верным Москве гетманом Самко выступил против изменника.

Русские войска в жестоком бою захватили укрепленный лагерь Юрия Хмельницкого под Каневом и наголову разгромили его полки. Самому незадачливому гетману чудом удалось избежать плена. Ромодановский отошел за Днепр, предоставляя казакам самим разбираться, кого они желают видеть своим гетманом.

Братоубийственная война на Украине продолжалась. Летом 1663 г. гетманскую булаву принял кошевой Запорожского войска Иван Брюховецкий. Его власть распространялась только на Левобережную Украину. На Правобережье считался гетманом Павел Тетеря, которого поддерживали польский король и крымский хан. Король Ян Казимир вторгся на Украину, но не смог удержаться и в январе 1664 г. двинулся на север, против русских сил. Навстречу ему к Глухову подошел Ромодановский. Битва продолжалась целый день, и король принял решение отступать. Московские полки преследовали польское войско.

Ромодановский накрыл огнем пушек переправу королевских войск через Десну. Ян Казимир отступил с большими потерями.

Ромодановский вернулся к руководству Белгородским разрядом. В 1665 г. он был пожалован в бояре и три следующих года провел в Москве. В 1667 г. был заключен Андрусовский мир с Польшей, закрепивший за Московским государством обширные западнорусские и белорусские территории. Левобережная Украина признавалась владением царя, Правобережная с Киевом – короля.

Брюховецкий, потеряв надежду на помощь Москвы в борьбе с новым гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко, обратился к турецкому султану. В Москву стали проникать известия, что Брюховецкий намеревается передаться в турецкое подданство. В январе 1668 г. гетман начал изгонять московских воевод из украинских городов. Князь Григорий Григорьевич был снова призван к полкам. В марте он находился уже в Белгороде. Тем временем Брюховецкий был убит, а Дорошенко объявил себя гетманом обеих частей Украины. На Левобережье он отправил наказным гетманом Демьяна Многогрешного.

В сентябре 1668 г. Ромодановский освободил от осады Нежин и Чернигов, где оборонялись московские воеводы. Многогрешный вступил в переговоры с воеводой и изъявил желание служить России. В январе 1669 г. в Глухове, на дворе боярина и воеводы князя Григория Ромодановского, состоялось избрание Многорешного гетманом Левобережной Украины. Временное спокойствие было достигнуто. Новая смута началась в 1672 г. Казацкие старшины обвинили гетмана в тайных сношениях с Дорошенко и желании перейти на сторону султана. Многогрешный был арестован и отправлен в Москву. Для решения вопроса о новом гетмане на раду в Конотоп прибыли боярин Ромодановский и воевода Иван Иванович Ржевский.

Вероятно, Ромодановский оказал решающее влияние на выбор нового гетмана. Им стал генеральный судья Иван Самойлович. Надвигалась война с могущественной Турцией, и боярин стремился утвердить на Украине верного и сильного союзника. Как показало дальнейшее развитие событий, гетман не ошибся.

В украинских делах все более и более ощущалось турецкое влияние. В 1672 г.

Дорошенко принял турецкое подданство. Османская империя обратилась против Польши. Огромная турецкая армия вторглась в южные пределы Речи Посполи-той и разгромила поляков. Турки взяли Каменец. Король был вынужден уступить Подолию. Теперь угроза нависла и над Левобережной Украиной. Московское правительство стремилось обойтись без войны, однако армию Ромодановского держало на Днепре. Воеводе предписывалось вести переговоры с Дорошенко, стараясь переманить его на свою сторону, но на правый берег не переходить.

Война началась в 1674 г. Русские полки и казаки Самойловича разбили Дорошенко, захватили его столицу – Чигирин и другие города. Но перед турецко-татарским войском Ромодановский и Самойлович отошли за Днепр и укрепились. Боевые действия этого года стали прелюдией к грядущим сражениям за Чигирин.

Летом 1676 г., повинуясь царскому приказу, Ромодановский выступил в сторону Чигирина. В начале похода из 52 тысяч ратников, числившихся по «наряду», налицо было всего 32 тысячи. Отдельные отряды вливались в войско по ходу движения. Дорошенко сдался на милость победителя и прибыл в Москву, где был прощен. Длительная борьба за Украину подходила к концу. Теперь под властью нового московского государя – Федора Алексеевича – находились обе части Украины. Особое значение имел Чигирин – ключевой стратегический центр Правобережья. Однако это завоевание еще предстояло удержать.

В июне 1677 г. турецкая армия Ибрагим-паши, соединившись с крымской ордой Селим-Гирея, двинулась от Днестра к Чигирину. По разным сведениям, численность объединенного войска колеблется от 200 до 100 тысяч человек. В Чигирин был срочно отправлен генерал-майор Афанасий Федорович Траурнихт со стрелецкими полками. Он приказал укреплять

город, расставлять войска по стенам крепости. Стрелецко-казацкое войско, защищавшее Чигирин, насчитывало 10 тысяч человек. Ибрагим-паша полагал, что одно появление его огромной армии так испугает гарнизон Чигирина, что тот сразу сдастся. В турецком войске находился и Юрий Хмельницкий, рассылавший призывы к казакам с требованием подчиниться султану.

Чигирин оказал решительное сопротивление туркам. Штурмы и бомбардировки в первые недели осады унесли тысячу человек из числа защитников. В ночь с 26 на 27 августа 80-тысячная армия Ромодановского и Самойловича под прикрытием артиллерии форсировала Днепр и с ходу вступила в сражение. Непрерывный бой продолжался до 29 августа. Турки и татары пытались сбросить русско-казацкое войско в Днепр, но не выдержали натиска и сами обратились в бегство. На протяжении пяти верст Ромодановский преследовал неприятеля. В тот же день Ибрагим-паша отступил из-под Чигирина, бросив осадные орудия. Вскоре турки покинули Украину. Победа была блестящей. Турки потеряли около 20 тысяч человек, армия Ромодановского – две с половиной тысячи. Битва на Днепре явилась одной из вершин полководческого искусства князя Григория Ромодановского.

Восстановив чигиринские укрепления, ушла с Правобережной Украины и армия Ромодановского. Российское правительство заняло оборонительную позицию, ожидая, какой урок извлечет из чигиринского поражения своей армии Мухаммед IV.

Султан был в гневе. Он заточил Ибрагим-пашу в тюрьму, лишил престола и сослал Селим-Гирея. Турция готовилась к новой войне. Во главе стотысячной армии встал великий визирь Мустафа-паша. Еще пятьдесят тысяч вел с собой новый крымский хан Мурад-Гирей.

В Москве осознали неизбежность новой войны и приняли необходимые меры. Под командованием Ромодановского было сосредоточено около 75 тысяч человек. Это были лучшие части русского войска – рейтарские, драгунские и солдатские полки «иноземного строя», организованные и вооруженные по принципу европейских армий, отборные «приказы» московских стрельцов. Под началом гетмана Самойловича находилось 50 тысяч казаков, включая ополченцев. Был усилен гарнизон Чигирина, общая численность которого составила 12 тысяч человек, в основном казаков, но были также стрельцы, солдаты и драгуны. Во главе обороны были поставлены воевода Иван Ржевский и полковник Патрик Гордон, шведский выходец.

Гордон оставил подробный дневник обороны Чигирина (о себе он говорит в третьем лице). Согласно дневнику Гордона, турки прибыли под Чигирин 9 июля, а на следующий день начали боевые действия. Обратимся к этому документу:

«10-го на рассвете турки начали стрельбу с двух батарей, соединенных ими как раз против середины больверка кронверка, и с третьей, устроенной против города около холма и уставленной пушками. Они стреляли безостановочно, целя прямо в бойницы и бруствер… Гарнизон также усиленно стрелял в осаждавших из ружей и пушек, но русские канониры не были достаточно искусны. Около 3 часов пополудни был убит подполковник Александр Ландельс из драгунского полка Гордона осколком бомбы, упавшей на валу саженях в 40 от него; это был исправный и бравый воин. Часа через два после этого был убит на валу пушечным ядром Станислав Боровец, лейтенант драгунского полка Гордона. Сам Гордон был контужен в левую руку между плечом и локтем щепкой, отбитой пушечным ядром… В этот день было убито 27 солдат и несколько офицеров и около 40 человек ранено большей частью гранатами и щепками; в город и замок попали 278 ядер и 88 бомб…

В ночь на 11-е турки устроили еще 3 батареи; одна из которых с 5 пушками, а другая с 2 были направлены на город; третья же, на которой было 3 картауны, прямо на исходящий угол среднего больверка; турки усиленно стреляли весь день и сделали несколько проломов в бруствере; ночью Гордон велел заполнить их. Турки разбили у двух пушек лафеты, взорвали одну пушку и разрушили несколько бойниц… Янычары стреляли из своих траншей в

бойницы настолько удачно, что ни один русский не мог выглянуть, не подвергаясь опасности быть убитым. В этот день в замке было убито 18 человек и ранено 25. В город и замок попало 468 ядер и 246 бомб…»

На следующий день осажденные предприняли вылазку: «Гордон обещал каждому из своих солдат, который захватит знамя или пленника, 5 руб. из своего кармана; впрочем, он наперед знал, что немногим рискует. Итак, 3000 человек был отдан приказ сделать в 3 часа пополудни вылазку из разных мест. Они дошли до траншей, вогнали в них после храброго сопротивления турок и нанесли им сильное поражение. Захвачено было также два знамени, которые, однако, были так изодраны русскими и казаками (так как каждый хотел принести их), что невозможно было решить, кому принадлежала обещанная награда. Между тем турки сделали вылазку из своих траншей, находившихся около холма, и принудили русских поспешно отступить, причем у русских было убито 2 стрелецких капитана и 11 рядовых, а ранено 27 человек…»

День за днем, под артобстрелом, в вылазках, восстановлении разрушенных укреплений и отражении турецких атак шла оборона Чигирина. Гарнизон постепенно таял. 3 августа был убит бомбой наместник города Иван Ржевский, и Гордон – к тому времени неоднократно раненый – принял главное командование. 11 августа турки прорвались в город и захватили его, осаждавшие отступили в Чигиринский замок. Гордон отмечает, что воинский дух защитников Чигирина слабел, под градом ядер и бомб, ежедневно теряя своих товарищей, они надеялись на скорую помощь главных сил, но не получали ее. «Русские солдаты, – пишет Гордон, – совсем потеряли мужество после бесплодных вылазок последних нескольких дней, турки же, напротив, значительно ободрились».

Что же делал в это время боярин Ромодановский? Почему отчаянные призывы чигиринского гарнизона о помощи оставались безответными? Войско Ромодановского и Самойловича перешло Днепр 12 июля и укрепилось на правом берегу. Однако турецкая армия была столь велика, что могла вести боевые действия и под Чигирином, и по всему фронту расположения армии Ромодановского. В сражении с крымско-турецкой армией боярину удалось одержать победу. Но 15 июля турецкая и крымская конница вновь появилась перед русским лагерем. Главнокомандующий не предпринимал решительных действий. Причиной этого был царский приказ не наступать вплоть до прихода подкрепления – князя Каспулата Черкасского с калмыками и служилыми татарами. Ромодановский ждал, а между тем положение Чигирина осложнялось. Наконец, 28 июля Черкасский прибыл в русский лагерь, через два дня главнокомандующий перешел в наступление. В жестоком бою русские захватили Стрельникову гору – господствующую местность, на которой стояла турецкая артиллерия, препятствовавшая русским подойти к Чигирину. Решающую роль в сражении сыграли «выборные» солдатские полки под командованием Аггея Шепелева и Матвея Кравкова. Взяв Стрельникову гору, русские немедленно установили на ней свои орудия и нанесли их огнем значительный урон туркам, в беспорядке отступавшим за реку Тясьмин. Около восьми тысяч турок погибли под огнем русской артиллерии и в давке у переправы.

4 августа Ромодановский встал лагерем в двух верстах от Чигирина. К этому времени у него уже был приказ в случае невозможности дальнейшей обороны вывести из Чигирина войска, разрушив городские укрепления. Вступать в генеральное сражение главнокомандующий счел рискованным – слишком невыгодными были условия местности. Он продолжал надеяться на стойкость защитников Чигирина и отправил в город еще шесть тысяч стрельцов и казаков. Однако оборона города была прорвана многочисленными подкопами и минами турок. Ромодановский посылал новые и новые отряды в Чигирин, но это уже не могло переломить ситуацию. Приходилось думать не о Чигирине, а о спасении всей армии, и главнокомандующий отдал приказ оставить город. Ожесточенно сопротивляясь, защитники

постепенно вышли из Чигирина, для многих отступление превратилось в паническое бегство – прорывались через турецкое наступление, переплывали Тясьмин. Всего же при отступлении из Чигирина погибло около 600 человек.

Гордону удалось сжечь часть запасов и установить зажженные фитили в мушкетных бойницах. Успели ли русские поставить мины в пороховом складе или он взорвался в общем пожаре или от небрежности – неясно, но ворвавшиеся в замок турки в буквальном смысле взлетели на воздух от огромного взрыва. При этом погибло четыре тысячи человек. Мустафа-паша получил вместо города горящие развалины. «Так был защищен и потерян Чигирин; он был оставлен, но не покорен», – пишет Гордон.

Собрав защитников Чигирина, русская армия укрепилась обозами и двинулась к Днепру. Повторилась ситуация, возникшая перед оставлением Чигирина. Русские полки встали укрепленным лагерем на правом берегу и вели постоянные бои с турками и татарами. 19 августа Ромодановский предпринял наступление, но, дойдя до турецкого лагеря и не имея сил для штурма, русские отступили. Войска готовились к новому сражению, но неожиданно на следующий день турки снялись с позиций и отступили, оставив разрушенный Чигирин. Причиной этого были, несомненно, значительные потери наступавших. Мустафа-паша потерял от тридцати до шестидесяти тысяч человек. Русские потери были на порядок меньше – чуть более трех тысяч убитыми и пять тысяч ранеными. Оборона Чигирина унесла жизни триста тридцати человек (согласно официальным источникам; Гордон пишет о тысяче трехсот погибших). Таким образом, Ромодановский сохранил боеспособную и мощную армию, в то время как турки, утомленные войной, уже не могли вести активные боевые действия. Фактически кампания 1678 г. была выиграна Ромодановским, однако сдача Чигирина все же была негативно воспринята в России.

Ромодановский бил челом об отставке от службы в Курске «за многия его кровавые нужные (тягостные. – С. Ш.) службишки». Старый воевода просил также сменить и его сына князя Михаила Григорьевича. Воеводу отозвали в Москву.

Мог ли Ромодановский продолжать защищать Чигирин? Был ли смысл в этой трудной борьбе? Еще в наказе к князю Григорию Григорьевичу в начале войны царь предусматривал возможность сдачи Чигирина. Этот акт в разгаре войны имел важное символическое значение, потеряв уже стратегические. Русское правительство понимало, что Мустафа-паша не может остановиться, не взяв Чигирин. Опасаясь судьбы своего предшественника, турецкий главнокомандующий будет биться за город до последнего солдата. Уступив Чигирин, Ромодановский крепко прикрывал Украину, препятствуя туркам напасть на Киев и другие города. Таким образом, сдача Чигирина была уступкой, необходимой для того, чтобы перейти к мирным переговорам, и в то же время не имела решающего стратегического значения.

Недоброжелатели Ромодановского, не зная об этих обстоятельствах, распространяли слухи об измене старого воеводы. Дело в том, что еще в 1668 г. в сражении с Дорошенко в татарский плен попал старший сын князя Григория Григорьевича – Андрей. Якобы в обмен за жизнь своего сына главнокомандующий приказал оставить Чигирин. Вышеизложенные обстоятельства сдачи Чигирина оправдывают Ромодановского.

После отставки от командования Белгородским разрядом князь Г. Г. Ромодановский важных назначений не получал. Он участвовал в дворцовых церемониях и, вероятно, занимался устройством своих обширных вотчин, до которых ранее у него просто не доходили руки.

В XVII в. Ромодановские успешно восстановили свои земельные богатства, утраченные в годы опричнины, и вошли в число крупных землевладельцев. В 1627 г. за всеми представителями рода числилось 18 вотчин с 525 дворами; в 1646 г. – 30 вотчин, 769 дворов и 2545 душ; в 1678 г. – 35 вотчин, 1848 дворов и 8695 душ. Кроме того, определенное число

земель им принадлежало на поместном праве и постепенно передавалось в вотчину.

Кроме земель, князь Г. Г. Ромодановский владел дворами в Москве: на Тверской, возле церкви Спаса Преображения, и на Дмитровке, подле Георгиевского монастыря. Загородный двор его находился за Петровскими воротами.

Кончина князя Григория Григорьевича Ромодановского была ужасной. В 1682 г. умер царь Федор Алексеевич. Ромодановский в числе других бояр «дневал и ночевал» у гроба покойного государя. Между тем во дворце шла борьба за власть между родственниками жен царя Алексея Михайловича – Милославскими и Нарышкиными. Первые выдвигали своим кандидатом на престол царевича Ивана, вторые – царевича Петра. Сторону Нарышкиных держали и князь Григорий Григорьевич с сыновьями. Временно взяли верх Нарышкины, и тогда Милославские, во главе которых стояли умная и властолюбивая царевна Софья Алексеевна и искусный интриган боярин Иван Михайлович Милославский, спровоцировали восстание московских стрельцов.

Стрельцы, крича, что Нарышкины покушаются убить царевичей и захватить трон, ворвались в Кремль и стали избивать представителей этой фамилии. Погибли также и многие другие бояре, ненавистные стрельцам. Князю Григорию Григорьевичу стрельцы припомнили тяготы Чигиринских походов, его схватили у патриарха и, обвиняя в измене, закололи протазаном в Кремле, напротив Посольского приказа. Позднее стрельцы в челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевича объясняли убийство Ромодановского тем, что он якобы «будучи на ваших государевых службах у ваших государевых служилых людей воеводою, город Чигирин турским и крымским людям с вашею государскою казною и служилыми людьми отдал, забыв страх Божий и крестное целование и вашу государскую к себе милость…»

Попал в руки стрельцов и сын князя Григория – Андрей, но его убийцы пощадили, памятуя долголетние страдания князя в крымском плену. Он был пленен крымцами в 1668 г., а возвратился в Россию только в 1681 г. Вероятно, долгий плен подорвал здоровье князя Андрея Григорьевича – он скончался в 1686 г.

Выдающийся русский историк С. М. Соловьев дает следующую характеристику Г. Г. Ромодановскому: «Князь Григорий, как говорят, отличался свирепостью характера и телесною силою, он был более солдат, чем вождь; превосходил всех военной пылкостью, неутомимой деятельностью, быстротою и львиным мужеством; в Малороссии… он приобрел расположение жителей». Память о Ромодановском на Украине держалась долго – проложенную им дорогу от Путивля к Чигирину народ еще два столетия спустя называл «Ромоданом».

Младший сын князя Г. Г. Ромодановского Михаил в 1669 г. упоминается в чине стольника. Многие годы он был верным сподвижником отца, сражался на Украине с врагами Москвы, татарами и турками. В 1678 г. князь Михаил Григорьевич получил боярский чин.

В борьбе между Милославскими и Нарышкиными Ромодановские, как уже говорилось выше, занимали сторону последних. После стрелецкого восстания в стране было установлено формальное двоевластие обоих царей – Ивана и Петра. Однако реально власть принадлежала царевне Софье. Царица Наталья Кирилловна Нарышкина с сыном Петром и узким кругом приближенных удалилась в подмосковное Преображенское. Среди сторонников нарышкинского двора до своей кончины в 1686 г. оставался князь Андрей Григорьевич Ромодановский. В 1682 г. князь Михаил Григорьевич был назначен главой Разбойного приказа, а в 1685–1687 гг. находился на воеводстве в Пскове. Возможно, правительница не случайно стремилась удалить из Москвы этого авторитетного сторонника молодого Петра. По возвращении с воеводства, князь М. Г. Ромодановский был назначен главой Владимирского судного приказа (1688).

Власть Софьи пала в 1689 г., и управление перешло к Нарышкиным. Молодой Петр в то время не придавал особого значения государственным делам, его увлекали воинские «потехи», первые опыты плавания на Яузе и Плещеевом озере, застолья в Иноземной слободе в кругу друзей. Одним из первых назначений нового правительства стала отправка князя М. Г. Ромодановского на воеводство в Киев. Хорошо знакомый с украинскими делами, он стал «государевым оком» на Украине, приглядывая за гетманом И. С. Мазепой. Уже тогда воеводе посылали доносы на гетмана, но Мазепа сумел оправдаться и убедить Ромодановского и московские власти в своей верности.

В 1692 г. Михаил Григорьевич возвратился в Москву. Четыре года он провел в Москве, а в 1696 г. получил новое назначение – идти в Великие Луки на польский рубеж, где встать с полками новгородских дворян. Из-под Азова к нему были посланы «не займовая Москвы» стрелецкие полки. Стрельцы были утомлены длительной службой, после взятия турецкой крепости Азова они намеревались отдохнуть в Москве, а попали вновь на службу, на другую окраину государства. Стрельцы проявили непокорность – «с голоду», они бежали в Москву «бить челом» и, получив жалованье, успокоились, однако ненадолго.

Жалованья и запасов стрельцам давали так мало, что зачастую им приходилось просить милостыню. За это многие из стрельцов были наказаны батогами.

В марте 1698 г. 175 стрельцов опять бежали со службы в Москву. Они обратились с жалобами на свое бедственное состояние к начальнику Стрелецкого приказа боярину князю И. Б. Троекурову. Удома боярина в Георгиевском переулке собралась целая толпа стрельцов, и только после выдачи им жалованья, при помощи солдат, власти смогли выгнать стрельцов из Москвы к их месту службы. Однако это было только начало стрелецкого выступления. В мае 1698 г. четыре полка были переведены из Лук в Торопец. Стрельцы надеялись, что их вернут в Москву, но этого не произошло; правительство решило развести полки по разным городам. Кроме того, вышел указ о наказании стрельцам, бегавшим в Москву в марте. Но когда командующий князь М. Г. Ромодановский попытался арестовать беглецов, в полках начался бунт. Стрельцы отбили своих товарищей, отказались подчиняться командирам и на совете решили всем войском идти в Москву.

К этому времени царь уже более года находился за границей в составе Великого посольства. По Москве ползли слухи, что он умер «за морем». Большинство стрельцов, двигавшихся в Москву, не имели никаких политических намерений. Устав от походной жизни, они хотели отдохнуть и встретиться с женами и детьми, однако среди зачинщиков бунта были и те, кто стремился повторить события стрелецкого мятежа 1682 г. Они хотели перебить бояр, генералов, солдат и иноземцев, убить Петра, когда он вернется из-за границы, и царевича Алексея, освободить из Новодевичьего монастыря царевну Софью и возвести ее на престол. При розыске удалось установить, что Софья из своего заточения вела какую-то переписку с главарями мятежа, но ее содержание осталось неизвестным.

Боярская дума отправила против мятежников во главе с генералиссимусом и боярином А. С. Шеиным и генерал-поручиком П. И. Гордоном 3700 человек, в основном, солдат Преображенского и Семеновского полков. Шеин разгромил стрельцов под Воскресенским монастырем (Новый Иерусалим) на реке Истре. Мятежников привели в Москву, и начался розыск. Впоследствии Петр был в гневе на руководителей розыска за то, что те, как ему казалось, провели розыск «наскоро», не выявив корни мятежа и его связи с давним врагом царя – сестрой Софьей. По приговору Боярской думы было казнено 122 человека, 140 биты кнутом, а 1987 человек – сосланы.

Вечером 25 августа 1698 г. в Москву прибыл царь. После известия о бунте стрельцов он спешно прервал свое путешествие и из Вены отправился в Москву, первые три дня не останавливаясь даже на ночь. Вскоре начался новый розыск, поразивший москвичей, уже привыкших к виду казней и истязаний на площадях города, своим масштабом и кровавостью.

Петра интересовали, прежде всего, политические корни заговора. Стрельцов начали свозить в Москву, и в Преображенском приказе усиленно заработали палачи. Руководил следствием сам царь. В ходе расспросов, хотя и не удалось добыть убедительных свидетельств о причастности царевны Софьи к восстанию, но, по крайней мере, было установлено, что царевна пользовалась у стрельцов популярностью как вероятный кандидат на престол.

В сентябре начались новые казни. В первый же день казней Петр I собственноручно отрубил головы пяти стрельцам. Царь не только сам рубил головы, но и заставлял это делать также придворных и офицеров. М. Г. Ромодановскому было приказано обезглавить четырех стрельцов – по одному из вверенного ему полка. Иные были колесованы на Красной площади. Большинство стрельцов были повешены. Их вешали не только на виселицах, но и на зубцах стен Белого города (тогда родилась мрачная поговорка: «что зубец – то стрелец»). Троих стрельцов повесили под окнами кельи царевны Софьи в Новодевичьем монастыре. Всего было казнено более тысячи человек.

Утихли ужасы расправ над стрельцами, и царь отправился в Воронеж заниматься устройством верфи для строительства кораблей (весна 1699). Идея создания русского флота давно увлекала Петра. В 1697–1698 гг. по его указу были созданы «кумпанства» – объединения богатых служилых и торговых людей для постройки на личные средства кораблей. Участвовал в «кумпанстве» и князь М. Г. Ромодановский, на его деньги строился «корабль борколон». Мы не знаем, что было причиной, но во время воронежской поездки Петра Ромодановский чем-то вызвал «гнев и опалу» царя и был сослан под караулом в свою деревню на Клязьме.

После возвращения из Воронежа царь вновь заинтересовался расследованием стрелецкого мятежа. Для «розыска» в Москву был привезен князь Михаил Григорьевич и были проведены очные ставки боярина со стрельцами. «Розыск» не принес князю неприятностей, ему удалось оправдаться от обвинений в пособничестве стрельцам. Царь привлек Ромодановского к составлению нового свода законов – Уложения, а с началом Северной войны мы вновь видим князя Михаила Григорьевича в строю.

В 1703 г. он был награжден за Сумской поход, в 1705–1707 гг. возглавлял Провиантский приказ, ведавший снабжением армии, а в 1711 г. собирал дворянские войска в Путивле в связи с возобновлением войны с Турцией.

В 1712 г. Ромодановский был назначен московским губернатором. По указу об образовании губерний (1709) в Московскую губернию вошла огромная территория Центральной России – 39 городов с уездами – Владимир, Суздаль, Коломна, Серпухов, Калуга, Можайск и другие. Некоторые из них находились на расстоянии более 300 верст от столицы. Подобное назначение было крайне ответственным и трудным, тем более в военное время.

В новой должности князь Михаил Григорьевич вступил в конфликт с Сенатом.

Он доносил о притеснениях и обидах, «чинимых господами сенаторами», но Петр I не поддержал губернатора. На время управления Ромодановским Москвой падает майский пожар 1712 г., после которого князю пришлось восстанавливать столицу, и проведение указа о мощении улиц. Вскоре, 30 января 1713 г., князь Михаил Григорьевич скончался.

Князь М. Г. Ромодановский не принадлежал к числу близких сподвижников царя, однако некоторое время был своим человеком в компании петровских собутыльников. Он входил в так называемый Всешутейший собор и носил данное им Петром I шутливое прозвище «преосвященного Мишуры» (от имени).

Гораздо более известен своей деятельностью при Петре I другой представитель рода – князь Федор Юрьевич. Он был правнуком Григория Петровича и, следовательно, троюродным племянником князя Михаила Григорьевича. Отец князя Федора – Юрий Иванович – служил воеводой и стольником. В 1654 г. он находился в государевом полку в польском походе, воевал против поляков и в другие годы. В 1658 г. князь был послан к

патриарху Никону с выговором от царя Алексея Михайловича. Затем он был воеводой в Могилеве и Казани, руководил Пушкарским приказом (1667–1671). В 1668 г. он получил боярство. Князь Юрий Иванович был крупным землевладельцем. В шести уездах он владел 406 дворами.

Австрийский посол А. Мейерберг (Мейерн), бывший в России в 1661– 1663 гг., сообщает, что князь Юрий Ромодановский, являясь родственником царя с материнской стороны, пользовался особым доверием Алексея Михайловича.

«С этим князем, – замечает австриец, – отличающимся более силою легкого остроумия, нежели суждения, да и чуть не сверстником царя, Алексей часто беседует по-приятельски, сложив с себя суровую важность величества. Этот до сих пор благоразумный любимец не распускает большого паруса по ветру царского расположения к себе, а скромно принимает его малым, чтобы этот ветер не умчал его в открытое море зависти, впрочем, не всегда придерживается и низких песков безбрежья…» Оставим на совести Мейерберга отзыв об умственных способностях князя Юрия Ивановича. Однако его показание о том, что Ю. И. Ромодановский пользовался особым расположением царя, подтверждает и П. Гордон, называющий его в «Дневнике» любимцем царя.

Впрочем, получая знаки доверия и приязни, князю Юрию Ивановичу приходилось испытывать на себе проявления царского гнева – Алексей Михайлович был вспыльчив, хотя и отходчив. Известен случай, когда иноземные офицеры, служившие под командой Ромодановского, обидели на рынке торговцев. Царь вызвал к себе князя Юрия и сделал ему выговор, а когда тот начал оправдываться, государь «в припадке гнева так оттаскал его за бороду, что он не на шутку пострадал». Впрочем, подобные эксцессы не нарушали царского доверия к князю. Вероятно, к фавору князя Юрия Ивановичу у царя Алексея восходили те особые отношения, которые сложились между их сыновьями.

Князь Федор Юрьевич (ок. 1640–1717) начал свою службу в числе «московских дворян» при царе Алексее Михайловиче. К 1682 г. он был комнатным (или ближним) стольником царя Федора Алексеевича. По какой-то причине он не получал ответственных назначений при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, либо они были столь незначительны, что мы о них ничего не знаем.

После смерти Федора, 16 июня 1682 г., он был «пожалован» в спальники царя Петра. Таким образом, князь вошел в ближний круг Петра еще во времена пребывания царицы Натальи Кирилловны и юного царя в Преображенском. Тогда же началось их сближение, несмотря на то, что Ромодановский был более чем на тридцать лет старше Петра I.

В воинских потехах молодого царя в начале 1690-х гг. князь Федор Юрьевич занимал видное место. В 1691 г. князь Федор Юрьевич командовал армией, состоявшей из «потешных» и солдатских полков, рейтар и драгун. Ему был дан чин «генералиссимуса» с именем «Фридриха». Войском противника – стрелецкими полками – командовал также «генералиссимус» Иван Иванович Бутурлин. Маневры окончились пленением Бутурлина, захватом обоза и знамен, а затем совместным пиром победителей и побежденных и салютом.

В мае–августе 1694 г. Ромодановский участвовал в архангельском походе. Петр I, подшучивая над князем, писал, что тот «человек зело смелый к войне, а паче к водяному пути», и назначил его на должность адмирала. Ромодановский не был ни воином – ничего не известно о его воинских подвигах, – ни тем более моряком. По возвращении из архангельского похода, согласно церемониалу встречи, составленному Петром I, придворные встречали в Мытищах не царя, а именно Ромодановского, как главнокомандующего. Вероятно, уже тогда, вслед за шутовскими должностями генералиссимуса и адмирала, Петр I начал воздавать Ромодановскому почести как шутовскому «государю», но окончательно оформил эту игру позднее.

После плавания по Белому морю, Петр I организует новые масштабные военные маневры.

Под деревней Кожухово (возле Симонова монастыря) был сооружен земляной городок, в котором сел в осаду со стрельцами «польский король» И. И. Бутурлин. «Генералиссимус» Ромодановский выступил во главе значительного воинского отряда – более семи тысяч человек – потешных Преображенского, Семеновского и Бутырского полков, дворянской конницы и рейтар. В числе артиллеристов находился и бомбардир Преображенского полка Петр Алексеев, т. е. сам царь.

В нарушение плана маневров армия Ромодановского слишком быстро захватила штурмом земляной городок. Осаждавшие залили городок «из медной трубы водою» и взяли его. «Польский король» засел в обозе, но потерпел поражение и попал в плен – «самого его взяли ж, и завязали руки назад, и со всеми ближними людьми, и привели в шатер к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому». Отличился в Кожуховском походе и бомбардир Петр Алексеев – он взял в плен стрелецкого полковника.

По окончании маневров, как сообщает в своем дневнике современник, думный дворянин И. А. Желябужский, «князю Федору Юрьевичу Ромодановскому дано новое звание государичем». Вероятно, именно к осени 1694 г. относится начало титулования Ромодановского «князь-кесарем», «государем» и «цесарем» со стороны Петра I и всех членов его «компании» и воздаяния ему внешних почестей как государю. В своих письмах Петр I называл Ромодановского не иначе как «Sir» или «Konig» и отчитывался перед ним в своих действиях. Победы русского оружия, по письмам Петра к Ромодановскому, представлялись победами армии, подвластной князю-кесарю. «…Известно вам, государю, буди, что благословил Господь Бог оружия ваше государское: понеже вчерашнего дня, молитвою и счастьем вашим государским, азовцы, видя конечную тесноту, сдались…» – писал Петр I из второго Азовского похода после взятия крепости. Подписывал свои письма к князю-кесарю Петр так: «Вашего величества нижайший подданный Piter». Ромодановский в ответ именовал царя: «Господин капитан Петр Алексеевич» или «Господин бомбардир Петр Алексеевич».

Игра в «князя-кесаря» имела и внешние проявления. По возвращении из Азовского и других походов полки представлялись князю-кесарю. Он принимал парад и награждал победителей. Ромодановскому ходатайствовал о своем производстве в чины и сам Петр I. После Полтавской битвы он обратился к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву с просьбой рекомендовать «государям нашим (обоим) о моей службе…». «Государи», т. е. Ромодановский и И. И. Бутурлин, не заставили себя упрашивать и произвели Петра в чин контр-адмирала, а по сухопутной иерархии – генерал-лейтенанта. В ответ царь так благодарил князя-кесаря: «И хотя я еще столько не заслужил, но точию ради единого вашего благоутробия се мне даровано, о чем молю Господа сил, дабы мог вашу такую милость впредь заслужить». В 1712 г. Ромодановский произвел царя в полные генералы, но Петр задержал этот указ, считая, что вследствие несчастного Прутского похода он как военачальник не заслуживает такого повышения. Лишь через год, после очередной победы русского оружия, к которой царь имел непосредственное участие, Петр возобновил ходатайство о своем производстве. 12 августа 1713 г. он писал Екатерине I: «При сем объявляю, что в 6-й день сего месяца господин адмирал объявил мне милость государя нашего – чин генерала полного, чем я вас, яко госпожу генеральшу, поздравляю».

Эта часть «игры в князя-кесаря» представляется важной педагогической мерой царя по отношению к своим подданным. Как и прочие, он получал повышения и награждения не по своему рангу царя, а за реальные военные заслуги. При этом эти заслуги оценивал также не сам Петр I, а третье лицо.

Помимо титулатуры в письмах и порядка чинопроизводства, почести князю-кесарю подчеркивал и церемониал. Царь презирал проявления этикета в кругу своих сподвижников, поощряя демократическое обращение (конечно, в меру). В отношении князя-кесаря, Петр напротив проявлял внешние знаки почтения – снимал шляпу, входил на двор к

Ромодановскому только пешком, оставляя карету за воротами, в карете не садился рядом, а садился впереди. Однажды, как свидетельствует токарь Петра I А. К. Нартов, царь позабыл снять шляпу и получил выговор от Ромодановского. Тот пригласил царя к себе и, не вставая с кресла, отчитал его: «Что за спесь, что за гордость! Уже Петр Михайлов не снимает ныне цесарю и шляпы».

Тем более и сподвижники Петра были вынуждены отдавать подобные почести Ромодановскому. Своей властью князь-кесарь пользовался в духе, свойственном тому грубому времени. Будучи большим любителем спиртного, он заставлял напиваться и своих гостей. В сенях его дома на Никитской улице приезжего встречал обученный медведь с чаркой водки. Тех же, кто отказывался пить, медведь драл…

Внешнее почтение, как мы увидим далее, не закрывало царю глаза на недостатки Ромодановского. Ему приходилось делать грозные внушения князю-кесарю, и тогда становится очевидно, кто на самом деле государь.

Историки обратили внимание на сходство «игры в князя-кесаря» Петра I и Ромодановского со странным эпизодом времен Ивана Грозного – «вокняжением» Симеона Бекбулатовича. В 1575 г. царь неожиданно уступил трон крещеному татарскому хану Симеону Бекбулатовичу. На имя того Грозный посылал смиренные челобитные, именуя себя «князем Иванцом Московским». Симеон восседал на троне, а Иван Грозный – на лавке среди бояр. Правда, Симеон не пользовался царским титулом, а именовался «великим князем». Через год Иван Грозный столь же неожиданно свел Симеона с престола и дал ему в удел Тверь. Логичного объяснения этого поступка Ивана Грозного мы так и не имеем. Есть свидетельство, что царь опасался предсказания волхвов о том, что в этом году случится «смерть московскому царю», и сделал так, что царя вообще не было. Другая версия гласит, что Грозный «искушал» людей, проверяя их благонадежность. Есть определенное сходство между ситуацией – Симеон Бекбулатович по своему происхождению от ханов Золотой Орды был потомком верховных сюзеренов московских князей, а Ромодановский, помимо своего происхождения от Рюрика, был еще и свойственником царя (его сын был женат на сестре царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой, жены Ивана V Алексеевича). Тем не менее, помимо педагогического значения «игры в князя-кесаря», реальной пользы от этого нововведения не заметно. Представляется, что Петр, которому был ненавистен весь старомосковский обиход, высмеивал таким образом «старину» с ее сложным церемониалом. Таким образом, шутливая «игра в царя» с Ромодановским была подобна шутливой и малопристойной «игре в патриарха» и «Всепьянейший собор», которую Петр I вел со своим старым воспитателем Н. М. Зотовым и другими приближенными лицами.

Однако Ромодановский был не только шутовским «генералиссимусом», «адмиралом» и «князь-кесарем» – он исполнял множество важнейших и ответственных поручений, и прежде всего возглавлял вплоть до своей кончины всю сыскную и карательную службу. Еще в 1686 г. Ромодановский стал главой (судьей) Преображенского приказа – особого учреждения, со временем ставшего основным инструментом карательной политики Петра I. В ведении Ромодановского находился розыск по всем уголовным и политическим преступлениям, занимавший значительное место в государственной деятельности Петра. Жесткая ломка старых устоев вызывала негодование в различных слоях общества, оно выражалось как в осуждающих речах, так и в реальных антиправительственных действиях – заговор И. Е. Цыклера и А. П. Соковнина 1697 г. с целью убить Петра I, стрелецкое восстание 1698 г. и другие. Широкий размах приобрели и уголовные преступления – убийства, грабежи, казнокрадство, взяточничество. Со всем этим железной рукой боролся князь-кесарь. В должности начальника Преображенского приказа ему не было замены.

Взглянем на интенсивность розыскных и карательных мероприятий, согласно вышеупомянутому «Дневнику» И. А. Желябужского:

«Января в 24 день (1695) в Потешном дворце пытан боярин Петр Авраамович Лопухин, прозвище Лапка, в государственном великом деле и января в 25 день, в ночи, умер…

Марта в 5 день бит кнутом Поместного приказа дьяк Кирила Фролов перед Разрядом за то, что золотые купил у подьячего у Глеба Афанасьева без поруки. Да тут же перед Разрядом бит кнутом разрядный подьячий Глеб Афанасьев за то, что покрал золотые, те, которые было довелось дать по указу великих государей ратным людям за последний Крымский поход…

Июня в 4 день прислал воевода с Белой Оську Старченка в Стрелецкий приказ, и он, Оська, расспрашиван, а в расспросе говорил про многих своих товарищев. И по указу великого государя он, Оська, из Стрелецкого приказа отослан в Преображенский, пытан и по розыску повешен и с товарищами своими…

Федор Лаговщиков, тульский воевода, бит батогами вместо кнута.

Князь Савин Горчаков в Преображенском вместо кнута бит плетьми.

Декабря в 19 день 205 (1696) года в субботу в Преображенском чинено было наказание бывшему полковнику Алексею Лаврентьеву сыну Обухову, бит на козле кнутом нещадно за то, что в прошлых годах его стрельцы в Батурине крали гетманские деньги и пытаны, и с пытки говорили на него, Алексея, что те деньги краденые отдавали ему…»

И так день за днем, и год за годом проходила служба Ромодановского в Преображенском приказе. Розыскные мероприятия того времени отличались особой жестокостью – пытка, зачастую, не только обвиняемых, но и доносителей (для проверки правдивости показаний) была обычным средством судопроизводства. Кроме того, русская система наказаний, в отличие от западноевропейской, отличалась более редким употреблением смертной казни, но более частым и широким употреблением телесных наказаний – секли кнутом, батогами, плетьми, клеймили, отрезали нос и уши, отрубали руки… При такой повседневной деятельности человек постепенно терял человеческий облик – отсюда жестокость и непреклонность Ромодановского и его стремление к чарке. Сам Петр указывал князю-кесарю, что тот пьет «для страху». Однако о другой службе для князя-кесаря царь не мог и подумать.

Отзывы современников описывают характер Ромодановского и его деятельность во главе политического и уголовного сыска. Иронический и едкий князь Б. И. Куракин писал: «Сей князь был характеру партикулярного: собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верный так был, как никто другой». Солидарен с Куракиным и брауншвейгский резидент Ф. Х. Вебер: «Он наказывал подсудимых, не спрашиваясь ни у кого, и на его приговор жаловаться было бесполезно». А. А. Матвеев (см. очерк о Матвеевых) более благосклонен к Ромодановскому. «Муж верный и твердый, со всегдашним надзирательством», – характеризует его Матвеев.

Безусловную верность и еще одно редкое для петровских сподвижников качество – бескорыстие высоко ценил Петр I в Ромодановском. Отправляясь за границу в составе Великого посольства, царь поставил во главе управления государством Ромодановского и боярина Т. Н. Стрешнева.

Из курляндской столицы Митавы царь отправил князю-кесарю «некоторую вещь на отмщение врагов маестату (государства. – С. Ш.) вашего». Этой «вещью» был топор, и, как отвечал Ромодановский Петру, он вскоре был опробован в деле и лишил жизни двух преступников. Жадный до технических новшеств Петр позднее отправил к Ромодановскому специальную машину для рубки голов («мамуру»), вероятно, прообраз гильотины, но князю-кесарю, приверженцу традиций, «мамура» не приглянулась.

Из-за границы царь вел постоянную переписку с Ромодановским. В январе 1698 г. он извещает князя, что удалось договориться о покупке 15 тыс. ружей «к службе вашей государской».

Следующее письмо показывает раздражение Петра Ромодановским. В Амстердам прибыли

к царю волонтеры, среди которых был Яков Вилимович Брюс, еще один из знаменитых сподвижников преобразователя. Брюс приехал с обожженной рукой и отвечал царю, что пострадал от Ромодановского. «Зверь, – написал в раздражении царь князю-кесарю, – долго ль тебе людей жечь? И сюды раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою (Ивашка Хмельницкий – русский вариант Бахуса. – С. Ш.). Быть от него роже драной!» Ромодановский с достоинством отвечал царю, что Брюс сам обжегся, будучи пьян, а самому князю недосуг пьянствовать: «Неколи мне с Ивашкою знаться, всегда в кровях омываемся; ваше-то дело на досуге стало знакомство держать, а нам недосуг. А что Яков Брюс донес, что от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня». Выше говорилось, что царь не поверил в трезвый образ жизни Ромодановского, он слишком хорошо знал его характер. «Писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал: и то правда, только на чьем дворе и при ком? А что в кровях, и от того чаю, и больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому, что непрестанно в ученьи».

Затем последовало еще более серьезное негодование на Ромодановского. В Москве началось стрелецкое восстание. Еще в мае Ромодановскому удалось усмирить первые волнения стрельцов, выдав им жалованье и выпроводив из Москвы. Узнав об этом, царь сделал строгое внушение князю-кесарю: «Для чего ты сего дела в розыск не вступил?» Понимая, что растерянность Ромодановского вызвана задержкой почты, он с гневом пенял ему: «А буде думаете, что мы пропали, и для того боясь и в дела не вступаешь… Я не знаю, откуды на вас такой страх бабий!» Однако в конце письма примирительно добавлял: «Пожалуй, не осердись: воистину от болезни сердца писал».

Известие о вооруженном восстании царь получил от Ромодановского лишь спустя месяц после начала событий. «Пишешь… что семя Ивана Михайловича растет, в чем прошу быть вас крепких; а кроме сего, ничем сей огонь угасить не мочно». Вспомнив покойного И. М. Милославского, вдохновителя восстания 1682 г., царь указывал на политические корни нового стрелецкого бунта – царевна Софья и партия противников реформ. Как уже говорилось выше, Петр поспешил в Москву. В Польше царь получил известие о подавлении бунта и замедлил бешеную скорость своей скачки.

По прибытии в Москву радость по поводу подавления стрелецкого восстания сменилась у царя резким недовольством тем, как Шеин и Ромодановский провели расследование. Царь находился в постоянном раздражении и по любому поводу срывался. На пиру у Лефорта он обвинил во взятках Шеина и обнажил шпагу, намереваясь наказать генералиссимуса. Ромодановский, Зотов и Лефорт поспешили на выручку Шеину, и каждому досталось от царя, который «до того разгорячился, что, махая обнаженным мечом во все стороны, привел тут всех пирующих в ужас». Ромодановскому досталось шпагой по пальцам, Зотову – по руке, Лефорта царь «крепко хватил по спине». И только Меншикову удалось смягчить гнев царя.

Царь подозревал, что руководители «розыска» поспешили не случайно, а намеревались утаить от него важную политическую составляющую бунта. Даже Ромодановский попал под это подозрение.

Петр писал князь-кесарю о смерти одного из стрельцов, запытанного до смерти: «И в том, суди тебя Бог, что ты, не боясь его, хочешь воровство это замять». Ромодановский оправдывался, доказывал свою верность и преуспел в этом.

В новом розыске по делу о стрелецком бунте, который возглавил лично царь, Ромодановский был его заместителем. Казнив стрельцов и ужесточив содержание своей сестры Софьи в монастыре, царь принялся за бояр. Началось знаменитое пострижение бород. Среди тех, кто подвергся этой участи, оказался и Ромодановский. В быту князь-кесарь был сторонником прежних обычаев. Узнав, что боярин Ф. А. Головин сменил русское платье на иноземное, он воскликнул: «Не верю я такой глупости и безумству Головина, что он мог

пренебречь одеждой родного народа». Теперь и самому Ромодановскому пришлось расстаться с дорогим его сердцу обликом.

Временное неудовольствие царя действиями Ромодановского во время стрелецкого восстания 1698 г. было забыто.

В 1702 г. за Преображенским приказом было закреплено исключительное право ведения следствия по политическим делам. Все представители администрации обязаны были отсылать челобитчиков, сказавших «Государево слово и дело», к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому.

Преображенский приказ ведал также формированием, комплектованием и финансированием гвардейских (бывших «потешных») полков, организацией новой регулярной армии, приемом даточных, вольных и рекрутов, подготовкой военных операций (в частности, Азовских походов), полицейскими функциями в Москве, налогообложением дворцовых сел, табачной торговлей и многими другими делами. Помимо Преображенского приказа, Ромодановский управлял также Аптекарским и Сибирским приказами, возглавлял Боярскую думу (не имея чина боярина!), занимался обеспечением армии во время Северной войны (изготовлением орудий на Пушечном дворе), восстановлением Москвы после пожара 1701 г. и т. д. Фактически Ромодановский до учреждения должности московского губернатора руководил огромной массой дел, касающихся управления Москвы.

Грозный князь-кесарь скончался в 1717 г., оставив единственного сына – князя Ивана Федоровича. Петр I счел, что его старый сподвижник и после смерти должен послужить государственной пользе, и распорядился похоронить князя-кесаря не в родовом некрополе московского Георгиевского монастыря, а в новооснованном Александро-Невском монастыре в Санкт-Петербурге.

Князь Иван Федорович Ромодановский при жизни отца был его помощником по управлению Преображенским приказом. В сентябре 1698 г. он участвовал в розыске по делу о стрелецком мятеже. После кончины отца он обратился к Петру I «со всегорестными слезами о конечном сиротстве», прося не оставить пожаловать его батюшкиным «наследством». Царь внял челобитной и закрепил за сыном должность руководителя Преображенского приказа (с 1720-х гг. – канцелярии). Более того, на сына перенес Петр I и «игру в князя-кесаря».

Однако Иван Ромодановский был менее значительной личностью, чем его отец. В его управление Преображенским приказом роль главного сыскного органа государства переходит к Тайной канцелярии, учрежденной Петром I в 1718 г. по случаю начала розыска над царевичем Алексеем. После смерти Петра I интенсивность розыскной деятельности падает, и в 1726 г. Екатерина I распорядилась ликвидировать Тайную канцелярию и передать ее дела и штат в ведение Ромодановского. Новые веяния, новые люди и реорганизации управления после смерти Петра I были не по душе князю-кесарю Ивану Федоровичу, и в 1728 г. он отказался от управления Преображенской канцелярией под предлогом нездоровья.

Одновременно с управлением Преображенской канцелярией, Иван Федорович, как и его отец, ведал многими делами, касающимися прежней столицы – Москвы. В 1719–1724 гг. он был «главным начальником» Москвы, во главе которой находились вице-губернаторы И. Л. Войков и П. И. Вельяминов-Зернов. В указе Верховного Тайного совета от 8 мая 1727 г. на князя Ивана Федоровича были возложены обязанности московского губернатора. На время управления Ромодановским Москвой к ней вновь переходит значение столицы.

6 мая 1727 г. скончалась императрица Екатерина I. Ромодановский начал свое вступление в должность губернатора с приведения москвичей к присяге новому губернатору – Петру II, внуку Петра I и сыну несчастного царевича Алексея. В феврале 1728 г. юный государь в сопровождении двора прибыл в Москву для коронации. Московская жизнь увлекла Петра II, и он не торопился возвращаться в Петербург, проводя время в охотах в подмосковных

угодьях, балах и иных развлечениях. Все управление государством сосредоточилось в старой столице. Ромодановский к тому времени уже достиг преклонного возраста, его одолевали различные болезни. Князю было трудно ужиться в кипящем водовороте государственных дел и придворных интриг, наполнивших Москву. В 1729 г. он подал в отставку, а в следующем году скончался и был похоронен в Георгиевском монастыре на Никитской улице в Москве.

Князь-кесарь Иван Федорович оставил только одну дочь – княжну Екатерину (1702–1791), вышедшую в 1722 г. за графа Михаила Гавриловича Головкина (1698– 1755), сына петровского канцлера графа Гавриила Ивановича. Свадьба была пышно отпразднована в Москве с участием царя, который исполнял на свадьбе роль маршала, т. е. главного распорядителя церемонии. Императрица играла роль посаженой матери невесты.

Сохранилось подробное описание торжества, оставленное гольштейнским камер-юнкером Ф. В. Берхгольцем. Он описывает не только пышность и роскошество церемонии, пира и фейерверка, но и любопытные подробности происходившего. «Будучи… в прекрасном расположении духа, государь шутил с одним из своих денщиков, именно с молодым Бутурлиным, и давал ему свой большой маршальский жезл поднимать за один конец вытянутой рукою; но тот не мог этого сделать. Тогда его величество, зная, как сильна рука у императрицы, подал ей через стол свой жезл. Она привстала и с необыкновенной ловкостью несколько раз подняла его над столом прямою рукою, что всех немало удивило». Позже Петр I пожелал открыть в зале для танцев окно, поскольку ему показалось, что там слишком жарко. Когда же выяснилось, что окно забито гвоздями, император велел подать ему топор «и работал сам до тех пор, пока, наконец, при помощи двух маленьких своих денщиков, таки добился, что мог вынуть раму». «По окончании фейерверка, – пишет далее Берхгольц, – начался прощальный танец невесты. Император, как маршал, весело прыгал впереди со своим большим жезлом и отвел танцевавших в спальню новобрачной, где еще несколько времени пили за столом, который в таких случаях всегда ставится там с сластями и за который садятся все свадебные родные, не вставая обыкновенно до тех пор, пока жениха не споят совершенно (по здешнему обычаю, он непременно должен на первую ночь лечь в постель пьяный). Впрочем, на этот раз молодой дешево отделался, да и пир в спальне продолжался недолго».

Этот брак принес дочери князя-кесаря немало горя. Граф Михаил Гаврилович выдвинулся в правление Анны Леопольдовны и достиг чина кабинет-министра и вице-канцлера. Он имел большое влияние на правительницу и соперничал со всемогущим А. И. Остерманом, намереваясь создать антинемецкую партию при дворе. Головкин готовил проект объявления Анны Леопольдовны императрицей, но переворот Елизаветы Петровны 21 ноября 1741 г. разрушил его надежды. Головкин был обвинен в государственных преступлениях и приговорен к смертной казни, которую новая государыня заменила ссылкой в Якутию.

Графиня Екатерина Ивановна добровольно последовала за мужем в ссылку, хотя Елизавета Петровна предлагала ей остаться при дворе, обещая сохранить за ней звание статс-дамы. Долгие годы провели Головкины в ссылке в Среднеколымске. Местное предание говорит, что ссыльных строго стерегли, разрешая выходить только в церковь. Более того, в воскресенье и праздники Михаила Гавриловича, даже больного, насильно приводили в церковь, чтобы он слушал, как священник после литургии читает обвинительный акт и приговор. В это время солдаты «приставляли штыки к груди политического преступника».

После смерти мужа графиня Екатерина Ивановна возвратилась в Москву. Позднее, в 1767 г., ей удалось перевезти тело в Москву и похоронить на родовом некрополе в Георгиевском монастыре. Графиня прожила долгую жизнь, пользуясь глубоким уважением и почтением москвичей, и умерла в 1791 г. К этому времени хоронить в центральных монастырях Москвы было запрещено, и Е. И. Головкина была упокоена в Знаменской церкви Спасо-Андроникова монастыря.

Мужская линия рода князей Ромодановских пресеклась со смертью князя-кесаря Ивана

Федоровича. В 1798 г. по указу Петра I Николаю Ивановичу Лодыженскому, мать которого Екатерина Андреевна, урожденная княжна Ромодановская, была внучкой князя Михаила Григорьевича Ромодановского, именоваться князем Ромодановским-Лодыженским.

Действительный тайный советник и сенатор Н. И. Ромодановский-Лодыженский умер в 1803 г., оставив от брака с баронессой Марией Исаевной Шафировой (внучка известного петровского дипломата – барона П. П. Шафирова) единственного сына – генерал-лейтенанта Александра Николаевича. Последний был отцом двух сыновей – Константина и Юрия, не оставивших мужского потомства. В 1871 г. род князей Ромодановских-Лодыженских пресекся.

Аристократия духа. Князья Трубецкие

С именем князей Трубецких связаны многие славные страницы истории Отечества. Многовековое служение России на поле брани, государственной службе и на ниве русской культуры выработало в Трубецких истинное благородство, соединенное с чувством общественного долга и святости добродетели.

Сын великого князя литовского Ольгерда, князь Дмитрий-Корибут, получил от отца в удел города Трубчевск, Брянск и Новгород-Северский на реке Десне – старинные южнорусские земли, включенные в состав Литвы Ольгердом и его отцом Гедимином. Из всех Ольгердовичей Дмитрий-Корибут и его брат Андрей-Вингольд Полоцкий в большей степени, чем остальные, были союзниками Руси. В 1379 г., когда князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский (двоюродный брат Дмитрия-Корибута, перешедший на службу к московскому князю) осадил Трубчевск, трубчевский князь не стал сопротивляться. Он вышел из города и признал своим государем великого князя московского Дмитрия Ивановича.

Великий князь пожаловал его городом Переславлем-Залесским. В 1380 г. Дмитрий и Андрей Ольгердовичи сражались в Куликовской битве и прославились храбростью и мужеством. Свою жизнь князь Дмитрий-Корибут окончил на поле брани. В 1399 г. в знаменитой битве на Ворскле между великим князем литовским Витовтом и татарским полководцем Едигеем князь Дмитрий Трубчевский и два его сына были убиты. Всего же в битве полегло 30 князей – потомков Гедимина и Рюрика.

Потомки Дмитрия-Корибута – князья Трубецкие – сохранили свою власть над Трубчевском вплоть до XVI в., когда их удел вошел в состав Российского государства. Царь Иван Грозный в своем завещании, составленном в 1571–1572 гг., приказывал своему наследнику, сыну Ивану, не трогать вотчину князей Трубецких. К этому времени уже третье поколение князей Трубецких служило на государевой ратной службе.

В годы опричнины выдвинулся князь Федор Михайлович Трубецкой, вошедший в опричную Боярскую думу. Вместе с ним царская милость коснулась и других членов рода – князь Никита Романович Трубецкой в 1571 г. нес службу оруженосца царя. Впрочем, не одни только милости видели Трубецкие от Грозного. В самом начале своего правления Иван IV приказал «удавить» пятнадцатилетнего юношу – князя Михаила Богдановича Трубецкого.

При царе Федоре Ивановиче и Борисе Годунове Трубецкие входили в Боярскую думу. Вышеупомянутый князь Никита Романович вместе с Петром Федоровичем Басмановым после известия о появлении в российских пределах Лжедмитрия I был послан в Новгород-Северский. Это единственный на всей Северской «украйне» город, оказавший сопротивление самозванцу. Впрочем, основная заслуга в организации новгород-северской обороны принадлежит не Трубецкому, а Басманову, который был щедро вознагражден царем.

В Смутное время выдвинулся племянник Н. Р. Трубецкого – князь Дмитрий Тимофеевич. К началу Смуты он был еще молодым человеком. В 1608 г. князь служил в стольниках. В том же году он покинул царя Василия Шуйского и перебрался в Тушино. Как знатнейший из перебежчиков, Трубецкой получил не только чин боярина, но и звание главы тушинской

Боярской думы. Наряду с этим Трубецкой вместе с дьяком И. Т. Сафоновым возглавлял в тушинском правительстве Разрядный приказ. После бегства самозванца в Калугу Трубецкой последовал за своим «государем» и занял при его дворе то же место, какое занимал ранее в Тушинском лагере. Несмотря на многочисленные интриги при «дворе» и подозрительность Лжедмитрия II Трубецкому удалось сохранить значительное влияние как на самозванца, так и на его сторонников. Последнее стало причиной того, что калужские войска Лжедмитрия II после смерти самозванца признали своим командиром Трубецкого.

Князь Дмитрий Тимофеевич, наряду с рязанским дворянином П. П. Ляпуновым и казацким атаманом И. М. Заруцким, стал одним из лидеров Первого ополчения, двинувшегося на освобождение Москвы от поляков весной 1611 г. Первое ополчение осадило город и нанесло полякам несколько поражений. Однако само освободительное движение не было единым. Его раздирала вражда между дворянской и казацкой частями ополчения. Заруцкий интриговал против Ляпунова, а Трубецкой старался держаться в стороне. Закончилось это противостояние плачевно – Ляпунов был убит казаками, и дворяне стали покидать подмосковный лагерь ополчения. Освободительное движение распалось, но под Москвой остались казаки и часть дворян, которые вышли из калужского лагеря и не боялись казацких сабель. Командование над ними перешло к Заруцкому и Трубецкому.

Руководители подмосковных «таборов» (так стали называть эти остатки Первого ополчения) не имели достаточно сил для активной борьбы с поляками и большей частью интриговали, чем воевали. Так, с появлением в Пскове нового самозванца – Лжедмитрия III – Заруцкий и Трубецкой признали его истинным «царем Дмитрием» и принесли присягу. С появлением Второго ополчения Трубецкой и Заруцкий выступили против него. В ответ князь Дмитрий Пожарский осудил подмосковных воевод, призвав их не поддерживать самозванцев, а примкнуть к общему делу освобождения. По поводу присяги подмосковных таборов Лжедмитрию III он писал: «Как сатана омрачил очи их! При них Калужский их царь убит и обезглавлен лежал всем на видение шесть недель, и о том они из Калуги к Москве и по всем городам писали, что царь их убит, и про то всем православным христианам ведомо».

Главным врагом Пожарского и Минина был Заруцкий. Он посылал казацкие отряды по пути следования Второго ополчения и пытался остановить его, но не достиг в этом успеха. Тогда Заруцкий отправил в Ярославль двух казаков, которые должны были убить Пожарского. Но и этот замысел провалился. С приближением Второго ополчения к Москве Заруцкий ушел с частью казаков в Коломну, а оттуда – в Рязанскую землю, где пытался укрепиться, провозгласив царем сына Марины Мнишек «царевича» Ивана, прозванного русскими людьми «Воренком».

Трубецкой остался в одиночестве в подмосковных таборах. Он отказался от поддержки псковского самозванца и пытался с помощью властей Троице-Сергиева монастыря примириться с Пожарским. Однако глава Второго ополчения, хорошо зная характер бывшего тушинского боярина, не спешил объединяться с подмосковными таборами.

Рознь между ополчениями проявилась в боях за Москву против гетмана Ходкевича в августе 1612 г. Не раз казаки Трубецкого отказывались идти в бой, говоря про участников Второго ополчения: «Богатые пришли из Ярославля, сами отстоятся от гетмана». Князь Дмитрий Тимофеевич тоже не горел желанием сражаться за общее дело. Лишь пламенная энергия троицкого келаря Авраамия Палицына подвигла казаков вступить в сражение, объединенными усилиями Ходкевич был отражен от Москвы, и началась осада польского гарнизона, засевшего в Кремле и Китай-городе.

В конце сентября Пожарскому и Трубецкому удалось договориться между собой. Военное руководство обоих ополчений было объединено. Для встреч и совместного решения различных вопросов была выбрана местность, располагавшаяся примерно в равном удалении от лагеря Пожарского и таборов Трубецкого, – Труба (ныне – Трубная площадь в Москве). С

этого времени грамоты рассылались уже от имени обоих воевод, причем имя Трубецкого, как боярина и представителя более знатного рода, стояло первым.

В октябре 1612 г. поляки капитулировали, и началась организация Земского собора, который должен был решить вопрос о выборе государя. Наибольшие шансы имели аристократы, входившие в ополчение, – князья Д. Т. Трубецкой, И. Б. Черкасский и П. И. Пронский.

Активную предвыборную деятельность развил князь Трубецкой. Он «учреждал трапезы и столы честные и пиры многие для казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая толпами к себе на двор во все дни, честь им воздавая, кормя и поя честно и моля их, чтоб быть ему на России царем…».

Вскоре после освобождения Кремля от поляков Трубецкой расположился на бывшем дворе царя Бориса Годунова, подчеркивая этим свои претензии. Была подготовлена и грамота на пожалование Трубецкого огромной по территории волостью Вага (на Двине), владение которой являлось своеобразной ступенькой к царской власти – Вагой владел в свое время Борис Годунов. Под этой грамотой поставили свои подписи высшие иерархи и руководители объединенного ополчения – князья Д. М. Пожарский и П. И. Пронский, однако рядовые участники собора отказались подписать грамоту. Они хорошо знали о сомнительных достоинствах бывшего тушинского боярина и его колебаниях во время боев за Москву. Кандидатура Трубецкого не смогла набрать достаточного количества голосов.

Когда царь Михаил Федорович занял трон, Трубецкой получил щедрые пожалования. Как и Пожарский, он участвовал в церемонии царского венчания и держал в руках царский скипетр.

Молодой царь Михаил Федорович поспешил удалить честолюбивого боярина из столицы. В сентябре 1613 г. его отправили в Новгород, с задачей отбить этот город у шведов. В войске Трубецкого было «нестроение» – казаки не слушались воевод, грабили местное население. Рать зимовала в Торжке, а весной подошла к Новгороду. Шведы напали на русское войско и нанесли ему тяжелое поражение. Летопись говорит, что воеводы ушли пешими, едва уцелев после схватки. Попытка отбить Новгород провалилась.

После возвращения из польского плена патриарха Филарета, положение Трубецкого ухудшилось. Царь и раньше не жаловал бывшего тушинца, а при всесильном патриархе князь Дмитрий Тимофеевич попал в опалу. Он отправился воеводой в далекий Тобольск, где и умер в 1625 г.

Двоюродный брат князя Дмитрия Тимофеевича – князь Алексей Никитич Трубецкой – проявил себя как один из видных воевод при царе Алексее Михайловиче. Впервые он упоминается в документах в 1618 г. На царском пиру князь «смотрел в большой стол», т. е. распоряжался подачей кушаний и «наряжал вина» на царском столе – исполнял обычные обязанности стольника. Служба при дворе продолжалась десять лет, когда в 1629 г. Трубецкой получил назначение на воеводство в Тобольск, где ранее служил его знаменитый родич. Но если для боярина тобольское воеводство было ссылкой, то для стольника оно являлось весьма почетным назначением. Трубецкой пробыл в Тобольске три года, а после возвращения в 1633 г. отправился на новое воеводство в Астрахань. Вероятно, князь Алексей Никитич показал себя толковым администратором, в 1640 г. царь поручил ему ответственную должность тульского воеводы. Под командованием Трубецкого находились также и воеводы соседних городов, которым в случае нападения крымцев предписывалось действовать согласно распоряжениям князя.

При царе Алексее Михайловиче Трубецкой занял одно из первых мест – вторично воеводствовал в Туле, где командовал не только местными военными силами, но и специально посланным туда «государевым двором» (1646), привлекался к посольским переговорам, участвовал в дворцовых церемониях. В 1650 г. царь пожаловал князя Алексея Никитича в ближние бояре. И все же основные заслуги и свершения в жизни Трубецкого

были еще впереди.

С началом Русско-польской войны 1654–1667 гг. князь был назначен командовать войсками, посланными из Брянска на Рославль, Мстиславль и Борисов. Войску Трубецкого царь поручил прикрывать с юга наступление основных сил на Смоленск, начатое в мае 1654 г. Действия воеводы были успешными. Он без боя взял город Копысь и, взаимодействуя с основной ратью князя Я. К. Черкасского, заставил литовского гетмана Я. Радзивилла отступить к Борисову. Теперь гетман не мог оказать никакой помощи осажденному царским войском Смоленску. В дальнейшем продвижении на запад Трубецкой развил эти успехи. Он взял города Рославль, Мстиславль, Шклов, Горы, нанес поражение Радзивиллу на реке Шкловке, совместно с Черкасским заставил капитулировать крепость Дубровну.

Поход 1655 г. стал не менее успешным – армия Трубецкого, действовавшая уже в польских владениях, взяла города Клецк, Мышь, Ляховичи, Столбовичи, Миргородок, повсюду одерживая победы над польско-литовскими отрядами. Но неожиданно в войну с Россией вступила Швеция, обеспокоенная усилением позиций России в Прибалтике. Царь приказал заключить временное перемирие с Речью Посполитой и готовить поход на Ригу. Основные силы под командованием князя Я. К. Черкасского двигались к оплоту шведского владычества в Прибалтике по Двине, а князю А. Н. Трубецкому и его товарищу князю Ю. А. Долгорукову поручалось наступать на запад из Пскова. В отличие от главных сил, которые так и не сумели взять Ригу, Трубецкой и Долгоруков действовали успешнее. Воеводы захватили мощную крепость Юрьев Ливонский (Дерпт), а также менее значительные города – Кастер, Мариенбург, Нейгаузен – и нанесли поражение отрядам шведов. Шведы вступили в переговоры о мире, а центр военных действий вновь перенесся в Белоруссию и на Украину.

Преемник Богдана Хмельницкого Иван Выговский изменил России и перешел на сторону польского короля. В союзе с крымским ханом Выговский начал войну против русских на Украине. Против гетмана был послан князь А. Н. Трубецкой. Ему поручалось стремиться к мирному решению конфликта и, прежде всего, уговорить казаков Выговского «в винах своих государю добить челом».

Переговоры с Выговским ни к чему не привели. Гетман затягивал время, ожидая помощи от поляков и татар. Трубецкой начал боевые действия и осадил город Конотоп, где оборонялся сторонник Выговского – полковник Гуляницкий. Тем временем к Конотопу подступил Выговский с крымским ханом. После первого столкновения казаки отступили, заманивая русских в ловушку. Отправленный Трубецким преследовать казаков воевода князь С. Р. Пожарский не заметил этого и попал в плен. Большая часть его войска погибла. Князь Алексей Никитич был вынужден отступать под давлением превосходящих сил противника. Огородившись телегами, русские отошли к реке Сейм. Казакам и татарам не удалось прорвать эту оборону, и войско Трубецкого, переправившись через Сейм, смогло укрыться в Путивле.

Тем временем на Украину были отправлены новые полки. Русские перешли в наступление, и Выговский бежал с Украины. 1 ноября 1659 г. в присутствии царских воевод, князей А. Н. Трубецкого и Г. Г. Ромодановского, в Переяславле новым гетманом избрали Юрия Хмельницкого. Он обещал верно служить России, как ранее его отец – знаменитый Богдан Хмельницкий. Правда, дальнейшие события показали, что надеяться на Хмельницкого преждевременно, но тогда об этом и не подозревали. Избрание Хмельницкого рассматривалось как большой успех. Князь Алексей Никитич в честь этого получил щедрые пожалования: шубу на золотом бархате ценой 360 рублей, золотой кубок, прибавку к денежному окладу, и – самое главное – в полное владение свою прародительскую вотчину – город Трубчевск с уездом. Кажется, со времен царя Ивана Грозного никто из московских служилых людей не получал в вотчину целое удельное княжество.

Кампанией 1659 г. завершилась славная боевая служба князя А. Н. Трубецкого. В дальнейшем он не выезжал из Москвы – первенствовал в Боярской думе, вел переговоры с иностранными послами, управлял Сибирским приказом. В 1672 г. престарелый воевода стал крестным отцом царевича Петра Алексеевича – будущего знаменитого преобразователя России. Ему же завещал Трубецкой и свое родовое Трубчевское княжество. Сам князь Алексей Никитич потомства не оставил. Скончался знаменитый воевода в глубокой старости, в 1680 г., приняв перед смертью монашеский постриг с именем Афанасия.

Со смертью Алексея Никитича род не пресекся. Еще в Смутное время старший брат боярина, князь Юрий Никитич (сторонник Владислава и Сигизмунда III), уехал в Польшу и принял там католичество. Его внук, князь Юрий Петрович, возвратился в Россию, получил сан боярина и женился на сестре знаменитого фаворита царевны Софьи князя Василия Васильевича Голицына.

Старший сын Юрия Юрьевича – князь Иван Юрьевич (1667–1750) – был последним русским боярином. И. Ю. Трубецкой получил боярство от Петра I. Согласно легенде, царь всецело доверял князю и поручил ему стеречь царевну Софью, заточенную в Новодевичьем монастыре. Однажды стрельцы, сделав подкоп, ворвались в монастырь и попытались освободить царевну и убить Трубецкого. Ни того ни другого у них не получилось. Один из мятежников, бывший ранее брадобреем князя, спас его. Когда же мятежников поймали и приговорили к казни, то князь, увидев среди осужденных своего спасителя, вымолил у царя прощение ему.

Князь Иван Юрьевич участвовал в несчастливой осаде Нарвы и вместе с другими русскими военачальниками попал в шведский плен, где протомился восемнадцать лет. Возвратившись, он служил губернатором в Киеве. Петр II пожаловал старого князя в фельдмаршалы, а Анна Иоанновна назначила его московским генерал-губернатором. Как государственный деятель князь Иван Юрьевич ничем особенным не отличался. Современники свидетельствуют и о его личных качествах: князь был человек добрый, но не умный и чрезвычайно гордый.

Князь Иван Юрьевич оставил только дочерей и незаконнорожденного сына Ивана Ивановича, который получил усеченную родовую фамилию Бецкой. Иван Бецкой (1704–1795) – выдающийся русский педагог и меценат, сподвижник Екатерины II в развитии образовательной системы, инициатор создания воспитательных домов для незаконнорожденных и подкидышей в Москве и Санкт-Петербурге, а также знаменитого Смольного института благородных девиц в Санкт-Петербурге. Одно время он являлся личным секретарем императрицы, затем возглавил все созданные по его проектам учебные заведения, а также Академию художеств. Роль Бецкого в развитии российской образовательной системы столь велика, что он удостоился беспрецедентной награды. В честь Бецкого выбита медаль с его профилем и надписью «Иван Иванович Бецкой», а с другой стороны – «За любовь к Отечеству».

Род Трубецких продолжился от брата последнего боярина – князя Юрия Юрьевича (1668–1739). Он оставил шестерых сыновей, давших начало различным линиям рода. Наиболее известен старший – князь Никита Юрьевич (1699–1767). В 1730 г. он деятельно участвовал в борьбе между сторонниками ограничения самодержавия («верховниками») и приверженцами неограниченной монархии. Императрица Анна Иоанновна в награду за верность Трубецкого пожаловала ему чин тайного советника и генерал-прокурора. Эту должность он исполнял в дальнейшем двадцать лет. За эти годы Трубецкой неоднократно играл роль «карающего меча» государства – руководил следствием над А. П. Волынским (1740), А. И. Остерманом (1741), А. П. Бестужевым-Рюминым (1758) и другими сановниками, потерпевшими поражение в придворной борьбе.

В 1756 г. князь Никита Юрьевич был произведен в генерал-фельдмаршалы, хотя особыми воинскими талантами ранее не отличался. Спустя четыре года Трубецкой покинул пост

генерал-прокурора и был назначен главой Военной коллегии, что можно считать понижением. Однако в недолгое правление Петра III роль Трубецкого опять возросла. Он стал одним из главных советников императора и получил должность полковника Преображенского полка. Переворот Екатерины II лишил Трубецкого прежней роли. Императрица сама захотела стать полковником Преображенского полка и сместила князя на должность подполковника. Вскоре, в 1763 г., он ушел в отставку.

Современники дают противоречивые отзывы о князе Н. Ю. Трубецком. Одни называют его «пронырливым, злым и мстительным». Согласно другим отзывам, князь – человек «грубый, жестокий, с полным отсутствием нравственных принципов», но вместе с тем обладавший обширным и просвещенным умом. Родственник и друг князя Н. Ю. Трубецкого поэт Антиох Кантемир писал, что он «с нравом честным, тихим соединял совесть чистую». Мнение Кантемира, несомненно, пристрастно. Вся деятельность князя Трубецкого показывает, что он сочетал ловкость и мстительность, стремился уничтожать не только своих врагов, но и безвинных людей, лишь бы это способствовало его возвышению. К чести князя Никиты Юрьевича следует сказать, что он действительно был не чужд просвещению. В молодости входил в ученый кружок, группировавшийся вокруг архиепископа Феофана Прокоповича, затем покровительствовал людям искусства, в том числе и знаменитому Федору Волкову – основателю русского театра.

Из потомков князя Н. Ю. Трубецкого известен его правнук декабрист Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860) – одна из наиболее загадочных и трагических фигур декабристского движения. Выпускник Московского университета, офицер, гвардеец, участник наполеоновских войн, неоднократно отличавшийся храбростью и распорядительностью на поле боя, он еще в 1816 г. стал одним из основателей тайного общества «Союз спасения». В дальнейшем Трубецкой – активный участник тайных обществ. В 1823 г. он стал одним из трех председателей «Северного общества». В тайных обществах Трубецкой более занимался организацией, чем разработкой теоретических проектов.

Обладавший богатым боевым опытом и высоким воинским званием (гвардейский полковник), князь Трубецкой накануне декабрьского выступления был назначен диктатором восстания. Но когда вожди восстания во главе мятежных войск вышли на Сенатскую площадь, то Трубецкого с ними не оказалось. В последний момент он не смог выйти на площадь и принять на себя огромную ответственность не только за судьбы людей и кровопролитие, но и за историческое будущее страны, творцами которого видели себя декабристы. Нет никаких поводов сомневаться в личной храбрости Трубецкого. Но храбрость воина и храбрость революционера не тождественны. Князь терзался сомнениями, скрывался в канцелярии Генерального штаба, буквально в двух шагах от мятежного каре, выходил, смотрел на войска, стоявшие на Сенатской площади, но так и не смог найти в себе силы, чтобы присоединиться к товарищам.

Неявка Трубецкого стала одной из причин поражения восстания. Рылеев и другие лидеры мятежников не могли допустить мысли, что Трубецкой предаст их. Они долго ждали диктатора и теряли драгоценное время для решительных действий.

После разгрома восстания Трубецкой укрылся в доме своего родственника – австрийского посла Лебцельтерна (они были женаты на родных сестрах – графинях Лаваль). Силой вторгнуться в дом иностранного дипломата – означало вызвать международный скандал. Николай I не мог пойти на это и только требовал от Лебцельтерна выдать Трубецкого. Тот поначалу запротестовал, но затем согласился. В это время часть компрометирующих Трубецкого документов успели уничтожить.

Николай I встретил князя гневной речью. «Что было в этой голове, – указывая пальцем в лоб Трубецкому, закричал царь, – когда вы с вашей фамилией вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью? Ваша участь

будет ужасна!»

И все же царь смягчился к Трубецкому. Вероятно, повлияли весьма откровенные признания князя. Незадавшийся диктатор и тут не проявил должной твердости. Одним из первых он дал подробные показания о составе заговорщиков и целях восстания. Николай I призвал к себе князя и приказал ему писать письмо к жене. Впоследствии Трубецкой вспоминал: «Я начал писать: „Друг мой, будь спокойна и молись Богу…“ Император прервал: „Что тут много писать! Напишите только: „Я буду жив и здоров“. Я написал: „Государь стоит возле меня и велит написать, что я жив и здоров“. Я подал ему. Он прочел и сказал: „Я жив и здоров буду, припишите „буду“ вверху“.

Царь сдержал свое обещание. Судебный приговор к смертной казни через отсечение головы Трубецкому заменили на вечную каторгу в Сибирь. Сибирскую каторгу Трубецкой отбывал в Благодатском руднике вместе с другими видными декабристами – князьями С. Г. Волконским и Е. П. Оболенским, В. Л. Давыдовым и другими. Бывшие соратники Трубецкого ни разу его не упрекнули. Сразу же после окончания следствия и суда между декабристами установилось негласное правило: не обсуждать все происшедшее ни во время восстания, ни во время следствия, на котором далеко не каждый держался с честью.

Трубецкой с достоинством нес тяжкое наказание. Его жена, княгиня Екатерина Ивановна (1800–1854), одной из первых жен декабристов последовала за мужем в Сибирь, где и умерла.

Образ княгини Трубецкой воспел в поэме «Русские женщины» Н. А. Некрасов. Правда, поэт-демократ вложил в уста княгини несвойственную ей обличительную речь против самодержавия. Сын другого декабриста – князь Михаил Сергеевич Волконский – пытался протестовать против этой поэтической вольности, но Некрасов остался непреклонен.

В 1830 г. Трубецкой переведен на Петровский завод, а в 1839 г. каторжные работы для него заменены поселением в Иркутской губернии. Высочайший манифест об амнистии возвратил Трубецкому права дворянства, но не княжеский титул, сохраненный, впрочем, за его детьми, родившимися в Сибири. Бывшим ссыльным разрешили возвратиться в Европейскую Россию. Последние годы князь Сергей Петрович прожил в Москве, пользуясь глубоким уважением современников. Похоронен он на кладбище Новодевичьего монастыря.

Следующие поколения Трубецких проявили себя на поприще общественной деятельности, науки и искусства. Князь Николай Петрович (1828–1900) – четвероюродный племянник декабриста – видный сановник, тайный советник и калужский вице-губернатор, посвятил себя не государственной службе, а созданию Русского музыкального общества и Московской консерватории.

Семья князя Н. П. Трубецкого, давшая России выдающихся философов Сергея и Евгения, – была выдающимся сосредоточием духовности и культуры во второй половине XIX – начале XX в. Даже в то время, богатое для России талантами и личностями, семья Трубецких представляется исключительной. Но прежде скажем о личности двоюродного племянника князя Н. П. Трубецкого – Паоло (Петра Петровича) (1866–1938). Заграничный брак его отца, князя Петра Петровича, в России не признавали. Князь Паоло родился и воспитывался в Италии. В 1880-х гг. он обратился к изобразительному искусству и вскоре приобрел мировую славу как талантливый и самобытный скульптор-импрессионист. На рубеже XIX–XX вв. он жил и работал в Петербурге и Москве, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Им созданы живописные, богатые движением, оригинальной пластикой и световыми эффектами работы – портреты, жанровые статуэтки.

Князь Паоло Трубецкой был автором скульптурных портретов таких несхожих людей, как Л. Н. Толстой и Александр III. Знаменитый памятник Александру III в Петербурге вызывает и по сей день самые различные оценки и отзывы, но ему нельзя отказать в блестящем воплощении идеи имперской мощи и державности.

Творчество Паоло Трубецкого связано прежде всего с развитием западноевропейского

искусства, духовные же искания его двоюродных братьев, князей Сергея (1862–1905) и Евгения (1863– 1920) Николаевичей Трубецких, составляют неотъемлемую часть русской философской мысли. Воспитание и развитие братьев-философов происходило в уникальной атмосфере родительского дома, пронизанной истинно религиозным чувством, глубоким уважением к человеческой личности и высокими моральными принципами.

Личность князя Сергея Николаевича имела огромное влияние на его современников. Глубокий религиозный философ, человек цельный в своих высоких убеждениях и светлом образе жизни, на переломе эпох он, одним из немногих, стал духовным лидером общества. Во время революции 1905 г., как только правительство пошло на уступки бунтующему студенчеству и предоставило университетам широкую автономию, в том числе и право выбирать ректора, князь Сергей Николаевич был избран ректором Московского университета. Он сразу же включился в политическую деятельность. Как представитель общественности, он обратился к Николаю II с речью, в которой призывал к решительным демократическим реформам. В том же 1905 г. князь Сергей Николаевич скончался.

В. И. Вернадский так оценил общественную деятельность князя С. Н. Трубецкого: «Густой туман бессилия тяжелой пеленой ложился на человеческую личность. Иссякала вера в будущее. В это время рос и воспитывался дух маловерия в историческую роль русского народа… Университет замирал в тисках этих порождений общественного гниения. В это тяжелое время ярко засияла светлая личность Сергея Николаевича. Быстро засияла на всю Россию и так же быстро загасла. Хрупкая тонкая жизнь надорвалась в тяжелой обстановке».

Быть может, не только борьба с пережитками старого, деспотизмом и общественными кризисом, но и открывшаяся проницательному взору философа грядущая катастрофа ускорили кончину философа. Мы не знаем ответа.

Младший брат и последователь С. Н. Трубецкого князь Евгений Николаевич – один из выдающихся российских философов начала XX в. После Октябрьской революции он не принял диктатуру большевиков и примкнул к белому движению. Он надеялся на духовное возрождение России, стремился увидеть его в героизме Добровольческой армии и ожидал, что «новые смутные времени» завершатся победой духа над «царством зверя», которое строят большевики. С верою в будущее князь Е. Н. Трубецкой окончил свою жизнь. Он умер от тифа в январе 1920 г. в Новороссийске.

Князь Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1929), брат философов, дипломат, а после революции – видный деятель белого движения, так характеризовал духовный облик братьев: «Оба брата имели души чистые, пламеневшие Богу, оба были одарены, но у каждого был свой характер дарования. Чуткий Сережа всеми порами воспринимал жизнь и отзывался на нее. Это составляло его особенную, свойственную ему прелесть и налагало печать на характер его творчества, полный созвучия с окружающим его миром и людьми. Женя уходил в себя и в своей душе находил источник своего вдохновения… Оба были просты, без всякой позы, но у Жени была какая-то своя особая простота – дар Божий. Он был похож на великолепную неотесанную глыбу гранита…»

Князь Сергей Николаевич Трубецкой был отцом двух сыновей: Николая (1890– 1938) и Владимира (1891–1937). Судьбы братьев далеко разошлись, но обоим довелось пройти свой путь мученичества и тяжелых испытаний. Кончина князя Николая Сергеевича была ускорена преследованиями немецких фашистов, а князь Владимир Сергеевич погиб в сталинских лагерях…

Интересы Николая Сергеевича определились довольно рано: уже в тринадцать лет он стал членом Московского этнографического общества, а в пятнадцать опубликовал свою первую научную работу. По окончании Московского университета слушал лекции в Лейпциге, затем стал приват-доцентом Университета. Октябрьскую революцию князь Николай Сергеевич не принял – уехал на белый Юг, был профессором Ростовского университета, а затем

эмигрировал в Австрию. В эмиграции князь Н. С. Трубецкой приобрел мировую известность. Его труды по языкознанию, истории славянских языков и лингвистике оказали огромное влияние на развитие науки. Венская академия наук избрала князя своим действительным членом (1930).

Другим важнейшим направлением, которое разрабатывалось Трубецким, стало учение о евразийстве – концепции, утверждавшей особый путь России, как в истории и культуре, так и в общественном и политическом развитии будущего. По мнению Трубецкого и его единомышленников, Россия – особый историко-географический мир, сочетающий цивилизационные пути Запада и Востока.

Профессором Венского университета, князь Н. С. Трубецкой выступал с критикой расовой теории нацистов. После присоединения Австрии к Германии, фашисты припомнили ученому эти высказывания. Он подвергался допросам в гестапо и обыскам, что приблизило преждевременную смерть князя Николая Сергеевича.

Князь Владимир Сергеевич был далек от науки. Живой и артистичный, он покинул Московский университет, проучившись менее полугода на физико-математическом отделении, и ушел юнгой в плавание на миноносце «Витязь». Морская стихия захватила молодого человека, но другое, более сильное чувство заставило отказаться от моря. «Нет, надо было решаться на что-нибудь одно и положить на чашу весов любимую девушку и любимое море, – пишет в своих воспоминаниях В. С. Трубецкой. – Колебаться нельзя было: чувство наше слишком далеко зашло – мы были с невестой слишком дружны – и я отказался от моря». Избранницей Трубецкого была княжна Елизавета Владимировна Голицына, дочь крупного общественного деятеля, московского городского головы, князя Владимира Михайловича Голицына (1847–1932).

Для женитьбы необходимо было приобрести определенный статус. И князь Владимир Сергеевич вступил на службу вольноопределяющимся в лейб-гвардии Кирасирский Ея Императорского Величества императрицы Марии Федоровны полк (Синие кирасиры). В среднеазиатской ссылке в 1936 г. князь Владимир Сергеевич описал свою службу в вольноопределяющихся, офицерские экзамены и начало службы в полку. «Записки кирасира» отличают безукоризненная точность, остроумие и элегантность. В них блестяще рассказывается о гвардии – лучшей части российской императорской армии. «И странно думать, – пишет о гвардии Трубецкой, – что именно эти-то кадры – преданные и политически надежные – в первую же голову брошены были в огонь мировой войны». Памяти своих товарищей, погибших на германском фронте, посвятил Трубецкой свои «Записки кирасира».

В начале Первой мировой войны князь отличился храбростью в сражении при Гумбиннене и получил Георгиевский крест. Затем было ранение, госпиталь и служба в штабе знаменитого А. А. Брусилова. Брусилов назначил князя командующим первым в России автомобильным соединением. Трубецкому довелось спасать румынскую казну (Румыния была союзником России), когда немцы входили в Бухарест.

После Октября 1917 г. князь остался в России, несмотря на то, что большинство его родственников эмигрировали. В 1918 г. он участвовал в заговоре, имевшем целью освобождение Николая II и его семьи. Вместе со своим родственником М. С. Лопухиным Трубецкой ездил на Урал, но безуспешно.

В дальнейшем против советской власти князь Владимир Сергеевич не выступал. Для Трубецких наступили тяжелые времена. Князя Владимира Сергеевича часто арестовывали. Надо было кормить семью, где было восемь детей, но пути на государственную службу были закрыты. Трубецкой работал ремонтером при военкомате, тапером в кино и музыкантом в ресторане (шутя, он говорил, что жизнь выучила его играть одновременно на тридцати инструментах, дирижировать и сочинять музыку). Помогали уехавшие за границу родственники, в первую очередь брат Николай Сергеевич. Средств все равно не хватало, но

князь никогда не падал духом: сочинил и поставил в Богородском театре оперетту, играл на семейных концертах. Часто брал ружье и собаку и отправлялся в лес – охоту он страстно любил еще с детства. Она же дала новый неожиданный заработок и проявила новый талант Трубецкого.

По предложению своего племянника, художника князя Владимира Михайловича Голицына, Трубецкой написал несколько охотничьих юмористических рассказов, опубликованных в журнале «Всемирный следопыт» под псевдонимом В. Ветов. Эти рассказы из серии «Необычайные приключения Боченкина и Хвоща», иллюстрации к которым рисовал В. Голицын, пользовались большой популярностью. Конец 1920-х годов был для Трубецкого относительно счастливым временем. От «Всемирного следопыта» он дважды ездил в командировки – на Байкал и на Каспийское море. Так появился сборник «Байкальские рассказы» и повесть для детей «Тюлень Яшка». Обе книжки были опубликованы с рисунками Голицына. И если «Тюлень Яшка» – проникновенная, немного грустная новелла о тюлене, жившем среди людей, но вернувшемся в природу, то «Байкальские рассказы» – рассказы охотника.

В 1933 г. вышел еще один сборник В. Ветова – «Веселый охотник» – отдельное издание приключений Боченкина и Хвоща. Это была последняя публикация Трубецкого. На смену либеральному периоду НЭПа пришло ужесточение режима, новые преследования и аресты.

«В нашем доме не было скорбных лиц, – вспоминал сын князя, Владимир Владимирович. – Помню, как отец, заходя в дом, громко напевал из оперы „Князь Игорь“: „Мужайся, княгиня, недобрые вести“. Это означало, что над семьей вновь сгущаются тучи». В 1936 г. семью Трубецких выслали в Среднюю Азию. Летом 1937 г. князь Владимир Сергеевич был снова арестован и расстрелян. Вместе с отцом погибла и княжна Варвара Владимировна (1917–1937), была арестована и другая дочь – Александра (1919–1943), погибшая в лагере.

Смерть главы семьи не остановила репрессий. Была арестована и умерла в 1943 г. в Бутырской тюрьме княгиня Елизавета Владимировна. Десять лет – с 1937 по 1947 г. – провел в лагерях князь Григорий Владимирович (1915–1975). Другие сыновья – Андрей, Владимир и Сергей Владимировичи – воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

Удивительную историю своих странствий описывает в мемуарах «Пути неисповедимые» князь Андрей Владимирович Трубецкой. Он был призван в армию в 1939 г. Вскоре после начала войны Трубецкой получил тяжелое ранение и попал в плен. Чудесным образом заграничным родственникам удалось разыскать его в лагерном госпитале и забрать к себе. Имея возможность остаться на Западе, Трубецкой вернулся в Советскую Россию – воевал в партизанском отряде, затем вновь – в действующей армии, был награжден орденами и медалями. После войны он поступил на биологический факультет Московского университета, но и здесь вмешались всеведущие карательные органы. Отказ сотрудничать с МГБ повлек за собой арест и лагерь в Джезказгане. В лагере А. В. Трубецкой провел пять лет – с 1950 по 1955 гг., а после освобождения вновь поступил в университет и стал крупным ученым, доктором биологических наук.

Сыновья Е. Н. Трубецкого – Сергей (1890–1949) и Александр (1892–1968) – испили свою чашу страданий.

Выпускник Московского университета, ученик философа Л. М. Лопатина, князь Сергей Евгеньевич с начала Первой мировой войны служил в санитарном отряде: в действующую армию он не смог попасть по состоянию здоровья. После Октябрьской революции Трубецкой принял активное участие в деятельности тайных организаций – «Национального центра» и «Тактического центра», оказывавших из Москвы помощь Белой армии. Арестованный ЧК в январе 1920 г., он чудом смог избежать расстрела и получил приговор – десять лет тюрьмы. Судьба оказалась благосклонной к князю. Осенью 1922 г. он был выслан из СССР в

Германию на знаменитом «философском пароходе», в числе более ста русских интеллигентов и общественных деятелей.

За границей семье удалось воссоединиться. Князь Александр Евгеньевич, штабс-ротмистр Конно-гренадерского полка, сражался в составе Белой армии, затем эвакуировался вместе с ее остатками в Константинополь, учился в Пражском университете, работал вагоновожатым, шофером такси… Для братьев началась эмигрантская эпопея.

Какие силы помогли Трубецким пройти через все круги ада, выпавшие на их долю, – две Мировые войны, революция, ленинские, сталинские и гитлеровские тюрьмы и лагеря, голод?..

«С понятием „аристократизм“ у меня с детства неразрывно связывалось чувство обязанности и ответственности, но никак не мысли о превознесении себя над другими и привилегиях», – пишет в своих воспоминаниях князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. Говоря о разрушении усадебной культуры – процессе гораздо менее болезненном и мучительном, чем Голгофа русского дворянства в XX в., князь Евгений Николаевич пишет: «Мириться с этим можно было, когда уходили в добро, когда отрешались от всех дурных традиций старой усадьбы, но сохраняли все светлые, и в особенности духовный аристократизм, благородство внутреннего человеческого облика». «…Не сомневаюсь, что только благодаря этому отцовскому наследию, – пишет он далее, – я мог под музыку пулеметов, возвещающих рождение России новой, уйти целиком в созерцание той России, милых, дорогих отшедших, жить с ними в эти страшные минуты и черпать бодрость духа в этом общении».

Аристократизм духа – возвышенное понятие о чести, справедливости, вере, любви и патриотизме – вот та сила, благодаря которой Трубецким удалось перенести выпавшие на их долю испытания, сохранить высокую славу своего имени.

Крымские мурзы на службе у российского государя. Князья Сулешовы

Российское дворянство складывалось из многих этнически различных компонентов. Большое число русских дворянских родов восходят к выходцам из Казанского, Крымского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. Среди них знаменитые своими заслугами перед Отечеством и большой ролью в развитии русской культуры – князья Юсуповы, князья Урусовы, князья Тенишевы, князья Ширинские-Шихматовы, графы Ростопчины, графы Апраксины, дворяне Тургеневы, Аничковы, Ртищевы, Огаревы, Языковы и другие. Даже царь Борис Федорович Годунов, согласно родословной легенде, был потомком мурзы Чета, «выехавшего» на службу к Ивану Калите. Крымских «выходцев» среди родоначальников русских дворянских фамилий тюркского происхождения меньшинство. Тем больший интерес представляет история рода князей Сулешовых, представители которого играли весьма значительную роль в государственной жизни России XVII в.

Отношения молодого Московского государства с государствами-наследниками Золотой Орды были довольно сложными. В период правления крымского хана Менгли-Гирея и Ивана III Крым и Москва являлись близкими союзниками, объединившимися против польского короля и хана Большой Орды. Однако уже преемники Менгли-Гирея не видели пользы в этом союзе и совершали опустошительные набеги на Россию. Отношения с Казанью претерпевали колебания от периодов русского протектората над ханством до затяжных войн. Астраханский правитель еще при Василии III признал себя вассалом великого князя московского, но был свергнут, и Астрахань заняла враждебную России позицию. В то же время с середины XV в. и по конец XVII в. на территории самой России существовало особое государство – Касимовское ханство, ханы которого (представители крымской и казанской династий) правили по воле русского государя, а мурзы ходили в походы под командованием русских воевод.

Очевидно, что нельзя считать отношения России с татарскими ханствами, окружавшими ее

с юга и востока, исключительно враждебными. Постоянно поддерживались дипломатические связи; несмотря на все военные опасности, велась и торговля. Сближение происходило и в иной сфере. Упадок и распад Золотой Орды, а также внутренние междоусобицы в ханствах приводили к тому, что многие тюркские аристократы, а иногда и представители правящего рода Чингизидов стремились сменить хана на великого князя и «выезжали» на службу к московскому государю. «Русский улус», со времен Батыя воспринимавшийся ордынцами как часть Монгольской империи, к XV в. приобрел для потомков грозных завоевателей особую притягательность. Этому способствовали несколько факторов. Тюркские аристократы, появлявшиеся при московском дворе, приобретали довольно высокий статус. Вероятно, это было данью тому пиитету, который испытывали русские князья перед ордынскими владыками. Однако дело было не только в этом. Московский двор, при котором служили и потомки литовского Гедимина, и потомки Чингисхана, представлял для европейских дипломатов русского царя как «шахиншаха», государя над правителями Востока и Запада. Не случайно касимовские ханы и потомки сибирского Кучума носили в XVII в. титул «царевичей» и номинально занимали вторую, после государя, ступеньку в иерархии русского двора.

Демонстрация милости царя к «выходцам» преследовала и иные цели. Во-первых, это был аргумент в дипломатических спорах с Турцией, не раз угрожавшей России под предлогом защиты единоверцев. Во-вторых, пример «выезжих» аристократов был обращен к другим «царевичам», князьям и мурзам. От одних московское правительство ожидало признания вассальной зависимости, других было готово принять с их военными отрядами на службу.

Отсюда происходило и терпимое отношение царей к религии выходцев. Служить православному государю и занимать видные места при дворе и в военном командовании дозволялось и тем тюркским аристократам, кто не спешил отказаться от ислама. Успешно служили в конце XVI – первой четверти XVII в. и занимали высокие воеводские должности сибирские царевичи Маметкул Ялтоулович и Алей Кучумович. Распространялось такое отношение не только на высшую знать, но и на мелких князей и простых мурз.

Все это привлекало тюркскую аристократию и военно-служилое сословие на службу в Москву. Этот процесс шел на протяжении XIV–XVII вв. В наименьшей степени он коснулся крымских родов. Вероятно, причиной тому были многочисленные военные конфликты между государствами. Однако, несмотря на длительный период вражды, Россия и Крымское ханство постоянно поддерживали торговые, культурные и дипломатические связи. Как в Крыму, так и в России существовали сторонники дружеских (насколько это было возможно) отношений между державами.

К числу сторонников такой политики принадлежал знатный бийский (бии – один из высших разрядов кочевой аристократии) род Сулешовых, занимавший видное положение при ханском дворе. Его представители традиционно вели переговоры с русскими дипломатами. Русские источники неоднократно называют Сулешовых «московскими доброхотами». В 1578–1579 гг. приезжал в Москву Араслан-мурза Сулешов, который пробыл в ней до 1580–1581 гг. Впоследствии он еще раз упоминается в русских летописях. В 1610 г. крымские царевичи с Араслан-мурзой и другими татарами пришли на помощь царю Василию Шуйскому против Лжедмитрия II – Тушинского вора. Источники по-разному описывают дальнейшие события. Согласно «Новому летописцу», татары мужественно бились с войском самозванца в Боровском уезде, но затем ушли за Оку, сказав, что их истомил голод. Другой источник сообщает, что татары «на бой против Вора не пошли, а пошли они прочь в свою землю». Видным крымским вельможей был Ахмет-паша Сулешов. По воспоминаниям московских бояр Ахмет-паша был у хана «ближний и великой человек». В 1593 г. он приносил шерть (присягу) от имени хана при заключении мирного договора. В другой раз мы встречаем Ахмет-пашу в тяжелое для Российского государства время. В 1614 г. в Ливнах он

вел переговоры с посланником нового царя Михаила Федоровича князем Г. П. Ромодановским о размере поминок, которые должны были высылаться в Крым. Крымцы стремились получить как можно больше, русские – дать как можно меньше. На переговорах Сулешов говорил: «Если не станет государь присылать ежегодно по 10 000 рублей, кроме рухляди, то мне доброго дела свершить нельзя; со мной два дела, доброе и лихое, выбирайте!» «Вы ставите шесть тысяч рублей в дорого, – продолжал крымский посол, – а я и на одних Ливнах вымещу; хотя возьму тысячу пленных и за каждого пленника возьму по 50 рублей, то у меня будет 50 000 рублей». И все же Ахмет-паша согласился удовлетвориться поминками в 4000 рублей с условием, что весной будут присланы «большие» поминки.

Участвовали в дипломатических сношениях с Москвой также братья Ахмет-паши – Янша-мурза и Ибрагим-паша.

Янша (Енша, Еньша)-мурза упоминается как крымский посол в Москву около 1584–1585 гг. Исполнив посольское поручение, Янша-мурза выразил желание остаться в России и служить царю Федору Ивановичу – редчайший случай в дипломатический практике и русско-крымских отношениях вообще. Мурза был пожалован вотчиной – селами в Бежецком Верхе, и впоследствии упоминается в разрядах. В 1591 г. он был послан в Новгород вместе с царевичами Арасланом Кайбуличем (астраханским), Маметкулом (сибирским) и Уразом (казахским). Эти военные приготовления были связаны с Русско-шведской войной 1590–1593 гг., в которой, как и ранее в Ливонской войне, хорошо проявила себя татарская конница.

Гораздо больше известно о сыновьях Янши-мурзы – князьях Юрии и Василии Яншеевичах Сулешовых. Старший – Юрий Яншеевич – принял православие в правление Бориса Годунова. Вероятно, примерно в то же время он женился на княжне Черкасской, дочери князя Мамстрюка, брата второй жены Ивана Грозного – царицы Марии Темрюковны (о ее роде см. в очерке о князьях Черкасских). Вероятно, вскоре после крещения Юрий Яншеевич получил придворный чин стольника. О доверии, которое питал к нему царь, свидетельствует почетное и ответственное поручение, данное князю Борисом Годуновым в январе 1605 г. После разгрома Лжедмитрия I под Добыничами Сулешов был послан в Новгород-Северский с золотыми для раздачи их отличившимся воеводам – князю Н. Р. Трубецкому и П. Ф. Басманову.

О деятельности князя Юрия Яншеевича в Смутное время известно мало, однако есть все основания полагать, что он не принадлежал к числу многочисленных «перелетов» и авантюристов той эпохи. Боярский список 1607 г. показывает стольника князя Ю. Я. Сулешова под Калугой, где мятежного Болотникова осаждали армия и двор Василия Шуйского. В 1611 г. Сулешов упоминается как воевода Первого ополчения; он был послан в Торжок. Впоследствии князь, вероятно, примкнул ко Второму ополчению, поскольку под грамотой, данной князю Д. Т. Трубецкому на владение волостью Вагой, упоминается его имя. Правда, Юрий Яншеевич русской грамотой не владел, и за него «руку приложили» товарищи.

Сулешову довелось участвовать в ликвидации последствий Смуты уже после избрания на царство Михаила Федоровича. 19 апреля 1613 г. из Москвы был отправлен «в поле» против мятежного атамана Заруцкого князь И. Н. Одоевский. Прикрывать его поход «берегом» были посланы к Алатырю князья Ю. Я. Сулешов и Ю. Н. Барятинский с конной ратью в 1969 человек.

Заслуги Сулешова в восстановлении законного порядка были оценены правительством царя Михаила Федоровича. Уже в коронационных торжествах в июне 1613 г. Сулешов неоднократно «смотрел» в большой стол при пиршествах, что было весьма почетной обязанностью. В сентябре 1613 г. Сулешов был назначен рындой – одним из четырех оруженосцев, стоявших в белом платье с золотыми топорами возле трона, – при приеме царем кизылбашского (персидского) посла. При этом назначении последовал местнический спор, показавший большое влияние Сулешова при дворе и особое расположение к нему

государя.

Другой рында, Иван Петрович Шереметев, бил челом царю с тем, что ему «невместно» быть меньше князя Сулешова, потому что «князь Юрьи не бывал больши тех, кто ему, Ивану, в версту; и будет государь милости не покажет, велит ему, Ивану, со князем Юрьем быть, и государь бы его, Ивана, пожаловал, велел ему сказати, каково князь Юрьи в иноземцах и в московских родех отечеством; и будет в иноземцех и в московских родех ково будет князь Юрьи больши, а ему, Ивану, с ним быть мочно, и он, Иван, и со князем Юрьем быть готов же».

Местническая ситуация запутывалась тем, что предки князя Юрия Яншеевича не служили при московском дворе. Его отец упоминается в разрядах только один раз, и то вне связи с общей служебной иерархией. Отсюда происходила растерянность Шереметева, который, зная о том, что цари всегда благоволили к знатным тюркским выходцам, довольно точно определил их своеобразное положение при московском дворе: «Князь Петр Урусов и Юрьи Яншин – крымские роды, в Московском государстве отечество их неведомо, хто кого больши или хто меньши; то в государеве воле: похочет государь иноземцев учинить у себя, государя, честна и велика, и он учинит…»

Князь Сулешов защищался, вспоминая прецедент из службы князя Петра Арасланович Урусова, выигравшего местнический спор у князя М. В. Скопина-Шуйского, который был выше И. П. Шереметева. Сам же князь Юрий по родству старше Петра Урусова и, следовательно, выше Шереметева.

Для разрешения этого спора царь обратился к боярам, которые признали, что дядя князя Юрия Ахмет-паша Сулешов занимал высокое положение при ханском дворе, но не смогли ничего сказать по поводу родства между князьями Урусовыми и Сулешовыми. В результате спор был решен в пользу Сулешова. Правда, в 1619 г. Сулешов проиграл спор боярину Федору Ивановичу Шереметеву. Однако Ф. И. Шереметев приходился И. П. Шереметеву дядей.

Другое местническое столкновение князя Юрия Яншеевича ознаменовалось курьезом. В 1621 г. князь Григорий Петрович Ромодановский (герой одного из предыдущих очерков), заспоривший с Сулешовым о местах, вспомнил, что, когда он был отправлен на посольский съезд с Ахмет-пашой Сулешовым, то крымский посол приезжал к нему на съезд и в шатре у него был, а поскольку Ахмет-паша князю Юрию дядя, то и Ромодановский выше князя Юрия Яншеевича. На это смешение вопросов дипломатического престижа государства и местнической чести царь и патриарх резонно отвечали, что Ромодановскому дела нет до Ахмет-паши, который служит крымскому царю.

В дальнейшем Сулешов выигрывал все местнические споры. В 1622 г. «по государеву слову» ниже Сулешова сел знаменитый князь Д. М. Пожарский, а в феврале 1634 г. боярин Б. М. Салтыков, племянник царицы-инокини Марфы, «за бесчестие» Сулешова был даже отправлен в тюрьму.

В 1615 г. князь Юрий Яншеевич был пожалован в бояре и сразу занял весьма высокое положение. Согласно боярскому списку, его оклад равнялся 500 рублям. В это время в состав Думы входили 24 боярина, из которых только у 6 бояр был такой оклад, и только двое – князья Мстиславский и Воротынский – имели высший оклад 700 рублей. Не случайно в эпитафии князь Ю. Я. Сулешов назван «ближним боярином».

В 1615 – начале 1616 г. в Казанском крае началось восстание татар. На усмирение бунта был отправлен князь Ю. Я. Сулешов с отрядом в 1830 человек. В следующем году грозные события потребовали его присутствия уже на западном фронте. Еще в 1613 г. отвоевывать Смоленск у поляков был послан князь Д. М. Черкасский «со многой ратью». Воеводам удалось взять Вязьму, Дорогобуж и Белую, но Смоленск держался. С тех пор русские войска делали попытки овладеть этой крепостью, правда, не слишком энергичные. Для того чтобы

выбить русских из-под Смоленска, отправились польские полководцы А. Гонсевский и полковник Чаплинский, возглавивший знаменитых «лисовчиков». Они окружили русский стан и создали воеводам «утеснение великое». На помощь русским под Смоленском были отправлены в январе 1617 г. воеводы – боярин князь Ю. Я. Сулешов, князь С. В. Прозоровский, князь Н. П. Борятинский. Им удалось отбить от Дорогобужа полковника Чаплинского, за что воеводы получили пожалования – князь Юрий Яншеевич был пожалован золотым в 5 золотых угорских.

Но в целом действия Сулешова были неудачны. Согласно «Новому летописцу», князь даже покинул впоследствии свой пост и самовольно возвратился в Москву. Вслед за ним бежали и другие воеводы, а Иванис Ододуров изменил царю и сдал Дорогобуж польскому королевичу Владиславу, наступавшему на Москву. В сообщении летописца о самовольном уходе Сулешова есть основания сомневаться. Известно, что царь положил опалу на князей П. И. Пронского и М. В. Белосельского, бросивших Вязьму. Сулешов же не только не пострадал, но и был награжден. Во время осады королевичем Владиславом Москвы в 1618 г. князь участвовал в ее обороне. 21 августа 1619 г. Юрий Яншеевич и его брат Маметша-мурза получили жалованную грамоту, в которой говорилось, что братья храбро сражались против поляков – «стояли и мужественно, и на боях и на приступах билися не щадя голов своих».

В дальнейшем вся деятельность Юрия Яншеевича протекала в сфере внутреннего управления. В 1621 г. он был поставлен во главе Приказа сыскных дел, которым управлял до 1623 г. В 1623 г. Сулешов был назначен воеводой в Тобольск – административный и церковный центр Сибири. Возможно, это назначение было формой почетной опалы. Об этом может свидетельствовать то, что преемник Юрия Яншевича на посту главы приказа начал пересматривать данные им грамоты. Однако вся деятельность Сулешова в Сибири свидетельствует о нем как об опытном администраторе.

Сибирские летописи сообщают, что князь Юрий Яншеевич пробыл в Тобольске с 8 июля 1623 г. по 29 мая 1625 г. За это время им было немало сделано для обустройства Сибири. Сулешов первым произвел в Сибири описание земель и угодий, которое было завершено уже к 1624 г. На основании полученных данных воевода «уложил» новые денежные и хлебные оклады служилым людям, ввел новые размеры ясачного обложения, упорядочил расходы и увеличил доходы в Сибирской земле. Прославился он и решительной борьбой с злоупотреблениями, снискав себе славу честного справедливого администратора. Деятельность Сулешова в Сибири была оценена дьяками Приказа Казанского дворца следующим образом: «Юрьи Яншеевич Сулешов Сибирскую землю, по своему высмотру, обновил и во всем устроил». По приезду в Москву боярин за труды был пожалован прибавкой к окладу в 50 рублей.

5 февраля 1626 г. Юрий Яншеевич участвовал в церемонии свадьбы царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. Там же присутствовала и вторая супруга – княгиня Мария Михайловна, дочь боярина Михаила Михайловича Салтыкова, весьма влиятельного деятеля в первые годы правления царя Михаила Федоровича.

В 1625–1630 гг. князь вновь возглавлял Приказ Сыскных дел, одновременно с этим, в 1628–1630 гг., управляя и Разбойным приказом. В 1630 г. он был послан в провинцию и «разбирал» служилых людей в Бежецком, Углицком и Звенигородском уездах. В 1630–1632 гг. Сулешов был воеводой в Новгороде, где в августе 1631 г. производил весьма непопулярное, но необходимое действие – отписывал в новгородских монастырях на государя «сбруи всякие». После возвращения в Москву Юрию Яншеевичу было опять поручено руководство Разбойным приказом, в котором он пробыл до 1636 г. Одновременно с этим он руководил Приказом сбора даточных людей.

В 1630-е гг. Сулешов довольно часто упоминается в дворцовых церемониях. Во время поставления патриарха Иоасафа в 1634 г. Сулешов «водил осляти» под новопоставленным

владыкой. Этот обычай, как и «хождение на осляти» в Вербное воскресенье, символически повторял Вход Иисуса Христа в Иерусалим и являлся составной частью интронизации патриархов.

В 1635 г. князья Ю. Я. Сулешов и Д. М. Пожарский встречали за Арбатскими воротами тело царя Василия Шуйского, привезенное из Польши для погребения в Москве. Вероятно, обоим участникам событий Смуты было о чем вспомнить и поразмыслить над пышно украшенным гробом одного из главных героев и жертв «Московского разорения». С тех грозных времен прошло уже более двадцати лет, новое поколение, новые заботы и идеи владели государством, но сами князья еще продолжали нести государеву службу, невзирая на прожитые годы и болезни. В 1638–1639 гг. князь во второй раз был воеводой в Новгороде, а в 1640 г. упоминается как глава Разбойного приказа. Очевидно, в это время стал сказываться уже преклонный возраст боярина, и он более не упоминается в разрядах и других официальных источниках.

7 сентября 1643 г. князь Юрий Яншеевич, чувствуя приближение кончины, приказал составить завещание – духовную грамоту. Своими душеприказчиками Сулешов назначил патриарха Иосифа, боярина М. М. Салтыкова и московского дворянина М. С. Языкова. От двух браков у Сулешова не было детей, которые бы дожили до зрелого возраста, и поэтому он завещал свои обширные вотчины князю Якову Куденетовичу Черкасскому (родственнику своей первой жены) и князю Ивану Кореповичу Юсупову, который в завещании назван его «внуком». Возможно, родство Юсупова с Сулешовым было непрямым, но точных данных об этом не имеется. Помимо земельных владений, Сулешову принадлежал двор в Москве на углу Ильинки и Введенского переулка, который впоследствии был застроен расширившимся Гостинным двором.

Князь Юрий Яншеевич Сулешов скончался 8 сентября 1643 г. и был похоронен в Симоновом монастыре, под папертью Пречистенской церкви в «палатке» – каменной усыпальнице. Сулешов давно благоволил к этой обители и еще в 1629 г. возвел церковь, ставшую усыпальницей его рода. В 1637 г. в Симоновом, в «палатке» под папертью Пречистенской церкви, была похоронена супруга боярина Мария Михайловна, скончавшаяся 6 февраля. Там же нашли свое упокоение младший брат Юрия Яншеевича, князь Василий, его жены и дети. К Симонову отошел и двор князя В. Я. Сулешова в Китай-городе.

Вероятно, Сулешовы не случайно избрали своим родовым некрополем именно Симонов монастырь. На монастырском кладбище в XVII в. упокоились 17 представителей трех княжеских родов татарского и одного рода адыгского происхождения (Сулешовы, Урусовы, Юсуповы, Ахамашуковы-Черкасские): ничего подобного ни в одном из московских монастырей не было. Вероятнее всего, причиной такого сосредоточения крещеных представителей аристократических родов восточного происхождения в Симоновом монастыре является погребение в нем царя Симеона Бекбулатовича (ум. 1616) – крещеного татарского хана, который в 1575–1576 гг. по воле Ивана Грозного номинально занимал российский трон с титулом великого князя. Симеон Бекбулатович стал своеобразным символом, около которого обрели последнее пристанище представители родов из Большой Орды, Крыма и Кавказа, ощущавшие свое внутреннее единство, отличие от других российских аристократических фамилий.

Младший брат князя Юрия – Василий Яншеевич – был менее значительной фигурой. Он принял православие уже в правление царя Михаила Федоровича (известна дата его крещения – 7 марта). Вероятно, именно он упоминается под именем Маметша-мурза в жалованной грамоте братьям Сулешовым за храбрость при защите Москвы от королевича Владислава. С 1622–1623 гг. он упоминается в дворцовых разрядах в должности кравчего, в ведении которого состояла организация царских пиров, за которыми он прислуживал государю, и

рассылка в торжественные дни угощения, пожалованного царем послам, боярам и людям иных чинов. С этого времени он упоминается исключительно на придворной службе: он «стоял у стола» во время различных торжественных пиршеств – на Рождество (25 декабря 1628), во время именин царицы Евдокии (1 марта 1629 и 12 марта 1629), во время крестин царевича Алексея (22 марта 1629). В октябре 1629 г. при встрече французского посла в «почетном карауле» стояло пять человек его «даточных людей», т. е. холопов-послужильцев, или боевых холопов. Там же стояли и 10 человек «даточных людей» князя Юрия Яншеевича, что говорит о том, что земельные владения старшего брата были вдвое больше, чем младшего – число даточных определялось размерами вотчин и поместий (в 1638 г. во владении Ю. Я. Сулешова находилось 843 крестьянских двора). Скончался князь Василий Яншеевич 28 октября 1641 г. и был погребен «в палатке» под папертью Пречистенской церкви в Симоновом монастыре.

Князь Василий Яншеевич был женат первым браком на Анне Ивановне (ум. 6 июля 1621), а вторым – на дочери Ивана Федоровича Басманова Фетинье (ум. 8 октября 1642).

Род Басмановых хорошо известен в бурных событиях XVI – начала XVII вв. Алексей Данилович Басманов был одним из инициаторов и руководителей опричнины. Его сын Федор – фаворит и любимец Грозного, – согласно свидетельствам Курбского и иностранных авторов, состоял с тираном в противоестественных отношениях. Это не помешало ему стать отцом двух сыновей – Ивана и Петра. Старший из братьев, окольничий Иван Федорович, погиб в 1604 г. в бою с армией мятежного атамана Хлопко под Москвой, а младший – боярин Петр Федорович – прославился обороной Новгорода-Северского от Лжедмитрия I, но затем стал ярым сторонником самозванца и возглавил его личную охрану. За преданность к Лжедмитрию I П. Ф. Басманов и поплатился – во время майского восстания 1605 г. он был убит вместе со своим государем.

Род Сулешовых пресекся и был забыт. Однако их судьба свидетельствует о том, какое большое значение приобретали в эпоху Московского государства знатные иноземные выходцы. Московские государи XVI–XVII вв. продолжали традиции Ивана Калиты, но если тот умножал свои земельные и денежные богатства, то цари умели ценить служилое сословие, умножая его талантливыми и верными людьми.

Потомки египетского султана. Князья Черкасские

15 июля 1561 года, в воскресенье, в Москву прибыли чужеземные гости. В сопровождении Ивана Андреевича Бутурлина в город въехали кабардинский князь Доманук-мурза, астраханский царевич Бекбулат, его сын Саин-булат, кабардинские и адыгские уздени, татарские и ногайские мурзы. Эта пестрая процессия сопровождала в столицу Российского царства молодую кабардинскую княжну Кученей, дочь грозного владыки Большой и Малой Кабарды князя Темрюка – нареченную невесту российского государя царя Ивана Васильевича.

Ненадолго вернемся к предшествующим событиям. По примеру отца молодой Иван IV (тогда еще его никто не называл Грозным) женился в 1547 г. посредством «выбора невест» со всех концов государства. Его избранницей стала Анастасия Романовна, дочь окольничего Романа Юрьева, происходившего из старомосковского боярского рода. В венценосной семье царили любовь и спокойствие, правда, иногда небосклон семейного счастья омрачался проявлениями необузданной натуры Ивана Васильевича. Анастасия родила шестерых детей, четверо из которых умерли в младенчестве и детстве. Вероятно, роды подорвали здоровье женщины – она стала часто хворать и летом 1560 г. умерла. Царь глубоко переживал смерть жены, однако горячий нрав самодержца брал свое. Поведение Ивана IV испугало митрополита и бояр, и они просили царя, чтобы он поскорее женился бы вторично, вероятно, чтобы безупречный облик носителя царского сана не портили любовные похождения

государя.

Иван IV, находившийся в зените своей славы, решил изменить традицию и поискать себе невесту в чужих странах. Царские сваты отправились в Польшу, Швецию и на Кавказ – «у черкасских князей дочерей смотрети». «Черкесами» русские и западноевропейцы собирательно называли народы Северного Кавказа – адыгов, кабардинцев, карачаевцев («карачаевские черкесы»). Федору Вокшерину и Семену Мякину, посланным на Кавказ, и улыбнулась удача. Они сосватали за царя дочь кабардинского владыки.

Темрюк (Темиргука), сын Айдара (Идара) – князь-валий (владелец) Малой, а затем и Большой Кабарды, был одним из наиболее влиятельных правителей на Северном Кавказе. Род его, согласно легенде, восходил к некоему египетскому султану Иналу, который в XV в. переселился на Кавказ. Есть и другая версия генеалогии Темрюка – возможно, его род восходил к одной из линий Чингизидов. Враждуя с крымскими Гиреями, Темрюк обратил свои взгляды к России, успешно одерживавшей одну за другой победы на Востоке и прибиравшей к рукам дряхлые осколки Золотой Орды. В 1557 г. Темрюк и другие кабардинские князья били челом Ивану IV, чтобы «их государь пожаловал, велел им служити и в холопстве их учинил». Царь дал свое согласие, и Россия прибавилась новыми вассалами. При этом на деле Темрюк сохранил всю полноту своей власти и независимости, его подданство России выражалось в военной помощи со стороны могущественного северного соседа, не раз помогавшего ему ратными людьми в борьбе против Крыма, Турции, тарковского шамхала, других кабардинских и адыгских князей.

В 1558 г. в Москву приехали сыновья Темрюка Булгерук-мурза и Салтанкул (Салтан-мурза) с просьбой о помощи против тарковского шамхала. Булгерук-мурза поехал домой с обещанием царя помогать кабардинцам, а Салтанкулу приглянулась холодная Москва. Он изъявил желание креститься, получил имя Михаила и родовое прозвище Черкасский. Князь поселился на царском дворе, и государь велел учить его грамоте. Лихой кабардинец женился на московской боярышне и вошел в круг столичной аристократии, но кончина Анастасии и сватовство Ивана IV к сестре Михаила Темрюковича вознесли его еще более.

Вскоре после приезда княжны Кученей в Москву царь велел ей быть на своем дворе – «смотрел ее и полюбил». Свадьбу задерживать не стали. 6 июля царской невесте нарекли имя Мария, 20 июля ее крестили, а на следующий день состоялось венчание.

Женившись на дочери кабардинского князя, Иван IV породнился с правящими родами степных соседей Российского государства. Сестры Марии Темрюковны были замужем – одна за астраханским царевичем Бекбулатом (внуком грозного противника Ивана III – хана Ахмата), другая – за Тинехматом, сыном ногайского бия Исмаила.

Современники-иностранцы приписывали Марии Темрюковне идею создания опричнины (якобы такие же функции, что и опричники, исполняла стража горских князей), однако эти сообщения вряд ли достоверны. Плохо зная русские порядки, царица Мария вряд ли могла столь сильно влиять на решение государственных вопросов. Из летописей известно, что она вместе Иваном IV уговаривала митрополита Макария не оставлять престол, а в 1562-м и другие годы сопровождала царя в частых богомольях и поездках. В 1563 г. царица родила сына, которого нарекли Василием, но он прожил всего два месяца. Мария Темрюковна умерла 6 сентября 1569 г. в Александровой слободе после возвращения из длительного путешествия на Вологду. Уроженка солнечной Кабарды, царица Мария Темрюковна так и не смогла прижиться на своей новой, просторной и холодной родине, так не похожей на ее родной Кавказ.

Тем временем, брат Марии – князь Михаил – сделал великолепную карьеру. Он отличился в бою с татарами в 1559 г. В Полоцком походе 1562–1563 гг. был царским рындой с большим саадаком (оруженосцем, который возил набор, состоявший из лука и стрел), а после взятия города послан в Москву с вестью о победе. Затем князь Михаил Темрюкович получил в удел

от царя целый город – Гороховец на Клязьме. В пределах своего владения Черкасский распоряжался как полновластный владетель – собирал налоги и пошлины, притеснял соседних землевладельцев. Позднее современники говорили, что в опричнину Черкасский был «человек великой и временной, управы на него добиться было не мочно».

С сентября 1567 г. князь Михаил Темрюкович упоминается в числе опричников. Он сразу занял одно из первых мест в управлении опричниной, получил боярство и возглавил опричную Боярскую думу и сам участвовал в расправах. Померанец А. Шлихтинг, живший в те годы в русском плену, пишет, что Черкасский «рассек на части казначея государева Хозяина Юрьевича Тютина с женой, двумя сыновьями и двумя юными дочерьми». Однако кровожадность князя не спасала его от гнева царя. Тот же Шлихтинг пишет о взаимоотношениях Грозного со своим шурином: «Тиран не пропускает никакого случая оказать ему свое расположение, понятно, в течение тех двадцати или тридцати дней, когда он не свирепствует. Но как только его душа воспламенится чем-либо возбуждающим жестокость и вспыльчивость, он приказывает привязать к каждым воротам (его дома) пару или две диких медведей, в силу чего несчастный не может выйти не только сам, но и никто вообще…»

Вместе с тем Черкасский продолжал нести боевую службу. В 1571 г. он командовал передовым полком в Ливонском походе, а летом того же года во время набега хана Девлет-Гирея в 1571 г. был назначен главнокомандующим опричными войсками и получил приказ выступить в поход. Но до войска князь Черкасский так и не доехал. Между 16 и 23 мая 1571 г. зарублен по дороге из Москвы в Серпухов. Его жена с шестимесячным сыном казнены еще раньше, по приказу царя их тела были брошены на дворе Черкасского непогребенными.

Причина казни М. Т. Черкасского неизвестна, возможно, он был казнен в связи с опалами на своих родственников Захарьиных-Юрьевых. Другие версии связывают ее с возможным участием Темрюка в походе Девлет-Гирея, или же ложными слухами об этом. Вероятно также, что мнительный царь опасался предательства со стороны князя Михаила.

Иван Грозный постарался скрыть казнь шурина от своей кавказской родни. В наказе русскому послу С. Клавшову было велено говорить, что «князь Михайло был в полку с царевыми и великими князя воеводами, и в царев приход (т. е. набег Девлет-Гирея) ехал из полку в полк и изгиб безвестно». Позднее, в 1583 г., учреждая поминовение опальных, Грозный прислал в Троице-Сергиев монастырь большой вклад на помин души князя Михаила Темрюковича. Таковы были взлет и падение первого из князей Черкасских.

В народной памяти князь Михаил Черкасский остался удалым злодеем-опричником. Он является героем песен о «Костюке-Мастрюке», царском шурине, который на пиру:

…не пьет, не кушает,
Бела лебедя не рушает.
Он сидит – думу думает…
Взыскивая себе борца по силе:
«Что я семьдесят семь земель изошел.
По себе борца не нашел,
По себе борца, удалова молодца!»

Финал этих песен везде одинаков – появляются два брата-борца, «два Андрея два Андреича», с которыми Кострюк-Мастрюк борется. И если поединок со старшим заканчивается своеобразной ничьей, то младший брат одолевает царского шурина:

Уж он третью-то пошибочку пошиб, —
Подымал он повыше себя,
Опущал-то он пониже себя;

Уж он начал его рвать-щипать,
Его рвать щипать, до нага обдирать.

Мотивы этой песни использовал М. Ю. Лермонтов в своей «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

В 1565 г. в Россию приехал брат Михаила-Салтанкула – Мамстрюк, – имя которого причудливым образом в народной памяти перенеслось на его более знаменитого брата. Мамстрюк прожил в России недолго, он возвратился на Кавказ, но остался союзником русских – участвовал в строительстве русской крепости на Тереке, боролся с турками и крымскими татарами. В 1570 г. он был пленен крымцами и провел в плену восемь лет. В 1588 г. князь Мамстрюк вновь был в Москве вместе с двоюродным братом Куденетом, сыном правителя Кабарды Канбулата, и вновь просил царя «об обороне от недругов». В 1589 г. Мамстрюк и его дядя Канбулат посылали отряды конных на «государеву службу» для участия в походе против шведов.

Более известен сын Мамстрюка – князь Каншов, в крещении – Дмитрий Мамстрюкович. Он прибыл на Русь около 1591–1592 гг., вероятно, еще совсем молодым человеком, если не ребенком.

Первые самостоятельные действия князя Д. М. Черкасского известны уже в Смутное время. В 1608 г. он был стольником. Страна полыхала в огне гражданской войны. Престарелый и бесталанный царь Василий Шуйский с трудом удерживал свою власть над Москвой, отбиваясь от атак Лжедмитрия II, засевшего в Тушине. Многие служилые люди не выдерживали искушения поискать лучшей доли при дворе самозванца. Был среди них и князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. При дворе самозванца, благодаря своему высокому положению, он сразу занял видное место и получил боярский чин. В это время вокруг Лжедмитрия II собираются члены кружка, связанного родственными связями с боярским родом Романовых. Князь Д. М. Черкасский, по бракам своих дядьев, князя М. Т. Черкасского и князя Б. К. Черкасского, принадлежал к этому кружку.

Изменив царю Василию, Черкасский сохранял верность Лжедмитрию II до самой смерти самозванца в 1610 г., хотя вряд ли верил в в истинность его «царского происхождения». Сражаясь за самозванца, князь нанес под Шацком поражение царскому воеводе – князю В. Ф. Масальскому. После смерти Тушинского вора князь присоединился к освободительному движению и участвовал в Первом ополчении.

В 1612 г. Черкасский был одним из видных воевод Второго ополчения. Весной этого года он был в Ярославле, в составе ополчения и «Совета всея земли». Князь Д. М. Пожарский отправил Черкасского и князя Ивана Федоровича Троекурова (еще один член романовского кружка и бывший приверженец Лжедмитрия II) с ратными людьми против украинских казаков, стоявших в Антоновом монастыре. Казаки не посмели биться с воеводами, ушли из Антонова монастыря и пошли к литовской границе, а князь Черкасский остановился в Кашине «до указу». Из Кашина Пожарский приказал Черкасскому идти на Углич, где обосновались «воровские казаки». Князь Дмитрий Мамстрюкович, соединившись с другом, воеводой Второго ополчения князем Д. П. Пожарским, прибыл под Углич. Казаки были разбиты, а часть их, еще до сражения, перешли на сторону Второго ополчения. Черкасский и другие воеводы прибыли в Ярославль и приняли «от начальников и от всей земли» «честь великую».

В конце июля 1612 г. Второе ополчение выступило к Москве. Князь Д. М. Черкасский не заметен в боях за столицу, но он, несомненно, был под Москвой и с началом Избирательного собора стал одним из активных участников предвыборной борьбы. Среди имен кандидатов, возникших на первом этапе работы собора, называлось имя троюродного брата Дмитрия Мамстрюковича – князя Ивана Борисовича Черкасского. Однако наибольшие шансы были у

князя Д. Т. Трубецкого. Его поддерживали церковные иерархи и участники Второго ополчения (в том числе и Д. М. Пожарский). Соглашался на его избрание и князь Д. М. Черкасский. Его подпись стоит под жалованной грамотой Трубецкому на двинскую волость Вагу, являвшуюся своеобразной ступенькой к трону. Черкасский русской грамотой не владел, и за него расписался другой воевода – Василий Бутурлин.

Однако рядовые участники собора не поддержали кандидатуру Трубецкого, и борьба развернулась с новой силой. Возникли новые имена: стольник Михаил Федорович Романов, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Иван Иванович Шуйский. Военные заслуги, знатность рода и свойство с царствующим домом были на стороне Черкасского, однако этого оказалось мало. В конечном итоге, одержала верх кандидатура Михаила Федоровича Романова, достоинствами которого были его родство с прежней династией (племянником царя Федора Ивановича) и незапятнанность в изменах и усобицах Смуты. Оба Черкасских, входивших в романовский кружок, могли быть довольны этим выбором. Их подписи стоят на «Утвержденной грамоте» царя Михаила Федоровича Романова.

Одним из первых своих указов царь Михаил Федорович в июле 1613 г. (через несколько дней после венчания на царство) поручил Д. М. Черкасскому двигаться в Калугу «на очищение» края от «литовских и воровских людей», а оттуда – к Смоленску. Новый царь, оценив военные таланты своего родича, поручил ему важную миссию, исполнение которой не терпело промедления.

В товарищах с Черкасским были назначены воевода Михаил Матвеевич Бутурлин и дьяк Афанасий Царевский. Воеводы освободили Калугу, Мещовский и Серпейский уезды, затем, двигаясь вслед за отступающим неприятелем, пришли в Вязьму и Дорогобуж и привели эти города к крестному целованию за нового государя. Оттуда Черкасский двинулся к городу Белой и заставил его гарнизон капитулировать (среди тех, кто сдался русским войсками и перешел на царскую службу, был родоначальник Лермонтовых – шотландец Георгий Лермонт, о нем см. в очерке о Лермонтовых). Под Белой Бутурлин был тяжело ранен пушечным ядром («кость из головы вырвали, немногое от тое раны не умер»), и на его место царь прислал князя И. Ф. Троекурова.

После этого Черкасский осадил Смоленск. Из-под Смоленска он отправил Троекурова к литовскому рубежу: поставить острожки и не пропускать литовцев к городу. Осажденные терпели голод и нужду во всем, и уже готовы были сдаться, но «грехов ради» русское войско на рубеже заволновалось и наперекор воле Черкасского покинуло свои укрепления и пошло под Смоленск. Литовцы проникли к Смоленску и сумели помочь своим соплеменникам. Смоленск остался за Речью Посполитой. В июне 1615 г. Черкасский был отозван в Москву, а на место отправлены другие воеводы.

Несмотря на то что Смоленск остался за Литвой, царь был доволен службой Черкасского. Князь получил щедрое пожалование – «шуба камка бурская, круги золотые, на соболях, цена сто осьмнадцать рублев и деветь алтын з деньгою, кубок серебрян с покрышкою, а в нем весу три гривненки шесть золотников». Высоко оценивали деятельность Черкасского и современники. В «Сказании о бедах и скорбех и напастех…» говорится следующее: «Послал государь под Смоленск своих государевых воевод, князя Дмитрия Мамстрюкова да князя Ивана Троекурова, и воеводы государевым делом промышляли с радением, и едва города не взяли; но бояре этих воевод переменили и других послали, новые воеводы распоряжались уже не так…»

Русско-польская война ненадолго затихла, но в 1617 г. вспыхнула с новой силой. Королевич Владислав, опираясь на свои мнимые права на русский трон по договору с Семибоярщиной 17 августа 1610 г., выступил в поход на Москву. В Российском государстве срочно собирали войска. В Ярославль был послан для сбора ратных князь Дмитрий Мамстрюкович. С собранным войском (5000 человек) он был послан к Волоку Ламскому, а оттуда – в Можайск,

на помощь к князю Борису Михайловичу Лыкову, осажденному королевичем Владиславом. Первое столкновение с польско-литовским войском было неудачным. Войска королевича отбили московскую рать от Лужецкого монастыря, и русские едва отошли в Можайск, где сели в осаду.

Вскоре к городу подошел сам королевич. Осада усилилась, на Можайск был обрушен постоянный огонь сильной артиллерии. Ранили пушечным ядром и самого Черкасского, и «едва от той раны ожил» (27 июля 1618). Царь принял решение спасать защитников Можайска, вывести воевод и дворянскую конницу, оставив в городе небольшой гарнизон. Выручать Черкасского и Лыкова поручили знаменитому Пожарскому. Он блестяще справился со своей задачей. Тяжело раненного Черкасского вывезли из города, вслед за ним вывели и войска. Королевич так и не смог занять Можайск и двинулся в Москву. В обороне города князь Черкасский не участвовал, вероятно, он еще не оправился от ранения.

За «многую службу, и дородство (доблесть. – С. Ш.), и храбрость», проявленные Черкасским при отражении похода королевича Владислава, царь пожаловал князя «государевым жалованьем», т. е., вероятно, денежным пожалованием в размере годового оклада.

Осада королевичем Москвы была неудачной. Война завершилась, и государство вернулось к мирной жизни. На первое место выдвинулись задачи восстановления разрушенного государственного устройства и экономики. Черкасский в 1619 г. получил боярский чин, руководил приказом Приказных дел, Казанским дворцом и Сибирским приказом – учреждениями, ведавшими управлением обширными территориями Поволжья и Сибири. В 1624 г. он упоминается в церемонии свадьбы царя Михаила Федоровича на княжне Марии Владимировне Долгоруковой, как «дружка» царя. Другим «дружкой» был князь Д. М. Пожарский.

В Смутное время, пользуясь истощением России, Речь Посполитая и Швеция захватили значительную часть русских коренных территорий. Правительству Михаила Федоровича удалось добиться политической и экономической стабильности в стране, и оно стало думать о возвращении русских земель, захваченных соседями-врагами. Важнейшей задачей стало возвращение Смоленска, который неудачно осаждал в 1613–1615 гг. князь Дмитрий Мамстрюкович.

Воспользовавшись благоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, русское правительство еще в апреле 1631 г. начало готовиться к новой войне с Польшей. Командование войсками на литовской границе было поручено князьям Д. М. Черкасскому и Б. М. Лыкову. Но последний счел себя обиженными «невместным назначением». Лыков бил царю челом, что он не может быть «в товарищах» у Черкасского, поскольку старше его, служил государю уже сорок лет, из которых «лет с тридцать ходит со своим набатом», т. е. является первым воеводой. Говорил Лыков также, что у Черкасского «нрав тяжелый» и будто бы им, «князем Дмитрием, люди владеют» (т. е. Черкасский подвержен влиянию различных злопыхателей). Царь не принял этого челобитья, за бесчестие Черкасского с Лыкова было велено взыскать огромную сумму в тысячу двести рублей (два годовых оклада Черкасского), но обоих князей пришлось отставить.

Новым главнокомандующим был назначен боярин М. Б. Шеин, прославившийся героической обороной Смоленска от войск короля Сигизмунда III в Смутное время. Шеин выступил к Смоленску и осадил город. Однако боевые действия шли неудачно для русских. Король Владислав IV сумел быстро собрать войско и блокировал армию М. Б. Шеина под Смоленском. Русское войско страдало от недостатка припасов и оружия, началось дезертирство иноземных наемников.

Царь обнадеживал Шеина, обещая ему в помощь войско во главе с двумя другими знаменитыми воеводами – князьями Д. М. Черкасским и Д. М. Пожарским, но они стояли в

Можайске, ожидая, пока соберутся все ратные люди. Воеводы опоздали – 16 февраля 1634 г. Шеин подписал договор о капитуляции, затем, оставив артиллерию со свернутыми знаменами, вышел из-под Смоленска.

Дальнейшая служба князя Дмитрия Мамстрюковича была мирной – он участвовал в дворцовых церемониях и управлял приказами. В 1635 г. он «ведал Москву» во время отсутствия государя. В 1639– 1640 гг. Черкасский был назначен воеводой в Тулу. Там он производил смотры служилых людей и иноземцев и «прибирал» на ратную службу.

Черкасский пользовался большим уважением царя и играл видную роль в управлении государством. Расположение царя Михаила Федоровича проявлялось в неизменной поддержке князя Дмитрия Мамстрюковича во время местнических споров. Строгий выговор и огромный штраф ожидал старого и заслуженного боярина Б. М. Лыкова (по жене он приходился дядей царя), когда тот вздумал местничаться с Черкасским. Такой же исход венчал и другие попытки бить челом на Черкасского. Князю Ивану Андреевичу Голицыну было сказано от имени государя, что «боярин князь Дмитрий Мамстрюкович – человек великий и честь их старая, при царе Иване Васильевиче дядя его, князь Михаил Темрюкович, был в великой чести, и бывали с ним многие». За «невместное» челобитье Голицын отправился в тюрьму, ранее за такую же провинность в тюрьме оказались князья Одоевский и Куракин. Знаменитый князь Д. М. Пожарский без возражений соглашался быть «в товарищах» у князя Черкасского.

Популярен Черкасский был и во «мнении народном». Уже при царе Алексее Михайловиче его имя называлось в числе бояр, которые поднимутся против царских фаворитов и временщиков Бориса Ивановича Морозова и Ильи Даниловича Милославского, и за которыми пойдет народ «побивать и грабить Морозова, Милославского и других». Примечательно, что в дальнейшем народная любовь к Черкасским оставалась неизменной, перейдя на других представителей этого рода – князей Якова Куденетовича и Михаила Алегуковича.

Черкасский был одним из самых богатых людей своего времени. Его денежный оклад – 600 рублей в год – являлся одним из самых высоких. Его вотчины располагались в семи уездах. В 1638 г. за ним было 838 крестьянских дворов, в 1646 г. – 1542. Самым крупным его владением было село Панино в Нижегородском уезде – 711 дворов, в которых проживали 2413 человек мужского пола. Немногим меньше было село Васильевское в Суздальском уезде – 677 дворов и 1813 человек. В Москве князю принадлежали два двора – на Никитской улице и на Кисловке (район Арбата). По его имени переулок, прилегающий к кисловскому двору князя, стал именоваться Мамстрюковым или Мамстрюковским. Со временем это сложное название трансформировалось в Мерзляковский, и под этим названием переулок существует до сих пор, в искаженном виде сохраняя память о князе Дмитрии Мамстрюковиче.

Князь Дмитрий Мамстрюкович прожил очень долгую жизнь. Он пережил не только своего знаменитого сподвижника князя Дмитрия Михайловича Пожарского, но и государя Михаила Федоровича, которого еще совсем юношей избирал на престол. В царствование Алексея Михайловича он оставался одиноким свидетелем далеких времен злодейств Бориса Годунова, сотрясений гражданской войны при Василии Шуйском и восстановления государственного порядка при царе Михаиле Федоровиче. Черкасский скончался в 1651 г. и был погребен в московском Новоспасском монастыре, являвшемся родовой усыпальницей бояр Романовых. Он не оставил детей, и поэтому обширные вотчины князя Дмитрия Мамстрюковича перешли к его родственнику – князю Якову Куденетовичу Черкасскому, боярину и видному военачальнику эпохи царя Алексея Михайловича.

Со смертью князя Дмитрия Мамстрюковича старшая линия рода Черкасских в России

пресеклась. Другая ветвь пошла от князя Канбулата (ум. 1589), родного брата Темрюка, ставшего владельцем Кабарды после смерти последнего. В 1578 г. он прибыл с посольством в Москву. Сын Канбулата, Хорошай, остался в Москве, принял крещение с именем Бориса Канбулатовича и вступил на царскую службу.

Князь Б. К. Черкасский занял одно из высоких мест в воеводской иерархии. В 1583 и 1589 гг. он был воеводой большого полка в Новгороде, в 1585 г. находился на «береговой службе» в Серпухове, также командуя большим полком.

«Береговая служба» была важнейшим элементом обороны границ Российского государства. Ее зачатки можно проследить в создании укрепленной линии по Оке во время набегов хана Ахмата в 1470-е гг. и особенно в 1480 г. Усиление военной активности Крымского ханства в начале XVI в. побудило московское правительство, ранее полагавшееся на местные военные силы (служилых князей и население Рязанского и Тульского края), посылать для отпора татарам воевод из Москвы. К 1512 г. относится первая роспись полков «на берегу» Оки. Они располагались по Оке – в Кашире, Серпухове, Тарусе, Рязани, на Осетре и на берегу реки Угры. Наказ воеводам на Угре предписывал «людей расставить по берегу, вверх по Угре и вниз по Угре до устья, по всем местам, где пригоже», таким образом, создавалась сплошная линия обороны. Наказ предписывал также возможность активных действий против татар – «смотря по делу», надо было посылать «легких воевод». Предусматривалось и наступление основными силами. В этом случае на берегу должны были оставаться дети боярские, пищальники и «посошные» (крестьяне, реже, посадские, мобилизованные в порядке принудительной повинности для перевозки военного снаряжения, сооружения укреплений, строительства мостов и других вспомогательных действий в походах). В дальнейшем «посылки» воевод «на берег» практиковались ежегодно.

Таким образом, была выработана схема обороны от набегов крымских татар, основным звеном которой было ежегодное с апреля по ноябрь стояние русских полков по берегу Оки и «украинным городам» – у Серпухова, Тулы, Каширы, Переславля-Рязанского, Путивля и других. Одновременно осуществлялась разведка в степи, и вестовщики, высланные в «поле», обычно успевали сообщить о готовящихся набегах и нашествиях крымских татар. Московское правительство активно использовало и другую информацию о планах крымцев – донесения дипломатов, показания полоняников, вышедших из Крыма, и т. п. – и по этим вестям определяло необходимость усиления обороны.

Система укреплений и «береговая служба» совершенствовались и укреплялись. В последней четверти XVI в. было начато сооружение Засечной черты – грандиозной линии укреплений уже за Окой, по линии – Дедилов – Тула – Болхов. Она включала в себя земляные сооружения, валы, остроги, «засеки» (лесные завалы), препятствовавшие движению татарской конницы в центр страны, систему «сторожей» и дозорных. В XVII в. засечные черты продвигались на юг, по мере укрепления военной мощи России, темпов русской колонизации «Дикого поля» и Поволжья и ослабления Крымского ханства. Возникли Белгородская, Симбирская, Изюмская, Закамская и другие засечные черты.

В 1591 г. Черкасский вновь на «береговой службе». Он возглавлял большой полк на Туле, затем участвовал в отражении набега Казы-Гирея от Москвы и преследовании отступающих крымцев. За свою службу против татар князь Борис был награжден «золотым» – золотой монетой, являвшейся эквивалентом медалей в средневековой России.

В 1592 г. князь Борис Канбулатович получил боярский чин. Д. Флетчер в своем описании России упоминает Черкасского среди других бояр, отмечая, что тот (как и глава Боярской думы князь Ф. И. Мстиславский) не отличается «никакими особенными качествами».

По своей жене – Марфе Никитичне Романовой – князь Борис вошел в круг московской аристократии. Одна из его дочерей была женой Ф. И. Шереметева, также близкого к Романовым. Однако это родство и погубило Черкасского. Опасаясь Романовых как своих

династических соперников, царь Борис Годунов в 1600 г. приказал арестовать их по ложному обвинению в намерении отравить государя. Родственный кружок Романовых – Черкасские, Сицкие, Шестуновы, Репнины, Карповы и другие – подвергся разгрому.

Князь Борис Канбулатович с семьей был сослан на Белоозеро в тюрьму, где и скончался. Сын Бориса Канбулатовича – стольник князь Иван Борисович – во время следствия подвергся пыткам, а затем был сослан в Малмыж (Вятка). Разгромив сильную боярскую группировку Романовых, царь Борис перестал их бояться. В 1602 г. князь Иван Борисович был переведен в Нижний Новгород. Приставу при князе И. Б. Черкасском В. М. Хлопову наказывалось везти опального «простого, а не сковав», однако за Черкасским и И. Н. Романовым, также переведенным в Нижний из Уфы, «береженье держати великое», беречь «накрепко», «чтоб ко князю Ивану… никто не подходил, и не разговаривал с ними ни о чем, и писма б никакого не поднес…». Следовало также наблюдать, чтобы опальные «лиха над собою никоторого не учинили». В Нижнем Новгороде приставам указывалось «корму» Черкасскому и Романову и их слугам «давати в посные дни по шти (шести. – С. Ш.) блюд рыбы, какова лучится (будет. – С. Ш.), а в мясные дни по три части боранины да по три части говядины, а хлеб велено давати как им мочно быть сытым быть без нужи, а пить велено давать квас житной, а будут просити пива или меду, и вы б им пиво и мед давали, а имали б есте пиво и мед с кабака…». Затем Черкасский и Романов были переведены в Москву.

При царе Василии Шуйском И. Б. Черкасский занимал должность кравчего – распорядителя во время царских пиров. Весной 1607 г. он был послан царским жалованьем («золотыми») к И. Н. Романову, разбившему на реке Вырке сторонников Болотникова, пытавшихся прорваться на помощь осажденным мятежникам в Калугу. В 1608 г. во время противостояния Тушинскому Вору под Москвой князь И. Б. Черкасский был назначен воеводой сторожевого полка. Вероятно, особыми воинскими талантами князь Иван Борисович не отличался, поэтому его имя более не встречается в разрядах за время правления царя Василия Шуйского.

После свержения царя Василия Черкасский примыкал к сторонникам поляков, однако, не был столь ярым приверженцем Сигизмунда III и Владислава, как Салтыков. Его польская ориентация была столь же сдержанной, как и у князей Ф. И. Мстиславского и Г. П. Ромодановского (см. очерк о Ромодановских) и родичей Черкасского – И. Н. Романова и Ф. И. Шереметева.

Как уже говорилось выше, на Избирательном соборе 1613 г. князь И. Б. Черкасский назывался в качестве одного из кандидатов на престол. Избрание царя Михаила Романова означало возвышение и всего романовского кружка. Первым это почувствовал на себе князь Иван Борисович, пожалованный в бояре в день царского венчания 11 июня 1613 г. (по данным других разрядов – на следующий день). «Сказывал» боярство князю боярин Василий Петрович Морозов – тесть Черкасского.

В 1618 г., когда королевич Владислав подходил к Москве, Черкасский был отправлен в Ярославль собирать ратных людей. В это время польские и литовские отряды из-под Москвы отправились «воевать галицкие места, и костромские, и ярославские, и пошехонские, и белозерские места». Тогда же явились к боярину с повинной «воровские» казаки, разорявшие дворцовую Ярополческую волость, Черкасский сказал им «милостливое слово» и послал казаков вместе с русскими ратными людьми против поляков и литовцев под командованием своего товарища – князя Г. В. Тюфякина. Тюфякин с честью выполнил поручение – он разбил врагов в Белоозерском уезде, хотя, как свидетельствует летописец, «в ту пору поход труден был: голод был самим [людям] и коням, потому что в ту пору была пора зимняя».

И хотя сам князь Иван Борисович воинской доблести не проявил, его распорядительность получила высокую оценку. За «многую службу» он был пожалован серебряным кубком и атласной шубой на соболях, ценою в двести рублей.

В правление царя Михаила Федоровича князь Иван Борисович, являвшийся двоюродным

братом царя, занимал значительное место. Черкасский не отличался военными дарованиями, зато был видным администратором. В его ведении находились следующие приказы: Сыскной (1619), приказ «Что на сильных людей челом бьют» (1618/19–1619/20), Поместный (1620–1621), Большой Казны (1622– 1642), Стрелецкий (1622–1642), Панский (1622–1623), Аптекарский (1623–1636/37), Иноземный (1624–1642). Согласно сложившейся практике, князь управлял несколькими приказами одновременно. Фактически князь И. Б. Черкасский являлся главой правительства при царе Михаиле Федоровиче. Его влияние особенно усилилось после смерти патриарха Филарета Никитича, бывшего соправителем сына. Черкасский активно участвовал и в международных делах, вел дипломатическую переписку и переговоры, в том числе и тайные.

Примечательной структурой был приказ «Что на сильных людей челом бьют». Аналогичный орган действовал в годы реформ Избранной рады при Иване IV Грозном, но в дальнейшем практика принятия челобитных на «сильных людей» была забыта. Поставив Черкасского главой подобного приказа, царь обоснованно ожидал от него справедливого и беспристрастного рассмотрения народных жалоб на самоуправство вельмож.

Назначение Черкасского главой Аптекарского приказа свидетельствует об особом доверии царя к боярину. Ведь глава Аптекарского приказа отвечал за важнейшую составляющую всей государственной жизни – здоровье царя и царской семьи. Как ближайший родич царя, Черкасский привлекался для решения весьма щекотливых дел. Так, в 1623 г. царь и патриарх поручили И. Н. Романову, И. Б. Черкасскому и Ф. И. Шереметеву рассмотреть вопрос о здоровье нареченной царской невесты Марии Хлоповой, отставленной и сосланной в Тобольск за то, что якобы скрыла свою тяжелую болезнь. В ходе расследования бояре выяснили, что Хлопова пала жертвой интриг со стороны Салтыковых, родичей матери царя – царицы-инокини Марфы. Салтыковы были сосланы, но Михаил Федорович так и не женился на Хлоповой. Обиженная за родичей, мать царя воспротивилась этому браку.

Своим богатством князь И. Б. Черкасский даже превосходил троюродного брата – князя Дмитрия Мамстрюковича. Он слыл первым богачом на Москве. В столице ему принадлежало четыре двора – в Кремле, на Знаменке, Кисловке и Никитской. Еще один двор Черкасского находился за городом, в Пушкарской слободе. В 1638 г. ему принадлежало 2149 крестьянских дворов.

Князь И. Б. Черкасский скончался в 1642 г., не оставив потомства, и также был похоронен в Новоспасском монастыре.

На рубеже XVI–XVII вв. действовал еще один представитель рода – князь Василий Карданукович (до крещения Казы-мурза) – троюродный брат И. Б. Черкасского. Он был сыном князя Карданука Дударукова. Неизвестно, когда князь Василий Карданукович выехал на Русь, но в 1582 г. он упоминается в разрядах как воевода полка правой руки в Новгороде, в походе на шведов. В 1586 и 1588 гг. князь возглавлял передовой полк в походе на «украйны», в 1589 г. нес «береговую службу» в Кашире и Одоеве. Во время набега Казы-Гирея в 1591 г. был первым воеводой передового полка на Туле, а при обороне Москвы возглавлял полк левой руки. В дальнейшем князь В. К. Черкасский неоднократно нес службу на южных рубежах.

Царь Борис Годунов возвел князя Василия Кардануковича в бояре на следующий день после своей коронации. В отличие от своей родни, князь Василий ориентировался на Годунова, а не на Романовых. В апреле 1599 г. он местничался с князем Борисом Камбулатовичем и не без поддержки царя, одержал над тем верх. При Годунове он часто нес службу в столице, участвовал в дворцовых церемониях и приемах послов. Князь В. К. Черкасский был женат на сестре главы Боярской думы – княжне Анастасии Ивановне Мстиславской. Родство с влиятельным, но лояльным правителю и царю Борису Мстиславским было безопасным для карьеры Черкасского при Годунове. В 1604 г. князь

Василий Карданукович был послан на воеводство в Смоленск. Стратегически важное положение этого города в момент начала самозванческой интриги в Литве подтверждает высокую степень доверия Бориса Годунова к князю В. К. Черкасскому.

В то же время близость к Годунову не повредила князю В. К. Черкасскому при Лжедмитрии I. В составленном при самозванце проекте Государственной Рады он включен в число советников. Правда, Лжедмитрий не пожелал оставить князя В. К. Черкасского в столице и отправил его в 1606 г. в Тулу «разбирать» служилых людей, а затем на воеводство в Рязань. Вероятно, там князь и был взят в плен в 1607 г. сторонниками нового самозванца – Лжепетра, выдававшего себя за никогда не существовавшего в действительности сына царя Федора Ивановича, царевича Петра, – и приведен в его резиденцию Путивль.

Лжепетр – истинное имя Илья Горчаков (Коровин) – был незаконнорожденным сыном муромского посадского человека. С юных лет он странствовал, был слугой торгового человека, холопом, стрельцом и, наконец, попал к терским казакам. Зимой 1605–1606 гг. казаки, жалуясь на задержку жалованья и голодную «нужу», винили во всем бояр. Среди казаков возник план провозгласить одного из своих молодых товарищей «царевичем Петром», сыном Федора Ивановича, и идти к Москве, искать милости государя. Выбор казаков пал на Илейку, или Муромца, потому, что он был в Москве и знаком со столичными обычаями. Илейка довольно быстро освоился со своей ролью и принялся с увлечением играть «в царевича». В январе 1607 г. Лжепетр с казаками появился в Туле, стремясь оказать помощь Болотникову, осажденному царскими войсками в Калуге. В мае Болотникову удалось прорваться в Тулу и соединиться с Лжепетром и другими своими сторонниками, но длительную осаду царя Василия Шуйского мятежники выдержать не смогли – они капитулировали, когда царь обещал сохранить им жизнь. Шуйский не сдержал своего слова – Лжепетр был повешен под Москвой, а Болотников утоплен в Каргополе. Лжепетр обладал весьма характерной простонародной внешностью. Источники называют его «детиной». Служилое сословие, признавшее Лжедмитрия I, отказывалось видеть в новом самозванце царевича. Дворяне, взятые в плен Лжепетром, «ничем не ужасались, их, воров, обличали, отнюдь на их вражью прелесть не прельщаясь, и все умерли за правду». Их ждала жуткая смерть – «иных с башни кидали; иных с моста в ров, иных вверх ногами вешали, иных по стенам распинали, руки и ноги гвоздями прибив, из пищали расстреливали». Так погиб и князь Василий Карданукович Черкасский.

В истории рода Черкасских в XVI– XVII вв. прослеживается любопытная закономерность. Князья Михаил Темрюкович, Дмитрий Мамстрюкович, Василий Корданукович, Иван Борисович не оставили потомков, и их богатство и влияние при дворе переходит к родичам – двоюродным или троюродным братьям либо представителям следующего поколения. При этом новый представитель был выходцем из Кабарды (за исключением князей И. Б. и М. Я. Черкасских), а не московским уроженцем. Как будто бы каждый раз этому роду для взлета требовался приток свежей крови.

В полной мере унаследовал как военные дарования князя Д. М. Черкасского, так и таланты государственного деятеля князя И. Б. Черкасского, князь Яков Кудетенович, сын правителя Кабарды Куденета Камбулатова. Куденет (Куденек) часто упоминается в русских документах. В 1588 г. он вместе с Мамстрюком был послом в Россию.

Его сын, Урускан-мурза, появился в России в 1624 г. и в том же году принял крещение с именем Якова. Крестным отцом князя стал боярин И. Н. Романов, родной дядя царя и князя И. Б. Черкасского. Так, с самого начала своей карьеры в России князь Яков Куденетович попал под опеку своих влиятельных родственников, и в первую очередь князей Дмитрия Мамстрюковича и Ивана Борисовича Черкасских.

С 1626–1627 гг. князь Я. К. Черкасский появляется в дворцовых разрядах в чине стольника. С весны 1641 г. он был воеводой в Туле. Боярство князь Яков Куденетович получил в 1645 г.,

до той поры ничем особенным еще себя не проявив. Черкасский был противником царского временщика Б. И. Морозова, его уважали и почитали москвичи. Отставив Морозова, царь Алексей Михайлович сделал князя главой правительства (июнь–октябрь 1648). Он возглавил Аптекарский, Стрелецкий, Иноземский приказы и приказ Большой Казны. Однако возвращение Морозова в Москву привело к отстранению Черкасского от должностей, переданных царскому тестю И. Д. Милославскому. При этом, как мы в дальнейшем увидим, Черкасский пользовался расположением царя и был близким к государю человеком. Однако до начала Русско-польской войны 1654–1667 гг. князь Яков Куденетович находился как бы в тени, несмотря на то, что уже в 1640-х гг. был едва ли не самым богатым землевладельцем России. Формально он занимал в придворной иерархии одно из самых высоких мест, но беспредельное влияние Морозова на царя не давало Черкасскому возможности развернуться в полную силу. Такая возможность представилась с началом Русско-польской войны 1654–1667 гг.

В мае 1654 г. князь Я. К. Черкасский был назначен первым воеводой большого полка, т. е. фактически главнокомандующим. В составе армии находился и царь, к которому сходилось все управление войсками, но он двигался отдельно с государевым полком и дворовыми воеводами Б. И. Морозовым и И. Д. Милославским. Основные силы, численностью в сорок одну тысячу человек находились под командованием князя Якова Кудене-товича.

В войне Черкасский проявил себя талантливым и удачливым полководцем. Царь остался осаждать Смоленск, отправив князя наступать в Белоруссии. Черкасский заставил отойти от Орши к Копыси армию гетмана Я. Радзивилла. Под Шкловом гетман вступил в бой с ертоульным полком князя Ю. Н. Барятинского. Черкасский поспешил к нему на помощь, и вновь Радзивилл ушел на запад. Черкасский и командующий другой армией князь А. Н. Трубецкой преследовали гетмана, не давая ему напасть на каждого из воевод поодиночке.

26 августа войску князя без боя сдался Могилев, затем воевода осадил крепость Дубровну. Город упорно защищался. Осаждавшие предпринимали смелые вылазки на укрепленный лагерь Черкасского, но после подхода к основной армии свежих сил под командованием Трубецкого и тяжелой осадной артиллерии защитники Дубровны капитулировали (12 октября). Между тем сдался Смоленск, успешно действовали другие царские воеводы. Итоги военной кампании 1654 г. были впечатляющими: «А поручил Бог ему, государю, у литовских людей Смоленск и иных тридцать два города».

1655 г. оказался еще более успешным. Попытки польско-литовских войск перейти в контрнаступление закончились неудачей, и инициатива перешла к русским, которые продолжили наступление. Целью наступления была столица Литвы – Вольно. 20 июня царь отправил войско Черкасского за Днепр по направлению Орша – Борисов – Минск – Вильно. Передовой полк окольничего Б. М. Хитрово взял Борисов, князь Ф. Ю. Хворостинин одержал победу над литовцами под Минском, город был взят с налета – русские «на спинах» противника «в город и въехали». В начале июля основные силы под командованием князя Якова Кудене-товича сосредоточились под Минском. К нему присоединился с запорожским войском полковник И. Н. Золотаренко, затем с государевым полком – сам царь. Из-под Минска Черкасский был отправлен к Вильно, на подступах к которой гетманы Я. Радзивилл и В. Гонсевский сосредоточили двадцатитысячное войско, намереваясь дать генеральное сражение.

29 июля Черкасский вступил в бой с Радзивиллом и Гонсевским в полумиле от Вильно. Сражение продолжалось «от шестого часа до ночи». Гетманы потерпели поражение и бежали за реку Вилию. Потери польско-литовской армии были значительными – только казаки Золотаренко взяли двадцать неприятельских знамен. Войско Черкасского вступило в Вильно и, подавив сопротивление небольшого польского гарнизона, заняло город (31 июля). 4 августа царь Алексей Михайлович прибыл в Вильно, а русские войска под командованием

князя Якова Куденетовича продолжили наступление – были взяты Ковно и Гродно. Посланные из-под Ковно князья С. А. Урусов и Ю. Н. Барятинский нанесли полякам поражение на Белых Песках, в 150 верстах от Бреста. Затем Урусов разбил литовского гетмана П. Сапегу в Верховичах.

Сокрушительные поражения, следовавшие одно за другим, сломили боевой дух литовцев. Гетман Гонсевский вступил в переговоры с Черкасским, запрашивая, на каких условиях царь согласен заключить мир. Между тем ситуация осложнилась.

Успешное продвижение русских войск в Белоруссии, Литве и на Украине вызвало большую тревогу у шведов. Само существование Речи Посполитой было поставлено под угрозу. Шведы не могли допустить, чтобы прибалтийские владения Литвы перешли к России, более того, они претендовали и на коренные литовские территории, тем более что часть литовской шляхты предпочитала союз и подданство короля шведского Карла X Густава тяжелой руке московского государя. Радзивилл принял имя гетмана шведского короля и Великого княжества Литовского и продолжал именоваться воеводой Вильно, в котором стояли полки Черкасского. Шведы вторглись в Ливонию, северные области Литвы и Польшу, отбили у русских город Друю.

Столкновение было неизбежным. 17 мая 1656 г. Россия объявила войну Швеции. Согласно заранее разработанному плану, армии князя Я. К. Черкасского поручалось через Витебск и Полоцк идти на Динабург и Ригу. Армией Черкаского штурмом был взят Динабург, переименованный в Борисоглебск, 14 августа русские полки захватили другую крепость на Западной Двине – Кокенгаузен. За Черкасским двигался царский полк.

21 августа войско Черкасского стояло под Ригой. Началась осада. По городу беспрестанно велся огонь тяжелой артиллерии. Шведы пытались сделать вылазки, но несли большой урон. В то же время мощные стены крепости и поддержка с моря позволяли гарнизону держаться довольно долго. Наступала осенняя распутица, а с ней затруднялась доставка припасов к стану осаждавших. Царь принял решение штурмовать город, однако накануне штурма шведы, получив известие от перебежчиков, совершили смелую и неожиданную вылазку. Русские понесли большой урон, нападавшим удалось уничтожить припасы, захватить пленных и взять 18 знамен. 5 октября царь отдал приказ об отступлении.

В результате похода за Россией остались двинские крепости Динабург и Кокенгаузен, но главная цель так и не была достигнута. Не следует винить в этом Черкасского. Без военного флота взятие приморской крепости, обладавшей крепкими укреплениями, было невозможно. Большую роль сыграла и стойкость шведского гарнизона под командованием графа Магнуса Делегарди. Спустя два года Россия заключила перемирие со шведами, война вновь перенеслась на Украину и в Белоруссию.

На некоторое время Черкасский был отозван в Москву. Главными воеводами новых кампаний стали князья А. Н. Трубецкой и Ю. А. Долгоруков. Опытный воевода понадобился царю в качестве дипломата. В феврале 1659 г. он участвовал в разработке плана действий на Украине против Выговского, одобренного царем и посланного князю Трубецкому. В 1661 г. Черкасский, Трубецкой и Долгоруков участвовали в переговорах с австрийским посольством А. де Мейерна (Мейерберга) и Г. Кальвуччи, пытавшимся играть посредническую роль на переговорах между Россией и Речью Посполитой.

В 1663 г. князь Яков Куденетович вновь отправился к войскам. Ему поручалось вести боевые действия против польского короля Яна Казимира в Белоруссии и на Украине. На этот раз военное счастье изменило князю. Ослабленный сопротивлением Украины, король в январе 1664 г. двинулся на север. На соединение с королем отправились гетманы Сапега и Пац. Наперерез к ним вышел к Брянску и Черкасский; гетманов удалось остановить, но король избежал столкновения с основными силами русского войска и осадил Глухов. На

помощь Глухову пришел уже известный нам князь Г. Г. Ромодановский. Ян Казимир был разбит, а остатки его войска бежали за Десну. Если бы Черкасский подоспел к месту сражения, королевская армия была бы уничтожена полностью.

В июне 1664 г. начались русско-польские переговоры в Дубровичах. В это время армия Черкасского стояла в боевом порядке в Почепе. Положение русских дипломатов на съезде было тяжелым. Польские комиссары держались высокомерно, требования их были явно завышены. Они знали, что положение на фронте складывается не в пользу русских. Воевода князь И. А. Хованский потерпел поражение под Витебском и потерял обоз. Поляки осадили Витебск. Армия Черкасского бездействовала. Полякам стало известно, что его воины «оскудевают запасами, стоя на одном месте, утехи себе и прибыли не имеют…».

В Москве зрело недовольство действиями «большого воеводы». Царь предписал князю двигаться к Орше, отправив обширный наказ, в котором говорилось, «что б он, боярин и воевода, взяв себе на помощь крепко великого Бога и Его святой образ, безо всякого сумнения дерзал и помышлял о имени Его святом, не опасаясь ничего… Речам глупых людей не радовался бы, что король от него побежал и он хотя и не нашел, зато и не потерял…». Князю предписывалось не только вести активные боевые действия, но и оказывать давление на польских уполномоченных на съезде – встать в 30 верстах от посольского лагеря «для страху польским комиссарам». Князю Ю. А. Долгорукову, участнику переговоров, царь послал сказать тайно о содержании этого наказа: «Князю Якову Куденетовичу Черкасскому послано выговорить за прежнее его стоянье без промысла; если он впредь будет делать так же, то великий государь изволит идти в Вязьму, а на место Черкасского воеводою укажет быть ему, князю Юрию Алексеевичу…»

Несмотря на увещевания царя, Черкасский так и не смог предпринять решительных действий. 22 июля царь указал князю ехать в Москву под предлогом того, что он назначен дворовым воеводой во время предполагаемого царского похода на Литву. На место Черкасского был назначен Долгоруков. К чести князя Якова Куденетовича следует сказать, что и его преемник не сумел совершить ничего выдающегося. Долгоруков двинулся к Шклову и осадил город, опасаясь идти дальше. Однако и эта демонстрация произвела впечатление на послов. Они снизили свои требования и переговоры возобновились.

Недовольство царя Черкасским за неудачный поход 1664 г. не отразилось на высоком положении князя. Государь чтил его прежние заслуги и уважал государственный опыт боярина. Во время посольских приемов ближний боярин князь Яков Куденетович Черкасский стоял с правой стороны от царя. Значение Черкасского как первого вельможи в государстве отмечают иностранцы, посещавшие Московию. Видный голландский государственный деятель Н. Витсен, бывший в России в 1664–1665 гг., пишет, что князь Яков Куденетович «очень известный и в русском государстве, и в соседних странах». А. Мейеберг (Мейерн) называет Черкасского «первым боярином».

Царское письмо к Черкасскому от 19 апреля 1655 г., когда князь находился в зените своей воинской славы, показывает, что Алексей Михайлович поддерживал с ним дружеские отношения. За нарочито грубым тоном скрывается тревога за воеводу и доверие к нему, серьезные выговоры царь посылал воеводам совсем иным тоном:

«От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца Черкаскому Косому. Писал ты к нам прежь сего, а ныне ты, страдник, худяк, ни к чему не надобен, не пишешь ни одной строчки. Отведаешь, как приехать, и увидишь наши очи, мы тебя, страдника, не велим и в город пустить. Писан в нашей отчине в Смоленске. Лета 7163 году, апреля в 19 день».

Князь Яков Куденетович унаследовал богатство своих бездетных родичей – князей Д. М. и И. Б. Черкасских, к нему же перешло состояние князя Ю. Я. Сулешова. По своим земельным владениям князь был крупнейшим землевладельцем России, уступая только царю. В 1646 г.

он владел 3250 дворами, в которых жило 7161 крестьян мужского пола. К 1678 г. во владении сына князя Якова Куденетовича Михаила Яковлевича находилось 7159 дворов в 16 уездах. Во владениях князя жило 22 427 крестьян мужского пола. Если прибавить к ним женщин и детей, то общее число крепостных Черкасского составит примерно 70 тысяч человек. Несомненно, что основная часть этих вотчин перешла к князю Михаилу Яковлевичу от отца – сам он к 1678 г. ничем особенным себя не проявил и вряд ли мог существенно увеличить родовое владение.

Основные вотчины Черкасского располагались в Нижегородском и Суздальском уездах. Среди них выделяются села Богородское (685 дворов), Ворсма (810 дворов), Павлов Острог (863 двора), Иваново (1029 дворов) (данные на 1678 г.). Три из них стали впоследствии городами – Ворсма, поднявшаяся как крупный центр кузнечного промысла, Павлово, славившееся своими кузнецами и кожевниками и являвшееся крупным торговым центром, Иваново, текстильный промысел в котором начинает развиваться уже в то время. Среди населения вотчин Черкасского упоминаются люди разных профессий – иконники, красильщики, кузнецы, сапожники, ножовщики, портные, мастера поташного дела, купцы, казаки и даже скоморохи (целых 11 дворов в селах Ворсма и Павлово в 1646 г.).

Значительны владения Черкасского и в Москве – помимо кремлевского двора, ранее бывшего за князем И. Б. Черкасским, ему принадлежало еще четыре двора – на Кулишках, Моховой, Знаменке, Смоленской.

Но, как гласит одна из старинных эпитафий: «Цвет цветши опадает, человек живши умирает. Зри человече на сии кости и на мертвую главу, царь ли, или воин, или праведник, или грешник, богат или убог, все в равном достоинстве…» Пришел черед и князя Якова Куденетовича покинуть этот мир. 5 июля 1667 г. патриарх Иоасаф служил по нем панихиду и литургию в Новоспасском монастыре, где упокоились останки боярина.

Сын князя Якова Куденетовича, князь Михаил Яковлевич, активно действовал уже в петровскую эпоху. В 1671 г. он был комнатным стольником царя Федора Алексеевича, в 1682 г. был пожалован в ближние бояре. Автор записок о стрелецком бунте 1682 г. А. А. Матвеев пишет, что князь М. Я. Черкасский, как и его более влиятельный родич, князь М. А. Черкасский, примыкал к партии Нарышкиных. Тем не менее его участие в событиях той борьбы незаметно. В 1685 г. он был отправлен на воеводство в Новгород. В 1692–94 гг. Черкасский возглавлял Расправную палату, а в 1697 г. был послан на воеводство в Тобольск.

Управление Черкасским Сибирью ознаменовалось крупными событиями. Следуя указам и наставлениям царя, Черкасский занялся активной разработкой природных богатств Сибири, выстроил кирпичные заводы под Тобольском и железоделательные заводы на реке Каменке в Тобольском уезде и на реке Нейве в Верхотурском уезде. В 1702 г. были основаны заводы на реках Исети и Ухтусе (Тобольский уезд), в 1703 г. – на реке Алапаихе (Верхотурский уезд). На заводах, основанных Черкасским, лились пушки, мортиры и ядра, столь необходимые для войны со шведами.

Сподвижник Петра I, ученый и многоопытный дьяк А. А. Виниус, обозрев построенные Черкасским заводы, писал государю, что «толикое обрел множество руд железных, что, мню, до скончания мира не выкопаются, а чаю, что прежде леса выйдут, нежели руда» (1702). Сибирская летопись отмечает, что дьяк приехал «с милостливым словом» к князю М. Я. Черкасскому, его товарищу и сыну, князю Алексею Михайловичу, и «ко всем градцким тобольским людям». Царь был доволен деятельностью воеводы.

Радость от царского внимания омрачалась для князя Михаила Яковлевича личным несчастьем. Его сын, ближний стольник князь Петр Михайлович, первоначально назначенный «в товарищи» к своему отцу, скончался в Тобольске в сентябре 1700 г. Воевода просил прислать ему в помощники другого сына – князя Алексея Михайловича, – что царь и сделал. Это говорит о доверии Петра I к Черкасскому. Царь знал, что боярин не употребит

своей власти для обогащения своей семьи. Князь Михаил Яковлевич славился среди администраторов той эпохи тем, что не брал взяток. Фантастическое богатство Черкасского, доставшееся ему от отца, позволяло князю Михаилу Яковлевичу презирать этот страшный порок, широко распространенный в его время. Многие другие не могли сдержать искушения нагреть руки на хлебных должностях. Таков, например, преемник Черкасского по управлению Сибирью, первый сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин. Он беззастенчиво обирал сибиряков и скопил баснословное состояние. О чудовищном казнокрадстве и взяточничестве Гагарина стало известно царю, который предал губернатора суду. Несмотря на заступничество знатной родни, по приговору суда князь Гагарин был повешен.

Впрочем, богатство Черкасского вряд ли может служить достаточным объяснением его бескорыстия. Тот же Гагарин или любимец Петра I Меншиков тоже владели огромными состояниями, но это не удерживало их от столь же масштабного воровства. Вероятно, родовая честь и представления о долге перед государем и Отечеством, которыми руководствовались его отец и родичи, не позволяли Черкасскому запускать руки в государеву казну.

Воровство Гагарина и его позорная смерть вошли в народные песни. О Черкасских сибиряки, напротив, сохранили добрую память. Историк Сибири П. А. Словцов (1767–1843) пишет: «Сии воеводы бескорыстным долголетним управлением и оправданною доверенностью утвердили правительство в сосредоточении воеводств в одну точку». В данном случае речь идет об образовании Сибирской губернии, но важен столь высокий отзыв об управлении Черкасскими Сибирью от историка и патриота Сибири Словцова. Князь М. Я. Черкасский покинул Тобольск в 1710 г. Его сыну, князю Алексею Михайловичу, довелось еще раз побывать в Сибири. С 1720 по 1722 г. он исполнял должность сибирского губернатора, сменив проворовавшегося Гагарина.

Князь Михаил Яковлевич Черкасский умер 28 июня 1712 г., оставив все свое состояние сыну – князю Алексею Михайловичу (1680–1742).

Князь Алексей Михайлович, подобно другим представителям родовитой молодежи, начал свою карьеру при дворе. В 1691–1692 гг. он упоминается в числе комнатных стольников царя Петра. Затем, как мы видели, в течение десяти лет Черкасский был помощником отца в управлении Сибирью и еще два года управлял самостоятельно. До этого, в 1712– 1715 гг., князь Алексей Михайлович был комендантом Санкт-Петербурга, а в последние годы правления Петра I – председателем канцелярии строений, и вызвал гнев царя своей нерасторопностью и медлительностью.

С кончиной Петра началась новая эпоха. На смену реформам и стремительным прорывам пришло время застоя в государственной деятельности и господства интриг и заговоров, борьбы придворных группировок и дворцовых переворотов. Для Черкасского, в отличие от многих его современников, людей более напористых и властолюбивых (Меншиков, Толстой, Остерман, Долгоруковы и другие), это было время спокойствия. Не отличавшийся особыми талантами и энергией, он спокойно поднимался в иерархии чинов и должностей. Богатство и знатность позволяли князю не заботиться о карьере, а удаленность от дворцовых интриг обеспечивала прочное положение при дворе. Супруга Черкасского – княгиня Мария Юрьевна (урожденная княжна Трубецкая) (1696– 1747) – считалась первой красавицей российского двора. Карьера Черкасского в эти годы шла успешно, без взлетов и падений. К 1730 г. он имел звание сенатора и чин тайного советника. Тогда-то и разыгрались события, нарушившие спокойную жизнь Черкасского и выдвинувшие его на авансцену политической жизни страны.

В 1730 г., после кончины Петра II, члены Верховного Тайного совета призвали на престол Анну Иоанновну, племянницу Петра I. Однако этот выбор верховники обусловили принятием новой государыней особых «кондиций». Согласно «кондициям», Верховный Тайный совет

становился соправителем императрицы, и самодержавие ограничивалось властью аристократической олигархии. Но, к несчастью верховников, страсть к политическому переустройству овладела тогда многими. Москва, наполненная дворянами, съехавшимися на свадьбу Петра II, а попавшими на его похороны, бурлила от неясных слухов. Верховники готовили свой конституционный проект в тайне, но смутные известия о государственном переустройстве широко распространились среди дворянства. Таинственность членов Верховного Тайного совета, князей Голицыных и Долгоруковых, сыграла против них – дворянство видело в верховниках узурпаторов и не собиралось принимать, навязанные ими решения. В дворянской среде один за другим стали рождаться альтернативные проекты реформирования политической системы России. Автором и деятельным пропагандистом одного из них был историк, географ и государственный деятель Василий Никитич Татищев (1686–1750).

Проект Татищева, в отличие от проекта верховников, ограничивал власть императрицы не в пользу Верховного Тайного совета, а в пользу двухпалатного правительства (Вышнего правительства, или Сената, и Нижнего правительства), которые формировались из дворянства («шляхетства»). Избрание членом обеих палат осуществляется собранием палат, к которым присоединяются высшие чиновники государства (военный и статский генералитет). Татищев предполагал передать в ведение Вышнего правительства международные отношения, важнейшие внутриполитические дела, законодательную инициативу. Нижнее правительство должно было ведать «внутренней экономией, т. е. делами внутреннего управления. Важным моментом была передача Тайной канцелярии под контроль верхней палаты.

Таким образом, татищевский проект реформы, во многом опираясь на шведскую модель государственного устройства, предлагал конституционное ограничение самодержавия в пользу военно-государственной элиты и дворянства.

Кроме того, он содержал важные положения о создании системы образования для шляхетства, отмене петровского указа о единонаследии (майорате), поддержке духовенства, льготах купечеству и др. Некоторые из этих идей (например, создание шляхетских учебных корпусов) были в дальнейшем воплощены Анной Иоанновной.

Татищев не имел высокого чина, не обладал ни богатством, ни влиятельными связями, для продвижения своего проекта ему нужен был влиятельный и уважаемый человек, поддающийся умелому влиянию. Татищев избрал князя Алексея Михайловича Черкасского. Историк Я. А. Гордин, рассматривая причины, по которым инертный, не стремящийся к славе Черкасский поднялся на столь опасное предприятие, считал, что князь «был не робок и не чужд понятия долга перед отечеством». Со стороны столь вдумчивого исследователя, как Я. А. Гордин, этот отзыв весьма важен, тем более что роль Черкасского в дальнейших событиях была неоднозначной.

Кружок Черкасского являлся наиболее влиятельным среди шляхетства, но не отличался единством. Помимо В. Н. Татищева, в него входили лица, гораздо менее склонные к принятию конституционных идей и стремившиеся к восстановлению самодержавия. Противостояние с верховниками до определенной поры объединяло их с дворянскими конституционалистами, но идеологи самодержавной партии – видный государственный деятель Андрей Иванович Остерман и новгородский архиепископ Феофан – весьма успешно интриговали, вербуя новых сторонников и укрепляя свои позиции. Сам Черкасский по линии жены, через Трубецких и Салтыковых, приходился свойственником Анне Иоанновне. Сестра его супруги, Прасковья Юрьевна Салтыкова, активно действовала в интересах сторонников самодержавия. Положение князя в событиях, развернувшихся вокруг конституционного проекта верховников и призвания Анны Иоанновны, было двойственным. С одной стороны, родственные связи (фактор в то время весьма существенный) тянули его в лагерь

сторонников самодержавия, с другой стороны, к конституционной партии влекли внутренняя потребность в переменах и умелая лесть и влияние Татищева. Следует отметить, что наряду с Черкасским проект ограничения самодержавной власти, подготовленный Татищевым, подписали также генералы Семен Андреевич Салтыков – родич императрицы, и Андрей Иванович Ушаков (при Анне он занял пост главы Тайной канцелярии) – оба непоколебимые сторонники самодержавия. Очевидно, в тот момент он считал проект Татищева меньшим злом, нежели проект Голицыных и Долгоруковых. Что же говорить о Черкасском?

Ситуация окончательно запуталась, когда Анна прибыла в Москву. Влияние и энергия адептов самодержавия существенно усилились. Верховники и дворянские конституционалисты, несмотря на идейную близость, так и не сумели найти общего языка, зато самодержавной партии удалось привлечь на свою сторону участников кружка Черкасского. Поддавшись на уговоры сторонников самодержавия, шляхетская партия признала средством к воплощению своих идей уничтожение «кондиций» и восстановление самодержавия, за которым последовало бы прошение о государственных преобразованиях (проект Кантемира).

Как только было достигнуто согласие между обоими партиями, события вновь усложнились. Наблюдая крах своих идей, Татищев проявил недюжинную энергию и подготовил новый документ – прошение об учредительном собрании. Под ним поставили свои подписи восемьдесят семь подписей, в числе которых Черкасский, Салтыков, Ушаков, шурин Черкасского князь Никита Трубецкой (такой же сторонник неограниченной монархии, как Салтыков и Ушаков). Вероятно, желание «прибавить себе воли», получить гарантии от деспотизма жило даже в этих приверженцах петровской военно-бюрократической системы. Благодаря Татищеву, Черкасский и другие вельможи, подписавшие оба проекта, вновь оказались в двусмысленном положении…

Развязка произошла 25 февраля. Утром этого дня во дворце собрались все участники противоборства. Здесь были члены Верховного тайного совета и дворяне, примыкавшие к кружку Черкасского, но главная сила принадлежала гвардии, которой командовал Салтыков. Князь Черкасский попросил императрицу об аудиенции, но вручил ей вовсе не тот документ, который она ожидала. Прошение дворян, которое тут же прочел вслух Татищев, содержало не требование восстановления самодержавия, а просьбу к императрице «собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть все обстоятельства, исследовать согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить». Иными словами, императрице был представлен татищевский проект об учредительном собрании, что было для нее крайней неожиданностью.

Надо сказать, что Анна Иоанновна умело вышла из затруднения. Она подписала дворянский проект и удалилась во внутренние покои. Пока верховники обдумывали сложившуюся коллизию, а шляхетство томилось неизвестностью в одном из парадных залов, дворец наполнился гвардейцами. Они кричали, что требуют восстановления законных прав императрицы и готовы сейчас же расправиться со «злодеями», посягнувшими на самодержавие. Татищев и его сторонники были вынуждены признать себя проигравшими. Делегация
Черкасского извлекла другую бумагу – проект Кантемира – и подала ее императрице. Спустя три часа после неудачной попытки просить об учредительном собрании, дворяне преподнесли прошение, в котором умоляли «всемилостливейше принять самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели…». Анна собственноручно изорвала текст кондиций. Попытка ограничения самодержавия провалилась.

Как видно, князь Черкасский вовсе не был ярым сторонником самодержавия, как это иногда изображается. Конституционные идеи были близки к его представлениям, но князь не стал бороться за их воплощение. Императрица простила Черкасскому его сомнительное поведение

во время кризиса самодержавной власти в 1730 г. и вознесла его на самую вершину государственной власти.

Вступив на престол, Анна Иоанновна уничтожила Верховный Тайный совет и восстановила Сенат, однако реально государством управлял Кабинет Ее Императорского Величества, одним из трех членов которого в звании кабинет-министра был сделан князь А. М. Черкасский. Подписи членов Кабинета министров приравнивались к подписям императрицы. Впрочем, роль Черкасского в Кабинете была ничтожной. Всеми делами в Кабинете заправлял А. И. Остерман, боровшийся за влияние на императрицу с Бироном. Деятельный участник событий аннинской эпохи, фельдмаршал Б. Х. Миних, в своих мемуарах писал: «Остерман считался человеком двоедушным, а Черкасский очень ленивым; тогда говорили: „В этом кабинете Черкасский был телом, а Остерман душой, не слишком честной“. Насмешливое наименование князя „телом кабинета“ как нельзя лучше соответствовало внешности Черкасского – он был человеком тучным и медлительным, с большим животом, что дало повод к еще одному ехидному прозвищу – Черепаха.

Еще более суров к Черкасскому историк князь Михаил Михайлович Щербатов, характеризующий его следующим образом: «Человек весьма посредственный, разумом ленив, незнающ в делах, и одним словом, таскающий, а не носящий имя свое и гордящийся едино богатством своим…»

Положение Черкасского было не только ничтожным, но порою и унизительным. Его жена, княгиня Мария Юрьевна, писала благодарственные письма Бирону, благодаря его за милости императрицы к мужу, и называла себя «нижайшей услужницей» фаворита. Сам Черкасский, получив известие о заговоре офицеров против Бирона, направился к фавориту и донес об этом. В июне 1740 г. Черкасский вместе с другими членами суда над кабинет-министром А. П. Волынским, утвердил жестокий приговор – Волынского приговорили к посажению на кол и урезанию языка, его сообщников, вина которых состояла лишь в недозволенных разговорах, – к четвертованию, колесованию и отсечению головы. Историк Е. В. Анисимов пишет: «Кто вынес этот лютый приговор? Не Бирон или Остерман, хотя именно они были тайными руководителями следствия, а члены суда – фельдмаршал И. Ю. Трубецкой, канцлер А. М. Черкасский, сенаторы – все русские, знатные люди, почти все – частые гости и собутыльники хлебосольного Артемия Петровича. Приходя в его дом, они любили посидеть, выпить да поесть с Артемием, наверное, ласкали его детей – сына и трех дочек, живших с Волынским-вдовцом. А 20 июня они, не колеблясь, приговорили самого Артемия к посажению на кол, а невинное существо – отроковицу Аннушку – старшую дочь своего приятеля – к насильному постижению в дальний сибирский монастырь, и спустя четыре месяца, когда Волынского уже казнили, не воспрепятствовали этой жестокой экзекуции. Патриотическое, дружеское, любое иное гуманное чувство молчало, говорил только страх».

Такую цену пришлось заплатить Черкасскому за свою нерешительность в 1730 г. Кто знает, прояви тогда князь Алексей Михайлович больше твердости, по-иному сложилась бы не только его судьба, но и судьба России.

Черкасский, как и почти все вельможи той эпохи, был не только труслив, но и мстителен. Черкасский и другие участники конституционных «затеек» 1730 г. (граф М. Г. Головкин, князь Н. Ю. Трубецкой) преследовали Татищева, обвиняя его в мнимых преступлениях. После смерти Анны Иоанновны, Черкасский настаивал на провозглашении Бирона регентом. Когда же в результате заговора фельдмаршала Миниха всемогущий Бирон пал, князь Алексей Михайлович собственноручно избрал ему местом ссылки город Пелым – за годы управления Сибирью он хорошо изучил этот край и знал, куда надо ссылать.

И вновь князю удалось не только удержаться наверху, но подняться еще выше. Отметив, что за свое поведение относительно Бирона Черкасский заслуживает более наказания, чем

награды, новая правительница Анна Леопольдовна пожаловала князю высшую должность империи – канцлера и должность президента Коллегии иностранных дел. Ни Анна Леопольдовна, ни Миних, ни Остерман не опасались возвышения Черкасского, считая его абсолютно лишенным политических амбиций. Дела вернулись к прежнему состоянию. Остерман был душой кабинета, а Черкасский – телом. Однако это спокойствие было недолгим. Новый переворот – на этот раз цесаревны Елизаветы, дочери Петра I, – потряс империю (21 ноября 1741), однако и на этот раз Черкасский выстоял. Более того, в который раз он вновь оказался судьей своего бывшего товарища – на этот раз Остермана. Старик Черкасский настаивал на четвертовании такого же дряхлого старика – Остермана. Во время казни больной Остерман сам не мог взойти на эшафот, его подняли и вдоволь помучили, положив головой на плаху и угрожая топором, затем объявили о монаршей милости – ссылке в Березов.

Падение Остермана произвело удивительную перемену в Черкасском. На девятом десятке лет он стал стремиться к реальному участию в государственных делах, проявлял твердость, спорил с влиятельным и опытным А. П. Бестужевым. По словам С. М. Соловьева, князь «под конец жизни заглаживал старые грехи, стоя твердо за русские интересы».

Князь Алексей Михайлович Черкасский умер в ноябре 1742 г. Его дочь, княжна Варвара Алексеевна (1711– 1767) – единственная наследница огромного состояния, – испытала немало горестей из-за своего исключительного положения. Немало женихов зарились на богатейшую невесту России. Брак княжны стал чуть ли не государственной задачей в правление императрицы Анны, большой любительницы разбираться в матримониальных делах своих подданных. В результате брак княжны с милым сердцу графом Петром Борисовичем Шереметевым (сын фельдмаршала) откладывался целых десять лет до тех пор, пока не умерла Анна Иоанновна.

Со смертью князя Алексея Михайловича потомство Камбулата Идарова в России прекратилось. Следующая линия рода происходит от младшего брата Темрюка и Камбулата – Желегота. Внук Желегота, Сунчалей Янглычев (Канклычев), служил русскому царю. В 1614 г. он получил жалованную грамоту царя Михаила Федоровича на суд над жившими в Терском городе аккинцами (окочанами) – выходцами из ингушского общества Акко. Из шести сыновей Сунчалея наиболее известны Муцал и Сунчалей.

Муцал Сунчалеев во главе кабардинских и ингушских отрядов воевал против турок и крымцев, которым был нанесен большой урон. В 1648 г. Муцала и его сына Каспулата принимал и награждал в Москве царь Алексей Михайлович. Позднее Муцал получил от царя жалованную грамоту, в которой он назначался князем над «окочаны и над черкесы, которые служат на Тереке», в его ведение передавались суд и взимание судебных пошлин.

Сын Муцала – Каспулат – унаследовал положение отца после его смерти в 1661 г. Он являлся деятельным участником войн России с турками и крымскими татарами. В 1675 г., соединившись с запорожским атаманом Иваном Серко, князь Каспулат напал на крымцев, проник за Перекоп, нанес татарам поражение и освободил русских пленных. Во время Чигиринских походов князь Каспулат во главе кабардинской кавалерии был послан в армию князя Г. Г. Ромодановского. Наградой ему стало пожизненное право на таможенную пошлину на Тереке. Активная роль Каспулата Муцаловича в русско-крымско-турецких столкновениях не ограничивалась военными походами. В 1680 г. по поручению российского правительства он вел переговоры с представителями крымского хана о заключении сепаратного мира между Россией и Крымским ханством. В том же году князь Каспулат Муцалович скончался.

Братья Муцала – Желегот и Сунчалей – выехали в Россию. Желегот принял в крещении имя Федора, а Сунчалей – Григория (1642). Князь Григорий Сунчалеевич Черкасский дослужился до боярского чина, в 1660–1663 гг. был воеводой в Астрахани, владел поместьями и вотчинами, однако видного положения при дворе так и не занял. В 1672 г. князь Григорий

Сунчалеевич был убит в своей вотчине Саврасове дворовыми людьми, задумавшими ограбить боярина. Он был женат дважды. Первый раз на княжне Прасковье Никитичне Одоевской, дочери видного государственного деятели и дипломата боярина князя Н. И. Одоевского; второй раз – на княжне Евдокии Ивановне Пронской, род которой восходил к рязанским удельным князьям.

Единственный сын Григория Сунчалеевича – князь Даниил Григорьевич – был воеводой в Казани. Он так и не достиг боярства и служил в стольниках. Выше стольничьего чина не поднялся и брат князя Григория Сунчалеевича, князь Федор Сунчалеевич (ум. 1633), женатый на княжне Екатерине Ивановне Воротынской, родственнице царя Алексея Михайловича. Однако племянник Григория и Федора Сунчалеевичей, князь Михаил Алегукович (до крещения Алегук-мурза), известен как видный государственный деятель Петровской эпохи.

Князь Михаил Алегукович упоминается как стольник в 1668 г. В 1674 г. он был послан воеводой в Новгород и получил ответственное поручение – вести дипломатические переговоры с литовцами. Для представительности князю был дан титул «наместника Ярославского», что свидетельствует о важности вопросов, решение которых было доверено Черкасскому.

В 1677 г. князь Михаил Алегукович был пожалован в бояре, а в 1679 г. поставлен во главе большого полка в войске, направленном в Киев. Черкасский нанес поражение татарам под Киевом, был воеводой в этом городе и руководил строительством новых укреплений. В 1680 г. он отправлен на воеводство в Казань, а в 1681 г. руководил переговорами с крымцами, закончившимися заключением Бахчисарайского мирного договора, согласно которому Левобережная Украина с Киевом и Запорожье признавались владением России. Наградой за успешную дипломатическую службу князю стали новые вотчины в Московском и Суздальском уездах в 500 четвертей земли.

После смерти царя Федора Алексеевича князь Михаил Алегукович примкнул к партии Нарышкиных. Во время стрелецкого восстания в мае 1682 г. Черкасский был послан к мятежным стрельцам уговаривать их успокоиться. Стрельцы шумели, не слушали боярина и изодрали на нем кафтан. Когда началась расправа над боярами, князь попытался спасти боярина Артамона Матвеева, воспитателя царицы Натальи Кирилловны.

Сын Матвеева, Андрей Артамонович, в своих записках пишет: «И в тот час из бояр князь Михаил Алегукович Черкасский зело великодушное и высокой памяти достойное дело учинил, оставя смертный час, из рук (стрельцов. – С. Ш.) отнял его (Матвеева. – С. Ш.), упав на него. И тою верноискреннею христианства целостию сам избавитель наш Господь Иисус Христос своим божественным похвали словом тако: «Несть паче той любви, иже положит душу свою за други своя». И те неукротимые и человеческой крови исполненные руки, радостно и сладостно желательные, его боярина Матвеева, ни в чем не повинного, из-под него, боярина князя Черкасского, вырвав, разодрали на нем, упомянутом князе, платье и потом бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора, и с таким своим тиранством варварскими бердышами все его тело рассекли и разрубили так, что ни один член целым не нашелся».

В октябре 1682 г. боярин был назначен судьей в Палате расправных дел. В правление царевны Софьи Черкасский поддерживал царицу Наталью Кирилловну и враждовал с фаворитом царицы – князем В. В. Голицыным. Последний считал князя наиболее опасным из своих врагов и из Крымского похода 1687 г. призывал своего клеврета дьяка Ф. Л. Шакловитого смотреть «недреманным оком на Черкасского».

При Петре I значение и влияние Черкасского возросло. Царь так уважал заслуженного и престарелого князя, что избавил его от унизительного брадобрития. Помимо Черкасского такой чести был удостоен только один боярин – царский «дядька» (воспитатель) Т. Н.

Стрешнев. В 1696 г. при подготовке к первому Азовскому походу Петр возвел Черкасского в звание генералиссимуса и поручил главное командование войсками. Болезнь князя воспрепятствовала исполнению этого поручения, и главнокомандующим был назначен А. С. Шеин.

В 1697–1698 гг. Черкасский активно участвовал в строительстве кораблей. Обладая значительным богатством, он вкладывал большие суммы в создание русского флота.

Во время частых отлучек царя Черкасский оставался «управлять Москвою». В 1707 г. Петр, опасавшийся, что шведы могут дойти до Москвы, поручил князю руководить строительством городских укреплений, копить припасы и вообще готовиться к осаде.

Князь Михаил Алегукович был привлечен к расследованию стрелецкого мятежа 1698 г. На картине «Утро стрелецкой казни» В. И. Суриков изобразил Черкасского рядом с Петром I, восседающим на коне. Художник представил князя величавым боярином в старинном русском платье и с длинной бородой.

Несмотря на то что князь был верным сторонником Петра и дела преобразований, его личные пристрастия к старине, а также традиционное уважение к роду Черкасских привлекали к Михаилу Алегуковичу симпатии народа. Во время майской бойни 1682 г. он отделался лишь разорванным платьем, хотя рисковал жизнью. В 1700 г. еретик Григорий Талицкий, пытавшийся поднять новое стрелецкое восстание, призывал избрать в цари князя Черкасского, потому что тот «человек добрый».

Князь Михаил Алегукович не мог равняться по своему состоянию с первым богачом того времени – князем Михаилом Яковлевичем Черкасским, но также владел большим состоянием. В 1696 г. за ним числилось 1814 дворов. Крупное имение Черкасского располагалось в Московском уезде (село Рождественно Горетова стана). Ранее оно принадлежало вышеупомянутому А. С. Матвееву, затем было у него конфисковано и в 1678 г. передано Черкасскому. Усадьба вотчинника была любовно обустроена Матвеевым.

В селе стояла каменная церковь с колокольней (на ней большой колокол в 29 пудов и 9 маленьких), хозяйские хоромы, крытые тесом, комнаты в которых были украшены «стенным письмом», отдельно находились – изба поваренная, ледник и амбар, конюшня, баня, «клети людские» и другие постройки. К двору примыкал яблоневый сад, окруженный деревянными воротами. Хорошо развито было и вотчинное хозяйство – быки, коровы и свиньи на скотном дворе, мельница, запасы ржи, овса, ячменя, сена.

После возвращения из ссылки Матвеев получил Рождественно обратно, но к 1715 г. оно вновь вернулось к наследникам умершего к тому времени Черкасского. При дворе боярина княгине Евдокии Ивановне имение было вновь описано. Мы видим уже не одну, а две церкви (одна из них деревянная) и по-прежнему богатый двор вотчинника. Скотный двор расширился. Выделились особые конюшенный и птичий дворы, а для сельскохозяйственных припасов был создан житный двор.

После смерти княгини в 1739 г. Рождественно перешло к ее дочери Евдокии Щепотьевой. При новой владелице устройство усадьбы упростилось. Документы отмечают только одну деревянную церковь (вероятно, каменная стала ветхой), скотный и конюший двор вновь слились в один, зато на житном дворе количество житниц с 5 увеличилось до 9.

От двух браков (первый – с княжной Евдокией Данииловной Велико-Гагиной, второй – с Евдокией Ивановной Бобарыкиной, урожденной княжной Пожарской, внучкой прославленного полководца) у князя Михаила Алегуковича было трое сыновей: Андрей, Василий и Борис.

Сын князя Андрея Михайловича (комнатный стольник Петра I, участник Великого посольства, сержант Преображенского полка) от брака с княжной Анной Федоровной Куракиной – князь Александр Андреевич (ум. 1749) выдвинулся в правление Анны Иоанновны. В звании камергера и чине действительного статского советника он был

назначен губернатором Смоленска. По интригам Бирона князь Черкасский был сослан в Сибирь, однако вскоре возвратился. Елизавета Петровна пожаловала князя Александра Андреевича в генерал-лейтенанты и назначила гофмаршалом.

Из его потомков наиболее знаменит праправнук князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) – видный деятель эпохи «великих реформ» Александра II. Деятельность князя необычайно многообразна. Он внес огромный вклад в разработку и проведение крестьянской реформы, играл значительную роль в управлении Польшей, активно работал на посту московского городского головы, создавал гражданское управление в Болгарии, освобожденной от османского владычества в ходе Русско-турецкой войны.

Черкасский учился Московском университете почти в одно время с С. М. Соловьевым, М. Н. Катковым, Ф. И. Буслаевым, К. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным и другими выдающимися общественными деятелями, учеными и литераторами, выдвинувшимися в конце 1850-х годов. По свидетельству Б. Н. Чичерина, князь «блестяще» окончил юридический факультет Университета и собирался писать магистерскую диссертацию о целовальниках – лицах общественного управления средневековой Руси. Однако диссертация так и не была написана. «Она была задумана в либеральном духе, – пишет Б. Н. Чичерин, – а с 48-го года нельзя было писать уже решительно ничего, носящего на себе хотя тень либерализма». После статьи о закрепощении крестьян и Юрьевом дне, написанной в 1852 г., но не пропущенной цензурой, Черкасскому было и вовсе запрещено выступать в печати.

Литературное поприще, а также широкое поле для государственной и общественной деятельности открылось для князя В. А. Черкасского с воцарением Александра II. В общественной и литературной жизни Москвы еще в конце правления Николая I сложились две знаменитые «партии» – славянофилов и западников. Черкасский примыкал к славянофилам, печатался в их журнале «Русская беседа», но, как замечает славянофил А. И. Кошелев, «расходился с нами в самых существенных убеждениях». По отзыву Кошелева, Черкасский «вовсе не считал православного Христова учения основой нашего мировоззрения, высказывался беспрестанно против сельской общины и любил насмехаться над народом-кумиром, коему, по его мнению, будто поклонялись Хомяков и К. Аксаков». Вторит Кошелеву и западник Чичерин: «Он не поклонялся древней России, весьма неблагосклонно смотрел на русского мужика, не возводил русского мужика в идеал, был поклонником свободных учреждений Запада, а в религиозных вопросах в эту пору был скептик». И все же патриотический настрой славянофилов был Черкасскому ближе, нежели скептическая позиция западников.

От нового государя ждали обновления государственного устройства империи, и Александр II оправдал эти ожидания. Выступая перед московским дворянством 30 марта 1856 г., государь заявил о необходимости произвести преобразования в положении крепостных людей и о том, что желательно произвести их «сверху», прежде чем они потребуются «снизу». Эта речь вызвала бурную реакцию в московском обществе. В либеральных кругах один за другим стали рождаться проекты преобразований в сфере крепостного права. Автором одного из таких проектов был и князь В. А. Черкасский. Губительность крепостного права осознавалась им давно. Еще с 1846 г. он освобождал крестьян в своем имении. В январе 1858 г. Черкасский, Ю. Ф. Самарин и А. И. Кошелев отправили свои проекты в Санкт-Петербург. Правительство привлекло авторов к работе над законом об отмене крепостного права, и Черкасский и Самарин вошли в состав Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах (1859).

В работе над проектом крестьянской реформы проявилась огромная работоспособность и кипучая энергия Черкасского. «Работник он был неутомимый, – пишет Чичерин, – он сам вникал во все подробности и направлял всякое дело». Князь Владимир Александрович стал главным работником комиссии. В выработке законодательства о крестьянах Черкасскому

пришлось столкнуться с противоположными идеями и воззрениями, приспосабливаться к колебаниям правительственного курса, согласовывать массу общих и частных факторов и обстоятельств. По свидетельству современников, первоначальный проект «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» 19 февраля 1861 г. был написан рукой Черкасского.

«Во всякой другой стране человек, выдвинувшийся таким образом, ставший, единственно в силу своих способностей, одним из главных деятелей в величайшем из всех преобразований, получил бы влиятельное значение в государственной жизни… – пишет Б. Н. Чичерин. – Но русское самодержавие привыкло смотреть на людей как на орудия, которые можно брать и бросать. Выходящие из ряду вон способности внушали ему даже опасения, особенно когда они соединялись с независимостью характера». Главные деятели крестьянской реформы получили награды и были удалены от решения текущих вопросов государственной жизни.

Князь В. А. Черкасский удалился из Петербурга и взял на себя обязанности по воплощению в жизнь созданных при его активном участии законов. Он принял скромную должность мирового посредника Веневского уезда Тульской губернии. Согласно «Положению» 19 февраля, институт мировых посредников был введен для решения спорных вопросов между помещиками и крестьянами и проведения реформы в жизнь. Черкасский деятельно принялся за новое направление работы, но в 1863 г. был вновь призван в столицу для разработки крестьянской реформы в Царстве Польском.

Перед Черкасским и его товарищами встала задача особой сложности. Находясь в составе Российской империи с конца XVIII в., Польша так и не смогла смириться с потерей независимости. Ее неоднократно сотрясали масштабные восстания, последнее из которых охватило этот край в 1863–1864 гг. Лидером национального сопротивления было дворянство, но польское и литовское крестьянство тоже волновалось, поднимаясь как против царской власти, так и против своих помещиков.

Князь В. А. Черкасский был назначен на ответственную должность главного директора правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Вместе с ним поехал в Польшу и Ю. Ф. Самарин, который не принял никакого официального звания. В Петербурге Черкасского поддерживал Николай Алексеевич Милютин (1818– 1876) – сенатор и статс-секретарь по делам Царства Польского, еще один выдающийся либеральный деятель той эпохи. Работа Черкасского усложнялась не только запутанной ситуацией в самой Польше, но и противоречиями в польской политике верховного правительства. Как пишет Чичерин, князь «был непосредственно подчинен наместнику (Царства Польского. – С. Ш.) и должен был вести против него постоянную подземную войну, противодействовать всем его тайным и явным стараниям парализовать предпринимаемые правительством меры и подставлять ногу назначенным от государя исполнителям».

По свидетельству А. И. Кошелева, Черкасский был сторонником ущемления прав польского дворянства. Согласно с планами правительства, он стремился предоставить льготы и экономические выгоды крестьянству в ущерб землевладельцам. Князь полагал, что, поощряя вражду между крестьянами и помещиками, можно добиться «невозобновления волнений в крае и попыток отложения его от империи». В целом же указ «Об устройстве крестьян в Царстве Польском», разработанный Милютиным, Самариным и Черкасским и вступивший в силу 19 февраля 1864 г., был гораздо проще в воплощении и выгоднее и для крестьян и для помещиков, нежели реформа в Европейской России.

Проводя важные преобразования в Польше, князь нажил себе множество врагов, как в российской администрации, так и среди поляков. Он неоднократно пытался выйти в отставку, но всякий раз был удерживаем Милютиным. Когда в 1866 г. Милютина сразила тяжелая болезнь и он удалился от государственных дел, Черкасский подал в отставку и переехал в Москву. Этот шаг вызвал крайнее недовольство императора, и пути к дальнейшей

государственной карьере для князя были закрыты.

Частная жизнь продолжалась для князя В. А. Черкасского недолго. В 1869 г. по предложению московского городского главы князя А. А. Щербатова, уходившего в отставку, его преемником был назначен Черкасский. Современники отмечают, что новое поле деятельности было тесным для князя. Резкость во взаимоотношениях с подчиненными, выработавшаяся в Польше, была неуместной в работе на выборной должности. Но для города Черкасский смог сделать немало. Благодаря настойчивости князя в собственность города был передан водопровод, стала городской собственностью знаменитая Чертковская библиотека, были основаны пять городских училищ. Черкасский участвовал в выработке Городового положения 1870 г. и условий его применения к Москве.

Однако наиболее значительным деянием Черкасского на посту городского главы стали не достижения в области городского хозяйства, а смелая общественная акция – подача «Адреса» Московской городской думы, вызвавшего большой резонанс как в России, так и за рубежом. Поводом для подачи адреса стал отказ Александра II от выполнения унизительных условий Парижского мирного договора 1856 г. о запрете России держать флот в Черном море. Правительство ожидало и поощряло подачу от дворянских обществ и сословных учреждений верноподданнических адресов в поддержку этого шага.

Составленный князем В. А. Черкасским и дополненный И. С. Аксаковым адрес касался не только одобрения внешней политики правительства, но и пожеланий к дальнейшим реформам во внутренней. В частности, в нем говорилось о необходимости преобразований в сфере печати, предоставления «простора мнению и печатному слову, без которых никнет дух народный». Адрес был одобрен большинством голосов депутатами Московской думы, в восторге от него был и генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков. Однако в Петербурге реакция была противоположной. Адрес возвратили, сочтя его «неуместным». 19 марта 1871 г. князь сложил с себя полномочия городского головы и вновь возвратился к частной жизни.

«Как он ни любил отдых, – пишет Б. Н. Чичерин, – однако бездействие стало наконец тяготить его. Он чувствовал себя полным сил, а приложить их было некуда. Государственное поприще было для него закрыто; мелкая общественная деятельность его не удовлетворяла; журнальная болтовня ему претила…» С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. перед Черкасским открылось новое дело. Через военного министра Д. А. Милютина он предложил себя в качестве уполномоченного Красным Крестом в действующей армии. Эта инициатива была принята. Впоследствии Черкасскому пришлось решать вопросы, гораздо более широкого плана, нежели его обязанности на посту руководителя миссии Красного Креста. Он был назначен главой Временного гражданского управления Болгарии, освобожденной русскими войсками от власти турок, и начал разработку проекта государственного управления Болгарии. Этот проект лег в основу Тырновской конституции, принятой Учредительным собранием Болгарии в 1879 г., уже после смерти князя. В 1881 г. Тырновская конституция была отменена болгарским правителем Александром Баттенбергским, но в 1884 г. вновь восстановлена и действовала вплоть до фашистского переворота в Болгарии в 1934 г.

В своем последнем служении России князь Владимир Александрович вновь подвергся мелочным нападкам и унижениям. Он сделался раздражителен, томился невыносимым положением, но не хотел оставить незавершенного дела. Тяжкие условия, в которые он был поставлен, и работа на износ подломили здоровье Черкасского. Он умер 19 февраля 1878 г. в очередную годовщину обнародования «Положения о крестьянах» и в самый день подписания Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией.

Тело князя В. А. Черкасского перевезли из Сан-Стефано в Москву и похоронили на кладбище Данилова монастыря. В 1930-е гг. этот некрополь был разрушен, утрачена и могила князя Владимира Александровича.

По словам Ивана Сергеевича Аксакова, князь В. А. Черкасский «был человек государственный, но не принадлежал к сонму царедворцев и сановников, не проходил иерархической лестницы. Он всегда вольно и невольно сохранял за собой характер как бы представителя или делегата от общества на государственном деле, хотя бы он и был главным его руководителем». Высокую оценку Черкасскому дает и Б. Н. Чичерин, писавший, что уже одной деятельности князя по разработке крестьянской реформы «достаточно, чтобы вписать его имя в историю». «С ним умер человек, одаренный высшими государственными способностями, который сам собою выдвинулся в критические минуты, показал все свои силы, оказал отечеству незабвенные услуги и затем был кинут в сторону, как негодная тряпка», – пишет Чичерин.

Память о князе В. А. Черкасском хранят и до нашего времени Мыс Черкасского и Гора Черкасского на берегу Берингова моря, названные в честь него в 1881 г. экипажем клипера «Стрелок».

Линия потомков Александра Андреевича Черкасского, из которой происходил и князь В. А. Черкасский, пресеклась в конце XIX в. Другая ветвь рода происходит от младшего сына боярина и князя Михаила Алегуковича – Бориса Михайловича.

Стольник и поручик лейб-гвардии Семеновского полка князь Борис Михайлович Черкасский (ум. 1721) был женат на княжне Марфе Степановне Ромодановской (правнучка князя Г. П. Ромодановского – см. очерк о Ромодановских). Линия его потомков продолжается вплоть до начала XXI в.

Сын князя Бориса Петровича – князь Петр Борисович (ум. 1768) – начал службу при Петре I. Во время Русско-турецкой войны при Анне Иоанновне он воевал в чине полковника. В составе армии фельдмаршала Б. Х. Миниха Черкасский участвовал в броске за Перекоп и взятии столицы Крымского ханства Бахчисарая. В 1743 г., уже при Елизавете Петровне, Черкасский был назначен членом комиссии по расследованию «государственных преступлений» Ивана Степановича Лопухина и его родни. Преступления Лопухиных заключались в излишне вольных разговорах, осуждавших новую императрицу, однако повлекли за собой тяжелое наказание «виновных». В 1743–1760 гг. в чине генерал-майора Черкасский был губернатором в Новгороде, а в 1760 г. переведен на ту же должность в Москву с производством в генерал-поручики. На посту московского градоначальника Черкасский пробыл два года, и после воцарения Петра III вышел в отставку в чине генерал-аншефа. Благоволение государя выразилось в пожаловании князю Петру Борисовичу одного из высших орденов империи – ордена Александра Невского.

Князь П. Б. Черкасский был владельцем большой усадьбы в Китай-городе, в самом конце Никольской улицы, пожалованной еще в 1673 г. князю М. А. Черкасскому. Память об этом сохранилась в названии тамошних переулков – Большого и Малого Черкасских.

Потомки князя Петра Борисовича в XIX в. в основном служили на военной службе и традиционно в лейб-гвардии Семеновском полку. Потомок князя Петра Борисовича – князь Михаил Борисович (1882–1918) – связал свою судьбу с военным флотом России и известен как один из выдающихся офицеров императорского флота.

Князь М. Б. Черкасский окончил Морской корпус (1901) и на крейсере «Диана» ушел в плавание на Дальний Восток. На этом же судне он участвовал в Русско-японской войне, сражался с японским флотом 28 июля 1904 г. После прорыва «Дианы» в Сайгон крейсер был интернирован до конца войны.

После возвращения в Россию князь М. Б. Черкасский был назначен на линейный корабль и служил на нем с 1906 по 1909 г. В эти же годы он написал учебник «Морской практики», принятый для преподавания в Морском корпусе. Военная карьера Черкасского развивалась успешно – в 1910 г. он старший офицер-артиллерист на линейном корабле «Андрей

Первозванный». В 1912 г. князь поступил в Николаевскую военную академию, служил в Морском генеральном штабе, создал ряд работ по теории и практике морской войны.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. князь Михаил Борисович переходит в штаб командующего Балтийским флотом. После назначения капитана I ранга А. В. Колчака на должность командующего минной дивизией, князь Черкасский был переведен на его место флаг-капитаном оперативной части Балтийского флота. Летом 1917 г. он был произведен в контр-адмиралы и исполнял обязанности начальника штаба командующего флотом. После Октябрьской революции, в январе 1918 г., князь М. Б. Черкасский вышел в отставку и уехал к родственникам жены на Украину.

В это время создавалось Белое движение. Князь Михаил Борисович не вступил в борьбу, хотя командование Добровольческой армии намеревалось привлечь его в свои ряды, памятуя о Черкасском как о заслуженном и авторитетном офицере. А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» вспоминает: «…Вся трудность заключалась в выборе лица, которое могло возглавить флот и успешно повести дело его возрождения. Я совершенно не имел никаких знакомств в морских кругах и вынужден был довольствоваться мнением моряков, находившихся в сношениях со Ставкой. Получалась картина полного безлюдья. Мне называли только два имени – контр-адмирал князь Черкасский, который где-то в Советской России и которого нам так и не удалось разыскать; другой – вице-адмирал Саблин…»

В этот момент время отсчитывало последние дни жизни князя Михаила Борисовича. Во время борьбы между гетманом Украины П. П. Скоропадским и С. В. Петлюрой, его призвали в гетманскую армию. В ноябре 1918 г. князь Михаил Борисович был расстрелян петлюровцами в городе Золотоноша Полтавской губернии.

Другие представители рода участвовали в борьбе с большевиками. Князь Михаил Алексеевич Черкасский (1867–1953) – выпускник училища правоведения, до революции был симбирским губернатором. В Добровольческой армии он служил по санитарной части. В 1920 г. князь заведовал санитарной службой в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку, а в мае того года – санитарным транспортом в Гвардейском кавалерийском полку при эвакуации Крыма. В эмиграции жил в Югославии и Бельгии. Скончался он в Брюсселе в 1953 г.

В 1920 г. под Егорлыком погиб корнет Сводно-гренадерского кавалерийского полка Добровольческой армии князь Алексей Михайлович Черкасский. Выпускник Пажеского корпуса, штабс-ромистр лейб-гвардии Кирасирского полка Его Величества («желтый кирасир») князь Игорь Михайлович вступил в Добровольческую армию в 1918 г. В 1919 г. он командовал эскадроном, а в 1920 г. – дивизионом Кирасирского полка, был произведен в чин подполковника. В эмиграции князь И. М. Черкасский жил в Бельгии, участвовал в эмигрантских изданиях, написал книгу воспоминаний «Лейб-гвардии Кирасир Его Величества в гражданскую войну». Умер он также в Брюсселе в 1975 г.

В эмиграции род князей Черкасских пресекся, однако продолжился в Советской России. Единственный сын контрадмирала князь Борис Михайлович Черкасский родился 26 июля 1918 г., за несколько месяцев до гибели отца. Он окончил факультет точной механики МВТУ, в годы Великой Отечественной войны работал на военном заводе в Кронштадте, затем, – в Центральном артиллерийском конструкторском бюро в подмосковном Калининграде. Князь Б. М. Черкасский принял деятельное участие в восстановлении Российского дворянского собрания в 1990 г. В лице князя Бориса Михайловича и его потомков род князей Черкасских продолжается до наших дней.

Наряду с основной линией рода Черкасских, в России XVI–XIX вв. действовали также и другие представители этой фамилии, определить точное место которых на родословном древе затруднительно. Более того, существовали целые роды, по-видимому, не имеющие прямого отношения к потомкам Темрюка и его братьев. Таковы, например, князья

Ахамашуковы-Черкасские и Егуповы-Черкасские.

Весьма своеобразную известность получил при царе Алексее Михайловиче дальний родич бояр Якова Куденетовича и Григория Сунчалеевича князь Андрей Камбулатович Черкасский, сын князя Камбулата Пшимаховича. Он был захвачен Степаном Разиным в Астрахани в 1670 г. и во время разинского восстания против своей воли играл роль «царевича Алексея Алексеевича» при Разине. Князя везли в отдельном струге, обитом красным бархатом. В уездах, охваченных волнением, приносили присягу «царевичу». Этим Разин стремился подтвердить свою правоту, указывал на то, что воюет против «злых бояр» по воле истинного государя. После разгрома и пленения Разина князю Андрею Камбулатовичу удалось довольно скоро оправдаться. Его включили в состав конвоя, который вез пленного предводителя мятежа. Позднее, в 1682 г., он был пожалован из стольников в спальники царя Ивана Алексеевича.

В первой четверти XVIII в. большую роль в восточной политике России сыграл князь Александр Бекович Черкасский, который еще часто именуется в историографии Бекович-Черкасским. До крещения князь Александр Бекович носил имя Девлет-Кизден-мурза. С детства он воспитывался в Москве, в доме боярина князя Бориса Алексеевича Голицына, видного петровского сподвижника. Секретарь австрийского посольства И. Г. Корб, бывший в России в 1698–1699 гг. и встречавшийся с молодым князем Александром Бековичем, пишет, что в его чертах видны «благородство и твердость духа, обличающие воина по происхождению». Впоследствии князь женился на дочери Голицына – княжне Марфе.

В 1707 г. князь Александр Бекович был отправлен учиться в Голландию, а по возвращении исполнял ответственные дипломатические поручения Петра I. В 1711 г. он был послан на Кавказ поднимать кабардинцев против Кубанской Орды. Князь не только заручился поддержкой своих соплеменников, но и привел их к присяге царю. В 1714 г. он вновь противостоял турецкой дипломатии на Кавказе, донося об опасностях, грозящих России с этой стороны, и перспективах для российской дипломатии. Помимо дипломатической службы, Петр I поручил князю исследование Каспийского моря и прилегающих к нему территорий. Во время морских экспедиций в 1714–1716 гг. он обследовал восточный берег Каспия, основал там три крепости и составил карту этих мест.

Петр лелеял масштабные планы по проникновению в Среднюю Азию и Индию. Их выполнение было поручено князю Александру Бековичу. В 1717 г. князь был послан во главе военно-дипломатической экспедиции в Хивинское ханство. Задачи, которые поручалось выполнить отряду Черкасского, носили масштабный стратегический характер. Царь наказывал стараться склонить к подданству хивинского и бухарского ханов, разведать речной путь в Индию, который, как тогда считалось, лежит по Амударье, и искать залежи золота на Сырдарье. По сути дела, речь шла о вторжении в Среднюю Азию и установлении в ней решающего влияния России.

Поход на Хиву был начат весной 1717 г. из Астрахани сухим путем. В составе экспедиции Черкасского, помимо морских офицеров, навигаторов и инженеров, находилось до пяти тысяч казаков и солдат. За шесть дней пути до Хивы отряд князя подвергся нападению хивинцев. Ханское войско достигало 20 тысяч человек, но Черкасский успешно оборонялся в новоотстроенной крепости. Натолкнувшись на упорное сопротивление русских, хан пошел на хитрость. Хивинцы вступили в переговоры с Черкасским и на Коране поклялись соблюдать мир и не делать зла русскому войску. Хан пригласил Черкасского в Хиву, но, говоря, что такой отряд будет невозможно обеспечить продовольствием, уговорил его разделить войско на пять частей. Воспользовавшись тем, что русские потеряли бдительность, хивинцы поодиночке захватили отряды казаков и солдат в плен. Самого Черкасского и бывшего с ним астраханского дворянина Михаила Заманова хан приказал казнить, затем, отрубив головы и содрав кожу, набить травой.

Так трагически закончилась первая попытка установления российского влияния в Средней Азии. Нельзя отрицать определенную долю вины в этой трагедии самого князя Черкасского, безрассудно доверившегося хивинцам. Однако истинным виновником гибели экспедиции был Петр I, отправивший в далекий, неизведанный и опасный путь малочисленный отряд и поручивший ему выполнение столь амбициозных задач.

Дальнейшая история проникновения России в Среднюю Азию показывает, что покорение Хивинского и Бухарского ханств требовало больших материальных усилий и крупных воинских соединений. Обладая гораздо более значительным войском и имея в руках приблизительные карты местности, оренбургский губернатор В. А. Перовский зимой 1839/40 гг. также потерпел сокрушительную неудачу при попытке завоевания Хивы. Из отряда в 5 тысяч человек от холода и болезней погибли более половины солдат. При этом войска Перовского практически не вступали в сражения с хивинцами – мороз, ветры и болезни делали свое дело. Не дойдя до Хивы, Перовский был вынужден возвратиться обратно. Только создав линию опорных крепостей и наступая большими силами с разных сторон, тот же Перовский в 1850-х гг. положил начало закреплению России на северных границах Кокандского ханства, а М. Г. Черняев, К. П. Кауфман и М. Д. Скобелев развили и продолжили это наступление.

Потомки князя Александра Бековича носили фамилию Бекович-Черкасские или просто Черкасские. Правнук князя А. Б. Черкасского – князь Петр Дмитриевич Черкасский (1799–1852) – был членом декабристской организации «Практический союз», примыкавшей к московской управе Северного общества. Черкасский также входил в литературно-философское «Общество любомудрия», и в его московском доме проходили тайные собрания общества. Впрочем, за свое участие в тайных обществах князь Петр Дмитриевич не пострадал и к следствию по делу декабристов привлечен не был. Впоследствии он достиг чина действительного статского советника и был симбирским губернатором. Сын князя П. Д. Черкасского – князь Семен Петрович – в середине XIX в. славился как коллекционер произведений искусства.

Знаменитые авантюристы XVI в.

Малюта Скуратов – одна из самых мрачных фигур русской истории. Всесильный фаворит Ивана Грозного, царский любимец и палач, организатор опричного террора и его порождение, Малюта стал символом того кровавого времени, воплощением его духа.

В годы опричнины было не так уж сложно попасть в окружение царя – куда труднее было сохранить голову на плечах. «Кто был близок к великому князю, тот ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал», – свидетельствует современник событий немец-опричник Генрих Штаден. Лишь немногие близкие к царю люди избежали рук палачей. Малюта Скуратов был одним из тех, кто не изведал на себе царского гнева.

Подлинное имя Малюты – Григорий Лукьянович Бельский. Отец Малюты, Лукьян Афанасьевич, носил прозвище Скурат, значение которого нам неизвестно. По отцу Григорий назывался Скуратовым. Его личное прозвище было Малюта. Таким образом, Малюта Скуратов – мирское имя, образованное от двух прозвищ.

Уж не звериная ли жестокость стала причиной ироничного прозвища, данного этому человеку? Малюта – маленький, малыш. Юмор русского Средневековья был весьма специфическим.

С. М. Эйзенштейн в знаменитом фильме «Иван Грозный» сделал палача выходцем из низов, чем погрешил против истины. Отец Малюты, Лукьян Афанасьевич, происходил из рода звенигородских землевладельцев; в конце жизни он принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. Малюта Скуратов с братьями Нежданом и Третьяком в 1550 г. упоминается в числе дворян, внесенных в особый список «Тысячную книгу» и получивших

поместья под Москвой, чтобы в любое время «быть готовыми в посылки», т. е. исполнять различные поручения.

Малюта начал служить в опричнине с самого ее основания. В своей опричной резиденции, Александровой слободе, царь обрядил «братию» в черные монашеские одежды, а сам, изображая игумена, по утрам звонил на колокольне. В этой псевдомонастырской иерархии Малюта был пономарем – мелким служителем, который должен готовить кадило, зажигать свечи и т. д. Но вскоре Малюта выдвинулся вперед.

В 1567 г. он руководил разгромом сел боярина И. П. Федорова и казнил 39 крестьян. Свирепость Малюты пришлась по душе Грозному, и тот поручил Скуратову вместе с двумя другими своими любимцами – Афанасием Вяземским и Василием Грязным – с отрядом стрельцов красть жен и девиц из домов служилых и торговых людей земщины. Дележом добычи занимался сам царь.

Скуратов становился заметной фигурой. Он участвовал в низложении митрополита Филиппа и руководил судом над Владимиром Старицким (двоюродным братом царя). Воздавая должное палаческим заслугам, царь пожаловал его чином думного дворянина, так как ни окольнического, ни боярского чина не мог дать своему худородному любимцу.

Пожар царевой «лютости» продолжал полыхать. В 1569 г. Иван Грозный обвинил в измене целый город – Великий Новгород – и двинул на него опричное войско. По дороге Малюта был послан в Тверской Отроч монастырь с тем, чтобы получить у заточенного там митрополита Филиппа благословение на разгром Новгорода. Мы не знаем, о чем говорили опальный иерарх и царский опричник. Можно предположить, что митрополит в гневе обещал проклясть царя и исполнителей его злой воли. Известно, что Малюта задушил предстоятеля церкви, а выйдя, объявил, что Филипп умер от духоты в келье.

Избиение новгородцев стало вершиной злодеяний опричников. Отряд Малюты Скуратова уничтожил 1505 человек. В Торжке Скуратов велел рубить пленных татар, но те отчаянно сопротивлялись и ранили ножом самого Малюту. Опричники спасовали и вызвали стрельцов на подмогу. Татары были расстреляны из пищалей.

Вершиной палаческой карьеры Малюты Скуратова стал 1570 г. Скуратову и Василию Грязному удалось одолеть главу опричного ведомства А. Д. Басманова, который был казнен, и занять руководящие должности в опричнине. В 1571 г. Малюта сосватал царю свою родственницу – Марфу Васильевну Собакину. После помолвки девушка стала недомогать, поползли слухи об отраве, но царь все-таки сыграл свадьбу. Через неделю Марфа умерла, так фактически и не став женой царя. Смерть Марфы не отразилась на судьбе Малюты. В 1572 г. он был дворовым воеводой в шведском походе, участвовал в переговорах с литовскими и крымскими послами. В декабре 1572 г. он находился в войсках, осаждавших ливонскую крепость Пайду (Вейсенштейн). Во время штурма крепости, 1 января 1573 г., Малюта был убит.

Исследователь опричнины С. Б. Веселовский высказал предположение, что Малюте, над которым в конце 1572 г. нависла угроза опалы, не оставалось другого выхода, как броситься навстречу верной смерти. Веселовский напоминал, что тогда же В. Г. Грязной был послан без соответствующего прикрытия на разведку в донецкие степи и попал в плен к татарам. Не было ли это завуалированной формой опалы? Впрочем, другой историк, В. Б. Кобрин, показал, что Малюта перед гибелью был влиятелен как никогда.

Тело Малюты по поручению царя перевез в Иосифо-Волоколамский монастырь, в усыпальницу Бельских, дворянин Евстафий Михайлович Пушкин. Пушкин, как и Скуратов, был связан с Иосифо-Волоколамским монастырем, служил в опричнине и пользовался доверием царя. Иван Грозный дал на поминовение души Малюты 1500 рублей – огромный вклад, больше, чем на панихиды по собственным дочерям, Анне и Марии, и брату Юрию. Вдова Малюты получила пенсию, в размере оклада своего покойного мужа – 400 рублей –

случай для XVI в. уникальный, а его племянник Богдан Яковлевич был пожалован богатым поместьем. Дочери опричника еще при его жизни составили себе удачные партии: Анна вышла замуж за боярина, князя Ивана Михайловича Глинского (двоюродного брата царя); Мария – за боярина, впоследствии царя, Бориса Годунова; Екатерина (Христина) – за боярина, князя Дмитрия Ивановича Шуйского; четвертая дочь, неизвестная по имени, – за опричника, татарского князя Ивана Келмамаевича Келмамаева (ум. 1572/73).

Малюта Скуратов оставил по себе недобрую и долгую память. В народных песнях он изображается как злой гений царя Ивана, противостоящий «старому боярину» Никите Романовичу. В «Песне о гневе Грозного на сына» Малюта Скуратов хочет извести царевича и обвиняет его в измене. Когда Грозный велит казнить сына, Малюта берется за топор и радостно восклицает:

Ай же, Грозный царь, Иван Васильевич!

А моя-то работушка ко мне пришла!

Неограниченное доверие царя к Малюте унаследовал его племянник, Богдан Яковлевич Бельский, не менее дяди склонный к авантюрам. Любопытно, что царская милость не поколебалась даже тогда, когда Давыд Невежин Бельский, другой племянник Малюты, бежал в Литву. Богдан Яковлевич получил чин думного дворянина и должность оружничего, а в конце правления Ивана Грозного возглавил Аптекарский приказ.

Бельский сумел извлечь из своего положения максимальную выгоду. Он получил обширные вотчины и поместья в десяти уездах, скопил огромное состояние. В разные годы Богдан Яковлевич сделал в Иосифо-Волоколамский монастырь вклады на помин души своих родственников в 1000 рублей. Для сравнения скажем, что в XVI в. оклад служилого человека невысокого ранга равнялся 5–10 рублям в год, а высший боярский оклад – 400 рублям. Село с несколькими деревнями можно было купить за 100–200 рублей, а кунью шубу – за 5–6 рублей.

Заботам Бельского были поручены не только лекарства и травы в Аптекарском приказе. Незадолго до смерти, царь приказал собрать различных колдунов, чтобы те предсказали время его кончины. Бельскому, как наиболее близкому к государю человеку, было поручено передавать царю их предсказания. Согласно запискам английского дипломата Д. Горсея, чародеи оповестили Бельского, что «самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день; но Бельский не осмелился сказать царю так; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в этот день все они будут сожжены». Когда же наконец наступил предсказанный день, Грозный отправил Бельского к колдунам, и «тот пришел и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии как никогда. „Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится, только когда сядет солнце“». Тем временем царь отправился в баню, а затем сел играть в шахматы. Внезапно с царем случился приступ, он упал навзничь и в суматохе «был удушен».

Историк В. И. Корецкий считал это сообщение заслуживающим внимания и полагал, что царь был убит своими приближенными – Б. Ф. Годуновым и Б. Я. Бельским, которым грозила расправа. Особой опасности подвергался Бельский, посмевший сокрыть от царя изначальное предсказание волхвов. Выводы В. И. Корецкого опираются и на слухи об отравлении царя Бельским, широко распространившиеся в Москве вскоре после смерти Грозного. «Враг добра роду христианского, хотя привести в последнюю пагубу, вложи в человецы мысль, что будто Богдан Бельской своими советники извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет бояр побити и хочет подыскати под царем Федором Ивановичем царства Московского», – сообщал «Новый летописец».

Дальнейшие события, произошедшие в Москве 2 апреля 1585 г., также довольно красочно описаны «Новым летописцем». «Чернь», «ратные московские люди» и дворяне из иных

городов (среди которых летописец особо выделяет рязанцев Ляпуновых и Кикиных) подступили к Кремлю и повернули царь-пушку в сторону Фроловских ворот, намереваясь штурмом брать крепость. Боярам, которые вышли успокаивать волнение, толпа закричала: «Выдай нам Богдана Бельского! Он хочет извести царский корень и боярские роды». Бельский был сослан в Нижний Новгород, и волнение успокоилось.

Польский посол Л. Сапега, находившийся в это время в Москве, писал в депеше, что причиной волнения стала попытка Бельского произвести переворот. Он собирался внушить царю Федору, чтобы тот «двор и опричнину соблюдал так, как его отец». Одновременно тот же Сапега сообщает и о совершенно противоположных планах Бельского, который якобы намеревался возвести на престол царевича Дмитрия. Несмотря на противоречивость в известиях Сапеги, очевидно, что Б. Я. Бельский намеревался после смерти Грозного укрепить свое положение и занять ключевую роль в управлении государством, но потерпел поражение. Умелые действия его противников привели к восстанию и ссылке Бельского. В борьбе за власть Бельский опирался на круг худородных любимцев Грозного, в основном бывших опричников, вознесенных к вершинам власти волей покойного тирана (к этой группировке некоторое время примыкал и Борис Годунов). Противниками Бельского были родовитые бояре-князья, наиболее видными из которых были князья Шуйские.

В ссылке Богдан Яковлевич находился недолго. Уже в 1591 г. он возвратился ко двору и занял свою прежнюю должность оружничего и начальство над Аптекарским приказом. При вступлении на престол Бориса Годунова Бельский был пожалован в окольничьи, а вскоре получил ответственное назначение – строить новую крепость Царев-Борисов на Донце. Вскоре после своего возвращения в 1600 г. Бельский подвергся жестокой опале, причина который была неясна современникам.

«Новый летописец» сообщает, что Бельский, находясь в Цареве-Борисове, за свой счет обеспечивал местных служилых людей. Вскоре в Москве стало известно об этом. Бельского хвалили и прославляли. Борис Годунов, напротив, пришел в ярость – Бельский не только становился слишком популярен, но и самозванно присвоил себе право награждать и жаловать, принадлежащее царю. Царь приказал арестовать Богдана, по ложному обвинению окольничий подвергся пыткам и унижениям и был сослав в тюрьму в Поволжье.

Сходную версию излагает немец К. Буссов, дополняя эту картину демонстрации прямыми политическими обвинениями: «Когда же крепость была окончена, злодей (Бельский. – С. Ш.) посмел объявить, что он теперь царь в Борисграде, а Борис Федорович – царь в Москве». Эта похвальба и стоила Бельскому его карьеры и свободы.

Сохранившийся фрагмент следственного дела Б. Я. Бельского показывает совершенно иную причину его опалы. Он представляет собой часть «расспросных речей» «доктора» Аптекарского приказа Гаврила Юрьева. Гаврила извещал, что Бельский «знает всякие зелья, добрые и лихие, да и лечебники все знает же, да и то знает, кому добро зделать и чем ково испортить, и для того Богдану у государя блиско быти нелзе». Это утверждение подкреплялось и прямым обвинением в том, что Бельский поднес царю не то зелье, которое приготовил Гаврила вместе с другим доктором, а зелье, приготовленное «канун того дни». Когда же Гаврила пытался донести об этом, то Бельский приказал его арестовать. При повторном расспросе доктор продолжал твердить, что Богдан «аптекарское дело знает гораздо и ведает, чем человека испортить и чем его опять излечить, да и над собою Богдан то доделывал, пил зелье дурное, а после того пил другое».

Итак, очевидно, что Б. Я. Бельский был обвинен в попытке отравить царя, что и определило жестокую расправу над ним. По сообщению К. Буссова, царь Борис приказал «одному шотландскому капитану, по имени Габриэль… вырвать у самозванного царя (Бельского. – С. Ш.) пригоршнями всю густую и длинную бороду». Вряд ли будет натяжкой утверждение, что

«доктор Гаврило Юрьев» из документов следственного дела и шотландец Габриэль у Буссова – одно лицо.

Опала на Бельского последовала в 1600 г. вскоре после опалы и ссылки могущественного клана бояр Романовых. Бельского и Романовых связывали определенные симпатии. В ссылке, насильственно постриженный в монахи, Филарет Романов жаловался на свою судьбу, обвинял своих недругов-бояр и говорил о них, «нет де у них разумного; один де у них разумен, Богдан Белской, к посолским и ко всяким делам добре досуж». Об этом же свидетельствует Буссов, искажая хронологию событий, он говорит, что Романовы «душевно скорбели о том, как поступили с Богданом Бельским».

В ссылке Б. Я. Бельский пробыл вплоть до смерти Бориса Годунова. Царь Федор Борисович Годунов – двоюродный племянник Бельского (его мать царица Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, была двоюродной сестрой Бельского) – возвратил опального из ссылки. Однако ненависть к годуновскому роду была у Бельского сильнее родственных чувств. Он принял деятельное участие в низложении царя Федора, произошедшем 1 июня 1605 г. Когда эмиссары Лжедмитрия I Г. Г. Пушкин и Н. М. Плещеев прочитали на Лобном месте грамоты самозванца с призывом покориться и выдать ему Федора Годунова, Бельский вышел к народу и стал говорить, что именно он спас царевича от козней Годунова, за что и претерпел гонения. Народ повалил в Кремль и начал грабить дворы Годуновых, но Бельский остановил мародерство, объявив, что годуновское добро принадлежит «царю Дмитрию», и обратил народный гнев против своих давних недругов – докторов-иноземцев.

Царь Федор Борисович и его мать Мария Григорьевна были убиты, а Лжедмитрий I вступил в Москву. Бельский снова выходил к народу, клялся, что самозванец есть истинный царевич, и целовал икону Николы. Лжедмитрий I пожаловал Бельского в бояре, но тот снова принялся за старое: пытался внушить новому царю мысль учредить опричнину по примеру его мнимого отца – Ивана Грозного. Самозванец не нуждался в советах, да и враги Бельского не дремали. Богдан Яковлевич снова, уже в который раз, оказался в ссылке – на воеводстве в Великом Новгороде. Царь Василий Шуйский услал Бельского еще дальше – воеводой в Казань.

Далее, вплоть до гибели Б. Я. Бельского в 1610 г., о нем нет никаких известий. Обстоятельства кончины Бельского весьма загадочны. Согласно «Новому летописцу», Б. Я. Бельский после низложения в Москве Василия Шуйского воспротивился принесению казанцами присяги Лжедмитрию II и призывал их целовать крест тому, «кто будет на Московском государстве». Позиция довольно трезвая и взвешенная, что не очень вяжется со всей предыдущей деятельностью Бельского – авантюриста и интригана. Однако «крепкостоятельство» Бельского имело для него весьма плачевные последствия – казанский дьяк Никанор Шульгин, стремившийся к тому, чтобы взять власть в Поволжье в свои руки, подговорил «воров» убить Бельского. Богдана Яковлевича схватили и сбросили с башни Казанского кремля. На третий день после убийства Б. Я. Бельского в Казань пришло известие о смерти Лжедмитрия II – «те же казанские убойцы раскаяшеся, что они целовали крест Вору и неповинно убили окольничево». Дьяк Никанор Шульгин, захвативший власть в Казани и прославившийся другими злодеяниями и грязными делами, за «воровство» был в первые месяцы правления царя Михаила Федоровича сослан в Сибирь, где и умер.

В источниках XVI в. упоминаются и другие представители этого рода, однако в дальнейшем их след затерялся. Они выбыли не только из состава московского боярства, но и вовсе из «дворового списка». Род, давший России двух знаменитых негодяев, как будто исчерпал себя и пропал в неизвестности.

Первая выборная династия. Годуновы

Крылатые пушкинские слова о Борисе Годунове: «Вчерашний раб, татарин, зять

Малюты…» – прочно вошли не только в учебную литературу, но также и в серьезные научные труды. Еще со времен летописных повестей XVII в. за Годуновым утвердилось имя «лукавого раба». Вслед за ними отечественная историография от Н. М. Карамзина до С. Ф. Платонова отказывала ему в знатности происхождения. Подчеркивались и татарские корни – предком Годунова был мурза Чет, появившийся в России в XIII в. Однако вряд ли в эпоху Годунова кто-либо стал попрекать его происхождением, ведь ко времени его вступления на престол прошло чуть более 25 лет после недолгого царствования на московском троне крещеного хана Семена Бекбулатовича, ставленника Грозного. К тому же была жива память о татарах – владыках над великими русскими князьями.

Зятем опричного палача Малюты Скуратова Годунов действительно был. Однако делил эту сомнительную честь с двумя другими, еще более знатными представителями московского боярства (см. очерк о Скуратовых-Бельских).

Между тем если мы присмотримся к истории рода Бориса Годунова, то сможем вслед за известным знатоком истории московского боярства С. Б. Веселовским сказать, что переход русского престола в конце XVI – начале XVII в. к Годуновым и Романовым, происходившим из старомосковского боярства, не случаен.

Согласно родословной легенде, предок Годуновых и родственных им Вельяминовых и Сабуровых мурза Чет крестился на Руси с именем Захария и после чудесного ему видения основал на Костроме Ипатьев-Троицкий монастырь, где принял монашество и был похоронен. Его потомки тесно связаны с Ипатьевским монастырем. Со времен мурзы Чета и до XVII в. в стенах монастыря упокоился прах тридцати Годуновых, многие из которых были и монахами монастыря.

Сын мурзы, Александр Захарьевич, по прозвищу Зерно, был крупным костромским землевладельцем. Под 1304 г. летопись сообщает об убийстве Александра Зерно, но за что он был убит – неизвестно. Его сын Дмитрий Александрович Зернов около 1330 г. выехал служить московскому князю Ивану Калите и был у него боярином. Трое сыновей Дмитрия Зернова – Иван Красный, Константин Шея и Дмитрий – были боярами великого князя Дмитрия Донского, а двое старших подписались на духовной грамоте (завещании) великого князя в качестве свидетелей.

У Ивана Дмитриевича Красного было трое сыновей. Все трое – родоначальники разных родов. Федор Сабур – Сабуровых, Даниил Подольский – Подольских, Иван Годун – Годуновых. Боярин Федор Сабур был участником Куликовской битвы. Именно он обнаружил на поле боя лежавшего без чувств великого князя Дмитрия Донского. Его потомки, Сабуровы, впоследствии дважды породнились с потомками Донского. В 1505 г. наследник престола Василий Иванович (будущий Василий III) женился на Соломониде Юрьевне Сабуровой. Этот брак был бесплодным, и в 1523 г. великий князь развелся с женой и заточил ее в Суздальский Покровский монастырь. В 1572 г. Евдокия Богдановна Сабурова выдана замуж за царевича Ивана Ивановича, сына Ивана Грозного. Этот брак был еще менее продолжителен, и Евдокию постигла судьба старшей родственницы. Через один-два года после свадьбы ее насильственно постригли в монахини и заточили в монастырь.

Годуновы вплоть до середины XVI в. оставались в тени. В 1567 г. Костромской уезд, вместе с вотчинами Годуновых, был взят в опричнину. В отличие от аристократических землевладельцев, имения которых царь конфисковал, Годуновы не только не пострадали, а, наоборот, выдвинулись. Правнук Ивана Годуна, Дмитрий Иванович Годунов, приглянулся Ивану Грозному и в 1571 г. получил придворную должность постельничего, о которой уже говорилось выше. При мнительном царе Иване в руках постельничего сосредотачивалась огромная власть, тихие речи главного соглядатая страны могли сгубить не одно знатнейшее семейство. Дмитрий Иванович еще более упрочил свое положение, женив племянника Бориса Федоровича на дочери всесильного Малюты Скуратова.

Дмитрий Иванович и Борис Федорович успешно продвигались по служебной лестнице: в 1578 г. Дмитрий Иванович стал боярином, а Борис в различных походах был оруженосцем царевичей Ивана и Федора, а в 1573 г. и 1580 гг. на свадьбах царя – дружкой со стороны жениха. Удача сопутствовала Годуновым и в местнических делах. В 1570 г. Борис успешно местничался с князем Сицким (потомком Ярославских князей), а в 1575 г. в местническом споре одолел князя Бориса Давыдовича Тулупова, фаворита Грозного, впавшего в немилость у царя. Тулупова и его родственников казнили, а Борис Годунов получил их вотчины, которые после смерти Ивана Грозного отдал в монастырь на помин души казненных. Вершиной успеха Годуновых при Иване Грозном стала состоявшаяся в 1580 г. свадьба царевича Федора Ивановича и Ирины Федоровны Годуновой, племянницы Дмитрия Ивановича и родной сестры Бориса. В том же году Борис Федорович получил боярство и попал в число наиболее приближенных к Ивану Грозному людей.

Незадолго до своей смерти Иван Грозный назначил при своем сыне Федоре боярский совет, который, по мысли царя, должен был помочь его наследнику управлять страной. Однако сразу же после смерти царя Ивана в 1584 г. среди членов совета и Боярской думы началась борьба за власть и влияние на нового государя. К 1587 г. первенствующее положение при дворе занял боярин Борис Федорович Годунов. Он сумел одолеть влиятельную боярскую партию князей Шуйских и постепенно забрал в свои руки практически все рычаги управления государством. Англичане именовали Бориса в своих грамотах «лордом-протектором», а королева Елизавета называла его «любимым кузеном».

При царе Федоре Борису Годунову удалось добиться больших успехов – как во внутренней, так и во внешней политике. При Годунове приняты законы, направленные на улучшение материального положения дворян и тяглых (плативших налоги – «тягло») городских жителей. Большое значение придавалось каменному строительству. В 80–90-е гг. XVI в. были основаны и заселены многочисленные крепости в Поволжье, на южной окраине России и в Сибири. Некоторые проводимые Годуновым меры (борьба с взяточничеством, благотворительные акции) направлялись на то, чтобы снискать популярность в широких слоях населения, чего и удалось достичь правителю.

Во взаимоотношениях с другими странами Годунов стремился к укреплению мира и торговых связей. Боевые действия велись только со Швецией, но попытка отвоевать русские земли на Балтийском море окончилась неудачей. По договору 1595 г. Швеция возвратила России только г. Корелу, а выход русским судам в Балтийское море был по-прежнему блокирован шведами.

Именно в правление Годунова в Москве учреждено патриаршество (1589). До этого главой Русской Православной Церкви являлся митрополит Московский. Значение этого события трудно переоценить: отныне Русская Церковь обретала независимость от константинопольского патриарха, с которым была связана со времени крещения Руси. Первым русским патриархом стал Иов, верный союзник Годунова, обязанный ему своим возвышением.

Зловещей страницей правления Годунова, бросающей тень на его имя, является таинственная кончина в Угличе восьмилетнего царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного. Официальное заключение следственной комиссии под началом боярина князя В. И. Шуйского о гибели царевича в результате несчастного случая при игре в ножик не успокоило взбудораженные умы. Обвинение Годунова в организации убийства широко распространилось в народе, и уже никакие меры правителя спасти свою репутацию не имели успеха. И руководство войсками, собранными для отражения нашествия крымского хана, и щедрая раздача милостыни пострадавшим во время московских пожаров – все это трактовалось в худшую для Годунова сторону: говорили, что он сам и призвал на Русь крымского хана, он же поджег Москву с тем, «чтобы одна беда перебила другую и каждый

больше скорбел бы о собственном несчастье, нежели о смерти царевича».

Факт убийства царевича и преступления Годунова был официально признан канонизацией св. Дмитрия, царевича Углицкого. Она состоялась при царе Василии Шуйском (1606), пытавшемся таким образом побороть призрак возрождающегося самозванца. Единодушно обвиняют Годунова все летописцы и авторы исторических повестей XVII в. В угличских событиях они видели главнейшую причину Смуты. Этот взгляд разделял и первый русский историк Н. М. Карамзин.

Виновность Годунова в убийстве царевича считалась в исторической науке XIX в. несомненным фактом. Исследователи последних десятилетий не столь единодушны. В настоящее время выдвинуты и аргументированы две точки зрения: о причастности Годунова к убийству царевича (А. А. Зимин) и о естественной смерти царевича, его «самозаклании» в припадке эпилепсии (Р. Г. Скрынников). В. Б. Кобрин выдвинул и третье предположение: Годунов способствовал смерти царевича, но не таким грубым и откровенным способом, как посылка убийц, а через мамку Дмитрия – Василису Волохову. Как было известно, приступы эпилепсии случались у царевича регулярно, и если обеспечить опасную ситуацию (например, нож в руке царевича), то смертельный исход был бы почти гарантирован.

Загадка смерти царевича Дмитрия, вероятно, так никогда и не будет раскрыта. Его кончина расчистила Годунову путь к престолу. 6 января 1598 г. скончался царь Федор Иванович, не оставивший после себя ни наследников, ни завещания. Бразды правления перешли к вдове царя, Ирине Федоровне, но она вскоре приняла монашество с именем Александры и удалилась в Новодевичий монастырь. Впрочем, на первых порах царица-инокиня Александра продолжала считаться правительницей государства: от ее имени издавались указы и посылались грамоты. Надо полагать, что за сестру-царицу распоряжался именно Годунов.

На пути Бориса Годунова к трону стояли серьезные соперники – семья Романовых, сыновья Никиты Романовича Юрьева, двоюродные братья царя Федора. Романовы пользовались большой популярностью благодаря своему родству с почитаемой в народе царицей Анастасией, первой женой Ивана Грозного. В то же время на стороне Бориса был богатый опыт управления страной и множество сторонников в различных слоях общества. Усердно ратовал за Годунова патриарх Иов.

В феврале 1598 г. в Москве открылся Земский собор – собрание представителей всех сословий государства для решения важнейших вопросов. На одном из его заседаний (17 февраля) Борис Годунов был избран царем. Согласно свидетельству современника, немца К. Буссова, участники Собора склонились на сторону Годунова потому, что он «до сего времени… вершил государственные дела так, как не вершил их никто с тех пор, как стоит их монархия…».

Начало царствования Бориса было безоблачным. Царю удалось добиться дипломатических успехов в отношениях с державами Запада и Востока. Годунов строил планы сближения с Западной Европой – для женитьбы на его дочери Ксении в 1602 г. в Москву приехал герцог Иоанн, сын датского короля Фредерика II. Герцога торжественно встречали в Москве. На пирах, устроенных в честь Иоанна, царь Борис показывал свое искреннее расположение к будущему зятю, но неожиданно, через месяц после приезда, герцог тяжело заболел и вскоре скончался.

Борис первым (за сто лет до Петра I) из царей посылал русских людей учиться за границу. Как русские, так и иностранные авторы восторженно отзываются о его государственной деятельности. Летописный «Хронограф 1617 года» сравнивает благие дела царя Бориса с цветущей финиковой пальмой, покрытой листвой добродетели. «Если бы, – замечает автор „Хронографа“, – злоба и зависть не помрачили добродетелей Бориса, то он мог бы уподобиться во всем древним библейским царям».

В царствование Бориса Годунова его родственники заняли ключевые позиции в

государстве: Дмитрий Иванович стал конюшим (первым) боярином, Степан Васильевич (троюродный брат Бориса) – дворецким и начальником тайной полиции. Позднее его сменил на этой должности другой Годунов – Семен Никитич, которого называли «ухом царя». Другие Годуновы получили боярские и окольнические чины.

Царь Борис, слабый здоровьем, испытывал опасения за судьбу своей династии. Стремясь укрепить трон, он решил разделаться с наиболее выдающимися боярскими родами. В 1600 г. обвиненные в мнимых преступлениях, арестованы и разосланы по тюрьмам бояре Романовы и их родственники. Опасался Борис и других бояр: наиболее знатным членам Боярской думы, князьям Федору Ивановичу Мстиславскому и Василию Ивановичу Шуйскому, он запрещал жениться с тем, чтобы род их прекратился и не представлял опасности для потомков самого Годунова. Расправа с видными боярскими родами ужаснула современников. Впоследствии многие видели в ней одну из причин несчастий, постигших Годунова и все государство при его правлении.

В 1601–1603 гг. на Россию обрушился и страшный голод. Смертность достигала огромных размеров. Современники пишут о 127 тысячах умерших от голода. Вероятно, эти данные сильно преувеличены, но несомненно, что счет умерших шел на десятки тысяч. Стало распространяться людоедство.

Царь Борис как мог боролся с бедствием. Он повелел раздавать деньги и хлеб нуждающимся, организовал масштабные строительные работы в Москве, с тем чтобы прокормить население. Энергичные меры царя по оказанию помощи страдающему от голода народу не давали своего результата – приток голодающих, устремившихся в столицу, привел к быстрому истощению казенных запасов. В то же время монастыри и бояре предпочитали придерживать свои запасы зерна, наживаясь на бедствии.

В результате голода многие бояре распустили своих боевых холопов, поскольку не могли их обеспечить. Бывшие боярские холопы, привычные к военному делу, стали собираться в разбойничьи шайки. Сражение между отрядом царского воеводы И. Ф. Басманова и целой армией разбойников под началом атамана Хлопка произошло под самой столицей. Басманов погиб, но разбойники потерпели поражение, а их атаман был взят в плен и повешен. Остатки армии Хлопка бежали в пограничные с Литвой земли. Воеводы Годунова ловили и вешали мятежников, но волнение улеглось лишь ненадолго. Надвигались грозные события…

В 1602 г. в Литве появился человек, который принял имя умершего царевича Дмитрия, и утверждал, что он чудом спасся от рук убийц с тем, чтобы покарать Годунова и возвратить себе отцовский престол. Правительство Годунова довольно быстро установило истинное имя самозванца – им оказался дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве Григорий. До 1600 г. Отрепьев служил Михаилу Романову, а после опалы на своего господина, принял монашеский постриг, вероятно спасаясь от наказания. Как зародилась в его голове мысль принять имя умершего царевича, мы, вероятно, никогда не узнаем, однако смелости и решительности самозванцу, который вошел в историю под именем Лжедмитрия I, было не занимать.

При тайном покровительстве польского короля Сигизмунда III самозванец довольно скоро собрал армию в три тысячи человек из польской шляхты (дворянства), русских беглецов, донских и запорожских казаков. 13 октября 1604 г. небольшое войско самозванца перешло границу и вторглось в пределы России. Появление «царя Димитрия», обещавшего народу щедрое жалованье и благоденствие, вызвало на охваченных недовольством и брожением землях эффект искры, попавшей в пороховой погреб. Приграничные города сдавались один за другим: народ хватал воевод и передавал их Лжедмитрию. Часть воевод сами перешли на сторону самозванца, признавая в нем «царевича».

Боевые действия царской армии против войска Лжедмитрия I были не слишком успешны. 21 декабря 1604 г. самозванец разбил годуновских воевод под Новгородом-Северским, но

уже через месяц (21 января 1605) сам потерпел жестокое поражение при селе Добрыничи. Этот успех царской армии оказался и последним. Продвижение ее остановилось под небольшим городком Кромы, оказавшим правительственным войскам неожиданно упорное сопротивление. А в это же самое время вокруг самозванца собирались все новые и новые сторонники.

Действия царской армии способствовали пополнению армии самозванца. Воеводы жестоко казнили и мучили население тех земель, которые поддержали Лжедмитрия I. Местные жители бежали из своих сел и поднимались против Годунова.

Армия Бориса Годунова под Кромами таяла из-за дезертирства. В воинском стане начались болезни. Между тем оправившийся от поражения Лжедмитрий вел из Путивля активную и весьма успешную агитацию, обращаясь к населению Северщины и южных крепостей, да и к царским воеводам. Исход этого противостояния решила внезапная смерть царя.

13 апреля 1605 г. неожиданно для всех скоропостижно скончался Борис Годунов. Умирающего царя успели постричь в монахи с именем Боголеп, а на следующий день Москва принесла присягу царевичу Федору Борисовичу Годунову, единственному сыну покойного царя. Внезапная смерть вызвала множество слухов. Царь будто бы в ужасе и порыве раскаяния принял яд. Однако более верным представляется известие, что причиной смерти Бориса Годунова стал апоплексический удар – паралич. Годунова похоронили в древней царской и великокняжеской усыпальнице – Архангельском соборе Московского Кремля.

Судьба царя Бориса связана с удивительным парадоксом. Он стремился оказать реальную помощь народу, повысить его благосостояние, укрепить военную мощь и внешнеполитическое положение державы. Однако не только не был популярен, но и, наоборот, зачастую ненавидим. Причина подобного отношения к царю крылась, вероятно, в том, что общество не могло простить ему восхождения на царский трон из толпы подданных. В русских исторических повестях начала XVII в. Годунов часто называется «рабо-царем», т. е. царем из рабов. Восхождение его на престол разрушало идею священной и недосягаемой царской власти, имеющей не земное, а небесное происхождение. «Первый, – писал о Годунове и Лжедмитрии I современник событий дьяк Иван Тимофеев, – был учителем для второго… а второй для третьего и для всех тех безымянных скотов, а не царей, которые были после них».

Правление Федора Годунова – самое непродолжительное царствование в истории России – было лишь слабой попыткой остановить крушение династии Годуновых перед лицом торжества Лжедмитрия I.

Вскоре после смерти Бориса Годунова несколько воевод царской армии, стоявшей под Кромами, организовали заговор с целью перейти на сторону самозванца. Утром 7 мая мятежники бросились на воевод, верных Годуновым, и схватили их. Воеводы – князь М. П. Катырев-Ростовский, князь А. А. Телятевский и некоторые другие – попытались оказать сопротивление и сдержать мятеж, но были вынуждены бежать. Вместе с ними восставший лагерь покинули еще несколько сотен, верных царю Федору Борисовичу воинов. Мятежное войско соединилось с кромским гарнизоном и отправило посольство в Путивль с изъявлением покорности самозванцу. Участь царя Федора была решена.

Шествие Лжедмитрия I от Путивля до Тулы можно назвать триумфальным. Массы народа стекались приветствовать «истинного царевича». Из-под Тулы в Москву самозванец отправил гонцов – Г. Г. Пушкина и Н. М. Плещеева – с призывом к москвичам свергнуть царя Федора и его мать царицу Марию Григорьевну и признать его права на престол. Казаки атамана Корелы доставили посланцев Лжедмитрия I в Красное село, где Пушкин и Плещеев привлекли на свою сторону «мужиков красносельцов». В сопровождении большой толпы «мужиков» посланцы проникли в Москву и на Красной площади при большом скоплении

народа прочли грамоту самозванца. Здесь вступил в дело Богдан Бельский. Он заявил, что самозванец – это истинный царевич, а Годуновы – узурпаторы престола. Стремясь отомстить Борису за унижения, Бельский не пожалел ни своей двоюродной сестры, царицы Марии Григорьевны, ни ее детей.

Это послужило началом к восстанию: народ бросился в Кремль, схватил Годуновых и начал грабить их дворы, а также дворы их однородцев – Вельяминовых и Сабуровых. Царя Федора, царицу Марию Григорьевну и царевну Ксению заточили на старом дворе Бориса Годунова. Погребение царя Бориса в Архангельском соборе было вскрыто, а его прах перенесен на кладбище Варсонофьевского монастыря, где хоронили бездомных и убогих. Москвичи принесли присягу новому царю.

10 июня 1605 г. в Москву прибыли любимцы самозванца – боярин П. Ф. Басманов, князь В. В. Голицын, князь В. М. Рубец Мосальский, дворянин М. А. Молчанов и дьяк А. В. Шерефединов. Они низложили и сослали из Москвы престарелого патриарха Иова, а затем, в сопровождении трех стрельцов, пришли к месту заключения Годуновых. Царицу Марию Григорьевну убийцы удавили быстро, но юный царь Федор оказал им отчаянное сопротивление. Наконец и он был убит. Князь В. В. Голицын объявил народу, что царь и царица приняли яд. Царевну убийцы пощадили: ее ждала печальная участь наложницы самозванца, а затем – монашеский клобук.

Современники, даже те, кто нисколько не симпатизировали царю Борису, единодушны в похвалах Федору Годунову. Князь И. А. Хворостинин называет его «благородным и светлейшим юношей». В народе сожалели о смерти царя Федора, вспоминая его добродетели и нравственные достоинства.

Англичанин Т. Смит дает Федору Годунову такую характеристику: «Лицо он имел женственное, речь его отличалась приятностью и живостью, голос же у него был громкий и звучный, а сам был высокого роста и крепкого телосложения; он был милосерд к бедным (каковым не был его отец) и благоклонен к знатным и умел нелицеприятно вознаграждать людей добродетельных и доблестных».

Падение царя Бориса привело к гонениям на род. Семена Никитича Годунова, одного из главных советников молодого царя Федора, сослали в Переяславль-Залесский, где тайно убили в тюрьме. Остальные Годуновы сосланы, их имущество разграблено. Пережив царя-племянника, Дмитрий Иванович скончался в ссылке. Кроме личного несчастья и крушения рода, Дмитрий Иванович испил чашу горя и в семейной жизни: его девять детей скончались в отрочестве и в младенчестве. Свои огромные богатства Дмитрий Иванович пожертвовал в Ипатьев монастырь – дал деньгами и утварью более 1000 рублей, колокол в 63 пуда, покрыл кровлей крышу и купола церкви, выстроил каменную усыпальницу предков.

Трагичной в Смутное время была судьба окольничего Ивана Ивановича Годунова (троюродного племянника царя). Он попал в плен к Лжедмитрию II в 1610 г. и по приказу самозванца сброшен с башни, но остался жив. Годунова бросили в Оку, он сумел выплыть и ухватился за борт лодки. Тогда приверженец самозванца, Матвей Бутурлин, отрубил ему руку, и Иван Иванович утонул на глазах у своей жены, Ирины Никитичны Романовой, родной сестры сосланных царем Борисом братьев Романовых.

При Романовых Годуновы ничем не выделялись: служили окольничими, воеводами и стольниками. Матвей Михайлович Годунов при царе Михаиле Федоровиче даже дослужился до боярского чина. Петр Иванович Годунов (ум. 1670) был воеводой в Тобольске и многое сделал для освоения природных богатств Сибири. Под его руководством составлена первая русская карта этого края.

Род постепенно угасал. К началу XVIII столетия остались доживать свой век: стольник Дмитрий Иванович и окольничий Григорий Петрович Годуновы. Дочь Григория Петровича, Анна, вышла замуж за генерал-адъютанта князя Юрия Юрьевича Одоевского, но детей у них

не было, и с ней пресекся род Годуновых, давший России первую выборную династию.

Род матери Петра Великого

Род Нарышкиных не древен и не знатен. Нарышкины попали в московское боярство лишь в конце XVII в. в связи с женитьбой царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Однако то, что от этого брака родился Петр I, заставляет нас поближе приглядеться к этому роду. Еще В. О. Ключевский писал, что Петр Великий уродился в Нарышкиных – физически крепких, живых и бойких людей.

Согласно родословной легенде, Нарышкины происходят от «знатной богемской фамилии Нарисци», якобы владевшей городом Егру в Германии. Перед нами попытка облагозвучить типично русскую фамилию, причем весьма неудачно. Этимология Нарышкиных (от Нарышко-Нарыжко) столь же проста, сколь неблагопристойна (желающих получить более подробное представление отсылаю к словарю В. И. Даля).

Нарышкины впервые упоминаются в XV в., когда владели поместьями под Калугой. В Казанском походе 1552 г. был убит Иван Иванович Нарышкин. Его внук, Полуект Иванович, также сложил свою голову в бою – погиб во время Смоленского похода в 1633 г. Сыновья Полуекта, Кирилл и Федор, служили в полках «иноземного строя», т. е. в той части русской армии, которая была организована по европейскому образцу. Обычно в полках иноземного строя служили небогатые дворяне, недаром впоследствии враги царицы Натальи Кирилловны говорили, что в детстве она ходила в лаптях, как простая крестьянка. Но служба в полках иноземного строя оказалась для Нарышкиных счастливой. Федор Полуектович, служивший в чине ротмистра, подружился со своим полковником, Артамоном Сергеевичем Матеевым и женился на племяннице его жены – Евдокии Григорьевны, урожденной Гамильтон. Помимо глубокого ума и большой образованности, Матвеева отличали доброта и сердечность. Он взял на воспитание свою родственницу, Наталью Нарышкину, дочь Кирилла Полуектовича (1623–1691), с тем, чтобы дать ей образование и выдать замуж.

В доме Матвеева Наталью Нарышкину встретил царь Алексей Михайлович. Он был очарован ее красотой, умом и воспитанностью. Уезжая от Матвеева, царь сказал, что сам подыщет жениха его воспитаннице. К тому времени царь овдовел после смерти царицы Марии Ильиничны Милославской. Вскоре объявили смотр невест, на котором Алексей Михайлович, еще раз убедившись в превосходстве Натальи Нарышкиной над сотнями других девушек, избрал ее своей супругой. В последний момент свадьба чуть было не сорвалась – недруги Матвеева подбросили письмо, обвиняющее боярина в колдовстве и приверженности к чернокнижию (тогда к таким обвинениям относились очень серьезно), но все обошлось благополучно. Царь пожаловал Нарышкиных придворными чинами, а в 1672 г. в честь рождения царевича Петра Алексеевича возвел Кирилла Полуектовича Нарышкина и Артамона Сергеевича Матвеева в окольничьи.

Будущее Нарышкиных представлялось самым счастливым: от благополучного союза Натальи Кирилловны с царем родились еще две дочери. Царевич Петр (в противоположность сыновьям царя от первого брака) рос крепким и здоровым ребенком. Матвеев сохранял доверие царя. Но неожиданно судьба нанесла жестокий удар. В ночь с 29 на 30 января 1676 г., проболев всего несколько дней, скончался царь Алексей Михайлович. На престол вступил сын царя от первого брака – Федор, и Милославские (родня первой жены царя) тут же стали теснить Нарышкиных. Матвеева сослали, брата царицы, Ивана Кирилловича, по ложному доносу подвергли пыткам и отправили в ссылку, сослали также Афанасия Кирилловича, Федора Полуектовича и других Нарышкиных.

Царь Федор правил недолго и скончался в 1682 г. Его гроб еще стоял в церкви, а вокруг уже кипела борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными. На престол претендовали царевичи – Иван (от первого брака Алексея Михайловича) и Петр. Иван был старше, но

болен, слаб глазами и не мог самостоятельно править. Десятилетний Петр, напротив, обладал крепким здоровьем и был развит не по годам. Общим решением патриарха, бояр и московских «всех чинов людей» на престол избрали царевича Петра. Царица Наталья Кирилловна праздновала победу. Матвеев и Нарышкины возвратились из ссылки. Кирилл Полуектович и Иван Кириллович (в 23 года) получили боярство.

Однако Милославские, партию которых возглавляли боярин Иван Михайлович Милославский и старшая сестра царевича Ивана властолюбивая Софья, не дремали. Они нашли удобное орудие для исполнения своих замыслов – московских стрельцов. Забитые и замученные своим начальством, стрельцы подали челобитную, требуя наказать и сменить их полковников. Правительство поспешило исполнить их требования, что лишь подлило масла в огонь. Среди стрельцов стали раздаваться требования сослать неугодных бояр, а Милославские, пользуясь случаем, натравливали их на Нарышкиных и Матвеева, распуская слухи и раздавая деньги.

На рассвете 15 мая 1682 г. среди стрельцов поднялся крик, будто Нарышкины удушили царевича Ивана. Развернув знамена, полки под барабанный бой пошли в Кремль. Патриарх и царица Наталья Кирилловна вывели на дворцовое крыльцо царевичей – Ивана и Петра, показывая, что оба сына царя Алексея живы. Толпа затихла, но заговорщики стали кричать, чтобы им выдали Матвеева и Нарышкиных, потому что они все равно погубят царевича Ивана. Тогда к стрельцам вышел Матвеев. Своим обаянием он так подействовал на мятежников, что стрельцы, слушая его, притихли. Но только Матвеев умолк и возвратился во дворец, как боярин князь М. Ю. Долгоруков стал кричать на стрельцов и гнать их обратно в полки. Этого стрельцы не стерпели, схватили Долгорукова и, кинув на копья, полуживого изрубили бердышами.

Кровь замутила разум толпы. Стрельцы казнили Матвеева и ворвались во дворец. Афанасия Кирилловича Нарышкина нашли под престолом дворцовой церкви и убили прямо на паперти. Ивана Фомича Нарышкина убили в своем доме. Другие Нарышкины спрятались во дворце. Но на следующий день явились стрельцы, требуя выдать Ивана Кирилловича Нарышкина, которого ненавидели больше других.

Царице пришлось выдать Ивана. Горестным было их расставание, но бояре не дали Наталье долго прощаться с братом. «Сколько вам, государыня, не жалеть, отдавать вам его нужно будет, а тебе, Ивану, отсюда скорее идти надобно, иначе нам всем за одного тебя погубленными быть», – поторопил царицу и Нарышкина боярин князь Яков Одоевский, сам едва ли не стуча зубами от страха. Иван Нарышкин исповедался, причастился и соборовался. Взяв икону Божией Матери, он вышел к стрельцам, которые повели его на пытку. Не добившись от Нарышкина самооговора в злых умыслах против царевича Ивана, стрельцы изрубили его бердышами. Остальные Нарышкины были сосланы в Сибирь и отдаленные города, а отец царицы насильственно пострижен в монахи с именем Киприана и отправлен в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь.

Властвование царевны Софьи, правившей от имени царей Ивана и Петра, длилось семь лет. Петр, достигнув совершеннолетия, отстранил сестру от власти и заточил ее в монастырь. Нарышкины вернулись из ссылки, и один из братьев царицы, Лев Кириллович (1664–1705), получил боярство и стал главой Посольского приказа. В это время Петр гораздо более интересовался воинскими потехами, передав бразды правления матери и ее родственникам. Лев Кириллович на столь ответственном посту оказался не на высоте. Заносчивый и самолюбивый, приверженный к пьянству, он проводил много времени в интригах. Врагами Льва Нарышкина были дядька Петра – князь Б. А. Голицын, потом родня первой жены царя – Лопухины. В 1694 г. умерла царица Наталья Кирилловна, и влияние Льва Кирилловича пошатнулось. В конце концов Петр отстранил дядю от управления, передав посольские дела известному дипломату, боярину и адмиралу Федору Алексеевичу Головину.

С именем Л. К. Нарышкина связаны важнейшие перемены в русском искусстве. В своей подмосковной вотчине – селе Фили – он возвел в 1690–1693 гг. церковь Покрова – великолепный памятник московского барокко, называемого также нарышкинским барокко. Другие подобные ей постройки возводились и в других нарышкинских вотчинах, а также в родовой усыпальнице Нарышкиных – московском Высоко-Петровском монастыре. Нарышкинское барокко отличается многоярусностью храмовых построек, пышным белокаменным декором, затейливым и стройным орнаментом во внешнем и внутреннем оформлении. Сочетая западноевропейские и русские художественные элементы, нарышкинское барокко типично для конца XVII в. – времени раздумий и выбора пути, по которому пойдет европеизация и модернизация России.

Несмотря на удаление от дел Л. К. Нарышкина, его потомки и родственники продолжали занимать видное положение при дворе. Сыновья Льва Кирилловича, Александр (1694–1746) и Иван (1701– 1734), по указу Петра I обучались морскому делу за границей. По возвращении Александр Львович был назначен директором Морской академии (1721), был президентом Штабс-конторы (1725) и Камер-коллегии (1726). Петр I любил и уважал кузена, дружески называя его Львовичем.

С Петром II Александр Львович не ужился – на правах родственника он не раз делал молодому императору внушения за праздность и приверженность к развлечениям и охоте. Результат не заставил себя ожидать: Нарышкина сослали в его имение, где он пробыл до воцарения Анны Иоанновны. При Анне Иоанновне Нарышкин возглавлял Коммерц-коллегию и Дворцовую строительную канцелярию и дослужился до чина тайного советника. Елизавета Петровна также отличала Александра Нарышкина, пожаловав ему высшую награду России – орден святого Андрея Первозванного.

Сестра А. Л. и И. Л. Нарышкиных, Аграфена Львовна (ум. 1709), была первой женой князя Алексея Михайловича Черкасского (см. очерк о князьях Черкасских).

Сын Александра Львовича, Лев Александрович (1733–1799), прославился своим остроумием и светским блеском. В 1751 г. его назначили камер-юнкером ко двору наследника престола, великого князя Петра III, и его супруги Екатерины Алексеевны. К этому времени относится его сближение с Екатериной II. «Это был человек самый странный, какого когда либо я знала, – пишет императрица в своих записках. – Никто не заставлял меня так смеяться, как он. Это был шут до мозга костей, и если бы он не родился богатым, то мог бы жить и наживать деньги своим необыкновенным комическим талантом. Он был вовсе не глуп, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось в голове его. Он мог распространяться в рассуждении обо всякой науке и обо всяком искусстве как ему вздумается, употреблял технические термины, говорил непрерывно четверть часа и более, но ни он сам, ни его слушатели не понимали ни слова из его речи, хотя она текла как по маслу, и обыкновенно оканчивалась тем, что все общество разражалось смехом».

Между Екатериной II и Львом Нарышкиным, ставшим после ее воцарения обер-шталмейтером, существовали тесные дружеские отношения, продолжавшиеся вплоть до самой кончины императрицы. Нарышкин постоянно сопровождал Екатерину II во время поездок, составлял ей компанию во время вечерней игры в карты, принимал государыню в своем доме. Беседы с остроумным вельможей доставляли императрице большое удовольствие, хотя она не упускала случая подшутить над слабым образованием Нарышкина. В одном из писем к французскому философу Ф. М. Гримму Екатерина II сообщала: «Вы непременно должны знать, что я до страсти люблю заставлять обер-шталмейстера говорить о политике, и нет для меня большего удовольствия, как давать ему устраивать по-своему Европу».

Редкие размолвки между императрицей и Нарышкиным, благодаря комическому таланту Льва Александровича, завершались для него благополучно. Мемуаристы описывают

следующий случай. Однажды Екатерина ехала из Петербурга в Царское Село, и в дороге у кареты отвалилось колесо. Императрица выглянула из кареты и сказала: «Уж я Левушке вымою голову». Нарышкин по своей должности был обязан следить за исправностью императорского экипажа. Нарышкин выпрыгнул из экипажа, добрался до въезда в Царское Село, вылил себе на голову ведро воды и стал ждать императрицу. Подъехав к Царскому Селу и увидев Нарышкина в таком виде, Екатерина II спросила: «Что ты это, Левушка?» – «А что, матушка! Ведь ты хотела мне вымыть голову. Зная, что у тебя и без моей головы много забот, я сам вымыл ее!»

Как и другие представители рода, Лев Нарышкин был большим знатоком прекрасного. Он разыскивал литераторов, художников и музыкантов, чтобы украсить ими светское общество, был щедрым меценатом и ценителем талантов. Как истинный русский барин, Нарышкин жил открыто и хлебосольно. Дверь его дома, по образному выражению Грибоедова, всегда была «отперта для званых и незваных». Ежедневно стол накрывался на пятьдесят и более персон, а многих из гостей хозяин не знал даже и по фамилии. Гостеприимный петербургский дом Льва Нарышкина на Мойке воспел Г. Р. Державин:

Где скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна,
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна,
Где лишь приязнью, хлебосольством
И взором ищут угождать…

Старший сын Л. А. Нарышкина, Александр Львович (1760–1826), унаследовал отцовское остроумие, живость характера и приветливость. Его шутки и каламбуры долго ходили в обществе. Как-то раз на параде в Пажеском корпусе инспектор корпуса споткнулся и упал на барабан. «Вот в первый раз наделал столько шуму в свете», – заметил Нарышкин. Когда прусский принц гостил в Петербурге, во все время его пребывания шел дождь. Александр I высказал по этому поводу сожаление. «По крайней мере, – отвечал Нарышкин, – принц не скажет, что Ваше Величество его сухо приняли».

Как и его отец, А. Л. Нарышкин был тонким ценителем изящного. В 1799– 1819 гг. он возглавлял Дирекцию императорских театров. Эпоха управления Нарышкиным императорскими театрами считается важной эпохой в развитии российского театрального искусства. Он оказывал покровительство актерам, устраивал спектакли в своем петербургском доме. Немало было сделано Александром Львовичем и для развития музыкального искусства.

В нарышкинском доме часто устраивались вполне профессиональные концерты («петербургские серенады») роговой и духовной музыки. В течение летних месяцев каждый вечер крепостные музыканты нарышкинского ансамбля играли, разъезжая по Неве перед дворцом своего барина на Английской набережной.

Младший брат Александра Львовича, Дмитрий Львович (1764–1838), был не менее известен, однако слава его имела несколько иной, более скандальный характер. По отзыву мемуариста Ф. Ф. Вигеля, Нарышкин был «прекрасным мужчиной истинно аристократической наружности». Он также прославился как хлебосол и меценат, содержал уникальный ансамбль роговой музыки. Однако многие гости гостеприимного нарышкинского дворца, взирая на золоченые рога, в которые трубили музыканты этого ансамбля, вероятно, с трудом удерживались от мысли о других, не менее роскошных рогах, украшавших голову самого хозяина дома.

Женой Нарышкина была первая красавица Петербурга – княжна Мария Антоновна

Святополк-Четвертинская (из польско-литовского княжеского рода, восходившего к Рюрику). Современники находили красоту Марии Нарышкиной «до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною». Ее воспевал Г. Р. Державин. Нарышкина позволяла себе появляться в свете в «простом креповом платье», украшенном одной лишь гирляндой незабудок на черных волосах. Дивная прелесть Марии Антоновны, которую современники сравнивали с образами Рафаэля, пленила императора Александра I еще в ту пору, когда он был наследником престола. Эта привязанность продолжалась несколько лет и особо не скрывалась в свете. «О взаимной любви ее (Нарышкиной. – С. Ш.) с императором Александром, – писал Ф. Ф. Вигель, – я не позволил бы себе говорить, если бы она для кого-нибудь оставалась тайной». Мария Антоновна стала матерью детей императора – дочери Софьи (1808–1824) и сына Эммануила (1813– 1902). Смерть Софьи Нарышкиной, молодой девушки, посватанной за графа Андрея Шувалова, глубоко огорчила императора Александра I. Не менее горевал и жених, лишившийся столь блестящей партии.

Таким образом, положение Нарышкина в свете было весьма двусмысленным, что нашло отражение в знаменитом анонимном пасквиле, полученном А. С. Пушкиным. Вспомним, что пасквиль представлял из себя диплом на звание члена «светлейшего ордена рогоносцев», великим магистром которого именовался Дмитрий Львович Нарышкин.

Вместе с тем Д. Л. Нарышкин известен и как щедрый благотворитель. Владелец 25 тысяч крепостных, в 1812 г. он обязался выплачивать ежегодно по 20 000 рублей в казну до тех пор, пока неприятель не покинет пределы России. Правда, как известно, более года Наполеон I в России не задержался. Меценатство и «щедрое барское житье» истощили богатство Д. Л. Нарышкина, и над его именем была учреждена опека.

Однако сын Марии Антоновны, Эммануил Дмитриевич Нарышкин, благодаря заботам Александра I, сохранил огромное состояние, которое щедро жертвовал на нужды просвещения. На его средства открыт Учительский институт в Тамбове, Общество для устройства народных чтений с библиотекой, читальней и музеем, помещавшееся в большом каменном доме, переданном им в собственность того же города Тамбова. Приверженность Э. Д. Нарышкина к Тамбову объясняется тем, что родовые нарышкинские земли еще с конца XVII в. находились в Тамбовской губернии. До наших дней сохранило память об Э. Д. Нарышкине название села Эммануиловка в Шацком районе, современной Рязанской области (ранее – в составе Тамбовской губернии). Народ, о просвещении которого так заботился Э. Д. Нарышкин, по-своему отблагодарил мецената: его восьмидесятилетняя вдова, Александра Николаевна (урожденная Чичерина, сестра философа и юриста Б. Н. Чичерина и тетка советского наркома Г. В. Чичерина), была расстреляна в Тамбове в 1919 г.

Вернемся к старшей линии Нарышкиных. Александр Львович Нарышкин от брака с дочерью адмирала А. Н. Синявина Марией Алексеевной (1762–1822), любимой фрейлиной Екатерины II, оставил двух сыновей, носивших родовые имена Льва и Кирилла.

Лев Александрович (1785–1846) уже в 14 лет получил высокое придворное звание камергера, затем вступил на военную службу в лейб-гвардии Гусарский полк. За участие в войне против Наполеона в 1806–1807 гг. он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В Отечественной войне 1812 г. Л. А. Нарышкин сражался под Смоленском и Бородином, затем был отправлен в Москву парламентером к Наполеону. Целью посольской миссии Нарышкина было предотвратить уничтожение французами Московского Кремля. Не посчитавшись с тем, что Нарышкин был посланником, французы при отступлении из Москвы взяли его в плен, но во время одной из лихих атак на остатки «великой армии» казаки освободили Льва Александровича. Впоследствии Л. А. Нарышкин участвовал во всех крупных сражениях 1813–1814 гг.

Младший брат Л. А. Нарышкина, Кирилл Александрович (1786–1838), служил при дворе, пользовался большим влиянием и достиг званий действительного камергера, члена

Государственного совета и обер-гофмейстера. От него продолжилась старшая линия Нарышкиных, тесно связанная с двором и императорской фамилией. Сын К. А. Нарышкина, Лев Кириллович (1809–1855), отличился храбростью во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и в подавлении польского восстания 1831 г. Сын последнего – Василий Львович (1839–1909) – известен как коллекционер живописи, произведений декоративно-прикладного искусства, оружия. Свое собрание он преподнес в дар императору Александру II. Дочь К. А. Нарышкина, Александра Кирилловна (1817–1856), в замужестве графиня Воронцова-Дашкова, восхищала своей красотой М. Ю. Лермонтова (о ней поэт пишет: «Как мальчик кудрявый, резва, нарядна, как бабочка летом…») и И. С. Тургенева.

Последним видным представителем этой линии при дворе был церемониймейстер Кирилл Васильевич Нарышкин (1877–1950), правнук К. А. Нарышкина. Он был женат на Вере Сергеевне Витте, приемной дочери видного государственного деятеля эпохи Николая II – графа С. Ю. Витте. К. В. Нарышкину удалось спастись во время революционных событий и эмигрировать. Его род продолжается до наших дней. В Париже живет внучка К. В. Нарышкина – Наталья Львовна Нарышкина (род. 1928).

Боковые ветви рода дали немало видных представителей. Любопытной фигурой был стольник Матвей Филимонович Нарышкин (ум. 1692), двоюродный брат Кирилла Полуектовича. Он играл роль первого патриарха шутовского «Всепьянейшего собора» при молодом Петре I и носил имя патриарха Милака. Сохранился портрет М. Ф. Нарышкина, изображающий его в этом странном виде. Со старинного полотна на нас смотрит крупный старик с окладистой бородой, одетый в простую рубаху и опирающийся на деревянный посох. На портрете заметны родовые нарышкинские черты – жгучие черные глаза и черные волосы, пробивающиеся сквозь седину. Весь облик «патриарха» исполнен вовсе не шутовского величия. Можно только догадываться, что заставляло М. Ф. Нарышкина, обладавшего, судя по портрету, незаурядной нравственной силой и энергией, играть столь незавидную и сомнительную роль.

Значительной фигурой при Петре I являлся Кирилл Алексеевич Нарышкин (ум. 1723), троюродный брат царицы Натальи Кирилловны. Он участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг., находился на воеводстве в Пскове в 1697–1699 гг. и принимал участие в строительстве Петропавловской крепости, ставшей ядром будущей столицы империи – Санкт-Петербурга (1703). Кирилл Алексеевич руководил строительными работами на одном из бастионов крепости, названном впоследствии в честь него Нарышкинским. В течение шести лет Нарышкин исполнял должность обер-коменданта в Пскове и Дерпте (1704–1710), а затем в 1710–1716 гг. был первым комендантом Санкт-Петербурга. Из новой столицы К. А. Нарышкина перевели управлять старой. На посту московского губернатора (1716–1719) Нарышкин способствовал развитию московской промышленности, при нем построены новые кирпичные заводы, парусная фабрика на Клязьме, суконная мельница на Москве-реке, для которой специально построили плотину у Всехсвятского моста. В 1718 г. он являлся членом суда по делу царевича Алексея и, наряду с другими, подписал смертный приговор царевичу.

Сын К. А. Нарышкина, Семен Кириллович (1710–1775), получил образование за границей. В день вступления на престол императрицы Елизаветы Петровны он получил звание камергера, затем выполнял миссию чрезвычайного посланника в Англии, а по возвращении был назначен гофмаршалом наследника престола – великого князя Петра Федоровича, будущего Петра III. При Петре III и Екатерине II его карьера развивалась успешно: он получил одну за другой должности гофмаршала и обер-егермейстера, к концу жизни был генерал-аншефом и кавалером ордена св. Андрея Первозванного.

Он считался первым щеголем своего времени. В день бракосочетания Петра III Семен Кириллович выехал в карете, украшенной зеркалами как внутри, так и снаружи. В то время

зеркала делались из серебра и очень дорого стоили. Кафтан Нарышкина был вышит серебряной нитью, а на спине вышито дерево, ветви и листья которого расходились по рукавам.

Как и многие из Нарышкиных, Семен Кириллович был заядлым театралом. Он содержал прекрасный домашний театр и оркестр роговой музыки. 8 декабря 1774 г. в присутствии Екатерины II в нарышкинском театре поставили оперу «Альцеста», сочиненную А. П. Сумароковым. После оперы зрители смотрели балет «Диана и Эндимион», поставленный более чем роскошно – на сцене даже бегали живые олени.

Внучатый племянник С. К. Нарышкина – Михаил Михайлович (1798–1863) – служил в лейб-гвардии Московском полку, затем в Измайловском и Тарутинском. Он был членом тайных обществ с 1818 г., участвовал в подготовке восстания в Москве в декабре 1825 г. Осужденный на каторжные работы сроком на восемь лет, Нарышкин отбывал наказание на Петровском заводе. В 1833 г. он отбыл на поселение в Курган, откуда переведен рядовым в действующую армию на Кавказ. В боях с горцами Нарышкин неоднократно отличился и был произведен в офицеры. В 1844 г. он вышел в отставку с чином прапорщика и поселился в Тульской губернии, не имея права свободного выезда, однако от тайного надзора бывший декабрист был освобожден. Умер он уже в эпоху Александра II, получив по амнистии свободу от всех ограничений.

Женой М. М. Нарышкина стала дочь генерала и героя Отечественной войны 1812 г. графа Петра Петровича Коновницына Елизавета Петровна (1802–1867), которая последовала за своим мужем в Сибирь. Братья Е. П. Нарышкиной, Иван и Петр Петровичи, также причастны к восстанию декабристов, а старший брат самого Нарышкина – Кирилл Михайлович (1785–1857) – женат на сестре декабриста А. Н. Сутгофа.

Выдающейся личностью была сестра Михаила Михайловича – Маргарита Михайловна (1782–1852), в замужестве Тучкова. Вдова героя 1812 года генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова (1778–1812), погибшего в Бородинском сражении, она основала в память о муже на месте его гибели Спасо-Бородинский монастырь, приняла монашество с именем Марии и стала настоятельницей монастыря.

Нельзя не сказать и о Варваре Александровне Нарышкиной (1834–1913), дочери штабс-капитана Александра Михайловича, брата Михаила Михайловича и Маргариты Михайловны. Мать Варвары Александровны, Александра Васильевна (урожденная Беклемишева), рано умерла, и девочка осталась на попечении горячо любившей ее тетки – княгини Евдокии Михайловны Голицыной. Часто посещала в Спасо-Бородинском монастыре другую тетку – игуменью Марию. По словам биографа, «ее пленяло все возвышенное и прекрасное, в ней соединялось изящество с простотой, достоинство со смирением, сила воли с уступчивостью, глубокое благочестие со светской жизнерадостностью. Словом, это был своего рода тип русской женщины, идеал мирянки-христианки». Ее мужем был князь Петр Николаевич Туркестанов (1830–1891), потомок грузинских князей – «умный, серьезный, благородный, он обладал, кажется, еще более мягким сердцем и изысканно-утонченной деликатностью». Старший сын этой прекрасной четы – князь Борис Петрович (1861–1934), в монашестве Трифон (с 1889) – выдающийся церковный деятель и знаменитый московский проповедник 1920–1930-х гг. Его облик запечатлен на полотнах П. Д. Корина «Митрополит Трифон» и «Русь уходящая».

Известен как видный дипломат Семен Григорьевич Нарышкин (ум. 1747), сын боярина Григория Филимоновича, и троюродный брат царицы Натальи. Он получил образование в Вене и Берлине в самом конце XVII в., затем неоднократно отправлялся с различными дипломатическими миссиями в Австрию, Пруссию, Флоренцию и Англию. За участие в деле царевича Алексея С. Г. Нарышкин был выслан в свои деревни. После смерти Петра I он возвратился из ссылки, служил при дворе, получил чин полного генерала и орден святого

Александра Невского.

Внучатый племянник С. Г. Нарышкина, Василий Васильевич (р. 1738), прославился весьма своеобразно. Вместе с братьями, Семеном (1731 – до 1800) и Алексеем (1742–1800), известными литераторами и друзьями Д. Дидро, Василий Васильевич входил в литературный кружок Н. И. Новикова при Московском университете. Он внимательно следил за либеральными веяниями в начале царствования Екатерины II (оба его брата были членами Комиссии для составления Нового уложения), но разочаровался в них. Тогда Нарышкин решил создать справедливое общественное устройство самостоятельно. В 1774 г. он добился назначения на должность начальника над Нерчинскими заводами в Забайкалье и принялся за осуществление коренных социальных преобразований. Он запретил чиновникам владеть землями, отсрочил сбор подушной подати, разрешил крестьянам подрабатывать, перевозя руду, и увеличил оплату за эти работы, учредил на местах институт судей, избираемых из крестьян. Принялся Нарышкин и за создание собственных вооруженных сил: сформировал из крещеных тунгусов эскадрон, привлек в свою армию яицких казаков и, взяв казенную артиллерию и припасы, повел свое войско против иркутского губернатора, по дороге привлекая к себе новые толпы сторонников. Закончил Нарышкин плачевно – был арестован и осужден в 1777 г. по обвинению в мятеже.

Любопытной личностью был четвероюродный племянник царицы – Иван Иванович Нарышкин (1668–1735). Несмотря на возвышение рода при Петре I и активное участие его родни в преобразовательной деятельности великого реформатора, Иван Иванович являлся ярым приверженцем старины. После смерти Петра I он испросил дозволение именоваться старинным чином комнатного стольника вместо действительного камергера. Женился он также вопреки семейным традициям и пристрастиям – на Анастасии Александровне Милославской (1700–1754), представительнице семьи злейших врагов Нарышкиных.

Внук И. И. Нарышкина, Иван Александрович (1761–1841) – сенатор, обер-камергер и обер-церемониймейстер, так же как и многие из Нарышкиных, прославился как меценат и меломан, он сам играл на скрипке на домашних концертах, посетителем которых был император Александр I. В воспоминаниях Е. П. Яньковой Нарышкин описывается как «небольшого роста, худенький и миловидный человек, очень учтивый в обращении и большой шаркун. Волосы у него были очень редки, он стриг их коротко и как-то особенным манером, что ему очень шло; был большой охотник до перстней и носил прекрупные бриллианты». По поводу прически И. А. Нарышкина следует сказать, что в екатерининскую и павловскую эпохи большинство мужчин носили длинные волосы, собирая их сзади в косу. Многие екатерининские щеголи (например, вышеупомянутый А. Л. Нарышкин) не расставались с косами даже при Александре I, когда это смотрелось уже забавным пережитком старины. Он женился на красавице баронессе Екатерине Александровне Строгановой (1769– 1844), тетке Н. Н. Гончаровой. Наталья Николаевна, уже в пору своего замужества, вместе с А. С. Пушкиным навещала тетку в ее московском доме на Пречистенке.

Старший сын И. А. и Е. А. Нарышкиных, Александр, видный и красивый молодой офицер, подававший большие надежды, обладал живым и вспыльчивым нравом. Во время карточной игры он поссорился со знаменитым бретером графом Ф. И. Толстым-Американцем и был убит им на дуэли (1809). Другой сын Ивана Александровича, Григорий Иванович (1790–1835), участвовал в Отечественной войне 1812 г. От брака с княжной Анной Васильевной Мещерской Григорий Иванович оставил сына, коллежского секретаря Александра Григорьевича (1818– 1855). Последний скончался в молодых годах, и его вдова Надежда Ивановна (урожденная Кнорринг; 1825–1895) покинула Россию; вместе с дочерью перешла в католичество и вышла замуж вторым браком за Александра Дюма-сына.

С именем Надежды Ивановны Нарышкиной – рыжеволосой красавицы и светской львицы – связана загадочная и драматическая история. Нарышкина была возлюбленной драматурга

Александра Васильевича Сухово-Кобылина. В 1851 г. родилась их дочь Надежда, впоследствии удочеренная Сухово-Кобылиным. В то же время Сухово-Кобылин был женат гражданским браком на француженке Луизе Симон-Деманш.

Поздней осенью 1850 г. Луиза Симон-Деманш была обнаружена мертвой за одной из московских застав. Следствие установило, что молодая женщина умерла от раны, нанесенной ей тупым предметом по горлу. Эта смерть взволновала светское общество. Пошли слухи, что Сухово-Кобылин, желая развязать себе руки, убил свою любовницу, устраивавшую ему сцены ревности. Драматург был арестован и долгие годы провел под следствием. Нарышкина удалилась из Москвы.

В ходе расследования полиция установила, что убийцами являлись крепостные слуги Луизы Симон-Деманш, намеревавшиеся ограбить свою госпожу. Сухово-Кобылин был освобожден и оправдан. Однако и современники, и многие литературоведы полагали, что Сухово-Кобылин подкупил крепостных и они взяли всю вину на себя. Лишь исследования последних лет полностью оправдывают драматурга.

Сестра А. Г. Нарышкина, Надежда Григорьевна (1820–1874), также переселилась во Францию и основала в Париже общину сестер милосердия.

Нарышкины пострадали во время революции и Гражданской войны. Штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка Петр Алексеевич Нарышкин расстрелян спустя два месяца после большевистского переворота – в декабре 1917 г. Тогда же погиб и подпоручик этого же полка – С. Г. Нарышкин. В 1927 г. по ложному обвинению в монархическом заговоре в Москве расстрелян бывший офицер Черниговского гусарского полка Борис Александрович Нарышкин (р. 1884). Б. А. Нарышкин был реабилитирован в 1992 г. О судьбе Александры Николаевны Нарышкиной, вдовы Э. Д. Нарышкина, уже говорилось выше.

Некоторым из членов этого рода удалось эмигрировать. Участник Белого движения, ротмистр лейб-гвардии Уланского полка Кирилл Дмитриевич Нарышкин, эмигрировал во Францию, где умер уже после 1963 г. Такая же судьба постигла и ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка Льва Васильевича Нарышкина (ум. 1931). Эмигрировал также Кирилл Анатольевич Нарышкин (1868–1924), друг детства Николая II, флигель-адъютант и начальник Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества.

И все же род Нарышкиных уцелел в Советской России. Ныне ветвь этого рода продолжается в нашем Отечестве. Другие представители фамилии живут в США, Южной Африке и Израиле.

Завершая рассказ о Нарышкиных, приведем цитату из работы современного историка рода Д. В. Сизоненко, верно характеризующую основной характер этой аристократической фамилии: «…Все свое значение они черпали из родства, связавшего их с основателем новой России, и олицетворяли собой праздничную сторону юной столицы: веселую роскошь быта, щедрую и легкомысленную расточительность, изящную утонченность вкуса, предупредительное, как бы естественное приноровление к веяниям двора. Ни одного военачальника, крупного дипломата за два века не выдвинула эта семья, но в то же время не запятнала себя ни лихоимством, ни жестокостью, ни даже высокомерным обращением с теми, кто стоял ниже. Неизменная милость сменявших друг друга монархов и монархинь поставила их на равную ногу со старыми и влиятельными княжескими и боярскими родами».

Предки, родственники и потомки Александра Пушкина

Генеалогия А. С. Пушкина неоднократно служила предметом пристального исследования. С одной стороны, это облегчает задачу того, кто берется писать о роде великого поэта, с другой – усложняет. Трудно и неинтересно ходить по следам чужих исследований, пересказывать уже известные факты и события. Но в то же время интерес к Пушкину, его творчеству и биографии не утихает, появляются новые данные и к родословной поэта,

истории его предков и потомков. Это обстоятельство делает важным даже настоящий популярный очерк, ни в коей мере не претендующий на значение научного исследования.

Предки А. С. Пушкина – род Ратшичей – один из самых прославленных и значительных родов России, история которого тянется в глубокую древность. Ратшичи считали своим предком Ратшу, выехавшего в конце XII в. Сам поэт знал родовое предание о Ратше, что отразил в строках:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил…

Александр Сергеевич несколько сместил хронологию событий – боевым соратником Александра Невского был не Ратша, а его потомок Гаврила Алексич, однако рассмотрим ранние страницы истории рода по порядку.

Некоторые исследователи отождествляли таинственного Ратшу с тиуном киевского князя Всеволода Ольговича, двор которого был разграблен во время городского восстания в 1139 г. Более правдоподобной представляется версия о новгородском происхождении Ратши. В ее пользу свидетельствует и само имя нашего героя – Ратша: вероятнее всего, это уменьшительное от славянского имени Ратибор или Ратислав. Так, в числе дружинников Александра Невского был Ратислав, погибший в бою с немцами в 1268 г. В некоторых летописях он называется Ратшей. Возможно, именно его ошибочно и считал своим предком поэт. Подобная форма уменьшительных имен была широко распространена в Великом Новгороде (Кирилл – Кирша, Даниил – Данша, Павел – Павша и др.).

Выдвигались и более экзотические гипотезы о происхождении Ратши. Разные родословные предания XVII–XVIII вв. считали его выходцем из Семиградии, Германии или Пруссии. Это не более чем досужие домыслы московских служилых людей, видевших в иностранном происхождении особую аристократическую прелесть.

Первое исторически достоверное лицо в родословной Ратшичей – Гаврила Алексич, правнук Ратши. Он был дружинником Александра Невского. Житие Невского подробно описывает подвиги Гаврилы в Невской битве: «Сей же наехал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки на корабль, въехал по мосткам до самого судна. И побежали все перед ним на корабль, но потом обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же, Божией милостию, выехал оттуда невредим и опять напал и бился с самим воеводой, посреди полка их». В бою Гаврила Алексич сразил воеводу и самого епископа шведов.

Сыновья Гаврилы Алексича – Иван Морхиня и Акинф Великий – были боярами князя Андрея Городецкого, младшего сына Александра Невского. После смерти князя Андрея Александровича в 1304 г. его боярам пришлось выбирать между тверским и московским князьями, которые начали борьбу за великое княжение. Из двух княжеств Акинф Гаврилович выбрал Тверь и вместе со своими сыновьями перешел на службу к Михаилу Ярославичу Тверскому.

Акинф принял деятельное участие в противостоянии Москвы и Твери. В 1304 г. Михаил Тверской и Юрий Данилович Московский отправились в Орду спорить о великокняжеском ярлыке. Пользуясь отсутствием князя, Акинф предпринял смелую авантюру. Он рассчитывал отвоевать у Москвы Переяславль-Залесский, а находившегося там князя Ивана Даниловича (будущего Калиту) захватить в плен.

Тверская рать во главе с Акинфом подошла к Переяславлю, но горожане оказали ей упорное сопротивление. На третий день осады подоспели московские полки – тверичи были разбиты. Акинф и его зять Давыд погибли, а сыновья Акинфа, Иван и Федор, бежали в Тверь.

Поражение под Переяславлем и другие неудачи тверичей привели к победе Москвы. Ратшичи решают сменить князя, и в 1339 г. «всем родом» переходят на службу к Ивану

Даниловичу Калите. Сразу же после «выезда» в Москву они заняли высокое положение среди московского боярства. В 1339 г. Федор Акинфович и его двоюродный брат Александр Иванович Морхинин были воеводами московского войска в походе на Смоленск. В 1348 г. Иван Акинфович возглавлял поход на Новгород.

В дальнейшем потомки Акинфа занимали первые места в среде московского боярства во второй половине XIV– XVII вв., а в XVIII – начале XX вв. – в государственном управлении империи и при дворе российских императоров. Род Акинфа разветвился и дал России многие знаменитые аристократические фамилии: графов и дворян Бутурлиных, Челядниных, Замыцких, графов и дворян Каменских.

Однако Пушкины являлись потомками не Акинфа Великого, а его брата Ивана Морхини. Как уже говорилось выше, Александр Иванович Морхини в 1339 г. был московским воеводой. Он оставил четверых сыновей, которые стали родоначальниками дворянских родов Холопищевых, Гавриловых, Неведомициных и Пушкиных.

Младший сын Александра Ивановича, Григорий Александрович, носил прозвище Пушка. Его деятельность приходится на вторую половину XIV – начало XV в. Как раз в это время на Руси появляется и распространяется артиллерия. Само слово «пушка» впервые упоминается в летописях 1382 г. Почему Григорий Морхини, ничем не примечательный волоцкий вотчинник, получил такое прозвище? Есть предположение, что такое прозвание было дано ему за взрывной характер. Григорий Пушка оставил пятерых сыновей, родоначальников различных ветвей рода Пушкиных.

От старшего, Александра Григорьевича, происходит линия рода, владевшая поместьями в Новгороде. В конце XVII в. один из представителей этой ветви, Иван Калинникович Пушкин, женился на Матрене Даниловне Меншиковой, сестре знаменитого фаворита Петра I. Особых преимуществ от столь влиятельного родства новгородские Пушкины не получили: ни И. К. Пушкин, ни его родня не заметны в высоких чинах при Петре I. Однако поддержка Меншикова позволила Ивану Калинниковичу и его брату Петру, вопреки существовавшим законам и обычаям наследования недвижимости, в 1707 г. получить вотчины их дальнего родича Матвея Степановича Пушкина, сосланного в Сибирь.

Выдвинулись потомки Александра Григорьевича в середине XVIII в. Алексей Михайлович Пушкин при Елизавете Петровне занимал должность сенатора и тайного советника, отправлялся послом в Данию и Швецию. Его сыновьям, Михаилу (прокурор Коммерц-Коллегии) и Сергею, видимо, было скучно делать карьеру, подобно многим. Они ударились в авантюры, но попались на этом. В 1772 г. за изготовление фальшивых ассигнаций братьев сослали в Сибирь. Жена Михаила Алексеевича, Наталья Абрамовна (урожденная княжна Волконская), последовала за мужем в ссылку, а после возвращения поселилась в Москве. Ее литературный салон посещали известные литераторы – дальние родичи хозяйки Василий и Сергей Львовичи (отец поэта) Пушкины, князь Петр Андреевич Вяземский и другие.

Сын Михаила Алексеевича и Натальи Абрамовны, Алексей Михайлович, прославился как театрал, острослов и писатель. От брака с Воейковой он оставил сына Ивана Алексеевича, со смертью которого в 1875 г. старшая линия рода пресеклась.

От следующих сыновей Григория Пушки – Никиты и Василия – происходят дворянские роды Курчевых, Рожновых, Улитиных, Мусиных-Пушкиных, Кологривовых и других.

Наиболее примечателен род Мусиных-Пушкиных, вписавший свое имя в летопись отечественной культуры благодаря деятельности коллекционера и историка графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина.

Правнук Григория Пушки, Михаил Тимофеевич Улитин-Пушкин, носил прозвище Муса. Он жил во второй половине XV в. и скончался около 1490 г. От сыновей Михаила Мусы род разделяется на три ветви, старшая, от Ивана Михайловича Мусина-Пушкина, представляет наибольший интерес.

Праправнук Ивана Михайловича – Алексей Богданович – служил в стольниках при царе Алексее Михайловиче. Как считают историки древнерусской литературы, Алексей Богданович и его супруга Ирина Ивановна (урожденная Полозова) были авторами исторического сборника «Книга о великих князьях русских, отколь произыде корень их», содержавшего изложение древней русской и славянской истории, построенное не только на летописных известиях, но и на русских сказочных повестях и исторических преданиях. С именем Ирины Мусиной-Пушкиной связано загадочное следственное дело.

В 1675 году «для государева тайного дела и сыску» отправились в Ростов бояре – князь Яков Никитич Одоевский и Артамон Сергеевич Матвеев. Царский наказ повелевал им расспросить жену стольника Алексея Мусина-Пушкина Ирину и пытать ее «накрепко». Были приняты строгие меры для сохранения тайны. По дорогам разослали стрелецкие отряды, имевшие приказ допрашивать всех, кто едет из Москвы или в Москву, и досматривать, нет ли каких писем. Розыск кончился тем, что несчастную Ирину под караулом из 50 стрельцов сослали в дальнюю деревню на Вологде, ее брата Изота Полозова и двух сестер сослали в другие деревни, а имения отписали на государя. Сын Мусиной-Пушкиной, четырнадцатилетний Иван Алексеевич, содержался под караулом в Москве, после чего был сослан в ростовское имение, где пробыл вплоть до воцарения нового государя – Федора Алексеевича.

Чем же провинилась несчастная женщина и почему именно Матвеева, человека доверенного и расторопного, отправил царь для розыска по этому странному делу? С большой долей осторожности можно предполагать, что вся вина Ирины Мусиной-Пушкиной заключалась в том, что ее сын Иван был рожден от связи с царем Алексеем Михайловичем. Зная личность и характер царя, это представляется невероятным, но ряд косвенных доказательств подтверждают такое предположение. Петр I в своих письмах называл Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина «братцем». Сын И. А. Мусина-Пушкина, Платон, в 1716 г. был отправлен учиться в Голландию. Царь рекомендовал его голландскому резиденту князю Б. И. Куракину: «Господин подполковник! Посылаем мы к вам для обучения политических дел племянника нашего Платона, которого вам яко свойственнику свойственника (Куракин был женат на сестре царицы, Евдокии Федоровны Лопухиной. – С. Ш.) рекомендую. Петр».

Таким образом, все становится на свои места. Слух о царском происхождении Мусина-Пушкина стал потихоньку распространяться. Озабоченный этим, царь поручил Матвееву заставить замолчать Ирину Мусину-Пушкину и ее болтливую родню. К тому же у Артамона Сергеевича была личная заинтересованность поддерживать тишину и спокойствие вокруг семейной жизни Алексея Михайловича: его воспитанница за несколько лет до этого стала второй супругой царя, и в 1675 г. уже подрастал трехлетний царевич Петр.

В пользу гипотезы о том, что И. А. Мусин-Пушкин был сыном царя, свидетельствует и то, что она была впервые изложена князем П. В. Долгоруковым – знаменитым историком и генеалогом XIX в., большим знатоком сплетен и темных моментов в родословных знатных семейств. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности считать, что эта линия Мусиных-Пушкиных является первой внебрачной ветвью царского рода Романовых.

Иван Алексеевич Мусин-Пушкин сделал блестящую карьеру при Петре I. В 1677 г. он служил в стольниках, спустя двенадцать лет назначен воеводой в Смоленск, а в 1693 г. получил чин окольничего, затем – боярство. Женатый на племяннице патриарха Иоакима, Мавре Тимофеевне Савеловой, он еще при жизни Иоакима вошел в дела духовного управления и участвовал в них и при следующем патриархе – Адриане. Это обусловило то, что после смерти Адриана в 1700 г. Мусин-Пушкин возглавил Монастырский приказ – светское учреждение, управлявшее церковными имениями на пользу государству.

Заслуги Ивана Алексеевича на этом поприще были столь значительны, что Петр возвел его

в 1710 г. в графы (третьим по счету в России), а при учреждении Сената в 1711 г. назначил сенатором. Выше уже говорилось, что император Петр называл Мусина-Пушкина «братцем» и оказывал ему всяческое расположение. Впрочем, Мусин-Пушкин действительно отличался талантами видного администратора. Он также действовал на дипломатическом поприще, управлял Палатой Юстиции, руководил Монетным двором. По интригам А. Д. Меншикова Мусин-Пушкин был отстранен от должностей и сослан в Соловецкий монастырь, где и умер в 1729 г.

Старший сын боярина, Александр Иванович, был убит в Полтавской битве. Два других – Платон и Аполлос – обучались за границей. Платон возвратился в 1714 г. и хотел жениться на дочери сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина (впоследствии повешенного за хищения), но та, чтобы избежать этого брака, постриглась в монахини. Вскоре Платона вторично отправили за границу, сначала в Голландию, с уже известным нам рекомендательным письмом Петра, затем во Францию.

Сохранилась одна любопытная подробность французской жизни П. И. Мусина-Пушкина. Арап Петра Великого, знаменитый предок А. С. Пушкина по матери, Абрам Петров, также обучавшийся в то время во Франции, в своих письмах к секретарю императора А. В. Макарову жаловался на нищету и долги, добавляя: «ежели бы здесь не был Платон Иванович, то я бы умер с голоду. Он меня по своей милости не оставил, и я обедал и ужинал при нем все дни».

Заграничная жизнь младшего Мусина-Пушкина продолжалась недолго, престарелый отец, который к тому времени потерял уже двух сыновей (граф Аполлос Иванович умер в 1716 г.), упросил императора возвратить Платона в Москву.

По прибытии на родину Платон Иванович получил чин статского советника и должность в Московской конторе Сената. Потом он недолго разделял с отцом заточение в Соловецком монастыре, возвращен Анной Иоанновной и был назначен смоленским губернатором. В 1732 г. он служил губернатором в Казани, в 1743 г. – в Эстляндии, с 1736 г. занимал должность президента Коммерц-Коллегии, а в 1739 г. получил звание сенатора. В подчинении П. И. Мусина-Пушкина также находились Канцелярия конфискации и Коллегия экономии (последняя исполняла те же функции, что и Монастырский приказ).

Своим возвышением граф Платон обязан двум выдающимся деятелям эпохи Анны Иоанновны – вице-канцлеру князю Алексею Михайловичу Черкасскому, на родной племяннице которого, княжне Марии Петровне, он был женат, и своему другу – кабинет-министру Артемию Петровичу Волынскому. Падение Волынского погубило и Мусина-Пушкина. Привлеченный к «делу Волынского», он лишен всех чинов, орденов и графского достоинства, бит кнутом и после жестокой пытки, сопровождавшейся «урезанием» языка, сослан в Соловецкий монастырь. Трусливый Черкасский даже не попытался спасти своего родственника. Проведя менее двух месяцев в холодном и сыром каземате Головленковской тюрьмы на Соловках, Мусин-Пушкин тяжело заболел. 28 октября 1740 г. Бирон, именем императора Иоанна Антоновича, облегчил его участь. Платон Иванович был освобожден и сослан в Симбирский уезд, в одно из дальних имений своей жены. Императрица Елизавета Петровна велела простить Мусину-Пушкину его вину (которой и не было), но к делам не определять. Всеми забытый, он умер вскоре после этого.

Вдова графа Платона Ивановича долго хлопотала о возврате конфискованных имений Мусиных-Пушкиных. Канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин взялся ходатайствовать за нее перед императрицей и попросил составить список лучших имений. В результате Бестужев-Рюмин выпросил эти имения себе. Только при Екатерине II та часть земель графа Платона, которая еще оставалась в казне, была отдана его вдове.

Сын Платона Ивановича, граф Валентин Платонович, родился в 1735 г. Еще ребенком его записали на службу в гвардию (такова обычная для XVIII в. практика). Боевое крещение он

получил в Семилетней войне при Елизавете Петровне, имея от роду всего тринадцать лет. Он участвовал в перевороте Екатерины II, за что в день коронации новой императрицы получил 600 душ крестьян и придворный чин камер-юнкера. В Русско-турецкую войну 1771–1775 гг. Валентин Платонович служил под начальством своего тестя князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского и за проявленную храбрость был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Впоследствии граф был награжден орденами Святой Анны, Святого Александра Невского и Святого Андрея Первозванного, получил чин генерал-аншефа и должность генерал-адъютанта.

В войну со Швецией, начавшуюся в 1788 г., В. П. Мусина-Пушкина назначили командующим армией, действовавшей против шведов в Финляндии, но особых успехов он не добился и был отставлен. Павел I возвел Мусина-Пушкина в фельдмаршалы и назначил шефом лейб-гвардии Кавалергардского полка. Граф Валентин Платонович умер в Москве 8 июня 1804 г. и был погребен в Успенском соборе московского Симонова монастыря.

Его вдова, графиня Прасковья Васильевна, возвела над могилой супруга придел соборной Успенской церкви во имя великомученика Валентина. Она скончалась в Санкт-Петербурге в 1828 г. и была погребена рядом с мужем. Впоследствии Валентиновский придел расширили и переименовали в придел во имя святых мучеников Валентина, Прасковьи и Василия (освящен в 1843). В 1930-е гг. большинство зданий Симонова монастыря разрушены. Был уничтожен и Успенский собор. Спустя почти шестьдесят лет, в 1987 г., при проведении реставрационных работ, захоронения Валентиновского придела вскрыли и исследовали.

В 1994 году во время проведения международной конференции «А. И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России» на месте погребения графов Мусиных-Пушкиных в Симоновом монастыре была отслужена церковная служба, на которой присутствовали ныне живущие представители этого рода.

Сын Валентина Платоновича – граф Василий Валентинович (1773–1836) – был женат на одной из богатейших невест России – графине Екатерине Яковлевне Брюс (правнучатой племяннице петровского сподвижника), единственной наследнице имений с 14 тысячами крестьянских душ. В 1796 г. граф Василий Валентинович выхлопотал разрешение прибавить к своей фамилии имя угасающего рода Брюсов и стал зваться граф Мусин-Пушкин-Брюс. Брак этот был несчастен: супруги не имели детей. Огромное богатство располагало графа к расточительности, в результате чего денежные дела семейства сильно запутались. Графиня даже просила в 1804 г. предоставить ей развод, но получила отказ, хотя все основания для этого имелись. Оба супруга пренебрегали верностью. Василий Валентинович от блиставшей в ту пору актрисы Нифодоры Семеновой (впоследствии вышла замуж за князя Гагарина) имел дочь Прасковью, которой и оставил все свое состояние. В свою очередь, у Екатерины Яковлевны был роман с графом Камилем Гритти. Сыновьям, Камилю и Александру Гритти, графиня Мусина-Пушкина-Брюс завещала свою часть семейного достояния.

Граф Василий Валентинович служил в основном при дворе. Он носил чин действительного камергера, был обер-шенком и кавалером высших российских орденов. Граф Мусин-Пушкин-Брюс являлся одним из видных русских масонов – он возглавлял некоторые масонские ложи и был почетным членом в других.

Не меньший интерес представляет и другая ветвь рода – потомки Саввы Яковлевича, троюродного брата Алексея Богдановича. Из этой линии наиболее знаменит граф (с 1797) Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817), правнук Саввы Яковлевича.

Само происхождение вводило Алексея Ивановича в круг подвижников и знатоков отечественной культуры. Его матерью была Наталья Михайловна Приклонская, тетка поэта А. П. Сумарокова. Двоюродная сестра Натальи Михайловны, Лукерья Васильевна Приклонская, в замужестве Чичерина, является прабабушкой А. С. Пушкина. По линии Мусиных-Пушкиных, собирателями рукописей, монет и других «древностей», а также

литераторами являлись Алексей Богданович, Ирина Ивановна, Иван Алексеевич и Платон Иванович Мусины-Пушкины.

Действительный тайный советник, обер-прокурор Синода и президент Российской академии художеств – таков лишь краткий список должностей Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Однако он стяжал известность не на государственной службе и даже не своим покровительством российскому искусству, а скорее как историк и собиратель уникальной коллекции древних рукописей.

Алексей Иванович – открыватель и первый публикатор выдающихся произведений древнерусской литературы и памятников истории – «Слова о полку Игореве», Лаврентьевской летописи, надписи на Тмутараканском камне и других.

Драгоценное собрание размещалось в гостеприимном московском доме графа на Разгуляе. Им активно пользовался М. Н. Карамзин и другие историки той поры. В московском пожаре 1812 г. дом Мусина-Пушкина сгорел, с ним погибли коллекция древностей, библиотека и научные труды самого графа. Огонь уничтожил и единственный список «Слова о полку Игореве», известного нам теперь только по публикации, осуществленной графом А. И. Мусиным-Пушкиным в 1800 г. Алексей Иванович был страшно потрясен. Вскоре последовал и новый удар: 21 марта 1813 г. в сражении под Люнебургом погиб старший сын графа – Александр, которого отец готовил к занятиям российской истории. С тех пор и до самой кончины графа, как замечает историк и археолог К. Ф. Калайдович, «пасмурный взор его одушевлялся только в беседе любителей отечественной истории». Скончался граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин в 1817 г. в Москве и погребен в своем родовом имении Иломны Моложского уезда Ярославской губернии.

У Алексея Ивановича и его супруги Екатерины Алексеевны (урожденной княжны Волконской) было пять дочерей и трое сыновей. Старший Иван (1783– 1836), генерал-майор и обер-гофмейстер, от брака с княжной Марией Александровной Урусовой оставил четырех сыновей. Старшие из них, Алексей и Александр Ивановичи, были друзьями детства Л. Н. Толстого (в повести «Детство» – братья Ивины). Второй сын историка, Александр, как уже говорилось выше, погиб еще при жизни отца. Третий – Владимир Алексеевич (1798–1854) – был членом Северного общества и привлекался к следствию по делу декабристов. После полугодового тюремного заключения его перевели из гвардии в армию.

Женой графа Владимира Алексеевича была одна из самых блестящих красавиц Петербурга – Эмилия Карловна Шернваль фон Валлен (1810–1846). Влюбленный в графиню М. Ю. Лермонтов посвятил ей строки:

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

Ранее красоту другой Мусиной-Пушкиной – графини Марии Александровны, супруги Ивана Алексеевича, – воспел А. С. Пушкин.

Род графов Мусиных-Пушкиных в XIX – начале XX в. считался одним из самых блестящих дворянских родов Империи. Александр Сергеевич Пушкин писал в «Моей родословной»:

Я Пушкин просто, не Мусин,

Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Несмотря на страшные потрясения XX в. (во время революции, Гражданской войны, большевистских репрессий и Второй мировой войны погибли 11 представителей фамилии) род графов и дворян Мусиных-Пушкиных продолжает свою историю и в наши дни. Ныне Мусины-Пушкины живут в России, Франции, США, Бельгии, Австралии, Южной Африке, Замбии. Младшие представители этого рода (XXIV поколение от Ратши): американский гражданин граф Николай Алексеевич (род. 1954); ветеринар во французском городе Нейти графиня Елена Владимировна (род. 1963); французская служащая графиня Анна Николаевна (род. 1966), в замужестве Баваззано; инженер фирмы «Томсон» парижанин граф Николай Алексеевич (род. 1966) и его брат, работник представительства фирмы «Содекс» в Москве, граф Петр Алексеевич (род. 1969); инженер компьютерной фирмы в Париже граф Андрей Андреевич (род. 1973); выпускница Высшей коммерческой школы в Лионе графиня Марина Андреевна (род. 1976); выпускница Университета в Гренобле (Франция) графиня Софья Николаевна (род. 1971), ныне работает в Швейцарии.

Примечательна история и других дворянских родов, происходящих от Григория Пушки – Кологривовых, Бобрищевых-Пушкиных, Шафериковых, Товарковых. Но, чтобы не утомлять читателей, сразу перейдем к потомкам младшего сына родоначальника Константина Григорьевича, т. е. к собственно Пушкиным.

В XV в. Пушкины известны тем, что владели вотчинами в Дмитровском уезде, там же, где и другие потомки Григория Пушки. Возвышение этого рода происходит во второй половине XVI в. и непосредственно связано с Иваном Грозным.

Праправнук Константина Григорьевича Пушкина – Семен Михайлович – упоминается в источниках в 1563 г. На церемонии свадьбы ливонского короля Магнуса и племянницы царя Ивана Грозного, княжны Марии Владимировны Старицкой, он нес «сорок соболей», предназначенных в подарок жениху. С введением опричнины С. М. Пушкин был зачислен в число новых слуг царя. В 1567 г. в Ливонском походе – второй воевода у царского знамени. В 1578 г. он описывал Волоколамский уезд, что означало не только занятия статистикой, но и исполнение судебных функций в этом регионе.

Служба С. М. Пушкина в опричнине дала возможность выдвинуться его племяннику Евстафию Михайловичу, человеку даровитому и незаурядному. Впервые он упоминается на свадебной церемонии Магнуса и Марии Старицкой (1563), затем на долгое время исчезает из источников.

В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей совершил неожиданный набег на Москву. Опричные воеводы не смогли отразить крымцев, и хан беспрепятственно дошел до столицы и сжег ее. Когда на другой год были получены известия о новом набеге крымцев, царь бежал в Новгород и, не доверяя ни опричным, ни земским воеводам, приказал расставить по дорогам стрелецкие заставы, выбрав для этого особо доверенных людей. Одной из таких застав – на дороге в Новгород, у Старицы – был назначен командовать Евстафий Пушкин.

В следующем, 1573 г., царь поручил Пушкину еще одно дело, свидетельствующее об особом доверии. Он должен был отвезти на погребение в Иосифо-Волоколамский монастырь тело Малюты Скуратова, убитого при штурме ливонской крепости Пайды.

Доверие царя не оставляло Евстафия и дальше, а административные и дипломатические способности благоприятствовали его успешному возвышению. В различных походах, начиная с 1576 г., он возглавлял передовой полк, а в 1580 г. назначен одним из воевод в Смоленске. В следующем году Пушкин проявил себя на дипломатическом поприще. Он был отправлен на переговоры к польскому королю Стефану Баторию со следующим наказом: «…А будут учнут укорять, или бесчествовати, или лаяти… ино отвечивати слегка, а не

браниться».

Как известно, русские войска терпели от поляков и литовцев одно поражение за другим, и поэтому следовало, смирив гордыню, добиваться мира во что бы то ни стало. Но король не захотел принять послов. Иван Грозный в поисках мира был вынужден прибегнуть к посредничеству римского посланника, кардинала Антония Поссевино, который прибыл в Москву в 1582 г. При нем мы снова видим Евстафия Пушкина, выполняющего весьма деликатное поручение. Царь захотел показать Антонию православное богослужение, а дабы соблюсти порядок, не нарушив честь и почитание православных святынь, приставил к кардиналу Евстафия Пушкина и знаменитого дипломата Федора Писемского. И не напрасно. Антоний, не дожидаясь появления царя, хотел идти в собор. Но Пушкин и Писемский «его поуняли». Поссевино рассердился и стал было скандалить, но получил через дьяка Андрея Щелкалова строгий выговор царя. Кардиналу велели передать, чтобы он «не пригожева дела не делал».

Спустя пятнадцать лет Пушкин снова появляется на дипломатическом поприще. В 1595 г. он был товарищем князя Ивана Самсоновича Туренина в посольстве к шведам, заключившим «вечный» мир. Тогда же Евстафий Михайлович выполнил еще одно важное поручение. В Астрахани скончался крымский царевич Мурат-Гирей, сторонник России. Возникло подозрение, что царевича уморили присланные из Крыма колдуны. Для расследования этого дела был послан в Астрахань Евстафий Пушкин.

Летопись подробно повествует об этом загадочном и драматическом следственном деле. Колдуны были схвачены в татарских поселениях в степи. По приказу Пушкина их пытали, но никак не смогли узнать, по чьему приказу они «извели» царевича. Тогда следствие взял в свои руки местный лекарь, родом арап. Он приказал засунуть в зубы колдунам конские удила, подвесить их на балке и бить не по телу, а по теням на стене. Тогда злодеи рассказали все. После пытки Пушкин приказал сжечь колдунов в степи. Когда злодеев сжигали, то слетелось в поле множество ворон и сорок; и пока жгли колдунов, птицы кричали, а когда сожгли – исчезли. Царь Федор Иванович был доволен успешно проведенным розыском и пожаловал Евстафия Пушкина чином думного дворянина. Наградил царь и его помощника арапа.

Достижение Е. М. Пушкиным чина думного дворянина сыграло важнейшую роль в семейной истории Пушкиных. Теперь другие члены рода могли опираться на этот прецедент в местнических спорах и сами продвигаться по служебной лестнице. Вслед за Евстафием выдвинулись и его братья: Иван Большой, Никита, Леонтий и Иван Меньшой. Но в 1600 г. карьера братьев Пушкиных прервалась.

Историки, изучавшие генеалогию поэта, спорили: было ли удаление от дел Е. М. Пушкина около 1600–1601 гг. опалой и знал ли об этом Александр Сергеевич Пушкин. В трагедии «Борис Годунов» поэт не только выводит на сцену двух представителей своего рода – Афанасия Михайловича и Гаврилу Григорьевича Пушкиных, но и упоминает о том, что царь Борис преследовал Пушкиных. В уста Бориса Годунова поэт вкладывает слова: «Противен мне род Пушкиных мятежный». Гаврила Пушкин в начале повествования упоминается как «опальный изгнанник».

Академик С. Б. Веселовский приходил к выводу, что опала на Евстафия Пушкина не отразилась на благополучии всего рода, который вопреки словам поэта не был ни «мятежным», ни враждебным Годунову. Однако историк В. И. Корецкий, проанализировав архивные материалы, которые не были учтены С. Б. Веселовским, пришел к иным заключениям. В 1600 г., вскоре после опалы на Романовых и ссылки этого рода, холопы Евстафия Пушкина донесли, что их господин говорит крамольные речи, направленные против царя. Пушкин якобы жаловался своим братьям на то, что царь Борис, обещав в начале правления никого не наказывать, стал «розсылати в заточение таких великородных и

ближних людей», как Федор Никитич Романов и его родственники. За это и сам Евстафий, и его братья попали в опалу и были высланы из Москвы на дальние воеводства в Сибирь, в основном вторыми воеводами.

Более того, как полагает Корецкий, А. С. Пушкин знал подробности этого следственного дела и пользовался какими-то семейными источниками, не известными Н. М. Карамзину, автору «Истории государства Российского», которая считается основным источником трагедии «Борис Годунов». В своем монологе Афанасий Михайлович Пушкин в доме князя Василия Шуйского повторяет те же обвинения, которые (согласно доносу) выдвигал против царя Евстафий Михайлович Пушкин:

Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаньи…

Таким образом, Корецкий пришел к выводу, что прототипом Афанасия Михайловича Пушкина из трагедии «Борис Годунов» был думный дворянин Евстафий Михайлович Пушкин. Перемена имени могла произойти как от ошибки переписчика (древнерусская форма Астафий сходна с именем Афанасий), так и от того, что поэт сам придал ему более поэтическое звучание.

Евстафий Пушкин и его брат Никита оказались в Тобольске. Там Евстафий и скончался в 1603 г., приняв перед смертью монашество с именем Евфимия. Сына Евстафия – Луку – сослали в Мангазею, в другие сибирские города – Гаврилу Григорьевича (троюродный брат Е. М. Пушкина), Василия Никитича, Савлука Третьякова и Федора Семеновича (сын опричника) Пушкиных. Еще двое Пушкиных (Леонтий и Иван Меньшой Михайловичи) вообще лишились своих вотчин и «животов» (имущества) за «раскручинившее» царя Бориса местничество с князьями Елецкими и также оказались в Сибири.

Лишь с появлением у южных границ России армии Лжедмитрия I Борис Годунов, ощущая нужду в ратных людях, возвратил из ссылки некоторых Пушкиных. Гаврилу Григорьевича направили вторым воеводой в Белгород, Леонтия Михайловича – в действующую армию, впоследствии он погиб в бою под Кромами в 1605 г. Еще двое Пушкиных попали на литовский рубеж, и один из них, Афанасий Иванович, сложил голову в том же Кромском бою, где и Леонтий Михайлович.

Гаврила Григорьевич Пушкин – личность яркая и замечательная. Им восхищался поэт: «Он был особенно талантлив – как воин, как придворный и в особенности как заговорщик». Согласно семейному преданию, после рождения младшего сына А. С. Пушкин предложил Наталье Николаевне на выбор два семейных имени для новорожденного: Гаврила и Григорий. Супруга поэта выбрала второе.

Гаврила Пушкин был не больше ни меньше как зятем самого Ивана Грозного. В 1579 г. он женился на Марии Мелентьевне Ивановой, дочери казненного в опричнине дьяка и Василисы Мелентьевой, шестой жены царя. Дьяческая вдова, пожалуй, самая загадочная из всех жен Ивана Грозного. Одно время ее существование даже подвергалось сомнению – считалось, что запись об этом браке подделана владельцем «Хронографа о браках царя Ивана Васильевича» известным мистификатором Сулакадзевым. Однако существующие помимо этого источника документы подтверждают факт женитьбы царя Ивана на Василисе Мелентьевой. Не вполне

ясно, был ли Иван Грозный женат на Василисе церковным браком. В любом случае, она недолго была женой царя и вскоре умерла.

К сожалению, А. С. Пушкин не знал о столь высоком родстве своего предка Гаврилы, иначе, можно полагать, он бы обыграл это в «Борисе Годунове» и, возможно, в других произведениях.

Впрочем, брак на падчерице грозного царя не повлиял на служебную карьеру Гаврилы Пушкина. В течение долгого времени Гаврила Пушкин прозябал в незначительной должности «татарского головы» (начальника отряда служилых татар). Опала на Пушкиных ухудшила его положение. Появление же самозванца решило судьбу Гаврилы Пушкина. Мы не знаем, на каком этапе продвижения Лжедмитрия I Гаврила Пушкин оказался в числе его сторонников, но после восстания в Кромском лагере (7 мая 1604) он встречается среди доверенных лиц самозванца.

Из Кромского лагеря Лжедмитрий I неоднократно посылал в Москву посланников с грамотами, но все они попадали в руки правительства. Наконец двоим, благодаря ловкости и удаче, удалось добиться успеха. Это были Гаврила Пушкин и Наум Михайлович Плещеев. Войдя в Красное село, они возмутили «прелестными грамотами» крестьян и в сопровождении большой толпы народа прорвались в Москву. В Москве на Красной площади Гаврила Пушкин с Лобного места прочитал грамоты Лжедмитрия I, призывавшие свергнуть царя Федора Годунова – дальнейшие события хорошо известны. Династия Годуновых пала, и на трон взошел Лжедмитрий I.

В награду за деятельное участие в воцарении самозванца Пушкин получил чин думного дворянина и должность сокольничего, которую сохранил и при следующем царе – Василии Шуйском. Во время борьбы Шуйского против Болотникова и Лжедмитрия II Гаврила Пушкин и его брат Григорий Сулемша неоднократно возглавляли войска в различных походах против мятежников. Участвовал Гаврила Пушкин и в злосчастной Клушинской битве, когда русские войска потерпели сокрушительное поражение от поляков. После разгрома Пушкину удалось через леса и болота бежать в Можайск, а оттуда в Москву.

Столица бурлила в преддверии нового мятежа. Свержение Василия Шуйского организовал Захарий Ляпунов. Гаврила Пушкин примкнул к заговорщикам и участвовал в насильственном пострижении царя Василия Шуйского в монахи (19 июля 1610).

Позднее Г. Г. Пушкин примкнул к Первому ополчению. В 1612 г. он находился в «таборах» князя Д. Т. Трубецкого, а после воцарения Михаила Федоровича защищал от поляков Устюжну, позднее был воеводой в Вязьме, а в 1619 г. возглавил Челобитный и Разбойный приказы. В том же году в составе торжественного посольства Гаврила Пушкин встречал государева отца Филарета Никитича Романова в Вязьме. Однако это не спасло его от немилости властного Филарета. Филарет, сам некогда насильственно постриженный в монахи и томившийся в польском плену, чтил память царя Василия Шуйского и преследовал его противников. Он отстранил Пушкина от управления приказами и в 1626 г. сослал его в имение, где Гаврила и умер, приняв перед смертью монашество с именем Герасима.

Сыновья Гаврилы Пушкина в начале правления царя Михаила находились в ссылке с отцом, потом возвратились ко двору и достигли значительных успехов. Григорий Гаврилович Косой в 1645 г. был пожалован в окольничьи, в 1646 г. входил в состав посольства в Швецию и тогда же получил боярство, а на следующий год должность оружничего, ведавшего не только царским вооружением, но также Оружейным и Ствольным приказами, Серебряной и Золотой палатами. Связь Г. Г. Пушкина с царскими мастерскими известна еще раньше. В 1643 г. он руководил работами по восстановлению фресок Успенского собора. Младший брат Гаврилы, Степан, достиг должности окольничего.

Из того же поколения, что и сыновья Гаврилы Григорьевича, вышел еще один

значительный представитель рода – Борис Иванович, племянник Евстафия Михайловича, сын Ивана Большого. В 1611 г. он входил в состав русского посольства к Сигизмунду III, которое возглавляли Филарет Романов и князь Василий Голицын. Вместе с другими членами посольства Борис Пушкин был задержан поляками, протомился в плену восемь лет и возвратился вместе с Филаретом в 1619 г. При царе Михаиле он возглавлял различные приказы, воеводствовал в городах, а при Алексее Михайловиче получил чин окольничего.

Сын Бориса Ивановича – Никита Борисович (1620–1719) – был очень богатым, гордым и заносчивым человеком. Своего сына Афанасия он женил на дочери известного дипломата, думного дьяка Емельяна Украинцева, а дочь выдал за петровского сподвижника – адмирала графа Николая Федоровича Головина. Гордость Никиты Пушкина доходила до того, что в 1687 г., подавая роспись Пушкиных в Родословную палату, он не признал своими однородцами старшую линию новгородских Пушкиных. Те жаловались, что Никита Борисович «горд с ними, надеясь на свое великое богатство» и влияние при дворе.

Но богатство не принесло Никите Пушкину счастья. Семейным мучителем стал его сын Афанасий. Он пьянствовал и всячески досаждал отцу. В 1692 г. Афанасий Пушкин нанес побои отцу и матери, за что был заключен в Нилову пустынь. Игумен монастыря доносил, что Афанасий Пушкин и там буйствует и нет никакой возможности его усмирить. Афанасий дважды пытался бежать из монастырского заточения, но был пойман и умер в монастыре в 1694 г., всего 19 лет от роду. После смерти сына Никита Борисович затеял иск против его вдовы, обвиняя ее и ее отца, Украинцева, в краже. Долго судился, возводя на невестку поклеп за поклепом, но окончание судного дела до нас не дошло. В конце жизни Никита Пушкин постригся в монахи с именем Нифонта и умер, не дожив одного года до ста лет.

Вернемся к потомкам Гаврилы Пушкина. Его внуки, Матвей и Яков Степановичи, были боярами. По своим родственным связям братья Пушкины входили в ту партию, которая сложилась вокруг Милославских и оказывала сопротивление Петру I и его реформам. Сын М. С. Пушкина – стольник Федор Матвеевич – женился на дочери окольничего Алексея Прокофьевича Соковнина. Соковнин – личность в российской истории примечательная. Он – родной брат знаменитых проповедниц раскола – боярыни Феодосии Морозовой и княгини Евдокии Урусовой.

Вокруг А. П. Соковнина группировались враги петровских преобразований. В этой среде возник заговор, целью которого было убийство Петра I. Замешан в него был и Федор Пушкин. Когда заговор раскрыли, его участников казнили – Соковнину, Пушкину и полковнику Ивану Елисеевичу Цыклеру отрубили головы (4 марта 1697). О судьбе Федора Матвеевича Пушкина поэт писал:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им…

Здесь слова «повешен им» скорее свидетельство незнания поэта о судьбе крамольного родича, чем поэтический вымысел.

Отца Федора – боярина Матвея Степановича – за вину сына лишили боярства и сослали вместе с внуком Федором Федоровичем в Енисейск. Якова Степановича отправили в его имения в Касимовском уезде, где он и умер в 1699 г.

Причастность Пушкиных к противникам Петра I подчеркивают и другие родственные связи этой семьи. Дочь Я. С. Пушкина Ирина в 1716 г. вышла замуж (третьим браком) за стольника Ивана Ивановича Цыклера, сына казненного Ивана Елисеевича. Родственница Матвея и Якова Степановичей Пушкиных, Ирина Федоровна Пушкина, была женой предводителя

знаменитой Хованщины – князя Ивана Андреевича Хованского.

В результате опалы самая выдающаяся линия рода пресеклась. Сын Ф. М Пушкина, Федор Федорович, умер в Енисейске, не оставив детей. Родственные связи дочерей Ф. М. Пушкина чрезвычайно интересны. Евдокия Федоровна, в замужестве Боборыкина, оставила дочь Анну (род. 1746), вышедшую замуж за Юрия Петровича Лермонтова (см. очерк о Лермонтовых). Сестра Евдокии Федоровны, Прасковья, была замужем за сыном знаменитого украинского гетмана – Александром Петровичем Дорошенко. Ее правнучка, Наталия Ивановна Загряжская, вышла замуж за Николая Афанасьевича Гончарова и стала матерью Наталии Гончаровой. Таким образом, М. Лермонтов и Н. Гончарова приходились друг другу пятиюродными братом и сестрой. Наконец, Екатерина Федоровна была женой Грибоедова, одного из представителей семьи, давшей России великого драматурга, автора «Горя от ума». Вероятно, это был Федор Иванович Грибоедов – прапрадед Александра Сергеевича.

После пресечения ветви Гаврилы Григорьевича к началу XVIII в. осталась только одна линия рода – потомство опричника Семена Михайловича. Сын Семена Михайловича, Тимофей Семенович, в 1601 г. был воеводой в Цареве-Борисове, в 1618 г. – в Цивильске. Он оставил сына Петра Тимофеевича Черного Толстого, служившего воеводой сторожевого полка в Пронске в 1624 г. В 1625–1628 гг. Петр Тимофеевич воеводствовал в Тюмени и умер около 1634 г. От брака с Еленой Григорьевной Сунбуловой (из древнего рязанского рода) Петр Тимофеевич оставил сына – Петра Петровича, служившего в стольниках.

Петр Петрович прожил недолго и скончался в 1661 г. Его вдова, Анастасия Афанасьевна (урожденная Желябужская), известна по одному скандальному судному делу. В 1675 г. стольник, князь Иван Петрович Козловский, повинился царю в том, что «жил с племянницею своею с двоюродною с Петровой женою Петрова сына Пушкина с Настасьею Офанасьевой дочерью, лет с десять и больши» (т. е. состоял с ней во внебрачной связи). Царь Алексей Михайлович приказал взять Козловского под стражу, а Анастасию Пушкину отправить в Страстной монастырь, где держать «под крепким начальством». Неизвестно, сколько времени провела Пушкина в монастыре, но впоследствии она переписывалась с царевной Прасковьей Ивановной (внучкой царя Алексея Михайловича), из чего можно заключить, что прожила она долго.

Сын Петра Петровича, также Петр Петрович, стольник и второй судья Владимирского судного приказа, умер 12 февраля 1692 г. Он имел пятерых сыновей, из которых третий, Александр Петрович, был прадедом поэта по отцовской линии, а пятый, Федор Петрович, – прапрадедом по материнской.

Александр Петрович Пушкин родился в 90-е гг. XVII в. В 1718 г. он поступил на службу в лейб-гвардии Преображенский полк солдатом, а в 1722 г. произведен в сержанты и каптенармусы. Женой Александра Петровича стала дочь любимого денщика Петра I, а затем адмирала Ивана Михайловича Головина, Евдокия Ивановна. В 1725 г. Пушкин в припадке ревности или сумасшествия зарезал свою жену. За убийство Александр Петрович был арестован и умер в тюрьме. Двое детей Пушкина – Лев и Мария – остались сиротами, их взял на воспитание дед Головин, к которому перешли и управление семейными владениями Пушкиных. Эти имения располагались в Московском, Зарайском, Коломенском, Рязанском и Дмитровском уездах. Кроме того, в 1718 г. к Александру Петровичу по завещанию его бездетного родственника Ивана Ивановича Пушкина перешли все его земли, и в том числе знаменитое село Болдино в Нижегородском уезде. Когда-то это село пожаловал царь Михаил Федорович деду И. И. Пушкина Федору Федоровичу за «московское осадное сиденье», т. е. за участие в отражении похода на Москву королевича Владислава в 1618 г.

Лев Александрович Пушкин (1723– 1790), сын Александра Петровича, еще в детстве был записан в службу в лейб-гвардии Семеновский полк. Карьера его шла без особых взлетов и падений. В 1759 г. Л. А. Пушкин получил чин майора. Когда произошел переворот

Екатерины II, Лев Александрович, верный присяге Петру III, отказался признать новую императрицу, попал под арест и, по некоторым данным, провел в заключении два года. В 1763 г. он вышел в отставку с чином подполковника и уже больше никогда не служил, а жил в Москве или в своих деревнях. А. С. Пушкин характеризовал своего деда Льва Александровича как человека «пылкого и жестокого».

Поэт сообщает, что свою первую жену, Марию Матвеевну (урожденную Воейкову), Лев Александрович заточил в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую любовную связь с французом, воспитателем его сыновей. Там она и умерла, а француза разъяренный муж велел повесить на черном дворе. Проверить это известие не представляется возможным, тем более что сын Л. А. Пушкина, Сергей Львович, отец поэта, решительно отрицал это. Тем не менее в формулярном списке Л. А. Пушкина находится следующая запись: «За непорядочные побои находящегося у него на службе венецианца Харлампия Маркиди был под следствием, но по именному указу велено его, Пушкина, из монаршей милости простить». Вероятно, эти «непорядочные побои» и послужили поводом для возникновения легенд о расправе над учителем-иностранцем, дошедших до Александра Сергеевича.

Вторая жена Л. А. Пушкина, Ольга Васильевна (урожденная Чичерина), (1737– 1802), много страдала от его жестокого нрава. По сообщению поэта, однажды Лев Александрович велел жене наряжаться и ехать с ним в гости. Та была беременна и плохо себя чувствовала, но не посмела отказаться. В дороге она почувствовала муки и прямо в карете родила. Сергей Львович Пушкин опровергал и это сообщение своего сына.

От двух браков Лев Александрович Пушкин оставил пятерых сыновей: подполковника артиллерии Николая (1745– 1821), подполковника артиллерии в отставке Петра (1751–1825), капитана Александра (1757 – после 1796), коллежского асессора Василия (1767–1830) и статского советника Сергея (1770–1848). Кроме того, он был отцом двух дочерей: Анны (1769–1824) и Елизаветы (1776–1848), в замужестве Солнцевой.

Трое старших сыновей Л. А. Пушкина были бездетны. Неудачен был и брак поэта Василия Львовича Пушкина с Капи-толиной Михайловной Вышеславцевой. Светская львица, блиставшая красотой и привлекательностью, она оставила дядю поэта, обладавшего неказистой внешностью, добилась развода и вышла замуж за Ивана Акимовича Мальцева. После этого гражданской женой В. Л. Пушкина стала московская купчиха Анна Николаевна Ворожейкина. У них было двое детей: Маргарита Васильевна (1810–1889), в замужестве Безобразова, и Лев Васильевич (род. 1812), носивший фамилию Васильев.

Род Пушкиных продолжился от Сергея Львовича, женатого на «прекрасной креолке» Надежде Осиповне Ганнибал (1775– 1836). Она приходилась внучатой племянницей своему супругу. Родителями Надежды Осиповны были капитан флота Осип (Януарий) Абрамович Ганнибал (сын знаменитого петровского «арапа») и Мария Алексеевна (урожденная Пушкина). Мария Алексеевна была дочерью капитана Алексея Федоровича Пушкина и внучкой стольника Федора Петровича, младшего брата Александра Петровича. Таким образом, потомство двух братьев соединилось через три поколения браком Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Ганнибал.

От этого брака появились на свет: Ольга (1797–1869), в замужестве Павлищева, Александр (1799–1837), Лев (1805–1852). Еще пятеро детей С. Л. и Н. О. Пушкиных – Николай, Павел, Михаил, Платон и Софья – умерли в младенчестве и детстве. Николай, родившийся в 1801 г., был резвым и веселым мальчиком. Братья Николай и Александр играли, шумели и часто ссорились, а когда малютка заболел, старший брат с участием подошел к его кровати. Больной братец, желая подразнить его, показал брату язык и вскоре умер (30 июля 1807). Могила его находится в селе Большие Вяземы, в ограде Преображенской церкви.

Семейной истории потомков поэта посвящена книга В. М. Русакова «Рассказы о потомках А. С. Пушкина» (1992). Отсылая читателей к этой книге, ограничимся лишь краткими

сведениями о потомстве Александра Сергеевича и Натальи Николаевны.

Старшая дочь поэта, Мария Александровна, родилась 19 мая 1832 г. и умерла 7 марта 1919 г., пережив других детей Пушкина. В 1860 г. она вышла замуж за майора, впоследствии генерала, Леонида Николаевича Гартунга. Гартунга постигла трагическая участь. В 1877 г. он был несправедливо обвинен и предан судебному преследованию. Не выдержав ложных обвинений, он застрелился в зале суда, и только после смерти Леонида Николаевича выяснилась его невиновность.

6 июля 1833 г. родился Александр Александрович Пушкин. По окончании Кадетского корпуса он вступил на военную службу в гвардию, и в 1861 г. вышел в отставку в чине полковника. В 1867 г. он вновь вернулся на службу, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и освобождении Болгарии, командуя Нарвским полком. За храбрость, оказанную в различных сражениях, Александр Александрович был награжден золотой саблей и орденом святого Владимира 4-й степени. В 1891 г. он вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта и занялся общественной деятельностью – стал почетным опекуном различных учебных и благотворительных учреждений, входил в ученый совет Екатерининских и Александровских женских курсов. А. А. Пушкин умер 19 июля 1914 г. в день объявления Германией войны России от нервного потрясения, случившегося вследствие этого события.

Александр Александрович много сделал для сохранения наследия своего отца. В 1880 г. он передал в дар Румянцевской библиотеке рабочие тетради и письма поэта к жене. Современники отмечают, что А. А. Пушкин был очень похож на поэта. По их представлению, если бы Александр Сергеевич дожил бы до старости, то он выглядел примерно так же, как и его сын, умерший в возрасте 81 года. От двух браков (первым – на Софье Александровне Ланской; вторым – на Марии Александровне Павловой) Александр Александрович был отцом тринадцати детей, от которых и продолжился род Пушкиных.

Младший сын поэта, Григорий (род. 14 мая 1835), статский советник и мировой судья Опочецкого уезда, в отличие от своего брата, последние годы жизни провел затворником в родовом селе Михайловском. Он умер 5 августа 1902 г., не оставив детей.

Наконец, Наталья Александровна Пушкина родилась 23 мая 1836 года, за восемь месяцев до смерти отца.

В 2002 г. газета «Совершенно секретно» опубликовала сенсационный материал некоего А. Н. Зинухова под названием «Медовый месяц императора». В том же году эта работа в расширенном и дополненном виде увидела свет отдельным изданием в 5000 экземпляров. Согласно исследованию А. Н. Зинухова, младшая дочь Пушкиных – Наталья – на самом деле была дочерью не поэта, а Николая I, который вступил в любовную связь с Натальей Николаевной в начале сентября 1835 г. (сроки якобы детально высчитаны автором на основании свидетельств о третьей беременности Н. Н. Пушкиной). Зинухов пишет, что Пушкин в это время отсутствовал в Санкт-Петербурге, и император, долго подбиравшийся к жене поэта, смог наконец осуществить свое желание. Этим-то, согласно А. Н. Зинухову, и было вызвано настойчивое ухаживание Дантеса за Пушкиной, которое привело к трагической дуэли.

Оставим на совести А. Н. Зинухова его невысокое мнение о супружеской верности Натальи Николаевны. Инсинуации «исследователя-историка» (так назван автор книги в аннотации) опровергаются фактами. А. Н. Зинухов пишет, что Пушкин покинул семью 30 августа. Сознательно или случайно, автор упустил в своих расчетах и размышлениях строки из письма А. С. Пушкина к жене от 14 сентября 1835 г. «Вот уже неделя, как я тебя оставил, милый мой друг…» – пишет он жене. Следовательно, до 7 сентября супруги были вместе.

Что же Николай I? Из книги того же А. Н. Зинухова оказывается, что император выехал в Санкт-Петербург 9 сентября из городка Чембары Тамбовской губернии. Вряд ли он доехал до столицы ранее чем за 4–5 дней и оказался в Санкт-Петербурге около 13–14 сентября. Таким

образом, вероятность того, что Николай I был отцом Натальи Александровны можно принять, если представить, извините, что император прямо с дороги отправился домой к Наталье Николаевне Пушкиной…

И это только цифры, которые кладет в основу своих доказательств А. Н. Зинухов. За бортом остаются предсмертные слова поэта о невиновности супруги и преданности царю. Умирающий поэт в рассказе А. Н. Зинухова предстает малодушным лжецом. Автор «сенсационных открытий» не считает заслуживающим внимания уважительное отношения к вдове поэта со стороны его друзей, людей с высоко развитым чувством чести и достоинства. Вряд ли они стали бы молчать, если жена Пушкина была виновна в смерти поэта. Наконец, игнорируются Зинуховым свидетельства современников о внешнем сходстве Натальи Александровны с поэтом. И. С. Тургенев писал своему брату Николаю, что Наталья Александровна «как две капли воды похожа на отца». Тургенев знал о чем писал – он три раза видел Пушкина и характерные черты лица поэта не мог не запомнить. Вторит Тургеневу и С. М. Загоскин, сын романиста. Впрочем, в этом может убедиться любой, сравнив портреты Александра Сергеевича и Натальи Александровны Пушкиной.

В книге А. Н. Зинухова много подобных «открытий». В кучу свалены все возможные сомнительные и вымышленные моменты биографии поэта: «кольчуга Дантеса», мифический «стрелок», якобы прятавшийся за спиной француза-дуэлянта и совершивший роковой выстрел, тайное захоронение Пушкина на одном из петербургских кладбищ, еврейское (караимское) происхождение Абрама Ганнибала и другие. Анализ этих «сенсаций» приводит к выводу о том, что все они рождены богатой, а порою извращенной фантазией автора и пренебрежением к достоверным источникам и фактам.

Наталья Александровна Пушкина в 1860 г. вышла замуж за полковника Михаила Леонтьевича Дубельта, сына начальника III отделения собственной императорской канцелярии Леонтия Васильевича Дубельта, приложившего руку к гонениям на ее отца. Этот брак был несчастлив. В 1868 г. супруги развелись, и Наталья вышла замуж второй раз, за немецкого принца Николая Вильгельма Нассауского, получила титул графини Мейерберг и уехала в Германию.

Дочь Натальи Александровны и Николая Вильгельма Насаусского, Софья (1861–1929), вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича, внука Николая I. Этот брак, свершившийся против воли Александра III, не был признан в России, и великий князь с супругой поселились в Англии, где их миновали трагические события революции.

Потомки Натальи Александровны породнились с самыми знатными аристократическими фамилиями Англии. Старшая дочь Михаила Михайловича и Софьи Николаевны – Надежда (1896–1963) – вышла замуж за принца Джорджа Маунтбеттена, дядю принца Филиппа Эдинбургского, супруга ныне правящей королевы Елизаветы II.

Александр Александрович Пушкин был отцом пятерых сыновей: Александра (1863–1916), Григория (1868–1940), Петра (род. и ум. 1870), Сергея (1871–1893) и Николая (1885–1965).

Старший из них – Александр Александрович – имел придворное звание камергера, но не очень почитал дворцовую службу. Своей основной деятельностью А. А. Пушкин считал общественную деятельность. В 1890 г. он был избран земским начальником Бронницкого уезда Московской губернии, а в 1897 г. – председателем земской управы того же уезда. С этого времени и вплоть до конца жизни Пушкин возглавлял уездное земство и многое сделал для развития края. По его инициативе построены туберкулезный санаторий в деревне Коняшино, больница, две гимназии и библиотека в Бронницах, способствовал он и открытию больницы в деревне Колонец (на средства писателя Н. Д. Телешова), развитию уже существующих учебных и медицинских учреждений, прогрессу крестьянской кооперации.

Григорий Александрович Пушкин пошел по стопам своего отца и по окончании курса в Царскосельском лицее, в 1891 г. вступил на военную службу в чине подпоручика. Военная

карьера Г. А. Пушкина двигалась успешно: в 1910 г. он произведен в полковники, а с началом Первой мировой войны назначен командиром 10-го Двинского полка. Он участвовал во многих сражениях и военных операциях и был неоднократно ранен и награжден за храбрость. После Октябрьской революции внук поэта, как и многие другие офицеры царской армии, принял решение служить советской власти и вступил в Красную армию. Во время Гражданской войны Г. А. Пушкин командовал войсками на Южном фронте, а в 1921 г. демобилизовался по состоянию здоровья – сказались контузии и ранения, полученные им в Первой мировой войне. Последние годы своей жизни он работал в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина и занимался описанием и изучением рукописей деда.

Сергей Александрович Пушкин также пошел по военной линии. Он служил корнетом в 3-м драгунском Сумском полку. Жизнь С. А. Пушкина оборвалась трагически в двадцать четыре года. Из-за отказа любимой женщины он застрелился.

Наконец, младший из внуков поэта, Николай Александрович, также служил в 3-м драгунском Сумском полку, но в 1908 г. вышел в отставку. Затем Н. А. Пушкин был земским начальником Веневского уезда Тульской губернии, позже – чиновником для особых поручений при тульском губернаторе. Во время Первой мировой войны он вновь вступил на военную службу, а после революции эмигрировал из России. Семья Н. А. Пушкина оказалась в Турции, после в Сербии, а с 1923 г. – в Бельгии, где внук поэта и скончался.

А. А. Пушкин был отцом восьми дочерей. Старшая из них, Наталья (1859– 1912), вышла замуж за Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова. Мария Александровна (1862–1939) стала женой Николая Владимировича Быкова (племянника Н. В. Гоголя); ее сестры – Ольга (1864–1933) – Николая Николаевича Павлова (разведены); Вера (1872–1909) – Сергея Петровича Мезенцова; Елена (1889–1942) – Николая Александровича фон дер Розенмайер.

От внуков поэта Григория Александровича и Николая Александровича Пушкиных род разделился на две ветви – российскую и бельгийскую. К сожалению, мужская линия потомков А. С. Пушкина не имеет надежды на продолжение и должна пресечься. Российская ветвь уже прекратилась со смертью правнука поэта – Григория Григорьевича Пушкина (1913– 1997), сына Г. А. Пушкина. Григорий Григорьевич был сотрудником Московского уголовного розыска, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, затем работал печатником в типографии газеты «Правда». В последние годы жизни – пенсионер. Сын Григория Григорьевича, Александр, скончался еще при жизни отца. Он избрал прозаическую работу водителя такси и был далек от литературы и пушкинистики.

В настоящее время единственным потомком поэта по прямой мужской линии является Александр Александрович Пушкин (род. 1942), живущий в Брюсселе и женатый на своей родственнице Марии Алексеевне Дурново (род. 1943), прапраправнучке поэта. Детей у этой четы нет.

Брат поэта Лев Сергеевич Пушкин, бравый офицер, а в конце жизни служащий Одесской таможни, женился на Елизавете Александровне Загряжской (1823– 1898). У них было четверо детей: Ольга (1844–1923), Анатолий (1846–1903), Софья (умерла в младенчестве) и Мария (1849–1928). Потомки «Левушки» в полной мере испили чашу страданий страшного для России XX столетия. Внук Л. С. Пушкина Александр Анатольевич (1872–1919) по окончании Царскосельского лицея поступил на военную службу. В 1912 г. он служил в чине ротмистра, а к 1917 г. – штабс-ротмистра. А. А. Пушкин примкнул к Белому движению, и в армии Юга России командовал бригадой кубанских казаков. В бою с горцами, поддерживавшими большевиков, он был убит.

Его вдова Екатерина (урожденная Чикина) и трое детей уехали в Эстонию. Единственный сын Александра Анатольевича, Александр, убит в 1941 г. при вступлении советских войск в

Эстонию. Екатерина Пушкина с двумя дочерьми Аллой и Ириной оказалась после Второй мировой войны в лагере для перемещенных лиц в Баварии. Оттуда старшей дочери удалось эмигрировать в Венесуэлу, а вдова и младшая дочь писали в 1948 г. председателю Американского пушкинского комитета Б. Л. Бразолю с просьбой помочь им найти работу и после долгих мытарств устроить свою жизнь. Дальнейшая судьба потомков Л. С. Пушкина теряется в неизвестности.

Окончание рассказа о роде Пушкиных получилось печальным. Революционные потрясения XX в. поставили под угрозу все, что было дорого Александру Сергеевичу Пушкину, – прелесть литературы, независимость личности, гордость славою предков. Жестокой оказалась судьба и по отношению к потомкам и родственникам поэта. Но род поэта не прекратился. Его потомки по женским линиям – семьи Воронцовых-Вельяминовых и Воронцовых, Быковых, Данилевских, Клименко, Мезенцовых, Галиных и другие – живут и в наши дни. Несколько ветвей приняли родовое имя Пушкиных. История рода продолжается.

Древние предки философа Чаадаева

Любопытно, что фамилия одного из величайших русских философов Петра Яковлевича Чаадаева, ориентировавшегося в своих взглядах на Европу и европейскую цивилизацию, звучит столь откровенно по-восточному. Чаадаев – это несколько русифицированное Чегодаев, Джагатаев, сын Джагатая. Джагатай – собственное имя у монголов, означающее «храбрый», «искренний». Возможно, это отложило свой отпечаток на судьбу искреннего в своих убеждениях и храброго в их исповедании философа. Джагаем звали одного из сыновей Чингисхана, и легенда возводит род философа к нему. Было бы заманчиво следовать за ней, но истина указывает другой путь. Происхождение Чаадаевых не столь громко, но не менее интересно.

Семейная история Чаадаевых восходит к XV в. и берет свое начало в русско-литовских землях за Окой. На этих землях стояли несколько городов, в которых княжили потомки Рюрика и Гедимина (Верховские княжества). Те города, в которых не было князя, управлялись воеводами. В городе Мценске воеводствовал Григорий Протасьевич. Свою политику он проводил твердо и независимо, играя на противоречиях между своими сильнейшими соседями – великим княжеством Московским и великим княжеством Литовским. Не менее важными были и отношения с татарами.

В 1423 г. Григорий Протасьевич вместе с князем Одоевским разбил татарского князя Айдара. Но в 1429 г. Айдар вновь подступил к Мценску и, хитростью заманив Григория Протасьевича в ловушку, взял его в плен и привел к хану Улу Мухаммеду. Хан, человек прямой и не любивший коварства, велел отпустить воеводу домой, а Айдара отругал. В 1437 г. сам Улу Мухаммед, изгнанный из Сарая – столицы Золотой Орды, появился на русских границах, под Белевым. Григорий Протасьевич, посланный от литовского князя на помощь московским полководцам, князьям Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному, изменил русским и вступил в сговор с татарами. Убеждая русских воевод заключить мир с ханом, Григорий Протасьевич подал знак татарам напасть в самый неожиданный момент. Русские побежали, и прежде всех Григорий Протасьевич, крича: «Беги! Беги!» – и внося сумятицу и страх. Расчет Григория Протасьевича был прост – татары, довольные его поведением, не тронули Мценска. Но гнев московского государя оказался страшнее. В 1439 г. он схватил Григория Протасьевича и приказал ослепить его.

По-другому сложилась судьба сына Григория Протасьевича – Ивана Григорьевича. В 1425 г. Иван Григорьевич с сыном Кононом выехали в Москву на службу великому князю Василию I и были пожалованы землями на Устюге. Через три года, в 1428 г., Иван Григорьевич и Конон получили право управления со сбором налогов в городах Елатьме и Кадоме, на окраине русских земель, в Мещере, под Муромом. Там, на Муромской земле,

потомки Ивана Григорьевича пустили корни и приобрели большие вотчины.

Иван Григорьевич погиб при загадочных обстоятельствах. Летопись сообщает, что он был утоплен неким Федором Блудовым весной 1440 г. Вскоре и сам Блудов получил по заслугам за свои злодеяния – был повешен на тополе.

Потомки Конона Ивановича – Протасьевы – осели на рубеже Рязанских и Муромских земель: в Кадоме, Елатьме, Касимове. Там же, рядом со своими вотчинами, они и служили. Правнук Конона, Иван-Келарь Петрович, в 1589 г. был наместником в Елатьме и Кадоме. Сын Келаря – Даниил – в Смутное время воеводоствовал в Шацке (1607) и Касимове (1610). Наконец, внук Даниила Ивановича – Александр Петрович – в конце XVII в. вошел в Боярскую думу с чином окольничего. За ним числилось 382 крестьянских двора. В 1699 г. Петр I назначил Протасьева руководить строительством кораблей в Воронеже. На этой службе А. П. Протасьев не удержался от весьма распространенного в те годы порока – взяточничества. Следствие выявило его вину, и окольничий честно признался в этом царю. Раскаяние его было столь велико, что вскоре Протасьев умер, по словам источника – «от печали и стыда».

Чаадаевы пошли от другого сына Ивана Григорьевича – Матвея Ивановича. Его сын Василий Матвеевич был богатым муромским землевладельцем. Сохранилось его завещание, в котором все свои земли и имущество он разделил между сыновьями Григорием и Василием, дав каждому по селу с деревнями и пустошами (пустыми землями), да дворы – один в Муроме, другой за городом. Кроме того, Григорию достался серебряный крест, а Василию икона в серебряном окладе – святой Георгий. Наконец, Василий Матвеевич дал в различные монастыри на помин души денежные и вещевые вклады – 18 рублей, куньи шубы и шкурки.

Григорий Матвеевич носил прозвище Чегодай, давшее имя роду его потомков. Он оставил сыновей – Дмитрия и Ивана (по прозвищу Черток – родоначальник Чертковых).

Сыновья Ивана Чертка, Василий и Гавриил, были воеводами в 1558 г. В конце XVII в. Василий Григорьевич Чертков, в монашестве Варсонофий, стал митрополитом Сарским и Крутицким. В XVIII в. известны: Евграф Александрович Чертков (ум. 1797), один из главных пособников Екатерины II при ее воцарении, и Василий Алексеевич Чертков (1726–1793), харьковский губернатор, автор комедии «Кофейный дом».

Самую большую известность приобрели Чертковы в XIX в. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858) прославился как историк, археолог и нумизмат, он был председателем Общества истории и древностей российских и основателем знаменитой Чертковской библиотеки в Москве. Сын А. Д. Черткова – Григорий Александрович (1832–1900) – исполнял должность егермейстера, т. е. начальника придворной охоты, а внук Григорий Григорьевич был журналистом и участником русско-японской войны.

Из другой линии рода Чертковых происходил не менее знаменитый Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) – друг и секретарь Л. Н. Толстого, писатель, публицист, издатель, редактор 90-томного собрания сочинений Толстого, общественный деятель, один из наиболее видных толстовцев, сыгравший большую роль в жизни писателя.

Потомки Дмитрия Григорьевича Чаадаева в XVI–XVII вв. ничем не выделялись из общей массы служилых людей. Они служили городовыми дворянами, стряпчими, стольниками. Иван Артемьевич (правнук родоначальника) служил городовым дворянином по Арзамасу. Его сын Иван Иванович начал службу в жильцах (низший придворный чин). В 1649 г. он был пожалован в стряпчие – на ступеньку выше в иерархии дворцовых должностей. Вскоре Иван Иванович получил воеводское назначение. Его послали на Украину в товарищи к воеводе Василию Борисовичу Шереметеву, где Чаадаев принял участие в Русско-польской войне 1654–1667 гг. Царь высоко оценил деятельность воеводы во время войны. Иван Иванович получил похвальную грамоту и был пожалован в московские дворяне. В 1663 г. Чаадаев получил назначение на пост киевского воеводы и заслужил уважение и признание жителей

Киева за то, что заступался за них перед украинским гетманом И. М. Брюховецким.

В 1676 г. Чаадаев получил чин окольничьего, а в 1683 г. – ближнего окольничего. К 1670-м гг. относится расцвет его карьеры. Как знаток дел на Украине, он неоднократно был послом в Польшу: дважды в 1671 г., в 1677 и 1678 гг., потом опять дважды в 1683 г. В 1679 г. отправился с посольской миссией к австрийскому императору в Вену, потом в Венецию. Результатом его деятельности и всей внешней политики России стало заключение в 1686 г. «Вечного мира» с Польшей. Этот договор имел важное значение. Согласно условиям мира, Польша утверждала за Россией право на Киев, Смоленск, Новгород-Северский и Левобережную Украину, а Россия вступала в антитурецкую коалицию Польши, Австрии и Венеции. За заключение мира Чаадаев получил от царевны Софьи щедрые награды: серебряный кубок, атласный кафтан на соболях ценою 150 рублей, дополнение к денежному окладу и 3 тысячи ефимков.

Одновременно с дипломатией Иван Иванович трудился и на других поприщах. В 1672 г. вместе с князем В. В. Голицыным он проводил налоговую реформу. В 1682 г. в числе прочих бояр и думных людей Чаадаев подписал указ об уничтожении местничества, а через четыре года, вошел в комиссию по пополнению «Бархатной книги». После этого Иван Иванович отходит от государственных дел и упоминается только на придворной службе. В 1690 г. он служил воеводой в далеком северном Яренске. В том же году он участвовал в переговорах с польскими и персидскими послами, но эта служба оказалась последней. В январе 1696 г. Иван Иванович Чаадаев скончался. Поминальную службу над окольничим служил патриарх Адриан, а местом упокоения Чаадаева стала церковь Николы Явленного на Арбате, уничтоженная в 1930-е гг.

Иван Иванович был женат на Аксинье Семеновне и имел от нее двух сыновей – Ивана и Василия. О личной жизни древнерусского человека нам известно ничтожно мало. Но на этот раз мы можем что-то сказать об окольничем Чаадаеве. После смерти жены он сделал любовницей свою невестку, вдову сына Ивана, Аксинью Михайловну, урожденную Самарину. Глава петровского Всешутейшего собора Петр Иванович Бутурлин в одном из писем к царю писал, что Аксинью Михайловну «в крайнем угождении имел окольничий Иван Иванович Чаадаев, несмотря на то, что она ему невестка была».

Второй сын Ивана Ивановича – Василий (ум. 1723) – в 1682 г. начал службу комнатным стольником царя Ивана Алексеевича. В 1698 г. Василий Чаадаев вступил на службу капитаном в Семеновский полк, положив начало более чем столетней службе четырех поколений Чаадаевых в этом полку. Он участвовал в Северной войне и 28 сентября 1709 г. в битве у деревни Лесной был ранен в ногу. Василий Иванович был женат дважды – имя первой жены неизвестно, а второй была княжна Анастасия Ивановна Волконская.

Сын Василия Ивановича – Петр Васильевич – вступил на военную службу в Семеновский полк в 1726 г. В 1736 г. из сержантов произведен в прапорщики, в 1739 г. – в подпоручики. В 1740 г. в чине капитана Семеновского полка П. В. Чаадаев был послан в Москву с известием о вступлении на престол Елизаветы Петровны. В 1743 г. он стал одним из членов суда по Лопухинскому делу. В 1743 г. в чине майора Чаадаев был послан для проведения ревизии в Архангельскую губернию, а после возвращения у него обнаружились признаки сумасшествия.

Помешательство его состояло в том, что Петр Васильевич называл себя персидским шахом Надиром. Все усилия врачей оказались тщетны, и Чаадаев был передан в руки духовенства, которое пыталось изгнать из него злого духа, но безуспешно. Чаадаев, сохраняя во всем здравый и трезвый ум, продолжал именовать себя шахом. Многим это давало повод полагать, что Петр Васильевич разыгрывал из себя сумасшедшего, стремясь избежать наказания за взяточничество, в котором был заподозрен во время проведения ревизии. Истина оказалась неизвестной. Чаадаев скончался в 1755 г. в заведении для душевнобольных доктора Бургаве.

От брака с графиней Марией Ивановной Толстой (1720–1793), внучкой знаменитого петровского сподвижника П. А. Толстого, Петр Васильевич оставил трех сыновей – Ивана, Федора и Якова. Все они служили в лейб-гвардии Семеновском полку. Иван вступил в полк до сумасшествия отца, в 1742 г., а Федор и Яков уже после его смерти, в 1756 г.

Федор Петрович Чаадаев унаследовал психическую неуравновешенность отца и покончил с собой в 37 лет. Вообще вопрос о психических отклонениях в роду Чаадаевых весьма любопытен. Окольничий Иван Иванович сделал любовницей свою невестку – что было дикостью для того времени; его внук Петр Васильевич умер в сумасшедшем доме; Федор Петрович стал самоубийцей. Самый знаменитый представитель рода, философ Петр Яковлевич (внук Петра Васильевича), жаловался, что «нервическое воображение часто обманывает меня в своих чувствах». В молодости философа часто посещали галлюцинации. Его брат Михаил Яковлевич – внешне сдержанный и одинокий нелюдим, был подвержен «нравственному расстройству» или припадкам меланхолии, а двоюродный племянник П. Я. и М. Я. Чаадаевых – Дмитрий Васильевич (1793–1860), внук Федора Петровича, был признан «слабоумным» и находился под опекой своих родственников.

Принято считать, что официальное признание сумасшедшим Петра Яковлевича Чаадаева было связано с высказанными им критическими мыслями об истории и политическом устройстве России. Имел ли этот диагноз какое-либо медицинское обоснование? Быть может, Чаадаев, как и многие выдающиеся люди, в психическом отношении находился на грани между гениальностью и безумием. Вопрос остается нерешенным. По крайней мере, указанная наследственность Петра Яковлевича позволяет этот вопрос задавать и искать на него ответы.

Иван и Яков Петровичи Чаадаевы унаследовали от матери толстовский дар речи и подвизались на литературном поприще. Иван Петрович был переводчиком комедии Мольера, а Яков Петрович известен интересной литературной шуткой – наполовину памфлетом, наполовину мистификацией. В 1794 г. была опубликована книга под заглавием «Дон Педро Прокудуранте, или Наказанный бездельник. С гишпанского на российский язык переведена в Нижнем Новгороде». Казалось бы рядовая для того времени сатирическая комедия – ничего особенного. Однако никакого испанского оригинала у этой книги не было. Автором ее был сам Яков Чаадаев, а объектом насмешек – директор Нижегородской коллегии экономии П. Н. Прокудин, взяточник и плут. Сатира Я. П. Чаадаева была столь язвительна, что Прокудин решил уничтожить обличительную книгу, скупил сколько мог ее экземпляров и сжег их.

Кроме литературной деятельности Иван Петрович известен своей работой в Комиссии для составления Нового уложения (об этом учреждении см. в очерке о Лермонтовых). Он был депутатом от дворянства Муромского уезда (там находились родовые вотчины Чаадаевых), и на заседании Комиссии 27 мая 1768 г. высказывался против ограничения помещичьей власти. Как и многие образованные люди того времени, Иван Петрович был масоном.

Яков Петрович Чаадаев был женат на княжне Марии Михайловне Щербатовой, дочери историка и философа князя Михаила Михайловича Щербатова (1733– 1790), происходившего из Черниговских Рюриковичей. Князь М. М. Щербатов был одним из наиболее просвещенных и талантливых людей своего времени. Его трудами положено начало научному исследованию российской истории. Будучи одним из выдающихся деятелей русского Просвещения, князь Щербатов (как позднее и его внук) весьма критично смотрел на свою эпоху. Его сочинение «О повреждении нравов в России» резко осуждало государственную политику и общественные нравы, воцарившиеся в России после петровских реформ. Этот труд Щербатова казался Екатерине II и ее преемникам столь опасным, что он увидел свет только в середине XIX в. в вольной русской типографии А. И. Герцена в Лондоне.

Сын Якова Петровича и Марии Михайловны Чаадаевых – философ Петр Яковлевич (1794–1856) – один из самых выдающихся людей своего времени. Он учился в Московском

университете, где его товарищами были А. С. Грибоедов и будущий знаменитый декабрист И. Д. Якушкин. С началом Отечественной войны 1812 г. Петр Яковлевич вступил на военную службу. Он сражался при Бородине, под Кульмом и Лейпцигом, получил боевые награды – орден святой Анны четвертой степени и железный крест.

В 1816 г. корнет лейб-гвардии Гусарского полка Чаадаев служил в Царском Селе. Он часто бывал у Н. М. Карамзина, где познакомился и с А. С. Пушкиным. На юного Пушкина Чаадаев произвел огромное впечатление.

Ни музы, ни труды, ни радости досуга –
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства – может быть, спасенные тобою…

Обращался Пушкин к Чаадаеву в стихотворном послании 1821 г. Эти строки могут вызвать недоумение. Поэт называет Чаадаева своим «единственным» и «неизменным» другом. Неужели Вяземский, Жуковский и Дельвиг, о дружеских связях которых с поэтом нам хорошо известно, были менее дороги Пушкину, чем Чаадаев? Дело в том, что именно могучий интеллект Петра Яковлевича в 1816–1820 гг. имел мощнейшее влияние на становление Пушкина как мыслителя и поэта. Размышления Чаадаева о судьбе России и мира, о предназначении и духовном развитии человека, роли поэта в жизни общества стали для Пушкина важной ступенью в осознании этих вопросов им самим.

Между тем Чаадаев успешно продвигался как по служебной линии, так и во мнении светского общества. Он был известен как один из блестящих гвардейских офицеров, пользовался расположением самого императора Александра I. Внезапно все разрушилось. В 1820 г. в Петербурге произошло восстание Семеновского полка. Солдаты не преследовали никаких политических целей. Они отказались подчиняться полковнику Шварцу, отличавшемуся патологической жестокостью. И все же для того времени этот бунт – событие большой государственной важности. С известием об этом к императору отправился Чаадаев. Мы точно не знаем, что произошло во время приема Чаадаева Александром I. Однако почти сразу после этого разговора Петр Яковлевич подал в отставку с военной службы.

В это время Чаадаев пережил глубокий внутренний кризис. Те идеи, которые волновали его ранее и находили свое воплощение в длительных разговорах с Пушкиных, мучили и терзали философа так, что он уже не мог удовлетвориться одними беседами. В 1829–1831 гг. Чаадаев пишет свои знаменитые «Философские письма». Это глубокие, наполненные гениальными озарениями размышления о России и ее месте в мире. О церкви, христианстве, обществе и личности, ответственности каждого человека. Письма вскоре стали известны публике и широко распространились в рукописях. Однако появление в печати первого из писем, чудом прошедшего цензуру и опубликованного в журнале «Телескоп» за 1836 г., произвело в русском обществе эффект разорвавшейся бомбы.

Чем же смутил Чаадаев умы своих современников? Прежде всего, в эпоху правления Николая I, когда официальная идеология строилась на основе трех основных идей: «самодержавие, православие и народность», Чаадаев громко заявил о лживости и несостоятельности этих принципов. Он обрушился на самодержавие и крепостничество, составлявшие основу общественного строя России: «Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух?.. И сколько различных сторон заключает в себе это ужасное слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем мы гибнем, бессильные выйти из него».

Не менее жестоко оценивал Чаадаев и Российское государство, и российский народ. «Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человечества». Так оценивал философ роль России в мировой истории. «Исторический опыт для нас не существует…» – утверждал он, подчеркивая оторванность России от западноевропейской цивилизации. Корни этого Чаадаев видел в оторванности православия от западной Церкви, – в которой в большей степени осуществлены идеалы истинного христианства.

Такой взгляд, опровергавший все, на чем держалась власть российских государей, казался официальным властям кощунством, более того – бредом безумца. И если цензор и издатель журнала, допустившие выход возмутительной статьи, были строго наказаны, то к Чаадаеву власти применили иные меры – он был объявлен сумасшедшим. Философа заключили под домашний арест, над ним установили медицинский досмотр (каждый день полицейский медик «осматривал» Чаадаева и доносил о его состоянии); ему строго запретили печатать свои сочинения в дальнейшем. Нельзя не признать пророческого взгляда А. С. Грибоедова, предсказавшего судьбу Чаадаева в «Горе от ума» более чем за десять лет до жестокого наказания автора «Философских писем». Как и Чацкий, Чаадаев (провидческое совпадение даже в звучании фамилий!) поплатился за свои обличения тем, что был признан безумцем.

А. С. Пушкин довольно резко реагировал на критику Чаадаевым исторической роли России. Он был категорически против основных выводов своего друга. Пушкин написал пространное письмо к Чаадаеву, но так и не отправил его. Он резко возражал, утверждал, что Россия внесла великий вклад в мировую историю, и писал, что «ни за что на свете» не желал «переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». Впрочем, во многом поэт был вынужден согласиться с философом. С грустью, он отмечал, что Чаадаев прав, когда писал о «равнодушии к всякому долгу, справедливости и истине», циничном «презрении к человеческой мысли и достоинству». Сложно сказать, кто был прав в этом споре. Однако нельзя не заметить гениального предвидения Чаадаева, который писал: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые существуют лишь затем, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок». События 1917 г. и последующих десятилетий с полной ясностью доказывают, что Чаадаев был прав. Россия преподнесла миру страшный урок господства тирании, который уже никогда не будет забыт.

Чаадаев прожил по меркам того времени долгую жизнь. В 1840-х гг. жесткий режим, установленный над ним властями, несколько ослаб. Он регулярно посещал аристократический Английский клуб, встречался с товарищами своей юности, оставался властителем умов и был глубоко почитаем среди образованных и просвещенных людей своей эпохи. Не публикуя ни строчки, Чаадаев продолжал занимать видное положение среди мыслителей 1840–1850-х гг. И западники, и славянофилы относились к нему с глубоким почтением. «Просвещенный ум, художественное чувство, благородное сердце – таковы те качества, которые всех к нему привлекали; но в такое время, когда, по-видимому, мысль погружалась в тяжкий и невольный сон, он особенно был дорог тем, что сам бодрствовал и других побуждал…» – писал о Чаадаеве его идейный противник, славянофил А. С. Хомяков, идеализировавший и Россию, и православие.

Чаадаев умер в 1856 г. и был похоронен в Донском монастыре рядом с могилой Евдокии Сергеевны Норовой (1799– 1835), которую он горячо любил, и пронес это чувство через всю жизнь.

Старший брат философа, Михаил Яковлевич (1792–1866), также окончил Московский университет и вступил в Семеновский полк. Он был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В 1819 г. он перешел из Семеновского в Бородинский полк, а в 1820 г. вышел в отставку. В 1831 г. он женился на дочери своего камердинера – Ольге

Захаровне Мардашевой, а спустя три года переехал в родовое имение Чаадаевых – село Хрипуново Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Здесь Чаадаев прожил до самой смерти, целых тридцать лет не покидая барского дома. Он не только ни разу не выезжал в Петербург или в Москву, но не был даже в Нижнем Новгороде, и лишь по разу был в Ардатове или Арзамасе. Все время Михаила Яковлевича занимала переписка с друзьями и ученые труды по экономике, которые не дошли до нас. Часть была сожжена по его распоряжению после смерти автора, остальное довершило время.

Вдова Михаила Яковлевича надолго пережила мужа. Она никак не могла привыкнуть к барской доле. Мемуарист Б. А. Садовский вспоминает, что доход хрипуновской помещицы достигал весьма значительной суммы – 12 тысяч рублей в год. Из них старуха тратила на себя две тысячи – «прочие деньги при ней считал духовник, и барыня, перевязав пачку, прятала в кулек. Кулек назывался „кладушкой“ и вешался в амбаре. Точного числа кладушек барыня и сама не знала. Служанка начала понемногу таскать их. Долго Чаадаева не замечала покражи; наконец служанка похитила золотой медальон и с ним попалась».

Двоюродные племянники П. Я. и М. Я. Чаадаевых, Григорий и Дмитрий Васильевичи, были близнецами. Григорий (1793–1834) участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. После его смерти имения во Владимирской и Черниговской губерниях перешли к брату Дмитрию. Дмитрий, как уже говорилось выше, был признан сумасшедшим, и над ним была учреждена опека Марии Ивановны Рост (дочери И. П. Чаадаева) и Михаила Яковлевича Чаадаева, который и стал после смерти Дмитрия Васильевича единственным наследником всех чаадаевских имений.

Наконец, со стороны матери двоюродными братьями П. Я. Чаадаева были два декабриста – М. М. Спиридов и князь И. Д. Щербатов. Матвей Михайлович Спиридов (1796–1854) – сын историка и генеалога Матвея Григорьевича Спиридова и княжны Ирины Михайловны Щербатовой. Во время следствия над декабристами он проявил искреннее раскаяние и дал весьма откровенные показания. Это не спасло Спиридова от сурового наказания – он был осужден на вечную каторгу и умер под Красноярском, немного не дожив до амнистии.

Князь Иван Дмитриевич Щербатов (1794–1829) не был членом тайных обществ, однако он известен своим участием в восстании Семеновского полка, потрясшем весь Петербург незадолго до событий декабря 1825 г.

Сестра князя Ивана Дмитриевича – княжна Наталья Дмитриевна (1795– 1884) – вышла замуж за известного декабриста, князя Федора Петровича Шаховского (1796–1829). Шаховской участвовал в деятельности тайных обществ, но к 1825 г. уже давно отошел от них. С началом следствия он добровольно явился под арест с тем, чтобы дать разъяснения. Приговор князю был незаслуженно суров – лишение дворянства и ссылка в Сибирь навечно. Это так подействовало на Шаховского, что в 1828 г. он сошел с ума. Из Енисейска его перевели в Спасо-Евфимьев монастырь в Суздале, где он объявил голодовку и вскоре умер.

Таковы удивительные переплетения родословной Петра Яковлевича Чаадаева, несомненно оказавшие большое влияние на его талант, мировоззрение и судьбу.

Шотландские корни Михаила Лермонтова

В августе 1613 г., в ходе длительной русско-польской войны, русские войска осадили крепость Белую на западном рубеже. Гарнизон крепости, состоявший в основном из наемников-западноевропейцев, служивших Сигизмунду III за денежное вознаграждение, счел за благо сдаться. Многие из «бельских сидельцев», как сами они называют себя в челобитных, перешли на русскую службу. Среди них был шотландец Георг Лермонт.

В 1618 г. Георг Лермонт, принявший русское имя Юрия, защищал Арбатские ворота при обороне Москвы от войск польского королевича Владислава. В 1621 г. поручик Юрий Лермонт был пожалован поместьем в Галицком уезде (в Костроме), а в 1632 г. назначен

обучать «хитростям ратного строения» дворян и детей боярских, а также новокрещеных немцев и татар. Уже в это время в русской армии появились и все более распространялись так называемые полки «иноземного строя». Лермонт служил в одном из таких полков и к 1632 г. дослужился до чина ротмистра и должности военного инструктора. Его жалованье было весьма значительным – 100 рублей. Для сравнения – жалованье стрельца составляло 6 рублей в год, незнатного дворянина – 10 рублей. Кроме денежного жалованья, Лермонт получил поместье в Чухломском и Галицком уездах – 600 четвертей.

Последней службой Георгия Лермонта стало его участие в Смоленском походе 1632–1633 гг. Армия М. Б. Шеина, посланная под Смоленск, насчитывала 21 тысячу человек, из которых 10 591 человек пехотинцев – иноземцев на русской службе и русских солдат, состоявших под командой иноземных офицеров. Среди них был ротмистр Юрий Лермонт, который и сложил свою храбрую голову в боях с поляками.

После него остались – «горькая вдова» Екатерина и два сына от этого брака, Петр и Андрей Лермонтовы, которые унаследовали отцовское поместье. Андрей умер в 1652 г., оставив вдову Елену и дочь Анну. Петр получил и его поместье, в 1653 г. принял православие и впоследствии был воеводой в Саранске (1656– 1657). Умер он в 1679 г.

Сыновья Петра Юрьевича – Евтихий (Юрий) и Петр – служили при дворе стряпчими (1679) и стольниками (1682– 1692). Для укрепления своих позиций в среде московского дворянства они подали в 1688 г. в Разрядный приказ свою родословную, которая представляет собой любопытный документ.

Своим предком Лермонтовы показали шотландского вельможу Лермонта, который принимал деятельное участие в борьбе Малькольма, сына короля Дункана, с Макбетом (XII в.).

Якобы из рода Лермонтов происходил и знаменитый шотландский бард Томас из Ерсельдуна (XIII в.), воспетый в поэме Вальтера Скотта «Томас Рифмотворец». По народным преданиям, Томас в детстве был похищен в царство фей, где получил поэтический дар. Через семь лет Томасу было разрешено вернуться, но с условием, чтобы он немедленно оставил землю, когда за ним придут.

М. Ю. Лермонтов не знал о столь романтичном родстве, однако считал Шотландию своей родиной и называл себя «последним потомком отважных бойцов». В начале 1830-х гг. он склонялся к другой, не менее романтической, но абсолютной недостоверной версии своего происхождения. Поэт ассоциировал свою фамилию с фамилией испанского герцога, министра двора и кардинала Франсиско Лермы (1552–1623). Среди акварелей М. Ю. Лермонтова есть и портрет «предка Лермы» (1832–1833). Испанские мотивы, наряду с шотландскими, присутствуют и в творчестве поэта.

Братьев Евтихия и Петра Лермонтовых волновали и другие проблемы, нежели доказательство своего древнего происхождения. В 1676 г. Евтихий Лермонтов («Ефтюшка») в числе других дворян из разных уездов подписал челобитную царю Федору Алексеевичу о сыске и выдаче помещикам беглых крестьян с их семьями без «урочных лет», т. е. без сроков давности. Дворяне указывали на то, что крестьяне бегут из вотчин и поместий, разоряя своих бывших владельцев, захватывая их лошадей и имущество. Беглецы укрываются на окраинах страны, а местные воеводы тех беглых не ловят, а записывают в книги как государственных крестьян. От этого, жаловались дворяне, они находятся в разорении и служить не могут – «оскудали, обезлошадели и обесхлебели».

Обе стороны этого конфликта можно понять. Помещичьи крестьяне центральных уездов, малоплодородных и разоренных длительным землепользованием, часто влачили жалкое существование. Особенно тяжко приходилось крестьянам мелких помещиков. Если богатый боярин мог дать крестьянину ссуду, помочь с инвентарем и запасами, освободить на год-другой от оброка и барщины, то мелкий владелец, вроде Евтихия Лермонтова, жил за счет

своего поместья. Крестьянский труд не только кормил его, но и позволял снаряжаться на службу – содержать отряд «боевых холопов», лошадей, покупать оружие. Благосостояние помещика напрямую зависело от крестьянского хлеба, поэтому он стремился выжать из крестьян как можно больше. Само его существование обеспечивалось крестьянским трудом. Государство, опиравшееся на дворянское поместное войско, не могло допустить массового разорения землевладельцев. Это грозило военной катастрофой.

Крестьянам же, закрепленным за своими помещиками навечно (после отмены Юрьева дня в конце XVI в.), оставался только один выход из тяжких условий – бегство. В первой половине XVII в. это было еще возможно благодаря «урочным летам». Они действовали так: если за пять лет помещику не удавалось найти своего крестьянина, то он оставался у нового землевладельца или на государственных землях. Таким образом, «урочные лета» спасали крестьян от жестокости и жадности помещиков. Дворянство протестовало против «урочных лет», требуя их отмены. В 1641 г. «урочные лета» были доведены до 10 лет, а по Соборному уложению 1649 г. и вовсе отменены, но все же частично сохраняли свое существование.

По челобитной 1676 г. дворяне просили «сыскивать» и возвращать беглых крестьян из окраинных земель и царских волостей «без урочных лет». Царь принял соломоново решение. Он приказал узнать, с какого года ранее было «велено» отдавать беглых крестьян с этих территорий и возобновить действие этого правила. Таким образом, о полном возвращении всех беглецов-переселенцев на Белгородской и Саранской укрепленной черте, а также в Поволжье и на государственных землях речь не шла. Правительство было заинтересовано в том, чтобы крестьяне оседали на этих землях. Однако и помещики частично получили своих крепостных обратно. Мы не знаем, улучшилось ли в результате этого решения имущественное положения Е. П. Лермонтова.

Евтихий Петрович был женат дважды. Первым браком – на Фекле Матвеевне Перелешиной, вторым – на Прасковье Михайловне Белкиной. Он скончался в 1708 г., в глубокой старости.

Петр Евтихьевич (1698–1743), сын Е. П. Лермонтова от первого брака отца, служил на военной службе. В 1728 г. он был пожалован в капитаны. Он оставил детей: Александра (служил капитаном), Дмитрия, Юрия, Михаила (служил прапорщиком) и дочь Феклу (замужем за гвардейским унтер-офицером Фаддем Федоровичем Шиповым).

Третий сын Петра Евтихьевича – Юрий Петрович – в 1735 г. был поручиком, впоследствии секунд-майором. В 1767 г. дворянство Галицкого уезда избрало его своим депутатом в Комиссию для составления Нового уложения – законодательного кодекса. Создание Уложенной комиссии являлось важных актом первых лет правления Екатерины II. По указу императрицы были назначены выборы представителей от разных сословий, которым выборщики давали «наказы» – свои пожелания к улучшениям в законодательстве и государственной практике. Так, дворяне Галицкого уезда, в числе прочего, в наказе Ю. П. Лермонтову предлагали открыть дворянские училища в провинциальных городах, поскольку провинциальные дворяне «по бедности» и «за дальностью» не могут отправлять своих детей учиться в Москву или Петербург. Депутатами в Уложенную комиссию избирались самые уважаемые и достойные дворяне, и, надо полагать, Ю. П. Лермонтов был таким.

Судьба Уложенной комиссии примечательна. Созванная в начале екатерининского царствования, когда императрица стремилась к диалогу со своими подданными, эта Комиссия вскоре после начала работы оказалась ненужной. «Наказы» депутатов от разных сословий, да и от одного и того же сословия, оказались противоречащими друг другу. Создать работоспособный орган, подобный западноевропейскому парламенту, оказалось невозможным. Кроме того, Екатерина II, набрав державного опыта, пришла к мысли, что в государственном управлении лучше не советоваться с подданными, и распустила комиссию в 1768 г.

Точный и язвительный, хотя и не вполне справедливый отзыв составил об Уложенной комиссии государственный деятель и реформатор эпохи Александра I М. М. Сперанский: «Государыня Екатерина Вторая, пленясь понятиями философов, в то время в великой славе и во всей свежести бывших, вообразила народ российский довольно совершенным, чтобы допустить его к великому делу законодательства – хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать. Но что произвели эти законодатели? Прочитайте их журналы… Parturiunt montes, nascetur ridikulus mus (Рожают горы, а родится смешная мышь)».

Юрий Петрович женился в 1746 г. на Анне Ивановне Боборыкиной. Ее отец, Иван Герасимович, принадлежал к старинному дворянскому роду, одного происхождения с династией Романовых, а мать – Евдокия Федоровна Пушкина – была дочерью стольника Федора Матвеевича Пушкина (см. очерк о Пушкиных). По этому родству М. Ю. Лермонтов приходился не только дальним родичем А. С. Пушкину, но еще более близким (пятиюродным братом) Наталье Николаевне Пушкиной (урожденной Гончаровой).

У Юрия Петровича и Анны Ивановны был сын Петр и дочери – Ирина (замужем за Яковом Никитичем Голохвастовым) и Екатерина (имя супруга которой неизвестно). Петр Юрьевич Лермонтов родился в родовом имении – селе Измайлове Чухломского уезда, принадлежавшего еще Е. П. Лермонтову. Он служил на военной службе и достиг чина поручика артиллерии, затем вышел в отставку. Как и его отец, П. Ю. Лермонтов пользовался уважением местного дворянства и в 1784–1787 гг. исправлял должность галицкого уездного предводителя дворянства. В Галицком уезде Лермонтовым принадлежали села Никольское, Туровское, Воронино, Лежнино. Позднее П. Ю. Лермонтов расстался со своими костромскими имениями. Так, Измайлово он продал в 1791 г.

Первенец П. Ю. Лермонтова и его жены Александры Юрий Петрович родился 26 декабря 1787 г. Его крестили в Никольской церкви села Никольского. Восприемниками при крещении стали «малолетний дворянин» Павел Логинович Витовтов и бабушка новорожденного – Анна Ивановна Лермонтова. В 1789 г. Юрий Петрович поступил в I Кадетский корпус в Санкт-Петербурге, по окончании которого, в 1803 г., вступил в службу в Кексгольмский полк прапорщиком. В 1811 г. он вышел в отставку по болезни с чином капитана. В следующем году Юрий Петрович вступил в Тульское ополчение, а по окончании Отечественной войны 1812 г. поселился в имении Кропо-товка Ефремовского уезда Тульской губернии.

По соседству с Кропотовкой находилось имение Арсеньевых – Васильевское, куда часто приезжала богатая вдова Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773–1845) со своей единственной дочерью Марией Михайловной (1795–1817). Здесь-то и познакомился Ю. П. Лермонтов со своей будущей женой и вскоре пленил ее приятной наружностью и изысканными манерами. Елизавета Алексеевна была против этого брака, но, вынужденная уступить просьбам своей любимицы, согласилась, а чтобы не разлучаться с дочерью, поручила зятю управление своим имением Тарханы в Пензенской губернии.

Семейное счастье родителей поэта продолжалось недолго. Чуткая и романтическая натура Марии Михайловны, женщины болезненной и впечатлительной, не сочеталась с характером ее супруга. Юрий Петрович, хотя и был от природы добрым и отзывчивым человеком, порою становился крайне несдержан, а в минуты раздражения способен на самые дикие выходки. Рождение первенца, сына Михаила (в ночь на 3 октября 1814), не улучшило отношений между родителями. Болезнь Марии Михайловны усилилась, и в 1817 г. она «в слезах угасла», оставив трехлетнего сына на попечение бабушки. Елизавета Алексеевна занялась воспитанием внука, полностью отстранив отца, который скончался в 1831 г.

Род матери поэта – Арсеньевы – согласно преданию, восходит к Аслан-Чели-бей-Мурзе, «выехавшему» на службу к Дмитрию Донскому. От старшего сына мурзы Арсения Исупа происходят Арсеньевы и Исуповы. В Смутное время Маркелл-Воин Андреевич Арсеньев сражался против Тушинского Вора, за что был оставлен при царе Михаиле Федоровиче. Внук

Маркелла-Воина – Еремей Яковлевич – участвовал в Русско-польской войне 1654–1667 гг. Он был в числе дворян, приехавших по приказу Петра I в Троице-Сергиев монастырь в 1689 г. для борьбы против царевны Софьи. Умер Е. Я. Арсеньев в глубокой старости в 1756 г.

Сын Еремея Яковлевича – бригадир Василий Еремеевич – в 1728 г. служил сибирским вице-губернатором, в внук – Василий Васильевич – в 1755 г. капитаном Преображенского полка. От брака с Евфимией Никитишной Ивашкиной Василий Васильевич оставил сына Михаила. Капитан Преображенского полка Михаил Васильевич (1768–1810), женатый на Елизавете Алексеевне Столыпиной, был отцом Марии Михайловны Лермонтовой.

Елизавета Алексеевна Арсеньева, бабушка поэта, оказавшая большое влияние на формирование его таланта и личности, происходила из пензенского дворянского рода Столыпиных, давшего России известного государственного деятеля – Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911).

Афанасий Григорьевич Столыпин в 1627–1631 гг. был муромским городовым дворянином, а его сын Сильвестр в 1672 г. поднялся до «московского списка», т. е. попал в число дворян, числившихся по Москве, что было ступенькой выше, нежели служба «по городу». Внук Сильвестра – Емельян Семенович, отставной капитан и товарищ воеводы в Пензе, – оставил двух сыновей: Дмитрия и Алексея.

Алексей Емельянович (1744 – после 1810) служил в лейб-гвардии Кавалергардском полку и вышел в отставку с чином поручика. В 1787–1790 гг. он был пензенским уездным предводителем дворянства. Известен был А. Е. Столыпин и в Москве. Ему принадлежал знаменитый в то время театр. Почти вся труппа Петровского московского театра (предшественник Большого театра) состояла из крепостных Столыпина. В 1806 г. он продал свою труппу, состоявшую из 74 человек, дирекции императорских театров за 32 тысячи рублей. Первоначально владелец просил 42 тысячи, но император Александр I счел, что это очень дорого, и Столыпин уступил десять тысяч.

Сыновья А. Е. Столыпина достигли значительных успехов. Александр Алексеевич был адъютантом великого Суворова. Аркадий Алексеевич достиг чина тайного советника; он примыкал к либеральной части государственных деятелей эпохи Александра I, был женат до дочери известного адмирала Н. С. Мордвинова, единственного из членов Верховного суда над декабристами, отказавшегося подписать смертный приговор, дружил с М. М. Сперанским. Николай Алексеевич дослужился до чина генерала, был награжден орденом святого Георгия III степени и погиб в Севастополе в 1830 г., когда был убит разбушевавшейся толпою во время бунта. Дмитрий Алексеевич был генерал-майором, его труды по артиллерийскому делу оказали влияние на действие русской артиллерии в Отечественную войну 1812 г. Внуком Д. А. Столыпина был премьер-министр и вдохновитель земельной реформы П. А. Столыпин. Наконец, младший сын А. Е. Столыпина – Афанасий Алексеевич – отличился храбростью в Бородинском сражении и впоследствии служил саратовским уездным предводителем дворянства. Кроме сыновей, А. Е. Столыпин оставил еще пять дочерей, из которых старшая, Елизавета Алексеевна, и была бабушкой поэта.

Столыпины следующего поколения составляли родственное и дружеское окружение М. Ю. Лермонтова. Выделяется среди них Аркадий Аркадьевич («Монго») – друг Лермонтова и севастопольский товарищ Л. Н. Толстого, переводчик, литератор и мемуарист. Его сестра Мария, в первом браке Бек, во втором – княгиня Вяземская, была женой сына поэта П. А. Вяземского, Павла Петровича. Хозяйку знаменитого остафьевского имения Вяземских Л. Н. Толстой называл «прелестной представительницей русских женщин». Ее дочь княжна Екатерина Павловна вышла замуж за историка графа С. Д. Шереметева.

Однако мы отвлеклись от истории Лермонтовых. После гибели поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (15 июля 1841) эта линия рода пресеклась. Другая ветвь происходит от Михаила Петровича, младшего сына Петра Евтихьевича. Правнук М. П. Лермонтова – Михаил

Николаевич (1792–1866) – адмирал и военный деятель.

Он служил в Гвардейском морском экипаже, во время Русско-шведской войны 1808–1809 гг. отличился в бою со шведами у острова Пальво. М. Н. Лермонтов участвовал в Отечественной войне и заграничных походах русской армии, сражался под Смоленском, Бородином, Баутценом и Кульме. После декабристского восстания он возглавлял следственную комиссию в Гвардейском экипаже и в дальнейшем пользовался расположением Николая I. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в 1832 г. был назначен вице-директором Инспекторского департамента Главного морского штаба, в 1848 г. – главным командиром Свеаборгского морского порта и военным губернатором Свеаборга.

Родной брат Михаила Николаевича – Дмитрий Николаевич (1802–1854) – оказался замешан в декабристском мятеже. Он также служил в Гвардейском экипаже, членом тайных обществ не был, но 14 декабря вышел вместе с экипажем на Сенатскую площадь. Затем Д. Н. Лермонтов покинул ряды восставших и явился с повинной к командиру. Во время следствия по делу декабристов Д. Н. Лермонтов содержался под арестом.

После декабристского восстания ситуация, когда один из членов семьи был жандармом и судьей, а другой – подследственным, была весьма распространенной. Алексей Федорович Орлов, активно участвовавший в подавлении восстания, упросил Николая I пощадить своего брата Михаила Федоровича – деятельного члена тайных обществ. На торжествах в честь коронации Николая I великий князь Константин Павлович, проходя мимо А. Ф. Орлова, сказал ему: «Я рад, что мой брат царствует, и сожалею, что твой – не повешен».

Впрочем, Д. Н. Лермонтова сочли случайно примкнувшим к мятежникам и поэтому простили. По высочайшему повелению от 15 июля 1826 г. он был освобожден и вернулся к месту службы. Впоследствии Дмитрий Николаевич участвовал в Русско-турецкой войне 1828– 1829 гг. и вышел в отставку в чине генерал-майора.

Брат М. Н. и Д. Н. Лермонтовых – Владимир Николаевич (1796–1872) – также служил на военной службе и дослужился до генерал-майора. Он был женат на Прасковье Гавриловне Вишневской, сестре декабриста Ф. Г. Вишневского, приговоренного к разжалованию в солдаты. Другая сестра Вишневского – Вера Гавриловна, в замужестве княгиня Долгорукова, – была матерью знаменитой Екатерины Михайловны Долгоруковой-Юрьевской, морганатической супруги Александра II.

Сын Михаила Николаевича Лермонтова – Александр Михайлович (1838– 1906) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., отличился при занятии Бургаса. С 1881 г. он командовал лейб-гвардии Кирасирским Ее Величества полком, затем 1-й и 12-й гвардейской кавалерийской дивизией, а с 1896 г. – кавалерийским корпусом.

Стремление к творчеству проявили двоюродные братья и сестры Александра Михайловича. Николай Дмитриевич (1834–1909) – судебный деятель 1860– 1890-х гг., в начале 1860-х гг. выступал издателем журнала «Народное чтение» и серии «Библиотека избранных романов и повестей переводных», содержал в Санкт-Петербурге типографию и создал библиотеку. Его младший брат, Владимир Дмитриевич (1845–1909), служивший в Санкт-Петербургском и Тульском поземельном банке, оставил несколько прозаических произведений. Надежда Ивановна Лермонтова (род. 1849), в замужестве Славутинская, – автор назидательного детского романа «Хромоногий бес». Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919) – первая русская женщина, получившая в 1874 г. степень доктора химических наук, была подругой знаменитой С. В. Ковалевской.

Революция 1917 г. разметала род Лермонтовых, как и многие другие дворянские фамилии. В Белом движении участвовали корнет лейб-гвардии Уланского полка Владимир Владимирович (род. 1899), сражавшийся на Северном фронте в 1918–1919 гг., и корнет (с 1920) Конно-гренадерского полка Николай Геннадьевич Лермонтов, умерший в эмиграции во

Франции после 1928 г. По другую сторону «железного занавеса» остались другие представители рода. Подполковник Петр Николаевич Лермонтов сражался с фашистами во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

В настоящее время активно действует ассоциация семей, связанных родством с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Успехи ее генеалогических разысканий впечатляют. Прослежена генеалогия рода Лермонтов вплоть до XIV в. – до легендарного Томаса Рифмотворца. Русские родственники поэта, Лермонтовы, разыскали современных Лермонтов, дальних потомков шотландцев, в Австралии и Америке.

Русские западники

«Приезжай поскорее, мои дети осиротели без тебя, мне не с кем посоветоваться», – писал самодержавный повелитель огромной России царь Алексей Михайлович боярину Артамону Сергеевичу Матвееву – человеку незнатному, но выдающемуся своими государственными талантами и личными достоинствами.

Артамон Матвеев был сыном дьяка. Дьячество, игравшее огромную роль в управлении государством, в то же время не пользовалось почетом у дворянского сословия. На социальной лестнице той эпохи дьяк стоял ниже самого захудалого дворянина. Не любили дьячество и в народе – взяточничество дьяков, их склонность к волоките, умение обжулить просителя – стали в то время притчей во языцех. Представить, что выходец их этого сословия станет боярином, для людей того времени, придерживавшихся принципов четкого разделения сословных функций («назвался груздем – полезай в кузов»), было невозможно. Однако Матвеев, благодаря своему уму и выдающимся способностям дипломата и администратора, достиг высших должностей в государстве.

Матвеев родился в 1623 г. и, таким образом, был на шесть лет старше царя Алексея Михайловича. Согласно некоторым данным, он воспитывался при царском дворе вместе с царевичем Алексеем, будущим царем. В 1641 г. упоминается как стряпчий, а 1642 г. (в 19 лет) стал стрелецким головой – чин офицерский, но не почетный.

Детская ли дружба или более позднее знакомство сблизили царя и Матвеева – до конца неясно, но Алексей Михайлович, как и его знаменитый сын-преобразователь, обладал умением выбирать людей. Артамон Сергеевич был привлечен царем к дипломатическим переговорам во время Русско-польской войны 1654– 1667 гг., и на этом поприще достиг больших успехов.

В 1653 г. Матвеев входил в посольство, отправленное к Б. Хмельницкому для выработки условий вхождения Украины в состав России. В следующем году Матвеев участвовал в Переяславской раде 1654 г., по окончании которой был отправлен в Москву с отчетом. Во время Русско-польской войны Артамон Сергеевич командовал военными отрядами, участвовал в осаде Смоленска, отправлялся по поручениям царя с наказами к воеводам. В 1669 г. он успешно провел переговоры с казачеством на Глуховской раде и добился избрания удобного для Москвы гетмана Демьяна Многогрешного (дальнейшие события показали, что этот выбор был неудачным).

Украинский вопрос стал камнем преткновения между главой Посольского приказа Афанасием Лаврентьевичем Ордын-Нащокиным и А. С. Матвеевым. Являвшиеся по своим взглядам и культуре своеобразными «западниками», они расходились во взглядах на формирование основной внешнеполитической линии. А. Л. Ордын-Нащокин считал важнее борьбу за выход к Балтийскому морю, ради чего предполагал пожертвовать Украиной. Для Матвеева укрепление российской власти на Украине стало делом его жизни. Царь принял позицию Матвеева. Ордын-Нащокин покинул пост главы Посольского приказа, а руководителем российского внешнеполитического ведомства стал Артамон Сергеевич (1671–1676). Одновременно Матвеев руководил Малороссийским, Аптекарским и другими

приказами.

Возглавив дипломатическое ведомство России, Матвеев сосредоточил свое внимание на украинском вопросе. В 1672 г.

на переговорах с Речью Посполитой он добился закрепления за Россией Киева. Этот шаг имел огромное значение как для политической и экономической, так и для идеологической составляющих существования Российского государства. Исконный русский город, колыбель русской цивилизации, как ее понимали жители Московского государства XVII в., отныне переходил под власть московского государя. В 1674 г. Матвеев содействовал избранию на гетманство И. С. Самойловича, кандидатуру которого одобрял и один из главных военных специалистов по украинскому вопросу князь Г. Г. Ромодановский.

Наряду с внешнеполитическими делами Матвеев был привлечен к решению ряда сложных и щекотливых вопросов внутренней политики. В 1667 г. во время конфликта царя с патриархом Никоном Артамон Сергеевич вел переговоры с антиохийским и александрийским патриархами, прибывшими в Москву на собор для осуждения Никона. В 1673 г. Матвеев добился у запорожских казаков выдачи самозванца «царевича Симеона», выдававшего себя за сына царя Алексея Михайловича. В 1675 г. боярам, князю Якову Никитичу Одоевскому и Артамону Сергеевичу Матвееву, было поручено вести «тайный сыск» в Ростове. Об этом читайте в рассказе о Пушкиных и их ветви Мусиных-Пушкиных.

К концу жизни царя Алексея Михайловича Матвеев стал фактически главой правительства. Важнейшие документы подписывались особой формулой: «по указу великого государя и по приказу боярина Артамона Сергеевича Матвеева». В 1676 г. Матвеев возглавил Аптекарский приказ, о важнейшем значении которого уже говорилось (см. очерк о Черкасских). Матвеев много сделал для развития отечественной медицины, участвуя в работе Аптекарского приказа еще до своего назначения его руководителем. Матвеев наладил доставку из-за границы лекарств и книг по медицине.

Высокое положение А. С. Матвеева подкреплялось его личной дружбой с царем. Царский любимец, худородный Матвеев, был человеком скромным, не кичился своим могуществом и не враждовал со знатью, до времени довольствуясь чином думного дворянина, что еще больше располагало к нему царя. В 1671 г. произошло событие, усилившее влияние Матвеева, – царь женился на его воспитаннице Наталье Кирилловне Нарышкиной. Через год у царственной четы появился сын Петр, по случаю рождения которого Матвеев был пожалован в окольничьи (1672), а вскоре – в честь рождения царевны Феодоры Алексеевны – в ближние бояре (1674).

Не менее, чем государственная деятельность, заслуживает внимания и частная жизнь А. С. Матвеева. Он жил в приходе церкви Николая в Столпах (ныне – Армянский, а ранее – Артамонов переулок). Дом Матвеева, всегда открытый для гостей, был украшен западноевропейскими картинами, гравюрами, часами, картами, моделями кораблей, клетками с попугаями и прочими диковинами. Гостей встречали сам хозяин и его жена – первый случай появления женщины в обществе в допетровской Руси.

С домом Матвеева связана следующая легенда. Уступая желанию царя, хотевшего, чтобы у его любимца были каменные хоромы, Матвеев приступил к перестройке дома. Были готовы и материалы, и работники, не хватало только камня на фундамент, и боярин нигде не мог приобрести его. Однажды пришли к Матвееву толпы стрельцов и других москвичей со словами: «Мы слышали, что ты, отец наш, нуждаешься камнем на дом свой, так мы привезли его и тебе им кланяемся». Благодарный Матвеев хотел дать им деньги, но услышал в ответ: «Нет, Артамон Сергеевич, мы взяли эти камни с могил отцов и родственников наших и не продадим их ни за какие деньги, а тебе, благодетелю нашему, ими кланяемся». Изумленный боярин поспешил известить об этом царя. Царь ответил: «Прими, друг мой, сей подарок от народа; видно, что они тебя крепко любят, если обнажили для тебя могилы родительские.

Такой подарок и я бы охотно принял от народа». Слепа народная любовь. Спустя несколько лет те же стрельцы предали Матвеева страшным мукам.

А. С. Матвеев был проводником западноевропейской культуры в России. Ему обязан своим возникновением русский театр. В 1673 г. Матвеев организовал первое театральное училище в Немецкой слободе, а в 1674 г. немцы и слуги боярина уже разыгрывали перед царской семьей пьесу «Как Алаферну-царю царица голову отсекла».

А. С. Матвеев долгое время считался автором нескольких исторических книг («Титулярник», «Книга избрания и венчания на царство Михаила Федоровича»). Но на самом деле он был руководителем работ по их составлению в Посольском приказе. Автором этих книг был переводчик Посольского приказа молдавский выходец Николай Гаврилович Спафарий. Николаю Спафарию Матвеев поручил и обучение своего сына Андрея: «по-гречески и по латыни литерам малой части».

Мы имеем немало свидетельств того, что труды Н. Г. Спафария были не напрасны. Андрей Артамонович, родившийся в 1668 г., был одним из самых образованных людей своего времени. Польский посол в России, француз де ла Невилль, называющий Матвеева-младшего «мой друг Артамонович», пишет о нем: «Этот молодой господин очень умен, любит читать, хорошо говорит по латыни, очень любит новости о событиях в Европе и имеет особую склонность к иностранцам». Обширные знания и глубокий ум А. А. Матвеева отмечает и язвительно настроенный ко всему русскому секретарь австрийского посольства И. Г. Корб (1698): «Матвеев знает латинский язык и даже имеет большие, сравнительно с прочими лицами сведения в этом языке; Матвеев слывет человеком весьма умным, почему и пользуется благорасположением государя».

Но своим блестящим образованием Андрей Артамонович был более обязан не урокам Спафария в гостеприимном родительском доме, а наставлениям поляка-учителя, сопровождавшего семью опального А. С. Матвеева в холодной пустоозерской ссылке. В 1676 г. неожиданно скончался царь Алексей Михайлович. Правление при юном царе Федоре Алексеевиче перешло в руки боярской партии Милославских, родственников первой жены царя Алексея Михайловича. Новые правители ненавидели А. С. Матвеева и вскоре добились его ссылки на воеводство в Верхотурье, затем обвинили в чернокнижии и отправили в ссылку в Пус-тоозерск, а оттуда – на Мезень, «где бедственное и зело скудное житие свое претерпел».

А. С. Матвеев тщетно пытался оправдаться и даже посылал слезные челобитные своим злейшим врагам – И. М. Милославскому и Б. М. Хитрово. Время шло, и влияние Милославских на царя Федора слабело. В 1682 г. царь, по просьбе своей второй жены Марфы Матвеевны Апраксиной (крестницы Матвеева), приказал освободить Артамона Сергеевича из-под стражи и перевести его в Лух. Там А. С. Матвеев получил известие о кончине царя Федора и срочный вызов в Москву, который исходил от царицы Натальи Кирилловны.

Разгоралась борьба за престол между Милославскими и Нарышкиными, и не было никого, кто бы мог заменить Матвеева в качестве главы партии царицы Натальи и ее сына Петра. В жаркие майские дни 1682 г. в столицу из ссылки прибыл А. С. Матвеев, которому сразу же вернули все его владения и чины. Царица надеялась, что Матвеев сможет усмирить грозный ропот стрельцов и одолеть Милославских, но было уже поздно.

Во время стрелецкого восстания 15 мая 1682 г. Артамон Сергеевич Матвеев был убит. Заступничество царицы и популярного в народе боярина князя М. А. Черкасского не спасло Артамона Сергеевича. Его сбросили с дворцового крыльца на копья и изрубили бердышами. Десятилетний царевич Петр стоял на крыльце и видел страшную смерть Матвеева и последовавшие за ней расправы с другими боярами. На всю жизнь запомнились ему эти минуты. Спустя много лет царь показывал Андрею Артамоновичу ту ступеньку дворцового крыльца, на которой окончил жизнь его отец. С тех пор у Петра стали проявляться приступы

странной болезни – неожиданно царем овладевали корчи, его лицо дергалось, вид был ужасен. Согласно легенде, разрубленные части тела Матвеева на глазах убийц собрал и похоронил верный слуга боярина – крещеный араб Иван.

Стрельцы бегали по всему дворцу и убивали Нарышкиных и ненавистных им бояр, приказных, стрелецких командиров. Андрей Артамонович, находившийся в это время во дворце, писал в своих записках, что несколько Нарышкиных и сам младший Матвеев скрывались в чулане комнат царевны Натальи Алексеевны. Не раз проходили мимо спрятавшихся стрельцы и «в мягкие те подушки (брошенные в чулане. – С. Ш.) совав копьями безыменно скверными словами бранились и кричали, что „наши там везде были и изменников тут нет“».

Андрея Матвеева спасла находчивость дворцового карлика Никиты Комаря, который обрядил юного вельможу в платье конюха и вывел его из Кремля. Под чужим именем А. А. Матвеев скрывался «в простом платье… у разных низких самых людей». В то же время товарищи Матвеева по временному убежищу во дворце пострадали от стрелецкого гнева: Иван Кириллович Нарышкин был подвергнут пыткам и убит, другие Нарышкины отправлены в ссылку. К ссылке был приговорен и Андрей Матвеев, но оказался в числе тех, которые «не посланы для того, что их не сыскано».

После того как волнение улеглось, Матвеев появляется при дворе. Попечение над сиротой взяла царица Наталья Кирилловна. В это время Матвеев довольно часто общался к Петром, и даже должен был учить его, что, скорее всего, не состоялось или продолжалось очень недолго. В число близких друзей юного царя Матвеев не вошел. Он не участвовал ни в потешных играх, ни в других забавах молодого Петра.

Вскоре Андрей Артамонович женился. Его избранницей стала Анна Степановна Аничкова (1665–1698), дочь стольника Степана Александровича, представительница дворянского рода средней руки. Де ла Невилль пишет о ней: «Это единственная женщина в этой стране, которая не пользуется белилами и никогда не нарумянена, поэтому она достаточно хороша собой». Отзыв весьма ценный, если учитывать, какое важное значение, судя по свидетельствам иностранцев, занимали в жизни русской женщины того времени румяна и белила, нанесенные густым слоем на лицо. После смерти первой жены Матвеев женился на Анастасии Ермиловне (ум. 1720), бывшей в первом браке за Михаилом Аргамаковым.

В 1691 г. Матвеев получает свое первое назначение – воеводой на Двину, бывшую сосредоточием всей морской торговли с Западной Европой. Возможно, Петр I остался не очень доволен деятельностью Матвеева на этом посту, так как во время своей поездки в Архангельск в 1693 г. отстранил Андрея Артамоновича от воеводства, а на его место назначил Ф. М. Апраксина. Матвеев возвратился в Москву и предался ученым занятиям – перевел с латыни сочинение кардинала Цезаря Бария (1533–1607) «Церковные хроники» и другие сочинения.

В 1697 г. тихая жизнь Матвеева, протекавшая в стороне от бурной преобразовательской деятельности Петра I, была нарушена. Москва стала свидетельницей жестокого зрелища: по обвинению в покушении на Петра I казнили окольничего Соковнина, стольника Пушкина, полковника Цыклера и других заговорщиков. Вместе с живыми подвергся наказанию и мертвый. Гроб с телом боярина И. М. Милославского извлекли из семейного склепа в церкви Николая в Столпах (там же располагалась усыпальница Матвеевых) и привезли на шести свиньях в Преображенское. Прах боярина поставили под плахой так, что кровь казненных текла в гроб, а затем рассекли на части. А. А. Матвеев описывает это событие без страха перед произошедшим кощунством, а с чувством мести за отца, погибшего по интригам Милославского.

В 1699 г. Петр I назначил А. А. Матвеева постоянным представителем в столице Соединенных Штатов Нидерландов Гааге. Гаага была не только столицей одной из самых

крупнейших западноевропейских держав, но и признанным дипломатическим центром всей Европы. Роль Матвеева на первом этапе Северной войны была необыкновенно велика, несмотря на то, что ему не удалось выполнить свою первоочередную задачу – изолировать Швецию и предотвратить ее дипломатическое сближение с Нидерландами и Англией.

От Матвеева царь напрямую получал информацию о внешнеполитических событиях в Европе, от чего зависело решение о вступлении в войну со Швецией. О ходе переговоров между турками и русским послом Е. И. Украинцевым в Константинополе Петр I быстрее узнавал от Матвеева, чем от самого Украинцева. В начале Северной войны практически все европейские страны были на стороне Швеции и не скрывали своего презрительного отношения к варварам московитам. После разгрома русской армии под Нарвой в 1700 г. Матвеев писал: «Жить мне здесь теперь очень трудно… Обращаюсь между ними (голландцами. – С. Ш.), как отчужденный, и от нарекания их всегдашнего нестерпимо снедаюсь горестию». Нелегко приходилось Матвееву и по другой причине. Например, в 1704 г. его жалованье достигало 15 000 гульденов в год; в то время как расходы (на наем квартиры, стол, содержание прислуги и др.) составляли до 27 193 гульденов. Разницу Матвееву приходилось восполнять из своего кармана.

Но А. А. Матвеев не падал духом. Его главной целью стало укрепление международного престижа России. После нарвского поражения он объявил о бесчестном поступке шведов, захвативших русский генералитет вопреки условиям капитуляции. Впоследствии Матвеев никогда не упускал возможности оповестить европейскую дипломатию об успехах русских войск и одновременно многое делал для их достижения: через него осуществлялась закупка оружия, наем иностранных инженеров и других специалистов. Далеко не все удавалось. Многочисленные попытки привлечь европейские страны в качестве посредника к заключению мира между Россией и Швецией успеха не имели. Более того, в 1707–1708 гг., когда Матвеев находился на переговорах в Лондоне, уже по завершении своей неудачной миссии, за несколько дней до отъезда, он подвергся нападению, был избит и заключен в тюрьму под предлогом неуплаты долга в 50 фунтов. Правда, в ту же ночь русского посла освободили, но этим позорным фактом Англия грубо нарушила все нормы международного права и нанесла личное оскорбление Петру I. В 1705–1706 гг. и 1707–1708 гг. Матвеев вел переговоры во Франции, а в 1712– 1715 гг. был русским посланником в Вене. Перед отъездом он получил от австрийского императора Карла V титул графа Священной Римской империи, впоследствии утвержденный Петром I.

В декабре 1717 г. Матвеев был пожалован в сенаторы и назначен президентом Юстиц-коллегии, затем – президентом Московской Сенатской конторы. В 1726 г. он проводил ревизию обширной Московской губернии. Первый биограф Андрея Артамоновича И. П. Сахаров пишет, что Матвеев строго преследовал злоупотребления и в Переславле-Залесском даже приказал повесить секретаря воеводской канцелярии, что вызвало недовольство двора. Открывшуюся ему картину злоупотреблений Матвеев описывает секретарю Петра I А. В. Макарову: «Непостижные воровства и похищения не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камерира, комиссаров и подьячих здешних я нашел, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных записок их по лоскутам; по розыску ими более 4000 налицо тех краденных денег от меня уже сыскано…»

В июне 1727 г. Матвеев вышел в отставку. Умер Андрей Артамонович 16 сентября 1728 г. и был погребен в церкви святителя Николая в Столпах – в одной усыпальнице с отцом и его злейшими врагами Милославскими.

Как уже говорилось, граф А. А. Матвеев принадлежал к тем деятелям Петровской эпохи, которые стояли несколько особняком от ближайшего круга сподвижников царя, хотя и служили ему верой и правдой. Возможно, как и другого видного дипломата того времени

князя Б. И. Куракина, Матвеева отдалял от компании Петра I присущий ему аристократизм.

В быту Андрей Артамонович Матвеев был настоящим русским барином. В 1710 г. Петр I обратился к князю-кесарю Ромодановскому с просьбой прислать в Петербург для участия в церемонии свадьбы царевны Анны Иоанновны с курляндским герцогом «карл», т. е. карликов. При этом царь приложил список тех вельмож, в домах которых были карлики, содержавшиеся для забавы господ. Наряду с вдовствующими царицами Прасковьей Федоровной и Марфой Матвеевной, боярами князем М. А. Черкасским, А. С. Шеиным, Т. Н. Стрешневым и другими два карлика были и у окольничего А. А. Матвеева.

Вместе с тем А. А. Матвеев был человеком Нового времени. Он обладал одним из крупнейших книжных собраний петровской России. Известны 77 книг, принадлежавших А. С. Матвееву, половина из которых была на латыни. Его сын дополнил и расширил отцовское собрание. Установлены и описаны 136 рукописей и 766 книг из библиотеки Матвеева. Из них 724 книги на иностранных языках: 444 – на латыни, 155 – на французском, 43 – на польском; кроме того, в библиотеке были английские, голландские, греческие, древнееврейские, итальянские и немецкие книги и рукописи. Первое место среди книг Матвеева занимали труды по богословию и философии, в том числе значительное количество античных авторов. Сочинения на русском языке представлены летописцами, житиями, трудами Максима Грека, Симеона Полоцкого, братьев Софрония и Иоанникия Лихудов, Кариона Истомина, Дмитрия Ростовского, П. П. Шафирова («История Северной войны») и другими. В числе книг матвеевской библиотеки были два сочинения его современников, в которых он сам предстает одним из героев повествования – описание посольских миссий де Невилля и И. Г. Корба.

Сам Андрей Артамонович является автором нескольких историко-мемуарных сочинений. «Дневник неофициальной миссии ко французскому двору» составлен Матвеевым после его поездки в Париж в 1705–1706 гг. Это первая русская книга, посвященная Франции. Матвеев описывает государственное устройство, экономическое положение, вооруженные силы, внутриполитическую обстановку, королевский двор, культурную жизнь, архитектуру, памятники искусства, достопримечательности Франции. Его книга представляет собой подробный справочник, не упускающий и такие, например, сюжеты, как «О метресах или любовницах королевских». Этот труд оказал большое влияния на формирование дипломатической науки петровской эпохи, политической философии и реальных представлений о европейских странах в русском обществе.

Не меньшее значение имеет и другой труд А. А. Матвеева, условно называемый записками о стрелецком бунте. Писать записки о стрелецком бунте Андрей Артамонович начал сравнительно поздно после описываемых событий (по крайней мере, после 1716 г.). Кроме стрелецкого восстания в Москве в 1682 г. он описывает заговор А. П. Соковнина и И. Е. Цыклера в 1697 г. и стрелецкое восстание 1698 г. Матвеев явно не стремился быть беспристрастным. Его пером двигала ненависть к царевне Софье, боярину И. М. Милославскому, московским стрельцам. Через европейскую политическую философию, которой наполнены записки Матвеева, прорываются живые и страстные чувства автора.

А. А. Матвеев был истинным сыном своего века – европейски образованный и просвещенный, приятный в общении, обладавший прекрасными манерами и привлекательной внешностью, он таил в себе не только недюжинную силу, способствовавшую преодолению тягот и препятствий, но и обладал решительностью и жестокостью, искренне и яростно ненавидел своих врагов. Столь искренними были его чувства любви к тому, что было ему дорого – отец и его память, царская семья, Россия.

Следует отметить одно любопытное обстоятельство частной жизни А. А. Матвеева. Историк, великий князь Николай Михайлович (которому, вследствие его происхождения, были известны многие тайны императорской фамилии) пишет о том, что дочь Матвеева Мария Андреевна была любовницей Петра I. «Она занимала первое место среди любовниц

великого императора, он любил Марию Андреевну до конца жизни и даже ревновал ее, что случалось с ним нечасто. Желая, чтобы кто-нибудь держал юную графиню „в ежовых рукавицах“, государь выдал 19-летнюю Матвееву за своего любимого денщика Александра Ивановича Румянцева…» Далее великий князь сообщает, что сын Марии Андреевны – великий русский полководец Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) – был сыном Петра I. Трудно судить о достоверности этого сообщения, однако известные анекдоты о Петре I косвенно подтверждают это.

Сын графа А. А. Матвеева – Федор Андреевич (1706–1734) – подполковник 2-го Драгунского Санкт-Петербургского полка принял активное участие в событиях, развернувшихся вокруг «конституционной затейки» верховников в 1730 г. Он был одним из лидеров «шляхетской партии», группировавшейся вокруг князя А. М. Черкасского (см. очерк о Черкасских). Но, в отличие от В. Н. Татищева, Матвеев в большей степени склонялся к идее восстановления самодержавия Анны Иоанновны. К этому его толкали и личные обстоятельства – мать Матвеева была доверенным лицом Анны, занимая должность гофмейстрины при курляндском дворе. Усилия Матвеева не пропали даром: линия, которой он придерживался, победила. Но сам молодой гвардеец не успел воспользоваться плодами этой победы – не дожив до тридцати лет, он скончался. Согласно генеалогическим справочникам, со смертью графа Федора Андреевича род Матвеевых пресекся.

Однако есть позднее мемуарное свидетельство о том, что потомки А. С. Матвеева дожили до XX столетия. Князь С. М. Голицын в «Записках уцелевшего» описывает первый день после своего возвращения из кратковременного тюремного заключения в 1929 г.:

«Раздался звонок. Вошел Николай Михайлович Матвеев, родственник Давыдовых, иначе дядя Кока – потомок известного деятели XVII в. Артамона Матвеева, чем он очень гордился. Это был одинокий старый вдовец, бывший судейский чиновник, а теперь неизвестно на какие средства существовавший. У него было семь знакомых семейств, каждое из которых он посещал раз в неделю. Когда он являлся к нам, его кормили, усаживали рядом с дедушкой, и они тихо беседовали, вспоминая былые времена.

А я в день моего чудесного возвращения на первых порах был в центре всеобщего внимания, продолжал рассказывать, сам расспрашивал…

Мои рассказы прервал Николай Михайлович:

– А когда в восемнадцатом году меня арестовала Моршанская Чека, то… – начал он унылым голосом.

Я замолчал. Из вежливости все стали слушать нудное повествование дяди Коки. Когда же он кончил, я вновь стал рассказывать. И он опять меня прервал:

– А когда в двадцать втором году меня арестовало Тамбовское Гепеу, то…

Мать не выдержала и бесцеремонно отрезала:

– Я не вас, я сына хочу слушать!..»

Пока нет данных, позволяющих доказать или опровергнуть происхождение Н. М. Матвеева от Артамона Сергеевича и Андрея Артамоновича Матвеевых.

Правнук А. А. Матвеева по женской линии, старший сын П. А. Румянцева, граф Николай Петрович, министр иностранных дел и канцлер, известен своей меценатской деятельностью. Им создан Румянцевский музей, библиотека которого явилась основой современной Российской государственной библиотеки. Среди других потомков А. А. Матвеева – знаменитая красавица Прасковья Юрьевна Кологривова (Татьяна Юрьевна из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») и ее дочь княжна Вера Федоровна Гагарина, ставшая женой поэта князя Петра Андреевича Вяземского. Сын П. А. и В. Ф. Вяземских, князь Павел Петрович – известный историк и библиофил, а его внук по линии матери – граф Павел Сергеевич Шереметев – историк и первый директор Остафьевского музея, затворник Напрудной башни

Новодевичьего монастыря. По нескольким линиям род А. С. и А. А. Матвеевых продолжается и до наших дней.

«Счастья баловень безродный» и его потомки

Феерическая судьба Александра Даниловича Меншикова (1673–1729) явилась буквальным воплощением пословицы «из грязи в князи». Между тем сам Меншиков знаменит не только своим взлетом из низов к подножию трона. В судьбе Александра Даниловича явственно проступают четыре различных Меншикова, знаменующих различные вехи его судьбы. Алексашка Меншиков – лучший друг царя Петра и блестящий полководец; светлейший князь и герцог Ижорский – вельможа и казнокрад, жизнь которого в последние годы правления великого преобразователя висела на волоске; генералиссимус и правитель государства, нареченный тесть императора Петра II; и, наконец, – «государственный преступник, заслуживающий самого сурового наказания», березовский ссыльный. Несомненно, более всего привлекателен Алексашка Меншиков, или, как его ласково называл Петр, Данилыч, – живой, веселый и азартный человек, душу которого еще не тронула язва корысти и честолюбия.

Пушкин со свойственной ему меткостью назвал Меншикова «счастья баловень безродный». Родословная светлейшего князя, повидимому, восходит к русскому крестьянству. Сам Меншиков пытался облагородить свое происхождение, возводя своего отца к «фамилии благородной литовской». Но фальсифицированная генеалогия Меншикова выглядит беспомощно. Неубедительны и попытки некоторых исследователей искать польские корни Меншикова. Сама фамилия Меншиковых имеет обыденное русское происхождение. Меншиком (Меньшиком) называли младшего сына в семье.

Отец Меншикова Данила был придворным конюхом. В одном документе 1689–1690 гг. говорится, что он служил в потешных полках, ставших впоследствии основой петровской гвардии. Широко известно, что юный Алексашка Меншиков бегал с лотком и торговал пирогами. А. С. Пушкин сомневался в достоверности этого сообщения, считая его выдумкой бояр, хотя и обыграл его в стихотворении «Моя родословная». Видный отечественный историк Н. И. Павленко, напротив, находит немало подтверждений этой версии. Так, токарь Петра I Андрей Нартов описывает в своих мемуарах весьма любопытную сценку, разыгравшуюся уже в конце жизни Петра I. Как-то раз Меншиков чем-то разгневал царя. «Знаешь ли ты, – в гневе закричал Петр, – что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был? Тотчас же возьми кузов свой с пирогами и скитайся по лагерю и улицам, и кричи: пироги подовые, как делал прежде. Вон!» Находчивый Меншиков, выбежал на улицу, схватил у первого попавшегося ему пирожника лоток с пирогами, вернулся во дворец и предстал перед Петром, выкрикивая: «Пироги подовые! Пироги подовые!» Царь расхохотался и простил Данилыча.

Впрочем, торговал ли Меншиков пирогами или нет, значения не имеет. Достоверно известно, что при встрече Алексашка приглянулся юному Петру своим умом, сметливостью и ловкостью. Меншиков был принят в потешный полк, а оттуда, вновь отличившись, был взят Петром в денщики.

Так, начиная с 1690-х гг., на целых пятнадцать лет Меншиков стал одним из ближайших к царю людей. Многое было на этом пути: в 1698 г. царь и Данилыч собственноручно рубили головы мятежным стрельцам, почти всю Северную войну Меншиков был главнейшим военачальником, не раз проявляя качества выдающегося полководца и энергичного стратега. Одно из самых знаменитых деяний Меншикова – пленение у Переволочины девятитысячным корпусом шестнадцатитысячной армии шведов, отступавших из-под Полтавы.

Не расставались царь и фаворит и за пиршественным столом. В эпоху Петра I любили крепко выпить и хорошо повеселиться. Не раз из-за широкого застолья светлейший князь

падал замертво, а лицо его приобретало смертельную бледность – здоровье не выдерживало соревнования с могучим не только в делах, но и в выпивке императором. Доставалось Меншикову от царя и напрямую. Так, еще в 1698 г. Петр, заметив, что его любимец танцует с дамой, не сняв шпаги, залепил Меншикову такую пощечину, что у того пошла кровь из носа. Да и позднее царь не раз прибегал к физической расправе, только поводы были гораздо серьезнее. Тот же Нартов вспоминал, что Петр, в память о старой дружбе и в воздаяние бывших заслуг Данилыча, долго не хотел предать его суду за казнокрадство и по-отечески наказывал сам – дубинкой. Меншиков каялся, обещал, что более не будет, но опять пускался во все тяжкие. К концу правления Петра он уже неоднократно был под следствием, и, быть может (проживи император чуть подольше) Меншикова ждала бы участь сибирского губернатора князя Гагарина, повешенного за воровство.

Вряд ли стоит строго судить Меншикова за честолюбие и корыстолюбие, в конце концов сгубившие его. О нравах той эпохи свидетельствует эпизод, связанный с другим любимцем Петра I – Павлом Ивановичем Ягужинским. Однажды Петр в гневе приказал составить закон, по которому тот, кто украл из казны денег, хотя бы на стоимость куска веревки, должен был быть немедленно повешен. На это Ягужинский, знаменитый своей честностью, заметил, что так царь рискует остаться совсем без подданных.

Смерть Петра и воцарение Екатерины I (1725) не только спасли Меншикова от виселицы, но и вознесли его на самую вершину власти. Именно Меншикову была обязана Екатерина престолом – он привел в Сенат гвардейские полки и решил разыгравшийся спор о престолонаследии в пользу вдовы Петра. Екатерина никогда об этом не забывала. Не входя в детали государственного управления, слишком запутанного для ее простоватого ума, императрица передала все дела Меншикову. Он ведал внешней и внутренней политикой, боролся с противниками, укреплял свое положение и… беззастенчиво обогащался. Меншиков был крупнейшим землевладельцем своего времени: его имения, как у сказочного «маркиза де Карабаса», простирались на сотни верст. На Украине во владении Меншикова находился целый город Почеп, ранее принадлежавший гетману Мазепе, а под Воронежом – крепость Ораниенбург, выстроенная по чертежам самого Петра I.

Екатерина не обладала крепким здоровьем, и Меншиков понимал, что ее правление не будет долгим. Из возможных наследников Петра I он сделал ставку на внука императора – Петра II Алексеевича. Этот выбор был весьма рисковым. Ведь Меншиков был одним из активных участников суда над отцом Петра II – царевичем Алексеем, его подпись стояла под смертным приговором царевичу. Поэтому светлейший стремился подстраховаться. Он добился у Екатерины I согласия на брак своей дочери, красавицы Марии Александровны, с Петром II. Когда императрица умерла и трон перешел к юному Петру II (1727), Меншиков окружил его плотной опекой, стремясь оградить от постороннего влияния.

В это время Александр Данилович находился в зените своей славы – все нити государственного управления находились в руках светлейшего князя. Могущество Меншикова скрепили чин генералиссимуса и обручение княжны Марии с императором (25 мая 1727). Но в этот момент фортуна, досель щедро ласкавшая светлейшего князя, отвернулась от него. Летом 1727 г. он тяжело заболел и на месяц потерял влияние над молодым императором. Этим воспользовались враги Меншикова – князья Долгоруковы и опытный интриган вице-канцлер А. И. Остерман. Скучным поучениям Меншикова, наставлявшего Петра II на путь учебы и прилежных занятий государственными делами, Долгоруковы противопоставили безудержное веселье, охоту, карты, вино и женщин. Надо ли сомневаться, что юный царь скоро охладел как к нареченной невесте, так и к нареченному тестю.

Меншиков быстро понял в чем дело, но бороться уже не мог или не хотел. Светлейший был арестован, обвинен в государственной измене и хищениях, лишен имущества, чинов,

должностей и наград и вместе с семьей сослан в сибирский город Березов. По дороге в ссылку скончалась супруга и верная помощница светлейшего – Дарья Михайловна (урожденная Арсеньева). За ней последовала в вечность уже в Березове и нареченная невеста императора – княжна Мария.

В ссылке в старом и больном Меншикове проявилось истинное величие. Он со смирением нес свой тяжкий крест, горевал о потере супруги и дочери, утешение находил в вере: срубил деревянную церковь, сам читал за дьячка и пел на клиросе. Александр Данилович скончался 22 октября 1729 г. и был погребен возле могилы дочери при построенной им церкви в Березове. В 1825 г. по инициативе тобольского губернатора, историка Д. Н. Бантыш-Каменского, могила Меншикова была вскрыта. Губернатор намеревался поставить над могилой князя надгробный памятник и хотел точно определить местоположение его захоронения. Когда могилу раскопали и сняли обледенелую крышку с гроба, то обнаружили тело Меншикова, пролежавшее нетленным в вечной мерзлоте. Светлейший князь был одет в халат и стеганую шапочку, на ногах туфли с остроконечными каблуками.

Дети Меншикова – Александр (1714– 1764) и Александра (1712–1736) – были освобождены и возвратились ко двору в 1731 г. Светлейший князь Александр Александрович до падения своего отца был пожалован обер-камергером (в 13 лет) и за нежный цвет лица, единственный из мужчин, получил женский орден святой Екатерины. По возвращении из Сибири он сражался в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и за отличную храбрость был пожалован в капитан-поручики. Скончался он в чине генерал-аншефа. Его сестра Александра на другой день после возвращения из ссылки была выдана замуж за Густава Бирона, родного брата всесильного фаворита Анны Иоанновны.

Внук Александра Александровича – светлейший князь Александр Сергеевич (1787–1869) – был заметной фигурой в первой половине XIX в. Он начал службу на дипломатическом поприще, потом был в свите Александра I. Участвовал в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. В 1821 г. он составил проект освобождения крестьян от крепостного права, чем заслужил славу вольнодумца, которую поддерживал своим независимым характером и острым языком. При Николае I Меншиков был назначен посланником в Персию, где был заточен и провел в тюрьме до 1827 года.

По возвращении он участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., командовал десантом при взятии крепости Анапа, руководил осадой Варны, где получил тяжелое ранение. В 1839 г. он с радостью принял предложение преобразовать Морское министерство и возглавил Главный Морской штаб. В 1841 г. Александр Сергеевич вошел в состав секретного комитета по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости и составил ряд законопроектов.

Во время Крымской войны Меншиков был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму. Ему довелось принять на себя первый удар неприятеля и организовывать оборону Севастополя. Военное счастье в этой кампании отвернулось от князя – он проиграл сражения при Альме и Инкермане. Смещенный с поста командующего в феврале 1855 г., Меншиков удалился от дел и никакой роли при Александре II не играл.

Александр Сергеевич Меншиков знаменит как один из блестящих остряков своей эпохи. Говаривали, что и бритва князю не нужна – он может побриться своим острым языком. Вот один из анекдотов о нем. В венгерскую кампанию 1848–1849 гг. гвардия ходила в поход, но остановилась в Царстве Польском, не слыхав и свиста пуль. Несмотря на это, гвардейцы рассчитывали, что и им раздадут медали. «Да, – сказал Меншиков, – и гвардейцы получат медали – с надписью „Туда и обратно“».

Единственный сын А. С. Меншикова – светлейший князь Владимир Александрович (1815–1893), также служивший на военной службе и дослужившийся до чина генерала от

кавалерии, – потомства не оставил. С ним пресеклась мужская линия рода.

Правнуку А. С. Меншикова по женской линии, корнету Ивану Николаевичу Корейше (1865–1919 ?), высочайше было дозволено принять титул и фамилию предков и именоваться светлейший князь Меншиков-Корейша. Он быстро промотал богатое имение прадеда (в 1862 г. оно насчитывало 6498 душ крестьян и 22 тыс. десятин земли) и наделал долгов на 100 тысяч рублей. В 1911 г. над имением Меншикова-Корейши была учреждена опека, но революционная буря смела как опеку, так и имение и самого владельца. Светлейший князь Иван Николаевич Меншиков-Корейша скончался во время Гражданской войны. Детей он не оставил, но по другим линиям потомство Александра Даниловича Меншикова продолжается до наших дней.

Часть 3

Касимовское ханство и его правители

В лето 6953 от сотворения мира (1445) на Руси выпала череда тяжких бедствий. Двадцатый год продолжалась, то затихая, то, вновь разгораясь, кровопролитная усобица между князьями московского дома. Второй сын Дмитрия Донского, князь Юрий Звенигородский, после смерти старшего брата Василия I отказался признать права племянника Василия Васильевича на великокняжеский престол. Дяде дважды удавалось изгнать племянника из стольного града – в 1433 и 1434 гг., но, достигнув трона во второй раз, князь Юрий Дмитриевич скончался. Борьбу за великое княжение продолжили его сыновья – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. В 1436 г. Василий Косой попал в плен к своему двоюродному брату великому князю Василию II Васильевичу, и тот повелел ослепить неудачливого соперника. Князь Дмитрий Шемяка на время притих, заключил с Василием II договор о мире, но затаил злобу.

В то время, когда русские князья в походах и битвах решали вопрос о старшинстве, усобица бушевала и в Орде. Внук знаменитого Тохтамыша хан Улу-Мухаммед был изгнан своими соперниками из столицы Золотой Орды Сарая. На недолгое время ему удалось обосноваться в Крыму, но и оттуда Улу-Мухаммед бежал, потерпев поражение от хана Сеид-Ахмеда. В 1437 г. беглец подступил к южным границам Руси и под городом Белевом расположился на зимовку. Василий II послал против него значительное войско, которое было разбито немногочисленным отрядом татар. Разбив русское войско, хан ушел из-под Белева, двинулся к Волге и обосновался на территории пришедшей в упадок Волжской Булгарии. После монгольского завоевания Булгария вошла в состав Золотой Орды. В XIV в. на ее землях происходили столкновения враждующих золотоордынских ханов, города приходили в упадок, селения разорялись. Большой урон Булгарии нанесли и сокрушительные походы русских войск (1374, 1376, 1432 и др.). Улу-Мухаммед занял северную часть страны, менее всего пострадавшую от разорения, и выбрал столицей своего улуса город Казан (Казань), носившей и второе название – Булгар ал-Джадид, т.е. Новый Булгар, подчеркивающее его преемственность в политическом и торговом отношении по отношению к Булгару, столице Волжской Булгарии. Утвердившись на Волге, Улу-Мухаммед начал воевать Русскую землю, стремясь заставить великого князя платить дань ему, а не сарайскому хану Кичик-Мухаммеду. В 1439 г. хан занял Нижний Новгород и осадил Москву, а на обратном пути сжег Коломну. В 1444 г. Улу-Мухаммед вновь взял Нижний, зимовал в нем и послал войско против Мурома, которое было отбито русским войском. Татары оставили Нижний, но в следующем году сыновья Улу-Мухаммеда Махмуд (Мамутяк) и Якуб вновь взяли Нижний и двинулись к Суздалю.

Великий князь Василий Васильевич встал во главе войск и двинулся против татар. 7 июля 1445 г. в битве под Спасо-Евфимьевым монастырем русские потерпели сокрушительное

поражение, а сам Василий II был ранен и попал в плен. В Москве воцарилось состояние близкое к панике – впервые со времен Батыева нашествия великий князь попал в плен к неверным. Дмитрий Шемяка попытался воспользоваться сложившейся ситуацией, но не успел: Василий II обещал татарам выплатить за себя огромный выкуп и был отпущен из плена. Великий князь вернулся в Москву в сопровождении 500 казанских князей. Татары получили «в кормление», т.е. в управление с правом сбора налогов русские города и волости. Чтобы расплатиться с ханом, Василий II обложил население новыми налогами. Среди князей, бояр и простого народа зрело недовольство великим князем, установившим засилье татар. Дмитрий Шемяка не стал терять время зря. Заключив союз с князьями Иваном Можайским и Борисом Тверским, Шемяка захватил Василия II в Троице-Сергиевом монастыре. В ночь с 13 на 14 февраля 1446 г. бывший великий князь был ослеплен и вскоре сослан на Углич. На московском престоле, казалось бы, прочно утвердился Дмитрий Шемяка.

В Казани были недовольны таким оборотом событий. 17 апреля 1446 г. татары напали на Углич и двинулись далее на север Руси. На помощь Василию II отправились младшие сыновья Улу-Мухаммеда Касим (Касым) и Якуб. В Ельне, на литовском рубеже, они повстречались с отрядом князя Василия Ярославича Боровского, который шел из Литвы также на выручку Василия II. Боровский князь, также как и несколько видных бояр Василия II, не захотел служить Дмитрию Шемяке и бежал за рубеж. В Литве сторонники великого князя объединились и пошли походом к Угличу. Встреча двух отрядов началась перестрелкой, но затем все выяснилось. Татары изъявили желание воевать за Василия II «за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра до нас было». Тем временем Дмитрий Шемяка был вынужден выпустить Василия II из заточения, и вскоре вокруг слепого князя объединились его сторонники. Войско двинулось к Москве, Шемяка бежал, а Василий II занял трон.

Нет сомнений, что татары, вспоминая «добро», которое получали от великого князя, имели в виду русские города и волости, данные им «в кормление». Подобная практика не была новшеством для великих князей московских. Знатные выходцы из соседних государств и княжеств получали от великого князя города и волости в удел и кормление. Великий князь московский Семен Гордый дал своему тестю смоленскому князю Федору Святославичу в удел Волок Ламский. В 1406 г. литовский князь Александр Нелюб выехал на Русь и получил от Василия I Переславль. В 1408 г. другой литовский князь Свидригайло Ольгердович получил Владимир, Переславль, Юрьев и другие города. Однако еще С. М. Соловьев отмечал, что массовые пожалования татар владениями и административными должностями были случаем небывалым, что и вызвало всеобщее возмущение. Восстановление на престоле Василия II привело к возвращению татар на Русь (в послании русских иерархов Дмитрию Шемяке от 29.12.1447 г. говорится, что как только Шемяка «управится… во всем чисто по крестному целованию» с Василием II, тот «татар из земли вон отошлет»), но, вероятно, объем пожалований был уже не таким. Касим и Якуб остались на Руси. В 1446 г. Касим и его татары стояли на русско-литовском порубежье, а к 1449 г. он получил в удел город Звенигород, ранее принадлежавший Юрию Звенигородскому и его сыновьям. В 1449 г. Касим выступил из Звенигорода на реку Пахру против татар хана Сеид-Ахмеда и разбил их. Еще раньше он участвовал в походе против Шемяки к Костроме. Участвовали Якуб и Касим в походе на Шемяку в 1450 г., а Якуб в 1452 г. ходил с великим княжичем Иваном против союзников Шемяки какшаров – жителей устюжской волости по р. Кокшеньге. В промежутке между 1452 и 1456 гг. Касим получил в удел вместо Звенигорода город Городец Мещерский, расположенный на левом берегу реки Оки, в 156 километрах к северо-востоку от Рязани. Так было положено начало Касимовскому ханству.

Город Городец Мещерский был основан князем Юрием Долгоруким в 1152 г. Мещерский

край, лесистый и болотистый в XII в., был заселен угро-финским племенем мещера. К XV в. местное население было сильно славянизировано, но еще сохраняло свою языковую и культурную самобытность. Как уже говорилось выше, Касим получил Городец в 1452–56 гг. Эту дату установил автор капитального труда «Исследование о касимовских царях и царевичах» востоковед Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904). Историк Казанского ханства М. Г. Худяков (1894–1936) считал, что утверждение Касима в Городце и возникновение Касимовского ханства были условиями договора Василия II с Улу-Мухаммедом в 1445 г. В Касимовском ханстве М. Г. Худяков видел «первую попытку ханов татарских вступить в непосредственное управление на русской земле в качестве удельных князей». С этим утверждением согласиться трудно. Во-первых, существуют показания источников, которые упустил М. Г. Худяков, свидетельствующие, что Касим до 1452 г. в Городце не правил. Во-вторых, деятельность Якуба, Касима и его сына Даньяра, т. е. первых владельцев Касимова, свидетельствует о том, что они несли военную службу у великого князя московского, а не просто управляли частью Русской земли.

Наиболее важным периодом в истории Касимовского ханства является промежуток с 1467 по 1552 г., когда московские князья активно опирались на Касимов в борьбе с Казанским ханством и в попытках установить свой протекторат над Казанью. Предвидел ли Василий II, что Городец станет опорой в противостоянии с Казанью? Несомненно, великий князь учитывал окраинное положение Городца и утвердил в нем Касима из военно-стратегических соображений. Преследовал ли Василий II политические цели – неясно. Мы не знаем условий, на которых Василий II «посадил» Касима в Городце; ясно только, что Касимовское ханство изначально существовало под вассалитетом Москвы, хотя взаимоотношения великого князя и «царевичей» были своеобразными. В «Царевичев городок», т.е. в Касимов, наряду с Ордой, Крымом, Казанью и Астраханью платился «выход» – дань, раскладывавшаяся между всеми русскими князьями. Впервые об этом упоминается в духовной (завещании) Ивана III (1504). Это обстоятельство побудило М. Г. Худякова утверждать, что Касимовское ханство – результат насильственного проникновения татар на Русь. Здесь можно привести два существенных возражения. Во-первых, в духовной Ивана III говорится о «выходе» не только в Касимов, но и о «выходе» «и в иные Цари и во Царевичи, которые будут у сына моего Василия в земле». Как будет видно в дальнейшем, при Василии III число татарских царевичей, выезжавших на русскую службу, возрастает, почти все они получают в уделы русские города, но это, наоборот, свидетельствует о слабости татарских ханств, а не об укреплении их власти над Россией. Во-вторых, выплата ордынского «выхода» была прекращена Иваном III в 1476 г., с тех пор в Большую Орду и Крым выплачивались только «поминки», размер которых был значительно меньше. Между тем эта формула сохранилась в духовной Ивана III, составленной около 1504 г. Вероятнее всего, выплата «выхода» татарским владетелям, даже вассалам московского государя, являлась традицией, восходящей ко времени реальной зависимости Москвы от Орды, которую в XV–XVI вв. никто не собирался нарушать. До 1547 г. существовало определенное своеобразие в сочетании титулатуры московского и касимовского государей. Первый звался великим князем; второй – царевичем или царем. Титул царя в представлении русских людей средневековья был выше великокняжеского. «Царями» называли византийских императоров и ордынских ханов (что и распространилось на их потомков – ханов касимовских). Русская дипломатия XVI в. выдержала упорную борьбу с польской за признание за Иваном IV царского титула. Тем не менее великие князья (до принятия Иваном IV царского титула в 1547 г.) спокойно относились к тому, что под их властью находится «царь городецкий», и не пытались переименовать касимовских ханов в князей. Другой существенной особенностью в положении Касимова была его подчиненность Посольскому приказу. Воеводы и другие лица,

осуществлявшие во второй половине XVI – первой половине XVII в. (т. е. уже в период, предшествующий упадку ханства) надзор за касимовскими ханами, назначались из Посольского приказа.

Уже при преемнике Василия II, Иване III, Касиму было суждено выступить проводником русской политики в отношении Казани. В 1467 г. казанские князья призвали Касима на престол вместо хана Ибрагима (двоюродного брата Касима). С внушительным русским войском Касим двинулся к Казани, но на Волге был встречен армией Ибрагима и отступил. Вскоре после этого Касим скончался.

После смерти Касима престол в Городце занял его сын Даньяр (более верное написание – Даниал). Известно, что при вступлении на престол Даньяр принес шерть (присягу) Ивану III, в условия которой, несомненно, входили: обязательства не поддерживать отношений с недругами великого князя и верно нести военную службу. Царевич Даньяр, помимо «выхода» из Москвы, получал дань в Рязанской земле, пошлины и ясак (натуральную подать) с мусульман, мордвы и мещеры, жившей в Касимовском крае. Столица ханства впервые называется Касимовым в источниках в 1471 г. Наряду с этим, часто использовалось название Городец или Царевичев городок; татары также называли Касимов Ханкирман, что значит Царский город.

В 1471 и 1477 гг. царевич Даньяр с касимовскими татарами участвовал в походах Ивана III на Новгород. В 1471 г. в битве на Шелони татары потеряли 40 человек, были пожалованы Иваном III, но, в то же время, им было запрещено брать пленных. Это и понятно – новгородцы были православными. В 1472 г. во время набега хана Ахмата царевич Даньяр стоял в Коломне, откуда возвратился в свой удел. В 1486 г. он скончался, и трон перешел к хану Нурдовлату (Нурдаулету).

Нурдовлат был сыном первого крымского хана Хаджи-Гирея. В 1466 и 1474– 75 гг. он занимал трон в Бахчисарае, но был изгнан своим братом Менгли-Гиреем. Мы не знаем, пресекся ли род Касима, или при назначении в Касимов Нурдовлата Иван III руководствовался какими-то политическими соображениями. В любом случае то обстоятельство, что на касимовском троне вплоть до последних десятилетий в истории ханства не удержалась ни одна династия, а ханы менялись по воле русского государя, еще раз показывает вассальное положение Касимова по отношению к Москве. Нурдовлат правил в Касимове незаметно, ничем не проявив себя, и после его смерти в 1491 г. ханом стал его сын Сатылган. Сатылган правил до 1508 г. В 1505 г. он был отправлен в Муром на случай отражения казанского хана Мухаммед-Эмина, а в 1506 г. участвовал в неудачном походе на Казань. В этих походах ему сопутствовал брат Джанай, который и занял Касимов около 1508 г.

В последней четверти XV – первой четверти XVI вв. России удалось добиться больших успехов в борьбе с Казанским ханством. В 80-е гг. в Казани создалась и укрепилась партия сторонников союза с Россией, при помощи которой Ивану III удалось установить некое подобие протектората над ханством. В 1487 г. силою русского оружия на престол был возведен хан Мухаммед-Эмин, сын Ибрагима. Изгнанный из Казани сибирским царевичем Мамуком в 1495 г., Мухаммед-Эмин бежал в Россию. Вскоре Мамук был низложен, и в Казани вновь утвердился русский ставленник – брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф. Он показался русскому правительству недостаточно верным, и в 1502 г. был сменен на Мухаммед-Эмина. Но Мухаммед-Эмин начал войну с Россией и в 1506 г. наголову разбил крупное русское войско, пришедшее в Казань под командованием князя Дмитрия Жилки, брата Василия III. Однако через год был заключен мир, который продолжался до самой смерти Мухаммед-Эмина в 1518 г.

Одним из результатов активной восточной политики Ивана III и Василия III было то, что, наряду с касимовским ханом, в России появляются и получают уделы другие татарские ханы

и султаны (цари и царевичи). Во время своего пребывания в России Мухаммед-Эмин сидел на уделе в Кашире; Абдул-Латиф в 1493– 1497 гг. правил в Звенигороде, а в 1508– 1517 гг. в Юрьеве, а затем в Кашире. В 1505 г. их брат Кудайкул, взятый в плен в 1487 г. и долгое время находившийся в заточении, принял крещение с именем Петра, а в следующем году женился на сестре Василия III. Царевич Петр Ибреимович владел уделом, состоящим из Клина, Городца (на Волге), и нескольких сел под Москвой. Его положение в служебной иерархии было необыкновенно высоким из-за его происхождения и родства с великим князем. В 1508 г. в Сурожике сидел царевич Шейх-Аулияр, племянник последнего могущественного хана Большой Орды Ахмата. В 1512 г. Шейх-Аулияр получил касимовский престол.

Таким образом, в первой четверти XVI в. в России формируется новый аристократический слой в составе правящего класса – служилые татарские цари и царевичи; и новая категория в составе дворянского поместного войска – служилые татары, составлявшие «двор» и войско царей и царевичей. На протяжении XVI в. татарские цари и царевичи с их отрядами были непременными участниками практически всех походов и других боевых действий русской армии. Но, несмотря на это, Касимовское ханство среди других уделов татарских царевичей занимало первое по значению и совершенно особое место. В период активного наступления России на Казанское ханство – 40– 50-е гг. XVI в. касимовский царь и касимовские татары сыграли значительную роль в покорении Казани. В истории Касимовского ханства этот период связан с именем хана Шах-Али, которого русские называли Шигалеем.

Шах-Али (1505–1567) был сыном царевича Шейх-Аулияра и внучатым племянником хана Ахмата. В 1516 г. после смерти отца он получил в удел Касимов. В 1518 г. после смерти Мухаммед-Эмина казанцы «прислали бити челом государю великому князю Василию Ивановичу, чтобы их пожаловал, дал им государя». Василий III отправил в Казань Шах-Али, не имевшего никакого отношения к угасшей династии Улу-Мухаммеда.

Источники единодушно свидетельствуют, что юный казанский хан (ему было 13 лет) обладал отталкивающей внешностью. По словам русского летописца, он был «зело взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши долгие, на плечах висящие, лице женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступни долгие, скотское седалище… Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им». Сходное описание дает австрийский посол С. Герберштейн: «у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо (на ушах свисали две длинные черные пряди)». Шах-Али продержался в Казани недолго. В 1521 г. он был изгнан и бежал в Россию, но сохранил за собой титул царя. В Касимове тогда правил его брат Джан-Али (Яналей), и Шах-Али некоторое время, по-видимому, вообще не имел никакого удела. В 1523 и 1524 гг. Шах-Али участвовал в походах на Казань. В 1532 г. казанцы, перед угрозой московского войска, просили дать им в ханы Джан-Али, что и было исполнено. Но Шах-Али и на этот раз не получил Касимова, а получил в удел Каширу и Серпухов. В 1533 г. в судьбе Шах-Али наступил крутой перелом – он был обвинен в ведении переговоров с Казанью, арестован и сослан на Белоозеро, где пробыл до 1535 г.

В 1535 г. Джан-Али был убит в Казани, а престол занял противник Москвы Сафа-Гирей из династии крымских ханов. Для противодействия Сафа-Гирею Шах-Али был освобожден из заточения и получил аудиенцию у юного Ивана IV и его матери Елены Глинской. После Шах-Али представлялась его супруга Фатима-султан и, встречая ее, пятилетний Иван IV «молвил царице „Табуг Салам“ (т. е. по-татарски: здравствуй!) и с нею карашевался (приветствовал ее)». Когда Шах-Али получил Касимов – неизвестно, во всяком случае, до 1540 г. В 1537/38, 1540 и 1541 гг. он участвовал в походах к Владимиру и Мурому для отражения возможного нападения казанского хана. В 1546 г. после смерти Сафа-Гирея Шах-Али вновь воцарился в Казани, но через три месяца бежал прямиком в Касимов.

С 1546 г. Шах-Али участвовал в походах на Казань ежегодно. В 1551 г. он руководил

постройкой Свияжска, благодаря которому была достигнута блокада Казани. Казанцы были вынуждены выдать своего малолетнего хана Утямыш-Гирея, сына Сафа-Гирея, и просить в ханы Шах-Али. Вместе с Шах-Али в Казань прибыли 300 касимовских князей, мурз и татар и 200 русских стрельцов. Оказавшись в третий раз на престоле, Шах-Али попал в трудное положение. Русское правительство требовало от хана, чтобы он «укрепил бы Казань крепко государю, да и собе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его была не подвижна, и кровь бы на обе стороны престала на веки…» Для сохранения Казанского ханства под русским протекторатом, правительство Ивана IV ориентировалось на реальный пример подобного образования – Касимовское ханство. С другой стороны, чтобы как-то добиться лояльности казанцев, Шах-Али должен был отстаивать их интересы. Оказавшись между молотом и наковальней, Шах-Али не мог ничего предпринять, чтобы улучшить свое положение. В марте 1552 г. по требованию русского правительства Шах-Али отрекся от престола и покинул Казань.

Наступили последние дни Казанского ханства. После отъезда Шах-Али в Казани произошел очередной переворот. Казанцы закрыли ворота перед русским воеводой, направлявшимся в крепость, чтобы ликвидировать ханство и установить воеводское управление, и пригласили на престол астраханского царевича Ядыгар-Мухаммеда (Едигера). Шах-Али с касимовскими татарами участвовал в походе Ивана IV на Казань в 1552 г., закончившемся падением ханства.

Иван IV и русские воеводы доверяли Шах-Али и касимовцам, но во время решающего штурма Казани, закончившегося страшной резней, царь и его татары были определены в войско, расположенное вокруг города с тем, чтобы не дать осажденным вырваться, и в самом штурме не участвовали. Зато в торжественном въезде Ивана IV в Казань Шах-Али ехал вслед за русским царем, а перед этим поздравлял его с победой. С падением Казани отпала необходимость в существовании ханов, находящихся «под рукой» великого князя московского, но Касимовское ханство продолжало существовать, причем до заката ему оставалось более полувека.

Касимовские татары очень скоро понадобились Ивану Грозному на новом фронте – в Ливонской войне (1558– 1583). Активным участником Ливонской войны был Шах-Али. В 1557–58 гг. он возглавлял полк в походе на Ливонию и произвел большое опустошение в этой стране. В 1561 г. он был послан под Смоленск, а в 1564 г. стоял в Вязьме. Касимовские татары и «царев Шигалеев двор» участвовали без своего государя в усмирении мятежей в Казанской земле в 1553, 1554 гг.; в походах на шведов в 1555, 1556 гг.; в 1556 г. стояли в Серпухове. Европейские писатели с ужасом пишут о жестокостях и бесчеловечности Шах-Али и татар. В части, касающейся пленных европейцев, эти сообщения недалеки от истины. Особым указом Иван IV запретил продавать пленных в Германию и Польшу, и они отправлялись, по словам иностранных писателей, в Татарию, Персию, Турцию и Индию. В Казанском ханстве издавна была хорошо налажена работорговля. Надо полагать, что волна ливонских пленников не миновала и Касимова.

Во второй половине XVI в. в положении Касимовского ханства существенных перемен не происходило. Преемником Шах-Али стал правнук хана Ахмата царевич Саин-Булат. Впервые его имя упоминается в 1570 г. на дипломатических переговорах между русским и турецкими представителями. Тогда русский посол говорил: «Мой государь вовсе не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в мечетях…» В этих словах содержится указание на еще один аспект вопроса о судьбе Касимовского ханства после падения Казани – международный. Касимовское ханство играло важную роль в русско-крымских, русско-ногайских, русско-

турецких и даже русско-казахских отношениях второй половины XVI в. Вассальное мусульманское государство было необходимо русскому правительству и как объект пожалования возможным претендентам, изгнанным со своих престолов, и как свидетельство лояльного отношения к исламу и отсутствие ущемления прав российских подданных-мусульман. В 1573 г. Саин-Булат принял крещение с именем Симеона Бекбулатовича, и сразу же лишился и касимовского престола. Правда, Симеона Бекбулатовича ждало более высокое призвание – в 1575/76 г., по воле Грозного, он занимал московский престол, а затем получил в удел Тверь. В Смутное время он стал династическим соперником сначала Годунова, затем Лжедмитрия I и Василия Шуйского, был ослеплен при помощи яда, а затем насильственно пострижен в монахи и отправлен в Соловецкий монастырь. Скончался Симеон Бекбулатович глубоким стариком в 1616 г.

О внутреннем состоянии и устройстве Касимовского ханства нам известно крайне мало. Касимовский хан назначался из представителей мусульманских (в основном, татарских) династий, выехавших, бежавших или взятых в плен в Россию и обязавшихся служить московскому государю. Все касимовские ханы, выходцы из Казани, Крыма, Астрахани, Казахстана и Сибири, были потомками Чингисхана, представителями старшей линии Джучидов, т. е. ханов Золотой Орды. При вступлении в должность хан приносил шерть. До нас дошла присяга Абдул-Латифа, данная им в 1508 г. при получении в удел Юрьева. В основные обязанности хана входило: верно служить великому князю; не вступать в сношения с недругами великого князя; не принимать к себе татар, служащих великому князю; в свою очередь Василий III обязался не принимать к себе татар, служащих Абдул-Латифу, за исключением представителей четырех знатнейших родов – Ширин, Барын, Аргын и Кипчак; татары Абдул-Латифа, проходя по русским землям, не грабят и не обижают христиан; преступников хан обязан выдавать, а пойманных на месте преступления – казнить. По-видимому, обязательства касимовских владельцев были весьма близки к этим.

В Касимове церемония возведения в звание хана проводилась торжественно. В мечети хана поднимали на золотой кошме. Этот обряд, восходящий к монгольскому обычаю, сохранялся в Казани, Крыму, Ногайской Орде и среднеазиатских ханствах. После этого три дня отмечался праздник, и хан раздавал пожалования и милости. Выше уже говорилось, что касимовский хан получал «выход» от великого князя московского и дань с Рязанской земли. В последний раз «выход» упоминается в договоре князя Владимира Старицкого с Иваном Грозным в 1553 г., но выплачивался ли он на самом деле или это только юридическая формула – неизвестно. Кроме того, хан собирал дань, пошлины и ясак с татар, мещеры и мордвы, живших на подвластной ему территории. В Касимовском ханстве жили мишари, бессермяне и ногайцы. Русское население до первой четверти XVII в. в судебном отношении подчинялось ханам (за исключением тяжких уголовных преступлений – «разбоя и татьбы с поличным»); хану же шли и судебные пошлины. Ямская слобода, возникшая в Касимове в середине XVI в., указом Ивана IV была освобождена от всех податей и государственных повинностей. Территорию ханства определить трудно. Известно, что она изменялась. В 1552 г. Шах-Али получил в придачу к имеющимся землям села на Мещере. Русский летописец, сообщая о пожаловании в 1600 г. касимовского престола хану Ураз-Мухаммеду, говорит, что Борис Годунов дал хану «Касимов со всеми волостьми и доходами».

Среди касимовских татар преобладали военные служилые люди. Они владели поместьями в Касимовском, Елатомском, Кадомском уездах и на Мещере. Помещики-мусульмане держали за собой села и деревни с православным населением. По социальному составу касимовцы делились на князей, мурз и простых татар, которых в источниках нередко называют казаками (казак – тюркское: вольный человек, бродяга). Касимовского хана окружали представители знатнейших татарских родов. В Казани, Крыму и Касимове они назывались карачиями. Эти роды, по договору Абдул-Летифа с Василием III имели право перейти от хана на службу к

великому князю. Почти все они известны и в Касимовском ханстве: Аргын, Кипчак, Джалаир, Мангыт, Ширин. Отдельные ветви этих родов вошли в XV–XVII вв. в состав российской аристократии. Так, потомками Ширинов были князья Мещерские и Ширинские-Шихматовы, а потомками Мангытов – князья Урусовы и Юсуповы. Среди придворных упоминаются чины, встречающиеся при дворах казанского и крымского ханов – аталыки (воспитатели ханских сыновей) и имильдаши (молочные братья, ровесники и приближенные лиц ханского дома).

Сложнее определить положение сеидов. Сеидами называют потомков пророка Мухаммеда от его дочери Фатимы и пророка Али. В мусульманском мире они пользуются особым уважением. Помимо этого, в Казани и Крыму сеидом называли главу местного духовенства. В Касимове также сеидом назывался глава духовенства. В конце XVI–XVII вв. эта должность сохранялась в роде Шакуловых. В то же время, сеиды неоднократно упоминаются в документах как командующие отдельными отрядами касимовских татар. В 1573 г. князь Иван Сеитов Городецкий был включен в состав особого «двора» Ивана Грозного и получил высокий оклад в 200 рублей. В 1587 г. «Кошкей сеит» возглавлял касимовцев в одном из походов. В Смутное время активно действовал воевода князь Третьяк Сеитов. Эти сеиды, по-видимому, потомки халифа Али, которые занимали высокое положение и в Касимове.

Кроме сеидов, стоявших во главе касимовского духовенства, в Касимове известны муллы, данишменды (наставники в мусульманских училищах – медресе) и хафизы (мудрецы, наизусть знающие Коран). О татарах купцах и ремесленниках как о существенном социальном слое в Касимове ничего не известно.

Заканчивая обзор внутреннего состояния ханства, следует также отметить немаловажное значение Касимова как пункта на пути посольств и торговых караванов, шедших с низовьев Волги к Москве и обратно. В Касимове останавливались астраханские и ногайские послы, и касимовский владелец сообщал об их приезде в Москву. Через Касимов гнали многотысячные табуны скакунов татарские и ногайские купцы.

Саин-Булат правил в Касимове недолго. Его вступление на престол ознаменовано одним примечательным событием. «Посадив» Саин-Булата в Касимове, Иван Грозный придал ему титул царя, в то время как прежде касимовские владельцы, не занимавшие престолов в других государствах, именовались только царевичами. Из всех касимовских ханов до Саин-Булата в русских документах царями назывались только Нурдовлат, правивший в Крыму, и Шах-Али, сидевший в Казани.

В 1600 г. Борис Годунов пожаловал Касимов царевичу Ураз-Мухаммеду. Ураз-Мухаммед попал в Россию в конце 80-х гг. XVI в. Он был потомком основателя Казахского ханства Джанибека и племянником одного из наиболее выдающихся казахских ханов XVI в. Таваккула. До получения Касимова Ураз-Мухаммед, наряду с другими служилыми царевичами (Маметкулом Сибирским, Михаилом Кайбуличем и др.), участвовал в походах русской армии и придворных церемониях.

В начале XVII в. в России разразилась гражданская война, получившая у современников имя Смуты. Бурные события гражданской войны захватили и Касимов.

В 1606–1607 гг. Касимов, как и другие города Юга России, держал сторону И. И. Болотникова, выступившего под знаменами чудесно спасшегося «царя Дмитрия» против царя Василия Шуйского. В 1608 г. Ураз-Мухаммед признал истинным государем Лжедмитрия II и перебрался в его лагерь в Тушино. Сохранились письма царя касимовского к одному из главных деятелей тушинского движения – гетману Я.-П. Сапеге. В одном из них Ураз-Мухаммед просил у гетмана «оберегательных» грамот от постоя тушинцев для своих поместий в Углицком, Владимирском и Ярославском уездах. После бегства Лжедмитрия II из Тушина в Калугу, Ураз-Мухаммед недолгое время находился в лагере короля Сигизмунда III

под Смоленском. По поручению короля он безуспешно пытался склонить смоленский гарнизон к сдаче. Вскоре хан покинул Сигизмунда III и перебрался в Калугу, где был встречен с почетом.

Касимовские татары активно участвовали в движении, охватившем в 1608– 1609 гг. большую часть Поволжья. Татары, мордва, мари и другие народы Поволжья осадили Нижний Новгород, подступали и под другие города. Боярин Ф. И. Шереметев, двигавшийся на выручку к Москве, разбил отряды восставших в Поволжье и осадил Касимов. Город держался стойко, боярин взял Касимов приступом «и воровских людей многих побил, а иных в живых взял; и тех, которых мучили в темнице за царя Василия, всех освободил».

В это время Ураз-Мухаммед находился при дворе Лжедмитрия II в Калуге. Русские и иностранные источники сходно сообщают о гибели Ураз-Мухаммеда. Сын хана, также находившийся в Калуге, донес Лжедмитрию II, что отец хочет ему изменить. Самозванец решил казнить хана, заманил его на охоту и вместе с двумя приближенными убил, а тело бросил в реку. Согласно эпитафии это произошло 22 ноября 1610 г. Сам Лжедмитрий II ненадолго пережил Ураз-Мухаммеда. Ногайский князь Петр Урусов решил отомстить самозванцу за смерть царя касимовского и 11 декабря убил Лжедмитрия II на охоте.

В 1614 г. царь Михаил Федорович посадил на касимовский престол хана Араслана Алеевича (Альп-Арслана). Новый хан был сыном сибирского царевича Али и внуком Кучума. В 1598 г. во время разгрома хана Кучума воеводой Воейковым, Араслан был взят в плен и привезен в Москву. В 1612 г. он был воеводой во Втором ополчении, и до 1613 г. стоял во главе отряда татар на Вологде. В правление Араслана московское правительство начало наступление на ханскую власть. Грамота 1621 г. Араслану о взимании пошлин показывает, что споры и иски между князьями, мурзами и татарами «царева двора» разбирали уже государевы приказные люди.

В конце 10-х гг. XVII в. касимовские татары активно действовали в походах и войнах против поляков, литовцев, казаков и «русских воров», разбойничавших в различных областях государства. В 20-е гг. касимовцы ежегодно несли «украинную» службу, т. е. были в войсках, стоявших на границах на случай возможного прихода крымских татар. В 1633–34 гг. касимовские татары участвовали в неудачном Смоленском походе боярина М. Б. Шеина.

В 1627 г. после смерти Араслана на престол вступил его сын царевич Сеид-Бурхан. В это время он был еще ребенком, и русское правительство воспользовалось этим, чтобы еще больше ослабить ханскую власть. Опись Касимова, составленная в том же 1627 г. показывает, что в самом городе практически все доходы принадлежали уже царю Михаилу Федоровичу. Государю шел доход с кабаков, таможенной избы и рыбных ловель. В малолетство Сеид-Бурхана был установлен строгий надзор за тем, чтобы он не имел никакого общения с иностранными послами и купцами, проезжавшими через Касимов. Немецкий путешественник А. Олеарий, посетивший Россию в 1634 г. в составе шлезвиг-голштинского посольства, пишет, что послы послали Сеид-Бурхану в подарок фунт табаку и бутылку французской водки, что весьма понравилось царевичу, и он благодарил, но извинялся, что не может принять их в своем дворце, боясь недовольства воеводы. Олеарий же сообщает, что русские уговаривали царевича принять крещение, обещая ему руку царской дочери, на что приближенные отвечали, что Сеид-Бурхан еще слишком молод, чтобы вести разговоры об этом. Падение значения Касимовского ханства отразилось и в титуле его владельца – Сеид-Бурхан, в отличие от отца, назывался не царем, а царевичем.

В 1653 г. Сеид-Бурхан принял православие с именем Василия Арасланович. Насколько добровольным был это шаг, сказать трудно. Визирь крымского хана в грамоте к царю Алексею Михайловичу укорял его в том, что русские «насильно окрестили султана Ханкирманского…»

Мы видели, что касимовский хан Саин-Булат после принятия православия в 1573 г. был лишен престола. Царевич Василий Арасланович остался править в Касимове. Это свидетельствует о том, что нужда в вассальном мусульманском государстве для России отпала. Вскоре после крещения царевича началось активное наступление и на касимовских мусульман. Помещики, переходившие из ислама в православие, получали значительные льготы за счет других, сохранявших прежнюю веру. Особенную активность в деле крещения татар, мордвы и мещеры проявлял рязанский архиепископ Мисаил, который, в конце концов, был убит мордвой и татарами в Шацком уезде, когда пытался окрестить мордовское село. Начиная с конца 20-х гг. в Касимове разворачивается широкое церковное строительство, в частности, возникает женский монастырь – Казанский девичий.

Ничтожную роль последнего касимовского царевича отмечают и современники. Подьячий Г. К. Котошихин, бежавший в Швецию и составивший там описание русского государства, писал: «Да в царском чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в православную веру. Честию они бояр выше: а в думе никакой не бывают и не сидят… А служба их такова: как на праздники идет царь к церкве, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают пред царем на поклонении». В этих словах вполне верно описано положение последних касимовских ханов. И Араслан и Василий по большей части участвовали в дворцовых церемониях, а не в походах. Царевич Василий Арасланович был в походах только два раза: в Рижском походе царя Алексея Михайловича в 1656 г. и в Чигиринском походе русской армии в 1678 г. Вскоре после этого царевич Василий Арасланович скончался.

Касимовское ханство просуществовало еще несколько лет под управлением Фатимы-султан, престарелой матери царевича Василия, вдовы царя Араслана. Русское правительство, не желая обижать царицу, дало ей возможность дожить свои дни на касимовском престоле, хотя ее управление было уже номинальным. После смерти Фатим-султан, наступившей около 1681 г., ханство было упразднено, а Касимов «отписан» на государя, т. е. перешел под его прямое управление. Еще раньше, в середине XVII в., Касимов был передан из ведения Посольского приказа в Приказ Казанского Дворца, управлявший Поволжьем и прилегающими территориями, Астраханью и Сибирью.

Так закончилась история Касимовского ханства, длившаяся более двух столетий. Род царевичей Касимовских, потомков Василия Арасланович, пресекся в первой половине XVIII в. Современный Касимов – районный центр Рязанской области. Ныне о былых временах напоминают архитектурные памятники – минарет, построенный в XV в. ханом Касимом; мавзолей Шах-Али; мавзолей Авган-Мухаммед-султана (1649), изгнанного из Хивинского ханства и нашедшего приют в России; мечеть, построенная в XIX в. на месте старой, разобранной при Петре I.

Сохранили свою самобытность и касимовские татары. В Касимове и Касимовском районе их проживает более тысячи человек. В XVIII–XIX вв. касимовским татарам пришлось испытать жестокое давление со стороны государства, стремившегося к ликвидации их землевладения и крещению их в православие. Многие знатные роды крестились и сохранили свои поместья. Основная масса служилых татар была переведена в разряд однодворцев, а затем приписана к тяжелейшим работам в Адмиралтействе. В это время многие касимовские татары покидали свою родину и перебирались на Урал и в Сибирь. В 1719 г. касимовских татар насчитывалось 5797 человек, а в начале XX в. – 4413 человек. Тем не менее, касимовские татары и ныне живут на земле предков, осознавая свое отличие не только от русских, но и от других татар.

«А был ли мальчик?..», или Загадка Суздальского кенотафа

В 1934 г. при археологическом исследовании усыпальницы Суздальского Покровского

монастыря директором Суздальского музея А. Д. Варгановым было обнаружено странное захоронение. Оно находилось под могильной плитой, украшенной характерным для первой четверти XVI в. орнаментом «волчий зуб», представляющим собой два ряда противопоставленных вершинами друг другу треугольников. В могиле оказалась долбленая колода, в которой находились остатки рубашки мальчика 3–5 лет, сшитой из дорогой шелковой тафты и датирующейся первой половиной XVI в. Там же были еще и тряпки, но полностью отсутствовали следы костяка.

Эта находка поставила археологов в тупик. Подобные ложные захоронения носят наименование кенотафов. Они известны по мировой практике. Встречаются пустые курганы-кенотафы древнерусского времени, но для периода XIV– XVI вв. ничего похожего ранее не находилось. Инженером Г. Л. Григорьевым была выдвинута интересная версия, позднее развитая и дополненная писателем А. Л. Никитиным. Они предположили, что разгадка таится в семейной драме великого князя московского Василия III и его первой супруги Соломонии (Соломониды) Сабуровой.

Василий III женился на Соломонии в 1505 г. Свадьбе предшествовал первый в истории русского двора «смотр невест». Наследник трона («смотр» происходил еще при жизни Ивана III) выбирал будущую жену из многочисленной толпы девушек-дворянок со всех концов государства. Его выбор остановился на Соломонии Юрьевне Сабуровой, представительнице старомосковского боярского рода – не слишком знатного, но и не худого.

Надо полагать, что невеста отличалась красотой (иначе Василий не избрал бы ее в жены) и здоровьем (иначе бы ее забраковали придворные лекари). Однако этот брак не был счастлив. Бог не дал великокняжеской чете детей. Василий III сильно тужил по этому поводу, но не терял надежды. Он даже запретил жениться своим братьям, чтобы возможные племянники не перехватили трон. Катастрофа в личной жизни Василия III грозила династическим кризисом всему дому Калиты.

Переживала и сама Соломония. До нас дошел фрагмент следственного дела, содержащий допрос родного брата великой княгини Ивана. Он признал, что по просьбе сестры «добыл» ей некую «жонку» Стефаниду, которая на «воду наговаривала и смачивала ею великую княгиню, да и смотрела ее на брюхе…» Однако вердикт ведуньи был неутешен. Она пришла к выводу, что «у великие княгини детем не быти», но зато дала несчастной супруге заговоренную воду, которая должна была сохранить любовь к ней Василия III.

Между тем годы великого князя клонились к закату. В 1525 г. ему было уже 46 лет – возраст по тому времени весьма солидный. Уже сошли в могилу его братья Семен и Дмитрий. За двадцать лет он уверился в бесплодности брака с Соломонией, но церковные каноны запрещали развод, если не была удостоверена супружеская неверность. Страшная дилемма встала перед Василием III. Развестись и искать нового семейного счастья значило восстановить против себя церковных иерархов и ревнителей канонов. В противном случае, великий князь должен был похоронить надежду увидеть наследника. К счастью для Василия, глава Церкви – митрополит Даниил – был готов для государя и государственной пользы закрыть глаза на нарушение канонов. Его поддерживали и другие иерархи, привыкшие дружить с властью.

Известие о том, что Соломония прибегала к помощи колдуньи, вероятно, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения великого князя. Он приказал постричь неплодную супругу в монахини. Посол австрийского императора при московском дворе, Сигизмунд Герберштейн, отличающийся большой осведомленностью, сообщает, что Соломония отказалась принять монашество. Ведь обряд пострига предусматривает произнесение монашествующим слов отказа от мира. Насильно заставить произнести эти слова трудно. А без них – и обряд может быть оспорен, как «невольный» и «неистинный». Так вот, по известию Герберштейна, любимец Василия III Иван Шигона Поджогин ударил великую

княгиню кнутом, и тем сломил ее сопротивление.

Несчастную отправили в Покровский монастырь в Суздале, где она и умерла в 1542 г. Далее Герберштейн сообщает крайне любопытное известие. Оказывается, в монастыре Соломония родила сына, которого назвала Георгием! И это, можно сказать, в самый неподходящий момент, после двадцатилетнего неплодного супружества. Слухи об этом достигли великого князя, и он отрядил в Суздаль следственную комиссию. Но бывшая великая княгиня, а тогда уже монахиня Софья, отказалась предъявить ребенка следователям из Москвы, заявив, что «они недостойны видеть ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери». Вероятно, за этим последовала ссылка Соломонии в Каргополь, где она провела пять лет в келии, поставленной прямо в лесу и обнесенной «тыном» (забором).

Сопоставив это известие Герберштейна с поволжскими легендами о разбойнике Георгии Кудеяре, Л. Г. Григорьев и А. Л. Никитин пришли к выводу, что сын Соломонии был ею укрыт и впоследствии выжил. Чтобы спасти Георгия и был создан суздальский кенотаф. Он должен был показать московским властям – мальчик умер и проблема тайного наследника (а мифический Георгий был на пять лет старше сына Василия III и его второй жены Елены Глинской, Ивана Грозного) решилась. Тем не менее слухи о том, что «братец» жив, достигли Грозного. Тогда, как полагают Г. Л. Григорьев и А. Л. Никитин, царь создал опричный корпус, гонялся за Георгием по всей стране, и наконец настиг и убил в Новгороде, для чего разорил по дороге Тверь, а затем, за компанию, еще и Псков.

Такова версия Г. Л. Григорьева и А. Л. Никитина. С ее опровержением уже давно выступали выдающиеся российские историки А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Тем не менее, в 1998 г. А. Л. Никитин под громким названием «Кого боялся Иван Грозный?» переиздал работу Г. Л. Григорьева, дополнив ее своей статьей (М., 1998). Впрочем, любой трезвомыслящий читатель и сам может наблюдать слабость аргументации Г. Л. Григорьева и А. Л. Никитина. Особенно отчетливо она видна в вопросе об «истинном смысле» загадочной опричнины. Цели опричнины, казавшейся загадочной В. О. Ключевскому, благодаря последующим исследованиям уже не представляются таковыми. Среди ученых есть определенные расхождения, однако, очевидно, что главной задачей опричнины было уничтожение любой оппозиции царю и создание в государстве режима абсолютной и неограниченной власти Ивана Грозного, главной опорой которой был всеобщий страх перед ужасами опричных расправ. Таинственный «Георгий» здесь вовсе не причем. Однако у Г. Л. Григорьева и А. Л. Никитина остается один важный аргумент – суздальский кенотаф. Если не «сына Соломонии», то кого скрыла плита ложной могилы?

Выдающийся знаток XVI в. академик М. Н. Тихомиров предложил свою любопытную гипотезу. Ее особенность уже в том, что она высказана в художественной форме. Это небольшой рассказ «Соломонида», созданный ученым в 1960-е гг. Он посвящен трагической истории великой княгини и завершается повествованием о второй свадьбе Василия III и рождении у него сына Ивана.

«Весть о рождении великого князя Ивана Васильевича, – пишет М. Н. Тихомиров, – быстро распространилась по городам и селам, дошла она и в Суздаль до Покровского монастыря, где томилась Соломонида, но Соломонида отнеслась к этому известию равнодушно. Она качала на руках тряпичную куклу, ласкала ее и называла своим любимым Юрочкой, великим князем Юрием Васильевичем, глядя радостными и в то же время бессмысленными глазами на небеса и плывущие по ним облака, на далекие облака, безмолвно смотревшие на людские преступления». Итак, согласно литературной версии М. Н. Тихомирова, несчастная Соломония сошла с ума, и придумала себе «ребенка» в виде тряпичной куклы.

И все же постараемся найти другой возможный ответ. Дают его этнографические параллели. У северных хантов зафиксирован обычай, когда при отсутствии тела умершего

(он мог утонуть или пропасть без вести) делали заменитель погребального сооружения – «ура-хот» («ура-дом»). Это небольшое сооружение, подобное тому, в котором помещали тело покойника. Внутрь него клался собственно «ура» – изображение умершего, представлявшее собой комплект миниатюрной одежды, как правило без твердой основы.

По представлениям угров подобные кенотафы позволяли умершему, чье тело не найдено в загробном мире, занять свое место среди родственников.

Таким образом, суздальский кенотаф с тряпичным «мальчиком» может быть подобным заменителем могилы. Ребенок погиб и тело его не было обнаружено. Для родственников, а также для свершения заупокойных служб и изготовили ложную могилу. Смущает одно: изготовление подобной могилы в храме противоречит православным канонам. Однако в далеком XVI в., когда по дворцу ходили ведуньи, а царь вел на православный люд черное воинство опричников, могли и не смущаться по таким поводам.

Кто отравил царицу Анастасию Романовну?

Яды и отравления – классический способ убийства, известный еще в эпоху Древнего Востока. Смерть от яда встречается во многих исторических драмах и романах от Шекспира до Дюма. В первую очередь, вспоминаются времена «мрачного» Средневековья. Василевсы, короли, герцоги, бароны и даже римские папы – все они часто прибегали к яду, – для устранения претендента на трон, нелюбимой жены, опасного соперника. Средневековая Россия также не чуждалась этих традиций, о чем убедительно свидетельствуют новейшие исследования.

Археологии Московского Кремля под руководством заведующей отделом археологии Т. Д. Пановой проводят уникальное комплексное исследование усыпальницы великих московских княгинь и цариц XIV–XVII вв. По этой программе были выполнены пластические реконструкция внешнего облика многих великих княгинь и цариц московских – Евдокии Дмитриевны, супруги Дмитрия Донского, Софьи Палеолог, супруги Ивана III, Елены Глинской, супруги Василия III, царицы Ирины Годуновой, супруги последнего царя Федора Ивановича.

Одним из объектов исследования ученых стали останки первой жены Ивана Грозного – Анастасии Романовны. Царь женился на Анастасии, происходившей из старомосковского боярского рода, в 1547 г. и прожил с ней более 13 лет – больше, чем с другими своими женами (которых насчитывается еще шесть). Анастасия была матерью Ивана, скончавшегося от удара отцовского посоха, Федора, унаследовавшего после смерти Грозного престол, и других детей, умерших в детстве. Согласно летописи, царица скончалась 7 августа 1560 г. после тяжелой болезни. Царь так горевал о своей супруге, что на похоронах едва держался на ногах «от великого стенания и жалости сердца», но уже через неделю, по просьбе митрополита и бояр, начал думать о новом браке.

К сожалению, восстановить внешний облик царицы не удалось – кости черепа сохранились слишком плохо. Однако при антропологическом исследовании были получены интереснейшие результаты. В числе других анализов, было проведено химическое изучение волос из сохранившейся косы царицы. Результат анализов оказался сенсационным – в волосах содержалась ртуть, количество которой превышало все предельно допустимые нормы концентрации. Иного вывода, кроме как об отравлении Анастасии Романовны сделать невозможно. Кому же понадобилось убивать первую жену царя? Князь А. М. Курбский, бежавший от казней Грозного в Литву, писал, что царь, поссорившийся со своими советниками, возглавлявшими правительственный кружок, известный под названием Избранной рады – протопопом Сильвестром и окольничим Алексеем Адашевым, обвинял их в том, что они «извели» царицу Анастасию «чародейством». Действительно, царь в письме к Курбскому бросал ему, как сторонникам Сильвестра и Адашева гневный упрек: «А и с женою

вы меня про что разлучили?» В 1572 г. после смерти трех первых жен, царь решил вступить в четвертый брак, строго запрещенный церковными канонами. В свое оправдание, он говорил архиереям, что его жены были «вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами» умерщвлены.

Казалось, все ясно – царицу отравили бывшие правители Сильвестр и Адашев, которые вступили с царем в конфликт из-за разных взглядов на решение проблем внешней и внутренней политики. Однако, смерть Анастасии, не принимавшей никакого участия в делах государственного управления, решительно ничего не давала деятелям Избранной рады. Да и способ не вполне сочетается с тем, что мы знаем о деятельности Сильвестра и Адашева, имевших большое влияние на царя, исключительно благодаря силе убеждений и призывов к благочестивой жизни. Что же касается слов Грозного на соборе 1572 г., то это, скорее всего, трафарет. Исследования показали, что вторая жена Грозного царица Мария Темрюковна умерла своей смертью.

Кто же тогда мог быть заинтересован в смерти царицы? Как ни странно, это в первую очередь, сам Иван Грозный. Необузданность царя в личной жизни хорошо известна. После 1572 г. он менял жен, что называется «как перчатки», но не убивал их, как Синяя Борода, а постригал в монахини. Быть может, с первой женой он не мог так поступить, поскольку она родила ему детей, а ведь именно бездетность цариц служила основанием для их удаления в монастырь. Не менее важно, что царь имел все возможности для такого деяния. Здесь могли быть и соображения государственного характера – после смерти царицы Иван IV объявил о решении искать супругу в «иных государствах», что отвечало задачам внешней политики России, вступившей в войну за овладение выходом к Балтике. Современники вполне допускали такую возможность. Один из летописцев начала XVII в., собравший множество слухов и преданий об Иване Грозном, писал, что царь отравил свою вторую жену Марию Черкасскую (теперь мы знаем, что это не так, но это сообщение весьма симптоматично). Тогда получается, что Иван IV Грозный был не только злодеем и тираном, но и необычайно умелым лицемером – старательно изображал скорбь на похоронах царицы и ловко избавился одновременно и от неугодной жены, и надоевших советников.

Подобное сверхковарство Грозного вполне допустимо. Однако следует учитывать и другую возможность. Женская половина московского дворца представляла из себя идеальную почву для рождения интриг и хитрых сплетен. Там были широко распространены представления о чародействе, всевозможные суеверия и наговоры. В 1467 г. умерла первая жена Ивана III. После ее смерти тело раздулось так, что висевший ранее покров теперь едва закрывал его. Стало очевидно, что княгиня умерла не своей смертью. Проведенное расследование обнаружило, что жена дьяка Алексея Полуектова ходила к великой княгине и послала ее пояс к ворожее. Иван III положил опалу на дьяка, однако, она была несравнимо мягкой – он только велел не пускать его к себе на глаза. Вероятно, доказательства были столь шатки, что окончательного обвинения не смогли сделать даже суеверные люди Средневековья. Известно, что общалась с ворожеей и брала у нее какие-то травы и коренья «для чадородия» несчастная первая супруга Василия III бездетная Соломонида Сабурова. Не будет натяжкой предположить, что именно среди придворных женщин Анастасии Романовны зародился план отравления царицы. Что послужило поводом мы, вероятно, никогда не узнаем, равно как и имя убийцы (убийц?). Однако царь умело использовал это обстоятельство для устранения опеки Избранной рады, стоявшей у руля государства с конца 1540-х гг., хотя сам не был уверен в их виновности – ведь даже в переписке с Курбским он не выдвигает прямых обвинений против ненавистных ему «попа» Сильвестра и «собаки» Адашева.

Библиотека Ивана Грозного: мифы и реальность

Особое место среди загадок древней столицы занимает таинственная Библиотека Ивана

Грозного, по широко распространенному мнению, сокрытая где-то в московских подземельях. В тайне Библиотеки, не спешащей показаться на глаза публике, видят порой заклятие грозного царя, а порою – злонамеренность властей. Мол, «они» хорошо знают, где Библиотека, но не спешат открыть ее народу. Подобные взгляды во многом происходят от традиционной для России тенденции скрывать от общественного мнения не только опасные для власти вещи, но, порою и самые безобидные. Однако не меньшую роль играет обычное незнание и проистекающее из него мифотворчество.

Проблема Библиотеки Ивана Грозного распадается на несколько вопросов, и первый из них, как это ни странно, существовала ли Библиотека вообще? О существовании значительной библиотеки русских и греческих рукописных книг, принадлежавшей московским государям XV–XVI вв., имеется весьма незначительное число прямых указаний источников. Одно из самых ранних («Сказание» о выдающемся просветителе и философе Максиме Греке, греческом выходце, немало сделавшем для развития русской культуры) прямо говорит, что великий князь московский Василий III (правил в 1505– 1530), обнаружил в княжеских хоромах «бесчисленное множество греческих книг», для перевода которых и был призван Максим Грек. Ядро этого собрания, как полагают исследователи, составили остатки библиотеки византийских императоров, привезенной на Русь греческой царевной Софьей Палеолог, ставшей в 1472 г. супругой великого князя Ивана III (матерью Василия III). Другое указание содержит хроника ливонского (прибалтийского) пастора Ниеншанца, который пишет, что пастору И. Веттерману, взятому в плен во время войны Ивана IV за Ливонию, в 1556 г. в Москве показывали книги на латинском, греческом и еврейском языках, вынутые из замурованных подвалов. Наконец, последнее прямое свидетельство о Библиотеке, может также быть связано с пастором И. Веттерманом, или лицом, видевшим Библиотеку при подобных обстоятельствах. В 1822 г. профессор Дерптского университета Х. Дабелов опубликовал сообщение, что видел в архиве г. Пярну опись латинских и греческих книг Библиотеки Ивана Грозного, насчитывавшую 800 наименований (!), но списал из нее лишь часть названий, а впоследствии ни Х. Дабелов, ни другие исследователи не смогли обнаружить эту опись, из-за чего это сообщение принимается с недоверием. Вот, собственно, и все свидетельства о существовании Библиотеки московских государей XV– XVI вв. Их так мало, что можно было бы усомниться в реальности существования Библиотеки, однако, существуют еще косвенные свидетельства – упоминания о книгах царской библиотеки, разосланных Грозным по монастырям или наоборот, присланных в дар царю. В 1930-е гг. знаток древнерусской письменности Н. Н. Зарубин, обработав эти свидетельства, составил список книг, которые входили в Библиотеку и насчитал 154 книги, что по меркам XVI в. уже очень много. Последующие исследования добавили новые наименования к этому списку. Среди книг царской Библиотеки значительное место, естественно, занимали церковные книги: Евангелие, Библия, Псалтырь, жития святых; но были и другие – «История иудейской войны» И. Флавия, «Травник» (лечебник), «Космография» (книга о строении мира), какие-то «сербские», «татарские», «латинские» книги. Список Х. Дабелова указывает на сочинения Цицерона, Светония, Тита Ливия, Юлия Цезаря и других античных авторов.

Итак, существование Библиотеки Ивана Грозного – реальный факт, однако, из него не следует, что Библиотека сохранилась. Достаточно вспомнить о грандиозном пожаре Москвы в 1571 г., когда крымский хан Девлет-Гирей поджег посады и огонь охватил весь город. В огне погибли десятки тысяч москвичей. Не менее ужасным был пожар 1611 г., когда столицу зажгли поляки, отбивавшиеся от войск Первого ополчения. Наконец, в 1626 и 1730 гг. огонь небывалой силы бушевал в самом центре города – в Кремле и Китай-городе. Если из-за этих пожаров до нашего времени дошло не более 10 % документов государственного архива XVI в., то что говорить о Библиотеке? И здесь на помощь сторонникам существования царского книгохранилища приходит свидетельство о замурованных подвалах. Если рассуждать

логически, то итальянские мастера, построившие в XV в. Московский Кремль для Ивана III с целой сетью разветвленных подземных ходов (их существование доказано археологически), то они должны были построить и подземное хранилище для книг, привезенных Софьей Палеолог. Свидетельство более позднего времени как бы подтверждает эти рассуждения. В 1682 г. дьяк Василий Макарьев по приказу царевны Софьи Алексеевны спустился в кремлевское подземелье, прошел через несколько ходов и обнаружил зарешеченную камеру, в которой до самых сводов стояли кованные сундуки с замками. Что находилось в сундуках и кто их туда поставил было загадкой для самого Макарьева. Это открытие на долгие годы кануло в забвение. Только в 1718 г. пономарь Конон Осипов, которому Макарьев перед смертью открыл тайну кремлевского подземелья, попробовал повторить его маршрут. Упрямый К. Осипов неоднократно пытался проникнуть в кремлевские ходы, обивал пороги канцелярии московского градоначальника, доносил о деле царю, смог добиться разрешения на поиски и выдачу рабочей силы, но его раскопки были неудачны. Поиски Библиотеки прекратились более чем на столетие.

Они возобновились только в 1894 г. под руководством директора Оружейной палаты князя Н. С. Щербатова, но были недолгими и никаких определенных результатов не дали. Тогда же возникла научная дискуссия о судьбе Библиотеки, продолжающаяся до настоящего времени. Скептики выдвинули несколько вполне заслуживающих доверия версий о судьбе царского книгохранилища. Помимо того, что Библиотека могла сгореть в пожаре, она могла просто раствориться в позднейших книжных собраниях или быть расхищенной во время польской оккупации Москвы в 1610–1612 гг. Одним из ярых сторонников существования Библиотеки в подземельях Москвы был археолог Игнатий Яковлевич Стеллецкий. Долгие годы он самоотверженно исследовал московские (и не только московские) подземелья, а в 1933 г. получил от самого Сталина разрешение на проведение раскопок, которые начал по предполагаемому маршруту В. Макарьева от Арсенальной башни. Ход раскопок, по мнению Стеллецкого, доказывал правоту его взглядов. Но менее чем через год работы были прекращены и Стеллецкий, как он полагал, остановился на пороге открытия.

Такова история поисков Библиотеки. С 1930-х гг. Кремль усиленно охраняет свои тайны. Археологам Музеев Московского Кремля разрешают только наблюдать над строительными работами, но и это дает порой многие уникальные находки. Например, в 1985 г. при ремонте брусчатого покрытия Ивановской площади было обнаружено захоронение великого князя Сергия Александровича (в 1995 г. его прах перенесен в Романовскую усыпальницу в соборе Новоспасского монастыря). Так что вопрос поисков Библиотеки, как ни странно, не столько научный, сколько политический. Предпринимались попытки искать Библиотеку не в Москве, а в других городах. Исследования с применением сложнейшей аппаратуры были проведены в Александровской слободе общественным объединением «Штаб поисков Библиотеки Ивана Грозного» под руководством Г. Л. Стерлигова, одного из первых послеперестроечных магнатов. И опять книги не найдены, хотя результаты исследования любопытны – обнаружены значительные пустоты под соборами слободы и широкий подземный тоннель, идущий от бывшей опричной резиденции грозного царя.

Интерес к Библиотеке периодически вновь возникает в прессе. Появляются новые планы поисков, некие общественные группы, самозванцы, достоверно знающие, где сокрыты царские книги. Но «либерея» Грозного по-прежнему оберегает свою тайну…

«Царь начат яр бытии и прелюбодействен зело»

Личная жизнь людей русского Средневековья нам почти не известна. Причина тому – малочисленность и слабая информативность источников, сохранившихся до нашего времени. Большинство из них носят официальное происхождение. Это – летописи, документы,

публицистические сочинения. В них не принято было уделять внимание повседневности, подробностям интимного характера, тем более, если они содержали, выражаясь современных языком, «компромат» на царей и других героев повествования. Иван Грозный – счастливое исключение в этом ряду. Его буйный характер прорывается даже сквозь скупые строки официальной документации. Повезло историкам и в том, что об этом времени и личности первого русского царя сохранились редкие по своему происхождению и характеру источники – переписка царя с князем Андреем Курбским, другие сочинения этих авторов, отзывы современников-иностранцев о России XVI в.

Многогранная личность Ивана Грозного вызывала самые противоречивые суждения уже у его младших современников. Они простираются от оценки Грозного как безумного деспота и одного из самых зловещих тиранов до его апологии в качестве мудрого и справедливого царя-реформатора, наделенного многочисленными талантами и радевшего о благе народном.

Историки много писали о продолжительной и разнообразной эпохе Грозного, и меньше о нем самом как о личности. И все же в основных чертах облик этого человека выявлен – жестокий, мнительный садист, трус на поле брани и храбрец в застенке, царь был вместе с тем одним из самых образованных людей своей эпохи, обладал выдающимся даром слова и музыкальными талантами. Весьма основательны предположения о психической ненормальности царя. Однако ее характер, степень и влияние на политику не выявлены, да и не могут быть выявлены современными методами медицинской науки.

И все же его личность еще содержит множество загадок. Среди тем, которых не касалась отечественная историография – сексуальная жизнь Ивана Грозного. Ее изучение вызвано вовсе не досужим интересом. Как известно, Грозный считал себя образцом для подданных, учителем нравственности и истинного христианства. Разительный контраст между ролью, которую стремился играть царь Иван, и его реальными делами – еще одна из загадок истории XVI в.

Иван Грозный родился 25 августа 1530 г. Он был долгожданным первенцем великого князя Василия III (по тем меркам уже престарелого – 51 год) и красавицы литовской княжны Елены Глинской. Родился будущий царь спустя четыре года после свадьбы, что дало повод для сплетен о его незаконном происхождении. Будто бы отцом Грозного был не великий князь, а боярин князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Антропологическое исследование останков Грозного и его бабушки с отцовской стороны, Софьи Палеолог, убедительно доказало его законное происхождение. Спустя три года Елена родила и другого сына – Юрия, который был глухонемым. Некоторые историки видят в этом признак вырождения московской династии. В любом случае царь Иван и в юные и в зрелые годы отличался физической крепостью и здоровьем. Если на нем и отразилось вырождение московского дома и преклонный возраст отца, то не в физическом, а в психическом отношении.

В три года Иван Грозный лишился отца, а в семь лет – матери. Круглый сирота, он стал государем обширной державы, но власть в стране стала предметом соперничества враждующих боярских группировок. Детство Ивана вызывало различные оценки историков. Великий Ключевский, опираясь на сочинения самого царя, нарисовал яркую картину его сиротства, обид и притеснений со стороны опекунов-бояр. То обстоятельство, что Иван рос без родительской любви, в атмосфере страха и озлобления, Ключевский считал главной причиной того, что в царе «образовалось то, что называется страхом с великими глазами». Отсюда – вечная подозрительность и маниакальная жестокость.

Далеко не все ученые согласны с Ключевским. Есть мнение, что опекуны просто не могли справиться со своевольным государем-мальчиком, привить ему дисциплину и порядочность, а иногда и вовсе потакали ему в проявлениях самых грубых чувств. В любом случае последствия дурного воспитания сказались в Иване очень скоро. По словам Курбского, юный

государь начал с того, что ради забавы бросал с высоких крыш теремов кошек и собак, а затем начал губить уже и людей. «Он собрал вокруг себя детей своих родственников и детей бояр-синклитников, – пишет Курбский, – стал ездить вместе с ними по дорогам и торговым площадям. Они скакали на конях и грабили и убивали всех встречных людей и творили злые разбойные дела, о которых даже и говорить стыдно, но его воспитатели-льстецы на беду свою продолжали восхвалять Иоанна. „О, какой храбрый и мужественный будет сей царь“, – говорили они». Не будет натяжкой считать, что среди тех дел, о которых стыдился подробно сказать Курбский, было и сексуальное насилие.

Можно считать, что Курбский возводит напраслину. Но вот свидетельство летописца: в тринадцать лет Иван вынес свой первый смертный приговор, приказав казнить главу боярской «партии» князя Андрея Шуйского, а спустя два года – вырезать язык одному из придворных, «за невежливое слово». Попали под топор палача и несколько придворных юношей, очевидно, товарищей Ивана по его своеобразным играм. С ранней юности царь повел отсчет жертв своей кровавой тирании.

Согласно официальным источникам, к совершеннолетию Иван вроде бы остепенился. Историки склонны приписывать это благотворному влиянию митрополита Макария, а позднее – лидеров «Избранной рады» священника Сильвестра и окольничего Алексея Адашева. Иван якобы произнес мудрую речь о том, что хочет принять царский титул, а затем и женится. 16 января 1547 г. в Успенском соборе Иван был торжественно «венчан на царство», а спустя месяц – женился. Правда, готовясь к свадьбе, Иван решил напоследок достойно повеселиться. Во время летнего похода к Коломне (1546) он играл в какие-то древние, еще языческие игры: «пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху и инны потехи, на ходулях ходил и в саван наряжался». Б. Н. Флоря сравнивает наряжание в саван с народной «игрой в покойника»: псевдопокойник лежит в избе, его отпевают самой отборной руганью, а по окончании «отпевания» девок заставляют прощаться с «покойником» и насильно принуждают целовать его открытый рот, набитый тыквенными зубами». Вероятно, покойником был сам великий князь. Заодно были казнены три боярина.

Между тем уже началась подготовка к свадьбе. Последнее мероприятие проводилось согласно уже создавшейся практике «выбора невест». В «города» были отправлены служилые люди и дьяки, которым предстояло, согласно царскому указу, «смотрети дочерей девок нам невесты». Сохранились, к сожалению, немного, и отчеты об этих своеобразных конкурсах красоты. Так, одна из кандидаток, княжна Авдотья Гундорова, по словам князя И. Мезецкого была 12 лет, «а телом ровна, ни тонка, ни толста, очи находили на черно, нос по лицу не долог, волосы темнорусы». Впрочем, провинциальные дворяне, понимая, что шансы стать царским тестем у них невелики, неохотно показывали своих «девок», за что царская грамота даже грозила им опалой и казнью. Однако дороги были дальними, а расстояния большими, и Иван, не дожидаясь всех итогов смотра, сыграл свадьбу с московской боярышней Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой, дочерью покойного окольничего Романа Юрьевича, представителя старомосковского боярского рода.

О царице Анастасии с легкой руки Н. М. Карамзина в историографии господствовало мнение как о добром гении Ивана. Лишь она якобы могла обуздать бурную натуру царя и действовала на него благотворно. Но стоило царице умереть (1560), как Иван «преложи кротость на лютость», и из «доброго» покорителя Казани и Астрахани, превратился в «злого» творца опричнины. Карамзин писал об Иване и Анастасии, опираясь на свидетельство англичанина Джерома Горсея, впервые побывавшего в Москве в 1573 г. Он общался с Грозным, но об Анастасии знал только понаслышке. Горсей пишет: «Эта царица была такой мудрой, добродетельной, благочестивой и внимательной, что ее почитали и любили и боялись все подчиненные. Он (царь. – С. Ш.) был молод и вспыльчив, но она управляла им с удивительной кротостью и умом, в результате он с помощью своих храбрых князей,

священнослужителей и совета сбросил ярмо дани, тяготившей его предшественников под властью Скифского Царя Крыма, завоевал царство и царей Казани и Астрахани…» Помимо частных ошибок, Горсей напутал и в целом. Более прав в оценке этого брака академик С. Б. Веселовский: «„В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань“. В первом браке Ивана на долю Анастасии выпала роль трепетной лани. А Иван был конем, да еще каким: при жизни Анастасии он был плохо обузданным конем, а после ее смерти и вовсе разнуздался».

Традиционные московские добродетели Анастасии вовсе не способствовали смягчению буйного нрава ее супруга. И доказательства этому мы находим в источниках. Не говоря уже о массовых пытках, которым подверг Иван псковичей-челобитчиков в июне 1547 г., есть свидетельства и о других проявлениях его необузданного темперамента. Правда, они косвенные, но вполне убедительные.

К концу 1540-х гг. относится поучение благовещенского протопопа Сильвестра (будущего главы «Избранной рады»), адресованное царю и направленное против «содомского греха», процветавшего в его окружении. Сильвестр гневно осуждал содомию при московском дворе, и требовал от царя исправиться: «Аще сотвориши се, искореними злое се беззаконие прелюбодеяние, содомский грех и любовник отлучиши, без труда спасешися и прежних грех свой оцистиши». Правда, слово «любовник» в XVI в. тогда не имело столь прямого значения как сейчас, а означало «любимец», «приближенный», пояснение священника о «прежнем грехе» самодержца не оставляет сомнений – уже в юные годы Иван был гомосексуалистом, и даже женитьба не исправила этой склонности.

Помимо Сильвестра, о половой распущенности царя писал, хотя и не столь прямо, другой выдающийся церковный деятель той эпохи – Максим Грек. Великий философ, испытавший немало гонений в предыдущее царствование, доживал свой век в Троице-Сергиевом монастыре. По просьбе неких лиц, вероятно, намеревавшихся воздействовать на молодого монарха, книжник адресовал царю свое сочинение, в котором указывал, что тот, кто подчиняется «ярости и гневу напрасному и беззаконным плотским похотям», не человек, но «безсловесного естества человекообразно подобие».

Оба духовных лица, указывая на пороки царя, говорили, что они разлагают и общество. Что же будет с государством, вопрошал Сильвестр, если «в такое безстудие уклонятца» бояре, дьяки и служилые люди? А за аристократией и служилыми было немало и своих грехов, и в первую очередь неправый суд, казнокрадство и взяточничество. Неизвестно, как воспринял бы эти поучения Иван, если бы катастрофические события не показали ему слабость государственной системы и необходимость исправления как аппарата управления, так и личной жизни.

Летом 1547 г. в Москве разгорелся страшный пожар, жертвами которого стали тысячи человек. Доведенные до отчаяния москвичи обвинили в бедствии родственников царя князей Глинских. Один из царских дядьев был убит, другим удалось спастись. Сам Иван прятался от стихии во дворце на Воробьевых горах, куда к нему пришла бунтующая толпа требовать выдачи Глинских. Царь впоследствии вспоминал об этом: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». Не только страх за свою жизнь, но и осознание грозного высшего знамения – вот что испытал Иван во время этих событий. В его душе произошел перелом, и поучения Максима и Сильвестра пали на благодатную почву. Источник свидетельствует, что царь не только занялся делами государства и в первую очередь реформами, но и изменил образ жизни – «потехи же царьскые, ловы и иные учрежения, еже подобает обычаем царским, все оставиша».

В 1550-е гг. большое влияние на Ивана имели Сильвестр и Макарий – духовные лица, отличавшиеся и личным благочестием, и четким осознанием того, какие поступки противоречат высокому нравственному идеалу благочестивого государя. Можно думать, что к этому времени относится и некоторое упорядочение личной жизни Ивана. В браке с

Анастасией один за другим рождались дети, правда, лишь двум сыновьям было суждено дожить до зрелого возраста. Когда закончилась эта относительная идиллия, неясно. В переписке Грозного с Курбским содержатся намеки на супружескую измену: «А будет молвиши, что яз о том не терпел, и чистоты не сохранил, – ино вси есмы человецы, – писал царь, и припоминая некие неприглядные дела самого Курбского, добавлял: – Ты чего для понял стрелецкую жену?» Позднее мы перейдем к тому обвинению Курбского, на которое огрызался царь. Пока же отметим, что ответный выпад оказался действенным. Князь сделал вид, что не понял намека, говоря, что все это «пианых баб басни, и ответу не потреба».

Царица Анастасия много болела, а 7 августа 1560 г. скончалась. Современник событий немец-опричник Генрих Штаден пишет, что царицу отравили. Позднее сам Грозный обвинял Адашева и Сильвестра в том, что они «извели» его жену чародейством. Парадоксальным образом эти свидетельства подтвердило исследование останков царицы. Антропологам и химикам удалось доказать, что Анастасия действительно была отравлена солями ртути. Представляется, правда, что деятели «Избранной рады» здесь ни при чем – нет достаточного мотива, да и методы для них не характерны. Скорее уж сам Иван мог избавиться от жены и свалить вину на Сильвестра и Адашева, с которыми вступил в конфликт вскоре после начала Ливонской войны. Однако более правдоподобной представляется версия о том, что царица стала жертвой каких-то дворцовых, чисто «бабских» интриг. Именно так погибла и первая жена Ивана III – княгиня Мария Борисовна.

Согласно официальной летописи, царь на похоронах супруги горько плакал и переживал, так что его пришлось водить под руки. Однако неофициальный источник свидетельствует о том, что эта скорбь была недолгой: «Умершей убо царице Анастасии царь начат яр быти и прелюбодействен зело». Непристойное поведение государя заставило митрополита Макария уже через неделю после кончины Анастасии обратиться к Ивану с просьбой, чтобы он «для крестьянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил». Эту просьбу владыка обосновывал деликатным указанием на то, что царь «тех еще лет не дошол, чтобы ему мошно без супружества быти».

Новая свадьба царя состоялась через год. На Кавказе русские посланники сосватали Грозному дочь кабардинского князя-валия Темрюка Гошаней, которую и привезли в Москву. Царь «смотрел ее и полюбил». Кабардинку окрестили с именем Марии, а венчание состоялось 21 августа 1561 г. Вторая супруга Грозного прожила недолго. Лишенная тепла и солнца родного Кавказа, она умерла в 1569 г. Вопреки сообщению некоторых источников, утверждавших, что царь отравил или постриг в монахини Марию, царица, как показывают данные антропологии, умерла своей смертью.

Брак Грозного с царицей Марией пришелся на самую страшную эпоху его правления – время опричнины (1565– 1572). Широко известны зверские нравы опричного монастыря в Александровой слободе, где многочасовые церковные службы перемежались столь же длительными пытками и разгульными пирами. Зная о гомосексуальных наклонностях царя, можно предполагать, что они проявлялись и в этом сугубо мужском окружении. И действительно, в первом послании к Грозному князь Андрей Курбский обвинял ближайших советников государя в том, что они поощряют кровавую вакханалию террора, да еще к тому же царя «подвижут на Афродитския дела и детми своими паче Кроновых жрецов действуют».

Касательно «афродитских дел» все понятно – речь шла о разврате. Упоминание о Кроносе (Хроносе) метило в одного из руководителей опричнины и ближайшего советника царя Алексея Даниловича Басманова. Известно, что его сын Федор Алексеевич был любовником Ивана Грозного. Курбский обвинял Басманова, что тот, подобно жрецам Кроноса, сжиравшего своих детей, пожертвовал сыном для удовлетворения царской похоти. Справедливость этого предположения доказывают свидетельства иностранцев, бывавших в России в то время. Померанский дворянин Альбрехт Шлихтинг, находившийся в московском

плену, писал, что князь Дмитрий Овчинин «попрекнул его (Федора Басманова. – С. Ш.) нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном». Басманов нажаловался царю, и тот приказал казнить Овчинина. Об этом же свидетельствует и Штаден, говоря о казни Басмановых, он сообщает: «Алексей Басманов и его сын Федор, с которым великий князь обычно предавался разврату, были убиты». Современные поклонники царя, составляющие активную и шумную группу, настаивающую на его церковном прославлении в лике святых, отвергают свидетельства Курбского и иностранцев как недостоверные. Однако и сам Иван, в покаянном порыве, признавал, что осквернил свои «чресла» «чрезестественным блуждением».

Это, впрочем, не мешало царю предаваться и блуду традиционной ориентации. Указания на это в источниках также многочисленны. Ограничимся лишь некоторыми из них.

Курбский: «и девиц, глаголют, чистых четы собирающе, за соболю их подводами волочаще и нещадно чистоту их разтлевающе, не удовлетворився своими пятма или шестма женами».

Шлихтинг: «У этого тирана есть много тайных доносчиков, которые доносят, если женщина худо говорит о великом князе тиране. Он тотчас велит всех хватать и приводить к себе даже из спальни мужей; приведенных, если понравятся удерживает у себя, пока хочет; если же не понравится, то велит своим стрельцам насиловать ее у себя на глазах… Когда он опустошал владения воеводы Ивана Петровича, то в лагере у него были отборнейшие женщины выдающейся красоты, в количестве 50, которые передвигались на носилках… Этими женщинами он злоупотреблял для своей похоти. Которая ему нравилась, ту он удерживал, а которая переставала нравиться, ту приказывал бросить в реку».

О разврате в Александровой слободе повествует Пискаревский летописец в рассказе о свадьбе княжича Василия Владимировича Старицкого, племянника Грозного: «а свадьба была в Слободе с великим срамом и с поруганием. А выслал ея (невесту. – С. Ш.) за заставу в одной сорочке, и она ходила по деревням; нихто не смеет пустити; и тако скончалася».

Историк и современник Смутного времени князь Семен Шаховской: «И много жен и девиц блудом осквернишa».

Современник Шаховского дьяк Иван Тимофеев при рассказе о разгроме дворца князя Владимира Старицкого: «А всех рабов его дома, кроме доносчиков, предал различным мукам, всячески бесстыдно надругавшись над женским полом. Так как это благочестивым царям творить несвойственно, то и здесь говорить нельзя о том, что не подобает; поэтому и я не смею дерзкими словами раскрыть весь стыд его венца и рассказал кратко прикрытыми словами».

Другой свидетель и участник Смуты голландец Исаак Масса: «И оставил ли он незаконных детей, неизвестно, всего вероятнее, что не оставил, ибо поспав с какой-либо девушкой, – а он ежедневно приказывал приводить девиц из разных мест, и его приказание исполняли, – он тотчас передавал ее своим опричникам и сводникам, которые портили ее дальше, так, что дети у нее уже не могли родиться».

При этом, как известно, с 1570 г. царь официально женился еще четыре раза, и имел длительную связь с Василисой Мелентьевой, вдовой дьяка, с которой не был обвенчан. На этом Грозный не собирался останавливаться, и, состоя в браке с Марией Нагой, матерью царевича Дмитрия Угличского, вел сватовство к родственнице английской королевы Елизаветы I Марии Гастингс. Эти переговоры прервались кончиной тирана.

Итак, перед нами вырисовывается грязный облик царя-сластолюбца, бывшего к тому же еще и патологическим садистом. Нет никаких сомнений в достоверности столь многочисленных и независящих друг от друга свидетельств. Все это, конечно, важно для понимания личности и эпохи Грозного. Но не столько само по себе, а также и при сравнении нравственного облика царя с той ролью, которую он сам себе назначал. В своих многочисленных сочинениях Грозный представлял себя высшим судьей и наставником всех

христиан, неоднократно утверждал, что получает Божественное покровительство и помощь. Как сочетались в Грозном столь низкий моральный облик и столь высокая самооценка – загадка для историков и психологов.

Сам царь на упреки Курбского, как мы видели, отвечал: «Вси есмы человецы». В ответ на пассаж о Кроносовых жрецах, Грозный выдвигал и вовсе абсурдный аргумент: «Толко бы вы у меня не отняли юницы моея, ино и Кроновы жертвы не было». Иначе говоря, если бы злые бояре не «счаровали» Анастасию, царь не стал бы искать развлечений с Басмановым и ему подобными. Вероятно, Грозный считал, что ему, ввиду его особого положения единственного истинно христианского государя можно творить что угодно.

Распутство подорвало здоровье Грозного. Джером Горсей свидетельствует: «У царя стали страшно распухать половые органы – признак того, что он грешил беспрерывно в течение пятидесяти лет; он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни». Очевидно, что Грозный в последние годы жизни страдал венерическими болезнями. Об этом свидетельствует и наличие солей ртути (впрочем, недостаточное для смертельной дозы), обнаруженных в его костях при антропологическом исследовании. Как известно, ртуть входила в состав лекарств, употреблявшихся в Средневековье для лечения сифилиса и гонореи. Впрочем, специалисты возражают против подобного диагноза – длительные половые болезни оставляют следы и на костях, которые при антропологическом исследовании останков Грозного не были обнаружены.

Изнемогая от болезней, царь остался верен своему похотливому нраву. Незадолго до смерти он пытался изнасиловать невестку – царевну Ирину, жену своего сына Федора. Ирину спасло то, что на ее громкие крики сбежались слуги. В отместку царь приказал казнить всех, кто помешал ему, а Федора призывал развестись с женой. Правда, царевич остался тверд, да и тиран недолго прожил после этого. 18 марта 1584 г. он умер, причем историки не исключают, что смерть царя ускорил заговор, одним из участников которого был Борис Годунов, брат Ирины.

«…А вашему разуму дивимся, что вы таким плутням веры имете…»: легенда о «царевиче Петре» и русские бастарды

Русские самозванческие легенды XVII– XIX вв. – плодотворная тема для историков и культурологов. Происхождение самозванческих легенд и систематизация сюжетов даны К. В. Чистовым. В особую категорию исследователь выделил вариант легенды, согласно которому «царевич-избавитель» был подменен девочкой-царевной. В чистом виде этот сюжет отражен только в легенде о происхождении «царевича Петра Федоровича», однако, как отмечает К. В. Чистов, можно проследить и характерные аналогии в представлениях более позднего времени. В кон. XVII – нач. XVIII вв. появилось предание, согласно которому, царица Наталья Кирилловна родила дочку, но, опасаясь гнева царя Алексея Михайловича (грозившегося сжечь ее в срубе) подменила царевну мальчиком – сыном боярыни (в другом варианте – немки) – который и взошел на престол с именем Петра I. К. В. Чистов указывает и другой пример бытования сюжета подмены, но уже в реальной династической практике: известно, что Петр I приставил к жене царевича Алексея Шарлотте людей следить за тем, чтобы девочка, если она родится у Шарлотты, не была подменена мальчиком. Наше особое внимание к легенде о «царевиче Петре Федоровиче» обусловлено тем, что Лжепетр в отличие от Лжедмитрия I был выдвинут казачьей средой, и легенда о его происхождении является первой народной самозванческой легендой.

Из всех самозванцев начала XVII в. Лжепетр является наименее загадочной фигурой. Его истинное происхождение стало известно в октябре 1607 г. после сдачи Тулы, взятия его в плен и допроса. Самозванец поведал следующее: «Родился де он в Муроме, а прижил де его,

с матерью с Ульянкою, Иваном звали Коровин, без венца; а имя ему Илейка; а матери ево муж был, Тихонком звали Юрьев торговый человек. А как Ивана не стало, и его мать Ульянку Иван велел после себя постричь в Муроме, в Воскресенском девичье монастыре, и тое мать его постригли… и в том девиче монастыре матери его не стало и меня Илейку свез из Мурома в Нижний Новгород нижегородец торговый человек Тарас Грозильников, и жил де у него он Илейка годы с три…» Далее он рассказал о своих странствиях, закончившихся провозглашением его терскими казаками царевичем Петром Федоровичем и приходом в Путивль, а оттуда в Тулу к Болотникову.

Эти показания правительство Василия Шуйского постаралось обнародовать как можно шире. Но и раньше, до пленения Лжепетра, сторонники царя Василия были уверены в самозванстве «царевича». Посол в Польше князь Г. К. Волконский на вопрос панов рады о Петре отвечал:

«Как есмя поехал от великого государя нашего, и про такова вора не слыхали. А ныне слыша от вас так себе домышляем… воры волжские и терские казаки, ведая свою вину… так замыслили и которого будет вора, меж себя выбрав, таким именем именуют…» В наказе гонцу в Крым С. Ушакову (24.05.1607) предписывалось говорить: «Тот вор казак Илейка, что называли царевичем Петром, сына боярского Григорьевский холоп Елагина, и мать его и жена и сестры в черных пашенных людей и ныне живы…» Очевидно, что правительством был произведен розыск о самозванце и установлена некоторая ясность в отношении его личности, хотя часть сведений была ошибочной.

Не вдаваясь в крайне любопытный вопрос о механизме провозглашения Илейки «царевичем», необходимо отметить, что уже очень скоро его современники пришли к идее о «выборе» самозванцев «меж себя», и, как известно, активно пользовались этим. Недаром С. М. Соловьев отмечал, что в казачьих юртах «самозванцы росли как грибы». Это были известные по «Новому летописцу» и грамотам патриарха Гермогена «царевичи» Август, Осиновик, Ерошка, Гаврилка, Клементий и другие. В 1625 г. ряжский приказчик Васька Шолкин, сидя в кабаке вспоминал: «В меж де усобную брань, как был в Калуге вор, и де в те поры был у него на службе в Шацком, и собрався де Шацкого уезда мужики коверинцы, котыринцы, конобеевцы, и говорили де меж себя так: „Сойдемся де вместе и выберем себе царя“». Ответ Шолкину ямщика Кузьмы Антонова чрезвычайно интересен: «От тех де было царей, блядиных детей, которых выбирали в межьусобную брань межь себя, наша братья, мужики, земля пуста стала». Для данной темы важно не резкое осуждение самозванческих авантюр, а тесная связь их самозванства с внебрачным происхождением – ложный государь представлялся, спустя десять лет после Смуты, незаконным наследником – «блядиным сыном».

Наиболее полное отражение легенды о происхождении «царевича Петра» содержится у Ж. Маржерета. Он писал: «В конце апреля император Дмитрий получил известие, что между Казанью и Астраханью собралось около четырех тысяч казаков, которые разбойничали вдоль Волги и говорили, что с ними находится молодой принц по имени Петр, истинный (как они пустили слух) сын императора Федора Иоанновича, сына. Иоанна Васильевича и сестры Бориса Федоровича, который родился около 1588 г. и был тайно подменен, так как по их словам, на его место подставили девочку, которая умерла в возрасте трех лет…»

Близкую к этому рассказу версию изложили московским послам кн. Г. К. Волконскому и А. Иванову в конце декабря 1606 г. польские паны: «Сказывают де тот Петр как он родился, и его де переменили дочерью по Борисову велению Годунова, чтоб ему не быть на государстве…» Послы не замедлили выступить с опровержением, хотя не имели инструкций на этот счет: «То дело нестаточное и слышать того не годитца, а вашему разуму дивимся, что вы таким плутням веры имете: не токмо у великих государей, но у обычных людей тому состатися невозможно, как в то время прилучить иное дитя принести на государьской двор, и

как бы такое дело утаилось и посяместа не объявилось…» Далее Волконский, для большей убедительности, поведал: «При государыне царице и великой княгине Ирины были всегда неотступно мои княж Григорьевы сестры княж Иванова княгиня Козловского да окольничего Ондрея Перовича Клешнина жена, и только бы такое дело сталось и они б меня в том не утоили».

В Белоруссии история царского происхождения самозванца отражена в «Сказке о Петре Медведке москале», которую Р. Г. Скрынников считает записанной со слов самого Лжепетра. «Кады се уродила, матка его Ырына познавше по небозщику брате своем, Борисе Годуну, и ж о панстве Московском промышлял, хотечы быть гдрем московским, и для тог его Петра уродивши, утаила, гды Борис пытал, штобы уродила, она отказала же не угоде полмедведка и полчовека, втом часе тот Борис дал покой, болш о том непыталсе…» Желая «ухоронить от смерти» Петра мать отдала его на воспитание «бабке» Гане Васильевой вдове, «аж пришол до розому, а матка его вже вособе его Петра повторе поведа брату своему, иж дочку уродила». После смерти царя Федора Годунов занял престол и «матку его в чорницы постриг», а потом, допытываясь у нее, жив ли царевич Дмитрий, «з запальчивости заразом сестру свою пробил, так иж заразом умерла». Осиротевший царевич покинул «бабку» Гану и «пристал» к астраханскому стрельцу Федору, а после воцарения «царя Дмитрия Ивановича» поспешил в Москву, куда прибыл на другой день после смерти и бежал в Литву, желая встретиться с «царем Дмитрием», который, по слухам, жив и спасается в Литве. О. М. Бодянский опубликовавший эту запись, отмечал сходные и различные моменты в биографии Петра Медведка и Лжепетра, но считал, что это были два разных лица, и предполагал в Петре Медведке Лжедмитрия II. Вопрос о тождестве Петра Медведки и Лжепетра решает показание одного польского источника, который сообщает, что «в Путивль прибыл с донскими казаками Петр Федорович, Недвядко (Niedzwiadko) по фамилии, который назвался сыном покойного царя Феодора Ивановича».

Очевидно, что прозвище Лжепетра – Медведка, связанное с его легендой о «получеловеке-полумедведке» было широко известно в Литве и Белоруссии. Сказочный сюжет о полузвере-полуцаревиче/царевне широко распространен в русском фольклоре («Царевна-лягушка», «Аленький цветочек» и др.), наиболее близко, почти текстуально соприкасается с начальным фрагментом «Сказки о Петре Медведке» сказка, записанная А. С. Пушкиным в с. Михайловское и ставшая основой для «Сказки о царе Салтане», в которой, согласно письму злой царицы-свекрови, царица рожает: «не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку».

Вместе с тем, в «Сказке…» отражена и истинная жизнь самозванца. Р. Г. Скрынников указывал на совпадение основных пунктов в биографии Петра Медведки и Илейки Муромца: сиротское детство, жизнь в Астрахани, движение в Москву по Волге. Любопытно также, что в «Сказке…» царевич укрылся после гибели «дяди» Лжедмитрия I в Москве у «неякого Ивана Мясника, на улицы Покровской», а Илейка Муромец, согласно его показаниям, жил в Москве «от Рождества Христова до Петрова дни у подьячего Дементья Тимофеева… а двор у того подьячего у Дементия у Володимера в Садех…», т. е. недалеко от Покровки.

Большинство источников без подробностей сообщают, что Лжепетр выдавал себя за сына царя Федора Ивановича. Находятся и иные варианты легенды. «Хронограф 1617 года» и «Иное сказание» утверждают, что самозванец называл себя сыном царевича Ивана Ивановича. И. Масса пишет, что самозванец «выдавал себя за Петра Федоровича, незаконного сына царя Федоровича, а царь Федор Иванович никогда и не помышлял пойти от своей жены к другой, чтобы прижить от нее бастарда, но жил как святой, как мы уже говорили». О том же сообщает в «Правдивой и достоверной реляции» П. Петрей, прибавляя, что у царя Федора действительно был побочный сын, «которого он прижил с одной пленной девицей из рода Тизен, да и тот вскоре умер». Это сведение нигде более не встречается, а его источник неясен. В «Истории о великом княжестве Московском» Петрей также говорит о

Лжепетре, как о «незаконном сыне» царя Федоре Ивановича, спасавшемся от Годунова у казаков.

Вероятно, на показания Массы и Петрея о внебрачном происхождения «царевича» повлияли слухи о положении царевича Дмитрия Углицкого, рожденного от седьмого, не дозволенного церковными канонами брака Ивана Грозного. Д. Флетчер пишет: «Даже светским лицам неохотно позволяют вступать в брак более двух раз. Этим предлогом сейчас пользуются против единственного брата царя, шестилетнего ребенка, о котором не молятся в церквах (между тем как это всегда соблюдается по отношению к лицам царской крови) на основании того, что он незаконнорожденный». Об этом в 1598 г. вспоминал венский двор. В инструкции послу в России М. Шилю предписывалось узнать: «Имеет ли незаконный брат (Bastard Bruder) Великого Князя, отрок приблизительно 12 лет, по имени Дмитрий Иоаннович сторонников и не провозглашен ли или не избран в Великие Князья…» Неосведомленность венского двора о гибели царевича Дмитрия труднообъяснима, хотя это не имеет отношения к нашей теме.

В европейской практике XVI – начала XVII в. вопрос о правах бастардов на престол не поднимался, даже в случае пресечения династии. Так, сын Карла IX граф Шарль де Валуа бастард Французский (1573–1650) после смерти своего дяди Генриха III и пресечении династии Валуа не воспринимался как возможный претендент на престол ни парижским двором, ни Генрихом IV Наваррским.

Как уже говорилось выше, в дворянстве Франции конца XVI в. бастарды не имели прав на титул и майорат отцов, а довольствовались теми землями, которыми наделял их отец, и были обязаны носить герб со специальным знаком бастарда. В то же время королевич Густав, сын шведского короля Эрика XIV от морганатического брака с дочерью капрала Катериной Монсдоттер внушал опасения королю Сигизмунду III Вазе. Это было очевидно и для Бориса Годунова, по приглашению которого Густав прибыл в Москву в качестве жениха царевны Ксении, но затем оказался в почетной ссылке в Угличе. В 1605 г. русский посол в Литве, укоряя Сигизмунда III в поддержке Лжедмитрия I, говорил: «А нашего царского величества и в нашем господарстве и прамой господаръской сын дяди вашего швейского Ирыка короля сын Густав королевич, и нашему царскому величеству безпрестаны бил челом, штоб мы, великий государь дали ему помочь и позволили доступить Лифлянтские земли…» После прихода к власти Лжедмитрия I, Сигизмунд III через посла А. Гонсевского просил: «в Москве находится Густав, называющий себя сыном шведского короля Эрика, чтобы его не окружали уважением, на которое он вызывает, выдавая себя за шведского королевича, но чтобы держали под хорошим присмотром». Самозванец: «Просил нас преже сего не одинова король его милость чтоб мы Густава, который именует себя сыном короля Ирика, задержали не как королевича, но так, как его урождение есть. И то мы являем его королевской милости, что мы его по его королевской воле держим и ждем, что болша того над ним велит королевская милость делати». В 1644 г. царь Михаил Федорович не посчитал зазорным предложить руку своей дочери шлезвиг-голштинскому принцу Вальдемару, происходившему от морганатического брака датского короля Христиана IV с графиней Христианой Мунк. Таким образом, внебрачное происхождение этих западноевропейских принцев не смущало русский двор, также, как и не смущало современников происхождение царевича Дмитрия, от неканонического брака его отца.

Любопытно очередное совпадение биографий «царевича Петра» и Илейки Муромца – оба они оказываются незаконнорожденными. Тема внебрачного происхождения Лжепетра проходит в известиях С. Немоевского, который вел дневник в ярославской, а затем в белоозерской ссылке, активно питаясь разными слухами. Он пишет: «Сторона Василия… выдавала этого Петрашку за сына одного из думных бояр, князя Воротынского, рожденного вне брака от одной распутной женщины из Пскова, которую он потом, когда имел жениться,

отослал назад в Псков».

Свод известий о происхождении Лжепетра показывает не только вариации легенды о «царевичах-избавителях», но и дает возможность передвинуть хронологические рамки бытования этого предания вглубь.

Князь Федор Иванович Мстиславский

Род князей Мстиславских берет свое начало от одного из младших сыновей великого князя литовского Гедимина князя Явнуты (Евнутий) (в крещении Ивана Гедиминовича). В 1341 г., по завещанию отца он занял великокняжеский престол, но в 1345 г. был смещен братьями Ольгердом и Кейстутом и бежал в Москву, где принял православие. Впоследствии он вернулся и получил в удел город Заславль. В отличие от своих энергичных братьев Явнута в борьбе за власть не участвовал и ничем особенным себя не проявил. Его сын князь Михаил Иванович Заславский (или Ижеславский) погиб в битве с татарами на Ворскле в 1399 г. Его внук князь Иван Юрьевич, женившись на дочери Мстиславского князя (также Гедиминовича), получил в удел Мстиславль. Внук последнего – князь Федор Михайлович, звавшийся уже Мстиславским, в 1525 г. выехал на Русь, но без вотчины и получил в вотчину Малоярославец, а в кормление Каширу. Князь Федор Михайлович женился на племяннице Василия III Анастасии Петровне, дочери крещеного царевича Петра Ибремимовича и великой княжны Евдокии Ивановны. Таким образом, его сын князь Иван Федорович являлся двоюродным племянником Ивана Грозного.

Отец нашего героя князь Иван Федорович Мстиславский являлся одним из крупнейших деятелей эпохи Грозного. В 1549 г. он получил боярства, а с 1553 г. входил в ближнюю думу при царе. Участвуя практически во всех походах 1547–70-х гг., начиная с 1550-х гг. он непременно возглавлял большой полк, т. е. являлся главнокомандующим. Наряду с этим князь Иван Федорович являлся главой Боярской думы. После введения опричнины вместе с князем И. Д. Бельским Мстиславский был поставлен во главе земщины. По свидетельству померанского дворянина А. Шлихтина, очутившегося в московитском плену, Мстиславский и Бельский стояли в глазах царя выше всяких подозрений: «…если кто обвиняет перед тираном этих двух лиц, Бельского и Мстиславского, или намеревается клеветать на них, то тиран тотчас велит этому человеку замолчать, говоря так: „Я и эти двое составляем три Московские столпа. На нас троих стоит вся держава“». В 1571 г. после пожара Москвы царь обвинил Мстиславского в том, что тот «навел» хана на Русь, и тот публично «винился» в этом, угодливо принимая на себя вину бездарной организации обороны и расстройства боеспособности русской армии, в чем был повинен исключительно царь. Иван Грозный по достоинству оценил угодливость Мстиславского: князь не только не подвергся опале, но и продолжал сохранять первенствующее положение в земщине и Боярской думе. По завещанию Грозного князь И. Ф. Мстиславский вошел в регентский совет при царе Федоре Ивановиче. Однако попытка тягаться со стремительно набиравшим силу Борисом Годуновым оказалась Мстиславскому не под силу. Он подвергся сравнительно легкой форме опалы – был вынужден удалиться в Кирилло-Белозерский монастырь, где принял постриг (1585) и скончался в 1586 г.

Тихий уход с политической сцены князя И. Ф. Мстиславского обеспечил прочное положение его сыну. Князь Федор Иванович унаследовал от отца положение главы Боярской думы и первостепенного боярина. К этому времени Ф. И. Мстиславский был уже вполне зрелым человеком. Он получил боярство еще в 1577 г., а ранее был кравчим. Встав во главе Боярской думы Ф. И. Мстиславский, по-видимому, не сразу отклонился от участия в борьбе, которая разворачивалась между князьями Шуйскими и партией Бориса Годунова. Согласно известию шведа П. Петрея, влиятельная партия, во главе которой стояли митрополит Дионисий и князья Шуйские, избрали сестру Мстиславского и били челом царю Федору,

чтобы он по примеру деда и отца отправил в монастырь бесплодную Ирину Годунову и женился на княжне Мстиславской. Далее Петрей сообщает, что Годунову удалось разрушить этот замысел, а княжна Мстиславская была отправлена в монастырь (независимо от Петрея о насильственном пострижении Мстиславской сообщает и голландец И. Масса). Последнее сообщение недостоверно, однако, попытка развести царя Федора с Годуновой и женить на Мстиславской действительно имела место. Не случайно в том же 1585 г. княжна Мстиславская была выдана замуж за князя Василия Корданукoвича Черкасского, и о заключении этого брака было велено объявить за границей дипломатам Посольского приказа.

В дальнейшем мы не имеем никаких известий о попытках Мстиславского противостоять Годунову. Видимо, он проявлял лояльность по отношению к правителю, а затем и царю Борису. Однако отношение Годунова к Мстиславскому было достаточно сложным. Внешне все обстояло вполне благополучно – Мстиславский продолжал занимать первое место в Думе и должность главнокомандующего в большинстве походов русской армии; однако, согласно свидетельству вдумчивого наблюдателя голландского купца И. Массы «Борис всегда старался погубить его (Мстиславского. – С. Ш.), ибо желал того, когда казнил родовитых людей, но его ни в чем не могли обвинить, так беспорочно он жил, а также весьма скромно, ибо холопы его жили лучше, чем он сам; однако Борис запретил ему жениться, чтобы он не имел наследников, и он умер бездетным…» Это сообщение, неверное в той части, где говорится о бездетности Мстиславского, достоверно в том, что Годунов действительно препятствовал свадьбе знатнейших лиц в государстве – Мстиславского и Шуйского, что подтверждают также Д. Флетчер и Ж. Маржерет.

Мстиславский женился уже в правление Лжедмитрия I на мнимой родственнице нового царя из рода Нагих, причем самозванец на его свадьбе «в отцово место был».

Настороженное отношение Годунова к Мстиславскому не повлияло на решение царя поставить боярина во главе армии, посланной против Лжедмитрия I. В первом же столкновении царской армии с самозванцем, главнокомандующий получил тяжелые ранения – польский отряд прорвался в центр русской армии, Мстиславский был сбит с коня и ранен в голову – «сечен по голове во многих местех». Борис поспешил обнадежить главного воеводу – послал для его лечения придворного врача, особо благодарил за верную службу и пролитую кровь, а также усилил армию новыми отрядами и дополнил командный корпус князем В. И. Шуйским. Как только князь Мстиславский «обмогся» армия предприняла наступление и в битве под Добрыничами 21 января 1605 г. Лжедмитрий I потерпел сокрушительное поражение, потерял большую часть своей армии, чудом спасся и укрылся в крепости Путивль.

Однако вместо того чтобы довершить разгром неприятеля и захватить самозванца, воеводы увлеклись жестокими репрессиями против жителей Комарицкой волости, поддержавших самозванца. Армия Мстиславского подошла к небольшой крепости Кромы, в которой засели верные самозванцу казаки во главе с атаманом А. Корелой, и начали осаду. Под Кромами армия надолго завязла и потеряла не только инициативу но и мобильность, и постепенно лишалась боеспособности вообще – эпидемии и дезертирство охватили войско, а Мстиславский и Шуйский не двигались из-под Кром, довольствуясь разорением окрестностей и репрессиями против сторонников самозванца. Современники были готовы предположить в этом измену главных воевод, однако С. Ф. Платонов, проанализировав ситуацию, пришел к выводу, что виной Мстиславского и Шуйского была их беспомощность в военном деле и отсутствие какой-либо инициативы.

После смерти царя Бориса Ф. И. Мстиславский и В. И. Шуйский были отозваны в Москву для помощи юному царю Федору в управлении государством, а в лагерь под Кромами присланы новые командующие – кн. М. П. Катырев-Ростовский и П. Ф. Басманов. В дальнейших драматических событиях – измена под Кромами и низложение Федора Годунова

– Мстиславский был лишь безучастным свидетелем. Источники не донесли сведений о каком-либо его участии в возведении на трон Лжедмитрия I. С самозванцем у Мстиславского установились, надо полагать, хорошие отношения. Лжедмитрий I пожаловал боярину кремлевский двор Бориса Годунова, и, как говорилось выше, женил его на своей мнимой родственнице Прасковье Ивановне Нагой. Нет прямых данных об участии кн. Ф. И. Мстиславского в заговоре против самозванца, надо полагать, он и здесь не противился течению событий, но и не был в числе их движителей.

При царе Василии Шуйском положение Мстиславского оставалось неизменным. В качестве «большого» воеводы он руководил войсками, посланными против «воров» к Вырке (где был разбит отряд Лжепетра, пытавшийся прорваться к Болотникову, осажденному в Калуге), а в московской осаде от Тушинского вора возглавлял государев полк, стоявший у Никитских ворот. Других упоминаний о Мстиславском в разрядах того времени нет, видимо, царь Василий невысоко ценил военный талант своего старинного товарища по Боярской думе.

В событиях низложения Василия Шуйского Мстиславский, верный своей позиции невмешательства в политическую борьбу, не участвовал. Его имя называли в качестве кандидата на престол после сведения с трона Василия Шуйского, но князь Мстиславский пригрозил, что пострижется в монахи, если его будут принуждать принять царский венец. К этому времени у него, по-видимому, сложились определенные политические симпатии в пользу поляков. Сохранилось письмо Мстиславского к польскому гетману Я.-П. Сапеге, бывшему одним из руководителей армии Лжедмитрия II, в котором князь называет гетмана своим «другом и братом», просит того писать о своем здоровье и желает, чтобы Бог дал ему «очи твои (т. е. Сапеги. – С. Ш.) видеть». С. Ф. Платонов полагал, что даже если датировать это письмо временем, последовавшим за низложением Шуйского, оно все равно свидетельствует о давней дружбе боярина и гетмана. Видимо, неслучайно Мстиславский, возглавив семибоярщину и практически встав во главе государства, поспешил сблизиться с гетманом Жолкевским, активно участвовал в переговорах, составлении и утверждении договора о призвании королевича Владислава и запечатал его своей печатью. Вероятно, призвание природного государя, сопровожденное соответствующими гарантиями нерушимости религиозной и культурной самобытности и социального строя России, казалось Мстиславскому и его товарищам, лучшим выходом из кризиса. Однако реальная политическая коньюнктура была либо не учтена, либо игнорирована ими. Сигизмунд III не только не собирался соблюдать условия заключенного договора, но и практически дезавуировал его, заявив свои претензии на русский трон. Коренной ошибкой было согласие на введение в Москву польского гарнизона и установление совместного польско-русского управления, что привело к польской диктатуре.

«Новый летописец» показывает, что к Мстиславскому, как старейшему среди русских бояр, обращались надежды патриотов, стремившихся противостоять иноземному владычеству, но он оказался неспособным поддержать национальное движение. Согласно известию «Нового летописца» патриарх Гермоген, которого принуждали скрепить своей подписью грамоты, адресованные королю с призывом принять московский трон, твердо отказал в этом боярину М. Г. Салтыкову и проклял его, а Мстиславскому сказал «тихим голосом»: «Твое есть начало, тебе за то добро пострадати за православную христианскую веру; аще и прельстишься на такую дьявольскую прелесть, и преселит Бог твой корень от земля живых, да и сам какою смертью умрешь». «Тако ж збыться ево пророчество», – добавляет летописец.

Подробности кончины князя Ф. И. Мстиславского нам неизвестны, однако род Мстиславских, действительно пресекся с его смертью. От трех браков князь Ф. И. Мстиславский имел двух детей – князя Василия, умершего в младенчестве, и княжну Ольгу, умершую в 1609 г. Сам князь Федор Иванович умер 19 февраля 1622 г., сохраняя высшее

положение среди московского боярства при царе Михаиле Федоровиче, но по-прежнему не пользуясь особым влиянием на решение государственных дел.

Фигура князя Ф. И. Мстиславского не типична для Смутного времени. Его отличало полное отсутствие политических амбиций и какой-либо активности вообще. Являясь вторым, после царя, лицом в государстве, Мстиславский никак не использовал свое выдающееся положение, благодаря этому сумел ужиться со всеми правительствами и окончил свою жизнь, окруженный домашним спокойствием и покоем. Однако в грозовые для Российского государства годы он не стал лидером патриотического движения и остался для потомков лишь носителем своего громкого имени.

Боярин Федор Иванович Шереметев

Боярин Федор Иванович Шереметев представляет противоположность князю Ф. И. Мстиславскому. Боярина Шереметева трудно обвинить в бездеятельности и слабости, однако, его энергичность была иного рода, чем у деятелей авантюрного склада – Б. Я. Бельского, М. Г. Салтыкова и иных. Шереметев был лоялен легитимной власти вне зависимости от того, кто занимал престол. Вместе с тем, это не было проявлением беспринципности или слабости, как у Мстиславского, просто в добросовестном несении государевой службы, борьбе с «ворами» и даже в соучастии в управлении поляками Россией Шереметев видел исполнение своего долга служения России. Видимо, не случайно Ф. И. Шереметев, не запятнавший себя изменой и «воровством», был в первые десятилетия после Смуты одним из первых лиц в государстве, сосредоточив в правление царя Михаила своих руках значительную часть функций по государственному управлению.

Согласно родословной легенде Шереметевы, как и Романовы, восходят к боярину великого князя московского Андрею Кобыле. Предание XVII в. видело в Кобыле потомка прусских королей – сына немецкого рыцаря, которого звали Гланда Камбила (отсюда и прозвище Андрея). Эту легенду подверг жестокой критике академик С. Б. Веселовский, однако, в недавнее время краевед и генеалог В. Н. Бочков высказал немало любопытных заключений, свидетельствующих в пользу ее достоверности. В любом случае, Андрей Кобыла – реальное историческое лицо, московский боярин XIV в., а его потомки Кошкины, Захарьины, Юрьевы, Романовы, Яковлевы, Ляцкие, Колычевы, Жеребцовы, Шереметевы занимали в XIV– XVI вв. выдающееся положение в среде московского боярства. Праправнук Андрея Кобылы Андрей Константинович Шеремет при Иване III по неизвестной нам причине подвергся опале, и его по-служильцы (военные слуги) были распущены и получили поместья в Великом Новгороде.

Внуки Андрея Шеремета братья Иван Большой, Иван Меньшой, Семен, Никита и Федор Васильевичи были выдающимися деятелями эпохи Ивана Грозного. Иван Большой был воеводой во многих походах, в 1555 г. был послан на Крым и в 150 верстах от Тулы вступил в бой с войском хана Девлет-Гирея, двигавшегося на Россию. В начале боя Шереметев был ранен и выбыл из строя, но другим воеводам А. Д. Басманову и С. Г. Сидорову удалось выдержать натиск татар. В 1565– 67 гг. он упоминается в числе старейших бояр, управлявших Москвой в отсутствие царя. Он попал в опалу и подвергся жестоким истязаниям по приказу Ивана Грозного, пытавшегося вымучить из боярина его родовые сокровища. Иван Меньшой в 1558 г. был пожалован в бояре, участвовал в неудачной попытке отразить хана Девлет-Гирея от Москвы в 1570 г. и в разгроме татар при Молодях в 1571 г. Он благополучно пережил опричнину и был убит при осаде Колывани (Таллинна) в 1577 г. У Ивана Васильевича Меньшого было двое детей – дочь Елена, ставшая женой царевича Ивана Ивановича, и сын Федор.

К концу XVI в. род Шереметевых сократился до двух представителей – Федора Ивановича и Петра Никитича (его двоюродный брат), вследствие чего в их руках сосредоточились обширные шереметевские вотчины, что сделало их крупнейшими землевладельцами среди

нетитулованного боярства. Федор Иванович начал свою службу воеводой. В 1591 г. он отличился в отражении хана Казы-Гирея под Москвой, за что был пожалован полузолотым. Шереметевы, по дальнему родству с Романовыми, принадлежали к их партии. Опала на Романовых в 1600 г. ударила и по Ф. И. Шереметеву. Он был лишен своего двора и рязанской вотчины, а в 1601–1603 гг. находился на воеводстве в далеком Тобольске, что было скрытой формой опалы.

При появлении Лжедмитрия I Борис Годунов простил многих своих бывших противников и отправил их на командные посты в армию, отправленную против самозванца. В их числе был и Шереметев, назначенный действовать против мятежных Кром. В войско, посланное против самозванца, Шереметев выставил значительное число своих военных слуг – 60 человек, но под Кромами действовал вяло, то ли из-за неприязни к Годунову, то ли из-за нежелания ратников сражаться за царя Бориса.

При Лжедмитрии I Ф. И. Шереметев, так же как и другие пострадавшие от Годунова, был обласкан – получил боярских чин, самозванец устроил его свадьбу и был на ней «в отца место». Неизвестно, участвовал ли Шереметев в заговоре против Лжедмитрия I, во всяком случае, во время майских беспорядков 1606 г. вместе с другими боярами Федор Иванович разъезжал по улицам и восстанавливал порядок.

Когда в первые месяцы правления Василия Шуйского пламя мятежа запылало на окраинах государства, Шереметев получил назначение возглавить войско, отправленное против мятежной Астрахани, воевода которой князь И. Д. Хворостинин принял сторону «царя Дмитрия». Боярин подошел к Астрахани, но астраханцы не впустили его в город, а на штурм, вероятно, сил у Шереметева не хватало. Тогда государевы ратные люди выстроили рядом с Астраханью, на острове Балчике острог, где и засели. Положение отряда Ф. И. Шереметева было тяжелым. Отряд нес потери из-за внезапных нападений астраханцев, людей косил мор. Шереметев пытался привлечь на свою сторону ногаев, кочевавших под Астраханью, но те стремились придерживаться нейтралитета, номинально признавая власть царя Василия, но не оказывая боярину никакой помощи. Глава ногаев князь Иштерек одновременно вел переговоры и с Шереметевым, и с астраханцами.

В октябре 1607 г. Федор Иванович отступил к Царицыну и зазимовал там. В это время в Поволжье было неспокойно, мари, мордва, чуваши, татары волновались. Весной 1608 г. начал свой поход на Москву из Орла Лжедмитрий II и летом осадил столицу, расположившись лагерем в Тушино. Поздней осенью в Поволжье вспыхнуло восстание. Мордва, мари, татары, чуваши совместно с русскими «ворами», сторонниками Лжедмитрия II осадили Нижний Новгород, а в январе следующего года взяли Козьмодемьянск и Цивильск и осадили Свияжск. Воеводой у мятежников был князь Семен Юрьевич Вяземский, во время одной из вылазок осажденных он был захвачен в плен, а затем повешен. Шереметев не остался безучастным к происходящему. Получив предписание Василия Шуйского двигаться на «очищение» государства от «воров», он отправил к Нижнему отряд служилых людей, который пришел в город 1 декабря 1608 г. и принял участие в его обороне, а сам двинулся вверх по Волге весной 1609 г. По дороге к Нижнему он собирал в поволжских городах ополчение, в которое вошло немало иноземцев, очевидно, ливонских немцев, сосланных в Поволжье Иваном Грозным.

Подойдя к Нижнему, Ф. И. Шереметев разгромил остатки мятежных войск, уже порядком потрепанных воеводой А. С. Алябьевым. Боярин Шереметев «с товарищи под Чебоксары воровских людей побили на голову и многих живых поимали и воровских воевод и знамя воровское и набаты и борошни поимали». Затем Шереметев принялся за успокоение края – приводил к шерти мятежных черемис (марийцев). Из Нижнего боярин перешел в Муром, к тому времени признавший власть царя Василия, а затем двинулся на Касимов – центр вассального России мусульманского государства Касимовского ханства. Касимовский хан

Ураз-Мухаммед держал сторону Лжедмитрия II, и хотя хана не было в Касимове, город оказал ожесточенное сопротивление царским войскам. Шереметев взял город приступом «и воровских людей многих побил, а иных в живых взял; и тех, которых мучили в темнице за царя Василия, всех освободил». В Касимов прибыли к Шереметеву царские посланцы князь С. Прозоровский и И. Чепчугов с милостивым словом за службу и вместе с тем с выговором за то, что «идет мешкотно, государевым делом не радеет». Из Касимова Шереметев двинулся во Владимир, а оттуда – на Суздаль, бывший оплотом тушинцев. Но на открытой местности понизовская пехота была разбита конницей тушинца А. Лисовского, и боярин еле смог спасти свое войско и спешно ушел во Владимир. Из Владимира боярин двинулся в Александрову слободу, где соединился с князем М. В. Скопиным-Шуйским, двигавшимся во главе шведского вспомогательного корпуса и ополчения северных городов к Москве – «князь же Михайло Васильевич их приезду рад бысть и нача с ними помышляти об государевом деле и об земском». Вместе с войском кн. М. В. Скопина-Шуйского Ф. И. Шереметев вступил в Москву 12 марта 1610 г.

В событиях низложения царя Василия Шуйского Ф. И. Шереметев, по-видимому, не участвовал. Источники не сохранили на этот счет никаких сведений. Как один из наиболее видных бояр он вошел в состав семибоярщины и был сторонником королевича Владислава. В семибоярщине Шереметев был в числе умеренных деятелей – не агитировал за короля, но и не протестовал против поляков. Во время осады Москвы Первым, а затем Вторым ополчениями в 1611–1612 гг. Шереметев находился вместе с поляками в Кремле и пережил все ужасы осады – терпел голод и был свидетелем людоедства, начавшегося среди поляков. Во время Избирательного собора 1613 г. в числе других кандидатов на престол называлось и имя Шереметева, но его сидение вместе с поляками в Кремле было памятно, и эта кандидатура не получила поддержки. Сам Шереметев, по-видимому, понимал, что его шансы быть избранным невелики, и вскоре примкнул к сторонникам Михаила Романова.

Ф. И. Шереметеву было поручено собором возглавить посольство к Михаилу Федоровичу Романову и его матери, старице Марфе, в Ипатьевский монастырь в Костроме. Переговоры с нареченным царем и его матерью происходили драматично – только после длительных молений и слез инокиня Марфа согласилась благословить своего сына на престол. Шереметев остался с новоизбранным царем и сопровождал его на длительном пути в Москву, оставаясь посредником в общении Михаила Федоровича с Избирательным собором. С начала правления юного царя Шереметев вошел в правящий кружок и находился у руля государственного управления вплоть до 1619 г., когда возвратившийся из польского плена Филарет Никитич потеснил всех советников своего сына и в государстве установилось соправительство царя и патриарха. Близость Шереметева к романовскому кружку еще при Борисе Годунове и его женитьба на дочери князя Б. К. Черкасского, двоюродной сестре царя Михаила Федоровича, подкрепляли высокое положение боярина.

В 1615 г. боярин был послан на выручку Пскову, осажденному армией шведского короля Густава II Адольфа, но сам попал в тяжелое положение – подвергся нападению шайки А. Лисовского, засел в Ржеве Володимеровой, еле смог отбиться от лисовчиков. В 1617–1618 гг. Ф. И. Шереметев возглавлял русскую депутацию на переговорах с поляками, закончившимися заключением Деулинского перемирия, после чего был пожалован в ближние бояре. В 1624 г. на свадьбе государя Шереметев сидел «в отца месте». После кончины патриарха Филарета Ф. И. Шереметев вновь приобретает решающее значение в государственном управлении. Он руководил переговорами с поляками, завершившимися заключением Поляновского мирного договора, возглавлял Разбойный, Судной Владимирский и другие приказы. Особенно усилилось влияние Шереметева после кончины в 1642 г.

другого члена правительственного кружка – кн. И. Б. Черкасского (брата жены Шереметева), когда царь передал в ведение Шереметева важнейшие приказы, которыми

руководил Черкасский – Аптекарский, Стрелецкий, Новой Четверти, Оружейный, Иноземный. Один из источников называет Шереметева «тайнейшим и начальнейшим боярином». Сохранилась и другая оценка государственных качеств Федора Ивановича. Продолжение «Нового летописца», возникшее, по-видимому, в приказной среде говорит о нем: «сей Федор был жестоконравен а в делах неискусен».

Шереметев занимал первенствующее место среди бояр до самой кончины царя Михаила Федоровича, во время предсмертной болезни которого подавал ему лекарства. Однако к этому времени сам боярин был уже очень старым человеком. С 1643 г. он перестал выезжать к царским обедам и даже не был на аудиенции датскому королевичу Вальдемару, жениху царевны Ирины Михайловны. В челобитной царю от 14 марта 1645 г. он жаловался на различные дряхлости – «мало слышу и вижу, насилу брожу… впадох в различные болезни». В своей духовной, составленной около этого времени, боярин пишет: «к тому росписи за моею рукою нет, потому, что по грехом моим постигла меня слепота». В том же 1645 г. Шереметев был отставлен от своих должностей, и при новом царе Алексее Михайловиче управление важнейшими приказами взял в свои руки царский воспитатель Б. И. Морозов. В 1649 г. Шереметев принял постриг с именем Федосия, а в феврале 1650 г. скончался, приняв перед смертью схиму.

Федор Иванович был одним из наиболее значительных землевладельцев своего времени. Он владел наследственными вотчинами в Московском, Коломенском, Владимирском, Нижегородском, Костромском, Кашинском, Бежецком, Рязанском и Верейском уездах. Большинство этих земель перешло ему от отца И. В. Меньшого Шереметева, но часть вотчин и от бездетного дяди Ф. В. Шереметева. По росписи войска, посланного против Лжедмитрия I, Шереметев выставил 60 всадников, следовательно, его владения достигали размеров 6000 четвертей земли – 1 четверть составляла 1/2 десятины, т. е. 0,5 га.

Наконец, следует заметить, что боярин Ф. И. Шереметев был, по-видимому, человеком широкого кругозора. Он умел находить общий язык с поляками и умерять их непомерные требования на переговорах. Дипломатическая практика XVII в. показывает, что на ответственных местах в российской дипломатии в эту эпоху стояли люди, хорошо понимавшие Запад и стремившиеся к налаживанию тесных контактов между Россией и Западной Европой. Несомненно, общение Шереметева с поляками во времена семибоярщины дало ему необходимый опыт для восприятия Европы. Не случайно, что в 1640-х гг. Шереметев покровительствовал одному из первых русских западников А. Л. Ордын-Нащокину, возглавившему впоследствии руководство внешней политикой России и получившему звание печатника, который только начинал свою приказную карьеру. Вероятно, и общение с умудренным в государственных делах боярином много дало будущему канцлеру.

Князь Иван Андреевич Хворостинин

Личность князя Ивана Андреевича Хворостинина противоположна фигуре героя предыдущего очерка. Смута оказала огромное влияние на формирование его характера, и в эпоху восстановления государственного порядка Хворостинину далеко не сразу удалось смириться с возобновлением традиционных политических и культурных норм. Человек энергичный, но мятущийся, он мог бы воплотить свои чаяния при внуке первого из Романовых, однако, в свою эпоху князю Ивану Андреевичу не удалось реализоваться. В этом фигура Хворостинина не только примечательна, но, вероятно, и типична. Кто знает, сколько еще таких сторонников преобразований, ощущавших возможности перемен и модернизации России, оказались не у дел.

Князь Иван Андреевич принадлежал к ветви потомков ярославских князей (Рюриковичей). Самый известный представитель этого рода – князь Дмитрий Иванович прославился тем, что

в 1572 г. нанес решающий удар по крымскому войску в сражении при Молодях.

Князь Иван Андреевич начал свою карьеру при дворе. В 1604 г. он был стольником царевича Федора Годунова (Хворостинин находился в родстве с Годуновыми – его двоюродная сестра Авдотья была замужем за окольничим Степаном Степановичем Годуновым). Со вступления на престол Лжедмитрия I начинается кратковременный взлет карьеры Хворостинина. Будем откровенны – фавор князя Ивана Андреевича опирался на его противоестественные отношения с царем-самозванцем. Бывший инок Григорий, дорвавшись до царского престола, не стеснялся в проявлениях своей буйной натуры. Подобно своему мнимому отцу, он не оставлял своим вниманием ни женщин, ни мужчин. В качестве одного из его партнеров источники единодушно называют князя Ивана Хворостинина. Современник событий Станислав Немоевский так описывает царского фаворита: «Красивый юноша в 18 лет, невысокий и, как говорят, любимец великого князя a secretis». Об этом же красноречиво свидетельствует и голландец И. Масса. Хворостинин получил чины кравчего и окольничего. На свадьбе самозванца (8 мая 1606 г.) «первым у стола стоял», на четвертый день ходил с самозванцем в баню. Вероятно, более ходить в баню с самозванцем Хворостинину не довелось – через несколько дней Лжедмитрий I был свергнут, и отправлен «под начал» в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Намеки на доверительные отношения автора и царя содержат и «Словеса дней, и царей, и святителей московских» князя И. А. Хворостинина. Хворостинин приводит диалог между собой и Лжедмитрием I, при этом называет себя юношей, которого самозванец «много любил», и который «заботился о его спасении – более всех людей, находящихся под властью его».

После свержения Василия Шуйского, Хворостинин был освобожден. Позднее он примкнул к Второму ополчению и участвовал в освобождении Москвы от поляков. В 1613 г. он был назначен в поход против литовцев под Козельск, но «заместничал» с другим воеводой, князем А. Хованским, и отказался идти с ним в сход.

В первые годы правления царя Михаил Федорович служил вполне успешно. В 1614 г. был воеводой сторожевого полка в Новосили, в 1616 г. получил боярство, и сидел за столом при приеме английского посла, был воеводой в Переславле-Рязанском (1618).

В 1622 г. Хворостинина постигла опала. «Вины» князя подробно перечислены в указе 1626 г.: «Впал в ересь, и в вере пошатнулся, православную веру хулил, постов и христианского обычая не хранил… образа римского письма почитал наравне с образами греческими письма… говорил, что молиться не для чего и воскресения мертвых не будет… в 1622 г. всю Страстную неделю пил без просыпу, накануне Светлого воскресенья был пьян и до света за два часа ел мясное кушанье и пил вино прежде Пасхи… промышлял, как бы… отъехать в Литву… говорил в разговорах, будто на Москве людей нет, все люд глупый… будто же московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью…» Иван Андреевич был сослан «на исправление» в Кирилло-Белозерский монастырь, и после «истязания в вере» обещал держаться православия.

Стремясь обелить себя от подозрений в западнических симпатиях, князь Иван Андреевич составил сочинение о Смутном времени, главным положительным героем которого является патриарх Гермоген – опора православия и русской государственности. Другое произведение Хворостинина – стихотворный трактат (один из первых в русской литературе) «Изложение на еретики-злохульниик», направленный против католичества, служило той же цели – оправдаться от обвинений и показать себя истинным приверженцем православия.

Авантюрист Михаил Андреевич Молчанов

Михаила Молчанова не назовешь мятущимся человеком. Это весьма типичная для Смуты, цельная фигура авантюриста и негодяя, не останавливавшегося ни перед чем ради

собственной выгоды. Приближенный обеих Лжедмитриев, Михаил Молчанов оказал большое влияние на развитие событий в Смуту. Его преступная деятельность была хорошо известна современникам, не остается сомнений, что при царе Михаиле Молчанова ожидала бы плаха. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе – ярый сторонник поляков, Молчанов был убит во время Московского восстания 1611 г.

Родство М. А. Молчанова весьма знаменательно. Его предки служили боярами у ростовских князей, а в XV в. перешли на службу к московским. Большинство однородцев этого корня – Грязные, Ильины, Ошанины, Молчановы – служили в уделах, но в XVI в. приблизились к царскому престолу. В 1566 г. в число опричников попадает Василий Григорьевич Грязной. Ему удалось сделать хорошую карьеру. Он участвовал в карательных экспедициях, расправах и оргиях. К 1570 г. Грязной и М. Скуратов заняли первенствующее положение в опричном руководстве. Василий Григорьевич получил чин думного дворянина – на большее он не мог рассчитывать из-за своего худородства (конечно, относительно «московских чинов»). За собой В. Г. Грязной потянул многочисленную родню – Г. Б. Грязной, его сын Н. Б. Грязной, В. Ф. Ошанин-Ильин, В. И. и И. И. Молчановы – также служили в опричнине.

В 1572 г. вскоре после гибели Малюты Скуратова под стенами ливонской крепости Пайды, фавор Грязного заканчивается. Григорий и Никита Грязные, Василий Ошанин-Ильин были казнены, а сам Василий Грязной отправлен на воеводство на Донец. Во время разведки в степи бывший царский любимец был взят в плен татарами. Узнав, что к ним попал думный дворянин и приближенный царя, татары решили обменять его на знаменитого крымского полководца Дивей-мурзу, взятого в плен в битве при Молодях, либо отдать за огромный выкуп – в 100 тысяч рублей. Содержание этих требований и передал Василий Грязной в своем первом послании. Первое письмо Грязного вызвало ответную отповедь царя и положило начало их переписке, не менее знаменитой, чем переписка Грозного с Андреем Курбским. Грязным было отправлено в Москву три письма, Грозным в Крым – одно. Особенность этой переписки в том, что в отличие от переписки Грозного с Курбским, рассчитанной на широкую аудиторию, переписка с Василием Грязным носит частный характер. Это и привлекало ученых, искавших в писаниях обоих авторов отражение их взглядов и позиций, высказанных в приватном диалоге государя и подданного.

Неизвестно, вернулся ли Грязной из крымского плена, однако, его родня, воспользовавшись временным возвышением Василия Григорьевича, сумела подвинуться на ступеньку выше при московском дворе. Михаил Молчанов начал свою карьеру при дворе Бориса Годунова уже в чине стольника (1601). Есть известия, что Молчанов смог войти в доверие к царю Борису благодаря своим познаниям в чернокнижии. Согласно многим свидетельствам, Годунов неоднократно обращался к чернокнижникам и астрологам.

В 1605 г. Молчанов переходит на сторону Лжедмитрия I. Вероятно, это произошло во время мятежа в Кромах. По крайней мере, на пути в Москву Лжедмитрий I отправил в столицу князя В. В. Голицына, П. Ф. Басманова, князя В. М. Рубца Мосальского, М. А. Молчанова и дьяка А. В. Шерефединова с тем, чтобы они низложили патриарха Иова, а затем расправились с арестованной семьей царя Бориса. Убийцы прибыли в Москву 10 июня. Взяв с собой трех стрельцов, они явились на старый двор Бориса Годунова, где содержалась арестованная царская семья. Годуновых развели по комнатам и удавили. Путь самозванцу был расчищен.

При Лжедмитрии I Молчанов стал одним из самых близких к самозванцу людей. По свидетельству И. Массы, Лжедмитрий I и Молчанов предавались грубому разврату. По приказу самозванца во дворец каждую ночь приводили понравившихся ему женщин, насильно захваченных на улицах, не взирая ни на замужество, ни на монашеский сан. Русские источники повествуют о том, что Молчанов при дворе Лжедмитрия I занимался

чернокнижием. Именно за чернокнижие он был бит кнутом сразу же после низложения самозванца. Однако спустя несколько дней Молчанову удалось бежать из Москвы. Поляк И. Хвалибога пишет, что исчезновение царского любимца вызвало «всегласную весть в столице» о том, что «Димитрий с Молчановым и несколькими другими потаенно ушел…».

Михаил Молчанов обосновался в Самборе и на свой страх и риск начал новый этап самозванческой авантюры. И Молчанов, и приютившая его жена Ю. Мнишека, знали, что самозванец был убит во время московского восстания, но жажда мести и стремление восстановить свое высокое положение, подвигли их на возрождение призрака. В Самборе Молчанов выдавал себя за чудесно спасшегося «царя Дмитрия Ивановича». Он был осторожен и не часто показывался на публике, понимая, что его могут легко разоблачить. Однако слухи о том, что «истинный царь» во второй раз избегнул смерти и скрывается в Польше вскоре всколыхнули южную «украйну» Российского государства. Активно поддержал новую самозванческую интригу князь Г. П. Шаховской, также приближенный Лжедмитрия I, сумевший бежать из Москвы и обосноваться в Путивле. Ряд источников сообщают, что в суматохе переворота Шаховскому удалось выкрасть государственную печать, поэтому его путивльские грамоты от имени «царя Дмитрия» внушали доверие.

Правительство Василия Шуйского довольно скоро разобралось в происходящем и выяснило, кто выдает себя за покойного самозванца. Послу в Речь Посполитую князю Г. К. Волконскому на слова поляков о том, что Лжедмитрий I спасся и укрывается в Самборе было велено отвечать, что «самборский вор» не кто иной, как Михалко Молчанов. Посол приводил и словесные портреты Лжедмитрия и Молчанова с тем, чтобы доказать, что это разные лица. Согласно описанию Волконского, Молчанов был «возрастом не мал, рожеем смугол, нос немного покляп (горбатый), брови черны, не малы, нависли, глаза невелики, волосы на голове черны курчевавы, ото лба вверх взглаживает, ус чорн, а бороду стрижет, на щеке бородавка с волосы». Отмечалась и образованность Молчанова: «По полски говорить и грамоте полской горазд, и по латыне говорити умеет…»

Как можно видеть, Молчанов был вовсе не похож на Лжедмитрия I. Он мог обмануть только тех, кто никогда не видел первого самозванца, и вообще мало слышал о нем. Вскоре в Самборе произошла знаменательная встреча Молчанова с таким человеком, сыгравшим впоследствии огромную роль в событиях Смуты. Это был Иван Болотников, пробиравшийся из турецкого плена на родину. Молчанов изобразил перед ним царя, пожаловал страннику 30 дукатов, саблю, бурку и письмо, по которому поручил ему командование войсками против Шуйского. Вероятно, Молчанов сумел разглядеть в Болотникове полководческий талант, поскольку уже через несколько месяцев его армия осаждала царя в столице Российского государства.

Молчанов далеко не сразу примкнул к Лжедмитрию II. Он пытался действовать самостоятельно, плел интриги, и в 1608 г. объявился в Москве в числе заговорщиков против царя Василия. Заговор был раскрыт, а его участники схвачены. Молчанову довелось вновь отведать кнута, но он сохранил жизнь и, поправившись, поспешил на новые приключения. В 1609 г. Молчанов объявился в отряде польского гетмана Яна-Петра Сапега, откуда перешел в Тушинский лагерь Лжедмитрия II. От Тушинского вора Молчанов получил окольничество.

Когда после вступления Сигизмунда III на российскую территорию в Тушинском стане начался конфликт, Молчанов примкнул к пропольской партии тушинских бояр, возглавляемой М. Г. Салтыковым. Посольство от тушинских бояр (М. Г. Салтыков, князь Ю. Д. Хворостинин, князь В. М. Рубец-Мосальский, М. А. Молчанов, И. Т. Грамотин и другие) отправилось под Смоленск и предложило российскую корону королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III. Соответствующий договор был заключен 4 февраля 1610 г.

В польской администрации Москвы Молчанов получил должность управляющего ранее не

существовавшим Панским приказом. Судя по его названию, он занимался вопросами, связанными с пребыванием поляков в Москве и государстве. Дальнейшая судьба Молчанова позволяет предполагать, что он не очень заботился об интересах русского населения и держал сторону поляков.

В «Новом летописце» содержится рассказ о том, как несколько бывших тушинцев, перешедших на сторону короля, пришли получить благословение у патриарха Гермогена. Тот поначалу отказался благословить изменников, но Михаилу Салтыкову удалось убедить патриарха в чистоте их намерений. Гермоген благословил пришедших, но заметил при этом: «…А если вы пришли с ложью, и разрушение православной христианской вере будет в вашем умысле, то не будет на вас милость Божия и Пречистой Богородицы и будете вы прокляты от всего вселенского собора». Когда же святитель увидел среди пришедших Михаила Молчанова, он проклял его и повелел с позором выгнать из церкви – в исправление этого негодяя патриарх не верил. Летописец сообщает, что пророчество патриарха сбылось – все, кто стремился установить в России польское владычество, умерли «злой» смертью. Одним из первых погиб Михаил Молчанов – он был убит во время восстания москвичей против поляков на Страстной неделе 1611 г.

Склонность к политическим авантюрам была, по-видимому, общей родовой чертой Грязных-Молчановых. Родственник Михаила Андреевича – сын крымского «полоняника» Тимофей Васильевич – в 1600 г. был приставом при опальном князе И. В. Сицком (следовательно, пользовался доверием Бориса Годунова). В 1609 г. Грязной участвовал в неудачной попытке свергнуть царя Василия Шуйского с престола, а затем бежал в Тушино. Как и Молчанов, Тимофей Грязной принес присягу королевичу Владиславу и получил от него чин окольничего, однако, после освобождения Москвы от поляков был лишен окольничества и земель, пожалованных ему Лжедмитрием II и королевичем Владиславом. Не отставал от отца и сын Т. В. Грязного – Борис – в 1634 г. во время Смоленской войны он бежал в Литву.

Тушинцы

Тушинцами принято называть сторонников Лжедмитрия II. После распада Тушинского лагеря многие из них последовали за «вором» в Калугу, а после его смерти активно участвовали в освободительном движении и своим ратным трудом искупили грех клятвопреступления, совершенный при переходе от Василия Шуйского к Лжедмитрию II. Впрочем, далеко не все приверженцы самозванца прониклись патриотической идеей спасения Отечества от поляков. Многие из них настолько привыкли к вольной жизни при самозванцах, что не желали восстановления прежнего порядка, и вступили в борьбу с поляками, преследуя собственные цели, а не национальные интересы. Ярчайший тому пример – атаман Заруцкий. Этот недюжинный человек понимал, что после восстановления российской государственности в тех формах, в которых она была до Смуты, он потеряет свою власть и влияние. Это и привело его к противостоянию Второму ополчению, а затем и к борьбе против царских воевод под знаменами «царевича Ивана Дмитриевича», сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II.

По-иному сложилась судьба главенствовавшего в тушинской «Боярской Думе» князя Д. Т. Трубецкого. Возглавив наряду с Заруцким Первое ополчение, он оставался под Москвой вплоть до подхода Второго ополчения. Затем, несмотря на трения с Пожарским, сумел договориться с ним о совместных действиях против поляков, а после освобождения Москвы был одним из кандидатов на престол, имевшим большие шансы на избрание. Поражение на Избирательном соборе определило дальнейшую судьбу Трубецкого – несмотря на оказанные ему почести, боярин не пользовался влиянием на государственные дела. В 1625 г. Трубецкого отправили в почетную ссылку – на воеводство в Тобольск, – где он и умер.

Членами «воровской» Думы были представители старомосковского боярского рода Плещеевых, еще в XVI в. перешедшего в состав фамилий, служивших по «московскому списку». Это – Иван Васильевич Глазун-Плещеев, Матвей Иванович Колодкин-Плещеев, Федор Кириллович Смердов-Плещеев. Иван и Матвей Плещеевы примкнули к Первому ополчению. В 1612 г. И. В. Глазун-Плещеев был послан в Псков для выяснения личности Лжедмитрия III («Псковского вора»). Воевода поначалу присягнул «вору», но затем арестовал самозванца и самолично привез его в Москву. Его подпись стоит под избирательной грамотой царя Михаила Романова, при котором Плещеев служил воеводой в Тюмени и Пскове. В Первом ополчении М. И. Колодкин-Плещеев «прославился» жестокими мерами против казаков – его попытка расправы над казаками, пойманными на грабеже, спровоцировала конфликт и распад ополчения. Впоследствии Матвей Колодкин-Плещеев присоединился ко Второму ополчению.

В освободительном движении участвовал и Ф. К. Плещеев, громивший в 1606– 1608 гг. восстания земцев против самозванца в Суздальской округе. В 1613 г. он был послан против шведов в Тихвин, а при Михаиле Романове стал воеводой в Белгороде и Тобольске.

Полна превратностей и судьба Михаила Матвеевича Бутурлина, одного из ближайших сподручников Тушинского вора. В 1610 г. он захватил для самозванца Калугу и собственноручно убил тамошнего воеводу И. И. Годунова. В том же году по приказу Лжедмитрия II Бутурлин лишил жизни касимовского царя Ураз-Мухаммеда. А в 1612 г. мы уже видим М. М. Бутурлина в составе Второго ополчения: он отбил от Переславля-Залесского казачий отряд Заруцкого. В 1614 г. вместе с князем Д. М. Черкасским Бутурлин воевал против польско-литовских отрядов на западной «украйне». При штурме крепости Белой на Смоленском рубеже он был тяжело ранен – ядром ему вырвало часть головы – и, покинув войско, из-за увечья был вынужден отправиться на излечение в Москву. В 1618 г. он участвовал в обороне столицы от королевича Владислава. Патриарх Филарет не жаловал Бутурлина, памятуя ему смерть И. И. Годунова, бывшего свойственником Филарета по Черкасским. Окольничество Михаил Матвеевич получил лишь при Алексее Михайловиче.

С 1608 г. и вплоть до смерти самозванца его поддерживал князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, впоследствии один из видных воевод Второго ополчения. В 1613–1615 гг. он воевал с поляками на западных рубежах. С 1619 г. – боярин и один из государственных деятелей эпохи Михаила Романова.

В составе Первого и Второго ополчений сражались И. И. Волынский, Ю. Беззубцев, И. Ф. Наумов, князь Ф. И. Волконский-Мерин и другие видные воеводы, бывшие активные сторонники Тушинского вора. Таким образом, пройдя через искушение самозванчеством в Тушине и Калуге, многие дворяне объединились в борьбе за судьбу державы. Некоторые из них затем сошли с этого пути и вновь уклонились в «смуту», но большинство твердо стояли за национальное возрождение и поддерживали освободительные движения.

Стрелецкие головы

В исторической литературе неоднократно отмечалось особое положение московских стрельцов, выполнявших роль царской гвардии. Видный петербургский историк А. П. Павлов указывал на то, что стрелецкие головы были верной опорой Бориса Годунова на его пути к верховной власти. В то же время, есть основания развить изучение этой темы, поскольку, источники показывают, что головы московских стрельцов в конце XVI в. не просто были верной опорой Годунова, но и исполняли особо деликатные поручения правителя, а затем и царя Бориса. Стрельцы набирались, в основном, из посадских людей. В то же время большинство голов (позднее – полковников и полуполковников) принадлежали к дворянскому сословию. Судьбы этих людей, их большое значение в событиях Смуты (особенно в первый период – династический (боярская смута) показывают не только

большую роль московских стрельцов в политической борьбе того времени, но и особое положение самих голов, сравнимое только с гвардейскими офицерами при Петре I и его преемниках, вплоть до Павла I. Как можно видеть, в придворной борьбе как в начале XVII в., так и в XVIII в. роль гвардии была решающей.

Стрелецкое войско в количестве шести «статей» (позднее, приказов) по 500 человек было учреждено в 1550 г. К 1584 г., по свидетельству англичанина Д. Флетчера, московские стрельцы составляли 20 тысяч человек. Московские стрельцы, несшие охранную дворцовую службу, получали жалование по 7 рублей в год, что в десять раз превышало жалование рядовых стрельцов в городах. Уже при Иване IV из московских стрельцов выделился двухтысячный полк стремянных, т. е. верховых стрельцов, сопровождавших его во всех походах. При введении опричнины часть стрельцов вошла в состав опричного войска. Свидетели-иностранцы Генрих Штаден и Альберт Шлихтинг сообщают об участии в опричных расправах. Упоминаются особые дворовые Стрелецкие приказы; один из которых находился в 1573 г., сразу после отмены опричнины, в ведении Сулеша Артакова, занесенного в список «двора» (своеобразное продолжение опричнины) Ивана Грозного с высоким окладом в 100 рублей. Свидетельство польского посла Л. Сапеги о событиях, последовавших после смерти Ивана Грозного также показывает особое положение московских стрельцов: согласно Сапеге, после смерти царя Б. Я. Бельский склонил на свою сторону стрельцов, пообещав им «великое жалование» и привилегии, которыми они были пожалованы при Грозном, а царя Федора уговаривал держать двор и опричнину, как держал отец.

Роль стрельцов как воинского подразделения, облеченного особым доверием государя отчетливо видна в событиях воцарения и правления Лжедмитрия I. Когда посланные самозванцем князь В. В. Голицын, П. Ф. Басманов, А. В. Шерефединов и М. А. Молчанов отправились убивать Марию и Федора Годуновых, то они взяли с собой трех стрельцов. Лжедмитрий I уделял особое внимание стрельцам, поручив им охрану своей особы. Главой Стрелецкого приказа был назначен один из ближайших к самозванцу людей – Петр Федорович Басманов. Помимо обязанностей главы Стрелецкого приказа П. Ф. Басманов руководил и политическим сыском.

По спискам первой четверти XVII в. известно двадцать голов московских стрельцов, служивших при царях Иване IV и Федоре Ивановиче. Восемь из них активно действовали в политической борьбе конца XVI – начала XVII в. Их биографии примечательны.

Голова Федор Брянчанинов (Брянцев, Брянцов?) упоминается голландцем И. Массой как капитан охраны Лжедмитрия I, что показательно еще и тем, что вместе с ним упоминается Р. Дуров.

Ратман (Роман?) Михайлович (Федорович?) Дуров в 1598 г. расписался на утвержденной грамоте Бориса Годунова. В 1601 г. он был приставом при опальном Федоре Никитиче Романове и доставил его в Антоньев-Сийский монастырь на пострижение. В 1602 г. исполнял обязанности пристава у герцога Иоанна. По списку 1604 г. его денежный оклад жалования был равен 27 рублей 6 алтын и 2 деньги, причем из него были вычтены 6 алтын и 4 деньги за «опальную рухлядь», т. е. имущество, доставшееся Дурову, скорее всего, при конфискации имущества Романовых и других опальных по этому делу. В 1604 г. – стрелецкий голова в войске, посланном против Лжедмитрия I, в 1605 г. стрелецкий голова в Новгороде-Северском, находился под командой князя Н. Р. Трубецкого и П. Ф. Басманова во время знаменитой обороны города от Лжедмитрия I. В 1605–1606 гг. упоминается «капитан» охраны Лжедмитрия. В 1608 г. голова у Яузских ворот в московской осаде. Его сын Федор Ратманович в 1606 г. был послан в Литву с известием об убийстве и обличениями самозванца и подвергся длительному заточению.

Голова Темир Васильевич Засецкий в 1588–1589 гг. был приставом у грузинского посла. В

1591 г. сразу же после получения из Углича известий об убийстве царевича Дмитрия и народном восстании, в город был послан Темир Засецкий во главе стрелецкого отряда. В его обязанности вменялось наведение порядка и сбережение улик для следственной комиссии. В 1593 г. участвовал в церемонии приема турецкого посла. В 1598 г. подписал избирательную грамоту Бориса Годунова.

Леонтий Лодыженский упоминается в должности головы в 1585 г. В 1586 г. дворянин в посольстве, посланном на берег р. Плюс для переговоров со шведами. Посланник в Крым, возвратился в августе 1598 г. Его подпись стоит на утвержденной грамоте Бориса Годунова. В 1601 г. пристав у Александра Никитича Романова в Усолье-Луде, где удавил опального вельможу. В 1603 г. дьяк Разрядного приказа.

Биография следующего деятеля изумляет своими неожиданными поворотами. Голова Смирной Юрьевич Маматов в 1587 г. был приставом у князя Андрея Ивановича Шуйского, которого удавил в тюрьме. В 1598 г. вместо него на утвержденной грамоте царя Бориса расписался голова П. Г. Огарев. В 1601–1602 гг. – пристав у Ивана Никитича и Василия Никитича Романовых в Пелыме. Сохранились весьма красноречивые «отписки» Маматова об исполнении им этой миссии, после прочтения которых остается удивляться тому, что один из братьев – Иван Никитич все-таки выжил в тех условиях. В Пелым Василия Романова доставил к Маматову сотник Иван Некрасов, в Пелыме Маматов «посадил Василья Романова с братом, с Иваном, в одной избе на чепях же по углам». Состояние опального было крайне тяжелым. Мама-тов доносил: «Взял я, холоп твой, у Ивана, у Некрасова твоего государева изменника Василия Романова… больна, только чють жива, на чепи, опох с ног; и я, холоп твой, для болезни его, чепь с него снял… и преставился февраля 15-е число». Тяжело болел и брат скончавшегося: «А изменник твой государев, Иван Раманов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу маленко приступает».

В 1604–1605 гг. в походе на Дагестан Маматов был головой. В бою при Тарках он был взят в плен. Очевидно, храбростью Маматов не отличался: чтобы спасти свою жизнь, он принял ислам и женился в Персии. Боевые товарищи Маматова – воеводы князья Владимир Бахтеяров и Владимир Долгорукий попали в тюрьму. Впоследствии пленники вернулись на родину, а вероотступника постигла заслуженная кара. Он был взят в плен русскими и казнен по приказу царя Бориса – Маматова долго мучили, а напоследок сожгли. Несомненно, царь Борис не мог не обратить внимание на измену человека, которому доверял самые подлые и темные поручения.

Григорий Иванович Микулин составляет достойную компанию С. Ю. Мама-тову. Он начал свою карьеру еще в 1569/ 1570 г., когда был поддатнем (помощником) у рынды царевича Ивана Ивановича в опричном походе на Новгород. В 1591 г. голова у черемис и мордвы. В 1600– 1601 гг. Микулин был послом в Англию. Сохранился портрет посланника, исполненный английским художником. Он изображает мужчину средних лет с широким лицом, заросшим щетиной, густыми черными усами и в расшитой шапке – типичного «хитрого московита». В 1602 г., в числе других послов Маматов, встречался с польскими послами на рубеже. В 1604 г. – голова в Орле, перешел на сторону Лжедмитрия I. За ревность при искоренении измены среди стрельцов пожалован Лжедмитрием I в думные дворяне. Согласно «Новому летописцу» Микулин своими руками убил («рассек на части») стрельцов, заподозренных в измене, за что был достойно награжден самозванцем: «той же Рострига ево пожаловал и от головства ево оставил и даде ему думное дворянство»). После свержения самозванца Микулин пытался бежать в Польшу, но в дороге был пойман в селе Вяземы. Очевидно, это был человек того же склада, что Маматов и Молчанов, единственно, чего нельзя отнять у Микулина – его дипломатических способностей. Проанализировав «статейный список» (отчет) посольства в Англию, Д. С. Лихачев писал, что миссия Микулина показывает в нем «ум, такт и умение с достоинством соблюдать интересы Русского

государства».

Казарин Давыдович Бегичев в 1593– 1598 гг. был стрелецким головой в Смоленске. В 1604 г. упоминается как голова в Москве. Перешел на сторону Лжедмитрия II, а в 1611 г. находился в таборах кн. Д. Т. Трубецкого под Москвой. При появлении Лжедмитрия III, Иван Глазун Плещеев и Бегичев были послан в Псков, где признали (по словам «Нового летописца»: «не пожалев души своей и старости») в этом самозванце истинного царя. Псковский вор недолго смущал умы. Привыкшие к вольному обращению с «чариками», эмиссары Трубецкого передумали, схватили самозванца и в оковах доставили в Москву.

Голова Постник Григорьевич Огарев, напротив, представляется человеком, верным присяге и долгу. В 1590 и 1600 гг. он был приставом у польских послов. В 1598 г. подписал избирательную грамоту царя Бориса Годунова. В 1604 г. был послан в Польшу обличать самозванца. О деятельности Огарева при Лжедмитрии I ничего не известно, очевидно, он не сделал карьеры при самозванце. При Василии Шуйском Огарев защищал Москву от тушинцев и погиб во время одного из боев в 1610 г.

Ряд голов начала XVII в. связаны с деяниями царствования Ивана Грозного. Таков, например, голова Демид Черемисинов, погибший в битве при Тарках в дагестанском походе 1604 г., был одним из видных опричников. В 1570 г. он вывозил из Новгорода казну, награбленную во время царского похода. Сам Черемисинов не отставал от своего господина и существенно обогатился в опричнине. Другой голова, также погибший в Тарском походе, – Калинник Иванович Зюзин – племянник не менее известного опричника Василия Григорьевича Зюзина, возглавлявшего авангард в новгородском походе. Р. Дуров, Т. Засецкий, Л. Лодыженский, Г. Микулин и П. Огарев происходили из дворянских родов, представители которых были записаны в Тысячную книгу и Дворовую тетрадь. Из служилых родов происходили также Казарин Давыдович Бегичев, Ф. Брянчанинов и С. Маматов. Из старых дворянских родов происходили также и другие известные стрелецкие головы: С. Пушечников, Н. Лопухин, Ф. Мясоедов, Т. Змеев, Л. Скобельцин и др. Таким образом, состав стрелецких голов был однороден составу всего государева двора, что находит аналогию в принципе формирования опричного войска.

Примечательно, что провинциальные стрелецкие головы, в отличие от своих столичных сотоварищей, не исполняли столь деликатных миссий. Исключением может служить только посылка Смирнова Елизарьева Отрепьева в Литву с обличениями своего племянника Лжедмитрия II. С. Е. Отрепьев был стрелецким головой «на Низу»; в то же время то обстоятельство, что царь Борис не побоялся посылать его в Литву со столь ответственным поручением, говорит о том, что стрелецким головам царь доверял всецело. Все вышеперечисленные стрелецкие головы, кроме Г. И. Микулина, головство которого у московских стрельцов не подтверждено разрядной документацией, в походах и боевых действиях до 1604 г. участия не принимали. Очевидно, что правители берегли московский стрелецкий гарнизон и посылали стрельцов в походы лишь изредка.

Итак, очевидно, что головы московских стрельцов пользовались доверием Бориса Годунова и Лжедмитрия I и выполняли их ответственные поручения, в т. ч. и весьма деликатного свойства: посольские миссии, приставские должности у послов, приставство у опальных, часто сопровождавшееся тайным наказом об убийстве ссыльного, и т. д. Доверие и расположение царя распространялось и на весь московский стрелецкий гарнизон, осуществлявший личную охрану царя.

Сходная ситуация сохранялась и на протяжении второй половины XVII в., что отмечал автор записок о стрелецком бунте 1682 г. А. А. Матвеев, писавший о «нечастых службах…» московских стрельцов. Небезынтересно сравнить политическое могущество главы Стрелецкого приказа в 1605–1606 гг. П. Ф. Басманова и главы Стрелецкого приказа в 1682 г. – князя И. А. Хованского. В то же время, стрелецкие головы XVII в. не были облечены

особым вниманием государей. Исключение составляет только А. С. Матвеев, но его возвышение вызвано исключительно его личными качествами. Да и внутриполитическая ситуация, отличавшаяся при первых Романовых относительной стабильностью, не располагала к существованию института особых доверенных лиц государя, наделенных властью над военными формированиями. Хотя при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче Стрелецкий приказ входил в число основных, руководство над которым давало перевес какому-либо лицу или группе лиц в правительстве. Участвовали стрельцы и в подавлении московского восстания 1662 г., начав по приказу царя рубить челобитчиков. Наконец, позиция московских стрельцов, провозгласивших себя спасителями династии и государства во время восстания 1682 г., несомненно имеет определенные исторические корни. В своих челобитных царям Ивану и Петру Алексеевичам московские стрельцы, перечисляя вины казненных ими бояр, просили за их верную службу царскому дому «искони века» переименовать стрельцов в «надворную пехоту», чем еще раз обозначили свою тесную связь с царским двором. Итак, налицо значительное сходство между стрельцами конца XVI–XVII в. и гвардией XVIII в. В связи с этим, формирование Петром I гвардейских полков кажется вызванным стремлением заменить стрельцов не только в военно-административном, но и в охранно-внутриполитическом отношении. При этом Петром был сохранен и перенесен в гвардию один из важнейших принципов формирования и управления московского стрелецкого войска.

Князья Куракины и князья Курагины из «Войны и мира» Л. Н. Толстого

Великая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» уже давно рассматривается литературоведами и историками не только как выдающееся художественное произведение, но и как ценный исторический источник. Источник не только для истории исторической и общественной мысли и для изучения исторического мировоззрения Толстого и его творческого метода, но и как источник по эпохе 1812 г. Последнее связано с большой и глубокой работой над документами, мемуарами, письмами и устными источниками, проделанной Толстым при создании романа.

Одним из первых заметил и бурно отреагировал на попытку Толстого сочетать в себе и историка Отечественной войны 1812 г. и художника этой эпохи старший современник писателя князь П. А. Вяземский – поэт, друг А. С. Пушкина, участник Бородинской битвы, знакомый со многими героями эпопеи. Он писал: «Начнем с того, что в упомянутой книге трудно решить и даже догадываться, где кончается история и где начинается роман, и обратно» (1868). Этот подход Толстого вызвал резкое неприятие Вяземского. Он укорял Толстого в многочисленных неточностях, и, главное, в недостоверности всего описания хода событий. «История и разумные условия вымысла тут равно нарушены», – отмечал Вяземский, рассуждая об одном из эпизодов «Войны и мира».

Как свидетель и участник событий, Вяземский имел полное право быть уязвленным толстовским взглядом на лица и явления, однако, среди замечаний князя одно представляется крайне важным для настоящей темы. Вяземский писал: «Встреча исторических имен или имен известных, но отчасти искаженных и как будто указывающих на действительные лица, с именами неизвестными и вымышленными, может быть, неожиданно и приятно озадачивает некоторых читателей, мало знакомых с эпохою, мало взыскательных и простодушно поддающихся всякой приманке. Но истинному таланту не должно было бы выгадывать подобные успехи и подстрекать любопытство читателей подобными театральными и маскарадными проделками».

Несомненно, Вяземский имел в виду имена и фамилии действующих лиц «Войны и мира», созвучие которых с реальными фамилиями представителей русской аристократии

обескураживало уже первых читателей, и заставляет ломать над этим голову и по сей день. Даже в наше время читатель, мало-мальски знакомый с русской историей, без труда вычислит в графах Ростовых – графов Толстых; в князьях Болконских, Курагиных и Друбецких – князей Волконских, Куракиных и Трубецких; в Василии Дмитриевиче Денисове – Дениса Васильевича Давыдова, Марии Дмитриевне Ахросимовой – Анастасию Дмитриевну Офросимову и т. д. Наконец, эти лица, лишь слабо замаскированные, соприкасаются с реальными историческими деятелями – Александром I, Наполеоном I, Кутузовым, Багратионом, Ростопчиным и многими другими, включая и второстепенных персонажей той эпохи.

Откровенно прозрачный метод шифровки истинных фамилий в романе Толстого ставит перед исследователями важные вопросы. Во-первых, по возможности, дешифровать толстовских героев, и, во-вторых, постараться понять мотивы, по каким Толстой прибегнул к этому методу. Настоящая заметка ни в коей степени не претендует на попытку решить эти вопросы. Мною ставится гораздо более скромная цель – отследить реальные черты некоторых персонажей «Войны и мира», и в первую очередь князей Курагиных – целого семейства отрицательных героев.

Представляется, что все персонажи «Войны и мира» могут быть разделены на четыре категории: 1) реальные исторические лица; 2) лица, носящие имена и фамилии, созвучные именам и фамилиям их прототипов; 3) лица, носящие имена и фамилии, не созвучные с именами и фамилиями их прототипов; 4) лица вымышленные, носящие вымышленные имена и фамилии.

В первой группе императоры Александр I, Наполеон I Бонапарт, Франц I, военные и государственные деятели России и Франции (М. И. Кутузов, П. И. Багратион, М. Б. Барклай де Толли, С. К. Вязмитинов, И. Мюрат, А. Чарторижский, М. А. Милорадович, Д. С. Дохтуров, Н. Г. Репнин, Ф. В. Ростопчин, А. А. Беклешов, М. М. Сперанский, А. А. Аракчеев, А. Коленкур, Л. Л. Беннигсен, Л. Даву, А. Д. Балашов, Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов, К. Ф. Толь и другие). Ряд известных лиц не действуют, но неоднократно упоминаются, придавая достоверность повествованию и вписывая его в определенный хронологический контекст – Ю. В. Долгоруков, И. И. Морков, Н. П. Румянцев, Ш. Талейран, В. Меттерних, М. А. Дмитриев-Мамонов, графы Разумовские, Апраксины, и, отметим особо – князь Александр Борисович Куракин, русский посланник в Париже.

Персонажи второй группы столь же очевидны. В первую очередь, это семьи графов Ростовых и князей Болконских, прототипами которых были предки Толстого графы Толстые и князья Волконские. Воспользовавшись образами предков для создания литературных героев, Толстой в обоих случаях вывел в романе только прямых своих предков по обеим линиям. Прототип графа Ильи Андреевича Ростова – дед писателя граф Илья Андреевич Толстой (1757–1820); графа Николая Ильича – отец, граф Николай Ильич (1794–1837), участник Отечественной войны 1812 г., подполковник в отставке. Также и по материнской линии. Старый князь Николай Андреевич Болконский списан с генерал-аншефа князя Николая Семеновича Волконского (1753– 1821). В образе княжны Марии Болконской писатель вывел свою мать – Марию Николаевну Толстую (урожденную Волконскую) (1790–1830). Им были введены в роман, почти без изменений, ее записи о воспитании детей.

Однако попытки дальнейшего отождествления членов семей Толстых и Волконских с персонажами «Войны и мира» терпят неудачу. Не совпадают ни состав семьи, ни имена. Так, князь Андрей Болконский не имеет прототипа на генеалогическом древе Волконских – у Н. С. Волконского не было сыновей. Подобные примеры можно умножать. Таким образом, и в подходе к своего рода «семейным» персонажам Толстой перемешал реальных лиц с вымышленными.

Довольно прозрачно, как уже говорилось выше, списаны со своих прототипов два

колоритных персонажа «Войны и мира»: Мария Дмитриевна Ахросимова и Василий Дмитриевич Денисов. Сходство Ахросимовой с Анастасией Дмитриевной Офросимовой уже неоднократно отмечалось. Достаточно сравнить ее описание в «Войне и мире» со знаменитыми мемуарами Е. П. Яньковой. «Рассказы бабушки» раскрывают еще одного столь же прозрачного прототипа толстовского героя – это видный масон Осип Алексеевич Поздеев, выведенный Толстым как Иосиф Алексеевич Баздеев.

Не менее очевидна связь между Василием Денисовым и Денисом Васильевичем Давыдовым. Оба – кавалеристы, маленького роста, жгучие брюнеты и прославленные партизаны; обоим была свойственна страстность и на войне, и в любовных переживаниях. Совпадает возраст и даже чин – оба генералы в отставке.

Казалось бы, в эту категорию можно было бы отнести также князей Курагиных и Друбецких. Однако оставим пока в стороне рассмотрение этого вопроса, и обратимся к третьей категории лиц, для того, чтобы попробовать уяснить методы Толстого.

В первую очередь, это – графы Безуховы, отец и сын. Об отце, графе Кирилле Владимировиче Безухове, известно, что он екатерининский фаворит («в случае был»), вельможа и богач, отец многочисленных незаконных детей, из которых Пьер – любимец. Толстым дано и внешнее описание старого графа – крупного, сильного мужчины, с величественной головой, украшенной гривой седых волос. Наконец, уже в 3 части II тома говорится, что Пьер «бестолковый ревнивец, приверженный таким же припадкам кровожадного бешенства, как и его отец».

Очевидно, что образ старого графа вобрал в себя многие черты деятелей екатерининского времени – это указание на его фавор у императрицы, графский титул, богатство, описание обстановки дворца. Однако, можно выделить в этой фигуре черты отдельных исторических лиц – у Безухова присущая братьям Орловым и Потемкину физическая мощь и величественность; имя Кирилл напоминает о графе Кирилле Григорьевиче Разумовском. Усыновление Пьера и получение им графского титула имеет аналогию в семейной истории Орловых, когда внебрачные сыновья графа Федора Григорьевича Орлова получили в 1796 г. фамилию и титул отца. Можно вспомнить и об Александре Алексеевиче Чесменском (1762–1820), сыне А. Г. Орлова, мать которого была, вероятно, незнатного происхождения, но сам он получил дворянство, однако же не получил титул и фамилию отца. Сближает Чесменского с Пьером его жизнь в отцовском доме и внимание отца к его судьбе. О других «воспитанниках» А. Г. Орлова, как и графа К. В. Безухова нам ничего не известно.

Вместе с тем, указание на приступы бешенства и бешеной ревности отсылает нас к фигуре екатерининского фаворита – графа Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова (1758–1803). Представляется, что именно Дмитриев-Мамонов – главный прототип старого графа. Оставим пока вопрос о «бешенстве». Во-первых, Дмитриев-Мамонов, как и Безухов, жил и умер в Москве. Во-вторых, почти совпадает дата кончины. В-третьих, спорная ситуация вокруг наследства сложилась и в семействе Дмитриевых-Мамоновых, только в следующем поколении – в последние годы жизни графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова (1790– 1863). Согласно письменным источникам, граф Александр Матвеевич отличался высоким ростом, однако, если судить по портрету, он не был столь крупным мужчиной как Орлов и Потемкин.

Наконец, о приступах «бешеной ревности». Семейная жизнь графа А. М. Дмитриева-Мамонова сложилась непросто. Он стал фаворитом императрицы в 1784 г., однако его возвышение длилось недолго. Дмитриев-Мамонов влюбился в фрейлину княжну Дарью Федоровну Щербатову (1762–1801) и в 1788 г. получил разрешение Екатерины II на свадьбу, был осыпан дорогими подарками и удален из Санкт-Петербурга. Впрочем, вскоре Дмитриев-Мамонов глубоко разочаровался в своем поступке. Он неоднократно просил позволения вернуться на службу в Петербург, но получал отказы. Поразивший Екатерину II и двор

поступок Дмитриева-Мамонова сразу же стали толковать как признак его сумасшествия. В июле 1789 г. императрица пишет Потемкину: «И есть ли б тебе рассказать, что было и происходило чрез две недели, то ты скажешь, что он совершенно с ума сошел; даже и друг его и конфидент Риборьер и тот говорит, что он аки сумашедший». Вновь Екатерина возвращается к этой теме спустя два месяца: «Здесь по городу слух идет, будто граф Мамонов с ума сошел на Москве, но я думаю, что солгано…» Об этом позднее писал М. С. Потемкин брату Павлу: «Об Мамонове говорят, что он с ума сошел и дерется с женою».

Толстой, хорошо знакомый с претензиями нетитулованных Дмитриевых-Мамоновых на наследство графа Матвея Александровича, оставил и прямой намек. Князь Василий Курагин незадолго до смерти старого графа говорит кузине: «Ты знаешь, Катишь, что вы, три сестры Мамонтовы, да еще моя жена, мы одни прямые наследники графа».

Полагаю, этих указаний достаточно, чтобы считать, одним из главных прототипов старого графа – екатерининского фаворита А. М. Дмитриева-Мамонова.

Однако эти указания являются для Толстого вспомогательными, так он оттенил более важную линию: граф Пьер Безухов – граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов. Фигура М. А. Дмитриева-Мамонова блестяще исследована Ю. М. Лотманом, указавшем на многие черты сходства между этим лицом и Безуховым (богатство, огромный рост, физическая сила, приступы раздражения, доходившие до бешенства, организация полка в Отечественную войну 1812 г., увлечение масонскими и декабристскими идеями).

Особо следует отметить, что граф М. А. Дмитриев-Мамонов упоминается отдельно от Безухова как организатор казачьего полка, однако не выведен как действующее лицо. Также лишь упоминает или эпизодически показывает Толстой князя А. Б. Куракина, светлейшего князя П. М. Волконского и графа Н. А. Толстого – носителей фамилий, послуживших исходными для его довольно прозрачных преобразований. При этом и Волконский и Толстой – в той или иной степени, были родственниками предкам писателя – Толстым и Волконским. Выделяется еще одна своеобразная особенность творческого метода Толстого – носители исторических фамилий упоминаются и действуют вместе с персонажами, которым эти же фамилии даны в искаженном виде.

Поскольку вопрос с четвертой категорией персонажей романа – вымышленными героями, с вымышленными фамилиями, – ясен, можно вернуться к вопросу о соотношении Курагиных и Куракиных. Стоит только отметить, что персонажи, обязанные своими именами, фамилиями и характеристиками исключительно фантазии писателя, в основном невысокого происхождения или эпизодические. Это – солдат Платон Каратаев, капитан Тушин, поручик Телянин и другие.

Рассмотрим сведения, которые Толстой дает о князьях Курагиных. В романе упоминаются четыре представителя этой фамилии. Глава семьи – князь Василий Сергеевич в 1805 г. говорит, что ему шестой десяток. Следовательно, он родился около 1755 г. На последних страницах романа (1820) князь Василий упоминается как живой, но постаревший. Он – крупный чиновник. В имении князя Болконского называют «министром», однако, Курагин скорее всего не министр, а сенатор, именно сенаторам поручали производство ревизий, в которую едет князь Василий в ноябре 1805 г. Старый князь Болконский говорит, что когда-то определил Курагина «в коллегию» и вспоминает, что тот «в новые царствования при Павле и Александре далеко пошел в чинах и должностях». Возможно, при Екатерине II Курагин служил в Военной коллегии, но по духу он человек штатский. Его влияние на государственные дела не более, чем у других сенаторов.

О супруге князя Василия мы знаем мало. Она «массивная, когда-то красивая, представительная женщина», родственница старого графа Безухова. Лишь однажды князь называет ее по имени – Aline – Алина.

Князь Василий Курагин обладает состоянием, но не столь большим как Пьер. У него

имения в нескольких губерниях и дом в Санкт-Петербурге. Тем не менее, дела Курагиных идут не блестяще, и он стремится поправить их, выдав дочь Элен за богача Пьера, и сына Анатоля за богатую наследницу княжну Марию Болконскую. Поведение князя во время предсмертной болезни графа Безухова напоминает суетливость министра С. С. Уварова, пытавшегося вступить в права наследства тяжело болевшего графа Д. Н. Шереметева, впоследствии выздоровевшего. Эта скандальная ситуация стала предметом для острой эпиграммы Пушкина на Уварова – «На выздоровление Лукулла». Не мог не знать об этом и Толстой.

Теперь переходим к детям князя Василия. Их трое, в возрасте от 30 до 20 лет.

Старший сын Василия Курагина – князь Ипполит – служит по дипломатической части. Он прекрасно принят в петербургских салонах, славится как волокита и блестящий светский молодой человек. Однако в деловом отношении князь Ипполит – ноль. Творцы русской внешней политики Билибин и его товарищи потешаются над Курагиным как над шутом. Он – один из петербургских хлыщей, занятых интригами, сплетнями, разговорами, но никак не реальным делом.

Второй сын Курагина – Анатоль – офицер конной гвардии. В 1805 г. он перевелся в армию, но так же к делам службы равнодушен. Он не может ответить на вопрос, где и как служит, чем окончательно роняет свою репутацию в глазах старого князя Болконского. Зато Анатоль, в отличие от Ипполита, красив, мужествен, уверен в себе. Он – блестящий повеса и волокита, принадлежащий к своего рода «золотой молодежи». И Анатоль и Элен вполне могли бы стать героями блестящей фальсификации князя П. П. Вяземского «Записки Омер де Гель», демонстрирующей развратную и пошлую изнанку петербургского двора. Анатоль виновник многих трагедий, которые он воспринимает лишь как невинные шалости. Это вполне жизненный тип, очень схожий с Дантесом.

Наконец, Элен (Елена Васильевна), вероятно, младше Ипполита, но старше Анатоля. Впрочем, точных указаний на это нет. Она вполне может быть младше или старше братьев. Ее нравственный облик также обрисован довольно четко, и нет смысла на этом останавливаться. В целом, отношение Толстого к Курагиным четко выражено словами Пьера: «Проклятая, бессердечная порода».

Теперь рассмотрим коллективный портрет князей Куракиных в эту эпоху. В 1805–1820 гг. род Куракиных состоял из четырех представителей: братья Александр (1752–1818), Степан (1754–1805) и Алексей Борисовичи (1759–1829), сын последнего – Борис Алексеевич (1783–1850). Куракины принадлежали к высшей аристократии, владели огромным состоянием, сравнимым с состоянием графов Шереметевых, Разумовских, Орловых, князей Голицыных.

Старший из братьев – князь А. Б. Куракин – видный дипломат, посланник в Вене и Париже (1809–1812), один из творцов русской внешней политики накануне Отечественной войны. Он был другом Павла I, занимал пост вице-канцлера и носил второй по «Табели о рангах» чин действительного тайного советника I класса. В конце жизни, занимая высокое положение, он реального влияния на дела не имел, и тяжело болел – сказывались последствия ран, полученных в 1810 г., когда князь сильно обгорел при пожаре в Париже, на балу у князя Шварценберга. Куракин, единственный из всего рода упоминается на страницах «Войны и мира» как реальное историческое лицо.

Степан Борисович был участником обеих русско-турецких войн, усмирял восстание конфедератов в Речи Посполитой (1772–1773) и крымских татар (1783). При Павле I произведен в действительные тайные советники и получил звание сенатора. Он был знаменит умением организовывать пышные празднества, славился как тонкий знаток гастрономии. Однако роскошества не разоряли Куракина, умевшего расчетливо вести дела и перекладывавшего тяжесть безумных расходов на плечи крепостных.

Алексей Борисович также был крупной фигурой. При Екатерине II он был камергером и

тайным советником, при Павле I – генерал-прокурором, при Александре I – генерал-губернатором Малороссии и министром внутренних дел, затем получил назначение в Государственный совет. Куракин стал первым покровителем М. М. Сперанского, оценив его государственные способности. Алексей Борисович, по отзыву князя И. М. Долгорукого, «то был горд, то слишком приветлив, все зависело от минуты, и такой характер в начальнике несносен. Всякий знак его внимания, даже самого благодетельного, был тяжел, ибо он покупался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны всякому благородному сердцу».

Мужской род продолжился от его единственного сына сенатора и тайного советника князя Бориса Алексеевича. Две дочери князя А. Б. Куракина – Елена и Александра, – были выданы замуж. Первая – за графа Н. И. Зотова, вторая – за Н. С. Салтыкова, затем, была замужем за генерал-адъютантом П. А. Чичериным.

Как можно видеть, ни имущественное положение, ни состав семьи Курагиных и Куракиных не совпадают. Не находит никаких аналогий (за исключением совпадения имен Элен Курагиной и княжны Елены Алексеевны Куракиной) и именной ряд. В семье князя В. С. Курагина было принято давать сыновьям редкие, иностранные имена – Анатоль (Анатолий) и Ипполит. У Куракиных, напротив, набор старорусских имени – Александр, Степан, Алексей, Борис. Из Куракиных старшего поколения никого нельзя сравнить с князем Василием – ловким царедворцем, выискивающим материальную выгоду. Трое братьев были крупными государственными деятелями и пользовались большим влиянием. Александр Борисович – в сфере внешней политики, Степан Борисович – в военной сфере, а Алексей Борисович – во внутренней политике. Князь Василий Курагин гораздо мельче, нежели его ровесники, старшие Куракины. Относительно князя Бориса Алексеевича, то о нем слишком мало данных, чтобы сравнивать его с Анатолем или Ипполитом. Однако нет, и, вероятно, не может быть данных для его отождествления с этими литературными героями.

Таким образом, очевидно, что Толстой, создавая портретную галерею князей Курагиных не сравнивал их с князьями Куракиными, а просто воспользовался этой звучной и известной фамилией, изменив лишь одну букву. Аналогичную ситуацию, вероятно, надо видеть и по отношению к Трубецким. Здесь судить сложнее, выведены лишь два героя – княгиня Анна Михайловна и ее сын князь Борис. Однако уже незавидное материальное положение Друбецких не позволяет сравнивать их с состоятельными князьями Трубецкими, владевшими многочисленными имениями. Иными словами, Толстой обошелся довольно произвольно с реальными историческими фамилиями, присвоив их, лишь слегка исказив, вымышленным персонажам. В вышеприведенную систематизацию Курагины и Друбецкие явно не вписываются. Для них нужно создать особую категорию: лица вымышленные, носящие имена и фамилии, созвучные именам и фамилиям реальных лиц, не являющихся их прототипами. Вообще же Толстым этот прием использовался и в дальнейшем. Так, в «Анне Каренине» фигурируют Облонские и князья Щербацкие – фамилии, созвучные князьям Оболенским и Щербатовым. Вероятно, найдутся и другие примеры. В чем же причина столько странного отношения Толстого к историческим фамилиям? Скрывается ли за этим глубокое значение или экономия мысли, направленной на содержательную и идейно-философскую работу? Решение этой задачи – за литературоведами.

Глоссарий

Абсолютизм — политический строй, при котором верховная власть целиком и полностью принадлежит монарху. Монарх издает и воплощает в жизнь законы, он является высшим судьей и имеет право распоряжаться жизнью и имуществом своих подданных.

Адюльтер — супружеская измена.

Аллегорический — символический, несущий определенное значение; заключающий в себе аллегорию – иносказание, символ, знак. В эпоху Античности, в Средние века и Новое время аллегории были широко распространены. За символами, словесными или художественными, скрывались определенные значения. Так, лев был символом храбрости; змея – мудрости; собака – преданности. Определенный смысл и значение несли в себе растения (роза – любовь, дуб – сила); цвета (белый – знак чистоты и невинности, черный – скорби, желтый – предательства) и другие явления вещественного мира.

Анахронизм — устаревшее явление.

Аптекарский приказ — правительственное учреждение XVI–XVII вв., в задачу которого входило следить за здоровьем царя и его семьи. В Аптекарском приказе служили доктора (обычно, иностранцы), готовились лекарства, переводились иностранные книги о медицине. Развитие отечественной медицины (помимо народной) того времени связано исключительно с Аптекарским приказом. При том огромном значении, которое придавалось здоровью царя и его родственников, глава этого приказа должен был пользоваться безусловным доверием государя.

Балюстрада — ограждение балконов или лестниц, состоящее из ряда столбиков.

Барокко — художественный стиль XVI–XVIII вв. В России начинает распространяться с конца XVII в. Главными чертами барокко являются пышность, роскошь, размах и сложность композиции, плавные формы и линии, обилие мелких деталей и украшений.

Барон – в Западной Европе титул крупного феодала, являвшегося вассалом короля; позднее – один из высших дворянских титулов.

Бахус — в древнеримской мифологии бог виноделия, покровитель пьянства.

Бердыш — холодное оружие, разновидность секиры, с острым граненым верхним концом, предназначавшееся для нанесения колющих ударов. Бердыши были на вооружении у пехоты, в основном у стрельцов, которые носили их на ремне за спиной.

Библиография — этот термин имеет два значения: 1) наука, которая занимается сбором, изучением и распространением сведений о книгах; 2) набор книг, статей или иной литературы по тому или иному вопросу. Например, можно сказать, что библиография по истории Октябрьской революции значительно обширнее, чем библиография по истории Золотой Орды.

Бий — один из высших разрядов кочевой аристократии в Золотой Орде и татарских ханствах.

Бомбардир — воинское звание в русской армии, солдат или младший офицер, служащий при осадной пушке (бомбарде).

Боярин — высший правительственный чин, первый в Боярской думе. Бояре как правители у славян известны еще с IX в. После образования Древнерусского государства бояре становятся близкими советниками и помощниками в управлении сначала князей, затем царей. Боярский чин Петром I отменен не был, но поскольку царь-реформатор перестал жаловать высших сановников России званием боярина, бояре сами собой вымерли к середине XVIII в.

Боярская дума – первоначально круг княжеских советников, с созданием единого Российского государства – высшее правительственное учреждение, аналог совета министров. Действовала до начала XVIII в. Была заменена Сенатом.

Бретер — опытный дуэлянт.

Булава — вид холодного оружия. Боевая часть представляла собой шар на коротком древке. В XVI–XVII вв. служила символом власти воеводы.

Вассал – в средневековой Европе феодал, который получал земельное владение (лен) от

более крупного феодала (сеньора) и за это сражался на стороне последнего. В России XV–XVII вв. основную массу вассалов составляли дворяне-помещики, а их сеньором был царь. Аналогом лена являются поместья. При этом российский вариант феодализма отличается рядом особенностей, но в общих чертах сходен с классическим западноевропейским феодализмом.

Верстание поместьями — наделение дворян поместьями, осуществлялось правительственными чиновниками (боярами, окольничими или воеводами) и служило целям обеспечения дворян для того, чтобы они несли военную службу.

Верховный тайный совет — высший правительственный орган в Российской империи в 1726–1730 гг. В 1730 г. члены Верховного тайного совета попытались ограничить самодержавие (см. «Затейка верховников»), но потерпели неудачу. После этого Верховный тайный совет был упразднен.

Византийский стиль — стиль в русском искусстве второй половины XIX – начала XX в., опиравшийся на традиции византийского и древнерусского искусства.

«Вклад» — в Древней Руси и России XIV–XVII вв. дар монастырю или церкви в виде земли, денег, церковной утвари и др., который обеспечивал молитвы духовенства о душе дарителя после его кончины или его пострижение в монастыре.

Воевода — военачальник, командующий полками в русской армии XIV– XVII вв. В связи с традиционным делением армии на полки существовали воеводы большого полка, воеводы полка левой руки, воеводы полка правой руки, воеводы сторожевого полка (он двигался впереди) и воеводы ертоульного полка. Кроме того, в войске, двигавшемся для осады городов, был еще и особый воевода «у наряда», т. е. при артиллерии. Кроме того, воевода был правительственным чиновником, управлявшим городом. Должность полкового воеводы была заменена при Петре I офицерскими чинами, а городовые воеводы просуществовали до 1775 г.

Волонтер — в практике западноевропейских армий XVII в. доброволец, поступающий на военную службу. В начале своих реформ Петр I отправил в Западную Европу несколько сотен русских дворян, обязав их вступить волонтерами в армию или флот иностранных государств.

Волхв — языческий жрец у восточных славян. Позднее, после крещения Руси, волхвы утратили свое влияние, но сохранились и считались колдунами и прорицателями. Особенно сильны были волхвы в первые века после принятие христианства, когда новая религия еще не заняла прочных позиций. К XVI в. волхвы скрывались лишь на окраинах государства, поскольку власть жестоко преследовала и казнила.

«Вор» — общее наименование преступника в Российском государстве XV–XVII вв.

Вотчина — наследственное земельное владение дворянина, которое так же, как и поместье, обязывало его к несению военной службы.

Вотчинник — владелец вотчины.

Всешутейший собор (Всепьянейший собор) — компания собутыльников Петра I, организованная им по образцу собора церковных иерархов. Члены Всепьянейшего собора носили чины «патриарха», «князя-папы», «митрополитов». Пирушки и шутовские церемонии этой компании пародировали церковную службу или ее отдельные элементы. Считается, что Петр I стремился осмеять высшее духовенство, поскольку среди него было много противников реформ. Однако представляется, что в создании Всепьянейшего собора в большей степени проявились буйная натура Петра и грубость нравов того времени.

Гвардия — отборная, привилегированная часть российской армии. Создана Петром I из первых регулярных полков российской армии – Преображенского и Семеновского. В дальнейшем число гвардейских полков расширялось. В него входили полки разных родов

войск: кавалерии, пехоты, флота (Гвардейский морской экипаж). Гвардия неоднократно отличалась храбростью и стойкостью в боях. Кроме того, в XVIII в. гвардейские полки были главной действующей силой дворцовых переворотов, когда на российском престоле менялись государи или низвергались вельможи, захватившие государственную власть в свои руки.

Генерал-адмирал — первый, высший чин Табели о рангах, по разделу флотской службы.

Генерал-аншеф — второй чин Табели о рангах по разделу армейской службы. В 1796 г. упразднен.

Генералиссимус — высшее воинское звание. В России введено Петром I и, согласно «Уставу воинскому» 1716 г., являлось выше звания генерал-фельдмаршала. Однако в Табель о рангах чин генералиссимуса не был внесен. Генералиссимусами были: князь М. А. Черкасский, А. С. Шеин, А. Д. Меншиков, отец императора Иоанна VI Антоновича принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, А. В. Суворов. В СССР это звание было восстановлено в 1945 г. и присвоено И. В. Сталину.

Генерал-поручик — третий чин Табели о рангах по разделу армейской службы. Существовал только в 1730–1796 гг.

Генерал-прокурор — одна из высших государственных должностей, глава Сената. Генерал-прокурор обладал большими полномочиями (первого генерал-прокурора П. И. Ягужинского Петр I называл «оком государевым» в Сенате): он контролировал исполнение решений Сената, мог их опротестовать, следил за законностью в государстве, возбуждал уголовные дела, входил с докладами к императору и т. д. С 1802 г. также совмещал пост руководителя Министерства юстиции.

Генерал-фельдмаршал — первый, высший чин в Табели о рангах по разделу армейской службы. Во время боевых действий – главнокомандующий армией или отдельными ее частями. Однако давалось не только за военные заслуги, этот чин носили также государи дружественных России держав, фавориты российских правителей, родственники императорской династии, высшие гражданские сановники. Звание генерал-фельдмаршала введено Петром I в 1699 г.

Генерал-фельдмаршалами были: Ф. А. Головин, Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков, князь И. Ю. Трубецкой, С. Ф. Апраксин, А. Г. Разумовский (тайный муж императрицы Елизаветы Петровны), князь Н. Ю. Трубецкой, П. С. Салтыков, П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин, А. В. Суворов, В. П. Мусин-Пушкин, М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-толли, И. Ф. Паскевич, Д. А. Милютин и др.

Герб — эмблема, изобразительный символ государства, области, города, дворянского рода. Гербы ведут свое начало с Древнего Востока и Античности, однако широкое распространение получили в Средние века. Для рыцаря, целиком закованного в доспех, герб, изображенный на щите, служил своего рода визитной карточкой, представлением – он рассказывал о его происхождении, боевых заслугах предков и самого рыцаря. Тогда же развивается геральдика – наука о гербах и правилах их составления. Эмблемы, символы князей и городов были распространены еще в Древней Руси. В XIV в. личные гербы русских князей начинают чеканить на монетах. С XV в. оформляется государственная символика единого Российского государства: двуглавый орел (символ императорской власти) и всадник с копьем (святой Георгий Победоносец – в то же время символ великого князя). В дальнейшем она развивалась и дополнялась. Дворянские гербы появляются в России в конце XVII в., под влиянием Западной Европы. В XVIII в. происходит разработка и законодательное утверждение гербов губерний, городов и дворянских родов.

Герольдмейстерская контора — правительственное учреждение XVIII в., контролировавшее несение дворянами службы, утверждение в дворянском звании, создание и утверждение гербов.

Герцог — первоначально военный вождь у древних германцев. Затем в средневековой

Западной Европе – один из крупнейших феодалов. Позднее высший дворянский титул.

Голова — военный или гражданский чин в XVI–XVII вв. Чаще всего головы командовали отдельными отрядами в армии. Так, были стрелецкие головы (командовали полками стрельцов), головы «у наряда» (артиллерии), казачьи головы (командовали отрядами казаков), станичные головы (командовали заставами на южных рубежах государства) и т. д. Кроме того, голова мог быть и правительственным чиновником. Письменный голова управлял городом, кабацкий голова ведал сбором пошлин в царскую казну с кабаков, таможенный голова – сбором пошлин с таможни.

Городничий — должность в XVI– XIX вв., правительственный чиновник, управлявший городом. Городничий – одно из главных действующих лиц комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Готика — художественный стиль XII– XVI вв., господствовавший в Западной Европе. Отличается одухотворенностью, преобладанием религиозных мотивов, строгостью построек, устремленных ввысь. Обширные готические соборы украшались витражами, скульптурой, резьбой по камню. В России классическая готика распространения не имела, однако ее черты можно проследить во многих постройках XV–XVI вв., в том числе в церкви Вознесения в Коломенском и соборе Василия Блаженного (Покровский собор). В XIX в. в России получил распространение псевдоготический стиль, когда церковные и гражданские здания строились в традициях западноевропейской готической архитектуры.

Гофмаршал — третий чин Табели о рангах по разделу придворной службы. В его обязанности входило наблюдать за порядком во время торжественных церемоний.

Граф — в Западной Европе раннего Средневековья королевский управитель в той или иной области. В эпоху феодальной раздробленности, графы превратились в независимых крупных феодалов. Позднее – один из высших дворянских титулов.

Гридни — воины, члены княжеской дружины, составляли низшую («младшую») часть Боярской думы при князе.

Грот — небольшая пещера. В дворянских усадьбах XVIII–XIX вв. часто делались искусственные гроты, иногда оформлявшиеся колоннами или скульптурой.

Гувернер — воспитатель.

Гусары — вид легкой кавалерии, вооруженной саблями, пиками, карабинами и пистолетами.

Даточные люди — воины, выставлявшиеся на службу помещиками или городским и сельским населением.

Дворецкий — управляющий дворцовым хозяйством у государя или крупного вельможи. В XV–XVII вв. – одна из высших придворных должностей в России.

Дворцовые разряды – разряды, в которых записывались назначения во время придворных церемоний.

Деградация — постепенное ухудшение.

Действительный статский советник — второй чин Табели о рангах по разряду гражданской службы.

Декларация — объявление чего-либо или о чем-либо. Чаще всего употребляется в смысле объявленного, но не исполненного обещания.

Декор — внешнее украшение здания или предмета. Архитектурный декор представляет собой резьбу по камню, изразцы, цветную плитку, колонны, скульптуру и т. д.

Денщик — солдат, слуга офицера. При Петре I обязанности денщиков исполняли гвардейские офицеры, причем они пользовались большим доверием императора и часто выполняли важнейшие и тайные поручения.

Держава — символ царской власти в виде круглого шара, увенчанного крестом. Обязательно употреблялась на коронации (при этом царь держал в одной руке державу, а в

другой скипетр), и часто – во время дипломатических приемов и других торжественных церемоний.

Диктатор — правитель с неограниченной властью, которая обычно сопровождается истреблением всех неугодных диктатору и непомерным его восхвалением.

Династический — относящийся к династии, правящему роду. Династический брак – брак, совершенный между представителями правящих семейств (в противоположность морганатическому). Династические права – права на престол, согласно происхождению.

Дородство — мужество, доблесть (древнерус.).

Драгуны — вид кавалерии, способный действовать как в конном, так и в пешем строю; на вооружении имели сабли, палаши, пистолеты, мушкеты, короткие пики.

Дружка — свадебный чин, распорядитель в свадебном обряде, обычно приглашаемый женихом.

Думный дворянин — низший, четвертый чин Боярской думы. Обычно, думными дворянами были лица, близкие к царю или выдающиеся по своим талантам и знаниям, но не знатного происхождения. Поэтому цари, не имея возможности дать им чин боярина или окольничего, жаловали этих людей в думные дворяне, и те участвовали в решении государственных дел во время заседаний Боярской думы.

Дьяк — чиновник, ведавший делопроизводством государственного и местного управления и дипломатических переговоров. Дьяки, непосредственно осуществлявшие централизованное управление, входили в Боярскую думу и назывались думными.

«Дядька» — воспитатель. Роль «дядек» древнерусских князей, а затем и царей была очень велика. «Дядька» Владимира I Святославича Добрыня был одним из его ближайших сподвижников и возглавлял войска в походах. «Дядька» царя Алексея Михайловича в годы юности этого государя фактически управлял государством.

Евгеника — наука о наследственности человека, передаче физических качеств, талантов, особенностей личности от предков к потомкам.

Егермейстер — третий чин Табели о рангах по разделу придворной службы. В его ведении находилась организация императорской охоты.

Еретик — в Средние века человек, придерживавшийся убеждений, расходящихся с мнением Церкви. Еретиков жестоко преследовали, старались искоренить их «заблуждения» и часто казнили. Еретиками считались и многие ученые, выдвигавшие идеи, не согласные с господствовавшими тогда представлениями об устройстве мира. Так, за свои открытия в области астрономии были объявлены еретиками Г. Галилей и Д. Бруно, причем последний был сожжен.

Ертоул, ертоульный полк — в XV–XVII вв. передовой полк, осуществлявший разведку и первым вступавший в бой.

Ефимок — русское название западноевропейского талера – широко распространенной серебряной монеты. Талер имел различный вес, но обыкновенно считалось, что он должен быть более 15 г. В связи с бедностью России драгоценными металлами талеры служили сырьем для чеканки русских монет, а также выдавались в качестве награды.

«Живот» — 1) жизнь; 2) имущество (древнерус.).

Жилец — мелкий придворный чин, дворянин, живший на царском дворе для охраны.

Западники — идейное течение русской интеллигенции, которое приобрело наибольшее развитие в середине XIX в. Западники считали, что Россия должна развиваться по пути Западной Европы, и отрицали «особый путь» России, о котором говорили славянофилы. Они критиковали официальную идеологию, указывали на недостатки политического строя,

управления, общества. Видными представителями этого направления были Т. Н. Грановский, А. И. Герцен, П. Я. Чаадаев, В. П. Боткин, Б. Н. Чичерин, И. С. Тургенев.

«Затейка верховников» — попытка членов Верховного тайного совета ограничить самодержавие российских императоров особыми условиями («кондициями»). Возникла в результате династического кризиса, наступившего в 1730 г. после смерти последнего представителя династии Романовых по прямой мужской линии – Петра II. Члены Верховного тайного совета («верховники») оказались перед выбором и предпочли дочерям Петра I дочь его старшего брата Ивана V, курляндскую герцогиню Анну Иоанновну. Однако при этом они обставили ее приглашение на престол условиями, существенно урезавшими неограниченную власть императрицы в пользу Верховного тайного совета. Анна Иоанновна приняла их и подписала «кондиции», но дворянство не согласилось с усилением власти Верховного тайного совета. Одновременно против «верховников» выступили сторонники ограничения самодержавия в пользу всего дворянства в целом и сторонники сохранения самодержавия. Последние одержали победу – Анна Иоанновна уничтожила «кондиции». Верховный тайный совет был ликвидирован, а многие из его членов, инициаторов «затейки верховников», впоследствии были арестованы и казнены.

Зело — очень (древнерус.).

Земский собор — в России XVI–XVII вв. совещание представителей различных сословий по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. Значение Земских соборов на протяжении всего периода их существования менялось. Первые Сборы созывались по инициативе государя для решения важнейших государственных задач и имели значение совещания правительства с представителями сословий. После смерти Ивана Грозного значение Соборов существенно возрастает. Центральную проблему политической жизни России – избрание царя – пришлось решать Соборам 1598 и 1613 гг. Избирательный собор 1613 г. практически не распускался до 1622 г., участвуя в обсуждении важнейших государственных дел. В дальнейшем правительство неоднократно созывало Соборы для обсуждения и решения различных вопросов, связанных с внешней политикой и финансами.

Земщина — в период опричнины Ивана IV Грозного та часть территории, которая не вошла в опричнину и осталась под управлением Боярской думы. Иван Грозный наложил на земщину огромный налог на организацию опричного войска, постепенно расширял опричнину за счет земщины, подвергал земские территории разгрому и грабежу.

Золотая палата — дворцовое учреждение XVII в., в котором работали ювелиры, изготавливавшие драгоценные предметы для царя и его семьи.

Золотой — 1) в средневековой России название крупных золотых монет; 2) чеканившийся со времен Ивана IV Грозного золотой монетовидный знак, на котором с двух сторон изображен двуглавый орел и надпись с царским титулом и именем. Предназначался для наград и торжественных церемоний.

Игумен — глава монастыря.

Иерархия — расположение от низшего к высшему.

«Изменные дела» – сфальсифицированные судебные дела об изменах и других преступлениях в период опричнины Ивана Грозного. Чаще всего заканчивались казнью обвиненного.

Иконник — мастер, писавший иконы.

Импрессионизм — направление в изобразительном искусстве второй половины XIX – начала XX в. Художники, работавшие с этом стиле, стремились передать живые, яркие впечатления от реального мира. Поэтому импрессионизму свойственны выразительность, пластичность, подвижность композиции и линий. Наиболее знаменитыми представителями импрессионизма являются французские художники Э. Мане, О. Ренуар, Э. Дега, К. Моне,

французский скульптор О. Роден. Из русских мастеров наиболее известны П. Трубецкой, К. А. Коровин, И. Э. Грабарь.

Иноземный приказ — правительственное учреждение в России XVII в., ведавшее службой иностранцев в России.

Интервенция — вторжение с целью захвата на территорию другого государства.

Кадило — предмет, употребляющийся во время богослужения, чаша на цепочке, в которую кладется уголь и ладан. Во время церковной службы священник или дьякон совершают каждение, окуривая благовониями храм и прихожан.

Казанский приказ (дворец) — правительственное учреждение, управлявшее землями, ранее входившими в состав Казанского и Астраханского ханств (Среднее и Нижнее Поволжье).

Камергер — чин четвертого класса Табели о рангах по разряду придворной службы (1732–1809), затем – почетное придворное звание.

Камердинер — личный слуга.

Камерир — придворный казначей.

Камер-коллегия — центральное правительственное учреждение, ведавшее государственными доходами. Учреждена указом Петра I в 1717 г., открыта в 1721 г. и подчинялась Сенату. В 1801 г. упразднена, а ее функции переданы казенным палатам в губерниях.

Камер-юнкер — чин пятого класса в Табели о рангах по разряду придворной службы (1742–1809), впоследствии придворное звание.

Канцелярия конфискации — правительственное учреждение, занимавшееся конфискацией движимого и недвижимого имущества частных лиц, осужденных судом, а также в порядке взимания недоимок и штрафов. Учреждена в 1729 г. и находилась в ведении Сената, ликвидирована в 1784 г.

Канцелярия от строений — правительственное учреждение, в ведении которого находилось руководство строительством в Санкт-Петербурге и подготовка мастеров строительного дела (столяров, штукатуров, позолотчиков). Основана в 1706 г., а в 1797 г. объединена с Гофинтендантской конторой.

Канцлер — первый, высший чин Табели о рангах по разряду гражданской службы. Введен Петром I в 1709 г. и дан видному дипломату Г. И. Головкину. Этот чин давался обычно руководителям дипломатического ведомства. Канцлерами, помимо Головкина, были: князь А. М. Черкасский, А. П. Бестужев-Рюмин, И. А. Остерман, А. А. Безбородко, Н. П. Румянцев, князь А. М. Горчаков и другие.

Капитан-поручик — чин восьмого класса Табели о рангах по разряду военной службы в 1764–1797 гг.

Капитуляция — добровольная сдача неприятелю крепости или войска.

Каптенармус — нижний чин на флоте, заведовавший оружием, мундирами и другой амуницией.

Кардинал — в церковной иерархии Римско-католической церкви высшее духовное лицо, следующее после Римского Папы.

Кесарь — русская форма императорского титула «цесарь», происходящего от личного имени римского императора Юлия Цезаря.

Классицизм — художественный стиль XVII–XIX вв., в России распространяется с конца XVIII в. и сменяет барокко. Классицизм отличают строгость и симметрия построек, геометрическая четкость линий. Источником вдохновения для зодчих классицизма было искусство Древней Греции и Древнего Рима. Яркими памятниками архитектуры классицизма являются здания Большого Кремлевского дворца и Большого театра в Москве, Главного штаба и Сената в Санкт-Петербурге, памятник К. Минину и Д. М. Пожарскому в Москве и

Петру I («Медный всадник») в Санкт-Петербурге.

Клобук — монашеский головной убор, состоящий из камилавки (высокой круглой шапочки) и надетой поверх нее креповой ткани, оканчивающейся тремя концами (воскрилиями).

Князь — первоначально племенной вождь, глава племени или племенного союза у славян, в Древней Руси – титул верховного правителя государства и правителя отдельной области (княжества). С XV в. слово «князь» становится личным титулом и уже не связывается с обладанием какими-либо землями. Само слово считается заимствованием из древнегерманского «конунг» – старейшина рода. Другая версия связывает слово «князь» со словом «конь», подчеркивая значение коня для воинской славы и доблести. Титул князя передавался по наследству, но его носитель мог быть лишен княжеского достоинства по приговору суда. Так, например, поступили с князьями-декабристами. Русские императоры не награждали титулом князя, но давали титулы «светлейшего князя».

Коллегии — высшие правительственные учреждения, созданные Петром I на смену приказам в 1717–1721 гг. Важным отличием коллегий от приказов было то, что они управлялись несколькими членами этого учреждения, а не одним руководителем. В 1802 г. после образования министерств коллегии были упразднены.

Коллегия экономии — высшее правительственное учреждение, созданное в 1726 г. для сбора доходов с монастырских и церковных земель. В 1764 г. после указа Екатерины II о передаче этих земель в казну в ведение Коллегии экономии перешло и управление ими.

Коллежский асессор — чин восьмого класса Табели о рангах по разряду гражданской службы.

Коллежский регистратор — чин четырнадцатого класса Табели о рангах по разряду гражданской службы.

Коллежский советник — чин шестого класса Табели о рангах по разряду гражданской службы.

Комиссар — должностное лицо, в различное время исполнявшее различные функции. Комиссары могли быть дипломатическими и торговыми представителями за границей, а в гражданском управлении в XVIII–XIX вв. – управляющий казенными припасами.

Коммерц-коллегия — высшее правительственное учреждение, ведавшее вопросами внешней и внутренней торговли, морским судоходством, решавшее судебные дела купечества и промышленников. Учреждена в 1715 г., а в 1802 г. преобразована в Министерство коммерции.

Кондиции — прямое значение этого термина – условия. «Кондициями» были названы те условия, которые в 1730 г. члены Верховного тайного совета предъявили Анне Иоанновне, когда предложили ей занять российский престол (см.: «затейка верховников»).

Консолидация — объединение.

Конфиденциальный — тайный.

Концепция — в науке: система трактовок и объяснений каких-либо событий или явлений, основная руководящая идея.

Конюший — придворный чин XIV – начала XVII в., первоначально ведавший великокняжескими лошадьми, затем приобрел значение почетного звания, обозначавшего первенство среди бояр. В 1613 г. решением Земского собора эта должность была отменена. Писатель середины XVII в. Г. К. Котошихин упоминает о предании, согласно которому, конюший после смерти бездетного царя должен занять престол.

Коронация — торжественная церемония принятия верховной власти государем. Первой русской коронацией было «венчание на великое княжение» Иваном III своего внука Дмитрия в 1497 г., после которой внук стал соправителем великого князя. Иван IV Грозный принял на

своей коронации в 1547 г. царский титул. С этого времени совершалось «венчание на царство». Традиционно коронации русских царей и императоров происходили в Успенском соборе Московского Кремля.

Корпорация — объединение.

Кравчий — придворный чин XVI– XVII вв., в ведении которого состояла организация царских пиров.

Краеведение — наука, занимающаяся изучением отдельных регионов, частей страны (областей, городов, сел, деревень). Краеведение изучает в целом природу, историю, культуру и современное состояние региона. Отдельные направления краеведения занимаются определенными историко-культурными объектами: церковное краеведение – монастырями и церквями, усадьбоведение – усадьбами, некрополеведние – кладбищами.

«Кумпанства» — объединения богатых купцов и дворян, созданные Петром I в конце XVII в. для строительства кораблей. На каждое «кумпанство» была возложена обязанность построить корабль на свои средства.

Ленная система — в средневековой Западной Европе основа феодального строя – обязанность вассала служить военную службу более крупному феодалу за предоставленное ему владение – лен (феод).

Ловчий — придворная должность XIV– XVII вв., в ведении которой состояла организация великокняжеской, а затем царской охоты.

Ложа — масонская организация.

Магнат — богатый вельможа.

Малороссийский приказ — правительственное учреждение XVII в., в ведении которого состояло управление Украиной.

Маркиз — первоначально в средневековой Западной Европе крупный феодал; впоследствии знатный дворянский титул.

Масонство — религиозно-этическое движение XVIII–XX вв., участники которого стремились создать всемирную тайную организацию для мирного объединения всего человечества в братский религиозный союз. Организация и ритуалы масонов были тесно связаны с традициями рыцарских и монашеских орденов средневековой Европы. В России масонство появилось с 1730-х гг. и имело широкое распространение в начале XIX в. Членами масонских лож были многие видные деятели культуры и почти все участники декабристского движения. В 1822 г. деятельность масонов была запрещена по указу Александра I. В начале XX в. произошла активизация деятельности масонов в России, а после Октябрьской революции масонские ложи в России были уничтожены.

Мемориал — памятник в честь умершего.

Менталитет — образ мышления, комплекс представлений.

Метрология — наука, одна из специальных исторических дисциплин, которая занимается исследованием системы мер и весов в различное время и в различных странах.

Меценат — покровитель, благотворитель, тот, кто жертвует собственные средства на поддержание изобразительного искусства, создание и развитие учреждений медицины и попечительства о бедных.

Модерн — художественный стиль конца XIX – начала XX в. Модерн отличается плавностью и гибкостью линий, своеобразием планировки построек, использованием новейших для того времени технических средств. Архитектура и изобразительное искусство модерна тесно связано с поэтикой символистов.

Монастырский приказ — правительственное учреждение, ведавшее судебными вопросами на землях, находившихся во владении Церкви. Создан в 1650 г., упразднен в 1677 г. Вновь

восстановлен Петром I в 1700 г. после смерти патриарха Адриана и получил более широкие полномочия по управлению церковными землями. В 1725 г. ликвидирован, а его функции перешли к Коллегии экономии.

Морганатический брак — брак, заключенный между представителем династии и лицом более низкого происхождения, не принадлежащим к правящему роду. Противоположен династическому браку.

Мундшенк — чин двенадцатого класса Табели о рангах, по разряду придворной службы. Мундшенк разливал напитки во время придворных торжеств.

Мурза — дворянский титул у татар.

Набат — барабан, символ власти воеводы.

Наказ — инструкция царя должностному лицу, например, посланнику или воеводе. В 1767 г. при создании Уложенной комиссии Екатерина II создала «Наказ» Уложенной комиссии, в котором изложила прогрессивные для того времени взгляды на государственное и общественное устройство.

Некрополь — кладбище; в более широком смысле – собрание сведений о лицах, похороненных на одном кладбище, в одном городе, области, стране.

Нумизматика — наука, одна из специальных исторических дисциплин, занимающаяся изучением денежного обращения.

Нумизматика тесно связана и с другими историческими науками – археологией, генеалогией, метрологией и т. д.

Обер-гофмаршал — чин второго класса Табели о рангах по разряду придворной службы, первый гофмаршал, президент Придворной конторы.

Обер-егермейстер — чин второго класса Табели о рангах по разряду придворной службы, первый егермейстер.

Обер-камергер — чин второго класса Табели о рангах по разряду придворной службы, в его подчинении находились придворные чины камергеров и камер-юнкеров.

Обер-комиссар — главный комиссар.

Обер-церемониймейстер — чин второго класса Табели о рангах, первый церемониймейстер, главный распорядитель придворных церемоний.

Обер-шенк — чин второго класса Табели о рангах по разряду придворной службы, в распоряжении которого находятся дворцовые припасы.

Обер-шталмейстер — чин второго класса Табели о рангах по разряду придворной службы, ведавший императорскими конюшнями и относящимся к ним хозяйством.

Однодворец — бедный дворянин, во владении которого находится один-два крестьянских двора. Часто однодворцы вообще не владели крестьянами и сами пахали землю. При Петре I многие дворяне-однодворцы были записаны во время переписей крестьянами и стали собственностью казны, а затем крепостными крестьянами и таким образом потеряли свободу.

Окольничий — второй чин Боярской думы после боярина.

Опала — наказание, немилость государя. Опала проявлялась различным образом. Опального могли казнить, сослать, отобрать его имущество в казну, запретить появляться во дворце на какое-то время или на всю жизнь.

Опричнина — учреждение, созданное Иваном Грозным и действовавшее в 1565–1572 гг., и проводившаяся им в этот период политика жестоких репрессий. Царь выделил в свой особый удел (опричнину) часть территорий государства и создал особое опричное войско, в обязанности которого входила борьба с «изменниками». Остальная часть страны получила название земщины и перешла в ведение Боярской думы. При учреждении опричнины царь присвоил себе право судить и выносить смертные приговоры без участия Боярской думы и

главы Церкви – митрополита. Поэтому опричнина сопровождалась жестокими казнями тех, кого Иван Грозный считал своими врагами и подозревал в измене и заговорах. С начала создания опричнины Иван Грозный выселил из центральных уездов страны несколько сотен землевладельцев, потомков удельных князей, забрал эти земли в казну и затем передал опричникам. В 1570 г. царь подверг разгрому несколько городов – Тверь, Торжок, Новгород и Псков, жители которых были поголовно обвинены в измене и истреблялись. Историки спорят о целях и значении опричнины, однако очевидно, что она, с одной стороны, способствовала укреплению режима неограниченной власти царя, а с другой стороны, вызвала глубокий экономический и социальный кризис, который привел к гражданской войне в начале XVII в., известной под названием Смутного времени.

Оружейная палата — правительственное учреждение XVI–XVII вв., ведавшее покупкой, изготовлением и хранением оружия, драгоценностей и предметов дворцового обихода. В 1806 г. преобразована в музей, ныне в составе Государственных музеев Московского Кремля.

Оружиеведение — наука, одна из специальных исторических дисциплин, занимающаяся историей оружия.

Оружничий — придворная должность XVI–XVII вв., заведовал Оружейной палатой.

Острог, острожек — в XV–XVII вв. деревянное или деревянно-земляное укрепление.

Отроковица — девочка (древнерус.).

Палеография — наука, одна из специальных исторических дисциплин, занимающаяся изучением предметов для письма и видов письма. Палеография позволяет датировать документ по типу бумаги и почерку, свойственному той или иной эпохе.

Паникадило — большая люстра в церкви, состоящая из многих свечей.

Партер — 1) места в зрительном зале, расположенные рядами параллельно сцене; 2) открытая часть сада или парка, украшенная газонами, цветниками, бассейнами, фонтанами и статуями.

Пиетет — повышенное уважение.

Письмоводитель — чиновник, в обязанности которого входило вести переписку и делопроизводство.

Погост — в X–XV вв. погостами называли центры областей, в которых находились княжеские наместники и куда свозилась дань с окрестных селений. Погосты также были торговыми центрами, от чего и произошло их название (от слова «гостьба» – торговля). Позднее, когда погосты утратили свое значение административных и торговых центров, они продолжали сохранять свое значение как религиозные – обычно на погосте была церковь. Поскольку, при церкви существовало и кладбище, постепенно слово «погост» стало синонимом слова «кладбище» и часто употреблялось в этом смысле в XVIII–XIX вв.

Подушная подать — основной государственный налог, собиравшийся с «души», т. е. с каждого человека. Введен Петром I на смену подворной подати, т. е. налогу, собиравшемуся с каждого двора.

Подьячий — правительственный чиновник, делопроизводитель в XVI–XVIII вв. Эта должность стояла ниже должности дьяка.

Полки «иноземного строя» (полки «нового строя») — части русской армии XVII в., которые были обучены и организованы по образцу европейских армий того времени. Первоначально находились под командованием иноземных офицеров, затем был создан и русский офицерский корпус. В войнах с поляками, шведами и турками во второй половине XVII в. полки «иноземного строя» показали себя более эффективными, чем дворянская поместная конница. С создания полков «иноземного строя» фактически началось формирование русской регулярной армии, поскольку они, в отличие от дворянского поместного ополчения, не собирались на время боевых действий, а находились на службе постоянно.

Поместное ополчение — российская армия XV–XVII вв., основу которой составляли дворяне, служившие благодаря тому, что имели поместья, а также их боевые холопы, также обеспечивавшиеся с поместий.

Поместный приказ — центральное учреждение в XVI–XVII вв., ведавшее обеспечением дворян поместьями и решавшее различные споры о земельных владениях.

Поместье — земельный надел, предоставляемый дворянам во временное владение, обусловленное несением военной службы, аналог западноевропейского лена или феода (см.: ленная система). Практика наделения поместьями употреблялась еще Иваном Калитой, но широкий размах приобрела при Иване III. В середине XVI в. поместья и вотчины были уравнены в отношении обязанностей несения военной службы царю. Размер поместья регулировался в зависимости от заслуг и происхождения дворянина, помещика. В свою очередь, от размера поместья зависело число вооруженных всадников (из числа боевых холопов), выезжавших с помещиком на службу. В конце XVII в. обе формы землевладения – поместья и вотчины – были уравнены и стали передаваться по наследству.

«Поминки» — в XVI–XVII вв. дары русских царей крымским ханам, которые приносились с целью предотвращения татарских набегов.

Пономарь — церковный служитель низкого ранга, во время службы зажигал свечи и лампады, звонил в колокола. Должность пономаря упразднена в XIX в.

Посольский приказ — центральное правительственное учреждение XVI– XVIII вв., руководившее внешней политикой, аналог Министерства иностранных дел. Во главе Посольского приказа стояли видные дипломаты и государственные деятели того времени: И. М. Висковатый, А. Л. Ордын-Нащокин, А. С. Матвеев, Е. И. Украинцев. Во второй половине XVII в. Посольскому приказу подчинялись также приказ Великого княжества Литовского и Малороссийский приказ.

Поташ — химическое вещество, калия карбонат (углекислый калий), применялся в производстве мыла и стекла. Поташное дело – производство поташа.

Починок — небольшое сельское поселение.

Премьер-майор — восьмой чин Табели о рангах по разряду военной службы. Существовал в 1731–1798 гг.

Прецедент — случай, что-либо, что произошло один раз и послужило примером, позволяющим в дальнейшем действовать так же.

Приват-доцент — ученая степень, внештатный преподаватель в университетах и институтах дореволюционной России. Степень приват-доцента была ниже степени профессора.

«Придача» — добавление. В XVI– XVII вв. обычно это слово означало увеличение поместья или денежного жалованья дворянина или дьяка. Являлась формой награды за верную службу.

Приказ — центральное учреждение в Российском государстве XVI–XVII вв., в ведении которого находилась та или иная отрасль управления или определенная территория. Приказы можно считать аналогом министерств. Приказы сложились в середине XVI в., а при Петре I были заменены коллегиями. Несмотря на то что система приказов была громоздкой, а решение дел в них могло запутываться и идти довольно долго, большинство из них вполне успешно справлялись со своими задачами.

Приказ Большой казны — центральное правительственное учреждение XVI– XVII вв., в ведении которого состояло финансовое управление Российского государства.

Приказ Сыскных дел — центральное правительственное учреждение XVI– XVII вв., в ведении которого находился «сыск», т. е. проведение расследований по уголовным преступлениям и наказание преступников.

Приказ, что на сильных людей челом бьют — правительственное учреждение XVII в. В

него обращались с жалобами на притеснения со стороны «сильных людей» – вельмож и бояр.

Приказчик — управляющий дворянским имением.

Принц — титул нецарствующего члена императорской или королевской династии.

Пристав — должность в XVI–XVII вв. Приставы назначались при иностранных послах и государственных преступниках, отправляемых в ссылку. Они должны были сопровождать и обеспечивать подопечных, стремиться не допускать их общения с посторонними людьми.

Провиантский приказ — правительственное учреждение, созданное Петром I во время Северной войны, занималось снабжением армии съестными припасами.

Протазан — холодное оружие на длинном древке, употреблялось как парадное и офицерское в XVII–XVIII вв. Наконечник протазана состоял из плоского клинка и широкого полумесяца. В России появляется с начала XVII в. и считался вооружением царских телохранителей. При Петре I протазаны появились в армии как знаки различия штаб– и обер-офицеров.

Протекторат — верховная власть.

Протопоп — протоиерей, священник высокого ранга.

Пустошь — заброшенное, запустевшее место, где ранее располагалось сельское поселение.

Разбойный приказ — центральное правительственное учреждение XVI–XVII вв., занимавшееся расследованием уголовных преступлений – разбоев, убийств, грабежей и наказанием преступников.

Разряды, разрядные книги — росписи назначений на должности воевод во время ведения боевых действий или в управлении городами. Разряды начали вести при Иване III в конце XV в. Во время местнических споров спорящие стороны обращались к разрядам, выискивая в них те или иные прецеденты в поддержку своей правоты. В середине XVII в. в связи с переменами в организации армии военные разряды прекратили вести, но продолжали записывать данные в дворцовые разряды. В 1682 г. после отмены местничества разряды как источник местнических споров были торжественно сожжены. Однако часть разрядных книг сохранилась и является для историков важным источником сведений о военной истории России или о биографии тех или иных деятелей XVI– XVII вв.

Регент — правитель при малолетнем или неспособном к управлению государе.

Регентский совет — совет из нескольких лиц, обладающих большим опытом или влиянием, исполняющий те же функции, что и регент.

Резидент — дипломатический термин, означающий представителя или агента. Резидент мог быть и тайным, исполнять функции разведчика.

Рейтар — конный воин, обычно из дворян или жильцов.

Рекрут — военнобязанный из крестьян, мобилизованный на службу. Рекруты собирались по разнарядке от определенного числа крестьянских дворов и несли службу пожизненно. Рекрутская система была введена Петром I и действовала вплоть до военной реформы при Александре II.

Ремонтер — офицер, занимавшийся закупкой лошадей для пополнения убыли в кавалерии.

Роговая музыка — вид музыки, игра на усовершенствованных рогах животных, выступающих в качестве духового инструмента. Изобретена в России в XVIII в.

Роспись — в России XVI–XVII вв. этим словом обозначали документ, в котором содержались сведения назначениях на воеводские должности (роспись по полкам), а также список чего-либо.

Ротонда — круглая постройка, обычно увенчанная куполом.

Рында — царский оруженосец, телохранитель, почетная стража при приеме иностранных послов.

Саадак — набор их лука и колчана со стрелами. У богатых воинов саадак обивался дорогой тканью и украшался.

Самозванец — тот, кто принимает другое имя или называется другой должностью, чином. Во время Смутного времени в России начала XVII в. появились множество самозванцев, принимавших имена русских царей и царевичей. Именем «царевича Дмитрия Ивановича», сына Ивана Грозного, назывались три человека; другие самозванцы выдавали себя на мифических, никогда не существовавших сыновей Грозного и царя Федора Ивановича – «царевича Августа Ивановича», «царевича Петра Федоровича» и др.

Санкция — разрешение.

Секунд-майор — восьмой чин Табели о рангах по разряду военной службы. Существовал в 1731–1798 гг.

Секира — холодное оружие на длинном древке, боевая часть которого выполнена в виде топора с широким месяцеобразным лезвием, предназначенное для нанесения рубящих ударов.

Селекция — раздел агрономии и зоотехники, изучающий методы создания сортов и гибридов растений и животных.

Семибоярщина — во время Смутного времени, в 1610–1611 гг., правительство, состоявшее из семи бояр. Власть перешла к Семибоярщине после низвержения царя Василия Шуйского, однако, опасаясь самозванца Лжедмитрия II, бояре заключили с поляками договор о призвании на русский престол польского королевича Владислава и впустили польское войско в Кремль. С этого времени Семибоярщина потеряла свое значение и превратилась в правительство при польском наместнике Москвы.

Сенат — высшее правительственное учреждение в 1711–1917 гг. Первоначально в ведении Сената состояли все вопросы законодательства, суда и государственного управления. С первой половины XIX в. – высший судебный орган, также осуществлял надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников.

Сенатская контора — представительство Сената вне Санкт-Петербурга.

Серебряная палата — дворцовое учреждение XVII в., в котором работали придворные ювелиры.

Сибирский приказ — правительственное учреждение XVII в., в ведении которого находилось управление Сибирью.

Симметрия — принцип соразмерности и гармонии частей.

Синодик — книга, в которую записывают имена умерших для церковного поминания.

Скипетр — жезл, один из символов верховной светской власти.

Скудельница — братская могила, в которой хоронили неопознанные трупы, а во время массовых эпидемий – умерших от болезни.

Славянофилы — идейное течение русской интеллигенции, которое приобрело наибольшее развитие в середине XIX в. В отличие от западников славянофилы утверждали, что России предстоит особый путь развития, отличный от стран Западной Европы. Они видели его в самобытных традициях русской государственности XV–XVII вв. и считали петровские реформы ошибкой. Славянофилы идеализировали старину, преувеличивали значение православия для России и чрезмерно высоко отзывались о творческих качествах русского народа. В то же время они резко критиковали официальную государственную идеологию и государственное устройство своего времени. Наиболее видными представителями славянофилов были: И. С. и К. С. Аксаковы, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин.

Сокольничий — придворный чин XIV– XVII вв., в ведении которого состояла организация царской охоты с ловчими птицами.

Сословие — общественная группа, члены которой обладают определенными правами и обязанностями, отличными от членов других сословий. Сословная принадлежность была

пожизненной, однако существовала возможность перейти из одного сословия в другое. Например, крепостной крестьянин мог откупиться на волю и, разбогатев, перейти в купеческое сословие. Дворянство, согласно Табели о рангах, можно было выслужить на государственной службе. Основные сословия дореволюционной России: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство. После Октябрьской революции сословия были отменены.

Спальник — мелкий придворный чин, в обязанности которого входило разоблачать царя перед сном и находиться в соседнем помещении на случай его срочных поручений среди ночи.

Статский советник — чин пятого класса по Табели о рангах по разряду гражданской службы.

Статус — положение, значение.

Стольник — мелкий придворный чин, в обязанности которого входило прислуживать за столом во время пиров и выполнять разнообразные поручения царя. В стольниках начинали службу практически все представители аристократических родов, впоследствии достигавшие боярских чинов, а также служили незнатные дворяне, для которых чин стольника был вершиной карьеры.

Стрелец — солдат-пехотинец, вооруженный пищалью и бердышом. Стрельцы составляли регулярную часть русской армии, получали жалованье и селились слободами, занимаясь в мирное время торговлей, ремеслом и огородничеством.

Стрелецкий приказ — центральное правительственное учреждение XVI–XVII вв., занимавшееся управлением стрелецким войском.

Стряпчий — мелкий придворный чин, в обязанности которого входило следить за платьем царя и подавать его при облачении. Как и стольники, стряпчие выполняли также и другие поручения царя, служили городовыми и полковыми воеводами.

Судовая рать — войско, плывшее на судах.

«Табор» — лагерь.

Тайный советник — чин третьего класса Табели о рангах по разряду гражданской службы.

Тапер — в эпоху немого кино пианист, который играет во время фильма.

Тиун — в Древней Руси наместник князя в городе или области.

Топонимика — наука, одна из специальных исторических дисциплин, занимающаяся изучением происхождения географических названий.

Тягло — налог. Тяглые люди или тяглые сословия — те слои общества, которые платили налоги. В Российском государстве XVI–XVII вв. это: крестьяне, ремесленники и купцы. Позднее термин тяглые сословия заменяется словами податные сословия, имевшими тот же смысл: подать – налог.

Уезд — в XVI – начале XX вв. территория, в отношении управления приписанная к определенному городу. Размеры уездов были различны. От мелких в центре страны, до обширных на окраинах. Термин «уезд» в целом соответствует современному «район».

Уздень — на Северном Кавказе дворянский титул.

Узурпатор — лицо, насильственно захватившее власть, на которую оно не имеет права.

«Украина» — в XV–XVII вв. термином «украина» («украйна») обозначали отдаленную часть, окраину государства, пограничье. Выделялись рязанская «украина», черниговская «украина», крымская «украина» и т. д. В XIX–XX вв. это название закрепилось за той территорией, которая раньше именовалась Малой Россией или Малороссией. Ныне: Украина – независимое государство, которое входит в СНГ.

Улус — в империи Чингисхана и его потомков (Монгольской империи), а также в государствах, образовавшихся после ее распада (например, в Золотой Орде), словом «улус» обозначалась часть государства, находящаяся во владении того или иного рода потомков Чингисхана. Например, Золотая Орда считалась «улусом Джучи» – владением потомков Джучи, старшего сына Чингисхана. Одним из сыновей Джучи был знаменитый завоеватель Батухан (Батый). Русь, подчинявшаяся Золотой Орде в 1238–1480 гг., составляла особый «Русский улус», верховными правителями которого были золотоордынские ханы.

«Урочные лета» — определенный срок, в течение которого землевладелец имел право вернуть себе беглого крестьянина. Дворяне протестовали против «урочных лет», и правительство, идя им навстречу, постепенно увеличивало сроки «урочных лет», а в 1649 г. они были вовсе отменены.

Феодал — владелец земли (в Западной Европе: феода или лена). В средневековой Западной Европе существовала четкая иерархия феодалов (феодальная лестница), при этом на ее верху находился сеньор (король), а ниже его вассалы, и вассалы последних, вплоть до рядовых рыцарей. Вассалы были обязаны нести военную службу своему сеньору, но не подчинялись вышестоящему сеньору. В России феодализм имел определенное своеобразие. Высшим феодалом был великий князь, а затем царь. Его вассалами являлись все служилые люди (бояре и дворяне), получавшие от него за службу поместья. Впрочем, те землевладельцы, которые обладали вотчинами, происхождение которых не было связано с царским пожалованием, также были обязаны нести военную службу. Существовали также церковные феодалы – патриарх (глава Русской православной церкви), монастыри, церкви.

Холоп — человек, лично зависимый от другого, слуга, земледелец или воин, т. е. боевой холоп. В XVI–XVII вв. достаточно часты были случаи ухода дворян в холопы. В Средневековье назывались также боярскими людьми. В переносном смысле – обозначение подданства или вассалитета. Выражение «холоп твой» в конце отписок или челобитных служилых и приказных людей являлось стандартной формулой подписи документов, адресованных государю, а также широко распространенной формулой подписи в частной переписке XVII в.

Хронология — это слово употребляется в двух значениях. Во-первых: специальная (вспомогательная) историческая дисциплина, которая изучает системы летоисчисления разных времен и народов и их соотношения между собой и с современным летоисчислением и календарем. Во-вторых, хронологией называют последовательность исторических событий.

Целовальник — правительственный чиновник, избиравшийся местным населением. Целовальники целовали крест, принося присягу на верную и честную службу. Отсюда и происходит их название.

Церемониймейстер — чин пятого класса Табели о рангах по разделу придворной службы, в обязанности которого входило участие и распоряжения во время придворных церемоний.

Челобитенный (Челобитный) приказ — центральное правительственное учреждение XVI–XVII вв., в которое подавались жалобы (челобитные), а также прошения и различные предложения, адресованные царю.

Четверть — 1) четверть — мера площади, равная 0,5 десятины, т. е. немногим более 0,5 гектара; 2) мера веса сыпучих тел, составлявшая на рубеже XVI–XVII вв. 4 пуда, или 64 кг.

Шерть — присяга верховному государю (царю), которую приносили мусульманские и другие неправославные народы России в XVI–XVII вв.

Шестопер — холодное оружие на коротком древке, вид булавы, снабженной шестью лопастями («перьями»).

Экзекуция — наказание.

Эксцентрик — человек, совершающий необычные поступки.

Эмиссар — представитель.

Эпитафия — памятная надпись об умершем, чаще всего стихотворная и чаще всего наносившаяся на надгробный памятник.

Этнический — национальный. Говоря об этническом составе, допустим, народа, сословия или социальной группы, подразумевают их национальный состав, национальное происхождение людей, составляющих народ, сословие или социальную группу.

Юстиц-коллегия — центральное правительственное учреждение, в ведении которого находились судебные учреждения. Являлась высшей инстанцией, в которую можно было подать жалобу на несправедливый судебный приговор. Образована Петром I в числе первых коллегий в 1717 г., упразднена в 1786 г.

Ямской приказ — центральное правительственное учреждение в России XVI– XVII вв., занималось обеспечением ямской службы – перевозок правительственных сообщений, посылок гонцов и переездов правительственных чиновников. Ямской приказ также ведал сбором налога, на который содержалась ямская служба – ямские деньги, который был одним из основных в то время.

Ярлык — документ, фиксировавший различные пожалования со стороны ханов Золотой Орды, и различные обязанности их обладателей. Ярлыки на право княжения (как великого, так и удельного) выдавались князьям. Они подтверждали властные полномочия их обладателя. При смене хана князья должны были заново подтверждать свои права в Орде, также и наследники умерших князей были обязаны получать новые ярлыки.

Ясак — налог, который платили российской администрации в XVI–XVIII вв. коренные народы Сибири. Ясак взимался мехами и лишь во второй половине XVIII в. кое-где стал заменяться денежным сбором, что было связано с истреблением пушного зверя. Ясак собирался в зависимости от численности населения, согласно переписям. Установление размеров ясака на определенных территориях называлось ясачным обложением.

Литература

Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Пер. с англ. Бориса Пинскера. М., 2004.

Бычкова М. Е. «Что значит именно родные». М., 2000.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

Бычкова М. Е., Смирнов М. И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004.

Веселовский С. Б. Очерки истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории / Издание подготовил К. А. Аверьянов. М., 1990.

Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб., 1998.

Вострышев М. И. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М., 2001.

Генеалогические исследования: Сб. статей. М., 1994.

Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты. Панорама столичной жизни. СПб., 1996.

Губастов К. А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / Публ. и комм. Р. Г. Красюкова. СПб., 2003.

Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий в России / Сост. и научн. ред. В. П. Старк. СПб., 2000.

Дворянские роды Российской империи. Т. 1–4 / Под. ред. С. В. Думина. СПб., 1993 – 1998.

Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.: Сб. статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975.

Думин С. В. Историко-родословное общество в Москве // Летопись Историко-Родословного общества в Москве. 1993. Вып. 1 (45).

Забелин И. Е. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. М., 1988.

Знаменитые россияне XVIII–XIX вв. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / Сост. Е. Ф. Петинова. СПб., 1996.

Каргалов В. В. Полководцы. XVII в. М., 1990.

Князья Трубецкие: Россия воспрянет! / Сост. А. В. Трубецкой. М., 1996.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В. Б. Генеалогия и системы социального этикета // Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клио: Книга для учащихся и студентов. М., 1994.

Кром М. М. Историческая генеалогия // Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие / С. В. Белецкий, И. В. Воронцова, З. В. Дмитриева и др.; Сост. М. М. Кром. Изд. 2-е. СПб., 2003.

Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. 1797–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2005. Куракинские чтения / Сост. Дж. Б. Логашева. М., 2006.

Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи. Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. М., 2004.

Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск, 1998.

Обречены по рождению… По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб., 2004.

Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2000.

Петриченко М. Б. Компьютер в генеалогических исследованиях. М., 2004.

Петриченко М. Б. Практические рекомендации по составлению крестьянских родословных. СПб., 2001.

Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX–начала XI вв. М., 2001.

Пчелов Е. В. Генеалогия Романовых. 1613–2001. М., 2001.

Пчелов Е. В. Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов // Гербоведъ. № 88. 2006. С. 76–146.

Род и предки А. С. Пушкина в истории / Сост. и предисл. О. В. Рыковой. М., 1995.

Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. СПб., 1992.

Русская генеалогия (энциклопедический справочник) / Под ред. Б. А. Николаева (Вспомогательные исторические дисциплины). М., 1999.

Савелов Л. М. Князья Пожарские. М., 1906.

Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом университете. М., 1994 (репр. воспроизвед. изд-я 1909).

Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века: Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М., 1998.

Ткаченко В. А. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1992.

Толмачев А. Л. Коширские Болотовы. Российский родословный фонд. Родословие. Документы. Вып. 1. М., 1996.

Федорченко В. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских

родов. М., 2001.

Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост. игумен Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, Т. В. Флоренская, П. В. Флоренский; пре-дисл. и комм. игумена Андроника (Труба-чева). М., 1992.

Черкасский Б. М. О роде князей Черкасских // Дворянское собрание: Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., № 6. 1996.

Шмидт С. О. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса) // У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

Шмидт С. О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Дворянское собрание: Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., № 4. 1996.

Щербаченко В. И., Бредихин В. Н., Филиппов С. В. Род Меншиковых в истории России: Историко-биографиче-ские очерки. Родословная роспись. Генеалогические таблицы. Меншиков-ский биографический словарь. СПб., 2000.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период (1238–1505). Т. 1–2. СПб., 1887, 1891.

Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: хронологический реестр. М., 1994.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отличительная черта въ исторіи нашего дворянства, сравнительно съ дворянствомъ западной Европы, состоитъ въ томъ, что у насъ оно всегда было *установленіемъ политическимъ*, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся, *сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ*. Аристократическіе элементы, свойственные всякому обществу, были, конечно, и у насъ, точно также, какъ и у насъ было стремленіе меньшинства членовъ общества выдѣлиться изъ народа и составить *привилегированную общественную группу—лучшихъ людей*. Это присуще человѣческой природѣ и проявляется во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Но разница въ томъ, что у насъ эти аристократическіе элементы слагались въ привиллегированную общественную группу *не сами собою*, не во-имя какого-нибудь великаго національнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы,—у насъ аристократическіе элементы *сложены были* въ привиллегированную общественную группу *государственною властью*, которая давала ей ту или другую организацію, повышала и принижала ее, *сообразно потребностямъ государства, примѣнительно къ интересамъ правительства*. Въ этомъ состоитъ радикальное и основное отличіе нашего *служилаго дворян-*

ства отъ *феодальной землевладѣльческой аристократіи* западной Европы, *нашей идеи благородства*, основанной на *службѣ* государству и народу русскому и *пожалованной самодержцемъ* отъ идеи благородства западно-европейскаго, основанной *на крови*, на *контрактѣ съ государственной властью*.

Было время, когда *потребности государства* и обусловливаемые ими *интересы правительства*, вызвали образованіе царскихъ чиновныхъ людей—помѣстнаго служилаго класса, *надѣленнаго отъ государства* землями. Ввиду этихъ потребностей и интересовъ, помѣстный служилый классъ несъ ландмилицкую службу и отбывалъ всяческія государевы *посылки*, ополчался съ своими людьми, по *призыву государства*, а крестьяне были прикрѣплены къ помѣстнымъ землямъ, отбывая службу въ пользу *слугъ государевыхъ*—барщину и оброки.

Настало время, когда преобразовательная дѣятельность государственной власти, въ лицѣ Петра, помѣстный служилый классъ, раздробившійся на царскихъ чиновныхъ людей, высшихъ и низшихъ ранговъ, *сложила* въ цѣльную общественную группу—въ *сословіе гиляхетства*, отчасти по-западно-европейскимъ образцамъ. Но національныя традиціи, но потребности государства и интересы правительства, *только видоизмѣняютъ* тотъ *крѣпостной* характеръ отношеній новаго сословія къ государственной власти, какой имѣли отношенія къ ней помѣстнаго служилаго класса: вмѣсто ландмилицкой службы, періодически отбываемой, вмѣсто временныхъ посылокъ, налагается постоянная служба въ регулярныхъ полкахъ и канцеляріяхъ; европейскій строй службы вызываетъ необходимость

научной къ ней подготовки, и шляхетство засадили за азбуку, за цыфирную и навигаціонную науку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *изящнѣйшимъ благодѣяніемъ*, какъ впослѣдствіи выражалось дворянство, когда для него что̀ *прошло, то стало мило*—помѣстья *превращены* были въ вотчины, для *непоколебимости* и *ясности* шляхетскихъ фамилій *установленъ* майоратъ, а владѣніе крѣпостными людьми начало терять *государственный* характеръ и пріобрѣтать характеръ *гражданскій*. Въ политикѣ Петра Великаго относительно шляхетства нельзя не замѣтить раздвоенія: увлеченный западно-европейскими феодальными образцами, онъ даетъ своему шляхетству феодальные гербы и титулы, вводитъ для него майоратъ, „дабы шляхетскія фамиліи не упадали; но въ своей ясности непоколюбимы были чрезъ славные и великіе домы“. Слѣдуя-же преемственности исторической, національнымъ историческимъ традиціямъ, онъ говоритъ, что *знатность* пропорціональна *годности*, что только *службой* пріобрѣтается *благородство*, что *каждый дворянинъ* почесть и первое мѣсто долженъ давать *каждому оберъ-офицеру*. Результатомъ этой политики дуализма во всякомъ случаѣ было то, что въ новое сословіе брошено зерно *сословныхъ дворянскихъ воззрѣній*, которое, назрѣвая мало-по-малу, разцвѣло впослѣдствіи цвѣткомъ *дворянскихъ аристократическихъ притязаній*, которыя оформлены были законодательствомъ Екатерины II и затѣмъ привились къ нашему общественному строю.

Между прочимъ, приспѣло новое время, и положеніе шляхетства, *переименованнаго* въ дворянство,

измѣнилось: персоналъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ сталъ достаточенъ для потребностей арміи и канцелярій; дворянство по доброй волѣ начало учиться цыфири, навигаціонной наукѣ, иностраннымъ языкамъ: его *освобождаютъ* отъ обязательной службы и обученія. Традиціонный *крѣпостной* характеръ сословія отходитъ на второй планъ— на первый планъ выступаетъ характеръ *привилегированности, знатности* и *благородства*, привитой подражательностію западной Европѣ. Затѣмъ, вскорѣ послѣдовали реформы Екатерины II. Императрица окончательно *додѣлываетъ* сословіе, окончательно превращаетъ его въ *привиллегированное* и *благородное*, которому на правахъ *полной частной* собственности принадлежатъ крѣпостные крестьяне. Но традиція отношеній государственной власти къ новому благородному сословію сказывается. Преобразовывая губернское управленіе, Екатерина II требуетъ отъ своего дворянства новыхъ услугъ государству, новой обязательной службы: на *души его* налагаетъ мѣстный судъ и полицію. Расширеніе личныхъ правъ дворянства, превращеніе крѣпостнаго права въ право полной собственности на людей — является, какъ бы вознагражденіемъ за новую обязательную службу сословія. При Павлѣ I дуалистическая политика относительно дворянства сказывается самымъ рѣзкимъ образомъ: возстановляются тѣлесныя наказанія для дворянства, дѣлаются шаги и относительно возстановленія обязательной службы, неслужащіе дворяне называются *тунеядцами*, и въ то же время манифестъ 1 января 1798 г., изданный по-случаю утвержденія 1-й части дворянскаго гербовника, увѣряетъ дворянство,

что оно *древностію своею не уступаетъ древнѣйшимъ родамъ другихъ государствъ*, и имѣетъ, поэтому, *право на рыцарскіе гербы дворянства феодальнаго*. То же повторяется и при императорѣ Николаѣ I: онъ также былъ недалекъ отъ возстановленія обязательной службы; онъ не позволялъ дворянству обучать своихъ дѣтей тамъ, гдѣ оно хотѣло, одѣлъ его въ униформу министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ бы показывая тѣмъ, что *сословіе состоитъ на службѣ по этому вѣдомству*, и въ то же время въ нѣкоторой степени возстановляетъ майоратъ, усиливаетъ преимущества дворянства по службѣ государственной и преобладаніе въ мѣстной службѣ, повышаетъ чины, дающіе права потомственнаго дворянства, развиваетъ систему дворянскихъ и аристократическихъ учебныхъ заведеній.

Поставленное между двухъ огней, между созидавшими и организовавшими его потребностями государства и интересами правительства—національными, историческими традиціями и между прививаемыми къ нему дуалистическою подражательной политикой аристократическими идеями и притязаніями феодальнаго западно-европейскаго дворянства, наше дворянство, *надѣленное* личными и корпоративными привиллегіями, отличившими его отъ другихъ общественныхъ классовъ, обладая на правахъ полной собственности массами крѣпостнаго населенія, *замыкается въ отдѣльное благородное сословіе*, *старается обособиться отъ народа* и воспитаніемъ, и нравами, и одеждой, и даже языкомъ.

А между прочимъ, идетъ время и приводитъ

государство къ новымъ потребностямъ, правительство къ новымъ интересамъ, вытекшимъ изъ національныхъ историческихъ традицій: совершаются великія реформы великаго настоящаго царствованія. Отмѣняется крѣпостное право, преобразовываются суды, вводятся земскія учрежденія, ослабляется сословная школа, льгота свободы отъ тѣлесныхъ наказаній распространяется на всѣ общественные классы. Реформы эти встрѣчаются съ тѣми сословными воззрѣніями дворянства, которыя развились въ немъ въ предшествовавшее имъ время, но, подъ вліяніемъ этихъ реформъ, *соціальное и юридическое положеніе* сословія, безъ сомнѣнія, крѣпко видоизмѣняется.

Дворянство, конечно, всѣми своими интересами кровно связано съ пережитымъ порядкомъ вещей, но ввиду новаго нарождающагося порядка ему предстоитъ *новое положеніе въ государствѣ*. Въ чемъ будетъ заключаться это новое положеніе дворянства? Жизнь отвѣтитъ на этотъ вопросъ, и разрѣшитъ его, сообразно своимъ роковымъ требованіямъ. Для насъ несомнѣнно одно: *дворянство въ настоящее время переживаетъ кризисъ*. Прежнюю историческую жизнь свою оно *невозвратно* прожило, прежнюю свою миссію — несомнѣнно великую—оно исполнило. Поэтому, и прежнее его привиллегированное положеніе въ государствѣ, и прежнее его выдѣленіе изъ массы народа русскаго, разбивавшее общество на *бѣлыхъ* и *черныхъ*, *благородныхъ* и *подлыхъ*, дѣлаются эпизодомъ изъ прошлой исторіи нашего общественнаго строя. Великій обновитель родной земли сдѣлалъ *благороднымъ* и *привиллегированнымъ* весь народъ рус-

скій, изъ котораго выдѣляется только его излюбленный самодержецъ.

Намъ казалось, поэтому, своевременнымъ, отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ устанавливалась прежняя привиллегированность дворянства, какъ пользовалось оно своими привиллегіями, во благо націи и государству? Этимъ объясняется выборъ предмета для предлагаемыхъ пріуготовительныхъ этюдовъ, которыми воспользуемся, можетъ быть, мы сами, можетъ быть воспользуется кто-нибудь другой, болѣе насъ даровитый, чтобъ составить цѣльное прагматическое изслѣдованіе по исторіи нашего дворянства.

Но, сдѣлавъ такой выборъ, увлеченные своевременностію вопроса — мы не скрывали отъ себя и трудностей дѣла: вопросъ о дворянствѣ, въ полномъ его составѣ, почти не тронутъ другими высокоуважаемыми нами изслѣдователями по исторіи русскаго права. Если мы рѣшились остановить свой выборъ на этомъ вопросѣ, такъ только потому, что приступили къ дѣлу безъ излишнихъ притязаній на его обстоятельное и безъапелляціонное разрѣшеніе. Мы слишкомъ высоко цѣнимъ задачи и требованія *прагматическаго историческаго изслѣдованія*, чтобъ назвать такъ и нашу работу. Мы слишкомъ уважаемъ высшія инстанціи человѣческаго ума, чтобъ считать нашу работу безъапелляціонной. Она имѣетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ значеніе только свода разбросаннаго матеріала и пріуготовительныхъ этюдовъ–ряда замѣтокъ для исторіи дворянства, только намѣчающихъ нѣкоторые вопросы, къ ней относящіеся, ставящихъ рамки, рубрики для будущаго изслѣдованія. Мы только

собирали муссоръ и кирпичи, которые, можетъ быть, найдетъ годными другой зодчій, съ большимъ талантомъ и эрудиціей, чтобъ употребить и ихъ на постройку зданія, которое-бы, по лучшей симметріи и изяществу отдѣлки, болѣе соотвѣтствовало достоинству и важности вопроса.

Притомъ, для полной, прагматической исторіи нашего дворянства едва ли приспѣло время, едва ли собранъ весь матеріалъ.

Дворянство еще такъ недавно, съ своими исключительными правами и преимуществами, выдѣлялось изъ народа, господствуя надъ массами крѣпостнаго населенія, что историку довольно трудно отнестись къ нему съ подобающею объективностію, не увлекшись борьбою дня — восхваленіемъ этихъ сословныхъ привиллегій, или же ихъ порицаніемъ. Мы постараемся выдержать возможно объективную точку зрѣнія, хорошо понимая, что наше дворянство, со всѣми его дурными и хорошими качествами, было продуктомъ исторіи нашего-же общественнаго строя и было неповинно въ винахъ своихъ. Поэтому, да не вмѣнятъ же и намъ въ предумышленную вину, если въ исторіи дворянства, которую читатель найдетъ на страницахъ нашей книги, какъ въ исторіи всякой привиллегіи, встрѣтятся ему не однѣ свѣтлыя черты. Да не вмѣнятъ въ вину и намъ, что дворянство всегда выдѣляло себя изъ среды русскаго народа, то ополячиваясь, то онѣмечиваясь или офранцуживаясь, что оно всегда болѣе дорожило матеріальными выгодами своего положенія—крѣпостнымъ правомъ, свободою отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и повинностей, а на

свои обязанности предъ государствомъ, предъ родной губерніей или уѣздомъ всегда смотрѣло съ чисто — формальной точки зрѣнія. Оно *отлынивало*, елико возможно, отъ обязательной службы и обученія; оно бывало въ *нѣтяхъ* на дворянскихъ собраніяхъ; оно, выбирая судей и полицейскихъ чиновниковъ своей мѣстности, невсегда считалось съ тѣмъ, насколько отъ качества этихъ избранныхъ имъ должностныхъ лицъ зависѣли интересы родной губерніи и уѣзда. Да не вмѣнятъ намъ, наконецъ, въ вину, если въ исторіи отношеній дворянства къ крѣпостнымъ — столько печальныхъ эпизодовъ, столько эксплуатаціи русскаго мужика.

Другая трудность для изучающаго прошлыя судьбы нашего дворянства заключается въ разбросанности и неполнотѣ изданнаго матеріала, въ недоступности многаго другаго матеріала, такъ какъ онъ еще не изданъ и гніетъ по архивамъ.

Нашъ, напримѣръ, основной и главный матеріалъ — *Полное собраніе законовъ*. Но, не говоря уже о томъ, что матеріалъ этотъ касается только офиціальной, юридической жизни сословія, что едвали достаточно для ознакомленія съ исторіей дворянства — матеріалъ этотъ разбросанъ во многотомномъ сборникѣ и кромѣ того представляетъ нѣкоторые пробѣлы, иногда довольно существенные.

Дѣйствительно, кто занимался Полнымъ собраніемъ, тотъ знаетъ, какъ трудно собирать изъ него и группировать юридическія данныя, относящіяся къ изслѣдуемому вопросу. На указатели трудно положиться: иногда можно опустить весьма важную

черту, такъ какъ ея слѣдуетъ извлекать изъ какого-нибудь другаго постановленія, которое не стоитъ въ указателѣ, вслѣдствіе того, что въ немъ говорится о другомъ предметѣ, и только косвенно о вопросѣ изучаемомъ. Сколько разъ приходилось намъ извлекать данныя для дворянства изъ указовъ, относящихся прямо къ какой-нибудь другой отрасли администраціи, къ уголовному или гражданскому праву. Болѣе вѣрное средство исчерпать матеріалъ Полнаго собранія—чтеніе его, страницы за страницей. Но такая работа, едва-ли по силамъ одному человѣку, да и она не представляетъ обезпеченія, что все существенное дѣйствительно извлечено. Мы настойчиво добивались того, чтобъ извлечь изъ Полнаго собранія и сгруппировать всѣ данныя, относящіяся къ исторіи дворянства, но мы все-таки далеки отъ полной увѣренности, что нами извлечено все, нетолько второстепенное, но и главное. Задача нашихъ критиковъ указать намъ на наши пропуски.

Мы сказали, что П. С. представляетъ, кромѣ того, нѣкоторые пробѣлы, а иногда и довольно существенные. Дѣйствительно, можно указать на нѣсколько весьма важныхъ постановленій, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ П. С. Напримѣръ: первоначальный указъ 1711 г. объ отмѣнѣ правежа крѣпостныхъ за долги ихъ помѣщиковъ, отысканный г. Побѣдоносцевымъ подъ однимъ суднымъ дѣломъ 1719 г., также какъ и указъ 21 марта 1736 г., окончательно прекратившій помѣстныя дачи, что прямо явствуетъ изъ одного указа 1804 г., подъ № 21.536, — не вошли въ П. С., а указы эти, очевидно, весьма важны.

Указъ подъ № 3.900 напечатанъ безъ того окончанія, которое г. Пекарскій нашелъ въ дѣлахъ кабинета. Изъ законовъ о *правахъ благородныхъ*, читанныхъ въ засѣданіяхъ коммисіи 1767 г., какъ видно изъ капитальнаго труда г. Полѣнова, слѣдующихъ указовъ нѣтъ вовсе въ П. С.

Марта 27 1682 (7190) — правила для записыванія въ родословную книгу дворянъ.

Опредѣленіе сената 7 іюля 1723 г. о представленіи въ сенатъ шляхетства, выходящаго въ отставку.

Января 15 1739 г. о нѣкоторыхъ службахъ дворянъ.

Октября 15 1746 г. о дворянахъ, записанныхъ въ однодворцы.

Января 17 1752 г. о покупкѣ деревень заводчиками и фабрикантами.

Іюня 8 1752 г. о производствѣ юнкеровъ въ секретари (это постановленіе состоялось по опредѣленію сената, въ подкрѣпленіе его сенатъ указалъ на одну статью генеральнаго регламента, которой нѣтъ ни въ генеральномъ регламентѣ, ни въ табели о рангахъ).

14 Января 1756 г. правила для записанія ходатайствующихъ о томъ въ дворянской списокъ.

Сентября 30 1758 г. о справкахъ изъ разряднаго архива, изъ какихъ чиновъ прежнихъ службъ служилые люди записывались въ стряпчіе, въ жильцы, въ десятники, въ городовые и дѣти боярскіе, и почитались ли они за дворянъ?

Ноября 22 1760 г. о пожалованіи прапорщичьяго чина тѣмъ изъ дворянъ, которые изъ военной службы, послѣ 10 лѣтняго срока, будутъ

отставлены для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Мая 7 1761 г. о доказательствѣ дворянства достовѣрнымъ свидѣтельствомъ.

Ноября 11 и 25 1765 г. при внесеніи въ дворянскій списокъ справляться также въ тѣхъ городахъ, по которымъ предки служили и деревни имѣли.

Декабря 4 1766 г. кого принимать въ число дворянскихъ дѣтей по уставу кадетскаго корпуса.

Декабря 12 1766 г. опредѣленіе сената: при предстоящемъ сочиненіи новаго уложенія сдѣлать разсмотрѣніе и положеніе, какихъ именно чиновъ и въ какой службѣ дослужившихся до оберъ-офицерства не изъ дворянъ и ихъ дѣтей писать въ дворянскій списокъ (Сб. Р. Ист. общ. Т. IV; стр. 137 — 147).

Кромѣ того, въ Полное собраніе, наоборотъ, введены иногда такія постановленія, которыя, хотя и были утверждены государемъ, но въ исполненіе не приводились. Въ какую бы историческую погрѣшность впалъ изслѣдователь, еслибы на основаніи этихъ постановленій дѣлалъ какіе-нибудь выводы! Для примѣра укажемъ на законы, исходатайствованные военнымъ министромъ Вязмитиновымъ, 5 декабря 1802 г., о непредставленіи къ отставкѣ дворянъ, недослужившихся до обер-офицерскаго чина, если только они не состояли 12 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ, и министромъ юстиціи Державинымъ, 4 февраля 1803 г., о выборѣ дворянскими собраніями кандидатовъ на всѣ должности въ имперіи. Оба закона помѣщены въ П. С.: первый подъ № 20.542, а второй подъ № 20.608, но, какъ видно изъ за-

писокъ Державина, оба они не приводились въ исполненіе — первый за протестомъ дворянства (стр. 462), второй за выходомъ Державина изъ министерства (стр. 498). Хорошо, мы знаемъ, что законы эти не исполнялись. Но мало-ли есть другихъ, тому подобныхъ въ П. С., о которыхъ мы того не знаемъ? Мы думаемъ, напримѣръ, что весьма многія постановленія Петра Великаго существовали только на бумагѣ. Мы склонны думать, что къ такимъ постановленіямъ можно отнести 1713 г. о ландратскихъ коллегіяхъ, по выбору шляхетства, такъ какъ о дѣятельности ихъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Какая будетъ реальная правда, историческая вѣрность въ возсозданіи нашихъ административныхъ и юридическихъ порядковъ начала 18 вѣка, на основаніи законовъ, которые, будучи мертвою буквою, не входили въ жизнь и не имѣли реальнаго вліянія на юридическій бытъ народа? Но изслѣдователи нерѣдко, на основаніи подобныхъ данныхъ, возсоздаютъ нашу прошлую администрацію, наше прежнее право и строятъ, такимъ образомъ, воздушные замки. Да и какъ быть иначе, когда нѣтъ критеріума для повѣрки матеріала?

При второмъ изданіи П. С. — этой живой книги нашего недавняго прошлаго—указанные нами недостатки могутъ быть исправлены: при второмъ изданіи можетъ быть лучшій ключъ для пользованія богатымъ и многосложнымъ матеріаломъ этого сборника, могутъ быть пополнены пробѣлы и включены дефектныя постановленія, могутъ быть указанія, какія узаконенія дѣйствительно приводились въ исполненіе, и какія оставались

только желаніями и неисполненными намѣреніями законодателя. Какой бы драгоцѣнный кладъ было *такое* второе изданіе для изслѣдователя прошлой русской жизни. Особенно, еслибъ была возможность, понизивъ цѣну, сдѣлать болѣе доступнымъ пріобрѣтеніе этого неоцѣненнаго матеріала, безъ изученія котораго нельзя шагу ступить историку-юристу.

Но какъ бы ни былъ полонъ и совершенъ сводъ матеріала для изученія офиціальной юридической жизни дворянства, достаточно-ли его одного, для выясненія и возсозданія прошлыхъ судебъ этого сословія? Мы думаемъ, что нѣтъ. Сословіе, не какое-нибудь присутственное мѣсто, для пониманія роли и функцій котораго, достаточно одного знакомства съ постановленіями закона о его составѣ, предметахъ вѣдомства, степени власти и порядкахъ дѣлопроизводства. Да едва-ли это достаточно и для историческаго изученія учрежденій? Возьмемъ для примѣра приказъ, коллегію, сенатъ. Что извлечемъ мы для разумѣнія нашей прошлой административной или юридической жизни, для выясненія нашего народнаго духа, зная, что приказъ-де состоялъ изъ столькихъ-то членовъ, что какая-нибудь коллегія прежде завѣдывала-де большимъ кругомъ дѣлъ, а потомъ этотъ кругъ съузился, что сенатъ-де имѣлъ прежде такую степень власти, а потомъ иную, что дѣлопроизводство-де означенныхъ учрежденій развивалось въ такихъ и такихъ формахъ. Для историка-юриста всѣ эти свѣдѣнія, конечно, необходимы, но едва-ли онѣ достаточны для *живаго дѣла*. Такіе великіе дѣятели нашей науки, какъ напр.

Неволинъ и др., конечно, не даромъ подвизались надъ изученіемъ этихъ *формальныхъ* вопросовъ. Но они возстановили только остовъ, который нужно позднѣйшимъ изслѣдователямъ облечь живою плотью, а для этого необходимо сочетать въ прагматическомъ историко-юридическомъ изслѣдованіи *юридическій элементъ* съ *историческимъ*, *формальный* и *официальный* съ *матеріальнымъ* и *бытовымъ*. Если это примѣнимо къ историческому изученію учрежденій, то тѣмъ примѣнимѣе къ изученію исторіи какого-нибудь сословія. Сословіе состоитъ изъ живыхъ людей, бытовая сторона и житейская обстановка которыхъ существенно вліяетъ на ихъ юридическое, официальное положеніе. Какъ важны подобныя свѣдѣнія для пониманія прошлой жизни сословія, показываетъ капитальный трудъ по исторіи екатерининской коммисіи 1767 г., которымъ г. Полѣновъ обогатилъ русскую историческую науку. Трудъ этотъ вводитъ насъ во внутренній міръ задушевныхъ вѣрованій, намѣреній и желаній нашего дворянства въ 18 вѣкѣ. Дополненіемъ къ нему могли бы служить еще неизданные наказы малороссійскаго шляхетства, извлеченные изъ архива г. Судіенко и циркулирующіе въ Кіевѣ, съ которыми пытался познакомить публику г. Авсѣенко въ своей статьѣ *Малороссійское шляхетство въ 1767 г.*, помѣщенной въ XLVI т. Р. В. на 1863 г. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ замѣчательнымъ литературнымъ и административнымъ талантамъ автора этой статьи, мы не можемъ не сказать, что эта попытка его едва-ли удачнѣе другихъ. Лучше всего было-бы въ такомъ случаѣ

отнестись съ тѣмъ уваженіемъ къ историческому памятнику, какъ г. Полѣновъ: издать его просто-на-просто цѣликомъ, не выбирая изъ него произвольно одного, не выпуская другаго.

Крѣпко убѣжденные въ необходимости, при изученіи какого-нибудь вопроса, сочетать юридическую и офиціальную его сторону съ исторической и бытовой, мы принялись за нашу работу. Но какіе рессурсы представлялъ намъ изданный матеріалъ, для того, чтобы провести это убѣжденіе въ самомъ трудѣ?

Мемуары современниковъ, конечно, заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ для знакомства съ бытовой стороной дворянства. Въ этомъ отношеніи они представляютъ еще непочатую ниву. Но всѣ-ли они имѣютъ такую годность для науки, какъ классическія книги Котошихина или Посошкова? Къ сожалѣнію, далеко не всѣ: какъ часто въ нихъ субъективная точка зрѣнія окрашиваетъ факты личнымъ цвѣтомъ, иногда даже извращаетъ ихъ. Сравнимъ, напримѣръ, наивныя и простодушныя записки Марковича, Нащокина, Данилова или Болотова, съ аристократическими записками Энгельгардта, жолчными и невсегда добросовѣстными мемуарами Державина или Вигеля. Насколько вообще осторожно и критически слѣдуетъ пользоваться данными этихъ мемуаровъ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ *Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова* говорится, между прочимъ, что „изъ числа костромскихъ дворянъ, избравшихъ А. И. депутатомъ г. Костромы, *третья часть* объявила себя незнающими грамотѣ". Мы не высокаго мнѣнія о степени про-

свѣщенія нашего дворянства въ 18 в., и, какъ увидимъ ниже, неграмотные дворяне были тогда дѣйствительно не въ рѣдкость, но тѣмъ не менѣе должно сказать, что вышеприведенное показаніе Записокъ не точно: наказъ, данный костромскимъ дворянствомъ своему депутату, *подписанъ 73* человѣками, изъ которыхъ *только 9* не знали грамотѣ.

Существуютъ также описанія Россіи иностранными путешественниками, въ которыхъ найдутся кой-какія данныя для бытовой стороны нашего дворянства. Но источники эти изъ самыхъ сомнительныхъ. Конечно, у такихъ наблюдателей, какъ напримѣръ незабвенный Гакстгаузенъ, можно многому поучиться. Но много-ли ихъ? Большинство же посѣщавшихъ насъ иностранцевъ судило о нашихъ порядкахъ съ предвзятыми идеями, а иногда и съ преднамѣреннымъ желаніемъ очернить Россію въ глазахъ ея наставницы, западной Европы. Мы познакомились, напримѣръ, съ Voyages Кларка, который, между прочимъ, приводитъ разсказъ сестры костромскаго губернатора, Кочетова, Герберу объ одномъ помѣщикѣ, распявшемъ своего крестьянина на крестѣ. У этого Кларка, пожалуй, мы найдемъ нѣкоторые довольно интересные факты касательно нашего дворянства конца прошлаго столѣтія — объ убійствѣ помѣщиковъ крестьянами, о притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками, о тюрьмахъ, переполненныхъ бѣглыми крѣпостными, о роскошной и богатой жизни дворянъ, о многочисленной дворнѣ гр. Орлова—и въ богатыхъ ливреяхъ, и въ нищенскихъ лохмотьяхъ и т. п. Но разсказы Кларка, очевидно—не резуль-

татъ спокойнаго наблюденія и безстрастнаго изученія нравовъ чужой страны, а желчный памфлетъ противъ Россіи англичанина, въ душѣ котораго кипѣла злоба на императора Павла, за его отношенія къ Англіи. Для пользованія подобнаго рода источниками, для извлеченія изъ нихъ данныхъ, необходимо возможно бо́льшее ихъ число, дабы путемъ сравненія и повѣрки однѣхъ другими, выбирать данныя, болѣе точныя и годныя для науки. Но для этого нужно имѣть подъ рукою сокровища *залы барона Корфа*. Для насъ же, по мѣсту нашей службы, это сдѣлалось возможнымъ только тогда, когда уже наша работа была приведена къ концу. Поэтому, если мы и пользовались нѣкоторыми указаніями иностранцевъ о русскомъ дворянствѣ, то съ крайнею осторожностію и оговорками, и пользовались главнымъ образомъ Гакстгаузеномъ, который и за гробомъ не перестаетъ поучать о Россіи, при посредствѣ капитальнаго изданія г. Скребицкаго.

Лучшія указанія и данныя для бытовой стороны нашего дворянства заключаются въ изданіяхъ гг. Бартенева и Семевскаго. Изданія эти должны быть настольною книгою всякаго занимающагося новѣйшей русской исторіей. Ими пользовались и мы. И да не посѣтуютъ на насъ почтенные издатели, если мы съ такой, можетъ быть, неумѣренностію черпали изданный ими матеріалъ.

Несомнѣнно, наилучшій матеріалъ офиціальнаго происхожденія, для изученія бытовой стороны нашего дворянства, еще не изданъ. Онъ скрывается въ архивахъ дворянскихъ собраній и

герольдіи, министерства внутреннихъ дѣлъ — особенно департаментовъ полиціи исполнительной и общихъ дѣлъ. Что можно извлечь изъ этихъ рудниковъ, показываютъ „*Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ черниговской губерніи*“, составленные, между прочимъ, и по дѣламъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія и помѣщенные во второй книжкѣ Записокъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. А сокровища для науки, которыя скрываются въ бумагахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, можно предвкушать по Исторіи этого министерства, которою г. Варадиновъ обогатилъ отечественную науку.

Какія драгоцѣнныя данныя скрываются также въ архивѣ нашего государственнаго совѣта, показываютъ двѣ-три цитаты изъ дѣлъ его, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи Александра I г. Богдановича. Нельзя, поэтому, не порадоваться предпринятому изданію этого архива. Хотя позволительно при этомъ пожелать, чтобъ дальнѣйшая редакція подробнѣе и обстоятельнѣе излагала содержаніе бумагъ, чѣмъ сдѣланное въ вышедшей 1-й части извлеченіе изъ протоколовъ совѣта, бывшаго въ царствованіе Екатерины II.

А родовые дворянскіе архивы? Какъ ни истреблены они временемъ и небрежностію своихъ владѣтелей, но все-таки еще заключаютъ въ себѣ золотыя данныя для исторіи нашего дворянства. Желательно только, чтобъ они поскорѣе сдѣлались достояніемъ исторической науки, чрезъ изданія гг. Бартенева и Семевскаго. Намъ самимъ удалось видѣть интереснѣйшія бумаги въ архи-

вахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ,— намъ самимъ удалось извлечь изъ нихъ довольно много сдѣлочныхъ записей на крѣпостныхъ крестьянъ, конца 18 и начала текущаго столѣтій, показывающихъ, какъ производилась въ Малороссіи торговля людьми, несмотря на законъ 1798 г. Мы надѣемся современемъ издать систематическое собраніе такихъ записей, а пока приведемъ въ приложеніяхъ нѣкоторые образцы ихъ. Мы думаемъ, что для науки изданіе этихъ записей представляетъ неменьшій интересъ, какъ изданіе, напримѣръ, разныхъ кабальныхъ записей 17 столѣтія.

Мы сдѣлали характеристику нашего взгляда на прошлыя судьбы русскаго дворянства, мы описали пріемъ, которому считаемъ нужнымъ слѣдовать, оцѣнили источники, которыми будемъ пользоваться. Скажемъ нѣсколько словъ о планѣ нашего труда.

Въ исторіи дворянства отмѣчаютъ обыкновенно слѣдующіе три періода:

1) Въ первомъ — удѣльно-вѣчевомъ — періодѣ существуетъ *только дружина* — неосѣдлая, неземлевладѣльческая, а свободно переходящая отъ одного князя къ другому;

2) Во второмъ — московскомъ — періодѣ дружина дѣлается *осѣдлымъ служилымъ классомъ* — классомъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, *крѣпкимъ* самодержавной власти московскаго царя, несущимъ обязательную ландмилицкую службу, отбывающимъ всякія наряды и посылки по приказу царя. Этотъ помѣстный служилый классъ распадается на *множество царскихъ чиновныхъ людей*—

высшихъ и низшихъ ранговъ — не образующихъ замкнутаго сословія, не только юридически, но даже фактически, обособленнаго отъ народа;

3) Въ третьемъ — императорскомъ — періодѣ Петръ Великій, собирая повсюду разсыпанныя храмины, и связывая ихъ въ однородныя общественныя группы, помѣщиковъ и вотчинниковъ— царскихъ чиновныхъ людей — соединяетъ въ одну общественную группу — въ *шляхетство*, видоизмѣняя его обязательную службу. Петръ III отмѣняетъ обязательную службу дворянства, оставляя за нимъ *благородство* и *привиллегіи*. Благородство и привиллегіи дворянства окончательно развиваются законодательствомъ Екатерины II, которая жалованной грамотой 1785 г. организуетъ изъ него *мѣстныя общества*, имѣющія преобладающее участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи (см. Историч. письма Соловьева. II. Р. В. 1858).

Такимъ образомъ, мы не произвольно намѣтили время *отъ начала 18 вѣка до отмѣны крѣпостнаго права* въ исторіи нашего дворянства: мы выбрали, какъ намъ казалось, замкнутый самостоятельный періодъ, обозначившійся самымъ ходомъ историческаго развитія изслѣдуемаго нами сословія. Мы выбрали то именно время, когда на Руси появилось *дворянство, какъ сословіе*, отчасти въ смыслѣ сословія феодальнаго образованія западной Европы; когда опредѣлились закономъ личныя и корпоративныя права его; когда дворянство, какъ выражалась Екатерина II, всегда того добивавшаяся, начало *чувствовать себя*, какъ замкнутое сословіе, какъ *людей благородныхъ*, въ отличіе *отъ подлыхъ;* когда, наконецъ, изъ среды

самого дворянства окончательно выдѣлилась *аристократія*, противоположившая себя, не только простому народу, но и рядовому — *подлому дворянству*.

Изслѣдуя этотъ періодъ въ историческомъ развитіи нашего дворянства, можно бы разбить его на двѣ поры: въ первой порѣ еще не вырабатываются личныя и корпоративныя права дворянства, еще только зарождается его сословная, аристократическая точка зрѣнія на себя. Въ этой порѣ дворянство еще находится въ прежнемъ *крѣпостномъ отношеніи* къ государству — несетъ обязательную службу, подлежитъ обязательному обученію, отбываетъ разные другіе наряды — переселяется, напримѣръ, по приказу правительства изъ деревень въ столицу, и волей-неволей строитъ палаты на теперешней англійской набережной или сергіевской улицѣ; не пользуется ни правами поземельной собственности, ни свободой отъ тѣлесныхъ наказаній; не только не имѣетъ участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, но даже специфическая черта сословія — владѣніе крѣпостными людьми — только начинаетъ къ нему пріурочиваться.

Вторая пора въ исторіи дворянства послѣдняго періода начинается съ манифеста 18 февраля 1762 г. и жалованной дворянству грамоты 1785 г. и оканчивается манифестомъ 19 февраля 1861 г. Манифестъ 1762 г. освобождаетъ дворянство отъ обязательной службы и обученія, грамота 1785 г. надѣляетъ личными правами, даетъ сословную организацію, широкое участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи — окончательно формируетъ благо-

родное и привиллегированное сословіе. Эту пору въ исторіи дворянства, окончившуюся упраздненіемъ крѣпостнаго права, можно назвать періодомъ самого широкаго развитія личныхъ правъ дворянства, порабощенія крѣпостныхъ крестьянъ, дворянскаго преобладанія въ мѣстной жизни.

Мы хорошо понимаемъ, что *синхронистическое* изложеніе исторіи дворянства въ одну и другую пору представило бы намъ ту выгоду, что наши обобщенія и характеристики вышли бы полнѣе, изображенія отчетливѣе и законченнѣе: техническая сторона нашего труда много бы отъ того выиграла. Но мы, главнымъ образомъ, преслѣдовали въ своей работѣ другую цѣль: *возможно полный сводъ матеріала.* Для достиженія же этой цѣли намъ казалось болѣе сподручнымъ раздробить предметъ на отдѣльные вопросы, сгруппировать вопросы однородные или болѣе и менѣе соприкасающіеся, изложивъ все содержаніе въ пяти отдѣльныхъ *главахъ*, подраздѣляющихся на *раздѣлы.*

Намъ казалось, что мы обнимемъ существеннѣйшія стороны предмета, если разсмотримъ:

I. Въ *первой главѣ*, распадающейся на *три раздѣла*: 1) какъ образовалось, пріобрѣталось и раздѣлялось наше дворянство, 2) какъ развивалось въ немъ сословное значеніе, идея *благородства* и какъ оно обособлялось отъ другихъ общественныхъ классовъ, 3) какъ въ ряды дворянства русскаго постепенно вводилось дворянство иноплеменное;

II. Во *второй главѣ* — изъ *4-хъ раздѣловъ*: 1) какія службы и повинности лежали на дворян-

ствѣ, 2) какъ *состоянія* нашего дворянства имѣютъ своимъ источникомъ *вознагражденіе* его за службу, 3) какое обязательное обученіе лежало на немъ и 4) какъ постепенно созрѣвала идея освобожденія его отъ обязательной службы, какъ она осуществилась и какія оставила послѣдствія;

III. Въ *третьей главѣ*—изъ *6 раздѣловъ*—личныя права дворянства: 1) права и преимущества по службѣ государственной, 2) свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, 3) право поземельной собственности и другія имущественныя права, 4) право на торговлю и другія промышленныя операціи, 5) свободу отъ личныхъ податей и рекрутчины и 6) неприкосновенность дворянскаго достоинства — гарантію и освященіе его личныхъ правъ;

IV. Въ *четвертой главѣ*—изъ *пяти раздѣловъ*—крѣпостное право — важнѣйшее право потомственнаго дворянства: 1) кто могъ владѣть крѣпостными людьми, 2) законы, опредѣлявшіе пространство власти помѣщиковъ надъ крестьянами, 3) фактическое положеніе крѣпостныхъ, 4) реакція противъ злоупотребленій владѣльческой власти, 5) развитіе идеи освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ путемъ борьбы аболюціонистовъ съ крѣпостниками;

VI. Въ *пятой главѣ* — изъ *пяти раздѣловъ* — развитіе корпоративныхъ правъ дворянства: 1) несуществованіе корпоративныхъ правъ до отмѣны обязательной службы, 2) развитіе потребности въ этихъ корпоративныхъ правахъ, по отмѣнѣ ея, 3) организація дворянскихъ обществъ и ихъ значеніе, 4) уклоненія въ организаціи дворянскихъ

обществъ, существовавшія въ Малороссіи и въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, 5) какъ пользовалось дворянство своими корпоративными правами, и чѣмъ въ сущности было его самоуправленіе.

Насъ могутъ упрекнуть во многихъ промахахъ въ *матеріальной* части нашего труда: наше дѣло — дѣло рукъ человѣческихъ; но мы позволяемъ себѣ думать, что въ *формальномъ* отношеніи предметъ обнятъ нами болѣе или менѣе правильно, выдвинуты всѣ существенныя его стороны.

Насъ могутъ упрекнуть также и въ томъ, что, избравши своей задачей обозрѣніе судебъ *собственно-русскаго дворянства*, мы отъ времени до времени приводимъ данныя, относящіяся къ дворянству малороссійскому, польскому или остзейскому. Въ свое оправданіе мы можемъ сказать только то, что по нашему крайнему разумѣнію иноплеменные дворянскіе элементы такъ сильно всегда вліяли на наше дворянство, что введеніе ихъ необходимо для прагматическаго историческаго изслѣдованія судебъ *собственно русскаго* дворянства.

Мы хорошо понимаемъ недостатки нашего труда. Мы иногда сознательно жертвовали нашимъ авторскимъ самолюбіемъ и технической отдѣлкой полнотѣ матеріала. Отсюда иногда: подробностей много, а цѣльности и обобщеній мало; отсюда иногда — что̀ хуже всего въ ученой работѣ — нѣкоторая сбивчивость и неотчетливость въ изложеніи самыхъ данныхъ. Но повторяемъ: мы далеки отъ претензіи считать нашу работу *прагматическимъ историческимъ изслѣдованіемъ*. Еще дальше, наши выводы и заключенія, группировку данныхъ счи-

тать безапелляціонными, такъ какъ инстанціямъ человѣческаго разумѣнія нѣсть числа. Мы только *сводили* матеріалъ, мы только писали *пріуготовительные этюды.*

Мы хотѣли выдвинуть вопросъ о *русскомъ дворянствѣ*, считая его капитальнѣйшимъ въ судьбахъ нашего общественнаго строя, а поэтому и достойнѣйшимъ предметомъ для изслѣдователя; сами же хотѣли сдѣлать *хоть что-нибудь* для его разъясненія, понимая, что въ экономіи науки всякій честный трудъ не пропадаетъ даромъ. Мы хотѣли бы, чтобъ съ такой же точки зрѣнія обсуждали нашу книгу и тѣ критики, которые удостоятъ ее своимъ вниманіемъ. Что же касается лично насъ, то, по совѣсти говоримъ, наше нравственное чувство будетъ болѣе всего удовлетворено, если нашъ трудъ найдутъ *добросовѣстной* попыткой *русскаго человѣка* содѣйствовать разъясненію вопросовъ *родной русской жизни.* По совѣсти говоримъ, мы будемъ цѣнить это превыше всѣхъ пріятностей для авторскаго самолюбія—всѣхъ похвалъ ученымъ достоинствамъ нашей книги, на которыя она не претендуетъ.

С.-Петербургъ,
10 іюля 1870 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Царскіе чиновные люди. — Ихъ раздробленіе. — Образованіе изъ нихъ сословія. — Наименованія новаго сословія: шляхетство и дворянство. — Анализъ обоихъ терминовъ, и замѣненіе перваго вторымъ. — Остатки прежнихъ чиновъ, ихъ постепенное вымираніе. — Отношеніе табели о рангахъ къ прежнимъ чинамъ. — Основное начало новыхъ чиновъ, въ отличіе отъ прежнихъ. — Когда впервые появляются новые чины. — Мѣстничество и его слѣды. — Случайные люди. — Попреки ихъ другу другу низкимъ происхожденіемъ. — Указъ 1719 г. о пресѣченіи мѣстничества и порядкѣ старшинства между членами коллегій. — Табель о рангахъ. — Первоначальная ея идея и измѣненія. — Внѣшняя исторія табели. — Табель даетъ перевѣсъ чину предъ сословіемъ и породой, чиномъ обусловливаетъ внѣшніе знаки почестей, порождаетъ чиновный point d'honneur. — Гоньба шляхетства за чинами. — Раболѣпство предъ сановниками. — Чинъ даетъ права дворянства — потомственнаго и личнаго. — Характеристика личнаго дворянства и способы пріобрѣтенія имъ дворянства потомственнаго. — Вслѣдствіе табели дворянство сливается съ офицерствомъ и бюрократіей. — Размноженіемъ дворянства разбавляется аристократическая кровь его. — Стремленіе отдѣлить дворянство отъ офицерства и бюрократіи повышеніемъ чина, дающаго права дворянства. — Пожалованіе дворянства. — Пріобѣтеніе его орденомъ, именитымъ гражданствомъ и султанствомъ у сибирскихъ киргизовъ. — Принятіе иностранцевъ въ русское дворянство. — Гербы. — Титулы. — Сіятельство и свѣтлость. — Искательство титуловъ. — Поддѣлка ихъ дворянствомъ остзейскимъ. — Родословныя книги — Бархатная книга и книга 1761 г. — Губернскія дворянскія родословныя книги. — Раздѣленіе ихъ на 6 частей. — Причины и значеніе этого раздѣленія. — Дворянство 6 части. — Преобразованіе разряда въ должность герольдмейстера, а герольдмейстера въ департаментъ герольдіи. — Списки дворянамъ. — Затрудненія въ разрѣшеніи сомнѣній о принадлежности къ дворянству. — Контроль надъ дворянскими депутатскими собраніями. — Поддѣлка документовъ на дворянство въ Грузіи и западныхъ губерніяхъ.

II. Развитіе сословности въ дворянствѣ: дворянскій point d'honneur, сознаніе общности интереса, значенія и важности сословія. — Заявленія шляхетства въ 1730 и 1767 годахъ. — Стремленія родоваго дворянства отдѣлиться отъ чиновнаго. — Депутаты 1767 г. заявляютъ о томъ, чтобы отмѣнено было право чиномъ получать дворянство. — Дворянство

продолжаетъ пріобрѣтаться чиномъ, а вслѣдствіе того оно размножается и бѣднѣетъ. — Бѣдность мелкаго дворянства. — Усиленіе раздвоенія. — Образованіе аристократіи. — Взглядъ мелкаго дворинства на знатное. — Знатнаго на мелкое. — Развитіе идеи о благородствѣ дворянства и подлости другихъ общественныхъ классовъ. — Стремленіе дворянства обособиться отъ народа. — Насмѣшки сатирическихъ журналовъ надъ феодальными воззрѣніями дворянства. — Употребленіе иноземныхъ языковъ дворянствомъ. — Шляхетство воспитывается у иностранныхъ боннъ и дядекъ, гувернантокъ и гувернеровъ. — Дворянскія учебныя заведенія.

III. Распространеніе на иноплеменное дворянство правъ русскаго дворянства. — Высокоблагородное рыцарство остзейское. — Панство польское. — Малороссійская старшина и образованіе изъ нея шляхетства, присоединеннаго къ русскому дворянству. — Образованіе дворянства изъ выборныхъ чиновъ различныхъ казачьихъ войскъ. — Князья и мурзы татарскаго происхожденія. — Князья и дворяне Грузіи. — Бояре, бояринаши и мазылы бессарабскіе.

I. До Петра Великаго, или, лучше сказать, до преобразовательной его дѣятельности вначалѣ 18 вѣка, у насъ не существовало *дворянство*, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія — общественной группы, члены которой связаны сознаніемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ общественномъ строѣ допетровской Руси существовало полное фактическое равенство между членами общества. Равенства не было, но не было и привиллегированнаго сословія. Были только *царскіе чиновные люди*. Они образовались изъ прежнихъ дружинъ княжескихъ, рекрутировавшихся выходцами всѣхъ странъ, изъ потомства медіатизированныхъ князей Рюриковичей (кн. Одоевскіе, Горчаковы, Барятинскіе и др.) и пришлыхъ Гедиминовичей (Голицыны, Куракины, Трубецкіе и др.). Царскіе чиновные люди въ 16 и 17 столѣтіяхъ были надѣлены землями, сдѣланы помѣщиками, владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ. На нихъ наложена была общая повинность — обязательная служба государству, но *честь* каждаго изъ нихъ была различна, и коренилась не въ принадлежности къ одному и тому же сословію, но въ породѣ, въ *отчествѣ*. Поэтому, не смотря на общность повинности — обязательной службы государству, на общность

интереса — владѣнія крѣпостными крестьянами, царскіе чиновные люди не составляли единаго сословія, но существовали въ своемъ чиновномъ раздробленіи: бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, а тѣмъ болѣе съ меньшими чинами, окольничій съ думнымъ дворяниномъ, дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д. [1]).

Собирая повсюду разсыпанныя храмины и составляя изъ нихъ общественныя группы, Петръ Великій собираетъ въ одно цѣлое и царскихъ чиновныхъ людей. По отношенію къ нимъ онъ дѣлалъ то же самое, что и по отношенію къ городскимъ обывателямъ — купцамъ и ремесленникамъ. Сложивъ общественную группу, онъ давалъ ей иноземную организацію, окрещивалъ ее иноземнымъ терминомъ. Такъ городскіе обыватели раздѣлились на гильдіи, ремесленники на цунфты. Иноземные образцы были приложены и къ общественной группѣ, сложившейся изъ царскихъ чиновныхъ людей. Для наименованія возникающаго новаго сословія не нашлось русскаго слова, точно также, какъ не нашлось русскаго слова для гильдій, цунфтовъ, ибо не существовало самыхъ понятій, словомъ этимъ выражаемыхъ.

Сословіе, образованное Петромъ Великимъ изъ царскихъ чиновныхъ людей, названо польско-нѣмецкимъ словомъ, заимствованнымъ родственнымъ намъ племенемъ изъ Германіи—*шляхетствомъ* (Geschlecht—Шайноха: Schlag, schlagen, Напротивъ Лелевель слово шляхтичъ производитъ отъ z—lechcic—ex Lechita progenitus). Такъ и называется нашъ высшій классъ въ первую половину 18 вѣка. Сначала, какъ видно изъ указовъ Петра Великаго, наименованіе шляхетствомъ примѣняется исключительно къ рядовымъ чиновнымъ людямъ—дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, а о *царедворцахъ*—вѣроятно, прежнихъ *думцахъ*—говорится отдѣльно: такъ напримѣръ указъ 1713 г. о сборѣ со всего государства рекрутъ прямо противополагаетъ *вышнихъ чиновъ* шляхетству (№ 2.650); указъ предшествовавшаго года отличаетъ *царедворцевъ* отъ другихъ чиновъ (№ 2.593). Но мало по малу слово *шляхетство*, которое въ Полномъ Собраніи впервые встрѣчается въ 1712 г. (№ 2.467), распространяется на все сословіе, и послѣ 1713 г. высшіе чины царедворцы

*

не поименовываются отдѣльно. Названіе цѣлаго сословія *дворянствомъ* устанавливается уже во второй половинѣ 18 столѣтія, преимущественно послѣ манифеста 1762 г. и коммисіи 1767 г., и освящается жалованной дворянству грамотой [2]). Это послѣднее наименованіе во всякомъ случаѣ болѣе подходило къ историческимъ особенностямъ въ образованіи нашего дворянства. Западно-европейскіе термины: nobility, noblesse, Adel, шляхетство указываютъ совершенно на другой источникъ высшаго класса — породу, кровь. Отечественный же терминъ *дворянство*, *дворянинъ* прекрасно резюмируетъ прошлую исторію нашего высшаго класса—оно образовалось изъ *дворни*, придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Даже дворовые люди намѣстниковъ назывались иногда дворянами (Сергѣевичъ Вѣче и Князь 354 пр. 8) хотя принадлежали къ рабамъ. Въ Малороссіи дворня старшинъ и шляхетства называлась *дворянами* даже въ 18 столѣтіи [3]).

Отроки и *дѣтскіе*, непосредственно окружавшіе князя и помѣщавшіеся въ его *гридницѣ*, именовались *гридями*. Впослѣдствіи они называются *дворными людьми*, *дворными слугами*. Отсюда терминъ *дворянинъ*, встрѣчающійся впервые въ Суздальской лѣтописи подъ 1175 г., и впослѣдствіи распространившійся на все сословіе (Сергѣевичъ: Вѣче и Князь, стр. 354). Но въ Московскомъ періодѣ *дворянинъ* означалъ чинъ, и притомъ низшій. Для чести боярина или окольничаго была бы «потерка», еслибъ ихъ назвали дворянами. Между прочимъ, можетъ быть и потому Петръ Великій позаимствовалъ польско-нѣмецкое слово для наименованія цѣлаго сословія, въ ряды котораго вошли и высокіе чины. И уже впослѣдствіи, когда изгладилось изъ памяти, что *дворянство* означало одну изъ невысокихъ чиновныхъ степеней, это слово возраждается, распространяясь на все сословіе. Но есть слова, употребленіе которыхъ не проходитъ безслѣдно, такъ какъ съ ними связывается рѣзкое опредѣленное понятіе. Таково было и слово *шляхетство* для нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ: употребляя это наименованіе, они усвоили себѣ и внутренній смыслъ его, развившійся на фео-

дальной почвѣ западной Европы и чуждый нашимъ національнымъ традиціямъ. Царскіе чиновные люди перешли въ шляхетство русскими людьми, но изъ шляхетства въ дворянство они вышли почти что иноземцами, по крайней мѣрѣ по своимъ воззрѣніямъ, по своему отношенію къ родной землѣ, которой даже благозвучный говоръ имъ сталъ не милъ.

Мы видѣли, какъ царскіе чиновные люди по указаніямъ Петра Великаго слились въ одно сословіе—*шляхетство*. Исторіографъ Миллеръ удивляется, «что таковая не маловажная перемѣна съ великимъ по всей Россіи единомыслiемъ учинилась, безъ особливаго о томъ указа, безъ обнародованнаго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія. И только де извѣстно, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи государя изъ перваго его въ чужіе края путешествія» (Голикова: Доп. къ дѣяніямъ Петра Великаго, Т. III. стр. 229, Историческія письма Соловьева. П. Р. В. 1858 г.).

Общаго законоположенія объ этомъ преобразованіи мы дѣйствительно не встрѣчаемъ ни при Петрѣ, ни при его преемникахъ, пожалуй что до самой грамоты 1785 г., которую можно назвать первою конституціонною хартіею дворянства, впервые формулировавшею самую суть этого сословія. Образованіе шляхетства изъ старыхъ царскихъ чиновныхъ людей, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и императорскіе чиновные люди — дѣти табели о рангахъ, возникало само собою, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда частныхъ мѣръ и повинностей, общихъ для всего согловія. Къ этому присоединились условія бытовыя: отличный отъ народа внѣшній видъ — нѣмецкій кафтанъ, бритая борода, и болѣе и болѣе обозначавшееся отличіе въ образѣ жизни, въ привычкахъ, болѣе утонченныхъ (Петръ Великій между прочимъ училъ свое шляхетство: «неразувся съ сапогами или башмаками не ложится на постели». Р. Арх. г. 1-й). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій въ шляхетствѣ начинаетъ развиваться духъ сословной замкнутости; оно начинаетъ проникаться сознаніемъ единства общесословнаго интереса, связывающаго его членовъ, начинаетъ чувствовать потребность въ корпоративной организаціи. Все это

назрѣваетъ мало-по-малу втеченіе 18 в., а особенно послѣ освобожденія отъ обязательной службы въ 1762 г., и съ особенной ясностію выражается въ депутатскихъ наказахъ и въ заявленіяхъ депутатовъ коммисіи 1767 года.

А между прочимъ, старые царскіе чины — живой слѣдъ прежней раздробленности служилаго класса — вымираютъ, перемѣшиваясь съ чинами новыми, на табели о рангахъ основанными.

Въ малолѣтство Петра Великаго бояръ было 51, еще въ 1705 г. — 23 человѣка. Между послѣдними, какъ представители исчезающаго чиновнаго порядка и зарождающагося новаго *бояре - графы*: Шереметевъ, Головинъ, Мусинъ - Пушкинъ (Голикова Дополненіе Т. III стр. 337, Др. Росс. Виѳліоѳика Т. XX 131. Устрялова Исторія Петра Великаго Т. IV). Первыми губернаторами назначены бояре и ближніе стольники: въ Москву — бояр. Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, въ Кіевъ — ближ. ст. кн. Дм. Мих. Голицынъ, знаменитый дѣятель 1730 г., въ Смоленскъ — бояр. Салтыковъ, въ Архангельскъ — бл. стольникъ кн. П. А. Голицынъ, въ Казань — бояр. П. М. Апраксинъ (Соловьева: Исторія Россіи, Т. XVI стр. 43). Въ спискѣ лицъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ 3 февр. 1718 г., между прочими старыми чинами, упоминаются 6 бояръ (Чтенія кн. 3 1861). Послѣдній представитель боярскаго чина кн. Ив. Юр. Трубецкой скончался въ 1750 г., а съ нимъ погребенъ и самый чинъ (кн. Долгорукова: Росс. Родосл. книга, ч. 1 стр. 321).

Окольничихъ въ 1691 г. было 61 человѣкъ, въ 1705 г. ихъ было 18, въ совѣтѣ 3 Февраля 1718 г. засѣдало 4 окольничихъ. Хотя Петръ, какъ увидимъ ниже, пересталъ производить въ старые чины вконцѣ 17 ст., но въ 1711 г. въ Эльбингѣ онъ произвелъ изъ стольниковъ въ окольничіе Алексѣя Александр. Юшкова, съ которымъ пресѣкся и самый этотъ чинъ. Впрочемъ, еще въ 20 годахъ 18 ст. кн. Щербатовъ, завѣдывавшій ямскимъ приказомъ, носилъ чинъ окольничаго (Голиково: дополненіе, Т. III. стр. 229. Виѳліоѳ. Т. XX 196.

Чтенія кн. 3 1861 г. П. С. № 3.488, 3.544).

Думныхъ дворянъ въ 1705 г. встрѣчаемъ 15, повѣстка о собраніи въ засѣданіе совѣта на 5 февраля 1718 г. приглашаетъ и думныхъ дворянъ (Голикова Дополн. Т. III. стр. 294, Виѳліоѳ. Т. XX. стр. 147. Чтенія кн. 3-я на 1861).

Въ 1686 г. *комнатныхъ стольниковъ* было: при дворѣ Ивана Алексѣевича 74, Петра Алексѣевича 69, вдовствующей царицы Марьи Матвѣевны 317 (по другимъ 154), при царицѣ Евдокіѣ Ѳедоровнѣ 20. Да кромѣ комнатныхъ, общихъ обоимъ государямъ стольниковъ было 2724, да служащихъ въ полковникахъ и въ начальныхъ людяхъ 133, да изъ смоленской шляхты пожалованныхъ въ стольничій чинъ было 59. Въ 1702 г. въ полку окольничаго и воеводы кн. Шаховскаго находился есауломъ стольникъ кн. Григорій Яковлевичъ Вяземской (Голиковъ 16. 271, Виѳліоѳ. 16.221). Въ П. С. въ 1712 г. упоминаются стольники комнатные и просто стольники (№ 2.467). Между первыми губернаторами, какъ мы видѣли, въ чинѣ ближняго стольника были губернаторы кіевскій и архангелогородскій. Екатерина 1 кн. Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго въ 1725 г. пожаловала изъ ближнихъ стольниковъ въ дѣйствительные тайные совѣтники (Бантышъ-Каменскаго Словарь достоп. людей). Въ указѣ 1726 г. объ отправленіи въ 21 провинцію воеводъ изъ сената, назначены изъ стольниковъ: въ Углицкую провинцію—Иванъ Ножинъ, Переяславскую—Борисъ Нероновъ, Калужскую—Бестужевъ-Рюминъ; въ томъ же указѣ мы встрѣчаемся и съ комнатнымъ стольникомъ кн. Сем. Козловскимъ (П. С. № 5.029). Дядя Анны Іоановны В. Ѳ. Салтыковъ оставался стольникомъ по 730 г., предпочитая этотъ чинъ новымъ чинамъ (Бантышъ-Каменскаго Словарь). Одинъ изъ предковъ артиллеріи майора Данилова, какъ видно изъ его записокъ, скончался стольникомъ въ 1736 (стр. 11). Послѣдняго представителя этого чина, въ лицѣ стольника Артемія Ивановича Челищева, мы встрѣчаемъ еще въ 1740 г. (П. С. № 8.127), а въ смоленскомъ шляхетствѣ стольники были даже въ 1756 г. (П. С. № 10.137).

Стряпчихъ по списку 1686 г. было 1893, сверхъ 163, отбывавшихъ военную службу. Стряпчихъ съ ключемъ мы встрѣчаемъ въ 1703 г.: Сумароковъ и Плохой, переименованные въ камергеры (Голикова Ib. стр. 264). Указъ 1727 г. о распредѣленіи воеводъ по провинціямъ назначаетъ изъ стряпчихъ: на Волоколамскъ—Ив. Вас. Козлова, въ Можайскъ—Гр. Никит. Чаплина, переименованнаго въ майорскій чинъ (П. С. № 5.058). Еще въ 1739 г. мы встрѣчаемъ стряпчаго Ивана Дубровскаго (П. С. № 7.864).

Думныхъ дьяковъ по списку 1686 г. было 9, а въ 1705 г. 6, изъ числа которыхъ Украинцовъ въ 1700 г. былъ переименованъ въ думные совѣтники (Голиковъ 16. стр. 289, 29.).

Списокъ 1686 г. различаетъ *московскихъ дворянъ*, число которыхъ въ немъ 1893, отъ *городовыхъ*. Различіе это встрѣчается не только при Петрѣ, но прорывается иногда и при Аннѣ Іоановнѣ, какъ можно видѣть изъ указа 1730 г., упоминающаго о городовыхъ дворянахъ (П. С. № 6.215).

Какое количество *жильцовъ* было вначалѣ царствованія Петра Великаго, видно изъ II вѣдомости, помѣщенной г. Устряловымъ въ IV прил. къ IV Т. Исторіи царствованія Петра Великаго [4]). Вскорѣ жилецкій чинъ былъ отмѣненъ. Но и по отмѣнѣ его, въ спискѣ 1711 г. ихъ стояло еще 300 человѣкъ. Встрѣчаются жильцы и впослѣдствіи: отъ Бѣлогородской губ. въ коммисію уложенія 1730 г. былъ посланъ жилецъ Ѳедоръ Лутовиновъ (П. С. № 5.654), а въ Болховецъ еще въ 1731 воеводой былъ опредѣленъ жилецъ Андрей Авдѣевъ (П. С. № 6.036).

Такимъ образомъ, старые чины продолжаютъ существовать не только во все продолженіе царствованія Петра Великаго, но и при первыхъ его преемникахъ — почти-что до второй половины прошлаго столѣтія. Табель о рангахъ этихъ чиновъ не упразднила, не переименовала ихъ въ новые классы, а оставила ихъ доживать свой вѣкъ. Когда сенатъ разсматривалъ эту табель о рангахъ, онъ представилъ государю слѣдующее донесеніе: «понеже еще остались въ древнихъ чинѣхъ пѣ-

которыя персоны, а именно: бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, стольники, спальники и прочіе чины, того ради предлагается не изволитъ ли его царское величество онымъ по ихъ животъ опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ воеводы, и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности». Предложеніе сената не было уважено: табель о рангахъ игнорировала древніе чины (Пекарскаго Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Т. I стр. 567).

И дѣло понятное! Табель о рангахъ построена была на совершенно новыхъ началахъ іерархическаго повышенія чиновниковъ — на началахъ служебной годности, а повышеніе царскихъ чиновныхъ людей до Петра, даже по уничтоженіи мѣстничества, главнымъ образомъ основывалось на породѣ. Табель о рангахъ, примѣняя къ ней выраженіе Морошкина, ввела въ службу государственную начало личнаго *дородства*, въ отмѣну издревле господствовавшаго въ русскихъ обычаяхъ и законахъ начала *отчества*.

Но еще до изданія табели, Петръ Великій прекращаетъ возведеніе въ прежніе чины: въ 1695 г. повелѣно въ стольники, въ стряпчіе и въ дворяне не возводить; въ 1701 и 1703 г. повелѣно болѣе въ житье не писать, а оставшимися жильцами и *дѣтьми боярскими*, о которыхъ еще упоминаютъ указы начала 18 вѣка (напр. указъ 1706 г. № 2.111), комплектовать гвардейскіе полки (Голикова Дополн. Т. III стр. 261; Устрялова Исторія царствованія Петра Великаго Т. IV примѣч. IV). — Пожалованіе честью боярства Петра Апраксина въ 1709 г., возведеніе въ окольничіе Юшкова въ 1711 г. — послѣдніе примѣры пожалованія старыхъ чиновъ. — Царь самъ проходилъ чины — но не боярина, не окольничаго, а сержанта, бомбардира и капитана; другъ царя А. Д. Меншиковъ, подобно другимъ птенцамъ Петра Великаго, также не подымался по лѣстницѣ старыхъ чиновъ, а получалъ чины новые, европейскіе. Эти новые чины начинаютъ входить въ

употребленіе еще до табели о рангахъ. Мы говоримъ не о военныхъ чинахъ — генерала, бригадира, оберъ-офицерскихъ — которые появляются съ первыхъ лѣтъ прошлаго столѣтія, но о чинахъ, пріуроченныхъ табелью къ должностямъ гражданскимъ. Послѣ Полтавы кн. Гр. Долгорукій жалуется чиномъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, бояр. Мусинъ-Пушкинъ — тайнаго совѣтника (Соловьева Исторія Россіи, Т. XV стр. 380); Владиславичъ - Рагузинскій въ 1710 г. производится въ чинъ надворнаго совѣтника (Б.-Каменскаго Словарь, Т. I); гр. Ѳед. Матв. Апраксинъ былъ въ 1711 г. генералъ-губернаторомъ азовскимъ и тайнымъ совѣтникомъ (П. С. № 2.334); въ спискѣ лицъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ 3 февраля 1718 г., наряду съ боярами, окольничими, генералъ-майорами и бригадирами, мы встрѣчаемъ и тайныхъ совѣтниковъ (Чтенія кн. 3-я, 1861 г.). Высшія сословія уже начинаютъ поддаваться обаянію новыхъ чиновъ и иноземныхъ титуловъ — уже начинаетъ зараждаться то настроеніе общества, которое одинъ иностранный наблюдатель такъ хорошо обрисовалъ словами «въ Россіи нѣтъ джентльменовъ, но есть майоры, капитаны, асессоры и регистраторы». Петръ Матв. Апраксинъ, пожалованный въ 1709 г. честью боярства, просилъ государя въ 1715 г. о «наданіи» ему графства и чина тайнаго совѣтника (Р. Арх. годъ 1-й стр. 335). Впрочемъ, наряду съ увлеченіемъ новинкой, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ высшаго класса стойкую привязанность къ традиціи — привязанность къ старому чину, нежеланіе промѣнять его на новый: Вас. Ѳед. Салтыковъ оставался, какъ мы видѣли, въ чинѣ стольника до 1730 г., предпочитая его чинамъ, установленнымъ Петромъ Великимъ.

Старые чины, скажемъ еще разъ, не были офиціально отмѣнены никакимъ указомъ, по крайней мѣрѣ таковаго мы въ памятникахъ не встрѣчаемъ. Они начинаютъ вымирать сами собою, параллельно съ зарожденіемъ и развитіемъ новыхъ. Окончательное же упраздненіе ихъ находится въ связи съ уничтоженіемъ разряда, вѣдавшаго прежнихъ чиновныхъ людей, и учрежденіемъ въ 1711 г. сената, который уполномо-

ченъ былъ сказывать новые чины. Какіе же были эти чины и чѣмъ они отличались отъ прежнихъ? Для разрѣшенія этого вопроса—нѣсколько словъ о *мѣстничествѣ*.

Въ допетровской Россіи опредѣленіе къ должностямъ обусловливалось *породой* лица. Отъ породы зависѣло занятіе того или другаго *мѣста*, должности. Отсюда и *мѣстничество*. Оно глубоко было укоренено въ нравы нашего служилаго класса, и господствовало не только въ высшихъ сферахъ, но и въ низшихъ: мѣстничались не только люди ближніе, породистые — бояре, окольничіе, но и люди новые, низшихъ чиновъ — дворяне, дѣти боярскіе. Случалось, что послѣдніе били челомъ государю, что съ такимъ де служить не *вмѣстно*, что ему-де и послѣдній дворянинъ *въ версту*. Не смотря на отсутствіе сословной замкнутости, городовые дворяне и дѣти боярскіе иногда неохотно впускали въ свою среду человѣка низшей породы. (Примѣры см. въ Исторіи Россіи Соловьева, Т. IX). Впрочемъ, самое это мѣстничество можетъ быть и вліяло на то, что у насъ не могла развиться аристократія въ смыслѣ сословія, всегда опирающаяся на начало *пэрства* — равенства ея членовъ.

Правда, и вовремя мѣстничества иногда случалось, что выдвигались впередъ люди незнатной породы, но милые царю — особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича: Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ-дьячій сынъ, достигшій боярства. Но это только случалось, и во всякомъ случаѣ было явленіемъ рѣдкимъ, нарушающимъ исконные порядки, оскорбляющимъ знатную породу. Думцы царя, столбы государства выходили большей частію изъ однѣхъ и тѣхъ же фамилій, — это постоянно были Воротынскіе, Мстиславскіе, Голицыны и т. п. Даже по уничтоженіи мѣстничества, вконцѣ 17 вѣка, когда нельзя было явно мѣстничаться, служилые люди уклонялись отъ *невмѣстныхъ* по ихъ разсчетамъ назначеній. (Одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ пр. Соловьевыхъ въ XIV Т. его Исторіи, относится къ 1686 г.). «Мѣстничество было уничтожено», говоритъ кн. Щербатовъ, «но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и въ окольничіе производились попрежнему, по

знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуютъ многія родословныя, что изъ стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко кн. Ив. Юр. Трубецкой (послѣдній боярин) менѣе 20 лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла государства». (Состояніе Россіи до Петра Великаго: Чтенія, кн. I 1860 г.). Петръ Великій, напротивъ, бралъ для себя людей, не считаясь ни съ ихъ породою, ни даже съ національностію — бралъ единственно за ихъ служебную годность. И кого только мы не найдемъ между его птенцами? Какъ миѳическія дружины нашихъ князей-витязей рекрутировались силачами и богатырями всѣхъ званій и странъ — и колбягами и варягами, и Алешками Поповичами — такъ и дружина Петра Великаго заключала въ своихъ рядахъ силачей и богатырей умственной силы и энергіи изъ всѣхъ званій и народностей. Не говоря о знаменитомъ пирожникѣ — Александрѣ Меншиковѣ, правой рукѣ великаго преобразователя, большая часть птенцовъ Петра Великаго были люди не породы, но таланта: бар. Шафировъ — происхожденіемъ еврей, гр. Ягужинскій, первый генералъ-прокуроръ — сынъ кистера лютеранской церкви, гр. Девіеръ, первый генералъ-полиціймейстеръ — португальскій мальчишка, прислуживавшій на одномъ купеческомъ кораблѣ и м. др. (Р. Архивъ, г. 3-й). Многія теперешнія аристократическія фамиліи — сливки нашего дворянства — ведутъ свою генеалогію отъ такихъ случайныхъ людей — то таланта, то фортуны и интриги — которые наполняютъ собою страницы 18 вѣка. Екатерина II сравнивала въ разговорѣ съ Храповицкимъ свой придворный штатъ со штатомъ Елизаветы Петровны, когда «Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, Сиверсъ изъ лакеевъ» (З. Храповицкаго: Чтенія, 1862). Екатерина II, дворянка въ душѣ, которая хвалила своихъ подданныхъ выраженіемъ онъ *изъ дворянъ* [5]) — Екатерина II, любившая дѣйствительно окружать себя людьми *благородными*, невсегда находила между ними людей даровитыхъ, и должна была волей-неволей выдвигать на первые посты въ государствѣ плебеевъ: тотъ же «Сиверсъ изъ лакеевъ» былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ ея

лицъ и однимъ изъ лучшихъ ея намѣстниковъ, Григ. Никол. Тепловъ, сынъ истопника псковскаго архіерейскаго дома, откуда онъ получилъ и свою фамилію — однимъ изъ первыхъ дѣльцевъ великой государыни (Осмн. вѣкъ, кн. 2-я), цѣлая плеяда малороссовъ — Безбородько, Завадовскій, Трощинскій, хотя и не могли блистать своей генеалогіей, но были лучшими государственными людьми екатерининскаго времени. Осмнадцатымъ вѣкомъ едва ли кончилась пора случайныхъ людей. Ряды высшей бюрократіи 19 столѣтія не всегда также украшались людьми аристократической породы: Сперанскій, Канкринъ, Вронченко и др. карьерой своей были обязаны своимъ замѣчательнымъ талантамъ. Еще болѣе выдвигалъ даровитыхъ плебеевъ геніальный Петръ, бравшій своихъ прибыльщиковъ и фискаловъ даже изъ крѣпостныхъ [6]). Но плебеи, войдя чрезъ чины въ шляхетство, усвоивали также чванство породой, и многіе изъ нихъ изобрѣтали генеалогіи [7]), а другъ друга попрекали *низкимъ* происхожденіемъ, и это было не только вконцѣ 17 столѣтія, когда въ домѣ боярина П. Шереметева происходила частная ссора между бояриномъ Шеинымъ и кн. Ромодановскимъ, попрекавшими другъ друга низкимъ происхожденіемъ: кн. Ромодановскій, величая себя московскимъ княземъ, называлъ Шеина измѣнничьимъ внукомъ, поносилъ и отца его Семена Ивановича и мать боярыню Авдотью Ивановну, *урожденную кн. Черкасскую*, а Шеинъ билъ палкой кн. Ромодановскаго, называя его *малопородьнымъ человѣкомъ*, *худымъ князишкой* (П. С. № 1.460). Это повторялось и къ концу царствованія Петра Великаго, и между людьми далеко не въ *версту* боярину Шеину и кн. Ромодановскому. Замѣчательный примѣръ этого рода представляетъ ссора между сенаторомъ барономъ Шафировымъ и оберъ-прокуроромъ сената Скорняковымъ - Писаревымъ, происшедшая въ 1722 году. Дѣло шло о выдачѣ брату барона, Михаилу Шафирову, за 6 мѣсяцевъ проведенныхъ имъ въ отпуску, жалованья — по иноземческому окладу. «Михаилъ Шафировъ» говорилъ оберъ-прокуроръ сената, «не иноземецъ, но жидовской породы, холопа боярскаго, прозва-

ніемъ Шапошки сынъ»... Баронъ отвѣчалъ, «что родитель его безпорочный свой животъ христіански... въ дворянѣхъ московскихъ скончалъ, и не у кого въ кабальномъ холопствѣ не былъ»... Оберъ-прокуроръ сената настаивалъ, что Шафировы жиды, и родственникъ ихъ жидъ, понынѣ живущій въ г. Оршѣ. Тогда Шафировъ въ свою очередь началъ попрекать Скорнякова - Писарева, что онъ происходитъ отъ «площаднаго писаря и скорняка, а отецъ его не имѣлъ крестьянъ и пріучалъ сына пахать землю....» (Пекарскаго Н. и Л. въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Т. I. стр. 210). Неудивительно, что еще въ 1719 г. изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства между членами коллегій, «понеже за мѣста между совѣтниками коллегій предусматривалось быть неудовольству, и отъ того и въ дѣлахъ безсоюзство и многія разности». Указъ повелѣваетъ членамъ коллегій обращаться другъ съ другомъ со всякимъ согласіемъ и надлежащимъ почтеніемъ, а не сваромъ и укоризненнымъ словомъ «понеже именными Его Великаго Государя указы прежде бывшей мѣсто и случай древнихъ невмѣстностей весьма пресѣчены и до конца искоренены и старые разряды вѣчно оставлены, а вмѣсто того славное безмѣстіе и прочность полезная на дѣла согласная... учреждена», поэтому порядокъ старшинства между членами коллегій долженъ опредѣляться временемъ назначенія каждаго изъ нихъ сенатомъ (П. С. № 3884) [8]).

Окончательно же упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя, Петру Великому удалось посредствомъ *табели о рангахъ всѣхъ чиновъ*, обнародованной 24 янв. 1722 г.

Въ настоящее время эта табель о рангахъ представляется анахронизмомъ, учрежденіемъ отжившимъ свое время, но при своемъ появленіи она внесла новыя животворныя начала въ нашъ государственный строй. По духу своему она была поистинѣ демократическою: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ни-

что не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина, подлые члены общества могли *облагородиться*, и войдти въ ряды шляхетства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ шляхетству постоянно приливали новыя силы изъ народа, и оно не могло, при всемъ своемъ стремленіи, замкнуться въ особую касту. Притомъ, дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ, какъ увидимъ ниже, уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По идеѣ табели, *ранги*, т. е. чины означали самыя *мѣста*, т. е. должности, помимо которыхъ они не имѣли никакого значенія, какъ внѣшніе почетные титулы. Такимъ образомъ, рангъ обусловливался должностію. Впослѣдствіи чины начинаютъ имѣть самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей: должность начинаетъ обусловливаться рангомъ. Кромѣ того, вполнѣ демократическій характеръ табели нарушился тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянства установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ, вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромно. Но прежде, чѣмъ мы оцѣнимъ это вліяніе, скажемъ нѣсколько словъ, слѣдуя г. Пекарскому, о внѣшней исторіи этого основнаго памятника нашего новѣйшаго законодательства.

Есть предположеніе, что ввести табель о рангахъ Петру Великому посовѣтовалъ Лейбницъ, его постоянный совѣтникъ, по мысли котораго были образованы у насъ и коллегіи. Въ окончательной редакціи памятника принимали участіе сенаторы Головкинъ и Брюсъ и генералъ-маіоры Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ. Первые же проекты ея, какъ видѣлъ г. Пекарскій изъ кабинетныхъ дѣлъ Петра, писаны его собственною рукою, по образцамъ имѣвшихся у него въ переводѣ росписаній чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ [9]) Табель о рангахъ подписана Петромъ Великимъ въ 1721 г., съ примѣчаніемъ «сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться». Вмѣстѣ съ табелью въ сенатъ

были посланы росписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ. Она разсматривалась въ сенатѣ, въ коллегіяхъ военной и адмиралтействъ, и здѣсь предложены были измѣненія, касавшіяся помѣщенія разныхъ должностей въ высшіе ранги, на основаніи помянутыхъ иностранныхъ росписаній. Такъ напримѣръ, сенатъ писалъ о рангѣ канцлера «въ регламентахъ о рангахъ во французскомъ, въ датскомъ, въ англійскомъ, а въ Швеціи изъ сенаторей старшій королевскій совѣтникъ написаны въ первомъ классѣ, того ради мнѣніе наше... тому чину быть въ первомъ классѣ. Сенатъ, кромѣ того, протестовалъ противъ того пункта табели, гдѣ полагался штрафъ за занятіе въ церкви мѣста выше своего ранга (Пекарскаго: Т. I стр. 564. Соловьева: Т. XVIII стр. 141).

Табель о рангахъ легла краеугольнымъ камнемъ нашей государственной службы; вліяніе ея на послѣдующія судьбы нашего дворянства неисчислимо. Какъ ни старалось послѣ нея наше шляхетство замкнуться въ отдѣльное сословіе, какъ ни обособлялось отъ народа, какъ ни усвоивало изящный жаргонъ с. жерменьскаго фобурга, бюрократическое начало табели побивало аристократическое начало, такъ непослѣдовательно прививаемое къ нашему шляхетству правительствомъ и съ такою жадностію усвоиваемое высшими классами. Табель о рангахъ водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ *чина* надъ *породой*, обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій. Въ законодательствѣ Петра рѣдко-рѣдко прорывается уваженіе къ знатной породѣ [10]), которая опредѣляла бы внѣшнее положеніе человѣка въ обществѣ. Напротивъ, еще до табели о рангахъ, въ 1712 г., Петръ повелѣлъ «сказать всему шляхетству, чтобъ каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи не былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать и писаться тожмо офицерамъ, а шляхетству (которые не въ офицерахъ) только то писать, куда развѣ посланы будутъ; а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья» (№ 2.467. § 23). Табель

окончательно опредѣляетъ соціальное преимущество чина предъ породой: мѣста при богослуженіяхъ и придворныхъ церемоніалахъ обусловливаются рангами, а кто займетъ мѣсто выше своего ранга, или уступитъ его лицу ниже рангомъ — тотъ платитъ штрафъ—2 мѣсяца жалованья. Рангъ мужей распространяется на ихъ женъ; дѣвицы, которыхъ отцы выше рангомъ, преимуществуютъ предъ дамами, которыхъ мужья ниже рангомъ. Рангомъ опредѣляется нарядъ, экипажъ, число служителей (Въ пунктахъ о Петергофѣ: «людей своихъ, которые въ 5 классѣ, болѣе не долженъ взять какъ одного, а которые ниже никакого служителя» (Р. Арх. ч. 2-й стр. 334), ихъ ливерея «понеже также знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ» (№ 3.980 §§ 3, 7, и 19) [11]).

Этого рода постановленія табели о рангахъ подтверждались и въ послѣдующія царствованія. При Аннѣ Леопольдовнѣ въ 1740 г. предписано богатыхъ платьевъ изъ шелковыхъ парчей и штофовъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ и стоющихъ дороже 4 р., не носить никому, кромѣ особъ первыхъ трехъ классовъ (№ 8.301). Несмотря на такія обусловливанія внѣшней обстановки рангомъ, неимѣющіе никакихъ рангов одѣвали себя и свои семейства въ платья изъ золотыхъ и серебряныхъ матерій, дѣлали для своей прислуги богатыя ливреи, ѣздили въ дорогихъ экипажахъ. Вслѣдствіе этого, при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г., былъ изданъ интереснѣйшій въ бытовомъ отношеніи указъ, дозволяющій употребленіе иностранныхъ шелковыхъ парчей, но не свыше 4 р. за аршинъ, и ливреи для прислуги, но съ шелковыми галунами безъ золота и серебра—первымъ 5 рангамъ. А слѣдующимъ классамъ (6, 7 и 8) употреблять шелковыя иностранныя парчи, но не свыше 3 р. за аршинъ, а прочимъ классамъ и неимѣющимъ ранга—не свыше 2 р. Подбоевъ же изъ шелковой матеріи неимѣющимъ рангов вовсе не класть, и бархату какъ имъ, такъ и женамъ ихъ, не носить. А кружевъ, да и то не шире 4 пальцевъ, кромѣ чиновъ первыхъ 5 классовъ, никому не носить (№ 8.680). Екатерина II, хотя и придала

введенному ею дворянскому мундиру такое значеніе, что въ немъ можно было входить въ кавалергардскую залу, бывать безъ приглашенія на придворныхъ балахъ (Зап. Энгельгардта стр. 36, 46), но тѣмъ не менѣе и она нѣкоторые внѣшніе знаки отличія пріурочила къ чину, а не къ сословію. Въ 1775 г., былъ изданъ манифестъ о экипажахъ и ливреяхъ, для чиновниковъ разныхъ классовъ. Манифестъ относительно *экипажей* постановилъ: 6 лошадьми съ 2 вершниками въ городахъ могутъ ѣздить только особы первыхъ двухъ классовъ; шестернею безъ вершниковъ—3, 4 и 5 классовъ; четвернею безъ вершниковъ — 6, 7 и 8; парою безъ вершниковъ — оберъ-офицеры; дворянамъ же, неимѣющимъ оберъ-офицерскихъ классовъ, запрещено ѣздить по городамъ инако, какъ лѣтомъ верхомъ или въ одноколкѣ на 1 лошади, а зимою въ саняхъ на одной лошади, и имѣть за собою не болѣе 1 человѣка. Относительно *ливрей*: ливрею, выложенную по швамъ, дозволено употреблять только особамъ первыхъ двухъ классовъ; выложенную по борту—3, 4 и 5; выложенную по борту воротника и обшлаговъ — 6, а оберъ-офицерамъ запрещено ливрею выкаживать чѣмъ бы то ни было (№ 14.290). Въ видѣ изъятія, ѣздить въ каретахъ парою по городамъ дозволено нечиновнымъ дворянамъ, имѣющимъ 50 лѣтъ, а также женскому полу дворянскаго происхожденія (№ 14.801). Эти постановленія отозвались и въ новѣйшемъ законодательствѣ (см. 202 стр. III Т. изд. 1857 г.).

Табель о рангахъ обусловила рангами знаки внѣшнихъ отличій; она же породила и чиновный point d'honneur: въ оскорбленіи начинаютъ видѣть обиду не лицу, не сословію, но чину. Мы видѣли, какъ въ 1692 кн. Ромодановскій жаловался царямъ на Шеина, что онъ-де называлъ князя *малогородовымъ человѣкомъ*, *худымъ князишкой* (см. выше). Въ 1722 г. Гр. Ѳед. Долгорукій жаловался Петру на Ромодановскаго за «учиненный аффронтъ характеру дѣйствительного тайнаго совѣтника», а членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Степановъ — на подканцлера Шафирова: «Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо небои,

но и брани терпѣть» (Соловьева: Т. XVIII, стр. 186).

Бюрократическое начало табели о рангахъ, повторяю, побивало аристократическое начало, развивавшееся въ шляхетствѣ; чинъ одолѣлъ породу. Этого не могли не замѣтить иностранцы, посѣщавшіе Россію. Шлёцеръ въ своихъ письмахъ изъ Россіи (1781 г.) говоритъ: Un gentilhomme n'est rien ici» (T. IV. Coxe, 2 p. 319). Тотъ же Коксъ удивляется, что въ Россіи благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности; что старшіе сыновья важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ не имѣютъ никакихъ правъ въ силу своего рожденія, какъ пэры Англіи и Франціи, гранды Испаніи; что значеніе аристократической фамиліи упадаетъ со смертію ея главы; а имущество раздробляется между дѣтьми, наслѣдственный титулъ — князя, графа или барона — ничего не значитъ безъ должности, безъ службы гражданской или военной (ib. p. 314). Тотъ же отзывъ мы встрѣчаемъ и въ исторіи Левека (T. IV, p. 479) [12])

Но этотъ перевѣсъ бюрократическаго начала надъ аристократическимъ, чина подъ породой былъ только въ принципѣ. По принципу, конечно, Фуксъ, поваръ императрицы Елизаветы Петровны, возведенный ею въ чинъ бригадира (Щербатовъ о повреждѣніи нравовъ въ Россіи стр. 72), или придворный карла Лука Честихинъ, котораго Екатерина I пожаловала въ майоры (Чтенія кн. 3, 1858), или полковникъ Захаръ Зотовъ, бывшій сначала камердинеромъ у Потемкина, а потомъ у Екатерины II (Зап. Энгельгардта, стр. 94) могли пользоваться большими внѣшними знаками отличія, чѣмъ кн. Голицыны или Куракины, если только послѣдніе нигдѣ не служили и не имѣли никакого чина. Но фактически шляхетство большей частью старалось занять, и дѣйствительно занимало, важнѣйшія должности въ государствѣ, имѣло первые чины, получаемые иногда при самомъ рожденіи. Отсюда только погоня шляхетства за чинами, на которую такъ жаловался кн. Щербатовъ: «разрушенное мѣстничество, и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и такъ каждый сталъ добиваться чиновъ,

а не всякому удается прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами, льстя и угождая государю и вельможамъ»... (Щербатова, О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 28) Шляхетство старалось удержать за собою почву, схвативъ чинъ и получивъ должность, надѣляющіе соціальными преимуществами. Но если почва ускользала, если крупный чинъ доставался плебею, шляхетство передъ нимъ раболѣпствовало. Это хорошо подтверждается отношеніемъ шляхетства къ Меншикову, Разумовскому и др. любимцамъ фортуны. «Упала древняя гордость дворянская», говоритъ кн. Щербатовъ, чуткій къ достоинству и чести своего сословія, «видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ (Меншиковымъ), а мѣсто ея раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все» (16. стр. 32). Сохранилось также преданіе, что Мавра Егоровна Шувалова, либимица государыни Елизаветы Петровны, пѣвала молебны, когда мужъ ея, знаменитый гр. Петръ Ив. Шуваловъ, возвращался съ охоты А. Г. Разумовскаго, не высѣченный батожьемъ (Осмн. В. кн. 2-я: Семейство Разумовскихъ).

Табель о рангахъ тѣмъ въ особенности побивала аристократическій принципъ шляхетства, что не давала ему замкнуться въ недоступную касту, но широко открыла доступъ въ это сословіе всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ. Вѣрная нашимъ исконнымъ традиціямъ [13]), она установила способы пріобрѣтенія дворянства *чинами*. Раздѣливъ чины по вѣдомствамъ на воинскіе (сухопутные, гвардейскіе, артиллерійскіе и морскіе), и статскіе и установивъ 14 ранговъ или классовъ этихъ чиновъ, табель узаконила, что дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной [14]), вмѣстѣ съ дѣтьми его, рожденными по производствѣ въ чинъ — дворянинъ, и если у него не родится дѣтей по полученіи чина, а будутъ прежде рожденные, то отцу дозволяется просить о пожалованіи дворянства одному изъ нихъ (П. С. № 3.890, п. 15). — Право просить о возведеніи одного изъ сыновей преждерожденныхъ

въ 1817 г. распространено было и на матерей, а въ 1829 г. на родныхъ дѣдовъ по отцу, если ни отецъ, ни мать при жизни своей этого не сдѣлали (2 П. С. № 3.247). Но какъ случалось, что изъ сыновей, рожденныхъ до полученія ихъ отцами оберъ-офицерскаго чина, многіе не получали никакого образованія, то въ 1845 г. постановлено: на будущее время возводить только тѣхъ преждерожденныхъ сыновей по избранію отца, которые выдержатъ экзаменъ, установленный 6 мая 1844 г. для пріема въ военную службу недорослей изъ дворянъ (2 П. С. № 18.814). 39 ст. IX Т. 3 изд. Св. зак. распространяетъ права дворянства на всѣхъ дѣтей преждерожденныхъ, исключая лишь тѣхъ, которые родились въ крѣпостномъ, или вообще въ податномъ состояніи.

Что́ касается чиновъ статскихъ и придворныхъ, то табель о рангахъ устанавляетъ, что получившіе 8 первыхъ ранговъ по этимъ вѣдомствамъ со всѣми своими законными дѣтьми «въ вѣчныя времена *лучшему старшему* дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были» (№ 3.890. п. 11).

Такъ установился главнѣйшій способъ пріобрѣтенія *лучшаго старшаго* дворянства съ потомствомъ, которое поэтому въ законодательствѣ получило названіе *потомственнаго*, а въ общежитіи *столбоваго* [15]). Оберъ-офицерскій чинъ по военной службѣ и колл. асессора по гражданской давалъ права этого потомственнаго, столбоваго дворянства. Что касается прочихъ чиновъ, то о нихъ въ табели о рангахъ постановлено: «прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, *оныхъ дѣти* не суть дворяне» (№ 3.890. § 15). Впослѣдствіи, толкуя въ дворянской грамотѣ этотъ § табели, Екатерина II лицъ, имѣющихъ чины ниже 8 класса, причислила не къ наслѣдственному дворянству, но къ *личному* (№ 16.187, § 19). Появился новый общественный классъ, не совсѣмъ опредѣленный къ юридическомъ и соціальномъ отношеніи, промежуточный между потомственнымъ дворянствомъ и податными классами, отставшій отъ послѣднихъ и не приставшій къ первому. По нѣкоторымъ правамъ

личное дворянство примкнуло къ потомственному: оно было свободно отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутчины, но лишенное существеннѣйшихъ правъ дворянства потомственнаго—крѣпостнаго права и полнаго участія въ его корпоративной жизни—оно не совсѣмъ было благороднымъ. Его съ полнымъ правомъ нѣкоторые наши публицисты называли *межеумкомъ* (г. Лохвицкій: Губернія, ея з. и пр. учрежденія, стр. 121). Самое щекотливое къ благородству, самое алчное къ дворянскимъ почестямъ, оно боялось сблизиться и слиться съ народомъ болѣе дворянства столбоваго. Дворянство же столбовое считало для себя болѣе унизительнымъ сближеніе съ личнымъ дворяниномъ, чѣмъ съ купцомъ или простолюдиномъ. Бѣдное матеріальными средствами, но богатое искусственными потребностями, личное дворянство боялось запачкать свои благородныя руки какими-нибудь мѣщанскими занятіями и предавалось темнымъ, неопредѣленнымъ профессіямъ. Поставленное выше народа, оно съ гордостію относилось въ нему; малтретируемое же столбовымъ дворянствомъ, оно явно раболѣпствовало предъ нимъ, заискивало въ немъ, а тайно недоброжелательствовало своему счастливому собрату. Неопредѣленность юридическаго и соціальнаго положенія какой-нибудь общественной группы неблагопріятна для нравственнаго развитія ея членовъ. Какая разница такіе цѣльные и опредѣленные типы общественныхъ разрядовъ, какъ крестьянство, купечество, духовенство! Личными дворянами общества потомственныхъ дворянъ замѣщали иногда должности по земской полиціи, особенно низко стоящей во мнѣніи сословія. Нельзя не признать правильной политику правительства относительно личнаго дворянства со времени императора Николая — она состояла въ томъ, чтобы слить этотъ общественный разрядъ съ классомъ городскихъ обывателей: дѣти личныхъ дворянъ стали принадлежать къ почетному гражданству, самимъ личнымъ дворянамъ въ 1854 г. предоставлено право, наравнѣ съ почетными гражданами, записываться въ 5 часть городовой обывательской книги (2 П. С. № 27.930).

Но жалованная грамота дворянству, окрестивъ названіемъ

тотъ общественный классъ, который повелся еще отъ табели о рангахъ, дала возможность личнымъ дворянамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получать права дворянства потомственнаго. Она установила: 1) если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству ихъ предоставляется просить дворянства дѣйствительнаго; 2) если отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство и безпорочно пребывали въ службѣ, то внуку дозволяется просить дворянства дѣйствительнаго (№ 16.187 § 21). Впослѣдствіи въ практикѣ, при толкованіи этихъ статей, возникали сомнѣнія: въ 1815 г. при разсмотрѣніи въ общемъ собраніи сената просьбы недоросля Львова о возведеніи его въ потомственное дворянство былъ возбужденъ вопросъ, долженъ ли дѣдъ и отецъ выслужить каждый по 20 лѣтъ, или чтобъ служба обоихъ составляла 20 лѣтъ, и полагать ли въ числѣ этихъ лѣтъ службу въ нижнихъ канцелярскихъ чинахъ, или только въ оберъ-офицерскихъ? Общее собраніе постановило: когда каждый не менѣе 20 лѣтъ въ чинахъ, а проситель притомъ совершеннолѣтній и состоитъ на службѣ. Министръ юстиціи представилъ дѣло на высочайшее благоусмотрѣніе. Государственный совѣтъ въ департаментѣ законовъ истолковалъ § 21 дворянской грамоты въ томъ смыслѣ, чтобъ прослужить обоимъ вмѣстѣ 20 лѣтъ, но для сего срока брать только время нахожденія въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, ходатайствовать же о правѣ на дворянство предоставить и малолѣтнему просителю. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта—8 членовъ приняли заключеніе департамента законовъ, а 8—сената, особенно по тому уваженію, *что чѣмъ болѣе затрудняется возведеніе въ дворянство, тѣмъ сіе полезнѣе будетъ для государства*». Государь принялъ мнѣніе послѣднихъ 8 членовъ (№ 29.745). Въ 1854 г. окончательно было опредѣлено право сыновей личныхъ дворянъ просить о возведеніи въ потомственное дворянство: къ требованіямъ закона 1815 г. прибавлено достиженіе 17 лѣтъ (2-е П. С. № 28.828). Это вошло и въ 33 ст. IX т. изд. 1857 г., съ прибавленіемъ еще одного условія—вступленія просителя въ службу.

Табель о рангахъ, такимъ образомъ, широко раскрыла дверь, чрезъ которую члены всѣхъ общественныхъ классовъ, при посредствѣ чина, могли входить въ шляхетство. Всѣ фендрихи и констапели, а впослѣдствіи прапорщики и мичманы и др. оберъ-офицерскіе чины съ ихъ потомствомъ, всѣ коллежскіе асессоры съ ихъ потомствомъ, сдѣлались потомственными дворянами, всѣ гражданскіе чины низшихъ 6 классовъ сдѣлались личными дворянами. Дворянство почти слилось съ офицерствомъ и бюрократіей. А вслѣдствіе постоянно возрастающей численности военныхъ силъ, число оберъ-офицеровъ постоянно увеличивалось (по статистикѣ «Военнаго Сборника» въ одной части нашей арміи въ послѣднее время было офицеровъ 12.662); вслѣдствіе же развивавшейся системы административной централизаціи и опеки, число гражданскихъ чиновниковъ и выходящихъ изъ ряда ихъ коллежскихъ асессоровъ также умножалось (въ послѣднее время администрація заключала 35.000 однихъ штатныхъ мѣстъ). Отсюда чрезвычайное размноженіе дворянства [16]), а вслѣдствіе его размноженія, при системѣ дробленія наслѣдствъ—крайнее обѣднѣніе. Къ рюриковичамъ по происхожденію, къ богачамъ по состоянію, къ потомкамъ столбовъ государства, думцевъ великихъ князей и царей московскихъ, присоединялись плебеи по крови, бѣдняки по состоянію, потомки совѣтниковъ губернскихъ правленій, пѣхотныхъ прапорщиковъ или кавалерійскихъ корнетовъ, и составляли съ ними одну общественную группу, между правами и преимуществами членовъ которой не было никакой разницы по закону. Чистая аристократическая кровь болѣе и болѣе разбавлялась кровью крестьянской, мѣщанской и поповской; процентъ дворянства de la vieille souche въ цѣломъ сословіи болѣе и болѣе уменьшался. Если вѣрить Россійской родословной книгѣ кн. Долгорукова, то въ массѣ чисто-русскаго дворянства настоящихъ породистыхъ фамилій немного: онъ насчитываетъ княжескихъ фамилій рюриковской крови 39, гедиминовской 8, фамилій нетитулованныхъ, но происшедшихъ отъ Рюрика 21, внесенныхъ въ бархатную книгу 76, фамилій существовавшихъ прежде 1.600 г., изъ которыхъ весьма

многія уже угасли, 738. Что значатъ 882 фамиліи [17]) изъ которыхъ большая часть угасшихъ, въ общей массѣ потомственнаго дворянства, состоявшаго изъ 603.973 душъ обоего пола въ 1858 г. Притомъ, большая часть этихъ фамилій чрезвычайно обѣднѣли, разстались съ своей родовой поземельною собственностію, исторически слившись съ которою только и можетъ держаться аристократія. А между прочимъ этого-то и не было съ нашимъ дворянствомъ. Гакстгаузенъ справедливо замѣчаетъ, что весьма немногія аристократическія фамиліи въ Россіи сохранили свои родовыя помѣстья: Шереметевы, Строгоновы, Голицины, Воронцовы, Панины и проч., а большей частію состояніе переходитъ едва въ третье поколѣніе (Etudes, T. 3, p. 53 [18]). Кромѣ того, одна и та же фамилія развѣтвлялась такъ, что одна отрасль ея захудала и обѣдняла, а другая сохранила въ большей или меньшей степени родовое богатство и блескъ. О кн. Голицыныхъ, о Нарышкиныхъ и многихъ др. иногда спрашиваютъ: «какіе это Голицыны, какіе это Нарышкины—богатые или бѣдные?» Между прочимъ, какъ состоянія породистыхъ фамилій дробились между наслѣдниками, или растрачивались широкою и разгульною жизнію русскихъ вельможъ, плебеи, входившіе въ ряды дворянства для того, чтобы удержаться на равной ногѣ съ знатнѣйшими членами сословія, составляли нерѣдко огромныя состоянія. И состоянія этими parvenus нерѣдко пріобрѣтались у представителей знатнѣйшихъ фамилій, какъ замѣтилъ Гакстгаузенъ (Т. 2 р. 53). Для примѣра сдѣлаемъ сопоставленіе: Гр. Салтыковъ, происходившій отъ знаменитаго своей щедростью и богатствомъ Вас. Ѳед. Салтыкова, послѣдняго стольника, имѣвшаго 80 т. душъ крестьянъ, изъ которыхъ онъ роздалъ нѣсколько тысячъ неимущимъ дворянамъ—Гр. Салтыковъ, говоримъ, оставилъ своему сыну въ 1805 г. 16 т. душъ, въ числѣ которыхъ 1.200 дворовыхъ, обремененныхъ 2 м. 800 т. долгу (Б.-Каменскаго Словарь т. 5, стр. 11). Рюминъ, сынъ рязанскаго мѣщанина, сдѣлавшійся дворяниномъ, откупами нажилъ огромное состояніе, оставивъ своимъ дѣтямъ 12.000 душъ крестьянъ (16 т. IV). Твердышевъ,

изъ простыхъ мужиковъ, если вѣрить Вигелю, начавъ свои операціи съ 5 р. въ карманѣ, кончилъ тѣмъ, что оставилъ четыремъ своимъ племянницамъ: Дурасовой, Пашковой, Бекетовой и Корицкой по 16.000 душъ (Воспоминанія, ч. IV стран. 81).

Возвращаемся къ оцѣнкѣ вліянія табели о рангахъ на послѣдующія судьбы нашего дворянства. Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель свела въ одну общественную группу и людей знатнаго происхожденія и богатаго состоянія, и потомство мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ. Въ дальнѣйшей исторіи нашего дворянства, вслѣдствіе этого, возникаютъ слѣдующія направленія: мелкое дворянство, несостоятельное сохранить блескъ своего благороднаго состоянія, своими нравами, матеріальными средствами и образомъ жизни, сближается съ народомъ, не утрачивая, впрочемъ, своей горделивой сословной точки зрѣнія на него. Напротивъ, высшее дворянство — родовое и вышедшее изъ крупной бюрократіи и генералитета — стремится замкнуться въ касту, отдѣлясь и отъ низшаго дворянства и отъ сѣраго народа своими нравами, образомъ жизни, даже языкомъ. Среднее дворянство по интересамъ своимъ тяготѣетъ къ народу, по претензіямъ — къ аристократіи. Реальные интересы влекутъ его къ деревнѣ, къ хлѣбопашеству, искусственныя потребности и навѣянныя притязанія притягиваютъ въ столицу, въ города, въ обѣтованную землю аристократическихъ салоновъ, заграницу, гдѣ прохлаждаются и проживаются князья и графы — потомки бояръ и окольничихъ. Вотъ почему изъ нашего средняго дворянства не могло образоваться gentry, подобно тому какъ аристократія не могла развиться въ nobility. Среднее дворянство само отрывало себя отъ своей естественной среды — отъ родныхъ полей и душистыхъ лѣсовъ, отъ родныхъ мужиковъ. Оно считало этихъ мужиковъ людьми другой кости и крови, оно стыдилось протянуть руку мелкому собрату и благоденствовало отъ двухъ пальцевъ, протянутыхъ аристократомъ. Это раздвоеніе въ средѣ шляхетства, эти различныя направленія его членовъ, обозначаются уже въ царствованіе Анны Іоанновны.

Устами Волынскаго *подлое* шляхетство выговариваетъ свой вполнѣ опредѣлившійся взглядъ на шляхетство *знатное* (см. ниже). Раздвоеніе болѣе и болѣе развивается, различныя направленія болѣе и болѣе обозначаются ко временамъ коммисіи 1767 г. Дворянство устами своихъ талантливѣйшихъ представителей (кн. Щербатовъ и др.) заявило, что пріобрѣтеніемъ дворянства чиномъ *уподляются дворянскіе роды, затмѣваются ихъ преимущества*. Отсюда послѣдовательно вытекло требованіе «дабы возвести дворянство — главный чинъ имперіи — на прежнюю степень могущества» отмѣнить пріобрѣтеніе его чиномъ. Но заявленія дворянскихъ депутатовъ коммисіи 1767 г. были удовлетворены не вполнѣ: породистое дворянство выдѣлено было только въ шестой разрядъ дворянской родословной книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ началась реакція табели о рангахъ: право поступать въ государственную службу, а слѣдовательно получать на ней чины, начало пріурочиваться преимущественно къ дворянству и нѣкоторымъ другимъ общественнымъ классамъ, сроки для производства въ чины начали понижать для чиновниковъ изъ дворянъ и повышать для другихъ званій. Наконецъ, уже въ послѣднее время текущаго столѣтія для того, чтобъ отдѣлить офицерство и бюрократію отъ дворянства и поддержать падающее значеніе сословія, повышены были чины, дававшіе права дворянства. Манифестъ 11 іюня (распубл. 22 іюня 1845 г.), повышаетъ чины, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, дававшіе права потомственнаго дворянства:

1) Первый оберъ-офицерскій чинъ долженъ приносить права дворянства *личнаго*, а первый штабъ-офицерскій — *потомственнаго*.

2) чинъ 14 класса въ гражд. службѣ — *личное почетное гражданство*, а 9 класса — *личное дворянство. Потомственное же дворянство* по гражданской службѣ пріобрѣтается чиномъ 5 класса. — Всѣ чины эти, какъ военные, такъ и гражданскіе, должны быть получены не при отставкѣ, а вовремя дѣйствительной службы (2-е П. С. № 19.086). — Окончательно же порядокъ пріобрѣтенія дворянства чиномъ былъ опредѣленъ

въ настоящее царствованіе указомъ сенату 9 (распубл. 13) декабря 1856 г. На основаніи этого указа чины: полковника — по военно - сухопутной службѣ, флота капитана 1-го ранга — морской и дѣйствительнаго статскаго совѣтника — гражданской, если только они получены на дѣйствительной службѣ, даютъ права потомственнаго дворянства (2-е П. С. № 31.236).

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель о рангахъ опредѣлила и другой способъ пріобрѣтенія его — *пожалованіе* монархомъ (П. С. № 3.290, § 16). Пожалованіе дворянства, помимо службы, до Петра Великаго не существовало: «изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, *дворянство* не дается никому» (Котошихинъ, стр. 22). Возведеніе Минина, за его неоцѣненныя услуги отечеству, въ чинъ думнаго дворянина едвали не единственный примѣръ пожалованія до Петра (Соловьевъ, Т. IX стр. 378), да иначе и быть не могло, такъ какъ дворянство было не сословіемъ, но чиномъ. Примѣненіе § 16 табели о рангахъ впервые случилось при Екатеринѣ I, которая въ 1726 г. пожаловала дипломъ на потомственное дворянство Акинфію Никитичу Демидову (Голикова Дополн., Т. III. стр. 241) [19]). Изъ этого диплома видно, что еще Петръ Великій намѣревался возвести въ дворянство родъ Демидовыхъ, но знаменитый основатель этого рода, Никита Демидовичъ Демидовъ — изъ тульскихъ крестьянъ — отклонилъ это пожалованіе (Б. - Каменскаго Словарь, т. 2). Затѣмъ отъ пожалованія дворянства Демидову и до пожалованія его Коммиссарову-Костромскому тянется цѣлый рядъ возведеній въ дворянство помимо службы. Особенно часто это случалось въ 18 в. при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II. При Елизаветѣ Петровнѣ въ 1741 г. всѣ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые преображенской роты гренадер. полка, за исключеніемъ чиновъ заротныхъ, вписаны были въ герольдіи въ дворянскую книгу, а самая рота переименована въ лейбъ-кампанію «понеже во время вступленія нашего на престолъ полки нашей лейбъ-гвардіи, а особливо гренадерская рота преображенскаго полка, намъ ревностную службу

такъ показала, что воспріяли престолъ безъ кровопролитія» (П. С. № 8.491). Въ 1742 г. новгородецъ Михайло Сердюковъ былъ возведенъ въ дворянство «за его службы, въ прочисткѣ рѣки Мсты, въ учиненіи шлюзовъ и прочаго» (П. С. № 8.631). Елизавета Петровна возвела также въ потомственное дворянство и духовника своего Дубянскаго (Осмнадц. Вѣкъ, кн. 3 стр. 345) и весьма ею любимаго Никиту Андреяновича Возжинскаго. Послѣдній былъ придворнымъ конюхомъ при Аннѣ Іоанновнѣ и служилъ при Елизаветѣ Петровнѣ, когда она была великой княжной; фамилію свою онъ получилъ отъ возжей, такъ какъ правилъ лошадьми придворныхъ экипажей (Р. Арх. ч. 1 стр. 431); императрицей этой пожалованы были также въ дворянство малороссы: слѣпой бандуристъ и придворный пѣвчій Божко (Дн. Зап. Марк. ч. II. 191). Екатерина II многихъ также пожаловала въ дворянство. Она однажды сама спрашивала Храповицкаго: «Больше-ли разжаловала, нежели пожаловала въ дворяне?» (Памятныя записки Храповицкаго). Одно изъ интересныхъ ея пожалованій: возведеніе въ дворянство 7 лѣтняго младенца Александра Даниловича Маркова, который притомъ получилъ наименованіе *Оспеннаго*, такъ какъ отъ него докторъ Димсдаль бралъ оспу для императрицы (Вейдемейеръ: Дворъ и Замѣч. люди въ Россіи, ч. I. стр. 74). Жалованная грамота 1785 г. называетъ жалованное дворянство *дѣйствительнымъ*, и опредѣляетъ для внесенія его, вмѣстѣ съ менѣе старымъ дворянствомъ (до 100 лѣтъ) въ 1-ю часть дворянской родословной книги (П. С. № 16.187). Въ гербовникахъ, издававшихся при Павлѣ I, отдѣлялось иногда особое отдѣленіе для дворянства пожалованнаго: здѣсь мы встрѣчаемся съ фамиліями Демидовыхъ, Балашовыхъ, Козловыхъ, Муравьевыхъ, Русеневыхъ, Михайловыхъ, Дубянскихъ, Шелиховыхъ и т. д. (№ 18.595 и др.). Право пожалованія подтверждено потомъ и въ манифестѣ 1845 г. о повышеніи чиновъ, дающихъ права дворянства (2 П. С. № 19.086 п. 5).

Жалованная грамота къ этимъ основнымъ способамъ пріобрѣтенія дворянства присоединяетъ третій — пожалованіе *орденомъ*: къ неопровергаемымъ доказательствамъ дворянства она

присоединяетъ доказательство, что «кавалерскій орденъ особу украшалъ» (№ 16.187. 92). Но грамота не опредѣлила, распространяется ли право потомственнаго дворянства и на дѣтей, родившихся до пожалованія ордена, поэтому въ практикѣ возникали сомнѣнія, разрѣшенныя въ 1816 г., когда дѣти протоіерея Левшина, пожалованнаго орденомъ Анны I ст., просили о возведеніи ихъ въ потомственное дворянство и о выдачѣ имъ герба и диплома. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено въ 1816 г., что просьба Левшиныхъ должна быть удовлетворена, такъ какъ право на потомственное дворянство должно распространяться и на дѣтей, до пожалованія ордена рожденныхъ (№ 26.497). Это самое было подтверждено и въ 1830 г. (2-е № 3.507), и вошло въ сводъ (ст. 39, Т. IX изд. 1857). Но этимъ все-таки не выяснилось, всѣми ли дворянскими правами могутъ пользоваться духовныя лица, сопричисленіемъ къ ордену пріобрѣвшія право сего состоянія? Въ практикѣ иногда бывали относительно этого вопроса сомнѣнія: въ 1821 г., напримѣръ, саратовская палата гражданскаго суда представляла сенату, что многія духовныя лица, сопричисленныя къ ордену Св. Анны 2 степени, являются въ палату для совершенія на имя ихъ крѣпостей на дворовыхъ людей и имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами. Палата и прокуроръ, затрудняясь совершеніемъ купчихъ, испрашивали разрѣшеніе сената. Разрѣшивъ этотъ случай, сенатъ издалъ указъ о дозволеніи духовнымъ лицамъ, сопричисленнымъ къ орденамъ, совершать крѣпости на всѣ имѣнія, дворянству присвоенныя (П. С. № 28.782). — Что касается купечества, то до изданія положенія 30 октября 1826 г., оно пользовалось, при полученіи ордена, правами потомственнаго дворянства, если только въ грамотѣ, выданной на орденъ, не было прямо отказано въ этомъ. Въ 1826 г. было постановлено, что чины и ордена, жалуемые лицамъ купеческаго сословія, приносятъ имъ только личное дворянство (2 № 640), а впослѣдствіи — почетнаго гражданства.

Всѣ ли ордена давали потомственное дворянство [20])? Въ

этомъ отношеніи устанавливались нѣкоторыя ограниченія для низшихъ степеней нѣкоторыхъ орденовъ и для лицъ иныхъ званій, получавшихъ какіе-бы то ни было ордена. Съ изданіемъ новаго статута для ордена св. Анны 22 іюля 1845 г. было постановлено, что пожалованіе 2, 3 или 4 степени этого ордена даетъ права личнаго дворянства, а дѣтямъ пожалованныхъ — права потомственнаго почетнаго гражданства (2-е № 19.228 отд. III XXVIII и XXIX). — Пожалованіе орденомъ Станислава 2 и 3 ст. съ 1815 по 17 ноября 1831 г. — давало права личнаго дворянства. А 17 ноября 1831 г. было постановлено, что пожалованіе этого ордена даетъ права дворянства потомственнаго (2-е № 2.668), пока опять 28 іюня 1855 г. не былъ возстановленъ прежній порядокъ — личное дворянство, а дѣтямъ потомственное почетное гражданство (2-е № 29.466). — Что касается званій, то кромѣ купечества, духовенство римско-католическаго исповѣданія по закону 1839 г. (2-е № 12.385 § 76) и чины башкирскаго войска по закону 1831 г. (2-е № 4.547), подтвержденному въ 1839 г. (2-е № 12.385 § 79) — пользуются правами личнаго, а не потомственнаго дворянства, какой бы орденъ они ни получили (ст. 49 IX Т. изд. 1857 г.).

Жалованная грамата дворянству установила еще одинъ способъ пріобрѣтенія дворянства: «именитыхъ гражданъ внукамъ, буде отецъ и они именитость безпорочно сохранили, дозволяется старшему послѣ 30 лѣтъ отъ рожденія его, бывъ самому жизни безпорочной, просить дворянства» (№ 16.188, § 137). — Это существовало до манифеста 1 января 1807 г., отмѣнившаго именитое гражданство (№ 22.418), но въ 1822 г. предоставлено было старшимъ султанамъ сибирскихъ киргизовъ, по прослуженіи въ этомъ званіи трехъ трехлѣтій, просить потомственнаго дворянства (П. С. № 29.127).

Что касается принятія иностранцевъ въ русское дворянство, то табель о рангахъ объ этомъ постановила слѣдующее: «не имѣетъ никто рангъ взять по характеру, которой онъ въ чужихъ службахъ получилъ, пока мы его онаго характера не подтвердили» (№ 3.890 § 5). Но вопросъ о принятіи иностранцевъ

въ русское дворянство окончательно былъ разрѣшенъ только въ 1817 г. Банкиръ Лавіо просилъ дворянскаго достоинства по диплому баварскаго короля. Государственный совѣтъ представилъ государю, что такъ какъ дворянское достоинство русскими подданными пріобрѣтается не иначе, какъ заслугами, то и иностранцы, присягнувшіе на подданство Россіи и просящіе о причисленіи въ русское дворянство, по дипломамъ этихъ государей, не иначе могутъ быть причисляемы, какъ за заслуги россійскому государю и государству (№ 26.714).

Установивъ способы пріобрѣтенія дворянства, табель о рангахъ узаконила гербы. Мы говоримъ узаконила, потому-что до тѣхъ поръ не встрѣчаемъ никакого постановленія объ этомъ, хотя гербы начинаютъ прививаться къ нашимъ высшимъ классамъ еще въ 17 ст. На развитіе этихъ геральдическихъ претензій нашего дворянства вліяли иноземные образцы — въ особенности примѣръ рыцарства остзейскаго и шляхетства малороссійскаго, къ которому любовь къ геральдикѣ перешла изъ Польши. Народной же исторической почвы для дворянской геральдики у насъ не было, такъ какъ у насъ не было ничего подобнаго рыцарству западно-европейскому. Дворянство наше въ этомъ случаѣ только подражало аристократіи иноземной, а правительство, желавшее придать высшимъ классамъ иноземную форму, сочиняло и раздавало гербы. Что до Петра Великаго не было въ нравахъ нашего высшаго сословія употребленіе геральдическихъ эмблеммъ, объ этомъ сохранилось прямое свидѣтельство Котошихина: «А грамотъ и гербовъ на дворянства ихъ (возводимыхъ въ чины) и на боярства никому не даетъ (царь), потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ.... также и у старыхъ родовъ князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ, — да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей московскаго государства гербовъ не бываетъ; а когда случится кому къ какимъ письмамъ, или посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ у кого какая печать прилучилась, а *не породная...*» (стр. 22) Въ восточной Россіи, такимъ образомъ, высшіе

классы не вѣдали геральдики, не имѣли породныхъ печатей; малороссійское же шляхетство, какъ видно изъ грамотъ 16 ст., получало отъ польской короны клейноты и гербы шляхетскіе (Чтенія, кн. 2-я, 1861 г.). А вліяніе малороссійской шляхетской интеллигенціи на высшіе классы восточной Россіи въ 17 ст. весьма усиливается: Симеонъ Полоцкій, пропитанный польскими шляхетскими идеями, обучаетъ Ѳедора Алексѣевича; ополяченные малорусскіе шляхтичи обучаютъ дѣтей русскихъ вельможъ конца 17 ст. (Соловьева Т. XIII, стр. 229). И какъ ни различались по духу своему царскіе чиновные люди русскіе отъ шляхетства малороссійскаго и польскаго, какъ ни дивился, напримѣръ, варшавскій резидентъ 17 ст. Тяпкинъ, что въ Польшѣ «чтó жбанъ, то панъ» — вліяніе шляхетскихъ воззрѣній Польши начинаетъ проникать въ среду высшихъ служилыхъ людей — холоповъ царя московскаго. Кн. Голицынъ, кіевскій губернаторъ начала 18 ст., уже имѣетъ гербъ, воспѣваемый кіевскимъ піитой въ виршахъ «на старожитный клейнодъ сіятельныхъ князей Голицыныхъ» (Пекарскаго Т. I, стр. 287 [21])», подобно тому, какъ тѣ же поэты въ виршахъ воспѣвали и гербъ Мазепы и *три стрѣлы подъ дворянскою короною* въ гербѣ Скоропадскаго (Ib. стр. 116, Т. II) Вначалѣ 18 в. употребленіе гербовъ дворянствомъ развивается уже до того, что нѣкоторые своевольно изобрѣтали себѣ гербы, а иные употребляли даже гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій. Втеченіе 18 в. страсть къ геральдикѣ еще болѣе укореняется въ русскомъ дворянствѣ, и сатирическіе журналы подымаютъ ее на смѣхъ. Трутень 1769 г., напримѣръ, глумится надъ его превосходительствомъ г. Недоумомъ, для котораго «гербовники и патенты, отъ-ства отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ» (Трутень въ изд. г. Афанасьева, стр. 141). Необходимо было законодательству обратить вниманіе на эту раз-

вившуюся страсть дворянства къ геральдикѣ и регулировать употребленіе гербовъ.

На это обратила вниманіе табель о рангахъ. Она поручила герольдмейстеру всѣмъ дослужившимся до оберофицерства—какъ изъ дворянъ, такъ и недворянъ, а не бывшимъ въ военной службѣ — которые могли доказать свое столѣтнее служилое достоинство—давать дипломы на дворянство и гербы (№ 3.890). За выдачу этихъ гербовъ, въ 1726 г. постановлено взымать на краски по 2 р. (№ 4.831), а въ 1727 г. — съ дипломовъ на титулы (на чести графскія, баронскія и прочія), гербы и чины положена пошлина, «по пропорціи тѣхъ данныхъ честей, и гербовъ и чиновъ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ» (№ 5.016, 5.017). Такимъ образомъ, гербы были узаконены, и затѣмъ возведеніе въ дворянство обыкновенно уже сопровождалось выдачей диплома [2]) и составленіемъ фамильнаго герба. Такъ, лейбъ-компанцы, возведенные въ дворянство, получили также и гербы по апробованному императрицей образцу съ надписью за *ревность* и *вѣрность* (№ 8.491, 8.639), въ составленіи которыхъ, какъ видно изъ его записокъ, принималъ участіе и артиллеріи майоръ Даниловъ (стр. 59). Дворянскимъ депутатамъ коммисіи 1767 г. дозволено было, по окончаніи дѣла, знаки депутатскаго достоинства поставить въ гербы, «дабы потомки узнать могли, какому великому дѣлу они участниками были» (№ 12.801). Въ 1768 г. выдача гербовъ была пріостановлена до составленія новаго объ этомъ положенія въ коммисіи проекта новаго уложенія, но въ 1773 г. она была разрѣшена вновь (№ 14.063). Окончательно право на гербы опредѣлено было императоромъ Павломъ I, издавшимъ 20 января 1797 г. именной указъ сенату *о составленіи общаго дворянскихъ родовъ гербовника*. Указъ этотъ предписалъ раздѣлить общій гербовникъ на 3 отдѣленія: въ первомъ отдѣленіи помѣстить всѣ фамиліи по старшинству родовъ, начиная съ князей и графовъ, потомъ бароновъ и дворянъ, современи соединенія помѣстій съ вотчинами, не внося въ число князей и графовъ—князей и графовъ римской имперіи, которые

не имѣютъ этихъ достоинствъ имперіи россійской, а оставляя ихъ въ томъ классѣ дворянства, которое имъ принадлежитъ по рожденію; татарскихъ князей повелѣно также не включать въ число княжескихъ родовъ. Во 2-е отдѣленіе гербовника имѣли быть внесены дворяне, которые въ дворянство облечены императорскою милостію. Въ 3-е — получившіе дворянское достоинство по чинамъ (№ 17.749, 17.881, 18.081). Система эта, впрочемъ, выдержана только въ нѣкоторыхъ частяхъ гербовника— 1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 9-й, а въ другихъ частяхъ отдѣлены только титулованныя фамиліи, а всѣ остальныя дворянскія—въ перемежку. 1 января 1798 г. былъ изданъ манифестъ объ утвержденіи 1-й части дворянскаго гербовника. Манифестъ этотъ весьма интересенъ: онъ показываетъ, какъ законодательство иногда старалось прививать нашему дворянству рыцарскія и аристократическія воззрѣнія западной Европы, чуждыя нашимъ традиціямъ. Опредѣливъ значеніе рыцарскихъ гербовъ для дворянства феодальнаго, манифестъ 1798 г. нѣкоторые русскіе дворянскіе роды выводитъ отъ рыцарскихъ фамилій западной Европы, заѣхавшихъ въ Россію и получившихъ въ ней помѣстья. Русскіе княжескіе роды производитъ отъ сыновъ великаго князя Владиміра; отъ этихъ княжескихъ родовъ пошли многіе другіе дворянскіе роды. Слѣдовательно, говоритъ манифестъ, всѣ таковые роды происходятъ отъ Рюрика, а потому древностію своею они не уступаютъ древнѣйшимъ родамъ другихъ государствъ. Указавъ, далѣе, на заслуги россійскаго дворянства предъ отечествомъ, на почести и отличія, изливаемыя на дворянство монархами, на значеніе манифеста 18 февраля 1762 г., освобождающаго дворянство отъ обязательной службы, манифестъ говоритъ: «мы, слѣдуя по стопамъ предковъ нашихъ, и обращая попеченіе наше на все, что способствовать можетъ къ славѣ и чести нашего дворянства, восхотѣли издать собраніе гербовъ дворянскихъ, яко знаковъ дворянскаго достоинства каждаго дворянскаго рода, ибо прежде сего, за неимѣніемъ таковаго собранія, многіе гербы или совсѣмъ утратились, или же по временамъ перемѣнялись. Мы повелѣли составить для сего общій дворянскихъ родовъ гер-

бовникъ, съ изображеніемъ гербовъ каждаго рода, и съ показаніемъ происхожденія оныхъ».

При этомъ повелѣвалось:

1) всѣ гербы, внесенные въ гербовникъ, оставить навсегда неизмѣнными, такъ чтобъ безъ разрѣшенія государя ничто изъ оныхъ не исключалось, и вновь въ оные не прибавлялось. 2) Каждому дворянину того рода, коего гербъ находится въ гербовникѣ, за представленіемъ имъ доказательствъ о принадлежности къ тому роду, выдавать на пергаментѣ копію. 3) Вѣрнѣйшимъ доказательствомъ дворянства принимать этотъ гербовникъ, храня его въ сенатѣ (№ 18.302). Вскорѣ затѣмъ было постановлено взымать за копіи съ дворянскихъ гербовъ по 30 р. и была обнародована 1-я ч. гербовника (№ 18.333). Затѣмъ непрерывно до 1816 г. издано 9 частей этого гербовника, въ которыхъ описаны гербы 103 ф. титулованнаго и 1.285 нетитулованнаго дворянства [23]). Съ 1816 г. прекращается помѣщеніе обнародованій объ изданіи гербовника въ П. С., но самое изданіе его едва-ли прекратилось: изъ книги кн. Долгорукова мы знаемъ, что 10 ч. гербовника была утверждена императоромъ Николаемъ въ 1836 г. (Т. III стр. 59). И въ настоящее время при департаментѣ герольдіи состоитъ 3-я экспедиція, завѣдывающая составленіемъ гербовника дворянскихъ родовъ, а за выдачу копій со внесенныхъ гербовъ, въ 1852 г. постановлено взымать по 15 р. (2-е П. С. № 26.358).

Въ гербовникѣ мы встрѣчаемся съ *дворянствомъ титулованнымъ*. Откуда произошло оно? До Петра Великаго существовалъ одинъ титулъ — *княжескій*. Онъ принадлежалъ рюриковичамъ — потомкамъ князей великихъ и удѣльныхъ (Одоевскіе, Горчаковы, Долгоруковы, Вяземскіе, Волконскіе, Рѣпнины, Щербатовы и т. д.); гедиминовичамъ — потомкамъ великихъ князей литовскихъ (Хованскіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе и т. д.); князьямъ азіатскимъ — потомкамъ царей грузинскихъ, татарскихъ и горскихъ (Багратіоны, Имеретинскіе, Мещерскіе, Урусовы, Юсуповы и т. д.). Многіе изъ этихъ князей захудали еще задолго до Петра Великаго. Когда

Иванъ Грозный селилъ въ 1550 г. близъ Москвы дѣтей боярскихъ, раздавая имъ земли въ помѣстья, тогда по московскому списку записалось въ дѣти баярскіе 1500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ довольно много было и изъ княжескихъ фамилій (Голикова Дополн. Т. III, стр. 253. Вивліоѳ. Т. XX, стр. 160). Такимъ образомъ, тогда какъ нѣкоторыя княжескія фамиліи спустились до нижнихъ чиновъ, между знатнѣйшими фамиліями, изъ которыхъ преимущественно выходили бояре, мы встрѣчаемъ фамиліи не титулованныя: Морозовы, Шереметевы, Салтыковы, которыя были чиновнѣе даже такихъ знатныхъ княжескихъ фамилій, какъ Куракины, Долгоруковы, Ромодановскіе, Волконскіе и т. д. (Котошихина, стр. 67).

Такимъ образомъ, если до Петра Великаго существовалъ какой-нибудь титулъ, то онъ былъ породный и вовсе не обусловливалъ положенія лицъ на лѣстницѣ служебной іерархіи: московская политика, напротивъ, состояла въ приниженіи рюриковичей и гедиминовичей. [24]) Пожалованіе же титуломъ отъ монарха не водилось. Объ этомъ сохранилось интересное свидѣтельство Котошихина: «А вновь московскій царь изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и изъ иныхъ чиновъ людей, княземъ учинити не можетъ никого, кромѣ боярствъ и иныхъ чиновъ людей, потому-что не обычай тому есть и не повелось; также и графовъ и волныхъ господъ чиномъ таковымъ никого не бываетъ, и изъ московскихъ чиновъ людей противъ тѣхъ двухъ чиновъ приверстати не можно, потому какъ бы дано было кому волное господство, и о томъ бы размышляли, что то было бъ самому царю въ стыдъ, будто бы тотъ человѣкъ тѣмъ именемъ отъ него уволнился и неподданенъ» (стр. 22). И дѣло понятное: какъ было создавать новыя титулованныя фамиліи, когда приходилось вести такую борьбу съ старыми княжескими фимиліями, подчасъ припоминавшими, что онѣ когда-то были *волными* и царю московскому не подданными? Но для Петра Великаго времена этой борьбы были сѣдой стариною; притомъ, какъ было Россіи, во всемъ старавшейся уподобиться Ёвропѣ, не имѣть своихъ графовъ, своихъ бароновъ? И вотъ Петръ Великій въ 1713 г. поручаетъ Гюйссену

написать проектъ: о способахъ пожалованія графскаго, баронскаго и дворянскаго достоинствъ и о формѣ относящихся къ нимъ документовъ (Пекарскаго: Т. I стр. 101), а между прочимъ еще прежде начинаетъ жаловать иноземные титулы. Петру Великому слѣдуютъ всѣ его преемники.

Въ XII приложеніи къ I Т. Исторіи Петра Великаго Устрялова подъ 1694 г. мы встрѣчаемъ *графа* Мусина-Пушкина. По другимъ свѣдѣніямъ, первымъ русскимъ графомъ, да и то возведеннымъ въ это достоинство императоромъ германско-римскимъ Леопольдомъ I въ 1701, былъ бояринъ Ѳед. Алекс. Головинъ, бывшій впослѣдствіи президентомъ коллегіи иностранной, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и первымъ андреевскимъ кавалеромъ, получившимъ этотъ орденъ въ самый день его основанія (Долгорукова ч. 3-я стр. 117). Затѣмъ въ графы римской имперіи былъ возведенъ Гаврило Ив. Головкинъ, кажется въ 1702 г. Первые иноземные титулы русское дворянство начало получать отъ иноземныхъ же монарховъ. Но скоро Петръ Великій самъ началъ возводить въ титулъ графа: перваго знаменитаго Б. Шереметева въ 1706 г., затѣмъ Головинъ и Головкинъ — графы свящ. римской имперіи—сдѣланы графами русскими, за ними слѣдуютъ Зотовъ въ 1710 г., Апраксины — въ 1710 и 1722 г., Толстой—въ 1724 г. Впослѣдствіи въ каждое новое царствованіе создаются и новые графы. Особенно изобилуетъ ими кратковременное царствованіе императора Павла I, когда было создано 17 новыхъ графовъ. До настоящаго царствованія, когда графское достоинство пожаловано Евдокимову, Муравьеву и Толстому (одна отрасль этой фамиліи получила графскій титулъ еще при Петрѣ Великомъ), создано 63 графа (Долгорукова: Росс. Родосл. кн., ч. I, стр. 11, Гакстгаузена Etudes, 3 vol. p. 83). Не всегда титулъ этотъ получали люди родовитые (Шереметевы 1706, Салтыковы 1732, Бутурлины 1750, Воронцовы 1797, Мусинъ-Пушкины 1797, Татищевы 1801, Уваровы 1846 и т. д.). Иногда онъ доставался людямъ незнатнаго происхожденія (Шуваловы 1746, Потемкинъ 1775 г., Безбородько 1797 г. Завадовскій 1797 г., Гурьевъ 1819, Канкринъ 1829, Киселевъ

1839, Клейнмихель 1839), даже недворянскаго происхожденія (Девіеръ 1726, Сиверсъ 1797, Сперанскій и др.). — Новый иноземный титулъ графа болѣе уважался нашими каррьеристами 18 в., чѣмъ родной титулъ княжескій, и это дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, какъ много было захудалыхъ княжескихъ родовъ, нѣкоторые представители которыхъ сами занимались хлѣбопашествомъ. Гакстгаузенъ въ окрестностяхъ Воронежа встрѣтилъ нѣсколько семействъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, которые своеручно занимались земледѣліемъ, но владѣли нѣсколькими душами крестьянъ. Это была захудалая княжеская фамилія, члены которой, въ отличіе отъ другихъ односельцевъ, носили красныя фуражки (Etudes T. III, p. 91). Многимъ изъ случайныхъ людей 18 в. графскій титулъ первоначально давался римско-германскими императорами, а потомъ уже монархами русскими: Воронцовы имѣли сначала титулъ графа священной римской имперіи, а потомъ русскаго, такъ же Безбородько, Дмитріевъ-Мамоновъ, Завадовскій, Строгоновъ и т. д. Но Зубовы, Марковы, Комаровскіе—графы священно-римскіе—русскими графами не признавались. Съ Павла I, впрочемъ, почти прекратилось это пожалованіе титуловъ иностранными государями. Императоры Александръ I и Николай I сами возводили иногда въ графы великаго княжества Финляндскаго: Сухтелены 1822 г., Закревскій 1830 г.

Княжескій титулъ былъ породнымъ титуломъ многихъ нашихъ дворянскихъ фамилій. Кн. Меншиковъ первый былъ возведенъ въ княжеское достоинство монархомъ: въ 1705 г. онъ былъ сдѣланъ княземъ римской имперіи, а въ 1707 г. Петръ Великій возвелъ его въ свѣтлѣйшіе князья ижорскіе. Затѣмъ до Павла мы не встрѣчаемъ примѣра пожалованія этого титула русскими монархами. Жаловали иногда императоры римско-германскіе: Потемкина, Орлова, Платона Зубова. Павелъ I возвелъ въ княжеское достоинство 4 фамиліи: Ромодановскіе - Ладыженскіе, Лопухины, кн. Италійскіе, графы Суворовы-Рымникскіе, Аргутинскіе-Долгорукіе; Александръ I—3 фамиліи: Салтыковы 1814, Голенищевы-Кутузовы 1812, Барклай-де-Толли 1815; болѣе князей создано императоромъ

Николаемъ: Ливены 1826, кн. Варшавскіе, гр. Паскевичи-Эриванскіе 1831, Остенъ-Сакены 1831, Кочубеи 1831, Васильчиковы 1839, Чернышевы 1841, Воронцовы 1845 г. и н. др. Всѣхъ пожалованій въ княжеское достоинство мы встрѣчаемъ 16 (Долгорукова: ч. I, стр. 10, Гакстгаузена к. 3. р. 83).

Заимствовавъ иноземные титулы, мы заимствовали и предикатъ ихъ, Durcherlaucht, Erlaucht, Altesse, Excellence. Пожалованные княжескими и графскими титулами съ Петра Великаго начали именоваться *сіятельствомъ*, *свѣтлостію*. Это было перенесено и на тѣ фамиліи, которыя имѣли породный княжескій титулъ, но которыя до Петра такъ не именовались. *Свѣтлость* — Durcherlaucht— сравнительно съ *сіятельствомъ*— Erlaucht—наименованіе болѣе почетное, и спеціально дается монархомъ нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, которыя поэтому называются *свѣтлѣйшими*. Породныя княжескія фамиліи, а изъ пожалованныхъ Кочубеи и Васильчиковы — *сіятельныя* (Erlaucht), большая же часть пожалованныхъ — напримѣръ: Меншиковы, Салтыковы, Чернышевы, Воронцовы и т. д. — *свѣтлѣйшія* (Durcherlaucht).

Предикатомъ титулъ *барона* (волный господинъ по Котошихину. Отчего бы не *боярина*?), въ который также началъ возводить Петръ Великій, не пользуется Наши первые бароны были Шафировъ въ 1710 г., и *именитый человѣкъ* Александръ Строгоновъ, которому въ 1722 г., было объявлено въ сенатѣ, что онъ пожалованъ *барономъ* [45]), затѣмъ появляются бароны и въ послѣдующія царствованія. Титулъ этотъ мало уважался нашей аристократіей, и большей частію жаловался финансовымъ и промышленнымъ именитостямъ иностраннаго происхожденія: Соловьевъ 1727, Черкасовъ 1742, Фридериксъ 1743, Местмахеръ 1777, Велльо 1800, Штиглицъ 1826, Боде 1840 и т. д. Впрочемъ, иногда онъ давался и за военныя и гражданскія заслуги: храбрый генералъ Меллеръ-Закомельскій получилъ этотъ титулъ въ 1789 г., Аракчеевъ и Васильевъ сначала были сдѣланы баронами, а потомъ графами (Долгорукова: Т. I. стр. 13, Гакстгаузена к. 3 р. 90).

Кромѣ этихъ фамилій, пожалованныхъ титулами русскими монархами, существуетъ довольно много фамилій инородныхъ, вступившихъ въ русское подданство съ своимъ породнымъ титуломъ, а также фамилій, получившихъ титулъ отъ монарховъ иностранныхъ. Между первыми: потомки владѣтелей Бо́льшой Кабарды — кн. Черкаскіе, владѣтелей ногайскихъ — Урусовы, Юсуповы, владѣтелей калмыцкихъ—Дондуковы-Корса́ковы; множество фамилій Грузіи, Имеретіи и Гуріи, признанныхъ въ княжескомъ достоинствѣ указомъ 6 дек. 1850 г.: кн. Баратовы, Джаваховы, Давыдовы, Орбеліани, Цертелевы, Эристовы и др.; графы Витгенштейны, Меллины, Нессельроде, маркизы де Траверсе, гр. Шуазель-Гуфье и т. д. Что касается русскихъ фамилій, пожалованныхъ титуломъ иностранными государями, то къ нимъ относятся: гр. римской имперіи — Вielьгорскіе, Зубовы, Марковы, Комаровскіе и др., саксонскій—Ностицъ, сардинскій—Хвостовъ; бароны австрійскіе — Сердобины, Вревскіе, Пасхины и т. д., шведскіе — Будберги, Дельвиги и т. д. (lb) [26]).

Къ титулованнымъ фамиліямъ у насъ приближаются нѣкоторыя дворянскія фамиліи, которыя, хотя и не имѣютъ княжескаго титула, но происходятъ отъ княжескихъ родовъ: Сатины, Внуковы, Еропкины, Ржевскіе, Осинины и др. Этимъ фамиліямъ, въ отличіе отъ другихъ, по закону 1797 г., предоставлено имѣть въ гербѣ корону и мантію (прим. I къ 56 ст. IX т. изд. 1857).

Наши высшіе классы, наши каррьеристы, увлеклись иноземными титулами, подобно тому, какъ они увлеклись и табелью о рангахъ. Мы выше видѣли, какъ П. Апраксинъ просилъ Петра Великаго въ 1715 г. о пожалованіи ему графскаго титула — «*наданіе*» графъ было пожаловано и Микитѣ Моисеевичу Зотову въ 1710 г. по его прошенію (Долгорукой. ч. 2 стр. 2). Мы знаемъ, какія искательства иногда употреблялись, какія жертвы иногда приносились, чтобъ сдѣлаться Erlaucht или Durcherlaucht [27]). Но мы также знаемъ и замѣчательный примѣръ одной дворянской русской фамиліи, негнавшейся за иноземнымъ титуломъ, ей предлагаемымъ: Нарышкины

считали для себя достаточной честью кровное родство съ Петромъ Великимъ, и отклоняли пожалованіе всякаго титула (W. Coxe: Voyage en Pologne, Russie etc. T. II p. 289).

Любовь къ титуламъ, искательство ихъ, особенно сильныя въ остзейскомъ дворянствѣ, бывали поводомъ, что иногда лица, неимѣющія никакого права ни на породный, ни на пожалованный титулъ, употребляли его — особенно въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ дипломы на баронское достоинство фабриковались почти такъ-же, какъ грамоты на шляхетство въ западно - русскихъ губерніяхъ. Правительство обратило на это вниманіе въ 1833 (2 П. С. № 6.029), и нашло нужнымъ регулировать употребленіе титуловъ, подобно тому, какъ оно регулировало употребленіе гербовъ — дабы предупредить самовольное присвоеніе ихъ. Право пользоваться почетными титулами окончательно было опредѣлено въ 1846 г. Законъ этого года предоставилъ титулы: а) потомкамъ древнихъ русскихъ и литовскихъ князей; б) лицамъ происходящимъ отъ предковъ, возведенныхъ съ ихъ потомствомъ въ почетные титулы россійскими императорами, или утвержденныхъ въ оном по пожалованію отъ иностранныхъ государей.

Относительно же остзейскихъ бароновъ въ томъ же законѣ было постановлено, что баронскій титулъ имѣютъ право носить только тѣ остзейскія дворянскія фамиліи, которыя вовремя присоединенія прибалтійскихъ губерній къ Россіи, записаны были въ тамошнихъ мѣстныхъ матрикулахъ, а потомъ въ публичныхъ актахъ именуемы были баронами. Всѣмъ же прочимъ, присвоившимъ баронскій титулъ самовольно, употребленіе его строго запрещалось (2 № 19.570). Но вѣроятно, бароны - самозванцы не переводились: въ 1852 изданы дополнительныя правила къ закону 1846 г. (2 П. С. № 26.443). — Въ 1850 г. опредѣлено было право на княжескій титулъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій Грузіи, Имеретіи и Гуріи (2 П. С. № 24.707), а въ 1852 г. повышена пошлина, взыскиваемая съ грамотъ на княжеское и графское достоинство, изготовляемыхъ департаментомъ геральдіи: опредѣлено взымать съ этихъ граматъ 1605 р. 15 к.

(2 П. С. № 26.538). Но въ 1868 г. измѣнены были правила о взыманіи пошлинъ съ актовъ и документовъ, выдаваемыхъ департаментомъ герольдіи. Предоставлено министру юстиціи отъ времени до времени измѣнять таксу на эти пошлины, примѣнительно къ издержкамъ и потребностямъ департамента герольдіи въ усиленіи средствъ его. На этомъ основаніи министръ юстиціи устновилъ таксу въ видѣ опыта на 3 года. Размѣры этой таксы слѣдующія: съ грамотъ на титулы: свѣтлѣйшихъ князей — 1.085 р. 15 к., сіятельныхъ князей — 1.060 р. 15 к. съ грамотъ на баронскій титулъ — 780 р. 15 к. съ диплома на дворянство 113 р.; съ гербовъ, отдѣльно выдаваемыхъ: свѣтлѣйшихъ князей — 120 р., сіятельныхъ князей — 115 р., сіятельныхъ графовъ — 110 р., бароновъ—105 р., дворянъ — 56 р. Съ копій родословной и герба: свѣтлѣйшихъ князей — 68 р., сіятельныхъ князей — 57 р., сіятельныхъ графовъ — 52 р., бароновъ — 48 р., дворянъ — 25 р. (Ордеръ мин. юстиціи 30 апрѣля 1869 г. № 6.274) [28]).

Мы прослѣдили различные способы пріобрѣтенія дворянства. Различіе способовъ пріобрѣтенія обусловливало и фактическое различіе разрядовъ, на которые распадалось сословіе. Между этими разрядами не существовало никакихъ отличій юридическихъ, а напротивъ общность правъ и обязанностей распространялась по *закону* на все сословіе, и на каждаго его члена въ отдѣльности. Законъ не освящалъ особенностей разрядовъ дворянства, на которые оно расчленялось фактически.

Начало веденія дворянской родословной книги современно уничтоженію права отъѣзда, превращенію бродячаго служилаго класса въ осѣдлый и помѣстный, вольныхъ бояръ и слугъ въ холоповъ царя московскаго. Первая дворянская родословная книга, отъ которой ведетъ свое начало *Бархатная книга*, была составлена по указанію Ивана III. Вѣроятно, книга эта погибла вовремя самозванцевъ: древнѣйшая боярская книга, сохранившаяся въ сенатскомъ разрядномъ архивѣ, относится къ 1627 г. (Прилож. 9 къ I Т. ист. ц. Петра Великаго

Устрялова. стр. 255). По уничтоженіи Ѳедоромъ Алексѣевичамъ мѣстничества, 12 января 1682 г. повелѣно было всѣ разрядныя книги сжечь, а вмѣсто ихъ составить *на память будущимъ родамъ* одну Родословную книгу. При внесеніи фамилій въ эту книгу, онѣ были раздѣлены на 5 степеней: 1) на знатнѣйшія фамиліи—княжескіе и иные честные роды, бывшія въ боярахъ, въ окольничихъ и думныхъ дворянахъ; 2) которыя при Иванѣ Васильевичѣ были въ послахъ и на воеводствахъ; 3) бывшія въ такихъ же чинахъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ; 4) бывшія въ среднихъ чинахъ и 5) произведенныя изъ нижнихъ чиновъ въ московскіе чины за службы отцовъ ихъ. Указами 1686 и 1687 годовъ велѣно было родословную книгу обновить и пополнить новыми фамиліями (Голикова: Дополн. III 3, стр. 235. П. С. № 120 и 1219). Такъ составилась «Бархатная книга», напечатанная Миллеромъ въ Москвѣ въ 1787 г. въ 2 частяхъ, подъ названіемъ «Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» (Прим. издат. къ Зап. Желябужскаго). Весьма многія фамиліи, внесенныя въ родословныя книги конца 17 ст., угасли или захудали, а между прочимъ явилось множество новыхъ дворянскихъ фамилій и изъ пожалованныхъ дворянствомъ и изъ заслужившихъ его чиномъ. Елизавета Петровна повелѣла въ 1761 г. надворному совѣтнику Приклонскому составить *Родословную о дворянахъ книгу*, въ которой, если мы не ошибаемся (въ П. С. указаній нѣтъ, но мы выводимъ это заключеніе изъ заявленій депутатовъ коммисіи 1767 г.), дворянство не было раздѣлено на разряды, а книга — на части. Мы говорили выше и еще подробнѣе скажемъ ниже, какъ породистое дворянство старалось отдѣлиться отъ подлаго, какъ дворянскіе депутаты коммисіи 1767 г. заявили о томъ, чтобъ дворянство не пріобрѣталось чиномъ, но только происхожденіемъ и пожалованіемъ отъ монарха. Нѣкоторые изъ нихъ заявили также и о томъ, чтобъ дворянство раздѣлено было на 6 разрядовъ (напр. депутатъ отъ романовскаго дворянства кн. Давыдовъ Сб. Р. Ист. Сб. т. IV стр. 180 [28]), дабы доставить возможность родовому и титу-

лованному дворянству обособиться отъ дворянства чиновнаго и жалованнаго, замкнувшись въ отдѣльные разряды. Требованіе дворянскихъ депутатовъ, чтобы чинъ не давалъ дворянства, не могло быть удовлетворено: оно шло въ разрѣзъ съ кореннымъ взглядомъ правительства, выразившимся въ табели о рангахъ. Иначе отнеслось правительство къ раздѣленію дворянства на разряды.

Дворянская грамота децентрализировала веденіе дворянской родословной книги: точнѣе опредѣливъ доказательства дворянства, она предоставила дворянскому обществу каждой губерніи посредствомъ депутатскаго собранія веденіе дворянской родословной книги губерніи. Такимъ образомъ, самимъ дворянскимъ обществамъ предоставлено было разрѣшеніе вопроса: кто можетъ быть ихъ членомъ, и какого разряда? Дворянскія родословныя книги были раздѣлены на 6 частей:

1. Въ *первую* часть записано было дворянство пожалованное (noblesse par lettres) и дворянство до ста лѣтъ.

2. Во *вторую*—военное дворянство, пріобрѣтенное чиномъ военной службы (noblesse d'épée).

3. Въ *третью* — дворянство бюрократическое, пріобрѣтенное чиномъ гражданской службы (noblesse de robe).

4. Въ *четвертую* — всѣ иностранные дворянскіе роды.

5. Въ *пятую* — дврянство, украшенное титулами — какъ родовыми, такъ и пожалованными (князья, графы и бароны).

6. Въ *шестую* — древніе *благородные* дворянскіе роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за 100 лѣтъ, а *благородное* начало покрыто неизвѣстностію (№ 16.186. п. 76—82) [30]).

Интересно, что Радищевъ въ описаніи своего путешествія подсмѣивается надъ дворянами, встревожившимися тѣмъ, что ихъ древніе роды поставлены ниже всѣхъ другихъ запискою въ 6-ю часть (стр. 114 по лондонскому изд.). Авторитетъ *6-й части* былъ нѣсколько подорванъ въ 1850 г.: по дѣлу о дворянствѣ Якубинскихъ было постановлено, чтобы столѣтіе, присвоющее право на внесеніе въ 6-ю часть родословной

книги, исчислять современи изданія грамоты 1785 г. (2-е П. С. № 24.601).

Эти разряды, на которые разбила дворянство жалованная грамота 1785 г., не представляютъ никакихъ юридическихъ отличій: дворянинъ, записанный въ 1-ю часть, такъ-же могъ владѣть крѣпостными и быть даже губернскимъ предводителемъ, какъ и дворянинъ 6-й части. Но общественное мнѣніе и мнѣніе самого дворянства относилось не безразлично къ завѣтной 6-й части. Шестой разрядъ дворянства всегда считалъ себя дворянствомъ по преимуществу, самыми крѣпкими столбами государства, а на первые три разряда всегда смотрѣлъ, какъ на дворянъ-выскочекъ, плебейской крови. Съ меньшимъ пренебреженіемъ 6-я часть относилась къ 4-й, а титулованное дворянство всегда пользовалось особеннымъ уваженіемъ дворянства родоваго. Послѣднее сходилось съ титулованнымъ дворянствомъ въ стремленіи обособиться отъ дворянства чиновнаго-офицерскаго и бюрократическаго; по слѣдамъ его въ такомъ направленіи шли высшіе военные и гражданскіе чины, хотя и внесенные во 2-ю и 3-ю части дворянской родословной книги. Это стремленіе къ обособленію привело къ созданію аристократическихъ учебныхъ заведеній — пажескаго корпуса, александровскаго лицея, училища правовѣдѣнія, въ которыхъ могли воспитывать своихъ дѣтей только тѣ дворяне, которые были записаны въ 4-ю и 5-ю части, да высшіе военные и гражданскіе чины.

Царскими чиновными людьми до Петра Великаго, ихъ служебнымъ распорядкомъ завѣдывалъ разрядъ. Одновременно съ образованіемъ шляхетства разрядъ былъ уничтоженъ, а вмѣсто него при сенатѣ учрежденъ разрядный столъ; съ окончательнымъ преобразованіемъ сената, немного раньше изданія табели о рангахъ, при немъ появляется должность герольдмейстера (П. С. № 3.877). Въ эту должность назначенъ былъ Колычовъ (П. С. № 3.896), который и прежде завѣдывалъ дѣлами дворянскими и служебными (П. С. № 3.810, 3.874). При герольдмейстерѣ образуется цѣлое присутственное мѣсто — герольдмейстерская контора, съ отдѣленіемъ въ Москвѣ (П. С.

№ 4.098), а перваго герольдмейстера Колычова скоро смѣнилъ Плещеевъ (П. С. № 4.114). Для дворянства герольдмейстеръ пріобрѣлъ такое же значеніе, какое для царскихъ чиновныхъ людей имѣлъ разрядъ. Важное значеніе этого учрежденія заставило правительство обращать постоянное вниманіе на его болѣе правильную организацію. Въ 1726 г., на основаніи словеснаго указа императора Петра, герольдмейстерскому товарищу гр. Сантію увеличенъ былъ окладъ жалованья: ему назначили противъ иноземца Фика 1.600 р. въ годъ, да домъ на квартиру «для отправленія геральдическаго искуства» и по 2 р. на краски съ получающихъ новые гербы (№ 4.831). При раздѣленіи сената на департаменты, дѣла по герольдіи вмѣстѣ съ важнѣйшими государственными поручены 1 департаменту (№ 11.989. п. 11), а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы герольдія имѣла полное свѣдѣніе о всѣхъ фамиліяхъ росс. дворянства, ей былъ порученъ разрядный архивъ (Ib. 22). Въ 1800 г. для лучшаго устройства герольдіи повелѣно къ прежнему ея составу присоединить чиновниковъ, бывшихъ при составленіи гербовника, прибавивъ къ нимъ ваппенрихтера. Герольдія была поручена сенатору Козадавлеву, какъ директору герольдіи, и уравнена съ коллегіями (П. с. № 19·432). Точнѣе опредѣлено устройство герольдіи въ 1803 г., когда ей предписано докладывать дѣла общему собранію сената (П. с. № 20.608), а при герольдмейстерѣ опредѣленъ 3-й товарищъ (П. с. № 20.635). Въ 1819 г. опредѣленъ штатъ герольдіи и герольдмейстерскихъ дѣлъ въ Москвѣ (кн. штатовъ къ № 29.725), 12 мая 1848 г. герольдія была преобразована въ департаментъ сената, введенный въ составъ 1 общаго собранія; герольдмейстеру присвоены права и обязанности оберъ-прокурора, а тремъ товарищамъ его—оберъ-секретарей. Дѣла, подвѣдомственныя департаменту герольдіи, распредѣлились между тремя его экспедиціями: въ первыхъ двухъ — о дворянствѣ вообще, о почетныхъ титулахъ и о перемѣнѣ фамилій, а въ 3-ей экспедиціи дѣла по составленію гербовниковъ дворянскихъ родовъ, пріуготовленію грамотъ, дипломовъ и копій съ гербовъ и родословныхъ, веденіе списка дворянамъ и лицамъ, лишен-

нымъ дворянскаго достоинства, кромѣ-того, дѣла о почетномъ гражданствѣ и инспекторская часть гражданскаго вѣдомства. Послѣдняя была поручена потомъ инспекторскому департаменту гражд. вѣдомства, состоявшему при 1-мъ отдѣленіи Соб. Е. И. В. канцеляріи. Но въ настоящее царствованіе этотъ департаментъ былъ упраздненъ, а инспекторская часть гражд. вѣдомства попрежнему была возвращена въ департаментъ герольдіи, что вполнѣ соотвѣтствуетъ филіаціи учрежденій: герольдія развилась изъ должности герольдмейстера, замѣнившаго разрядъ, который завѣдывалъ служебными распорядками царскихъ чиновныхъ людей.

Такимъ образомъ, завѣдываніе дворянствомъ сосредоточивается въ департаментѣ герольдіи, но нѣкоторыя дѣла этого рода подвѣдомственны и первому департаменту сената, охраняющему права сословій. Какая же разница между дворянскими дѣлами, подвѣдомственными обоимъ департаментамъ? Все, что относится до личныхъ правъ дворянъ, пользованіе которыми предполагаетъ доказательство дворянскаго состоянія, вся документальная часть — сосредоточиваются въ департаментѣ герольдіи. Напротивъ, корпоративныя права, которыми пользуются дворяне въ составѣ дворянскихъ обществъ — выборы, утвержденіе избранныхъ въ должностяхъ и т. п.— относятся къ предметамъ, подвѣдомственнымъ первому департаменту сената.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей герольдмейстера по инструкціи 1722 г. состояла въ томъ, чтобы знать наличную численность дворянства, разрѣшать сомнѣнія въ дворянскомъ достоинствѣ лица, завѣдывать нарядами и распредѣленіемъ дворянъ на службу. Съ послѣдней обязанностію мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, гдѣбудемъ изслѣдовать обязательную службу дворянства. О первыхъ двухъ обязанностяхъ считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь.

Инструкція герольдмейстеру обязываетъ его вести троякіе списки дворянамъ:

1. Генеральные именные и порознь по чинамъ, 2. Кто изъ нихъ годится къ дѣламъ, и кто находится у дѣлъ. 3.

Сколько у кого дѣтей, и какихъ лѣтъ. Для составленія этихъ списковъ повелѣно всѣ прежніе шляхетскіе списки, которые были при сенатѣ и оставались въ прежнемъ Разрядѣ, отдать герольдмейстеру, а для дополненія ихъ военная и адмиралтействъ-коллегіи должны были сообщить списки о всѣхъ дослужившихся до оберъ-офицерскаго ранга. Кромѣ того, изъ коллегій и канцелярій, равно какъ изъ губерній и провинцій, герольдмейстеру сообщались ежегодные рапорты о дворянахъ, находящихся у дѣлъ, или въ домахъ, о дворянахъ родившихся и умершихъ. Дослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ вписывались также въ дворянскіе списки (№ 3.896). Кн. Щербатовъ въ коммисіи 1767 г. жаловался, что веденіе дворянскихъ списковъ не исполнялось (Сб. р. Ист. Общ. т. IV стр. 161). Дѣйствительно, герольдія не могла имѣть точнаго свѣдѣнія о числѣ дворянъ, такъ какъ губернскія и воеводскія канцеляріи доставляли списки не только не ежегодно, но иногда не доставляли ихъ и вовсе. Въ 1772 году предписано было доставить эти списки непремѣнно втеченіе текущаго года (№ 13.690). Веденіе герольдмейстеромъ списковъ 2 рода, за отмѣною обязательной службы, прекращено, а вмѣсто того въ 1784 году постановлено вести списокъ князьямъ и мурзамъ татарскаго происхожденія, возстановленнымъ въ прежнемъ ихъ достоинствѣ (№ 15.936). Эти списки троякаго рода ведутся департаментомъ герольдіи и въ настоящее время (ст. 1655 IX Т. изд. 1857).

Веденіе списковъ нужно было и для того, чтобы, зная наличную численность дворянства, въ данномъ случаѣ разрѣшать сомнѣнія о принадлежности лица къ дворянскому состоянію. Разрѣшеніе же этихъ сомнѣній было тѣмъ труднѣе, что ни табель о рангахъ, ни инструкція герольдмейстеру не вполнѣ опредѣлили, принадлежатъ ли къ дворянству нижнихъ чиновъ служилые люди. Въ первыя ревизскія сказки были записаны нѣкоторые дворяне (П. С. № 3.794). Объ архіерейскихъ боярскихъ дѣтяхъ Петръ Великій постановилъ въ 1721 г.: считать дворянами и не записывать въ ревизскія сказки тѣхъ

изъ нихъ, шляхетство которыхъ идетъ отъ дѣда (П. С. № 3.854. п. 2). Многіе другіе дѣти боярскіе [37]) и дворяне, вмѣстѣ съ людьми самыхъ нижнихъ чиновъ — стрѣльцами, пушкарями, станичниками, воротниками и т. д.—поступили въ *однодворцы*, а потомъ *подбирались*, какъ выражался кн. Щербатовъ въ коммисіи, подъ имена дворянскихъ фамилій; *выхаживали* себѣ отъ нѣкоторыхъ дворянъ, яко бы и они изъ таковыхъ же съ ними, записывались въ военную службу и производились въ офицеры (№ 15.486). Табель же о рангахъ, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ о старыхъ чинахъ и только неопредѣленно предоставляетъ герольдмейстеру выдавать гербы тѣмъ неслужащимъ въ военной службѣ, которые могутъ доказать свое дворянство за сто лѣтъ. А между прочимъ, въ практикѣ 18 в. довольно часто возникалъ вопросъ: признавать ли такого-то потомка служилаго человѣка низшаго разряда за дворянина? Общимъ постановленіемъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ уже къ концу царствованія Елизаветы Петровны, когда въ 1754 г. былъ изданъ указъ, чтобы дворянъ и дѣтей боярскихъ, записанныхъ въ десятни, «числить съ дворяны», такъ какъ по справкамъ въ разрядномъ архивѣ изъ другихъ списковъ видно, что записанные въ десятняхъ были изъ знатнаго рода, какъ напримѣръ въ тарускоіі десятнѣ въ дѣти боярскіе былъ записанъ Полуевктъ Ивановъ Нарышкинъ, дѣти котораго были въ боярахъ и въ думныхъ дворянахъ (№ 10.900). Въ 1761 г., постановлено: герольдіи дворянами считать тѣхъ, которыхъ предки верстаны помѣстьями и жалованы вотчинами, если притомъ они представятъ доказательства о принадлежности ихъ къ тому роду (№ 11.255), а вслѣдъ за тѣмъ въ томъ же году, какъ мы видѣли, для окончательнаго разрѣшенія вопроса о томъ, кто принадлежитъ къ дворянству, повелѣно было составить родословную книгу о дворянахъ (№ 11.340). Для предупрежденія неправильнаго внесенія въ эту книгу, Екатерина II въ 1764 г. постановила, что если кто станетъ просить о внесеніи въ книгу его фамиліи, то сенатъ долженъ доложить о томъ государынѣ (П. С. № 12.029). Постановленіе это, отмѣненное въ 1768 г., было возстановле-

но вновь въ 1773 (№ 14.033). Хотя и издавались указы, что если кто будетъ просить о написаніи въ дворянскій списокъ или о подтвержденій дворянства новымъ дипломомъ, то сверхъ представленныхъ просителемъ доказательствъ и справокъ, взятыхъ изъ разряднаго архива, брать извѣстія отъ родственниковъ просителя, ихъ ли онъ рода, и какъ въ родствѣ близокъ, а съ тѣми городами, по которымъ предки служили и деревни имѣли справляться, но указы эти не приводили ни къ какимъ существеннымъ послѣдствіямъ. Запросы о дворянствѣ въ разрядный архивъ присылались не отъ одной герольдмейстерской конторы, но и отъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, которыя на основаніи одной справки, полученной изъ разряда, записывали въ дворянство «изъ чего легко могло послѣдовать, что совсѣмъ не той, а тѣмъ больше и недворянской фамиліи, имѣя такое жъ фамильное названіе, можетъ въ дворянскую фамилію *волпаться*». Для предупрежденія сего указъ 1771 г. постановляетъ: если присутственнымъ мѣстамъ понадобятся справки о дворянствѣ просителя, то они должны требовать ихъ отъ герольдмейстерской конторы въ Спб. или отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ въ Москвѣ, а не отъ разряднаго архива (№ 13.577). Но и это не предупредило запутанности вопросовъ о дворянствѣ и трудности ихъ разрѣшенія. Это явствуетъ изъ весьма интереснаго дѣла о Полетаевыхъ, помѣщеннаго въ 1-мъ П. С. подъ № 14.188. Дѣло это состояло въ слѣдующемъ: дворовый человѣкъ князя Долгорукова, Николай Полетаевъ, въ бытность свою въ Спб. въ 1773 г., опредѣлился въ великолуцкій пѣхотный полкъ, въ которомъ скоро былъ произведенъ въ сержанты и представленъ къ производству въ адъютанты. Н. Полетаевъ доказывалъ свое дворянство: челобитною, поданною герольдмейстеру онъ показывалъ «что предки его, Анисимъ Ѳедоровъ, сынъ его Терентій Анисимовъ, а онаго сынъ Семенъ Терентьевъ, ему родной прадѣдъ, а Семеновъ сынъ Семенъ, ему родной дѣдъ, были изъ дворянъ, находились въ службѣ по доброму городищу, верстаны помѣстными окладами». Герольдмейстерскія дѣла навели справку въ разрядномъ архивѣ, изъ которой явствовало, что Полетаевы записаны въ

добренскомъ разборѣ 7205 г., спаскія сотни въ солдатскихъ службахъ, но не рѣшили принадлежитъ-ли проситель къ дворянству. Сенатъ же рѣшилъ отрицательно: на основаніи указа Ѳедора Алексѣевича 7190 о составленіи родословной книги и прежнихъ указовъ сената постановлено, чтобы Полетаеву въ дворянствѣ отказать и вмѣстѣ съ его сыномъ Михаиломъ, каптенармусомъ астраханскаго батальона, возвратить въ первобытное состояніе—крѣпостныхъ кн. Долгорукова [32]). Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено было военнымъ командамъ: не опредѣлять недорослей въ военную службу и не представлять ихъ въ офицеры, не получивъ отъ герольдіи свѣдѣнія о подлинномъ ихъ дворянствѣ (№ 14.188). Но еще въ 1782 г. смоленское намѣстническое правленіе сообщало въ военную коллегію, что живущіе въ юхновской округѣ, положенные въ подушный окладъ однодворцы, избѣгая платежа подушныхъ и другихъ податей и недоимокъ, и *выхаживая себѣ отъ нѣкоторыхъ дворянъ, яко бы и они изъ таковыхъ же съ ними, оставляя свои семейства, записываются въ военную службу*. (№ 15.500). А вскорѣ затѣмъ орловскій и курскій генералъ-губернаторъ кн. Прозоровскій представлялъ, что многіе изъ однодворцевъ, подъ именемъ дворянъ, вступали въ службу и дослуживались офицерскихъ чиновъ, и просилъ разрѣшенія могутъ ли они быть приняты въ дворянское общество во время выборовъ къ общественнымъ должностямъ? (П. С. № 15.590).

Злоупотребленія по доказательствамъ дворянства побудили кн. Щербатова въ коммисіи 1767 г., подать голосъ объ учрежденіи въ каждомъ уѣздѣ дворянскихъ собраній съ предводителемъ во главѣ, который бы велъ списки уѣздныхъ дворянъ. «Этотъ порядокъ», говорилъ депутатъ ярославскаго дворянства, «доставитъ герольдіи возможность имѣть точныя свѣдѣнія о россійскомъ дворянствѣ и воспрепятствуетъ вновь подбираться подъ имена чужихъ фамилій». (стр. 161). Дворянская грамота, перечисливъ 15 *неопровергаемыхъ* доказательствъ благородства (ср. 92 ст. Жалованной грамоты съ 54 ст. IX Т. изд. 1857), предоставляетъ самому дворянскому обществу губерніи, разобравъ эти доказательства, разрѣшать

вопросъ о принадлежности къ нему. Принадлежность же удостовѣряется дворянской родословной книгой губерніи, составляемой дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ.

Но злоупотребленія дворянскихъ депутатскихъ собраній, при составленіи родословныхъ книгъ были весьма часты, особенно въ Малороссіи, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, а теперь ограничимся однимъ примѣромъ: въ 1792 г. черниговскій губернскій предводитель и уѣздные дворянскіе депутаты, разсмотрѣвъ права *Богушей* на дворянство, постановили: «внести всѣхъ ихъ по древности ихъ шляхетства въ VI ч. и выдать имъ узаконенную грамоту». Сенатъ же, напротивъ, постановилъ, такъ какъ родъ Богушей съ давнихъ временъ записанъ въ число казаковъ, то въ дворянствѣ имъ отказать (Зап. черниг. губ. статист. комитета кн. 2 стр. 53). Къ этому присоединимъ еще, что большая часть малороссійскихъ дворянъ депутатскими собраніями записана въ VI ч. книги, а герольдіей перечислена во II или III-ю. Злоупотребленія эти ограничивались не одной Малороссіей: курское дворянское собраніе внесло въ VI часть однодворцевъ Быланова и Русанова, которые сенатомъ не были исключены изъ однодворческаго состоянія и неизбавлены отъ рекрутчины (П. С. №25.593).

Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій, правительство начало устанавливать контроль надъ составленіемъ дворянскихъ родословныхъ книгъ въ губерніяхъ. Въ 1796 г. Павелъ I писалъ: «Дошло до нашего свѣдѣнія, что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе. Въ отвращеніе того повелѣваемъ, дабы никакое въ государствѣ нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство...». (П. С. № 17.608). Это было подтверждено и въ 1801 г.: «какъ въ дворянское достоинство, какъ регалію государскую, никто, кромѣ насъ, облекать не можетъ, то грамотъ, на сіе достоинство ... безъ нашего повелѣнія не представлять» (П. С. № 19.769). Императоръ Александръ I возстановилъ прежній способъ составленія родословныхъ книгъ дворянскими

депутатскими собраніями. Но въ 1803 году, вслѣдствіе злоупотребленій дворянскихъ депутатскихъ собраній по нѣкоторымъ губерніямъ, вслѣдствіе включенія ими многихъ лицъ, неимѣющихъ на то права, въ сословіе дворянъ, предписано было, дабы при внесеніи дворянскихъ родовъ въ родословныя книги наистрожайше наблюдались правила 92 ст. дворянской грамоты; свидѣтельство же 12 благородныхъ особъ о томъ, что отецъ и дѣдъ просителя были дворянами, принимать въ подкрѣпленіе только доказательствъ, и только такихъ дворянъ, въ благородствѣ которыхъ нѣтъ сомнѣнія. (№ 20.608). Впослѣдствіи законодательство окончательно потеряло довѣріе къ свидѣтельству 12 благородныхъ дворянъ, и въ сводѣ законовъ 12-е доказательство жалованной грамоты измѣнено въ томъ смыслѣ, что этого свидѣтельства не требуется (см. 40 ст. IX Т. изд. 1833 и 54 изд. 1857 г. № 13). Несмотря на требованія жалованной грамоты о доставленіи въ герольдію копій съ дворянскихъ родословныхъ книгъ изъ губерній, несмотря на подтвержденія этого требованія въ 1797 и 1800 г. — до 1813 г. означенныя копіи получались герольдіей въ весьма маломъ числѣ: напр. изъ кіевской губерніи только за 2 года (1800 и 1801)., псковской только за 1 годъ (1805) и т. д. Въ 1813 г. новое подтвержденіе присылать копіи (№ 25.376). Въ 1821 г. министръ юстиціи Лобановъ-Ростовскій говорилъ въ своемъ предложеніи сенату, что дворянскія собранія, несмотря на указъ 1803 г., сопричисляли къ дворянскому сословію такихъ людей, которые не представляли не только достаточныхъ, но даже никакихъ почти доказательствъ о дворянскомъ своемъ происхожденіи: сенатъ подтвердилъ наблюденіе указа 1803 г. (№ 28.603). Въ 1828 г. при сенатѣ былъ учрежденъ комитетъ для начертанія правилъ о томъ, какимъ образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды (2 П. С. № 1.806). Эти правила были начертаны и представлены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ 1834 г. Одобривъ ихъ, государственный совѣтъ постановилъ: въ каждой губерніи для обревизованія дѣйствій дворянскихъ

депутатскихъ собраній со времени учрежденія оныхъ по 1829 г., учредить особую коммисію подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи, изъ двухъ кандидатовъ въ должности предсѣдателей палатъ, двухъ членовъ депутатскаго собранія и губернскаго прокурора. Коммисіи должны были ежемѣсячно доносить герольдіи о дѣйствіяхъ своихъ, а герольдія, вслучаѣ медленности ихъ, представляла сенату. По истеченіи каждаго года, коммиссіи должны представить герольдіи: а) списки тѣмъ дворянамъ, которые внесены въ родословныя книги на законномъ основаніи и б) списки всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые записаны въ дворянскія родословныя книги, не имѣя на то права (2 П. С. № 7.007). Эти ревизіонныя коммисіи евдали достигли цѣли: государственный совѣтъ еще въ 1846 г. изыскивалъ мѣры къ прекращенію подлоговъ при доказательствѣ дворянства (2 П. С. № 19.579). Подлоги эти были особенно часты относительно дворянства иноплеменнаго, гдѣ дипломы на дворянское достоинство фабриковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мы видѣли, какъ поддѣлывались дипломы на баронскіе титулы рыцарствомъ остзейскимъ. Подобная же поддѣлка производилась въ Грузіи и особенно въ западнорусскихъ губерніяхъ, гдѣ это велось споконъ вѣка, гдѣ *дворанъство* жаловалось не только королями, но и бердическими жидками, снабжавшими, какъ увидимъ ниже, поддѣльными дипломами и шляхетство малороссійское.

Относительно Грузіи сенаторъ Мечниковъ, производившій тамъ ревизію, сообщилъ въ 1830 г. министру юстиціи объ открытіи имъ въ Тифлисѣ дѣлателей фальшивыхъ грузинскихъ царскихъ документовъ на дворянское и княжеское достоинства, изъяснивъ, что соучастникомъ этого преступленія оказался секретарь дворянскаго депутатсткаго собранія и одинъ изъ членовъ. Вслѣдствіе этого въ Тифлисѣ была учреждена коммисія для разсмотрѣнія документовъ на дворянское и княжеское достоинство (2 П. С. № 4.046), а потомъ указомъ 1846 г. двѣ коммисіи — въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, подъ контролемъ коммисіи с.-петербургской (2 П. С. № 19.891). Результатомъ дѣйствій этихъ коммисій былъ законъ 1850 г., утвердившій

право на княжество и на дворянство нѣкоторыхъ родовъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи (2 П. С. № 24.707).

Учрежденіе ревизіонныхъ коммисій въ западныхъ губерніяхъ для повѣрки правъ на дворянство предшествовало учрежденію таковыхъ въ другихъ губерніяхъ по закону 1834 г. До правительства доходили свѣдѣнія, что въ Вильнѣ и самогитскихъ уѣздахъ массами поддѣлываются документы на дворянство, что во Львовѣ, Могилевѣ и Бердичевѣ, и особенно въ послѣднемъ, фабрикуются въ обширныхъ размѣрахъ шляхетскія генеологіи и дипломы, которые продавались по рублю. Въ 1833 году повелѣно было учредить три коммисіи: одну — для губ. виленской, гродненской и бѣлостокской области, другую — для губ. кіевской, волынской и подольской, а третью — для губ. витебской, могилевской и минской. Коммисіи составлены были изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, корпуса жандармовъ и губернскаго стряпчаго. Онѣ должны были перекрѣпить хранящіяся во всѣхъ мѣстахъ въ тѣхъ губерніяхъ метрическія и актовыя книги, перечеркнувъ пробѣлы въ нихъ, прошнуровать и запечатать. Занятія коммисій кончились въ 1835 г.; о поддѣлкахъ въ актовыхъ книгахъ сообщено было герольдіи. Но эти коммисіи не принесли большой пользы: нѣкоторые бердичевскіе и львовскіе дипломы признаны ими были за подлинные. По предложенію Бибикова, въ 1840 г. учреждена ревизіонная коммисія въ Кіевѣ для трехъ югозападныхъ губерній. Эта коммисія составлена была изъ предсѣдателя, товарища и совѣтника его и трехъ членовъ, избираемыхъ дворянствомъ юго-западныхъ губерній — по одному отъ каждой. Коммисія должна была окончить свои работы къ 1 января 1844 г. (2-е П. С. № 13.046). Работая подъ зоркимъ наблюденіемъ энергическаго начальника края, коммисія исключила изъ дворянскаго сословія 64.000 шляхтичей, причисливъ ихъ къ однодворцамъ и гражданамъ (Владиславъ Мицкевичъ въ своей книгѣ «La Pologne et ses provinces méridionales» жалуется на обращеніе въ податное состояніе въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ 141.708 шляхтичей). О результатахъ дѣятельности централь-

ной коммисіи 1840 г. самъ Бибиковъ въ своей знаменитой рѣчи помѣщикамъ кіевской губерніи 8 мая 1851 г. говорилъ слѣдующее: «Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь что всѣ были дворяне — лакей за каретою, дворянинъ кучеръ на козлахъ, дворянинъ-форейторъ, дворянинъ-сторожъ, дворянинъ въ кухнѣ стряпалъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ разсердясь хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: «не имѣешь права я тебѣ ровенъ». Государь императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи; спрашивается: можетъ ли онъ подать руку также дворянину повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю сер.; были и коммисіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ коммисіи въ одну центральную, которая, по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64 тысячи семействъ, неимѣвшихъ права оставаться въ ономъ.... Когда геральдія, утвердивъ уже многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину какъ онъ самъ». (Истор. матеріалы Зари; апр. 1870 года). Несмотря на такіе блестящіе результаты центральной коммисіи 1840 года, зло едвали прекратилось. Въ 1842 году генералъ-губернаторъ Мирковичъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ гродненской губерніи продолжаютъ находить поддѣлку и подлоги въ актовыхъ книгахъ: учреждены были уѣздныя коммисіи для пересмотра и повѣрки актовыхъ книгъ (2 П. С. № 16.163). Въ 1844 подобные же жалобы на поддѣлку доходили и изъ волынской губерніи (2 П. С. № 18.147). Для окончательнаго выясненія вопроса о правѣ на дворянство польскаго шляхетства, въ 1852 г. было опредѣлено качество и значеніе тѣхъ чиновъ бывшаго королевства польскаго и великаго княжества литовскаго, которые даютъ своимъ потомкамъ права на принадлежность къ этому сословію (2 П. С. № 25.963). Но и этимъ

укоринившаяся исторически фальсификація дворянства не прекратилась, какъ показываютъ недавно открытыя поддѣлки въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго архива.

II. Мы видѣли, что между царскими чиновными людьми до Петра не было сознанія единства интереса, связывающаго ихъ въ одну общественную группу, образующаго изъ нихъ замкнутое сословіе, обособленное отъ народа.

Петръ Великій, собирая повсюду разсыпанныя храмины, стягивая купцовъ и ремесленниковъ въ города, расписывая ихъ на гильдіи и цунфты, сдѣлалъ то же самое и относительно чиновныхъ людей. Бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, между которыми были и гедиминовичи и рюриковичи, а послѣ замѣны старыхъ чиновъ новыми — всѣ чины военные и морскіе, гражданскіе отъ коллежскаго асессора — онъ собралъ въ одну общественную группу, образовалъ слословіе — шляхетство, наложивъ на него обязанность службы въ полкахъ и канцеляріяхъ и обученія. Увлеченный образцами запада, онъ старался поднять новое сословіе до феодальной аристократіи, перенявъ у нея основной ея институтъ — майоратъ, дабы фамиліи — потомство прапорщиковъ и надворныхъ совѣтниковъ — не *упадали, но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе домы.* Но феодальное учрежденіе къ нашему дворянству не привилось, да и не могло привиться вслѣдствіе кореннаго отличія нашего дворянства отъ аристократіи западно-европейской. Но другія черты послѣдней начали развиваться въ дворянствѣ.

Самымъ качествомъ своего тягла, своихъ обязанностей къ государству, шляхетство было отлично отъ народа. Народъ тянулъ черную работу, шляхетство — служило и училось. Народъ сдѣланъ ревизскими душами, обложенными подушной податью и рекрутчиной. Для шляхетства, пожалуй, тоже были своего рода ревизскія сказки — герольдмейстерскія списки (№ 3), но по этимъ спискамъ оно платило не подушную подать, но наряжалось на службу — распредѣлялось по полкамъ и канцеляріямъ, отдавалось въ школы. Чрезъ службу шля-

хетство дѣлалось благороднымъ, чрезъ обученіе — образованнымъ. Отличенное отъ народа качествомъ тягла, свободою отъ подушной подати и рекрутства, благородствомъ и обученіемъ, шляхетство начинаетъ отличаться и внѣшнимъ видомъ — нѣмецкимъ платьемъ, бритою бородой, а впослѣдствіи и языкомъ — нѣмецкимъ же и преимущественно французскимъ.

Въ поставленномъ такимъ образомъ новомъ сословіи начинаетъ мало по малу развиваться сознаніе общесословнаго единства, сословной чести. Волынскій на предложеніе Салтыкова донести о бригадирѣ Козловѣ, распускавшемъ въ Казани разные слухи о московской перемѣнѣ въ 1730 г., отвѣчаетъ: «А чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не *токмо мнѣ*, но и *послѣднему дворянину* прилично и честно дѣлать» (Чтен. кн. 3-я 1868: Дѣло Салникѣево). Кадеты, на основаніи указа о единослѣдіи лишенные участія въ отцовскомъ наслѣдствѣ и поступающіе нижними чинами въ военную службу, при Аннѣ Іоановнѣ начинаютъ приходить въ отчаяніе «что уже всѣ свои *шляхетные поступки* теряютъ» (П. С. № 5.653). Аристократа—кн. Щербатова оскорбляетъ (О поврежд. нравовъ въ Россіи), что въ числѣ 6 шутовъ Анны Іоанновны, были князья Голицынъ и Волконскій и гр. Апраксинъ (Манштейнъ: Т. II р. 96) [33]). Аристократы, если только можно назвать этимъ несвойственнымъ кореннымъ основамъ нашего общественнаго строя терминомъ—аристократы временъ Петра Великаго, говоримъ, едва-ли оскорблялись, что собраты ихъ потѣшали великаго монарха. Тѣмъ менѣе могло оскорбляться рядовое шляхетство тѣмъ, напримѣръ, что Меншиковъ въ 1708 г. послалъ своей женѣ двухъ *шляхтянокъ*-дѣвокъ, «изъ которыхъ одна маленькая можетъ вамъ за попугая быть: такая словесница.... что можетъ увеселять больше попугая» (Соловьева: Т. XVI стр. 241), или же тѣмъ, что въ Астрахани, во время губернаторства Волынскаго, мичмана Егора Мещерскаго взяли въ домъ генералъ-лейтенанта Матюшкина для домашней забавы и публично держали его за дурака (Св. Т. XVIII стр. 187).—Дворянскій сословный point

d'honneur, повторяемъ, было дѣло новое, прививное для нашего шляхетства 18 ст. Породная, отческая честь царскихъ чиновныхъ людей замѣнилась послѣ табели о рангахъ честью чиновной, изъ чиновной чести развилась честь сословная, сословная честь преобразовывалась въ честь личности человѣческой — персональную. Припомнимъ, какъ бояринъ Шеинъ жаловался вконцѣ 17 ст. на кн. Ромодановскаго за то, что тотъ поносилъ и отца и мать боярина, а кн. Ромодановскій на Шеина за то, что тотъ называлъ его *малопороднымъ* человѣкомъ, *худымъ* князишкой. Припомнимъ, какъ въ 1722 г. *князь* Долгорукій оскорбился за аффронтъ *характеру дѣйств. тайнаго совѣтника*, а Степановъ въ побояхъ и брани подканцлера Шафирова видѣлъ не *персональную* обиду, а оскорбленіе характеру канцеляріи совѣтника. Сравнимъ это съ голосомъ кн. Щербатова въ коммисіи 1767 г., въ которомъ звучитъ требованіе квалифицированной обиды (scandalum magnatum англійскаго пэрства) за оскорбленіе дворянина: «Поелику же дворянство отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и руганія дворянина, должны быть запрещены закономъ (Сб. русск. ист. общ., Т. VI, стр. 149).

Въ шляхетствѣ развивался point dhonneur; онъ обусловливался большею степенью сознанія общности сословныхъ интересовъ. Это сознаніе дѣйствительно болѣе и болѣе крѣпло и развивалось. Оно проглядываетъ уже въ заявленіяхъ 1730 г.: шляхетство требуетъ участія въ избраніи членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій; верховный тайный совѣтъ обѣщаетъ *содержать его въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи*, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ (Соловьева: Т. XIX, стр. 256). Еще болѣе проглядываетъ сознаніе сословной связи между членами шляхетства въ заявленіяхъ депутатовъ коммисіи 1767 г. Они говорятъ *о дворянскомъ корпусѣ, который заключаетъ въ самомъ себѣ собственныя свои преимущества и безопасность* (кн. Щербатовъ; московскій наказъ); они требуютъ, чтобы *корпусу дворянства* права и преимущества пожалованы были (наказъ отъ *корпуса* волоколамскаго дворянства); они говорятъ *объ общихъ* нуждахъ *всего* дворянства (наказъ московскій); они печалятся,

что бѣдные дворяне не имѣютъ достатка пристойно воспитать своихъ дѣтей, отчего тѣ дѣти въ невѣжествѣ и косности возрастаютъ, и ни *малѣйшаго вида дворянскаго въ житіи и поведеніи своемъ не имѣютъ* (костр. наказъ).

Высокимъ по своему внутреннему смыслу и значенію въ государствѣ представляется дворянское достоинство депутатамъ отъ дворянства въ коммиссіи 1767 г.: ярославскій наказъ называетъ дворянство *главнымъ чиномъ имперіи*, въ которомъ по словамъ его депутата (кн. Щербатова) честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ; депутатъ михайловскаго дворянства (Сем. Нарышкимъ) думаетъ, что «достоинство дворянское считается у насъ *чѣмъ-то священнымъ*, отличающимъ одного человѣка отъ другихъ, дающимъ право владѣть себѣ подобными и заботиться объ ихъ благосостояніи» (стр. 205); курскій депутатъ (Стромиловъ) говоритъ, что «дворянство должно быть *особливымъ родомъ людей* въ государствѣ, обязанность которыхъ служить ему, и изъ своей среды замѣщать власти среднія, *поставленныя между государствомъ и народомъ*» (стр. 206). Но самымъ страстнымъ и даровитымъ защитникомъ привиллегій дворянства и его аристократическихъ тенденцій въ коммисіи 1767 г. явился кн. Щербатовъ. По мнѣнію его» вѣрные чада Россіи — древніе россійскіе дворяне — своею кровію и жизнію освобождали ее отъ чуждаго ига, а божественные ея храмы отъ посрамленій иновѣрцевъ» (стр. 193). По мнѣнію его, существованіе дворянства въ данной странѣ распространяетъ въ ней культуру, «ибо гдѣ есть дворянство, тамъ есть и ихъ подданные; гдѣ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры, а слѣдовательно богатство, тамъ рождаются и науки, и художества» (стр. 160). Смотря съ такой точки зрѣнія на миссію дворянства, для поднятія культуры въ Сибири Щербатовъ предлагалъ учредить въ ней дворянскій корпусъ. Но къ счастію страны этотъ корпусъ не развился въ ней, а поэтому не было въ ней ни дворянскихъ подданныхъ, ни крѣпостнаго права, и въ Сибири выработался едва-ли не самый лучшій и самый чистый русскій народный типъ. Наконецъ, по мнѣнію кн. Щербатова русское дворянство по древности и

аристократичности своего происхожденія едвали можетъ уступить какому-либо феодальному дворянству западной Европы. Депутату днѣпровскаго пикинернаго полка Як. Козельскому, утверждавшему, что дворянство получило свое начало отъ самыхъ незнатныхъ фамилій чрезъ службу государю, что поэтому дворянству не слѣдуетъ презирать офицерскіе чины и требовать отмѣны закона о пріобрѣтеніи правъ этого сословія оберъ-офицерствомъ (стр. 187), кн. Щербатовъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ *укоряетъ подлымъ началомъ* древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго кн. Рюрика, и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго кн. Владиміра; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности, и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству» (стр. 193).

Но потомки в. кн. Рюрика, Владиміра и другихъ коронованныхъ главъ хорошо сами показали въ коммисіи 1767 г., что начало своей исторіи они должны вести съ той поры, когда рюриковичи и др. превратились въ *холоповъ* царя московскаго. Они слишкомъ много занимались изобрѣтеніемъ титула Екатерины II, восхваленіемъ ея качествъ, такъ что вызвали ироническую замѣтку самой императрицы въ письмѣ ея къ А. И. Бибикову: «Я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ» (стр. 62).

Проникнувшееся такими воззрѣніями на свое значеніе и положеніе въ государствѣ, родовое дворянство не могло равнодушно видѣть, какъ легкимъ его пріобрѣтеніемъ чинами военной и гражданской службы на основаніи табели о рангахъ, *уподлялось* дворянство, *затмѣвались* его права и преимущества. Отсюда голоса дворянскихъ депутатовъ коммиссіи

1767 г. о томъ, чтобы права дворянства пріобрѣтались не чинами, но жаловались монархомъ за особенныя добродѣтели и отмѣнныя заслуги. Это раздвоеніе дворянства на родовое и чиновное, это стремленіе перваго обособиться и замкнуться — весьма замѣчательная черта въ исторіи сословія, такъ рѣзко сказавшаяся въ коммисіи 1767 года. Депутаты заявляли, чтобы чинъ не давалъ дворянства. Елецкій депутатъ въ указѣ 1724 г. января 31, запретившемъ производить въ секретари не изъ дворянъ, видѣлъ намѣреніе Петра, чтобы въ статскихъ чинахъ были одни дворяне; право же пріобрѣтенія дворянства оберъ-офицерскимъ чиномъ представлялось ему только временною мѣрой, установленною на время шведской войны, которая въ мирное время должна быть отмѣнена (стр. 149). Ярославскій депутатъ (кн. Щербатовъ) думалъ также о законѣ Петра Великаго, что оберъ-офицерскимъ чиномъ пріобрѣтаются права дворянства, какъ о временной мѣрѣ, установленной по тогдашнимъ обстоятельствамъ, а вообще же чинъ не долженъ давать этихъ правъ — ими можетъ награждать только монархъ (стр. 149). Если дворянство будетъ пріобрѣтаться чиномъ, размышлялъ михайловскій депутатъ Сем. Нарышкинъ, то дворяне при полученіи его будутъ менѣе награждаемы, ибо они съ офицерскимъ чиномъ получатъ только награжденіе доброму своему поведенію, а недворяне — и отмѣннымъ заслугамъ отечеству, которыхъ они никогда не оказали (стр. 205). Курскій депутатъ (Стротиловъ) заявилъ, что если всякій, пожалованный въ офицеры, будетъ дворяниномъ, то произойдетъ, что всякій дивизіонный генералъ, жалуя въ прапорщики, вмѣстѣ съ тѣмъ даруетъ и самое дворянство (стр. 206). А депутатъ отъ клинскаго дворянства (Петръ Орловъ) ко всѣмъ этимъ заявленіямъ прибавилъ, что какъ скоро офицеръ не изъ дворянъ не можетъ чиномъ получить дворянскаго достоинства, то слѣдуетъ сдѣлать распоряженіе, чтобы офицеры недворяне, хотя и высшихъ классовъ, не командовали офицерами-дворянами хотя и низшихъ классовъ (стр. 210).

Такъ установилось раздвоеніе въ средѣ шляхетства: люди родословные отвергали людей чиновныхъ. Но чинъ продол-

жалъ давать права дворянства: дворянство не переставало размножаться, раздвоеніе увеличиваться. Размноженіе дворянства вызвало его обѣднѣніе, особенно при системѣ дробленія наслѣдствъ, возстановившейся съ отмѣной майоратовъ. Чѣмъ болѣе дворянство бѣднѣло, тѣмъ болѣе нѣкоторые его члены фактически сближались съ народомъ и отчуждались отъ своихъ высокопоставленныхъ собратовъ.

Многія дворянскія дѣти, воспитывавшіяся въ 17 в. въ ариѳметическихъ и гарнизонныхъ школахъ, были такъ бѣдны, что за отцами ихъ было по 3, по 1 ревизской душѣ, а за иными и ни одной не было (П. С. № 7.250). Пронскій, напримѣръ, предводитель дворянства Степ. Тютчевъ 2 ноября 1771 г. доносилъ сенату, что къ нему явилось болѣе 200 человѣкъ дворянскихъ дѣтей, объявивъ, что они желали бы поступить въ службу, да только не въ состояніи на нее явиться, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни платья, ни обуви (П. С. № 13.743). Подобнымъ же образомъ и дворянка Ахматова въ 1774 г. просила новгородскаго генералъ-губернатора Сиверса, что, питаясь съ семьей крестьянской работой, по неимѣнію крестьянъ и земли, и будучи безъ мужа, нанявшагося для препровожденія барокъ въ Спб., она не въ состояніи дать воспитаніе тремъ сыновьямъ своимъ, и потому проситъ о принятіи ихъ въ новгородскую гарнизонную школу, учрежденную для однихъ солдатскихъ дѣтей. Сиверсъ доложилъ объ этомъ сенату, и сенатъ, «усматривая сколь великое число по новгородской губерніи есть такихъ неимущихъ дворянъ, кои не токмо дѣтей своихъ никакъ воспитывать не могутъ, но и сами питаются черной работой, а уповательно и въ прочихъ губерніяхъ таковыхъ же оказаться не меньше того можетъ», постановилъ: принимать въ гарнизонныя школы такихъ бѣдныхъ дворянъ, хотя бы ихъ было до тысячи человѣкъ, отпустивъ на содержаніе каждаго изъ доходовъ камеръ-коллегіи по 5 р. 32½ к. въ годъ (П. С. № 14.105) [24]). Изъ писемъ Екатерины II къ Архарову, бывшему генералъ-губернаторомъ новгородско-тверскимъ, видно, что въ этихъ губерніяхъ цѣлыми селеніями жили дворянскія фамиліи,

которые, не имѣя крестьянъ, сами занимались хлѣбопашествомъ (Р. Арх. г. 2-й. П. С. № 16.680).

Обезпеченіемъ участи дворянскаго пролетаріата было озабочено правительство и въ послѣдующія царствованія. Императоръ Александръ I, узнавъ въ 1801 г., что во многихъ полкахъ сверхъ комплекта служатъ унтеръ-офицерами дворяне, которые, не получая никакого жалованья, претерпѣваютъ крайнюю пужду, повелѣлъ отпускать всѣмъ имъ жалованье по окладу рядовыхъ, но съ тѣмъ, чтобъ они и службу отправляли наравнѣ съ рядовыми. (П. С. № 20.024). Еще большее вниманіе на положеніе дворянскаго пролетаріата обратилъ императоръ Николай, при которомъ выработалась цѣлая система мѣръ противъ него. Мѣры эти состояли: а) въ надѣленіи бѣднымъ дворянамъ казенныхъ земель во владѣніе, съ пособіемъ денежнымъ, и б) въ обезпеченіи обученія бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей.

а) Земли надѣлялись въ многоземельныхъ губерніяхъ, на правахъ ограниченной собственности. Въ 1843 г. въ симбирской губерніи 300 дворянскимъ бѣднымъ семействамъ отведено по 60 десятинъ на каждое; поземельные участки были розданы также и въ тамбовской губ. — по 80 десятинъ на каждое семейство. Не мало дворянскихъ семействъ изъявило согласіе на переселеніе въ эти многоземельныя губерніи: изъ рязанской губ. — 295, изъ смоленской — 109. Это повторялось и впослѣдствіи: въ 1847 г. 30 малоимущихъ дворянскихъ семействъ рязанской губерніи и 2 смоленской получили участки въ самарской губерніи съ пособіемъ отъ правительства; въ 1849 г. — 23 семейства въ самарской; въ 1851 г. 7 бѣдныхъ семействъ въ самарской губерніи съ денежнымъ пособіемъ отъ правительства въ 100 — 140 р. и т. д. (См. Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

б) Въ то же время обращено было вниманіе на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Положеніемъ комитета министровъ 1843 г. постановлено: дѣтей бѣдныхъ дворянъ отъ 7 — 17 лѣтъ опредѣлять на воспитаніе въ батальоны военныхъ кантонистовъ. Это подтверждено и въ 1852 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено

опредѣлять ихъ и въ аудиторское училище. Если же родители или родственники не могли доставлять въ означенныя заведенія дворянскихъ дѣтей на свой счетъ, то предоставлено было дворянству тѣхъ губерній, гдѣ проживаютъ таковыя дѣти, отправлять ихъ на счетъ дворянскихъ суммъ, какъ это постановило дворянство калужской губерніи по собственной иниціативѣ, или же производить отправленіе тѣми мѣрами, какія начальство признаетъ удобнѣйшими (2-е П. С. № 26.602).

Мы разсмотрѣли фактъ обѣднѣнія дворянъ. Мы говорили, что это обѣднѣніе усиливало разчлененіе многочисленнаго дворянства на нѣсколько общественныхъ группъ: старыя дворянскія фамиліи и новыя, обезпеченныя матеріально, отдѣлились отъ фамилій новаго чиновнаго дворянства, бѣднаго матеріальными средствами, къ которому тяготѣли и захудалые дворянскіе роды шестой части. Изъ первыхъ образовывалась особая общественная группа, окрестившая себя названіемъ *аристократія*, свысока смотрящая на народъ, на мелкое и даже среднее дворянство. Подобно тому, какъ дворянство вообще, выгораживая себя изъ народа, не хотѣло воспитывать своихъ дѣтей вмѣстѣ съ разночинцами, и создавало систему дворянскихъ учебныхъ заведеній — благородныхъ пансіоновъ, благородныхъ женскихъ институтовъ и благородныхъ кадетскихъ корпусовъ — подобно тому и наша soi disante аристократія, выгораживая себя изъ рядоваго дворянства, выработывала свои учебныя заведенія для шестой части дворянской книги, вмѣстѣ съ дворянствомъ остзейскимъ и титулованнымъ — аристократическій пажескій корпусъ, аристократическій александровскій лицей, аристократическое училище правовѣдѣнія. Въ этихъ заведеніяхъ она пропитывалась тончайшимъ Парижемъ, *ангельскимъ* парижскимъ діалектомъ, изящнѣйшими манерами de la vieille souche старой до-революціонной Франціи. Потомки бояръ и окольничихъ — холоповъ бѣлаго царя, потомки генералъ-маіоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ — выходили изъ этихъ заведеній настоящими маркизами доброй старой Франціи. Эта добрая старая Франція, чрезъ легитимистскую эмиграцію конца прошлаго столѣтія, имѣла дѣйствительно

огромное вліяніе на манеры, обычаи, міровоззрѣніе нашихъ высшихъ классовъ. Эти маркизы и жентиломы доброй старой Франціи, которымъ не по сердцу пришлась молодая, возрожденная великими принципами 1789 г., Франція, толпами нахлынули въ Россію, и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прилежнѣйшихъ адептовъ. Легитимистская эмиграція была сильна не только принципами, но и количественно: императоръ Павелъ I въ 1797 г. принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ которыхъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентиломовъ самыхъ аристократическихъ фамилій, ополчавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien regime'а въ чужой странѣ—эти полки, говоримъ, шефами которыхъ были принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ де-Бери, Дюкъ d'Ейгенъ расквартированы были во Владимірѣ, въ Луцкѣ, Ковелѣ (П. С. № 18.255), и разносили по святой русской землѣ феодальныя и кастическія воззрѣнія французскаго стариннаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 г. вся французская земля. Такимъ образомъ, наша аристократія получила окончательно свой типъ вконцѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ принциповъ французскаго ancien regime, представительницей которыхъ явилась легитимистская эмиграція. Тогда какъ наша аристократія проникалась этими обветшавшими принципами, лучшіе члены мелкаго и средняго дворянства, ближе стоявшаго къ народу, воспринимали начала 1789 г. Понятно, почему образованнѣйшіе представители этой общественной группы втеченіе текущаго столѣтія стояли во главѣ умственнаго движенія нашего общества – наши Гоголи и Бѣлинскіе, наши Грановскіе и Кавелины выходили изъ рядовъ средняго и мелкаго дворянства.

Окончательная редакція нашей аристократіи по французскимъ образцамъ — явленіе новое, конца 18 и начала 19 столѣтій. Но это новое явленіе подготовлялось издавна, почти что съ начала 18 вѣка: стремленіе родоваго дворянства отдѣлиться отъ дворянства чиновнаго и замкнуться въ отдѣль-

*

ную общественную группу почти современно образованію шляхетства изъ царскихъ и императорскихъ чиновныхъ людей Въ ряды шляхетства вдвинуты были Петромъ Великимъ и большіе и малые чины — и бояре и дѣти боярскіе, къ нимъ примкнули прапорщики и генералы, коллежскіе асессоры и дѣйствительные тайные совѣтники. Какъ разномастенъ сталъ составъ нашего дворянства въ 18 вѣкѣ видно изъ подписей подъ дворянскими депутатскими наказами: здѣсь и князья и графы — представители знатнѣйшихъ фамилій, здѣсь и вахмистры и сержанты и солдаты и титулярные совѣтники и царскіе придворные конюхи — дворяне безграмотные (см. IV Т. Сб. Русск. ист. общ.). Неудивительно, что разчлененіе шляхетства на новыя общественныя группы начинается довольно рано: уже при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны *подлое* шляхетство съ своими интересами выдѣляется изъ шляхетства родоваго, [35]) и замѣчательными словами Волынскаго опредѣляетъ свои отношенія къ нему. Слова эти по истинѣ замѣчательны и показываютъ крѣпкій политическій смыслъ рядоваго шляхетства: въ нихъ заключается одинъ изъ ключей для разъясненія особенностей политическихъ судебъ русскаго народа, въ сравненіи съ польскимъ. Мы считаемъ нужнымъ привести эти характерныя слова. «Слышно здѣсь» пишетъ Волынскій Салтыкову изъ Казани въ 1730 г. «что дѣлается у васъ, или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. *Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ*, и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе на того яряся, вредить и губить станутъ».

«Второе, понеже народъ нашъ наполненъ грусостію и похлѣбствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ

трусить и манить главнымъ особамъ, для бездѣльныхъ своихъ интересовъ, или страха ради. И такъ, хотя бы и вольныя всего общества законы требованы въ правленіи дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно...» (Дѣло Сальникѣево: Чтен., кн. 3-я 1868). Такъ формулировало рядовое дворянство свой взглядъ на *сильныя фамиліи*.

Какъ смотрѣли на *слабыя фамиліи* представители дворянства родоваго? Замѣчательный образчикъ ихъ взгляда — слова, произнесенныя либераломъ, молодымъ гр. Строгоновымъ, въ засѣданіи неофиціальнаго комитета 1801 г., когда обсуждался вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ и заявлены были нѣкоторыя опасенія протеста этимъ улучшеніямъ со стороны дворянъ. «Что такое наше дворянство?» говорилъ молодой другъ императора Александра I «дворянство составилось у насъ изъ множества людей, *сдѣлавшихся дворянами только службою*, неполучившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не *постигать ничего выше власти императора;* ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ *идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи*. Это — сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу — наиболѣе тупое; вотъ приблизительная картина большей части нашего сельскаго дворянства.... Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь... *всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія...*» (Богдановичъ: И. Александра I, прилож. къ I т.). Для насъ эти слова слишкомъ ясны, чтобъ ихъ комментировать: мотивъ ихъ благороднѣйшій — улучшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ безъ опасеній протестовъ дворянства, но основной ихъ тонъ, пробивающаяся задняя мысль — аристократическіе: главенство

дворянства въ государствѣ, его право оппозиціи самодержавію, малтретированіе дворянства рядоваго.

Антагонизмъ аристократіи и рядоваго дворянства, какъ увидимъ ниже, съ особенной силой отразился въ мѣстной жизни сословія, въ дворянскомъ самоуправленіи, *пожалованномъ* грамотой 1785 г. Жалованная грамота, хотя и разбила губернское дворянское общество на шесть разрядовъ, какъ бы выдѣляя тѣмъ фамиліи титулованныя и родовыя, но всѣмъ членамъ этого общества дала одинаковыя избирательныя права при самомъ маленькомъ имущественномъ цензѣ, не отличивъ въ этомъ отношеніи знатнаго дворянства отъ рядоваго. Какъ бы негодуя на такой демократическій характеръ грамоты, какъ бы протестуя противъ него, наше знатное дворянство удалялось изъ губерній въ столицу и заграницу, не желая мѣшаться съ рядовымъ дворянствомъ, принимать участіе въ самоуправленіи (Чтен., кн. III на 1860 г.). Императоръ Николай, чтобы поднять падающее значеніе дворянства, какъ мы видѣли, повысилъ чины, дающіе права потомственнаго дворянства. Императоръ Николай, чтобы привлечь знатное дворянство къ участію въ выборахъ, какъ увидимъ, повышаетъ имущественной цензъ, устраняющій мелкопомѣстье отъ непосредственныхъ выборовъ. Но много ли мы видимъ знатныхъ дворянъ, послѣ манифеста 6 декабря 1831 г. не только уѣздными и губернскими судьями, которые — фи! — получали небольшое жалованье, но и въ должностяхъ предводителей — уѣздныхъ и даже губернскихъ — которыми рѣдко-рѣдко бывали князья, графы, потомство бояръ и окольничихъ, но большей частію уважаемые и зажиточные представители рядоваго дворянства?

Дворянство внутри себя раздвоилось на аристократію и дворянство рядовое — среднее и мелкое. Но это были его внутреннія отношенія. Въ отношеніяхъ же къ народу, къ недворянскимъ общественнымъ классамъ, оно сплочивалось и замыкалось въ отдѣльную общественную группу, противополагавшую себя народу — въ группу людей *благородныхъ*.

Отношенія между членами общества до Петра — высшихъ чиновъ къ низшимъ, землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, го-

сподъ къ холопамъ — мы не представляемъ въ патріархальномъ видѣ какой-нибудь идилліи, гдѣ господствуетъ полное равенство между людьми. Фактическое неравенство, вѣроятно, существовало въ самой высокой степени, и сильный порабощалъ слабаго, богатый убогаго, царскій чиновный человѣкъ—*мужъ* угнеталъ и эксплуатировалъ *мужика*-страдника. Но мы стоимъ на томъ, что до Петра не было тѣхъ рѣзкихъ разграниченій между сословіями, которыя начинаютъ устанавливаться съ началомъ 18 вѣка, постепенно крѣпнутъ и усиливаются до настоящаго времени, такъ что, несмотря на великія реформы настоящаго царствованія, идущія въ разрѣзъ съ сословными традиціями, разграниченія эти и до сихъ поръ не выводятся изъ нравовъ нашего общества, которые въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ законодательства. Высшіе классы общества при Петрѣ организуются въ шляхетство. Шляхетство усвоиваетъ себѣ внѣшнія формы европейской цивилизаціи: одежду, образъ жизни, нравы, привычки. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно перенимаетъ историческіе предразсудки, феодальныя традиціи западной Европы. Шляхетство начинаетъ относиться къ народу, какъ высшая каста къ низшимъ. Опредѣляется отличіе бѣлой шляхетской кости отъ черной кости мужицкой—дворянина, какъ члена привиллегированнаго сословія, отъ крестьянина, принадлежащаго къ массѣ порабощеннаго народа. Дворянство дѣлается классомъ *благороднымъ*; другіе общественные классы — *подлыми*. Это раздѣленіе членовъ общества на *благородныхъ* и *неблагородныхъ* такъ крѣпко засѣдаетъ въ нравы нашего общества, что не выводится даже теперь.

До Петра Великаго наши высшіе классы не были, да и не могли быть *благородными*: только царское семейство было *благороднымъ* (хорошо-рожденнымъ), а всѣ остальные члены общества были *прирожденными* холопами царя—Васьками, Ѣвашками, Алешками и т. д. [36]). Съ Петра Великаго царское семейство начинаетъ принимать другіе титулы, а шляхетство по примѣру иноземному начинаетъ именоваться *благороднымъ*. Яковъ Влад. Брюсъ въ 1706 г. писалъ изъ Москвы директору московской типографіи, Василію Кипріянову: «Г. Ки-

пріяновъ! Ежели въ какой твоей печати имя государя царевича (Алексѣя Петровича) помянетца, то тебѣ не надлежитъ писать великаго государя царевича *благороднымъ*, понеже *во иныхъ* странахъ *всякой шляхтичъ* знатной пишется *благороднымъ* а надлежитъ писать Е. Ц. Высокость». (Р. Старина янв. стр. 7). Первое офиціальное наименованіе сословія *благороднымъ* произошло въ 1721 г., когда измѣнены титулы членовъ императорской фамиліи, и ихъ стали называть вмѣсто благородныхъ *благовѣрными* «понеже титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ по нынѣшнему употребленію низко, ибо *благородство и шляхетству дается*». (П. С. № 3.869). *Благороднымъ*, *высокоблагороднымъ*--Wohlgeboren, Hochwohlgeboren—называется остзейское рыцарство въ договорныхъ пунктахъ 1710 г. (П. С. № 2.279, 2.299). Малороссійское же шляхетство еще прежде называется польскими королями *благороднымъ*: король Янъ Казиміръ въ 1649 г. называетъ Богдана Бутовича *благороднымъ* (З. черниг. губ. стат. ком. кн. 2 стр. 104).

Табель о рангахъ дѣлаетъ всѣхъ *худо-рожденныхъ хорошо-рожденными*, если только они заслужатъ чинъ: право титноваться *благородіемъ* получаютъ всѣ оберъ-офицеры. Имѣющіе штабъ-офицерскіе чины считаются *весьма хорошо рожденными*: получаютъ титулъ *высокоблагородія*. Послѣ этого присвоенія благородства чину, оно начинаетъ присвоиваться всѣмъ *корпусомъ* шляхетства. Но въ указахъ мы впервые встрѣтили названіе цѣлаго сословія *благороднымъ* только въ 1754 г. (П. С. № 10.558). Впрочемъ, и послѣ этого до самаго манифеста 1762 г. оно большей частію называется *вѣрнымъ*, но не благороднымъ шляхетствомъ. Манифестъ 1762 г. дворянство «яко главный въ государствѣ членъ» именуетъ *Россійскимъ благороднымъ дворянствомъ*. Замѣчательно, что Екатерина II въ 1763 г. октроируетъ благородство рыцарству остзейскому, которое считало себя благороднымъ всилу своего прирожденнаго историческаго права и научило этому термину и понятію въ немъ скрывающемуся русское шляхетство (П. С. № 11.743). Екатерина II, составившая свою теорію дворян-

этва подъ вліяніемъ рыцарскихъ, феодальныхъ традицій з. Европы и проникнутыхъ ими ученій публицистовъ (статьи наказа о дворянствѣ почти цѣликомъ взяты изъ Монтескье), окончательно утвердила за дворянствомъ названіе *благороднаго* (впрочемъ, въ грамотѣ благородными главнымъ образомъ названы тѣ дворянскіе роды, которые внесены въ 6-ю часть дворянской родословной книги).

Дворяне сдѣлались *благородными*, остальной народъ *подлымъ*. Названіе это употреблялось и офиціально, въ законѣ: напримѣръ ук. 1714 г. «людямъ *подлымъ* разореніе» (П. С. № 2.789), ук. 1715 г. «учинены фискалы, которые непрестанно доносятъ не только на *подлыхъ*, но и на знатныя фамиліи...» (П. С. № 2.877, 3.395), ук. 1720 г. «бани строить позволять, кромѣ *подлаго народа*, а *подлымъ* не позволять...» (№ 3.535). Въ указѣ 1745 г. «при ревизіи въ Астрахани явились многіе изъ *подлыхъ*, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ...» (№ 9.125). На языкѣ закона выраженіе это имѣло значеніе *низшаго разряда;* съ нимъ не связывался унизительный нравственный смыслъ [37]) Въ такомъ смыслѣ говорилось напр. *подлое шляхетство*, *подлое гражданство*, въ такомъ же смыслѣ могъ употреблять это выраженіе, помнится, и филантропъ Бецкій, авторъ плана московскаго воспитательнаго дома. Но на языкѣ шляхетства выраженіе это, употреблявшееся даже вконцѣ 18 вѣка— въ царствованіе Павла (Р. Арх. № 21.870), несомнѣнно имѣло другой смыслъ — *паріевъ*, или по крайней мѣрѣ французскаго слова canaille — *сволочь*, *чернь*, какъ дѣйствительно и называли изящные жентиломы доброй старой франціи roturiers. Шляхетство подъ словомъ *подлые* могло разумѣть то же, что canaille—*сволочь* Иначе,изъ за-чего было бы преслѣвать употребленіе этого выраженія? Изъ за-чего было миргородцу Мотонйсу въ коммисіи 1767 г. отвѣчать аристократамъ: «подлаго у меня нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. *Подлы* тѣ только, которые имѣютъ дурные свойства, производятъ дѣла, против

ныя законамъ, непристойныя своему званію, нарушающія общее спокойствіе и наконецъ тѣ, которые, не радя о моемъ благѣ, жизнь свою препровождаютъ праздно». (Сб. Р. Ист. общ. Т. IV. стр. 169). Изъ за-чего было также сатирическому журналу 1769 г. Трутню подсмѣиваться надъ тѣмъ, что, «родившійся отъ добродѣтельныхъ и честныхъ мѣщанъ по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ есть человѣкъ подлый» (Трутень 3-е ефремовское изд., стр. 27)?

Но благородные, одѣтые Петромъ Великимъ въ нѣмецкій кафтанъ, обрившіе по его указу бороды [38]), и отдѣлившіеся такимъ образомъ и внѣшнимъ видомъ своимъ отъ народа, болѣе и болѣе проникаются западно-европейской, феодальной точкой зрѣнія на него — какъ на людей другой низшей породы, черной кости, грязной крови. Такая точка зрѣнія нашего дворянства несомнѣнно развивалась подъ вліяніемъ иноземщины: шляхетство, посѣщавшее чужіе края въ первой четверти прошлаго столѣтія, запасается такими книжками, какъ Preuve de la noblesse (Пекарск. т. I стр. 153). Еще неотразимѣе вліяніе нѣмецко-дворянскихъ воззрѣній, проводникомъ которыхъ явилось у насъ высокоблагородное рыцарство остзейское, подобно тому какъ шляхетная Польша аристократизировала малороссійскую старшину. Наплывъ нѣмцевъ въ государственную службу былъ такъ же силенъ вначалѣ 18 вѣка, какъ и наплывъ аристократической легитимистской эмиграціи изъ Франціи въ концѣ его. Ряды высшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ были замѣщены множествомъ нѣмцевъ: при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны въ 1730 г. насчитывалось 179 гражданскихъ и военныхъ генераловъ, изъ котораго числа 50 нѣмцевъ (Осмн. В. Кн. 3 стр. 172). При Аннѣ Іоанновнѣ число это едва-ли уменьшилось, если и въ настоящее время % генераловъ и высшихъ гражданскихъ чиновъ остзейскаго происхожденія такъ великъ. Въ 1717 г. была переведена съ нѣмецкаго языка весьма поучительная книжка «Юности честное зерцало, или показаніе къ житеіскому обхожденію». Книжка имѣла много изданій. Она поучала россійское шляхетство видѣть въ слугахъ не людей, но существъ другой породы,

чѣмъ ихъ господа: «нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой слуга» (Пекарскаго т. I стр. 382). Сообразно такой школѣ, слагаются и возрѣнія шляхетства на прочіе классы общества. Кононъ Зотовъ пишетъ изъ Франціи Петру въ 1715 г. «подлый не думаетъ болѣе какъ бы чрево свое наполнить». (Пек. т. I стр. 157). Въ Запискахъ Лукина, темнаго дворянина, относящихся къ началу 2-й половины 18 вѣка, мы встрѣчаемъ такія выраженія: «но сей капралъ, *хотя породою изъ крестьянства*, но стоилъ добраго солдата»; «*хотя не изъ дворянъ*, но человѣкъ весьма изрядный». (Р. Арх. ч. 3).

Какъ ни старалась Екатерина II либерально настроить шляхетство въ 1767 г., какъ ни поддерживались виды императрицы такими дѣятелями коммисіи, какъ Гр. Гр. Орловъ, А. И. Бибиковъ и др., но феодальное воззрѣніе шляхетства на низшіе классы прорывалось. Мы не говоримъ о шляхетствѣ малороссійскомъ, вскормленномъ сословными теоріями Польши, которое, какъ плакался на него Румянцевъ въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ, при выборѣ депутатовъ въ коммисію 1767 г., не хотѣло сидѣть вмѣстѣ съ мѣщанами (Соловьева: Разсказы изъ русской исторіи 18 столѣтія Р. В. т. XXXV 1861). Не говоримъ о малороссійскомъ шляхетствѣ, которое, происходя часто отъ войсковыхъ товарищей или возныхъ, говорило еще за нашу память о дворянствѣ чиновнаго происхожденія «изъ хама не буде пана». Мы имѣемъ ввиду дворянство великороссійское, болѣе удаленное отъ польскихъ творій, но и болѣе приближенное къ теоріямъ остзейскимъ. Депутатъ верейскаго дворянства (Степановъ) о всѣхъ крестьянахъ каргопольскаго уѣзда отозвался, что они «лѣнивы и отягощены, утороплены и упорны». Гр. Гр. Орловъ нашелъ неумѣстными эти выраженія, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ. Но депутатъ отъ обоянскаго дворянства (Глазовъ) все-таки поносилъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ [39]). (Сб. русск. ист. общ. т. IV).

Невысокаго мнѣнія о русскомъ мужикѣ были и государственные сановники и представители литературы въ 18 ст. Московскій генералъ-губернаторъ кн. Волконскій, донося о

привозѣ въ Москву Пугачева, писалъ императрицѣ, что тотъ *скверенъ такъ*, какъ *мужику быть простому свойственно* (Осмнадц. В. кн. 1). Сумароковъ *господскую совѣсть* отличалъ отъ *совѣсти холопской*; думалъ, что «низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ» (на это Екатерина II сдѣлала ему незабвенное возраженіе: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи») (Р. В. 1861 г. Т. XXXV). Ф. Визинъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ своего времени, посѣтивши Францію, былъ оскорбленъ тѣмъ, что лакеи не вскакиваютъ съ мѣстъ предъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*. (Р. В. 1857 г. Т. XI). Ф. Визинъ, впрочемъ, до мозга костей былъ проникнутъ сословными дворянскими предразсудками. Онъ считалъ только *дворянъ честными*, а остальныхъ—*тварями*, которыя родились *служить*, а не *господствовать*; мысль о преимуществахъ *дворянской породы* проникаетъ всѣ сочиненія ф.-Визина. До изданія жалованной грамоты *возвышеніе дворянскихъ душъ* было постоянною заботою нашего комика: «чѣмъ можно возвысить,» спрашиваетъ онъ въ 1782 г. императрицу «упавшія души дворянства? Какимъ образомъ изгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобы почетное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?» (соч ф.-Визина, изд. Ефремова: стр. 201). Недовольная вопросомъ, императрица отвѣчаетъ: «сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшнимъ покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка и пр. то уже оказываютъ». Ф.-Визинъ оправдывается за сдѣланный вопросъ: «Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ; я видѣлъ *дворянъ работствующихъ* Я *дворянинъ*, и вотъ что растерзало мое сердце.» (Ib стр. 209).

Мужику не позволялось носить такую же фамилію, какъ и дворяне: генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутахъ 1766 г. постановлялось, что ежели принятые въ рекруты, будутъ имѣть дворянскія фамиліи, то таковыхъ въ спискахъ писать отчествами, а не фамиліями. Если, такимъ образомъ, поступалъ въ рекруты Семенъ Петровъ Боборыкинъ, а фамилія Боборы-

кинихъ была дворянская, то она у него отнималась, и Семенъ Боборыкинъ перекрещивался въ Семена Петрова (П. С. № 12.748). Генералъ-майоръ Чорбай, шефъ гусарскаго полка при Павлѣ 1, такъ ревностно преслѣдовалъ дворянскія фамиліи своихъ солдатъ, что ихъ всѣхъ почти назвалъ Петровыми, Ивановыми, Семеновыми и т. д., отчего даже произошли большія затрудненія для военной коллегіи (П. С. № 19.208).

Дворянство и для своихъ увеселеній обособляется отъ другихъ общественныхъ классовъ: петербургскій англійскій клубъ учреждается въ царствованіе Елизаветы Петровны, тогда же появляются и *благородныя дворянскія собранія*, на которыя доступъ имѣетъ одно шляхетство. Онѣ замѣняютъ ассамблеи Петра Великаго. Но на свои ассамблеи Петръ Великій постановилъ собираться всѣмъ — съ вышнихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, знатнымъ купцамъ, приказнымъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ (П. С. № 3.246, п. 6); Кларкъ же описывая московское благородное собраніе конца прошлаго столѣтія, говоритъ, что на эти собранія «les lois de la sociètè repoussent toute personne nèe plèbeienne» (Voyages: T. 1. p. 88).

Но не для однихъ увеселеній обасоблялось дворянство. Интересно, что даже за стѣнами монастыря, въ иноческой жизни, благородные старались отдѣлиться отъ подлыхъ: въ Кіевѣ, напримѣръ, во флоровскій монастырь постригались только *благородныя* монахини, а въ богословскій — *низкаго* состоянія (соч. Ф.-Визина, изд. Ефремова: Отрывки изъ дневника 1786 г. стр. 510).

Къ чести нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія, они ополчались противъ феодальныхъ воззрѣній шляхетства на другіе общественные классы. Уже Кантемиръ въ своихъ сатирахъ доказываетъ, что «таже и въ свободныхъ и въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣжъ кости» (изд. 1836 г. Т. I, стр. 35, сатира 11. Филаретъ и Евгеній), что «пахарь и вельможа равны въ судѣ» (Ib. стр. 41), что «плоть въ слугѣ однолична» (Ib. 42), что «Адамъ дворянъ не родилъ», а «Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ» (44). Особенно эта честь принадлежитъ Новикову, благороднѣйшему

человѣку своего времени. Въ Трутнѣ 1769 г. онъ характеризуетъ воззрѣнія его превосходительства г. Недоума: «Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ доказать не могутъ; а которые сдѣлались дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, если кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднова нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, который непременно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ (Трут. 3 Ефр. изд. стр. 139). Еще характернѣе личность г. Безразсуда, который «болѣнъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крепостные ево рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ разпростираются.... Безразсудъ всегда твердитъ: я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне. Отъ сей вредной болѣзни рецептъ: Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ» (Ib стр. 147).

При такомъ раздвоеніи общества на людей благородныхъ и подлыхъ, при воззрѣніи на послѣднихъ, какъ на служебныхъ тварей — другой плоти, кости и крови — понятно стремленіе шляхетства усвоить употребленіе иноземнаго языка, на которомъ не говорятъ подлые люди, стремленіе воспитывать

дѣтей въ благородныхъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ для не дворянъ.

Де-ла-Нёвиль, пріѣзжавшій въ Россію вконцѣ 17 ст., указываетъ на кн. Вас. Лук. Долгорукова, какъ на единственнаго русскаго, говорившаго по-французски въ 1689 г. (Пекарскаго: Русск. мемуары XVIII в. въ Современникѣ). Вначалѣ 18 в. Петръ Великій приневоливалъ шляхетство къ изученію иностранныхъ языковъ и обученію имъ дѣтей. «Юности честное зерцало» поучало, что младые шляхетскіе отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы можно было ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, дабы можно было имъ говорить такъ, что бы *слуги ихъ не понимали.* Шляхетство начинаетъ входить во вкусъ иностранныхъ языковъ. По словамъ Берхгольца, молодой Головинъ, сынъ канцлера, очень хорошо говорилъ по французски, англійски и на др. языкахъ (Дневникъ: Т. II. стр. 32). Изъ записокъ Неплюева видно, что кн. Салтыкова такъ хорошо владѣла французскимъ языкомъ, что въ 1727 г. по французски отвѣчала на привѣтствіе посланника. Кн. Ек. Ром. Дашкова, родившаяся въ 1744 г. и бывшая впослѣдствіи президентомъ Россійской академіи, по собственному признанію своему, въ совершенствѣ знала четыре иностранные языка, и очень дурно говорила по русски (Записки). Какъ начали уважать въ 18 в. знаніе франц. языка, видно изъ словъ ф. Визина въ его Исповѣди. Вовремя своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, четырнадцатилѣтній ф. Визинъ сошелся въ театрѣ съ сыномъ одного аристократа; новый знакомецъ былъ вѣжливъ только до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что ф. Визинъ не говоритъ по-французски, а затѣмъ началъ надъ нимъ «шпынять» (соч. ф.Визина, изд. Ефремова, стр. 539). Изученіе иностранныхъ языковъ явилось великимъ орудіемъ просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проводникомъ феодальныхъ сословныхъ воззрѣній, способствовало разъединенію общественныхъ классовъ. Употребленіе ихъ доходило до большихъ злоупотребленій.

Между нашими государственными людьми, кровными русскими, не въ рѣдкость было встрѣтить такихъ, которые плохо

владѣли своимъ роднымъ языкомъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ говорилъ на немъ съ нѣмецкимъ акцентомъ, кн. Кочубей, какъ видно изъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, по привычкѣ своей къ французскому языку, изъяснялся на русскомъ съ меньшей легкостью (стр. 182), а московскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ, какъ свидѣтельствуетъ Вигель, подобно всѣмъ барамъ своего времени, плохо зналъ русскій языкъ (ч. 6. стр. 129). Въ 1822 г. одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта представилъ особое мнѣніе на французскомъ языкѣ, почему Александръ I, при всей своей слабости къ франц. языку, издалъ рескриптъ на имя тогдашняго предсѣдателя кн. Лопухина, повелѣвавшій, чтобы члены государственнаго совѣта представляли мнѣнія по дѣламъ не иначе, какъ на русскомъ языкѣ (Даневскаго: Ист. госуд. совѣта, стр. 74). Мы слышали, что пресловутый ардрессъ московскаго дворянства обсуждался нѣкоторыми членами собранія на французскомъ языкѣ, — что члены нѣтоторыхъ земскихъ собраній сочиняютъ свои рѣчи первоначально на французскомъ языкѣ, и затѣмъ ораторствуютъ по заученному русскому переводу. Мы не возстаемъ противъ знанія чужеземныхъ языковъ — дай намъ Богъ его побольше! — но въ этомъ пристрастіи къ нимъ, видимъ обиду родной землѣ, благозвучный говоръ которой дѣлался достояніемъ низшихъ необразованныхъ классовъ, еще болѣе вслѣдствіе того обособлявшихся.

Неудивительно, что при такой слабости нашей аристократіи, за которой всегда тянулось и дворянство рядовое, къ иностраннымъ языкамъ, главнѣйшими воспитателями дѣтей въ зажиточныхъ дворянскихъ семействахъ являются иностранцы обоего пола — гувернеры, гувернантки, дядьки и бонны. Они появляются довольно рано: за Натальей Борисовной Долгоруковой, родившейся въ 1714 г., дочерью самаго національнаго и любимаго народомъ вельможи, ходила мадамъ-иноземка. Послѣ этого число мусье и мадамовъ, обучающихъ россійское благородное юношество, болѣе и болѣе увеличивается. Можно сказать, что они берутъ въ свои руки домашнее воспитаніе шляхетства. А какого рода были эти педагоги, видно изъ указа

1755 г. объ учрежденіи московскаго университета. Въ числѣ главныхъ причинъ его учрежденія была та, что «великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ тому никакого начала не имѣютъ, и только чрезъ то младыя лѣта учениковъ, и лучшее время къ ученію пропадаетъ, а за ученіе онымъ великая плата дается; всѣ жъ почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія, и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу нашу, а иные, не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали» (№ 10.346). Какъ видно изъ одного указа слѣдующаго года, подтверждающаго указъ 1752 г., обрѣтавшіеся въ службахъ у разныхъ персонъ учителя и мадамы занимались торговлею: продавали не только по домамъ, но и по улицамъ (№ 10.543). Въ 1757 году повелѣно всѣхъ учителей иностранцевъ экзаменовать въ С.-Петербургѣ въ де-сіансъ академіи, а безъ того ихъ въ домы не принимать (№ 10.724). Эти свѣдѣнія изъ П. С. о нашихъ домашнихъ наставникахъ 18 в. подверждаются и записками современниковъ: Державинъ, напр., учился нѣмецкому языку у сосланнаго въ каторжную работу Іосифа Розы, у котораго обучались дѣти лучшихъ дворянскихъ семействъ въ Оренбургѣ (З. Державина стр. 7).

Основаніемъ московскаго университета правительству не удалось вырвать молодое поколѣніе шляхетства изъ рукъ проходимцевъ-педагоговъ. Московскій университетъ былъ не милъ шляхетству. При основаніи этого университета сначала предполагали не принимать въ него податныхъ, потому что науки — *благородныя занятія*. Извѣстно, какъ Ломоносовъ отстаивалъ право *каждаго русскаго* учиться въ университетѣ. «Будто-бы сорокъ алтынъ, говорилъ онъ, столь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выпи-

сывать» (Богдановича: И. ц. и. Александра I. т. I стр. 138). Благородный голосъ перваго русскаго ученаго — изъ мужиковъ — взялъ перевѣсъ: университетъ учрежденъ для дворянъ и разночинцевъ «по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются». И дворянству, поэтому, онъ сталъ не милымъ: оно хотѣло воспитывать своихъ дѣтей отдѣльно отъ разночинцевъ — въ *дворянскихъ* учебныхъ заведеніяхъ.

При Петрѣ Великомъ дворянскія дѣти обучались вмѣстѣ съ дѣтьми разночинцевъ. Въ славяно-греко-латинской академіи, основанной при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и получившей впослѣдствіи титулъ императорской, обучались также не одни дѣти духовенства, но и дворянскія: въ 1736 г., напримѣръ, въ нее поступило 158 шляхетскихъ дѣтей, между которыми были изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Указомъ 1744 г. гарнизонныя и ариѳметическія школы соединены въ одно заведеніе и предписано обучаться въ нихъ людямъ всѣхъ званій (Ешевскаго: Оч. ц. Елизаветы Петр.).

Но очень рано положено начало и дворянскимъ учебнымъ заведеніямъ. Они встрѣчаются впервые, при Аннѣ Іоанновнѣ и достигаютъ высшей степени развитія при императорѣ Николаѣ I — во время управленія м. н. пр. Уварова.

Верховный тайный совѣтъ, желая задобрить шляхетство, предлагалъ устроить для шляхетскихъ дѣтей особливыя кадетскія роты, изъ которыхъ дворяне выходили бы прямо офицерами въ армейскіе и гвардейскіе полки, не служа въ нихъ солдатами. Это было исполнено при Аннѣ Іоанновнѣ, учредившей, по мысли Миниха, въ 1731 г. сухопутный *шляхетный* корпусъ для 200 шляхетскихъ дѣтей: 150 русскихъ и 50 эстляндскихъ, лифляндскихъ и дѣтей иноземцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ (№ 5.811, 5.881). Но скоро этотъ комплектъ былъ увеличенъ, такъ какъ записалось желающихъ больше: изъ россійскаго шляхетства 237, лифляндскаго 32, эстляндскаго 39 (№ 6.050). Дѣти же малороссійскаго шляхетства не принимались, такъ какъ оно не было уравнено въ правахъ съ русскимъ и остзейскимъ дворянствомъ. Иногда случа-

лось, что записавшіеся кадетами дворянскіе дѣти убѣгали изъ корпуса: такъ въ 1733 г. бѣжало ихъ 5 человѣкъ (№ 6.395).— Въ 1752 г. составленъ планъ и штатъ морскаго кадетскаго корпуса тоже для дворянъ. При московскомъ университетѣ учреждены въ 1755 г. двѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ (№ 10.346 п. 28). Въ 1762 г. Екатерина II учредила для 146 россійскихъ дворянскихъ дѣтей артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ (№ 11.696). Въ 1764 г. при воскресенскомъ манастырѣ въ С.петербургѣ учреждено заведеніе для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, дабы каждый дворянинъ могъ дать приличное воспитаніе своимъ дочерямъ. Впослѣдствіи это заведеніе — Смольный монастырь — раздѣлено на 2 отдѣленія: *благородное* — 3 класса и *мѣщанское* — 2 класса. Въ 1766 г. изданъ уставъ императорскаго шляхетнаго сухопутнаго корпуса, въ который запрещено принимать безъ достаточнаго доказательства о дворянствѣ представляемаго отрока (№ 12.741). Этотъ корпусъ, по словамъ Вигеля, пользовался большимъ довѣріемъ дворянства, такъ что вельможи охотно отдавали туда своихъ дѣтей (Т. I стр. 14). Въ коммисіи 1767 г. кашинскій депутатъ отъ дворянства (Осипъ Кожинъ) заявлялъ, что одного этого шляхетнаго корпуса недостаточно, что подобный корпусъ слѣдуетъ учредить и въ Москвѣ. Въ этотъ корпусъ принимать дворянскихъ дѣтей не иначе, какъ по свидѣтельству геральдіи, а ежели опредѣленный окажется неимѣющимъ дворянства, то его слѣдуетъ немедленно исключить (Сб. Русск. Истор. общ.: Т. IV, стр. 172). Интересно очень, что по мнѣнію кашинскаго депутата, средства на образованіе шляхетства должны доставляться другими сословіями. Онъ предлагалъ для содержанія корпуса возстановить отмѣненный сборъ со вступающихъ въ бракъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: всѣ неимѣющіе благородства, за исключеніемъ купечества, должны платить за первый бракъ 50 к., столько же и за слѣдующіе. Купечество: за первые два брака по 1 р., а за третій — 1 р. 50 к. Благородные: со ста душъ по 2 р., отъ 10 — 100 душъ — 1 р.;

неимѣющіе за собой недвижимаго, но служащіе на жалованьи — со 100 р. по 1 р. (Ib. стр. 171). Но предложеніе кашинскаго депутата не было уважено: депутатъ отъ серпейскаго дворянства (гр. Строгоновъ) заявилъ, что всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего того общества, а не одной его части, а поэтому и предлагаемое училище должно быть содержано на иждивеніе дворянъ (Ib. стр. 175).

При Екатеринѣ II дворянскія учебныя заведенія на иждивеніе дворянскихъ обществъ начали основываться и въ губерніяхъ: такъ напр. въ 1777 г. тверское дворянство основало училище на 180 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей (№ 21.691).

Стремясь воспитывать своихъ дѣтей вдали отъ другихъ общественныхъ классовъ, въ особенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дворянство неохотно отдавало ихъ въ московскій университетъ, пока не образовался при немъ благородный пансіонъ. Еще болѣе не любило оно низшихъ училищъ, и боялось помѣщать туда своихъ дѣтей, опасаясь, чтобы, сидя на однѣхъ скамьяхъ съ товарищами-разночинцами, они не усвоили себѣ ихъ привычекъ и дурныхъ манеръ. В. С. Хвостовъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что когда отецъ его опредѣлилъ своихъ сыновей въ спб. гимназію въ 1765 г., бывшую подъ начальствомъ гр. Вл. Гр. Орлова, послѣдній благодарилъ его, что онъ-де первый изъ дворянъ отдалъ своихъ сыновей въ гимназію, учрежденную для разночинцевъ (Р. Арх. 1870 г. № 3). Тимковскій, отправленный харьковскимъ университетомъ въ 1805 г. ревизовать училища, свидѣтельствуетъ о повсемѣстно господствовавшемъ тогда между дворянами предразсудкѣ противъ совмѣстнаго обученія ихъ дѣтей съ дѣтьми мѣщанскими и крестьянскими. Самъ Тимковскій оправдываетъ этотъ предразсудокъ: «отъ обычая учиться дворянамъ наравнѣ съ крѣпостными людьми можетъ быть больше потери, чѣмъ пріобрѣтенія, когда нѣкоторыхъ разночинцевъ образъ мыслей и жизни, обращеніе, разговоръ и поступки, не соотвѣтствуя цѣли воспитанія дворянскихъ дѣтей, сообщаютъ имъ свой духъ и тонъ». Тимковскій предлагаетъ, чтобы въ гимназіяхъ ввести для дворянъ особые столы впереди, а крестьянъ вовсе не допу-

скать въ гимназіи (Ж. М. Н. пр. окт. 1869 г.). Программа Тимковскаго осуществилась уже впослѣдствіи, когда съ образованіемъ благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ во времена Уварова, для воспитанниковъ ихъ, отличенныхъ даже костюмомъ, заведены были въ классахъ отдѣльныя скамьи, на которыхъ возсѣдали, не мѣшаясь съ своими товарищами, дворянскіе сынки, большей частію самые лѣнивые и развращенные ученики класса.

Движеніе изолировать дворянство отъ другихъ общественныхъ классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ продолжалось и при Александрѣ I. Въ 1801 г., заведены въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военныя училища для приготовленія дворянскихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса (№ 19.980); основано было александровское дворянское училище въ Тулѣ (№ 19.984, 20.015); въ 1802 г.—подобное же училище въ Тамбовѣ (№ 20.126); въ 1805 г., иждивеніемъ дворянства учрежденъ при олонецкой губернской гимназіи пансіонъ для дворянскихъ дѣтей (№ 21.624); въ 1823 г., дворянство харьковской губерніи, чрезъ своего губернскаго предводителя Квитку, представило государю предположеніе объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса на 40 дворянъ (№ 29.419). — Возникаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дворянскія заведенія въ губерніяхъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ: въ 1805 г. предводитель тверской губерніи Тутолминъ представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о желаніи тверскаго дворянства завести въ Твери институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ (№ 21.691).

Еще шире распространяется система обособленія дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ при императорѣ Николаѣ. Возникаютъ кадетскіе корпуса, въ которые могли отдавать дѣтей только дворяне. По положенію о кадетскихъ корпусахъ 1830 г., предположено для приготовленія молодыхъ дворянъ въ военную службу учредить ихъ въ слѣдующихъ городахъ: въ Новгородѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Полоцкѣ, Полтавѣ, Елисаветградѣ (2-е П. С. № 3.457). Подобнымъ же образомъ распространяются институты для воспитанія благородныхъ дѣвицъ: въ 1828 г. въ Полтавѣ (2-е № 1.777), въ 1834 г.

въ Тамбовѣ «дабы сохранить навсегда въ памяти чувствованія, коими дворянство одушевлялось при производствѣ выборовъ по новому положенію» (2-е № 7.245) и т. д. — Расширяются особыя учебныя заведенія только для болѣе знатнаго дворянства: къ прежнему царскосельскому лицею основанному еще при Александрѣ I, присоединяется училище правовѣдѣнія, по уставу котораго 1839 г., дозволено въ него принимать только сыновей тѣхъ россійскихъ дворянъ, которые внесены въ 6-ю ч. родословной книги, а также дѣтей статскихъ совѣтниковъ, полковниковъ и старинныхъ дворянъ остзейскихъ (2-е П. С. № 12.568). Въ 1844 г. постановлено: въ институтъ путей сообщенія принимать только дѣйствительныхъ дворянъ (2-е № 17.549).

Уваровъ, несмотря на свои неоцѣненныя услуги отечественному просвѣщенію, проводилъ сословные, дворянскіе принципы. Эта ошибка въ государственномъ человѣкѣ была тѣмъ большая, что въ это время замышлялось уже освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, и въ виду того цѣлесообразная политика требовала бы не разъединенія, но сближенія общественныхъ классовъ — при посредствѣ образованія. Вступивъ въ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ (11 мая 1833), незабвенный министръ, убѣжденный, что дворянство «какъ потомство древнихъ рыцарей», какъ «лучшій цвѣтъ возрастающаго поколѣнія», должно имѣть и воспитаніе отдѣльное, обратилъ вниманіе предводителей дворянства на устройство благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. Дворянство съ необыкновеннымъ рвеніемъ откликнулось на призывъ министра. Слѣдуя кашинскому депутату, оно разлагало пожертвованія на содержаніе этихъ пансіоновъ на своихъ крѣпостныхъ крестьянъ [40]). До 1843 г. учреждено было до 46 такихъ благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, да сверхъ того дворянскіе институты въ Москвѣ, Вильнѣ, Пензѣ и Нижнемъ и двѣ дворянскія гимназіи: въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ. (Отчетъ гр. Уварова: десятилѣтіе мин.).

Въ настоящее время, если и существуетъ у насъ аристократическая и дворянская школа—то какъ анахронизмъ, сви-

дѣтельствующій объ отжившихъ уже требованіяхъ и стремленіяхъ нашей аристократіи отдѣлиться отъ *подлаго* дворянства, дворянства—обособиться отъ *подлаго* народа. Школа эта звучитъ какимъ-то диссонансомъ, нарушающимъ гармонію нашего гражданскаго преуспѣянія.

Ш. Ядро дворянства имперіи составило *русское дворянство*, исторія котораго—главный и основной предметъ нашего изслѣдованія. Но мало-по-малу права русскаго дворянства распространялись и на дворянство иноплеменное и на высшіе классы тѣхъ частей Россіи, которыя имѣли свою особенную исторію. Мало-помалу въ ряды дворянства имперіи вдвинуты были: дворянство остзейское, панство польское, шляхетство малороссійское и выборные чины другихъ казачьихъ войскъ, князья и мурзы татарскаго происхожденія, князья и дворяне Грузіи, бояре и бояринаши бессарабскіе.

а) Изъ дворянства иноплеменнаго стало особнякомъ въ имперіи, не поддаваясь ассимиляціи *дворянство остзейское*. По своей исторіи, по своимъ исконнымъ правамъ и по своей культурѣ оно считало себя призваннымъ не только не подчиняться національнымъ основамъ русскаго государственнаго строя, но даже германизировать, вводить свои начала въ въ этотъ строй. Оно считало себя добрымъ геніемъ русской земли, миссія котораго распространять въ ней западно-европейскую цивилизацію [41]). При прежнихъ правительствахъ въ остзейскомъ дворянствѣ выработалась теорія *контрактнаго* отношенія къ власти,—того *юридическаго основанія* правъ и привилегій, котораго русское дворянство никогда не имѣло, да и имѣть не могло, вслѣдствіе того, что его права и преимущества всегда октроировались властію, всегда имѣли болѣе *политическое* основаніе, а поэтому и видоизмѣнялись, сообразно видамъ и потребностямъ правительства. Другую почву имѣли права и преимущества дворянства остзейскаго. О положеніи его при прежнихъ правительствахъ можно судить по тому обстоятельству, что напримѣръ шведское правительство закладывало дворянству государственныя имущества и занимало у него деньги. Такихъ заложенныхъ земель оказалось въ 1724 г. въ риж-

ской губ. 953 гака, въ ревельской — 20 гаковъ (П. С № 4.573). Русское правительство сейчасъ же распорядилось о выкупѣ этихъ земель. Въ 1724 г. состоялся указъ: «понеже въ завоеванныхъ отъ шведовъ провинціяхъ есть нѣкоторыя коронныя публичныя маетности въ закладѣ отъ короля шведскаго у шляхетства и оныя публичныя коронныя маетности надлежитъ выкупить у заимодавцевъ на казенныя деньги» (П. С. № 4419) Русское правительство, надѣлившее свое дворянство землями, не могло конечно потерпѣть, чтобы быть должникомъ дворянству, чтобы закладывать ему казенныя земли. Но контрактная теорія отношеній къ государственной власти, развившаяся въ остзейскомъ дворянствѣ при прежнихъ правительствахъ, нашла себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ политикѣ русскаго правительства относительно прибалтійскаго края. Основаніемъ для послѣдующихъ привиллегій шляхетнаго и высокоблагороднаго рыцарства Лифляндіи послужили *аккордные пункты*, заключенные въ лагерѣ подъ Ригою между шляхетствомъ и земствомъ княжества лифляндскаго и генералъ-фельдмаршаломъ гр. Шереметевымъ іюля 4 дня 1710 г. (П. С. № 2.279), подобно тому, какъ *договорные пункты*, учиненные въ главной квартирѣ Гаркѣ близъ Ревеля, между шляхетствомъ и земствомъ герцогства эстляндскаго и россійскимъ генералъ-поручикомъ Боуэромъ сентября 29 дня 1710 г. (П. С. № 2.299)—послужили основаніемъ для привиллегій дворянства эстляндскаго.

Лифляндскому и эстляндскому шляхетству отдано было на волю Петромъ Великимъ, ревнителемъ обязательной службы своего дворянства, служить или не служить (П. С. № 4.309), что подтвердила и Анна Іоанновна въ 1734 г. (№ 6.640). Остзейское шляхетство получило право отдавать своихъ дѣтей въ сухопутный шляхетный корпусъ (№ 5. 881), чего лишено было шляхетство малороссійское. Вообще, насколько привиллегіи шляхетства остзейскаго были выше тѣхъ, которыми въ это время пользовалось шляхетство въ Россіи, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые иноземцы, какъ напримѣръ извѣстный Фикъ, готовы были принять русское подданство, но съ условіемъ

надѣленія ихъ преимуществами остзейскаго дворянства (Р. Арх. 1869 г. № XI). Остзейское дворянство, въ знакъ особеннаго уваженія къ кому-нибудь изъ русскихъ, само иногда причисляло его съ потомствомъ къ своему сословію: подобный дипломъ получилъ знаменитый Александръ Ильичъ Бибиковъ отъ лифляндскаго шляхетства. «Примѣчанія достойно», говоритъ по этому поводу составитель Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова, «что рыцарство сихъ завоеванныхъ провинцій поставляло всегда изъявленіемъ великаго отъ себя уваженія вписаніе въ свое сословіе россійскихъ дворянскихъ фамилій» (стр. 64). *Заматерѣвшее въ своихъ обычаяхъ*, какъ выразился о немъ совѣтъ въ 1787 г. (Протоколы совѣта: ч. 2-я стр. 391), шляхетство остзейское всегда крѣпко стояло за свои особенности, и отклоняло введеніе тѣхъ мѣръ, которыя принимались въ другихъ частяхъ имперіи. Мы встрѣтили напримѣръ интересный указъ Анны Іоанновны 1739 г. о запрещеніи продавать въ эстляндской губ. съ острова Даго крестьянъ (№ 7.867). Сколько мы понимаемъ этотъ указъ, на островѣ Даго производилась за многолюдствомъ продажа *излишнихъ крестьянъ*, какъ *общественнаго достоянія*. Это нѣчто въ родѣ рабовъ римскихъ, принадлежавшихъ иногда государству. Явленіе, свойственное только высшей степени развитія рабства, что̀, дѣйствительно, всегда и было въ Остзеѣ, гдѣ положеніе *дреллов* было едва-ли лучше положенія *черныхъ*, и во всякомъ случаѣ хуже положенія древне-русскихъ *холоповъ*.

Остзейское дворянство противилось и ревизіямъ. По этому случаю оно вело цѣлую тяжбу съ русскимъ правительствомъ, интересное изложеніе которой можно найти въ первомъ П. С. З. подъ № 13.241. Лифляндское рыцарство протестовало противъ ревизій на томъ основаніи, «что въ большомъ числѣ европейскихъ государствъ въ прошломъ вѣкѣ сочинены положеннымъ въ окладъ землямъ матрикулы или оброчныя книги, по которымъ казенныя подати расположены, и съ того времени и о званіи ревизіи уже неизвѣстно, а въ Лифляндіи въ 1688 г. тогдашнею ревизіею земли въ окладъ положены, и что при каждой мызѣ оброчнымъ признано, въ

вакенбухахъ 1688 г. точнѣйше означено, которыя вакенбухи и таковыя вѣдомости 1688 г. ревизіи при шведскомъ владѣніи непремѣннымъ правиломъ состояли, и по онымъ казенныя подати расположены и собираемы быть должны; въ ревизіонныхъ 1687 и 1688 годахъ инструкціяхъ ни словомъ не упомянуто, чтобъ еще ревизіямъ быть....» На этотъ разъ русская администрація не потакнула археологическимъ трактатамъ остзейскаго дворянства: генералъ-губернаторъ Броунъ на это замѣтилъ «резоны жалобъ, при такомъ важномъ дѣлѣ недостаточны: ибо де вакенбухи 1688 г. ревизіи, непремѣннымъ и непоколебимымъ правиломъ таковому числу и слѣдуемыхъ съ онаго въ казну доходовъ, почитаться не должны». А сенатъ утвердилъ, что «дворянство ничѣмъ не доказало, что ревизія 1687 г. производима была на всѣ будущія времена, а еще меньше, чтобъ вакенбухи, сочиненныя при оной ревизіи, вѣчно оставались непремѣннымъ правиломъ, по которому исчислять таковое число въ мызахъ, хотя бы оное въ самомъ дѣлѣ удвоилось» (№ 13.241).

Остзейское дворянство, какъ можно заключить изъ протоколовъ совѣта за 1787 г., неблагопріятно относилось и къ межеванію, и совѣтъ опасался производствомъ размежеванія въ рижской и ревельской губерніяхъ *произвести въ тамошнихъ владѣльцахъ негодованіе или прискорбіе*. Только генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, къ мнѣнію котораго присоединился графъ Безбородько, «почитая Лифляндію и Эстляндію не иначе какъ за часть Россіи и совершенно подданными россійскому скипетру, такъ какъ и всѣ народы, обитающіе въ другихъ губерніяхъ здѣшней имперіи», полагали, что остзейское дворянство по поводу межеванія не могло питать другихъ чувствъ «какъ равнаго съ прочими — чувствованія единой благодарности къ щедротамъ всемилостивѣйшей нашей законодательницы» (Арх. гос. совѣта ч. 2, стр. 393). Въ коммиссіи 1767 г. депутаты остзейскаго дворянства домогались, чтобы оно оставлено было въ исключительномъ положеніи въ государствѣ, чтобы на него не были распространены общія права русскихъ дворянъ, но сохранены древнія особенныя привилле-

гіи, утвержденныя русскими государями. Такъ напримѣръ эстляндскій депутатъ отъ дворянства вирскаго крейса, Дитрихъ Іоганъ Р. подалъ въ коммисію заявленіе, «чтобы въ проектѣ новаго уложенія и о эстляндскомъ дворянствѣ упомянуто было, дабы ему въ преимуществахъ своихъ, въ силу ихъ всевысочайше конфирмованныхъ привиллегій неотмѣнно остаться». Къ этому заявленію присоединились и другіе депутаты эстляндскаго дворянства: депутатъ эрфскаго крейса баронъ Филиппъ ф. Зальца и im Nahmen des Wiellsschen Kreizes als Deputirter Baron v. Ungern-Sternberg. Подобное же заявленіе было представлено и отъ депутата лифляндскаго дворянства, эстницкаго уѣзда, Александра Вильбоа, «дабы въ проектъ новаго уложенія и о лифляндскомъ дворянствѣ вмѣщено было, чтобъ ему во свободностяхъ и преимуществахъ, въ силу своихъ высочайше конфирмованныхъ привиллегій, неотмѣнно остаться». А къ этому заявленію присоединились и другіе депутаты лифляндскаго дворянства: летскаго уѣзда баронъ Унгернъ-Стернбергъ и эзельской провинціи Германъ Густавъ ф. Веймарнъ, а также и депутатъ отъ лифляндскаго земства всѣхъ четырехъ уѣздовъ Гергардъ Вильгельмъ ф. Блуменъ (Сб. русск. Истор. Общества, т. IV, стр. 219—222). Маршалъ Бибиковъ, хорошо зная неблагопріятный взглядъ императрицы на подобныя сепаратистическія заявленія, прекратилъ всякія пренія по поводу ихъ (Ib. стр. XXV предисловія).

Екатерина II дѣйствительно стремилась къ полному объединенію края, къ ассимиляціи остзейскаго рыцарства, и приравненія его къ русскому дворянству. Она октроировала ему— высокоблагородному по своимъ традиціямъ — *благородство* въ 1763 г., какъ бы желая показать, что и оно свое благородство получило изъ рукъ русскаго монарха, подобно дворянству русскому (№ 11.143). Она распространила въ 1783 г. указъ Анны Іоановны 1731 г. о соединеніи помѣстій съ вотчинами и на рижскую и ревельскую губерніи, превративъ манленныя деревни — нѣчто въ родѣ помѣстій — въ прямыя наслѣдственныя (№ 15.719). Она старалась, наконецъ, распространить на остзейское дворянство постановленія законовъ

1775 и 1785 годовъ. Повелѣвъ еще прежде гражданскимъ чиновникамъ остзейскихъ губерній стараться объ изученіи русскаго языка (№ 14.036), императрица въ 1783 г. образовала изъ Лифляндіи рижскую губернію, состоящую изъ 9-ти уѣздовъ, въ которой управленіе было образовано на основаніи учрежденія о губерніяхъ 1775 г. (П. С. № 15.775), дворянство должно было избирать предводителей на общемъ основаніи (П. С. № 15.776), а ландраты и ландратскія коллегіи были уничтожены (№ 16.424).

Тогда же образована и ревельская губернія, раздѣленная на 5 уѣздовъ, изъ Эстляндіи (№ 15.774), учреждено въ ней управленіе на основаніи закона 1775 г. (№ 15.776) и уничтожены ландраты и ландратскія коллегіи (№ 16.424).

Апрѣля 15 дня 1795 г. къ Россіи присоединено княжество курляндское и семигальское съ округомъ пильтенскимъ (№ 17.419); сейчасъ же образована была изъ новаго пріобрѣтенія новая губернія, подъ властію генералъ-губернатора ф.-д. Палена (№ 17.324), со всѣми учрежденіями 1775 г. и дворянскими выборами на общемъ основаніи (№ 17.454).

Императоръ Павелъ I слѣдовалъ другой политикѣ: при немъ возстановляются особенности въ управленіи Лифляндіи (№ 17.584), Эстляндіи (16) и Курляндіи (№ 217.681). Жалованная дворянская грамота 1785 г., дворянскіе выборы и избираемыя дворянствомъ должностныя лица на общемъ основаніи упраздняются, и воскресаютъ *ландтаги* съ своими *сеймовыми заключеніями*, *ландратскія коллегіи*, Ritterschafts-hauptmann'ы Эстляндіи, Landmarschall'ы —Лифляндіи и Эзеля, Landes-bevollmaechtigter'ы —Курляндіи [42]). «Всѣ эти и другіе оттѣнки въ устройствѣ и именахъ» какъ говорилъ одинъ журналъ конца 50 годовъ «различныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій тѣсно связаны съ историческимъ прошедшимъ страны. Дворянство, поэтому, не безъ причины сильно къ нимъ привязано; правительство не касается этихъ учрежденій, и остзейскія губерніи процвѣтаютъ. Всѣ эти оттѣнки — живые слѣды прошедшаго. Слѣдо-

вательно хорошо, когда тѣнь прошедшаго проникаетъ въ настоящее. Она возбуждаетъ чувство уваженія, спасительна для продолжительности и постоянства соціальныхъ учрежденій. Горизонтъ расширяется, и почтеніе къ извѣстнымъ началамъ, мысль объ извѣстныхъ обязанностяхъ находитъ здѣсь болѣе мѣста. Имѣя ввиду прошедшее, люди лучше умѣютъ соединять лихорадочную дѣятельность настоящаго съ заботою о будущемъ, и привыкаютъ къ мысли, что грустно будетъ находить слѣды прошедшей исторіи въ однихъ пыльныхъ архивахъ». Мы думаемъ, что многоуважаемый журналъ ошибался, примѣняя точку зрѣнія англійскихъ торіевъ на свои національныя учрежденія, къ тѣмъ сословнымъ феодальнымъ учрежденіямъ, проникнутымъ началами дворянской привиллегіи, которыя такимъ особнякомъ стоятъ на русской землѣ. Мы вполнѣ одобряемъ, поэтому, политику ассимиляціи и объединенія, которой слѣдовала императрица Екатерина II относительно остзейскаго края; вполнѣ сочувствуемъ и перемѣнѣ взгляда на этотъ вопросъ многоуважаемаго журнала. Но эта политика представляется только свѣтлымъ эпизодомъ въ отношеніяхъ нашего правительства къ прибалтійскимъ губерніямъ. Постоянной-же системой было подтвержденіе правъ и преимуществъ благороднаго рыцарства остзейскаго, вслѣдствіе чего теорія *контрактнаго юридическаго отношенія къ русской государственной власти* болѣе и болѣе укоренялась. Преемники Петра Великаго послѣдовательно подтверждали «благополучные привиллегіи, права, суды, рецессы, статуты, христіанскія земскія обыкности и употребленія» дворянства остзейскаго, которому выдавались грамоты отъ всѣхъ царствующихъ монарховъ: въ 1725 г. Екатерины I (№ 4.743), въ 1728 г. Петра II (№ 5.330, 5.332), въ 1730 г. Анны Іоанновны (№ 5.607 и 5.608), 1742 г. Елизаветы Петровны (№ 8.573), въ 1762 г. (№ 11.727) Екатерины II, въ 1801 г. Александра I (№ 20.010), въ 1827 г. Николая I (2-е П. С. № 888, 889, 891) и въ 1856 г. благополучно царствующаго государя императора (Ib. № 30.186, 30.187, 30.188) [43]).

б) Другимъ особнякомъ въ имперіи, неподдававшимся ас-

симиляціи, стало дворянство польское. По присоединеніи западно-русскихъ губерній, повелѣно было тамошнему дворянству представить доказательства своего дворянства (П. С. № 13.865). Польское же дворянство, за Рѣчь Посполитую, распадалось на высшее дворянство — магнатовъ и низшее — собственно шляхту. Между магнатами было много носившихъ титулованныя фамиліи, какъ родовыя княжескія (Чарторыжскіе, Сангушки и др.), такъ и пожалованныя титулами императорами римско-нѣмецкими: князья (Радзивиллы, Любомирскіе, Сапѣги, Яблоновскіе и др.) и графы (Потоцкіе, Мнишки, Стадницкіе, Замойскіе, Оссолинскіе и др.). Между ними было много русскихъ по-происхожденію, но ополяченныхъ и измѣнившихъ православію (Чарторыжскіе и др.). Большинство же низшаго дворянства — шляхта въ собственномъ смыслѣ — произошло или отъ офиціалистовъ, служившихъ при дворѣ магнатовъ, или отъ поддѣлавшихъ документы на шляхетское достоинство. Собственно говоря, на русское дворянство имѣли право магнаты и нѣкоторыя только фамиліи низшаго шляхетства. Но по недоразумѣнію, русское правительство включило въ ряды дворянства имперіи и всю шляхту, которая скорѣе имѣла право на включеніе въ однодворцы и мѣщане. Отъ этого произошли важныя послѣдствія: былъ созданъ въ западно-русскихъ губерніяхъ привиллегированный пролетаріатъ, безъ матеріальныхъ средствъ, но съ сословными притязаніями — причина многихъ послѣдовавшихъ смутъ края. Не раньше, какъ проученное горькимъ опытомъ повстанья 1831 г., правительство поняло свою ошибку, и кончило тѣмъ, съ чего должно было начать — повѣркой правъ шляхты на дворянство, результатомъ которой было разжалованіе ея изъ дворянъ въ однодворцы и мѣщане. Но распространивъ права русскаго дворянства на польскихъ магнатовъ и шляхту, правительство отъ времени до времени, вслѣдствіе политическихъ причинъ, должно было дѣлать нѣкоторыя ограниченія въ этихъ правахъ, — особенно, какъ увидимъ ниже, въ правахъ корпоративныхъ.

в) Прежде, чѣмъ скажемъ, какъ малороссійское шляхетство слилось съ дворянствомъ русскимъ, мы коротенько изло-

жимъ его исторію. Сигизмундъ II Августъ своими грамотами 16 столѣтія окончательно опредѣлилъ привиллегіи рыцарскаго и шляхетскаго чина народа русскаго. Онъ предоставилъ ему право избирать въ чины сенаторскіе, придворные и земскіе, участвовать въ выборѣ депутатовъ на общіе сеймы и сеймики повѣтовые и судиться статутомъ. Стефанъ Баторій въ 1576 г. даровалъ малороссійскому воинству организацію, учредивъ старшину генеральную и полковую. Вслѣдствіе 18 артикула статута, постановляющаго, чтобы «достоинства и чиновъ простолюдинамъ не давать, а давать оныя только шляхтѣ», шляхетство слилось съ старшиной. Въ условіи, заключенномъ Богданомъ Хмѣльницкимъ съ польскою короною въ 1649 г., было постановлено: старшинъ малороссійскаго войска считать наравнѣ съ шляхетствомъ.

Такъ возникло въ Малороссіи дворянство, слившееся съ старшиною, и называвшееся *русскою шляхтой*. Отъ этихъ временъ польскаго владычества ведутъ свое начало немногіе, впрочемъ, малороссійскія дворянскія фамиліи: Бакуринскіе получили на добра свои: Оснеки и др. грамоту отъ короля Сигизмунда III, въ 1609 г., Бороздны, старѣйшій дворянскій родъ черниговской губерніи, получили грамоту на свои *помѣстя* и *маетности* въ 1620 г.; благородный Богданъ Бутовичъ получилъ двѣ грамоты на свои имѣнія въ 1649 г. отъ польскаго короля Яна Казимира и н. др. (Записки черниговскаго губ. стат. ком. кн. 2). Встрѣчаются еще нѣкоторыя дворянскія фамиліи въ Малороссіи, ведущія свое начало отъ временъ незапамятныхъ: Кочубеи, вышедшіе изъ Крыма въ Малороссію еще въ 16 ст., Гамалѣи — выходцы изъ Турціи, встрѣчающіеся еще въ 17 ст. и т. д., но большинство малороссійскаго дворянства — новаго происхожденія: потомство позднѣйшей старшины, вышедшей изъ рядовъ посполитства и пришлецовъ въ страну въ 18 ст.

Русская шляхта при польскомъ владычествѣ постепенно ополячивалась. Ополячиваясь и превращая посполитство въ своихъ хлоповъ, она вызвала страшную ненависть порабощеннаго ею народа, которая высказалась въ войнахъ Хмѣльницка-

го. Результатомъ этихъ войнъ было истребленіе шляхты въ Малороссіи, которая была или избита, или стала въ ряды Хмѣльницкаго, получивъ отъ него универсалы на маетности (Бородзна, Юрій Бакуринскій и др.), или ушла заграницу въ Польшу и возвратилась въ Малороссію въ лучшія времена (Лизогубъ). Такимъ образомъ, послѣ хмѣльнищины, шляхетства въ Малороссіи, собственно говоря, не было. Какіе же общественные разряды въ ней оставались?

Мы видѣли, какъ за поляковъ въ Малороссіи образовалось два сословія: *шляхта*—въ составъ которой вошло много польскихъ пановъ, нахлынувшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра вначалѣ 17 вѣка (Лясочинскій, Оссолинскій, Кисель, Вишневецкій и др.), потомковъ дворянъ и сыновъ боярскихъ, образовавшихся въ то время, когда сѣверная Малороссія отъ 1500 — 1638 г. была подъ властію Россіи (Бороздны и др.), а частію и изъ потомства малороссійской старшины, издавна занимавшей видныя мѣста (Кочубеи, Гамалѣи, Галаганы и др.), и 2, *поспольство* — мѣщане и крестьяне. Результатомъ войнъ Хмѣльницкаго, какъ сказано, было истребленіе шляхты. [44]) Послѣ этого истребленія, въ Малороссіи остались двѣ, довольно рѣзко разграниченныя общественныя группы: *казаки*, принявшіе названіе *товарищества войска запорожскаго*, и *поспольство*. Къ товариству примкнули остатки прежней шляхты, существовавшей до Хмѣльницкаго. [45]) Мало-по-малу это товарищество подраздѣлялось на двѣ группы: богатѣйшая его часть — *старшина* и бѣднѣйшее товарищество — *рядовое казачество*. Старшина вспомнила 18 арт. статута и, «принимая на себя видъ благородства», постепенно стала превращаться въ *шляхетство*, и получивъ маетности — универсалами гетмановъ и полковниковъ, завладѣніемъ казачьими грунтами и полями, осаженіемъ слободъ и т. п.—изъ *державцевъ* этихъ маетностей преобразовалась въ *пановъ* поспольства, маетности населявшаго, превращая его въ своихъ подданныхъ. Уже въ грамотахъ Алексѣя Михайловича 1654 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о благородной шляхтѣ христіанской вѣры, получающей значительныя привиллегіи, въ отличіе отъ казачества и поспольства. Грамоты эти послѣ-

довательно подтверждаются преемниками Алексѣя Михайловича. Изъ выдѣлившейся, такимъ образомъ, изъ казачества старшины, превратившейся въ шляхетство, съ присоединеніемъ многихъ новыхъ пришлецовъ въ страну (Милорадовичи, Капнисты и др.) и великорусскихъ дворянъ, пріобрѣвшихъ въ Малороссіи имѣнія, образуется теперешнее малороссійское дворянство. [46]) — Бѣднѣйшая группа товарищества — составила *рядовое казачество*, отъ котораго ведетъ свое начало теперешнее сословіе *малороссійскихъ казаковъ*. Поспольство мало-по-малу превращалось въ крѣпостную зависимость отъ шляхетства — сначала фактически, потомъ юридически. Шляхетство стремилось превратить въ поспольство, изъ котораго выходили его подданные, и рядовое казачество, всячески его эксплуатируя: вербуя въ свои подсусѣдки, захватывая его земли и т. п. Но русское правительство стало за казаковъ, и рядомъ мѣръ, принятыхъ отъ 1722 — 1752 г., преимущественно указомъ о ревизіи 1723 г., замѣнившимъ казацкіе *комуты* ревизскими книгами, запретившими казакамъ переходъ въ поспольство, и указомъ 1739 г., возбранившимъ казакамъ продавать свои земли — отстояло рядовое казачество, которое иначе подпало бы той же крѣпостной зависимости, какъ и поспольство. Такимъ образомъ, свободное малороссійское казачество, существовавшее рядомъ съ крѣпостными, обязано своимъ происхожденіемъ русскому правительству.

Литовскій статутъ, на которомъ держались привиллегіи шляхты за польское владычество, послѣ войнъ Хмѣльницкаго, естественно былъ отмѣненъ вмѣстѣ съ самыми шляхетскими привиллегіями. Вконцѣ 17 и вначалѣ 18 столѣтія споры старшины съ казачествомъ и поспольствомъ разрѣшались судебной властію на основаніи обычаевъ. Но судебная власть была въ рукахъ старшины, въ интересахъ которой было полное возстановленіе статута. Возстановленіе это совершается въ первой четверти прошлаго вѣка. И насколько впослѣдствіи шляхетство дорожило литовскимъ статутомъ, видно изъ того, что когда при выборѣ депутата въ коммисію 1767 г., по старанію черниговскаго предводителя Безбородька составленъ былъ

наказъ, въ которомъ просили объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій статута, какъ противныхъ естественному праву и несогласныхъ съ настоящимъ временемъ, то шляхетство не могло простить этого Безбородьку, называя его недоброжелателемъ отчизны (Соловьева: Разсказы изъ Русской Исторіи 18 ст. Р. В. 1861 г. Т. XXXV) [47]).

Старшина стремилась занять въ Малороссіи то положеніе, которое до Хмѣльницкаго принадлежало шляхетству. Но шляхетство владѣло маетностями на правахъ полной собственности. Прежніе же поземельные акты за польское владычество были *скасованы козацкою шаблею* во-время войнъ Хмѣльницкаго. Всѣ земли въ Малороссіи дѣлаются собственностію войска — товарищества. Представители этого войска—гетманы и полковники—раздаютъ земли товариществу—старшинѣ и рядовому козачеству. Раздача войсковыхъ земель начинается съ Хмѣльницкаго. Хмѣльницкій утверждаетъ поземельныя права тѣхъ прежнихъ землевладѣльцевъ, которые помогали ему въ войнѣ за освобожденіе. Въ своемъ универсалѣ 1657 г., «позволилъ онъ, гетманъ, шляхтѣ, якую Богъ всемогущій до войска запорожскаго наклонилъ, маетностей и кгрунтовъ ихъ власныхъ уживать, якъ издавна они уживали». Примѣру Хмѣльницкаго слѣдуютъ его преемники: Выговскій даетъ универсалъ въ 1659 г. сотнику слабинскому Ив. Домонтовичу на два села Смолинъ и Максимъ въ полку черниговскомъ; Самойловичъ—пану Іановѣ Ломѣковскому въ 1680 г. на село Вишенки; Мазепа —пану Михайлу Гамалію въ 1694 г. на село Ивахники, уѣзда Лохвицкаго; Скоропадскій — въ 1709 г. подтверждаетъ универсалъ своего *антецессора*, данный Данилу Бобырю на село Даниловку. Села раздавались не только гетманами, но и полковниками: нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко въ 1662 г. пожаловалъ универсалъ Марку Кимбаровичу на село Березу, глуховской сотни; стародубскій полковникъ Миклашевскій — въ 1697 г. Ивану Булашевичу на село Косачи почеповской сотни. Села жаловались до *ласки войсковой* — владѣть, поки угодно будетъ войску (Дн. з. Марковича ч. II. 37). Въ 1729 г. въ Малороссіи производилось дознаніе—

кто и по какому праву владѣетъ маетностями? Оказались большія злоупотребленія при раздачѣ маетностей: гетманъ Скоропадскій пожаловалъ генеральному обозному Михайлу Забѣлѣ село Райгородъ, приписанный къ Коропу, который со всѣми принадлежащими селами опредѣленъ былъ на содержаніе генеральной войсковой канцеляріи, а гетманъ Апостолъ роздалъ также много селъ и деревень неправильно. Повелѣно въ 1734 г. эти раздачи возвратить (П. С. № 6.614). — Запросъ: кто и по какимъ крѣпостямъ владѣетъ? былъ повторенъ и въ 1738 г. (Дн. з. Марковича: ч. II 37).

Вся старшина — отъ гетмана и до послѣдняго чина — получала на свой урядъ, рангъ, такъ называемыя ранговыя маетности: Валькевичъ, напримѣръ, вначалѣ 1741 г. получилъ урядъ генеральнаго асаула, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовавшія на тотъ урядъ ранговыя маетности: три села — Макошинъ, Куковичи, Дремайловку, двѣ деревни — Остановку и Бондаровку и хуторъ Рожновскій. [48]) — Иногда эти ранговыя маетности возвращались въ вѣдѣніе войсковой генеральной канцеляріи, иногда оставлялись въ потомственномъ владѣніи урядника, иногда неправильно присвоивались послѣднимъ. Примѣръ возвращенія представляютъ ранговыя маетности вышесказаннаго Валькевича. Примѣры оставленія въ потомственномъ владѣніи: по смерти гетмана Данила Апостола поѣхалъ въ 1734 г. въ Петербургъ его меньшой сынъ Петръ Апостолъ, полковникъ лубенскій и отъ матки своей, гетманши, выпросилъ у государыни пожалованія всѣхъ ранговыхъ маетностей покойнаго гетмана въ вѣчное владѣніе его рода (Лѣтопись самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго); подобнымъ же образомъ и ранговыя имѣнія гетмана Разумовскаго (Карловка, Андреяшовка, Батуринъ, Яготинъ и др.) по просьбѣ его были пожалованы ему въ потомственное владѣніе. (Семейство Разумовскихъ: Осмнадцатый вѣкъ, к. 2-я) Также точно ранговая маетность малороссійскаго асаула Пилипенка, по представленію Румянцова, въ 1772 г. пожалована ему въ потомственное владѣніе (Арх. госуд. совѣта, ч. 2, стр. 385). Кромѣ того, ранговыя маетности могли оставаться долгое время въ одной

и той же фамиліи, вслѣдствіе того, что уряды часто бывали наслѣдственны, переходя отъ отца къ сыну. Такъ напр. Яковъ Бакуринскій въ 1716 г. былъ выбранъ товариществомъ и посполствомъ сотни роиской въ сотники, а послѣ него урядъ сотничества унаслѣдованъ его сыномъ (З. черн. ст. комит. кн. 2-я, стр. 39). Въ 1734 г. сынъ Семена Галецкаго былъ назначенъ стародубскимъ сотникомъ на мѣсто отца (Дневн. записки Марковича: ч. I. 424). По просьбѣ столенскаго сотника Ивана Бобыря преемникомъ ему гетманъ Разумовскій въ 1754 г. назначилъ сына его Романа, а потомъ — брата Романа Степана (З. черн. ст. ком. кн. 2-я стр. 48). Насколько такая наслѣдственность уряда была въ обычаѣ видно изъ того, что когда въ 1721 г. панъ Андрей Марковичъ, полковникъ лубенской, съ подчиненными казаками на каналное дѣло до Ладоги былъ «коммендерованъ», то гетманъ Скоропадскій «до повороту зъ службы родителя» универсаломъ назначилъ лубенскимъ полковникомъ сына пана знатнаго товарища войсковаго Якова. Точно также урядъ генеральнаго подскарбія отъ Андрея Марковича сначала перешелъ къ сыну его Якову, а потомъ къ другому сыну (Дн. зап. Марковича). Въ П. С. мы встрѣтили просьбу престарѣлаго полковника прилуцкаго Игната Гайлагана 1737 г. назначить преемникомъ ему сына его. Но такъ какъ тогда сынъ его еще никакой службы не показалъ, то просьба не была исполнена, однакожъ отцу была подана надежда, что современемъ сіе учинится можетъ (П. С. № 7.451. п. 2). Изъ Дневныхъ записокъ Марковича мы видимъ, что въ 1740 г. полковничій перначь былъ дѣйствительно врученъ сыну Игната Гайлагана (стр. 106. ч. II) [49]). Ранговыя маетности иногда незаконно присвоивались старшиной: по пунктамъ Б. Хмѣльницкаго опредѣлено было на гетманскую булаву староство чигиринское, а потомъ присоединены были ключъ гадяцкой со многими городами и селами: гетманъ Скоропадскій многіе изъ нихъ взялъ себѣ и утвердилъ жалованными грамотами женѣ своей и дѣтямъ въ потомственное владѣніе; точно такъ же полковая и сотенная старшина, а по

смерти ея, жены и дѣти, владѣли ранговыми имѣніями на правахъ собственности (П. С. № 5.324).

Кромѣ того, малороссійская старшина завладѣвала иногда землями и грунтами казацкими. Жалобы казаковъ на неправильное завладѣніе ихъ землями не переставали приноситься правительству: Петру II было подано прошеніе на лубенскаго полковника Маркова о завладѣніи имъ цѣлою частію города Ромна-Засульемъ, нѣсколькими селами — между прочимъ, Кулажинцами, пирятинской сотни (Р. Арх. ч. 2-й стр. 210). Въ 1728 г. повелѣвалось старшинѣ у казаковъ грунтовъ, земель и прочаго недвижимаго имущества не отнимать (П. С. № 5.305). Но старшина не переставала завладѣвать казачьими землями, и казаки не переставали на это жаловаться. Въ 1738 г. казаки нѣжинскаго полка глуховской сотни Михайло и Естафій Сергѣенки принесли челобитную на генер. обознаго Як. Лизогуба въ присвоеніи ихъ къ себѣ въ подданство, въ недопущеніи къ службѣ и въ сильномъ завладѣніи пашенною ихъ землею, всякими угодьи и грунтами, также на брата его Андрея Лизогуба, на бывшаго сотника глуховскаго Уманца, подкарбія Андрея Маркова (П. С. № 7.528).

Подобно тому, какъ за поляковъ сѣверщина, болѣе изобилующая городами и хозяйственными удобствами, наиболѣе привлекала къ себѣ панство — малороссійская старшина, послѣ изгнанія поляковъ, обратилась за маетностями сперва на сѣверъ. Но скоро старшинскія маетности появляются и въ южныхъ степяхъ — въ безлюдной, но хлѣбородной полтавщинѣ. Старшина пріобрѣтала здѣсь незаселенныя земли, садила на нихъ слободы, скликала крестьянъ и подсусѣдковъ. Такъ напримѣръ, въ 1718 г. стародубскій полковой сотникъ Семенъ Галецкій купилъ въ лубенскомъ полку лохвицкой сотни мѣсто въ степу, при рѣчкѣ Артополотѣ, съ цѣлію построить на немъ хуторъ. Возникла слободка, въ которой поселилось нѣсколько десятковъ семей казаковъ и посполитыхъ. Изъ слободки этой образовалось и нынѣ существующее село *Гольцы*, названное такъ по имени своего основателя, отъ котораго оно перешло къ генералу Вейсбаху, а потомъ къ Шостакамъ.

Маетности въ Малороссіи начинаютъ пріобрѣтаться и русскимъ дворянствомъ — по пожалованію отъ государей и посредствомъ покупки. Вызванный въ Россію сербъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, впослѣдствіи графъ, получилъ отъ Петра Великаго богатыя имѣнія въ Малороссіи; въ 1710 г. землями надѣлены были и сербскій купецъ Михаилъ Милорадовичъ, бывшій впослѣдствіи гадяцкимъ полковникомъ, и Василій Каппистъ, грекъ, вышедшій въ 1711 г. изъ Турціи и бывшій впослѣдствіи миргородскимъ полковникомъ, сыну котораго пожалована была живописная Обуховка на Полѣ Елизаветой Петровной. Генералу де Вейсбаху пожаловано въ 1732 г. маетностей въ разныхъ полкахъ болѣе 500 дворовъ, а по смерти его онѣ перешли къ гр. Миниху. Маетности начали пріобрѣтаться также великороссійскими дворянами посредствомъ покупки. При Петрѣ II въ 1727 г. было постановлено: «великороссійскимъ всякихъ чиновъ людямъ, въ Малой Россіи земель и грунтовъ покупать, а малороссамъ продавать запретить, а которые изъ великороссійскаго народа до сего указа такія земли и грунты купили, у тѣхъ взять къ тѣмъ же полкамъ, заплатя имъ по купчимъ деньги. А кто впредь изъ великороссіянъ станетъ въ Малороссіи земли покупать, у тѣхъ брать безденежно» (П. С. № 6.077). Запрещеніе это скоро было отмѣнено: въ 1728 г. разрѣшена свободная продажа во всей россійской имперіи маетностей — какъ великоруссамъ (кромѣ иноземцевъ) въ Малороссіи, такъ и малороссамъ въ великорусскихъ губерніяхъ, но съ тѣмъ, «чтобы великороссійскіе люди, которые въ Малороссіи нынѣ имѣютъ маетности и которые впредь себѣ купятъ, надлежащія въ Малой Россіи съ тѣхъ маетностей службы, подати и повинности отправляли, и все нести съ прочими малороссіянами, равно и быть подъ судомъ малороссійскимъ» (П. С. № 5.324). Въ 1740 г. генералъ-лейтенанту Штафелю, жена котораго купила уже въ полку переяславскомъ имѣніе, разрѣшено покупать грунты у малороссійскихъ обывателей. Разрѣшеніе это распространено было и на грузинскихъ князей и дворянъ (П. С. № 8.129). Такимъ образомъ, къ малороссійскому шляхетству, посредствомъ пріобрѣтенія въ

Малороссіи маетностей, привзошелъ великороссійскій элементъ. Изъ указа 1740 г. о высылкѣ изъ Малороссіи жидовъ заграницу видно, что въ это время маетностями въ Малороссіи владѣли многіе великорускіе дворяне, и между прочимъ знатнѣйшихъ фамилій: фельдм. Минихъ, генералъ-лейтенантъ Штафель, кн. Трубецкой, графы Головины, гр. Толстые, полковникъ Кашкинъ, поручикъ Казиміровъ и др. (овчарный надзиратель Игн. Деревецкій) (П. С. № 8.169).

Такъ въ Малороссіи посредствомъ раздвоенія товарищества на старшину и рядовое казачество вконцѣ 17 ст., изъ первой возникло шляхетство, возстановившее польскія сословныя традиціи, сословный литовскій статутъ, пріобрѣвшее изъ войсковыхъ земель маетности, съ поселившимися на нихъ посполитыми, изъ которыхъ одни «панщину робили», а другіе «на чиншѣ сидѣли». Но такіе порядки возникли фактически. Юридическій характеръ они могли получить только чрезъ освященіе русскою государственною властію. Освященіе же это могло произойдти только чрезъ сліяніе малороссійскаго шляхетства съ русскимъ дворянствомъ, распространенія на первое тѣхъ правъ — а между прочимъ и крѣпостнаго права — которыми пользовалось дворянство русское. Малороссійская старшина начала къ этому стремиться. Стремленія ея увѣнчались успѣхомъ: она слилась съ русскимъ дворянствомъ, получила всѣ права его и привиллегіи.

А между прочимъ, до этого сліянія, русское правительство не считало малороссійскую шляхту за дворянство. Правами русскаго дворянства пользовались только тѣ изъ малороссійской шляхты, которымъ онѣ были пожалованы (Лизогубъ, Кандыба, Марковичъ, Апостолъ [50]), или которые служили въ русскихъ полкахъ и канцеляріяхъ и получали чины, дающіе права потомственнаго дворянства (Гр. Бороздна, поступившій въ 1749 г. къ высочайшему двору въ предпочивальню лакеемъ, пожалованный потомъ въ камеръ-лакеи и произведенный въ 1756 г. въ поручики). А прочіе за дворянъ не признавались, и еще при Елизаветѣ Петровнѣ сенатъ подтвердилъ, чтобы малороссіянъ въ шляхетный кадетскій

корпусъ не принимать, поелику-де въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ. Малороссійская старшина начала хлопотать объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ классами табели о рангахъ. Екатерина II въ 1767 г. предписала гр. Румянцеву-Задунайскому, главнокомандующему Малороссіей, выбрать нѣсколько дѣтей обоего пола изъ лучшихъ малороссійскихъ фамилій и прислать ихъ для опредѣленія въ шляхетный корпусъ и въ общество благородныхъ дѣвицъ. Въ томъ же году малороссійскому шляхетству предоставлено было выбрать *предводителей* и депутатовъ въ коммисію. Малороссійское шляхетство дало своимъ депутатамъ наказы. Эти наказы — живое свидѣтельство, какъ добивалось малороссійское шляхетство уравненія въ правахъ съ дворянствомъ русскимъ. И дѣло понятное: уравненіе это было санкціей того, что пріобрѣтено старшиной фактически. Такъ напр. черниговскій наказъ *поручаетъ* своему депутату доставить императрицѣ просьбу «чтобъ *мы яко равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ*, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единаго закона приковокуплены были», чтобъ «къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной дружбы и единодушія *пожаловано бы было намъ въ честяхъ и преимуществахъ съ ними равенство*», чтобы «утвердить на вѣки свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамъ, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется». Прилуцкое шляхетство, особенно высказавшееся за литовскій статутъ, просило «содержать насъ, состоящихъ въ разныхъ малороссійскихъ статскихъ и военныхъ чинахъ, въ *чести дворянской*». Глуховское шляхетство: «къ достиженію прославленія и въ чинахъ равенства *присоединить всемилостивѣйше повелѣли къ россійскому дворянству и записать въ герольдію на вѣки дворянами*, и дозволить намъ на *такомъ основаніи какъ россій-*

скому дворянству гдѣ пожелаемъ службу имѣть, и пользоваться своими жалованными и купленными добрами». Переяславское: «малороссійское шляхетство по причинѣ не имѣнія разрядовъ, за упущеніемъ того отъ властителей здѣшнихъ, состоитъ въ предѣлахъ своего шляхетства, не имѣя твердаго мѣроположенія, отчего вѣрность и заслуги знатные военные, кровію и другими ревностными трудами показанныя, лишаются своего степени въ чести и славѣ, почему уже здѣшнее шляхетство возъимѣло причину быть подвергаемымъ не малою частію въ явное пренебреженіе. То посему къ укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени и во отвращеніе сумнительствъ вредительныхъ, каковымъ до сего подвергаемо было, а особливо чтобъ *соединены быть могли съ россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ*», чтобъ «всѣхъ тѣхъ... коп въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ... написано было въ списокъ шляхетской, *пріемля въ сообщество съ россійскимъ дворянствомъ*». (Наказы малороссійскаго шляхетства изъ архива г. Судіенка). Ходатайство малороссійскаго шляхетства было уважено, и тремя мѣрами совершилось его объединеніе въ правахъ съ русскимъ дворянствомъ: образованіемъ трехъ малороссійскихъ губерній въ 1782 г. малороссійскому шляхетству предоставлено было такое же участіе въ выборѣ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, какое законъ 1775 г. даровалъ всему русскому дворянству, указомъ 3 мая 1783 г., лишившимъ малороссійское посполитство права свободнаго перехода и жалованной грамотой 1785 г., распространенною и на малороссійское шляхетство.

Но кого было причислить къ русскому дворянству? Наказъ черниговскаго шляхетства говоритъ «къ отвращенію сомнительствъ о породѣ изъ шляхетства, по причинѣ не имѣнія, для неспокойствъ и безпорядковъ, чрезъ долгое время въ Малой Россіи властвовавшихъ, разрядовъ или иныхъ списковъ, равнымъ образомъ и къ пресѣченію впредь простонароднымъ похищать безъ заслугъ преимущества и выгоды, съ онымъ достоинствомъ сопряженныя, да будетъ угодно Е. И. В. всѣхъ тѣхъ, которые сами

или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Е. П. В., или самимъ Е. В. служили и служатъ, указать написать, по засвидѣтельствованіи отъ генералъ-губернатора, въ списокъ шляхетства, и обще съ состоявшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ королей польскихъ и отъ царей всероссійскихъ» (Арх. Судіенка).

Фактически въ шляхетство преобразовалась старшина — генеральная, полковая и сотенная, выдѣлившаяся изъ товарищества. Но чиновъ этой старшины было много и важность каждаго изъ нихъ была весьма различна. Чиновъ одного войсковаго правленія было 12 — отъ генеральнаго обознаго, имѣвшаго значеніе генералъ-фельдцехмейстера войска запорожскаго до значковыхъ товарищей, число которыхъ по указу 1734 г. во всѣхъ 10 полкахъ было 420 человѣкъ, да статскаго правленія было 15 чиновъ — отъ генеральныхъ судей и до сотенныхъ писарей. Кромѣ того, были чины артиллерійскаго правленія и охочекомонныхъ полковъ (Шафонскаго: О черниговскомъ намѣстничествѣ, стр. 124). Возникъ вопросъ: какое отношеніе чиновъ этой старшины къ чинамъ табели о рангахъ? Вопросъ этотъ возникъ, когда въ 1783 г. повелѣно было военной коллегіи учредить изъ 10 малороссійскихъ полковъ полки регулярные и карабинерные, а находящихся въ малороссійскихъ полкахъ чиновниковъ, кои захотятъ остаться въ военной службѣ, и къ оной найдены будутъ способными, опредѣлить штабъ — и оберъ-офицерскими чинами новообразованныхъ полковъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ къ дѣламъ. Вслѣдъ затѣмъ указомъ 22 декабря 1784 г., вслѣдствіе представленія бунчуковаго товарища Степана Томары въ полковники, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было прежнихъ малороссійскихъ чиновъ болѣе не давать (П. С. № 16.117). Во исполненіе этихъ указовъ, одни изъ малороссійскихъ чиновъ опредѣлены были на службу, съ переименованіемъ ихъ въ военные русскіе чины: полковые асаулы, полковые хорунжіе и писари — ротмистрами, сотники — поручиками, войсковые

товарищи — корнетами, а значковые товарищи, сотенные хорунжіе и др. — унтеръ-офицерами. Отставленные же отъ службы, переименованы были также въ русскіе чины: бунчуковые товарищи — въ премьеръ-майоры, полковые обозные, асаулы, хорунжіе и писари — въ секундъ-майоры, сотники — въ ротмистры, а полковники—въ бригадиры. — Малороссійскіе чины были преобразованы въ русскіе, но точныхъ правилъ переименованія первыхъ въ послѣдніе все-таки не существовало. Отсюда происходило, что сенатъ переименовывалъ не одинаково носившихъ одни и тѣ же малороссійскіе чины. Одни войсковые товарищи были переименованы въ титулярные совѣтники, а другіе — въ губернскіе секретари. Депутатскія собранія, которымъ порученъ былъ разборъ малороссійскаго шляхетства, не имѣли, такимъ образомъ, руководительныхъ началъ, кого изъ прежней малороссійской старшины причислить къ потомственному дворянству, а кого нѣтъ: къ дворянству причислены были возные и другіе низшіе чины. Къ этому присоединились большія злоупотребленія депутатскихъ собраній. Въ депутаты, по свидѣтельству одного современника, избирались изъ купцовъ, простыхъ казаковъ, которые, получивъ разными происками чинъ, назвали себя дворянами и производили разборъ доказательствъ на дворянство. Большая часть малороссійской шляхты бросилась за этими доказательствами заграницу, въ Польшу, и посредствомъ жидовъ накупила себѣ у поляковъ дворянскихъ дипломовъ, при помощи которыхъ стала причислять себя къ такимъ дворянскимъ фамиліямъ, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ и не бывало. Началась торговля дворянскими дипломами: жиды подряжались вывозить ихъ изъ Польши, а депутаты, набравъ у жидовъ дворянскихъ грамотъ, съ пробѣломъ, вписывали въ нихъ ту или другую малороссійскую фамилію. Многіе простые казаки, казенные крестьяне и даже подсусѣдки сдѣлались, такимъ образомъ, дворянами. Должность депутата сдѣлалась очень прибыльной, и многіе стали напрашиваться о выборѣ въ нея. На депутатовъ подавались доносы правительству, но они оставались безъ послѣдствій. Такъ, напримѣръ, на депутата новго-

родсѣверской губ. Сахновскаго, проживавшаго въ с. Деговѣ, сосницкаго уѣзда, былъ сдѣланъ доносъ, оставленный безъ послѣдствій.

Неудивительно, что въ Малороссіи къ концу прошлаго столѣтія, насчитывалось 100.000 дворянъ, «которыхъ», какъ выражается современникъ, «по изгнаніи изъ нея поляковъ, ни сотой доли не было и быть не могло».

Правительство, наконецъ, вынуждено было обратить вниманіе на эти злоупотребленія дворянскихъ депутатскихъ собраній. Правящій должность намѣстника малороссійскихъ губерній генералъ-аншефъ Кречетниковъ представилъ въ 1791 г. рапортъ въ сенатъ, что по 3 малороссійскимъ губерніямъ внесено въ дворянскія родословныя книги 22.702 души изъ платящихъ подати купцовъ, мѣщанъ, казаковъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ [51]). При этомъ онъ присовокупилъ, что предводители и депутаты крайне небрежны въ веденіи этихъ книгъ. Между прочимъ, въ герольдію также начали поступать доносы на неправильное признаніе малороссійскими дворянскими депутатскими собраніями и неправильное внесеніе въ родословную книгу фамилій, неимѣвшихъ никакого права на дворянство. Герольдія начала внимательнѣе контролировать дѣйствія депутатскихъ собраній, отмѣняя ихъ рѣшенія и отбирая выданныя ими грамоты на внесеніе въ родосл. книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ герольдія начала признавать въ дворянскомъ достоинствѣ только тѣхъ, которые имѣли неопровергаемыя о томъ доказательства, а прочихъ, доказывающихъ дворянство тѣмъ, что предки были полковыми асаулами, хорунжими, писарями, сотниками и т. д., въ дворянствѣ не признавала. Такія дѣйствія герольдіи побудили дворянство полтавской губерніи въ 1809 г. принести на нее всеподданнѣйшую жалобу государю, чрезъ своего генералъ-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго. Жалоба эта была передана министру юстиціи кн. Лопухину. Но полтавское дворянство долгое время не получало по ней разрѣшенія, а между прочимъ герольдія продолжала не признавать нѣкоторые малороссіскіе чины за доказательство дворянства. Терпя много отъ этого, а особенно при опредѣленіи дѣтей въ воен-

ную службу, полтавское дворянское собраніе 15 октября 1819 г. опредѣлило уполномочить губернскаго маршала войдти отъ лица дворянства къ малороссійскому военному губернатору кн. Рѣпнину съ представленіемъ о правѣ малороссійскихъ чиновъ на дворянство. Энергическій ходатай о нуждахъ края, представилъ высшему начальству о томъ, «что дѣйствіемъ герольдіи потрясается благородство всего малороссійскаго дворянства», что чиновники малороссійскіе — отъ войсковыхъ товарищей и до высшей степени съ ихъ потомствомъ — признанные губернскими дворянскими собраніями въ дворянскомъ достоинствѣ, суть дѣйств. дворяне и принадлежатъ къ военному разряду. По рѣшенію перваго общаго собранія сената, дѣло это передано на разсмотрѣніе комитета, учрежденнаго 12 февраля 1828 г. при сенатѣ, которому поручено проэктировать правила, какимъ образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды. По заключенію комитета, тѣ изъ малороссійскихъ чиновъ должны быть признаны за дворянъ, которые переименованы русскимъ правительствомъ въ чины генералитетскіе и штабъ-офицерскіе (генеральная старшина, полковники, подкоморіе и проч.) Прочіе же малороссійскіе чины (хорунжіе, сотники и др.) тогда только имѣютъ право на потомственное дворянство, когда поступали на службу военную или гражданскую, получали на службѣ чины, а по нимъ и дворянское достоинство, но тѣ, которые въ службу не вступали, могутъ пользоваться только личнымъ дворянствомъ.

На этомъ основаніи въ 1835 г. состоялся указъ о малороссійскихъ чинахъ, дающихъ право на дворянство. Указъ постановлялъ, между прочимъ: тѣхъ, кои по 1 января 1839 г. непредставятъ доказательствъ на дворянство и не будутъ имѣть права по чинамъ на личное дворянство, по прошествіи сего срока обратить немедленно въ казачье сословіе, запретивъ имъ впредь именоваться дворянами, но не лишая ихъ права доказывать дворянство впослѣдствіи (2 П. С. № 7.976); а въ 1855 г. было постановлено: малороссійскимъ дворянамъ, не доказавшимъ права на это достоинство, предо-

ставить причисляться къ обществамъ малороссійскихъ казаковъ, не испрашивая на то согласія обществъ (Ib. № 29.153). (Въ тѣхъ мѣстахъ этого очерка, гдѣ нѣтъ цитатъ, мы пользовались двумя весьма интересными записками, помѣщенными въ Чтеніяхъ императорскаго общества ист. и др. росс.: «О правахъ на дворянство малороссійскихъ чиновъ» и «Замѣчанія о Малой Россіи», а также Записками черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, въ 1-й книгѣ которыхъ — превосходное изслѣдованіе г. Лазаревскаго «Малороссійскіе посполитые крестьяне»).

г) Въ 1775 г. по докладу Потемкина чины войска донскаго переименованы были въ русскіе военные чины (№ 14.251), и такимъ образомъ казаки — члены демократической казацкой общины — случайно, по выбору занимавшіе мѣста командировъ, превращены были въ дворянство. Первоначально же правами дворянства они пользовались только вслучаѣ пожалованія ими. Такъ Иванъ Платовъ, казацкій полковникъ, отличившійся въ семилѣтнюю войну, за услуги оказанныя при усмиреніи пугачевскаго мятежа, былъ пожалованъ потомственнымъ дворянствомъ (Долгорукова: ч. 2-я стр. 230). Сынъ его, наказной атаманъ войска Донскаго, знаменитый Матвѣй Ивановичъ былъ пожалованъ въ 1812 г. *графомъ*. Такимъ образомъ въ степяхъ Дона, между вольными дѣтьми казацкой общины полуазіатской организаціи появляется аристократія, появляются и гербы: надъ казацкими регаліями — надъ пикой, конемъ, казацкой шапкой *дворянская, или графская коронка*. Еще прежде, впрочемъ, казакъ пятиизбянской станицы, Денисовъ, былъ пожалованъ въ 1799 г. графомъ. Отъ него произошли Орловы-Денисовы. Это дворянство, занимая войсковыя земли, населяляло ихъ крѣпостными крестьянами, которыми оно могло владѣть по общему дворянскому праву имперіи. Но земли эти, собственно говоря, были не помѣщичьими, но войсковыми. Впослѣдствіи онѣ превратились въ вотчинныя. Положеніемъ 1835 г. крестьяне донскихъ помѣщиковъ надѣлены землями по 15 десятинъ на душу, и *поверхность этой земли* отдана въ потомственную собственность донскимъ помѣщи-

камъ — владѣльцамъ крестьянъ — съ обязанностію вносить въ войсковую казну по 1½ к. съ десятины ежегодно (Побѣдоносцевъ: Курсъ гражд. права., къ 4 стр. II тома). Впослѣдствіи чины другихъ казачьихъ войскъ также приравнивались къ чинамъ табели о рангахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получали и дворянское достоинство: въ 1799 г. войска уральскаго (П. С. № 18.927), черноморскаго въ 1802 г. (П. С. № 20.508), астраханскаго въ 1817 г. (П. С. № 26.840), оренбургскаго въ 1840 г. (2-е П. С. № 14.041), кавказскаго линейнаго въ 1845 г. (2-е П. С. № 18.739) и т. д.

е) Въ 1784 г. права русскаго дворянства распространены были на *князей и мурзъ татарскаго происхожденія*, которые до того времени этими правами не пользовались и платили личную подать [52]). Дворянскія права распространены на нихъ не взирая на вѣроисповѣданіе, за исключеніемъ только права владѣть крѣпостными людьми тѣмъ изъ нихъ, которые не состоятъ въ христіанскомъ законѣ (П. С. № 15.966). Но татарамъ кіевской и литовской губерній было предоставлено и это послѣднее право, не смотря на ихъ магометанское исповѣданіе.

ё) Въ 1818 г., по представленію Ермолова, изданы были правила для утвержденія въ дворянскомъ достоинствѣ дворянъ и князей Грузіи (П. С. № 27.437). Окончательный же разборъ грузинскаго дворянства, произошелъ при императорѣ Николаѣ I, когда въ 1850 г. приведены въ извѣстность дворянскія грузинскія фамиліи (2-е П. С. № 24.707).

ж) Высшіе классы въ Бессарабіи причислены были къ дворянству имперіи, съ сохраненіемъ ихъ древнихъ молдавскихъ привиллегій, въ 1818 г. Потомственное дворянство предоставлено было *боярамъ*, личное — *бояринашамъ*, потомство которыхъ превращено въ *мазыловъ* [53]) (Уставъ образованія бессарабской области: П. С. № 27.357). Правила объ утвержденіи въ дворянствѣ по чинамъ и привилегіямъ молдавскимъ, точнѣе опредѣлены въ 1821 г. Преимущественнымъ доказательствомъ молдавскаго дворянства приняты были молдавскіе

чины по господарской грамотѣ 1734 г. Окончательно же права на потомственное дворянство бессарабскихъ бояръ разрѣшены въ 1845 (2-е П. С. № 18.678) и въ 1848 г. (2-е П. С. № 222.69).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. Обязательная служба — повинность служилаго класса до Петра Великаго. — Она отправляется періодическими ополченіями и носитъ преимущественно военный характеръ. — Съ Петра Великаго служба дѣлается постоянной и раздвояется на службу въ полкахъ и въ канцеляріяхъ. — Историческій очеркъ обязательной службы и обученія. — Вначалѣ 18 вѣка мы замѣчаемъ еще слѣды прежнихъ ополченій — даже при Аннѣ Іоанновнѣ. — Смоленская шляхта. — Служба въ регулярныхъ полкахъ. — Смотры дворянъ и недорослей. — Учрежденіе должности герольдмейстера и значеніе ея для обязательной службы шляхетства. — Смотры послѣ Петра Великаго. — Манифестъ 31 дек. 1736 г., регулирующій обязательную службу шляхетства и ограничивающій ее 25 годами. — Когда онъ былъ приведенъ въ исполненіе, измѣненъ и пополненъ. — Отмѣна его при Аннѣ Леопольдовнѣ брауншвейгъ-люнебургской. — Смотры при Елизаветѣ Петровнѣ. — Цѣль смотровъ. — Контроль, отбываетъ ли шляхетство свои повинности. — Военная служба шляхетства. — Служба солдатами. — Записка въ полки малолѣтковъ, живущихъ дома и получающихъ субалтерные чины. — Примѣры. — Этого не было при Петрѣ Великомъ, требовавшемъ солдатства и отъ шляхетства. — Небогатые дворяне служили солдатами и впослѣдствіи, производство въ чины малолѣтковъ — преимущественно доля богатыхъ и знатныхъ. — Чѣмъ солдатство особенно было тяжело для шляхетства. — Посулы верховнаго тайнаго совѣта. — Шляхетный корпусъ, выпускающій дворянъ офицерами. — Этимъ все-таки могло воспользоваться только ограниченное число недорослей. — Служба въ гвардіи. — Распредѣленіе шляхетства между гвардіей и арміей. — Распредѣленіе между сушей и моремъ. — Шляхетство не любитъ флота. — Необходимость отставокъ и побывокъ. — Гражданская служба шляхетства. — До Петра Великаго она не имѣла самостоятельнаго государственнаго значенія и получаетъ таковое при Петрѣ. — До Петра Великаго служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ; между людьми меча и людьми пера былъ даже антагонизмъ. — Отъ служилыхъ людей взглядъ этотъ переходитъ наслѣдственно и къ шляхетству. — Отношеніе между бюрократіей и дворянствомъ, какъ результатъ такого взгляда. — Миссія дворянства оцѣнена, миссія бюрократіи еще ждетъ оцѣнки. — Принужденія шляхетства къ

гражданской службѣ и уклоненія отъ нея. — Реакція въ дворянствѣ при Павлѣ I, вызванная строгостями военной дисциплины. — Само правительство ограничиваетъ пріемъ дворянъ въ гражданскую службу. — Развитіе дворянскихъ синекюръ по гражданской службѣ. — Мода на гражданскую службу, по случаю образованія министерствъ. — Бюрократы-дворяне и бюрократы изъ другихъ званій. — Прежнее пренебреженіе къ гражданской службѣ. — Дворяне служатъ въ гвардіи и по дипломатической части. — Гражданская служба возвышается при Николаѣ I. — Этому содѣйствуютъ университетскія дворянскія поколѣнія. — Наряды дворянъ на разныя временныя занятія; слѣды ихъ при Александрѣ I. — Обязательныя переселенія и постройки. — Крѣпостной характеръ отношеній шляхетства къ правительству. — Шляхетство не имѣло легальнаго способа отбывать отъ своихъ повинностей. — Законъ 1714 г. предоставилъ свободу выбора профессіи кадетамъ. — Священство кадетовъ. — Различное отношеніе дворянства къ духовенству въ западной Европѣ и у насъ; послѣдствія. — Большая связь между шляхетствомъ и духовенствомъ въ Малороссіи — слѣды порядковъ, существовавшихъ за польщизну. — Выходъ кадетовъ въ купечество и духовенство. — Свобода выбора профессіи кадетами отмѣнена вмѣстѣ съ отмѣной закона о единонаслѣдіи. — Отъ обязательной службы избавлено только шляхетство остзейское и смоленское. — Денежный выкупъ отбыванія службы натурой.

II. Измѣненіе системы вознагражденія за службу. — Жалованье до Петра — придатокъ къ помѣстьямъ. — Вначалѣ своего царствованія Петръ Великій еще роздаетъ помѣстья. — Первые штаты военные и гражданскіе. — Акциденціи и окончательное установленіе жалованья при Екатеринѣ II въ 1763 г. — Традиція помѣстій сильна въ памяти служащихъ: челобитныя о пожалованіи деревень. — Раздача вотчинной коллегіей. — Раздача земель грузинцамъ и сербамъ. — Ранговыя имѣнія. — Коммандорства не имѣютъ исторической филіяціи ни съ помѣстьями, ни съ ранговыми имѣніями. — Пожалованіе населенныхъ имѣній начинается при Петрѣ и продолжается при всѣхъ его преемникахъ — въ особенности при Екатеринѣ II и Павлѣ I. — Выборъ имѣнія лицомъ, которому оно пожаловано. — Пожалованіе начальникамъ инородческихъ племенъ. — Переходъ пожалованныхъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія. — Пожалованіями создаются огромныя имѣнія. — Прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ собственность. — Пожалованіе населенныхъ имѣній въ аренду, а ненаселенныхъ земель въ собственность.

III. Обязательное обученіе шляхетства. — Отправленіе заграницу въ науку дворянскихъ дѣтей вконцѣ прошлаго столѣтія. — Что они тамъ дѣлали? Письмо Петра Великаго къ Виниусу. — Запрещеніе посылать деньги помимо адмиралтейскаго приказа. — Письмо Конона Зотова къ Петру Великому. — Посылка заграницу продолжается. — Продолжаются и неутѣшительныя извѣстія Конона Зотова. — Тягость посылки заграницу для шляхетскихъ недорослей. — Нѣкоторые изъ нихъ стараются отъ нея избавиться принятіемъ монашества. — Внутреннее обученіе. —

Школы при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. — Школы въ С.-Петербургѣ. — Распредѣленіе между школами. — Какъ обучалось шляхетство въ русскихъ школахъ? — Преемники Петра Великаго продолжаютъ его дѣло. — Коллизія между обязанностію службы и обязанностію обученія, по поводу основанія московскаго университета. — Распространеніе грамотности и образованія между шляхетствомъ. — Высшая степень образованія малороссійскаго шляхетства. — Образованіе дворянства въ 19 ст. — Слова смоленскаго помѣщика Кононова.

IV. Раздвоеніе интересовъ служилаго класса, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и классомъ землевладѣльческимъ. — Землевладѣльческій элементъ беретъ перевѣсъ надъ служилымъ. — Огурство и нѣти вконцѣ 17 ст. — Въ 18 в. высшее шляхетство тянется въ столицу, а низшее отбываетъ отъ службы, стремится въ деревню. — Угрозы и наказанія за уклоненіе отъ службы при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ. — Несмотря на то, число огурщиковъ и нѣтчиковъ не убываетъ. — Свидѣтельство Посошкова. — Скупы и взятки, которые могутъ давать богатые дворяне. — Взятки крестьянскими душами по свидѣтельству Данилова. — Выходъ для бѣдныхъ дворянъ: школы, записка въ купечество, въ дворовые. — Въ 17 ст. служилые люди не возбуждали вопроса объ ограниченіи обязательной службы. — Впервые вопросъ этотъ возбуждается въ 1730 г. — Мнѣніе Волынскаго. — Заявленіе кашинскаго дворянства въ 1767 г. — Представленіе воинской коммисіи 1731 г. и отвѣтъ сената. — Манифестъ 21 декабря 1736 г. — Исторія мысли объ отмѣнѣ обязательной службы. — Манифестъ 18 февраля 1762 г. — Исторія его изданія по разсказу кн. Щербатова. — Сомнѣнія г. Семевскаго въ истинѣ этого разсказа. — Значеніе манифеста въ исторіи дворянства: его можно сравнить съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ. — Содержаніе его. — Слѣды обязательной службы и обученія. — Впечатлѣніе, произведенное на дворянство манифестомъ 1762 г. — Былъ ли онъ отмѣненъ Екатериной II? Несправедливое мнѣніе проф. Бѣляева. — Жалованная дворянству грамота подтверждаетъ манифестъ. — Нарушенія его при Павлѣ. — Указъ 12 декабря 1801 г. вызываетъ протестъ дворянства. — Манифестъ 2 апрѣля 1801 г. возстановляетъ грамоту. — Нарушенія при Николаѣ I. — Обязательная служба польскаго дворянства западно-русскихъ губерній. — Право верховной власти призывать дворянство въ ополченію. — Первый примѣръ ополченія. — Ополченія въ 1806, 1812 и 1855 годахъ. — Пожертвованія дворянства. — Пожертвованія другихъ классовъ. — Оборотная сторона медали.

I. Служилый классъ былъ выдѣляемъ правительствомъ изъ другихъ общественныхъ разрядовъ для того, чтобъ наложить на него особаго рода тягло. Этимъ тягломъ служилаго класса была обязательная служба государству. Обязательная служба

была постоянною повинностію этого класса. За отбываніе ея раздавались кормленія, а впослѣдствіи помѣстья. Обязательная служба носила различный характеръ: служилый человѣкъ посылался на воеводства и въ посольства, назначался судьей приказа, стольникомъ или стряпчимъ двора, наряжался во всякія другія дѣла и посылки, но главною обязанностію его была служба военная. Военную службу отправлялъ преимущественно многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ — основной фондъ служилаго люда. Но эта военная служба отбывалась не постоянно, а періодическими ополченіями. Постоянную службу несли тѣ только царскіе чиновные люди, которые были у *дѣлъ* и *посылокъ*: судьи приказовъ, воеводы городовъ, чины двора и т. п. Дворяне же и дѣти боярскіе, образовавшіе многочисленный классъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ мирное время «спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, тяжбами, торгомъ, охотою, и менѣе всего думая о ратномъ дѣлѣ, пока не прискачетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ, съ царскимъ указомъ «строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить». Тутъ брались они за дѣдовскіе заржавленные доспѣхи» (Устрялова: Т. I. стр. 173), и сообразно тому, кто какъ былъ *люденъ*, *коненъ* и *оруженъ* съ своими людьми и оружіемъ являлись па сборныя мѣста. Князь Юрья князь Ивановъ сынъ Мещерской, напримѣръ, являлся о дву конь, въ доспѣхѣ и шеломѣ и въ шишакѣ съ копьемъ, да съ нимъ два человѣка о дву конь въ доспѣхахъ и въ шеломахъ съ копьи, да человѣкъ въ тигиляѣ толстомъ, и въ шапкѣ въ желѣзной, да человѣкъ съ юкомъ (такъ гласятъ смотровые списки 1664). Или: Ермашко Третьяковъ сынъ Васильевъ, изъ дѣтей боярскихъ, на меринѣ, въ бехтерцѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, да человѣкъ съ нимъ на меринѣ въ кошу (какъ гласитъ записная книга города Володиміра) (см. Голикова: Т. III. стр. 246, 342).

Городовые воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ *разборныя книги*, которыя ежегодно сообщались въ Москву въ Разрядъ. Основываясь на этихъ книгахъ, Разрядъ, большей частію предъ началомъ войны, посылалъ въ уѣзды *разбор-*

щиковъ и *окладчиковъ* — первыхъ для пересмотра служилыхъ людей, вторыхъ для верстанья *новиковъ*, *поспѣвшихъ* въ службу 18 лѣтнихъ отроковъ (Устрялова: Ист. царствованія Петра Великаго). Такимъ образомъ, военная служба отправлялась дворянами и дѣтьми боярскими періодически, отъ времени до времени. А большую часть года, скажемъ опять словами Устрялова, они «проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ: карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиною, а воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ, чѣмъ могъ».

Петръ видоизмѣняетъ этотъ характеръ обязательной службы: регулярныя арміи, составляемыя посредствомъ рекрутскаго набора, замѣняютъ ополченія помѣщиковъ и вотчинниковъ съ ихъ людьми, оружіемъ и лошадьми; служба дворянина дѣлается не *періодически отправляемой*, но *постоянной*: отъ нея избавляется онъ только за дряхлость и увѣчья. Выдѣляется особенная дѣятельность служилыхъ людей, получающая государственный характеръ—служба *статская*, *гражданская*. Теряется связь обязательной службы съ особенной формой вознагражденія за нее — съ *помѣстьями*: до Петра Великаго служилый человѣкъ отбывалъ службу какъ бы за помѣстья, съ Петра Великаго онъ начинаетъ нести ее, какъ членъ извѣстнаго сословія — благороднаго шляхетства. Поэтому, прекращается и раздача помѣстій, а розданныя до того помѣстья дѣлаются вотчинами. Вознагражденіемъ же за службу является постоянное, штатами опредѣляемое *жалованье*, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ — пожалованіе населенныхъ имѣній.

Кромѣ службы, какъ главной повинности шляхетства, на него налагается другая обязанность — учиться, непосредственно вытекающая изъ первой: служба по европейскимъ образцамъ потребовала научной подготовки. Вотъ почему великій преобразователь служилаго класса отождествляетъ понятіе *благородства* съ понятіемъ *службы государству* и *образованія*.

Дворянинъ сдѣлался человѣкомъ служащимъ, служащій человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться образованнымъ, всилу всего этого онъ становился *благороднымъ*.

Система обязательной службы и обученія практиковалась во всей своей строгости при Петрѣ, да можетъ быть еще при Аннѣ Іоанновнѣ, когда зоркій глазъ Миниха [54]) слѣдилъ за исправнымъ отбываніемъ шляхетствомъ этой повинности, но не безъ вліянія того же Миниха срокъ обязательной службы былъ ограниченъ 25 годами. При Петрѣ II, какъ можно заключить изъ полнаго собранія законовъ, строгость отбыванія службы шляхетствомъ весьма ослабѣла: не встрѣчаемъ ни одного указа о явкѣ и смотрѣ недорослей. При Елизаветѣ Петровнѣ, несмотря на прорывающіяся въ нѣкоторыхъ указахъ черты строгихъ петровскихъ порядковъ, отставки, какъ свидѣтельствуетъ кн. Щербатовъ, стали гораздо легче; между шляхетствомъ развивается еще прежде завевшійся обычай записывать малолѣтокъ 2, 3 лѣтъ въ полки, въ которыхъ ихъ послѣдовательно производили въ субалтерные чины, пока, съ достиженіемъ совершеннолѣтія и полученіемъ крупнаго чина, они не поступали на дѣйствительную полковую службу. При Елизаветѣ же, послѣ основанія московскаго университета, произошла коллизія между потребностями службы и образованія — коллиція, окончившаяся въ пользу послѣдняго, благодаря участію Ив. Ив. Шувалова, добраго генія русской земли.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что шляхетство въ первую половину 18 вѣка было болѣе сцентрализованнымъ и служилымъ, и менѣе мѣстнымъ и землевладѣльческимъ, чѣмъ въ 17 ст., когда господствовала система періодическихъ ополченій дворянъ и дѣтей боярскихъ, вознаграждаемая помѣстьями. Въ первый періодъ своихъ реформъ Петръ Великій остановился на мысли о развитіи мѣстнаго землевладѣльческаго значенія шляхетства (Градовскій). Но потребы государственныя — постоянныя войны, требовавшія военной службы шляхетства, и усложнявшіяся задачи администраціи, для разрѣшенія которыхъ не сложилась еще многочисленная бюрократія — не дали хода этой мысли. А между прочимъ шляхетство тянула земля, при-

влекала привольная деревенская жизнь, которая всегда по душѣ русскому человѣку — по натурѣ своей болѣе земледѣльцу, чѣмъ горожанину. Отсюда укрывательство отъ обязательной службы, отсюда многочисленные *ыски*, строгія наказанія за нихъ. *Землевладѣльческій* элементъ шляхетства болѣе и болѣе осиливалъ элементъ *служилый*. Наконецъ, Петромъ III отмѣняется обязательная служба и шляхетство распускается въ безсрочные отпуски по домамъ. Распущенное по домамъ шляхетство, Екатерина II группируетъ въ губернскія дворянскія общества, которыя должны ставить изъ своей среды членовъ въ мѣстныя судебныя и полицейскія учрежденія. Такимъ образомъ, за дворянствомъ все—таки до нѣкоторой степени остается характеръ класса *служилаго*. Оно только перечислилось, по остроумному выраженію г. Лохвицкаго, изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ — въ случаяхъ земскихъ ополченій — воскресало его прежнее военное значеніе. Наконецъ, дворянство всегда было главнымъ общественнымъ классомъ, изъ котораго выходили чиновники военные и гражданскіе — классомъ, всегда пользовавшимся привиллегіей службы государственной.

Вначалѣ царствованія Петра Великаго образовывавшееся изъ служилыхъ людей шляхетство отбывало государственную службу еще на прежнихъ началахъ. Напримѣръ, въ первые годы шведской войны на государевой службѣ были стольники и стряпчіе и дворяне московскіе, жильцы да стольники великихъ государынь съ своими дѣтьми поспѣвшими въ службу (П. С. № 1.811) [55]). Въ 1706 г. стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы были на службѣ въ низовомъ походѣ въ полкахъ Шереметева и Хованскаго (П. С. № 2.098); въ томъ же году повелѣно быть на службѣ въ Брянскѣ, да по письму Меншикова изъ Чернигова — въ Смоленскѣ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ, брянскимъ, корочевскимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ (П. С. № 2.107, 2.111). Въ 1712 г., по случаю опасеній турецкой войны, повелѣно нарядить на службу всѣхъ царедворцевъ,

которые могутъ сами служить, съ вооруженными людьми — по человѣку съ 50 дворовъ, а которые не могутъ служить сами — съ 50 дворовъ по человѣку конному и оружейному (П. С. № 2.513). Въ слѣдующемъ году указано было царедворцамъ и городовымъ дворянамъ всѣхъ губерній и ярославской провинціи «опричь новгородскаго разряда городовъ» быть на государевой службѣ съ вооруженными людьми для охраненія украйны отъ непріятеля (П. С. № 2.627). Тогда же другимъ служилымъ людямъ предписано ѣхать на службу въ Бѣлгородъ, записывая свои пріѣзды у думнаго дворянина Неплюева (П. С. № 2.663). Если мы не ошибаемся, послѣ этихъ призывовъ дворянскихъ ополченій на государеву службу въ 1713 г., они болѣе не повторяются. Впрочемъ, при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1738 г., по случаю опасенія башкирскихъ набѣговъ, объявлено было казанскимъ дворянамъ, чтобы они пошли въ походъ съ своими людьми, а которые сами не могли пойдти, чтобъ выслали своихъ вооруженныхъ людей (П. С. № 7.514. 4).

Послѣдній слѣдъ такого отбыванія военной службы встрѣчается еще въ царствованіе Елизаветы Петровны — это служба смоленской шляхты [56]). Въ 1752 г. всего смоленскаго шляхетства состояло 1.320 человѣкъ. Шляхетство это раздѣлялось на 4 статьи и служило со своихъ вотчинъ, безъ всякаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Самая же служба состояла въ томъ, что въ первыхъ числахъ мая смоленская шляхта выступала въ походъ, а возвращалась изъ него въ свои домы въ сентябрѣ (П. С. № 9.922).

Но очень рано Петръ Великій задумалъ преобразовать этотъ порядокъ отбыванія военной службы, и замѣнить его службой постоянной, въ регулярныхъ полкахъ. Послѣ неудачи подъ Нарвою, онъ пересталъ уже довѣрять прежнимъ дворянскимъ ополченіямъ. Въ 1704 г. государь самъ смотрѣлъ недорослей, а по осмотрѣ, годныхъ въ службу записалъ въ солдаты. Боринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ набралъ изъ нихъ драгунскій полкъ въ 1.000 человѣкъ, а потомъ подобнымъ же образомъ набрали и другой драгунскій полкъ (Записки Желябуж-

скаго), такъ что изъ бывшихъ на смотру 1704 г. 8.092 человѣкъ недорослей, въ драгуны записано болѣе 3.000 человѣкъ (Устрялова: И. ц. Петра, т. IV стр. 481). Въ томъ же году въ преображенскій полкъ записано солдатами 377 человѣкъ недорослей, въ числѣ которыхъ было много князей (Елецкой, Шаховской, Долгоруковъ, Гагаринъ и др.) и изъ старыхъ дворянскихъ фамилій (Артемій Волынскій, Ушаковъ и др.) (Ib. стр. 493).

Новый порядокъ обязательной службы шляхетства окончательно установился съ образованіемъ сената въ 1711 г., когда отмѣненъ прежній разрядный приказъ (П. С. № 2.321), и съ назначеніемъ 19 февраля того же года войску — 33 полкамъ кавалеріи и 85 полкамъ инфантеріи — штатнаго жалованья, замѣнившаго прежній порядокъ вознагражденія за службу помѣстьями (П. С. № 2.319).

Для распредѣленія дворянъ на службу производились имъ *смотры*. Смотры эти производились то самимъ Петромъ, то сенатской канцеляріей, то мѣстными начальствами. Вообще, изъ П. С. не видно, чтобъ объ этомъ существовали точныя правила до самаго учрежденія должности *герольдмейстера*, вѣдавшаго дворянство всего государства. Окончательно же порядокъ смотровъ, сроки явки недорослей, ихъ распредѣленіе по полкамъ и канцеляріямъ, регулируются при Аннѣ Іоанновнѣ.

Сначала, какъ видно изъ нѣкоторыхъ указовъ, личной явки недорослей не требовалось: въ Разрядъ присылались списки о числѣ недорослей, ихъ лѣтахъ, какъ напримѣръ въ 1704 г. (П. С. № 1.960). Но вмѣстѣ съ тѣмъ смотры производились иногда и лично самимъ государемъ: въ 1704 г., напримѣръ, потребованы были изъ городовъ недоросли на царскій смотръ. Въ томъ же году государь смотрѣлъ въ Преображенскомъ всѣхъ воеводъ и посыльныхъ людей, которыхъ выкликалъ по именамъ разрядный дьякъ Замятнинъ, а государь смотрѣлъ по тетради и ставилъ крыжи надъ именами (Зап. Желябужскаго). Съ образованіемъ сената, недоросли для смотра высылались иногда въ его канцелярію, которая иныхъ опредѣляла въ службу, иныхъ записывала въ школы, иныхъ от-

пускала въ домы до востребованія (П. С. № 2.492, 2.497). Впрочемъ, мѣсто смотра опредѣлялось иногда состоятельностію недоросля: такъ напримѣръ въ 1713 г. предписано было тѣхъ недорослей, за которыми крестьянъ 130 дворовъ и больше, высылать въ С.-Петербургъ, а за которыми меньшее количество дворовъ — тѣхъ въ Москву, въ канцелярію сената (П. С. № 2.652). Въ слѣдующемъ году постановлялось: недорослей, за родителями которыхъ по 100 дворовъ и больше, высылать на смотръ въ С.-Петербургъ, а за которыми меньше тѣхъ—въ военную канцелярію. (П. С. № 2.779). Въ С.-Петербургѣ недорослей большей частію смотрѣлъ самъ государь. Адмиралъ Мордвиновъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что когда онъ, 12 лѣтъ, былъ высланъ на смотръ въ С.-Петербургъ, то государь самъ осматривалъ и разбиралъ представившихся дворянскихъ недорослей и неслужащихъ дворянъ. То же самое повторялось и на слѣдующихъ смотрахъ (стр. 9). Подобныя извѣстія мы находимъ и въ «Запискѣ о бѣдной и суетной жизни человѣческой» Вас. Вас. Головина. Онъ разсказываетъ, что въ маѣ 1712 г. всѣ малолѣтные дворяне были вызваны въ С.-Петербургъ «мая въ послѣднихъ числахъ былъ намъ всѣмъ смотръ, а смотрѣлъ самъ Его Ц. В., и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первые, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты, а середнихъ за море въ Голландію для морской навигаціонной науки, въ которыхъ числахъ за море и я грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтныхъ въ г. Ревель, въ науку» (Пекарскаго т. I. стр. 142).

Въ 1721 г. былъ изданъ указъ, много разъ подтверждаемый, чтобы всѣ царедворцы и дворяне всякаго званія и отставные офицеры, которые у дѣлъ, за исключеніемъ Сибири и Астрахани, прибыли на смотръ въ С.-Петербургъ или Москву. Провинціи для этого были соединены по двѣ, смотря по близости. Дворяне росписаны на двѣ смѣны. Одна смѣна должна была явиться на смотръ въ декабрѣ 1721 г., а другая— въ мартѣ слѣдующаго года. По отъѣздѣ на смотръ первой смѣны, дѣла исполнялись оставшимися дворянами второй. По-

томъ отправлялась на смотръ вторая смѣна, а дѣла отправлялись отпущенной обратно въ свои провинціи первой. Всѣ списки царедворцевъ и *городовыхъ дворянъ*, служащихъ въ офицерскихъ чинахъ *не у дѣлъ* предписано было отдать Степану Колычеву. По мѣрѣ надобности, Колычевъ назначалъ къ дѣламъ по этимъ спискамъ. Для пересмотра же такихъ дворянъ, находящихся не у дѣлъ, или прикрывающихся дѣлами для прожитія въ своихъ деревняхъ, Колычева командировали въ Москву, гдѣ ему повелѣно разобрать и росписать къ дѣламъ на 3 статьи дворянъ губ: московской, азовской, смоленской, кіевской, архангело-городской. А изъ Москвы онъ долженъ былъ отправиться самъ, или же послать добрыхъ людей въ другія провинціи — въ Нижній и Казань, чтобы и тамъ пересмотрѣть и росписать также дворянъ, сказавъ имъ указъ, чтобы всѣ были готовы къ новому году явиться въ Москву или С.-Петербургъ (П. С. № 3.810, 3.820, 3.825, 3.837, 3.874).

Въ слѣдующемъ году Колычевъ былъ назначенъ герольдмейстеромъ. Учрежденіе герольдмейстера окончательно регулировало обязательную службу и обученіе шляхетства. Въ рукахъ герольдмейстера сосредоточилось завѣдываніе шляхетствомъ — подобно тому, какъ прежній служилый классъ завѣдывался Разрядомъ. Герольдмейстеръ, какъ мы видѣли, долженъ былъ всегда имѣть самыя точныя свѣдѣнія о наличномъ числѣ дворянъ, а для этого онъ самъ велъ имъ списки и получалъ о нихъ вѣдомости изъ другихъ мѣстъ Герольдмейстеръ обязанъ былъ наблюдать, чтобъ шляхетство училось, въ особенности *гражданскимъ и экономическимъ* дѣламъ. Для этого онъ долженъ былъ учинить краткую школу, въ которой бы дѣти знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучались экономіи и гражданству «понеже здѣсь еще ученіи не гораздо вкоренились, паче же въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ ничего нѣтъ». При этомъ герольдмейстеръ обязанъ былъ наблюдать, чтобъ въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было. «Чтобъ служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить, подъ угрозой натуральной или

политической смерти, онъ обязанъ былъ также смотрѣть, чтобы шляхетство, подъ прикрытіемъ малыхъ дѣлъ, не укрывалось по городамъ». Когда сенату надобенъ былъ къ какимъ-нибудь гражданскимъ дѣламъ дворянинъ, то герольдмейстеръ долженъ былъ представить его и потомъ отослать на мѣсто, сенатомъ опредѣленное. Въ 1735 г. постановлено: для представленія въ воеводы, герольдмейстеру дворянъ въ С.-Петербургѣ самихъ не высылать, а только представлять имена кандидатовъ (П. С. №: 6.679). Если дворянинъ, опредѣленный къ дѣламъ, дѣлался отъ нихъ свободнымъ, то коллегіи и канцеляріи, губернаторы и воеводы, должны были таковаго съ вѣдѣніемъ отослать къ герольдмейстеру, дабы подъ именемъ прежнихъ дѣлъ, шляхетство не укрывалось въ своихъ домахъ. Когда же въ коллегію, въ губернію или воеводство на какую-нибудь должность нуженъ былъ дворянинъ, то, выбравъ его, представляли о томъ въ сенатъ, безъ указа котораго нельзя было опредѣлить дворянина ни въ какой урядъ. Если же учрежденіе, нуждавшееся въ должностномъ лицѣ, само не могло указать на кандидата-дворянина, то оно доносило въ сенатъ о вакансіи, а сенатъ давалъ указъ герольдмейстеру о выборѣ кандидата на открывшуюся вакансію (См. инструкцію герольдмейстеру № 3.896, 3.897). Еще прежде, въ 1714 году, было постановлено: царедворцевъ, которые не у дѣлъ, въ губерніяхъ безъ вѣдома изъ канцеляріи сената собою къ дѣламъ не опредѣлять, а требовать ихъ къ дѣламъ изъ сената (П. С. № 2.770). Герольдмейстеръ могъ опредѣлять собственною властію, безъ представленія сенату, только на низшія должности — напримѣръ судебнаго коммисара, что было постановлено уже послѣ изданія герольдмейстерской инструкціи, въ 1725 г. (П. С. № 4.780).

При Петрѣ Великомъ указы о явкѣ на смотръ дворянъ и недорослей были очень часты. Послѣ его смерти, до 1732 г., они почти не встрѣчаются. Въ этомъ же году предписано всѣмъ шляхетскимъ и офицерскимъ дѣтямъ 15 лѣтъ, а также отставнымъ штабъ,-оберъ—и унтеръ-офицерамъ явиться на смотръ герольдмейстера въ сенатѣ непремѣнно въ іюнѣ 1732 г.

(П. С. № 5.927). Вслѣдъ затѣмъ предписывалось: неимущихъ недорослей на смотръ въ С.-Петербургъ не высылать, а записывать въ армейскіе полки, ближайшіе къ ихъ мѣстопребыванію (П. С. № 5.976), въ Петербургѣ же недорослей представлять на смотръ въ кабинетъ (П. С. № 6.127). Несмотря на указъ 3 марта 1732 г. о невысылкѣ неимущихъ недорослей въ С.-Петербургъ, продолжали туда являться такіе, которымъ не только что ѣхать, но и дойти было не съ чѣмъ, поэтому въ 1733 г. повторено: въ С.-Петербургъ высылать только такихъ недорослей, за которыми больше 20 душъ, а за которыми меньше, тѣхъ опредѣлять въ ближайшіе армейскіе полки (П. С. № 6.488).

Манифестъ 31 декабря 1736 г. и разъясняющій его законъ слѣдующаго года окончательно регулируютъ порядокъ явки на смотръ, пріема въ службу и увольненія отъ оной шляхетскихъ недорослей. «Для лучшаго содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень», манифестъ 31 декабря опредѣляетъ: 1) Кто имѣетъ нѣсколькихъ сыновей, тотъ можетъ одного изъ нихъ оставить въ домѣ для управленія имѣніемъ; точно также и нѣсколько родныхъ братьевъ могутъ выбрать изъ среды своей одного для занятій хозяйствомъ. Но оставшіеся въ домахъ обязаны поучиться грамотѣ, чтобъ быть годными къ гражданской службѣ. 2) Прочіе сыновья и братья, по достиженіи 20 лѣтъ, вступали въ военную службу, въ которой обязывались прослужить *25 лѣтъ*, по истеченіи которыхъ, они получали право, если не желали продолжать службу, выходить въ отставку съ повышеніемъ одного ранга. 3) Остающіеся въ домахъ и выходящіе въ отставку, по прослуженіи узаконеннаго термина, ставили вмѣсто себя рекрутъ: за кѣмъ меньше ста душъ—одного, а за каждые слѣдующіе сто душъ—по одному прибавочному (П. С. № 7.142). Сроки явки на смотры опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 1) Всѣ недоросли, по достиженіи ими 7 лѣтъ, должны явиться и записаться въ С.-Петербургѣ у герольдмейстера, а въ Москвѣ, и въ губерніяхъ — у губернаторовъ, которые записныя книги, по окончаніи каждаго года, должны были присылать къ ге-

рольдмейстеру. 2) Эти самые недоросли, по достиженіи ими 12 лѣтъ, являлись на вторичный смотръ, на которомъ они должны были удостовѣрить въ знаніи чтенія и письма. Если, послѣ этого вторичнаго смотра, отецъ или родственники недоросля желали обучать его долѣе въ своемъ домѣ, то должны были обязаться непремѣнно обучить его до слѣдующаго смотра закону божію, ариѳметикѣ и геометріи, а ученіе иностраннымъ языкамъ отдавалось на ихъ произволъ. Но это относилось къ тѣмъ отцамъ и родственникамъ, за которыми не меньше 100 душъ, или къ малопомѣстнымъ, которые могли доказать, что имѣютъ способы къ такому обученію. Въ противномъ же случаѣ недоросли назадъ не возвращались, но записывались въ школы. 2) Когда недоросли достигали 16 лѣтъ, то являлись на новый смотръ, но только въ двухъ мѣстахъ — въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Герольдія представляла ихъ въ сенатъ или его контору, и если, по освидѣтельствованіи здѣсь, оказывалось, что они основательно научились ариѳметикѣ и геометріи, то, по желанію родителей, могли возвратиться въ свои домы съ обязательствомъ до 20 лѣтъ учиться географіи, фортификаціи и исторіи. Если же родители дольше обучать не желали или средствъ не имѣли, то 16-ти лѣтніе отроки опредѣлялись въ академію. Но если на этомъ третьемъ смотрѣ оказывалось, что недоросли не обучены ариѳметикѣ и геометріи, то не исключая и тѣхъ, которые оставались въ домахъ для управленія имѣніемъ, отдавались всѣ въ матросы безъ выслуги. 4) По достиженіи 20 лѣтъ, недоросли снова представлялись на смотръ въ С.-Петербургъ и Москву — въ герольдію, которая опредѣляла ихъ въ военную службу, при указѣ въ тѣ мѣста, куда были опредѣляемы, чтобы преуспѣвшіе въ наукахъ раньше другихъ были произведены въ чины. 5) Недоросли, отпускаемые въ домы со смотровъ, получали паспортъ, въ которомъ прописывалось, на которомъ смотру недоросль былъ и въ которомъ году онъ долженъ опять явиться на смотръ. На третьемъ смотру, въ 16 лѣтъ, родители заявляли, котораго изъ своихъ сыновей они оставляютъ въ домѣ для управленія имѣніемъ.

Этотъ послѣдній получалъ также паспортъ, въ которомъ прописывалось, что онъ оставленъ для домашней экономіи и для управленія имѣніями (П. С. № 7.170, 7.182).

Манифестъ 1736 г. былъ значительной льготой для шляхетства: онъ ограничилъ вѣчную службу его 25 годами, онъ предоставилъ одному члену шляхетской семьи оставаться въ имѣніи. Кромѣ того, онъ установилъ однообразные сроки для смотровъ и опредѣлилъ значеніе ихъ. Недоросли являлись на смотры 4 раза. Первые 3 смотра — въ 7, 12 и 16 лѣтъ — имѣли значеніе экзамена, а послѣдній въ 20 лѣтъ — распредѣленія на службу. Этотъ манифестъ предположено было привесть въ исполненіе по окончаніи турецкой войны (П. С. № 7.142), но едва ли до 1740 г. онъ исполнялся. Въ этомъ же году подтверждена его сила (№ 8.021). Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя его постановленія были пополнены и измѣнены: право выходить до 25 лѣтъ въ отставку предоставлено и тѣмъ, которые никого, кромѣ себя, для экономіи въ домахъ не имѣютъ; выходящіе въ отставку должны ставить за себя рекрутъ по слѣдующему размѣру: имѣющіе отъ 70 — 100 душъ по рекруту, 50—70 душъ—деньгами отъ 30 р., 30—50 — по 20 р., а кто имѣлъ меньше 20 душъ — съ тѣхъ ничего не брали (П. С. № 8.081).

Въ правленіе принцессы Анны брауншвейгъ-люнебургской, какъ видно изъ одного елизаветинскаго указа о недорослѣхъ, указы 1736 и 1737 годовъ были отмѣнены, и 23 пунктомъ указа 1741 г. о наборѣ рекрутъ повелѣвалось: всѣмъ молодымъ *шляхтичамъ* отъ 17 лѣтъ явиться при арміи къ генералитету, а въ С.-Петербургѣ и Москвѣ — въ военную коллегію, контору и герольдію, которые распредѣляли годныхъ въ военную службу. Тогда же началъ заводиться обычай опредѣлять въ военную службу такихъ малолѣтокъ, которые не въ состояніи нести ее. Записанные малолѣтки отпускались въ домы, гдѣ и проживали до зрѣлыхъ лѣтъ, а между прочимъ служба ихъ считалась и они повышались въ чины. Елизавета Петровна возстановляетъ силу петровскихъ указовъ о явкѣ дворянъ и недорослей на смотры, подъ угрозою отдачи моло-

дыхъ дворянъ въ матросы, а престарѣлыхъ — ссылки въ Оренбургъ на поселеніе (П. С. № 8.683). Въ 1749 г. предписано всѣхъ отставленныхъ отъ военной и штатской службы выслать немедленно въ герольдмейстерскую контору, откуда представить въ сенатъ для отдачи въ службу (П. С, № 9.569).

Мы разсмотрѣли законоположенія о смотрахъ дворянъ и шляхетскихъ недорослей. Смотры эти давали правительству средство повѣрять, отбываетъ ли шляхетство лежащія на немъ повинности. Повинности эти главнымъ образомъ состояли въ службѣ военной и отчасти гражданской, и въ обученіи.

Мы видѣли, что и до Петра на помѣщикахъ и вотчинникахъ — на дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ — лежала военная служба, періодически ими отбываемая. Военная служба, отбываемая сначала постоянно, а потомъ 25 лѣтъ, продолжаетъ быть преимущественною обязанностію дворянъ и послѣ Петра. Но при немъ получаетъ значеніе и служба гражданская, къ которой стараются подохотить и принудить шляхетство.

При Петрѣ Великомъ военная служба дворянина начиналась съ самыхъ молодыхъ лѣтъ (обыкновенно съ 15), и непремѣнно съ рядоваго. Такъ какъ начальства, снисходя къ своимъ односословникамъ, производили иногда въ офицеры молодыхъ шляхетскихъ отроковъ, не служившихъ въ низшихъ чинахъ, или служившихъ весьма малое время, а потому незнавшихъ съ *фундамента* солдатскаго дѣла, то въ 1714 г. былъ изданъ указъ, запрещавшій производить въ офицеры изъ *дворянскихъ породъ*, которые не служили солдатами въ гвардіи (П. С. № 2.775). Это было подтверждено и въ 1719 г. (П. С. № 3.265). Намѣреніе Петра Великаго записывать малолѣтокъ-дворянъ въ гвардію, какъ объяснялъ это сенату Ив. Ив. Шуваловъ, состояло въ томъ, чтобъ учредить при гвардейскихъ полкахъ школы, гдѣ бы могли учиться поступившіе малолѣтки (Чтенія: кн. 3-я, 1858 г.). Но впослѣдствіи порядки измѣнились: уже при Аннѣ Леопольдовнѣ (П. С. № 8.683), а еще болѣе при Елисаветѣ Петровнѣ (П. С. № 10.558), дворяне начали записывать своихъ дѣтей въ полки капралами, унтеръ-офицерами и сержантами, а потомъ

держали ихъ при себѣ до совершеннолѣтія; старшинство-же службы считалось со дня записки, съ котораго начиналось и производство въ чины. Какъ видно изъ записокъ Энгельгардта, въ одномъ преображенскомъ полку считалось такихъ сержантовъ болѣе 100 человѣкъ, а недорослямъ не было и счету. До какихъ размѣровъ обычай этотъ дошелъ при Екатеринѣ II, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: сынъ знаменитаго А. И. Бибикова 2 лѣтъ былъ записанъ въ гвардію, а 9 произведенъ въ офицеры. Энгельгардтъ говоритъ, что 13 лѣтъ онъ былъ представленъ въ аудиторы. Такіе примѣры встрѣчаются, впрочемъ, и до Екатерины II: Еропкинъ по 13 году, въ 1736 г., былъ произведенъ въ офицеры; Румянцевъ-Задунайскій былъ записанъ въ солдаты, въ 1731 г., на 6 году отъ рожденія; Вязмитиновъ, бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ, также ребенкомъ былъ записанъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ солдатомъ. Неудивительно, что Павелъ I, какъ свидѣтельствуетъ Энгельгардтъ, дворянъ, служившихъ въ гвардіи, называлъ *тунеядцами*. Не то было при Петрѣ Великомъ: «какъ достигъ я 14 лѣтъ возраста моего» говоритъ кн. Як. Петр. Шаховской, «то дядя представилъ меня въ службу въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ... Въ оному полку, бывъ по нѣскольку времени солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ.... не *такъ какъ послѣ многіе молодые дворяне, дома живучи всѣ унтеръ-офицерскія званія* проносили, а по введеніи уже въ офицерскіе чины въ службу вступали, я неотлучно при полку находясь, капральскую и всѣхъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ должность дѣйствительно отправлялъ» (Ч. I, стр. 2). Берхгольцъ въ своемъ Дневникѣ свидѣтельствуетъ, что большая часть рядовыхъ преображенскаго и семеновскаго полковъ въ 1721 г. были изъ дворянъ, многіе изъ князей. Они исполняли всѣ обязанности рядовыхъ, получали содержаніе и службу несли наравнѣ съ ними: такъ однажды въ караулъ къ герцогу голштинскому наряжены были вмѣстѣ съ другими рядовыми кн. Голицыны. Сынъ канцлера, молодой Головинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, поступилъ гар-

демариномъ во флотъ. Лордъ Витвортъ свидѣтельствуетъ, что въ драгунскомъ полку кн. Меншикова рядовыми было однихъ князей 300 человѣкъ (Voyage en Pologne, Russie etc., par Will. Coxe). Конечно, и впослѣдствіи проводить низшіе чины въ своихъ помѣстьяхъ было привиллегіей однихъ богатыхъ дворянъ. Небогатый же дворянинъ и впослѣдствіи, поступивъ въ полкъ, переживалъ нелегкую долю солдата. Такъ напримѣръ, Державинъ, поступивъ въ рядовые преображенскаго полка, жилъ въ казармѣ вмѣстѣ съ даточными, вмѣстѣ съ ними наряжался и на всѣ работы: чистилъ каналы, возилъ провіантъ, бѣгалъ на вѣсти къ офицерамъ (З. Державина). Служба солдатомъ, наравнѣ съ подлымъ народомъ, становилась тѣмъ тяжелѣе шляхетству, чѣмъ больше развивалось въ немъ понятіе о своемъ благородствѣ. Понятно, почему верховный тайный совѣтъ, желавшій задобрить шляхетство, обѣщалъ ему въ солдаты и прочіе подлые и нижніе чины неволею неопредѣлять, а устроить особливыя кадетскія роты, изъ которыхъ выходили бы прямо въ обер-офицеры (Соловьева: т. XIX, стр. 256). Но учрежденіемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса цѣль эта не могла быть достигнута вполнѣ: корпусъ былъ учрежденъ на ограниченное число лицъ, а большинство дворянъ поступало все-таки солдатами. Уже впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, съ развитіемъ служебныхъ привиллегій дворянства, солдатчина для нихъ была отмѣнена.

Шляхетство, по первоначальному плану Петра, непремѣнно должно было служить въ гвардіи, при полкахъ которой, какъ мы видѣли, устроены были школы, гдѣ обучались малолѣтки: по воинскому уставу служба въ гвардіи — единственный путь къ производству въ офицеры (П. С. № 3.006. Гл. I). Такимъ образомъ, наши первые гвардейскіе полки — преображенскій и семеновскій — были наполнены рядовыми изъ дворянъ. Но въ гвардейскіе полки, которыхъ первоначально было мало, не могло помѣститься все служащее по военной службѣ шляхетство; служба въ гвардіи требовала большихъ расходовъ. Возникъ вопросъ: кому изъ шляхетства служить въ гвардіи, а кому въ арміи? Для разрѣшенія этого вопроса въ 1721 г.

постановлялось: въ гвардію опредѣлять только изъ знатнаго шляхетства, а изъ прочаго въ другіе полки (П. С. № 3.756). Но что́ разумѣть подъ знатнымъ шляхетствомъ? Начальства затруднялись разрѣшеніемъ этого вопроса, и въ 1724 г. представляли государю: считать ли за знатное шляхетство тѣхъ, которые имѣютъ болѣе ста дворовъ, или же по рангамъ? Петръ Великій постановилъ резолюцію: знатное дворянство *по годности* считать (П. С. № 4.588. 9). Но что разумѣлъ великій преобразователь подъ годностію, примѣнительно къ опредѣленію въ гвардію — годность ли нравственную — образованіе или физическую — статный видъ, тѣлесную силу, высокій ростъ? Можно думать: послѣднее — въ гвардейскіе полки при Петрѣ Великимъ подбирались красивые, сильные и рослые шляхтичи. Впослѣдствіи, шляхетство распредѣлялось между гвардіей и другими полками по годности имущественной: въ армейскіе и гарнизонные полки стали опредѣлять дворянъ неимущихъ, за которыми меньше 20 душъ (П. С. № 6.949). Потомъ опять — по годности физической: въ 1741 г. постановлялось — возрастныхъ и взрачныхъ дворянъ опредѣлять въ лейбъ-гвардію, а тѣхъ, кои малаго роста — въ полевые полки, а въ гарнизонные дворянъ вовсе не опредѣлять (П. С. № 8.331). Но случалось и послѣ этого, что дворянскіе дѣти служили по гарнизоннымъ полкамъ, поэтому постановленіе 1741 г. подтверждено при Елизаветѣ Петровнѣ (П. С. № 8.683).

Петръ Великій обращалъ вниманіе и на равномѣрное распредѣленіе шляхетства между арміей и флотомъ. Герольдмейстеръ, какъ мы видѣли, обязанъ былъ смотрѣть, чтобы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой шляхетской фамиліи не было «чтобъ служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить». Въ 1716 г., послѣ смотра недорослей государемъ, 40 изъ нихъ были записаны государемъ во флотъ гардемаринами (Записки адм. Мордвинова: стр. 9). Но послѣ Петра Великаго и Екатерины I, какъ можно думать, въ морскую службу дворянскія дѣти не были опредѣляемы. Сами же они записывались преимущественно въ сухопутный кадетскій корпусъ, въ школы артиллерійскую и инженерную и въ де-сіансъ академію, а въ адмиралтейскую —

почти никто. Послѣдняя донесла сенату, что въ ней учениковъ очень мало, и некого опредѣлять во флотъ. Елизавета Петровна въ 1742 г. обратила вниманіе на возстановленіе нарушенной пропорціи между служащими по арміи и по флоту (П. С. № 8.683), но еще въ 1757 г. генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой предлагалъ сенату, что недоросли изъ дворянскихъ дѣтей большей частію опредѣляются въ сухопутный кадетскій корпусъ, а морской состоитъ не въ полномъ комплектѣ; по этому случаю Сенатъ приказали: раздѣлять недорослей по поламъ, чтобъ оба корпуса наполнялись уравнительно (П. С. № 10.730),

Служащіе въ военной службѣ — какъ сухопутной, такъ и морской — должны были постоянно находиться въ ней, по смерть: отставка (абшидъ) до закона 1737 г., ограничившаго службу 25-лѣтнимъ терминомъ, допускалась только за дряхлостью, ранами, неисцѣльными болѣзньми (П. С. № 3.980. Книга штатовъ: ч. I, стр. 80). Но служащіе по смерть, а потомъ 25 лѣтъ, дворяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и помѣщиками: побывка являлась необходимостію, чтобы хотя отъ времени до времени освѣдомиться, какъ идетъ хозяйство въ имѣніи. Отсюда отпуски въ домы, побывка. Въ 1721 г. было постановлено, что если урядники и рядовые изъ шляхетства пожелаютъ получить отпускъ въ свои домы, то отпускать ихъ за *поруками* на полгода (поручительство явки на службу помѣщиковъ и вотчинниковъ было сильно развито до Петра Великаго). А ежели тѣмъ полкамъ, изъ которыхъ рядовые изъ шляхетства просятся въ отпуски, будетъ нарядъ на работу, то у отпущенныхъ рядовыхъ - дворянъ брать вмѣсто ихъ работниковъ изъ ихъ людей, которые могли бы заработать урочную часть (П. С. № 3.837). Въ 1724 г. постановлено отпускать въ домы имѣющихъ деревни: служащихъ по военно-сухопутной части половину погодно, морскихъ (*и петербурскихъ жителей*) въ третій годъ, т. е. 2 года служить (и жить здѣсь), третій проводить въ деревняхъ (П. С. № 4.595). Въ 1727 г. дозволено было, когда «конъюнктуры» допускаютъ, 2 части офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ изъ шляхетства отпустить

въ ихъ домы, чтобы они осмотрѣли и привели въ порядокъ свои деревни (П. С. № 5.016). При Петрѣ II, въ 1729 г., число отпускаемыхъ въ деревни погодно было ограничено $^1/_3$ (П. С. № 5.492). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1732 г., положено изъ гвардейскихъ полковъ давать отпуски только въ январѣ и февралѣ каждаго года, а въ другіе мѣсяцы отнюдь не отпускать (П. С. № 5.957). Елизавета Петровна постановила: всѣхъ офицеровъ и рядовыхъ, кои изъ шляхетства, а кои не изъ шляхетства, но имѣютъ деревни, отпустить по $^1/_3$ части изъ полковъ и флота по 1 апрѣля 1743 г. (П. С. № 8.642). Но отпущенные въ домы, какъ тогда говорилось, на *рекреацію*, на какой бы ни было срокъ, обязывались явиться на службу по первому востребованію. Въ 1758 г. предписывалось губернаторамъ и воеводамъ всѣхъ отпущенныхъ изъ военной службы на рекреацію, не взирая ни на какія уваженія и причины, выслать изъ полковъ, какъ наискорѣе и безъ всякаго послабленія (П. С. № 10.847, 10.898, 10.920).

Кромѣ военной службы, какъ главной повинности, шляхетство отбывало и службу гражданскую, которая съ Петра Великаго начинаетъ получать самостоятельное государственное значеніе. До Петра же гражданская служба такого значенія не имѣла. Она была, какъ мы видѣли, *временными полномочіями* служилаго человѣка—*дѣлами*, *посылками*. А служилый человѣкъ никогда не былъ *чиновникомъ*, но только *воиномъ*. Изъ понятія государевой службы вообще начинаетъ выдѣляться особая самостоятельная государственная дѣятельность при Петрѣ Великомъ — особый родъ службы. Впрочемъ, попытка такого рода выдѣленія замѣчается еще при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ (Архивъ Калачева, Т. I). Впервые, если мы усмотрѣли, терминъ *гражданская служба* встрѣчается въ одномъ указѣ 1714 г., составляющемъ дополненіе къ указу о единонаслѣдіи (П. С. № 2.796). До этого времени и въ указахъ Петра Великаго встрѣчаются выраженія *дѣла*, *посылки*, въ смыслѣ гражданской службы (П. С. № 2.467 и др.). Современи генеральнаго регламента и табели о рангахъ *штатская служба и штатскія дѣла* (Табель о рангахъ, указъ 1736 г. подъ №

7.142) получаютъ полныя права гражданства, и дворянинъ — прежде только *воинъ* — дѣлается и *чиновникомъ*.

До Петра Великаго, повторяемъ, одна военная служба считалась настоящею царскою службою, а гражданская — только временными дѣлами и посылками. Понятно, почему служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ; понятно, почему дворянинъ считалъ для себя безчестнымъ служить въ дьякахъ. Въ Исторіи проф. Соловьева приведенъ одинъ примѣръ, ярко характеризующій такое воззрѣніе. Дьякъ Ларіонъ Лопухинъ билъ челомъ Михаилу Ѳедоровичу, что родители его служили искони въ городахъ по выбору, а онъ до дьячества служилъ въ житьѣ, а потому и просилъ отставить его отъ дьячества. Государь пожаловалъ: впредь ему въ безчестье того, что онъ въ дьякахъ, *его братьи дворянамъ не ставить*, взятъ онъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву указу, а не его хотѣньемъ (Соловьева: Т. IX, стр. 374). Между людьми меча и людьми пера существовало даже враждебное отношеніе, сказавшееся напримѣръ на соборѣ 1642 г.

Взглядъ дворянина — дьяка Лопухина, считавшаго для себя безчестьемъ дьячество, исповѣдывался дворянами и послѣ Петра. Они продолжаютъ на себя смотрѣть, какъ на людей меча [57]) и уклоняются отъ гражданской службы, несмотря на всѣ усилія правительства подохотить ихъ къ ней. Гражданская служба ускользала, поэтому, изъ рукъ дворянства, и переходила въ руки приказнаго люда — *крапивнаго сѣмени*, какъ называло его дворянство, помнившее исконный антагонизмъ между людьми меча и людьми пера. Не бюрократія, такимъ образомъ, набиралась изъ дворянства, но дворянство выходило изъ бюрократіи, не высшее сословіе давало тонъ и направленіе чиновничеству, но чиновничество измѣняло тонъ и направленіе высшаго сословія. Правда, войдя посредствомъ чина въ дворянство, бюрократія сливалась съ нимъ своими интересами. Но все-таки, чуждая ему родомъ и племенемъ, подчасъ имъ презираемая, бюрократія наша до нѣкоторой степени была независима отъ дворянства, а это едва-ли было неблагопріятно для нашего гражданскаго преуспѣянія.

Несомнѣнно: миссія дворянства была благородна, и оно съ достоинствомъ ее исполняло. Дворяне лили кровь свою за отечество, или, точнѣе сказать, командовали тѣми, которые проливали эту кровь, «низвергали стѣны Измаила, потрясали надменный Стамбулъ». Какъ глубоко они были проникнуты сознаніемъ этихъ заслугъ своихъ предъ отечествомъ, показываютъ слова кн. Щербатова, сказанныя имъ въ коммисіи 1767 г., какъ замѣчаетъ дневная записка «съ крайнимъ движеніемъ духа». Знаменитый ярославскій депутатъ вопрошалъ: «Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрные твои чада, древніе россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію — они тебя освободили отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность». (Сб. русск. историч. общ. Т. IV стр. 143). Эти почтенныя услуги дворянства отечеству оцѣнены какъ имъ самимъ, такъ и историками (Морошкинъ). Но достаточно-ли выяснена и оцѣнена миссія людей пера — крупной и мелкой чиновной братьи, надъ которой съ легкой руки Щедрина мы всѣ въ послѣднее время, отъ мала и до велика, такъ издѣвались и глумились? Достаточно ли оцѣнено все сдѣланное для нашего мирнаго преуспѣянія, для совершенстованія нашего государственнаго строя, дьяками — Гусевыми, Щелкаловыми, Леонтьевыми и Грибоѣдовыми, Граматиными, Шафировыми и др., заслуги которыхъ по-истинѣ не уступаютъ заслугамъ французскихъ легистовъ, откуда можетъ быть и вражда къ нимъ служилыхъ людей. Петербургская бюрократія явилась продолжательницей дѣла московскихъ дьяковъ: царскихъ дьяковъ и подъячихъ смѣнили императорскіе правители канцелярій и секретари. И каковы бы ни были недостатки этой бюрократіи, кто откажетъ ей въ замѣчательномъ государственномъ тактѣ, въ крѣпкомъ закалѣ, въ трудовомъ сподвижничествѣ? Люди меча могутъ съ гордостію указать на подвиги Пожарскаго, Шереметева, Миниха, Румянцова, Суворова, Кутузова и т. д., не говоря о многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ, но не менѣе доблестныхъ воинахъ. Для людей пера есть также свои завѣтныя имена: Шафировъ, Ягужинскій, Остерманъ, Безбородько, Трощинскій,

Сперанскій, и т. д., не говоря о многихъ другихъ сподвижникахъ канцелярскихъ муравейниковъ — менѣе извѣстныхъ, но по дѣламъ своимъ столько же славныхъ.

Послѣдующее изложеніе покажетъ, какъ много заботилось правительство о томъ, чтобъ подъохотить шляхетство къ гражданской службѣ, и какъ упорно шляхетство отъ нея уклонялось.

Генеральный регламентъ 1720 г. опредѣлилъ, чтобы при коллегіяхъ и канцеляріяхъ, подъ управленіемъ секретарей, шляхетскія дѣти обучались канцелярскому дѣлопроизводству, дабы современемъ они могли *по-градусамъ* быть произведены въ вышніе чины. Не позволялось только, чтобы всѣ дѣти какой-нибудь дворянской фамиліи были въ одной гражданской службѣ, но пропорціональная часть ихъ должна была служить и въ военной. Но, зная традиціонный взглядъ дворянства на канцелярскую службу, законодатель предписывалъ *не ставить въ укоризну* знатнымъ и шляхетскимъ фамиліямъ прохожденіе ея. (П. С. № 8.534, Гл. XXXVI). Пропорція шляхетства, служащаго по гражданской части, была опредѣлена инструкціей герольдмейстеру: послѣдній обязанъ былъ смотрѣть, чтобъ въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было. Герольдмейстеръ долженъ былъ набрать указное число дворянъ въ коллегіи и надворные суды (П. С. № 3.897). Въ надворные суды слѣдовало набрать 100 человѣкъ изъ дворянъ, оставшихся за выборомъ лучшихъ изъ нихъ на другія должности. Эти 100 человѣкъ употреблялись для службъ въ нижнемъ надворномъ судѣ въ С.-Петербургѣ. Они раздѣлялись на двѣ половины, образующія двѣ смѣны, отправлявшія службу погодно. Но изъ выбывающей смѣны оставлялась $^1/_3$ и на другой годъ, дабы до наступленія ея очереди она знала дѣла прошедшаго года (П. С. № 3.878). Постановлено было также, чтобы при каждой коллегіи, для обученія канцелярскому дѣлу, изъ шляхетскихъ дѣтей состояло по 6 или по 7 человѣкъ. Однако же въ 1724 г. въ коллегіяхъ изъ шляхетства находилось весьма мало, а въ нѣкоторыхъ даже ни одного: поэтому снова предписывалось набрать изъ шляхетства, обучающагося въ академіяхъ, 100 человѣкъ и

распредѣлить ихъ по коллегіямъ (П. С. № 4.457). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же 1724 г., опредѣлено: въ секретари не изъ шляхетства не опредѣлять, дабы потомъ могли въ асессоры, совѣтники и выше происходить. Изъ подъяческаго же чина опредѣлять только въ исключительныхъ случаяхъ (П. С. № 4.449). Въ слѣдующее царствованіе, въ 1726 г., сенатъ доносилъ в. т. совѣту, что юнкеры коллегій не обучаются приказнымъ дѣламъ, а поэтому достойныхъ между ними для опредѣленія въ секретарскій чинъ нѣтъ. Совѣтъ постановилъ: покамѣстъ юнкеры изъ шляхетства обучатся приказнымъ дѣламъ, производить въ секретари изъ людей приказныхъ (П. С. № 4.873). При учрежденіи Анной Іоанновной кадетскаго корпуса въ 1731 г., въ который принимались одни шляхетскія дѣти, постановлено было учить въ немъ и юриспруденціи «понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе». (П. С. № 5.811). Манифестъ 31 дек. 1736 г., ограничившій срокъ шляхетской службы 25 годами и дозволившій одному изъ сыновей или братьевъ оставаться въ домѣ для управленія имѣніемъ, обязывалъ послѣднихъ приготовляться обученіемъ къ гражданской службѣ (П. С. № 7.142). При смотрѣ недорослей, достигшихъ 16 лѣтъ, опредѣлялись въ гражданскую службу тѣ изъ нихъ, которые оказывались болѣе къ ней способными (П. С. № 7.170), и распредѣлялись герольдмейстеромъ между коллегіями и канцеляріями (П. С. № 7.182).

Въ 1737 г. сенатъ представилъ въ кабинетъ-министровъ докладъ, чтобы выбрать изъ грамотныхъ шляхетскихъ недорослей отъ 15 — 17 лѣтъ, находящихся въ С.-Петербургѣ и распредѣлить ихъ между сенатомъ, коллегіями и канцеляріями. Въ сенатъ опредѣлить тѣхъ, за которыми не меньше 100 душъ; въ коллегіи и канцеляріи — за которыми не меньше 25, дабы они могли не только жалованьемъ, но и собственными средствами содержать себя *честно*, *чисто* и не *убою*. Занимаясь же канцелярскимъ дѣломъ, они должны были обучаться и другимъ наукамъ, къ шляхетству и гражданству

пристойнымъ «чѣмъ оные могутъ подать и другимъ впредь свою охоту, на нихъ смотря, *въ штатскіе чины происковать опредѣленія*». Хотя такіе шляхетскіе недоросли опредѣлялись на должность и жалованье копіистовъ, однакожъ они должны были называться *дворянами* — сенатскими, коллежскими или канцелярскими, смотря потому, къ какому мѣсту были приписаны: «чѣмъ наибольше могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе приказныхъ людей отъ себя отвести». Недоросли эти имѣли получать одинъ годъ копіистское жалованье, 2 года подканцеляристское, 2 года канцеляристское, а по прошествіи пяти лѣтъ достойныхъ изъ нихъ производили въ секретари. Если же, по прошествіи этихъ 5 лѣтъ, они оказывались неспособными къ *гражданству*, или *штатскимъ дѣламъ*, то отсылались въ военную коллегію для опредѣленія въ полевые полки солдатами. Таково было представленіе сената въ 1737 г. Кабинетъ министровъ, хотя и находилъ, что «сенату объ этомъ предметѣ не потребно было требовать мнѣніе кабинета, такъ какъ о немъ довольные именные указы имѣются», однакожъ въ резолюціи своей согласился съ сенатскимъ представленіемъ (П. С. № 7.201). Во исполненіе этой резолюціи, кн. Юсуповъ росписалъ шляхетскихъ недорослей, бывшихъ на смотрѣ у герольдмейстера въ С.-Петербургѣ, слѣдующимъ образомъ: въ сенатъ — 12, въ синодъ — 6, въ иностранную коллегію — 12, въ военную, юстицъ, коммерцъ и штатсъ-коллегіи — по 6, въ генералъбергъ-директоріумъ и въ монетную канцелярію — по 4. Въ то же время гр. Салтыковъ явившихся на смотръ въ московскую сенатскую контору распредѣлилъ такъ: въ сенатскую контору, въ камеръ, ревизіонъ и вотчинную-колегіи — по 6, въ судной приказъ — 4, въ канцелярію конфискаціи — 2. Эти распредѣленные такимъ образомъ недоросли состояли подъ главнымъ надзоромъ: въ сенатѣ—кн. Юсупова, въ сенатской конторѣ—у кого гр. Салтыковъ заблагоразсудитъ, въ коллегіяхъ—у президентовъ и вице-президентовъ, а въ канцеляріяхъ—у главнаго судьи. Въ сенатѣ дворяне были поручены оберъ-секретарю, который, росписавъ ихъ по секретарскимъ

экспедиціямъ, наблюдалъ, чтобы секретари тщательно обучали ихъ приказному порядку, закопамъ и правамъ государственнымъ, уложенію и проч. — Два дня въ недѣлю дворяне обучались ариѳметикѣ, геодезіи, географіи и грамматикѣ. Еженедѣльно секретари экспедицій рапортовали о нихъ оберъ-секретарю, доносившему кн. Юсупову, который экзаменовалъ ихъ каждый мѣсяцъ. Приказнымъ служителямъ запрещалось озлоблять дворянъ какимъ-нибудь невѣжествомъ или ругательнымъ словомъ. Дворяне съ своей стороны должны были *оказывать свою природу* чрезъ честное и учтивое обхожденіе со всѣми канцелярскими служителями. Имъ запрещалось ходить въ вольные домы и пьянствовать, играть въ кости и карты, посѣщать непристойные домы, подъ угрозою отдачи въ солдаты безъ выслуги [58]). Обращено вниманіе и на ихъ внѣшность: дворяне сенатской канцеляріи должны были содержать себя чисто въ платьѣ и бѣльѣ, пудрить волосы всякій день, «чтобъ имъ *не безчестно* было являться предъ честными людьми, а особенно въ праздники вмѣстѣ съ кадетами, ходить по двору» (П. С. № 7.245).

Но эта мѣра насильственнаго опредѣленія дворянъ въ гражданскую службу оказалась скоро безуспѣшною. Въ 1740 году сенатъ приказалъ изъ опредѣленныхъ къ приказнымъ дѣламъ: 27 человѣкъ (кн. Львова, Квашнинъ-Самарина, Алексѣя Аксакова и др.) за непонятливость въ наукахъ и приказныхъ дѣлахъ отдать въ солдаты; 28 человѣкъ (кн. Шаховскаго, кн. Енгалычева и др.), хотя и прилежныхъ въ наукахъ, но неимѣющихъ склонности къ приказнымъ дѣламъ и просящихъ сенатъ объ опредѣленіи въ военную службу, отдать въ кадетскій корпусъ и морскую академію для приготовленія къ этой службѣ «понеже къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучить ихъ никакъ невозможно». Вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая «что изъ такихъ, кои по выбору опредѣлены, не только изъ великопомѣстныхъ и знатныхъ, но и изъ посредственныхъ и *подлыхъ*, къ приказному обученію охоты не имѣютъ, а всѣ, смотря происхожденіе воинской службы другихъ ихъ братьи дворянъ, болѣе къ тому прилежатъ и тщатся», сенатъ поста-

новилъ: въ гражданскую службу опредѣлять только такихъ, кои пожелаютъ, а не неволею (П. С. № 8.043).

Такимъ образомъ, заботы правительства привлечь шляхетство къ гражданской службѣ оказывались тщетными. Какъ не прививалась къ нему эта служба, можно видѣть изъ подписей подъ наказами дворянскихъ депутатовъ въ коммисію 1767 г. Между множествомъ дворянъ военнаго чина, съ которыми мы здѣсь встрѣчаемся, только изрѣдка попадаются чины гражданскіе: на 20 какихъ-нибудь премьеръ и секундъ-майоровъ, капитановъ, вахмистровъ, сержантовъ, капраловъ и солдатъ, едва едва встрѣтится одинъ титулярный совѣтникъ или коллежскій асессоръ [59]). (См. Сб. русск. ист. общ. Т. IV). Екатерина II въ своемъ наказѣ, хотя и ставитъ военную службу, какъ «первое право и упражненіе приличествующее дворянамъ», но признаетъ гражданскую службу не менѣе надобною въ мирное время, а поэтому считаетъ ее не только *приличною дворянству*, но и дающею возможность получить сіе достоинство (П. С. № 12.949. Гл. XV). Впрочемъ, во все царствованіе Екатерины II дворянство продолжало брезгать службой гражданской, и продолжало служить въ военной — преимущественно въ гвардіи. Если же и служило въ статской, то по переходѣ въ нее изъ военной, чтобы занять видныя мѣста — президентовъ и вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ или оберъ-прокуроровъ. Такія же видныя мѣста, сколько-нибудь независимыя, на которыхъ можно было держать себя *бариномъ*, дворянство очень цѣнило. Мы встрѣчаемъ примѣръ, что къ концу царствованія Екатерины II одинъ богатый помѣщикъ 1.000 душъ крестьянъ, братъ сенатора Желтухина, былъ городничимъ въ Саранскѣ (Воспоминанія Вигеля: ч. II, стр. 91). Но должности второстепенныя: членовъ коллегій, вице-губернаторовъ и совѣтниковъ въ губерніяхъ, оберъ-секретарей, продолжали замѣщаться людьми другихъ состояній — были достояніемъ крапивнаго сѣмени.

Еще въ 1796 г., при изданіи новыхъ штатовъ губерній предписывалось: «главнокомандующему и губернскому правленію нужно поощрять, чтобъ молодые дворяне, по окончаніи

наукъ, занимались законами своей земли и образомъ судопроизводства, а для сего опредѣлялись бы въ приказы, не *вмѣняя въ предосужденіе благородству* пріобрѣтать свѣдѣніе въ дѣлахъ и практиковаться, чтобъ могли поступая въ вышніе чины достойно исправлять свое званіе къ пользѣ общей». (П. С. № 19.856).

При Павлѣ I произошла реакція: строгости военной дисциплины побѣдили отвращеніе дворянства отъ гражданской службы, и оно начало поступать въ нея въ такомъ количествѣ, что скоро начались ограниченія. Вначалѣ своего царствованія императоръ Павелъ I возобновилъ званіе юнкеровъ коллегіи для приготовленія дворянъ къ гражданской слржбѣ. Въ юнкера записалось множество молодыхъ людей изъ дворянъ: въ 1799 г. повелѣвалось сенату оставить изъ нихъ только 50 человѣкъ, препроводивъ остальныхъ въ военную коллегію (П. С. № 19.002). Эти юнкера были оставлены при коллегіи иностранныхъ дѣлъ: 20 въ С.-Петербургѣ и 10 въ Москвѣ при архивѣ (П. С. № 19.008). Интересно очень изображеніе этихъ барченковъ и раздушонныхъ аристократиковъ, между которыми, впрочемъ, встрѣчается и дорогое имя Блудова, у Вигеля (ч. I стр. 160). Затѣмъ ограниченія пріема въ гражданскую службу дворянъ пошли въ болѣе широкихъ размѣрахъ: именнымъ указомъ сенату 5 октября 1799 г. опредѣлено дворянскихъ дѣтей въ гражданскую службу не записывать безъ доклада государю (П. С. № 19.136). Въ 1800 г. запрещено отставныхъ изъ военной службы опредѣлять въ статскую (П. С. № 19.856), а затѣмъ неопредѣленіе дворянъ въ статскую службу безъ высочайшаго соизволенія распространено и на дѣтей личныхъ дворянъ (П. С. № 19.692). Съ возстановленіемъ дворянской грамоты ограниченія эти были отмѣнены (П. С. № 19.810, 19.856). Завелся обычай между дворянствомъ состоять на мнимой гражданской службѣ, получать чины, не пачкаясь канцелярскими чернилами. Эти синекюры преслѣдовались правительствомъ, но общество ихъ терпѣло, и онѣ продолжаются едва-ли не по настоящее время. Въ 1807 г. дошло до свѣдѣнія государя, что въ одной ря-

занской губерніи къ присутственнымъ мѣстамъ было приписано 339 человѣкъ мнимо-служащихъ, преимущественно изъ дворянъ. Государь повелѣлъ: не причислять дворянъ къ присутственнымъ мѣстамъ безъ дѣйствительной службы (П. С. № 562). Но обычай этихъ синекюръ все-таки не выводился: въ 1844 г. предписывалось не числить на службѣ тѣхъ лицъ, которыя по оной не имѣютъ никакихъ занятій (2-е П. С. № 17·624).

Дворянство охотно приписывалось къ присутственнымъ мѣстамъ, чтобъ только не нести дѣйствительной гражданской службы. Но взглядъ его на эту службу опять сдѣлался прежній, какъ только строгая военная дисциплина, введенная Павломъ, была смягчена, и запрещеніе вступать въ гражданскую службу отмѣнено. Если вѣрить Вигелю, то дворяне не жаловали и инженерной службы, пока принцъ ольденбургскій не испросилъ инженерамъ военные чины и мундиры (Ч. III. стр. 77). Съ образованіемъ министерствъ между дворянствомъ является мода поступать на службу въ эти новыя учрежденія. При первоначальномъ образованіи министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1802 г., при его департаментѣ учреждено было *общество дворянъ* изъ 10 душъ — для занятій исторіей администраціи и статистикой. Одинъ изъ нихъ состоялъ всегда при министрѣ для исполненія или сообщенія его приказаній (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ). Въ 1811 г. постановлялось: дворянъ, неимѣющихъ никакихъ чиновъ, при вступленіи въ статскую службу, принимать въ департаменты съ наименованіемъ *дворянами*, а въ прочія присутственныя мѣста — съ званіемъ канцеляристовъ (П. С. № 24.601).

Въ канцеляріяхъ новыхъ министерствъ появляются, такимъ образомъ, секретари, столоначальники и канцеляристы изъ дворянъ. Не къ нимъ-ли относится замѣчаніе Ив. Ив. Дмитріева: «какая разница между старинными секретарями и нынѣшними! Въ 60 и 70-хъ годахъ 18 вѣка» (когда преобладали въ гражданской службѣ секретари изъ крапивнаго сѣмени) «оберъ-секретарь Крамаренковъ переводилъ Монтескье о

духѣ законовъ, а Богаевскій Юстія о благосостояніи царствъ». (Взглядъ на мою жизнь, стр. 184). Но за то новые секретари — дворянскаго происхожденія — привнесли въ гражданскую службу тонкія бюрократическія манеры, въ канцеляріяхъ ввели салонный тонъ и парижскій діалектъ.

Впрочемъ, эта мода поступать на службу въ министерскія канцеляріи была кратковременна. Сперанскій заводилъ новую школу бюрократовъ — изъ духовнаго званія, которая мало-по-малу вытѣснила изъ министерскихъ канцелярій дворянство. Дворянство по прежнему наводняетъ гвардію. Служба въ гвардіи при Александрѣ I была самою модною, самою дворянскою службою. Изъ гражданской службы только одна дипломатическая каррьера пользовалась нѣкоторымъ уваженіемъ дворянства. Николай I стремится поднять гражданскую службу во мнѣніи дворянъ: къ прежнему лицею присоединяется училище правовѣдѣнія для приготовленія гражданскихъ чиновниковъ изъ аристократовъ. Изъ завѣтныхъ стѣнъ этихъ заведеній выпускаются чиновники — столбовые дворяне. Но взглядъ на гражданскую службу, какъ на профессію весьма почтенную, перемѣняется только тѣми дворянскими поколѣніями, которыя прошли чрезъ университеты, авторитетъ и вліяніе которыхъ на общество такъ усиливаются въ царствованіе императора Николая. Эти дворянскія университетскія поколѣнія, enfants terribles своего сословія, вносятъ въ него протестъ противъ привиллегіи, требованіе уравненія въ правахъ общественныхъ классовъ. Онѣ подымаютъ и званіе людей пера. Несмотря на военный духъ правительственной системы императора Николая, мирныя занятія гражданскаго чиновника начинаютъ пользоваться большимъ почетомъ въ обществѣ, и люди пера начинаютъ даже брать верхъ надъ людьми меча.

Мы разсмотрѣли военную и гражданскую службу дворянства. Отправленіе ея составляло постоянную и главную его повинность. Но, кромѣ того, существовали наряды дворянъ на разныя другія временныя занятія. Мы разсмотримъ тѣ изъ этихъ нарядовъ, о которыхъ есть данные въ П. С. Въ 1711 г. въ Малороссіи свирѣпствовала зараза. Для охраненія отъ нея,

устроены были заставы, а смотрителями на нихъ назначены—отставные дворяне (П. С. № 2.340). Въ 1712 г. сенатъ приговорили: быть на Москвѣ для разныхъ посылокъ 900 недорослямъ, которымъ изъ сената давать жалованье—каждому по 15 алтынъ, да правіанта по полуосминѣ (П. С. № 2.554). Въ 1714 г. для провіантскихъ и другихъ дѣлъ взяты въ С.-Петербургъ по 2 человѣка дворянъ изъ губерній (П. С. № 2.839). Въ 1721 г. для смотрѣнія за жемчужною ловлей опредѣлены были дворяне (П. С. № 3.794). Въ камеръ-коллегію, вмѣсто солдатъ, для карауловъ и посылокъ въ 1722 г. назначено употреблять маловотчинныхъ дворянскихъ недорослей (П. С. № 4.082). Въ 1732 г. для разныхъ дѣлъ и посылокъ назначено для Москвы 60 человѣкъ дворянъ, которые должны были жить въ самой Москвѣ по $^1/_3$-мъ года—по 20 человѣкъ въ смѣну (П. С. № 6 222); вмѣстѣ съ тѣмъ «понеже въ С.-Петербургѣ для нужныхъ посылокъ въ дворянахъ обстоитъ не малая нужда» повелѣно герольдмейстерской конторѣ для такихъ посылокъ выбрать 60 человѣкъ дворянъ изъ новгородцевъ, псковскихъ, великолуцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ, которымъ жить по третямъ года въ С.-Петербургѣ — по 20 человѣкъ въ очередь (П. С. № 6.254). Въ 1735 г. на Самарѣ и въ Алексѣевкѣ учреждена была дворянская рота въ 100 человѣкъ, и въ то число приверстаны закомплектные дворянскіе и иноземческія дѣти въ числѣ 33 человѣкъ, а остальные набраны изъ недорослей — жалованье же имъ по $12^1/_2$ р. въ годъ (П. С. № 6.726). Въ 1739 г. предписано герольдмейстеру выбрать изъ знатныхъ и пожиточныхъ дворянъ 120 человѣкъ, и росписать ихъ по поламъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые деревни имѣютъ возлѣ С.-Петербурга жить въ С.-Петербургѣ, а тѣмъ, которые поближе къ Москвѣ — въ Москвѣ, перемѣняясь погодно по 30 человѣкъ, и исполняя всѣ дѣла по порученію коллегій и канцелярій. Въ то же время изъ губерній и провинцій потребовали въ герольдмейстерскую контору вѣдомости о томъ, сколько, и къ какимъ дѣламъ именно, надобно дворянъ и офицеровъ, дабы герольдмейстеру выбрать ихъ изъ помѣщиковъ тѣхъ губерній (П. С.

№ 7.858). Въ томъ же, 1739 году, повелѣно у заготовленія угля для тульскихъ оружейныхъ заводовъ при вальдмейстерѣ Борятинскомъ быть 3 отставнымъ дворянамъ тульской провинціи (П. С. № 7.916). Въ слѣдующемъ году для распространенія православія между инородцами казанской и архангелогородской губерній набраны были, между прочимъ, и изъ убогаго шляхетства дѣти и присланы въ синодъ, который распредѣлилъ ихъ въ школы для обученія, дабы потомъ посвятить въ священники для проповѣди инородческимъ племенамъ евангелія (П. С. № 8.090, 8.094). Даже манифестъ 18 февраля 1762 г., освободившій дворянство отъ обязательной службы, все-таки постановилъ состоять въ С.-Петербургѣ при сенатѣ и въ Москвѣ при его конторѣ 50 дворянамъ—не по наряду отъ правительства впрочемъ, но по выбору самихъ дворянъ въ губерніяхъ и уѣздахъ (П. С. № 11.444). Довольно интересно, что наряды дворянъ, порученіе имъ извѣстныхъ коммисій случались иногда и послѣ отмѣны обязательной службы. Такого рода примѣръ мы встрѣтили въ царствованіе императора Александра I въ 1820 г. Симбирское губернское правленіе назначило одного дворянина вмѣстѣ съ купцомъ г. Карсуна для надзора за бумажной фабрикой, находившейся въ карсунскомъ уѣздѣ. Исправляющій должность симбирскаго губернскаго предводителя дворянства представилъ на разрѣшеніе сената вопросъ: имѣетъ ли право губернское правленіе употреблять дворянъ въ какія-либо коммисіи? Сенатъ разрѣшилъ вопросъ отрицательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ не дѣлать дворянамъ и впредь неприличныхъ порученій (П. С. № 28.368).

Шляхетство отбывало военную или гражданскую службу, наряжалось въ разныя коммисіи. Кромѣ того, его *крѣпостное отношеніе* къ правительству явствуетъ еще изъ обязанности по требованіямъ правительства переселяться и строиться.

Устроивался С.-Петербургъ. Какъ было собрать населеніе для новаго города? Петръ Великій въ 1712 г. объявилъ 1.000 шляхетскимъ домамъ, что по окончаніи шведской войны они будутъ переведены въ С.-Петербургъ и поселены на Котлинѣ островѣ, гдѣ для постройки домовъ имъ отведутся

за деньги дворы (П. С. № 2.467). Вслѣдъ затѣмъ составленъ былъ списокъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ комнатныхъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дьяковъ, жильцовъ, генераловъ, бригадировъ, полковниковъ, офицеровъ, ландрихтеровъ и комисаровъ, которые должны переселиться въ С.-Петербургъ. Къ знатнымъ людямъ повѣстки о томъ были посланы на домы, а имена прочихъ прочтены на красномъ крыльцѣ (П. С. № 2.563). За правильнымъ веденіемъ такихъ списковъ обязаны были смотрѣть фискалы (П. С. № 2.593). Въ 1714 г. предписывалось одной части дворянства, назначеннаго къ переселенію въ С.-Петербургъ, строиться тамъ въ текущемъ году, такъ чтобъ будущею зимою переѣхать уже на житье (П. С. № 2.788). Потомъ предписывалось шляхетству построить на васильевскомъ острову каменное и деревянное строеніе, размѣры котораго должны обусловливаться числомъ крестьянскихъ дворовъ: имѣющіе отъ 500 дворовъ должны строить каменныя палаты въ два жилья, а тѣ, за кѣмъ меньшее число дворовъ, складывались, но такъ, чтобъ болѣе 2 человѣкъ къ строенію одного дома не было. Деревянное же строеніе въ одно жилье повелѣвалось строить тѣмъ, за которыми отъ 150 — 40 дворовъ, а имѣющимъ менѣе 40 дворовъ — вовсе не строить, развѣ кто изъ нихъ получаетъ жалованье (П. С. № 3.305). Въ 1719 г. произведено новое распредѣленіе: 1.000 — 700 дворовъ — каменный домъ на 10 саженяхъ, 700 — 500 — на 4 саженяхъ, 500 — 300 — на 5, а отъ 500 — 100 — мазанки или деревянные домы, на сколькихъ угодно саженяхъ (П. С. № 3.332, 3.339, 3.348, 3.538, 3.678). Указы эти не исполнялись: дворяне не только не начинали построекъ, но и сами въ С.-Петербургъ не являлись. Распредѣленіе же 1719 г. сдѣлано было по старымъ переписнымъ книгамъ 186 г., послѣ которыхъ у многихъ дворянъ прибыло дворовъ, а у многихъ убыло. Поэтому, помѣстный приказъ не могъ сдѣлать правильнаго росписанія, а помѣщики не хотѣли добровольно объявить, сколько за кѣмъ дворовъ. Вслѣдствіе этого, въ 1724 г. опредѣлено производить

строеніе пропорціонально числу душъ. Если кто имѣетъ за собою по послѣдней переписи 3.500 — 5.000 душъ—долженъ воздвигнуть строеніе на 10 саженяхъ, 2.500 — 3.500. — 8 саженяхъ, 1.500—2.500—на 5 саженяхъ. Строеніе должно быть каменное. А кто имѣетъ 500 — 1.500 — мазанки или деревянный домъ. Для производства этихъ построекъ дворяне должны были пріѣхать въ С.-Петербургъ къ веснѣ, дабы каждый домъ былъ отдѣланъ къ 1726 г., а ежели чей домъ не будетъ отдѣланъ, у тѣхъ отписать въ казну половину ихъ деревень (П. С. № 4.405, 4.505). Въ 1724 г. постановлено переселенныхъ въ С.-Петербургъ—*петербургскихъ жителей*—отпускать въ ихъ домы на третій годъ, т. е. два года они должны были жить въ С.-Петербургѣ, а на третій отправляться въ свои деревни (П. С. № 4.595). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1735 г., подтверждено дворянамъ немедленно строиться на васильевскомъ острову и въ адмиралтейской, подъ опасеніемъ отписанія въ казну недвижимаго имѣнія (П. С. № 6.735). Но, какъ видно, для шляхетства было крайне тяжело оставлять родныя помѣстья и переселяться по приказу правительства на дальній сѣверъ, въ страну суровую и болотистую. Переселенія эти въ самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ много схожаго съ переселеніями крѣпостныхъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, по волѣ помѣщика. Еще въ 1740 г. многіе шляхетскіе домы въ С.-Петербургѣ были не достроены, а нѣкоторые изъ нихъ, заброшенные хозяевами, обваливались и растаскивались. Въ 1740 г. состоялся новый указъ, подтверждающій строить домы въ С.-Петербургѣ, на основаніяхъ закона 1724 г. (П. С. № 7.167). Подтвержденіе это было послѣднимъ, по-крайней мѣрѣ въ П. С. мы болѣе не встрѣчаемъ.

Изъ предъидущаго разсмотрѣнія новинностей шляхетства, можно вывесть, что оно находилось почти въ *такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, въ какой отъ него крестьяне*. Дворянъ опредѣляли въ военную или гражданскую службу, наряжали на разныя коммисіи, переселяли въ С.-Петербургъ, отдавали въ науку, а за провинности посѣкали, *снемъ рубашку*. Была ли у нихъ какая-нибудь легальная

возможность уклониться отъ исполненія этихъ повинностей, кромѣ противозаконныхъ нѣтей, побѣговъ изъ полковъ, канцелярій и школъ, укрывательства отъ службы огурствомъ, за что ихъ подвергали строгимъ взысканіемъ? Вообще говоря, легальной возможности не было никакой — точно также, какъ и у крѣпостныхъ крестьянъ не было права отбывать отъ барщины и оброковъ, а была фактическая только возможность— побѣги и огурство противъ владѣльца. Только старость, увѣчья и неисцѣльныя болѣзни, констатируемыя правительствомъ, избавляли дворянина отъ лежавшаго на немъ тягла. Даже стѣны монастыря, служившаго до Петра Великаго надежнымъ убѣжищемъ для древне - русскаго человѣка укрыться отъ всѣхъ житейскихъ золъ и напастей — даже стѣны монастыря не укрывали его отъ обязательной службы и обученія.

Но Петръ Великій закономъ о единонаслѣдіи 1714 г. хотѣлъ - было предоставить шляхетству нѣкоторую свободу въ выборѣ профессіи, лишь бы только никто не жилъ въ праздности, «которая (по святому писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.» Мы говоримъ о томъ постановленіи закона 1714 года, по которому кадеты дворянскихъ фамилій, лишенные участія въ наслѣдованіи недвижимымъ имѣніемъ, могли, по достиженіи 40 лѣтъ, постригатъся въ бѣлые священники, поступать въ купечество, или посвящать себя какому-нибудь художеству. Если кто изъ шляхетства избиралъ эти профессіи, то запрещалось ставить то имъ и ихъ фамиліямъ въ безчестіе (П. С. № 2.789 § 15).

Мы не знаемъ, до какой степени шляхетство воспользовалось правомъ поступать въ бѣлые священники. Извѣстно, напримѣръ, что дѣдъ Суворова, Ив. Ив. Суворовъ, поступилъ въ духовное званіе и находился придворнымъ протоіереемъ въ Кремлѣ (Долгорукова: ч. II стр. 66). Вѣроятно, нашлись и другіе дворяне, принявшіе священство. Вообще же постановленіе закона 1714 г. было новое, несогласное съ тѣмъ характеромъ отношеній между служилыми людьми и духовенствомъ, который установился въ московскій періодъ. Свободный переходъ служилаго человѣка въ духовенство былъ не

совмѣстенъ съ политикой царей московскихъ, которая требовала, чтобъ служилый классъ не умалялся. Между обоими сословіями, поэтому, у насъ не могло образоваться той связи, которая существовала въ западной Европѣ, гдѣ лица самыхъ знатныхъ фамилій поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства и высшихъ степеней священства (Соловьевъ). Отсюда въ западной Европѣ между духовенствомъ и дворянствомъ родственная солидарная связь; отсюда клерикализмъ аристократіи и аристократизмъ духовенства. Сословныя привиллегіи, притязанія дворянства освящаются церковію. У насъ, напротивъ, духовенство, по своему духу, всегда было ближе къ народу: дворянство свысока третировало духовенство [60]), а приходскіе священники, какъ увидимъ ниже, нерѣдко принимали самое живое участіе въ движеніяхъ народныхъ массъ, особенно въ волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ противъ ихъ помѣщиковъ. Высшая же іерархія у насъ всегда служила не только церкви, но и государству; всегда освящала своимъ пастырскимъ благословеніемъ не исключительныя привиллегіи сословій, но благія начинанія власти.

Мы думаемъ, поэтому, что при томъ воззрѣніи, какое шляхетство имѣло на духовное званіе, едва-ли многіе дворяне воспользовались правомъ принимать священство, дарованнымъ имъ Петромъ Великимъ [61]). Иначе было въ Малороссіи, гдѣ еще современъ польщизны установилась болѣе тѣсная связь между шляхетствомъ и духовенствомъ. Короли польскіе въ епископы и настоятели монастырей избирали большей частію лицъ изъ дворянскихъ фамилій, дабы предоставить имъ пользованіе богатыми церковными имѣніями (Арх. юго-зап. Россіи, Т I. Ст. проф. Иванишева стр. XV). По присоединеніи Малороссіи къ Россіи, въ духовное званіе часто вступали не только рядовые казаки, но старшина и шляхетство (такъ напр. Моисей Бугаевскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ опредѣленъ войсковымъ капеланомъ при резиденціи гетманской въ 1720 г., одинъ изъ благородныхъ пановъ Бутовичей былъ священникомъ и т. д.). Многіе поступали въ духовное званіе въ Малороссіи, укрываясь отъ войсковой службы; встрѣчаемъ даже такой случай,

что одно и то же лицо въ одно время было и попомъ и казакомъ. Анна Іоанновна однимъ изъ своихъ указовъ предписывала синоду: «архіереямъ — кіевскому, черниговскому и переяславскому — изъ малороссійской старшины и казаковъ, и старшинскихъ и казачьихъ дѣтей, безъ аттестатовъ — полковничья и старшины полковой, а знатныхъ безъ позволенія генеральной войсковой канцеляріи, въ дьяконы и попы посвящать не велѣно» (П. С. № 6.614, п. 12). Въ весьма интересной запискѣ о Малороссіи, помѣщенной въ Изд. имп. общ. исторіи и древностей росс., читаемъ: «По присоединеніи въ 1654 г. Малой Россіи къ всероссійскому престолу, многіе военные малороссійскіе чиновники, убѣгая службы и паче въ военное время, оставили свое званіе и вступили въ попы... Изъ сихъ-то чиновниковъ произшедшіе попы и дьяконы и нынѣ считаютъ себя дворянами, получили изъ дворянскихъ коммисій на дворянство грамоты, и пользуются всѣми дворянскими промыслами и правами, не неся притомъ никакой дворянской службы и тягости... Имѣютъ изобильныя земли, вопреки запретительнымъ указамъ и рѣшительнымъ гетману Апостолу 1728 г. даннымъ пунктамъ» (Стр. 32).

Вотъ почему въ Малороссіи не въ рѣдкость было встрѣтить священника - помѣщика, владѣющаго крѣпостными крестьянами. Вотъ почему въ Малороссіи и теперь такъ часто между селами встрѣчаются Протопоповки и Поповки. Рѣже примѣры эти встрѣчаются въ другихъ частяхъ имперіи (протоіерей Самборскій — помѣщикъ слободско-украинской губ. въ 1811 г.). Священники - помѣщики произошли здѣсь не отъ тѣхъ дворянъ, которымъ законъ 1714 г. далъ право постригаться въ бѣлое священство: они большей частію потомки тѣхъ, которымъ пожалованы были населенныя имѣнія (Надаржинскій), или потомственное дворянство (Дубянскій) или ордена (Левшинъ).

Возвращаемся назадъ. Законъ 1714 г., предоставивъ шляхетству право постригаться въ бѣлые священники, вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ ему поступать и въ купечество, или заниматься какимъ-нибудь другимъ художествомъ. Многіе ли дворяне вос-

пользовались этимъ правомъ? «По тогдашнему обыкновенію», говоритъ Даниловъ, «казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ иначе дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе, кромѣ оставшаго послѣ отца его недвижимаго имѣнія. . . науки и художества въ рѣдкомъ еще домѣ были извѣстны, а многіе дворянскіе дѣти грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали и за счастіе почитали быть у знатныхъ тогдашнихъ бояръ въ держальникахъ» (стр. 14).

Свобода выбора профессіи, до нѣкоторой степени предоставленная шляхетству указомъ 1714 г., была окончательно возбранена отмѣной закона о единаслѣдіи въ 1731 году (П. С. № 5.658). Послѣ этого отъ обязательной службы было свободно только шляхетство эстляндское и лифляндское, произволу котораго въ 1723 г. предоставлено было поступать въ военную службу или нѣтъ (П. С. № 4.309), что подтвердила и Анна Іоанновна въ 1734 г. (П. С. № 6.640. п. 2), а въ слѣдующемъ году распространила и на смоленское шляхетство (П. С. № 6.853), которое, впрочемъ, какъ мы видѣли, отбывало службу ополченіями.

Возможенъ былъ также, по крайней мѣрѣ, при Петрѣ Великомъ, денежный выкупъ вмѣсто отбыванія службы натурой. Этотъ выкупъ существовалъ и до Петра Великаго, какъ видно изъ уложенія (П. XVI. п. 61). Болтинъ, въ примѣчаніяхъ къ исторіи Леклерка, напечаталъ данную отцу его изъ Разряда росписку въ пріемѣ отъ него ста рублей за увольненіе отъ азовскаго похода въ 1696 г. «Сто рублей», говоритъ онъ при этомъ, «составляли тогда не малыя деньги. . . на сто рублей можно было купить тогда душъ въ двадцать деревеньку, которая бъ могла нынѣ ежегодно доходу давать по сту рублей, или болѣе: доказательство, что отъ службы откупиться тогда не дешево стоило» (Голикова: Дополненіе, Т. III, стр. 242). Примѣры выкуповъ отъ обязательной службы встрѣчаются и при Петрѣ. Изъ одного указа 1714 г. видно, что многіе царедворцы, вмѣсто службы натурой, платили деньги въ приказъ морскаго флота. Но чѣмъ обусловливались эти платежи? Во всякомъ случаѣ — не количествомъ дворовъ: кн. Ив. Андр.

Голицынъ, имѣвшій 1.163 двора, и кн. Михайло Юрьевичъ Одоевскій, имѣвшій 651 дворъ, платили поровну—по 300 р., кн. Сем. Мих. Щербатовъ и Григ. Мих. Собакинъ платили по 300 р., тогда какъ у перваго было 110 дворовъ, а у втораго только 76; кн. Ив. Өед. Козловскій съ 70 дворами, кн. Вас. Андр. Волконскій съ 152, Семенъ Петровичъ Бестужевъ съ 91 — платили по 200 р. Всего выкупа съ царедворцевъ собиралось 4.180 р. (П. С. № 2.334). Мы не знаемъ также, освобождалось ли выкупомъ только знатное и богатое шляхетство, или же и рядовое. Лица, поименованныя въ выше разсмотрѣнномъ указѣ, большей частію принадлежали къ знатнымъ и богатымъ фамиліямъ. Во всякомъ случаѣ количество выкупа было такъ велико, что фактически могло имъ пользоваться только знатное дворянство. Въ Исторіи проф. Соловьева мы находимъ весьма любопытную просьбу кн. Натальи Голициной отъ 1723 г., относящуюся къ вопросу о выкупѣ отъ службы: «По В. И. В. указу велѣно мнѣ брать въ жалованье съ Алексѣева сына Милославскаго положенныхъ на него вмѣсто службы денегъ по 300 р., и оный Милославскій по 719 г. тѣ деньги мнѣ отдавалъ, а съ 719 г. и донынѣ не платилъ ничего. Повели, государь, тѣ жалованныя мнѣ деньги на немъ, Милославскомъ, доправить и отдать мнѣ» (Т. XVIII, стр. 163).

II. Преобразовавъ государственную службу, Петръ Великій измѣнилъ и систему вознагражденія за нее. Раздача помѣстій прекращается въ 1714 г. Розданныя помѣстья превращены въ вотчины, а вознагражденіемъ за службу является *постоянное жалованье*, штатами опредѣляемое. Жалованье—денежные оклады, въ отличіе отъ помѣстныхъ—существовало и до Петра. Котошихинъ говоритъ: «боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ денежной окладъ по 200 р. человѣку, стольникамъ по 100 р., стряпчимъ по 80 р. и т. д., смотря по чину и по чести. А помѣстной окладъ бываетъ имъ всѣмъ чинамъ противъ денегъ съ рубля по 5 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ. . .» (стр. 76), но жалованье до Петра было только *придаткомъ къ помѣстьямъ*. Съ Петра же оно дѣ-

лается *основнымъ вознагражденіемъ за службу*. Вначалѣ своего царствованія Петръ Великій еще продолжалъ раздачу земель въ помѣстья: съ 1682 (190) г. по 1711 г. роздано было имъ 213 человѣкамъ изъ дворцовыхъ волостей 273, въ которыхъ считалось 43.655 дворовъ и 338.960 четей пашни (Устрялова: Ист. царств. Петра Великаго, Т. I. Прилож. XII). Послѣ этого раздача въ помѣстья на прежнихъ началахъ не встрѣчается. Въ Ингерманландіи земли раздаются на другомъ основаніи—съ цѣлью ихъ заселенія. Эти земли должны были заселиться русскими или чухной съ 1714 въ 3 года, а въ противномъ случаѣ онѣ отбирались на государя и раздавались другимъ (П. С. № 2.748). Штаты, опредѣлившіе жалованье войску, изданы были въ 1711 г. (П. С. № 2.319), а въ 1715 г. вышли первые штаты по гражданской службѣ—сначала только для чиновъ областныхъ (П. С. № 2.879), но скоро — въ 1725 г. — и для коллегій (П. С. № 4.659) [62]). Петръ Великій назначилъ всѣмъ чинамъ жалованье, но казна имѣла мало денегъ. Поэтому предполагалось ввести *акциденціи* — доходы съ дѣлъ, по примѣру Лифляндіи, гдѣ это существовало даже при Александрѣ I. Предположеніе исполнено при Екатеринѣ I: въ 1726 г. въ юстицъ-и вотчинной коллегіяхъ, во всѣхъ надворныхъ судахъ и магистратахъ повелѣно жалованье выдавать членамъ, а приказнымъ довольствоваться однѣми акциденціями. При Петрѣ II акциденціи еще болѣе распространились: установлена была норма ихъ, повелѣно взымать ихъ не только впользу канцелярій, но и впользу судей. То же было и при Елизаветѣ Петровнѣ. Только Екатерина II въ 1763 г. возстановляетъ жалованье для всѣхъ служащихъ, слѣдуя мысли Петра Великаго (Дмитріева: Исторія суд. инстанцій, стр. 500).

Петръ Великій старался установить жалованье, и только недостача денегъ заставила его преемниковъ отказаться отъ этой мысли. Но традиція помѣстій была еще очень сильна въ памяти служащихъ. Изъ одного указа 1726 г. видно, что офицеры, какъ гвардіи: такъ и другихъ полковъ, постоянно подавали челобитныя о дачѣ имъ деревень. Указъ предписы-

валъ: бить челомъ только о дачѣ деревень изъ отписныхъ и выморочныхъ и только тѣмъ, которые много служили и бывали на баталіяхъ и штурмахъ (П. С. № 4.938).

Вслѣдъ за прекращеніемъ помѣстныхъ раздачъ, упразднены были приказы помѣстный, казанскаго дворца и нѣкоторые другіе, вѣдавшіе помѣстную раздачу земель. Несмотря на то, вотчинная коллегія принимала отъ дворянъ просьбы о дачѣ имъ земель въ помѣстье, посылала обыскивать и обмѣривать порожжія казенныя земли и постановляла опредѣленія о ихъ раздачѣ. Такимъ образомъ, помѣщику Пашкову тамбовской губерніи кирсановскаго уѣзда произведена была дача 1.210 четвертей пашни и 2.400 копенъ покосовъ; въ 1735 г. отведено кн. Тюфякиной тамбовской губерніи борисоглѣбскаго уѣзда 2.278 десятинъ, Салтыкову въ 1736 г. 2.800 четвертей. Всего же такихъ дачъ произведено вотчинной коллегіей много сотъ тысячъ десятинъ (П. С. № 21.536). Указъ 21 марта 1736 г., котораго нѣтъ въ П. С., но объ изданіи его несомнѣнно свидѣтельствуетъ указъ 29 ноября 1804 г., подъ № 21.536,— указъ 21 марта 1736 г., говоримъ, строго запретилъ вотчинной коллегіи производить раздачи земель. Указомъ этимъ помѣстныя дачи окончательно были прекращены. Но и послѣ этого, въ раздачѣ земель нѣкоторымъ чинамъ, сказывались слѣды старой помѣстной системы. Такъ напримѣръ, въ 1737 г. было опредѣлено: офицерамъ, состоящимъ при казенныхъ горныхъ заводахъ, давать сверхъ жалованья—тѣмъ, которые изъ шляхетства по 10 дворовъ ясачныхъ и дворцовыхъ, полагая въ каждомъ дворѣ по 4 души, а тѣмъ, кои не изъ шляхетства, но произошли до нѣкоторыхъ классовъ — по 5 дворовъ въ вѣчное владѣніе, подъ условіемъ обязательной службы при горныхъ заводахъ (Побѣдоносцева: Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ 18 ст. Р. В. 1861). Грузинскіе дворяне, переходившіе въ русскую службу, получали также деревни. Изъ этихъ грузинскихъ дворянъ учреждена была Анной Іоанновной въ 1738 г. гусарская рота, которой назначено опредѣленное жалованье, когда служащіе въ ней будутъ находиться на дѣйствительной службѣ. Когда же они будутъ находиться въ до-

махъ, то жалованья имъ не давать, а вмѣсто того отвесть имъ въ украйнѣ въ вѣчное потомственное владѣніе деревни: князьямъ по 30 дворовъ, да для воспитанія ихъ малолѣтныхъ дѣтей мужескаго пола на каждаго по 5 дворовъ, а дворянамъ по 10 дворовъ. Такъ появились въ Малороссіи помѣщики грузинскаго происхожденія: князья Давыдовы, Орбеліани, Еристовы, Циціановы, Баратовы, Ратіевы, Джаваховы, и дворяне: Ратневы, Стефановы, Каховы и мн. др., потомство которыхъ существуетъ и понынѣ (П. С. № 7.595, 7.614, 8.129). Подобнымъ же образомъ, при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1751 г. многіе сербы, подъ предводительствомъ полковника Ив. Хорвата Откуртича, приняты были въ службу, и образовали 4 полка: 2 гусарскихъ и 2 пѣхотныхъ пандурскихъ. Они получили земельныя дачи въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ заселенная ими страна названа Новой Сербіей, а воздвигнутое укрѣпленіе — крѣпостью Св. Елизаветы (П. С. 9.921, 9.924). Впослѣдствіи на этихъ земляхъ появляются и крѣпостные крестьяне. Въ 1760 г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ доносилъ сенату, что офицерамъ новосербскаго корпуса приходится имѣть 283 человѣка деньщиковъ, на жалованье которымъ ежегодно выходитъ 2.838 р. Онъ ходатайствовалъ, чтобъ позволено было офицерамъ, вмѣсто деньщиковъ, населять пожалованныя имъ земли малороссами, по пропорціи чиновъ: полковникамъ по 12, подполковникамъ по 8, премьеръ-майорамъ по 6, капитанамъ по 4, а прочимъ офицерамъ по 2 двора. Ходатайство Хорвата было уважено. (П. С. № 11.058).—Такъ появились дворянскія фамиліи сербскаго происхожденія въ Новороссіи, которыя существуютъ и понынѣ.

Въ Малороссіи русскіе чиновники по мѣстному обычаю на время службы получали ранговыя имѣнія: такъ напримѣръ въ 1769 г. такія ранговыя деревни получили оберъ-коменданты и коменданты (П. С. № 13.260). Обычай этотъ существовалъ, впрочемъ, не въ одной Малороссіи. Изъ указа 26 февраля 1776 г. видно, что на столовое содержаніе смоленскаго губернатора назначено было въ могилевской губерніи староство мстиславское, которое числилось за нимъ во все время испра-

вленія имъ должности. Въ указѣ 1767 г. упоминается о крестьянахъ кексгольмскаго уѣзда, пожалованныхъ по смерть выборгскому губернатору (Побѣдоносцева: Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ 18 ст., Р. В., 1861). По штатамъ 1796 г. на столъ генералъ-губернаторамъ въ 18 намѣстничествахъ назначалось по 600 душъ, вмѣсто которыхъ въ другихъ намѣстничествахъ давали по 1.200 и по 1.800 р. въ годъ (Кн. гражд. штатовъ, стр. 253).

Г. Побѣдоносцевъ въ учрежденіи коммандорственныхъ имѣній видитъ нѣчто вродѣ ранговыхъ имѣній, которыя имѣютъ историческую филіяцію съ помѣстными дачами. Коммандорственныя имѣнія были учреждены Павломъ I въ 1797 г. установленіемъ о россійскихъ императорскихъ орденахъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ оригинальномъ учрежденіи, навѣянномъ мальтійскими и рыцарскими западноевропейскими порядками, но едва-ли имѣвшемъ какую-нибудь филіяцію съ нашимъ народнымъ учрежденіемъ — помѣстьями и ранговыми имѣніями. Проникнутый рыцарскими воззрѣніями, Павелъ I нѣчто подобное рыцарскимъ братствамъ и орденамъ задумалъ образовать изъ общества кавалеровъ россійскихъ орденовъ. «Все кавалерское общество россійской имперіи да будетъ почитаемо яко единое тѣло и яко единый россійскій кавалерскій чинъ или орденъ». Подобно тому, какъ въ западной Европѣ рыцарскія общества и ордена имѣли свои капиталы, свои фундуши и имѣнія, Павелъ I опредѣлилъ въ пользу россійскихъ кавалеровъ деревни, для составленія изъ нихъ коммандорствъ. Единовременно отдѣлено было 50.000 душъ, а впослѣдствіи, съ пріумноженіемъ орденскихъ капиталовъ, дозволено увеличивать и коммандорства. Коммандорства расписаны были на 4 класса, сообразно оставленнымъ четыремъ орденамъ (св. Андрея, Екатерины, Александра Невскаго, св. Анны). Самыя большія коммандорства были въ классѣ св. Андрея — по 1.000 душъ нѣкоторымъ кавалерамъ, а меньшія въ классѣ св. Анны — по 400, по 100 душъ. Въ каждомъ классѣ опредѣленная пропорція кавалеровъ состояла изъ духовныхъ особъ, которыя, получивъ коммандорственное имѣ-

ніе, въ непосредственное управленіе имъ не вступали, но пользовались доходами, подобно тому, какъ и казна съ крестьянъ своего вѣдомства (П. С. № 17.908). Такъ напримѣръ Ириней, архіепископъ псковской, получивъ въ 1797 г. орденъ Александра Невскаго, получилъ и коммандорство подъ № 16, состоявшее изъ 301 души московской губ. (Р. Арх. № 748 1869 г.). Лица же свѣтскія, получивъ коммандорственныя имѣнія, могли управлять ими непосредственнымъ хозяйственнымъ завѣдываніемъ, какъ помѣщики. Но коммандорственное имѣніе находилось только во временномъ владѣніи коммандора, доколѣ онъ пребывалъ въ классѣ ордена. Отсюда нѣкоторыя ограниченія правъ: въ коммандорственномъ имѣніи нельзя было заводить фабрикъ и винокуренныхъ заводовъ, а слѣдовало распространять одно хлѣбопашество, $^2/_3$ пашни и сѣнокосовъ принадлежали крестьянамъ, а $^1/_3$ владѣльцу (П. С. № 17.945). Вскорѣ по вступленіи Александра I на престолъ, въ томъ же 1801 году, орденскія коммандорства обращены были въ вѣдомство казенныхъ палатъ (П. С. № 19.903).

Вмѣсто помѣстныхъ раздачъ, втеченіе 18 в. развивается пожалованіе *населенныхъ имѣній*, какъ чрезвычайное вознагражденіе за службу, за услуги отечеству и монарху.

При раздачѣ помѣстій и вотчинъ въ 17 ст. на первомъ планѣ была земля, крестьяне даже не входили въ официальный счетъ. Да иначе и быть не могло: помѣстная раздача установилась еще въ то время — въ 15 и 16 ст., когда крестьяне были вольными и могли съ пожалованной земли перейдти на другую. Единственнымъ счетомъ могъ быть счетъ четвертями пашни и копнами сѣнокоса. По привычкѣ, такъ считали и въ 17 ст., когда уже установилось крѣпостное право. Петръ Великій, при которомъ прекратилась помѣстная раздача и началось пожалованіе населенныхъ имѣній, жалуетъ уже не чети пашни и копны сѣнокоса, но крестьянскіе *дворы*. При преемникахъ Петра, съ установленіемъ ревизій и подушной подати, жалуются уже крестьянскія *души*, такъ какъ ревизская душа дѣлается главной хозяйственной силой, единицей, которой измѣряется цѣнность и значеніе имѣнія. Въ нѣ-

которыхъ губерніяхъ, напримѣръ бѣлорусскихъ, считали даже не душами, но *головами:* столько-то головъ крестьянъ, столько-то головъ скота (П. С. № 14.204). Въ имѣніи графа Огинскаго, Могилевской губ., 1.612 *головъ* крестьянъ были въ 1777 г. въ закладѣ у 6 шляхтичей (Арх. госуд. сов., ч. 2-я, стр. 371).

Петръ Великій жаловалъ населенныя имѣнія своимъ сподвижникамъ въ Малороссіи и въ завоеванныхъ земляхъ. Неизвѣстно количество имѣній, имъ пожалованныхъ. Знаемъ только о громадныхъ помѣстьяхъ Меншикова въ прибалтійскомъ краѣ [63]), въ Малороссіи и другихъ мѣстахъ, гдѣ у него въ 1724 г. было до 100.000 душъ, въ числѣ которыхъ до 32.000 бѣглыхъ и пришлыхъ всякаго званія [64]). Имѣемъ свѣдѣніе и о нѣкоторыхъ другихъ пожалованіяхъ: духовнику своему Надаржинскому Петръ Великій пожаловалъ 4.000 душъ въ слободско-украинской губерніи, Лефорту за взятіе Азова до 160 дворовъ въ епифанскомъ и рязанскомъ уѣздахъ, Гордону 100 дворовъ, Шеину 305 въ алатырскомъ уѣздѣ, Головину 57, Зотову 40, Голицыну за взятіе Шлиссельбурга 394 дв. въ козельскомъ уѣздѣ, Шереметеву за полтавскую побѣду пожалованы большія вотчины въ ярославской губ. и въ Малороссіи; кн. Як. Ѳед. Долгорукой, по-возвращеніи изъ шведскаго плѣна, Толстой послѣ прутскаго мира, гр. Апраксинъ, кн. Кантемиръ получили по 400 дворовъ и болѣе. Вѣроятно, и другіе генералы были надѣлены деревнями (Побѣдоносцева: Утвержденіе крѣпостнаго права; словарь Б.-Каменскаго). Какъ велики были пожалованія въ Малороссіи гетману Скоропадскому, женѣ его Настасьѣ Марковнѣ и дочери Ульянѣ Ивановнѣ мѣстечекъ (Коропъ), селъ (Сасиновка, Линовица и др.), хуторовъ и цѣлыхъ волостей (Быковская, Ропская) видно изъ грамоты 1718 г., помѣщенной въ Чтеніяхъ (кн. 1-я, 1859 г.). Савва Владиславичъ Рагузинскій, извѣстный сербъ, вызванный Петромъ Великимъ въ 1703 г., получилъ богатыя имѣнія въ Малороссіи, принадлежавшія сообщникамъ Мазепы, Ломиковскому и Чуйкевичу: 14 селъ и деревень (Топадь, Киваи, Парафіевку, Роз-

бышевку и мн. др.). (З. черниг. губ. статист. комитета, кн. 2-я).

Пожалованія населенныхъ имѣній продолжаются и въ послѣдующія царствованія. При Екатеринѣ I Меншиковъ подалъ прошеніе о пожалованіи ему Батурина, и просьба сильнаго временщика, конечно, была удовлетворена. (Протоколы в. т. с. Чтенія кн. 3-я 1858 г.).

При избраніи на престолъ Анны Іоанновны нѣкоторыми было заявлено требованіе, чтобы впредь населенныхъ имѣній не жаловать. Какое было основаніе такому требованію, очевидно направленному противъ интересовъ шляхетства? Во всякомъ случаѣ оно не было принято, и не стояло въ программѣ реформъ, предложенныхъ в. т. совѣтомъ. Анна Іоанновна въ день своей коронаціи пожаловала имѣнія: кн. Кантемирамъ 4 т. душъ, кн. Голицыну — столько же, Татищеву — 1 т. (Осьмн. В. Кн. 3). О другихъ пожалованіяхъ этой государыни мы не знаемъ. Но вѣроятно сильные люди ея времени: Бироны, Остерманъ, Минихъ (къ нему перешли меншиковскія имѣнія въ Малороссіи), кн. Черкасской, Головкинъ и др. были взысканы милостями императрицы, и получили имѣнія.

Больше свѣдѣній было подъ нашею рукою о пожалованіяхъ въ слѣдующія царствованія, когда они производились въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. Весьма значительныя пожалованія сопровождали воцареніе Елизаветы Петровны. Отписныя имѣнія вице-канцлера гр. Головина и кн. Меншикова — около 14 т. душъ пожалованы были лейбъ-компаніи; между прочимъ 258 рядовымъ (Ѳедоръ Рахманиновъ и др.) сдѣланы были помѣщиками каждый 29 душъ (П. С. № 8.666). Пожалованія не прекращались и во все продолженіе этого царствованія. Огромныя имѣнія получили Шуваловы — въ особенности П. И. Объ Ив. Ив. Шуваловѣ, благороднѣйшемъ человѣкѣ своего времени, есть извѣстіе, что онъ отказался отъ 6 т. душъ, предложенныхъ ему Елизаветой (Б.-Каменскаго Словарь: т. V, стр. 348). Канцлеру Бестужеву, между прочимъ, былъ отданъ цѣлый городъ Венденъ, но наибольшее число имѣній досталось семейству Разумовскихъ. У гр. Ки-

рилла Григорьевича было 100 т. душъ, большей частію пожалованныхъ. Кромѣ того, родные Разумовскихъ: ткачъ Уласъ Будлянскій, закройщикъ Закревскій и казакъ Ефимъ Дараганъ, поженившіеся на дочеряхъ вдовы Розумихи — сестрахъ фаворита, выведены въ шляхетство и получили большія имѣнія (18 в. кн. 2-я). У сына Уласа Будлянскаго, Михаила въ 1783 г. было 3.339 д. муж. и 3.273 женскаго пола (З. черниговскаго статист. ком., кн. 2-я). Не былъ забытъ и кумъ Елизаветы Петровны, Демьянъ Оболонскій, которому въ 1745 г. пожалованы села Вишняки и Горожинъ (Осмн. В. кн. 2-я).

Императоръ Петръ III продолжалъ пожалованіе населенныхъ имѣній. Лучшій другъ его, Гудовичъ, получилъ отъ него 15 т. душъ въ старобрядческихъ волостяхъ (Б.-Каменскаго словарь), отобранныхъ отъ него впослѣдствіи Екатериной II (Вейдемейеръ ч. I стр. 12), и онять возвращенныхъ Павломъ; Мельгуновъ получилъ 1 т. душъ (ib.); А. И. Шувалову предоставлено выбрать 1 т. душъ гдѣ онъ пожелаетъ; камердинеру своему голштинскому камергеру Александру Бресону, произведенному въ дѣйствительные камергеры, пожаловано вмѣстѣ съ россійскимъ дворянствомъ 1.094 д. въ новгородскомъ уѣздѣ; капитану Ащерину и капитанъ-поручику Ледицкому пожалованы были также деревни на *пропитаніе*: первому 356 душъ, а второму 138 (Семевскаго: Шесть мѣсяц. изъ русской исторіи, От. З. августъ 1867 г.).

Екатерина II ознаменовала свое вступленіе на престолъ весьма щедрою раздачей крестьянъ. Раздачи продолжались и во все теченіе ея многолѣтняго царствованія — преимущественно въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши.

Пособники ея воцаренія получили населенныя имѣнія. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за августъ 1762 г. (№ 64) мы читаемъ о пожалованіи 17.200 душъ 26 лицамъ: 10 лицамъ (Ватковскому, Протасову, Вырубову, Черткову, Еропкину и др.) по 800 душъ; обоимъ братьямъ Волковымъ, возведеннымъ въ дворянство—по 700 душъ; 8 лицамъ (Ступишину, кн. Несвицкому, Всеволодскому и др.)—по 600; 1 (По-

темкину) — 400; 3 (Евреинову, возведенному въ дворянство и Всеволодскимъ) — по 300; да гардеробмейстеру Вас. Шушкику съ женою 1 т. душъ (Р. Арх. ч. 2-й стр. 402). Затѣмъ помѣстья щедрою рукою раздавались офиціальнымъ (генералъ-адъютантамъ) и тайнымъ фаворитамъ. Вотъ рядъ этихъ фаворитовъ, въ хронологическомъ порядкѣ: Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Потемкинъ, Зоричъ, Корсаковъ (одновременно Страховъ тайный фаворитъ), Ланской (одновременно Мордвиновъ тайный), Ермоловъ, Дмитріемъ-Мамоновъ, Платонъ Зубовъ. Всѣ эти фавориты, впачалѣ бѣдные дворяне, едва имѣвшіе средства содержать себя въ гвардіи, сдѣлались потомъ богатѣйшими помѣщиками, цвѣтомъ нашей аристократіи. Гаррисъ сосчитываетъ, что семейство Орловыхъ съ 1762 - 1783 г. получило 45 т. душъ, Васильчиковъ въ 22 мѣсяца фавора— 7 т. крестьянъ въ Россіи, Потемкинъ въ 2 года — 37 т. въ Россіи, Завадовскій въ 18 мѣсяцевъ — 6 т. въ Малороссіи, 2 т. въ Польшѣ, 1.800 душъ въ Россіи, Корсаковъ въ 16 мѣсяцевъ — 4 т. въ Польшѣ (La cour de Russie il y a cent ans p. 376). Исчисленіе Гарриса не совсѣмъ полно и точно: изъ фаворитовъ онъ не упоминаетъ Ермолова, получившаго 6 т. душъ въ Могилевской губерніи, Корсакова — 6 т. въ той же губерніи, не говоритъ о томъ, что Зоричъ, выбывши изъ случая, получилъ мѣстечко Шкловъ съ 13 т. душъ (З. Энгельгардта); у Завадовскаго всѣхъ крестьянъ было 31 т. душъ (Р. Арх. ч. 3). Изъ Записокъ Грибовскаго извѣстны другія крупныя пожалованія населенныхъ имѣній Екатериной II: гр. Салтыкову и вице-канцлеру Остерману — по 6 т., Безбородьку — 16 т., гр. Моркову въ подольской губерніи 4 т., Трощинскому 1.700 д. въ Польшѣ, во время путешествія императрицы въ Крымъ Попову пожалована была Рѣшетиловка съ 1.800 душъ, да въ польскихъ губерніяхъ 1.000 душъ, статсъ-секретарю Грибовскому — въ подольской губерніи 650, Алтеста-Рагузинецъ, покровительствуемый Зубовымъ, получилъ 600 д. въ Польшѣ. Знаемъ также изъ архива государственнаго совѣта о пожалованіи члену иностранной коллегіи Петру Бакунину глазовицкой и огрызовской частей староства велижскаго по-

лоцкой губерніи въ 1784 г., въ которыхъ было 1.474 душъ (стр. 385 ч. 2-й).

Каждое важное событіе при дворѣ, каждая побѣда или миръ сопровождались раздачей помѣстій. Когда окончено было воспитаніе цесаревича Павла Петровича, въ 1773., то гр. Н. И. Панинъ (въ одномъ изъ протоколовъ совѣта онъ названъ министромъ иностранныхъ дѣлъ) за труды по этому воспитанію получилъ, въ числѣ другихъ наградъ, 4512 д. въ смоленской губ. и 3900 д. во псковской. Противникъ раздѣла Польши, послѣднихъ онъ отдалъ 4 своимъ подчиненнымъ, такъ какъ крестьяне эти находились въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши земляхъ (З о жизни А. И. Бибикова: приложенія, стр. 33). Примѣръ подобной раздачи вельможами встрѣчается и прежде: Вас. Θед. Салтыковъ, имѣвшій 80.000 крестьянъ, нѣсколько тысячъ роздалъ бѣднымъ (Б. Кам. Словарь). Принцъ Нассау-Зигенъ, за свои подвиги подъ Очаковымъ, получилъ 3.000 душъ въ могилевской губ., а адмиралъ Чичаговъ за походъ въ Щвецію,—тамъ же 3.800 слишкомъ душъ. При праздноваиіи кучукъ — кайнарджійскаго мира, въ 1775 г., Румянцовъ получилъ для *увеселенія* деревню въ 5.000 душъ въ Бѣлоруссіи, а кн. Вяземскій 21.000 душъ (Вейдемейеръ: ч. I, стр. 181)

Еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, если только это возможно, производилъ раздачу населенныхъ имѣній императоръ Павелъ. Онъ былъ того мнѣнія, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управленіемъ помѣщиковъ, которыхъ онъ называлъ своими *полицеймейстерами* («У меня столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ» З. Болотова: Р. Арх., ч. 2 стр. 781), чѣмъ подъ властію лицъ, назначенныхъ для завѣдыванія крестьянами казенными [65]), поэтому, не смотря на то, что онъ обратилъ большое вниманіе на улучшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ, онъ раздавалъ ихъ щедрою рукою. Въ день его коронаціи, 5 апрѣля 1797 года, посыпались награды населенными имѣніями. Въ Чтеніяхъ (кн. 1, 1867 г.) помѣщена интересная записка, составленная кн. Куракинымъ обо всѣхъ его милостяхъ въ этотъ

день «благотворительность и щедрость его великія души ознаменовавшихъ, и примѣра себѣ ни въ Россіи и ни въ какомъ другомъ государствѣ неимѣющихъ.» Изъ этой записки видно, что, кромѣ коммандорствъ, роздано было 105 лицамъ около 82.000 душъ. Наибольше получилъ гр. Безбородько: орловскую вотчину, принадлежавшую кн. Кантемиру, 30.000 десятинъ въ воронежской губ., да 6.000 душъ на выборъ; генералъ-фельмаршалъ кн. Рѣпнинъ получилъ тоже 6.000 душъ. Другіе получили также по нѣсколько тысячъ, а иные по нѣсколько сотъ душъ; наименьше досталось полковнику Патрексоеву—86 душъ. Получали и женщины: статсъ дама Ливенъ 1.500 душъ, вдова генералъ-маіора Максимовича—293 души въ Малороссіи. Въ Малороссіи были пожалованы имѣнія и другимъ лицамъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ Стрекаловъ получилъ тамъ 2.580 душъ, генералъ-лейтенантъ Бердяевъ 678 д. Не были забыты и креатуры Безбородька: членъ главнаго почтоваго управленія Судіенко 597 д., маллороссійскій почтъ-директоръ Милорадовичъ 414 д. и т. д.—Пожалованія, конечно, не ограничились днемъ 5 апрѣля 1797 г.: гатчинцы (Аракчеевъ грузинскую вотчину) и другіе любимцы Павла: Кутайсовъ, брадобрѣй государя изъ плѣнныхъ турокъ, сдѣланъ былъ оберъ-гофъ-шталмейстеромъ и графомъ и получилъ громадныя имѣнія, также какъ и кн. Куракины, Обольяниновъ, Растопчинъ, Салтыковъ и мн. др. Гр. Вьелгорскій получилъ въ потомственное владѣніе Каменецъ-Литовскій съ староствомъ каменецкимъ (П. С. № 18.359). При Павлѣ I начальства получили право, при представленіи подчиненныхъ своихъ къ наградамъ, испрашивать для нихъ крестьянъ, назначая каждому опредѣленное число душъ: на генералъ-прокурорскую канцелярію пожаловано было однажды 5.000 душъ для распредѣленія ихъ между отдѣльными чиновниками (Осмн. в. кн. 3), а въ 1800 г. разнымъ чиновникамъ пожаловано было 213.000 десятинъ земли въ саратовской губ. (П. С. № 19.858) [66]).

Получившіе населенныя имѣнія иногда могли сами выбирать ихъ въ какой угодно губерніи. Екатерина II писала къ Ив. Гр. Орлову «я къ тѣмъ 4.000 душъ, кои еще гр. А. Гр.

*

Орловъ за чесменскую баталію не взялъ, присовокупляю еще 6.000 душъ для гр. Гр. Гр. Орлова, съ тѣмъ, чтобы онъ оные выбралъ или изъ моихъ псковскихъ, или кои на Волгѣ, или въ которыхъ уѣздахъ самъ заблагоразсудитъ» (Р. Арх. ч. 4-й стр. 66). Пожаловавъ А. И. Шувалову 4.000 крестьянъ, Петръ III предоставилъ выбрать ихъ ему самому. Точно также и Павелъ, пожаловавъ имѣнія Безбородьку и Салтыкову, предоставилъ имъ право выбрать — первому въ какой угодно губерніи, а послѣднему въ подольской.

О пожалованіи деревень не рѣдко подавались прошенія государю: такъ кн. Меншиковъ просилъ Екатерину I о пожалованіи ему Батурина; подобное-же прошеніе было подано Екатеринѣ II гр. Кир. Гр. Разумовскимъ объ обращеніи ранговыхъ гетманскихъ маетностей въ вѣчное и потомственное его владѣніе. Въ 1771 г. кн. Долгоруковы подали прошеніе, чтобъ вмѣсто давно обѣщанныхъ имъ крестьянъ — по тысячѣ каждому — пожалованы имъ были въ чебоксарскомъ уѣздѣ 2.312 душъ (Архивъ госуд. сов., ч. 2-я, стр. 385). Насколько подобныя просьбы были въ обычаѣ показываетъ вѣдомость челобитенъ, поданныхъ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1744 г., изъ которой видно, что такія просьбы приносились не только высокопоставленными (кн. Трубецкой просилъ о пожалованіи ему деревни обѣщанной), но и простыми смертными (полковникъ Василій Танскій, канцеляріи совѣтникъ Хрисоскулѣевъ) (Осмн. В. кн. 2-я стр. 229).

Иногда населенныя имѣнія жаловались начальникамъ инородческихъ племенъ, отошедшихъ подъ власть Россіи: сыновья калмыцкаго хана Дондукъ—Омбо въ 1743 г. приняли православіе и получили княжество. Одному изъ нихъ, кн. Алексѣю Дондуковичу, Екатерина II въ 1762 г. возвратила калмыцкій улусъ и титулъ хана. По смерти его, улусъ, состоявшій изъ 1816 кибитокъ, въ 1781 г., былъ взятъ въ казну, а брату хана, кн. Іонѣ Дондуковичу, родоначальнику кн. Дондуковыхъ-Корсаковыхъ съ женской стороны, пожалована была могилевской губерніи оршанскаго уѣзда волость романовская, съ 3.000 душъ (Долгорукова: ч. III стр. 23).

Пожалованныя имѣнія, вслѣдствіе частаго паденія случайныхъ людей 18 в., сопровождавшагося конфискаціей ихъ имѣній, постоянно переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ Малороссіи многія пожалованныя имѣнія переходили отъ Меншикова къ Миниху, отъ Миниха къ Разумовскому. У генерала Румянцева взяты были имѣнія, взамѣнъ которыхъ онъ просилъ пожаловать бывшую волость Ст. Лопухина; у полковника Егора Милюкова отобрано было для фельдмаршала кн. Долгорукова село Юдино, взамѣнъ котораго онъ просилъ пожаловать ему село Острецово съ деревнями суздальскаго уѣзда, изъ конфисковавшихъ имѣній гвардіи капитана кн. Ив. Путатина (ib). Въ 1729 г. подполковникъ лейбъ-гвардіи Салтыковъ подалъ въ верховной тайный совѣтъ челобитную, въ которой писалъ, что въ 1727 г. пожаловано ему послѣ Петра Толстаго недвижимое имѣніе, съ котораго и были взяты печатныя и четвертныя пошлины. Послѣ того, имѣніе это было отдано Лопухинымъ, а вмѣсто него указомъ верховнаго тайнаго совѣта повелѣно Салтыкову дать имѣніе Залѣскаго, село Заболотье съ деревнями, переяславскаго уѣзда, то чтобъ съ этого имѣнія печатныхъ пошлинъ вторично не брали. Верховный тайный совѣтъ постановилъ «понеже и другихъ разныхъ чиновъ людямъ, вмѣсто прежде пожалованныхъ деревень, которыя возвращены прежнимъ владѣльцамъ, нынѣ велѣно отдать другія деревни, то чтобъ вторично пошлинъ не брать» (П. С. № 5.386).

Путемъ пожалованій населенныхъ имѣній въ 18 вѣкѣ, образовалось много новыхъ помѣщиковъ, которые не имѣютъ никакой преемственной связи съ помѣщиками и вотчинниками 16 и 17 ст. Вообще, большая часть нашихъ помѣщиковъ начало владѣнія своими имѣніями могутъ возвести не далѣе 18 в. Въ 1700 г. 136 знатныхъ фамилій, бывшихъ въ первыхъ царскихъ чинахъ, состоявшихъ изъ 330 лицъ, да 2.849 незнатныхъ дворянскихъ фамилій, состоявшихъ изъ 14.711 лицъ, а всего 2.985 фамилій, изъ 15.041 лица, владѣли населенными имѣніями. Конечно, изъ этихъ фамилій, какъ первой (Апраксины, Башмаковы, Булгаковы, Дашковы, Колычевы, и мн. др.), такъ и второй категоріи (Аксаковы, Алферьевы, Бахметьевы, Боро-

дины, Валуевы, Васьковы, Голохвастовы, Дохтуровы, Ефановы, Жоховы, Леонтьевы, Рохманиновы, и др.) (Иванова: Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ, стр. 229) встрѣчаются еще и въ настоящее время, но тѣмъ не менѣе большая часть нашихъ великорусскихъ, а тѣмъ болѣе малороссійскихъ, помѣщиковъ — новѣйшаго происхожденія: 19 и ужъ никакъ не далѣе 18 столѣтій. Помѣстья весьма рѣдко задерживались въ трехъ-четырехъ генераціяхъ одной и той же дворянской фамиліи. Такія явленія, какъ село Богородское, рязанской губерніи спасскаго уѣзда, пожалованное предкамъ Лунина еще въ 1514 г., 352 года сохранявшееся въ ихъ родѣ, и только въ 1856 г. перешедшее въ женское поколѣніе Полуденской, урожденной Луниной (Р. Арх. ч. 4 й стр. 379)— такія явленія, говоримъ, весьма рѣдки. Большая-же часть другихъ имѣній, или посредствомъ приданаго или посредствомъ раздѣла между сонаслѣдниками, переходили въ другія фамиліи. Гакстгаузенъ встрѣчалъ деревни съ населеніемъ 400 — 500 душъ, раздѣленныя между 30 — 40 помѣщиками; ему указывали на одну деревню, съ 260 душъ крестьянъ, принадлежащую 83 владѣльцамъ (Etudes, t. III p. 66). Это самое было и во времена Посошкова: «Есть въ новгородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцевъ» (О скудости и о богатствѣ, стр. 192).

Закрѣпленіе помѣстья за одной и той же дворянской фамиліей могло произойдти только при посредствѣ майората. А майоратъ, какъ увидимъ ниже, былъ не въ крови нашего шляхетства — сословія не *землевладѣльческаго*, но *служилаго*. Стремленіе-же сохранить помѣстье въ своемъ родѣ, которое отъ времени до времени проявлялось въ нѣкорыхъ аристократическихъ фамиліяхъ — было навѣяно знакомствомъ съ аристокракическими порядками западной Европы, уже послѣ отмѣны закона о единонаслѣдіи 1714 года, особенно тяжелаго для средняго и мелкаго дворянства. Предложеніе кн. Васильчикова при Николаѣ I о введеніи майоратовъ не имѣло почвы исторической. Въ большинствѣ случаевъ, аристократія наша,

какъ и рядовое дворянство, мало дорожила фамильными помѣстьями. Примѣръ кн. Вяземской, вдовы генералъ-прокурора, продавшей свою извѣстную дачу иностранцу, портному Винкеру (Р. Арх. ч- 2-й стр. 460) — не одиночный: лучшая дача въ окрестностяхъ Кіева (Кинь грусть) — достояніе Лукашевичей, а потомъ Безбородьковъ, за баснословно дешевую цѣну пріобрѣтена евреемъ Гинцбугомъ, изъ откупщиковъ и поставщиковъ въ крымскую войну. «Вѣтренные русскіе баре» прекрасно говоритъ Васильчиковъ «громко разсуждающіе объ аристократизмѣ и о какихъ то небывалыхъ правахъ, въ парижскихъ клубахъ Moutard или Jockey, на родинѣ за безцѣнокъ продаютъ подмосковныя отчины, со всѣми семейными воспоминаніями, архивами и портретами. Съ трудомъ укажешь дачу въ окрестностяхъ Москвы или С.-Петербурга, которая осталась въ родѣ ея строителя. Всѣ богатыя московскія палаты заняты казенными заведеніями, да и въ юномъ Петербургѣ едва-ли насчитаешь три дома, болѣе трехъ поколѣній сохранившіеся въ одномъ и томъ же родѣ» (Осмн. В. кн. 2-я: Семейство Разумовскихъ, стр. 379).

Такимъ образомъ, если мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя дворянскія фамиліи обладаютъ громадными имѣніями, изумляющими иностранцевъ, то эти имѣнія не ревниво накоплялись дворянскими поколѣніями, но жаловались монархами. Такъ появились тѣ имѣнія, въ которыхъ крестьянъ считали не только десятками, но иногда и сотнями тысячъ душъ — Меншикова, Шереметева (у котораго, по замѣчанію Гакстгаузена, столько же крестьянъ, какъ у герцога нассаусскаго подданныхъ), Салтыкова, Голицыныхъ, Воронцовыхъ, Потемкина, Разумовскихъ, Паскевича и т. д.

Въ 16 ст. крупныхъ землевладѣльцевъ было весьма мало: наибольшее количество земель могли имѣть удѣльные князья и ихъ потомство, но области этихъ князей сдѣлались достояніемъ царя московскаго, а вотчины составились изъ ихъ прежней частной собственности, болѣе и болѣе дробившейся вслѣдствіе распложенія родовъ, болѣе и болѣе умалявшейся вслѣдствіе обычая

отдавать отчины въ монастыри на поминъ души (Соловьева: Т. IX стр. 359). Какъ расплодились роды, происшедшіе отъ князей удѣльныхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго указанія: отъ кн. черниговскихъ произошло 34 рода, отъ стародубскихъ — 15 фамилій, ярославскихъ 38 фамилій, ростовскихъ — 12 фамилій и т. д. (Хлѣбниковъ: О вліяніи общества на организацію государства, стр. 13). Какъ было накопляться значительнымъ имѣніямъ въ рукахъ самыхъ аристократическихъ фамилій? Г. Хлѣбниковъ, обратившій едва ли не впервые вниманіе на количество поземельной собственности служилаго класса въ царскій періодъ его исторіи, приходитъ къ выводу, что размѣры этой собственности были крайне ограничены (стр. 21 и слѣд.). Противъ пути, по которому изслѣдователь пришелъ къ этимъ выводамъ, на его диспутѣ сдѣланы были весьма основательныя замѣчанія професоромъ Сергѣевичемъ (Моск. Унив. изв. за текущій годъ). Еще незнакомые съ этими замѣчаніями, мы находили нѣкоторое противорѣчіе выводовъ г. Хлѣбникова съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ Котошихина. «За бояры, и окольничими, и думными и ближними людьми, и за стольники, за стряпчими и за дворяны и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны, и за дѣтми боярскими, и за мурзами и за татары, и за дворовыми и конюшенными людьми, и за переводчиками, и за подьячими, и за толмачами, и за вдовами и дѣвицами, въ помѣстьяхъ ихъ и во всякихъ вотчинахъ крестьянъ по 2 и по 3 и по 4 и по 5 и по 10 и по 15 и по 20 и по 30 и по 40 и по 60 и по 80 и по 100 и по 150 и по 200 и по 300 и по 500 и по 700 и по 1.000 и по 2.000 и по 3.000 и по 5.000 и по 7.000 и по 10.000 и по 12.000 и по 15.000 дворовъ за человѣкомъ, по чину ихъ и чести; и кто дослужится, за иным боляриномъ естъ близко 17.000 дворовъ, а за инымъ только со 100 и съ 200 дворовъ» (стр. 115). Въ 17 ст., благодаря можетъ быть щедрымъ пожалованіямъ первыхъ Романовыхъ, появляются помѣщики, владѣющіе 15 — 17.000 дворовъ, но большая часть такихъ огромныхъ дворянскихъ состояній произошла, мы все-таки думаемъ, отъ

пожалованій 18 вѣка — въ особенности Екатерины II и Павла I. Большія имѣнія, населенныя тысячами душъ крестьянъ, нажитыя трудомъ и постепеннымъ пріобрѣтеніемъ цѣлымъ рядомъ дворянскихъ поколѣній составляютъ исключеніе.

Пожалованіе населенныхъ имѣній было прекращено Александромъ I въ 1801 г. На письмо одного государственнаго сановника, желавшаго получить населенное имѣніе, императоръ отвѣчалъ: «Русскіе крестьяне большей частію принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ, и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ» (Богдановича: Исторія царствованія Александра I. Т. I. стр. 96). Имѣніе дано было просителю въ аренду, и съ этихъ поръ пожалованіе въ аренду населенныхъ имѣній и пожалованіе въ собственность ненаселенныхъ земель замѣнило пожалованіе имѣній населенныхъ въ собственность. Такъ въ 1803 г. императоръ предписалъ: раздавать въ новороссійскомъ краѣ ненаселенныя земли штабъ — и оберъ-офицерамъ — первымъ по 1.000, а вторымъ по 500 десятинъ (П. С. № 20.609).

Послѣ этого раздача ненаселенныхъ земель производилась втеченіе 19 ст. въ обширныхъ размѣрахъ и продолжается доселѣ, «подвигаясь далѣе и далѣе къ окраинамъ Россіи».

III. Мы видѣли, какія службы несло дворянство и какъ оно вознаграждалось за нихъ; на немъ также лежала обязанность учиться. Посылка дворянскихъ дѣтей заграницу для обученія началась еще вконцѣ прошлаго столѣтія. Въ первый разъ отправлено было изъ компатныхъ стольниковъ: въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22. Большая часть изъ нихъ отправились вначалѣ 1697 г. Въ августѣ того же года Петръ Великій изъ Амстердама писалъ къ Виніусу: «Стольники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ пре-

мѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ статъ, еще ртомъ поср. . . . » (Пекарскаго: Т. I.; Устрялова: Т. II. стр. 425). Родители посылали своимъ дѣтямъ, отправленнымъ за море въ науку, большія суммы денегъ, отъ чего тѣ жили тамъ въ волѣ и холѣ, гуляли, мало занимаясь наукой. Петръ Великій въ 1710 г. запретилъ посылать деньги заграницу помимо адмиралтейскаго приказа (П. С. № 2.292). Но дворяне за моремъ все-таки плохо занимались наукой. Кононъ Зотовъ въ 1715 г. писалъ Петру изъ Франціи: . . . «не худо бы было, еслибы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать латинистовъ изъ средней статьи людей, т. е. не изъ *породныхъ*. . . для того, что вездѣ породные презираютъ труды». (Пекарскаго: Т. I. стр. 157), но Петръ не переставалъ посылать за море людей *породныхъ*. Въ 1716 г. онъ писалъ: «понеже мы получили вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи въ морскую службу принять хотятъ, также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ ихъ примутъ же: того для велите какъ наискорѣе въ С.-Петербургѣ отобрать изъ школьниковъ *лучшихъ дворянскихъ дѣтей* и привезть въ Ревель и посадить на корабляхъ съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, Францію и Англію по 20 человѣкъ» (П. С. № 2.999). Но вырвавшись на свободу, русскіе молодые дворяне, какъ выражается пр. Соловьевъ, на западѣ Европы позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной. Кононъ Зотовъ продолжалъ сообщать царю самыя неутѣшительныя о нихъ свѣдѣнія. А въ 1717 г. онъ извѣщалъ царя: «Г. Маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги». Въ сентябрѣ новое письмо: «Гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Барятинскаго и за то подъ арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются,

только честно на поединкахъ лицомъ къ лицу» (Соловьева: Т. XVI, стр. 30) [67]).

Посылки въ заграничную науку дворянскихъ недорослей были для нихъ великой тяжестію, *сущимъ несчастіемъ* (такъ выражался одинъ изъ посланныхъ, Вас. Вас. Головинъ). Чтобъ избавиться отъ нихъ, они поступали иногда въ монахи. Такъ одинъ вологодскій помѣщикъ Ив. Морковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся въ монахи одного с.-петербургскаго монастыря. Но стѣны православной обители не спасли его отъ заморской науки: великій просвѣтитель Россіи велѣлъ взять изъ монастыря іеродіакона Іосафа и послать его изучать навигацію (Соловьева: Т. XVII. стр. 306).

Отправляя дворянскихъ дѣтей въ науку заграницу, Петръ Великій не забывалъ и оставшихся дома, постоянно принуждая ихъ учиться. А учиться куда какъ было нужно: многіе дворянскіе дѣти, по свидѣтельству Данилова, грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали (стр. 14). Въ 1714 г. повелѣно было во всѣ губерніи послать по нѣсколько учениковъ изъ математическихъ школъ. Въ архіерейскихъ домахъ и при монастыряхъ образованы были школы, въ которыхъ дворянскіе и приказные дѣти отъ 10—15 лѣтъ должны учиться цыфири и нѣкоторой части геометріи. Учителя вовремя ученія не могли брать съ учениковъ плату, а по выучкѣ они выдавали свидѣтельства, при чемъ въ пользу ихъ взымалось по рублю. Безъ изученія цыфири и нѣкоторой части геометріи нельзя было дворянину жениться. Поэтому, безъ свидѣтельства изъ школы, священники не могли выдавать вѣнечныхъ памятей (П. С. № 2.762, 2.778). Дѣти же знатныхъ дворянъ (не исключая губернаторскихъ и др. начальниковъ) отъ 10 лѣтъ высылались въ школы въ С.-Петербургъ (П. С. № 2 968), а если родители укрывали ихъ, то съ нихъ взымался штрафъ (П. С. 2.497). При гвардейскихъ полкахъ учреждены были также школы, въ которыхъ обучались малолѣтки, записанные въ полки. Остальные распредѣлялись между другими школами. Петръ Великій установилъ комплектъ

учениковъ изъ дворянскихъ недорослей въ академіяхъ: въ С.-Петербургѣ 300, въ Геодезіи 30, въ Москвѣ 500 человѣкъ (П. С. № 4.863). Онъ самъ наблюдалъ за распредѣленіемъ между ними шляхетскихъ недорослей. Адмиралъ Мордвиновъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что по вторичномъ смотрѣ и разборѣ недорослей самимъ государемъ, онъ, будучи 13 лѣтъ, былъ записанъ въ новгородскую школу для обученія цыфирной науки, а потомъ въ числѣ 84 человѣкъ дворянъ, онъ былъ отосланъ для обученія въ Нарву. Въ октябрѣ того же года именнымъ указомъ всѣ они были взяты въ С.-Петербургъ и опредѣлены въ академію съ прибавленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ Москвы съ Сухаревой башни (стр. 9). Петръ Великій строго слѣдилъ, чтобы дворяне исполняли его приказанія объ обученіи своихъ дѣтей. Однимъ указомъ онъ повелѣлъ опредѣлить дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Но родители отдали ихъ въ заикопоспасское училище. Петръ Великій былъ такъ раздраженъ этимъ ослушаніемъ, что повелѣлъ всѣхъ учениковъ дворянъ изъ спаскаго монастыря отправить въ С.-Петербургъ и заставить ихъ тамъ бить сваи на Мойкѣ. Гр. Апраксинъ, узнавъ о приближеніи монарха къ пеньковымъ анбарамъ, снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и началъ самъ вбивать сваи. Приблизившійся государь сказалъ: «Ѳедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же ты вбиваешь сваи»? — «Государь», отвѣчалъ Апраксинъ, «здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я что за человѣкъ? Какое имѣю въ родѣ преимущество»? (Б. — Каменскаго Словарь: Т. I. стр. 58).

Мы видѣли, какъ вели себя молодые русскіе дворяне, посланные въ науку заграницу. Туго учились они и въ русскихъ школахъ. Оторванные отъ деревенскаго приволья, гдѣ до 18 лѣтняго возраста считали ихъ дѣтьми малыми — неразумными, которымъ нянюшки и дядьки изъ холоповъ, вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду, какъ дѣлу холопскому, какъ могли они трудиться въ школахъ и учиться наукамъ? Нѣкоторые изъ нихъ въ деревни хаживали

на медвѣдя, другіе тѣшились кулачными боями, а иные попривыкли и къ чарочкѣ: удивительно ли, что въ школахъ по два дни ихъ сѣкли батогами, истязали кошками? (Веселаго: Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса — цитата изъ Пекарскаго).

Преемники Петра, хотя съ меньшей энергіей, но продолжали его заботы объ обученіи шляхетства. Объ этомъ мы встрѣчаемъ указъ Екатерины I (П. С. № 4.863), но особенно заботится о томъ Анна Іоанновна или, правильнѣе сказать, ея великій пособникъ—Минихъ. Число школъ въ губерніяхъ было увеличено, и малолѣтки-дворяне обучались въ нихъ, кромѣ грамоты и наукъ, воинской экзерциціи, а которые изъ нихъ были бѣдны, тѣмъ при школахъ выдавалось жалованье, противъ солдатскихъ дѣтей (П. С. № 6.949). Учрежденъ былъ на опредѣленное число дворянскихъ дѣтей сухопутный шляхетный корпусъ. Образована артиллерійская школа, въ которую герольдмейстеромъ представлено 700 человѣкъ дворянскихъ дѣтей (Данилова: стр. 30). Мы видѣли, что по закону 1737 г., опредѣлившему порядокъ явки на смотръ дворянскихъ недорослей, на второмъ смотрѣ, въ 12 лѣтъ, они должны были знать чтеніе и письмо; на третьемъ, въ 16 лѣтъ, кромѣ закона и артикуловъ православной вѣры—ариѳметику и геометрію. Родители, желавшіе и имѣвшіе средства продолжать обученіе дѣтей дома, могли брать ихъ къ себѣ и съ третьяго смотра, а иначе шляхетскіе недоросли отдавались въ академію, въ которой обучались географіи, фортификаціи и исторіи. Невыучившіеся до 3-го смотра ариѳметикѣ и геометріи, отдавались безъ выслуги въ матросы (П. С. № 7.170 и др.). Но исполняли ли родители требованія закона 1737 г.? Въ 1743 г. синодъ сообщилъ вѣдѣніемъ сенату, что россійскіе дворяне (и прочихъ чиновъ люди) дѣтей своихъ обучаютъ только часовнику и псалтыри, а не катехизису. Отчего дворянскіе дѣти не знаютъ основаній православной вѣры. Родителямъ вмѣнено въ обязанность обучать своихъ дѣтей катехизису, а за неисполненіе этой обязанности велѣно въ губерніи губернаторамъ, а въ провинціяхъ воеводамъ брать штрафъ — за каждаго чело-

вѣка изъ шляхетства по 10 р., а прочихъ — по 2 р. (П. С. № 8.726).

Съ учрежденіемъ московскаго университета, произошла коллизія между обязанностію службы и обученія. Коллизія эта, благодаря участію Ив. Ив. Шувалова, разрѣшилась въ пользу образованія. «Главное препятствіе въ достиженіи способныхъ людей по моему мнѣнію», доносилъ сенату первый кураторъ московскаго университета «состоитъ въ томъ, что дворянскіе дѣти въ такихъ лѣтахъ, когда должно приготовляться, чтобъ быть годными къ службѣ, во оную вступаютъ, имѣя многіе способы происходить по случаю, а не по достоинству» (Чтенія: кн. 3-ья, 1858).

Ходатайство Шувалова было уважено, и дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, *отпущались* въ императорскій московскій университетъ для обученія наукъ: такъ напр. Ф.-Визинъ, записанный 10 лѣтъ въ семеновскій полкъ солдатомъ, въ томъ же, 1754 г., *отпущенъ* былъ въ университетъ. Въ полку за обученіе производили его въ чины, а въ университетѣ сдѣлали студентомъ (соч. ф.-Визина; изд. Ефремова стр. 15). Но дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, а въ университетъ студентами, во всякое время могли быть потребованы герольдмейстеромъ на службу. Въ 1756 г. московскій университетъ представлялъ сенату, что многіе ученики изъ дворянъ показываютъ склонность къ наукамъ и успѣваютъ въ нихъ. Но большая часть изъ нихъ записаны въ службу въ молодыхъ лѣтахъ, а другимъ приходитъ время записываться, отъ чего всѣ они принуждены оставлять университетъ, а вслѣдствіе этого и нельзя ожидать, чтобъ изъ благородныхъ вышли люди ученые. Московскій университетъ предлагалъ сообщать въ герольдію объ ученикахъ-дворянахъ, записавшихся въ университетъ, чтобъ герольдія дозволила имъ учиться, до-скольвихъ лѣтъ сенатъ заблагоразсудитъ. А чтобъ тѣ, которымъ разрѣшено продолжать ученіе въ университетѣ, не могли отбывать ни отъ службы, ни отъ ученія — московскій университетъ долженъ сноситься о нихъ

съ герольдіей. Для тѣхъ же, которые состоятъ въ дѣйствительной службѣ, но желаютъ продолжать ученіе въ университетѣ, постановить, чтобъ старшинство ихъ наблюдалось и въ повышеніяхъ ихъ не обходили, дабы они не потеряли въ полкахъ свое произвожденіе. Уважая это представленіе, сенатъ приказалъ: въ университетъ принимать шляхетскихъ недорослей, по желанію ихъ, отъ 7 до 8 лѣтъ, которые уже были на смотрахъ. О числѣ принятыхъ и вновь вступающихъ сообщать въ герольдію. А недорослямъ дозволить учиться въ университетѣ до 16 и даже до 20 лѣтъ; а которые захотятъ быть долѣе 20 лѣтъ, о такихъ докладывать сенату. А обучающихся недорослей, которые записаны по военной или гражданской службѣ, производствомъ въ чины не обходить (П. С. № 10.558). Вотъ историческое основаніе тѣхъ классовъ, которые даются воспитанникамъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Несмотря на обязательное обученіе шляхетства, грамотность между нимъ распространялась туго. Конечно, между высшимъ дворянствомъ выводились уже въ 18 вѣкѣ такія не *студерованные* и *грамотъ неученые*, какіе были между боярами временъ Котошихина (стр. 19). Впрочемъ, о степени образованія нѣкоторыхъ нашихъ сановниковъ первой половины 18 в. можемъ сдѣлать заключеніе по одному указу конца царствованія Анны Іоанновны. Въ 1737 г. повелѣно было всѣмъ кадетамъ дважды въ годъ производить экзамены, въ присутствіи одного сенатора. Когда въ 1740 г. наступилъ срокъ этихъ экзаменовъ, то сенатъ назначилъ присутствовать при нихъ одному сенатору, старшему чиномъ, генералъ-аншефу Чернышеву. Но генералъ-аншефъ Чернышевъ, *подобно прочимъ сенаторамъ, за необученіемъ другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциціи*, при экзаменѣ могъ быть только безполезенъ; тайный же совѣтникъ Нарышкинъ, *единственный членъ сената, къ этому дѣлу способный*, былъ занятъ другими дѣлами. Вслѣдствіе этого, сенатъ представилъ государынѣ о назначеніи къ присутствію на экзаменахъ болѣе компетентныхъ лицъ. Высочайшая резолюція постановила: производить впредь

экзамены генералъ-фельдмаршалу Миниху и учителямъ де-сіансъ, адмиралтейской и инженерной школы, а сенаторовъ къ тому не употреблять (П. С. № 8.253). Предсѣдатель олонецкаго в. з. суда, полковникъ Николай Тутолминъ, котораго зналъ Державинъ въ 1785 г., по свидѣтельству его, худо разумѣлъ грамоту (Записки Державина, стр. 256). Еще ниже было образованіе женщины въ высшемъ кругу дворянства: въ 18 в. нетрудно было встрѣтить женщину въ самомъ богатомъ дворянскомъ семействѣ, едва грамотную и даже вовсе неграмотную. Такъ напримѣръ бабка Энгельгардта, имѣвшая болѣе тысячи душъ, едва умѣла читать и писать по русски (Записки Энгельг., стр. 3). Воззрѣніе на образованіе рядоваго дворянства охарактеризовалъ ф.-Визинъ въ своемъ Недорослѣ. Дворянство это впрочемъ, не имѣло средствъ, еслибъ даже и была его добрая воля, получать хорошее образованіе: учебныхъ заведеній было мало, педагогическія средства ихъ были крайне печальныя: извѣстны тѣ учителя новооткрытой московской гимназіи, у которыхъ учился ф.-Визинъ—они запивали смертную чашу, часто не позволявшую имъ являться на уроки; извѣстенъ его разсказъ о символическихъ пуговицахъ на кафтанѣ его учителя, знаменующихъ 5 склоненій и 4 пуговицахъ на комзолѣ, знаменующихъ 4 спряженія (Соч. ф.-Визина въ изд. Ефремова: стр. XI). Учителя цыфирныхъ и геометрическихъ школъ были и того хуже. О домашнихъ педагогахъ говорить нечего: это были личности вродѣ пономаря Брудастаго, изображаемаго въ запискахъ артиллеріи майора Данилова (стр. 38), или артиллеріи штыкъ — юнкера Полетаева, съ которымъ мы встрѣчаемся въ запискахъ Державина (стр. 10), или вродѣ тѣхъ иностранныхъ мадамовъ и гувернеровъ, которые въ своемъ отечествѣ были горничными и лакеями, а въ Россіи занимались болѣе уличною торговлею, чѣмъ преподаваніемъ, о которыхъ говоритъ одинъ указъ 1756 г. (П. С. № 10.543). Многіе дворянскіе дѣти впачалѣ 18 в. грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а многіе и вовсе ее не разумѣли: на челобитной, поданной Ларіономъ Линевымъ въ вотчинную коллегію, въ 1721 г., о передачѣ недвижимаго

имѣнія въ наслѣдіе сыну, вмѣсто неграмотнаго просителя, руку приложилъ посторонній (П. С. № 5.658).

Много неграмотныхъ дворянъ мы встрѣчаемъ даже во второй половинѣ 18 вѣка. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому могутъ служить наказы дворянскимъ депутатамъ коммисіи 1767 г. Почти въ каждомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько неграмотныхъ дворянъ, въ чинахъ подпоручика, прапорщика, даже капитана, не говоря уже о вахмистрахъ и солдатахъ. [68]). Для примѣра мы укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ наказовъ. Подъ московскимъ наказомъ и *полной мочію*, данными московскому депутату Петру Ивановичу Панину, неграмотныхъ дворянъ мы не встрѣчаемъ — но они подписаны цвѣтомъ русскаго дворянства. Подъ боровскимъ наказомъ 3 подписи другихъ лицъ по-прошенію; въ костромскомъ наказѣ, вмѣсто 9 дворянъ, по неумѣнію ихъ грамотѣ, подписался подпоручикъ Иванъ Ашитковъ; въ михайловскомъ 80 подписей постороннихъ лицъ по прошенію; въ судиславскомъ 11 постороннихъ подписей, по неумѣнію грамотѣ; въ медынскомъ 8 неграмотныхъ; въ любимскомъ 9; въ ярославскомъ 4 и т. д. (См. 30 дворянскихъ наказовъ въ Сб. р. ист. общ., Т. IV).

При такомъ множествѣ неграмотныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи наказовъ, удивляешься тѣмъ зрѣлымъ и здравымъ понятіямъ шляхетства о своихъ нуждахъ, о потребностяхъ другихъ классовъ, о вопросахъ государственныхъ, съ которыми мы иногда встрѣчаемся и въ наказахъ и въ депутатскихъ заявленіяхъ. Правда, попадаются и такіе наказы, какъ напримѣръ юрьевскаго уѣзда владимірской губ., въ которомъ дворянство сознается, что оно по *скудоумію своему* не можетъ сдѣлать никакихъ представленій о общихъ нуждахъ, кромѣ того, что имѣются по формѣ судовъ великія продолженія; или какъ кадыковскаго дворянства костромской губ., въ которомъ оно выставляетъ главнымъ образомъ на видъ неудобства закона 1765 г., запрещающаго привозить въ города вино и водку, отчего дворянство, имѣя штабъ- и оберъ-офицерскіе чины, принуждено покупать вино въ питейныхъ домахъ съ непри-

стойнымъ запахомъ и спеціями, что̀ *противно характеру дворянства*. Но это исключеніе. Большая же часть наказовъ, *несмотря на непривычку дворянъ въ семъ упражненіи*, какъ выражается тульское шляхетство, составлены съ большимъ разумѣніемъ и основательностію. Для объясненія этого противорѣчія, не забудемъ, что коммисія 1767 г. вызвала къ дѣятельности лучшія силы нашего общества, что въ составленіи наказовъ принимало участіе не большинство шляхетства, но меньшинство, и притомъ меньшинство, состоявшее изъ такихъ лицъ, какъ Панины, Орловы (особенно Гр. Гр.), Болтинъ, Щербатовъ, Бибиковъ и др. Они-то давали тонъ и направленіе коммисіи, они вѣроятно и составляли наказы. Но на основаніи этихъ наказовъ мы не можемъ дѣлать заключеніе о высокомъ уровнѣ образованія дворянства: даже при Александрѣ I, въ 1801 г., правительство обратило вниманіе на то, что въ полкахъ много дворянъ, неумѣющихъ грамотѣ (П. С. № 19.825).

Что касается малороссійскаго шляхетства, скажемъ мимоходомъ, то по нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ судить, что оно стояло на высшей степени образованія. Близость кіевобратской академіи, въ которой получали образованіе многіе шляхтичи, между прочимъ тому содѣйствовала. Генеральный подскарбій Марковичъ, какъ видно изъ его записокъ, очень былъ озабоченъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ 1741 г. онъ договорилъ инспектора для нихъ за 8 р., 3 пары сапоговъ и 2 пары чулковъ въ годъ, а въ 1742 — иноземца Горна за 30 р. въ годъ для обученія языкамъ нѣмецкому и латинскому. Изъ этихъ же записокъ видно, что генеральный подскарбій имѣлъ и порядочную библіотеку, въ которой были Мильтонъ, Speculum saxonum, политика Аристотеля, лексиконъ Буддея, Ролленъ, читалъ и французскія газеты (стр. 324), сочинялъ латинскимъ діалектомъ (68), *позичалъ* Телемака для прочтенія Дмитрашку (стр. 392) и пр. (Дневн. записки). Степанъ Бутовичъ въ своемъ завѣщаніи 1746 г. приказывалъ сыну своему Петру, «дабы онъ ни въ нѣмецкіе, ни французскіе ученія себе не вдавалъ, пока не выслушаетъ реторики двохъ годъ» (Зап.

черн. статистич. комитета: кн. 2-я стр. 118). Изъ наказовъ малороссійскаго шляхетства видно, что оно нерѣдко посылало своихъ дѣтей для воспитанія заграницу. Въ 1745 г. малороссійская войсковая генеральная канцелярія представляла въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о дозволеніи дѣтямъ бунчуковаго товарища Андрея Дунина-Барковскаго отправиться въ прусскую землю для обученія, да сыновьямъ генеральнаго подскарбія Ив. Скоропадскаго — въ Бреславль, въ Силезію (П. С. № 9.184). Интересное указаніе на распространеніе просвѣщенія между малороссійскимъ шляхетствомъ мы встрѣчаемъ также въ исторіи бунчуковаго товарища Лаврентія Бороздны. Онъ до того былъ пристрастенъ къ чтенію, что, какъ объясняла жена его въ 1754 г., помѣшался отъ многого писанія и излишняго чтенія (Зап. черн. статист. комитета, кн. 2, стр. 71). Черниговское шляхетство въ наказѣ, данномъ своему депутату, генеральному асаулу Ив. Михайл. Скоропадскому, заявило о скудныхъ средствахъ шляхетства для воспитанія дѣтей и о необходимости учрежденія учебныхъ заведеній: дворянскаго корпуса, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ можно было научиться всему тому, что «благородному человѣку въ военной и статской службахъ и въ сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ»; университета или академіи для ученія высшимъ наукамъ и особливой домъ воспитанія для женскаго пола; глуховское шляхетство просило также объ учрежденіи университета; та же просьба встрѣчается и въ наказѣ переяславскаго шляхетства, которое проситъ объ учрежденіи на казенномъ коштѣ изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ г. Переяславѣ, «яко сей городъ не послѣдній между первѣйшими малороссійскими городами, въ которомъ состояло и отдѣльное россійское княженіе и совершилось въ немъ первоначальное гетмана Богдана Хмѣльницкаго съ Малой Россіей подданство подъ самодержавіе россійское»; кромѣ того, переяславское шляхетство, по примѣру черниговскаго, просило объ учрежденіи въ Малороссіи шляхетнаго корпуса и воспитательнаго дома для благородныхъ дѣвицъ (Архивъ Судіенка). Въ запискѣ, поданной малороссійскимъ дворянствомъ императору

Александру I, въ 1801 г., оно просило объ исполненіи обѣщанія Екатерины II 1786 г. основать университетъ въ Черниговѣ, построеніе котораго дворянство предлагало на счетъ дворянской суммы (Чтенія: кн. 1-я на 1865).

Мы видѣли, какъ низокъ былъ уровень образованія нашего дворянства въ 18 вѣкѣ. Въ текущемъ столѣтіи уровень этотъ повышается. Въ царствованіе Александра I господствуетъ военное и пансіонское воспитаніе: изученіемъ *французскаго языка* дворянство приготовлялось служить *въ русской гвардіи*. Съ военнымъ и пансіонскимъ воспитаніемъ при Николаѣ I начинаетъ конкуррировать воспитаніе университетское. Знатное и богатое дворянство, поступая даже въ университеты, выдѣлялось изъ среды студенческаго братства и охраняло себя отъ высокихъ принциповъ университетской науки китайской стѣной сословныхъ и салонныхъ предразсудковъ. Кто не помнитъ весьма недавняго явленія въ средѣ студентскаго братства — раздѣленія его на аристократію и демократію? Первая старалась отдѣлиться отъ товарищей даже внѣшнимъ видомъ: цвѣтомъ воротника, покроемъ фуражки, французскимъ языкомъ, пренебреженіемъ къ наукѣ и т. п. Какъ бы то ни было, образованнѣйшіе члены дворянскаго сословія въ послѣднія десятилѣтія были дѣтьми университетовъ. Вообще же говоря, сословіе en masse не могло похвалиться высокимъ просвѣщеніемъ. Для насъ интересны въ этомъ отношеніи слова одного смоленскаго помѣщика, Кононова, бывшаго въ 40-хъ годахъ предводителемъ дорогобужскаго дворянства, и хорошо знавшаго своихъ собратовъ: «дворянство» говоритъ онъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ къ государю «сохранило гордость, надменность прежнихъ вѣковъ, повидимому образовалось, въ сущности мало. Науки, познанія не составляютъ еще образованія: иной дворянинъ, говорящій на многихъ европейскихъ языкахъ превосходно, толкующій о правахъ человѣчества, внутрь себя есть бояринъ вѣковъ минувшихъ» (Чтенія: кн. 1-я 1863 г.). Подобныя же сужденія объ образованіи дворянства въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія можно найдти и у Гакстгаузена.

IV. Въ 16 и 17 ст. на служиломъ классѣ лежала обяза-

тельная служба государству, за которую онъ вознаграждался помѣстьями и вотчинами. Такимъ образомъ, интересы этого класса раздвоялись — въ одно и то же время онъ являлся классомъ *служилымъ* и *землевладѣльческимъ*. Это раздвоеніе интересовъ служилаго класса имѣло большое вліяніе на его стремленія. Какъ служащій царю, классъ этотъ тяготѣлъ къ Москвѣ: въ Москвѣ былъ дворъ царскій, въ Москвѣ раздавались почести, жаловались чины, изъ Москвы посылали на воеводства и во всякія посылки. Крѣпкой, органической связи съ мѣстностію, съ землей не было: служилый людъ стремился въ Москву. Какъ классъ землевладѣльческій, какъ хозяева своихъ вотчинъ и помѣстій, служилые люди тянулись въ деревни, куда привлекало ихъ и приволье деревенской жизни, и мирныя занятія хозяина, и «лучше быть первымъ въ уѣздѣ, чѣмъ вторымъ въ столицѣ». Этотъ двойственный характеръ нашего служилаго класса, двойственное его стремленіе — отъ окраинъ къ центру и отъ центра къ окраинамъ — прекрасно изображены проф. Градовскимъ въ 10-й главѣ его Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи. Къ концу 17 в. тяготѣніе деревни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе отъ центра къ окраинамъ, осиливаетъ. Царская служба дѣлается тяжеле, деревенская жизнь заманчивѣе — *помѣщикъ* перевѣшиваетъ *воина*. Вотъ почему *оскудѣніе* [69]) служилыхъ людей, ихъ *отбываніе* отъ службы, нѣти и побѣги болѣе и болѣе усиливаются, несмотря на строгія наказанія — опалу, батоги, лишеніе имѣній. Въ первомъ крымскомъ походѣ 1687 г. (194) дворянъ и дѣтей боярскихъ оказалось въ нѣтяхъ 1.300 человѣкъ, изъ которыхъ лѣнивѣе всѣхъ были костромичи — ихъ не явилось болѣе 239 человѣкъ (Устрялова: Истор. ц. Петра Великаго, Т. I. стр. 173).

Двойственное движеніе шляхетства продолжается и въ 18 в.: высшее стремится въ столицу, низшее — отбываетъ отъ службы, скрывается въ нѣтѣхъ, прячется въ деревни. Въ 1730 г. сенатъ докладывалъ Аннѣ Іоанновнѣ о необходимости учредить въ Москвѣ судный и сыскной приказы, такъ какъ многіе дворяне, имѣющіе деревни въ другихъ губерніяхъ,

живутъ въ Москвѣ (П. С. № 5.621). Абсентеизмъ высшаго дворянства продолжается и по отмѣнѣ обязательной службы: Екатерина II въ своемъ наказѣ жалуется на отсутствіе помѣщиковъ изъ деревень, пренебреженіе ихъ къ хозяйству, развитіе системы оброчнаго управленія имѣніями (П. С. № 12.949. Гл. XII. Р. 269).

Но если высшее шляхетство, по примѣру высшихъ чиновъ 17 в., тянулось въ столицу, чтобы быть на виду двора—у самаго источника всѣхъ благъ земныхъ, то шляхетство рядовое въ 18 в. начинаетъ болѣе и болѣе предпочитать деревенскую жизнь и тяготиться обязательной службой. Указы Петра Великаго и его преемниковъ наполнены угрозами за уклоненіе и *ухоронщаніе* отъ службы. Въ 1707 г. постановлено брать съ служилыхъ людей, не явившихся на службу съ 1 августа — по 1 сентября штрафъ по полуполтинѣ со двора, а съ появившихся по 1-е октября — по полтинѣ, а тѣхъ, которые не явились и послѣ этого срока, бить батогами, сославъ въ Азовъ и отписавъ деревни на государя (П. С. № 2.157). Между знатными и малознатными *огурщиками* дѣлали различіе: первыхъ отсылали въ полкъ, взявъ штрафъ, а послѣднихъ наказывали тѣлесно, и затѣмъ уже отсылали въ полкъ за поруками (П. С. № 2.199). Въ 1711 г. дозволено всякому отыскивать и представлять скрывающихся отъ службы, получая за это въ награду деревни тѣхъ, кто отъ службы ухоронивался (П. С. № 2.327, 2.337). Въ томъ же году повелѣно комендантамъ тѣхъ офицеровъ, которые огурствомъ своимъ не поѣдутъ на службу въ Бѣлгородъ, держать за карауломъ, отписавши ихъ имѣнія на государя. (П. С. № 2.384). Но офицеры все-таки не являлись на службу въ Бѣлгородъ: поэтому, въ 1713 г. повелѣно было всякому ловить ихъ и приводить въ Москвѣ въ канцелярію сената, а въ городахъ къ комендантамъ, и держать ихъ въ тюрьмѣ, а сыщикамъ обѣщена награда — 10 р. съ человѣка (П. С. № 2.685). Если же отъ высылки на смотръ укрывались недоросли, то у нихъ, или у тѣхъ, у кого они въ домахъ жили, отписывались деревни (П. С. № 2.625). Въ

1714 г. объявлено всѣмъ дворянамъ отъ 10 — 30 лѣтъ, чтобъ всѣ они явились для записки въ службу и школы до марта будущаго года, а кто не явится, то все имущество его отдать тому, кто объ этомъ извѣститъ государя, хотя бы извѣститель былъ и *изъ крѣпостныхъ крестьянъ укрывающагося отъ службы* (П. С. № 2.845). Имена явившихся велѣно было въ 1715 г. напечатать, разослать по губерніямъ, и прибить въ городахъ и знатныхъ селахъ, чтобы всѣ вѣдали, кто укрывается отъ службы, и знали, на кого слѣдуетъ доносить (П. С. № 2.988). Но доносителей все-таки являлось мало: Петръ Великій приписывалъ это искусному укрывательству и послабленію правителей губерній и провинцій. Поэтому въ 1721 г. онъ предписалъ: съ укрывателей брать по 100 р. въ годъ штрафа на госпиталь и столько же съ правителей тѣхъ губерній и провинцій, гдѣ отыщутся скрывающіеся недоросли (П. С. № 3.803). Но мѣры эти все-таки не дѣйствовали: въ 1722 г. положенъ былъ послѣдній срокъ для явки недорослей и дворянъ съ угрозою, что ежели кто на тотъ срокъ не явится «таковые будутъ *шельмованы*, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ, а ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отыметъ или до-смерти убьетъ, то челобитья не принимать и суда не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписаны будутъ на насъ безповоротно». Имена же *нѣтчиковъ* повелѣвалось напечатать и прибить на площади на висѣлицѣ, съ барабаннымъ боемъ чрезъ палача «дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равнымъ измѣнникамъ» (П. С. № 3.874, 3.897). Въ 1725 г., по случаю болѣзни Петра, для многолѣтняго его здравія, эти нѣтчики были прощены (П. С. № 4.641). При преемникахъ Петра Великаго преслѣдованія огурщиковъ продолжаются, хотя нѣсколько ослабѣваютъ въ энергіи, а угрозы нѣтчикамъ дѣлаются менѣе строгими. Анна Іоанновна въ 1734 г. подтверждаетъ сыскать всѣхъ годныхъ къ службѣ дворянъ и опредѣлить ихъ въ армію, во флотъ и въ артиллерію (П. С. № 6.640). Въ 1736 г. отчасти возстановляются строгія угрозы Петра Великаго, опредѣляется для

явки срокъ 1 января 1737 г., и постановляется о неявившихся и ихъ пристанодержателяхъ доносить самой государынѣ лицамъ всѣхъ званій, *хотя бы то были и крѣпостные укрывающихся*, и доносителямъ отдавать деревни огурщиковъ, а съ пристанодержателей брать такой же штрафъ, какой полагался за передержательство бѣглыхъ крестьянъ — за каждаго человѣка 100 р., половина которыхъ отдавалась доносителю (П. С. № 6.949). Какъ ни строга была эта мѣра, но она не имѣла успѣха: къ герольдмейстеру явилось самое малое число дворянъ. Новое подтвержденіе (П. С. № 7.039). Анна Леопольдовна подтверждаетъ также эти указы въ 1741 г. (П. С. № 8.331). Посланнымъ Елизаветой Петровной для производства 2-й ревизіи повелѣно было освидѣтельствовать паспорты у всѣхъ отставныхъ дворянъ и ихъ дѣтей, составивъ имъ списки. А кто изъ дворянъ и недорослей проживалъ въ своихъ деревняхъ безъ паспорта отъ герольдмейстерской конторы, тѣхъ слѣдовало выслать въ контору, взявъ обязательство, что если они на срокъ не явятся, то ихъ имѣніе будетъ отписано въ казну, а сами они вышлются подъ карауломъ (П. С. № 9.013). По указу же 1742 г. недорослей за неявку на смотръ и за необученіе повелѣно записывать въ матросы и солдаты безъ выслуги, а престарѣлыхъ сослать въ Оренбургъ на поселеніе. Въ 1747 г. обѣщано имъ прощеніе, если только они явятся втеченіе года, а въ противномъ случаѣ указъ 1742 г. долженъ быть примѣненъ къ нимъ во всей его строгости (П. С. № 9.465). Въ 1754 г. повторена угроза за неявку: недорослей записывать въ солдаты и матросы, а престарѣлыхъ ссылать въ Оренбургъ на поселеніе. Но въ 1761 г., наканунѣ отмѣны обязательной службы, герольдмейстеръ Квашнинъ-Самаринъ представлялъ государынѣ, что неявившихся дворянъ все-таки много, то чтобъ изъ неявившихся — недорослей писать на службу на 1 годъ солдатомъ, а кто не явится на смотръ до старости, такимъ въ обществѣ ни чина, ни мѣста съ заслуженными не давать, а съ укрывателями недорослей поступать по прежнимъ указамъ (П. С. № 11.197).

Такимъ образомъ, за уклоненіе отъ службы, огурщикамъ

и нѣтчикамъ угрожали строгія наказанія. Но не взирая на то, число ихъ не уменьшалось. Дворяне *отлынивали отъ службы, прохлаждались лежебоками* по своимъ деревнямъ. Современникъ Петра, крестьянинъ Посошковъ, сообщаетъ объ этомъ интересныя свѣдѣнія: «Се бо колико послано указовъ во всѣ городы о недорослѣхъ и молодыхъ дворянскихъ цѣтяхъ, и аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того не скоро высылаютъ, но, по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ такомъ ослушаніи, и указовъ царскаго величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали....» «Тѣмъ прежнимъ указомъ», продолжаетъ Посошковъ, «такъ дворяны избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макеевъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногой не бывалъ, и какія посылки жестокія по него и ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство, и въ озерѣ по бородѣ попуститъ. И за такимъ его пронырствомъ иніи и съ дороги отпущали, а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще и никаковыя службы великому государю кромѣ огурства не показалъ, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына выращены, и меньшему его есть лѣтъ 17, а по 719 г. никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать».

«И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золоторева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворя-

нина, прозваніемъ Тимирязева, и далъ ему лошадь да человѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ четверикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ» (Посошкова: О скудости и богатствѣ, стр. 89).

Отлынивали отъ службы не одни городовые дворяне, но и царедворцы: они придумывали себѣ наряды на разныя другія службы въ военную пору. Для бѣдныхъ дворянъ, конечно, труднѣе было съѣхать со службы, чѣмъ для богатыхъ. Посошковъ указываетъ на причину: «всѣ правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ наровятъ, и власть имутъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворянамъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи». Притомъ, богатому дворянину легко было откупиться; легко было *угобзить дарами* начальствующихъ: «полковые воеводы и полковники скупы съ нихъ брали». Это хорошо разъясняетъ мойоръ Даниловъ въ своихъ Запискахъ: «Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за *малые деревенскіе гостинцы*. Секретарь доволенъ былъ, когда за паспортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и съ дѣтьми съ обязательствамъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь былъ гораздо совѣстнѣе секретаря

своего: онъ бралъ только по одному человѣку за паспортъ» (стр. 34). Но не всѣ могли купить деревенскій покой и свободу отъ службы скупомъ, малыми деревенскими гостинцами, а покоя и свободы куда какъ хотѣлось. Прибѣгали къ другимъ средствамъ: чтобы отбыть отъ службы, записывались въ школы. Такъ напримѣръ въ 1715 г. для этой цѣли записалось 180 человѣкъ въ славяно-латинскую академію (Соловьева: Т. XVII, стр. 306). Но если Петръ Великій, какъ мы видѣли, не останавливался предъ стѣнами монастыря, то тѣмъ менѣе его могли остановить стѣны школы. Изловчались на другіе выходы: записывались въ купечество (П. С. № 6.945), а иные поступали въ дворовые къ помѣщикамъ, переходили изъ одного города въ другой, чтобъ только утаить свое дворянское званіе (П. С. № 6.949).

Мы привели довольно фактовъ, чтобъ показать, какъ дворянство тяготилось обязательной службой, какъ въ *дворянинѣ-воинѣ* и царскомъ слугѣ постепенно выросталъ *дворянинъ-помѣщикъ* и обыватель уѣзда. Неудивительно, что какъ только обстоятельства позволили шляхетству заговорить о своихъ нуждахъ и желаніяхъ—вниманіе его остановилось на облегченіи обязательной службы. Въ 17 в. служилые люди, созданные государствомъ для своей службы, и помыслить не могли не только объ освобожденіи отъ нея, но даже о какомъ-нибудь ограниченіи ея. Не промолвило объ этомъ ни слова шляхетство и при Петрѣ Великомъ, который ежечасно ему твердилъ, что служба государству — первѣйшая его обязанность, *ради которой оно благородно и отлично отъ подлости*. Впервые критически отнеслось дворянство къ своей обязательной службѣ при выборѣ на престолъ Анны Іоанновны: въ мнѣніяхъ (Мусина-Пушкина), поданныхъ тогда шляхетствомъ въ в. т. с., заявлено было о необходимости ограничить срокъ шляхетской службы 20 годами (Соловьева: Т. XIX, стр. 256). Интересно мнѣніе Волынскаго объ этомъ требованіи шляхетства. «Еще же слышно», писалъ онъ Салтыкову изъ Казани, «что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ,

что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ, и для того, если никотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить, и съ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насаживать непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинской порядокъ у себя конечно потеряемъ... Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскіе пристани у себе въ домахъ держать будутъ; и для того хотябъ и выпускали, однакожъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодые и шаткіе свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ» (Дѣло Салникѣево. Чтенія 1868 г. кн. 3-ія). Это характерное мнѣніе Волынскаго, что по-отмѣнѣ обязательной службы никто изъ шляхетства не захочетъ служить, но *всякъ будетъ лежать въ своемъ домѣ*, напоминаетъ мнѣніе тѣхъ помѣщиковъ, которые думали, что по отмѣнѣ крѣпостнаго права не найдется рабочихъ рукъ для обработки земель.

Но обязательная служба такъ слилась съ шляхетствомъ, что даже послѣ освобожденія отъ нея кашинское дворянство въ наказѣ своему депутату въ коммисію 1767 г. требовало, чтобъ каждый дворянинъ неотмѣнно служилъ отечеству 10 лѣтъ, по прошествіи которыхъ могъ подать въ отставку (Сб. Р. Ист. общ., Т. IV. стр. 459).

И такъ, вопросъ объ ограниченіи срока обязательной службы былъ возбужденъ шляхетствомъ, при избраніи на престолъ Анны Іоанновны. Вскорѣ по вступленіи ея на пре-

столъ, назначена воинская коммисія, которая должна была изыскать лучшіе способы къ укомплектованію новообразуемыхъ кирасирскихъ полковъ. Во-главѣ этой коммисіи былъ поставленъ Минихъ. Коммисія вопросъ объ укомплектованіи кирасирскихъ полковъ связала съ вопросомъ объ ограниченіи обязательной службы. Въ 1731 г. она представляла сенату: молодое шляхетство должно служить только урочные годы, по-прошествіи которыхъ оно можетъ получить абшитъ, съ повышеніемъ однимъ рангомъ. Если отецъ какого-нибудь сына, или нераздѣленные братья какого-нибудь брата, захотятъ оставить въ домѣ для экономіи, то таковые оставляемые должны прослужить шесть, а прочіе 25 лѣтъ. Послѣ этихъ лѣтъ обязательной службы, кто захочетъ получить абшитъ, долженъ представить въ кирасирскіе полки изъ своихъ людей и лошадей: кто прослужитъ 6 лѣтъ, долженъ представить въ кирасирскіе полки изъ своихъ дворовыхъ людей одного человѣка и одну лошадь съ сѣдломъ и уборомъ, а ежели кто дать людей и лошадей не похочетъ, тотъ долженъ заплатить въ полковую казну кирасирскихъ полковъ деньгами 150 р. Прослужившіе же 25 лѣтъ — получаютъ абшитъ безъ всякаго платежа; а по прослуженіи 12 лѣтъ, если захотятъ выйдти въ отставку — даютъ только одного человѣка.

Расчисленіе это сдѣлано на число душъ менѣе 1.000, а владѣющіе тысячей или болѣе должны дать вдвое. Если отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей, пожелаетъ отдать въ 25 лѣтнюю службу только одного изъ нихъ, а другихъ всѣхъ въ шестилѣтнюю, то онъ долженъ отдать въ кирасирскіе полки за каждаго сына по одному человѣку и по одной лошади. Буде, по прослуженіи 6 лѣтъ, сыновья захотятъ служить до 25 лѣтъ, то принятыхъ отъ нихъ людей отпустить въ домы, понеже помѣщики ихъ будутъ въ долговременной службѣ сами. Когда же какой-нибудь шляхтичъ пожелаетъ, чтобы дѣти его были свободны отъ всѣхъ службъ и отъ урочныхъ лѣтъ, то онъ долженъ вмѣсто каждаго сына отдать въ кирасирскіе полки по 3 человѣка, съ соотвѣтственнымъ числомъ лошадей. На представленіе коммисіи сенатъ отвѣчалъ:... «Урочныхъ лѣтъ

опредѣлять не надлежитъ, для того знатнаго шляхетства дѣти, которые за собою деревень, также и пожитку имѣютъ довольное число, никогда волею своею въ службу не пойдутъ, но съ охотою давать вмѣсто себя людей и лошадей съ уборомъ, а сами будутъ жить дома во всякой праздности и лѣности и безъ всякихъ добрыхъ наукъ и обхожденія; а которые столько людей и лошадей вмѣсто себя дать не могутъ, то хотя и будутъ въ службу опредѣляться, но только на 6 лѣтъ, а потомъ пожелая быть въ праздности жъ, хотя послѣднія деревни продастъ, да заплатитъ за себя въ кирасирской полкъ 150 р.; а до тѣхъ урочныхъ лѣтъ въ службѣ развѣ одни такіе будутъ, которые самые убогіе, и отъ той службы откупиться будетъ не чѣмъ... а нынѣ изъ отставныхъ отъ воинской службы многіе по усмотрѣніямъ годные къ гражданскимъ дѣламъ опредѣляются, а когда уже съ вышеписанною заплатою отъ воинской службы отставлено будетъ, то уже къ гражданскимъ дѣламъ и опредѣлять ихъ не можно» (П. С. Штаты в. сухопутные стр. 80).

Вопросъ объ урочныхъ лѣтахъ былъ, такимъ образомъ, отложенъ, но не оставленъ. Въ манифестѣ 31 декабря 1736 г. возвратились къ требованію шляхетства 1730 г. и къ предложенію воинской коммисіи 1731 г.: урочныя лѣта были ограничены, но не 20, какъ требовало шляхетство, а 25, какъ предлагала коммисія; были приняты и другіе пункты представленія послѣдней: одинъ изъ сыновей или братьевъ могъ остаться при экономіи, за абшитъ — поставка рекрутъ (П. С. № 7.142). Манштейнъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что манифестъ 31 декабря былъ предложенъ Минихомъ (р. 103): Минихъ стоялъ, какъ мы видѣли, и во главѣ воинской коммисіи 1731 г. Едва успѣли издать этотъ манифестъ, какъ начали сбываться пророчество Волынскаго и опасенія сената: болѣе половины офицеровъ подали въ отставку. Молодые дворяне, едва достигшіе 30 лѣтъ и записанные въ полки съ 10 или 12 лѣтъ, начали хлопотать объ увольненіи отъ службы, между ними были многіе гроша неимѣющіе, которые предпочитали собственными руками пахать поле, лишь бы не служить въ

арміи. На Миниха посыпались упреки кабинета, и отставка служащему шляхетству генерально была пріостановлена, пока въ 1740 г. (П. С. № 8.021), а особенно при Елизаветѣ Петровнѣ (П. С. № 8.683), манифестъ не былъ возстановленъ въ своей силѣ.

Это былъ первый шагъ на пути освобожденія шляхетства отъ обязательной службы. Второй и окончательный былъ сдѣланъ при Петрѣ III. Ив. Ив. Шуваловъ уже въ 1750 г., проектируя нѣкоторые «фундаментальные и непремѣнные» законы, думалъ объ облегченіи своихъ односословниковъ отъ ига обязательной службы. Мысль эта занимала и братьевъ Воронцовыхъ, и Мельгунова, товарища и друга Ив. Ив. Шувалова, и Волкова. Всѣ эти лица со второй половины царствованія Елизаветы Петровны были весьма близки къ великому князю, который еще за нѣсколько лѣтъ до своего восшествія на престолъ, какъ свидѣтельствуетъ его воспитатель Штелинъ, весьма часто говорилъ о необходимости даровать дворянству свободу отъ обязательной службы и право выѣзда заграницу. По вступленіи же на престолъ, Петръ III съ перваго дня своего царствованія началъ увольнять въ отставку значительное число дворянъ: съ 25 по 31 декабря изъ однихъ 4 гвардейскихъ полковъ было уволено имъ болѣе 170 человѣкъ (Семевскаго: Шесть мѣсяцевъ изъ русской ист., Отеч. З. авг. 1867 г.). *Вытверживанія* гр. Романа Ларіоновича Воронцова о дарованіи дворянству вольности отъ службы продолжались (кн. Щербатовъ), и 18 февр. 1762 г. изданъ былъ манифестъ о *дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству*. Кн. Щербатовъ въ своемъ памфлетѣ «О повреждении нравовъ въ Россіи» слѣдующимъ образомъ разсказываетъ исторію составленія этого достопамятнаго манифеста: «Имѣлъ государь любовницу, дурную и глупую гр. Елизавету Романовну Воронцову; но ею, взошедъ на престолъ, онъ доволенъ не былъ; а вскорѣ всѣ хорошія женщины подъ его вожделеніе подвергнуты были... Кн. Елена Степановна Куракина была привожена къ нему на ночь А. Л. Нарышкинымъ... Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ разсказы-

валъ мнѣ Дм. Вас. Волковъ, тогда бывшій его секретаремъ. Петръ III, дабы сокрыть отъ гр. Елизаветы Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла вразсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошелъ веселиться съ Куракиной, сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрему какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ.... не зналъ о чемъ писать, а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженія государю отъ гр. Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣвши написалъ манифестъ о семъ. Поутру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ государемъ апробованъ и обнародованъ» (стр. 77). Мы видѣли, какъ мысль объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы постепенно зрѣла, какъ мало по малу приспѣвало время ея осуществленія. Разсказъ Щербатова болѣе жолченъ, чѣмъ правдоподобенъ. Г. Семевскій, въ изслѣдованіи котораго о царствованіи Петра III нельзя также не замѣтить предвзятой мысли возвеличить во что бы то ни стало несчастнаго императора — г. Семевскій, говоримъ, имѣлъ право на основаніи пригодимыхъ имъ аргументовъ усомниться въ истинѣ свидѣтельства кн. Щербатова. Аргументы эти: мысль манифеста 18 февраля 1762 г. была заявлена сенату уже 17 янв., а самый манифестъ былъ сочиненъ не Волковымъ, который никогда не приписывалъ себѣ его, а генералъ-прокуроромъ сената А. И. Глѣбовымъ. Аргументамъ этимъ нельзя отказать въ полной убѣдительности. И такъ, манифестъ 18 февраля 1762 г., мало по малу подготовляемый самою жизнью, былъ составленъ А. И. Глѣбовымъ. Даровавъ дворянству льготу отъ обязательной службы, во имя которой оно стало выдѣляться изъ другихъ общественныхъ разрядовъ еще въ московскій періодъ, манифестъ этотъ составляетъ эпоху въ исторіи сословія: поистинѣ его можно сравнить съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ. Подобно послѣднему, осво-

бодившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, манифестъ 18 февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла — обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостнаго. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неисчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ *крѣпостнаго служилаго*, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ *привиллегированное землевладѣльческое* распавшееся на губернскія дворянскія общества, ставившія по наряду изъ своей среды членовъ мѣстнаго суда и полиціи. Онъ окончательно опредѣлилъ то положеніе дворянъ въ государствѣ, какое сохраняли они до нашихъ дней — до великихъ реформъ великаго царствующаго монарха, который льготу отъ крѣпостной зависимости распространилъ на преобладающую въ государствѣ массу земледѣльческаго населенія.

Мы разсмотримъ содержаніе этого основнаго законодательнаго памятника. Манифестъ 18 февраля 1762 г. жалуетъ на вѣчныя времена всему россійскому благородному дворянству *свободу* и *вольность*. Послѣдствія дворянской свободы и вольности состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Служащіе дворяне могутъ службу продолжать или оставлять по своему благоусмотрѣнію. Однакожъ, съ ограниченіями: служащіе по военной части не могутъ просить отставки или отпуска ни во время кампаніи, ни за три мѣсяца предъ открытіемъ ея. Служащіе же въ гражданской службѣ увольняются отъ нея по своему желанію во всякое время — первыхъ 8 классовъ конфирмаціей государя, а прочихъ низшихъ классовъ своими начальствами. Выходящіе въ отставку награждаются однимъ рангомъ, если только состояли въ прежнемъ болѣе года; переходящіе же изъ военной службы въ статскую, повышаются однимъ рангомъ только тогда, когда прослужили 3 года въ прежнемъ.

2. Если дворянинъ, уволенный отъ службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія европейскія государства, таковому иностранная коллегія должна давать паспорты безпрепятственно,

но съ обязательствомъ, чтобы онъ возвратился въ свое отечество по первому востребованію, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія. Пребывающій же въ чужихъ краяхъ можетъ поступить на службу другихъ коронованныхъ главъ, и затѣмъ съ тѣмъ же чиномъ, на который предъявитъ иностранный патентъ, можетъ перейдти въ русскую службу.

3. Родителямъ предоставлено право воспитывать дѣтей своихъ, какъ внутри государства — въ училищахъ и домахъ, такъ и заграницей (П. С. № 11.444).

Таковы права, предоставляемыя манифестомъ 18 февраля 1762 г. всему благородному россійскому дворянству и смоленскому шляхетству. Но манифестъ еще удерживаетъ нѣкоторую обязательность, какъ относительно службы, такъ и относительно воспитанія. «Тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли... тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ». Дворяне въ губерніяхъ должны были ежегодно избирать изъ своей среды 50 человѣкъ, изъ которыхъ 30 человѣкъ имѣли состоять при сенатѣ, а 20 при сенатской конторѣ. А дворяне, служащіе въ военной службѣ въ чинахъ менѣе оберъ-офицерскаго, могли увольняться отъ службы только по прослуженіи 12 лѣтъ. Кромѣ всего этого, постановивъ въ § 6, что никто изъ русскихъ дворянъ не будетъ принуждаемъ къ службѣ, ни назначаемъ неволею подчиненными начальствами къ какимъ-нибудь земскимъ дѣламъ, манифестъ удерживаетъ за монархомъ право призывать дворянъ къ службѣ, когда особливая надобность потребуетъ, но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ именнымъ указомъ, за собственноручнымъ подписаніемъ государя. На основаніи этого § манифеста, дворянство призывалось въ ополченіе, что составляло для него *недоброхотное приношеніе себя на алтарь отечества, но обязанность, возложенную закономъ.*

Предоставивъ дворянству воспитывать дѣтей въ домахъ или училищахъ, манифестъ, однакожъ, потребовалъ, чтобы

родители, по достиженіи ихъ дѣтьми 12 лѣтъ, объявляли о нихъ въ герольдіи, или въ губерніяхъ и провинціяхъ, гдѣ кому поспособнѣе. При этомъ отъ родителей или родственниковъ брали отчеты, чему дѣти до 12 лѣтъ обучены, и гдѣ желаютъ далѣе продолжать науки. Но чтобъ «никто не дерзалъ безъ обученія *пристойныхъ благородному дворянству* наукъ воспитывать», повелѣно тѣмъ дворянамъ, за коими не болѣе 1.000 душъ крестьянъ, представлять своихъ дѣтей въ кадетскій корпусъ, гдѣ они всему тому, что къ *званію благороднаго дворянства принадлежитъ*, обучаемы будутъ (П. С. № 11.444). Скоро послѣ изданія манифеста, по представленію директора сухопутнаго шляхетнаго корпуса, Ив. Ив. Шувалова, что многіе поступающіе въ корпусъ недоросли, не могутъ быть приняты за неумѣніемъ грамотѣ, повелѣно опредѣлять таковыхъ въ разныя службы (П. С. № 11.531).

Дворянство приняло манифестъ Петра III о свободѣ и вольности съ восторгомъ. Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи соорудить ему золотую статую. Московское дворянство просило сенаторовъ о допущеніи его предъ ихъ присутствіе «для принесенія нижайшаго и рабскаго всеподданнѣйшаго своего его величеству благодаренія»; благодареніе это было выражено въ рѣчи тайнаго совѣтника П. П. Сумарокова, выбраннаго для этого дворянствомъ. Піиты воспѣвали императора: Ржевскій поднесъ ему оду «въ знакъ благодарности за безпримѣрное и милосердое пожалованье вольностію россійскихъ дворянъ», въ которой пѣлъ, что Петръ III «Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство»; другая ода была поднесена Нарышкинымъ. (Семевскій). Какъ интересовалось манифестомъ наше высшее дворянство, показываетъ нетерпѣливое желаніе бывшаго тогда заграницей гр. Ив. Гр. Чернышева познакомиться съ его содержаніемъ: «Si l'ordre pour declarer la Noblesse libre» писалъ онъ изъ Вѣны Ив. Ив. Шувалову «est deja imprimé, de grace envoyé la moi» (Р. Арх. № 11 на 1869 г.). Очевидецъ Болотовъ слѣдующими словами своихъ Записокъ изображаетъ впечатлѣніе, произведенное манифестомъ на дворян-

ство: «Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени, *всероссійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ*; оно обязано было всепеминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу, въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой своей старости, или по крайней мѣрѣ до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить не въ состояніи». Неудивительно, что Рычковъ, посвящая Петру III одинъ изъ переводовъ своихъ, выражался такъ: «ваше величество любезному и вѣрноподданнѣйшему своему дворянству ту драгайшую свободу даровать благоволили, которой оно отъ начала Россіи не имѣло. Хотябъ благородное и честнѣйшее россійское шляхетство не только золотую, но еслибъ и брилльянтовую статую вашего императорскаго величества на жемчужномъ подножіи въ безсмертной знакъ присподолжнѣйшей своей благодарности поставило, однако не умирающая память въ сердцахъ перемѣняющихся родовъ россійскаго дворянства болѣе и крѣпче всѣхъ статуй пребудетъ» (Семевскій).

Интересно очень характеризуетъ тогдашній журналъ Живописецъ воззрѣніе уѣзднаго дворянства на реформу Петра III. Уѣздный дворянинъ пишетъ своему сыну: «Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять.... Нѣтъ ста, кто што не говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да ѣхать за море... А изъ службы тогда хоть и невольно было вытить, такъ были на это лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями» (Ефр. Изд. стр. 92).

Императрица Екатерина II, вскорѣ по восшествіи на престолъ, учредила коммисію при дворѣ, въ составъ которой

вошли: гр. Бестужевъ, гетм. Разумовскій, канцлеръ гр. Воронцовъ, д. т. с. кн. Шаховской, об.-гофм. Панинъ, ген.-аншефъ гр. Чернышевъ, кн. Волконскій и ген.-ад. гр. Орловъ, а для содержанія протокола д. ст. сов. Тепловъ. Коммисіи поручено было разсмотрѣть актъ, которымъ Петръ III далъ вольность дворянству и привести его содержаніе въ лучшее совершенство, такъ какъ императрица находила, что этотъ актъ еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели отечественная польза требовать можетъ (П. С. № 11.751). На этомъ основаніи г. Бѣляевъ предполагаетъ, что сила манифеста 1762 г. была пріостановлена и возстановленъ тотъ порядокъ, который существовалъ до Петра III (Бѣляева: Кр. на Руси, стр. 207). Многоуважаемый изслѣдователь въ этомъ случаѣ преувеличиваетъ значеніе пересмотра манифеста 1762 г. коммисіей, назначенной Екатериной II. Задача этой коммисіи, какъ прямо говоритъ указъ о ея назначеніи, состояла не въ ограниченіи вольности дворянства, дарованной ему Петромъ III, но въ ея расширеніи. Правда, современники поняли назначеніе коммисіи такъ же, какъ и г. Бѣляевъ — въ смыслѣ возстановленія обязательной службы, и недоросли изъ дворянъ стали являться къ герольдмейстеру для опредѣленія ихъ въ службу, а другіе съ просьбами объ отпускѣ въ домы для обученія наукъ, увольняемые же отъ военной и гражданской службы присылались изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ герольдмейстерскую контору. Но сенатъ дважды подтверждалъ силу манифеста о свободѣ отъ службы и обученія (П. С. № 12.610, 12.731), и самымъ яснымъ образомъ въ 1768 г., когда, не взирая на эти подтвержденія, въ герольдмейстерскую контору явились дворянскіе недоросли Стефанъ Нелидовъ и Евстафій Кусаковъ, еще неслужившіе, и подавшіе челобитныя объ увольненіи ихъ въ домы, такъ какъ по болѣзни они не могутъ пести никакой службы. По докладѣ этого дѣла сенату было постановлено: объявить челобитчикамъ, что по силѣ манифеста 1762 г. они могутъ оставаться безъ службы, а паспортовъ выдавать имъ не нужно (П. С. № 13.087). Хотя и послѣ этого мы встрѣчаемъ принудительную службу дворянъ, но это были злоупо-

требленія практики, какъ и противозаконные наряды ихъ при Александрѣ I. Такъ, въ запискахъ Лукина мы читаемъ, что когда была съ Портою война въ 1769 г., то онъ былъ сысканъ и взятъ на службу «къ неожидаемой своей печали» (Р. Арх. ч. 3-й стр. 446). Ямская канцелярія въ 1764 г. требовала также отъ герольдмейстерской конторы о присылкѣ секундъ-майора Аничкина для опрецѣленія его въ ямскіе управители (П. С. № 12.280). Воззрѣніе же самой императрицы видно изъ ея письма къ Румянцеву, написанному въ самомъ началѣ ея царствованія. Прося великаго полководца оставаться въ службѣ, императрица писала ему: «Не думайте, чтобъ я противъ желанія вашего, хотѣла симъ принудить къ службѣ; мысль моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійской дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ о службѣ и отставкѣ своей, и не то чтобъ я убавить прерогативъ оной хотѣла, оный при всякомъ случаѣ подкрѣплю»... (Вейдемейеръ: Дворъ.. Ч. I стр. 14).

Что же касается указа 24 февраля 1774 г., на который ссылается професоръ Бѣляевъ, то едва ли этимъ указомъ можно подтвердить предположеніе о совершенной отмѣнѣ вольности, дарованной дворянству Петромъ III. Указъ 24 февраля 1774 г. послѣдовалъ по представленію сенату новгородскаго губернатора Сиверса, вызванному просьбой одной бѣдной дворянки объ предѣленіи дѣтей ея въ новгородскую гарнизонную школу, такъ какъ сама она не имѣла никакихъ средствъ дать имъ образованіе (П. С. № 14.105). Нѣчто подобное относительно воспитанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей случалось и при императорѣ Николаѣ; откуда ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать о существованіи при немъ обязательной службы.

Жалованная дворянству грамота вполнѣ и безъ всякихъ ограниченій подтвердила манифестъ 1762 г. Постановленія грамоты, заключающія въ себѣ это подтвержденіе, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу (§ 17).

2. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ (§ 18).

3. Подтверждаемъ благороднымъ вступать въ службы прочихъ европейскихъ, Намъ союзныхъ державъ, и выѣзжать въ чужіе краи.

Но слѣдуя § 6 манифеста 1762 г., жалованная грамота удерживаетъ за верховною властію право призывать дворянство на службу, когда потребуетъ надобность. Это изображено въ § 20: «но какъ благородное дворянское названіе и достоинство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе россійскаго дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое такое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянинъ, обязанъ по первому призыву отъ самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государства» (II С. № 16.187).

Екатерина II свято соблюдала эти постановленія грамоты. Послѣ кончины ея, какъ свидѣтельствуетъ Болотовъ, ничто такъ не озабочивало дворянство, какъ опасеніе, чтобъ не лишиться дарованной Петромъ III вольности (Р. Арх. ч. 2 стр. 692). Опасенія дворянства были не напрасны: новый императоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ возстановленію обязательной службы. Въ 1797 г. онъ возстановилъ существовавшее при сенатѣ и коллегіяхъ учрежденіе юнкеровъ (II. С. № 17.707, 17.733), но такъ какъ въ эти юнкера, отбывая отъ военной службы, поступали многіе дворяне, то въ 1799 г. предписано было, оставивъ 50 юнкеровъ по старшинству ихъ въ спискѣ, остальныхъ препроводить въ военную коллегію для размѣщенія — съ тѣмъ, что ежели кто изъ нихъ не пожелаетъ опредѣлиться въ военную службу, таковыхъ исключать вовсе изъ службы, не опредѣляя впредь ни къ какой должности (П. С. № 19.002). Вслѣдъ затѣмъ было предписано: никого изъ дворянъ, не служащихъ и желающихъ всту-

пить въ статскую службу, никуда не принимать безъ высочайшаго утвержденія (П. С. № 19.136, 19.672), а въ 1800 г. запрещено принимать въ статскую службу даже вовсе отставныхъ отъ службы военной. Служащіе же въ военной службѣ не могли выходить въ отставку до производства въ офицерскій чинъ (П. С. № 18.729). Дворянство переносило съ глухимъ сдержаннымъ ропотомъ нарушенія его свободы и вольности. Но когда при Александрѣ I явилось малѣйшее покушеніе на эту вольность, то дворяне заявили громкій протестъ. Покушеніе это, какъ разсказываетъ о немъ Державинъ, состояло въ слѣдующемъ. М. в.-сухопутныхъ силъ Вязмитиновъ докладывалъ государю, что унтеръ-офицеры изъ дворянъ, а особенно поляки, никакъ не хотятъ служить, всячески отбывая отъ службы. Положено было подтвердить указъ Петра III и Екатерины II, чтобъ дворянъ, не выслужившихъ оберъ-офицерскаго чина, прежде 12 лѣтъ службы, въ отставку не увольнять. Въ такомъ смыслѣ 12 декабря 1801 г. и былъ подписанъ указъ, внесенный Вязмитиновымъ въ сенатъ. Весь сенатъ, подъ вліяніемъ энергическаго протеста гр. Потоцкаго, возсталъ противъ этого указа. Публика, въ особенности въ Москвѣ, гдѣ жило множество дворянъ, съ восторгомъ привѣтствовала гр. Потоцкаго, какъ героя-заступника дворянъ. Напротивъ, Вязмитиновъ и Державинъ — поборники указа, подверглись всякаго рода поруганіямъ (Записки: стр. 462). Тогда то была написана та ода Потоцкому, которая такъ характеризуетъ отношеніе дворянъ къ бюрократіи — *чернильныя вранамъ*, *писцамъ извлеченнымъ изъ праха*, которые, *забывъ униженную породу*, *рѣшились судить о жребіи дворянъ — подпоръ отечества* (Р. Арх. № 7 и 8 на 1869 г.). За исключеніемъ указа 12 декабря 1801 г., который не былъ приведенъ въ исполненіе, при Александрѣ I не было другой попытки нарушить свободу дворянъ отъ обязательной службы. «Бывъ удостовѣренъ въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства», Александръ I возстановилъ жалованную грамоту манифестомъ 2 апрѣля 1801 г., и своимъ императорскимъ словомъ за себя и за своихъ на-

слѣдниковъ обѣщалъ не нарушать этихъ преимуществъ (П. С. № 19.810, 19.856). Но при его преемникѣ, императорѣ Николаѣ I, несмотря на то, что гражданскимъ губернаторамъ предписано обращать особенное вниманіе на охраненіе дворянскихъ правъ (2-е П. С. № 10.303) — произошелъ рядъ нарушеній жалованной дворянству грамоты, болѣе или менѣе существенныхъ. Первое нарушеніе коснулось свободы образованія: въ 1831 г. былъ изданъ указъ сенату о воспитаніи россійскаго юношества предпочтительно въ отечественныхъ заведеніяхъ, по которому запрещено юношей моложе 18 лѣтъ отправлять заграницу для усовершенствованія въ наукахъ (2-е П. С. № 4.364). Слѣдующее ограниченіе коснулось и права свободнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ: въ 1834 г. срокъ дозволеннаго пребыванія заграницей съ узаконеннымъ паспортомъ былъ ограниченъ для дворянъ 5 годами, а для лицъ прочихъ состояній 3 (2-е П. С. № 6.994). Въ 1837 г. нѣсколько была ограничена и свобода службы: постановлено молодыхъ дворянъ не опредѣлять прямо въ министерства, пока они не прослужатъ 3 лѣтъ въ мѣстахъ губернскихъ. За такими служащими въ губернскихъ мѣстахъ молодыми дворянами должны были имѣть наблюденіе губернаторы «съ тѣмъ, чтобы они пеклись о сихъ молодыхъ людяхъ не только какъ начальники, но какъ отцы семействъ, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя, для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы, и о поведеніи ихъ доносили бы Е. И. В. каждые полгода» (2-е П. С. № 9.894, 10.561). Въ 1840 г. постановленіе это было смягчено для дворянъ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній съ правомъ на классный чинъ: по прослуженіи одного года въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, если только они оказывали усердіе, они могли поступать на службу въ канцелярію сената съ тѣмъ, чтобъ прослужили въ ней не менѣе 5 лѣтъ. Если же, поступивъ въ сенатскую канцелярію, они не оправдывали сдѣланной о нихъ аттестаціи, то по прежнему обращали ихъ на службу въ губернскія мѣста, гдѣ они обязывались прослужить вновь не менѣе 3 лѣтъ (2-е П. С. № 13.455).

Въ томъ же году это распространено и на канцелярію синода (П. С. 2-е № 14.000). Въ 1843 г. предоставлено начальникамъ, обязаннымъ доносить государю о служащихъ молодыхъ дворянахъ, требовать ихъ въ свои канцеляріи для испытанія (2-е П. С. № 16.768). Въ 1851 г. еще болѣе было ограничено право пребыванія въ чужихъ краяхъ: вмѣсто 5 лѣтъ для дворянъ — 3 года, а для другихъ состояній 2 года, а за заграничный пассъ положено взымать по 250 р. за полгода (2-е П. С. № 25.307). Ограниченіе свободы службы примѣнено было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ дворянамъ западныхъ губерній, въ 1852 г., вслѣдствіе тѣхъ политическихъ видовъ, которымъ съ такимъ тактомъ и такъ неуклонно слѣдовалъ императоръ Николай относительно ополяченнаго западно-русскаго дворянства. Еще въ 1829 г., во время пребыванія своего въ подольской губерніи, онъ замѣтилъ уклоненіе тамошнихъ дворянъ отъ службы и изъявилъ желаніе, чтобы они къ ней были пріохочиваемы (2-е П. С. № 3.092). Но, не взирая на высочайшую волю, большая часть молодыхъ дворянъ западныхъ губерній неправославнаго исповѣданія, особенно зажиточныхъ, чуждались службы. Поэтому, 21 апрѣля 1852 г. для нихъ установлена была обязательная служба и смотры — возстановленъ отчасти тотъ порядокъ, который до 1762 г. существовалъ для всего россійскаго дворянства. Установлено, что сыновья неправославныхъ дворянъ, за которыми не *менѣе ста душъ крестьянъ*, должны непремѣнно поступать въ военную или гражданскую службу, а если они добровольно не поступятъ, то будутъ зачисляемы насильственно, по достиженіи ими 18 лѣтняго возраста. Освобождались отъ службы только единственные сыновья и неспособные къ службѣ по тѣлеснымъ недостаткамъ или слабости здоровья. Для удостовѣренія же въ этомъ генералъ-губернаторы производили лично осмотръ, вовремя объѣзда ввѣренныхъ имъ губерній, или въ своей резиденціи, ежегодно, до достиженія недорослями 25-лѣтняго возраста. Осмотръ и высылка на службу производились дважды въ годъ: 1 января и 1 іюля. Воспитывающіеся въ гимназіяхъ, университетахъ и другихъ казенныхъ учебныхъ

заведеніяхъ до окончанія ими курса наукъ на службу не высылались, но по окончаніи курса они непремѣнно поступали на службу. Что касается тѣхъ, которые, по отдѣленіи отъ родителей, управляли собственными имѣніями, или вступали въ бракъ, то, несмотря на отрицательное мнѣніе комитета министровъ (см. 2-е П. С. Т. XXVII отд. I стр. 402), по резолюціи государя, они также высылались на службу. Въ военную недоросли принимались или юнкерами по экзамену, или рядовыми на правахъ дворянъ, безъ экзамена; для поступленія же въ гражданскую службу опредѣлены были извѣстныя губерніи (Ib. стр. 667). Добровольно поступившіе въ военную службу, получали отставку по прослуженіи ими 5 лѣтъ, а поступившіе по принужденію — по прослуженіи ими 10 лѣтъ; изъ гражданской же службы отставка давалась по прослуженіи не менѣе 5 лѣтъ (2-е П. С.. № 26.190, 26.340, 26.360, 26.532, 26.776). Общей инструкціей генералъ-губернаторамъ 1853 г. предписано имъ наблюдать вообще, чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности, но посвящали бы себя службѣ государственной (2-е П. С. № 27.243 § 6). Сдѣланъ былъ, такимъ образомъ, шагъ къ распространенію обязательной службы на все дворянство Имперіи. И кто знаетъ, къ какимъ мѣрамъ относительно дворянства пришелъ бы энергическій императоръ, если бы дольше прожилъ?

Втеченіе настоящаго царствованія ограниченія свободы службы для дворянства западно-русскаго были отмѣнены (въ 1856 г.), и дворянская грамота возстановлена во всей своей силѣ.

Мы видѣли, что на основаніи § 6 манифеста 1762 г., подтвержденнаго и развитаго § 20 жалованной грамоты, верховная власть сохранила за собою право призывать на службу дворянство, когда того потребуетъ опасность отечества. На этомъ основывалось *право призыва* дворянства въ ополченія, которыя для него были *обязанностію*.

Первый примѣръ ополченія, но только съ мѣстнымъ характеромъ, встрѣчается въ царствованіе Екатерины II. По призыву

А. И. Бибикова, дворянство казанской губерніи, для усмиренія Пугачева, снарядило конный корпусъ войскъ, поставивъ по 1 человѣку съ 200 ревизскихъ душъ. Примѣру казанскаго дворянства послѣдовало дворянство симбирское, свіяжское и пензенское, составившее также конные корпуса (З. о жизни А. И. Бибикова, стр. 130). Въ послѣдующія царствованія встрѣчаемъ ополченія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По-случаю войны съ Франціей, 30 ноября 1806 г., изданъ былъ манифестъ о составленіи повсемѣстныхъ ополченій. Составъ командующихъ, какъ губернскимъ земскимъ войскомъ, такъ и тысячными и пятисотенными отрядами, предоставленъ былъ выбору самого дворянства (П. С. № 22.374). Новая война съ Франціей, въ болѣе грозныхъ размѣрахъ, заставила правительство, манифестомъ 6 іюля 1812 г., собрать земское ополченіе, надъ которымъ начальники избирались дворянствомъ изъ среды самого себя (П. С. № 25.176). Наконецъ, въ войну 1855 г. составлялось также государственное ополченіе, въ которомъ начальники губернскихъ ополченій и офицеры дружинъ избирались дворянствомъ (2-е П. С. № 28.992, 28.993).

Мы высоко цѣнимъ заслуги дворянства предъ отечествомъ, кровь пролитую имъ на его защиту, пожертвованія, на которыя оно не скупилось въ годину испытаній. Въ царствованіе Екатерины II, въ 1789 г., между дворянствомъ устроилась подписка на добровольную отдачу крѣпостныхъ людей въ солдаты: генералъ Еропкинъ доносилъ изъ Москвы, что дворяне серпуховской, подольской и никитской округъ жертвуютъ 143 человѣка людей своихъ на службу, и что графиня Анна Родіоновна Чернышова, находящаяся въ волоколамской округѣ, подписалась поставить съ еропольской вотчины 200, да съ бѣлорусскихъ деревень 500 человѣкъ. Такія же предложенія были сдѣланы и дворянствомъ псковскаго уѣзда (Арх. госуд. совѣта: ч. 2-я стр. 35,37). Усердіе дворянъ въ 1806 г. жертвовать своимъ достояніемъ отечеству даже умѣрялось самимъ правительствомъ, предписавшимъ, напримѣръ, вопреки намѣреніямъ дворянства, одѣвать ратниковъ въ обыкновенную крестьянскую одежду, а не въ щегольскую, изъ дорогихъ суконъ (П. С.

№ 22.390). Гр. Анна Родіоновна Чернышова предложила въ войну 1806 г. вооружить для милиціи на собственный счетъ нѣсколько тысячъ своихъ крестьянъ; гр. Анна Алекс. Орлова-Чесменская сдѣлала значительное пожертвованіе оружія для милиціи; рязанское дворянство оказало пособіе 800 бѣдныхъ дворянъ, пожелавшихъ поступить въ военную службу, и т. п. (Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ Варадинова). Въ тяжелую годину 1812 г. дворянство вело себя достойно тѣхъ ожиданій, которыя высказались въ полоцкомъ манифестѣ 6 іюня 1812 г., въ которомъ государь называлъ дворянъ *Пожарскими*, *спасителями отечества*, Дворянство нѣкоторыхъ губерній, напримѣръ новгородской, поголовно пошло въ ополченіе, такъ что не могли состояться и дворянскіе выборы (П. С. № 25.283). Частнымъ пожертвованіямъ дворянъ и конца не было. Многіе богатые помѣщики предложили на собственный счетъ сформировать цѣлые полки: гр. Салтыковъ — гусарскій, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ — конный казачій, камеръ-юнкеръ Гагаринъ — егерскій, а Демидовъ — пѣхотный (Воспоминанія Вигеля, ч. 4-я стр. 35). Не увлеклось общимъ потокомъ патріотическаго движенія только дворянство остзейское — особенно лифляндское: оно отдало въ ополченіе престарѣлыхъ, слабосильныхъ и болѣзненныхъ крестьянъ, почти голыхъ и босыхъ и поставило старыхъ, негодныхъ лошадей (Р. Старина: май 1870 г.), слѣдуя, вѣроятно, поговоркѣ «на тоби, небоже—що мени не гоже» Мы были свидѣтелями патріотическаго усердія дворянства въ войну съ союзниками. Несомнѣнно, впрочемъ, что патріотическій пылъ тогда былъ значительно слабѣе, чѣмъ въ войну 1812 г. Но тѣмъ не менѣе, дворянство не жалѣло пожертвованій. Въ П. С. З. можно найдти указанія на многія изъ нихъ: дворянство петербургской губерніи предложило стать самому въ ряды войска и жертвовать $^1/_{10}$ часть своихъ доходовъ во все продолженіе войны (2-е П. С. № 28.078); московское предложило также $^1/_{10}$ часть доходовъ (2-е П. С. № 28.303), нижегородское — 50.000 ежегодно и предупредило манифестъ о государственномъ ополченіи, предложивъ составить изъ себя ополченіе по-примѣру 1812 г. (2-е П. С. № 28.333, 28.882);

астраханское предложило также $^1/_{10}$ часть доходовъ съ своихъ недвижимыхъ имѣній (2-е П. С. № 28.337), а черниговское— собрать въ 5 лѣтъ капиталъ въ 100.000 р. сер., и назвавъ его николаевскимъ, содержать на % съ него дѣтей и потомковъ тѣхъ воиновъ, которые подвизались тогда за вѣру, царя и отечество (2-е № 28.366) и т. д. Отъ пожертвованій цѣлыхъ дворянскихъ обществъ не отставали отдѣльные его члены: укажемъ на пензенскаго губернскаго предводителя дворянства, статскаго совѣтника Олсуфьева, изъявившаго желаніе жертвовать ежегодно по 1.000 р. сер. во все время войны, и если будетъ нужно, то идти на службу со всѣми своими крестьянами (2-е № 28.980) и м. др.

Но, указывая на патріотизмъ дворянства въ годину испытаній родной земли, слѣдуетъ быть справедливыми, и не забывать о томъ, что дѣлалось въ это же время и другими классами. Дворянство исчисляло капли своей крови, проливаемой за отечество, записывало приношенія свои отечеству. Но кто исчислялъ цѣлые потоки крови, проливаемой народомъ, кто записывалъ тѣ лепты вдовицы, которыя народъ приносилъ отечеству? Дворянство жертвовало своими крестьянами, крестьяне своею жизнію. Дворянство для увѣковѣченія услугъ, принесенныхъ въ отечественную войну, украшено бронзовою на владимірской лентѣ медалью «крѣпости духа его сообразную» (П. С. № 25.671), ратники изъ крѣпостныхъ крестьянъ, за свою желѣзную стойкость противъ врага, возвращались въ первобытное крѣпостное состояніе, выгонялись на барщину съ крестомъ на шапкѣ.

Притомъ, говоря объ ополченіяхъ дворянства, историкъ не долженъ забывать и оборотную сторону медали. Не долженъ забывать о подогрѣвающихъ патріотическое чувство манифестахъ и другихъ заботахъ правительства возбудить патріотическое рвеніе дворянства. Ив. Ив. Дмитріевъ, современникъ ополченія 1806 г., разсказываетъ, какъ въ то время предписывалось губернаторамъ объяснять подъ рукою въ дворянскихъ собраніяхъ о необходимости земскаго войска, какъ предписы-

валось синоду «пещись объ устроеніи благочестиваго негодованія противу врага», и синодъ распространялъ между прихожанами «колико ополченіе сіе для спасенія отечества необходимо»; какъ, наконецъ, въ каждую область, на которыя была раздѣлена имперія для сбора ополченія, отправлено было по сенатору, получившему инструкцію «стараться узнать образъ общаго мнѣнія, обнаруженный въ собраніяхъ дворянства... руководствовать дворянство личнымъ присутствіемъ въ его собраніяхъ, и безъ всякаго принужденія склонять его къ цѣли общественной пользы, возбуждая гдѣ нужно соревнованіе и внушая довѣренность и уваженіе къ правительству»... (Записки: стр. 153).

Безпристрастный историкъ не долженъ забывать изъ исторіи 1812 г. и такихъ фактовъ: старикъ Лесли, губернскій предводитель смоленскаго дворянства въ 1812 г., безъ всякаго предварительнаго сообщенія съ своею братіею, предложилъ императору общее ополченіе дворянъ своей губерніи (Чтенія, кн. 1-ая на 1863 г.); костромской губернаторъ Пасынковъ оправдывалъ свое вмѣшательство въ дворянскіе выборы 1812 г., когда шло дѣло объ ополченіи, тѣмъ, что онъ успѣлъ склонить дворянъ дать 2 воиновъ съ 50 душъ, тогда какъ нѣкоторые желали поставить только по одному (2-е П. С. № 588). Притомъ, при многихъ несомнѣнно щедрыхъ пожертвованіяхъ дворянства, какъ видно изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ современниковъ, значительную роль играло *боярское тщеславіе* (Вигель), отъ котораго нерѣдко воздерживало само правительство, запрещая излишнія издержки на одно наружное и безполезное украшеніе войска (П. С. № 22.390).

Не приводя свидѣтельства одного современника о томъ, какъ вело себя дворянство въ годину испытанія 1812 г. (В. Европы: іюнь, 1867 г.), которое намъ представляется слишкомъ уже рѣзкимъ и жолчнымъ, заключимъ рядъ нашихъ печальныхъ, но не безполезныхъ для возстановленія исторической истины воспоминаній, указаніемъ на бунтъ пензенскаго ополченія въ 1812 г. противъ дворянъ-помѣщиковъ. Начальствовавшіе надъ этимъ ополченіемъ дворяне, вмѣсто того,

чтобъ заботиться о прокормленіи ратниковъ, сами кормились тѣми суммами, которыя отпускались на продовольствіе мужиковъ-ополченцевъ. Голодающіе приведены были въ отчаяніе, возмутились въ Саранскѣ и Чембарѣ, и страшно отомстили своимъ начальникамъ (Воспоминанія Вигеля: ч. 4-ая, стр. 18. Бунтъ военнаго поселенія въ 1831 г. «Записки Шишкина»).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Понятіе личныхъ правъ дворянства развивается послѣ освобожденія его отъ обязательной службы и формулируется въ жалованной грамотѣ, откуда переходитъ съ сводъ. — Значеніе личныхъ правъ дворянства въ исторіи нашего гражданскаго преуспѣянія. — Удовлетворялось ли ими дворянство? — Мнѣніе кн. Щербатова, Екатерины II, иностранныхъ писателей. — Имѣютъ ли личныя права дворянства юридическое основаніе? — Перечисленіе личныхъ правъ.

I. Права и преимущества по службѣ государственной: а) военной. — Производство въ военные чины сначала не обусловливалось никакимъ сословнымъ преимуществомъ. — Запрещенія производить въ офицерскій чинъ малолѣтокъ. — Сословныя преимущества при производствѣ въ первый чинъ начинаются съ Екатерины II, развиваются при Павлѣ и Александрѣ I. — Смягченіе ихъ при Николаѣ. — Отмѣна Милютинымъ. — Привиллегія служить въ гвардіи. — Примѣчаніе къ исторіи военныхъ чиновъ. б) Гражданской службы. — Состояніе лица прежде не препятствовало вступать въ гражданскую службу. — Когда начались ограниченія для нѣкоторыхъ состояній. — Ограниченія эти усиливаются при Екатеринѣ II, которая имъ строго слѣдуетъ. — Изъятія при Павлѣ. — Запутанность вопроса о томъ, какія лица могутъ вступать въ гражданскую службу. — Вопросъ этотъ окончательно разрѣшается при Николаѣ I закономъ 14 октября 1827 г. — Понятіе чина было сначала тождественно съ понятіемъ должности.—Послѣдующее законодательство уклоняется. — Срокъ для производства въ чины впервые въ 1760 г. — Но привиллегія дворянству дается только закономъ 1790 г. — Сроки 1799 г. — Указъ 6 августа 1809 г., вводящій экзамены на чины. — Послѣдствія его. — Протестъ бюрократіи. — Ограниченія и отмѣна. — Положеніе 1834 г. — Общіе сроки по закону 1856 г. — Камергеры и камеръ-юнкеры. — Законъ Сперанскаго о нихъ, вызвавшій негодованіе аристократіи.

II. Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній. — Въ московскомъ періодѣ служилые люди всѣхъ чиновъ имъ подлежали. — Если и было отличіе, то количественное, а не качественное. — Политическая программа Крижанича не была исполнена. — Были-ли освобождены бояре и думные люди? — Тѣлесныя наказанія при Петрѣ Великомъ. Освобожденіе отъ пытки. — Имѣло-ли оно значеніе на практикѣ? — Тѣлесныя наказанія

при преемникахъ Петра. — Имъ подвергались наравнѣ съ солдатами изъ другихъ классовъ служащіе въ военной службѣ дворяне. — Иногда принималось во вниманіе, что лицо принадлежитъ къ знатному шляхетству. — Дворянство ничего не видитъ позорнаго въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. — Такой взглядъ развивается впослѣдствіи. — Протесты противъ тѣлесныхъ наказаній дворянства. — Что было сдѣлано Екатериной II въ удовлетвореніе имъ до грамоты 1785 г. — Грамота 1785 г. отмѣняетъ тѣлесныя наказанія для дворянъ. — Возстановленіе ихъ Павломъ I. — Жалованная грамота возстановляется Александромъ I, а вмѣстѣ съ ней и свобода отъ тѣлесныхъ наказаній. — Послѣдующее законодательство о нековаиіи дворянъ въ желѣза и о небритіи имъ головъ.

III. Право поземельной собственности и другія имущественныя права дворянства. — Въ 17 ст. поземельное владѣніе обусловливалось службой государству, и могло принадлежать только служилому классу. — Отсюда законодательство 18 в. сдѣлало выводъ, что поземельная собственность можетъ принадлежать только дворянству. — Значеніе сліянія помѣстій съ вотчинами. — Какія лица могли владѣть недвижимыми имуществами? — Поземельная собственность — достояніе одного дворянства.— Основаніе. — Распространеніе на другіе классы, когда уничтожилось это основаніе. — Владѣніе домами. — Лавками. — Фабриками. — Дѣятельность дворянства на поприщѣ промышленности фабричной и мануфактурной. — Пространство правъ на недвижимыя имущества. — Регальныя права. — Право на внутренность земли. — Указъ 1782 г. — Обработка соли. — Право на лѣса. — Распространеніе указа 1782 г. — На угодья (пчеловодство, рыбная ловля, охота). — На мельницы. — Ограниченіе права распоряженія. — Законъ о единонаслѣдіи 1714 г. — Значеніе майората. — Законъ 1714 г. былъ особенно тяжелъ для рядоваго шляхетства, которое всячески старалось его обходить. — Почему вопросъ объ отмѣнѣ этого закона не былъ возбужденъ ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II. — Пункты о вотчинныхъ дѣлахъ 1725 г. — Въ кондиціяхъ 1730 отмѣна майората не стояла. — Она была обѣщана в. т. сов., и исполнена Анной Іоанновной. — Жалованная грамота подтверждаетъ свободу распоряженія. — Мѣна имѣній. — Распоряженіе имѣніемъ послѣдняго въ родѣ. — Знатное дворянство желаетъ майората. — Заявленіе московскаго дворянства въ 1767 г. — Право субституцій. — Разрѣшеніе верховной властію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. — Положеніе 1845 г. о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. — Законъ этотъ только для богатыхъ. — Положеніе 12 декабря 1842 г. о пожалованіи майоратовъ въ западныхъ губерніяхъ. — Конфискація.

IV. Право дворянства на торговлю и другія промышленныя операціи. — Занятія эти были несовмѣстны съ обязанностями служилаго класса и шляхетства. — Какая торговля была дозволена послѣднему? — Взглядъ Екатерины II, выразившійся въ наказѣ. — Мнѣнія дворянства въ 1767 г. — Полемика ф.-Визина съ маркизомъ де-Лассе. — Отрицательный взглядъ на торговлю не былъ въ крови нашего дворянства. — Винокуреніе и право подрядовъ на поставку вина. — Постановленіе жа-

лованной грамоты. — Грамота эксплицитно не лишаетъ дворянъ права заниматься торговлей. — Дворяне записываются въ гильдіи. — Заключеніе московскаго губернскаго прокурора 1790 г., вслѣдствіе котораго сенатъ окончательно запрещаетъ дворянамъ записку въ гильдіи. — Банкротскій уставъ 1800 г. запрещаетъ вексельныя обязательства. — Вредное вліяніе на торговлю запрещенія заниматься ею дворянамъ. — Законъ 1 января 1807 дозволяетъ записываться во всѣ гильдіи. — Попятный шагъ закона 1824, ограничивающаго только 1-й гильдіей. — Разрѣшеніе министра финансовъ для дворянъ недостаточныхъ. — Законъ 1827 г. возстановляетъ законъ 1807 г. — Позднѣйшія узаконенія о правѣ на подряды и поставки дворянъ. — Значеніе закона 18 февраля 1846 г. — Въ 1862 г. дается право дворянамъ обязываться векселями.

V. Свобода дворянства отъ личныхъ податей. — Основаніе ея заключалось въ обязательной службѣ. — Вслѣдствіи основаніемъ сдѣлалась сословная привиллегія. — Ревизія и ревизскія сказки. — Значеніе закона 1863 г. о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ городскихъ обывателей. — Свобода отъ рекрутской повинности. — Свобода деревенскаго помѣщичьяго дома отъ постоя. — Постою подлежатъ городскіе домы дворянства. — Попытки дворянъ избавить отъ постоя и свои городскіе домы.

VI. Неприкосновенность дворянскаго достоинства. — Чиновная честь до Петра не ограждалась судомъ. — Но и тѣлесное наказаніе не лишало царскихъ чиновныхъ людей чести. — При Петрѣ Великомъ шельмованіе и публичное тѣлесное наказаніе начинаютъ позорить и безчестить дворянина. — Неприкосновенность дворянскаго достоинства, охраняемаго судомъ и верховною властію, устанавливается жалованной грамотой. — Преступленія противныя основаніямъ дворянскаго достоинства. — Имѣло-ли дѣйствительное значеніе право дворянства судиться только равными себѣ.

Настоящую главу мы посвящаемъ обозрѣнію *личныхъ правъ* дворянства, въ ихъ историческомъ развитіи. Мы принимаемъ этотъ терминъ дворянской грамоты и свода законовъ, которые противополагаютъ понятіе личныхъ правъ, присвоиваемыхъ каждому дворянину въ отдѣльности, *правамъ общественнымъ*, принадлежащимъ дворянину, какъ члену, входящему въ составъ дворянскаго общества.

Личныя права дворянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зарождались еще въ московскій періодъ, но они развиваются главнымъ образомъ въ періодъ освобожденія ихъ отъ обязательной службы. Въ предъидущемъ періодѣ на дворянствѣ лежали преимущественно обязанности; въ настоящемъ періодѣ права

закрываютъ обязанности. Если до 1762 г. дворянство было *тяглымъ*, *крѣпостнымъ* состояніемъ, отличавшимся отъ другихъ крѣпостныхъ классовъ только родомъ тягла и крѣпости, то съ 1762 г. оно сдѣлалось состояніемъ *привиллегированнымъ*, отличающимся отъ другихъ непривиллегированныхъ классовъ своими правами и преимуществами.

Понятіе личныхъ правъ дворянства, и самое это слово (*личныя преимущества*) въ законодательство наше вводятся жалованной дворянской грамотой 1785 г. [70]). Въ первый разъ въ нашемъ государственномъ строѣ, стоявшемъ на тяглѣ и на повинностяхъ всѣхъ общественныхъ классовъ, появляется классъ людей, личныя права которыхъ признаны и обезпечены закономъ. Въ первый разъ въ нашемъ обществѣ появляется *лицо*, а не *холопъ* — человѣкъ, котораго безъ суда нельзя подвергнуть никакому наказанію, котораго и судъ не можетъ подвергнуть наказанію тѣлесному; котораго безъ суда нельзя лишить имущества, принадлежавшаго ему на правахъ октроированной полной собственности. Начала эти, привнесенныя въ нашъ государственный строй и юридическій бытъ, не могли не имѣть великаго цивилизующаго вліянія на нашу гражданственность. Правда, права эти, пока составляли удѣлъ немногихъ, имѣли видъ привиллегій самаго незначительнаго меньшинства націи. Но въ нихъ, въ этихъ личныхъ правахъ и привиллегіяхъ дворянства, положено было на русскую почву зерно тѣхъ человѣческихъ и общегражданскихъ правъ, которыя въ настоящее время начинаютъ дѣлаться достояніемъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Можно, пожалуй, призадуматься надъ вопросомъ, какой государственный строй лучше и справедливѣе — тотъ ли, который ни въ комъ не признаетъ правъ человѣческой личности, святости и неприкосновенности человѣческаго духа и тѣла, труда и имущества; или тотъ, который признаетъ эти права въ незначительномъ меньшинствѣ и отдаетъ большинство, массу народа въ жертву всяческимъ неправдамъ и насиліямъ привиллегированнаго меньшинства? Но если это признаніе человѣческихъ правъ меньшинства является только переходнымъ моментомъ, шагомъ къ при-

знанію ихъ и въ массѣ народа — то историку нельзя не привѣтствовать такого явленія, нельзя не признать его цивилизующимъ. Такимъ явленіемъ были личныя права дворянства.

Многія изъ этихъ личныхъ правъ были октроированы вслѣдствіе заявленія самого дворянства о ихъ необходимости. Удовлетворила ли жалованная грамота всѣмъ желаніямъ сословія, мы не можемъ судить, не зная проекта правамъ благородныхъ, составленнаго дирекціонной коммисіей. Мы только знаемъ, что лица, подобныя ярославскому депутату кн. Щербатову, въ которыхъ, можетъ быть, жива еще была традиція кн. Дм. Мих. Голицына и другихъ дѣятелей 1730 г., не были удовлетворены тѣми личными правами, которыя октроированы жалованной грамотой. Кн. Щербатовъ думалъ, что если «прямо разсмотрѣть, то россійскій дворянинъ никакихъ правъ не имѣетъ, окромѣ позволенія имѣть деревни и носить шпаги» (Чтенія: 1859 г. кн. 3). Недовольство кн. Щербатова высказалось также въ его памфлетѣ «О повреженіи нравовъ въ Россіи»: «испекли законы, правами дворянскими... названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ, и вообще дѣлаютъ отягощеніе народу» (стр. 92).

Напротивъ, императрица Екатерина II думала, что русское дворянство пользовалось даже до грамоты 1785 г. такими драгоцѣнными правами, какими могло похвалиться дворянство лишь въ немногихъ другихъ странахъ. Но императрицу слишкомъ далеко увлекла полемика съ аббатомъ Шаппомъ д'Отерошемъ, который въ своемъ «Путешествіи въ Сибирь» (1761) говорилъ: «дворянство, закабаленное въ ужасное рабство, вымѣщаетъ его на всемъ народѣ». Екатерина II полемизируетъ съ аббатомъ, нисколько не стѣсняясь исторіей. Она силится доказать, что дворянство никогда не было въ закабаленномъ рабствѣ, что дворянство въ каждой области составляло сословное цѣлое (?), что дворянинъ пользовался свободою дѣлать завѣщанія, заключать договоры съ государями объ обмѣнѣ земель и т. п. (Осмнадц. вѣкъ: кн. 4-я стр. 326 «Антидотъ»). Нѣкоторые иностранные писатели, посѣщавшіе Россію въ концѣ царствованія Екатерины II, находили, что если бы привилле-

гіи, пожалованныя императрицей дворянству, неприкосновенно исполнялись, то ни въ какой странѣ дворянство не пользовалось бы большими правами. Но, разбирая §§ жалованной грамоты, они находили, что фактъ и право далеко расходились между собою (Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe, fait en 1790—1792, T. IV. Ch. III) [71]). Дѣйствительно, привиллегіи дворянства не только нарушались, какъ напр. при Николаѣ I, не только многія изъ нихъ были мертвою буквою, какъ напримѣръ право благородныхъ судиться только равными себѣ, но нѣкоторыя существеннѣйшія изъ этихъ привиллегій даже вовсе были отмѣнены Павломъ I. Правительство въ такихъ случаяхъ стояло на своемъ правѣ: оно давало или отнимало, по своему благоусмотрѣнію. Петръ III освободилъ отъ обязательной службы, Павелъ I считалъ нужнымъ возвратиться къ ней; Екатерина II освободила отъ тѣлесныхъ наказаній, Павелъ I началъ подвергать имъ; Ѳедоръ Іоанновичъ даровалъ крѣпостныхъ крестьянъ, Александръ II отнялъ ихъ и т. д. Юридической подстилки, какъ у дворянства феодальнаго, права нашего дворянства не имѣли — тяжбы и процесса съ верховною властію за нарушеніе ихъ дворянство наше вести не могло. Подстилка правъ русскаго дворянства всегда была *политическая:* верховная власть надѣляла однимъ правомъ, лишала другаго, смотря по потребностямъ государства.

Мы сказали, что нѣкоторыя изъ личныхъ правъ дворянства, зародились еще въ московскомъ періодѣ. Но формулируются онѣ въ дворянской грамотѣ, откуда переходятъ и въ сводъ законовъ. Дворянская грамота перечисляетъ довольно много личныхъ преимуществъ дворянства (36). Существеннѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Вольность и свобода — въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы (§§ 17, 18, 19 и 20).

2) Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, распространяемая на дворянъ, служащихъ въ нижнихъ чинахъ военной службы (§§ 15 и 16).

3) Право поземельной собственности и другія имущественныя права (§§ 21—23, 26, 33 и 34).

4) Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговыми операціями (§§ 26—32).

5) Свобода отъ личныхъ податей (§ 36), свобода деревенскаго помѣщичьяго дома отъ постоя (§ 35). А о свободѣ отъ рекрутчины грамота ничего не говоритъ, но она подразумѣвалась, какъ послѣдствіе свободы отъ обязательной службы.

6) Всѣ эти личныя права дворянства обезпечивались неприкосновенностію дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властію (§§ 5, 6, 8 и 14).

Но важнѣйшимъ личнымъ правомъ дворянства — дворянскимъ по преимуществу было владѣніе крѣпостными крестьянами. Жалованная грамота о немъ не упоминаетъ, такъ какъ оно вполнѣ уже опредѣлилось ко временамъ ея изданія. Разсмотрѣніе этого права составитъ предметъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія, а настоящую главу мы посвятимъ изученію всѣхъ другихъ личныхъ правъ.

I. Изъ вольности и свободы, въ смыслѣ освобожденія отъ обязательной службы, развились права и преимущества дворянства по службѣ государственной: обязанность служилаго класса и шляхетства нести службу преобразовалась въ право поступленія въ государственную службу и преимущества дворянства во время ея прохожденія, сравнительно съ другими классами. Дворянство главнымъ образомъ поставляло контингентъ чиновъ военныхъ и отчасти гражданскихъ. Законодательство по этому предмету было вѣрно завѣту ярославскаго депутата кн. Щербатова, что дворяне по одному имени своему имѣютъ преимущественное предъ другими званіями право служить отечеству (Сб. Русск. Историч. Общ., т. IV стр. 149).

а) Петръ Великій предоставлялъ возможность и *простымъ людямъ* долгою службою и способностями выслуживать офицерскіе чины (П. С. № 2.775). Въ своемъ воинскомъ уставѣ отъ провелъ тотъ взглядъ, что всѣ служащіе въ войскѣ—отъ вышняго генерала до послѣдняго мушкатера — суть солдаты. Что если случится *упалое мѣсто* (вакансія) на какой-нибудь чинъ, то могутъ быть производимы не только знатные, но и подлые, если только они того заслужатъ своими достоинства-

ми. Замѣтивъ, что въ офицеры производятъ не безъ пристрастія, Петръ Великій въ 1714 г. постановилъ, чтобы въ оберъ-офицерскіе чины производить за свидѣтельствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ полка, а въ штабъ-офицеры — за свидѣтельствомъ штабъ-офицеровъ и генераловъ дивизіи (П. С. № 2.795). Порядокъ баллотированія въ офицеры изъ 2 или 3 кандидатовъ былъ опредѣленъ въ 1719 г. (П. С. № 3.265, 3.406), и затѣмъ распространенъ на флотъ (П. С. № 3.937). Въ 1721 г. было постановлено, чтобъ баллотировать, не выбирая кандидатовъ, но всѣхъ по списку, а именно: когда изъ унтеръ-офицеровъ въ оберъ-офицеры, тогда должны баллотироваться всѣ сержанты полка, а если бы ихъ оказалось мало, то прибавлять къ нимъ изъ каптенармусовъ и капраловъ (П. С. № 12.288). Но и этимъ способомъ нельзя было искоренить злоупотребленій: баллотировали не по достоинству, но *по страсти*. Петръ Великій задумалъ замѣнить производство баллотированіемъ производствомъ по старшинству. Смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе, что сдѣлано было его преемницей въ 1726 г. (П. С. № 4.896). Баллотированіе возстановляется Анной Іоанновной: сначала безъ ограниченій (П. С. № 5.690), но въ 1736 г. для нѣкоторыхъ только чиновъ: унтеръ-офицеровъ — въ прапорщики, капитановъ въ маіоры, а въ прочіе чины по достоинствамъ, а не по старшинству (П. С. № 7.022). Пріостановленный на время войны съ Турціей (П. С. № 7.487), этотъ способъ производства въ военные чины возстановляется по ея окончаніи, въ 1740 г. (П. С. № 8.724). Но не надолго: изъ одного указа Екатерины II (№ 12.288) можно заключить, что баллотированіе въ чины военно-сухопутные окончательно отмѣняется въ 1742 г. Послѣ этого оно встрѣчается только во флотѣ, гдѣ было возстановлено въ 1764 г. и существовало даже въ первые годы царствованія императора Николая.

Такимъ образомъ, производство въ военные чины опредѣлялось — то баллотированіемъ, то старшинствомъ, или достоинствомъ служащаго, безъ всякихъ сословныхъ преимуществъ. При Елизаветѣ Петровнѣ дѣти россійскихъ дворянъ

опредѣлялись въ военную службу *не инако*, какъ сначала въ солдаты, и потомъ уже по-старшинству и достоинству производились *по-линіи* въ унтеръ и оберъ-офицеры (П. С. № 11.112). Манифестъ Петра III, освобождающій дворянъ отъ обязательной службы, оставляетъ 12-лѣтній срокъ въ нижнихъ чинахъ общимъ для всѣхъ сословій (П. С. № 11.444, § 8). Безъ сомнѣнія, фактически дворяне пользовались льготами при производствѣ въ военные чины, такъ какъ въ службу они записывались малолѣтками и терминъ прохожденія въ нижнихъ чинахъ проводили въ домахъ своихъ. Правительство принимало мѣры противъ этого обычая, но не успѣшно. Въ 1763 г. предписано было малолѣтокъ въ офицеры, безъ *особливаго указа*, не производить (П. С. № 11.771), а полковничья инструкція 1765 г. установила 15 лѣтъ для поступленія въ службу. Но все-таки это не соблюдалось: въ 1785 г. военная коллегія усмотрѣла при отставкѣ разныхъ военныхъ чиновъ, что многіе изъ нихъ записались въ службу весьма малыхъ лѣтъ—лѣтъ 5, 8. Поэтому, она подтвердила слѣдовать инструкціи (П. С. № 16.209).

Дворяне, служащіе въ военной службѣ, начинаютъ пользоваться преимуществами при производствѣ въ чины предъ другими званіями, при Екатеринѣ II. Инструкція полковнику пѣхотнаго полка 1765 г. оставляетъ 12-лѣтній терминъ для недворянъ и постановляетъ, чтобъ дворянъ не производить въ другіе чины, какъ только подпрапорщика и младшаго сержанта, изъ которыхъ они должны производиться въ офицеры, *предпочтительно* предъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ (П. С. № 12.289). Въ 1792 г. опредѣлено положеніе по службѣ *вольноопредѣляющихся*, въ отличіе отъ дворянъ (П. С. № 17.073). Срокъ службы для производства въ первый офицерскій чинъ значительно продолжительнѣе для первыхъ, чѣмъ для вторыхъ. Павелъ I подтверждаетъ преимущества по военной службѣ дворянъ (П. С. № 17.534) и своими уставами о службѣ пѣхотной (П. С. № 17.588) и кавалерійской (П. С. № 17.590) установляетъ, что въ первые офицерскіе чины (прапорщика по пѣхотѣ и корнета по

кавалеріи) представлять дворянъ, по-прослуженіи ими 3 лѣтъ, а недворянъ производить не иначе, какъ по отмѣннымъ способностямъ и заслугамъ, и притомъ небезобразныхъ и выслужившихъ 12 лѣтъ (впрочемъ, прямо въ подпоручики и только въ кирасирахъ въ корнеты). Рядовыми, до производства въ унтеръ-офицерскій чинъ, дворяне должны служить 3 мѣсяца, а недворяне могли быть представляемы въ унтеръ-офицеры только по-прослуженіи 4 лѣтъ, если притомъ они способны къ письменнымъ дѣламъ. Шефы нѣкоторыхъ полковъ представляли унтеръ-офицеровъ изъ недворянъ на вакансіи прапорщиковъ. Вслѣдствіе этого, въ 1798 г. имъ было предписано не представлять изъ недворянъ не только въ офицеры, но даже въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что въ *оныхъ званіяхъ одни дворяне должны состоять* (П. С. № 18.486). Напротивъ, указомъ слѣдующаго года дозволено было представлять въ оберъ-офицеры и такихъ дворянъ, которые не прослужили въ унтеръ-офицерахъ положеннаго термина (П. С. № 10.143). При Александрѣ I, въ 1802 г., всѣ унтеръ-офицеры изъ дворянъ переименованы были *юнкерами*, производившимися въ кирасирскихъ полкахъ — въ *штандартъ-юнкеры*, въ драгунскихъ — въ *фанень-юнкеры*, въ гусарскихъ, егерскихъ и въ артиллеріи — въ *портупей-юнкеры* (П. С. № 20.199). Въ слѣдующемъ году предписано было недворянъ въ офицеры вовсе не производить, но представлять въ аудиторы (П. С. № 20.914) [72]).

Наконецъ, императоръ Николай I не столь безусловно противодѣйствовалъ наполненію войска офицерами изъ недворянъ. Въ 1829 г. установлены были сроки для производства въ офицерскіе чины лицъ различныхъ состояній: вольноопредѣляющихся 4 года, однодворцовъ 6 лѣтъ, разночинцовъ 10 въ гвардіи и 12 въ арміи (2-е П. С. № 2.874). Въ 1830 г., когда окончательно организованы были наши кадетскіе корпуса, была попытка не принимать дворянъ въ полки нижними чинами, но чрезъ кадетскіе корпуса и дворянскій полкъ выпускать ихъ прямо офицерами (2-е № 3.457). Трудность наполненія арміи офицерами изъ кадетовъ, заставила правитель-

ство возвратиться къ прежнему порядку — двухлѣтнему сроку служенія нижними чинами дворянъ. Это продолжалось до настоящаго царствованія, когда военнымъ министромъ Милютинымъ, великимъ преобразователемъ нашей военной организаціи, всякія сословныя преимущества при производствѣ въ первый офицерскій чинъ дали мѣсто преимуществамъ знанія — экзаменамъ.

Что касается нашей гвардіи, то, какъ мы видѣли, наши первые гвардейскіе полки — преображенскій и семеновскій — рекрутировались главнымъ образомъ изъ шляхетства. Родоначальникъ полковъ гвардейской кавалеріи — лейбъ-региментъ, учрежденный въ 1721 г. для образованія кавалерійскихъ офицеровъ, состоялъ изъ однихъ дворянъ (Зап. В. А. Нащокина, стр. 212), а третій гвардейскій полкъ — измайловскій, какъ видно изъ писемъ дюка де Лирія, образованный Анной Іоанновной вскорѣ по ея воцареніи, состоялъ изъ 2.000 человѣкъ, между которыми большая часть офицеровъ были иностранцы, а всѣ солдаты — дворяне (Осмнадц. В. кн. 3-я, стр. 113). Впослѣдствіи мы также встрѣчаемъ, что въ капралы и унтеръ-офицеры гвардіи производились только дворяне. Подтвердивъ это, Екатерина II установила, чтобъ въ полки гвардіи не принимать безъ свидѣтельства губернскаго предводителя о *дворянской породѣ* поступающаго (П. С. № 16.586). При Александрѣ I служба въ гвардіи особенно уважалась нашей аристократіей, и едва-ли было въ ней мѣсто для лицъ другихъ состояній. Николай I даже сократилъ срокъ службы для производства разночинцевъ въ офицерскіе чины въ гвардіи: при немъ появляются офицеры изъ *бурбоновъ* не только въ арміи, но и въ гвардіи.

Примѣчаніе. Наши военные чины, существующіе въ настоящее время, имѣютъ начало въ 1711 г., когда были изданы первые штаты арміи, въ которыхъ между генералитетскими чинами уже встрѣчаемъ и чинъ бригадира. Затѣмъ съ 1712 г. появляются чины штыкъ-юнкера, секундъ-поручика, секундъ-капитана, секундъ и премьеръ-маіора. Точнѣе образованіе военныхъ чиновъ опредѣляется въ воинскомъ уставѣ 1716 г., который раздѣляетъ ихъ на четыре градуса: 1) *унтеръ-офицерскіе* чины (штыкъ-юнкеръ въ артиллеріи, сержантъ, каптенармусъ, подпра-

порщикъ, корпоралъ); 2) *оберъ-офицерскіе* чины — отъ фендрика или прапорщика до маіора (прапорщикъ, подпоручикъ, поручикъ, капитанъ-поручикъ, капитанъ); 3) *штабъ-офицерскіе* чины (маіоръ, подполковникъ, полковникъ); 4) *генеральскіе* (бригадиры, генералъ-маіоры, генералъ-лейтенанты, генералъ отъ кавалеріи и инфантеріи, генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ, генералъ-фельдмаршалъ или аншефъ, генералиссимусъ — «сей чинъ коронованнымъ главамъ и великимъ владѣющимъ принцамъ только надлежитъ, а наипаче тому, чье есть войско») (П. С. № 3.006). Въ табели о рангахъ встрѣчаемъ почти тѣ же военные чины, за немногими исключеніями: изъ генеральскихъ чиновъ нѣтъ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанта, а изъ оберъ-офицерскихъ находимъ чины: капитана, капитанъ-лейтенанта, лейтенанта, унтеръ-лейтенанта и фендрика (П. С. № 3.890). Въ штатахъ Анны Іоанновны — опять премьеръ-и секундъ-маіоры, которыхъ нѣтъ ни въ Воинскомъ Уставѣ, ни въ табели о рангахъ; при ней же мы встрѣчаемъ, вмѣсто капитановъ, ротмистровъ въ образованныхъ въ 1731 г. кирасирскихъ полкахъ. При Петрѣ III впервые мы встрѣчаемъ штабъ-капитана, а при Екатеринѣ II капитаны карабинернаго и пикинерныхъ полковъ въ 1763 г. переименовываются въ ротмистровъ. Чтобъ составить себѣ понятіе о томъ множествѣ военныхъ чиновъ, какое существовало при Екатеринѣ II, приведемъ изъ формулярнаго списка Ив. Ив. Дмитріева время прохожденія имъ этихъ чиновъ: онъ поступилъ солдатомъ семеновскаго полка въ 1772 г. 12 лѣтъ отъ рожденія, въ 1775 г. произведенъ сначала въ капралы, а потомъ въ фурьеры, въ 1776 г. въ подпрапорщики, въ 1777 г. каптенармусы, 1787 г.—прапорщики, 1789 подпоручики, 1790 капитанъ-поручики, 1791 г. — капитаны (Зап. Ив. Ив. Дмитріева: стр. 276).

Весьма важныя преобразованія военныхъ чиновъ совершены были Павломъ I. Въ 1796 г. онъ уничтожилъ штыкъ-юнкеровъ въ артиллеріи (П. С. № 17.666), а подпрапорщиковъ гусарскихъ полковъ переименовалъ корнетами (П. С. № 17.542), повелѣвъ въ слѣдующемъ году первые чины провіантскаго вѣдомства именовать не корнетами, но прапорщиками (П. С. № 18.031), а первые чины артиллеріи — подпоручиками (П. С. № 17.799). Въ томъ же году вмѣсто капитанъ-поручиковъ по пѣхотѣ (въ слѣдующемъ году и артиллеріи) и секундъ-ротмистровъ по кавалеріи, учреждены по пѣхотѣ, артиллеріи и въ драгунахъ штабсъ-капитаны, а въ гусарскихъ и кирасирскихъ полкахъ — штабъ-ротмистры (П. С. № 17.716, 18.746), а унтеръ-офицеры были переименованы въ эстандартъ-юнкеры и въ фаненъ-юнкеры (П. С. № 18.329). Въ 1798 г. уничтожены были чины премьеръ и секундъ-маіорскіе (П. С. № 17.857), изъ нижнихъ же чиновъ оставлены только фельдфебели и подпрапорщики, а всѣ сержанты, каптенармусы, фурьеры и капралы переименованы въ унтеръ-офицеры (П. С. № 18.470). Впрочемъ, нездолго предъ тѣмъ прибавлены новые нижніе чины, которые существовали и при Александрѣ I: постановлено было подпрапорщиковъ производить въ портупей-прапорщики и портупей-юнкеры (П. С. № 18.328), а унтеръ-офицеровъ — въ

эстандартъ-юнкеры и въ фаненъ-юнкеры (П. С. № 18.329). Въ 1799 г. уничтоженъ былъ чинъ бригадира (П. С. № 19.968).

Но отмѣненные Павломъ I чины встрѣчались въ жизни долгое время послѣ ихъ упраздненія, подобно тому, какъ и чины допетровскіе и малороссійскіе: премьеръ-маіора кн. Козловскаго мы встрѣчаемъ во второмъ десятилѣтіи 19 вѣка, генералъ-поручика гр. Орлова мы встрѣчали въ 1828 г. секундъ-маіоръ Подчертковъ проживалъ во псковской губерніи еще въ 1832 г., а брагадирша Новосильцова встрѣчается еще въ 1841 году.

б) Мы разсмотрѣли, какъ развивались привиллегіи дворянъ по службѣ военной, переходимъ теперь къ службѣ гражданской.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ нашей исторіи состоитъ въ томъ, что состояніе лица долгое время не было препятствіемъ ко вступленію въ службу. Хотя Петръ Великій, какъ мы видѣли, и желалъ набирать гражданскихъ чиновниковъ преимущественно изъ шляхетства, но при немъ не было никакихъ ограниченій для вступленія въ гражданскую службу лицамъ другихъ состояній. Ограниченія эти едва ли тогда и были возможны, при большомъ недостаткѣ въ канцелярскихъ служителяхъ, что видно, напримѣръ изъ одного указа 1746 г., предписывающаго губернаторамъ и воеводамъ отыскивать канцелярскихъ служителей, скрывающихся по деревнямъ своимъ, и опредѣлять ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ окажется недостатокъ, а если они станутъ укрываться, то конфисковать ихъ имущество (П. С. № 9.279). Неудивительно, что при такомъ недостаткѣ канцелярскихъ служителей, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ приказныхъ чинахъ служили крестьяне, даже безъ отпускныхъ, какъ то было открыто ревизіей 1744 г. Впрочемъ, несмотря на то, что не было систематическаго ограниченія права поступать въ гражданскую службу лицамъ нѣкоторыхъ состояній, попытки такихъ ограниченій начинаются уже при первыхъ преемникахъ Петра: напримѣръ, въ 1727 г. повелѣно дворовыхъ людей и крестьянъ ни въ какія службы не опредѣлять. Ограниченія эти начинаютъ принимать систематическій характеръ и болѣе широкіе размѣры при Екатеринѣ II. Въ 1771 г. категорически было воспрещено принимать въ статскую службу людей податнаго званія (П. С. № 13.596,

13.760). Такимъ образомъ, право опредѣляться въ гражданскую службу начинаетъ принадлежать только лицамъ нѣкоторыхъ состояній. А какихъ именно — опредѣлено въ 1779 г., и между такими состояніями, пользующимися правами гражданской службы, на первомъ планѣ было поставлено дворянство. Императрица Екатерина II строго слѣдовала этимъ началамъ, и не допускала никакихъ изъятій, несмотря на крайній недостатокъ канцелярскихъ служителей во многихъ губерніяхъ.

Но при Павлѣ начали допускать изъятія. Сначала, только по крайней необходимости, и не иначе,какъ съ разрѣшенія сената, дозволялось иногда принимать въ гражданскую службу и изъ податныхъ. Потомъ, въ особенности при Александрѣ I, изъятія начали чаще и чаще повторяться, расширяясь въ своихъ размѣрахъ. Начала закона 1779 г. не были отмѣнены, но практика требовала многихъ изъ него изъятій: это весьма запутало вопросъ о томъ, какихъ званій лица могутъ поступать въ службу государственную? Вопросъ былъ разрѣшенъ уже при Николаѣ I, издавшемъ 14 октября 1827 г. положеніе о канцелярскихъ служителяхъ гражданскаго вѣдомства, которое окончательно опредѣлило, какія званія могутъ и какіе не могутъ быть принимаемы въ гражданскую службу? Лица, поступавшіе въ гражданскую службу канцелярскими служителями, раздѣлялись на 4 разряда, изъ которыхъ къ первому причислены дворяне родовые, а ко второму дѣти личныхъ дворянъ, вмѣстѣ съ лицами нѣкоторыхъ другихъ званій (купцы 1-й гильдіи, дѣти священнослужителей). Кромѣ того, что эти разряды обусловливали срокъ выслуги перваго гражданскаго чина, они устанавливали еще нѣкоторыя другія отличія между канцелярскими служителями. Такъ, принадлежащіе къ 1 и 2 разрядамъ могли являться на должность не только въ мундирныхъ сертукахъ, но и въ вицъ-мундирахъ; канцелярскіе же служители 3 и 4 разрядовъ могли носить только мундирные сертуки, которые они получали вмѣстѣ съ прочимъ принадлежащимъ имъ платьемъ и воинскимъ пайкомъ отъ своего начальства безденежно (2-е П. С. № 1.469). Какъ ни строго слѣдовалъ императоръ Николай I началамъ закона 1827 г.,

но и при немъ допускались изъятія для нѣкоторыхъ вѣдомствъ [73]).

Мы видѣли, какъ дворянство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими состояніями, пріобрѣло исключительное право на поступленіе въ гражданскую службу. Вовремя прохожденія этой службы, оно пользовалось нѣкоторыми льготами, сравнительно съ другими состояніями — особенно при производствѣ въ чины: для дворянъ устанавливались болѣе сокращенные сроки.

Гражданскіе чины введены у насъ табельно о рангахъ. По идеѣ Петра, ранги, т. е. чины и классы, означали самыя мѣста, т. е. должности. Чинъ обусловливался должностію, по-мимо которой онъ не имѣлъ никакого значенія: коллежскій совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ коллегіи, и состоявшіе съ нимъ въ одномъ шестомъ классѣ оберъ-секретарь сената и прокуроры въ коллегіяхъ не назывались коллежскими совѣтниками, хотя и были съ нимъ въ одномъ классѣ; подобнымъ же образомъ коллежскій асессоръ, секретарь или регистраторъ были дѣйствительно асессоромъ, секретаремъ или регистраторомъ коллегіи и т. д. Производство въ чины или лучше сказать въ должности, предоставлено было сенату: въ высшіе онъ баллотировалъ (П. С. № 3.264), а низшіе просто сказывалъ (П. С. № 3.978). Послѣдующее законодательство о чинахъ уклоняется отъ первоначальной ихъ идеи. Чины начинаютъ получать значеніе почетныхъ титуловъ, помимо должностей; для производства въ нихъ устанавливаются сроки. Не должность опредѣляетъ уже чинъ, но чинъ даетъ право на полученіе должности. При этомъ видоизмѣненіи значенія чина, дворянство начинаетъ пользоваться привиллегіями сравнительно съ другими сословіями. Елизавета Петровна, постановивъ въ 1742 г., чтобы во всѣ чины, какъ военной, такъ и гражданской службы, производить по старшинству и заслугамъ, еще не опредѣляетъ ни сроковъ при этомъ производствѣ, ни преимуществъ дворянъ (П. С. № 8.516). Въ первый разъ срокъ для производства въ чины встрѣчается въ 1760 году. Многіе канцеляристы и регистраторы, по-прослуженіи весьма малаго времени въ этихъ званіяхъ и безъ

всякаго представленія отъ тѣхъ мѣстъ, при которыхъ они служили, подавали въ сенатъ челобитныя о производствѣ въ слѣдующіе чины. Для предупрежденія того было предписано: жаловать канцеляристовъ регистраторскими чинами, а регистраторовъ секретарскими не прежде, какъ по прослуженіи ими 8 лѣтъ въ настоящихъ чинахъ. Но при этомъ не было сдѣлано никакихъ изъятій для дворянъ (П. С. № 11.066). Петръ III подтверждаетъ силу этого постановленія, угрожая штрафомъ въ 1.000 р. тому начальству, которое представитъ раньше 8 лѣтъ (П. С. № 11.540). Никакихъ привиллегій для дворянъ при производствѣ въ чины не даетъ и законъ 1767 г., устанавливающій вообще 7 лѣтній срокъ службы въ одномъ чинѣ для производства въ другой (П. С. № 12.973). Но уже въ 1772 г. повелѣно было въ представленіяхъ сенату о награжденіи чинами прописывать, изъ *какого званія* кто вступилъ въ службу (П. С. № 13.857). Несмотря на эти указы, правила о производствѣ въ чины были весьма неопредѣленны. Для установленія большей точности въ нихъ, въ 1790 г. были установлены новыя начала производства въ статскіе чины. Въ исторіи изучаемаго нами вопроса правила эти весьма важны: они окончательно водворяютъ господство сословной привиллегіи въ чинопроизводствѣ по гражданской службѣ. Устанавливая болѣе сокращенные сроки для производства въ чины дворянъ, постановленіе 1790 г. является какъ бы коррективомъ табели о рангахъ, такъ размножившей наше дворянство: съ этихъ поръ начинаютъ повышать срокъ для производства въ 8-й классъ, такъ какъ этимъ классомъ пріобрѣталось право потомственнаго дворянства. Обращаясь къ закону 1790 г., мы находимъ въ немъ слѣдующія правила: 1) Производить въ чины до 8 класса только тѣхъ, которые прослужили 3 года въ одномъ чинѣ. 2) Изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники и изъ титулярныхъ въ коллежскіе асессоры *недворянъ* не иначе производить, какъ по прослуженіи ими 12 лѣтъ безпорочно, а о представляемыхъ до этого срока докладывать государынѣ. 3) При отставкѣ повышать однимъ рангомъ только дворянъ, прослужившихъ въ послѣднемъ чинѣ

годъ. 4) Дворянамъ свободно переходить изъ статской службы въ военную, на основаніи манифеста 18 февраля 1762 г., а статскимъ чинамъ недворянскаго происхожденія такой переходъ былъ возбраненъ (П. С. № 16.930). Переходъ изъ гражданской службы въ военную совершался съ тѣмъ же чиномъ: въ 1762 г., по воцареніи Екатерины II, нѣсколько титулярныхъ совѣтниковъ были переименованы капитанами кавалергардовъ (Штаты в.-сух. къ № 11.614); изъ Записокъ В. Сем. Хвостова (Р. Арх. № 3. 1870 г.) видно, что братъ его перешелъ изъ статской службы съ чиномъ надворнаго совѣтника въ военную съ чиномъ подполковника.

Въ 1791 г. было постановлено, чтобы при представленіяхъ къ чину коллежскаго асессора, начальства прилагали свидѣтельства о дворянствѣ представляемыхъ (П. С. №16.960). Начало сословной привиллегіи при чинопроизводствѣ по гражданской службѣ, введенное Екатериной II, не выводилось потомъ изъ нашего законодательства, болѣе и болѣе развиваясь. Павелъ I, противникъ своей предшественницы въ большей части государственныхъ предначертаній, въ этомъ случаѣ былъ вполнѣ вѣренъ ей. Въ 1799 г. установлены новые сроки для производства въ чины *дворянъ* — въ коллежскіе асессоры чрезъ 4 года, въ надворные — чрезъ 5 лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники—чрезъ 6, а въ статскіе—чрезъ 4 года (П. С. № 19.219).

По указаніямъ Сперанскаго, порядокъ этотъ былъ радикально измѣненъ указомъ 6 августа 1809 г., оставившимъ прежніе сроки для производства въ чины до коллежскаго асессора и постановившимъ, что лѣта службы для производства въ коллежскіе асессоры не имѣютъ никакого значенія, но необходимо свидѣтельство объ испытаніи въ положенныхъ наукахъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Еще болѣе было затруднено производство въ чинъ статскаго совѣтника: 10 лѣтъ безпорочной службы, занятіе извѣстныхъ опредѣленныхъ должностей, университетскій аттестатъ (П. С. № 23.771). Однимъ изъ послѣдствій, во всякомъ случаѣ замѣчательной мѣры, было введеніе въ дворянство людей, болѣе или менѣе образованныхъ. Но эта мѣра слишкомъ затронула интересы

бюрократіи, считавшей поруганіемъ для своихъ сѣдыхъ волосъ испытаніе въ наукахъ, чтобъ не вызвать въ ней яраго протеста. И бюрократія ополчилась противъ указа 6 августа, поддерживаемая авторитетомъ Карамзина и всей дворянской партіи—систематическихъ противниковъ нововведеній Сперанскаго (Б. Корфа: Жизнь гр. Сперанскаго). Законъ 1809 г. мало-по-малу нарушался: сначала для отдѣльныхъ вѣдомствъ — то военнаго, то горнаго, а потомъ, въ 1834 г. и вовсе былъ отмѣненъ. Положеніе 25 іюня этого 1834 г., возстановляетъ прежній порядокъ производства въ чины, съ прежними привиллегіями для дворянства, оставляя, впрочемъ, элементъ указа 1809 г. — образованіе, хотя и въ значительно ослабленной степени. Для производства изъ 9 въ 8 классъ положено для потомственныхъ дворянъ 4 года, для другихъ званій 6 лѣтъ, при условіи аттестата изъ высшаго учебнаго заведенія (§ 22). Этотъ нормальный срокъ сокращался за особыя отличія: для дворянъ 2 года, для прочихъ званій 4 (§ 23). Для производства же въ первый классный чинъ положеніе оставляетъ правила 1827 г., по которымъ канцелярскіе служители 1-го разряда (дворяне потомственные) производятся чрезъ 2 года, 2-го — 4, 3-го — 6, 4-го — 12 (2-е П. С. № 1.469). Но такъ какъ положеніемъ 1834 г. оставляется мѣриломъ и образованіе, то вышеозначенные сроки производства въ первый чинъ по положенію 1827 г., сокращаются слѣдующимъ образомъ: для потомственныхъ дворянъ — 1 годъ, а для другихъ званій сроки болѣе продолжительные (§§ 30, 39) (2-е П. С. № 7.224).

Въ настоящее царствованіе, когда на всѣ части законодательства повѣяно новымъ духомъ, правила производства въ чины по гражданской службѣ, установившіяся въ царствованія Екатерины II, Павла и Николая, и проникнутыя началомъ сословной привиллегіи, подверглись довольно существенной перемѣнѣ. Въ 1856 г. изданъ законъ, основанный на томъ положеніи, что «награжденія повышеніемъ въ чинахъ, также какъ и всѣ прочія по службѣ награды, должны быть даруемы только за постоянные... труды на самой службѣ, безъ принятія въ

уваженіе какихъ-либо обстоятельствъ сей службы предшествовавшихъ». Послѣдовательное развитіе такого положенія должно было привести къ установленію *общихъ сроковъ* для лицъ всѣхъ состояній при производствѣ во всѣ чины до 5-го класса (14 — 8-го — 3 года, 8 — 5-го 4 года) (2-е П. С. № 31.237).

Кромѣ преимуществъ при производствѣ въ чины, которые пріобрѣло наше дворянство, при Елизаветѣ Петровнѣ и ея предшественникахъ образовалось правило, что званія камергера и камеръ-юнкера даютъ право на чинъ: первое 4-го, а второе 5-го классовъ (П. С. № 8.510 [74]). Екатерина II раздавала эти званія сыновьямъ знатнѣйшихъ фамилій иногда въ колыбели. Такимъ образомъ, нѣкоторые члены нашей аристократіи были прирожденными дѣйствительными статскими и статскими совѣтниками. Чины же эти давали право на занятіе высшихъ должностей. И такимъ образомъ, молодые люди знатныхъ фамилій, привыкшіе вести суетную салонную жизнь, безъ серьезнаго труда, съ самымъ поверхностнымъ образованіемъ во вкусѣ французскаго легитимитета, получали прирожденное право на занятіе важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. Это вопіющее злоупотребленіе существовало у насъ до Александра I. Этотъ-же императоръ, въ лучшую пору своего царствованія, не могъ терпѣть этихъ аристократиковъ — прирожденныхъ генераловъ и бригадировъ, и называлъ ихъ *полотерами*. Поэтому, предложенная Сперанскимъ мѣра уничтожить эту привиллегію аристократіи была очень хорошо принята государемъ, и 3 апрѣля 1809 г. состоялся именной указъ сенату о неприсвоеніи званіямъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ никакого чина, и объ обязанности лицъ, въ сихъ званіяхъ состоящихъ, вступить въ дѣйствительную службу. На основаніи этого указа, наличные камергеры и камеръ-юнкеры, втеченіе двухъ мѣсяцевъ со дня изданія его, должны были избрать родъ дѣйствительной службы, а иначе они считались въ отставкѣ. На будущее же время эти званія должны были имѣть значеніе однихъ придворныхъ отличій, неприсвоивающихъ никакого чина (П. С. № 23.559). Аристократія цѣлыми родами, какъ разсказываетъ б. Корфъ, возстала противъ *дерзкаго поповича*, посягнувшаго на ея права

*

(Жизнь гр. Сперанскаго). Посыпались обвиненія и на самого императора, что онъ, возбуждая вредныя идеи о равенствѣ, хотѣлъ уничтожить аристократію и водворить турецкіе порядки, при которыхъ сынъ визиря не пользуется никакими преимуществами предъ сыномъ простолюдина (В. Вигеля, ч. 3-я).

II. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, жалуемыхъ дворянству грамотой 1785 г. — свобода отъ тѣлесныхъ наказаній. Преимуществомъ этимъ дворянство до того времени не пользовалась. Правда, уже въ 17 ст. въ уголовное законодательство начинаютъ вкрадываться нѣкоторыя отличія въ наказаніяхъ людей, сообразно ихъ различнымъ чинамъ. Но отличія эти въ большей части случаевъ были болѣе количественныя, чѣмъ качественныя: за одно и то же преступленіе человѣка меньшаго чина били кнутомъ или плетьми, а большаго чина — плетьми или батогами. Соборное уложеніе (Гл. XXI ст. 47) постановляетъ, что по оговору языка на дворянина и людей его, пытать прежде людей, а буде и они покажутъ на своего господина, то пытать и его. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, уложеніе допускаетъ даже качественное различіе въ наказаніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ гл. о судѣ (X) постановлялось: за неправый судъ на думныхъ людей налагался штрафъ и отнималась у нихъ честь, а людямъ недумнымъ чинили торговую казнь; за поддѣлку судебнаго протокола дьяка били кнутомъ, а подъячему отсѣкали руку. Но тѣмъ не менѣе по исконному московскому порядку, служилые люди всѣхъ безъ изъятія чиновъ, будучи холопами царя, равно подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ. Политическая программа Юрія Крижанича — серба и католика, переѣхавшаго въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ, и потомъ сосланнаго въ Сибирь — чтобы князья, бояре, боярскіе дѣти могли писаться полными, а не уничижительными именами, были освобождены отъ наказанія кнутомъ, батогами, клейменія, отнятія члена, пытки и смертной казни, а наказывались бы только ссылкой и отнятіемъ почестей и должностей — программа эта была исполнена по истеченіи цѣлаго столѣтія, послѣ ея составленія — при Екатеринѣ II. (Н. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 77). Нѣтъ, поэтому, основанія

предполагать вмѣстѣ съ г. Хлѣбниковымъ, что законъ и обычай начиналъ освобождать отъ тѣлесныхъ наказаній бояръ и думныхъ людей (стр. 248). Если бояре и думные люди иногда освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній, то ни по закону, который не дѣлалъ для нихъ никакого изъятія, ни по обычаю, который освящалъ употребленіе тѣлеснымъ наказаній во всевозможныхъ случаяхъ, но по доброй волѣ царя, во власти котораго было миловать и жаловать перваго боярина, такъ же, какъ и послѣдняго холопа. Уложеніе прямо постановляетъ, что если бояре и воеводы, безъ государева указа, начнутъ отпускать со службы ратныхъ людей, и брать съ нихъ за то посулы и поминки, то *имъ чинити жестокое наказаніе, что государь укажетъ* (Гл. VII § 11), а государь въ такомъ случаѣ, конечно, могъ подвергнуть какому ему благоугодно наказанію: и кн. Васька Голицынъ или кн. Юшка Трубецкой могли быть также побиты кнутомъ, плетьми или батогами, какъ и всякій другой Васька — сынъ боярскій, или Юшка — посадскій человѣкъ. Современникъ Уложенія, Котошихинъ, въ своей статьѣ о Разбойномъ приказѣ дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что за разбой, пожогъ и др. преступленія пытали всякаго «какого чину ни буди: князь, или бояринъ, или и простой человѣкъ» (стр. 90).

Тѣлесныя наказанія, такимъ образомъ, равно распространяемыя на людей всѣхъ чиновъ были исконнымъ порядкомъ, присущимъ общественному строю, установившемуся въ московскій періодъ. Порядокъ этотъ по наслѣдству перешелъ къ Петру, а отъ него къ преемникамъ. Человѣкъ пылкаго нрава, горячо взявшійся за дѣло государственное, Петръ Великій подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ людей всѣхъ чиновъ можетъ быть даже больше, чѣмъ его предшественники — подвергалъ подчасъ даже своеручно. Интересны очень въ этомъ отношеніи Записки Желябужскаго. Изъ нихъ мы видимъ, какъ щедръ былъ Петръ Великій на тѣлесныя наказанія всѣхъ своихъ подданныхъ, не взирая на ихъ чинъ и званіе: били кнутомъ или плетьми, *снемъ рубашку*, за малѣйшую провинность, будь провинившійся князь или бояръ. При чтеніи этихъ записокъ,

возстаетъ предъ нами образъ перваго нашего императора — грознаго барина, расправляющагося съ своими неумѣлыми и нерадивыми дворовыми и крестьянами. Напримѣръ: въ 1688 году кн. Лобанова-Ростовскаго за разбой *били кнутомъ* въ жилецкомъ подклѣтѣ; въ 1696 г. *полковника* Мокшеевъ *битъ кнутомъ* за то, что отпустилъ раскольника; въ 1698 году *били кнутомъ* кн. Хотетовскаго за то, что продалъ одну вотчину двумъ; въ 1699 г. Дивовъ и Колычевъ *биты плетьми*, снемъ рубашку, за то, что Колычевъ взялъ съ Дивова 20 руб. денегъ да бочку вина, чтобъ Дивову не быть на Воронежѣ у корабельнаго дѣла; въ 1704 г. *воеводa* Наумовъ *битъ батогами* нещадно за то, что у него борода и усъ не выбриты; того жъ года въ Преображенскомъ *битъ плетьми* кн. Алексѣй Барятинскій за то, что приводилъ отъ Дубравскаго людей къ смотру и утаилъ, а Родіонъ Зерново-Вельяминовъ въ Разрядѣ *битъ батогами*, что не записался въ срокъ; еще прежде (въ 1701 г.) кн. Илью Ѳедорова сына Шаховскаго *выбили плетьми*, снемъ рубашку, за то, что онъ писалъ въ Москвѣ грамотку недостойну и т. д.

Но раздавая щедрою рукою кнутъ и плети, не разбирая ни роду, ни чина виноватаго, расправляясь своей дубинкой со всѣми столбами государства, Петръ Великій въ своемъ воинскомъ уставѣ постановилъ, что *шляхта*, служители высокихъ чиновъ, старики 70 лѣтъ, недоросли и беременныя женщины не подвергаются пыткѣ «развѣ въ государственныхъ дѣлахъ и убійствахъ, однакожъ съ подлинными о томъ доводами» (Гл. VI). Но понятіе *слово* и *дѣло* въ 18 вѣкѣ было такъ широко, что подъ него можно было подвести всякое преступленіе, всякій проступокъ. Поэтому, едва-ли льгота, даруемая шляхеству воинскимъ уставомъ, имѣла для него въ жизни какое-либо значеніе. Дворяне подвергались пыткѣ даже въ царствованіе Елизаветы Петровны (тайно Шешковскій ихъ пыталъ и послѣ жалованной грамоты) — не только по дѣламъ государственнымъ (дѣло Лопухиной), но и по другимъ криминальнымъ: соучастниковъ въ убійствѣ семейства Жуковыхъ пытали плетьми въ 1754 г., не взирая на ихъ состояніе (Побѣдоносцевъ:

Р. В. т. XXX, 1860 г.). Тѣмъ менѣе дворянство могло быть изъято отъ наказаній тѣлесныхъ. Примѣры ихъ вначалѣ царствованія Петра мы видѣли изъ Желябужскаго. То же самое было и къ концу его царствованія и при его преемникахъ. Такъ за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ многіе дворяне въ 1720 году были биты кнутьемъ, а иные гоняты шпицрутенъ и называемы морскими кошками и леньками (П. С. № 3.509). Помѣщика Бобнева въ 1732 г., за двойную продажу имѣнія, за старостію наказали ботагами, а не по уложенію, какъ кн. Хотетовскаго въ 1698 г. за ту же вину (П. С. № 6.073), а въ 1738 г. дворянинъ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка капралъ, Никаноръ Алфимовъ былъ приговоренъ судомъ за многія продерзостности къ наказанію кнутомъ, который по высочайшей резолюціи былъ замѣненъ шпицрутеномъ въ 6 разъ чрезъ одинъ батальонъ (П. С. № 7.503). Дворяне, служащіе въ военной службѣ, подвергались тѣмъ же наказаніямъ, что и солдаты. Воинская коммисія 1731 г., изыскивавшая средства для лучшаго укомплектованія кирасирскихъ полковъ, для большаго привлеченія къ нимъ шляхтичей, предлагала дать этимъ полкамъ нѣкоторыя выгоды предъ другими полками, и между прочимъ, чтобъ никакой кирасиръ *батожьями* не былъ штрафованъ, но ношеніемъ мушкетовъ или тому подобнымъ (Шт. в. сухоп. къ № 6.804). Ив. Ив. Шуваловъ въ донесеніи сенату говорилъ, что молодые дворяне, служащіе въ полкахъ солдатами, бывали биты палкою за несоблюденіе чистоты въ одеждѣ и обуви солдатской и за другія малости, хотя командирамъ и было иногда совѣстно бить своего брата дворянина за такіе малые проступки (Чтенія: кн. 3 1858 г.).

Такимъ образомъ, по закону тѣлеснымъ наказаніямъ до жалованной грамоты подлежало шляхетство, наравнѣ со всѣми другими общественными классами. Но уже и въ это время въ отдѣльныхъ случаяхъ брали иногда во вниманіе принадлежность къ шляхетскому состоянію. Если Петръ Великій, который, по словамъ кн. Щербатова, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ всѣхъ приближенныхъ къ нему (Чтен., кн. 1-я, 1860 г.), считался иногда съ знатностію лица, и на-

значалъ, напримѣръ, малознатнымъ огурщикамъ болѣе строгое наказаніе (П. С. № 2.199), то это было еще возможнѣе при преемникахъ его — особенно при Елизаветѣ и Екатеринѣ II, когда на тѣлесныя наказанія дворянство уже начало смотрѣть, какъ на наказанія позорящія честь дворянина. Въ 1756 г. было постановлено, что если сыщикамъ разбойниковъ не будутъ оказывать помощи управители, то тѣхъ изъ нихъ, которые не изъ дворянъ, бить плетьми, а которые изъ дворянъ — содержать подъ карауломъ (П. С. № 10.650. § 1). Интересна классификація наказаній за продажу чужихъ людей въ рекруты, которую дѣлаетъ генеральное учрежденіе о ежегодномъ рекрутскомъ наборѣ 1757 г.: имѣющіе чины писались за то вѣчно въ солдаты, а неимѣющіе — военные гонялись шпицрутенъ, а статскіе и неслужащіе годные въ службу бились плетьми и посылались въ Оренбургъ въ солдаты, а негодные въ службу — бились кнутомъ и отдавались на житье къ нерчинскимъ заводамъ (П. С. № 11.359) Въ 1762 г. вдова генералъ-экипажмейстера Зотова за принятіе подъ именемъ сына посторонняго младенца и *введеніе* такимъ образомъ въ *знатное шляхетство нерожденнаго въ немъ* и за то, что показаніями своими навлекла на своихъ крѣпостныхъ людей тяжкія истязанія пытками, не была подвергнута никакому тѣлесному наказанію, но только пострижена въ монашество (П. С. № 11.436). Подобнымъ же образомъ и *мучительница* и *душегубица* Салтычиха, принадлежавшая къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, не была подвергаема пыткамъ, но чтобъ показать ей всю жестокость таковыхъ, при ней пытали *на заказъ* другихъ преступниковъ (Р. Арх. ч. 3 й стр. 642). Салтычиха не была подвергнута и тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя претерпѣли другіе соучастники ея злодѣяній, не принадлежавшіе къ шляхетству: были биты кнутомъ и клеймены крѣпостные люди мучительницы и попъ, хоронившій замученныхъ душегубицей (П. С. № 13.211. Письмо очевидца въ Осмн. В., кн. 4-я) [75]).

Мы сказали, что при Елизаветѣ и Екатеринѣ II, дворянство начало смотрѣть на тѣлесныя наказанія, какъ на позорящія

честь сословія. Несомнѣнно, что такого взгляда прежде не было, да и быть не могло: тѣлесныя наказанія до самаго Петра Великаго *не лишали ни чести, ни правъ прежняго состоянія*. Въ 17 ст. противъ тѣлесныхъ наказаній высшихъ классовъ протестъ былъ заявленъ не самими этими классами, но иностранцемъ — сербомъ Крижаничемъ. Мы не знаемъ также, были-ли протесты шляхетства противъ тѣлесныхъ наказаній при Петрѣ Великомъ. По всей вѣроятности, таковыхъ не было.

Но чѣмъ болѣе шляхетство проникалось сознаніемъ своей сословной чести, чѣмъ болѣе развивалось въ немъ воззрѣніе на себя, какъ на сословіе *благородное*, костію и кровію отличающееся отъ подлыхъ общественныхъ классовъ — тѣмъ болѣе позорными и безчестными начали казаться ему кнутъ, плети и пытка. Въ 1730 г. не было прямо заявляно объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для шляхетства, но верховный тайный совѣтъ обѣщалъ содержать его въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, а слѣдовательно и не подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ.

Это видоизмѣненіе взгляда шляхетства на тѣлесныя наказанія хорошо прослѣдилъ кн. Щербатовъ въ своемъ разсужденіи «О порокахъ и самовластіи Петра»: «Петръ Великій», говоритъ онъ, «не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, *имъ же введенныхъ*, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, *восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ или плетей*, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено. Всякой вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, который засталъ Петръ Великій, и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побои *не инако, какъ по большни почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы то и кацкими руками были учинены*». Кн. Щербатовъ еще самъ зналъ такихъ, которые, потерпѣвъ отъ Петра Великаго побои, не жаловались на него, и не стыдились говорить о нихъ (Чтенія, кн. 1-я 1860 г.).

Но всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы, и люди другаго вѣка — другихъ нравовъ, не могли переносить, что односсословниковъ ихъ — дворянъ подвергаютъ унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и заявляли энергическіе голоса объ отмѣнѣ ихъ. Ив. Ив. Шуваловъ, проектируя въ 1750 г. для своего отечества «фундаментальные и непремѣнные законы», требовалъ, чтобы дворянъ освободили отъ безчестной политической казни — отъ кнута и плетей. Еще энергичнѣе раздались голоса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказзній для дворянъ въ коммисіи 1767 г. Депутатъ елецкаго дворянства (Бибиковъ), ссылаясь на 360 ст. XV гл. наказа «дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены», требовалъ: для того «чтобы дворянское имя не было поругаемо, дворянина не пытать, не исключивъ его изъ числа дворянъ» (Сб. Р. Ист. Общ. Т. IV стр. 148). Медынскій наказъ заявляетъ «чтобы дворянство избавлено было отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ, а потому смертной казни» (Ib. стр. 287). Ярославскій наказъ уполномочиваетъ своего депутата, кн. Щербатова, заявить въ коммисіи, чтобы и въ наказаніяхъ отличить дворянъ отъ простыхъ людей, «дабы дворянинъ, впадшій въ прегрѣшеніе, не подверженъ былъ къ пыткѣ и ко всякому публичному наказанію, безъ лишенія его прежде чина дворянскаго, дабы сей корпусъ не подверженъ былъ и пятну» (297, § 8). Кн. Щербатовъ, вѣрный своему наказу, заявилъ въ коммисіи, чтобъ дворянъ не подвергали наказанію чрезъ катскія руки (стр. 149). Кашинскій наказъ повторяетъ требованіе наказа ярославскаго: «избавить всякаго дворянина навсегда, въ какое бы преступленіе ни впалъ, тѣлеснаго наказанія, развѣ бы случился такой жестокосердый и упорный, на котораго бы многія явныя доказательства были, а онъ въ томъ запирался» (стр. 459 § 10).

Намъ неизвѣстно, что было сдѣлано императрицей для удовлетворенія заявленнымъ требованіямъ объ освобожденіи дворянства отъ тѣлесныхъ наказаній — неизвѣстно, продолжали-ли его подвергать этимъ наказаніямъ, или же на практикѣ

они были отмѣнены еще до изданія жалованной грамоты? Въ П. С. мы встрѣчали въ 1779 г. случай клейменія буквою *у* (убійца) на лбу одного дворянина за убійство имъ своего родного зятя (П. С. № 15.032).

Дворянская грамота 1785 г. постановляла: «тѣлесное наказаніе да не касается до благороднаго», и распространяла эту льготу и на дворянъ, служащихъ нижними чинами въ войскахъ (§§ 15 и 16 № 16.187), которые до-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣли, подвергались всѣмъ тѣмъ наказаніямъ, что и рядовые изъ подлыхъ.

При Павлѣ I тѣлесныя наказанія для дворянъ были возстановлены. 2 января 1797 г. сенатъ поднесъ государю докладъ объ отставномъ прапорщикѣ Рожновѣ, который за произнесеніе дерзкихъ словъ о св. иконахъ и владѣтельныхъ государяхъ, по законамъ заслуживалъ бы смертной казни, но какъ таковой по указу 1754 г. чинить не велѣно, то и подлежитъ онъ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжкую работу. Но какъ жалованною грамотою дворянство освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, то прапорщика Рожнова слѣдуетъ, лиша чиновъ и соединеннаго съ нимъ дворянскаго достоинства, заклепать въ кандалы и послать въ тяжкую работу. На этомъ докладѣ 3 января 1797 г. написана была собственноручная резолюція государя: «какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается. По чему и впредь поступать». Вслѣдствіе этого государю поднесены были доклады: о подпоручикѣ Иванѣ Ѳедосѣевѣ, который, проѣзжая чрезъ новгородскую и тверскую губерніи, вездѣ разглашалъ отъ имени государя, что помѣщичьи крестьяне будутъ государевыми; о секретарѣ Васильяновѣ, оскорбившемъ государя; о поручикѣ Перскомъ, виновномъ въ смертоубійствѣ и прапорщицѣ Трубниковой, участвовавшей въ убійствѣ, совершенномъ ея мужемъ. Доклады гласили, что поименованныя лица, разрушили преступленіями свое дворянское достоинство, а потому, по снятіи съ нихъ онаго, наказать ихъ кнутомъ, такъ какъ привиллегія дворянства уже ихъ не касается. Государь утвердилъ доклады сената, а генералъ-прокуроръ кн.

Куракинъ, въ отвращеніе разномыслія въ присужденіи дворянамъ наказаній, предложилъ сенату издать объ этомъ общій указъ. Указъ сената дѣйствительно былъ изданъ 13 апрѣля 1797 г., которымъ постановлялось: дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, священниковъ [76]) и діаконовъ наказывать тѣлесно за преступленія уголовныя (П. С. № 17.916). Мы не знаемъ, насколько строго указъ этотъ примѣнялся, и во-всѣхъ ли случаяхъ, безъ всякаго изъятія, дворяне подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ; мы только знаемъ, что въ 1798 г. весьма богатый помѣщикъ воронежской губерніи гр. Девіеръ, съ участниками своими дворянами Потуловыми, за многія весьма важныя преступленія и за смертоубійство, не были подвергнуты тѣлесному наказанію (П. С. № 18.511) [77]).

Жалованная грамота, можно сказать, дала возможность такого толкованія свободы дворянъ отъ тѣлесныхъ наказаній, какое было сдѣлано императоромъ Павломъ и его генералъ-прокуроромъ кн. Куракинымъ: постановивъ, что тѣлесное наказаніе не должно касаться благороднаго, грамота не опредѣлила, что эта льгота распространяется на него и по лишеніи дворянства судомъ до содѣянія имъ новаго преступленія, какъ это обыкновенно практиковалось впослѣдствіи, послѣ возстановленія грамоты Александромъ I по манифесту 2 апрѣля 1801 г. Вслѣдствіе этого манифеста, сенатъ поднесъ государю докладъ, въ которомъ, перечисляя всѣ нарушенія жалованной грамоты Павломъ I, въ 1-мъ пунктѣ указалъ и на возстановленіе торговой казни для дворянъ, постановляя при этомъ, что буде кто изъ дворянъ и имѣлъ несчастіе впасть въ тяжкое преступленіе, то таковаго по мѣрѣ его вины подвергать опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ, изъемля, однакожъ, отъ тѣлесныхъ. Докладъ сената былъ утвержденъ государемъ (П. С. № 19.856). Возстановленіе дворянскихъ правъ было однимъ изъ первыхъ актовъ царствованія Александра I: вступивъ на престолъ 12 марта 1801 г., онъ возстановилъ грамоту 2 апрѣля того же года. Но замѣчательно, что онъ возстановилъ ее какъ бы не-хотя. Это видно изъ извлеченій изъ засѣданій неофиціальнаго комитета, составленныхъ гр. Строго-

новымъ. Въ первомъ засѣданіи этого комитета, 15 іюля 1801 г., государь сказалъ, «что онъ возстановилъ дворянскую грамоту противъ собственной своей воли, и что исключительность дарованныхъ ею правъ всегда была ему противна». На это ему отвѣчали, что ничто не мѣшало распространить современемъ эти исключительныя права и на прочія сословія (Приложенія ко 2-ой гл. I-ой ч. Ист. Ал. I Богдановича). Но это распространеніе свободы отъ тѣлесныхъ наказаній и на прочія сословія — хотя и не такой безусловной, какъ для дворянства — произошло уже въ наше время.

Впрочемъ, и по возстановленіи жалованной грамоты, нѣкоторымъ видамъ тѣлесныхъ наказаній подвергались и дворяне. Такъ можно по крайней мѣрѣ судить по запрещеніямъ употреблять эти наказанія для дворянъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ П. С. 3. Въ 1802 г. повелѣно было не ковать въ желѣза подсудимыхъ изъ дворянъ, такъ какъ кованіе въ желѣза по воинскому артикулу (Гл. 50, п. 3) считается тѣлеснымъ наказаніемъ, отъ котораго дворяне избавлены § 15 жалованной грамоты (П. С. № 20.335). Положеніемъ комитета министровъ 1826 г. запрещено было брить половину головы арестантамъ изъ классныхъ чиновниковъ и дворянъ (2-е П. С. № 209). Вслѣдъ затѣмъ, въ 1828 г., запрещалось ковать въ желѣза преступниковъ-дворянъ, при ссылкѣ ихъ въ Сибирь на поселеніе (2-е № 1.641). Въ 1833 г. свобода отъ наказаній тѣлесныхъ распространена и на дѣтей личныхъ дворянъ (2-е № 6.663). Несмотря, однакожъ, на то, что общій наказъ гражданскимъ губернаторамъ (§ 37) предписывалъ имъ наблюдать, чтобъ никто изъ дворянъ не былъ подвергаемъ наказаніямъ, въ противность правъ ихъ состоянія (2-е № 10.303), московскій военный генералъ-губернаторъ еще въ 1845 г. доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что многіе арестанты изъ дворянъ и чиновниковъ, слѣдующіе чрезъ Москву въ Сибирь, препровождаются въ кандалахъ и съ бритыми головами. Поэтому сенатъ въ томъ же году подтвердилъ запрещеніе о нековании въ кандалы преступниковъ изъ дворянъ, до учиненія ими новаго преступленія

(2-е № 18.857). На основаніи предшествовавшихъ постановленій составилась 199 ст. IX Т. изд. 1857 г. «дворянинъ свободенъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія, какъ по суду, такъ и вовремя содержанія подъ стражей».

III. Жалованная грамота подтверждаетъ дворянству право поземельной собственности, и даетъ ему нѣкоторыя новыя имущественныя права.

Не наша задача разсмотрѣніе историческаго развитія правъ на недвижимыя имущества вообще и въ частности на землю, въ томъ объемѣ, какого потребовала бы важность этого вопроса. Притомъ, вопросъ этотъ не былъ предметомъ нашихъ самостоятельныхъ занятій. Поэтому, мы ограничимся только указаніемъ на важнѣйшія его стороны, по скольку онѣ относятся къ исторіи дворянства. Въ указаніяхъ же своихъ мы будемъ слѣдовать главнымъ образомъ классическому труду покойнаго Неволина, обращаясь изрѣдка и къ другимъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ и къ самымъ памятникамъ.

Въ 17 ст. помѣстья и вотчины, хотя продолжаютъ различаться между собою по названію, но въ сущности составляютъ одинъ и тотъ же видъ поземельнаго владѣнія: начала вотчиннаго владѣнія проникаютъ въ помѣстную систему, начала помѣстной системы входятъ во владѣніе вотчинами. Въ сущности, какъ помѣстья, такъ и вотчины, представляютъ *несвободную поземельную собственность* — въ томъ именно смыслѣ, что на обладателяхъ ею лежитъ повинность обязательной службы государству, а самое обладаніе обусловливается этою службою. Точнѣе сказать: поземельное владѣніе въ 17 ст. возможно было только подъ условіемъ службы государству (Градовскаго: Исторія мѣстнаго управленія). Естественное послѣдствіе такого порядка вещей состояло въ томъ, что какъ помѣстья, такъ и вотчины, по уложенію, преимущественно и почти исключительно, могли принадлежать только лицамъ, служащимъ царю. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ лицъ, вотчинами могли владѣть только гости, которымъ иногда жаловались и помѣстья. Но гости иногда получали также значеніе служилыхъ людей. Притомъ, послѣ уложенія, въ 1666 г.,

даже гостямъ запрещено было покупать вотчины. Такимъ образомъ, въ 17 ст. поземельное владѣніе сосредоточивается въ рукахъ одного служилаго класса. Отсюда былъ прямой выводъ для законодательства 18 вѣка: *поземельное владѣніе можетъ принадлежать только лицамъ дворянскаго сословія.*

Слившись фактически въ 17 в. въ одинъ видъ поземельнаго владѣнія, помѣстья и вотчины сливаются и юридически вначалѣ 18 в. — законами Петра I и Анны Іоанновны.

Петръ Великій помѣстья и маетности смоленской шляхты предоставилъ ей въ вотчину еще въ 1701 году (П. С. № 1845). Закономъ 1714 г. Петръ Великій установилъ одинъ и тотъ же порядокъ единонаслѣдія, какъ въ помѣстьяхъ, такъ и въ вотчинахъ. Дворяне въ 18 в. толковали этотъ законъ, какъ *изящнѣйшее благодѣяніе*, которымъ Петръ Великій всѣ помѣстныя дачи дворянамъ въ собственность (это понятіе слилось съ понятіемъ вотчины) пожаловалъ (Размышленіе о неудобствахъ дать свободу крестьянамъ, 1785 г. Чт. кн. 3-я 1861 г.). Но едва-ли такъ понималъ законъ 23 марта 1714 г. виновникъ его. Закономъ этимъ Петръ Великій освятилъ только то, что уже установилось фактически — соединилъ помѣстья съ вотчинами и нѣкоторыми другими имуществами, подъ общимъ названіемъ *имуществъ недвижимыхъ*. Анна Іоанновна, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи, подтвердила это соединеніе. Но соединеніемъ помѣстій съ вотчинами едва-ли выиграли права поземельной собственности дворянства — скорѣе это соединеніе было въ интересѣ распространенія регальныхъ правъ государства на всякое поземельное владѣніе, окончательнымъ торжествомъ того порядка, который вырабатывался уже въ 17 ст. — подчиненіе условіямъ ограниченнаго помѣстнаго владѣнія владѣнія полнаго и вотчиннаго.

Какія же лица могли обладать недвижимыми имуществами на правѣ полной собственности, если только таковое право у насъ существовало до Екатерины II? Петръ Великій не разрѣшилъ этого вопроса: вопросъ разрѣшался постепенно втеченіе послѣдующаго времени, и примѣнительно къ недвижимымъ имуществамъ разнаго рода.

1. Что̀ касается *недвижимой поземельной собственности*, лежащей не въ городахъ, но въ уѣздахъ, то, какъ мы видѣли, уже въ 17 ст. она могла принадлежать только *царскимъ чиновнымъ людямъ*. Мы знаемъ, что изъ этихъ царскихъ чиновныхъ людей при Петрѣ Великомъ образовалось *шляхетство*, раздѣлившееся на *потомственное* и *личное*. О правѣ дворянъ потомственныхъ на владѣніе уѣздными земляли не могло быть никакого сомнѣнія. Но могли-ли уѣздныя земли принадлежать личнымъ дворянамъ? Законодательство Петра Великаго вопроса этого не разрѣшало. Въ законахъ-же, изданныхъ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной, вопросъ этотъ разрѣшается даже отрицательно: поземельная собственность, лежащая въ уѣздѣ, *можетъ принадлежать только потомственнымъ дворянамъ*, съ устраненіемъ отъ нея лицъ прочихъ состояній, и даже личныхъ дворянъ. Но запрещеніе личнымъ дворянамъ владѣть поземельной собственностію направлено было только на новое пріобрѣтеніе ея, но не на ту, которою они уже владѣли. Это ясно выражено въ межевыхъ инструкціяхъ 1754 и 1766 годовъ: утверждая права на поземельную собственность, которою уже владѣли дворяне личные, инструкціи эти воспрещаютъ имъ новое пріобрѣтеніе ея.

Жалованная грамота окончательно освящаетъ право благородныхъ — потомственнаго дворянства — на поземельную собственность. Она предоставляетъ имъ право именоваться и писаться помѣщиками и вотчинниками своихъ помѣстій и вотчинъ — родовыхъ, благопріобрѣтенныхъ и жалованныхъ (П. С. № 16.187 § 21).

Основаніе исключенію лицъ недворянскаго происхожденія владѣть поземельною собственностію завѣщаны законодательству 18 в. предшествовавшимъ временемъ. Разумъ этого основанія заключался въ томъ, что на дворянствѣ лежала обязательная служба государству, за отбываніе которой оно владѣло землями съ прикрѣпленными къ нимъ крестьянами. Съ этой точки зрѣнія, исключеніе лицъ тѣхъ другихъ состояній, на которыхъ не лежала обязательная служба, находило себѣ оправданіе. Но какъ только обязательная служба была снята

съ дворянства, исключительно принадлежавшее ему право землевладѣнія сдѣлалось ничѣмъ неоправдываемой привиллегіей. Понятно стремленіе законодательства, послѣдовавшаго за отмѣной обязательной службы, распространить право владѣнія уѣздными землями и на лицъ недворянскаго происхожденія. Впрочемъ, законодательство 18 в. сдѣлало только незначительный шагъ на этомъ пути: городовое положеніе дозволило именитымъ гражданамъ имѣть загородные дворы и сады. Рѣшительнѣе шагъ былъ сдѣланъ Александромъ I: указъ 12 декабря 1801 г., о которомъ одинъ изъ образованнѣйшихъ его современниковъ, гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, сказалъ, что онъ «есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть поставленъ въ числѣ тѣхъ, кои и не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества принадлежатъ» (Р. Арх. № XI. 1869 г.) — указъ 1801 г. — «преддверіе уничтоженія самого рабства» — предоставилъ право пріобрѣтенія всѣхъ земель безъ крестьянъ всѣмъ россійскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 20.075). Императоръ Николай I въ 1848 г. сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ: онъ разрѣшилъ и крѣпостнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе всякаго рода недвижимыхъ имуществъ, а въ томъ числѣ и ненаселенныхъ земель — съ согласія ихъ помѣщиковъ (2-е П. С. № 22.042). Послѣ этого за дворянствомъ осталось только право владѣть населенными недвижимыми имѣніями, какъ исключительная его привиллегія, которой были лишены другіе общественные классы.

2. Домами — не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ — лица дворянскаго состоянія могли владѣть и до жалованной грамоты, которая только подтверждаетъ имъ это право (П. С. № 16.187. § 30). Относительно способа пользованія городскими домами было не въ обычаѣ старинныхъ русскихъ баръ отдавать ихъ внаймы, и какъ бы долго ни продолжалось отсутствіе хозяевъ, городскія дворянскія палаты стояли пустыми, въ ожиданіи ихъ возвращенія, подобно царскимъ дворцамъ (Вигель: ч. I, стр. 180).

3. Лавками въ городахъ прежде могли владѣть только городскіе обыватели. Но Екатерина II, въ 1783 г., дозволила

всѣмъ, живущимъ въ городахъ, а въ томъ числѣ и дворянамъ, имѣть въ домахъ своихъ лавки и амбары. Жалованная грамота дозволяетъ благороднымъ имѣть въ своихъ городскихъ домахъ рукодѣліе (П. С. № 16.187 § 30). На основаніи этого права, гр. Апраксинъ, въ 1802 г., устроилъ на своемъ дворѣ лавки, положивъ основаніе существующему и понынѣ апраксину двору. Но вопросъ о владѣніи лавками въ городахъ все-таки былъ разрѣшенъ законодательствомъ не довольно опредѣлительно. Не было именно выяснено, ограничивается-ли право лицъ, непринадлежащихъ къ городскимъ обывателямъ, владѣніемъ лавками только въ домахъ своихъ, или же они имѣютъ и право пріобрѣтать лавки въ гостиныхъ дворахъ, рядахъ и на рынкахъ? Послѣднее было запрещено законами 1824 и 1826 г. Но за то возникали сомнѣнія и по вопросу уже разрѣшенному законодательствомъ: можетъ-ли дворянинъ, безъ записки въ гильдію, пріобрѣтать въ городѣ домы съ лавками? Такъ напримѣръ, жена полковника Воейкова въ 1833 г. должна была записаться въ московское купечество, по-случаю покупки дома съ лавками въ Москвѣ. Въ государственномъ совѣтѣ по этому поводу снова былъ возбужденъ вопросъ о правѣ дворянъ владѣть въ городахъ домами съ лавками. Вопросъ былъ разрѣшенъ подтвержденіемъ закона 1783 г.— могутъ владѣть безъ записки въ гильдіи. (2 П. С. № 6.457).

4. Петръ Великій разрѣшилъ лицамъ всѣхъ состояній учреждать фабрики и мануфактуры. Но эти фабрики и мануфактуры, бывъ поставлены подъ строгій контроль мануфактуръ—коллегіи, составляли ограниченную собственность ихъ владѣльцевъ. Екатерина II освободила ихъ отъ этого контроля, сдѣлавъ полною собственностію тѣхъ лицъ, которымъ онѣ принадлежали. Жалованная грамота ограничила право благородныхъ имѣть фабрики и мануфактуры, предоставивъ имѣть ихъ только въ деревняхъ (П. С. № 16.187. § 28). Пока дворянамъ не дозволялось записываться въ гильдіи, до тѣхъ поръ они безусловно были устранены отъ владѣнія фабриками и мануфактурами въ городахъ. Право это они пріобрѣли въ 1827 г., когда предоставлено всѣмъ дворянамъ, потомствен-

нымъ и личнымъ, имѣть фабрики и заводы въ городахъ, съ запискою въ одну изъ трехъ гильдій; а личнымъ дворянамъ, кромѣ того, было дозволено безъ всякой записки въ гильдію, имѣть въ городахъ такъ-называемыя домашнія заведенія. У насъ нѣтъ матеріала, чтобъ изслѣдовать подробно, какъ воспользовалось дворянство правомъ учреждать фабрики и мануфактуры. Достаточно замѣтить вообще, что въ очень многихъ дворянскихъ имѣніяхъ мануфактурная промышленность получила весьма широкое развитіе: уже вначалѣ текущаго столѣтія между помѣщиками явились весьма замѣчательные дѣятели на этомъ поприщѣ. Полтавскій помѣщикъ Кирьяковъ въ 1811 г. за усовершенствованія селитренныхъ заводовъ въ своихъ имѣніяхъ, смоленскій помѣщикъ Щепочкинъ за изобрѣтенный имъ способъ бѣленія пряжи, украшены были орденомъ Владиміра 4 ст. Уже вначалѣ текущаго столѣтія прославились фабрики: кн. Юсупова—сукна, орденскія ленты, шелковыя и кашемировыя матеріи; бригадира гр. Толстаго — стеклянныя издѣлія; гр. Потемкина знаменитая глушковская фабрика суконъ въ курской губ.; шерстяная фабрика помѣщицы Сабуровой, тамбовской губ. моршанскаго уѣзда, на которой приготовлялись шали, достоинствомъ своимъ неуступавшія самымъ лучшимъ турецкимъ; съ ней соперничала фабрика шалей помѣщицы пензенской губ. Колокольцовой и т. д. Со втораго десятилѣтія текущаго столѣтія особенно сильно начинаетъ развиваться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ свеклосахарная промышленность. Изъ среды дворянства вышли нѣкоторые весьма замѣчательные дѣятели фабричной промышленности, какъ Полторацкій, Мальцовъ, Бобринскій и мн. др. (Варадинова: Исторія минист. внутреннихъ дѣлъ).

Мы разсмотрѣли развитіе правъ дворянства на разные роды имуществъ недвижимыхъ. Какъ велико было пространство этихъ правъ? Мы видѣли, что въ 17 ст., какъ вотчины, такъ и помѣстья, составляли несвободное поземельное владѣніе служилаго класса. Петръ Великій еще болѣе стѣсняетъ права какъ на поземельную, такъ и на всякую другую недвижимую собственность. Въ Германіи онъ видѣлъ множество королевскихъ правъ

на частныя земли — jura regalia, существовавшія тамъ, какъ остатки отъ среднихъ вѣковъ. Эти регальныя права онъ перенесъ и въ Россію, еще болѣе усиливъ тѣмъ несвободный характеръ поземельнаго владѣнія. При немъ, можно сказать, поземельная собственность (вотчинная уже не различалась отъ помѣстной) превратилась въ поземельное владѣніе, весьма ограниченное какъ относительно пользованія, такъ и относительно распоряженія.

А. Ограниченія *права пользованія*, введенныя Петромъ Великимъ, относились главнымъ образомъ: 1) къ внутренностямъ земли, 2) къ растущимъ на ея поверхности лѣсамъ, 3) къ нѣкоторымъ угодьямъ и 4) къ мельницамъ.

1. До Петра Великаго помѣщики и вотчинники могли свободно отыскивать въ нѣдрахъ своихъ земель минералы. Въ 1700 г. впервые Петръ повелѣлъ воеводамъ и особымъ чиновникамъ отыскивать руды на земляхъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ. Въ 1719 г. разработка минераловъ предоставлена была и частной промышленности, но на условіяхъ крайне стѣснительныхъ. «*Намъ однимъ, яко монарху*» говоритъ Петръ Великій въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіума «принадлежатъ рудокопные заводы; но мы по любви къ нашимъ подданнымъ милостиво соизволяемъ употребленіе ихъ каждому и всѣмъ вообще, кто имѣетъ къ тому охоту». Вслѣдствіе этого, всякому даровано было право, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы. Владѣльцы земель имѣли, впрочемъ, первое право на устроеніе заводовъ. Но когда они не имѣли къ тому ни охоты, ни средствъ, то должны были терпѣть, что другіе будутъ въ ихъ земляхъ искать, копать и передѣлывать руду и минералы, *дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось*. Однакожъ, промышленники съ той земли, на которой построятъ заводы, должны были заплатить владѣльцу отъ каждой руды или обработаннаго минерала $^1/_{32}$ долю прибыли, а за землю для постройки завода, за дрова и лѣсъ они должны были платить деньгами. Но назначеніе цѣны за все это не вполнѣ зависѣло отъ благоусмотрѣнія помѣщика: буде онъ назначалъ *цѣну не-*

сносную, то о томъ представляли въ коллегію (П. С. № 3.464). Начала этого указа оставались въ силѣ до Екатерины II. Манифестомъ 28 іюня 1782 г. право собственности владѣльцевъ распространено на всѣ произведенія земли, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея содержащіяся. На этомъ основаніи дозволено каждому добывать въ своихъ собственныхъ земляхъ и обработывать всяческіе металлы и минералы (П. С. № 15.447). Право это подтверждено въ § 33 жалованной грамоты, и осталось неизмѣннымъ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Нѣкоторое ограниченіе закона 1782 г. состояло до послѣдняго времени въ томъ, что разработка соли составляла регалію, но въ 1862 г., со введеніемъ акциза на соль, обработка ея сдѣлалась предметомъ частной промышленности [78]).

2. Петръ Великій ограничилъ право владѣльцевъ и на лѣса, на земляхъ ихъ растущіе. Ограниченія эти начинаются съ 1703 г., потомъ они непрерывно продолжаются во все его царствованіе. Въ 1703 г. запрещено владѣльцамъ земель на пространствѣ 50 верстъ отъ большихъ рѣкъ и 20 отъ малыхъ, удобныхъ для сплавки лѣсовъ, рубить дерево извѣстныхъ породъ (дубъ, кленъ, большую сосну и др.). Въ 1719 г. число заповѣдныхъ породъ нѣсколько уменьшается, но за то запрещено рубить дубъ повсюду, а въ заповѣдныхъ лѣсахъ—даже брать валежникъ. Казна и всѣ лица для государственныхъ потребностей могли рубить во всѣхъ лѣсахъ всякое дерево, не платя за то ничего владѣльцу лѣса. Напротивъ, за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ для частныхъ потребъ, даже владѣльцами, налагались самыя строгія наказанія: смертная казнь, ссылка на каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей, денежные штрафы.—Екатерина I поставила лѣсную часть на другихъ основаніяхъ. Значительно было ограничено число заповѣдныхъ лѣсовъ: заповѣдные лѣса оставлены только въ казанской губерніи—преимущественно по Волгѣ, въ воронежской по Воронежу и Дону, въ кіевской — по Днѣпру, около Ильменя, по Волхову, и въ олонецкой провинціи — по Свири. По этимъ рѣкамъ лѣса заказаны были только на 15 в., а по малымъ оставались вовсе свободными. — Но при Петрѣ II открылось большое

истребленіе лѣсовъ; поэтому они снова были заказаны на бо́льшемъ пространствѣ. — Еще болѣе усилены строгія постановленія о лѣсахъ Анной Іоанновной: запрещено рубить заказные лѣса на сто верстъ отъ нѣкоторыхъ озеръ и большихъ рѣкъ, а отъ малыхъ на 25 верстъ; дубъ заказанъ повсюду; за порубку и поврежденіе заповѣдныхъ лѣсовъ увеличены денежные штрафы, а за порубку и поврежденіе въ 3-й разъ назначалось наказаніе кнутомъ и каторга на 10 лѣтъ. — Лѣсное законодательство Елизаветы Петровны проникнуто тѣми же началами.

Императрица Екатерина II распространила начала манифеста 1782 г. и на лѣса, повелѣвъ указомъ 22 сентября того же года всѣ лѣса, растущіе въ дачахъ помѣщиковъ, хотя бы они были до сего времени заповѣданы и клеймены, предоставить въ полную ихъ собственность (П. С. № 15.518). Жалованная грамота § 34 подтверждаетъ благороднымъ это право собственности на лѣса, растущіе въ ихъ имѣніяхъ. А отсюда начало это перешло и въ дѣйствующее законодательство.

3. При Петрѣ Великомъ многія угодья, лежащія на владѣльческихъ земляхъ, были причислены къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ. Екатерина I. нѣкоторыя изъ такихъ угодій повелѣла отдать самимъ поземельнымъ владѣльцамъ въ вѣчное содержаніе, безъ переоброчки. Это подтверждено и межевыми инструкціями 1754 и 1766 годовъ. — Въ 1775 г. многія изъ такихъ угодій были обращены въ полную собственность ихъ владѣльцевъ, а въ 1782 г. право собственности распространено и на все имѣніе, со всѣми угодьями въ немъ находящимися, что́ подтверждено и жалованной грамотой и вошло въ дѣйствующее законодательство. Къ угодьямъ, которыми владѣльцы имѣній не могли пользоваться, относились:

а) Пчельники и бортныя угожья, которые въ 1704 г. были обложены оброкомъ, какъ казенныя статьи. Межевые инструкціи повелѣли отдавать эти угодья въ оброчное содержаніе безъ переоброчки самимъ владѣльцамъ, а въ 1775 г. сборъ и вовсе былъ отрѣшенъ.

б) Всѣ частныя рыбныя ловли отобраны были также Петромъ Великимъ въ казну въ 1704 г., и затѣмъ ихъ отда-

вали въ содержаніе изъ за платежа оброка. Въ 1727 г. повелѣно было отдать ихъ въ содержаніе самимъ владѣльцамъ безъ переоброчки, что̀ подтверждено и межевыми инструкціями, и продолжалось до 1775 г., когда сборъ съ рыбныхъ ловель отрѣшенъ, и они сдѣлались полной собственностію вотчинниковъ. Въ 1782 г. и въ жалованной грамотѣ Екатерины II подтверждено право поземельныхъ собственниковъ на воды.

в) Кромѣ запрещеній ловить звѣрей и птицъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга и Москвы, которыя также начинаютъ появляться при Петрѣ Великомъ и отчасти существуютъ и въ настоящее время, къ числу ограниченій правъ собственности владѣльцевъ можно также отнести и позволеніе ловить въ ихъ дачахъ разныхъ птицъ для двора, даваемое извѣстнымъ лицамъ. Это въ особенности часто практиковалось при Аннѣ Іоанновнѣ. Такъ напримѣръ, въ 1731 г. повелѣно донскимъ кречетнымъ помытчикамъ ловить птицъ въ угодьяхъ людей всякихъ чиновъ безвозбранно, для доставленія ежегодно въ Москву по 20 кречетовъ и по 30 кречетныхъ челиговъ (П. С. № 5.791), а въ слѣдующемъ году подобное приказаніе получили и ростовскіе сокольи помытчики (П. С. № 6.089) [79]).

4. Съ мельницъ, принадлежащихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, Петръ Великій повелѣлъ въ 1704 г., ввидѣ оброка, брать 1/4 часть дохода. Съ 1729 г. мельницы начали отдавать владѣльцамъ въ вѣчное оброчное содержаніе, за исключеніемъ пильныхъ, которыя въ 1763 г. вовсе исключены изъ оброка. Въ 1775 г. отмѣненъ сборъ и со всѣхъ другихъ владѣльческихъ мельницъ, и онѣ сдѣлались полною собственностію ихъ владѣльцевъ (См. Неволина: Ист. гражд. законовъ, Т. II).

Б. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какимъ ограниченіямъ подвергалось право распоряженія недвижимыми имуществами?

Екатерина II въ своей полемикѣ съ аббатомъ Шапомъ говоритъ объ исконномъ правѣ русскихъ дворянъ пользоваться свободою завѣщаній, изъ которыхъ де нѣкоторыя, совершонныя болѣе 500 лѣтъ назадъ, видѣла сама императрица (Осмн. В.

кн. 4 стр. 327 «Антидотъ»). Съ развитіемъ помѣстной системы, свобода завѣщаній могла имѣть мѣсто только относительно вотчинъ. Но важнѣйшее ограниченіе права распоряженія недвижимыми имуществами было установлено закономъ 1714 г. о порядкѣ *единонаслѣдія* въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ. Законъ этотъ игралъ столь важную роль въ положеніи дворянства начала прошлаго столѣтія, что мы считаемъ нужнымъ обстоятельнѣе познакомиться съ его судьбами.

Законъ 1714 г. очевидно былъ навѣянъ западной Европой, въ которой, вслѣдствіе сильнаго развитія аристократіи— преемницы феодальныхъ порядковъ — господствовалъ мойоратъ и безземельность кадетовъ. Увлеченный порядками западной Европы, Петръ Великій задумалъ систему мойората, выработавшуюся на западѣ исторически, перенесть и въ Россію, въ которой не было для пея никакой исторической почвы, никакой традиціи. Задумавъ такое важное дѣло, прежде всего онъ постарался собрать и изучить законы о наслѣдованіи въ иностранныхъ государствахъ. Брюсу поручено было составить для царя краткое описаніе законовъ шкоцкихъ, агленскихъ и французскихъ о наслѣдникахъ или первыхъ сынахъ. Несмотря на турецкій походъ, которымъ былъ такъ озабоченъ Петръ Великій, въ 1711 г. Головкинъ писалъ секретарямъ посольскаго приказа: «желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ французскихъ, аглинскихъ и венецыйскихъ, какое у нихъ опредѣленіе, какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и пожиткахъ, дѣтямъ по отцахъ оставшимся мужеска и женска пола въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхецкихъ, такъ и купецкихъ фамилій: и вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ, и ежели того нѣтъ, то спрашивайте и ищите оныхъ правилъ на Москвѣ у иноземцевъ, и ежели гдѣ что сыщется, то велите перевести». (Соловьева: Т. XVI. стр. 199). Наконецъ, въ мартѣ 1714 г. изданъ былъ и самый законъ о единонаслѣдіи. Модификація мойората, въ сравненіи съ западной Европой, состояла въ томъ, что у насъ онъ былъ обязателенъ не для одного шля-

хетства, но для всѣхъ подданныхъ, какого бы чина и состоянія они ни были, такъ какъ и предметомъ его была не одна поземельная собственность, но всѣ недвижимыя имущества. Наиболѣе, конечно, онъ затрогивалъ интересы шляхетства.

Какія же были существенныя стороны закона 1714 г.?

Въ прежнемъ порядкѣ наслѣдованія, Петръ Великій видѣлъ 3 главные недостатка: отъ равнаго раздѣленія имѣній между дѣтьми происходилъ вредъ государственнымъ интересамъ, разореніе крестьянамъ и паденіе шляхетскимъ фамиліямъ.

Вредъ государственнымъ интересамъ состоялъ въ томъ, что при раздробленіи имѣній затруднялся платежъ податей. Кромѣ того, каждый наслѣдникъ, получивъ хотя малую часть, имѣлъ свой *даровой хлѣбъ*, и не хотѣлъ безъ *принужденія* вступать въ государственную службу.

Разореніе крестьянамъ происходило отъ того, что сыновья богатыхъ родителей, привыкши въ домѣ ихъ къ богатой жизни, хотѣли продолжать ее и послѣ раздѣла богатаго родительскаго достоянія на нѣсколько малыхъ долей, и обременяли вслѣдствіе того своихъ крестьянъ излишними платежами. Петръ Великій объяснялъ это наглядным примѣромъ: если кто имѣлъ 1.000 дворовъ и 5 сыновъ, держалъ «домъ довольной, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное». По смерти его, имѣніе дѣлится на 5 частей, и у каждаго сына является по 200 дворовъ. Но сыновья эти «помня славу отца своего и *честь рода*», не захотятъ *сиро* жить, но *ясно*: тогда съ крестьянъ ихъ будетъ 5 столовъ, а не одинъ, и 200 дворовъ понесутъ тѣ же тягости, что и 1.000. А подлые люди отъ этого разорятся.

Съ раздробленіемъ имѣній, знатныя фамиліи постепенно упадали и приходили, наконецъ, въ такую бѣдность, что обращались въ поселянъ «какъ уже много тѣхъ экземпляровъ есть въ Россійскомъ народѣ».

Система единонаслѣдія, по мнѣнію Петра Великаго, могла предупредить и вредъ государственнымъ интересамъ и разореніе крестьянамъ, и разореніе шляхетскимъ фамиліямъ.

Вредъ государственнымъ интересамъ она предупредитъ потому, что когда недвижимое имѣніе достанется нераздѣльно одному сыну, то государственныя подати будутъ уплачиваться исправнѣе. А прочіе сыновья, которымъ достанется только часть движимаго, принуждены будутъ искать хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ.

Разореніе крестьянамъ предупредится тѣмъ, что владѣлецъ большаго нераздѣльнаго имѣнія всегда можетъ болѣе льготить ихъ и менѣе съ нихъ брать.

При нераздѣльности имѣній, шляхетскія фамиліи не будутъ упадать, «но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы».

Самый же порядокъ единонаслѣдія опредѣленъ былъ слѣдующими началами:

1) Кто имѣетъ нѣсколько сыновей, тотъ можетъ, посредствомъ завѣщанія, одного изъ нихъ назначить наслѣдникомъ недвижимаго своего имѣнія, а прочихъ дѣтей по усмотрѣнію надѣлить имуществомъ движимымъ. А если владѣлецъ не раздѣлитъ посредствомъ завѣщанія на вышеозначенныхъ началахъ, то недвижимое имѣніе опредѣляется по закону старшему сыну, а движимое должно дѣлиться поровну между другими дѣтьми.

2) Если у владѣльца нѣтъ дѣтей, то онъ можетъ отдать свое недвижимое имѣніе какому захочетъ члену своей фамиліи, а движимое или своимъ родственникамъ или постороннему. А если при жизни онъ не сдѣлаетъ распоряженія, тогда оба имѣнія отдаются въ родъ по закону: недвижимое ближайшему въ родѣ, а движимое дѣлится между прочими.

3) Если же владѣлецъ будетъ послѣднимъ въ своей фамиліи, и будетъ имѣть одну или нѣсколько дочерей, въ дѣвицахъ или замужемъ, то онъ можетъ отдать недвижимое имѣніе одной изъ этихъ дочерей—замужней, вдовѣ или дѣвицѣ. Но для возобновленія фамиліи, мужъ замужней обязанъ тотчасъ-же принять имя тестя, а дѣвица или вдова не могутъ выйдти замужъ за того, кто не захочетъ принять имени тестя (П. С. № 2.789) [80].

Что касается безземельныхъ кадетовъ, то законъ, изданный вскорѣ послѣ указа о единонаслѣдіи, предоставлялъ имъ право покупать недвижимыя имущества, по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ: въ военной службѣ 7, а въ гражданской 10; а записавшимся въ купечество или мастерство—по истеченіи 15 лѣтъ (П. С. № 2.796). Законъ 1714 г. былъ извѣстенъ подъ именемъ *пунктовъ*, такъ какъ онъ раздѣлялся на *пункты*. Поэтому, по отмѣнѣ его говорили «онъ родился въ пунктахъ», т. е. въ то время, когда еще дѣйствовалъ законъ о единонаслѣдіи (Записки Нащокина).

Еслибы эти *пункты* привились къ нашему дворянству, послѣдствія того были бы неисчислимы: законы о наслѣдованіи всегда играютъ такую важную роль въ государственномъ строѣ (Токвиль), они опредѣляютъ соціальное и политическое положеніе аристократіи. Майоратъ, сосредоточивая поземельную собственность въ рукахъ представителей аристократическихъ фамилій, поддерживаетъ ихъ политическое преобладаніе. Это хорошо поняла наша аристократія впослѣдствіи.

Но майоратъ, введенный у насъ Петромъ Великимъ, не имѣлъ для себя исторической почвы: бучучи учрежденіемъ чисто сословнымъ, онъ появился въ то время, когда шляхетство, какъ сословіе, только что зарождалось; онъ сталъ въ разрѣзъ съ исконнымъ порядкомъ наслѣдованія, формулированнымъ въ уложеніи — порядкомъ раздѣла. Майоратъ былъ страшнымъ бременемъ для русскаго шляхетства — въ особенности для шляхетства рядоваго [81]). Неравенство между дѣтьми, установленное закономъ о единонаслѣдіи, какъ повѣствуетъ майоръ Даниловъ, «тронуло нѣжные родительскіе сердца и, по тогдашнему обыкновенію, казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе, кромѣ оставшаго послѣ отца его недвижимаго имѣнія» (стр. 14). Родители, несмотря на строгое запрещеніе, продавали свои деревни въ чужой родъ, чтобъ, получа деньги, раздѣлить ихъ поровну между дѣтьми, или перепродавали для укрѣпленія кадетамъ; если же не успѣвали продать, то въ духовномъ завѣщаніи писали на себѣ чей-нибудь долгъ, завѣ-

щавъ наслѣднику подъ клятвою заплатить его меньшимъ дѣтямъ. Нѣкоторые исполняли волю отца и уплачивали долги, продавая для того свои деревни; другіе же оспаривали завѣщанія. А иногда между членами семьи случались кровавыя драки: не только братья и ближніе родственники другъ друга, но и дѣти отцовъ своихъ побивали до смерти. Кромѣ того, пункты вызвали значительное хозяйственное разстройство имѣній: хлѣбъ, лошадей и скотъ считали за движимое и отдавали кадетамъ. И такимъ образомъ наслѣдникъ получалъ имѣніе безъ инвентаря, а кадеты инвентарь безъ имѣнія (П. С. № 5.653). Богатое и знатное шляхетство имѣло еще средства устроить участь меньшихъ дѣтей. Масса же рядоваго шляхетства—бѣднаго и безденежнаго—вовсе была лишена этихъ средствъ. Первые тяготились майоратомъ гораздо менѣе, можетъ быть даже понимали его сословное аристократическое значеніе; вторые плакались на майоратъ, ввергавшій ихъ въ бѣдность и заставлявшій терять *шляхетскіе поступки*. Понятно, поэтому, что при Екатеринѣ I и Петрѣ II, когда власть находилась въ рукахъ сильныхъ и богатыхъ, вопросъ объ отмѣнѣ майората не былъ тронутъ. При Екатеринѣ I произведено только незначительное смягченіе строгихъ началъ закона о единонаслѣдіи: пунктами о вотчинныхъ дѣлахъ 1725 г. дозволено кадетамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія тотчасъ по вступленіи ихъ въ военную или гражданскую службу (П. С. № 4.722). Насколько изложенное нами соображеніе (съ которымъ мы встрѣчались и у Соловьева) о различномъ воззрѣніи на майоратъ знатнаго и рядоваго шляхетства оправдывается фактами, видно и изъ того, что въ кондиціяхъ, предложенныхъ верховниками герцогинѣ курляндской, нѣтъ ничего объ отмѣнѣ майората. А кондиціи эти можно считать политической программой знатнаго шляхетства. Но когда о своихъ интересахъ заговорило шляхетство рядовое—оно стало *неотступно* просить, дабы позволено было недвижимое имѣніе дѣлить между дѣтьми поровну (Записки Данилова, стр. 15). В. тайный совѣтъ, поставленный въ необходимость задобрить рядовое шляхетство, обѣщалъ ему уничтоженіе майората. Обѣщаніе это

было исполнено Анной Іоанновной, которую въ борьбѣ съ верховниками поддержало шляхетство рядовое. Когда въ 1730 г. былъ поднятъ вопросъ о составленіи новаго уложенія, то сенатъ воспользовался этимъ, и возбудилъ вопросъ о майоратѣ. Сенаторы пришли къ слѣдующей резолюціи: «что если государыня дастъ позволеніе, чтобъ о наслѣдствахъ поступать по прежнимъ указамъ и по уложенію, то въ сочиненіи новаго уложенія вотчинной главы трудъ весьма уменьшится, потому что многіе пункты прежняго уложенія достаточны будутъ» (Соловьева: Т. XIX. стр. 279). Сходственно съ этой резолюціей, 9 декабря 1730 г. сенатъ представилъ государынѣ докладъ объ отмѣнѣ указа 1714 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1725 г., такъ какъ они «по состоянію здѣшняго государства не къ пользѣ происходятъ». Указавъ на всѣ вредныя послѣдствія закона о единонаслѣдіи, сенатъ предлагалъ возстановить тотъ порядокъ наслѣдованія, который опредѣленъ въ уложеніи. Докладъ сената былъ апробованъ, порядокъ наслѣдованія по уложенію возстановленъ, и съ шляхетства снято ограниченіе права распоряженія своими недвижимыми имѣніями (П. С. № 5.653). Жалованная грамота подтверждаетъ дворянству полную свободу распоряжаться благопріобрѣтенными имѣніями, ограничивая только право распоряженія имѣніями родовыми (П. С. № 16.187 § 22).

Но жалованная грамота ничего не говоритъ о правѣ дворянъ мѣняться своими недвижимыми имѣніями. На основаніи этого умолчанія, сенатъ въ 1786 г. призналъ мѣну ихъ запрещенною, что подтверждено и X т. Св. Зак. (Неволина: Ист. росс. гражд. законовъ, т. 2).

Что же касается запрещенія послѣднему въ родѣ распорядиться своимъ недвижимымъ имѣніемъ, которое сдѣлано было Петромъ Великимъ въ 1712 г., то оно отмѣнено вскорѣ послѣ его смерти. Жалованная грамота, предоставляя неограниченное право распоряженія имуществами благопріобрѣтенными, дозволяетъ, конечно, распоряженіе ими и послѣднему въ родѣ. Александръ I распространилъ это право и на имущества родовыя (ib).

Мы разсказали исторію отмѣны майоратовъ. Отмѣна эта имѣла значеніе и безусловнаго ихъ запрещенія. По крайней мѣрѣ, указъ 1730 г. ничего не говоритъ о правѣ дворянъ устраивать майораты по своему благоусмотрѣнію, а при устройствѣ ихъ впослѣдствіи, въ каждомъ данномъ случаѣ испрашивалось разрѣшеніе верховной власти. Знатное шляхетство, какъ мы видѣли, не только не тяготилось закономъ 1714 г., но могло даже понимать и оцѣнивать его благопріятное для усиленія дворянскаго сословія значеніе. Закономъ о единонаслѣдіи тяготилось шляхетство рядовое, дорожившее болѣе насущными житейскими нуждами, чѣмъ политическими сословными затѣями.

Чѣмъ болѣе знатное шляхетство проникалось духомъ аристократизма и пониманіемъ своихъ сословныхъ интересовъ; чѣмъ болѣе оно освоивалось съ положеніемъ аристократіи западно-европейской, вездѣ державшейся мойрата — тѣмъ дѣлалось для него желательнѣе это установленіе. Понятно заявленіе наказа московскаго дворянства, подписаннаго вельможами и знатнѣйшими дворянами: чтобы сообразуясь съ прочими въ Европѣ христіанскими областьми благоучрежденными, исходатайствовано было право власти всякому владѣльцу опредѣлять свое движимое и недвижимое въ *нераздѣльное наслѣдство*, кому кто оное отдать пожелаетъ съ *предписаніемъ* порядка, какъ оному переходить изъ колѣна въ колѣно» (Сб. Русск. Историч. Общ. т. IV стр. 225). Но жалованная грамота не разрѣшила дворянству учреждать въ своихъ имѣніяхъ субституціи. Предоставляемую же ею свободу дворянамъ вполнѣ распоряжать своими благопріобрѣтенными имѣніями нельзя было также истолковать въ смыслѣ разрѣшенія субституцій, ибо для каждаго отдѣльнаго случая послѣ того требовалось высочайшее разрѣшеніе. Первый случай такого разрѣшенія относится къ 1774 г., когда по просьбѣ генералъ-фельдмаршала гр. Чернышева въ пожалованномъ ему староствѣ чечерскомъ могилевской губерніи и въ наслѣдственномъ селѣ Ерополчѣ волоколамскаго уѣзда учрежденъ былъ майоратъ (П. С. № 14.177). Затѣмъ въ царствованіе Александра I, указомъ 1817

года учрежденъ былъ майоратъ въ имѣніи гр. Строгонова (П. С. № 26.995). Болѣе этихъ двухъ случаевъ до Николая I не было. Въ секретный комитетъ 6 декабря 1826 г. Л. В. Васильчиковымъ внесена была записка о недѣлимости дворянскихъ имѣній и майоратахъ (Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. права V ч. стр. 42). Послѣдствіемъ этой записки не было изданіе какого-нибудь узаконенія о майоратахъ, а между прочимъ съ 1831 г. чаще и чаще дворянство начало обращаться къ верховной власти съ просьбами объ учрежденіи ихъ. Съ 1 октября 1831 г., когда былъ учрежденъ майоратъ гр. Строгоновой и до 5 октября 1845, когда онъ учрежденъ кн. Витгенштейномъ — встрѣчаемъ 14 случаевъ [82]).

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ майораты учреждались на различныхъ началахъ: для объединенія этихъ началъ и установленія постоянныхъ и однообразныхъ правилъ въ 1845 г. издано было положеніе *о заповѣдныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ*. На основаніи этого положенія, заповѣдныя имѣнія могутъ учреждаться или по высочайшему повелѣнію при самомъ пожалованіи имѣнія, или по волѣ владѣльца съ утвержденія государя. Одно и тоже лицо можетъ учредить нѣсколько отдѣльныхъ заповѣдныхъ имѣній, точно также, какъ и нѣсколько лицъ могутъ изъ своихъ имѣній составить одно заповѣдное. Требуется только, чтобъ заповѣдное имѣніе заключало въ себѣ не менѣе 400 и не болѣе 4.000 крестьянскихъ дворовъ, или не менѣе 10 т. и не болѣе 100 т. десятинъ удобной земли, и чтобъ приносило ежегоднаго дохода не менѣе 12 т. и не болѣе 200 т. р. с. Учредитель заповѣднаго имѣнія можетъ къ родовому своему имени присоединить названіе одного изъ своихъ имѣній, входящихъ въ составъ заповѣднаго. Наслѣдниками заповѣдныхъ имѣній можно назначать лишь своихъ законныхъ дѣтей и нисходящее отъ нихъ потомство, съ правомъ первородства и представленія и предпочтеніемъ мужескаго колѣна женскому. Заповѣдное имѣніе признается собственностію не одного настоящаго владѣльца, но цѣлаго рода. Кромѣ того, законъ 1845 г., подобно предшествовавшему ему закону

1714 г., обратилъ вниманіе и на положеніе крестьянъ въ заповѣдномъ имѣніи, обязывая учредителя означить въ актѣ установленія онаго крестьянскія повинности и число десятинъ пахатной земли, которыми должны быть надѣлены крестьяне (2-е П. С. № 19.202). Послѣ изданія этого закона, 17 владѣльцевъ, знатныхъ и богатыхъ дворянскихъ фамилій, учредили для *ясности* и *непоколебимости* своихъ родовъ заповѣдныя имѣнія. Дворяне небогатые не могли, еслибъ даже хотѣли, воспользоваться закономъ 1845 г., который не для нихъ былъ и писанъ, такъ какъ минимумъ имѣнія, для обращенія его въ заповѣдное — 400 крестьянскихъ дворовъ, или не менѣе 10 т. десятинъ удобной земли, а дохода не менѣе 12 т. р. с. въ годъ.

Заповѣдныхъ имѣній, по закону 1845 г., не слѣдуетъ смѣшивать съ имѣніями, жалуемыми на правѣ майоратовъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, для которыхъ издано положеніе 6 декабря 1842 г. Мотивъ установленія имѣній этого рода въ значительной степени состоялъ и въ улучшеніи быта крестьянъ, которые ставились въ нихъ въ положеніе крестьянъ обязанныхъ (2-е П. С. № 16.297).

Взаключеніе историческаго развитія имущественныхъ правъ дворянства, упомянемъ и о томъ, что по жалованной грамотѣ наслѣдственное имѣніе благороднаго, вслучаѣ осужденія его за преступленіе, отдается его законнымъ наслѣдникамъ (П. С. № 16.187 § 23). Другими словами, жалованная дворянству грамота уничтожаетъ конфискацію дворянскихъ имѣній. Это было важное пріобрѣтеніе. До жалованной же грамоты, конфискація, въ формѣ отписки помѣстій и вотчинъ на государя, съ устраненіемъ отъ нихъ наслѣдниковъ — была необходимымъ послѣдствіемъ всякаго преступленія. Такъ дѣти Меншикова, Долгоруковыхъ, Миниха, Остермана и др. были лишены наслѣдства въ конфискованныхъ имѣніяхъ своихъ родителей. Право конфискаціи, основывавшееся больше на обычаѣ, чѣмъ на законѣ, было неизбѣжнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ служебнаго характера поземельнаго владѣнія дворянства. Служилые люди 17 столѣтія, подобно тому, какъ и шляхетство

первой половины 18 вѣка владѣли землями не на правахъ полной собственности, но въ вознагражденіе за службу государству. Всякая провинность ихъ могла имѣть значеніе нарушенія служебныхъ обязанностей, послѣдствіемъ котораго являлось отнятіе у нихъ и ихъ рода имѣній. Признаніе поземельнаго владѣнія дворянства ихъ полною собственностію было логическимъ послѣдствіемъ отмѣны обязательной службы, а отмѣна конфискаціи — логическимъ послѣдствіемъ такого признанія. Затѣмъ, конфискація осталась, какъ исключеніе — за политическія преступленія, но во всякомъ случаѣ по постановленію верховной власти (Побѣдоносцева: Курсъ гражд. права: т. I стр. 335). На этомъ основаніи конфискованы были имѣнія у декабристовъ, у польскихъ политическихъ преступниковъ. Но во всякомъ случаѣ, и въ этомъ ограниченномъ и исключительномъ видѣ, конфискація въ нашемъ законодательствѣ является анахронизмамъ, живымъ слѣдомъ прежняго служебнаго положенія дворянства и несвободнаго землевладѣнія.

IV. Право служилыхъ людей заниматься торговлею и разными промышленными операціями было несовмѣстно съ обязательною службой, на нихъ лежавшею. Петръ Великій, какъ мы видѣли, указомъ о единонаслѣдіи, дозволилъ кадетамъ дворянскихъ фамилій идти въ чинъ купеческій, или заниматься какимъ нибудь знатнымъ художествомъ (П. С. № 2.789. § 15). Положеніе регламента главнаго магистрата, что шляхетство, живущее въ городахъ, не числится между гражданами (П. С. № 3.708. Гл. VII), вѣроятно, относилось не къ кадетамъ: занимаясь торговлею или художествами, они должны были имѣть право приписываться къ одной изъ двухъ гильдій, на которыя раздѣлялось гражданство. Такимъ образомъ, по законамъ Петра торговлею могли заниматься только кадеты: остальное шляхетство, несшее обязательную службу, отъ нея устранялось. Но подъ торговлею, недозволенною шляхетству, разумѣлась въ законодательствѣ Петръ Великаго купля — продажа *скупныхъ* товаровъ, которую могли вести только купцы по-профессіи. Но какъ шляхетство, кромѣ своего служилаго

характера, имѣло значеніе класса землевладѣльческаго, то ему, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, дозволена была продажа домашнихъ товаровъ — произведеній его деревень.

При Екатеринѣ I, въ 1726 г., мы встрѣтили указъ, разрѣшающій какъ смоленской шляхтѣ, такъ и помѣщикамъ всей имперіи, повсемѣстную продажу продуктовъ деревенскихъ хозяйствъ, съ ограниченіемъ: не вывозить ихъ заграницу и не продавать иноземнымъ купцамъ для заморскаго торга (П. С. № 4.918). Шляхетству, при первомъ появленіи у насъ векселей, не были запрещены и вексельныя обязательства: первый вексельный уставъ, изданный при Петрѣ II въ 1729 г., не заключалъ въ себѣ безусловнаго запрещенія векселей для шляхетства (П. С. № 5.410.

Съ отмѣною закона о единонаслѣдіи, кадеты лишились права записываться въ купечество, что сдѣлалось, такимъ образомъ, безусловно запрещеннымъ для шляхетства. Въ 1736 г. дворянскій недоросль Доможировъ, укрываясь отъ службы, записался въ с.-петербургское купечество. Сенатъ приговорилъ: Доможирова отдать въ солдаты, а съ членовъ с.-петербургской ратуши, записавшихъ его въ купечество, взыскать штрафъ (П. С. № 6.945).

Занятіе дворянства торговлей было несовмѣстно съ его обязанностію службы. Послѣ отмѣны обязательной службы, было совершенно сообразнымъ съ дѣломъ предоставить ему право записываться въ купечество, но случилось иначе: Екатерина II стремилась во что бы то ни стало создать въ Россіи дворянство на манеръ французскаго или нѣмецкаго, считавшаго занятіе торговлей *безславіемъ* для дворянства, и поэтому она приняла начало, которое старалась привить и самому дворянству, что занятіе торговлей *не совмѣстно съ достоинствомъ человѣка благороднаго, дворянина*. Въ своемъ наказѣ Екатерина II во взглядѣ на то, можетъ-ли дворянство заниматься торговлей, слѣдуетъ мнѣнію *нѣкотораго лучшаго законахъ писателя*, который думалъ, что «противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало. . ., и противно существу самодержавнаго

правленія, чтобы въ оном дворянство торговлю производило... и что потому обыкновеніе, дозволившее въ нѣкоторой державѣ торги вести дворянству способствовало къ приведенію тамъ въ безсиліе прежняго учрежденнаго правленія» (Гл. XIII наказа, § 330, ср. съ Esprit Монтескье). Воззрѣнія самого дворянства высказались въ коммисіи 1767 г. Онѣ были по этому случаю весьма разнорѣчивы: одни изъ депутатовъ смотрѣли на право дворянъ заниматься торговлей съ точки зрѣнія наказа, а другіе были противоположнаго мнѣнія. Такъ напримѣръ, ростовскій депутатъ, Ѳедоръ Языковъ, высказалъ «чтобъ дворянамъ не давать права производить торгъ и имѣть фабрики, какъ родъ *дѣятельности имъ не соотвѣтствующей* (Сб., стр. 163); галицкій депутатъ, Юрій Лермантовъ, требовалъ «чтобъ дворянамъ не дозволять обязываться векселями» (Ib. стр. 202). Напротивъ, ярославской депутатъ кн. Щербатовъ, заявилъ, чтобы *одному дворянству* предоставлено было право заниматься торговлею не только своихъ домашнихъ, но и другихъ произведеній (Ib. стр. 152), а кашинскій депутатъ, Кожинъ, возражалъ галицкому депутату: «что запретить дворянству обязываться съ купцами векселями не только не способно, но и вредно, ибо чрезъ это коммерція можетъ много пострадать» (стр. 208).

Воззрѣніе на торговлю, какъ на *недворянское* дѣло, развившееся во французскомъ дворянствѣ и принятое Екатериной II, желавшей, подобно Людовикамъ Франціи, окружить себя своими доморощенными шевалье и жентиломами, начинаетъ проникать въ дворянство; но воззрѣніе это настолько не было въ крови сословія, что въ средѣ его же самого оно встрѣчало отпоръ. Замѣчательна полемика ф. Визина въ брошюрѣ о «Торгующемъ дворянствѣ« съ «храбрымъ дворяниномъ» маркизомъ де-Лассе, который доказывалъ, что дворянству *унизительно* заниматься торговлею, и что если дворяне сдѣлаются хоть на время купцами, то въ нихъ пропадетъ рыцарскій духъ, составляющій гордость и украшеніе Франціи. Ф. Визинъ, какъ ни проникнутъ былъ дворянскими воззрѣніями, думалъ, что *бѣдные дворяне* могли бы безъ ущерба для го-

*

сударства обратиться къ купеческой дѣятельности, предоставивъ войну старшимъ своимъ братьямъ — дворянству богатому (соч. ф. Визина, изд. Ефремова: стр. 565 «Торгующее дворянство противу положенное дворянству военному»). Насколько наше дворянство, даже богатое и знатное, не брезгало впослѣдствіи, когда это было разрѣшено ему, записываться въ гильдіи, видно изъ замѣтки Гакстгаузена, который знавалъ даже сенаторовъ (feu le sénateur de Rakhmanoff), которые, по-отставкѣ, записывались въ первую гильдію (Etudes V. 3me, p. 63).

Но если торговля вообще и запрещалась нашему дворянству, то, имѣя право винокуренія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣло право подряда на поставку вина. Указъ 1716 г., подтвержденный въ 1726 г., предоставилъ право курить вино однимъ помѣщикамъ (П. С. № 5.342). На основаніи этого исключительнаго права винокуренія, въ 1754 г. предписано было впредь къ подрядамъ вина допускать однихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, и только временно, доколѣ помѣщики размножатъ свои винокуренные заводы, дозволить допускать къ подрядамъ и изъ купечества (П. С. № 10.261). Уставъ о винокуреніи 1765 г., подтвержденный въ 1784 г. (П. С. № 19.918), напротивъ, право винокуренія исключительно предоставляетъ дворянамъ, а откупы купечеству. Но въ 1769 г. сенатъ представлялъ, что если къ поставкѣ вина мало явится изъ купечества, то вызывать и дворянъ. Поэтому, многіе города были отданы на откупъ дворянамъ. Въ 1774 г. сенатъ возвратился къ началамъ закона 1765 г., и на торги не вызывалъ дворянъ. Но во многихъ провинціяхъ изъ купечества на торги явилось не болѣе одного человѣка, а въ нѣкоторыхъ (кіевской, московской и др.) даже ни одного. Поэтому, въ томъ же, 1774 г., было предписано вызывать на торги вмѣстѣ съ купечествомъ не только дворянъ, но и разночинцевъ, и даже крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 14.123). Но, позволивъ дворянству вступать въ откупа, Екатерина II сдѣлала уступку интересамъ казны, но не отступилась отъ своего взгляда, что это *не дворянское* дѣло. Это видно изъ

записокъ Храповицкаго: разсматривая имена дворянъ, содержащихъ питейный откупъ, императрица непріятно была удивлена, встрѣтивъ между ними: кн. Ю. В. Долгорукова, Гагарина, Куракина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Апраксина она назвала сумасшедшимъ за поданное имъ прошеніе о запискѣ его въ 3-ю гильдію (Чтен., 1862 г.) [83]).

Жалованная грамота, подтвердивъ прежнее право дворянъ продавать произведенія ихъ деревенскихъ хозяйствъ (§ 27), расширила его тѣмъ, что предоставила имъ право произведенія эти отпускать оптомъ заграницу (§ 32). Впрочемъ, на практикѣ это послѣднее право иногда встрѣчало сомнѣнія: такъ напр. таганрогская таможня запретила новороссійскому помѣщику Фурсову отпустить за море товары. Вслѣдствіе этого, въ 1802 г. подтвержденъ былъ § 32 жалованной грамоты, предоставляющій дворянству право вести заграничную оптовую торговлю произведеніями своихъ деревень (П. С. № 20.493). Еще прежде, въ 1786 г., подтверждено право дворянъ входить во всякаго рода откупа и подряды, свойственные дворянской собственности, съ распространеніемъ его на всѣхъ служащихъ дворянъ, въ какой бы должности они ни были (П. С. № 16.328).

Что касается права дворянъ записываться въ гильдіи, то вопроса этого жалованная грамота не разрѣшаетъ ни положительно, ни отрицательно. Но она предоставила дворянамъ пользоваться городовымъ правомъ (§ 31). Городовое же право, по городской грамотѣ 1785 г., дозволяло всякому, какого бы кто состоянія ни былъ, объявивъ капиталъ, записаться въ гильдію (П. С. № 16.188. §. 92). Поэтому, нѣкоторые дворяне и начали записываться въ гильдіи. По справкѣ, взятой изъ московскаго городоваго магистрата 1790 г., оказалось, что изъ дворянъ записалось: въ именитые граждане 2, въ первую гильдію 2, во вторую 3, въ третью 1. Московскій главнокомандующій кн. Прозоровскій для разрѣшенія вопроса о правѣ дворянъ записываться въ гильдіи созвалъ въ 1790 г. общее собраніе губернскаго правленія и палатъ. Губернскій прокуроръ и стряпчій представили свое заключеніе, по кото-

рому «самое *существо достоинства* обязуетъ каждаго дворянина упражняться не въ оборотахъ торговыхъ, но главнѣйше *въ службѣ военной*, а въ мирное время въ отправленіи правосудія», почему «и не долженствуетъ дворянству входить въ промыслъ торговый, наравнѣ съ купечествомъ, такъ какъ нельзя оба эти званія соединить вмѣстѣ и къ одному праву: ибо каждый изъ нихъ съ младенчества приготовленъ образомъ мыслей, другъ отъ друга весьма отдаленнымъ, да и какая удобность съ записаннаго въ купечество дворянина въ общественныя нужды и тягости требовать даянія, а въ случаѣ не платежа чрезъ какія средства персональность таковаго къ тому побудитъ, когда жалованной грамотой постановлено, да не судится благородный, окромѣ своими равными, да изъемлется благородный самолично отъ личныхъ податей». Кромѣ того, между доводами прокурорскаго заключенія, заключался и тотъ, что дворянство никогда ни на какія гильдіи не раздѣлялось, но пребывало и пребываетъ всегда въ одномъ корпусѣ и названіи. Общее собраніе московскаго губернскаго правленія и палатъ убѣдилось доводами прокурорскаго заключенія, проникнутаго воззрѣніями храбраго дворянина маркиза де-Лассе, и представило сенату рапортъ, на основаніи котораго сенатъ окончательно запретилъ дворянамъ записываться въ гильдіи (П. С. № 16.914).

Записываться въ гильдіи дворянамъ было запрещено, но право обязываться векселями у нихъ отнято не было. Хотя первый вексельный уставъ 1729 г. присвоиваетъ вексельныя обязательства главнымъ образомъ купечеству, но не запрещаетъ ихъ, какъ мы видѣли, и дворянству. Векселя вошли въ большое употребленіе между шляхетствомъ, такъ что всякая взаимная ссуда обезпечивалась ими. Легкость дѣлать скрытно займы подъ векселя разорила многія дворянскія фамиліи, впавшія чрезъ то въ неоплатные долги. Павелъ I обратилъ вниманіе на такое положеніе дѣлъ. Банкротскимъ уставомъ 19 декабря 1800 г. дворянамъ безусловно запрещено употребленіе векселей, а дозволены только слѣдующія обязательства: 1) закладныя съ залогомъ недвижимаго

и движимаго имѣній, 2) крѣпостныя заемныя письма безъ залога и 3) на случай скорой нужды—домовыя заемныя письма безъ или съ залогомъ движимыхъ вещей (П. С. № 19.629, ч. 2 отд. 1) [84]).

Взглядъ на торговлю, какъ на дѣло недворянское, вызвавшій ея запрещеніе для дворянъ, имѣлъ вредное вліяніе еще въ томъ отношеніи, что купцы, получивъ чины и войдя посредствомъ ихъ во дворянство, должны были перестать заниматься торговлей, несовмѣстной съ достоинствомъ ихъ новаго званія. Множество капиталовъ отвлекалось, такимъ образомъ, отъ торговли. Въ этомъ то-смыслѣ кн. Щербатовъ въ своихъ «Размышленіяхъ о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и въ офицеры» называетъ чины язвой, разоряющей россійскую торговлю [85]). Этому злу правительство могло помочь двоякимъ образомъ: прекращеніемъ производства купцовъ въ дворяне, или предоставленіемъ дворянамъ права быть купцами. Оно остановилось на второмъ средствѣ. Одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ записки дворянъ въ гильдіи, по мнѣнію московскаго губернскаго прокурора въ 1790 г., состояло въ трудности заставить гильдейскаго дворянина отбывать всѣ тягости, лежащія на купечествѣ. Устранить это затрудненіе составляло главнѣйшую задачу законодателя, задумавшаго пріобщить дворянство къ торговлѣ. Надлежало обезпечить отбываніе разныхъ повинностей и тягостей, лежащихъ на дворянахъ, записанныхъ въ гильдію. Задача эта была разрѣшена манифестомъ 1 января 1807 г. *Для укрѣпленія связи между обоими государственными сословіями*, и для того, чтобы дворяне, не состоящіе въ государственной службѣ, могли содѣйствовать общему благу на *поприщѣ торговаго трудолюбія*, имъ предоставлено право записываться во всѣ три гильдіи, подъ условіемъ небытности въ государственной службѣ. Дворянинъ, записанный въ гильдію, кромѣ гильдейской пошлины, долженъ нести всѣ городскія повинности и тягости личныя и вещественныя по своему купеческому званію. Онъ выбирается лично во всѣ городовыя

службы, избавляясь въ то трехлѣтіе отъ службъ дворянскихъ. По дѣламъ и сборамъ торговымъ, онъ подлежитъ суду, какъ купецъ, а по уголовнымъ дѣламъ — какъ дворянинъ. Въ обязательствахъ по купеческимъ дѣламъ можетъ употреблять векселя, по обязательствамъ же дворянскаго быта подлежитъ правиламъ банкротскаго устава, возбранявшаго векселя (П. С № 22.418. Отд. 2 ст. 607).

Но переходъ отъ безусловнаго запрещенія записываться въ гильдіи къ праву записываться въ каждую изъ нихъ былъ слишкомъ рѣзокъ: законъ 1824 г. дѣлаетъ попятный шагъ. Право дворянъ ограничивается только запиской въ одну первую гильдію (П. С. № 30.115. Г. I. § 4). Но какъ многіе неслужащіе дворяне недостаточнаго состоянія занимались торговлею, не имѣя средствъ записаться въ 1-ю гильдію, то въ 1825 г. министру финансовъ разрѣшено, по удостовѣреніи о ихъ состояніи, разрѣшать имъ вступленіе и въ низшія гильдіи, наравнѣ съ шляхтичами западныхъ губерній (П. С. № 30.337 § 1). Въ 1827 г. возстановляется законъ 1807 г. о запискѣ дворянъ во всѣ гильдіи (2 П. С. № 1.631. §. 13). Въ томъ же году подтверждено право дворянъ на подряды и поставки безъ записки въ гильдіи (2 П. С. № 910), а въ 1842 г. губернскимъ дворянскимъ предводителямъ, во время нахожденія въ этой должности, запрещено входить въ откупа въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они служатъ (2 П. С. № 15.335). Но этотъ законъ прямо не разрѣшилъ: имѣютъ ли право на подряды и поставки, безъ записки въ гильдію, личные дворяне и тѣ потомственные, которые не имѣютъ недвижимой собственности? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1851 г. воронежской казенной палатой, и разрѣшенъ сенатомъ отрицательно для личныхъ дворянъ и положительно для дворянъ потомственныхъ, неимѣющихъ недвижимой собственности (2 П. С. № 26.354). 13 февраля 1846 г. было издано новое положеніе для общественнаго управленія С.-Петербурга — замѣчательный шагъ введенія дворянъ въ городское управленіе и сближенія ихъ съ городскими обывателями (2 П. С. № 19.721). Мѣра эта въ настоящее царствованіе примѣняется и къ управ-

ленію общественными дѣлами другихъ важнѣйшихъ городовъ— Москвы, Одессы и др., и сдѣлается, вѣроятно, основнымъ началомъ городскаго управленія вообще. Въ 1862 г. право обязываться векселями распространено и на дворянъ, которымъ законъ 1863 г., подтверждая силу закона 1827 г., дозволяетъ производить, какъ оптовой торгъ — по 1-й гильдіи, такъ и розничный — по 2-й.

V. Жалованная грамота освобождаетъ дворянство отъ личныхъ податей (§ 36). Она освящаетъ то, что образовалось исторически. Личной обязанностію служилаго класса была служба; личныя подати и повинности составляли обязанность другихъ общественныхъ классовъ — въ собственномъ смыслѣ *тяглыхъ*. Это самое служитъ основаніемъ освобожденія отъ личныхъ податей шляхетства въ 18 вѣкѣ; освобожденіе это дѣлается уже впослѣдствіи, по отмѣнѣ обязательной службы, *сословной привиллегіей*, на *достоинствѣ дворянскаго званія* основанной. Но насколько по воззрѣніямъ Петра Великаго свобода шляхетства отъ податей обусловливалась его обязательною службою государству, видно изъ одного указа 1710 г., которымъ велѣно было переписать дворянъ во всѣхъ губерніяхъ, и которые изъ нихъ будутъ къ службѣ негодны, тѣхъ обложить денежными окладами, подобно дворянамъ ингерманландской губерніи (П. С. № 2.257). Когда за основаніе податной системы была принята *душа*, какъ окладная единица, то для приведенія въ извѣстность этихъ окладныхъ единицъ, указомъ 1718 г. велѣно было произвести ревизію (П. С. № 3.245). Въ ревизскія сказки внесены были только души, обложенныя податью. Ревизія, такимъ образомъ, установила строгое различіе между податными общественными классами, записанными въ ревизскія сказки, и неподатными, въ сказки незаписанными. Ее весьма справедливо, поэтому, одинъ изслѣдователь назвалъ *разборомъ государственныхъ состояній*. Между состояніями неподатными на первомъ планѣ стало шляхетство; между состояніями податными — на послѣднемъ мѣстѣ стало крѣпостное крестьянство. Ревизія провела ту рѣзкую,

юридическую черту разграниченія между общественными классами, какой не знала Русь допетровская.

Но замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ въ первыя ревизскія сказки внесены были дворяне: указъ 1721 г. предписалъ исключить ихъ изъ сказокъ, и впредь дворянъ въ сказки не записывать (П. С. № 3.802, 3.901. п. 8). При производствѣ первой ревизіи опредѣлено было положеніе архіерейскихъ боярскихъ дѣтей: тѣ изъ нихъ, шляхетство которыхъ шло отъ дѣда, были приравнены къ дворянству и исключены изъ подушнаго оклада (П. С. № 3.854, 3.901, 9). Напротивъ, *помѣщики-раскольники* были переписаны и положены въ денежный окладъ, наравнѣ со всѣми раскольщиками (П. С. № 3.239). Такимъ образомъ, первая ревизія выдѣлила дворянство изъ подушныхъ общественныхъ классовъ: дворянство было отвѣтственно въ платежѣ подушной подати его крѣпостными крестьянами (П. С. № 3.901, 3). Это было подтверждено и слѣдующими ревизіями.

Повторяемъ: основаніемъ первоначальнаго исключенія дворянъ изъ подушныхъ классовъ была обязательная служба, на нихъ лежавшая. Основаніе это сохраняло свою силу до 1762 г., когда обязательная служба была снята. Затѣмъ, не оставалось болѣе другаго основанія, какъ сословная привиллегія, внѣшняя разграничительная черта благородныхъ отъ подлыхъ. Уничтоженіе этой сословной привиллегіи могло произойдти двоякимъ путемъ: или, оставивъ окладной единицей душу, распространить подушную подать и на дворянство, или же, избравъ другую окладную единицу — недвижимое имущество, снять подушную подать и съ другихъ общественныхъ классовъ. Законъ 1863 г., замѣнившій подушную подать для городскихъ обывателей налогомъ съ ихъ недвижимыхъ имуществъ, показываетъ, что законодательство наше пошло по второму пути. Послѣдовательное развитіе закона 1863 г. и распространеніе его на сельскихъ обывателей сгладитъ и относительно ихъ слѣдъ сословной привиллегіи, установившейся при иныхъ порядкахъ.

Свобода дворянъ отъ рекрутчины имѣла также историческое основаніе. На дворянствѣ прежде лежала обязательная служба государству — въ высшихъ чинахъ военныхъ и гражданскихъ. Это была для него своего рода рекрутчина. Въ 1762 г. юридически обязательная служба была снята съ дворянства, на она осталась нравственной обязанностію, требуемою честью и достоинствомъ благороднаго сословія. Жалованная грамота подтверждаетъ свободу и вольность отъ службы, но не налагаетъ рекрутчины: на дворянствѣ лежитъ новая обязанность — мѣстная служба по выборамъ. Преобразованія послѣдняго времени замѣняютъ выборные дворянствомъ суды и полиціи — коронными, а мѣстную службу распространяютъ на все земство. Такимъ образомъ, рушится послѣднее основаніе льготы дворянства — свободы отъ рекрутчины, и единственнымъ правомѣрнымъ способомъ формированія военныхъ силъ дѣлается *конскрипція* — обязанность всего народа русскаго служить въ родномъ войскѣ — къ которой должно будетъ придти законодательство, послѣдовательно развивая привнесенныя уже въ нашъ общественный строй начала.

Жалованная грамота освобождаетъ помѣщичій деревенскій домъ отъ постоя (§ 35), которому подлежитъ на основаніи городской грамоты городской домъ дворянина (§ 15). Освобождались-ли отъ постоя деревенскіе домы помѣщиковъ до жалованной грамоты 1785 г.? Относительно великорусскихъ дворянъ мы не имѣемъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Мы только знаемъ, что въ 1722 г. дворянамъ повелѣно было строить избы для полковыхъ урядниковъ и солдатъ «для того, что ежели станутъ стоять по *дворамъ мужичьимъ*, то будутъ ссоры» (П. С. № 3.901, п. 5) [86]).

Что же касается шляхетства малороссійскаго, то въ его деревенскіе домы ставились консистенты еще при Елизаветѣ Петровнѣ, какъ это видно изъ одной жалобы значковаго товарища Бакуринскаго, поданной въ черниговскую полковую канцелярію (Зап. черн. губ. статистич. комитета, кн. 2-я). На тяжесть постойной повинности жалуется малороссійское шляхетство въ наказахъ своимъ депутатамъ въ коммисію 1767 г.

Такъ напр. прилуцкое шляхетство проситъ о подтвержденіи грамоты Петра Великаго 21 января 1721 г., освободившей домы старшины отъ консистенскихъ квартиръ; переяславское шляхетство жаловалось также, что отводъ квартиръ въ домахъ шляхетскихъ есть главное основаніе къ ихъ разоренію и изнуренію и т. п. (Архивъ Судіенка). Жалованная грамота, принявъ въ сообщество россійскаго дворянства и шляхетство малороссійское, распространила и на него льготу свободы деревенскаго дворянскаго дома отъ постоя. Привиллегія эта имѣла основаніе, когда въ законодательствѣ все было направлено къ тому, чтобъ внѣшнимъ даже образомъ показать отличіе мужика отъ дворянина — его прирожденнаго полиціймейстера. Но когда задачей законодательства сдѣлалось, напротивъ, поднять мужика до дворянина — льгота эта едва-ли имѣетъ основаніе.

Въ городскомъ быту личность дворянина не такъ выдѣлялась изъ массы городскихъ обывателей, какъ выдѣлялась она въ сельскомъ быту изъ массы крѣпостныхъ крестьянъ: городскіе домы, какого бы ранга владѣльцы ихъ ни были, подлежали постою еще по закону 1718 г. (П. С. № 3.203). Но замѣчательно стремленіе дворянства избавить отъ постойной повинности и свои городскія палаты. Въ П. С. мы встрѣтили интересный случай въ 1756 г., свидѣтельствующій о такомъ стремленіи: д. ст. сов. Демидовъ не допускалъ въ свой домъ назначеннаго постоя, говоря, что ежели кто придетъ къ нему ставить постой, того онъ будетъ выталкивать въ шею. За такое своевольство государыня Елизавета Петровна повелѣла въ домъ Демидова поставить вдвое, а ежели для того не будетъ особливыхъ покоевъ, то ввесть постой въ покои, имъ самимъ занимаемые (П. С. № 10.649).

VI. Жалованная грамота установила *неприкосновенность* дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властію. Начало это совершенно новое. Въ 17 в., безъ всякаго судебнаго разбирательства, по одному слову царя, у чиновныхъ людей отнимались чести, и они перечислялись изъ

высшаго разряда въ низшій: такъ напримѣръ въ 1689 г. у кн. Вас. Вас., да у сына его Алексѣя Вас. Голицыныхъ *отняты были чести*, и они написаны изъ бояръ въ дѣти боярскіе по послѣднему городу, а въ 1691 г. то же самое случилось и съ кн. Андр. Голицынымъ: за неистовыя слова про царское величество, по повелѣнію царя, отняли у него боярство и записали въ дѣти боярскіе по послѣднему городу, у Собакиныхъ же отняли стольничество и записали ихъ также въ дѣти боярскіе по послѣднему городу (Записки Желябужскаго). Наоборотъ, изъ того же Желябужскаго и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ видно, что тѣлесное наказаніе до Петра Великаго не лишало царскихъ чиновныхъ людей *чести:* ихъ били кнутомъ или плетьми, снемъ рубашку, и затѣмъ сажали на прежнее мѣсто — судьей приказа, воеводой полка или города, стольникомъ или стряпчимъ царя, а боярской, окольнической, стольнической или стряпческой чести никакой *потерки* отъ того не было. Только Петръ Великій установилъ начало, что *шельмованный* и публично на площади наказанный, или только обнаженный и не напрасно пытанный — лишаются своего титула и ранга, *безчестятся*, такъ что всякій членъ общества долженъ чуждаться ихъ, *мерзить* ими (Гл. XIII генеральнаго регламента и § 18 табели о рангахъ).

Но, установивъ такія послѣдствія шельмованія и публичнаго тѣлеснаго наказанія, Петръ Великій не опредѣлилъ, что дворянинъ лишается правъ своего состоянія только *по суду*, Впервые это было выражено въ жалованной грамотѣ. Впрочемъ, Екатерина II, при конфирмаціи одного криминальнаго доклада, сказала Храповицкому: «сіе не въ одной пожалованной дворянству грамотѣ, но въ докладныхъ отъ синода пунктахъ, чтобъ не лишать дворянства безъ государевой конфирмаціи и безъ суда; c'est une prerogative, qu'on a extorqué à Pierre, il etait cruel, и духовные подали докладъ. . . » (Чтенія, 1862 г.). Но едва ли такъ было: иначе изъ за чего верховники въ кондиціяхъ 1730 г. требовали бы, чтобы у шляхетства живота, имѣнія и *чести безъ суда* не отнимать?

Жалованная грамота постановляетъ, чтобъ *благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и непарушимо*. Поэтому она требуетъ, чтобъ дворяне не лишались дворянскаго достоинства, пока сами не лишатъ себя онаго преступленіемъ, *основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ*. Къ такимъ преступленіямъ грамота относитъ слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по закону слѣдуетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) подговоръ другихъ къ подобнымъ преступленіямъ. Но каковы бы ни были преступленія дворянина — *безъ суда*, и притомъ суда *своими равными*, онъ не могъ лишиться ни дворянскаго достоинства, ни жизни, ни имѣнія. Притомъ, дѣло дворянина, достойнаго за свои преступленія лишенія дворянскаго достоинства, или жизни, не вершилось безъ внесенія въ сенатъ, откуда поступало на высочайшую конфирмацію (П. С. № 16.181). Эти начала жалованной грамоты непоколебимо соблюдались впослѣдствіи, и вносились въ сводъ законовъ.

Но что касается *равнаго суда* для дворянина, то, какъ мы говорили, это право всегда было мертвой буквою. Жалованная грамота оставила неприкосновеннымъ областное судоустройство, введенное учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. По этому же судоустройству только уѣздные суды состояли изъ однихъ выборныхъ отъ дворянства. Средняя же инстанція, которой были подсудны дворяне — верхній земскій судъ—состояла изъ коронnаго предсѣдателя и засѣдателей, выбранныхъ дворянствомъ. А палаты состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ верхнихъ земскихъ судовъ Павломъ I, ихъ организація перешла на палаты, которыя съ тѣхъ поръ составлялись изъ коронnаго предсѣдателя и засѣдателей отъ дворянства и городскихъ обывателей. При императорѣ Николаѣ предсѣдатели палатъ стали избираться дворянствомъ, но при рѣшеніи дѣлъ дворянъ принимали участіе и засѣдатели отъ городскаго общества, что установлено

при Александрѣ I (П. С. № 20.284), и товарищи предсѣдателей—чиновники отъ короны.

Такимъ образомъ, если подъ судомъ равныхъ разумѣть судъ выбранныхъ дворянствомъ судей, то судомъ этимъ дворянство пользовалось только въ первой судебной инстанціи, и лишено было его въ палатахъ, а еще болѣе въ сенатѣ, составъ котораго всегда былъ коронный, такъ какъ предположеніе Сперанскаго о составленіи его изъ выборныхъ отъ дворянства не осуществилось [87]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Владѣніе крѣпостными — одно изъ важнѣйшихъ правъ потомственнаго дворянства. — Общій взглядъ на развитіе крѣпостнаго права: оно окончательно устанавливается въ 17 столѣтіи, освящается ревизіей, видоизмѣняется вслѣдствіе отмѣны обязательной службы дворянства, развивается фактически, законодательство о немъ носитъ фрагментарный, казуистическій характеръ, что̀ имѣетъ существенное вліяніе на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

I. Кто могъ владѣть крѣпостными людьми? — Двоякое направленіе законодательства при разрѣшеніи этого вопроса: до межевой инструкціи 1754 г. — финансовая цѣль, послѣ инструкціи — пріуроченіе владѣнія крѣпостными къ дворянству потомственному, а потомъ къ дворянству, владѣющему населенными имѣніями. — Крѣпостными владѣли господскіе люди не только въ 17, но и въ 18 ст. — Какъ отнеслась къ вопросу первая ревизія? — Владѣніе крѣпостными лицами всѣхъ состояній продолжается. — Значеніе въ исторіи вопроса второй ревизіи. — Постановленія, изданныя послѣ нея. — Крѣпостными владѣютъ иностранцы. — Владѣетъ г. Смоленскъ даже впослѣдствіи. — Межевая инструкція 1754 г. — Неясность ея редакціи. — Послѣдствія. — Владѣніе крѣпостными лицами, не имѣющими на то права, продолжается. — Подтвержденіе 1784 г., и фактическія его нарушенія. — Обходъ закона: владѣніе по довѣренностямъ. — Запрещеніе владѣть личнымъ дворянамъ 1814 г. — Лица, владѣющія крѣпостными въ западныхъ губерніяхъ. — Трудность искоренить тамошніе обычаи. — Вопросъ окончательно разрѣшается при императорѣ Николаѣ I законами 1836, 1841, 1842 и 1853 годовъ. — Постановленія свода законовъ 3-го изданія.

II. Неопредѣленность законовъ, опредѣляющихъ пространство власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

а) Какимъ наказаніямъ помѣщики могли подвергать крестьянъ? — Законъ не давалъ категорическаго отвѣта. — Наиболѣе регулируется право ссылки. — Ссылка крестьянъ въ Сибирь на поселеніе установлена указомъ 1760 г., подтвержденнымъ въ 1761 г., съ цѣлями государственными. — Екатерина II расширяетъ до права ссылать на каторгу въ 1765 г. — Злоупотребленія помѣщиковъ вызвали временное пріостановленіе. — Павелъ I подтверждаетъ, но съ цѣлями государственными. — Въ первую половину своего царствованія Александръ I упраздняетъ. —

Помѣщики дорожили этимъ правомъ, и оно возстановляется въ 1822 г. — Въ 1823 и 1824 годахъ право это расширяется. — Всякія государственныя цѣли при этомъ уничтожаются. — Поводъ, возбудившій вопросъ объ этомъ правѣ при императорѣ Николаѣ I. — Законъ 1827 г. окончательно его регулируетъ. — Въ 1847 г. предоставлено помѣщикамъ отдавать малолѣтныхъ крѣпостныхъ въ распоряженіе губернскихъ правленій. — Тогда какъ право ссылки регулировалось закономъ всѣ другія наказанія развивались фактически. — Законъ опредѣляетъ ихъ только послѣ 2-го изданія свода. — Роды и мѣра наказаній по 3-му изданію свода. — Сравненіе его опредѣленій съ изданіемъ 1833 г. — Развитіе вопроса о правѣ суда помѣщиковъ надъ крестьянами.

б) Оброки и издѣльныя повинности крестьянъ. — Крестьяне фактически раздѣлились на оброчныхъ и барщинныхъ. — Норма оброка не была опредѣлена. — Та же неопредѣленность и относительно издѣльной повинности. — Единственное ограниченіе — не требовать работъ въ воскресные и праздничные дни.

в) Право помѣщиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ. — Какъ установилось это право? — Мнѣніе Болтина. — Право это образовалось раньше 18 ст. — При Петрѣ Великомъ оно такъ уже было развито, что указомъ 1721 г. онъ старался возможно уменьшить его. — Но самъ Петръ, предоставивъ право ставить въ рекруты наемныхъ людей, содѣйствовалъ развитію торговли крестьянами. — Постановленія о продажѣ крестьянъ преемниковъ Петра, и въ особенности Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. — Постановленія о продажѣ крестьянъ IX т. Св. Зак. изд. 1857 г.

II. Общая характеристика фактическаго положенія крѣпостныхъ словами манифеста 19 февраля 1861 г. — Не всѣ помѣщики злоупотребляли властію надъ крѣпостными, и злоупотребленія не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію дворянства. — Злоупотребленія эти обусловливались многими причинами и часто вытекали изъ самаго порядка вещей. — Каковы бы ни были причины, но злоупотребленія были велики и дѣлали фактическое положеніе крѣпостныхъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ оно было по-закону. — Каковы же были эти фактическія отношенія?

а) Неточное опредѣленіе права наказаній въ законѣ развивало на практикѣ разнообразіе ихъ рода и жестокость мѣры. — Право наказанія холопа помѣщики въ 17 ст. начали примѣнять къ крестьянину. — Карательную власть надъ крестьяниномъ помѣщики начинаютъ представлять въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ въ уложеніи выразилась карательная власть государства. — Такое воззрѣніе переходитъ наслѣдственно къ помѣщикамъ 18-го и 19-го столѣтій. — Помѣщики дорожатъ правомъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ. — Виды тѣлесныхъ наказаній крестьянъ. — Челобитная, поданная крѣпостными Петру Великому. — Она не имѣла послѣдствій. — Свирѣпость наказаній продолжается. — Узаконеніе палокъ и розогъ. — Употребленіе помѣщиками пытокъ. — Употребленіе ссылки. — Неуловимость другихъ видовъ наказаній, употреблявшихся на практикѣ. — Примѣры Jus primae noctis. — Возрастъ крестьянина

часто не брался во вниманіе при его наказаніи. — Кровавые эпизоды изъ исторіи крѣпостнаго права: дѣло Салтычихи 1768 г. и поручика Кардова 1852 г. — Законъ никогда не давалъ помѣщику *права жизни и смерти* надъ крестьяниномъ, но и не предусматривалъ послѣдствій истязанія. — Судебныя мѣста подвергали помѣщиковъ за жестокости противъ крѣпостныхъ разнообразнымъ наказаніямъ, и нерѣдко весьма снисходительнымъ. — Примѣры подобныхъ судебныхъ рѣшеній.

б) Неопредѣленность постановленій закона о правѣ помѣщика на трудъ крестьянъ и объ обязанностяхъ ихъ хозяйственнаго обезпеченія была причиною шаткаго экономическаго положенія послѣднихъ. — Свидѣтельство Посошкова. — Посошковъ совѣтуетъ установить норму повинностей крестьянъ вопользу помѣщика. — Совѣтъ Посошкова не былъ исполненъ. — Хозяйственное положеніе крестьянъ ухудшалось. — Свидѣтельство лэди Рондо. — Благородный протестъ Полѣнова. — Фактическое положеніе крестьянъ оброчныхъ. — Фактическое положеніе крестьянъ барщинскихъ. — Тяжесть для крестьянъ перевода въ господскій дворъ. — Многочисленность дворни — исконная привычка русскихъ баръ. — Богатые баре пародируютъ придворные этикетъ и штатъ. — За вельможами тянулось среднее и мелкое дворянство. — Правительство изыскиваетъ средства уменьшить число дворовыхъ. — Это дѣлаетъ только послѣдняя ревизія. — Общее число дворни предъ упраздненіемъ крѣпостнаго права. — Крѣпостные музыканты и актеры. — Крѣпостные живописцы и образованные люди. — Необезпеченное положеніе крестьянъ въ голодные годы. — Тяжесть переселеній изъ одного имѣнія въ другое. — Въ эксплуатаціи крестьянъ помѣщиками были причины, смягчающія ихъ вину. — Развитіе роскоши, карточной игры. — Недостаточныя средства имѣній, для удовлетворенія новымъ потребностямъ дворянства. — Обременсніе имѣній долгами. — Заботы правительства сберечь состоянія знатныхъ фамилій. — Кредитныя учрежденія содѣйствуютъ еще большему обремененію имѣній долгами.

в) Нужда дворянства въ деньгахъ содѣйствовала непомѣрному развитію торговли крестьянами. — Торговля предъ рекрутскими наборами. — Жалобы Екатерины II, которая сама попустила развитіе этой торговли до самыхъ циническихъ размѣровъ. — Извѣстія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о продажѣ крѣпостныхъ людей. — Цѣна крѣпостныхъ. — Крѣпостные были предметомъ не только купли и продажи, но и многихъ другихъ сдѣлокъ. — Продажи на свозъ цѣлой деревни. — Мошенническая продажа чужихъ людей за своихъ. — Сильное развитіе продажи людей въ Малороссіи, вызвавшее запрещеніе 1798 г., которое, впрочемъ, едва ли уменьшило эту торговлю. — Торговля людьми вначалѣ царствованія Александра I. — Намѣреніе императора запретить продажу людей безъ земли. — Государственный совѣтъ отстаиваетъ такое право продажи. — Иронія гр. Мордвинова, вполнѣ высказавшаяся при вторичномъ обсужденіи вопроса въ 1833 г. — Законъ 1833 г., развитый и пополненный въ 1841 г. — Случаи незаконной продажи и послѣ этого закона. — Какъ отозвались лучшіе члены дворянства на этотъ законъ.

III. Реакція противъ злоупотребленій владѣльческой власти.

А. Реакція въ правительствѣ. — Постановленіе Петра о надзорѣ надъ помѣщичьими имѣніями. — Отдача помѣщиковъ *подъ начало*, а ихъ имѣній будущимъ наслѣдникамъ. — Начало опеки за мотовство и угнетеніе крестьянъ. — Рѣшителями вопроса были власти, солидарно связанныя своими интересами съ помѣщикомъ. — Лишеніе крестьянъ права жалобы на владѣльца. — Постановленіе Петра не приводило къ существеннымъ результатамъ. — Постановленія Екатерины II: наставленіе губернаторамъ 1764 г. и законъ 1775 г. — Императоръ Павелъ фактически допускалъ жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, но крестьянамъ отъ этого было не легче. — Желаніе Александра I оградить крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщиковъ. — Неопредѣленность правилъ о наложеніи опекъ. — Попытки законодательства болѣе ихъ регулировать. — Мѣры, принятыя Николаемъ къ огражденію крестьянъ отъ злоупотребленій. — Бо́льшій контроль надъ помѣщиками и бо́льшая опредѣленность правилъ о взятіи имѣній въ опеку. — Мѣстныя власти иногда при всей доброй волѣ не могли оградить крестьянъ: сопротивленіе помѣщиковъ силою, трудность проникнуть въ имѣніе. — Множество жалобъ, приносимыхъ крестьянами государю, министру внутреннихъ дѣлъ, начальнику губерніи. — Открытіе злоупотребленій, увеличившееся при гр. Перовскомъ. — Число имѣній, которыя брались въ опеку за жестокое обращеніе владѣльцевъ съ крестьянами.

Б. Недостаточность правительственной реакціи къ пресѣченію злоупотребленій помѣщиковъ вызывала реакцію въ средѣ самихъ крестьянъ.

а) Пассивная реакція: 1) Побѣги. — Историческій очеркъ побѣговъ и мѣръ правительства къ ихъ уменьшенію. — 2) Самоубійство крестьянъ. — Трудность констатировать число такихъ самоубійствъ. — Примѣръ уменьшенія такого числа послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

б) Активная реакція крестьянъ: 1) волненія крестьянъ и открытое ихъ сопротивленіе власти владѣльца. — Случаи волненій при Петрѣ. — Волненія крестьянъ непрерывно тянутся чрезъ 18 и 19 столѣтія, оканчиваясь наканунѣ отмѣны крѣпостнаго права. — Волненія при Елизаветѣ Петровнѣ. — Волненія усиливаются послѣ манифеста 18 февраля 1762 г., освободившаго дворянство отъ обязательной службы. — Связь этихъ волненій съ манифестомъ. — Между крестьянами распространяются слухи объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. — Этого освобожденія не послѣдовало, и волненія продолжаются и по вступленіи на престолъ Екатерины II. — Пугачевщина. — Террористическія мѣры сената противъ усмиренныхъ крестьянъ. — Императрица воздерживаетъ сенатъ отъ этихъ мѣръ. — Месть помѣщиковъ. — Затишье послѣ пугачовщины. — Волненія крестьянъ возобновляются съ воцареніемъ Павла, болѣе и болѣе увеличиваясь въ размѣрахъ. — Случаи волненій при Александрѣ I. — Съ началомъ царствованія Николая Павловича волненія усиливаются. — Опять распространяется слухъ объ освобожденіи отъ помѣщиковъ. — Манифестъ 12 мая 1826 г. — Волненія продол-

жаются и послѣ манифеста. — Волненія усиливаются въ послѣдніе годы существованія крѣпостнаго права.

2. Убійство крестьянами помѣщиковъ. — Слова Екатерины II, сказанныя ею при полемикѣ съ Сумароковымъ. — Обвиненія одного современника коммисіи 1767 г. въ убійствахъ господъ ихъ крѣпостными. — Замѣчаніе Кларка. — Статистика убійствъ помѣщиковъ крестьянами.

V. Вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго права не могъ быть возбужденъ раньше отмѣны обязательной службы дворянства. — Послѣ отмѣны этой службы вопросъ дѣлается предметомъ спора между крѣпостниками и аболюціонистами. — Положеніе правительства между борющимися партіями. — Отношеніе къ крѣпостному праву Петра. — Расширеніе крѣпостнаго права послѣ Петра, сдерживаемое правительствомъ — преимущественно относительно Малороссіи. — Воззрѣніе на крѣпостное право Екатерины II и споръ ея съ Сумароковымъ. — Амблематъ вольнаго экономическаго общества, поставленный имъ на соисканіе преміи въ 1766 г. — Множество записокъ. — Записка Беарда Делабея и Полѣнова. — Записка человѣка *неграматикальнаго и отъ роду никакихъ исторій не читывавшаго*. — Обсужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ въ коммисіи 1767 г. — Возраженія Болтина. — «Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ и служителямъ, или здѣлать собственность имѣній». — Двойственное поведеніе Екатерины II относительно крѣпостнаго права. — Взглядъ на крѣпостное право Павла. — Отношеніе къ нему Александра I. — Дебаты неофиціальнаго комитета. — Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г. — Отношеніе къ этому указу крѣпостника — Державина. — Результаты указа въ жизни. — Государственный совѣтъ стоитъ за крѣпостное право. — Записка Карамзина. — Возраженія на книгу гр. Стройновскаго. — Письмо Попова къ Александру I и отвѣтъ на него императора. — Мнѣнія гр. Растопчина и харьковскаго помѣщика Каразина. — Что дѣлаетъ Александръ I? — Улучшеніе положенія остзейскихъ крестьянъ вызываетъ новые протесты крѣпостниковъ. — Паника дворянства въ 1818 г., что крестьяне будутъ освобождены. — Отношеніе къ крѣпостному праву Сперанскаго. — Ходъ вопроса при императорѣ Николаѣ I. — Секретный комитетъ 1826 г. — Комитетъ 1839 г. — Вопросъ объ обязанныхъ крестьянахъ. — Указъ о нихъ 2 апрѣля 1842 г. — Проекты частныхъ лицъ. — Слѣдующіе комитеты. — Отношеніе къ указу 1842 г. дворянства. — Возбужденіе вопроса при императорѣ Александрѣ II. — Записка министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, характеризующая отношеніе къ вопросу объ упраздняемомъ крѣпостномъ правѣ дворянства.

Въ настоящей главѣ мы изложимъ одно изъ важнѣйшихъ правъ потомственнаго дворянства — право владѣть крѣпостными людьми.

Крѣпостное право на крестьянъ окончательно устанавливается въ 17 ст., ко временамъ образованія Петромъ Великимъ шляхетства. Правда, въ законѣ по временамъ еще различаются кабальные люди отъ пашенныхъ крестьянъ (П. С. № 5.392, 7.438. Послѣдній относится къ 1737 г.), но едва-ли они различались между собою въ жизни. Указы Петра Великаго о ревизіи, сливая пашенныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ, только освятили то, что̀ выработалось въ самой жизни. Несомнѣнно, что освобожденіе дворянства отъ обязательной службы нѣсколько видоизмѣняетъ характеръ владѣнія крѣпостными людьми, какъ это замѣтили Бѣляевъ, Побѣдоносцевъ и другіе изслѣдователи исторіи крѣпостнаго права.

Мотивъ укрѣпленія крестьянъ былъ государственный — доставить служилому классу постоянныхъ работниковъ, чтобъ было съ чего царскую службу служить. Пока на шляхетствѣ лежала обязательная служба — обладаніе имъ крѣпостными крестьянами носило государственный характеръ. Шляхетство владѣло крѣпостными потому, что несло обязательную службу: оно было такимъ же крѣпостнымъ сословіемъ относительно государства, какимъ относительно его были крестьяне. На первомъ лежала барщина въ пользу государства — обязательная служба; на второмъ — барщина въ пользу шляхетства— оброки и издѣльная повинность.

Логическимъ послѣдствіемъ освобожденія шляхетства отъ обязательной службы должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но этого не случилось въ 18 ст., и крѣпостное право получило частноправный характеръ. Только нашему времени, и благополучно царствующему великому монарху, суждено было сдѣлать для крѣпостныхъ крестьянъ то же самое, что̀ сдѣлано Петромъ III для дворянъ: недаромъ законъ 19 февраля 1861 г. сравниваютъ съ закономъ 18 февраля 1762 г. Почти чрезъ сто лѣтъ, и почти что въ одинъ и тотъ же день, какъ дворянство освободилось отъ обязательной службы государству, крестьяне освободились

отъ крѣпостной зависимости отъ дворянства — отъ обязательныхъ оброковъ и издѣльныхъ повинностей въ пользу его.

Установленіе крѣпостной зависимости крестьянъ мотивировалось государственнымъ интересомъ. Но дальнѣйшее развитіе ея совершалось подъ преобладающимъ вліяніемъ чисто частныхъ интересовъ землевладѣльцевъ — изпомѣщенныхъ царскихъ чиновныхъ людей 17 ст., шляхетства и дворянства 18 в.

Притомъ, какъ замѣчено нѣкоторыми изслѣдователями, крѣпостная зависимость развивалась *фактически*. Законъ не предупреждалъ того, что слагалось на практикѣ, но нерѣдко только освящалъ то, что само собою сложилось въ жизни. Дѣйствительно: до самаго изданія св. зак., гдѣ впервые законодатель формулируетъ юридически отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ — не было системы законовъ, опредѣляющихъ эти отношенія. Та или другая сторона ихъ, тотъ или другой вопросъ — разрѣшались мало-по-малу, отдѣльными постановленіями. Вотъ почему законодательство о крѣпостномъ правѣ носитъ такой фрагментарный и казуистическій характеръ не только въ 18, но и въ 19 столѣтіяхъ.

Этотъ фактическій характеръ развитія отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ имѣлъ огромное вліяніе на эти отношенія. Важнѣйшія стороны ихъ не разрѣшались закономъ: кто могъ владѣть крѣпостными крестьянами? Какое пространство власти на ними? Можно-ли продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли? и многіе подобные капитальные вопросы разрѣшались постепенно, по мѣрѣ возникновенія ихъ въ жизни, и часто разрѣшались не только неопредѣленно, но и разнорѣчиво.

I. Переходя къ историческому развитію права дворянства на владѣніе крѣпостными людьми, прежде всего постараемся разсмотрѣть, какъ разрѣшало законодательство вопросъ о томъ, кто можетъ владѣть крѣпостными людьми? При разрѣшеніи этого вопроса, законодательство до межевой инструкціи 1754 г. преслѣдовало главнымъ образомъ цѣль финансовую — разрѣшало владѣніе крѣпостными лицамъ всѣхъ званій, лишь бы онѣ исправно платили за нихъ подушную подать. Съ межевой же инструкціи 1754 г. владѣніе крѣпостными людьми

начинаетъ пріурочиваться къ потомственному дворянству, какъ важнѣйшая сословная привиллегія его. Впрочемъ, пріуроченіе это совершается только при Николаѣ I, ко временамъ изданія свода, когда законодатель старается связать владѣніе крѣпостными съ владѣніемъ землями, и сдѣлать обладателями крѣпостныхъ потомственныхъ дворянъ—землевладѣльцевъ. До-тѣхъ же поръ законъ допускалъ много изъятій, а иногда изъятія эти существовали помимо допущенія ихъ закономъ.

Въ 1635 г. запрещено было боярскимъ людямъ [88]) брать служилыя кабалы на вольныхъ людяхъ. Но несмотря на это запрещеніе, господскіе люди въ 17 ст. пріобрѣтали себѣ во владѣніе крѣпостныхъ людей покупкой. Изъ одного суднаго дѣла 1673 г. видно, что крѣпостной человѣкъ кн. Ромодановской имѣлъ у себя во владѣніи купленную имъ жонку, которую выдалъ замужъ за своего крѣпостнаго, подаренаго ему его боярыней. Подобные случаи встрѣчаются и вначалѣ 18 в.: г. Побѣдоносцевъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенный фактъ, указываетъ на нѣкоторые случаи, изъ которыхъ ясно видно, что вначалѣ 18 ст. крѣпостные владѣли иногда крѣпостными. Напримѣръ: вдова дьяка Ушакова тягалась съ однимъ оброчнымъ крестьяниномъ о крѣпостной дѣвкѣ. Еще возможнѣе было владѣніе крѣпостными людьми для крестьянъ государевыхъ: государевъ крестьянинъ Посошковъ жалуется на побѣги своихъ крѣпостныхъ.

Первая ревизія не разрѣшила вопроса о томъ, какія сословія вправѣ, и какія не вправѣ владѣть крестьянами. И вотъ въ 1730 г. московская губернская канцелярія доноситъ сенату, что многіе боярскіе люди накупили и побрали въ закладъ людей и крестьянъ (П. С. № 5.633). Сенатъ запрещаетъ такія покупки, но вслѣдъ затѣмъ самъ приказываетъ отдавать малолѣтныхъ незаконнорожденныхъ дѣвокъ въ крѣпостную зависимость всякому, кто только пожелаетъ ихъ взять (П. С. № 5.584). Какъ видно изъ одного указа 1737 г., ярославскіе купцы владѣли крѣпостными, которыхъ имъ позволено было отдавать вмѣсто себя въ рекруты (П. С. № 7.466). Указъ 1739 г. запретилъ писать крѣпостныхъ за

такими лицами, у которыхъ не было деревень, но владѣть такимъ лицамъ крѣпостными уже пріобрѣтенными не возбранилъ (П. С. № 8.836).

Вторая ревизія, стремившаяся, по-выраженію г. Побѣдоносцева, расширить предѣлы господскаго права, также не пріурочиваетъ владѣнія крѣпостными къ какому-нибудь одному сословію. А инструкція ревизорамъ 1743 г. позволяетъ писать крѣпостныхъ за рядовыми, солдатами и приказными, лишь бы они платили за нихъ подушную подать (П. С. № 8.836 § 7). Законъ 1746 г. слѣдуетъ той же системѣ: пріемышей отдаетъ въ крѣпостную зависимость отъ ихъ воспитателей—поповъ, церковниковъ, купцовъ и разночинцевъ, хотя двумъ послѣднимъ званіямъ, какъ людямъ подлымъ, имѣть крѣпостныхъ и было запрещено другими постановленіями (П. С. № 9.343). Иностранцы, какъ видно изъ указа 1746 г., могли владѣть также крѣпостными, съ однимъ только условіемъ — не вывозить ихъ изъ Россіи (П. С. № 9.249). — При самомъ производствѣ второй ревизіи оказалось, что многіе купцы и разночинцы владѣли крѣпостными. Въ г. Ельцѣ воронежской губерніи одна купеческая вдова дала отпускную 20 крѣпостнымъ, а у 44 нижегородскихъ посадскихъ оказалось крѣпостныхъ дворовыхъ людей 127 человѣкъ. Нѣкоторые изъ этихъ посадскихъ просили даже объ исключеніи крѣпостныхъ изъ ихъ владѣнія, за неимѣніемъ средствъ платить за нихъ подати. Сенатъ нашелъ, что хотя 17 гл. Уложенія и указы 1721 и 1739 гг. запрещаютъ, но указы 1722 и 1723 гг. разрѣшаютъ писать крѣпостныхъ за посадскими, а потому послѣднимъ въ ихъ просьбѣ отказать (П. С. № 9.267). Въ томъ же 1746 г. позволено смоленскимъ мѣщанамъ, на основаніи королевскихъ привилеевъ 1623 и 1634 г., подтвержденныхъ жалованной грамотой Смоленску при сдачѣ его въ россійскую державу, покупать людей и крестьянъ безъ земли, а не съ землями и не цѣлыми деревнями (П. С. № 9.332). Это самое было подтверждено и указомъ 1777 г. (П. С. № 9.332), и оставалось за городомъ Смоленскомъ, какъ аномалія, даже въ то время, когда владѣніе крѣпостными оконча-

тельно было пріурочено къ потомственному дворянству, какъ одна изъ важнѣйшихъ его привиллегій.

Стремленіе законодательства къ этому пріуроченію начинается съ межевой инструкціи 1754 г. Инструкція постановила, чтобъ купцы, нижніе чины не оберъ-офицерскаго ранга, крестьяне государственные и помѣщичьи, приказные служители нешляхетскаго происхожденія, а также и жены ихъ, хотя бы изъ шляхетства, не владѣли землями вообще, а въ частности населенными крестьянами (П. С. № 10.237). Вслѣдствіе того въ 1758 г. было повелѣно: лицамъ, неимѣющимъ права владѣть имѣніями, продать ихъ въ полугодовой срокъ, по-истеченіи котораго непроданныя имѣнія должны быть отписаны на государыню (П. С. № 10.746). Постановленіе это не было, однакожъ, безусловно: оно не распространялось на придворное вѣдомство (П. С. № 10.848). Постановленіе межевой инструкціи, по неясности ея редакціи, было понято въ томъ смыслѣ, что оно распространяется только на владѣніе населенными крестьянами имѣніями, но не на дворовыхъ людей. Поэтому, многіе приказные служители просили юстицъ-коллегію о совершеніи купчихъ на такихъ людей. Коллегія обратилась за разъясненіемъ инструкціи въ сенатъ, а сенатъ воспретилъ приказнослужителямъ покупать и дворовыхъ людей (П. С. № 10.855). Но пріобрѣтеніе крѣпостныхъ людьми, не имѣющими на то права въ силу межевой инструкціи, все-таки не прекращалось: напримѣръ, въ 1783 г. открылось, что одинъ спбургскій купецъ купилъ у тульскаго помѣщика дворовaго человѣка (П. С. № 16.042). Межевая инструкція, какъ мы видѣли, запретила и дворянкамъ, вышедшимъ замужъ за недворянъ владѣть дворянскими имѣніями. Но дворянская грамота постановила, что благородная дворянка, хотя бы и вышла замужъ за недворянина, не лишается правъ своего состоянія (§ 7). Въ практикѣ вскорѣ возникъ вопросъ: можетъ-ли такая дворянка владѣть дворянскимъ имѣніемъ? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1788 г. прокурорами многихъ губерній, и въ томъ же году разрѣшенъ сенатомъ положительно (П. С. № 16.554). Впослѣдствіи законъ 1841 г., воспре-

тившій дворянкамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей какъ съ землею, такъ и безъ земли, по-выходѣ замужъ за недворянина, возвратился къ прежней системѣ, 1754 г. (2-е П. С. № 14.335).

Въ 1784 г. постановленіе межевой инструкціи о невладѣніи крѣпостными лицами недворянскаго происхожденія было подтверждено, но несмотря на то, фактически продолжаютъ владѣть ими купцы и разночинцы. Установился обходъ закона: дворяне стали выдавать довѣренности на полное и потомственное владѣніе своими населенными имѣніями лицамъ, неимѣющимъ на то своего собственнаго права (П. С. № 24.547, 25.737). Но законодательство неуклонно преслѣдуетъ цѣль— пріурочить крѣпостное право къ одному потомственному дворянству. Въ 1814 г. запрещается владѣніе крѣпостными— какъ крестьянами, такъ и дворовыми — личнымъ дворянамъ. Законъ при этомъ оставилъ неприкосновеннымъ владѣніе людьми уже пріобрѣтенными, не распространяя этого права на наслѣдниковъ, которые обязаны были продать доставшихся имъ крѣпостныхъ въ узаконенный срокъ и не дѣлать новыхъ пріобрѣтеній ихъ. На основаніи этого закона, въ 1815 г. запрещено аудиторамъ и другимъ чиновникамъ военнаго министерства покупать крѣпостныхъ (П. С. № 25.936). Но нарушеніе этихъ постановленій все-таки продолжалось: въ 1816 г. принимаются новыя мѣры къ прекращенію укрѣпленія крестьянъ лицами, не имѣющими на то права (П. С. № 24 469).

Еще труднѣе было стѣснить предѣлы владѣнія крѣпостными въ западныхъ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. Здѣсь, во времена польскаго владычества, установился у помѣщиковъ обычай, освященный закономъ, отдавать населенныя имѣнія со всѣми вотчинными правами — съ правомъ суда и даже смертной казни надъ крестьянами — евреямъ въ аренду [89]). Кромѣ того, конституція 1775 г. разрѣшила лицамъ всѣхъ званій, даже иностраннымъ, пріобрѣтать имѣнія съ крестьянами. Поэтому, въ западныхъ губерніяхъ, впачалѣ 19 столѣтія, многіе мѣщане, иностранцы и даже евреи, владѣли населенными имѣніями. Наше правительство въ 1813 г. за-

претило такія владѣнія. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1816 г. стало извѣстно, что евреи продолжаютъ, подъ именемъ *заарендованія кресценцій*, заключать съ помѣщиками условія на право владѣнія ихъ крестьянами на прежнихъ основаніяхъ. Сенатъ подтвердилъ силу прежняго-запрещенія, несмотря на депутацію отъ еврейскихъ обществъ западныхъ губерній, принесшую всеподданнѣйшую жалобу, что такое запрещеніе повергаетъ ихъ собратій въ крайнее разореніе. Тѣмъ не менѣе заарендованіе кресценцій все-таки продолжалось: въ одной гродненской губерніи въ 1820 г. 46 евреевъ владѣли 19.438 душъ крестьянъ. Запрещеніе подтверждено еще разъ (П. С. № 28.501). Не все-таки въ 1825 г. помѣщика мозырскаго уѣзда минской губерніи Щита, по опредѣленію сената, велѣно было выдержать двѣ недѣли при полиціи за противозаконную отдачу имѣнія въ аренду евреямъ. Государственный совѣтъ даже усилилъ мѣру наказанія — до 6 недѣль ареста (П. С. № 30.543). Но трудно было искорениться заматерѣлому обычаю, и при императорѣ Николаѣ все еще встрѣчались случаи противозаконнаго владѣнія крѣпостными въ губерніяхъ западныхъ. Вконцѣ двадцатыхъ годовъ уѣздный лекарь г. Себежа витебской губерніи, еврей Левинъ Шоръ, владѣлъ дворовыми людьми (2-е П. С. № 2.233), а мѣщанину той же губерніи Короновскому принадлежало тогда же довольно большое имѣніе, населенное крестьянами, которыхъ онъ иногда уступалъ купцамъ (2-е П. С. № 2.378).

Но императоръ Николай рѣшительно вознамѣрился пріурочить владѣніе крѣпостными къ одному потомственному дворянству. Подтвердивъ силу закона 1758 г., по которому лица, неимѣющія права владѣть имѣніями, должны были продать ихъ въ полугодовой срокъ, по истеченіи котораго имѣнія брались въ казну, Николай I издалъ законъ 1836 г., повелѣвающій, что если деревни, населенныя крѣпостными крестьянами, или же крѣпостные люди безъ земли, достанутся по наслѣдству лицамъ, неимѣющимъ права владѣть ими, то они немедленно поступаютъ въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ отпускается изъ казны за каждую ревизскую душу

такая сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной для написанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія въ той губерніи (2-е П. С. № 9.203), а вслѣдъ затѣмъ, въ 1842 году, постановлено за крѣпостныхъ женщинъ, непринадлежащихъ къ семейству, давать лицамъ не имѣющимъ права владѣть ими по 50 р. сер. (2-е П. С. № 15.414). Вообще, пріурочивая владѣніе крѣпостными къ потомственному дворянству, императоръ Николай I старался возможно ограничить кругъ лицъ, которыя имѣли право на это владѣніе. Единственное уклоненіе отъ такого направленія представляетъ законъ 1838 г., подтвердившій право дворянъ магометанскаго закона, издавна поселившихся въ западныхъ губерніяхъ, владѣть населенными имѣніями (2-е П. С. № 13.592). Законъ этотъ нарушилъ XX гл. уложенія и изданныя на ея основаніи постановленія. Но за то онъ былъ единственнымъ, расширяющимъ кругъ лицъ владѣющихъ крѣпостными. Всѣ же другія узаконенія Николая I — противоположнаго направленія. Важнѣйшее изъ этихъ узаконеній состоялось въ 1841 г.: оно воспретило дворянамъ, невладѣющимъ населенными имѣніями, пріобрѣтать всякими способами крѣпостныхъ людей безъ земли (2-е П. С. № 14.152). Не менѣе важный законъ былъ изданъ въ 1842 г.: онъ запретилъ лицамъ, происшедшимъ изъ крѣпостнаго состоянія и возведеннымъ въ дворянское достоинство, до 3 поколѣнія, владѣть такими заселенными имѣніями, въ которыхъ они, отцы или дѣды ихъ были записаны по ревизіямъ (2-е П. С. № 15.657). Въ 1853 г. это запрещеніе было еще болѣе расширено: оно распространено и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами, вышедшими изъ крѣпостнаго состоянія, которымъ запрещалось при жизни ихъ супруговъ пріобрѣтать, кромѣ наслѣдства, тѣ имѣнія, въ которыхъ ихъ супруги, или отцы сихъ послѣднихъ, или дѣды по отцамъ, были приписаны по ревизіямъ, а равномѣрно и людей безъ земли, приписанныхъ къ такимъ имѣніямъ (2-е П. С. № 27.698) [90]).

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, какія лица могутъ владѣть крѣпостными, разрѣшается окончательно ко временамъ

3-го изд. св. з. Въ IX т. этого изданія владѣніе крѣпостными исключительно присвоивается потомственному дворянству, на слѣдующихъ основаніяхъ: потомственный дворянинъ можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, но безъ земли только въ такомъ случаѣ, когда онъ владѣетъ уже населеннымъ крѣпостными крестьянами имѣніемъ (а если не населенными землями? законъ не разрѣшалъ); въ губерніи же черниговской и полтавской запрещалось вовсе пріобрѣтеніе крестьянъ безъ земли (ст. 208). Возведенные въ дворянство изъ крѣпостнаго состоянія до 3-го колѣна включительно не могли никакимъ способомъ пріобрѣтать тѣхъ населенныхъ имѣній, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцу (а матери? законъ не разрѣшалъ) были записаны по ревизіямъ, а также и крѣпостныхъ людей безъ земли, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ (ст. 209). Запрещеніе это распространялось и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами изъ крѣпостнаго состоянія (ст. 211), которые не могли получать и указныхъ частей послѣ смерти супруговъ въ такихъ имѣніяхъ, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцамъ, были крѣпостными крестьянами (ст. 212).

Дворяне нехристіанскаго исповѣданія не могли имѣть крѣпостныхъ христіанъ, за исключеніемъ только тѣхъ дворянъ изъ татаръ, которые издавна владѣли населенными имѣніями въ западныхъ губерніяхъ (ст. 215).

Относительно права владѣнія крѣпостными однимъ потомственнымъ дворянамъ допускалось единственное изъятіе для смоленскаго городскаго общества, и нѣкоторыхъ тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ. Но: 1) крѣпостные принадлежали *всему* смоленскому городскому обществу, а не отдѣльнымъ его членамъ; г) смоленскіе мѣщане или купцы владѣли крѣпостными только пожизненно, не передавая ихъ своимъ наслѣдникамъ (ст. 549).

II. Мы видѣли, какъ долгое время законодательство неопредѣленно разрѣшало вопросъ о томъ, кто можетъ владѣть крѣпостными людьми. Не болѣе опредѣленности было и въ законахъ о пространствѣ власти надъ крѣпостными. Законо-

дательство только мало по малу, и то сбивчиво и неопредѣленно, разрѣшало вопросы: какимъ наказаніямъ можетъ подвергать помѣщикъ своихъ крестьянъ? какіе оброки и издѣльныя повинности онъ можетъ налагать на нихъ? можетъ ли онъ продавать ихъ отдѣльно отъ семействъ и отъ земли?

а) Какимъ наказаніямъ помѣщикъ могъ подвергать своихъ крестьянъ? Законъ на этотъ вопросъ не давалъ долгое время категорическаго отвѣта: не только не была опредѣлена имъ мѣра наказаній, но даже самый родъ ихъ. Законъ, напримѣръ, прямо не говорилъ, что владѣльцы могутъ подвергать своихъ крѣпостныхъ тѣлеснымъ наказаніямъ, но и не запрещалъ имъ употребленіе таковыхъ. Единственный родъ наказаній, регулированіемъ которыхъ законодательство особенно занимается, да и то потому, что они касались интересовъ администраціи — право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь.

Съ нихъ мы и начинаемъ. Право наказанія этого рода предоставлено помѣщикамъ указомъ 1760 г. Какъ видно изъ этого указа, мотивомъ его были интересы чисто правительственные — заселеніе Сибири «понеже въ сибирской губерніи и въ иркутской провинціи, нерчинскаго уѣзда, состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ». Указъ отдаетъ на волю помѣщиковъ отдавать на поселеніе своихъ крестьянъ за разные продерзостные поступки, лишь бы крестьяне были не старѣе 45 лѣтъ и годны къ работѣ. Помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію, обязанъ былъ отдать съ нимъ и его жену, но малолѣтныхъ дѣтей могъ оставить при себѣ, а если отдавалъ и ихъ, то получалъ изъ казны вознагражденіе: за дѣтей муж. пола до 5 лѣтъ по 10 р., отъ 5 до 15 лѣтъ — 20 р., за 15-ти лѣтнихъ — рекрутскія квитанціи, а за дѣтей женск. пола — половину (П. С. № 11.166). Указъ 1761 г. подтвердилъ это право помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе (П. С. № 11.216). А Екатерина II даже расширила его, предоставивъ въ 1765 г. помѣщикамъ людей своихъ «по продерзостному состоянію за-

служивающихъ справедливое наказаніе» отдавать въ каторжную работу на какое угодно имъ время, съ правомъ брать ихъ обратно по своему благоусмотрѣнію (П. С. № 12.311). Первоначальная мысль этого наказанія — заселеніе пустынной Сибири — такимъ образомъ извратилась. Помѣщики начали сильно злоупотреблять этимъ правомъ наказанія: они не всегда снабжали ссылаемыхъ указною одеждою (П. С. № 11.488). Злоупотребленія вызвали въ 1773 г. временное пріостановленіе ссылки крѣпостныхъ на поселеніе (Арх. госуд. совѣта: ч. 2-я, стр. 359). Но императоръ Павелъ подтвердилъ въ 1797 г. помѣщикамъ право ссылать крѣпостныхъ на поселеніе, главнымъ образомъ въ интересахъ заселенія забайкальскаго края (П. С. № 19.157). Въ 1802 г. было постановлено: пріостановить ссылку крѣпостныхъ на поселеніе по волѣ ихъ помѣщиковъ, впредь до повелѣнія (П. С. № 20.119). Но повелѣнія не состоялось. Между прочимъ, помѣщица Воробьева, въ 1811 г., за мнимый побѣгъ своихъ крестьянъ, подала просьбу о ссылкѣ ихъ на поселеніе. Тогдашній генералъ-губернаторъ новгородскій, тверскій и ярославскій, принцъ Георгій Ольденбургскій, пріостановилъ исполненіе этой просьбы, и въ своемъ донесеніи государю поставилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли ссылать крестьянъ на поселеніе по волѣ ихъ помѣщиковъ? Послѣдовала весьма интересная въ исторіи этого вопроса резолюція государя, по которой право, предоставленное помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе, истолковано исключительно въ смыслѣ интереса государственнаго — заселенія Сибири, по миновеніи надобности въ которомъ оно должно быть отмѣнено, и крестьяне должны быть ссылаемы въ Сибирь на поселеніе не по желанію помѣщика, а единственно по приговору суда за предусмотрѣнныя закономъ преступленія (П. С. № 24.707).

Нѣсколько прежде отмѣнено было дарованное Екатериной II помѣщикамъ право ссылать крѣпостныхъ на каторгу. Въ 1807 г. изъ новгородскаго губернскаго правленія въ адмиралтействъ-коллегію былъ присланъ крестьянинъ Козьма Сергѣевъ для отдачи его въ каторжную работу на 20 лѣтъ, по-

просьбѣ помѣщицы Козляниновой. Коллегія затруднялась привесть въ исполненіе законъ 1765 г., и испрашивала разрѣшеніе сената: долженъ-ли этотъ законъ все-таки имѣть силу? Первый департаментъ отвѣтилъ утвердительно. Но императоръ, разсмотрѣвъ опредѣленіе сената, нашелъ, что съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и другихъ послѣдующихъ узаконеній, указъ 1765 г. не можетъ уже имѣть своего дѣйствія, такъ какъ для исправленія людей худаго поведенія устроены исправительные и рабочіе домы, а каторжная работа опредѣлена только для важныхъ преступниковъ. Поэтому, императоръ упразднилъ право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу (П. С. № 23.530).

Такимъ образомъ, въ свѣтлую пору своего царствованія императоръ Александръ I рѣшительно былъ противъ права помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ не только на каторгу, но и на поселеніе. Но это было только въ свѣтлую пору. Правомъ ссылки помѣщики очень дорожили, и постоянно находили себѣ поддержку въ сенатѣ, а тѣмъ болѣе въ губернскихъ властяхъ—въ уѣздномъ судѣ и палатахъ. Въ 1822 г., по дѣлу о подозрѣніи дворовыхъ людей помѣщиковъ новгородской губерніи, Протасовыхъ въ намѣреніи отравить свою госпожу, государственный совѣтъ постановилъ: возвратить помѣщикамъ право ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь, но безъ зачета ихъ въ рекруты. Государь утвердилъ мнѣніе совѣта (П. С. № 28.954). Въ 1823 г. постановлено не дѣлать изслѣдованія по просьбамъ помѣщиковъ, но приводить эти просьбы, подаваемыя въ губернское правленіе, въ немедленное исполненіе (П. С. № 29.507). Въ слѣдующемъ же году это право еще болѣе было расширено: губернскимъ правленіямъ предписано принимать всѣхъ представляемыхъ помѣщиками крѣпостныхъ людей къ отсылкѣ въ Сибирь на поселеніе, безъ всякаго ограниченія о лѣтахъ (П. С. № 29.824). Отмѣною зачисленія ссылаемаго въ рекруты и опредѣленнаго числа лѣтъ уничтоженъ былъ и послѣдній намекъ на государственныя цѣли этого права помѣщиковъ, которыя проглядываютъ въ указахъ 1760 и 1799 годовъ.

Притомъ, постановленія 1823 и 1824 годовъ запретили мѣстнымъ начальствамъ изслѣдовать основательность просьбъ помѣщиковъ о ссылкѣ ихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе и предписали приводить ихъ въ исполненіе безъ всякаго изслѣдованія поводовъ, не разрѣшивъ категорически вопроса, можно-ли при такой ссылкѣ разлучать мужа съ женою, или же нѣтъ, что прямо запрещалось законами 1760 и 1799 годовъ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности, изданныхъ къ концу царствованія Александра I постановленій, въ 1827 г. возникло дѣло, весьма характерное для изслѣдуемаго нами вопроса. Помѣщикъ рязанской губерніи, ротмистръ Батуринъ, представилъ своего дворового человѣка, Трофимова, къ ссылкѣ въ Сибирь. Трофимовъ, прося гражданскаго-губернатора отправить вмѣстѣ съ нимъ и жену его, такъ какъ на это было полное ея согласіе, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что помѣщикъ привлекалъ ея къ прелюбодѣянію, и по несогласію на то, для достиженія своей цѣли, рѣшился отправить его въ Сибирь, яко бы за дурное поведеніе. Жена Трофимова подтвердила показанія своего мужа, и заявила желаніе не разставаться съ нимъ. Губернаторъ, не приступая къ раскрытію причинъ, побудившихъ помѣщика сослать крѣпостнаго, хотя онѣ были преступны, затруднился, по неясности закона, исполнить просьбу Трофимова объ отправленіи вмѣстѣ съ нимъ и его жену. Пріостановивъ отправленіе, онъ представилъ дѣло на разрѣшеніе комитета министровъ; комитетъ нашелъ, что Трофимовъ долженъ идти на поселеніе, не смотря на сдѣланный имъ извѣтъ на помѣщика, но въ то же время постановилъ, чтобы въ такихъ случаяхъ женамъ не препятствовать слѣдовать за ихъ мужьями, если онѣ того пожелаютъ, такъ какъ и закономъ 1818 г. постановлено о преступникахъ, что хотя они считаются политически мертвыми, но естественная ихъ связь съ женами не прекращается. На это послѣдовала высочайшая резолюція: «Справедливо совершенно, и поручить мѣстному начальству оградить ее отъ притѣсненій помѣщика» (2-е П. С. № 810). Этотъ случай можетъ быть вызвалъ законъ 30 августа 1827 г., болѣе регулировавшій право помѣ-

щиковъ ссылать на поселеніе своихъ крѣпостныхъ. Законъ постановилъ: 1) помѣщики могутъ ссылать только такихъ крѣпостныхъ, которые не старѣе 50 лѣтъ, не дряхлы и не увѣчны; 2) ссылать, не разлучая супруговъ, вмѣстѣ съ малолѣтными дѣтьми муж. пола до 5, а жен. до 10 лѣтъ; 3) переселяемыхъ снабжать одеждой и кормовыми деньгами до Тобольска, платя за нихъ подати до новой ревизіи; 4) переселяемыхъ представлять въ губернское правленіе, при прошеніи помѣщика, съ приложеніемъ свидѣтельства уѣзднаго предводителя и земскаго суда въ томъ, что переселяемые дѣйствительно принадлежатъ помѣщику, имѣютъ извѣстные лѣта, и не состоятъ въ торговыхъ дѣлахъ, по дозволенію помѣщика (2-е П. С. № 1.339). Въ 1847 г. предоставлено было также помѣщикамъ право удалять изъ имѣній несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ порочнаго поведенія отъ 8 до 17 лѣтъ, отдавая ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое отсылало мальчиковъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ ближайшихъ губерній, а дѣвочекъ передавало въ мѣстную палату государственныхъ имуществъ, для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ прежняго ихъ жительства уѣздахъ (2-е П. С. № 21.718).

Право ссылки помѣщиками крестьянъ—единственный родъ наказанія, регулированіемъ котораго занимается наше законодательство въ 18 и 19 ст. Всѣ же другіе виды наказаній развиваются фактически. Только ко временамъ 2-го изданія свода, и даже уложенія 1845 г., роды и мѣра наказаній, которымъ помѣщики могутъ подвергать своихъ крѣпостныхъ, приводятся въ систему и опредѣляются юридически. Эта система и опредѣленія переносятся затѣмъ и въ послѣднее изданіе свода. Въ IX Т. этого изданія размѣры расправы помѣщиковъ надъ крестьянами опредѣляются слѣдующимъ образомъ: тѣ изъ проступковъ и преступленій крѣпостныхъ, которые не подвергаютъ ихъ лишенію правъ состоянія, когда притомъ эти преступленія и проступки учинены противъ самого помѣщика и его семейства, или противъ его крѣпостныхъ, подлежатъ расправѣ самого помѣщика, или управляющаго имѣніемъ, и

вѣдаются полиціями и судами только тогда, когда самъ помѣщикъ, не желая употреблять предоставленныхъ ему закономъ домашнихъ средствъ, дастъ о томъ знать домашнему начальству. Когда же проступки и преступленія учинены крѣпостными не противъ самого помѣщика или его семейства и крѣпостныхъ людей, а противъ кого-либо другаго — то дѣла о томъ могутъ подлежать расправѣ помѣщика или его управляющаго лишь въ томъ случаѣ, если самъ обиженный будетъ его о томъ просить. Но если жалоба обиженнаго поступитъ прямо къ мѣстному начальству, то эти дѣла разсматриваются и рѣшаются въ полицейскихъ или судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи. Мѣра наказаній, которымъ помѣщики и ихъ управляющіе могли подвергать крѣпостныхъ, опредѣлена слѣдующимъ образомъ: наказанію *розгами* можно было подвергать до сорока, а *палками* — до пятнадцати ударовъ, или же аресту въ сельской тюрьмѣ отъ 1 до 7 дней, а въ случаяхъ особенной важности — до 2 мѣсяцевъ. За преступленія и проступки болѣе важные, или когда мѣры домашняго исправленія оказывались безуспѣшными, помѣщикъ (но не управляющій) могъ отсылать крѣпостныхъ въ смирительный и рабочій домы на время отъ 2 недѣль до 3 мѣсяцевъ, или же въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отъ одного до шести мѣсяцевъ (ст. 1.052). Сверхъ всего этого, помѣщику предоставлялось право отдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты (ст. 1.055) и удалять навсегда изъ имѣнія съ предоставленіемъ ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія (ст. 1.056).

Эти постановленія послѣдняго изданія свода во всякомъ случаѣ были болѣе опредѣленными, чѣмъ постановленія первыхъ изданій: изд. 1833 г. предоставляетъ помѣщику право употреблять домашнія средства наказанія и исправленія по *своему усмотрѣнію*, лишь бы *только* не было увѣчья и опасности для жизни (ст. 594, Т. IX, изд. 1833 г.).

Болѣе точнымъ опредѣленіемъ права помѣщиковъ наказывать крѣпостныхъ правительство получило большую возможность контролировать фактическія отношенія помѣщиковъ къ

крестьянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ крестьяне подлежатъ суду государственному, и въ какихъ суду владѣльческому. Между прочимъ, прежними узаконеніями вопросъ этотъ разрѣшался не ясно. Судъ во взаимныхъ спорахъ и искахъ крѣпостныхъ людей между собою, какъ видно изъ наказа губернаторамъ 1728 г. (§ 13) издавна принадлежалъ владѣльцамъ (П. С. № 5.333). Напротивъ, расправа въ преступленіяхъ запрещалась помѣщикамъ еще въ 17 ст.: напримѣръ, если помѣщикъ сыскивалъ у себя въ разбоѣ своего крестьянина, то долженъ былъ, не расправляясь самъ съ нимъ, представить его въ губу (Ул. гл. XI, § 79). Въ 18 в. законъ этотъ не былъ подтвержденъ, а поэтому случались его нарушенія: помѣщики стремились усвоить себѣ судъ надъ крестьянами по всяческимъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, въ 1770 г. оренбургская помѣщица, вдова Эттингерша, присвоила себѣ судейскую власть надъ своимъ крестьяниномъ въ такомъ дѣлѣ, которое надлежало изслѣдовать не ей, но городской юстиціи. Послѣ этого случая было предписано: охранять судебную власть отъ вступленія въ нее помѣщиковъ по такимъ дѣламъ ихъ крестьянъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію судовъ (П. С. № 13.516).

Подтвердивъ помѣщикамъ право расправы во взаимныхъ спорахъ и искахъ ихъ крестьянъ между собою (ст. 1.050), IX Т. послѣдняго изданія прямо воспрещаетъ имъ расправу въ такихъ преступленіяхъ, за которыя виновному угрожаетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 1.054).

б) Какимъ оброкамъ и издѣльнымъ повинностямъ помѣщики могли подвергать своихъ крестьянъ, и какъ обезпечивалось хозяйственное положеніе послѣднихъ? При разрѣшеніи этого вопроса законодательство шло тѣмъ же путемъ, какъ и относительно права наказанія и суда: частныя мѣры, отрывочныя постановленія. Уже въ 17 ст. крестьяне раздѣлились, по способу извлеченія изъ нихъ дохода, на 2 разряда: оброчныхъ и барщинныхъ. Раздѣленіе это произошло само собою, безъ всякаго предустановленія его закономъ. Законъ не установлялъ ни норму оброка, платимаго крестьянами, ни издѣль-

ныхъ повинностей, отбываемыхъ ими. То и другое предоставлялось благоусмотрѣнію владѣльцевъ.

Относительно оброка единственный намекъ на опредѣленіе его закономъ можно найдти въ указѣ 1724 г., которымъ государственные крестьяне облагались четырехгривеннымъ сборомъ съ души, кромѣ 74 к. подушныхъ — вмѣсто тѣхъ сборовъ, что помѣщиковы платили помѣщикамъ (П. С. № 4.533). Отсюда нѣкоторые заключаютъ (Бѣляевъ), что 40 к. съ души законъ считалъ оброкомъ нормальнымъ. Если это и было, то во всякомъ случаѣ только вначалѣ 18 вѣка, съ перемѣною же хозяйственныхъ отношеній, естественно должна была перемѣниться и норма оброка. Но въ чемъ она заключалась — трудно опредѣлить. Притомъ, даже въ то время, когда законъ считалъ 40 к. съ души оброкомъ нормальнымъ, онъ все-таки не дѣлалъ его обязательнымъ.

Точно также и издѣльная повинность не была опредѣлена ни относительно своего рода, ни относительно размѣра. Здѣсь произволъ помѣщика былъ безъ границъ. Единственное ограниченіе состояло въ запрещеніи работъ въ воскресные и праздничные дни. Запрещеніе это встрѣчается еще въ 17 ст.: въ 1699 г. кн. Оболенскій былъ посаженъ въ тюрьму за принужденіе своихъ крестьянъ работать въ воскресенье (П. С. № 453).

Запрещеніе это, подтвержденное Павломъ I, повторяется и въ текущемъ столѣтіи. Въ 1818 г., напримѣръ, дошло до свѣдѣнія государя, что многіе помѣщики употребляютъ своихъ крестьянъ въ работу по воскреснымъ днямъ. Возбраняя это злоупотребленіе, государь повелѣлъ духовнымъ лицамъ доводить о томъ до свѣдѣнія министра, который долженъ былъ представлять въ комитетъ министровъ (П. С. № 27.270). Но скоро духовенство было освобождено отъ этихъ донесеній, а наблюденіе за неупотребленіемъ крестьянъ на господскія работы въ воскресные дни предоставлено губернскому начальству (П. С. № 27.549).

Число дней барщины опредѣлено только при императорѣ Павлѣ: манифестомъ 5 апрѣля 1797 г. подтверждено не

употреблять крестьянъ въ работы по праздникамъ, а требовать отъ нихъ только трехдневной работы въ недѣлю, оставляя прочіе дни для собственныхъ ихъ работъ (П. С. № 17.904).

Крѣпостные раздѣлялись на крестьянъ пашенныхъ и на дворовыхъ людей. Раздѣленіе это было слѣдомъ прежнихъ двухъ разрядовъ — холоповъ и крестьянъ. Но послѣ того, какъ Петръ Великій, при производствѣ первой ревизіи, повелѣлъ вносить ихъ въ однѣ и тѣ же ревизскія сказки, юридическаго различія между обоими разрядами не существовало: посадить крестьянина на пашню или взять его во дворъ совершенно зависѣло отъ благоусмотрѣнія владѣльца. Уже предъ самой отмѣной крѣпостнаго права, въ 1858 г., постановлено: современи подачи ревизскихъ сказокъ по 10-й переписи, крестьянъ въ дворовые болѣе не перечислять. Крестьяне, сидѣвшіе на пашнѣ, не пользовались пашеннымъ жеребьемъ, обезпеченнымъ закономъ: давать имъ поля, и въ какомъ угодно размѣрѣ — совершенно зависѣло отъ помѣщика. Помѣщики же вовсе не заботились объ обезпеченіи крестьянъ землею. Въ 1827 г., напримѣръ, одна помѣщица заложила 200 десятинъ земли, оставивъ для 28 душъ своихъ крестьянъ только 10 десятинъ. Вслѣдствіе этого, былъ изданъ законъ 1827 г. — единственная попытка обезпечить крестьянъ землею. По этому закону, если у помѣщика за залогомъ или продажею земли, будетъ оставаться оной менѣе $4^1/_2$ десятинъ, то такое имѣніе слѣдовало брать въ казенное завѣдываніе (2-е П. С. № 906). Трудомъ своихъ крестьянъ помѣщики могли пользоваться или сами, или же нанимая ихъ другимъ лицамъ. Это право найма долгое время не было ограничено какъ относительно срока, на который можно было нанимать крѣпостныхъ, такъ и относительно лицъ, которымъ можно было ихъ нанимать. Первое ограниченіе относительно срока состоялось въ 1775 г., когда, на основаніи уложенія, дозволено было нанимать ихъ только на 5 лѣтъ (П. С. № 14.253). Ограниченіе относительно лицъ послѣдовало гораздо позже, и по слѣдующему случаю. Помѣщица кн. Болховская, въ 1817 г., отдала свою крѣпостную дѣвку въ услуженіе одной казанской мѣщанкѣ на 5 лѣтъ.

Получивъ деньги впередъ за все время (200 р.), она предоставила полное право суда и расправы наемщицѣ. Нестерпимыя жестокости отъ послѣдней заставили крѣпостную принесть жалобу на своихъ хозяевъ казанскому губернскому прокурору. Это вызвало постановленіе 1824 г., воспретившее помѣщикамъ отдавать въ услуженіе своихъ крѣпостныхъ такимъ лицамъ, которые по закону не имѣютъ права владѣть ими (П. С. № 30.040).

Помѣщикъ могъ самъ управлять своими крестьянами, могъ управлять ими чрезъ управляющихъ, или же отдать въ аренду. Выборъ этихъ управителей и арендаторовъ, которые нерѣдко бывали plus royalistes que le roi, и отъ которыхъ вслѣдствіе этого крестьяне иногда болѣе терпѣли, чѣмъ отъ самихъ господъ, ихъ права и обязанности относительно управляемыхъ и арендуемыхъ имѣній — не были регулированы закономъ. Только въ 1848 г. для юго-западныхъ губерній, а въ 1852 г. для сѣверо-западнаго края, установлены правила о порядкѣ допущенія частныхъ лицъ къ управленію населенными имѣніями. Въ 1853 г. эти правила были соглашены и установлены общія для всѣхъ западныхъ губерній: никто не долженъ быть допускаемъ на службу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не только управителей, но и другихъ вотчинныхъ начальниковъ — войтовъ, экономовъ и прикащиковъ, безъ дозволенія уѣзднаго предводителя дворянства, который обязанъ вести именной списокъ такимъ лицамъ. Помѣщики же должны давать каждому изъ принимаемыхъ въ вотчинныя должности письменныя инструкціи, отнюдь не дозволяя никому изъ нихъ, кромѣ самого управляющаго, уполномоченнаго законною довѣренностію, наказывать тѣлесно крестьянъ (2-е П. С. № 27.405). Въ 1854 г. помѣщикамъ запрещено вообще предоставлять своимъ управителямъ право удалять крестьянъ навсегда изъ имѣнія или же отдавать ихъ въ рекруты, такъ какъ право это должно принадлежать власти самого помѣщика (2-е П. С. № 28.158). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1853 г., помѣщики лишены права отдавать имѣнія, населенныя крѣпостными, въ арендное содержаніе (2-е П. С. № 27.805).

Не была точно опредѣлена и обязанность помѣщиковъ продовольствовать крестьянъ въ голодные годы. На каждый отдѣльный случай издавались отдѣльныя постановленія. Въ голодный 1734 г., такъ какъ помѣщики, имѣвшіе большіе запасы хлѣба, не радѣли о продовольствіи своихъ крестьянъ, предписывалось начальству наблюдать, чтобы они пропитывали крестьянъ и снабжали ихъ сѣменами для обсѣмененія полей (П. С. № 6.569), а вслѣдъ затѣмъ помѣщикамъ предписывалась не допускать крестьянъ во время голода ходить по міру и просить милостыню (П. С. № 6.570). Въ 1750 г. по случаю голода повелѣно запретить помѣщикамъ винокуреніе, и принудить ихъ доставлять крестьянамъ пропитаніе и сѣмена на засѣвъ полей (П. С. № 9.709). Въ 1761 г. владѣльцевъ обязали имѣть въ запасѣ хлѣба на годичное продовольствіе крестьянъ и на будущій засѣвъ полей (П. С. № 11.203), а въ 1772 г. подтверждено помѣщикамъ не допускать, чтобы ихъ крѣпостные просили милостыню (П. С. № 13.767).

Право помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, лежащее не только въ иномъ уѣздѣ, но даже въ другой губерніи, установилось фактически, и существовало еще въ 17 ст. Но утвержденіе такого права закономъ случилось только въ царствованіе Петра Великаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и пользованіе имъ было нѣсколько регулировано. Мотивъ регулированія, впрочемъ, заключался не въ гарантіяхъ крестьянъ, но въ интересахъ казны — въ правильности сбора подушной подати. Плакатъ 1724 г. постановилъ, что если помѣщикъ пожелаетъ перевесть крестьянъ въ другое имѣніе, то долженъ просить объ этомъ камеръ-коллегію, которая даетъ указъ о переселеніи, а у челобитчика беретъ подписку, что онъ будетъ платить подушныя деньги въ указные сроки безъ доимки (П. С. № 4.532). Но помѣщики продолжали переводить крестьянъ безъ всякаго указа камеръ-коллегіи, поэтому въ 1732 г. требованія плаката были повторены, подъ угрозою штрафа за неисполненіе ихъ: по 3 р. съ каждой переведенной души (№ 6.117). Это подтверждено опять въ 1733 г. (№ 6.395). Постановленія эти во всякомъ случаѣ были стѣснительны для

помѣщиковъ: сенатъ, *изобрѣтая ко удовольствію ихъ легчайшій способъ*, въ 1762 г. постановилъ, что если кто пожелаетъ перевесть своихъ крестьянъ, тотъ подаетъ объ этомъ только объявленіе офицерамъ, опредѣленнымъ при подушномъ сборѣ (П. С. № 11.423). Отсюда при Екатеринѣ II образовался тотъ порядокъ переселенія крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, которому слѣдовали до самой отмѣны крѣпостнаго права: для переселенія достаточно было подать прошеніе въ земскій судъ, не ожидая отъ него никакого дозволенія или указа (П. С. № 15.549).

Самая замѣчательная попытка регулировать закономъ оброки и издѣльныя повинности крѣпостныхъ крестьянъ и обезпечить ихъ хозяйственное положеніе — инвентари, введенные по мысли Д. Г. Бибикова, незабвеннаго по своимъ заботамъ объ улучшеніи положенія крестьянъ во ввѣренномъ его управленію краѣ. Инвентари эти введены были первоначально въ одномъ юго-западномъ краѣ, и притомъ сначала особенные для каждаго имѣнія, а потомъ, въ 1848 г., общіе и нормальные для всѣхъ помѣщичьихъ имѣній юго-западнаго генералъ-губернаторства. Они несомнѣнно принесли крестьянамъ большую услугу, поставивъ власть помѣщиковъ надъ ними въ законные предѣлы и обезпечивъ ихъ хозяйственное положеніе. Но инвентари эти установились уже къ концу существованія крѣпостнаго права, и притомъ для одной только полосы имперіи: вопросъ о введеніи ихъ въ сѣверо-западномъ генералъ-губернаторствѣ былъ только возбужденъ и вызвалъ категорическое требованіе объ окончательномъ упраздненіи крѣпостной зависимости, за что также историкъ долженъ помянуть признательнымъ словомъ, какъ инвентари, такъ и ихъ изобрѣтателя.

Въ IX Т. Свода Зак., изд. 1857 г. слѣдующимъ образомъ опредѣлены право помѣщика на трудъ крестьянъ и обязанности ихъ хозяйственнаго обезпеченія: 1) Относительно *работъ, повинностей и оброковъ* крѣпостныхъ людей—владѣлецъ могъ налагать на нихъ всякія работы, взымать оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ единственными ограни-

чивающими этого права условіями: 1) чтобъ крестьяне не претерпѣвали чрезъ то разоренія и 2) чтобъ положенное закономъ число дней оставлялось на исправленіе ихъ собственныхъ работъ (ст. 1.045). Но черта, переходъ за которую сопровождался разореніемъ крестьянъ, не была обозначена въ законѣ; точнѣе опредѣлено имъ второе условіе. Крестьяне обязывались работать на своего помѣщика 3 дня въ недѣлю; они не могли быть принуждаемы къ работамъ въ воскресные дни и въ извѣстные праздники (ст. 1.046). Переводъ же крестьянъ во дворъ, а дворовыхъ на пашню, совершенно предоставленъ былъ благоусмотрѣнію владѣльца (ст. 1.047). Владѣлецъ имѣлъ право не только употреблять своихъ крѣпостныхъ людей для личныхъ услугъ и работъ, но могъ отдавать ихъ и постороннимъ лицамъ въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе, съ единственнымъ ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей въ работу на горные заводы (ст. 1.048, 1.049).

2) Относительно *переселенія крѣпостныхъ* — помѣщикъ имѣлъ право переселять ихъ, порознь, или цѣлыми селеніями, съ однихъ земель на другія, какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ находящіяся (ст. 1.060). Главнѣйшее ограниченіе состояло въ томъ, что крестьяне, заложенные въ кредитныхъ установленіяхъ, могли быть переселяемы ихъ помѣщикомъ не иначе, какъ съ согласія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они состоятъ въ залогѣ (ст. 1.063).

3) Относительно *обезпеченія продовольствія и благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ*—владѣлецъ, вслучаѣ неурожая, не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ былъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства (ст. 1.103). За каждаго пойманнаго въ нищенствѣ съ владѣльца взыскивалось 1 р. 50 к. (ст. 1.105). Если земля, отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ будетъ заложена, и закладная просрочена, или же земля будетъ отдѣльно продана, и въ обоихъ случаяхъ у помѣщика останется менѣе $4^1/_2$ д. на душу, а втеченіе года не будетъ

имъ пріобрѣтено другой земли, соразмѣрно числу душъ, то крестьяне брались въ казенное вѣдомство (ст. 1.017).

в) Вопросъ о правѣ помѣщиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли и отъ семействъ разрѣшался отдѣльными постановленіями втеченіе 18 и 19 ст.

Уже Болтина занималъ вопросъ о томъ, какъ установилось право помѣщиковъ продавать своихъ крестьянъ отдѣльно отъ земли и въ разницу. Первый поводъ къ такой продажѣ онъ видѣлъ въ наборѣ рекрутъ съ числа дворовъ. «Наборомъ этимъ указана была помѣщикамъ возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли и отъ семействъ. Указъ, сравнившій помѣстья съ вотчинами, и послѣдовавшая затѣмъ подушная перепись, утвердили владѣльческое притязаніе. Обычай продавать сначала былъ терпимъ, послабляемъ, превратно толкуемъ, обратился, наконецъ, чрезъ долгое употребленіе въ законъ» (Прим. на Леклерка, т. II стр. 211). Такимъ образомъ, начало праву помѣщиковъ продавать крестьянъ Болтинъ видитъ въ 18 вѣкѣ, Право это образовалось, впрочемъ, нѣсколько раньше. Уложеніе, конечно, предоставить его не могло, ибо оно различало еще холоповъ, право продажи которыхъ владѣльцами всегда было безусловно, отъ крестьянъ, продавать которыхъ землевладѣльцы права не имѣли. Но оба эти разряда постепенно въ жизни сливались: право продажи холоповъ помѣщики начали переносить и на крестьянъ. Сначала мы встрѣчаемъ, что и законъ разрѣшаетъ отдѣльные случаи такой продажи: напримѣръ, въ 1665 г. она была разрѣшена царскому любимцу боярину Матвѣеву. Прецедентомъ этимъ захотѣли воспользоваться другіе. Пока наконецъ боярскимъ приговоромъ 1682 г. (190 г.) сдѣлочныя записи на крестьянъ были разрѣшены всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, наравнѣ со сдѣлочными записями на холоповъ (П. С. № 946). При Петрѣ Великомъ *обычай* продажи отдѣльно отъ семействъ — дѣтей отъ родителей, родителей отъ дѣтей — въ особенности мелкимъ шляхетствомъ, уже такъ распространяется, что онъ задумалъ его искоренить. Но обычай этотъ укоренился уже до того, что великій обновитель родной земли понималъ всѣ трудности бо-

зусловнаго его прекращенія, и поэтому въ 1721 г. онъ ограничивается только требованіемъ, чтобы продавали по крайности цѣлыми семействами, о не порознь, и проситъ гг. сенаторовъ при составленіи новаго уложенія обратить вниманіе на этотъ обычай (П. С. № 3.770) [91]) Но, возставая противъ этого обычая, Петръ самъ содѣйствовалъ его развитію, предоставивъ въ 1717 г., вмѣсто себя, ставить въ рекруты наемныхъ людей (№ 3.135), онъ позволилъ въ 1720 г. людямъ всякихъ чиновъ, кромѣ шляхетства, отдавать за себя въ солдаты купленныхъ людей (№ 3.669). Позволеніе это привело къ большимъ злоупотребленіямъ, и законодательство впослѣдствіи само стало его ограничивать. При производствѣ рекрутскаго набора въ 1738 г. разрѣшено было купечеству гжатской пристани для поставки вмѣсто себя рекрутовъ покупать у помѣщиковъ крѣпостныхъ съ тѣмъ, чтобы не употреблять ихъ для своего услуженія, и покупать только у такихъ помѣщиковъ, которые имѣютъ не менѣе 50 душъ (№ 7.696); въ 1739 г. разрѣшено покупать только у помѣщиковъ своего города, и притомъ у имѣющихъ не менѣе 100 душъ (№ 7.973). Но въ 1747 году право покупки опять подтверждается безъ всякихъ ограниченій (№ 9.456).

Съ Екатерины II, которая, впрочемъ, на торговлю крестьянами смотрѣла, какъ на одну изъ привиллегій россійскаго дворянства (№ 14.376) [92]), начинаются нѣкоторыя ограниченія этой торговли. Прежде всего генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутскомъ наборѣ 1766 г. постановлено не дозволять совершенія купчихъ на крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора (№ 13.237). Цѣль этого запрещенія разъяснена въ 1768 г. Капитанъ Шестаковъ просилъ вологодскую провинціальную канцелярію совершить купчую на приторгованную имъ жонку и двухъ малолѣтныхъ ея дѣтей, изъ которыхъ одному было 6 лѣтъ, а другому 4 года. Канцелярія, за силою указа 1766 г., запретила совершить купчую. Прокуроръ протестовалъ противъ этого запрещенія на томъ основаніи, что законъ 1766 г. имѣлъ ввиду совершеніе купчихъ на такихъ людей, которые годны въ военную службу. Сенатъ

уважилъ протестъ прокурора и приказалъ совершать купчія на малолѣтныхъ и престарѣлыхъ во всякое время (П. С. № 13.074). Постановленіе генеральнаго учрежденія подтверждалось и при наборѣ рекрутъ въ 1770 г. (№ 13.483, § 8), и въ 1789 г. (№ 16.818). Этими же постановленіями повелѣвалось не принимать въ рекруты вольныхъ людей за крестьянъ, дабы не производить запрещенной торговли послѣдними. Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставленная въ 1766 г. дворцовымъ волостямъ покупка земель съ крестьянами, съ единственнымъ ограниченіемъ не платить за душу болѣе 30 р. и распространенная въ 1788 г. на всѣхъ казенныхъ поселянъ, по случаю многихъ злоупотребленій была также отмѣнена (№ 16.821).

Еще прежде, въ 1771 г., запрещена продажа крестьянъ безъ земли съ молотка (П. С. № 13.634). Но такая продажа съ молотка продолжалась: въ 1784 г. тамбовскій верхній земскій судъ за вексельный искъ купца Капустина съ секретаря Головина продалъ съ молотка крѣпостныхъ крестьянъ послѣдняго. Въ 1792 г. законъ 1771 г. подвергся новому разъясненію: крестьяне безъ земли, за казенные и партикулярные долги ихъ владѣльцевъ, должны быть продаваемы съ публичнаго торга, но только безъ употребленія молотка (№ 17.076). Особенно сильныя злоупотребленія по торговлѣ людьми въ Малороссіи вызвали законъ 1798 г., запретившій тамъ продажу крестьянъ безъ земли (№ 18.706) [93]).

Александръ I обратилъ большое вниманіе на ограниченіе торговли людьми. Узнавъ въ 1804 г., что нахичеванскіе армяне, пріобрѣтя за Кубанью невольниковъ, развозили ихъ, скованными въ желѣза, и продавали въ Крыму и въ другихъ мѣстахъ татарамъ и помѣщикамъ, онъ повелѣлъ «запретить сей постыдный торгъ» (№ 21.246). Въ томъ же году, для предупрежденія злоупотребленій продажею крестьянъ при рекрутскихъ наборахъ, повелѣно крѣпостныхъ, продаваемыхъ безъ земли, принимать въ рекруты не иначе, какъ чрезъ 3 года по совершеніи купчей на ихъ продажу (П. С. № 21.442).

Въ 1808 г. запрещено вывозить людей для продажи на ярмарки и торги (№ 23.157).

Несмотря, однакожъ, на запрещеніе 1804 г. принимать въ рекруты крѣпостныхъ людей прежде, какъ по-истеченіи трехъ лѣтъ послѣ совершенія на нихъ купчихъ крѣпостей, многіе помѣщики продолжали дѣлать такія покупки и отдачу въ рекруты. Вслѣдствіе того, въ 1810 г. подтверждена сила закона 1804 г. (П. С. № 24.220). Лифляндскіе же помѣщики продолжали вести сильно укоренившуюся между ними торговлю людьми, несмотря на положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г. (§§ 5 и 25). Напримѣръ: генералъ-лейтенантша Шредеръ и надворный совѣтникъ Гейзеръ вывозили изъ своихъ имѣній крестьянъ для продажи ихъ въ С.-Петербургѣ. Государь повелѣлъ сенату подтвердить положеніе 1804 г., воспретившее торгъ крестьянами помѣщикамъ лифляндскимъ (№ 24.699). Въ 1812 г. запрещена выдача довѣренностей на совершеніе купчихъ на продажу людей поодиночкѣ и безъ земли (№ 25.107). Этотъ законъ возбудилъ, впрочемъ, сомнѣніе: запрещается ли имъ только выдача довѣренностей, или же и личное право продажи владѣльцами, имѣющими право владѣть крестьянами, и выдача ими довѣренностей на покупку оныхъ? Вопросъ разрѣшенъ сенатомъ, въ смыслѣ запрещенія выдачи довѣренностей только на продажу, но личная продажа и выдача довѣренностей на покупку лицами, имѣющими на то право, должны оставаться въ прежней силѣ (№ 25.259). Законъ этотъ не прекратилъ, однакожъ, выдачи довѣренностей на продажу — даже въ царствованіе императора Николая I, что̀ можно видѣть изъ дѣла о запроданной дворовой дѣвкѣ Денисовой, помѣщеннаго во 2-мъ П. С. подъ № 535. Въ 1813 г. законъ установилъ таксу на продаваемыхъ крестьянъ: за душу мужскаго пола по 300 р., а женскаго — половину (№ 25.385). Въ 1815 г. запрещены публикаціи при явкѣ купчихъ на крѣпостныхъ, продававшихся безъ земли, и неотдачѣ ихъ на выкупъ, такъ какъ продаваемыхъ безъ земли крѣпостныхъ нельзя считать недвижимымъ имѣніемъ (П. С. № 25.775). Въ слѣдующемъ году запре-

щена продажа крѣпостныхъ донскимъ чиновникамъ для поселенія на войсковыя земли, такъ какъ продажа эта часто сопровождалась разореніемъ и раздробленіемъ крестьянскихъ семействъ (№ 26.164, 26.290). Въ 1816 г. право совершать купчія на крестьянъ опять подверглось сомнѣнію. Баронесса ф. Дельвигъ крестьянъ своихъ, доставшихся ей по рядной отъ ея отца, кп. Андрея Волконскаго, пензенской губерніи инсарскаго уѣзда въ с. Ключаревѣ 58 душъ, продала на свозъ подпоручику Аммосу Юрлову, давъ своему брату право совершить купчую на имя покупщика. Пензенская гражданская палата, затрудняясь совершеніемъ купчей, представила дѣло на заключеніе губернскаго прокурора. Утвердительное мнѣніе послѣдняго было одобрено сенатомъ (№ 26.335). Законъ 1822 г. запретилъ печатать публикаціи въ сенатскихъ объявленіяхъ о продажѣ людей безъ земли (№ 29.192).

Одно изъ первыхъ постановленій императора Николая I по изслѣдуемому нами вопросу состоялось въ 1827 г.: офицеры войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, нерѣдко продавали своихъ крѣпостныхъ гражданамъ княжества — таковыя продажи въ этомъ году были воспрещены (2-е П. С. № 1.009). Болѣе важное ограниченіе состоялось въ 1833 г. Воспрещено было: 1) представлять и принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ крѣпостныхъ людей безъ земли; 2) по закладнымъ на крѣпостныхъ людей безъ земли и по частнымъ долговымъ обязательствамъ, совершеннымъ до настоящаго запрещенія и представленнымъ ко взысканію, причислять крѣпостныхъ людей, подлежащихъ продажѣ, безъ раздробленія ихъ семействъ, въ казенное вѣдомство, выдавая изъ казны по 300 р. за ревизскую душу мужескаго пола и по 150 р. женскаго; 3) безусловно запрещено продавать и уступать по дарственнымъ записямъ отдѣльно отъ семействъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли (2-е П. С. № 6.163). Исполненіе этого важнаго закона вызывало въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, курская палата гражданскаго суда возбудила вопросъ: можетъ-ли быть допускаемо раздробленіе семействъ при раздѣлѣ между наслѣд-

никами? Для разрѣшенія подобныхъ сомнѣній въ 1841 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта. Мнѣніе это дѣлаетъ самое широкое толкованіе закона 1833 г., въ смыслѣ ограниченія продажи крѣпостныхъ и раздробленія крестьянскихъ семействъ при раздѣлѣ наслѣдства. На основаніи его: 1) покупать крестьянъ можетъ только лицо, владѣющее уже населеннымъ имѣніемъ, къ которому покупаемые и должны быть приписаны; поэтому, при совершеніи крѣпостныхъ актовъ, присутственныя мѣста должны потребовать отъ покупщика крестьянъ безъ земли, къ какому недвижимому населенному своему имѣнію намѣренъ онъ приписать тѣхъ людей. 2) При продажѣ или залогѣ имѣній не дозволять владѣльцамъ выговаривать, или оставлять за собою людей, отдѣляемыхъ отъ семействъ. 3) Малолѣтныхъ, неимѣющихъ ни отца, ни матери, т. е. холостыхъ братьевъ и незамужнихъ сестеръ, считать за одно семейство, и не дозволять ихъ раздробленія. 4) Воспретить раздробленіе семействъ и при раздѣлѣ между наслѣдниками (2-е П. С. № 14.152). Но какъ быть, если одна крѣпостная душа достается двумъ наслѣдникамъ? Законъ 1841 г. этого не разрѣшаетъ, а между прочимъ въ жизни такіе случаи бывали возможны. Изъ рѣчи, сказанной Д. Г. Бибиковымъ 8 мая 1851 г., это несомнѣнно видно: «случилось въ 1851 г., что *два* помѣщика радомысльскаго и овручскаго уѣздовъ имѣли *одного* крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику три дня и другому три дня...» (Историческіе матеріалы Зари; апрѣль 1870). — Законъ 1841 г. не оговорилъ также, что имъ отмѣняется сила закона 1798 г., воспретившаго продажу крестьянъ безъ земли въ Малороссіи. Вслѣдствіе этого, малороссійскіе помѣщики стали покупать другъ у друга крестьянъ безъ земли, основываясь на законѣ 1841 г. Такъ напримѣръ, миргородскій уѣздный судъ совершилъ купчую на крестьянъ Кобзуновыхъ, купленныхъ капитаномъ Носенкомъ. Это вызвало въ 1846 г. подтвержденіе закона 1798 г. о несовершеніи купчихъ на людей безъ земли въ черниговской и полтавской губерніяхъ (2-е П. С. № 2.000). — Въ 1847 г. крестьянамъ дарованю

весьма важное право: при продажѣ имѣнія съ публичныхъ торговъ за долги, они могли выкупать себя съ землею (2-е № 21.689). Замѣчательно, что объ этомъ правѣ крестьяне ходатайствовали еще раньше, но встрѣтили въ правительствѣ отказъ. Въ 1842 г. крестьяне одного помѣщика витебской губерніи подали министру финансовъ прошеніе, въ которомъ вызывались уплатить казенные долги, числившіеся на имѣніи, съ тѣмъ чтобы имъ потомъ была выдана купчая на имѣніе и дозволено избрать родъ жизни. Канкринъ препроводилъ это прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, назвавъ его *неблаговидными* «по незаконности домогательства». Въ такомъ же смыслѣ и гр. Перовскій писалъ къ витебскому гражданскому губернатору, который объявилъ крестьянамъ, что прошеніе ихъ не можетъ быть удовлетворено по незаконности его (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, III ч. отд. 2, стр. 697).

Въ IX Т. Св. Зак. изд. 1857 г. право продажи и покупки крѣпостныхъ помѣщиками регулировано слѣдующими правилами: Продавать и покупать крестьянъ — какъ съ землею, такъ и безъ земли — могутъ только *потомственные дворяне*. Притомъ, покупать безъ земли могутъ только тѣ изъ нихъ, которые владѣютъ *населенными имѣніями* (ст. 1.069)[34]. Безусловно запрещена продажа крѣпостныхъ: гражданамъ Финляндіи (ст. 1.079) и чиновникамъ земли войска донскаго, для переселенія на войсковыя земли (ст. 1.085). За этими ограниченіями, дозволялась продажа, какъ цѣлыми селеніями, такъ и отдѣльными семьями (ib.) Помѣщикъ могъ продавать какъ лично, такъ и чрезъ другихъ лицъ по довѣренности. Но относительно выдачи довѣренности устанавливались ограниченія: не дозволялось выдавать довѣренность на продажу и покупку крѣпостныхъ людей по *одиночкѣ и безъ земли* лицамъ, неимѣющимъ дворянскихъ правъ (ст. 1.071); напротивъ, на продажу, покупку и закладъ съ землею, довѣренность могла быть выдана всякому лицу безъ ограниченія (ст. 1.072). О продажѣ людей безъ земли въ разницу запрещена публикація въ вѣдомостяхъ (ст. 1.080); равномѣрно запрещалась и про-

дажа на ярмаркахъ и на торгахъ — поименно и безъ земли (ст. 1.082).

III. Такъ развивалось наше законодательство по важнѣйшимъ вопросамъ, вытекающимъ изъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ. Опредѣленія закона, какъ мы видѣли, нерѣдко бывали недостаточны — не обнимали вполнѣ и всесторонно того, что развивалось въ самой жизни. Фактически власть помѣщиковъ надъ ихъ крѣпостными всегда превышала тѣ границы, которыя установлялись закономъ; фактическое положеніе крѣпостныхъ всегда было хуже ихъ положенія юридическаго. Вѣрными чертами изображено все это въ незабвенномъ манифестѣ 19 февраля 1861 г.: «Права помѣщиковъ были до нынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушпаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты правовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ....»

Современники крѣпостнаго права и его упраздненія, мы собственнымъ опытомъ знаемъ его свѣтлыя и темныя стороны. Мы знаемъ, что далеко не всѣ помѣщики злоупотребляли своими правами и своей фактической силой надъ подвластными имъ людьми. Что кровавые эпизоды изъ печальной исторіи крѣпостнаго права—людоѣдство Салтычихи, при Екатеринѣ II, кровавыя похожденія помѣщиковъ Орлова, Побѣдинскаго и Каннабиха при Александрѣ I, или свирѣпости поручика Карцова и развратные поступки тайнаго совѣтника Жадовскаго

кри Николаѣ I, и мн. др. тому подобные — не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію, хотя историкъ крѣпостнаго права и не долженъ забывать о нихъ. Въ рядахъ сословія, напротивъ, нерѣдко находились помѣщики, которые слѣдовали благородному примѣру своего собрата 17 ст., Ртищева, который, продавая одно изъ своихъ селъ, уменьшилъ ему цѣну съ условіемъ, чтобъ покупатель хорошо обращался съ крестьянами, а умирая, умолялъ наслѣдниковъ, чтобы они кротко обходились съ крѣпостными (Соловьева: т. XII, стр. 353).

Злоупотребленій власти помѣщиковъ надъ крѣпостными, повторяемъ, нельзя вмѣнять цѣлому сословію. Не всегда они происходили и отъ преднамѣренной злой воли помѣщика, или дурныхъ его качествъ. Злоупотребленія эти въ большинствѣ случаевъ были неизбѣжными послѣдствіями самой сущности крѣпостнаго права, неопредѣленности и неточности регулировавшихъ его законовъ. Обусловливались они также общимъ духомъ времени—вездѣ царствовавшими насиліемъ и произволомъ, низкимъ уровнемъ образованія дворянства, при которомъ немыслима высокая степень развитія нравственнаго. «Россія слыветъ монархіею», говорилъ Храповицкій, по-случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ 1803 г. «Самодержавный государь постановляетъ законы основаніемъ и мѣрою власти своей. А внутри что? Тысячи господъ большихъ и малыхъ владѣютъ неограниченно третьею, можетъ быть, частію народа! *Взглянуть на нравственность господствующихъ, ощутится состояніе повинующихся. Другъ человѣчества обольется слезами*» (Чтенія, Кн. 2-ая 1858 г.).

Была еще одна причина злоупотребленій владѣльческой власти, не ложащаяся на совѣсть дворянства, въ которой виновато было само правительство. Монархи жаловали населенныя имѣнія, не обращая вниманія на нравственную сторону жалуемаго лица—не зная, выйдетъ-ли изъ него справедливый и милостивый помѣщикъ. Отсюда происходило, что пожалованные крестьяне часто дѣлались жертвами суровыхъ и жестокихъ владѣльцевъ. Для примѣра мы укажемъ только на адъютанта гренадерской роты преображенскаго полка Юрья

Гринштейна и на гатчинца Каннабиха. Гринштейну, за его участіе въ возведеніи на престолъ Елизаветы Петровны, пожаловано 927 душъ мужескаго пола. Новый помѣщикъ былъ такой нравственности и такого нрава, что его, по наказаніи плетьми, удалили изъ столицы въ пожалованную деревню. Какимъ-же онъ могъ быть господиномъ для своихъ крестьянъ? Гатчинецъ—Каннабихъ получилъ отъ Павла 1.000 душъ крестьянъ, за ловкій отвѣтъ на парадѣ [95]). Вначалѣ царствованія Александра I, этотъ Каннабихъ прославился такими страшными жестокостями надъ крестьянами, что о нихъ ходили цѣлыя легенды. Приведенные примѣры, конечно, не были исключительными. Аракчеевъ и большинство созданныхъ Павломъ *помѣщиковъ-полиціймейстеровъ* могли быть во вкусѣ Каннабиха. Замѣчено довольно справедливо, что лучшими помѣщиками, дѣйствительно нерѣдко отцами для своихъ крестьянъ, всегда болѣе были помѣщики исконные, родовые. Выскочки-же и счастливые проходимцы, которыми была едва-ли не большая часть помѣщиковъ, всегда были тиранами, злоупотреблявшими своей властію. Да и сердобольные помѣщики прирожденные очень часто управляли имѣніями не лично, а посредствомъ управителей и приказчиковъ—тѣхъ же тирановъ, угнетавшихъ крестьянъ именемъ сердобольныхъ владѣльцевъ.

Каковы бы ни были тому причины, но несомнѣнно, что злоупотребленія власти помѣщиковъ были весьма велики, и составляли обыденное явленіе нашего недавняго прошлаго. Несомнѣнно, что положеніе крѣпостныхъ въ жизни было бѣдственно, а фактическія отношенія ихъ къ помѣщикамъ — тягостнѣе отношеній по закону.

Каково же было это положеніе крестьянъ въ жизни, каковы были фактическія отношенія ихъ къ помѣщикамъ?

а) Мы видѣли, что законодательство долгое время не вполнѣ точно опредѣляло не только *мѣру*, но и самый *родъ* тѣхъ наказаній, которымъ помѣщики могли подвергать своихъ крестьянъ. Не регулируемыя закономъ, наказанія эти тѣмъ съ большимъ *разнообразіемъ* ихъ *рода и жестокостію*

ихъ *мѣры* развиваются на практикѣ. Родъ наказанія нерѣдко изобрѣтается фантазіей помѣщика, мѣра его всегда опредѣляется его благоусмотрѣніемъ. У каждаго владѣльца былъ свой особенный уголовный кодексъ—свои особыя преступленія, свои особыя наказанія. Дѣянія, считавшіяся преступными однимъ владѣльцемъ, считались дозволительными другимъ. У каждаго были свои особенныя нарушенія *первыхъ двухъ пунктовъ:* иной считалъ самымъ тяжкимъ преступленіемъ въ своемъ крѣпостномъ—пьянство, другой—воровство, третій—лѣнь и т. д. Такое же разнообразіе и во взглядѣ на цѣль наказанія: въ этомъ пунктѣ наши помѣщики расходились между собою можетъ быть болѣе криминалистовъ нѣмецкихъ. Мы знавали и послѣдователей системы устрашенія, и системы исправленія; знавали такихъ, для которыхъ наказаніе крестьянина основывалось на началѣ матеріальнаго воздаянія (поваръ плохо приготовлялъ кушанье—онъ долженъ былъ все съѣсть), или же опредѣлялось принципомъ абсолютной справедливости Канта.

Право наказанія холопа всегда было безусловно. Холопа господинъ могъ подвергать такому наказанію, какому хотѣлъ. Въ 17 ст. помѣщики начинаютъ примѣнять это и къ недавно свободнымъ крестьянамъ: въ 17 ст. уже щедро раздаются тѣлесныя наказанія, уже употребляются пытки, кандалы, колодки, устроиваются тюрьмы для содержанія крѣпостныхъ въ заключеніи, встрѣчается ссылка. Одинъ помѣщикъ, напримѣръ, пишетъ своему приказчику вконцѣ 17 ст. «А будетъ кто тебя не послушаетъ, и тебѣ бы *сѣчь кнутьемъ*, и *сошли* ихъ въ подмосковную на Орлово, до *указу* а *глухому* Данилу и женѣ ево. . . , и *дураку* Кажихѣ, также и Тимохинѣ Марьѣ, *кнута* имъ не миновать» (чтенія, кн. 2-я 1859 г.). Замѣчено (Побѣдоносцевъ), что помѣщики въ своихъ имѣніяхъ пародировали тѣ государственные порядки и обыкновенія, которые развились въ московскомъ государствѣ. Организація управленія имѣніями въ 17 ст. дѣйствительно воспроизводила въ миніатюрѣ организацію управленія государственнаго. Свою карательную власть надъ крестьянами до извѣстной степени по-

мѣщики могли представлять въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ сказалась карательная власть государственная въ соборномъ уложеніи. Они употребляютъ иногда офиціальныя выраженія, при опредѣленіи мѣры наказаній своимъ крестьянамъ: бьютъ ихъ батогами *нещадно*, чтобы другимъ *неповадно было такъ дѣлать*.

Такой взглядъ на карательную власть помѣщика преемственно переходитъ въ 18 и 19 вѣки, смягчаясь и видоизмѣняясь сообразно смягченію самыхъ нравовъ. Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ 18 вѣкѣ дѣлается необходимой принадлежностію управленія имѣніемъ, *краеугольнымъ камнемъ домостроительства русскихъ дворянъ*, которые *начинаютъ исповѣдывать то политическое правило, что правительство не можетъ лишить ихъ права тѣлеснаго наказанія безъ общаго и нарочитаго ихъ согласія* [96]). Крестьяне сами признаютъ право тѣлесныхъ наказаній прирожденнымъ и исконнымъ правомъ своихъ помѣщиковъ: «*тѣло государево, душа Божья, спина барская*». Крестьянъ наказываютъ батогами, палками, кнутомъ (арапникомъ), кошками. Наказанія эти часто слѣдуютъ за побоями, нанесенными дворянскими руками. О томъ, что претерпѣвали помѣщичьи крестьяне отъ своихъ владѣльцевъ при Петрѣ Великомъ, можетъ дать понятіе одинъ любопытнѣйшій документъ, отысканный нашимъ даровитымъ и неутомимымъ исторіографомъ въ московскомъ архивѣ министерства иностанныхъ дѣлъ — челобитная крѣпостныхъ людей Петру. Челобитная эта яркими красками рисуетъ ихъ бѣдственное, страдальческое положеніе: «Просимъ и молимъ и умильно воніемъ» челомъ били крѣпостные Петру «да тя на милость приклонимъ о *свободствѣ*, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ великому государю станутъ возбранять, чтобъ намъ у нихъ яко въ Содомѣ и Гоморѣ мучиться, *яко львы челюстями своими пожираютъ*, и *якоже зміи ехидные разсвирѣпся напрасно попираютъ и якоже волци свирѣпіи біютъ насъ яко немилостивіи пилаты*: великій го-

сударь, смилуйся пожалуй» (14 приложеніе къ XVIII Т. Исторіи Соловьева, стр. 356). Потребы государственнаго строя не позволяли Петру, въ великой душѣ котораго, вѣроятно, откликнулось громкое эхо на этотъ отчаянный крикъ наболѣвшаго горя и страданій — удовлетворить челобитную крестьянъ, вырвавъ ихъ изъ *челюстей львовъ пожирающихъ, разсвирѣпѣвшихъ зміевъ ехидныхъ, волцей свирѣпыхъ и Пилатовъ немилостивыхъ*. Крестьяне продолжаютъ быть жертвами необуздываемой закономъ карательной власти помѣщиковъ. Во второй половинѣ 18 вѣка помѣщикъ Марковъ, иногда при гостяхъ, наказывалъ своихъ крѣпостныхъ кнутьями въ двѣ руки (Р. Арх. ч. 3-й стр. 973). Нормальными орудіями наказанія, вслѣдствіе смягченія нравовъ, мало-по-малу дѣлаются розги и палки, узаконяемыя сводомъ. Впрочемъ, еще въ 1844 г. министръ внутреннихъ дѣлъ воспрещалъ помѣщикамъ наказывать крѣпостныхъ *трехременною плетью* (а не трехременною?) (Варадинова: Ист. м. вн. дѣлъ).

Число ударовъ, неопредѣляемое даже первымъ изданіемъ свода, зависѣло отъ благоусмотрѣнія помѣщика — отъ степени его вспыльчиваго нрава, или отъ холодной разсчитанной злости. Десятки ударовъ полагались за меньшіе проступки; за проступки большіе — назначались сотни. Мы помнимъ одного помѣщика, который обыкновенно не назначалъ числа ударовъ, но велѣлъ бить, пока выкуритъ самъ одну или двѣ трубки.

Пытки крѣпостныхъ начинаютъ входить въ употребленіе вначалѣ 18 вѣка: въ 1705 г., по приказу помѣщицы Нарышкиной, прикащикъ пыталъ въ вотчинной конторѣ ея крестьянъ. (Бѣляева: Кр. на Руси, стр. 217). Затѣмъ мало-по-малу онѣ распространяются, входятъ во всеобщее употребленіе у нашихъ помѣщиковъ, существуя до недавняго времени — можно сказать, до самой отмѣны крѣпостнаго права. Помѣщикъ пензенской губ., Струйскій, умершій въ 1823 г., производилъ ихъ для собственнаго удовольствія. До своей маніи писать стихи, онъ былъ пристрастенъ къ юридическимъ упражненіямъ: дѣлалъ своимъ людямъ допросы, употребляя при этомъ пытки (Р. Арх. ч. 3-й стр. 961). Елецкій земскій судъ, произведя

вначалѣ текущаго столѣтія слѣдствіе въ имѣніи маіора Орлова, помѣщика орловской губ., примѣтилъ большое количество больныхъ крестьянъ въ его деревнѣ. По изслѣдованіи причинъ болѣзней, нашли, что по 40 человѣкъ крестьянъ, вмѣстѣ со скотомъ, въ двухъ тѣсныхъ избахъ, со смраднымъ и сырымъ воздухомъ, лежатъ больные и изнуренные на полу безъ всякаго призрѣнія; что одинъ крѣпостной уже другой годъ прикованъ къ стѣнной цѣпи, и что вообще цѣпи, желѣза, рогатки и колодки употребляются только въ маловажныхъ проступкахъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ истязанія *изобрѣтаются* помѣщикомъ «съ такимъ необузданнымъ свирѣпствомъ, что безъ содраганія и выразить не можно» (П. С. № 20.217. Этотъ указъ дословно перепечатанъ въ Русс. Старинѣ, за янв. 1870 г., стр. 46). Въ то же самое время и у ярославскаго помѣщика, генералъ-маіора Побѣдинскаго, по произведенному самимъ дворянствомъ слѣдствію, найдены въ домѣ съ *запекшеюся кровью* разныя тиранскія орудія: крестообразное пяло, колодки и цѣпь съ обручами, вколоченная въ стѣну, которыя употреблялись къ истязанію и томленію крестьянъ (Русс. старина, янв. 1870 г. стр. 78). Употребленіе пытокъ не было рѣдкостію даже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ текущаго столѣтія, когда отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, благодаря императору Николаю I и его усердному помощнику въ этомъ дѣлѣ, гр. Перовскому, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1841—1851 г., были подчинены болѣе строгому контролю правительства. Въ русскихъ уголовныхъ процессахъ Любавскаго, который, къ сожалѣнію, привелъ мало дѣлъ по злоупотребленію владѣльческой власти, встрѣчаются примѣры употребленія пытокъ помѣщиками въ весьма недавнее время. Въ 1846 г., напримѣръ, помѣщикъ Трубицынъ, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ, пыталъ своихъ крестьянъ, приказавъ приказчику вѣшать ихъ за пальцъ (стр. 321 2-го т). Помѣщикъ же херсонской губерніи Карцовъ, съ похожденіями котораго мы познакомимся ниже, какъ обнаружено слѣдствіемъ 1852 г., желѣзныя цѣпи, рогатки и кандалы употреблялъ, какъ самые обыкновенные способы наказанія и истязанія своихъ крестьянъ.

Ссылка также употреблялась помѣщиками. Мы говоримъ не о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и на каторгу, которою помѣщики пользовались, какъ видѣли выше, также не совсѣмъ умѣренно и справедливо, ссылая иногда мужа, чтобъ попользоваться его женою, не снабжая ссылаемыхъ нужной одеждой и обувью. Мы говоримъ о той ссылкѣ, которую помѣщики, пародируя карательную власть государства, заводили въ предѣлахъ своихъ имѣній. Вас. Вас. Головинъ, на долю котораго выпало *сущее несчастіе* быть посланну Петромъ въ Голландію для изученія навигацкой науки — Вас. Вас. Головинъ, говоримъ, по выходѣ въ отставку, зажилъ въ своей деревнѣ большимъ эксцентрикомъ. Въ одной отдаленной вотчинѣ онъ устроилъ мѣсто ссылки для провинившихся крестьянъ: однажды туда были сосланы *котъ Ванька*, съѣвшій рыбу, приготовленную для барскаго стола, и *баба зажигалка* [97]), отъ неосторожности которой сгорѣло село (Пекарск., Т. I. 142). Въ радомысльскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и въ настоящее время, среди сыпучихъ песковъ и нѣкогда дремучихъ лѣсовъ, стоитъ село *Злодіевка*. По преданію, названіе этого села произошло отъ того, что помѣщики, владѣльцы Злодѣевки (Искры), ссылали въ нее своихъ провинившихся крѣпостныхъ — *злодіевъ*. Мы слышали также разсказъ объ одной малороссійской помѣщицѣ, крутаго нрава, въ имѣніи которой среди степи стояла *пустка* — полуразвалившаяся изба: туда въ ссылку посылались крестьяне, тамъ существовало нѣчто вродѣ каторги — самая безпощадная пашщина.

Трудно перечислить и уловить другіе роды наказаній, такъ какъ онѣ изобрѣтались, какъ сказали мы, фантазіей помѣщика. Однакожъ, можно сказать, что водились еще слѣдующія: обливаніе водой на морозѣ, или стояніе босыми ногами на снѣгу въ январскій холодъ; бритье половины головы и одного уса; жалѣніе крапивой, колѣнки на гречкѣ или орѣховой скорлупѣ (преимущественно для женщинъ); повара, неудачно приготовившаго кушанье, булочницу, недопекшую или перепекшую хлѣбы — заставляли съѣдать порцію борща или соуса, приготовленнаго на помѣщичью семью, нерѣдко многочислен-

ную, и огромную булку или ситницу; случалось и то, что цѣлая ёаза горячаго супа, неловко приготовленнаго, выливалась на голову несчастнаго повара и т. п.

Одной изъ весьма нерѣдкихъ причинъ угнетенія крестьянъ помѣщиками было покушеніе послѣднихъ на женъ и дочерей своихъ крѣпостныхъ. Смѣлые мужья и отцы подвергались гоненіямъ, податливые дѣлались фаворитами. Тайный совѣтникъ Жадовскій, помѣщикъ оренбургской губерніи, по произведенному надъ нимъ въ 1855 г. слѣдствію, оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за несогласіе на прелюбодѣяніе, наказывались розгами. Онъ установилъ въ своемъ имѣніи нѣчто вродѣ jus primae noctis — позволялъ жениться на своихъ крѣпостныхъ, но только съ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, неисполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты (Любавскаго: Р. угол. процессы, Т. II; стр. 330).

Возрастъ крестьянина не всегда брался во вниманіе при наказаніи его: въ 1808 г. одинъ воспитатель морскаго кадетскаго корпуса, капитанъ-лейтенантъ Кролевецкій, наказывалъ своего 12-лѣтняго крѣпостнаго мальчика за шалости въ съѣзжемъ домѣ, затѣмъ посадилъ его въ желѣзную рогатку, въ которой мальчикъ удавился (П. С. № 23.708). Послѣ этого случая законодатель предписалъ владѣльцамъ не употреблять рогатокъ, что, какъ мы видѣли, ими не исполнялось. Другой случай наказанія малолѣтнаго относится къ 1825 г. Штабсъ-капитанша Пашевкина, по приведеніи изъ бѣговъ 12-лѣтней дѣвочки, крѣпостной ея мужа, приказала служанкамъ наказывать ее сперва розгами, а потомъ кучерскимъ кнутомъ, что онѣ и исполняли до усталости, причемъ сама госпожа имъ помогала; когда же послѣ этого дѣвочка пришла въ изнеможеніе, Пашевкина заставила бить ее кнутомъ вторично. Дѣвочка на другой день умерла (П. С. № 30.529).

До какого изувѣрства доходили иногда жестокости помѣщиковъ надъ крестьянами, ярко изображаютъ два эпизода изъ печальной исторіи крѣпостнаго права: дѣло Салтычихи, оконченное при Екатеринѣ II въ 1768 г. и поручика Ивана Кар-

цова, преданнаго херсонскимъ губернскимъ правленіемъ уголовному суду въ 1852 г.

Интересное описаніе салтычихинова дѣла находится въ Р. Архивѣ (годъ третій 641—651). Несмотря на его общеизвѣстность, для полноты фактической, мы приводимъ его въ нашей книгѣ.

Салтычиха происходила изъ весьма знатной фамилій и имѣла болѣе 600 душъ въ вологодской, костромской и московской губерніяхъ. Жестокости свои она совершала въ царствованія Елизаветы Петровны и Петра III. Слѣдствіе объ этихъ жестокостяхъ, несмотря на то, что жалобы подавались съ 1757 г., началось только въ 1762 г., а окончилось указомъ 1768 г. о наказаніи ея. Слѣдствіемъ открыто, что Салтыкова впродолженіе 10 или 11 лѣтъ погубила своихъ людей слишкомъ сто душъ (139), и преимущественно женскаго пола, въ томъ числѣ были дѣвочки лѣтъ 11 и 12. Единственной причиной гнѣва Салтыковой было нечистое мытье половъ и платья. Побои она наносила саморучно скалкою, валькомъ, палкою и полѣномъ, а по ея приказанію конюхи наказывали розгами, батожьями, плетьми. Побои почти всегда были такъ жестоки, что оканчивались смертью несчастныхъ жертвъ. Иныя наказанія производились съ особеннымъ тиранствомъ. Такъ у одной женщины Салтычиха опалила на головѣ всѣ волосы, другаго человѣка била объ стѣну головой, обливала кипяткомъ изъ чайника и брала за уши раскаленными щипцами. Одну дѣвку приказала въ октябрѣ загнать кнутомъ по горло въ воду, гдѣ она пробыла съ четверть часа, а другую сама скинула съ крыльца. Палачами Салтычихи служили ея собственные крѣпостные, тиранства ея покрывались священниками, которые погребали завѣдомо ею убитыхъ, а если они не соглашались, то слуги хоронили замученнаго ночью въ лѣсу, а управитель подавалъ заявленіе о его побѣгѣ. — Недаромъ народная молва обвиняла Салтычиху даже въ *людоѣдствѣ*: будто бы она употребляла себѣ на жаркое вмѣсто сладкаго мяса женскія груди. Указъ 1768 г., впрочемъ, называетъ ее только *мучительницей и душегубицей*, которая *безчеловѣчно мучительски людей своихъ убивала до смерти* (№ 13.211).

Почти чрезъ сто лѣтъ послѣ этого дѣла, случилось дѣло поручика Ив. Карцова. Втеченіе этого времени нравы помѣщиковъ, конечно, смягчились, ихъ отношенія къ крестьянамъ улучшились. Но въ самой природѣ крѣпостнаго права лежала возможность такихъ же злоупотребленій и тиранствъ въ 19 ст., какія случались въ 18. — Дѣло Карцова служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Въ имѣніи помѣщицы Карцовой херсонской губерніи, въ декабрѣ 1851 г. зарѣзался 11-лѣтній крестьянскій мальчикъ. Оказалось, что онъ посягнулъ на свою жизнь изъ страха наказанія. Наряжено слѣдствіе, при производствѣ котораго одинъ изъ дворовыхъ людей, Шраменко, объявилъ о разныхъ жестокостяхъ съ крестьянами поручика Карцова, управлявшаго имѣніемъ своей жены. Шраменко показалъ: Карцовъ, въ бытность въ Одессѣ, билъ его обнаженною саблею среди улицы за то, что показатель не привелъ къ нему на ночь дѣвки; родная мать Шраменка, кромѣ другихъ наказаній, была постоянно содержима въ кухнѣ прикованною на желѣзной цѣпи къ столбу за одну ногу, впродолженіе 5 лѣтъ, за то, что послѣ жестокаго наказанія захотѣла утопиться въ рѣкѣ. Чрезъ притѣсненія Карцова не говѣла она семь лѣтъ, а показатель 3 года. Другіе крестьяне говѣли только разъ въ 10 или 8 лѣтъ. Когда дворовые просились говѣть, то Карцовъ, призывая живущаго въ деревнѣ еврея Лейбу, приказывалъ ему исповѣдывать просившагося говѣть, и еврей, покрывая его полою одежды, спрашивалъ о грѣхахъ и совѣтовалъ молиться Богу. Одинъ изъ крестьянъ, Яковлевъ, содержался 4 года въ ножныхъ кандалахъ, наглухо заклепанныхъ и въ нихъ работалъ барщину, а на ночь приковывался въ кухнѣ къ столбу цѣпью за шею, и даже прикованнымъ умеръ. Сына Яковлева, во время молотьбы на господскомъ току, Карцовъ билъ своеручно цѣпомъ до того, что у него пошла ртомъ и носомъ кровь, отчего онъ началъ чахнуть и чрезъ 3 мѣсяца умеръ. И показатель тоже содержался столько же времени, какъ и отецъ его: по ночамъ приковывался на кухнѣ цѣпью за ногу къ столбу. Взаключеніе Шраменко прибавилъ, что 3 цѣпи, двое кандаловъ и двѣ

рогатки, надѣвавшіяся на шею людямъ, хранятся на чердакѣ господскаго дома.

Другіе свидѣтели подтвердили показанія Шраменка: зять подсудимаго, корнетъ Громашевскій, показалъ, что Карцовъ до того жестокъ съ крестьянами, что въ то время, когда онъ жилъ въ его домѣ, едвали хотя одинъ изъ дворовыхъ людей оставался впродолженіе дня ненаказаннымъ; жена подсудимаго сдѣлала подобныя же показанія.

Крестьяне показали, что многіе изъ нихъ брались на цѣпь, заковывались въ кандалы, причемъ на шею надѣвались рогатки, въ которыхъ исполнялись разныя господскія работы; послѣ наказанія, простиравшагося иногда до 700 ударовъ палками, Карцовъ приказывалъ высѣченное сѣдалище вспрыскивать острою водкою. Сосѣди Карцова подтвердили, что имъ хорошо было извѣстно жестокое обращеніе его съ крестьянами, что они видѣли людей закованныхъ въ цѣпи и съ рогатками на шеѣ, исполнявшими господскія работы (Р. уг. проц. любавскаго, Т. II, стр. 293).

Подобныя явленія были тѣмъ возможнѣе, что законъ не опредѣлялъ точно, какому наказанію подвергать помѣщиковъ за жестокости противъ крестьянъ, а судебныя мѣста приговаривали ихъ обыкновенно къ наказаніямъ снисходительнымъ сравнительно съ важностію преступленій. — Правда, у насъ никогда не существовало *права жизни и смерти* помѣщиковъ надъ крестьянами, подобно тому, какъ это было въ Польшѣ. Потемкинъ, купивъ у Ксаверія Любомирскаго имѣніе, далъ ордеръ своему управляющему: «Всѣ находящіяся въ купленномъ мною у кн. Любомирскаго польскомъ имѣніи *вислицы*, предписываю тотчасъ приказать сломать, не оставляя и знаку оныхъ»... (Р. Арх. № 5, 1869 г.). Но тѣмъ не менѣе, законъ не предусматривалъ случая, когда жестокостями помѣщика крестьянинъ будетъ лишенъ жизни.

Начнемъ съ соборнаго уложенія. Оно не опредѣляетъ, какому наказанію подвергается помѣщикъ за убійство своего крѣпостнаго. Единственное постановленіе объ этомъ заключается въ 19 п. XXI Гл., которая постановляетъ, что если помѣ-

щикъ, сыскавъ у себя разбойниковъ, изъ своихъ крестьянъ, побьетъ ихъ, не желая отдать къ сыску въ губу, то если онъ человѣкъ помѣстный — у него отымается помѣстье и взыскиваются истцовы иски, а если не помѣстный — то его бьютъ кнутомъ, доправивъ также истцево. Но очевидно, что это постановленіе имѣетъ ввиду болѣе регулированіе губнаго дѣла и обезпеченіе частныхъ интересовъ стороны, потерпѣвшей отъ разбоя, чѣмъ обезпеченіе крѣпостныхъ отъ жестокихъ наказаній ихъ господъ. Впрочемъ, Котошихинъ говоритъ, что если господинъ дѣлалъ надъ своимъ крѣпостнымъ наругательства, билъ его безъ вины — то крѣпостной отбирался безденежно. За членовредительство крѣпостнаго господинъ его подвергался такому же: рука за руку, глазъ за глазъ. А если увѣчный умиралъ — господина казнили смертію [98]). Порядокъ, описанный Котошихинымъ, но неподкрѣпленный закономъ, исчезаетъ въ практикѣ 18 ст., и судебныя мѣста не только затрудняются, какому наказанію подвергать господина за жестокости противъ его людей, но и что̀ *помѣщикамъ чинить, крестьяне которыхъ помрутъ отъ наказанія*, какъ то было въ 1762 г., когда юстицъ-коллегія затруднялась, какому наказанію подвергнуть отставнаго поручика Нестерова за убійство его крестьянина (№ 11.450). Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ въ коммисіи 1767 г. предлагали учинить законъ, *какъ поступать, когда отъ побоевъ помѣщика случится людямъ смерть?* Сенатъ въ 1772 г. по поводу дѣла Эттингерши (см. ниже), предложилъ сообщить въ коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія учинить положеніе о томъ, *какъ поступать съ такими, кои суровость противъ человѣка употребляютъ?* (№ 13.758). Но такого положенія учинено не было, и еще Александръ I не находилъ яснаго постановленія, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть помѣщика за жестокія истязанія его крѣпостнаго. Отдавая дѣло генералъ-маіора Побѣдинскаго, въ 1802 г., на судъ ярославскаго дворянства, онъ падѣялся, «что въ *недостаткѣ гражданскаго закона*, заимствуя основаніе суда въ правилахъ чести, совѣсти и человѣчества, не дастъ оно въ немъ мѣста ни послабленію, ни пристрастію», и опредѣлить

наказаніе, соразмѣрное преступленію (См. рескриптъ ярославскому губернатору 1802 г. Р. Старина январь 1870, стр. 47).

При такомъ отсутствіи закона, наказанія, которымъ судебныя мѣста подвергали помѣщиковъ за жестокости противъ крестьянъ, были разнообразны — особенныя для каждаго отдѣльнаго случая, и нерѣдко весьма снисходительныя, особенно по сравненію съ тѣми, которымъ подвергались крестьяне за неповиновеніе и сопротивленіе помѣщичьей власти. Дѣла этого рода въ П. С. начинаютъ встрѣчаться къ концу царствованія Елизаветы Петровны: первое дѣло относится къ 1761 г. Отставной майоръ, Ив. Лазыревъ, засѣкъ своего крестьянина. Дѣло судилось главной полицеймейстерской канцеляріей. Принявъ во вниманіе, что умершій собственный крестьянинъ Лазырева и положась при показаніяхъ его, что засѣкъ онъ неумышленно, но штабъ-офицерскую честь убійцы, канцелярія присудила ему церковное покаяніе, а сенатъ одобрилъ ея приговоръ (№ 11.291). Второе дѣло — отставнаго поручика Нестерова 1762 г. Онъ замучилъ своего крестьянина. Юстицъ-коллегія затруднялась, *какому наказанію подвергнуть его, такъ какъ не было закона, что въ такомъ случаѣ чинить съ помѣщиками.* Дѣло перешло въ сенатъ, который приговорилъ Нестерова сослать въ Нерчинскъ на вѣчное поселеніе, отдавъ его имѣніе наслѣдникамъ (№ 11.450). Послѣднее дѣло, изъ практики 18 ст., съ которымъ встрѣчаемся въ П. С. З. — дѣло помѣщицы Оренбургской губерніи ф. Эттингеръ — относится къ 1772 году. Она такъ наказала одного своего крестьянина длинными таловыми прутьями, что тотъ вслѣдъ затѣмъ и умеръ. Сенатъ приговорилъ ее къ тюремному заключенію на мѣсяцъ, по прошествіи котораго она должна была принесть публичное покаяніе по обрядамъ лютеранскаго исповѣданія (№ 13.758).

Разсмотрѣнныя 3 дѣла подтверждаютъ вышесказанное нами о томъ, что за злоупотребленія правомъ наказанія, помѣщики приговаривались къ наказаніямъ разнообразнымъ, при одной и той же винѣ, и болѣе или менѣе снисходительнымъ, смотря по ихъ общественному положенію. Только Салтычиху сенатъ

приговорилъ къ смертной казни, что замѣнено императрицей самымъ строгимъ пожизненнымъ заключеніемъ (№ 13.211).

Наказаніе Салтычихи послужило для императора Александра I образцемъ при опредѣленіи наказанія Орлову (№ 20.217). Нерѣдко, въ первую пору своего царствованія, императоръ предоставлялъ судъ надъ помѣщиками, уличенными въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, собраніямъ дворянъ Къ чести дворянскихъ обществъ, они въ такихъ случаяхъ всегда оправдывали довѣріе императора, опредѣляя такія строгія наказанія, что онѣ смягчались иногда императоромъ. Такъ, напр., было въ дѣлѣ Побѣдинскаго.

Что касается судебныхъ мѣстъ, то, какъ опять видно изъ П. С. З., въ царствованіе Александра I они продолжали постановлять весьма снисходительные приговоры. — Шляхтичъ Тонкель, традиціонный владѣлецъ одной деревни, принадлежащей помѣщику Неверовскому, наносилъ такіе побои крестьянамъ, что нѣкоторые изъ нихъ умирали. Это дѣлалось до изданія всемилостивѣйшаго манифеста 30 августа 1814. Сенатъ же рѣшилъ дѣло въ 1817 г. Не нашедъ, чтобъ крестьяне дѣйствительно умерли отъ побоевъ, онъ распространилъ на Тонкеля силу манифеста 1814 г. и предалъ его только церковному покаянію. Иначе отнесся къ дѣлу государственный совѣтъ: признавъ, что смерть крестьянъ произошла отъ нанесенныхъ имъ побоевъ, онъ лишилъ Тонкеля шляхетства, приговоривъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (№ 26.603). Подобное же рѣшеніе сената состоялось и по дѣлу подполковника Лисевича, обвиненнаго въ жестокомъ обращеніи съ крестьянскими женками, въ неповиновеніи чиновникамъ, производившимъ слѣдствіе, и въ оскорбленіи словами членовъ земскаго суда. Сенатъ, распространяя на подсудимаго силу манифеста 1814 г., приговорилъ сослать его на житье въ монастырь. 13 членовъ общаго собранія государственнаго совѣта согласились съ рѣшеніемъ сената, за исключеніемъ одного, утверждавшаго, что преступленія Лисевича не могутъ быть подведены подъ всемилостивѣйшій манифестъ. Государь согласился съ мнѣніемъ этого одного (№ 26.781). — Губернскія судебныя

мѣста постановляли еще болѣе снисходительные приговоры: штабсъ-капитанша Пашевкина, съ которой мы уже встрѣчались, не была приговорена ни къ какому наказанію кавказской палатой уголовнаго суда, которая постановила: *случай смерти засѣченной дѣвочки предать волѣ Божіей* (№ 30.543).

Какъ видно изъ процессовъ Любавскаго, приговоры судебныхъ мѣстъ были снисходительны и вовремена императора Николая I. Преданный военному суду, Карцовъ былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ на житье въ иркутскую губернію, что замѣнено государемъ ссылкою на 10 лѣтъ въ каторжную работу (стр. 321). О наказаніи Жадовскаго въ московскомъ сенатѣ состоялись два мнѣнія:

1) лишить его нѣкоторыхъ особенныхъ правъ состоянія, заключивъ въ смирительный домъ на два съ половиною года; 2) лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ. Перевѣсъ получило первое мнѣніе (Люб. Т. II стр. 345).

б) Мы видѣли, какъ развивалось законодательство о правѣ помѣщиковъ на трудъ крестьянъ и объ обязанностяхъ ихъ хозяйственнаго обезпеченія. Постановленія его были фрагментарны и неопредѣленны: право на трудъ крестьянъ въ жизни обнаруживалось почти безгранично, ихъ хозяйственное положеніе было крайне бѣдственное.

«Крестьянское житіе скудостно... отъ помѣщичья насилія», начинаетъ свою главу о крестьянствѣ Посошковъ. «Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало мало посытнѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ

никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину да не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ»..... Какая же причина такого обирательства крестьянъ помѣщиками? Какъ бы прозрѣвая ихъ будущее освобожденіе, мудрый публицистъ-крестьянинъ говоритъ:

«*Крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы;* того ради они не весьма ихъ и берегутъ, *а прямой ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно*». Поэтому, Всероссійскому самодержцу — прямому Владѣтелю крестьянъ слѣдуетъ охранять ихъ отъ излишнихъ поборовъ: «помѣщикамъ учинить расположеніе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили». (Книга о скудости и о богатствѣ, гл. VII).

Совѣтъ Посошкова не былъ исполненъ: указнаго положенія поборамъ съ крестьянъ учинено не было, судьи не вельми смотрѣли, чтобъ помѣщики крестьянъ въ нищету не приводили. Поборы возрастали, по мѣрѣ развитія роскоши между дворянствомъ, а параллельно съ ихъ возрастаніемъ усиливалась крестьянская нужда. Неудивительно, что лэди Рондо подъ впечатлѣніями поѣздки изъ С.-Петербурга въ Москву писала въ Англію «... народъ весьма учтивъ, но такъ угнетенъ бѣдностію, что едва видѣнъ въ немъ образъ человѣческій» (Письмо II). Неудивительно, что Полѣновъ, благороднѣйшій изъ русскихъ людей 18 вѣка, въ своемъ трактатѣ «Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи», представленномъ имъ на соисканіе преміи въ 1767 г., употреблялъ *надъ мѣру сильныя выраженія*, говоря о положеніи крестьянъ»: «я не нахожу *бѣднѣйшихъ* людей какъ нашихъ кре-

стьянъ, которые, *не имѣя ни мало отъ законовъ защиты*, подвержены всевозможнымъ не только вразсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрерывныя наглости, истязанія и насильства....» (Р. Арх. ч. 3-й).

Крестьяне относительно повинностей раздѣлялись, какъ мы видѣли, на оброчныхъ и барщинскихъ. Оброчное управленіе сильно развивается въ 18 вѣкѣ. Екатерина II въ своемъ наказѣ жалуется, что всѣ деревни почти на оброкѣ, и что это вредно дѣйствуетъ на земледѣліе, побуждая крестьянъ отлучаться на много лѣтъ изъ своихъ домовъ и отыскивать заработки въ отдаленныхъ городахъ, бродя по всему государству (Гл. XII). Положеніе оброчныхъ крестьянъ, безъ сомнѣнія, могло быть лучше положенія крестьянъ барщинскихъ: первые были болѣе удалены отъ гнета владѣльческой власти. Но возможности ихъ лучшаго положенія противодѣйствовало то, что норма оброка не была установлена закономъ и зависѣла отъ произвола владѣльца. Мысль Посошкова объ изданіи указнаго положенія поборамъ съ крестьянъ промелькнула и въ запискѣ, поданной П. И. Панинымъ Екатеринѣ II, по ея воцареніи. Записка эта совѣтовала императрицѣ издать *секретное* предписаніе (отчего не явное?) всѣмъ губернаторамъ, чтобы помѣщики отъ крестьянъ не требовали работы болѣе 4 дней въ недѣлю, а въ сутки требовали бы не болѣе, какъ вспаханія одной десятины доброй земли, или накошенія 3 копенъ сѣна, или нарубленія $1^1/_2$ сажени однополѣнныхъ дровъ, а съ оброчныхъ не требовали бы болѣе 2 р. оброку въ годъ (Соловьева: Р. В. 1861 г. т. XXXV). Могла-ли Екатерина II, возведенная дворянствомъ гвардіи на престолъ, издать такое предписаніе — хотя бы и *секретно?* Но въ своемъ наказѣ она рекомендуетъ коммисіи мѣру Панина: «Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе отлучаютъ мужика отъ его дома и семейства» (П. С. № 12.949. Гл. XII п. 270). Но законъ не сдѣлалъ подобнаго предписанія, и поборы всегда были велики, всегда были произвольны.

*

Если въ имѣніяхъ Татищева, одного изъ образованнѣйшихъ помѣщиковъ своего времени, крестьяне платили по 10 р. съ *тягла* (Бѣляевъ), то какимъ оброкамъ они подвергались у другихъ помѣщиковъ? Екатерина II въ наказѣ жалуется, что оброкъ *съ души* простирался иногда до 5 р. (Гл. XII), а въ письмѣ къ Архарову она обвиняетъ помѣщика тверскаго намѣстничества Хитрово за взысканіе оброка болѣе 6 р. *съ души* (Р. Арх. ч. 2-й стр. 794). По свидѣтельству Кларка, посѣтившаго Россію вначалѣ текущаго столѣтія, крестьянинъ приносилъ своему владѣльцу среднимъ числомъ 10 р. въ годъ (Voyages en Russie p. 240); императоръ Александръ I, вначалѣ своего царствованія, самъ не считалъ десятирублеваго оклада высокимъ (Р. Ст., февр. 1870 г.). Десять рублей! А легко ли было крестьянину уплатить такой оброкъ, когда заработная плата была такъ низка, что въ Малороссіи, въ которой до самаго конца 18 вѣка не было конкурренціи крѣпостнаго труда, въ 1733 г. косарь получалъ по 6 к., а гребецъ— по $2^1/_2$ к. въ день (З. Марковича: ч. I, стр. 407); когда сами помѣщики не имѣли средствъ акуратно выплачивать 80 к. подушной подати съ ревизской души, и обременяли свои имѣнія массой недоимокъ по подушному сбору? (стр. 102) [99]).

Положеніе барщинскихъ крестьянъ, безъ всякаго сомнѣнія, было не лучше: законъ не опредѣлялъ ни рода ихъ работъ, ни числа рабочихъ дней. Въ 1738 г. правительство само жаловалось, на *всегдашнюю непрестанную* работу помѣщичьихъ крестьянъ, вслѣдствіе которой крестьяне не только что не могутъ платить исправно государственныя подати, но и на свое годовое пропитаніе не могутъ добыть себѣ хлѣба (П. С. № 7.494). Тѣмъ не менѣе ни предложеніе Посошкова, ни записка П. И. Панина, объ установленіи законнаго размѣра барщины, какъ мы видѣли, не были приведены въ исполненіе, и если крестьяне, послѣ закона 1797 г. о трехдневной барщинѣ и о досугѣ въ воскресные и праздничные дни, иногда работали цѣлую недѣлю, а въ знойное страдное время работали иногда и по праздникамъ — и не только днемъ, но и ночами, — то что было до изданія этого закона?

Мы знаемъ, что переводъ крестьянъ изъ разряда пашенныхъ и наоборотъ предоставлялся полному произволу владѣльцевъ. Оторвать крестьянина отъ пашни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ роднаго угла и семьи, и перевесть его во дворъ, на глаза барскіе — было для него всегда весьма отяготительно. А между прочимъ, правомъ этимъ помѣщики пользовались весьма неумѣренно, вслѣдствіе искони укоренившейся привычки къ многочисленному дворовому штату. Привычка къ такому штату существовала уже при Олеаріи (Соловьева: Т. XI). О ней свидѣтельствуетъ и Котошихинъ, говоря, что бояре и другіе служилые люди держали въ своихъ домахъ многочисленную прислугу—иногда отъ 100 до 1.000 человѣкъ «сколько кому можно, смотря по своей чести и по животамъ» (стр. 126). Гордонъ, знавшій хорошо Россію конца 17 ст., подтверждаетъ Котошихина, свидѣтельствуя, что знатные господа держали дворню отъ 300 — 500 человѣкъ (Устряловъ: Т. III). То же самое говоритъ и кн. Щербатовъ: «за честь себѣ бояре считали, когда ѣдитъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ 50 слугъ пѣшкомъ; слыхалъ я, что и самыя боярыни не токто куда во знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣднѣ къ своему приходу стыдились безъ предшествованія 20 или 30 слугъ ѣхать» (О поврежденіи нравовъ. . . стр. 11). Между дворовою прислугою начинаютъ появляться ливрейные уже въ 17 ст.: Никита Ивановичъ Романовъ первый одѣлъ своихъ людей въ ливрею [101]).

Обычай окружать себя многочисленной дворней перешелъ къ шляхетству 18 и дворянству 19 ст. Не говоря о богатыхъ помѣщикахъ, многочисленная дворня наполняла дворы не только помѣщиковъ средняго состоянія, но даже мелкопомѣстныхъ. Мы видѣли, какую дворню оставилъ своимъ наслѣдникамъ гр. Салтыковъ; Кларкъ сосчиталъ слугъ Орлова—ихъ было не менѣе 500: одни одѣтые въ великолѣпныя ливреи, другіе въ лохмотьяхъ. Придворные штаты гр. Разумовскаго въ Батуринѣ, кн. Куракина въ Надеждинѣ, Саратовской губерніи, не уступали пышностію и этикетомъ штатамъ мелкихъ владѣтельныхъ особъ. Вельможи въ своей сельской жи-

зни — пародировали обстановку монарховъ. Интересно описаніе Вигеля жизни кн. А. Б. Куракина въ Надеждинѣ. Онъ сочинилъ себѣ тамъ нѣчто подобное видѣннымъ имъ дворамъ— дармштадтскому или веймарскому. Бѣдные дворяне принимали у него, за большую плату, должности дворецкихъ, шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; при немъ состояли: секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекарь; множество любезниковъ безъ должностей составляли его свиту. При его дворѣ устроивались иногда большіе выходы, и все было подчинено строжайшему этикету и церемоніалу (Ч. 1-я стр. 203). Вельможи давали тонъ: ему слѣдовало среднее и даже мелкое дворянство. Мы помнимъ, какъ средней и мелкой руки малороссійское дворянство старалось воспроизводить въ миніатюрѣ широкую и барскую обстановку кн. Н. Гр. Рѣпнина въ Яготинѣ—какъ между нимъ развелись болѣе или менѣе *рѣпниноватые*, какъ говорилось, помѣщики. Кто не помнитъ, какъ при крѣпостномъ правѣ у иного дворянина было всего отъ 50 до ста душъ крестьянъ, а лакейская переполнялась лакеями и казачками, кухня — поварами и поваренками, конюшня — кучерами и форейторами и т. д.? А для всего этого нужно было отвлечь мужика отъ родной нивы. Правительство при императорѣ Николаѣ было очень озабочено изысканіемъ средствъ уменьшить въ Россіи число дворовыхъ людей: въ 1839 г. главноуправляющій II отд. собственной е. и. в. канцеляріи, Блудовъ, представилъ о томъ записку; а въ 1844 г., подъ предсѣдательствомъ самого государя, составленъ секретный комитетъ, спеціальная цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ изыскать средства къ уменьшенію числа дворовыхъ людей въ Россіи и къ улучшенію ихъ плохаго положенія. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли комитетъ считалъ воспрещеніе перечисленія крестьянъ въ дворовые и содѣйствіе обратному дѣйствію: но комитетъ не подѣлалъ ничего, и только послѣдняя ревизія воспретила неограниченный переводъ въ дворовые. Но это уже было накапунѣ отмѣны крѣпостнаго права, когда число дворовыхъ людей обоего пола простиралось до 1.382.783 душъ.

Одинъ изъ весьма характерныхъ способовъ извлеченія дохода изъ крѣпостныхъ состоялъ въ образованіи изъ нихъ хоровъ музыкантовъ и пѣвчихъ и труппъ актеровъ — не только для собственнаго удовольствія, но и для денежной выручки. Даровитая русская натура заявляла себя: оторванные отъ сохи или плуга, насильственно засаженные за скрыпку или віолончель, нерѣдко изъ подъ кнута, крѣпостные достигали иногда артистическаго музыкальнаго совершенства. Мы слышали объ одномъ крѣпостномъ скрыпачѣ, за котораго другой помѣщикъ предлагалъ владѣльцу 20 т. р. — Мы знали скрыпача *Артемку* изъ оркестра одного малороссійскаго помѣщика — глубокаго артиста, воспитанника вѣнской консерваторіи.

Заведеніе этихъ крѣпостныхъ оркестровъ и труппъ въ особенности распространяется при Екатеринѣ II. Нерѣдко помѣщики извлекали изъ нихъ денежную выручку: крѣпостные оркестры играли на ярмаркахъ, крѣпостные актеры *ломали камедь* въ губернскомъ городѣ. Оркестры существуютъ до самаго послѣдняго времени, труппы же выводятся въ царствованіе Александра I. Онѣ были распространены въ особенности вконцѣ 18 и вначалѣ 19 столѣтій. Вигель говоритъ, что въ Пензѣ, вконцѣ прошлаго вѣка, было три труппы крѣпостныхъ актеровъ. Одна изъ нихъ принадлежала помѣщику Г. Г., который выгонялъ на сцену всю свою дворню — отъ дворецкаго до конюха и отъ конюха до портомойки. «Все это были какакія-то страдальческія фигуры, вспоминаетъ Вигель, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяны и бѣлила, были иногда замѣтны синія пятна» (ч. 2, стр. 72). Весьма извѣстна была также въ Малороссіи вначалѣ текущаго вѣка крѣпостная труппа Ширяя, а о крѣпостномъ театрѣ гр. Каменскаго, существовавшемъ въ Орлѣ въ 1827 и 1828 годахъ, интересное описаніе сдѣлано гр. Бутурлинымъ (З. Черниговск. стат. ком. кн. 2-я стр. 145. Р. Арх. 1869 г. № 10 [101]).

Помѣщики обучали своихъ крѣпостныхъ и живописи, и нерѣдко выходили изъ нихъ замѣчательные мастера. Шевченко — не единственный примѣръ въ этомъ родѣ: мы помнимъ,

напримѣръ, одного геніальнаго копіиста изъ крѣпостныхъ кн. Рѣпнина. Случалось иногда, что крѣпостнымъ давали блистательное образованіе, чтобъ потомъ утилизировать ихъ таланты и знанія. Это нѣчто въ родѣ рабовъ-литераторовъ и артистовъ въ Римѣ. Богатый заводчикъ Твердышевъ своего крѣпостнаго человѣка, Дороѳея Серебрякова, обучалъ въ славяно-греко-латинской академіи латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству. Лирикъ Петровъ давалъ ему уроки въ краснорѣчіи и поэзіи (Ив. Ив. Дмитріева: Взглядъ на мою жизнь, стр. 23).

Мы видѣли, какъ законодательство опредѣляло обязанность помѣщиковъ продовольствовать своихъ крестьянъ въ голодные годы, которые у насъ бывали и бываютъ весьма часто. Недостаточныя требованія закона далеко не исполнялись въ жизни. А между тѣмъ голодъ иногда бывалъ ужасный, и крестьяне терпѣли отъ него много. Чтобъ судить о томъ, до какой степени доходили иногда неурожаи, мы приведемъ свидѣтельство кн. Щербатова о голодѣ 1788 г. Вначалѣ его московская, калужская, тульская, бѣлгородская, рязанская, тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣвали такой голодъ, что крестьяне ѣли солому, мякину, листья, сѣно, лебеду. Но не доставало и этихъ продуктовъ, и лебеду покупали по 4 р. за четверть. Кн. Щербатову изъ алексинской его вотчины привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, 2 изъ мякины и 2 изъ лебеды. Онъ въ *ужесть пришелъ*: въ эти хлѣбы едва четверка освяной муки была положена. Но когда показалъ ихъ другимъ, то услышалъ въ утѣшеніе, что эти хлѣбы еще хороши, а есть и похуже (Чтенія 1860, кн. 1-я). Конечно, въ такіе неурожайные годы, нѣкоторые помѣщики сами бывали поставлены въ крайнюю нужду, и иногда при всемъ своемъ желаніи не могли продовольствовать своихъ крестьянъ. Мы помнимъ голодъ въ Малороссіи, когда семейства небогатыхъ помѣщиковъ сами испытывали недостатокъ въ хлѣбѣ. Нерѣдко бывали такіе случаи и въ 18 вѣкѣ: въ 1734 г. крестьяне смоленской губерніи, претерпѣвавшіе голодъ, за убожествомъ ихъ помѣщиковъ, не получали хлѣба

на *съмена* и на *ъмена*, такъ что поля ихъ оставались не засѣянными (№ 6.609). Правительство въ такихъ случаяхъ не могло попрекнуть помѣщиковъ, но оно часто имѣло основаніе попрекать имъ нерадѣніемъ о продовольствіи своихъ крестьянъ. Эти попреки встрѣчаются, какъ въ 18 столѣтіи, такъ можетъ быть еще больше въ 19, когда правительство стало обращать на то бо̀льшее вниманіе. Мы это видѣли выше, когда разсматривали, какъ опредѣляло законодательство обязанность помѣщиковъ продовольствовать крестьянъ въ голодные годы. Опредѣленія законодательства были несовсѣмъ точны, да онѣ мало и исполнялись. При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1735 г., сенатъ получалъ изъ губерній и провинцій рапорты, какую нужду претерпѣваютъ въ хлѣбѣ крестьяне помѣщичьи, неимѣющіе достаточно ржи для обсѣменія полей и скитающіеся по міру за милостынею (№ 6.653). Сенатъ приказываетъ мѣстнымъ властямъ *смотрѣть за помѣщиками и принуждать ихъ къ пропитанію* крестьянъ (№ 6.682). Елизавета Петровна предписываетъ также *принуждать помѣщиковъ о доставленіи крестьянамъ* пропитанія и сѣменъ на засѣвъ полей (№ 9.709, 10.299).

При Екатеринѣ II въ 1782 г. въ одномъ памѣстничествѣ открылось, что нѣкоторые владѣльцы, «отвергнувъ весь стыдъ и человѣколюбіе», чтобы избавиться отъ содержанія и платежа подушныхъ податей за своихъ крестьянъ, приведенныхъ болѣзнями и *старостью въ сущее безсиліе*, при приближеніи народной переписи, стали отпускать ихъ на волю, удерживая у себя ихъ семейства. Вольноотпущенные старцы и калѣки скитались по разнымъ мѣстамъ, снискивая пропитаніе отъ мірскаго подаянія, хотя, какъ говоритъ сенатскій указъ, когда ихъ лѣта и силы дозволяли, употребляемы они были къ услугамъ и приносили пользу своимъ владѣльцамъ (№ 15.603). — Императоръ Александръ I писалъ въ 1816 г. херсонскому военному губернатору, гр. Ланжерону, что, по свѣдѣніямъ, нѣкоторые помѣщичьи крестьяне въ херсонской губерніи *разорены до такой степени*, что не *имѣютъ никакой собственности*, а потому надъ имѣніями дворянъ, не брегущихъ о

благѣ крестьянъ, учреждать опеки (№ 26.254). Въ то же время помѣщичьи крестьяне минской губерніи мозырскаго уѣзда претерпѣвали большой недостатокъ въ хлѣбѣ, а помѣщики и арендаторы не только мало обращали на то вниманіе, но еще стѣсняли ихъ отяготительными работами (№ 27.316). Еще прежде, въ 1802 г., извѣстный уже намъ помѣщикъ Орловъ, вовремя голода, имѣя нарочитое въ своей вотчинѣ количество ржи, питалъ своихъ крестьянъ мякинным хлѣбомъ, едва годнымъ къ употребленію, раздавая его притомъ вѣсомъ и малыми порціями (№ 20.217). Нерадѣніе о продовольствіи крестьянъ продолжалось и при императорѣ Николаѣ. Вовремя голода 1851 г. раздавались помѣщикамъ суммы изъ продовольственнаго капитала. Начальникъ смоленской губерніи доносилъ: «соблазнъ къ полученію денегъ дѣйствовалъ сильно на всѣхъ помѣщиковъ, находившихся и ненаходившихся въ нуждѣ, и многіе помѣщики, *получивъ деньги, не употребляли ихъ для той цѣли, для которой получили, или отдавали только часть, оставляя крестьянъ своихъ въ бѣдствіи*» (Варадинова: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

Не малымъ также бѣдствіямъ подвергались крестьяне и вслѣдствіе переселенія ихъ изъ одного имѣнія въ другое, не только другаго уѣзда, но иногда и другой отдаленной губерніи. Переселенія же эти совершались очень часто, и иногда даже по прихоти владѣльца, безъ всякихъ хозяйственныхъ резоновъ. Мы знавали одного помѣщика въ Малороссіи, который постоянно переводилъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. Едва крестьяне, переведенные изъ имѣнія А въ имѣніе Б, успѣвали обжиться и устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ опять ихъ переселяли изъ Б въ А. О размѣрахъ, какіе иногда имѣли эти переселенія въ 18 в., можно судить по тому, что передъ второй ревизіей находились въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имѣнія, помѣщики которыхъ со всѣми своими крѣпостными неизвѣстно куда выѣхали, оставивъ земли пустыми и безхозяйными (№ 8.619). Случалось, что помѣщики переселяли своихъ крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой, чтобы отбыть отъ повинностей: такъ въ 1773 г. помѣщикъ казанской губерніи, Бар-

довскій, перевелъ своихъ крестьянъ изъ казанскаго уѣзда въ уфимскій, чтобы избавиться отъ подушнаго оклада и рекрутчины, лежащихъ на его крестьянахъ по казанскому уѣзду (№ 13.984). Если вѣрить Вигелю, Мордвиновъ, вѣроятно изъ благороднѣйшихъ помѣщиковъ своего времени, купилъ въ пензенской губерніи 1.000 душъ, разсчитывая на плодородіе. Имѣніе оказалось малоземельнымъ, неприносящимъ никакого дохода. Мордвиновъ хотѣлъ накупить земель въ степяхъ саратовской губерніи, чтобы переселить туда половину пензенскихъ крестьянъ (Воспоминаніе ч. 3-я стр. 43). — Переселенія эти во всякомъ случаѣ для крестьянъ были бѣдственны: кромѣ нравственнаго горя — покинуть родину и близкихъ сердцу родныхъ и односельцовъ, не малы были также и потери хозяйственныя. Послѣднія увеличивались отъ злоупотребленій: помѣщикъ Жадовскій (см. выше) въ 50 годахъ, по переводѣ своихъ крестьянъ изъ пензенской губерніи въ оренбургскую, продалъ ихъ домы и на корню хлѣбъ и вырученныя деньги употребилъ въ свою пользу, а избы, данныя на новоселье, положилъ въ цѣну, вычитаемую изъ ихъ заработковъ (Любавскій т. II стр. 335).

Исчисленные нами факты, конечно, болѣе качественные, чѣмъ количественные. Но все-таки они до извѣстной степени обрисовываютъ хозяйственное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Бѣдствія этого положенія не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію. Кто не знаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которые радѣли о своихъ крѣпостныхъ, какъ о собственной семьѣ, для которыхъ продовольствіе крестьянъ было святою обязанностію, самымъ честнымъ образомъ ими исполняемой? Народъ, покрайней-мѣрѣ, зналъ такихъ помѣщиковъ, и сложилъ про нихъ поговорку «*не станетъ хлѣба — баринъ дастъ*». Народъ любилъ такихъ помѣщиковъ, какъ своихъ родныхъ отцовъ, и нерадъ былъ даже отмѣнѣ крѣпостнаго права, прекращавшей исконную связь съ батюшкой-бариномъ. Такіе помѣщики особенно часто встрѣчались въ Великой Россіи; менѣе знала ихъ Малороссія, помѣщичій классъ которой подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ.

Притомъ, небрежность относительно хозяйственнаго обезпеченія своихъ крестьянъ большей части другихъ владѣльцевъ, часто обусловливалась причинами, лежавшими въ самой средѣ, въ атмосферѣ, окружившей дворянство. Допетровская простота нравовъ и потребностей замѣнилась страстнымъ стремленіемъ къ роскоши, разнообразными и искусственными потребностями, усвоенными вмѣстѣ съ цивилизаціей западной Европы. Щербатовъ въ одномъ своемъ памфлетѣ шагъ за шагомъ слѣдитъ за развитіемъ этой роскоши, этихъ искуственныхъ потребностей двора, аристократіи и рядоваго дворянства. Правительство иногда озирается, и начинаетъ издавать предписанія противъ роскоши. Но какую убѣдительность для дворянства могли имѣть предписанія Елизаветы Петровны, напримѣръ, не носить дорогихъ кружевъ, парчей и штофовъ, когда у самой матушки — государыни вовремя московскаго пожара сгорѣло 4.000 платьевъ? Дворъ самъ подавалъ примѣръ роскоши, аристократія, по-самому положенію своему, не должна была отставать отъ него, за аристократіей тянулось шляхетство рядовое. Къ этому присоединились и новыя, разрушительныя для дворянскихъ состояній, привычки. Избавленное отъ обязательной службы, досужее дворянство пристращается къ карточной игрѣ, которую ведетъ *запоемъ*. Правительство тщетно борется съ этой страстью отъ Петра Великаго и до императора Николая; оно тщетно запрещаетъ дворянству играть на деньги *и на людей*, позволяетъ въ такія азардныя игры, какъ фаро, квинтичъ и др., играть въ апартаментахъ двора, а въ знатныхъ дворянскихъ домахъ допускаетъ только ломберъ, кадрилію, пикетъ, контру и памфилъ (П. С. № 11.275): Екатерина II жалуется, что карточная игра разоряетъ старыя дворянскія фамиліи (П. С. № 11.877), что въ 1765 г. въ Россіи было истреблено 23.000 дюжинъ картъ (П. С. № 12.530). Александръ I говоритъ, что азардная игра производится *безъ зазора и страха* (П. С. № 19.938).

Для удовлетворенія новымъ потребностямъ, новымъ привычкамъ нужны были деньги и деньги. А гдѣ ихъ взять въ земледѣльческой странѣ, когда продукты ни по чемъ? Правда,

въ голодные годы цѣны баснословныя, и въ 1788 г., какъ мы видѣли, за четверть лебеды брали по 4 р. Въ обыкновенные же годы цѣны были такія, что имѣніе могло давать мало денегъ: Энгельгардтъ свидѣтельствуетъ, что въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія имѣніе въ сто душъ въ нижегородской губерніи приносило доходу едва 100 р. въ годъ. Да и какъ могло быть иначе, когда въ низовыхъ губерніяхъ въ то время четверть ржи стоила 25 к. (З. Энгельгардта: стр. 3), а въ Малороссіи въ 1738 г. озимая пшеница покупалась по 1 р. 4 к. четверть, жито — по 24 к., а овесъ (близъ Лохвицы) — по 18 к. четверть (Дневн. Зап. Марковича: ч. II, стр. 49)? Сколько же нужно было продать четвертей ржи, пшеницы или овса, чтобы сдѣлать парчевой или атласный кафтанъ, отдѣлавъ его богатыми кружевами, угостить гостей заморскимъ виномъ, прокатиться въ нѣмецкой каретѣ?

Отученное-же всей предшествовавшей своей исторіей отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, какъ могло шляхетство улучшать доходы своихъ имѣній?

Вѣчные царскіе слуги — премьеръ-майоры или вахмистры гвардіи, пока они не сдѣлались *стары, дряхлы, слѣпы* и *усѣчны*—какими агрономами могли быть наши помѣщики въ 18 вѣкѣ? И крестьянскій трудъ — крестьянскіе оброки и барщина—дѣлается главнымъ рессурсомъ шляхетства. Какъ было, при такомъ порядкѣ вещей, *дать крестьянину обрости и не стричь его яко овцу?* А между прочимъ, имѣнія оскудѣвали: трудно было платить и подушную подать, по которой накоплялись большія недоимки, для взысканія которыхъ употреблялись строгія мѣры — брались въ опеку и продавались съ молотка дворянскія имѣнія. Запутывались дѣла не только рядоваго дворянства, но и аристократіи. Какъ могли, при такомъ банкротствѣ хозяйственномъ, шляхетскія фамиліи *пребывать ясными въ своей непоколебимости*, какъ того добивался Петръ Великій? Правительство старается спасти разоренныя имѣнія знатныхъ дворянскихъ фамилій. Имѣнія расточителей берутся въ опеку, какъ, напримѣръ, поручиковъ гр. Салтыковыхъ при Екатеринѣ II (П. С. № 14.331). Надъ имѣніями,

обремененными долгами, учреждаются *попечительства*, первый примѣръ которыхъ мы встрѣчаемъ въ 1816 г. въ имѣніяхъ гр. Хвостова (П. С. № 26.310), второй — въ имѣніи гр. Головкиной, въ 1820 г. (П. С. № 28.349). Потомъ учреждался рядъ попечительствъ надъ имѣніями: гр. Шуваловыхъ, гр. Комаровскаго, Цуриковой, кн. Рѣпнина, кн. Куракина, гр. Разумовскаго, гр. Соллогуба, Нарышкина, пока закономъ императора Николая I, 1837 г., не было запрещено учреждать попечительства по дѣламъ частныхъ лицъ, *какого бы они ни были дворянскаго происхожденія*.

Учрежденіемъ кредитныхъ заведеній, открывшихъ кредитъ дворянству подъ залогъ ихъ имѣній, правительство старалось подать дѣятельную помощь *дворянскимъ родамъ*, *стенающимъ подъ бременемъ долговъ*.

Елизавета Петровна 13 мая 1754 г. учреждаетъ государственный заемный банкъ, для того, чтобы доставить своимъ подданнымъ, и *болѣе всего дворянству*, средства занимать деньги съ меньшими процентами, такъ какъ многіе изъ нихъ приходили въ *убожество и разореніе*, платя по 12, по 15 и по 20%. Банкъ былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ при сенатѣ и въ Москвѣ при сенатской конторѣ, и образовалъ два отдѣленія, которыя именовались *конторами государственнаго банка для дворянства*. Банкъ бралъ по 6% съ рубля въ годъ, и давалъ въ *одни руки* не болѣе 500 или 1.000 р., не долѣе какъ на *одинъ годъ* и не иначе, какъ подъ залогъ населенныхъ имѣній, по 50 р. на душу, или за поручительствомъ знатныхъ и пожиточныхъ людей (П. С. № 10.235). Дворянство, конечно, бросилось занимать деньги изъ государственнаго банка, и на первыхъ же порахъ оказалось должникомъ неисправнымъ: такъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка прапорщикъ Салтыковъ, занявъ изъ банка деньги, и просрочивъ платежемъ, по неоднократнымъ повѣсткамъ, въ контору банка не являлся, денегъ не приносилъ и не подавалъ объявленія объ отсрочкѣ (П. С. № 10.513). Кромѣ того, на первыхъ же порахъ существованія банка случались и такія исторіи: въ

1754 г. прапорщикъ выборгскаго гарнизоннаго полка, Ив. Бочаровъ, занялъ изъ банка 250 р., заложа въ немъ свое недвижимое имѣніе, рыльскаго уѣзда въ д. Прошиной 25 д. За несостоятельностію должника, имѣніе было описано, и оказалось, что на его часть приходилось только 4 души и 5 четв. земли. Поручителями же по немъ явились: отставной капитанъ, Степанъ Хорюковскій, состоящій въ крайней нищетѣ, а второй, подписавшійся въ обязательствѣ прапорщикомъ, былъ солдатскимъ сыномъ, сержантомъ углицкаго пѣхотнаго полка (П. С. № 10.713). Очень скоро сроки на взносъ въ государственный банкъ занятыхъ дворянствомъ суммъ были повышены: въ 1754 г. установлена отсрочка на 3 года, въ 1758 г. прибавленъ еще годъ, въ 1759 г. еще велѣно продолжить, но и затѣмъ должники просрочивали, вслѣдствіе чего въ 1761 г. отсрочено до 8 лѣтъ (П. С. № 10.973, 11.340). — Въ 1772 г. учреждены банковыя экспедиціи въ Оренбургѣ, Казани и Нижнемъ, для вспомоществованія дворянамъ, имѣнія которыхъ были разорены возмущеніемъ (П. С. № 14.414). 22 іюня 1786 г. устройство банка преобразовано и измѣнены правила ссудъ. Дворяне получали ссуду на 20 лѣтъ, обязываясь ежегодно платить 5% и 3% погашенія. Банкъ давалъ не иначе, какъ подъ залогъ населенныхъ имѣній, полагая крестьянина въ 40 р., и выдавая въ однѣ руки не менѣе 1.000 р., подъ залогъ 25 душъ (П. С. № 16.401, 16.407). Декабря 18 1797 г. былъ изданъ императоромъ Павломъ манифестъ объ учрежденіи *государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства*: «съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ», говоритъ манифестъ, «что многіе дворянскіе роды, стеная подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или небережливостію нажитыхъ, *немногіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть усугубляли* свои долги, . . .» Банкъ долженъ дѣлать вспоможенія тѣмъ дворянскимъ фамиліямъ, имѣнія которыхъ обременены долгами, выдавая подъ залогъ крестьянской души въ губерніяхъ 1-го класса

по 75 р., 2-го—65 р., 3-го—50 р. и 4-го 40 р.—(П. С. № 18.274, 18.383). Съ какою жадностію стало прибѣгать дворянство къ ссудамъ вспомогательнаго банка, показываетъ № 25 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1800 г., въ которомъ перечислено количество ссудъ, выданныхъ банкомъ.

Какъ заявилъ депутатъ трубчевскаго дворянства, Бровцынъ, въ коммисіи 1767 г., кредитомъ государственнаго банка пользовались преимущественно зажиточные дворяне, которые побрали оттуда такія большія суммы, что за выдачею ихъ не осталось и малаго количества денегъ для бѣднаго дворянства (Сб. Р. Ист. общ. Т. IV. стр. 202). Бѣдному дворянству старались помочь учрежденіемъ приказовъ, всѣ суммы которыхъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Щербатовъ, были розданы дворянству на %, чрезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ихъ учрежденія, такъ что въ голодъ 1788 г. у приказовъ не было денегъ для народнаго продовольствія (Чт. кн. 1-я 1860). *Благотворительныя общественныя* учрежденія превратились, такимъ образомъ, въ *кредитныя дворянскія*, что постигло также и опекунскій совѣтъ, учрежденный Екатериной II при московскомъ воспитательномъ домѣ, въ 1763 г. (П. С. № 11.908). Большая часть дворянскихъ имѣній была заложена и перезаложена въ этихъ, по первоначальной ихъ идеѣ, *благотворительныхъ учрежденіяхъ*.

Императоръ Николай I манифестами 1830 г. (2- П. С. № 3.399) и 1839 г. (2-е № 12.497), облегчивъ условія займа изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, понизилъ банковые % и увеличилъ размѣръ ссудъ. Въ день бракосочетанія наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго государя императора, 16 апрѣля 1841 г., губерніи, для выдачи ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, были раздѣлены на три разряда: 1) по 70 р. на душу, когда на нее причиталось не менѣе 4 дес. земли, а иначе 60 р., 2) 60 или 50 р., 3) 50 или 40 р. Установляя эти размѣры, императоръ повторилъ свою прежнюю надежду, что новыя ссуды обратятся *«не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію долговъ расточительности, а къ лучшему устрой-*

ству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему еще усовершенствованію земледѣлія, и къ расширенію сельской и всякой другой полезной промышленности» (2-е № 14.461). Но оправдало-ли дворянство надежды покойнаго императора? Масса долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ не переставала накопляться, безъ *всякаго усовершенствованія земледѣлія* или *другой полезной промышленности;* имѣнія не выходили изъ опекъ за неплатежъ въ приказы; нерѣдко онѣ продавались и съ молотка. До какой степени бонкротства дошло бы наше дворянство, еслибъ законъ 1859 г. не отмѣнилъ залога и перезалога ихъ имѣній въ кредитныя установленія (2-е № 34.379), а послѣдовавшее затѣмъ упраздненіе крѣпостнаго права не вывело бы его на путь правильнаго и раціональнаго сельскаго хозяйства, основаннаго не на одной эксплуатаціи крѣпостнаго труда?

в) Если значительная доля вины въ эксплуатаціи и разореніи крестьянъ дворянствомъ можетъ быть сложена на ихъ безденежное хозяйственное положеніе, на множество новыхъ потребностей, для удовлетворенія которымъ были такъ малы средства ихъ имѣній, то тѣ же самыя причины обусловливали и непомѣрное развитіе торговли крестьянами, которую тщетно старалось ограничить законодательство своими колеблющимися и нерѣшительными мѣрами. Что крестьянъ приходилось иногда помѣщикамъ продавать *по нуждѣ*, показываютъ нѣкоторыя объявленія о ихъ продажѣ. Вотъ, напримѣръ, объявленіе № 100 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1796 г.: «продается *отъ нужды* 17 лѣтъ дворовый человѣкъ, башмачникъ», или въ № 26 за 1800 г.: «*отъ нужды* продается дѣвка». Но крѣпостной крестьянинъ былъ предметомъ не только купли —продажи, но и мѣны, даренія, какъ всякая другая движимая собственность.

Мы видѣли, что уже вначалѣ 18 столѣтія мелкое шляхетство продавало своихъ крѣпостныхъ, по выраженію Петра Великаго, *какъ скотовъ*. Развитію этой продажи весьма содѣйствовало право, предоставленное людямъ всѣхъ званій, покупать крѣпостныхъ и ставить ихъ за себя въ рекруты. Предъ

всякимъ рекрутскимъ наборомъ производилась торговля крѣпостными въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Болтинъ, на глазахъ котораго совершалась она, говоритъ: «нѣкоторые помѣщики, въ удовлетвореніе жадности своей къ корысти, продаютъ охотно рабовъ своихъ въ рекруты, и признаютъ то прибыльнымъ торгомъ, какъ и въ самой вещи есть, еслибъ не сопряжено было сіе дѣйствіе съ жестокостію и безчеловѣчіемъ. Зналъ я одного такого, который промотавшися, всѣхъ до единаго крестьянъ своихъ продалъ въ рекруты, и такимъ средствомъ долги свои оплатилъ, а деревня осталася за нимъ, но остались одни старики, малолѣтные, увѣчные и женщины» (Примѣчанія на Леклерка, ч. 2-я стр. 121). Въ № 82 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1796 г. читаемъ: «въ московской-ямской, близь Глазова кабака, въ домѣ подъ № 2.010, у купца Гусева есть продажные четыре въ рекруты годные человѣка, которыхъ покажетъ дворникъ Степановъ». Екатерина II въ письмѣ къ Архарову жалуется, что помѣщикъ тверскаго намѣстничества, Николай Хитрово и сестры его дѣтицы, проживающія въ Москвѣ, продаютъ своихъ крестьянъ на выборъ, порознь по душамъ. Намѣреваясь продать всѣхъ годныхъ, они потребовали, чтобъ изъ вотчины ихъ прислать имъ, разрозня отъ семействъ, 30 дѣвокъ на выборъ и одну вдову съ дочерью (Р. Арх. ч. 2-й стр. 458).

Но жалуясь на торговлю крестьянами, Екатерина II сама попускала ее, можетъ быть, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ: къ концу ея царствованія, торговля эта производилась самымъ циническимъ образомъ. До какихъ размѣровъ въ самомъ дѣлѣ развилась она къ концу царствованія нашей великой законодательницы 18 вѣка, можно видѣть изъ *извѣстій* «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1796 г. Мы внимательно ихъ перебрали. Мало извѣстныя, они необыкновенно ярко изображаютъ эпоху. Мы считаемъ не безъ интереса привести нѣкоторыя для примѣра. При Елизаветѣ Петровнѣ (мы пересматривали извѣстія за послѣдніе годы ея царствованія) это не водилось. Въ извѣстіяхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1796 г. наряду съ объявленіями о

сбѣжавшихъ собакахъ, о потерянныхъ вещахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщаются награды, мы читаемъ объявленія и о сбѣжавшихъ дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, за возвращеніе которыхъ обѣщается также *довольное награжденіе*. Вслѣдъ за объявленіями о продажѣ коровъ, жеребцовъ, малосольной осетрины, лиссабонскихъ апельсиновъ — объявленія о продажѣ крѣпостныхъ *семьями* и *порознь*, и чаще всего о продажѣ *молодыхъ дѣвокъ собою видныхъ*. Вотъ образчики такихъ объявленій. Въ № 73 читаемъ: «нѣкто, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, продаетъ 11 лѣтъ дѣвочку и 15 лѣтъ парикмахера, за котораго даютъ 275 р., да сверхъ того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкафъ, сундуки, кіота для образовъ и прочій домашній скарбъ». № 75: «Лейбъ-гвардіи семеновскаго полка въ 5 ротѣ, въ домѣ вдовы Мурзиной, продаются: малой 17 лѣтъ и мебели». № 79: «Литейной части, въ 1 кварталѣ, противъ церкви Симеона Богопріимца въ д. купца Пашневскаго № 1.422, продаются: мужской портной, поваръ и башмачникъ, тамъ же вѣнская прочной работы коляска и хорошо выѣзженная верховая лошадь. Желающимъ покупать, подастъ свѣдѣніе о цѣнѣ служитель Андрей Дмитріевъ». № 77: «Въ московской-ямской, близъ кузницы въ домѣ майорши Кандауровой продается 18 лѣтъ деревенская дѣвка, о которой спросить у дворника, а въ 3-й адмиралтейской части, въ Конномъ переулкѣ подъ № 903 продаются двѣ деревенскія дѣвки, о которыхъ извѣститься у Кудрякова». «Въ приходѣ церкви Николая чудотворца въ школѣ продается 20 лѣтъ, *собою видная* и къ исправленію горничной работы способная дѣвка. Тутъ же можно извѣститься о продающемся въ Малой Коломнѣ деревянномъ болѣе 250 р. доходу приносящемъ домѣ». Въ № 78, вслѣдъ за объявленіемъ о продажѣ 7 цуговъ сивыхъ въ яблокахъ мериновъ— объявленіе о продажѣ семьи людей — мужа съ женою. Въ № 79, послѣ извѣстія о продажѣ новопригонныхъ колмогорскихъ стельныхъ коровъ, двухъ козъ и бѣлаго козла, читаемъ извѣстіе о продажѣ семьи людей. Въ № 84, послѣ объявленія о продажѣ пары молодыхъ гнѣдопѣгихъ и пары сѣ-

*

рыхъ каретныхъ лошадей и шубы, напечатано о продажѣ дѣвки 20 лѣтъ. № 87 «Въ Большой Подъяческой въ д. столяра Мейера продаются у жильца въ среднемъ этажѣ семья людей, зеркала и другія мебели». Затѣмъ извѣстіе о продажѣ четверки лошадей. Въ № 90 (уже при Павлѣ) «продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь. *Ихъ* видѣть можно у Пантелеймона противъ мясныхъ рядовъ въ Меншуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева». Если кто нуждался въ людяхъ, тотъ объявлялъ: «Желающіе продать лѣтъ 30 бабу, которая бы умѣла шить и гладить бѣлье, да лѣтъ 13 дѣвочку, могутъ о семъ дать знать на петербургскую сторону въ Зелейной улицѣ, въ 3 отъ перевозу домъ». Такая продажа, впрочемъ производилась и впродолженіе всего царствованія императора Павла: въ № 51 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1797 г. читаемъ извѣстіе о продажѣ дѣвки, умѣющей шить и другой горничной, а вслѣдъ затѣмъ извѣстіе о продажѣ 4 паръ гончихъ сабакъ и 15 щенковъ, въ № 75: продается дѣвка 16 лѣтъ и поѣзженная карета, № 78: 20 лѣтъ дворовой человѣкъ парикмахеръ и лучшей породы корова, въ № 81: карета, мебели, разныя фруктовыя деревья и дворовая дѣвка; № 82: каменный домъ, карета, лошадь и молодой въ рекруты годный человѣкъ, № 86: каменный домъ съ мебелью, пожилыхъ лѣтъ мужчина и женщина и молодыхъ лѣтъ холмогорская корова; № 38 за 1798 г.: пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки; № 1 на 1800 годъ: портной, зеленый забавный попугай и пара пистолетовъ и т. д. Иногда производилась продажа за излишествомъ: такъ № 46 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на 1798 г. объявлялъ о продажѣ за *излишествомъ* 16 лѣтней дѣвки. Мы не услѣдили, до какого года продолжаются подобнаго рода публикаціи нашей академической газеты: вѣроятно, онѣ захватываютъ и послѣдующее время.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ тому поколѣнію, которому посчастливилось видѣть обновленіе великой родной земли—по мановенію одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ монарховъ, какихъ только знаетъ исторія человѣчества!

Приведенные факты слишкомъ характерны и малоизвѣстны, чтобъ посѣтовать на скромнаго собирателя матеріаловъ для исторіи капитальнѣйшихъ вопросовъ нашего прошлаго общественнаго строя за щедрое ихъ перечисленіе. Насъ занималъ также вопросъ о цѣнѣ продаваемыхъ крестьянъ. Данныя по этому вопросу, которыя удалось намъ собрать, читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ. Цѣна была весьма разнообразна и подвержена обыкновеннымъ колебаніямъ: правительство устанавливало таксу, существовала средняя *дворянская цѣна* (30 р.), по которой, напримѣръ, гр. Шуваловъ предлагалъ въ 1763 году своихъ крестьянъ, въ счетъ уплаты своего долга въ казну, постоянно видоизмѣнялась цѣна рыночная. Кларкъ говоритъ, что цѣна мальтійскаго ордена, который по замѣчанію Гебера можно было купить за 1.200 р., равнялась 300 крестьянамъ (Voyages... p. 193). Но это едва-ли справедливо: за простаго калмыченка въ 1741 г. платили 3 р.; Марковичъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка платилъ за крестьянъ и по 50 р., и гораздо дешевле; генералъ Тирингъ въ первое десятилѣтіе текущаго столѣтія платилъ за мужиковъ и 350 р., и по 190 р. за пару супруговъ и т. д. «С.Петербургскія Вѣдомости» рѣдко объявляли цѣну; иногда просто извѣщалось, что продается *по сходной цѣнѣ* мужикъ или дѣвка (№ 77 на 1797 г.) [104].

Крѣпостныхъ не только продавали, но проигрывали въ карты, несмотря на запрещеніе указовъ играть на людей (№ 9.380); платили ими долги (№ 16.818) [105], давали взятки (Даниловъ: стр. 34), платили врачамъ за леченіе (см. дарственныя записи въ приложеніи). Иногда продавалось на свозъ все крѣпостное населеніе деревни (№ 8.619 п. 5): такъ вдова Аргамакова въ 1773 г. продала на свозъ всѣхъ своихъ крестьянъ деревни Позняковой мещовскаго уѣзда, въ числѣ 195 душъ, за 1.200 р. Изъ этой сдѣлки видно, что помѣщики продавали иногда не наличное крѣпостное населеніе, а записанное по ревизіи: Аргамакова продаетъ съ бѣглыми — число душъ, какъ оно записано по 3-й ревизіи (№ 13.950).

Торговля людьми вызвала особенную отрасль промышленности: мошенническую продажу чужихъ людей за своихъ. Въ Москвѣ въ первой половинѣ 18 ст., въ Зарядьѣ, проживалъ отставной чиновникъ Зурошевъ, который принималъ къ себѣ чужихъ бѣглыхъ людей, и потомъ подложно продавалъ ихъ за своихъ собственныхъ, а подложно проданному не трудно было, согласясь съ продавцемъ, убѣжать и отъ покупателя (Побѣдоносцева: Дѣло объ убійствѣ с. Жуковыхъ, Р. В. т. XXX, 1860). [106]). Возможно было также похищеніе и продажа украденнаго: у купца 1 гильдіи Силина въ услуженіи былъ калмыченокъ. Когда послѣдній гулялъ на кузнецкомъ мосту ,въ 1741 г., на него наѣхалъ какой-то солдатъ, схватилъ его и отвезъ въ с. Мытищи, гдѣ продалъ архимадриту андреевскаго монастыря за 3 р. (Осм. рѣкъ кн. 3-я, ст. 291). Весьма многіе указы запрещали подлоги при продажѣ помѣщиками людей. Генеральное учрежденіе о рекрутскомъ наборѣ 1757 г. постановляетъ за это самыя строгія наказанія. Но подлоги все-таки продолжались: ярославская провинціальная канцелярія въ 1761 г. докладывала сенату, что въ 1759 г. отставной, обрѣтающійся не у дѣлъ, капитанъ Горшковъ, продалъ для отдачи въ рекруты бѣглаго человѣка, принадлежавшаго подпоручику Абатурову (№ 11.359).

Особенно сильно развилась продажа крѣпостныхъ въ Малороссіи, послѣ введенія Екатериной II крѣпостнаго права: есть преданіе, что здѣсь ихъ выгоняли на ярмарки, вмѣстѣ съ баранами и другими животными (Бѣляевъ стр. 320). Малороссійская старшина привыкла къ торговлѣ людьми издавна (См. Записки ген. подскарбія Марковича): имѣя подсосѣдковъ съ правомъ перехода, она старалась пріобрѣтать людей въ крѣпость, которые не имѣли этого права. А постоянныя войны — то съ турками, то съ поляками и татарами — доставляли плѣнныхъ — живой товаръ для торговыхъ операцій. Понятно, почему въ 1798 г. запрещена въ Малороссіи продажа крестьянъ безъ земли; понятно, почему и послѣ этого запрещенія, какъ показываютъ ниже прилагаемые документы, она все-таки не выводилась.

Александръ I засталъ торговлю людьми въ полномъ разгарѣ. Иностранцы, посѣщавшіе Россію вначалѣ 19 ст., разсказываютъ, что продаваемыхъ крестьянъ выставляли на рынкахъ, какъ домашнихъ животныхъ. Таковъ разсказъ Macgill'я, посѣтившаго Россію въ 1808 г., приводимый въ извлеченіи Кларкомъ (Voyages en Russie... T. 3, p. 278). Разсказы иностранцевъ подтверждаются свидѣтельствами отечественными. Богдановичъ въ своей Исторіи Александра I дѣлаетъ одну ссылку на журналъ государственнаго совѣта 1807 г., изъ которой явствуетъ, что при осмотрѣ рязанской губерніи сенаторомъ Руничемъ, оказалось, что изъ сей губерніи и изъ другихъ мѣстъ привозились на урюпинскую ярмарку *скованные* помѣщичьи люди, для продажи ихъ въ розницу (Т. III, стр. 29). Изъ П. С. З. видно, что на урюпиской ярмаркѣ подпоручикъ Гололобовъ, по увѣренности Головина и жены его, продавалъ крѣпостныхъ безъ земли, а нѣкоторыхъ съ разлученіемъ отъ семействъ (№ 23.157).

Мы видѣли, какія мѣры употребляло правительство при Александрѣ I къ ограниченію *постыднаго*, какъ императоръ всегда выражался, *торга людьми*. Сознавая недостатосность предпринятыхъ полумѣръ, предположено было вовсе запретить продажу людей безъ земли. Вопросъ этотъ обсуждался въ государственномъ совѣтѣ, въ 1820 г. Департаментъ законовъ отстаивалъ право продажи безъ земли. Онъ не нашелъ ни одного закона, прямо воспрещающаго не только продажу безъ земли, но и по одиночкѣ, а напротивъ указывалъ на побочные указы, знаменующіе согласіе законодателя на такую продажу. Департаментъ не находилъ и потребности въ изданіи воспретительнаго закона, основываясь на томъ, что продажа людей, при нынѣшнемъ гражданскомъ состояніи Россіи, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Замѣчательно, что воззрѣніе департамента защищалъ и Мордвиновъ. (Чтенія, 1859 г. кн. 2-ая). Но въ основаніи мысли Мордвинова лежала горькая иронія надъ крѣпостнымъ правомъ, что вполнѣ высказалось имъ при новомъ обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ въ 1833 г. Мордвиновъ опять явился сторон-

никомъ продажи людей, но высказалъ при этомъ всю подноготную своего правдиваго взгляда. Онъ попросилъ у совѣта дозволенія высказать объ обсуждаемомъ вопросѣ всю истину. «Отъ горькаго корня, говорилъ онъ, не будетъ плода сладка. На рѣдькѣ не выростетъ ананасъ». Доколѣ рабство между крестьянами существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиночкѣ должна быть допущаема. Она необходима, и часто для проданнаго бываетъ благотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосерднаго господина, отъ скудной и тощей своей нивы, переселяется на ниву просторную и плодородную» (ib. кн. 3-ья). Но ироническая защита Мордвинова не нашла сочувствія въ императорѣ: Николай къ вопросу относился рѣшительнѣе своего предшественника. Николай I понималъ, что иногда, вслѣдствіе продажи, рабы переходили отъ мягкосердаго господина къ лютому, отъ плодородной нивы къ скудной. Состоялся законъ 1833 г., развитый и пополненный въ 1841 г., которымъ продажа крестьянъ значительно была стѣснена. Конечно, продажа людей на прежнихъ основаніяхъ продолжалась иногда и послѣ этого, какъ то видно изъ П. С. З. (2-е № 20.556, 20.711). Но то были уже злоупотребленія, за которыя виновные подвергались отвѣтственности. Лучшіе, мыслящіе члены сословія привѣтствовали радостно законъ 1833 г., какъ впослѣдствіи они привѣтствовали и манифестъ 19 февраля, прекратившій *постыдное обладаніе людьми*. Вотъ что писалъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ смоленскій помѣщикъ Кононовъ, бывшій предводитель дорогобужскаго уѣзда:.... «важныя измѣненія въ государствѣ совершаются, напр. прекращенъ поодиночной торгъ людьми, столь постыдный для человѣчества. Я не совсѣмъ старъ еще, но помню, какъ, по произволу, по прихоти владѣльца, отецъ оставался на родинѣ, а судьба его сына сопрягалась съ судьбою владѣльца новаго, увлекавшаго его своею властію на край необъятной Россіи, а беззащитная дочь того же отца увозилась въ провоположную сторону. Николай I положилъ предѣлъ тому, и филантропъ благословилъ его. Но быть можетъ не всѣ были тѣмъ довольны. Чувство, за то

благословлявшее преимущественно, принадлежитъ дворянству...» (Чтенія 1858 г. кн. 2-ая). [107].

IV. Мы видѣли, что неопредѣленность и фрагментарность постановленій, регулировавшихъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, вызывала на практикѣ нескончаемый рядъ злоупотребленій владѣльческой власти. Эти злоупотребленія вызвали противъ себя реакцію. Реакція сказывалась двояко: А) въ правительствѣ и Б) въ средѣ самыхъ крестьянъ.

А) Петръ Великій, возмущавшійся торговлею людьми, не былъ безучастенъ и къ другимъ злоупотребленіямъ владѣльческой власти. Въ инструкціи воеводамъ 1719 г. постановлялось: «понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житія вотчины свои не токмо снобдѣваютъ, или защищаютъ въ чомъ, но и разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тяжести, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государственныхъ податяхъ умножается доимка».... Земскіе коммисары, объѣзжая свои уѣзды, должны были замѣчать, гдѣ такая пустота являлась, и доносить о томъ воеводамъ. Воевода съ коммисаромъ, при помощи окольныхъ людей, производили слѣдствіе: «отчего оная пустота явилась, и не было ль тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ такого наглаго разоренія»? Результаты слѣдствія представлялись сенату, И если оказывалось, что причина бѣдственнаго положенія крестьянъ «разореніе ихъ помѣщикомъ»—таковой помѣщикъ отдавался до исправленія *подъ началъ*, а въ управленіе его имѣніемъ вступали его будущіе наслѣдники (№ 3.294. п. 30). Этимъ положено начало *опеки* за мотовство помѣщика и за злоупотребленія власти надъ крестьянами. Но отъ кого зависѣла отдача въ опеку? Рѣшителемъ этого вопроса была сторона, солидарно связанная своими интересами съ помѣщиками: воевода — самъ же помѣщикъ и не всегда безукоризненный, земскій коммисаръ — излюбленное лицо помѣщиковъ уѣзда, наконецъ сенатъ, правда всегда возвышающійся надъ мелкою

точкой зрѣнія мѣстныхъ властей, но въ такихъ случаяхъ невсегда нелицепріятный. Сами же угнетенные крестьяне мало-по-малу лишены были права жаловаться на помѣщиковъ: неопредѣленная 23 ст. II-й главы уложенія 1649 г. объ извѣтахъ крестьянъ на своихъ господъ, истолкована въ 18 вѣкѣ (преимущественно указомъ 1767 г. № 12.966) въ томъ смыслѣ, что всякая жалоба крестьянъ на помѣщиковъ — незаконна и влечетъ строгое наказаніе ихъ (Побѣдоносцевъ, Бѣляевъ). Понятны слова наказа 1767 г. «Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно» (Гл. XI. п. 256).

При своемъ великомъ умѣ и благихъ желаніяхъ управляемой ею Россіи, Екатерина II, особенно въ первую пору своего царствованія, не могла не принимать къ сердцу угнетеніе крестьянъ. Впрочемъ, наставленіе губернаторамъ 1764 г. не заключаетъ въ себѣ такого эксплицитнаго постановленія о наблюденіи надъ обращеніемъ владѣлцевъ съ крестьянами, какъ инструкція воеводамъ 1719 г. Мы говоримъ экспицитнаго, ибо въ IV п. наставленія, гдѣ говорится, что губернаторъ недремлющимъ окомъ долженъ взирать на то, чтобы всѣ исполняли съ возможнымъ радѣніемъ свою должность въ его губерніи, общими словами обозначается и обязанность наблюдать надъ отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ (№ 12.137). Эксплицитнѣе въ этомъ случаѣ законъ 1775 г., опредѣляющій должность государева намѣстника: онъ обязанъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія — мотовство, тиранство и жестокости (№ 14.392. Гл. IV п. 84). Но и здѣсь не квалифицируются тѣ злоупотребленія, которыя обязанъ пресѣкать государевъ намѣстникъ. Да едва-ли бы помогла и квалификація: во второй половинѣ царствованія Екатерины II перевѣсъ получили интересы дворянскіе, которые стала крѣпко поддерживать сама императрица. Органами ея были намѣстники: какую же защиту предъ ними могли имѣть крестьяне, угнетаемые своими помѣщиками? Притомъ, учрежденіемъ о губер-

ніяхъ и жалованной дворянству грамотой мѣстный судъ и администрація перешли въ руки выбранныхъ дворянствомъ членовъ своего сословія: коронный элементъ въ судахъ не могъ служить большимъ коррективомъ. Суды могли только постановлять приговоры по открываемымъ злоупотребленіямъ, а самое раскрытіе злоупотребленій было въ рукахъ земской полиціи, душой и тѣломъ связанной съ интересами помѣщиковъ.

Несомнѣнно, что Павелъ I болѣе своей предшественницы, особенно во вторую половину ея царствованія, заботился объ огражденіи крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщиковъ. Строгое правило указа 1767 г., почти безусловно отвергавшее право, подъ угрозою тяжкихъ наказаній—право жалобы на помѣщика, хотя закономъ и не было отмѣнено, но фактически не исполнялось: императоръ, особенно вовремя своихъ поѣздокъ по имперіи, принималъ жалобы, по которымъ иногда производились слѣдствія (Р. Арх. 1870. № 2). Правда, что иногда отъ этихъ жалобъ не было добра и крестьянамъ: вовремя пребыванія своего въ Казани, Павелъ I охотно принималъ отъ крестьянъ жалобы на ихъ помѣщиковъ, но по отъѣздѣ императора мѣстныя власти подвергли челобитчиковъ строгимъ наказаніямъ. (Осмнадц. вѣкъ, кн. 4-я).

Еще сочувственнѣе къ огражденію крестьянъ отъ притѣсненій отнесся Александръ I. Въ первые годы его царствованія подаваема была масса жалобъ крестьянами. Какъ пристрастно производились слѣдствія губернаторами по этимъ жалобамъ, показываетъ одно письмо императора по поводу жалобы крестьянъ на помѣщика Каннабиха (Р. Старина, 1870 № 2). Но несмотря на такое отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ властей, императоръ зорко слѣдилъ за прекращеніемъ злоупотребленій: въ 1802 г. надворный совѣтникъ, Яцына, признанъ былъ властію императора за недостойнаго управлять своимъ имѣніемъ. Имѣніе взяли въ опеку и раздѣлили между наслѣдниками (№ 20.576). Но законъ о наложеніи опекъ мѣстными властями, установленный 84 ст. учр. о губерніяхъ, не вполнѣ былъ опредѣлителенъ. Поэтому, въ практикѣ, при

примѣненіи его, возникали иногда сомнѣнія. Въ 1817 г. с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ предписалъ гражданскому губернатору взять въ опеку имѣніе двухъ помѣщиковъ. Распоряженіе гражданскаго губернатора было исполнено губернскимъ правленіемъ. Сенатъ нашелъ это неправильнымъ. Государь, напротивъ, нашелъ веденіе дѣла правильнымъ, и предписалъ впредь налагать опеку не только генералъ-губернаторомъ, но и военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданскою частію. Относительно же гражданскихъ губернаторовъ предписано исполнять имъ 84 ст. учрежд. о губ. такимъ образомъ, чтобы о назначеніи опеки было составляемо положеніе дворянскимъ собраніемъ, представляемое затѣмъ на утвержденіе сената № 27.266). Въ 1822 г. постановленіе это измѣнено въ томъ смыслѣ, что, гдѣ нѣтъ генералъ-губернаторовъ, назначеніе о взятіи въ опеку имѣнія постановлять собранію губернскихъ и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, совокупно съ дворянскимъ собраніемъ губерніи (№ 29.193). Но этими постановленіями законъ о взятіи въ опеку помѣщичьихъ имѣній за жестокость и расточительность не былъ вполнѣ разъясненъ: оставалось именно не разрѣшеннымъ—имѣютъ-ли генералъ-губернаторы и губернаторы право налагать опеки только на имѣнія, лежащія въ предѣлахъ управляемой ими губерніи, или же и на тѣ, которыя лежатъ въ другихъ губерніяхъ? Когда, на основаніи этой неопредѣленности закона, московскій военный генералъ-губернаторъ наложилъ однажды опеку надъ имѣніями одного помѣщика, лежащими не только въ московской губерніи, но и въ другихъ, и помѣщикъ обжаловалъ это рѣшеніе сенату, то въ 1825 состоялось постановленіе: налагать опеки только надъ имѣніями, лежащими въ предѣлахъ управляемой губерніи (№ 30.297).

Императоръ Николай I, двумя рескриптами на имя министра внутреннихъ дѣлъ въ 1826 г., поставлялъ дворянству въ непремѣнную обязанность «*христіанское и законное обращеніе съ ихъ крестьянами*», такъ-какъ до государя доходили свѣдѣнія «несогласныя съ примѣрами, которыми помѣщики должны быть руководимы, ихъ обазанностями христіанъ и

вѣрноподданныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ возложено на предводителей дворянства наблюдать надъ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ, подъ угрозою взысканія за неисполненіе этой *достойной обязанности*. Предводители обязаны «навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства о обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами», а земскіе исправники обязаны были сообщать имъ всѣ случаи нарушенія помѣщичьей власти. Удостовѣрясь въ правильности донесеній исправника, предводители внушали помѣщику перемѣну обращенія съ крестьянами, а если не достигали цѣли, то представляли о томъ начальникамъ губерніи. Затѣмъ имѣніе помѣщика бралось въ опеку. Но лучше-ли исполняли эту обязанность земскіе исправника, предводители дворянства и начальники губерній въ 19 столѣтіи, чѣмъ земскіе коммисары и воеводы въ 18-мъ? Исправники и предводители дворянства были такіе же излюбленные люди своего сословія, и вмѣстѣ съ губернаторами, такъ же солидарно связанные съ помѣщиками, такъ же оберегавшіе ихъ интересы. А между тѣмъ при Николаѣ I отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ контролировались гораздо болѣе, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія; правила о взятіи въ опеку помѣщичьихъ имѣній дѣлались болѣе опредѣлительными.

Мы знаемъ, какъ опредѣляетъ законъ 1817 г. порядокъ назначенія опекъ: налагать опеки по этому закону могли генералъ-губернаторы и военные губернаторы, управляющіе гражданскою частію, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было— положеніе о назначеніи опеки составлялось дворянскимъ собраніемъ. Но какъ быть въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни генералъ-губернаторовъ, ни губернаторовъ военныхъ, ни дворянскихъ собраній? Вопросъ этотъ возникъ по дѣлу о жестокихъ поступкахъ съ людьми жены Маркшейдера Макке въ пермской губерніи, гдѣ существовали самыя многодушныя помѣщичьи имѣнія, а между прочимъ не было дворянскаго общества. Въ разрѣшеніе этого вопроса, въ 1827 г., было постановлено: въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни генералъ-губернаторовъ, ни военныхъ губернаторовъ, управляющихъ гражданскою частію, ни дворянскихъ обществъ, гражданскіе губернаторы сзываютъ

палаты, и вопросъ о назначеніи опеки, разрѣшенный ихъ соединеннымъ засѣданіемъ, представляется на разрѣшеніе сената (2-е П. С. № 1.598). Въ 1829 г. точнѣе выражены правила о наложеніи опекъ вообще: когда управляющіе губерніями (не дѣлается отличіе между генералъ-губернаторами, военными и гражданскими губернаторами) признаютъ нужнымъ наложить опеку на имѣніе дворянина, въ чертѣ управленія ихъ состоящее, то предлагаютъ дворянскому сословію для составленія о томъ положенія. — Если-бы дворянское сословіе съ мнѣніемъ управляющаго губерніи не согласилось, то онъ можетъ собственною властію предписать учредить опеку.—Донесенія объ этомъ во всякомъ случаѣ представляются 1 департаменту сената, съ изъясненіемъ причинъ, побудившихъ сдѣлать распоряженіе о назначеніи опеки. По-полученіи такого донесенія, 1 департаментъ, вслучаѣ, если улица, подвергшагося опекѣ есть еще имѣніе въ другихъ губерніяхъ, даетъ предписаніе, дабы начальства тѣхъ губерній имѣли и за этимъ имѣніемъ надзоръ (2-е П. С. № 2.650) Законъ 1829 г. неопредѣленно говоритъ о сословіи дворянства, участвующемъ въ рѣшеніи вопроса о наложеніи опеки по предложенію начальника губерніи. Что разумѣть подъ этимъ сословіемъ? Это разрѣшается наказомъ гражданскимъ губернаторамъ 1837 г.: собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, на обсужденіе котораго, чрезъ губернскаго предводителя, начальникъ губерніи предлагаетъ вопросъ (2 П. С. № 10.303 § 184)—въ смыслѣ закона 1822 г., который, впрочемъ, устанавливалъ исключеніе для генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ военныхъ (см. выше). Допускались изъятія: генералъ-губернатору Бибикову въ 1849 г. дано право (ввидѣ временной мѣры на 1 годъ, которую, впрочемъ, нѣсколько разъ продолжали) налагать опеки собственною властію (2-е П. С. № 23.479). По-поводу дѣла супруговъ Новиковыхъ, засѣкавшихъ своихъ крестьянъ, были опредѣлены ограниченія правъ владѣльцевъ, имѣнія которыхъ взяты въ опеку. Имъ запрещены пріобрѣтеніе людей покупкою, передача имѣній другимъ владѣльцамъ, кромѣ продажи въ постороннія руки, пребываніе въ имѣніи (2-е П. С. № 2.723).

Ограниченія эти пополнены въ 1842 г. воспрещеніемъ держать при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ дворовыхъ людей своихъ (2-е П. С. № 16.388). Въ 1850 г. сдѣлано одно послабленіе этихъ ограниченій: владѣльцу, изобличенному въ злоупотребленіи помѣщичьей власти, предоставлено право передать принадлежащее ему имѣніе въ собственность другому лицу по дарственной записи (2-е П. С. № 24.763). Въ 1853 г. правила касательно опекъ, учреждаемыхъ за злоупотребленія помѣщичьей власти, были пояснены и дополнены (№ 27.046). А въ общей инструкціи генералъ-губернаторамъ 1853 г. имъ предписывалось наблюдать, чтобы помѣщики съ должною отеческою заботливостію исполняли въ отношеніи своихъ крестьянъ всѣ возложенныя на нихъ обязанности» (2-е П. С. № 27.293, отд. 1 § 7). Это было послѣднее слово объ огражденіи крестьянъ отъ злоупотребленій ихъ владѣльцевъ, сказанное императоромъ Николаемъ, несомнѣнно болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ заботившемся объ участи крестьянъ. Далѣе его въ этомъ отношеніи нельзя было идти, не вступивши въ обладаніе помѣщичьими крестьянами *прямому ихъ Владѣтелю Всероссійскому Самодержцу*, устранивъ отъ обладанія ими ихъ владѣтелей *временныхъ* — помѣщиковъ.

Добрая воля правительства оградить крестьянъ, разбивалось о пасивное сопротивленіе мѣстныхъ властей, солидарно связанныхъ своими интересами съ дворянствомъ. Но невсегда и мѣстныя власти, при всей своей доброй воли, могли исполнять благія намѣренія правительства относительно огражденія крестьянъ. Здѣсь онѣ встрѣчались иногда съ *активнымъ противодѣйствіемъ* самихъ помѣщиковъ, съ трудностію проникнуть вглубь помѣщичьяго имѣнія, узнать что въ немъ дѣлается, привести въ немъ въ исполненіе требованія начальства. Это особенно имѣло мѣсто въ 18 ст., когда губернаторы и воеводы, *боясь изъ страха знатныхъ людей*, не смѣли взыскивать запущенныя на ихъ имѣніяхъ недоимки (П. С. № 7.494), когда помѣщики, съ своими вооруженными людьми, поссорившись съ мѣстнымъ правителемъ, предпринимали противъ него походъ и осаждали города (Побѣдо-

носцевъ: Р. В., 1858 г., т. XVI). Прекрасно изображаетъ эту непроницаемость помѣщичьяго имѣнія для государственной власти, это самоупорство помѣщиковъ съ мѣстными правителями г. Побѣдоносцевъ. «Помѣщичье село представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большаго; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощію этаго господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти.... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ «собрався съ своими крестьяны». Подъячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во-дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо «ступайте де вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете съ людьми на село, будете побиты до смерти». Случалось даже, что пріѣхавшаго подъячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь, и освобождалъ по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ, отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большей частію опъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе....» (ib. См. также 1-е П. С. № 3.103). До какой наглости доходило иногда отношеніе богатыхъ помѣщиковъ къ мѣстнымъ властямъ въ 18 в., показываетъ исторія съ генералъ-аншефомъ и андреевскимъ кавалеромъ, богатымъ воронежскимъ помѣщикомъ, гр. Девіеромъ, который вконцѣ царствованія Екатерины II перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ. (Р. Арх. Т. 3-й). Такія исторіи, конечно, менѣе возможны были въ 19 ст., при смягчившихся нравахъ помѣщиковъ, при улучшеніи полицейскихъ средствъ государства. Но боязнь предъ сильными своимъ богатствомъ и свя-

зями дворянами перешла по наслѣдству къ земской полиціи 19 ст.: кто не помнитъ, какъ смиренно приближался къ богатому помѣстью грозный въ другихъ случаяхъ земскій исправникъ? кто не помнитъ, какъ становые пристава иногда раболѣпствовали предъ помѣщиками даже средняго состоянія? Притомъ, иногда и въ 19 ст. помѣщики давали себя знать членамъ земской полиціи, какъ прямые наслѣдники своихъ предковъ, помѣщиковъ-озорниковъ 18 столѣтія. Въ П. С. можно найдти такіе примѣры: вначалѣ 19 ст. нѣкоторые помѣщики тульской губерніи, при выемкѣ въ ихъ имѣніяхъ дезертировъ и помѣщичьихъ бѣглыхъ людей, оказывали земской полиціи такое сопротивленіе, что убили одного рядоваго въ находившейся при томъ командѣ (№ 21.10). Замѣчательно, что эти помѣщики почти были оправданы уѣзднымъ судомъ и палатой. Другой помѣщикъ, калужской губерніи, учинялъ озорническіе поступки члену земскаго суда, при исполненіи послѣднимъ его должности (№ 20.374), а губернаторъ, покровительствовавшій этому помѣщику (Левшину), не уважилъ рапорта н. з. суда о его поступкѣ.

При такихъ условіяхъ, какое могло быть огражденіе крестьянъ? Жалобы ихъ на владѣльцевъ, несмотря на множество препятствій, подавались въ значительномъ числѣ—то государю, то министру внутреннихъ дѣлъ, то начальнику губерніи.—Исчисленіе жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ въ Исторіи м. вн. д. Варадинова, начинается съ 1818 г. Особенно велико ихъ число въ 1821 г. Однѣхъ всеподданнѣйшихъ было принесено 12 только изъ 2-хъ губерній: тамбовской и воронежской. Всеподданнѣйшія жалобы разсматривались въ комитетѣ министровъ, который обратилъ вниманіе на ихъ великое число, и постановилъ: вслучаѣ справедливыхъ жалобъ крестьянъ — предавать помѣщиковъ суду, со взятіемъ имѣній въ опеку, а дворовыхъ людей освобождать отъ услугъ помѣщику. Еще бо́льшее число жалобъ приносилось въ царствованіе императора Николая—самую свѣтлую пору въ исторіи крѣпостнаго права: въ одномъ 52 году принесено 20 жалобъ государю и 40 министру внутреннихъ дѣлъ. По жало-

бамъ производились слѣдствія и открывались злоупотребленія. Открытіе числа послѣднихъ обусловливалось энергіей и благонамѣренностію мѣстныхъ властей. Обыкновенно число злоупотребленій, по которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ наряжало слѣдствія, было весьма не велико (1, 2 или 3 въ имперіи), но въ 1818 г. въ одной симбирской губерніи обнаружено 8 такихъ случаевъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ приписало это особенной заботливости объ участи крестьянъ исправляющаго должность начальника губерніи Голынскаго и управляющаго губерніей, предсѣдателя уголовной палаты, Андреева. — Наибольшое число злоупотребленій помѣщичьей власти преслѣдовалось при гр. Перовскомъ, одномъ изъ нашихъ лучшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. До него рѣдко-рѣдко преслѣдовалось злоупотребленій 6 (только въ 1829 и 1839 годахъ), а большею частію 3, иногда 2 (1833) и 1 (1834 г.). Напротивъ, при гр. Перовскомъ min. преслѣдуемыхъ злоупотребленій было 10 случаевъ (только въ 1852 г.) а max. 21 случай (въ 1843 г.). Такъ же точно и число опекъ за жестокое обращеніе съ крестьянами значительно больше при гр. Перовскомъ. До него рѣдко-рѣдко налагали опеку на 2—3 имѣнія въ годъ, а при немъ только изрѣдка случалось брать 4 — 5 имѣній, но большой частію брали по 6, по 7 имѣній, а иногда 15 (въ 1848 г.) и даже 17 (1842). Въ 1836 г. всѣхъ имѣній въ опекѣ за расточительность, жестокость и недоимки было 262. Правда, большая часть изъ нихъ — имѣнія дворянскія (въ спб. губ. 37, въ полтавской 30). Въ 1838 г.—203 имѣнія, изъ которыхъ 140 за жестокое обращеніе съ крестьянами и 63—за мотовство и распутство. Но къ концу управленія министерствомъ гр. Перовскаго только за жестокое обращеніе съ крестьянами было въ опекѣ 200 имѣній: maxim въ полтавской и владимірской губ.—по 11 имѣній. Въ такомъ же духѣ управлялъ и генералъ Бибиковъ, которому принадлежитъ такая добрая слава въ исторіи нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ — особенно югозападныхъ губерній. (Сгруппированныя нами статистическія данныя разбросаны въ Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ Варадинова).

Б) Реакція правительства была недостаточна: злоупотребленія помѣщичьей власти вызывали ее въ средѣ самыхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Эта реакція крѣпостныхъ обнаруживалась *пассивно* и *активно*.

а) Пассивная реакція состояла: 1) въ побѣгахъ и 2) въ самоубійствахъ крѣпостныхъ. б) Активная реакія обнаруживалась: 1) въ возстаніяхъ крѣпостныхъ противъ ихъ владѣльцевъ и 2) въ истязаніи и убійствѣ помѣщиковъ.

1. Бѣгство крестьянъ и заботы правительства къ его уменьшенію отъ 17 вѣка перешли по наслѣдству къ 18-му и 19-му. Указы о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, наказанія ихъ и ихъ передержателей, способы возвращенія ихъ прежнимъ помѣщикамъ, наполняютъ П. С. З. Причина побѣговъ заключалась, конечно, не въ *бродяжнической натурѣ русскаго мужика*, а въ условіяхъ, лежащихъ въ крѣпостной средѣ, въ томъ гнетѣ, которому подвергались крѣпостные крестьяне, и отъ котораго такъ естественно было желаніе освободиться. Но какой выходъ для этого освобожденія? Природа страны указывала на него простому человѣку. Въ странѣ необъятныхъ пространствъ легко было убѣжать и скрыться: чтобы освободиться отъ гнета крѣпостнаго права, крестьяне убѣгали и въ одиночку, и цѣлыми массами. Наказанія за побѣги были строги: по указу 1721 г. велѣно всѣмъ бѣглымъ чинить жестокое наказаніе кнутомъ (№ 6.951). Приманка привольной жизни и свободы отъ крѣпостной тяготы перевѣшивала страхъ наказаній. Коммисія 1727 г. о преобразованіи подушной подати, въ 1729 г. показывала, что бѣглыхъ съ 1719 — 1727 г. около 199.000 душъ (№ 8.619). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1734 г., худое состояніе помѣщичьихъ крестьянъ смоленской губерніи заставляетъ ихъ бѣжать за польскій рубежъ (№ 6.609). Для отысканія своихъ бѣглыхъ крестьянъ и ихъ пожитковъ, порубежные помѣщики, собрався во многолюдствѣ, съ рогатинами и дубьями, наѣзжали въ маетности литовской шляхты, подвергая ихъ всяческимъ разореніямъ, такъ что на польскомъ сеймѣ въ Варшавѣ раздавались протесты (№ 6.982). При Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1742 г., помѣщичьи люди, затѣявъ, что

ихъ повелѣно записывать въ вольницу, подавали о томъ прошенія, убѣгая толпами отъ своихъ помѣщиковъ (№ 8.577). Помѣщики имѣли особенныхъ повѣренныхъ для сыска своихъ бѣглыхъ людей (№ 9.724). Въ 1758 г. разнеслась молва, что помѣщичьимъ крестьянамъ дозволено переходить въ Царицынъ и Камышенку, для поселенія на шелковыхъ заводахъ— и крестьяне толпами побѣжали отъ помѣщиковъ (№ 10.791). Вначалѣ царствованія Екатерины II, гр. П. И. Панинъ подалъ свое мнѣніе объ удержаніи побѣговъ изъ Россіи въ Польшу. Между причинами побѣговъ онъ указываетъ и на слѣдующія: 1) «ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ *сносности человѣческой*. 2) Заведшееся поползновеніе въ нѣкоторыхъ помѣщиковъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ». Для предотращенія побѣговъ, Панинъ совѣтовалъ: «запретить варварскій обычай продавать помѣщикамъ своихъ крестьянъ въ рекруты за чужія деревни для ненасытной роскоши; продавать только цѣльными семьями.... Сочинить примѣрное на все государство положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ и податямъ»... (Соловьевъ: Р. В. 1861 г. Т. XXXV). Совѣтъ Панина, проглянувшій и въ наказѣ коммисіи 1767 г., исполненъ не былъ: ни продажи крестьянъ для *ненасытной корысти*, ни работы выступающія изъ *сносности человѣческой* воспрещены не были (ук. 1797 г. о трехдневной барщинѣ не исполнялся), и побѣги крестьянъ продолжаются до самой отмѣны крѣпостнаго права. Архивы министерства внутреннихъ дѣлъ наполнены дѣлами о побѣгахъ крестьянъ. Въ большихъ размѣрахъ побѣги эти случались въ 1824 г.: изъ тверской, рязанской и курской губерній. Изъ первой крѣпостные люди многихъ помѣщиковъ, продавъ секретно свое имущество, бѣжали съ семействами въ смоленскую гу-

бернію, гдѣ по распространившимся слухамъ, имъ, будутъ давать паспорты для безпрепятственнаго проѣзда въ какія-то поселенія. Въ рязанской губерніи распространились между крѣпостными слухи, будто правительство дозволяетъ имъ селиться возлѣ Моздока. Изъ курской губерніи убѣгали крестьяне одной помѣщицы, объявляя на допросѣ, что у нихъ *мало земли для хлѣбопашества*, и что *помѣщица тѣснитъ ихъ*. Главный пріютъ для бѣглыхъ была Новороссія, а отчасти Бессарабія. Число бѣглыхъ, зашедшихъ въ эти мѣста, было такъ велико, что возвращеніе ихъ прежнимъ владѣльцамъ могло бы подорвать хозяйственное положеніе края, лишивши его множества рабочихъ рукъ. Вслѣдствіе этого, по представленію новороссійскаго генералъ-губернатора, состоялся въ 1827 г. указъ, по которому бѣглыхъ крестьянъ, зашедшихъ въ новороссійскія губерніи, велѣно оставить на ихъ мѣстожительствахъ, а въ удовлетвореніе ихъ прежнимъ владѣльцамъ, если они опознаютъ своихъ бѣглыхъ втеченіе двухъ лѣтъ со дня указа, платить по 250 р. асс. за душу мужескаго пола и по 150 р. женскаго помѣщикамъ или казеннымъ волостямъ, принявшимъ ихъ. А послѣ изданія указа, бѣглыхъ крестьянъ возвращать прежнимъ владѣльцамъ и никому ихъ не принимать (2-е П. С. № 1.521). Послѣ этого указа, побѣги продолжались: въ 1831 г. управляющій новороссійскими губерніями гр. Паленъ доносилъ министерству внутреннихъ дѣлъ о побѣгѣ крестьянъ изъ подольской губерніи въ херсонскую, по причинѣ притѣсненія ихъ польскими помѣщиками, за непринятіе участія въ бывшемъ мятежѣ (2-е П. С. № 4.738), въ 1832 г. изъ саратовской губерніи и земли войска донскаго убѣжало много крестьянъ на кавказскую линію, вслѣдствіе слуховъ, что тамъ ихъ примутъ въ казацкія общества.

Продолжали убѣгать и въ Новороссію, гдѣ Кулешовы хутора, ростовскаго уѣзда екатеринославской губерніи, представляли всѣ удобства для укрывательства бѣглыхъ, не смотря на указъ 1827 г. (2-е П. С. № 6.589). Убѣгали и изъ Новороссіи въ Бессарабію: въ 1839 г. дворянство херсонской губерніи ходатайствовало о принятіи мѣръ къ отвращенію

распространяющихся побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Бессарабію (ib. № 12.363). Значительное число этихъ побѣговъ было въ 1841 г.: между крестьянами разнесся слухъ, что тѣмъ, которые переселятся въ Новороссію, даруютъ землю и свободу — и вотъ не только изъ сосѣднихъ губерній, но и изъ отдаленныхъ — спбургской, смоленской — начались побѣги крестьянъ. Въ послѣдней изъ одного только бѣлицкаго уѣзда убѣжало 1.000 человѣкъ. Въ то же время убѣгали и изъ самой Новороссіи, отягощенные излишними работами (И. м. вн. д. Варадинова). И такъ дѣло шло до самой отмѣны крѣпостнаго права, которое содѣйствовало развитію бродяжническихъ инстинктовъ населенія.

2. Другой видъ пассивной реакціи крѣпостному праву — самоубійство крѣпостныхъ. Статистика случаевъ этого рода не можетъ быть достовѣрно извѣстной: *самоубійцы — крѣпостные* въ официальныхъ таблицахъ часто показывались въ графѣ *скоропостижно умершихъ*. Но несомнѣнно, что случаи такого рода были не исключительнымъ явленіемъ, но довольно обыденнымъ — естественнымъ послѣдствіемъ гнета крѣпостнаго права. Боязнь жестокаго наказанія, отчаянное горе, оскорбленное достоинство человѣка, побуждали нерѣдко людей впечатлительной нервной натуры наложить на себя руку, и чтобъ спастись отъ крѣпостнаго права — броситься въ рѣку, надѣть петлю на шею. Изъ дѣлъ сквирскаго уѣзднаго суда видно, что въ послѣднее пятилѣтіе существованія крѣпостнаго права (1855 — 1860) случаевъ самоубійства, *скоропостижной смерти* и др. въ уѣздѣ было 443: на каждый годъ 73^{33}, а въ первое пятилѣтіе по упраздненіи крѣпостнаго права (1861 — 1866) всѣхъ случаевъ — 272: на каждый годъ 45^{66} = уменьшеніе $28^{16}\%$ (Кіевлянинъ на 1869 г., № 90).

2) Но реакція крѣпостному праву проявлялась не только пассивно: были случаи и активнаго ея проявленія. Во-первыхъ въ волненіяхъ крестьянъ и открытомъ неповиновеніи власти своихъ помѣщиковъ.

1. До насъ дошло мало свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ вначалѣ 18 столѣтія. Единственное извѣстіе о волненіяхъ крестьянъ помѣщичьихъ при Петрѣ Великомъ, заклю-

чающееся въ П. С. З., относится къ 1713 г.: крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ нижегородскаго, ростовскаго и верейскаго уѣздовъ «учинились владѣльцамъ своимъ ослушны и отъ нихъ отложились» (№ 2.668). Трудно думать, чтобъ это былъ единственный случай. Мы читали челобитную, поданную крѣпостными Петру, для удовлетворенія которой при немъ не приспѣло еще время. Можно думать, что страстная жажда *свободстви*, жажда *вырваться изъ Содому и Гомору*, какъ выражались челобитчики, не утоленная правительствомъ, приводила крѣпостныхъ къ постояннымъ открытымъ возстаніямъ противъ помѣщиковъ—возстаніямъ, которыя непрерывно тянутся чрезъ 18 и 19 вѣка, оканчиваясь только наканунѣ отмѣны крѣпостной зависимости. Волненія крестьянъ, случавшіяся послѣ реформы, были безконечно слабѣе и рѣже, чѣмъ до нея.

Больше свѣдѣній мы имѣемъ о волненіяхъ, бывшихъ при преемникахъ Петра, особенно съ Елизаветы Петровны. Въ 1741 г. начались волненія крестьянъ, купленныхъ Демидовымъ у Головкина въ калужскомъ уѣздѣ. Сенатъ строго наказалъ виновныхъ: двое изъ нихъ были повѣшены, двое по наказаніи сосланы вѣчно въ ссылку, а остальные — десятый по жребію — биты кнутомъ и плетьми. Строгія наказанія не долго удерживали крестьянъ отъ новыхъ волненій. Волненія повторяются въ 1752 г. Присягнувъ стоять за одно, но *отслуженіи молебна священниками*, крестьяне, въ числѣ 3 т. человѣкъ, съ пушками и ружьями разбили цѣлый рижскій драгунскій полкъ, отправленный для ихъ усмиренія, взявъ въ плѣнъ самого полковника. Послали бригадира Хомякова съ шестью полками съ повелѣніемъ жечь жилища волнующихся крестьянъ и палить въ нихъ изъ пушекъ. Волненіе сообщилось и въ близлежащіе уѣзды: поднялись крестьяне гр. Шувалова вышегородской волости серпейскаго уѣзда, фабриканта Лучинина бѣлевскаго уѣзда, гр. Ягужинскаго въ московскомъ и новгородскомъ уѣздахъ, Гончарова—въ Брянскѣ (Чтен., кн. 2-я 1863). Въ 1760 г. Воронцовъ продалъ своихъ крестьянъ въ арзамаскомъ уѣздѣ надворному совѣтнику Безсонову: въ одномъ изъ проданныхъ имѣній крестьяне, увидѣвъ прибы-

жающагося къ нимъ подъячаго арзамаской провинціальной канцеляріи, посланнаго съ военной командой для отказа ихъ, вооружившись, не допустили въ село ни подъячаго, ни команду, угрожая побить ихъ. Сенатъ отрядилъ въ имѣніе Безсонова роту солдатъ съ пушками. А между тѣмъ, получилъ отъ капитана Тараканова жалобу, что въ галицкой его вотчинѣ крестьяне не слушаютъ и доходовъ не платятъ (№ 10.054). Едва усмирены были эти волненія, какъ начались новыя, еще въ большихъ размѣрахъ, послѣ манифеста 18 февраля 1762 г., освободившаго дворянъ отъ обязательной службы. Профессоръ Бѣляевъ видитъ связь между этимъ манифестомъ и послѣдовавшими за нимъ волненіями (314). Эта связь весьма возможна; крестьяне могли разсуждать такъ: царь освободилъ дворянъ отъ барщины въ пользу государства, а насъ долженъ освободить отъ барщины въ пользу дворянъ. Между крестьянами, дѣйствительно, разошлись слухи о ихъ освобожденіи. Освобожденія не послѣдовало: начались волненія. 19 іюня 1762 г. изданъ манифестъ, но этотъ манифестъ не принесъ крестьянамъ свободы; а напротивъ изъяснялъ непоколебимое намѣреніе государя «помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи держать». Для усмиренія же тѣхъ которые, отложась отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, поступили на многія своевольства и продерзости, въ клинской и тверской уѣзды была послана четырехсотенная команда съ 4 полковыми пушками, при штабъ-офицерѣ и кирасирскій полкъ Виттена. А самъ Виттенъ посланъ по почтѣ въ Тверь, съ повелѣніемъ, по усмиреніи крестьянъ въ тверскомъ и клинскомъ уѣздахъ, слѣдовать съ командами въ другія мѣста, гдѣ происходили такія же волненія (№ 11.577). Екатерина II застала волненія крестьянъ въ полномъ разгарѣ: для усмиренія ихъ она послала кн. Вяземскаго и Бибикова. Кн. Вяземскій усмирилъ большое волненіе крестьянъ кн. Долгоруковыхъ въ вяземскомъ уѣздѣ, побивъ притомъ пушками значительное число душъ. А между тѣмъ, 8 октября 1762 г. императрица издала указъ о пребываніи крестьянамъ у своихъ помѣщиковъ

въ должномъ повиновеніи—указъ, въ которомъ дословно повторяются увѣщанія манифеста 19 іюня (№ 11.678). Въ слѣдующемъ году предписано: если для усмиренія помѣщичьихъ крестьянъ будутъ посланы военныя команды, то, сверхъ наказанія виновныхъ, взыскивать съ нихъ и причиненные казнѣ убытки (№ 11.875). Но это распоряженіе, подкрѣпленное предоставленнымъ помѣщикамъ правомъ ссылать крестьянъ въ каторжную работу, мало содѣйствовало прекращенію волненій. Волненія продолжались: въ Москвѣ и Петербургѣ между простымъ народомъ обращался пасквиль на дворянство (№ 12.089). Въ 1766 г. нѣкоторые крестьяне подали въ главную дворцовую канцелярію челобитную, что будто-де за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить крестьяне не всостояніи, императрица повелѣла отписывать ихъ на Е. В. Сенатъ угрожалъ строгими наказаніями разгласителямъ невѣрныхъ слуховъ (№ 12.633). Угрозы сената не дѣйствовали: въ томъ же 1766 г. крестьяне гвардіи секундъ-маіора Фролова-Багрѣева, тамбовскаго уѣзда, дрались съ воинскою командою, при *помощи волостныхъ мужиковъ* и убили поручика, поранивъ довольно много солдатъ (№ 12.669). Неблагонамѣренные люди продолжали разглашать слухи между крестьянами о перемѣнѣ законовъ и собирали съ нихъ поборы, обнадеживая исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды. Крестьяне волновались, сенатъ продолжалъ усовѣщевать ихъ пребывать въ повиновеніи у помѣщиковъ (№ 12.966); предписывалъ губернаторамъ присылать рапорты о возмущеніяхъ противъ помѣщиковъ во 2-й и въ 1-й деп. (№ 13.008).

Всѣ эти волненія были предвѣстіемъ страшныхъ смутъ пугачевщины, цѣль которой, по понятіямъ современниковъ, заключалась въ *истребленіи дворянства*, въ обращеніи всей Россіи въ *мужицкое царство* (Записки о жизни А. И. Бибикова). Начался, какъ выразился Державинъ, «прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ» (изд. Грота, т. 3 стр. 323). Страшнымъ репрессаліямъ подверглись и правые и виноватые, за злоупотребленія владѣльческой власти. Но за то и крестьяне подверглись кровавому воздаянію, по усмиреніи Пугачева

П. И. Панинымъ, котораго симбирское дворянство назвало за то «животодатель твоихъ собратій» (Сл. Б.-Каменскаго: Т. IV, стр. 121). Сенатъ задумывалъ террористическія мѣры противъ крестьянъ. «Конфондируя», какъ выражается воздерживавшая его отъ этихъ мѣръ императрица, «убійство помѣщиковъ съ ихъ необороною», онъ хотѣлъ, чтобы необоронители подверглись такимъ же наказаніямъ, какъ и убійцы. Екатерина II пророчествовала сенату, что если *за жизнь одного помѣщика въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни*, то послѣдуетъ бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ. Сенатъ, какъ можно думать, боялся, чтобы не послѣдовало послѣ Пугачева *генеральнаго освобожденія* крестьянъ. Обнадеживая его, что такого освобожденія не послѣдуетъ, императрица рекомендовала сенату гуманное, умѣренное отношеніе къ крестьянамъ: «Ибо если не согласимся на *уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія*, то и противъ воли нашей *сами оную возмутъ рано или поздно*» (Осмн. В. кн. 3 стр. 390). Помѣщики также мстили крестьянамъ: одинъ изъ нихъ, Сергѣй Нестеровъ, въ 1775 г. даетъ слѣдующую довѣренность — поистинѣ *рѣдкостную*. «Увѣдомился я саранской моей вотчины села Большой Танѣевки отъ прикащика Ив. Перепелова, что въ проѣздъ государственнаго злодѣя Пугачева находятся нѣкоторые крестьяне виновны въ грабежѣ моего дома и въ прочемъ. Того рода васъ прошу, чтобъ означенныхъ крестьянъ, кто явится по дѣламъ своимъ виненъ, о таковыхъ просить въ канцеляріяхъ о наказаніи кнутомъ и плетьми и *объ отнятіи членовъ, т. е. ушей, а если достойны будутъ лишенія живота, то таковыхъ представя просить что по законамъ будетъ слѣдовать учинить* (Р. Арх. 1868 г. № 11).

Пугачовщина была послѣднимъ взрывомъ крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II. Послѣ такихъ взрывовъ обыкновенно бываетъ затишье. Утомленные борьбой, изнуренные наказаніями, крестьяне притихли на остальные годы царствованія Екатерины II.

Но едва взошелъ на престолъ Павелъ I, какъ снова начались крестьянскія волненія, болѣе и болѣе увеличивавшіяся въ своихъ размѣрахъ. Между крѣпостными разнеслась опять молва, что не будетъ *крѣпости*, а все будетъ *государщина*, что новый царь хочетъ даровать свободу крестьянамъ, но тому противятся помѣщики. На эту молву крестьяне откликнулись возстаніями противъ своихъ помѣщиковъ. Первое движеніе началось въ декабрѣ 1796 г. олонецкой губерніи лодейнопольскаго уѣзда. Въ январѣ 1797 г. въ тайной экспедиціи получены отъ мѣстныхъ властей рапорты о возстаніяхъ крестьянъ въ губерніяхъ: орловской, московской, псковской, новгородской, новгородъ-сѣверской, ярославской, нижегородской, пензенской, калужской, костромской и вологодской. Въ вологодской губерніи крестьяне помѣщика Поздѣева (масона), въ числѣ 3.000 человѣкъ, принесли жалобу государю, что у нихъ: «одежи и обутки нѣту, отъ мразу и гладу умираютъ». Поздѣевъ же писалъ къ Лопухину: «въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, весьма готовый на пугачевскій, ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ временъ Пугачова духа, дабы не было дворянъ». Въ крестьянскихъ движеніяхъ вологодской губерніи, какъ и въ большей части другихъ таковыхъ движеній въ 18 и 19 ст., *большое участіе въ пользу крестьянъ принимаетъ сельское духовенство*—«тѣ же мужики, только что грамотные», по выраженію Поздѣева. Еще сильнѣе высказалось это участіе въ волненіяхъ псковской и калужской губерній. Въ первой волненія прежде всего обнаружились въ уѣздахъ порховскомъ и печерскомъ, а отсюда уже перешли въ холмскій, распространясь по всѣмъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ медынскомъ уѣздѣ калужской губерніи почти все крѣпостное населеніе возстаетъ поголовно противъ помѣщиковъ. Одновременно съ тѣмъ разгорѣлось волненіе въ 5 уѣздахъ полоцкаго намѣстничества, а въ сѣвскомъ уѣздѣ орловской губерніи возстало болѣе 10.000 крестьянъ (Р. Арх. № 3, 1869 г., ст. де-Пуле). Императоръ издаетъ манифестъ о преданіи суду доносителей, распространяющихъ ложные слухи объ отложеніи крестьянъ отъ должнаго помѣщикамъ повино-

венія (№ 17.730); приказываетъ епархіальнымъ архіереямъ, дабы они наблюдали, чтобы священно- и церковнослужители, при возмущеніи крестьянъ, всемѣрно старались отвращать ихъ отъ онаго (№ 17.958). Между прочимъ, ген.-фельдм. кн. Рѣпнину поручается *покореніе* возставшихъ крестьянъ (де-Пуле).

Замѣчательно, что при Александрѣ I не было такихъ значительныхъ волненій крестьянъ, какія бывали не только при его предшественникѣ, но даже потомъ при его преемникѣ. Конечно, мелкія волненія и неповиновеніе крестьянъ — то за «дурное обращеніе», то за «жестокіе поступки», то за «развратные и жестокіе поступки» помѣщиковъ, какъ значится въ бумагахъ министерства внутреннихъ дѣлъ — не переводились во все время этого царствованія. Въ самомъ началѣ его, одна гдовская помѣщица своими притѣсненіями довела крестьянъ до возстанія и обратилась съ просьбой о военной силѣ для ихъ усмиренія. Императоръ хотѣлъ преслѣдовать виновную, но члены пресловутаго comité du salut public, образованнѣйшіе и либеральнѣйшіе помѣщики своего времени, убѣдили императора оставить дѣло, чтобъ не подать повода крестьянамъ къ большимъ безпорядкамъ (Богдановичъ). Въ 1803 г. случилось неповиновеніе крестьянъ помѣщика борона Унгернъ-Штернберга, ямбургскаго уѣзда. Императоръ постановилъ: наиболѣе виновныя семейства сослать въ Сибирь на поселеніе, возвративъ помѣщику за каждую ссылаемую душу мужескаго пола по 100 р. (№ 20.964). Въ иные годы случалось по 13 такихъ волненій. Особенно значительныя были 1818 — 1820 г., когда между крестьянами, какъ и дворянами, разнеслась молва объ освобожденіи крѣпостныхъ, и для усмиренія возставшихъ употреблялась иногда военная сила. При приближеніи французской арміи въ 1812 г., помѣщики очень опасались, чтобы подсылаемые тайные агенты не взволновали ихъ крестьянъ. Но *бѣдствія родной земли поглощали вниманіе крестьянъ*. Особенныхъ волненій между ними не послѣдовало: въ 1812 г. было такихъ же 13 случаевъ неповиновенія помѣщикамъ, какъ и въ предшествовавшемъ 1811 г. и послѣдовавшемъ 1815 г. (Варадиновъ).

Въ бо́льшихъ размѣрахъ происходили волненія помѣщичьихъ крестьянъ при императорѣ Николаѣ. Онѣ начались въ 1826 г., когда между ними разнесся слухъ объ освобожденіи отъ помѣщиковъ [106]). Въ кіевской губ. волненіе было такъ упорно, что продолжалось въ одномъ имѣніи 3 года. Значительныя движенія происходили также въ костромской и ярославской губ., а во псковской, владимірской, смоленской, курской и пермской волненіе происходило, какъ свидѣтельствовали сами мѣстныя власти, отъ *обремененія работами и жестокихъ поступковъ помѣщиковъ*. Въ вологодской и др. губерніяхъ взбунтовались крестьяне отъ слуховъ, что они будутъ взяты въ казну. Отъ помѣщичьихъ волненіе сообщилось крестьянамъ казеннымъ, которые прослышали что ихъ освободятъ отъ платежа податей (Варадиновъ). Манифестъ 12 мая 1826 г., опровергая слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, призываетъ ихъ къ повиновенію владѣльцамъ, а *владѣльцевъ къ христіанскому обращенію съ ними*. Манифестъ велѣно читать втеченіи 6 мѣсяцевъ по воскреснымъ днямъ въ церквахъ, на торгахъ, ярмаркахъ (2-е П. С. № 330). Но это не усмиряетъ крестьянъ: государь усматриваетъ изъ доходящихъ до него свѣдѣній «что и вслѣдъ за манифестомъ 12 мая сего года, нѣкоторые изъ виновныхъ въ непослушаніи, упорствуя въ закоснѣломъ заблужденіи своимъ, не внимая ни словамъ Высочайшаго манифеста, ни истолкованіямъ и убѣжденіемъ начальства, и даже пренебрегая самое наказаніе, не перестаютъ оказывать преступное неповиновеніе властямъ.» Такіе упорствующіе должны быть на мѣстѣ предаваемы военному суду (16. №515). Военный судъ не усмиряетъ крестьянъ: волненіе продолжается въ 1827 г. Мѣстныя власти докладываютъ: «духъ буйства и своевольства распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія губернскаго начальства не имѣютъ никакого дѣйствія». Въ 1830 г. между крестьянами опять распространяется молва, и опять волненія — опять военный судъ, ссылки въ Сибирь. Военный судъ присуждаетъ къ такимъ строгимъ наказаніямъ, что правительство *сдерживаетъ его въ предѣ-*

лахъ умѣренности, разрѣшая гражданскимъ губернаторамъ облегчать и отмѣнять наказанія имъ присуждаемыя «тѣмъ болѣе, собственноручно пишетъ императоръ Николай, «что случаи сіи должны быть рѣдки, ибо военные суды наряжаются тогда, когдауже употреблена была военная сила, стало былъ бунтъ» (Ib. №688).

Въ 1843 г. то бо́льшія, то меньшія волненія крестьянъ были въ 11 губерніяхъ. Причинами ихъ, по сознанію самыхъ властей, были: *отяготительныя повинности крестьянъ*, *жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ* и слухи объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Замѣчательны въ этомъ году волненія между казенными крестьянами. Между ними распространился слухъ объ отдачѣ ихъ помѣщикамъ: вспыхнуло волненіе, въ особенности въ оренбургской и пермской губерніяхъ. Въ первой волненіе распространилось на пространствѣ 200 верстъ, въ толпѣ 40.000 душъ, противъ которыхъ выслана была воинская команда въ 10.000 человѣкъ, при 10 орудіяхъ. Въ пермской губерніи взбунтовавшіеся крестьяне разбили одну военную команду и были усмирены только другою. Въ 1845 г. слухи о свободѣ произвели волненія помѣщичьихъ крестьянъ въ 13 губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ ихъ было нѣсколько случаевъ (с.-петербургской, полтавской). Въ 10 изъ этихъ случаевъ употреблена военная сила. Въ слѣдующемъ году обнаружилось неповиновеніе въ 10 губерніяхъ. Замѣчательно, что предъ отмѣною крѣпостной зависимости, волненія помѣщичьихъ крестьянъ прогрессивно возрастаютъ: въ 1847 г. онѣ происходили въ 20 губерніяхъ. Мѣстныя власти указывали на причины ихъ: въ 3 имѣніяхъ отъ *угнетенія крестьянъ*, въ 1-мъ отъ *развратнаго поведенія помѣщика*, въ 2-хъ отъ слабаго управленія, въ остальныхъ—отъ стремленія освободиться отъ крѣпостнаго права. Въ 1848 г. — въ 22 губерніяхъ; въ 1849 г. — изъ 15 губерній, особенно сильное происходило въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи, гдѣ крестьянъ возстало 10.000 человѣкъ. Съ особеннымъ ожесточеніемъ—изувѣченіемъ управителя, побоями помѣщиковъ, покушеніемъ на жизнь ихъ и убійствами — происходили волненія крестьянъ въ 8 губерніяхъ въ 1850 г.; въ 1851 г. — въ 22

имѣніяхъ; въ 1853 — въ 33. Происходили онѣ все-таки: отъ жажды свободы, разоренія хозяйствъ, жестокаго обращенія, желанія укрыть одновотчинниковъ отъ наказанія. Тѣ же причины вызываютъ волненія и въ слѣдующихъ годахъ: 26 случаевъ въ 1854 г., 19 — въ 1855 (См. Варадинова).

2) Волненія крестьянъ и открытое неповиновеніе власти помѣщиковъ сопровождались обыкновенно истязаніемъ и убійствомъ послѣднихъ. Число случаевъ этого рода не перечислено, но несомнѣнно, что оно было значительно. Екатерина II, ведя полемику съ Сумароковымъ по поводу своего наказа, къ замѣчанію послѣдняго, что если сдѣлать крестьянъ вольными, то между ними и помѣщиками будетъ непрестанная брань, вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ своихъ вотчинахъ, сдѣлала прибавку «и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ» (Соловьева: Р. В. 1861 Т. XXXV). Другой современникъ, укоряя коммисію въ возбужденіи вопроса о вольности крестьянъ, говоритъ, что 1767 г. примѣчателенъ избіеніемъ многаго числа господъ отъ ихъ подданныхъ (Чтенія: кн. 3-я, 1861 г.). Кларкъ въ своемъ путешествіи въ Россію замѣчаетъ, что привычка помѣщиковъ жить въ городахъ происходила иногда отъ ихъ боязни быть убитыми въ деревняхъ крестьянами (Р. 139). Статистика убійствъ помѣщиковъ крестьянами дѣлается болѣе извѣстною со времени учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ. Не проходило года, чтобъ крестьяне на жестокости своихъ владѣльцевъ не отвѣчали убійствомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; а иногда убивали ихъ съ семействомъ (въ рязанской губерніи въ 1820), или кого-нибудь изъ членовъ помѣщичьей семьи (въ пензенской губерніи въ 1849 г. убита дочь помѣщика). Кромѣ убійствъ, помѣщикамъ наносили раны и увѣчья (въ 1848 г. въ тамбовской губерніи изступленіе крестьянъ дошло до того, что они отрѣзали носъ помѣщику), тяжкія побои и оскорбленія. Нерѣдко также убивали управителей и прикащиковъ. Въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ сохраняются драгоцѣнныя данныя для возсозданія статистики жертвъ накипѣвшей злобы и гнѣва крѣпостныхъ крестьянъ. Не думаемъ, чтобъ г. Варадиновъ

въ своей Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ воспользовался этими данными: богатое матеріаломъ, сочиненіе его заставляетъ желать еще многаго. Но тѣмъ не менѣе и тѣ данныя, которыя разбросаны въ его сочиненіи — весьма краснорѣчивый памятникъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Мы сводимъ данныя эти въ слѣдующую таблицу, въ которой за многіе годы и вовсе нѣтъ данныхъ, а между данными за различные годы поразительное несоотвѣтствіе:

Годы.	Уб. ном.	Покуш.	Раны.	Побои.	Оскорбл.	Уб. упр.	Покуш.	Раны и побои.
1816	1	.	.	.	.	.	.	.
1817	3	.	.	.	.	.	.	.
1818	1	1	.	.	.	.	.	.
1820	2	.	.	.	.	.	.	.
1835	1	.	1	.	.	.	.	.
1836	1	1	.	.	.	.	.	.
1837	11	.	.	.	.	.	.	.
1838	5	.	.	1	.	.	.	.
1839	7	1	.	.	.	.	1	.
1840	4	.	.	.	2	1	1	.
1841	3	7	1	.	.	1	.	.
1842	15	4	.	.	.	5	.	.
1843	11	7	1	.	.	6	.	.
1844	7	5	2	.	1	1	.	.
1845	8	3	.	1	1	.	.	.
1846	6	6	.	.	.	.	.	.
1847	2	5	2	1	1	.	.	1
1848	8	7	2	2	3	.	.	1
1849	4	4	.	1	.	3	.	.
1850	8	4	.	5	.	.	.	1
1851	9	1	.	2	.	.	.	.
1852	9	5	.	.	.	1	.	.
1853	7	.	.	.	.	1	.	.
1854	5	.	.	.	.	2	.	.

Таблица эта составлена на основаніи данныхъ, собранныхъ, очевидно, безъ всякой системы — она далеко невоспроизводитъ того, что со-

вершалось въ дѣйствительности. Но все-таки это не лишаетъ ее нѣкотораго интереса, а составленная на основаніи данныхъ болѣе точныхъ и многочисленныхъ, она пролила бы много свѣта на вопросъ, нами изслѣдуемый. Мы предлагаемъ ее, какъ первый опытъ въ такомъ родѣ.

V. При существованіи крѣпостнаго права, нашъ общественный строй стоялъ, можно сказать, на пороховой почвѣ: достаточно было малѣйшей искорки, чтобы произвесть въ немъ взрывъ: то помѣщики истязали наказаніями и обирали поборами своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, то крѣпостные крестьяне убѣгали въ одиночку и массами отъ своихъ помѣщиковъ, бунтовали и избивали ихъ. Какъ было не возникнуть при такомъ ходѣ дѣлъ вопросу: правомѣрно-ли владѣніе крестьянами, не противно-ли оно благу государства? Ни Петръ I, ни его преемники не возбуждали этого вопроса: если владѣніе крестьянами было по ихъ воззрѣніямъ и не правомѣрно, то во всякомъ случаѣ оно оправдывалось *государственною необходимостію*. Интересы служилаго класса вызвали укрѣпленіе крестьянъ; обязательная служба дворянства его поддерживала. Понятно, что пока существовала эта обязательная служба, владѣніе крестьянами не только оправдывалось raisons d'état, но *даже было правомѣрно*. Не правомѣрнымъ оно дѣлается послѣ отмѣны обязательной службы, когда вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ взятіе мотивы существованія института, во имя государственной необходимости. Логическимъ послѣдствіемъ манифеста 18 февраля 1762 г. и жалованной дворянству грамоты, какъ мы говорили, должно было быть упраздненіе крѣпостнаго права и *жалованная грамота крестьянству*. Но важность шага, нерѣшительность правительства, низкая степень развитія дворянства, между которымъ преобладаютъ матеріальные интересы, несовершенство средствъ управленія — задерживаютъ освобожденіе крестьянъ на цѣлое столѣтіе. Между прочимъ, вслѣдъ за отмѣной обязательной службы, вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго права дѣлается предметомъ спора между *крѣпостниками* и *аболюціонистами*. Тѣ и другіе выходятъ преимущественно изъ рядовъ дворянства. Между первыми мы встрѣчаемъ не однихъ людей, отстаивающихъ крѣпостное право съ своекрыстной точки

зрѣнія сословнаго, помѣщичьяго интереса: между крѣпостниками мы видимъ и Державина, и Карамзина, и Сперанскаго и мн. др., для которыхъ благо родной земли можетъ быть было дороже, чѣмъ для многихъ аболюціонистовъ; которые, отстаивая отживающее учрежденіе, сослужили отечеству лучшую службу другими своими дѣлами, чѣмъ многіе изъ порицателей крѣпостной зависимости. Благородные люди, отцы для своихъ крестьянъ — они судили такъ и объ отношеніяхъ къ крестьянамъ прочихъ помѣщиковъ. Между аболюціонистами мы сначала видимъ самое незначительное число людей — теоретическаго либеральнаго образованія; людей, на тяжеловѣсные реальные аргументы крѣпостниковъ отвѣчающихъ общими фразами о правахъ человѣка, попираемыхъ варварствомъ крѣпостнаго права. Цѣлое столѣтіе ведется этотъ споръ: ряды крѣпостниковъ уменьшаются — все лучшее благонамѣренное межбу ними переходитъ въ лагерь аболюціонистовъ, между которыми появляются не только люди фразы, но и глубоко понимающіе интересы родной земли, готовые реальными аргументами отстаивать свое убѣжденіе въ необходимости отмѣны крѣпостнаго права. Это ослабленіе партіи крѣпостниковъ и усиленіе партіи аболюціонистовъ — качественное, но не количественное. Но при разрѣшеніи вопроса качество оперлось на силы правительства, и получило перевѣсъ. Правительство, въ продолженіе вѣковаго спора изъ-за быть или не быть крѣпостному праву, играло посредническую роль между спорящими сторонами: прислушивалось къ каждой изъ нихъ, воздерживая то одну, то другую, дѣлая уступки то крѣпостникамъ, то аболюціонистамъ. Но изъ-за этой нейтральной роли, несомнѣнно, проглядывало одно: правительство всегда было болѣе за смягченіе и отмѣну крѣпостнаго права, чѣмъ за его сохраненіе. Правительство всегда было *болѣе аболюціонистическое*, *чѣмъ дворянство*, большинство котораго душой и тѣломъ стояло за крѣпостное право. Нашъ великій благополучно царствующій монархъ въ дѣлѣ отмѣны крѣпостнаго права былъ вѣренъ завѣту своихъ приснопамятныхъ предшественниковъ, и какъ справедливо выразился сенатъ въ своемъ адрессѣ государю, составленномъ имъ по

прочтеніи манифеста 19 февраля 1861 г., «былъ исполнителемъ государственной мысли, которая многократно озабочивала народолюбивыя сердца Его августѣйшихъ предшественниковъ и перешла къ нему, какъ задушевное ихъ завѣщаніе».

Въ исторіи нашего дворянства этотъ споръ изъ за существованія крѣпостнаго права представляетъ назидательный эпизодъ, живо обрисовывающій нравы и воззрѣнія сословія. Мы далеки отъ претензіи представить цѣльный историческій его обзоръ: нашъ скудный матеріалъ позволяетъ намъ только начертать силуэтъ вопроса.

Петръ Великій, какъ мы говорили, не могъ поставить на обсужденіе вопросъ о томъ, правомѣрно-ли владѣніе крѣпостными людьми? Въ его время, какъ и при ближайшихъ его преемникахъ, владѣніе это если было и не правомѣрно, то неизбѣжно, или даже правомѣрно всилу своей исторической необходимости. Но Петръ Великій по возможности сдерживалъ распространеніе крѣпостнаго права. При немъ, въ прежнемъ Поморьѣ, не было крѣпостной зависимости, а существовали изстаринные половники — живой слѣдъ прежнихъ крестьянъ, съ правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Землевладѣльцы хотѣли было прикрѣпить половниковъ, но, *руководствуемый Петромъ Великимъ*, сенатъ не согласился на это [107]). По смерти Петра, интересъ дворянства расширить крѣпостное право не *нашелъ уже себѣ преграды въ сенатѣ*. Напротивъ, 2-й ревизіей, постановленія о которой издавались сенатомъ, предѣлы крѣпостнаго права были значительно раздвинуты: 2-я ревизія отдавала въ крѣпость и такихъ людей, которые до нея были вольными (Побѣдоносцевъ). Въ первой половинѣ 18 столѣтія въ крѣпостной зависимости находились иногда не только церковно, но и священнослужители [108]). Въ то же самое время, мы замѣчаемъ стремленіе водворить крѣпостное право и въ Малороссіи. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія старшина—владѣльцы подсосѣдковъ—начинаетъ подавать гетману просьбы о воспрещеніи переходовъ (въ 1733 Бороздна, въ 1738 Войцеховичъ). Великороссійскіе же чины укрѣпляютъ малороссіянъ въ вѣчное холопство: берутъ на нихъ крѣ-

пости, женятъ на своихъ крѣпостныхъ женахъ и дѣвкахъ. Во удовлетвореніе просьбъ старшины, генеральная войсковая канцелярія въ 1739 г. даже воспрещаетъ переходъ. Но стремленіе къ распространенію крѣпостнаго права малороссійской старшиной и великорусскими чиновниками и на Малороссію встрѣчаемъ противодѣйствіе въ любящей Малороссію Елизаветѣ Петровнѣ: она возстановила свободу перехода подсосѣдковъ, а въ 1742 г. запретила велокороссійскимъ чиновникамъ укрѣплять за собою малороссіянъ (№ 8.555). Указъ этотъ нарушался, что̀ вызывало его подтвержденіе: въ томъ же 1742 (№ 8.578) и даже въ 1752 г. (№ 9.925).

Такимъ образомъ, въ первую половину 18 вѣка стремленіе дворянства расширить предѣлы крѣпостнаго права встрѣчаетъ противодѣйствіе въ правительствѣ.

Во вторую половину этого вѣка, послѣ отмѣны обязательной службы дворянства, возбуждается вопросъ о самой правомѣрности крѣпостнаго права. Честь первой постановки этого капитальнаго для судебъ родной земли вопроса принадлежитъ Екатеринѣ II. Въ первую половину своего царствованія она несомнѣнно была аболюціонисткой. Ученица Дидро и энциклопедистовъ, поклонница *разрушительной* философіи 18 ст., проводившая ея начала въ великой восточной равнинѣ, какъ могла она считать правомѣрнымъ крѣпостное право? Правда, въ своемъ наказѣ императрица не высказывается вполнѣ противъ крѣпостнаго права, и XI гл. представляетъ даже нѣкоторое его оправданіе «лишь бы только гражданскіе законы злоупотребленіе рабства отвращали». Но эта XI гл. наказа находится въ явномъ противорѣчіи съ V-й, гдѣ говорится о равенствѣ всѣхъ гражданъ предъ закономъ (см. № 12.949 гл. XI и V). Болѣе рѣшительно высказываетъ императрица свой отрицательный взглядъ на крѣпостное право въ своей полемикѣ съ Сумароковымъ по поводу наказа. Полемика эта (въ извлеченіи она въ статьѣ Соловьева «Разсказы изъ русской исторіи XVIII ст.», помѣщенной въ Р. В. за 1861 г. т. XXXV, а вполнѣ въ Исторіи императорскаго вольнаго экономическаго общества) чрезвычайно интересна: аболюціонизмъ императрицы

сталкивается съ крѣпостническимъ взглядомъ сатирика. «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни лакея, ни кучера имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки....» «Малороссійскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ», заключаетъ свою аргументацію доровитый русскій сатирикъ 18 столѣтія.

Такимъ образомъ, вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ Божій, встрѣтилъ энергическій протестъ въ затронутыхъ имъ матеріальныхъ интересахъ дворянства, которое учило своихъ людей «брить, волосы убирать, кушанье варить и пр.», и въ отмѣнѣ крѣпостнаго права прежде всего увидѣло лишеніе себя брадобрѣевъ, парикмахеровъ, поваровъ и пр. Но вопросъ былъ поставленъ, и цѣлое столѣтіе продолжалось его обсужденіе.

Гр. Гр. Гр. Орловъ, человѣкъ близко знающій воззрѣнія императрицы, какъ полагаютъ нѣкоторые по-поводу дѣла Салтычихи, предложилъ, въ 1766 г., вольному экономическому обществу поставить на публичное обсужденіе вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. Общество поставило на соисканіе преміи *амблематъ:* «что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе и сколь далеко его права на то или и другое имѣніе простираться должны?» Посыпались записки, разрѣшающія вопросъ и за крѣпостное право, и за его отмѣну. Между послѣдними особенно выдѣлялись: доктора правъ изъ Ахена Беарде Делабея и русскаго юриста Полѣнова. Беарде Делабей говорилъ, что крѣпостной не можетъ имѣть никакой собственности, что «богатство принадлежащее рабу, подобно брякушкамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висящимъ: все принадлежитъ господину.» Онъ заклиналъ царей «даровать свободу невольникамъ». Члены общества присудили премію Делабею, а сочиненіе Полѣнова рѣшили не печатать, разсмотря «сверхъ ма-

теріи и самый слогъ, и найдя въ ономъ многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія». Сочиненіе Полѣнова, написанное, дѣйствительно, страстнымъ языкомъ молодаго поборника идеи освобожденія крестьянъ, по своей матеріи не заключало въ себѣ болѣе радикальнаго разрѣшенія вопроса, какъ сочиненіе другаго соискателя: возставая противъ *безчестнаго торга человѣческою кровію*, русскій юристъ не требуетъ даже абсолютнаго его запрещенія, а ограничивается повтореніемъ требованія Петра Великаго, чтобъ по крайности продавали людей съ землей, не разлучая отъ семействъ (Р. Арх. ч. 3-й стр. 521, 642 и Чтенія). Изъ записокъ, стоящихъ за крѣпостное право, намъ извѣстна одна записка *человѣка неграматикальнаго и никакихъ исторій отъ роду не читывавшаго*, какъ самъ себя называетъ авторъ. Записка эта крайне-интересна: точка зрѣнія, высказанная Сумароковымъ, нашла въ ней подробное развитіе. «Недвижимаго имѣнія, разрѣшаетъ авторъ, крестьяне имѣть не могутъ: всѣ земли и крестьянскія усадьбы — родовое, пожалованное или купленное достояніе помѣщиковъ. Движимаго имѣнія *добрые помѣщики* крестьянъ не лишаютъ, а при скудности даже ссужаютъ ихъ. Но могутъ-ли крестьяне имѣть свободу? При свободѣ крестьяне будутъ огурничать еще больше, какъ нынѣ, и на обширной россійской землѣ будутъ переходить съ мѣста на мѣсто; а за моремъ, у неправославныхъ христіанъ, за грѣхи ихъ, по числу людей земли имѣется весьма малая толика, такъ каждый крестьянинъ радъ тому, что онъ *отжухарится*(?) У крестьянъ съ помѣщиками, еслибы крестьяне были на заморскомъ положеніи, была бы тяжба безконечная и *ихъ сіятельства фелдьмаршалы и фелдцехмейстеры, командующіе славною россійскою арміею, были бы принуждены на огурщиковъ бить челомъ комиссарамъ*; а у насъ на Руси огурщиковъ больше, нежели въ заморскихъ краяхъ, понеже тамъ крестьяне грамотны, а на Руси, попущеніемъ Божіимъ, и попы не всѣ гораздо грамотны. Помѣщики научаютъ своихъ крѣпостныхъ не только камардинству, но и столярству и партесному пѣнію; того ради, ежели бы поселяне по заморскому

отъ господъ независѣли, *такъ бы у иного помѣщика некому было и студено искрошить, а нетолько сдѣлать какой фракасей, т. е. поливай, или супа, т. е. похлёбки, или почтета, т. е. пирога.* А за моремъ фракасейкихъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь.» Но несмотря на всѣ эти доводы впользу крѣпостнаго права, *неграматикальный* и *отъ роду никакихъ исторій не читывавшій* авторъ, не безусловный противникъ его отмѣны. Но отмѣна эта, по его мнѣнію, возможна будетъ только тогда, «когда Россія многонародна столько будетъ, какъ галанское королевство. попы наши такъ грамотны будутъ, какъ попы иноземческіе, *дворяне—такіе острономы*, какъ аглинскіе и французскіе, а крестьяне знать будутъ букварь, и слѣдовательно, будутъ совѣстнѣй и больше будутъ повиноваться страху Божію и чаще станутъ ходить въ церкви, нежели въ питейные дома, не будутъ на Волгѣ разбивать струговъ, и наша чернь о мастерствахъ заморскихъ лучшее понятіе получитъ и умнѣе станетъ, тогда можно будетъ имъ, крестьянамъ, быть на заморскомъ основаніи (Р. Арх. № 2. 1.870). Это характерное воззрѣніе на крѣпостное право, эти нехитрые и простые доводы въ его защиту — для насъ тѣмъ интереснѣе, что носятъ характеръ типическій: большинство нашего дворянства въ 18 ст. было также неграматикально и никакихъ исторій отъ роду не читывало—большинство нашего дворянства въ 18 ст. исповѣдывало тотъ же самый наивный и безхитростный взглядъ на крѣпостное право. Крѣпостники новѣйшіе отстаивали учрежденіе болѣе тонкими и научными доводами; въ этомъ случаѣ нашему крѣпостнику 1767 г. можно отдать преимущество: онъ былъ искреннѣе своихъ собратовъ по убѣжденію.

Вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго права, возбужденный Екатериной II, не могъ не сдѣлаться предметомъ обсужденія коммисіи 1767 г., гдѣ собралась вся интеллигенція тогдашней Россіи. Но въ защиту крестьянъ одинъ только депутатъ подалъ голосъ: въ засѣданіи 5 мая 1768 г. депутатъ

отъ козловскаго дворянства, подпоручикъ артиллеріи Григорій Коробьинъ, признавалъ нужнымъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою законовъ оградить собственность послѣднихъ, оставивъ личное управленіе помѣщиковъ надъ крестьянами въ прежнемъ положеніи. Заявленіе Коробьина было не сочувственно принято коммисіей: изъ 20 голосовъ, поданныхъ на его мнѣніе, 18 были противъ его мысли, и только 3 за нее. Депутаты, признавая эти мѣру вообще вредною для государства, подкрѣпляли свои возраженія тѣмъ, что считали невозможнымъ разъединить два права, тѣсно связанныя между собою: оставить у помѣщиковъ власть надъ лицомъ, отнявъ ее надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ возражавшихъ на мнѣніе Каробьина, депутатъ отъ дворянства гороховецкаго уѣзда, Александръ Протасовъ, сказалъ, что если принять мнѣніе Коробьина, «то не остается другого способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибъ на то манаршее было соизволеніе», но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, это нужно сдѣлать исподволь (Сборн. Русск. Историч. Общ. Т. 4-й стр. XXII).

На прорвавшіяся въ коммисіи аболюціонистическія воззрѣнія возражалъ также Болтинъ, одинъ изъ замѣчательныхъ мыслящихъ людей 18 столѣтія. «Не будучи апологистомъ рабства», говоритъ онъ въ Примѣчаніяхъ на Леклерка, «не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ облегченія и пособія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; *прежде должно учинить свободными души рабовъ*, какъ говоритъ Руссо, *а потомъ уже тѣла*...» «Не всякому народу, продолжаетъ Болтинъ, вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ, особливо которое приобрѣтается вѣками». Описавъ затѣмъ различныя вольности крестьянъ западной Европы, онъ прибавляетъ: «изъ сихъ многообразныхъ вольностей надобно намъ избрать такую, которая бы была сообразна нашему физическому и нравственному состоянію.

Понеже тажъ самая вольность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другаго будетъ руководствомъ къ несчастію, къ погибели. — Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ; германская не сдѣлаетъ ихъ состоянія лучшимъ; съ французскою помрутъ они съ голоду, а англійская низвергнетъ ихъ въ бездну....» «При дачѣ рабамъ свободы, заключаетъ Болтинъ, все благоразуміе въ томъ должно состоять, чтобъ не прежде имъ даровать, какъ науча ихъ познать ея цѣну; и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ вмѣсто благодѣянія сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и погибель».

Еще сильнѣе противъ отмѣны крѣпостнаго права возстаетъ авторъ «Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ и служителямъ, или здѣлать собственность имѣній»? Написанное въ 1785 г., скоро послѣ пугачовщины, когда «тысяча семей дворянскихъ поносною смертію истреблены были» — разсужденіе это проникнуто духомъ жолчнаго озлобленія противъ крестьянъ. Авторъ разбиваетъ свою задачу на 4 вопроса: 1) можно ли крестьянъ учинить вольными? 2) Можно ли имъ дать собственность земель? 3) Можно ли дать свободу дворовымъ? 4) Какой собственно для нихъ самихъ изъ всего сего вредъ произойдетъ? — Всѣ вопросы, кромѣ послѣдняго, разрѣшены отрицательно.

Интересенъ тотъ рядъ умозаключеній, который приводитъ автора къ признанію абсолютной необходимости крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи. Необходимость эта обусловливается и физическимъ положеніемъ страны: «Если мы возьмемъ физическое положеніе страны нашей, то узримъ, что холодной климатъ, возбраняющій дѣйствія транспираціи, а проницательнымъ своимъ воздухомъ сжимающій наши жилы, побуждаетъ насъ къ пріятію болѣе пищи, нежели въ полуденныхъ климатахъ; а сіе производитъ многокровіе и дѣлаетъ болѣе характеры наши сангвиническими; довольно же всѣмъ извѣстно, *что сангвинической характеръ есть характеръ наглой и стремительной* въ предпріятіяхъ своихъ, которыя безъ дальняго размышленія и начинаютъ; а естьли по роду жизни примѣ-

шается къ оному и флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее настояніе суровости и злопамятства.... по сему извѣстному характеру да разсудитъ каждый, легко-ли таковыхъ поселянъ, учиня ихъ свободными, общими законами задержать?... Флегматической характеръ производится отъ застоя движенія крови въ зимніе мѣсяцы и отъ недостатка движенія тѣла, такъ же отъ самыхъ топленныхъ покоевъ, въ коихъ густота воздуха приводитъ въ ослабленіе наши члены, къ лѣности и къ увальчивости насъ склонными чинитъ: при свободѣ же крестьянъ не умножатся ли сіи характеристическіе пороки?... россійскій народъ, по ослабленіи надъ ними начальства, впадетъ въ безпрерывную лѣность: ибо *точно примѣчено, гдѣ менѣе съ крестьянъ берутъ оброка, т. е., менѣе имъ побужденія промышлять себѣ прибыль*, тамъ они бѣднѣе становятся и болѣе впадаютъ въ лѣность» (Чтенія: 1861 г. кн. 3-ья).

Поставленная между двухъ огней — между идеей освобожденія крѣпостныхъ, навѣянною французской разрушительной философіей 18 ст. и существующимъ порядкомъ вещей, неразрывно связаннымъ съ интересами дворянства, которые всилу своего положенія, по инстинкту самосохраненія (братья Панины), императрица должна была менажировать — Екатерина II одной рукой подписываетъ указъ 1783 г., запрещающій свободнымъ людямъ поступать въ крѣпостное состояніе (№ 15.853) и сочиняетъ видѣнный гр. Блудовымъ проектъ закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ людей, рожденные послѣ 1785 г., должны быть свободными (Р. Арх. ч. 3-й), а другою рукою подписываетъ указъ 3 мая 1783 г., лишившій посполитыхъ крестьянъ въ Малороссіи права перехода и поставившій ихъ въ такое же положеніе, въ какое указъ 1592 г. поставилъ крестьянъ великорусскихъ (П. С. З. № 15.724)[108]; щедро жалуетъ населенныя крѣпостными людьми имѣнія, какъ бы доказывая сомнѣвающемуся сенату, что «генеральнаго освобожденія отъ несноснаго и жестокаго ига не послѣдуетъ» (Осмн. В. кн. 3-ья стр. 390).

Такова была судьба вопроса о правомѣрности крѣпостнаго права при Екатеринѣ II.

Въ короткое время своего царствованія, Павелъ I не успѣлъ вполнѣ высказаться относительно этого вопроса. Онъ льготилъ крестьянамъ (указы 1797 и 1798 г.), но, строгій поборникъ дисциплины, онъ смотрѣлъ на помѣщиковъ, какъ на лучшихъ своихъ *полицеймейстеровъ* (Р. Арх. ч. 2-й, стр. 781), во власть которыхъ отдавалъ тысячи крестьянъ. Хотя и менѣе своей предшественницы, воспитанной на *французской философіи*, склонный поддерживать интересы дворянъ — *тунеядцевъ-дворянъ*, какъ онъ самъ выражался (З. Энгельгардта стр. 211) — но все-таки, воспитанникъ прусской дисциплины, окруженный гатчинцами, едва-ли въ душѣ своей былъ аболюціонистомъ.

Иначе отнесся къ вопросу о правомѣрности крѣпостнаго права ученикъ Лагарпа, императоръ Александръ I. Благородная душа его не могла выносить, что едва не половина его подданныхъ находится въ крѣпостной зависимости. Аболюціонистомъ онъ не переставалъ быть во все продолженіе своего царствованія, даже послѣ священнаго союза, когда въ немъ началъ развиваться піетизмъ и его начали одолѣвать Аракчеевъ и реакція. Аболюціонизмъ императора съ особенной силой высказывался въ первую, либеральную пору его царствованія. Изъ «Засѣданій неофиціальнаго комитета», въ которомъ на *парижскомъ жаргонѣ обсуждались капитальнѣйшіе вопросы русской земли*, видно, какъ сильно занималъ тогда императора вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, или по крайней мѣрѣ его смягченіи. Крестьянскій вопросъ составлялъ главный предметъ обсужденія комитета до конца 1801 г. Изъ извлеченій, сдѣланныхъ гр. Строгоновымъ, видно, какъ комитетъ запутывалъ этотъ вопросъ. Въ комитетѣ *своя своихъ непознаша*, и трудно опредѣлить, кто тамъ былъ аболюціонистомъ, кто крѣпостникомъ, за исключеніемъ императора и можетъ быть его молодаго друга, гр. Строгонова, который искреннѣе и опредѣленнѣе другихъ явился поборникомъ идеи освобожденія. Чтеніе этихъ извлеченій даетъ живую характеристику людей эпохи; угадавъ любимую мысль императора, они и под-

дѣлываются къ ней и менажируютъ интересы дворянства: гр. Мордвиновъ и совѣтуетъ императору сдѣлать что-нибудь для помѣщичьихъ крестьянъ», неимѣющихъ никакого гражданскаго существованія» и остерегаетъ императора сдѣлать это постепенно и незамѣтно и совѣтуетъ отложить предложенный въ проектѣ Зубова выкупъ крѣпостныхъ людей казною «во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ»; Новосильцовъ и сочувствуетъ идеямъ императора, и соглашается съ Мордвиновымъ, полагая, «что выкупъ дворовыхъ людей можетъ поселить въ помѣщичьемъ сословіи опасеніе немедленнаго освобожденія крестьянъ», а «и безъ того уже ходили слухи, тѣмъ болѣе опасные, что общественное мнѣніе считало государя слишкомъ склоннымъ къ освобожденію крестьянъ». (Приложенія ко 2-й гл. I т. Исторіи Александра I Богдановича). Рѣшительнѣе на сторону идеи освобожденія становятся: гр. Кочубей, кн. Чарторыйскій, говорившій въ комитетѣ, «что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его» и гр. Строгоновъ, разсѣивавшій своей рѣзкой филиппикой противъ дворянства опасенія его недовольства и волненій, «въ которыхъ во всѣ времена принимали участіе крестьяне, а дворянство никогда» (ib.). Но замѣчательно: ни одинъ изъ этихъ *аболюціонистовъ* не освободилъ своихъ крѣпостныхъ, даже въ свободные хлѣбопашцы. Въ концѣ концовъ, секретный комитетъ 1801 г., обсуждавшій на *парижскомъ жаргонѣ мѣры улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи*, не сдѣлалъ для нихъ ничего. Указъ объ отпущеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы 1803 г. состоялся по иниціативѣ гр. С. П. Румянцова, который представилъ государю записку о вольныхъ земледѣльцахъ, которые могутъ быть первымъ шагомъ «къ постепенному уничтоженію и самаго рабства, которое иное ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе» (Р. Арх. 1869 г. № XI).

Записка Румянцова была передана на обсужденіе совѣта, въ преніяхъ котораго принималъ участіе и Державинъ. «Всѣ

господа члены совѣта», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «хотя находили сей проектъ не полезнымъ, перешептывали между собою о томъ, но согласно всѣ его одобрили, какъ и указъ о томъ апробовали». Какъ же обсуждали гг. члены совѣта предложеніе Румянцова? Объ этомъ сохранилось интересное извѣстіе, помѣщенное въ Чтеніяхъ, кн. 1-я на 1860 г. Гг. члены совѣта различили въ предложеніи гр. Румянцова два обстоятельства: 1) главную мысль объ увольненіи крестьянъ по условіямъ съ ихъ помѣщиками и 2) образъ, коимъ предполагается произвести ее въ дѣйство. Главную мысль совѣтъ, хотя и перешептывалъ между собою, но одобрилъ. Приведеніе же ея въ дѣйство нашелъ неудобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: «Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ разными обстоятельствами такъ усилилось въ умахъ, что малѣйшій поводъ и прикосновеніе къ сему предмету можетъ произвесть опасныя заблужденія. Примѣры ослушаній, возбуждаемыхъ по случаямъ, менѣе сего основательнымъ, доказываютъ ясно, сколь много народъ расположенъ къ новостямъ сего рода, и сколь легко предается онъ всѣмъ слухамъ о перемѣнѣ сего состоянія. При такомъ расположеніи умовъ, изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ можетъ произвесть превратные толки, и, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ немъ установленіе на прежнихъ законахъ и на взаимной пользѣ основанное, многіе помѣщики, пораженные слухами, усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ». Г. прокуроръ (Державинъ) присоединилъ, что, «хотя, по древнимъ законамъ, права на рабство нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство въ обычай. Обычай сей, утвердясь временемъ, *сдѣлался столь священнымъ*, что прикоснуться къ нему, безъ вредныхъ послѣдствій, великая потребна осторожность». Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, совѣтъ, находя неудобнымъ изданіе общаго узаконенія, дозволилъ освобождать крѣпостныхъ людей частно—на одно лицо.— Въ запискахъ своихъ Державинъ еще полнѣе высказываетъ свой взглядъ на учрежденіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Тяжелое

впечатлѣніе производитъ онъ на читателя: онъ не останавливается ни предъ какой клеветой, позволяетъ себѣ даже ложь, чтобъ только очернить благородную память гр. Румянцова. «Касательно вольныхъ хлѣбопашцевъ», читаемъ въ запискахъ нашего великаго поэта, «то сіе такимъ образомъ случилось: Румянцевъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ *подлой трусости* (?) государю угодити, средства, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль государя, внушенная при воспитаніи его *нѣкоторымъ* его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцевъ, чтобъ *подольститься* къ государю, *стакнувшись* напередъ, смѣю сказать, съ *якобинскою шайкою* Чарторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочими, подалъ проектъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ откупиться отъ господъ своихъ. . . и на семъ основаніи отпустилъ своихъ крестьянъ до 200 душъ, которые, какъ послѣ слышно стало, *никогда не были его крѣпостными людьми*, но вольные, отцомъ его, покойнымъ фельдмаршаломъ. . . на его земляхъ, *вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ*, поселенные (имѣніе гр. Румянцова было въ рязанской губерніи(!). . . Всѣмъ владѣльцамъ, по манифесту 1775 г. отпущать людей своихъ и крестьянъ позволено, а по указу царствующаго государя 1801 г. и снабжать землей можно, слѣдовательно никакой нужды нѣтъ въ новомъ законѣ. Румянцевъ можетъ отпустить хотя всѣхъ своихъ людей и крестьянъ по тѣмъ указамъ (*однако же онъ того ни тогда, ни послѣ не сдѣлалъ*), и новымъ особымъ указомъ разтверживать о мнимой вольности и свободѣ простому, еще не довольно просвѣщенному народу, опасно, и только такое учрежденіе надѣлаетъ много шуму, а пользы никакой ни дворянамъ, ни крестьянамъ. . . условливаться рабу съ господиномъ въ цѣнѣ и свободѣ почти невозможно. . . Нижніе земскіе суды или сельская полиція, по пространству въ имперіи мѣстъ нежилыхъ и пустыхъ, удержать ихъ *отъ разброду не могутъ* безъ *помѣщиковъ*, *которые суть наилучшіе блюстители или полиціймейстеры за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ въ ихъ селеніяхъ* (стр. 485 — 496). [109]). Несмотря на эти протесты, указъ 1803

былъ обнародованъ (№ 20.620, 20.625). При обнародованіи его, министерство внутреннихъ дѣлъ приняло большія предосторожности: циркуляръ начальникамъ губерній гласилъ «никакъ не предполагается при семъ ослабить порядокъ, нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами, и ни малѣйшей перемѣны не вводится въ образъ управленія сихъ послѣднихъ» (Варадиновъ). Примѣръ Румянцова нашелъ себѣ послѣдователей между другими помѣщиками [110]): въ 1804 г., кромѣ самого Румянцова, уволены въ свободные хлѣбопашцы помѣщикомъ воронежской губерніи дѣйст. ст. сов. Петрово-Солововымъ 5.001 душа, помѣщицею владимірской губерніи Балакиревою 27 душъ, сержантшею, помѣщицею вологодской губерніи, Дарьей Аникіевой, 52 души (втеченіе 20 лѣтъ крестьяне должны были выплатить 7.400 р.—по 370 р. въ годъ). Въ томъ же году, кн. А. Б. Куракинъ предположилъ уволить всѣхъ своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, но не прежде, какъ по своей кончинѣ. За отъѣздомъ князя заграницу, дѣло пріостановилось. Но по возвращеніи своемъ въ Россію въ 1814 г., онъ объявилъ министерству, что крестьяне не *желаютъ вступить въ свободные хлѣбопашцы*. Впрочемъ, по смерти князя, крестьяне просили объ исполненіи условій 1804 г., но министерство отказало, вслѣдствіе измѣнившихся намѣреній владѣльца (См. Варадинова). Мы назвали имена первыхъ помѣщиковъ, воспользовавшихся указомъ 1803 г. Послѣ этого, какъ ни туго помѣщики освобождали своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, но большее или меньшее число такихъ освобожденій случалось каждый годъ, до самой отмѣны крѣпостнаго права [111]).

Учрежденіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, императоръ и аболюціонисты хотѣли уменьшить число крѣпостныхъ крестьянъ. Государственный совѣтъ шелъ къ другой цѣли. Когда въ 1810 г. обсуждалась въ немъ записка объ удобнѣйшемъ комплектованіи арміи нижними чинами, совѣтъ предполагалъ, ограничивъ срокъ службы нижнихъ чиновъ 15 годами, возвращать ихъ къ прежнимъ владѣльцамъ въ крѣпостное состояніе (Богдановичъ: т. III. 29). Проведеніемъ этой мѣры государственный совѣтъ закрылъ бы и послѣдній выходъ изъ крѣ-

постной зависимости — рекрутчину. Но во всякомъ случаѣ онъ вѣренъ былъ традиціи сената 18-го столѣтія.

Между прочимъ, о возбужденномъ вопросѣ заговорилъ и Карамзинъ. Въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи», защищая продажу крестьянъ помѣщиками, онъ ратуетъ и за крѣпостное право. Освобожденіе крестьянъ представлялось Карамзину не иначе, какъ безъ земли. Принявъ обезземеленіе крестьянъ за исходную точку возможной реформы, онъ думалъ, что свободные, но безъ земли, или добровольно останутся у помѣщиковъ, которые предпишутъ имъ самыя тягостныя условія, или настанетъ бродяжничество съ мѣста на мѣсто, ко вреду казны и земледѣлія. «Не знаю говорилъ Карамзинъ, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ свободу у крестьянъ, но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить ее. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ; мнѣ кажется, что *для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ не во время свободу, для которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ*».

Въ то же время изданіе гр. Валер. Стройновскимъ книги «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами» вызвало энергическіе протесты другихъ крѣпостниковъ. Екатерининскій дѣлецъ, Поповъ, въ 1811 г. писалъ къ императору: «Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія.... Подобныя внушенія были всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи не созрѣли еще умы къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго, дара вольности: умствованія о ней воспалительны, а слѣдствія злоупотребленія ея ужасны...»

«Писаніе ваше», отвѣчалъ докучливому совѣтчику императоръ, «я нахожу совершенно излишнимъ; позвольте мнѣ думать, что я столько же умѣю понимать вещи, какъ и вы. Въ упоминаемой вами книгѣ ничего похожаго вашимъ опасеніямъ я не нашелъ... Вообще не вижу я инаго въ подвигѣ вашемъ, какъ охоту прослыть совѣтодателемъ. Я конечно столько же искренно привязанъ къ своему отечеству,

какъ и вы. Благосостояніе онаго составляло и будетъ составлять всегда первѣйшую мою обязанность. Прочтите 1768 г. Трудовъ вольнаго экономическаго общества VIII части стр. 11, 12 и 13 (Беарде Делабей), и вы удостовѣритесь, что и при блаженной памяти императрицѣ Екатеринѣ II мысли подобныя не сочтены были столь опасными, какъ вы ихъ представляете». (Р. Арх. ч. 2-й). Но отвѣтъ императора Попову не воздержалъ другихъ *совѣтодателей*: на книгу Стройновскаго представили замѣчанія гр. Растопчинъ и харьковскій помѣщикъ Каразинъ. Возраженія гр. Растопчина, отъ которыхъ потомъ тщетно отказывался его сынъ (Р. В. 5 кн. за 1860 г.), гласятъ слѣдующее: «дворяне суть первые подданные государя, подпора престола и трона....» А крестьяне (*холопы*), какъ ихъ называетъ иногда гр. Растопчинъ въ 19 ст.?.... «Распутство, лѣнь и нерадѣніе крестьянъ превышаетъ понятіе»... Можно ли имъ дать свободу? «Земледѣліе вольностію крестьянъ въ Россіи процвѣсти не можетъ, потому что *русскій крестьянинъ не любитъ хлѣбопашества* и пренебрегаетъ своимъ состояніемъ, не видя въ немъ для себя пользы?» Затѣмъ варьянтъ того же самаго аргумента: «крестьянинъ *къ обрабатыванію земли* и къ пріуготовленію чистаго и хорошаго хлѣба *долженъ быть приведенъ принужденіемъ*» (Чтенія: кн. 2-я на 1860 г., стр. 203—217).

Интересны умозаключенія Каразина, не пользовавшагося славой примѣрнаго помѣщика. Онъ написалъ «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества», если мы не ошибаемся, также въ отвѣтъ гр. Стройновскому.

Вотъ какими доводами авторъ согласуетъ крѣпостную зависимость съ монархическимъ правленіемъ и съ истиннымъ благосостояніемъ помѣщиковъ:

. . . . . » Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія же; одпѣ начала должны

быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы онѣ имѣли между собою прочную связь. И слѣдовательно помѣщики, для благоденствія селеній земледѣльческихъ, *почти столько же нужны, сколько монархъ* для подданныхъ вообще . . . . . .

«Помѣщика я разумѣю *наслѣдственнымъ чиновникомъ*, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ, на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ими и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ *есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ* . . . . Россійскіе помѣщики, по разуму законовъ своего отечества, не что иное, какъ намѣстники своихъ великихъ государей, каждой во ввѣренной ему части . . . .» Каразинъ, очевидно, развиваетъ ту же теорію помѣщичьей власти, зерно которой было брошено императоромъ Павломъ I, которую исповѣдывалъ Державинъ, а изъ новѣйшихъ публицистовъ г. Бланкъ [112]). Каразинъ, впрочемъ, допускаетъ возможность нѣкотораго смягченія крѣпостнаго права. Улучшеніе должно состоять въ томъ, чтобъ отдѣлить владѣніе собственностію отъ власти начальнической. Опытъ этого отдѣленія онъ сдѣлалъ въ своемъ Кручикѣ слободско-украинской губерніи въ 1805, но, по свѣдѣніямъ, разорилъ тѣмъ и крестьянъ, и себя (Чтенія, кн. 3-я 1861 г.).

Окруженный такими совѣтодателями, Александръ I дѣлаетъ что можно для осуществленія своей завѣтной идеи: освобождаетъ въ 1808 г. таврическихъ яссыръ, несмотря на просьбу таврическаго муфтія оставить ихъ къ крѣпостной зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ (№ 22.925); улучшаетъ положеніе остзейскихъ крестьянъ. Послѣднее вызываетъ новые протесты крѣпостниковъ. Противъ постановленій объ эстляндскихъ кресть-

нахъ ополчается уже знакомый намъ Каразинъ, доводя свою прежнюю теорію до метафизики. «Народъ нашъ обожалъ своихъ владыкъ, а въ боярахъ видѣлъ отцовъ... *Народу невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей*: и кому *приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ?* Неужели избранный міромъ на срокъ староста изъ тѣхъ же крестьянъ будетъ имѣть болѣе побудительныхъ причинъ желать добра и его производить, нежели просвѣщенный помѣщикъ, который увѣренъ, что тотъ, кому дана въ помѣстье Россія, имѣетъ на него отверзтыя очи и готовъ наградить человѣколюбивое его рвеніе, или наказать употребленіе власти во зло? Помѣщикъ и по отличному воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными и по пріятной сердцу обязанности передать свое наслѣдіе, предметъ человѣколюбивыхъ его заботъ, дѣтямъ своей крови, *точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха*. Вотъ репрезентація, приличнѣе и естественнѣе репрезентаціи толпы бурной черни въ закупаемомъ коропою парламентѣ.... Какъ всѣ государственныя части имѣютъ своихъ начальниковъ, да будутъ начальниками земледѣлателей помѣщики! Да будутъ они особенными *государственными чиновниками*, какъ и прочіе репрезентанты великаго монарха.... Подобно, какъ раздѣлена имперія на губерніи и уѣзды, такъ, и съ большею еще точностію, можетъ она раздѣлиться на помѣстья. Съ большею точностію, говорю: ибо число губерній, а особливо уѣздовъ, весьма можетъ сокращено быть при предоставленіи помѣщикамъ земской полиціи. Помѣстья же, приведенныя въ извѣстные предѣлы, да останутся уже недѣлимыми!» (Чтенія, кн. 2-я, 1860 г.). Аболюціонисты отвѣчаютъ крѣпостникамъ: на «Рѣчь о защищеніи права дворянъ на владѣніе крестьянами», писанную въ Москвѣ 4 апрѣля 1818 г., они возражаютъ (Чтен., 1859 г. кн. 3). Между прочимъ, въ 1818 г. нападаетъ на дворянство паника, вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи императора освободить крестьянъ; въ особенности была взбудоражена московская публика. Это побуждаетъ гр. Канкрина подать госу-

дарю «Записку объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости» (Р. Арх. 1865 г.).

Къ этому же времени относится чрезвычайно интересная переписка Сперанскаго съ Столыпинымъ. Enfant terrible аристократіи вначалѣ царствованія Александра I, прощенный ею за грѣхи молодости — за указъ о придворныхъ званіяхъ и другія либеральныя затѣи — Сперанскій въ этой перепискѣ является почти крѣпостникомъ - доктринеромъ. «Вамъ безъ сомнѣнія уже извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью» (сказанною государемъ при открытіи варшавскаго сейма, въ которую вкралось слово о распространеніи свободныхъ учрежденій и на Россію). Помѣщики въ этой рѣчи ничего другаго не видѣли, какъ намекъ на свободу крестьянъ — и между ними распространилась молва объ освобожденіи ихъ крѣпостныхъ. Можно ли требовать, спрашиваетъ Сперанскій, чтобъ простой народъ увидѣлъ въ варшавской рѣчи что-либо другое? Какъ скоро такая молва, продолжаетъ онъ, распространится въ селеніяхъ, «тогда родится или утвердится въ *черномъ народѣ* мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, но что оно уже ее и даровало и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ее провозглашеніе. Но что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно.... Вы довольно меня знаете и повѣрите», разговариваетъ съ своей совѣстью нашъ либералъ первой четверти текущаго столѣтія, «что говорю не изъ трусости, *хотя, правду сказать, отваживаю не менѣе другихъ, отваживая Ханенекву*, т. е. 30.000 годоваго дохода.....» Но какъ быть съ осводожденіемъ крестьянъ? О такомъ щекотливомъ вопросѣ, касавшемся русскаго мужика, аристократствовавшее дитя народа позволяло себѣ говорить не иначе, какъ на французскомъ языкѣ, подобно Чарторыйскому и Кочубею, обсуждавшимъ тотъ же вопросъ въ неофиціальномъ комитетѣ 1801 г. на томъ же, только болѣе правильномъ парижскомъ жаргонѣ: «Epuzez la partie administrative. Venez ensuite à établir les lois constitutionelles c'est à dire liberté politique et puis ensuite et graduellement vous

viendrez á la question de la liberté civile, c'est à dire liberté des paysans. Voilà le véritablee ordre des choses»... (Р. Арх. 1869 г. № 10).

Такъ велся споръ между аболюціонистами и крѣпостниками о правомѣрности крѣпостнаго права втеченіе царствованія Александра I. Аболюціонисты отстаивали великую идею освобожденія русскаго народа отъ помѣщичьей власти; крѣпостники *отваживали* свои Ханенвки съ тысячами крестьянъ, приносившими имъ тысячи рублей дохода. У первыхъ было слишкомъ отвлеченное знамя, знамя другихъ было слишкомъ реально и осязаемо — ущербы матеріальнымъ интересамъ: кто будетъ бороду брить, студено крошить, фракасеи и почтеты дѣлать, оброки платить? Аболюціонистамъ слѣдовало свести вопросъ на ту же почву: дебатировать не правомѣрность крѣпостнаго права, а его утилитарность — выгодно ли оно для самихъ помѣщиковъ, для государства? Это случилось уже въ царствованіе императора Николая I, когда аболюціонисты, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, перестали пѣть іереміады, надъ постыднымъ торгомъ человѣческою кровію, надъ позорящимъ человѣчество и страну обладаніемъ своими братьями по Христу, а занялись вычисленіями потери производительныхъ силъ націи, вслѣдствіе крѣпостной зависимости большинства ея членовъ. На этой почвѣ крѣпостники не устояли и сдались аболюціонистамъ.

Споръ перешелъ на другую почву, но продолжался во все царствованіе императора Николая. Самъ императоръ былъ рѣшительнымъ поборникомъ идеи освобожденія. Замѣчено, что ни при одномъ изъ его предшественниковъ не издано было столько мѣръ къ улучшенію положенія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ при немъ [113]). Хотя манифестомъ 12 мая 1826 г. разсѣявались ложные слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, но обсужденіе этого вопроса началось вконцѣ того же года. Въ основанный тогда секретный комитетъ, для пересмотра всѣхъ государственныхъ учрежденій имперіи, внесены были двѣ записки: одна Васильчиковымъ о недѣлимости дворянскихъ имѣній и маіоратахъ, а другая Сперанскимъ о крѣ-

постномъ состояніи въ Россіи. Записки эти выдвинули вопросъ крестьянскій. Есть извѣстіе, что секретный комитетъ 1826 г. постоянно дѣйствовалъ до 1830 г., и изготовилъ проектъ о новомъ устройствѣ всѣхъ состояній въ государствѣ — въ томъ числѣ дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе: ему не сочувствовалъ братъ императора, великій кн. Константинъ Павловичъ. Между прочимъ, подоспѣли іюльская революція и польскій мятежъ, отвлекшіе вниманіе императора отъ крестьянскаго вопроса. По-умиреніи Европы и укрощеніи Польши, вопросъ снова возникаетъ. Въ 1839 г. учреждается второй секретный комитетъ для пересмотра закона объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы. Комитетъ занялся обсужденіемъ проекта закона объ обязанныхъ крестьянахъ. Гр. Воронцовъ представилъ въ 1834 г. проектъ устройства бессарабскихъ царанъ, въ основаніи котораго лежало устройство поселянъ въ Валахіи, введенное тамъ гр. Киселевымъ. Это устройство предложено было гр. Киселевымъ для примѣненія къ обязаннымъ крестьянамъ и въ Россіи. Комитетъ долго занимался обсужденіемъ этого предложенія. Въ основаніи мыслей комитета лежало то, чтобъ обязанныхъ крестьянъ сдѣлать учрежденіемъ не обязательнымъ для помѣщиковъ, но добровольнымъ. Въ такомъ смыслѣ измѣнено было и предложеніе гр. Киселева, и представлена комитетомъ записка государю. На основаніи этой записки обнародованъ указъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ (2-е П. С. № 15.462), развитой въ 1844 г. предоставленіемъ помѣщикамъ права отпускать на волю и дворовыхъ людей безъ земли съ обязательствомъ выплачивать за себя условленную сумму (2-е П. С. № 17.977). Между прочимъ и частныя лица начали представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ проекты объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Такъ, напримѣръ, еще въ 1836 г. представилъ титулярный совѣтникъ баронъ Боде. Не получая изъ министерства никакого отвѣта, онъ заключилъ, что проектъ его нашли неудобнымъ, и поэтому въ 1841 г. представилъ его вновь. Но и на этотъ разъ безъ всякихъ послѣдствій. Мысль Боде

состояла въ томъ, чтобы освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости доставить помѣщикамъ возможность уплатить свои долги (Варадиновъ).

Третій и четвертый секретные комитеты занимались главнымъ образомъ вопросомъ объ уменьшеніи числа дворовыхъ людей въ Россіи и улучшеніемъ ихъ положенія. Болѣе общій вопросъ обсуждался въ 5-мъ секретномъ комитетѣ 1846 г. Здѣсь разсматривалась записка министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи, составленная имъ въ 1845 г. Мысль Перовскаго состояла въ слѣдующемъ: русскій крестьянинъ долженъ быть прикрѣпленъ закономъ къ землѣ, а помѣщикъ долженъ сохранять надъ нимъ политическую власть. Русскому крестьянину нельзя дать полной свободы, но только условную, къ которой можно придти постепеннымъ ограниченіемъ крѣпостнаго права помѣщиковъ. Ограниченія должны состоять: а) въ точномъ опредѣленіи власти помѣщика надъ личностью крестьянъ и б) въ огражденіи собственности крестьянина отъ произвольныхъ притязаній помѣщика. Комитетъ относительно перваго пункта нашелъ его достаточно уже опредѣленнымъ въ новомъ уголовномъ уложеніи, второй призналъ полезнымъ внести въ изготовляемое II отдѣленіемъ канцеляріи новое гражданское уложеніе.

Интересны очень мотивы учрежденія шестаго секретнаго комитета въ 1848 г. Передъ тѣмъ, 8 ноября 1847 г., дозволено было помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться при продажѣ ихъ съ публичнаго торга, а правилами 11 августа того же года разрѣшено министерству государственныхъ имуществъ покупать насчотъ правительства продающіяся съ публичныхъ торговъ частныя населенныя имѣнія. Постановленія эти обобщили и распространили на всю имперію дозволеніе, данное въ 1831 г. крестьянамъ въ Грузіи, продаваемымъ съ публичныхъ торговъ и по частнымъ сдѣлкамъ, откупаться отъ крѣпостнага права.

Вслѣдъ за изданіемъ ихъ, губернскій предводитель тульскаго дворянства, Норовъ, представилъ государю записку о вредѣ, причиняемомъ кредиту дворянства помянутыми поста-

новленіями. Подобныя же записки были поданы генералъ-адъютантомъ Шиповымъ, смоленскимъ предводителемъ дворянства, кн. Друцкимъ-Соколинскимъ, генералъ-моіоромъ Барятинскимъ и др. Для разсмотрѣнія этихъ записокъ, для предотвращенія вредныхъ послѣдствій указа 8 ноября 1847 г., и былъ учрежденъ шестой комитетъ. Комитетъ единогласно постановилъ: право, данное министерству государственныхъ имуществъ, покупать помѣщичьи имѣнія на публичныхъ торгахъ отмѣнить, а указъ 8 ноября измѣнить.

Шестой секретный комитетъ, продолжавшійся до 1849 г. былъ послѣдней попыткой императора Николая обсудить крѣпостное право, и если можно порѣшить съ нимъ. Европейскія смуты опять отвлекли вниманіе императора отъ крестьянскаго вопроса. А въ результатѣ его аболюціонистической дѣятельности было — бы значительное улучшеніе положенія крѣпостныхъ крестьянъ, еслибъ на то была добрая воля помѣщиковъ, да бдительный надзоръ мѣстныхъ властей, и учрежденіе званія обязанныхъ крестьянъ. Послѣднему императоръ придавалъ большое значеніе; задняя мысль его была при изданіи указа 1842 г. сдѣлать его впослѣдствіи обязательнымъ для всѣхъ владѣльцевъ.

Но какъ отнеслись къ нему помѣщики? Несомнѣнно: далеко не сочувственно. Съ изданія указа 1842 г. до 1848 г. только два помѣщика кн. Воронцовъ и кн. Витгенштейнъ отпустили своихъ крестьянъ въ обязанные: первый — 492 д., второй 662 д. — оба въ с.-петербургской губерніи. Кромѣ того, нѣкоторые другіе помѣщики представили министерству договоры съ крестьянами, но они не были утверждены, такъ такъ заключали въ себѣ условія, крайне отяготительныя для крестьянъ: такова была судьба договоровъ многихъ помѣщиковъ динабургскаго, тульскаго уѣздовъ и 13 договоровъ помѣщиковъ смоленской губерніи. — Къ двумъ помѣщикамъ, примѣнившимъ къ своимъ крестьянамъ указъ 1842 г., присоединился въ 1849 г., помѣщикъ подольской губерніи, гр. Мих. Потоцкій, уволившій 15.052 д. муж. и 14.785 жен. половъ своихъ крестьянъ въ обязанные. Дальше этого число помѣщиковъ и уволенныхъ ими

въ обязанные крестьянъ не шло (Варадиновъ). Причина этого— мы сказали—въ несочувствіи дворянства мысли императора. Въ 1847 и 1849 г. представлялась императору депутація смоленскаго дворянства. Онъ заявилъ ей свою неизмѣнную волю измѣнить крѣпостное состояніе крестьянъ въ обязанное и надежду, что дворянство будетъ содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ.

Депутація передала дворянству волю императора. Вопросъ подвергся обсужденію. Губернскій предводитель, кн. Друцкой-Соколинской — крѣпостникъ — рѣшительно былъ противъ видовъ императора, и когда замѣтилъ сочувствіе къ нимъ дорогобужскаго предводителя, Кононова, то сказалъ ему: «вы дворянинъ, а дѣйствуете противъ правъ своихъ!» — Болѣе согласныхъ съ нимъ воззрѣній былъ ельнинскій предводитель дворянства, Стунѣевъ. Въ запискѣ, представленной имъ кн. Друцкому о причинахъ, затрудняющихъ владѣльцовъ имѣній, заключать обязательныя условія съ ихъ крестьянами и о послѣдствіяхъ, могущихъ произойдти отъ перехода помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

«Невѣжество крестьянъ, ихъ суевѣріе, закоснѣлость и непреодолимая привязанность къ старымъ обычаямъ, *дѣлаютъ ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденія въ законоположеніяхъ и къ сознанію непреложнаго долга гражданской зависимости*.... время, смягчивъ просвѣщеніемъ нравы дворянства, изглаживаетъ уже и слѣды прежняго ихъ обращенія съ крѣпостными людьми...., но крестьяне вообще все еще остаются въ томъ же грубомъ невѣжественномъ состояніи, въ томъ же мракѣ, сквозь который не проникаютъ благотворные лучи просвѣщенія; вѣра ихъ — суевѣріе, исполненіе обязанностей — слѣдствіе привычки, страха и зависимости; нравственность требуетъ строгаго надзора и направленія; особенно, если крестьянинъ опредѣляетъ себя ремеслу, или промышленности внѣ земледѣлія: это послѣднее порождаетъ нерѣдко развратъ, своеволіе и неповиновеніе власти. Кто же можетъ предотвратить всѣ эти уклоненія отъ порядка и добрыхъ нра-

вовъ, какъ не помѣщикъ, имѣющій ближайшій надзоръ за всѣмъ бытомъ простолюдина»?

«Вопросомъ объ обязанныхъ крестьянахъ», заключаетъ Кононовъ свою записку «О ходѣ дѣла въ смоленской губ. по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ», увеличитъ славу Николая I въ исторіи и омрачитъ въ ней дворянство наше, не сочувствовавшее великой мысли» (Чтенія 1863 г., кн. 1-я).

Таковы были результаты борьбы аболюціонистовъ съ крѣпостниками при Николаѣ I. Результаты эти были незначительны, но была подготовлена почва для достиженія болѣе важныхъ при его великомъ преемникѣ. При императорѣ Александрѣ II вѣковой споръ изъ-за быть или не быть крѣпостному праву на русской землѣ, начавшійся въ 18-мъ в., вслѣдъ за отмѣной обязательной службы дворянства, оканчивается отмѣной крѣпостнаго права. Вѣрный завѣту своихъ предшественниковъ, предсказаніямъ геніальнаго русскаго крестьянина 18 в., Александръ II *вступаетъ въ обладаніе помѣщичьими крестьянами, какъ прирожденный ихъ владѣтель*. Какъ же вело себя дворянство при развязкѣ вѣковаго спора, при окончательномъ упраздненіи крѣпостной зависимости крестьянъ? Моментъ этотъ уже выступаетъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. На поставленный вопросъ найдется отвѣтъ въ Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія (3 тома, Берлинъ 1860), а еще можетъ быть болѣе въ изданныхъ Скребицкимъ матеріалахъ Гакстгаузена, безъ знакомства съ которыми, къ сожалѣнію, намъ приходится окончить свое изслѣдованіе. Мы же ограничимся дословнымъ приведеніемъ записки министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго. «Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (въ августѣ 1859)». Записка эта представлена была государю въ то время, когда въ Петербургѣ ожидали появленія представителей дворянства, вызванныхъ изъ губерній, и когда аристократія видѣла въ нихъ опору для поддержанія своихъ сословныхъ интересовъ — она составляетъ поистинѣ драгоцѣннѣйшій матеріалъ, которымъ не можетъ не воспользоваться историкъ послѣднихъ дней крѣпостнаго права. Говоритъ въ ней министръ

внутреннихъ дѣлъ, на долю котораго выпало стоять во главѣ крестьянскаго дѣла и близко знать воззрѣнія и стремленія дворянства, живо затронутаго реформой:

«Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній; отъ выполненія — совершенной потери собственности... Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи.... Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживали въ 45 губернскихъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ было до 1.377, изъ числа коихъ, можно положительно сказать, едвали одна 1/10 доля занималась предложеннымъ вопросомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ..... въ большинствѣ представленныхъ комитетами проектовъ *не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій*, нѣтъ даже *явнаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ*. Въ нихъ выразилось стремленіе къ *безземельному освобожденію крестьянъ*, и въ то же время затрудняются имъ переходы. Составители проектовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ и земли ихъ останутся безъ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлость сужденій: съ одной стороны комитеты вдались въ мелочныя подробности, напримѣръ опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы.... Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ, — и на оборотъ сходятся въ томъ, въ чемъ должны бы были отразиться мѣстныя различія, а именно: въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ напр. астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ с.-петербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ, и даже для одной

и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различные надѣлы. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, и знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства. . . . . .

Первое мнѣніе тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергнуть ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостнаго права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ раззореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты 1-ю статьею своихъ положеній единогласно постановили отрѣченіе отъ крѣпостнаго состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ, и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, тамбовскомъ, въ большинствѣ: тульскаго, рязанскаго, владимірскаго, московскаго, нижегородскаго, симбирскаго, вологодскаго и новгородскаго.

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніемъ бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную В. И. В. безъименную записку подъ литерою А, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не

достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ, и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ и выхваляя свободу труда, желаютъ всячески уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ 12 лѣтнимъ сроком, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Воронежскій комитетъ, напримѣръ, даже совсѣмъ не хочетъ употребить слова надѣлъ, а называетъ его наймомъ. Или же напримѣръ, Ярославскій комитетъ, который изъявляетъ согласіе на выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ правительства по 270 р. за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія въ настояще время не имѣютъ никакого твердо установленнаго плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на *первый планъ сословные интересы дворянства*, желаютъ создать *у насъ дворянскую поземельную аристократію подобно англійской* и вмѣсто нынѣшней привиллегированной дворянской собственности, на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую не менѣе привеллегированную, на началахъ феодальныхъ. За предоставленіе крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полеваго угодья, оставляютъ за помѣщиками, подъ именемъ «вотчинныхъ правъ», особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привиллегіи на Западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть со стороны этого направленія, только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди

этого мнѣнія, весьма сознательно и настойчиво, есть *освобожденіе крестьянъ безъ земли*. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различія времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію, и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, еслибы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, особахъ, и въ нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета. Вопросъ о «вотчинныхъ правахъ» первоначально возбужденъ былъ въ С.-Петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство и можно сказать меньшинство тверскаго комитета, большинство харьковскаго и кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности самарскаго, тульскаго, рязанскаго, владимірскаго и симбирскаго... (Р. Арх. 1869 г. №№ 7 и 8).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I. *Служилые люди* до Петра не составляли *мѣстныхъ обществъ*.— Намѣреніе Петра собрать *шляхетство* въ мѣстныя *землевладѣльческія общества*, участвующія въ *мѣстномъ управленіи*. — Въ этомъ случаѣ на преобразователя имѣли вліяніе *остзейскіе порядки*. — Ландратскія коллегіи. — Земскіе комиссары. — Важныя функціи должности земскаго комиссара парализуются значеніемъ должности *полковника*. — Петръ Великій вводитъ *галлантированіе* и старается пріучить къ нему шляхетство. — Могло ли намѣреніе Петра организовать *шляхетскія уѣздныя общества*, принимающія участіе въ мѣстномъ управленіи, увѣнчаться успѣхомъ? — Успѣху его мѣшали и потребы государства и нравы шляхетства. — Потребы государства вызывали шляхетство изъ деревень на службу въ полкахъ и канцеляріяхъ.—Нравы проникнуты были безучастіемъ въ управленію родной мѣстностію, исторически развившимся. — Шляхетство неохотно съѣзжается на выборы земскаго комиссара.— Какъ оно относится къ выбору членовъ законодательныхъ коммисій? — Заявляя о разныхъ своихъ нуждахъ въ 1730 г., шляхетство ничего не говоритъ о своемъ участіи въ мѣстномъ управленіи.

II. Вліяніе отмѣны обязательной службы шляхетства на развитіе его мѣстнаго значенія, на образованіе *мѣстныхъ дворянскихъ обществъ*. — Выборъ предводителей и депутатовъ въ 1766 г. — Какъ отнеслось дворянство къ призыву императрицы? — Въ меньшинствѣ, составленномъ изъ лучшихъ членовъ сословія, призывъ вызываетъ сочувствіе. — Большинство относится къ нему равнодушно. — Свидѣтельство гр. Сиверса о томъ, какъ производились выборы депутата дворянствомъ новгородской губерніи. — Число подписей на дворянскихъ наказахъ 1767 г. свидѣтельствуетъ о присутствіи на выборахъ меньшинства. — Чиноначитаніе, обнаружившееся при выборахъ. — Какъ отнеслось малороссійское шляхетство? — Жалобы на него Румянцева. — Жалоба стародубскаго предводителя Петра Искрицкаго. — Выборы въ нѣжинскомъ полку. — Заявленія дворянства о *состановленіи* дворянскихъ обществъ. — Требованія права выбора мѣстныхъ должностныхъ лицъ. — Анализъ этихъ требованій и заявленій, которыя вращались въ тѣсномъ кругу *чисто-сословныхъ дворянскихъ интересовъ*. — Согласовались-ли они съ намѣреніями Екатерины II, задумавшей преобразовать всю систему мѣстнаго управленія. — Для новаго управленія нужно было множество должност-

ныхъ лицъ. — Императрица расширяетъ кругъ дворянскихъ требованій и привлекаетъ дворянство къ участію въ мѣстномъ судѣ и управленіи.— Обязательная служба во второмъ изданіи. — *Ипотчики* на дворянскихъ выборахъ, *отлынивающіе* отъ мѣстной выборной службы. — Переходное время — отъ 1767 до 1775 г. — Что предоставляетъ дворянству законъ 1775 г. — Промежутокъ времени отъ изданія этого закона до 1785 г. — Дворянскіе мундиры 1784 г., отличающіеся отъ дворянской униформы по закону 1832 г. — Окончательная организація *губернскихъ дворянскихъ обществъ* совершается жалованной грамотой 1785 г. — Какимъ существеннымъ измѣненіямъ подвергается эта организація при Павлѣ и Николаѣ?

III. Организація дворянскихъ обществъ и ихъ значеніе по жалованной грамотѣ и по позднѣйшимъ дополненіямъ и измѣненіямъ ея.

А) Дворянскія общества: *губернскія* и *уѣздныя*. — Органъ ихъ — дворянскія собранія: 1) Роды и виды ихъ: собранія *губернскія* и *уѣздныя*, *обыкновенныя* и *чрезвычайныя*. — 2) Предметы дѣятельности собраній, и главнымъ образомъ *выборы*. — 3) Право участвовать въ собраніяхъ, и главнымъ образомъ на выборахъ. — Цензъ.—Первоначальное многолюдство собраній, вслѣдствіе присутствія на нихъ мелкопомѣстья. — Протесты противъ низкаго имущественнаго ценза. — Первоначально цензъ оставался нетронутымъ, за исключеніемъ западно-русскихъ губ.—Разъясненіе другихъ вопросовъ, относящихся къ праву участія на выборахъ. — Законъ о цензѣ 1831 г.

Б) Отношеніе къ дворянскимъ собраніямъ мѣстныхъ коронныхъ властей. — Первые выборы производились въ присутствіи губернаторовъ и другихъ мѣстныхъ властей. — Учрежденіе 1775 г. съ точностію не обозначило отношенія губернатора къ дворянскимъ выборамъ. — Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторы предлагали императрицѣ вопросные пункты. — Жалованная грамота также ничего не говоритъ объ отношеніи мѣстныхъ властей. — Фактическое развитіе вліянія мѣстныхъ властей на дворянскіе выборы. — Причины. — Правительство само защищаетъ иногда свободу дворянскихъ выборовъ. — Свидѣтельство иностранныхъ писателей. — Въ 1788 г. сенатъ запрещаетъ губернаторамъ входить въ дворянское собраніе. — Павелъ снова разрѣшаетъ. — Вліяніе губернскаго правленія, отъ котораго защищаетъ сенатъ. — Подтвержденіе губернаторамъ не вмѣшиваться въ дворянскіе выборы. — Участіе губернскихъ прокуроровъ. — Законъ 1831 г. окончательно опредѣляетъ отношеніе мѣстныхъ властей къ дворянскимъ выборамъ.

В) Кругъ дѣлъ уѣзднаго и губернскаго управленія, порученный вѣдѣнію дворянскихъ обществъ.—Попытка дать дворянскимъ обществамъ участіе при опредѣленіи должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. — Общія начала о должностныхъ лицахъ, дворянствомъ избираемыхъ. — Должностныя лица, избираемыя дворянствомъ. — а) По внутреннему управленію дворянскихъ обществъ. — Предводители — губернскій и уѣздные. — Депутаты дворянскихъ депутат-

скихъ собраній. — Секретарь дворянскаго собранія. — б) Должностныя лица, избираемыя по общему управленію. — Судебному. — Полицейскому. — Учебному. — Кредитному. — Путямъ сообщенія и строительной части. — Квартирной повинности. — Межеванію. — Губерніи, въ которыхъ эти должности, по малолюдству дворянства, замѣщались чиновниками отъ короны. — Первоначальные выборы земскихъ исправниковъ дворянствомъ Бессарабіи.

IV. Уклоненія, существовавшія въ Малороссіи и въ западно-русскихъ губерніяхъ. — Объединеніе управленія Екатериной II — Реформа судоустройства въ Малороссіи, произведенная при гетманѣ Разумовскомъ. — Возстановленіе особенностей въ управленіи Малороссіей императоромъ Павломъ. — Возстановленіе прежняго порядка управленія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. — Записка современника о печальныхъ послѣдствіяхъ для Малороссіи отмѣны въ ней екатерининскихъ учрежденій. — Заявленія малороссійскаго дворянства при воцареніи Александра I. — Заявленія польскаго дворянства. — Александръ I возстановляетъ нѣкоторыя екатерининскія учрежденія. — Возстановленіе не было полное. — Записка кн. Куракина о томъ, какъ производились выборы въ западно-русскихъ губерніяхъ. — Полное возстановленіе екатерининскихъ порядковъ Николаемъ I. — Какія ограниченія въ правахъ западно-русскихъ дворянскихъ обществъ все-таки оставались? — Предоставленіе имъ Императоромъ Александромъ II всѣхъ тѣхъ правъ, которыми пользовалось дворянство русское. — Послѣднее повстанье возвращаетъ правительство къ политикѣ императора Николая.

V. Ретроспективный взглядъ. — Чѣмъ въ сущности было *дворянское самоуправленіе?* — Оно въ сущности было *прежней обязательной службой, въ новомъ изданіи.* — Какъ отнеслось дворянство къ первымъ выборамъ? — Какъ скоро охладѣлъ интересъ къ нимъ. — Государственная служба привлекаетъ дворянство болѣе выборной. — Само правительство въ сущности продолжаетъ считать дворянство болѣе *служилымъ классомъ*, чѣмъ *землевладѣльческимъ* — Какое вліяніе этихъ условій на мѣстную корпоративную жизнь дворянства и его службу по выборамъ. — Какъ отразилось въ мѣстной корпоративной жизни дворянства его раздвоеніе на аристократію и рядовое дворянство — мелкопомѣстное и среднее. — Аристократія уклоняется отъ дворянской службы, вмѣстѣ съ дворянствомъ рядовымъ. — Абсентеизмъ аристократіи. — Обмельчаніе дворянскихъ обществъ. — Кредитъ дворянскихъ выборовъ падаетъ. — Правительство рано начинаетъ обращать вниманіе на безучастное отношеніе дворянства къ выборамъ. — Взысканіе по закону Екатерины II за самовольную отлучку избранныхъ дворянствомъ отъ должностей. — Донесеніе рязанскаго гражданскаго губернатора въ 1800 г. генералъ-прокурору Обольянинову. — Жалобы Александра I на уклоненіе дворянства отъ выборовъ. — Обращенія государя мало дѣйствовали на дворянство. — Замѣщеніе должностныхъ лицъ по выбору отъ дворянства чиновниками отъ герольдіи. — Донесенія губернскихъ правленій сенату объ уклоненіи отъ должностей избранныхъ дворянствомъ. — Правительство пред-

писываетъ въ 1827 г., замѣщать такія должности губернскимъ правленіямъ. — Чтобъ поднять значеніе дворянскихъ выборовъ, очистить ихъ отъ мелкопомѣстья и привлечь къ участію въ нихъ знатное дворянство императоръ Николай I повышаетъ цензъ. — Законъ 1831 г. устанавляетъ замѣчанія и пени за неявку. — Надежда государя, что дворянство будетъ относиться къ выборамъ усерднѣе. — Начальники губерній продолжаютъ жаловаться на уклоненія. — Безучастное отношеніе дворянства къ выборамъ отражалось и на качествѣ избираемыхъ имъ должностныхъ лицъ. — Должностныя лица по выбору дворянства въ 18 ст. — Донесеніе гр. Закревскаго. — Императоръ Николай въ 1832 г. предписываетъ губернскимъ предводителямъ наблюдать, чтобы дворянство избирало людей *достойныхъ* и *способныхъ*. — Отчетъ гр Перовскаго. — Какъ смотрѣло дворянство на должность земскаго исправника? - Заключительныя слова.

I. Замѣчено нашими изслѣдователями, что служилые люди до Петра Великаго не *имѣли значенія мѣстнаго землевладѣльческаго класса*, что они не составляли *мѣстныхъ дворянскихъ обществъ*. Служилые люди тянули къ Москвѣ, въ помѣстьяхъ своихъ они были временными гостями, пока воевода или царскій гонецъ не потребуетъ ихъ на службу царскую. При такомъ положеніи дѣлъ, нево можна была мѣстная корпоративная связь между ними — невозможны были и мѣстныя дворянскія общества. Какую связь, въ самомъ дѣлѣ, служилый человѣкъ могъ имѣть съ своимъ помѣстьемъ, съ своей областію — какой интересъ онъ могъ принимать въ мѣстномъ судѣ и управленіи, когда всю жизнь свою онъ долженъ былъ проводить на службѣ царской—на полѣ ратномъ, или въ другихъ посылкахъ? Правда, и въ 17 ст. существовалъ цѣлый рядъ мѣстныхъ должностей, въ которыя выбирались члены помѣстнаго служилаго класса, но должности эти (напр. губныя) имѣли значеніе наряда по выбору мѣстнаго служилаго человѣка на государево дѣло. Существовали и другія подобныя должности, возможны были различныя порученія, которыя воевода дѣлалъ помѣщикамъ и вотчинникамъ — дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ — но въ нихъ преобладали интересы центральнаго правительства, а не мѣстные — интересы Москвы, а не области.

Въ такомъ положеніи относительно мѣстнаго значенія засталъ Петръ Великій царскихъ чиновныхъ людей, мѣстныхъ

помѣщиковъ и вотчинниковъ. Организуя изъ нихъ новое цѣльное сословіе — *шляхетство*, Петръ Великій первоначально думалъ дать ему мѣстное землевладѣльческое значеніе, связать его съ мѣстностію, давъ участіе въ мѣстномъ управленіи. Это замѣтилъ проф. Градовскій. Дѣйствительно, въ первоначальныхъ реформахъ Петра Великаго относительно мѣстнаго управленія эта попытка проглядываетъ. Такъ напримѣръ, въ 1702 г., упразднены были губные старосты и сыщики и предписано всякія дѣла съ воеводами вѣдать *дворянамъ* — тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ же городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ большихъ городахъ по 4 и по 3, а въ меньшихъ по 2 человѣка «и дѣла чинить тѣмъ воеводамъ обще съ дворянами, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ, безъ нихъ дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить» (№ 1.900). Начало участія мѣстнаго дворянства въ мѣстномъ управленіи, проглянувшее въ законѣ 1702 г., получаетъ еще большее развитіе въ 1713 г. Реформы, которыя производились въ это время, очевидно были навѣяны прибалтійскими образцами. Хорошо познакомившись съ тѣми порядками, которые существовали тогда въ Остзеѣ — съ сильнымъ корпоративнымъ строемъ тамошняго рыцарства, съ преобладающимъ участіемъ его въ мѣстномъ судѣ и управленіи, Петръ Великій учрежденіемъ ландратскихъ коллегій задумалъ перенести эти порядки и на русскую почву. Въ 1713 г. предписано было: учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8. Ландраты должны всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ съ губернаторомъ, который стоялъ надъ ними не яко властитель, но яко президентъ, имѣющій только два голоса, противъ одного голоса каждаго ландрата (№ 2.673). До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о дѣятельности этихъ ландратскихъ коллегій, и мы не можемъ судить, насколько онѣ привились въ жизни. По аналогіи, мы можемъ думать, что ихъ постигла такая же судьба, какъ и многихъ другихъ заморскихъ учрежденій Петра Великаго, для которыхъ не было историче-

ской почвы, и которыя, какъ выразился отмѣнившій ихъ указъ 24 февраля 1727 г., «нетолько служили къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной» (№ 5.017) [114]). Введеніе подушной подати и учрежденіе для сбора ея новой должности — *земскаго комисара* — представляетъ дальнѣйшее развитіе попытки собрать уѣздное шляхетство въ одно общество, избирающее *коммисара отъ земли*.

Объ этихъ коммисарахъ упоминаетъ еще законъ 1715 г. На каждую долю дворовъ (5.536), состоявшую въ завѣдываніи одного ландрата, положено было по одному коммисару— для сборовъ и земскихъ дѣлъ. Но этотъ законъ ничего не говоритъ о выборѣ коммисаровъ шляхетствомъ (№ 2.879). Первый указъ о ревизіи 1718 г., положившій содержать полки подушнымъ сборомъ по губерніямъ, постановляетъ: на каждый полкъ должно быть два коммисара — *полковой и отъ земли, послѣдній выбирается по вся годы дворянами того уѣзда* (№ 3.245). Инструкція земскимъ коммисарамъ 1719 г. подробно опредѣляетъ, въ чемъ должны состоять ихъ обязанности. Земскіе коммисары получаютъ значеніе весьма важной полицейской мѣстной должности. Главнѣйшая обязанность коммисара по инструкціи: въ повѣренномъ ему уѣздѣ собирать всѣ государственные доходы, кромѣ пошлинъ. Но кромѣ того, земскій коммисаръ долженъ былъ:

1) присутствовать при досмотрахъ и переписке дворовъ и земель;

2) смотрѣть, чтобы въ его уѣздѣ никто не владѣлъ большимъ количествомъ деревень и маетностей, какъ сколько кому пожаловано;

3) наблюдать надъ откупщиками, чтобы статьи, содержимыя ими, не были разорены и умалены;

4) смотрѣть за правильнымъ отбываніемъ рекрутской повинности;

5) завѣдывать устройствомъ и безопасностію путей сообщенія (наблюденіе надъ постоялыми и гостипыми дворами, мостами и дорогами, безопасностію пути отъ бѣглыхъ и разбойниковъ);

6) наблюдать надъ нравственностію обывателей уѣзда (чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, такожъ и къ подданнѣйшей вѣрности Е. И. В. обучены и наставливаны были);

7) содѣйствовать отправленію правосудія (чинить письменныя извѣщенія по требованіямъ суда, ловить и на судъ представлять преступниковъ, исполнять приговоры о наказаніи и казни) (№ 3.295).

Мы, нарочно, перечислили съ такой подробностію обязанности земскаго коммисара, чтобы показать, какое важное участіе въ мѣстномъ управленіи Петръ Великій думалъ дать дворянству, предоставивъ ему избирать изъ своей среды земскихъ коммисаровъ. Порядокъ выбора ихъ опредѣленъ былъ точнѣе въ инструкціяхъ генераламъ, которымъ поручалось располагать полки по губерніямъ (генералъ-маіору Волкову въ 1721 г. и генералъ-маіору Чернышеву въ 1722 г.) и въ указѣ 1723 г. Шляхетство каждаго уѣзда должно было съѣхаться въ опредѣленный мѣсяцъ — въ декабрѣ, какъ постановлено 1724 г. (январѣ № 3.720, декабрѣ 3.901, 4.533 и октябрѣ 4.424) и выбрать изъ среды своей изъ лучшихъ людей въ коммисары, а по прошествіи того года, съѣзжаться вторично для выбора новаго коммисара, и при этомъ повѣрять прежняго. Если прежній коммисаръ «что неправо сдѣлалъ, то штрафовать его, чему будетъ достоинъ, не описываясь воеводѣ, но по экзекуціи рапортовать онаго: развѣ смерти подлежать будетъ, то таковаго отсылать къ надворному суду» (№ 3.720, 3 901, 4.224). Инструкція земскимъ коммисарамъ 1719 г. постановляетъ, чтобы при земскомъ коммисарѣ, кромѣ земскаго писаря, состояли слѣдующіе служители: 1) нѣсколько подчиненныхъ нижнихъ коммисаровъ, вѣдавшихъ крестьянъ; 2) мостовой надзиратель, завѣдывавшій путями сообщенія, и 3) три человѣка подчиненныхъ служителей для ловли воровъ, карауловъ надъ ними и разсылокъ въ уѣздѣ. Инструкція не опредѣляетъ: избираются ли они шляхетствомъ, или опредѣляются какъ иначе? она постановляетъ только, чтобъ эти лица были послушны зем-

скому коммисару, который долженъ былъ съ ними снисходительно поступать, безъ излишней жестокости (№ 3.295. п. 24).

Должность земскаго коммисара была началомъ должности земскаго исправника, болѣе опредѣлившейся учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. Важныя его обязанности, впрочемъ, были парализованы расширеніемъ должности полковника по наблюденію надъ земской полиціей въ уѣздѣ въ 1724 г. (№ 4.535). Но все-таки при Екатеринѣ I въ 1725 г. земскимъ коммисарамъ предписывалось смотрѣть, чтобъ полковники и прочіе офицеры не причиняли обидъ и притѣсненій уѣзднымъ жителямъ (№ 4.687), а въ 1727 г. полковники и офицеры устранены отъ вмѣшательства въ дѣла, ввѣренныя земскимъ коммисарамъ, отданнымъ подъ власть губернаторовъ и воеводъ (№ 5.010. п. 2). Наказомъ губернаторамъ и воеводамъ слѣдующаго года постановлено въ большихъ уѣздахъ, гдѣ одному земскому коммисару нельзя будетъ исправиться, быть по 2 или по 3 коммисара, сколько будетъ опредѣлено по разсмотрѣнію сената (№ 5.333 ст. 20 п. 3), а въ инструкціи генеральному кригсъ-коммисаріату 1731 г. полковники опять были привлечены къ сбору подушныхъ денегъ, съ подчиненіемъ имъ земскихъ коммисаровъ (№ 5.904).

Подвергаясь означеннымъ колебаніямъ, должность земскаго коммисара продолжала существовать и при преемникахъ Петра Великаго: въ 1765 г. велѣно было въ войсковыхъ слободахъ слободской губ., вмѣсто сотниковъ, быть земскимъ коммисарамъ (№ 12.440).

Мы видѣли попытки Петра Великаго образовать изъ шляхетства мѣстный землевладѣльческій классъ, участвовавшій посредствомъ выбираемыхъ изъ своей среды должностныхъ лицъ въ мѣстномъ управленіи. Петръ Великій ввелъ и новый способъ выборовъ — баллотированіе (*балланти́рованіе*, какъ говорило шляхетство въ первой половинѣ прошлаго столѣтія). Это баллотированіе впервые встрѣчается у насъ въ 1719 г., при выборѣ офицеровъ на вакансіи (№ 3.406), [115]) но мы не можемъ судить, употреблялось ли оно и при выборѣ въ другія должности — напр. при выборѣ шляхетствомъ въ ландраты и

земскіе коммисары? Извѣстно, что Петръ Великій хотѣлъ пріучить шляхетство къ баллотированію, нерѣдко самъ присутствовалъ при выборахъ и наблюдалъ за правильностію ихъ. Такъ, когда въ 1722 г. баллотировали президента юстицъ-коллегіи, то императоръ и сенаторы расположились въ столовой палатѣ; сюда же призваны были генералы и гвардейскіе офицеры, члены коллегій и 100 выборныхъ изъ шляхетства (Соловьевъ: Т. XVIII. стр. 157).

Но могли ли попытки Петра Великаго образовать изъ мѣстнаго шляхетства общества, участвующія въ мѣстномъ управленіи, увѣнчаться успѣхомъ? Успѣху ихъ мѣшали потребности государственныя, для удовлетворенія которымъ нужна была обязательная служба шляхетства, и нравы и стремленія самого шляхетства, сложившіяся подъ вліяніемъ этихъ потребностей.

Петръ Великій хотѣлъ образовать уѣздныя общества шляхетства, участвующія въ мѣстномъ управленіи. Но для этого шляхетству слѣдовало осѣсться въ своихъ имѣніяхъ, связаться съ интересами мѣстности. А возможно ли это было при его пожизненной обязательной службѣ? Конечно, не всѣ помѣщики — какъ многопомѣстные, такъ и малопомѣстные — отсутствовали изъ своихъ деревень, обрѣтаясь въ службахъ и отлучкахъ, какъ это видно изъ одного указа 1719 года (№ 3.287). Но несомнѣнно, что въ службахъ и отлучкахъ обрѣталось большинство. Военная коллегія, обсуждая въ 1731 г. лучшіе способы укомплектованія кирасирскихъ полковъ, представила сенату слѣдующее разсужденіе:

«По указамъ Петра Великаго для учрежденія регулярнаго войска *всероссійское шляхетство кромѣ старолѣтныхъ и увѣчныхъ*, опредѣлены были въ службу, и опредѣлены были въ арміи по смерть, а иные по то время, пока за старостями жъ и за разными неисцѣльными болѣзнями отставкою абшидъ получили, а многіе еще и понынѣ служатъ, ибо урочныхъ лѣтъ, сколько имъ въ службѣ быть, не назначено, а дѣти ихъ по возрастѣ отъ 15 лѣтъ и выше опредѣляются жъ въ службу жъ: знатнаго шляхетства въ лейбъ-гвардію, а про-

чіе въ армейскіе другіе полки и въ разныя школы, и для того оныхъ дѣтей выше 15 лѣтъ въ домахъ содержать запрещено.... чего ради *всѣми ихъ шляхетными домами и деревнями владѣютъ прикащики и старосты....*» (Книга Штатовъ: ч. 1-я стр. 80).

Нравы и стремленія шляхетства, образовавшіеся подъ вліяніемъ отправляемой имъ обязательной службы, не могли также содѣйствовать успѣху попытокъ Петра Великаго. Дворянинъ привыкъ смотрѣть на службу государству, какъ на свою прирожденную обязанность. Его тянуло въ деревню не для того, чтобъ пріобрѣсть въ ней авторитетъ и значеніе въ средѣ собратовъ - землевладѣльцевъ, не для того, чтобъ участвовать въ управленіи родной мѣстностію. Въ деревню его тянуло, чтобъ *полежебокствовать*, чтобъ насладиться привольемъ и покоемъ сельской жизни, чтобъ показать дворянскую волю надъ холопами и дать разгуляться страстямъ и инстинктамъ, сдерживаемымъ дисциплиной царской службы. Понятно то безучастіе, какое показало мѣстное шляхетство къ выбору такой важной мѣстной должности, какъ должность земскаго комиссара. На выборы въ эту должность шляхетство вмѣсто себя посылало своихъ прикащиковъ, что возбранялось указомъ 1724 года, предписывавшимъ выбирать самимъ помѣщикамъ, а въ выборѣ тѣхъ коммисаровъ прикащикамъ не быть (№ 4.458). Но указы не могли породить въ шляхетствѣ интереса къ выборамъ, на которые оно продолжало смотрѣть, какъ на тяжелую обязанность, отъ исполненія которой старалось *отлынивать*, какъ *отлынивало* отъ обязательной службы.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ дѣйствовали избранные шляхетствомъ члены въ коммисію 1727 г. о преобразованіи подушной подати (П. С. № 5.079). Но мы знаемъ, какъ отнеслось оно къ выбору членовъ въ первоначальныя законодательныя коммиссіи. Въ 1728 году для составленія четвертой законодательной коммисіи повелѣно изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, выбрать шляхетству изъ добрыхъ и знающихъ людей по 5 че-

ловѣкъ, и выслать ихъ въ Москву къ 1 сентября того же года, давъ имъ жалованья по полтинѣ на день (№ 5.287). Подошло 1 сентября, но выборные шляхетствомъ въ Москву не являлись, и изданъ подтвердительный указъ о томъ, чтобъ выборные явились, а иначе имѣнія ихъ будутъ отписаны на государя (№ 5.348). Какая тому была причина? «Новгородская губернская канцелярія отъ 12 сентября донесла сенату, что для отправленія въ Москву выбранъ былъ изъ новгородскихъ дворянъ помѣщикъ Иванъ Скобельцынъ, и что за нимъ посланы въ уѣздъ солдаты уже въ 3-й разъ, но онъ оказался не слушенъ и въ Новгородъ не поѣхалъ. Тогда губернская канцелярія послала за нимъ подъячаго и трехъ солдатъ съ приказаніемъ, если онъ укроется, то взять жену его и привезть подъ карауломъ, а если и она будетъ укрываться, то за ослушаніе ихъ движимое и недвижимое имѣніе отписать на государя и людямъ ихъ и крестьянамъ ихъ ни въ чемъ не слушать». Это распоряженіе имѣло свое дѣйствіе (Сборн. Русск. Историч. Общ., т II, стр. 398). Но и явившіеся въ Москву выборные отъ шляхетства оказались мало къ дѣлу приготовленными. Указъ 1729 г. предписалъ отпустить ихъ обратно въ домы, а на ихъ мѣста выбрать другихъ, которые бъ къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по 2 человѣка, согласясь губернаторамъ съ дворянами. А если губернаторы выберутъ къ тому людей недостойныхъ, то будутъ отвѣтствовать, а для этого съ выборными пріѣзжать въ Москву самимъ губернаторамъ или ихъ товарищамъ (№ 5.412). Предписаніе это повторено Анной Іоанновной въ 1730 году (№ 5.577), но и на этотъ разъ шляхетскіе депутаты оказались несостоятельными. Сначало было повелѣно сенату присоединить къ нимъ изъ людей свѣдущихъ, выбравъ ихъ самому изъ шляхетства, духовенства и купечества (№ 5.567), но вскорѣ въ законодательную коммисію прикомандированы были еще новые члены, а высланные изъ губерній отпущены и повелѣно болѣе ихъ не высылать (№ 5.654) [116]. Къ концу царствованія Елизаветы Петровны, въ 1761 г., повторена попытка Петра II — привлечь къ законодательному дѣлу шля-

хетство. Повелѣно: къ слушанію новосочиняемаго уложенія выбрать шляхетству каждой провинціи по 2 человѣка (изъ купечества по одному) немедленно (№ 11.335, 11.378). Распоряженіе это, вѣроятно, не имѣло никакихъ послѣдствій: депутатовъ велѣно выслать въ С.-Петербургъ къ 1 января 1762 г., а 25 декабря 1761 г. умерла Елизавета Петровна, и на престолъ вступилъ ея преемникъ.

Мы можемъ указать еще на одно обстоятельство, показывающее, какъ мало дворянство цѣнило свое мѣстное значеніе, какъ нисколько оно не добивалось пріобрѣсть участіе въ мѣстномъ управленіи, сложившись въ корпораціи мѣстныхъ землевладѣльцевъ, солидарно связанныхъ между собою единствомъ помѣщичьихъ интересовъ. При выборѣ Анны Іоанновны, раздавались голоса объ участіи шляхетства въ образованіи центральнаго правительства — шляхетство требовало права *баллотировать* членовъ в. т. совѣта, сената, президентовъ коллегій, но незаявило о предоставленіи ему участія въ мѣстномъ управленіи, объ организаціи мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Какая разница въ этомъ отношеніи заявленія шляхетства въ коммисіи 1767 г.? Но эти новыя заявленія — плодъ большой перемѣны въ положеніи шляхетства: отмѣна обязательной службы въ 1762 г. вызываетъ новыя потребности сословія, о которыхъ заговорили представители шляхетскихъ интересовъ въ 1767 г.

II. Отмѣной обязательной службы шляхетства ему дано было право служить, или жить въ своихъ помѣстьяхъ. Конечно, правомъ этимъ воспользовались весьма многіе члены сословія, которыхъ, какъ мы видѣли, тянуло въ деревни и тогда, когда на нихъ лежала обязательная служба: Екатерина II въ своихъ отвѣтахъ гр. Сегюру 1773 г. на вопросъ его о численности разныхъ сословій въ Россіи, перечисливъ сколько дворянъ въ государственной службѣ и сколько воспитывается въ корпусахъ, замѣтила, что *наибольшее ихъ число живетъ въ своихъ имѣніяхъ*, въ губернскихъ городахъ и столицахъ, особенно въ Москвѣ и Казани

(Заря: іюнь, 1870 г.). Шляхетство, такимъ образомъ, разбрелось по уѣздамъ, размѣстилось по своимъ имѣніямъ. Явилась потребность дать ему какую-нибудь мѣстную организацію, привлечь его къ участію въ мѣстномъ управленіи. Наступаетъ въ исторіи дворянства новая пора, когда сложились дворянскія общества, которыя, чрезъ своихъ выборныхъ, пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи. Пора эта продолжалась до нашихъ дней: отмѣна крѣпостнаго права, судебная реформа и земскія учрежденія видоизмѣняютъ это преобладаніе дворянства, призывая къ участію въ мѣстномъ управленіи новыя силы — силы народа, земства, а не одного привиллегированнаго сословія.

Екатерина II сзываетъ разбревшееся по уѣздамъ и размѣстившееся по своимъ имѣніямъ досужее мѣстное дворянство, въ 1766 г., для выбора уѣздныхъ предводителей и депутатовъ въ коммисію составленія новаго уложенія. Начальники собирали уѣздныхъ дворянъ и объявляли имъ, чтобы они выбрали изъ своей среды *дворянскаго предводителя* на *два года*, который бы въ томъ уѣздѣ владѣлъ деревнею и не былъ бы моложе 30 лѣтъ. При выборѣ предводителя примѣнена была форма *баллотированія*, установленная указомъ 1719 г. [117]). Ее же принимаютъ и учрежденіе о губерніяхъ и жалованная грамота 1785 г., и затѣмъ она постоянно употребляется дворянствомъ при выборахъ, что освящаетъ и законъ 1831 г. — Избранный въ предводители въ письмахъ и разговорахъ въ своемъ уѣздѣ, если не имѣлъ другихъ титуловъ, назывался *почтенный* (избранный городскимъ головой титуловался *степенный*). Онъ получалъ отъ дворянства выбравшаго его уѣзда полномочіе руководствовать дворянство при предстоящемъ выборѣ депутата въ коммисію, а также и въ случаѣ другихъ требованій верховной власти. Для выбора депутата дворяне каждаго уѣзда должны были собраться въ назначенный губернаторомъ городъ къ опредѣленному сроку. [118]). Кто не могъ явиться лично, тотъ отзывался письменно къ губернатору, кого онъ изъ дворянъ своего уѣзда, при сочиненіи уложенія, удостоиваетъ быть депутатомъ, или что онъ въ выборѣ онаго

полагается на своихъ сотоварищей. Дворянки, владѣющія въ уѣздѣ деревнями, присылали такія же объявленія. А если у дворянина были имѣнія въ разныхъ уѣздахъ, то онъ чрезъ объявленія могъ участвовать при выборѣ депутатовъ отъ всѣхъ этихъ уѣздовъ. Для избирателей полагался, не точно, впрочемъ, опредѣленный поземельный цензъ — дѣйствительное владѣніе имѣніемъ въ уѣздѣ. Таковой же цензъ, съ прибавленіемъ опредѣленнаго возраста — 25 лѣтъ - полагался и для избираемости. Дворянскимъ депутатамъ опредѣлено годовое жалованье: 400 р. (городовымъ — 122 р., прочимъ по 37). Депутаты отъ всѣхъ сословій получили, кромѣ того, другія важныя преимущества: 1) свободу отъ смертной казни, 2) отъ пытокъ, 3) отъ тѣлесныхъ наказаній. Имѣніе депутата подлежало конфискаціи только за долги; особа его ограждалась отъ оскорбленій угрозою двойнаго наказанія оскорбителю. Сверхъ всего этого, «дабы члена коммисіи о уложеніи узнать можно было, имъ всѣмъ опредѣлены одинаковые знаки, которые во всю ихъ жизнь при нихъ оставались, и которые дворянскіе депутаты могли поставить, по окончаніи дѣла коммисіи, въ свои гербы, дабы потомки могли узнать, какому великому дѣлу они были участниками». Если дворянинъ, владѣвшій деревнями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, выбирался депутатомъ отъ нѣсколькихъ уѣздовъ, то, по прибытіи въ коммисію, онъ могъ, съ ея разрѣшенія, сдать одно изъ своихъ полномочій, кому заблагоразсудитъ. Депутату дворянство давало наказъ о своихъ нуждахъ, для сочиненія котораго оно баллотировало, или такъ назначало, 5 членовъ изъ своей среды (№ 12.801).

Таковъ былъ первый опытъ собрать дворянство въ уѣздныя общества, которымъ дано важное полномочіе — выборъ предводителя и депутата въ законосовѣщательную коммисію. Какъ отнеслось дворянство къ призыву императрицы? Въ дѣятельности коммисіи 1767 г. — избирателей и депутатовъ— всплыло наверхъ и заявило себя мыслящее меньшинство, которое, безъ сомнѣнія, сочувственно отозвалось на призывъ императрицы и съумѣло заявить о дѣйствительныхъ нуждахъ и пользахъ страны и сословія. Но по этой

лицевой сторонѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторыя изслѣдователи, нельзя еще судить объ изнанкѣ: большинство мѣстнаго дворянства едва-ли поняло всю важность затѣи императрицы, едва-ли сочувственно отнеслось къ ея призыву. Не опять-ли обязательная служба, не опять-ли тягло, отъ котораго такъ недавно освободилъ Петръ III? мелькнуло въ головахъ многихъ *помѣщиковъ-лежебоковъ*. Пока собрано мало данныхъ, чтобы судить о воззрѣніи большинства мѣстнаго дворянства на коммисію 1767 г. Но и эти немногія данныя нѣсколько обрисовываютъ эти воззрѣнія.

Изъ сочиненія Блума о гр. Сиверсѣ мы видимъ, что когда Сиверсъ пригласилъ дворянъ новгородской губерніи приступить къ выбору депутата въ коммисію, то одинъ изъ нихъ отказывался, утверждая, что манифестомъ Петра III дворянство освобождено отъ обязательной службы [118]). Изъ подписанныхъ наказовъ видно, что при выборѣ депутата присутствовали далеко не всѣ помѣщики уѣзда, а иногда самое незначительное ихъ меньшинство: наказъ клинскаго дворянства, напримѣръ, подписанъ всего 6 дворянами (Сб. Русск. Историч. Общ. Т. III, стр. 265); при баллотированіи депутата отъ юрьевскаго дворянства владимірской губерніи присутствовало только 12 дворянъ, получены отзывы отъ 53, а отъ многихъ даже не было отзывовъ (ib. стр. 318); верейскій наказъ подписанъ 5 дворянами (присутствовало 6 человѣкъ, такъ какъ сержантъ Ив. Бородинъ подписался и за ефрейтъ-капрала Ивана Синдюкова, понеже онъ Синдюковъ грамотѣ и писать не умѣлъ) (ib. стр 382); наказъ шуйскаго дворянства подписанъ 9 дворянами (ib. стр. 397), столько же подписей и подъ кинешемскимъ наказомъ (стр. 421).

Замѣчено (В. Европы: окт. 1869 г.), что при выборѣ депутатовъ шляхетство обнаруживало нерѣдко чинопочитаніе, выбирая въ депутаты не рядоваго дворянина, который ближе стоялъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ сословія, но человѣка чиновнаго, вращающагося въ сферахъ, отдаленныхъ отъ быта и жизненныхъ условій рядоваго дворянства: московское дворянство избрало своимъ депутатомъ генералъ-аншефа П. И. Па-

нина, боровское (калужской губерніи) — генералъ-аншефа же кн. Волконскаго, волоколамское — гр. З. Гр. Чернышева, козельское (калужской губерніи) — гр. Брюса, медынское — кн. Голицына, ярославское — знаменитаго кн. Щербатова и т. д. Подобное же чинопочитаніе высказалось и при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ: переяславское выбрало Безбородька, Ив. М. Скоропадскаго оспаривали многіе повѣты — глуховской, прилуцкій, черниговскій (Арх. Судіенка). Замѣчательно, что *само начальство* предостерегало дворянство отъ выборовъ, основанныхъ на чинѣ и знатности избираемаго лица.

Мы имѣемъ больше свѣдѣній о томъ, какъ отнеслось малороссійское шляхетство къ призыву депутатовъ въ коммисію 1767 г? Румянцовъ не переставалъ жаловаться императрицѣ на своевольство шляхетства, на постоянные попреки одинъ другому тѣмъ, что онъ-де не шляхтичъ и т. п. (Соловьевъ: Р. В. Т. XXXV. 1861). Малороссійское шляхетство, при выборѣ депутатовъ въ коммисію, дѣйствительно безобразничало. Предводитель стародубскаго шляхетства, Петръ Искрицкій, писалъ гр. Румянцову отъ 6 апрѣля 1767 г., что стародубцы, выбравъ депутата и сочинивъ наказъ, стали разъѣзжаться по домамъ, не дождавшись подписи наказа всѣми. Сочиненный наказъ говорилъ въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ словахъ о нуждахъ стародубскаго дворянства. Между прочимъ, полученъ былъ наказъ шляхетства черниговскаго, въ которомъ точнѣе обозначены нужды сословія. Искрицкій просилъ у Румянцова дозволеніе исправить прежній наказъ, примѣнительно къ пунктамъ наказа черниговскаго. Въ другомъ рапортѣ онъ продолжаетъ жалобы на стародубское шляхетство: 1). «Съ самаго вступленія моего въ сію отъ общества извѣренную на меня должность, все стараніе мое прилагалъ я о сочиненіи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предразсужденій, соотвѣтствовалъ бы прямой и существенной каждаго пользѣ. Но все мое попеченіе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самымъ обидпымъ для меня порицаніямъ отъ нѣкоторыхъ; и сколь

ревностнѣе защищалъ я мои мнѣнія столь больше несогласіе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства однихъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напослѣдокъ увидѣлъ, во избѣжаніе нареканій уступить времени и на первомъ наказѣ съ усиліемъ моимъ подписаться» (наказы депутатамъ въ коммисію 1767 г.— изъ Архива Судіенка). Подобное же случалось и въ другихъ повѣтахъ. Румянцовъ доносилъ сенату, что нѣжинскаго полка, въ повѣтахъ нѣжинскомъ и батуринскомъ, шляхетство выбрало въ предводители, а потомъ и въ депутаты земскаго судью Лаврентія Селецкаго, а на мѣсто его предводителемъ отставнаго полковника Ив. Тарнавіата. Но не давъ Селецкому полномочія, не сочинивъ для него наказа, шляхетство самовольно разъѣхалось, отложа сочиненіе наказа на цѣлый мѣсяцъ. Послѣ этого на срокъ, имъ самимъ назначенный, оно съѣхалось вторично, и приступило къ сочиненію наказа. Но при этомъ, оставя общественную пользу, вмѣсто разсужденія о своихъ нуждахъ и тягостяхъ, оно стало разсуждать о вопросахъ къ дѣлу неподходящихъ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и депутатъ Селецкій, въ томъ имъ противорѣчили. Шляхетство, озлобившись на противорѣчившихъ, забыло данную подъ присягою довѣренность депутату Селецкому, и, пользуясь простотой предводителя Тарнавіата, заставило его, въ противность обряда, выбрать другаго депутата, подкоморія Гр. Долинскаго. Напрасно Румянцевъ увѣщевалъ отправить депутатомъ Селецкаго: «всѣ его увѣщанія не произвели въ сихъ заблужденныхъ никакова дѣйства» (№ 12.933).

Но собравшись въ 1766 г. впервые въ уѣздныя общества, дворянство переговорило о своихъ нуждахъ. Одной изъ этихъ нуждъ была организація мѣстнаго дворянства, участіе его въ мѣстномъ управленіи. Насколько потребности эти назрѣли въ самой жизни, видно изъ шляхетскихъ наказовъ. Михайловскій (рязанской губерніи) уполномочиваетъ своего депутата заявить въ коммисіи, дабы дворянство, разсѣянное по всему государству, могло по уѣздамъ *общество дворянское составить* (Сб. стр. 271); дворянство волоколамскаго уѣзда называетъ

себя *корпусомъ дворянскимъ* (241). Боровское дворянство (калужской губерніи) проситъ, чтобы дозволено было дворянамъ чрезъ всякіе два года съѣздъ имѣть, и на ономъ разсматривать и разсуждать о нуждахъ дворянства; дозволить собранію дворянства прямо отъ себя, выбравъ депутата, дѣлать представленія въ сенатъ (237); ярославское дворянство: во всякой провинціи учредить ежегодныя собранія дворянства, ведущія списки дворянъ (297); веневское (тульской губерніи): дворянамъ чрезъ каждый годъ съѣздъ имѣть, и на ономъ разсуждать и разсматривать, все-ли въ уѣздѣ въ силѣ законовъ исполняется, и ежели что происходить будетъ къ неисполненію законовъ, то прямо отъ себя, выбравъ депутата, представить въ сенатъ (339); серпуховское: по-прошествіи 2 лѣтъ земскій судья собираетъ того уѣзда дворянъ, и на томъ собраніи объявляетъ обществу, что въ уѣздѣ происходило, и дѣлаетъ свой отчетъ предъ собраніемъ (359). Тульскій наказъ говоритъ о необходимости построить въ уѣздномъ городѣ домы для конференцъ-камеры, въ которую бы дворянство собиралось во время своихъ съѣздовъ (398). За правомъ дворянъ, составивши уѣздныя общества, составлять и собранія, слѣдуютъ требованія выбора мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Московское дворянство требуетъ, чтобы дворянству въ уѣздѣ дозволено было выбирать изъ своей среды по одному или по нѣскольку коммисаровъ, черезъ годъ или два года, на содержаніи дворянскаго общества, для разбора небольшихъ ссоръ между дворянами и поселянами уѣзда и для производства судебныхъ слѣдствій (225); боровское: выбрать уѣздному дворянству ландрата, которому быть опекуномъ и защитникомъ уѣзда, а во всякомъ стану, которые переименовать дистриктами — дистриктнаго коммисара (237); костромское: во всякомъ уѣздѣ, или по крайней мѣрѣ въ каждой провинціи, для спокойствія и распорядку земскаго, изъ живущихъ въ отставкѣ дворянъ, по выбору ихъ же самихъ учредить земскіе суды — изъ одного старшаго, или выбраннаго уже предводителя и при немъ по 3 или по 4 человѣка соприсутствующихъ, перемѣняя ихъ черезъ 2 года, а во всякомъ стану учредить по выбору дво-

рянъ становаго коммисара, для разбора споровъ (244); клинское: надъ дворянами уѣзда быть начальнику, избираемому чрезъ 3 года, который долженъ имѣть полную власть разбирать жалобы между дворянами и защищать ихъ въ воеводской канцеляріи. Кромѣ того, долженствуетъ быть годовому депутату, выбранному дворянствомъ, который, живучи въ Москвѣ, стараніе будетъ имѣть, чтобы какъ въ вотчинной коллегіи, такъ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, дѣла дворянъ его уѣзда какъ-наискорѣе были рѣшаемы. Этотъ депутатъ уѣзднаго дворянства долженъ быть подъ покровительствомъ государственнаго депутата, состоящаго изъ персоны 1 или 2 класса, который бы никакими дѣлами не занимался, но имѣлъ попеченіе о доставленіи дворянамъ чрезъ немедленное рѣшеніе ихъ дѣлъ совершеннаго спокойствія (255). Козельское: выборъ воеводы и товарища предоставить дворянству, которому избирать также во всякой станъ земскихъ коммисаровъ погодно (265); михайловское: быть дворянскому земскому суду, а также, чтобы всегда былъ у дворянъ предводитель съ 4 помощниками, перемѣняемые дворянствомъ чрезъ каждые 2 года, который бы во всѣхъ дѣлахъ между дворянами, кромѣ криминальныхъ, судъ и расправу чинилъ (271); судиславское (костромской): баллотировать всякому уѣздному дворянскому обществу воеводъ на 2 года, да выбирать судью и къ нему 4 помощниковъ, для того, чтобы дворяне не имѣли себѣ убытка и приказной волокиты, ибо многіе изъ нихъ не только приказныхъ порядковъ не знаютъ, но не умѣютъ и грамотѣ (279); медынское: быть въ каждомъ уѣздѣ уѣздному дворянскому предводителю, а для суда и расправы въ каждомъ уѣздѣ выбирать дворянству судей, которымъ бы подчинялись выбранные также дворянами становые коммисары, а апелляцію на тѣхъ судей приносить въ учрежденный въ губернскомъ городѣ дворянскій судъ (287); ярославское: воеводскихъ товарищей выбирать уѣздному дворянству, а для суда въ малыхъ дѣлахъ ежегодно выбирать становыхъ коммисаровъ (297); малоярославецкое: быть словесному суду въ уѣздѣ, а судей баллотировать уѣздному дворянству (321); коломенское: для

лучшаго порядка между дворянами выбирать имъ черезъ два года дворянскаго предводителя (328); веневское: для лучшаго разбора ссоръ между дворянствомъ учредить въ уѣздѣ одного ландрата, а въ каждомъ стану дворянству выбирать по одному коммисару (339); ростовское: предводителю дворянства быть навсегда черезъ 2 года (353); серпуховское: для правосудія въ уѣздѣ, съ перемѣною черезъ 2 года, быть одному земскому судьѣ, а при немъ 2 или 3 коммисарамъ по выбору дворянства (359); бѣжецкое: воеводамъ и ихъ товарищамъ, а въ станахъ коммисарамъ, быть по выбору дворянства (383); кашинское: дворянству въ своемъ уѣздѣ выбирать для суда дворянъ предводителя, а въ товарищество къ нему 4 человѣкъ— предводителя на 2 года, а товарищей погодно, а въ каждомъ стану — земскихъ коммисаровъ погодно (459). — Подобныя же заявленія сдѣланы и малороссійскимъ шляхетствомъ: переяславское и черниговское просили, дабы дозволить возобновленіе выбора предводителя, чрезъ котораго требовать о высылкѣ дворянина для совѣта предъ государевымъ правительствомъ (Арх. Судіенко). — Корпоративная связь мѣстнаго дворянства сказалась еще въ требованіи устройства дворянскихъ опекъ (московское, костромское, михайловское, серпуховское).

Таковы были заявленія дворянства въ 1767 г. Мы нарочно подобно перебрали эти заявленія, для того, чтобы лучше оцѣнить, чего добивалось дворянство. Разсѣянное по уѣздамъ, дворянство чувствовало, что не было никакой, закономъ установленной между ними связи, соединяющей его членовъ въ одно мѣстное общество. Единство же положенія, единство интересовъ, дѣлали такую связь необходимой: отсюда требованіе михайловскаго дворянства, чтобы дворянство могло по уѣздамъ общество дворянское составить. Для обсужденія общихъ дворянскому обществу дѣлъ и интересовъ, члены его отъ времени до времени должны собираться вмѣстѣ — составлять дворянскія собранія: отсюда требованіе боровскаго дворянства и др. имѣть дворянству съѣзды чрезъ 2 года и т. д. Для завѣдыванія дѣлами дворянскихъ обществъ нужны дворянствомъ избираемыя должностныя лица: отсюда требованіе дворянства многихъ

уѣздовъ имѣть дворянству постояннаго предводителя, избирать ландратовъ, коммисаровъ, судей. Требованія дворянства, такимъ образомъ, вращались въ *тѣсномъ кругу чисто сословныхъ интересовъ*. Дворянство заявляло не о томъ, чтобы выборнымъ отъ него принимать участіе въ мѣстномъ управленіи, *касающемся интересовъ всѣхъ сословій* — дворянство требовало только права выбирать должностныхъ лицъ для завѣдыванія дѣлами дворянскихъ обществъ. Ничего подобнаго воззрѣніямъ на мѣстное значеніе землевладѣльцевъ англійской джентри; ничего подобнаго *мѣстному самоуправленію чрезъ помѣщиковъ*, подобнаго англійскому self government'у чрезъ мировыхъ судей. Это—измышленіе позднѣйшихъ публицистовъ, вышедшихъ изъ второй категоріи воззрѣній на отмѣну крѣпостнаго права, которую такъ живо охарактеризовалъ покойный Ланской.

Дѣятели 1767 г. имѣли болѣе простой взглядъ на участіе дворянства въ мѣстномъ судѣ и управленіи: участіе это для нихъ ограничивалось завѣдываніемъ дѣлами своего сословія, чтобы дворянству было польготнѣе, а на завѣдываніе мѣстными дѣлами другихъ классовъ они не имѣли никакихъ притязаній. Требованіе выбора дворянствомъ обще-правительственной мѣстной должности — воеводы — встрѣчаемъ только въ двухъ-трехъ наказахъ (козельскомъ, судиславскомъ).

Согласовались-ли эти требованія мѣстнаго дворянства съ намѣреніями Екатерины II, задумавшей преобразовать всю систему мѣстнаго управленія? Императрица задумала планъ губернскаго управленія на весьма широкихъ началахъ, вправленіи съ прежними: при раздѣленіи вѣдомствъ, при отдѣленіи суда отъ администраціи, при снабженіи уѣзднаго управленія многими учрежденіями нужно было множество новыхъ должностныхъ лицъ. Гдѣ было взять ихъ правительству? Бюрократія, хотя и разрослась уже, но ея хватало только на прежнія учрежденія. Единственный выходъ для императрицы былъ въ томъ, чтобы привлечь къ участію въ мѣстномъ управленіи *сословія*, и преимущественно *дворянство*, которое всегда было *служилымъ*. Поэтому, требованія дворянства дать ему право участвовать въ управленіи своими сословными дѣлами поднято было импера-

трицей до права участвовать въ мѣстномъ судѣ и управленіи: дворянство получило бо́льше, чѣмъ просило — даже можетъ быть бо́льше, чѣмъ хотѣло. *Выборы въ мѣстныя должности сдѣлались два дворянства обязательной службой во второмъ исправленномъ изданіи.* Обязательная служба въ арміи и во флотѣ, при сенатѣ и коллегіи, преобразовалась въ обязательную службу въ губерніи и уѣздѣ, при палатѣ, или земскомъ судѣ. Въ этомъ отношеніи, замѣчаніе г. Лохвицкаго, что Екатерина II перечислила дворянство относительно отправляемой имъ службы изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, столько же остроумно, сколько и вѣрно. При отбываніи этого новаго тягла, этой обязательной службы въ новомъ исправленномъ изданіи, мы подчасъ замѣчаемъ тѣ же явленія, какъ и прежде—тѣ же *иытчики* на дворянскихъ выборахъ, то же *отлыниваніе* отъ службы по выборамъ. Къ этому присоединились еще другія причины, повліявшія на то, что исторія участія дворянства въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянскіе выборы — не составляютъ свѣтлаго свѣта эпизода въ исторіи этого сословія. Причины эти, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ ниже: раздвоеніе дворянства на аристократію и низшее дворянство, абсентеизмъ первой изъ помѣстій и н. др.

Задумавъ преобразованіемъ губернскаго управленія предоставить дворянству широкое участіе въ немъ, Екатерина II достигла этой цѣли въ 1775 и 1785 г., а пока требованія дворянства, заявленныя въ наказахъ его депутатамъ, были болѣе или менѣе удовлетворяемы. Время отъ 1767 до 1775 — переходъ отъ прежняго устраненія дворянства отъ всякаго участія въ мѣстномъ управленіи къ преобладающему въ немъ значенію: дворянство мало-по-малу призывается къ этому участію.

Должность предводителей сначала имѣла быть временной—на два года. Но когда истекалъ этотъ срокъ, то сначала велѣно снова выбрать ихъ на два года (1768, 1771 г. см. № 13.119, № 13.600), а вскорѣ повелѣно избирать ихъ, по истеченіи всякихъ двухъ лѣтъ, не ожидая о выборѣ особаго указа (№ 13.661). Въ то же время расширены ихъ обязанности: гу-

бернаторамъ и воеводамъ предписывалось въ 1771 г. обще съ уѣздными предводителями имѣть предписанныя предосторожности отъ распространенія прилипчивой болѣзни (№ 13.662), завѣдывать очищеніемъ товаровъ, изготовленныхъ къ отпуску (№ 13.748). Первые шаги новой должности не всегда отличались тактомъ и пониманіемъ круга ея обязанностей. Правительство, напримѣръ, жаловалось, что по случаю рекрутскихъ наборовъ и по другимъ дѣламъ многіе изъ предводителей, будучи недовольны своими городовыми канцеляріями, миновавъ поставленныя надъ ними провинціальныя и губернскія, представляютъ прямо въ сенатъ, прося его сдѣлать разсмотрѣніе ихъ неудовольствій (№ 13.757).

Выборъ предводителей распространенъ былъ въ 1773 г. и на бѣлорусскія губерніи (псковскую и могилевскую) (№ 13.938). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ губерніяхъ учреждены губернскіе и провинціальные земскіе суды, члены которыхъ избирались тамошнимъ шляхетствомъ. Въ губернскіе земскіе суды шляхетство выбирало по одному главному судьѣ, противъ 6-го класса, да членовъ: въ могилевской, гдѣ было 4 провинціи — 4-хъ, а во псковской, гдѣ было 3 провинціи — 3-хъ, противъ 8 класса. Въ провинціальные же суды — въ каждый по одному презусу противъ 8 класса и по 3 члена противъ 9 класса. Судьи эти избирались на 4 года изъ помѣщиковъ, имѣющихъ не менѣе 20 душъ мужескаго пола, а избирателями могли быть только тѣ, которые владѣли не менѣе 10 душъ мужескаго пола (№ 13.977).

Учрежденіе о губерніяхъ, хотя еще ничего не говоритъ о томъ, что дворянство *губерніи* составляетъ одно цѣльное дворянское общество, но предоставляетъ дворянству *поуѣздно*, съ уѣзднымъ предводителемъ во главѣ, срокъ службы котораго продолженъ до 3 лѣтъ, избирать множество должностныхъ лицъ въ новыя правительственныя и судебныя мѣста, появившіяся въ 1775 г. Объ этихъ должностныхъ лицахъ, избираемыхъ дворянствомъ, такъ какъ онѣ были оставлены жалованной дворянству грамотой и существовали до нашихъ дней, мы скажемъ ниже.

Учрежденіемъ о губерніяхъ, сказали мы, дворянство губерніи не получаетъ еще организаціи губернскаго дворянскаго общества, во главѣ котораго стоитъ *губернскій предводитель дворянства*. Такую организацію оно получаетъ окончательно въ 1785 г. Впрочемъ, и въ дѣсятилѣтіе 1775 — 1785 г. мы встрѣчаемъ уже начала этой организаціи. Изъ вопросовъ генералъ-губернаторовъ 1778 г. о порядкѣ выборовъ въ губерніяхъ должностныхъ лицъ изъ дворянъ, видно, что въ это время уже были губернскіе предводители дворянства. Генералъ-губернаторы спрашивали: когда соберется дворянство губерніи, то, за полученіемъ повелѣній отъ государева намѣстника, слѣдуетъ-ли предстать предъ нимъ только *губернскому* и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ почетнѣйшими его членами, или же цѣлому обществу? (п. 3). Не слѣдуетъ ли при этомъ государеву намѣстнику вручить маршальскій жезлъ *губернскому предводителю дворянства*? (п. 4). Самъ ли генералъ-губернаторъ долженъ повести дворянство къ присягѣ, или же губернскій предводитель? (п. 8) и т. п. Между прочимъ, изъ этихъ же вопросовъ видно, что дворянство тогда еще не собиралось на выборы въ губернскій городъ, но совершало ихъ поуѣздно (№ 14.816). Кромѣ вопросныхъ пунктовъ генералъ-губернаторовъ, въ П. С. З. мы не находимъ другихъ подтвержденій, чтобъ должность губернскаго предводителя дворянства была учреждена раньше 1785 г., вопросные же пункты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи этой должности и до жалованной грамоты. Генералъ-поручикъ Потемкинъ въ 1781 г. предложилъ также императрицѣ пункты о дворянскихъ выборахъ; между этими пунктами въ первомъ сказано, что втеченіе послѣдняго трехлѣтія губернскій предводитель тверскаго намѣстничества выбылъ, а на мѣсто его императрица велѣла выбрать другаго изъ числа уѣздныхъ предводителей (№ 15.280 п. 1.).

Кромѣ этихъ указаній на существованіе губернскихъ предводителей дворянства въ промежуткѣ времени 1775—1785 г., мы имѣемъ другіе признаки, что дворянство каждой губерніи уже начало тогда обособляться въ отдѣльныя губернскія дво-

рянскія корпораціи. Въ 1782 г. императрица повелѣла генералъ-прокурору написать ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ, что для платья дворянства обоего пола въ каждой губерніи присвоены особые цвѣта (№ 15.557). Въ 1784 г. точнѣе опредѣлены мундиры для дворянъ обоего пола каждой губерніи и для служащихъ въ губерніяхъ чиновниковъ. Имперія была раздѣлена на три полосы, и для каждой полосы назначены особые цвѣта, съ различіями по губерніямъ, заимствованными большей частію изъ гербовъ, ими употребляемыхъ. Напримѣръ, въ с.-петербургской губерніи *сѣверной полосы*: кафтаны свѣтлосиняго сукна, лацканы, воротникъ и обшлага черные бархатные; подбой черный, камзолъ бѣлый, пуговицы желтыя. Въ московской губерніи *средней полосы*: красные кафтаны съ воротниками и обшлагами желѣзнаго цвѣта, подкладка и камзолы бѣлые, пуговицы золотыя. Въ кіевской губерніи *полуденной полосы*: темновишневый кафтанъ съ свѣтлоголубыми лацканами, воротникомъ, обшлагами, съ 4 по разрѣзу пуговицами и свѣтлоголубымъ подбоемъ, камзолъ бѣлый, пуговицы бѣлыя. (№ 15.994). Дворянскому мундиру присвоены были большія права: все дворянство, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи, въ дворянскихъ мундирахъ имѣло право бывать на придворныхъ балахъ, входить въ кавалергардскую залу (Записки Энгельгардта). Цѣль дворянской униформы, установленной Екатериной II для обоихъ половъ, состояла между прочимъ и въ предупрежденіи роскоши: «губернскимъ мундирамъ рады отцы да мужья», сказала Екатерина II Храповицкому (Чт 1862). Другое значеніе дворянской униформѣ, измѣненной 1 мая 1832 г., придалъ императоръ Николай: дворянство цѣлой Имперіи было одѣто въ мундиры министерства внутреннихъ дѣлъ — наглядное указаніе, что служба по этому вѣдомству продолжала быть обязанностію цѣлаго сословія. Въ униформѣ екатерининской, *особенной для каждой отдѣльной губерніи*, отражалась корпоративность сословія, принадлежность извѣстнаго дворянина къ тому или другому губернскому дворянскому обществу; униформа николаевская, *общая для дворянства* цѣлой Имперіи, на первый планъ выдви-

гаетъ, что оно *числится на службѣ* министерства внутреннихъ дѣлъ [120]).

И такъ, мы видѣли, что послѣ изданія учрежденія о губерніяхъ, къ 1775 г. и до жалованной дворянству грамоты 1785 г., дворянство каждой губерніи уже складывается въ губернское дворянское общество. Окончательно дворянскія общества въ губерніяхъ устанавливаются жалованною дворянству грамотой, которая даетъ этимъ обществамъ весьма важное право избирать своего представителя — губернскаго предводителя дворянства, и, повѣряя доказательства дворянскаго происхожденія своихъ членовъ, чрезъ дворянскія депутатскія собранія, разрѣшать вопросъ о принадлежности къ себѣ своихъ членовъ.

Жалованная дворянству грамота — окончательный моментъ въ исторіи образованія дворянскихъ обществъ: ею опредѣлялось донынѣшнее значеніе и положеніе этихъ обществъ. Со времени изданія своего, она подверглась перемѣнамъ только дважды: при Павлѣ I, когда были отмѣнены многія права, ею дарованныя, было въ опасности самое существованіе губернскаго дворянскаго общества, разбитаго на общества уѣздныя, и значительно стѣснены выборныя права дворянства. Другія измѣненія постигли грамоту при императорѣ Николаѣ I, преимущественно по манифесту 6 декабря 1831 г., когда произведены были многія улучшенія во внутренней организаціи дворянскихъ обществъ и въ порядкѣ службы по выборамъ дворянства: опредѣленъ цензъ, дающій право непосредственнаго и посредственнаго участія въ выборахъ, пожаловано право выбора въ должность предсѣдателей судебныхъ палатъ, уравнена служба по выборамъ дворянства со службою коронною.

III. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія мы предположили разсмотрѣть:

А) дворянскія общества и органъ ихъ — дворянскія собранія: предметы дѣятельности, право участія въ нихъ вообще и въ выборахъ въ особенности.

Б) отношеніе къ дворянскимъ собраніямъ и выборамъ мѣстныхъ коронныхъ властей.

В) кругъ дѣлъ губернскаго и уѣзднаго управленія, порученныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ; должностныя лица, дворянствомъ избираемыя.

А) *Дворянскія общества и органъ ихъ — дворянскія собранія: предметы дѣятельности собраній, право участія въ нихъ вообще и въ выборахъ въ особенности.*

Жалованная дворянству грамота составила изъ дворянства губерніи отдѣльное дворянское общество, получившее значеніе юридическаго лица; уѣздное дворянство такого значенія не получило: законъ признаетъ только существованіе обществъ губернскихъ (Т. IX, ст. 88), несмотря на то, что фактически между уѣзднымъ дворянствомъ гораздо болѣе связей. При Павлѣ I была попытка раздробить губернское дворянское общество на уѣздныя: законъ 1799 г. предписывалъ не съѣзжаться дворянамъ цѣлой губерніи для выборовъ въ губернскій городъ, а выборы, даже губернскаго предводителя, производить въ уѣздномъ городѣ (№ 19.154, 19.619). Точно такъ же, дворянская родословная книга губерніи была разбита на уѣздныя дворянскія родословныя книги, содержавшіяся поуѣздно (№ 19.531). Это случилось уже вконцѣ царствованія императора Павла I, а начало царствованія его преемника ознаменовалось возстановленіемъ жалованной грамоты (№ 19.810), а вмѣстѣ съ нею и губернскихъ дворянскихъ обществъ, такъ какъ дворянству дано прежнее право съѣзжаться для выборовъ въ губернскій городъ, а дворянскую родословную книгу вести по губерніи, а не поуѣздно (№ 19.856). Значеніе губернскаго дворянскаго общества, какъ юридическаго лица, еще болѣе усилено впослѣдствіи, когда положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 г. предписано дворянскія общества допускать предпочтительно предъ другими желающими къ подрядамъ по земскимъ повинностямъ въ губерніи, что подтверждено и уставомъ 1851 г. (№ 21.737. 2-е П. С. № 25.398). Вскорѣ затѣмъ, дворянскимъ обществамъ предоставлено право безъ узаконеннаго залога вступать въ подряды и поставки для войскъ, расположенныхъ въ губерніи [121]).

Органъ дворянскихъ обществъ — *собранія дворянъ.*

1. Жалованная грамота не различаетъ эксплицитно родовъ этихъ собраній. Но изъ нея видно, что онѣ бывали губернскія и уѣздныя, обыкновенныя и чрезвычайныя (см. § 38): обыкновенныя — для выборовъ, чрезвычайныя — для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора, или губернатора [122]). При Павлѣ I, какъ мы видѣли, губернскія собранія были отмѣнены, а оставлены только собранія уѣздныя. Александръ I возстановилъ прежніе роды собраній. Положеніе 1831 г. точнѣе и эксплицитнѣе опредѣляетъ роды и виды ихъ. Оно отличаетъ *губернскія* собранія отъ собраній *уѣздныхъ*; тѣ и другія могутъ быть *обыкновенными* и *чрезвычайными*. Обыкновенныя губернскія собранія бываютъ чрезъ *каждые* три года — преимущественно въ декабрѣ и январѣ [123]); чрезвычайныя — по мѣрѣ надобности и когда удобнѣе. Обыкновенныя уѣздныя собранія составляются за три мѣсяца до открытія обыкновеннаго губернскаго собранія, а чрезвычайныя уѣздныя собранія — открываются по испрошеніи уѣздными предводителями чрезъ губернскихъ разрѣшенія начальника губерніи. Эти же роды и виды дворянскихъ собраній встрѣчаемъ и въ послѣднемъ изданіи свода (Т. IX ст. 91—98).

2. *Предметы совѣщаній и права дворянскихъ собраній.* Жалованная грамота опредѣляетъ слѣдующіе предметы дѣятельности собраній:

а) выборы должностныхъ лицъ, избраніе которыхъ предоставлено дворянству (§ 39 — § 45).

б) представленіе генералъ-губернатору или губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ дворянства (§ 47).

в) представленія и жалобы, приносимыя чрезъ депутатовъ какъ сенату, такъ и государю (§ 48).

г) составленіе особливой казны добровольными складками дворянства (54).

д) повѣрка дворянской родословной книги, составляемой дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ (66). При чемъ, собранію дано право при запискѣ какого-нибудь дворянскаго рода

въ книгу опредѣлить, сколько денегъ онъ долженъ внести въ дворянскую казну, но не свыше 200 р. асс. (§ 86), что переложено на 60 р. сер. (2-е П. С. № 13.750).

Права и преимущества дворянскихъ собраній по жалованной грамотѣ состоятъ:

а) собраніе дворянства не могло быть потребовано на судъ, не могло подлежать стражѣ (56 — 57).

б) собранію дворянства дозволено исключать изъ среды своей дворянина, который опороченъ судомъ, или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы онъ судимъ не былъ, пока оправдается (65).

Но за то собранію дворянства запрещено дѣлать противозаконныя постановленія, подъ опасеніемъ за первый разъ взысканія съ собранія пени 200 р., что поручено наблюденію и иску губернскихъ стряпчихъ (49).

Постановленія жалованной грамоты о предметахъ дѣятельности дворянскихъ собраній, ихъ правахъ и преимуществамъ послѣдующимъ развитіемъ законодательства подвергались большимъ или меньшимъ измѣненіямъ. Измѣненія сіи состояли или въ болѣе точномъ опредѣленіи предметовъ дѣятельности и правъ собраній, или въ ограниченіи и отмѣнѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или въ ихъ распространеніи.

а) Выборы должностныхъ лицъ — важнѣйшій предметъ дѣятельности дворянскихъ собраній — точнѣе были опредѣлены въ 1831 г.

б) Право дѣлать представленія начальству о своихъ нуждахъ и пользахъ, которымъ, впрочемъ, весьма мало пользовались дворянскія собранія, опредѣлено также точнѣе въ 1831 г.: представленія эти собранія могли дѣлать чрезъ губернскаго предводителя, а къ прежнимъ начальствамъ присоединено министерство внутреннихъ дѣлъ (2-е П. С. № 4.989, § 7). Дополненіемъ положенія 6 декабря 1831 г., изданнымъ въ 1836 г., постановлено, что если губернское дворянское собраніе сдѣлаетъ постановленіе о принесеніи просьбъ и жалобъ высшему правительству, то оно можетъ для объясненія сихъ просьбъ избрать депутатовъ, на случай вызова оныхъ правительствомъ

(2-е П. С. № 9.322, § 32). Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніемъ 1831 г. расширены и самые предѣлы просьбъ и жалобъ, приносимыхъ дворянствомъ начальству: кромѣ представленій о нуждахъ дворянства, оно могло также просить начальство о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія (2-е П. С. № 4.989, § 62) Постановленіемъ этимъ передовому общественному классу губерніи дано весьма важное право, для поддержанія его авторитета—право предстательствовать о нуждахъ цѣлаго края и всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Но какіе были результаты этого постановленія? Во всякомъ случаѣ, не такіе, чтобы поднять значеніе и авторитетъ дворянства въ глазахъ другихъ общественныхъ классовъ. Да можетъ быть дворянство и предстательствовало, но его петиціи и заявленія оставлялись безъ всякихъ послѣдствій? Изданіе и разъясненіе документовъ по этому вопросу, во всякомъ случаѣ, освѣтило бы яркимъ свѣтомъ исторію изучаемаго нами сословія.

в) Право представленій и жалобъ чрезъ депутатовъ сенату и государю, косвенно было отмѣнено указомъ 4 мая 1797 г. Указъ этотъ воспретилъ всѣмъ мѣстамъ принимать коллективныя прошенія — за многими подписями (№ 17.955), что̀ распространилось и на прошенія, приносимыя дворянскими собраніями. По возстановленіи жалованной грамоты, возстановлены были и 47 и 48 §§ ея, дающія дворянскимъ собраніямъ право петицій. Положеніе 1831 г. точнѣе опредѣляетъ и даже расширяетъ право, предоставленное § 48 жалованной грамоты. Дворянство можетъ приносить прошенія государю, адресуя конверты въ собственныя руки Е. И. В. Если же для объясненія жалобы признано будетъ нужнымъ вызвать депутатовъ, то дворянство присылаетъ ихъ въ числѣ не болѣе 3, и депутаты эти имѣютъ быть снабжены уполномочіемъ, подписаннымъ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ предметовъ, порученныхъ ихъ ходатайству (2-е П. С. № 4.989. § 8). Но положеніе 1831 г. умалчиваетъ о правѣ дворянскихъ собра-

ній посылать депутацію въ сенатъ, что прямо предоставляется имъ § 42 грамоты, тогда какъ ни въ § 7, ни въ § 8 положенія 1831 г. объ этомъ не говорится.

г) Право дворянскихъ собраній составлять складчинами казну опредѣляется въ § 54 грамоты весьма неточно. Въ 1796 г. опредѣленъ одинъ изъ предметовъ употребленія этой казны: разрѣшено изъ нея дѣлать ссуды дворянамъ, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имѣній (№ 17.427). Въ 1805 г. по высочайшей волѣ предложенъ былъ на обсужденіе государственнаго совѣта вопросъ: «должны-ли существовать добровольныя дворянскія складки?» Такимъ образомъ, подвергнуто было сомнѣнію существованіе § 54 жалованной грамоты. Но совѣтъ большинствомъ голосовъ разрѣшилъ вопросъ утвердительно. При этомъ гр. Румянцовы подали особыя мнѣнія.

Особенный интересъ представляетъ мнѣніе министра коммерціи. «Надобно остерегаться, говоритъ онъ, чтобъ складки не были вынуждены.... Вынужденными могутъ быть тогда, когда склоняетъ къ тому или начальникъ губерніи, желая отличить эпоху своего управленія, или дворянскій предводитель, дѣйствуя въ намѣреніи выслуги. Въ пресѣченіе сихъ личныхъ домогательствъ должно бы огласить по государству, что впредь приношенія дворянскія всегда угодны будутъ престолу, но не будутъ отплачиваться воздаяніями ни на лицо губернатора, ни на лицо предводителя.... Должны ли мелкопомѣстные дворяне подавать голосъ при такихъ раскладкахъ? Я утверждаю противное.... Впрочемъ, я не совсѣмъ исключаю мелкихъ дворянъ...., а собирая ихъ въ 5-сотные участки, отдаю имъ соразмѣрный голосъ.... Всѣ дворянскія имѣнія раздѣляются на пятисотные участки, и каждому участку дается право голоса. Владѣющій 1.000, или 2.000 имѣетъ два или 4 голоса и т. д. Неимѣющій 500 душъ остается безгласенъ, хотя имѣетъ право быть при сужденіи о складкахъ. Мелкопомѣстные дворяне, дабы составить итогъ, слагаются въ общіе участки, и всѣ, сколько бы ихъ ни вмѣстилось въ 5-сотный участокъ, изображаютъ одинъ голосъ, ввѣряя оный одному изъ нихъ».... (Чтенія кн. 3-я 1860 г.).

На основанія мнѣнія государственнаго совѣта точнѣе опредѣлены, въ 1805 г., правила о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ, которыя могъ предлагать собранію губернскій предводитель, испросивъ предварительно дозволеніе начальника губерніи, а собраніе рѣшало вопросъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ (№ 21.737). Положеніемъ 1831 г. складки раздѣлены на 2 рода: а) на надобности, нобходимыя всей губерніи или общеполезныя, и б) на предметы, общей надобности несоставляющіе, или на издержки частныя. Постановленія о складкахъ перваго рода, принятыя собраніемъ единогласно или $^2/_3$ голосовъ, съ отзывомъ не согласившихся, если таковой послѣдуетъ, представляются губернскимъ предводителемъ чрезъ начальника губерніи министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ него комитету министровъ. Если послѣдуетъ утвержденіе государя, то постановленіе дворянскаго собранія дѣлается равно обязательнымъ, какъ для дворянъ, присутствовавшихъ въ собраніи, такъ и для отсутствовавшихъ. — Постановленія же о складкахъ 2-го рода обязательны толко для дворянъ, принявшихъ ихъ (2-е П. С. № 4.989. § 12). Не малый интересъ представляетъ также вопросъ, какъ собирались эти складки, до какихъ размѣровъ онѣ доходили, на что́ употреблялись? Пока, кромѣ воспоминаній изъ недавняго прошлаго, нѣтъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Воспоминанія же едва-ли говорятъ въ пользу производительнаго и разумнаго употребленія дворянскихъ капиталовъ, которые достигали иногда весьма почтенныхъ суммъ.

д) Предметы дѣятельности дворянскихъ собраній расширены въ 1805 г. предоставленіемъ имъ права участвовать въ составленіи смѣтъ и раскладки земскихъ повинностей. Смѣты составлялись начальникомъ губерніи, обще съ вице-губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Смѣта, такимъ образомъ составленная, представлялась собранію дворянства при первыхъ выборахъ, а собраніе назначало депутатовъ для раскладки (№ 21.737).

Предметъ обыкновенныхъ уѣздныхъ собраній, вовсе не опредѣленный жалованной грамотой, былъ въ точности обозначенъ

въ положеніи 1831 г. Обыкновенныя уѣздныя собранія занимаются: 1) приготовительными распоряженіями къ губернскимъ выборамъ и 2) назначеніемъ посредствомъ баллотированія одного изъ своихъ сочленовъ для подробнаго разсмотрѣнія отчетовъ въ употребленіи дворянскихъ суммъ (2-е П. С. № 4.989). Къ этимъ предметамъ присоединено въ 1839 г. 3) право уѣздныхъ собраній раздѣлять уѣздъ на части, съ назначеніемъ въ каждую изъ нихъ посредника для полюбовнаго спеціальнаго размежеванія земель (Ib. № 12.459). Кромѣ того, могъ быть еще одинъ предметъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній: 4) въ 1832 г. было постановлено, что если для замѣщенія вакантной должности уѣзднаго предводителя не будетъ кандидата, а срокъ до губернскихъ выборовъ останется не болѣе года, то должность уѣзднаго предводителя поручается уѣздному судьѣ, а если болѣе года — то она замѣщается посредствомъ баллотированія въ уѣздномъ городѣ, подъ руководствомъ уѣзднаго судьи (2-е № 5.673). То же примѣнено въ 1834 г. къ выбору депутатовъ отъ дворянства (Ib. № 6.756).

Что касается предметовъ чрезвычайныхъ собраній дворянства — какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, — то законъ не предусматривалъ ихъ: предметы эти обусловливались обстоятельствами, вызвавшими чрезвычайныя собранія.

Право, предоставленное § 65 жалованной грамоты, точнѣе было опредѣлено въ интересѣ лица, подвергающагося исключенію изъ дворянскаго собранія. По положенію 1831 г. исключеніе дворянина изъ дворянскаго собранія можетъ послѣдовать не иначе, какъ постановленіемъ, принятымъ единогласно или большинствомъ $^2/_3$, посредствомъ баллотированія и подписаннымъ какъ губернскимъ, такъ и уѣздными предводителями въ залѣ собранія. Такое постановленіе, неподлежа пересмотру судебныхъ мѣстъ, приводилось немедленно въ исполненіе. Жалоба на него могла быть принесена только сенату, и то лишь кассаціоннаго характера — вслучаѣ несохраненія порядка, постановленнаго для собранія голосовъ и подписанія приговора (2-е П. С. № 4.989. § 55). Гарантія для дворянина, подвергающагося исключенію, въ

1835 г. была еще усилена тѣмъ, что если онъ находился въ отсутствіи, то дворянство могло постановить только объ удаленіи его отъ собраній и предоставить ему чрезъ своего уѣзднаго предводителя представить собранію объясненія, нужныя для оправданія себя предъ собратами, и затѣмъ уже, въ слѣдующее губернское собраніе, дворянство разрѣшало: долженъ ли дворянинъ быть рѣшительно исключенъ, или же, на основаніи объясненій, быть снова допущенъ къ участію въ дѣлахъ дворянства (2 е П. С. № 7.734).

Постановленіе § 49 грамоты о пени, которой подвергались собранія за противозаконныя постановленія, было измѣнено § 62 положенія 1831 г.: за противозаконное постановленіе — 500 р. пени съ собранія, и сверхъ того особенно съ губернскаго предводителя 200 р., а съ уѣздныхъ по 100 р. съ каждаго (2-е № 4.989). Этотъ §, по переложеніи счета ассигнаціями на серебро, составилъ ст. 135 IX Т. изд. 1857).

3. *Право участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ.*

Жалованная грамота заключаетъ въ себѣ мало постановленій объ этомъ. Право имѣть голосъ въ дѣлахъ собранія она предоставляетъ дворянину: 1) владѣющему деревнею, 2) не моложе 25 лѣтъ и 3) получившему въ службѣ оберъ-офицерскій чинъ. Нѣсколько точнѣе опредѣляется пассивный имущественный цензъ: избраннымъ можетъ быть только дворянинъ, получающій съ своихъ деревень не менѣе 100 р. дохода. Другія условія для избираемыхъ тѣ же, что и для избирателей: 25 лѣтній возрастъ и чинъ. Имущественный цензъ и опредѣленный возрастъ встрѣчаются и въ прецедентахъ жалованной грамоты [124]); новое условіе — чинъ. Но этому требованію грамота не даетъ обратной силы: тѣ изъ неимѣвшихъ чина, которые уже были выбраны до жалованной грамоты, сохранили право быть избираемыми и на будущее время (№ 16.297). — Императоръ Павелъ I всѣмъ дворянамъ, исключеннымъ изъ военной службы, которыхъ при немъ было не мало, запретилъ всякое участіе въ выборахъ — въ качествѣ избирателей и избираемыхъ (№ 18.245, 18.321). При возстановленіи жалованной грамоты въ 1801 г., Александръ I

стоялъ на томъ, чтобы дворяне, нигдѣ неслужившіе, не принимали участія въ выборахъ, но члены неофиціальнаго комитета, въ особенности Новосильцовъ, предлагали замѣнить эту квалификацію другою: лишить права присутствовать въ собраніяхъ дворянъ безграмотныхъ и неимѣщихъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, а равно и тѣхъ, кои жестоко обращаются съ своими крестьянами. Но императоръ удержалъ одну изъ квалификацій жалованной грамоты— чинъ (Приложенія ко 2-й гл. Исторіи Александра I Богдановича).

Имущественный цензъ оставался нетронутымъ. На дворянскихъ выборахъ продолжали участвовать дворяне мелкопомѣстные, число которыхъ преобладало и дѣлало собранія слишкомъ многолюдными: въ Рязани на дворянскіе выборы вконцѣ прошлаго столѣтія стекалось иногда до 2.000 дворянъ, преимущественно мелкопомѣстныхъ. Опираясь на мелкопомѣстье, вліятельный и сильный человѣкъ могъ дѣлать на выборахъ что хотѣлъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ московской губерніи, вконцѣ царствованія Екатерины II, предводителемъ былъ богачъ и вельможа, кн. Любецкой: передъ выборами онъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ дворянъ уѣзда и объявлялъ имъ — кого они должны выбрать судьею, кого исправникомъ и т. д. Дворяне безропотно повиновались князю, а другіе предводители старались подражать ему. Такія личности, какъ кн. Любецкой, обыкновенно привозили съ собой въ губернскій городъ толпы мелкопомѣстныхъ избирателей, которыхъ они вовремя выборовъ на свой счетъ кормили, поили и одѣвали, а тѣ по указаніямъ своего милостивца *прокатывали на вороныхъ*, или выбирали того или другаго претендента (Р. В. Т. XIV 1858). Это же повторялось и втеченіе 19 ст. до закона 1831 г., повысившаго избирательный цензъ: мы знавали еще живыхъ свидѣтелей прежнихъ порядковъ, отъ которыхъ слыхали рядъ уморительныхъ анекдотовъ о томъ, что дѣлали на выборахъ богатые помѣщики съ мелкопомѣстными, мы видали еще фургоны оригинальной конструкціи, въ которыхъ отвозились толпы послѣднихъ въ губернскій городъ на

выборы. Противъ низкаго имущественнаго ценза раздавались голоса еще вначалѣ текущаго столѣтія. «По нынѣшнему порядку», говорилъ государственному совѣту въ 1805 г. министръ коммерціи, гр. Румянцевъ «дворянамъ мелкимъ, владѣющимъ лоскутомъ земли, дана въ голосѣ при выборахъ, или другихъ съѣздахъ, уважительность, наравнѣ съ великопомѣстными, отчего выходитъ, что первые, обольщаясь своими преимуществами, рано оставляютъ службу и скрываются въ губернію, дабы представлять тамъ роль значительную наравнѣ съ лучшими помѣщиками, и, слѣдственно, съ знатнымъ дворянствомъ, а *знатные помѣщики, негодуя на такое поравненіе, удаляются изъ губерній*» (Чтенія, кн. 3-я, 1860 г.). Несмотря на эти невыгоды низкаго имущественнаго ценза, при тогдашней степени развитія мелкаго дворянства, несмотря на протесты противъ него — онъ оставался нетронутымъ. Только въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ которыхъ Павломъ I былъ уничтоженъ даже всякій имущественный цензъ, было постановлено въ 1805 г., что въ дворянскихъ собраніяхъ могутъ избирать и быть избираемы только тѣ дворяне, недвижимое имѣніе которыхъ приноситъ не менѣе 150 р. годичнаго дохода (№ 21.646). Другіе же вопросы, относящіеся до права участія въ собраніяхъ дворянства, были разъясняемы: такъ въ 1820 г. постановлено не допускать къ выборамъ служащихъ чиновниковъ, безъ аттестатовъ объ увольненіи отъ послѣдняго мѣста служенія ихъ — какъ то случалось иногда, напримѣръ во владимірской губерніи (№ 28.143). Точнѣе былъ также опредѣленъ возрастъ для избираемыхъ въ нѣкоторыя должности. Нѣкоторые губернаторы, при утвержденіи избранныхъ въ предводители, иногда затруднялись, какое узаконеніе принимать въ основаніе при опредѣленіи возраста: обрядъ-ли 1766 г., по которому дворянинъ, избранный въ предводители, долженъ имѣть 30 лѣтъ, или 62 ст. жалованной грамоты, которою запрещается избирать моложе 25 лѣтъ [125]). Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ объ этомъ сенату, который постановилъ: руководствоваться 62 ст. грамоты, за исключеніемъ губерній, возвращенныхъ отъ Польши,

въ которыхъ по указу 1805 г. дозволено избирать дворянъ, не ниже 23 лѣтъ (2-е П. С. № 3.881).

Наконецъ, въ 1831 г. опредѣлено точнѣе, какія лица могутъ участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ. Но изданное въ этомъ году положеніе еще порождало иногда нѣкоторыя недоумѣнія, для разъясненія которыхъ государственный совѣтъ въ 1832 дважды издавалъ дополнительныя статьи (2-е П. С. № 5.240, 5.580). Недоразумѣнія все-таки существовали: когда, послучаю открытія Александровской колонны въ С.-Петербургѣ собрались предводители дворянства, то министръ внутреннихъ дѣлъ личными объясненіями съ ними старался разъяснить эти недоразумѣнія. Потомъ дѣло было внесено въ государственный совѣтъ, издавшій въ 1836 г. новыя дополненія къ положенію 6 декабря 1831 г. — (2-е П. С. № 9.774).

Законоположенія эти слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ право участія въ дворянскихъ собраніяхъ.

Собранія дворянства составляются только изъ *потомственныхъ дворянъ* губерніи, или уѣзда. Одни изъ нихъ *имѣютъ право голоса* въ дѣлахъ собранія, а другіе *права голоса не имѣютъ*. *Право голоса имѣетъ* дворянинъ: 1) когда онъ честнаго и неукоризненнаго поведенія, и не находится въ явномъ порокѣ или подозрѣніи. 2) Когда онъ внесенъ въ родословную книгу той губерніи, въ собраніяхъ коей желаетъ участвовать, и имѣетъ въ оной недвижимую собственность. 3) Когда онъ имѣетъ не менѣе 21 года. 4) Когда онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ чинъ 14 класса, полученный на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ, или же прослужилъ 3 года по выборамъ дворянства или получилъ въ службѣ россійскій орденъ. 5) Когда имъ представленъ атестатъ или указъ объ увольненіи отъ послѣдняго мѣста служенія, или же отпускъ. — Быть въ собраніи, *не имѣя голоса въ положеніяхъ онаго*, могутъ потомственные дворяне и неимѣющіе никакого чина, неслужившіе по выборамъ, и невладѣющіе никакимъ недвижимымъ имуществомъ.

Право голоса въ дѣлахъ собранія — двоякое: [126]) 1) Голосъ во всѣхъ положеніяхъ собраній, кромѣ выборовъ и 2) го-

лось и въ выборахъ (которые законъ 1831 г. называетъ однимъ изъ важнѣйшихъ правъ благороднаго россійскаго дворянства, чрезъ которое «оно содѣйствуетъ непосредственно охраненію общественнаго благоустройства и отправленію правосудія»).

Право голоса въ выборахъ, кромѣ тѣхъ условій, которыя даютъ дворянину право участвовать въ постановленіяхъ собраній, зависитъ еще отъ *отъ качества* и *количества* состоящей за нимъ недвижимой собственности, и сообразно тому бываетъ: а) непосредственное, или б) посредствомъ уполномоченныхъ.

а) *Непосредственное право* принадлежитъ дворянину, имѣющему не менѣе *ста душъ крестьянъ* мужескаго пола, ему принадлежащихъ, или *ста человѣкъ поселянъ*, живущихъ на собственной его землѣ, по условію съ нимъ заключенному; а также не менѣе *3.000 десятинъ земли*, хотя и незаселенной, но въ одной губерніи. Къ этому въ 1836 г. прибавлено: непосредственное право выбора принадлежитъ также дворянину, пріобрѣвшему во время дѣйствительной службы, а не при отставкѣ, военный чинъ — полковника, или гражданской — дѣйствительнаго статскаго совѣтника, если онъ притомъ: а) имѣетъ въ той губерніи или въ разныхъ губерніяхъ не менѣе *5 душъ* поселенныхъ крестьянъ, или же *150 десятинъ* удобной, хотя незаселенной земли. Правомъ этимъ пользуется и дворянинъ, прослужившій въ званіи предводителя полное трехлѣтіе, хотя бы онъ не имѣлъ никакой недвижимой собственности. Непосредственное право выбора законъ 1836 г. предоставилъ также и опекунамъ имѣній малолѣтныхъ дѣтей своихъ, если имѣнія эти составляютъ полный участокъ.—Дворянинъ, имѣющій во владѣніи своемъ полные участки въ разныхъ губерніяхъ, по закону 1831 г., можетъ участвовать непосредственно въ выборахъ каждой изъ нихъ. Имѣющій же полные участки въ разныхъ уѣздахъ одной губерніи можетъ по каждому изъ нихъ участвовать въ выборѣ уѣздныхъ чиновниковъ, но при выборѣ губернскихъ онъ имѣетъ одинъ голосъ. Если малые участки, разбросанные въ разныхъ губерніяхъ, составляютъ

въ совокупности полный участокъ — то это даетъ право непосредственнаго участія въ выборахъ въ одной изъ губерній. Право непосредственнаго участія принадлежитъ также и потомственному дворянину, у котораго находится полный участокъ по заставному или пожизненному владѣнію, если только онъ владѣетъ не менѣе 10 лѣтъ. Напротивъ, дворяне-арендаторы, даже полныхъ участковъ, этого права не имѣютъ. Въ имѣніи, нераздѣльно владѣемомъ, сколько есть полныхъ участковъ, столько можетъ быть и непосредственныхъ избирателей; но если все имѣніе, нераздѣльно многими владѣемое, составляетъ не болѣе одного участка, тогда владѣльцы онаго избираютъ изъ среды своей одного уполномоченнаго, но если владѣльцы братья, то право быть уполномоченнымъ принадлежитъ старшему. Напротивъ, дворянинъ, неимѣющій полнаго участка, хотя бы имѣніе его въ сложности съ имѣніемъ жены его и составляло таковой — не имѣетъ права непосредственно участвовать въ выборахъ. Кромѣ этого нормальнаго ценза, ввидѣ исключенія, предоставлено право непосредственнаго выбора: по *с.-петербургской губерніи* — дворянамъ, владѣющимъ въ слолицѣ или ея уѣздѣ домами и дачами, по *московской губерніи* — владѣющимъ домами (не дачами?) въ Москвѣ, по *кавказской области* — землями, домами и садами, по *таврической губерніи* и по *Бессарабіи* — землями, если только этого рада недвижиная собственность приноситъ не менѣе 2.000 р. асс. ежегоднаго дохода. Дворянинъ, имѣющій непосредственный голосъ въ выборѣ, можетъ вмѣсто себя послать въ собраніе одного изъ неотдѣленныхъ своихъ сыновей, если только онъ соединяетъ въ себѣ условія, дающія право участвовать въ собраніяхъ дворянства, и записанъ въ родословную книгу. На этомъ же основаніи и дворянка, владѣющая такимъ недвижимымъ имѣніемъ, которое даетъ право непосредственнаго участія въ выборахъ, можетъ это право предоставить своему мужу [127]), сыну или зятю, хотя бы они и не владѣли никакимъ недвижимымъ имуществомъ въ губерніи, если только имѣютъ право участвовать въ собраніяхъ. Но такая дворянка, у коей не будетъ сихъ родствен-

никовъ, можетъ право свое передать и другому постороннему лицу, если только оно само по себѣ имѣетъ право непосредственнаго выбора. Уполномочіе на право присутствовать въ собраніяхъ дворянства и участвовать въ выборахъ составляется ввидѣ письма на имя уѣзднаго предводителя на простой бумагѣ, за свидѣтельствомъ 2 дворянъ того же уѣзда. Уполномочіе это не можетъ быть передаваемо дворяниномъ, получившимъ оное, другому. Одно лицо не можетъ также имѣть болѣе одного полномочія. Но имѣющій полномочіе и въ то же время имѣющій собственное право непосредственнаго участія въ выборахъ, при баллотированіи имѣетъ два шара [118]).

б) *Право участія въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ* принадлежитъ тѣмъ дворянамъ, за коими состоитъ въ одной губерніи не *менѣе 5 душъ* поселенныхъ крестьянъ, или же не менѣе *150 дес.* удобной, хотя не заселенной земли, когда они не имѣютъ чина полковника, или дѣйствительнаго статскаго совѣтника и не прослужили полнаго трехлѣтія въ званіи предводителей дворянства. — Неполные участки складываются въ полные, и на каждый полный полагается одинъ уполномоченный, какъ бы ни было велико число привходящихъ неполныхъ участковъ. Но имѣетъ ли право владѣющій неполнымъ участкомъ дать полномочіе на выборъ уполномоченныхъ другому лицу? Законъ не разрѣшаетъ. Число-же уполномоченныхъ обусловливается не числомъ всѣхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ уѣзда, но числомъ дѣйствительно прибывшихъ въ уѣздное собраніе.

Таковы опредѣленія закона 1831 г. и дополненій къ нему объ активномъ имущественномъ цензѣ. Цензъ этотъ значительно повышенъ въ сравненіи съ жалованной грамотой. Напротивъ, цензъ пассивный пониженъ вообще, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ должностей. По положенію 1831 г. и дополненіямъ къ нему, въ должности по выбору дворянства могутъ быть избираемы: 1) Потомственные дворяне губерніи, имѣющіе право участвовать въ дѣлахъ собранія. 2) Потомственные дворяне, кои не владѣя недвижимымъ имѣніемъ, не участвуютъ въ дѣлахъ собранія. 3) Потомственные дворяне,

кои еще нигдѣ не служили, слѣдовательно не имѣютъ еще класснаго чина и потому не участвуютъ въ дѣлахъ собранія, но только въ должности не выше 10 класса. 4) Всѣ личные дворяне губерніи, но только въ должности засѣдателей земскихъ судовъ, а въ случаѣ недостатка потомственныхъ дворянъ, по усмотрѣнію собранія, въ земскіе исправники (2-е П. С. № 4.989, 5.240, 5.530, 9.322). — Въ 1856 г. дозволено выбирать личныхъ дворянъ и въ должности членовъ межевыхъ судовъ— тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа дворянъ потомственныхъ (2-е № 31.137).

Послѣ этого окончательнаго опредѣленія права участвовать въ собраніяхъ дворянства вообще и въ выборахъ въ особенности, до послѣдняго изданія свода вышло нѣсколько постановленій только о частностяхъ. Вскорѣ по обнародованіи положенія 1831 г., министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ министровъ записку отомъ, чтобъ по-случаю недостатка въ с.-петербургской губерніи дворянъ, владѣющихъ полными участками, предоставить право непосредственнаго выбора всѣмъ тѣмъ, которые владѣютъ во-всѣхъ уѣздахъ ея недвижимыми имуществами, приносящими не менѣе 2.000 ежегоднаго дохода. Предложеніе министра, принятое комитетомъ, было утверждено государемъ (2-е П. С. № 5.910). Въ 1834 г. дозволено было бессарабскимъ дворянамъ, неимѣющимъ чиновъ, участвовать въ дворянскихъ выборахъ (2-е П. С. № 6.889). Въ 1837 г. распространено и на астраханскую губернію право непосредственнаго участія въ выборахъ дворянъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ не менѣе 2.000 р. ежегоднаго дохода (2-е П. С. № 10.225). Въ 1846 г. въ землѣ войска донскаго предоставлено тамошнему дворянству вмѣсто себя присылать на выборы въ Новочеркасскъ по 12 депутатовъ отъ каждаго изъ 7 округовъ (2-е П. С. № 20.276 ст. 708). Въ 1848 г. опредѣлено, кто изъ дворянства тифлисской губерніи имѣетъ право участвовать въ выборахъ непосредственно и кто чрезъ уполномоченныхъ? Непосредственно— имѣющіе не менѣе 20 дымовъ крестьянъ или поселянъ, а также земли не менѣе, какъ на 1.000 дней паханья; а чрезъ

уполномоченныхъ — не менѣе 2 дымовъ крестьянъ или поселянъ, а незаселенной земли не менѣе 100 дней (2-е № 22.839), а въ 1850 г. это распространено и на кутаисскую губернію (2-е № 24.707). Въ 1852 г. постановлено, что дворянамъ, владѣющимъ въ с.-петербургской губерніи недвижимыми имуществами, а въ московской губерніи домами въ столицѣ, только тогда можно пользоваться непосредственнымъ правомъ выбора, когда цѣнность этихъ недвижимыхъ имуществъ и домовъ не менѣе 15.000 р. сер. (2-е № 26.846), а въ 1857 г. это распространено и на владѣльцевъ домовъ въ Кіевѣ (2-е № 32.273), которые въ 1807 г., по одному владѣнію домами, лишены права избирать и быть избираемыми (№ 22.540).

Б. *Отношенія къ собраніямъ мѣстныхъ коронныхъ властей.*

Выборы депутатовъ въ коммисію 1767 г. происходили подъ надзоромъ и руководствомъ губернаторовъ и другихъ начальниковъ, ими назначаемыхъ. Выборы должны были происходить «съ тихостію, учтивостію и безмолвіемъ», зачѣмъ должно смотрѣть начальство, подъ руководствомъ котораго выборы производились (№ 12.801). Первые выборы по учрежденію о губерніяхъ производились также въ присутствіи губернатора, вице-губернатора и одного изъ предсѣдателей палатъ (№ 14.816 ст. 18). Учрежденіе о губерніяхъ, опредѣливъ вообще обязанности генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и губернскихъ прокуроровъ, по наблюденію надъ всѣми мѣстами въ губерніи, въ точности не обозначило отношенія ихъ къ дворянскимъ собраніямъ и степени власти надъ ними (№ 14.392). Эти отношенія и степень власти разъяснялись вопросными пунктами, которые генералъ-губернаторы предлагали императрицѣ, при приближеніи новыхъ выборовъ. Рядъ такихъ вопросныхъ пунктовъ предложенъ былъ и въ 1778 г. Генералъ-губернаторы спрашивали императрицу: сенату-ли или генералъ-губернатору назначать и публиковать приближеніе срока для общаго собранія дворянъ къ новому выбору? Надлежитъ-ли генералъ-губернатору обратиться къ собранію съ краткою

рѣчью о причинахъ собранія дворянъ и дѣлахъ имъ предстоящихъ, или же изложить то письменно? Должно-ли генералъ-губернатору присутствовать въ собраніи дворянъ, или же нѣтъ? Самъ-ли генералъ-губернаторъ долженъ вести дворянство къ присягѣ, или же губернскій предводитель? При избраніи новаго губернскаго предводителя обязанъ-ли предсѣдательствовать самъ генералъ-губернаторъ, или же прежній губернскій предводитель? Большую часть такихъ вопросовъ императрица разрѣшала въ интересѣ свободы дворянскихъ собраній отъ гнета генералъ-губернаторской власти. Такъ на вышесказанные вопросные пункты она постановила слѣдующія резолюціи: срокъ для собранія дворянства назначается генералъ-губернаторомъ или правящимъ его должность; генералъ-губернаторъ не можетъ присутствовать въ собраніи и при выборахъ; къ присягѣ ведетъ губернскій предводитель, онъ же предсѣдательствуетъ въ собраніи при выборѣ его преемника (№ 14 816). Подобные же вопросы предлагались императрицѣ и новгородско-тверскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1781 г. (№ 15.280). Жалованная грамота заключаетъ въ себѣ мало постановленій объ отношеніяхъ мѣстныхъ властей къ дворянскимъ собраніямъ и степени ихъ власти надъ ними. Она опредѣляетъ только, что дворянство въ губерніи собирается по созыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для выборовъ, такъ и для выслушанія другихъ предложеній ихъ; что вслучаѣ этихъ предложеній, онѣ берутся собраніемъ въ уваженіе. и по нимъ дѣлаются пристойные отвѣты, рѣшенія и соглашенія (№ 16.187 § 38, 46). При такой неопредѣленности закона, фактически генералъ-губернаторы и даже губернаторы поработили собранія своей власти. Да и какъ было устоять собраніямъ, при той огромной степени полномочій, которую Екатерина II дала своимъ намѣстникамъ? Самая внѣшняя обстановка ихъ власти заключала въ себѣ нѣчто царское: въ домѣ, занимаемомъ государевымъ намѣстникомъ, находилась обыкновенно большая зала, въ которой собиралось и дворянство для выборовъ и посреди которой возвышался тронъ На тронѣ возсѣдали намѣстники. При особѣ ихъ состоялъ конвой изъ 24

человѣкъ легкой конницы, съ однимъ подпоручикомъ, при немъ состояли также 2 адъютанта, да дворянство наряжало для почести его молодыхъ дворянъ по 1 человѣку съ каждаго уѣзда (№ 14.392 п. 92). Повторяемъ: самый престижъ генералъ-губернаторской должности подчинялъ ей дворянскія собранія. Кромѣ того, существовали причины внутреннія. Учрежденіе о губерніяхъ въ руки дворянскихъ обществъ отдавало весь судъ, все управленіе губерніи. При крѣпостномъ правѣ, при обладаніи дворянствомъ большинствомъ населенія губерніи, какъ было не подчинить ихъ собраній строжайшему контролю генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, постоянному наблюденію губернскихъ прокуроровъ? Это мы замѣчаемъ при первыхъ шагахъ дворянскаго самоуправленія; это не переставало существовать и до нашихъ дней—такъ что правительство иногда само защищало свободу дворянскихъ собраній отъ давленія на нихъ коронныхъ мѣстныхъ властей; старалось поставить вліяніе этихъ властей въ закономъ очерченные предѣлы. Иностранцы, посѣщавшіе Россію вконцѣ прошлаго столѣтія, обратили вниманіе на рабскую зависимость дворянскихъ собраній отъ генералъ губернаторовъ. Подобный отзывъ мы нашли въ одномъ довольно интересномъ сочиненіи о Россіи конца прошлаго столѣтія: «Voyage de deux Francais dans le nord de l'Europe, fait en 1790—1792» авторы котораго лично присутствовали на дворянскихъ выборахъ с.-петербургской губерніи въ 1792 г. и были поражены зависимостію всѣхъ рѣшеній и выборовъ дворянскаго собранія отъ указаній генералъ-губернатора [129]). Что не помѣшало, однакожъ, имъ придти къ неожиданному заключенію, что дворянскія собранія въ будущемъ грозятъ странѣ великой революціей (mais, tôt ou tard, ces assemblées donneront le signal d'une grande revolution...» (p. 62).

Правительство, какъ сказали мы, само защищало дворянскія собранія отъ захватовъ мѣстныхъ властей. Въ 1788 г., сенатъ разсматривалъ дѣло объ одномъ губернаторѣ, который, пришедъ въ собраніе дворянства съ своими гостьми, выслалъ вонъ изъ онаго одного дворянина, выговаривалъ губернскому

предводителю за опредѣленіе дворянскаго собранія о принесеніи жалобы императрицѣ на намѣстническое правленіе (которое наложило на дворянскія имѣнія сборъ хлѣба, для пополненія магазиновъ, по случаю военныхъ обстоятельствъ), настоялъ на выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергалъ выбраннаго дворянствомъ губернскаго предводителя. По новоду этого дѣла сенатъ запретилъ губернаторамъ входить въ дворянскія собранія (№ 16.731).

При императорѣ Павлѣ, въ 1798 г., это запрещеніе было отмѣнено, и губернаторамъ «для соблюденія добраго порядка» предписано присутствовать при дворянскихъ собраніяхъ (№ 18.421). Какому подчиненію мѣстнымъ властямъ подпали дворянскія общества при Павлѣ, можно видѣть также изъ того, что когда костромской губернскій предводитель предположилъ созвать въ губернскій городъ уѣздныхъ предводителей дворянства и исправляющихъ ихъ должность уѣздныхъ судей для постановленія о сборѣ и доставленіи въ губернское казначейство 47.000 р., назначенныхъ на содержаніе штата костромской губерніи — то костромское губернское правленіе нашло такой съѣздъ уѣздныхъ предводителей не нужнымъ, а исправляющихъ ихъ должность уѣздныхъ судей и вовсе невозможнымъ. Сенатъ постановилъ: предписать костромскому губернскому правленію, чтобъ оно на будущее время не воспрещало съѣздовъ уѣздныхъ предводителей дворянства, исключая, однакожъ, исправляющихъ ихъ должность членовъ уѣзднаго суда (№ 18.485).

Предоставленіе губернаторамъ права присутствовать въ собраніяхъ дворянскихъ, въ противность указу 1788 г., неизбѣжно повело къ злоупотребленіямъ. Въ 1802 г. поручено было Державину произвести слѣдствіе о разныхъ злоупотребленіяхъ калужскаго губернатора, Лопухина. По слѣдствію оказалось, что губернаторъ, присутствуя на выборахъ, нерѣдко вмѣшивался въ производство ихъ, ему подавались жалобы на пристрастную баллотировку, подчищались баллотировочные списки и т. п. (№ 20.374). По этому поводу предписано было губернаторамъ отнюдь не вмѣшиваться въ дворянскіе

выборы, домогаясь избранія однихъ и удаленія другихъ (№ 20.372).

Такимъ образомъ, насколько при Павлѣ I правительство старалось подчинить власти губернаторовъ и контролю прокуроровъ дворянскія собранія, настолько же при его преемникѣ оно поддерживало ихъ свободу. Министръ внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракинъ, въ 1809 г., даже обвинялъ нѣкоторыхъ губернаторовъ польскихъ губерній, въ которыхъ дворянство иногда безчинствовало въ собраніяхъ, что они представляютъ себѣ дворянскія собранія status in statu — обществомъ, никакой полиціи не подчиненнымъ (№ 23.513).

Въ 1811 г. на выборахъ олонецкой губерніи произошли безпорядки, къ отвращенію которыхъ не принялъ никакихъ мѣръ и бывшій тамъ прокуроръ, дозволившій себѣ участвовать въ выборахъ въ качествѣ помѣщика. Вслѣдствіе этого точнѣе опредѣлено участіе въ выборахъ губернскихъ прокуроровъ: если они имѣли помѣстья въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ состояли на службѣ, то вовремя дворянскихъ выборовъ имѣли право дѣйствовать только по обязанностямъ своего званія, не принимая въ нихъ участія въ качествѣ дворянъ губерніи (№ 24.539).

Несмотря на это желаніе правительства поднять свободу дворянскихъ собраній — вмѣшательство губернаторовъ продолжалось: костромской губернаторъ Пасынковъ, при обсужденіи костромскимъ собраніемъ дворянства, въ 1812 г., поставки ополченцевъ, вмѣшивался въ собраніе, настоявъ, чтобы дворяне дали по 2 ополченца съ 50 душъ, тогда какъ многіе изъ нихъ желали дать по одному (2-е П. С. № 588).

Сильно было также и вліяніе прокуроровъ: въ 1827 г., симбирскій губернскій прокуроръ требовалъ, чтобы симбирское дворянское собраніе доводило до свѣдѣнія его и губернскихъ стряпчихъ о всѣхъ своихъ постановленіяхъ. Сенатъ постановилъ, что дворянскія собранія не обязаны представлять свои журналы на просмотръ прокуроровъ (2-е № 960). Нѣ-

которыя дворянскія собранія поняли это постановленіе сената въ смыслѣ устраненія прокуроровъ отъ всякаго участія въ дворянскихъ выборахъ, несмотря на законъ 1811 г., по которому прокуроры должны были присутствовать по обязанностямъ своего званія. Такъ, въ 1828 г., на дворянскихъ выборахъ пензенской губерніи произошли нѣкоторые безпорядки: собраніе не допустило прокурора къ присутствію на нихъ. Сенатъ нашелъ неосновательнымъ поступокъ пензенскаго собранія и подтвердилъ постановленіе 1811 г. (2-е № 3.386).

Положеніе 1831 г. заключаетъ въ себѣ слѣдующія постановленія объ отношеніи губернаторовъ къ дворянскимъ собраніямъ: собранія, какъ обыкновенныя, трехгодичныя, такъ и чрезвычайныя, составляются съ дозволенія и по распоряженію начальника губерніи; за 3 дня до открытія собранія начальникъ губерніи доставляетъ губернскому предводителю списки о дворянахъ, находящихся подъ слѣдствіемъ или судомъ; наканунѣ дня, назначеннаго для открытія собранія, губернскій предводитель препровождаетъ къ губернатоту списки, какъ дворянъ личныхъ, кои будутъ избираемы, такъ и потомственныхъ, прибывшихъ для присутствованія въ собраніи дворянства, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испрашиваетъ разрѣшенія на открытіе собранія; засимъ начальникъ губерніи предлагаетъ письменно дворянскому собранію начать свои засѣданія и приступить къ выборамъ, извѣщая между тѣмъ первенствующую духовную особу въ городѣ о имѣющихъ быть по сему случаю священнодѣйствіяхъ; въ день, назначенный для открытія собранія, начальникъ губерніи приводитъ дворянство къ присягѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ всѣ дальнѣйшія распоряженія губернскому предводителю. — Дворянское собраніе обязано исполнять всѣ законныя требованія начальника губерніи, предлагаемыя чрезъ губернскаго предводителя и доставлять ему всѣ нужныя свѣдѣнія по предметамъ относящимся до выборовъ. Вообще, оно сносится съ начальникомъ губерніи и получаетъ отъ него отзывы чрезъ губернскаго предводителя, который съ своей стороны обязанъ извѣщать начальника губерніи

о всѣхъ положеніяхъ, въ дворянскомъ собраніи состоявшихся. За порядкомъ въ собраніи наблюдаютъ губернскій предводитель вообще и уѣздные — каждый по своему уѣзду. Но если бы въ собраніи возникли безпорядки, которыхъ не успѣлъ бы прекратить губернскій предводитель, то ему предоставляется право закрыть собраніе и довести о томъ до свѣдѣнія начальника губерніи, который, пополученіи таковаго извѣщенія, немедленно призываетъ къ себѣ бывшихъ причиною означенныхъ безпорядковъ и дѣлаетъ имъ надлежащее внушеніе, поставляя на видъ, что при возобновленіи безпорядковъ, донесено будетъ поименно о нихъ высшему начальству, а собранію будетъ предложено подвергнуть ихъ личному взысканію. Для обыкновенныхъ губернскихъ собраній назначается 15 дневный срокъ, но съ разрѣшенія начальника губерніи они могутъ быть продолжены еще на нѣсколько дней. Собранія закрываются по письменному предложенію губернатора, который обязанъ извѣстить о томъ, равно какъ и о назначенномъ имъ срокѣ для открытія, министра внутреннихъ дѣлъ. — Что касается губернскаго прокурора, то положеніе 1831 г. обязываетъ его присутствовать въ собраніи для изъясненія законовъ, въ случаѣ возникающихъ насчетъ оныхъ сомнѣній (2-е П. С. № 4,989).

Начала, развитыя въ положеніи 1831 г., повторены и въ общемъ наказѣ гражданскимъ губернаторамъ 1837 г. (2-е № 10.303. §§ 38—45), откуда онѣ перешли въ новѣйшія изданія свода.

В) *Кругъ дѣлъ губернскаго и уѣзднаго управленія, порученныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ; должностныя лица, дворянствомъ избираемыя.*

Учрежденіе о губерніяхъ, установивъ сословную подсудность, предоставило каждому сословію выбирать членовъ въ свои сословные суды. Съ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ инстанцій сословныхъ Павломъ I, преобладающее значеніе въ составленіи персонала мѣстныхъ судовъ получило дворянство. Еще болѣе усилилось это преобладаніе въ 1831 г., когда дворянство по-

лучило право выбирать предсѣдателей судебныхъ палатъ. Мѣстный судъ, можно сказать, вполнѣ былъ отданъ въ руки дворянскаго общества: только городскіе обыватели имѣли въ магистратахъ свою независимую отъ дворянства первую инстанцію суда. Но что значила эта судебная независимость городскихъ обывателей въ 1-й инстанціи, подчиненной ревизіи и апелляціи судебныхъ палатъ, въ составѣ которыхъ получили преобладаніе элементы дворянскіе?

Учрежденіе о губерніяхъ отдало въ руки дворянства и земскую полицію, которая имѣла чрезвычайно широкое значеніе и захватывала много дѣлъ судебныхъ, до послѣдняго преобразованія полицейскаго управленія въ 1862 г. Шагъ къ нѣкоторому ослабленію преобладающаго значенія дворянства въ образованіи земской полиціи былъ сдѣланъ въ 1837 г., когда оставлены выбору дворянскихъ обществъ только земскіе исправники и старшіе непремѣнные засѣдатели земскихъ судовъ, а становые пристава начали назначаться губернскими правленіями, не безъ участія, впрочемъ, дворянства.

Кромѣ широкаго участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянство назначало своихъ выборныхъ и въ нѣкоторыя другія вѣдомства: учебное — почетные попечители гимназій, кредитное — члены совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій и т. д.

Наконецъ, дворянство получило не только широкое право внутренняго сословнаго самоуправленія чрезъ избираемыхъ для этого должностныхъ лицъ — предводителей и депутатовъ, но эти должностныя лица получили значительное участіе и въ предметахъ общаго управленія.

При Александрѣ I, въ 1803 г., по мысли Державина, какъ по крайней мѣрѣ онъ говоритъ въ своихъ Запискахъ (498), была замѣчательная попытка дать дворянскимъ обществамъ нѣкоторое участіе при опредѣленіи должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Для того, чтобы всѣ мѣста въ государствѣ занимаемы были всегда людьми достойными и способными, признано было за полезное

каждые 3 года отбирать чрезъ губернскія правленія отъ всѣхъ неслужащихъ свѣдѣнія, кто желаетъ изъ нихъ вступить въ статскую службу, и въ какихъ именно губерніяхъ. По полученіи такихъ отзывовъ, на дворянскихъ выборахъ баллотировать на службу по государству лицъ, изъявившихъ желаніе на поступленіе въ оную, и формулярные списки о нихъ, съ означеніемъ числа избирательныхъ и неизбирательныхъ балловъ и губерній, въ коихъ избранные объявили желаніе служить, доставлять въ герольдію, съ отзывомъ начальника губерніи. По доставленіи такихъ баллотировочныхъ списковъ изъ всѣхъ губерній, составляется общій списокъ по имперіи, изъ котораго герольдія, по превосходству избирательныхъ балловъ, на каждую открывшуюся вакансію представляетъ сенату 2 — 3 кандидатовъ. Указъ объ этомъ состоялся 4 февраля 1803 г., и помѣщенъ въ XXVII Т. I-го П. С. подъ № 20.608. Но эта мысль à la Сіэйесъ, какъ видно изъ записокъ Державина, не была приведена въ исполненіе, за выходомъ изъ министерства творца ея (стр. 498).

Кругъ дѣлъ мѣстнаго управленія, предоставленныхъ вѣдѣнію дворянскихъ обществъ, точнѣе обозначится, когда мы переберемъ рядъ должностей, которыя избирало дворянство, и познакомимся съ функціями и значеніемъ ихъ. Но прежде всего изложимъ общія начала о должностныхъ лицахъ по выбору дворянства.

Положеніе должностныхъ лицъ, избираемыхъ дворянствомъ, порядокъ ихъ выборной службы, долгое время опредѣлялись частными отдѣльными постановленіями, пока въ 1831 г. не была издана цѣлая система узаконеній, которыми мѣстная служба дворянства была приведена въ строгій порядокъ и сравнена въ наградахъ и выгодахъ съ общею государственною службою. Вовремя существованія в. земскаго суда, второй судебной инстанціи для дворянъ, ему до нѣкоторой степени подчинялись служащіе по выбору дворянства — точно также, какъ служащіе по выбору мѣщанскихъ обществъ подчинялись губернскому магистрату, а по выбору поселянскихъ обществъ— верхней расправѣ: если въ продолженіе трехлѣтія кто-нибудь

изъ выбранныхъ дворянствомъ выбывалъ по какому-нибудь случаю, то на убылыя мѣста назначалъ в. земскій судъ, съ утвержденія намѣстническаго правленія (№ 14.392 ст. 76). Первоначально не было кандидатовъ — получившихъ наибольшее число избирательныхъ балловъ при баллотированіи — для замѣщенія убылыхъ мѣстъ. Это хорошо видно, изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ 1787 г. Московской губерніи богородицкаго уѣзда сдѣлалось вакантнымъ мѣсто уѣзднаго предводителя, на которое былъ выбранъ и утвержденъ губернскимъ правленіемъ бригадиръ Кругликовъ. Полковникъ-же, кн. Одоевскій, получившій при баллотированіи наибольшее число избирательныхъ балловъ послѣ выбывшаго предводителя, претендовалъ на полученіе вакантной должности. Главнокомандующій московскою губерней, генералъ-аншефъ Еропкинъ, утвердилъ мѣсто за кн. Одоевскимъ, но «не имѣя власти отмѣнять опредѣленія губернскаго правленія», представилъ дѣло на разрѣшеніе сената, который и разрѣшилъ его въ смыслѣ § 76 учрежденій о губерніяхъ, подтвердивъ право верхняго земскаго суда назначать на убылыя мѣста, отъ выборовъ дворянства зависящія (№ 16.527). При Павлѣ I сначала, за отмѣною верхн. земскихъ судовъ новыми губернскими штатами 31 декабря 1796 г., наполненіе убылыхъ мѣстъ, отъ выборовъ дворянства зависящихъ, предоставлено губернскимъ правленіямъ (№ 18.057), но вскорѣ (въ 1799 г.) принято замѣщеніе *кандидатами*: «убылыя мѣста, отъ выбора зависящія, наполнять помѣщеніемъ изъ баллотированныхъ въ собраніи дворянства по выборнымъ спискамъ, кто куда выбирался, и большинство избирательныхъ балловъ имѣлъ» (№ 19.154).

Въ 1778 г. состоялось повелѣніе, чтобы дворяне, служившіе въ высшихъ должностяхъ, не были избираемы въ низшія (№ 14.816, п. 19). Но повелѣніе это не было разъяснено другими постановленіями: достаточно-ли быть только избрану въ высшую должность, или же прослужить въ ней полное трехлѣтіе, чтобъ потомъ имѣть право не быть избираемымъ въ низшія? Вслѣдствіе этого на практикѣ происходили недоразумѣнія [130]), для разъясненія которыхъ состоялся законъ

1820 г.: въ низшія должности не избирать только тѣхъ дворянъ, которые прослужили въ высшихъ полное трехлѣтіе (№ 28.084).

Что касается вознагражденія лицъ, служащихъ по выбору дворянства, то общаго постановленія въ законѣ объ этомъ не было. Прецеденты же въ 18 вѣкѣ были такіе, что излюбленные сословій получали вознагражденіе: депутатамъ отъ дворянства въ законовѣщательную коммисію Петра II назначено было, какъ мы видѣли, вознагражденіе по полтинѣ на день, депутатамъ отъ дворянства въ коммисію 1767 г. — по 400 р. въ годъ. Но относительно жалованья избранныхъ тогда же дворянскихъ предводителей, обрядъ 1766 г. ничего не опредѣляетъ. Фактически предводительская должность сдѣлалась безвозмездною, при первомъ своемъ появленіи [131]): въ предводители были выбраны зажиточнѣйшіе дворяне уѣзда. Съ учрежденіемъ губерній появилось много другихъ должностей по выбору дворянскихъ обществъ для различныхъ частей мѣстнаго управленія. Должности эти, неся обязанности не по однимъ дѣламъ дворянскихъ обществъ, сдѣлались вознаграждаемыми жалованьемъ. Жалованная грамота къ предводительскимъ должностямъ присоединила нѣкоторыя другія для завѣдыванія дѣлами дворянскихъ обществъ, напримѣръ,—депутатовъ. Фактически установилось начало: должности по выбору дворянства для управленія дѣлами дворянскихъ обществъ безвозмездны, а должности для завѣдыванія разными частями мѣстнаго управленія должны вознаграждаться жалованьемъ. Законъ освящалъ фактически установившуюся безвозмездность должностей перваго рода, уничтожая иногда прорывавшіяся попытки превратить ихъ въ должности вознаграждаемыя, и устанавливалъ источники содержанія должностей втораго рода.

Въ 1801 г. до свѣдѣнія государя дошло, что въ новгородской губерніи на жалованье уѣзднымъ предводителямъ дворянства установленъ сборъ по 5 к. съ души. Государь предписалъ новгородскому гражданскому губернатору отмѣнить такой сборъ, какъ противозаконный (№ 19.999). Но подобные случаи встрѣчались и послѣ — особенно въ польскихъ губер-

ніяхъ: въ 1804 г. въ сенатъ была представлена записка, что въ литовскихъ губерніяхъ во многихъ повѣтахъ маршалы установили противозаконные сборы — на содержаніе чиновниковъ и канцелярій при маршалахъ, а иногда и на столъ маршалу (№ 21.381).

Что́ касается источниковъ содержанія должностныхъ лицъ на жалованьи, то для нихъ въ 1797 г. установленъ былъ сборъ съ дворянскихъ имѣній. Каждая губернія была обложена опредѣленной суммой сбора, разложеннаго на дворянскія имѣнія, который собирался въ два полугодовые срока, подъ наблюденіемъ предводителей дворянства (№ 18.278) [132]).

Должностныя лица, служащія по выбору дворянства, хотя и состояли въ извѣстномъ классѣ, но относительно повышенія ихъ въ чины, представленія къ орденамъ и къ другимъ наградамъ, они отличались отъ коронныхъ чиновниковъ, до закона 1831 г., сравнившаго службу по выборамъ дворянства въ наградахъ и выгодахъ съ общею государственною службою. Это отличіе хорошо видно изъ словъ закона 1801 г. о правилахъ производства въ чины: «хотя службу дворянъ по выбору, говоритъ законъ 1801 г., признаемъ мы службою государственной, но вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ справедливымъ существенную ихъ награду отнести къ тому же довѣрію и уваженію общества, которое и мѣста сіи имъ предназначало; а потому и повелѣваемъ дворянъ, служащихъ по выбору, производить въ чины тѣхъ только, кои имѣютъ чины ниже мѣстъ ими занимаемыхъ, и не иначе, какъ когда впродолженіе двухъ трехлѣтій безпрерывно они служили, когда объ отличности ихъ служенія отъ главнаго начальства ихъ представлено будетъ» (№ 19.861).—Отличіе отъ коронныхъ чиновниковъ существовало и относительно представленія къ другимъ наградамъ должностныхъ лицъ, служащихъ по выбору дворянства: до 1815 г., напримѣръ, дворянскіе депутаты не представлялись не только къ чинамъ, но и къ орденамъ (№ 25.846).

Положеніемъ 1831 г. и нѣсколькими позднѣйшими законоположеніями окончательно опредѣлены были правила службы

по выборамъ дворянства. Мы укажемъ только на самыя существенныя черты этихъ правилъ: болѣе подродное ихъ развитіе въ III т. Св. Законовъ. Въ должности, дворянствомъ избираемыя, по общему правилу, могли избираться только дворяне потомственные, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ личные, той же самой губерніи, а по исключенію въ 1840 г. было дозволено въ должности предсѣдателей палатъ избирать и дворянъ другихъ губерній (2-е П. С. № 13.277). Точно такъ же по общему правилу въ уѣздныя дворянскія должности избираются дворяне того же уѣзда, но по исключенію, если дворянъ какого нибудь уѣзда окажется на выборахъ менѣе 12 человѣкъ, то для баллотированія по тому уѣзду присоединяются къ нему по назначенію губернскаго предводителя всѣ дворяне одного или двухъ ближайшихъ къ нему уѣздовъ (Постановленіе 1836 г., развитое въ 1837 г. — 2-е П. С. № 9.322, 10.166 — а по положенію 1831 г. въ недостающемъ уѣздѣ баллотированіе производилось всею губерніей — 2-е № 4989, 5105). Можно-ли избирать состоящихъ въ государственной службѣ? Выборъ не возбраняется, но если состоится, то избранное лицо должно уволиться изъ службы, если захочетъ занять должность по выбору дворянства (2-е П. С. № 9.322). Соединеніе въ одномъ лицѣ коронной и выборной дворянской должности положеніе 1831 г. допускаетъ только въ немногихъ случаяхъ: въ с.-петербургской и московской губерніяхъ, дворяне, состоящіе на службѣ въ столицахъ, могутъ быть избираемы въ должности губернскаго и уѣзднаго предводителей столицъ, совѣстнаго судьи и депутатовъ дворянскаго собранія; на такомъ-же основаніи допускалось избраніе въ астраханской и ставропольской губерніяхъ.

Другой вопросъ: дозволялось-ли соединеніе нѣсколькихъ выборныхъ должностей въ одномъ и томъ же лицѣ [33])? Дозволялось, но только какъ исключеніе для нѣкоторыхъ случаевъ: званіе почетнаго попечителя гимназіи могло соединяться съ званіями предводителей, совѣстнаго судьи и депутата отъ дворянства, званіе депутата отъ дворянства—съ званіемъ [illegible] и совѣстнаго судьи, почетнаго смотрите-

ли училищъ могли быть предводителями тѣхъ губерній и уѣздовъ, въ которыхъ находились училища (2-е П. С. № 4.989, 9.322). Дворяне, занимавшіе должности церковныхъ старостъ, нерѣдко отказывались отъ должностей, на которыя ихъ избирало дворянство, всилу званія церковнаго старосты: положеніе 1831 г. постановило, что это званіе не можетъ служить препятствіемъ для занятія всякой другой должности по тому же уѣзду.— Прослужившій 3 года въ высшей должности не могъ быть избранъ въ низшую, безъ собственнаго его на то согласія. Кромѣ того, при выборѣ въ должности закономъ устанавливается въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстная постепенность: въ кандидаты на мѣста предсѣдателей судебныхъ палатъ могли быть избираемы по закону 1840 г., во—1-хъ, всѣ прослужившіе полные сроки по выборамъ дворянства въ должностяхъ засѣдателей палатъ и совѣстныхъ судовъ, или же уѣздныхъ судей; во-2хъ, всѣ, хотя и неслужившіе въ вышеозначенныхъ должностяхъ, но занимавшіе въ коронной или выборной службѣ мѣста не ниже 6 класса, или имѣвшіе чинъ 7 класса, если хотя нѣкоторое время они занимали штатное мѣсто по судебной части (2-е № 13.277); въ званіе губернскаго предводителя могли быть избираемы: какъ прежніе губернскій предводитель, почетный попечитель гимназіи, предсѣдатели губернскихъ палатъ, совѣстный судья, такъ и всѣ уѣздныя предводители послѣдняго трехлѣтія и вновь избранные, но если эти лица не изъявятъ согласія, то дозволялось баллотировать и другихъ, пріобрѣвшихъ уваженіе и довѣріе дворянства (2-е № 10.655).

Для замѣщенія открывающихся вакансій до новыхъ выборовъ назначались кандидаты изъ тѣхъ дворянъ, которые на выборахъ получили болѣе избирательныхъ шаровъ; для каждой уѣздной должности — по 2 кандидата (2-е № 4.989, 7.602, 9.322).

Срокъ службы должностныхъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ — троякій: лица, служащія не по внутреннимъ дѣламъ дворянскаго сословія, но по мѣстному суду и управленію — на 6 лѣтъ; по дѣламъ внутренняго управленія дворянскихъ

обществъ — 3 года; члены квартирныхъ коммисій — 1 годъ. Избранные дворянствомъ утверждались: иные высочайшими повелѣніями (губернскіе предводители, предсѣдатели палатъ и др.); иные — начальниками губерній (уѣздные предводители, земскіе исправники и т. д.). Всѣ служащіе по-выборамъ дворянства, считались въ дѣйствительной государственной службѣ, но относительно представленія ихъ къ наградамъ они образовывали двѣ категоріи должностей: 1) должности по дѣламъ дворянства и 2) должности по дѣламъ, до всѣхъ сословій относящимся. — Должности перваго рода — большей частію безвозмездны; въ чины же онѣ повышаются не иначе, какъ по высочайшему усмотрѣнію. Впрочемъ, дворянству не запрещалось назначать и этимъ должностямъ особое вспомоществованіе и составлять капиталы для пенсій служащимъ по дѣламъ дворянскихъ обществъ. Такъ, напримѣръ, тульское дворянство на выборахъ въ 1846 г. постановило: составить особый пенсіонный капиталъ, жертвуя для этой цѣли 5 лѣтъ по 2 коп. съ души, до суммы въ 40.000 р. сер., а % съ сего капитала употреблять для выдачи пенсій чиновникамъ канцелярій дворянскаго депутатскаго собранія и предводителей дворянства (2-е № 21.215). Впрочемъ, этотъ примѣръ рѣдко находилъ подраженіе: участь нижнихъ должностныхъ лицъ по дѣламъ дворянства рѣдко была имъ обезпечена.

Должности втораго рода — по дѣламъ до всѣхъ сословій относящимся—получали штатное жалованье (за исключеніемъ немногихъ: попечителей запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ), производились въ чины, удостоивались наградъ орденами и получали право на пенсію, какъ они, такъ и семейства ихъ, по общему порядку службы гражданской [134]). — Запещено только въ 1827 г. дворянскимъ обществамъ самимъ ходатайствовать о награжденіи лицъ, служащихъ по ихъ выбору (2-е № 1.015). — А въ 1840 г. опредѣлены источники пенсій служащимъ по выбору дворянства (3-е № 18.102).

Наконецъ, порядокъ увольненія отъ службы по выборамъ дворянства опредѣлялся слѣдующими правилами: увольненіе могло быть до срока, но не иначе, какъ съ согласія

губернскаго предводителя, если дѣло касалось должностей губернскихъ [135]), или же уѣзднаго, если — должностей уѣздныхъ. Но служащіе въ должностяхъ, избираемыхъ на 6 лѣтъ, по прослуженіи 3 лѣтъ, имѣли право на увольненіе, но не иначе, какъ по постановленію губернскаго правленія. — Утверждаемые же въ должностяхъ высочайшими указами, могли увольняться не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія.

Но могло-ли губернское начальство отрѣшать по своему усмотрѣнію, отъ должности лицъ, служащихъ по-выбору дворянства? Ст. 258 III т. изд. 1842 г. постановляла, что служащіе по выборамъ дворянства могли лишь временно быть удаляемы губернскимъ начальствомъ отъ должности съ преданіемъ ихъ суду, окончательное же увольненіе могло послѣдовать не иначе, какъ по судебному рѣшенію, съ представленіемъ его на благоусмотрѣніе сената. 7 ноября 1850 г. состоялось высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, предоставляющее начальствамъ увольненіе отъ службы чиновниковъ, которыхъ онѣ найдутъ неблагонадежными или вообще къ службѣ неспособными (Постановленіе это по высочайшей волѣ не было опубликовано и не вошло въ П. С., но сообщено конфиденціально начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ). Руководствуясь имъ, начальники многихъ губерній (воронежской, псковской, и др) начали увольнять отъ службы, за упущенія по должности, служившихъ по выборамъ дворянства. Одно изъ такихъ увольненій состоялось въ 1851 г.: таврическій гражданскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пестель, уволилъ отъ службы симферопольскаго земскаго исправника, капитанъ-лейтенанта, Максимовича, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, найдя его неспособнымъ къ занятію мѣста начальника земской полиціи. Послѣдовала интересная переписка начальника I отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, завѣдывавшаго и инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства, статсъ-секретаря Танѣева, съ Пестелемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Перовскимъ. Послѣдній отстаивалъ 258 ст. III т. изд. 1842, съ нимъ согласился и статсъ-секретарь Танѣевъ. Сенатъ постановилъ: исполнять въ точности правила касательно

удаленія отъ должностей лицъ, служащихъ по выбору дворянства, на основаніи вышеозначенной статьи (2-е П. С. № 25.732). Это подтверждено и въ статьяхъ 265 — 268 III т., по изданію 1857 года.

Мы изложили общія начала о должностныхъ лицахъ, служащихъ по выбору дворянства. Теперь переберемъ ихъ въ отдѣльности. Онѣ раздѣлились на двѣ главныя группы: а) по *внутреннему управленію дворянскихъ обществъ* — эта группа появляется раньше: начало въ 1766 г., развивается жалованной грамотой 1785 и послѣдующими узаконеніями; б) по *общему управленію* — судебному, полицейскому и по другимъ вѣдомствамъ: эта группа появляется по учрежденію о губерніяхъ 1775 г., развивается послѣдующими узаконеніями, хотя начало ея можно видѣть въ земскихъ коммисарахъ Петра Великаго, ландратахъ и дворянахъ-товарищахъ воеводъ.

а) *Должностныя лица, избираемыя дворянствомъ, по внутреннему управленію дворянскихъ обществъ*: 1) губернскій предводитель, 2) уѣздные предводители, 3) депутаты дворянскаго депутатскаго собранія, 4) секретарь дворянскаго собранія, 5) депутаты для составленія раскладки земскихъ повинностей (эта послѣдняя должность причисляется закономъ къ первой группѣ, но она касалась и интересовъ общаго управленія).

1) *Предводители дворянства* — губернскій и уѣздные. Прежде всего, какъ мы видѣли, появляются *уѣздные предводители*, избранные въ 1766 г., вмѣстѣ съ депутатами въ коммисію. Первоначальный смыслъ этой должности — руководить, *предводительствовать* дворянствомъ при обсужденіи имъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ испрашивалось правительствомъ его мнѣніе. Никакого другаго административнаго значенія эта должность не имѣла, и была сначала временной — на 2 года. Но вскорѣ на предводителей начали налагать нѣкоторыя обязанности по общему уѣздному управленія, а должность ихъ сдѣлалась постоянною. Сначала, по миновеніи одного двухлѣтія, предписывалось выбирать ихъ на другое, а въ 1771 г. постановлено избирать ихъ по прошествіи всякихъ двухъ лѣтъ,

не ожидая о выборѣ новаго предписанія (№ 13.661). Учрежденіе о губерніяхъ освящаетъ существованіе этой должности, продолживъ ея срокъ на трехлѣтіе: «уѣздный предводитель дворянства выбирается дворянствомъ чрезъ всякіе 3 года по баламъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяются обязанности предводителей: одной изъ важнѣйшихъ дѣлается предсѣдательство въ дворянской опекѣ, учрежденной при уѣздномъ судѣ. Опека по закону 1775 г. должна была собираться въ три срока въ году, въ то время, когда засѣданія имѣлъ уѣздный судъ. Подчиненная в. земскому суду [135]), дворянская опека завѣдывала малолѣтными дворянами - сиротами и ихъ имѣніемъ, заботилась также и о дворянскихъ вдовахъ и ихъ дѣлахъ, а важнѣйшимъ въ ней дѣятелемъ былъ уѣздный предводитель. — Учрежденіе о губерніяхъ должности губернскихъ предводителей не устанавливаетъ, но изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ П. С. можно заключать, что должность эта существовала до 1785 (см. № 14.816, относящійся къ 1778 г. и № 15.280, къ 1781 г.: изъ послѣдняго видно, что выборы должны были начинаться избраніемъ новаго губернскаго предводителя). Жалованная дворянству грамота, подтвердивъ силу 64 и 211 статей учрежденія о губерніяхъ, дающихъ дворянству право избирать уѣздныхъ предводителей, дозволяетъ собранію дворянства въ намѣстничествѣ избрать губернскаго предводителя, устанавливая и самый способъ такого избранія. Собраніе дворянства всякіе три года представляетъ изъ уѣздныхъ предводителей двухъ кандидатовъ генералъ-губернатору или губернатору, и котораго сіи назначатъ, тому и быть губернскимъ предводителемъ (§§ 40 и 39). Одну изъ обязанностей губернскаго предводителя жалованная грамота прямо опредѣляетъ: онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ дворянскими депутатами разсматривать доказательства на дворянство, наблюдая надъ составленіемъ дворянской родословной книги намѣстничества (§ 85. 67). Въ 1799 г., когда уничтожены были губернскіе выборы, а должностныхъ лицъ повелѣно избирать по уѣздамъ, измѣненъ и способъ выбора губернскаго предводителя: буде дворянство изъ каждаго уѣзда большинствомъ не

подтвердить прежняго, то выбраннымъ уѣздными предводителями выбирать губернскаго изъ себя (№ 19.154). Впрочемъ, въ слѣдующемъ году этотъ способъ былъ замѣненъ прежнимъ, съ той только перемѣной, что списокъ уѣздныхъ предводителей разсылался по уѣзднымъ городамъ и тотъ изъ нихъ, кто получалъ большинство баловъ, утверждался въ должности губернскаго предводителя (№ 19.619). Съ возстановленіемъ прежняго порядка выборовъ, возстановленъ и прежній способъ баллотированія какъ губернскаго, такъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Этотъ способъ баллотированія губернскаго предводителя оставался въ силѣ до 1831 г., когда постановлено, что дворянство въ эту должность избираетъ двухъ кандидатовъ, которыхъ, чрезъ начальника губерніи и министра внутреннихъ дѣлъ, представляетъ на непосредственное утвержденіе государя (2-е № 4.989. § 91). Способъ этотъ практикуется и въ настоящее время.

Такъ возникли важнѣйшія должности по дѣламъ внутренняго управленія дворянскихъ обществъ — губернскіе и уѣздные предводителя дворянства. Но законъ не опредѣлилъ отношенія между ними. Отсюда произошло, что губернскіе предводители, по-положенію своему поставленные надъ уѣздными, старались стать въ начальственное отношеніе къ послѣднимъ. Правительство въ такихъ случаяхъ старалось оградить независимость должности уѣздныхъ предводителей. Въ 1808 г. смоленскій военный генералъ-губернаторъ, Апраксинъ, доносилъ сенату, что смоленскій губернскій предводитель, Лесли, принимаетъ жалобы дворянъ на уѣздныхъ предводителей, присвоивая себѣ быть судьею надъ ними. Сенатъ предписалъ, чтобы губернское правленіе внушило Лесли о независимости уѣздныхъ предводителей отъ губернскихъ (№ 23.128). Несмотря на то, что этимъ сенатскимъ указомъ довольно точно обозначены отношенія губернскихъ предводителей къ уѣзднымъ, ярославскій губернскій предводитель, Майковъ, въ 1809 г. представлялъ министру внутреннихъ дѣлъ, что предѣлы должности и власти губернскаго предводителя въ учрежденіи о губерніяхъ не опредѣлены, а дополнялись и объяснялись впослѣд-

ствіи частными постановленіями, почему уѣздные предводители не имѣютъ иногда должнаго уваженія къ предписаніямъ губернскаго предводителя и не исполняютъ ихъ даже по двукратнымъ подтвержденіямъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что образъ сношеній между предводителями достаточно разрѣшается существующими узаконеніями; подчиненности же уѣздныхъ предводителей губернскому нельзя допустить потому, что всѣ они назначаются по выбору одного и того же дворянскаго сословія. Сенатъ нашелъ это мнѣніе правильнымъ (2-е П. С. № 863). Указомъ 1808 г. было опредѣлено, что губернскіе и уѣздные предводители дворянства могутъ отлучаться изъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, давая о томъ знать начальнику губерніи. Не смотря на это, орловскій губернскій предводитель въ 1827 г. требовалъ, чтобы увольненія уѣздныхъ предводителей въ отпускъ были дѣлаемы чрезъ него и съ его согласія (ib.). Еще въ 1836 г. возникалъ вопросъ, разрѣшенный министромъ внутреннихъ дѣлъ отрицательно: могутъ-ли губернскіе предводители аттестовать въ послужныхъ спискахъ уѣздныхъ (2-е № 9.774).

Что́ касается порядка сношеній начальниковъ губерній съ предводителями, то въ этомъ отношеніи существовала большая неопредѣлительность, пока въ 1808 г. не была принята форма сношеній министра внутреннихъ дѣлъ съ подвѣдомственными ему мѣстами — *отношенія* (№ 23.042). Но отношеніе губернскаго предводителя къ вице-губернаторамъ и другимъ высшимъ чиновникамъ губерніи все-таки оставалось неопредѣленнымъ. Вслѣдствіе этого между ними происходили столкновенія: при открытіи ликвидаціонной коммисіи въ Курскѣ между тамошнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и вице-губернаторомъ произошло разногласіе о старшинствѣ мѣстъ. Министръ юстиціи Трощинскій представилъ объ этомъ на разрѣшеніе комитета министровъ, который положеніемъ 1816 г. постановилъ: во всѣхъ случаяхъ общаго присутствія съ губернскими чиновниками, губернскій предводитель всегда долженъ занимать мѣсто послѣ губернатора (№ 26.536).

Классъ должности губернскаго предводителя опредѣленъ былъ въ 1818 г.: 5-й (№ 27.421). Положеніе 1831 г.— повышаетъ въ 4-й классъ, а должность уѣзднаго предводителя полагаетъ въ 6-мъ (2-е № 4.989).

Время, на которое выбираются, оставлено прежнее: трехлѣтіе. Но фактически послѣ одного трехлѣтія избирались обыкновенно на второе, третье и т. д. При II Т. Сборника циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ приложенъ списокъ губернскихъ предводителей съ 1825 — 1853 г., изъ котораго видно, что въ должность эту обыкновенно избирали послѣдовательно нѣсколько разъ: майоръ Тулиновъ былъ губернскимъ предводителемъ воронежской губерніи три трехлѣтія (1834 — 1843), также какъ и предшественникъ его Викулинъ (1825—1834), а послѣ этого избранъ былъ коллежскій асессоръ, Тулиновъ (1843 — 1849); баронъ Франкъ былъ губернскимъ предводителемъ екатеринославской губерніи болѣе 4 трехлѣтій (1838 — 1851); полк. гв. Купреяновъ былъ губернскимъ предводителемъ костромской губерніи около 5 трехлѣтій (1831—1845); дѣйствительный статскій совѣтникъ Солнцевъ—губернскимъ предводителемъ курскимъ 5 трехлѣтій (1835—1850); коллежскій асессоръ, Никифоровъ, болѣе 5 трехлѣтій губернскимъ предводителемъ пензенской губерніи (1831 — 1847). Особенно часто выборы на новое трехлѣтіе повторялись въ западнорусскихъ губерніяхъ: гр. Тышкевичъ былъ кіевскимъ губернскимъ предводителемъ 27 лѣтъ (1826—1853); статскій совѣтникъ Ошторцъ—въ минской губерніи 22 года (1825—1847), а Пржездзецкій—въ подольской губ. 25 лѣтъ (1825—1850).

Такъ же часто повторялись выборы на новое трехлѣтіе и уѣздныхъ предводителей дворянства: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ бывали почти безсмѣнные пожизненные предводители. Все это обусловливалось тѣмъ, что, въ особенности въ царствованіе императора Николая, являлось на выборахъ мало искателей предводительской должности, между прочимъ и потому, что, она была безвозмездна и могла манить только весьма богатыхъ досужихъ помѣщиковъ. Впрочемъ, съ 1831 г. не возбранялось дворянству назначать предводителямъ денежное пособіе, но это

почти никогда не встрѣчалось: лучше было выбрать богатаго собрата, въ гостепріимномъ домѣ, котораго всегда можно было найдти и радушный пріемъ и вкусный обѣдъ, чѣмъ бѣднаго, какъ бы онъ ни былъ къ дѣлу способенъ, но содержать котораго приходилось-бы на счетъ дворянства. Дѣлать же предводителю какія-нибудь приношенія въ благодарность за служеніе запрещалось: въ 1853 г. дворянство одной губерніи испрашивало начальника губерніи дозволенія поднести бывшему уѣздному предводителю серебряный кубокъ, въ память уваженія къ нему дворянства. Но министерство внутреннихъ дѣлъ воспретило это, на основаніи 1084 ст. III т. изд. 1842 г., воспрещающей приношенія начальствующимъ лицамъ отъ обществъ и сословій (см. III т. Циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, стр. 194).

Что касается обязанностей губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, то онѣ образовывались постепенно, возрастая и развиваясь, по требованіямъ разныхъ министерствъ. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей, кромѣ руководства дворянскими собраніями, были дѣла по опекѣ. Но мало-по-малу начали присоединяться и другія: въ 1776 г. поручена была предводителямъ раскладка рекрутской повинности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (№ 14.509); въ 1805 г. предоставлено имъ участіе въ составленіи смѣтъ и раскладокъ земскихъ повинностей (№ 21.737); въ 1815 г. они сдѣланы членами ревизскихъ коммисій, учреждаемыхъ во время производства ревизіи (№ 25.882); въ 1827 г. наложено было на нихъ попеченіе о почтовыхъ станціяхъ (2-е № 1.515); въ 1829 г. предписано было начальникамъ губерніи при конфирмаціи сентенціи объ отставныхъ чиновникахъ развратной жизни приглашать, кромѣ губернскихъ предводителей, предводителя дворянства того уѣзда, въ которомъ подсудимый имѣетъ пребываніе (2-е П. С. № 2.953, 3.117) и т. д. Такъ постепенно разрастались разныя административныя обязанности предводителей: между прочимъ, въ первыхъ двухъ изданіяхъ свода онѣ не были приведены въ систему. Отсюда происходило, что начальники губерній нерѣдко возлагали на предводителей дворянства и такія занятія,

которыя прямо непринадлежали до нихъ. Такъ уѣздпымъ предводителямъ поручалось свидѣтельствованіе пожарныхъ инструментовъ, удостовѣреніе въ благонадежности лицъ, избираемыхъ въ городскія должности, производство по порученію губернаторовъ нѣкоторыхъ слѣдствій и т. д. Однимъ словомъ, предводительская должность, созданная для завѣдыванія внутренними дѣлами дворянскихъ обществъ, превратилась въ общеправительственную. Императоръ Николай предводителей, можно сказать, онъ хотѣлъ сдѣлать начальствующими надъ дворянскими обществами, полицеймейстерами ихъ. — Предводители должны были имѣть свѣдѣнія о поведеніи, образѣ жизни и состояніи дворянъ, о положеніи ихъ имѣній. Такія полицейскія обязанности ихъ прямо вытекали изъ постановленія 1827 г., обязывавшаго предводителей наблюдать надъ отношеніемъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ [137]). При такомъ взглядѣ на эту должность, императоръ Николай въ 1850 г. повелѣлъ собрать всѣ постановленія о занятіяхъ предводителей, согласовать ихъ между собою и съ закономъ и составить инструкцію. Вслѣдствіе этого, министерство внутреннихъ дѣлъ поручило начальникамъ губерній освободить предводителей отъ 38 разныхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, на нихъ налагаемыхъ (Ц. министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III стр. 185). Не смотря на это, въ послѣднемъ изданіи свода къ обязанностямъ предводителей причисляется множество дѣлъ по общему управленію, хотя обязанность ихъ и поставляется главнымъ образомъ въ попеченіи о пользахъ дворянства и охраненіи въ немъ благоустройства и порядка (Т. 12 ст. 165 — 168).

2) *Депутаты дворянскаго депутатскаго собранія* учреждаются жалованной грамотой 1785 г. Для составленія въ намѣстничествѣ дворянской родословной книги, предписано дворянству каждаго уѣзда избрать по одному депутату отъ каждаго уѣзда на три года (§ 67) эти депутаты составляли въ губернскомъ городѣ собраніе. Подъ предсѣдательстомъ губернскаго предводителя дворянства, они разсматривали доказательства на дворянство, и если единогласно, или $^2/_3$ голосовъ, доказательства найдены были достаточными, то родъ того дворя-

нина вносили въ родословную книгу намѣстничества, а ему выдавали грамоту, съ прописаніемъ, что родъ его внесенъ въ такую-то часть (§ 85). Составленіе родословной книги контролировалось собраніемъ дворянства (§ 88), а недовольный разборомъ доказательствъ на дворянство депутатскимъ собраніямъ, могъ представить ихъ въ герольдію (§ 87). Право дворянскихъ депутатскихъ собраній выдавать грамоты на дворянство было отмѣнено въ 1796 г. императоромъ Павломъ: «дошло до нашего свѣдѣнія, что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребніе. Въ отвращеніе того, и сохраняя въ полномъ уваженіи всѣ преимущества, дарованные благородному дворянству, повелѣваемъ, дабы никакое въ государствѣ нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало грамотъ на сіе достоинство»... (№ 17.608) [135]). Въ 1800 г. выборъ депутатовъ для разбора доказательствъ дворянскаго достоинства былъ подтвержденъ (№ 19.527), но дворянскую родословную книгу опредѣлено содержать поуѣздно (№ 19.531).

Въ 1801 г. возстановлены прежнія дворянскія депутатскія собранія и прежній способъ составленія ими дворянской родословной книги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, точнѣе опредѣлены обязанности ихъ по этой части: депутатскія собранія могли только признать дворяниномъ того, кто это докажетъ; всѣ же тѣ, которые имѣли право просить дворянства, не принадлежа къ дворянскому обществу той губерніи, должны обращаться въ герольдію (№ 19.856). Засимъ опредѣленъ порядокъ сношеній депутатскихъ собраній съ губернскими правленіями и палатами. Порядокъ этотъ не былъ установленъ дворянской грамотой, и поэтому онъ былъ неопредѣлителенъ: депутаскія собранія получали отъ палатъ и губернскихъ правленій сообщенія, а иногда указы. Въ 1806 г. постановлено, что депутатскія собранія заслуживаютъ не меньшаго уваженія, какъ приказы общественнаго призрѣнія и совѣстные суды, а поэтому и порядокъ ихъ сношеній съ губернскими

скими правленіями и палатами долженъ быть таковой же, (№ 22.110).

Что касается класса должности дворянскихъ депутатовъ, то долгое время онъ не былъ опредѣленъ, пока не постановлено въ 1822 г. считать эту должность въ 9-мъ классѣ (№ 28.927), что подтверждено и положеніемъ 1831 г. (2-е № 4.989). Предметы занятій депутатскихъ собраній также постепенно расширялись: когда въ 1812 г., по случаю преобразованія коммисіи погашенія государственныхъ долговъ, установленъ былъ временный сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ, для уплаты этихъ долговъ, то показанія о доходахъ доставлялись въ дворянское депутатское собраніе (№ 24.992); [139]) въ 1822 г. дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ предписано участвовать въ наложеніи опекъ надъ имѣніями дворянъ (№ 29.193), затѣмъ дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ поручено было и содержаніе формулярныхъ списковъ чиновникамъ, служащимъ по выбору дворянства.

Кромѣ предводителей и депутатовъ, къ должностнымъ лицамъ, по внутреннему управленію дворянскихъ обществъ, относились также: секретари дворянскаго собранія и депутаты для составленія раскладки земскихъ повинностей. Первые избираются на три года для завѣдыванія канцелярскою частію какъ дворянскихъ, такъ и депутатскихъ собраній. По въ этой должности могли быть лица и по назначенію отъ короны. На основаніи предварительнаго положенія о земскихъ повинностяхъ 1805 г. собраніе дворянства назначало депутатовъ для раскладки этихъ повинностей (№ 21.737). Депутаты эти оставляются и положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1857 г. Они входили въ составъ комитета о земскихъ повинностяхъ, который собирался черезъ 3 года, но не принимали участія въ *особомъ о земскихъ повинностяхъ присутствіи* (2-е П. С. № 25.398).

б) *Должностныя лица, избираемыя дворянствомъ по общему губернскому управленію.*

1) *Судебныя.*

Мы видѣли, что уже въ 1773 г. въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ (могилевской и псковской) учреждены были губернскіе и провинціальные земскіе суды, члены которыхъ избирались тамошнимъ шляхетствомъ (№ 13.977). Учрежденіе о губерніяхъ обобщаетъ составленіе мѣстныхъ судовъ по выбору отъ сословій на всю имперію. Оно устанавливаетъ въ губерніяхъ три судебныя инстанціи: двѣ первыя инстанціи отдѣльныя для каждаго сословія — для дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей, а третья судебная инстанція — палаты — общая для всѣхъ сословій. Для дворянства учреждены были уѣздные и верхніе земскіе суды. — Судебныя инстанціи составлялись изъ выборныхъ отъ сословій, но степень преобладанія этого выборнаго сословнаго начала обусловливалась важностію инстанціи. Въ нижнихъ судебныхъ инстанціяхъ это начало преобладало, въ среднихъ комбинировалось съ началомъ короннымъ, въ высшихъ оно исчезало, замѣняясь короннымъ.

Такимъ образомъ, *уѣздные суды* составлялись вполнѣ изъ членовъ по выбору дворянства: уѣздный судья и 2 засѣдателя (№ 14.392. § 19) Судья считался въ 8 классѣ, засѣдатели въ 9. Должности ихъ — вознаграждаемыя, трехлѣтнія.

Верхній земскій судъ составлялся изъ 10 засѣдателей, избранныхъ дворянствомъ подсудныхъ уѣздовъ и 2-хъ предсѣдателей, назначенныхъ короной. Засѣдатели — въ 7 классѣ; должности ихъ вознаграждаемыя (по екатерининскимъ штатамъ въ 1-мъ разрядѣ — 360, во 2-мъ — 600 р. въ годъ), трехлѣтнія. Напротивъ, составъ общихъ палатъ — предсѣдатель, 2 совѣтника и 2 асессора — вполнѣ коронный.

Совѣстный-же судъ, общій для всѣхъ сословій, составлялся: изъ совѣстнаго судьи, назначаемаго намѣстникомъ изъ трехъ кандидатовъ, избираемыхъ вторыми судебными инстанціями и 8 засѣдателелей — по 2 отъ каждаго сословія. Засѣдатели эти избирались на трехлѣтіе; дворянскіе засѣдатели — въ 7 классѣ, а вознагражденія по 1-му разряду 360, по 2-му—600 р. (№ 14.392).

Таковы суды, которымъ по учрежденіямъ о губерніяхъ подсудно было дворянство губерніи, и которые въ большей или меньшей степени замѣщались по его выбору.

При императорѣ Павлѣ, въ 1798 г., были уничтожены среднія судебныя инстанціи въ губерніи и явилась попытка выборный составъ уѣздныхъ судовъ замѣнить коронным: въ 1800 г. предписано опредѣлять въ уѣздные суды членами чиновниковъ, находящихся при герольдіи (№ 19.418). Но это продожалось недолго: съ воцареніемъ Александра I возстановленъ прежній судебный порядокъ; только отмѣна среднихъ судебныхъ инстанцій осталась въ своей силѣ. Но эта отмѣна имѣла вліяніе на нѣкоторую перемѣну въ составѣ судебныхъ мѣстъ, сравнительно съ учрежденіемъ о губерніяхъ: прежній исключительно коронный составъ палатъ комбинировался съ выборнымъ; прежнее исключительно дворянское значеніе уѣзднаго суда, за отмѣною нижнихъ расправъ, распространилось и на поселянъ. Возстановленіе екатерининскаго судоустройства, за означенными перемѣнами, произошло въ 1801 г.: палата суда и расправы раздвоилась на палату суда гражданскаго и палату суда уголовнаго; та и другая составлялись изъ предсѣдателя и совѣтника отъ короны, 2 засѣдателей отъ дворянства и 2 отъ купечества. Уѣздные суды возстановлены въ прежнемъ составѣ, съ присоединеніемъ двухъ засѣдателей отъ поселянъ, вмѣсто прежней расправы. Совѣстные суды также возстановлены, и составлялись изъ совѣстнаго судьи по выбору дворянства и 6 засѣдателей—по два отъ каждаго сословія. Изъ этихъ засѣдателей трое — по одному отъ сословія (по закону 1775 г. по два)—присутствовали и въ приказѣ общественнаго призрѣнія (№ 20.004). Встрѣчалось сомнѣніе: могутъ-ли по дворянскимъ дѣламъ присутствовать въ палатахъ засѣдатели отъ купечества, а въ уѣздныхъ судахъ засѣдатели отъ поселянъ? Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ сенатомъ въ 1802 г.: въ палатахъ засѣдатели отъ купечества могутъ присутствовать при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, а въ уѣздныхъ судахъ засѣдатели отъ поселянъ могутъ участвовать въ рѣшеніи только тѣхъ дѣлъ, которыя касаются дворянъ и по-

селянъ (№ 20.284). Положительное разрѣшеніе вопроса относительно палатскихъ засѣдателей отъ купечества нарушило принципъ, установленный Екатериной II, что каждый судится только равными себѣ. Нарушеніе этого принципа дворянство видѣло также въ томъ, что члены палатъ не избирались дворянствомъ, но назначались короной «не только безъ согласія того общества», какъ писалъ Каразинъ Трощинскому въ 1801 г., «на участь котораго вліяніе ихъ столь важно, но часто даже явно противъ его пользъ и воли. Посылается человѣкъ, продолжаетъ онъ, который не имѣетъ никакой причины дорожить мнѣніемъ дворянъ неизвѣстной ему до того губерніи, котораго участь и честь ни по чему не соединена съ ихъ честію и участію, который въ мѣстѣ своемъ часто видитъ лишь способъ къ пропитанію; съ знаніемъ въ законахъ, иногда ограниченнѣйшимъ нежели послѣдній уѣздный судья, уничтожаетъ онъ его приговоръ, и такимъ образомъ дѣлаетъ безполезнымъ не только вниманіе и безпристрастіе послѣдняго, но и самую довѣренность дворянъ цѣлой округи...» (Чтенія, кн. 3-я 1863). Поэтому, уже сначала текущаго столѣтія дворянство начало заявлять о томъ, чтобы всѣ члены судебныхъ палатъ замѣщались по его выбору. Но заявленія эти были удовлетворены только въ 1831 г. «Желая дворянству явить новые знаки своего монаршаго благоволенія,» императоръ Николай I предоставилъ выбору его не только нѣкоторыхъ членовъ, но и самыхъ предсѣдателей судебныхъ палатъ. На должность предсѣдателя каждой палаты дворянство стало выбирать по два кандидата, которыхъ начальникъ губерніи представлялъ сенату на высочайшее усмотрѣніе. Прежній порядокъ назначенія предсѣдателей палатъ отъ короны былъ оставленъ только для губерній, возвращенныхъ отъ Польши, для губерній Астраханской, Таврической, Грузіи, Кавказа и Бессарабіи—въ послѣднихъ, впрочемъ, только до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство не признаетъ возможнымъ замѣщать эти должности также по выбору дворянъ.—Должность предсѣдателей палатъ опредѣлена была въ 5 классѣ. Что касается другихъ судебныхъ должностей, замѣщаемыхъ по выбору дворянства, то закономъ 1831 г. классы

*

ихъ всѣхъ были повышены, а срокъ, на который онѣ избирались, продолженъ: совѣстные судьи 5 класса, засѣдатели палатъ и совѣстнаго суда 7 класса, уѣздные судьи — также 7 класса, засѣдатели уѣзднаго суда — 9 класса. Срокъ же выбора во всѣ судебныя должности продолженъ до 6 лѣтъ. (2-е П. С. № 4989, 4991).

Послѣ этого расширенія права дворянскихъ обществъ замѣщать судебныя мѣста по своему выбору, важнѣйшая перемѣна до судебной реформы произошла въ 1852 г., когда совѣстные суды были упразднены, а дѣла совѣстнаго разбирательства переданы въ вѣдомство мѣстныхъ судебныхъ палатъ — гражданскаго и уголовнаго суда, по принадлежности. Для дѣлъ этого совѣстнаго разбирательства оставлена была должность совѣстнаго судьи, по прежнему избираемаго дворянствомъ (2-е П. С. № 26.396), обязанности котораго положеніемъ 19 февраля 1861 г. расширены: онъ долженъ былъ приглашаться въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ о принадлежности временно-обязаннымъ крестьянамъ недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими на имя ихъ помѣщиковъ до упраздненія крѣпостнаго права. За отмѣною засѣдателей совѣстнаго суда по выбору отъ сословій, засѣдавшихъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, предоставлено было дворянству выбирать непремѣннаго члена этого приказа.

2) *Полицейскому*:

Мы видѣли, что уже Петръ Великій учрежденіемъ должности земскаго коммисара хотѣлъ предоставить уѣздному шляхетству весьма существенныя части полицейскаго управленія. Эта должность, съ нѣкоторыми колебаніями, существовала до Екатерины II, которая учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. точнѣе опредѣлила участіе дворянства въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи. Уѣздное полицейское управленіе, отдѣленное отъ городскаго, предоставлено было *нижнему земскому суду*, члены котораго избирались дворянствомъ. Члены были: земскій исправникъ или капитанъ и два или три засѣдателя дворянскихъ, кромѣ двухъ сельскихъ, посылаемыхъ въ зем-

скій судъ нижней расправой. Исправникъ и дворянскіе засѣдатели нижняго земскаго суда избирались дворянствомъ на 3 года и утверждались губернаторомъ; должность исправника полагалась въ 9 классѣ, а засѣдателей въ 10-мъ. Этимъ земскимъ судамъ предоставлено полицейское управленіе въ уѣздѣ въ полномъ объемѣ. Они не имѣли ни постояннаго мѣстопребыванія, ни опредѣленнаго времени для засѣданій, но собирались въ томъ мѣстѣ и въ такое время, гдѣ и когда указывала надобность (№ 14.392, гл. XVII). Въ 1800 году предписано опредѣлять членами земскихъ судовъ изъ чиновниковъ герольдіи, а также дозволялось губернаторамъ на эти мѣста принимать просьбы отъ дворянъ и представлять ихъ сенату (№ 19.418). Александръ I возстановилъ нижніе земскіе суды, какъ они были при Екатеринѣ II. Въ 1806 г. въ московской губерніи сдѣланъ опытъ соединенія московской градской полиціи съ земскою: московскій уѣздъ былъ раздѣленъ на 6 становъ, а становыми приставами назначены квартальные надзиратели московской полиціи (№ 22.379). Это былъ первый опытъ къ тому преобразованію, земской полиціи которое въ 1837 г. произведено по проекту гр. Блудова. Неудовлетворительность организаціи земской полиціи по закону 1775, жалобы на нее, особенно увеличившіяся послѣ 1815 г., заставили правительство заняться разсмотрѣніемъ разныхъ предположеній о ея преобразованіи. Сдѣлана была также попытка новаго устройства земской полиціи къ концу царствованія Александра I въ губерніяхъ, ввѣренныхъ управленію рязанскаго генералъ-губернатора Бал[illegible]нова. Наконецъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Блудова, въ 1837 г., издано новое положеніе о земской полиціи, отличающееся отъ предыдущаго тѣмъ, что къ выборному элементу ея состава присоединился коронный: земскіе исправники оставлены были по прежнему по выбору дворянства, но уѣзды разбились на станы, завѣдываемые становыми приставами, которые назначались губернскими правленіями, съ нѣкоторымъ участіемъ дворянства. Изъ прежнихъ нѣсколькихъ дворянскихъ засѣдателей земскаго суда оставленъ былъ только одинъ для посто-

яннаго присутствія въ земскомъ судѣ, подъ названіемъ старшаго непремѣннаго засѣдателя (2-е № 10.305). Положеніе 1831 г. подняло классъ должности земскаго исправника до 8-го, засѣдателей до 9-го, а время ихъ избранія продолжило до 6 лѣтъ.

Участіе дворянства въ назначеніи становыхъ приставовъ, по положенію 1837 г. имѣло состоять въ томъ, что на дворянскихъ выборахъ оно могло указывать губернскому правленію на мѣстныхъ дворянъ, для назначенія въ становые пристава. Но это не вездѣ соблюдалось: въ иныхъ губерніяхъ становые пристава назначались по указанію дворянства, въ другихъ — губернское правленіе назначало по своему благоусмотрѣнію изъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Послѣ этого до послѣдней реформы уѣзднаго полицейскаго управленія, устранившей почти вовсе участіе дворянства въ образованіи земской полиціи, происходили нѣкоторыя только перемѣны. Перемѣны эти главнымъ образомъ состояли въ ограниченіи круга дѣлъ, подвѣдомственныхъ земской полиціи. Почти одновременно съ положеніемъ 1837 г. о земской полиціи, преобразовано управленіе государственными имуществами: земская полиція устранена отъ завѣдыванія казенными крестьянами, а потомъ, съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, земская полиція устранена и отъ производства слѣдствій. Наконецъ, земская полиція окончательно была преобразована: управленіе городскою и земскою полиціей въ каждомъ уѣздѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, сосредоточено въ одномъ учрежденіи — уѣздномъ полицейскомъ управленіи, въ которомъ предсѣдательство, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ полиціей, ввѣрено уѣздному исправнику, по назначенію отъ правительства. Для содѣйствія же уѣздному исправнику учреждена также коронная должность— его *помощника*. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, въ составъ уѣзднаго полицейскаго управленія вошли по выбору сословій: дворянскій засѣдатель — отъ дворянства, два сельскихъ — отъ поселянъ и одинъ по выбору городскаго общества.

3. *По нѣкоторымъ другимъ вѣдомствамъ:*

а) *Учебному*. Уставомъ гимназій и др. учебныхъ заведеній 1828 г. учреждена должность *почетнаго попечителя гимназіи*, которому была предоставлена значительная доля участія въ администраціи гимназій, а первою обязанностію поставлено изысканіе средствъ для открытія при нихъ пансіоновъ. Уставъ 1828, создавая изъ мѣстныхъ дворянъ меценатовъ, хотѣлъ привлечь средства мѣстнаго дворянства къ дѣлу народнаго образованія (2-е П. С. № 2.502). Положеніе 1831 г. опредѣляетъ порядокъ выбора почетнаго попечителя, который утверждается государемъ по представленію министра народнаго просвѣщенія и классъ его должности — 5-й. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно установляетъ, что эта должность можетъ быть соединяема лишь съ должностями предводителей, совѣстнаго судьи и дворянскихъ депутатовъ (2-е № 4.989). Законъ 1836 г. опредѣлилъ, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ болѣе одной гимназіи, попечитель избирается для всѣхъ гимназій города (2-е № 9.024). Дворянству же екатеринославской губерніи дозволено въ 1828 г. замѣщать изъ своей среды званіе почетнаго попечителя таганрогской гимназіи (2-е № 11.316); а должность почетнаго попечителя немировской гимназіи, возложенная въ 1851 г. на гр. Потоцкаго, изъята была отъ выборовъ дворянства, доколѣ ея будетъ занимать гр. Потоцкій (2-е № 25.268). Почетный попечитель пензенской гимназіи въ 1843 г. былъ сдѣланъ и почетнымъ попечителемъ пензенскаго дворянскаго института (2-е № 16.994).

Кромѣ выбора почетнаго попечителя гимназіи, встрѣчались и другія учебныя должности по выбору дворянства: положеніе о полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1828 г. постановило, что въ составъ его совѣта, сверхъ полтавскаго губернскаго маршала, должны входить три депутата отъ губерній полтавской, черниговской и кіевской, по выбору тамошняго дворянства (2-е 1777). Въ 1836 г. предоставлено и дворянству астраханской губерніи избирать особаго члена для завѣдыванія хозяйственною частію въ совѣтъ астраханскаго института для воспитанія дѣвицъ (2-е № 9.464). То же было сдѣлано и въ другихъ институтахъ.

Что́ касается должности почетнаго смотрителя уѣзднаго училища, учрежденной указомъ 1811 г. для мѣстныхъ дворянъ и помѣщиковъ и подтвержденной въ 1818 г., то первоначально существовало сомнѣніе: подлежитъ ли эта должность баллотированію дворянства? Источникомъ этого самнѣнія была неточная редакція § 49 устава учебныхъ заведеній 1828 г., говорящая, что почетные смотрители училищъ избираются изъ пользующихся общимъ уваженіемъ дворянъ уѣзда. На основаніи такой редакціи, несмотря на то, что положеніе 1831 г. ничего не говорить о баллотированіи почетныхъ смострителей, возникалъ вопросъ: не слѣдуетъ ли ихъ подвергать баллотированію? Сомнѣніе это разъяснилось циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній 1834 г., предписывавшимъ имъ наблюдать, чтобы дворянство не баллотировало въ должность поочетныхъ смотрителей училищъ (Цирк. мин. вн. дѣлъ, Т. 2-й стр. 24).

б) *Кредитному*. При образованіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій въ 1817 г., постановлено было: чрезъ каждые три года избирать 6 членовъ дворянству с.-петербурской губерніи, въ числѣ которыхъ долженъ быть с.-петербургскій губернскій предводитель (№ 26.834, ст. 22 III Т. изд. 1857). Въ директоры конторъ коммерческаго банка: кіевскую по закону 1839 г. (2-е № 12.369) и харьковскую по закону 1843 (2-е № 16.609) дворянство избирало по 2 кандидата — въ первую подольской, волынской и кіевской губерніи, а во вторую харьковской, черниговской и полтавской (ст. 24 III. Т. изд. 1857). Въ 1841 г. основанъ былъ дворянствомъ нижегородской губерніи александровской губернскій дворянскій банкъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Званіе предсѣдателя въ немъ присвоено нижегородскому губернскому предводителю, а дворянству предоставлено избирать на 3 года: почетныхъ опекуновъ, директора и товарищей директора банка (2-е № 14.982). Подобнымъ же образомъ, въ 1845 г., предоставлено тульскому дворянству избирать на 3 года двухъ директоровъ александровскаго тульскаго банка (2-е № 19.546).

в) *Народному продовольствію.* Въ 1834 г. учреждены были коммисіи продовольствія, въ составъ которыхъ, кромѣ губернскаго предводителя и уѣзднаго предводителя того уѣзда, въ коемъ находится губернскій городъ, дворянство чрезъ каждое трехлѣтіе избирало непремѣннаго члена (2-е № 7.253. § 45). [140]). Мѣстное наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ магазиновъ въ селеніяхъ помѣщичьихъ предоставлено уѣзднымъ предводителямъ дворянства, а въ помощь имъ по выбору дворянства назначалось по нѣскольку дворянъ, съ наименованіемъ попечителями хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ (ib. § 9). Служебныя ихъ права и срокъ службы опредѣлены въ 1836 г.: должность въ IX кл., на 6 лѣтъ (2-е № 9.322. § 18).

г) *Путямъ сообщенія и строительной части.* Въ 1845 г. предводители дворянства освобождены отъ присутствія въ окружныхъ правленіяхъ путей сообщенія въ столицахъ, а вмѣсто нихъ велѣно избирать дворянству по одному депутату (2-е № 18.758). Въ 1851 г. опредѣленъ былъ порядокъ и срокъ (3 года) выбора депутатовъ отъ дворянства въ строительныя и дорожныя коммисіи (2-е № 24. 863).

д) *Квартирной повинности.* Для завѣдыванія квартирной повинностію въ Кіевѣ учреждена была тамъ въ 1806 квартирная экспедиція, въ составъ которой вошли 2 члена по выбору дворянства на 3 года (№ 22.231, § 31). Потомъ, въ 1808 квартирныя коммисіи съ депутатами отъ дворянства появились и въ другихъ городахъ (№ 23.114). Но срокъ службы этихъ депутатовъ не былъ опредѣленъ, почему въ иныхъ губерніяхъ они избирались на неопредѣленное время, а въ иныхъ на 3 года. Въ 1827 г. министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что депутатовъ этихъ нельзя сравнивать съ лицами, служащими по другимъ должностямъ, зависящимъ отъ выбора дворянства, такъ какъ симъ послѣднимъ присвоены классы, а депутатамъ квартирныхъ коммисій классовъ не полагалось. На этомъ основаніи онъ представилъ въ сенатъ объ ограниченіи

службы ихъ однимъ годомъ, что и было сдѣлано въ томъ же году (2-е П. С. № 1.095).

е) *Межеванію*. Въ 1839 г., постановлено въ каждомъ уѣздѣ имѣть для постояннаго ходатайства по дѣламъ межеванія особаго посредника. А по значительному пространству уѣзда, или особенной дробности чрезполосныхъ дачъ — двухъ и даже трехъ, и столько же кандидатовъ для ихъ замѣщенія. Въ выборѣ посредника могли принимать участіе всѣ дворяне, имѣющіе въ уѣздѣ поземельную собственность, хотя бы по общимъ правиламъ они и не имѣли избирательнаго голоса. Въ посредники могли быть избираемы и уѣздные предводители дворянства, а раздѣленіе уѣзда на части, съ назначеніемъ въ каждую изъ нихъ посредника, предоставлено постановленіямъ уѣзднаго дворянскаго собранія. (2-е № 12.459).

Таковы должностныя лица, избиравшіяся дворянствомъ по разнымъ частямъ мѣстнаго управленія. Но эти лица существовали не во всей имперіи: встрѣчались губерніи, гдѣ дворянства было такъ мало, что всѣ должности мѣстнаго управленія замѣщались чиновниками отъ коропы. Уже при Петрѣ Великомъ выборъ земскихъ коммисаровъ предоставленъ помѣщикамъ только въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много шляхетства, а въ поморскихъ и другихъ, гдѣ дворянъ вовсе не было, земскаго коммисара избирали другіе обыватели (№ 4.533). Точно также и введенные Екатериной II, въ 1775 и 1785 годахъ, выборы чиновниковъ дворянствомъ могли имѣть мѣсто только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оно было въ достаточномъ количествѣ [141]). Дворянство же по губерніямъ распредѣлялось весьма неравномѣрно: огромное число его приходилось на губерніи, возвращенныя отъ Польши — особенно на сѣверозападныя, гдѣ сосредоточилась 1/3 всего дворянства имперіи [142]); въ остальныхъ же великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, только въ 3 губ. дворянство превышало 1% населенія (херсонской, смоленской и петербургской), а во всѣхъ прочихъ было менѣе 1%. А въ нѣкоторыхъ губерніяхъ — Сибири, архангельской, олонецкой, вятской и пермской оно составляло такую ничтожную долю населенія, что изъ него не

могли составляться дворянскія общества (Лохвицкаго. Губернія стр. 120). На этомъ основывалось раздѣленіе губерній на *дворянскія* и *чиновныя*. Къ первымъ относилось 28 губерній (перечисленіе во 2 ст. III т.), за исключеніемъ губерній возвращенныхъ отъ Польши, гдѣ были нѣкоторыя особенности въ избирательныхъ правахъ дворянскихъ обществъ. Ко вторымъ относились: Сибирь, архангельская и олонецкая, вятская и пермская, хотя въ послѣдней находились самыя многодушныя помѣщичьи имѣнія (среднимъ числомъ на 1 помѣщика приходилось въ ней по 2.621 душѣ, тогда какъ напримѣръ въ полтавской по 44 души). Кромѣ того, нѣкоторыя губерніи занимали срединное положеніе между дворянскими и чиновными: въ губерніяхъ оренбургской и самарской земскіе исправники и засѣдатели земскихъ судовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ назначались отъ коорны, то же было и въ таврической губерніи; въ губерніи вологодской губернскія должности, уѣздныя только въ вологодскомъ, грязовецкомъ и кадниковскомъ, замѣщались выборомъ отъ дворянства; въ астраханской губерніи дворянство выбирало только губернскаго предводителя, депутатовъ и секретаря дворянства, уѣздные же предводители выбирались по одному на два уѣзда — астраханскій и красноярскій, черноярскій и енотаевскій.

Что касается Бессарабіи, то положеніе 1818 г. предоставило бессарабскому дворянству выборъ всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, которые избирались и въ другихъ губерніяхъ, а въ томъ числѣ и земскихъ исправниковъ. Въ 1824 г. гр. Воронцовъ донесъ министерству внутреннихъ дѣлъ, что земская полиція въ Бессарабіи находится въ весьма дурномъ положеніи, вслѣдствіе неблагонадежности избираемыхъ дворянствомъ исправниковъ и засѣдателей. По мнѣнію Воронцова, выборы въ Бессарабіи и не могли быть лучше, вслѣдствіе малочисленности тамошняго дворянства: въ собраніе является 100 избирателей, а мѣстъ зависящихъ отъ избранія 81. Отсюда трудно входить въ разсмотрѣніе благонадежности кандидатовъ, и приходится избирать людей сомнительныхъ. Послѣдствія этого печальны: измаильскій исправникъ былъ самъ содержателемъ

почтовыхъ лошадей въ своемъ цунфтѣ; бендерскій не что иное, какъ повѣренный камергера Бальша, и вѣроятно печется единственно о помѣстьяхъ г. Бальша, въ томъ уѣздѣ находящихся; акерманскій (молдованъ, незнающій нашего языка, хотя въ семъ цунфтѣ жители всѣ русскіе) имѣлъ дерзость допустить отмѣненный главнымъ начальствомъ откупъ на дежму, и вмѣсто сбора оной, по закону, съ сѣна и ячменя, принуждалъ жителей отдавать ее въ натурѣ со всѣхъ произведеній; сверхъ того, вмѣстѣ съ засѣдателями, онъ покровительствовалъ разбойникамъ; хотинскій исправникъ изобличенъ въ разныхъ беззаконныхъ поборахъ и нарядахъ во время путешествія государя; яскій, хотя изъ всѣхъ лучшій, отданъ подъ слѣдствіе, а оргѣевскій обвиненъ въ присвоеніи общественныхъ суммъ. На основаніи этого донесенія постановлено было: въ Бессарабіи земскихъ исправниковъ и засѣдателей опредѣлять отъ короны (№ 30.048).

IV. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ уклоненія въ избирательныхъ правахъ дворянскихъ обществъ, которыя отъ времени до времени существовали въ Малороссіи и въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. — Екатерина II свои учрежденія о губерніяхъ старалась распространить на всѣ части имперіи, даже на остзейскій край, въ которомъ въ 1783 г. предписано было предводителей дворянства избирать на общемъ основаніи (№ 15.776). Въ Малороссіи въ 1781 г. были образованы три намѣстничества—новгородъ-сѣверское, черниговское и кіевское (№ 15.227), въ которыхъ [143]) введенъ порядокъ управленія на ососнованіи закона 1775 г. (№ 15.265). Вслѣдствіе этого, отмѣнены всѣ прежніе судебные и административные чины, введенные при польскомъ владычествѣ: напримѣръ, въ 1782 году возные [144]) и подвойскіе, должность которыхъ была возложена на земскіе суды, земскихъ исправниковъ и городничихъ (№ 15.478).

Чрезъ нѣсколько дней во вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ I возстановилъ въ Малороссіи прежнее правленіе и судоустройство (№ 17.594). Чтобъ понять значеніе этой перемѣны, слѣдуетъ сказать о тѣхъ реформахъ

судоустройства въ Малороссіи, которыя произведены были за гетмана Разумовскаго. Онъ отчасти возстановилъ тѣ порядки, которые существовали до Богдана Хмѣльницкаго, давъ участіе шляхетному элементу наряду съ казацкимъ. Универсаломъ 1760 г. велѣно въ генеральномъ судѣ присутствовать 2 генеральнымъ судьямъ и 10 депутатамъ, выбраннымъ шляхетствомъ изъ полковой старшины 10 полковъ. Вконцѣ 1764 г. гетманъ созвалъ всѣ малороссійскіе чины на генеральную раду, которая возстановила уничтоженные Богданомъ Хмѣльницкимъ земскіе, городскіе и подкоморскіе суды. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ [145]). Въ каждомъ повѣтѣ учреждался *земскій судъ*, состоявшій изъ *земскаго судьи*, засѣдателя—*посудка* и *земскаго писаря*, избираемыхъ повѣтовымъ шляхетствомъ не баллотировкой, а открытыми голосами. Земскій судъ собирался трижды въ году, и члены его избирались на всю жизнь; канцелярія составлялась изъ приватныхъ лицъ, которыя нанимались земскимъ писаремъ и назывались *подписками*. Когда земскій судъ, при разборѣ поземельнаго спора, находилъ нужнымъ лично обозрѣть межи, то посылалъ дѣло въ *подкоморскій судъ*, состоявшій изъ *подкоморія* и его помощника—*коморника*, избиравшихся также повѣтовымъ шляхетствомъ. Для уголовныхъ дѣлъ во всякомъ полку учреждены суды *городскіе* (Шафонскаго, Черниговское намѣстничество, стр. 95). Указомъ 30 ноября 1796 г. вмѣсто бывшихъ трехъ намѣстничествъ повелѣно быть въ Малороссіи одной губерніи черниговской [146]), съ причисленіемъ къ ней полтавскаго и кременчугскаго уѣздовъ. Въ слѣдующемъ году образована одна малороссійская губернія, съ раздѣленіемъ ея на прежніе 20 повѣтовъ (№ 18.117). Вмѣсто 2 судебныхъ палатъ, возстановленъ генеральный судъ — изъ 2 генеральныхъ судей 4-го класса и 10 засѣдателей, избираемыхъ на 3 года дворянствомъ; возстановлены и земскіе суды въ 20 повѣтахъ, состоящіе изъ земскаго судьи 7 класса и 2 земскихъ подсудковъ 8 класса, а также суды подкоморскіе—изъ подкоморныхъ 6 класса. Выборъ судей—на основаніи литовскаго статута. Изъ прежнихъ должностей оставлены только земскіе исправники съ

дворянскими засѣдателями (№ 17.594). Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало возстановленіе прежнихъ порядковъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. Въ 1797 г., вмѣсто двухъ губерній — виленской и слонимской — образована была одна литовская губернія, въ которой также отмѣнены почти всѣ учрежденія 1775 г. и замѣнены прежними польскими. То же самое было сдѣлано и въ губерніяхъ кіевской, подольской, виленской, минской и бѣлорусской, гдѣ возстановлено и судопроизводство на польскомъ языкѣ (№ 18.135). Оставлены только нижніе земскіе суды, но исправники по выбору дворянства замѣнены коронными, дворянскіе же засѣдатели оставлены на прежнемъ положеніи. Вмѣсто судебныхъ мѣстъ по учрежденіямъ о губерніяхъ, возстановлены суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, а надъ ними бывшій литовскій трибуналъ, подъ названіемъ главнаго литовскаго суда; члены всѣхъ этихъ судебныхъ мѣстъ избирались дворянствомъ. Губернскій предводитель отмѣненъ, а вмѣсто уѣздныхъ — повѣтовые маршалы въ 5 классѣ и повѣтовые хорунжіе—въ 7-мъ. Вовремя общихъ собраній дворянства должность губернскаго маршала долженъ занимать одинъ изъ повѣтовыхъ (№ 17.788, 17.790).

Выборъ повѣтовыхъ маршаловъ и хорунжихъ, вмѣсто предводителей, распространенъ былъ и на Малороссію, которая никогда прежде не знала этихъ должностей, имѣвшихъ въ прежней Польшѣ военное значеніе: маршалы вовремя посполитаго рушенья предводительствовали корпусами повѣтоваго дворянства, а хорунжіе собирали хоругви и приводили ихъ къ маршалу. Неудивительно, что многіе малороссы были недовольны новыми порядками, и обвиняли въ нихъ Безбородька. Учрежденіе же маршаловъ представляло еще ту невыгоду для дворянства, что должность ихъ была пожизненная, а обязанности такъ не точно опредѣлены, что губернское правленіе налагало на нихъ иногда производство слѣдствій, что составляло предметъ дѣятельности земской полиціи [147]). Но Павелъ I энергически противодѣйствовалъ началамъ объединенія въ управленіи, которымъ слѣдовала его предшественница, и реставрировалъ прежніе порядъ въ Малороссіи, отзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ

Въ послѣднихъ онъ возстановилъ прежнюю безпорядочную систему сеймиковъ, на которыхъ получила право участвовать вся шляхта повѣта: въ литовскихъ губерніяхъ, въ 1798 г. для выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ возстановлены ежегодные сеймы (№ 18.449), въ слѣдующемъ году въ Малороссіи и во всѣхъ западныхъ губерніяхъ должности подкоморыхъ, повѣтовыхъ судей, подсудковъ и писарей, на основаніи IV раздѣла 1 арт. статута и конституціи конвокаційнаго сейма 1764 г. сдѣланы пожизненными (19.154). Въ 1800 г. постановлено было допустить къ дворянскимъ выборамъ всѣхъ безпомѣстныхъ шляхтичей (№ 20.288) и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждена пожизненность нѣкоторыхъ должностей и возстановлена должность губернскаго маршала (№ 19.628.

Обломки екатерининскихъ учрежденій, вмѣстѣ съ реставрированными старыми и придуманными новыми порядками, ввели въ управленіе Малороссіей и западныхъ губерній большую неурядицу, которая не могла имѣть благодѣтельныхъ послѣдствій для края.

Сохранилась весьма интересная записка современника, изображающая всѣ печальныя послѣдствія для Малороссіи отмѣны екатерининскихъ учрежденій. Авторъ этой записки возстаетъ во-1-хъ противъ уничтоженія трехъ губерній въ Малороссіи, образованія изъ нея одной губерніи, съ отчисленіемъ Кіева. $2^1/_2$ милліона жителей, говоритъ онъ, управлялись прежде 3 правителями, имѣли 6 судебныхъ палатъ, 3 совѣстные суда, 36 уѣздныхъ судовъ, а вмѣсто того они получили одного правителя, одинъ генеральный судъ, 20 земскихъ судовъ, столько же подкоморскихъ, на польскомъ несвойственномъ Малороссіи порядкѣ. Всѣ благомыслящіе малороссіяне желаютъ возстановленія екатерининскихъ порядковъ.

Что касается отдѣленія Кіева отъ Малороссіи, то объ этомъ онъ разсуждаетъ такъ: «Здѣланная нынѣ между Малороссійскою и Кіевскою губерніями рѣкою Днѣпромъ граница весьма неудобна. Лѣвый берегъ сея рѣки лежитъ подъ самымъ горо-

домъ Кіевомъ, къ которому кіевскій паромъ пристаетъ; всѣ кіевскіе луга теперь къ малороссійской губерніи принадлежатъ, а кіевскіе жители, по вострѣтившимся на ихъ земляхъ случаямъ, должны въ городъ Козелецъ за 70 в., или и въ самый губернскій городъ Черниговъ, за 152 версты, ѣздить. Пролагаемая такою рѣкою граница прилична два разныя государства раздѣлять, а не губерніи одного владѣнія».

Во-2-хъ, онъ ратуетъ за возстановленіе уѣздныхъ судовъ и трехлѣтнихъ выборовъ въ губернскомъ городѣ. «Когда въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ на мѣсто повѣтовъ и повѣтовыхъ судовъ, открыты уѣзды и уѣздные суды... то всѣ жители ощутительно увидѣли, сколь они щастливы сдѣлались, что ихъ дѣла наравнѣ въ великороссійскими дворянами, судиться стали. Въ сіи суды избирались въ губернскомъ городѣ, въ виду генералъ-губернатора, или правителя губерніи изъ нихъ же самыхъ судьи и засѣдатели балотированіемъ чрезъ всякіе три года.... По возстановленіи же повѣтовыхъ судовъ.... выборы пошли на основаніи польскаго статута, за 200 лѣтъ для Республиканскаго правленія дворянами тамъ здѣланнаго... Судьи и подсудки избираются въ повѣтовомъ городѣ не по дворянской грамотѣ 1785 г. и не по мудрому наказу о выборѣ депутатовъ балами, а открытыми голосами, не на 3 года, а навсегда, безъ всякаго различія дворянъ. Тутъ стали участвовать поповичи, регистраторы, протоколисты, не изъ дворянъ; тутъ происходятъ грубости, личныя ссоры, разныя въ приватныхъ своихъ дѣлахъ укоризны, брани и такія неустройства и неблагопристойности, какія рѣдко и въ сельскихъ собраніяхъ бываютъ... По симъ обстоятельствамъ всѣмъ благонамѣреннымъ малороссіянамъ... нужно къ престолу прибѣгнуть и просить, чтобы уѣздные суды выбираемы были *балами*, чрезъ всякіе три года, въ губернскомъ, а не уѣздномъ городѣ, въ присутствіи генералъ-губернатора или правителя губерніи, и чтобы не писарь, дворянами выбранный, но настоящій секретарь былъ опредѣленъ....»

Въ 3-хъ, онъ желаетъ уничтоженія маршаловъ и хорунжихъ и возстановленія предводителей.

Въ 4-хъ, уничтоженія возныхъ, которые избирались шляхетствомъ для развоза призывовъ къ суду, ввода во владѣніе имѣніемъ, выклички (воланья) тяжущихся, и для свидѣтельства насилій и побоевъ.

Въ 5-хъ, возстановленія дворянскихъ опекъ, уничтоженныхъ вмѣстѣ съ упраздненіемъ уѣздныхъ судовъ. Уничтоженіе это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что «бѣдные дворянскіе сироты и вдовы и ихъ имѣнія остались безъ всякаго призрѣнія и защиты. По польскому закону маршалы въ призрѣніи сиротъ и опредѣленіи къ нимъ опекуновъ не имѣютъ участія, а одни повѣтовые суды опредѣляютъ опекуновъ тогда только, когда кто изъ родныхъ оныхъ потребуетъ. Сіе рѣдко случается («въ Малой Россіи, говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ разбираемой нами записки, такого дружелюбія и союза между родными нѣтъ, каковъ у великороссійскихъ дворянъ есть»), а сироты и ихъ имѣнія остаются безъ всякаго отъ суда опредѣленія, на произволъ родныхъ. Есть ли повѣтовый судъ кого и назначитъ опекуномъ, то или таковой отъ опеки отказуется, или ихъ кто изъ родныхъ, желавшихъ безъ опеки малолѣтнаго управлять имѣніемъ, опорочиваетъ. Пятый уже годъ существуетъ генеральный судъ, но еще ни одна почти опека не приняла своего теченія.... Нигдѣ въ Европѣ сія часть не находится въ такомъ безпорядкѣ и презрѣніи, какъ въ Малой Россіи.... Слѣдуетъ востановить дворянскія опеки по учрежденію о губерніяхъ... Но какъ въ Малой Россіи... предводители и до 1797 г. за сіе дѣло почти не принимались, то нужно испросить строгой законъ, обязывающій предводителей заботиться о дворянскихъ вдовахъ и сиротахъ.... Купцы и мѣщане въ Малой Россіи предъ дворянами щастливѣе; имъ оставлены сиротскіе суды, а дворянамъ оставленъ польской слабой и конфузной статутъ» [145]).

Въ 6-хъ, уничтоженія генеральнаго суда, «котораго творитель кн. Безбородько, по требованію котораго его же родня

въ оные суды должны были избраны и не по большинству голосовъ опредѣлены быть», и возстановленія палатъ.

Въ 7-хъ, уничтоженія подкоморскихъ судовъ, такъ какъ уѣздные суды производили разборъ о межахъ гораздо скорѣе.

Наконецъ, въ 8-хъ, возстановленія совѣстныхъ судовъ. «О возстановленіи сего божественнаго суда должно у престола всеподданнѣйше просить; не желать же и не просить его, должно заключать, что малороссіяне люди неспокойные, и къ тяжбамъ и ябедамъ жадные, что и въ самомъ дѣлѣ есть: *нигдѣ и никакой народъ къ сочиненію ябедъ* и къ продолженію тяжебъ, и часто пустыхъ и неосновательныхъ, такъ несклоненъ и нежаденъ, какъ малороссійской» (Замѣчанія о Малой Россіи).

Желанія, высказанныя авторомъ замѣчаній о Малой Россіи, осуществлялись постепенно, втеченіе первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Но при этомъ порядки по учрежденіямъ о губерніяхъ возстановлялись не вполнѣ, а польскія учрежденія Павла также не вполнѣ были отмѣнены.

Такъ, что рядомъ съ учрежденіями по закону 1775 г., существовали введенныя Павломъ, а нѣкоторыя екатерининскія учрежденія назывались польскими именами. Полное возстановленіе екатерининскихъ порядковъ и отмѣна павловскихъ въ Малороссіи и западныхъ губерніяхъ произошли уже въ царствованіе Николая.

По вступленіи Александра I на престолъ, малороссійское дворянство представило государю записку о нуждахъ края. Оно просило изъять уголовныя дѣла изъ подсудности земскихъ повѣтовыхъ судовъ, возстановя для этихъ дѣлъ прежніе городскіе суды, члены которыхъ—судьи, писари и возные—избирались бы дворянствомъ на 3 года; просило также, чтобы повѣтовые маршалы, подкоморные и хорунжіе, избранные пожизненно, безъ права оставить службу, пользовались тѣми же правами, какія жалованная грамота предоставляла избираемымъ дворянствомъ (Чтенія, кн. 1-я на 1865 г.). Впрочемъ, при отправленіи губернскаго маршала въ 1801 г. на коронацію, когда дворянство начало заявлять свои мнѣнія о подтвержденіи малороссійскихъ преимуществъ, раздались нѣ-

которые голоса не о возстановленіи въ Малороссіи учрежденій 1775 г. и жалованной дворянству грамоты, но о возстановленіи прежней гетманщины. Такъ одинъ помѣщикъ роменскаго уѣзда заявилъ, чтобы управленіе и войско въ Малороссіи возстановить какъ было при гетманахъ, присоединивъ къ ней новороссійскую губернію (Замѣчанія о Малой Россіи).

Нѣкоторыя заявленія были представлены и польскимъ дворянствомъ западныхъ губерній: дворянство волынской губерніи, чрезъ своего уполномоченнаго, кн. Каликста Понинскаго, представило прошеніе о возстановленіи дворянскихъ выборовъ на началахъ учрежденія о губерніяхъ. Вслѣдствіе этого, выборы на этихъ началахъ были возстановлены въ западно-русскихъ губерніяхъ и въ Малороссіи 19 мая 1802 г. (№ 20.273). Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ на выборахъ въ западныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе допущенія на нихъ безпомѣстной и окольной шляхты, происходили большіе замѣшательства и безпорядки — повелѣно допускать къ выборамъ только тѣхъ дворянъ, которые платили въ казну офяру, имѣли какую-нибудь поземельную собственность, или же казенную или частную землю въ оброчномъ содержаніи, не требуя, впрочемъ, чтобъ, на основаніи дворянской грамоты, участвующіе въ выборахъ имѣли оберъ-офицерскіе чины (№ 20.288). Въ 1803 г. въ Малороссіи возстановлены совѣстные суды на прежнемъ основаніи (П. С. № 20.726). Въ 1804 г. должность губернскихъ и повѣтовыхъ маршаловъ въ западныхъ губерніяхъ была приведена въ соотвѣтствіе съ дворянской грамотой (№ 21.176). Въ слѣдующемъ году точнѣе опредѣлено право участія въ выборахъ въ западныхъ губерніяхъ: на выборахъ имѣютъ голосъ только тѣ дворяне, которые владѣютъ въ той губерніи имѣніемъ, приносящимъ не менѣе 150 р. дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигли 18 лѣтъ. Избранными же могутъ быть только тѣ, которые имѣютъ голосъ въ дворянскомъ собраніи и достигли 23 лѣтъ. За вѣрностью дворянскихъ списковъ, которыми въ другихъ губерніяхъ завѣдывали депутатскія собранія, должны наблюдать повѣтовые маршалы (№ 21.646). Право дворянства западныхъ губерній выбирать

земскихъ исправниковъ, возвращенное въ 1802 г., опять отмѣнено: въ 1805 г. земскіе исправники стали опредѣляться сенатомъ, по представленію м. вн. дѣлъ (№ 21.648).

Несмотря на всѣ эти распоряженія правительства, выборы въ западныхъ губерніяхъ продолжали сопровождаться большими безпорядками и разстройствомъ. Въ 1809 г. м. вн. дѣлъ, кн. Куракинъ, представилъ въ комитетъ министровъ подробную о томъ записку. Записка эта такъ живо изображаетъ, какъ производились выборы въ западно-русскихъ губерніяхъ вначалѣ текущаго столѣтія, что мы считаемъ не безъинтереснымъ привести ее цѣликомъ: «По случаю произшедшихъ безпорядковъ при дворянскихъ выборахъ прежде въ подольской, а потомъ и въ виленской губерніяхъ, Е. И. В. угодно было поручить мнѣ промыслить средства, кои бы на будущее время могли отвратить таковые безпорядки.

Представивъ государю мысли мои въ прилагаемой запискѣ, я получилъ высочайшее повелѣніе внесть оную на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Правила для дворянскихъ выборовъ, вообще существующія, имѣютъ 2 предмета:

1. Не стѣснить свободы избранія, составляющей одно изъ важнѣйшихъ правъ россійскаго дворянства.

2. Опредѣлительностію дѣйствія самыхъ выборовъ предупредить всѣ средства къ подлогу и устранить всякую возможность къ безпорядкамъ.

Для достиженія перваго удалено совершенно губернское начальство отъ вліянія на выборы и свобода избирающаго сословія оставлена въ полномъ ея дѣйствіи.

Для втораго постановленъ опредѣлительный образъ сему дѣйствію, т. е. форма избранія; но такъ какъ форма сія въ отсутствіи полиціи должна одна охранить порядокъ, то и связана она столь тѣсно съ дѣйствіями дворянской свободы, что съ ея нарушеніемъ и самыя дѣйствія сіи останавливаются.

Въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, приложеніе правилъ выборовъ представляло неудобства.

Правительство искало причины оныхъ и скоро открыло, что неустройство, при выборахъ въ польскихъ губерніяхъ происходившее, имѣло двѣ причины:

1. Оставшійся навыкъ къ безпорядку народныхъ собраній въ Польшѣ.

2. Порочный составъ самаго сословія дворянскаго, гдѣ первѣйшій помѣщикъ имѣлъ равную свободу избранія, равный голосъ съ такъ-называемымъ шляхтичемъ; между тѣмъ, какъ подъ симъ именемъ всегда почти былъ человѣкъ безъ всякаго понятія о чести, безъ собственности и часто наемщикъ какой-либо партіи. Нужно было очистить сословіе дворянства отъ сей толпы, къ буйствамъ обыкшей, и изгладить тѣмъ все, что могло оставаться похожаго на безобразіе бывшихъ въ Польшѣ діетинъ — сихъ народныхъ скопищъ, гдѣ воля нѣсколькихъ партій, раздиравшихъ государство, знаменовалась и поддерживалась крикомъ ихъ наемниковъ.

Мысль сія, единодушно принятая совѣтомъ, была причиною изданныхъ въ 1805 г. дополнительныхъ правилъ для выборовъ въ польскихъ губерніяхъ. Право избранія предоставлено людямъ, имѣющимъ извѣстную собственность.

Если, не взирая на сіе, нынѣ открываются важные безпорядки при выборахъ въ польскихъ губерніяхъ, то причина не въ недостаткѣ или порочности правилъ, но отъ неисполненія ихъ.

Сіе ясно доказано слѣдующимъ: Въ чемъ состояли безпорядки при послѣднихъ выборахъ? Въ личностяхъ, въ спорахъ, буйствѣ и даже насиліи. Какое отношеніе имѣютъ сіи неустройства къ правиламъ о выборахъ? Нарушеніе формы; ибо еслибы при началѣ вся строгость правилъ была приведена въ дѣйствіе, то послѣдней ссоры не было бы, и такъ не въ недостаткѣ правилъ, а въ слабости мѣстныхъ правительствъ и дурнообразованной полиціи.

Почему начальники губерній, представляютъ себѣ, что дворянскіе выборы, во время производства ихъ, составляютъ внутри самой губерніи status in statu — общество никакой полиціи не подчиненное. Цѣль при удаленіи губернскаго на-

чальства отъ выборовъ не была та, чтобы оставить многочисленное общество разныхъ классовъ дворянъ свободно ссориться, но въ томъ, чтобы не стѣснить свободы избиранія, всегда разумѣя до тѣхъ поръ, пока общество сіе дѣйствуетъ въ правилахъ ему предписанныхъ, какъ скоро отъ оныхъ отступило, то перестаетъ быть дворянствомъ на выборы собраннымъ и есть сборище людей, нарушившее коренные законы и внѣ оныхъ себя поставившее, и съ сей минуты не только начальникъ полиціи вправѣ войдти въ бывшее собраніе дворянъ, но долженъ даже разогнать неспокойныхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что если правила постановленныя недостаточны, то сіе только въ томъ, что законъ, для россійскаго дворянства изданный, не предвидѣлъ безчинствъ, кои только въ провинціяхъ завоеванныхъ быть могли, а посему къ закону не достаетъ справедливыхъ мѣръ строгости, кои для оныхъ польскихъ губерній необходимы, ибо въ Россіи дворянство всегда по высочайшей довѣренности само было судьею сочленовъ своихъ, и приговоры его были строги, и нерѣдко государемъ смягчаемы, дѣло о Побѣдинскомъ служитъ тому доказательствомъ.

Двѣ мѣры справедливой строгости могутъ прекратить эти безпорядки:

1. При первомъ извѣстіи о важномъ неустройствѣ, во время выборовъ произшедшемъ, удалить губернатора отъ должности.

2. Дворянство, допустившее безпорядки, лишить на 2 трехлѣтія права избранія, и на всѣ мѣста, опымъ наполняемыя, опредѣлить чиновниковъ отъ коропы.

Сіи мѣры должны предварительно и даже немедля быть обнародованы, ибо иначе безпорядки въ разныхъ польскихъ губерніяхъ показываютъ, что духъ непокорливости усиливается и начинаетъ дѣйствовать открыто. Въ послѣднихъ произшествіяхъ караулъ уже былъ подъ ружьемъ, одной минуты не доставало до кровопролитія. Вообще подобное броженіе умовъ посреди 3 милліоновъ завоеваннаго и недовольнаго народа всегда опасно, часто возвѣщаетъ большія потрясенія, и никогда не должно быть терпимо» (№ 23.513).

Въ 1810 г. по прошенію дворянства виленской губерніи, повелѣно для облегченія дворянскихъ выборовъ повѣтовыхъ чиновниковъ избирать въ повѣтовыхъ городахъ, а въ губернскомъ—избирать однихъ губернскихъ, чрезъ делегатовъ: отъ каждаго повѣта по 10 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году, по ходатайству гродненскаго дворянства, это было распространено и на гродненскую губернію (П. С. № 24.709). Въ 1816 г. въ западно-русскихъ губерніяхъ предоставлено исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ избирать тамошнему дворянству (П. С. № 26.132). Но въ 1823 г. для могилевской и витебской губерній установлено изъятіе: дворянство избираетъ однихъ засѣдателей н. земскихъ судовъ, а з. исправники непосредственно назначаются гражданскимъ губернаторомъ (П. С. № 29.419). Законъ этотъ былъ распространенъ и на кіевскую губернію (П. С. № 29.673). Годомъ раньше, на западно-русскія губерніи и на Малороссію распространены тѣ же правила о дворянскихъ опекахъ, что́ и въ великорусскихъ губерніяхъ (П. С. № 29.054). По поводу толкованія этого закона о дворянскихъ опекахъ возникъ вопросъ: относится-ли онъ только до учрежденія и управленія опекъ, или же касается и правъ владѣльцевъ? Вопросъ былъ разрѣшенъ уже въ 1826 г. въ первомъ смыслѣ (П. С. № 610).

Императоръ Николай I, въ дѣлѣ объединенія губернскаго управленія, на основаніи закона 1775 г. и дворянской грамоты 1785 г., слѣдовалъ завѣту Екатерины II — по крайней мѣрѣ относительно Малороссіи и западно-русскихъ губерній. Остзейскому же краю онъ оставилъ неприкосновенными его исконные порядки, нарушаенные мудрою политикой Екатерины II и возстановленные реакціей Павла I.

Въ Малороссіи екатерининскія учрежденія возстановляются вполнѣ; въ западно-русскихъ же губерніяхъ — съ тѣми отмѣнами и ограниченіями, которыя вытекали изъ особеннаго положенія края.

Въ 1831 г. повелѣно малороссійскимъ *маршалмъ* именоваться *предводителями* (П. С. № 4.382); затѣмъ это обобщается: всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ

лицамъ въ Малороссіи повелѣно именоваться такъ же, какъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ (П. С. № 4.992). Но положеніе 1831 г. оставляетъ еще для Малороссіи должности: подкоморія подкоморскаго суда (6 класса), коморника (12 кл.), хорунжаго (7 кл.) и возпаго (14 кл.) (П. С. № 4.989). Въ 1834 г., принимая въ соображеніе, что въ Малороссіи всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ присвоены наименованія по общему учрежденію о губерніяхъ, но все таки еще оставались вышеозначенныя должности, императоръ повелѣлъ: званіе хорунжихъ и возныхъ совсѣмъ уничтожить, возложивъ исправленіе обязанностей послѣднихъ, внѣ судебнаго мѣста, на полицію — городскую и земскую; суды же подкоморскій и маршало-коммисарскій велѣно переименовать: первый — межевымъ, сдѣлавъ подкоморія межевымъ судьею, а послѣдній — посредническимъ межевымъ судомъ, а коморника — межевымъ засѣдателемъ (2-е П. С. № 6.718) [147]).

Такъ въ Малороссіи были возстановлены учрежденія 1775 г.

Въ то же время возстановленіе ихъ началось и въ западно-русскихъ губерніяхъ, гдѣ, впрочемъ, нѣкоторыя ограниченія продолжали существовать, вслѣдствіе особенностей въ положеніи края.

1 Января 1831 г. въ губерніяхъ могилевской и витебской прекращено дѣйствіе литовскаго статута, и введенъ порядокъ управленія, на основаніи учрежденій о губерніяхъ (2-е П. С. № 4.233). Затѣмъ, 23 февраля того же года, одновременно съ Малороссіею, западно-русскіе *маршалы* переименованы въ *предводителей* (Ib № 4.382). Октября 30 того же года всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ въ западныхъ губерніяхъ повелѣно именоваться такъ же, какъ и въ великоросс. губер. (Ib. № 4.894). Въ 1832 уничтожены должности подкоморіевъ, коморниковъ и возныхъ — двумя годами раньше, чѣмъ въ Малороссіи (Ib № 5.068). Послѣ этого объединенія управленія, устанавливались въ правахъ дворянскихъ обществъ западно-русскихъ губерній нѣкоторыя ограниченія: а) относительно права участвовать въ выборахъ, б) относительно выбора должностей полицейскихъ и в) относительно должностей судебныхъ.

а) Вслѣдствіе уклоненія западно-русскаго дворянства отъ государственной службы и стремленія его служить преимущественно по дворянскимъ выборамъ, въ 1835 г. для всѣхъ западныхъ губерній было постановлено, что неслужившій 10 лѣтъ въ государственной службѣ не имѣетъ права служить и по выборамъ дворянства, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже прослужили по выборамъ 2 трехлѣтія (2-е П. С. № 8.463). Впослѣдствіи это было отмѣнено для кіевской губерніи, а по ходатайству Бибикова въ 1845 г. и для подольской (2-е № 18.860) [148]) а въ 1847 г. для волынской (2-е № 21. 663).

б) Въ 1826 г., по представленію цесаревича Константина Павловича, въ губерніяхъ имъ управляемыхъ, постановлено назначать отъ короны не только земскихъ исправниковъ, но и половинное число засѣдателей нижнихъ земскихъ судовъ (2-е № 188). Въ 1828 г., кіевскій военный губернаторъ, Желтухинъ, доносилъ, что большая часть засѣдателей н. з. судовъ выбираются по видамъ богатыхъ помѣщиковъ, поэтому и дѣйствуютъ въ интересахъ послѣднихъ, заводя и прекращая по ихъ желанію дѣла, къ утѣсненію крестьянъ: на кіевскую губернію распространено назначеніе половиннаго числа засѣдателей—отъ короны (2-е № 1786). Въ 1831 г. во всѣхъ западно-русскихъ губерніяхъ повелѣно назначать отъ короны всѣхъ безъ изъятія членовъ земскихъ судовъ (2-е № 4.894), но въ 1832 г. въ бѣлорусскихъ губерніяхъ предоставлено дворянству избирать исправниковъ (2-е № 5.124).

в) При дарованіи дворянству права избирать предсѣдателей судебныхъ палатъ, въ первые департаменты главныхъ судовъ западно-русскихъ, наименованные уголовными палатами, предсѣдателей велѣно назначать отъ короны (2-е № 4.894, п. 2). Въ 1839 г. югозападный генералъ-губернаторъ, Бибиковъ, ходатайствовалъ о замѣщеніи членовъ уѣздныхъ судовъ, избираемыхъ дворянствомъ, чиновниками отъ правительства — до новыхъ выборовъ. Ходатайство его было уважено (2-е № 13.386). Когда истекъ этотъ срокъ, въ 1844 ходатайство повторилось и порядокъ 1839 г. продолженъ еще на 6 лѣтъ, въ 1850 г. — опять на новое шестилѣтіе (2-е № 24.607).

Наконецъ, уже въ настоящее царствованіе, въ 1856 г., дворянству западно-русскихъ губерній предоставлены общія всѣмъ губерніямъ права по выборамъ въ должности. Что̀ продолжалось до 1863 г., когда польское дворянство оправдало репрессивную политику императора Николая и заставило къ ней возвратиться.

V. Мы видѣли, что до 1762 г. дворянство, обязанное постоянною службою государству, не могло организоваться въ мѣстныя общества, имѣющія собственное самоуправленіе и участіе въ губернскомъ судѣ и администраціи; *служилый* характеръ сословія не давалъ въ немъ развиться характеру *землевладѣльческому*. Если дворянинъ въ этомъ періодѣ тянуло въ деревни, то не вслѣдствіе инстинктовъ землевладѣльческихъ, но чтобъ *отдыхивать* отъ службы — отдохнуть въ родномъ помѣстьи отъ трудностей военной дисциплины, отъ головоломной канцелярской работы. Манифестъ 1762 г. распускаетъ дворянство изъ полковъ и канцелярій по деревнямъ. Дворянство массами пользуется новой льготой — свободой отъ служебнаго тягла, и массами изъ полковъ и канцелярій перемѣщается въ родныя помѣстья. Опустѣлые до того времени уѣзды, наполняются помѣщиками; разобщенные до того времени службой государству, помѣщики начинаютъ чувствовать между собою солидарные мѣстныя связи и интересы. Сознаніе этихъ зараждающихся интересовъ вызываетъ потребность организаціи мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, которыя получаютъ самоуправленіе по собственнымъ общественнымъ дѣламъ. Мы видѣли, какъ потребность эта заявилась дѣятелями коммисіи 1767 г. Для выбора депутатовъ въ эту коммисію, Екатерина II собираетъ дворянство по уѣздно, предоставляя ему, кромѣ того, избраніе предводителей. Въ 1775 г. преобразовывается губернское управленіе: судебная часть отдѣляется отъ правительственной и полицейской, является много новыхъ присутственныхъ мѣстъ, для составленія персонала которыхъ требуется множество должностныхъ лицъ. Выборъ ихъ отдается на *души* мѣстнаго дворянства. Жалованная грамота окончательно разбиваетъ дворянство имперіи на губернскія дворянскія общества, *обязанныя*

изъ своей среды *наряжать*, *ставить* чиновниковъ въ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Возникаетъ такъ называемое *дворянское самоуправленіе*, которое въ сущности было только преобразованіемъ военной обязательной службы дворянства, сообразно потребностямъ правительства центральнаго, въ мѣстную обязательную службу гражданскую, сообразно потребностямъ мѣстнаго управленія; которое въ сущности было *обязанностію* губернскихъ дворянскихъ обществъ *наряжать* мѣстныхъ судей и полицеймейстеровъ. Дворянство мало по малу и само начало такъ понимать это новое *преимущество*, *дарованное* ему, какъ говоритъ одинъ указъ 1835 г., за *вѣрность и благородное пожертвованіе жизнію на пользу отечеству* (2-е П. С. № 8.463). Эта новая обязательная служба дворянства, между прочимъ, объясняетъ и запоздалость отмѣны крѣпостнаго права: если мотивъ укрѣпленія крестьянъ вконцѣ 16 столѣтія и основаніе его до 1762 г. лежали въ потребностяхъ государства — въ обязанности дворянства тянуть служебное тягло, то такое же основаніе, только видоизмѣненное, осталось и послѣ 1762 г. — *обязанность* дворянства, хотя законъ называлъ ее *правомъ*, *преимуществомъ* тянуть тягло мѣстной службы. Дворянство, сказали мы, само такъ же понимало свои новыя льготы.

Первые выборы, замѣчаютъ современники, были и самые лучшіе: «тогда не успѣли еще разсмотрѣть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру, но скоро сей жаръ простылъ» (Чтенія: кн. 3-я, 1863), и дворянство начало *отлынивать* отъ мѣстной выборной службы, и на дворянскихъ выборахъ число *нѣтчиковъ* начинаетъ прибывать, какъ бывало на прежнихъ смотрахъ дворянскихъ недорослей и въ прежнихъ полкахъ.

Вовремя обязательной службы, какъ мы видѣли, дворянство тянулось въ деревни. Послѣ ея отмѣны, оно потянулось на государственную службу: чинъ продолжалъ быть честнѣе сословія, а чинъ главнымъ образомъ давался государственною службою. Гакстгаузенъ удивляется, что въ Россіи весьма рѣдко можно встрѣтить дворянина, который бы не служилъ,

или не служитъ по военной или гражданской службѣ; имѣть чинъ въ Россіи, по словамъ путешественника — такой же почетный обычай, какъ въ сѣверной Германіи университетская степень (Etudes, T. 3 p. 43, 62). Такимъ образомъ, и послѣ отмѣны обязательной службы, дворянство продолжаетъ быть болѣе *служилымъ*, чѣмъ *землевладѣльческимъ* классомъ. Такъ на себя смотрѣло само дворянство, такъ смотрѣло на него и законодательство.

Гакстгаузенъ пораженъ былъ отсутствіемъ *крѣпкой связи* между землей и дворянствомъ въ Россіи, легкостію, съ которою продавались помѣстья, бывшія по 200 лѣтъ во владѣніи одной и той же фамиліи, рѣдкостію имѣній, которыя назывались бы *фамильнымъ именемъ* владѣльца.

Само правительство продолжало считать дворянство преимущественно служилымъ классомъ: изъ него главнымъ образомъ должны выходить офицеры и чиновники. Это отражалось и въ томъ, что на выборахъ могли участвовать только тѣ дворяне, которые имѣли чины. Императоръ Николай постоянно проводилъ мысль, что *служба государству — первѣйшая обязанность благороднаго сословія*. Въ самомъ опредѣленіи дворянства по своду звучитъ *болѣе служилый, чѣмъ землевладѣльческой* его характеръ.

Это, конечно, не могло не повліять на мѣстную корпоративную жизнь дворянства, на его службу по выборамъ: дворянство всегда болѣе предпочитало службу государственную.

На эту мѣстную жизнь имѣло также большое вліяніе то распаденіе дворянства на двѣ общественныя группы — знатное дворянство и рядовое, тотъ антагонизмъ между обѣими группами, съ которыми мы такъ часто встрѣчались въ нашемъ изслѣдованіи: *знатное дворянство не хотѣло тянуть одну выборную мѣстную службу съ дворянствомъ рядовымъ*. Обезпеченное въ своихъ матеріальныхъ средствахъ, знатное дворянство рѣдко-рѣдко жило въ помѣстьяхъ, но большей частію заграницей, или же въ столицахъ, за нимъ тянулось дворянство среднее, средства котораго едва достаточны были на жизнь въ

губернскомъ городѣ. Какъ не значителенъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, процентъ осѣдлаго въ помѣстьяхъ своихъ знатнаго и богатаго дворянства, видно, напримѣръ, изъ сообщенія нижегородскаго генералъ-губернатора Гакстгаузену, что въ этой огромной губерніи едва 5 богатыхъ и просвѣщенныхъ дворянъ пребывали въ своихъ помѣстьяхъ (Etudes: Г. 3 р. 56). Не выше былъ процентъ и въ другихъ губерніяхъ. Самое время выборовъ — зимою, весьма естественное въ земледѣльческой странѣ — отвлекало отъ нихъ богатое дворянство; это время совпадало съ столичными сезонами, когда удовольствія были въ полномъ разгарѣ. Оставленныя своими знатными и богатыми членами, дворянскія общества мельчали, самыми главными ихъ дѣятелями становились пришлецы — офицеры и чиновники въ отставкѣ, поженившіеся на помѣщичьихъ дочеряхъ и взявшіе за ними въ приданое цензъ, или же купившіе деревни. Въ рукахъ этихъ лицъ, *несвязанныхъ органически* съ мѣстностію, очутились дворянскіе выборы; они замѣщали по своему усмотрѣнію и нерѣдко своими креатурами всѣхъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ дворянствомъ, они являлись главными дѣятелями дворянскаго самоуправленія. Представители знатныхъ дворянскихъ фамилій не всегда охотно принимали даже такія почетныя должности, какъ должность губернскихъ предводителей: рюриковичей и гедиминовичей, потомковъ бояръ и окольничихъ, имена которыхъ красуются въ родословной книгѣ 1682 г., едва-ли не чаще можно было встрѣтить въ должностяхъ начальниковъ губерній и дивизіонныхъ генераловъ, чѣмъ въ должностяхъ губернскихъ предводителей, а такое явленіе, какъ кн. Рѣпнинъ, предводительствующій дворянствомъ пирятинскаго уѣзда въ настоящее время — слишкомъ исключительное. Чтобъ убѣдиться въ справедливости нашего замѣчанія, достаточно пробѣжать списокъ губернскихъ предводителей. Мы находимъ въ немъ: съ 1825—1853 г. полковника кн. Голицына (1825 — 1827) и дѣйствительнаго статскаго совѣтника кн. Голицына (1839—1842 г.) — во владимірской губерніи; полковника кн. Гагарина (1853) — въ Воронежѣ; кн. Грузинскаго (1825—1831), генералъ-маіора Шереметева (1837—

1846), коллежскаго совѣтника Шереметева (1846—1849)—въ нижегородской; кн. Васильчикова (1857—1859)—въ новгородской; гв.-ротм. Шереметева (1833—1839)—орловской губ.; и кн. Кочубея (1853)—въ полтавской; Нарышкина (1825—1828), кн. Долгорукова (1833—1839) и кн. Голицына (1839—1842) въ с.-петербургской губ.; кн. Друцкаго-Соколинскаго (1847—1853) въ смоленской; кн. Гагарина (1846—1852) и кн. Голицына (1852—1853)—въ тамб.; кн. Лобанова-Ростовскаго (1832—1835)—въ тульской и кн. Голицына (1841—1852)—въ харьк.; кн. Урусова (1831—1833)—въ яросл. 18 аристократическихъ именъ между 249 губернскими предводителями, считая, впрочемъ, и западно-русскія губерніи, въ которыхъ чаще случалось, что аристократъ становился во главѣ губернскаго общества дворянства (Сб. циркуляровъ мин. вн. дѣлъ т. 2).

Кредитъ дворянскихъ выборовъ болѣе и болѣе падалъ, качество лицъ, дворянствомъ избираемыхъ, болѣе и болѣе ухудшалось: по словамъ Гакстгаузена, одинъ изъ весьма образованныхъ московскихъ дворянъ сказалъ ему, что *администрація губерній много бы выиграла, еслибъ дворянскія выборы были уничтожены, а всѣ должностныя лица въ губерніи замѣщались бы отъ короны* (Etudes: Г. 3, р. 59).

Правительство не могло не обратить вниманія на безучастное отношеніе дворянства къ выборамъ, на его уклоненія отъ нихъ. Еще въ 1784 г. было постановлено, что за самовольную отлучку отъ должностей избранныхъ дворянствомъ подвергать ихъ взысканіямъ, на основаніи указа 1766 г.: за первый и второй разъ вычитать изъ жалованья, а за третій пробывшихъ въ отлучкѣ болѣе 7 дней предавать суду (П. С. № 16.025). Несмотря на это, въ 1800 г., рязанскій гражданскій губернаторъ доносилъ генералъ-прокурору, Обольянинову, что выбранный въ предводители михайловскаго уѣзда, бригадиръ Протопоповъ, и въ депутаты: того же уѣзда — полковникъ Измайловъ, раненбургкаго — майоръ Борзовъ и касимовскаго — майоръ Хлуденевъ, не являлись къ должностямъ,

и, не сдѣлавъ никакого отзыва на повѣстку, удалились въ Москву и въ другія свои деревни. По этому случаю сенатъ предписалъ: распространить силу указа 27 іюля 1798 г. на дворянъ, которые уклоняются отъ выборовъ къ должностямъ (П. С. № 19.356). Указъ 1802 г. говоритъ: «Доходитъ до свѣдѣнія нашего, что будто лучшее дворянство, а также и граждане, уклоняются отъ выборовъ. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя. Мы не можемъ себѣ представить, чтобъ по нерадѣнію къ общему благу, въ семъ знаменитомъ поприщѣ въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ обществахъ, соревнованіе угасло. А потому повелѣваемъ сенату ко всѣмъ начальникамъ губерній предписать, дабы дворянству чрезъ своихъ предводителей, а гражданамъ чрезъ градскихъ головъ, дали знать волю нашу, что намъ весьма пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностію собираться будутъ къ ихъ выборамъ, и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности, для составленія ихъ же собственнаго и прочего народа блага». (П. С. № 20.381). Въ слѣдующемъ году, на представленіе псковскаго гражданскаго губернотора, Ламздорфа, о томъ, что уѣздные предводители уклоняются отъ требованій губернскаго начальства по общественнымъ дѣламъ, государь писалъ: «Я поручаю вамъ, созвавъ предводителей дворянства ввѣренной вамъ губерніи, объявить имъ мою волю, что доколѣ они не приведутъ общественныхъ дѣлъ, для которыхъ будутъ созваны къ окончанію, до тѣхъ поръ собраніе ихъ распущено не будетъ» (№ 20.734).

Обращенія государя мало дѣйствовали: дворянство продолжало уклоняться отъ службы по выборамъ. Въ 1808 г. во многихъ уѣздахъ псковской губерніи мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, оставались не замѣщенными, по уклоненію отъ службы дворянъ. Поэтому, было предписано: въ подобныхъ случаяхъ мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, замѣщать чиновниками отъ герольдіи (П. С. № 23.170). Въ 1818 г. смоленское губернское правленіе

доносило сенату, что при баллотировкѣ этого года, чиновники избранные дворянствомъ, не вступая въ должности, или мало прослуживъ, болѣютъ и просятъ увольненія отъ службы, а кандидаты ихъ также отказываются; назначенные же новые выборы не приводятъ ни къ какимъ результатамъ (П. С. № 27.247). Подобныя донесенія продолжаются: въ 1827 г. тверской гражданскій губернаторъ представлялъ, что губернскія начальства затрудняются замѣщеніемъ должностей, зависящихъ отъ выборовъ дворянства, по причинѣ уклоненія избираемыхъ дворянъ, то чтобъ распространить и на тверскую губернію указъ 1808 г. объ опредѣленіи на мѣста, отъ дворянскихъ выборовъ зависящія, чиновниковъ отъ герольдіи. По внесеніи этого дѣла въ комитетъ министровъ, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представлялъ, что такія затрудненія встрѣчаются не по одной тверской, но и по другимъ губерніямъ. При этомъ онъ предложилъ: 1) если втеченіе трехлѣтія какое-нибудь мѣсто будетъ оставаться вакантнымъ, по уклоненію избранныхъ на него дворянъ, то чтобъ поступать на основаніи указа 20 іюля 1797 г., т. е. замѣщать такія мѣста самимъ губернскимъ правленіямъ и 2) чтобъ эти чиновники, назначенные губернскимъ правленіемъ, при наступленіи новыхъ выборовъ, въ случаѣ согласія дворянскаго собранія, оставляемы были на ихъ мѣстахъ, или баллотируемы вмѣстѣ съ дворянами той губерніи или того уѣзда, по которымъ они занимали мѣсто. Предложеніе это, принятое комитетомъ министровъ, было утверждено государемъ (2-е П. С. № 853) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дворяне уклонялись отъ выборовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они состоятъ въ должности церковныхъ старостъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1827 г. предписалъ, что исполненіе этихъ должностей не можетъ служить законнымъ поводомъ уклоненія (Варадинова: Ист. мин. вн. дѣлъ).

Для того, чтобы поднять значеніе дворянскихъ выборовъ и болѣе привлечь къ участію въ нихъ знатное дворянство, не желавшее мѣшаться съ мелкопомѣстнымъ, въ 1831 г. былъ

повышенъ цензъ, устранившій мелкое дворянство отъ непосредственнаго избранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ 1831 г. участіе дворянъ въ собраніяхъ прямо называетъ ихъ *обязанностію* (2-е П. С. № 4.989, § 48), отъ которой они могутъ освобождаться только вслѣдствіе законныхъ причинъ, между прочимъ 60-лѣтняго возраста (16. § 49). Если же они не могутъ явиться на выборы, то должны представить отзывы, поступающіе на предварительное заключеніе депутатскаго собранія и предводителей дворянства. Эти отзывы, вмѣстѣ со списками неявившихся и непредставившихъ никакого увѣдомленія дворянъ, поступали на расмотрѣніе собранія. И если собраніе находило отзывъ неосновательнымъ, или же если не было никакого увѣдомленія, то своимъ постановленіемъ, состоявшимся единогласно, или большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, оно могло сдѣлать дворянину въ первый разъ замѣчаніе, во второй наложить на него пеню впользу дворянской казны 25—250 р., смотря по его состоянію, а въ третій разъ могло исключить на время изъ дворянскаго собранія (Ib. § 69). Точно также, если кандидатъ, избранный для замѣщенія вакансій, не являлся въ срокъ къ исправленію должности, то подвергался штрафу въ 100 р. (Ib. § 118). Послѣ этого, 1 января 1832 года, былъ изданъ указъ, въ которомъ государь изъявлялъ надежду, что *дворянство устремится къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей* (2-е № 5053). Несмотря на это, начальники губерній продолжали жаловаться на уклоненія дворянъ отъ выборовъ, и еще въ 1843 г. предписывалось строжайше соблюдать законъ 1831 г. о взысканіяхъ за неявку на выборы (1-е П. С. № 16.848). Но развѣ трудно было богатому дворянину за 25 — 250 р. штрафа не лишиться увеселеній шумнаго сезона столицы?

Такое отношеніе дворянства къ выборамъ неминуемо должно было отражаться и на качествѣ избираемыхъ имъ лицъ.

О качествѣ лицъ, избираемыхъ дворянствомъ въ 18 столѣтіи, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Приблизительное понятіе о нихъ могутъ дать слѣдующіе примѣры. Когда Мельгуновъ былъ

генералъ-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, подъ начальствомъ его состоялъ кадниковскій исправникъ, Безобразовъ, имѣвшій слабость драться со встрѣчнымъ и поперечнымъ. Однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ священникомъ, и учинилъ ему побои «и дароносицу, которую священникъ держалъ какъ щитъ отъ лютаго исправника повредилъ, и клокъ бороды вырвалъ». Дворянскій же засѣдатель яренскаго земскаго суда, совмѣстно съ тамошнимъ стряпчимъ, удавилъ расправнаго судью (Р. Арх. т. III. О Мельгуновѣ).

Больше имѣемъ данныхъ, чтобъ судить о качествѣ лицъ избиравшихся дворянствомъ втеченіе текущаго столѣтія. Данныя эти заключаются не въ личныхъ воспоминаніяхъ о предводителяхъ, позволявшихъ разорять имѣнія сиротъ, остававшихся и безъ куска хлѣба и безъ всякаго образованія, обижать и разорять крестьянъ; о судьяхъ, засуживавшихъ правыхъ и за посулы оправдывавшихъ виноватыхъ; объ озорникахъ-исправникахъ, лакействовавшихъ предъ богатыми дворянами и спуску недававшими мелкопомѣстью — эти данныя официальнаго характера: онѣ заключаются въ докладахъ министровъ внутреннихъ дѣлъ государю, онѣ *неизгладимыми буквами* напечатаны въ П. С. З.

Гр. Закревскій, бывши министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1831 г., доносилъ государю: «усердіе и честность членовъ земскихъ судовъ нерѣдко измѣняютъ видъ свой подъ бременемъ бѣдности. Дворянинъ, имѣющій порядочное состояніе, избѣгаетъ той должности по выборамъ, *которая ничего не обѣщаетъ, кромѣ труда и отвѣтственности.* Званіе земскихъ засѣдателей, по обязанностямъ своимъ весьма важное, къ несчастію, въ общемъ мнѣніи пришло въ униженіе. Отъ того мѣста сіи чаще всего достаются тѣмъ людямъ, которые или не хотятъ служить, но не изыскали средства избѣгнуть выборовъ, или вовсе неспособны къ службѣ, но, не имѣя никакой фортуны, доискивались какой-нибудь должности. *Весьма примѣтно, что дворянскіе выборы далеко уклонились отъ прямой цѣли своего установленія*» (Варадиновъ: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ).

Издавъ положеніе 6 декабря 1831 г., императоръ Николай I, 1 января 1832 г., предписалъ губернскимъ предводителямъ дворянства обращать вниманіе, чтобы на службу по выборамъ избирались люди достойные и способные.

«Изъ свѣдѣній, доходившихъ до меня» говоритъ императоръ въ указѣ на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «Я съ прискорбіемъ видѣлъ, что выборы дворянскіе не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства. Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ запутанность и упущеніе, постановляющія высшіе судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона». Императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся, что послѣ манифеста 6 декабря 1831 г. дворянство обратитъ бо́льшее вниманіе на избраніе чиновниковъ, *истинно достойныхъ имени блюстителей порядка и правосудія* (2-е № 5.053). Но ожиданія императора не сбылись: гр. Перовскій, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842 г., писалъ «дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. *Чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко менѣе способны и надежны*, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства. На выборахъ не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу. Званіе земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи» (Варадиновъ: И. м. вн. д.).

Какъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣло дворянство на земскихъ исправниковъ — эту важнѣйшую должность въ уѣздѣ, которую Гакетгаузенъ уподобляетъ должности французскаго префекта или прусскаго ландрата — видно изъ словъ, сказанныхъ однимъ образованнымъ русскимъ дворяниномъ этому

*

умному, хотя и тенденціозному, наблюдателю нашей страны (Et. T. III p. 57). Какъ смотрѣлъ на эту должность народъ? Черемисы отождествили земскій судъ съ духомъ зла, которому они воздвигли идола и приносили жертвы (ib. p. 58). Не даромъ, когда начальники губерній излагали свои мнѣнія о преобразованіи уѣздныхъ учрежденій, то кіевскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, вмѣстѣ съ губернаторами другихъ губерній, полагалъ, что вслѣдствіе предубѣжденія, существующаго въ народѣ и обществѣ противъ земскихъ исправниковъ, слѣдовало бы это наименованіе замѣнить другимъ — начальника уѣздной полиціи, или уѣзднаго начальника (Труды коммисіи о губ. и уѣздн. учрежд., ч. 1, стр. 2).

Было время, когда на дворянствѣ лежала обязательная служба государству въ полкахъ и канцеляріяхъ. Пришла пора, когда служба эта была отмѣнена манифестомъ 1762 г. Послѣ этого настало новое время, когда потребности преобразованнаго Екатериной II губернскаго управленія заставили законодательницу положить на души дворянскихъ обществъ личный составъ мѣстныхъ судовъ и полицій. Переживается и эта пора нашимъ быстро развивающимся государствомъ: преобразованіе земской полиціи, послѣдовавшая затѣмъ судебная реформа, снимаютъ съ дворянскихъ душъ мѣстное судебное и полицейское тягло. Этимъ подрывается послѣднее основаніе крѣпостнаго права и привиллегій дворянства. Мѣстная служба перелагается на души свободнаго безсословнаго земства. Надъ Россіей занимается новая заря; для дворянства, созданнаго и организованнаго *пережитыми* потребностями государства, наступаетъ пора кризиса. Какимъ свѣтомъ озарится родная земля? Какъ выйдетъ дворянство изъ наступившаго для него кризиса? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ—задача будущаго; задача жизни, гдѣ борются и интригуютъ страсти, перекрещиваются интересы, созидаются новыя начала и разрушаются старыя—а не кабинета, заваленнаго запыленными книгами. Въ этихъ запыленныхъ книгахъ—матеріалъ для оцѣнки и выясненія пропилыхъ судебъ нашего дворянства. Мы старались собрать этотъ матеріалъ и

посильно его сгруппировать. Этимъ мы разрѣшаемъ и задачу нашего изслѣдованія. Да послужитъ нашъ муссоръ, наши кирпичи болѣе талантливому зодчему для окончательнаго выясненія прошлой жизни дворянства — для разрѣшенія этого капитальнѣйшаго вопроса въ исторіи нашего общественнаго строя!

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Основной фондъ служилаго класса — дворяне и дѣти боярскіе, по преимуществу помѣщики. Царскіе чиновные люди разныхъ другихъ степеней встрѣчались главнымъ образомъ въ Москвѣ. Не то же ли, что и въ классѣ городскихъ обывателей, *посадскіе* провинціальныхъ городовъ въ столицѣ имѣли чины гостей, гостинныхъ сотенъ и т. д.?

[2]) Въ первоначальныхъ указахъ Петра Великаго о призывѣ на службу переименовываются отдѣльные чины: напримѣръ, въ 1706 г. «стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы» (№ 2.098). Того же года: «на службѣ быть въ Брянскѣ стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцамъ, брянскимъ, карачевскимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ» (№ 2.107), или: «стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе» (№ 2.111). Слово *шляхетство*, какъ наименованіе цѣлаго сословія, и *дворянинъ*, какъ наименованіе отдѣльнаго его члена, встрѣчаются въ первый разъ въ одномъ указѣ 1712 г.: «сказать всему *шляхетству*, чтобъ каждый *дворянинъ* (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому офицеру». (№ 2.467). Но въ томъ же году въ указѣ о переселеніи въ С.-Петербургъ переименовываются отдѣльные чины «бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники комнатные и стольники же и стряпчіе и дворяне московскіе и дьяки и жильцы, генералы, бригадиры, полковники и офицеры и ландрихтеры и коммисары (№ 2.467, 2.563). Въ одномъ указѣ 1713 г. различаются *вышніе чины* и *шляхетство* (№ 2.650). Въ Уставѣ Воинскомъ 1716 г. Гл. I: *шляхетству россійскому* иной способъ не остается въ офицеры происходить, кромѣ что служить въ гвардіи (№ 3006). Въ указѣ 1722 г. о явкѣ *шляхетству* и о шельмованіи за неявку (№ 3874). Въ табели о рангахъ сословіе называется не *шляхетствомъ*, но *дворянствомъ* (№ 3890). Въ инструкціи герольдмейстеру, Колычову поручается ему вѣдать всего государства не *шляхетство*, но *дворянство* (№ 3896). Указъ 1724 г. говоритъ о неопредѣленіи въ секретари не изъ *шляхетства* (№ 4449). Екатерина I сословіе называетъ *шляхетствомъ* (№ 5016). Особенно милымъ для сословія это выраженіе дѣлается при Аннѣ Іоановнѣ, когда въ указахъ весьма рѣдко мы встрѣчаемъ выраженіе *дворянство*, даже отдѣльные члены котораго называются *шлахтичами*. Воинская коммисія, напримѣръ, въ 1731 г. представляла сенату: что *шляхетные* домы и деревни разоряются отъ того, что всѣ *шляхетскія* дѣти служатъ въ полкахъ,

то «дабы впредь каждый *шляхтичъ* по послѣдней мѣрѣ одного сына въ домѣ содержалъ» (Штаты военно-сухопутные, Т. XLIII ч. I стр. 81). Анна Леопольдовна называетъ также сословіе *шляхетствомъ* (№ 8331). Елизавета Петровна свою лейбъ-кампанію возводитъ въ *дворянство* (№ 8491), но въ одномъ указѣ ея 1744 г. сословіе называется *шляхетствомъ* (№ 9013). Государственный Заемный Банкъ учреждается для *дворянства*, въ 1754 г. (№ 10.235). Въ томъ же году недорослямъ изъ *шляхетства* дозволено обучаться въ московскомъ университетѣ (№ 10.558), а въ указѣ 1758 г. обучающееся въ московскомъ университетѣ шляхетство названо *дворянскими дѣтьми* (№ 10.812). Съ манифеста 1762 г. окончательно устанавливается названіе сословія *дворянствомъ*. Подъ этимъ названіемъ сословіе фигурируетъ въ коммисіи 1767 г. Вообще, только дворянство малороссійское и смоленское называлось тогда *шляхетствомъ*; впрочемъ, *шляхетствомъ* называетъ себя и тульское дворянство въ наказѣ своему депутату (Сб. Русск. Ист. Общ. и стр. 244), костромской наказъ также говоритъ о *шляхетскомъ* правѣ (ib. стр. 398). Въ жизни, какъ видно изъ сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣтія, наименованіе сословія *шляхетствомъ* употреблялось и послѣ того. Жалованная дворянству грамота окончательно замѣняетъ это выраженіе словомъ *дворянство*, болѣе подходящимъ къ историческимъ особенностямъ нашего высшаго класса. Замѣтимъ, что въ первую половину 18 в. выраженіе *маетности* замѣняло выраженіе *вотчины и помѣстья*.

[3]) Малороссіяне жаловались Петру II на лубенскаго полковника Маркова (не Марковича ли?) между прочимъ и за то, что онъ «*дворянъ* и слугъ своихъ сотниками наказными опредѣлялъ». Въ 1734 г. Яковъ Марковичъ писалъ до своего экономa, чтобъ *курвичики* и *дворяне* были готовы къ походу съ нимъ (Дп. зап. I. 423 Р. арх. ч. II). Между прочимъ, въ Западной Россіи слово дворянинъ имѣетъ въ 18 в. и другое значеніе: бояре, жившіе селами въ окрестностяхъ Овруча вначалѣ 18 в, именовались *дворянами* (книга гродская овруцкая, записовая и поточная 1700 — 1703 г. № 3.220. Кіевскаго центральнаго архива). Вообще, въ западно-русскихъ актахъ 18 ст., рядомъ съ *шляхетствомъ*, упоминается *дворянство*. Въ каменецъ-подольской, напримѣръ, гродской декретовой книгѣ 1710 — 1712, Кіевскаго центральнаго архива, подъ № 4022, помѣщена тяжба между *шляхтичами* за причиненіе чарами смерти лошади, а въ кременецкой гродской поточной 1701 г., подъ № 1610 — тяжба за изнасилованіе *дворянки дворяниномъ*. Въ актахъ, рядомъ съ дѣлами *шляхетства* — наѣздами, грабежами, безчинствомъ на сеймикахъ и т. п. — встрѣчаются дѣла *дворянства* — протесты о незаконности сеймиковъ, о неправильномъ выборѣ депутатовъ въ трибуналъ и т. п. Имѣнія на Украинѣ, оставшіеся послѣ *дворянъ* Мазепы и Свищевскаго отданы были королемъ въ 1703 г. Яловицкому (Мы пользовались для этихъ указаній описью актовъ, относящихся къ быту западно-русскаго дворянства, обязательно намъ доставленною г.

Козловскимъ). *Боярами* у малорусскихъ пановъ въ 18 в. назывались *мужики*, назначавшіеся для посылокъ: въ 1737 г. Марковичъ писалъ до своего перервинскаго прикащика, что бы тотъ защитилъ перервинскихъ *бояръ*, которые должны приготовиться въ походъ съ нимъ, отъ наборщиковъ (Дневн. Записка: ч. II. стр. 22).

[4]) Вотъ эта вѣдомость (II): въ 1700 г. государь указалъ быть въ полку Головина въ свѣйскомъ походѣ

Стольникамъ	2.920	человѣкъ.
Стряпчимъ	1.497	—
Дворянамъ	1.659	—
Жильцамъ	5.457	—

[5]) Отцу Храповицкаго похвала «*онъ изъ дворянъ*». Слезы о смерти Потемкина: «какъ можно мнѣ замѣнить Потемкина: онъ былъ *настоящій дворянинъ* ....» «Онъ *настоящій былъ дворянинъ*: его не можно было купить».. (Зап. Храповицкаго).

[6]) Въ томъ же (1704) году явились прибыльщики, люди боярскіе: кн. Голицына — Степанъ Варахсинъ, кн. Черкасскаго — Василій Ершовъ, думнаго дворянина Крущова — знаменитый оберъ-фискалъ Нестеровъ и др. (Записки Желябужскаго).

[7]) Генеалогіи Меншикова и Разумовскихъ изобрѣтены были малороссійскими піитами и учеными—питомцами кіево-братской академіи и польскихъ шляхетскихъ теорій. Нахлѣбникъ Меншикова, Кременецкій, въ своей *Лаврѣ* производилъ родъ своего патрона «изъ фамиліи благородной литовской» (Пекарскаго Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Т. I. стр. 329). Еще пышнѣе генеалогію для сыновей лемешовскаго регистроваго казака, Григорія Розума, изобрѣла кіево-братская академія (Осмн. Вѣкъ, кн. 2-я). Румянцевъ въ письмахъ къ Екатеринѣ II, 1766 г., жаловался, что при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ «не обошлося безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо вначалѣ онаго не всталъ, укоряя другаго не быть шляхтичемъ, а таковй раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина или отъ жида»... (Р. В., 1861 г. Т. XXXV). Малороссійское шляхетство, лучшіе представители котораго вышли изъ рядоваго казачества, а большинство происходило отъ самыхъ темныхъ проходимцевъ и авантюристовъ, любило выводить свои роды изъ старинной Польши. — Одна изъ знатнѣйшихъ шляхетскихъ фамилій въ Малороссіи конца прошлаго вѣка, *Будлянскіе*, произошли отъ Уласа Климовича Будлянскаго, ткача по ремеслу, женатаго на старшей сестрѣ гр. Разумовскихъ, Агафьѣ Григ. Сынъ Уласа, Михайло, тайный совѣтникъ и владѣлецъ около 7.000 душъ крестьянъ обоего пола, представилъ въ 1784 г. въ черниговское губернское дворянское собраніе доказательство о дворянствѣ своемъ, въ которомъ показывалъ, что онъ «имѣетъ совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ тамо существуетъ, именуется и гербомъ печатается»... (Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ черниг. губ. Зап. черниг. губ. статист. комитета

кн. 2-я). — Мы не знаемъ доказательствъ дворянства другой *аристократичнѣйшей* малороссійской фамиліи — *Закревскихъ*, происшедшей отъ закройщика, женатаго на второй сестрѣ Разумовскаго, Аннѣ Григорьевнѣ.—Депутатъ отъ шляхетства гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ, Николай Мотонисъ, въ одномъ засѣданіи коммиссіи 1767 г. совершенно справедливо сказалъ: «во всякомъ родѣ первые, получившіе дворянское достоинство, были или мѣщане, или земледѣльцы»... (Сб. Русск. ист. общ. Т. IV. стр. 169).

[8]) Для характеристики нравовъ нашихъ сановниковъ 18 в. имѣютъ нѣкоторый интересъ слѣдующія указанія: въ 1718 г. Петръ Великій предписывалъ коллежскимъ членамъ, чтобъ у нихъ въ засѣданіи «лишнихъ словъ и болтанья не было, на то время ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить, также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ-торговкамъ» (Дмитріева: Исторія суд. инстанцій, стр. 500). — Въ 1718 г., въ указѣ о долж. ности сената, Петръ писалъ: «никому въ сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о посторонихъ дѣлахъ, которыя не касаются къ службѣ нашей, меньше же кому дерзновеніе имѣть бездѣльными разговорами или шутками являтися; но надобно вѣдать, что есть оное мѣсто сочинсно, гдѣ поступать подобаетъ со всякою надлежащею учтивостію...» (П. С. 3. № 3.294 § 9). Екатерина II писала въ 1763 г. сенату: «присутствующіе въ сенатѣ имѣютъ междоусобное нѣсогласіе, вражду и ненависть, и одинъ другаго дѣлъ не терпятъ, и потому и раздѣляются на партіи, и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя, словомъ сказать, производятъ совсѣмъ благоразумнымъ и доброжелательнымъ людямъ дѣла несвойственныя; чтожъ отъ того рождается? Одна только безпредѣльная злоба и раздоръ, а тѣмъ самымъ ни интересамъ нашимъ и подданнымъ желаемой пользы не приходитъ»... (II. С. № 11.845). Сенатъ былъ отданъ въ науку генералъ-прокурору кн. Вяземскому, получившему отъ императрицы весьма интересную инструкцію. По и послѣ этой науки, онъ былъ не безупречнымъ. По дѣлу губернатора иркутскаго и колыванскаго, ген. поручика Якоби, состоявшему изъ нѣсколькихъ тысячъ листовъ, императрица нашла только сплетни, несогласія между сенаторами, сужденія сенаторовъ и заключенія оберъ-прокуроровъ, не сообразныя ни съ справедливостію, ни съ законами, излишества, упущенія и безпорядки канцелярскіе (П. С. № 17.166). Далеко-ли ушли наши теперешнія коллегіи отъ прародительницъ своихъ—коллегій 18 вѣка?

[9]) «Кстати я вспомнилъ» говоритъ въ своемъ Дневникѣ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ «и о распубликованной недавно на русскомъ языкѣ длинной табели о рангахъ, которая составлена частію по шведскому, частію по англійскимъ образцамъ. По ней особенно морскіе чины поставлены очень высоко» (Ч. 2-я стр. 192). Берхгольцъ ошибался: морскіе чины по табели не были поставлены выше сухопутныхъ. «На морѣ командовать морскому надъ сухопутнымъ, а на земли сухопутному надъ

морскимъ» (№ 3.890. п. 2). Но воинскіе чины были поставлены выше гражданскихъ. Отсюда гражданскіе чины любятъ именоваться военными: коллежскіе асессоры — мойорами, коллежскіе совѣтники — полковниками, статскіе совѣтники — бригадирами, дѣйствительные статскіе — генералами. Отсюда: подтвержденія о первенствѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими (напр. № 5.877), и запрещенія (первое въ 1731 г.) гражданскимъ чинамъ именоваться военными (№ 5.878). Но гражданскіе чины не отстаютъ отъ этого обычая: въ 1736 опять повелѣвается *статскимъ* чинамъ не именоваться военными (№ 7.021). Обычай все-таки продолжается: въ 1793 г. опять подтвержденіе прежнихъ запрещеній (№ 17.159). Но прелесть военнаго чина продолжаетъ быть обаятельною для мирныхъ чиновъ гражданскихъ: въ царствованіе императора Николая, каждый дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ душѣ своей, воображалъ себя военнымъ генераломъ. Такое самозванство едва-ли искоренилось и въ настоящее время, развѣ искоренятъ его молодые и прогрессивные дѣйствительные статскіе совѣтники, которые вполнѣ удовлетворены прелестью одного гражданскаго элемента этого поистинѣ прелестнаго чина?

[10]) Напримѣръ: въ 1712 г. списокъ тѣхъ дворянъ, которые должны были переселиться въ Спб., постановлено прочесть на красномъ крыльцѣ, а къ *знатнымъ* людямъ послать о томъ повѣстки на дворы (№ 2467); въ 1722 г. постановлено домовыя церкви вездѣ упразднить, дабы *господа* ходили къ приходскимъ церквамъ, какъ опредѣлено духовнымъ регламентомъ, только престарѣлымъ дозволено имѣть въ домахъ антиминсы (№ 3964), а въ слѣдующемъ году дозволено имѣть антиминсы въ домовыхъ палатахъ *знатнымъ особамъ* (№ 4320); въ томъ же, 1723 г., повелѣно «человѣческихъ тѣлесъ, кромѣ *знатныхъ персонъ*, внутрь городовъ не погребать» (№ 4322). Впрочемъ, еще вопросъ, кого здѣсь разумѣлъ Петръ Великій подъ знатными особами и персонами — знатныхъ чиномъ, или породой? Можно толковать, пожалуй, двояко, но болѣе основаній предполагать, что онъ разумѣлъ здѣсь *знатныхъ чиномъ*. На вопросъ сената въ 1724 г., которое *шляхетство* за знатное считать? Государь отвѣтилъ: знатное *дворянство* по годности считать (№ 4588 § 9). Табель о рангахъ: «Сыновьямъ Россійскаго государства, князей, графовъ, бароновъ, *знатнѣйшаго дворянства*, такожде служителей знатнѣйшаго ранга, хотя мы позволяемъ для *знатной ихъ породы*, или ихъ отцовъ знатныхъ чиновъ въ публичной ассамблеѣ, гдѣ дворъ находится, свободный доступъ, и охотно желаемъ видѣть, чтобъ они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались; однакожъ мы для того никому какого ранга не позволяемъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за *оныя характера* не получатъ» (№ 3890 § 8).

[11]) Размѣщеніе членовъ общества по рангамъ требуется табелью только въ церквахъ и придворныхъ церемоніалахъ, «но не въ такихъ оказіяхъ, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся, или въ публичныхъ ассамблеяхъ, которыя Петръ Великій старался сдѣлать

безсословными и безчиновными (см. Объявленіе ген.-полицейм Девіера 1718 г. О порядкѣ собраній въ частныхъ домахъ подъ № 3.246 § 6). Но нравы общества пошли дальше закона: стали размѣщаться и чествоваться по чинамъ, даже на съѣздахъ добрыхъ друзей и сосѣдей. Кто не знаетъ, какъ на нашихъ обѣдахъ — особенно деревенскихъ — по чинамъ разносятся кушанья? Мы знавали одну помѣщицу, которая во время обѣда прикрикнула на слугу за то, что тотъ обнесъ кушаньемъ полковника.

[12]) Вотъ эта страница:

«A présent en Russie, indépendamment des avantages que procure partout la fortune où la facilité de s'approcher de la cour, un noble n'est distingué d'un autre, que par l'emploi qu'il occupe et qui lui marque son rang. Les titres, l'ancienneté de la noblesse, l'illustration de ses pères n'empêchent pas celui à qui son emploi ne donne que le rang de lieutenant, d'être, même hors du service militaire, inférieur à un capitaine tiré de la plus nouvelle noblesse ou même de la classe des affranchis».

[13]) «Издревле дворянство въ Россіи пріобрѣталось службою; но условія пріобрѣтенія онаго по временамъ измѣнялись, съ измѣненіемъ порядка военной и гражданской службы». (Слова манифеста 11 іюня 1845 г. 2-е П. С. № 19.086).

[14]) Первые оберъ-офицерскіе чины по табели имѣютъ другія наименованія: фендрики, флигель-адъютанты при генералъ-лейтенантахъ (флигель-адъютанты въ теперешнемъ значеніи — при особѣ государя-императора — учреждены Екатериной II въ 1775 г. № 14.369) и штабъ-фуріеры у бригадировъ — по сухопутной части, инженерскіе фендрики — по артиллеріи, фендрики классомъ выше (12) — по гвардіи, корабельные коммисары, шкиперы 2-го ранга и констапели — по морской части (№ 3.890). — Еще до табели о рангахъ, въ 1721 г., было постановлено: «всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство» (II. С. № 3.705).

[15]) Пожарскій называетъ кн. Вас. Вас. Голицына, вначалѣ 17 вѣка, *столпомъ* государства; *столповыя фамиліи* въ 17 столѣтіи — Голицыны, Воротынскіе, Мститлавскіе и др. противополагаются *новымъ фамиліямъ*: Ордынъ - Нащокинъ, Матвѣевъ и др. *Отсюда столбовое дворянство*—столбы государства, на которые опирается тронъ. (См. Историч. письма Соловьева, II. Р. Вѣстн. 1858 г., т. XV).

[16]) По исчисленію Манштейна (Г. II 324), которое оправдывается статистическими данными, собранными Миллеромъ для Вольтера (Р. В., т. XVII)—число дворянъ обоего пола въ ихъ время было до 500.000 душъ обоего пола. Но едва ли вычисленіе было вѣрно. Екатерина II, въ своихъ *отвѣтахъ* гр. Сегюру, говоритъ. «Всего труднѣе было бы опредѣлить *число дворянъ*, владѣющихъ и невладѣющихъ имѣніями. Но безъ сомнѣнія болѣе 10.000 дворянъ состоитъ на службѣ, въ однихъ

гвардейскихъ полкахъ ихъ болѣе 3.000; армія, кадетскіе корпуса, числомъ три, а именно—сухопутный, морской и артиллерійскій, въ коихъ въ совокупности болѣе 1.000 человѣкъ, и на которые постоянно жалуются за то, что они не принимаютъ всѣхъ желающихъ поступить туда, — флотъ и артиллерія наполнены дворянами, не считая гражданскихъ вѣдомствъ и двора; еще гораздо большее число ихъ живетъ въ своихъ владѣніяхъ, въ губернскихъ городахъ и столицахъ особенно въ Москвѣ и Казани» (Заря, іюнь, 1870 г.). Вычисленіе Манштейна и Миллера оказываются, такимъ образомъ, преувеличенными. Число дворянъ впослѣдствіи увеличилось, особенно вслѣдствіе пріобрѣтенія отъ Польши западно-русскихъ губерній, съ многочисленнымъ дворянствомъ, и распространенія правъ россійскаго дворянства на высшіе классы иноплеменные. Въ европейской Россіи, по «таблицамъ» центральнаго статистическаго комитета за 1858 г., считалось:

потомственныхъ дворянъ обоего пола . . .	609.973
личныхъ дворянъ и чиновниковъ	276.809
сюда нужно прибавить для Сибири	17.484
— Кавказа	13.000
Всего	1.002.000 душъ

обоего пола, или 1 дворянинъ на 68 жителей (См. Первое дополненіе къ сравнительной статистикѣ Кольба стр. 166).

[17]) Это число собственно русскихъ породистыхъ фамилій. Сюда не причислены ни фамиліи, возведенныя въ княжескіе, графскіе и баронскіе титулы россійскими и иностранными монархами, ни фамиліи вышедшія изъ Литвы и Польши, гдѣ онѣ существовали до 1600 г. (Баратынскіе, Булгарины, Войны, Дунины, Комаровскіе, Танскіе и т. д.), ни иностранныя фамиліи, вышедшія изъ другихъ странъ (Багговуты, Балкъ—Полевы, Ф. Визины, Лесли, Нироды, Поли, Рамзаи, Торнау и др.), ни фамиліи малороссійскія, находившіяся въ числѣ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ (Бутовичи, Гамалѣи, Галаганы, Горленки, Дараганы, Дмитрашко-Райче, Забѣллы, Иваненки, Искры, Кочубеи, Милорадовичи, Якубовичи и т. д.), число которыхъ, по книгѣ Долгорукова 120, но изъ нихъ многія, и можетъ быть самыя лучшія, захудали (Дорошенки, Искры, Наливайки, Полуботки и др.), а другія или совершенно исчезли, или затерялись въ массѣ народа (Мазепа, Многогрѣшные, Орлики, Павлюки, Паліи, Подковы, Тетеря, Трясило и т. д.). Къ аристократіи нашей принадлежитъ также потомство сановниковъ первыхъ двухъ классовъ: 18 вѣка 64 фамиліи (Мелиссино, Михельсоны, Олицы, Сиверсы, Симолины, Фроловы-Багрѣевы и т. д.) и 122 фамиліи 19 вѣка до царствованія императора Александра II (Аракчеевы, Балашовы, Инзовы, Кавелины, Кайсаровы, Кащевичи и т. д.) (Росс. родосл. кн. кн. Долгорукова, ч. 1 стр. 9—46).

[18]) Гакстгаузенъ познакомился съ капитаномъ Хорватомъ (de Khorwat), которому по наслѣдству досталось только 30 душъ, тогда какъ

онъ происходилъ отъ новороссійскаго Хорвата, 50 лѣтъ назадъ владѣвшаго 6.000 душъ крестьянъ (прим. къ 53 стр. 3 т. Etudes).

[19]) Впрочемъ, еще при Петрѣ Великомъ въ дворянское достоинство возведенъ Кузьма Гурьевъ, родоначальникъ гр. Гурьевыхъ (Долгорукаго: ч. 2 стр. 234).

[20]) Родоначальникъ нашихъ орденовъ—св. Андрея Первозваннаго—основанъ въ 1698 г., и кажется первымъ его кавалеромъ былъ гетманъ Мазепа, а по другимъ Ѳ. А. Головинъ.

Въ 1714 г., въ память похода противъ турокъ, 1711 г., съ согласія императора — Екатериной I основанъ орденъ освобожденія — св. великомученицы Екатерины для особъ женскаго пола. Приготовляясь къ персидскому походу, Петръ Великій хотѣлъ учредить орденъ Александра Невскаго, что было исполнено преемницей его въ 1725 г. Въ 1769 г. основанъ для воинныхъ заслугъ орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Затѣмъ въ 1782 г., въ память совершившагося двадцатилѣтія своего коронованія, Екатерина II учредила орденъ св. равноапостольнаго кн. Владиміра. Въ 1735 г. Карлъ-Фредерикъ, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, въ память супруги своей Анны Петровны, основалъ орденъ св. Анны; по прибытіи въ Россію наслѣдника престола, Петра III, въ 1742 г., орденъ этотъ начали жаловать россійскіе монархи, а въ 1797 г. Павелъ I присоединилъ его къ числу императорскихъ орденовъ. Онъ обратилъ большое вниманіе на устройство орденовъ. «Все кавалерское общество вообще всероссійскія имперіи, да будетъ почитаемо, яко единое тѣло и яко единый россійскій кавалерскій чинъ или орденъ». 4 янв. 1797 г. конвенціей, заключенной съ державнымъ орденомъ мальтійскимъ и его преимуществомъ гросъ-мейстеромъ, орденъ Іоанна Іерусалимскаго, существовавшій уже въ Польшѣ, былъ принятъ и въ Россіи (№ 17.708). 5 апрѣля 1797 г. издано установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ, устанавливающее коммандорственныя имѣнія (№ 17.908). Установленіе это игнорируетъ ордена Георгія и Владиміра. Но при чтеніи его въ Успенскомъ соборѣ, 14 апр. 1797 г., государь изрекъ съ престола: «А орденъ св. велик. и поб. Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи, такъ какъ и статутъ его» № 17.917). Александръ I возстановилъ св. Владиміра, отмѣнивъ орденъ мальтійскій (еще въ 1817 г. состоялось запрещеніе носить этотъ орденъ № 26.626). Въ 1815 г. къ императорскимъ орденамъ присоединены были царскіе св. Станислава и Бѣлаго Орла — окончательно въ 1831 г.

[21]) Впрочемъ, кн. Голицыны, выходцы изъ Литвы, происходящіе отъ Гедимина, чрезъ кн. Мих. Ив. Голицу — боярина, умершаго инокомъ Іоной, въ 1558 г. — могли давно имѣть свой породный гербъ, еще вывезенной ими изъ Литвы. (См. Долгорукова: Росс. род. кн, ч. I стр. 309). То же самое было и со многими другими фамиліями.

[22]) До 1726 г. въ дипломахъ на дворянство писалось: «кто не будетъ признавать такихъ-то за дворянъ, тотъ будетъ наказанъ» (Чтенія,

кн. 2-я, 1858). Въ П. С. этого, впрочемъ нѣтъ. — Екатерина II, какъ видно изъ записокъ Храповицкаго, собственноручно составила форму грамоты дворянамъ, коихъ родъ внесенъ въ губернскую родословную книгу. Форма эта была обнародована въ 1788 г. (П. С. № 16.698). Въ 1817 г. постановлено было министру юстиціи контрасигнировать дипломы на дворянское достоинство (№ 26.232). Въ концѣ 1860 г. установлена новая форма грамотъ на дворянство, выдаваемыхъ дворянскими депутатскими собраніями, нѣсколько измѣняющая помѣщенную въ приложеніи къ ст. 1.646 Т. IX изд. 1857 г. (2-е П. С. № 35.668).

[33]) Въ 1 часть, изданную въ 1798 г., внесено:

1-е отдѣленіе { княжескихъ фам. . . . 15
графскихъ. » . . . 17
дворянскихъ » . . . 50
2-е отдѣленіе (пожалов.). . . . . 21 ф.
3-е отдѣленіе (чинов.). . . . . 42 ф.
(П. С. № 18.333).

Во 2 часть, изданную въ томъ же году:

1-е отдѣленіе { княжескихъ 9
графскихъ. 7
дворянскихъ 120
2-е отдѣленіе (пожалов.). 7
3-е отдѣленіе (чинови.). 9
(П. С. № 18.595).

Въ 3 часть, изданную въ 1799 году:

князей 2
графовъ 3
бароновъ . . . . . 2 (Черкасовъ, Аракчеевъ, впосл. графъ).
дворянъ . . . . . 131. (Изъ малороссійскихъ: Кочубеи, Судіенко, Миклашевскіе, Селецкіе, Милорадовичи).
(П. С. № 18.834).

Въ 4 часть, изданную въ томъ же году:

1-е отдѣленіе { князей 7
графовъ 8
дворянъ . . . . . 128. (Изъ малороссійскихъ: Мищенки, Кондыбы.)
2-е отдѣленіе (пожалов.). . . . . 2 фам.
3-е отдѣленіе (чинов.). . . . . 6 фам.
(П. С. № 19.238).

Въ 5 часть, изданную въ 1800 году:

1-е отдѣленіе { князей 7
графовъ 2
бароновъ 1
дворянъ . . . . . 128. (Изъ малороссійскихъ: Горленки, Галаганы).

2-е отдѣленіе (пожалов.). 10
3-е отдѣленіе (чинов.). 4
(П. С. № 19.647).

Въ 6 часть, изданную въ 1801 году:
княж. 2
граф. 1
двор. . . . . 156. (Изъ малороссійскихъ: Родзянки, Марченки, Лагоды, Тарновскіе).
(П. С. № 19.940).

Въ 1803 г. издана 7 часть:
княж. 2
граф. 4
барон. 1
двор. . . . . 167. (Изъ малороссійскихъ: Марковичи, Дунины, Долинскіе).
(П. С. № 21.021).

Въ 1807 г. издана 8 часть:
княж. 2
граф. 3
барон. 1
двор. . . . . 153. (Изъ малороссійскихъ: Томары, Савичи, Гудимъ-Левковичи, Галенковскіе, Мазараки, Иваненки, Троцкіе).
(П. С. № 22.516).

Въ 1816 г. издана 9 часть:
1-е отдѣленіе
князей 2
граф. 3
барон. 2
двор. . . . . 129. (Изъ малороссійскихъ: Дунинъ-Барковскіе, Базилевскіе, Часноки, Исаевичи, Ширяи).
2-е отдѣленіе (пожалов.). 2
3-е отдѣленіе (чинов.). 20
(П. С. № 16.435).

[24]) Нѣкоторые изъ князей-рюриковичей присоединяли къ своимъ фамильнымъ прозваніямъ наименованіе своихъ прежнихъ удѣловъ. Послѣдній примѣръ — *Ромодановскіе-Стародубскіе*. Вконцѣ царствованія Алексѣя Михайловича это было запрещено (Соловьева: Т. XIII, стр. 72).

[25]) Роль этой почтенной фамиліи, предки которой оказали своими промышленными занятіями такія услуги отечеству, Гакстгаузенъ сравниваетъ съ фамиліей нѣмецкихъ князей Fougger, происходящею отъ знаменитыхъ аугсбургскихъ купцовъ XVI ст. (V. 3. p. 87).

[26]) Иностранцевъ, не вступившихъ въ русское подданство, наши государи титулами не жаловали. Единственное исключеніе — пожалованіе

графскаго титула, въ 1826, Корсиканцу Поццо ди Борго, который, хотя и не былъ русскимъ подданнымъ, но оказалъ Россіи неоцѣненныя услуги (Гакстаузенъ V. 3 p. 58). — Случилось, что на принятіе титула, жалуемаго иностранныхъ монархомъ, не послѣдовало высочайшаго соизволенія: Императоръ Іосифъ II, въ 1776 г., предлагалъ графское достоинство Зоричу, но Екатерина II принять оное не разрѣшила. Встрѣчаемъ примѣръ пожалованія *личнымъ* графомъ: каменецъ-подольскаго губ. предводителя, Пршездецкаго, въ 1843 г. Встрѣчаемъ и пожалованіе титула по порядку первородства: Димсдаль Екатериной II, въ 1769 г. Встрѣчаемъ также примѣръ пожалованія женщинамъ: Павелъ I пожаловалъ графиней Ливенъ, возведенную Николаемъ I въ свѣтлѣйшую княгиню; при Александрѣ I дѣвицы — Протасовы.

[27]) Интересно слѣдующее четверостишіе Державина:

«Я *Князь* коль мой *сіяетъ* духъ,
«Владѣлецъ — коль страстьми владѣю,
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ».

[28]) Съ дипломовъ на графство по положенію 1763 г. взымали 100 р., а на баронство — 50 р. (№ 11.988 п. 12). Въ 1772 г. герольдмейстеръ, камеръ -юнкеръ, кн. Щербатовъ, докладывалъ, что нѣтъ никакого установленія, съ какими украшеніями писать дипломы на разныя достоинства. Вслѣдствіе этого доклада были установлены внѣшнія украшенія дипломовъ на титулы (П. С. № 13.774).

[29]) «Неодинаковое было мнѣніе древнихъ о раздѣленіи дворянства на классы». Говорилъ въ коммисіи 1767 г. романовскій депутатъ, кн. Давыдовъ. «Мудрѣйшій изъ философовъ Платонъ и его послѣдователь Аристотель раздѣляли это сословіе на 4 класса. Къ первому они причисляли тѣхъ, которые произошли отъ знатныхъ предковъ; ко второму тѣхъ, коихъ отцы были князья и могущими людьми; къ третьему тѣхъ, которыхъ предки въ мирное и военное время прославились знаменитыми дѣлами; наконецъ, къ четвертому классу такихъ, которые произошли отъ людей, показавшихъ отмѣнную остроту и примѣрное великодушіе. Къ этому присоединяютъ еще пятый классъ, состоящій изъ такихъ людей, которые въ какой-либо наукѣ сдѣлали новое и полезное открытіе» (Сб. р. историч. общ., Т. IV., стр. 180).

[30]) Кромѣ этихъ 6 частей дворянской родословной книги, для московской губ., въ 1807 г., прибавлена особая часть, въ которую записаны были имена начальниковъ земскаго ополченія и лицъ, сдѣлавшихъ разныя пожертвованія (№ 22 419).

[31]) Значеніе *дѣтей боярскихъ* у насъ не достаточно выяснено. Болтинъ говоритъ: «дѣти боярскія точно тожъ были, что во Франціи въ старину des Evanes и des Taupins при Карлѣ VII; они уволены были отъ всѣхъ податей, и вмѣсто жалованья имѣли земли. По времени сами собою присвоили титулъ дворянства, и время то ихъ своевольное притязаніе утвердило». (Пр. на Леклерка. Т II стр. 434). Составъ дѣтей бо-

ярскихъ былъ разномастный: здѣсь мы встрѣчаемъ даже княжескія фамиліи, древнѣйшія дворянскія, какъ напр. Нарышкиныхъ Между прочимъ, въ 1660 г. Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ кн. Трубецкому г. Трубчевскъ, со всѣмъ его уѣздомъ и населеніемъ, между которымъ были и *дѣти боярскіе*. Дѣти боярскіе существовали въ Сибири еще во 2-й половинѣ 18 ст. Они возникли тамъ такъ: рядовые казаки жаловались сначала въ званіе *сына боярскаго*, а потомъ производились въ *дворяне*. Но *сибирскіе дворяне* были не состояніемъ, но чиномъ, который даже не переходилъ отъ отца къ дѣтямъ. Они получали за свои службы денѣжное и хлѣбное жалованье, а нѣкоторымъ отведены во владѣніе земли, на которыхъ они поселили крестьянъ. Неимѣвшимъ земель, въ 1725 г., опредѣлено денежное и хлѣбное жалованье: дворянамъ — по 8 р. 82 к. деньгами, хлѣбомъ по 5 четвертей, по 2 четверика ржи и по стольку же овса, дѣтямъ боярскимъ по 7 р. 4 к., по 5 четвертей ржи и по 4 четверти по 5 четвериковъ овса. За это они отправляли весьма многія службы. Въ засѣданіи коммисіи 1767, г. депутатъ отъ г. Енисейска, Степанъ Самойловъ, заявилъ о томъ, чтобъ сибирскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ даровать подлинное и равное съ россійскимъ дворянство (стр. 150), но ему возражалъ кн. Щербатовъ (стр. 155) и представилъ донесеніе сибирскій губ. Чичеринъ (стр. 203) въ томъ смыслѣ, что уравненія не должно быть.

Съ преобразованіемъ царскихъ чиновныхъ людей въ шляхетство, одни изъ дѣтей боярскихъ вошли въ его ряды, а другіе присоединились къ *однодворцамъ*. Главный контингентъ однодворцевъ составился изъ мелкихъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ украйныхъ и полевыхъ городахъ — бѣлгородскаго и сѣвскаго разрядовъ. Но, какъ говоритъ указъ 14 сент. 1798 г. «въ число однодворцевъ поступили нѣкоторые старинные дворянскіе роды; ибо, по размноженіи семействъ, отъ раздробительныхъ раздѣловъ стали весьма мелкопомѣстными. Въ царствованіе императора Петра Великаго, много дворянъ, имѣвшихъ за собою 100 и 200 дворовъ, отбывая отъ службы, записались добровольно въ однодворцы, отчего начало свое производятъ нынѣшніе крестьяне однодворческіе» (П. С. № 18.676). Самое выраженіе *однодворцы* впервые офиціально было употреблено въ указѣ 1714 г. марта 12 (П. С. № 2.723). Въ жизни оно могло употребляться и прежде, происходя отъ владѣнія *однимъ* только крестьянскимъ *оброкомъ*, или обладанія *однимъ* собственнымъ дворомъ (Вивліоѳика, Т. XX стр. 188. Голиковъ: Т. III, стр. 433). Въ коммисіи 1767 г. депутатъ отъ однодворцевъ тамб. провинціи, Василій Веденеевъ, заявилъ, что украйно-бѣлгородскій и сѣвскій разряды — населены были дворянами, дѣтьми боярскими и служилыми людьми низшихъ разрядовъ — солдатами, копейщиками, рейтарами и т. д., которые въ 1724 г. были переименованы въ государственные крестьяне и положены въ подушный окладъ, но чтобъ пожаловать ихъ прежнимъ званіемъ *дѣтей боярскихъ* (Об. русск. ист. общ. Т. IV. стр. 177).

[1]) Возможность отыскиванія правъ дворянства не только лицами податнаго состоянія, но и крѣпостными, заставила правительство поста-

новить, въ 1806 и 1814 г., что доказывающіе дворянство изъ податныхъ званій, до утвержденія ихъ права, не освобождаются ни отъ записки въ ревизію, ни отъ рекрутства и другихъ повинностей (П. С. № 22.265, 25.593, ст. 240 IX Т. изд. 1857), а относительно доказательствъ о дворянскомъ происхожденіи лицъ, записанныхъ въ ревизію за помѣщиками, наблюдалось, чтобы непремѣнно представлены были приговоры присутственнаго мѣста, признавшаго уже, что доказывающіе дворянство не суть крестьяне; если же такихъ приговоровъ представлено не будетъ, то доказательства возвращаются просителямъ (Прим. 1 къ ст. 67, IX Т. Св. З. изд. 1857).

[33]) «Анна Іоанновна» читаемъ въ исторіи Соловьева, «любила подлѣ себя имѣть женщинъ, которыя бы болтали безъ умолку. Такъ она писала въ Москву: «А вдовы Загряжской у Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна *княжна Вяземская*, дѣвка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, что она много говоритъ». Въ другой разъ императрица писала въ Переяславль: «Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ *дворянскихъ дѣвокъ* или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которые бы были лѣтъ по сороку, и также-бъ говорливы, какъ та Новокщенова, или какъ бы *княжны Настасья* и *Аниська*». Впослѣдствіи, заключаетъ многоуважаемый историкъ, знатные оскорблялись тѣмъ, что при Аннѣ въ числѣ шутовъ были два Князя — Волконской и Голицынъ (Т. XIX. стр. 270).

[34]) Вскорѣ Сенатъ распредѣлилъ дворянскихъ дѣтей между гарнизонными школами губерній: въ Московскую—200 челов., Новгородскую—150, Бѣлогородскую, Архангелогородскую и Казанскую — 105, Нижегородскую — 98, Смоленскую — 97, Астраханскую и Оренбургскую — по 10, въ Псковской и Великолуцкой провинц. Псковской губ. — 15 (П. С. № 14.130).

[35]) 6 Февраля 1730 г. Саксонскій посланникъ доносилъ своему двору «.... La nouvelle forme du gouvernement, que les grands se font, donne matière ad interim à la petite noblesse de chuchoter; ils parlent comme cela: les grands prétendent tronquer le despotisme et le pouvoir absolu; ce pouvoir doit être tempéré par leur conseil, qui peu à peu s'appropriera les rênes de l'empire; qui nous répond que par les temps au lieu d'un souverain nous n'aurons pas autant des tyrans en la personne de chaque membre de ce corps, que par leurs vexations nous rendront cent fois plus esclaves» ... (Сб. Русск. Ист. Общ. Т. V. стр. 347).

[36]) Такими уничижительными полуименами называли себя люди первыхъ чиновъ, даже въ сношеніяхъ между собою. Кн. Юрій Ромодановскій писалъ Кн. Вас. Голицыну, что «Юшка ему челомъ бьетъ»; дядя

послѣдняго подписывался подъ письмами къ племяннику «дядя твой, Мишка Голицынъ, челомъ бьетъ»; жена Вас. Вас. Голицына, въ письмахъ къ своему супругу — «женишка твоя, Дунька, много челомъ бьетъ до лица земнаго» (См. Временникъ, 1850). Петръ Великій указомъ 1701 г. предписалъ съ 1 января 1702 г. людямъ всякаго званія *писаться полными именами съ прозваніями* (П. С. № 1.844). Для того, чтобы искоренить прежній обычай въ частныхъ сношеніяхъ, и въ домашнюю переписку ввести пріемы европейскихъ народовъ, по его повелѣнію, въ 1708 г., переведены были съ нѣмецкаго языка «Пріклады, какъ пишутся комплементы разные». Пріклады стараются въ обращеніяхъ къ лицу ввести употребленіе *вы*, а не *ты*. Но, какъ трудно было вывести этой обычай показываетъ то обстоятельство, что русскіе вельможи, даже въ царствованіе Александра I, говорили *ты* всѣмъ неимѣющимъ генеральскаго чина (Пекарскій: Т. I. стр. 181). Дворянство-же употребляетъ это *ты* въ обращеніи почти со всѣми обществ. классами, не дворянскаго происхожденія, и въ настоящее время. Только мировые посредники и дѣятели новыхъ судовъ — люди царствованія Александра II — начали употреблять *вы* въ обращеніи со всѣми низшими общественными классами, за что подчасъ обвиняются въ *баловствѣ народа*. Давши право писаться полными именами съ прозваніями, Петръ Великій, въ 1701 г., повелѣлъ *не бить челомъ*, и вмѣсто *холоповъ* называться *рабами*. Екатерина же II выраженіе *бьетъ челомъ* замѣнила — *приноситъ жалобу*, *проситъ*, а вмѣсто рабъ — *подданный*, по примѣру иностранныхъ государствъ: sujet, Unterthan (П. С. № 16.329). Но еще и при ней употребленіе имени съ отчествомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависѣло отъ монаршаго благоволѣнія: въ 1765 г. генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, докладывалъ сенату, чтобы о томъ, кому въ жалованныхъ на деревни и достоинства грамотахъ писать отчество съ окончаніемъ *вичь*, доносить государынѣ, такъ какъ это зависитъ отъ благоволѣнія ея къ тѣмъ персонамъ (П. С. № 12.533). На этомъ основаніи въ 1774 г. государыня указала писать отчество на *вичь* въ грамотахъ на пожалованныя деревни: Гр. П. И. Панину, Гр. З. Г. Чернышеву, Кн. Гр. Гр. и Гр. А. Гр. Орловымъ (П. С. № 14.098). До 1780 г., при занесеніи должностныхъ лицъ въ списки, соблюдалась постепенность: высшіе чины до коллежскаго совѣтника записывались съ окончаніемъ *вичъ*, надворные совѣтники и майоры *овъ сынъ*, а слѣдующіе — вовсе безъ отчества (соч. Державина, академическое изд., Т. 3 стр. 465). Въ обращеніи съ верховной властію высшихъ классовъ въ 18 в. иногда еще встрѣчаются унизительныя выраженія холопскихъ челобитныхъ, формы которыхъ установились въ царскій періодъ. Такъ напр. переводчикъ, Сергѣй Волчковъ, посвящая Петру III одинъ изъ своихъ переводовъ, въ 1762 г., выражается такъ «*бѣдной*», безъ мала сорокъ лѣтъ В. И. В. шестому монарху и всемилостивѣйшему государю своему всѣмъ усердіемъ служащій, но въ *непрерывной нищетѣ пребывающейся*, *сирой дворянинъ* съ семерыми дѣтьми (изъ того числа трое сыновей всѣ въ службѣ) самого себя и съ робятишки своими, къ монаршимъ стопамъ *всерабольнѣ повергаетъ*, вашего императорскаго величества всеподдан-

нѣйшій, *всеуниженной рабъ*, коллежскій совѣтникъ Сергѣй Волчковъ» (Семевскаго: Шесть мѣсяц. изъ Русской исторіи, Отеч. з. авг. 1867).

[37]) Ф. Визинъ въ своемъ Опытѣ россійскаго сословника старается отличить понятія, заключающіяся въ словахъ *низкій* и *подлый* «слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію а *подлость* къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльныхъ» (Изд. Ефрем., стр. 190).

[38]) На стрижку бородъ Петръ Великій обратилъ первое вниманіе по возвращеніи своемъ изъ заграницы въ Москву, 26 августа 1698 г. Тогда же началъ вводить онъ и новую одежду (Устрялова: И. ц. Петра Великаго, Т. III. стр. 191, 197). Но первый указъ о новой одеждѣ въ П. С. встрѣчается только въ 1701 г., когда было предписано людямъ всякаго чина, кромѣ духовенства и пашенныхъ крестьянъ, и женамъ ихъ, носить платье и обувь нѣмецкія, а въ верховой ѣздѣ употреблять сѣдла нѣмецкія. За ношеніе русскаго платья и употребленіе русскихъ сѣделъ — штрафъ (П. С. № 1.887). Въ 1705 г. былъ изданъ указъ о бритіи бородъ и усовъ всякаго чина людямъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ (П. С. № 2.015). Въ 1713 и 1714 г. подтверждается: не носить бородъ и русскаго платья и не торговать послѣднимъ — подъ угрозою каторги (П. С. № 2.874), въ 1722 г. назначается за ношеніе бороды 50 р. штрафа, кромѣ пашенныхъ крестьянъ (П. С. № 3.944, 4.034). Но какъ трудно было ввести бритье бороды и ношеніе иноземческаго платья, показываетъ интересный указъ 1726, помѣщенный въ П. С., подъ № 4.893. Изъ него видно, что шт.,-об. — и унтеръ-офицеры и рядовые, уволенные отъ службы и находившіеся въ отпускахъ, продолжали носить бороды и старинное русское платье; указъ предписываетъ всѣмъ имъ носить нѣмецкое платье и шпаги, и бороды брить «а ежели гдѣ въ деревняхъ такихъ людей, кто брить умѣетъ, при нихъ не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды, и каждому содержать себя всегда въ чистотѣ, такъ какъ въ полкахъ служили, буде-жъ кто нѣмецкаго сукна на платье купить за скудостію не можетъ, чтобъ дѣлали, хотя изъ русскаго серяжнаго сукна съ обшлагами другаго цвѣта, окрася сѣраго-жъ сукна, какою похочетъ краскою». За несоблюденіе этого предписанія урядниковъ и рядовыхъ наказывать батогами, а съ офицеровъ брать штрафъ на госпиталь. Но еще въ 1748 г. бѣлогородскіе купцы, Ворожейкинъ и Курчаниновъ, показывали, что они могутъ на 1749 г. прирастить въ казну болѣе 50.000 р. за бороды и неуказное платье (П. С. № 9.479).

[39]) Кстати: Депутатъ отъ дворянства деревской пятины новгородской губерніи (Өед. Веригинъ) подалъ мнѣніе, что запасныхъ магазиновъ вовсе не должно быть, потому что *крестьяне ослабнютъ отъ размноженія хлѣбопашества*, а нѣкоторые отъ него и совсѣмъ отстанутъ, если будутъ полагать надежду на заготовленный казною хлѣбъ (16. стр. 76).

[40]) Въ 1833 г. новгородское дворянство постановило для содержанія благороднаго пансіона, на 20 воспитанниковъ, ежегодно взымать по 7 к. съ души (2-е № 6.833. Въ 1835 г.: вологодское —

по 10 к. съ души (2-е № 7.806), псковское — по 9 к. съ души (2-е № 7.899), курское — втеченіе 10 лѣтъ по 10к. съ души на 100 своекоштныхъ и 15 безплатныхъ (2-е № 8.326), смоленское — единовременно 18.466 р. и по 5 к. съ каждой души (2-е № 8.443). Въ 1836 г.: тверское—по 15 к. съ души (2-е № 9.063), костромское—складка въ 59.787—по 20 к. съ души, для 30 воспитанниковъ по 6 к. съ души, а для капитала втеченіе 10 лѣтъ по 10 к. съ души (2-е № 9.164); ярославское—пожертвованій 37.000 и по 10 к. съ души (2-е № 9.247). Въ 1838 г.: рязанское—по 8 к. съ души (№10.897); тульское—25 к. съ души втеченіи 4 лѣтъ (2-е № 11.647). Въ 1839 г. владимірское—о займѣ въ 850.000 для устройства благороднаго пансіона, а для уплаты втеченіе 37 лѣтъ по 16 к. съ души (2-е № 12.886). Дворянство ярославской губ., въ ознаменованіе 25-лѣтн. царств. императора Николая, постановило сборъ по 20 к. съ души для содержанія 20 дворянъ въ каз. заведеніяхъ (2-е № 25.266). Подобное же постановленіе кіевскаго дворянства въ 1852 г.—по $1^1/_2$ к. съ души на содержаніе 25 «пансіонеровъ 22 авг. 1851 г.» въ кіевскихъ учебн. заведеніяхъ (2-е 26.620). — Въ 1834 г. состоялся циркуляръ м. вн. д., что раскладка добровольныхъ приношеній дворянства на своихъ крестьянъ не соотвѣтствуетъ благонамѣренной цѣли дворянства и не сообразна съ существующими постановленіями: *взносъ долженъ лежать на самихъ помѣщикахъ, а не на крестьянахъ* ихъ (Сб. циркуляровъ мин. вн. дѣлъ: Т. 1. стр. 206).

[41]) Замѣчательныя слова Канкрина, бывшаго м. финансовъ, приводимыя Гакстгаузеномъ: «C'est par une faveur toute particulière de la Providence que la Russie qui jusqu'à lors n'avait formé qu'une agregation mécanique d'élémens très disparates, a pu acquérir les provinces allemandes de la mer Baltique qui jouissaient déjà d'institutions organiques. C'est par là qu'il lui est devenu possible de former peu á peu un organisme politique. Ces provinces lui ont servi de modèle, c'est de là que proviennent toutes les institutions organiques de la Russie, les gouvernemens, la constitution de la noblesse, l'organisation municipale etc. etc. Dans toutes les questions de législation, par exemple celle des paysans, les provinces de la mer Baltique ont servi de paysmodèle. Quand il s'agit de résoudre les questions relatives au cadastre, au système de crédit, a la réglementation des rapports ruraux, ces provinces depuis un demi-siécle ont fait dans ces matières, des expériences qu'il est avantageux pour la Russie, de consulter, pour pouvoir apprécier d'un côté les avantages qui en sont résultés, et de l'autre les fautes qu'on a commises» (Etudes: 3-e v., p. 21).

[42]) Императоръ Павелъ I, воспретивъ въ 1798 г. отправлять молодыхъ людей въ иностранныя учебныя заведенія, по причинѣ возникшихъ тамъ «зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрѣкающихъ», указалъ рыцарству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому избрать приличное мѣсто для своего университета (№ 28.474). Такъ возникъ уни-

верситетъ въ Дерптѣ, который, при своихъ неоцѣненныхъ услугахъ наукѣ и просвѣщенію, постоянно питалъ, возводя ихъ въ схоластическія нѣмецкія теоріи, сословныя воззрѣнія остзейскаго дворянства.

[43]) До чего иногда доходили воззрѣнія остзейцевъ на отношенія ихъ къ имперіи, можетъ показать между прочимъ слѣдующій случай: въ 1814 г. рижскій военный губернаторъ Маркизъ Паулучи чиновника, посланнаго министромъ вн. дѣлъ для устроенія почтовой части, по поводу путешествія Импер. Елизаветы Алекс., посадилъ подъ караулъ, сказавъ, что министръ не долженъ смѣть посылать кого-либо въ предѣлы управляемой имъ губерніи (Р. Старина: Май 1870 г.).

[44]) Народъ сложилъ пѣсню:

«Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Украини:
Нема панивъ,
Нема ляхивъ,
Не буде й измины».

[45]) Шляхта эта мало-по-малу вошла вновь, «во всѣ уряды и командованія казацкія и, занимая предъ ними и предъ чиновниками, изъ нихъ произшедшими, первенство и преимущество, тщеславясь одною породою своею и эдукаціею.... Плодомъ поверхности ихъ надъ природными чиновниками и шляхтою было униженіе ихъ въ собственной своей землѣ и въ своихъ правахъ и преимуществахъ. Имъ позавидовавъ и поревновавъ, многіе изъ природныхъ малороссіянъ, а паче изъ поповичей, вшедшихъ въ чиновники посредствомъ инспекторій, пристали къ ихъ системѣ и, приладивъ кой какъ фамиліи свои къ польскимъ, стали тщеславиться ихъ происхожденіемъ. А къ симъ еще премногіе возникнувъ изъ жидовства, принужденнаго креститься въ прежде бывшія надъ ними всеобщія побоища, и поверстанные въ шляхту извѣстнымъ о перекрестахъ статутовымъ артикуломъ, составили наконецъ изъ смѣшенія сихъ языковъ и породъ единственный бичъ для казаковъ и всѣхъ малороссіянъ. Они управляя ими во всѣхъ урядахъ и правительствахъ и набогатившись около ихъ разными происками, а паче пользуюясь тѣхъ простотою и подчиненностію, отняли у нихъ всѣ права ихъ шляхетскія природныя, отъ самой неизвѣстной древности безпрерывно при нихъ бывшія, и подъ титуломъ рыцарства всѣми договорами и привиллегіями имъ подтвержденныя, присвоивъ ихъ однимъ своимъ породамъ...» (Конискаго: Исторія Руссовъ, стр. 120).

[46]) Прекрасно изображены г. Антоновичемъ усилія Мазепы создать въ Малороссіи шлехетство на подобіе польскому и поставить къ нему поспольство въ тѣ же отношенія, въ коихъ оно стояло въ Польшѣ. — Мазепа приглашаетъ къ себѣ на службу польскихъ шляхтичей и составляетъ изъ нихъ свой почетный отрядъ, называемый «гетманскими дворянами»; чтобы положить начало родовой аристократіи въ Малороссіи, онъ создаетъ новый классъ бунчуковыхъ товарищей, которые, имѣя

съ знатными и войсковыми товарищами, составили первый зародышъ наслѣдственнаго дворянства въ Малороссіи. (Послѣднія времена казачества, стр. 70).

[47]) Вотъ слова наказа черниговскаго шляхетства о статутѣ: 1) «Вначалѣ изображаемъ мы недостатки, усмотрѣнные въ правахъ нашихъ. Разность временъ, въ которыя статутъ в. кн. Литовскаго сочиненъ, предкамъ нашимъ привилегіями утвержденъ, и сихъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣлаетъ его намъ несходнымъ. Ибо 1-е узаконенія, въ раздѣлѣ 1 объ особѣ государя гласящія, противны самодержавной власти, нами управляющей. Раздѣлъ 2 (привилегіею Сигизмунда-Августа, блаженной памяти короля польскаго, княжеству кіевскому въ 1569 г. на сеймѣ пожалованною, отрѣшенный) пишетъ о такой военной земской службѣ, которую ни государственная польза, ниже удобства для жителей возобновить позволяютъ. Раздѣлъ 4 заключаетъ въ себѣ законы о судахъ земскихъ и градскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, равно же отечеству нашему служить не можетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое сперва, обязанное службою въ войскѣ запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальствамъ козачьимъ; то послѣ того, недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшало къ нимъ и казаковъ. 2) Не меньше же нѣкоторыя права суть противны и естественному праву, на которомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженъ, а особливо, что касается до арт. 16 разд. 11, гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки и весьма малымъ платежемъ отмстить повелѣно. Сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго не пріобрѣвшіе, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 3) Видъ правленія въ землѣ, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ, и различное состояніе народныхъ раздѣленій. 4) Къ истребленію своевольства, неистовства, неправосудія и другихъ злодѣяній недостаточныя денежныя наказанія, въ правѣ нашемъ изображенныя, сходно съ давними годами, когда поляки и наши обыватели были еще и нынѣшнихъ бѣднѣе въ деньгахъ, великій вредъ обществу наносятъ. 5) Многія изъ сихъ правъ пополнены, другія-жъ и вовсе отмѣнены установленіями, на сеймахъ послѣ изданія правъ учиненными, исполненіе коихъ равно съ правами отъ Сигизмунда-Августа вышеупомянутою привилегіею, здѣшнему народу предписано. 6) Указы, въ дополненіе и отмѣну статута также послѣдовавшіе, иногда, предпочитать земскому праву, иногда же, въ чемъ съ правомъ не согласуютъ, не исполнять, отъ верховнѣйшихъ властей выходили. 7) Темнота трудная къ понятію прямому, а особливо людямъ, въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніямъ, что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ. — 8) Употребленіе права, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ, отъ ученія которому съ нѣкоторыхъ временъ отставать стали. 9) Недостатокъ во многихъ положеніяхъ, нужныхъ обществу, бываетъ причиною, что пріемлютъ и другія христіанскихъ областей и городовъ права, не

токмо намъ, но и всему почти краю нашему малослужащія. А сверхъ сего, отъ разнообразія и несходства между собою законовъ и обрядовъ, рождается вражда и зависть, произращающія взаимныя насильства и озлобленія, которыя всякій благонамѣренный отечества сынъ истреблять, а на ихъ мѣсто искренность и единодушіе во всѣхъ вперять и утверждать обязанъ...». (Изъ архива Судіенка).

[48]) Въ 1732 г. опредѣлены размѣры ранговыхъ маетностей, назначаемыхъ старшинѣ: генеральному обозному — 400 дворовъ, судьямъ — по 300, подскарбію — 300, асауламъ, хорунжему и бунчужному по 200, писарю судовому 30, на войсковую и судовую канцелярію 100; тремъ великороссійскимъ судьямъ по 50 дворовъ (Дневн. Зап. Марковича. Ч. I, стр. 385).

[49]) Указъ 1715 г. слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ порядокъ замѣщенія вакантныхъ урядовъ полковой старшины или сотниковъ: когда открывалась вакансія, полковникъ сзывалъ на раду полковую старшину и сотниковъ — рада указывала на 2 — 3 кандидатовъ, которыхъ представляли на утвержденіе гетману (Дн. Зап. Марк. Ч. I. стр. 497). Но этотъ порядокъ часто нарушался; часто назначались безъ выбора по ходатайству въ Спб. Такъ напримѣръ: въ 1737 г. миргородскимъ полковникомъ былъ назначенъ сотникъ полка изюмскаго, Капнистъ, по представленію гр. Миниха; въ 1738 г. въ Глуховѣ былъ устроенъ новый сотникъ Маньковскій, который былъ въ *поковыхъ* при Е. И. В.; въ 1746 г. присланъ указъ объ опредѣленіи въ лохвицкую сотню сотникомъ *пѣвчаго Коченевскаго* (Ib.: Ч. II.).

[50]) «Кн. Шаховской писалъ къ родителю изъ Спб. (1736 г.), говоритъ Марковичъ, что Е. В. пожаловала родителя моего въ Россійское дворянство, и на то велѣно дать родителю изъ сената грамату» (Дн. Зап. II. стр. 4).

[51]) Изъ рапорта полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія въ герольдію отъ 6 іюня 1828 г. видно, что фамилій, признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ кіевскимъ, черниговскимъ, екатеринославскимъ и полтавскимъ дворянскими собраніями 4.269, въ томъ числѣ изъ податнаго званія и разночинцовъ 2.095 (Чтенія: 1861 г., кн. 2-я.

[52]) Въ 1795 г. совѣтъ представлялъ государынѣ, чтобъ потребовано было отъ начальниковъ губерній мнѣнія объ удобнѣйшихъ средствахъ къ доставленію пропитанія тѣмъ изъ татаръ, которые были признаны въ дворянскомъ достоинствѣ, а поэтому лишены общественной земли (Арх. госуд. сов. Ч. 2-я, стр. 354).

[53]) *Мазылы* — родъ привилегированнаго состоянія, преимущества котораго были опредѣлены еще за молдавскихъ господарей. Мазылы съ потомствомъ не могли быть наказываемы тѣлесно, безъ судебнаго приговора; въ казну они выплачивали особенную подать — *даждію*, а прочія подати — гаттину, водрарить и погонорить — они вносили въ казну

наравнѣ съ простыми обывателями, отъ которыхъ между прочимъ отличались и правомъ имѣть крѣпостныхъ цыганъ (П. С. № 27.357).

[54]) Когда Минихъ, по воцареніи Елезаветы Петровны, попалъ подъ судъ, то однимъ изъ сильнѣйшихъ обвиненій противъ него было, что онъ «въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ *старыхъ шляхетскихъ фамилій* полковниковъ ругаясь подъ ружье ставилъ, и такъ ихъ предъ всею арміею держалъ» (Ешевскаго: Очеркъ царств. Елиз. Петровны. Отеч. Зап., Май, 1868).

[55]) Въ 1700 г. авг. 19, государь указалъ быть въ полку Головина въ свейскомъ походѣ:

Стольникамъ	2.920
Стряпчимъ	1.497
Дворянамъ	1.659
Жильцамъ	5.458

(Исторія Петра Великаго Устрялова, Т. IV).

[56]) Замѣчательны заботы правительства охранять русскую народность и православіе смоленской шляхты: въ 1728 г. запрещено было ей посылать въ Польшу дѣтей для ученія (П. С. № 5.238), а смоленскому губернатору предписано строго надзирать, чтобъ смоленскіе шляхтичи не принимали къ себѣ польскихъ ксендзовъ и не перемѣняли вѣроисповѣданія (П. С. № 5.251, 5.322). Въ Дневныхъ Запискахъ Марковича читаемъ: въ 1728 г. нѣкоторые смоляне, ген.-майора Потемкина племянники, Потемкины же, за уклоненіе въ римско-католическую вѣру, приговорены в. т. с. въ ссылку (ч. I, стр. 294).

[57]) «Хочешь Сережа въ военную службу»? разсказываетъ С. Аксаковъ въ Семейной хроникѣ свой разговоръ съ Энгельгардтомъ. — «Не хочу!» — «Какъ тебѣ не стыдно: ты дворянинъ и непремѣнно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ».

Менѣе знатный дворянинъ, Лукинъ, разсуждаетъ въ своихъ запискахъ нѣсколько иначе: «касательно дворянина есть служба воинская ли, или по случаю и штатская.... Не безнужно дворянину знать и домашнюю экономію, какъ то во 1-хъ, вотчинное правленіе....» (Жизнь стариннаго русскаго дворянина. Р. Арх. Г. 3-й изд. 2-е, стр. 446).

[58]) Въ 1735 г. повелѣвалось: Въ Спб. на всѣхъ островахъ въ кабакахъ и вольныхъ домахъ, и гдѣ имѣются бильярды, всѣмъ объявить съ подпискою: ежели камеръ-пажи и пажи во оные домы придутъ пить или играть въ карты и др. игры: и такихъ не допуская до питья и игры, брать подъ караулъ и приводить въ дежурную генералъ-адъютантовъ, а пуще смотрѣть пажа Ив. Волкова... (П. С. № 6703).

[59]) Между дворянами юрьевскаго уѣзда мы встрѣчаемъ двора Е. И. В. *отставнаго лакея* Саворскаго (стр. 321); въ тульскомъ дворянствѣ встрѣчаемъ *ѣздоваго конюха* (398); въ зарайскомъ *дворцоваго конюха* (347); въ бѣжецкомъ *стремяннаго конюха* (386) а въ прилуцкомъ наказѣ — *абшитованнаго придворнаго пѣвчаго*, Тимоѳея Троцкаго (Арх. Судіенка).

[60]) Одинъ помѣщикъ конца прошлаго столѣтія называлъ деревенскихъ поповъ *тѣми же мужиками только что грамотными* (Р. Арх. № 3 1869 г.).

[61]) Указомъ 1724 г. предписывалось: въ священники и дьяконы принимать и постригать.... ежели не будетъ годныхъ, изъ *пашенныхъ* (П. С. № 4.455). Замѣчательно, что нѣкоторые церковники, приписанные къ помѣщикамъ и положенные въ подушной окладъ, были посвящены потомъ въ попы и дьяконы. Правда, указъ 1725 г. (№ 4.862) запрещалъ архіереямъ посвящать такихъ подушныхъ церковниковъ въ попы и дьяконы, но, какъ видно изъ П. С., они встрѣчались еще въ 1743 г. Въ формѣ описанія селъ и деревень, изданной въ этомъ году, есть статья: «при той же церкви церковниковъ, которые въ подушный окладъ положены, въ томъ селѣ...» П. С. № 8.745).

[62]) Вотъ образцы перваго штатнаго жалованья:

а) чинамъ военнымъ:

фельдмаршалу		12.000 р.
полному генералу		3.600 »
генералъ-лейтенанту		2.160 »
генералъ-маіору		1.800 »
бригадиру		840 »
полковнику	иностр.	600 »
	русск.	300 »
капитану	иностр.	216 »
	русск.	100 »
поручику	иностр.	120 »
	русск.	40 »
прапорщику	иностр.	84 »
	русск.	50 »
рядовому		12 »

(П. С. № 2.319).

б) чинамъ гражданскимъ:

	въ Спб.		въ пр. губ.	
	ден.	хл.	ден.	хл.
губернатору	2.400 р.	1.200 ч.	1.200 р.	600 ч.
вице-губернатору	(?) »	300 »	600 »	300 »
ландрихтеръ	600 »	150 »	300 »	150 »
коммиссаръ	120 »	60 »	60 »	30 »
провіантмейстеръ	180 »	90 »	60 »	45 »
дьякамъ	—	—	120 »	60 »
подъячимъ старымъ	—	—	60 »	30 »
— среднимъ	—	—	40 »	20 »
— молодымъ	—	—	15 »	10 »

(П. С. № 2.879).

[63]) «Въ нашей собственной провинціи», писалъ Меншиковъ ландрихтеру ингерманландскому Корсакову, «какъ въ нашихъ, такъ и въ лютерскихъ церквахъ, прикажи, чтобъ на молитвахъ поминали наше имя» (Устрялова: Исторія ц. Петра Великаго Т. III, стр. 216).

[64]) Бѣглыми, приписываемыми къ имѣніямъ, увеличивали число крестьянъ многіе помѣщики, особенно въ Новороссіи (Воронцовскія имѣнія). Интересенъ разсказъ Болотова, что когда во время Потемкина былъ одинъ рекрутскій наборъ съ рекрутскими женами, то весь онъ былъ *разворованъ*, какъ княземъ, такъ и его креатурами (Поповымъ и др.), и женатые рекруты были поселены въ деревняхъ этихъ господъ (Р. Арх. ч. 2-й).

[65]) Генералъ Саблуковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о временахъ императора Павла» говоритъ, что когда отцу его пожаловано было 500 душъ въ тамбовской губерніи, то депутація крестьянъ изъ этого имѣнія по этому случаю выразила радость (Р. Арх. XI. 1869 г.). Въ царств. императора Николая одни слухи объ отдачѣ казенныхъ крестьянъ помѣщикамъ произвели въ 1843 г. сильныя волненія казенныхъ крестьянъ въ губ. оренбургской и пермской. (Ист. м. вн. дѣлъ г. Варадинова).

[66]) Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ очень интересный фактъ, характеризующій время. Вначалѣ царствованія Павла I, генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ испросилъ себѣ и многимъ своимъ пріятелямъ большое количество лучшихъ казенныхъ земель на выборъ, которыя находились у казенныхъ крестьянъ, сверхъ 8 десятинъ на душу. Эти земли отбирались, если даже были подъ огородами. Крестьяне, дорожившіе землями, покупали ихъ обратно, платя по 500 и по 300 р. за десятину. Когда же кн. Куракинъ и др., по выраженію Державина, набили свои карманы, то исходатайствовали указъ, чтобъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ надѣлить землями — по 15 дес. на душу. Тогда начали отбирать земли у помѣщиковъ, не только примѣрныя, но и писцовыя (З. Державина, стр. 426). — Генералъ-прокуроръ Петра III, Глѣбовъ, захватилъ много башкирскихъ земель (Семевскаго: Шесть мѣсяц. изъ Русской Ист., От. З. авг. 1867 г.).

[67]) Поединковъ въ смыслѣ западно-европейской *дуэли* между нашимъ дворянствомъ не водилось до знакомства его съ рыцарскими нравами западной Европы. Нашей народной дуэлью была *потасовка*, которая случалась между первѣйшими сановниками. Такую дуэль между кн. Ромодановскимъ и кн. Долгоруковымъ описываетъ Берхгольцъ. У кн. Ромодановскаго однажды въ Преображенскомъ приказѣ было угощеніе для знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ. «Такъ какъ между кн. Ромодановскимъ и кн. Долгоруковымъ существовала давнишняя непріязнь, и послѣдній не хотѣлъ отвѣчать какъ слѣдовало на предложенный ему первымъ тостъ, то оба эти старца, послѣ многихъ гадкихъ ругательствъ, схватились за волоса и по крайней мѣрѣ полчаса били другъ друга кулаками, при чемъ никто изъ другихъ не вмѣшался между ними и не потрудился разнять ихъ» (Дневникъ: ч. 2-ая стр. 348). — Екатерина II въ своемъ манифестѣ о поединкахъ 21 апрѣля 1787 г. жалуется на ще-

котливость дворянства къ словамъ и обидамъ, послѣдствіемъ которой бываютъ поединки Предубѣжденія эти, по словамъ императрицы, «не суть отъ предковъ полученныя, но перенятыя или нанесенныя, чуждыя» (П. С. № 16.535).

[68]) Мы припоминаемъ встрѣтившійся намъ въ П. С. случай, что въ 1831 г. сенатъ слушалъ дѣло о служащемъ чиновникѣ, титулярномъ совѣтникѣ Ѳедоровѣ, неумѣвшемъ грамотѣ (2-е П. С. № 4.342).

[69]) Въ Дневныхъ Запискахъ Марковича встрѣчаемъ иногда выраженіе казаки *огурились* — въ смыслѣ оказывали ослушаніе.

[70]) Жалованная грамота дворянству составлена была на основаніи заявленій о нуждахъ дворянства, высказавшихся въ наказахъ и мнѣніяхъ дворянскихъ депутатовъ коммисіи 1767 г. Чтеніе законовъ о дворянствѣ съ мнѣніями и возраженіями депутатовъ продолжалось до 2 октября 1767 г., и заняло 11 засѣданій. Съ окончаніемъ этого чтенія, маршалъ Бибиковъ предложилъ собранію, чтобы всѣ прочитанные законы и мнѣнія отослать въ дирекціонную коммисію, для передачи ихъ въ частную коммисію о разборѣ государственныхъ родовъ, которая должна была заняться составленіемъ особаго объ этомъ предметѣ положенія. Въ засѣданіе 10 іюня 1768 г. маршалъ Бибиковъ объявилъ большому собранію, что изъ дирекціонной коммисіи присланъ проектъ правамъ благородныхъ, составленный коммисіей о государственныхъ родахъ и дополненный замѣчаніями дирекціонной коммисіи. — Этотъ проэктъ, послужившій основаніемъ грамоты дворянству, былъ утвержденъ 21 апрѣля 1785 г. Онъ состоялъ изъ двухъ главъ: въ первой — изъ 8 статей — объяснены были: опредѣленіе самаго благородства, происхожденіе благородства, кто именно можетъ носить это званіе, разныя его степени, отличіе ихъ одной отъ другой; какъ благородство достигается, и чѣмъ оно упрочивается. Во 2-й главѣ — изъ 43 статей — изложены права благородныхъ (Сборникъ Русскаго историческаго общества: Т. IV, стр. XXII). Изданіе этого важнаго памятника крайне желательно: оно дало бы возможность, сравнивъ его съ жалованною грамотой, узнать, чего требовало дворянство и что получило.

[71]) Вотъ какъ разсуждаютъ авторы этого интереснаго сочиненія, изобилующаго многими свѣдѣніями о Россіи конца прошлаго столѣтія «s'ils étaient tous (привиллегіи дворянства) ponctuellement exécutés, aucune noblesse ne jouirait des plus beaux privilèges ... si l'on se bornait a le lire, sans arpoffondir la réalité de son exécution, il n'est point de gentilhomme en Europe qui n'enviât le sort du gentilhomme russe, mais il y a souvent bien loin d'une loi faite à une loi exactement suivie; c'est le cas où se trouve la noblesse russe».

[72]) Въ іюлѣ 1806 г. предписано было дворянъ, поступающихъ въ военную службу, по окончаніи университета, производить въ офицеры чрезъ 6 мѣсяцевъ (П. С. № 22.199), а въ ноябрѣ того же года, льгота эта распространена и на недворянъ (П. С. № 22.340).

[73]) Положеніе воспретило принимать: 1) купцовъ, записанныхъ въ гильдіи, за исключеніемъ только записанныхъ въ первую гильдію, 2) вольноотпущенныхъ и дѣтей ихъ, 3) мѣщанъ и вообще людей, принадлежащихъ къ податнымъ состояніямъ, 4) иностранцевъ (впервые безусловное запрещеніе), 5) отставленныхъ отъ военной службы нижними чинами недворянъ и дѣтей ихъ, 6) церковнослужителей и дѣтей ихъ, 7) дѣтей придворно-служителей, недостигшихъ классныхъ чиновъ (2-е П. С. № 1.468). Сравни это постановленіе съ закономъ 1779 г., менѣе сжавшимъ кругъ лицъ, имѣвшихъ право поступать въ гражданскую службу — церковнослужители и всѣ не положенные въ подушный окладъ не были лишены этого права.

[75]) Въ 1829 г. управляющій министерствомъ юстиціи, Дашковъ, представилъ комитету министровъ объ опредѣленіи 27 человѣкъ податнаго состоянія въ службу съ званіемъ копіистовъ. Комитетъ, усматривая, что о нихъ было представленіе въ сенатъ до изданія новаго узаконенія о канцелярскихъ служителяхъ, положилъ утвердить ихъ въ службѣ. По меморіи о семъ послѣдовало собственноручное повелѣніе государя: «*донести, много-ли еще подобныхъ представленій находится въ сенатѣ, ибо пора сему положить конецъ*». Во исполненіе, управляющій министерствомъ юстиціи донесъ, что людей податнаго состоянія, о коихъ поступили въ сенатъ представленія, 636 человѣкъ, изъ которыхъ о 64 уже внесены записки въ комитетъ министровъ. Комитетъ министровъ постановилъ: на будущее время никакихъ болѣе представленій не принимать, но тѣхъ 64 человѣкъ утвердить въ службѣ. По этому послѣдовало собственноручное повелѣніе государя: «*рѣшительно послѣднее*» (2-е П. С. № 3.191).

[76]) По табели о рангахъ дѣйствительные камергеры въ рангѣ полковничьемъ, а камеръ-юнкеры — капитанскомъ, а въ 1737 г., по указу Анны Іоанновны, дѣйствительные камергеры перенесены въ чинъ генералъ-маіора, а камеръ-юнкеры въ чинъ полковничій, а при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. камеръ-юнкеры перенесены въ чинъ бригадирскій (П. С. № 8.510).

[77]) Подлежало-ли тѣлесному наказанію шляхетство малороссійское? Отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. Остзейскаго рыцарства тѣлеснымъ наказаніямъ русское правительство не подвергало, но что оно подвергало имъ малороссійскую старшину и шляхту — не подлежитъ сомнѣнію. Въ Дневныхъ запискахъ Марковича мы читаемъ, что въ 1727 г. сотника Соколовскаго бито кнутомъ 63 раза за безчестіе, отъ него *якобы* кн. Меншикову нанесенное. (стр. 230) Въ 1737 г. малороссійскаго переяславскаго полка хорунжему Григорью Мацкому за сказываніе ложно слова и дѣла на полковаго обознаго Сулиму учинено было такое наказаніе, къ какому представилъ его управлявшій Малороссіей генералъ кн. Борятинскій (П. С. № 7.451). Но имѣли ли право подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ шляхту и старшину малороссійскіе гетманы?

[78]) Какъ на замѣчательный примѣръ непослѣдовательности императора Павла, можетъ быть указано на то, что онъ за нѣсколько мѣся-

цовъ предъ тѣмъ, въ 1796 г., освободилъ священнослужителей отъ тѣлесныхъ наказаній (П. С.№ 17.624.)

[79]) Дѣло гр. Девіера на столько обрисовываетъ нравы времени, когда, несмотря на деспотизмъ императора, наблюдавшаго даже надъ костюмами жителей С.-Петербурга, въ провинціяхъ совершались безнаказанно ужасныя преступленія, что мы считаемъ не безъинтереснымъ разсказать его. Въ воронежской уголовной палатѣ, съ 1791 г., производилось дѣло о помѣщикахъ воронежской губерніи—маіорѣ гр. Борисѣ Девіерѣ, маіорѣ Александрѣ и поручикѣ Алексѣѣ Потуловыхъ, оказавшихся виновными въ слѣдующемъ: въ умышленномъ призывѣ доктора Гезе къ Девіеру подъ видомъ гостепріимства, въ насильственномъ увозѣ его изъ г. Валуекъ, въ разныхъ жестокостяхъ надъ нимъ, въ держаніи его подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока Девіеръ не получилъ отъ родной тетки Потуловыхъ, бездѣтной вдовы Поярковой, у коей жилъ лекарь Гезе, выкупу за него 12.000 р. и 10 душъ крестьянъ, принуждая его переписывать сочиненныя ими къ Поярковой письма, и доведя его чрезъ жестокости до того, что онъ сдѣлался боленъ, лишился ногъ и умеръ. Сверхъ того, Девіеръ былъ виновенъ и въ другихъ преступленіяхъ — варварскихъ, воровскихъ, лживыхъ, наглыхъ, буйственныхъ, оскорбляющихъ личную честность и разрушающихъ общежитіе, между прочимъ въ отнятіи земель у однодворцевъ валуйскаго уѣзда с. Рождественскаго и убійствѣ одного изъ нихъ. О нѣкоторыхъ его поступкахъ было посужденіе воронежскаго дворянскаго собранія, на которомъ *28 дворянъ одобрили* гр. Девіера. Уголовная же палата, по дѣлу Девіера съ Поярковою оправдывала его маловажною ссорою и незначущими ничего противорѣчіями (П. С. № 511).

[80]) На клады, находящіеся въ чужихъ земляхъ, Петръ Великій присвоилъ себѣ такое же право, какъ и на минеральныя богатства. При Екатеринѣ II право собственности землевладѣльцевъ распространено и на клады. На этомъ основаніи, въ 1803 году, сдѣланъ строжайшій выговоръ тверскому гражданскому губернатору за то, что онъ предписалъ отыскивать кладъ на землѣ одной помѣщицы (Неволина: Ист. рос. гражд. законовъ т. 2-й).

[81]) Помѣщики сами позволяли себѣ охотиться въ чужихъ дачахъ, употребляя при этомъ разныя насилія. Напримѣръ, въ 1754 г., суздальская провинціальная канцелярія представляла въ сенатъ рапортъ, что отъ многихъ помѣщичьихъ крестьянъ имѣются прошенія о томъ, что помѣщики ѣздятъ въ постороннія дачи со псовою охотою, поминаютъ хлѣбъ, а крестьянъ, защищающихъ свои поля, бьютъ (П. С. № 10.295. — Въ 1861 году г., по поводу отдѣленія крестьянской земли отъ помѣщичьей въ пользованіе временно-обязанныхъ, до выкупа ея послѣдними, помѣщику предаставлено право на охоту въ предѣлахъ всего имѣнія.

[82]) Фамилія кн. Друцкихъ-Соколинскихъ-Гурко-Ромейко—живой памятникъ этого закона: кн. Илья Андреевичъ Друцкой-Соколинскій женился вначалѣ 18 вѣка на дочери полковника Гурко-Ромейко, и на осно-

ваніи закона о единонаслѣдіи долженъ былъ принять фамилію своего тестя (кн. Долгорукова: Росс. Родосл. Книга Г. I стр. 138).

[83]) Считаемъ не лишнимъ исправить историческую погрѣшность многоуважаемаго автора Курса полицейскаго права, читаннаго студентамъ Университета Св. Владиміра. На стр. 146, 3-го выпуска, онъ говоритъ: «Въ Россіи введеніе майоратовъ *предположено* было Петромъ Великимъ. Законъ *остался безъ исполненія. Впервые* явились майораты *и* заповѣдныя имѣнія при Николаѣ I. Они не имѣли, впрочемъ, исключительной цѣли упрочить аристократію: появленіе ихъ отчасти было связано съ попыткою рѣшить крестьянскій вопросъ и водворить русскій элементъ въ западной полосѣ Россіи».

Во-первыхъ, майораты, введенные Петромъ Великимъ, были не *предположеніемъ*, но *закономъ строго исполнявшимся* втеченіе 16 лѣтъ (1714 — 1730). Это несомнѣнно видно, какъ изъ самаго закона, уничтожившаго майоратъ, въ 1730 г. (П. С. № 5.653), такъ и изъ Записокъ современниковъ: Данилова, Нащокина и др. Послѣдній, напримѣръ, говоритъ: «когда старшій братъ утонулъ, слѣдующій по немъ учиненъ отъ батюшки наслѣдникомъ во всемъ недвижимомъ по указу 1714» (стр. 5).

Во-вторыхъ, майораты (авторъ прибавляетъ *и заповѣдныя имѣнія*: мы думаемъ, что майоратъ и заповѣдное имѣніе — одно и то же) явились при Николаѣ *не впервые*: первые два майората учреждены были до Николая — одинъ при Екатеринѣ II (въ 1774 г.), а другой при Александрѣ I (въ 1817 г.), а при самомъ Николаѣ, до изданія закона 1845 г. о заповѣдныхъ имѣніяхъ, было уже учреждено 13 майоратовъ, такъ что первый майоратъ (кн. Витгенштейна), къ которому примѣненъ законъ 1845 г., былъ уже 16-й.

Въ-третьихъ, авторъ, объясняя цѣль появленія майоратовъ при Николаѣ I, какъ намъ кажется, смѣшиваетъ 2 различные закона: законъ 1842 г. о майоратахъ въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, и 1845 г. о заповѣдныхъ имѣніяхъ вообще. Первый дѣйствительно имѣетъ связь съ рѣшеніемъ вопроса крестьянскаго, и, пожалуй, водвореніемъ русскаго элемента въ западной полосѣ Россіи; главная цѣль втораго — регулировать и обобщить начала устройства майоратовъ, которые стали визникать отъ времени до времени съ цѣлію *поддержать значеніе какого-нибудь дворянскаго* рода (см. Побѣдоносцева: Курсъ гражд. права, Т. I. стр. 369).

[84]) Въ Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ Неволина не полно перечислены майораты; болѣе полное перечисленіе въ сочиненіи Зарудnаго (Гражданское Уложеніе... ч. 2-я. стр. 55). Онъ опустилъ, впрочемъ, два майората:

1) 5 февраля 1774 г. гр. Чернышева.
2) 11 августа 1817 г. гр. Строгонова.
3) 1 октября 1831 г. гр. Строгоновой.
4) 16 ноября 1833 г. кн. Голицына.
5) 4 апрѣля 1834 г. гр. Воронцова.
6) 14 ноября 1834 г. кн. Голицыной.

7) 10 іюня 1836 г. гр. Дибичъ-Забалканскаго.
8) 31 октября 1837 г. гр. Бенкендорфа.
9) 1838 г. ген. отъ кав. Никитина (Орловой-Денисовой, 2-е П. С. № 11.350).
10) 29 іюня 1839 г. полк. Неплюева.
11) 8 ноября 1839 г. д. ст. сов. Быховецъ.
12) 9 сентября 1840 г. статсъ-дамы Апраксиной.
13) 6 іюня 1844 г. Головкина-Салтыкова.
14) 8 іюня 1844 г. гр. Красинскаго.
15) 17 іюля 1844 г. гр. Бенкендорфа.
16) 5 декабря 1845 г. кн. Виттенштейна.
17) 24 декабря 1847 г. Паскевича-Эриванскаго.
18) апрѣля 1848 г. тайн. сов. Стурдзы.
19) 21 декабря 1849 г. кн. Паскевича-Эриванскаго.
20) 3 іюля 1853 г. ст. сов. Свѣчиной и Войчицкой.
21) 23 октября 1850 г. кн. Волконской (2 майората: для двухъ сыновей).
22) 1853 г. кн. Волконскаго.
23) 15 іюня 1856 г. кн. Воронцова.
24) 1 апрѣля 1859 г. вдовы ген.-ад. Нарышкиной.
25) 17 октября 1859 г. кн. Барятинскаго.
26) 14 декабря 1859 г. ген.-м. Голенищева-Кутузова.
27) 7 ноября 1861 г. ген.-ад. Меншикова.
28) 31 мая 1862 гр. Ив. Тышкевича.
29) 4 января 1863 г. тайн. сов. гр. Орлова-Давыдова.
30) 30 іюля 1863 г. кн. Лопухина.
31) 2 ноября 1863 г. надв. сов. Рышкана.
32) 2 декабря 1867 г. ген.-ад. Храповицкаго.

Кромѣ того, въ 1859 г. обращены въ заповѣдныя имѣнія ген.-м. Толстаго, но въ 1864 г. этотъ майоратъ отмѣненъ.

[85]) Вигель говоритъ, что отставной полковникъ гвардіи, Ѳед. Ник. Петрово-Соловой, первый изъ *столбовыхъ дворянъ* «не погнушался предводительствовать цѣловальниками» (Ч. I. стр. 213). У Петрово-Соловово было много предшественниковъ-откупщиковъ изъ дворянъ. Изъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева видно, что вначалѣ текущаго столѣтія многіе дворяне содержали откупа. Когда Дмитріевъ былъ отправленъ въ 1808 г. въ рязанскую губернію для производства слѣдствія о злоупотребленіяхъ по тамошнему питейному откупу, то между содержателями откуповъ онъ встрѣтилъ 4 дворянъ, самыхъ старинныхъ фамилій: Татищева, кн. Мещерскаго, Бахметева и Бестужева-Рюмина (стр. 151).

[86]) Державинъ, какъ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, получилъ отъ Павла брильянтовый мальтійскій крестъ за сочиненіе банкротскаго устава, вмѣстѣ съ Беклешевымъ, Обольяниновымъ и Гагаринымъ. «Сего устава цѣль», объясняетъ Державинъ, «наиболѣе была въ томъ, чтобъ воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія долговъ, и для того довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы». Державинъ,

кромѣ того, предлагалъ,» не иначе дворянину дѣлать довѣренность, какъ по открытому листу, засвидѣтельствованному отъ правительства, гдѣ у кого какое недвижимое имѣніе есть, чтобъ всякій заимодавецъ подписывался, сколько подъ какое имѣніе кого ссудилъ, дабы послѣдующій могъ видѣть, не безопасно ли ему подъ то имѣніе ссудить» (стр. 436).

[87]) «Чины есть язва, которая, заразивъ россійскихъ купцовъ вреднымъ и обществу и имъ самимъ безуміемъ, совершенно разоряютъ россійскую торговлю.... Надежда каждаго купца, входящаго въ богатство, быть вскорѣ офицеромъ или дворяниномъ, дѣлаетъ, что онъ торгъ, яко мимоходящее состояніе почитаетъ, и потому не тщится всѣхъ нужныхъ качествъ и знаній купцу пріобрѣсти, а симъ часто, не достигши своего предмета и самъ разоряется.... Я паки утверждаю, что правительство само убавляетъ число денегъ, обращающееся въ торговлѣ, ибо давая безъ разбору дворянство и чины, всѣ таковыхъ капиталы изъ общей суммы торговли выходятъ. Не малую бы можно написать тетрадь имянъ тѣхъ богатѣйшихъ въ Россіи купцовъ, которые съ большими капиталами вышли изъ торговли; но какъ ни списка такого я не имѣю, ни всѣхъ упамятовать не могу, ниже подлинно знаю о числѣ ихъ капиталовъ, то имена тѣхъ, которыхъ я помню, и сколько подлинно слыхалъ я, что они имѣютъ капитала, здѣсь упомяну. Ив. Лазаревичъ Лазаревъ, арменинъ, капиталу тогда имѣлъ до 500.000 р., пожалованъ въ дворяне, а потомъ нигдѣ не служа и богатяся самъ только переводомъ денегъ, пожалованъ въ совѣтники. Логиновъ, бывшій Московскій и С.-Петербургскій откупщикъ, пожалованъ въ штабъ-офицеры; капиталъ его состоялъ до милліона. Барышниковъ, бывшій откупщикъ Московскій, до милліона; Лукинъ, бывшій откупщикъ Московскій, до 500.000 р.; Мѣщаниновъ до 500.000 р.; Хлѣбниковъ до 500.000 р.; Гусятниковы, пошедшіе въ службу, до 400.000 р.; Кузмы Матвѣева дѣти до 500.000 р.; Зубковъ Московскій купецъ, до 400.000 р. Се есть весьма малое число, о которыхъ я помянулъ: но и тутъ могу безъ ошибки сказать, что сихъ капиталовъ, выбывшихъ изъ торговли, состоитъ 4.800.000 р., а если всѣхъ счесть, то по крайней мѣрѣ будетъ такого вышедшаго изъ торгу капитала болѣе 10.000.000 р., и не считая множество завотчиковъ и ихъ дѣтей, яко Турченинова, Походяшина и прочихъ, которые чины офицерскіе получили, отъ заводовъ своихъ отстали, и капиталы отъ торговъ отвратили». (Чтенія, кн. 3-ья на 1859 г. стр. 135). Между этими купцами, тянувшимися за чинами и дворянствомъ, замѣчательное исключеніе представляетъ старикъ Злобинъ, который никогда не хотѣлъ ни чиновъ, ни дворянства довольствуясь званіемъ именитаго гражданина (Вигель: ч. 2-ая стр. 21).

[88]) «Объявить дворянамъ, чтобъ построить слободу: урядникамъ по избѣ, солдатамъ 2 человѣкамъ по избѣ; земли отвесть урядникамъ ширины по 5, рядовымъ двумъ по 6, а длины всѣмъ ровно по 15 саженъ».... (П. С. № 3.901, п. 5).

[89]) «Въ коммисіи 1761 г. заявлены были нѣкоторыя требованія судебныхъ привиллегій для дворянства. Такъ напримѣръ, въ ярославскомъ наказѣ читаемъ: «Чтобы при каждомъ дѣлѣ, по которымъ нынѣ по дворянъ сыскные посылаютъ, повелѣно бы было *дворянъ отъ простолюдиновъ отдѣлить* посылкою къ нимъ, хотя въ первый разъ, повѣстки» (Сб. Русск. Истор. общ. Т. IV, стр. 247. 10).

[91]) Помѣщичьи крестьяне назывались иногда *боярскими людьми* и въ 18 ст: см. П. С № 5.925, относящійся къ 1732 г.

[90]) Напр. въ 1595 г. кн. Пронскій, кастелянъ Троцкій, отдалъ свое имѣніе въ аренду пану Бурнацкому и жиду турейскому Абраму Шмойловичу съ правомъ судить крестьянъ безъ аппеляціи владѣльцу, и даже наказывать непослушныхъ изъ нихъ смертною казнію. Имѣніе отдано въ потомственную аренду (Памятники, изд. Временною Коммисіею... Кіевъ, 1848 г., Т. I. отд. II. стр. 79).

[92]) До изданія этихъ законовъ могли быть слѣдующіе случаи: помѣщикъ А отдаетъ въ солдаты своего крѣпостнаго Б, оставляя у себя въ крѣпостной зависимости отца, мать, братьевъ и другихъ родственниковъ его. Б выслуживаетъ оберъ-офицерскій чинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и право пріобрѣтать населенныя имѣнія. Пользуясь этимъ правомъ, онъ покупаетъ имѣніе у своего прежняго помѣщика, а вмѣстѣ съ нимъ своихъ отца, мать, братьевъ и другихъ родственниковъ. — Другой случай: А женится на крѣпостной Б, принадлежащей помѣщику В, у котораго остаются въ крѣпостной зависимости отецъ, мать, сестры и т. д. Б. — А можетъ купить у В деревню, къ которой по ревизіямъ приписаны вышеозначенные родственники его жены, которые такимъ образомъ поступятъ въ крѣпостную зависимость отъ него. Законъ 1853 г., такіе казусы предупреждаетъ, но оставляетъ возможными слѣдующіе: А женится на крѣпостной Б, которая вмѣстѣ съ другими ближайшими своими родными принадлежитъ помѣщику В. При жизни своей жены, А не можетъ купить у В деревню. Но жена Б умираетъ и вдовецъ А можетъ пріобрѣсть у В деревню съ крѣпостными, родственниками его покойной жены, которая, положимъ, оставила послѣ себя дѣтей. Отецъ А умираетъ: имѣніе по наслѣдству переходитъ къ дѣтямъ, рожденнымъ отъ Б — внуки вступаютъ, такимъ образомъ, во владѣніе своими дѣдами и бабками, племянники — дядями и тетками и т. п. Такіе казусы не предупреждались закономъ, и конечно могли встрѣчаться въ жизни. По крайней мѣрѣ они намъ извѣстны изъ практики 18 ст. (П. С. № 14.160).

[94]) Вотъ полный текстъ этого замѣчательнаго указа, объявленнаго сенату кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, 15 апрѣля 1721 г.: «обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мѣлкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малой вопль бываетъ: и Е. Ц. В. указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь, и о

*

томъ бы при сочиненіи новаго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе гг. сенаторы заблагоразсудятъ».

[93]) Въ 1777 г. бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, Чернышевъ, представлялъ, что такъ какъ бѣлорусское шляхетство издавна не имѣло обыкновенія, чтобъ продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли, то чтобъ пріостановить на время продажу крестьянъ безъ земли для вывода ихъ въ Россію, а дозволить только продажу оныхъ въ Бѣлоруссіи. Сенатъ постановилъ предписать генералъ-губернатору, что какъ владѣльцы Бѣлоруссіи приняты въ подданство государыни, и *дано имъ пользоваться тѣми привиллегіями, какъ и все россійское дворянство, то и нельзя у нихъ отымать свободу продавать людей безъ земли* (П. С. № 14.376).

[95]) Переяславскій уѣздный судъ, сомнѣваясь въ правѣ совершать крѣпости и закладныя на малороссійскихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, требовалъ объ этомъ мнѣнія отъ верховнаго земскаго суда и губернскаго прокурора, а они оба согласно полагали: хотя о продажѣ крестьянъ и людей въ Малороссіи и нѣтъ точнаго закона, и оная прежде не производилась, но причиною сему было то, что крестьяне не были крѣпостными, но по укрѣпленіи ихъ въ 1783 г. и по уравненіи въ цѣнѣ съ крестьянами великоросс. въ 1786 г., для залога въ государственномъ заемномъ банкѣ, слѣдуетъ распространить и на малороссійскихъ помѣщиковъ то право продажи крестьянъ безъ земли, которымъ пользуются помѣщики великорусскіе — тѣмъ больше, что съ состоянія указа 1783 г. таковая продажа въ Малороссіи производилась и производится. Кіевское намѣстническое правленіе изъяснило, что такъ какъ точнаго узаконенія о продажѣ крестьянъ не было, то оно не можетъ такой ни запретить, ни утвердить, но требуетъ разрѣшенія сената. Сенатъ, принимая въ основаніе узаконенія, на которыя указано верховнымъ земскимъ судомъ и губернскимъ прокуроромъ и присоединяя къ нимъ статутовое право, по которому малороссійскіе помѣщики судятся, постановляющее въ 1 пун. 7 разд. свободу продажи всѣхъ имѣній — земли и людей — принимаетъ мнѣніе верховнаго земскаго суда и губернскаго прокурора, чтобъ продажа крестьянъ безъ земли въ Малороссіи была разрѣшена. На рѣшеніе сената послѣдовала высочайшая резолюція въ 1798 г. *безъ земли не продавать* (П. С. № 18.705).

[96]) А если потомственный дворянинъ владѣлъ землею не населенной, могъ-ли онъ пріобрѣтать крестьянъ безъ земли? Законъ этого не разрѣшилъ, но практика допускала.

[97]) Вотъ разсказъ *Русской старины*, какъ Каннабихъ сдѣлался помѣщикомъ:

«Однажды на парадѣ, государь передалъ ему какое-то словесное приказаніе, и Каннабихъ стремглавъ полетѣлъ исполнять его, причемъ у него свалилась съ головы треуголка.

— Каннабихъ, Каннабихъ — закричалъ императоръ: шляпу потерялъ!

«Голова тутъ, В. И. В.!» отвѣчалъ, продолжая скакать какъ сумасшедшій Каннабихъ.

— Дать ему тысячу душъ крестьянъ, воскликнулъ императоръ». (Р. Старина, апрѣль 1870 г., стр. 404).

[98]) Полусумасшедшій гр. Дмитріевъ-Мамоновъ вѣрно изобразилъ точку зрѣнія сословія на право наказывать тѣлесно крестьянъ: «.... крѣпостныхъ людей, которые у меня въ домѣ», писалъ онъ въ 1825 г. московскому военному генералъ-губернатору, кн. Голицыну, «я не перестану наказывать тѣлесно, когда по усмотрѣнію моему окажутся они того достойными: ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ россійскаго государства, что это право передано намъ отъ предковъ нашихъ. Я исповѣдую и это политическое правило, что правительство не можетъ лишить насъ сего права безъ общаго и нарочитаго нашего согласія» (Р. Арх., 1868 г.).

[99]) Крѣпостные нерѣдко назывались не именами по крещенію, а кличками, остававшимися за ними по смерть. Мы помнимъ одно имѣніе, въ которомъ, при блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, крестьяне часто назывались такими кличками. Мы помнимъ, между прочимъ, одну *рыжеволосую* женщину, которая никогда иначе не называлась, какъ «*рыжа*» сама она всегда откликалась на такую кличку, многіе даже не знали настоящаго ея имени.

[100]) А будетъ... слуга учнетъ бити человѣкъ на господина своего, что онъ надъ нимъ много дѣлаетъ наругательства, и бьетъ безъ вины, или напиваючись невѣдомо за что, или надъ женою его и дѣтьми учинитъ какое злое дѣло: и по сыску у такого господина такого человѣка возмутъ назадъ, безденежно. А будетъ онъ господинъ тому человѣку учинитъ наругательство, съ сердца переломитъ руку, или ногу, или глазъ выколетъ, или губы, или носъ, или уши и иное что обрѣжетъ: и ему противъ того жъ будетъ указъ учиненъ самому, рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ того жъ; да на немъ же возмутъ тому его увѣчному человѣку, за увѣчье, изъ животовъ по указу. А будетъ тотъ его увѣчной человѣкъ отъ его наругательства умретъ: и того господина самого казнятъ смертью, а женѣ того умершаго и дѣтемъ возмутъ того господина изъ животовъ на прожитокъ, по указу, кто бъ ни былъ. Такимъ же обычаемъ межъ всякихъ господъ и подданныхъ ихъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, указъ во всемъ противъ того жъ и ни въ чемъ не разнится (стр. 95).

[101]) Первый указъ, предписавшій помѣщикамъ подавать втеченіе года *правдивыя сказки,* сколько у кого душъ мужескаго пола, послѣдовалъ въ 1718 г. (№ 3.245). Въ 1719 г. предписано за утайку одной мужской души платить вдвое (№ 3.287). Петру стало извѣстно, что помѣщики въ сказкахъ писали однихъ крестьянъ и не писали людей дворовыхъ: въ 1720 г. онъ повелѣлъ писать всѣхъ подданныхъ (№ 3.492). Въ томъ же году было предписано: у тѣхъ помѣщиковъ, которые сказокъ не подали, отписать деревни на государя, выславъ ихъ къ розы-

ску въ С.-Петербургъ (№ 3.687). Въ 1722 г. установлена *подушная подать* по 8 гривенъ съ персоны 5 милліоновъ крестьянъ и дворовыхъ людей (№ 3.874). Помѣщики продолжали утаивать ревизскія души: одинъ вологодскій помѣщикъ въ 1719 г. показалъ, что у него, сверхъ объявленныхъ имъ 4 скотниковъ, другихъ дворовыхъ нѣтъ; но какъ оказалось, что онъ утаилъ 2 дворовыхъ, то имѣніе его сельцо Суворково, въ которомъ произошла утайка, отписали на государя (№ 4.267). Подобныхъ утаекъ, конечно, было не мало. Помѣщики отвѣчали за своевременный взносъ ихъ крестьянами подушной подати. Но платить эту подать было крайне трудно. Уменьшивъ ее до 74 к. съ души, Екатерина I, въ 1727 г. учредила *коммисію о преобразованіи подушной подати*, составленную изъ выбранныхъ шляхетствомъ знатныхъ и посредственныхъ чиновъ. Какіе были результаты дѣятельности этой коммисіи? Намъ только извѣстно, что жалобы правительства на помѣщиковъ за несвоевременный взносъ подушныхъ начинаются уже съ Петра II, при которомъ предписывалось брать помѣщиковъ въ города и править на нихъ деньги (№ 5.079). Самыя строгія мѣры ко взысканію недоимокъ по подушному сборы употреблены при Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1735 г. правительство жалуется, что помѣщики не только не уплатили недоимокъ съ 1724 по 1735 г., но и пріумножили ихъ (№ 6.674). Опредѣленъ трехмѣсячный срокъ для взноса недоимокъ, по истеченіи котораго, если помѣщики не станутъ платить, то какихъ бы они чиновъ ни были, держать ихъ подъ карауломъ безъ выпуска, а если кто изъ нихъ будетъ уѣзжать отъ платежа недоимокъ въ другія деревни, то о такихъ немедленно писать въ сенатъ, отписывая ихъ имѣнія на государя (№ 6.675). Въ 1737 канцелярія конфискаціи снова предписываетъ править недоимку безъ послабленія, высылая изъ деревень неплатящихъ помѣщиковъ, и запрещая ихъ крѣпостнымъ оказывать имъ повиновеніе. Въ 1738 г. правительство жалуется, что «доимка не вся отъ пустоты и скудости запущена, но другими разными видами, а именно: на знатныхъ людяхъ, такожъ и на ослушникахъ, изъ которыхъ на первыхъ губернаторы и воеводы *взыскивать не смѣютъ, бояся ихъ страха;* а другіе, имѣя свои деревни въ разныхъ уѣздахъ, убѣгая отъ платежа, изъ деревень переѣзжая, время провождаютъ, а губернаторы и воеводы въ другіе уѣзды, кои имъ не поручены, по нихъ посылать не смѣютъ»... При этомъ правительство прибавляетъ, что, небось, помѣщики своихъ собственныхъ доходовъ съ крестьянъ въ доимкѣ не оставляютъ, но такъ усердно ихъ взыскиваютъ, что разоряютъ крестьянъ, дѣлая ихъ несостоятельными платить государственныя подати. Предписывается заплатить недоимки въ мѣсяцъ, а иначе станутъ взымать съ % (П. С. № 7.494). Несмотря на это, въ 1742 г. число недоимокъ простиралось до 5 милліоновъ (№ 8.619). Екатерина II продолжаетъ принимать мѣры ко взысканію недоимокъ (№ 12.530). Взысканіе это дѣлается эпидемическимъ, продолжаясь непрерывно и во всѣ послѣдующія царствованія. Императоръ Николай I дозволялъ иногда взносить недоимки хлѣбомъ по возвышенной цѣнѣ, но и это не искоренило недоимокъ.

[102]) Въ 18 в. правительство начинаетъ регулировать употребленіе ливрей дворянскою дворнею. Завелся обычай держать гусаръ. Спб. Вѣд. въ № 91 за 1796 г. объявляли о продажѣ гусара съ женою, не болѣе 30 лѣтъ. Въ 1767 г. императрица приказала, чтобъ помѣщики въ столичныхъ городахъ не наряжали служителей своихъ оружіемъ и не наряжали своихъ гусаръ въ мундиры, схожіе цвѣтомъ съ мундирами гусаръ арміи (П. С. № 12.947). Въ 1799 г. во всей имперіи запрещено было помѣщикамъ имѣть казаковъ и гусаръ изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ (П. С. № 19.002).

[103]) Театръ гр. Каменскаго въ Орлѣ состоялъ изъ его крѣпостныхъ людей, съ платою за входъ, съ печатными афишками, и съ полнымъ оркестромъ, также изъ крѣпостныхъ. Таковыми же были живописцы, декораторы и машинисты.... Первый теноръ, чистый холопъ, по имени Кравченко... Дворовая дѣвка — примадонна... Балетъ съ первымъ танцоромъ Васильевымъ... Самъ хозяинъ всегда сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, а семейство его въ средней ложѣ, *вродѣ царской*... Иногда самъ графъ сидѣлъ у кассы и продавалъ билеты... Актриссъ иногда посѣкали; онѣ содержались взаперти въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы въ гаремѣ, и кромѣ какъ въ театръ никуда не выходили (изъ Записокъ гр. Бутурлина).

[104]) Смоленскій совѣстный судья, Степанъ Храповицкій, въ 1789 г. доносилъ ген.-прокурору, что при вступленіи его въ должность подалъ просьбу одинъ офицеръ, что долженъ ему его знакомый дворянинъ 100 р., прося о призывѣ его и усовѣщеваніи. На другой день явился должникъ, и, не дожидаясь усовѣщеванія, объявилъ, что онъ дѣйствительно долженъ, и за свой долгъ отдаетъ человѣка.

[105]) Намъ встрѣчались нѣкоторыя данныя о цѣнѣ имѣній и крестьянъ, которыя считаемъ не безъинтересными. Выше мы встрѣчали свидѣтельство Болтина, что вконцѣ 17 ст. за 100 р. можно было купить деревеньку душъ въ 20. Въ 1717 г. село Тертино галицкаго уѣзда съ деревнями и пустошами, 126 четей пашни, дворъ помѣщиковъ, 7 дворовъ крестьянскихъ продано за 182 р., а въ переяславо-залѣсскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Горкахъ дворъ помѣщиковъ, 3 двора крестьянскихъ, 59 четей пашни — за 314 р., 3 алт. и 2 деньги (П. С. № 3.103). Въ 1736 г. отписное за доимку имѣніе майора Бахметева, въ алатырскомъ уѣздѣ с. Романово муж. п. 76 душъ, женскаго 89, пахатной земли 100 четв., да въ томъ же уѣздѣ село Калиновка м. п. 163, ж. 160 душъ, пахатной земли 100 дес., продано генералу Левашеву за 4.000 р. При этомъ люди отъ мала до велика — по средней цѣнѣ (П. С. № 7.512). Встрѣчаются случаи замѣчательно дешевой продажи имѣній: помѣщикъ пензенской губ. Струйскій, умершій вначалѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, за желѣзо для постройки своего дома, отдалъ подмосковную въ 300 душъ (Р. Арх. ч. 3-й); помѣщикъ Марковъ, вконцѣ прошлаго вѣка, пріобрѣлъ у Желябужскаго, смоленской губ., гжатскаго уѣзда село Панино въ 200 д. съ большимъ количествомъ земли и лѣса за 200 р. (ib). Что̀ касается цѣнъ на крестьянъ, то онѣ были крайне разнообраз-

ны. Правительство иногда само установливало цѣну на людей: въ 1722 г. потребовано было, чтобы помѣщики поставили 350 плотниковъ съ ихъ семействами. Опредѣлено было за дѣтей муж. пола 10 — 20 лѣтъ выдавать 20 р., а ниже 10 лѣтъ — по 10 р.; за дѣвочекъ же половину (П. С. № 3.915, 3.938). Подобнымъ же образомъ указъ 1760 г., предоставившій помѣщикамъ ссылать на поселеніе въ Сибирь своихъ крестьянъ, далъ имъ право оставлять у себя дѣтей ссылаемаго, а если дѣти отсылались съ родителями, то за нихъ платили изъ казны: за муж. полъ до 5 лѣтъ — по 10 р., 5 — 15 — 20 р., а за дѣвочекъ — половину (П. С. № 11.166). — При учрежденіи государственнаго заемнаго банка, въ 1754 г., предписано давать подъ залогъ 50 душъ—500 р., а 100 душъ—1.000 р.:душа въ 10 р. (П. С. № 10.235). По манифесту 1786 г. банкъ выдавалъ подъ залогъ крестьянина — 40 р. (П. С. № 16.407). Государственный вспомогательный банкъ для дворянства, 1797 г.: въ губ. 1-го класса — 75 р., 2-го кл. — 65 р., 3-го — 50 р. и 4-го — 40 р. (П. С. № 12.274). Въ 1833 г. постановлено: крѣпостныхъ, принадлежащихъ лицамъ, неимѣющимъ права владѣть оными, отбирать въ казну, выдавая за нихъ — по 300 р. за мужескъ и по 150 за женскъ полъ (П. С. 2-е № 6.163). — Въ 1813 г. опредѣлена цѣна на крѣпостныхъ людей при совершеніи актовъ на продажу — за каждую душу муж. п. по 200 р., и женск. — половину (П. С. № 25.385). Въ 1841 г. установлено изъ кредитныхъ заведеній выдавать подъ залогъ ревизской души: въ губ. 1-го разряда 70 р., если на ка каждую душу приходится не менѣе 4 д. земли, и въ противномъ случаѣ — 60 р., въ губ. 2-го разряда — 60, а 3-го — 50 р. (2-е П. С. № 14.461). Но въ частныхъ сдѣлкахъ нормальная казенная цѣна на людей не соблюдалась. Интересныя свѣдѣнія о цѣнахъ живаго товара въ первой половинѣ 18 вѣка заключаются въ Дневныхъ Запискахъ Марковича: 3 января 1724 г. онъ купилъ крестьянина у полковника Кошелева за 50 р.—Одинъ подсусѣдокъ за уплату за него Марковичемъ 33 р. штрафу, наложеннаго коллегіей, отдался въ вѣчную крѣпостную отъ него зависимость. Въ 1727 г. господарь его купилъ у полковника Обулдуева жонку съ 2 сынами и дочерью за 15 р. съ крѣпостью; въ 1731 г. заплачено за жонку съ дѣтьми 24 р.; за 2-хъ братьевъ съ сестрою — 14 р., да пару лошадей въ придачу. Еще дешевле были татарчонки и колмычонки. Находясь въ гилянскомъ походѣ, Марковичъ поручилъ своему слугѣ Гаврилу покупать татарченковъ и калмычатъ, на что далъ ему 70 р.: за малаго татарчука Замбулата заплачено 15 р., за каракалпачанина 13 р. (персидскій поясъ 20 р.) и дѣвчонку калмычку 10 р. съ полтиною. Оставляя въ Астрахани своихъ слугъ, Марковичъ поручилъ имъ купить за моремъ: мальчиковъ, поясовъ, табаку и т. п. (Д. З. генер. подскарбія Як. Марковича). — Гр. Шуваловъ предложилъ въ 1763 г. къ платежу своего долга въ казну слѣдующія средства: крестьянъ 4.000 душъ, считая ихъ кругомъ *дворянскою цѣною* по 30 р. душу—на 120.000; бриллiантовыхъ вещей на 100.000, желѣза при заводѣ 220.000 пудовъ на 113.000, московскій домъ за 35.000, а остальный долгъ онъ обезпечивалъ: 2.000 душъ, спб. до-

момъ и 10 пудами стариннаго серебра (П. С. № 11.967). — Въ 1773 г. вдова Аргамакова продала 195 д. со всѣми дѣтьми, женами, родственниками и пріемышами на свозъ за 1.120 р. (П. С. № 13.950). Въ 1789 г. одинъ дворянинъ за свой долгъ одному офицеру 100 р. отдалъ ему крѣпостнаго человѣка (П. С. № 16.818). — Въ 1811 г. надворный совѣтникъ Гейзеръ продалъ 3 крестьянъ, вывезенныхъ изъ остзейскихъ губ., поручику Гаркузену за 600 р. (П. С. № 24.699), а жена штабъ-лекаря кіевскаго повѣта, Розлачова, продала донскому казаку Фершалову подъ видомъ крѣпостной дѣвки свою родную дочь за 90 р. (П. С. № 24.821). Кромѣ того, у насъ подъ рукою были сдѣлочные акты на крѣпостныхъ людей, извлеченные нами изъ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ архивовъ. Въ нихъ встрѣчаемъ также интересныя указанія на цѣны людей: въ 1786 г. помѣщица рыльскаго уѣзда курскаго намѣстничества, Бирдина продала малороссійскому полковому писарю, служащему въ нѣжинскомъ карабинерномъ полку, Ив. Аѳ. Строгову, крестьянина Горбачева за 110 р.; въ 1797 г. войсковой товарищъ, Семенъ Федоровичъ Романовичъ-Славатинскій занялъ въ коммисіи кіевскаго дворянскаго собранія на одинъ годъ 1.500 р., подъ залогъ 38 душъ крестьянъ съ семействами и землями переяславскаго уѣзда; въ 1807 г. помѣщикъ курской губ. льговскаго уѣзда, прапорщикъ, Вас. Ив. Потрикѣевъ, продалъ титул. сов. Должикову дворового человѣка Трофимова за 90 р.; въ 1808 г. этотъ самый Должиковъ продалъ надворному совѣтнику Науму Борисовичу Саксу холостаго крестьянина Сем. Терехова за 350 р. и другаго дворового человѣка съ женою и дочерью за 190 р., а Саксъ продалъ ихъ въ 1809 г. генералу Тирингу за 500 р.; въ 1813 г. коллежскій регистраторъ Дунаевскій продалъ генералу Тирингу крестьянина Медвѣдя за 300 р.; тотъ же генералъ Тирингъ купилъ: въ 1817 г. у Ѳедора Славатинскаго крестьянина Заику съ женою, сыномъ, дочерью и грунтомъ за 600 р., въ 1818 г. у надворнаго совѣтника Омельяновича дворовую дѣвку за 200 р. и у баронессы де Лангладъ дворовыхъ людей: вдовца Исаія Емельянова съ его сыномъ и 2 дочерьми и холостаго за 800 р.; въ 1820 г. помѣщикъ полтавской губ. переяславскаго уѣзда губ., секретарь Турчановскій, съ своею женою, продали крестьянку Леоникову губ. секр. Ѳедору Славатинскому за 120 р., который уступилъ тотчасъ же генералу Тирингу; въ 1842 г. помѣщикъ полтавской губ. лохвицкаго уѣзда Савицкій продалъ крестьянина, съ женой и двумя сыновьями, съ жилымъ грунтомъ, избою и 9 десятинами поля за 200 р. сер., и купленная семья тотчасъ же была переведена въ другой уѣздъ (изъ помѣщичьихъ архивовъ).

[108]) Какъ было не благословлять филантропу? Исторія торговли людьми представляетъ случаи, едва вѣроятные: въ 1811 г. въ сенатѣ разсматривалось дѣло жены штабъ-лекаря кіевскаго повѣта, коллежской асессорши Разлачевой, которая, возненавидѣвъ свою родную дочь за то, что та открыла предъ своимъ отцомъ неприличное обращеніе съ однимъ мущиною въ нарушеніи супружеской вѣрности, назвавъ свою дочь крѣпостною дѣвкою, выдала довѣренность на продажу ея донскому

казаку Фершалову, по полученіи отъ него 90 руб. Кіевскій повѣтовый судъ положилъ оставить Разлачеву свободною отъ всякаго наказанія. Мнѣніе это утвердилъ и первый департаментъ кіевскаго главнаго суда, присоединивъ сдѣлать Разлачевой выговоръ. Это утверждено и кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, Панкратьевымъ, и только сенатъ лишилъ Разлачеву дворянства и постановилъ сослать ее въ Сибирь на поселеніе (П. С. № 24.821). Другой случай описанъ въ журналѣ министерства юстиціи за 1864 г.: «въ 184* г. неграмотная и мелкопомѣстная помѣщица, С. губерніи В. уѣзда, Акулина Ѳ., владѣлица хутора, къ которому было приписано 6 душъ крѣпостныхъ крестьянъ мужескаго пола, вышла замужъ за одного изъ нихъ, Ивана Павлова, не выдавъ ему отпускной. Супруги прожили до 2 лѣтъ, приживъ дочь. Затѣмъ Акулина Ѳ. по купчей продала свой хуторъ помѣщику С. со всѣми записанными по послѣдней ревизіи *6 душами* мужескаго пола съ *ихъ семействами*. Прошло 3 года послѣ совершенія купчей. Вдругъ Акулина Ѳ. получила повѣстку изъ уѣзднаго суда, съ препровожденіемъ копіи искового прошенія дворянина С., который изъяснялъ въ немъ, что купленный имъ по купчей крѣпости, вмѣстѣ съ хуторомъ, у дворянки Ѳ., крестьянинъ Иванъ Павловъ, съ семействомъ, самовольно скрылся отъ него и проживаетъ въ уѣздномъ городѣ, а потому просилъ уѣздный судъ водворить его съ семействомъ въ законномъ мѣстожительствѣ, обязавъ исполнять барщину, и оказывать законное повиновеніе помѣщику... Уѣздный судъ постановилъ: хотя дворянинъ С., на основаніи законовъ, имѣетъ право требовать признаніе дворянки Акулины Ѳ. съ семействомъ въ крѣпостной отъ него зависимости, но принимая во вниманіе между прочимъ, что такой приговоръ произвелъ бы крайній соблазнъ, оскорбилъ бы все дворянское сословіе и поколебалъ бы должное уваженіе къ нему остальнаго населенія, судъ опредѣлилъ: отнестись къ губернскому предводителю дворянства, чтобы онъ убѣдилъ С. выдать вольную крестьянину Ивану Павлову съ семействомъ. Дѣло уладилось при посредствѣ дворянства (Ж. м. ю, іюль, 1864 стр. 189—193).

[107]) При усмиреніи крестьянъ помѣщицы Мусиной-Пушкиной, костромской губерніи, въ 1826 г., они были приведены къ присягѣ въ полномъ послушаніи и повиновеніи помѣщицѣ и поставленнымъ надъ ними властямъ. При подписаніи журнала государственнаго совѣта, предсѣдатель департамента законовъ не нашелъ закона, дозволяющаго приводить къ присягѣ крестьянъ *цѣлымъ обществомъ* въ повиновеніи ихъ владѣльцамъ (а отдѣльными лицами?) (2-е П. С. № 300). Въ сквирскомъ уѣздномъ судѣ, въ 1857 г., производилось дѣло о приводѣ помѣщицею Варварою Хаецкою крестьянъ къ присягѣ на *вѣрность службы* (Кіевл. 1869 г. № 90).

[108]) «Въ 1723 г. императоръ предписалъ переписчикамъ согласиться съ землевладѣльцами сѣверныхъ областей насчетъ половниковъ, переходящихъ съ одной земли на другую, и прислать въ сенатъ мнѣнія, какой придумать способъ, чтобъ половники, переходя съ мѣста на мѣсто, не избывали подушнаго сбора. Переписчикъ, бригадиръ Фамендинъ, при-

слалъ мнѣніе, чтобъ половниковъ въ другія мѣста не переводить и запретить имъ переходъ указами; такое же мнѣніе прислалъ и полковникъ Солнцевъ; но генералъ-майоръ Чекинъ писалъ, что хотя, по *мнѣнію землевладѣльцевъ, должны укрѣпить половниковъ за ними* какъ за помѣщиками, однако, по его мнѣнію, половниковъ укрѣплять не слѣдуетъ. Сенатъ въ январѣ 1725 г. согласился съ Чекинымъ» (Соловьева: т. XVIII, стр. 181).

[109]) Въ азовской губерніи нѣкоторые церковнослужители, записанные по ревизскимъ сказкамъ за помѣщиками, были потомъ посвящены въ попы и діаконы (№ 4.996). Замѣчательно, что въ Грузіи до 1808 г. многіе изъ священниковъ и діаконовъ были въ крѣпостной зависимости отъ тамошнихъ князей и дворянства «по слабости бывшаго правительства», и несли оброки и прочія повинности, лежащія на крѣпостныхъ. Только указъ 1808 г. постановилъ, что духовное состояніе въ Грузіи свободно отъ крѣпости (№ 23.146). Еще въ 1811 г. священникъ казанской губерніи чистопольскаго уѣзда с. Архангельскаго, Прокофьевъ, подавалъ прошеніе государю объ исключеніи изъ помѣщичьяго владѣнія сына его Ивана съ семействомъ (№ 24.207).

[110]) Тепловъ въ своей извѣстной запискѣ, около 1760 г., писалъ «къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ наближайшій малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ сторонѣ».... Причиной частыхъ переходовъ подсосѣдковъ отъ одного державцы къ другому, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Лазаревскій (Записки черниг. губ. статистич. комитета, кн. 1-я, стр. 114), было не право вольнаго перехода, но державскія насилія —угнетеніе посполитства малороссійской старшиной, въ интересахъ которой было сказать и малороссамъ: «вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!» Вотъ что писалъ въ 1831 г. малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Рѣпнинъ, глубоко изучившій край, императору Николаю: ... «въ 1783 г. малороссійскіе земледѣльцы порабощены были *происками тогдашнихъ царедворцевъ*, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, *пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти.* Каждый 60 лѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропоту крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ казакамъ» (Чт. 1863 г. кн. 1). Малороссія бѣдствовала отъ подвижности населенія, отъ бродяжничества посполитства. Но причина его заключалась въ злоупотребленіяхъ державцевъ, на которые нужно было налечь законодателю Указъ 3 мая 1783 г. отдаетъ посполитство въ крѣпостную зависимость шляхетства. Это было лекарство, отъ котораго еще болѣе могъ разложиться болящій организмъ.

[111]) Державинъ по вопросу, возбужденному англійскимъ парламентомъ о дарованіи свободы невольникамъ:

«Льзя-ль просвѣщенный умъ привить всему народу
И въ равенствѣ его во всей вселенной зрѣть?
Коль можно, то съ звѣрьми должно въ норахъ сидѣть
И лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду».

(Изд. Грота, Т. III. стр. 386).

Въ переложенной одѣ Анакреона «Голубка» онъ дѣлаетъ намекъ на намѣреніе Александра I освободить крестьянъ:

«Какая это воля,
Летала чтобъ одна;
Была бъ безвѣстна доля,
Была бы голодна».

(ib., T. 2 стр. 393).

112) Помѣщица Пасевьева почти въ одно время съ Румянцовымъ просила государя объ увольненіи ея крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Но предположеніе ея не осуществилось, такъ какъ она не заключила съ крестьянами условій. Еще прежде, въ 1800 г., виленской помѣщикъ Нагурскій отпустилъ своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы даже безъ вѣдома правительства (Варадиновъ).

113)

Годы.	Владѣльцы.	Число душъ.
1804	4	5.227
1805	3	101
1806	6	762
1807	7	14.433
1808	3	254
1809	7	1.600
1810	3	7.291
1811	6	927
1812	8	751
1813	2	1.021
1814	3	940
1815	3	693
1816	7	572
1817	2	202
1818	9	1.861
1819	19	4.455
1820	11	931
1821	15	1.178
1822	12	1.037
1823	14	1.777
1824	5	955
1825	6	268
1826	2	70
1827	4	250
1828	7	251
1829	6	1.478

1830	6	461
1831	3	49
1832	7	6.852
1833	9	2.546
1834	3	402
1835	7	497
1836	3	352
1837	9	696
1838	18	9.417
1839	11	2.760
1840	3	310
1841	4	249
1842	5	2.439
1843	6	412
1844	5	12.904
1845	7	466
1846	11	817
1847	8	5.944
1848	18	6.512 (государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ)
1849	12	839
1850	19	2.668
1851	15	4.406
1852	14	1.235
1853	13	512
1854	12	2.399
1855	2	256
Всего	384 влад. . .	115.734 душъ.

Между помѣщиками, освобождавшими своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, встрѣчаемъ случай освобожденія безъ всякой платы: такъ освободила жена капитана Захарьина, помѣщица владимірской губерніи, 62 души (Варадиновъ, въ сочиненіи котораго разбросано число освобожденныхъ въ вольные хлѣбопашцы крѣпостныхъ крестьянъ, сведенное нами въ вышеизложенную таблицу). Встрѣчаемъ и другой подобный случай: помѣщикъ владимірской губерніи, Стромиловъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ 30 д. крестьянъ (№ 29.592).

[114]) См. Движеніе законодательства въ Россіи, отд. 1. стр. 38: «водвореніе и поддержаніе доброй нравственности и трудолюбія, удержаніе народа въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ поставленъ закономъ, достигалось (при крѣпостномъ правѣ) раздѣльнымъ въ малыхъ массахъ или кадрахъ надзоромъ и управленіемъ посредствомъ помѣщиковъ, которые считались у правительства *даровыми полицеймейстерами*».

[115]) Многія изъ нихъ намъ уже извѣстны. Къ числу ихъ можно отнести весьма важную мѣру 1842 г.: измѣненіе узаконенія касательно удовлетворенія крѣпостныхъ людей за обиды. Они уравнены съ лицами

свободныхъ состояній: за безчестье крѣпостнаго человѣка положено взыскивать съ обидчика такую же сумму, какъ и за безчестье государственнаго крестьянина; за безчестье вдовъ и женъ крѣпостныхъ людей вдвое противъ мужей ихъ; за оскорбленіе незамужней дочери — вчетверо, а за обиду сыновей, не достигшихъ 17 лѣтъ — 1/2 противъ отца (2-е П. С. № 16.168).

116) «Умноженіе правителей и канцелярій, сказано въ этомъ указѣ не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ,—нынѣ къ десяти, а можетъ быть и больше, и всѣ тѣ разные правители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ»....

117) Форма баллотированія, устанавливаемая указомъ 1719 г., та же самая, которая впослѣдствіи была узаконена Екатериной II и сохраняется при выборахъ въ настоящее время: поставивъ на столѣ ящикъ, взять въ одну руку балъ (или шарикъ) и вложить ту руку въ трубку, при помянутомъ ящикѣ придѣланную, и ежели похощетъ кого удостоить опустить тотъ шарикъ въ ящикъ въ бѣлую сторону; а естьли кого признаетъ, что повысить его не надлежитъ, то въ черную сторону; а опущать искусно, чтобъ никто дознаться не могъ, въ которую сторону опуститъ. А какъ всѣ такъ пробаллотируютъ (начиная съ нижняго чина и кончая высшимъ), то отпереть снизу одну сторону ящика и счесть балы и записать, и въ которой сторонѣ будетъ больше баловъ, то и дѣйствительно, а именно: буде въ бѣлой больше число баловъ, то удостоенъ.....

118) Въ 1734 г. повелѣно было для пользы и правосудія малороссійскаго народа: магдебурское право и саксонскіе статуты свесть въ одну систему, переведя на великороссійскій языкъ и разъяснивъ встрѣчающіяся сумнительства. А для этой работы генералъ-лейтенантъ Шаховской долженъ былъ выбрать знатныхъ особъ: каждой епархіи по одному архимандриту или игумену, отъ кіевопечерскаго монастыря одного соборнаго старца изъ протопоповъ, одного изъ генераловъ старшины, одного изъ полковниковъ, чтобъ всѣхъ было 12 человѣкъ, и выслать ихъ всѣхъ въ Москву, назначивъ жалованья 2.000 на всѣхъ (№ 6.614, 6.610). Для смотрѣнія надъ ними опредѣлена одна персона изъ великороссійскихъ (№ 6.837).

119) Ср. указъ 1719 г. (№ 3.406) съ обрядомъ 1766 г. (№ 12.801). Когда дворянство соберется въ назначенномъ для того мѣстѣ для выбора, то начальникъ, предсѣдательствующій на этомъ выборѣ, велитъ раздать каждому по одному шарику, и велитъ читать по-росписи имя перваго дворянина, т. е. того, который прежде въ городъ явился; а дворяне, выслушавъ оное, встанутъ одинъ за другимъ, и кладутъ свой шарикъ въ приготовленный на столѣ ящикъ, перегороженный по срединѣ на двѣ части и покрытый сукномъ. На правой сторонѣ ящика написано:

избираю, а на лѣвой не *избираю*. Всякій положитъ, въ которую сторону пожелаетъ. А тотъ, чье имя читали, воленъ класть шарикъ или не класть, остаться при выборѣ или выйти. Когда же всѣ шарики положены, то начальникъ встаетъ, и при всѣхъ ясно снимаетъ сукно, которымъ покрытъ ящикъ, и вынимаетъ шарики сперва съ той стороны, гдѣ подписано *избираю*, и считаетъ оные, и записать велитъ въ росписи противъ имени того дворянина, что столько голосовъ его одобряютъ быть предводителемъ того уѣзда дворянъ. Сдѣлавъ сіе, вынимаетъ шарики и съ той сторону ящика, на которой надписано не *избираю*, и сколько найдетъ шариковъ, такъ же записываетъ.... (п. 12).

Въ уѣздахъ, въ которыхъ находилось малое число помѣщиковъ владѣющихъ деревнями, какъ напр. въ с.-петербургскомъ, великоустюжскомъ, кунгурскомъ и т. п., гдѣ было менѣе 15 чѣловѣкъ помѣщиковъ, предоставлялось имъ на волю прислать или не прислать депутатовъ № 12.801, п. 3).

[120]) Такое воззрѣніе дворянина новгородской губерніи въ 18 ст., конечно, понятнѣе, чѣмъ подобное же воззрѣніе одного московскаго дворянина въ 19 ст., который, послѣ веденія судебной реформы, отказывался отъ должности присяжнаго, ссылаясь на манифестъ 1762 г.

[121]) При императорѣ Николаѣ I дворянство и служащіе по выборамъ дворянства получили новую униформу, отчасти вѣдомства м. вн. дѣлъ Положеніе о дворянскихъ губернскихъ мундирахъ состоялось 1 мая 1832 г. На основаніи его: 1) для дворянства всей Росс. имперіи установленъ парадный мундиръ темнозеленаго цвѣта, съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и желтыми пуговицами, съ изображеніемъ на нихъ герба губер. подъ императорскою короною и названія губерній; 2) шитье, сообразно занимаемой должности; 3) для небывшихъ ни въ какой должности — ни въ коренной, ни въ выборной — шитья не полагалось; 4) служащіе по выборамъ дворянства должны носить мундирные фраки и сертуки темнозеленые, съ губер. пуговицами (2-е П. С № 5.316).

[122]) Положеніе о провіантскомъ управленіи 1816 г. Гл. II § 49: Отъ внесенія залога изъемлются подряды, принимаемые въ видѣ общественныхъ поставокъ сословіемъ всего дворянства той губерніи, гдѣ войска расположены: тогда благонадежность продовольствія можетъ основываться на довѣріи, принадлежащемъ сему сословію и его имуществѣ (№ 26.206).

[123]) Генералъ-губернаторы въ 1778 г. спрашивали императрицу: Что ежели, кромѣ выборовъ, общее собраніе дворянства, или нѣкоторые уѣзды, будутъ имѣть надобность или пожелаютъ собраться для совѣта съ собратами своими о своихъ нуждахъ и взаимныхъ пользахъ, напр. о заведеніяхъ для воспитанія, о какихъ-либо публичныхъ новинностяхъ, можно-ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и дѣлать представленія или жалобы именемъ общества чрезъ депутатовъ? Императрица разрѣшила (№ 14.816 ст. 23).

[124]) Мы видѣли, что уѣздное шляхетство при Петрѣ Великомъ съѣзжалось на выборы земскаго коммисара также въ это зимнее время. Н

вопросные пункты генералъ-губернаторовъ, какое время удобнѣе для общаго собранія дворянъ къ новымъ выборамъ? послѣдовала въ 1776 г. резолюція: отъ 10 декабря до 10 января (№ 14.816). Зимнее время для выборовъ оставляется и жалованной грамотой (§ 38).

[125]) Прецедентъ для жалованной грамоты, при опредѣленіи цензa, былъ порядокъ выбора депутатовъ въ коммисію и предводителей дворянства въ 1767 г. По этому порядку какъ депутатомъ, такъ и предводителемъ могъ быть выбранъ дворянинъ: 1) дѣйствительно имѣніемъ въ томъ уѣздѣ владѣющій (безъ опредѣленія его стоимости и дохода); 2) ни въ какихъ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ небывалый; 3) честнаго и незазорнаго поведенія; 4) служащій или неслужащій, какого бы чина и званія ни былъ. Депутатомъ могъ быть выбранъ имѣющій не менѣе 25 лѣтъ, а предводителемъ — не менѣе 30. Для избирателей же возрастъ не опредѣлялся, а только имущественный цензъ—дѣйствительное владѣніе имѣніемъ въ уѣздѣ (№ 12.801). При дарованіи бѣлорусскимъ губерніямъ права избирать судей въ губернскіе и провинціальные суды, въ 1773 г., опредѣлено было, что избирать могутъ тѣ помѣщики, у которыхъ не менѣе 10 душъ, а быть избранными могутъ быть только владѣльцы 20 душъ мужскаго пола (№ 13.977 п. 3). Учрежденіе о губерніяхъ не опредѣлило цензa, принявъ порядокъ баллотированія, на основаніи депутатскихъ выборовъ 14 декабря 1766 г. (№ 14.392, прим. къ III гл.). Въ 1781 г. новгородско-тверской намѣстникъ представлялъ государынѣ, что при управленіи намѣстничествомъ гр. Сиверса, дворяне того намѣстничества, неимѣющіе 20 душъ достоянія, въ судьи избираемы не были «чего въ прочихъ губерніяхъ не усматривается. Сіе распоряженіе, продолжаетъ намѣстникъ, какъ видно почерпнуто изъ проекта о дворянахъ; но оно не согласуется съ симъ потому: 1) что въ проектѣ въ 57 ст. сказано: что дворянинъ, неимѣющій 100 р. доходу съ деревень, въ судьи избранъ быть не можетъ; достояніе жъ дворянина, имѣющаго только 20 душъ, назначеннаго числа доходу дать не можетъ .... 2) Въ проектѣ сказано: избирать судей не ниже 25 лѣтъ, но при выборахъ сіе исполнилось токмо вразсужденіи предсѣдателей, въ засѣдатели жъ избираемы были 21 года». Императрица постановила резолюцію: «до изданія главы о дворянствѣ оставить сіе на волю дворянъ» (№ 15.280). А въ 1784 г. въ бѣлорусскихъ губерніяхъ допущены были къ выборамъ дворяне, владѣющіе староствами (№ 15.961).

[126]) Такой случай былъ при выборахъ въ орловской губерніи, въ 1830 г. Въ должность сѣвскаго уѣзднаго предводителя баллотировались: полковникъ Болотниковъ и штабсъ-ротмистръ Подлиневъ, изъ которыхъ первому, имѣющему 50 лѣтъ, избират. 9, неизбир. 7, а второму, имѣющему 28 лѣтъ избират. 11, неизб. 5. При утвержденіи, орловскій гражданскій губернаторъ и воздудилъ вопросъ: которое узаконеніе принимать въ основаніе—обрядъ 1766 г., или 62 ст. жалованной грамоты?

[127]) Разграниченіе непосредственнаго права отъ права чрезъ уполномоченныхъ уже видно въ томъ особомъ мнѣніи, которое министръ коммерціи Румянцевъ представлялъ въ 1805 г. государственному совѣ-

ту по поводу вопроса о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ (Чтенія, кн. 3-я 1860 г.). Мотивъ установленія имущественнаго ценза для участія въ выборахъ, законъ 1831 г. формулируетъ такъ: «отъ частаго раздробленія дворянскихъ имѣній, чрезъ продажу и раздѣлы при наслѣдствѣ, число избирателей непомѣрно увеличилось; дворянскія собранія иногда уже не вполнѣ составляются изъ людей, коихъ собственныя выгоды, основанныя на владѣніи достаточнымъ, дающимъ и средства надлежащаго образованія имуществомъ, могутъ служить ручательствомъ въ стремленіи ихъ къ общей пользѣ, и открылся поводъ къ жалобамъ на избранія пристрастныя, не оправдывающія довѣренности и ожиданій правительства» (2-е П. С. № 4.989). Норма ценза для непосредственнаго права выбора — 100 душъ — имѣла прецеденты: сенатъ спрашивалъ Петра Великаго въ 1724 г: считать годнымъ шляхетствомъ по дворовому числу—отъ ста дворовъ? (№ 4588). Отчасти: постановленіе 1732 о назначеніи деньщиковъ только тѣмъ генераламъ и офицерамъ, которые имѣютъ *меньше 100 душъ* крестьянъ (№ 6.211). — Какъ уменьшилось число избирателей, вслѣдствіе повышенія имущественнаго ценза, можно видѣть изъ того, что въ 1854 г. изъ 565.470 потомственныхъ дворянъ, правомъ голоса на выборахъ пользовалось только 21.916 (Варадиновъ).

[128]) Въ 1817 г. постановлено: дворянъ, не имѣющихъ собственнаго имѣнія, но жены которыхъ имѣютъ таковое, допускать къ выборамъ не иначе, какъ за согласіемъ дворянства губерніи (№ 26.617).

[129]) Въ 1810 г. запрещено было впредь принимать довѣренности на дворянскіе выборы отъ отсутствующихъ, а выборы производить только наличными дворянами (№ 24.423). Изъ этого запрещенія видно, что довѣренности фактически установились, хотя не было постановленія ихъ разрѣшавшаго.

[130]) «D'après la lecture de l'ukase, concernant ces assemblées, on voit qu'il est peu de réglemens mieux faits, et qu'il n'en est point qui accordent une plus grande étendue de pouvoirs á un corps assemblé pour déliberer sur ses affaires, et sur celles de l'état. Jusqu'à présent le gouvernement a mis de telles entraves à ses projets, la présence des gouverneurs généraux a tellement influé sur ses décisions, qu'on peut regarder l'effet de ces assemblées comme absolument nul. Les élections sont connues d'avance, parce qu'elles sont désignees par une puissance supérieure, et le gouvernement abandonne volontiers la forme, dont la noblesse veut toujours bien se contenter, pourvu qu'il soit toujours maître absolu dans le fond...» (p. 61).

[131]) До закона 1820 г., прапорщикъ Пыхачевъ, на выборахъ въ оренбургской губерніи, по бузулукскому уѣзду, былъ избранъ въ должность засѣдателя бузулукскаго уѣзднаго суда, но не хотѣлъ вступить въ нее, подъ тѣмъ предлогомъ, что на выборахъ 1812 г. его баллотировали въ уѣздные предводители, хотя и получилъ на этомъ баллотированіи болѣе неизбирательныхъ шаровъ (№ 27.139).

[132]) Но предводители могли получать пенсію, выслуженную на прежней службѣ: законъ 1781 г. постановилъ: «кто уволенъ будетъ изъ

службы въ отставку съ пенсіею, а пребывая спокойно въ домѣ своемъ отъ общества дворянскаго выбранъ будетъ въ земскую службу, того лишать пенсіи не слѣдуетъ» (№ 15.140).

133) На содержаніе дворянства отданы были: совѣтники и асессоры палаты суда и расправы, уѣздные и нижніе земскіе суды съ канцеляріями, губернскіе и уѣздные землемѣры, врачебныя управы со всѣми медицинскими чинами губерніи, а въ Малороссіи генеральные судьи и совѣтники генеральныхъ судовъ. Для знакомства съ размѣромъ жалованья, приведемъ нѣкоторые примѣры изъ штатовъ, изданныхъ еще при Екатеринѣ II: уѣздные судьи по 1 разряду — по 300 р., а по 2—по 450, засѣдатели уѣзднаго суда по 1 разряду по 250, а по 2 — по 375 р., капитанъ-исправникъ по 1 разряду 250, а по 2 — 375, дворянскія засѣдатели земскаго суда — 200 и 300 р., уѣздный докторъ — по 300 и 400, уѣздный лекарь—по 140 и 180 (См. книгу граж. штатовъ стр. 256). Суммы по губерніямъ назначены въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Литовская	104.000
Бѣлорусская	92.000
Малороссійская	80.000
Кіевская	72.000
Подольская	65.000
Волынская	63.000
Смоленская и Тульская	61.000
Нежегородская и Минская	57.000
Тамбовская	56.000
Орловская и Рязанская	55.000
Московская, Тверская, Калужская и Владимірская	51.000
Ярославская и Саратовская	49.000
Костромская и Курская	47.000
Симбирская	40.000
Псковская	36.000
Слободско-Украинская	35.000
Лифляндская	33.000
Новороссійская	30.000
Новгородская	28.000
Пермская	25.000
Курляндская	20.000
Эстляндская	16.000

Вологодская	15.000
Казанская	14.000
С.-Петербургская	14.000
Оренбургская	10.000
Земля Войска Донскаго	10.000
Выборгская	5.000
Вятская	2.000
Астраханская	1.000
Въ 38 губ.	1.640.000

№ 18.278). Въ 1799 г. въ ниж. земскіе суды прибавлены были засѣдатели, для содержанія которыхъ къ сбору съ дворянскихъ имѣній прибавлено 104.000 р. въ годъ (№ 18.908). Распредѣленіе этого сбора на души во всѣхъ губерніяхъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что въ ярославской губерніи приходилось по 18½ к. на душу (№ 18.507). Вышеозначенныя данныя тѣмъ интереснѣе, что по нимъ можно судить, какъ распредѣлялось число дворянскихъ имѣній по губерніямъ вконцѣ 18 столѣтія.

[134]) Въ 1784 г. генералъ-прокуроръ спрашивалъ сенатъ: можно-ли выбирать предсѣдателей палатъ и верховныхъ земскихъ судовъ въ другія должности? Рѣшеніе сената: въ должности предводителей нельзя выбирать изъ чиновъ, имѣющихъ по штатамъ особливыя должности по намѣстничествамъ (№ 15.913). Напротивъ, въ 1786 г. разрѣшено должность губернскаго предводителя принимать всѣмъ должностнымъ лицамъ губерніи, исключая генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ (№ 16.333. п. 9).

[135]) Иначе было до закона 1831 г.: въ 1826 г. состоялось положеніе комитета министровъ, по которому вдовамъ и сиротамъ чиновниковъ, служившихъ по выборамъ отъ дворянства, запрещалось выдавать въ единовременную выдачу годовой окладъ ихъ жалованья (2-е № 32).

[136]) Въ 1803 г. сенатъ предписалъ ярославскому губернскому правленію «для избѣжанія частыхъ перемѣнъ чиновниковъ, служащихъ по выборамъ дворянства, какъ они избираются всѣмъ обществомъ, въ случаѣ просьбы, не иначе увольнять, какъ по освидѣтельствованіи, что они по болѣзни не могутъ служить, безъ сего ни подъ какимъ предлогомъ не перемѣнять ихъ другими». Но въ 1809 г. ярославской губ. предводитель Майковъ жаловался министерству внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракину, что губернское правленіе увольняетъ дворянъ по ихъ просьбамъ слишкомъ часто, чрезъ что даетъ имъ поводъ уклоняться отъ общественной службы, то чтобъ въ первое трехлѣтіе увольнять не иначе, какъ съ согласія дворянскаго собранія. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что для удержанія отъ уклоненія, подъ предлогомъ болѣзни, нужно бы постановить, чтобы губернское правленіе о каждомъ уволенномъ чиновникѣ давало знать губернскому предводителю, чтобы вслучаѣ сомнѣнія объ основательности причинъ могъ бы онъ поставить сіе на уваженіе дворянскаго собранія. Сенатъ нашелъ, что достаточно правила, уста-

новленнаго въ предписаніи ярославскому губернскому правленію въ 1803 г. (№ 23.538). Напротивъ: въ 1782 г. состоялся указъ о неувольненіи намѣстническимъ правленіямъ чиновъ, избираемыхъ дворянствомъ, прежде трехлѣтняго срока, безъ согласія дворянства (№ 15.763).

137) За упраздненіемъ в. з. судовъ, дворянскія опеки въ 1798 г. были подчинены палатѣ суда и расправы (№ 18.667), за раздвоеніемъ которой въ 1801 г. — палатѣ гражданскаго суда.

138) Въ 1849 г. правительствующій сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла о двухъ уѣздныхъ предводителяхъ дворянства, преданныхъ суду за допущеніе одного помѣщика и жены его къ чрезмѣрно жестокому обращенію съ крѣпостными людьми ихъ, нашелъ, что такое злоупотребленіе продолжалось нѣсколько лѣтъ по невѣдѣнію о томъ предводителей, и поэтому положилъ, сверхъ отрѣшенія ихъ отъ должностей, сдѣлать имъ въ присутствіи суда при открытыхъ дверяхъ строжайшій выговоръ и запретить на будущее время избраніе ихъ въ предводители (Циркуляры мин. вн. дѣлъ Т. III стр. 182).

138) Нѣкоторыя дворянскія собранія поняли этотъ законъ, какъ уничтожающій самое существованіе депутатскихъ собраній: костромское дворянское собраніе въ 1799 г. испрашивало разрѣшенія, повелѣно-ли ему будетъ существовать, а находящимся въ немъ депутатамъ имѣть присутствіе? (№ 19.020).

139) Для ускоренія уплаты и погашенія государственныхъ долговъ, манифестомъ 11 февраля 1812 г., установленъ временный сборъ съ владѣльческихъ доходовъ. Каждый владѣлецъ обязывался *по чести* представить предводителю показаніе о доходахъ съ своего имѣнія, а предводители чрезъ губернскаго, вносили показанія эти въ дворянское депутатское собраніе. Показаніе о доходахъ должно было возобновляться ежегодно, и при этомъ не принимались никакіе доносы на утайку. Владѣльцы, получавшіе менѣе 500 р. дохода, освобождались отъ платежа временнаго сбора. Получавшіе же болѣе 500 р., платили извѣстный процентъ, прогрессивно возвышавшійся, по-мѣрѣ увеличенія дохода. Расчисленіе производилось по-слѣдующей табели:

500 р. до 2.000 р. платили 1%
2.000 » — 4.000 » — 2%
4.000 » — 6.000 » — 6%, и это было maximum'омъ.

Владѣльцы же имѣній, жительствовавшіе за границей не по дѣламъ службы, проживавшіе доходы внѣ отечества, платили вдвое (П. С. № 24.992, 25.001). Этотъ налогъ на доходы съ помѣщичьихъ имѣній былъ сложенъ 1 января 1820 г. (П. С. № 28.028).

140) Еще прежде, въ 1821 г., въ губерніяхъ учреждены были губернскія коммисіи, въ которые дворянство также избирало по одному непремѣнному члену (№ 29.000).

141) Въ 1790 г., по прошенію одного изъ якутскихъ князьцовъ, головы Алексѣя Аржакова, дозволено выбрать предводителя въ Якутскѣ (№ 16.829).

[142]) 200.000 потомственнаго дворянства, при 609.973 потомственнаго дворянства всей имперіи.

[143]) Первое составлено изъ уѣздовъ: новгородсѣверскаго, стародубскаго, почепскаго, мглинскаго, глуховскаго, кролевецкаго, коропскаго, сосницкаго, конотопскаго, новомѣстскаго и суражскаго; второе — изъ уѣздовъ: черниговскаго, городницкаго, березинскаго, борзенскаго, нѣжинскаго, прилуцкаго, глинскаго, роменскаго, лохвицкаго, гадяцкаго и зеньковскаго, а третье: кіевскій, остерскій, козелецкій, переяславскій, пирятинскій, лубенскій, миргородскій, хорольскій, голтвянскій, городискій и золотоношскій (№ 15.227). Уѣзды кременчугскій, полтавскій и константиноградскій причислены въ 1784 г. къ екатеринославскому намѣстничеству (№ 15.910).

[144]) Въ разговорѣ съ Храповицкимъ Екатерина II отозвалась о возномъ «c'est le maitre Jacques, il est partout, excepté là, où il doit être» (Чтенія, 1862 г).

[145]) «Польское названіе *повѣтъ*, раздѣленіе Польши на повѣты, и повѣтовые земскіе суды взяли свое начало отъ древняго въ Польшѣ обычая, по которому выборъ королей происходилъ. Польское дворянство собиралось въ полѣ, дѣлало себѣ *повѣти* (навѣсы), собираясь подъ ними для производства выборовъ. Такое собраніе называлось *повѣтъ* такого то города. Отсюда части, на которыя воеводство дѣлилось назывались *повѣтами*, а по литовскому статуту и уѣздами» (Замѣчанія о Малой Россіи).

[146]) Тогда же отчисленъ былъ отъ Малороссіи Кіевъ, къ которому приписана особая губернія, составленная изъ возвращенныхъ отъ Польши земель (№ 17.594).

[147]) Вотъ слова одного современника: «малая Россія, имѣвши свое казацкое войско, не имѣла никогда маршаловъ, а съ 1766 г. получила, наравнѣ съ прочими великороссійскими дворянами, предводителей... кн. Безбородко, получивъ повелѣніе уменьшить число губерній и судовъ, далъ ей польскихъ маршаловъ съ бригадирскими чинами для того, чтобы свою родню и своихъ пріятелей и знакомыхъ въ сіе званіе помѣстить, надѣясь при томъ, что онъ Малороссіею, на подобіе бывшихъ гетмановъ, управлять будетъ. Въ маршалы и хорунжіе поступили отставные прапорщики, губернскіе секретари, титулярные совѣтники и тому подобные молодые люди, нигдѣ не служившіе и въ томъ повѣтѣ, гдѣ они маршалами опредѣлены, помѣстья не имѣющія....» (Замѣчанія о Малой Россіи).

торые взяты сторонними людьми для прокормленія, а другіе, обращаясь въ черной работѣ, питаются отъ поселянъ, тогда какъ имѣютъ наслѣдственнаго имѣнія 200 душъ съ хорошими выгодами. По мнѣнію маршала, малолѣтные Гамалеи вовлечены въ такое состояніе слабымъ распоряженіемъ Косача. 2-й департаментъ черниговскаго генеральнаго суда, которому были подвѣдомственны дѣла по опекамъ, вошелъ съ представленіемъ, что хотя онъ и обязанъ войдти въ состояніе малолѣтныхъ Гамалеевъ, но какъ по статуту непорядочнаго опекуна можно отставлять отъ опеки не иначе, какъ за позвомъ предъ судъ родственниками малолѣтнаго, и только тогда самымъ повѣтовымъ судомъ, когда не будетъ родственниковъ. Но у Гамалеевъ, хотя и есть родственники, но никакого заявленія противъ Косача они не сдѣлали, а при родственникахъ самъ судъ учинить то не вправѣ. При этомъ кн. Куракинъ замѣтилъ, что въ Малороссіи много такихъ случаевъ бываетъ, вслѣдствіе постановленій статута объ опекахъ. Поэтому, по мнѣнію его, слѣдуетъ дозволить самимъ повѣтовымъ судамъ призывать на судъ непорядочныхъ опекуновъ. Что и было постановлено (№ 22.281).

[148]) Суды эти для Малороссіи подтверждены были въ 1803 г. (П. С. № 20.806). Подкоморскій судъ въ каждомъ повѣтѣ составлялся на основаніи 4 арт. 83 п. литовскаго стутута изъ маршала, подкоморія и дворянина — со стороны казны, и столькихъ же членовъ со стороны частнаго просителя, выбранныхъ имъ изъ дворянъ. Апелляція на этотъ судъ по 9 разд. 7 п. литовскаго статута приносилась въ коммисарской судъ — въ губернскомъ городѣ, который состоялъ изъ одного повѣтоваго маршала, въ званіи предсѣдательствующаго, изъ двухъ подкоморыхъ и двухъ хорунжихъ, въ званіи засѣдателей.

[149]) Въ 1826 г. постановлено и въ западнорусскихъ губерніяхъ не допускать на выборы лицъ, неимѣющихъ никакого чина (2-е П. С. № 188).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Сдѣлочные акты на крестьянъ конца 18 и 19 столѣтій.

(Печатано съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ).

КУПЧІЯ.

1. Тысяча сѣмъ сотъ восѣмъ десятъ шестаго Года апреля третаго дня.

Курскаго намѣстничества уѣзда Рилского Помѣщица умершаго Прапорщика Михаила Бирдина жена въ довствующая Татьяна Федорова дочъ Бирдина, въ родѣ своемъ не послѣдная, съ указной на меня часты, продала я ма... скому полковому писарю находящемусъ нынѣ въ нѣжинкомъ карабинеромъ полку въ военной службѣ Ивану Афанасьеву сыну Строгову крепостнаго своего человѣка намѣстничества Курскаго, уѣзда Рилскаго въ деревнѣ перецѣлуева, Ивана Андреева сына Зачеркашиніокова онъ же и Горбачевъ, за котораго взяла я денегъ сто десятъ рублей, которой мой крепостной человѣкъ напредъ сей купчей иному никому непроданъ и не заложенъ, и ни у кого нивкакихъ крепостяхъ неукрепленъ и неотписанъ, и волно ему Строгову женѣ и наслѣдникамъ ево тѣмъ моимъ человѣкомъ владѣтъ, продатъ и заложитъ, и во всякія крепости утвердитъ, гдѣ онъ похотятъ, А мнѣ Бирдиной и по мнѣ наслѣдникамъ моимъ до онаго крепостного впредъ дѣла неиметь, и невступатся и отвступщиковъ и отвсякихъ крѣпостей ево Строгова жену и наслѣдниковъ ево очищатъ, и убытка втомъ никакова не доставитъ, подушниежъ деньги и прочіе по указамъ поборы съ сего 1786 года іюля отъ 1 числа за означеннаго проданнаго мною человѣка ему Строгову платитъ, а мнѣ

Татьянѣ Бырбиной и наслѣдникамъ моимъ до того платежа дѣла нѣтъ.

(Подписи)

Купчая удовствующей Татьяной Бирдиной персонально явлена и сознана въ нѣжинскомъ уѣздномъ судѣ, въ которомъ записана въ книгу крѣпостей подъ № 6 и пошлины взяты съ пріобрѣтателя шестикопѣечныхъ 6 р. 60 к., отъ писма 15 к., и отъ записки 20 к., такожъ и печатныхъ 27¼ к.

(Подписи членовъ суда, между которыми два бунчуковые товарищи).

2. Лѣта тысяча восемъ сотъ седьмаго, генваря въ шестый на десятъ день Курской губ. Льговской помѣщикъ Прапорщикъ Василій Ивановъ сынъ Патрикеевъ продалъ я льговскому помѣщику титулярному совѣтнику Петру Васильеву сыну Должикову въ вѣчное и потомственное владѣніе дворовaго своего человѣка Степана Трофимова сына Зеновьева съ женою ево Анною и дочерью Татьяною доставшагось мнѣ по наслѣдству отъ покойнаго родителя моего коллежскаго ассесора Ивана Васильева сына Патрикеева состоящаго за мной по 5 ревизіи льговской округи въ деревнѣ Раковой, и взялъ я Патрикеевъ съ него Должикова денегъ государственными ассигнаціями девяносто рублей напредъ же сего оныя мои дворовые люди иному никому не проданы и незаложены и никакими крепостьми низакемъ неукреплены кромѣ сей купчей и впредъ мнѣ и наслѣдникамъ моимъ во оныхъ людей не вступатся и отъ уступщиковъ очищать по указамъ о неутайкежъ съ цѣны пошлинъ указъ 1752 г. іюля 29-го дня продавцу и покупщику былъ явленъ.

Купчая явлена въ Суджанскомъ уѣздномъ судѣ, гдѣ записана подъ № 38 и пошлины 4 р. 50 к. взяты.

3. Тысяча восимъ сотъ восьмого года марта тридцятаго дня я нижеподписавшійся курской губерніи тамошней и льговской округи помѣщикъ тытулярный совѣтникъ Петръ Василіевъ сынъ Должиковъ продалъ господину надворному совѣтнику Науму Борисовичу Саксу крепостнаго своего дворoваго человѣка писаннаго за мною по пятой ревизіи вчислѣ прочихъ великороссійскихъ моихъ крестьянъ Курской

округи въ деревнѣ Цвѣтовой холостаго Семена Андреева сына Терехова, взялъ же я Должиковъ съ него Сакса за оного моего человѣка денегъ триста пятьдесятъ рубл., и за тѣмъ предоставляя ему Саксу и наслѣдникамъ его онымъ человѣкомъ Тереховымъ владѣть вѣчно и потомственно и распоряжать по воли своей, т. е. дать, продать, даровать, и во всякое время укрепить, я же себя и наслѣдниковъ моихъ отъ онаго человѣка Терехова навсегда отдаляю, и впредь къ нему никакого притязанія имѣть не буду, напредь же сего тотъ человѣкъ отъ меня никому другому не проданъ и не заложенъ, и ни въ какія крѣпости не укрѣпленъ, а буди кто въ онаго человѣка станетъ вступаться, то мнѣ и наслѣдникамъ моимъ покупщика Сакса и наслѣдниковъ его отъ таковыхъ вступщиковъ и отвсякихъ крѣпостей очищать, и убитка недоставить, буди жъ неочищеніемъ моимъ и наслѣдниковъ моихъ тотъ человѣкъ съ владѣнія его Сакса и наслѣдниковъ его отойдетъ и чрезъ то учинятся какие убитки, то какъ оные убитки, такъ и данные свои трыста пятьдесятъ рубл. деньги взять ему Саксу и наслѣдникамъ его съ меня и наслѣдниковъ моихъ.

(Подписи)

Сей купчій записъ былъ явленъ въ Черниговскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ, въ сходство права статутоваго раздѣла 7 ортикула 1.

4. Лѣта тысяча восимъ сотъ восмаго февраля въ четвертый день.

Я нижеподписавшійся чиню ведомо симъ моимъ добровольнымъ вечистымъ купчимъ записомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому о семъ нынѣ и впредь слѣдующіе времена ведать надлежитъ втомъ что имѣющихся во владѣніи моемъ великороссійскихъ дворовыхъ крестьянъ доставшихся мнѣ въ прошедшемъ 1807-мъ году по куплѣ Курской губерніи отъ льговскаго помѣщика прапорщика Василія Иванова сына Петрикова записанныхъ за нимъ по 5-й ревизіи той округи въ деревни Пиковой Степана Трофимова сына Зеновьева жену его Анну и дачь ихъ Татьяну продалъ и вѣчно уступилъ я господину надворному совѣтнику Карлу Борисовичу сыну Саксу за сумму сто девяносто руб. кои

деньги всѣ сполна отъ него Сакса получилъ и даю право ему господину Саксу владѣть тѣми проданными отъ меня крестьянами вечно и потомственно и по волѣ своей оными распоряжать, я же себя и наслѣдниковъ моихъ отъ оныхъ крестьянъ навсегда отдаляю, напредъ же сего опые мои крестьяне никому другому не проданы и не заложены и никакими крепостьми ни за кимъ не укреплены, а буди кто въ оныхъ крестьянъ станетъ вступаться, то я и наслѣдники мои долженствуя его покупщика Сакса наслѣдниковъ его отъ таковыхъ вступщиковъ и отвсѣхъ крѣпостей очищать по указамъ и убытка ему Саксу и наслѣдникамъ его недоставить втвердость сего и сей вечистый купчій записъ за подписомъ моимъ (Петра Васильевича сына Должикова) и упрошенныхъ мною свидѣтелий ему господину Саксу данъ году мѣсяца и числа вышеписаннаго.

Явленъ Малороссійской черниговской губерніи въ повѣтовомъ земскомъ черниговскомъ судѣ.

5. Тысяча восѣмъ сотъ девятаго года маія третого дня Я нижеподписавшійся чиню ведомо симъ моимъ добровольнымъ вечистымъ купчимъ записомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому о семъ нынѣ и впредъ слѣдующія времена вѣдать надлежить въ томъ, что имѣющихся во владѣніи моемъ доставшихся мнѣ въ прошломъ 1808 году по куплѣ Курской губерніи и льговской округи отъ помѣщика тытулярнаго совѣтника Петра Васильева сына Должикова великороссійской породы дворовыхъ крестьянъ Степана Трофимова сына Зеновьева, жену его Анну и дочь ихъ Татьяну и Семена Андреева сына Терехова продалъ и вѣчно уступилъ я господину бывшей французской службы генералу Геркулесу Осипову Тирингу [1]) за сумму 500 р. кои деньги всѣ сполна отъ него

[1]) Генералъ-лейтенантъ французской службы Генрихъ (или какъ его называли въ Малороссіи Геркулесъ Осиповичъ) Тирингъ (Thiering), весьма близкій намъ человѣкъ, по нашимъ семейнымъ преданіямъ. Онъ былъ пропитанъ идеями французской философіи 18 в., зналъ наизусть Дидеро и Вольтера, имѣлъ блестящее образованіе во вкусѣ французскихъ энциклопедистовъ (мы перебирали многія его бумаги, находили между ними его сочиненія — въ философскомъ и драматическомъ родѣ) и глубоко изучилъ медицину. Генералъ-лейтенантъ республиканской арміи, онъ не ужился во Франціи, когда произошелъ въ ней поворотъ къ

Тиринга получилъ и далъ право ему господину Тирингу владѣть тѣми проданными отъ меня крестьянами вѣчно и потомственно и по волѣ своей оными распоряжать, я же себя и наслѣдниковъ моихъ отъ оныхъ крестьянъ навсегда отставляю напредъ же сего оные мои крестьяне никому другому не проданы и не заложены и не закакія издѣлки крепостные низакѣмъ не укреплены, и буди кто въ оныхъ крестьянъ станетъ вступатся то я долженствую его покупщика Тиринга и наслѣдниковъ его отъ таковыхъ вступщиковъ и отъ всѣхъ крепостей очищать по указамъ и убытка ему Тирингу и наслѣдникамъ его не доставить втвердость чего и сей вечистый купчій записъ за подписомъ моимъ (Карла Борисова сына Сакса) и упрошенныхъ мною свидѣтелей ему господину Тирингу данъ года, мѣсяца и числа вышеписанныхъ.

(Въ числѣ свидѣтелей войсковой товарищъ).

иперіализму, оставилъ родину и нашелъ убѣжище въ Россіи, избравши своимъ мѣстопребываніемъ Черниговъ. Впослѣдствіи онъ женился на вдовѣ Судовщиковой, урожденной Шостакъ. У жены его было имѣньице, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда, въ с. Войтовѣ — душъ 50 — 60 крѣпостныхъ крестьянъ. Воинъ французской республики, проникнутый великими принципами 1789 г. и ученіями Руссо, сдѣлался мирнымъ помѣщикомъ переяславскаго повѣта, мужемъ дочери какого-нибудь сотника или асаула. Эксъ-республиканецъ сильно увлекся господствовавшей тогда въ Малоросіи торговлей людьми, и довольно скоро покупками и другими пріобрѣтеніями увеличилъ число душъ своего имѣнія до ста. Глубокій знатокъ медицины, онъ лечилъ окрестныхъ и даже отдаленныхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ, и за свою медицинскую практику бралъ съ нихъ парубковъ, хлопцивъ и дивчатъ; всегда съ готовой копейкой, онъ ссужалъ деньги нуждавшимся въ нихъ сосѣдямъ—помѣщикамъ, подъ залогъ крѣпостныхъ, которые часто не выкупались. Эпикуреецъ, онъ въ особенности часто пріобрѣталъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ, составилось разноплеменное населеніе небольшаго имѣнія. Мы сами помнимъ, что тамъ можно было встрѣтить уроженцевъ всяческихъ губерній — и туляка, и литвина. Послѣдователь Руссо, умѣлъ пользоваться трудомъ своихъ крестьянъ: въ небольшомъ его имѣніи существовала суконная фабрика, англійскій садъ былъ изъ лучшихъ въ уѣздѣ. Генералъ республиканской Франціи, ученикъ энциклопедистовъ, превратившійся въ малороссійскаго помѣщика, покупающій и вымѣнивающій крестьянъ, эксплуатируя ихъ трудъ — намъ всегда казался достойнымъ предметомъ для психологическаго этюда.

6. Лѣта тысяча восемъ сотъ тринадцятого года генваря въ двадцатой день.

Я нижеподписавшійся коллежскій регистраторъ Тымофей Прокоповъ сынъ Дунаевскій всякому суду уряду и каждому объявляю, что продалъ я во вѣчность господину генералъ-лейтейнанту Генриху Осиповичу Тирингу благопріобрѣтеннаго мною по куплѣ крестьянина Антона Яковлева сына Медведя, за цѣну—россійской ходячей монеты триста рублей, которые деньги я отъ него покупщика г. Тиринга всѣ сполна получилъ, А упомянутаго крестьянина Медвѣдя ему господину Тирингу вручилъ, стѣмъ, что въ предъ я жена моя и никто другой къ тому крестьянину интересовается не долженъ, дая симъ полную власть и право г. Тирингу вышеписаннымъ крестьяниномъ владѣть вѣчно и потомственно, дать, продать, даровать и какъ хотя для свой пользы обратить, въ твердость чего на семъ купчемъ записѣ при упрошенныхъ отъ меня свидѣтеляхъ и подписуюсь.

7. Лѣта тысяча восемъ сотъ сѣмнадцатаго марта въ тридцать первый день.

Я ниже на подписи сего выраженной (губ. секр. Ѳедоръ Владиміровичъ Славатинской) чиню вѣдомо всякому суду и праву, и кому бы о семъ нынѣ и въ предбудущіе времена вѣдать надлежало, въ томъ что находящагося во владѣніи моемъ крестьянина по послѣдней 1816 г. ревизіи за мною записаннаго Марка Заику съ сыномъ прокопомъ, женою Матреною и дочерью Агафьею и грунтомъ лежащимъ въ с. Войтовѣ продалъ бывшему во французской службѣ генералу Генриху Осипову Тирингу за цѣну государственными ассигнаціями шесть сотъ рублей, которые деньги всѣ полностію я отъ него г. Тиринга полностію принялъ, дая ему Тирингу право тѣми проданными крестьянами какъ хотя владѣть, продать, дать, даровать, и къ наилучшему своему пожитку употребить. Я же себя и наслѣдниковъ своихъ близкихъ и далекихъ отъ тѣхъ крестьянъ вѣчно отъдаляю, къ откупу ни малѣйшаго права себѣ и всѣмъ наслѣдникамъ не оставляю. Слѣдуемые же за проданныхъ мною крестьянъ государственные и другіе указные подати до переписи новой ревизіи или перечисленія за собою долженъ уплачивать покупщикъ Тирингъ въ твердость чего и сей купчій записъ за подписаніемъ моимъ и упро-

шенныхъ отъ меня свидѣтелей ему господину Тирингу данъ года, мѣсяца и числа вышеписанныхъ.

Явленъ въ переяславскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ.

8. Тысяча восемъ сотъ восемнадцатаго года сентября двадцать втораго дня.

Я нижеподписавшаясь отставнаго маіора жена Анна Иванова дочь Баронесса де Лангландъ объявляю всѣмъ, кому бы нынѣ и впредь вѣдать надлежало, что я дворовыхъ своихъ крестьянъ, доставшихся мнѣ по куплѣ отъ помѣщика Рязанской губерніи города Данкова поручика Муромцова, вдовца Исаія Емельянова, дѣтей его двухъ дочерей Алимпіаду и Феодосію и одного сына Дмитрія да холостаго Иларіона Андреева, продала и вѣчно уступила, французской службы г. генералу Генриху Осиповичу Тирингу за цѣну государственными ассигнац. восемъ сотъ рублей, каковые деньги я отъ него г. Тиринга сполна всѣ получила и вливаю полное право упоминаемыми переданными ему отъ меня крестьянами, вѣчно и наслѣдственно владѣть, дать, продать, даровать и всякими образами по волѣ своей обращать. Я же себя и всѣхъ своихъ наслѣдниковъ, отъ всякаго притязанія къ тѣмъ крестьянамъ отдаляю. Во увѣреніе чего, на семъ купчемъ записѣ, при упрошенныхъ отъ меня свидѣтеляхъ, съ приложеніемъ герба моего, печати подписуюсь.

9. 1820 года іюня 10 дня мы нижеподписавшіеся полтавской губерніи переяславскаго повѣта помѣщикъ губ. секр. Иванъ Евдокимовъ сынъ Турчановскій и жена его, урожденная Съцивинскихъ, продали мы собственную нашу крестьянку Евфимію Иванову дочь Леониковну губ. секр. Федору Владимерову сыну Славатинскому за цѣну государственными ассигнаціями сто двадцать рубл., которіи деньги мы отъ него Славатинскаго полностію получили, то и предоставляемъ право владѣть ею, т. е. дать, продать, даровать и въ наилучшую пользу себѣ обратить. Мы же себя отъ той проданной нами ему Славатинскому дѣвки вѣчно себя удаляемъ и на выкупъ права ни себѣ ни кому другому не предоставляемъ, а буди ему Славатинскому надобность можетъ получить отъ насъ урядовую крѣпость на проданную нами крестьянку или кому другому онъ представитъ право объвязываемось мы безъ отговорочно дать крѣпость съ тѣмъ однако, что долженъ онъ

покупщикъ Славатинской или кому бы онъ не переуступилъ, то какіе бы ни случились казенные и прочіе зъдержки по крѣпости значащіяся уплачивать долженъ своими собственными деньгами покупщикъ.

1820 г. Ноября 2 дня по сей купчей крѣпости какъ выше въ оной значитъ данной на имя мое отъ помѣщика губ. секр. Ивана и жены его Маріи Турчановскихъ во вѣчное и потомственное владѣніе крестьянку Ефимью Леоніковну которую я по праву данному мнѣ по сей крѣпости преуступаю г-ну генералу французской службы Генриху Осипову сыну Тирингу съ тѣмъ что буде ему г-ну Тирингу надобность укажетъ и крепости на судѣ получить можетъ требовать отъ г-на Турчановскаго и жены его.

ЗАКЛАДНЫЯ.

1. Лѣта тысяща сѣмъ сотъ девяносто седмого апреля въ двадцать четвертой день войсковой товарищъ Семенъ Федоровъ сынъ Романовичъ-Славатинскій, въ родѣ своемъ не послѣдней, занялъ я Семенъ Кіевской губерніи въ коммиссіи дворянскаго собранія изъ суммы дворянской зъ срокомъ отъ вышеписаннаго числа впредъ на одинъ годъ съ указнымъ процентомъ тысячу пятьсотъ рублей денегъ, а въ оныхъ деньгахъ до того сроку заложилъ я Семенъ крестьянъ моихъ переяславскаго уѣзда въ хуторѣ малосупоевскомъ записанныхъ за мною по нынѣшней тысяча сѣмъ сотъ девяносто пятаго года ревизіи тридцать восемъ душъ мужеска пола съ ихъ семействами и владѣемыми ими землями, а ежели я Семенъ тѣхъ занятыхъ мною тысячи пяти сотъ рублей денегъ на показанной срокъ всѣхъ сполна не заплачу и тѣхъ своихъ крестьянъ съ ихъ семействами и владѣемыми ими землями до того сроку не выкуплю то по срокѣ на оныхъ моихъ крестьянъ съ ихъ семействами сія закладная и купчая напредъ же сего оные крестьяне съ ихъ семействами и землями отъ меня иному никому не проданы и не заложены и не у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплены и низачто не отписаны, а буди кто въ онихъ крестьянъ съ ихъ семействами и владѣемыми имы землями почему ни есть станетъ вступатся то мнѣ Семену и наслѣдникамъ мо-

имъ отъ тѣхъ вступщиковъ и отъ всякихъ крѣпостей очищать по указамъ и убытка въ томъ никакова не доставить.

2. 1818 года сентября 21 дня я нижеподписавшійся надворный совѣтникъ Иванъ Ильинъ сынъ Омельяновичъ занялъ у господина бывшей французской службы генерала Генриха Осиповича Тиринга государственными ассигнаціями двѣсти рубл. денегъ, а въ сихъ деньгахъ отдаю во услуженіе дворовую мою дѣвку Агафію Боршову съ такимъ правомъ, что онъ господинъ генералъ Тирингъ можетъ ея Прокофіеву по волѣ своей дать, продать, даровать и всякимъ образомъ какъ прямой владѣлецъ обращать, а я какъ себя такъ и всѣхъ по мнѣ наслѣдниковъ на всегда отдиляю и никакого впредь притязанія не представляю.

3. 1818 г. сент. 21 дня я нижеподписавшаясь жена отставнаго маіора Анна Иванова дочь боронесса де Лангладъ заняла у господина бывшей франц. службы генерала Генриха Осиповича Тиринга госуд. ассигн. 1.200 р. а въ сихъ деньгахъ отдала во услуженіе крепостную крестьянку свою, доставшуюся мнѣ по куплѣ отъ помѣщика рязанской губ. Данковскаго уѣзда Змѣіова Елену Евстафіеву дочь Топтикову съ такимъ правомъ, что онъ господинъ генералъ Тирингъ можетъ сію крестьянку по волѣ своей дать, продать, даровать и всякимъ образомъ какъ прямой владѣлецъ обращать. А я какъ себя такъ и всѣхъ по мнѣ наслѣдниковъ на всегда отдаляю и никакого впредъ притязанія не предо ставляю.

4. 1816 г. сент. 23 Я нижеподписавшійся (надв. сов. Иванъ Ильинъ сынъ Омельяновичъ) занялъ въ господина французской службы генерала Генриха Осиповича Тиринга денегъ госуд. ассигнац. двѣстѣ рублей и до уплаты оныхъ отдалъ во услугу ему господину Тирингу дворовую крѣпостную дѣвку мою Зѣновія Бердошенкову. Съ тѣмъ, что если въ протеченіи времени найдется ей женихъ, то я позволяю вступить снимъ въ законный бракъ.

ДАРСТВЕННЫЯ.

1. Тисяча восемъ сотъ осмого года декабря двадцать третяго дня Я ниже подписавшаяся малоросс. Полтавской губ.

повѣта пирятинскаго помѣщица тайнаго совѣтника сенатора и кавалера жена Марія Иванова дочъ Башилова; всякому суду и уряду сознаю, что свладѣнія своего прописанной губерніи и повѣта села Липовыци одну крестьянскую душу муж. пола корнѣя василененка онъ же и Слюсаренко, подарила во вѣчностъ бывшей франц. службы господину генералу Генриху Тюренгу, откотораго крестянина сама себя и всѣхъ родственниковъ своихъ отдаляю, а уливаю ему свое право дать даровать продать замѣнять и къ наилучшимъ своимъ користямъ и пользованіямъ обратить, не узная ни откого ни малѣшаго препятствія, а на случай бы кто за оного крестянина возимѣлъ какое препятствіе, или претенсію, то я онаго Турнига не допуская къ убыткамъ и волокитамъ, сама съ претендоторомъ развѣдаца имѣю, Сію же крепость ему господ. Турнигу предоставляю право гдѣ слѣдуетъ сознать и за собою утвердить.

2. Тысяча восемъ сотъ девятнадцатого года генваря дватцать седмаго дня я ниже подписавшійся губ. малороссійской Чернѣговской повѣта Стародубовскаго помѣщикъ маіоръ Николай Павловъ сынъ Миклашевскій всякому суду и уряду сознаю что свладѣнія моего села демянокъ собственнаго моего крестянина Игната Силенка съ его женою и детми подарилъ во вѣчность бывшей французской службы господину генералу Генриху Осиповичу Тирингу отъ котораго крестянина жены его и дѣтей его самъ себя и всѣхъ родственниковъ моихъ отдаляю и уливаю ему свое право дать даровать продать за меня не узная ни отъ кого ни малѣйшаго препятствія, а на случабы кто за оныхъ крестянъ возимѣлъ какое препятствіе или претенсію, то я онаго Тиринга не допуская къ убыткамъ и волокитамъ самъ спретендаторомъ раздѣлаться имѣю; за каковой той даръ г. Тирингъ по искуству своему и знанію долженъ выползовать меня въ находячейся во мнѣ болезни безденежно какъ за труды равно и за лекарствіи въ нужныхъ моихъ случаяхъ и болезни моей по извещенію моему долженъ онъ г. Тирингъ повѣщать меня въ домѣ моемъ въ селѣ демянкахъ безъ отговорочно съ поспѣшностію; сію же крепостъ ему господину генералу Тирингу предоставляю гдѣ онъ пожелаетъ на урядѣ дознать.

3. Тысяча восемъ сотъ девятнадцатаго года апреля десятаго дня за усердие ко мнѣ господина франц. генерала Генриха Осиповича Тиринга, и по родству Его; известному! что онъ билъ женатъ на сестре моей; аннѣ Григориевнѣ Шостаковой; въ разныхъ моихъ жестокихъ; болѣзняхъ помогалъ моему Здоровъю и облегчене, за таковие, Его благотворения и старателство, дарую ему во вечное владение, и потомству его; въ довствующую варвару начовную с ее дочерми; губ. полтавской, повета Лубенскаго; и помнѣ не должни наслѣдники какие би могли случится, и нѣиметъ нѣкакие претензій; сею бумагу, даю за собственно ручнымъ, моимъ подписаниемъ, и при печати герба моего.

Помѣщ. колл. регистр. Ларіонъ Григор. Шостакъ.

4. Тысяча восемъ сотъ тринадцатаго года дек. тридцать перваго дня Я нижеподписавшійся помѣщикъ переяславскаго повѣта Павелъ Васильевъ сынъ Судовщиковъ, объявляю всякому суду, праву и кому о семъ нынѣ и впредь вѣдать надлежитъ въ томъ, что состоящій въ спокойномъ моемъ владѣніи, по наслѣдству мнѣ доставшійся крестьянинъ мой переяславскаго повѣта въ с. Вѣтовѣ Павелъ Семенко онъ же и Бокуменко съ женою своею и жилымъ грунтомъ и хатою съ доброй моей воли въ воздояніе добрыхъ его ко мнѣ благорасположеній и оказанныхъ имъ мнѣ милостей, подарилъ я ему Г. генералу Генриху Осипову сыну Тирингу и наслѣдникамъ его вѣчно и безповоротно. На каковъ даръ оному крестьянину съ женою его и жилымъ на немъ грунтомъ полагаю 300 р. и за востребованіемъ его генерала Тиринга долженъ я совершить въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ крѣпость.

5. Тысяча восѣмъ сотъ осьмаго года декабря двадцатаго дня.

Я ниже подписавшаясь малороссійской Полтавской и Черниговской губ. помѣщика умершаго маіора Григорія Галагана жена Ірина Антонова дочь Галаганова, всякому суду и уряду сознаю, что съ владѣнія моего Полтавской губ. Прилуцкаго повѣта села Секиринецъ собственную мою одну крестьянскую душу мужеска пола Ивана Федорова сына Киченка въ четирнадцати лѣтахъ находящагося, подарила во вѣчность бывшей франц. службы Господину Генералу

Генриху Осиповичу Тюренгу, отъ котораго крестьянина сама себя и всѣхъ родственниковъ моихъ отдаляя, уливаю ему свое право дать, даровать, продать, замѣнять и къ наилучшимъ своимъ користямъ и пользованію обратить, не узная ни отъ кого ни малѣйшаго препятствія; а на случай бы кто за онаго крестьянина возимѣлъ какое препятствіе или претензію, то я оного Тюринга не допуская къ убыткамъ и волокитамъ, сама съ претендаторомъ развѣдаться имѣю. Сію жъ крѣпость ему Господину генералу Тюренгу предоставляю, гдѣ онъ пожелаетъ на урядѣ сознать и за собою утвердить.

МѢНОВАЯ.

Тысяча восемъ сотъ четырнадцатаго года марта двадцать пятаго дня Я ниже подписавшійся чиню вѣдомо нынѣ и въ предъ будующее время и кому вѣдать надлежать будетъ, въ томъ, что съ числа доставшихся мнѣ послѣ раздѣла съ братьями и сестрами крестьянъ променялъ генералъ-лейтенанту Генрихъ Осиповичу Тирингу Федора Киселя съ семействомъ его, выключая сына его Тараса; а отъ него Тиринга принимая крестьянъ Ефима Зайца съ его семействомъ да умершаго Романа Киселя семейство, — коимъ семействомъ даю ему Тирингу отъ сего времени владѣть вѣчно и безъ поворотно, себя и наслѣдниковъ отдаляя, и имѣетъ право дать, продать, даровать и въ замѣнъ отдавать,—для вѣрнѣйшаго удостовѣренія каждый изъ насъ за востребованіемъ имѣетъ явиться въ судъ и дать подлежащую урядовую крѣпость... Помѣщ. подпоручикъ Николай Васильевъ сынъ Судовщиковъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано: Стран.	строка.		Слѣдуетъ читать:
12	13 сверху	Алешками	Алешами
18	30 —	малогородными	малопородными
24	8 снизу	de la vieulle	de la vieille
28	6 —	преображенской роты гренадерскаго полка	гренадерской роты преображенскаго полка.
34	16 сверху	2)	22)
40	11 снизу	45)	25)
46	13 снизу	въ 4-ю и 5-ю части	въ 5-ю и 6-ю части
50	2 сверху	37)	31)
59	21 снизу	о единослѣдіи	о единонаслѣдіи
67	13 сверху	regimè'a	régime'a
70	13 снизу	— фи! —	, къ тому же,
73	4 сверху	блороднего	благороднаго
—	5 снизу	Мотонйсу	Мотонйсу
75	12 —	творій	теорій
76	8 —	раболѣтствующихъ	раболѣпствующихъ
77	19 —	sociète	société
—	18 —	nèe plèbeienne	née plébéienne
127	17 сверху	деньгами отъ 30 р.	деньгами 30 р.
139	18 —	по двору	ко двору
162	15 снизу	21.000 душъ	2.000 душъ
198	13 —	объ предѣленіи	объ опредѣленіи
254	16 сверху	мойрата	майората
257	16 —	анахранизмамъ	анахронизмомъ
283	11 —	Не все - таки	Но все таки
285	7 снизу	г)	2)
291	3 сверху	домашнему начальству	мѣстному начальству
304	10 снизу	имъ отмѣняется сила	имъ не отмѣняется сила
343	15 сверху	увѣренности	довѣренности
385	13 —	(*холопы*)	*холопы*
420	18 сверху	свѣтлаго свѣта эпизода	свѣтлаго эпизода
437	13 снизу	этого рода недвижиная	этого рода недвижимая
441	13 —	выслышанія	выслушиванія
494	14 сверху	становился	становился
522	3 сверху	Елезаветы	Елизаветы
528	13 снизу	визникать	возникать

543	9 сверху	и съ той сторону	и съ той стороны
—	19 снизу	ни въ коренной	ни въ коронной
—	1 снизу	Н	На
544	5 —	воздудилъ	возбудилъ
545	8 сверху	ругательствомъ	ручательствомъ

Нумерація примѣчаній расходится съ нумераціей ссылокъ въ текстѣ, начиная съ 76 пр., на которое указываетъ ссылка 74 (стр. 227). Ссылку эту слѣдуетъ считать за 76, слѣдующую за 77 и т. д., а иначе пользованіе примѣчаніями будетъ весьма затруднительно.